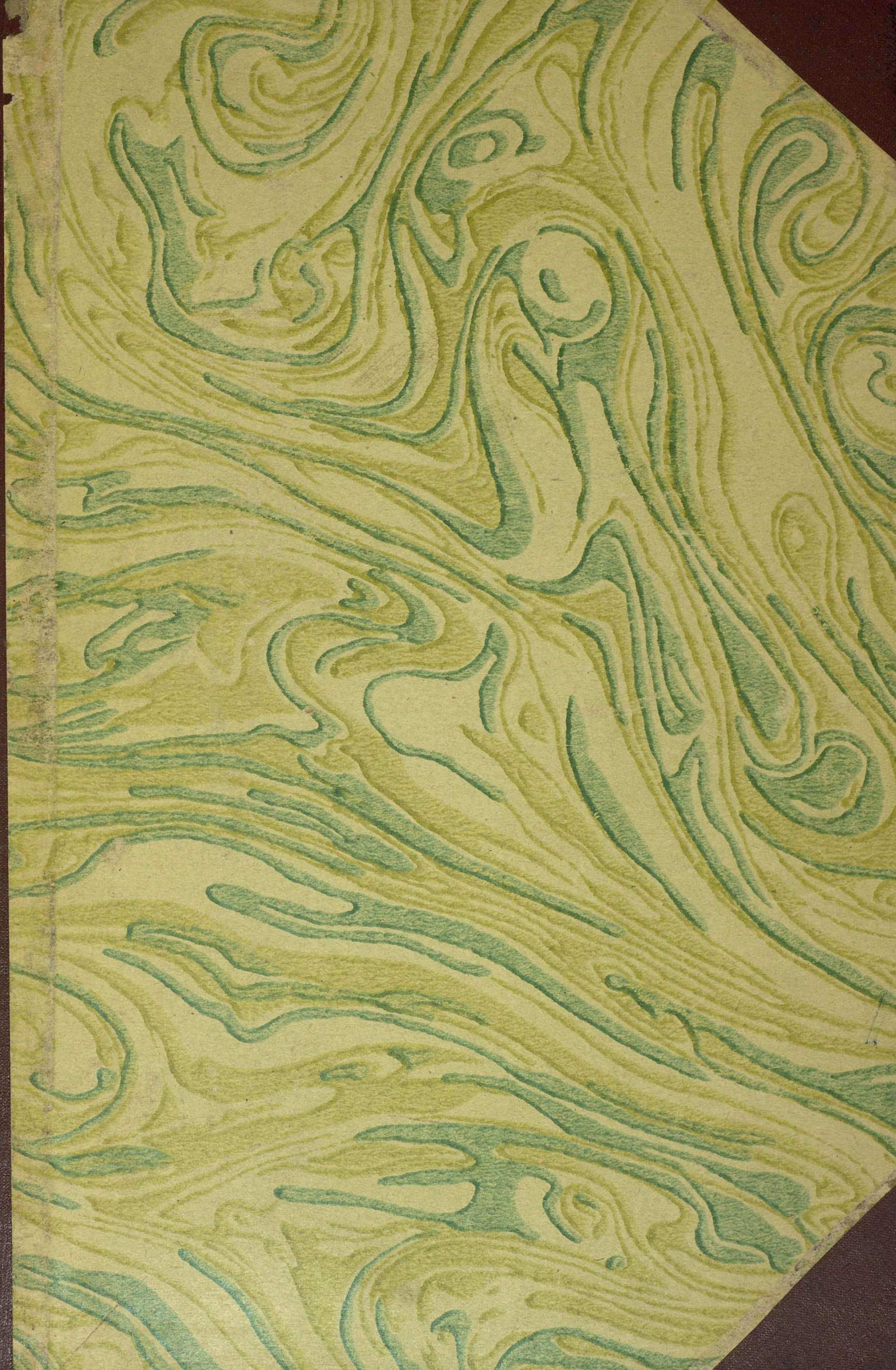


№ 1
3-го ЯНВАРЯ
1888

1-124и

284
23/XV

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

2685/0

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

АЛЕКСНДРЪ ФОНЪ-БОЗЕМАНЪ-87

Промышленность, технологія и торговля.

Въ концѣ минувшаго декабря въ VIII отдѣленіи императорскаго русскаго техническаго общества читался весьма интересный рефератъ—«электричество въ примѣненіи къ тягѣ по рельсовымъ путямъ», А. Г. Щавинскаго. Въ 1865 году, когда появилась литература о силѣ электричества въ примѣненіи его къ грузовой тягѣ, всѣ выдающіеся электротехники того времени почти въ одинъ голосъ говорили, что—«было-бы легкомысліемъ думать, что тяга силы электричества когда-нибудь превзойдетъ одну лошадиную силу» и т. д. Однако, въ настоящее время сила этой тяги можетъ доходить до 700 лошадиныхъ силъ и ее можно примѣнять ко всѣмъ способамъ передвиженія грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Системъ разнаго рода на этотъ предметъ существуетъ теперь очень много и всѣ онѣ примѣняются къ практикѣ путемъ опытовъ. Лучшія изъ нихъ, конечно, находятся въ Америкѣ и изобрѣтатели ихъ не стѣсняются ни передъ какими средствами, чтобы только осуществить возможно скорѣе свою идею на практикѣ. Для Россіи примѣненіе электровозовъ для желѣзныхъ дорогъ имѣетъ большое значеніе въ томъ отношеніи, чтобы спасти лѣса отъ окончательнаго истребленія паровозами и дать странѣ болѣе дешевый способъ передвиженія даровыми силами природы на большія разстоянія. Мысль эта, конечно, еще не такъ близка къ осуществленію и разрѣшеніе ея на практикѣ—дѣло далеко не близкаго будущаго.—Ассистентъ извѣстнаго мюнхенскаго ученаго, профессора Петтенкофера, докторъ Леманъ, сообщилъ обществу мюнхенскихъ врачей результаты своихъ изслѣдованій о вліяніи на организмъ рабочихъ встрѣчающихся въ различныхъ техническихъ производствахъ газовъ и паровъ. Означенные результаты привели Лемана къ заключенію, что помянутые газы и пары гораздо вреднѣе, чѣмъ это полагаютъ, и дѣйствуютъ тѣмъ разрушительнѣе на организмъ, чѣмъ онъ здоровѣе и сильнѣе. Докторъ Леманъ, между прочимъ, обнаружилъ, что на каучуковыхъ фабрикахъ громадный процентъ рабочихъ заболѣваетъ отъ употребляемаго при этомъ производствѣ сернистаго углерода. Подобнымъ-же заболѣваніямъ подвергаются рабочіе и на фабрикахъ, приготовляющихъ анилиниповыя краски. Пары анилина, представляющаго собою безцвѣтную маслообразную жидкость, кипящую при 182 гр. Цельзія, до того вредоносны, что самое ничтожное ихъ количество, приблизительно въ пропорціи 0,4 миллиграмма (миллигр.=0,016 грана) въ количествѣ атмосфернаго воздуха, равняющемся по объему вмѣстимости одного литра или 0,813 кружки, вызываетъ у кошекъ конвульсивныя движенія. Профессоръ Петтенкоферъ, основываясь на изслѣдованіяхъ своего ассистента, утверждаетъ, что отдѣляющіеся при различныхъ производствахъ ядовитые газы и пары дѣйствуютъ разрушительно не столько на органы человѣческаго тѣла, сколько на нервную систему и въ особенности на головной и спинной мозгъ.—Въ настоящее время бумажную массу приготовляютъ не только изъ тряпья, но изъ стружекъ, опилокъ и изъ соломы. Бумага изъ послѣдняго продукта можетъ быть спрессована въ такой значительной степени, что замѣняетъ собою нѣкоторые сорты дерева, напримѣръ, орѣхъ и сосну. Такую бумажную массу американцы называютъ соломеннымъ деревомъ и выдѣлываютъ изъ него пилою и рѣзцомъ мебель и стѣнки для экипажей. Соломенное дерево отшлифованное и полированное не только не уступаетъ орѣховому дереву, но и превосходитъ его легкостью вѣса и неломкостью. Оно не разбухаетъ отъ сырости, не коробится и не разсыхается.

Англійскій химикъ Тейлоръ усовершенствовалъ изобрѣтенный имъ аппаратъ для обезвреживанія рѣкъ отъ фабричныхъ отбросовъ, построенныхъ на берегу мануфактуръ. Опыты производились на одной фабрики шелковыхъ издѣлій, къ которой былъ предъявленъ искъ о вознагражденіи убытковъ за порчу рѣчной воды спусканіемъ въ нее изъ фабрики мыльной воды. Тейлоръ собралъ эту мыльную воду въ особомъ подвалѣ достаточномъ для пріема ежедневнаго количества воды; отсюда мыльная вода черпается ушатами и въ ней растворяютъ хлоринъ; отъ этого твердыя частицы сгущаются и комомъ соединяются на днѣ ушата. Очищенная вода проводится въ рѣку уже безъ зараженія ея, а собранныя твердыя частицы кладутся подъ прессъ, окончательно осушающій ихъ. Въ результатѣ получается вновь мыло, вполнѣ годное для промыванія шелка; потеря не превышаетъ 5 проц. первоначальнаго вѣса мыла.—Нефтяное дѣло получаетъ въ Россіи невѣроятное развитіе; съ одной стороны устраивается каспійско-черноморскій нефтепроводъ,—съ другой сбытъ нефти водою по Волгѣ также принимаетъ все большіе и большіе размѣры; такъ въ будущую навигацію для буксированія баржъ съ нефтью по этой рѣкѣ будетъ пущенъ колоссальный пароходъ, способный сдвинуть 1.000,000 пудовъ груза.—Въ Европѣ образуется акціонерное общество съ капиталомъ въ 5.000,000 рублей для устройства громадной аллюминовой фабрики, которую предполагается приводить въ движеніе съ помощью Шафгаузенскаго водопада на Рейнѣ. Водопадъ падаетъ съ высоты 60 футовъ и даетъ въ секунду отъ 118 куб. метровъ воды (въ февралѣ), до 502 (въ іюлѣ). Для проектируемой фабрики потребуется отводъ воды въ 75 куб. метровъ въ секунду, что дастъ 1,500 силъ. Мѣстныя красоты отъ этого не измѣнятся и внѣшній видъ водопада остается тотъ-же. Аллюминій, стоющій нынѣ около 4 р. фунтъ значительно подешевѣетъ въ издѣліяхъ изъ него.—Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ громадную пользу принесутъ вновь изобрѣтенныя дрезины; усилія онѣ требуютъ въ двадцать разъ менѣе обыкновенныхъ; вѣсъ ихъ не превышаетъ шести пудовъ, что даетъ возможность ставить ихъ на рельсы и сдвигать одному работнику; скорость движенія доходитъ на ровной поверхности до 40 верстъ въ часъ. Кромѣ того, польза новыхъ дрезинъ заключается въ томъ, что онѣ могутъ передвигаться и обыкновеннымъ грунтовымъ дорогамъ; для этого нужно только надѣть на колеса резиновыя шины.—Разстояніе моремъ, раздѣляющее сѣверные морскіе порты Франціи отъ южныхъ, вслѣдствіе необходимости огибать Испанію, побудило французское правительство испытать сухопутный способъ провозки мелкихъ судовъ; для опыта была избрана торпедная лодка, длиною въ 111 футовъ, для нея снарядили въ Тулонѣ особый поѣздъ, причемъ самый остовъ лодки лежалъ на двухъ вагонахъ, на особо устроенныхъ козлахъ, носъ и корма поддерживались подпорками съ двухъ другихъ вагоновъ; въ Шербургъ лодка пришла на третій день; расходъ по перевозкѣ составился около 14,000 фр. Опытъ вполнѣ доказалъ, что въ случаѣ войны—Франція можетъ постепенно сосредоточить всю свою миноносную флотилію въ любой гавани страны, не боясь прохода черезъ Гибралтаръ, и морскихъ бурь и не затрудняя торговаго движенія по канализаціи, соединяющей Гарону съ средиземнымъ моремъ.—На стрѣльбищѣ фирмы Армстронгъ въ Англіи на дняхъ производились опыты съ огромной пушкой, заказанной англійскимъ правительствомъ. Сама пушка остается невидимой, находясь подъ особымъ прикрытіемъ. Она поднимается сжатымъ воздухомъ и только на нѣсколько секундъ выставляется подъ непріятельскій огонь. Орудіе вѣситъ 500 фунтовъ, доказанная опытами скорость полета снаряда—1,900 футовъ въ секунду. Установка этой пушки на стрѣльбищѣ потребовала не болѣе 20 секундъ.—Вальдбауръ, въ Штутгартѣ, изобрѣлъ новый аппаратъ для бѣлѣнія и окраски тканей, значительно уменьшающій время и стоимость работы.—Въ началѣ нынѣшняго года въ Вѣнѣ открывается выставка воздушныхъ шаровъ и ихъ принадлежностей.—Бедръ, англійскій морякъ, недавно производилъ чрезвычайно интересные опыты подводнаго телефоннаго сообщенія; ему удалось достигнуть успѣшныхъ результатовъ даже при глубинѣ до полуторы версты.—Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ выдано до настоящаго времени около 400,000 патентовъ на открытія и изобрѣтенія; въ числѣ ихъ рядомъ съ открытіями Эдиссона и Беля встрѣчаются привиллегіи на усовершенствованные каблуки, пуговицы и т. п.—Бельгійское правительство недавно предложило всѣмъ иностраннымъ правительствамъ учредить международное бюро, въ которомъ были бы собраны законы о торговлѣ и промышленности и всѣ торговые тарифы. Ихъ предположено перевести на европейскіе языки. Бюро должно содержаться на общій счетъ всѣхъ государствъ, принявшихъ предложеніе Бельгіи. Уже 48 правительствъ обѣщали свое участіе и на 15-е марта 1888 года назначенъ въ Брюсселѣ съѣздъ представителей этихъ правительствъ.—Пять лѣтъ тому назадъ три благотворительныя общества предприняли въ Гарлемѣ постройку цѣлаго новаго квартала, пересѣченнаго нѣсколькими улицами и насчитывающаго теперь 289 домиковъ. Домики эти, которые тотчасъ же занимались, будутъ принадлежать чрезъ двадцать лѣтъ поселившимся въ нихъ семействамъ. Каждый постоялецъ платитъ за наемъ домика отъ 2 фр. до 2 фр. 40 с. въ недѣлю; за эту ничтожную цѣну онъ имѣетъ хорошенькое помѣщеніе въ двѣ комнаты съ кухней, погребомъ, амбаромъ, маленькимъ садикомъ и вдобавокъ съ проведенною водой. Чтобы стать владѣльцемъ этого маленькаго помѣщеньица требуется обязательно аккуратно выплачивать еженедѣльную условленную плату въ продолженіи 25 лѣтъ.

Этнографія, естествознанія, путешествія и пр.

Министромъ народнаго просвѣщенія утвержденъ уставъ русскаго антропологическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ. Общество имѣетъ цѣлію изученіе человѣческихъ рассъ вообще и преимущественно населяющихъ или населявшихъ Россію, т. е. въ біологическомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ, собираніе коллекцій, относящихся до антропологіи, распространеніе антропологическихъ знаній въ Россіи и сближеніе съ иногородними изслѣдователями, снабженіе ихъ инструкціями, литературными указаніями и, вообще, оказаніе всякаго рода пособія.—Нѣсколько времени тому назадъ, нѣмецкій путешественникъ Кушингъ, проживщій болѣе шести лѣтъ среди индійцевъ племени Цуни, въ штатѣ Оризонѣ, въ Новой Мексикѣ, узналъ отъ нихъ, что нѣсколько индійскихъ городовъ, процвѣтавшихъ въ свое время и ведшихъ обширную торговлю, были много лѣтъ тому назадъ уничтожены сильнымъ землетрясеніемъ,—такъ что отъ нихъ не осталось даже и слѣда. По сохранившимся сказаніямъ, почти всѣ зданія провалились въ образовавшіяся въ землѣ трещины, которыя впослѣдствіи закрылись. Заручившись этими свѣдѣніями, Кушингъ приступилъ къ розыскамъ, и послѣ долгихъ безполезныхъ поисковъ, нашелъ развалины разрушенныхъ землетрясеніемъ городовъ въ тридцати англійскихъ миляхъ отъ Феникса и въ двадцати миляхъ отъ пролегающей въ той мѣстности желѣзной дороги. Остатки разрушенныхъ городовъ были занесены степнымъ пескомъ, который и скрывалъ ихъ отъ глазъ сосѣднихъ жителей въ продолженіи многихъ лѣтъ. Произведенныя подъ руководствомъ Кушинга раскопки обнаружили, что самый большой городъ занималъ пространство приблизительно въ девять квадр. миль и посреди его возвышалась цитадель, возлѣ которой былъ храмъ, подъ разрушенными сводами котораго было найдено множество скелетовъ и остатки одеждъ, принадлежавшихъ, какъ должно полагать, лицамъ духовнаго званія. Вся эта масса погибшихъ людей, по всей вѣроятности, искала подъ сводами храма спасенія отъ постигшаго городъ бѣдствія. Тутъ же были отрыты глиняные сосуды, разное оружіе и другіе предметы.—Въ Берлинѣ устраивается большой астрономическій театръ, имѣющій цѣлью популярно знакомить съ астрономіей и другими отраслями естествознанія.—Объ экспедиціи Стэнли косвеннымъ путемъ получено извѣстіе въ Лондонѣ. Въ Занзибаръ прибылъ изъ Центральной Африки посланецъ, сообщившій, что Стэнли находится въ мѣстности на востокѣ отъ озера Альбертъ Ніанца и что онъ достигъ Ваделайя въ сентябрѣ послѣ многихъ лишеній.—Въ Парижѣ основывается «музей религій». Зданіе для него уже возведено и постройка его обошлась до 2 милліоновъ франковъ, часть которыхъ приняло на себя министерство народнаго просвѣщенія. Большинство же издержекъ внесъ Гимэ. Въ музеѣ будутъ собраны изображенія, относящіяся къ исторіи религій.—Иностранные газеты сообщаютъ о смерти Фердинанда Гайдена, американскаго геолога.—Французское національное общество садоводства ежегодно созываетъ въ Парижѣ конгрессы по этому отдѣлу сельской промышленности; въ нынѣшнемъ году конгрессъ будетъ въ маѣ; всѣ заявленія высылаются на имя президента общества.—Родъ мычегатки, изъ семейства пингвиновъ, считается совершенно прекратившимся; одно изъ яицъ этой птицы было продано недавно за 4000 франковъ; такихъ яицъ во всѣхъ общественныхъ и частныхъ орнотологическихъ коллекціяхъ существуетъ только изъ которыхъ 43 находятся въ Англіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Числовникъ на 1888 годъ. Цѣна 75 коп. **Дѣловой календарь на 1888 годъ.** Цѣна 1 р. 25 коп. **Семейный календарь на 1888 годъ.** Цѣна 75 коп. *Изданія А. Н. Тюфяевой-Толивѣровой.*—**Календарь для хозяекъ.** Цѣна 75 коп. **Календарь ежедневникъ.** Цѣна 75 коп. *Изданія Г. Гоппе.*—Эти отрывные календари среди другихъ подобныхъ изданій отличаются особенной полнотой и аккуратностью. Въ календаряхъ г-жи Тюфяевой-Толивѣровой праздничные дни напечатаны на красной бумагѣ. Въ изданныхъ г-номъ Гоппе календаряхъ эти дни отпечатаны красной краской.

Игрушечка. Журналъ для дѣтей младшаго возраста. Одинъ томъ. 1887 г. *Изданія А. Н. Тюфяевой-Толивѣровой.* 3 руб.—Для дѣтей младшаго возраста почти не существуетъ порядочныхъ книгъ. Потому «Игрушечка», составленная толково и разумно, является далеко не лишнею въ этой области литературы. Изданіе красиво.

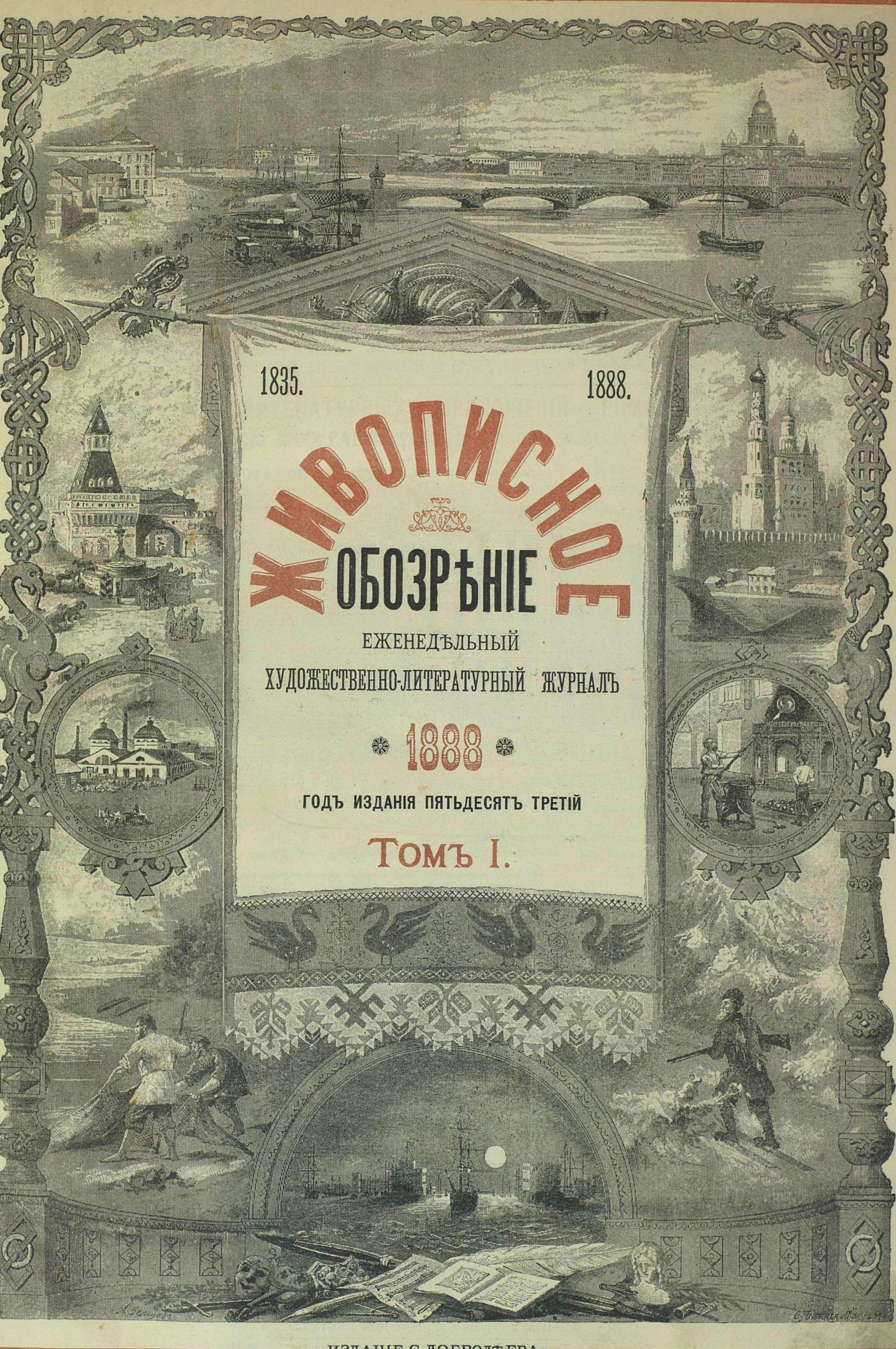
Сборникъ разсказовъ для юношества, изданіе *С. Си-ожениной.* Спб. 1887 г. Цѣна 60 коп.—Въ этомъ сборникѣ собраны разсказы Ожешко, Сенкевича и томъ подобныхъ выдающихся польскихъ писателей. Всѣ разсказы превосходны. Переводъ сдѣланъ г-жею Сахаровою добросовѣстно и въ большинствѣ случаевъ передаетъ поэтическія красоты подлинниковъ очень близко.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Новое животное. Въ берлинскомъ зоологическомъ саду находится въ настоящее время животное, для котораго не имѣется въ зоологической номенклатурѣ никакого наименованія; нынѣ оно названо докторомъ Рейхеновымъ—capra dorcas. Вновь обрѣтенное животное изъ породы козъ, доставлено съ острова Юра путешественникомъ Орезомъ

Вымирающія животныя. Соотвѣтственно тому какъ вымираютъ нѣкоторыя человѣческія расы, исчезаютъ также и нѣкоторыя породы животныхъ и птицъ; такъ въ Америкѣ постепенно исчезаютъ биззоны, о многотысячныхъ стадахъ которыхъ сохранилось лишь преданіе; въ Россіи зубры всѣ наперечетѣ. Для сохраненія хотя-бы по нѣскольку экземпляровъ всякаго вида животныхъ правительство сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ устроило особый паркъ, въ которомъ собрана вся флора и фауна страны.

Необыкновенное небесное явленіе. «Виленскому Вѣстнику» сообщаютъ о слѣдующемъ необычайномъ въ настоящую пору явленіи природы въ западномъ краѣ. 20 прошлаго ноября, при полной оттепели и 2 градусахъ тепла, съ полуночи, начался сильнѣйшій штормовый, западный вѣтеръ. Вѣтеръ этотъ поломалъ не мало даже вѣковыхъ деревьевъ, попортилъ множество крышъ на домахъ и выбилъ изъ рамъ множество стеколъ. Въ этотъ именно день, въ 10 часовъ утра, надъ извѣстнымъ заводомъ глиняной посуды А. А. Андабургскаго, называемымъ Стрейпуны, расположеннымъ въ виленской губерніи, трокскаго уѣзда, по старо почтовому тракту изъ Вильны въ Ковну, въ 5 верстахъ ниже желѣзно-



1835. 1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

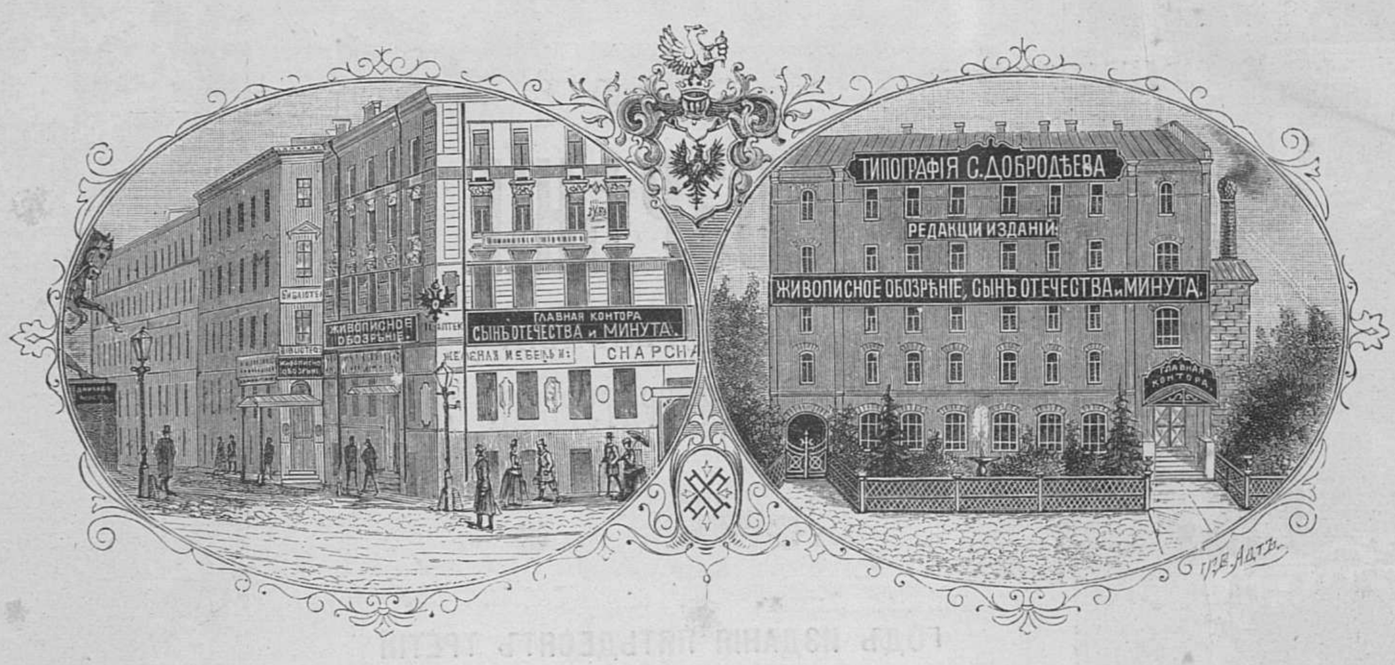
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1888

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА


Живописное обозрѣніе
Главная контора
Сынъ отечества и Минута
Типографія С. Добродѣева
Редакціи изданій
Живописное обозрѣніе, Сынъ отечества и Минута
Главная контора

Дозволено цензурою. Спб., 21-го іюня 1888 года.

Типографія и Хромо-Литографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.

1/124 [illegible] 1888 № 1-26 с прил.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1888 — ИЗДАНІЕ СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1835 ГОДА — 1888

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НУМЕРА; каждый нумеръ въ **ДВА** листа большаго формата съ **7—8** большими рисунками, изъ коихъ нѣкоторые печатаются въ ДВА и ТРИ тона. Кромѣ беллетристическихъ произведеній извѣстныхъ авторовъ, въ нумерахъ журнала помѣщаются статьи научнаго содержанія по исторіи, политической экономіи и естествознанію. **52**

---

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ—„РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“ выходящихъ **ОТДѢЛЬНО КНИЖКАМИ**, въ объемѣ до 10 печатныхъ листовъ, въ 8-ю долю. Сюда войдутъ: **12**

I. **Оригинальные романы** и **повѣсти** русскихъ писателей. Произведенія эти въ 1888 году не будутъ дробиться, а появятся **ЦѢЛЫМИ КНИЖКАМИ**. Между прочимъ, въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены: **„Блага жизни“**, романъ **А. Михайлова**; **„Вѣчный праздникъ“**, романъ **Максима Бѣлинскаго**; **„Натурщица,“** романъ **Виктора Бибикова**; **„Рыцарь тьмы“**, романъ **Елизарова**; **„Темныя силы“**, романъ **Павлова**; **„Счастливый день“** и **„Игнатій Жучка“**, разсказы **В. Митурича**; **„Господа театралы“**, сцены **Ивана Щеглова (И. Л. Леонтьева)**, и проч.

II. **Переводные романы и повѣсти.** Произведенія иностранныхъ писателей будутъ помѣщаемы по возможности въ цѣломъ объемѣ въ одной книжкѣ, если они уже закончены за границей; романы-же, еще не законченные ихъ авторами, будутъ помѣщены листами съ особою нумераціею, такъ что по окончаніи романа удобно будетъ сброшюровать листы въ одну книгу.

III. **Классическія произведенія** одного изъ любимѣйшихъ европейскихъ писателей. Эти произведенія появятся въ наступающемъ году въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, въ видѣ **ДВУХЪ РОСКОШНО ИЗДАННЫХЪ ТОМИКОВЪ** съ гравюрами.

Изъ перечисленныхъ отдѣловъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, въ концѣ года у каждаго изъ гг. подписчиковъ журнала „Живописное Обозрѣніе“ составится довольно цѣнная библіотека избранныхъ беллетристическихъ произведеній, въ нѣсколько томовъ, стоимостью не менѣе 10—12 рублей въ отдѣльной продажѣ.

---

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ НУМЕРОВЪ „НОВѢЙШИХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ въ первое воскресенье послѣ 1-го числа каждаго мѣсяца. При нумерахъ модъ прилагаются особые листы: **12**

I. **Выкройки** (въ натуральную величину) съ новѣйшихъ модныхъ костюмовъ, заслуживающихъ вниманія по своему изяществу и практичности.

II. **Выкройки, узоры и мѣтки для бѣлья** (отъ простаго до изящнаго).

III. **Образцы изящныхъ рукодѣлій**, какъ напр. вышивка шелкомъ, шерстью, шнурками, бисеромъ, и проч.

IV. **Образцы и рисунки разнаго рода вязанья.**

V. **Образцы работъ для выпиливанія** рамъ, корзинокъ, и друг.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ гравюръ-копій съ картинъ извѣстныхъ лучшихъ художниковъ русской и иностранной школы. Печатается въ **нѣсколько тоновъ** (отдѣльное приложеніе)

СТѢННОЙ КАБИНЕТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1888 годъ, изящно отпечатанный (на одну сторону). Разсылается при первомъ нумерѣ.

* * *

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ НА 1888 ГОДЪ—большая эффектная и художественно-исполненная картина-олеографія въ 28 красокъ, съ картины художника А. ШИЛЬДЕРА, изображающая русскій пейзажъ:

„ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“

(Размѣръ картины: длина—ПОЛТОРА аршина, высота—ОДИНЪ аршинъ.

Гг. городскимъ подписчикамъ картина эта выдается при подпискѣ, иногороднымъ же высылается по очереди поступленія требованій.

На картинѣ изображенъ закатъ солнца въ ясный зимній день. На прибрежныхъ холмахъ, занесенныхъ снѣгомъ, съ правой стороны раскинулось русское село и слѣва небольшой хуторъ, гдѣ уже привѣтливо мелькаютъ въ окнахъ вечерніе огни, живо напоминая родной нашъ деревенскій уголокъ, заканчивающій свою дневную дѣятельность. Послѣдніе солнечные лучи, пробиваясь чрезъ небольшой лѣсокъ и золотя кресты колокольни и церкви, отражаются на льду рѣчки, уснувшей до весны съ рыбачьими лодками. Вѣрная передача художникомъ свѣтовыхъ эффектовъ, которыми изумляетъ и восхищаетъ насъ природа во время восхода и заката солнца—придаетъ пейзажу особую прелесть.

(Продолж. на оборотѣ)

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

1. **Оригинальные и переводные романы, повѣсти и разсказы** изъ русской и заграничной жизни, бытовые очерки и картинки.
2. **Описанія путешествій по Россіи** и разнымъ странамъ свѣта и характеристика различныхъ племенъ.
3. **Біографіи и некрологи** современныхъ русскихъ и заграничныхъ дѣятелей и воспоминанія о великихъ дѣятеляхъ прошлаго времени (по особеннымъ случаямъ).
4. **Критическія статьи, обзоръ книгъ** и библіографическіе отзывы.
5. **Научныя статьи** по естествознанію и другимъ отраслямъ.
6. **Отчеты** о выставкахъ художественныхъ произведеній.
7. **Научная хроника** открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій въ области знаній.
8. **Журналистика**—обзоръ журналовъ.
9. **Правительственныя распоряженія** и сообщенія.
10. **Внутреннее обозрѣніе**; хроника политической и общественной жизни; иностранная хроника.
13. **Смѣсь** (новости изъ области литературы наукъ и искусствъ, историческіе анекдоты, и проч., и проч.).
14. **Объясненія къ рисункамъ**.

Главный редакціонный трудъ по всѣмъ отдѣламъ журнала продолжаетъ нести извѣстный писатель А. МИХАЙЛОВЪ (А. К. ШЕЛЛЕРЪ), вступившій нынѣ ВО ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ по редактированію журнала.

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ ЖУРНАЛА

на первомъ планѣ будутъ стоять, какъ и въ прошломъ году, произведенія РУССКИХЪ художниковъ и важное мѣсто въ иллюстраціяхъ займутъ сцены ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ, ВИДЫ различныхъ мѣстностей и городовъ РОССІИ, КОПІИ СЪ КАРТИНЪ, обратившихъ на себя вниманіе на послѣднихъ выставкахъ, и съ извѣстныхъ картинъ РУССКОЙ ШКОЛЫ, иллюстраціи къ произведеніямъ знаменитыхъ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ВИДЫ живописныхъ и замѣчательныхъ мѣстностей ВСѢХЪ СТРАНЪ земнаго шара, и проч.

Ограничиваясь краткимъ изложеніемъ программы журнала по литературному и художественному отдѣламъ, мы находимъ излишнимъ перечислять, ради рекламы, нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ, не помѣщаемъ также и рисунковъ, въ видѣ образцовъ нашихъ гравюръ, такъ какъ художественная сторона журнала пользуется достаточною популярностію, по отзывамъ не только нашихъ многочисленныхъ подписчиковъ, но и лучшихъ органовъ періодической прессы, изъ коихъ за послѣднее время почтили журналъ нашъ похвальнымъ своимъ словомъ газеты: „Новое Время“, „Новости“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Русская Газета“, „Биржевыя Вѣдомости“, и др.

Надѣемся и въ наступающемъ году продолжать изданіе наше съ постояннымъ улучшеніемъ какъ литературнаго, такъ и художественнаго отдѣла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“:

На годъ—съ пересылкою 8 руб.—Безъ доставки 6 руб. 60 коп.—За границею 10 рублей.

Значительное повышеніе таможеннаго тарифа и новыя почтовыя правила, не допускающія разсылки печатныхъ произведеній большаго размѣра подъ бандеролью—неизбѣжно вызываютъ увеличеніе платы за **доставку преміи**, а именно:

Гг. иногородніе подписчики, на пересылку преміи-картины «Закатъ солнца въ зимній день», задѣланною въ холстъ и накатанною на скалку, благоволятъ прилагать **одинъ рубль** за каждый экземпляръ.

Безъ этой приплаты премія разсылаема не будетъ.

Премія уже **изготовлена** и выдается въ Главной Конторѣ городскимъ подписчикамъ **тотчасъ при подпискѣ**, а иногороднимъ высылается **немедленно** по очереди поступленія требованій.

Желающіе подписаться на журналъ съ разсрочкою—благоволятъ обращаться **исключительно въ Главную Контору.**

Подписывающіеся съ разсрочкою, получаютъ премію только по уплатѣ сполна подписной суммы **восемь рублей** и за доставку картины вмѣстѣ съ ея укупоркою—**одинъ рубль.**

Выписывающіе 15 экземпляровъ журнала, хотя-бы и на разные адресы, но **непосредственно** чрезъ Главную Контору, имѣютъ право на полученіе **одного** экземпляра журнала **БЕЗПЛАТНО.**

Годовые подписчики журнала **«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»** имѣютъ право получать картины **«Смерть Ивана Сусанина»** и **«Дѣвичникъ въ Малоросіи»** съ платою по **1 руб.** за каждую картину. Если требованіе картинъ будетъ одновременно съ подпискою на журналъ **«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»**, то цѣнность за пересылку **картины не повышается.**

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ имѣются для продажи ПЕРЕПЛЕТЫ и РАМЫ:

1. **РОСКОШНЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ** для журнала изъ англійскаго шагреневаго коленкора, тисненые черню и золотомъ, цѣною: для годоваго экземпляра **2** р. **50** к., два экземпляра по полугодіямъ—**3** р. **50** к. За пересылку переплетовъ **50** коп.

2) **РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІЙ** (золоченыя и черныя) новѣйшихъ изящныхъ рисунковъ, цѣною въ **4** р., **5** р., **6** р., **7** р. **50** к., **8** р. (Рамы въ **10** р.,**1 2** р. и **15** р. исполняются по заказу).

3) **КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА «Живописное Обозрѣніе»** за 1882, 1883 и 1884 годы по **6** р. за экземпляръ (безъ книжекъ). Съ книжками по **8** р. за годовой экземпляръ. **ЗА ПЕРЕСЫЛКУ РАМЪ ДЛЯ ПРЕМІЙ въ ящикѣ прибавляется: за ящикъ 1 р. 50 к. и за доставку—по разстоянію. Деньги высылаются впередъ при заказѣ.**

☞ **АДРЕСЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: СПБ., НЕВСКІЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68–40.** ☜

За редактора—издатель **С. ДОБРОДѢЕВЪ.**

Дозволено цензурою. Спб., 5-го октября 1887 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА

БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, УЧЕНУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ГОДЪ
8 р.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПОЛГОДА
4 р. 50 к.

(ВЫХОДЯЩУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

1812 — ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО ВЪ 1812 ГОДУ — 1888

Вступивъ съ 4-го октября 1887 года

ВЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

съ 1-го ноября газета будетъ значительно дополнена многими новыми отдѣлами и увеличена въ форматѣ

ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

(БЕЗЪ ПОВЫШЕНІЯ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ)

и по своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ и своевременному сообщенію выдающихся новостей, какъ изъ русской, такъ и иностранной жизни, можетъ вполнѣ замѣнить собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ и ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ газету „Сынъ Отечества“ входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1) **Правительственныя распоряженія** по всѣмъ вѣдомствамъ. 2) **Политическое обозрѣніе.** 3) **Внутренее обозрѣніе**—руководящія статьи. 4) **Извѣстія политическія** и **о военныхъ** дѣйствіяхъ. 5) **Телеграммы** международныхъ агентствъ и корреспондентовъ газеты о важнѣйшихъ событіяхъ въ Россіи и за границею. 6) **Хроника столичной и провинціальной жизни.** 7) **Театральныя и музыкальныя** извѣстія. 8) **Иностранныя извѣстія.** 9) **Судебная хроника**: извѣстія и отчеты о выдающихся судебныхъ процессахъ. 10) **Смѣсь:** разныя любопытныя мелкія извѣстія, извлекаемыя изъ иностранныхъ журналовъ, небольшія статьи ученаго и литературнаго содержанія, анекдоты, курьеозы, и проч. 11) **Фельетонъ:** а) историческіе разсказы; б) изслѣдованія о важнѣйшихъ событіяхъ въ Россіи и матеріалы для новѣйшей русской исторіи; в) описаніе замѣчательныхъ русскихъ древностей; г) біографіи знаменитыхъ соотечественниковъ и заграничныхъ дѣятелей; д) критическіе разборы и библіографическія извѣстія о замѣчательныхъ произведеніяхъ русской и иностранной литературы; е) статьи о важнѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ въ области наукъ, искусствъ и художествъ; ж) важнѣйшія извѣстія географическія и объ успѣхахъ промышленности и торговли въ Россіи и за границею; з) романы и повѣсти—оригинальные и переводные, разсказы, стихотворенія, и проч. 12) **Спортъ въ разныхъ видахъ.** 13) **Ежедневныя календарныя свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ и празднованіяхъ.** 14) **Биржевыя, торговыя и другія сообщенія.** 15) **Объявленія.**

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, НЕ ИСКЛЮЧАЯ и ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ, ЛИСТАМИ БОЛЬШАГО ФОРМАТА.

***Большіе романы будутъ печататься особыми листами**, такъ что въ концѣ года у подписчика составится цѣнная библіотека въ нѣсколько томиковъ изъ интересныхъ романовъ (оригинальныхъ и переводныхъ).*

* * *

При воскресныхъ нумерахъ будетъ выходить особое ПРИЛОЖЕНІЕ въ видѣ еженедѣльнаго

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

въ который войдутъ: историческіе и современные ПОВѢСТИ, РОМАНЫ, РАЗСКАЗЫ (оригинальные и переводные), ПОРТРЕТЫ современныхъ и историческихъ дѣятелей, РИСУНКИ бытовые, историческіе и современные, преимущественно изъ русской жизни, а также КАРИКАТУРЫ.

Приложеніе это печатается на веленевой глазированной бумагѣ и въ концѣ года составитъ отдѣльный томъ, къ которому выдастся изящная обертка.

Ежемѣсячно при одномъ изъ воскресныхъ нумеровъ прилагаются приспособленныя къ домашнему производству

„МОДЫ и РУКОДѢЛЬЕ“

Съ приложеніемъ образцовъ **вышивокъ, вязаній** и другихъ **дамскихъ рукодѣлій**, при объясненіи производства работъ и указанія матеріала, а также рисунковъ для **выпиловочныхъ работъ**.

Кромѣ того годовые подписчики въ теченіе года получатъ

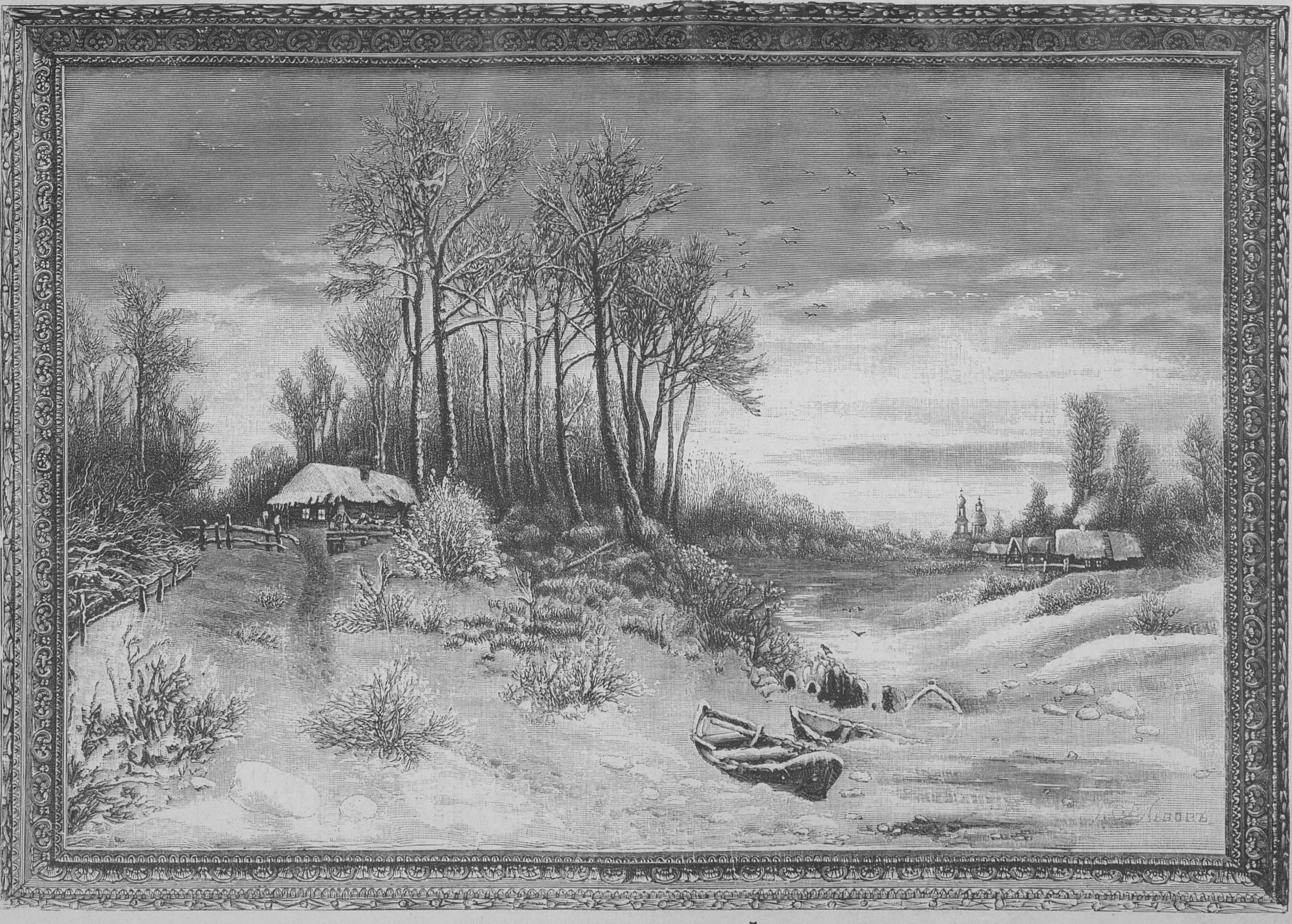
НѢСКОЛЬКО ЭКСТРЕННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

(*Продолженіе на 6-й страницѣ*

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ ЗА 1888 Г.

Картина отпечатана въ 32 краски на эстампной бумагѣ съ лакировкою и рельефомъ. (Размѣръ картины: Длина ОДИНЪ аршинъ 9 вершковъ,—высота ОДИНЪ аршинъ и 2 вершка).

Помѣщенные въ объявленіи снимки съ картинъ, въ видѣ гравюръ, не могутъ передать, хотя приблизительно, тѣхъ эффектовъ, которыми богаты предлагаемыя картины-олеографіи благодаря художественному исполненію ихъ въ нѣсколько красокъ.



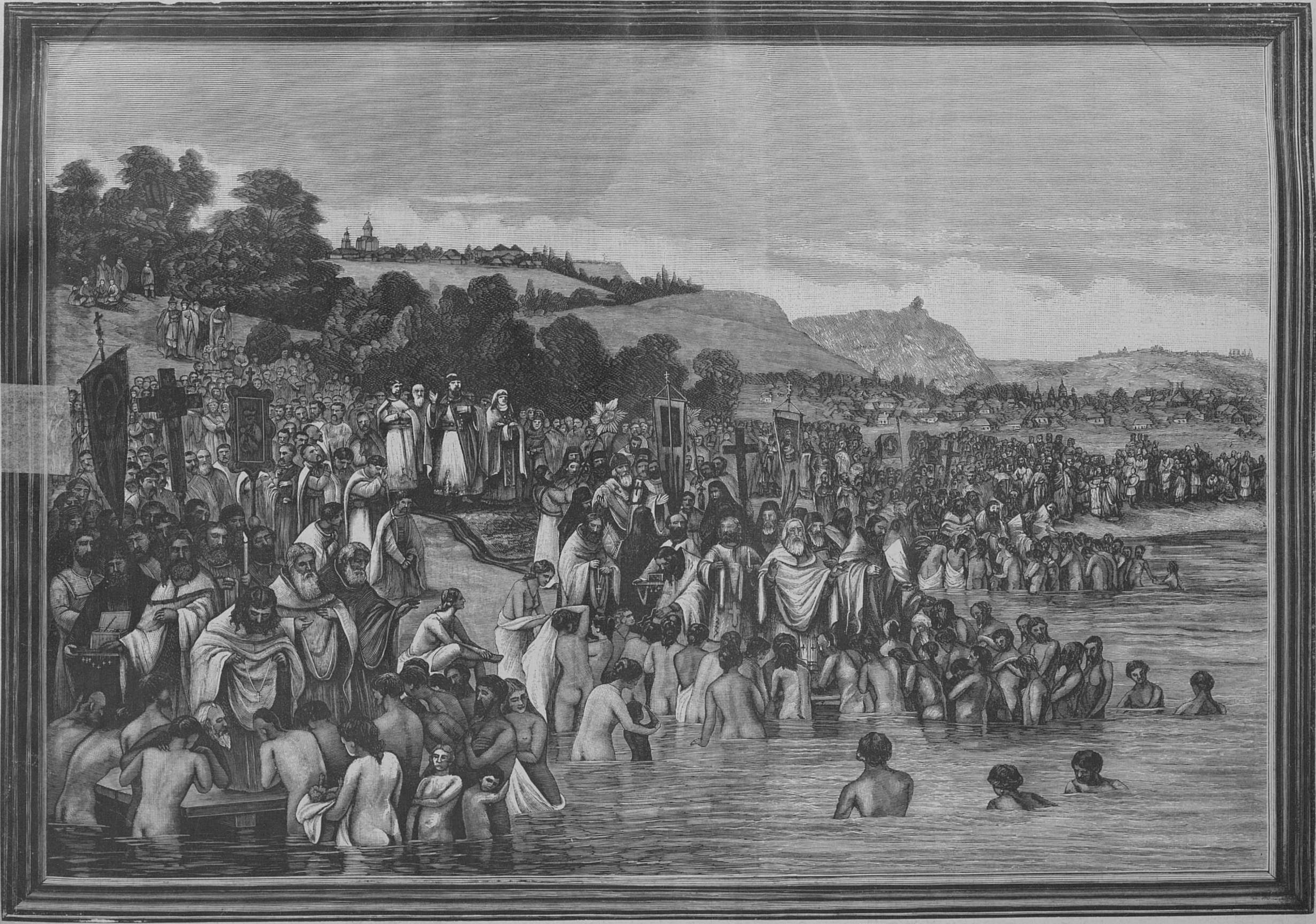
„ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“.

Вслѣдствіе сохраненія картины, высылается только цѣнною посылкою (на скалкѣ и въ холстѣ). За доставку **РУБЛЬ.**

Приложеніе къ газетѣ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ за 1888 годъ.

Картина отпечатана въ 22 краски на эстампной бумагѣ съ лакировкою и рельефомъ. (Размѣръ картины: Длина ОДИНЪ аршинъ 2 вершка,—ширина 14 вершковъ).

Вслѣдствіе сохраненія картины, высылается только цѣнною посылкою (на скалкѣ и въ холстѣ). За пересылку 80 коп.



Помѣщенные въ объявленіи снимки съ картинъ, въ видѣ гравюръ, не могутъ передать, хотя приблизительно, тѣхъ эффектовъ, которыми богаты предлагаемыя картины-олеографіи, благодаря художественному исполненію ихъ въ нѣсколько красокъ.

„КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ ПРИ СВ. КНЯЗѢ ВЛАДИМІРѢ“ (въ память наступающаго 900-лѣтія 15 іюля 1888 года).

Съ картины художника В. П. Думитрашко, оригиналъ которой составляетъ собственность издателя.

Гг. подписчики газеты „Сынъ Отечества“, выславшіе **сполна годовую подписную плату** до 1 января, имѣютъ право получить **ОДНУ** изъ **ТРЕХЪ** нижеозначенныхъ картинъ-олеографій, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкою и рельефомъ:

„КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ ПРИ СВ. КНЯЗѢ ВЛАДИМІРѢ“. Картина эта написана русскимъ художникомъ В. И. ДУМИТРАШКО, и премируется гг. подписчикамъ „Сына Отечества“—въ виду наступающаго въ 1888 году (15 іюля) ДЕВЯТИСОТЛѢТІЯ крещенія Руси—этого величайшаго въ нашемъ государствѣ событія, озарившаго русскій народъ евангельскимъ свѣтомъ христіанскаго вѣроученія. **Размѣръ картины: длина ОДИНЪ аршинъ и два вершка, высота четырнадцать вершковъ.**

„СМЕРТЬ ИВАНА СУСАНИНА“ (изданіе ВТОРОЕ, тождественное съ ПЕРВЫМЪ). **Размѣръ картины: длина ОДИНЪ аршинъ, высота $^{3}/_{4}$ аршина.**

„ДѢВИЧНИКЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“ (съ картины профессора К. МАКОВСКАГО). **Размѣръ картины: длина ПОЛТОРА аршина, высота ОДИНЪ аршинъ.**

Ободренные блестящимъ успѣхомъ нашего изданія, выразившимся значительною подпискою на него въ истекающемъ 1887 году (**ВТРОЕ** большею противъ **ДВУХЪ** предшествовавшихъ лѣтъ) и лестными отзывами гг. подписчиковъ о газетѣ, мы пойдемъ смѣло впередъ и въ будущемъ году подъ тѣмъ-же скромнымъ девизомъ, который носитъ наша газета, держась неуклонно своего серьезнаго патріотическаго направленія, стараясь оправдать любезное вниманіе и довѣріе благосклонныхъ читателей — прогрессивнымъ улучшеніемъ газеты, обиліемъ даваемаго для чтенія матеріала и общеполезныхъ свѣдѣній, иллюстрируя въ особыхъ приложеніяхъ важнѣйшія событія, какъ прошлыя изъ исторіи нашего дорогаго Отечества, такъ и современныя, совершающіяся въ предѣлахъ Россіи и за границею.

Въ 1887 году въ газетѣ „Сынъ Отечества“ участвовали своими статьями и корреспонденціями:

СОТРУДНИКИ: Александровъ, В. А.; **Баскинъ**, В. С.; **Барсовъ**, Н. И.; **Васильевъ**, П. Н.; **Вистеліусъ**, Е. И.; **Вороновъ**, Г. А.; **Воронецъ**, Е. Н.; **Гребенщиковъ**, М. Г.; **Глѣбовъ**, С. И.; **Довіяло**, В. А.; Князь **Еникѣевъ**, Д. Н.; **Исполатовъ**, В. Н.; **Иверсенъ**, В. Э.; баронъ **Корфъ**, Н. Н.; **Куплетскій**, М. А.; **Карцевъ**, Г. В.; **Лендеръ**, Н. Н.; **Левдикъ**, П. Ф.; **Миллеръ**, О. Ѳ.; **Михайловъ**, А. (А. К. Шеллеръ); **Москалева**, В. А.; **Назарьева**, К. В.; **Никифоровъ**, Н. К. («Нико-Ники»); **Нечаевъ**, Н. А.; **Полевой**, П. Н.; **Плещеевъ**, А. А.; **Прибыльскій**, Ф. Х.; Графъ **Потоцкій**; **Старчевскій**, А. В.; **Соколовъ**, А. А.; **Сидѣльниковъ**, О. О.; Князь **Стокасимовъ**, Н. Н.; **Сонинъ** (псевдонимъ); **Смѣлковъ**, В. М.; **Силинъ**, П. Я.; **Стрижевъ**, Н. Г.; **Трубниковъ**, К. В.; **Тихановъ**, П. Н.; **Тогольскій**, Д. Д.; **Успенскій**, Н. И.; **Фаресовъ**, А. И.; **Хлѣбниковъ**, С. К.; Князь **Церетелевъ**, О. О.; **Чуйко**, В. В.; **Чеховъ**, А. П.; **Швецовъ**, В. Г.; **Шелгунова**, Л. П.; **Эвальдъ**, А. В. и др.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: Ахременко; Батенинъ, М.; **Бушманъ; Бутинъ**, И.; **Богомоловъ**, И.; **Воцкій**, И.; **Груздевъ; Галановъ**, К.; **Грошовъ**, Н.; **Гринфельдъ**, Я.; **Горинъ**, К.; **Гуревичъ**, Я.; **Дороцолевъ**, Н.; **Дьячковъ**, Н.; **Добромысловъ**, Н.; **Добродѣевъ**, В.; **Дудкинъ**, А.; **Еучинскій**, И.; **Ждановъ**, М.; **Зѣнченко**, П.; **Затворницкій; Ивановъ**, Н.; **Куринный; Кажецкій**, Л.; **Крыловъ**, В.; **Королевъ**, Г.; **Корошпевичъ**, А., **Колтынинъ**, С.; **Корниловъ**, Н.; **Калинычъ**, Т.; **Лаврентьевскій; Легкій**, Р.; **Литвиновъ**, П.; **Лопаревъ**, К.; **Луковниковъ**, Н.; **Матвѣевъ**, Т.; **Миляковскій**, М.; **Митрофановъ**, П.; **Мащковскій**, Ф.; **Малотяжниковъ; Мѣловъ**, Н.; **Молчановъ**, В.; **Мѣняйловъ**, И.; **Мягковъ**, Н.; **Нечаевъ**, Н.; **Никольскій**, Г.; **Палубинскій; Пушкинъ**, С.; **Плавинскій**, П.; **Полянскій**, И.; **Пигулевскій; Петровъ**, А.; **Романовскій**, Д.; **Семеновъ**, В.; **Сухановъ; Солонцевъ**, М.; **Сивковъ**, П.; **Татиловъ; Таньковъ; Тихановъ**, П.; **Трофимовъ**, И.; **Фатѣевъ**, М.; **Федоровъ**, П.; **Цедилинъ; Червевъ**, М.; **Чуриловъ**, В.; **Янушкевичъ**, Г.; **Яхонтовъ**, В., и мн. др.

Благодаря такому многочисленному персоналу сотрудниковъ и корреспондентовъ съ разныхъ концовъ Россіи, редакція, надѣется дать и въ будущемъ 1888 году столько разнообразнаго матеріала для чтенія, сколько не дало въ наше время ни одно изъ ежедневныхъ изданій равныхъ газетѣ **„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“** по подписной цѣнѣ, не говоря уже о роскошномъ художественномъ приложеніи, данномъ нами подписчикамъ 1887 года, и тѣхъ еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ приложеніяхъ, каковыхъ никогда не предлагала и не даетъ ни одна ежедневная газета въ Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

съ еженедѣльными и ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкою и пересылкою:	
На годъ 7 руб.	**На 6 мѣс. 3 руб. 60 коп.**	**На годъ 8 руб.**	**На 6 мѣс. 4 руб. 50 коп.**

Новыя почтовыя правила, не допускающія разсылки печатныхъ произведеній большаго размѣра подъ бандеролью—неизбѣжно вызываютъ повышеніе въ платѣ за доставку преміи, а потому:

Гг. иногородніе подписчики сверхъ подписной платы благоволятъ прилагать на пересылку одной изъ премируемыхъ картинъ-олеографій, накатанною на скалку и задѣланною въ холстъ—**80** коп. Если-же кто изъ гг. подписчиковъ пожелаетъ получить, вмѣстѣ съ безплатной, еще одну или двѣ изъ прочихъ предоставляемыхъ на выборъ картинъ, то за каждую лишнюю картину приплачиваетъ по одному рублю и дополняетъ на пересылку по 10 коп. за экземпляръ.

(Безъ вышеупомянутой приплаты—картины-олеографіи высылаемы не будутъ).

☛ **Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій., у Аничкина моста, д. № 68—40.** ☚

За редактора **М. КУПЛЕТСКІЙ.**

Издатель **С. ДОБРОДѢЕВЪ.**

Желающіе подписаться на газету съ разсрочкою—благоволятъ обращаться **исключительно въ Главную Контору** (**Спб., Невскій, д. 68—40**).

Подписывающіеся съ разсрочкою, получатъ картины-олеографіи только по уплатѣ **сполна подписной суммы восемь рублей** и за пересылку **восемьдесятъ копѣекъ**.

Выписывающіе 15 экземпляровъ газеты, хотя бы и на разные адресы, но **НЕПОСРЕДСТВЕННО** чрезъ Главную Контору, имѣютъ право на полученіе **одного** годоваго экземпляра газеты со всѣми художественными приложеніями **безплатно**.

Въ Главной Конторѣ ко всѣмъ **тремъ** вышеупомянутымъ художественнымъ приложеніямъ заготовлены роскошныя рамы изъ золоченаго и чернаго багета, новѣйшихъ рисунковъ, цѣною въ 2 р., 3 р., 5 р., 8 р. и 10 руб., съ наклейкою картины на холстъ и подрамники, а также и лакировкою. За пересылку въ ящикѣ прибавляется: за ящикъ 1 р. 50 к. и за доставку—по разстоянію. Деньги должны быть высылаемы впередъ при заказѣ.

ОТЪ КОНТОРЫ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ И „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

Всѣ книжные магазины, правительственныя учрежденія, земскія, городскія и сословныя управы, волостныя, гминныя и станичныя правленія, общественные клубы и библіотеки, церковные причты, монастырскія братства учебныя и благотворительныя заведенія и вообще начальствующія и руководящія мѣста и лица, а также правители канцелярій, секретари и казначеи присутственныхъ мѣстъ, волостные, гминные и станичные писаря и учителя народныхъ школъ — могутъ выписывать предлагаемыя изданія съ разсрочкою уплаты *за каждое изданіе:*

а) При подпискѣ:	без доставки **2** р. **60** к.	Съ доставкою **3** р. **80** к.
б) Къ 1-му апрѣля	» » **2** р. — к.	» » **3** р. — к.
в) » 1-му іюня	» » **2** р. — к.	» » **2** р. — к.

Вышепоименованнымъ, пользующимся разсрочкою учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, выписывающимъ непосредственно чрезъ Главную Контору **пятнадцать** экземпляровъ того или другаго изданія, высылается одновременно съ выходомъ нумеровъ въ свѣтъ—одинъ экземпляръ того же изданія **БЕЗПЛАТНО,** по указанному адресу.

При перемѣнѣ адреса и вообще при сношеніяхъ съ конторою изданій—необходимо присылать, для скорѣйшаго наведенія справокъ, прежній бандерольный **печатный адресъ** или, по крайней мѣрѣ, точную копію съ него, безъ чего требованія гг. подписчиковъ не могутъ быть исполняемы аккуратно.

Жалобы на **неполученіе нумеровъ журнала** или **газеты** должны быть, согласно почтовымъ правиламъ, заявлены **не позже** полученія слѣдующаго по порядку нумера; въ противномъ случаѣ контора лишается возможности навести справку объ утерянныхъ нумерахъ. Вмѣстѣ съ жалобою слѣдуетъ доставлять въ контору изданій удостовѣреніе почтоваго учрежденія о неполученіи требуемаго нумера, какъ оправдательный документъ. При посылкѣ денегъ, мелкія суммы могутъ быть высылаемы **почтовыми** марками. **Гербовыя марки и купоны** въ уплату **НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.**

Для лучшаго и точнаго исполненія требованій гг. подписчиковъ покорнѣйше просимъ обозначать количество желаемыхъ изданій четкими цифрами, отдѣляя, для сортировки цѣнность рамъ отъ укупорки и пересылки, дабы контора могла видѣть—какую раму желаетъ получить подписчикъ.

ПРОСИМЪ ОТРѢЗАТЬ ПОДПИСНОЙ БЛАНКЪ.

ПОДПИСНОЙ БЛАНКЪ

Въ Главную Контору журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»
Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

При семъ посылается наличными деньгами:
За ...... компл. **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** *на* **1888** *годъ, со всѣми къ нему приложеніями и на пересылку главной преміи картины «Закатъ солнца» .... р. ...... к.*
За ...... экз. картины «Смерть Ивана Сусанина» и на пересылку .... р. ...... к.
За ...... экз. переплетовъ для «Живоп. Обозр». на 1888 г. и на пересылку .... р. ...... к.
За ...... экз. рам ...... для карт. «Закатъ солнца» ...... р. ...... к.
За ящикъ для укупорки рам и на перес. ...... р. ...... к.

.... 188 г. *Итого ...... р. ...... к.*

Подписчикъ

ПОДПИСНОЙ БЛАНКЪ

Въ Главную Контору газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»
Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

При семъ посылается наличными деньгами:
За ...... экз. газеты **„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“** *со всѣми къ ней прилож. и на перес. картины „Крещеніе кіевлянъ при св. князѣ Владимірѣ» ...... р. ...... к.*
За ...... экз. картины «Смерть Ивана Сусанина» и на пересылку .... р. ...... к.
За ...... экз. картины «Малороссійскій дѣвичникъ» и на пересылку .... р. ...... к.
За ...... экз. рам ...... для картины .... р. ...... к.
За ящикъ для укупорки рам и перес. ...... р. ...... к.

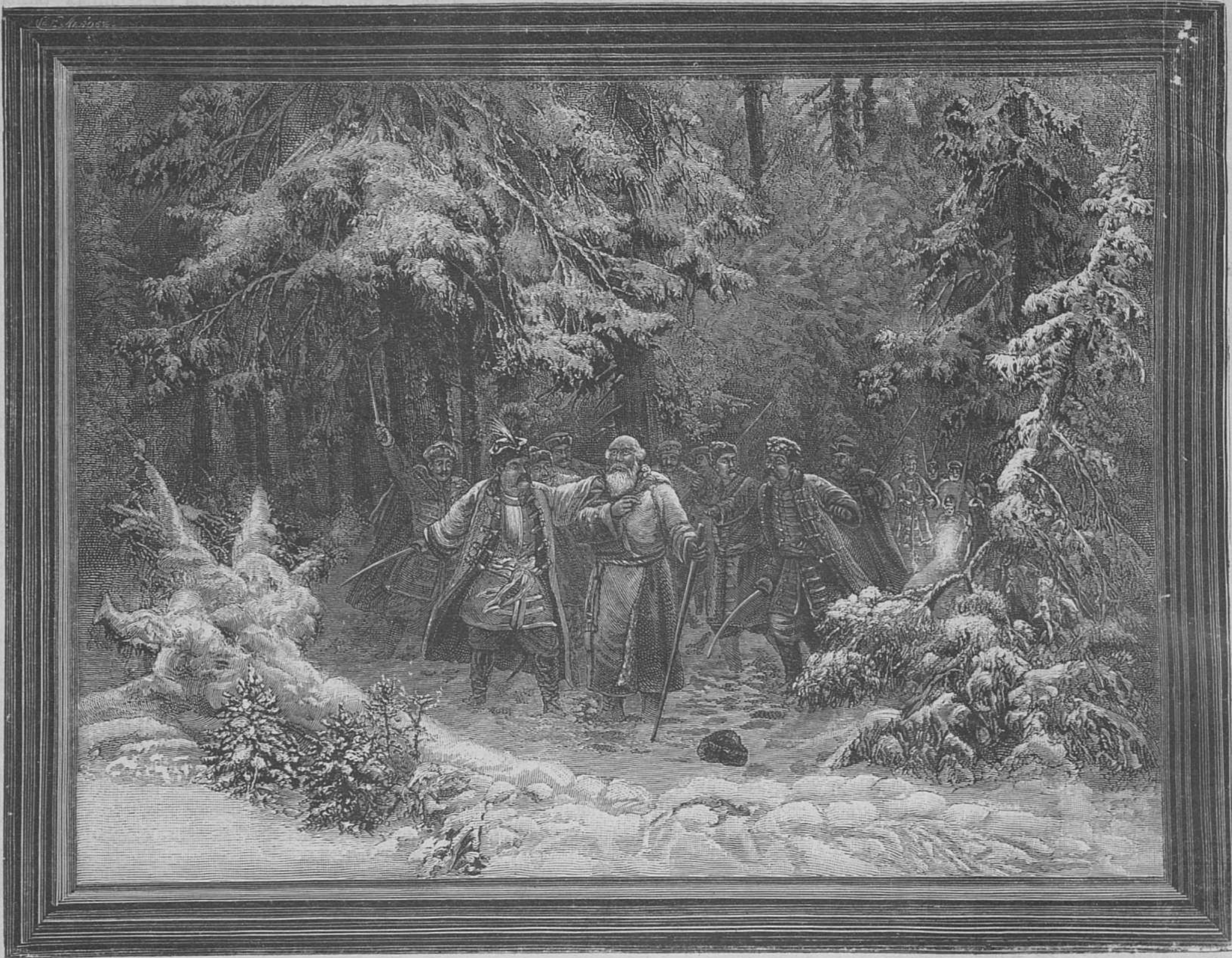
.... 188 г. *Итого ...... р. ...... к.*

Подписчикъ

Высылается годовымъ подписчикамъ **„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“** и **„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“** по требованію

(ОРИГИНАЛЪ СОСТАВЛЯЕТЪ СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЯ).

Высылается только цѣнною посылкою (на скалкѣ и въ холстѣ). За пересылку взимается 80 коп.



Картина отпечатана въ 15 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкою и рельефомъ.

Смерть Ивана Сусанина.

Историческое значеніе картины и художественное выполненіе—вызвали ВТОРОЕ изданіе.

ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ОБЪЯВЛЕНІИ СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ, ВЪ ВИДѢ ГРАВЮРЪ, НЕ МОГУТЪ ПЕРЕДАТЬ ТѢХЪ ЭФФЕКТОВЪ, КОТОРЫМИ БОГАТЫ ПРЕДЛАГАЕМЫЯ КАРТИНЫ-ОЛЕОГРАФІИ, БЛАГОДАРЯ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ИСПОЛНЕНІЮ ИХЪ ВЪ НѢСКОЛЬКО КРАСОКЪ.

АДРЕСЪ,

по которому слѣдуетъ высылать газету

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями:

Во избѣжаніе недоразумѣній, покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ: адресы писать ясно и четко, обозначая полностію почтовый пунктъ для доставленія изданія, имя, отчество и фамилію адресата; а если въ означенное мѣсто доставляется почтою только простая корреспонденція, то указать ближайшій почтовый пунктъ для направленія заказныхъ писемъ и посылокъ съ картинами; буде-же требуются рамы въ цѣльномъ видѣ, то непремѣнно сообщать на какую ближайшую желѣзно-дорожную станцію или пароходную пристань слѣдуетъ отправлять посылку и на чье имя. Безъ этого сообщенія заказы гг. подписчиковъ о присылкѣ имъ рамъ не могутъ быть исполняемы.

АДРЕСЪ,

по которому слѣдуетъ высылать журналъ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

съ приложеніями, преміями и другими выписываемыми предметами:

Дозволено цензурою. Спб., 5-го октября 1887 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА ЖУРНАЛА
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ЗА 1888 ГОДЪ

СТРАН.

Стихотворенія.

А. Н. Майкову, 30 апрѣля 1888 г., *К. Фофанова.* 309
Бѣлый гробъ, *Константина Льдова* 409
Взгляни по синевѣ темнѣющихъ небесъ, *В. Страховича* 230
Весной, *Леонида Афанасьева* 280
Весною, *Зинаиды Вильмсъ* 333
Въ старомъ домѣ 148
Гдѣ мои грезы счастливыя, *М. Липкина* 90
Г-жѣ Омеръ де-Гелль, пер. франц. стихотв. М. Ю. Лермонтова, *В. Шуфъ* 107
Грѣшница, *А. И. Полежаева* 39
Діана. 334
Если ищешь безумнаго счастья, *Д. Михаловскаго.* 22
Еще одна тажелая утрата! *И. Тагера* 212
Зачѣмъ, когда мечта въ прошедшее уноситъ, *П. Свободина* 349
Изъ Гейне, *Мих. Илецкаго* 159
Когда смолкаетъ день усталый, *П. Свободина* 207
Ледовитый океанъ 132
Любитъ—не любитъ? 342
Madonna Soy para Elche, стихотворн. разсказъ *В. Елизарова* 268
Майская ночь, *С. Бердяева* 329
Молча склонились надъ сонной водой, *В. Страховича* 328
Надъ нами шутитъ жизнь обидно, *К. Фофанова.* 103
Не въ грозный часъ мучительной невзгоды, *С. Фруга.* 70
Ночка теплая, ночка лѣтняя, благодатная, *В. Страховича.* 328
Ночь передъ Троицею, *О. К.* 377
О, еслибъ силой вдохновенья, *Ѳ. Червинскаго.* 27
О, прости мнѣ, когда я въ приливѣ тоски, *Пав. Симонова.* 58
Орелъ и червь, *С. Фруга* 7
Первые цвѣты 390
Полно, дорогая, оботри-же слезы, *В. Страховича.* 300
Посвященіе, *Караскевичъ* 214
Послѣднія усилія зимы 148
Посмотри, дитя, на море... *В. Страховича.* 135
Постой, не уходи, *Пав. Симонова* 190
Пѣснь плѣннаго ирокезца, *А. И. Полежаева* 38
Пѣсня, *А. И. Полежаева* 38
Ручьи сливаются съ рѣками, *Д. С.* 54
Ряженные. 52
Слезы, *Былинскаго.* 155
Словно рая Господняго вѣсть отдаленную, *П. Попова.* 172
Союзники, *С. Фруга* 296
Спутались, какъ нити въ пряжѣ неискусной, *М. Липкина.* 2
Старая пѣсня. 68
Старикъ, *А. Комарова* 369
Темнымъ садомъ, яркими цвѣтами, *К. Былинскаго* 199
Ты мнѣ являлася весной, *К. Фофанова* 3
Уличные артисты. 212
Христосъ Воскресъ, *А. Беземана* 270

Романы, повѣсти и разсказы.

Греза, романъ *Э. Золя,* перев. *П. А. Каншина,* 246, 281, 300, 317, 329, 350, 364. 377, 393 409
Долгъ платежемъ красенъ, историческій разсказъ *П. Н. Полевого* 85, 101, 117
Заграничныя встрѣчи съ соотечественниками, разсказы *Вл. Михневича.* 134, 172, 194
За штатомъ, новела *С. Г. Фруга.* 181
Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига, историческій романъ *Т. Ежа,* перев. съ польскаго *А. Сахаровой* 187, 203, 219, 234, 255, 288, 304, 321, 333, 384. 397 413
Отщепенецъ, романъ *А. Михайлова* 311, 328, 349, 359, 375, 391 408
Первая картина, повѣсть *С. Караскевичъ.* 230, 252
Писатель, разсказъ *В. Бибикова.* 199, 215
Поймалъ, разсказъ 243
Раскольничій учитель, изъ забытыхъ исторій *Н. И. Шульгина* 54, 70, 87, 103, 122. 135
Счастливый день Александра Карловича, повѣсть *В. П. Митурича* 2, 22, 39. 58
Стрѣлецкое утро. историческій разсказъ *Л. Осташева.* 280, 296
Театралы, комедія въ одномъ дѣйствіи *Ив. Щеглова.* 150, 182
Тигрица, романъ *Д. Верга,* перев. *В. Крестовскаго* (псевдонимъ) 6, 26, 42, 59, 74, 90, 107, 122. 138
У адвоката, очеркъ *Н. Северина.* 214
Христосъ Воскресе, разсказъ *П. Каратыгина.* 264

Статьи научнаго содержанія.

Анестетическія средства. 385, 400, 416
Выставка предметовъ освѣщенія нефтяного производства. 51
Гоббсъ Томасъ, *С. Страховскаго* 219
Двухсотлѣтній юбилей пароходовъ, *Ивашкевича.* 357
Дѣдушка русскаго флота, *П. Каратыгина.* 343
Забавы и потѣхи московскаго двора въ XVI и XVII в. *П. Н. Полевого* 8
Итоги опернаго сезона, *В. Баскина.* 308, 341
Маркъ Аврелій, *В. В. Чуйко* 43, 60
Наша итальянская опера, *В. Баскина* 83
Небываемое бываетъ, *П. Каратыгина.* 348
Нищенство на Руси, *А. Красовскаго* 28
Нѣсколько словъ о балетѣ, *В. Баскина.* 163
Плащеносная ящерица, *В. Иверсена.* 62
Праздникъ пасхи, *С. Терновскаго* 277
Русская масляница въ минувшихъ столѣтіяхъ, *М. Лисицына* 140, 155
Телефонъ, *А. Зарина.* 131, 180
Утилитарное направленіе образованія въ эпоху Петра I, *М. Лисицына.* 75, 91
Философскіе этюды, книги Маркиза О'квича, *Вс. Васютинова* 306
Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и русское общество его времени, *А. Михайлова* 165
Шопенгауеръ Артуръ (1788—1860) 108
Научные вопросы, *С. Варевскаго*:
  Ненужность и вредъ, обращенные въ пользу. 159
  Новое умственное движеніе въ Индіи 63
  Новыя изобрѣтенія и наблюденія. 226
  Новыя средства для противодѣйствія заразамъ. 95
  Переселеніе различныхъ животныхъ 190
  Профессіальное обученіе. 324
  Слѣды до-историческаго человѣка въ Америкѣ. 124
  Техническія усовершенствованія. 372
  Удачныя попытки въ области труда 30

Фельетонъ.

Наблюденія и размышленія *Х., Любителя,* и *А. Толивѣровой* 11, 46, 79, 110, 143, 192, 238. 417
Хроника заграничной жизни *М. Кольцова* 31, 64, 98, 127, 175. 207

Критика и библіографія.

Бибиковъ Викторъ, „Разсказы“ 326
Буренинъ В. П., „Критическіе этюды“ 243
Венгеровъ С. А. „Критико-біографическій словарь русскихъ ученыхъ и писателей“ 179
Догель, И. М., „Вліяніе музыки на человѣка и животныхъ“ 195
Крамской, И. Н., „Его жизнь и переписка“. 243
Леманъ Анатолій „Очерки катедской жизни“. 342
Майкова „Переводы“ 196
Матвѣевъ, П. А., „Болгарія послѣ берлинскаго конгресса“ 374
Месковскій, А., „Нѣмецкій самоучитель русскаго языка“ 179
Мережковскій Д. „Стихотворенія“ 405
Поздняковъ Н., „Житейскіе разсказы“ обл. № 5
Полевой П. Н., „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“ 35
Полежаевъ А. И., „Собраніе сочиненій“ 51
„Сборникъ стихотвореній для дѣтей“ изд. журнала „Родникъ“ 35
Слѣпцовъ В., „Полное собраніе сочиненій“. 67
Соколовъ А., Сборн. стихотв. „Рыданіе и хохотъ“ 179
Щегловъ Ив., „Дачный мужъ. Въ горахъ Кавказа“. 309
Ясинскій І., „Стихотворенія“ 67
Журналистика *П. Скромнаго* 10, 47, 82, 114, 143, 175, 210, 239. 289. 401

Біографіи и некрологи.

Вильгельмъ, германскій кронпринцъ 213
Гаршинъ, В. М. 228, 229
Гребенщиковъ, М. Г. 421
Живный, К. И. 327
Зола, Эмиль 295
Кшесинскій, Ф. И. 81
Лажечниковъ, И. И. 85
Леонидовъ, Л. Л., *А. Михайлова* 131
Лишенъ, А. Г. 421
Майковъ, А. Н. 279
Миклуха-Маклай, Н. Н. 259
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь 165
Петръ Великій [illegible]
Полежаевъ, А. И. [illegible]
Свѣдомскій, П. А., *В. Дѣдлова* 245
Фигнеръ, Н. Н. 8
Фридрихъ III. 181
Шопенгауэръ, Артуръ 101
Эберсъ, Георгъ. 295

Мелкія замѣтки.

Борьба Петра Великаго съ суевѣріемъ 244
Выставка картинъ В. Шварца и П. Соколова. 326
Замѣтка о А. И. Полежаевѣ (*М. Струйскаго*). 211
Кончина императора Вильгельма I. 149
Нашъ новый годъ, *А. Михайлова* 1
Открытіе выставки въ Барцелонѣ 373
Столѣтняя годовщина Байрона 21
Современная лаконическая драма *М. Кольцова.* 287
30 мая 1888 года 345

Текущія статьи и новости.

Политическое обозрѣніе 14, 34, 50, 66, 82, 99, 115, 130, 147, 162, 178, 194, 211, 226, 242, 259, 276, 292, 309, 325, 340, 353, 373, 388, 404 420
Внутреннее обозрѣніе 15, 34, 50, 66, 83, 98, 115, 130, обл. № 8, 146, 163, 178, 195, 227, 243, 258, 276, 292, 310, 325, 340, 353, 372, 388. 405
Къ рисункамъ: 15, 36, 52, 68, 84, 100, 116, 132, 147, 164, 180, 196, 212, 228, 244, 259, 278, 292, 310, 326, 342, 358, 374, 406 422
Книжное дѣло, музыка, живопись и др., стр. 15, 35, 51, 66, 130, 147, 179, 212, 227 356
На обложкѣ въ №№ 10, 19. 25.
Медицина, заболѣванія, гигіена, стр. 15, 36, 147, 237. 406
На обложкѣ №№ 5, 7, 18, 25.
Промышленность, технологія и торговля, стр. 35, 195 211
На обложкѣ въ №№ 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 18, 19, 24.
Этнографія, естествознаніе, путешествіе, стр. 99, 115. 337
На обложкѣ въ №№ 1, 2, 3. 8, 9, 11.
Мелочи на обложкѣ въ №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11.
Шахматныя задачи на обложкѣ №№ 1, 2, 4, 5. 8, 11, 25, 26.

ГРАВЮРЫ I-го ТОМА.

СТРАН.
Аттака Лубенскими гусарами въ компанію 1877 и 1878 г. Карт. *Н. А. Попова* . . . 253
Бабушка и внучекъ. Карт. *Антоніо Ротта* . . . 335
Бахарахъ на Рейнѣ. Карт. *Бернута* . . . 370
Башкиры, уводящіе плѣнныхъ изъ Казани. Рис. *К. Лебедева* . . . 9
Бездомные. Карт. *Трентена* . . . 188
Благовѣщеніе. Рис. *Г. Доре* . . . 197
Божья воля. Карт. *К. В. Лемоха* . . . 217
Бродячій Виртуозъ. Карт. *Р. Еппа* . . . 160
Веселая компанія. Карт. *Эдуарда Гелли* . . . 209
Весенніе гости . . . 220
Весенніе грезы. Карт. *Лоссова* . . . 157
Весенній вихрь . . . 402
Взятіе Петромъ I двухъ шведскихъ кораблей въ устьѣ Невы. Карт. *Лагріо* . . . 354
„Власть тьмы“ на сценѣ „Théatre Libre“ въ Парижѣ. *Андріена Мари* . . . 145
Водосвятіе въ день Богоявленія въ деревнѣ. Рис. *А. Сафонова* . . . 25
Водяная мельница. Рис. *А. Смирнова* . . . 184
Возвращеніе съ медвѣжьей охоты. Карт. *Н. Е. Сверчкова* . . . 73
Воскрешеніе Лазаря. Карт. *П. Свѣдомскаго* . . . 249
Входъ Господень въ Іерусалимъ. Карт. *П. Свѣдомскаго* . . . 248
Въ мастерской художницы. Карт. *Конрада Кизеля* . . . 88—89
Въ морозное утро. Карт. *Н. Е. Сверчкова* . . . 161
Въ пріемной у нужнаго человѣка. Рис. *Ижакевича* . . . 113
Въ часы досуга. Рис. *Сокорнова* . . . 49
Вѣстница любви. Карт. *Команса* . . . 105
Генрихъ VIII и Анна Болейнъ. Карт. *К. Пилоти* . . . 120—121
Гриневъ и Пугачевъ въ домѣ Швабрина. Рис. *К Лебедева* . . . 129
Греческій невольникъ. Карт. *Бакаловича* . . . 415
Дворецъ императора Вильгельма . . . 193
Двухсотлѣтіе русскаго флота . . . 346—347
Діана. Рис. *Рейшана* . . . 334
Для милаго дружка. Карт. *А. Зигерта* . . . 224
Добрые казаки. Карт. *Г. Виллевальде* . . . 379
Дождь не помѣха! Карт. *Перна* . . . 240
Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ . . . 350
Донъ-Жуанъ и Гаидэ. Карт. *М. А. Зичи* . . . 33
Друзья дѣтства. Карт. *Фришля* . . . 236
[illegible]спасительное чтеніе. Рис. *Н. Гречанинова* . . . 204
Забавы за стѣнами монастыря. Карт. *Ж. Фраппа* . . . 56
Застава передъ поѣздомъ новобрачныхъ. Карт. *В. Е. Маковскаго* . . . 395
Здравіе желаю! Карт. *Л. Да-Ріосъ* . . . 96
Зимою въ паркѣ. Рис. *А. Д. Шильдера* . . . 81
Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова. Карт. *Г. Угрюмова* . . . 173
Импровизаторъ. Карт. *Тито Конти* . . . 40—41
Ипатьевскій Троицкій монастырь на Волгѣ близъ Костромы . . . 172
Испытаніе каленымъ желѣзомъ. Рис. *Г. Мерте* . . . 403
Иѳигинея въ Тавридѣ. Карт. *Д. Канольда* . . . 65
Іерусалимъ во времена Іисуса Христа . . . 263
Іоаннъ Грозный и Василиса Мелентьева. Карт. *Г. Сѣдова* . . . 45
Іоаннъ Грозный и калѣки перехожіе. Рис. *В. Шварца* . . . 93
Кліенты, ожидающіе въ атріумѣ выхода патрона. Карт. *Бакаловича* . . . 363
Князь Михаилъ Черниговскій въ ордѣ. Карт. *Лосева* . . . 77
Крестьянскіе похороны. Рис. *Т. Никитина* . . . 200
Купите вербочку . . . 252
Курды на молитвѣ. Карт. *Рубо* . . . 108
Кушелево - Безбородко. Пивоваренный заводъ „Новая Баварія. Рис. *А. Ф. Бальдингера* . . . 294
Ледовитый океанъ . . . 124
Ледяной домъ (историч. и современ.). *Сафонова* . . . 92
Ловля дровъ. Карт. *Н. Г. Богданова* . . . 232
Ловля рыбы зимой. Карт. *А. Гофмана* . . . 218
Любимая яблоня въ цвѣту. Карт. *Бейля* . . . 363
Любитъ—не любитъ. Карт. *Сетклиффъ* . . . 369
Людовикъ Святой, раздающій милостыню. Карт. *Лезюра* . . . 104
Маленькая Ева. Карт. *В. Реге* . . . 290
Манфредъ. Карт. *Г. Макса* . . . 32
Медаль въ память основанія русскаго флота . . . 358
Между дѣломъ. Карт. *Шнитцлера* . . . 257
Мефистофель (скульптура) *М. Антокольскаго* . . . 29
Между дѣломъ. Карт. *К. Гейдена* . . . 407
Миклухо-Маклай и его воспитанникъ изъ племени папуасовъ . . . 260
Мыльные пузыри. Карт. *Л. Жирарда* . . . 371
„Надежда.“ Карт. *К. Боденгауера* . . . 315
На выставкѣ картинъ. Карт. *Франца Копса* . . . 299
На задворкахъ. Рис. *Л. Бургардта* . . . 362
На масляницѣ къ балаганамъ. Рис. *А. Петровича* . . . 133
На медвѣдя. Карт. *П. Соколова* . . . 323
Нападеніе львицы на Жирафа. Рис. *Шпехта* . . . 302
Напалъ на слѣдъ. Карт. *Бельгерса* . . . 177
Не бойтесь—мы казаки. Карт. *Г. Виллевальде* . . . 201
Невѣріе апостола Θомы. Карт. *Чизери* . . . 287
Невѣста приноситъ жертву богамъ. Карт. *Н. Лосева* . . . 283
Непріятная встрѣча. Карт. *Шлитцберга* . . . 109
Несправедливое обвиненіе. Карт. *Рудольфа Виммера* . . . 80
Непогодка. Рис. *Н. Глобо* . . . 398
Новорожденный. Карт. *М. Мункачи* . . . 125
Ночь на Свѣтлое Воскресеніе. Рис. *А. Сафонова* . . . 266, 267
Одежда Іосифа, принесенная братьями къ Іакову. Рис. *И. Ижакевича* . . . 185
Опасное сосѣдство. Рис. *Т. Никитина* . . . 414
Открытіе Барцелонской выставки . . . 366
Охота на крокодиловъ на островѣ Цейлонѣ . . . 156
Пасхальныя игры. Рис. *Муратова* . . . 298
Первенецъ. Карт. *Н. А. Пелевина* . . . 303
Первые цвѣты. Карт. *М. Михаэля* . . . 375
Первыя минуты послѣ кончины Императора Вильгельма . . . 192
Передъ лагернымъ сборомъ. Карт. *Геріля Горнеля* . . . 314
Перестрѣлка на форпостѣ въ тридцатилѣтнюю войну. Карт. *Вернера Шуха* . . . 69
Петръ I и царевичъ Алексѣй. Карт. *Н. Н. Ге* . . . 28
Передъ грозой. Карт. *Фр. Ав. Каульбаха* . . . 391
Первые ягоды. Карт. *Юліуса Адама* . . . 419
Плащеносная ящерица . . . 60
Послѣднія усилія зимы. Рис. *Ст. Рейхана* . . . 136
„Погоди, пусть подойдетъ“. Картина *Г. Ф. Френца* . . . 330—331
Погребеніе Фараона. Карт. *Р. Геккера* . . . 387
Подвигъ Ивана Сусанина въ 1613 году. Рис. *А. Земцова* . . . 168—169
Помпейская лавочка. Карт. *С. В. Бакаловича* . . . 237
По пути изъ Кіева. Карт. *В. Е. Маковскаго* . . . 319
Послѣдняя цѣнная вещь. Карт. *Ф. Брютта* . . . 176
Послѣ концерта. Карт. *Аккермана* . . . 225
Послѣднія заморозки. Карт. *Е. Мейера* . . . 256
Посольство въ домѣ князя Пожарскаго. Карт. *Савицкаго* . . . 233
Поѣздка на тройкахъ черезъ Неву. Рис. *А. Сафонова* . . . 4
Похищеніе Елены Морозовой. Рис. *Ижакевича* . . . 395
Праздничный подарокъ. Карт. *Р. Еппа* . . . 291
Пречистая Дѣва съ младенцемъ (Madonna della-sedia). Карт. *Рафаэля* . . . 1
Рабъ съ головой Іоанна Крестителя. Карт. *Н. А. Аскназія* . . . 97
Радоница. Рис. *А. Муратова* . . . 282
Развалины въ заглохшемъ паркѣ. Карт. *Кондратенко* . . . 128
Рогоцосная ящерица . . . 244
Роковой поцѣлуй, къ стихотворенію „Старый домъ“ . . . 144
Рыбаки. Рис. *М. Зиновьева* . . . 394
Ряженые. Рис. *В. Полякова* . . . 44
Святки, ночь на новый годъ. Рис. *В. Полякова* . . . 13
Се человѣкъ. Карт. *Гвидо Рени* . . . 271
Секретное совѣщаніе. Карт. *Макса Фалькгарда* . . . 367
Сказки. Карт. *С. В. Бакаловича* . . . 306—307
Смерть Агриппины. Рис. *Вертгейнера* . . . 24
Смерть Бориса Годунова. Карт. *В. Г. Шварца* . . . 322
Смерть Виргиніи. Карт. *Гагарда* . . . 338
Снѣжный заносъ на желѣзной дорогѣ. Рис. *Петровича* . . . 119
Спускъ на воду ботика въ селѣ Измаилѣ 1688 г. Оригинальный рисунокъ *Топоркова* . . . 351
Средневѣковый погребокъ. Карт. *Тито Конти* . . . 61
Старая пѣсня. Карт. *Г. фонъ-Геслина* . . . 64
Старикъ. Карт. *К. Фера* . . . 359
Султанъ Тараншахъ беретъ въ плѣнъ Людовика Святого . . . 137
Тихоходъ и пантера. Рис. *Шпехта* . . . 241
Тихій вечеръ . . . 419
Торжественное шествіе папы Льва XIII. Рис. *Анжело де-Куртенъ* . . . 48
Туснельда, отданная отцомъ римскому полководцу Германику. Карт. *Рихарда Бема* . . . 410—411
У водопоя въ лѣсу. Карт. *Отто Грушигъ* . . . 208
У исповѣди. Карт. *А. П. Новоскольцева* . . . 221
Уличные артисты. Карт. *Беккера* . . . 205
Утраченное счастье. Карт. *Т. Шварце* . . . 311
Утро на Альпахъ. Карт. *Дизена* . . . 318
Франческа и Паоло де-Римини. Карт. *Германа Цейца* . . . 12
Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая на островѣ Тихаго океана . . . 260
„Христосъ Воскресе“ . . . 270
Христосъ передъ судомъ Пилата. Карт. *Мункачи* . . . 274—275
Художница. Карт. *И. Проскурнина* . . . 378
Царь пустыни. Карт. *Флинцера* . . . 382
Часы досуга. Карт. *Сакарнова* . . . 49
Чесменскій бой . . . 355
Чилійскій щитоносецъ . . . 286
Широкая масляница. Рис. *А. Сафонова* . . . 152—153
Шутъ за прялкой. Карт. *Германа Каульбаха* . . . 141
Электрическій экипажъ . . . 140
Эрмитажъ . . . 9, 57, 189, 383
Юноша съ свирѣлью. Карт. *Бенедетто Бути* . . . 72

Портреты.

Байронъ . . . 21
Вильгельмъ I, Германскій Императоръ . . . 146
Вильгельмъ II . . . 213
Гаршинъ . . . 229
Гензельтъ, А. . . . 228
Живный, К. И. . . . 327
Золя Эмиль . . . 295
Кшесинскій, Ф. . . . 76
Лажечниковъ, И. И. . . . 85
Леонидовъ, Л. Л. . . . 117
Майковъ, Апполонъ Николаевичъ . . . 279
Петръ Великій . . . 343
Полежаевъ, А. И. . . . 37
Михаилъ Θедоровичъ Романовъ . . . 165
Свѣдомскій, П. А. . . . 245
Фигнеръ, Н. Н. . . . 8
Фридрихъ III, Германскій Императоръ . . . 181
Шопенгауеръ, Артуръ . . . 101
Эберсъ, Георгъ . . . 53
Эмиль Золя . . . 295

Въ вышедшихъ ШЕСТИ книгахъ «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній» помѣщено:

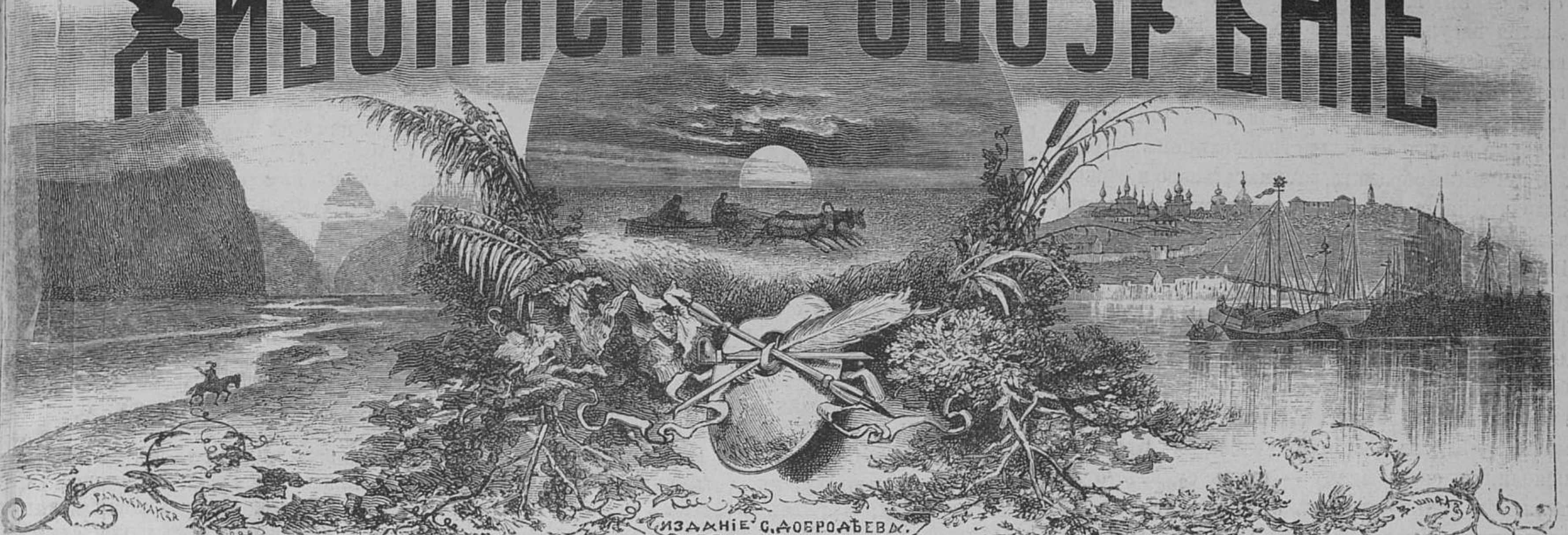
«Блага жизни», романъ въ двухъ частяхъ, *А. Михайлова.*
«Лордъ Байронъ» (біографія, драма Сарданапалъ и мелкія стихотворенія) съ 4-мя рисунками.
«Вѣчный праздникъ», романъ *І. Ясинскаго* (М Бѣлинскаго).
«Поселянка», повѣсть *Ожешко*, переводъ *А. Михневичъ.*
«Непреодолимая преграда», романъ *А. Михайловой* и
«Вѣеръ», Новелла *Гайоты*, переводъ *Ф. Домбровскаго.*

КАРТИНЫ ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА:

1) **Явленіе Христа народу**, съ картины профессора *А. Иванова.*
2) **Жертва чести**, съ картины *Д. де-Пеерта*,
3) **Тайная вечеря**, съ картины *Ліонарда де-Винчи.*
4) Хромолитографія **«Подарокъ весны»**.
5) **Пріѣздъ новой султанши**, съ картины *Т. Беда.*
6) **Ярославъ Мудрый, напутствующій дочь въ замужество**, съ картины *Н. В. Неврева.*

Шесть нумеровъ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» съ выкройками, узорами и образцами русской вышивки.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ



3-го Января, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ № 68—40.

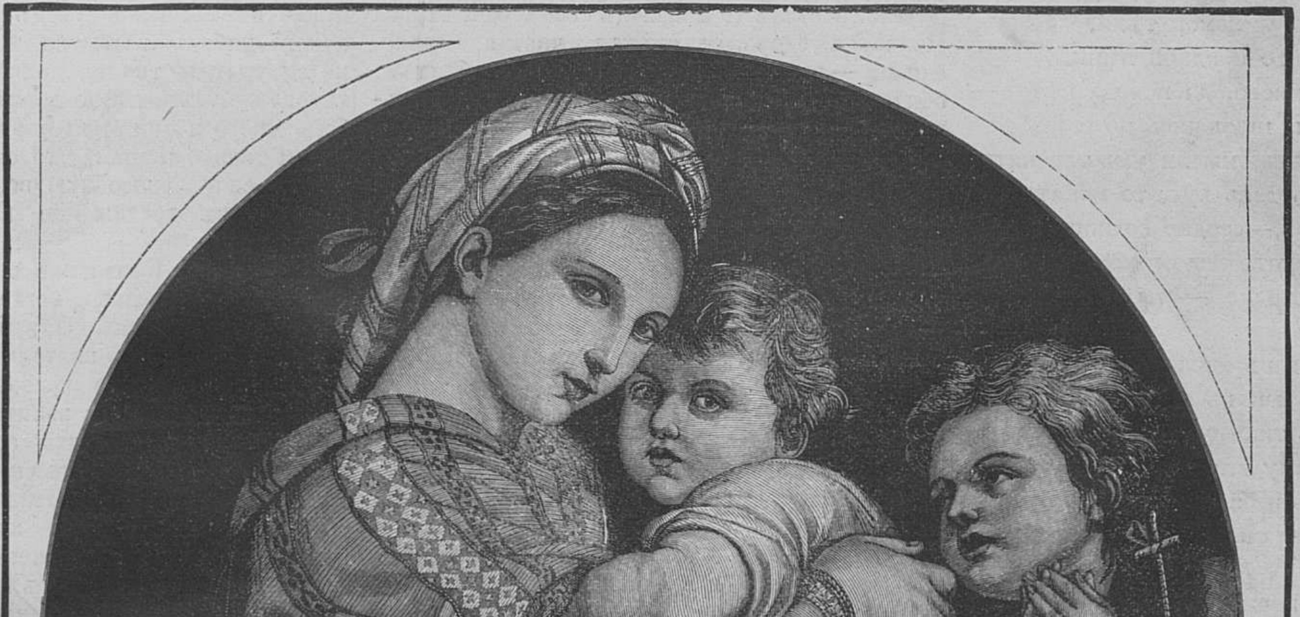
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
а годъ съ пересылкою и доставкою 8 руб.,—на полгода 4 р. на 3 м. 2 р.—
езъ доставки за годъ 6 руб. 60 коп. За границею: за годъ 10 рублей.
астныя объявленія: за строку нонпарели въ 1 столбецъ 40 к., петита 30 к.
Отдѣльный нумеръ 20 копѣекъ.—Съ пересылкою 25 коп.

№ 1

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:
1) При сношеніи съ конторою необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него. 2) За пересылку преміи посылкою 1 рубль. За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій — 1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ. На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми коп. марки.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Рафаэля.



Пречистая Дѣва съ младенцемъ
(Madonna della Sedia).

Нашъ новый годъ.

Новый годъ—это обычная смѣна одного дня другимъ днемъ, одного числа другимъ числомъ. Тѣмъ не менѣе эта смѣна имѣетъ огромное значеніе, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для всего общества. Къ новому году отдается отчетъ за прежній годъ и настаютъ приготовленія къ наступающему году. Для насъ лично наступающій годъ имѣетъ очень большое значеніе, такъ какъ при расширеніи объема нашего журнала увеличивается и трудъ, лежащій на насъ. Не сокращая отдѣла чисто литературнаго, заключающаго въ себѣ беллетристическія произведенія и научныя изслѣдованія, мы въ сильной степени, какъ это тъ читатели изъ нынѣшняго перваго ну- нашего журнала, увеличиваемъ отдѣлъ текущихъ статей. Это нововведеніе—не отступленіе отъ прежней программы и не случайная перемѣна въ характерѣ журнала. Слѣдить за всѣми новостями дня, давать отчетъ обо всѣхъ явленіяхъ текущей жизни, указывать на всѣ новинки во всевозможныхъ сферахъ дѣятельности, начиная съ быта духовенства и школы и кончая успѣхами промышленности и искусства, — вотъ та задача, которую мы беремъ на себя. Эта задача далеко не легкая, но мы взялись за это дѣло не безъ серьезныхъ основаній. Читатель періодическихъ изданій ищетъ теперь не одного занимательнаго чтенія, но и хочетъ знать все, что дѣлается, о чемъ говорится, что изобрѣтается въ данную минуту. Правда, для удовлетворенія этой потребности существуютъ газеты. Но всѣ-ли читатели, выписывающіе иллюстрированный журналъ, выписываютъ и могутъ выписывать газету? Далеко нѣтъ. Для не выписывающихъ газеты читателей отдѣлъ текущихъ событій въ иллюстрированномъ журналѣ является насущною потребностью. Это понятно само собою. Но, удовлетворяя желаніе этого рода читателей, мы, конечно, не могли сдѣлать этого въ ущербъ для тѣхъ читателей, которые ищутъ въ иллюстрированномъ журналѣ, главнымъ образомъ, занимательнаго и серьезнаго чтенія, а не сырого газетнаго матеріала, часто не оставляющаго въ душѣ никакого слѣда. Въ виду этого пришлось, ничего не урѣзая, расширить объемъ журнала, что мы и сдѣлали. Теперь каждая страница нашего изданія увеличилась па значительное число строкъ, особенно во второмъ листѣ. Кромѣ того, мы даемъ къ журналу обложку, па которой извѣстное мѣсто удѣляемъ разнымъ мелочамъ. Какъ мы исполнимъ свою задачу — пусть судятъ читатели. Мы только можемъ обѣщать, что мы постараемся сдѣлать все, что будетъ въ нашихъ силахъ, чтобы дать по обоимъ отдѣламъ нашего журнала возможно болѣе цѣннаго и важнаго въ томъ или другомъ смыслѣ матеріала и какъ можно менѣе балласта. Съ этимъ стремленіемъ мы пачинаемъ нашъ новый годъ въ журналѣ.

А. Михайловъ.

* * *

Спутались, какъ нити въ пряжѣ неискусной,
Цѣли и желанья жизни моей грустной...
То хочу я свѣта, то угрюмой тѣни,
То борьбы суровой, то обидной лѣни...
Силъ во мнѣ такъ много, да исхода нѣту, —
Сбился я съ дороги, шляючись по свѣту...
Чувства сердце мучатъ, мысли умъ тиранятъ,
Призраки нѣмые въ даль куда-то манятъ...
А приду на призывъ, — сердце содрогнется —
Все кругомъ какъ будто надо мной смѣется...
Что ты хочешь, сердце, — ты скажи мнѣ толкомъ?

Хочешь-ли разбиться въ жизни по осколкамъ,
Какъ челнокъ досчатый въ злую непогоду?
Или слезно манишь тщетную свободу?...
Сердце, брось надежду для кого другого, —
Вѣдь не сманишь съ неба солнца золотого,
Такъ зачѣмъ свободу съ рабскимъ ждать терпѣньемъ?
Брось надежду эту новымъ поколѣньямъ;
А само утѣшься жизненной тревогой
И бреди уныло сбивчивой дорогой...

М. Липкинъ.

Счастливый день Александра Карловича.

Повѣсть В. П. **Митурича.**

Ровно въ восемь часовъ Александръ Карловичъ Штурмъ, по обыкновенію, проснулся. Сквозь дырявую, коленкоровую занавѣску окна въ комнату заглядывало смѣющееся майское утро. Кое-гдѣ, въ полусвѣтѣ, солнце кидало ослѣпительные блики по полу и стѣнамъ, а отъ этихъ свѣтлыхъ пятенъ къ окну въ воздухѣ тянулись, дрожали и какъ будто дымились яркія полосы освѣщенныхъ солнцемъ пылинокъ.

Еще не совсѣмъ опомнившись послѣ пробужденія, докторъ безсмысленно посмотрѣлъ на коврикъ у подножія своей кровати; потомъ сталъ разглядывать стулъ со сложеннымъ на него въ строгомъ порядкѣ платьемъ; оглянулъ, зѣвая, старый, ломберный столъ, исправлявшій должность письменнаго, — яркія пятна свѣта по стѣнамъ и только, когда взглядъ его упалъ па стѣнной календарь въ головахъ постели, онъ наконецъ пришелъ въ себя окончательно.

— Да!.. Одиннадцатое мая... сегодня! прошепталъ онъ, замирая отъ восторга, и его красивое лицо расползлось въ блаженной улыбкѣ, — сегодня рѣшится все!.. Чѣмъ-то рѣшится?.. взволнованно вздохнулъ онъ, но, вслѣдъ затѣмъ, опять улыбнулся, и такъ лукаво, какъ будто въ глубинѣ души отлично зналъ, что рѣшеніе выйдетъ вполнѣ благопріятное.

Полнымъ силы, даже, пожалуй, игривымъ отъ избытка силъ, движеньемъ Александръ Карловичъ сѣлъ на постели и принялся одѣваться, насвистывая вальсъ изъ Фауста. Облекшись въ старенькій халатъ и туфли, онъ направился, все насвистывая, къ окну — поднять штору, и на ходу продѣлалъ даже въ тактъ нѣсколько разъ. Когда штора была поднята, въ комнату ворвались снопы такого ослѣпительнаго свѣта. что докторъ съ веселой гримасой зажмурился и отвернулся отъ окна.

Ярко освѣтилась небольшая комната съ грязноватыми, сѣрыми обоями, четырьмя колченогими стульями, желтымъ пузатымъ комодомъ, съ тощимъ тюфякомъ на желѣзной кровати и съ ломбернымъ столомъ, — составлявшими все ея убранство. Не смотря на яркій свѣтъ и примѣрную чистоту, все смотрѣло убого и старо.

Александръ Карловичъ оглянулся кругомъ съ видомъ арестанта, отбывающаго послѣдніе часы своего многолѣтняго заключенія.

— Да, у насъ съ Марьей Ивановной все это будетъ, вѣроятно, немного получше! усмѣхнулся онъ... — У насъ съ Марьей Ивановной!.. и воображеніе доктора вмигъ нарисовало уютную, небольшую комнату... Мягкая, будуарная мебель, коверъ, тюлевыя занавѣски на окнахъ, цвѣты, мягкій, яркій свѣтъ лампы на кругломъ столѣ и наконецъ сама она, Марья Ивановна, здоровая, свѣжая, чистая, причесанная — волосокъ къ волоску, съ бѣлыми, обнаженными по локоть руками, съ медлительно-спокойной граціей движеній...

— Ну да, все это будетъ непремѣнно и очень скоро! Къ чему-же излишняя скромность передъ самимъ собой!.. Теперь всѣ препятствія устранены, я у цѣли, и могу громко сказать: четыре года тому назадъ я рѣшилъ жениться, а теперь — женюсь!.. Александръ Карловичъ принялъ гордую осанку и оглянулъ комнату съ видомъ оратора, окидывающаго взоромъ свою аудиторію.

— Да, глупый желтый комодъ и всѣ вы, прощайте! Близокъ конецъ спартанской жизни! Пройдены благополучно годы труда и лишеній, годы устройства себѣ матерьяльнаго и общественнаго положенія, годы одинокаго, холостого скитальчества... Теперь начинается настоящая жизнь — это я могу сказать увѣренно и громко, потому что обязанъ всѣмъ только себѣ. Я захотѣлъ, чтобы это было такъ, такъ оно и есть! О, человѣкъ, не глупый и уравновѣшанный, можетъ добиться всего; только странно, какъ рѣдки такіе уравновѣшанные люди, какъ они поразительно рѣдки. Одинъ уменъ и талантливъ, но безъ всякой силы воли; другой настойчивъ и терпѣливъ, какъ волъ, но лѣзетъ напроломъ и упирается лбомъ въ стѣну. А между тѣмъ очень легко достичь всего, чего-бы ты ни пожелалъ; стоитъ только захотѣть, составить планъ дѣйствій и спокойно ему слѣдовать, пока не достигнешь цѣли. Это такъ просто, такъ просто! докторъ пожалъ плечами, — для меня, по крайней мѣрѣ, прибавилъ онъ и хитро усмѣхнулся.

— Вотъ я, четыре года назадъ сказалъ себѣ: «Марья Ивановна будетъ моей женой» и сегодня, какъ разъ сегодня, въ день, тогда-же назначенный, ничто не мѣшаетъ уже мнѣ сдѣлать предложеніе!

Александръ Карловичъ имѣлъ причины восторгаться собою. Что онъ былъ четыре года тому назадъ? — бѣдный студентъ, перебивавшійся кое-какъ уроками, безъ всякой протекціи и влюбленный къ тому-же въ бѣдную дѣвушку, существовавшую со старушкой-матерью на скудное жалованье телеграфистки. Что, казалось-бы, могло выйдти хорошаго изъ всего этого? Надо еще прибавить, что Александръ Карловичъ былъ тогда человѣкомъ не вполнѣ установившимся, не свободнымъ отъ вліянія среды и рисковалъ безразсудно своей будущей карьерой. Во времена студенчества Штурма учащаяся молодежь не дѣлилась на какіе-то замкнутые кружки спеціалистовъ, какъ теперь, а жила какъ-бы одной семьей... Товарищество, споры, энтузіазмъ... Всѣ они прочитали тогда въ первый разъ по нѣсколько умныхъ книгъ и думали, что открыли Америку. Истина во всей своей обворожительной наготѣ, казалось, предстала ихъ очамъ и они не могли понять и объяснить себѣ, какъ родъ людской копошится въ грязи, вдали отъ нея, когда существуетъ она, чистая и ясная. Люди не обращаются къ ней, стало-быть, они еще не знаютъ ея, стало-быть только молодое поколѣніе доросло до пониманія ея. Кружокъ молодежи, къ которому принадлежалъ и Александръ Карловичъ, пришелъ къ послѣднему выводу и рѣшился, тѣсно сплотившись, всю жизнь служить истинѣ. Они служили истинѣ, или вѣрнѣе, подготовлялись къ такой службѣ, алчною любознательностью, горячими спорами и братскими отношеніями между собой. Они изучали жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, надѣясь впослѣдствіи, въ своей практической дѣятельности, освѣтить каждое изъ нихъ свѣтомъ истины, свѣтомъ науки. Грандіознѣйшіе проэкты переустройства всѣхъ отношеній, пересозданія всего человѣчества въ духѣ истины обсуждались ими со всею подробностью, какъ будто ихъ ожидала именно такого рода дѣятельность, а не леченіе солдатъ такого-то полка, или обывателей такого-то квартала, не слѣдствія по не особенно важнымъ преступленіямъ въ такомъ-то уѣздѣ, не скромная доля какого нибудь гимназическаго учителя, или не смотрительство за подвижнымъ составомъ какого нибудь желѣзно-дорожнаго участка. Ихъ было много и они были одушевлены одинаково, и они твердо вѣрили, что своей массой составляютъ силу, способную все увлечь за собой и вести къ достиженію высокихъ идеаловъ истины...

Александръ Карловичъ теперь всегда улыбался снисходительно, когда вспоминалъ время своего студенчества. Онъ не раскаявался въ своемъ молодомъ, платоническомъ увлеченіи истиной, хотя много часовъ потрачено было непроизводительно на волнующіе, наивные разговоры. Еще благо, что его увлеченіе было именно только платоническое, а вѣдь многіе не удовольствовались одпѣми жаркими рѣчами и изуродовали себѣ всю жизнь. Гдѣ теперь весь этотъ, тогда сплоченный товарищескій кружокъ провозвѣстниковъ и энтузіастовъ истины? Гдѣ теперь эти горячія головы? Теперь, когда ихъ юношескія мечты могли-бы осуществляться въ практической дѣятельности, — гдѣ онѣ?.. Растерялись по широкой Руси, по теплымъ и сытнымъ, холоднымъ и голоднымъ мѣстечкамъ, завязли въ узкой колеѣ мѣстныхъ, а то и личныхъ интересовъ и новое, подросшее поколѣніе читаетъ книги, открываетъ истину и клянется служить ей...

— Впрочемъ, теперь не то, прервалъ самъ себя Александръ Карловичъ, — теперешняя молодежь стала практичнѣе и рѣдко заглядываетъ въ книги, не рекомендованныя программами... по лучше-ли это? Въ нашихъ наивныхъ увлеченіяхъ было столько поэтическаго! Они дѣлали человѣка мягче, лучше, добрѣй... Вѣдь вотъ хоть-бы я... увлекался искренно, но это не помѣшало-же мнѣ устроить свою жизнь довольно сносно, напротивъ я, благодаря этимъ увлеченьямъ, могу теперь наслаждаться глубже и возвышеннѣе тѣмъ счастьемъ и комфортомъ, которые достаются мнѣ на долю... А теперешняя молодежь ужъ слишкомъ суха и практична.

Александръ Карловичъ былъ совершенно счастливъ и доволенъ. У него было теперь жалованья и частной практики тысячи на двѣ вѣрныхъ въ годъ, въ его книжечкѣ сберегательной кассы было занесено девятьсотъ восемьдесятъ рублей, т. е. только двадцати руб. не хватало до тысячи, которую онъ считалъ необходимой на первое семейное обзаведеніе. Ничто теперь не препятствуетъ ему сегодня-же, въ день рожденія Марьи Ивановны, сдѣлать ей свое признаніе въ любви и предложеніе. Она, вѣроятно, обомлѣетъ отъ радости и неожиданности. Вѣдь она ничего не подозрѣваетъ. Еще четыре года тому назадъ Александръ Карловичъ рѣшилъ сдѣлать ее своей женой, четыре года по заранѣе составленному плану подготовлялъ все для этой женитьбы, но ни словомъ не намекнулъ о своихъ намѣреніяхъ Марьѣ Ивановнѣ. Александръ Карловичъ, начиная какое-либо дѣло, любилъ все заранѣе обдумать, предугадать всякія препятствія и принять во вниманіе всѣ возможныя случайности. Въ дѣлѣ женитьбы на Марьѣ Ивановнѣ онъ, напримѣръ, предусматривалъ и возможность полнаго разрушенія своихъ плановъ, въ смыслѣ перемѣны въ чувствахъ Марьи Ивановны, или даже собственныхъ къ ней. Поэтому-то онъ и не позволилъ себѣ за всѣ эти четыре года ни одного намека о своихъ намѣреніяхъ. Марья Ивановна могла догадываться о его чувствахъ къ ней такъ-же, какъ онъ догадывался объ ея расположеніи къ нему: по сантиментальнымъ вздохамъ, ласковой томности взгляда и другимъ мелочамъ, дѣлавшимъ чрезвычайно поэтическимъ каждое ихъ свиданіе, но ровно ни къ чему не обязывавшимъ. Впрочемъ, свиданія эти были довольно рѣдки, потому что Александръ Карловичъ позволялъ себѣ посѣщать Марью Ивановну только въ тѣ дни, когда имѣлъ возможность занести новые двадцать пять рублей въ свою книжечку сберегательной кассы. За то мечталъ докторъ о своей возлюбленной ежедневно. На стѣнкѣ, рядомъ съ календаремъ, висѣло росписаніе дежурствъ той телеграфной станціи, на которой служила Марья Ивановна, и Александръ Карловичъ часто заглядывалъ въ это росписаніе. Даже и въ мечтахъ онъ не любилъ останавливаться на невозможномъ и не могъ себѣ представить Марью Ивановну въ какомъ-нибудь волшебномъ саду, въ поэтическихъ грезахъ о будущемъ, когда росписаніе указывало ее дежурящей на станціи. И зачѣмъ ему было мечтать о чемъ нибудь невозможномъ, когда и осуществимое было такъ упоительно. О сегодняшнемъ днѣ, напримѣръ, днѣ ея рожденія, въ которой онъ сдѣлаетъ предложеніе, Александръ Карловичъ любилъ мечтать и сегодня эти сладкія мечты осуществятся. Да, она обомлѣетъ отъ неожиданности и счастья. Онъ такъ и видитъ свѣтлорусую съ тяжелой косою головку, какъ упадетъ она на взволнованную, упругую грудь, какъ яркій румянецъ зальетъ полненькія щечки, какъ слезы заблестятъ подъ длинными, опущенными долу рѣсницами, а красивая маленькая ручка будетъ разсѣянно обрывать лепестки цвѣтка, который онъ поднесетъ ей.

— Да, рѣшительно необходимо поднести ей цвѣтокъ, или даже букетъ. Да, именно букетъ и въ цвѣты, или въ портъ-букетъ, вложить книжечку сберегательной кассы: вѣдь на эти деньги мы съ общаго совѣта будемъ съ ней заводить все необходимое, придумывалъ Александръ Карловичъ.

— И, какъ нарочно, день такой чудный, о какомъ я мечталъ на сегодня, обратился онъ къ окну и открылъ его. Пахнуло первыми цвѣтами весны изъ садика, куда окно выходило. Видъ былъ хорошъ для Петербурга, хотя довольно обыкновенный для Петербургской стороны его. Зеленый, педантически разчищенный садикъ отдѣлялся отъ улицы сквозной деревянной рѣшеткой. Надъ воротами была вывѣска, такъ какъ владѣлецъ дома, въ которомъ нанималъ комнату Штурмъ, былъ садоводъ-промышленникъ. Почти вдоль всей лѣвой стороны садика тянулась оранжерея, а съ правой онъ ограничивался старымъ, позеленѣлымъ заборомъ, черезъ который перевѣшивались тяжелыя вѣтви липъ, сосѣдняго обширнаго сада. Повсюду, и справа, и слѣва, черезъ заборы и невысокія крыши деревянныхъ домиковъ виднѣлась молодая, нѣжная зелень только-что распустившейся листвы деревьевъ, а высоко въ безоблачномъ небѣ стоялъ бѣлый кѣмъ-то запущенный змѣй.

Въ садикѣ подъ окномъ Александра Карловича были разбиты пестрыя клумбы цвѣтовъ, но деревьевъ, кромѣ шарообразно подстриженныхъ лавровъ въ зеленыхъ, оранжерэйныхъ кадкахъ, тамъ почти не было. Только у самаго окна стройная березка дрожала и шелестила молодыми, клейкими листочками.

Александръ Карловичъ вздохнулъ полною грудью, высунулся изъ окна и, запрокинувъ голову, поглядѣлъ на верхній карнизъ его. Тамъ изъ прилѣпившагося къ карнизу гнѣздышка зорко выглядывали двѣ птички, черноголовыя съ коричневымъ пятнышкомъ на горлѣ.

— Недѣли черезъ три и мы совьемъ себѣ гнѣздышко, объявилъ имъ докторъ, привѣтливо раскланиваясь.

Съ птичекъ Александръ Карловичъ перевелъ свой счастливый и привѣтливый взоръ на садикъ, на рѣшетку его, на улицу, даже на бабу, несшую въ подолѣ цѣлый ворохъ щепокъ отъ строившагося наискось дома. Сегодня Александръ Карловичъ склоненъ былъ видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ.

Изъ оранжереи въ садикъ подъ окномъ Александра Карловича, вышелъ между тѣмъ старый нѣмецъ-садоводъ съ коротенькой трубочкой во рту, съ бѣлымъ, деревенскимъ колпакомъ на головѣ и въ столь-же легкомъ костюмѣ, какъ и докторъ. Старикъ съ озабоченнымъ, но довольнымъ видомъ оглядѣлъ куртины и, поднявъ голову, замѣтилъ Алаксандра Карловича.

— Добраго утра, докторъ, воскликнулъ онъ по-нѣмецки, дѣлая привѣтливый жестъ рукой,— какой чудный день, послѣ столькихъ ненастныхъ, какой воздухъ! и старикъ похлопалъ себя по обнаженной, волосатой груди рукою.

— Добраго утра, Иванъ Богдановичъ, отвѣчалъ весело докторъ,—а у меня къ вамъ просьба?

— Ну-у? удивился садоводъ и вынулъ трубочку изо рта.

— Приготовьте мнѣ къ двумъ часамъ букетъ. Большой букетъ и весь изъ бѣлыхъ розъ.

— Большой букетъ изъ бѣлыхъ розъ. Я въ первый разъ слышу отъ васъ что-либо подобное. Это не спроста! и старикъ лукаво подмигнулъ доктору?

— Вы угадали. Да, это не спроста, но... попрошу васъ только сдѣлать букетъ на славу, а все остальное пока еще тайна... до вечера.

— Ого! Мнѣ даже становится страшно,— доживу-ли я до вечера! ха, ха, ха! расхохотался садоводъ,—въ три, или въ пять рублей?

Александръ Карловичъ съ минуту подумалъ.

— Въ три, наконецъ рѣшилъ онъ,—только сдѣлайте букетъ такъ, чтобы это вышло со вкусомъ.

— О-о! отвѣтилъ только садоводъ.

Позади Александра Карловича постучали въ дверь.

— А я совсѣмъ и забылъ заварить кофе, спохватился докторъ и обратился къ столу, на которомъ стояла спиртовая лампочка и кофейникъ.

— Можно войти, громко сказалъ онъ, зажигая спиртовую лампочку и ставя на нее кофейникъ.

Въ комнату вошла нѣмка-служанка лѣтъ сорока пяти, здоровая, добродушная и нѣсколько сконфуженная легкимъ костюмомъ жильца. Она поставила на столъ тарелку съ половиной французскаго хлѣба и газетой.

— Представьте себѣ, Лизхенъ, сегодня я въ первый разъ за всѣ три года, что у васъ живу, забылъ,—какъ только всталъ,—зажечь спиртовую лампочку для кофе, объявилъ ей докторъ.

Лизхенъ удивилась.

— Вы думаете, что это очень не хорошо? игриво спросилъ онъ и, не давъ той отвѣтить, продолжалъ,—напротивъ, Лизхенъ, это отличное предзнаменованіе! Значитъ, пора мнѣ уже отвыкать самому себѣ варить кофе! А, неправда-ли? и засмѣявшись, Александръ Карловичъ вдругъ выкинулъ ногами какое-то антраша. Лизхенъ добродушно пробормотала что-то въ родѣ того, что весна дѣлаетъ всѣхъ мужчинъ весьма странными, и удалилась.

— А вѣдь Лизхенъ права, подумалъ докторъ. —и жениться надо именно, какъ я, въ началѣ іюня, тогда и появленіе ребенка въ мартѣ будетъ самымъ своевременнымъ, потому что воздухъ, свѣтъ, просторъ и тепло всего необходимѣе новообразовавшемуся организму малютки.

Пока варился кофе Александръ Карловичъ сталъ старательно умываться. При этомъ докторъ не безъ удовольствія прощался мысленно со служившимъ ему при этомъ жестянымъ умывальнымъ столикомъ. По причинѣ сошедшей во многихъ мѣстахъ краски, этотъ умывальникъ, не смотря на всѣ старанія Штурма держать его опрятно, имѣлъ весьма непристойный видъ и даже отъ него пахло такъ дурно, что Александръ Карловичъ морщился, умываясь, а окончивъ омовеніе, взялъ съ комода микроскопическій флакончикъ и опрыскалъ себя духами.

Черезъ двѣ минуты кофе закипѣлъ и Александръ Карловичъ, уже облеченный въ бѣлый жилетъ и бѣлый галстухъ, усѣлся за столъ. Съ большимъ удовольствіемъ принялся онъ за кофе и газету. Уписывая кофе съ хлѣбомъ и читая, онъ улыбался такъ сладко, какъ будто вчерашній, продаваемый въ булочной копѣйкой дешевле, хлѣбъ—былъ очень вкусенъ, а газета «Свѣтъ»—была самая занимательная въ свѣтѣ. Только разъ лицо его приняло серьезный и озабоченный видъ. Ему показалось, что приготовленный на стулѣ фракъ запачканъ чѣмъ-то бѣлымъ около воротника, но убѣдившись, что это пушинка, онъ сбросилъ ее и засіялъ ярче прежняго.

Допивъ второй стаканъ кофе и съѣвъ послѣдній, маленькій кусочекъ хлѣба, Александръ Карловичъ взглянулъ на часы и сталъ собираться изъ дому. Но онъ не торопился, такъ какъ въ больницу, гдѣ онъ состоялъ ординаторомъ, ему надо было быть только къ десяти. Надѣвъ фракъ, докторъ долго причесывался передъ кривоватымъ, стѣннымъ зеркаломъ и любовался на свое изображеніе въ немъ. Зеркало отражало здоровое мужское лицо, ярко румяное, съ алыми губами, изъ-за которыхъ бѣлѣли правильные ряды блестящихъ зубовъ. Очень свѣтлые волосы слегка завивались, а лихо расчесанная въ стороны борода и завитые кольцами усы придавали даже какую-то воинственность выраженію лица доктора. Только носъ былъ маловатъ и какъ-то ужъ черезчуръ круглъ; даже самъ Александръ Карловичъ находилъ его какъ-то не къ лицу себѣ, но впрочемъ думалъ, что, при шести футовомъ ростѣ и всѣхъ другихъ его преимуществахъ внѣшности, съ такимъ носомъ можно мириться.

В. Митуричъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

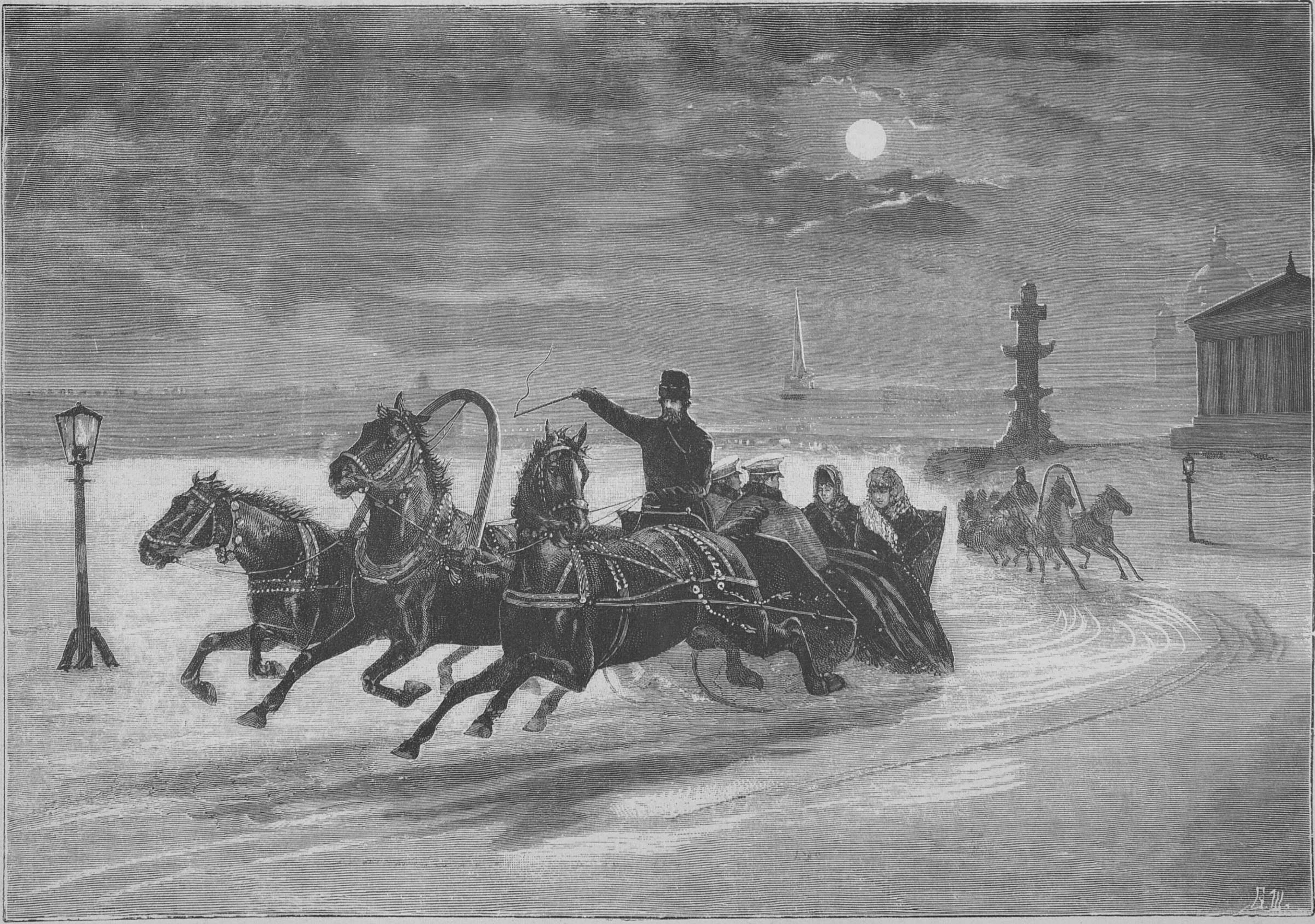
⁂

Ты мнѣ являлася весной,
На утренней зарѣ,
Едва примѣтная, какъ дымъ,
Въ волнистомъ серебрѣ.
Ты мнѣ являлась въ бурный часъ
Безмѣсячныхъ ночей,
Когда злой вихрь срывалъ листы
Съ желтѣющихъ аллей.
Не знаю я—кто ты была,—
Съ тобой не говорилъ,
Но я дышалъ всегда тобой,
Одну тебя любилъ...
И вотъ опять пришла весна,
Въ румяномъ полуснѣ,
Суля и счастье и любовь—
И ты явилась мнѣ!
Теперь развѣянъ свѣтлый сонъ,
Разсѣяна мечта:
Теперь ты—плоть, теперь ты—звукъ
И жизнь, и красота!

К. Фофановъ.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

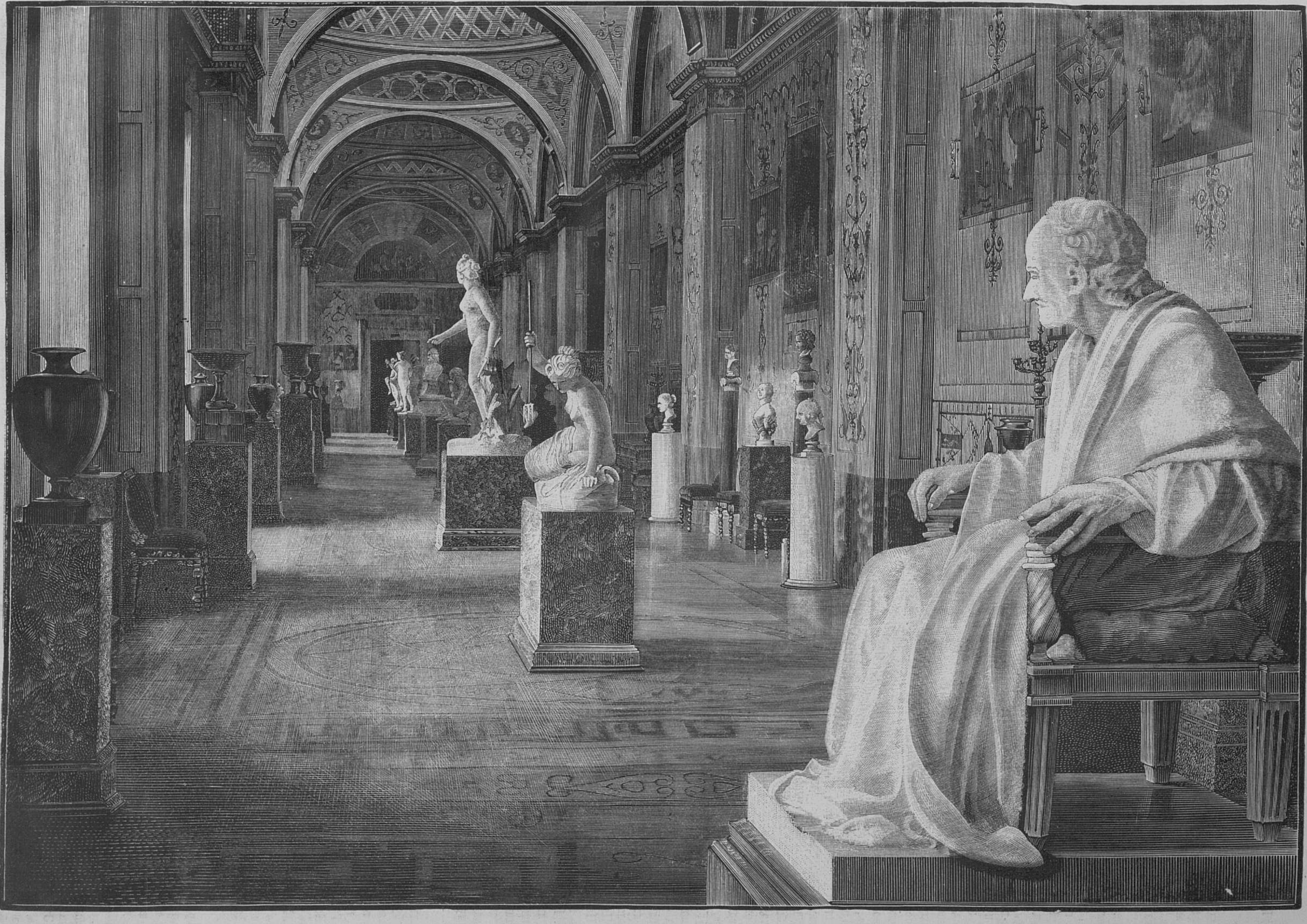
Рисунокъ Сафонова (собств. ред. «Жив. Обозр.»).



Поѣздка на тройкахъ черезъ Неву.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Воспроизведено по снимкамъ, снятымъ съ натуры собств. фотографомъ редакціи журнала «Жив. Обозр.».



Первое зало верхняго этажа Спб. Императорскаго Эрмитажа.

Тигрица.

Романъ Д. Верга.

Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ).

I.

Я давно ничего не зналъ о Джорджіо Лаферлита, когда получилъ пригласительный билетъ на его свадьбу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на дипломатическое поприще, мы видались рѣдко, почти мелькомъ. Въ послѣдній разъ, во Флоренціи, я встрѣтилъ его во всемъ парадѣ, въ бѣломъ галстухѣ; онъ только-что вернулся изъ Японіи. За круглымъ столомъ въ гостинницѣ «Миръ», мы пожали руки. Мой пріятель былъ человѣкъ молодой, живой, красивый, охотникъ шутить и насмѣшничать; въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ онъ набрался свѣтскаго лоска и, въ мундирѣ чиновника посольства, немножко глядѣлъ странствующимъ прикащикомъ. Со мной онъ былъ очень любезенъ, сейчасъ меня узналъ, о путешествіяхъ своихъ не разсказывалъ, за что я, въ знакъ благодарности, за кофе, предложилъ ему сигару; онъ, взамѣнъ, подалъ свою, замѣтивъ, однако, что она изъ далека. Бесѣда захолодала и тутъ-же кончилась. Мы разстались, обѣщая часто видаться и видѣлись раза два-три въ сѣняхъ: онъ входилъ, а я уходилъ, и на оборотъ. Въ одно прекрасное утро, онъ влетѣлъ въ мою комнату, какъ бомба, толкуя о какой-то дуэли, прося меня въ секунданты,—но въ такихъ выраженіяхъ, съ такимъ бѣшенымъ лицомъ, что я на отрѣзъ отказался. Натурально, мы разстались ужь не такими пріятелями, какъ были. Чрезъ два дня, я узналъ, что онъ въ постели, раненъ шпагой. Я пошелъ навѣстить его. Онъ, въ жару, разсказалъ мнѣ исторію, которая казалась мнѣ бредомъ и которую, можетъ быть, разскажу впослѣдствіи.

Я ходилъ къ нему всякій день, пока онъ выздоравливалъ; онъ былъ сердитъ на меня и я самъ, признаться, чувствовалъ себя немножко виноватымъ. Разъ утромъ, застаю, что онъ въ попыхахъ, въ злости, сбирается въ дорогу; куда и зачѣмъ уѣзжаетъ—онъ не сказалъ, отвѣчалъ полусловами, нетерпѣливо, нервно. Я проводилъ его на станцію; въ шумѣ толпы, онъ, казалось, совсѣмъ растерялся. Идя брать билетъ, онъ спросилъ меня, сходится-ли этотъ поѣздъ съ отплытіемъ парохода изъ Неаполя въ Константинополь.

— Но куда же ты ѣдешь? спросилъ я, наконецъ.

— Не знаю.—Покуда въ Неаполь... Ну, смотри!

Онъ вдругъ рѣшительно показалъ мнѣ визитную карточку. На ней было написано:

«Я люблю васъ. Уѣзжаю. Прощайте».

И ничего больше. Имя было соскоблено ножемъ; вверху оставалась только графская корона; подъ нею тянулась тонкая, изящная, волнующая черточка,—будто протягивались руки... достаточно, чтобъ вскружить голову бѣдному Джорджіо, которая и безъ того была не въ порядкѣ.

Чрезъ два мѣсяца, я встрѣтилъ его въ Donei. Онъ пелъ будто вдыхая попутный вѣтеръ, полный благоуханій молодости. Длинно разсказывалъ, что по напрасну, тогда, прождалъ денегъ въ Неаполѣ и, въ ожиданіи, отъ скуки, похитилъ у театра Санъ-Карло нѣкую Пальмиру.

— Ту, чья была карточка? спросилъ я.

— Какая? спросилъ онъ, будто не помня. Э, нѣтъ, не та. Та скорѣе меня летѣла; ее деньги не держали, какъ меня!.. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не та.

Онъ посматривалъ на дымокъ своей сигары и пожалъ плечами.

— До свиданія, сказалъ онъ,—и мы опять не свидѣлись.

Джорджіо былъ всегда изъ тѣхъ счастливчиковъ, которые всю жизнь катаются въ каретахъ. Онъ еще въ школу пріѣзжалъ въ каретѣ въ сильную стужу, или въ сильную жару; какъ-то случалось, что это выходило—всякій день. Двадцати лѣтъ онъ издалъ томикъ стихотвореній, возложившихъ ранній ореолъ на его золотые кудри; тридцати, — на счетъ правительства леталъ по столицамъ и альковамъ, правда, что, въ этихъ случаяхъ, папаша Лаферлита, хотя ворча, но помогалъ правительству. Этотъ честный и неутомимо дѣятельный отецъ началъ свое состояніе съ ничего и съ материнской нѣжностью обожалъ своего вялаго и деликатнаго мальчика. Онъ посвятилъ и жизнь, и все, что имѣлъ, лишь-бы сгладить для сына самую лучшую дорогу, лишь-бы жилось весело, лишь-бы подостлать сыну «соломки подъ ножки». Преувеличивая чувство заботы и обожанія къ существу слабому (обыкновенное свойство людей энергичныхъ и великодушныхъ), отецъ былъ готовъ на рукахъ носить своего тридцатилѣтняго малютку. Джорджіо прошелъ юность и достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, не встрѣтивъ ни единаго препятствія, не испытавъ противорѣчія, не имѣя ни разу случая употребить въ дѣло ни одной своей силы, данной для борьбы съ жизнью. Добрый отецъ радостно смѣялся, подмѣчая въ молодомъ человѣкѣ женскую слабонервность, женскую грацію; онѣ напоминали милую покойницу мать...

Такимъ образомъ, во всѣ триста шестьдесятъ пять дней года, Джорджіо предстояло заботиться только о сургучѣ его высокопревосходительства и объ улыбкахъ женщинъ. Онъ былъ уже человѣкъ серьезный, чуть-чуть матеріалистъ,—какъ оно и слѣдуетъ дипломату,—стиховъ больше не писалъ, даже стыдился, что писалъ когда-нибудь; но, по старой привычкѣ, посматривалъ въ облака, творилъ себѣ лазурные горизонты, употреблялъ разслабленность своей стихотворческой натуры на устройство удобствъ той «колесницы», которая весело, вихремъ мчала его молодость... Попадался-ли подъ колеса какой-нибудь камешекъ,—въ родѣ сожалѣнія, десяти-минутнаго угрызенія совѣсти, невольной дрожи сердца, докучной краски стыда, — онъ перевертывался на другой бокъ, сжимался комочкомъ, потягивался, зѣвая, жмурился, чтобъ не видать, ворчалъ про себя: «Все это — страсти!»—и опять принимался дремать, спокойный духомъ...

И этотъ-то мотылекъ закинулъ свой расшивной мундиръ въ двадцать тысячъ тычинъ великолѣпнаго виноградника, приданаго синьорины Рускаліа,—и обратился къ законному браку, прекрасному браку, который доставлялъ шестьсотъ тысячъ лиръ и прелестную брюнетку. Джорджіо, когда было можно, всегда предпочиталъ брюнетокъ; а эта—была брюнетка—чудо и обѣщала сдѣлать честь вырѣзнымъ корсажамъ платьевъ, которыя женихъ, не совсѣмъ въ угоду вкусу тещи, заказывалъ во Флоренціи. Когда другъ нашъ пожималъ намъ руки у двери маленькой церкви въ Треместіери—очи его сіяли и улыбка была такая-же торжествующая, какъ въ тотъ день, когда жена великобританскаго посланника позволила ему украсть свою перчатку. Отецъ Лаферлита умеръ, оставивъ сыну хорошее воспитаніе, прекрасную карьеру и отличную будущность; все это задѣло честолюбіе и развязало кошелекъ одного добряка, негоціанта, торговавшаго сѣрою.

Не останавливаясь въ Треместіери, Джорджіо стоило пересѣсть изъ своей кареты въ карету жены.

Брачная церемонія была недолгая, вся залитая солнечнымъ сіяніемъ, благоуханіями, цвѣтами; весело смотрѣли бѣленькія стѣны церкви. Наши черные фраки и пожелтѣлый, залежавшійся въ комодѣ, весь вышитый и весь мокрый отъ слезъ платокъ тещи были единственные предметы, напоминающіе о юдоли плача. Новобрачные вышли, среди рукоплесканій, желаній счастья, еще окруженные облачками ладона, взявшись подъ руку; новобрачная, немножко смущенная, немножко стянутая въ сѣромъ платьѣ, въ складкахъ, въ оборкахъ, немножко затрудняясь барскимъ видомъ супруга, зонтикомъ, прицѣпленнымъ къ поясу, синимъ вуалемъ, который безпрестанно закручивался кругомъ косы. Карета дожидалась въ концѣ пышно-зеленой лужайки; почтари въ новенькихъ галунахъ; кругомъ дивится толпа крестьянъ; мальчишки смотрятся, какъ въ зеркало, въ лаковый кузовъ экипажа, корчатъ рожи и разбѣгаются въ стороны подъ свистъ бича.

— Счастливый путь молодымъ!

Счастливый путь!.. И не оглядывайтесь больше никогда ни на что, что оставили тамъ, назади, въ облакахъ улетающей пыли!.. Вы, синьора, — на туманныя мечты въ комнаткѣ, гдѣ были бѣлые обои съ большими голубыми цвѣтами; на томикъ стихотвореній Прати, который столько разъ бывалъ взятъ прочесть и столько разъ возвращался; томикъ, въ которомъ вы такъ старательно сглаживали чуть видныя отмѣтки ногтей; на маленькіе столовые часики, бабушкинъ подарокъ, бывало, вышивая подлѣ мамы, вы такъ часто на нихъ посматривали, когда онъ долженъ былъ придти,—онъ, другой... не вспоминайте, какъ въ послѣдній разъ онъ пожалъ вамъ руку, отправляясь въ морское училище,—какъ вы, будто раненая птичка, бѣжали и спрятались въ той бѣлой комнатѣ съ голубыми узорами... А ты, Джорджіо, не оглядывайся тоже на веселенькіе портреты твоего холостого альбома, на раздушенныя записочки въ ящикѣ письменнаго стола... знаешь? И на ту странную записочку-карточку, безъ имени, съ графскою короной, безъ числа... то былъ день горячки, безумія, и прошелъ, прошелъ далеко... помнишь его?

Я помню ее... а это такъ давно, и видѣлъ я ее всего однажды. Она будто еще передо мной, въ пустой, холодной залѣ гостинницы; стоитъ, грѣетъ предъ огнемъ блѣдныя руки въ дорогихъ кольцахъ, и глядитъ мнѣ въ лицо лихорадочными глазами...

II.

Не знаю, когда и какъ они встрѣтились, но знаю, что они уже нѣсколько знали и уже искали глазами другъ друга въ толпѣ на гуляньяхъ въ Кашине и въ галлереѣ Уффиціи.

— Не умѣю сказать, хороша-ли она, сказалъ мнѣ Джорджіо, знаю, что какъ сумасшедшій люблю женщину, которой даже имени не знаю и которая мнѣ взглядомъ сказала, что я ей нравлюсь.

Тщеславіе, любопытство, влеченіе,—все равно—тайна! Тайна—божество невѣдомое.

Въ первый разъ онъ услышалъ ея имя на балѣ, въ палаццо Питти, и услышалъ о ней еще многое. Она—кокетка, горда, эгоистка, душой и тѣломъ — каррарскій мраморъ, и вотъ, такая-то, ледяной улыбкой, говорятъ, довела до самоубійства единственнаго человѣка, котораго любила, и любила безумно, бѣшено. Ея имя было—Ната. Нѣжно, будто музыка.

— Прошу васъ, представьте меня ей, сказалъ Джорджіо, внимательно выслушавъ все, что говорила виконтеса де-Ранси.

— Напрасно. Она васъ уже знаетъ.

— Она?

— Да. Она какъ-то спрашивала, когда мы васъ встрѣтили; вы ѣхали верхомъ.

— И что-же?

— И... Нѣтъ.

— Почему нѣтъ?

— Она не желаетъ.

— А!..

— Вы влюбились въ нее?

— Не знаю.

— Она вамъ нравится?

— Очень.

— Тѣмъ, что я о ней разсказывала?

— Можетъ быть, да.

— Хотите принять добрый совѣтъ?

— Не принимая обязательства ему слѣдовать?

— Разумѣется; то ужь не совѣтъ, если ему обязаны слѣдовать. Когда вы почувствуете себя въ расположеніи сойти съ ума отъ графини, просите, чтобъ васъ послали въ Вашингтонъ или въ Константинополь... впрочемъ, лучше прямо въ Вашингтонъ и оттуда еще подальше.

— Зачѣмъ вы хотите отослать меня въ такую даль, когда мнѣ хорошо и здѣсь? Графиня меня знать не хочетъ; вы отказываетесь меня представить; гдѣ-же тутъ опасность?

— — Такъ вотъ еще совѣтъ; этому можете слѣдовать. Графиня отговорилась тѣмъ, что скоро уѣзжаетъ, стало-быть, я не могу оказать вамъ этой услуги; обратитесь къ моему мужу. Онъ не обязанъ знать всего, что говорила мнѣ Ната, и представитъ васъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Лаферлита обыкновеннымъ развязнымъ тономъ.

Виконтъ де-Ранси считался пріятелемъ Джорджіо, потому что встрѣчался съ нимъ въ клубѣ, во французскомъ посольствѣ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ онъ: но здѣсь-ли она?

— Здѣсь, навѣрное.

— Навѣрное?.. Знаете, она для здоровья живетъ зиму въ Италіи. Ея дѣло поконченное, любезный мой; если желаете поволочиться, не теряйте времени... Пойдемте, поищемъ, гдѣ она.

Они нашли ее въ концѣ залы, подъ-руку съ русскимъ посланникомъ. Среди толпы, блѣдная, бѣлокурая женщина была замѣчательна только своей граціозностью, но на нее оглядывались мужчины и женщины,—можетъ быть, на странный эффектъ ея сѣро-зеленыхъ глазъ, рѣзкихъ, яркихъ, какъ брилліанты ея діадемы,—или на элегантное платье, обтянутое, собранное на бокахъ, которое скручивало ее, будто кольца змѣи.

Она стояла у камина, когда подходили Джорджіо и виконтъ. Она увидѣла ихъ въ зеркало; на секунду, быстро нахмурила брови и, все въ зеркало, устремила на Джорджіо взглядъ, прозрачный и холодный, какъ стекло, которое его отражало; потомъ обернулась и, тоже съ секунду, смотрѣла ему въ лицо... Виконтесса, должно быть, совѣтовала не напрасно. Графиня холодно приняла представленіе, слегка наклонила голову, не говоря ни слова, не глядя на Джорджіо, почти не замѣчая его и отошла, едва онъ записалъ свое имя въ бальной книжкѣ, которую она ему протянула. Тутъ случилась путаница, которую не могли разъяснить секунданты Лаферлита и маіора Гвидони (знаменитаго рубаки) и которая разрѣшилась ударомъ шпаги. Кажется, что графиня, по странной забывчивости, подала Джорджіо свою книжечку, когда она была ужь до конца полна, а Джорджіо,—странная забывчивость тоже!—вписалъ свое имя на мѣстѣ имени маіора Гвидони. Маіоръ, человѣкъ порядочный, не моргнувъ, улыбаясь, низко поклонился графинѣ, когда та просила его повѣрить, что ей «это и удивительно, и непріятно»,—отошелъ немного отъ толпы, и тамъ, съ Лаферлита, они спокойно сказали другъ другу нѣсколько словъ. Графиня больше не танцовала (она, вообще, танцовала не много), и Джорджіо, отыскивая ее для кадрили, которая стоила ему дуэли, увидѣлъ, что она уѣзжаетъ, не бросивъ на него даже взгляда, какъ будто ничего не помня.

Капризъ! Будто римлянка въ циркѣ! Позаботилась-ли она узнать, кто изъ этихъ двухъ людей заплатилъ жизнью за ея капризъ? Покуда Джорджіо лежалъ въ постели, многіе подъѣзжали о немъ узнавать и присылали карточки; между ними, послѣдняя, была и та, безъ имени, которую онъ мнѣ показывалъ.

И вотъ, такъ они встрѣтились. Напрасно виконтесса подавала мудрые совѣты; напрасно инстинктъ эгоизма,—равнаго съ обѣихъ сторонъ,—влагалъ недовѣріе, почти вражду въ первый обмѣнъ ихъ взглядовъ; случай, влеченіе противоположностей, судьба поставили ихъ лицомъ къ лицу и, съ перваго-же раза, оба чѣмъ-нибудь поплатились: онъ—клочкомъ своего тѣла, она — кадрилью; впослѣдствіи, можетъ быть, чѣмъ-нибудь другимъ.

У этой женщины были всѣ вожделѣнія, всѣ прихоти, все прельщеніе, все нервное нетерпѣніе дикой натуры и утонченной цивилизаціи. Цыганка, степнячка, парижанка. Въ ея кошачьихъ глазахъ сверкали желанія неопредѣленныя и жгучія. И она, какъ Джорджіо, вездѣ влачила свою безпокойную усталость, въ каретѣ, въ саняхъ, съ быстротой вѣтра, который смялъ ея румянецъ и изсушилъ ея губы. Всѣ жгли ѳиміамъ предъ этимъ идоломъ—человѣкъ, который на ней женился, мужчины, которые желали отнять ее у мужа, женщины, которыя завидовали ея побѣдамъ и брилліантамъ; страсть, во имя которой она была божествомъ, разстилалась у ногъ ея, воспѣвая одинъ и тотъ-же гимнъ, на праздникахъ, въ спектакляхъ, при встрѣчахъ разсыпала крохами любезныя фразы и сантиментальные взгляды. Она, выпрямившись на пьедесталѣ, скучала и испытывала мучительное любопытство... Только разъ, одинъ только разъ, это неизвѣданное чувство, эта забава, это общее поклоненіе охватили ее съ головы до ногъ, будто пламя, и бросили въ дикую горячку... Позднѣе, когда опять, среди праздниковъ, явилось ея мраморное лицо, ея проницательные глаза, никто бы не угадалъ, что она задушила въ себѣ вопли страданія; никто бы не угадалъ, что отъ бури, которая взбороздила ея душу, отъ ея минутнаго паденія, остались слѣды—только безпощадно кокетливая улыбка да жадное сверканье глазъ, все чего-то ищущихъ—утѣшенія, воспоминанія, возмездія; она уже не сомнѣвалась—она не вѣрила, вѣчно осторожная за себя, безпощадная мучительница другихъ...

Отъ встрѣчи этихъ двухъ нездоровыхъ продуктовъ испорченнаго слоя общества должно было произойти столкновеніе, электрическій толчокъ, драма или фарсъ. Джіорджіо, изнѣженный, женственный въ новомъ, модномъ смыслѣ, при случаѣ—бреттеръ, способный рисковать жизнью изъ-за вздора, привыкъ преувеличивать свою прихоть до страсти, а придуманную страсть до невозможности ей противиться. Онъ былъ безсиленъ, потому что никогда не боролся съ собою... Въ нѣй были всѣ нежданные и рѣзкіе порывы страсти болѣзненной, разсѣянной, разгульной, но твердой и рѣшительной: ледяное сердце и пламенное воображеніе. Онъ—деликатенъ, щепетиленъ, пугливъ, какъ женщина; она вся—пылъ, энергія, деспотизмъ мужчины...

III.

Началась зима, сырая и печальная. Въ Кашине Джорджіо увидѣлъ опять графиню. Она прижималась въ уголъ кареты, дрожа отъ холода подъ ворохомъ мѣха, подъ яркимъ ноябрьскимъ солнцемъ въ безоблачномъ небѣ. Она была блѣдна, похудѣла; усталые горячечные глаза задумчиво и разсѣянно пробѣгали по обнаженнымъ верхушкамъ деревьевъ. Увидя Джорджіо, она на секунду, будто еще поблѣдѣла. Знала-ли она, что онъ еще во Флоренціи? Что встрѣтитъ его? Хотѣла-ли она видѣть?

Лаферлита былъ въ каретѣ съ Пальмирой. Онъ бросилъ карету и Пальмиру на Пьяццоне и пошелъ назадъ. Графини онъ больше не встрѣтилъ и не встрѣчалъ потомъ сряду нѣсколько дней. Наконецъ, рѣшилъ отправиться за свѣдѣніями къ виконтессѣ де-Ранси.

— Да, я знаю, она пріѣхала, но я ее еще не видала, сказала виконтесса. Знаете, она очень больна?

— Въ самомъ дѣлѣ?..

— Да, и воротилась на зиму во Флоренцію. Доктора даютъ ей прожить два года и присовѣтовали климатъ Италіи.

Джорджіо казался разсѣянъ. Говорили о постороннемъ, пріѣхали еще гости, разговоръ сталъ общимъ. Джорджіо нашелъ минуту сказать виконтессѣ:

— Я думалъ, что долженъ чувствовать человѣкъ, любящій женщину, которой дни сочтены.

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Другъ мой, я знаю, что голова у васъ странная, но знаю, что сердце у васъ есть. Оставьте бѣдняжку въ покоѣ. Для обоихъ будетъ лучше.

Чрезъ два дня, Лаферлита получилъ отъ виконтессы коротенькую записку;

«Приходите въ четвергъ. Она будетъ».

— Моя записка васъ подняла! сказала виконтесса, когда онъ явился раньше десяти часовъ. Пришли узнать, что, какъ, почему? Такъ, какъ я вамъ сказала. Сама назвалась. Зачѣмъ—это ужъ вы сами мнѣ послѣ скажете.

— Когда узнаю.

— Разумѣется, когда узнаете... Съ кѣмъ вы были въ прошлую субботу въ Кашине?

— Она васъ спрашивала?

— Любопытный!.. Съ кѣмъ вы были?

— Не помню, былъ-ли я въ Кашине въ субботу.

— Вы на дняхъ встрѣтили графиню?

— Встрѣтилъ.

— Вы были одинъ?

— Нѣтъ.

— Теперь, я знаю, почему; больше ничего не нужно.

И оставила его, полнаго вопросовъ. Явились еще гости.

У виконтессы де-Ранси всегда много сбиралось по четвергамъ. Хозяйка была слишкомъ занята, и Джорджіо не могъ надѣяться получить разъясненіе раньше двухъ часовъ утра. Покорясь, онъ сталъ смотрѣть альбомы фотографій.

Въ одиннадцать часовъ вошла Ната, какъ всегда, элегантная. Ея глаза впали, она подурнѣла. Съ своего мѣста Джорджіо поймалъ взглядъ, которымъ она окинула толпу. Пріятельницы торопливо здоровались и прошли въ другую гостиную. Во весь вечеръ, не смотря на свои маккіавелическія ухищренія, юный дипломатъ не могъ привлечь вниманія графини. Только предъ отъѣздомъ, она замѣтила его у рояля, сдѣлала два шага, протянула руку и улыбнулась самымъ натуральнымъ образомъ.

— Почему вы у меня не были? спросила она по-итальянски съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ, но нисколько не затрудняясь.

— Вы не дали мнѣ вашего позволенія... возразилъ немного удивленный Джіорджіо.

— Только? Такъ, дважды позволяю.

Она дала и лѣвую руку и держась обѣими, глядѣла ему въ лицо.

— Я всякій день дома отъ четырехъ до шести. Если хотите меня видѣть, приходите въ четыре.

Джорджіо поклонился и провожалъ ее.

— Вы всю зиму остаетесь во Флоренціи? спросилъ онъ.

— Не знаю. Доктора говорятъ, будто сѣверъ меня убиваетъ. Мое здоровье никуда не годится; видите.

Ея бѣлая грудь была вся завѣшена жемчугами.

— Останусь здѣсь до марта, до іюня, не знаю. Я перемѣнчива, какъ мое здоровье. Мы много говорили о васъ съ виконтессой. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы уѣдете?

— Это зависитъ отъ назначенія...

— Просите, чтобы васъ назначили въ Петербургъ. Въ іюнѣ или іюлѣ я тамъ буду.

Она пожала ему руку, встряхнула ее, будто старый другъ, и вышла.

— Что она вамъ сказала? спросила виконтесса, когда Джорджіо сталъ съ ней прощаться.

— Приказала быть у нея.

Виконтесса засмѣялась, осторожно, чуть-чуть показывая зубки.

— Она поздоровѣла. Вы замѣтили?

— Да.

— Правда, подрумянена. Бѣдненькая! Ахъ, если бы эти доктора ошиблись!.. Знаете, мы о васъ говорили. Она разсказала, какъ мой мужъ васъ представлялъ.

— И только?

— Нѣтъ. Еще посмѣялись надъ вашимъ упрямствомъ. Впрочемъ, смѣялась больше я. А сказать-ли вамъ серьезно, очень серьезно, другъ мой? Я боюсь, что эта шутка зайдетъ далеко, выйдетъ... тоже серьезна и нехороша. Это будетъ бѣда.

Джорджіо пожалъ плечами.

— Истинно, большая бѣда! До сихъ поръ я боялась только за васъ, при всемъ вашемъ умѣ, знаніи свѣта, дипломатіи... Теперь, я васъ довольно знаю: маленькое путешествіе, орденокъ, баллерина, крупный проигрышъ—и вы вылечитесь. Но тутъ... Ната больна, слабонервна, раздражительна... Почему я знаю! Но вотъ гдѣ опасность; тутъ что-то особенное, нездоровое.

Джорджіо больше не смѣялся.

— Наконецъ, какъ вы думаете, что это за женщина?

— Думаю, что она—миленькая блондинка... миленькая, не красавица; что она изящна, эффектна въ гостиной; что у нея прекрасные брилліанты и прекрасное имя; что ея мужъ—важный господинъ, генералъ, въ милости у своего правительства и... что онъ далеко.

— И слѣдовательно?

— Слѣдовательно, другъ мой, нечего и спрашивать. Слѣдовательно—ничего или все. Все—розовые сны, и по нимъ вышиваютъ шелкомъ и золотомъ.

— Если-бы вы хотѣли насильно заставить меня въ нее влюбиться, вы не могли-бы сказать ничего лучше... или хуже! вскричалъ Джорджіо нетерпѣливо, стараясь засмѣяться.

Виконтесса вдругъ встала.

— Вотъ, что, Лаферлита, уходите; поздно. Оба мы дремлемъ и оба заговариваемся. Завтра или послѣ-завтра вы ее увидите. Подружитесь, влюбитесь, застрѣлитесь, какъ тотъ,—какъ хотите. Покойной ночи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Орелъ и Червь.

(По Гердеру).

Широко разметавъ свои большія крылья,
Орелъ во глубь небесъ направилъ свой полетъ—
Все выше, все стремительнѣй... И вотъ,
Едва, едва дыша, усталый отъ усилья,
Достигъ онъ, наконецъ, невѣдомыхъ высотъ,—
Достигъ вершины довременной.
И гордо радостно усѣвшись на хребтѣ
Гранитовъ дѣвственныхъ, воскликнулъ царь надменный:
«Одинъ я здѣсь! Одинъ на этой высотѣ,
Свободный грозный и могучій!
Престолъ мой—сводъ небесъ, подножье — громъ и тучи.
Кто равенъ мнѣ во всей вселенной»?...
— «Я»!
Раздался голосокъ, дрожащій и пискливый,
У ногъ когтистыхъ птицы горделивой:
— «Я—черноземный Червь»!
«Какъ! Здѣсь, вблизи меня?..
Откуда ты»?..
— «Изъ той болотистой низины,
Куда, рожденный царственнымъ орломъ,
Ты брезгалъ заглянуть хотя однимъ глазкомъ».
«Но какъ достичь ты могъ заоблачной вершины?
Ты, Червь ничтожный»!...
— «Какъ?—Ползкомъ, Орелъ, ползкомъ»...

С. Фругъ.

Забавы и потѣхи Московскаго двора въ XVI и XVII.

Статья **П. Н. Полевого.**

«У каждаго времени года—свои цвѣты», гласитъ одна сербская пословица: «у каждаго вѣка свои забавы», скажемъ и мы подъ стать этой пословицѣ. И на сколько по цвѣтамъ оказывается возможнымъ судить объ извѣстномъ времени года, на столько-же и по забавамъ извѣстнаго вѣка, можно смѣло судить о характерѣ его быта, о нравахъ и обычаяхъ, о степени развитія, на которой находились извѣстные классы общества. Съ этой именно стороны, изученіе «забавъ» и «потѣхъ» добраго стараго времени чрезвычайно любопытно и поучительно и нерѣдко дополняетъ историческую картину такими красками, которыхъ не придаетъ ей даже и весьма подробное и весьма полное изложеніе внѣшнихъ историческихъ событій. Не слѣдуетъ забывать того, что всѣ лица, выступающія на историческую сцену, выступаютъ на нее, какъ актеры, становятся въ извѣстное условное положеніе, представляются намъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, такъ что мы знакомимся почти только съ одною внѣшнею стороною ихъ существа, только съ крайними результатами извѣстныхъ общественныхъ броженій и движеній, которыя этими актерами доигрываются на видимой исторической сценѣ. За сценою и за спиною главныхъ дѣятелей остается еще мало извѣстная намъ, темная масса народа и вся та большая часть жизни самихъ историческихъ дѣятелей, которую они проводятъ за историческими кулисами—въ своемъ домашнемъ семейномъ быту, среди своего досуга. Близкое знакомство съ этимъ «досугомъ» и съ тѣмъ, какъ и чѣмъ умѣли наполнять его люди, въ различные вѣка, въ томъ именно смыслѣ и важно, что знакомитъ насъ съ такими сторонами ихъ жизни, которыя не проявляются вовсе на исторической сценѣ, выказываетъ намъ людей въ такихъ положеніяхъ, когда они менѣе всего заботятся о своей казовой сторонѣ, когда у нихъ «душа на распашку» и на умѣ только одна мысль: «отдохнуть, повеселиться, потѣшиться» — позабыть о своей оффиціальной (общественной или исторической) роли!

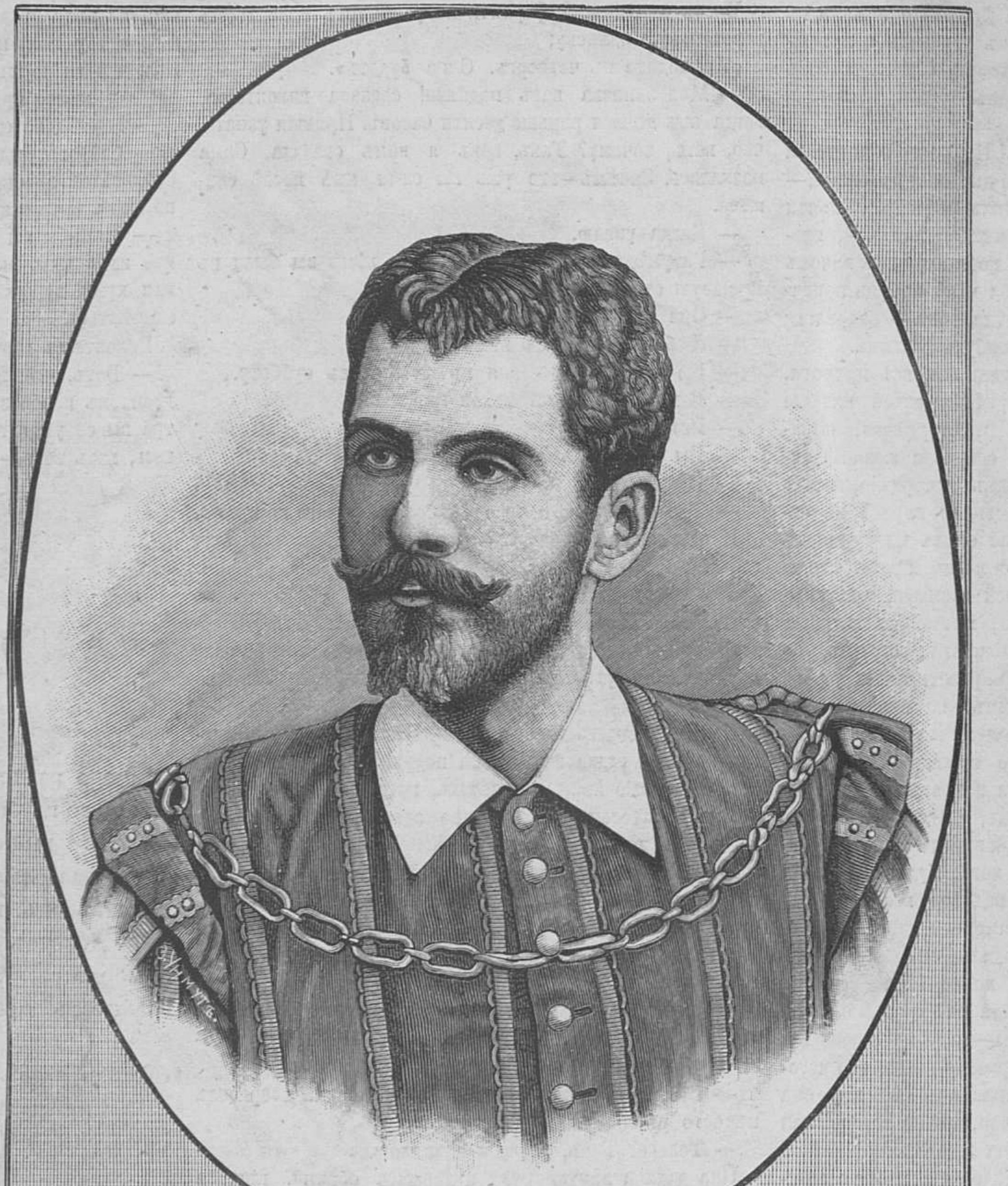
Переходя отъ нашего времени въ область воспоминаній, къ недавно минувшимъ временамъ нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ, мы не можемъ не сознаться, что имъ жилось гораздо веселѣе нашего, что они умѣли веселиться въ своемъ домашномъ кругу, и что, благодаря этому, ихъ домашняя жизнь, — не въ обиду будь сказано нашему вѣку — была гораздо полнѣе и пріятнѣе нашей. Если мы изъ области доступныхъ нашей памяти воспоминаній, при помощи воображенія перенесемся къ болѣе отдаленному времени, то придемъ къ убѣжденію, на основаніи ясныхъ, самыхъ достовѣрныхъ современныхъ свидѣтельствъ, что еще веселѣе, еще полнѣе всякаго рода забавами была жизнь нашихъ прадѣдовъ, въ блестящій вѣкъ Екатерины, которая такъ превосходно умѣла проводить въ жизнь свое основное правило: «живи и жить давай другимъ». Но за то вся первая половина прошлаго столѣтія, начиная съ Петровскихъ временъ и до самаго начала царствованія Елисаветы Петровны—этотъ періодъ броженія всякихъ новыхъ и старыхъ элементовъ неустановившейся нашей общественной жизни, этотъ періодъ перехода отъ древне-московскихъ порядковъ къ полуевропейскимъ, полуварварскимъ общественнымъ нравамъ—представляется намъ удивительно мрачнымъ и тяжелымъ временемъ въ русской общественной жизни! И поэты, и нравоописатели, и историки наши, въ одинъ голосъ и совершенно единодушно утверждаютъ, что Россія «отдохнула при Елисаветѣ и Екатеринѣ», и значительную долю благотворнаго вліянію, оказаннаго этими царствованіями на русскую общественную жизнь, справедливо приписываютъ преобладанію французскихъ модъ, французскихъ свѣтскихъ обычаевъ, приличій, вкусовъ, распространившихся тогда по всей Европѣ и всюду оттѣснившихъ на задній планъ тѣ грубые нравы казармъ и пивныхъ кнейповъ, которые внесены были къ намъ нашими учителями-нѣмцами.

По сравненію съ тою грубою простотою, которую такъ насильственно навязала намъ эпоха Петра, мы невольно съ изумленіемъ и часто даже съ преувеличеннымъ сочувствіемъ относимся къ предшествующей Петровскому времени эпохѣ полнаго развитія жизни Московскаго Государства. Вглядываясь въ придворные нравы и обычаи Московской Руси XVII вѣка, мы видимъ передъ собою великолѣпную, раззолоченную, разукрашенную всякими узорочьями и каменьями картину византійскаго стиля и невольно любуемся тѣмъ внѣшнимъ могуществомъ и блескомъ, которыми она насъ ослѣпляетъ. Эти волшебные дворцы съ золочеными кровлями и рѣзными окнами, эти золотыя палаты, обвѣшанныя и устланныя безцѣнными коврами, уставленныя по стѣнамъ золотыми и серебряными сосудами и причудливыми кубками и чашами; эти тысячи безмолвствующихъ и преклоняющихся передъ царемъ вельможъ и слугъ, въ парчевыхъ кафтанахъ и собольихъ шапкахъ, эти тысячи церемоній, приличій, обрядовъ, обычаевъ, повѣрій и своеобразныхъ порядковъ, которыми обставлялась жизнь московскаго царя—все поражаетъ наше воображеніе, все побуждаетъ насъ къ преувеличенію, къ невольному гиперболизму, къ сказочнымъ размѣрамъ и пріемамъ, когда мы приступаемъ къ описанію этого далекаго прошлаго! Одно иcмного смущаетъ насъ—этотъ теремъ, недоступный ни для кого изъ постороннихъ лицъ, кромѣ отца и мужа, закрытый не только для мужской прислуги, но даже для духовника, которому доступъ открытъ былъ только тогда, «когда его позовутъ». Жизнь теремныхъ затворщицъ,—къ какой бы семьѣ онѣ ни принадлежали: царской или боярской—представляется намъ какой-то нескончаемой эпопеей томленія, пышной праздности, неумолкаемыхъ женскихъ дрязгъ и сплетень, и ужасной скуки! Одинъ изъ нашихъ историческихъ живописцевъ, баронъ М. П. Клодтъ, прекрасно изобразилъ въ одной изъ лучшихъ своихъ картинъ это царство теремной скуки, которую не украшаетъ ни блескъ, ни роскошь, ни полное довольство всякими матерьяльными благами... И этотъ-то «теремъ», нарушая великолѣпную картину византійскаго блеска и роскоши, заставляетъ насъ невольно заглянуть во внутреннюю жизнь Московскаго Двора и знати въ XVII вѣкѣ. И вотъ именно съ этой-то стороны намъ и оказываетъ огромную услугу именно изученіе забавъ и потѣхъ, которыми развлекались и тѣшились высшіе представители русскаго общества въ XVII вѣкѣ, за которыми они отдыхали отъ государственныхъ заботъ и отъ общественныхъ обязанностей.

Само собою разумѣется, что мы не станемъ обращать вниманія на такія увеселенія, которыя тѣшили нашихъ праотцевъ еще за тысячу лѣтъ до нашего времени, не станемъ упоминать о томъ, что во всѣ времена и эпохи нашей жизни оставалось вполнѣ примѣнимымъ извѣстное выраженіе князя Владиміра: «Руси есть веселіе пити». Пиры и бражничанье во всѣхъ видахъ, конечно, и въ XVII вѣкѣ занимало очень видное мѣсто въ забавахъ и увеселеніяхъ нашей знати и ближайшаго къ ней общественнаго слоя. Точно также и охота, во всѣхъ видахъ, и въ это время также точно увлекала московскихъ бояръ, какъ и во времена Владиміра Мономаха. Но отъ пировъ и охотъ, отъ дѣловыхъ занятій и разныхъ житейскихъ тревогъ оставался все-же такой большой излишекъ досуга, который необходимо было чѣмъ-нибудь занять... Чѣмъ-же они его занимали, эти почтенные и сановитые предки наши, къ великому своему счастью, не знавшіе прелестей зеленаго стола, во всѣхъ его современныхъ примѣненіяхъ?

Пойдемъ въ кремлевскія палаты и заглянемъ на половину царя и царицы въ тѣ тихіе и спокойные часы вечерняго досуга, которые обыкновенно проводились въ семьѣ и въ тѣсномъ кругу ближайшихъ къ царю лицъ. Касаясь въ нашемъ очеркѣ только XVII в., т. е. временъ Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, мы должны прежде всего припомнить, что всѣ эти государи отличались замѣчательною умѣренностью въ пищѣ и питьѣ и были чрезвычайно строги въ соблюденіи постовъ, какъ и всякихъ вообще религіозныхъ обязанностей. Иностранцы, пріѣзжавшіе къ нашему двору во второй половинѣ XVII вѣка, съ изумленіемъ говорятъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что онъ ведетъ жизнь болѣе строгую, нежели многіе иноки. При этомъ, не мѣшаетъ замѣтить, что жизнь ежедневная начиналась при дворѣ очень рано (цари вставали часа въ 4 утра), а въ 6 часовъ утра нерѣдко уже начинался пріѣздъ ко двору и пріемъ вельможъ, которые потомъ обязательно должны были, вмѣстѣ съ царемъ, присутствовать при ранней обѣднѣ. Естественно, что если день начинался такъ рано, а обѣдъ назначался въ 12 часовъ и ужь никакъ не позже 1 часа пополудни, то послѣ обѣда являлась необходимость въ отдох-

РУССКІЕ АРТИСТЫ.

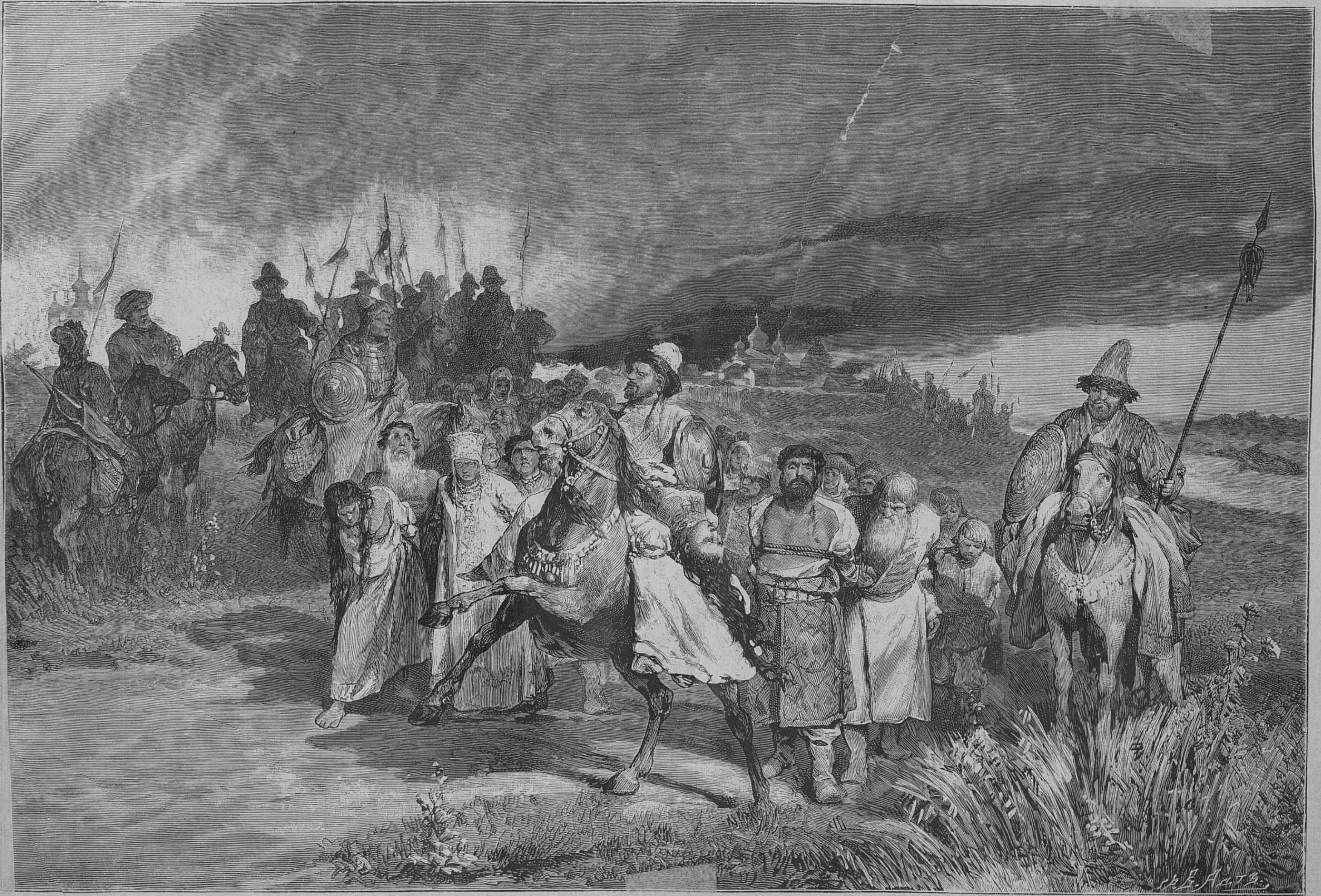


Н. Н. Фигнеръ.

Гравировалъ на деревѣ Е. Львовъ въ Спб.

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ А. С. ПУШКИНА («ПУГАЧЕВСКІЙ БУНТЪ»).

Рисунокъ К. В. Лебедева (собств. ред. «Живоп. Обозр.»).



Башкиры, уводящіе плѣнныхъ изъ Казани.

Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ Спб.

повенія, и цари московскіе, отпустивъ отъ себя тѣхъ вельможъ, которые были удостоены чести приглашенія къ ихъ государскому столу, обыкновенно ложились отдохнуть и этотъ послѣ обѣденный отдыхъ продолжался почти до вечерень. Присутствіе на вечернемъ богослуженіи опять таки было обязательно и для царя и для всѣхъ придворныхъ, имѣвшихъ доступъ во дворецъ. Но послѣ возвращенія отъ вечерни цари московскіе, обыкновенно, откладывали уже всякія занятія дѣлами и удалялись въ свои внутренніе покои или на семейную половину дворца, или, вмѣстѣ съ дѣтьми и царицею, шли въ особую потѣшную палату, въ которой являлись всякіе забавники и потѣшники, помогавшіе имъ коротать длинные зимніе вечера,—время до ужина. Въ чемъ-же заключались эти потѣхи царскаго семейства? Въ играхъ шутовъ и скомороховъ, въ эквилибристическихъ упражненіяхъ доморощенныхъ и заѣзжихъ гимнастовъ, при фокусахъ «потѣшнаго нѣмца» или при довольно нестройныхъ концертахъ, которые составлялись изъ весьма разнокалибернаго и разнохарактернаго подбора инструментовъ. Доморощенные музыканты или «игрецы» потѣшали царя и царское семейство игрою на скрипицахъ (скрыпатчики), или на гусляхъ—древнемъ народномъ музыкальномъ инструментѣ или на дудкахъ (вѣроятно берестяныхъ рожкахъ) или на домрахъ—инструментѣ въ родѣ небольшой гитары, также съ металлическими струнами. Послѣдніе были извѣстны подъ названіемъ игрецовъ-домрачеевъ и, наравнѣ съ игрецами-гусельниками, обыкновенно сопровождали свою музыку пѣніемъ. Музыка же служила имъ только для того, чтобы придать извѣстный ладъ своей пѣсни или «речитативу», которымъ они излагали «былины» и пѣсни про всю старину стародавнюю, про всѣ времена досюлешнія. Очень часто на гусляхъ и на домрахъ играли слѣпцы, которые и содержались при дворцѣ.

По мѣрѣ того, какъ притокъ нѣмцевъ изъ-за границы становился болѣе и болѣе многочисленнымъ, между придворными потѣшниками являются и разные нѣмцы-мастера органныхъ и часовыхъ дѣлъ», которые не только тѣшатъ государя игрою на органахъ, но и устраиваютъ органы различной величины и силы въ дворцовыхъ покояхъ, даже въ Грановитой Палатѣ. Рядомъ съ органными мастерами являются и цимбалисты, т.-е. игрецы на цимбалахъ со стеклянными клавишами, и досѣлѣ еще весьма обыкновенные въ западномъ краѣ. Между этими цимбалистами особенно славился своимъ искусствомъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ нѣкій Томило Михайловъ Бѣсовъ. Но пріѣзжіе органные мастера, братья Аисъ Лунъ да Мельхертъ Лунъ надолго отвлекли вниманіе молодаго царя отъ всякихъ другихъ потѣхъ тѣмъ, что «привезли съ собою изъ голландской земли стрементъ на органное дѣло и въ Москвѣ его додѣлали и около того стремента станокъ сдѣлали съ рѣзью и разцвѣтили краскою и золотомъ, и на томъ стрементѣ сдѣлали соловья и кукушку съ ихъ голосами; а какъ играютъ тѣ органы и обѣ птицы поютъ собою без человѣческихъ рукъ». Государь заплатилъ нѣмцамъ-мастерамъ за эту мудреную потѣху 2676 рублей — сумму, огромную по тому времени — и велѣлъ имъ обучить въ Москвѣ русскихъ мастеровъ ихъ органному и часовому дѣлу. Обученіе пошло такъ успѣшно, что впослѣдствіи московскіе государи могли уже и отъ себя посылать въ подарокъ персидскому шаху ороганы, сдѣланные въ Москвѣ русскими мастерами и снабженные очень сложными механизмами.

Въ Потѣшной палатѣ, на особо устроенной открытой сцены или площадкѣ происходили, вѣроятно, и пляски и шутовскія игры придворныхъ шутовъ и заѣзжихъ потѣшниковъ, судя, по тому что въ дворцовыхъ расходныхъ книгахъ нерѣдко упоминается объ особыхъ «потѣшныхъ нарядахъ», которые изготовлялись для «потѣшной палаты» и о томъ, что эти наряды во время игры бывали случайно порваны и попорчены. Неизбѣжною потѣхою младшихъ членовъ царской семьи (отъ которой, впрочемъ, не отказывались и взрослые) была и кукольная комедія—одно изъ древнѣйшихъ увеселеній Европы, унаслѣдованное, впрочемъ, еще отъ древнихъ. Комедія эта представлялась на особой подвижной сценѣ, въ родѣ легкой холщевой ширмы, которую кукольщикъ подвязывалъ себѣ у пояса, такъ что она закрывала верхнюю часть его тѣла и голову. Изъ-за этой ширмы показывалъ онъ куколъ, надѣтыхъ на пальцы обѣихъ рукъ, и придавалъ имъ произвольныя движенія.

Но всѣ эти потѣхи могли происходить только въ особомъ помѣщеніи, въ потѣшной палатѣ, которая для того и была во Дворцѣ предназначена и даже охранялась особыми «потѣшными» сторожами. А между тѣмъ, скука и веселость теремной жизни должна была побуждать къ тому, чтобы подъ руками царицы и царевенъ, боярыни и боярышенъ всегда находились какія-нибудь забавы, дозволенныя обычаемъ и внѣ «потѣшной» палаты. И вотъ мы видимъ при царскомъ дворѣ шутовъ и шутихъ, дураковъ и дурокъ, карликовъ и карлицъ, бáхарей и бáхарокъ (т. е сказачниковъ и сказочницъ), а нѣсколько позднѣе араповъ и арапокъ (негровъ), калмыковъ и калмычекъ. Всѣ эти лица входили въ составъ обширной свиты, окружавшей московскихъ теремныхъ затворницъ и нерѣдко пользовались вѣсомъ и значеніемъ, даже большимъ довѣріемъ царей, царицъ и бояръ. Такъ, напр. около царицы Натальи Кириловны, мы видимъ, въ ея штатѣ, 14 карловъ и карлицъ, а при всѣхъ выходахъ и выѣздахъ царевича Петра Алексѣевича, въ младенческомъ возрастѣ, мы видимъ въ свитѣ его четырыхъ карликовъ, изъ которыхъ одинъ по прозванію Комаръ, прославился впослѣдствіи тѣмъ, что, во время стрѣлецкаго бунта, спасъ юнаго боярина Матвѣева и младшихъ братьевъ царицы отъ вѣрной смерти, а позднѣе (въ 1689 г.), во время бѣгства Петра изъ села Преображенскаго въ Троицо-Сергіеву обитель, прискакалъ туда вмѣстѣ съ Государемъ (и едва-ли не за сѣдломъ у него).

Карликовъ и карлицъ, какъ диковинкую и домашнюю забаву, цѣнили въ такой степени, что бояре изъ-за нихъ ссорились и вели серьезныя тяжбы; а боярину В. В. Голицыну, послѣ опалы и назначенія его въ сылку, было поставлено въ особенную вину то, что онъ удержалъ у себя въ домѣ двухъ карловъ, которыми Мазепа, только что назначенный въ гетманы послѣ Самойловича, «ударилъ челомъ великимъ государямъ на потѣху».

Царь Алексѣй Михайловичъ не особенно жаловалъ тѣ забавы, которыми тѣшился въ потѣшной палатѣ его родитель. Съ молоду страстно, увлекаясь охотою во всѣхъ ея видахъ, проводя весь свой весенній и осенній досугъ въ отъѣзжемъ полѣ, онъ любилъ и зимою тѣшиться медвѣжьимъ боемъ, которой устраивался для него его ловчими на одномъ изъ запасныхъ дворовъ при его кремлевскихъ палатахъ. «Медвѣжій бой» представлялъ собою, въ полномъ смыслѣ слова, поединокъ охотника съ медвѣдемъ, при чемъ охотникъ долженъ былъ непремѣнно одолѣть и убить медвѣдя, а въ противномъ случаѣ подвергался серьезной опасности, такъ какъ уйти отъ медвѣдя онъ не могъ: бой происходилъ на небольшомъ огражденномъ пространствѣ (въ родѣ глубокой ямы съ гладкими стѣнами), изъ котораго человѣка можно было вынуть, но самъ онъ выйти не могъ. Въ защиту отъ медвѣдя охотнику давалась рогатина и ножъ, находились удальцы, которые выходили на медвѣдя съ желѣзною вилою. Нѣкоторые изъ этихъ бойцевъ представляются намъ совершенно сказочными героями, потому что иные изъ нихъ—пѣшій псарь Корчминъ, и конной псарь Алексѣй Меркульевъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и братья Молчановы, ловчіе временъ царя Алексѣя Михайловича—хаживали на медвѣдя, «для потѣхи государской», въ теченіи десяти, двадцати пяти и тридцати лѣтъ сряду, и постоянно выходили изъ опасной игры побѣдителями, хотя «медвѣди ихъ драли и грызли», какъ сообщаютъ современныя свидѣтельства.

Инымъ характеромъ отличаются потѣхи Государева Двора въ послѣдніе годы царствованія царя Алексѣя Михайловича и дѣтскія потѣхи Петра Алексѣевича, въ которыхъ такъ своеобразно высказался будущій преобразователь Россіи.

П. Полевой.

Журналистика.

(Литературныя впечатлѣнія истекшаго года).

Трудно припомнить, что такое важное и значительное произошло въ истекшемъ году. Кажется, ничего не случилось важнаго и значительнаго; годъ былъ очень скуденъ содержаніемъ. Какія событія повліяли на умы, возбудили общій интересъ? Въ нашей общественной и умственной жизни, кажется, совсѣмъ не было такихъ событій. На чемъ главнымъ образомъ сосредоточивалась общественная мысль? Какіе вопросы занимали насъ по преимуществу? И на эти вопросы трудно отвѣчать: мы ничего не подмѣтили въ нашей общественной жизни. Можетъ быть, мы не обладаемъ надлежащей наблюдательностью, имѣемъ очень узкій кругозоръ, не умѣемъ смотрѣть глубоко: а можетъ быть, наша общественная мысль и дѣйствительно ни надъ чѣмъ усиленно не работала, никакими вопросами не волновалась и ничѣмъ особенно не интересовалась; такія времена бываютъ; можетъ быть, къ нимъ принадлежитъ и прошлый годъ. Во времена воодушевленія бываютъ [illegible]ленные вопросы, которые обсуждаются часто [illegible]. Постарайтесь припомнить, были ли такіе излюбленные вопросы въ прошломъ году. Въ былыя времена мы трактовали о многихъ вопросахъ: о классицизмѣ, о земствѣ и самоуправленіи, о славянофильствѣ и западничествѣ, о реализмѣ въ школѣ, наукѣ и искусствѣ, рабочемъ вопросѣ, народничествѣ... Ни одинъ изъ этихъ старыхъ вопросовъ въ прошломъ году не обращалъ нашего вниманія, а новаго ничего мы, кажется, не придумали; даже новое ученіе о несопротивленіи злу и пользѣ сапожнаго ремесла не возбуждало оживленныхъ дебатовъ. Смотря по интересамъ времени, мы покупали книжки: то о свободѣ, представительномъ правленіи, трудѣ, капиталѣ, пролетаріатѣ; то Дарвина, Геккеля, Фогта; то Вундта, Спенсера, Льюиса. Въ разныя времена различнымъ наукамъ была честь. Теперь букинисты на вопросъ: какія книги идутъ больше? отвѣчаютъ: всякія, разныя расходятся по маленьку, особенно шибко ничто не идетъ. Модная и новая теперь литература. житія, легенды и назидательныя повѣствованія въ Толстовскомъ духѣ, изд. «Посредника». Мы не имѣемъ охоты до этой литературы. Но не въ томъ дѣло. Распространеніе ея не даетъ намъ яснаго указанія на дѣйствительный запросъ общества. Можетъ быть, эта литература такъ сильно расходится только потому, что она стоитъ копѣйку? Неизвѣстно и то, кто ее больше читаетъ: баринъ по модѣ или мужикъ по любви и охотѣ. Бойко шли книжки о женщинахъ. Не знаменіе ли это времени? Почему же, въ самомъ дѣлѣ, знаки вопросительный (?) и восклицательный (!) обратили на себя всеобщее вниманіе? Ужели идеи ихъ даже болѣе глубоки, чѣмъ философія маркиза О[illegible]? Общество, раскупавшее эти книжки, надо думать, не имѣло солидныхъ интересовъ и важныхъ запросовъ. Мы жили вялою, сонною жизнью, безъ идей и высокихъ интересовъ. Что это означаетъ: сосредоточенное переживаніе старыхъ идей и направленій и зарожденіе чего нибудь новаго, утомленіе ли прежнею, довольно оживленною дѣятельностью—мы не беремся судить; какія причины породили такое явленіе и какія обстоятельства могутъ способствовать оживленію—этого мы не рѣшаемъ. Мы только констатируемъ фактъ видимой вялости и скудости нашей умственной жизни въ истекшемъ году.

Литература, говорятъ, отраженіе жизни. Въ приложеніи къ литературѣ истекшаго года это выраженіе глубоко справедливо. Какими вопросами—научными, литературными и общественными наша литература интересовалась по преимуществу? Излюбленныхъ вопросовъ, возбуждавшихъ особенный интересъ, въ литературѣ прошлаго года не было. Въ научныхъ и публицистическихъ статьяхъ наши журналы писали на всякія темы, но особеннаго пристрастія ни къ чему не обнаруживали; вопросовъ очередныхъ и насущныхъ у нихъ не было. Прежде бывало редакціи имѣли въ виду, какихъ вопросовъ надо коснуться, какъ ихъ обработать; имѣли вопросы, имѣли и людей, которые обработывали ихъ въ духѣ и формѣ, желательной для редакціи. Теперь, кажется, такихъ заботъ для редакцій нашихъ журналовъ не существуетъ: онѣ удовлетворяются тѣмъ, что имъ принесутъ. Оттого часто трудно сообразить, почему въ журналѣ трактуютъ объ этой вещи, а не о другой какой-нибудь и почему редакція находитъ нужнымъ трактовать въ такомъ духѣ и направленіи, а не въ другомъ. Разгадку тогда только найдешь, когда сообразишь, что редакція этими вопросами не занимается и ограничиваетъ свое дѣло чтеніемъ и подписаніемъ корректуры. Въ прошедшемъ году, какъ и всегда, въ журналахъ было не мало помѣщено статей солидныхъ и обстоятельныхъ. Но, кажется можно сказать, не было ни одной статьи, которая бы возбудила общій интересъ, которую бы желали читать многіе и о которой бы шли разговоры въ обществѣ. А было время, что книжку журнала ждали съ нетерпѣніемъ и статьи серьезнаго содержанія поглощали прежде беллетристики. Теперь наши толстые журналы утратили свое значеніе: они не возбуждаютъ интереса, не руководятъ общественнымъ мнѣніемъ. Можетъ быть, отчасти нанесли ударъ имъ газеты и книги, теперь болѣе доступныя, чѣмъ прежде; но мы не можемъ только однимъ этимъ объяснить настоящее печальное положеніе у насъ толстыхъ журналовъ. Мы думаемъ, толстый журналъ не навсегда утратилъ у насъ смыслъ и значеніе; онъ именно у насъ можетъ имѣть смыслъ и вліяніе больше, чъмъ гдѣ нибудь, но непремѣнно при надлежащей постановкѣ дѣла изданія и редактированія. Толстый журналъ, какъ простой сборникъ статей по различнымъ вопросамъ, хотя бы и самыхъ основательныхъ, у насъ не можетъ имѣть значенія и вліянія. Мы не такъ учены, чтобы цѣнить надлежащимъ образомъ спеціальныя извѣстія о новыхъ, послѣднихъ успѣхахъ по различнымъ отраслямъ знанія; у насъ нѣтъ запросовъ на самыя послѣднія новости въ области наукъ, искусствъ и политической жизни; наконецъ, существующіе у насъ въ этой области запросы вполнѣ удовлетворяетъ газета. Но намъ хочется составить какое-нибудь міросозерцаніе, пріобрѣсти какія нибудь идеи, какъ нибудь осмыслить различные факты; намъ надобенъ учитель,—руководитель. Если журналъ пойметъ к выполнитъ это, онъ будетъ имѣть смыслъ, воспитывающую силу, руководящее значеніе. Понятное дѣло, для этого журналъ долженъ имѣть опредѣленную задачу, точную программу и сознательное направленіе. Редакція должна напередъ знать, какія темы она будетъ развивать, какимъ вопросамъ удѣлитъ
она должна знать, что она бу
ши теперешніе толстые ж
летворяютъ такимъ требова
ихъ въ виду. О нѣкоторы
сказать, что въ нихъ ест

гать, что наборщикъ изъ ящика беретъ, что попадется подъ руку, печатаетъ, и является книжка. Разсматривая журналъ за годъ, нельзя судить по темамъ статей, какую задачу преслѣдовалъ журналъ и какую программу онъ выполнялъ. Какого направленія наши журналы? Мы знаемъ только, что «Русскій Вѣстникъ» Каткова отличается отъ другихъ журналовъ, онъ самъ по себѣ, имѣетъ направленіе и физіономію. Какая разница между «Вѣстникомъ Европы», «Наблюдателемъ», «Русской Мыслью» и «Сѣвернымъ Вѣстникомъ»? Есть разница въ бумагѣ, въ шрифтѣ, въ исправности корректуры; одинъ журналъ поразнообразнѣе, другой поскучнѣе, въ одномъ много глупыхъ статей, въ другомъ меньше... Но это не существенныя разницы. Какого эти журналы направленія? Всѣ они держатся либеральнаго направленія. Дальше этого туманнаго опредѣленія анализъ не идетъ. Они отличаются отъ «Гражданина»—это понятно само собою; потому что кто же можетъ быть подобенъ этому органу! Но никто не укажетъ ихъ своеобразности въ рѣшеніи вопросовъ философскихъ, эстетическихъ и политическихъ. Общихъ руководящихъ статей по всѣмъ этимъ вопросамъ въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ журналахъ даже и никогда не было. Журналы наши настолько безцвѣтны и такъ мало имѣютъ опредѣленной индивидуальности, что статья одного журнала можетъ быть помѣщена въ каждомъ, и одинъ человѣкъ можетъ быть общимъ ихъ сотрудникомъ. Посовѣтуйте, какой журналъ выписать? Выписывайте какой хотите, въ сущности всѣ они одинаковы, пожалуй, вотъ этотъ будетъ немного побогаче и понаряднѣй... Думаемъ, вполнѣ возможно дать такой совѣтъ: «я хотѣлъ бросить «Вѣстн. Европы»; очень онъ сухъ и скученъ; хотѣлъ было выписать другой какой-нибудь толстый журналъ. Но въ «Вѣстн. Европы» пишетъ Щедринъ»... Такіе разговоры намъ приходилось слышать. Причемъ же тутъ направленіе журнала? какъ цѣнится дѣятельность посѣдѣвшей въ чтеніи корректуръ редакціи! Журналъ предпочитаютъ другимъ изъ-за одного писателя и притомъ беллетриста... Какова же честь другимъ сотрудникамъ журнала, его философамъ, критикамъ, публицистамъ! А вотъ интересный вопросъ: какого теперь писателя (не беллетриста) особенно читаютъ и почитаютъ? Въ старое время такіе были; а теперь кто же? Дай Богъ памяти... Иногда профессора печатаютъ свои лекціи и хорошія лекціи. Но лекціи не журнальныя статьи, и профессора только нѣсколько литераторы; это не будемъ считать. Прежде руководящее значеніе имѣли критики, какъ Бѣлинскій и Добролюбовъ. Есть и теперь критики и довольно извѣстные. Какъ они руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, объ этомъ просимъ прочитать въ статьяхъ г. Чуйко, помѣщенныхъ въ прошломъ году въ «Наблюдателѣ» («Очерки развитія русской критики»). Мы даже боимся передавать содержаніе этихъ статей: такъ онѣ оскорбительны для подвизающихся теперь на поприщѣ критики солидныхъ нашихъ писателей. По изслѣдованіямъ г. Чуйко оказалось, что руководители нашего общественнаго мнѣнія сами часто не руководствуются здравымъ смысломъ и русскимъ синтаксисомъ. Хуже всего для репутаціи нынѣ здравствующихъ критиковъ то обстоятельство, что г. Чуйко поддерживаетъ свой зловредный тезисъ извлеченіями изъ подлинныхъ, не апокрифическихъ, писаній извѣстныхъ нашихъ критическихъ писателей. И такъ, общее впечатлѣніе отъ нашихъ толстыхъ журналовъ мы вынесли смутное и нисколько не радостное. Но до сихъ поръ мы говорили только о серьезныхъ научныхъ и публицистическихъ статьяхъ. Теперь скажемъ о художественной части толстыхъ журналовъ.

Романы, повѣсти, очерки и разсказы занимаютъ въ книжкахъ нашихъ журналовъ больше мѣста, чѣмъ статьи серьезнаго содержанія; редакціи оплачиваютъ произведенія этого рода щедрѣе, чѣмъ ученыя статьи; онѣ изъ нихъ дѣлаютъ приманку для подписчиковъ и обыкновенно публикуютъ: въ слѣдующемъ году мы помѣстимъ романъ NN, разсказъ X, очерки ZZ. При такой холѣ, кажется, наша беллетристика должна процвѣтать на славу намъ и на страхъ врагамъ нашимъ. Но, къ сожалѣнію и удивленію нашему, въ прошломъ году она не процвѣтала. Самыя большія, и даже большущія, произведенія истекшаго года, романы г. Боборыкина: «Изъ новыхъ» и г. Немировича-Данченко: «Семья богатырей» совсѣмъ плохи. Мы въ свое время изложили о нихъ подробное мнѣніе, какъ подобало важности произведеній и именитости авторовъ. Было нѣсколько посредственно-хорошихъ беллетристическихъ вещей; нѣкоторыя изъ нихъ въ теченіи года мы указывали. Но и такихъ вещей было очень немного. Такая скудость даже ни съ чѣмъ несообразна. Наша литература имѣла и имѣетъ несомнѣнно знаменитыхъ поэтовъ и романистовъ. Поэтому мы вправѣ ожидать, что у насъ есть преданіе, школа, мастерство и навыкъ; гдѣ есть знаменитые мастера, тамъ и подмастерья обыкновенно хорошо знаютъ дѣло и рядовые мастеровые работаютъ чисто и со вкусомъ. Понятное и обычное дѣло, что разумное и тщательное изученіе большого мастера всегда отражается на среднемъ талантѣ и притомъ хорошо и благодѣтельно. Кто у насъ унаслѣдовалъ манеру творчества Гоголя? гдѣ школа Тургенева? кто можетъ быть названъ послѣдователемъ Достоевскаго? Очень немногіе изъ современныхъ молодыхъ нашихъ писателей могутъ быть отнесены къ какой нибудь опредѣленной школѣ и у этихъ немногихъ въ большинствѣ случаевъ замѣтно только частное подражаніе какому нибудь знаменитому нашему писателю или случайное сходство. Мы ничего не имѣли бы, если бы у насъ было побольше маленькихъ Достоевскихъ, маленькихъ Островскихъ, малень[illegible]ъ Гончаровыхъ. Конечно, мы разумѣемъ здѣсь не каррикатуру, а хорошую копію, миніатюръ, воспроизводящій оригиналъ. При сильныхъ талантахъ, большихъ мастерахъ вездѣ и всегда существуютъ такіе миніатюры, копіи, подражанія или какъ хотите назовите; и они дѣлаютъ литературу и нерѣдко по праву занимаютъ въ ней почтенное мѣсто. Отчего же у насъ почти не замѣчается такой связи между крупными талантами и писателями заурядными? Иногда заурядные писатели пренебрегаютъ серьезнымъ изученіемъ корифеевъ литературы и очень поспѣшно развиваютъ свою дѣятельность. Это явленіе у насъ замѣчается. Есть молодые люди, имѣющіе большую наклонность къ литературѣ и не имѣющіе никакой наклонности къ наукѣ; люди этого рода часто непосредственно отъ изученія русской хрестоматіи Паульсона переходятъ къ самостоятельному творчеству и не безъ успѣха. Юноша соорудитъ повѣсть изъ исторіи своей жизни съ изображеніемъ любви къ Женичкѣ и отвращенія отъ латинской грамматики. Разсказецъ вышелъ складный, его похвалили, напечатали и даже денегъ дали. Потомъ уже пишется второй и третій разсказъ, ихъ уже никто не хвалитъ; но они пристроены. Нашъ юноша уже литераторъ, у него есть навыкъ писать, онъ имѣетъ нѣкоторыя связи и умѣетъ пристраивать свои вещи. Литературнаго образованія у нашего автора никакого, кромѣ образцовъ хрестоматіи Паульсона, онъ основательно знакомъ съ произведеніями своего друга и руководителя Ардаліона Кудреватаго—но онъ пріобрѣлъ уже «имя» и нѣкоторую извѣстность. Такіе беллетристы, конечно, всегда будутъ вполнѣ оригинальны и свободны отъ всякаго вліянія. Но мы говоримъ не о такихъ исключительныхъ явленіяхъ, а о нашей беллетристикѣ вообще, и здѣсь-то видимъ не совсѣмъ понятное для насъ явленіе: недостаточное вліяніе нашихъ образцовыхъ писателей. Если говорить о темахъ, которыя разрабатываютъ наши беллетристы, то, кажется, народническое направленіе надо признать болѣе сильнымъ; въ этомъ тонѣ и духѣ много пишется повѣстей, разсказовъ и очерковъ. Въ манерѣ весьма силенъ пресловутый протоколизмъ, распространяемый г. Боборыкинымъ. Нельзя думать, что эта манера у насъ скоро выйдетъ изъ моды; потому что для людей, лишенныхъ живого таланта и творческой фантазіи, эта манера очень удобна. Сухой протоколизмъ не удовлетворяетъ людей бойкихъ; и потому не брошена манера разсказа во вкусѣ капитана Копѣйкина. Этой колоритной манеры изъ извѣстныхъ писателей держится г. Немировичъ-Данченко. Вообще надобно признать, что художественная наша литература въ толстыхъ журналахъ представлялась очень не въ блестящемъ видѣ.

П. Скромный.

* * *

Наблюденія и размышленія.

(Фельетонныя замѣтки и очерки).

«Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!» Лучшаго пожеланія на новый годъ не придумаешь, хотя многіе лично для себя предпочли бы торжеству свѣта—выигрышъ въ двѣсти тысячъ...

Но высказывать добрыя пожеланія не трудно — исполненіе же ихъ далеко не такая легкая вещь. Жизнь, къ сожалѣнію, не феерія, гдѣ въ одну секунду по знаку стоящаго за кулисами ловкаго машиниста, мракъ смѣняется свѣтомъ, а сапожники превращаются въ принцевъ.

Въ жизни для такихъ быстрыхъ перемѣнъ еще не придумано «волшебныхъ пилюль» и между владычествомъ разума, и владычествомъ тьмы, къ великому огорченію человѣчества, всегда бываютъ сумерки, называемые «переходнымъ временемъ». Охъ, ужь это переходное время, когда одни не успѣли позабыть, а другіе не успѣли научиться! Не успѣвшіе позабыть по прежнему убѣждены, что на нихъ все еще нѣтъ «мирового»; а не успѣвшіе научиться уже воображаютъ, что и они знаютъ толкъ во всемъ, могутъ быть законодателями и занять командующее положеніе. Какихъ безобразій ни творится въ это переходное время!

Вотъ два характерные факта.

Молодая дѣвушка вышла замужъ за господина, имѣющаго дочь. Дѣвушка принадлежала не къ подонкамъ общества; она получила хорошее образованіе въ институтѣ; она вышла замужъ за дворянина. Изъ мрака невѣжества она уже вышла, но она еще не успѣла дорости до нравственнаго свѣта—до сознанія, что человѣкъ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, прежде всего долженъ быть гуманнымъ—и вотъ мы видимъ ее на судѣ, обвиняемую за безпримѣрно варварское обращеніе съ падчерицей. Страдалица-дѣвочка спала подъ печкой на грязной мочалкѣ; ее морили голодомъ; вши покрыли ея тѣло, гнѣздились около глазъ; когда она плакала, ее выбрасывали спать на дворъ; когда она умерла отъ голода, въ ея желудкѣ, сдѣлавшемся прозрачнымъ, нашли только комочекъ глины и уголекъ. Это отдѣльная личность, вышедшая изъ мрака, но не доросшая до свѣта, а вотъ и цѣлая толпа такихъ же личностей, еще не дозрѣвшихъ до человѣчности. Артистка Горева была холодно принята кишиневской публикой и отказалась отъ дальнѣйшихъ гастролей. Антрепренеръ счелъ нужнымъ пожаловаться на артистку публикѣ и пригласить послѣднюю къ расправѣ съ артисткой. Въ день отъѣзда артистки изъ города къ ея жилищу является вся театральная труппа до послѣдняго чернорабочаго и масса публики. Артистка выходитъ, чтобъ сѣсть въ экипажъ, и ее забрасываютъ мелкой рыбой, селедками, мочеными яблоками, печенымъ картофелемъ, солеными огурцами, играя на бубнахъ, литаврахъ, шарманкахъ. Это варварство продѣлывается съ легкимъ сердцемъ «командующей толпой», хотя, конечно, каждый изъ этой толпы поднялъ бы крикъ, если бы его вздумали, водворяя порядокъ, отстегать за это тутъ же на улицѣ казацкими нагайками. Нападая на беззащитную женщину, эти не доросшіе до пониманія человѣческихъ отношеній люди даже и не подозрѣвали, что есть много другихъ вполнѣ честныхъ и законныхъ путей для выраженія несочувствія къ артисту и что, бросая въ него селедками и тому подобной дрянью, они прежде всего вымазали этой грязью самихъ себя.

Незнаніе законовъ общежитія, неумѣнье подчинять имъ свои животныя страсти—это одна изъ характерныхъ чертъ переходной эпохи, какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлаго общества. Эта черта ведетъ не рѣдко къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ, иногда же вызываетъ крайне комическія явленія. Вчерашній невѣжда, научившись сегодня грамотѣ, уже воображаетъ себя способнымъ стать въ роль руководителя, критикуетъ произведенія искусства, какъ критикъ изъ крыловской басни «Оселъ и соловей», даетъ свои совѣты журналистамъ: «Госпожа редакція, недоволенъ я вами, что вы не помѣщаете романовъ Понсона дю-Терраля, оченно занятныхъ, и не пропечатаете правилъ хорошаго тона, какъ держать себя въ обществѣ». И долго вы не растолкуете ему, что первое правило хорошаго тона—это не говорить о томъ, чего не понимаешь, чтобы не показаться глупымъ, такъ какъ можно быть очень знающимъ галантерейнымъ торговцемъ и весьма плохимъ знатокомъ въ искусствѣ и въ литературѣ. Нужны годы и годы развитія, чтобы подобный субъектъ доросъ до пониманія, какъ нужно держать себя въ обществѣ, чтобы не выставлять себя на посмѣшище. Намъ вспоминается одинъ случай. Наканунѣ пожара Театра-Цирка, замѣнившагося потомъ Маріинскимъ театромъ, давали оперу «Робертъ». Во время аріи «Сжалься» всѣ сидѣвшіе въ партерѣ обернулись въ нашу сторону и произошелъ не малый переполохъ. Оказалось, что сзади насъ сидѣлъ чувствительный молодой купчикъ. Растроганный мольбами пѣвицы, онъ подгорюнился, склонилъ голову на ладонь и отъ всей души началъ вытягивать «Чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи, любезный мой». Къ нему подошелъ полицейскій офицеръ и пригласилъ его выйдти изъ театра. Купчикъ обидѣлся:

— Я за свое мѣсто деньги заплатилъ!

Его продолжали просить удалиться.

— Даромъ я, что ли, сижу? возражалъ онъ.

Не смотря на всѣ усилія, ему никакъ не могли втолковать, что за свои деньги онъ можетъ только слушать, какъ поютъ на сценѣ, но отнюдь не пѣть. И что за гнѣвный, что за презрительный взглядъ бросилъ онъ на смѣющуюся вокругъ него публику, когда его заставили уйти! Казалось, онъ готовъ былъ крикнуть ей, какъ Городничій въ «Ревизорѣ»:

— Надъ кѣмъ смѣетесь? Надъ собой смѣетесь?

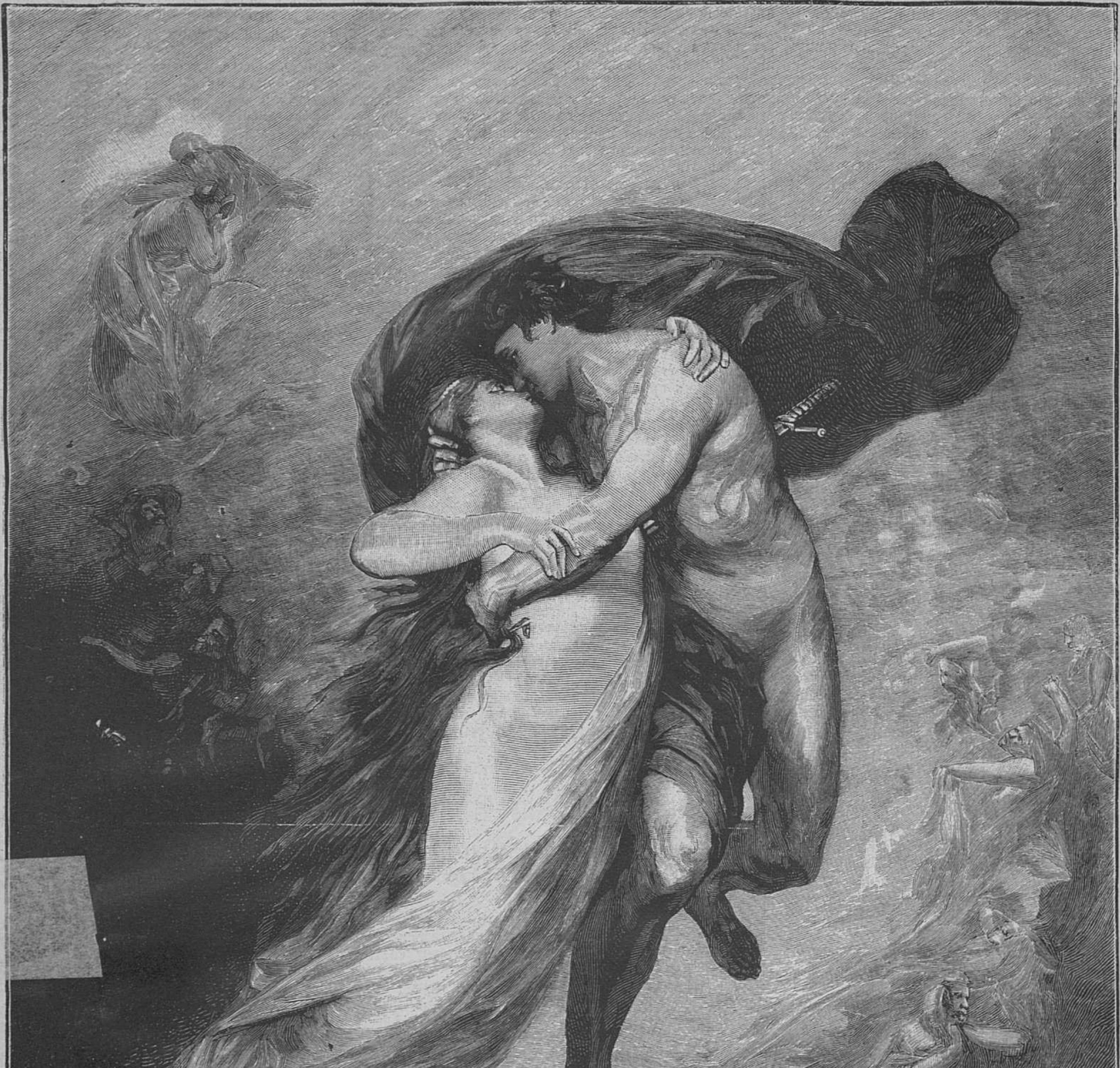
Съ тѣхъ поръ прошли годы и, можетъ быть, теперь этотъ же купчикъ отшлифовался, сталъ коммерціи совѣтникомъ, воротилой въ какомъ нибудь акціонерномъ обществѣ и иногда, гордо сидя въ ложѣ бель-этажа въ Маріинскомъ театрѣ, съ улыбкой вспоминаетъ то переходное время своей жизни, когда у него уже были деньги на покупку кресла въ оперѣ, но еще не было умѣнья слушать оперу...

Быть смѣшнымъ страшнѣе всего для француза, и потому Наполеонъ I, превратившись внезапно изъ человѣка толпы въ императора, прежде всего окружилъ себя и Жозефину старыми придворными, чтобы скорѣе избѣжать комическихъ положеній переходнаго времени: императоромъ онъ сдѣлалъ себя самъ, но старые придворные должны были научить его и его окружающихъ, какъ слѣдуетъ держаться на тронѣ и около трона.

Новый годъ на разныхъ аллегорическихъ картинахъ изображаютъ постоянно ребенкомъ. Жаль только, что этому новорожденному тотчасъ же послѣ рожденія приходиться кутаться въ шубу, такъ какъ онъ рождается въ самые морозные дни. Особенно не посчастливилось нынѣшнему новому году. Отовсюду только и доходили въ декабрѣ извѣстія о снѣжныхъ заносахъ и мятеляхъ. На бессарабскомъ, дунайскомъ, жмеринскомъ и отчасти кіевскомъ участкахъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, по всей линіи Уральской и Козлово-Воронежской-Ростовской желѣзныхъ дорогъ, на участкѣ Курскъ-Лозовская Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги сильныя мятели и снѣжные завалы при сильномъ вѣтрѣ и морозѣ пріостанавливали движеніе поѣздовъ и иногда поѣзда опаздывали на нѣсколько часовъ, а то и на цѣлые сутки. Какъ встрѣтили новый годъ и справили елку тѣ, кого остановили въ дорогѣ эти мятели и снѣжные заносы, кому пришлось бороться съ этою стихійною силою, очищая пути отъ снѣга подъ порывами вѣтра, при суровомъ морозѣ? Каждый разъ, читая подобныя извѣстія, мы, мысленно переносимся на эти станціи и полустанціи съ остановившимися среди пустырей поѣздами, съ массами мужиковъ, стоящихъ по колѣно въ снѣгу, съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ и служащими, сбившимися съ ногъ, съ опустѣвшими отъ неожиданнаго наплыва пассажировъ буфетами, и вспоминается намъ одинъ скорбный случай изъ жизни тѣхъ людей, на которыхъ мы нерѣдко сѣтуемъ то за ихъ грубость, то за ихъ нерасторопность. Это было давно, вскорѣ послѣ постройки Николаевской желѣзной дороги. Дѣло было передъ самымъ Рождествомъ. Между Тверью и Бологовской станціей, страшная мятель занесла всю дорогу. Поѣздъ остановился въ чистомъ полѣ. Нельзя было дви-

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Германа Цейца.

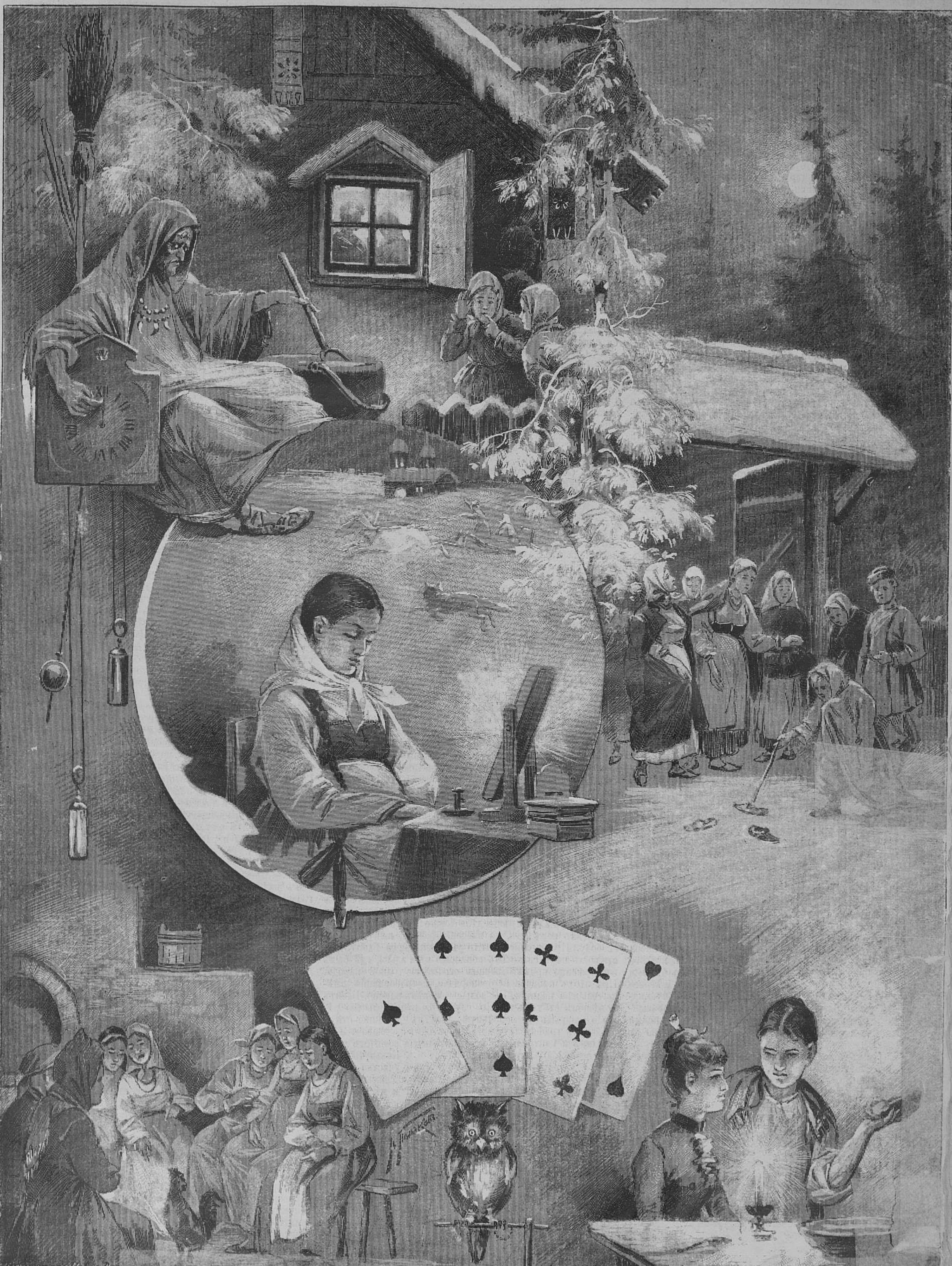


Франческа и Паоло де-Римини.

Гравировалъ на деревѣ В. Шпрингеръ въ С.-Петербургѣ.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ В. Полякова (собств. ред. «Живоп. Обозр.»).



Святки (ночь на новый годъ).

нуться ни взадъ, ни впередъ. Пришлось собрать крестьянъ изъ ближайшихъ деревень для расчистки пути. Теперь это дѣлается относительно быстро, тогда дѣло было ново и исполнялось съ большимъ затрудненіемъ. Вся поѣздная прислуга сбилась съ ногъ, промерзла, шагая по колѣно въ снѣгу. Но хуже мороза былъ голодъ, и у пассажировъ, и у служащихъ подобрались всѣ съѣстные припасы, а достать ихъ было негдѣ даже за большія деньги. Оберъ-кондукторъ, энергичный и расторопный человѣкъ, въ качествѣ хозяина поѣзда распоряжаясь и хлопоча, долго пересиливалъ чувство голода. Наконецъ, онъ, занесенный снѣгомъ, продрогнувши, почувствовалъ, что у него не хватаетъ больше силъ отъ голода. Тутъ онъ вспомнилъ, что у него въ сумкѣ есть нѣсколько бутербродовъ. Онъ отыскалъ эту сумку: бутерброды промерзли на холоду. Не бѣда, можно и холодные съѣсть, лишь бы утолить голодъ. Во время голода нечего разбирать, что ѣшь. Онъ подкрѣпилъ себя промерзлыми бутербродами и снова захлопоталъ. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ у него начались боли въ желудкѣ. Стискивая зубы и пересиливая боль, хлопотливый распорядитель понукалъ и поощрялъ продрогнувшій народъ, разгребавшій снѣгъ.

— Проворнѣй, ребята! Не морозьте публику! Проворнѣй!

Но это были уже послѣднія усилія. Боли стали нестерпимы, сознаніе терялось. А на поѣздѣ, какъ на грѣхъ, не было ни одного доктора. Когда путь былъ очищенъ и поѣздъ могъ тронуться въ путь, распорядитель поѣзда уже лежалъ безъ чувствъ. Раздался свистокъ, задвигались колеса, помчался поѣздъ впередъ. Доѣхали до ближайшей станціи... Тамъ въ крайнемъ домѣ въ сторону Москвы, въ просторной залѣ оберъ-кондукторской квартиры уже горѣли огни рождественской елки, устроенной для учившихся здѣсь ребятишекъ. Учительница, хозяйка этой квартиры, горбатенькая и хромая пожилая женщина, всегда оживленная и бодрая, добродушно ковыляла среди дѣтворы, раздавая нехитрые подарки и сласти. Вдругъ входная дверь съ шумомъ отворилась настежъ и въ комнату подъ смѣхъ и говоръ дѣтей занесенные снѣгомъ люди внесли кого-то. Хозяйка бросилась на встрѣчу и съ крикомъ упала на полъ... Прошло немного времени и въ опустѣвшей залѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ за четверть часа тому назадъ блестѣла веселыми огнями рождественская елка, на накрытые бѣлой простыней столы положили уже остывшій трупъ хозяина этой квартиры, мужа несчастной содержательницы школы...

Каждый разъ, читая объ этихъ декабрьскихъ мятеляхъ, я вспоминаю эту смерть и въ моемъ воображеніи встаетъ церковь въ бѣдномъ селѣ, а около нея одинокая скромная могила, гдѣ спитъ вѣчнымъ сномъ этотъ честный бѣднякъ.

Заговоривъ о елкѣ, разскажу вамъ недавнюю встрѣчу съ однимъ изъ тѣхъ, кому приходится готовить украшенія для нашихъ елокъ, такъ восхищающихъ нашихъ ребятишекъ.

Мнѣ подали письмо. Развернулъ, читаю. Пишетъ старый школьный товарищъ. Онъ лежитъ, разбитый параличемъ, у жены отморожены руки, живутъ они за городомъ, холодъ страшный, а дровъ ни полѣна. Меня покоробило, стало какъ-то жутко. Я не видалъ этого человѣка со школьной скамьи. Тогда это былъ фатъ, пускавшій пыль въ глаза швыряньемъ денегъ. Потомъ все промоталось, начались долги и пьянство съ горя, женитьба подъ хмѣлькомъ на какой-то несчастной горемыкѣ изъ подвала, и вотъ теперь ему, когда-то блестящему юношѣ, а теперь уже пятидесятилѣтнему старику, приходится протягивать руку.

— Кто нибудь ждетъ отвѣта? спросилъ я слугу.

— Мальчикъ какой-то... ровно нищій, отвѣтилъ слуга.

— Позови сюда.

Въ мой кабинетъ вошелъ мальчуганъ лѣтъ одиннадцати въ женской кацавейкѣ, подпоясанной веревкой, въ опоркахъ на ногахъ, въ заплатанныхъ панталонахъ, держа въ посинѣвшихъ отъ холода рукахъ теплую изодранную шапку, и крупную еловую вѣтку. Эти руки бросились мнѣ въ глаза—большія, мозолистыя, рабочія руки. Я взглянулъ на его лице и сердце сжалось отъ боли: мнѣ показалось, что передо мною исчезли сорокъ лѣтъ моей жизни и я снова вижу передъ собой своего школьнаго товарища Максима Русова. Тѣ-же вьющіеся бѣлокурые волосы, свѣтлые голубые глаза и круглое лице, большой румяный ротъ съ ослѣпительно бѣлыми зубами. Впрочемъ, стоило взглянуть на эту обвѣтрившуюся кожу, на эту грязную тряпицу, замѣнявшую наушники, чтобы иллюзія исчезла. На минуту, пораженный сходствомъ его съ нелюбимымъ всѣми товарищами его отцомъ, я ощутилъ почти враждебное чувство къ этому мальчугану.

— Вы сынъ Максима Александровича? спросилъ я его.

— Да, отвѣтилъ онъ тихо.

— Присядьте, сказалъ я, указывая ему на стулъ.

— Я не усталъ, послышался отвѣтъ. Сейчасъ отдыхалъ.

— Гдѣ живетъ ваша семья?

— За Лѣснымъ.

— Вашъ отецъ нездоровъ?

— Да, ноги отнялись. Четыре года, какъ отнялись.

— Значитъ, онъ нигдѣ уже не служитъ, ничѣмъ не занимается?

— Гдѣ-же!

— А мать?

— Мама шила, вязала, мало-ли что женщина можетъ... Теперь руки отморозила. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ отморозила... Ну, ничего и не дѣлаетъ...

— Чѣмъ-же вы живете?

— Я работаю.

Я взглянулъ на него и въ моей головѣ мелькнула скверная мысль: «лжетъ, какъ лгалъ отецъ въ дѣтствѣ».

Но онъ смотрѣлъ на меня простодушными, кроткими, немного грустными голубыми глазами, повидимому, даже и не подозрѣвая, что я думаю о немъ. Это выраженіе ясныхъ глазъ, не похожее на выраженіе глазъ его отца, пристыдило меня.

— Что-же вы можете работать? со вздохомъ проговорилъ я.

— Дрова колю, воду ношу... все дѣлаю. Тоже къ вербамъ и вотъ къ Рождеству игрушки, фонарики готовлю, все, что умѣю. Не помирать-же съ голоду. Вотъ подросту, къ токарю какому-нибудь въ ученье пойду...

Я его спросилъ, учился-ли онъ чему нибудь гдѣ-нибудь въ школѣ. Онъ отвѣтилъ какъ-то неохотно:

— Учился... дома... что въ ученьи-то этомъ? Намъ хлѣбъ нуженъ...

Я осторожно спросилъ, не пьетъ-ли его отецъ. Я зналъ, что тотъ прежде страшно пилъ.

— Изъ чего, когда на хлѣбъ не всегда есть? отвѣтилъ онъ степенно и прибавилъ:—И кто дастъ? Самъ не ходитъ.

Меня заинтересовала, между прочимъ, вѣтка ели, бывшая у него въ рукахъ.

— А это что у васъ? спросилъ я.

— Елка, отвѣтилъ онъ и вдругъ улыбнулся.

До этой минуты его лице было печально и холодно. Теперь оно оживилось милой улыбкой, на щекахъ показались ямки.

— Дѣвочка у насъ... убогонькая, горбатенькая и на костыляхъ, заговорилъ онъ.—Елки не видала, такъ вотъ ей смастерить хочу...

— Сестра ваша? спросилъ я.

— Нѣтъ, наши, слава Богу, умерли, отвѣтилъ онъ. А это дворничиха призрѣла такъ ничью дѣвочку... Ну, вотъ, и устрою елку и ей, и себѣ. Я тоже не большой... Видѣла, что игрушки да фонарики дѣлаю, ну, и приставала: «какія такія елки? какъ ихъ дѣлаютъ»... Извѣстно, сирота, ничего не видала.

— Онъ опять добродушно улыбнулся, какъ добрякъ-взрослый, говорящій о ребенкѣ.

— Я-то видѣлъ... И сегодня насмотрѣлся... Ну, а все же и у себя хочется елку сдѣлать...

Я досталъ денегъ и передалъ ихъ ему, чтобы онъ снесъ отцу, потомъ взялъ мелочь и сказалъ:

— А это вамъ на елку.

— Нѣтъ ужь это что-же. Деньги на хлѣбъ нужны. А елку... Я ее такую изъ обрѣзковъ бумаги сдѣлаю, что любо-дорого... бумаги много остается цвѣтной... А деньги на это тратить—пустое это...

Его лице опять сдѣлалось печальнымъ. Онъ помялся на мѣстѣ, какъ бы не зная, что ему надо теперь сдѣлать. Наконецъ, сказалъ:

— Ну, а затѣмъ прощайте!

И тихо, немного сгорбившись, какъ старикъ, пошелъ изъ комнаты...

X.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

28 декабря 1887 г.

Новый годъ не приноситъ ничего новаго въ области политики и старое неизбѣжно идетъ по старому, во ожиданіи какого-нибудь крупнаго политическаго столкновенія или какого-нибудь coup de diplomatie, говоря по просту, «дипломатическаго кунштюка». Въ Парижѣ 24 декабря (5 января 1888 г.) начались выборы по возобновленію одной трети личнаго состава сената. Пока извѣстны результаты 47 выборовъ изъ 82. Избраны 32 республиканца и 8 консерваторовъ; предстоятъ семь перебаллотировокъ. Большая часть выбывшихъ сенаторовъ избрана вновь. Консерваторы выиграли среднимъ числомъ одно мѣсто. Того же числа, адмиралъ Кранцъ назначенъ морскимъ министромъ, а адмиралъ Жерве—начальникомъ генеральнаго штаба флота. Депутатъ Феликсъ Форъ назначенъ товарищемъ министра колоній. Въ Англіи попрежнему продолжаютъ бороться съ ирландскими патріотами. 26 декабря по нашему стилю, вечеромъ, арестованъ ирландскій депутатъ Лэнъ за произнесенную имъ 4-го декабря рѣчь, въ которой онъ возбуждалъ толпу къ мятежу. Разсмотрѣніе дѣла Лэна отложено на недѣлю, а до тѣхъ поръ онъ, по внесеніи залога, выпущенъ на свободу. Ирландскій агитаторъ Вильфридъ Блёнтъ доставленъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Гальвэ, гдѣ былъ восторженно привѣтствованъ огромною толпой народа. При этомъ произошли безпорядки, потребовавшіе вмѣшательства полиціи. Нѣсколько человѣкъ ранено. Блентъ помѣщенъ въ тюрьму. По слухамъ, правительство рѣшило закрыть національную лигу въ Дублинскомъ и Мизскомъ графствахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ закрывается въ Дублинѣ и центральный исполнительный комитетъ лиги. По сообщенію «Агентства Рейтера» изъ Калькуты, послѣдній пограничный столбъ мургабскаго участка афганской границы поставленъ въ послѣднихъ числахъ декабря въ присутствіи Алиханова, Тарханова и нѣсколькихъ нѣмецкихъ путешественниковъ. Англійскіе и русскіе офицеры предполагаютъ выѣхать въ первыхъ числахъ января въ сѣверозападномъ направленіи. Въ Италіи извѣстная часть населенія конечно болѣе всего была занята въ послѣднее время юбилеемъ папы. 20 декабря по случаю празднованія пятидесятилѣтія своего священства, папа Левъ XIII, въ сопровожденіи блестящаго придворнаго штата, направился, при звонѣ колоколовъ, на парадныхъ носилкахъ (sedia gestatoria), въ храмъ св. Петра. Отслуживъ тамъ малую обѣдню, папа самъ пѣлъ благодарственный молебенъ и затѣмъ со своихъ носилокъ благословлялъ молящихся. Но не эти мирныя торжества и молебствія занимали итальянское правительство. Съ одной стороны, ради мира всѣмъ приходится готовиться къ войнѣ и вотъ морской министръ въ Италіи назначилъ двѣ комиссіи въ Генуѣ и Палермо для осмотра паровыхъ судовъ торговаго флота. Комиссія должна опредѣлить ихъ пригодность для военныхъ цѣлей, такъ какъ въ случаѣ войны часть торговыхъ судовъ будетъ обращена въ крейсеры. По окончаніи осмотра будетъ опредѣлено, сколько необходимо имѣть въ арсеналахъ запаснаго вооруженія. Съ другой стороны, внѣ Европы, Италія озабочена тѣмъ, что абиссинцы занимаютъ въ настоящее время своими аванпостами линію отъ Токонды до Асмары. Командующій войсками негуса сосредоточиваетъ силы между Токондой, Килаемъ и Адуа. Для итальянскихъ войскъ недавно пріобрѣтено 1,000 верблюдовъ. Это число весьма ничтожно для потребностей большого отряда. Правда, въ каждый пѣхотный полкъ, кромѣ того, роздано по 318 муловъ, но они назначаются, главнымъ образомъ, для возки боевыхъ патроновъ; на каждомъ мулѣ предполагается перевозить по 2,400 патроновъ, что составляетъ грузъ около 5 пудовъ вѣсомъ. По свѣдѣніямъ изъ Абиссиніи, итальянцы могутъ потерпѣть пораженіе подъ Массовой; въ Вѣнѣ, однако, не желаютъ, чтобы итальянскому престижу на Востокѣ былъ нанесенъ сильный ударъ. Въ Вѣнѣ въ послѣдніе дни передъ Рождествомъ вдругъ начались миролюбивыя стремленія. Всѣ газеты воспроизводятъ отзывъ «Сѣверо-Гермарской Всеобщей Газеты» о русской политикѣ въ дѣлѣ о подложныхъ документахъ. Германская газетная кампанія противъ принца Кобургскаго продолжается. Въ дипломатическихъ кружкахъ говорятъ, что германскій посолъ, принцъ Рейссъ, обратился въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ запросомъ, приметъ ли австрійское правительство участіе въ дипломатическихъ мѣрахъ противъ принца Фердинанда. Австрійскій агентъ Буріанъ вскорѣ будетъ отозванъ изъ Софіи. «Fremdenblatt», обсуждая новогоднюю рѣчь Тиссы, говоритъ, что Австро-Венгрія никогда не вызоветъ войны, всѣ ея народности желаютъ только мира, соединеннаго съ безопасностью относительно его устойчивости и сохраненіемъ въ цѣлости престижа и интересовъ монархіи. По свѣдѣніямъ «Correspondance de l'Est», рѣшено произвести частные сборы резервистовъ, для ознакомленія послѣднихъ съ новыми магазинными ружьями. Въ политическомъ отношеніи не проявляется никакихъ тревожныхъ симптомовъ, напротивъ того, за послѣдніе нѣсколько дней напряженіе значительно уменьшилось. На дняхъ, вѣроятно, появится въ одномъ изъ правительственныхъ органовъ оффиціозное сообщеніе о послѣдовавшемъ улучшеніи въ общемъ политическомъ положеніи. Въ «Correspondance de l'Est» сообщается: «Заявленія «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и «Nord» и возвращеніе сюда русскаго военнаго агента, генерала Зуева, съ миролюбивыми завѣреніями произвели самое благопріятное впечатлѣніе. Съ 22 декабря на биржѣ идетъ непрерывное повышеніе курсовъ. Въ оффиціальныхъ кругахъ установилось рѣшительно мирное настроеніе. Въ самомъ непродолжительномъ времени ожидаютъ оффиціальныхъ заявленій самаго миролюбиваго свойства. Въ Сербіи пало министерство Ристича и на мѣсто него встало радикальное министерство съ Груичемъ во главѣ. Газета «Браникъ» сожалѣетъ о паденіи министерства Ристича и доказываетъ, что радикальная партія въ политической программѣ, сообщенной ею королю, поступилась основными своими принципами. Тотъ фактъ, что радикалы, недовольные Ристичемъ, какъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, согласились на замѣщеніе его Франассовичемъ, также смѣшенъ, какъ и назначеніе Милославлевича въ министры внутреннихъ дѣлъ. «Браникъ» сравниваетъ Груича съ лимономъ, который будетъ вскорѣ выжатъ. «Новое министерство, пишутъ въ «Presse», никого не удовлетворяетъ и вызвало даже въ радикальныхъ кружкахъ сильное разочарованіе. Либералы и напредняки предсказываютъ ему лишь недолговѣчное существованіе. Хотя либералы и рѣшились на энергическую оппозицію, но у нихъ замѣчается сильный упадокъ духа». Въ «Politische Correspondenz» сообщается изъ Бѣлграда: «Министерство представилось скупщинѣ, изложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ вкратцѣ свою политическую программу. Скупщина внесла въ списокъ очередныхъ занятій законопроектъ о заключеніи государственнаго займа въ 20 милліоновъ франковъ. Разсмотрѣніе законопроекта состоится 21 декабря, вечеромъ. Сербская скупщина въ этотъ вечеръ приняла большинствомъ 120 голосовъ противъ 63 законопроектъ о заключеніи государственнаго займа въ 20 милліоновъ франковъ, а затѣмъ королевскимъ декретомъ скупщина распущена до 17-го (29-го) января. На совѣщаніи либеральныхъ депутатовъ скупщины рѣшено не создавать затрудненій радикальному министерству. Въ письмѣ сербскаго короля къ новому министру-президенту Груичу, въ которомъ даруется политическимъ преступникамъ амнистія, въ концѣ король высказываетъ надежду что глава министерства, сообща со своими товарищами, осуществитъ многостороннюю правительственную программу, возстановитъ равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ, сохранитъ армію въ нынѣшней ея боевой готовности и поведетъ внѣшнюю политику въ прежнихъ ея рамкахъ самосохраненія Сербіи и полной самостоятельности балканскихъ государствъ. Въ виду, должно быть, миролюбивыхъ извѣстій изъ Вѣны въ Румыніи всполошились, чтобы никто не заподозрилъ Румынію въ желаніи войны, вотъ газета «Etoile Roumaine», полемизируя съ «Romanul», требовавшимъ категорическаго опроверженія слуховъ объ австро-румынскомъ союзѣ, напоминаетъ о заявленіи, сдѣланномъ 9-го декабря въ палатѣ депутатовъ министромъ иностранныхъ дѣлъФерекиде на счетъ того, что всѣ извѣстія относительно такого наступательнаго и оборонительнаго союза являются чистѣйшимъ вымысломъ. Нѣтъ слуховъ только о Болгаріи. Да и что же можно сказать о ней?

Правительственныя новсости.

Съ новаго года увеличенъ на ¼ коп. акцизъ съ вина и спирта, введенъ новый налогъ на керосинъ и спички.—Увеличенъ также государственный поземельный налогъ по 22 губерніямъ,—новые налоги и уменьшеніе почти всѣхъ статей государственной росписи дали возможность свести бюджетъ на текущій годъ съ превышеніемъ доходовъ.—Относительно военныхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, по которому командиры отдѣльной части, при испрашиваніи офицеромъ разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, обязаны разсматривать пристойность брака. По отношенію къ офицерамъ, состоящимъ въ управленіяхъ, учрежденіяхъ и заведеніяхъ военнаго вѣдомства, обязанность разсмотрѣнія пристойности браковъ возлагается на тѣхъ начальствующихъ лицъ, отъ власти которыхъ зависитъ самое разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ подчиненныхъ имъ чиновъ.—27 декабря исполнилось пятидесятилѣтіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, учрежденнаго въ 1837 г. съ первоначальною цѣлью улучшить хозяйство государственныхъ крестьянъ. Затѣмъ къ этому министерству стали присоединяться и разныя другія дѣла, постоянно расширяя его компетенцію.—Въ виду того, что св. синодъ уже принципіально давно рѣшилъ вопросъ о переименованіи всѣхъ сельскихъ школъ нынѣшняго типа въ приходскія, въ настоящее время, приступлено къ составленію новыхъ учебниковъ для этихъ школъ.

Внутреннія извѣстія, земское дѣло, духовенство, школа и пр.

Всѣ три прибалтійскихъ губернатора одновременно находятся въ настоящее время въ Петербургѣ, по поводу происходящихъ здѣсь совѣщаній о прибалтійскихъ дѣлахъ. Одинъ изъ обсуждаемыхъ вопросовъ есть распространеніе русскаго языка въ краѣ. Въ Ригѣ и Ревелѣ разрѣшено открытіе нѣсколькихъ трехклассныхъ училищъ съ русскимъ языкомъ преподованія. Дѣло образованія въ русскихъ городскихъ училищахъ въ гор. Ригѣ идетъ съ большимъ успѣхомъ. Замѣчается увеличеніе числа учащихся, такъ что приходится нерѣдко отказывать желающимъ поступить. То же замѣчается и въ Либавской прогимназіи, которую предполагаютъ преобразовать въ гимназію.—Не менѣе отрадное явленіе встрѣчается въ Нижегородской губерніи: въ одинъ годъ открыты три спеціальныя школы: школа рѣчного судоходства, учительская—для подготовленія учителей въ церковно-приходскія школы и сельско-хозяйственная—на земскомъ хуторѣ въ лукояновскомъ уѣздѣ. Царицынское земство, съ цѣлью поддержанія грамотности въ оставившихъ народную школу ученикахъ путемъ безплатной раздачи для чтенія книгъ, а также для доставленія народнымъ учителямъ и учительницамъ безплатнаго чтенія, устроило при царицынской земской управѣ книжный складъ.—Министерствомъ народнаго Просвѣщенія не признано возможнымъ удовлетворить ходатайство одесскаго уѣзднаго земскаго собранія о разрѣшеніи устроить при народныхъ школахъ большихъ селеній уѣзда чтенія для народа.—Интересное отношеніе къ народному образованію проявило елатомское тамбовской губ.) земское собраніе, которое опредѣлило закрыть всѣ земскія школы, передавъ ихъ имущество въ церковно-приходскія, что и было исполнено. Министерство народнаго просвѣщенія признало такое постановленіе собранія неправильнымъ, потому что для земства обязательно содержаніе тѣхъ школъ, на которыя оно однажды ассигновало денежныя средства. Не смотря на это, нынѣшнее собраніе нашло, что расходы на народное образованіе отнесены закономъ къ не обязательнымъ для земства, слѣдовательно всегда могутъ измѣняться собраніемъ, сообразно средствамъ земства, и потому рѣшило не вносить ихъ въ смѣту. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе нашло лишнимъ назначить пособіе и церковно-приходскимъ школамъ, такъ какъ онѣ еще не открыты. Такимъ образомъ, въ елатомскомъ уѣздѣ нѣтъ теперь ни земскихъ, ни церковно-приходскихъ школъ.—Въ могилевской губерніи на 7974 учениковъ въ сельскихъ народныхъ школахъ приходится только 636 дѣвочекъ что составляетъ около 8 проц. Всѣхъ школъ въ губерніи 192; каждая приходится на районъ въ 220 кв. верстъ.—Большая половина школъ содержится на средства мѣстнаго населенія.

Книжное дѣло, музыка, живоцись и пр.

Интересны свѣдѣнія о библіотекахъ нѣсколькихъ русскихъ аристократическихъ фамилій. Библіотека князя Воронцова въ Петербургѣ заключаетъ въ себѣ 12 тыс. томовъ по всѣмъ отраслямъ знаній, независимо отъ библіотеки, находящейся въ Алупкѣ. Библіотека княгини Львовой, большею частью перешедшая отъ отца ея, Бибикова, имѣетъ 12,790 томовъ, въ томъ числѣ видное мѣсто занимаетъ славянскій отдѣлъ, по нумизматикѣ до 600 т. и не мало собрано журналовъ. Въ библіотекѣ, собранной графомъ Панинымъ, осталось 11,000 т. съ большимъ отдѣломъ «Rossica», который былъ купленъ имъ отъ князя Лобанова, и съ отдѣломъ законодательства различныхъ государствъ Европы. Фамилія Паниныхъ владѣетъ еще двумя библіотеками, въ Крыму и въ Марфино, близъ Москвы, гдѣ имѣется большая коллекція автографовъ. Библіотека графа С. Д. Шереметева составилась изъ нѣсколькихъ коллекцій: библіотеки фельдмаршала графа Бориса Петровича, состоящей изъ 25 тысячъ томовъ, изъ нихъ большинство инкунабулъ, менѣе значительной, но дорогой библіотеки внука фельдмаршала графа Николая Шереметева, изъ великолѣпныхъ экземпляровъ французскихъ иллюстрированныхъ изданій XVIII в. и эстамповъ знаменитыхъ граверовъ; коллекціи сочиненій по церковной музыкѣ, собранныхъ графомъ Дмитріемъ Шереметевымъ. Сюда же надо отнести библіотеку его жены. Кромѣ того, личная библіотека графъ С. Д. Шереметева состоитъ изъ 12 тыс. соч., изъ нихъ болѣе 2 тыс. только по исторіи Россіи, библіотека его дяди въ Михайловскомъ въ 3,500 т., библіотека графини Е. П. Шереметевой, урожденной кн. Вяземской, изъ сочиненій новѣйшей русской и англійской литературъ и библіотека графа А. Д. Шереметева въ 10 тыс. т. изъ книгъ по исторіи, географіи и путешествіямъ. Часть этой библіотеки пріобрѣтена отъ князя Долгорукова въ 1880 году. Сверхъ того, въ этой библіотекѣ имѣются роскошные экземпляры французскихъ изданій. Библіотека князя П. П. Вяземскаго, находящаяся въ Осташковѣ, считается въ 22 тыс. томовъ, кромѣ личной библіотеки князя въ Петербургѣ, состоящей изъ 10 тыс. т. и нѣсколько сотенъ славянскихъ и древне-русскихъ рукописей. Библіотека графа Бобринскаго состоитъ изъ лучшихъ экземпляровъ иллюстрированныхъ французскихъ изданій. Библіотека графа Панина, помѣщающаяся въ Готцунбергѣ, близъ Митавы, заключаетъ въ себѣ древнія изданія, средневѣковыя рукописи и историческія сочиненія на различныхъ языкахъ. Въ этой же библіотекѣ находится уникумъ изданія, 1549 года «Commentarii rerum moscovitarum» Герберштейна съ собственноручными поправками автора. Въ библіотекѣ графа Левашева находится до 6 тыс. т. инкунабулъ, эльзевировъ и французкихъ изданій XVIII вѣка. Библіотека графа Д. А. Толстого имѣетъ до 12 тыс. томовъ по исторій Россіи, по исторіи западной церкви, по педагогикѣ и народному просвѣщенію.—По расчетамъ Шарпантье, парижскаго издателя романовъ Эмиля Зола, 14 романовъ его, составляющихъ серію «Ругонъ-Макаровъ», разошлись въ 800 тыс. экземпляровъ, что даетъ среднимъ числомъ болѣе 50 тыс. на каждый романъ. Со времени появленія «L'Assomoir» всѣ позднѣйшіе романы превзошли цифру 50 тыс., за исключеніемъ «La Joie de vivre», давшій 40 тыс. экз. За то «Nana» разошелся въ 150 тыс., «L'Assomoir»—въ 111 тыс., «Pot-Bouille»—въ 75 тыс. и «Germinal»—въ 72 тыс., тогда какъ самый чистоплотный изъ новѣйшихъ произведеній Зола «Au bonheur des dames» не превысилъ 50,000. Новѣйшее произведеніе французскаго натуралиста «La Terre», запрещенный почти во всѣхъ странахъ свѣта, разошелся уже въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.—Учрежденному въ Парижѣ анонимному обществу подъ названіемъ Société de librairie française en Russie разрѣшено производить въ Россіи операціи по продажѣ книгъ, журналовъ, газетъ и др. произведеній литературы, съ условіемъ подчиненія его дѣйствующимъ въ Россіи законамъ и постановленіямъ, относящимся къ предмету его дѣятельности, и съ обязательствомъ, въ случаѣ требованія, внести въ Государственный Банкъ особый залогъ.—Берлинскій декораторъ Эрнстъ Тепперъ нашелъ средство дѣлать театральныя декораціи несгораемыми, изготовляя ихъ изъ тонкой проволоки. Такая проволочная матерія покрывается пастой особаго состава и затѣмъ на ней и можно уже расписывать. Мюнхенскій театръ заказалъ всѣ декораціи изъ этой проволочной матеріи хотя еще остается вопросъ, долго-ли продержится паста.

Медицина, заболѣванія, эпидеміи и проч.

Докторъ Буканан въ своей медико-психол. статистикѣ Соедин. Шт., между прочимъ, сообщаетъ, что въ Америкѣ, со времени уничтоженія невольничества, число случаевъ умопомѣшательства среди чернокожаго населенія ежегодно увеличивается въ поразительной пропорціи. Въ 1850 году, въ пріютахъ для душевно-больныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось до 618 негровъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1860 году, число негровъ, одержимыхъ умопомѣшательствомъ, простиралось до 766, что равнялось 1 на 5,790 негровъ. Въ 1870 году, въ больницахъ призрѣвалось до 2,695 негровъ, страдавшихъ разными видами психическаго разстройства; а въ 1880 году 1 душевно-больной негръ приходился на 1,096 своихъ соплеменниковъ. Если этотъ приростъ будетъ продолжаться въ той же пропорціи, то, какъ замѣчаетъ Буканан, въ 1890 году придется 1 сумасшедшій на 500 негровъ. Тоже самое явленіе наблюдается и относительно развитія чахотки среди чернокожихъ, весьма рѣдко подвергавшихся въ прежнее время легочнымъ болѣзнямъ. Причину распространенія сумасшествія и чахотки среди негритянской расы докторъ Букананъ усматриваетъ въ анти-гигіеническихъ условіяхъ образа жизни чернокожихъ, въ ихъ невоздержанности, развратѣ и въ развитіи между ними пьянства. Наиболѣе распространенные между неграми виды умственнаго разстройства сводятся къ маніи, идіотству и меланхоліи; случаи же религіозныхъ формъ помѣшательства между ними почти вовсе не встрѣчаются.—Послѣднюю болѣзнь принца Хуна, отца китайскаго императора лечили всѣ китайскія медицинскія знаменитости, образчикомъ ихъ врачеванія можетъ служить прописанное докторомъ Ліу-Хекіангомъ лекарство изъ сушеной печени акулы. За этимъ веществомъ пришлось послать нарочнаго въ Нанкинъ, такъ какъ въ Пекинѣ его не оказалось.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Явленіе Христа народу.

Великимъ предшественникомъ Христа является Іоаннъ, крестя въ пустынѣ и проповѣдуя крещеніе покаянія и прощенія грѣховъ. И выходили къ нему вся страна Іудейская и іерусалимляне, и крестились отъ него всѣ въ рѣкѣ Іорданѣ, исповѣдуя грѣхи свои. Іоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ, и ѣлъ акриды и дикій медъ. И проповѣдывалъ, говоря: «идетъ за мною сильнѣйшій меня, у Котораго я недостоенъ, наклонившись, развязать ремень обуви Его. Я крещу васъ водою; онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ». Это было въ Виѳаварѣ при Іорданѣ, гдѣ крестилъ Іоаннъ. На другой день видитъ Іоаннъ идущаго къ нему Іисуса и говоритъ: «вотъ агнецъ Божій, Который беретъ на себя грѣхи міра». (Матѳей 3; Маркъ 1, 1—11; Лука 3, 1—22; Іоаннъ 1, 6—36). Именно этотъ моментъ, описанный въ евангеліяхъ, взялъ художникъ Александръ Андреевичъ Ивановъ, сюжетомъ для своей картины «Явленіе Христа народу». Исторія этой картины—это цѣлая драма. Александръ Андреевичъ, родившійся въ 1806 году въ Петербургѣ и получившій здѣсь свое художественное образованіе, уѣхалъ въ 1830 году въ Римъ и рѣшилъ написать здѣсь свою картину. Но какъ написать? Взять извѣстный изъ евангелія моментъ и изобразить его—вотъ и все? Нѣтъ, художникъ сталъ изучать все, касавшееся его предмета, онъ проникался вполнѣ этимъ сюжетомъ и каждая черта въ картинѣ была плодомъ изученія, строгаго обдумыванія. На художника находили минуты тяжкаго раздумья, мучительныхъ сомнѣній. Кругомъ его шипѣла зависть, что онъ ничего не дѣлаетъ, что онъ пишетъ десятокъ лѣтъ всего «одну картину». Правда находились у него и защитники, понимавшіе чего стоитъ эта «одна картина». Среди этихъ защитниковъ явился самымъ горячимъ и самымъ краснорѣчивымъ Н. Гоголь. Такъ прошло много тяжкихъ лѣтъ для Иванова и, наконецъ, въ 1858 году петербургское общество увидало эту картину и было буквально ошеломлено. Это была во-первыхъ не одна картина, а цѣлая «школа»: цѣлыя залы были наполнены этюдами и подготовительными работами; голова какого-нибудь старика, кусочекъ рѣки, съ отражающимся въ ней берегомъ, мальчуганъ, выходящій изъ воды, все это повторялось въ разныхъ видахъ на отдѣльныхъ картинахъ. Если бы даже Иванову не удалось создать своего главнаго великаго произведенія, то одни эти этюды сдѣлали бы его достойнымъ изученія, что и поняли въ Германіи, гдѣ изданы копіи съ Ивановскихъ этюдовъ, какъ настоящая подготовительная «школа» для художниковъ. Успѣхъ картины художника былъ громадный, появлялись и завистники, и интриганы, какъ бы испугавшіеся этой страшной художественной силы. Къ сожалѣнію, эта сила скоро сдѣлалась нестрашной для нихъ: въ іюнѣ 1858 года Ивановъ сошелъ въ могилу. Это была неожиданная страшная утрата и въ то же время нѣчто знаменательное: художникъ жилъ и страдалъ своимъ произведеніемъ; разъ оно было кончено и передано въ руки обществу, онъ сошелъ въ могилу, какъ совершившій свое призваніе. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку этого произведенія, въ описаніе отдѣльныхъ личностей, начиная съ самаго Іоанна и окружающихъ его учениковъ и кончая рабами, находящимися на первомъ планѣ. Въ каждой изъ этихъ фигуръ есть свой смыслъ, на каждой лежитъ печать серьезной продуманности.

Н. Н. Фигнеръ.

Фамилія Фигнеровъ принадлежитъ къ числу довольно старыхъ русскихъ дворянскихъ фамилій и одинъ изъ Фигнеровъ прославился въ 1812 году. Николай Николаевичъ Фигнеръ, если не ошибаемся, уроженецъ казанской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ казанской гимназіи, потомъ въ Петербургѣ въ морскомъ училищѣ. Прослуживъ нѣкоторое время во флотѣ, онъ вышелъ въ отставку и занялся своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Сначала онъ пѣлъ за границей, потомъ въ началѣ нынѣшняго сезона былъ принятъ на сцену Маріинскаго театра, гдѣ еще весною прошлаго года состоялись его дебюты. Не мало толковали о большомъ его жалованьи и о небольшихъ голосовыхъ средствахъ, но пѣвецъ мало по мало доказалъ, что, не смотря на небольшіе размѣры своего голоса, онъ стоитъ головой выше окружающихъ его артистовъ съ большими голосами. У него есть то, чего нѣтъ у другихъ поющихъ теперь у насъ теноровъ—есть школа и умѣнье пѣть. Вы всегда можете быть увѣрены, что, отправляясь слушать Фигнера, вы услышите дѣйствительно образцовое пѣніе, а не нѣчто неровное и безхарактерное, вялое и бездарное. Вотъ почему молодой пѣвецъ быстро завоевалъ симпатіи публики и едва-ли кто нибудь изъ посѣщающихъ теперь оперу спрашиваетъ: «а сколько онъ получаетъ?» Особенно хорошъ Н. Н. Фигнеръ въ «Аидѣ», въ «Гугенотахъ», въ «Отелло». Самой неудачной его партіей является покуда партія въ «Фаустѣ».

Madonna della Sedia.

«Пречистая дѣва на креслѣ»—Madonna della Sedia или della Seggiola—принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся произведеній величайшаго итальянскаго художника. Здѣсь, на этой картинѣ Рафаэля, высказалось вполнѣ пониманіе художникомъ чистой красоты; кромѣ того изумительно краснорѣчива, поза божественнаго младенца и его пречистой матери, по ней вы ясно угадываете ихъ тѣсную связь. Чистотой, святостью, миромъ, вѣетъ отъ этихъ двухъ существъ. Выраженіе глазъ младенца Іисуса поразительно и все же это не глаза взрослаго, а глаза ребенка. Этимъ Рафаэль избѣжалъ ошибки многихъ, рисующихъ младенца Іисуса и придающихъ ему выраженіе взрослаго. Впрочемъ, не даромъ же Гете сказалъ про него, что «его геній состоитъ въ томъ, что онъ дѣлалъ то, что другіе хотѣли сдѣлать». Эта картина находится теперь во Флоренціи въ галлереѣ палаццо Питти.

На тройкѣ за городъ.

Лунныя зимнія ночи съ легкимъ морозцомъ, съ землей, покрытою пушистымъ, бѣлымъ снѣгомъ, такъ и манятъ за городъ, на свѣжій воздухъ даже петербуржца, не особенно близко знакомаго съ природой и не очень страстно влюбленнаго въ нее и знающаго гораздо ближе воздухъ канцелярій и трактировъ или клубовъ, между которыми онъ дѣлитъ свой день: утромъ въ должности, вечеромъ въ клубѣ. Но вотъ, увлеченный прелестью этихъ ночей, петербуржецъ несется на тройкѣ за городъ, на наемной петербургской тройкѣ, но все-же на тройкѣ. Правда, уноситъ его тройка опять-таки въ какой-нибудь загородный трактирчикъ, въ ту же атмосферу вина, пива, табаку и кухоннаго чада, но и какой-нибудь часъ, проведенный на воздухѣ, подбадриваетъ, освѣжаетъ и поднимаетъ движеніе крови.

Спб. Императорскій эрмитажъ.

Мы, петербуржцы, давно присмотрѣлись ко всѣмъ существующимъ въ немъ сооруженіямъ и очень мало цѣнимъ ихъ, хотя многія изъ нихъ могли бы служить украшеніемъ любой изъ европейскихъ столицъ. Зимній дворецъ, Мраморный дворецъ, зданіе Государственнаго Совѣта, Исаакіевскій соборъ, Академія художествъ, Николаевскій и Александровскій мосты, зданіе Инженернаго училища, наконецъ зданіе Эрмитажа, все это такія сооруженія, передъ которыми останавливаются даже тѣ иностранцы, которые видѣли Лондонъ, Парижъ, Вѣну и Берлинъ. Впрочемъ, холодное равнодушіе или, вѣрнѣе сказать, сонливая апатія—это черта, присущая вообще петербуржцамъ. Среди нихъ вы встрѣтите сотни и сотни людей, даже никогда не заглядывавшихъ въ Эрмитажъ, хотя впускъ туда не соединенъ ни съ какими затрудненіями и затратами, а посмотрѣть тамъ есть что.

Императорскій Эрмитажъ—это одна изъ лучшихъ художественныхъ галлерей въ Европѣ. Подходя къ нему со стороны Милліонной улицы, вы невольно поражаетесь величавой простотой его фасада, украшеннаго статуями великихъ художниковъ, и громаднымъ подъѣздомъ съ гигантскими карріатидами изъ сѣраго гранита. Внутри васъ изумляетъ роскошь бѣлой мраморной лѣстницы съ полированными желтыми стѣнами, съ массою статуй, стоящихъ вверху на галлереѣ верхняго этажа окружающей лѣстницу. Въ залахъ на каждомъ шагу вы видите вазы и столы изъ ляпись-лазури, малахита, яшмы, мозаики. Одни эти предметы представляютъ собою несмѣтное богатство, не говоря уже о чисто художественныхъ произведеніяхъ, о нумизматическомъ отдѣленіи, о библіотекѣ, о древностяхъ, о собраніи золотыхъ и брилліантовыхъ вещей. Возникъ Эрмитажъ не вдругъ. Своимъ основаніемъ онъ обязанъ императрицѣ Екатеринѣ II. Она дала это названіе ряду зданій, прилегающихъ къ Зимнему дворцу, и употребила не мало заботъ на устройство этого уголка, гдѣ на ея интимныхъ вечерахъ перебывали всѣ знаменитости того времени, посѣщавшія Петербургъ. Первое изъ зданій Эрмитажа, павильонъ, было построено въ 1765 году французомъ Валленъ де-ла-Мотомъ и соединено съ Зимнимъ дворцомъ галлереею. Второе зданіе, соединенное съ первымъ аркою въ видѣ моста, возникло черезъ десять лѣтъ и за его постройкою наблюдалъ Ю. Фельтенъ. Наконецъ, въ 1780 году къ этимъ постройкамъ присоединился эрмитажный театръ съ аркою черезъ Зимнюю канаву; строителемъ явился архитекторъ Джакомо Гваренги. Зданія, построенныя Екатериною II, оказались недостаточными для всѣхъ находящихся въ Эрмитажѣ сокровищъ и потому императоръ Александръ I присоединилъ къ нимъ галлерею, идущую вдоль зимняго сада, а императоръ Николай I построилъ зданіе новаго Эрмитажа. Работами завѣдывалъ архитекторъ Л. фонъ-Кленце. Открытіе музея состоялось въ 1849 году.

Постепенно собирались сокровища искусствъ для этого музея, основа для котораго положена покупкою, главнымъ образомъ, трехъ значительныхъ коллекцій: галлереи барона де-Тьера, галлереи графа Генриха Брюля и галлереи Гаутонъ-Галля, резиденціи лорда Роберта Вальполя. Къ этимъ основнымъ коллекціямъ дѣлались постоянныя дополненія какъ покупкою отдѣльныхъ картинъ, такъ и большихъ собраній различныхъ художественныхъ произведеній. Въ своемъ мѣстѣ намъ предется еще говорить о картинахъ разныхъ школъ, составляющихъ гордость нашего Эрмитажа. Здѣсь же коснемся только нашего перваго рисунка, посвященнаго Эрмитажу. Мы на первый разъ помѣщаемъ такъ называемую Помпейскую галлерею или входный залъ верхняго этажа эрмитажнаго зданія. Залъ этотъ весь расписанъ въ помпейскомъ вкусѣ и въ немъ помѣщаются статуи знаменитыхъ скульпторовъ въ родѣ Кановы, Гудона и т. д. Первою къ зрителю статуею является «Вольтеръ» Гудона, перенесенный когда-то изъ Эрмитажа въ Публичную библіотеку и теперь въ послѣднее время снова возвращенный въ Эрмитажъ. Далѣе идутъ статуи: «Нереида» Е. Вольфа, знаменитая «Діана» Гудона, снятая съ Дю-Барри, затѣмъ «Амуръ» Фальконета. Противъ дверей находится бюстъ основательницы Эрмитажа, Екатерины II, а за нимъ идутъ «Амуръ и Психея» Кановы, «Танцовщица» его-же, «Геба» его-же и наконецъ «Венера» Витали. Вдоль одной изъ стѣнъ помѣщается рядъ вазъ, а вдоль другой—находятся бюсты, среди которыхъ мы встрѣчаемъ бюсты Петра I, Александра I и т. д. Кромѣ статуй, находящихся въ этой галлереѣ, масса ихъ помѣщается вокругъ лѣстницы въ верхнемъ этажѣ, въ разныхъ залахъ русской школы, итальянской школы и т. д. Наконецъ, въ нижнемъ этажѣ Эрмитажа цѣлыя залы посвящены исключительно скульптурѣ, по преимуществу древней. Страннымъ образомъ, не смотря на всю полноту и роскошь собранія скульптурныхъ вещей, мы замѣчаемъ здѣсь полное отсутствіе скульптуръ Торвальдсена или хотя-бы копій съ нихъ.

Башкирцы подъ Казанью.

Въ сжатой, но сильно написанной картинѣ Пугачевскаго бунта, нашъ великій поэтъ А. С. Пушкинъ особенно ярко передаетъ бѣдствія Казани во время ея осады. «12-го іюля, на зарѣ, мятежники подъ предводительствомъ Пугачева потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая передъ собою возы сѣна и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близь предмѣстья кирпичные сараи, рощу и загородный домъ Кудрявцева, устроили тамъ свои батареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроясь въ карре и оградясь рогатками. Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстью толпу заводскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большею частію безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину, перепалзывала черезъ высоты, подверженныя пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралась въ овраги, находящіеся на краю самаго предмѣстья. Опасное сіе мѣсто защищали гимназисты съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева: влѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстьями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ и кучами ворвались въ предмѣстье. Съ другой стороны лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ. Суконщики (люди разнаго званія и большею частію кулачные бойцы), ободряемые преосвященнымъ Веніаминомъ, вооружились чѣмъ ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились къ оборонѣ. Башкирцы съ Шарной горы пустили въ нихъ свои стрѣлы и бросились въ улицы. Суконщики приняли было ихъ въ рычаги, въ копья и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонира. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суконщики бѣжали. Мятежники сбили караулы и рогатки и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣднему убѣжищу. Потемкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить дома и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Пугачевъ, поставя свои батареи въ трактирѣ гостинаго двора, за церквами, у тріумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ея правый уголъ, и коего ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттолѣ ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари, съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и зажигая дома. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи... Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить, и зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ сію минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколькихъ человѣкъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился и что послѣдній ихъ часъ уже насталъ. Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей». Нашъ сотрудникъ, талантливый художникъ К. В. Лебедевъ, взялъ тэмою для своего рисунка именно этотъ страшный моментъ: городъ охваченъ моремъ огня, а орда башкирцевъ гонитъ впередъ несчастныхъ плѣнныхъ

Франческа и Паоло де-Римини.

Случайности ожесточенной войны гвельфовъ и гибелиновъ, стоившей столько крови итальянскому народу, выдвинули между прочимъ впередъ знаменитаго предводителя гвельфовъ въ Романьи, Малатесту де-Вируччіо. Въ 1295 году 19 декабря онъ былъ провозглашенъ народомъ владѣтельнымъ княземъ въ Римини, причемъ изъ Римини былъ изгнанъ представитель гибелиновъ. Смѣлый и предпріимчивый Малатеста былъ три раза женатъ и имѣлъ четырехъ сыновей. Одинъ изъ сыновей былъ кривымъ, другой хромоногимъ, третій горбатымъ, что, впрочемъ, не мѣшало имъ быть смѣлыми воинами и помогать отцу въ его борьбѣ съ врагами. Только четвертый сынъ Малатесты отличался не одною храбростію, но и красотою. Это былъ Паоло, прославившійся своей поэтической любовью и своей трагической смертью. Одинъ изъ его братьевъ, Джіованни, хромоногій и уродливый, женился на дочери Гвидо Стараго изъ Поленты, Франческѣ. Франческа была красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Она и Паоло влюбились другъ въ друга. Для невысказаннаго, платоническаго чувства было достаточно самаго ничтожнаго предлога, чтобы оно вспыхнуло яркимъ пламенемъ и заставило молодыя существа забыть ихъ долгъ. Именно въ эту минуту засталъ ихъ мужъ Франчески и поразилъ обоихъ однимъ ударомъ. Эта драма любви послужила для великаго Данте тэмою для одной изъ лучшихъ страницъ его «Ада». Путешествуя по аду, онъ увидалъ двѣ обнявшіяся тѣни, носящіяся вѣчно вмѣстѣ, пронзенныя однимъ мечомъ. Беремъ это описаніе изъ стихотвореній Д. С. Мережковскаго: «Порой чета голубокъ надъ полями межъ черныхъ тучъ мелькаетъ подъ грозою, во мглѣ сіяя бѣлыми крылами; такъ въ царствѣ вѣчной тьмы передо мною сверкнули двѣ обнявшіяся тѣни, озарены печальной красотою. И въ ихъ чертахъ былъ прежній слѣдъ мученій, и въ ихъ очахъ былъ прежній страхъ разлуки, и въ граціи медлительность движеній, въ томъ, какъ они другъ другу жали руки, лицомъ къ лицу поникнувъ съ грустью нѣжной, былой любви высказывались муки. И волновалась грудь моя мятежно, и я спросилъ ихъ, тронутый участьемъ, о чемъ они тоскуютъ безнадежно. И былъ отвѣтъ: «съ жестокимъ самовластьемъ любовь, одна любовь насъ погубила, не давъ упиться мимолетнымъ счастьемъ; но смерть—ничто, ничто для насъ—могила, и намъ не жаль потеряннаго рая, и мука въ рай любовь преобразила». «Но гдѣ и какъ—страдальцамъ говорю я—впервый межъ вами пламень страстной жажды преграды свергъ, на цѣпи негодуя». И былъ отвѣтъ: «читали мы однажды наединѣ о страсти Ланчелотта, но о своей лишь страсти думалъ каждый. Я помню книгу, бархатъ переплета, я даже помню, какъ въ зарѣ румяной заглавныхъ буквъ мерцала позолота. Открыты были окна, и туманный, нагрѣтый воздухъ въ комнату струился; ронялъ цвѣты жасминъ благоуханный. И мы прочли, какъ Ланчелоттъ склонился и поцѣлуемъ скрывъ улыбку милой, уста къ устамъ, въ рукахъ ея забылся. Увы! насъ это мѣсто погубило, и въ этотъ день мы больше не читали. Но сколько счастья солнце озарило!» И тѣнь умолкла, полная печали». Описаніе любви Франчески и Паоло де-Римини у Данте считается chef d'oeuvre'омъ поэзіи. На этотъ драматическій сюжетъ было написано не мало художественныхъ произведеній. Знаменитый авторъ «Тюремъ», Сильвіо Пеллико, написалъ трагедію «Франческа де-Римини». Извѣстный художникъ Ари Шефферъ въ 1835 году написалъ картину «Паоло и Франческа», находящуюся въ кушелевской галлереѣ петербургской академіи художествъ. Изъ произведеній новѣйшихъ художниковъ замѣчательна картина Людвига Гоуфмана-Цейца, изображающая Франческу и Паоло, носящимися среди другихъ тѣней въ аду. Гофманъ-Цейцъ родился 11 ноября 1832 года въ Цейцѣ. Общее образованіе и первые уроки въ рисованьи получилъ въ своемъ родномъ городѣ. Въ 1852 году онъ отправился въ Мюнхенъ для дальнѣйшаго обученія живописи. Онъ поступилъ въ мастерскую М. фонъ-Швинда, любимымъ ученикомъ котораго онъ и сдѣлался потомъ. «Голубой цвѣточекъ», «Погибли и умерли», «Внѣзапность» и, главнымъ образомъ, «Франческа и Паоло» прославили имя Гофмана-Цейца.

Святки (ночь на новый годъ).

Гаданья на Рождествѣ общераспространены по всей Россіи. Перечислить ихъ всѣ нѣтъ возможности. Вотъ дѣвушки слушаютъ у окна, что говорятъ въ чужомъ домѣ чтобы узнать свою судьбу. Далѣе онѣ бросаютъ башмаки, чтобы знать, куда выйдутъ замужъ. Затѣмъ, садится дѣвушка у зеркала, ставитъ около него свѣчи и ждетъ, что покажется ей въ зеркалѣ. Льется въ рождественскіе праздники олово и по фигурѣ слитковъ стараются угадать свою судьбу. Берутъ въ избу пѣтуха или курицу, насыпаютъ на полъ зерна и пернатые колдуны должны отгадывать будущее. Но проще и употребительнѣе всего гаданье на картахъ и ужь оно-то процвѣтаетъ вездѣ и во всякое время, и въ праздники, и въ будни. Человѣчеству всегда хочется заглянуть въ завтрашній день и никакъ никого не увѣришь, что жизнь потеряла бы всякій интересъ, еслибы мы знали этотъ завтрашній день.

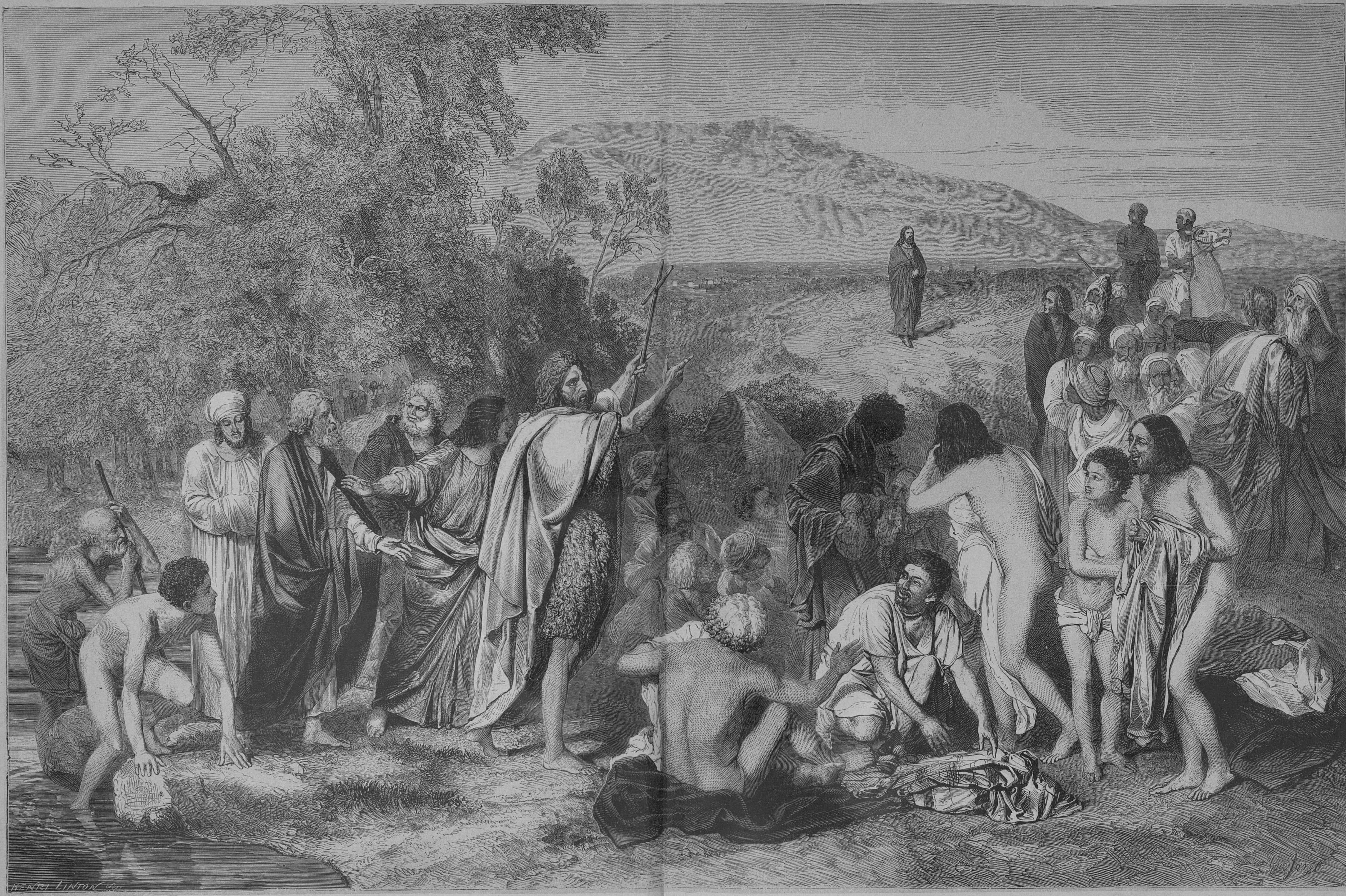
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Редакція не входитъ ни въ какую переписку по поводу присылаемыхъ для просмотра стихотвореній, хотя бы на отвѣтъ и были приложены марки.

Отвѣты будутъ даваться въ «Почтовомъ ящикѣ». Стихотворенія и мелкія прозаическія статьи (менѣе одного печатнаго листа) не сохраняются. Прозаическія статьи болѣе печатнаго листа сохраняются въ теченіе **трехъ мѣсяцевъ**. Редакція открыта для личныхъ переговоровъ съ завѣдующимъ литературною частью журнала по средамъ и субботамъ (отъ 1 ч. до 3 час. [illegible]), кромѣ праздничныхъ дней.

«ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ»
(Съ картины профессора Иванова).

Приложеніе къ журн. «Живописное Обозрѣніе» за 1888.


HENRI LINTON sc.

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ
(Печатано съ гравюры на мѣди).

Благословиши вѣнецъ лѣта 1888 благости твоея, Господи!

ЯНВАРЬ.

П.	1	⊕ Обрѣзаніе Господне.
С.	2	Св. Сильвестра, мч. Θеогена.
В.	3	Прор. Малахіи, мч. Гордія.
П.	4	Соборъ 70 апостоловъ.
В.	5	Мч. Θеопемпта и Θеоны.
С.	6	⊕ Богоявленіе Господне.
Ч.	7	⊕ Соборъ Св. Іоанна Предт.
П.	8	✢ Преп. Георгія, Емиліана.
С.	9	Мч. Поліевкта, св. Филиппа.
В.	10	Св. Григорія, еп. Нисскаго.
П.	11	Преп. Θеодосія Великаго.
В.	12	Мч. Татіаны, Мертія.
С.	13	Мч. Ермила, пр. Іакова.
Ч.	14	Преп. отц. въ Синаѣ изб.
П.	15	Преп. Павла и Іоанна.
С.	16	Покл. честн. вер. Ап. Петра.
В.	17	✢ Преп. Антонія Великаго.
П.	18	Св. Аθанасія и Кирилла.
В.	19	Преп. Макарія, св. Арсенія.
С.	20	✢ Пр. Евфимія В.-мч. Васса.
Ч.	21	Преп. Максима исповѣдн.
П.	22	Ап. Тимоθея, пр. Анастасія.
С.	23	Свящ.-муч. Климента.
В.	24	Преп. Ксеніи и Македонія.
П.	25	✢ Св. Григорія Богослова.
В.	26	Пр. Ксенофонта и Маріи.
С.	27	✢ Пер.-м. св. Іоанна Злат.
Ч.	28	Преп. Ефрема, Θеодосія.
П.	29	Пер. мощ. Игнатія Богон.
С.	30	⊕ Соб. трехъ святителей.
В.	31	Безср. Кира, Іоанна.

ФЕВРАЛЬ.

П.	1	Св. мч. Трифона, Сатира.
В.	2	⊕ Срѣтеніе Господне
С.	3	✢ Св. Сvмеона Богопріимца и Анны пророчицы.
Ч.	4	Преп. Исидора, Кирилла.
П.	5	Мц. Агафіи и Θеодуліи.
С.	6	Св. Вукола, мч. Іуліана.
В.	7	Преп. Парθенія и Луки.
П.	8	Великомуч. Θеодора Страт.
В.	9	Мч. Никифора, Панкратія.
С.	10	Св. муч. Харлампія.
Ч.	11	Свящ.-муч. Власія, пр. Димитрія.
П.	12	✢ Св. Алексія митрополита.
С.	13	Пр. Мартиніана, Симеона.
В.	14	✢ Преп. Авксентія, Кирилла.
П.	15	Ап. Онисима, Пр. Евсевія.
В.	16	Мч. Памфила, Валента.
С.	17	Вел.-муч. Θеодора Тирона.
Ч.	18	Св. Льва, папы Римскаго.
П.	19	Ап. Архиппа, Филимона.
С.	20	Св. Льва, еписк. Катанск.
В.	21	Преп. Тимоθея и Евстафія.
П.	22	Пр. Аθанасія, мч. Маврикія.
В.	23	Св.-мч. Поликарпа.
С.	24	✢ 1 и 2 обр. гл. Іоанна Пр.
Ч.	25	Св. Тарасія, патр. Царегр.
П.	26	♔ Св. Порфирія, еписк.
С.	27	Преп. Прокопія, Тита.
В.	28	Пр. Василія, Марины.
П.	29	Преп. Кассіана Римлянина.

МАРТЪ.

В.	1	Пр. мч. Евдокіи, мч. Нестора.
С.	2	♔ Св.-мч. Θеодота, Арсенія.
Ч.	3	Мч. Евтропія и Клеоника.
П.	4	Пр. Герасима, мч. Павла.
С.	5	Мч. Конона, пр. Марка.
В.	6	Мч. Θеодора, Константина.
П.	7	Св. мч. Евгенія, Ефрема.
В.	8	Преп. Θеофилакта.
С.	9	✠ Св. 40 муч., Кирилла.
Ч.	10	Муч. Кондрата, Виктора.
П.	11	Св. Софронія и Евфимія.
С.	12	Преп. Θеофана.
В.	13	Св. Никифора.
П.	14	Прп. Венедикта.
В.	15	Мч. Агапія, Александра.
С.	16	Мч. Трофима, Серапіона.
Ч.	17	✢ Пр. Алексія, чел. Божія.
П.	18	Св. Кирилла Іерусал.
С.	19	Мч. Хрисанфа и Даріи.
В.	20	Преп. Іоанна, Сергія.
П.	21	Преп. Іакова, Θомы.
В.	22	Свящ.-мч. Василія.
С.	23	Прп.-мч. Никона, мц. Лидіи.
Ч.	24	Св. Артемона, Іакова.
П.	25	⊕ Благовѣщеніе Пр. Богор.
С.	26	✢ Соборъ Арханг. Гавріила.
В.	27	Мц. Матроны и Іоанна.
Н.	28	Преп. Иларіона, Стефана.
В.	29	Прп. Марка, Кирилла.
С.	30	Преп. Іоанна, лѣств.
Ч.	31	Свящ. муч. Ипатія.

АПРѢЛЬ.

П	1	Пр. Маріи египетскія.
С.	2	Пр. Тита, мч. Поликарпа.
В.	3	Пр. Никиты, м. Θеодосіи.
П.	4	Преп. Іосифа, Георгія.
В.	5	Преп. Платона, Θеодула.
С.	6	✠ Св. Евтихія, св. Меθодія.
Ч.	7	Пр. Георгія, Даніила.
П.	8	Ап. Иродіона, Флегонта.
С.	9	✢ Мч. Евпсихія, Вадима.
В.	10	Мч. Терентія, Максима.
П.	11	Св.-мч. Антипы, пр. Іоанна.
В.	12	Пр. Василія, Аθанасія.
С.	13	Свящ.-муч. Артемона.
Ч.	14	Мч. Антонія, Мартина.
П.	15	Ап. Аристарха, Пуда.
С.	16	✢ Мч. Ирины, Леонида.
В.	17	⊕ Входъ Госп. въ Іерус.
П.	18	Преп. Іоанна, Козьмы.
В.	19	Преп. Іоанна, Георгія.
С.	20	Прп. Θеодора, Анастасія.
Ч.	21	⊕ Св. мч. Іануарія, Евтихія.
П.	22	⊕ Пр. Θеодора, Ап. Климента
С.	23	⊕ Великомуч. Георгія.
В.	24	⊕ Свѣтлое Христ. Воскрес.
П.	25	⊕ Св. ап. и Евангел. Марка.
В.	26	⊕ Св.-мч. Василія, св. Стефана и св.-м. Глафиры.
С.	27	⊕ Ап. Симеона, пр. Стефана.
Ч.	28	⊕ Муч. Максима, Евсевія.
П.	29	⊕ Св.-муч. Θеодота, Артемы.
С.	30	⊕ Св. Іакова, Доната еп.

МАЙ.

В.	1	Св. Пр. Іеремія, Пафнутія.
П.	2	Св. Аθанасія, мч. Еспера.
В.	3	⊕ Муч. Тимоθея и Мавры.
С.	4	Мц. Пелагеи, Еразма.
Ч.	5	Вмц. Ирины, пр. Михея.
П.	6	♔ Св. Іова многостр., Варвара.
С.	7	Муч. Акакія, Нила.
В.	8	⊕ Ап. и Еванг. Іоанна Бог.
П.	9	⊕ Пер. мощ. св. Николая Чуд.
В.	10	✢ Ап. Симона Зилота.
С.	11	⊕ Св. Кирилла и Меθодія.
Ч.	12	Св. Епифанія.
П.	13	✢ Мчц. Гликеріи, св. Георгія.
С.	14	Мч. Исидора, Максима.
В.	15	♔ Корон. Ихъ Импер. Вел.
П.	16	Прп. Θеодора и Ефрема.
В.	17	Ап. Андроника, св. Стефана.
С.	18	✢ Мч. Θеодота, Александры.
Ч.	19	Св. Патрикія.
П.	20	✢ Обр. мощей св. Алексія м.
С.	21	✢ Св. Константина и Елены.
В.	22	Мч. Василиска.
П.	23	Преп. Евфросиніи, Михаила.
В.	24	Пр. Симеона и Никиты.
С.	25	3-е обр. гл. Іоанна Предт.
Ч.	26	Ап. Карпа и Алфея.
П.	27	Св. муч. Θерапонта.
С.	28	Пр. Никиты и Игнатія.
В.	29	Мц. Θеодосіи, бл. Іоанна.
П.	30	Пр. Исаакія Далматскаго.
В.	31	Ап. Ерма, мч. Ермія.

ІЮНЬ.

С.	1	✢ Мч. Іустина, Харитона.
Ч.	2	⊕ Вознесеніе Господне.
П.	3	Мч. Клавдія и Павла.
С.	4	Св. Митрофана, патр.
В.	5	Свящ. муч. Дороθея.
П.	6	Преп. Иларіона, Θеклы.
В.	7	Свящ.-мч. Маркелла.
С.	8	✢ Вел.-мч. Θеодора Стратил.
Ч.	9	Св. Кирилла и Александра.
П.	10	Свящ.-мч. Тимоθея.
С.	11	✢ Ап. Варθоломея. Род. суб.
В.	12	⊕ День Св. Троицы.
П.	13	⊕ Сошествіе Св. Духа.
В.	14	Прор. Елисея, Меθодія п.
С.	15	✢ Св. Іоны, митроп. Моск.
Ч.	16	Св. Тихона, еп. Амаθунт.
П.	17	Мч. Мануила, Савела.
С.	18	✢ Мч.: Леонтія, Ипатія.
В.	19	✢ Ап. Іуды, брата Господня.
П.	20	Свящ.-муч. Меθодія.
В.	21	Мч. Іуліана, св. Терентія.
С.	22	Св.-мч. Евсевія, Іуліаніи.
Ч.	23	✢ Мч. Агрипины, Евстохія, Урвана.
П.	24	⊕ Рождество Іоанна Предт
С.	25	М. Февроніи, кн. Петра.
В.	26	✢ Прп. Давида и Іоанна.
П.	27	⊕ Преп. Сампсона страннопр.
В.	28	Пр. Павла, Кира, Іоанна.
С	29	⊕ Св. Ап. Петра и Павла.
Ч.	30	⊕ Соборъ 12-ти апост.

УКАЗАТЕЛЬ ДНЕЙ и ЧИСЕЛЪ.

	ЯНВАРЬ.						ФЕВРАЛЬ.					МАРТЪ.				
Воскресенье	—	3	10	17	24	31	—	7	14	21	28	—	6	13	20	27
Понедѣльникъ	—	4	11	18	25	—	1	8	15	22	29	—	7	14	21	28
Вторникъ	—	5	12	19	26	—	2	9	16	23	—	1	8	15	22	29
Среда	—	6	13	20	27	—	3	10	17	24	—	2	9	16	23	30
Четвергъ	—	7	14	21	28	—	4	11	18	25	—	3	10	17	24	31
Пятница	1	8	15	22	29	—	5	12	19	26	—	4	11	18	25	—
Суббота	2	9	16	23	30	—	6	13	20	27	—	5	12	19	26	—

	АПРѢЛЬ.						МАЙ.					ІЮНЬ.				
Воскресенье	—	3	10	17	24	—	1	8	15	22	29	—	5	12	19	26
Понедѣльникъ	—	4	11	18	25	—	2	9	16	23	30	—	6	13	20	27
Вторникъ	—	5	12	19	26	—	3	10	17	24	31	—	7	14	21	28
Среда	—	6	13	20	27	—	4	11	18	25	—	1	8	15	22	29
Четвергъ	—	7	14	21	28	—	5	12	19	26	—	2	9	16	23	30
Пятница	1	8	15	22	29	—	6	13	20	27	—	3	10	17	24	—
Суббота	2	9	16	23	30	—	7	14	21	28	—	4	11	18	25	—

	ІЮЛЬ.						АВГУСТЪ.					СЕНТЯБРЬ.				
Воскресенье	—	3	10	17	24	31	—	7	14	21	28	—	4	11	18	25
Понедѣльникъ	—	4	11	18	25	—	1	8	15	22	29	—	5	12	19	26
Вторникъ	—	5	12	19	26	—	2	9	16	23	30	—	6	13	20	27
Среда	—	6	13	20	27	—	3	10	17	24	31	—	7	14	21	28
Четвергъ	—	7	14	21	28	—	4	11	18	25	—	1	8	15	22	29
Пятница	1	8	15	22	29	—	5	12	19	26	—	2	9	16	23	30
Суббота	2	9	16	23	30	—	6	13	20	27	—	3	10	17	24	—

	ОКТЯБРЬ.						НОЯБРЬ.					ДЕКАБРЬ.				
Воскресенье	—	2	9	16	23	30	—	6	13	20	27	—	4	11	18	25
Понедѣльникъ	—	3	10	17	24	31	—	7	14	21	28	—	5	12	19	26
Вторникъ	—	4	11	18	25	—	1	8	15	22	29	—	6	13	20	27
Среда	—	5	12	19	26	—	2	9	16	23	30	—	7	14	21	28
Четвергъ	—	6	13	20	27	—	3	10	17	24	—	1	8	15	22	29
Пятница	—	7	14	21	28	—	4	11	18	25	—	2	9	16	23	30
Суббота	1	8	15	22	29	—	5	12	19	26	—	3	10	17	24	31

ДНИ НЕПРИСУТСТВЕННЫЕ.

Январь. 1. Новый годъ (Пятн.). 6. Богоявленіе (Среда).

Февраль. 2. Срѣтеніе Господне (Вторн.). 26. Рожд. Государя Импер. (Пятн.).

Мартъ. 2. Восшествіе на престолъ Государя Императора (Среда). 4 и 5 Масляница. (Пятн. и Суб.). 25. Благовѣщеніе Пресвятой Богород. (Пятн.).

Апрѣль. 21, 22 и 23 (Четв., Пятн. и Суб. Страст. нед.) 24—30. Св. недѣля).

Май. 6. Рожд. Государя Наслѣдника Цесаревича (Пятн.). 9. Перен. мощей Св. Чудотворца Николая (Понед.). 15. Корон. Ихъ Императорскихъ Величествъ (Воскресенье).

Іюнь. 2. Вознесеніе Господ. (Четв.). 12 и 13 Дни Святой Троицы и Сошествіе Св. Духа (Воск. и Понедѣльн.). 29. Св. Ап. Петра и Павла (Среда).

Іюль. 22. Тезоим. Государыни Императрицы (Пятница).

Августъ. 6. Преображеніе Господне (Суб.). 15. Успеніе Пресвятой Богород. (Понед.). 29. Усѣкновеніе главы Іоанна Предт. (Пон.), 30. Тезоимен. Государя Императора (Вторникъ).

Сентябрь. 8. Рождество Пресвятой Богородицы (Четв.). 14. Воздвиженіе честн. креста Господ. (Среда). 26. Св. Ап. и Ев. Іоанна Богосл. (Понед).

Октябрь. 1. Покровъ Пресвятой Богородицы (Суб.). 22. Казанской иконы Божіей Матери (Суб.).

Ноябрь. 14. Рожденіе Государыни Императрицы (Понед.). 21. Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы (Понед.).

Декабрь. Святителя Николая Чудотворца (Вторн.), 25—27. Дни праздника Рождества Христова (Воскресенье, Понедѣльникъ и Вторникъ).

☛ **ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ** обозначены—красною, **ПОСТНЫЕ**—голубою краскою.

ІЮЛЬ.

П.	1	Безср. Косьмы и Даміана.
С.	2	Пол. ризъ Пресв. Богор.
В.	3	✢ Мч. Іакинθа, Мокія и др.
П.	4	Св. Андрея арх. Критскаго.
В.	5	✢ Обр. мощ. п. Сергія Рад.
С.	6	Преп. Сисоя.
Ч.	7	Преп. Θомы, Акакія и др.
П.	8	⊕ Явл. обр. Пр. Бог. Каз.
С.	9	Свящ.-муч. Панкратія.
В.	10	✢ Преп. Антонія Печерскаго
П.	11	✢ Св. Княгини Ольги.
В.	12	Мч. Прокла и Иларія.
С.	13	Соборъ Арх. Гавріила.
Ч.	14	Ап. Акилы, пр. Онисима.
П	15	✢ Св. Князя Владиміра.
С.	16	Свящ.-муч. Аθиногена.
В.	17	Вел.-мц. Марины.
П.	18	Мч. Іакинθа, Іоанна печ.
В.	19	Пр. Макрины и Романа.
С.	20	⊕ Прор. Иліи.
Ч.	21	Преп. Симеона и Іоанна.
П.	22	♔ Свят. Маріи Магд.
С.	23	Мч. Трофима и Θеофила.
В.	24	Князей Бориса и Глѣба.
П.	25	Успеніе св. Анны.
В.	26	Свящ.-муч. Ермолая.
С.	27	Вел.-муч. Пантелеймона.
Ч	28	✢ Ик. Пр. Бог. Смоленскія.
П.	29	Мч. Каллиника, пр. Михаила
С.	30	Св. Ап. Силы и Силуана.
В.	31	Пр. Евдокима, мчц. Іулиты.

АВГУСТЪ.

П.	1	⊕ Происх. чест. животв. Кр.
В.	2	Св. первомуч. Стефана.
С.	3	Преп. Исаакія и Антонія.
Ч.	4	Св. 7 отроковъ въ Ефесѣ.
П.	5	Мч. Евстигнія, св. Нонны.
С.	6	⊕ Преображеніе Господне.
В.	7	Преп.-мч. Дометія.
П.	8	Св. Емиліана.
В.	9	✢ Ап. Матθія, мч. Антонія.
С.	10	Мч. Лаврентія, Сикста.
Ч.	11	Мч. Клавдія, пр. Θеодора.
П.	12	Мч. Фотія и Аникиты.
С.	13	Преп. Максима, еп. Тихона.
В.	14	✢ Пр. Михея, св.-мч. Маркелла.
П.	15	⊕ Успеніе Пресв. Богород.
В.	16	⊕ Праз. Нерукотв. Образа.
С.	17	Мч. Мирона, Кипріана.
Ч.	18	Мч. Флора и Лавра.
П.	19	Мч. Андрея, Тимоθея.
С.	20	✢ Прор. Самуила.
В.	21	Ап. Θаддея, мч. Вассы.
П.	22	Мч. Агафоника, Акиндина.
В.	23	✢ Мч. Лупиа, п. Евтихія.
С.	24	Св.-муч. Евтихія.
Ч.	25	Ап. Варθоломея и Тита.
П.	26	✢ Мч. Андріана и Наталіи.
С.	27	Пр. Пимена и Саввы.
В.	28	Преп. Моисея и Саввы.
П.	29	⊕ Усѣкн. гл. Іоанна Предт.
В.	30	♔ Пер. м. Бл. кн. Алекс. Невск.
С.	31	Св.-м. Кипріана.

СЕНТЯБРЬ.

Ч.	1	✠ Преп. Симеона Столпника.
П.	2	Мч. Маманта и Θеодота.
С.	3	Свящ.-мч. Анθима.
В.	4	Свящ. мч. Вавилы.
П.	5	Пр. Захарія и Елисаветы.
В.	6	Восп. чуд. Арх. Михаила.
С.	7	Мч. Созонта и Луки.
Ч.	8	⊕ Рождество Пресв. Богор.
П.	9	Св. Бог-цъ Іоакима и Анны.
С.	10	✠ Мц. Минодоры, св. Петра.
В.	11	Пр. Θеодоры и Евфросина.
П.	12	Свящ. муч. Автонома.
В.	13	✢ Свящ. муч. Корнилія.
С.	14	Воздвиж. креста Господ.
Ч.	15	Вел мч. Никиты.
П	16	Вел. мч. Евθимія и др.
С.	17	Мц. Софіи, Вѣры, Надежды и Любви.
В.	18	Св. Евменія, еп. гортинск.
П.	19	Мч. Савватія и Зосимы.
В.	20	✠ Св. Вел. мч. Евстафія.
С.	21	✠ Св. Димитрія Ростовскаго.
Ч.	22	Св. мч. Фоки и пр. Іоны
П.	23	✠ Зачатіе Іоанна Предтечи.
С.	24	Первомученицы Θеклы.
В.	25	✠ Преп. Сергія Радонежск.
П.	26	⊕ Прест. Ап. Іоанна Бог.
В.	27	Мч. Каллистрата, пр. Игнатія.
С.	28	Преп. Харитона.
Ч.	29	Преп. Киріака и Θеофана.
П.	30	Свящ.-муч Григорія.

ОКТЯБРЬ.

С.	1	⊕ Покровъ Пресв. Богор.
В.	2	Св. мч. Кипріана, Андрея.
П.	3	Св. мч. Діонисія Ареопаг.
В.	4	Св. мч. Іероθея, Гурія.
С.	5	⊕ Св. Петра, Алексія.
Ч.	6	✠ Св. ап. Θомы.
П.	7	Муч. Сергія, Вакха.
С.	8	Преп. Пелагіи и Таисіи.
В.	9	✢ Ап. Іакова Алфеева.
П.	10	Мч. Евлампія и Евлампіи.
В.	11	✢ Ап. Филиппа, пр. Θеофана.
С.	12	Пер. десн. руки Іоанна Кр.
Ч.	13	Мч. Карпа, преп. Никиты.
П.	14	Мч. Назарія, Параскевы.
С.	15	Преп. Евфимія и Савина.
В.	16	Мч. Лонгина сотника.
П.	17	Прор. Осіи, пр. мч. Андрея.
В.	18	✠ Ап. и ев. Луки, мч. Марина.
С.	19	Прор. Іоиля, Іоанна рыл.
Ч.	20	Вел.-мч. Артемія.
П.	21	Преп. Иларіона, мч. Дасія.
С.	22	⊕ Праздн. ик. Пр. Бог. Казан.
В.	23	Ап. Іакова, брата Госп.
П.	24	✢ Мч. Ареθы, св. Аθанасія.
В.	25	Мч. Маркіана, Мартирія.
С.	26	✢ Вел. муч. Димитрія Солун
Ч.	27	Мч. Нестора и Марка.
П.	28	Мч. Терентія и Неониллы.
С.	29	Пр. мц. Анастасіи, Рим.
В.	30	Мч. Зиновія и Зиновіи.
П.	31	Ап. Стахія, Никодима.

НОЯБРЬ.

В.	1	✢ Св. безср. Косьмы и Даміана.
С.	2	Мч. Акиндина, Пигасія.
Ч.	3	Мч. Акепсима, Іосифа.
П.	4	Пр. Іоанникія, Никандра.
С.	5	Мч. Галактіона.
В.	6	Пр. Павла исповѣдника.
П.	7	Мч. Іерона и Θеодота.
В.	8	⊕ Соборъ архистр. Михаила.
С.	9	Мч. Онисифора, Порфирія.
Ч.	10	Ап. Ераста, Олимпа.
П.	11	В.-муч. Мины, м. Виктора.
С.	12	Преп. Нила, св. Іоанна.
В.	13	✢ Св. Іоанна Златоуста
П.	14	♔ Ап. Филиппа, св. Григорія.
В.	15	Мч. Гурія, Самона.
С.	16	✢ Ап. и ев. Матθея.
Ч.	17	Св. Григорія Неокесар.
П.	18	Мч. Платона, Романа.
С.	19	Прор. Авдія, мч. Варлаама.
В.	20	Пр. Григорія, св. Прокла.
П.	21	⊕ Введ. во хр. Пресв. Богор.
В.	22	Ап. Филимона, Архиппа.
С.	23	Вел. Кн. Александра Нев.
Ч.	24	Великомуч. Екатерины.
П.	25	Свящ.-муч. Климента.
С.	26	Преп. Алипія и Іакова.
В.	27	Знаменск. Пресв. Богород.
П.	28	Пр. Стефана, мч. Иринарха.
В.	29	Св. Парамона, Николая.
С.	30	✢ Мч. ап. Андрея Первозваннаго.

ДЕКАБРЬ.

Ч.	1	Св. прор. Наума, Ананіи.
П.	2	Прор. Аввакума, Аθанасія.
С.	3	Прор. Софоніи.
В.	4	Вел.-муч. Варвары.
П.	5	✢ Преп. Саввы освященнаго.
В.	6	⊕ Св. чудотворца Николая.
С.	7	Св. Амвросія еп. медіол.
Ч.	8	Пр. Потапія, св. Сосθена.
П.	9	✢ Зачатіе св. Анны.
С.	10	Мч. Мины и Евграфа.
В.	11	Преп. Даніила и Луки.
П.	12	Преп. Спиридона.
В.	13	Мч. Евстратія, Евгенія.
С.	14	Мч. Θирса, Аполонія.
Ч.	15	Свящ. муч. Елевθерія.
П.	16	Прор. Аггея, мч. Марина.
С.	17	Прор. Даніила и 3 отрок.
В.	18	Мч. Севастіана, пр. Флора.
П.	19	Мч. Вонифатія, Иліи.
В.	20	Свящ.-муч. Игнатія Богон.
С.	21	Преставл. св. Петра митр.
Ч.	22	Вел. муч. Анастасіи.
П.	23	Преп. Павла, Нифонта.
С.	24	Пр. Евгеніи. Сочельникъ.
В.	25	⊕ Рождество Христово.
П.	26	⊕ Соборъ Пресв. Богородицы.
В.	27	⊕ Апост. и первмч. Стефана.
С.	28	Ап. Никанора, муч. Агапія.
Ч.	29	Изб. 14,000 млад. въ Виел.
П.	30	Мчц. Анисіи, пр. Θеодоры.
С.	31	Преп. Меланіи римлян.

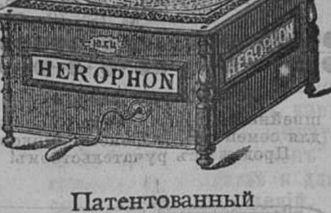
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ журналу
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
за 1888 годъ

Дозволено цензурою Спб. 18 декабря 1887 года

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер. собств. д. 14

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

ПРАКТИЧНАЯ И ДЕШЕВАЯ МУЗЫКА ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.



Патентованный

НОВЫЙ ГЕРОФОНЪ

съ приспособленіемъ для игры forte и piano. Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 35 руб. Много добавочныхъ пьесъ по 60 коп. за каждую За пересылку герофона въ провинцію прошу приложить за 50 фунт.

Аристонъ-Органъ

съ 10-ю пьесами по выбору 28 р., большое количество добавочныхъ пьесъ по 60 коп. за каждую. За пересылку аристона-органа прошу приложить за 45 фунт.

Вышеозначенные инструменты и ноты къ нимъ продаются у меня только патентованные. Поддѣлачныхъ, которые легко портятся, не имѣю.

Юлій Генихъ Циммерманъ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.
№ 163 (162).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

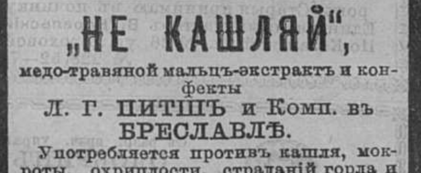
Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (16).



СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская. д. № 26

Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

№ 216.

Въ книжн. маг. Карбасникова (Спб., Литейный пр., 48) продаются:

ТАЙНА ром. Н. Позднякова. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Житейскіе разсказы. Его-же. 75 к. съ пер. 1 р. №286 (1-1)

Первая русская фабрика каучуковыхъ штемпелей и граверная

П. ПОЛЯНИНА

(бывшаго управляющ. Ж. ШАНСОНЪ).

Прошу не смѣшивать мой магазинъ, единственный въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. 54 (прот. памятника Екатерины II).

Полезные подарки, необходимые при каждомъ дѣлѣ:

РУЧНАЯ ПЕЧАТНЯ отъ 3 руб. и дороже.
Полныя 6 азб. 3 экз. цифр. 8 руб.
„ 12 „ 6 „ „ 15 „
Передвижныя буквы отъ 2 коп.
Пересылка 10 проц.

Медальоны, часы, прессъ-папье, автоматическіе карманные штемпеля, механическіе календари, номераторы, компостеры, перфарирные аппараты, продажа метал. приборовъ для штемпелей, для всѣхъ казенныхъ учрежденій, конторъ, желѣзныхъ дорогъ и частнаго употребленія.

КАУЧУКОВЫЕ ШТЕМПЕЛЯ, отъ 75 к. до 15 р. и дороже, на механическихъ станкахъ. Бланки и пакетныя отъ 2 р. съ приборомъ.

ГРАВИРОВАНІЕ и рѣзьба печатей, щипцовъ для пломбъ: чайныхъ, товарныхъ, для жел. дор., штамповъ разнаго рода, стальныхъ просѣчекъ, штемпелей для выжиганія конгревскихъ досокъ, доски для дверей, памятниковъ и закладки на золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, клише для публикацій, всякая рѣзьба и гравировка, какъ-то: гербы, орлы, медали, монограммы и буквы новѣйшихъ рисунк.

Визитныя карточки отъ 1 р. свадебные билеты и проч.; исполненіе заказовъ самое скорое и аккуратное по умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-курантъ по полученіи 7 к. марки, полный каталогъ съ альбомомъ монограммъ 70 к.

Приготовленіе заказовъ чрезъ 12 часовъ и скорѣе.

№ 294 (1—1)

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—18)

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
МУЖСКАГО и ДАМСКАГО

БѢЛЬЯ

Ф. ТРАХТЕНБЕРГЪ.

Основанный 1863 года.

Большая Морская, д. № 25, въ С.-Петербургѣ.

постоянный выборъ новостей сезона

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ АССОРТИМЕНТЪ

МУЖСКАГО и ДАМСКАГО БѢЛЬЯ.

Заказы и полное приданое исполняетъ тщательно, акуратно и добросовѣстно.

При магазинѣ опытные закройщики, желающимъ высылаю иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. 220 (10—9).

НОВАЯ КНИГА:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ

въ Италіи и Египтѣ. Замѣтки о Турціи **ДѢДЛОВА** (В. Л. Кигна).

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к. Продается въ книжн. магазин. Карбасникова, „Новаго Времени“ и Стасюлевича. Складъ у В. Л. Кигна [Спб., Столярный, 21]. № 293 (2—1)

!! НОВОСТЬ !!
какъ рѣдкость
ШОКОЛАДЪ-ВАФЛИ,
а также
МОНПАСЬЕ СЪ РАЗНЫМИ ЛИКЕРАМИ
„Имперіаль“ и „Юбилейное“.
паровой фабрики Блигкенъ и Робинсонъ.
Лиговка, д. № 38.

Розничная продажа въ магазинѣ: Невскій пр., д. № 32.
№ 248 (5—5).

Только-что поступила въ продажу новая книга:

„НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА“

Соч. ЭБЕРСА.

Историческій романъ изъ временъ язычества.

Изящное изданіе (съ портрет. авт.) въ 600 страницъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Подписчики „Живоп. Обозрѣн.“ за пересылку не платятъ.

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.— Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 290 (53—2)

ДЕПО ЧАСОВЪ
Эд. Бурхарда.
Гороховая ул., у Краснаго м., № 17.
Рекомендуетъ:

Часы съ календар. никель . . . 15 р.
„ „ „ сереб. отъ 18 до 33 „
„ „ „ стальные . . 23 „
Часы безъ стрѣл. сереб. отъ 35 до 40 „
Часы стальные (черные) отъ 15 до 25 „

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. № 289 (27—2)

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 8—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—2)

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора А. Янсонъ.

Оптовый складъ въ Спб. конт. Ив. Фегедингъ, Чернышев. пер., Маріинскій рын., № 20.

Кромѣ того имѣется:

Въ Русскомъ Общ. Торг. аптек. тов. Казанск. № 12, центральн. аптек. депо, Милютинъ рядъ, Ф. Линде, Невскій № 23 и В. О. 6 линія № 25, Г. Клосъ и К°. В. О. 5 лин. № 12, казанск. аптекарск. торг. Казанская № 54, О. Роосъ Владимірск. № 7, Лиманъ и Риксъ Горохов. № 16, и во многихъ аптекахъ и магазинахъ парфюмерн. товаровъ.

№ 249 (10—5)

Практичн. подарокъ

для хозяекъ

Машинка для чистки ножей и вилокъ

съ приспособленіемъ для точенія ножей. Цѣна 4 р. 50 к., съ пересылкою 6 р.

Ив. Фегедингъ.

Чернышевъ пер., на углу Б. Садовой, Маріинскій рынокъ № 20, верхняя галлерея.

№ 263 (3—3).

КТО пожелаетъ объявить о чемъ-нибудь въ газетахъ не имѣетъ ни трудовъ, ни почтовыхъ и побочныхъ расходовъ, если передастъ заказы свои единственной и извѣстной **Центральной конторѣ объявленій** для всѣхъ европейскихъ газетъ

Фр. Петрика,

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 8.

Каталоги безплатно доставляются немедленно по востребованію.

№ 282 (4—2)

ВЪ МАГАЗИНѢ

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Литейный просп., уголъ Сумеоновскаго пер.

НОВѢЙШІЯ ИГРУШКИ.

Наиболѣе полный выборъ.

ИГРЪ И ЗАНЯТІЙ.

Всѣ лучшія

ДѢТСКІЯ КНИГИ

КУКЛЫ

всевозможн. сортовъ и размѣровъ. Альбомы, брошюры, нессесеры, письменныя принадлежности, ранцы, книгоноски, сумки для дѣвочекъ, приборы для гимнастики. Учебные подъемнораздвижные столы для домашнихъ занятій.

№ 225 (7—7).

Къ свѣдѣнію гг. курящихъ.

Объявленіе табачной фабрики „САATЧИ и МАНГУБИ"

Въ виду желанія нашего, въ интересахъ гг. курящихъ, снабжать ихъ издѣліями нашей фабрики, не измѣняя ихъ высокаго достоинства, послѣдовавшее съ 1-го іюня сего года повышеніе бандерольнаго тарифа вынудило насъ уменьшить уступку на наши издѣлія въ пользу торговцевъ, вслѣдствіе чего послѣднія не представляютъ торговцамъ той выгоды, какую они получаютъ при продажѣ недоброкачественныхъ и дешевыхъ товаровъ.

Многіе изъ торговцевъ, преслѣдуя свои интересы, неохотно продаютъ наши издѣлія и при спросѣ ихъ стараются замѣнить таковыя болѣе дешевыми и слѣдовательно, худшими товарами.

Покорнѣйше просимъ почтеннѣйшую публику не обращать вниманія ни на какія заявленія торговцевъ, относительно нашихъ товаровъ и требовать отъ нихъ всегда рекомендуемыя нами папиросы:

„Бабочка"	10 штукъ	6	коп.
„Пальма"	10 „	10	„
„Голубка"	10 „	5	„

За весьма высокое достоинство которыхъ мы ручаемся

Саатчи и Мангуби.

№ 218 (10—9)

АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ ПОДУШКИ.

(для періодическихъ менструацій)

ЗА ДЮЖИНУ **90** КОП.

Пояса къ подушкамъ 40 к. и дороже.

ХИРУРГИЧЕСКІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Кружки Эсмарха, термометры и пр. антисептическіе перевязочные предметы

Фабрики Ю. МАРТЕНСА

Магазинъ: Гороховая, № 22. Телефонъ 1200.

Продавцамъ значительная уступка.

№ 226 (6—6)

ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

фай-франсэ, мервелье, сюра, крепъ де-шинь, канаусъ, атласъ во всѣхъ цвѣтахъ, бархатъ гладкій и фасонэ; Русскихъ и Ліонскихъ фабрикъ легкія ткани для бальныхъ платьевъ.

МАТЕРІИ ДЛЯ ПОКРЫШКИ ШУБЪ и ПАЛЬТО:

шелковый плюшъ, бархатъ фасонэ и гладкій, сатинъ дамасе, гератъ, трикотинъ, дюшесъ-гренадинъ и граделендръ, англійскій плюшъ высокій сортъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ магазинъ В. А. ТАРАТИНА, бывшій ШАПКИНА. **№ 110.**

№ 205

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:

ПАДЕНІЕ.

Романъ А. МИХАЙЛОВА.

Одинъ томъ, 412 страницъ. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к.; съ пересылк. 1 р. 75 к. Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Живописное Обозрѣніе", Невскій просп. у Аничкина моста, д. №68—40. Гг. книгопродавцамъ обычная уступка.

Туалетныя мыла І. Голлендера.

Рекомендуется всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,

АМИКОСОВОЕ,

ВАЗЕЛИНОВОЕ.

Получить можно во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо С.-Петербургъ, Демидовъ пер. д. № 1.

№ 243 (57—6)

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННЫЕ

ФИЛЬТРЫ

для водопроводовъ, очищающ. воду чрезъ костяной уголь.

Абонементъ 5 р. въ годъ

водо-газопроводы и ремонтъ.

Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ.

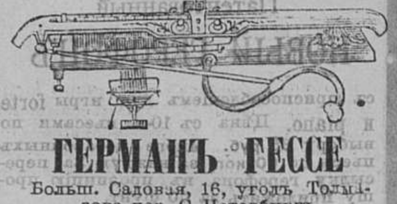
Спб., Николаевская, д. № 55—6.

№ 186 (9—7).

Центральный складъ

швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.

Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.

Прейсъ-куранты безплатно.

Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.

№ 158 (52—16).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

въ С.-Петербургѣ.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.

Покупаетъ всѣ проц. бумаги.

Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.

Страхованіе выигрышныхъ займовъ.

Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 234 (10—6).

Водоочищающіе

КОРЕЛЬСКОМУ

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.

№ 228(52—7)

Съ разр. врач. управ.

ОДОБРИНЪ

М. В. ЛЕБЕДЕВА Уничтожаетъ совершенно въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Иногороднымъ высыл. съ пересылкою 2 короб. 1 р. 50 к., 4 кор. 2 р. 25 к. и 6 кор. 3 р. Можно получать въ аптекарскихъ и косметическихъ торгов. и аптекахъ Россійск. Имперіи. Главное депо „Одобринъ" для всей Россіи. Графскій переул., д. № (20—31)

№ 171 (1—1).

ОДОБРИНЪ М. ЛЕБЕДЕВА
ЦѢНА 35 КОП.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.

Лучшая пудра для вечера, а также и дня! Незамѣтно на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!

Театральныя гримировки!

румяна, бѣлила и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, БЕРЛИНЪ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у Б. АУРИХА, Стремянная, № 4, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 83 (15—8)

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.

Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которые содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: А. С. Пушкинъ, Пастеръ, графъ Лесепсъ, Группа Скачки Шехеразады изъ 1,001 ночи, Сонъ наяву, механическая фигура Елена Прекрасная, механическая фигура и много другихъ механическихъ фигуръ, а также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи, за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность, каждому посѣтить мой музей, я по Воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по Пятницамъ.

№ 253 (10—5)

Открыта подписка на 1888 г.

(VII годъ изданія).

НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

РОДНИКЪ.

«Родникъ» въ 1888 году будетъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ минувшія 6 лѣтъ

«Родникъ» выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками большого формата, со многими картинками.

«Родникъ» рекомендованъ и одобренъ Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежден. Императрицы Маріи и Мин. Нар. Просвѣщенія. Циркуляромъ по Мин. Нар. Просв. (отъ 12 мая 1887 г. за № 7,289), предложенъ на случай выписки для библіотекъ низшихъ городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ среднихъ мужскихъ и женскихъ Учебн. Заведеній, какъ журналъ вполнѣ отвѣчающій требованіямъ русской семьи и школы, и служащій богатымъ источникомъ нравственнаго чтенія, проникнутаго духомъ религіи и преданности отечеству.

Годовые подписчики на «РОДНИКЪ» изданія 1888 года получатъ вмѣстѣ съ № 1

«СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ»,

составленный изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, со многими рисунками худ. М. Михайлова.

Для взрослыхъ вмѣстѣ съ «Родникомъ» высылается ежемѣсячно педагогическій листокъ.

«ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ»,

посвященный разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и критикѣ учебниковъ, учебн. пособій и книгъ для дѣтей и для народа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1888 ГОДЪ:

«Родникъ» съ листкомъ **«Воспитаніе и Обученіе»** на г., съ дост. и пер. 6 р.
«Родникъ» безъ листка **«Воспитаніе и Обученіе»** на г., съ дост. и пер. 5 р.
«Воспитаніе и Обученіе» отдѣльно, на годъ, съ дост. и перес . . . 2 р.

Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, уголъ Знаменской и Баскова пер., д. 14—24.

Кромѣ того, подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Фену и Ко, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» и въ «Русскомъ книжномъ магазинѣ», въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ «Сотрудникъ Школъ», Воздвиженка, д. Армандъ и въ книжномъ магазинѣ «Начальная Школа» на Кузнецкомъ мосту.

Редакторъ-Издательница **Е. Сысоева.**
Редакторъ **Алексѣй Альмендингенъ.**

Подробная программа «Родника» и листка «Воспитаніе и Обученіе» съ каталогомъ изданій редакціи высылается по требованію безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ НА

литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

который будетъ выходить въ 1888 году подъ той же редакціей и по той же программѣ.

Условія подписки:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки 12 руб., съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи 13 руб. 50 к., съ доставкой въ С.-Петербургѣ 12 руб. 50 к., за границу 15 руб.

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—5 руб. 50 к., къ 1-му апрѣля—4 руб., къ 1-му іюля и 1-му октября по 2 рубля.

Учащимся, духовенству, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ т. е. со скидкою 2 руб. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ—4 руб. 50 к., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля и 1-му октября по 2 руб.

Цѣна 12 книгъ 1886 года 10 руб., за 4 книги 1885 г.—5 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ журнала, уг. Николаевской и Кузнечнаго пер. д. № 26.—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная контора открыта ежедневно отъ 11 ти до 4-хъ часовъ, исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Издательница А. В. Сабашникова.
Редакторъ А. М. Евреинова.

Въ 1888 г. въ Москвѣ еженедѣльно будутъ издаваться

МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Газета имѣетъ своею задачей доставлять чтеніе какъ для духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ лицъ. Для сего, кромѣ **московской хроники и внутреннихъ извѣстій**, газета будетъ давать по болѣе важнымъ вопросамъ русской жизни **передовыя статьи**. Явленія иноземной жизни будутъ освѣщаться въ иностранныхъ обозрѣніяхъ, при чемъ особенное вниманіе будетъ посвящено славянскимъ народамъ. Будучи единственнымъ органомъ православной духовной миссіи, газета, кромѣ свѣдѣній о миссіонерской дѣятельности среди иновѣрцевъ, постарается ввести описаніе ихъ **исторіи, воззрѣній, обычаевъ и преданій, а также обозрѣнія дѣйствій иностранныхъ миссій.** Кромѣ того, въ «Церковныя Вѣдомости» войдутъ: **московская церковная каѳедра, отзывы о книгахъ** и журналахъ по преимуществу духовныхъ и педагогическихъ, **статьи** по вопросамъ жизни духовенства и духовной **практики, корреспонденціи, слухи и замѣтки и т. д.**

Безъ пересылки 3 р. 50 к. Цѣна съ доставкой и пересылкой 5 р.

Подписка принимается въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высоко-Петровскомъ монастырѣ, и въ редакціи—на Арбатѣ, въ домѣ Николоявленской церкви, въ квартирѣ протоіерея Виктора Петровича Рождественскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ.

(съ 1 янв. 1888 г. по 1 янв. 1889 г.)

на литературно-общественную газету при-азовскаго края

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.“

(ГОДЪ СЕДЬМОЙ).

Газета будетъ выходить въ 1888 году въ форматѣ большаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, а въ дни послѣ-праздничные въ половинномъ объемѣ, по слѣдующей программѣ.

1. Мѣстный отдѣлъ: Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной общественной жизни и по вопросамъ городскаго и сельскаго хозяйства и самоуправленія. Городская хроника и мѣстныя событія и происшествія. Извѣстія, касающіяся интересовъ при-Азовскаго края и Области Войска Донскаго. Театральныя рецензіи.
2. Внутренній отдѣлъ: Корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ при-Азовскаго и Новороссійскаго края, Области Войска Донскаго и другихъ мѣстъ.
3. Иностранный отдѣлъ: Извлеченіе изъ русскихъ газетъ о наиболѣе выдающихся событіяхъ общественной и политической жизни за границей.
4. Судебный отдѣлъ: Судебная хроника. Свѣдѣнія о судебныхъ засѣданіяхъ
5. Смѣсь: Важнѣйшія изобрѣтенія и открытія въ области промышленности, наукъ и искусствъ. Мелкія сцены и анекдоты.
6. Фельетонъ: Статьи беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ, оригинальныя и переводныя.
7. Справочный отдѣлъ.
8. Объявленія—казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Безъ достав. на годъ 6 р., на 9 мѣс. 4 р. 50 к., на полгода 3 р. 25 к., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 к., съ доставк. и перес. на годъ 7 р., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на полгода 4 р. на 3 мѣс 2 р. 45 к., на 1 мѣс. 85 к.

Подписка принимается въ Таганрогѣ, исключительно въ конторѣ Редакціи—при типографіи Издателя газеты А. М. Миронова, на Католической ул., д. № 5.

Издатель **А. М. Мироновъ.**
Редакторъ **Ф. Р. Браславскій.**

Открыта подписка на 1888 годъ.

РУССКОЕ ДѢЛО

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета будетъ выходить попрежнему еженедѣльно, безъ предварительной цензуры. Объемъ газеты увеличенъ и приглашены новые сотрудники и корреспонденты. Посвященное принципіальному разъясненію Православной и Славянской идеи и защитѣ русскихъ интересовъ, «Русское Дѣло» представляетъ продолженіе Аксаковской «Руси» и въ наши дни, когда неумолимая смерть вырвала изъ рядовъ русской печати трехъ великихъ носителей русской мысли—Аксакова, Каткова и Гилярова, является однимъ изъ тѣхъ немногихъ органовъ въ русской печати, которые не склоняютъ своего знамени ни передъ какими теченіями, и свято хранятъ славные завѣты старшихъ представителей коренной русской мысли.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ годъ безъ доставки	7 р.	За полгода безъ достав.	4 р.
» » съ доставкой и пересылкой	8 »	» » съ доставкой и пересылкой	5 »

Гг. подписчики этого года, вслѣдствіе пріостановки газеты не получавшіе таковую съ 16 іюня по 16 октября, будутъ вознаграждены даровою доставкой имъ газеты съ 1 января по 1 мая будущаго года. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи на Мясницкой д. Виноградова. Гг. иногородніе обращаются исключительно въ Москву въ главную контору „Русскаго Дѣла“ на Мясницкой, домъ Виноградова.

Редакторъ-издатель Сергѣй Шараповъ.

КІЕВСКОЕ СЛОВО

ЕЖЕДНЕВНАЯ (КРОМѢ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ), ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить въ будущемъ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйств., педагогич., законодател., судебн., земскимъ и т. п. Особенное вниманіе будетъ обращено на сельское хозяйство, свеклосахарное, промышлен., лѣсоводство и проч. 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя, причемъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія. 3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель. Этотъ отдѣлъ получитъ въ будущемъ году большое развитіе. 5) Повѣсти, разсказы и романы, оригинальные и переводные. 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (Фельетонъ). 7) Обозрѣніе русскихъ и заграничн. журналовъ и газетъ. 8) Критика литературная, художественная и театральная. 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края. 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лечебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское слово» съ доставкой и пересылкой на годъ—10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 коп.; безъ дост. и перес.—на годъ—8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и къ 1 Іюня вторые 5 р.; безъ дост. въ тѣ-же сроки по 4 р. Другіе сроки не допускаются. Выписка газеты въ кредитъ допускается для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ чрезъ ихъ казначеевъ. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногородняго адреса—20 к.

Редакторъ-издатель проф. **А. Я. Антоновичъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

„СИБИРСКОЙ ГАЗЕТЫ“

въ 1888 году.

„Сибирская Газета“, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, будетъ издаваться съ 1 января 1888 года по прежней программѣ. Срокъ выхода газеты—еженедѣльно по воскресеньямъ. (Возбуждено ходатайство о дозволеніи выпускать газету два раза въ недѣлю). Цѣна за годъ съ доставкою въ городѣ и пересылкою иногороднимъ—7 р., (за границу 9 р.), за полгода—4 р., за 3 мѣсяца—2 р. 25 к. и 1 мѣсяцъ—75 к.—Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и затѣмъ по истеченіи каждаго изъ первыхъ пяти мѣсяцевъ по 1 р. Томскіе педписчики будутъ получать ежедневно телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. Съ первыхъ-же нумеровъ будетъ печататься продолженіе романа „Не столь отдаленныя мѣста“. Всѣ подписчики „Сибирской Газеты“ на 1887 годъ не получающіе взамѣнъ оной „Восточнаго Обозрѣнія“, будутъ получать ее въ 1888 г. въ теченіе того срока, за какой она была имъ не додона. Газета будетъ высылаться имъ по имѣющимся въ редакціи адресамъ. Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Сибирской Газеты“ при книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ДѢЛО“

(21 годъ изданія; 3-й годъ редакціи И. С. Дурново).

Въ 1888 году «Дѣло» будетъ издаваться по той же программѣ какъ и прежде, и въ томъ направленіи, которое намѣчено было при переходѣ изданія въ руки теперешней редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки	15 р. 50 к.	8 р. — к.	4 р. — к.	1 р. 50 к.
Съ доставкою въ С. Петербургѣ .	16 » — »	8 » 25 »	4 » 50 »	
Съ пересылкой иногороднымъ. . .	17 » — »	8 » 50 »		
За границу	19 » — »	10 » — »	5 » — »	2 р.

Допускается разсрочка по соглашенію съ редакціей, и въ казенныхъ учрежденіяхъ, за ручательствомъ казначеевъ: 7 р. при подпискѣ, 5 р. 1-го мая и 5 р. 1-го августа. Учащимся, духовенству, сельскимъ и уѣзднымъ училищамъ, учителямъ и учительницамъ журналъ высылается на льготныхъ условіяхъ, вмѣсто 17 р. за 12 р., съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., 1 марта 3 р., 1 іюня 3 р. и 1 сентября 3 р.

Контора редакціи имѣетъ честь увѣдомить, что всякія извѣстія о прекращеніи изданія лишены какого-либо основанія. Возникшія въ текущемъ 1887 г. по изданію затрудненія не коснулись самаго существованія органа, и всѣ подписчики «Дѣла» за 1887 годъ будутъ удовлетворены полнымъ количествомъ причитающихся имъ книжекъ журнала, сообразно сдѣланнымъ взносамъ.

Годовые подписчики на 1887 г., внесшіе въ контору журнала въ 1887 г. полную годовую плату, для перехода въ годовые подписчики на 1888 годъ., вносятъ плату лишь за полгода по вышеуказаннымъ цѣнамъ.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала (Орловскій пер., д. № 1—2), въ книжныхъ магазинахъ: Э. Меллье (Невскій пр., д. Голландской церкви) и «Новаго Времени» (Невскій, 38). Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ экземпляра. Иногородныхъ просятъ обращаться въ С.-Петербургъ исключительно въ Главную контору журнала «Дѣло», адресъ которой извѣстенъ почтамту. О. (3—1).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на общественную и литературную газету

ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ

(XIII годъ изданія, 1888).

Въ программу газеты входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія изъ оффиціальныхъ газетъ и телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». III) Хроника или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» въ будни, за исключеніемъ дней праздничныхъ, послѣпраздничныхъ, въ которые выходятъ, лишь бюллетени «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».

Подписная цѣна годовому изданію ПЯТЬ РУБЛЕЙ съ доставкой, а съ пересылкой иногороднымъ подписчикамъ 5 руб. 20 к.

Для Оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписныхъ денегъ по соглашенію.

Статьи, корресподенціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію газеты «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, типо-литографія Ивана Ивановича Евфимовскаго—Мировицкаго.

Б. 3—1 Редакторъ-Издатель **Ив. Евфимовскій-Мировицкій**.

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ (Карской области)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

КАРСЪ

на будущій 1888 годъ.

Газета «Карсъ» въ 1888 году будетъ издаваться на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году, по той-же программѣ и подъ тою-же редакціею.

Условія подписки: Съ доставкою и пересылкою въ годъ 3 рубля, за четыре мѣсяца 1 рубль.

Подписка принимается въ редакціи газеты «Карсъ», куда адресуютъ свои требованія и иногородные.

Газета «Карсъ» имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству. (3—1)

ВЪ ГОРОДѢ БАКУ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

КАСПІЙ.

На 1888 годъ (восьмой годъ изданія).

«Каспій» выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкой въ другіе города: на годъ 8 р. 50 к.; на полгода 5 р.; на три мѣсяца 3 р.; на 1 мѣсяцъ 1 р. 50 к.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ, принимаются по слѣдующей таксѣ:

За первые три раза на первой страницѣ за строку 15 к., на послѣдней 10 к.

Редакція, по прежнему, отводя значительное мѣсто нефтяному дѣлу, приметъ всѣ зависящія отъ нея мѣры къ сообщенію подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о всемъ, что касается нефтяной промышленности, какъ-то: о добычѣ нефти, выдѣлкѣ изъ нея продуктовъ и о вывозѣ ихъ въ Россію и за-границу.

Иногородные обращаются въ контору газеты «Каспій» въ Баку. (3—1)

0. (3—1) Издатель и временный редакторъ *В. П. Личкусъ-Хомутовъ*.

ПОДПИСКА НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1888 году

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

Съ 1-го Января будетъ выходить еженедѣльно въ г. Иркутскѣ

Подъ редакціей **Н. М. ЯДРИНЦЕВА.**

Цѣна газеты съ приложеніемъ 10 руб. на годъ, безъ приложеній 8 р., на 9 м. 6 руб., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 3 руб.

При газетѣ принимаются объявленія по 15 коп. за строку на послѣдней страницѣ и по 30 коп. на первой.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Кавалергардская, д. 20, кв. 3 и въ Иркутскѣ въ редакціи газеты «Восточное Обозрѣніе», а также въ Томскѣ въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ. 4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и, въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно — сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ — свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія, казенныя и частныя.

Въ продолженіе истекшихъ лѣтъ въ газетѣ помѣщались статьи касающіяся главныхъ вопросовъ края: его администраціи, экономической жизни, поземельнаго вопроса, переселенческаго, ссыльнаго и инородческаго вопросовъ, городскаго и сельскаго самоуправленія, вопроса о золотопромышленности и другихъ, причемъ особое вниманіе изданія было обращено на положеніе крестьянскаго дѣла въ Сибири. Изданіе, посвященное изслѣдованіямъ въ Азіи, новостямъ политики, наукъ и общественной жизни на русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ, стараясь сгруппировать лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей.

Газета пользуется правомъ выпускать ежегодно приложенія: выпущено 6 книгъ.

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1888 году

будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

«Православное Обозрѣніе», учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Новымъ подписчикамъ на 1888 годъ будетъ данъ безплатно Указатель къ «Православному Обозрѣнію» за 1871—1886 гг.

Цѣна съ пересылкою 7 рублей. Подписка принимается въ Москвѣ у редактора журнала протоіерея при церкви Ѳеодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію «Православнаго Обозрѣнія» въ Москвѣ. Б. 3—1 дорожной станціи «Евье», пронеслась большая, до того густая и темная туча, что безъ огня сдѣлалось невозможнымъ что-либо читать или работать. Въ это самое время изъ тучи два раза сверкнула молнія, которую сопровождали два глухіе удара грома. Интересно было еще и то, что вслѣдъ за молніей и громовыми ударами сразу посыпался густой, весьма крупный градъ, не причинившій вреда стекламъ въ окошкахъ только потому, что оказался крайне мягкимъ по составу. Такой же крупный градъ, предшествуемый молніей и громовыми ударами, выпалъ 20 прошлаго ноября, около 11 часовъ утра, въ городѣ Ковнѣ. Господствовавшіе здѣсь 20 и 21 числа сильные вѣтры успѣли причинить много вреда и городскимъ предмѣстьямъ; кромѣ порчи крышъ и разбитія оконъ, снесены во многихъ мѣстахъ и заборы. Не обошлось, по слухамъ, и безъ несчастій съ людьми: обрушившійся въ одномъ мѣстѣ на Лукишкахъ силой вѣтра заборъ, причинилъ проходившей здѣсь молодой дѣвушкѣ опасныя для жизни поврежденія.

Наводненія въ Китаѣ. Получены подробности о наводненіяхъ причиненныхъ въ Китаѣ розливомъ Желтой рѣки. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ затопленныхъ мѣстностяхъ погибло почти все населеніе. Спаслись только тѣ, кто успѣлъ убѣжать на возвышенные пункты или взобраться на деревья. Не только самое бѣдствіе огромно, но и послѣдствія его страшны для будущаго. Гоанго наноситъ съ собой пески, которые изсушаютъ почву, затопляемую рѣкой, и обработанныя равнины превращаются въ безплодные пустыри.

Гибель людей въ Индіи отъ звѣрей. Въ Индіи за 1886 г. погибло 24,841 челов. отъ дикихъ звѣрей и ядовитыхъ змѣй, причемъ 22,134 отъ змѣй и 2,707 отъ звѣрей. Тигры уничтожили 928 людей, волки—222, шакалы—477, аллигаторы—198. Скота истреблено 57,541 штука.

Рукописи И. Н. Крамского. Послѣ И. Н. Крамского осталась обширная переписка, вмѣстѣ съ разными автобіографическими матеріалами замѣтками и проектами по художественнымъ вопросамъ, которая въ настоящее время печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Новая картина Габріэля Макса. Габріэль Максъ написалъ новую картину «Святая Дѣва съ младенцемъ Христомъ».

Крупная лоттерея. Въ Мадридѣ разыграна большая рождественская лоттерея, на которую билетъ стоилъ 500 франковъ. Самый большой выигрышъ въ $2^1/_2$ милліона франковъ достался военному министру, генералу Кассоли. Билетъ этотъ онъ купилъ въ складчину съ нѣсколькими пріятелями и по жребію сдѣлался его собственникомъ.

Что значитъ не ѣсть до звѣзды. Знаменитый Суворовъ разъ въ сочельникъ приглашенъ былъ къ обѣденному столу Екатериной II. Онъ сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ другими, но ничего не ѣлъ. Екатерина стала просить его хоть чего-нибудь поѣсть и увѣряла его, что это не грѣхъ, что столъ—весь рыбный. Обѣдъ, по тогдашнему времени, былъ ранній, до явленія звѣзды. Пошли догадки, что Суворовъ постничаетъ, ожидая небеснаго вѣстника. Императрица шепнула стоявшему за ней камеръ-лакею, и въ ту же почти минуту принесли на золотомъ блюдѣ съ собственною печатью Ея Величества брилліантовую звѣзду ордена св. Александра Невскаго. Государыня пожаловала ее герою, сказавъ:

— «Видишь-ли звѣзду?.. Вотъ теперь кушай».

Князь Потемкинъ, бывшій также на обѣдѣ, возгласилъ: «Такъ да просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки».

Какъ дебютировалъ журналистъ Вольфъ. Этотъ извѣстный хроникеръ «Figaro» разсказываетъ забавный фактъ о своемъ дебютѣ въ журналистикѣ. Дѣло происходило въ 30-хъ годахъ, когда Вильмесанъ охотился по бульварамъ за молодыми талантами для «Figaro». Вольфъ принадлежалъ тогда къ богемѣ. Онъ написалъ статью и принесъ ее Вильмесану. Тотъ ее немедленно прочелъ и напечаталъ на слѣдующій же день. Статья имѣла успѣхъ. Гонораръ за такія фельетонныя статьи полагался въ 100 франковъ. Но когда Вольфъ явился въ кассу, ему дали 37 франковъ 80 сантимовъ. Онъ расшумѣлся, отказался отъ этого гонорара и заявилъ, что даритъ статью Вильмесану. Онъ былъ убѣжденъ, что издатель сейчасъ же пришлетъ ему 100 фр. Не тутъ-то было и Вольфъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, смирилъ свое самолюбіе и рѣшился получить хоть 37 фр. 80 сант. Онъ написалъ Вильмесану слѣдующее: «М. г.! До моего свѣдѣнія дошло, что какой-то интриганъ являлся въ вашу кассу за полученіемъ причитающагося мнѣ гонорара 37 фр. 80 сант. Онъ былъ убѣжденъ, что получитъ 100 фр. и отказался отъ такого малаго гонорара. Нечего прибавлять, что я вовсе не одобряю такого поступка и прошу васъ прислать съ моимъ посыльнымъ 37 фр. 80 сант. Количеству гонорара я не придаю никакого значенія. Главное для меня—честь дебютировать въ вашей газетѣ. Эта возможность для меня дороже всѣхъ благъ въ мірѣ». Черезъ полчаса Вольфъ получилъ отвѣтъ Вильмесана со вложеніемъ 100 фр.,—37 фр. 80 сант., говорилось въ запискѣ, за статью и 62 фр. 20 сант. за остроумное письмо.

Дифицитъ по театрамъ. По слухамъ, смѣта дирекціи Императорскихъ театровъ на будущій 1888 годъ исчислена съ дефицитомъ, по всѣмъ труппамъ, въ суммѣ около полутора милліона рублей. Предстоящій дефицитъ превышаетъ старый на сумму немного болѣе ста тысячъ рублей и произойдетъ по доводамъ дирекціи, отъ дорогихъ приглашеній пѣвицъ, пѣвцовъ и балеринъ, которые своими сборами, все-таки, по предположеніямъ театральнаго управленія, не покроютъ всѣхъ издержекъ и излишнихъ затратъ, на нихъ произведенныхъ. Передаютъ, будто театральные убытки съ 1881 года равняются уже восьми милліонамъ рублей, считая и экстренные расходы, произведенные въ московскихъ театрахъ въ 1883 году въ коранаціонный періодъ. Говорятъ, что отсутствіе въ столицахъ казенной итальянской оперы уменьшило ежегодный дефицитъ дирекціи на милліонъ триста тысячъ руб. по обѣимъ столицамъ.

Трость А. С. Пушкина. Недавно, въ одесскій музей исторіи и древностей передана М. Г. Тройницкимъ желѣзная трость принадлежавшая А. С. Пушкину. Извѣстно, что знаменитый поэтъ постоянно ходилъ съ этой тростью во время своего пребыванія въ Одессѣ. Въ прошломъ году, совсѣмъ не ожиданно, М. Г. Тройницкому посчастливилось получить ее отъ одесскаго сторожила И. М. Донцова, которому она была оставлена извѣстнымъ многимъ изъ жителей Одессы, покойнымъ Ягницкимъ сыномъ бывшаго адъютантомъ при графѣ Н. С. Воронцовѣ полковника Ягницкаго. Къ Ягницкому трость перешла отъ состоявшаго нѣсколько лѣтъ на службѣ въ Одессѣ поэта А. И. Подолинскаго, а къ послѣднему—отъ бывшаго профессора московскаго университета поэта А. Мерзлякова, проживавшаго нѣкоторое время въ Одессѣ, въ 1825 или 1826 году.

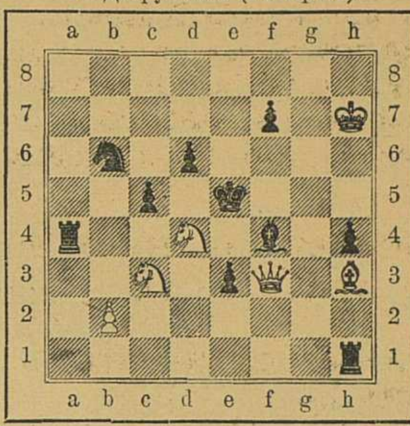
Непогоды въ декабрѣ. Въ Парижѣ, въ теченіе 15-го и 16-го декабря, шелъ снѣгъ съ мелкимъ градомъ. На югѣ Франціи, въ Каннѣ и Ниццѣ, гдѣ снѣгъ бываетъ очень рѣдкимъ явленіемъ, на этотъ разъ онъ покрылъ улицы слоемъ въ 5 сантиметровъ, такъ что муниципалитеты были принуждены принять исключительныя мѣры. Въ Каннѣ было пріостановлено движеніе омнибусовъ. Вообще на юго-востокѣ Франціи господствуетъ суровая погода; въ Берселонеттѣ, въ департаментѣ Нижнихъ Альповъ, термометръ показывалъ 4° R. Въ Марселѣ, утромъ, 16-го декабря, холодъ былъ такъ силенъ, что вода изъ трубъ, падая на землю, мгновенно замерзала. Движеніе омнибусовъ прекратилось вслѣдствіе гололедицы. Въ 11 час. бассейны и ручьи покрылись слоемъ льда, который не могъ растаять отъ солнечныхъ лучей. По извѣстіямъ изъ Берлина, отъ 17-го декабря, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ послѣднихъ дней, большая часть германскихъ рѣкъ замерзли, и многіе изъ балтійскихъ портовъ, въ томъ числѣ Кенигсбергскій, покрылись льдомъ. По Рейну и Майну идетъ ледъ, такъ что понтонные мосты черезъ эти рѣки пришлось развести. Въ разныхъ округахъ Тюрингенскаго лѣса, Гарца и Исполинскихъ горъ, бушуютъ мятели, и желѣзно-дорожное сообщеніе прекратилось. Олени и другіе лѣсные обитатели, не находя себѣ пищи въ занесенныхъ снѣгомъ лѣсахъ, забѣгаютъ въ деревни. Громадные снѣжные заносы чрезвычайно затрудняютъ сообщенія между Саксоніей, Баваріей и Австріей. Въ Вестфаліи былъ одинъ смертный случай отъ холода: рудокопъ Кене, отправившійся изъ копи Герде домой вечеромъ 12-го декабря, былъ застигнутъ дорогою мятелью, и погибъ. Въ Трансильваніи было нѣсколько человѣческихъ жертвъ. 8-го декабря была такъ-называемая ярмарка въ небольшомъ городѣ Гуніадъ, куда изъ окрестностей стекаются множество крестьянъ за покупками. На обратномъ пути 6-ть человѣкъ были застигнуты мятелью и погибли въ снѣгу. Изъ Вѣны телеграфируютъ отъ 17-го декабря: «Желѣзнодорожное сообщеніе во всѣхъ частяхъ страны сильно разстроено вслѣдствіе глубокихъ снѣжныхъ заносовъ. Со вчерашняго дня изъ Пешта въ Вѣну не было отправлено ни одного поѣзда и до полудня не пришелъ поѣздъ-экспресъ восточной дороги, который долженъ былъ придти сегодня утромъ. Товарное движеніе по австрійской государственной дороги почти совершенно прекратилось; южная линія и венгерская государственная дорога также очень страдаютъ отъ снѣжныхъ заносовъ. Въ Пештѣ снѣгъ покрываетъ улицы на столь значительную высоту, что сообщеніе дѣлается почти невозможнымъ. Въ самой Вѣнѣ, начиная съ полудня и весь вечеръ 17-го декабря бушевала метель, и уже нѣсколько дней какъ желѣзнодорожное движеніе на большей части линій, особенно на сѣверныхъ и южныхъ, или совсѣмъ пріостановлено, или производится съ большими замедленіями. Изъ Мадрида телеграфируютъ отъ 17-го декабря, что мятель въ горахъ близь Авилы была причиною крушенія поѣздовъ. На товарный поѣздъ, остановленный на пути снѣжнымъ заносомъ, налетѣлъ пассажирскій поѣздъ. Нѣсколько вагоновъ обоихъ поѣздовъ и паровикъ пассажирскаго поѣзда разбились въ дребезги, образовавъ изъ себя кучу обломковъ. Бушевавшая въ это время сильная мятель много прибавляла къ ужасу сцены крушенія. Ближайшее жилище, или станція лежали въ нѣсколькихъ миляхъ, и прошло четыре часа, прежде чѣмъ явилась помощь изъ Авилы. Нѣсколько человѣкъ убито, 19 ранено, въ томъ числѣ шестеро опасно. Путь очень поврежденъ, и всякое сообщеніе между Авилой и Эскоріаломъ прекращено вслѣдствіе глубокаго снѣга который лежитъ на высоту нѣсколькихъ футовъ. Изъ Аѳинъ сообщаютъ, что свирѣпствующіе въ разныхъ пунктахъ страны сильные вихри причиняютъ серьезныя поврежденія судамъ и телеграфнымъ линіямъ. Надъ Константинополемъ вечеромъ 16-го декабря пронесся настоящій ураганъ.

* * *

ШАХМАТЫ

Задача № 1.

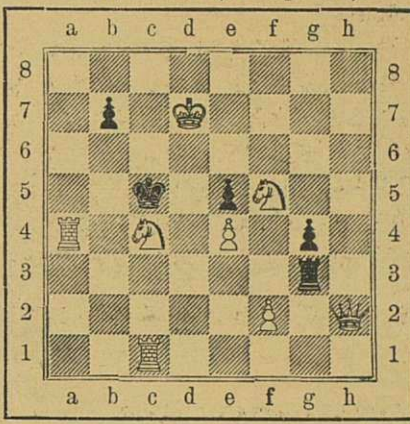
И. Добрусскаго (въ Прагѣ)



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Задача № 2.

Е. Прадинья (во Франціи).



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ просимъ адресовать въ редакцію «Жив. Обозр.», составителю шахматнаго отдѣла.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Нашъ новый годъ, А. Михайлова.—Стихотворенія М. Липкина.—Счастливый день Александра Карловича, повѣсть В. И. Митурича.—Стихотворенія К. Фофонова.—Тигрица, ром. Д. Берна, перев. В. Крестовскаго (псевдонимъ).—Орелъ и Червь, стих. С. Фругъ.—Забавы и потѣхи Московскаго двора въ XVI и XVII в., статья П. Н. Полевого.—Журналистика П. Скромнаго.—Наблюденія и размышленія (фельетонныя замѣтки и очерки), X.—Политическое обозрѣніе.—Правительственныя новости.—Внутреннія извѣстія.—Библіографія.—Смѣсь.—Къ рисункамъ.—Шахматы.—Объявленія.

Рисунки: Пречистая Дѣва съ младенцемъ, съ карт. Рафаэля.—Поѣздка на тройкѣ черезъ Неву, рис. А. Софонова.—Императорскій эрмитажъ въ С.-Петербургѣ Н. Н. Фигнеръ.—Башкирцы, уводящіе плѣнныхъ изъ Казани.—Франческо и Паоло де-Риминя, съ карт. Германа Цейца.—Святки, ориг рис. В. Полякова.

За редактора—издатель **С. Добродѣевъ.**

НУМЕРЪ ПЕРВЫЙ «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» СОСТОИТЪ:

1) Изъ $2^1/_2$ листовъ текста; 2) «Стѣннаго календаря на 1888 годъ»; 3) 1-й листъ «Художественнаго Альбома: «Явленіе Христа народу», съ картины профессора А. Иванова и 4) Обертки.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Вступая нынѣ въ ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ своего существованія, говоритъ самъ за себя и мы не считаемъ необходимостью рекламировать его и перечислять въ нашемъ краткомъ заявленіи имена и фамиліи нашихъ будущихъ сотрудниковъ, какъ по литературному, такъ и художественному отдѣламъ.

Солидный успѣхъ нашего журнала, вызвавшій въ прошломъ году ВТОРИЧНОЕ ИЗДАНІЕ первыхъ 12-ти нумеровъ и то лестное довѣріе, которымъ онъ пользуется за послѣднее время, даютъ намъ возможность и въ наступающемъ году идти той же прямой дорогой и продолжать наши улучшенія,—безъ приторныхъ зазываній.

Позволяемъ себѣ обратить вниманіе своихъ читателей, что въ нумерахъ нынѣшняго года, не сокращая количества рисунковъ, мы дадимъ значительно болѣе литературнаго матеріала, гдѣ независимо отъ новыхъ беллетристическихъ произведеній, въ каждомъ нумерѣ будутъ помѣщаемы статьи по всѣмъ выдающимся современнымъ вопросамъ.

„Ежемѣсячныя литературныя приложенія“ къ журналу будутъ значительно улучшены, какъ съ внѣшней, такъ и внутренней стороны.

Въ виду сохраненія листовъ журнала, а также изящества рисунковъ, каждый нумеръ „Живописнаго Обозрѣнія“ будетъ разсылаться въ ОБЕРТКѢ, на страницахъ которой будутъ напечатаны, между прочимъ, разнаго рода мелкія интересныя извѣстія, „Смѣсь“ и „Задачи шахматной игры“.

◆

Для помѣщенія въ нумерахъ и «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ» журнала пріобрѣтены, между прочимъ, слѣдующія новыя литературныя произведенія:

„Вѣчный праздникъ“, большой романъ **Максима Бѣлинскаго.**
„Натурщица“, романъ **Виктора Бибикова.**
„Наша деревня“, романъ **Г. С. Васильева.**
„Непреодолимая преграда“, романъ **В. Михайлова.**
„Темныя силы“, романъ **Павлова.**
„На новыхъ мѣстахъ“, романъ **Ильина.**
„Господа театралы“, сцены **Ивана Щеглова.**
„Послѣ бури“, разсказъ **А. И. Фаресова.**
„Счастливый день“, разсказъ **В. П. Митурича.**
„Игнатій Жучка“, разсказъ его-же.
„За отчизну“, разсказъ **Ильина.**
„Писатель“, разсказъ **Виктора Бибикова.**
„Соперница“, романъ **А. Лемана.**
„Забавы царей“, очеркъ **П. Полевого.**
„Русскія писательницы“, критическіе очерки **М. К. Цебриковой.**
„Современные писатели Западной Европы“, очерки **В. В. Чуйко.**
„Байронъ“ (по поводу 100-лѣтія)
„Помпеецъ“, повѣсть **В. П. Авенаріуса.**
Стихотворенія: **В. П. Авенаріуса, П. В. Быкова, С. А. Бердяева, В. Елизарова, М. Липкина, Д. Л. Михаловскаго, С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Б. Левина, В. Шуфа** и друг.

Въ первой и третьей книгахъ будетъ помѣщенъ новый оригинальный романъ

«БЛАГА ЖИЗНИ» А. Михайлова (А. К. Шеллера).

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ съ первыхъ нумеровъ начнется, между прочимъ, печатаніе цѣлаго ряда гравюръ-копій съ замѣчательныхъ картинъ и скульптуръ, находящихся въ **Спб. Императорскомъ Эрмитажѣ**, общіе виды его залъ и проч. Копіи-гравюры съ произведеній профессора **Свѣдомскаго**, предназначаемыхъ для храма Св. Владиміра въ Кіевѣ, и профессоровъ **Н. Е. Сверчкова, М. И. Попова** и друг. Копіи-гравюры съ премированныхъ въ 1887 году **Императорскою** Академіею Художествъ картинъ художниковъ гг. **Глобо** и **А. Попова.** Кромѣ того, въ теченіе года будутъ даны своевременно копіи-гравюры съ новыхъ выдающихся художественныхъ произведеній, могущихъ появиться на выставкахъ, а также съ картинъ общественныхъ и частныхъ музеевъ и коллекцій какъ у насъ, такъ и за границею. Редакція ставитъ себѣ въ обязанность своевременно знакомить публику со всѣми новостями въ области науки, искусствъ и литературы, заслуживающими общаго вниманія и остающимися неизвѣстными для большинства провинціальнаго общества.

◆

Что касается художественнаго отдѣла, то и въ этомъ случаѣ, мы ограничимся перечнемъ только тѣхъ именъ и фамилій художниковъ, произведенія которыхъ уже были напечатаны въ теченіе минувшаго года на страницахъ нашего журнала:

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ: **Айвазовскій, И. К.; Асиназій, И.; Бургардъ, Л.; Бунинъ, Н.; фонъ-Беземанъ, А.; Боклевскій, Беренштейнъ; Верещагинъ, В. П.; Верещагинъ, В. В.; Венигъ; Виллевальдъ, Б.; Ге, Н.; Голембіевскій, Гречаниновъ, Гессе, Головинскій, Голынскій, А.; Дмитріевъ-Оренбургскій; Зиновьевъ, Н.; Зичи, М. А.; Іомудскій; Ижакевичъ; Кившенко; Ковалевскій, П.; Крачковскій; Кошелевъ, Н.; Корзухинъ; Ковальскій, Я.; Кившенко, Кондратенко, Кличковскій, Ковалевскій, П.; Крамской, И. Н.; Клеверъ, Ю. Ю.; Лебедевъ, К.; Лосевъ, И.; Лучшевъ, С.; Муратовъ, А.; Маковскій, К. Е.; Мазуровскій; Максимовъ, В.; Михайловъ, М.; Могилянскій; Невревъ, В.; Никитинъ, Т.; Наумовъ, А.; Оберъ, А.; Оболенскій, Н.; Поповъ, С.; Поповъ, В. П.; Поляковъ, В.; Проскуринъ, А.; Перовъ, В.; Прянишниковъ; Петровъ; Плѣшановъ; Платоновъ, Х.; Пелевинъ, И.; Рыбковскій; Рѣпинъ; Сверчковъ, Н. Е; Самокишъ, Н. С.; Сафоновъ, А.; Семирадскій, Г.; Скляровъ, А; Смирновъ, В.; Трутовскій; Урлаубъ, Г.; Хохряковъ, Н.; Шлаевскій; Шильдеръ, А.; Якобій, В.**

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ: **Асмусъ, Р.; Альма-Тедема, Л.; Беренштамъ; Буланже; Бееръ; Бэмъ; Байяръ; Белльируа, Е.; Вольфъ, О.; Гольдманъ, О.; Гофманъ, А.; Гайзеръ; Гюнтеръ; Делоббъ, А.; Дейкеръ; Джіакомелли; Дорэ; Дюранъ, С.; Диффенбахъ; Еппъ, Г.; Еберлейнъ, Р.; Зондерландъ, Ф.; Кальбе, А.; Катонъ; Кремеръ; Клейнмихель; Каррье-Белезе; Каульбахъ, Г.; Кейзеръ, М.; Констанъ; Кнаусъ; Кенигъ, Г.; Кабанель; Лангеръ; Лекеръ; Лейстенъ, Я.; Лендбей; Макартъ, Г.; Михаель; Моро, Э.; Маффей, Г.; Максъ, Г.; Морлонъ; Мейеръ; Мюллеръ; Мейзель; Оберъ, А.; Морловъ; Пилотти; Поденмюллеръ; Роде; Рейхертъ; Рафаэль; Ригеръ, А.; Піу; Риччи; Рауппъ, К.; Рейсъ, Ф.; Рубенсъ, П.; Фальди, А.; Чернеръ; Шрейеръ, А.; Швенингеръ, Шпехтъ; Шредеръ, А.; Шютцъ.**

ГРАВЕРЫ-КСИЛОГРАФЫ: **Адтъ, В., Брендʼамуръ, Барановскій, Бонгъ, Веберъ, Вейерманъ, Голевинскій, Гельштейнъ, Гейеръ, Казанцевъ, Кизель, Крей, Кнезингъ, Кезебергъ, Киндеръ, Львовъ, Матюшинъ, Маттэ, Михаэль, Меоль, Некрасовъ, Остъ, Паннемакоръ, Пановъ, Парръ, Рихтеръ, Рейманъ, Ротъ, Смирновъ, Сѣряковъ, Соболевъ, Суриковъ, Шлипперъ, Шлитте, Шпрингеръ, Шмидтъ, Шюблеръ, Эртель** и друг.

Завѣдующій литерат. отдѣломъ **А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ).**

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб. 30 декабря 1887.

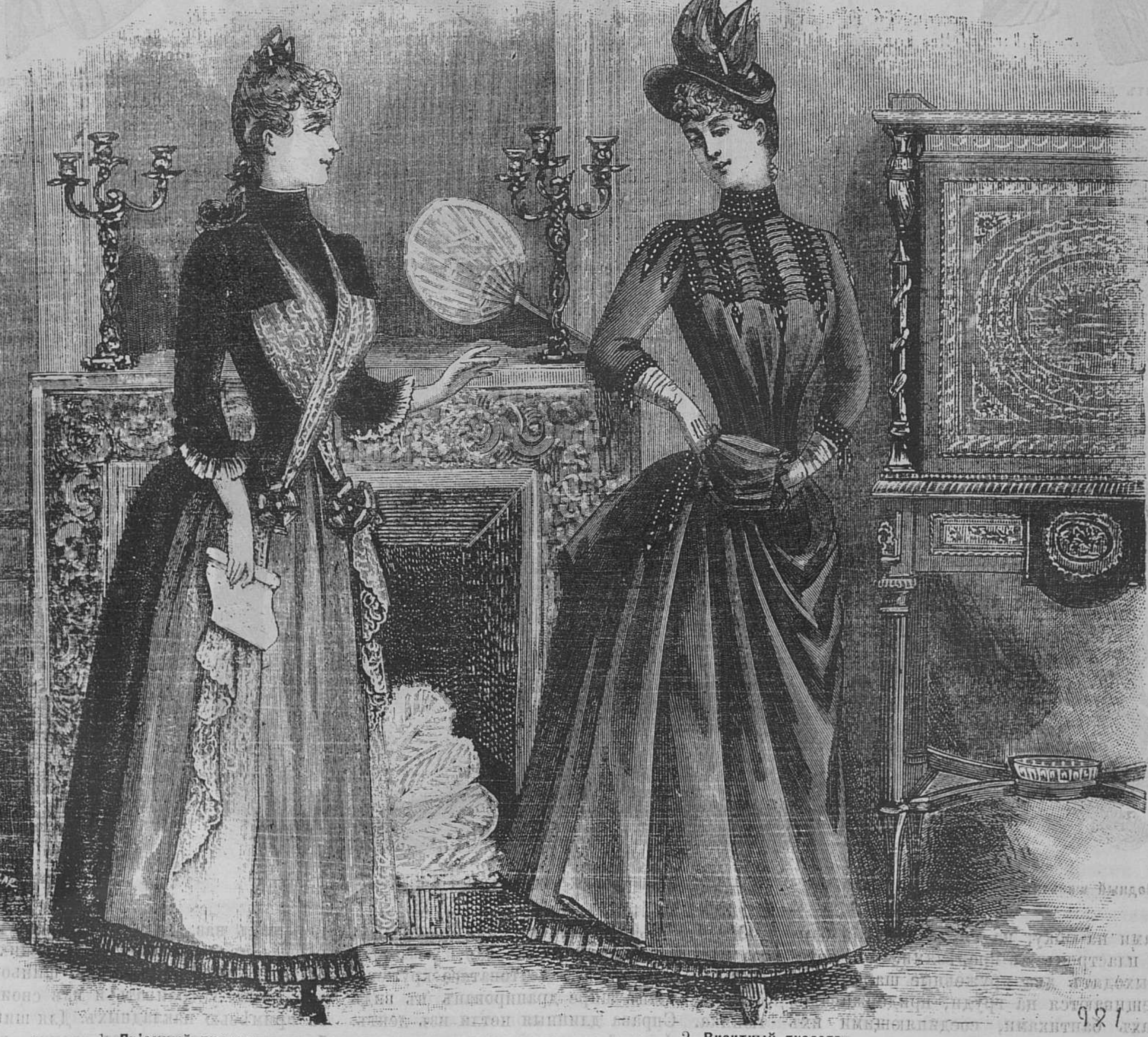
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

№ 1.—1888. Январь. 1888.—№ 1.

Обращаясь съ нашей бесѣдой въ первый разъ къ нашимъ подписчицамъ въ настоящемъ году, мы не начнемъ ее пышной рекламой своему изданію, а, ограничимся скромнымъ обѣщаніемъ продолжать и на будущее время, съ прежнимъ усердіемъ, принятую на себя задачу: сдѣлать нашъ модный отдѣлъ дѣйствительнымъ подспорьемъ въ семейномъ обиходѣ. Какъ могли въ томъ удостовѣриться наши постоянныя подписчицы, нашъ модный листокъ, хотя и не достигая объема спеціальныхъ модныхъ журналовъ, даетъ не менѣе обильный матеріалъ для домашнихъ работъ, потому что помѣщаетъ у себя все дѣйствительно нужное для изготовленія, домашними средствами всѣхъ принадлежностей дамскаго и дѣтскаго гардероба, равно какъ и для наиболѣе практичныхъ и изящныхъ рукодѣлій. Исполняя по возможности безупречно свою задачу, мы не считаемъ нужнымъ унижать, при этомъ, достоинство другихъ модныхъ журналовъ, признавая и за ними стремленіе быть полезными въ своемъ кругѣ дѣятельности; не считаемъ нужнымъ заявлять о національности въ дѣлѣ модъ, какъ-то неловко дѣлаютъ нѣкоторыя изданія, призывая публику подписываться исключительно на извѣстныя журналы, причемъ, по странному недосмотру, въ письмѣ ревностной подписчицы, взявшей на себя трудъ рекламировать такъ въ пользу названныхъ журналовъ, перечисляются именно тѣ, которые состоятъ изъ полнѣйшей перепечатки нѣмецкихъ изданій...

Не прибѣгая къ подобному «зазыванію



1. Пріемный туалетъ.

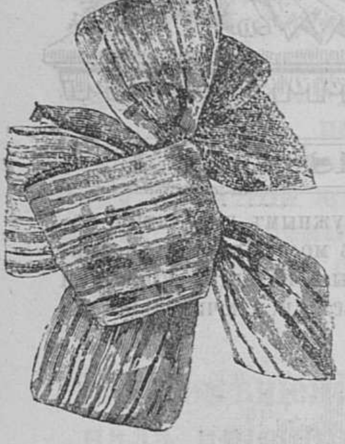
2. Визитный туалетъ.

въ свою лавочку», мы смѣемъ надѣяться, что будемъ и впередъ пользоваться довѣріемъ публики, внося нашу посильную лепту въ дѣло домашняго благоустройства, на сколько оно находится въ зависимости отъ тѣхъ сбереженій, которыя достигаются экономнымъ изготовленіемъ всякихъ вещей дома, своими руками.

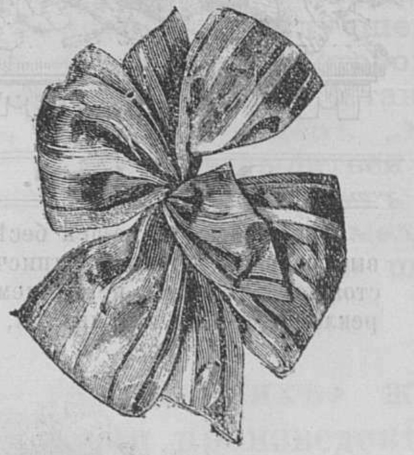
* * *

1. Пріемный туалетъ. Юбка изъ голубаго фая съ плиссе на подолѣ; передникъ тоже фаевый, но блѣдноголубой; на бокахъ бѣлое кружевное кокилье, но спускающееся до подола. Корсажъ голубой съ спинкою полонезъ, слегка драпированный и падающій складками на юбку; на груди широкій бархатный пластронъ съ прорѣзями, изъ которыхъ выходятъ два кружевные шарфа; они перекрещиваются на груди, придерживаясь на бокахъ бантиками, соединяющими ихъ съ нижнимъ кружевнымъ кокилье. Воротникъ бархатный. Рукава фаевые, полудлинные, закругленные внизу и обшиты кружевомъ; на наружномъ швѣ бантикъ. Въ волосахъ два банта; нижній изъ нихъ связываетъ завитой катоганъ.

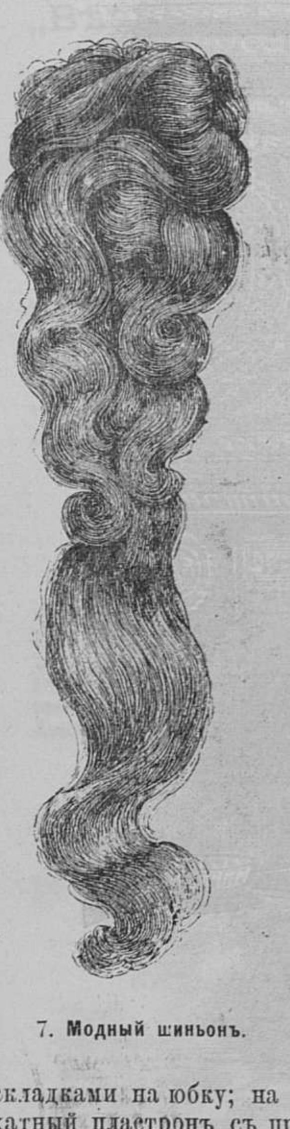
2. Визитный Туалетъ. Шелковая гранатная юбка съ плиссе на подолѣ. Вторая юбка изъ шерстянаго шали тоже гранатнаго цвѣта, драпированная кругомъ и подобранная сзади, но такъ что подолъ ея остается круглымъ. На правомъ боку складки придерживаются аграфою изъ гранатныхъ бусъ. Корсажъ, собранный вверху и съ гранатнымъ аграмантомъ между сборками, что образуетъ кокетку; на концахъ аграманта подвѣски. Внизу у таліи легкія сборки, стянутыя аграмантнымъ кушачкомъ. На плечахъ и внизу рукавовъ гранатовые шнуры съ подвѣсками. Воротникъ стоячій, покрытый аграмантомъ. Муфта маленькая, собранная подходящая къ костюму. Шляпа изъ фетра гранатнаго цвѣта съ бархатнымъ гранатнымъ подбоемъ и розовыми крылышками.



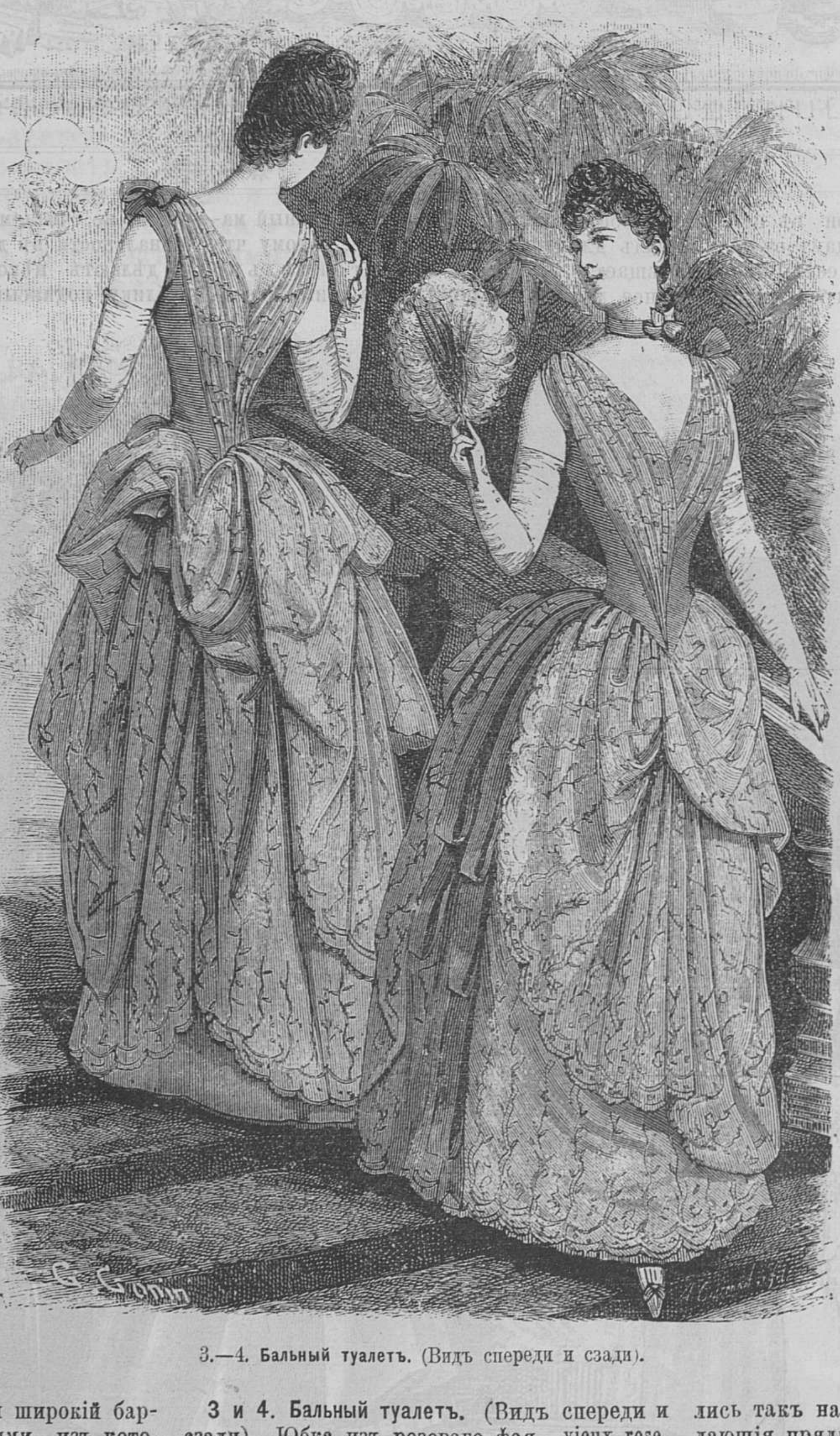
5. Бантъ для волосъ.



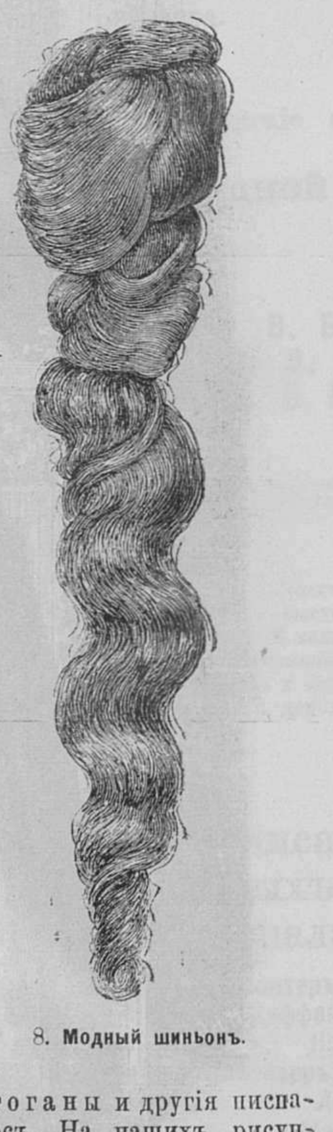
6. Бантъ для волосъ.



7. Модный шиньонъ.



3.—4. Бальный туалетъ. (Видъ спереди и сзади).



8. Модный шиньонъ.

3 и 4. Бальный туалетъ. (Видъ спереди и сзади). Юбка изъ розоваго фая, vieux rose. Впереди воланъ изъ желтоватаго кружева. Другой воланъ шире драпированъ въ видѣ тюника. Справа длинныя петли изъ лентъ. Корсажъ фаевый съ кружевною драпри на груди и на спинкѣ; впереди правая драпри переходитъ на лѣвую. На лѣвомъ плечѣ бантикъ; на шеѣ колье изъ ленточки съ бантомъ. Чулки розовые шелковые, башмаки розовые сафьянные; перчатки шведской кожи, въ цвѣтъ кружева.

5. Бантъ для волосъ. Бантъ сдѣланъ изъ блѣдноголубой атласной ленты съ пестрыми плюшевыми полосами; онъ насаживается на длинную шпильку, посредствомъ которой прикалывается къ волосамъ,

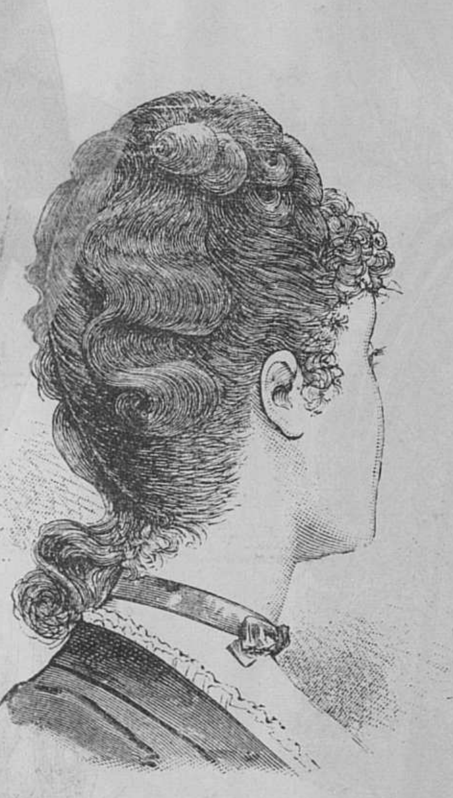
6. Бантъ для волосъ. Для этого банта взята розовая муаровая лента съ атласными полосами. Вообще надо замѣтить, что бантъ долженъ быть или совершенно подъ цвѣтъ платья, или же другого, но болѣе темнаго или болѣе свѣтлаго цвѣта; равномѣрность тона здѣсь не годится; исключеніе составляютъ лишь нѣкоторые поблеклые цвѣта, удачно гармонирущіе между собою, не смотря на одинаковую блѣдность.

7 и 8. Модные шиньоны. Въ прическахъ замѣтенъ переворотъ: на ряду съ высокозачесанными на затылкѣ волосами, появились такъ наз. катоганы и другія ниспадающія пряди волосъ. На нашихъ рисункахъ изображены два такіе шиньона, которые можно устраивать и изъ своихъ волосъ съ примѣсью накладныхъ. Для шиньона рис. 7 можно составить изъ своихъ волосъ ниспадающую прядь съ завитымъ концомъ и верхній узелъ, закрывающій начало шиньона; въ модэли рис. 8 можно употребить свои волоса для всей верхней части шиньона, гдѣ они какъ-бы сплегены, при чемъ одна прядь гуще и виситъ слабою петлею.

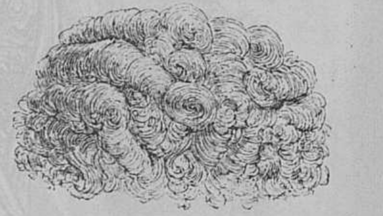
9 и 10. Модныя прически. Обѣ прически съ небольшимъ катоганомъ. На рис. 9, задніе волоса закручены и подняты вверхъ гдѣ они приколоты узломъ; сбоку широкая волнистая прядь—постишь; съ другой стороны тоже постишь, завитая болѣе мелко. Для прически рис. 10 требуется впереди постишь изъ мелкихъ буколь (см. рис. 11). Сзади шиньонъ изъ двухъ руло съ катоганомъ; свои волоса подняты на бокахъ и тоже подвернуты, образуя руло. Для этой прически можетъ служить тоже шиньонъ рис. 12.

11. Постишь изъ мелкихъ буколь. Такой постишь надѣвается впереди, устраняя необходимость завивать свои волоса (рис. 10).

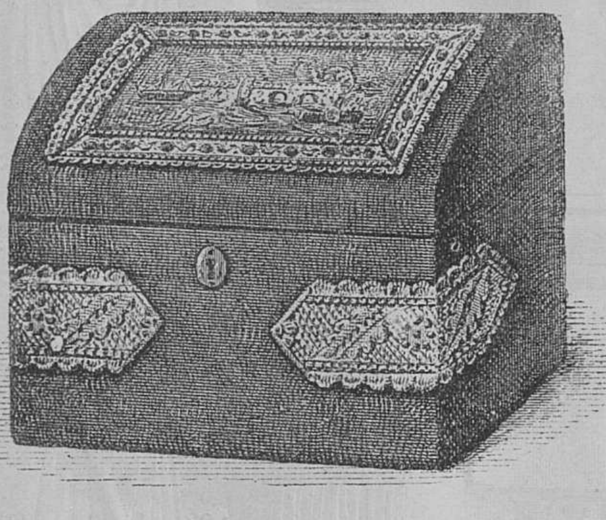
12. Модный шиньонъ. Такой шиньонъ дѣлается весь готовымъ или же свои волоса употребляются для верхняго узла, а двѣ спускающіеся пряди могутъ быть накладныя (см. рис. 10).



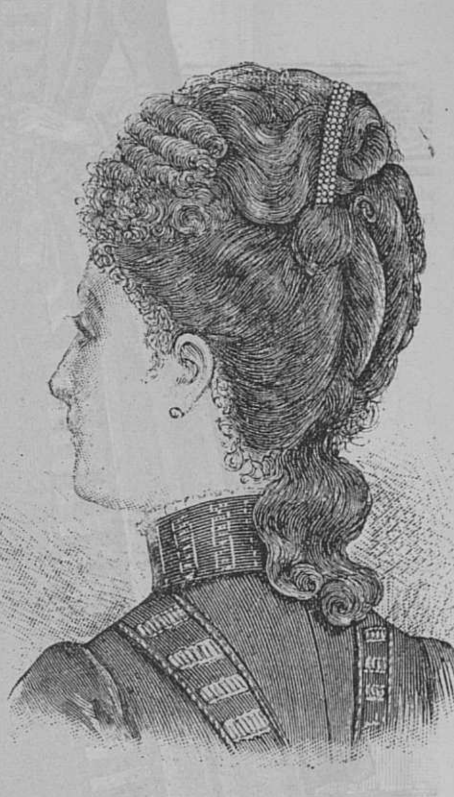
9. Модная прическа.



11. Постишь изъ мелкихъ буколь.

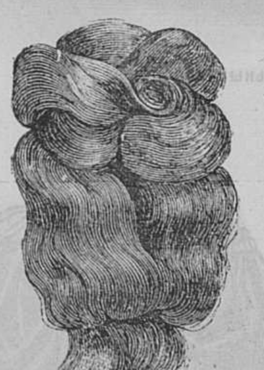


14. Ящикъ для легкихъ вещей.

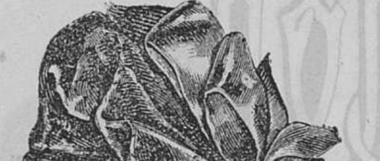


10. Модная прическа. (см рис. 11 и 12).

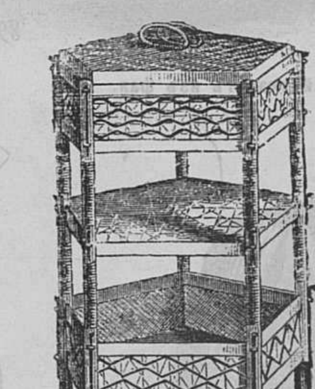
13. Модная муфта изъ темносиняго плюша, подбитаго атласомъ saumon. Плюшъ граціозно шифонированъ поверхъ заготовленной подложенной пухомъ основы. Синія атласныя ленты съ розоватой изнанкой довершаютъ отдѣлку.



12. Модный шиньонъ.



13. Модная муфта.



15. Рабочій столикъ.

14. Ящикъ для мелкихъ вещей. Деревянный или картонный остовъ ящика покрытъ плюшемъ подъ цвѣтъ мебели комнаты; на крышкѣ канвовая вышивка, изображающая пейзажъ. По бокамъ, въ видѣ оковки, тоже вышитыя полосы. Всѣ три вышивки прибиты золочеными гвоздиками. Такой ящикъ очень изященъ и полезенъ для храненія мелкихъ туалетныхъ принадлежностей: шарфиковъ, сашесъ платками и пр.

15. Рабочій столикъ. Такія столики въ большой модѣ; они удобны и очень красивы. Въ столикѣ два ящика: нижній открытый и верхній съ крышкою; между ними палочка. Наша модэль сдѣлана изъ тонкаго китайскаго плетенья, золоченыхъ ноженъ и лакированныхъ черныхъ досокъ, но подобный столикъ можно устроить гораздо дешевле, при чемъ онъ будетъ не менѣе изященъ, Заказавъ столяру весь остовъ столика изъ простого дерева, надо покрыть, какъ наружныя стѣнки ящиковъ, такъ и палочку цвѣтнымъ манчестеромъ, расшитымъ шелками; также обтянуть манчестеромъ и ножки, которыя покрыты висячими шерстяными шариками. Внутренность ящиковъ надо обить ватированной слегка цвѣтною тафтою. По угламъ столика кисти изъ шариковъ.

16. Вечерній туалетъ изъ фая и кружева. Юбка изъ блѣднорозоваго сюра покрыта двумя кружевными воланами вгладь и слегка собрана посерединѣ посредствомъ вдернутой ленты. Впереди полотнище изъ фая vert-de-gris, драпированное легкими складками. На бокахъ пано въ томъ-же родѣ; сзади широкое полотнище, тоже драпированное, но гуще, такъ что образуется пуффъ. Корсажъ съ кружевнымъ пластрономъ и бретелями—драпри. Рукава полудлинные съ драпри и кружевной вставкою.

17. Бальный туалетъ. Передъ юбки изъ блѣдножелтаго гласе, заложеннаго складками; заднія полотнища и пуффъ изъ той-же матеріи; на бокахъ широкія пано въ видѣ двухъ складокъ изъ толстаго розоваго броше. Корсажъ изъ того-же броше, покрытый драпировкою изъ желтаго крепа; она выходитъ изъ-подъ рукъ; лѣвая ея пола переходитъ внизу у таліи на правую и спускается на юбку острымъ угломъ; потомъ она огибаетъ сзади талію и примѣшивается къ складкамъ пуффа. Рукава въ видѣ буффы, креповые съ эполетомъ изъ броше.

18. Корсажъ съ разрѣзной баскою. Этотъ корсажъ гладкій, очень обтянутый, кроится съ довольно длинною баской, которая надрѣзывается; концы ея собираются и къ нимъ пришиваются подвѣски изъ жэ. На рукавахъ отдѣлка тоже изъ сборокъ, окаймленная бусами. Пуговицы впереди въ видѣ бусъ. Всѣхъ концовъ на баскѣ должно быть девять.

19. Пріемный туалетъ. Юбка изъ тафты геліотропъ, покрытая рыжеватымъ кружевомъ. Тюникъ атласа геліотропъ съ муаровымъ ревером на боку. Корсажъ атласный собранный вверху и у таліи, гдѣ онъ и стянутъ муаровымъ кушачкомъ. Кружевная шемизетка съ муаровымъ воротничкомъ, вокругъ котораго положено колье изъ аметистовыхъ бусъ. Рукава съ маншетами изъ муара и двумя рядами бусъ по мельче, нежели на колье.

20. Городской туалетъ. Юбка изъ шерстяной матеріи оливковаго цвѣта, собранная кругомъ и пришитая къ таліи; заднія полотнища выкроены длиннѣе и драпированы. Впереди бархатная вставка подъ цвѣтъ; по сторонамъ ея реверы, шерстяные съ поперечно-нашитыми бархатными ленточками. Корсажъ съ гладкою спинкой; передъ съ сборками на плечахъ; къ таліи онѣ съуживаются, придерживаясь кушачкомъ изъ атласной ленты съ небольшими концами и металлической пряжкой. Передъ корсажа дополняется реверами и бархатной вставкой, застегнутой металлическими пуговками. Рукава съ бархатнымъ обшлагомъ и бантикомъ изъ ленты. Шляпа изъ оливковаго фетра съ бархатнымъ подбоемъ. Отдѣлка изъ атлас, драпированнаго въ видѣ эгретки,

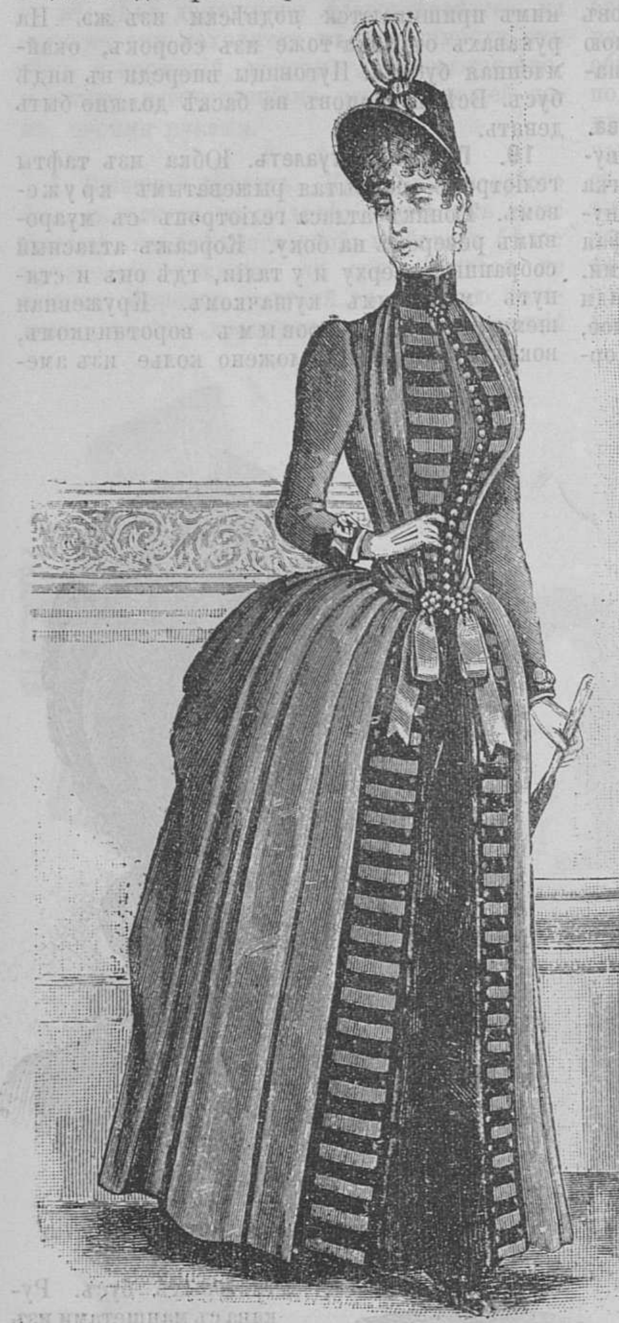
21. Юбка изъ фая и кружева. Черная фаевая юбка покрыта вся чернымъ кружевомъ, которое придерживается на правомъ боку двумя бантами. Фаевая косая полоса, взята вдвое и заложенная вверху двойной складкой, спускается двумя острыми концами къ подолу. На лѣвомъ боку одинъ подобный конецъ пошире и одинъ бантъ, придерживающій кружевo; этотъ бантъ больше тѣхъ, которые на другомъ боку. Подобная юбка годится для разнообразныхъ корсажей. Она будетъ очень красива и на цвѣтномъ, желтомъ, пунсовомъ или т. п. подбоѣ съ отдѣлкою подъ цвѣтъ, но тогда корсажъ долженъ гармонировать цвѣтомъ съ подбоемъ.

22. Муфта съ кармашкомъ. Подобныя муфты очень практичны: отверстіе кармашка, вшитаго внутрь, находится наверху и стянуто эластичной лентой, что позволяетъ безопасно хранить въ немъ платокъ или портмоне. Наша модэль сдѣлана изъ чернаго бархата на пунсовомъ атласномъ подбоѣ. Бархатъ собранъ на бокахъ и вверху. Красивый бантъ придерживаетъ сборки кармашка.

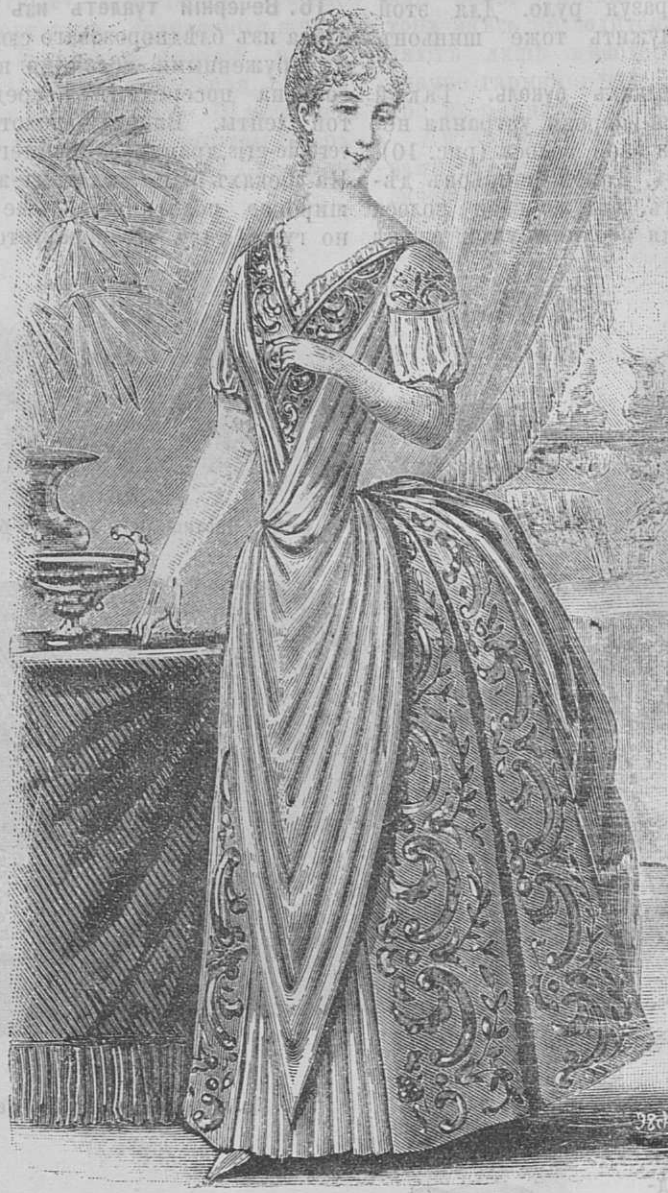
23. Юбка шерстяная съ вставкою броше. Эта красивая юбка можетъ тоже служить для разныхъ вестъ и корсажей. Она заложена двойными складками, собранными мелко, въ пять рядовъ, наверху. Между каждою такою парою складокъ находится драпри изъ шелковаго броше. Такихъ драпри пять: двѣ по сторонамъ передней пары складокъ, потомъ двѣ на бокахъ и, наконецъ, пятая сзади; она должна быть шире прочихъ и собрана гуще, образуя мелкій пуффъ. Этотъ фасонъ юбки очень солиденъ и пригоденъ для платья пожилой дамы.

24. Модный рединготъ-визитъ. Это порядочное манто сдѣлано изъ красивой и мягкой шерстяной ткани темносѣраго цвѣта на розовой ватированной тафтѣ. Переднія полы свободныя, застегнутыя отъ таліи до подола аграфами изъ стального и чернаго бисера. Отъ горла къ таліи идетъ полоса мѣха шеншилла. Сзади юбка собрана густыми и глубокими складками. Рукава длинные до подола, обшитые шеншилла, а вверху вышитые чернымъ и стальнымъ бисеромъ; вышивка обрисовываетъ какъ-бы короткій рукавъ и продолжается на плечѣ. Воротникъ мѣховой. Шляпа изъ темносѣраго бархата съ розовою птичкой и сѣрымъ перомъ.

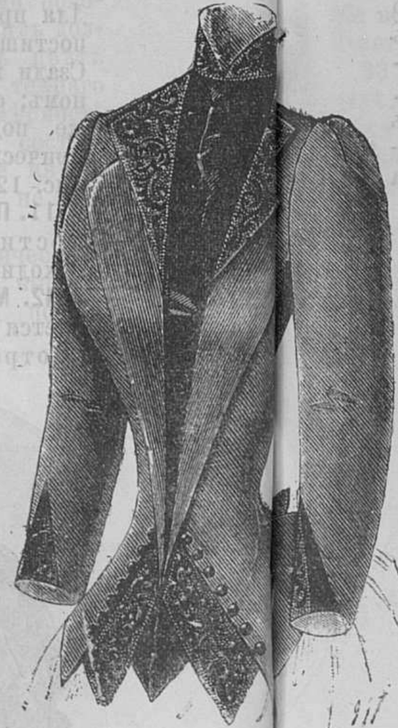
25. Корсажъ изъ атласа и кружева. Переднія полы слегка не сходятся, обнаруживая узенькій бархатный жилетъ, мысъ котораго выступаетъ внизу; полы застегнуты



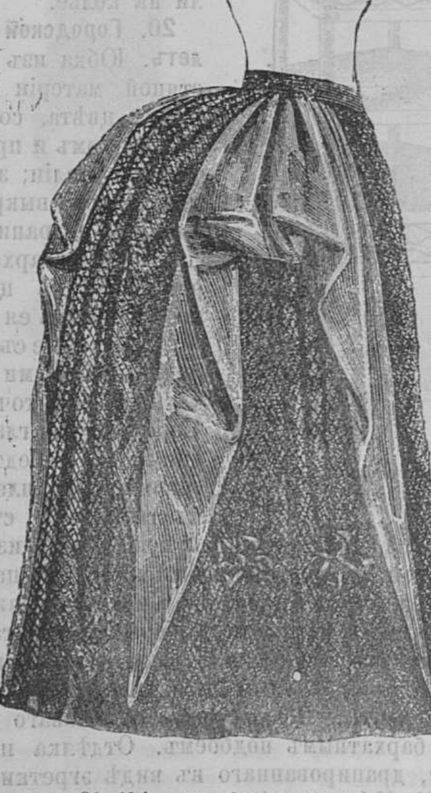
16. Вечерній туалетъ изъ фая.



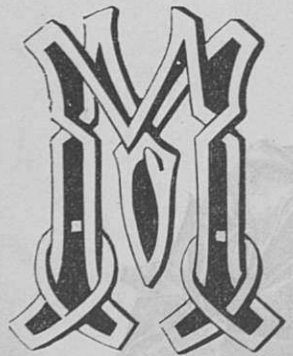
17. Бальный туалетъ.

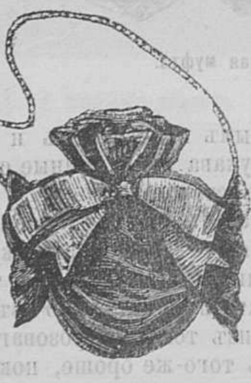


18. Корсажъ съ ра ой баской.

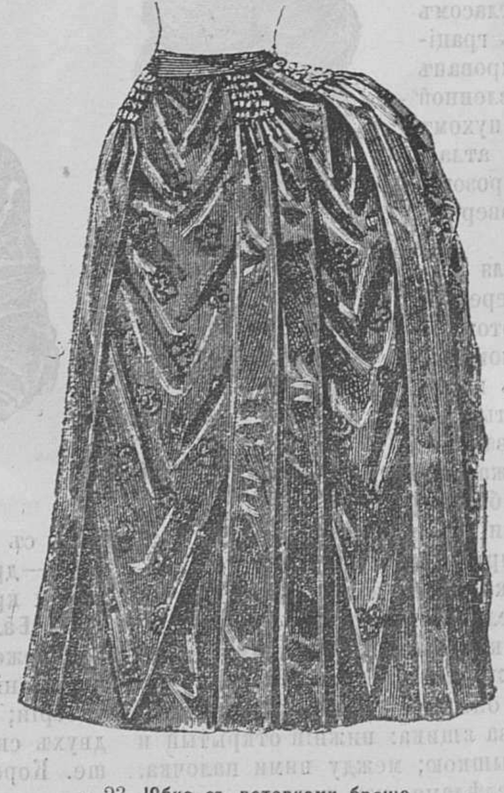


21. Юбка изъ фая и кружева.

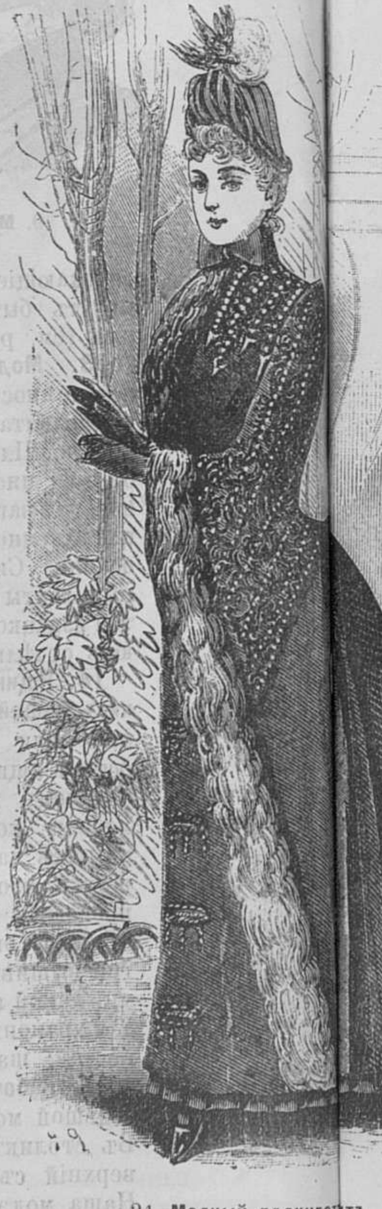




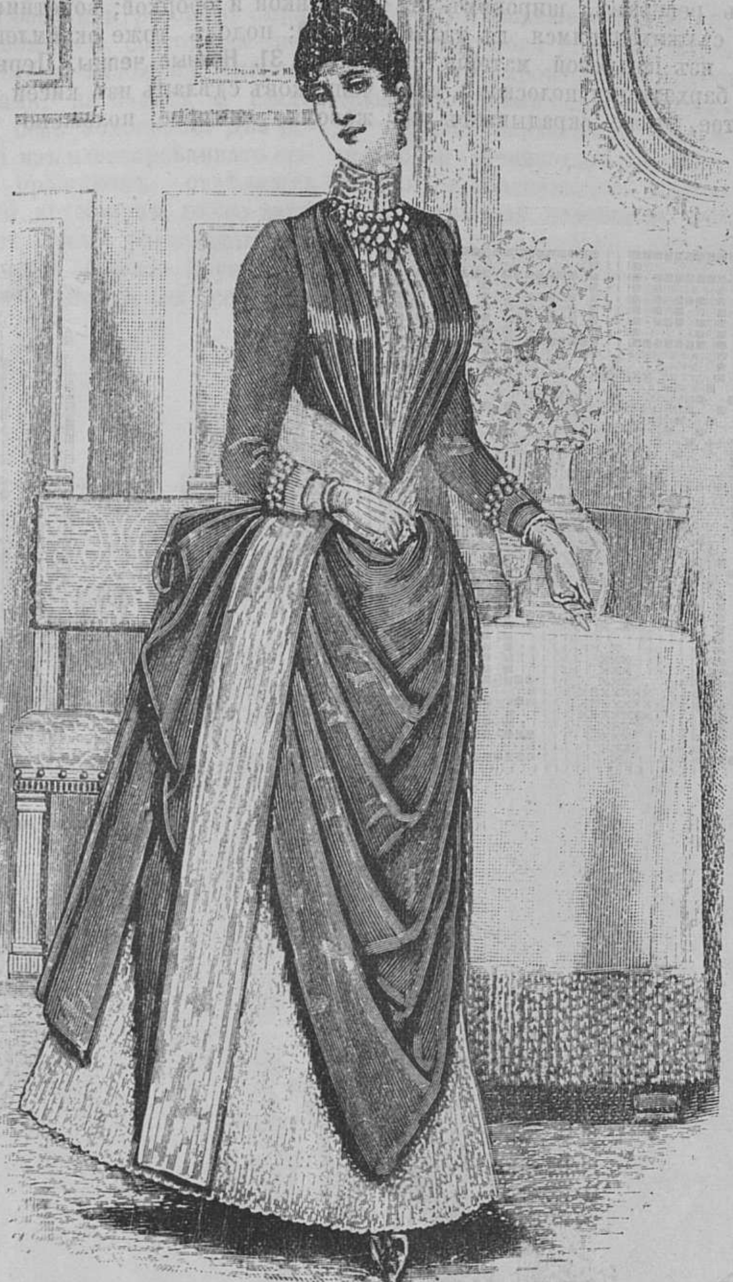
22. Муфта съ кармашкомъ.



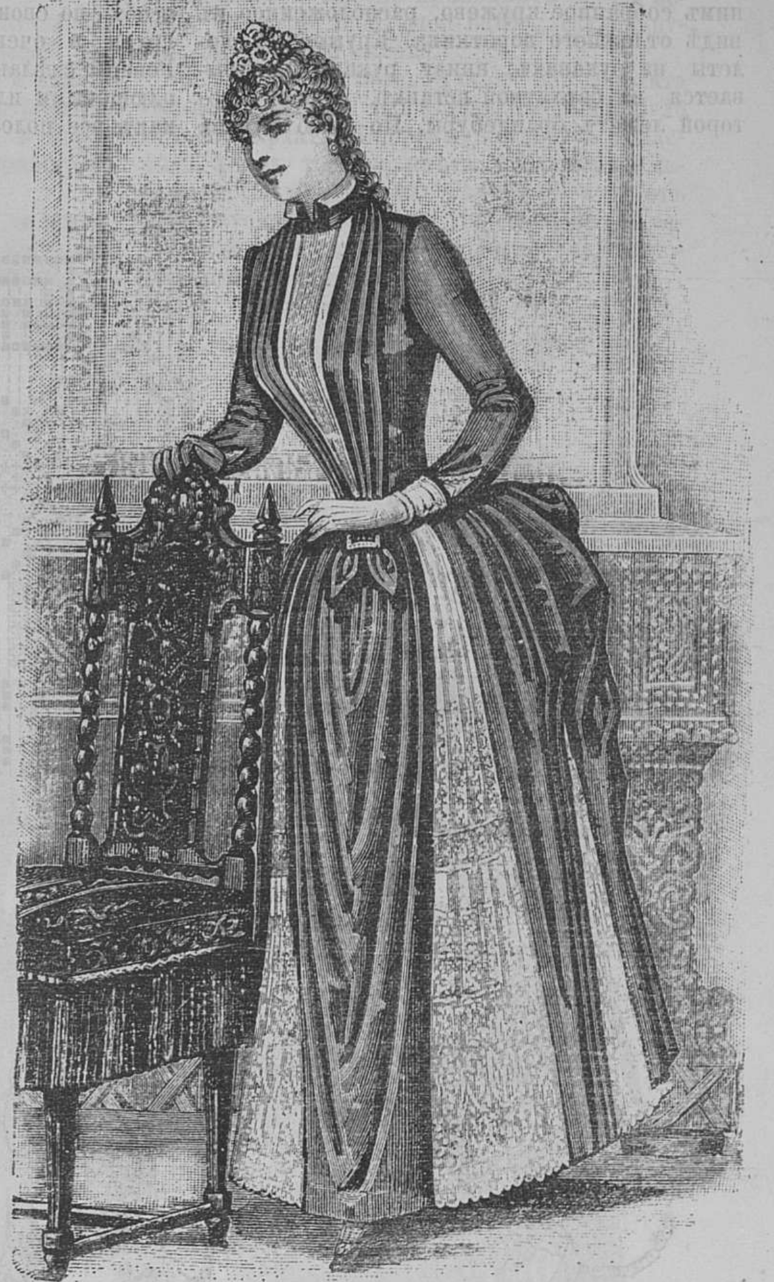
23. Юбка съ вставками броше.



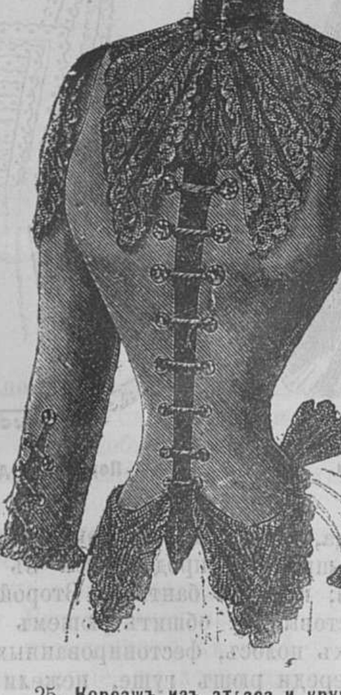
24. Модный рединготъ.



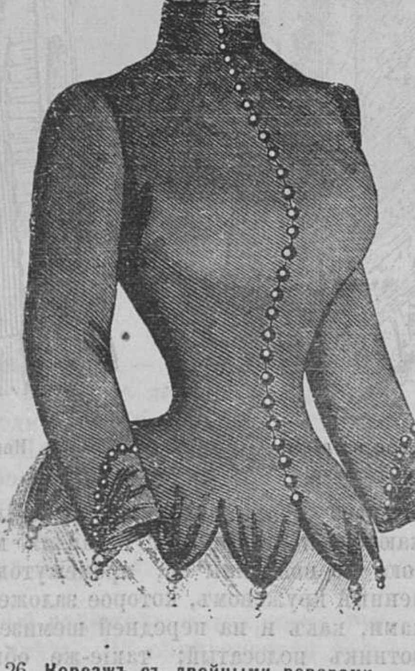
19. Пріемный туалетъ.



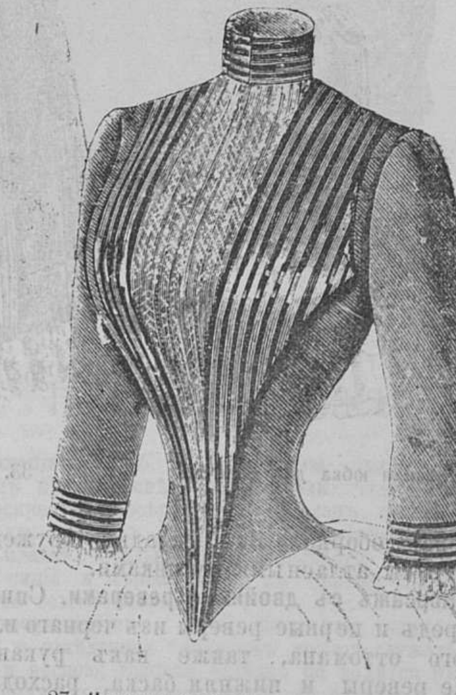
20. Городской туалетъ.



25. Корсажъ изъ атласа и кружева.



26. Корсажъ съ двойными реверами.



27. Корсажъ съ кружевными пластронами.

поверхъ бархата бранденбурами, которые расширяются къ верху. Баска закруглена впереди и дополнена кружевомъ, образующимъ острый уголъ; сзади кружевной postillon. Воротникъ стоячій бархатный; подъ нимъ собранное кружево, расположенное въ видѣ отложного воротника. Кружевные эполеты на рукавахъ; внизу рукавъ раскрывается на бархатной вставкѣ, поверхъ которой лежатъ брандебуры. По краю рукава кружевная оборка. Всѣ складки кружева пристегнуты атласными пуговками.

26. Корсажъ съ двойными реверами. Спинка, передъ и первые реверы изъ чернаго или цвѣтного оттомана, также какъ рукава. Верхніе реверы и нижняя баска, расходящаяся внизу изъ фая подъ цвѣтъ, расшитаго шелкомъ и бисеромъ. Бархатный жилетъ заканчивается внизу мысомъ, такъ что всѣхъ мысковъ оказывается внизу пять. Сзади баска съ разрѣзомъ, изъ котораго выступаютъ двѣ вышитыя складки съ бархатомъ между пими. На рукавахъ отдѣлка въ томъже родѣ. Воротникъ вышитый. Внизу на оттоманой баскѣ мелкія пуговки.

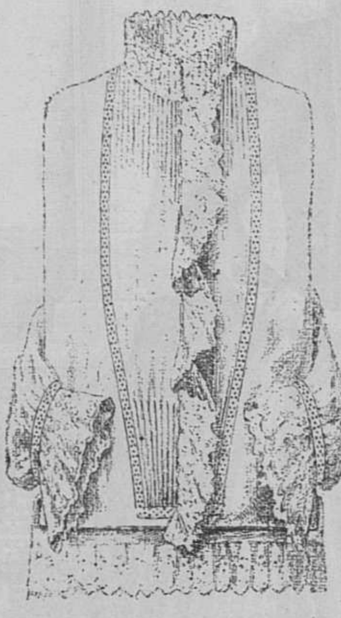
27. Корсажъ съ кружевнымъ пластрономъ. Этотъ корсажъ съ едва замѣтною баской очень оригиналенъ и выгоденъ для полныхъ особъ по своимъ реверамъ, широкимъ на груди и очень съуживающимся къ таліи. Реверы сдѣланы изъ шелковой матеріи съ плюшевыми или бархатными полосками, что, какъ все полосатое, тоже скрадываетъ излишнюю полноту фигуры; реверы продолжаются и на спинкѣ, оставляя между собою, до половины ея, промежутокъ, заполненный кружевомъ, которое заложено складками, какъ и на передней шемизеткѣ. Воротникъ полосатый; такіе-же обшлага на рукавахъ. Вмѣсто вырѣза на спинкѣ, можно продолжить на нее реверы въ видѣ отложного воротника.

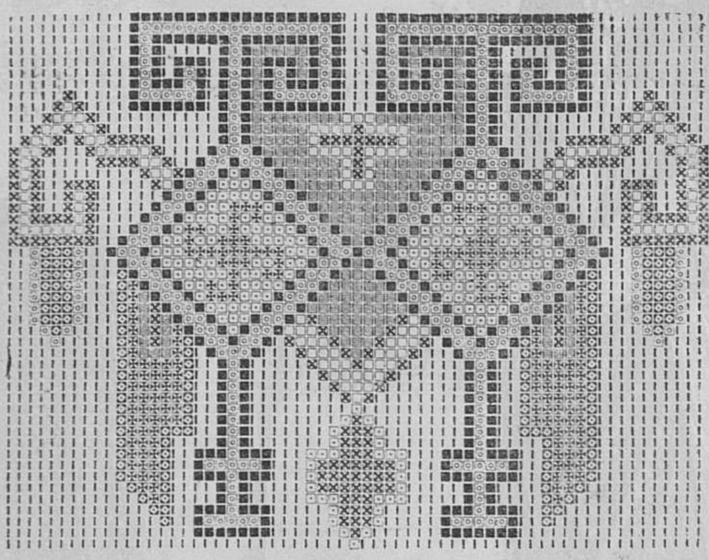
28. Женская ночная рубашка изъ тонкаго полотна, перкаля или т. п. Отдѣлка изъ вышитыхъ прошивокъ и такой-же оборки. Воротникъ стоячій изъ прошивки съ оборкою.

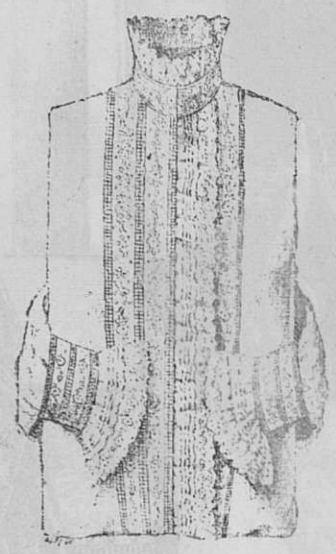
29. Женская ночная рубашка изъ полубатиста, тонкаго мадополама и пр. Грудь вставная, собранная внизу и окаймленная узенькою цвѣтною вышивкою. Впереди жабо изъ вышитой цвѣтной оборки; рукава съ вышивкой и оборкой; воротникъ стоячій вышитый; подолъ тоже окаймленъ вышивкою.

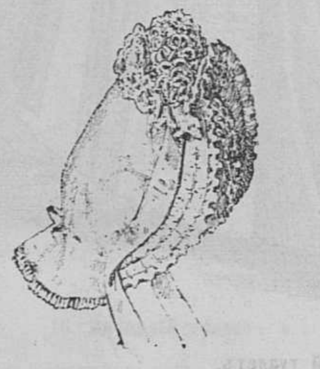
30 и 31. Ночные чепцы. Первый изъ этихъ чепчиковъ сдѣланъ изъ кисеи и обшитъ кружевомъ, которое положено сзади въ два ряда, а спереди въ три. Надъ кружевомъ прошивка съ продернутой въ нее ленточкой; впереди бантикъ. Второй чепчикъ батистовый и обшитъ рюшемъ изъ батистовыхъ полосъ, фестонированныхъ по краю. Впереди рюшъ гуще, нежели сзади, гдѣ онъ замыкается бантомъ изъ тафтяной ленты.

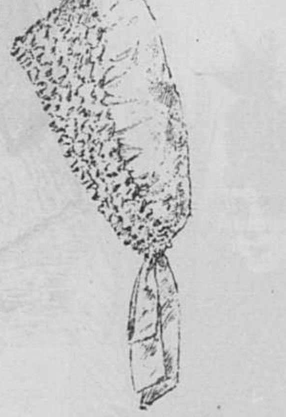
32. Шляпа для малютки. Шляпа дѣлается для зимы изъ бѣлаго, слегка ватированнаго кашемира; она состоитъ изъ закругленнаго куска, нижній край котораго собранъ какъ баволе, а верхній тоже посаживается; это образуетъ головку. Пассъ заготовляется осо-

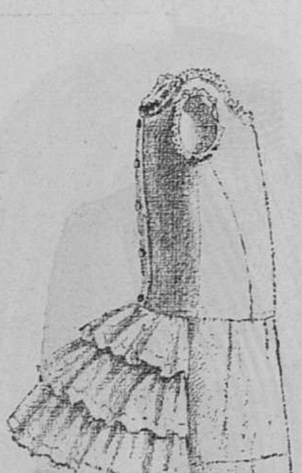

28. Женская ночная рубашка.

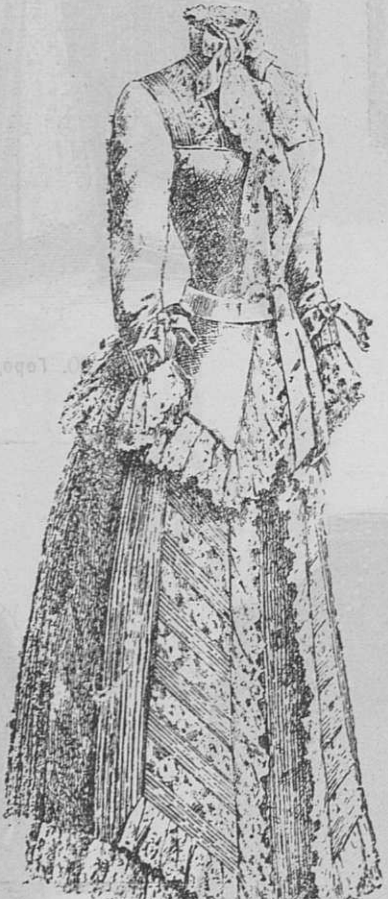


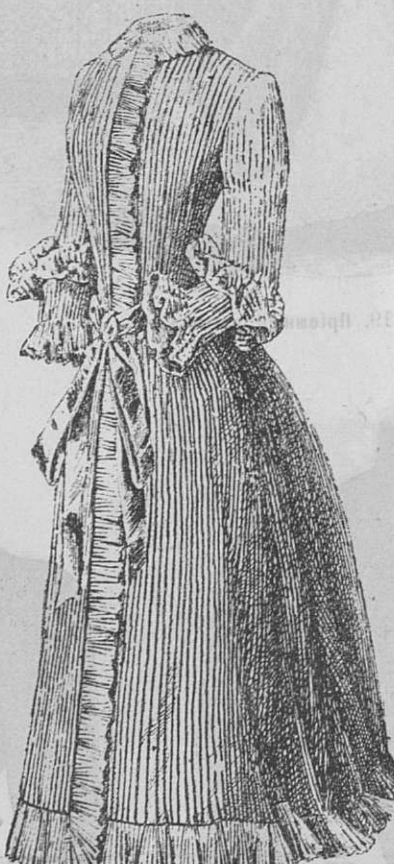

29. Женская ночная рубашка.

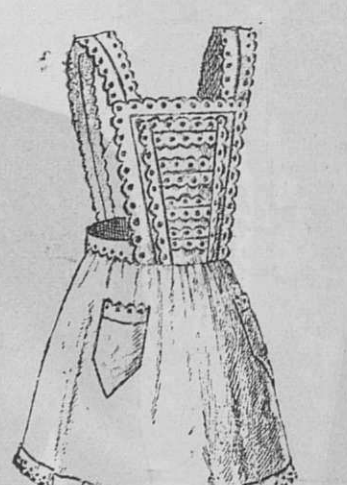

32. Шляпа для малютки.


31. Ночной чепецъ.


35. Нижняя юбка для дѣвочки.

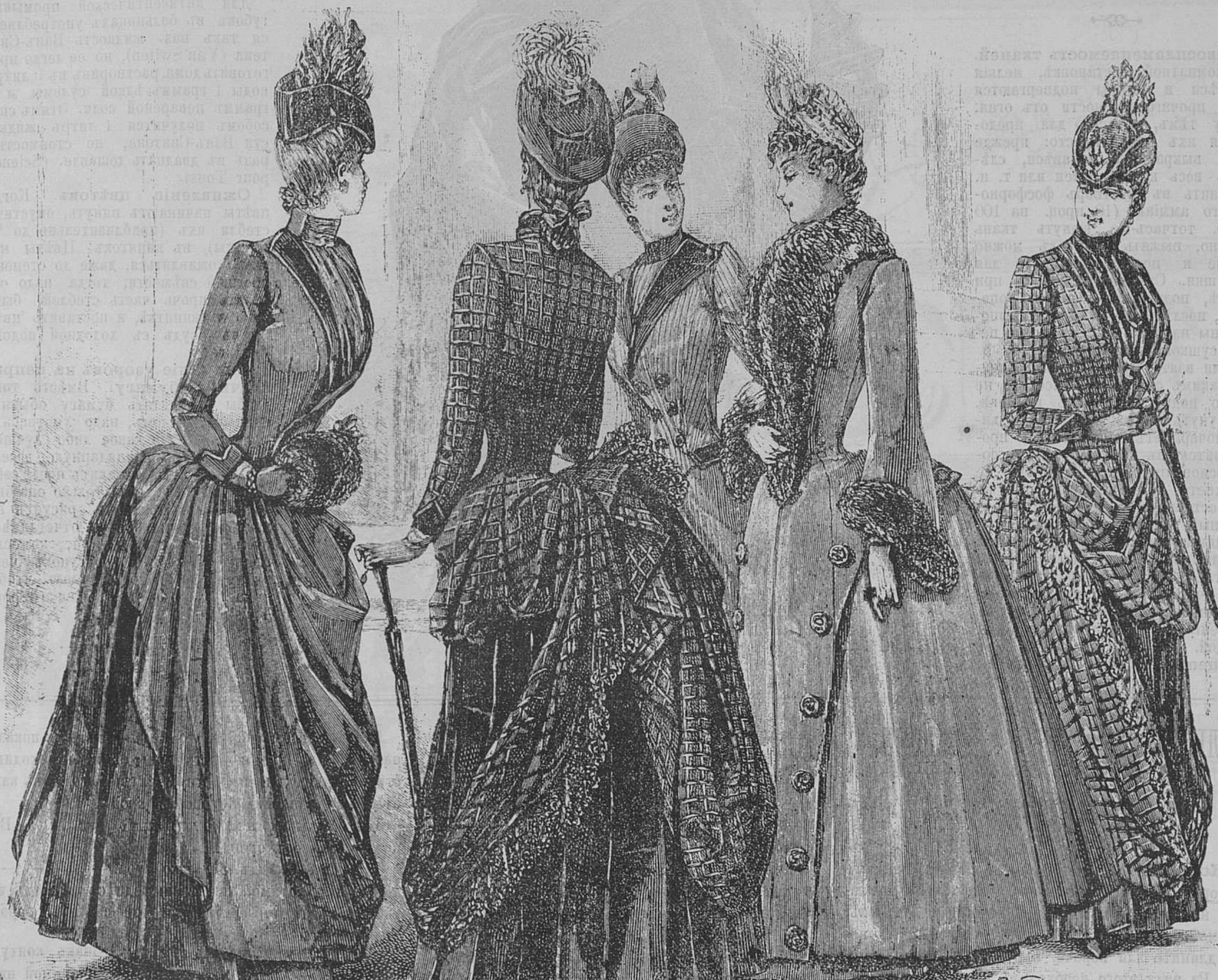

33. Нарядное неглиже.


34. Неглиже изъ фланели.


36. Передникъ для малютки.

бо изъ полосы, собранной на два ряда проволоки. Чтобы головка лучше держалась, надо подложить кашемиръ твердой марлей. На верху бантъ изъ мелкихъ лентъ или букетикъ круто завитыхъ перьевъ.

33. Нарядное неглиже изъ розоваго сюра, отдѣланное кружевомъ и состоящее изъ юбки и кофты. Юбка заложена впереди мелкими складочками; на бокахъ и сзади она виситъ прямо, безъ подборовъ. Два ревера, составленные изъ плессированнаго сюра и кружевныхъ прошивокъ, отдѣляютъ передъ; они обшиты кружевомъ, равно какъ и подолъ, что даетъ видъ распашнаго капота. Кофта изъ сюра обшита кружевомъ и подпоясана лентой. Верхъ ея состоитъ изъ кокетки, напоминающей реверы на юбкѣ. Воротничекъ стоячій съ бантомъ и кружевомъ; рукава съ подобной-же отдѣлкой, Эта модэль можетъ служить для утренняго туалета новобрачной.



37.—38.—39.—40.—41. Городскіе туалеты.

34. Неглиже изъ фланели, сѣрой съ темнокрасными полосами. Отдѣлка изъ шелковаго темнокраснаго плиссе, окаймляющаго подолъ и верхнюю полу. Рукава заканчиваются такимъ-же плиссе, положеннымъ въ видѣ кокилье. Подъ ними другіе, шелковые плессированные, распущенные внизу.

35. Нижняя юбка для дѣвочки. Юбочка состоитъ изъ передняго, гладкаго, слегка посажженнаго вверху, полотнища, и задняго, покрытаго тремя собранными воланами; она пришита къ длинному лифику, застегивающемуся сзади.

36. Передникъ для малютки. Передничекъ дѣлается изъ бѣлаго или суроваго перкаля; отдѣлка изъ фестонированныхъ полосъ. Двѣ такія полосы, сшитыя вмѣстѣ, образуютъ бретели.

37—41. Городскіе туалеты. 37. Шелковая темносѣрая юбка покрыта шерстянымъ тюникомъ, драпированнымъ кругомъ и открывающимъ правый бокъ. Корсажъ шерстяной съ черными бархатными реверами и сѣрой шелковой шемизеткой. Шляпа черная бархатная съ красноватымъ перомъ.

38. Плюшевая темносиняя юбка, заложенная кругомъ складками. Корсажъ и тюникъ изъ клѣтчатаго тартана, синяго съ темносиними клѣтками. Правый бокъ закрытъ тюникомъ; на лѣвомъ — тюникъ образуетъ родъ шарфа; эта часть лежитъ низко, спускаясь впереди отъ таліи и обшита синимъ кружевомъ. Шляпа изъ синяго фетра съ чернымъ перомъ.

39. Рединготъ изъ сѣраго полосатаго шевіота съ отдѣлкою изъ темносѣраго бархата. Шляпа сѣрая фетровая съ черными лентами.

40. Нарядный рединготъ изъ армюра темнотабачнаго цвѣта. На юбкѣ впереди большіе реверы, переходящіе въ баску назади. Они пристегнуты крупными артистическими пуговицами. Воротникъ-пластронъ изъ перьевъ. Такая-же обшивка на рукавахъ. Шляпа изъ бархата vieux-rose съ отдѣлкою изъ лентъ и темныхъ крылышекъ.

41. Передній видъ костюма рис. 38. Спускающаяся часть тюника обшита кружевомъ по верхнему краю. Корсажъ дополняется шелковой синей шемизеткой. На этой фигурѣ шляпа tricorne съ полями, отпущенными впереди и высоко приподнятыми на бокахъ. Впереди небольшой бантъ; сзади другой, приколотый высоко.

42. Шляпа Directoire. Тулья изъ бархата Vert-de-gris; поля изъ переплетеныхъ руло того-же бархата. Впереди бантъ изъ атласныхъ лентъ того-же цвѣта съ розовою изнанкой. Сзади узелъ изъ тѣхъ-же лентъ; отъ него спускаются бриды. На самой тульѣ зеленая птичка съ золотистой головкой и розовымъ хвостомъ.

* * *

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Моршанскъ. *Б. Р.* Для весты будетъ очень хорошъ плюшъ, цвѣта loutre или темнозеленое, темносинее, темносѣрое сукно. Бисеръ въ большой модѣ для отдѣлокъ, но никакъ не цвѣтной на черномъ платьѣ. Стальной бисеръ бываетъ двухъ сортовъ: синій и серебристый; къ сѣрому сукну подойдетъ только второй.

Новороссійскъ. *В. С.* Фетровая шляпа подбитая и отдѣланная бархатомъ можетъ служить потомъ и весною; газовая отдѣлка не годится въ такое время, когда шляпа часто подвергается снѣгу или дождю. Суконный костюмъ геліотромъ очень красивъ съ суташною вышивкой.

Таганрогъ. *Ф. Р.* Цвѣтные корсажи хороши только съ бѣлой или черной юбкою; въ остальныхъ случаяхъ, бархасъ или плюшъ корсажа долженъ быть подобранъ подъ цвѣтъ юбки. Мѣховыя муфты носятъ по прежнему, но модныя муфты дѣлаются изъ бархата или другой матеріи, одинаковой съ шубкой, и отдѣлываются мѣхомъ или кружевомъ и лентами.

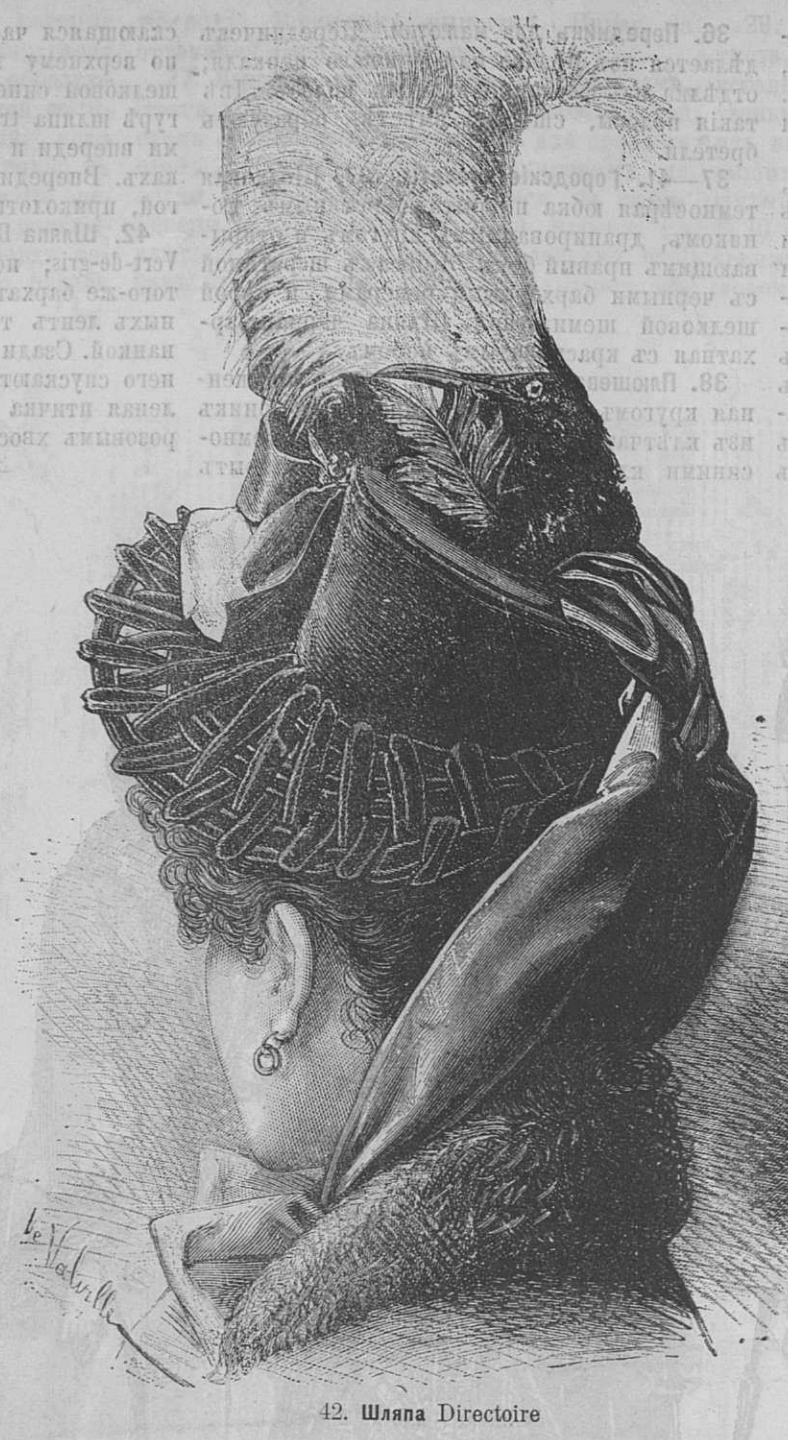
Москва. *К. Б.* Хозяйка, представляя двухъ гостей другъ другу, должна всегда представить сначала младшаго по лѣтамъ или положенію въ свѣтѣ старшему; точно также всегда представляютъ сначала мужчину дамѣ, а потомъ уже ее ему. Для вашего бальнаго туалета шведскія перчатки crême или блѣднорозовыя. При невозможности сдѣлать подвѣнечное платье изъ хорошаго бѣлаго шелка, лучше взять бѣлый кашмиръ; это будетъ изящнѣе и практичнѣе плохаго пу-де-суа или фая.

* * *

ПОЛЕЗНЫЕ СОВѢТЫ.

Невоспламеняемость тканей. Въ комнатной обстановкѣ, мелкія занавѣси и шторы подвергаются чаще прочаго опасности отъ огня; между тѣмъ, средство для предохранія ихъ очень просто: прежде чѣмъ выкраивать занавѣси, слѣдуетъ весь кусокъ кисеи или т. п. погрузить въ растворъ фосфорнокислаго амміака (10 проц. на 100 воды), тотчасъ-же вынуть ткань обратно, выжать ее какъ можно крѣпче и потомъ растянуть для просушки. Старыя занавѣси, при стиркѣ, подвергаются той-же операціи, послѣ того, какъ они выполасканы начисто, т. е. средство передъ сушкою и глаженьемъ.

Если взять кусокъ приготовленной такимъ способомъ кисеи и не только поднести его къ пламени, но всунуть въ самое пламя, то кисея почернѣетъ, обуглится и продыравится въ мѣстахъ своего соприкосновенія съ огнемъ, но не вспыхнетъ, и самое обугливаніе не распространится далѣе. Единственный недостатокъ тканей, пропитанныхъ сказаннымъ составомъ, состоитъ въ томъ, что онѣ легко пылятся, слѣдовательно, требуетъ болѣе частой стирки, но такое обстоятельство слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ представляемою ими выгодой. (Moniteur industriel).



42. **Шляпа** Directoire

Рецептъ противъ страданія рукъ отъ холода. Растопите 125 граммъ бѣлаго воска и 130 граммъ сливочнаго масла (не посоленаго); когда эта смѣсь соединится вполнѣ, прибавите 125 граммъ чистаго прованскаго масла. Если кожа только слегка потрескалась, то достаточно натирать руки сказанной мазью, ложась спать, при чемъ надо надѣвать на ночь перчатки; если-же кожа очень болѣзненна, то надо обвязать руки мягкою холщевою тряпкою, на которую намазанъ составомъ. (Gazette des familles).

Чистка губокъ. Положивъ губку въ тазикъ, выжмите на нее сокъ изъ цѣльнаго лимона, который нарѣжьте потомъ ломтиками, налейте на все это кипятку, дайте постоять 24 час., потомъ выньте губку и выполощите ее въ чистой водѣ. (Science pour Tous).

Для антисептической промывки губокъ въ больницахъ употребляется такъ наз. жидкость Ванъ-Свитена (Van Switen), но ее легко приготовить дома, растворивъ въ 1 литръ воды 1 граммъ ѣдкой сулемы и 1 граммъ повареной соли. Этимъ способомъ получится 1 литръ жидкости Ванъ-Свитена, но стоимостью разъ въ двадцать дешевле. (Science pour Tous).

Оживленіе цвѣтовъ. Когда цвѣты начинаютъ вянуть, опустить стебли ихъ (приблизительно до $^2/_3$ высоты) въ кипятокъ. Цвѣты начнутъ оживляться, даже до степени прежней свѣжести; тогда надо отрѣзать прочь часть стеблей, бывшую въ кипяткѣ, и поставить цвѣты въ сосудъ съ холодной водою. (Nature).

Сниманіе узоровъ на непрозрачную бумагу. Вмѣсто того чтобы пропитать бумагу обыкновеннымъ масломъ, надо употребить для этой цѣли какое либо лучшее масло, напр., скипидарную эссенцію, которая не оставитъ послѣ себя никакого слѣда, если только она была чистая. Карандашъ рисуетъ на подобной бумагѣ еще отчетливѣе, чѣмъ на всякой другой, но если желательно обвести рисунокъ чернилами, то надо обождать чтобы бумага просохла. (Science pour Tous).

* * *

ЛИСТЪ ВЫКРОЕКЪ и УЗОРОВЪ.

ПРАВАЯ СТОРОНА.

I. **Корсажъ типъ.** Въ каждомъ сезонѣ слѣдуютъ нѣкоторыя измѣненія въ фасонѣ корсажей, касающіеся не только расположенія матеріи и отдѣлокъ, но самой формы выкройки, т. е. талія дѣлается вообще длиннѣе или короче, плечи выше или ниже и проч. Въ виду этого необходима выкройка корсажа, способная служить типомъ для всѣхъ сезонныхъ костюмовъ безъ исключенія, допуская всякія внѣшнія измѣненія въ расположеніи матеріи. Мы даемъ теперь такую выкройку — типъ, заимствуя ее изъ лучшаго спеціальнаго по кройкѣ, парижскаго журнала.

Она можетъ служить для корсажа гладкаго и сборчатаго, съ кокеткою или пластрономъ и пр. Выкроенная по ней подкладка послужитъ основой для всѣхъ расположеній верхней матеріи. Отступленія новаго типа корсажей отъ прежняго заключаются въ томъ, что бочки теперь менѣе закруглены, вслѣдствіе чего самая спинка шире; часть подъ рукою, выходитъ болѣе косой, вслѣдствіе глубокой выемки впереди.

Выкройка состоитъ изъ 8 рисунковъ:

Фиг. 1. Передъ. Знакъ контура — × —— × —— Кроится впереди по прямой ниткѣ съ мелкимъ изгибомъ у таліи. Выемки выдвинуты болѣе впередъ, что сообщаетъ большую граціозность корсажу. Матерія подъ рукою приходится вкось, вслѣдствіе ширины второй выемки. Когда выемки сшиты, передъ образуетъ три мыса. Подъ рукою надо слегка посаживать пройму.

Фиг. 2. Бочекъ къ переду. Знакъ контура: —— ═ —— ═ —— ═ —— Кроится по прямой ниткѣ на таліи, которая показана пунктированной линіей.

Фиг. 3. Бочекъ къ спинкѣ. Знакъ контура. ——ıı——ıı——ıı——ıı——ıı— Кроится по той-же ниткѣ, какъ и фиг. 2. Всѣ эти части какъ и послѣдующія, соединяются по соотвѣтствующимъ нумерамъ.

Фиг. 4. Спинка. Знакъ контура. —◇—◇— Кроится вверху и посрединѣ по прямой ниткѣ, а къ таліи съ легкимъ изгибомъ.

Швы на баскѣ должны заканчиваться при соотвѣтствующихъ нумерахъ.

Фиг. 5. Воротникъ. Знакъ контура——:——:— Кроится весь вкось, безъ шва назади.

Фиг. 6. Рукава, верхняя часть. Знакъ контура: ——/——/——/——/—— Кроится по прямой ниткѣ сверху до локтя. Но локтѣ сборки; для вѣрнаго соединенія ихъ съ нижнею частью рукава надо согласовать соотвѣтствующія нумера на обоихъ частяхъ.

Фиг. 7. Нижняя часть рукава. Знакъ контура —— 00 —— 00 —— 00 —— Кроится по прямой ниткѣ сообразно указанной точками линіи. Соединяется въ верхнею частью по соотвѣтственнымъ нумерамъ.

Фиг. 8. Баска со складками. Знакъ контура, —— ═ —— ═ —— ═ Кроится по прямой ниткѣ сзади и безъ шва; закладывается складками и подшивается подъ спинку по соотвѣтствующимъ нумерамъ.

На нашей выкройкѣ, что весьма важно, показанаправленіе прямой ниткѣ на таліи; необходимо строго соображаться съ этимъ указаніемъ, такъ какъ отъ этого зависитъ хорошій покрой.

II. **Бальный полуоткрытый туалетъ.** Выкройка изъ 6 кусковъ:

Фиг. 9. Передъ. Знакъ контура. —— —— —— Кроится по прямой ниткѣ впереди съ мелкимъ изгибомъ къ таліи. На груди двѣ выемки; воротъ полуоткрытый.

Фиг. 10. Бочекъ къ переду. Знакъ контура —— /// —— /// —— /// —— Кроятся по прямой ниткѣ на таліи. Соединяется съ передомъ по соотвѣтствующимъ номерамъ.

Фиг. 11. Бочекъ къ спинкѣ. Знакъ контура ——//——//——//——//—— Кроится по той-же ниткѣ, какъ предъидущій. Соединяется съ нимъ по нумерамъ.

Фиг. 12. Спинка, полуоткрытая вверху. Знакъ контура —— 0 —— 0 —— 0 —— Кроится сзади по прямой ниткѣ, какъ показано точками. Соединяется бочкомъ по нумерамъ.

Фиг. 13. Низъ рукавчика. Знакъ контура —— § —— § —— § —— Кроится вкось изъ одной подкладки и служитъ поддержкою для верхней части.

Фиг. 14. Верхняя часть рукава. Знакъ контура —— о —— о —— Кроится вкось; направленіе прямой нитки указано точками. Концы закладываются легкой складкой.

14 bis—27. Различныя мѣтки для столоваго бѣлья.

За редактора—издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 28-го декабря 1887 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. домъ № 14.

Александръ фонъ Беземанъ-87

№ 2
10-го ЯНВАРЯ
1888

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Гос. Публичная б-ка в Ленинграде

Этнографія, естествознанія, путешествія и пр.

Скорпіоны даютъ сильно чувствовать себя человѣку въ жаркихъ странахъ; отъ нихъ бываетъ трудно укрыться и укушеніе ихъ причиняетъ нестерпимую боль; туземцы въ Африкѣ употребляютъ оригинальное средство леченія отъ ихъ укуса, а именно: они долго натираютъ пораненное мѣсто раздавленнымъ-же скорпіономъ. Съ своей стороны это насѣкомое само не переноситъ страданій и чтобы избавиться отъ нихъ прибѣгаетъ къ самоубійству. Нѣкоторые изслѣдователи производили интересный опытъ: вокругъ нѣсколькихъ скорпіоновъ раскладывался огонь; усиливающійся жаръ заставлялъ ихъ искать выхода, но такъ какъ огонь окружалъ ихъ непрерывнымъ кольцомъ и исхода не представлялось, то скорпіоны, одинъ за другимъ поднимали хвосты и стремительно жалили себя въ спину. Этотъ опытъ повторялся неоднократно и давалъ тотъ же результатъ, когда скорпіона долго дразнили палкою.—Воздухоплаваніе не перестаетъ пожирать все новыя жертвы. Недавно погибли въ открытомъ морѣ два отважныхъ путешественника, Лоетъ и Манго, собравшіеся перелетѣть изъ Франціи въ Англію. Они погибли на глазахъ экипажа и пассажировъ парохода «Принцъ Леопольдъ», которому непогода долго мѣшала подойти къ носившемуся надъ волнами шару. Люди были ясно видны въ корзинкѣ... Когда, наконецъ, шаръ былъ захваченъ, на немъ никого не оказалось; вѣроятно, утомленные аеронавты не могли удерживаться болѣе за снасти шара.—Вопросъ о количествѣ населенія на земномъ шарѣ не перестаетъ занимать ученыхъ, хотя онъ трудно поддается обработкѣ и точному опредѣленію. Примѣромъ невозможности дать хотя бы приблизительную цифру можетъ послужить Конго, населеніе котораго Стэнли опредѣлилъ въ 29.000,000 душъ, — но многимъ, быть можетъ, неизвѣстно, что Стэнли ѣхалъ по рѣкѣ Конго, очень быстро, часто даже не видя береговъ,—поэтому высказанная имъ цифра нуждается въ подтвержденіи. Тоже самое можно сказать и про поверхности государствъ. Поверхность Европы опредѣлена съ большою точностью: именно 10.000,000 квадр. километровъ; хотя и здѣсь могутъ возникать сомнѣнія: такъ напр. относительно Франціи существуетъ нѣсколько наиточнѣйшихъ наблюденій, между которыми разница доходитъ до цѣлаго милліона гектаровъ.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Лошади въ очкахъ. Пугливость лошадей можетъ быть часто объяснена близорукостью этихъ животныхъ; одинъ изобрѣтательный англійскій фермеръ придумалъ приспособить къ уздечкѣ вмѣсто шоръ—очки и результаты получились блестящіе. Его лошадь до того свыклась съ очками, что неохотно разставалась съ уздечкою даже на полянѣ, куда ее выпускали на пастбище.

Женевское озеро и рѣка Рона. Женевское озеро (Леманское) представляетъ оригинальное явленіе: черезъ него, во всю длину, протекаетъ рѣка Рона и около мѣста, гдѣ она вливается, вода озера на далекомъ разстояніи сохраняетъ синеватый цвѣтъ рѣчной воды, что видно совершенно ясно простымъ глазомъ. По изслѣдованію Фореля, Рона даетъ 180—200 кубич. метровъ воды въ секунду; если бы мы удалили изъ Женевскаго озера всю прежнюю воду, что Ронская вода наполнила бы котловину озера не ранѣе, какъ черезъ шестнадцать лѣтъ.

Количество поѣдаемаго хлѣба въ Парижѣ. Парижъ имѣетъ 2.400,000 жителей. Допустивъ, что каждый парижанинъ съѣдаетъ въ день только 500 граммовъ хлѣба (менѣе фунта), то количество поглощаемаго ежедневно хлѣба достигнетъ громадной цифры. Если представить себѣ эту хлѣбную массу въ видѣ колбасы, толщиною въ кулакъ (обыкновенная форма французскаго хлѣба) и эту колбасу впускать въ Парижъ безпрерывно въ теченіи сутокъ, то пришлось бы дать ей быстроту курьерскаго поѣзда; только такимъ способомъ всякій житель получилъ бы назначенное ему количество хлѣба.

Бисмарковская острота.—Германскаго канцлера кто-то изъ иностранныхъ посланниковъ спросилъ о его мнѣніи относительно политическихъ усложненій въ Европѣ: Бисмаркъ отвѣтилъ: «вчера былъ внезапно объявленъ миръ».

Театръ французской комедіи. Въ французскихъ газетахъ мы находимъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о классическомъ театрѣ Франціи: его бюджетъ составляетъ 2,302,000 франка дохода и 2,298,000 фр. расхода. Личный составъ составляютъ 27 пайщиковъ и 33 артиста на жалованьи, всего 60 лицъ. Пайщики получаютъ также опредѣленную сумму въ годъ пропорціонально размѣру своего участія въ дѣлахъ и кромѣ того, они имѣютъ право на участіе въ чистой прибыли; высшій доходъ пайщика не превышаетъ 25,000 фр.—Мѣста во французскихъ театрахъ, какъ извѣстно, обложены налогомъ въ пользу бѣдныхъ; за 47 лѣтъ существованія Французской комедіи, этотъ театръ далъ на благотворительность четыре съ половиною милліоновъ франковъ, авторскихъ правъ было заплачено около 6,000,000 фран.

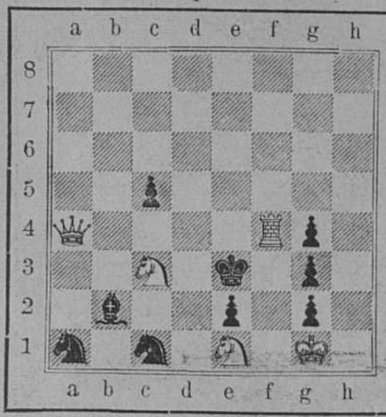
ШАХМАТЫ.

Запача № 3.

Jon Drtina

(Изъ сборника задачъ чешскихъ авторовъ).

Черные.



Бѣлые.

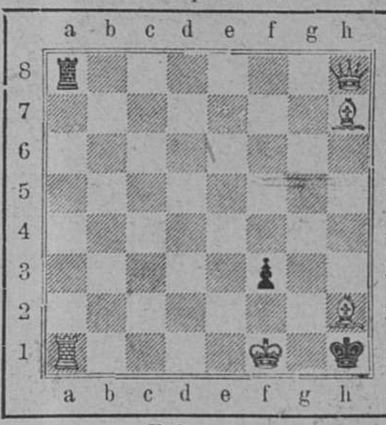
Матъ въ 3 хода.

Задача № 4.

Jiri Chocholonš.

(Изъ того-же сборника).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ просимъ адресовать въ редакцію «Жив. Обозр.», составителю шахматнаго отдѣла.

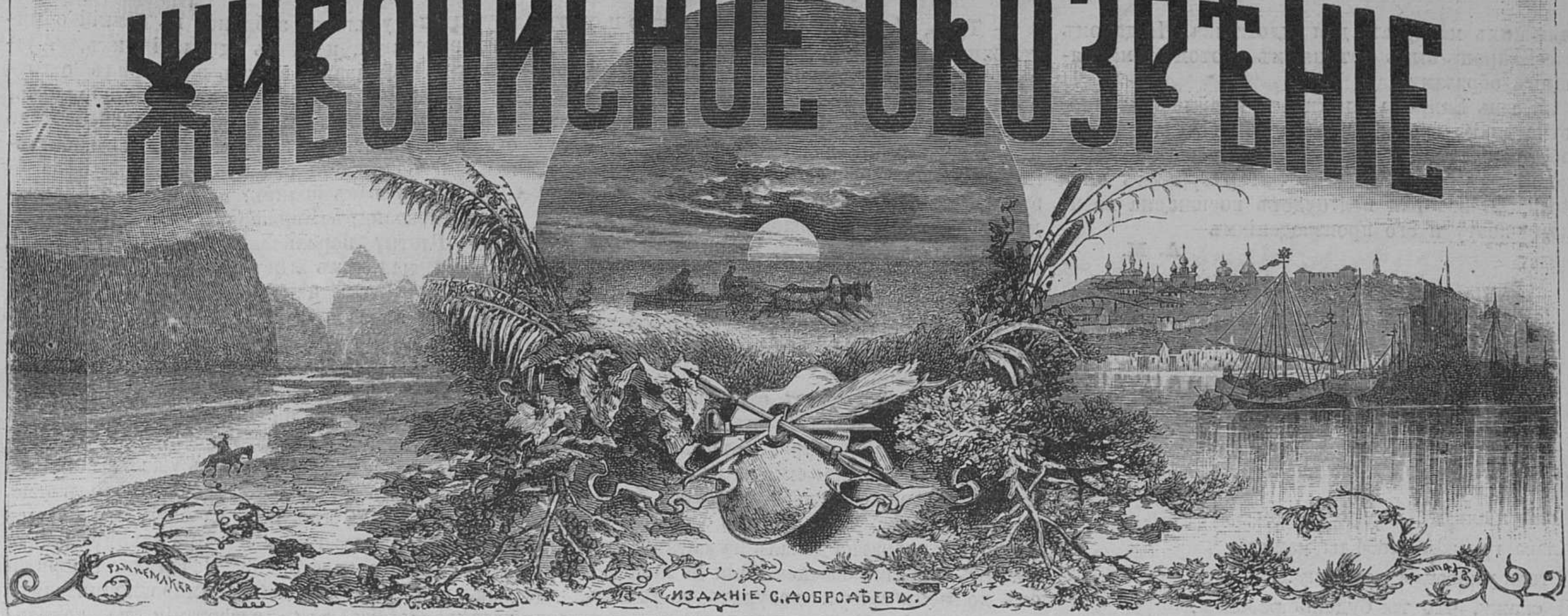
ТАБЛИЦА ВЫИГРЫШЕЙ и ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

1-го займа 1864 года, произведенный 2-го января 1888 г. (по таблицѣ Государственнаго Банка).

№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыш а.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.
00173	28	500	02225	35	500	05463	12	1000	07700	19	500	10052	21	500	12340	11	500	14781	33	500	17197	32	500
00233	38	1000	02251	13	500	05554	31	500	07974	44	500	10141	50	500	12424	38	1000	14805	34	500	17293	1	500
00236	6	500	02260	16	500	05582	43	1000	08019	23	500	10244	23	500	12457	41	500	14885	50	500	17419	40	500
00236	9	10000	02415	40	500	05641	46	500	08099	13	500	10282	38	500	12487	26	1000	14957	5	500	17428	17	1000
00247	10	500	02424	13	500	05670	3	500	08182	36	500	10283	3	40000	12487	27	500	15013	40	500	17575	9	500
00324	50	500	02431	4	500	05799	41	500	08449	41	5000	10385	11	500	12509	44	500	15044	16	1000	17647	11	500
00333	28	500	02460	33	500	06084	3	500	08462	37	500	10411	40	500	12625	38	500	15130	47	25000	17696	24	500
00356	3	500	02601	50	500	06116	3	500	08515	17	500	10443	12	500	12650	24	500	15182	6	500	17745	28	500
00447	13	500	02641	5	500	06119	1	500	08557	49	500	10498	27	500	12653	43	500	15189	45	500	17750	41	500
00449	4	500	02668	25	500	06188	32	500	08578	50	8000	10549	9	500	12707	20	500	15278	16	500	17756	5	500
00473	36	500	02765	2	500	06289	50	500	08593	38	500	10573	34	500	12799	45	500	15309	29	500	17957	33	5000
00493	11	500	03025	7	500	06293	8	500	08643	7	500	10638	7	500	12906	2	500	15376	17	500	18010	13	500
00511	13	500	03064	34	500	06295	23	500	08657	37	500	10721	38	500	12930	27	500	15589	50	500	18018	30	500
00538	37	500	03077	29	1000	06301	47	8000	08689	50	200000	10775	31	500	12948	34	500	15625	26	500	18190	48	500
00740	50	500	03078	23	1000	06330	30	500	08728	9	500	10800	27	5000	13131	34	500	15746	16	500	18223	14	500
00750	8	500	03367	25	500	06375	35	8000	08802	9	500	10821	17	500	13229	44	500	15751	14	500	18224	43	5000
00756	50	500	03404	21	500	06487	41	500	08874	20	75000	10874	41	500	13274	27	500	16041	46	500	18235	2	500
01065	4	500	03474	18	500	06501	25	500	08876	3	500	10875	46	500	13320	21	500	16201	3	500	18388	50	500
01080	13	500	03529	47	1000	06519	29	1000	08896	50	500	11018	5	500	13497	14	500	16250	23	500	18628	41	500
01159	48	500	03695	37	8000	06607	24	500	08904	4	500	11034	47	500	13535	7	500	16254	32	500	18633	19	500
01162	43	500	03826	47	500	06769	11	500	08993	9	1000	11093	35	500	13735	25	500	16277	39	500	18726	34	500
01199	50	500	03906	43	500	06794	49	500	09074	42	500	11112	48	1000	13766	2	500	16301	4	500	18845	17	500
01329	20	500	04003	45	500	06889	9	500	09100	30	500	11177	7	500	13837	21	500	16315	39	500	18933	32	500
01377	10	500	04004	31	500	06936	37	5000	09193	23	500	11191	19	500	14025	34	500	16543	43	500	19156	41	5000
01436	21	500	04039	15	500	06961	8	500	09337	45	500	11229	3	1000	14155	48	500	16590	39	500	19172	49	500
01536	21	500	04169	30	500	06980	32	000	09445	33	500	11324	31	500	14176	3	500	16714	31	8000	19217	28	500
01557	12	500	04177	37	500	06982	22	500	09485	16	500	11337	3	5000	14184	39	500	16783	21	500	19255	2	500
01582	43	500	04241	7	500	07000	40	500	09506	19	500	11419	36	500	14218	41	500	16791	37	1000	19291	15	500
01647	1	500	04574	10	500	07003	11	1000	09535	29	500	11425	26	500	14232	27	500	16822	13	500	19318	16	500
01693	15	500	04671	23	500	07162	1	500	09541	41	500	11427	28	500	14307	18	500	16901	40	500	19390	43	500
01799	48	500	04729	32	500	07197	39	500	09550	40	500	11672	34	500	14465	6	500	16907	23	500	19470	50	500
01906	9	500	04755	13	500	07211	29	500	09583	19	500	11677	38	500	14473	6	500	16958	31	500	19505	11	500
01971	30	500	04813	19	500	07312	42	500	09616	22	500	11876	22	500	14510	1	500	16981	19	500	19525	8	500
01972	34	500	04829	39	500	07329	36	1000	06621	21	500	11897	48	1000	14563	29	500	17025	40	500	19632	30	500
01996	7	5000	05042	21	500	07368	8	500	09704	28	500	12171	27	500	14640	41	500	17121	37	500	19793	18	500
02062	2	500	05058	8	500	07510	1	10000	09816	42	500	12296	4	500	14652	5	10000	17169	8	500	19824	33	500
02165	18	1000	05126	27	500	07617	48	500	09819	4	500	12306	41	500	14694	13	500	17181	38	500	19951	32	500
02196	39	500	05368	31	500	07661	43	1000	09903	36	500												

Тиражъ погашеній. Нумера серій.

00067
00233
00[illegible]99
00703
00876
01353
01427
01544
01582
02251
02664
02763
02784
02824
03365
03491
03627
04231
04448
04952
04954
04960
05467
05909
06064
06390
06501
06513
07308
07360
07467
07706
07844
08114
08157
08572
08892
09243
09791
09846
10011
10173
10317
10413
10948
11063
11066
11778
11912
12020
12029
12324
12634
12673
12719
13262
13642
13880
14101
14484
14589
14844
14876
15000
15151
15287
15519
15724
15969
16111
16340
16368
16527
16988
17243
17585
17762
17812
17943
17986
18011
18539
18662
19116
19247
19565
19707
19866



ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

10-го Января, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

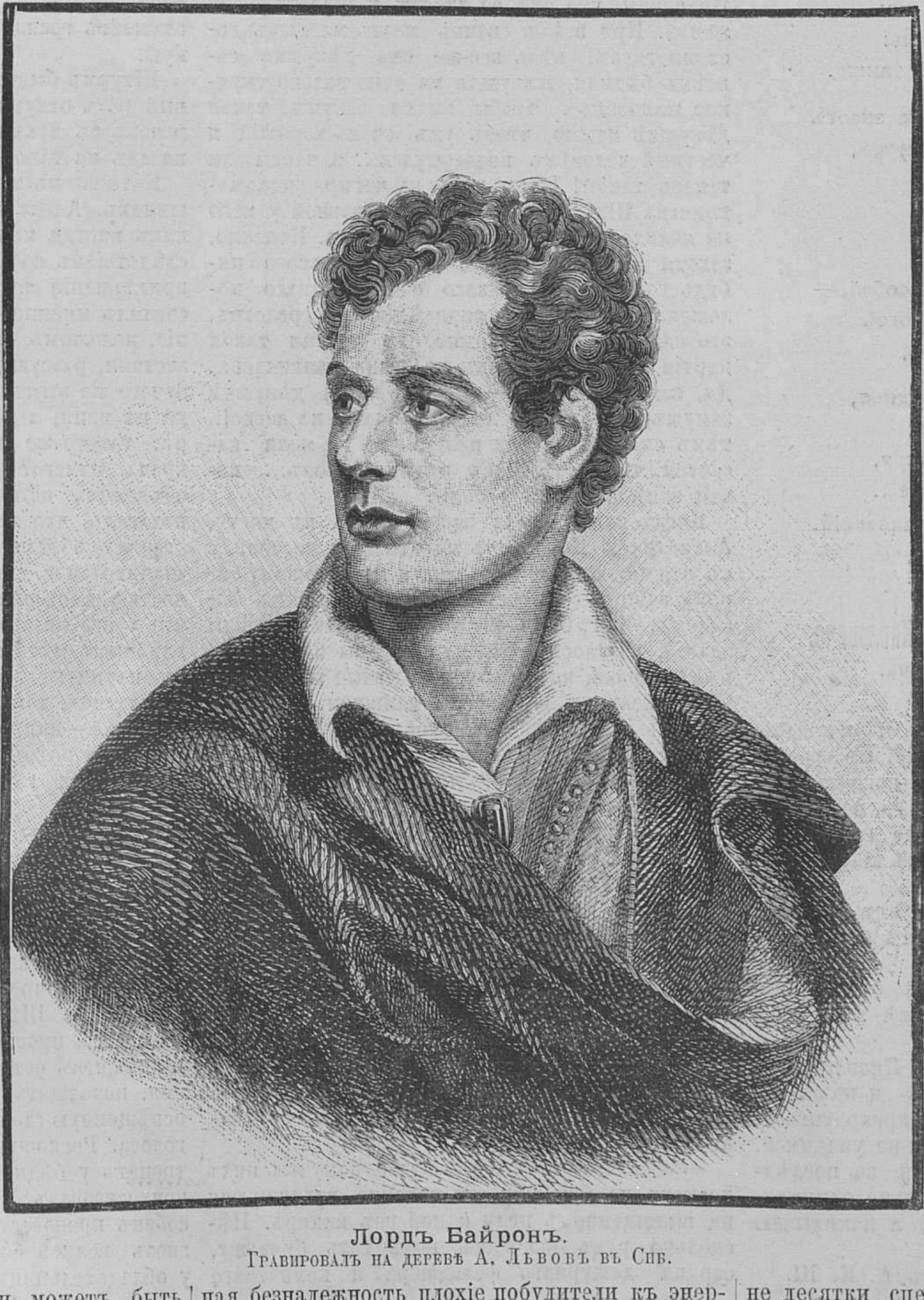
Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р.,—на полгода 4 р. 50 к. на 3 м. 2 р.—
Безъ доставки за годъ 6 руб. 60 коп. За границею: за годъ 10 рублей.
Частныя объявленія: за строку нонпарели въ 1 столбецъ 40 к., петита 30 к.
Отдѣльный нумеръ 20 копѣекъ.—Съ пересылкою 25 коп.

№ 2

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:
1) При сношеніи съ конторою необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него. 2) За пересылку преміи посылкою 1 рубль. За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій — 1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ. На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми коп. марки.

1788. — СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА. — 1888.



Лордъ Байронъ.
Гравировалъ на деревѣ А. Львовъ въ Спб.

10-го ЯНВАРЯ нынѣшняго года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ великихъ міровыхъ поэтовъ, Джоржа Ноэля Гордона Байрона. Вліяніе его поэзіи отозвалось во всѣхъ европейскихъ литературахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе другихъ великихъ поэтовъ въ родѣ Гете и Шиллера. Цѣлый отдѣлъ въ литературныхъ теченіяхъ нынѣшняго вѣка получилъ названіе «байронизма». Это вопль отчаянія, это мрачный пессимизмъ, это скорбь о паденіи человѣка, о его ничтожествѣ. Это направленіе было болѣзненнымъ, но въ тоже время могучимъ, захватывающимъ душу. Вы, конечно, знаете ту Еврейскую мелодію, которую перевелъ нашъ Лермонтовъ? Въ этой мелодіи высказалось именно то настроеніе, представителемъ котораго явился Байронъ. Въ своей поэзіи онъ высказалъ то, что потомъ провелъ въ своей философіи знаменитый философъ Шопенгауеръ, хотя, надо замѣтить кстати, байронизмъ тотчасъ-же нашелъ откликъ въ душѣ многихъ и многихъ тысячъ современниковъ Байрона, а пессимизмъ, проведенный логически въ цѣлой философской системѣ Шопенгауеромъ долго встрѣчалъ только равнодушіе въ обществѣ и, можетъ быть къ счастію, такъ какъ полное отчаяніе и полная безнадежность плохіе побудители къ энергической дѣятельности. Интересно замѣтить между прочимъ, что менѣе всего популярнымъ былъ Байронъ въ своемъ отечествѣ. Дѣятельные практики, строгіе пуритане, горячіе блюстители семейныхъ основъ, реалисты по преимуществу, англичане долго не могли примириться да многіе и до нынѣ не примирились со многимъ какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи великаго поэта, блеснувшаго причудливою кометою среди другихъ свѣтилъ, блестящихъ болѣе ровно и на опредѣленныхъ мѣстахъ политическаго небосвода. Это сказалось даже въ томъ, что до настоящаго времени въ Англіи нѣтъ ни одного изданія произведеній Байрона, достойнаго вполнѣ его геніальнаго таланта, почти нѣтъ иллюстрацій, которыя передавали-бы образы поэта, какъ передаются напримѣръ созданія Шекспира въ сотняхъ и сотняхъ замѣчательныхъ картинъ. А между тѣмъ каждое большое произведеніе Байрона даетъ неисчерпаемый матеріалъ для художника. Когда то нашъ талантливый художникъ М. А. Зичи, нарисовавшій двѣ прелестныя картины къ байроновскому Донъ-Жуану, съ одной изъ которыхъ мы даемъ копію въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, намѣтилъ чуть-ли не десятки сценъ только для одной изъ пѣсенъ этой поэмы. Такого обилія въ ней сценъ, дающихъ матеріалъ для художника. Не даромъ же-Байронъ былъ истиннымъ поэтомъ, «мыслящимъ образами».

Жизнь Байрона сложилась крайне неудачно, отчасти по его винѣ, отчасти отъ случайныхъ обстоятельствъ. О ней будетъ у насъ сказано во второй книгѣ нашихъ литературныхъ приложеній, которая вся будетъ посвящена великому поэту и его произведеніямъ

А. М.

* * *

Если ищешь безумнаго счастья,
Знай: ждетъ горе тебя впереди;
Если теплаго жаждешь участья,
Я скажу: не надѣйся, не жди.

Если пылкую, гордую душу
Слава громкой побѣды манитъ,
Я твои упованья разрушу:
Я скажу, что ты будешь разбитъ.

Чтобъ счастливымъ быть—нужно забыться;
Чтобъ участіе встрѣтить въ другихъ—
Нужно чувствамъ чужимъ покориться
И отречься совсѣмъ отъ своихъ.

Чтобъ достигнуть побѣды желанной—
Нужно хитрымъ быть съ грознымъ врагомъ,
На него сдѣлать натискъ нежданный,
Подступивъ къ нему тайнымъ путемъ.

Но ты въ счастьи забыться не можешь,
Но ты чувствомъ своимъ дорожишь
И внезапно врага не встревожишь:
Ты предъ нимъ своихъ думъ не таишь.

И ты правъ: кто не любитъ, не знаетъ
Въ честномъ дѣлѣ отрадныхъ путей,
Для того пораженье бываетъ
Часто громкой побѣды славнѣй.

Такъ иди-же прямою дорогой,
Не лукавь ни съ людьми, ни съ собой,—
Ты знакомъ и съ бѣдой, и тревогой
Закаленъ ты житейской борьбой;

Твоя жизнь—это подвигъ страданья,
Какъ на жертву, смотри на нее;
Въ благѣ ближнихъ твои упованья,
Въ этой жертвѣ—все сердце твое...

Д. Михаловскій.

Счастливый день Александра Карловича.

Повѣсть В. П. Митурича.

— Да, недуренъ, могу сказать на основаніи не однихъ только своихъ сужденій! Не дуренъ, бестія! сказалъ докторъ, лукаво погрозивъ въ зеркало. Послѣ этого онъ подумалъ, какъ многимъ женщинамъ было-бы пріятно поцаловать такого мужчину, какъ онъ, и какъ Марья Ивановна будетъ счастлива.

— Ахъ да, вдругъ вспомнилъ онъ,—у меня есть еще свободныя десять минутъ и я теперь же покончу съ этимъ...

Онъ досталъ листикъ почтовой бумаги, попопробовалъ на особой четвертушкѣ, хорошо-ли пишетъ перо, и четко написалъ:

«Многоуважаемая Марья Яковлевна,

Сегодня я сдѣлаюсь женихомъ и наши отношенія, само собою, должны прекратиться. Болѣе я не приду къ вамъ и мы не увидимся. Прилагаю при семъ шесть рублей за послѣдніе полъ-мѣсяца (хотя сегодня только одиннадцатое, но, для круглоты счета, я накидываю четыре дня).

Уважающій Васъ А. К. Ш.

— Тутъ, вѣроятно, будетъ немножко и слезъ, усмѣхнулся докторъ, дописавъ,—очень миленькая дѣвочка, хорошенькая, свѣженькая, но все-таки въ ней мнѣ нравилось больше всего то, что и ее зовутъ Марія. О, сколько разъ, цалуя ее и называя Машей, Машуркой, я думалъ въ то-же время о другой Машѣ... И вотъ, эти мечты осуществятся, и скоро, очень скоро! докторъ даже зажмурился отъ удовольствія и остался такъ съ минуту.

— Однако пора, оторвался онъ наконецъ отъ своихъ мечтаній, запечаталъ письмо, надписалъ адресъ и, одѣвшись въ легкое лѣтнее пальто и новенькій блестящій цилиндръ, вышелъ изъ дому.

До больницы докторъ отправился по конкѣ. Усѣвшись на имперіалѣ, онъ съ благодушнымъ видомъ закурилъ сигару. Александръ Карловичъ курилъ только сигары и всего по одной штукѣ въ день. И сигарочница его была всего на одну штуку. Обыкновенно, еще съ вечера, Штурмъ аккуратно дѣлалъ на сигарѣ карандашикомъ отмѣтки, обозначавшія до какого мѣста онъ долженъ завтра докурить ее утромъ, до какого послѣ обѣда, а окурокъ предназначался на вечеръ. Докуривъ до положенной черты, докторъ клалъ сигару въ сигарочницу и та запиралась такъ плотно, что огонь тотчасъ-же потухалъ. Но сегодня онъ раскутился: курилъ, пока хотѣлось и рѣшилъ купить другую сигару, если одной окажется мало. Вообще, при всей своей выносливости во всякаго рода лишеніяхъ, Александръ Карловичъ истиннымъ своимъ призваніемъ считалъ жизнь семейную и комфортабельно обставленную.

Дорогой онъ все думалъ о томъ, какое это, въ сущности огромное счастье для Марьи Ивановны, что онъ ее любитъ и дѣлаетъ своей женой. При всѣхъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, вѣдь все-же она дѣвушка совсѣмъ бѣдная, живущая на одно только скудное жалованье. Чтобы выдти замужъ, такой дѣвушкѣ нужно, чтобъ ужь очень хорошій и честный человѣкъ подвернулся... а часты ли теперь такіе?! Вѣдь, вотъ, за четыре года знакомства Штурма съ Марьей Ивановной у него не являлось серьезныхъ соперниковъ. Конечно, захоти Марья Ивановна выйти за какого нибудь голяка безъ всякаго общественнаго положенія, безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ, это еще было-бы возможно, но другая такая партія, какъ онъ, врядъ-ли-бы представилась... Да, вздохнулъ онъ,—выйти бѣдной дѣвушкѣ замужъ, да еще по любви,—очень не легко!.. тѣмъ счастливѣе для нея, а что до меня касается, то я счастливъ этимъ бракомъ... почти такъ-же, какъ и она!..

Когда конка стала заворачивать къ мосту, Александръ Карловичъ молодцевато соскочилъ съ нея на ходу и направился къ длинному сѣрому зданію съ крестомъ надъ угрюмымъ фасадомъ. Согрѣтыя весенними лучами стѣны зданія, казалось, испаряли міазмы всевозможныхъ заразъ, впитанныхъ за цѣлые полъ-вѣка, но Александръ Карловичъ слишкомъ привыкъ входить сюда, чтобъ это могло вліять на его расположеніе духа. Длинные, мрачные корридоры съ гулкими, асфальтовыми полами, душныя отъ зловоній и куреній уксусомъ камеры, блѣдныя лица больныхъ, все это не производило никакого удручающаго впечатлѣнія на Александра Карловича. Правда онъ выглядѣлъ серьезнымъ и озабоченнымъ, даже строгимъ, но это только потому, что онъ усвоилъ себѣ такого рода дѣловой видъ для всякихъ случаевъ исправленія обязанностей врача, мысли-же его не потеряли ни одного изъ цвѣтовъ радуги.

Во время обхода больныхъ, Штурма сопровождали подчиненные ему фельдшера и уже ради нихъ, онъ долженъ соблюдать строгій, начальническій видъ.

— Это что? строго указалъ одному изъ нихъ докторъ на бумажку отъ леденца, валявшуюся на вылощенномъ полу одной изъ камеръ. Нѣсколько рукъ бросилось поднимать бумажку, сердца дежурнаго фельдшера и комнатнаго служителя усиленно забились въ чаяніи обычнаго взысканія, но... къ удивленію ихъ, Александръ Карловичъ вдругъ заговорилъ о другомъ, такъ и забылъ про этотъ безпорядокъ.

Въ другой палатѣ Штурмъ величественно остановился передъ кроватью больного, оставшагося сидѣть при его проходѣ.

— Что у васъ болитъ? нахмурившись спросилъ Александръ Карловичъ.

— Глотку перехватило, хрипло отвѣчалъ больной, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, все продолжая сидѣть и часто сплевывая въ мѣдный тазикъ у кровати.

— Развѣ вы не знаете, что при входѣ доктора надо встать? спросилъ Штурмъ, но уже значительно смягченнымъ тономъ: больной былъ дефтеритный, а къ нимъ Александръ Карловичъ, съ очень недавняго времени, началъ питать нѣкоторую слабость. Онъ уже болѣе двухъ лѣтъ завѣдывалъ палатою дифтеритныхъ безъ всякаго особаго интереса, слабость-же явилась совершенно внезапно и вотъ по какому случаю:

Это было третьяго дня. Вечерѣло. Прерванный сумерками въ своихъ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ для диссертаціи на доктора медицины, Штурмъ лежалъ на кровати, подводилъ итоги своего докторскаго гонорара за истекшую недѣлю и мечталъ о Марьѣ Ивановнѣ. Вдругъ въ квартирѣ раздался звонокъ и черезъ минуту Лизхенъ отворила его дверь.

— Васъ спрашиваютъ... растерянно объявила она.

Штурмъ вышелъ въ переднюю и увидѣлъ тамъ щегольскаго, ливрейнаго лакея. Лакей объяснилъ, что посланъ за годовымъ докторомъ господъ Урюповыхъ, вслѣдствіе легкаго нездоровья госпожи Урюповой, но, такъ какъ годового доктора не оказалось дома, то онъ приглашаетъ господина Штурма навѣстить больную.

Штурмъ быстро переодѣлся и тогда въ первый разъ откупорилъ микроскопическій пузыречекъ съ духами, купленный еще полтора года назадъ на такой именно случай.

Катясь въ мягкой каретѣ на резиновыхъ шинахъ, Александръ Карловичъ размышлялъ, какъ иногда ничтожнѣйшая причина имѣетъ слѣдствіемъ событія огромной важности. Свое приглашеніе въ аристократическій домъ онъ считалъ именно такимъ событіемъ. Приглашеніе, положимъ, было совершенно случайное, но, всетаки, разсуждалъ Александръ Карловичъ,—отчего-же этотъ счастливый случай палъ именно на меня, а не на моего визави по квартирѣ, такого-же неизвѣстнаго и начинающаго врача. Отчего? Конечно, и тутъ все можно объяснить одною случайностью, но Штурмъ полагалъ, что этой случайности много способствовало обстоятельство, собственно говоря, незначительное, но созданное предусмотрительностью Александра Карловича. Дѣло въ томъ, что у его визави на дверяхъ прилѣпленъ былъ хлѣбнымъ мякишемъ простой бумажный ярлыкъ съ надписью: «Лекарь Харламовъ — бѣдные безплатно», тогда какъ досечка Штурма, на воротахъ—напротивъ, была сдѣлана у Корнфельда и по бѣлому полю зелеными, выпуклыми буквами гласила: «Докторъ А. К. фонъ-Штурмъ».

— Скажутъ: счастье! ухмылялся Александръ Карловичъ,—но, Богъ мой, сегодня счастье, завтра счастье, — надо-же когда нибудь и умѣнье!

Карета остановилась у роскошнаго, барскаго дома на Каменноостровскомъ проспектѣ. Взволнованный и чрезвычайно нервно и чутко настроенный, Штурмъ поднялся по мраморной лѣстницѣ, прошелъ рядъ полутемныхъ комнатъ и наконецъ остановился, по приглашенію лакея, подождать у полуотворенныхъ дверей въ освѣщенную столовую, изъ которой слышались голоса. Роскошная обстановка вызывала просто трепетъ у бѣднаго, неизвѣстнаго врача. Онъ почувствовалъ, что въ этомъ настроеніи способенъ произвести такой тонкій и вѣрный діагнозъ всякой болѣзни, какая-бы ни случилась у обладательницы этого палаццо, что возбудилъ-бы восторги и зависть даже извѣстныхъ эскулаповъ.

— Ахъ, зачѣмъ это! услышалъ онъ между тѣмъ въ столовой женское восклицаніе, обращенное къ докладывавшему о немъ лакею,— и за Степаномъ Ивановичемъ не слѣдовало посылать, а тѣмъ болѣе, если его не оказалось дома,—тащить другого!

— Прикажете ихъ отпустить? виноватымъ тономъ спрашивалъ привезшій доктора лакей, но вмѣсто отвѣта въ дверяхъ появилась высокая, молодая дама, робко кутавшаяся въ оренбургскій платокъ.

— Мнѣ, право жаль, что васъ обезпокоили по пустякамъ... Я слегка простудилась и могла-бы легко подождать утренняго визита нашего доктора.

— Меня не обезпокоили нисколько, а разъ я уже здѣсь, то вы, вѣроятно, позволите облегчить ваши страданія? раскланялся Штурмъ какъ можно изящнѣе.

— Страданія! Это слишкомъ сильно для моего легкаго нездоровья, улыбнулась дама, все кутаясь въ свой пуховый платокъ. Между тѣмъ лакей внесъ свѣчи и зажегъ лампу. Передъ Штурмомъ стояла нервная, блѣдная особа, лѣтъ двадцати пяти, свѣтлая блондинка, но съ темными глазами, какъ-то кисло и равнодушно глядѣвшими на доктора.

— Что вы чувствуете? спросилъ Александръ Карловичъ чрезвычайно мягко.

— Маленькій ознобъ... легкую головную боль, отвѣчала дама, слегка покашливая.

Въ этомъ покашливаніи Штурму показалось что-то характерное. Онъ взялъ руку молодой дамы и съ напряженіемъ угадывателя чужихъ мыслей принялся за изслѣдованія, чутко вслушиваясь въ повторявшіяся, по временамъ покашливанія.

— Не чувствуете-ли вы чего-нибудь въ горлѣ? спросилъ онъ.

— Маленькую неловкость при глотаніи, отвѣчала дама не сразу и этотъ отвѣтъ замѣтно взволновалъ Александра Карловича. Еще двѣ минуты вслушивался и вглядывался, наконецъ съ рѣшительнымъ и увѣреннымъ видомъ попросилъ бумаги и пера для рецепта.

— Вашъ слуга очень хорошо сдѣлалъ, что не заставилъ васъ ждать завтрашней визитаціи доктора, вымолвилъ Штурмъ. написавъ рецептъ,—не захвати я сегодня вашего нездоровья въ самомъ зародышѣ, завтра, быть можетъ, явилась-бы серьезная опасность.

— Вы меня пугаете, докторъ, что-же моглобы у меня быть?

— Я вамъ повторяю, что теперь не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь опасности... Теперь, увѣряю васъ, вы внѣ всякой опасности, но безъ моей помощи могло-бы выйти, нѣчто очень серьезное.

— Но что-же у меня за болѣзнь?

— Болѣзнь, которая хотя бываетъ преимущественно у дѣтей, но серьезная. Впрочемъ, у васъ-то она въ легчайшей формѣ и притомъ мы захватили ее въ самомъ зародышѣ. Вамъ не слѣдуетъ нисколько безпокоиться.

— Но что-же именно? Говорите, я вовсе не такая трусиха, какъ, можетъ быть, вы думаете.

— Не захвати я, могъ-бы быть маленькій дифтеритъ.

Дама испуганно схватилась за горло.

— Жоржъ, Жоржъ! крикнула она въ двери столовой,—ты слышишь, у меня дифтеритъ!.. Скорѣе... за докторомъ!.. Жоржъ!.. Степана Ивановича!..

Въ комнатѣ, а затѣмъ и въ цѣломъ домѣ, поднялась суматоха. Сорокалѣтній Жоржъ, мужъ дамы, какіе-то еще два господина, должно быть родственники хозяевъ, лакеи, горничныя, всѣ перепуганные и растерянные, засуетились около больной. Александръ Карловичъ увидѣлъ, что сдѣлалъ большую глупость, но поправить ее не было никакой возможности. Его успокоеній никто уже не слушалъ, всѣ требовали только, чтобъ онъ не отходилъ ни на шагъ отъ больной, тотчасъ-же уложенной въ постель. Лакей полетѣлъ въ аптеку, другой за годовымъ докторомъ, и не на домъ къ нему, а въ Аркадію, гдѣ тотъ обыкновенно проводилъ свои вечера; самъ Жоржъ отправился за медицинскою знаменитостью Черепаховымъ.

Двухъ-лѣтнее посѣщеніе больныхъ дифтеритомъ не могло обмануть Александра Карловича, хотя и не было еще другихъ какихъ нибудь признаковъ болѣзни. Но все-же онъ очень раскаявался, что поднялъ такую суматоху. Онъ первый опредѣлилъ болѣзнь и принялъ мѣры противъ нея, а теперь, вѣроятно, его затрутъ знаменитости, за которыми поскакали изъ обиднаго недовѣрія къ нему, и которыя, конечно, припишутъ всю честь леченія себѣ.

Но вышло еще хуже, чѣмъ онъ предполагалъ.

Годовой докторъ Урюповыхъ и свѣтило медицины явились почти одновременно. Первый былъ толстенькій, суетливый брюнетъ въ золотыхъ очкахъ, съ толстой золотой цѣпью на брюшкѣ и со множествомъ брилліантовъ на короткихъ пальцахъ. Свѣтило медицины—было наоборотъ олицетворенное спокойствіе и медлительность. Ему могло быть около шестидесяти, высокій, широкій въ кости, съ грубоватыми, рѣшительными, но обдуманными движеніями, съ какимъ-то угрюмымъ выраженіемъ умнаго лица, Черепаховъ имѣлъ весьма внушительный видъ.

Александръ Карловичъ зналъ и боготворилъ Черепахова еще со времени своего студенчества. Свѣтило, во всемъ уже блескѣ своей извѣстности, былъ тогда профессоромъ медико-хирургической академіи. Штурмъ не зналъ, чему больше удивляться въ Черепаховѣ: его огромнымъ познаніямъ, его желѣзному характеру, или, наконецъ, геніальной практичности, съ какою онъ эксплуатировалъ оба свои первыя преимущества. Послѣ академіи поклоненіе этому гиганту осталось у Александра Карловича навсегда.

Знаменитость, конечно, не узнала бывшаго слушателя своихъ лекцій, даже не взглянула на него и прямо обратилась къ больной. Внимательно, спокойно осмотрѣвъ и изслѣдовавъ Урюпову, Черепаховъ крякнулъ и на минуту задумался.

— Рецептъ, прописанный этимъ господиномъ?.. произнесъ, онъ не поднимая глазъ. Ему подали сигнатуры лекарствъ Штурма.

— Все это очень хорошо съ разстановкой произнесла знаменитость, поднимая взоры на Александра Карловича,—но что-же васъ заставляетъ предположить здѣсь дифтеритъ?

Какой-то маленькой мошкой, рѣющей въ солнечномъ лучѣ, показался самъ себѣ Штурмъ подъ взглядомъ боготворимаго имъ свѣтила. Что, въ самомъ дѣлѣ, заставило его предположить дифтеритъ?—изощренное двухъ-лѣтнею практикой ухо... но онъ былъ такъ взволнованъ, являясь въ первый разъ въ такія хоромы, такъ хотѣлъ открыть въ болѣзни госпожи Урюповой что-нибудь необыкновенное... не обмануло-ли его ухо? Нѣтъ, онъ не ошибся, онъ убѣжденъ, но какъ доказать это?..

— Что-же васъ заставило предположить такіе ужасы? повторило свѣтило съ едва замѣтной усмѣшкой.

Александръ Карловичъ покраснѣлъ до корней волосъ и едва не заплакалъ. Свѣтило очевидно заподозрило его въ умышленномъ запугиваніи паціэнта, этомъ излюбленномъ пріемѣ врачей-шарлатановъ. Какъ человѣкъ честный, онъ былъ оскорбленъ этимъ предположеніемъ и особенно обиженъ тѣмъ, что оно сдѣлано человѣкомъ, котораго онъ считалъ своимъ идеаломъ.

— У больной простая, легкая простуда и больше ничего, произнесъ Черепаховъ, обращаясь ко всѣмъ вообще,—вамъ не слѣдуетъ ни малѣйше безпокоиться изъ-за этихъ пустяковъ, прибавилъ онъ госпожѣ Урюпиной.

Мнѣніе свѣтила чрезвычайно умно сталъ развивать и годовой докторъ. Все прописанное Александромъ Карловичемъ признано было, хотя безвреднымъ, но и безполезнымъ въ данномъ случаѣ. Оба доктора разсуждали такъ, какъ-будто Александра Карловича въ комнатѣ совсѣмъ не было, какъ-будто ихъ унизилъ-бы разговоръ, или даже простое обращеніе къ Штурму. Александръ Карловичъ пришелъ домой вечеромъ въ полномъ отчаяніи и, если, съ горя, не заболѣлъ въ ночь, то только потому, что къ нему снова вернулась увѣренность въ безошибочности своего діагноза. Цѣлую ночь онъ, правда, не спалъ и чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ, но за-то къ утру явилось на его столѣ слѣдующее посланіе къ господину Урюпову:

«Милостивый Государь, писалъ Штурмъ. Вчера мой діагнозъ болѣзни Вашей супруги былъ осужденъ, какъ неправильный и даже шарлатанскій. Мои судьи—люди извѣстные и опытные въ своемъ дѣлѣ, я — неизвѣстенъ и молодъ, слѣдовательно, не имѣю права съ ними спорить. Но, заклинаю Васъ всѣмъ святымъ для Васъ, принять предписанныя мною мѣры къ предупрежденію болѣзни! Вѣдь сами-же судьи признали ихъ безвредными и только, по ихъ мнѣнію,—излишними, неумѣстными. Я неизвѣстенъ и бѣденъ, но судьба, можетъ быть, нарочно, чтобъ спасти Вашу супругу, послала мнѣ случай въ теченіи двухъ лѣтъ изучать всѣ виды дифтерита и относительно этой болѣзни, я убѣжденъ, что являюсь врачемъ болѣе опытнымъ, чѣмъ мои судьи. Я несчастенъ и оскорбленъ, но, вѣрьте, хлопочу только о томъ, чтобъ предупредить ужасную утрату, которая грозитъ Вамъ, если Вы не обратите вниманія на эти строки.

Глубоко уважающій Васъ
Александръ фонъ-Штурмъ».

Въ тотъ-же день, когда Александръ Карловичъ вернулся съ визитаціи въ больницѣ, засталъ дома отвѣтъ. Это была обыкновенная визитная карточка, на одной сторонѣ которой было напечатано: «Евгенія Федоровна Урюпова»; а на оборотной написано: «ожидаетъ доктора г-на фонъ-Штурма между шестью и восемью часами». Въ шесть часовъ госпожа Урюпова привѣтливо встрѣчала въ своемъ будуарѣ Александра Карловича. Ей нездоровилось по прежнему, но въ постели не лежала, а, какъ въ первый разъ, зябко куталась въ свой пуховый платокъ. Горячее посланіе Штурма тронуло жену и мужа Урюповыхъ и они послали за «оскорбленнымъ» и «несчастнымъ» авторомъ его. Евгенія Ѳедоровна теперь любезно предлагала Александру Карловичу лечить ее отъ всевозможныхъ болѣзней, какія только ему случится открыть въ ней, просила его бывать ежедневно до полнаго ея выздоровленія, но, въ виду ежедневныхъ-же визитовъ годового доктора и непріятностей встрѣчи его съ этимъ господиномъ, просила Штурма избѣгать для своихъ посѣщеній тѣхъ часовъ, въ которые у нихъ бываетъ годовой докторъ.

Александръ Карловичъ, хоть и видѣлъ, что его опасеніямъ дифтерита не придаютъ большого значенія, но не безъ удовольствія слушалъ любезную болтовню свѣтской дамы и совершенно умиротворился, получивъ, по окончаніи четверти-часового визита десять рублей.

— Да, вотъ, имѣя постоянно пять, шесть такихъ паціентовъ, было-бы время и за наукой слѣдить, возможно-бы было впослѣдствіе и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться виртуозомъ въ медицинѣ! думалъ вчера Александръ Карловичъ, возвращаясь съ этого визита домой,—это не то, что цѣлыми днями прописывать тридцатикопѣечные рецепты и уставать каждый вечеръ до полнаго одуренія.

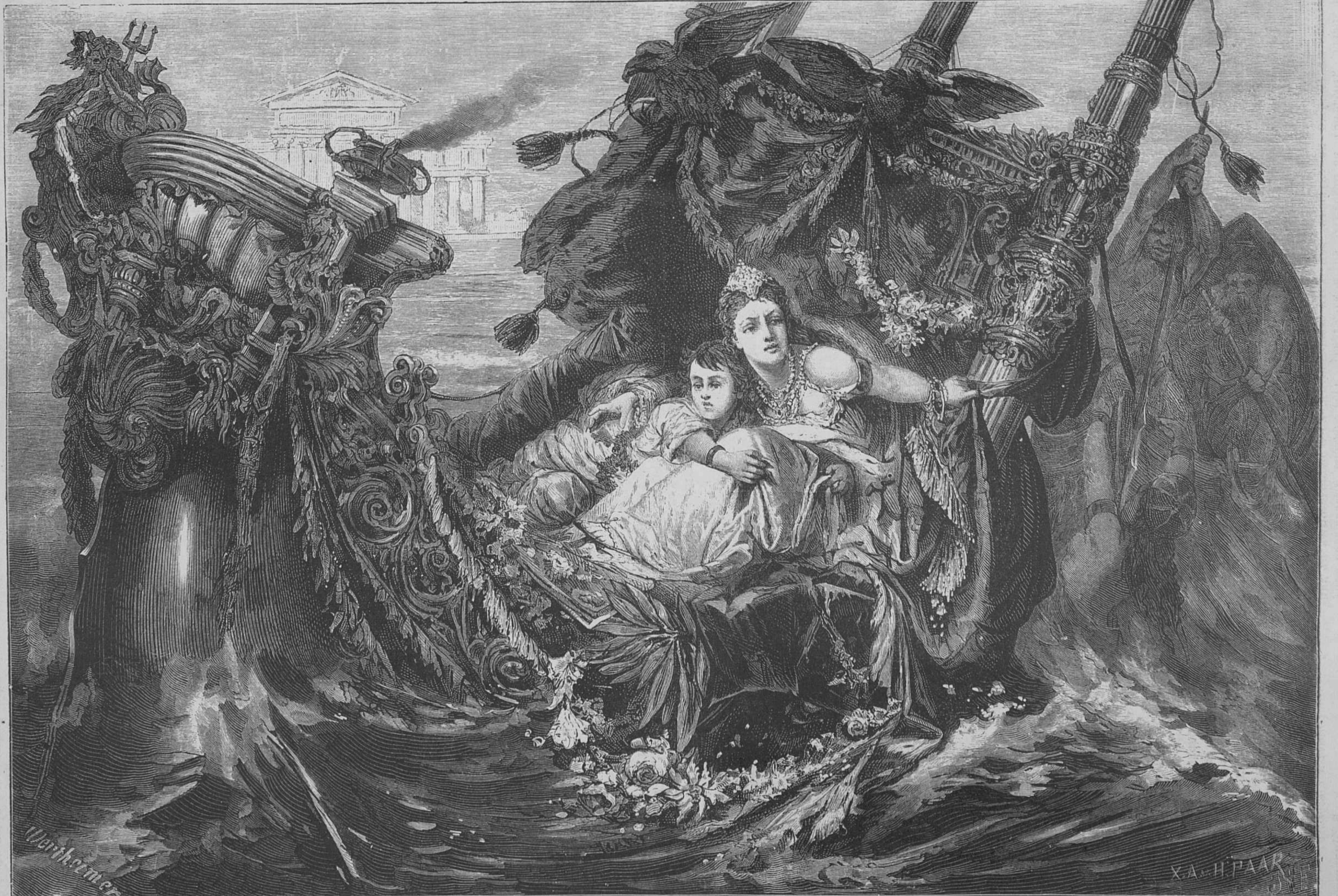
Вчера болѣзнь еще не выяснилась, но сегодня въ изящномъ палаццо на Каменно-островскомъ, Александра Карловича ожидало несомнѣнное торжество, если только чуткое ухо его не обмануло. Оттого-то теперь Александръ Карловичъ былъ такъ снисходителенъ къ больному дифтеритомъ. Чего добраго, эти гнилостныя, творожистыя пятнышки на небѣ, языкѣ и миндалинахъ—могли сдѣлать его извѣстнымъ человѣкомъ, моднымъ докторомъ,

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

В. Митуричъ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ ДРАМАТИЧЕСКИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ.

Рисунокъ Вертгейнера.

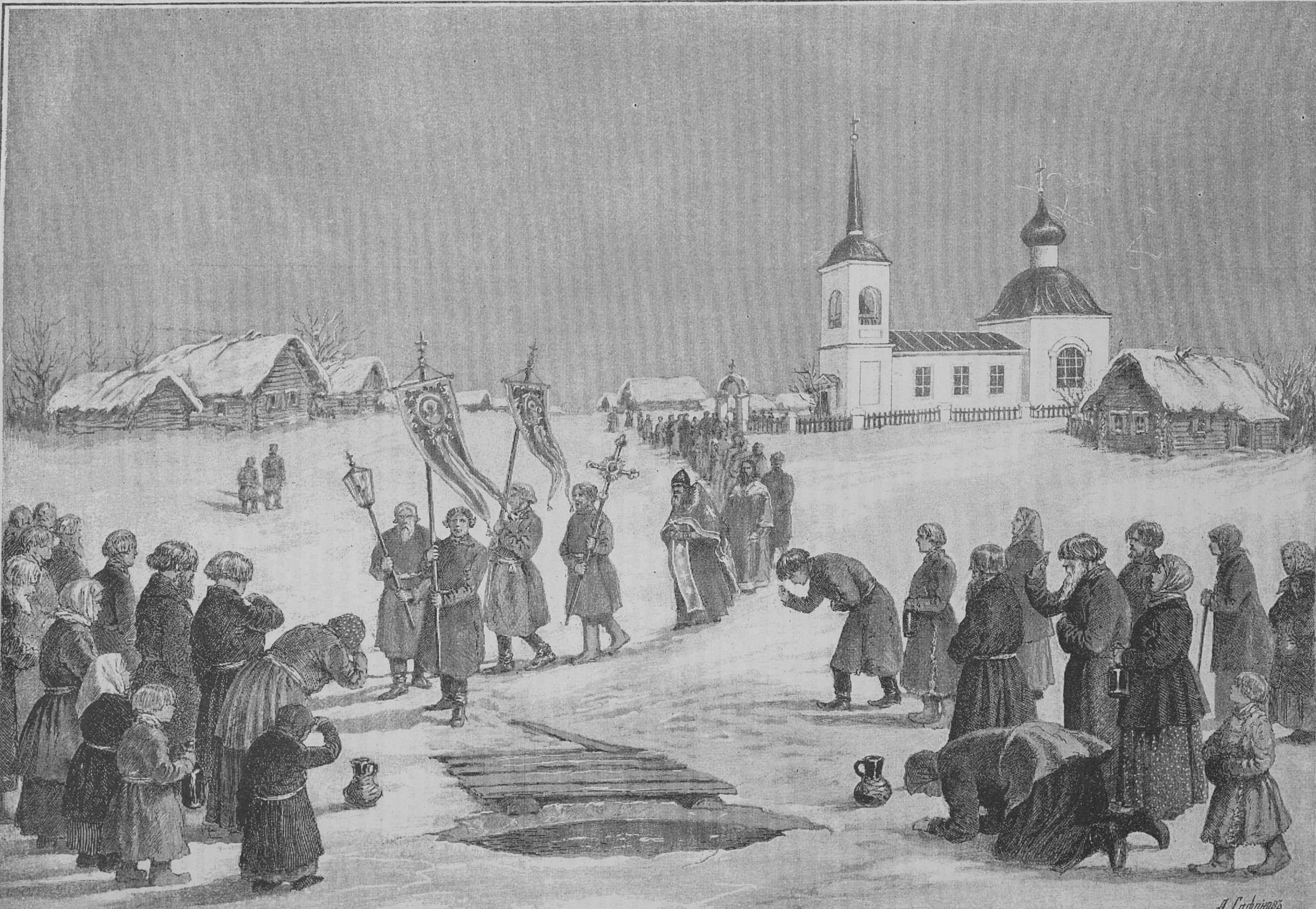

Wertheimer
X.A. H.PAAR

Смерть Агриппины.

Гравировалъ на деревѣ Г. Пааръ.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ А. Сафонова (собств. ред. «Живоп. Обозр.»).


М.Ф.В.
А. Сафоновъ

Водосвятіе въ день Богоявленія въ деревнѣ.

Тигрица.

Романъ **Д. Верна.**

Переводъ **В. Крестовскаго** (псевдонимъ).

(*Продолженіе*).

IV.

Домъ, гдѣ жила графиня, былъ въ улицѣ Принца Амедея. Подъ окнами, съ трехъ сторонъ, его окружалъ крошечный садикъ, по напротивъ былъ видъ на Санъ-Миніато и прекрасную извилистую улицу Холмовъ. Зеленыя лужайки садика, величиной въ билліардное сукно, и деревья-карлики красиво выдавали разукрашенный фасадъ домика съ бѣлыми стѣнами; стекла оконъ пестрѣли, отражая яркія занавѣски. Вечеромъ, когда вдали терялся шумъ города, свѣтъ изъ этихъ частыхъ, длинныхъ оконъ, нарядныхъ, кокетливыхъ, драпированныхъ шелкомъ и кисеею, вырисовывалъ, будто кружево, узоръ рѣшетки сада на тротуарѣ темной, почти пустой улицы, и блестѣлъ пятнами на листвѣ магнолій. Рѣдкіе прохожіе пріостанавливались, проѣзжіе выглядывали изъ кареты, чтобъ повеселить глаза этимъ свѣтомъ, этими бѣгучими отблесками на мебели, на тканяхъ, угадывали душистое тепло и, удаляясь, еще оглядывались, будто искали улыбки на лицѣ этого счастливаго жилья.

Внутри, счастливое жилье смотрѣло иначе. Въ самой дальней комнатѣ, въ самомъ далекомъ углу, у камина обыкновенно сидѣла Ната, блѣдная отъ голубыхъ переливовъ огня; ея полузакрытые глаза казались черными пятнами на помертвѣломъ лицѣ. Протянувъ ноги по ковру, прислонясь головой къ креслу, она перелистывала книгу, или машинально играла вѣеромъ. Всѣ другія комнаты были пусты, холодны, безмолвны. Слуга, молча, прохаживался въ передней. Трескъ полѣна въ каминѣ, бой часовъ, стукъ проѣзжавшаго экипажа наводили тоску, будто пугали.

Въ пять часовъ Джорджіо пріѣхалъ съ визитомъ къ графинѣ. Окна блестѣли, какъ зеркала; по краснымъ черепицамъ кровли, надъ тонкими трубами солнце разсыпало золотую пыль. Услыша, что у рѣшетки остановился экипажъ, Ната быстро, инстинктивно оглянулась на дверь гостиной. Джорджіо нашелъ ее у окна, предъ маленькимъ столикомъ съ мѣдной инкрустаціей, на которомъ лежали ея письма и книги. Болѣе чѣмъ когда нибудь она казалась одинокой и покинутою. Гостиная, обитая голубымъ шелкомъ, была мало освѣщена; въ каминѣ горѣлъ огонь. Великолѣпный зимній день не давалъ этой комнатѣ ни луча, ни привѣта. Птицы щебетали въ нарядномъ скучномъ саду; въ окна, изъ подъ драпировокъ виднѣлись полоски яснаго неба; сквозь ткань свѣтъ проникалъ мягко, смутно, въ углу, у камина, его совсѣмъ пересиливали красные отблески огня... Ната стояла спиной къ голубому свѣту, вся въ тѣни; ея глаза будто увеличились и углубились, блѣдность была почти зеленоватая. Она по-дѣтски захлопала руками и, мило улыбаясь, протянула обѣ.

— Отлично! Еслибъ вы знали, какъ вы кстати и какъ я вамъ благодарна. Видите? Вотъ такъ вся моя жизнь проходитъ: считаю деревья на бульварѣ. Первое мое развлеченіе, вотъ еще это.

Джорджіо наклонился, посмотрѣлъ на это „первое развлеченіе“: графиня наклеивала японскую картинку на вѣеръ. Заговорили о японской промышленности. Лаферлита прожилъ нѣсколько лѣтъ въ той странѣ. Ната предлагала вопросы одинъ страннѣе другаго и, время отъ времени, ничего не думая, уставлялась ему въ лицо своими проницательными и непроницаемыми глазами. Вдругъ говорили о рѣзьбѣ на бронзѣ и работахъ изъ слоновой кости,—она прервала:

— Скажите, вы, должно быть, на меня немножко сердиты?

Онъ быстро поднялъ голову. Графиня не смотрѣла на него, повернула свою картинку къ свѣту, разглядывая, ровно-ли наклеилась, немножко жмурясь и поднявъ руки блѣдныя и прозрачныя, какъ воскъ, она, казалось, не понимала, спросила-ли что нибудь.

— Я? сержусь на васъ? сказалъ, наконецъ, Лаферлита.

— Да, un peu, beaucoup, passionnement... passionnement!

— Mais non! rien du tout!

Она обернулась, все съ поднятыми руками, закрываясь картинкой.

— Право? Тѣмъ лучше! Вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ это пріятно..

Она наклонила голову, загадочная, будто статуя, не то шутя, не то серьезно, и протяжно выговорила:

— Merci.

Была минута молчанія. Она казалась занята своей работой, потомъ вдругъ забросила ее въ корзину подъ столъ, пошла къ камину, оперлась, приподняла немного платье и поставила ногу на рѣшетку.

— Вы все оставались во Флоренціи, съ тѣхъ поръ какъ мы не видались?

— Да, только на мѣсяцъ уѣзжалъ въ отпускъ; впрочемъ, проводилъ два.

— Я васъ не видала, думала, что васъ здѣсь нѣтъ.

— Но я васъ видѣлъ.

— Гдѣ?

— Въ Кашине; недѣли полторы назадъ.

— Должно быть, я васъ не узнала. Я только начинала выѣзжать въ каретѣ и была еще слаба; отъ толпы голова кружилась.

— За то теперь вы много лучше.

— Да, я здорова.

Лаферлита шелъ къ ней, мечтая—самъ не зналъ что, полный образа этой женщины, отъ которой завертѣлась его голова; теперь, увидя ее вблизи, спокойно, просто, натурально разговорчивую, онъ сталъ опять самъ собою. Ната, вотъ такъ, предъ огнемъ, точно, хорошенькая, но и только. Джорджіо немножко утрачивалъ развязности только когда она взглядывала въ упоръ. Онъ всталъ, прощаясь; она подала руку.

— Не правда-ли, до скораго свиданія?

А онъ между тѣмъ разсуждалъ:

«Любезнѣйшій другъ Лаферлита, сдается мнѣ, что ты представилъ изъ себя весьма смѣшную фигуру. Ну, надо очнуться и этой бѣдѣ помочь».

И вслѣдствіе такого разсужденія, бывая у графини, Джорджіо нисколько за ней не ухаживалъ. Она выказывала, что очень за это благодарна, встрѣчала его привѣтливымъ восклицаніемъ или улыбкой и повторяла, что съ его стороны—доброе дѣло приходить, вмѣстѣ съ нею считать деревья на бульварѣ.

— Досадно! зачѣмъ мы раньше не познакомились!

— Но мы давно были знакомы, возражалъ, смѣясь, Джорджіо.

— Знакомы?.. Да, то есть, видѣлись. Встрѣча на балѣ—вовсе не знакомство. Но дѣлать нечего; лучше поздно, чѣмъ никогда. Мы сбираемся веселиться, вотъ, въ будущій карнавалъ. И вы съ нами. Вы, виконтесса, ея мужъ, еще кто нибудь. Давайте дѣлать глупости. Не бойтесь, не скомпрометтируемъ васъ передъ вашимъ министромъ; ужь въ худшемъ случаѣ—скомпрометтируемъ его передъ вами...

Въ свѣтлые декабрьскіе дни она все жаловалась на холодъ; сидѣли, разговаривали у камина; вспышки огня освѣщали ея исхудалое лицо. Она шутя обѣщала, что первый разъ, какъ выйдетъ, возьметъ Джорджіо въ провожатые. Разъ онъ входилъ, она спросила:

— Холодно сегодня?

— Напротивъ. Чудесный день.

Она медленно подошла къ окну и подняла стору.

— Да... сказала она разсѣянно: — день въ самомъ дѣлѣ...

Широкій бульваръ, залитый солнцемъ, смотрѣлъ празднично. Много народу; проѣзжали крестьяне на телѣгахъ, бѣжали школьники, выбирая нарочно дальнюю дорогу, швеи оставляли свои картонки у привратницъ, брались за руки, гуляли парами и компаніями по дорогѣ, волоча новенькія платья и старенькіе башмаки; хлопая бичемъ, шумно мчался фіакръ; изъ подъ его занавѣски высовывалась рука, выглядывалъ любопытный глазъ; все двигалось, все мелькало; проворные, задорные воробьи скакали по тротуару. Куполъ собора, колокольня и башня Стараго дворца стройными линіями вырѣзались на небѣ, надъ хаосомъ крышъ и черепицы; далѣе, дворецъ Питти, темный, строгій, прислонялся будто къ стѣнѣ, къ зелени сада Боболи. Въ глубинѣ прелестный поясъ холмовъ; тамъ, какъ точки, бѣлѣютъ домики, сверкаютъ полосы воды, вьются дороги, и масса, масса зелени! широкое пространство; въ воздухѣ рисуется рѣшетка и граціозный очеркъ Вилланеллы... и надъ всѣмъ—громадная лазурь и ея опаловый свѣтъ таетъ на зеленыхъ вершинахъ...

— Я учень устала... выговорила Ната, будто прошла столько же, сколько весь тотъ народъ. Хорошо имъ, какъ будто нечего имъ дѣлать!

Ея голосъ дрогнулъ и между бровями мелькнула морщина.

Графинѣ становилось все лучше; почти всякій вечеръ она принимала госпожу де-Ранси, Джорджіо и нѣсколько другихъ знакомыхъ. Джорджіо бывалъ всѣхъ чаще и проводилъ цѣлые вечера въ улицѣ Принца-Амедея, у камина, за чаемъ; и если влетало ему въ голову желаніе поцѣловать тонкую ручку подававшую ему чашку, онъ исполнялъ это желаніе, какъ диллетантъ, по старой привычкѣ, почти какъ обязанность учтивости. Ему больше не казалось возможнымъ сходить съума отъ хорошенькой дамочки, съ которой онъ такъ пріятно и спокойно-интимно проводитъ свои вечера. Смѣясь, онъ сказалъ однажды:

— Когда я въ первый разъ пришелъ къ вамъ, зачѣмъ вы спросили, сержусь-ли я на васъ? Скажите правду.. Давно, но была минута, я долженъ былъ казаться очень смѣшонъ!

Она нахмурилась, припоминая или недовольная вопросомъ.

— Смѣшны? Почему?

— Не знаете или не помните? Тѣмъ лучше. Такъ и не будемъ говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, что же, я помню, но мнѣ нисколько не кажется смѣшно биться за свою даму. Я была ваша дама... тогда, на четверть часа. И только.

Совершенно расположенный не биться, а хладнокровно оставаться самимъ собою, Джорджіо рѣшилъ, что лучше всего и ему смѣяться. Такимъ образомъ она рѣшительно, граціозно наступила каблучкомъ на это затруднительное прошлое, а онъ — наклонился полюбоваться ножкой, и больше о томъ не говорили.

V.

Лаферлита очень бы удивился, еслибы его стали увѣрять, что онъ ухаживаетъ за графиней. Если это называется ухаживанье, то, право, ужь слишкомъ умѣренное. Правда, онъ сначала полюбилъ ее, какъ мальчикъ, какъ школьникъ, но съ перваго визита она обложила ему голову льдомъ и оба откровенно посмѣялись всему, что случилось — всей этой глупости. Онъ былъ убѣжденъ, что не любитъ ея, но съ нею было пріятно. Она совсѣмъ не такая женщина, какую онъ воображалъ будто знаетъ: она каждую четверть часа мѣняется; она вся — капризы и нервы, ежеминутныя перерожденія, вѣчно разныя; безъ аффектаціи, безъ притворства, можетъ быть, даже безъ сознанія; женщина, которой не знаешь въ какомъ тонѣ отвѣчать на вопросъ, за минуту ею же сказанный! Она не такъ хороша, какъ маркиза, или бѣленькая Тарготти, или Пальмира; такъ — не особенная. Но какъ другъ, она несравненна... хоть бы потому что у нея въ домѣ—сидишь молча, надувшись, а ни минуты не скучно! хоть бы потому, что, входя на ея крыльцо, думаешь: любопытно, въ какомъ расположеніи духа сегодня эта странная, своенравная особа? Она—другъ, но сама не замѣчаетъ, что въ ихъ сближеніи остается немножко чего-то невѣдомаго... вотъ, какъ въ той незнакомкѣ, которая всегда оглянется и посмотритъ вслѣдъ Джорджіо, если встрѣтитъ его на улицѣ Кальцойли... Неожиданность—лучшая приманка.

Странности Наты выказывались въ особенности, когда она оставалась одна; по цѣлымъ часамъ лежала она въ креслѣ у камина, разсѣянно уставивъ глаза, ничего не думая, живописно нѣжась острымъ ощущеніемъ пламени. Она слушала Джорджіо, не говоря ни слова, сжавъ губы, нахмурясь, блуждая мыслію, отвѣчая не впопадъ полусловами, опрокидывая голову на спинку кресла, усталая, скучающая. Джорджіо полагалъ, что пора уйти, и прощался; она вдругъ спрашивала—зачѣмъ такъ рано? и просила остаться. Но сцена не перемѣнялась. Бесѣда гасла, какъ огонь въ каминѣ, и вдругъ, замѣчая, что они еще полчаса промолчали, Ната поднималась съ мѣста и холодно желала собесѣднику покойной ночи.

Иногда и Джорджіо, невольно, становилось грустно. У него замирали шутки, разсказы, веселое настроеніе; призракъ страшной болѣзни, въ которой молодая женщина уже не могла заблуждаться, началъ тревожить и Джорджіо Онъ взглядывалъ на нее мелькомъ, почти тайкомъ, стараясь отгадать глубину ея тайнаго горя, прослѣдить за помыслами этой женщины, которой должна была мерещаться смерть вездѣ—въ веселомъ пламени камина, среди цвѣтовъ гостиной, подъ шелковыми занавѣсками, въ роскоши красоты, въ смѣхѣ молодости. тогда передъ нимъ, возвращаясь, являлась опять женщина прошлаго, мимолетная, сіяющая, раздражительно загадочная, мучительно привлекательная. Онъ былъ пораженъ, смущенъ передъ нею; заблужденіе дѣлалось еще полнѣе, когда не слышалось ея насмѣшливаго, холоднаго голоса; онъ не смѣлъ говорить, погруженный въ отвлеченное созерцаніе, и только смотрѣлъ на ея бѣлокурыя косы, низко спущенныя на затылкѣ, на бѣлыя руки, скрещенныя на колѣняхъ, на блѣдное лицо въ красныхъ отливахъ и мертвенныхъ полутѣняхъ. Но мраморное лицо оставалось невозмутимо. Это равнодушіе—по прежнему глубоко и холодно. Случалось, среди разговора, именно когда Джорджіо особенно беззаботно оживлялся, она вперяла въ него свои огромные, фосфорическіе сѣрые глаза и нѣсколько секундъ смотрѣла безъ всякаго выраженія. Странны были эти живые глаза на мраморномъ лицѣ. Джорджіо не могъ выносить ихъ пронзительной настойчивости, какъ будто его въ чемъ нибудь упрекала совѣсть. Она слушала молча и, казалось, внимательно; онъ оглядывался: ея губы шевелились; она будто шептала,—и по прежнему, холодна и непостижима...

— О чемъ вы думаете? спросилъ онъ однажды.

Она такъ взглянула, что онъ раскаялся, что спросилъ.

— Ни о чемъ... Разбирала, весело-ли мнѣ было вчера на вечерѣ у де-Ранси и понравилась-ли мнѣ музыка «Донъ-Карлоса».

При такихъ отвѣтахъ Джорджіо казалось, что она бросаетъ ему въ лицо рѣзко душистой, необъяснимо привлекательной, одуряющей волной невѣдомаго, тайной своего бытія. Онъ умолкалъ будто окунался разомъ, съ острымъ болѣзненнымъ чувствомъ нѣги,—погружался въ прошлое этой непостижимой женщины. Его влекло горькое сочувствіе и жадное любопытство къ ней, чужой, далекой и вмѣстѣ такой близкой; и—странно,—именно, чувства, которыя она ревниво скрывала, именно, все чуждое, — сильнѣе его притягивало. Были минуты,—и не подозрѣвая, любитъ-ли ее, Джорджіо хотѣлось, чтобъ она разсказала все свое прошлое, хотѣлось самому ей довѣряться, обняться... хоть-бы потомъ поплатиться за это слезами...

— Еслибъ я былъ вамъ братъ! сказалъ онъ разъ его сердце переполнилось.

Ната рѣзко оглянулась.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ не оставлять васъ никогда одну сама съ собою.

— Но я тогда не въ дурномъ обществѣ.

— Извините, я сказалъ слишкомъ смѣло... сухо возразилъ онъ

— Нисколько. Почему вамъ не быть мнѣ братомъ? Мы еще не друзья, товарищами быть не можемъ, ничѣмъ другимъ никогда не будемъ,—можемъ быть братъ и сестра.

— Хотѣлось-бы имѣть право знать ваши мысли; имѣть право пожать вамъ иногда руку...

— Беречь меня, помогать мнѣ. облегчать мои печали, опекать меня, какъ настоящій старшій братецъ. Милый Лаферлита, зовите меня Крошкой и угощайте конфектами.

— Виноватъ! извините! вскричалъ онъ, отклоняя свою руку.

— Право? Или я кажусь ужь очень больна? Вы находите, что мнѣ пора каяться и думать о смерти? Если такъ, то хотѣлось бы еще воспользоваться жизнью, любить... Натурально, васъ перваго...

Иногда на нее находило шумное веселье; она была готова на всякую шалость.

Разъ вечеромъ, она отослала свою карету и приказала Джорджіо провожать себя домой, пѣшкомъ. Холодъ былъ страшный. Ната, вся закутанная, дрожала; Джорджіо былъ страшно сердитъ истощивъ всѣ уговоры и старанія удержать ее; она, стуча зубами, хохотала и увѣряла, что это чудо какъ весело. Ночь была ясная, звѣздная; за воротами Санъ-Галло ни души. Ната куталась плотнѣе и прижималась къ Джорджіо; ее оживляла, возбуждала тишина, пустота улицы, темнота съ далекими точками двойнаго ряда фонарей, рѣзкій воздухъ.

— Ахъ, досадно: ни крошечки не грѣшно то, что мы дѣлаемъ! сказала она, нервно смѣясь; ея голосъ звенѣлъ, глаза свѣтились.—Кто встрѣтится, приметъ насъ за парочку влюбленныхъ,—неправда-ли, Джорджіо? Полно вамъ, не сердитесь; довольно намъ церемониться. Оставьте меня дѣлать, что хочу. Вы же сами сказали, что мнѣ жить не долго.

У ней и среди шутокъ срывались такія слова.

Часто она приглашала Джорджіо пообѣдать вдвоемъ. Столъ накрывали въ гостиной, у окна въ садъ. Этому обѣду среди бѣла-дня, она старалась придать видъ подозрительнаго ужина, грызла по немногу, ѣла отъ всѣхъ блюдъ; бордо, предписанное докторомъ, прихлебывала маленькими глотками изъ бокала, будто шампанское. Потомъ, ставила предъ собою полный стаканъ, клала локти на столъ, обминая скатерть, и принималась болтать, довѣрчиво, на распашку, какъ добрый товарищъ. Оба, смѣясь, разсказывали свои побѣды, хитрости, молодыя шалости. Не такъ давно, говорила Ната,—влюбилась она въ одного школьника,—просто, что называется, уличный парень; но хорошъ, хорошъ, хоть въ картину! Глаза огромные, вотъ, такіе, черные, а шея—Антиной! надо было видѣть, когда онъ снималъ свою красную косынку и растегивалъ воротъ рубашки, играя въ мячъ, за воротами Санъ-Галло. Она всякій день ѣздила верхомъ туда, на бульваръ, посмотрѣть мальчика и сама показаться; а онъ, неучъ, грубіянъ, прикидывался гордецомъ, будто и не замѣчаетъ, что знатная дама пріѣзжаетъ нарочно волочиться за нимъ. Наконецъ затронулось это упрямое самолюбіе и онъ сталъ тоже, ужь не только заглядываться, а бросалъ играть въ мячъ, старался получше одѣваться, и давай преслѣдовать даму на гуляньяхъ, въ театрѣ, вездѣ—тутъ и есть. Тогда онъ пересталъ ей нравиться. Такая досада: безъ своей бархатной куртки—совсѣмъ не тотъ!

Въ эти минуты, и графиня, и Джорджіо были очень далеко отъ мысли, что любятъ, или когда нибудь могутъ полюбить другъ друга. Онъ постоянно стѣснялся, боясь быть смѣшнымъ, если не попадетъ въ ея тонъ; иногда она приводила его въ нетерпѣніе, поражала странностью, дѣлала труднѣе его роль. Она—напротивъ; у нея всегда была готова рѣзкая, часто горькая насмѣшка.

— О, будь я мужчина! говорила она.—Какъ вы думаете, какая-бы я была? Конечно, ужь не такая, какъ вы, бѣдный Джорджіо!

И смѣхъ задушался кашлемъ.

И вдругъ, послѣ привѣта, ласки, дѣлалась презрительна, непокойна, глядѣла изъ подлобья, съ какимъ-то выраженіемъ упрека; глухо, сдержанно раздражалась, дико порывалась неизвѣстно къ чему, — и изъ подъ нахмуренныхъ бровей, ея глаза смотрѣли злобно.

Разъ, на балѣ, слегка раскраснѣвшись, сіяющая, будто вдыхая какое-то раздражающее упоеніе, кружась въ котильонѣ, она тихонько сжала руку Джорджіо; ея рука горѣла.

— Видѣли, какъ за мной ухаживаетъ Брентн?

— Бѣднякъ Брентн! Не желалъ-бы я, чтобъ вы съ такой улыбочкой про меня это сказали.

Она пожала плечами, прекрасными, худощавыми, еще больше обнажая ихъ этимъ движеніемъ.

— Его манера ухаживать мнѣ больше нравится. Взгляните, тамъ, у двери, юноша, какъ смотритъ! И вотъ, такъ, цѣлый вечеръ. Ему, должно быть, всего лѣтъ пятнадцать... счастливый возрастъ! Хотѣлось бы мнѣ быть въ его груди и чувствовать, какъ дрожитъ его сердце, когда я взглядываю. Право, онъ мнѣ нравится скромненькій и пламенныя очи.

— Онъ замѣтилъ, что говорятъ о немъ.

— Какъ должно быть взволнованъ, бѣдненькій мальчикъ!.. Увѣряю васъ, мнѣ ужь приходило искушеніе пройти мимо него и, не оглядываясь, въ толпѣ, пожать ему руку.

— Почему ужь не просто похитить его въ вашей каретѣ?

— А почему же и нѣтъ? возразила она, нервно улыбаясь.—Бываютъ минуты, мнѣ кровь бьетъ въ голову,—а она у меня немножко восточная.

— Но, послушайте!.. это, наконецъ, было бы очень нелюбезно въ отношеніи меня... если-бы я былъ влюбленъ въ васъ...

— Да... выговорила она разсѣянно. — Правда. Но такъ какъ вы не влюблены, мы не влюблены, и не будемъ влюблены, мы—только добрые товарищи... А скажите, если-бы всѣ, тутъ, знали, какія мы глупости дѣлаемъ, вы такой серьезный, такой порядочный... Какъ вы сегодня элегантны; приколите покрѣпче вашу камелію... Неправда ли, я—немножко сорви-голова?..

Этимъ временемъ ей понравился гимнастъ, изъ одной конной труппы и она готова была всякій день отправляться въ циркъ Политеано.—Джорджіо узналъ о ея новой прихоти. случайно зайдя къ ней въ ложу и видя, что она не отводитъ бинокля отъ сцены. Какъ добрый товарищъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько колкихъ замѣчаній; она разгнѣвалась.

— Вотъ, какъ вы несправедливы! Понравится вамъ баллерина, вы, сколько хотите, бѣгаете, смотрите, руки себѣ вывихнете отъ хлопанья! Развѣ красивый мужчина не можетъ нравиться столько же, сколько красивая женщина? Развѣ баллерины и канатные плясуны сотворены только для удовольствія васъ однихъ, господа? Развѣ вы не ходите въ музеи смотрѣть на Бахусовъ, на Аполлоновъ? А этотъ, взгляните, развѣ не чудная статуя? Я его въ прихожую къ себѣ не возьму, а на сценѣ онъ мнѣ нравится.

На этотъ разъ Лаферлита въ самомъ дѣлѣ обидѣлся, но графиня будто и не замѣтила. Она не апплодировала никогда, но тутъ стала апплодировать и не покидала бинокля. Наконецъ, бѣдный артистъ замѣтилъ, какой эффектъ производятъ на знатную даму его золоченныя блестки и завитая блестящая шевелюра,—и потерялъ голову, лишился обыкновенной развязности, лишился очаровательной улыбки, прежде равной для всей публики, кланялся только въ одну сторону,—налѣво,—путался въ машинахъ, въ веревкахъ. Разъ, прыгнувъ обѣими ногами для граціознаго реверанса, онъ уморительно шлепнулся; среди зрителей раздался шумъ,—испугались, приняли участіе, сожалѣли. Одна графиня Ната расхохоталась до того, что закрылась платкомъ. Несчастный не осмѣлился больше показаться.

— Вотъ и слава! весело вскричала она, увидя, что Джорджіо тоже смѣется.—Видите, какъ кончаются мои восторги?

Джорджіо встрѣчалъ ее на балахъ, видалъ въ ложѣ, въ театрѣ Пергола, съ открытыми плечами, въ кружевахъ, въ бриллiантахъ, нарядную, холодно гордую, насмѣшливую; она держала свой вѣеръ, будто скипетръ, едва отвѣчая знакомъ на низкіе поклоны, и, вмѣсто поклона, только удостоивая навести свой бинокль. Онъ, другъ, вчерашній товарищъ, былъ смѣшанъ съ остальной толпою. Она едва отличала его полуулыбкой; она больше не принадлежала ему; она, высоко поднявъ голову, возвращалась въ свою сферу...

Разъ, на балѣ, она раскашлялась, воротилась въ залу блѣдная, какъ воскъ, но продолжала танцовать. Джорджіо проводилъ ее до кареты. Закутанная въ стеганную шубу, надвинувъ на брови капюшонъ, завернувшись раза три вуалью, она спросила со злостью:

— Что вы такъ глядите? Или боитесь,—провожаете умирающую?

Его всю ночь преслѣдовали этотъ взглядъ и это слово...

Нѣсколько дней она хворала, не принимала, и опять появилась въ спектакляхъ и на праздникахъ, еще блѣднѣе, еще хуже прежняго и еще больше прежняго жадная жить и веселиться. Приближалась весна. Она говорила о морскихъ купаньяхъ, о путешествіяхъ, составляла планы съ знакомыми, которыхъ разсчитывала встрѣтить на водахъ и въ Швейцаріи...

(Продолженіе слѣдуетъ).

◆

* * *

О, если-бъ силой вдохновенья
Я могъ зажечь въ тебѣ презрѣнье
Къ мірку, гдѣ увядаешь ты
Среди глупцовъ самолюбивыхъ,
Среди невѣждъ многорѣчивыхъ—
И безграничной пустоты!
Но тамъ, сверкая бирюзою,
Такъ лучезаренъ небосклонъ!
Тамъ все родное: старый кленъ,
Разбитый душною грозою
Въ саду запущенномъ твоемъ,
И эти бархатныя степи,
И зеленѣющія цѣпи
Холмовъ, объятыхъ вѣчнымъ сномъ,
И блескъ ночей нѣмыхъ и душныхъ,
И томный рокотъ соловьевъ,—
И шепотъ сплетницъ добродушныхъ,
И мины важныя глупцовъ...

Ѳ. Червинскій.

Нищенство на Руси.

Очеркъ **А. Красовскаго**.

Мы говорили о забавахъ и развлеченіяхъ нашихъ предковъ, теперь намъ приходится коснуться вопроса о другомъ явленіи, къ которому въ старину тоже относились у насъ проще, безъ всякихъ особенныхъ соображеній и сомнѣній. Мы говоримъ о нищенствѣ. Прежде, въ старину, являлся нищій и богачи считали долгомъ удѣлять ему извѣстные гроши изъ своего достатка, вотъ и все. Особенно въ праздничные дни, въ родѣ Рождества и Святой недѣли, раздача нищимъ денегъ и хлѣба вмѣнялась почти въ обязанность всѣмъ и каждому, кто имѣлъ средства. Теперь вопросъ этотъ осложнился, какъ осложнилась сама жизнь и люди уже сомнѣваются, имѣютъ ли они право слѣдовать своимъ первымъ и непосредственнымъ добрымъ порывамъ. Коснемся этого вопроса хоть мелькомъ.

На бульварѣ, въ солнечный день или на опустѣвшей улицѣ, когда вы возвращаетесь домой позднимъ вечеромъ, торопясь въ свою квартиру,—случалось ли вамъ обращать вниманіе на мимолетное, часто немного непріятное, но очень любопытное обстоятельство. А именно: вы увидѣли нищаго съ рукою, протянутую по направленію къ вамъ. Первымъ вашимъ движеніемъ будетъ—пройти мимо этого попрошайки, который, вѣроятно, пропьетъ въ ближайшемъ кабакѣ подачку и будетъ снова просить ее на томъ же самомъ мѣстѣ. Къ тому же вы хорошо помните, что такая благотворительность плодитъ воровъ и тунеядцевъ и ужь во всякомъ случаѣ гнусныхъ дармоѣдовъ и пьяницъ. Но не нужно слишкомъ большой сердечной нѣжности, чтобы тронуться видомъ нищаго: въ его одеждѣ такъ очевидно полное отсутствіе комфорта и по его лицу отнюдь нельзя заключить о довольствѣ его своей судьбой. Вамъ дѣлается какъ будто немножко не по себѣ отъ этаго контраста съ вашимъ положеніемъ. Ваша рука уже торопливо опустилась въ карманъ и ищетъ тамъ мелкой монеты, которую вы и протягиваете нищему, чувствуя нѣкоторое душевное облегченіе. «Пусть я пложу нищенство, пусть этотъ бездѣльникъ пропьетъ мой пятакъ, но вѣдь и ему нужны удовольствія; къ тому же онъ, можетъ быть, голоденъ!» Въ другой разъ вы проходите мимо нищаго, оставляя его съ протянутой рукой. И такимъ образомъ попеременно побѣждается то нѣжность сердца, то доводы разсудка. Но, при неизбѣжномъ повтореніи такихъ случаевъ, любопытство можетъ усилиться до той степени, когда является потребность самому разобраться въ вопросѣ о судьбѣ нищихъ и бѣдняковъ, посмотрѣть, въ какой мѣрѣ существовало нищенство ранѣе, что оно обѣщаетъ въ будущемъ и что рекомендуется теоріей и практикой для его устраненія.

Какъ извѣстно, въ числѣ нищихъ, для которыхъ прошеніе милостыни—ремесло и вторая натура, всегда есть приблизительно отъ $^1/_6$ до $^1/_3$ лицъ, временно обнищавшихъ, по какому либо обстоятельству лишившихся работы, будетъ ли то болѣзнь, невозможность вынести тяжелый плохо оплачиваемый трудъ, или пожаръ и разстроенное хозяйство, какъ это бываетъ у крестьянъ. Помощь такимъ временнымъ бѣднякамъ лежитъ на частныхъ и правительственныхъ блатворительныхъ учрежденіяхъ. И эти временные нищіе собственно не должны бы были составлять чего нибудь не искоренимаго, если-бы не существовало двухъ золъ, которыя гонятъ ихъ на путь нищихъ профессіональныхъ. Это прежде всего то, что причины, при которыхъ возможно и легко обнищаніе рабочаго люда, еще не скоро будутъ устранены, и благотворительность не скоро встанетъ на раціональную почву. Собранныя благотворителями деньги будутъ продолжать путешествовать не по адресу и безхлѣбица, пожары, болѣзни и тяжелыя условія земледѣльческаго и фабричнаго труда будутъ выбрасывать на улицы бѣдняковъ, которыхъ удѣлъ, какъ сказано, стать нищими профессіональными. Какъ это ни грустно, но къ этому заключенію пришли опытные практики, которые говорятъ, что «пусть онъ (бѣднякъ) пронищенствуетъ годъ, другой—онъ нравственно погибъ».

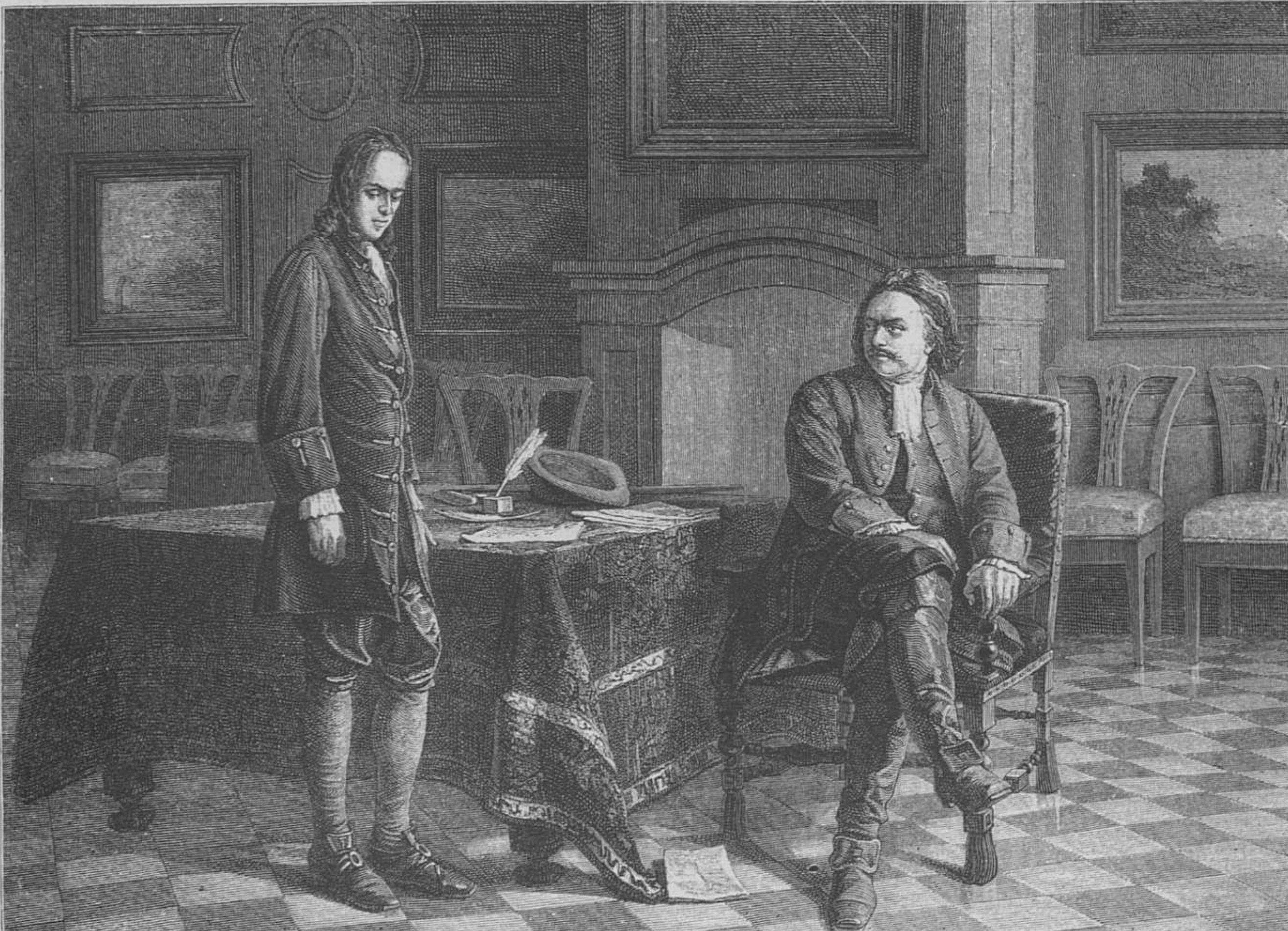
И такъ, раціональная борьба съ нищенствомъ вообще должна необходимо имѣть въ виду случайное обнищаніе, ибо оно ведетъ за собой и нищенство, какъ ремесло. Такъ что, борясь съ послѣднимъ, общество должно бороться съ первымъ. Борьба такимъ образомъ усложняется, и въ счастливый исходъ этой сложной борьбы потеряли надежду многіе законодатели, которые испытали, кажется, всѣ средства отъ учрежденія богадѣленъ до висѣлицы и видѣли все тѣ-же толпы нищихъ. Было отчего прійти въ уныніе законодательской энергіи!

Но мѣры строгости у насъ въ Россіи стали примѣняться только съ конца семнадцатаго вѣка. А что-же дѣлали съ нищими ранѣе? Бросимъ бѣглый взглядъ на памятники прошедшаго.

Опредѣляя приблизительно отношенія къ нищимъ и убогимъ простаго народа, мы увидимъ, что онъ смотрѣлъ на нищаго, какъ на своего человѣка, котораго несчастное стеченіе обстоятельствъ принудило добывать себѣ хлѣбъ прошеніемъ милостыни и чья участь можетъ во всякое время постичь и его, подателя этой милостыни. Прибавивъ къ этому убѣжденіе, что всѣ нищіе находятся подъ особымъ покровительствомъ Всевышняго, мы и найдемъ тотъ гуманный взглядъ, который, кажется, сохраняется въ народѣ и до настоящаго времени. Народъ въ своихъ пословицахъ и поговоркахъ смотритъ на нищихъ, какъ на несчастныхъ. «Кого Господь полюбитъ—нищетою взыщетъ», потому что «нищета умъ

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Съ картины профессора Н. Н. Ге.

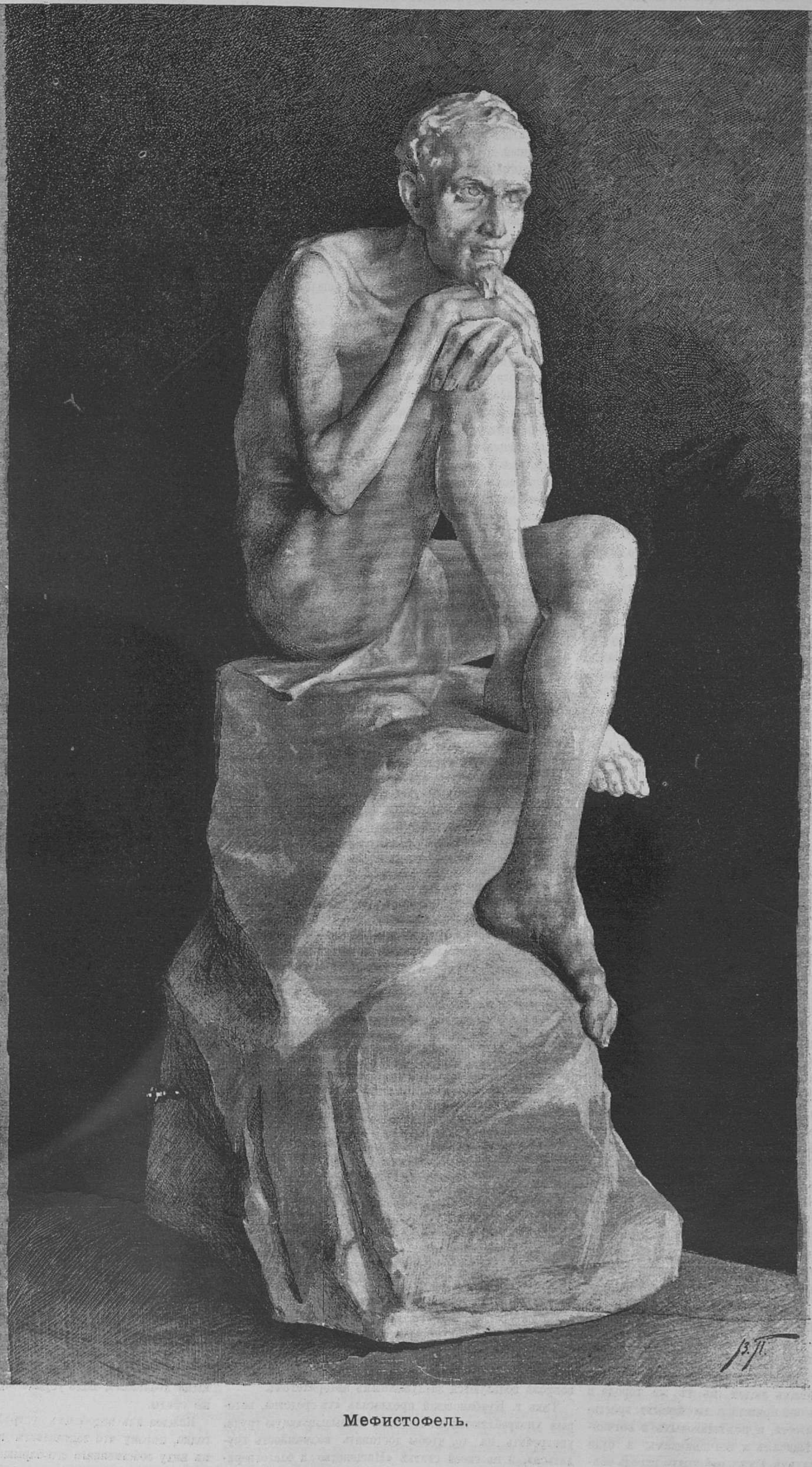


Петръ I-й и царевичъ Алексѣй.

Гравировалъ на деревѣ Панннемакеръ въ Парижѣ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Скульптура М. Антокольскаго.



Мефистофель.

спасаетъ» и притомъ «нищета спорѣе богатства». Вообще «не родомъ нищіе ведутся, а кому Богъ дастъ». Какъ тяжела нищета — это ясно видно изъ народныхъ поговорокъ: «нищему нѣтъ друга», «нищета не порокъ, а люди ея не хвалятъ», «нищета пуще смерти». Помощь нищимъ, по мнѣнію народа, лучшій путь къ спасенію: «и церквей не строй, а сиротство прикрой, да нищету пристрой». Таковы воззрѣнія народа. Обезпеченные классы видѣли въ раздачѣ милостыни исполненіе требованій религіи, при этомъ, конечно, не безъ надежды, что нѣсколько «добрыхъ дѣлъ» не будутъ безполезными для ихъ загробной карьеры. Какъ-бы то ни было, но мы видимъ громадную распространенность подаванія милостыни именно въ тѣ времена, въ которыя преобладала религія. Такъ, напримѣръ, Владиміръ (конецъ X в.) «сотвори праздникъ въ тотъ день, и убогимъ раздая имѣнье много», или «повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье» и проч. Въ поученіи Владиміра Мономаха говорится: «всего-же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите». Внукъ Владиміра Мономаха, Константинъ «не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ». Онъ тоже даетъ наставленіе дѣтямъ не забывать нищихъ. Ростиславъ (1154) и Ярославъ Галицкій роздали свои имѣнья нищимъ. Тоже дѣлало и духовенство: Феодосій Печерскій устраиваетъ при своемъ монастырѣ особый дворъ для призрѣнія нищихъ; Исаакій, Феодоръ и Евстратій Печерскіе роздали все свое имущество нищимъ передъ поступленіемъ въ монастырь. Въ XVI, XVII вв. «въ большихъ городахъ на рынкахъ каждое утро люди покупали хлѣбъ, разрѣзывали его на куски и бросали толпѣ оборванныхъ и босыхъ нищихъ». Въ XVII вѣкѣ царствующія особы кормили до 300 человѣкъ (что, вѣроятно, было и ранѣе), а въ 1678 году у патріарха кормлено было 2.500 человѣкъ.

И хотя милостыня въ большинствѣ случаевъ не выходила изъ предѣловъ копѣечныхъ подачекъ (въ 1636 г. сент. 21, царица Евдокія Лукьяновна велѣла раздать нищимъ въ Москвѣ и по дорогамъ «на милостыню рубль двѣнадцать алтынъ» и т. п.), но, благодаря кормленіямъ въ крупныхъ размѣрахъ и распространенности подаванія милостыни, нищенство росло, размножалось, образовывало мало-по-малу особое сословіе и глубоко пустило корни въ старомъ русскомъ обществѣ. Каково было положеніе этого сословія—мы можемъ видѣть, напримѣръ, изъ царскаго вопроса собору въ 1551 г., въ которомъ говорится: «милостыню и кормъ годовой, хлѣбъ и соль, и деньги и одежу по богадѣльнымъ избамъ и по всѣмъ городамъ даютъ изъ нашей казны, а христолюбцы милостыню даютъ-же», а нищіе «и мразъ, и зной, и наготу, и всякую скорбь терпятъ, не имѣютъ, гдѣ главы преклонити, по миру скитаются и въ недозорѣ умираютъ».

Знаменательный вопросъ, который, повидимому, долженъ былъ привести въ полное недоумѣніе христолюбцевъ. Но что же отвѣтилъ на это соборъ, чѣмъ разрѣшилъ общее недоумѣніе?—скитающихся нищихъ и больныхъ отсылать въ монастыри и богадѣльни. Т. е. соборъ не нашелъ нужнымъ ломать голову надъ этимъ вопросомъ и счелъ за лучшее дать совѣтъ, новизна которою даже и въ то время была весьма сомнительна, а самый вопросъ вѣжливо обошелъ—надо полагать къ общему удовольствію.

Рѣшительною мѣрою борьбы съ нищенствомъ были запрещенія просить и подавать милостыню. Строгость этихъ запрещеній была различна, но всегда заставляла предполагать въ издателяхъ указовъ твердое желаніе, во что-бы то ни стало, избавиться отъ нищихъ и бродягъ.

Древнѣйшій указъ относится къ 1691 году. Въ немъ повелѣвается нищихъ разсылать на мѣста жительства, а явившихся снова—бить кнутомъ и ссылать въ дальніе сибирскіе города. Мы приводимъ здѣсь этотъ интересный указъ...«Великіе Государи указали: извѣстно имъ Великимъ Государямъ, что на Москвѣ гулящіе люди, подвязавъ руки, также и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпые и хромые, притворнымъ лукавствомъ, просятъ на Христово имя милостыни; а по осмотру всѣ они здоровы, и тѣхъ людей имать и распрашивать, и буде которые скажутся изъ городовъ и посадовъ, посадскіе люди, а иные скажутся дворцовые и помѣщиковы крестьяне, и тѣхъ по распроснымъ рѣчамъ ссылать—посадскихъ людей въ тѣ же города и посады, изъ которыхъ они пришли, а дворцовыхъ крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщиковыхъ и вотчинниковъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ; а буде тѣ люди съ сего Великихъ Государей указу впредь объявятся на Москвѣ, въ томъ же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то притворное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе городы». Въ 1718 г. запрещеніе было повторено въ такомъ видѣ: «и ежели который впервые будетъ пойманъ, такихъ бить нещадно батожьемъ и отдавать или отсылать по прежнему указу въ прежнія ихъ мѣста». «А буде такіе въ другой или въ третій пойманы будутъ, и такихъ, бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаусъ, а ребятъ, бивъ батоги, посылать на суконный дворъ и къ прочимъ мануфактурамъ».

Въ позднѣйшихъ указахъ батожье уже не играетъ такой первенствующей исправительной роли, что все-таки не говоритъ за то, чтобы эти батоги счастливо выполнили свое назначеніе и искоренили нищество. Къ такимъ кроткимъ запрещеніямъ относится указъ 1809 года, въ которомъ велѣно: «всѣхъ нищихъ забирать, безъ всякаго имъ, впрочемъ, притѣсненія или страха, но и самаго огорченія» (Это постановленіе вошло въ Сводъ Законовъ изд. 1857 г.).

Въ духовномъ регламентѣ, изданномъ Святѣйшимъ Синодомъ по повелѣнію Петра Великаго, нищіе аттестованы, какъ бездѣльники, воры и мошенники. Этотъ регламентъ показываетъ достаточно ясно, что время, въ которое издаются подобные указы, уже свободно или, по крайней мѣрѣ, освобождается отъ тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, которыя заставляли видѣть въ нищихъ какую-то священную секту, поддерживать которую былъ обязанъ всякій, радѣющій о своемъ спасеніи. Получивъ такую аттестацію, нищіе и не могли ожидатъ особенно кроткихъ мѣръ, направленныхъ къ уменьшенію ихъ численности. Мѣры были строги, но... нищихъ не убавлялось.

Почему же клейма, кнуты и батоги не могли истребить нищенства? Такое частное рѣшеніе вопроса не представляетъ никакихъ затрудненій. Всевозможныя запрещенія подъ страхомъ всевозможныхъ наказаній не могли измѣнить того, что отнюдь не было слѣдствіемъ слишкомъ снисходительнаго настроенія законодателей.

Нищенство порождается и поддерживается не этими причинами, а, слѣдовательно, законодатель, стремившійся дѣйствовать противъ этого зла запрещеніями, дѣлалъ ошибку. Ошибка въ этомъ случаѣ кажется совершенно понятной, потому что въ XVII, XVIII вѣкахъ планъ сложной соціальной машины показывался изслѣдователямъ еще въ очень неясныхъ очертаніяхъ и трудно было бы ожидать, чтобы законодатели того времени настолько тщательно разобрали въ этой машинѣ цѣпь причинъ и слѣдствій, чтобы найти въ одномъ изъ звѣньевъ этой цѣпи—нищество, какъ ремесло. Теперь это кажется вовсе не такъ труднымъ. Въ самомъ дѣлѣ: предполагая повышеніе благосостоянія трудящихся классовъ, благопріятныя условія физическаго труда при организаціи общественной помощи, мы должны необходимо допустить уменьшеніе и даже полное исчезновеніе возможности обнищанія. Въ этомъ случаѣ штатъ нищихъ заполнится исключительно бездѣльниками. Но не уменьшится ли сильно ихъ составъ при очевидномъ громадномъ преимуществѣ труда передъ попрошайничаньемъ? Рѣшеніе этого вопроса врядъ ли допускаетъ сомнѣнія, такъ какъ что бы ни говорили, а нищенство — ремесло далеко не легкое и даже самое слово «нищій» заключаетъ уже въ себѣ понятіе столь не отрадное, что въ разговорѣ употребляется преимущественно, какъ крайняя гипербола.

Яркое доказательство нецѣлесообразности простого запрещенія, съ какою бы строгостью оно не было соединено, даетъ намъ примѣръ борьбы съ нищенствомъ французскаго правительства. Имъ издавались приказы—нищихъ и бродягъ бить кнутомъ, ссылать, налагая клейма и даже вѣшать (1350 г., 1524 г.). Приказывали сковывать нищихъ попарно и заставлять ихъ чистить сточные каналы и ямы (1534), грозили имъ вѣчными галерами (1561), не пускали въ Парижъ (1554, 1607), брили головы, ловили и запирали въ богадѣльни (1657), но «всѣмъ теперь ясно, что всѣ эти мѣры не убавляютъ числа нищихъ, что это число остается однимъ и тѣмъ же изъ года въ годъ, если только не увеличивается».

Но какую роль играетъ въ этой борьбѣ благотворительность—такъ сказать, раціональная? Ее многіе рекомендуютъ, но дѣла ея идутъ плохо.

Рекомендуютъ ее лица, которыхъ мнѣнія въ этомъ вопросѣ пользуются заслуженнымъ авторитетомъ.

Такъ г. Курбановскій предлагалъ «тѣ средства, которыя употребляются на помощь, не вызывающую труда, употребить на то, чтобы доставить возможность трудиться», и въ своей статьѣ «Нищенство и благотворительность» доказываетъ, что при энергичной и добросовѣстной дѣятельности комитетовъ возможно постепенное уменьшеніе нищихъ въ извѣстныхъ округахъ. (Примѣры изъ дѣятельности тульскаго комитета по разбору и призрѣнію нищихъ).

А. З—нымъ для уничтоженія нищенства рекомендовались: заведеніе въ церквахъ кружекъ для бѣдныхъ (въ уѣздахъ), заемные банки (безъ залога), вспомогательныя кассы, богадѣльни, сиротскіе дома, пріюты, больницы, школы.

Но такъ какъ число бѣдствующихъ и нищихъ остается изъ года въ годъ однимъ и тѣмъ же, если не увеличивается, мы въ правѣ думать, что результаты дѣятельности общественной благотворительности не велики. Чему же приписать это обстоятельство? Отсутствію энергіи и доброй воли въ благотворителяхъ или невозможности помочь горю этимъ способомъ? Мы склонны признать и то, и другое. Будь больше умѣнья и энергіи у благотворителей, — находящіеся въ наличности бѣдники не бѣдствовали бы такъ безъисходно, но и при такой энергіи— не уменьшился бы наплывъ бѣдняковъ, будущихъ нищихъ по ремеслу.

И такъ, всего хорошаго умной благотворительности. Но будемъ помнить, что злокачественную рану нельзя замазать, а нужно вылечить, уничтожая причину ея, а не послѣдствія.

А. Красовскій.

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

I.

Удачныя попытки въ области труда.

Недавняя смерть г-жи Бусико, владѣтельницы громадныхъ магазиновъ «Au bon marché» въ Парижѣ, заставила всѣхъ говорить о покойной, оставившей весьма значительныя суммы на различныя благотворительныя цѣли, на обезпеченіе лицъ, служившихъ въ ея фирмѣ, и на удовлетвореніе многихъ общественныхъ нуждъ. Но среди всѣхъ сочувственныхъ газетныхъ отзывовъ о такомъ завѣщаніи, было упомянуто лишь вскользь о своеобразной внутренней жизни торговаго дома Бусико, разрѣшившаго одну изъ настоятельнѣйшихъ современныхъ задачъ. Въ настоящее время, первоначальныя соціалистическія теоріи уже отжили свой вѣкъ; разнообразныя попытки къ образованію братскихъ фаланстеровъ потерпѣли неудачу, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ свѣтѣ, или же осуществились на совершенно искаженныхъ началахъ, какъ, напримѣръ, мормонскія общины въ сѣверной Америкѣ. Не вдаваясь въ подробности причинъ, обусловившихъ такое крушеніе смѣлыхъ надеждъ, можно сказать, что оно зависѣло, главнымъ образомъ, отъ полнаго несоотвѣствія утопій съ дѣйствительностью, отъ нежеланія соціалистовъ - реформаторовъ считаться съ самою человѣческою природою, и отъ стремленія ихъ повернуть разомъ по новому общественный бытъ, прежде нежели произошло измѣненіе въ людскихъ воззрѣніяхъ и правахъ. Многое прекрасное и завлекательное въ отвлеченной теоріи оказывалось не только неудобнымъ, но даже весьма жесткимъ и суровымъ на практикѣ; привычный общественный гнетъ смѣнялся другимъ, болѣе стѣснительнымъ по своей новизнѣ; старыя узы разрушались, а на мѣсто ихъ созидалось мало живительнаго...

Но нашлись мыслители—практики, съумѣвшіе безъ насилія и ломки осуществить завѣтную мысль объ уничтоженіи антагонизма между трудомъ и капиталомъ. Возникли мирныя учрежденія, не шедшія въ разрѣзъ съ принятымъ порядкомъ и обычаями страны, но дѣлавшія рабочаго участникомъ въ выгодахъ торговаго предпріятія. Подобныя попытки участились въ настоящее время и появляются въ трехъ главныхъ видахъ: чисто-филантропическомъ, гдѣ хозяинъ, заботясь о работающихъ на его пользу, находитъ возможнымъ награждать ихъ при удачѣ операцій, сверхъ условленной платы, и заботиться вообще о ихъ благосостояніи; второй видъ составляютъ тѣ торговыя учрежденія, въ которыхъ работникъ состоитъ признаннымъ участникомъ въ барышахъ, хотя управленіе дѣломъ остается вполнѣ въ рукахъ хозяина; наконецъ, мы видимъ трудовыя товарищества, въ которыхъ всѣ члены остаются равноправными хозяевами, подъ управленіемъ выборныхъ изъ ихъ же среды.

Каждое изъ подобныхъ устройствъ несомнѣнно выгодно, потому что заставляетъ каждаго члена работать въ виду собственнаго его барыша. Приведя ниже нѣсколько цифръ въ подтвержденіе сказаннаго, укажемъ вначалѣ на результаты, достигнутые фирмою Бусико. Магазины «Au bon marchè», занимающіе громадное зданіе, распадаются на 24 отдѣла по различнымъ родамъ торговли. Наличный составъ служащихъ въ формѣ равняется 2000 человѣкъ; изъ нихъ полторы тысячи имѣютъ тутъ-же квартиру, и всѣ безъ исключенія пользуются столомъ. Въ четырехъ обширныхъ столовыхъ могутъ обѣдать за разъ по 250 ч. На самомъ дѣлѣ, для удобства торговли, учреждены смѣны; время для завтрака назначено отъ 9 до 11 ч. утра, для обѣда отъ 6 до 8 вечера. Женскій личный составъ пользуется отдѣльными салонами для занятій рукодѣльями, музыкой, чтеніемъ, въ свободное время; мужчинамъ предоставлены тоже всѣ удобства для ихъ образованія и развлеченія: къ ея услугамъ лекціи, бесѣды лучшихъ профессоровъ, уроки фехтованія, билліардныя залы.

Всѣ служащіе участвуютъ, болѣе или менѣе, въ барышахъ фирмы и доля каждаго возрастаетъ по мѣрѣ повышенія его въ должности. Такъ какъ всѣ заинтересованы въ успѣхѣ торговли, то всѣ стараются угодить покупателямъ. Во главѣ каждаго изъ 24 отдѣловъ человѣкъ опытный, вѣрный; въ важныхъ случаяхъ, эти директора сзываются въ общій совѣтъ. Сложная организація обширнаго дѣла требуетъ совѣстливой и осмотрительной работы со стороны цѣлыхъ десятковъ кассировъ, бухгалтеровъ, контролеровъ и другихъ отвѣтственныхъ лицъ, но небрежности не замѣчается, потому что общее дѣло состоитъ личнымъ для каждаго. Такимъ образомъ, домъ Бусико подаетъ примѣръ практически-человѣколюбиваго стремленія къ слiянію труда и капитала на началахъ, представляющихъ всѣ выгоды коммунистической общины, безъ ея печальныхъ сторонъ. Успѣхъ задуманнаго дѣла доказывается тѣмъ, что г. Бусико, не имѣвшій никакого наслѣдственнаго состоянія, оставилъ нѣсколько милліоновъ франковъ по своей смерти въ 1877 г. Его вдова продолжала начатое имъ дѣло, имѣя въ 1879 г. уже 20 мил. фр. оборотнаго капитала; особый резервный фондъ, основанный въ 1876 г. и увеличиваемый ежегодными взносами изъ барышей дома, возросъ къ 1886 г. уже почти до 600 тыс. фр. Онъ служитъ для выдачи пособій лицамъ, принужденнымъ покинуть «Au bon marchè» по болѣзни или другимъ причинамъ, равно какъ семьямъ умершихъ на службѣ, при чемъ величина пособія соразмѣряется съ продолжительностью службы покойнаго и получавшимся имъ жалованьемъ. Такимъ образомъ, каждый служащій имѣетъ какъ бы свой особый счетъ, равный застрахованію на случай болѣзни и смерти. Въ настоящее время, насчитывается до 600 пенсіонеровъ фирмы.

Въ Лондонѣ устроено нѣчто подобное фирмою Кассель, Петтеръ и Галпинъ, хотя въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. но въ Гизѣ (департ. Оазы) замѣчателенъ заводъ Годэна, успѣвшаго соединить промышленныя выгоды своихъ рабочихъ съ полнымъ улучшеніемъ ихъ домашняго быта, посредствомъ устройства общиннаго жилья, въ которомъ 900 человѣкъ, съ своими семьями, могутъ найти себѣ помѣщеніе согласно со вкусами и средствами каждаго. Все зданіе обошлось въ 400 р. на наши деньги, но рабочіе могутъ пріобрѣтать мелкіе паи въ счетъ этой суммы, становясь, такимъ способомъ, собственниками зданія и живя, такъ сказать, у себя. Въ домѣ находится прекрасный театръ, на которомъ играютъ и даютъ концерты любители, тоже изъ служащихъ на заводѣ. Внутреннимъ порядкомъ дома завѣдуетъ комитетъ изъ лицъ обоего пола и, по отзыву окрестныхъ жителей, общій нравственный уровень рабочихъ, живущихъ въ фамилистерѣ Годэна, можетъ служить примѣромъ для тѣхъ, которые живутъ особнякомъ.

Относительно распредѣленія барышей установленъ слѣдующій порядокъ: на затраченный хозяиномъ капиталъ отчисляются 15 процентовъ; рабочіе получаютъ установленную плату, затѣмъ отдѣляется извѣстная сумма на содержаніе заводской администраціи и на вознагражденіе за механическія изобрѣтенія или улучшенія. Изъ остатка, одна треть поступаетъ въ запасный капиталъ, а двѣ трети дѣлятся между хозяиномъ и рабочими, согласно однажды навсегда установленной нормѣ. Прибавя къ этому ту экономію на потребленіи, которою пользуются рабочіе, покупая все оптомъ, изъ первыхъ рукъ и черезъ своихъ же выборныхъ, нельзя не признать, что трудъ оплачивается у Годэна вдесятеро дороже, чѣмъ у другихъ хозяевъ, но такая система не приноситъ ему ущерба, напротивъ того, его дѣла процвѣтаютъ и онъ не подвергнется никогда грозѣ стачекъ *).

Въ Парижѣ, одинъ малярный подрядчикъ, Леклеръ, имѣвшій до 200 рабочихъ, ввелъ у себя такую систему вознагражденія: онъ платилъ каждому рабочему по условію, бралъ извѣстную сумму за свой трудъ и за хозяйскую отвѣтственность, и затѣмъ, въ концѣ года, раздѣлялъ чистый остатокъ между всѣми участниками работъ, включая и себя самого, пропорціонально заработку каждаго. Онъ находилъ, что такой порядокъ далеко не убыточенъ и любилъ доказывать, что съ его стороны не было никакой филантропіи, а простой разсчетъ: «мнѣ выгоднѣе, говаривалъ онъ, получить сто франковъ и отдать изъ нихъ даже пятьдесятъ рабочему, нежели заработать только двадцать пять и положить ихъ цѣликомъ въ свой карманъ».

Разсчетъ не былъ ошибочнымъ, судя по тому, что Леклеръ оставилъ огромное состояніе, не смотря на то, что передалъ своимъ рабочимъ около милліона франковъ. Большую часть скопленныхъ денегъ, онъ завѣщалъ тѣмъ-же своимъ сотрудникамъ. Похороны его, по его волѣ, были крайне просты, но гробъ его проводили съ искренними слезами 600 рабочихъ, облагодѣтельствованныхъ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, истиннымъ христіаниномъ и прилагавшимъ на дѣлѣ избранный имъ девизомъ великій завѣтъ Учителя: «Возлюбите ближняго, какъ самого себя».

Фирма Леклеръ продолжаетъ существовать и по смерти ея основателя, руководясь тѣми же началами и увеличивая свое благосостояніе съ каждымъ годомъ.

Въ штатахъ Нью-Іоркъ и Массачузетсъ, бывшихъ мѣстомъ столькихъ неудачныхъ попытокъ устроить соціалистическія общины, процвѣтаютъ, однако, нѣсколько промышленныхъ предпріятій, основанныхъ на томъ же принципѣ уничтоженія антогонизма между капиталомъ и трудомъ, какъ и фирма Леклера. Такъ, одинъ литейный заводъ, основанный на паяхъ въ 1866 г., былъ пущенъ въ ходъ съ 32 рабочими; на слѣдующій годъ, число ихъ увеличилось до 75, затѣмъ, до 85 чел. Всѣхъ паевъ было 2000, по 20 фн. за каждый. Въ первый годъ, сверхъ условленной заработной платы, пайщики получили по 10% на сто дивиденда, во второмъ по 89 на сто, въ третьемъ уже по 100 на сто.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, рабочіе все же получаютъ помощь отъ хозяина, и весьма существенную, въ видѣ первоначальнаго обзаведенія и необходимыхъ затратъ при первомъ ходѣ дѣла, но встрѣчаются рабочія фирмы, основанныя чисто на артельномъ началѣ, притомъ безъ всякой матеріальной поддержки извнѣ и обязанныя своимъ процвѣтаніемъ единственно настойчивости и неутомимому труду своихъ членовъ. Такихъ рабочихъ товариществъ особенно много, въ настоящее время, въ Германіи, гдѣ онѣ возникли, преимущественно, по иниціативѣ Шульце-Делича, ревностнаго проповѣдника взаимопомощи между рабочими. Онъ основалъ, вначалѣ, одно потребительное общество для закупки рабочимъ матеріаловъ и продовольствія оптомъ, изъ первыхъ рукъ, а затѣмъ банкъ для мелкаго кредита въ Деличѣ. Впослѣдствіи, принципъ ассоціацій для взаимопомощи среди бѣдныхъ классовъ былъ расширенъ и оказался изумительно плодотворнымъ: въ 1881 г., согласно отчету Шульце-Делича, въ Германіи существовало уже 1889 кредитныхъ обществъ (національные кредитные банки), 898 обществъ для закупки рабочаго матеріала и мануфактурныхъ произведеній, равно какъ для устройства собственныхъ торговыхъ предпріятій, 600 потребительныхъ обществъ и 34 строительныя общества.

Но, помимо сказанныхъ, въ Германіи существуетъ еще множество подобныхъ-же учрежденій, основанныхъ независимо отъ Шульце-Делича, такъ что общее число всѣхъ превосходитъ 3500, при болѣе чѣмъ милліонѣ участниковъ и при собственности, стоимость которой опредѣляется въ 9½ мил. фунт. стерл. (болѣе 90 мил. р.), не считая оборотнаго капитала въ 21 мил. фунт. Не всѣ пайщики принадлежатъ къ тому сословію, о которомъ собственно пеклись иниціаторы дѣла, — чѣмъ и объясняется громадность вышеназванныхъ капиталовъ, — но общая солидарность членовъ обезпечиваетъ вполнѣ предпріятія. Именно эта взаимная отвѣтственность и взаимная выгода упрочили кредитъ сказанныхъ обществъ и помогли имъ перенести безъ потрясеній даже тѣ эпохи коммерческихъ кризисовъ, во время которыхъ не устояли многія самыя прочныя и достойныя довѣрія германскія торговыя фирмы. По разсчету Шульце-Делича, выгодами учрежденій, связанныхъ съ его именемъ, пользуются, въ томъ или другомъ видѣ, до 300,000 чел. изъ одного сельскаго населенія. Для избавленія поселянъ отъ язвы кулачества, пустившей глубокіе корни и въ Германіи, потрудился тоже много Рейффейзенъ, бывшій бургомистръ Гаммерсфельда (въ прирейнской Пруссіи), основавшій весьма удачно нѣсколько банковъ для мелкаго поземельнаго кредита. Въ банкахъ Рейффейзена пользуются кредитомъ не одни только пайщики, но каждый пайщикъ отвѣтствуетъ за всѣ обязательства всѣмъ своимъ личнымъ достояніемъ, что заставляетъ собраніе выбирать въ члены правленія лишь самыхъ достойныхъ людей, а этихъ послѣднихъ относиться неукоснительно строго къ своимъ обязанностямъ. Ссуды дѣлаются подъ личное обезпеченіе, что возможно въ небольшихъ селеніяхъ, гдѣ нравственность и достояніе каждаго извѣстны всѣмъ. Барыши не обращаются въ дивидендъ, но откладываются въ резервный фондъ, за вычетомъ законнаго процента въ пользу учредителей. Этотъ фондъ сберегается на случай особыхъ, крайнихъ нуждъ населенія. Изъ этого ясно, что названныя кредитныя учрежденія основаны съ единственною цѣлью дѣйствительно помогать бѣдному сельскому населенію и служатъ, по словамъ одного послѣдователя Раффейзена, «не только защитою селянина отъ нищеты, но и охраною его отъ увлеченій пагубными проповѣдями, тѣхъ соціалистическихъ агитаторовъ, которые хотятъ вышибать клинъ клиномъ, то есть разорить всѣхъ для спасенія-же отъ разоренія». По отзыву проф. Нассе,—одного изъ членовъ коммисіи, назначенной германскимъ правительствомъ, для разсмотрѣнія дѣйствительной пользы, приносимой сказанными банками и той степени довѣрія, которой они могутъ заслуживать,—единственная опасность для прочности этихъ учрежденій заключается въ соблазнѣ на дивидендъ со стороны участниковъ предпріятія,—чему подали уже примѣръ многія «Общества потребителей», и т. п. въ Англіи. До сего времени строгій здравый смыслъ и умѣренность нѣмецкихъ поселянъ удерживали ихъ отъ этого искушенія, но въ другихъ странахъ, самый основный принципъ взаимопомощи попирается, къ сожалѣнію, этою приманкою дивиденда. Такъ, по свидѣтельству Гольока *), члены глазговскаго общества «Wholesale» дѣлятъ свои барыши далеко не согласно началу, вложенному въ основаніе товарищества. Они (поселяне) нанимаютъ себѣ батраковъ на обычныхъ условіяхъ, устраняя ихъ вовсе отъ участія въ дивидендѣ. Рохдэльское «Мануфактурное общество» поступаетъ также, вопреки своему уставу, гласящему прямо, что «каждый участвующій въ трудѣ, участвуетъ и въ барышахъ»... Но такія частныя нарушенія основнаго принципа въ дѣлѣ еще новомъ, неупроченномъ полнымъ сочувствіемъ общества, не могутъ затмѣвать его постепенный успѣхъ. Несомнѣнно, что для полноты этого успѣха необходимы, со стороны участниковъ, извѣстная выдержка и строгое пониманіе зависимости личной пользы отъ пользы общей, но самая принадлежность членовъ къ тому или другому обществу взаимопомощи, должна вырабатывать въ нихъ здравыя убѣжденія, тѣмъ болѣе, что, въ противоположность проповѣдникамъ разрушенія, приверженцы «мирнаго соціализма» основываютъ свое ученіе на любви къ ближнему и уваженіи собственности.

С. Варевскій.

ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Въ Россіи новый годъ только что наступилъ, между тѣмъ, какъ на западѣ онъ успѣлъ состариться уже на двѣ недѣли, не принеся не только никакихъ выдающихся событій, но даже и надеждъ на разрѣшеніе того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ вся Европа провела прошлый годъ и, повидимому, обречена провести весь текущій, съ тою лишь разницею, что въ 1888 году однимъ днемъ больше,—такимъ же вѣроятно сѣренькимъ днемъ унынія, сомнѣнія и равнодушія, какъ предъидущій и послѣдующій дни. Дѣйствительно, если мы обратимся къ бѣглому обзору внутренней жизни иностранныхъ государствъ, хотя бы мелькомъ бросимъ взглядъ на нашихъ друзей и враговъ, то мы нигдѣ не увидимъ ни свѣта, ни яснаго представленія своихъ обязанностей, своего назначенія; всѣ живутъ совершенно по-русски «какъ-нибудь», въ сомнительныхъ случаяхъ подбадривая себя русскими-же словами «авось, да небось», — благо все русское такъ вошло во всеобщую моду.

Въ Германіи только и рѣчей, что про болѣзни. Боленъ престарѣлый императоръ, боленъ его сынъ, наслѣдникъ престола, боленъ и желѣзный канцлеръ, съ которымъ случилось два удара. Вся нѣмецкая печать только и толкуетъ, что про скорби; можно подумать, что больна поголовно вся Германія. Преклонныя года императора

---

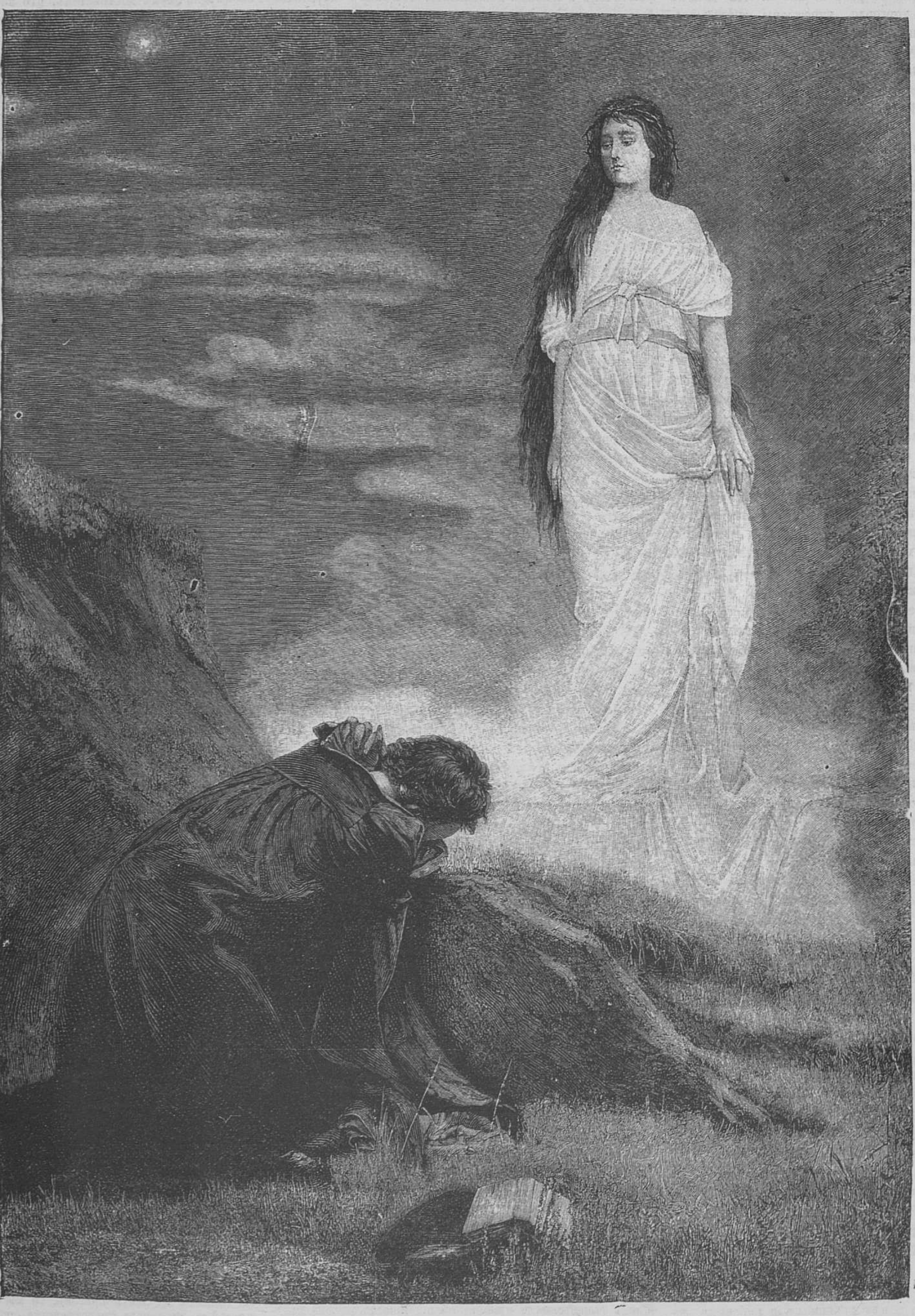
*) Заслуги г. Годэна были признаны французскимъ правительствомъ, которое наградило его недавно орденомъ Почетнаго легіона.

*) Holyoake, History of Cooperation.

Вильгельма, его уже давно расшатавшееся здоровье, какъ бы примирили и его родныхъ и его подданныхъ съ мыслью о возможности его кончины и при всякомъ извѣстіи о какомъ-либо осложненіи приходится ожидать, что отъ него не будетъ исцѣленія. Кронпринцъ, также не молодой даже не живетъ въ Пруссіи; его болѣзнь признана неизлечимою и можно только удивляться, съ какимъ терпѣніемъ больной переноситъ связанныя съ нею физическія и нравственныя страданія. Болѣзнь Бисмарка тщательно имъ опровергается, какъ-будто въ несокрушимости своего здравія канцлеръ видитъ вопросъ личнаго самолюбія или залогъ могущества своего Vaterland'a.—Что будетъ, когда на смѣну этимъ людямъ выступятъ ихъ преемники? останется-ли все по старому или перемѣнится и какъ? вотъ вопросы, которые интересуютъ не только каждаго нѣмца, но и всякаго иностранца, заинтересованнаго судьбами родины. Отвѣты на эти вопросы дать могъ бы только кудесникъ, но ихъ игра миновала и простымъ смертнымъ осталось только дѣлать предположенія. Вотъ почему появившіяся за послѣднее время въ нѣмецкихъ газетахъ статьи, содержащія въ себѣ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о молодомъ принцѣ Вильгельмѣ, внукѣ императора и князѣ Гербертѣ Бисмаркѣ, сынѣ канцлера, — представляютъ живѣйшій интересъ. Принцъ рисуется намъ предпріимчивымъ, отважнымъ, склоннымъ къ военнымъ мѣропріятіямъ для поддержанія чести Германіи; молодой князь—на страхъ врагамъ—изображается воплощеніемъ своего родителя, у котораго онъ въ настоящее время служитъ правою рукою; кромѣ того выставляется трогательная

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ БАЙРОНА.

Съ картины Г. Макса.

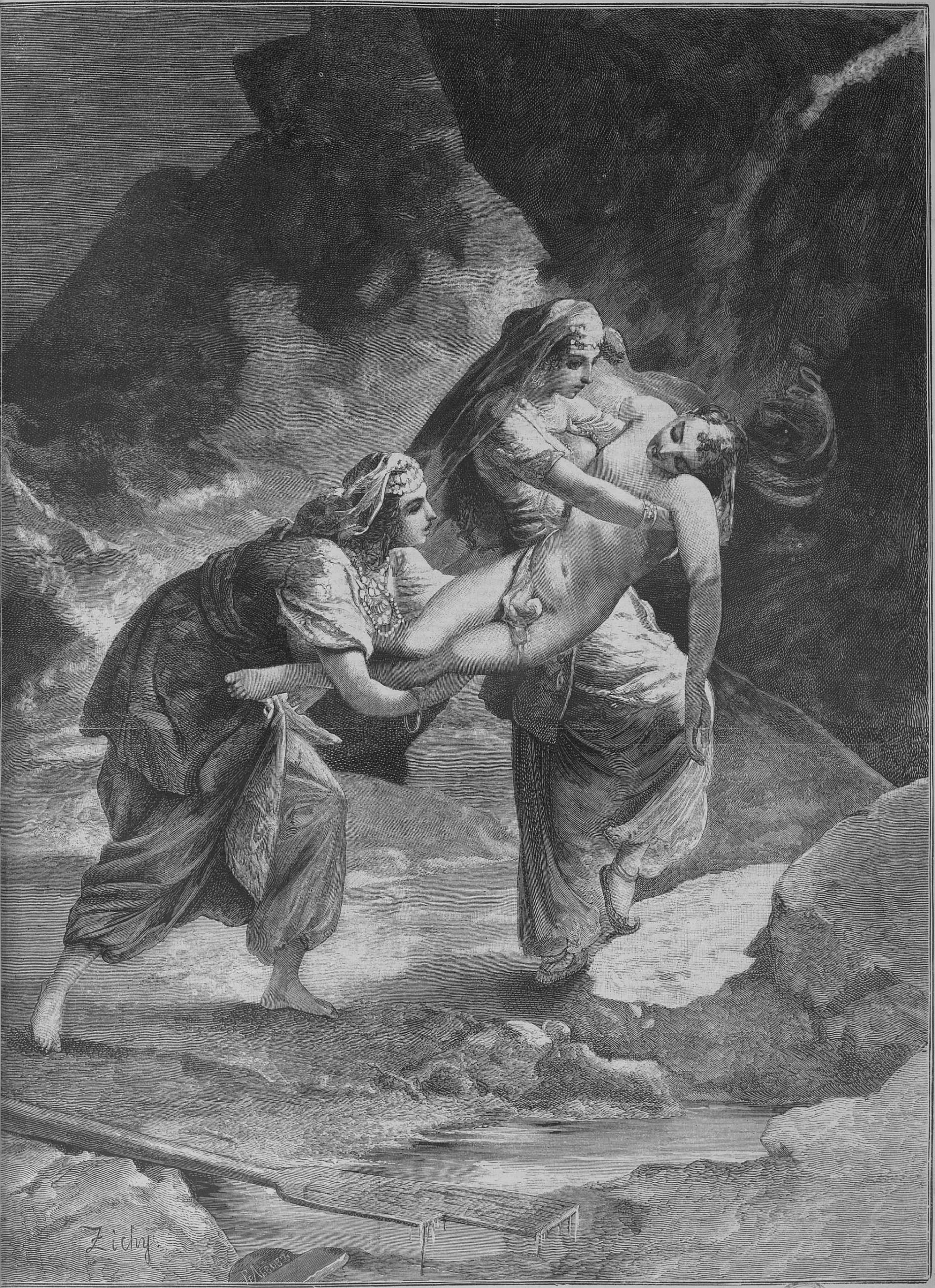


Манфредъ.

Гравировалъ на деревѣ Шлитте въ С.-Петербургѣ.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ БАЙРОНА.

Съ картины М. А. Зичи.



Донъ-Жуанъ и Гаидэ.

Гравировалъ на деревѣ А. Львовъ въ Спб.

Гос. Публичная

дружба и единомысліе между будущимъ императоромъ и будущимъ канцлеромъ. Если такъ продолжится, то черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, когда древняя исторія будетъ древнѣйшая, а наша современная — древнею—историки скажутъ, что въ концѣ XIX и началѣ XX вѣковъ въ Германіи царствовали представители двухъ династій — Гогенцоллерновъ и Бисмарковъ.

Первая наперсница Германіи Австрія, или точнѣе Австро-Венгрія, тоже не можетъ похвалиться какою-либо кипучею дѣятельностью; отъ нея впрочемъ и спрашивать нечего, такъ какъ она, подобно лунѣ, получающей свой свѣтъ отъ солнца, живетъ берлинскою жизнью, готовая помириться всѣмъ въ угоду своего господина. Даже вражда къ Россіи недостаточно сильна, чтобы пробудить энергію Австріи; недаромъ говорятъ, что если внѣшняя политика Австріи передана въ распоряженіе Германіи, то внутренняя находится въ полной власти жидовъ, которые дѣлаютъ въ новой Іудеи все, что имъ заблагоразсудится; они постепенно высасываютъ изъ страны всѣ ея жизненные соки, съ замѣчательною ловкостью и легкостью примѣняясь къ мѣстнымъ нравамъ и по внѣшности то онѣмечиваясь, то ополячиваясь, то омадьяриваясь. Для жидовъ Австрія—есть обѣтованная земля, предсказанная имъ въ Талмудѣ, въ которой живется весело, вольготно; въ ихъ рукахъ всѣ рынки; имъ служитъ послушная пресса, издающаяся на еврейскія деньги. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ Австріи еврейскій банкиръ имѣетъ больше значенія и больше власти, чѣмъ министры. Австрійскіе правительственные люди и общество любятъ выставлять на видъ «дружбу» Германіи, союзницы Австріи, такъ какъ опираясь на эту дружбу, можно безнаказанно венграмъ и нѣмцамъ притѣснять славянскія племена, а евреямъ и тѣхъ, и другихъ. Утрата части нѣмецкихъ провинцій въ 1866 г. и захватъ Босніи и Герцеговины послѣ берлинскаго трактата поставили Австрію въ такое неопредѣленное положеніе, что до сихъ поръ она не можетъ установить цѣли своего существованія. Являясь такою-же «славянскою» державою, какою еще недавно была Турція, и очень мало нѣмецкою, Австрія носитъ въ самомъ организмѣ зародыши распаденія. Коснувшись этой стороны дѣла, нельзя не отмѣтить факта, сообщеннаго въ нашихъ газетахъ, что венгерцы—наши патентованные недруги — не всѣ поголовно питаютъ къ Россіи чувства непріязни: одна только интеллигенція страны, смѣшанная изъ элементовъ мадьярскаго, польскаго и еврейскаго, не упускаетъ случая бросить камушекъ въ нашъ огородъ; простой народъ совершенно равнодушно относится къ Россіи. Изъ сказаннаго не трудно заключить, почему въ Австріи одинъ только слухъ о войнѣ вызываетъ волненія и страхи. Что будетъ съ бѣдной страной, если суждено довести споръ до открытой борьбы?

Италія, также входящая въ составъ тройственнаго союза, занята въ настоящее время двумя дѣлами: экспедиціею въ восточную Африку, до сихъ поръ чрезвычайно неудачною и требующею новыхъ затратъ и новыхъ жертвъ людьми,—и папскимъ юбилеемъ. Послѣднее событіе на время приковало къ себѣ всеобщее вниманіе. Личность Льва XIII на столько симпатична, что въ чествованіи его юбилея приняли участіе всѣ государства, кромѣ итальянскаго правительства и... Гватемалы. Римъ дѣйствительно представляетъ оригинальное явленіе города, въ которомъ живутъ два монарха, взаимно другъ другу подчиненные, непримиренные и непримиримые не столько вслѣдствіе личныхъ взглядовъ, сколько по принципу. Левъ XIII до крайности ограничилъ свои требованія, онъ готовъ удовольствоваться самою маленькою частицею «вѣчнаго» города, но подъ условіемъ признанія его на этой пяди земли полновластнымъ властелиномъ. Король Гумбертъ не хочетъ, да и не можетъ на это согласиться. Отсюда конфликтъ, разрѣшить который не можетъ даже премудрый Бисмаркъ, — Соломонъ нашихъ дней. Въ ожиданіи лучшихъ временъ, Левъ XIII собралъ въ свой юбилей множество цѣнныхъ подарковъ, адрессовъ и денежныхъ приношеній: папскій органъ распустилъ слухъ, что и король Гумбертъ хотѣлъ передать папѣ свой подарокъ, но что папа отклонилъ его принятіе; опроверженія этому слуху нигдѣ не встрѣчается.

Во Франціи «все обстоитъ благополучно», что рѣдко можно сказать про эту легкомысленную страну. Новый президентъ,—про котораго злые языки говорятъ, что его единственная заслуга заключается въ происхожденіи отъ великаго дѣда,—еще ничѣмъ не проявилъ себя, впрочемъ пора дѣйствовать еще не наступила. Франція переживала время сенатскихъ выборовъ и избраніе очередной трети состава сената повергло страну въ лихорадку избирательной агитаціи. Настоящіе выборы должны были имѣть большое значеніе, такъ какъ при чрезвычайной разъединенности палаты депутатовъ, предполагалось ея распущеніе, согласіе-же на это даетъ сенатъ. Выборы, однако, вернули въ сенатъ большинство выбывавшихъ и существенной перемѣны въ численномъ отношеніи политическихъ партій не произошло. Новое министерство еще держится, хотя оно успѣло уже замѣнить морскаго министра новымъ лицомъ; выбывшій Маги замѣненъ адмираломъ Жерве. По этому поводу невольно припоминаются нападки газетъ на адмирала Маги, за то, что онъ, тотчасъ по вступленіи въ должность, замѣнилъ новыми людьми весь высшій персоналъ служащихъ въ морскомъ министерствѣ. Теперь, вѣроятно, новый министръ опять произведетъ перемѣны. Неустойчивость министерствъ во Франціи служитъ одною изъ причинъ ея слабости; но эта слабость увеличивается еще и отъ того, что съ каждымъ новымъ министромъ являются и новые помощники, вводящіе по своей спеціальности, новыя программы дѣйствій, подчасъ совершенно противоположныя изданнымъ ихъ предшественниками. Отсюда слѣдуетъ нерадивость къ исполненію своихъ обязанностей со стороны низшихъ агентовъ и общее впечатлѣніе въ народѣ о слабости правительства. Особенно печально такая система отзывается на военномъ дѣлѣ; для устраненія зла нѣкоторыми военными былъ выставленъ проектъ образованія особой должности начальника штаба, занимаемой лицомъ, независящимъ отъ перемѣны министерствъ, стоящимъ, такъ сказать, внѣ партій и правительственныхъ кризисовъ, и теоретически разрабатывающимъ планы о государственной оборонѣ. — Парижъ не можетъ жить безъ скандаловъ и довольно крупный произошелъ въ театрѣ Château d'Or. Въ первомъ актѣ даваемой пьесы появилась аллегорическая фигура, изображавшая прессу. Съ галлерей поднялся невообразимый шумъ и въ протестующій партеръ полетѣли кирпичи, ранившіе нѣсколькихъ зрителей. Полиціи съ трудомъ удалось унять буйствующихъ; говорятъ, что эти безпорядки были одною изъ выходокъ анархистовъ. — Слабость французовъ къ всевозможнымъ знакамъ отличій и орденамъ доходитъ до высочайшей степени. Эта страсть побудила нѣсколькихъ предпріимчивыхъ людей, не особенно разборчивыхъ на средства наживы, устроить особыя агентуры для продажи иностранныхъ орденовъ; эта профессія одна изъ самыхъ прибыльныхъ. Надѣлавшее столько шума дѣло Каффареля, Лимузенъ и Вильсона служитъ подтвержденіемъ сказаннаго. Вмѣстѣ съ Вильсономъ въ этомъ дѣлѣ пострадалъ и его тесть Жюль Греви, который принужденъ былъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія отказаться отъ президентства. Чувство непріязни къ бывшему главѣ государства было настолько сильно, что на новый годъ вмѣсто обычныхъ 7,000 поздравленій у Греви было не болѣе 10 лицъ.

М. Кольцовъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мирные толки опять выступаютъ на первый планъ и опасенія грозящей войны нѣсколько утихли. «National Zeitung», высказывающая обыкновенно предположенія, очень сходныя съ предстоящими дѣйствіями германскаго правительства, говоритъ: «Со всѣхъ сторонъ подтверждается, что нарушенія всеобщаго мира не предвидится; упроченіе его на долгое время зависитъ отъ рѣшенія болгарскаго вопроса. По группировкѣ державъ и по историческому развитію дипломатическаго положенія со времени берлинскаго конгреса, починъ въ разрѣшеніи этого вопроса можетъ исходить только отъ Россіи. Если она, изъ недовѣрія—на мотивы котораго опубликованіе подложныхъ документовъ бросило рѣзкій свѣтъ—до сихъ поръ не взяла на себя почина, то это можно считать съ ея стороны за пробу довѣрія между державами и за доказательство, что наиболѣе заинтересованная въ Болгаріи держава приближается къ разрѣшенію текущихъ въ этой странѣ вопросовъ».

Комбинація пожертвовать принцемъ Кобургскимъ для возвращенія Германіи дружбы Россіи не нова; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ той-же газетѣ мы находимъ сообщеніе, что въ ближайшемъ будущемъ надо ожидать со стороны великихъ державъ принятія мѣръ къ удаленію принца Фердинанда Кобургскаго изъ Болгаріи.

Однако, теллеграммою изъ Вѣны, отъ 29 декабря, мин. года (по нашему стилю), со словъ оффиціозныхъ органовъ, опровергается слухъ о томъ, что державы ведутъ переговоры относительно способа разрѣшенія болгарскаго вопроса. Тѣмъ не менѣе въ дипломатическихъ кружкахъ считаютъ достовѣрнымъ, что германскій посолъ въ Вѣнѣ, принцъ Рейссъ, неоффиціальнымъ путемъ настаиваетъ на принятіи мѣръ противъ принца Фердинанда. Мадьярскія газеты продолжаютъ высказываться противъ какихъ бы то ни было уступокъ въ болгарскомъ вопросѣ. Въ теллеграммѣ изъ Вѣны, отъ 30 декабря, передается, что акредитованные при Вѣнскомъ дворѣ представители Англіи и Италіи раздѣляютъ мнѣніе австрійскаго правительства, что прежде чѣмъ предпринять мѣры противъ принца Фердинанда Кобургскаго, должно состояться соглашеніе между великими державами, подписавшими Берлинскій трактатъ, относительно будущаго князя Болгаріи.

Зато принцъ Кобургскій употребляетъ всѣ усилія, чтобъ удержаться на престолѣ; такъ по полученнымъ въ Константинополѣ, 29-го декабря 1887 г. свѣдѣніямъ изъ Софіи, болгарское правительство готово внести къ 1-му января 13,500 фунтовъ въ уплату двѣнадцатой доли дани и таможенныхъ сборовъ, согласно новому соглашенію. Около Турціи опять сосредоточивается центръ тяжести всей европейской политики. Относительно германскаго инцидента теллеграмма изъ Константинополя, отъ 30 мин. декабря, сообщаетъ, что шестнадцать черногорцевъ изъ банды, разбитой болгарами, укрылись на турецкой территоріи, гдѣ были арестованы турецкими властями и препровождены въ Андріанополь для преданія суду. Другая банда, вышедшая изъ Дервишъ-тепе съ намѣреніемъ перейти за границу и пробраться въ Эски-Загру, была аттакована турецкими жандармами. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія она была взята въ плѣнъ и препровождена въ Андріанополь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщенные въ лондонской газетѣ «Daily News» слухи о заключеніи союза между Турціей, Россіей, Греціей, Черногоріей и Румыніей оффиціально опровергаются. — Относительно извѣстія объ убійствѣ французскаго консула въ Джеддѣ также не сообщается никакихъ новыхъ извѣстій.—Египетъ возбуждаетъ новыя усложненія: по теллеграммѣ изъ Каира, 30-го декабря 1887 г., Мухтару-пашѣ поручено выразить хедиву неудовольствіе султана по поводу того, что египетское правительство нарушаетъ фирманы и дѣйствуетъ слишкомъ самостоятельно. Изъ Лондона же (отъ того же числа) сообщаютъ, что ожидается вооруженное вмѣшательство Англіи въ египетскія дѣла. Для Порты остается еще открытый вопросъ объ утвержденіи англо-французской конвенціи о Суэзскомъ каналѣ. Въ остальныхъ странахъ не происходитъ ничего выдающагося: въ Парижѣ, 29-го декабря, Флоке выбранъ въ президенты палаты депутатовъ 258 голосовъ изъ 351 участвовавшихъ въ баллотировкѣ. Въ Дублинѣ, 28-го декабря, ирландскій членъ парламента Тимоти Гаррингтонъ, за обнародованіе нѣкоторыхъ документовъ, относящихся до національной лиги, приговоренъ къ шестинедѣльному тюремному заключенію. Изъ Рима сообщается, отъ 30 декабря, что состояніе здоровья папы внушаетъ опасенія. У него нѣсколько разъ были обмороки. При такихъ обстоятельствахъ папа былъ вынужденъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія въ пріемѣ паломниковъ. Паломники, неудостоившіеся пріема, протестовали возгласами: «Еслибъ мы были нѣмцами, папа навѣрное бы насъ принялъ!» Изъ бѣлградской теллеграммы мы узнаемъ, что политическимъ преступникамъ Бродскаго округа, осужденнымъ во время сербско-болгарской войны за сочувствіе къ болгарамъ, дарована на Новый годъ амнистія.

Правительственныя новости.

Къ Новому году послѣдовала раздача нѣсколькихъ наградъ для высшихъ сановниковъ Имперіи: Государственный контролеръ Сольскій, Управляющій Собственною Его Императорскаго Величества Концеляріею Танѣевъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Толстой, получили орденъ Св. Владиміра 1 степени, а членъ Государственнаго Совѣта Тимашевъ—Св. Андрея Первозваннаго, Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Побѣдоносцевъ, Министръ Государственныхъ Имуществъ Островскій, Министръ Императорскаго Двора гр. Воронцовъ-Дашковъ—ордена Св. Александра Невскаго.—Министръ Финансовъ опубликовалъ общій обзоръ государственной росписи 1888 годъ. Въ роспись внесено: доходовъ:

1) Обыкновенныхъ государственныхъ 851.767,628 р. 2) Чрезвычайныхъ рессурсовъ: военное вознагражденіе 3.722,100 р. Вклады въ государственный банкъ на вѣчное время 715,000 р. Суммы, слѣдующія въ возвратъ отъ желѣныхъ дорогъ 1.000,000 р. Освободившіеся спеціальные капиталы, обращаемые въ общія средства государственнаго казначейства 2.506,910 р. Изъ суммъ, остающихся отъ реализаціи 4°|₀ внутренняго займа 1887 г. 25.780,885 р.—33.724,895 р. 3) Оборотныхъ поступленій 2.589,587 р. Всего 888.082,110 р. Расходовъ: 1) Обыкновенныхъ государственныхъ 851.242,423 р. 2) Чрезвычайныхъ расходовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 34.250,100 р. 3) Оборотныхъ расходовъ 2,589,587 р. Всего 888.082,110 р. При этомъ тайный совѣтникъ Вышнеградскій высказалъ убѣжденіе, что если дѣйствительность оправдаетъ приведенныя бюджетныя предположенія на 1888 г., на что казалось бы есть основаніе разсчитывать въ виду осторожности, съ которою они сдѣланы, и если сохранится и разовьется далѣе та спасительная бережливость въ распоряженіи государственными средствами, въ которой, во исполненіе Высочайшей воли, подъ руководствомъ Государственнаго Совѣта, соревновали между собой всѣ вѣдомства, какъ по исполненію расходовъ 1887 г., такъ и при составленіи и разсмотрѣніи смѣтъ на 1888 г., то можно надѣяться, что въ теченіи новаго года, въ который мы вступали Россія сдѣлаетъ нѣкоторое поступательное движеніе въ смыслѣ улучшенія ея финансоваго и экономическаго положенія.

Внутреннія извѣстія, земское дѣло, духовенство, школа и пр.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ возникающаго въ Петербургѣ новаго «Общества поощренія женскаго ремесленнаго образованія», имѣющаго цѣлью содѣйствовать распространенію и правильной организаціи этого образованія. Для достиженія подобной цѣли Обществу предоставляется учреждать спеціальные курсы для приготовленія учительницъ ремеслъ, открывать женскія ремесленныя школы и курсы для основательнаго обученія ремесламъ, искусствамъ и знаніямъ, полезнымъ какъ въ домашнемъ быту, такъ и могущимъ обезпечить женщинамъ самостоятельный заработокъ, устраивать при школахъ, для приданія имъ практическаго характера, мастерскія и заведенія разнаго рода; устраивать базары и выставки для продажи работъ учениць, безплатные курсы для бѣднѣйшихъ ученицъ, а также общежитія для нихъ и оказывать содѣйствіе къ удешевленію ремесленнаго образованія вообще.—Въ текущемъ году состоится всенародная перепись; на нее ассигновано 3.000,000 руб. Произведена она будетъ по хозяйствамъ и дворамъ, но не по лицамъ.—Вслѣдствіе ходатайства С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества объ отстройкѣ храма св. Владиміра въ Херсонесѣ, съ тѣмъ, чтобы освященіе его могло быть пріурочено къ предстоящему 15-го іюля 1888 г. празднованію 900-лѣтней годовщины крещенія Руси, оберъ-прокуроръ св. синода вошелъ въ государственный совѣтъ объ ассигнованіи изъ ссумъ государственнаго казначейства съ будущаго года, въ теченіе трехъ лѣтъ.

по 100 т. р. въ годъ на внутреннюю отдѣлку Херсонскаго храма.—Въ учрежденіяхъ, гдѣ хранятся денежныя суммы, предположено не допускать совмѣстнаго служенія близкихъ родственниковъ: отца съ сыномъ, дяди съ племянникомъ, дѣда съ внукомъ и т. д.—Попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа рекомендовано инспекгорамъ и учителямъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ изучать мѣстные кустарные промыслы, по программѣ, спеціально составленной; послѣ это предпологается разработка добытыхъ свѣдѣній. Въ послѣднее время многія земства пришли къ сознанію необходимости развитія въ населеніи сельскохозяйственнаго образованія и учрежденія соотвѣтствующихъ училищъ. Смоленское земство уже обратилось съ ходатайствомъ о преобразованіи мѣстнаго ремесленнаго училища въ сельскохозяйственную школу. На разсмотрѣніе воронежскаго губернскаго собранія было представлено подобное же ходатайство острогожскаго уѣзднаго земства о преобразованіи воронежскаго реальнаго училища въ сельскохозяйственную школу. Ходатайство это отклонено собраніемъ, потому что воронежское реальное училище содержится на средства не только земства, но и города Воронежа; взамѣнъ этого рѣшено открыть особую земледѣльческую школу для приготовленія хозяевъ-практиковъ, для устройства которой министерствомъ государственныхъ имуществъ, разрѣшено отвести 400 дес. казенной земли и выдать пособіе на устройство школы въ размѣрѣ до 3,000 р. Черниговская земская управа ходатайствовала объ устройствѣ сельскохозяйственной школы школы съ фермою. Министерствомъ государственныхъ имуществъ признано возможнымъ отвести для этой цѣли 500 десятинъ казенной земли въ Сосницкомъ уѣздѣ, примѣнительно къ нормальному положенію 27 декабря 1883 г. о сельскохозяйственныхъ школахъ. Бѣлевское земство (Тульской губ.) предположило, по словамъ «Моск. Вѣд.», открыть въ нынѣшнемъ году при земской управѣ сельскохозяйственный музей, цѣлью котораго будетъ содѣйствіе улучшенію сельскаго хозяйства въ уѣздѣ путемъ распространенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, культурныхъ сѣмянъ, популярныхъ произведеній сельскохозяйственной литературы, а также облегченіемъ сбыта произведеній уѣзда, для чего въ музей будутъ приниматься всѣ эти предметы отъ производителей и продавцевъ на комиссію. Въ Каширскомъ уѣздѣ (Тульской губ.), по иниціативѣ мѣстнаго общества сельскаго хозяйства, начнется обученіе ремесламъ учениковъ въ народныхъ училищахъ; на вознагражденіе учителей, наемъ мастеровъ для обученія дѣтей, пріобрѣтеніе необходимыхъ инструментовъ и матеріаловъ Общество, по словамъ «Петерб. Вѣд.», ассигновало нужную сумму изъ собственныхъ средствъ.—Херсонская губернская земская управа приступила къ устройству книжныхъ складовъ въ Херсонской губерніи при земскихъ школахъ.—На нашихъ окраинахъ дѣло образованія идетъ также впередъ довольно успѣшно: недавно открыто русско-киргизское начальное народное училище въ фортѣ Карабутахѣ, иргизскаго уѣзда, тургайской области, а въ г. Ташкентѣ, при 3-й мѣстной русско-туземной школѣ, открыты, по желанію жителей, вечерніе курсы для взрослыхъ туземцевъ.—Чрезвычайно полезное нововведеніе замѣчается въ духовныхъ семинаріяхъ, а именно, преподованіе медицины (напр. въ Кіевской, Екатеринославской и др.); такимъ образомъ наши священнослужители получатъ возможность подать въ случаѣ надобности первую помощь.—Народное образованіе въ маріупольскомъ уѣздѣ поставлено вполнѣ образцово: въ уѣздѣ имѣется 66 народныхъ училищъ, ихъ посѣщаетъ 6,000 учениковъ; въ школахъ мальчики обучаются также и церковному пѣнію. Учителей въ уѣздѣ 112; они получаютъ кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія отъ 250 до 320 р. въ годъ; прослужившіе болѣе десяти лѣтъ получаютъ 400 рублей. На народное образованіе земство тратитъ болѣе 42,000 рублей.—По словамъ «Ниж. Губ. Вѣд.» на разсмотрѣніе государственнаго совѣта въ текущую сессію поступилъ проектъ объ измѣненіи существующаго порядка опредѣленія на должность мировыхъ судей. Дѣло въ томъ, что выработаннымъ состоявшею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіею по вопросу о реформѣ мѣстныхъ учрежденій проектомъ первоначально предполагалось въ губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, упразднить должности мировыхъ судей съ возложеніемъ функцій послѣднихъ на земскихъ начальниковъ, съ тѣмъ, чтобы съѣзды послѣднихъ замѣняли бы собою мировые съѣзды. При дальнѣйшей однако разработкѣ проекта мѣстной реформы найдено невозможнымъ возложить на земскихъ начальниковъ, при разнообразныхъ и сложныхъ обязанностяхъ чисто административнаго свойства, и функціи мировыхъ судей; отправленіе правосудія въ уѣздахъ, селахъ и деревняхъ составляетъ столь важную отрасль, что при предоставленіи судебной власти представителямъ администраціи оказывается невозможнымъ, при добросовѣстномъ отправленіи судебныхъ функцій, не негликировать административными обязанностями и наоборотъ. Поэтому мысль сосредоточить административную и судебную власть была оставлена и нынѣ взамѣнъ этого проектируется въ уѣздахъ тѣхъ губерній, гдѣ введены земскія учрежденія, уничтожить выборное начало для мировыхъ судей съ предоставленіемъ министру юстиціи права назначать на должности мировыхъ судей лицъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ образовательнаго ценза, т. е. изъ окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ въ университетахъ и въ другихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ кандидатовъ, изъявляющихъ желаніе занять должности участковыхъ мировыхъ судей, проектируется отдавать предпочтеніе землевладѣльцамъ, знакомымъ съ правами и обычаями данной мѣстности, причемъ до окончательнаго утвержденія на должность мироваго судьи, министръ юстиціи войдетъ каждый разъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и только при неимѣніи препятствій со стороны послѣдняго, утвержденіе въ должности состоится. Отмѣна выборнаго начала для мировыхъ судей въ уѣздахъ, мотивируется необходимостью предоставить судьямъ большую независимость и самостоятельность при отправленіи правосудія.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Третье изданіе подъ редакціей *П. Н. Полеваго*. (Изд. Н. В. Гербеля). С.-Петербургъ 1888 г. Цѣна 3 руб.—Эта книга пользуется вполнѣ заслуженною хорошею репутаціею. Новое ея изданіе сдѣлано подъ редакціей П. Н. Полеваго. Нѣкоторыя вещи, совсѣмъ не нужныя и не имѣющія ничего общаго съ поэзіей, какъ «Ей, Карлуша, не робѣй», теперь выкинуты; за то книга пополнена многими новыми біографіями и поэтическими произведеніями. Изъ новѣйшихъ поэтовъ мы встрѣчаемъ здѣсь С. А. Андреевскаго, С. Я. Надсона, С. Г. Фруга и т. д.

Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Изд. редакціи журнала «**Родникъ**». 1888 г. С. Петербургъ.—Сборникъ изданъ прекрасно и со вкусомъ. Рисунки въ формѣ виньетокъ и заставокъ М. Т. Михайлова исполнены художественно. Выборъ стихотвореній по большей части сдѣланъ недурно, но тѣмъ не менѣе, далеко не безукоризненно. Укажемъ на «Первоцвѣтъ» Н. Н. Семенова, стихотвореніе переведенное изъ Мицкевича. Тутъ есть и «жавронокъ», вмѣсто «жаворонокъ», и «златистый» вмѣсто «золотистый», и «сгубитъ» вмѣсто «сгубятъ», и полная неизвѣстность для читателя, кого сгубятъ зубокъ инея и жемчужина холодной росы. Выбирать для дѣтей стихи нужно очень осмотрительно, такъ какъ у насъ и безъ того наплодилось много неряшливыхъ стихотворцевъ, для которыхъ законы русскаго языка и его грамматики, не писаны. Отъ этого надо отучать дѣтей, а не давать имъ за образцы подобныхъ произведеній. Но оговариваемся, такихъ стихотвореній въ «Сборникѣ» немного.

Промышленность, технологія и торговля.

За послѣднее время русскими ремесленниками, нуждающимися для своихъ работъ въ цѣнныхъ породахъ дерева (орѣхъ, пальма и др.) ощущается, по словамъ «Моск. Вѣд.», недостатокъ въ матеріалѣ — результатъ хищнической эксплоатаціи кавказскихъ лѣсовъ. Англичане и французы, истощивъ пальмовые и орѣховые лѣса Анатоліи, Малой Азіи и частью Греціи, обратились къ лѣсамъ Кавказа и Персіи. Поставщики цѣнныхъ сортовъ дерева заграницу, Эвонъ Селлерсъ и Гарнеръ, скупая по самымъ дешевымъ цѣнамъ, на Кавказѣ, лѣсные участки, изобилующіе цѣнными деревами и вырубая ихъ, отправляютъ все заграницу, оставляя для Россіи только бракъ.—Въ Экспедиціи для заготовленія государственныхъ бумагъ производятся опыты надъ новой вексельной и актовой бумагой, имѣющей передъ старой то преимущество, что въ ней помѣщены невидимые для глаза знаки, выступающіе наружу при малѣйшей попыткѣ вытравить или подчистить текстъ бумаги.—Представитель бельгійскаго общества по устройству электрическихъ желѣзныхъ дорогъ г. Ванъ-Горнъ, предлагаетъ устроить въ С.-Петербургѣ, между городомъ и его окрестностями, сѣть электрической желѣзной дороги.—Въ настоящее время въ берлинскихъ военныхъ кружкахъ интересуются опытами ночной сигнализаціи съ воздушныхъ шаровъ при посредствѣ вспышекъ магніевой смѣси, причемъ честь примѣненія этого способа приписывается Мите. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что въ данномъ случаѣ право на пріоритетъ принадлежитъ инженеръ-полковнику Н. А. Козлову, который еще въ октябрѣ предложилъ не только указываемый способъ сигнализаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ночное фотографированіе мѣстности съ воздушнаго шара при посредствѣ дистанціонныхъ магніевыхъ гранатъ. Нынѣ г. Козловъ настолько усовершенствовалъ свой способъ, что является возможность въ весьма короткое время получать значительное количество копій желаемаго масштаба съ только что проявленнаго негатива снимка мѣстности, полученнаго съ воздушнаго шара или другими способами.—По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, филоксера во Франціи уничтожила болѣе 500 тыс. гектаровъ виноградниковъ. Сборъ винограда уменьшился въ прошломъ году на 3 съ полов. мил. гектолитровъ противъ позапрошлаго года.—Французское министерство торговли заявило парижской академіи наукъ, что оно назначаетъ 50 тыс. франковъ награды тому, кто откроетъ простой и примѣнимый аппаратъ, который позволялъ-бы распознавать фальсификацію винъ и спиртныхъ напитковъ, и академіи предлагается устроить конкурсъ на это изобрѣтеніе.—Инженеръ Риттеръ предложилъ парижскому городскому совѣту провести водопроводъ изъ Швейцаріи въ Парижъ. Столица Франціи, страдающая отъ недостатка водоснабженія, могла-бы по этому плану пользоваться хорошей водой изъ неисчерпаемаго источника, изъ Нейденбургскаго озера. Этотъ-же инженеръ уже устроилъ единственный въ своемъ родѣ водопроводъ въ Ла-Шо-де-Фонъ, городѣ, лежащемъ на Юрѣ, на 1,000 метр. надъ поверхностью моря. Водопроводъ въ Парижъ долженъ обойтись въ 300 милліоновъ франковъ. — Король Бельгіи назначилъ международную премію въ 25 тыс. франк. за трудъ, въ которомъ будетъ доказано, какимъ образомъ можно дешево и обильно снабжать хорошей водой большіе города вообще и Брюссель въ частности, причемъ требуется обратить вниманіе на возможное возрастаніе числа жителей. Конкурсъ состоится въ 1893 году.—Телефонъ въ Англіи получилъ любопытное примѣненіе. Во избѣжаніе передачи заразы отъ больныхъ при посѣщеніи ихъ въ госпиталяхъ родными, въ лондонскихъ больницахъ изголовье каждаго больнаго снабжено аппаратомъ, посредствомъ котораго посѣтители извнѣ переговариваются съ больными.—До настоящаго времени изобрѣтеніе нашихъ спичекъ ошибочно приписывается вюртембергцу Каммеру, умершему въ 1857 г. Между тѣмъ, какъ это изобрѣтеніе чисто французское и принадлежитъ Карлу Соріа; его заслуга была признана лишь въ минувшемъ году, по прошествіи пятидесяти лѣтъ послѣ самаго изобрѣтенія. Въ древности, для добыванія огня, употреблялись самые наивные способы, потомъ съ седьмаго вѣка вошли въ употребленіе кремень и трутъ; затѣмъ пошли разныя усовершенствованія, до тѣхъ поръ пока Соріа, въ 1831 г., не додумался до состава, при которомъ для воспламенія достаточно одного непродолжительнаго тренія; ему-же французы приписываютъ и изобрѣтеніе такъ называемыхъ шведскихъ (безопасныхъ) спичекъ.

Книжное дѣло, музыка, живопись и пр.

Русскіе писатели въ большомъ фаворѣ у иностранцевъ и даже у американцевъ. Въ Бостонѣ, именуемомъ американскими Аѳинами, руссоманія развилась съ распространеніемъ здѣсь сочиненій Тургенева, Льва Толстого, Достоевскаго и другихъ русскихъ писателей, слава о которыхъ занесена была къ нимъ изъ Парижа. Бостонцы сразу были очарованы русской школой писателей и весьма скоро сообразили, какъ много должны терять въ переводѣ эти произведенія и стали понемногу изучать русскій языкъ. Прошлой весной въ публичной библіотекѣ Бостона были уже сотни русскихъ книгъ въ оригиналѣ, которыя разбирались нарасхватъ; а теперь въ Бостонѣ открываются классы русскаго языка и словесности для дѣвицъ. Впрочемъ, какъ мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, переводы сочиненій Гоголя и Тургенева дали покуда убытокъ издателю.—Въ Москвѣ напечатана тринадцатая часть сочиненій графа Л. Н. Толстого. Въ ней помѣщено разсужденіе графа: «О жизни».—Въ 1888 году въ Прибалтійскомъ краѣ будутъ выходить на эстонскомъ языкѣ 15 повременныхъ изданій, подписная цѣна на которыя такъ низка, что всѣ они вмѣстѣ стоятъ 38 р. въ годъ. По мнѣнію самой эстонской печати, такое количество слишкомъ велико для народа въ 800 т. душъ.—По случаю столѣтняго юбилея извѣстной нѣмецкой издательской фирмы Котта приведено въ извѣстность, что Гете получилъ отъ нея 401.090 мар. гонорара, а наслѣдники великаго поэта—464,474 мар., всего 865,564 марки.—Сынъ Поганини печатаетъ неизданныя произведенія своего знаменитаго отца.—1 января исполнилось столѣтіе изданія одной изъ наиболѣе распространенныхъ англійскихъ газетъ «Times». Она вышла № 32,271, редактированная Джорджомъ Бэкломъ (пятымъ со времени основанія газеты). Первый номеръ «Times» представляетъ библіографическую рѣдкость; онъ такого же формата, какъ и нынѣшній, но только въ одинъ листъ. «Times» имѣетъ до 50,000 подписчиковъ. Администрація газеты доведена до совершенства: отъ 10 час. вечера до 12 час. ночи редактируется и составляется номеръ; до 2 часовъ ночи пишутся статьи; до 4 набираются, до 6 утра печатаются, а въ 9 часовъ утра новый номеръ «Times» продается уже въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ.—Послѣднею новинкою въ Петебургѣ на сценѣ Александринскаго театра была драма В. П. Буренина «Смерть Агрипины». Драма написана хорошими стихами, скомпанована съ знаніемъ сцены и авторъ имѣлъ успѣхъ, такъ какъ на первомъ представленіи вызовы начались съ третьяго акта. Поставлена пьеса въ отношеніи декорацій и костюмовъ прекрасно. Разыграна она была старательно, но и только: г-жа Жулева нисколько не подходитъ къ роли Агриппинны, г-жа Дюжикова не олицетворяетъ обольстительной Поппеи, а г-нъ Сазоновъ не имѣетъ въ себѣ ничего, чтобы заставило вообразить его Нерономъ. Тѣмъ не менѣе стараніе артистами было приложено и драма вѣроятно продержится на сценѣ: публикѣ давно надоѣли пошлые водевильчики гг. Крыловыхъ и компаніи.—Въ прошломъ году въ с-петербургскомъ Александринскомъ театрѣ были поставлены слѣдующія 24 новыхъ драматическихъ произведенія, выдержавшія 144 представленія «Эгмонтъ», тр. 5 д., Гете—4, «Вторая молодость» 4 д., Невѣжина—17, «За Волгой», 5 д., Северина и Свободина—6, «Пролитой воды не воротишь», 4 д., Трофимова—6. «Разладъ», 4 д., Крылова—9, «Смерть Агриппины», 5 д., Буренина—1, «Виндзорскія проказницы», 5 д., Шекспира—1, «Козырь», 4 д., Тиханова—6, «На зыбкой почвѣ», 4 д., Невѣжина — 4, «Соловушка», 3 д., Шпажинскаго—10, «Счастливецъ», 4 д., Нем.-Данченко—5, «Тайна», 4 д., Баташева—4, «Фаустина», 3 д., гр. Ржевусскаго—4, «Выше толпы», 2 д., Голохвастовой—12, «Восторженная натура», 1 д.—1, «Генеральное сраженіе», 1 д., Лѣсницкой—1, «Не шали съ огнемъ». 1 д., Аверкіева—5, «На военномъ положеніи», 1 д., Трофимова—10, «Прощай мечты», 1 д., Трофимова—10, «Послѣ разлуки», 1 д., Тиханова—5, «Перламутровый вѣеръ», 1 д., кн. Волконскаго—3, «Секретное предписаніе», 1 д., В. Александрова—2, «Трехцвѣтная фіалка», 1 д., Гнѣдича—2, «Въ потемкахъ», 1 д., Бабина—7.—Султанъ рѣшилъ закрыть турецкій театръ въ Константинополѣ, приписывая его вліянію упадокъ нравовъ мусульманъ. Въ Аѳинахъ Коклэнъ старшій съ своей труппой потерпѣлъ фіаско. Ему пришлось играть почти при пустой залѣ. Въ Антверпенѣ ночью сгорѣлъ до тла театръ Альгамбра. Къ счастью, никого не было въ театрѣ, кромѣ швейцара съ дѣтьми, которые успѣли спастись. Въ Больтонѣ (въ Англіи) королевскій театръ сгорѣлъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, несчастій съ людьми не было. Совершенной противоположностью съ извѣстіями послѣдняго времени о театральныхъ пожарахъ является слѣдующій казусъ, случившійся съ парижскимъ театромъ «Beaumarchais». Этотъ театръ закрытъ уже три мѣсяца. Въ немъ лопнули водопроводныя трубы и вода залила зрительный залъ. Вода поднялась до ложъ. Появленіе потока на улицѣ обнаружило порчу трубъ. Пожарные могли только на лодкѣ добраться до сцены. Довольно любопытный вопросъ рѣшенъ надняхъ французскимъ судомъ въ Э-ла-Шапель. Директоръ театра въ этомъ городѣ, недовольный рецензіями одного журналиста, распорядился не пускать его въ театръ, не взирая ни на какой билетъ. Рецензентъ привлекъ директора къ суду, предъявивъ искъ объ убыткахъ, нанесенныхъ ему запрещеніемъ. И судъ не только приговорилъ обвиняемаго къ уплатѣ убытковъ, но и рѣшилъ вообще, что директоръ не имѣлъ права своевольно воспрещать входъ въ свой театръ. Въ Варшавѣ, на средства гр. Платера устраивается музыкальная выставка, которая будетъ состоять изъ четырехъ отдѣловъ: 1) музыкальные инструменты съ древнихъ временъ до послѣднихъ усовершенствованій; 2) ноты напечатанныя и манускрипты; 3) портреты композиторовъ, фотографіи артистовъ, копіи, планы, снимки съ новѣйшихъ музыкальныхъ инструментовъ и т. д.; 4) концерты и артистическіе конкурсы.

Медицина, заболѣванія, эпидеміи и проч.

Въ послѣднемъ засѣданіи петербургскаго медицинскаго общества проф. Пель сдѣлалъ докладъ о произведенныхъ имъ химическихъ и бактеріологическихъ изслѣдованіяхъ водъ средне-азіятскихъ рѣкъ: Аму-Дарьи, Зеравшана и Мургаба. Съ этою цѣлію докладчикъ выслалъ на мѣсто составленную питательную среду, въ которой привитые д-ромъ Гейфельдеромъ микроорганизмы доставлены были въ удовлетворительномъ для изслѣдованія состояніи, несмотря на столь далекій путь. Полученные результаты сводятся къ слѣдующему: вода Аму-Дарьи, близь Чарджуя, жесткая и не представляетъ вредныхъ для здоровья свойствъ; ничтожное содержаніе въ ней органическихъ веществъ и почти полное отсутствіе продуктовъ разложенія говорятъ за ея пригодность для питья; при бактеріологическомъ изслѣдованіи низшихъ формъ не найдено, мало того, вода этой рѣки мало способна къ поддержанію жизни микроорганизмовъ. Вода Зеравшана, несмотря на застой ея въ водовмѣстилищахъ, содержитъ сравнительно мало продуктовъ разложенія, что объясняется большимъ содержаніемъ солей, ибо р. Зеравшанъ протекаетъ по мѣстности, гдѣ встрѣчаются мѣсторожденія гипса, самородной сѣры. Въ бактеріологическомъ отношеніи эта рѣка обладаетъ значительною способностью поддерживать жизнь микроорганизмовъ. Вода Мургаба изъ Мерва отличается большимъ содержаніемъ солей и горькимъ вкусомъ, что должно отзываться раздражающимъ образомъ на кишечникъ, высокая окисляемость благопріятствуетъ развитію микроорганизмовъ. Благодаря проведенію Закаспійской желѣзной дороги, нужно думать, что сообщеніе съ западными частями Россіи приметъ большіе размѣры; населеніе въ Суранамѣ быстро увеличится, возникнутъ торговые и промышленные центры, поэтому небезъинтересно раньше познакомиться со свойствами мѣстныхъ водъ, въ санитарномъ отношеніи Аму-Дарья вполнѣ доброкачественна, но для улучшенія свойствъ воды Зеравшана и Мургаба всегда можно обсудить мѣры заранѣе.—Въ Черногоріи открылся страшный голодъ, требующій самой настоятельной помощи для несчастной страны. По свѣдѣніямъ вѣнской «Politische Correspondenz» около 30,000 душъ лишены всякихъ средствъ къ существованію. Вышедшее изъ Одессы съ грузомъ хлѣба судно еще не пришло. Въ виду размѣровъ бѣдствія, принимаемыя правительствомъ и населеніемъ мѣры вспомоществованія оказываются недостаточными. Вѣроятно, отзывчивое на все хорошее, русское общество не оставитъ безъ вниманія и помощи страдающихъ одноплеменниковъ. Несомнѣнно скоро раздастся приглашеніе нашего Славянскаго Общества къ посильнымъ приношеніямъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Водосвятіе въ день Богоявленія въ деревнѣ.

Богоявленіе — праздникъ въ воспоминаніе крещенія Іисуса Христа, справляющійся 6 января соединяется у насъ съ водоосвященіемъ. Этотъ обрядъ исполняется какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, но, конечно, не вездѣ съ одинаковой церемоніей. Іордань, крестильница, бесѣдка на рѣкѣ для водоосвященья въ этотъ день замѣняются иногда на скоро сдѣланнымъ помостомъ, а иногда и просто прорубью. Наканунѣ этого дня въ крещенскій сочельникъ ставятъ на дверяхъ и окнахъ мѣловые кресты, ограждаясь ими отъ духа тьмы. Вообще шумно проведенные рождественскіе праздники съ ряжеными, съ плящущими, съ пьяными невольно въ концѣ концовъ приводятъ народъ къ мысли, что это «тѣшутъ бѣсовъ» и отъ этихъ-то бѣсовъ нужно оградиться наканунѣ крещенья крестами, а въ день крещенья купаньемъ въ освященной водѣ. Это купанье теперь встрѣчается все рѣже и рѣже, но въ нѣкоторыхъ деревняхъ все еще не вывелось. У мордвы въ этотъ день подмѣчается особый обычай: черезъ мордовское село порой трудно проѣхать въ Крещенье, такъ какъ всѣ катаются, запрягая по очередно всѣхъ своихъ лошадей, чтобы шайтанъ на нихъ не ѣздилъ. Въ народѣ сохранилась даже поговорка: «разъѣздился, какъ мордва на Богоявленье». Несмотря на то, что наканунѣ Крещенья стараются оградить себя отъ злого духа, любопытство одерживаетъ верхъ и въ этотъ вечеръ и въ ночь происходятъ гаданья. Въ богоявленскую ночь передъ утреней, по народному повѣрью, небо открывается, а о чемъ открытому небу помолишься, то сбудется. Повѣрій, соединенныхъ съ этимъ днемъ много. «Если прорубь на Іордани полна—будетъ большой розливъ», «Если собаки много лаютъ—будетъ много звѣря и дичи», «Если день на Крещенье теплый—хлѣбъ будетъ темный, т. е. густой», «Звѣздистая ночь—урожай на горохъ и ягоды». Съ этого дня для народа начинается поворотъ отъ зимы къ лѣту; «трещи, не трещи, говорятъ люди про морозъ, а минули водокрещи», «дуй, не дуй, говорятъ про вѣтеръ, не къ Рождеству пошло, къ Великодню».

Смерть Агриппины.

Безстыдный, развратный, разлагающійся Римъ временъ Нерона, когда уже начиналась проповѣдь новыхъ высокихъ истинъ христіанства и когда еще за проповѣдь этихъ истинъ люди погибали на крестахъ, подъ когтями дикихъ звѣрей, на кострахъ, — этотъ Римъ создалъ не мало такихъ женскихъ типовъ, передъ которыми останавливаешься съ невольнымъ ужасомъ или отвращеніемъ. Довольно назвать Мессалину, Агриппину, Поппею. Одна изъ этихъ женщинъ Агриппина обрисована у насъ въ настоящее время въ драмѣ г. Буренина «Смерть Агриппины». Здѣсь не мѣсто передавать исторію этой женщины, воспитавшей Нерона, этого достойнаго своей матери сына. Неронъ, какъ извѣстно, по совѣту начальника флота, рѣшился отдѣлаться отъ своей матери тѣмъ, что ее должны были утопить. Для этой цѣли ее отправили ночью на большомъ разукрашенномъ суднѣ. Съ ней ѣхали ея приближенные Креперей Галлъ и Ацерронія. Когда послышался трескъ подламывавшагося судна, Креперей Галлъ былъ раздавленъ, а Ацерронія бросилась въ воду и крикнула о спасеніи, говоря, что она-то и есть Агриппина. Этотъ крикъ послужилъ къ ея гибели и къ спасенію Агриппины на этотъ разъ. Ацерронію убили въ водѣ сопровождавшіе Агриппину люди, а сама Агриппина благополучно добралась до берега, такъ какъ судно не пошло ко дну. Именно этотъ моментъ изобразилъ на своей картинѣ Густавъ Вертгеймеръ, еще довольно молодой вѣнскій художникъ. Его картина колоссальныхъ размѣровъ и обличаетъ большой талантъ въ композиціи и въ колоритѣ. Тѣмъ не менѣе Вертгеймера, какъ и г. Буренина за его драму, упрекали за нѣкоторыя отступленія отъ разсказа Тацита, хотя эти упреки нѣсколько странны и не имѣютъ серьезнаго значенія. Кромѣ этой картины Густавъ Вертгеймеръ извѣстенъ картинами: «Царь Сіонскій», «Дикая охота», «Ураганъ» и т. д. Изъ картинъ укажемъ на его «Венеру», напоминающую нѣсколько картины Габріеля Макса.

Императорскій Эрмитажъ.

Русская школа живописи въ Императорскомъ Эрмитажѣ — самая слабая его сторона, не по достоинству ея произведеній, но по ихъ численности. Ей посвящены только двѣ залы и въ этихъ залахъ любитель искусства не досчитается массы крупныхъ именъ русскихъ художниковъ или найдетъ не болѣе одного произведенія того или другаго художника. Такъ изъ произведеній гг. Маковскихъ мы видимъ только «Русалокъ» К. Е. Маковскаго, произведеніе далеко не изъ лучшихъ его картинъ; Н. И. Крамской здѣсь отсутствуетъ совсѣмъ; В. И. Якобія тоже нѣтъ; В. В. Верещагина тоже и т. д. Н. Н. Ге фигурируетъ здѣсь только однимъ своимъ произведеніемъ: «Царевичъ Алексѣй передъ Петромъ I-мъ». Это картина небольшихъ размѣровъ, но глубоко продуманная и полная внутренняго драматизма. Несчастный поборникъ старой партіи царевичъ Алексѣй, лишенный энергіи и того ума, которыми отличался Петръ Великій, стоитъ передъ своимъ отцомъ смотря куда-то въ сторону, понуро, въ смущеніи. Петръ сидитъ въ креслѣ и немного черезъ плечо смотритъ на сына. Въ его лицѣ выражается не столько гнѣвъ, сколько презрѣніе къ слабохарактерному сыну. Вы чувствуете, что этотъ допросъ кончится чѣмъ-то недобрымъ, что и случилось въ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, и эта картина, какъ и большинство картинъ русской школы, повѣшена не особенно удачно и потому плохо освѣщена. Авторъ картины, профессоръ Н. Н. Ге, получилъ художественное образованіе въ петербургской Академіи Художествъ. Изъ его картинъ наиболѣе извѣстна «Тайная вечеря», находящаяся въ Академіи. Его «Воскресеніе Христа» на выставку не было поставлено. Гораздо полнѣе русскаго живописнаго отдѣла русскій скульптурный отдѣлъ Эрмитажа и въ этомъ отдѣлѣ преобладаютъ произведенія г. Антокольскаго. Маркъ Антокольскій сравнительно еще молодой скульпторъ: онъ родился въ еврейской семьѣ въ Вильнѣ, въ 1842 г. Учился онъ въ петербургской Академіи Художествъ и первыя его произведенія—скульптура на деревѣ и на кости—обратили уже на него вниманіе. «Портной еврей» изъ дерева и «Выдающій деньги скряга» изъ кости были положительно выдающимися произведеніями. Потомъ г. Антокольскій перебрался въ Парижъ и создалъ массу произведеній, изготовленныхъ изъ мрамора въ Римѣ. Всѣ они отличаются реализмомъ и правдою, иногда доходящей до рѣзкости и жесткости. Въ Эрмитажѣ мы встрѣчаемъ его «Умирающаго Сократа», «Ивана Грознаго», «Христа передъ народомъ», «Мефистофеля», копію съ котораго мы даемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Эта сухощавая, длинная фигура человѣка съ тонкими поджатыми губами, съ пристальнымъ взглядомъ, своеобразно скорчившаяся на вершинѣ скалы, производитъ тяжелое впечатлѣніе духа злобы, обдумывающаго холодно недоброе дѣло и въ тоже время презирающаго всѣхъ и все. Статуя сдѣлана изъ чистаго бѣлаго мрамора и очень удачно помѣщена по серединѣ залы, такъ что посѣтитель можетъ видѣть ее со всѣхъ сторонъ, что для статуй очень важно.

Донъ-Жуанъ.

Во второй пѣснѣ этой неоконченной, но самой крупной по значенію поэмы лорда Байрона, ея герой терпитъ кораблекрушеніе. Буря, гибель корабля, смерть всѣхъ бывшихъ на кораблѣ, обморокъ съ Донъ-Жуаномъ, все это рядъ картинъ, предшествующихъ той сценѣ, которую иллюстрируетъ М. А. Зичи. Донъ-Жуанъ очнулся на берегу и увидалъ, что около него хлопочетъ, приводя его въ чувство, прелестная дѣвушка лѣтъ семнадцати, сопровождаемая другой дѣвушкой немного постарше. Юная красавица была Гаиде, дочь прибрежнаго жителя, занимавшагося не столько рыбной ловлей, сколько пиратствомъ. Спутница Гаиде была ея прислужницей. Эти двѣ дѣвушки и спасаютъ Жуана, разводя огонь и унося несчастнаго на мягкое ложе. Гаиде, еще невинная и чистая дѣвушка, даже и не подозрѣваетъ, что этотъ молодой красавецъ будетъ причиной ея гибели.

Манфредъ.

Манфредъ, разочарованный, проклинающій жизнь, вызываетъ тѣнь Астарты:

Молю тебя, Астарта, отвѣчай мнѣ!
Я такъ страдалъ, я такъ теперь страдаю...
Взгляни-же на меня: ты и въ могилѣ
Не измѣнилась такъ, какъ измѣнился
Я за тебя, живя на этомъ свѣтѣ.
Да мы любили сильно и безумно!
Любовь такая хуже преступленья!
А для того-ль мы созданы съ тобою,
Чтобъ истерзать другъ друга и измучить?
Скажи-же, что меня не проклинаешь,
Что я одинъ наказанъ за обоихъ
И что тебѣ назначено блаженство,
А мнѣ—забвенье смерти. Въ этомъ мірѣ
Все ненавистное соединилось,
Чтобъ безконечно жить меня заставить
Съ незримой мыслью о безсмертьи,
Которое одной сковало цѣпью
Прошедшее съ грядущимъ. Нѣтъ покоя
Моей душѣ; хочу чего—не знаю,
Не знаю я чего ищу, и только
Лишь чувствую кто я—кто ты... Астарта!
Пока я не погибъ хоть разъ хотѣлъ-бы
Услышать вновь твой голосъ музыкальный.
О, говори-жь со мной! Нерѣдко ночью
Я вызывалъ тебя; въ зеленыхъ рощахъ
Будилъ заснувшихъ птицъ своимъ призывомъ,
Пугалъ въ горахъ дремавшую волчицу;
Я научилъ въ пещерахъ темныхъ эхо
За мною повторять Астарты имя—
И эхо мнѣ покорно отвѣчало,
Мнѣ отвѣчало все—природа, люди,
По мановенью духи откликались,
Лишь ты одна отвѣтить не хотѣла.
Ужель теперь твой не услышу голосъ?
Я по землѣ блуждалъ, но я ни разу
Не встрѣтилъ на землѣ тебѣ подобной.
О, говори-жь со мной! Смотри—вотъ духи,
Они ко мнѣ почувствовали жалость;
Но я ихъ не боюсь, и это сердце
Наполнено одною лишь тобою.
Проговори хоть въ гнѣвѣ что-нибудь мнѣ,
Позволь хоть разъ, хоть разъ тебя послушать!

Призракъ Астарты.
Манфредъ!

Манфредъ.
О, говори! Твой слышу голосъ!..
Я весь живу въ тѣхъ звукахъ... Говори-же...

Призракъ Астарты.
Манфредъ! конецъ твоимъ страданьямъ завтра.
Прощай!

Манфредъ.
Постой! еще лишь только слово:
Простила-ль ты меня?

Призракъ Астарты.
Прощай!

Манфредъ.
Лишь слово
Прощенія! Что я любимъ — скажи мнѣ.

Призракъ Астарты.
Манфредъ!

(*Призракъ Астарты исчезаетъ. Манфредъ падаетъ*).

* * *

КТО пожелаетъ объявить о чемъ-нибудь въ газетахъ не имѣетъ ни трудовъ, ни почтовыхъ и побочныхъ расходовъ, если передастъ заказы свои единственной и извѣстной

Центральной конторѣ объявленій
для всѣхъ европейскихъ газетъ
Фр. Петрика,
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 8.
Каталоги безплатно доставляются немедленно по востребованію.
№ 282 (4—3)

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.
№ 228(52—8)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
въ С.-Петербургѣ.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
№ 234 (10—7).

Туалетныя мыла I. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,
АМИКОСОВОЕ,
ВАЗЕЛИНОВОЕ.

Получить можно во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо С.-Петербургъ, Демидовъ пер. д. № 1.
№ 243 (57—7)

Превосходные и самые модные препараты
„САФО“
С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р. 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.—Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

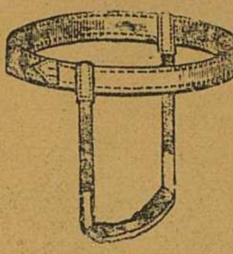
Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 290 (53—3)

Съ разрѣшенія спб. столичнаго врачебнаго управленія.

ДАМСКІЯ ГИГІЕНИЧЕСКІЯ ПОДУШКИ

приготовлены изъ древесной сулемовой ваты.



Поясъ съ подушкой.

Очень удобная повязка, съ приспособленнымъ поясомъ для ношенія дамами во время регулъ и послѣ родоваго періода.

Цѣна за дюжину подушекъ 1 р. цѣна за поясъ отъ 40 к. до 1 р. 50 к.

Продаются во всѣхъ аптекарскихъ, резиновыхъ и хирургическихъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ,
С.-Петербургъ, Казанская, 3, прот. Зимина пер. маг. 7.

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ
Музей Т. В. БОЦВА.
Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: А. С. **Пушкинъ, Пастеръ,** графъ **Лесепсъ, Группа Сказки Шехеразады изъ 1,001 ночи. Сонъ наяву,** механическая фигура, **Елена Прекрасная,** механическая фигура и много другихъ механическихъ фигуръ, а также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи, за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по Воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по Пятницамъ. № 253 (10—6)

Къ свѣдѣнію гг. курящихъ.

Объявленіе табачной фабрики „САATЧИ и МАНГУБИ“

Въ виду желанія нашего, въ интересахъ гг. курящихъ, снабжать ихъ издѣліями нашей фабрики, не измѣняя ихъ высокаго достоинства, послѣдовавшее съ 1-го іюня сего года повышеніе бандерольнаго тарифа вынудило насъ уменьшить уступку на наши издѣлія въ пользу торговцевъ, вслѣдствіе чего послѣднія не представляютъ торговцамъ той выгоды, какую они получаютъ при продажѣ недоброкачественныхъ и дешевыхъ товаровъ

Многіе изъ торговцевъ, преслѣдуя свои интересы, неохотно продаютъ наши издѣлія и при спросѣ ихъ стараются замѣнить таковыя болѣе дешевыми и слѣдовательно, худшими товарами.

Покорнѣйше просимъ почтеннѣйшую публику не обращать вниманія ни на какія заявленія торговцевъ, относительно нашихъ товаровъ и требовать отъ нихъ всегда рекомендуемыя нами папиросы:

„Бабочка“	10 штукъ	6	коп.
„Пальма“	10 „	10	„
„Голубка“	10 „	5	„

За весьма высокое достоинство которыхъ мы ручаемся

№ 218 (10—10) **Саатчи и Мангуби.**

НОВАЯ КНИГА:
ПРИКЛЮЧЕНІЯ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ
въ Италіи и Египтѣ. Замѣтки о Турціи **ДѢДЛОВА** (В. Л. Кигна).

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к. Продается въ книжн. магазин. Карбасникова, „Новаго Времени“ и Стасюлевича. Складъ у В. Л. Кигна [Спб., Столярный, 21].
№ 293 (2—2)

Только-что поступила въ продажу новая книга:
„НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА“
Соч. ЭБЕРСА.
Историческій романъ изъ временъ язычества.
Изящное изданіе (съ портрет. авт.) въ 600 страницъ.
Цѣна 1 р. 50 к.
Подписчики „Живоп. Обозрѣн.“ за пересылку не платятъ.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:
ПАДЕНІЕ.
Романъ А. МИХАЙЛОВА.

Одинъ томъ, 412 страницъ. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к.; съ пересылк. 1 р. 75 к. Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Живописное Обозрѣніе“, Невскій просп. у Аничкина моста, д. №68—40. Гг. книгопродавцамъ обычная уступка.

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННЫЕ
ФИЛЬТРЫ
для водопроводовъ, очищающ. воду чрезъ костяной уголь.
Абонементъ 5 р. въ годъ
водо-газопроводы и ремонтъ.
Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ.
Спб., Николаевская, д. № 55—6.
№ 186 (40—11).

БЕЗПОДОБНО!
для пульверизаціи въ комнатахъ
ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА
провизора А. Янсонъ.

Оптовый складъ въ Спб. конт. Ив. Фегедингъ, Чернышев. пер., Маріинскій рын., № 20.

Кромѣ того имѣется:

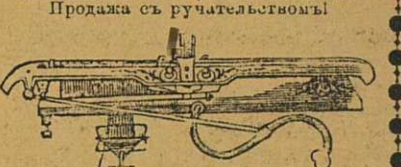
Въ Русскомъ Общ. Торг. аптек. тов. Казанск. № 12, центральн. аптек. депо, Милютинъ рядъ, Ф. Линде, Невскій № 23 и В. О. 6 линія № 25, Г. Клосъ и К°. В. О. 5 лин. № 12, казанск. аптекарск. торг. Казанская № 54, О. Роосъ Владимірск. № 7, Лиманъ и Риксъ Горохов. № 16, и во многихъ аптекахъ и магазинахъ парфюмерн. товаровъ.
№ 219 (10—6)

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства
ПУДРА НИЛЬСОНЪ
самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ. Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р. Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

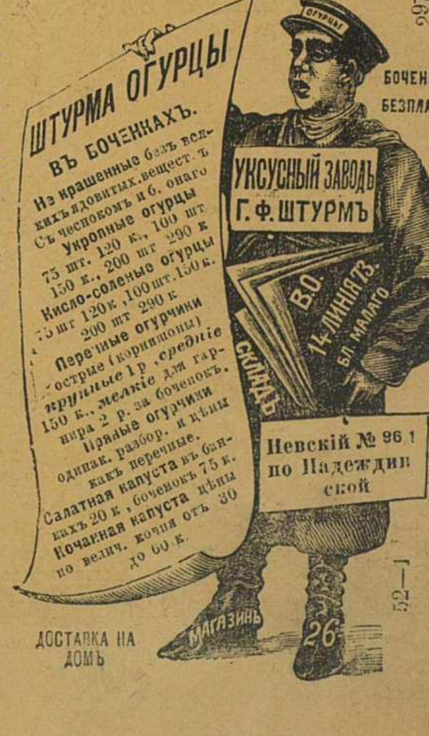
Химической лабораторіи
РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.
Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—3)

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ
Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—17).



Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и безъ онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к.
200 шт 290 к
Перечные огурчики
острые (корнишоны)
крупные 1 р, средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики
одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по величин. кочня отъ 30 до 60 к.

Невскій № 96 1 по Надеждинской

297

52—1

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская **БАГЕТНАЯ** и **РАМОЧНАЯ** фабрики
Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—1).

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ Сан. Сов. д-ра Штельцингъ изъ солей знамен. цѣлебн. источн. № 3 и 18. **СОДЕНЪ.**

Ввозъ этихъ лепешекъ разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Клеймо.

Продажа во всѣхъ почти аптекахъ и аптек. магаз. по 70 коп. за коробку. Оптовая продажа у М. Моргенштернъ, Б. Морская, № 23. С.-Петербургъ. № 299 (15—1).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

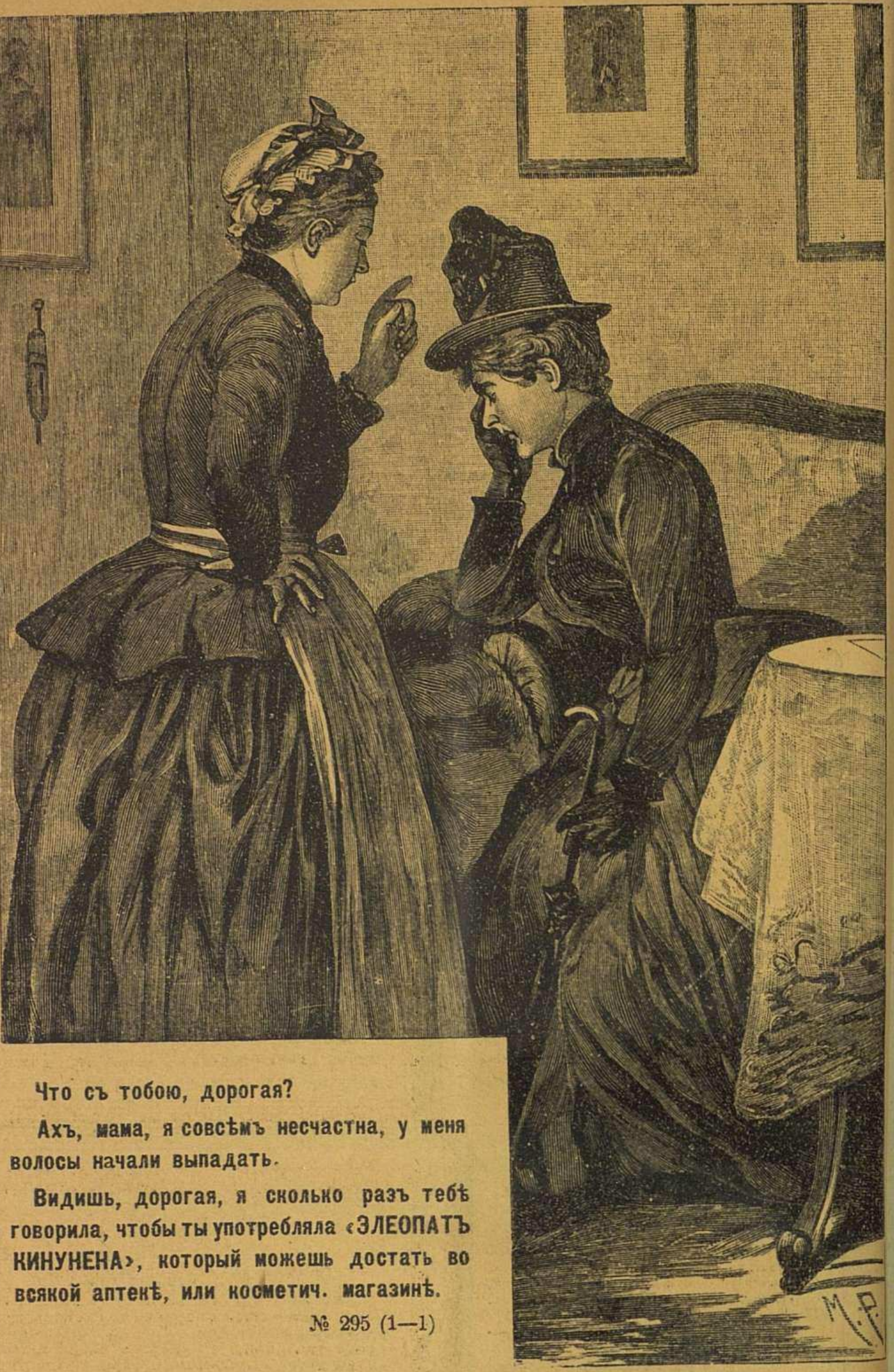
Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—18)



Что съ тобою, дорогая?

Ахъ, мама, я совсѣмъ несчастна, у меня волосы начали выпадать.

Видишь, дорогая, я сколько разъ тебѣ говорила, чтобы ты употребляла «ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА», который можешь достать во всякой аптекѣ, или косметич. магазинѣ.

№ 295 (1—1)

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—19).

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
МУЖСКАГО и ДАМСКАГО
БѢЛЬЯ
Ф. ТРАХТЕНБЕРГЪ.
Основанный 1863 года.
Большая Морская, д. № 25, въ С.-Петербургѣ.

постоянный выборъ новостей сезона
ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ АССОРТИМЕНТЪ
МУЖСКАГО и ДАМСКАГО БѢЛЬЯ.

Заказы и полное приданое исполняетъ тщательно, акуратно и добросовѣстно.

При магазинѣ опытные закройщики, желающимъ высылаю иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. 220 (10—10).

Зубочистное средство
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ШВЕДСКІЙ.

Зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки зубовъ и освѣженія полости рта. Получить можно въ С.-Петербургѣ, **Демидовъ пер., № 1**, и во всѣхъ большихъ аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Флаконъ Эликсира 80 коп. Зубной порошокъ 50 коп.

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

№ 298 (4—1)

НУМЕРЪ ВТОРОЙ «ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ» СОСТОИТЪ:

1) Изъ 2 листовъ текста; 2) № 1-й «Новѣйшихъ Парижскихъ Модъ» (за январь); 3) Листъ выкроекъ и узоровъ и 4) Обертки.

Завѣдующій литерат. отдѣломъ **А. Михайловъ** (**А. К. Шеллеръ**). За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб. 7 января 1888. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

Александръ фонъ-Боземанъ-87

№ 3
17-го января
1888.

Живописное Обозрѣніе

Художественно-литературный
журналъ
выходитъ еженедѣльно

Изданіе
С. Добродѣева

Промышленность, технологія и торговля.

Стеклянному производству угрожаетъ конкуренція, которую должно вызвать изобрѣтеніе способа дѣлать бутылки изъ бумаги. Въ Лондонѣ возникло общество съ капиталомъ въ 120 тыс. фунт. стерлинг., имѣющее цѣлью пріобрѣтать англійскіе патенты для фабрикаціи бутылокъ и учреждать фабрики для изготовленія такихъ бутылокъ. Эти бутылки считаются особенно удобными для перевоза жидкостей на далекія разстоянія.—Парижскія газеты перечисляя учрежденія иностранныхъ государствъ, заявившія желаніе учавствовать въ парижской выставкѣ 1889 г., подъ рубрикой «Россія» заявляютъ, что въ Петербургѣ и Москвѣ образовался комитетъ для устройства русскаго отдѣла, а въ Варшавѣ составляется особый синдикатъ.—Колоссальный проектъ возникъ въ Америкѣ. Въ горномъ хребтѣ, высшій пунктъ котораго простирается на 14,441 фут. высоты, предполагается прорыть туннель. Онъ будетъ имѣть 25 тыс. фут. длины. Если удастся выполнить такой проектъ, то долины со стороны Атлантическаго и со стороны Тихаго океановъ будутъ соединнны непосредственно. — Архимилліонеръ Фай началъ строить въ Гуанайето (въ Мексикѣ) «воздушный дворецъ», который будетъ имѣть не менѣе 100 метровъ высоты и окруженъ садами, на подобіе легендарныхъ висячихъ садовъ Вавилона. Къ нимъ будетъ вести гигантская лѣстница. Фай полагаетъ, что надо жить на высотѣ, чтобы избавиться отъ микробовъ, заражающихъ атмосферу большихъ городовъ. Дворецъ будетъ называться «Семирамидинымъ» и сообщаться телефономъ съ городомъ.—Между Лейпцигомъ, Галле, Берлиномъ и промышленными городами Саксоніи открылось телефонное сообщеніе. За пятиминутный разговоръ по телефону взимается марка.—Во Франціи производились новые опыты съ моментальнымъ хромографированіемъ, опыты заключались въ снятіи фотографіи съ теаральныхъ сценъ, во время дѣйствій; получалась возможность имѣть негативы послѣ $^{1}/_{4}$ секунды дѣйствія фотографической камеры. Фотографировали изъ зрительной залы и изъ за кулисъ. Сходство и чистота поразительны.—Египетскій порфиръ съ самыхъ давнихъ временъ почитается какъ самый цѣнный стоительный матеріалъ. Писатели долгое время расходились по вопросу относительно мѣста его добычи и только вначалѣ настоящаго столѣтія Бартонъ и Вилькинсонъ нашли его каменоломни. Недавно же англичанинъ Бриндлей, предпринялъ цѣлое путешествіе для всесторонняго разслѣдованія этого вопроса. Бриндлей избралъ древній путь римлянъ и скоро напалъ на цѣлыя массы порфира, самаго лучшаго и цѣннаго. Онѣ лежатъ на высотѣ 3,600 футъ надъ уровнемъ моря, но разработка этаго сокровища облегчается возможностью подвоза его по Нилу и доставки по Красному морю, отъ котораго до порфировыхъ залежей не болѣе 25 англійскихъ миль. По возвращеніи въ Каиръ Бриндлей получилъ привиллегію на эти залежи.—Въ шелководствѣ начинаетъ развиваться новая отрасль, а именно добываніе шелка не изъ коконовъ шелковичнаго червя, а изъ ткани пауковъ. До настоящаго времени, однако, всѣ попытки поставить это дѣло на коммерческое основаніе не приводили къ положительнымъ результатамъ, такъ какъ еще не всѣ затрудненія устранены. Способностью вырабатывать шелкъ обладаютъ не всѣ виды пауковъ, а наши обыкновенные садовые пауки менѣе всѣхъ остальныхъ. Для добыванія фунта шелка изъ паутины требуется до 30.000 пауковъ, а садовыхъ въ десять разъ болѣе. Шелковыя нити въ ткани этихъ насѣкомыхъ были открыты около пятидесяти лѣтъ тому назадъ.—При словѣ воскъ непремѣнно представляется понятіе объ ульѣ, медѣ и пчелѣ, между тѣмъ какъ есть еще воскъ растительный и минеральный. Первый получается съ такъ наз. восковыхъ деревьевъ и вообще съ восковыхъ растеній и преимущественно добывается въ Америкѣ; растительный воскъ имѣетъ большое сходство съ пчелинымъ и почти не употребляется въ общежитіи въ европейскихъ странахъ, а идетъ исключительно въ медикаменты для приготовленія пластырей и т. п. Изъ воскононосныхъ растеній, встрѣчаемыхъ въ Европѣ, можно указать на восковую мирту, попадающуюся въ средней полосѣ; это доказываетъ, что при желаніи можно бы устроить цѣныя плантаціи этого растенія. Минеральный воскъ въ большемъ употребленіи: онъ легче добывается и въ значительномъ количествѣ подмѣшивается къ пчелиному воску; эта фальсификація получила въ настоящее время право гражданства. Пчелиный воскъ, смѣшанный съ минеральнымъ, при горѣніи даетъ сильную копоть.

Этнографія, естествознанія, путешествія и пр.

Въ С.-Петербургскомъ географическомъ, обществѣ г. Раунеръ сдѣлалъ недавно чрезвычайно интересный докладъ о летучихъ пескахъ и о борьбѣ съ ними. Въ Западной Европѣ пески не имѣютъ такого грандіознаго характера, какъ въ Россіи, но продолжительная практика въ дѣлѣ борьбы съ ними и съ ихъ губительнымъ дѣйствіемъ выработала тамъ весьма хорошія и вѣрныя средства по укрѣпленію этихъ песковъ. Песокъ часто не безплоденъ и растеніе на немъ не можетъ терпѣть недостатка, особенно на мелкомъ пескѣ, болѣе благодарномъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ крупный. Все зло въ дѣйствіи вѣтра, разрушительно вліяющемъ на верхніе слои песковъ и съ этимъ-то зломъ и надо бороться путемъ покрытія и укрѣпленія именно этихъ слоевъ. Надежнымъ способомъ задерживанія и укрѣпленія песковъ является устройство особыхъ, очень незатѣйливыхъ, впрочемъ, приспособленій въ видѣ досокъ, поднимаемыхъ по мѣрѣ надобности. т. е. по мѣрѣ накопленія песка. Дюна, такимъ образомъ, дѣлаясь неподвижной, ростетъ въ вышину и вдобавокъ можетъ быть усаживаема растеніями. Во Франціи теперь превосходно укрѣплены и облѣсены дюны Гасконскаго залива и дальнѣйшія работы состоятъ только въ исправленіи поврежденій. Французы, не ограничиваясь песками, съумѣли преобразовать даже вредные пустыри—ланды. Теперь тамъ искусственно развели лѣсъ, въ составъ котораго вошли; приморская сосна, дубъ и проч. Съ разведеніемъ лѣсовъ вредныя мѣстности превращались въ здоровыя, въ теченіе 40—50 лѣтъ. Прежде чѣмъ примѣнить въ Россіи разные способы для борьбы съ указаннымъ зломъ, отъ котораго особенно страдаютъ губерніи херсонская, черниговская и таврическая, а также средняя Азія необходимо всестороннее изученіе климатическихъ и почвенныхъ условій каждой мѣстности, направленія вѣтровъ, степени крупности песка и т. п., затѣмъ приMѣниться къ устройству, такъ называемыхъ полисадовъ и заборчиковъ, которые препятствовали бы расширенію и распространенію песка, также возведенію вала, а послѣ уже—лѣсоразведенію. Полезно также защитить отъ вѣтровъ верхніе слои песка, тогда дюны сами перестаютъ двигаться. Разъ это будетъ достигнуто, то можно ожидать, что травы явятся сами собой. Черезъ два года послѣ покрышки песка можно приступить къ лѣсоразведенію. Лѣса, стойкіе противъ засухъ и другихъ неблагопріятныхъ условій мѣстности, явятся главнымъ основнымъ матеріаломъ, а трава тогда останется только подспорьемъ.

Въ «Сборникѣ свѣдѣній по Россіи за 1884—1887 гг.», изданомъ Центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, находимъ много весьма интересныхъ свѣдѣній по статистикѣ Россіи.

Населеніе Россіи въ 1885 г. достигаетъ 108.787,235 душъ. Оно распредѣляется такъ: 50 губ. Европ. Россіи 81.725,185; Привислянскія губ. 7.960,304; В. К. Финляндія 2.176,421; Кавказскій край 7.284,547; Сибирь 4.313,680 и Средне-Азіятскія области 5.327,098.

Городскихъ поселеній въ Россійской имперіи (безъ Финляндіи) 1,274 съ населеніемъ въ 13.760,000; населенныхъ мѣстъ въ уѣздахъ Россіи 523,901 съ населеніемъ въ 77.595,271 человѣкъ.

Городовъ, имѣющихъ жителей болѣе 200 тыс. 4 (Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса); имѣющихъ отъ 100 до 200 тыс. 9; отъ 50 до 100 тыс. 23 города; отъ 35 до 50 тыс. 28 городовъ; отъ 20 до 35 тыс. 65 городовъ; отъ 10 до 200 тыс. 164 города, отъ 5 до 10 тыс. 293 города, отъ 2 до 5 тыс. 366 городовъ и проч.—

Территорія Мексики представляетъ крайнее разнообразіе съ точки зрѣнія этнографической и антропологической. Для безошибочнаго опредѣленія туземныхъ мексиканскихъ расъ необходимо лично познакомиться съ топографіею страны; мексиканская республика представляетъ собою площадь расположенную на высотѣ 7,500 футъ надъ уровнемъ моря; мѣстности прилегающія къ этой плоскасти отличаются чрезвычайнымъ плодородіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень нездоровымъ климатомъ. Фауна этой части почти неизслѣдована натуралистами, хотя можно сказать, что она представляетъ природу во всей ея красотѣ. Мексика была населена и теперь населена очень многими расами разныхъ типовъ, и до нашего времени очень мало извѣстныхъ со стороны антропологической физіологической и этнографической. Нѣкоторые ученые приступали къ изученію нарѣчій этихъ племенъ, но здѣсь они часто впадали въ противорѣчіе, такъ какъ часто племя говоритъ на иномъ языкѣ, чѣмъ говорили его предки; построенная на такомъ шаткомъ основаніи классификація не могла имѣть значенія. Вѣрный путь можетъ дать только антропологія и въ настоящее время изысканія направлены именно по этому пути. — Полное затмѣніе луны послѣдуетъ 16 (28) января и будетъ видно почти повсемѣстно въ Европѣ, Азіи, Африкѣ. Сѣверной и Южной Америкѣ. — Въ этотъ-же день можно будетъ наблюсти другое интересное астрономическое явленіе: а именно совпаденіе луны и планеты Сатурна на одной линіи— Нидерландскій военный корабль «Camarang» открылъ лѣсистый островъ, не обозначенный на картѣ. Островъ находится къ западу отъ Тиморскихъ островов, имѣетъ 2 мили длины, $^{2}/_{3}$ мили ширины, лежитъ на 8° 16′ южной широты и 130° 39′ восточн. долготы.—Лейпцигскій этнологическій музей обогатился единственными коллекціями, которыя пожертвованы ему путешественниками Штюбелемъ и Рейсомъ. Это—доисторическія древности, найденныя въ могилахъ Колумбіи, Боливіи, Перу, Чили, Бразиліи. — Въ Берлинѣ назначена въ маѣ большая международная охотничья выставка. На ней предполагается собрать всякаго рода охотничьи трофеи, лучшіе образцы охотничьихъ животныхъ, изображенія способовъ охоты, всевозможные предметы, употребительные на охотѣ, древнее и новое оружіе всѣхъ странъ.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Мелочи статистики. Въ Америкѣ статистика, повидимому, доведена до послѣдней степени развитія, такъ какъ нашлись охотники сосчитать, сколько и въ какой часъ дня проходитъ людей по мосту, соединяющему Нью-Іоркъ съ Бруклиномъ. Въ теченіи сутокъ прошло 91,130 человѣкъ, причемъ менѣе 300 не было ни въ одномъ часу; maximum доходилъ до 10,000.

Средство противъ морской болѣзни. Противъ морской болѣзни найдено очень хорошее средство—антипиринъ. Въ парижской академіи наукъ былъ представленъ цѣлый рядъ наблюденій, изъ которыхъ усматривается, что при пріемѣ самаго небольшаго количества этого вещества впродолженіи трехъ дней до путешествія по морю, оно совершенно предохраняло отъ послѣдствій качки лицъ, ей до того времени подверженныхъ; очень не многіе только были принуждены пользоваться этимъ средствомъ и во время путешествія. Въ большинствѣ случаевъ достаточно принять $1^{1}/_{2}$ грамма, что вызывало успокоеніе черезъ десять минутъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось повторить пріемъ, и въ самыхъ исключительныхъ — прибѣгать къ подкожному впрыскиванію растворомъ антипирина.

Свадебные подарки въ Китаѣ. Свадьба китайскаго императора съ дочерью герцога Као назначена на 1889 годъ, но уже подарки невѣстѣ заготовлены. За мѣсяцъ до свадьбы невѣста получитъ 10 лошадей съ полной сбруей, 10 золоченныхъ шлемовъ и панцырей, 100 кусковъ наилучшей шелковой матеріи и 200 кусковъ шерстяной. Въ качествѣ свадебнаго подарка будетъ преподнесено 200 унцевъ золота и 10 тысячъ таэлъ серебра, золотой чайный приборъ, 2 серебряныхъ умывальника, 1000 кусковъ красивѣйшей шелковой матеріи, 20 лошадей съ сбруей и 20 безъ нея, 20 сѣделъ. Родители невѣсты получаютъ 100 унцевъ золота, золотой чайный приборъ, 5000 таэлъ серебра, серебряный чайный приборъ, серебряный умывальникъ, 500 шт. шелковой, 1000—шерстяной матеріи, 6 лошадей въ сбруѣ, 1 шлемъ, 1 панцырь, лукъ, колчанъ со стрѣлами и каждому изъ родителей придворное платье, лѣтнее и зимнее, ежедневное и мѣховое. Братья и прислуга невѣсты также получаютъ богатые и дорогіе подарки. Особенное мѣсто въ приданомъ занимаютъ головные уборы невѣсты.

Наполеонъ I потомокъ нѣмца. Въ недавно вышедшей книгѣ Пейра «Napoléon I et son temps» приводятся доказательства германскаго происхожденія фамиліи Бонапартовъ. Съ XI по XIV-е столѣтіе въ Генуѣ пользовалась популярностью нѣмецкая фамилія Кадолинговъ, имѣвшая свою партію, преданную императору и называвшуюся поэтому «buona parte» (хорошая партія). Послѣднее названіе осталось прозвищемъ Кадолинговъ, которые потеряли силу и вліяніе, когда перешли въ лагерь либераловъ. Нѣкоторые потомки ея перешли въ Корсику и тамъ всегда носили имя Буонапарте. Отъ нихъ и произошелъ Наполеонъ I и всѣ нынѣшніе Бонапарты.

Что стоитъ чашка шеколада. На дняхъ кардиналы давали папѣ завтракъ. Повара были приглашены изъ Парижа; завтракъ обошелся въ 30 тысячъ франковъ. Самъ папа выпилъ только чашку шеколада.

Отчетъ о юбилеѣ королевы Викторіи. Оффиціальная «London Gazette» напечатала въ приложеніи на 135 страницахъ отчетъ о празднованіи юбилея королевы Викторіи. $^{9}/_{10}$ этого пространнаго текста занято перечисленіемъ именъ гостей королевы и депутатовъ, присланныхъ въ Лондонъ со всего свѣта.

Толстяки. Въ Брюсселѣ образовался оригинальный клубъ, куда принимаются членами только тѣ, кто вѣситъ не менѣе 200 фунтовъ, а одинъ толстякъ въ Мюнхенѣ на святкахъ подарилъ своему тощему другу, вегетаріанцу, фотографію Сары Бернаръ съ подписью: «живетъ уже 43 года безъ мяса».

Англійскіе воры и французская полиція. Парижская полиція, по извѣщенію отъ лондонской, арестовала 6 человѣкъ, принадлежащихъ къ воровской шайкѣ и заподозрѣнныхъ въ похищеніи бриллiантовъ на 500 тыс. фр. въ магазинѣ «Ancien Paris». Всѣ шестеро весьма приличные люди, проживавшіе въ различныхъ отеляхъ. Если бы изъ Лондона не было получено опредѣленныхъ указаній, то могли бы возникнутъ серьезныя сомнѣнія, дѣйствительно-ли имѣешь дѣло съ ворами. Но въ томъ, кто франтоватѣе всѣхъ, узнали вора, раньше судившагося подъ другимъ именемъ. Имя предводителя шайки—Квель. Прочіе называютъ его «отцомъ». Онъ получалъ добычу и отправлялъ ее въ Лондонъ, откуда присылались деньги, которыми онъ награждалъ своихъ «дѣтей».

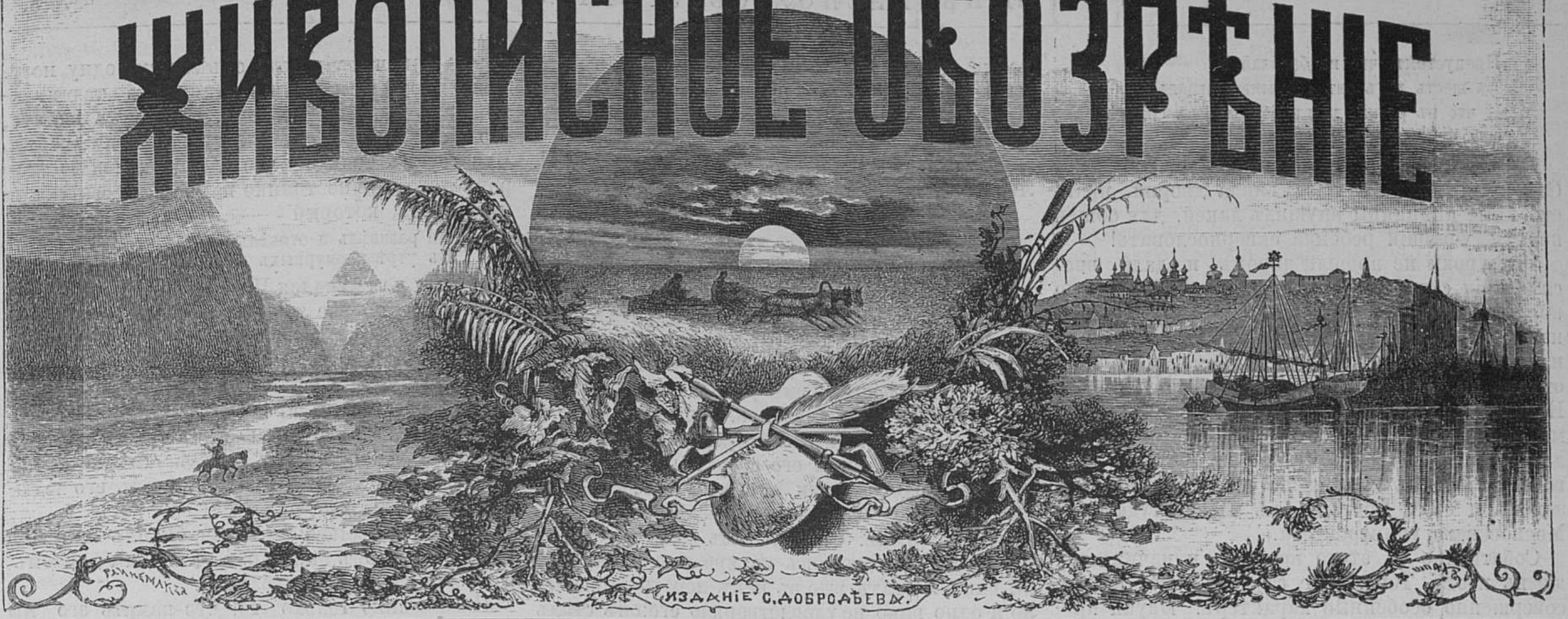
Мелочи изъ Англіи. Лондонскому почтамту въ ночь подъ Рождество пришлось разослать 15 милліоновъ писемъ и нумеровъ газетъ. Для усиленія постояннаго персонала потребовалось болѣе 3 тыс. чел., а для разсылки по главнымъ желѣзнодорожнымъ станціямъ—800 вагоновъ.

— Лѣтомъ текущаго года въ Лондонѣ назначенъ конгрессъ соціалистовъ.

— Исполинскій англійскій пароходъ «Great Eastern», тщетно продававшійся нѣсколько разъ, наконецъ купленъ Барнаумомъ для превращенія парохода въ путешествующій циркъ.

Извѣщеніе о новомъ изданіи С.-Петербурскаго славянскаго благотворительнаго общества. Въ память девятисотлѣтія крещенія Руси, имѣющаго совершиться въ 1888 году, С.-Петербургское славянское Благотворительное оощество издаетъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра, составленное профессоромъ Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскимъ. Житіе будетъ напечатано in 4°, въ два столбца, на 14 стран. Къ житію будетъ приложено изображеніе св. Владиміра, роскошно отпечатанное въ 17 красокъ, по оригиналу, исполненному профессоромъ Н. А. Кошелевымъ. Житіе будетъ сброшюровано въ хромолитографированную 3-мя красками обложку, на которой будутъ изображены въ медальонахъ: 1) Храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ, 2) Храмъ св. Владиміра въ Кіевѣ, 3) Развалины «Десятинной церкви», 4) Церковь Спаса-на-Берестовѣ, 5) Памятникъ св. Владиміру въ Кіевѣ—и 6) Крещатикъ—памятникъ въ Кіевѣ же. Цѣна «житія» св. Владиміра съ его изображеніемъ назначена по 15 к. за экз. съ пересылкою. Цѣна отдѣльно «житія» св. Владиміра и отдѣльно «изображенія» равноапостольнаго князя назначена по 10 к. за экз., съ пересылкою же. Совѣтъ славянскаго общества приглашаетъ учрежденія и отдѣльныхъ лицъ, желающихъ пріобрѣсти вышеозначенныя изданія, въ томъ или другомъ количествѣ экземпляровъ, присылать о томъ заблаговременно заявленія въ помѣщеніе Совѣта (площадь Александринскаго театра, № 7).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ



ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

17-го Января, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р.,—на полгода 4 р. 50 к., на 3 м. 2 р.— Безъ доставки за годъ 6 руб. 60 коп. За границею: за годъ 10 рублей. Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣлю 3 р. и къ 1-му іюля 2 р.

№ 3

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

1) При сношеніи съ конторою необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него. 2) За пересылку преміи посылкою рубль. За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій — 1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ. На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми коп. марки.

А. И. Полежаевъ.

(1807 — 1838).

1838.—ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ.—1888.

ШЕСТНАДЦАТАГО ЯНВАРЯ исполнилось полвѣка, какъ умеръ **Александръ Ивановичъ Полежаевъ**, представляющій глубокій интересъ какъ своимъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, такъ и своею трагическою участью.

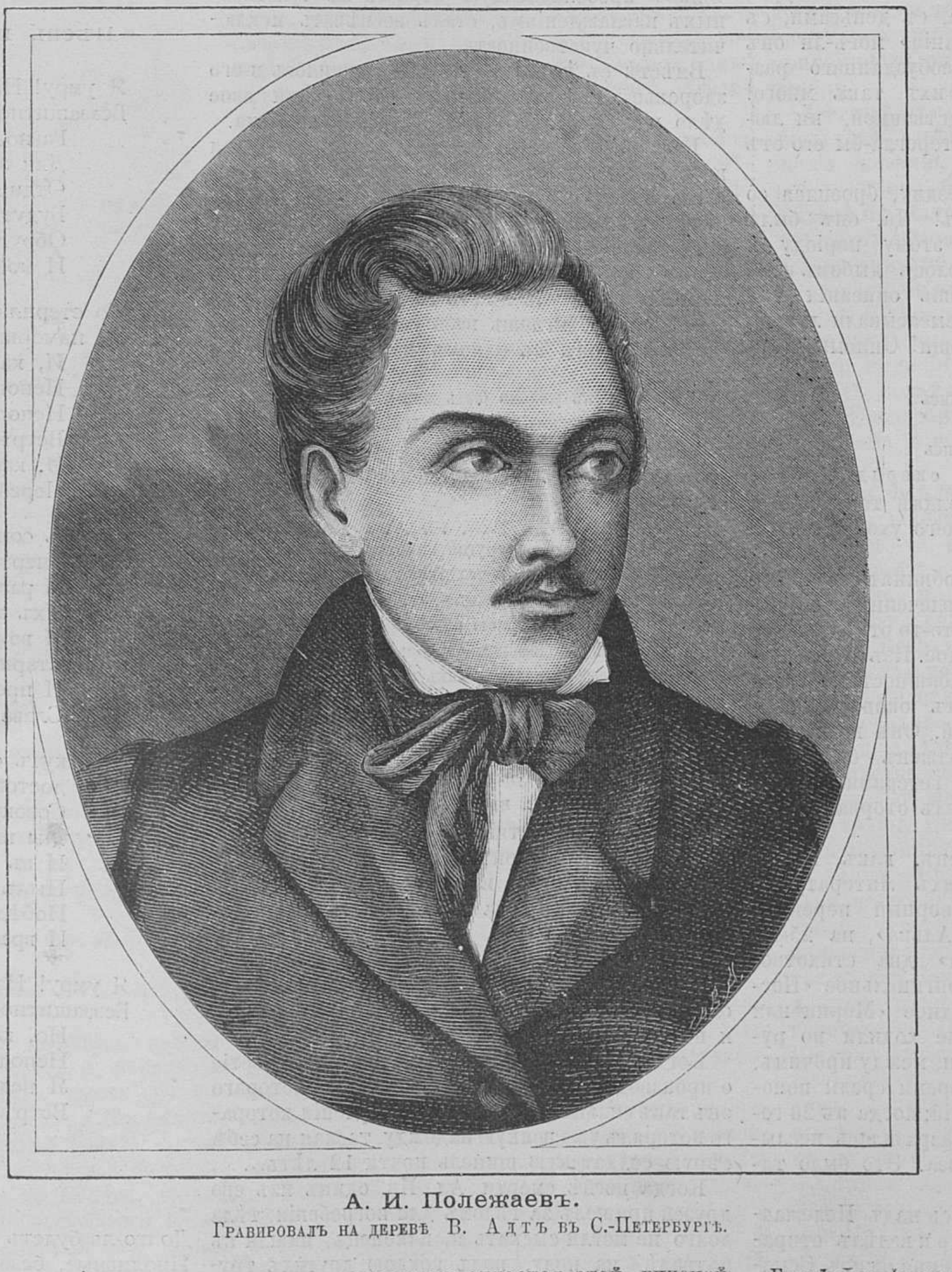
Нѣсколько произведеній, оставленныхъ намъ Полежаевымъ, поражаютъ своею красотою и силою и Бѣлинскій правъ, говоря, что «талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, если бы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія», но, къ сожалѣнію, этого не было. Пылкій, впечатлительный по натурѣ, отчасти благодаря своему воспитанію, отчасти средѣ, его окружавшей, Полежаевъ пылкость обратилъ въ необузданность, свою впечатлительность удовлетворялъ чисто чувственными наслажденіями и въ дикихъ, безумныхъ оргіяхъ губилъ свой талантъ, равно какъ и здоровье. Ко всему тому примѣшалась еще прямо роковая судьба и надъ несчастнымъ Полежаевымъ разразилась страшная гроза, когда ему исполнилось едва 19 лѣтъ. Съ этого времени жизнь его принимаетъ самую мрачную окраску; судьба кидаетъ его изъ конца въ конецъ; въ глуши, одинъ, безъ общества, безъ друзей и сочувствія, онъ начинаетъ тяготиться своимъ существованіемъ и топитъ свое горе въ винѣ, прежняя шалость подъ давленіемъ гнетущихъ обстоятельствъ превращается въ ненасытную потребность и онъ со всею пылкостью своего характера отдается этой гнусной страсти, слѣдствіемъ чего была злѣйшая чахотка, которая и разрушила его на 31-мъ году жизни. Вся его короткая жизнь состояла изъ горя и страданій безъ малѣйшихъ проблесковъ счастія и нѣтъ ни малѣйшей рисовки или фальши, когда онъ восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Александръ Ивановичъ Полежаевъ родился въ 1807 году въ дер. «Покрышкино», Саранскаго уѣзда, Пензенской губерніи, побочнымъ сыномъ богатаго помѣщика Петра Николаевича Струйскаго. Мать А. И. неизвѣстна. По всѣмъ вѣроятіямъ она была крѣпостною женщиной. Далѣе, о судьбѣ мальчика не было бы ничего извѣстно, если бы не знаменитая поэма Полежаева «Сашка», которая носитъ чисто автобіографическій характеръ. Поэма «Сашка», знаменитая по той страшной опалѣ, которую она навлекла на голову юноши-автора, писана въ подражаніе Евгенію Онѣгину. Въ ней съ самою циническою откровенностью описаны нѣкоторыя похожденія самого автора по Москвѣ, гдѣ онъ предавался самому необузданному разврату.

Въ этой-то поэмѣ мы и находимъ нѣкоторые намеки и указанія на дѣтство и воспитаніе А. И. Такъ, описывая дѣтство своего Сашки, онъ говоритъ:

Пропустимъ также, что родитель
Его до крайности любилъ
И первый Сашенкинъ учитель
Лаксій изъ дворни его былъ.
Пропустимъ, что сей менторъ славный
Былъ и въ французскомъ—Соломонъ,
И что дитя узналъ исправно
Весь сквернословья лексиконъ.



А. И. Полежаевъ.
Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ С.-Петербургѣ.

Пропустимъ, что на балалайкѣ
Въ шесть лѣтъ онъ «барыню» игралъ,
И что въ ругнѣ, да въ бабкахъ, въ свайкѣ
Онъ кучерамъ не уступалъ.

Вотъ какое воспитаніе получилъ ребенокъ! Семейный кругъ ему замѣнила дворня, нравственные принципы внушилъ лакей, для общей потѣхи, учившій ребенка сквернословить!

Эти уроки не прошли даромъ и дали впослѣдствіи свои плоды сторицею... Баринъ, «до крайности» любившій своего побочнаго сына наконецъ, опомнился и, когда Ал. Ив. исполнилось 10 лѣтъ, свезъ его въ Москву, гдѣ и отдалъ въ одинъ изъ французскихъ пансіоновъ. Неизвѣстно, что дѣлалъ тамъ ребенокъ; несомнѣнно только то, что это время не прошло для него даромъ, потому что въ августѣ 1823 года Полежаевъ выдержалъ вступительный экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ Московскаго университета.

Собственно съ этого времени и начинается жизнь поэта. Тогдашнее студенчество носило совершенно особенный характеръ. Науки преподавались слабо, работы для ума было немного. Результатомъ этого, юноши полные энергіи и жизни, отдавались необузданному разгулу и въ ночныхъ оргіяхъ съ виномъ и женщинами тратили свои молодыя силы, свои чистые порывы! Въ ихъ глазахъ извратились понятія о самыхъ простыхъ вещахъ: напугать мирныхъ жителей, искровенить несчастную женщину, оскорбить человѣческое достоинство—для нихъ было геройствомъ, почти дѣломъ чести. И Полежаевъ сразу постигъ законы этой «свободной» жизни и воспринялъ ихъ со всею впечатлительностью своей натуры. Шестнадцати-лѣтній юноша, съ деньгами, съ корнями «домашняго воспитанія» могъ-ли онъ устоять противъ соблазна необузданнаго разгула. Онъ былъ одинъ, а ихъ такъ много! Подлѣ него не было ни родственной, ни любящей души, которая предостерегла-бы его отъ бездны...

И онъ бросился въ эту бездну, бросился со всѣмъ своимъ юнымъ пыломъ! Да, онъ былъ «одинъ», а ихъ легіоны. Къ этому періоду и относится его «Сашка». Волосъ дыбомъ становится, когда прочитываешь описанія той грязи и разврата, которые высасывали лучшіе соки изъ 16-ти лѣтняго юноши! Описывая оргіи, онъ заявляетъ, что

Въ его пирахъ не проливались
Мадера, Рейнъ или Токай,
Но сильно, сильно выпивались
Иль пуншъ, иль грозный сиволдай!..

И въ этомъ грозномъ сиволдаѣ топилъ Ал. Ив. лучшія свои силы, на него уходили лучшіе душевные порывы.

Впрочемъ, нельзя огульно обвинять его. Для него это имѣло и чисто отвлеченный характеръ, онъ видѣлъ въ этомъ что-то отрицающее, демоническое, свободное, гордое. Изъ двухъ элементовъ: отрицанія и безшабашности, началъ слагаться его характеръ. Отъ окончательной его гибели спасалъ его геній. Онъ не въ силахъ былъ затопить его и долженъ былъ дѣлить время между музою и гетерами. Но и отъ этого времени онъ успѣлъ оторвать себѣ для «Сашки»!

Полежаевъ сталъ извѣстенъ, какъ поэтъ. На 24-мъ году въ «Новостяхъ Литературы» былъ напечатанъ его стихотворный переводъ повѣсти Байрона «Оскаръ д'Альва», на 25-мъ году въ «Вѣстникѣ Европы» два стихотворенія, изъ которыхъ одно оригинальное «Постоянство», а другое переводное «Морни или тѣнь Кормала». Но еще болѣе ходили по рукамъ его рукописные стихи и, между прочимъ, поэма «Сашка». Такъ шло время среди попоекъ и поэтическихъ вдохновеній; когда въ 26 году надъ головою Ал. Ив. разразилась неслыханная по своему ужасу гроза. Это было тяжелое время...

Но потомъ судьба сжалилась надъ Полежаевымъ Государь помиловалъ его и велѣлъ отправить на Кавказъ. А. И. совершенно ожилъ. Ссылка не пугала его. При постоянной войнѣ онъ надѣялся отличиться, выслужиться и тѣмъ отблагодарить царя и доказать, что онъ заслуслуживалъ пощады.

Въ стихотвореніи къ своему другу А. П. Лазовскому онъ писалъ:

Не измѣню царю и долгу!
Лечу за честію вездѣ
И проложу себѣ дорогу
Къ моей потерянной звѣздѣ!...

И, правда, съ жаромъ и увлеченіемъ онъ кидался во всякій бой и въ 32 году былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Но этотъ пылъ скоро смѣнился въ немъ равнодушіемъ. Конца своей ссылки онъ не видѣлъ. Безъ друзей, безъ опоры и участія онъ изнывалъ отъ тоски. Къ тому-же и денежныя его средства были крайне скудны. Родственники отказались отъ него и высылали ему изрѣдка ничтожныя суммы въ видѣ подарковъ. Одинъ, безъ денегъ, съ неотступною тоскою, онъ съ яростью накинулся на вино и сталъ уже въ немъ искать забвенія; но и одно вино не удовлетворяло его:онъ сталъ искать грубыхъ чувственныхъ наслажденій и уже безповоротно отдался распутству и пьянству!

А между тѣмъ, въ Москвѣ и Петербургѣ слава его, какъ поэта, росла. Его стихи списывали въ тетрадки, учили наизусть и клали на музыку. Издатели, благодаря отсутствію поэта, нагло эксплоатировали его, печатая безъ спроса каждую его строчку.

Но талантъ Полежаева началъ уже падать. Лишенный возможности дальнѣйшаго развитія, онъ весь замкнулся въ себѣ и найдя въ себѣ только преобладающую страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, сталъ воспѣвать исключительно чувственность.

Вмѣстѣ съ упадкомъ таланта рушилось и его здоровье. Развратъ и пьянство дѣлали свое дѣло и у А. И. развилась злѣйшая чахотка.

Къ концу 32 года онъ, наконецъ, добился перевода въ Москву, въ одинъ изъ карабинерныхъ полковъ, но уже было поздно. Ни таланта, ни здоровья вернуть нельзя было. Ему оставалось только смотрѣть, какъ смерть быстрымъ и вѣрнымъ шагомъ приближается къ нему. И вникнувъ въ его тогдашнее состояніе, невольно постигнешь весь ужасъ его положенія, когда онъ въ одномъ изъ стихотвореній говоритъ:

Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!..

И онъ разрушался быстро. Къ концу 1837 года онъ писалъ своему неизмѣнному Лазовскому:

. . . .
Но горе мнѣ съ другой находкой
Я ознакомился съ чахоткой
И въ ней, какъ кажется, сгнію,
Тяжелой, мраморною плитой
Со всей анафемскою свитой:
Удушьемъ, кашлемъ, какъ змія,
Впилась проклятая въ меня.
Лежитъ на сердцѣ, мучитъ, гложетъ
Поэта въ мрачной тишинѣ
И злымъ предчувствіемъ тревожитъ
Его въ бреду и въ тяжкомъ снѣ...

И злое предчувствіе не обмануло его съ новымъ 1838 годомъ онъ за неимѣніемъ средствъ долженъ былъ лечь въ солдатскій госпиталь, а 16 января 1838 года онъ окончилъ свою многострадальную жизнь, чему и исполнилось сегодня 50 лѣтъ.

Но судьба гнала его. Она отравила ему послѣднія мгновенія, она насмѣялась надъ нимъ и по смерти.

Когда умиралъ Ал. Ив., ему принесли извѣстіе о производствѣ въ офицерское званіе, котораго онъ такъ сильно жаждалъ и въ полученіи котораго потерялъ уже всякую надежду, таская на себѣ сѣрую солдатскую шинель почти 12 лѣтъ...

Когда послѣ смерти Ал. Ив. одинъ изъ его друзей пришелъ за тѣломъ для погребенія, тѣла долго не могли сыскать и, наконецъ, нашли въ подвалѣ, на полу, подъ грудою другихъ труповъ, при чемъ крысы объѣли ему одну ногу. Такъ прожилъ и погибъ одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ поэтовъ. Кого тутъ винить, его ли самаго, среду или судьбу — не знаемъ. Чувствуемъ только, что словно какой-то злой рокъ тяготѣлъ постоянно надъ головою несчастнаго поэта, который

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней.

Если и не сдѣлался Полежаевъ безсмертнымъ талантомъ, то все таки талантъ его настолько крупенъ и самостоятеленъ, что имя его останется навсегда въ исторіи нашей литературы. Его стихи почти всѣ болѣе или менѣе субъективнаго характера проникнуты такимъ лиризмомъ, такъ характерны по силѣ и сжатости своей формы, что если не всѣ, то многіе могутъ служить вѣчнымъ памятникомъ его недюжиннаго таланта.

«Чѣмъ онъ былъ бы, если бы онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ» объ этомъ, мы думаемъ, и разсуждать не приходится.

Несомнѣнно только то, что память его мы должны чтить во первыхъ, какъ поэта, который оставилъ намъ въ достояніе нѣсколько чудныхъ произведеній своего безвременно погибшаго таланта; во вторыхъ, какъ жертву слѣпаго рока и того безалабернаго, смутнаго въ броженіяхъ мысли, времени, которое переживало наше общество въ ту эпоху.

Стихотворенія А. И. Полежаева.

Пѣснь плѣннаго ирокезца.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они
Для забавы дѣтей
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!

Но стерплю, не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой
И, какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ.

Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безсмертную гибель мою!
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ.
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ,—

И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ!
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!»

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

Пѣсня.

Долго-ль будетъ вамъ безъ умолку идти,
Проливные, безотрадные дожди?

Долго-ль будетъ вамъ увлаживать поля?
Осушится-ль скоро мать-сыра земля,
Тихій вѣтеръ свѣжій воздухъ растворитъ,
И въ дубравѣ соловей заголоситъ,
И придетъ ко мнѣ, мила и хороша,—
Юный другъ мой, красна-дѣвица душа?

Соловей мой, соловей,
Ты отъ бури и дождей,
Ты отъ пасмурныхъ небесъ
Улетѣлъ въ дремучій лѣсъ!
Ты не свищешь, не поешь,
Солнца яснаго ты ждешь!
Дѣва, дѣвица моя,
Ты, отъ бури и дождя,
И печальна и грустна,
Въ терему схоронена!
Къ другу милому нейдешь,
Солнца яснаго ты ждешь!

Перестаньте же безъ умолку идти,
Проливные, бозотрадные дожди!
Дайте ведру, дайте солнцу проглянуть!
Пусть, какъ прежде, и прекрасна, и пышна,
Воцарится благотворная весна,
Разольется въ звонкой пѣснѣ соловей,—
И я снова, сладострастнѣй и звучнѣй,
Расцѣлую очи дѣвицы моей!

Грѣшница.

И говорятъ Ему: «Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое».
И на лукавое воззванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ божественнымъ чертилъ.
И, наконецъ, сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный—гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?»
И вновь писалъ Онъ на землѣ.
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья—
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорной?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: «никто, учитель!»
—«И такъ, и я твоей души
Не осужу», сказалъ Спаситель:
Иди въ свой домъ и не грѣши».

* * *

Счастливый день Александра Карловича.

Повѣсть **Б. П.** Митурича.

Александръ Карловичъ съ любовію и вниманіемъ осмотрѣлъ больного. Тотъ былъ такъ слабъ, что едва держался, на ногахъ и жаловался на тяжесть въ груди и затрудненное дыханіе.

— Когда появился бѣлый выпотъ? спросилъ Штурмъ фельдшера.

— Вчера въ ночь, отвѣчалъ тотъ. Штурмъ сжалъ губы и насупился.

— Главное хорошенько дезинфектировать комнату, чтобъ не заразить другихъ, обратился онъ къ фельдшеру,—а потомъ... сжечь все: постельное бѣлье, подушку и все... Понимаете, чтобъ не вышло, какъ прошлый разъ?.. грозно прибавилъ онъ. «Въ прошлый разъ» больничная прислуга сожгла, для видимости, только тряпки, а почти все платье, оставшееся послѣ больнаго, оказалось въ продажѣ въ лавкѣ старьевщика.

— Я опять узнаю, отъ меня не укроется, если выйдетъ что-нибудь подобное! внушительно заявилъ онъ.

— Помилуйте, Александръ Карловичъ, развѣ теперь ужь можетъ выйти этакое. Это ужь какъ-то нечистый попуталъ тогда Елизарова! негодовалъ фельдшеръ.

— Ну, то-то.

Сдѣлавъ обходъ палатѣ, Штурмъ хотѣлъ уже покинуть больницу, но фельдшеръ почтительнѣйше пригласилъ его зайти въ канцелярію. Въ этотъ день Александръ Карлобичъ считался дежурнымъ по больницѣ и долженъ былъ подписать рапортичку, каждый вечеръ представляемую высшему начальству.

Это промедленіе было непріятно Александру Карловичу и онъ съ гримасой отправился въ канцелярію.

Тамъ онъ внимательно просмотрѣлъ всѣ цифры таблички и хотѣлъ-было уже подписать, но его остановило отсутствіе всякой помѣтки въ графѣ умершихъ. Онъ съ неудовольствіемъ обратился къ фельдшеру, составлявшему рапортичку:

— Отчего вы не проставили числа умершихъ! Если ихъ не было, то вы должны были сдѣлать ковычки, строго замѣтилъ онъ.

— Какъ-же, сегодня поутру умеръ одинъ кишечный, отвѣчалъ тотъ,—только вотъ не знаю, какъ написать-съ: въ наружномъ отдѣленіи тоже одинъ плохъ; пожалуй, къ вечеру умретъ, такъ чтобы не пришлось потомъ подчищать цифру.

— Это какой?

— А вчера привезли. Обожженный изъ мастерской, гдѣ фейерверки дѣлаютъ.

— Ведите меня къ нему, въ наружное отдѣленіе, рѣшилъ Александръ Карловичъ. Какъ онъ ни мало былъ сегодня расположенъ возиться со всѣмъ этимъ, но педантическая аккуратность въ исполненіи каждой своей обязанности пересилила нетерпѣніе.

Черезъ пять минутъ Александръ Карловичъ уже бѣгло осмотрѣлъ большой кусокъ обгорѣлаго мяса, тихо стонавшій изъ подъ покрывавшихъ его пластырей и перевязокъ, вернулся въ дежурную комнату и красиво и четко написалъ цифру два въ пустой графѣ.

По выходѣ изъ больницы, подъ яркимъ полуденнымъ солнцемъ, Александръ Карловичъ почувствовалъ новый приливъ восторговъ и внезапная мысль осѣнила его: написать въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ свое признаніе въ любви и сунуть записку, вмѣстѣ съ книжкой сберегательной кассы, въ букетъ, который и поднести, не говоря ни слова, Марьѣ Ивановнѣ. Она сначала сочтетъ это простымъ поздравленіемъ съ днемъ рожденія, потомъ прочитаетъ записку, увидитъ книжечку сберегательной кассы на свое имя и сразу пойметъ, что онъ предлагаетъ ей себя, свое общественное положеніе и свои средства. А онъ будетъ любоваться ея смущеніемъ, ея радостью, ея счастьемъ...

Александръ Карловичъ отправился въ отдѣленіе сберегательной кассы и вручилъ тамъ дежурному чиновнику книжечку и двадцать рублей для вклада.

Чиновникъ, сдѣлавъ помѣтки, возвратилъ книжечку Штурму и замѣтилъ наставительно:

— Передайте вкладчицѣ, госпожѣ Марьѣ Ивановнѣ Неклюжевой, что теперь у нея здѣсь ровно тысяча и что, по правиламъ сберегательной кассы, дальнѣйшіе ея вклады будутъ безпроцентными, такъ что ей гораздо выгоднѣе теперь перевести деньги въ банкъ.

— Хорошо, передамъ непремѣнно, отвѣчалъ Александръ Карловичъ съ улыбкой, вызвавшей недоумѣніе доброжелательнаго чиновника.

Послѣ сберегательной кассы Штурмъ не безъ замиранія сердца пошелъ пѣшкомъ на Каменно-Островскій проспектъ. Онъ нарочно шелъ, не торопясь, такъ какъ годовой докторъ бывалъ обыкновенно у Урюповыхъ между двѣнадцатью и часомъ, а часу еще не было. У подъѣзда барскаго дома оказалась карета въ одну лошадь, которую Штурмъ призналъ за принадлажащую Черепахову.

Александръ Карловичъ за благо разсудилъ переждать отъѣзда свѣтила и зашелъ напротивъ, въ портерную. Тамъ онъ выпилъ кружку пива, мысленно чокаясь съ Марьей Ивановной, выпилъ другую за то, чтобъ восторжествовать сегодня тамъ, напротивъ, надъ всѣми извѣстностями медицинскаго міра, просмотрѣлъ всѣ иллюстрированныя изданія... а карета все стояла. Александра Карловича начало забирать нетерпѣніе; чтобъ подавить его, онъ рѣшилъ прочитать оба фельетона «Новаго Времени», ни разу не взглянувъ въ окно. Во время чтенія Штурмъ невольно прислушивался къ грохоту каждаго экипажа на улицѣ, все ему казалось, что это тронулась карета отъ подъѣзда Урюповыхъ, но характеръ онъ выдержалъ до конца. Поглядѣлъ—карета все еще стоитъ. Тогда ужь онъ рѣшился зайти къ швейцару и разспросить.

Тотъ ужасно обрадовался Штурму.

— Барыня очень больны! за вами ужь посылали, но не застали васъ дома, поспѣшно объяснялъ онъ доктору, снимая пальто.

Въ волненіи, почти не помня себя и въ то же время еще боясь обмануться, вбѣжалъ Александръ Карловичъ по мраморной лѣстницѣ, быстро прошелъ рядъ роскошныхъ комнатъ прямо въ будуарчикъ, гдѣ засталъ у запертыхъ дверей цѣлое сонмище эскулаповъ... ура! дифтеритъ былъ уже внѣ всякихъ сомнѣній...

Черезъ два часа Штурмъ выходилъ изъ роскошнаго палаццо со слезами на глазахъ. Это были слезы избытка счастья, и онъ гордо ронялъ ихъ на свою бороду. Такъ плакать могъ лишь человѣкъ, сдѣлавшій что-нибудь истинно великое, и только послѣ того, какъ его дѣяніе уже признано всѣми за подвигъ. Какъ сонъ, припоминалъ онъ всѣ впечатлѣнія этихъ двухъ часовъ...

Лестный отзывъ свѣтила... рукопожатіе нѣскольких извѣстныхъ докторовъ... благодарности хозяина дома, узнавшаго, что легчайшимъ видомъ болѣзни, жена его обязана всецѣло Александру Карловичу... все это перепуталось въ головѣ счастливаго доктора въ какой-то свѣтлый и радужный хаосъ. Одно только сознаніе было ясно въ отуманенной счастьемъ головѣ Штурма, это сознаніе того, что теперь десятирублевыя бумажки будутъ для него, пожалуй, и не рѣдкостью.

— О, можетъ-ли быть какой нибудь другой лучшій свадебный подарокъ! прошепталъ онъ, садясь на извощика. Теперь,— букетъ! и къ ней!

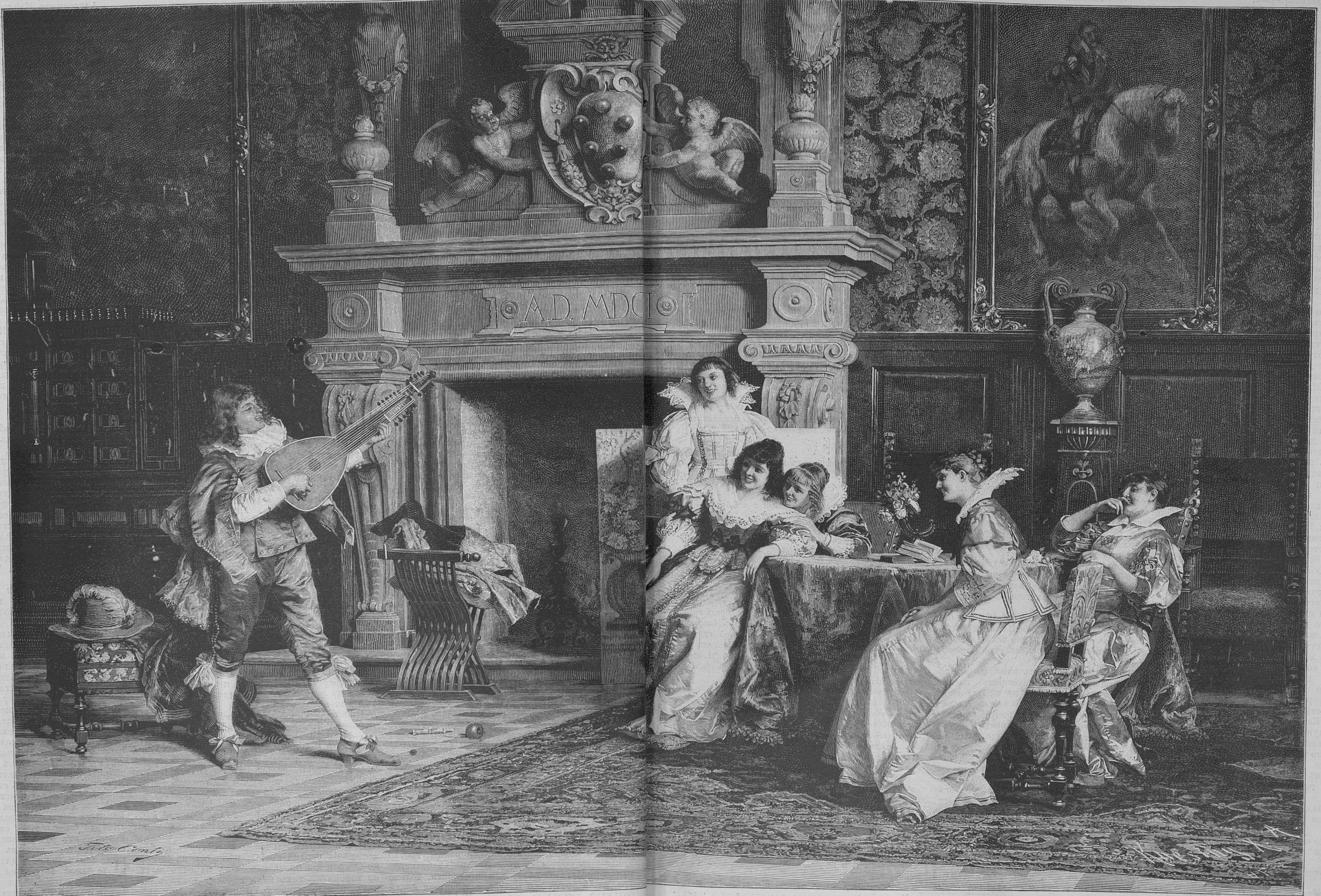
— На Финляндскій вокзалъ! крикнулъ онъ.

Но на первомъ-же перекресткѣ онъ вспомнилъ что-то, судя по кислой гримасѣ,—не совсѣмъ пріятное.

Ему еще нельзя было ѣхать къ Марьѣ Ивановнѣ. Ему еще предстоялъ визитъ къ чахоточной. Визитъ былъ непріятенъ тѣмъ, что положеніе больной дѣлало уже присутствіе доктора совершенно излишнимъ, Штурмъ даже могъ сегодня не застать свою паціентку въ живыхъ, а Александру Карловичу, съ такимъ удовольствіемъ лечившему паціентовъ до самой смерти, очень непріятно было смотрѣть на ихъ трупы. Смѣшно сказать, но онъ даже боялся покойниковъ, если они не распластаны на части. Видъ обнаженнаго, человѣческаго мяса не возбуждалъ въ немъ никакого непріятнаго чувства, но человѣческій трупъ, въ неприкосновенности отъ скальпеля, вызывалъ какое-то смѣшанное чувство ужаса и отвращенія. А ѣхать къ чахоточной слѣдовало непремѣнно: какой-то ея дальній родственникъ пригласилъ Штурма бывать тамъ ежедневно и заплатилъ шестьдесятъ рублей впередъ, за цѣлый мѣсяцъ. Докторъ считалъ себя, поэтому, обязаннымъ аккуратно посѣщать безнадежную паціентку до самой ея смерти..

Скрѣпя сердце, Александръ Карловичъ заѣхалъ только на минуту домой, чтобы захватить букетъ и отъ умирающей ѣхать ужь прямо къ невѣстѣ. Дома Лизхенъ сообщила, что

Съ карт нто Конти.


A.D. MDC
Tito Conti

аторъ.

Гравир Кнезингъ.

за Штурмомъ присылали отъ сосѣдней прачки, у которой внезапно заболѣлъ мужъ.

— Велѣли сказать, что за визитъ дадутъ цѣлковый, только чтобъ скорѣе шли, передавала Лизхенъ.

Александръ Карловичъ улыбнулся.

— Нѣтъ, Лизхенъ, мнѣ нѣкогда, пускай позовутъ кого-нибудь другого, сказалъ онъ и привелъ Лизхенъ въ чрезвычайное удивленіе своимъ равнодушіемъ къ цѣлковому.

Изъ дому Штурмъ велѣлъ ѣхать въ одну изъ отдаленныхъ улицъ Петербургской стороны. Бережно держа передъ собою завернутый въ бумагу букетъ, онъ наслаждался его ароматомъ и мечталъ...

Живо представлялась ему комната въ одномъ изъ зданій для служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. У Марьи Ивановны собрались двѣ, три подруги, два, три сослуживца по телеграфной станціи пришли ее поздравить,—вотъ и всѣ, кто можетъ быть у нея сегодня. Старушка-мать умерла еще прошлаго года и эта потеря будущей тещи, надо сознаться, огорчила очень мало Александра Карловича. Маленькая комнатка Марьи Ивановны оглашается щебетаніемъ и смѣхомъ молодежи, но хозяйка грустна, хоть и старается это скрыть: въ числѣ поздравленій не достаетъ одного, самаго желаннаго. Но вотъ глаза ея заблистали, она изъ окна замѣтила чье-то приближеніе... Штурмъ входитъ. Его парадный видъ и букетъ поражаютъ всѣхъ изумленіемъ. Взволнованно принимаетъ Марья Ивановна подарокъ... записка!—она читаетъ въ смущеніи и едва держится на ногахъ отъ неожиданнаго счастья. Катя Риттеръ, самая догадливая изъ ея подругъ, живо выпроваживаетъ гостей. Они останутся вдвоемъ съ Марьей Ивановной... Онъ скажетъ, что этотъ день совсѣмъ особенный, и, въ ея власти, сдѣлать его счастливѣйшимъ... словомъ, онъ уже знаетъ, что сказать, и затѣмъ послѣдуютъ минуты неописуемыхъ восторговъ! Онъ будетъ цѣловать, обнимать, ласкать ее, свою возлюбленную, четыре года жданную, первый разъ въ жизни! Она будетъ слабо противиться его ласкамъ, но наконецъ и сама не выдержитъ и вопьется долгимъ жаркимъ поцѣлуемъ въ губы своего возлюбленнаго... Потомъ онъ изложитъ ей обстоятельно свое матеріальное положеніе и свои надежды на будущее... Марья Ивановна вѣдь и не подозрѣваетъ, какими завидными становятся его дѣла... ихъ дѣла. Потомъ они вмѣстѣ, подробно обсудятъ всѣ необходимые къ свадьбѣ покупки и расходы... Обвѣнчаются они, вѣроятно, около третьяго того мѣсяца и тогда—конецъ его холостому одиночеству!..

Въ мечтаньяхъ докторъ и не замѣтилъ, какъ очутился около цѣли своего путешествія—маленькаго деревяннаго домика съ густо разросшейся сиренью въ палисадникѣ, передъ окнами. Александръ Карловичъ передалъ букетъ извощику и велѣлъ себя ждать.

Черезъ крылечко со скрипящими, старыми ступенями, докторъ прошелъ въ стеклянную «галдарею», а оттуда въ темную, пустую прихожую. Запахъ подгорѣлаго масла свидѣтельствовалъ о непосредственной близости кухни.

Пока Александръ Карловичъ снималъ пальто и въ темнотѣ нащупывалъ вѣшалку, оттуда слышались громкіе женскіе голоса.

— Каждый день по цыпленку! вѣдь это никакихъ средствъ не хватитъ, вотъ у меня остается всего восемь рублей, а до пенсіи-то еще двадцать дней! говорилъ ворчливо одинъ голосъ.

— Но, вѣдь, пятнадцатаго, я получу, мама, пятнадцать рублей за свои уроки музыки? отвѣчалъ другой.

— Ну, что-же, это составитъ всего двадцать три рубля, а мало-ли чего надо ей, и кромѣ этихъ цыплятъ?

— Но ей такъ хочется! Она именно просила цыпленка.

— Глупости, пустяки, капризъ. Она не дальше, какъ вчера ѣла куриный бульенъ. Сегодня ей, слава Богу, получше: можетъ хоть одинъ то день поѣсть и говядину, рѣшилъ непреклонно первый голосъ.

— Ну, что, какъ сегодня чувствуетъ себя наша больная? весело спросилъ Александръ Карловичъ, выйдя изъ прихожей въ маленькое свѣтленькое зальце, убранное бѣдно, но домовито. Яркое освѣщеніе и бѣлыя бумажки, которыми были оклеены невысокія стѣны, придавали комнатѣ веселый видъ. По стѣнамъ висѣли олеографіи и старинныя гравюры, обдѣланныя въ черныя рамки съ украшеніями изъ золотой бумаги по угламъ. Мебель—въ чистыхъ чехлахъ, на передъ-диванномъ столѣ—ажурная, вязанная салфетка, на окнахъ тюлевыя занавѣски, цвѣты и пара канареекъ въ клѣткахъ. Изрядный уголъ занимало старинное фортепьяно, краснаго дерева съ затѣйливой, но вывалившеюся инкрустаціей.

Въ зальцѣ сначала никого не было, но на голосъ доктора появилась въ дверяхъ миловидная дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ.

— Ахъ, это вы, докторъ!.. а Жени сегодня лучше, сказала она, здороваясь.

— Да, да, докторъ, Жени сегодня гораздо лучше! подтвердила, появляясь, женщина лѣтъ пятидесяти, въ которой, не смотря на полноту, можно было легко признать мать молодой дѣвушки. Это была хозяйка дома, госпожа Пересвѣтова. Видъ у нея былъ чрезвычайно бодрый, почти лихой. Бѣлый чепецъ на сѣдой головѣ сидѣлъ какъ-то чрезвычайно воинственно; мускулистыя руки, казалось, такъ и чесались на какую-нибудь работу, а за неимѣніемъ таковой, въ данную минуту, энергично расправляли бѣлый передникъ, надѣтый поверхъ ситцеваго платья.

— Отлично, отлично, а ну-ка, посмотримъ, какъ она у насъ выглядитъ, весело говорилъ Штурмъ, идя къ двери въ глубинѣ зальца. За этой дверью въ полусвѣтѣ крохотной комнаты, выходившей окномъ на «галдарею», лежала больная.

Когда докторъ нагнулся надъ нею, она слабо улыбнулась.

— Я сегодня... молодецъ совсѣмъ, произнесла она съ разстановкою,—ничего не болитъ и дышется... свободнѣе.

— Это ей такъ помогли капли, которыя вы прописали третьяго дня, сказала сестра больной, войдя вслѣдъ за нимъ,—она и духомъ-то стала гораздо бодрѣе, повеселѣла...

— Ну, это.., можетъ быть, и оттого, что сегодня праздникъ, больная плутовски улыбнулась,—музыки нѣтъ.

— Ахъ, это Женя про уроки музыки! подхватила сестра, улыбаясь,—по буднямъ ко мнѣ приходятъ нѣсколько ученицъ и ихъ неумѣлая игра немилосердно рѣжетъ уши бѣдной Жени. Вѣдь здѣсь все слышно!

— Да... могу сказать... концерты! шутливо качая головой, промолвила больная и хотѣла было еще что-то прибавить, но закашлялась и лицо ея въ мигъ исказилось въ страдающее и серьезное.

— У меня... просьба... къ вамъ, начала она снова, оправившись,—вѣдь говорятъ—весна... зелень распустилась... а я и не видала еще... Послѣднія двѣ недѣли... была очень плоха... не вставала, а отсюда... мнѣ ничего не видно... и Женя стала ребячески упрашивать доктора позволить ей встать, выйти въ зало, посидѣть тамъ въ креслѣ, а окно пусть выставятъ и она подышетъ свѣжимъ воздухомъ. Въ этой комнатѣ такая духота, что ей даже тяжело дышать.

— Отчего-же, пожалуй, это можно, согласился Штурмъ.

— Вотъ, видишь, Маня... докторъ позволилъ?.. Я говорила, что позволитъ... укоризненно и торжествующе обратилась больная къ сестрѣ.

— А вы не боитесь, что она простудится? спросила та Штурма.

— Нѣтъ, отчего-же... день такой теплый, разсѣянно отвѣтилъ онъ и сталъ-было откланиваться, но Женя его удержала.

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ... не уходите... мнѣ еще надо поговорить съ вами... вы такой добрый... не правда-ли?.. Вы вѣдь подождете меня тамъ, въ залѣ, пока я одѣнусь?..

Александръ Карловичъ нѣсколько секундъ подумалъ, разсчиталъ, сколько изъ полученныхъ впередъ денегъ онъ еще не заработалъ визитами, сколько времени еще здѣсь будутъ нуждаться его услугами, и въ итогѣ рѣшилъ, что обязанъ исполнить просьбу паціентки безъ всякихъ отговорокъ, какъ-бы ни были вѣски тѣ, которыя онъ могъ-бы представить.

— Хорошо, я васъ подожду... потолкуемте, побесѣдуемте! добродушно сказалъ Александръ Карловичъ, но съ замѣтнымъ вздохомъ.

— Ты меня умой!.. причеши!.. я хочу во всемъ парадѣ... говорила больная сестрѣ.

— Штурмъ отправился въ зальце, усѣлся на диванъ и сталъ ждать. Туда-же явилась дородная деревенская дѣвушка—служанка. При помощи кухоннаго ножа, она принялась выставлять зимнюю раму одного изъ оконъ, и съ такимъ усердіемъ, что явились опасенія за весь домикъ, вздрагивавшій отъ ея мощныхъ усилій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Тигрица.

Романъ **Д. Верна.**

Переводъ **В. Крестовскаго** (псевдонимъ).

(Продолженіе).

VI.

Въ концѣ марта, Лаферлита, назначенный младшимъ секретаремъ посольства, долженъ былъ отправиться въ Лиссабонъ. Графиня на прощаніе дала маленькій вечеръ, «чай», пригласивъ виконта де Ранси, его жену, Колли, Санъ-Даміано, синьору Гранда, другихъ. Когда разъѣхались, Джорджіо остался послѣдній.

— Прощайте, сказала Ната, наконецъ пожимая его руку:—или, до свиданія. Вѣдь мы еще увидимся?

— Непремѣнно

— На долго-ли?

Ея голосъ зазвучалъ будто иначе, но она оправилась по обыкновенію.

— Когда вы уѣзжаете?

— Дня черезъ три, четыре.

— Португалія—страна прекрасная и вы будете счастливы.

Они стояли у стеклянной балконной двери въ садъ. Джорджіо говорилъ, какъ скучны сборы въ дорогу; Ната прислонилась лбомъ къ стекламъ и, казалось, слушала. Лунный свѣтъ лежалъ серебряными полосами по дорогѣ, рисуя узоръ тонкой рѣшетки. Графиня казалась еще блѣднѣе. Вдругъ Джорджіо оглянулся: по ея щекамъ тихо катились двѣ крупныя слезы. Онъ былъ пораженъ. Все прошлое,—противорѣчія, странности, перемѣнчивость этой женщины мгновенно пролетѣли передъ нимъ, будто освѣщенныя бѣгучимъ ослѣпительнымъ блескомъ молніи. Ея лицо скрылось опять подъ своей суровой холодной маской... Она полюбила, она продолжала любить его, никогда не поднимая этой маски! эти слезы отъ сердца, слезы, которыя катятся, будто по мрамору, должны были дорого ей стоить!..

Онъ порывисто схватилъ ея руку.

— Что съ вами?

Ната обернулась, будто раненый звѣрь, хотѣла заговорить, не могла, рванулась изъ его рукъ, распахнула балконъ и выбѣжала въ садъ. Ночь холодна, она легко одѣта. Не понимая, что дѣлаетъ, не понимая, что думаетъ, Джорджіо старался удержать ее...

— Не хотите?

Она все шла; ея голосъ былъ хриплый, злобно-насмѣшливый.

— Не хочу, чтобъ вы себя убивали!

Она вдругъ остановилась, взглянувъ ярко и жестоко.

— Что вамъ за дѣло?

— Вы считаете меня другомъ!..

— Другомъ?.. Да, другъ. Считаю другомъ. Но вѣдь у меня ихъ столько, друзей! И Санъ-Даміано, и Колли, и де-Ранси... И я не желаю, чтобъ друзья мнѣ противорѣчили.

— Извините. Это—въ первый и послѣдній разъ.

Не замѣтивъ тона отвѣта, она сама вдругъ перемѣнила тонъ.

— Въ послѣдній? Какое дурное слово... Но... Да, правда! Кто знаетъ, увидимся-ли мы когда - нибудь... кто знаетъ?

Она озябла, дрожала и кашляла.

— Лучше ужь, если хотите, дайте мнѣ шаль; она, тамъ, на диванѣ, у окна.

Кутая грудь, она смотрѣла пристально и очень серьезно.

— Видите, я благоразумна и друзей слушаюсь.

Она шла впередъ по дорожкѣ, пожимая плечами, блѣдная, холодная, закусывая губы; вѣтеръ вертѣлъ ея платье; оно хлестало, какъ спущенный парусъ.

— Прощайте, сказала она, у рѣшетки. Еще въ послѣдній разъ повидаемся.

Джорджіо молчалъ; эта твердость его подавляла. Онъ держалъ руки графини и, не замѣчая самъ, сжималъ ихъ крѣпко.

— Но... въ самомъ дѣлѣ, не лучше-ли, что въ послѣдній?

— Почему? просто спросила Ната.

— Потому что, на бѣду, я люблю васъ.

Она удивленно взглянула и съ минуту притихла.

— Вы?.. вскричала она, наконецъ, разражаясь смѣхомъ, тѣмъ смѣхомъ, что бывалъ для Джорджіо оскорбительнѣе удара:—Вы?.. Ха, ха!..

Джорджіо рѣзко откинулъ ея руку; будто пламя поднялось ему изъ сердца въ голову... но вдругъ онъ самъ принялся смѣяться, тоже стуча зубами.

— Смотрите, ночь такъ хороша! Ночь, мы одни, мы держимся за руки подъ шепчущимъ навѣсомъ деревьевъ, при блѣдномъ сіяніи свѣтила любви... Такъ на четверть часа, могу же я быть вашимъ Ромео, хотя бы вслѣдствіе мѣстнаго колорита. Если бы вы видѣли, какъ хороши вы сами, прозрачная, въ лунномъ туманѣ!

Она продолжала смѣяться понемногу, отрывочно, странно; ея глаза сверкали.

— Хорошо, пожалуй. На четверть часа. А сколько же будетъ Джульеттъ? Я,—та госпожа, съ которой вы катались въ Кашине, можетъ быть, виконтесса де-Ранси... еще кто?

Онъ пожалъ плечами. Она взяла его руку, ласково.

— Бѣдный Джорджіо? я немножко съ вами кокетничала, точно, было это давно, давно, давно. Теперь я васъ искренно, душевно, люблю,—понимаете? Но, вотъ, такъ «ради мѣстнаго колорита» ни вы, ни я не любимъ... Развѣ, что вы полюбите меня, какъ вашу дамочку, ту, что въ Кашине. А я...

— А вы?

— Я? для меня—лучше остаться друзьями. Хотите, Ромео? И для васъ лучше, и для меня, и для всѣхъ.

Она опять раскашлялась. Лаферлита нѣжно и насильно взяла ее за руку.

— Такъ послушайтесь меня, какъ друга; пойдемте домой. Вы себя убиваете.

Ната дала увести себя, кротко, послушно, какъ ребенокъ, Джорджіо развелъ огонь въ каминѣ, подкатилъ кресло, грѣлъ холодныя ножки графини. Она жалась, вздрагивая, блѣдная, смѣялась на высокое пламя. Онъ молчалъ, будто серьезно входилъ въ свою роль. Она согрѣлась; ея восковое лицо зарумянилось.

— Прошу васъ, сказалъ Джорджіо: на память о послѣднемъ вечерѣ, когда мы поиграли «въ Ромео и Джульетту»,—напишите мнѣ, будто отъ себя эти пять словъ: «Я люблю васъ. Уѣзжаю. Прощайте».

Не задумываясь, не взглянувъ на него, Ната отвѣчала спокойно.

— Совсѣмъ напрасно; я вамъ это ужь писала.

— Такъ это вы...

— Если желаете сравнить мой почеркъ,—можете избавить себя отъ этого труда. А если это упрекъ, принимаю и не оправдываюсь.

— Такъ какъ вы меня больше не любите, я не желаю ничего сравнивать, ни на что не жалуюсь, ни въ чемъ не упрекаю.

Она отвернулась къ огню.

— Я думала, что больше никогда васъ не увижу, и потому это написала, сказала она рѣшительно и холодно.

Джорджіо усмѣхнулся

— Хотите, чтобъ я была вашей любовницей? спросила она грубо, но спокойно и твердо, дико глядя на молодого человѣка, который не находилъ слова. Хотите, чтобъ я вамъ отдалась—завтра, сегодня, не любя спокойно... обстоятельно! Хотите?

— Что вы за женщина? вскричалъ онъ.

Она захохотала и раскашлялась; ея лицо вспыхнуло.

— Не здоровое любопытство у васъ, другъ мой. Я никогда не имѣла претензіи знать все... и, можетъ быть, умно дѣлала.

— Что такое я,—я сейчасъ вамъ объясню. Я дуракъ; покуда вы мнѣ въ лицо хохочете, я васъ люблю безумно. Я васъ три мѣсяца люблю, не понимая, не подозрѣвая, воображая, будто моя первая романическая страсть въ самомъ дѣлѣ переродилась въ простую дружбу. Вы были тогда совсѣмъ не такая. Вдругъ, страсть закипѣла во мнѣ, какъ горячка. Ваши слова, смѣхъ, насмѣшки хлещутъ меня, кровь во мнѣ поднимаютъ... Теперь я понимаю, что можно убить себя, лишь-бы избавиться отъ вашего рокового очарованія.

Она слушала неподвижно, вдругъ вздрогнула на послѣднихъ словахъ и, блѣдная, какъ смерть, дико оглянулась.

— И вы... себя убьете?.. Вы?

— Для чего? Чтобъ стать еще смѣшнѣе?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, знаете, что бы я тогда подумала? Что вы это сдѣлали изъ тщеславія: заговорятъ о васъ въ гостиныхъ, въ газетахъ... Но... мы заговорили о любви, такъ слушайте...

Она лежала въ креслѣ, не шевелясь и закрывъ глаза.

— Я любила. Разъ въ жизни. Вы сейчасъ поставили мнѣ передъ глазами смерть этого человѣка. Я, безсердечная женщина, любила его, какъ вы, господа, любить не умѣете, и... не умерла, какъ умираютъ въ трагедіяхъ... Тогда, по крайней мѣрѣ, не умерла. Онъ былъ изъ ссыльныхъ; богатство—одно ружье; онъ промышлялъ охотой. Онъ меня ненавидѣлъ, какъ отродье притѣснителей, враговъ его народа; я полюбила, потому что онъ убѣгалъ меня. Между нами была бездна; головокруженіе бросило меня въ его объятія... Джорджіо, точно-ли вы меня любите?

Она оглянулась. Джорджіо, блѣдный, поднялъ голову и отвѣтилъ ей взглядомъ.

— Долго-ли будете любить?

Онъ опять захватилъ лицо руками.

— Я спрашиваю, можете-ли вы, какъ честный человѣкъ, сказать, что будете такъ любить меня вѣчно, даже когда сдѣлаетесь моимъ любовникомъ. Я хочу знать, что вы сдѣлаете, если женщина, которая будетъ лучше меня собою, которая вамъ больше понравится... которая хоть тѣмъ будетъ лучше, что будетъ не я!.. герцогиня или горничная все равно!.. что вы сдѣлаете, если она пожметъ вамъ руку на балѣ, или нагло вбѣжитъ къ вамъ въ комнату?.. Отвѣчайте, Лаферлита!

Онъ молчалъ, уничтоженный.

— Онъ говорилъ, что я его счастье, что будетъ любить меня вѣчно, что съ радостью умретъ за меня. Онъ былъ хорошъ собою и поэтъ (вотъ, какъ вы немножко) и все это говорилъ увлекательно. О нашей связи толковали. Что мнѣ за дѣло! я была счастлива, доказывая, что бросаю ему подъ ноги мое доброе имя такъ же, какъ бросила гордость, привычки, все... Мужъ меня не любитъ и не ревнуетъ, но онъ человѣкъ свѣтскій, воспитанный; драться съ соперникомъ было бы невозможно; была бы только обязанность убить его и меня. Я тогда была на Кавказѣ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришлось возвращаться въ Петербургъ, на зиму. Я думала, что умру. Дольскій писалъ мнѣ письма, отъ которыхъ въ безсонныя ночи меня била лихорадка. Наконецъ, я совсѣмъ потеряла голову. Мужъ на время уѣзжалъ. Я пустилась въ дорогу,—въ дальнюю дорогу, зимой; ѣхала въ каретѣ, въ саняхъ, верхомъ, ѣхала, какъ могла, къ любовнику, къ человѣку, которому поклонилась бы въ ноги... я! а у моихъ ногъ бывали принцы и я отвергала!.. Пріѣзжаю нежданная и узнаю, что, въ разлукѣ со мною, у него было развлеченіе, что другая... Я не узнала, кто, и знать не хотѣла. Онъ наругался надъ моей любовью, надъ моей памятью! Я не упрекнула, я даже его не видала и уѣхала. Дорогой, я занемогла; въ Петербургѣ сказали, что это начало чахотки... Этотъ человѣкъ, однако, любилъ меня по своему... какъ любите всѣ вы, мужчины!.. Рискуя всѣмъ, онъ бѣжалъ изъ подъ надзора и слѣдомъ за мною явился въ Петербургъ. Я лежала въ жару; я слышала, какъ онъ умолялъ, рыдалъ, бился въ дверь головою. Въ эту минуту, я не съумѣла простить этому человѣку, моему убійцѣ, что у него нѣтъ собственнаго достоинства, по крайней мѣрѣ, въ преступленіи! Моему паденію уже не было оправданія; оно было мелко, низко... Мнѣ хотѣлось спасти хоть чувство, заставившее меня пасть. Тогда...

Она захватила лицо руками.

— Я больше ничего не скажу... Этотъ человѣкъ убилъ себя, вотъ, какъ вы сейчасъ хотѣли, драматически, выстрѣломъ, во всеуслышаніе... А я, какъ видите, еще не умерла.

Выраженіе ея лица было непередаваемо; она, казалось, переродилась; Джорджіо никогда не слыхалъ такого голоса.

— Вотъ какъ я понимаю любовь и, вотъ, почему не хотѣла больше васъ видѣть послѣ того, какъ послала вамъ ту карточку, договорила она.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, скажите! вскричалъ въ волненіи Джорджіо. То, что вы написали... вы такъ думали?

— Да, сказала она, глядя на него.

Онъ вскочилъ.

— Зачѣмъ-же вы говорили мнѣ ужасы? Безсердечная, безжалостная! Все равно—я васъ люблю! Будь еще живъ тотъ человѣкъ, я убилъ-бы его... или убилъ-бы васъ... но я люблю васъ, видите...

Ната отвернулась, погрузилась въ кресло и вмѣсто отвѣта, протянула руку надъ спинкою, Джорджіо бросился, схватилъ эту руку и припалъ съ поцѣлуями. Ната сказала спокойно:

— Счастливаго пути, Лаферлита.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Маркъ Аврелій.

Статья **В. В. Чуйко.**

Императоръ Антонинъ умеръ 7-го марта 361 года во дворцѣ Лоріумъ, какъ истинный мудрецъ. Когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ привелъ въ порядокъ свои личныя дѣла и приказалъ отнести въ комнату своего пріемнаго сына, Марка Аврелія, статую Фортуны, которая, по заведенному обычаю, должна была находиться всегда въ комнатѣ императора; затѣмъ, онъ уснулъ, чтобы не просыпаться больше.

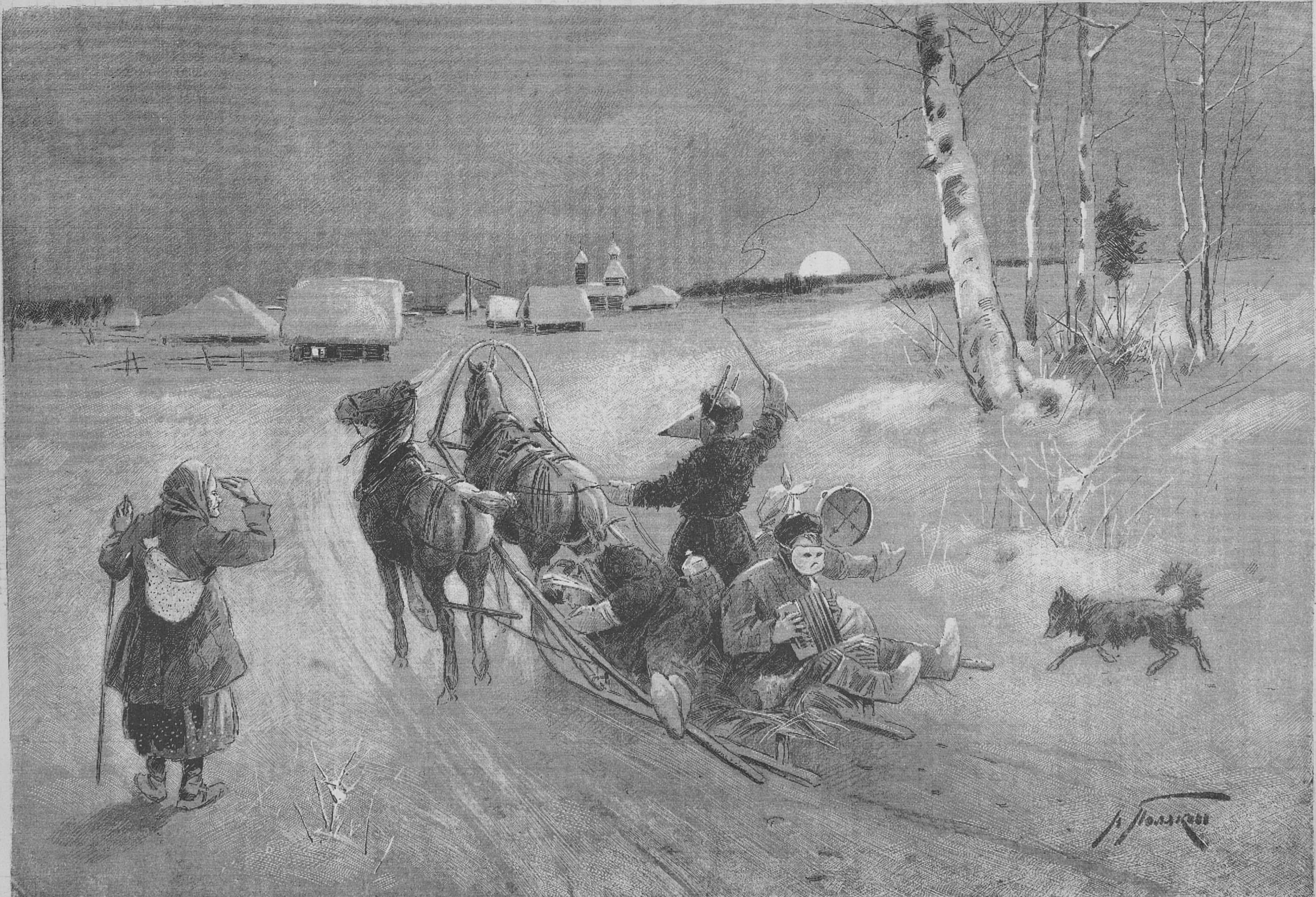
Безъ всякаго сомнѣнія, Антонинъ оставилъ-бы послѣ себя репутацію самаго лучшаго и гуманнѣйшаго изъ монарховъ, еслибы послѣ его не вступилъ на престолъ человѣкъ, преисполненный такой-же доброты и скромности, но кромѣ того, надѣленный еще блескомъ таланта и замѣчательной симпатичностію натуры. Антонинъ былъ философъ, такъ сказать, безсознательный: у Марка Аврелія, напротивъ того, мысль работала постоянно и сознательно.

Самъ Маркъ Аврелій оставилъ намъ въ первой книгѣ своихъ «Мыслей» портреты членовъ своей семьи и учителей. Благодаря его описаніямъ мы можемъ понять до извѣстной степени, какъ много высокой чести, личнаго достоинства, гражданской доблести скрывалось еще въ старыхъ римскихъ семьяхъ, видѣвшихъ и пережившихъ императоровъ-тирановъ. Въ этихъ семьяхъ высоко чтили память Катона, Брута, Тразеаса, стоиковъ. Память о Домиціанѣ внушала ужасъ и отвращеніе. Вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ Антониновъ вступило во власть то изысканное, высоко образованное общество, съ которымъ знакомитъ насъ Тацитъ, общество мудрецовъ, образовавшееся изъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ возмущалъ деспотизмъ первыхъ цезарей. Это было, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, царство философовъ. Ни дѣтски-наивная пышность восточныхъ государствъ, ни неповоротливая, неуклюжая гордость средневѣковыхъ монархій, основанныхъ на аристократическомъ принципѣ и на наивной вѣрѣ германскихъ народовъ въ права крови,—не могутъ дать намъ никакого понятія объ этой чисто-республиканской власти Нервы, Траяна, Адріана, Антонина, Марка Аврелія. Это было нѣчто въ родѣ гражданской магистратуры, безъ всякаго признака царственнаго величія. Маркъ Аврелій не былъ монархомъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Его состояніе было громадно, но родовое, доставшееся ему по наслѣдству; его отвращеніе къ «цезарямъ» (такъ называлъ онъ императоровъ до Нервы), которые казались ему чѣмъ-то въ родѣ дикихъ, развратныхъ, жестокихъ Сарданапаловъ, — было безпредѣльно и видно почти во всякой строчкѣ его «Мыслей». Сенату онъ возвратилъ его прежнее значеніе; когда онъ находился въ Римѣ, онъ никогда не пропускалъ засѣданій въ сенатѣ и оставлялъ свое мѣсто только тогда, когда консулъ произносилъ свою обычную формулу: «Nihil vos moramur, Patres conscripti».

Маркъ Аврелій ясно видѣлъ недостатки своихъ друзей - философовъ, но онъ различалъ ученіе отъ тѣхъ, которые его проповѣдуютъ. Онъ зналъ, что немного найдется философовъ, которые-бы исполняли то, что совѣтовали исполнять другимъ. Опытъ доказалъ ему, что многіе изъ нихъ были жадны, корыстолюбивы, неуживчивы, самонадѣянны, что они искали ссоръ, были завистливы и мелки; но въ то-же время онъ зналъ, что было-бы пустой тратой времени искать въ людяхъ совершенства. Маркъ Аврелій былъ страстно преданъ философіи, но не всегда любилъ философовъ. Онъ говаривалъ: «нужно почитать истинныхъ философовъ; нужно быть снисходительнымъ къ людямъ, играющимъ роль философовъ; но не слѣдуетъ быть игрушкой ни тѣхъ, ни другихъ». Онъ усидчиво посѣщалъ философскія школы, слушалъ Аполлонія, Секста Херонейскаго и не сердился, когда надъ нимъ подшучивали за эту слабость

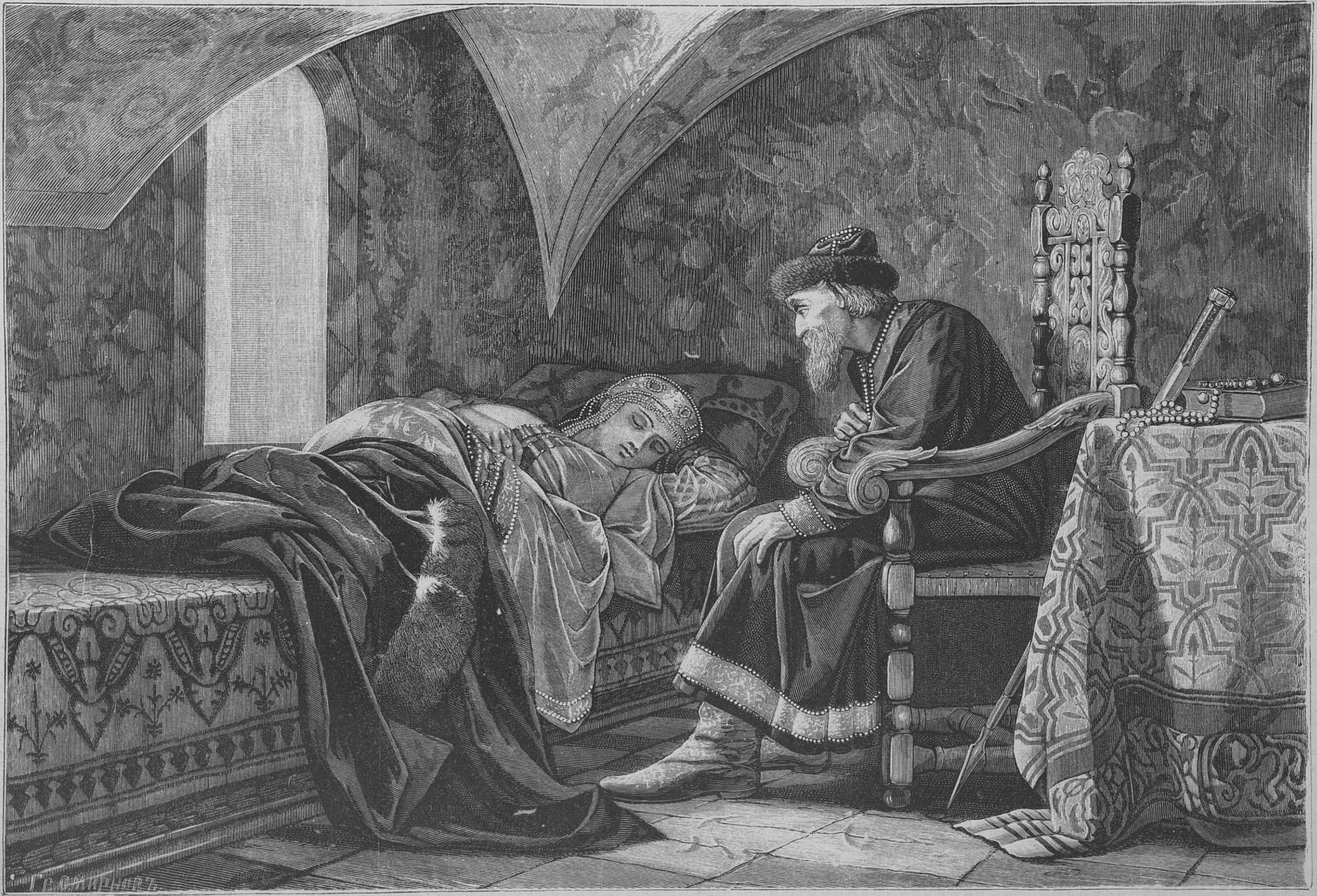
РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ В. Полякова.



Ряженые.

Съ картины Г. Сѣдова.



Іоаннъ Грозный и Василиса Мелентьева.

Гравировалъ на деревѣ А. Смирновъ въ Спб.

къ философіи. Въ Аѳинахъ онъ основалъ каѳедры наукъ и, такимъ образомъ, учредилъ нѣчто въ родѣ университета.

Понятно, что истинные римляне, пропитанные духомъ прошлаго, были недовольны вліяніемъ на дѣла республики людей, не имѣвшихъ предковъ, не способныхъ къ военному дѣлу, принадлежащихъ, въ большинствѣ случаевъ, къ восточнымъ народностямъ, которые презиралъ истинный римлянинъ. Это недовольство съ особенной силой выразилось у Авидія Кассія, человѣка просвѣщеннаго и сочувствовавшаго Марку Аврелію, но убѣжденнаго, что правительство не нуждается въ философіи. Онъ называлъ императора «бабой-философомъ» и въ концѣ концовъ дошелъ до того, что поднялъ знамя бунта. Онъ упрекалъ императора въ томъ, что первыя мѣста въ государствѣ онъ отдавалъ людямъ, не представлявшимъ никакихъ гарантій ни своимъ состояніемъ, ни своимъ прошлымъ, ни спеціальнымъ, государственнымъ образованіемъ. И, дѣйствительно, добрый императоръ былъ такъ наивенъ, что хотѣлъ выдать замужъ свою дочь Луцилію, вдову Луція Вера, за Помпеяна, хотѣлъ, чтобы Луцилія полюбила Помпеяна за его философскія добродѣтели. Этотъ несчастный проэктъ былъ причиной семейныхъ непріятностей императора, такъ какъ его супруга Фаустина, воспротивилась предполагаемому браку и стала во главѣ оппозиціи. — Свѣтскіе люди не безъ основанія издѣвались надъ философами, толпами появлявшимися на городскихъ площадяхъ, съ палками въ рукахъ, съ длинными, нечесаными бородами, съ котомками за спиной, въ дырявыхъ плащахъ, надъ этими сапожниками, ремесленниками, бросившими свои лавочки и жившими теперь праздной жизнію нищенствующихъ циниковъ. Но вообще говоря, несмотря на свою слабость къ философамъ, Маркъ Аврелій умѣлъ различать людей. Тѣ, которыми онъ себя окружилъ, были, въ большинствѣ случаевъ, люди очень почтенные. Еще Сенека мечталъ о правительствѣ философовъ; при Маркѣ Авреліѣ эта мечта осуществилась: философы получили власть и образовали нѣчто въ родѣ личнаго совѣта императора, совѣта, котораго вліяніе на дѣла было громадно.

Это любопытное явленіе,—можетъ быть единственное въ исторіи,—зависѣло, конечно, отъ личнаго характера Марка Аврелія, но оно было также слѣдствіе самыхъ свойствъ Римской имперіи, того представленія о государствѣ, представленія чисто раціоналистическаго, къ которому не примѣшивалось ничего теократическаго. Законъ былъ, по этому представленію, выраженіемъ разума; понятно, поэтому, что люди разума должны были быть во главѣ разума. Все римское общество вѣками воспитывалось на греческой философіи. Философія, въ концѣ концовъ, превратилась почти въ религію; у ней были свои проповѣдники, свои миссіонеры, свои духовные отцы, свои казуисты. Каждый вельможа непремѣнно имѣлъ около себя семейнаго философа, который былъ его другомъ, наставникомъ, духовнымъ отцомъ. Образовалось нѣчто въ родѣ особенной касты и члены этой касты обязаны были имѣть почтенный видъ, красивую бороду, должны были умѣть съ достоинствомъ носить свой плащъ. Рубелій Плавтъ имѣлъ около себя «двухъ докторовъ по мудрости», — Кореяна и Музонія, обязанностью которыхъ было представлять Плавту резоны ожидать смерти съ равнодушіемъ. Умирая, бесѣдовали съ какимъ-нибудь мудрецомъ, для того, чтобы смерть имѣла возвышенный и нравственный характеръ.

При такихъ общественныхъ, сильно укоренившихся нравахъ, было неизбѣжно, чтобы власть, съ наступленіемъ благопріятныхъ условій, перешла къ философамъ. Это-то именно и случилось при Маркѣ Авреліѣ. Въ чемъ заключался характеръ этой власти? Къ какимъ результатамъ она привела? Соціальный прогрессъ, несомнѣнно, выигралъ во многомъ; увеличилась гуманность, смягчились нравы; но за то военное дѣло, пластическія искусства, литература пришли въ упадокъ. Философы и писатели не ладили между собой; философы съ презрѣніемъ смотрѣли на легкомысліе писателей; писатели издѣвались надъ неуклюжимъ слогомъ философовъ, надъ ихъ грубостью. Маркъ Аврелій сначала колебался, потомъ рѣшительно перешелъ на сторону философовъ. Латинскій языкъ онъ не уважалъ и писалъ только по гречески. Съ этой минуты начинается быстрое паденіе латинской литературы. — То-же самое можно сказать и относительно искусства: философы считали искусство чѣмъ-то ребяческимъ, не сорьезнымъ, и не поощряли его.

Правда, философія того времени была въ высшей степени нравственной, но не имѣла научнаго характера, такъ что стоицизмъ, способствуя нравственному прогрессу въ человѣчествѣ, оказался слабымъ въ борьбѣ съ суевѣріемъ: онъ возвышалъ сердца, но понижалъ умы. Мистицизмъ, всякаго рода суевѣрія, галлюцинаціи болѣзненно-разстроеннаго воображенія сдѣлались явленіемъ обычнымъ, всеобщимъ. Востокъ съ своимъ мистическимъ бредомъ охватилъ имперію. Одна лишь отвлеченная мысль осталась свободной. Открытіе востока, увеличившіяся сношенія между народами, смѣшеніе различныхъ философскихъ ученій питали абстрактную мысль, расширяли ее. Человѣкъ, бывшій прежде только отцомъ и гражданиномъ, сдѣлался теперь вѣрующимъ и мыслителемъ; въ своихъ несчастіяхъ онъ утѣшалъ себя созерцаніемъ безконечнаго. Толпа достигала этого путемъ преданія и мистической мечты; истинные мудрецы, воспитанные на греческой литературѣ, излечивали раны своего сердца раціоналистическимъ умозрѣніемъ. По счастливой случайности, одинъ изъ нихъ, Маркъ Аврелій, оказался властелиномъ міра и показалъ людямъ, что такое стоикъ въ истинномъ значеніи этого слова.

Но его положеніе было ужаснѣе, невыносимѣе, чѣмъ положеніе всѣхъ остальныхъ. Будучи абсолютнымъ монархомъ, что могъ онъ встрѣтить, кромѣ низкой лести и жадности? Что могъ онъ ожидать, кромѣ лести и подлости? Маркъ Аврелій все это видѣлъ вокругъ себя, въ самой семьѣ своей. Усталый, больной, онъ возвращался въ Римъ послѣ трудной кампаніи, спася имперію отъ варваровъ, а народъ, вмѣсто благодарности, требовалъ отъ него раздачи денегъ! Онъ готовился къ экспедиціи противъ маркомановъ, почти безъ войска, продавъ всѣ сокровища своего дворца на военныя издержки, а народная глупость заставляла его таскать за собой толпу волшебниковъ и халдеевъ! Его лучшій военачальникъ, Авидій Кассій, измѣнилъ ему; его соуправитель Велъ коснѣлъ въ развратѣ; его жена оказалась оклеветанной или преступной; его сынъ и наслѣдникъ его престола, Коммодъ, былъ убійца и нравственный уродъ. Онъ видѣлъ, какъ люди нравственно падали, какъ населеніе уменьшалось, развратъ увеличивался, гражданская доблесть понижалась, и въ тоже время чувствовалъ полное безсилье помочь горю. «Нелѣпы,—писалъ онъ, тѣ политики, которые хотятъ примѣнять философію къ управленію. Не надѣйся на республику Платона. Довольствуйся хотя бы самымъ ничтожнымъ количествомъ добра, которое ты можешь сдѣлать»! Это ничтожное количество добра заключалось въ томъ, чтобъ поддержать падающую имперію! Не имѣя ни здоровья, ни арміи, онъ зимовалъ въ Германіи съ наемными солдатами, и рабами, среди злокачественныхъ болотъ, въ снѣгу, преслѣдуемый варварами, принужденный убивать и быть жестокимъ, вопреки своей гуманности, опечаленный своими собственными побѣдами. Не любовь къ славѣ, не наслажденіе успѣхомъ, не увлеченіе борьбой поддерживали его; его поддерживало сознаніе необходимости и долга.

Онъ умеръ на своемъ посту, въ Германіи, въ палаткѣ, на пятьдесятъ восьмомъ году жизни, ни разу не упавъ духомъ. Онъ оберегъ имперію отъ измѣнъ и варваровъ, несмотря на равнодушіе народа, на пороки своего соуправителя, на трусость солдатъ. Онъ избѣгалъ удовольствій, не зналъ роскоши, не злоупотреблялъ своей властью, уважалъ сенатъ, старался быть справедливымъ, никогда не обходилъ закона. Онъ покровительствовалъ обвиненному и рабу; онъ переносилъ клевету, основывалъ школы. Доброта, нѣжность, человѣколюбіе и мягкость сердца составляли основныя черты его натуры. Строгій стоицизмъ не подавлялъ его гуманности и доброты. Онъ, если можно такъ выразится, любилъ любить. Его «Мысли» начинаются порывами благодарности; онъ тщательно перечисляетъ всѣ благодѣянія, полученныя имъ отъ его родителей и учителей. Съ верхушекъ философіи и политики онъ спустился на лоно семьи: «Вотъ и опять наступаютъ лѣтніе жары,—пишетъ онъ; но такъ какъ наши малыши здоровы, то намъ кажется, что у насъ воздухъ чистъ и весенняя температура». Въ его «Мысляхъ» нѣтъ ничего намѣченнаго и сухаго; его сентенціи, писанныя вечеромъ, при лампѣ, въ лагерѣ, или по выходѣ изъ сената, носятъ на себѣ, какъ бы отпечатокъ своего происхожденія; видишь подъ какимъ впечатлѣніемъ онѣ возникаютъ, при какихъ условіяхъ онѣ развиваются. Это—нѣчто въ родѣ дневника, какъ и «Мысли» Паскаля, съ тою только разницей, что Маркъ Аврелій сохранилъ до конца нравственное здоровье, никогда не впадалъ въ отчаяніе и экстазъ, подобно Паскалю. Въ этомъ дневникѣ видна душа великаго поэта, который, созерцая возвышенное, сдерживается и, подавляя свои волненія, говоритъ отрывисто, понижая голосъ. «Человѣкъ, ты былъ гражданиномъ этого великаго города. Пять лѣтъ или три года,—развѣ не все равно? Важно только то, что ты жилъ такъ, какъ слѣдуетъ жить. Нѣтъ ничего ужаснаго оставить этотъ городъ и быть уведеннымъ, не тираномъ, не праведнымъ судьей, а природой, которая ввела тебя туда, въ качествѣ автора, котораго теперь отпускаютъ на покой и замѣняютъ другимъ? Я не сказалъ: пять актовъ; я сказалъ: три. Въ этихъ трехъ актахъ заключается вся пьеса. Улетай же, спокойная душа, ибо тотъ, кто тебя отпускаетъ—спокоенъ»!

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

В. Чуйко.

Наблюденія и размышленія.

(Фельетонныя замѣтки и очерки).

Это было очень давно, въ началѣ прошлаго царствованія. На сценѣ давали «Фенеллу». Играли артисты превосходно. Въ то время несчастная «нѣмая изъ Портичи» еще не плясала бѣшеной тарантеллы, а Мазаніелло, хотя онъ по тогдашнимъ условіямъ драматической цензуры и назывался Руджіеро, игралъ все-же, какъ и слѣдуетъ настоящему Мазаніелло. Въ первомъ ряду креселъ сидѣлъ, между прочими, нѣкто Я. В—въ, сосланный когда-то на Кавказъ за свои слишкомъ горячіе бреттерскіе порывы и только что возвращенный снова въ Петербургъ, уже старикомъ. Онъ страстно увлекся игрой артистовъ и когда сподвижники Мазаніелло бросились въ послѣднемъ актѣ оперы въ бѣгство, Я. В—въ забылся совсѣмъ. Онъ вскочилъ и, колотя по барьеру, своей шашкой, крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Назадъ, негодяи! Не сдаваться!

Другой анекдотъ. Въ Александринскомъ театрѣ давали какую-то мелодраму, гдѣ первый трагикъ долженъ былъ въ концѣ пьесы убить первую трагическую актрису. Какъ только дошло дѣло до этой сцены, изъ райка вдругъ перегнулась черезъ барьеръ ражая фигура рослаго дѣтины съ засученными рукавами и грянулъ крикъ:

— Не поддавайся, не поддавайся, я здѣсь!

Это былъ увлекшійся представленіемъ мясникъ, поставщикъ первой трагической актрисы.

Въ исторіи знаменитой соперницы очаровательной Клеронъ, Маріи Дюмениль, этой французской Стрепетовой прошлаго столѣтія, имѣется тоже интересный анекдотъ въ этомъ родѣ. Не особенно красивая, не слишкомъ-то граціозная, часто угловатая въ манерахъ, одѣвавшаяся безъ вкуса, Дюмениль доходила до такого вдохновенія во время игры, что заставляла зрителей забывать все. Однажды въ «Родагунѣ», играя роль Клеопатры, послѣ пятаго акта, Дюмениль высказала свои возмутительныя проклятія и вернулась за кулисы. Вдругъ кто-то злобно ударилъ ее кулакомъ въ спину и крикнулъ ей:

— Убирайся, убирайся, собака, ко всѣмъ чертямъ!

Это былъ старый пожарный, стоявшій между кулисами и совершенно позабывшій, что передъ нимъ стоитъ не сама Клеопатра, а изображающая Клеопатру артистка. Дюмениль, дожившая чуть-ли не до девяноста лѣтъ, всегда съ восторгомъ вспоминала объ этой оцѣнкѣ ея игры.

Какъ иногда дѣйствуетъ театръ на людей—объ этомъ исторія сохраняетъ одно изъ яркихъ доказательствъ: 5-го августа 1830 года, жители Брюсселя прямо изъ театра, послѣ представленія «Нѣмой изъ Портичи», пошли освобождать родину отъ чужеземнаго владычества и создали самостоятельную Бельгію.

«Но другія времена, другія птицы и у нихъ другія пѣсни», говоритъ Гейне. Теперь, по крайней мѣрѣ, насъ одушевить и увлечь могутъ только очень рѣдкіе артисты, на которыхъ ходятъ смотрѣть, какъ на диковинку-великановъ, окруженныхъ пигмеями, и нерѣдко великанами-то они кажутся именно только потому, что ихъ окружаютъ пигмеи. Съ большинствомъ же артистовъ бываетъ вотъ что. Въ позапрошломъ году намъ случилось попасть въ театръ, когда давали драму «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Въ тяжелой, полной внутренняго драматизма сценѣ, когда Красновъ, обманываемый женою, мириться съ нею и ласкаетъ ее, уже чувствующую къ нему отвращеніе, артистъ такъ пригнулъ къ себѣ голову артистки, что въ разныхъ углахъ послышался сдержанный смѣхъ, а изъ райка грянуло раздалое:

— Би-исъ! би-исъ!

Едва-ли, покинувъ сцену, артистъ съ наслажденіемъ будетъ вспоминать объ этой «оваціи», какъ Дюмениль вспоминала о затрещинѣ, данной ей пожарнымъ.

Говорятъ, что въ наше скучающее и страдающее худосочной «прострацией» время люди ищутъ не слезливой драмы и ужасающей трагедіи, а веселаго смѣха. Такъ-ли это? Смѣхъ-ли имъ нуженъ?

Смѣхъ никогда не считался лишнимъ и слишкомъ сотню лѣтъ тому назадъ было сказано, что всѣ роды литературы хороши, кромѣ скучнаго. Высказавшіе это люди шутили и смѣшили публику на перебой. Сама Екатерина Великая покатывалась со смѣху отъ этого веселаго рода литературы, говоря, что господинъ Вольтеръ можетъ ее развеселить въ самыя мрачныя минуты. Правда, поклонники этихъ писателей очень огорчились, когда послѣдователи остроумныхъ весельчаковъ оказались очень неблагонамѣренными людьми, и многіе изъ этихъ поклонниковъ такъ и умерли, не понявъ, какъ могло произойти это явленіе. Дѣло въ томъ, что эти поклонники веселыхъ остроумцевъ упустили изъ виду одно ничтожное обстоятельство: они подмѣтили въ своихъ любимцахъ видимый смѣхъ, а другіе собирали у этихъ же писателей только невидимыя слезы. Смѣхъ смѣху рознь, Эразмъ Роттердамскій и Раблэ, Боккачьо и Свифтъ, Гейне и Берне, Гоголь и Щедринъ смѣялись и смѣшили, но каждый изъ нихъ смѣло могъ взять эпиграфомъ для своихъ произведеній слова древняго пророка: «горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся». Въ наше время этотъ смѣхъ слышется все рѣже и рѣже и общество, повидимому, жаждетъ не его. Пикантный анекдокъ, плоская шутка, сальная двусмысленность легче, а все легковѣсное теперь въ ходу: пищеваренію это способствуетъ. Маленькіе разсказцы, маленькія хроники, маленькіе фельетоны, маленькіе жанры, маленькія газетки, все это не обременяетъ головы и потому терпится, а что требуетъ хотя малѣйшаго напряженія мозга, то отбрасывается въ сторону, какъ ненужное. Даже старая оффенбаховская оперетка, направленная противъ Кальхасовъ, Менелаевъ, Бобешей и Прекрасныхъ Еленъ эпохи Наполеона III, стала тяжела; потребовалось смѣнить ее простыми скабрезностями «Маскотъ» и «Маленькихъ герцоговъ», которые въ свою очередь оказались тяжелыми, такъ какъ тутъ все-же нужно было что-то слушать, и потому на смѣну имъ явилась феерія—здѣсь уже легкость пониманія достигнута вполнѣ: на сценѣ сотни полуобнаженныхъ мужчинъ и женщинъ составляютъ группы, принимаютъ тѣ или другія позы для нагляднаго обученія, разыгрываютъ пантомиму любви и все это освѣщается бенгальскими огнями,—чего же лучше. Мусульманамъ обѣщано наслаждаться за благоправіе подобными зрѣлищами только въ раю Магомета; мы, не мусульмане, устроили для себя эти зрѣлища на землѣ и созерцаемъ. Если бы какой-нибудь фотографъ снялъ портреты всѣхъ этихъ зрителей феерiи во время ея представленія, мы имѣли бы цѣлую серію изображеній выраженія блаженной глупости на человѣческихъ физіономіяхъ. Замаслившіеся полусонные глаза, полуоткрытые рты, широко расплывающіяся улыбки, точно тутъ собрались одни идіоты, а не тѣ Колупаевы и Разуваевы, Юханцевы и Рыковы, соврасы и мышиные жеребчики, которые чисто обдѣлываютъ свои житейскія дѣла и плотно набиваютъ свои карманы. Эти господа напоминаютъ въ такія минуты наѣвшихся крокодиловъ грѣющихся на солнцѣ во время пищеварительнаго процесса.

Требованья желудка — самыя страшныя требованія. Подчиняясь имъ, тѣ, кого кормитъ командующая толпа, волей-неволей угождаютъ ея вкусамъ, пишутъ для нея мелкія побасенки, сальничаютъ, создаютъ обстановочныя пьесы! Не дѣлай они этого—ѣсть имъ будетъ нечего, это сознавала уже Периколла, восклицавшая съ отчаяніемъ: «Мы, представители серьезнаго искусства, голодаемъ, а люди бѣгутъ смотрѣть собачью комедію».

Среди этого угожденія командующей толпѣ все рѣже и рѣже встрѣчаемъ на сценѣ серьезныя пьесы. Такими пьесами въ послѣднее время были «Эгмонтъ» Гете и «Смерть Агриппины» г. Буренина. Къ счастію для артистовъ, эти пьесы обстановочныя и, вѣроятно, онѣ продержатся нѣкоторое время въ репертуарѣ. Мы говоримъ: «къ счастію для артистовъ», потому что безъ серьезныхъ пьесъ артисты даже разучатся, пожалуй, играть и научатся только паясничать, что уже и сдѣлалось со многими.

Кстати замѣтимъ курьезъ: какъ въ драмѣ Гете, такъ и въ драмѣ г. Буренина есть отступленія отъ исторіи. У Гете вся постройка драмы основана на неточности, такъ какъ пожилой отецъ многочисленнаго семейства Эгмонтъ превращенъ въ молодого холостого человѣка; у г. Буренина отступленія мелки, какъ, напримѣръ, смерть Агриппины перенесена въ другое мѣсто, а не въ то, гдѣ она умерла въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе объ отступленіяхъ Гете умолчали, а г. Буренину, какъ и слѣдовало ожидать, зачли это въ незнаніе исторіи, какъ будто автору такъ трудно было перелистать не длинную исторію Агриппины просто на русскомъ языкѣ. Кстати рецензенты забыли и то, что даже у великихъ драматурговъ такія уклоненія отъ исторической правды встрѣчаются сплошь и рядомъ. Не говоримъ уже о Шекспирѣ, а укажемъ только на «Марію Стюартъ» Шиллера, гдѣ этихъ уклоненій не мало въ обрисовкѣ главной героини пьесы, и на Донъ-Карлоса того-же поэта, превратившаго главнаго героя въ симпатичнаго молодого человѣка, тогда какъ это былъ одинъ изъ самыхъ отталкивающихъ по внѣшности и по характеру юношей, едва-ли стоявшій выше своего безумно-кровожаднаго отца...

Впрочемъ, отступленія отступленіямъ рознь. Недавно, перелистывая одинъ изъ сборниковъ сотни нашихъ «новыхъ поэтовъ», мы натолкнулись на слѣдующее отступленіе отъ исторической правды. Давидъ, бросая камень въ Голіаѳа, предварительно трижды осѣнился крестнымъ знаменіемъ! Это вотъ ужь слишкомъ смѣлое отступленіе отъ исторической правды.

Мы сейчасъ сказали, что артисты безъ серьезнаго репертуара могутъ разучиться играть. Этого мало: они, если они молоды, безъ серьезнаго репертуара могутъ вовсе не научиться играть. Сколько сотенъ дарованій погибло именно потому, что имъ не давали ролей. Припомнимъ одну исторію.

Это было давно... Впрочемъ, это могло быть и вчера, это можетъ повториться и завтра, такъ какъ исторія, о которой я хочу поговорить, повторялась и повторяется вездѣ и всюду. Это затираніе таланта...

На одной изъ сценъ во время представленія «Горькой судьбины» блеснулъ яркой звѣздочкой новый талантъ. Всѣхъ ошеломило, смутило, сбило съ толку это явленіе, такъ какъ завсегдатаи театра давно уже знали по сценѣ эту дурнушку, эту заурядную полезность, эту полуголодную актрису третьяго разбора, не выдававшуюся даже на столько, чтобы кто нибудь взялъ ее подъ свое покровительство. Она годъ тому назадъ явилась въ городъ къ театральному антрепренеру въ жалкомъ костюмѣ, съ робкимъ выраженіемъ лица, безъ всякаго признака развязности, и попросила мѣста, дебюта. Антрепренеръ сразу понялъ, что въ сущности она проситъ хлѣба. Но театръ не богадѣльня, антрепренеры не филантропы по профессіи и прежде чѣмъ дать кусокъ хлѣба голодному, они должны быть увѣрены, что этотъ кусокъ хлѣба окупиться имъ въ десять разъ.

— Вы играли гдѣ нибудь? спросилъ у нея антрепренеръ.

— Нѣтъ... то есть да, я играла на домашнихъ театрахъ, въ благотворительныхъ спектакляхъ, кое гдѣ въ клубахъ, отвѣтила просительница.

— У васъ есть отзывы?

— Какіе отзывы?

— Газетныя статьи, разборы вашей игры.

— Обо мнѣ нигдѣ не писали...

Антрепренеръ сдѣлалъ гримасу.

— Какое же амплуа вы хотите занять?

— Первыхъ любовницъ... сильныя драматическія роли.

Антрепренеръ расхохотался.

— Я не такъ богатъ, чтобы принимать на первыя роли дешевыхъ неизвѣстностей.

— Я изучала нѣсколько лѣтъ Островскаго, Шиллера, Шекспира, робко пояснила просительница.

Она умолчала при этомъ, что, изучая этихъ авторовъ, она перебивалась уроками, шитьемъ, стиркою, чтобы не умереть съ голоду.

— Нѣтъ, вы это ужь оставьте, перебилъ ее антрепренеръ.—Это всѣ говорятъ. А вотъ у меня есть свободное мѣсто на амплуа горничныхъ, субретокъ... Правда, тутъ нужны миловидность и бойкость... Но, пожалуй, я готовъ васъ попробовать на этомъ амплуа, если вы кое какъ справитесь съ дѣломъ...

Она дошла до послѣдней крайности, она въ послѣднее время занималась почти исключительно стиркой бѣлья; она иногда голодала по цѣлымъ днямъ, погибая въ подвалѣ отъ холода и сырости. Ей предлагали открыть двери на сцену, то есть предлагали то, о чемъ она мечтала дѣвочкой, ради чего она исковеркала и испортила всю свою молодость, не сдѣлавшись ни швеею, ни учительницей музыки, ни гувернанткою, ни матерью семейства; правда, ей предлагали вступить на эту обожаемую ею сцену въ послѣднихъ роляхъ, когда она мечтала быть царицей этой сцены, но все таки у нея являлась надежда сдѣлать первый шагъ къ завѣтной цѣли и, сверхъ, того она была голодна, голодна, голодна. Она согласилась на предложеніе. Она явилась на репетицію, она играла передъ публикой, ее не ошикали, не вызвали, ее просто не замѣтили, если не считать того, что какой-то военный въ первомъ ряду креселъ спросилъ своего сосѣда:

— А это что за угнетенная невинность?

— Право, не знаю, отвѣтилъ сосѣдъ,—вѣроятно, чья нибудь горничная.

У антрепренера въ данную минуту не было никого подъ рукою, кѣмъ бы можно было замѣнить новую актрису; онъ видѣлъ, что ее не освистали, что она умѣетъ двигаться по сценѣ, и рѣшился дать ей кусокъ хлѣба. Это былъ скудный, черствый хлѣбъ; онъ попалъ ей въ руки случайно, за неимѣніемъ болѣе достойной для полученія его; но она была рада и этому. Играя ежедневно послѣднія роли, не замѣчаемая никѣмъ, третируемая свысока подругами, она присматривалась къ игрѣ другихъ и плакала, горько плакала дома, потому что ей казалось, что эти люди профанируютъ искусство, убиваютъ пьесы, коверкаютъ идеи авторовъ. Послѣ тревогъ и слезъ она смотрѣла еще болѣе жалкою, и антрепренеръ подумывалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе добыть новую субретку на мѣсто этой «нюни». Случай распорядился иначе: новой субретки антрепренеръ не досталъ, а потерялъ первую любовницу въ день объявленнаго представленія «Горькой судьбины». Его первая любовница имѣла привычку кататься на тройкахъ, пить шампанское на пикникахъ съ первыми, вторыми и третьими любовниками. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ она схватила тифъ. Антрепренеръ потерялъ голову и не зналъ, что дѣлать. Въ такія минуты утопающіе хватаются за соломенку и онъ сдѣлалъ то же: соломенка, за которую онъ схватился, была его «нюня-субретка».

— Ну, ужь за то и провалитъ она Писемскаго, говорилъ онъ первому любовнику.

— Я удивляюсь, какъ вы рѣшились поручить ей эту роль, удивлялся первый любовникъ.

— Такъ что же мнѣ, самому играть эту роль, что-ли? Она хоть наизусть ее знаетъ; значитъ отрапортуетъ ее публикѣ на зубокъ. Поручи другой—та къ суфлерной будкѣ приростетъ. Да эта и ныть умѣетъ.

Антрепренеръ и актеры хихикали, ожидая курьезнаго спектакля. Да и были причины ожидать шумнаго провала. Всѣ знали, какъ безцвѣтна та, которой поручалась отвѣтственная роль, всѣ считали ее дурнушкой. Къ довершенію всего на единственной репетиціи «Горькой судьбины» Лизавета прочла свою роль однообразно, заботясь только о томъ, чтобы запомнить, кто гдѣ будетъ стоять въ извѣстныя минуты.

— Да вы поживѣй! Вы развернитесь! говорилъ антрепренеръ, но она не оживлялась, не развертывалась.

Онъ безнадежно махнулъ рукою.

Насталъ часъ представленія. Публикѣ заявили, что по внезапной болѣзни г-жи Малышевой, роль Лизаветы любезно взяла на себя г-жа Краснухина. Этого было довольно, чтобы взволновать весь театръ.

— Это наглое надувательство! Лучше-бы отмѣнить вовсе спектакль! Этотъ антрепренеръ чортъ знаетъ что дѣлаетъ! Освистать-бы ее надо! Нѣтъ, это будетъ любопытно!

Эти возгласы слышались вездѣ. Любопытство одержало верхъ надъ другими чувствами и всѣ оживились надѣясь посмѣяться до колотья въ драмѣ.

Занавѣсъ поднялся. Все утихло. Прошла сцена скучнаго нытья двухъ старухъ. Пріѣхалъ хозяинъ дома. Вошла Лизавета. Началась раздача подарковъ хозяиномъ. Начался обѣдъ. Лизавета производила впечатлѣніе приговоренной къ смерти, но и только. Страненъ показался всѣмъ голосъ Лизаветы: у нея точно перехватило горло, была какая-то хрипота въ голосѣ. Наконецъ настала сцена объясненія съ мужемъ. Она заговорила быстрой скороговоркой вытверженныя со словъ барина-любовника рѣчи, заговорила со слезами въ голосѣ, тономъ не оправдывающейся, а жалующейся и упрекающей бабенки. Публика, казалось, замерла, застыла во время этого монолога и когда онъ былъ конченъ, никто уже не ожидалъ, что скажетъ мужъ Лизаветы. Въ залѣ стономъ раздалось.

— Браво, Краснухина! Браво, Краснухина!

Съ этой минуты публика уже не видала никого, кромѣ ея на сценѣ. Всѣхъ поразило, до какихъ нѣжныхъ ласкающихъ нотъ дошелъ этотъ голосъ въ сценѣ любовнаго объясненія съ бариномъ. Въ залѣ раздались истерическіе крики, когда пронесся вопль Лизаветы: «Убилъ! убилъ!» и всѣмъ стало жутко, когда она, растрепанная, въ безпорядочномъ костюмѣ, заметалась въ безуміи по сценѣ, послѣ убійства ея ребенка...

Это былъ успѣхъ полный, серьезный, порабощающій толпу артисту. Краснухина понимала это. Теперь она могла предписывать антрепренеру свои условія, распоряжаться репертуаромъ, командовать и артрепренеромъ, и товарищами, и публикой. Она ушла домой, торжествующая, счастливая и въ то же время обезсиленная. Когда она пришла въ свою комнату и увидала въ зеркалѣ свое отраженіе—у нея вдругъ замерло сердце: ей показалось, что она видитъ въ зеркалѣ не себя, а покойницу—это было роковое предостереженіе, напоминаніе о томъ, что ея дни уже сосчитаны...

Впереди была слава—слава и могила.

X.

ЖУРНАЛИСТИКА.

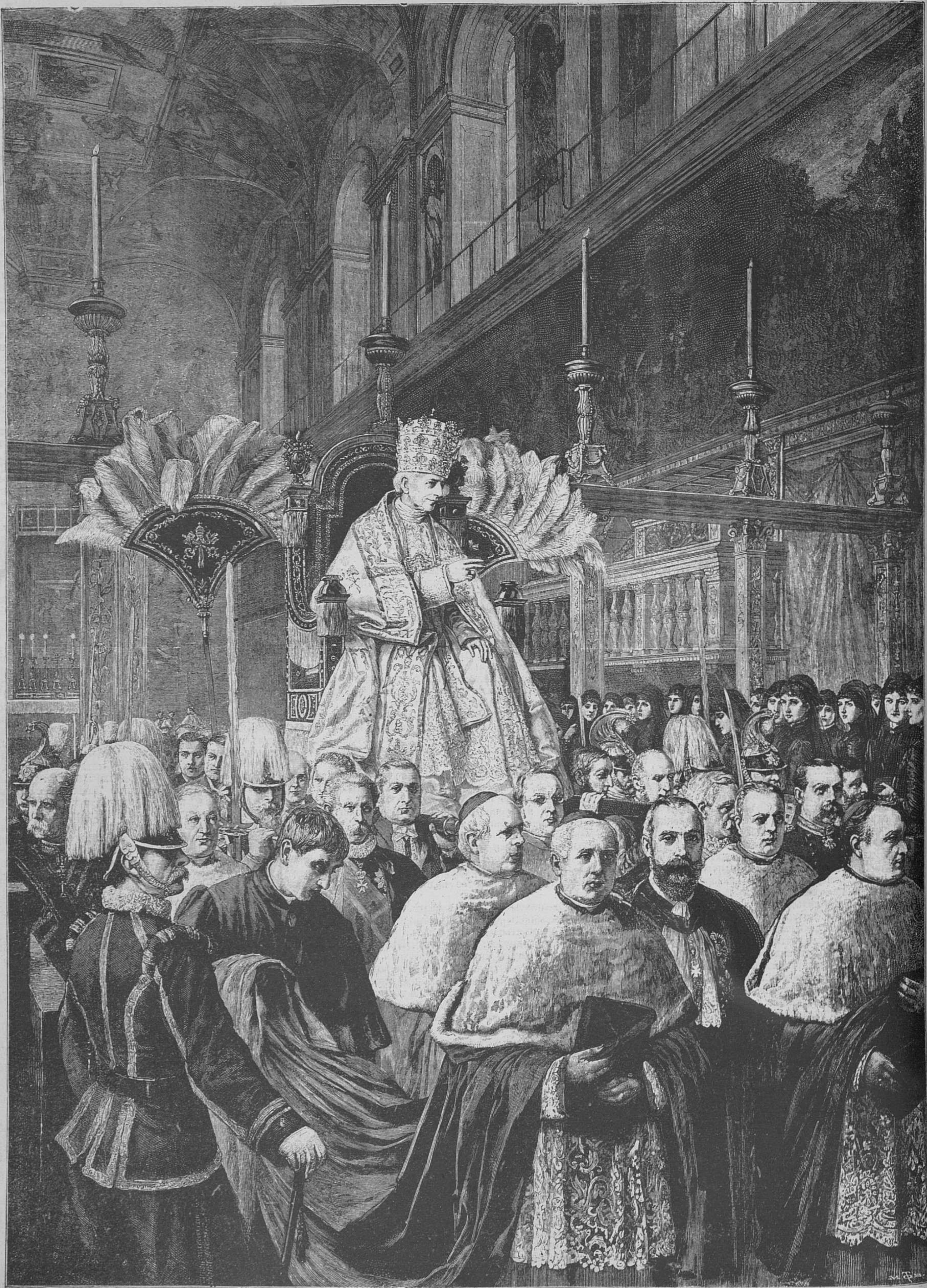
«Вѣстникъ Европы»—декабрь и январь.

«Вѣстнику Европы» могутъ позавидовать другіе наши журналы: въ послѣдней книжкѣ за 1887 г. онъ помѣстилъ произведеніе г. Щедрина, и новый годъ открылъ произведеніемъ г. Гончарова. Такимъ образомъ, два крупнѣйшіе наши писателя украсили солидный журналъ. Произведенія г. Щедрина въ послѣдніе годы, послѣ прекращенія «Отеч. Запис.», постоянно появляются на страницахъ «Вѣстн. Евр.» и, какъ все, что писалъ и пишетъ знаменитый сатирикъ, читаются съ постояннымъ, неослабѣвающимъ интересомъ. Г. Гончаровъ не особенно щедро даритъ публику своими произведеніями, и потому они, помимо своихъ высокихъ достоинствъ, имѣютъ для читателя еще и особый интересъ — рѣдкости и новизны. Мы не имѣемъ въ виду входить въ оцѣнку новыхъ произведеній названныхъ знаменитыхъ писателей, потому что въ нашихъ бѣглыхъ, болѣе репортерскихъ, чѣмъ критическихъ очеркахъ это сдѣлать неудобно, да и вообще едва-ли нужно. Мы не намѣрены даже излагать подробно содержаніе новыхъ произведеній гг. Щедрина и Гончарова; потому что большинство читателей или уже познакомились съ ними, или познакомятся въ непродолжительномъ будущемъ. Тотъ и другой писатель въ своихъ новыхъ произведеніяхъ, собственно говоря, даютъ продолженіе уже прежде начатыхъ вещей: г. Щедринъ продолжаетъ «Пошехонскую старину», «Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго», а г. Гончаровъ — свои «Воспоминанія», начало которыхъ помѣщено въ томъ-же «Вѣстн. Евр.» (апрѣль, 1887 г.) подъ заглавіемъ: «Университетскія воспоминанія». Теперь онъ описываетъ пріѣздъ изъ Москвы, послѣ окончанія университетскаго курса, на родину, въ провинцію; потому этотъ отдѣлъ воспоминаній носитъ названіе: «На родинѣ».

Не веселыя воспоминанія даетъ «Пошехонская старина». Правда, мы слыхали, что «въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ»; но это, должно быть, ужь очень давно было, пожалуй, еще при Аскольдѣ. Наши-же дѣды, кажется, неособенно веселились, и если кому это удавалось, то только на счетъ многихъ другихъ дѣдовъ и внуковъ. Никаноръ Затрапезный—членъ дворянской семьи средней руки, небогатой, но достаточной и даже,—благодаря матери, хозяйкѣ и домостроительницѣ,—стремящейся съ успѣхомъ къ твердой матеріальной обезпеченности. Но въ жизни этой семьи все какъ-то мелочно скучно, жестко; нравственнаго содержанія, теплоты и благодушія совсѣмъ нѣтъ. На этомъ сѣромъ фонѣ нарисованы два лица изъ фамильной «портретной галлереи»; лица совсѣмъ непривлекательныя. «Тетеньки-сестрицы»—тетки разсказчика, сестры его отца—двѣ старыя дѣвицы, бѣдныя дворянки—возбуждаютъ печальныя думы. Какія онѣ странныя и уродливыя, бездѣльныя и ни на что ненужныя, безпомощныя и совсѣмъ несчастныя! Какова-же жизнь, способная порождать такія существа? Бѣдные, загнанные мужики болѣе люди, чѣмъ дворянки «тетеньки-сестрицы»: у тѣхъ есть хоть работа, хоть горе настоящее, и иногда и возможность хоть самыхъ скромныхъ удовольствій; а въ жизни «тетенекъ-сестрицъ» и въ поминѣ нѣтъ ничего такого.—Знаменитый сатирикъ, въ теченіи неустанной тридцатипятилѣтней литературной дѣятельности описывающій все бѣдность и несовершенства нашей жизни, отмѣтилъ много ненормальныхъ явленій, указалъ много безобразныхъ личностей. Но его сатира не ведетъ къ апатіи, его отрицаніе неспособно привести къ безсодержательному пессимизму; потому что онъ самъ постоянно отъ безобразій настоящаго обращаетъ взоръ къ лучшему будущему и отъ мелочей дѣйствительности къ идеаламъ. И теперь, послѣ всякихъ испытаній и заключеній, стиснутый ужаснымъ недугомъ онъ исповѣдуетъ эту свою вѣру въ обновляющую силу высокихъ идей и идеаловъ. «Я вѣрю и теперь въ ихъ живоносную силу»—читаемъ мы въ его послѣднемъ произведеніи; «я всегда былъ убѣжденъ и теперь не потерялъ убѣжденія, что только съ ихъ помощью человѣческая жизнь можетъ получить и правильные и прочные устои. Формулированью этой истины была посвящена лучшая часть моей жизненной дѣятельности, — всего моего существа. — Не погрязайте въ подробностяхъ настоящаго, — говорилъ и писалъ я, — но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго; ибо это своего рода солнечные лучи, безъ животворнаго дѣйствія которыхъ земной міръ обратился бы въ камень. Не давайте окаменѣть и сердцамъ вашимъ, вглядывайтесь часто и пристально въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго». Можетъ быть, только благодаря этой идеальной настроенности, благодаря этой твердой вѣрѣ, нашъ сатирикъ и могъ, несмотря на всякія препятствія, тридцать пять лѣтъ идти тернистымъ путемъ писателя; вѣроятно, эта вѣра заставляетъ его, задавленнаго тяжкимъ недугомъ, браться за перо и даетъ силы для новыхъ произведеній. Нашъ авторъ выражаетъ недовольство успѣхами своей проповѣди и не пророчитъ лучшаго въ близкомъ будущемъ. «Къ сожалѣ-

Торжественное шествіе къ алтарю въ день юбилея папы Льва XIII.

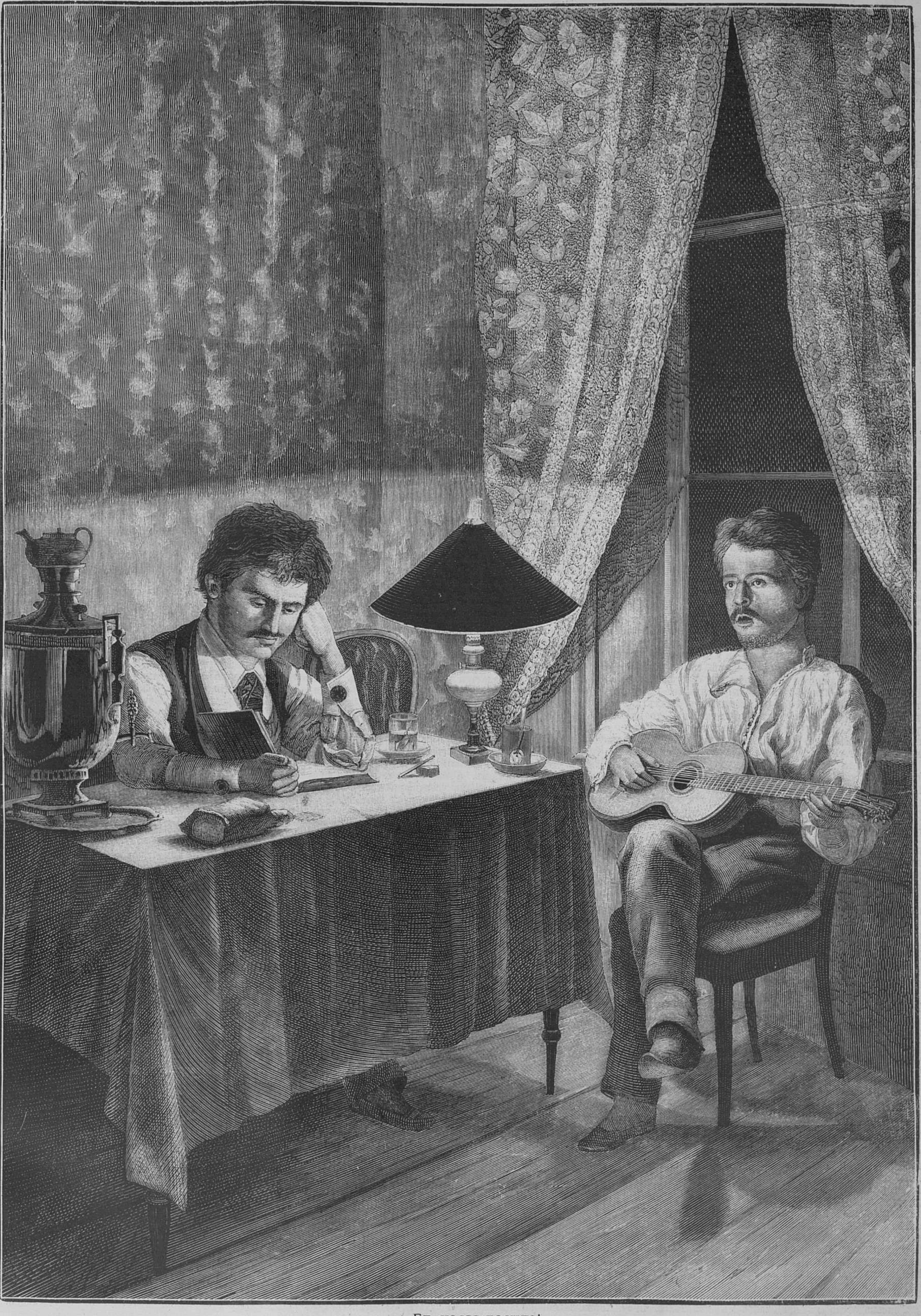
Съ рисунка гр. Анжело де Куртенъ.



Сержантъ-маіоръ швейцарцевъ. Носитель шлейфа.
Кардиналъ Ранди.
Князь Альтьери, начальникъ гвардіи. Монсиньоръ. Аполони. Маркизъ Саккети.
Кардиналъ Сакони. Князь Орсини.
Маркизъ Каралоди церемоніймейстеръ.
Кардиналъ Іовардъ.
Кардиналъ Ричи-Парачани.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ Сокорнова.



Въ часы досуга!

Гравировалъ на деревѣ А. Львовъ въ Спб.

нію,—продолжаетъ онъ,—совѣты мои были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И—кто знаетъ—можетъ быть, недалеко время, когда самая скромная ссылка на идеалы будущаго будетъ возбуждать только пичѣмъ нестѣсняющійся смѣхъ»... Можетъ быть... Но чтобы ни было, во всякомъ случаѣ, не одно только наше поколѣніе будетъ чтить писателя за его великую службу.

Г. Гончаровъ далекъ отъ всякихъ «мелочей жизни» и злобы дня; и въ новомъ своемъ произведеніи, какъ въ прежнихъ, онъ является спокойнымъ художникомъ. Въ предисловіи къ своему новому произведенію онъ самъ объясняетъ его происхожденіе и смыслъ. Авторъ взялъ на дачу свои бумаги и изъ разбора ихъ возникло новое произведеніе. «Разбирая бумаги, съ перомъ въ рукѣ, я кое-что отмѣчаю и заношу на бумагу. «Для чего»? спрашивалъ я и еще спрашиваю теперь себя Если бы я хотѣлъ похлестаковствовать, я бы сказалъ: «Допѣваю, молъ, на пустынномъ берегу свои лебединыя пѣсни». Но я ничего никогда не пѣлъ и не допѣваю: насмѣшники, чего добраго, пожаловали бы изъ лебедя въ какого-нибудь гуся; или спросили бы меня, можетъ быть, не хочу ли пріумножить свое значеніе въ литературѣ, внести что-нибудь новое, вѣское? Это на старости-то лѣтъ: куда ужь мнѣ! Причина, почему я вожу перомъ по бумагѣ, простая, а именно: отъ прогулокъ, морскихъ ваннъ, отъ обѣдовъ, завтраковъ, отъ бездѣйственнаго сидѣнья въ тѣни, на верандѣ, у меня все-таки остается утромъ часа три, которыхъ некуда дѣвать... Вотъ въ эти-то праздные три часа я завѣшиваюсь отъ солнца, въ защиту больныхъ глазъ, и роюсь въ бумагахъ съ перомъ въ рукахъ. День за день, мало по малу, у меня накопилась порядочная куча писанныхъ листовъ. Я задумываюсь, что я стану съ ними дѣлать? Бросить жалко, не показавъ никому»... Конечно, для читателя безразлично, по какимъ побужденіямъ знаменитый романистъ, не особенно щедрый, даритъ его новымъ своимъ произведеніемъ. Но критикѣ это предисловіе даетъ не маловажныя указанія... Можетъ быть, для ней и предпослано предисловіе. Самъ знаменитый романистъ обязательно указываетъ точку зрѣнія на свое новое произведеніе и это, конечно, надо имѣть въ виду какъ критику, такъ и читателю вообще. «Это не мемуары какіе-нибудь, гдѣ обыкновенно описываются историческія лица, событія и гдѣ требуется строгая фактическая правда: у меня въ жизни и около меня никакихъ историческихъ событій и лицъ не было. Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда, и, если хотите, все правда. Фонъ этихъ событій, лица, сцены, большею частью, типически вѣрны съ натурой, а иныя почти прямо съ натуры. Кто-то вѣрно замѣтилъ, что археологъ, по какимъ-нибудь уцѣлѣвшимъ отъ зданія воротамъ, обломку колонны дорисовываетъ и самое зданіе, въ стилѣ этихъ воротъ или колонны. И у меня тоже, по одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности или событія, фантазія старается угадывать или дорисовывать остальное. Слѣдовательно, напрасно было бы отыскивать въ моихъ лицахъ и событіяхъ то или другое происшествіе, то или другое лицо, къ чему читатели бываютъ склонны вообще, и притомъ рѣдко попадаютъ на правду». Въ «воспоминаніяхъ» г. Гончарова мы дѣйствительно видимъ не лѣтопись или даже исторію, а художественное воспроизведеніе жизни въ ея типическихъ и существенныхъ чертахъ, безъ ненужныхъ мелочей и случайныхъ наростовъ. Мы и не желаемъ искать, какой губернаторъ изображенъ писателемъ подъ именемъ Углицкаго; а что Углицкій «правдоподобенъ», что таковы были въ то время бары-администраторы — это выше всякаго сомнѣнія. Можетъ быть, никакого отставнаго моряка Якубова и не видалъ авторъ въ домѣ своей матери: но что, выведенный авторомъ въ «воспоминаніяхъ» Якубовъ, живой человѣкъ, что онъ сынъ двадцатыхъ годовъ, что въ немъ старый добрый баринъ того времени видѣнъ насквозь—это очевидно всякому. Все разсказанное вполнѣ и правдоподобно, «бывало», носитъ на себѣ печать тогдашняго времени и характеризуетъ, уясняетъ для насъ тогдашнюю жизнь, нравы и обстоятельства. Словомъ все это носитъ на себѣ печать истиннаго творчества. А имѣетъ-ли все это соотвѣтствіе частнымъ, отдѣльнымъ случаямъ—право, не интересно и не нужно знать.

Въ январьской книжкѣ «Вѣстн. Европы» въ отдѣлѣ беллетристики помѣщенъ хорошенькій разсказъ изъ деревенской жизни г. Тищенки: «Семенъ-сирота и его жена», повѣсть изъ американской жизни г. Каширина: «Новое на старой подкладкѣ» и начало переводнаго романа: «Наканунѣ переворота»—М. Крофордъ. Но мы спѣшимъ познакомить читателя съ очень интересною статьею г. Попова: «Первое двадцатипятилѣтіе освобожденія негровъ». Прежде всего интересно знать въ какомъ положеніи находятся теперь негры: въ лучшемъ, чѣмъ до эмансипаціи или въ худшемъ? Вѣдь были люди, не между рабовладѣльцами только, которые съ эмансипаціею негровъ соединяли много сомнѣній. Иные проповѣдывали, что эмансипація погубитъ негровъ, они будутъ въ худшемъ положеніи, будутъ страдать отъ всякаго рода недостатковъ и лишеній и, наконецъ, выродятся и вымрутъ въ непосильной для нихъ борьбѣ за существованіе. Къ счастью, дѣйствительность теперь разсѣяла всѣ эти сомнѣнія и даетъ вѣскіе факты для доказательства благодѣтельнаго вліянія эмансипаціи на всѣ стороны жизни негровъ. Негры прожили послѣ эмансипаціи четверть вѣка, самое трудное время послѣ измѣненія ихъ судьбы, и что же мы теперь видимъ? Четверть вѣка назадъ негръ былъ рабочимъ скотомъ, а теперь онъ священникъ и даже епископъ у божьяго алтаря, законодатель въ національномъ капитоліѣ, профессоръ въ университетѣ, докторъ въ больницѣ, редакторъ въ газетѣ, судья въ залѣ суда, торговецъ въ городѣ, фермеръ-хозяинъ въ деревнѣ и вездѣ полнокровный американскій гражданинъ. Нашъ авторъ изучилъ вопросъ на мѣстѣ, имѣетъ подъ рукою вѣрные факты и точныя цифры. Будемъ слушать его. Прежде всего: не вымираютъ-ли негры? Точныя цифры показываютъ, что приростъ чернаго населенія не меньше, если не больше даже прироста населенія бѣлаго; смертность негровъ не превышаетъ смертности бѣлыхъ. Такимъ образомъ пророчество о вырожденіи свободныхъ негровъ нисколько не оправдалось. Можно думать, что чрезъ 30—40 лѣтъ большинство населенія южныхъ штатовъ будутъ составлять негры. Количественный перевѣсъ вещь важная, но еще важнѣе перевѣсъ нравственный. Бѣлые во время рабства негровъ были, конечно, ученѣе, умнѣе, образованнѣе и цивилизованнѣе ихъ. Если сохранится это преимущество, то, конечно, бѣлые навсегда останутся, въ силу своего образованія, развитости, въ нравственномъ и, пожалуй, въ политическомъ отношеніи, господами черныхъ, не смотря на установленную конституціею Штатовъ равноправность бѣлаго и цвѣтнаго населенія. Стало быть, вопросъ теперь состоитъ въ томъ, имѣютъ-ли негры средства къ образованію, охоту и способность? Но всѣ эти вопросы факты и цифры, приводимые нашимъ авторомъ даютъ возможность отвѣчать утвердительно. Черные допускаются въ школы для бѣлыхъ и имѣютъ достаточное количество своихъ школъ,—низшихъ, гимназій и высшихъ какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ (богословскихъ, медицинскихъ и т. под.). Правда, число грамотныхъ бѣлыхъ превышаетъ $^0/_0$ грамотныхъ черныхъ; можетъ быть, курсъ спеціальныхъ школъ для негровъ и ограниченнѣе курса школъ для бѣлыхъ; но все это естественно; а еслибы было иначе, было бы чудесно и не понятно. Примите во вниманіе, что негры послѣ освобожденія были на самомъ низкомъ уровнѣ развитія, у нихъ не было ни капиталовъ, ни земли, и даже теперь большинство ихъ принадлежитъ къ чернорабочимъ. Начиная съ этого, въ двадцать пять лѣтъ сравняться съ бѣлыми по образованію, догнать ихъ въ усвоеніи культуры положительно невозможно. Можно сказать, даже не съ нашей русской точки зрѣнія, что негры сдѣлали такіе успѣхи, какихъ и трудно было ожидать въ столь короткій срокъ и притомъ при не вполнѣ благопріятныхъ обстоятельствахъ. У нихъ есть свои учителя, профессора и извѣстные ученые. Извѣстнѣйшіе профессора и ученые изъ черныхъ видѣли дни рабства и испытали на себѣ нужду и горе. Негры показали, что они имѣютъ охоту къ наукѣ и способность къ наукамъ. Яркимъ доказательствомъ этого служитъ развитіе у нихъ журналистики. Нашъ авторъ исчислилъ значительное число газетъ и журналовъ, издаваемыхъ и редактируемыхъ черными. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать подробнаго изложенія интересной и поучительной статьи г. Попова. Она распадается на главы: Церковь у негровъ, негры на политическомъ поприщѣ, негры—солдаты, экономическое положеніе негровъ, отношенія между неграми и бѣлыми.

Изъ чтенія серьезной и интересной статьи г. Попова выносится пріятное убѣжденіе, что эмансипація привела негровъ къ значительному благополучію во всѣхъ отношеніяхъ. Да иначе и не могло быть: свобода никогда недолжна быть несчастіемъ, а свобода, снабженная правами и окруженная самыми усердными заботами объ образованіи, какъ это и было въ Америкѣ, способна даже и въ короткій срокъ породить благодѣтельныя послѣдствія. Можно быть увѣреннымъ, что дѣло справедливости и человѣколюбія въ Америкѣ не приведетъ къ пониженію уровня цивилизаціи: новые свободные и равноправные граждане быстро равняются въ культурномъ отношеніи съ старыми.

Кромѣ этой статьи въ той-же книжкѣ «Вѣст. Европы» мы находимъ еще статью г. Пыпина: «Иноземцы въ московской Россіи». Эта статья представляетъ обзоръ содержанія книгъ г. Цвѣтаева. Со стороны статей ученаго и публицистическаго содержанія полнѣе и разнообразнѣе составлена декабр. книжка. Тамъ помѣщены статьи—г. Стасова о Крамскомъ, г. В. И. Семевскаго—о покойномъ педагогѣ Водовозовѣ, г. Пыпина о напечатанныхъ въ прошломъ году новыхъ мемуарахъ, касающихся александровской эпохи, г. Гаевскаго о Кривцовѣ—пріятелѣ Пушкина. Матеріала для чтенія много; если онъ и не одинаково цѣнный, то во всякомъ случаѣ очень разнообразный.

П. Скромный.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ иностранной политической жизни продолжаютъ шевелится прежніе вопросишки, мелкіе замыслы какъ-бы получше подставить ножку сосѣду, а самому въ отвѣтъ не попасть.—Въ Берлинѣ повидимому главное вниманіе обращено на внесенный въ рейхстагъ законопроэктъ о соціалистахъ; въ проэктѣ этомъ изгнаніе изъ предѣловъ Германіи мотивируется тѣмъ, что лица, высылаемыя на основаніи нынѣ дѣйствующаго закона, обыкновенно возобновляютъ агитаціи въ своемъ новомъ мѣстѣ жительства, а также тѣмъ, что люди, отрицающіе право государства на существованіе, не могутъ требовать, чтобы ихъ и впредь считали принадлежащими къ государству; изгнаніе изъ предѣловъ отечества будетъ производится только въ томъ случаѣ, если такая мѣра будетъ признана законною подлежащимъ судьею. Затѣмъ министръ финансовъ внесъ бюджетъ на 1888—89 годъ; въ бюджетѣ доходы сбалансированы съ расходами въ суммѣ 1,410,728,921 марка. Доходы увеличились на 121,693,708, а расходы на 81.235,952 марки. Съ желѣзныхъ дорогъ предполагается собрать на $22^1/_2$ милліона марокъ болѣе противъ прошлаго года. Налогъ на водку и на сахаръ доставитъ 71 милліонъ. На народныя школы ассигновано вновь 20 милліоновъ марокъ. Кромѣ того телеграфъ передалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о другихъ законопроэктахъ, вносимыхъ въ сеймъ; они имѣютъ цѣлью улучшить положеніе духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, отмѣнить вычеты изъ жалованья чиновниковъ во вдовій домъ и сиротскій капиталъ, принятія на счетъ казны нѣкоторой части содержанія народныхъ учителей, сооруженіе важныхъ желѣзнодорожныхъ линій и регулированіе нижняго теченія Вислы.—Въ Австріи неторопливо, хотя и безпрерывно идутъ приготовленія къ войнѣ, такъ телеграмма изъ Пешта отъ 4 января сообщаетъ, что военная коммисія палаты депутатовъ приняла правительственное предложеніе о созывѣ резервистовъ на семь дней для обученія стрѣльбѣ изъ новаго магазиннаго ружья. Министръ народной обороны заявилъ, что 90,000 новыхъ ружей уже готовы и два армейскихъ корпуса ими уже вооружены. Число призывовъ увеличилось однимъ, но въ совокупности люди не проведутъ въ сборахъ больше времени, чѣмъ предписывается закономъ. Вызванные этою мѣрою расходы будутъ, вѣроятно покрыты военнымъ министромъ въ предѣлахъ бюджета, если же это представится невозможнымъ, то будутъ созваны заблаговременно делегаціи. Обученіе уже созванныхъ въ Венгріи резервистовъ будетъ производиться въ ихъ собственныхъ округахъ пополненія. Вопросъ заключается только съ кѣмъ? Надо полагать что не съ Германіею, хотя въ отношеніяхъ къ ней Австріи замѣчается какое-то новое чувство; такъ телеграмма изъ Вѣны 6 января извѣщаетъ что, по городскимъ слухамъ, австрійскій посолъ въ Берлинѣ графъ Сечени по болѣзни намѣренъ покинуть дипломатическую службу, между тѣмъ, по берлинскимъ извѣстіямъ, Сечени пользуется прекраснѣйшимъ здоровьемъ; поэтому предполагаютъ, что существуютъ недоразумѣнія политическаго характера, заставляющія графа Сечени просить объ увольненіи его въ отставку. По слухамъ, за послѣднее время происходили новыя совѣщанія по вопросу о томъ, какое положеніе должна занять Австрія въ настоящее время по отношенію къ Германіи въ тѣхъ дѣлахъ международной политики, обсужденіе которыхъ оффиціальнымъ дипломатическимъ путемъ ожидается въ ближайшемъ будущемъ; увѣряютъ, что Бисмаркъ остался недоволенъ ходомъ этихъ переговоровъ и вслѣдствіе того отложилъ свое возвращеніе въ Берлинъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ мы знаемъ, что на бывшемъ 7 января придворномъ балу императоръ Францъ Іосифъ тотчасъ по пріѣздѣ на балъ, подошелъ къ германскому послу принцу Рейссу и долго съ нимъ о чемъ-то бесѣдовалъ. Внутреннія дѣла Австріи не представляютъ ничего новаго, кромѣ извѣстія, что всѣ областные сеймы стремятся вести дѣло народнаго образованія въ національномъ духѣ, и что имѣется въ виду изъять гимназіи и другія среднія учебныя заведенія изъ вѣдѣнія центральнаго правительства и подчинить ихъ областнымъ властямъ. Богемскій и штирійскій сеймы, по примѣру галицкаго, постановили пригласить правительство ко внесенію въ рейхсратъ соотвѣтственнаго законопроэкта.—Во Франціи министерство начинаетъ упрочиваться. 4 января въ засѣданіи палаты депутатовъ министръ внутреннихъ дѣлъ Саррьенъ, отвѣчая на запросъ Ламарзеля, согласился съ тѣмъ, что парижскій муниципальный совѣтъ часто забывалъ характеръ своихъ правъ, но сказалъ, что, по его мнѣнію, совѣтъ этотъ не подготовляетъ возстанія и потому нѣтъ основаній къ его распущенію; въ связи съ этимъ однако Саррьенъ внесъ въ палату законопроэктъ объ отводѣ префекту Сейнскаго департамента помѣщенія въ городской ратушѣ. Палата, уже 7 января, по предложенію Саррьена, высказалась безъ всякихъ преній за неотложность обсужденія этого проэкта. Одинъ только законопроэктъ можетъ возбудить кризисъ министерства, а именно законопроэктъ министра-президента Тирара объ акцизѣ со спиртныхъ напитковъ, отклоненной бюджетной комиссіей; Тираръ предполагалъ сдѣлать изъ принятія этого законопроэкта министерскій вопросъ. Многіе министры не раздѣляютъ, впрочемъ, взглядовъ Тирара на это дѣло. Бюджетомъ на 1888 годъ, все еще не утвержденный будетъ представленъ палатою въ будущій понедѣльникъ, министерство будетъ настаивать на принятіи составленнаго проэкта бюджета, хотя еще не рѣшено, слѣдуетъ ли по этому предмету возбудить вопросъ о довѣріи къ кабинету. Лондонскій телеграфъ принесъ содержаніе рѣчи Салюсбери произнесенной на Ливерпульскомъ банкетѣ консерваторовъ; по мнѣнію англійскаго премьера, положеніе Европы нѣсколько улучшилось и что во всякомъ случаѣ въ близкомъ будущемъ миръ обезпеченъ. Кромѣ того изъ Лондона полученъ рядъ извѣстій о Средней Азіи: афганскій эмиръ уѣхалъ въ Кабулъ съ эскортомъ въ 12,000 человѣкъ; капитанъ Грисбахъ отправится вскорѣ въ Кабулъ для начатія геологическихъ изслѣдованій по порученію эмира. По послѣднимъ извѣстіямъ, пограничная комиссія проѣхала Маймене, направляясь въ Хаміабъ; всѣ члены комиссіи, не смотря на суровую погоду, здоровы. Относительно Болгаріи полнѣйшее разнорѣчіе: Берлинъ. «Порта приняла на себя порученіе обратиться къ принцу Фердинанду съ требованіемъ оставить Софію». Затѣмъ Вѣна: «Кабинеты не занимались болгарскимъ вопросомъ также и за послѣдніе дни; ни съ какой стороны не было сдѣлано никакого предложенія и вообще не было повода къ обмѣну мыслей по этому вопросу». Наконецъ

Филиппополь (7 января). «Между офицерами и полицейскими чиновниками произошла кровопролитная драка. Принцъ Кобургскій, увѣдомленный по телеграфу о случившемся, отложилъ проэктированную поѣздку въ Филиппополь». Въ газету «Times» отъ 8 января телеграфировали, что весь персоналъ австрійскаго генеральнаго консульства былъ внезапно отозванъ изъ Софіи и въ четвергъ вечеромъ выѣхалъ. Въ Сербіи, какъ извѣстно, теперь новое радикальное министерство радикала Ристича, къ живѣйшей радости короля Милана, который, отвѣчая на поздравленія министровъ по случаю Новаго года, выразилъ удовольствіе по поводу того, что видитъ первое радикальное правительство, которое, какъ онъ увѣренъ, успѣшно поведетъ государственныя дѣла къ благу престола и націи; Груича король произвелъ въ генералы, въ знакъ особаго расположенія и сочувствія.

Внутреннія извѣстія, земское дѣло, духовенство, школа и пр.

Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Государственнаго Совѣта будетъ слушаться внесенный г. министромъ народнаго просвѣщенія проэктъ объ увеличеніи платы за слушаніе лекцій въ Императорскихъ университетахъ: варшавскомъ съ 50 до 100 руб. въ годъ и дерптскомъ съ 20 до 50 руб. въ годъ, съ обращеніемъ всей суммы сбора за ученіе въ спеціальныя средства университетовъ, и о предоставленіи г. министру народнаго просвѣщенія права сдѣлать необходимыя, по его усмотрѣнію, измѣненія въ составѣ каѳедръ, съ цѣлью послѣдовательнаго установленія преподаванія на русскомъ языкѣ на юридическомъ факультетѣ дерптскаго университета. Почтово-телеграфный доходъ правительства въ отчетномъ 1887 году равнялся 25.587,710 руб. 91 коп., въ томъ числѣ почтовый—16.382,819 р. 11 коп. Самая большая часть дохода относится къ Петербургу, давшему дохода съ почтъ 2.681,180 р. 73 к. и съ телеграфовъ—1.752,090 р. 65 к., а меньшая—на Якутскую область (15 р. 62 к. съ телеграфа и 20,749 р. 90 к. съ почтъ). По сообщенію изъ Харькова послѣдовавшее 6 января оффиціальное открытіе крещенской ярмарки застало ее почти совершенно пустою, такъ какъ въ этомъ году ярмарка запоздаетъ на нѣсколько дней по причинѣ снѣжныхъ заносовъ, которые совпали съ моментомъ самаго дѣятельнаго грузоваго движенія по всѣмъ желѣзнодорожнымъ путямъ на Харьковъ, особенно большая задержка товаровъ, спѣшно идущихъ сюда на ярмарку, произошла на юго-западныхъ дорогахъ: почти вся привислянская мануфактура будетъ доставлена съ значительнымъ опозданіемъ. Непосредственнаго вліянія на ярмарочныя обороты запозданіе вѣроятно имѣть не будетъ.—Провинціальныя газеты полны свѣдѣніями о переселеніяхъ. Такое явленіе замѣчается въ черниговской губерніи, вслѣдствіе голодовки и невозможности выдавать пособія изъ губернскаго продовольственнаго капитала, сохранившагося до 65,000 р.; черниговскіе переселенцы направлялись на казенныя земли въ челябинскій уѣздъ оренбургской губ., прося дорогою милостыню, варварски вырубивъ предварительно недавно отпущенные казною лѣсные надѣлы. Изъ другихъ внутреннихъ губерній переселенцы двигаются на Кавказъ, несмотря на наступившіе холода; въ теченіе декабря мѣсяца черезъ Тифлисъ въ Карскую область прослѣдовало, по словамъ мѣстныхъ газетъ, по меньшей мѣрѣ, 120 семействъ, въ числѣ болѣе 400 душъ. Объясненіе такого ненормальнаго явленія даетъ только вышедшій трудъ орловскаго статистическаго бюро: «Орловская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи» за истекшій 1887-й годъ; фактъ упадка сельскаго хозяйства въ губерніи происходитъ вслѣдствіе сильнаго пониженія цѣнъ и отсутствія спроса на сельско-хозяйственныя произведенія въ связи съ неурожайными предшествующими годами; кромѣ этого замѣчено усиленное развитіе кулачества и барышничества насчетъ несостоятельныхъ хозяевъ: отдача земли за безцѣнокъ, громадные проценты за занятыя деньги и т. д., какъ результатъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій, является «стремленіе крестьянъ къ выселенію», совершающемуся почти изъ всѣхъ уѣздовъ; переселенцы распродаютъ свое имущество, сдаютъ землю въ аренду и направляются преимущественно въ томскую губ., а также на Кавказъ и въ землю донскаго войска. При этомъ переселенцы, испытавъ цѣлый рядъ неудачъ, возвращаются на родное пепелища, но никогда уже болѣе они не выходятъ изъ власти кулаковъ. Новый законъ о сохраненіи лѣса вызвалъ пока только еще большее уничтоженіе лѣса: по Деснѣ и Днѣпру лѣсъ продавался за безцѣнокъ и сплавлялся массами, тоже было и въ другихъ мѣстахъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. И. Полежаевъ, Собраніе сочиненій, съ біографіей, портретомъ и факсимилэ автора. Москва. Изд. Улитиныхъ. Цѣна 1 р. 50 к. — Вотъ тоже издатель г. Улитинъ. У него было право на изданіе стиховъ Полежаева, онъ собирался, собирался и, наконецъ, выпустилъ книжку стиховъ Полежаева за полторы недѣли до того времени, когда издавать Полежаева получилъ право каждый, а значитъ и выйдетъ изданіе этихъ стиховъ, сдѣланное г. Суворинымъ подъ редакціей г. Ефремова. Но, и не смотря на то, что г. Улитинъ долго собирался, его изданіе вышло крайне плохо. Вся біографія, хотя о ней и говорится, что она составлена по новымъ источникамъ, помѣщается на пяти разгонисто напечатанныхъ страницахъ. Указатель стиховъ имѣется только алфавитный. Дѣленіе книги совсѣмъ произвольное: «оригинальныя произведенія», «посмертныя», «переводныя», «поэмы», «смѣсь». Книги, видѣнныя нами въ Петербургѣ, даже не сшиты и разваливаются при разрѣзаніи, экземпляры, полученные въ Петербургѣ въ воскресенье 10 января, были даже безъ портретовъ и безъ факсимилэ. О, г. Улитинъ! о, московскіе книжники! Надо надѣется, что изданіе г. Суворина будетъ и лучше, и толковѣе, и дешевле.

Книжное дѣло, музыка, живопись и пр.

Изъ отчета бюджетной комиссіи по отдѣлу изящныхъ искусствъ видно, что содержаніе парижскаго опернаго театра обошлось 2.366,205 фр., въ томъ числѣ истрачено 800 тыс. правительственной субсидіи. Прошлый годъ завершился дефицитомъ въ 109,533 фр. На солистовъ истрачено: по пѣнію—824,300 фр., причемъ 4 баритона обошлись на 34 тыс. дороже 4 примадоннъ и на 40 тыс. дороже 4 теноровъ; по балету—244,800 фр. Хоръ въ 15 пѣвцовъ и 85 хористовъ стоитъ 211,520 фр., кордебалетъ съ персоналомъ въ 89 чел.—112,700 фр., оркестръ изъ 96 музыкантовъ, съ дирижеромъ и двумя его помощниками—256,112 фр.—«Донъ-Кихотъ» Сервантеса передѣланъ въ драму англійскимъ писателемъ Уильсомъ. Роль Донъ-Кихота принялъ на себя трагикъ Генри Ирвингъ.—Въ эльбинскомъ городскомъ театрѣ съ успѣхомъ игралась надняхъ пьеса изъ русскаго чиновничьяго быта подъ заглавіемъ «Die Rotte Korah».—Локруа, литературный наслѣдникъ Виктора Гюго, поручилъ Детруа и Арману Сильвестру извлечь изъ драмы Гюго „Ruy Blas“ текстъ для оперы, для которой музыку написалъ Годаръ. Опера эта будетъ поставлена въ нынѣшнемъ году съ теноромъ Талазакомъ въ главной роли.—Въ Парижѣ умеръ піанистъ и композиторъ Стефанъ Геллеръ 73 лѣтъ. Онъ родился въ Пештѣ и съ 1838 года жилъ въ Парижѣ.—Въ Японіи нашелся экземпляръ избранныхъ отрывковъ изъ Конфуція, писанный 1,200 лѣтъ со всѣми замѣтками древнихъ коментаторовъ. Это сочиненіе исчезло изъ Китая 800 лѣтъ назадъ. Такъ какъ вся исторія найденнаго экземпляра извѣстна, то китайское правительство поручило своему послу въ Японіи лишь снять съ экземпляра тщательную копію.—Огюстъ Макэ, извѣстный сотрудникъ Александра Дюма-отца, скончался 75 лѣтъ въ Парижѣ. Макэ выступилъ съ драмой «Bathilde», которую директоръ «Renaissance» Жоли передалъ для обработки Александру Дюма. Отсюда и началось сотрудничество съ Дюма, продолжавшееся до 1851 года, когда Макэ началъ за свой собственный рискъ печатать романы въ парижскихъ газетахъ. Покойный написалъ не мало драмъ.—Въ перечень запрещенныхъ изданій въ Австріи внесено 207 газетъ и журналовъ; изъ нихъ 3 хорватскихъ и 23 чешскихъ, 46 нѣмецкихъ, 10 французскихъ, въ томъ числѣ «La Correspondance tshèque», 63 итальянскихъ, 14 польскихъ и 22 румынскихъ.—Въ Нью-Іоркѣ составился синдикатъ для покупки по какой бы то ни было цѣнѣ наилучшихъ образцовъ живописи, находящихся въ художественной коллекціи недавно умершаго въ Брюсселѣ министра бельгійскаго двора, ванъ-Прата; «Баррикады» Мейсонье, пейзажи Руссо и Коро, произведенія Тройона, Альфреда Стевенса—все это американцы добиваются пріобрѣсти для нью-іорскаго музея. Коллекція ванъ-Прата цѣнится въ 2 милліона. Двое наслѣдниковъ, однако, воздерживаются пока отъ продажи ея.—Пошлина въ 30 проц. на художественныя произведенія отмѣнена въ Соединенныхъ Штатахъ. — Дрезденская галлерея купила новую картину Габріеля Макса: «Отче нашъ».

Выставка предметовъ освѣщенія нефтянаго производства.

Въ первый моментъ при входѣ на выставку посѣтителю трудно оріентироваться; онъ ослѣпленъ и оглушенъ. Это 1-й залъ. При входѣ въ него помѣщены отъ Главнаго Гидрографическаго Управленія Морскаго Вѣдомства оптическіе приборы и аппараты: огромный аппаратъ для направляющаго огня, для свѣтящагося буя, маячный аппаратъ верхняго николаевскаго маяка въ Кронштадтѣ; тутъ же и аппараты капитана Селезнева. Все это горитъ и слѣпитъ глаза массою свѣта. Лѣвая сторона и въ длину середина 1-го зала заняты газовыми, керосиновыми и динамо-электрическими двигателями; со стукомъ и грохотомъ размѣрно взматываются маховики газовыхъ и керосиновыхъ двигателей, быстро съ шипѣніемъ и искрами вертятся колеса динамо-электрическихъ и все это сливается въ нестройный шумъ, оглушающій съ перваго раза Газовые, керосиновые и электрическіе двигатели обращаютъ на себя вниманіе; не громоздкіе, удобные для перевозки и постановки, не требующіе особыхъ помѣщеній, они работаютъ не хуже паровыхъ, требуя гораздо меньше затратъ и ухода. Въ проходѣ изъ 1-го во 2-й залъ помѣщенъ огромный газовый двигатель, системы Отто, поставленный Г. Ф. Виберингомъ. Занимая сравнительно немного мѣста, онъ доставляетъ работу въ 12 лош. силъ, приводя въ движеніе рядъ динамо-электрическихъ машинъ. Правую сторону 1-го зала занимаютъ два огромные сферическіе рефлекторы, системы Чиколева, предназначенные для военныхъ цѣлей. Система состоитъ изъ центральнаго рефлектора и отражательныхъ колецъ, поверхности которыхъ имѣютъ разные радіусы, вслѣдствіе чего сферическая абберація системы весьма незначительна. Въ фокусахъ помѣщены угли съ ручными регуляторами. Свѣтъ, даваемый этими рефлекторами, настолько силенъ, что позволяетъ разбирать мелкій шрифтъ на пятиверстномъ разстояніи. Далѣе въ 1-мъ залѣ размѣщены витрины съ продуктами нефтянаго производства и коллекціями предметовъ по нефтяной промышленности. Самыя полныя коллекціи принадлежатъ бр. Нобель и Русско-Американскому Товариществу нефтянаго производства въ Кусковѣ. Витрины эти переполнены разными образчиками бензина, керосина, астролина, пиронафта и т. п. предметовъ, занимательныхъ только для спеціалистовъ. 2-й залъ—царство свѣта, чада и копоти; сотни керосиновыхъ горѣлокъ, газовые рожки всевозможныхъ системъ, нефтяныя, керосиновыя и газовыя топки, печки, плиты, очаги, камины, таганы—и все это горитъ, топится, чадитъ и портитъ воздухъ! Тѣмъ не менѣе этотъ залъ едва ли не изъ самыхъ интересныхъ. Разсматривая всевозможныя системы горѣлокъ, мало по малу убѣждаешься, что въ настоящее время керосиновое освѣщеніе самое практическое по дешевизнѣ и удобству изъ всѣхъ другихъ родовъ освѣщенія въ примѣненіи къ домашнему «быту» и что долго ждать еще того времени, когда настанетъ хотя бы возможность только конкурировать съ нимъ на этомъ поприщѣ какому либо другому способу освѣщенія. Здѣсь помѣщены горѣлки и лампы всѣхъ возможныхъ системъ и конструкцій, приспособленныхъ какъ для тяжелаго масла, такъ и для легкаго. Сила свѣта доведена до 120 свѣчей. Возможность пожара отъ лампы устранена совершенно, что же касается изящества,—достаточно взглянуть на выставку лампъ Кумберга, что бы не оставалось желать ничего болѣе. Изъ множества горѣлокъ особенно выдѣляются горѣлки—самогасители (экспонентъ Федоровъ), которыя зажигаются безъ снятія стекла и тушатся легкимъ прикосновеніемъ къ автоматическому прибору, и самотушащіяся—горѣлки «Шафтсбюри», представляющія полную гарантію въ пожарномъ отношеніи. Достаточно малѣйшаго нарушенія равновѣсія лампы, чтобы огонь былъ погашенъ автоматическимъ приборомъ. Къ числу усовершенствованій нельзя не отнести попытки г-на Потѣхина, который представилъ горѣлку, дающую свѣтъ по своей чистотѣ равный электричеству; единственный недостатокъ этой горѣлки—неизящная форма. Обращаютъ на себя вниманіе и лампы безъ стеколъ, лучшая система которыхъ принадлежитъ американской фирмѣ «Тичкокъ»; свѣтъ этихъ лампъ ясный и чистый силою равенъ 20 свѣчамъ; къ сожалѣнію, лампы этой системы слишкомъ дороги и неудобны, потому что въ подставкахъ ихъ помѣщаются часовые механизмы, доставляющіе необходимую вентиляцію и, очевидно легко портящіеся. Тутъ также можно видѣть бензиновыя свѣчи Пушкарева и керосиновыя—Шандора, которыя своими качествами не въ далекомъ будущемъ вытѣснятъ совершенно изъ употребленія стеариновыя свѣчи. Вообще, повторяю, осмотрѣвши этотъ залъ непремѣнно придешь къ заключенію, что въ настоящее время для домашняго обихода нѣтъ дешевле, удобнѣе и изящнѣе—керосиноваго освѣщенія. Середину и правую сторону 2-го зала занимаютъ павильоны общества столичнаго освѣщенія и общества, учрежденнаго въ 35 году. Павильоны эти устроены исключительно изъ принадлежностей газоваго освѣщенія: колоннъ, угольниковъ, тройниковъ и газоносныхъ трубъ, которые и служатъ какъ для снабженія газомъ горѣлокъ и лампъ, такъ и для ихъ установки и подвѣски. Особенно красивъ главный павильонъ, что посрединѣ зала. Фонтанъ съ купающеюся нимфою весь освѣщенъ и иллюминованъ: съ передняго фасада сверкаютъ иллюминаціонныя звѣзды, ваза съ цвѣтами, ваза съ плодами, всѣ изъ газовыхъ горѣлокъ, правый и лѣвый фасады состоятъ изъ горѣлокъ и лампъ всевозможныхъ системъ, иллюминаціонныхъ декорацій для оконъ магазиновъ, люстръ, канделябръ и т. п. и все это горитъ и искрится, отражаясь въ брызгахъ фонтана... Внутренность главнаго павильона занята, кромѣ горѣлокъ и лампъ, приборами и аппаратами газоваго производства и огромною моделью завода для добыванія газа изъ нефти, выставленною Филиппомъ изъ Москвы. Боковой павильонъ не менѣе эффектенъ. Онъ состоитъ собственно изъ 3-хъ отдѣльныхъ павильоновъ: «школы»,—неизвѣстно почему такъ называемой, «зала» и «техническаго». Въ двухъ первыхъ стоитъ мягкая мебель, ярко пылаютъ камины съ газовою топкой и стѣнныя бра, хрустальныя люстры, висячіе фонари льютъ мягкій свѣтъ, придавая этимъ отдѣламъ видъ уютныхъ, гостепріимныхъ комнатъ. Такъ и кажется, сидя въ мягкомъ креслѣ у пылающаго камина, что сейчасъ вотъ появиться радушный хозяинъ, завяжется оживленная бесѣда... но это—только выставка; нѣтъ такихъ уютныхъ гостиныхъ; думаю, и не будетъ. З «Техническій» отдѣлъ наполненъ плитами, камфорками, таганами, утюгами,—нагрѣвающимися газомъ; тутъ и печки для ваннъ и цѣльныя кухни и даже зажигатели для папиросъ и сигаръ. Полный комфортъ, но трудно осуществимый. Возможно ли подобное пользованіе газомъ для простого смертнаго? Допустимъ, что это станетъ возможнымъ, но и тогда—какая порча воздуха, сколько опасности въ пожарномъ отношеніи! Нѣтъ, напрасны со стороны Общества эти затраты,—мало кого соблазнятъ они своими эффектами... Неизвѣстно почему распорядители выставки электрическій отдѣлъ размѣстили въ двухъ залахъ, на совершенно противоположныхъ концахъ помѣщенія. Если это и соотвѣтствуетъ ихъ планамъ, то во всякомъ случаѣ служитъ большимъ неудобствомъ для публики. Первый залъ (по порядку 3-й) занятъ частью приборами оптической телеграфіи, частью фотометрическими,—остальное же пространство занимаютъ витрины и приборы по электро-техническому отдѣлу, почти всѣ поставленные Рихтеромъ. Въ витринахъ можно видѣть регуляторы всякихъ системъ, электрическіе освѣтительные приборы для медицинскихъ цѣлей и массу свѣтящихся электрическихъ игрушекъ въ родѣ: букетовъ, булавокъ, зажигателей, корманныхъ баттарей, аккумуляторовъ и т. п. вещицъ, которыя хотя и являются почти послѣднимъ словомъ электро-техники, но не представляютъ серьезнаго интереса. Тутъ же на столѣ размѣщены очень изящныя электрическія лампы, съ баттареями, помѣщенными въ подставкахъ. Другой отдѣлъ, помѣщенный въ противоположномъ концѣ выставки, весь заполненъ исключительно приборами электрическаго освѣщенія. Двѣ комнаты освѣщены огромными фонарями съ регуляторами, помимо всевозможныхъ родовъ лампочекъ съ накаливаніемъ; третья же представляетъ собою кабинетъ съ исключительно электрическимъ освѣщеніемъ: сверху небольшая люстра, маленькая стѣнная лампа, лампочка на столѣ и въ углу освѣщенная нѣсколькими лампочками елка, даютъ совершенно дневной свѣтъ, бѣлый, спокойный, такъ что по неволѣ признаешь идеаломъ искусственнаго освѣщенія. Идеалъ—безспорно, но покуда отъ него приходится отказаться. Для этого должно осмотрѣть экспонаты двухъ предыдущихъ комнатъ. Баттареи съ элементами сухими, мокрыми, аккумуляторы, тратформаторы—все это и дорого, и неудобно, и требуетъ ухода со знаніемъ. Хороши бозспорно лампы, выставленныя Рихтеромъ, но посмотрате на ихъ цѣны: 75, 100, 125 руб.! Прибавьте къ этому тщательный уходъ за нею и вы навѣрное откажетесь отъ нея... Да, для комнатнаго освѣщенія—электрическое является покуда еще несостоятельнымъ по своей дороговизнѣ и затрудненіямъ при постановкѣ. Другое дѣло—электрическое освѣщеніе при большихъ постановкахъ. Оно дѣлается дешевле всякаго другаго, безусловно эффектнѣе и вполнѣ гарантируетъ отъ всякой опасности въ пожарномъ отношеніи. Словомъ, оно незамѣнимо при освѣщеніи улицъ, театровъ, заводовъ, фабрикъ, мастерскихъ, но для пользованія въ домашнемъ быту еще не представляется раціональнымъ... Остаются подвальный этажъ и 4-й залъ. Подвальный этажъ состоитъ изъ 3 отдѣленій. Въ первомъ, состоящимъ изъ крошечной полутемной комнаты, помѣщены приборы, примѣняемые къ фотографіи изъ фотографической лабораторіи Варнерке и Комп.; освѣщена она такъ называемымъ «неактиническимъ свѣтомъ» т. е. свѣтомъ, не дѣйствующимъ на самочувствительныя фотографическія пластинки. Здѣсь производится демонстрированіе печатанья, проявленія, и измѣреніе свѣточувствительности фотографическихъ пластинокъ. Отдѣленіе слишкомъ спеціальное, а потому и мало посѣщается. Второе отдѣленіе назначалось для «свѣтовыхъ эффектовъ» и имѣетъ претензію изображать сталактитовую пещеру, но, пока освѣщенный одною, двумя лампами, представляетъ полутемный, затхлый подвалъ; къ усиленію гнетущаго впечатлѣнія для какихъ-то цѣлей поставленъ городовой, который и самъ томится своимъ присутствіемъ и, безнадежно зѣвая, дрожитъ отъ сырости. Третье отдѣленіе уже для полнаго свѣтоваго эффекта совершенно темно. Только при сильномъ напряженіи зрѣнія, можно разглядѣть свѣтящіяся точки, а потомъ неясные контуры предметовъ. Здѣсь двѣ комнаты, вѣрнѣе, кануры. Одна занята столомъ, на которомъ разставлены, такъ называемые, фосфоризирующіе предметы, выставленные (или вѣрнѣе скрываемые) Гебгартомъ... Другая комната представляетъ пороховой погребъ, гдѣ бочки, воронки, и т. п. необходимыя принадлежности помѣчены самосвѣтящимися надписями, чтобы можно было обходиться безъ помощи огня. Придумалъ это г-нъ Г. Д. Дикъ. И правда, онъ—дикъ.

Наконецъ, послѣдній, 4-й залъ занятъ исключительно свѣчнымъ производствомъ. Здѣсь находится систематическая коллекція образцовъ свѣчнаго производства Владимірскаго Епархіальнаго завода въ послѣдовательныхъ фазахъ, начиная отъ образцевъ матеріала для фабриката и кончая готовымъ фабрикатомъ, состоящимъ изъ восковыхъ свѣчей отъ 125—на фунтъ до 15-ти фунтовой свѣчки. Здѣсь стеариновое производство Жукова въ дѣйствіи, громадная выставка канделябръ, подсвѣчниковъ, люстръ, лампъ, лампадъ, фонарей г-на Штанге; витрина, вся сдѣланная изъ стеарина, съ предметами стеариноваго производства завода Невскаго Товарищества, коллекція освѣтительныхъ матерьяловъ отъ Русскаго Общества Торговли Аптекарскими Товарами въ Спб. и, наконецъ, небольшой историческій отдѣлъ частью изъ гравюръ и рисунковъ, частью изъ археологическихъ предметовъ. Въ двухъ смежныхъ комнатахъ прилегающихъ къ 4-му залу, помѣстились С.-Петербургская Мастерская Учебныхъ Пособій съ волшебными фонарями и Педагогическій Музей военно-учебныхъ заведеній, превратившій комнату въ классъ. Тутъ, керосиновое освѣщеніе достигаетъ высшаго эффекта. Рядъ лампъ, подвѣшенныхъ къ потолку, освѣщаютъ столь равномѣрно классъ, что ни сверху, ни съ боковъ, свѣтъ не даетъ тѣни.

Не смотря на свой разбросанный характеръ выставка достигаетъ все таки своихъ цѣлей и, уходя съ нея выносится цѣльное и ясное представленіе о всѣхъ трехъ родахъ освѣщенія, которое можно промировать такъ: въ домашнемъ быту—керосинъ; въ общественныхъ зданіяхъ и на улицахъ—электричество. Безъ свѣчей-же и газа мы съумѣемъ обойтись.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Импровизаторъ.

Въ старинномъ замкѣ, гдѣ все дышетъ широкою жизнью, настоящимъ довольствомъ, солиднымъ богатствомъ, собралось общество молоденькихъ дѣвушекъ, именно въ то время, когда доложили о посѣщеніи молодого сосѣда изъ деревенскихъ дворянъ, отъявленнаго франта, надутаго, самодовольнаго, занятаго собой и воображающаго по глупости, что всѣ безъ ума отъ его лица, отъ его манеръ, отъ его музыкальныхъ способностей, отъ его голоса. Съ первыхъ же словъ началась потѣха надъ нимъ—рядъ тонкихъ шутокъ и насмѣшекъ подъ видомъ любезныхъ похвалъ, томныхъ вздоховъ, страстныхъ взглядовъ. У недалекаго по уму деревенскаго дворянчика, принимающаго все за чистую монету, закружилась голова отъ восторга и, вотъ онъ поддался на послѣднюю удочку: взялъ большую мандолину, принялъ граціозную позу и запѣлъ. Что эта за игра! что за пѣніе! Чисто деревенскій виртуозъ! Тутъ уже терпѣніе у насмѣшницъ лопнуло и молодой едва сдерживаемый смѣхъ зазвенѣлъ въ залѣ. Это, впрочемъ, нисколько не смутило увлекшагося пѣвца и только еще болѣе томнымъ и еще болѣе глупымъ сдѣлалось выраженіе его смазливаго лица.. Вотъ содержаніе картины Тито Конти, художника еще молодаго, но уже сдѣлавшаго себѣ имя блестящею техникою, умѣньемъ придавать выразительность лицамъ безъ шаржа, безъ карикатурности. Наша гравюра принадлежитъ къ числу лучшихъ работъ извѣстнаго въ Европѣ гравера Кнезинга.

Ряженые.

Отблескъ бросая багровый,
Солнце садится за лѣсъ,
Кажется крышей свинцовой
Сводъ потемнѣвшихъ небесъ.
Въ полѣ и пусто, и глухо,
Лишь съ богомолья съ сумой
Тихо плетется старуха
Снѣжной дорожкой домой.
Чу! гдѣ-то шумъ въ отдаленьи!
Близится топотъ копытъ,
Слышны гармоника, пѣнье,
Бубенъ визгливо звенитъ.
Роспуски—Господи Боже!—
Скачутъ, а въ нихъ-то сидятъ
Чисто бѣсовскія рожи
И по бѣсовски галдятъ.
Ясно среди гоготанья
Можно слова разобрать:
«Тетушка, тетка Маланья,
Въ нашу компанью присядь!»
Крестится баба поспѣшно,
Двинуться съ мѣста нѣтъ силъ,
Охаетъ: «Горе мнѣ, грѣшной,
Смертный мой часъ наступилъ!
Жмурится въ страхѣ, не знаетъ,
Чѣмъ ей враговъ побороть,
«Вѣрую», «Отче» читаетъ
И «Да воскреснетъ Господь».
Звуки смолкаютъ. Старуха
Смотритъ пугливо кругомъ—
Снова и пусто и глухо
Въ полѣ, покрытомъ снѣжкомъ.
Скрылося солнце за лѣсомъ
И миріады лампадъ
Въ небѣ подъ темнымъ навѣсомъ
Трепетнымъ свѣтомъ горятъ...

Іоаннъ Грозный и Василиса Мелентьева.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный подобно Генриху VIII и Іоанну Лейденскому, дѣтямъ того же тревожнаго вѣка, отличался рядомъ съ жестокостью безграничнымъ женолюбіемъ. Какъ у Генриха VIII и Іоанна Лейденскаго, такъ и у царя Ивана Васильевича Грознаго участь избранныхъ женъ была не сладка и жизнь ихъ кончалась болѣе или менѣе трагически. Когда царь въ началѣ 1572 года женился, вопреки церковному уставу, въ четвертый разъ на Аннѣ Колтовской, причины этого брака объяснялись на наивномъ языкѣ того времени слѣдующимъ образомъ: «Женился онъ первымъ бракомъ на Анастасіи, дочери Романа Юрьевича и жилъ съ нею тринадцать лѣтъ съ половиною; но вражьимъ извѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели. Совокупился вторымъ бракомъ, взялъ за себя изъ Черкасъ Пятигорскихъ дѣвицу, и жилъ съ нею восемь лѣтъ; но и та вражьимъ коварствомъ отравлена была. Подождавъ не мало времени, захотѣлъ вступить въ третій бракъ, съ одной стороны для нужды тѣлесной, съ другой для дѣтей, совершеннаго возраста не достигшихъ; поэтому идти въ монахи не могъ, а безъ супружества въ мірѣ жить соблазнительно; избралъ себѣ невѣсту Маѳу, дочь Василія Собакина, но врагъ воздвигъ ближнихъ многихъ людей враждовать на царицу Маѳу, и они отравили ее еще когда она была въ дѣвицахъ; царь положилъ упованіе на всещедрое существо Божіе, и взялъ за себя царицу Маѳу, въ надеждѣ, что она исцѣлѣетъ; но была она за нимъ только двѣ недѣли и преставилась еще до разрѣшенія дѣвства. Царь много скорбѣлъ и хотѣлъ облечься въ иноческій образъ; но, видя христіанство разплѣняемо и погубляемо, дѣтей несовершенно-лѣтнихъ, дерзнулъ въ четвертый бракъ. Царскіе богомольцы, архіепископы и епископы, видя такое царево смиреніе и моленіе, много слезъ испустили и на милосердіе преклонились». Въ четвертомъ бракѣ царь прожилъ не болѣе трехъ лѣтъ. Колтовская была заключена въ монастырь. Въ пятый и послѣдній разъ Иванъ Васильевичъ вѣнчался въ 1580 году съ Маріею Ѳедоровною Нагою, отъ которой и родился царевичъ Дмитрій. Это не помѣшало царю уже въ 1583 году свататься за племянницу англійской королевы Елизаветы, Марію Гастингсъ, причемъ заявлялось царь хотя и женатъ, но можетъ взять въ жены, «свою отставя», королевину племянницу, если она «дородна и такого великаго дѣла достойна». Этотъ бракъ не состоялся. Но кромѣ того есть еще слѣдующія извѣстія въ обиходѣ Іосифова Волоцкаго монастыря: «Въ лѣто 7081 (1572 г.). Ноемврія 11 дня, прія царь молитву и сочетася отай на княжнѣ Маріи Ивановнѣ Долгорукая, кою утопи въ рѣцѣ Серѣ, въ колымагѣ, затисну во крѣпцѣ, на ярыхъ конехъ, и воскручинися, занеже въ ней не обрѣте дѣвства; а погуби ю на утро Ноемврія 12 дня. Но вельми бысть добра и красоты юныя колпицы и восплакася, повелѣ златополосную главу церкви слободы Александровской очернити черезъ полосу злату». Затѣмъ имѣются свѣдѣнія объ Аннѣ Васильчиковой, про которую говорится въ томъ же обиходѣ, что «по Аннѣ Васильчиковой, дары государскіе 100 рублевъ». Она жила, какъ царица, но въ сущности царицею не была, такъ какъ нѣтъ нигдѣ извѣстій о ея бракѣ съ царемъ и царицею въ памятникахъ того времени ее не называютъ. Другою возлюбленною царя была Василиса Мелентьева. Ея мужъ былъ заколотъ опричникомъ, послѣ чего и произошло ея сближеніе съ царемъ. Въ монастырскомъ обиходѣ говорится, что царь постригъ ее въ Новгородѣ 1-го мая 1577 года за то, что замѣтилъ «ю зрящу яро на оружничаго Ивана Девтелева князя, коего и казни». Именно эта-то личность царской любимицы послужила главнымъ лицемъ для одной изъ драмъ Островскаго. Въ этой драмѣ, какъ и въ большинствѣ историческихъ драмъ, вымыселъ преобладаетъ надъ историческими фактами. Тѣмъ не менѣе личность жестокой и честолюбивой, страстной и лживой женщины изображена ярко. Ей ничего не значитъ пожертвовать любимымъ человѣкомъ и отравить царицу, чтобы достигнуть своей цѣли, сдѣлаться въ свою очередь царицею. Она смѣла и кокетлива съ царемъ, она нагло и рѣшительно высказываетъ свои злодѣйскіе замыслы, когда нужно, она лукаво и скромно притворяется, передъ кѣмъ нужно притворяться. Но вотъ цѣль достигнута: Василиса—царица, царь ухаживаетъ за нею, но въ ней просыпается если не совѣсть, то суевѣрный ужасъ, ей грезится отравленная царица; царь успокаиваетъ ее, она засыпаетъ, онъ любуется ею, сластолюбивый, животный по натурѣ, и вдругъ ея уста произносятъ чужое имя, говорятъ о любви къ кому-то другому. Царь будитъ ее и въ это время является этотъ «другой»—молодой красавецъ-опричникъ. Онъ уже давно понялъ Василису, толкнувшую его, ради своихъ цѣлей, на путь злодѣйства и въ то же время оттолкнувшую его, ради своихъ выгодъ, отъ себя, и вотъ, охваченный жаждой мести, онъ убиваетъ ее, а царь хвалилъ его за вѣрную службу, но въ тоже время холодно отдаетъ приказъ убрать слишкомъ красиваго опричника подальше, хоть въ одинъ гробъ съ Василисой...

Помѣщенный нами рисунокъ съ картины Г. Сѣдова, воспроизведенъ съ фотогравюры, составляющей собственность изданія г. Фельтена (Невскій, домъ Голландской церкви), и изображаетъ именно тотъ моментъ, когда Василиса уснула въ царскихъ покояхъ и царь, какъ нянька, охраняетъ ея сонъ...

Папа Левъ XIII во время юбилейныхъ торжествъ.

Мы уже говорили въ предъидущемъ и въ нынѣшнемъ нумерѣ о томъ, что «ватиканскій узникъ» торжественно и парадно отпраздновалъ свой юбилей, въ которомъ такъ или иначе приняли участіе всѣ благочестивые католики, принесшіе святому отцу не малую лепту по случаю этого празднества. Помѣщаемая нами картина, лучше всякихъ описаній словами, даетъ понятіе о торжественной обстановкѣ юбилейнаго празднества, на которомъ папа благословлялъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ католической церкви.

Въ часы досуга!

«Комната отъ жильцовъ»: крашенный полъ, мебель не важная, излишней роскоши нѣтъ и слѣда, но тюлевыя занавѣси къ празднику вымыты и подкрахмалены, скатерть на столѣ накрыта чистая, и при свѣтѣ лампы, съ зеленымъ дешевенькимъ абажуромъ, подъ пѣсню кипящей въ самоварѣ воды и горящихъ въ немъ угольевъ здѣсь бываетъ иногда, такъ тихо, такъ уютно, что никуда не тянетъ ея жильцовъ. Это два только что вступающіе въ жизнь юноши, сжившіеся, какъ братья, дѣлящіе между собой и радости, и горе сѣренькой, трудовой петербургской жизни, съ неважнымъ званіемъ конторщиковъ, съ небольшимъ жалованьемъ, съ дороговизной всего. Средствъ хватаетъ только на самое необходимое, работы въ должности много, отдыхать приходится только поздно вечеромъ и то, главнымъ образомъ, дома, такъ какъ гроши всѣ сосчитаны. И вотъ вечеромъ читается какой-нибудь неважный романъ за вечернимъ чаемъ, берется гитара и подбираются болѣе или менѣе знакомые мотивы, напѣвается пѣсня Богъ вѣсть о чемъ—о невѣдомой любви, о далекихъ краяхъ, о вихрѣ шумнаго бала. Немного тоскливо, немного комично все въ жизни этихъ «старосвѣтскихъ помѣщиковъ» съ Офицерской или съ Песковъ, этихъ образованныхъ пролетаріевъ, но благо имъ, покуда ихъ еще не тянутъ къ себѣ трактиръ, портерная, кабаки всѣхъ наименованій, гдѣ увы! такъ часто оканчивается эта сѣренькая, порой глубоко трогательная жизнь...

ВЪ МАГАЗИНѢ ДУХОВНЫХЪ КНИГЪ

И. Л. ТУЗОВА.

СПБ., Большая Садовая ул., д. № 16, прот. Гостинаго двора.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

1) ПЕРВЫЕ ДНИ ХРИСТІАНСТВА.

Соч. **Ф. В. Фаррара**. Перев. съ послѣдняго англійскаго изданія, **А. П. Лопухина**. Въ 2-хъ частяхъ, болѣе 1000 страницъ убористаго шрифта. Цѣна **4** р., съ пересылкою **4** р. **60** к., въ изящномъ переплетѣ **5** р., съ пересылкою **5** р. **60** к.

Предисловіе. Предлагаемъ русской публикѣ третій капитальный трудъ знаменитаго англійскаго богослова-экзегета Фаррара, имя котораго уже достаточно извѣстно всѣмъ, болѣе или менѣе интересующимся вопросами о происхожденіи и распространеніи христіанства. Настоящій трудъ находится во внутренней связи съ прежними двумя сочиненіями того же автора, именно съ его «Жизнью Іисуса Христа» и «Жизнью и трудами св. апостола Павла», уже переведенными на русскій языкъ и выдержавшими нѣсколько изданій, и потому появленіе его въ русскомъ переводѣ и изданіи не требуетъ никакихъ оправданій и понятно само собою. Онъ составляетъ продолженіе двухъ названныхъ сочиненій и, завершая собою историко-экзегетическое изложеніе новозавѣтныхъ книгъ, содержитъ именно толкованіе соборныхъ посланій апостоловъ Петра, Іуды, Іакова, Іоанна, посланія къ Евреямъ, не вошедшаго во второй трудъ, и Апокалипсиса, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ книгъ новозавѣтнаго канона, которыя оставались еще не изслѣдованными авторомъ. Такимъ образомъ имъ заканчивается историческое толковое изложеніе Новаго завѣта, и русская публика съ появленіемъ его въ свѣтъ получаетъ возможность читать весь Новый Завѣтъ при свѣтѣ толкованія, стоящаго на высотѣ современнаго историко-экзегетическаго знанія.

2) **Жизнь Іисуса Христа**. Соч. Ф. В. Фаррара. Новый полный переводъ съ 30 англійскаго изданія, А. П. Лопухина. Роскошное изданіе. Съ приложеніями и примѣчаніями. Со множествомъ великолѣпно-исполненныхъ иллюстрацій и съ приложеніемъ раскрашенной карты Палестины. Спб. 1887 г. Цѣна **8** р., съ пересылк. **9** р., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотообрѣзомъ **10** р., съ перес. **11** р.

3) **Жизнь Іисуса Христа**. Соч. Ф. В. Фаррара. Новый переводъ съ 30-го англійскаго изданія А. П. Лопухина. 3-е общедоступное изданіе (безъ иллюстрацій). 1887 г. Цѣна **2** р. **50** к., съ перес. **3** р., въ изящномъ переплетѣ **3** р. **50** к., съ перес. **4** р.

4) **Жизнь и труды святаго апостола Павла.** Соч. Ф. В. Фаррара. Полный переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія, А. П. Лопухина. Роскошное изданіе со множествомъ великолѣпно исполненныхъ иллюстрацій и съ приложеніемъ 4-хъ раскрашенныхъ картъ путешествій св. ап. Павла. Большой томъ въ 4-ю д. л. Спб. 1887 г. Цѣна **8** р., съ пересылкою **9** р., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотообрѣзомъ **10** р., съ пересылкою **11** р.

5) **Жизнь и труды святаго апостола Павла**. Соч. Ф. В. Фаррара. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія, А. П. Лопухина. 2-е общедоступное изданіе, съ изображеніемъ статуи ап. Павла и картами въ текстѣ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1887 г. Ц. **3** р., съ перес. **3** руб. **50** к., въ изящн. перепл. **4** р., съ перес. **4** р. **50** к.

6) **Святый Димитрій Ростовскій** и его избранныя творенія, переведенныя на русскій языкъ. Спб. 1888 г. Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.

7) **Руководство къ библейской исторіи ветхаго завѣта**. Соч. А. П. Лопухина. Спб. 1888 г. Цѣна **2** р., съ пер. **2** р. **30** к.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

№ 300 (1—1)

ДЕПО ЧАСОВЪ

Эд. Бурхарда.

1) Гороховая ул., у Краснаго м. № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго пр., д. Дюваль № 7/6.

Рекомендуетъ:

Часы съ календар. никель	. . .	15 р.
„ „ „	сереб. отъ 18 до 33	„
„ „ „	стальные . . .	23 „
Часы безъ стрѣл. сереб.	отъ 35 до 40	„
Часы стальные (черные)	отъ 15 до 25	„

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. № 289 (27—3)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

А. СІУ и Ко,

рекомендуетъ свой

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ

(серебряная медаль).

ЕДИНСТВЕННЫЙ

получившій награду на выставкѣ 1882 г.

А. СІУ и Ко.

СПЕЦІАЛ. ПАРФЮМ. ВЫСШ. КАЧЕСТВА

Невскій, № 16 на углу Б. Морской.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

301 (2—1).

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННЫЕ

ФИЛЬТРЫ

для водопроводовъ, очищающіе воду чрезъ костяной уголь.

Абонементъ 5 р. въ годъ

съ постановкою, перестановкою и чисткою.

Устройство водо-газопроводовъ,

ремонтъ и разныя механическія работы. Проводка воздушныхъ и электрическихъ звонковъ.

Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ.

Спб. Николаевская, д. № 55—6.

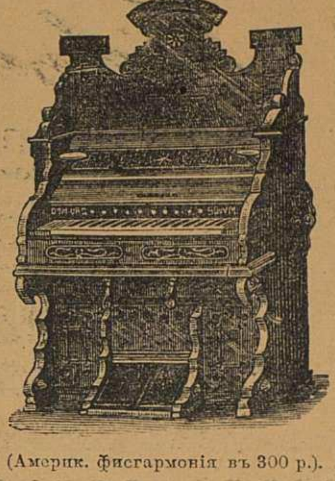
№ 185 (12—5).

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій**. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.

№ 228 (52—9)



(Америк. фисгармонія въ 300 р.).

Профессоръ Л. Келеръ пишетъ:

„Для домашней музыки особенно можно рекомендовать фисгармонію. Было бы желательно, чтобы въ каждомъ семействѣ, въ которомъ любятъ музыку и средства позволяютъ пріобрѣсть фисгармонію, былъ такой инструментъ. Кто играетъ на фортепіано хотя народныя пѣсни и простыя пьесы можетъ, играя на фисгармоніи, доставить большое удовольствіе въ своемъ семейномъ кружкѣ“.

Американскія

ФИСГАРМОНІИ

весьма пріятнаго, пѣвучаго тона, простой и прочной конструкціи и роскошной отдѣлки въ 185, 250, 300, 450, 600, 700, 900, и 1,400 руб.

Французскія фисгармоніи

въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 рублей.

Фисгармонія съ органомъ съ 1-мъ валомъ 325 р., добавочные валы играющіе 7 пьесъ, по 40 р. за каждый. На этихъ инструментахъ можно играть какъ на обыкновенной фисгармоніи, а также посредствомъ верченія ручкой.

Ноты для фисгармоніи въ большомъ выборѣ; спеціальный каталогъ имъ 20 к.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ **Сан. Сов. д-ра Штельцингъ** изъ солей знамен. цѣлебн. источн. № 3 и 18. **СОДЕНЪ.**

Ввозъ этихъ лепешекъ разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Клеймо.

Продажа во всѣхъ почти **аптекахъ и аптек. магаз. по 70 коп.** за коробку. Оптовая продажа у **М. Моргенштернъ**, Б. Морская, № 23. **С.-Петербургъ.** № 299 (15—1).

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

«ЭЛЕОПАТЪ» употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ и развивающемъ густоту волосъ.

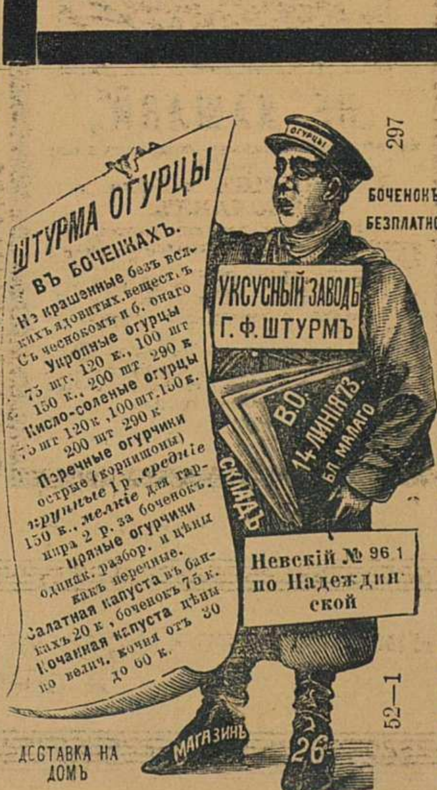
«Элеопатъ» только пров. Кикунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 руб. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп. почтовый расходъ и укупорка на счетъ покупателя.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только «ЭЛЕОПАТЪ» провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. или уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

СПРАШИВАЙТЕ

ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

№ 302 1—1.



ШТУРМА ОГУРЦЫ ВЪ БОЧЕНКАХЪ.

Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ. Съ чеснокомъ и б. онаго Укропные огурцы 75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к. Кисло-соленые огурцы 75 шт 120 к., 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к. Перечные огурчики острые (корнишоны) крупные 1 р., средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ. Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные. Салатная капуста въ банкахъ 20 к., боченокъ 75 к. Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ

Невскій № 96 1 по Надеждинской

297

52—1

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:

ПАДЕНІЕ.

Романъ А. МИХАЙЛОВА.

Одинъ томъ, 412 страницъ. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к.; съ пересылк. 1 р. 75 к. Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Живописное Обозрѣніе“, Невскій просп. у Аничкина моста, д. №68—40. Гг. книгопродавцамъ обычная уступка.

Только-что поступила въ продажу новая книга:

„НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА“

Соч. ЭБЕРСА.

Историческій романъ изъ временъ язычества.

Изящное изданіе (съ портрет. авт.) въ 600 страницъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Подписчики „Живоп. Обозрѣн.“ за пересылку не платятъ.

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.
Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи
РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—4)

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

№ 298 (4—2)

ОДОБРИНЪ М. В. ЛЕБЕДЕВА
цѣна 35 коп.

Съ разр. врач. управ.
ОДОБРИНЪ
М. В. ЛЕБЕДЕВА. Уничтожаетъ совершенно въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Иногороднымъ высыл. съ пересылкою 2 короб. 1 р. 50 к., 4 кор. 2 р. 25 к. и 6 кор. 3 р. Можно получать въ аптекарскихъ и косметическихъ торгов. и аптекахъ Россійск. Имперіи. Главное депо „Одобринъ" для всей Россіи. Графскій переул., д. № (20—3).
№ 178 (10—9).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
въ С.-Петербургѣ.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ,
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
№ 234 (10—8).

Превосходные и самые модные препараты

„САФО"

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо" 50 к., Духи „Сафо" 1 р. 25 к., Пудра „Сафо" 1 р. Кремъ „Сафо" 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо" 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо", за пересылку не платятъ.—Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 290 (53—4)

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.

Лучшая пудра для вечера, а также и дня! Незамѣтно на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!

Театральныя гримировки!

румяна, бѣлила и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, БЕРЛИНЪ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у Б. АУРИХА, Стремянная, № 4, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 183 (15—9)

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—20)

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: А. С. Пушкинъ, Пастеръ, графъ Лесепсъ, Группа Сказки Шехеразады изъ 1,001 ночи, Сонъ наяву, механическая фигура, Елена Прекрасная, механическая фигура и много другихъ механическихъ фигуръ, а также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи, за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по Воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по Пятницамъ. № 253 (10—7)

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ",

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—20).

ЗУБНОЕ ПОЛОСКАНІЕ

Madelaine et Pierre.

Лучшее средство для освѣженія рта и сохраненія зубовъ, флаконъ 75 к.

Центральное аптекарское депо

Милютинъ рядъ, уголъ Казанскаго моста.

Туалетныя мыла I. Голлендера.

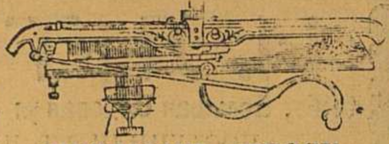
Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,
АМИКОСОВОЕ.

Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—8)

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—18).

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора А. Янсонъ.

Оптовый складъ въ Спб. конт. Ив. Фегедингъ, Чернышев. пер., Маріинскій рын., № 20.

Кромѣ того имѣется:

Въ Русскомъ Общ. Торг. аптек. тов. Казанск. № 12, центральн. аптек. депо, Милютинъ рядъ, Ф. Линде, Невскій № 23 и В. О. 6 линія № 25, Г. Клосъ и К°. В. О. 5 лин. № 12, казанск. аптекарск. торг. Казанская № 54, О. Роосъ Владимірск. № 7, Лиманъ и Риксъ Горохов. № 16, и во многихъ аптекахъ и магазинахъ парфюмерн. товаровъ.

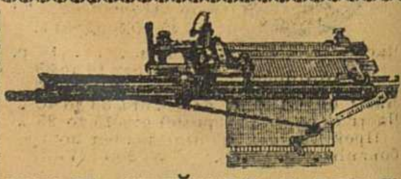
№ 249 (10—7)

КТО пожелаетъ объявить о чемъ-нибудь въ газетахъ не имѣетъ ни трудовъ, ни почтовыхъ и побочныхъ расходовъ, если передастъ заказы свои единственной и извѣстной

Центральной конторѣ объявленій
для всѣхъ европейскихъ газетъ

Фр. Петрика,

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 8.
Каталоги безплатно доставляются немедленно по востребованію.
№ 282 (4—4)



СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская д. № 26
Прейсъ-куранты высыл. безплатно.
№ 216 (30—6)

Нумеръ третій «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ изъ двухъ листовъ текста и обертки.

Завѣдующій литерат. отдѣломъ А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ).
За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб. 15 января 1888 г.
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

№ 4
24 ЯНВАРЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Промышленность, технологія и торговля.

Германское правительство, по предложенію покойнаго фельдмаршала принца Фридриха Карла, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроило въ Майнцѣ огромную консервную фабрику, для удовлетворенія потребностей арміи. Въ настоящее время фабрика приняла такіе размѣры и кругъ дѣятельности ея настолько расширенъ, что она представляетъ собой единственное въ своемъ родѣ учрежденіе во всей Европѣ. На фабрикѣ изготовляются ежедневно: 600,000 порцій кофе, 100,000 порцій консервнаго мяса, 100,000 порцій консервированныхъ овощей, 60,000 порцій солдатскихъ сухарей и 20,000 порцій особаго рода сухарей, замѣняющихъ кормъ для лошадей (эти послѣдніе сухари приготовляются изъ смѣси овса, маиса, ржи, гороха и небольшой примѣси муки). Зданія фабрики занимаютъ площадь въ слишкомъ 5 квадратныхъ километровъ. Чтобы составить себѣ понятіе о «дѣеспособности» этого грандіознаго учрежденія, достаточно замѣтить, что ежедневно убивается на бойнѣ фабрики больше 150 быковъ. — Русскіе чайные торговцы, ведущіе непосредственныя сношенія съ Китаемъ, въ послѣдніе годы начали ввозить туда многія русскія произведенія. Въ настоящее время не только въ Тянь-цзинѣ, Кантонѣ, Ханькоу и другихъ городахъ, доступныхъ европейцамъ, но и въ восточномъ Туркестанѣ и Тарбагатайской провинціи превосходно расходятся русскія матеріи, сукно, галантерейныя вещи, сахаръ въ плиткахъ и ювелирныя произведенія; теперь уже около 20 московскихъ купцовъ отправляютъ въ Китай большія партіи ситцевъ, драдедама, ластиковъ, шертинга и другихъ матерій.—Число фабрикъ и заводовъ въ Европ. Россіи 83,182, сумма производства на нихъ въ 1885 году простиралась до 1 милліарда 307 милліоновъ рублей.—Однимъ петербургскимъ торговымъ домомъ, по порученію французскаго мебельнаго фабриканта Гитри, отправлены въ Парижъ двое крестьянскихъ кустарей, для обученія учениковъ устраиваемой Гитри въ Парижѣ мастерской для изготовленія деревянной мебели въ русскомъ стилѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлена и коллекція образцовъ и рисунковъ этой мебели.—Одинъ берлинскій портной изобрѣлъ аппаратъ, при помощи котораго съ каждаго человѣка въ нѣсколько минутъ можно сдѣлать модель. Аппаратъ сдѣланъ изъ стали и разбирается по частямъ.—Въ германской и голландской арміяхъ намѣреваются ввести подошвы для сапогъ изъ металлической проволоки, покрытыхъ сверху веществомъ, похожимъ на каучукъ. Подошвы эти, какъ утверждаютъ, несравненно прочнѣе подошвъ изъ кожи и стоятъ вдвое дешевле. Изобрѣтатель ихъ, живущій въ Нюренбергѣ, нашелъ капиталистовъ, намѣревающихся повести это дѣло въ большихъ размѣрахъ.

Десять лѣтъ тому назадъ Эдиссонъ изобрѣлъ свой фонографъ, но дальше примѣненія въ игрушкахъ онъ не пошелъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ непреоборимыхъ трудностей, а именно неимѣнія подходящаго матеріала для пластинокъ. Въ настоящее время великій изобрѣтатель устранилъ это препятствіе, нѣсколько измѣнивъ первоначальное устройство самаго аппарата. Въ январѣ, въ Америкѣ 500 готовыхъ машинъ должны были поступить въ продажу, снабженныя пластинками для 4,000 словъ каждая. Занимая мѣсто не болѣе швейной машины, измѣненный фонографъ передаетъ не только самую рѣчь, но и всѣ колебанія голоса, шопотъ, смѣхъ, пѣніе. Теперь представляется возможность сохранить подлинныя показанія свидѣтелей при судебныхъ разбирательствахъ; сохранить для потомства звуки голоса великихъ людей, изрѣченія мыслителей, пѣніе артистовъ, впрочемъ всѣхъ практическихъ примѣненій фонографа и не пересчитать.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

О погодѣ. Въ Меранѣ жара въ 31° по Реомюру; въ Лондонѣ стояли такіе туманы, что торговля совершенно прекратилась, за невозможностью доставить товары съ пристаней. Въ Парижѣ наступили холода, породившіе новую моду: всѣ франты во время гулянья носятъ муфты,—нѣсколько длиннѣе и больше дамскихъ.

Убогіе артисты. Въ одномъ изъ Вѣнскихъ театровъ въ качествѣ танцовщицы дебютировала глухо-нѣмая; не слыша музыки и темпа, она сообразовала свои движенія по виду своихъ товарокъ и, говорятъ, безошибочно пляшетъ въ тактъ съ оркестромъ. — По поводу этого извѣстія, нѣкоторыя газеты стали припоминать подобные же случаи: Мольеръ былъ подверженъ хроническому кашлю и икотѣ, но публика всегда обманывалась, думая, что ея любимецъ нарочно прибѣгаетъ къ этому для возбужденія смѣха. Пуассонъ, игравшій первымъ роль Гарпагона, шамкалъ, и долго послѣ того всѣ исполнявшіе роль Гарпаонга считали необходимостью шамкать.—Исполнявшій главную роль въ «Мнимомъ больномъ», Анперъ Дериньи страдалъ уже давно передъ тѣмъ параличемъ, а зрители апплодировали естественности его игры. Пѣвецъ Рожеръ долго пѣлъ на сценѣ съ ампутированной рукой. На ряду съ этими курьезами можно привести рѣдкое явленіе, которое представляетъ слѣпой старикъ, неутратившій своего гармоничнаго голоса. Этотъ старикъ живетъ въ селѣ Тѣнинѣ рославльскаго у.; онъ часто расхаживаетъ изъ села въ село, безъ проводника, съ одной только палкой. Крестьяне всюду принимаютъ его, какъ родного, и онъ считается у нихъ самымъ дорогимъ гостемъ. Одно время онъ организовалъ хоръ пѣвчихъ, который прославился во всемъ уѣздѣ, но потомъ онъ распустилъ ихъ. Говорятъ, что этотъ замѣчательный слѣпецъ побывалъ одинъ, безъ провожатыхъ въ Кіевѣ и надѣется снова предпринять далекое путешествіе.

Рѣшенія задачъ (въ № 1 «Жив. Об.»).

1. П. Добрусскаго: 1. Фf3—a8, Лa4: a8; 2. Kd4—c6†, Kpe5—f6; 3. Kc3—e4×. (*Вар. a*) 1... Kb6 : a8; 2. Kd4—f3†, Kpe5—f6; 3. Kc3—d5×. (*Вар. b*) 1... c5 : d4: 2. Фa8—h8†, f7—f6; 3. Фh8—e8× (*Вар. c*) 1... d6—d5; 2. Kd4—c6†. Kpe5—d6 (2...Kpf6; 3. Фa8—d8×); 3. Kc3—b5×. (*Вар. d*) 1... Cf4—g5; 2. Kd4—f3†, Kpe5—f4 (2... Kpf6; 3. Фa8—d8×); 3. Kc3—e2×. (*Вар. e*) 1... Лh1 : h3; 2. Фa8—e8†, Kpe5—f6; 3. Kc3—e4×. Остальные варіанты понятны изъ указанныхъ. Изъ 11-ти лицъ, приславшихъ рѣшенія задачъ, правильно рѣшили только О. Станиславскій (Ст. Доминово) и Н. Петеръ (г. Обоянь).

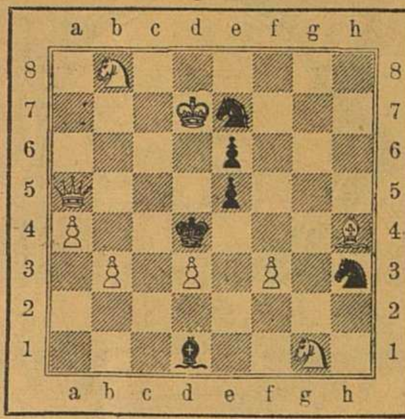
2. Е. Прадинья 1. Kf5—d4, Kp : d4; 2. Kc4—b2×. (*Вар. a*) 1... e5 : d4; 2. Фh2—h5×. (*Вар. b*) 1... b7—b5; 2. Kd4—e6× (*Вар. c*) 1... b7—b6; 2. Kc4—e3×. (*Вар. d*) 1... Лg3—∞; *); 2. Фh2 : e5×. Правильное рѣшеніе прислали: О. Станиславскій, Н. Петеръ.

ШАХМАТЫ.

Задача №. 5.

A. W. Orr.

Черные.



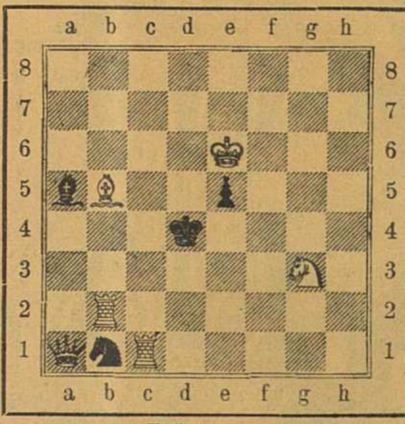
Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Задача №. 6.

J. A. Conray.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Предлагаемыя здѣсь задачи были преставлены на конкурсъ задачъ журнала «Evening Mail» въ Дублинѣ. Автору задачи № 5, A. Orr, присужденъ 1-й призъ за 3-хъ ходовую задачу, а J. A. Conray—2-й призъ за двухходовую.

---

*) Знакъ ∞ означаетъ *куда угодно.*

Первое изданіе Юргенсона
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ДѢТСКИХЪ СБОРНИКОВЪ
ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

Аврамова А. Музыкальная христоматія . . . . 1 р.
Артемьевъ Н. Дѣтскій балъ. Легкіе танцы . . . . . . 1 »
Бернардъ M. Lènfant pianiste 2 части по . . . . 1 »
Буховцевъ А. Сборникъ для изученія фразировки люб. легкихъ піесъ: Куллака, Чайковскаго, Шумана и др. со знаками исполненія и аппликатурою . . . . 1 »
Дюбюкъ А. Альбомъ для дѣтей 20 легкихъ піесъ изъ школы Гюнтена . . . . . — 75 к.
Дюбюкъ А. Музыкальная христоматія 60 любимыхъ русскихъ пѣсенъ въ легк. переложеніи . . . . 1 р. 50 к.
Куллакъ П. Kinderleben, 2 тетради въ 1 томъ . . . . 1 »
Мельцеръ И. Развлеченіе 18 мал. пьесъ . . . . . . 1 »
Мельцеръ И. Дитя піанистъ 50 легкихъ піесъ для младшаго возраста . . . . 1 »
Шуманъ Р. Zügendalbüm 1 — 65 к.
Чайковскій П. Дѣтскій альбомъ 24 легкихъ пьесы въ 1 томѣ . . . . 2 р.
Тивольскій Н. 100 русск. пѣсенъ, перелож. для дѣтей 1 »

Москва, у **П. Юргенсона**, Неглинный пр. 10 (уголъ Кузнецкаго моста). С.-Петербургъ, у **І. Юргенсона**, Варшава у **Г. Зенневальдъ**.
№ 303 (—1)

ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ
ГОДЪ VIII.
РЕБУСЪ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
отличающійся отъ другихъ подобныхъ изданій тѣмъ, что въ его содержаніе входитъ и обозрѣніе мало извѣстныхъ явленій природы, какъ-то: **Медіумизма** (спиритизма), животнаго магнетизма, гипнотизма, сомнамбулизма, ясновидѣнія, чтенія мыслей и проч.

Вышли два №№. Съ № 3 начнется печатаніе статей: 1) „Опытныя изслѣдованія медіумическихъ явленій“ — профес. химіи Гера; съ рисунками снарядовъ. 2) Гипнотизмъ и его значеніе.

За помѣщенные премированные ребусы всѣ рѣшившіе ихъ получаютъ премію.

Цѣна на годъ 5 р., на полг. 3 р. съ дост., безъ дост. 4 р. и 2 р. 50 к. Допускается разсрочка. Подписка въ книжн. магазинахъ С.-Петербурга, а черезъ почту въ редакцію (Караванная, 11). Продажа №№ по 15 к. въ Пассажѣ у Кузьмина.
№ 304 (—1)

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ
для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ
Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—18).

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго управленія
ВАТА „ГАВАННА“
ДЛЯ КУРЯЩИХЪ
положенная въ мундштукъ папиросы, удаляетъ никотинъ и вредныя пригорѣлыя вещества, чѣмъ предохраняетъ здоровье курящаго отъ вреднаго ихъ вліянія и улучшаетъ вкусъ табака.
Цѣна коробки 10 коп.
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
у Александра Венцеля, Казанская, № 3 и во всѣхъ лучшихъ табачныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Гг. иногороднымъ за 3 руб. высылаются 25 коробокъ. Гг. торговцамъ соразмѣрная уступка.
ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ
прошу обращать вниманіе при покупкѣ на подпись изобрѣтателя Н. Розенблата и лит. A. W. на каждой коробкѣ.
Александръ Венцель.
№ 162 6—6.

Императорскаго
московскаго общ.
Сельск. хозяйства
1886 г.
Одобрительный отзывъ.
Новой усовершен. системы, простой конструкціи разныхъ величинъ
ПОЖАРНЫЕ
трубы и насосы
„ПОТОКЪ“
для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Производство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ, Николаевская 55—6.
№ 2277 (52—1)
Прейсъ-куранты безплатно.
Привиллегія испрашив.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА

24-го Января, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.
Безъ доставки въ Спб.: за годъ 6 р. 60 к. За границею: за годъ 10 руб.
За пересылку преміи цѣнною посылкою рубль.
Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣлю 3 р. и къ 1-му іюля 2 р.

№ 4

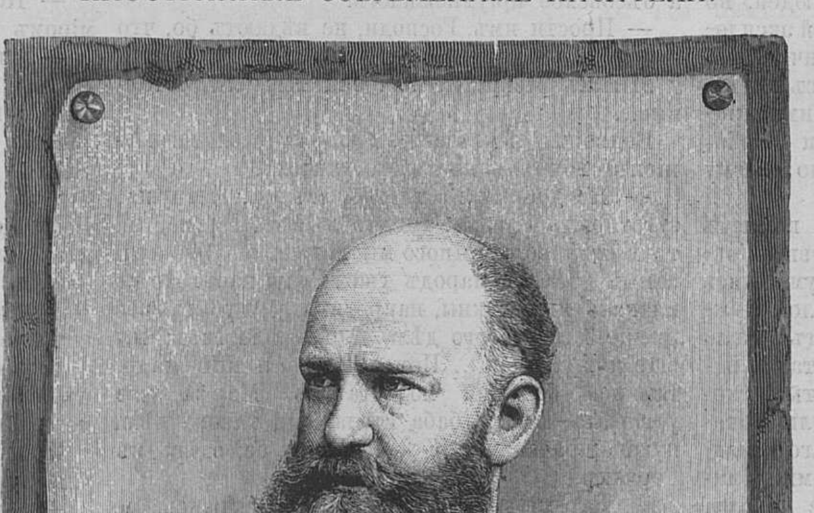
ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:
При сношеніи съ конторою необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него. За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій — 1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ. На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми коп. марки.

ОТЪ КОНТОРЫ: Гг. подписчики, желающіе подписаться на журналъ въ Москвѣ БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ 7 р. (съ преміею), благоволятъ обращаться въ книжный магазинъ И. Ф. ПАПКОВА (Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова), гдѣ и могутъ получать нумера журнала еженедѣльно по пятницамъ.

ГЕОРГЪ ЭБЕРСЪ.

Авторъ романовъ «Дочь царя египетскаго», «Homo sum», «Сестры», «Сераписъ», «Императоръ» и недавно еще вышедшей на русскомъ языкѣ «Нильской невѣсты», Георгъ Морицъ Эберсъ хорошо извѣстенъ русской публикѣ, какъ талантливый романистъ. Его историческіе романы, по преимуществу, относятся ко временамъ до-христіанскимъ или къ зарѣ христіанства и отличаются изумительною вѣрностью описываемымъ въ нихъ эпохамъ, что, впрочемъ, вполнѣ понятно, такъ какъ Эберсъ не диллетантъ въ области исторіи, а самостоятельный серьезный изслѣдователь. Новѣйшіе историческіе романы, по большей части, особенно у насъ въ Россіи, ничто иное, какъ маскарадъ, гдѣ ряженные разыгрываютъ тотъ или другой «пантомимъ любви». Историческаго тутъ нѣтъ ровно ничего. Именно въ этомъ то и нельзя упрекнуть Эберса: онъ знаетъ то, что описываетъ, и каждая мелочь въ обстановкѣ его романовъ есть плодъ серьезнаго знанія. Эберсъ родился 1-го марта 1837 года, въ Берлинѣ. Сначала, въ 1856 году, онъ отдался изученію правъ въ Геттингенѣ, потомъ отправился въ Берлинъ для изученія египетскихъ древностей подъ руководствомъ Бругша, Лепсіуса и Бекха. Далѣе онъ подготовился къ научной дѣятельности по египтологіи въ большомъ египетскомъ музеѣ въ Іенѣ. Это было въ 1865 году. Затѣмъ въ 1869—1870 годахъ онъ посѣтилъ Египетъ и Нубію. По дѣламъ ему пришлось вернуться въ Германію, въ Лейпцигъ, но уже въ 1872 г. мы видимъ его снова въ Египтѣ. Это второе путешествіе Эберса увѣнчалось находкою папируса, который и носитъ названіе «Папируса Эберса». Это описаніе медицинскихъ средствъ древнихъ египтянъ, въ высшей степени важное для возсозданія извѣстныхъ бытовыхъ сторонъ жизни древняго Египта. Какъ романистъ Эберсъ, завоевалъ себѣ громкое имя уже въ 1864 году романомъ «Дочь царя египетскаго», который въ девятнадцать лѣтъ выдержалъ въ Германіи одиннадцать изданій и былъ переведенъ на языки голландскій, англійскій, русскій и т. д.

ИНОСТРАННЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ.



Георгъ Эберсъ.

Въ теченіи двадцати четырехъ лѣтъ, протекшихъ со времени изданія этого перваго романа Эберса, знаменитый романистъ написалъ множество другихъ беллетристическихъ произведеній и во всѣхъ мы видимъ то же знаніе исторіи, то же умѣніе воспроизводить народную жизнь, то же ловкое соединеніе исторической правды съ романическою завязкою, чѣмъ отличается и послѣдній романъ Эберса «Нильская невѣста», только что изданный отдѣльной книгой въ русскомъ переводѣ. Въ Россіи вообще романамъ Эберса посчастливилось: они переведены всѣ на русскій языкъ и по праву пользуются вниманіемъ русской публики. Кромѣ множества романовъ, Эберсъ написалъ не мало серьезныхъ статей и книгъ: «Египтяне и книги Моисея», «Египетъ въ описаніяхъ и картинахъ», «Путеводитель по древнему Египту», «Рихардъ Лепсіусъ», все это произведенія, имѣющія серьезное научное значеніе. Однихъ этихъ изслѣдованій было-бы вполнѣ достаточно, чтобы имя Эберса пользовалось значеніемъ въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ. Многія изъ этихъ книгъ превосходно иллюстрированы. Долгія путешествія, ученыя изысканія, упорный трудъ, все это значительно пошатнуло здоровье Эберса и помѣшало ему вполнѣ отдаться роли профессора, къ которой онъ всегда чувствовалъ призваніе. Къ счастію, болѣе или менѣе обезпеченное матеріальное положеніе даетъ ему возможность жить безбѣдно. Лѣто онъ проводитъ по большей части въ своемъ имѣніи въ Тупингѣ на берегу Штарнбергскаго озера. А. М.

Изъ Шелли.

Ручьи сливаются съ рѣками,
Несутся рѣки въ океанъ;
По братски мощный ураганъ
Летаетъ съ тихими вѣтрами;
Не одиноко бытіе:
Оно найдетъ себѣ другое,—
Такъ почему-жь тебѣ мое
Какъ будто лишнее, чужое?

Гора касается небесъ,
Волна бѣжитъ съ другой волною;
Цвѣты, заброшенные въ лѣсъ,
Какъ братья, дружны межь собою;
Цѣлуетъ зыбь морей луна;
Земля лежитъ въ объятьяхъ лѣта;
Но что, скажи мнѣ, что все это,
Когда ко мнѣ ты холодна!

Д. С.

РАСКОЛЬНИЧІЙ УЧИТЕЛЬ.

Изъ забытыхъ исторій. Н. И. Шульгина.

Глава I.

Много на Руси раскольничьихъ толковъ, особенно много ихъ въ приволжскомъ краѣ. Тамъ, въ благодатныхъ степяхъ, расхаживаютъ странствующіе учителя, честолюбивые, религіозные фанатики. Тамъ широкое поле для ихъ дѣятельности: народъ принимаетъ ихъ хорошо, увлекается ихъ ученіемъ, но благодаря этому увлеченію, сегодня съ сочувствіемъ слушаетъ Карпа, завтра готовъ восторгаться ученіемъ Ивана. Тамъ безпрестанно возникаютъ новые толки и исчезаютъ старые, по неимѣнію послѣдователей. Между бродячими учителями немало дѣйствительно убѣжденныхъ людей, но большинство ловкіе пройдохи, религіей эксплоатирующіе темный людъ. Знаютъ мужички, что имъ часто приходится сталкиваться съ плутами, да что будешь дѣлать,—ужь такими уродились,—очень смирны, податливы и всякій, кто захочетъ, можетъ стричь ихъ по своему произволу...

Въ іюлѣ 1852 года въ одной изъ комнатъ хорошо отстроеннаго дома, въ деревнѣ Горкахъ, лежащей на самой Волгѣ, задумавшись надъ огромной книгой, сидѣлъ пожилой мужчина. На видъ ему можно дать лѣтъ около пятидесяти. Нѣсколько сгорбленный станъ, испитая физіономія, орлиный носъ, густыя, сходящіяся брови, широко-развитыя скулы показываютъ въ немъ человѣка, одареннаго сильною волею и необузданными страстями. Книга лежала передъ нимъ, но онъ не читалъ. Блуждающіе по сторонамъ глаза и подчасъ нетерпѣливыя движенія выдавали его душевное волненіе.

— Славная дѣвка, Палаша, размышлялъ онъ. Красавица и очень умна. Такую мнѣ и надо... Не совладаешь съ ней никакъ, упряма очень; мать боится, что уйдетъ... Неужели я ихъ не поборю? Вздоръ, будетъ она моею, во что бы то ни стало. А славная изъ нея выйдетъ помощница. Съ ней можно дѣло дѣлать. Какъ разъ подходящая. Цѣлыя тьмы народа можно привести къ истинной вѣрѣ. Тогда-то Кузьма Петровъ, ты заживешь, въ вольную волюшку, припѣваючи.

Онъ пріятно усмѣхнулся.

Раздался стукъ отворяемой двери. Кузьма быстро схватилъ книгу и принялъ видъ человѣка, внимательно углубленнаго въ чтеніе.

Вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, поклонился до земли и, вытянувшись, ждалъ, что скажетъ учитель. Кузьма Петровъ слылъ подъ этимъ именемъ у всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, исповѣдывающихъ раскольничье ученіе, въ которомъ безпоповщинскія понятія были перемѣшаны съ вѣрованіями различныхъ мистическихъ сектъ.

Учитель повернулся на стулѣ и, увидѣвъ гостя, вскочилъ, обнялъ его, насильно усадилъ около себя и торопливо сказалъ:

— А, Петръ Ефимовъ, гость желанный! Что новаго? Разсказывай скорѣе, гдѣ былъ, что видѣлъ, какъ живутъ наши?

— Былъ вездѣ, гдѣ ты приказалъ. Наши, слава Богу, живутъ хорошо. Ихъ не очень обижаютъ. Въ Мирошевѣ было случилась перепалка. *Самъ-то*, вишь, нагрянулъ проѣздомъ, и пошелъ: въ Сибирь, говоритъ, упеку всѣхъ васъ, еретиковъ, бунтовщиковъ; никому не будетъ пощады. Кричалъ это онъ и билъ многихъ. Становой и исправникъ спервоначалу больно испугались. А тамъ обошлось. Все пошло по прежнему.

— Чай не дешево стоило? переспросилъ Кузьма.

— Почитай три тысячи. Да что будешь дѣлать съ супостатами. Христіанамъ тяжело жить. Все это, впрочемъ, ничего, къ этому привыкли. И начальство не слишкомъ притѣсняетъ: окромя положеннаго не Богъ вѣсть что захватываютъ. Это все бѣда не бѣда, а вотъ въ Благодатномъ, да въ Терехинѣ совершались дѣла больно непригожія!...

— Что же такое, не томи, говори скорѣй.

— Чай знаешь Финогея Семиткина? Этого пса безобразнаго! Чрезъ него вся напасть на насъ! Не любитъ онъ тебя за что-то. Люди брешутъ такое непригодное, что будто давно ты отбилъ у него дѣвку. Съ той поры онъ на тебя лается. Пошелъ онъ, сосудъ дьявольскій, пошелъ это честить тебя: и обманщикъ ты, и воръ, и съ нечистымъ ты знаешься. Знай—мутитъ людей. А тутъ съ федосѣевцами съякшался: тѣ рады, тожь свое брешутъ. Да, видно помогъ имъ всѣмъ окаянный, ослѣпилъ христіанъ, и теперь, почитай ужь мѣсяцъ, а можетъ и болѣе, ни въ Благодатномъ, ни въ Терехинѣ не осталось ни одного нашего. Умалилось и безъ того небольшое стадо Господне, а бѣсовское пріумножилось!

— Прости имъ, Господи, не вѣдаютъ бо, что творятъ, набожно проговорилъ Кузьма, прости и лютыхъ развратителей: они тоже люди темные...

Водворилось молчаніе. Ефимовъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на своего учителя.

— Не добрыя вѣсти принесъ ты, Петруша, заговорилъ Кузьма. Но что дѣлать. Видно, на то Божья воля. Много мы потеряли. Почитай, самый богатый народъ ушелъ отъ насъ. Но не плакать мы должны, напротивъ, усугубить свое рвеніе для благого дѣла. Богъ милостивъ; мы еще поправимся.... Помощницу бы мнѣ надо. Въ ней большой недостатокъ. Марфа уже устарѣла—дрянь баба стала. Для такого дѣла нужна красавица. Я уже нашелъ ее, здѣсь, въ Горкахъ.

— Кто-же такая; у насъ такой, кажись, не имѣется?

— Не имѣется!... Гдѣ-жь у тебя глаза? Не знаешь развѣ Палашу, дочь Марфы? Не красавица она?

— Знать-то ее знаю, да годится-ли она? Наврядъ-ли. Не нашего поля ягода! Смотри, кабы она совсѣмъ не ушла отъ насъ! Въ келейницы она ни за что не пойдетъ!... Кузьма Петровичъ! Брось ты келейницъ-то! Одинъ соблазнъ только. Народъ ропщетъ.

— Глупъ ты, какъ вижу, Петруша. Да и во всѣхъ васъ, какъ посмотрю, вѣры еще мало. Развѣ не знаете, что я поступаю по внушенію? Какъ бываетъ приказано, такъ и дѣлаю. Не нашего разума дѣло!

— Что и говорить: тебѣ открыто то, чего не вѣдаемъ мы простыми своими умами. Только брось ты Палашку. Она до добра тебя не доведетъ. Будто кромѣ ея, нѣтъ никого. Найдутся другія. Хоть-бы Олимпіада, Архипова дочь, въ Лукошкинѣ. Дѣвка какъ слѣдуетъ: умная, грамотница — писаніе все произошла. Изъ нея добрая будетъ тебѣ помощница!

— Куда ей противъ Палаши! Она не дурна собой—это правда, но въ ней нѣтъ того, что нужно для нашего дѣла: нѣтъ у нея настоящаго характера. Гдѣ ей справиться съ обязанностію помощницы. Нѣтъ, она не годится!

— По моему хороша. Но тебѣ выбирать, а не мнѣ. Ты лучше долженъ знать, какая годна, какая нѣтъ.

— Послушай, Петруша! Тебя я люблю, какъ сына; тебѣ могу открыть все...

Помолчавъ немного, Кузьма продолжалъ:

— Разъ, мѣсяца полтора тому назадъ, я горячо молился и просилъ Господа, да укажетъ онъ мнѣ путь, какъ дѣйствовать, дабы увеличить стадо истинныхъ христіанъ... Господь услышалъ мое моленіе! Съ небеси раздался гласъ. И прорекъ онъ мнѣ: «предстоятъ еще большія испытанія. Отторгнется отъ вѣры много людей». Вотъ почему я не удивлялся твоему разсказу объ отщепенцахъ. Я зналъ уже объ этомъ. «Но затѣмъ настанутъ другія времена, продолжалъ тотъ-же голосъ. Возьмешь ты себѣ помощницу и просвѣтите вы вмѣстѣ цѣлыя тьмы слѣпотствующихъ, и водворится на землѣ благодать».—«Кого-же, Господи, избрать для совершенія великаго дѣла; я грѣховный человѣкъ, могу ошибиться», осмѣлился вопросить я.—«Возьми ту, которая чище всѣхъ и не знакома еще съ страстными помыслами». Съ этими словами голосъ умолкъ. Долго стоялъ я въ оцѣпенѣніи, не зная, на что рѣшиться. Наконецъ, сталъ опять молиться; молился долго, а послѣ, поразмысливъ, рѣшилъ, что именно Палашу, эту истинно чистую дѣвушку, назначаетъ Господь для своихъ высокихъ цѣлей. Съ той поры почти ежедневно я убѣждаю Марфу, чтобы она уговорила дочь. Да что съ ней сдѣлаешь. Глупа... не умѣетъ приняться за дѣло. Самому-бы похлопотать; да думаю, лучше будетъ, коли дѣвка помимо меня захочетъ принять на себя великій подвигъ.

Петръ, съ благоговѣніемъ слушавшій краснорѣчивый разсказъ учителя, отъ души воскликнулъ:

— Пошли тебѣ Господи успѣхъ. Мы всѣ, міромъ готовы просить ее.

— Спасибо на добромъ словѣ. Но торопиться нечего. Самъ Господь вразумитъ ее. Пусть сперва маленечко приготовитъ ее Марфа. Ты знаешь самъ, какъ труденъ подвигъ. Хорошенько помолимся Богу. Сегодня-же ночью будетъ у насъ великое моленіе. Вознесемъ къ Богу смиренныя мольбы, да дастъ Онъ, Сердцевѣдецъ, прозрѣніе нашимъ слѣпотствующимъ душамъ!.. Однако-же, тебѣ нужно отдохнуть. Чай, крѣпко усталъ съ дороги. Поди домой, сынъ мой. Прощай.

Кузьма обнялъ своего ученика и нѣжно поцѣловалъ его. Петръ-же, облобызавъ руку учителя и поклонившись до земли, вышелъ.

Проводивъ его глазами, учитель пріятно улыбнулся.

— Хорошій парень! произнесъ Кузьма. — Кабы побольше такихъ, многое можно сдѣлать. Сильна въ немъ вѣра. Съ какимъ восторгомъ слушалъ онъ повѣствованіе о благодати, посѣтившей меня, грѣшнаго. Знать, не домой онъ пошелъ теперь. Не до сна ему, когда отъ учителя услыхалъ такія вѣсти. Ходитъ онъ теперь изъ избы въ избу, разсказываетъ темнымъ людямъ, и вѣра ихъ укрѣпляется... Велика премудрость Твоя, Господи! Какъ-бы ничтоженъ ни былъ человѣкъ, и тотъ можетъ служить Тебѣ во славу...

— Долго нейдетъ Марфа, сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія. — Что съ ней сдѣлалось. Опоздала сегодня. Да не она-ли это?

И Кузьма опять пригнулся къ книгѣ, сѣвъ спиною къ двери...

Глава II.

Въ первой четверти девятнадцатаго столѣтія, въ одной изъ подмосковныхъ губерній, проживалъ на полной своей господской волѣ, помѣщикъ села Козихи, Ардаліонъ Карловичъ Нелькe. Нѣмецъ по происхожденію, русскій по вѣрѣ, Ардаліонъ Карловичъ соединилъ въ своей особѣ всѣ особенно-выдающіяся дурныя качества обѣихъ народностей. Отъ отца-нѣмца онъ пріобрѣлъ крайнюю щепетильную разсчетливость, развитую имъ до скупости, отъ русской матери—широту господской натуры, выражавшуюся въ самодурныхъ проявленіяхъ его барскихъ привычекъ и въ совершеннѣйшемъ произволѣ, съ какимъ онъ судилъ-рядилъ своихъ безотвѣтныхъ крѣпостныхъ.

Этотъ горе-богатырь имѣлъ преданнѣйшаго слугу Семена, готоваго свято выполнить всякую барскую прихоть. Семенъ былъ и камердинеръ, и доѣзжачій, когда нужно шпіонъ, а то и палачъ; онъ былъ годенъ для всякаго дѣла, какое заблагоразсудитъ поручить ему баринъ; все дѣлалъ онъ съ любовію; ко всему прикладывалъ всю свою энергію. И баринъ, и слуга вполнѣ стоили одинъ другого и служили, какъ бы дополненіемъ другъ къ другу. Ардаліонъ Карлычъ безъ Семена былъ какъ безъ своей правой руки. Семенъ безъ Ардаліона Карлыча былъ никуда негодная тряпка. Семенъ до самозабвенія былъ преданъ своему барину. Баринъ, хотя подчасъ и поколачивалъ Семена, очень любилъ его и всегда совѣтовался съ нимъ въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Семенъ былъ вдовый. Онъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей; но всѣ они умирали еще младенцами. Остался жить одинъ сынишка—Сидорка, мальчишка бойкій, рѣзвый, отъявленный шалунъ. Пользуясь тѣмъ, что отецъ его былъ въ милости у барина, Сидорка вѣчно бѣгалъ по двору, ничего не дѣлая, лазилъ на голубятню, разорялъ птичьи гнѣзда, возился съ щенками, котятами, кидалъ камешками, грязью или снѣжками во всѣхъ проходящихъ по двору. Сначала доставалось ему на порядкахъ. Затронетъ Сидорка кого изъ большихъ—получитъ тычка; обидитъ ли кого изъ своихъ сверстниковъ, смотритъ, привалила мать или отецъ ребенка—Сидорку за вихоръ. Но когда стали примѣчать, что Семенъ съ лихвой расплачивается за обиды, нанесенныя его сыну,—того пошлютъ на конюшню за какой нибудь пустой поступокъ, того отправятъ съ подводой въ самую распутицу,—сидоркины штуки стали проходить ему задаромъ. Сидорка задралъ носъ и отъ его шалостей не стало никому проходу Самъ баринъ не разъ былъ свидѣтелемъ его продѣлокъ; когда въ хорошемъ расположеніи духа—посмѣется, а если въ дурномъ,—спасайся Сидорка бѣгствомъ, не то получитъ наказаніе изъ собственныхъ барскихъ ручекъ.

Росъ такимъ образомъ Сидорка на волѣ, предоставленный самъ себѣ; закалялся его характеръ, развивалось мышленіе. Вольный былъ онъ казакъ до времени. Когда минуло ему десять лѣтъ, его одѣли казачкомъ и сталъ онъ служить у барина, на посылкахъ. Впрочемъ, его рѣдко безпокоили барской службой, почему онъ по прежнему могъ свободно предаваться своимъ любимымъ занятіямъ.

Сидоркѣ исполнилось уже тринадцать лѣтъ; какъ разъ, позднимъ вечеромъ, принесли его отца, избитаго, окровавленнаго, безъ языка. Чрезъ полчаса несчастный умеръ. Кто угостилъ его такимъ безчеловѣчнымъ образомъ,—узнать было мудрено. Семенъ не пришелъ въ память, слѣдовательно не могъ назвать своихъ убійцъ, если и зналъ ихъ. Баринъ разсвирѣпѣлъ; пошелъ обычнымъ порядкомъ чинить расправу, пересѣкъ множество народа, но ничего не узналъ. Только лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ случайно обнаружилась причина смерти Семена: не любили мужики барскаго клеврета; злы были на него за многое; было за что отомстить ему; и вотъ нѣсколько человѣкъ, сговорясь, подкараулили Семена, когда онъ, вечеромъ, шелъ съ гумна, куда по барскому приказу ходилъ чинить расправу, и пользуясь темнотой, молча повалили его и принялись тузить по чемъ попало, и били его до тѣхъ поръ, пока не замѣтили, что онъ уже не дышетъ. Испугавшись, они разбѣжались въ разныя стороны. Баринъ, долго не видя своего любимца, котораго самъ послалъ на гумно, отправилъ за нимъ посланнаго; тотъ, вмѣстѣ съ другими мужиками, перенесъ Семена въ барскій домъ, какъ мы уже знаемъ, почти мертваго.

По смерти Семена баринъ приблизилъ къ себѣ Сидорку. Зналъ Ардаліонъ Карлычъ, что за вороватый парень былъ Семеновъ сынъ, потому сталъ за нимъ крѣпко приглядывать. Напередъ прочиталъ ему добрую нотацію. Слушалъ ее Сидорка со вниманіемъ, но ничего въ ней не понялъ.

Баринъ любилъ опыты въ дѣлѣ воспитанія. Разъ онъ оставилъ въ своемъ кабинетѣ незапертой табачницу съ табакомъ. Сидорка давно уже покуривалъ. Въ комнатѣ никого не было, а табакъ выглядывалъ такъ аппетитно. Будто кто подталкиваетъ Сидорку: возьми, говоритъ, никто не увидитъ. Не каменный былъ Сидорка, не утерпѣлъ—соблазнился взялъ горсть, да препорядочную. И неопытный глазъ могъ замѣтить значительное умаленіе лакомаго продукта.

Возвратился баринъ, походилъ по комнатѣ и взялся за трубку. Сидорка стоитъ у дверей, ни живъ, ни мертвъ: ну, думаетъ, какъ узнаетъ, задастъ онъ мнѣ лупку.

Баринъ открылъ табачницу.

— Кто приходилъ сюда въ комнату, какъ меня не было дома? спросилъ, нахмурясь, баринъ.

— Никого не было, я все время здѣсь сидѣлъ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ Сидорка.

— Врешь, пострѣленокъ!

— Ей-Богу никого не было, я ни на минуту не выходилъ, все тутъ сидѣлъ, на полу, у печки.

— Если такъ, то значитъ ты и укралъ: въ табачницу кто-то лазилъ и унесъ много табаку.

— Я не виноватъ, батюшка баринъ: право, не виноватъ. Я не бралъ.

Сидорка уже стоялъ на колѣняхъ предъ бариномъ и съ рыданіемъ повторялъ: простите, я не бралъ

— Кто-же взялъ? Самъ табакъ не уйдетъ. Ты говоришь: никого здѣсь не было. Ты все время сидѣлъ тутъ на полу. Значитъ ты и есть воръ. А чтобы впередъ не воровалъ, я тебя хорошенько поучу. Ложись!

— Батюшка Ардаліонъ Карлычъ, ей-Богу впередъ не буду. Простите.

— Нечего Лазаря пѣть. Дѣлай, что тебѣ приказываютъ.

Сидорка смиренно повиновался. Баринъ собственноручно отсыпалъ ему десятка полтора нагаекъ.

Въ другой разъ баринъ смастерилъ подобную же штуку. Какъ ни велико было искушеніе, однако-же Сидорка выдержалъ характеръ, не взялъ ни горсточки. Къ несчастью, добродѣтель его не получила должнаго воздаянія. Взялъ ли кто другой горстку табаку, или нашло что нибудь на барина, только онъ сталъ увѣрять, что изъ табачницы сдѣлано похищеніе. Съ Сидорки снятъ былъ строгій допросъ, баринъ долго усовѣщевалъ его, чтобы онъ чистосердечно раскаялся, признавшись въ своей винѣ. Мальчуганъ стоялъ на своемъ, твердилъ одно: не виноватъ, да и только. Крѣпко осерчалъ Ардаліонъ Карлычъ, больно не понравился ему стоицизмъ слуги. Рѣшился онъ показать преступному, что такое есть барскій гнѣвъ, потому уже не собственноручно наказалъ его, а совершилъ надъ нимъ экзекуцію въ конюшнѣ, посредствомъ двухъ дюжихъ парней. Сидорка вытерпѣлъ здоровую баню.

— Что-же это такое, думаетъ мальчикъ, тогда били за дѣло, а сегодня за что-же? Я ни въ чемъ не виноватъ, а меня отдубасили. Поди ты служи господамъ. Ужь если бьютъ и за то, что виноватъ, и за то, что ничего худого не сдѣлалъ, такъ лучше красть, тогда по крайности будетъ за что отвѣчать.

Руководясь такими умозаключеніями, Сидорка началъ таскать у барина—то лакомства въ родѣ сахара, вина, водки, то табакъ. Денегъ онъ не воровалъ; трудненько было стянуть ихъ у Ардаліона Карловича: лежали онѣ, какъ говорится, за семью замками и семью печатями. Билъ его баринъ и бить усталъ. Сидорка показывалъ себя совершеннѣйшимъ стоикомъ: болью нельзя было его пронять, видно, кожа привыкла.

Такимъ образомъ воспитывался Сидорка до пятнадцати лѣтъ. Надоѣло, что-ли, переносить наказаніе, или была какая либо другая причина, только Сидорка замыслилъ пуститься въ бѣга. Куда бѣжать—ему было все равно, лишь бы удрать подальше отъ Ардаліона Карловича, котораго онъ возненавидѣлъ отъ всего сердца.

Выбравъ время, когда баринъ отлучился куда-то въ гости, и забравъ, что было можно, т. е. нѣсколько кусковъ хлѣба, немного сахара и табаку, Сидорка далъ тягу.

Выйдя за деревню, вблизи которой находился лѣсъ, Сидорка махнулъ прямо въ самую чащу. Часть лѣса была ему знакома: въ былыя времена онъ частенько туда хаживалъ наслаждаться пріятнымъ отдыхомъ, или за ягодами и за грибами. Скоро прошелъ онъ его, прошелъ не мало по совершенно незнакомому мѣсту, наконецъ подошелъ къ огромной полянѣ, засѣянной хлѣбомъ; въ концѣ ея виднѣлась небольшая деревушка. Скоро шелъ Сидорка и, судя по времени, долженъ былъ пройти около двадцати верстъ. Подойдя къ полянѣ, нашъ бѣглецъ остановился въ недоумѣніи: по срединѣ ея проходила широкая проѣзжая дорога: «ну, какъ по этой дорогѣ поѣдемъ Ардаліонъ Карловичъ!» и потъ прошибъ бѣднягу. «Куда же идти?»—думалъ онъ. «Поле открыто и спрятаться негдѣ, въ случаѣ опасности со стороны дороги, а въ лѣсу страшно, пожалуй, вскорѣ настанетъ вечеръ». Однако же какъ ни страшенъ казался ему лѣсъ, Сидорка все-таки пошелъ лѣсомъ. Шелъ онъ такимъ образомъ съ полчаса, опять остановился: «а если станутъ меня искать въ этомъ лѣсу?»—думалъ онъ и дрожь проняла его. Сидорка прибавилъ шагу и пошелъ дальше. Лѣсъ все чаще и чаще, идти уже трудно, а Сидорка все бѣжитъ впередъ. Проплутавъ часа три, мальчишка совсѣмъ измаялся. Смотритъ и ночь на дворѣ. Всплакнулъ бѣдняга; страшно сдѣлалось ему. Одинъ въ незнакомомъ лѣсу—и представляется ему, что вотъ-вотъ сейчасъ придетъ лѣшій, а то не лѣшій, пожалуй, явится самъ Ардаліонъ Карловичъ, потащитъ Сидорку за вихоръ и отстегаютъ его такъ, что долго будетъ онъ помнить свою прогулку. Долго метался мальчуганъ, наконецъ заснулъ, а когда проснулся, солнышко было уже высоко. Сидорка обрадовался свѣту; усталости какъ не бывало, явился хорошій аппетитъ. Сидорка въ суму,—новая бѣда,—тамъ ничего не осталось отъ небольшаго запаса, унесеннаго изъ дому Ардаліона Карлыча; наканунѣ по немножку Сидорка уничтожилъ всѣ лакомства, взятыя на дорогу. Съ отчаяніемъ махнулъ онъ рукой и пошелъ куда глаза глядятъ: «авось, думаетъ, добреду до какого нибудь жилья, попрошу Христовымъ именемъ, накормятъ добрые люди. «Долго-бы проплуталъ Сидорка, еслибъ не счастливый случай, представшій въ образѣ человѣческой фигуры. Широкоплечій дѣтина, въ длинномъ, широкомъ балахонѣ, въ конической, замасленной шапкѣ, лежалъ на землѣ, исправно уплетая краюху хлѣба и какую-то рыбу. Подлѣ него покоилась длинная палка съ большимъ желѣзнымъ наконечникомъ.

Сидорка до того былъ углубленъ въ самаго себя, что не замѣтилъ странника и прошелъ было мимо.

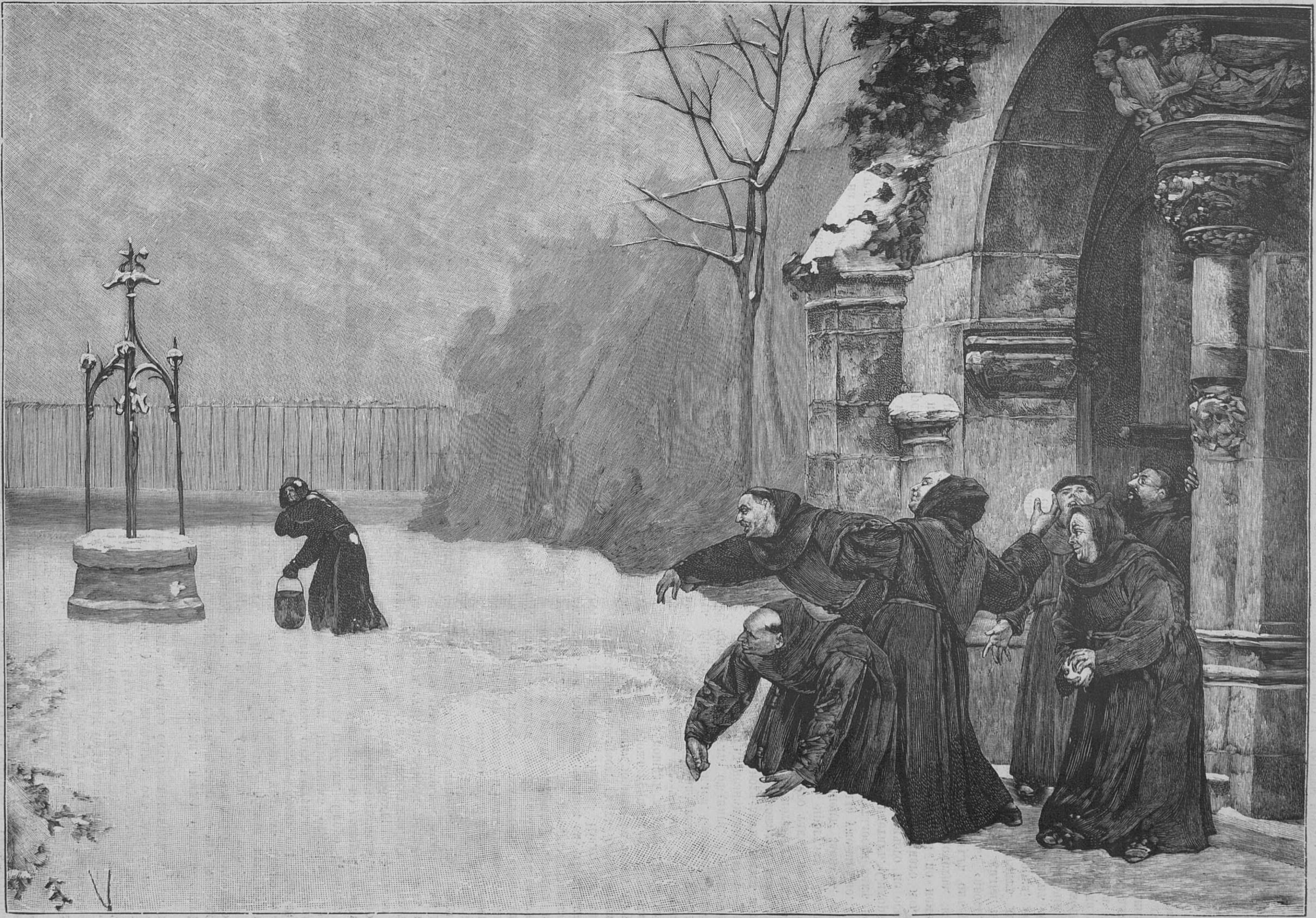
— Гей, мальчуга, закричалъ странникъ, куда идешь?

Сидорка перепугался до смерти, пустился бѣжать что есть мочи. Странникъ расхохотался, неторопливо всталъ и пустился догонять бѣглеца. Хотя страхъ придалъ крылья Сидоркѣ и онъ бѣжалъ шибко, но здоровый дѣтина мигомъ догналъ его и минуты черезъ двѣ онъ былъ уже въ мощныхъ рукахъ странника.

— Чего ты, дурень, побѣжалъ отъ меня, точно угорѣлый. Можетъ, думаешь, что я лѣшій? Посмотри хорошенько, я такой-же чело-

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Ж. Фраппа.

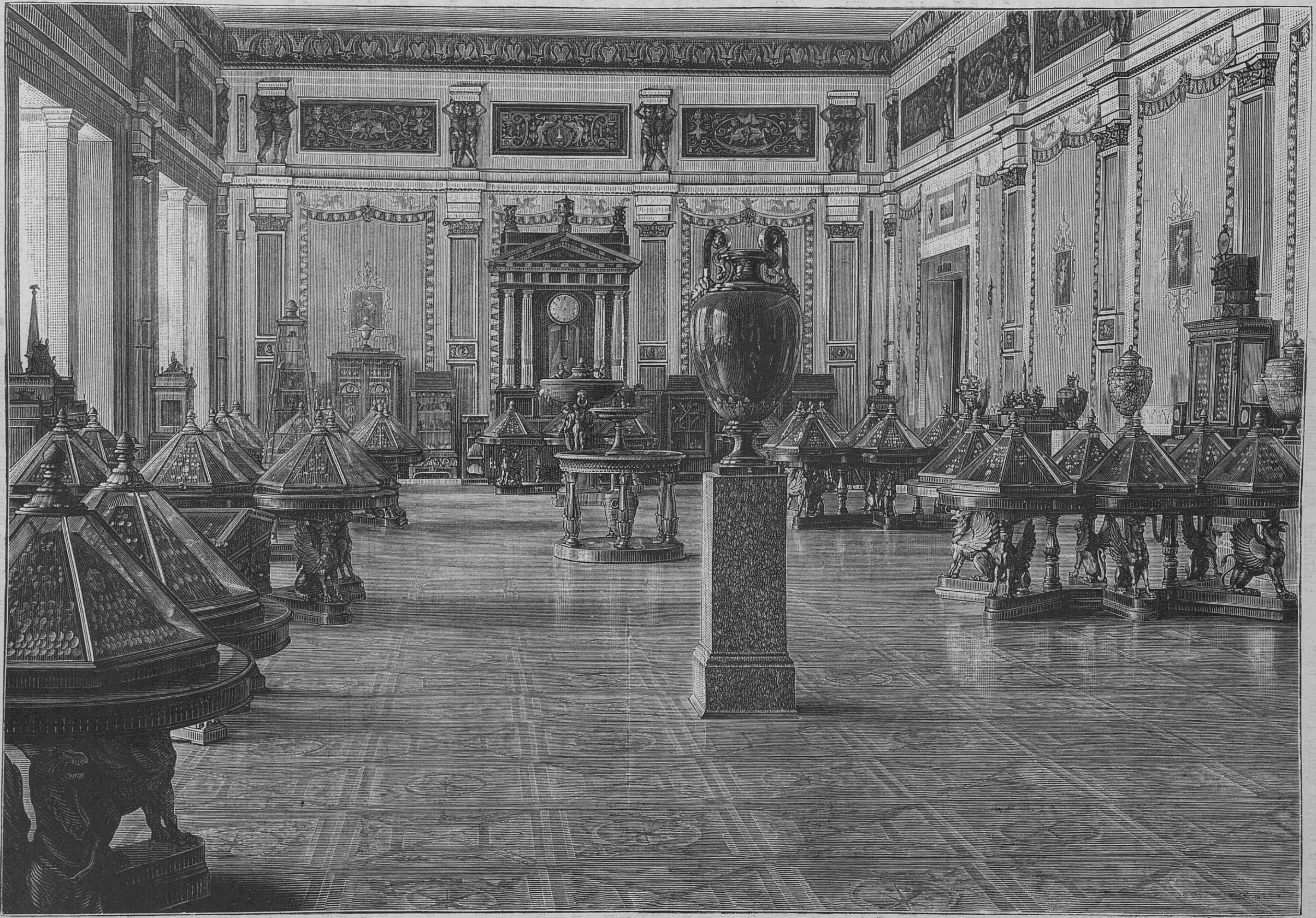


Забавы за стѣнами монастыря.

Гравировалъ на деревѣ В. Некрасовъ въ Спб.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Воспроизведено по снимкамъ, снятымъ съ натуры фотографомъ журнала «Живописное Обозрѣніе».



Залъ камей и печатей.

Гравировалъ на деревѣ Ф. Штейнъ въ Спб.

вѣкъ, какъ и ты. Откуда идешь? Говори правду, лучше будетъ. Можетъ, я могу помочь тебѣ. Вѣрно, убѣжалъ отъ барина?.. Да какой же ты худой! Ѣсть, вѣрно, хочешь? Да говори же что нибудь!

Трепещущій Сидорка отъ страха не могъ вымолвить ни одного слова.

— Бѣглый, что-ли? Говори, не бойся, ласково сказалъ странникъ. На хлѣба, поѣшь.

Сидорка съ жадностію схватилъ хлѣбъ, но все еще недовѣрчиво смотрѣлъ на новаго своего знакомца, однако же, принялся ѣсть.

— Постой, постой, закричалъ странникъ, прежде вотъ хлѣбни-ка водицы.

Сидорка съ наслажденіемъ потянулъ изъ фляжки, вынутой странникомъ изъ-за пазухи.

— Будетъ, сказалъ тотъ, вырывая фляжку. Этакъ ты, пожалуй, налижешься. Водица моя горячая. Пивалъ прежде?

— Пилъ, отвѣтилъ уже совсѣмъ успокоившись Сидорка.

— Молодецъ! Разскажи-ка теперь, откуда ты идешь-шествуешь?

Сидорка удовлетворилъ любопытство странника, подробно разсказавъ ему всю свою жизнь и причины, побудившія его рѣшиться на побѣгъ. Разсказалъ такъ же, какъ блуждалъ въ лѣсу, пока не встрѣтился съ нимъ, со странникомъ.

— Вижу, добрый человѣкъ, что тебѣ безъ меня ничего не сдѣлать. Пойдемъ со мною; я сведу тебя туда, откуда никто не достанетъ. Тамъ, братецъ ты мой, рай земной. Живи себѣ вволю, въ свое удовольствіе; нѣтъ тамъ ни бaръ, ничего нѣтъ такого, а жить будешь съ истинно православными христіанами. Да ты еще малъ, не поймешь пока всего. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцатый, кажись, а впрочемъ, кто его знаетъ сколько.

— Не великъ; еще годка два, три придется поучиться, а тамъ можно и за дѣло. Умѣешь грамотѣ?

— Нѣтъ, дядюшка, не учился.

— Выучимъ, грамоту знать хорошо. Пойдешь, что-ли, со мною?

— Пойду, дяденька. А далеко идти? уже безъ всякой робости спросилъ Сидорка.

— Да, не близко; пожалуй, и въ двѣ недѣли не дойдемъ.

Н. Шульгинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

◆

* * *

О, прости мнѣ, когда я въ приливѣ тоски
Золъ и желченъ бываю съ тобою;
Не тверди, что страданья мои пустяки,
Что любви я и ласки не стою.

* * *

Посмотри за окно: тамъ задумчивый лѣсъ
Въ полуснѣ головою качаетъ
И подъ куполомъ ясныхъ и мирныхъ небесъ,
Какъ дитя, Божій міръ отдыхаетъ.

* * *

Но и тамъ иногда сводъ небесъ голубой
Одѣвается мрачною тучей,
А задумчивый лѣсъ, непокорный и злой,
Споритъ въ ярости съ бурей могучей.

* * *

Но я знаю, что, кроткихъ небесъ не забывъ,
Ты природѣ простишь озлобленье,—
Такъ прости же и мнѣ мой минутный приливъ
Жгучей злобы, тоски и волненья!..

Пав. Симоновъ.

Счастливый день Александра Карловича.

Повѣсть **В. П. Митурича.**

(*Окончаніе*).

Одѣванія больной обѣщали затянуться, такъ какъ изъ разговоровъ въ спаленкѣ явствовало ея намѣреніе одѣть даже серьги и приколоть въ волоса цвѣтокъ.

— Не будете-ли вы такъ добры—дать мнѣ листокъ почтовой бумаги и конвертъ?.. мнѣ-бы надо написать нѣсколько словъ... обратился Александръ Карловичъ къ госпожѣ Пересвѣтовой, когда она вышла зачѣмъ-то изъ комнаты больной. Та съ готовностью притащила доктору все нужное для письма.

Александръ Карловичъ сосредоточенно принялся за работу. Дѣвка, выставлявшая окно, удивленно косилась на улыбавшееся лицо доктора. Онъ сочинялъ эту записку къ Марьѣ Ивановнѣ, которая должна была въ нѣсколькихъ словахъ сказать ей все. Послѣ нѣсколькихъ неудачь онъ, наконецъ, написалъ:

«Возлюбленная моя!

«Четыре года мечталъ я назвать Тебя своей. Теперь эти мечты осуществимы. Возьми меня всего, каковъ я есть, и со всѣмъ тѣмъ, что удалось мнѣ пріобрѣсть въ постоянной мысли о нашемъ общемъ благополучіи!.. Возьми!»

Этимъ докторъ остался доволенъ и, акуратно сложивъ записку, спряталъ въ боковой карманъ фрака.

Между тѣмъ зимняя рама была уже выставлена, окно открыто и молодыя, зеленыя вѣтки сирени заглядывали въ самую комнату. Теплый вѣтерокъ волновалъ легкія кисейныя занавѣски. Служанка ушла помогать вынести больную изъ спальни.

Черезъ минуту въ широко-раскрытыхъ дверяхъ показалась Женя, несомая на креслѣ госпожей Пересвѣтовой и служанкой. Женя устала и довела свои сборы только до половины. По поясъ ее окутывало просто байковое, красное одѣяло, но сверху была одѣта бѣлая кофточка съ кружевами и прошивками. Исхудалую шею украшала черная бархатка, въ ушахъ были серьги, а въ волосахъ, тщательно причесанныхъ,—пунцевый розанъ. Женю чрезвычайно озаботила сегодня мысль, что докторъ, познакомившись съ ней уже во время болѣзни, и видя ее не иначе, какъ въ negligé, можетъ считать ее совершенною дурнушкой. И вотъ она рѣшила показаться ему во всемъ блескѣ.

Но, во время переноски, она такъ устала, что въ первую минуту ей было не до впечатлѣнія, какое она произвела на доктора. Она сильно закашлялась. Темные глаза ея широко раскрылись, все лицо какъ-то опустилось, исказилось и сдѣлалось почти безобразно отъ усилій захватить, сквозь кашель, побольше воздуху въ отказывавшіяся служить легкія. При свѣтѣ дня лицо Жени выглядѣло какимъ-то восковымъ, прозрачнымъ и безжизненнымъ. Всѣ черты его какъ-то зловѣще заострились.

Мать и сестра увидавъ худобу ея несмягченною полусвѣтомъ, обѣ остановились пораженныя и со слезами на глазахъ.

— Женя моя, бѣдная Женя, что изъ тебя сталось! не выдержала мать и разрыдалась.

Женя, послѣ припадка кашля, откинулась на подушку за своей спиной и съ минуту оставалась неподвижной. По немногу она стала оправляться и открыла глаза. Весенній, теплый вѣтерокъ качалъ передъ нею легкую вѣтку сирени въ окнѣ, волновалъ тюль занавѣски, шевелилъ пушистыя пряди ея волосъ, выбившіяся изъ наскоро сдѣланной прически. Этотъ вѣтерокъ, напоенный ароматомъ первыхъ цвѣтовъ весны и распускающихся почекъ, подѣйствовалъ раздражающе на грудь Жени. Она оживилась. По щекамъ разлился румянецъ, по членамъ пробѣжала струя очищенной крови и придала имъ выраженіе наслажденія и покоя. Глаза задумчиво любовались.

Оживленіе дочери произвело и на мать ободряющее дѣйствіе.

— Какъ хорошо! прошептала Женя, не измѣняя своей покойной позы,—какой воздухъ!... я чувствую, что оживаю... А ты, мама, не плачь: ты ужаснулась-бы еще больше, еслибъ вглядѣлась въ меня дня четыре тому назадъ. Теперь-то... я ужь, сравнительно, молодецъ... а вотъ, любопытно-бы было знать... на что я тогда походила. Женя улыбнулась.

— Женя, ты очень много говоришь, это, право, утомитъ тебя! сказала сестра.

— Пустяки! хочется говорить — и буду... Если обращать вниманіе на то, что устаешь, то никогда и не выздоровѣешь... Безъ упражненій не окрѣпнешь!—не правда-ли, докторъ? Женя перевела свой взглядъ на подошедшаго Штурма.

— Да, конечно, отчего-же не говорить, если вамъ хочется! отозвался тотъ.

— Довольно ужь я наболѣлась и намолчалась... даже образъ человѣческій потеряла: вѣчно нечесаная и немытая... я думаю, вы считали меня ужасной замарашкой? кокетливо улыбаясь, спрашивала Женя. Она думала быть очень интересной въ этой бѣлоснѣжной кофточкѣ, съ бархатной ленточкой на шеѣ и съ этимъ пунцовымъ розаномъ въ волосахъ. Вѣдь она была очень хорошенькая три мѣсяца тому назадъ, отчего-же ей было не думать, что и теперь она такая-же?

Она вглядывалась въ Александра Карловича и ей казалось, что желаемый эффектъ произведенъ.

— О, нѣтъ, я никогда не думалъ, чтобъ вы были замарашкой, сказалъ Штурмъ, стараясь избѣгать ее своимъ взглядомъ. Ему было непріятно глядѣть на нее. Кокетливая улыбка умирающей была ужасна, какъ ужасна была-бы сладострастная, манящая улыбка семидесятилѣтней старухи или семилѣтней дѣвочки.

А кругомъ—теплота склоняющагося къ вечеру майскаго дня, — яркое солнышко, при свѣтѣ котораго все выглядитъ новѣе, веселѣе обыкновеннаго. Молодая нѣжно-зеленая листва сквозитъ этимъ солнышкомъ и кажется золотисто-прозрачной, легкія облака сквозятъ имъ и выглядятъ такими воздушными, лица прохожихъ на улицѣ, уже зарумяненныя загаромъ, сквозятъ имъ и дышатъ здоровьемъ. Плохонькій, заплатанный заборъ, по ту сторону улицы, блеститъ нѣсколькими новыми досками, такъ что глазу больно смотрѣть на него, а надъ нимъ склонялась молодая березка и разрисовываетъ его причудливымъ, подвижнымъ узоромъ своей тѣни.

— Хорошо... хорошо! шептала Женя въ страстномъ, восторженномъ созерцаніи. Казалось, она инстинктивно поняла, что не долго ужь ей любоваться на свѣтъ Божій, на эту березку, яркоосвященную и трепещущую, на эти молодыя вѣтки сирени, заглядывающія въ самое окно, казалось, дѣвушка спѣшила наглядѣться... проститься со всѣмъ этимъ.

Но, нѣтъ, Женя думала не о томъ:

— Ахъ, я вотъ васъ хотѣла спросить, сказала она доктору,—неужели-же это правда, что женскіе врачебные курсы закроютъ?

— Да, слухи есть, отвѣчалъ Штурмъ.

— Но, вѣдь, быть этого не можетъ!? взволновалась Женя,—я непремѣнно хочу поступить туда осенью. Неужто осенью туда не будетъ уже пріема?

— Во всякомъ случаѣ, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде чѣмъ ихъ закроютъ. Вѣдь покуда только еще поговариваютъ, поспѣшилъ Александръ Карловичъ ее утѣшить.

— Охъ, ужь только-бы поправиться-то тебѣ къ осени, вздохнула госпожа Пересвѣтова,—а то и мы-то съ Маней ужь умучились этой твоей болѣзнью.

— Поправиться-то, я теперь чувствую, что поправлюсь, но мнѣ этого мало... я хочу непремѣнно и на курсы попасть!..

— Попадете, завѣрилъ Александръ Карловичъ

Женя опять стала молча глядѣть въ окно.

Старшая сестра долго, съ какимъ-то напряженнымъ вниманіемъ вглядывалась въ застрившіяся черты лица Жени, вслушивалась въ ея напряженное, свистящее дыханіе и вдругъ отвернулась, чтобъ скрыть слезы, такъ и покатившіяся одна за другою.

— Маня, сдѣлай мнѣ одолженіе,—сыграй что-нибудь! внезапно попросила Женя.

— И ученицы-то мои тебѣ ужь, должно быть, порядкомъ надоѣли? отозвалась Маня, поспѣшно вытирая слезы,—что это ты хочешь, чтобъ я еще тебѣ терзала уши?

— Нѣтъ, нѣтъ, горячо протестовала больная,—вѣдь ты знаешь, какъ я люблю тебя слушать! Пожалуйста, сыграй!

— Изволь, если это доставитъ удовольствіе. Маня сѣла за фортепьяно,—но что-же тебѣ сыграть?

— Что хочешь, только что-нибудь веселое! Сегодня, и солнышко, и все,—такое веселое...

— Веселое? удивилась какъ-то Маня.

— Сыграй мнѣ это, придумала Женя.—изъ «Красна-Солнышка», дуэтъ Бетины и Пиппо, знаешь?—это... Женя попробовала было запѣть мотивъ, но закашлялась.—Знаешь? спросила она черезъ нѣсколько секундъ, передохнувъ.

Маня заиграла. Мелодическая пѣсенка звучала трогательно и просто, но сквозила весельемъ молодости и избытка силъ. Женя слушала... улыбалась.

Александръ Карловичъ счелъ наконецъ этотъ моментъ удобнымъ для того, чтобъ отретироваться. Онъ поглядѣлъ на часы. Было болѣе половины седьмого.

— Вотъ она доля-то наша докторская, подумалъ онъ,—ни одного-то дня не принадлежишь себѣ всецѣло. Даже свой счастливѣйшій въ жизни день, и тотъ изволь дѣлить со всякимъ, кому вздумается заболѣть и позвать тебя!

Женя и не замѣтила, какъ Штурмъ поднялся и направился къ прихожей. Госпожа Пересвѣтова послѣдовала туда за нимъ.

— А лекарства не пропишете? спросила она.

— Нѣтъ, какъ-то сквозь зубы отвѣчалъ Штурмъ, одѣвая пальто,—лекарствъ никакихъ больше ужь не нужно...

Одѣвшись, онъ насупился и проговорилъ скороговоркой:

— Если вы религіозны, то теперь пора послать за священникомъ.

Лицо госпожи Пересвѣтовой отразило сперва недоумѣніе, потомъ мучительную досаду, какъ будто веселые звуки фортепьяно раздражали ее и помѣшали разслышать слова доктора.

— Что вы сказали, докторъ? переспросила она съ замѣтною дрожью въ голосѣ.

— Если вы религіозны, то теперь пора послать за священникомъ, повторилъ Александръ Карловичъ,—она можетъ умереть каждую минуту. Агонія будетъ, вѣроятно, очень непродолжительна.

Госпожа Пересвѣтова вцѣпилась въ руку доктора, впилась въ него взглядомъ безумной и, съ искаженнымъ лицомъ, оставалась такъ нѣсколько секундъ. Потомъ всхлипнула разъ, какъ будто простонала, потомъ разразилась глухими сдержанными рыданьями, и, наконецъ, громко воскликнула:

— А я-то сегодня... цыпленка пожалѣла!

Александръ Карловичъ очень не любилъ сильныхъ сценъ въ этомъ родѣ и пытался освободить свой рукавъ изъ рукъ госпожи Пересвѣтовой.

— Но, вы-то... куда-же? Помогите-же! не пускала та, рыдая все громче и громче.

— Никакой докторъ уже не въ силахъ помочь, отвѣчалъ твердо Штурмъ,—а вамъ слѣдовало-бы сдержаться, пересилить себя! Зачѣмъ портить ей послѣднія минуты?

Госпожа Пересвѣтова поняла, испуганно оглянулась на дверь залы и невѣроятнымъ усиліемъ сдержала рыданія.

— Да, да, не надо... Надо священника... предупредить Женю... она не договорила: крѣпко сжала зубы, зажмурила глаза и схватилась руками за голову. Она побагровѣла. все ея грузное тѣло вздрагивало отъ рыданій, но звука не было. Только пѣсенка въ залѣ раздавалась игриво и ласково.

Александръ Карловичъ выскользнулъ въ дверь.

Съ тяжелымъ чувствомъ усѣлся онъ на извощика и приказалъ ѣхать на Финляндскій вокзалъ. Чтобъ изгладить это чувство, Александръ Карловичъ вынулъ изъ кармана написанное имъ въ квартирѣ Пересвѣтовой и перечелъ эти строки:

«Возлюбленная моя!»

«Четыре года мечталъ я о счастьи назвать Тебя своей. Теперь эти мечты осуществимы. Возьми меня всего, каковъ я есть, и со всѣмъ тѣмъ, что удалось мнѣ пріобрѣсть въ постоянной мысли о нашемъ общемъ благополучіи! Возьми!»

— Гмъ-да! произнесъ пріосанясь на своемъ сидѣньи Штурмъ,—это совершенно то самое!.. и, съ уже просвѣтлѣвшимъ, счастливымъ лицомъ, оглянулся вокругъ.

А вокругъ свѣтлѣлъ ясный майскій день...

. . . .

Черезъ три дня Александръ Карловичъ шелъ за гробомъ Жени, уже женихомъ.

В. Митуричъ.

ТИГРИЦА.

Романъ **Д. Берга.**

Переводъ **В. Крестовскаго** (псевдонимъ).

(*Продолженіе*).

VII.

За прогулку при лунномъ свѣтѣ, графиня поплатилась нѣсколькими днями лихорадки. Джорджіо не былъ у нея и узналъ это въ клубѣ, завтракая съ Сапъ-Даміано и Колли. Она не извѣстила о себѣ и не написала ни строчки, какъ писала прежде, когда хотѣла видѣть Джорджіо; можетъ быть, она думала, что онъ принялъ буквально ея пожеланіе счастливаго пути и уже уѣхалъ въ Лиссабонъ. Этимъ же вечеромъ, онъ отправился узнать и, пока слуга докладывалъ ему, что графинѣ лучше, Ната вышла, одѣтая для выѣзда и въ мантильи. Она подала руку, дружески, будто ничего не произошло между ними.

— Да, мнѣ лучше; благодарю. Ѣду въ Пергола. Если вамъ нечего дѣлать, хотите ѣхать со мною?

Дорогой говорили мало; Джорджіо извинялся, что не былъ; графиня повторила, что ея нездоровье было не важное, но что она страшно скучала; казалось, оба нисколько не затруднялись, но въ разговорѣ не было связи и оба на каждомъ поворотѣ оглядывались въ окно кареты,—не доѣхали-ли. Ната развязывала ленты капюшона, стеганный шелкъ скрипѣлъ; въ темнотѣ это казалось чѣмъ-то живымъ и волновало нервы влюбленнаго. Въ сѣняхъ театра, Джорджіо извинился, что не во фракѣ, и хотѣлъ проститься съ графиней у дверей ея ложи.

— Ничего, останьтесь. Сядьте въ уголокъ; поговоримъ.

Она бросила ему на руки свою мантилью и подошла къ краю ложи. Ея открытыя руки и худыя плеча будто вздрагивали отъ перваго прикосновенія воздуха; на головѣ у нея были цвѣты; глаза блестѣли, слегка обведенные темными кругами. Она стояла, опираясь на бархатный бортъ, оглядѣла въ бинокль наряды женщинъ, улыбнулась и слегка кивнула пріятельницамъ, оправила свои оборки и лифъ, граціозно, спокойно, и сѣла. Лаферлита былъ совсѣмъ забытъ. Въ продолженіи двухъ первыхъ актовъ, она принадлежала публикѣ, спектаклю, самой себѣ. Въ антрактѣ Джорджіо выходилъ за конфектами и, возвратясь, нашелъ ее такую же внимательную къ оперѣ. Она поблагодарила знакомъ, но коробка осталась не тронутая. Она еще ни слова не сказала Джорджіо.

— Хорошо сдѣлали, что не уѣхали, не простясь со мною,—наконецъ сказала она, продолжая смотрѣть на сцену:—мнѣ было бы очень жаль еще васъ не увидать.

— Простите, я только сегодня узналъ, что вы были больны.

— Да, была больна... Мы разстаемся дружно?

Она протягивала руку.

— И еще дружнѣе встрѣтимся, надѣюсь.

Ната отвѣчала живымъ, рѣзкимъ пожатіемъ, вдругъ отняла руку и стала смотрѣть на ложу напротивъ, потомъ положила на бортъ свой бинокль и вытянутую бѣлую руку, прислонилась къ креслу и совершенно забылась, слушая музыку. Ея глаза то вспыхивали, то туманились, губы сжимались, лицо будто худѣло; она двинулась въ тѣнь, прислонила голову къ стѣнѣ ложи и больше не шевельнулась, только колебалось кружево на ея груди. Не смѣя заговорить, Джорджіо старался не смотрѣть на нее, наконецъ, удивленный ея неподвижностью, наклонился спросить, что съ нею. Ея глаза были закрыты; въ полутьмѣ, сквозь длинныя рѣсницы, казалось, свѣтились слезы... Будто волна горя и нѣги обдала его сердце, захватила горло... Да, это тѣ-же слезы, что въ тотъ разъ вырвались изъ глубины души, непокорныя, стыдливыя, мучительныя на непроницаемомъ лицѣ, гдѣ можно отгадать только внутреннюю борьбу, отгадать гнѣвъ, который разразится, если эта женщина замѣтитъ, что за нею наблюдаютъ... Партеръ и ложи шумно апплодировали дуэту Рюи-Блаза. Ната очнулась, рѣзко поднялась, отвертываясь съ нетерпѣніемъ, хотѣла уйти, едва говорила. Джорджіо помогалъ ей накинуть капюшонъ. Стоя въ темнотѣ, въ глубинѣ ложи, она позволяла ему дѣлать, какъ хочетъ. Вдругъ задыхаясь, она взяла его за голову и, блѣдная, серьезно, рѣшительно, сверкая глазами и не выговоривъ слова, крѣпко, долго жаркими губами поцѣловала его въ губы. Внѣ себя, Джорджіо охватилъ ее, она уперлась руками ему въ грудь и отшатнулась, глядя ему въ глаза и ничего не видя; потомъ тихо выскользнула и вышла изъ ложи. Онъ шелъ за нею, шатаясь, одуренный, оглушенный ея страстью, будто внезапной бурей. Ната завернулась въ стеганую мантилью и скорыми шагами прошла въ сѣни.

Всю дорогу она молчала, прижавшись къ углу кареты. При мельканьи фонарей, Джорджіо видѣлъ ея глаза, постоянно устремленные на него, какіе-то неумолимые, пугающіе на застыломъ лицѣ. Уступая неодолимому влеченію, Джорджіо схватилъ ея руку; лихорадочно горячая, эта рука сначала нервно отвѣтила на пожатіе, потомъ рѣзко вырвалась, почти съ гнѣвомъ.

— Что съ вами?

— Я себя презираю, глухо отвѣтила Ната.

Карета остановилась. Ната сошла и, прощалась, не глядя. Она взглянула—взглядомъ сверкающимъ, холоднымъ, какъ сталь, и сказала сухо и отрывисто.

— Я васъ не люблю, знайте это. Не люблю!

И ушла. Онъ остался одинъ на улицѣ.

VIII.

Это былъ пріятный вечеръ у де Ранси. Джорджіо явился такъ поздно и такой разстроенный, что виконтеса пошла ему на встрѣчу.

Что случилось?

— Ничего. Завтра уѣзжаю въ Лиссабонъ и пришелъ проститься.

— Какъ вы блѣдны!

— Должно быть, съ холода, и скоро шелъ по лѣстницѣ. Сколько у васъ сегодня гостей!

— Видѣли графиню?

— Да. Сейчасъ съ нею былъ въ оперѣ.

— Такъ ей лучше?

— Много лучше.

— А вы... все-таки уѣзжаете?

— Ужь уложился.

— Другъ мой, судя по вашему лицу, боюсь ваши вещи опять разложатся, и отъѣзду—не бывать.

— А моя обязанность? А моя карьера? А министръ?.. Нѣтъ, если-бы случилось такое несчастье, прошу васъ, вступитесь: устройте, чтобъ меня выслали за границу съ карабинерами, чтобъ меня связали...

Виконтесса полу-серьезно, полу-насмѣшливо протянула ему руку.

— Если такъ, тѣмъ лучше. Счасливаго пути и—до свиданія.

Подошелъ ея мужъ.

— Уѣзжаете наконецъ? Позвольте мнѣ вмѣстѣ съ вами порадоваться, мой милый,—прежде всего за вашу карьеру, потомъ... потомъ за многое!

Онъ велъ Джорджіо съ собою по залѣ.

— Прекрасно дѣлаете, что уѣзжаете теперь. Вся Флоренція въ голосъ говоритъ, что вы и графиня... Это, конечно, une bonne fortune, большой успѣхъ, не спорю, но все надо кончать во-время. Мужъ всякій день можетъ явиться. Конечно, встрѣча съ нимъ васъ не озаботитъ, но... знаете, въ нашемъ положеніи нужна осмотрительность: со всякимъ другимъ лицомъ подобное столкновеніе вамъ-бы не повредило, а тутъ!.. Графъ въ милости у себя въ Петербургѣ, а вы... вы, покуда, еще не посолъ и чрезвычайный министръ! И къ тому же, чего вамъ еще? Въ Лиссабонѣ—женщины прехорошенькія... Правда, графинѣ нечего бояться сравненія съ другими, потому что вы въ нее влюблены... Пойдемте ко мнѣ, курить.—Въ нее, понимаю, влюбиться можно: странная, нервная; сверкаетъ, какъ граненый хрусталь; пріятна, увлекательна, какъ пѣніе жаворонка,—волнуетъ, возбуждаетъ, обдаетъ какимъ-то свѣжимъ тепломъ. Я знаю, что такое полюбить подобную женщину,—(виконтесса не слышитъ!) можно голову потерять, но, милый мой, въ томъ-то и бѣда; голова поставлена намъ на плечи для дѣла и для нашей собственной заботы,—(вы это лучше меня знаете), а вовсе не затѣмъ, чтобъ доводить до крайности, покуда пустимъ себѣ пулю въ лобъ, какъ этотъ несчастный дуракъ Дольскій...

— И вы знаете эту исторію?

— Кто ее въ Петербургѣ не знаетъ. Опасная дама, чортъ возьми! Хороша, прекрасна, очаровательна, но самый безстрашный и безупречный обожатель можетъ ее бояться. Я въ Варшавѣ зналъ Дольскаго; красивый былъ, порядочный молодой человѣкъ, немножко экзальтированный; запутался,—его выслали,—и случилось все это... И какъ вы думаете, изъ за чего? Изъ за вздорной интрижки, которую онъ себѣ позволилъ, покуда графиня уѣзжала въ Петербургъ! И замѣтьте: она уѣзжала на полгода! У графини оригинальныя и не совсѣмъ удобныя идеи о вѣрности. Онъ бѣжалъ изъ подъ надзора, за нею, въ Петербургъ, къ ея ногамъ; она его не приняла и велѣла передать ему четыре тысячи рублей чрезъ лакея...—У васъ сигара гаснетъ; возьмите другую; листъ гаванскій, но швейцарскіе фабриканты катать не умѣютъ. — Какова женщина, милый мой? Говоритъ ему: «я васъ купила, но не любила, теперь расплачиваюсь; на любви нѣтъ пятна». Любовь—ея единственное божество. Онъ коротко, отчаянно написалъ ей, что если она не проститъ его, онъ убьетъ себя передъ ея глазами. Она прислала отвѣтъ: — «это единственное средство возстановить и вашу, и мою честь».

Джорджіо курилъ, съ вида разсѣянно, и наконецъ сказалъ очень хладнокровно.

— Вы говорите совершенно справедливо, виконтъ, но когда вы бывали влюблены, что вы дѣлали?

Хозяинъ усмѣхнулся.

— То же, что готовы сдѣлать вы. Я не герой, не имѣю претензіи побѣждать ни другихъ, ни самого себя: я ретируюсь. Едва замѣчаю, что я на волосъ отъ глупости, я сейчасъ же кладу самое широкое разстояніе... Всего бы лучше—женщину: «клинъ клиномъ»... Море—и является меланхолія; горы—тотчасъ тоска по родинѣ; переѣхать границу—кажется, будто задыхаешься. Но, что бы ни было—сплинъ, тоска—чего бы ни стоило, если не имѣете возможности замѣнить одну женщину другою,—уѣзжайте! Весь вопросъ—точка зрѣнія, мой милѣйшій. Переѣдете за Альпы и сами увидите, какъ станете смѣяться несообразностямъ, которыя намѣрены здѣсь дѣлать... Надѣюсь, эта поѣздка будетъ вамъ во всѣхъ отношеніяхъ полезна.

— Благодарю васъ.

— Извините, любезный мой Лаферлита, если я тутъ излишнее наболталъ; повѣрьте, я желаю вамъ добра. Вы, въ настоящую минуту, можетъ быть, не желали бы слушать такія вещи, эта исторія съ полякомъ вамъ, можетъ быть, непріятна,—но, надѣюсь, это въ концѣ концовъ вамъ будетъ полезно. Это женщина ужасная, мой милый. Идеи ея—съ того свѣта, ну, а въ нашемъ, сказать между нами,—эти идеи слишкомъ странныя... думаю, что онѣ помогутъ вамъ весело уѣхать.

— Я не уѣду.

— Это безуміе!

— Очень знаю, но не уѣду.

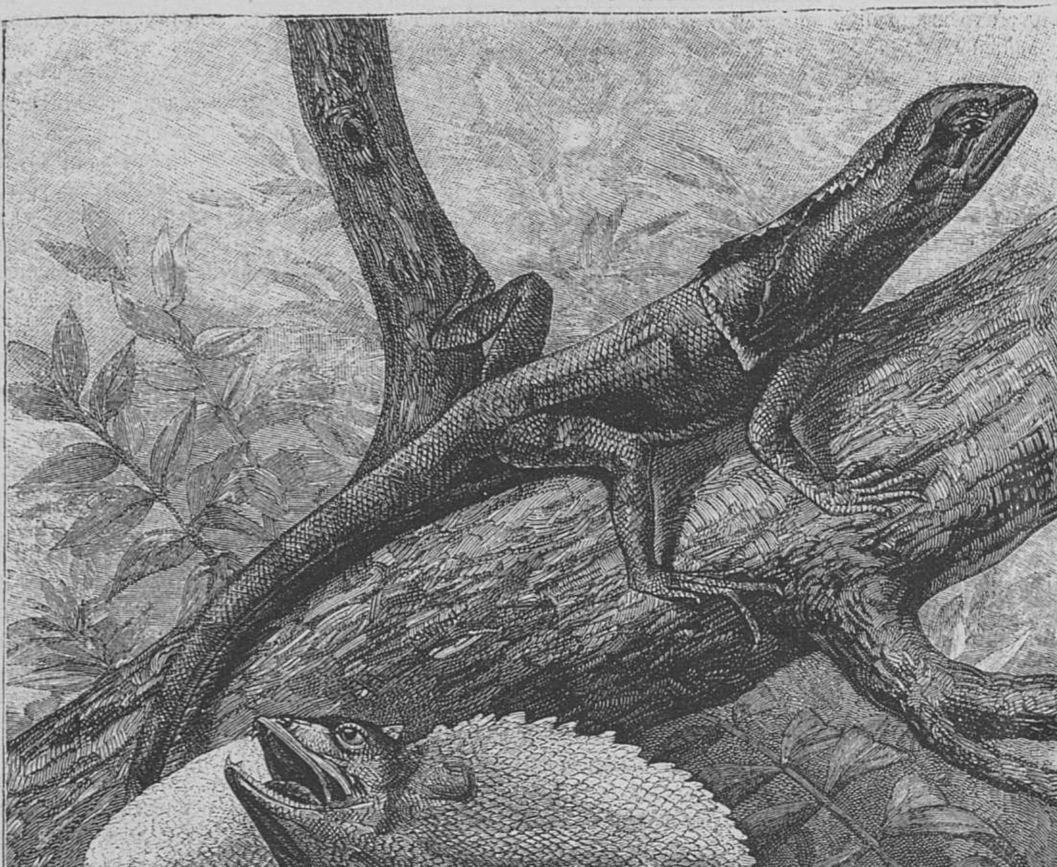
— Изъ за того, что я разсказалъ?

— Можетъ быть.

— Милый мой... я, конечно, еще безумнѣе васъ, что этого не предвидѣлъ!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПРИРОДЫ.



Плащеносная ящерица.

Маркъ Аврелій.

Статья **В. В. Чуйко**.

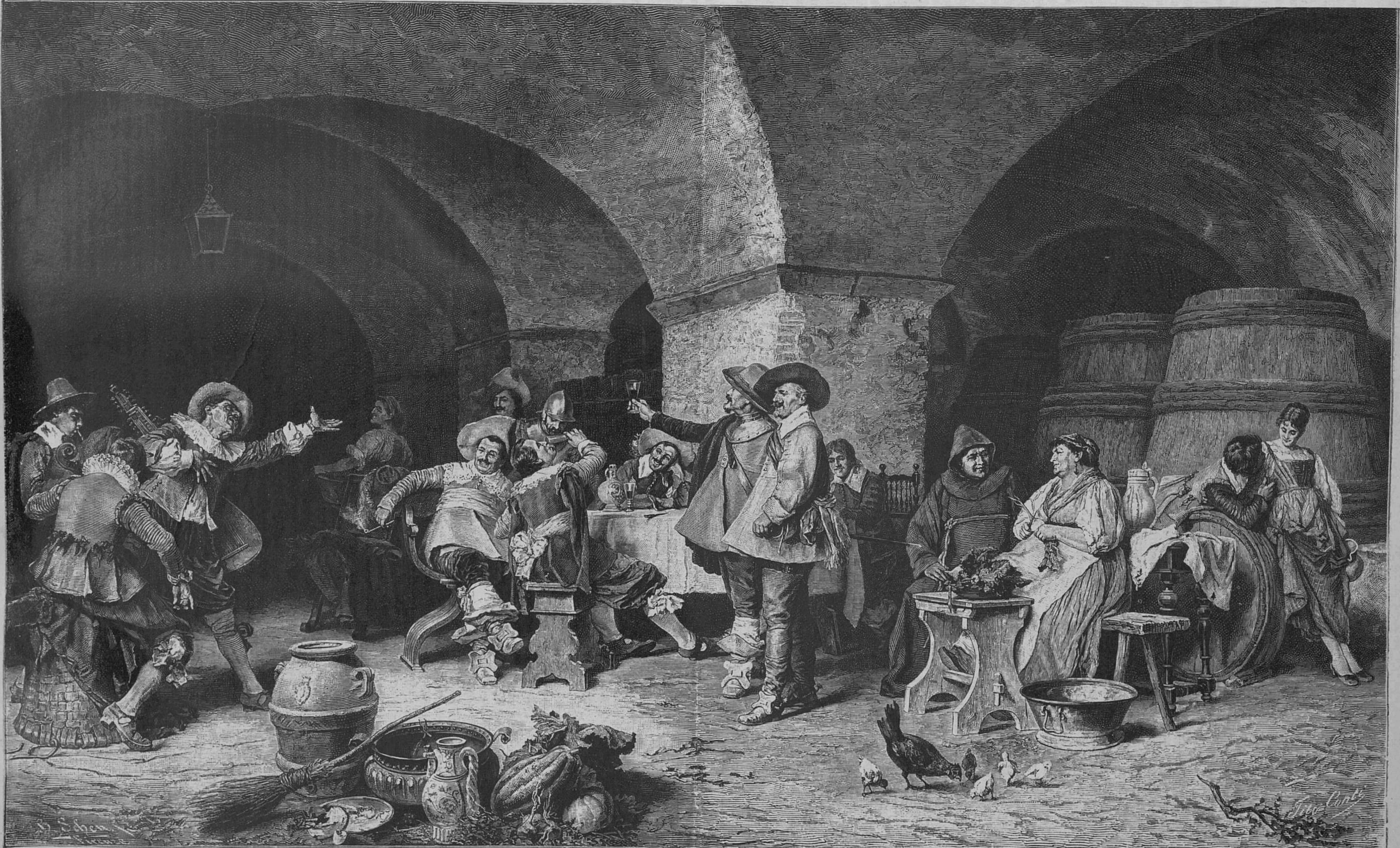
(*Окончаніе*).

Мы имѣемъ всѣ данныя полагать, что Маркъ Аврелій весьма рано, можетъ быть, еще въ дни своей молодости, сталъ вести нѣчто въ родѣ дневника, куда записывалъ, на греческомъ языкѣ, мысли, приходившія ему въ голову, или поразившія его своей глубиной, реминисценціи любимыхъ авторовъ, идеи, укрѣплявшія его волю въ столкновеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, а иногда—и упреки, которыхъ, какъ ему казалось, онъ заслуживалъ. Этотъ дневникъ Маркъ Аврелій велъ почти всю свою жизнь и пересталъ имъ заниматься лишь не за долго до смерти. Такимъ образомъ, составилась книга его «Мыслей», — одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ литературныхъ памятниковъ древности, въ которомъ отразилась не только вся философія Марка Аврелія, но и высокое благородство его характера.

По мнѣнію Марка Аврелія міръ не есть простой, безпорядочный сбродъ всякаго рода существъ, ни чѣмъ между собой не связанныхъ, а одно существо. Нѣтъ такого событія, которое бы не влекло за собой безконечную вереницу причинъ и не предвѣщало безконечную вереницу слѣдствій. Всѣ перемѣны, всѣ существа предполагаютъ другъ друга, такъ что благодаря этой интимной связи вся вселенная представляется въ видѣ одного живого индивидуума, который существуетъ самъ по себѣ, не нуждаясь ни въ комъ постороннемъ, развивается и обнаруживаетъ своими видимыми формами, тотъ производительный невидимый законъ, которому это существо подчиняется. Отъ протяженія до жизни, отъ жизни до ощущенія, отъ ощущенія до мысли тянется рядъ силъ, обусловливающихъ другъ друга, связанныхъ между собою такъ-же тѣсно, неразрывно, какъ связаны въ одно цѣлое цвѣтъ, плодъ и зерно одного и того-же растенія,—различныя состоянія и манифестаціи одной и той-же силы, послѣдовательныя слова, выражающія одну и ту-же мысль. Это есть «единственная сущность, раздѣленная на милліоны различныхъ частей, единая душа, выражающаяся въ милліонахъ различныхъ натуръ». Это — «художественное дуновеніе, сознательное пламя, превращающееся во всѣ предметы, всюду проникающее», Богъ предвидящій, регулирующій, нѣчто въ родѣ разума дѣятельнаго, проникнувшаго въ матерію и оживляющаго ее. Всѣ эти представленія, понимаемыя буквально первыми стоиками, — только образы для Марка Аврелія. Для него міръ есть нѣчто единое, управляемое законами, гармоническое, подобно разуму. Отсюда — цѣлый рядъ слѣдствій въ примѣненіи къ этикѣ. Печаль, отвращеніе — не болѣе какъ результаты односторонняго разсудка, озабоченнаго какой-либо подробностію, забывшаго о цѣломъ. Все хорошо и все прекрасно. Кто не почувствуетъ себя взволнованнымъ, созерцая эту живую волю, поддерживающую и преобра-

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Тито Конти.



Средневѣковый погребокъ.

Гравировалъ на деревѣ Б. Шеей въ Флоренціи.

зующую все, торжествующую въ этихъ вѣчныхъ измѣненіяхъ! Какое мнѣ дѣло до этихъ тысячи клочковъ мыслей, благодаря которымъ мой умъ цѣпляется за клочки явленій, окружающихъ меня? Одна лишь мысль истинна, едина,—идея природы; всѣ остальныя настолько лишь цѣнны, насколько онѣ связаны съ нею. По этому и у меня будетъ одна мысль, какъ есть одно существо; я переступлю за предѣлы моей личности, я представлю себѣ безконечнаго Бога, въ которомъ я утопаю, и буду поступать, согласно этому представленію. Не меня онъ любитъ, а цѣлое, поэтому и я не буду любить себя, а цѣлое. Не изолированнаго человѣка онъ создалъ, а общину людей, связанныхъ между собой общественными инстинктами; поэтому и я долженъ работать на пользу не изолированнаго человѣка, а на пользу людскаго общества, не изъ любви къ похваламъ, не изъ желанія быть любимымъ, не изъ надежды на благодарность, но потому, что мы рождены помогать другъ другу и потому еще, что и самъ разумъ слѣдуетъ тѣмъ-же стремленіямъ, какъ и природа. «То, что полезно пчелиному рою, то полезно и каждой пчелѣ. Пусть все твое счастіе, все твое наслажденіе заключается въ томъ, чтобы переходить отъ одного общественнаго дѣла къ другому общественному дѣлу съ мыслію о Богѣ. Вслѣдствіе этого и разумъ, являясь подражателемъ природы, имѣетъ величье природы. Онъ — внутренній Богъ, «частица великаго, всемірнаго Бога». «Если ты найдешь что-либо лучше въ человѣческой жизни, чѣмъ справедливость, истина, воздержанность, храбрость, — обратись къ этому добру всей твоей душой и наслаждайся этимъ. Но если ты не найдешь ничего лучше, чѣмъ этотъ Богъ, живущій въ тебѣ, направляющій твои страсти, исправляющій твое воображеніе; если ты увидишь, что въ сравненіи съ нимъ все ничтожно и жалко, — не давай мѣста въ твоей душѣ ничему другому».—И такъ, есть лишь одно совершенное существо, — природа, есть лишь одна совершенная идея, — идея природы, есть лишь одна совершенная жизнь,—та жизнь, въ которой воля природы становится нашей собственной волей.

Поэтому и полное, безусловное утѣшеніе есть то утѣшеніе, которое дается мыслью о природѣ, — «жить согласно волѣ боговъ; а тотъ лишь живетъ согласно волѣ боговъ, котораго душа всегда радуется ихъ веселіямъ». О моихъ личныхъ страданіяхъ и радостяхъ не стоитъ и думать; все сливается съ идеей безконечной природы; она одна имѣетъ право существовать; если я существую, то для того лишь, чтобы обнаруживать ее, выполнять ея веленія; «міръ желаетъ того, что должно совершиться; по этому и я говорю міру: и я того-же желаю, подобно тебѣ». Я не могу возмущаться противъ моихъ страданій съ того момента, какъ вижу, что они были возложены на меня благодѣтельной природой и что эти страданія способствуютъ здоровію міра. Нѣтъ случая, если случай есть необходимость; нѣтъ страданія, если оно ведетъ къ добру. «Все, что случается, такъ-же естественно, такъ-же обычно, какъ роза весной, какъ плоды лѣтомъ; болѣзнь, смерть, клевета, заговоры и все, чему радуются, чѣмъ печалуются глупцы». «Обнимай смерть, ибо она то, чего хочетъ природа...»—Такимъ образомъ, разумъ поглощаетъ всякую личную мысль въ безбрежной, благотворной мысли цѣлаго.

Такая глубина философскихъ выводовъ—не по плечу толпы. Въ особенности во времена полнѣйшаго упадка, человѣкъ не столько думаетъ о своемъ величіи, сколько о своей безпомощности; отъ идеи безграничнаго покоя вселенной она неизбѣжно переходитъ къ созерцанію своихъ собственныхъ печалей, своего собственнаго ничтожества. Даже это самое созерцаніе есть уже своего рода утѣшеніе,—утѣшеніе горькое, но укрѣпляющее. «Помни о безграничности вселенной. Какое участіе принимаешь ты въ ней? Какое мгновеніе—твой удѣлъ? Возвращайся часто къ мысли о быстротѣ бѣга и измѣнчивости всякой вещи, которая есть или которая будетъ. Ибо, вещество подобно рѣкѣ въ ея вѣчномъ теченіи... Есть безпредѣльная пропасть—прошлое, а потомъ есть будущее, которое все поглощаетъ. При этихъ условіяхъ, не безумье-ли пыжиться отъ гордости, страдать, радоваться?»—«Все это исчезнетъ, наши тѣла—въ пространствѣ, наша память—въ времени... Какъ все это ничтожно и презрѣнно, и тлѣнно, и преходяще, и смертно!» — «Вѣтеръ разсѣеваетъ въ пространствѣ листья деревьевъ; то-же бываетъ съ поколѣніями людей; то-же съ проклятіями, похвалами, возгласами. Все это родится весной; потомъ вѣтеръ уноситъ листья и на деревьяхъ появляются новые на ихъ мѣстѣ. Это мгновеніе существованія—общее достояніе всѣхъ существъ, и ты, безумецъ, бѣжишь отъ вещей или преслѣдуешь ихъ, какъ будто онѣ—вѣчны! Еще нѣсколько мгновеній и ты закроешь глаза, и оплакивать того, кто тебя похоронитъ, будетъ другой».—«Продолжительность жизни человѣка есть точка; его сущность — теченіе; его чувство — безсиліе; его тѣло — падающее, разрушающееся зданіе; его душа—кружащійся кубарь; его слова—судъ слѣпыхъ. Однимъ словомъ, все въ душѣ его—мечта и дымъ, все въ его тѣлѣ — проходитъ и исчезаетъ; его жизнь—борьба; его слово послѣ смерти—забвеніе. Что можетъ спасти его? Одна лишь—философія».

Таковы въ общемъ философскіе взгляды Марка Аврелія. Искренность и правда поражаютъ въ его книгѣ на всякой строчкѣ. У него, говоря строго, нѣтъ никакихъ системъ; у него нѣтъ своей философіи. Хотя онъ почти все заимствовалъ отъ стоицизма, но онъ не принадлежитъ ни къ какой философской школѣ. Въ теоретической части своей мысли, Маркъ Аврелій довольно поверхностенъ; онъ зналъ далеко не все то, что могъ знать современникъ Птоломея и Галена; по отношенію къ системѣ міра у него встрѣчаются положенія, уже устарѣвшія въ его время. Но его этика, освобожденная отъ всякой системы, пріобрѣтаетъ необыкновенное величіе. Его книга, не имѣющая въ своей основѣ ничего догматическаго, навсегда сохранитъ свою свѣжесть. Это книга, — какъ сказалъ, самая человѣческая, какая когда-либо была написана. Маркъ Аврелій не разрѣшаетъ никакихъ спорныхъ вопросовъ. Въ теодицеѣ онъ колеблется между чистымъ деизмомъ, между политеизмомъ, понимаемомъ физически, на манеръ стоиковъ и космическимъ пантеизмомъ. Онъ не пристращается ни къ одному изъ этихъ ученій и пользуется ими при случаѣ одинаково. Его сужденія имѣютъ всегда, какъ бы, двѣ стороны. «Покинуть на вѣчныя времена общество людей—вовсе не ужасно, если боги существуютъ; а если боговъ нѣтъ, или если они не занимаются людскими дѣлами, то стоитъ-ли жить въ мірѣ, лишенномъ боговъ, или лишенномъ провидѣнія? Но, конечно, боги существуютъ и они заботятся о людскихъ дѣлахъ». Маркъ Аврелій — моралистъ въ самомъ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова.

Маркъ Аврелій былъ чрезвычайно любимъ народомъ, но его безграничная доброта во многомъ вредила ему. Его сотоварищъ по управленію имперіей, Луцій Веръ, былъ человѣкъ вполнѣ ничтожный, развратникъ и кутила. Маркъ Аврелій много разъ выручалъ его изъ самыхъ отчаянныхъ, самыхъ позорныхъ обстоятельствъ, но никогда онъ не подумалъ освободиться отъ него, какъ сдѣлалъ бы всякій на его мѣстѣ. Какъ и всѣ хорошо воспитанные люди, Маркъ Аврелій постоянно стѣснялся, вслѣдствіе-ли разъ навсегда принятой системы, или же вслѣдствіе уваженія къ самому себѣ.

Его жена, Фаустина, была точно также причиной величайшихъ огорченій добраго императора. Въ началѣ она, какъ кажется, любила его и, кажется, была счастлива, потомъ ей видимо надоѣла покойная мудрость императора-философа. Его неприступная добродѣтель, его вѣчная грусть, его отвращеніе ко всему, что напоминало блескъ свѣтской жизни—не нравились женщинѣ молодой, капризной, страстной и чрезвычайно красивой. Насколько она была преступна — мы не знаемъ; можно предположить на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, что большинство взведенныхъ на нее обвиненій, было дѣломъ клеветы, но, во всякомъ случаѣ, она совершенно отдѣлилась отъ него и жила своею отдѣльною жизнію. Маркъ Аврелій понялъ это, страдалъ, но молчалъ. Публично, на сценѣ, въ его присутствіи, его называли обманутымъ мужемъ; актеры публично называли любовниковъ Фаустины. Но Маркъ Аврелій ничего не хотѣлъ знать. Фаустина всегда осталась для него «вѣрной, молодой женой»; даже послѣ ея смерти, въ прекрасной молитвѣ къ богамъ, написанной имъ на берегахъ Грана, онъ благодаритъ ихъ за то, что они дали ему «жену столь милую, столь любезную, столь простую». Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ какъ бы увѣровалъ въ эту иллюзію, но какую продолжительную и мучительную борьбу онъ долженъ былъ вынести прежде, чѣмъ изъ этой иллюзіи сдѣлать дѣйствительность! Въ теченіе долгихъ лѣтъ этотъ недугъ снѣдалъ его. Усиліе отчаянія, составляющее сущность его философіи, лихорадочная жажда самоотрѣченія, превращающаяся по временамъ прямо въ софизмъ, скрываютъ неизлечимую, громадную язву. Трудно представить себѣ все то, что выстрадало это великое сердце, сколько безграничной горечи скрывалось подъ этимъ блѣднымъ, всегда спокойнымъ, всегда улыбающимся лицомъ!

Но самое великое несчастіе въ его жизни былъ его сынъ Коммодъ. Лучшему изъ людей природа, точно въ насмѣшку, дала сына, который былъ похожъ на ярмарочнаго артиста, единственно годнаго на физическія упражненія, жестокаго, глупаго. Ограниченность его ума заставила его ненавидѣть то интеллигентное общество, которое окружало его отца; онъ попалъ въ общество низкихъ развратниковъ, которые сдѣлали изъ него самаго ужаснаго нравственнаго урода, когда либо существовавшаго. Маркъ Аврелій ясно видѣлъ, что изъ этого дикаго невозможно сдѣлать человѣка и тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ все, чтобы дать ему блестящее воспитаніе. Лучшіе философы учили его. Коммодъ слушалъ ихъ, тяготясь скучной проповѣдью и зѣвая во весь ротъ. Разумѣется, такое воспитаніе такого звѣря не могло принести никакихъ результатовъ. Оставалось лишь одно: пользуясь правомъ усыновленія, замѣнить Коммода, какъ наслѣдника имперіи, другимъ болѣе достойнымъ; но Маркъ Аврелій, въ своей философской прямолинейности, не рѣшился этого сдѣлать. Онъ по принципу сталъ за прямую наслѣдственность престола. Въ 176 году Маркъ Аврелій провозгласилъ Коммода императоромъ, и сдѣлалъ его консуломъ. Это было чрезвычайно неблагоразумно, но Маркъ Аврелій былъ уже связанъ прошедшимъ. Коммодъ, къ тому же, еще сдерживалъ себя, велъ себя прилично. Подъ конецъ жизни Марка Аврелія зло вполнѣ обнаружилось: на каждой изъ послѣднихъ страницъ его «Мыслей» видны слѣды душевныхъ страданій великаго императора, который знаетъ истину и какъ-бы скрываетъ ее отъ себя.

Пятаго августа 178 года Маркъ Аврелій выѣхалъ изъ Рима съ цѣлью возвратиться, вмѣстѣ съ Коммодомъ, на Дунай, гдѣ продолжалась война съ варварами. Успѣхъ былъ полный; казалось, что самое важное военное предпріятіе втораго вѣка будетъ блестящимъ образомъ окончено. Къ несчастью, здоровье императора было поколеблено. Онъ по цѣлымъ днямъ не принималъ пищи и ѣлъ только тогда, когда ему приходилось обращаться съ рѣчью къ солдатамъ. Десятаго марта 180 года императоръ серьезно заболѣлъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ созвалъ къ себѣ своихъ друзей и говорилъ съ ними въ обычномъ своемъ тонѣ, съ легкой ироніей, о тщетѣ жизни, о томъ, какъ мало онъ боится смерти. На седьмой день, въ ночь, онъ умеръ.

Его тѣло было привезено въ Римъ и погребено въ мавзолеѣ Адріана. Народная печаль была велика. Любовь къ нему въ народѣ была такъ велика, что его никогда не называли полнымъ именемъ, съ его титулами. Всякій, согласно своему возрасту, говорилъ объ немъ: «Маркъ мой братъ, Маркъ мой сынъ, Маркъ мой отецъ».

Вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ сошла въ могилу и вся древняя римская цивилизація.

В. Чуйко.

Плащеноская ящерица.

Ящерицы принадлежатъ къ числу такихъ животныхъ, къ которымъ человѣкъ относится если не съ отвращеніемъ и не съ суевѣрнымъ страхомъ, то во всякомъ случаѣ съ нелюбовью. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы животныя эти щеголяли своею красотою и чтобы между ними не было опасныхъ враговъ человѣка; достаточно напомнить, что къ ящерицамъ принадлежатъ крокодилы и кайманы, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, воскресить въ памяти разсказы путешественниковъ о тѣхъ ужасахъ, какимъ подвергаются люди въ жаркихъ странахъ, населенныхъ этими гигантскими ящерицами. Но большинство ящерицъ принадлежитъ къ животнымъ далеко не столь крупнымъ и по большей части совершенно безвреднымъ для человѣка. Всѣ европейскія ящерицы, каковы наша обыкновенная сѣрая, достигающая длины трехъ вершковъ, зеленая, длиною около четверти аршина, веретеница или мѣдяница, отличающаяся отсутствіемъ ногъ, и др., даже полезны по истребленію насѣкомыхъ. И если изъ устъ въ уста передаются разсказы о необычайномъ вредѣ перепархивающихъ съ дерева на дерево въ лѣсахъ южной Азіи драконахъ, объ африканскихъ, индійскихъ и новозелландскихъ хамелеонахъ, мѣняющихъ свой цвѣтъ подъ вліяніемъ раздраженія, при перемѣнахъ температуры и т. п., то разсказы эти являются лишь порожденіемъ воображенія, приписывающаго животнымъ тѣмъ болѣе вредныхъ свойствъ, чѣмъ оно некрасивѣе, чѣмъ своеобразнѣе его внѣшность и чѣмъ менѣе его знаютъ.

Къ числу настоящихъ ящерицъ, имѣющихъ длинный хвостъ, довольно стройныя, пятипалыя, вооруженныя острыми когтями ноги, мясистый языкъ и острые зубы и покрытыхъ чешуею, принадлежитъ изображенная на нашемъ рисункѣ плащеносная ящерица (Chlamydosaurus Kingii), открытая въ началѣ сороковыхъ годовъ около порта Нельсона въ Новой Голландіи докторомъ Кингомъ. Самая существенная особенность этой ящерицы, достигающей длины $3\frac{1}{2}$ футовъ, изъ чего половина приходится на хвостъ. окрашенной въ желто-бурый цвѣтъ съ темными пятнами, заключается въ томъ, что кожа, покрывающая все тѣло, образуетъ вокругъ шеи чрезвычайно широкій воротникъ, который можетъ складываться и накрывать спину животнаго на подобіе плаща. Для поддержки этой складки кожи существуютъ особые хрящи, приподнимается же и складывается она при помощи мускульныхъ волоконъ, составляющихъ продолженіе особыхъ мышцъ.

Нельзя сказать, чтобы свѣдѣнія о жизни плащеносной ящерицы отличались полнотою; тѣмъ не менѣе въ послѣднее время онѣ нѣсколько обогатились. Мы знаемъ теперь, что ящерица эта водится въ Новой Голландіи и на нѣкоторыхъ островахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ австралійскаго материка, что она проводитъ почти всю жизнь на деревьяхъ, умѣя прекрасно лазать и перепрыгивать съ дерева на дерево, при чемъ распущенный плащъ до нѣкоторой степени поддерживаетъ ее на воздухѣ на подобіе парашюта; что она питается насѣкомыми, быть можетъ, накидываясь на нихъ прыжками, при чемъ, для урегулированія дальности ихъ, опять пользуется своимъ складывающимся плащемъ; что во время покоя она сидитъ, прислонившись къ стволу заднею частью туловища, и высоко поднявъ вверхъ голову; что она, вопреки существовавшему до послѣдняго времени мнѣнію, никогда не обнаруживаетъ даже попытку укусить человѣка, наконецъ, что въ неволѣ она не принимаетъ пищу и умираетъ съ голоду. Такъ случилось недавно съ экземпляромъ плащеносной ящерицы, привезеннымъ въ парижскій естественно-историческій музей: чѣмъ ее ни пытались кормить, какъ ни старались сохранить ее, она ничего не ѣла и прожила всего три недѣли.

Вообще, немногія ящерицы способны выносить неволю, особенно изъ числа живущихъ на деревьяхъ, да и европейскій климатъ, очевидно, не особенно благопріятенъ для этихъ дѣтей тропическаго солнца. Только тропическое солнце въ состояніи разогрѣть надлежащимъ образомъ холодную кровь пресмыкающихся животныхъ и заставить ихъ проявить вполнѣ свою подвижность. Вотъ почему самыя разнообразныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя причудливыя формы ящерицъ, вродѣ плащеносной, встрѣчаются только въ странахъ тропическихъ.

В Иверсенъ.

* * *

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

II.

Новое умственное движеніе въ Индіи.

Въ числѣ странъ, блиставшихъ нѣкогда своею культурою, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Индіи. Въ тѣ отдаленныя времена, когда скудное населеніе Европы ютилось еще въ пещерахъ или свайныхъ постройкахъ, употребляя только камень матеріаломъ для своихъ орудій, Индія могла уже гордиться замѣчательными мыслителями, поэтами, техниками. Затѣмъ наступили для богатой и цивилизованной страны годы внутреннихъ раздоровъ и иноземнаго порабощенія, и среди этихъ бѣдствій заглохло и исчезло былое просвѣщеніе, оставя свой слѣдъ лишь въ сагахъ, священныхъ книгахъ и устоявшихъ противъ разрушительной силы времени изумительныхъ произведеніяхъ зодчества. Тѣмъ любопытнѣе, съ точки зрѣнія народной психологіи, то движеніе, которое замѣчается нынѣ въ наиболѣе развитыхъ слояхъ индусскаго народа, безъ всякаго различія кастъ или мѣстности. Это умственное пробужденіе находится, безъ сомнѣнія, въ зависимости отъ повсемѣстнаго распространенія англійскаго языка между туземцами, отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій. Англійское правительство весьма дѣятельно основываетъ, во всѣхъ своихъ индѣйскихъ владѣніяхъ, не только низшія и среднія, но и высшія образовательныя заведенія, и соединяетъ рельсами и проволокой мѣстности, доселѣ отчужденныя одна отъ другой естественными препятствіями. Въ Индіи насчитывается до 20 отдѣльныхъ нарѣчій и кастовыя преграды еще не уничтожены, но молодое интеллигентное поколѣніе индусовъ уже имѣетъ одинъ общій языкъ, оно можетъ переноситься быстро и легко въ отдаленнѣйшія окраины своего отечества, сближается между собою и забываетъ вѣковые предразсудки отцовъ. Однако, среди такого прогресса, основной характеръ индуса мало измѣнился; въ немъ остается та же наклонность къ внутреннему созерцанію, то же стремленіе къ умозрительнымъ выкладкамъ, и потому духовное возрожденіе времени выразилось, прежде всего, въ направленіи философскомъ, яркою иллюстраціей чего служатъ основаніе и быстрое распространеніе въ Индіи того ученія, которое приняло названіе «теософіи».

Первое слово новой проповѣди было занесено въ Индію, однако, извнѣ, притомъ изъ страны, славящейся болѣе чисто практическими, нежели идеалистическими воззрѣніями. Полковникъ Олькоттъ, природный янки основалъ первый теософическій союзъ въ Нью-Іоркѣ въ 1875 г., но съ тѣхъ поръ ученіе сдѣлало громаднѣйшіе успѣхи. Въ 1879 г. было только два теософскихъ общества, въ 1883 ихъ насчитывалось уже девяносто три а въ 1886 сто тридцать два, изъ которыхъ 107 въ Индіи, 15 въ Америкѣ, 8 въ Европѣ, 1 въ Африкѣ и 1 въ Австраліи. Въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ основанное на гумманитарныхъ началахъ и съ цѣлью облагородить человѣческій духъ, «теософское братство» сходно съ массонствомъ или съ «союзами добродѣтели», возникшими въ Германіи въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, но оно имѣетъ и своеобразныя стороны. Центральнымъ пунктомъ, главною квартирою теософисма считается Адіаръ (предмѣстье Мадраса), гдѣ живетъ полковникъ Олькоттъ. Его прелестная вилла на берегу моря служитъ мѣстомъ для ежегодныхъ съѣздовъ теософистовъ. Передъ каждымъ новымъ годомъ, всѣ индусскіе союзы присылаютъ сюда своихъ делегатовъ. Полковникъ занимаетъ мѣсто президента на этихъ собраніяхъ; это человѣкъ замѣчательнаго ума, обладающій необыкновеннымъ даромъ слова и основательно знакомый со всею древнею исторіею Индостана. Глубокое изученіе санскритской литературы помогаетъ ему увлекать тысячи людей изъ самаго развитаго туземнаго общества; онъ доказываетъ мастерски, что проповѣдуемое имъ было уже давно сказано древними мыслителями,—тѣми, чьи имена индусъ привыкъ произносить не иначе, какъ съ глубокимъ благоговѣніемъ. Туземцы боготворятъ Олькотта, какъ отца и благодѣтеля, открывшаго имъ глаза на ихъ обязанности, и почитаютъ его даже за истиннаго пророка; они устраиваютъ ему блестящія оваціи и его періодическія посѣщенія разныхъ мѣстностей въ Индіи уподобляются тріумфальному шествію. По счастію, Олькоттъ не злоупотребляетъ своимъ громаднымъ вліяніемъ на развитѣйшихъ людей страны и оснавы его ученія сводятся къ слѣдующему, какъ видно изъ устава общества, окончательно выработаннаго на съѣздѣ теософовъ въ Адіарѣ въ 1886 г.: «Общество основано съ цѣлью братскаго сближенія всѣхъ людей безъ различія расъ, цвѣта кожи и вѣроисповѣданій; оно старается способствовать къ изученію арійской и другихъ восточныхъ литературъ, также различныхъ религіозныхъ ученій восточныхъ народовъ и ихъ бывшей цивилизаціи; оно поощряетъ іслѣдованіе еще неизвѣстныхъ доселѣ законовъ природы и психическихъ свойствъ человѣка, предоставляя, впрочемъ, такія изслѣдованія лишь избраннѣйшимъ изъ братства. Теософы обращаются за содѣйствіемъ ко всѣмъ, искренно любящимъ своего ближняго и признающимъ за зло тѣ преграды, которыя воздвигнуты между людьми, вслѣдствіе различій въ ихъ внѣшней окраскѣ, происхожденіи и религіозныхъ убѣжденіяхъ. Эти искуственныя преграды служатъ только помѣхой къ общечеловѣческому прогрессу. Они обращаются, далѣе, ко всѣмъ людямъ науки, ко всѣмъ мыслителямъ востока и запада, ко всѣмъ лицамъ, преданнымъ дѣлу Индіи и ея возрожденія въ духѣ ея прежняго умственнаго величія, — наконецъ, ко всѣмъ тѣмъ, которые стремятся стяжать высшія и лучшія блага, не довольствуясь одними преходящими наслажденіями суетнаго существованія, и готовы на всякія личныя жертвы, сознавая, что безъ нихъ недоступно высшее просвѣтлѣніе. Теософское братство никакъ не должно быть причислено къ религіознымъ сектамъ, потому что оно занимается не вѣроисповѣдною проповѣдью, принимаетъ въ члены свои лицъ всякихъ исповѣданій и требуетъ отъ нихъ лишь той вѣротерпимости по отношенію къ другимъ, которую каждый можетъ желать для себя. Поступать въ братство слѣдуетъ тѣмъ, которые раздѣляютъ его филантропическія или научныя стремленія, или же признаютъ восточную философію за хранительницу сокровищъ истины,—столь драгоцѣнныхъ, что человѣку стоитъ посвятить всю свою жизнь на ихъ пріобрѣтеніе. Познанія этихъ истинъ немыслимо безъ полнаго изученія древне-индѣйской литературы. Не вдаваясь въ разборъ кастовыхъ и другихъ учрежденій Индіи, ея обычаевъ и нравовъ, братство предписываетъ тоже всѣмъ своимъ адептамъ, разсѣяннымъ по различнымъ государствамъ, не примыкать нигдѣ ни къ какимъ политическимъ партіямъ, и приглашаетъ заранѣе эти послѣднія воздержаться отъ всякихъ попытокъ отклонять теософическіе союзы отъ ихъ прямыхъ цѣлей.

Уважая всѣ религіозныя вѣрованія, братство впало въ нѣкоторое преувеличеніе, придумавъ украсить свой сборный залъ въ Адіарѣ изображеніями основателей всѣхъ существующихъ въ мірѣ религій. Этотъ залъ, съ истуканомъ Кришны во главѣ, производитъ такое впечатлѣніе, которому было бы лучше не подвергать посѣтителей... Одного Магомета нѣтъ въ этомъ собраніи, вслѣдствіе протеста послѣдователей ислама (которыхъ не мало между мѣстными теософами): коранъ запрещаетъ всякое воспроизведеніе человѣческаго обличья.

Къ числу научныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ теософами, особенно относится собираніе древнихъ, такъ-называемыхъ, пальмовыхъ рукописей (писанныхъ на пальмовыхъ листьяхъ). Богатства «Санскритской Библіотеки», основанной Олькоттомъ, умножаются ежегодно, благодаря усердію «пандитовъ» (индусскихъ санскритологовъ) и нѣтъ сомнѣнія, что это книгохранилище будетъ скоро самымъ замѣчательнымъ въ мірѣ по части санскритской литературы.

Всѣ теософы (по крайней мѣрѣ, въ Индіи) вегетеріанцы и не употребляютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ д-ръ Веберъ, присутствовавшій на ихъ банкетахъ въ Адіарѣ.

Индія особенно занимаетъ въ настоящее время не только ученыхъ путешественниковъ, но и простыхъ любознательныхъ туристовъ. Къ числу ихъ принадлежитъ г-жа Уйфальви, жена извѣстнаго венгерскаго этнографа, сопровождавшая своего мужа въ его поѣздкѣ по Аравіи, Персіи, Туркменіи, Кашмиру и Индіи. Г-жа Уйфальви издала, въ настоящее время, свои путевыя впечатлѣнія на французскомъ языкѣ (она парижанка). Многія изъ ея замѣтокъ чрезвычайно любопытны, полны юмора и тонкой наблюдательности. Проживъ сравнительно долгое время у западнаго гималайскаго хребта, путешественница имѣла возможность изучить нравы и обычаи парсовъ (огнепоклонниковъ), составляющихъ богатое и могущественное племя. Парсы выселились изъ Ирана въ Индію нѣсколько вѣковъ тому назадъ, спасаясь отъ притѣсненій завоевателей—мусульманъ. Они прибыли въ Горджератъ, правители котораго отнеслись къ нимъ благосклонно и предоставили имъ льготы для занятій торговлею и ремеслами. Но коренные жители полуострова относились къ пришельцамъ постоянно враждебно и положеніе ихъ улучшилось лишь при занятіи Индіи англичанами, которые скоро оцѣнили ихъ способности. Въ настоящее время, можно нерѣдко встрѣтить парсовъ не только на частныхъ, но и на общественныхъ должностяхъ. Въ противоположность индусамъ, ненавидящимъ своихъ британскихъ властителей, парсы, повидимому, симпатизируютъ англичанамъ, хотя нѣкоторая часть племени остается вѣрною завѣтамъ предковъ и отвергаетъ все европейское. Парсы очень красивы и статны, выраженіе лица у нихъ умное и пріятное; чистота племени доказывается необыкновеннымъ сходствомъ всѣхъ встрѣчаемыхъ лицъ. Костюмъ парсовъ очень изященъ; онъ состоитъ изъ цвѣтныхъ шароваръ и длиннаго бѣлаго кафтана, подпоясаннаго кускомъ матеріи, обвернутой нѣсколько разъ вокругъ таліи, и высокой шапки, въ родѣ епископской митры. Бѣлая шапка служитъ отличіемъ духовныхъ лицъ. Но особенно живописенъ женскій нарядъ: молодыя замужнія парсянки покрываютъ голову платкомъ съ завязанными назади концами. Для юбки берется кусокъ матеріи, достаточно длинный для того, чтобы заложить его складками вокругъ таліи и потомъ заворотить его конецъ на голову, въ видѣ покрывала, что напоминаетъ костюмъ древнихъ жрицъ. Матерія берется разныхъ цвѣтовъ, по вкусу, но всегда обшита по краю золотымъ, серебрянымъ или шелковымъ галуномъ. Парсянки развиты болѣе другихъ восточныхъ женщинъ и говорятъ свободно съ чужими; многія изъ нихъ владѣютъ англійскимъ и и даже французскимъ языками.

Путешественницѣ удалось присутствовать при одной парской свадьбѣ:

Въ прекрасномъ саду были поставлены въ рядъ стулья, на которыхъ сидѣли мужчины, одѣтые всѣ въ бѣлое. Въ глубинѣ сада, въ двухъ бесѣдкахъ, расцвѣченныхъ тысячью огней, находились невѣста, ея родственники и друзья. При входѣ, г-жѣ Уйфальви и ея мужу подали по небольшому букету и по кусочку бетеля въ золоченной оберткѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ подошелъ съ серебрянымъ флакономъ въ рукахъ и окропилъ букеты гостей благовонной эссенціей. Невѣста вышла изъ своего павильона, направляясь къ другому; въ это-же время у воротъ сада показался женихъ, котораго приняла и ввела сестра невѣсты. Заиграла музыка и весь садъ освѣтился огнями. Женихъ и невѣста вошли во второй павильонъ, приготовленный для совершенія брачнаго обряда, въ которомъ участвовали трое священнослужителей; одинъ изъ нихъ взялъ ленту и связалъ ею брачащихся, въ знакъ неразрывности ихъ союза *), другой осыпалъ ихъ головы хлѣбнымъ зерномъ, призывая тѣмъ на нихъ плодородіе, третій произнесъ какую-то рѣчь. Г-жа Уйфальви, какъ женщина, обращала особенное вниманіе на присутствовавшихъ дамъ. По ея замѣчанію, между ними не было красавицъ, но всѣ онѣ отличались необыкновенною свободою, граціею и плавностью движеній, равно какъ изяществомъ костюма. Нѣкоторыя довели свою изысканность до того, что украсили бутонами розъ свои туфли. У всѣхъ были въ рукахъ вѣера, которыми онѣ обмахивались съ граціозною непринужденностью. Брачный обрядъ закончился тѣмъ, что молодыхъ накрыли шалью, подъ которою продержали ихъ нѣсколько минутъ, не смотря на удушливый жаръ.

Французскій консулъ, г. Друэнъ, доставилъ путешественницѣ возможность посѣтить «Башню безмолвія». Для этого требовалось особое позволеніе. Сказанная башня служитъ кладбищемъ парсовъ. Среди великолѣпнаго сада, изъ котораго открывается лучшій изъ видовъ въ Бомбеѣ, возвышаются пять башенъ; средняя изъ нихъ больше прочихъ. Въ каждую башню ведетъ низенькая дверь; внутри, по стѣнамъ, тройной рядъ нишъ, въ которыя помѣщаются трупы; нижній рядъ назначается для мужчинъ, средній для женщинъ, верхній для дѣтей. Для доступа къ этимъ ярусамъ устроены галлереи и лѣстницы; по серединѣ глубокій сухой колодезь.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти, или даже всего черезъ часъ, покойнаго относятъ въ «Башню безмолвія»; родственники и друзья, сопровождавшіе тѣло, передаютъ его людямъ, которыхъ у насъ назвали-бы могильщиками, но здѣсь имъ не приходится рыть могилъ; они только снимаютъ съ трупа одежду и вкладываютъ его, черезъ небольшое отверстіе, въ одну изъ нишъ. Черезъ какой-нибудь часъ, отъ тѣла остается одинъ скелетъ: все остальное съѣдено хищными птицами, которыя имѣютъ свободный доступъ снаружи въ каждую нишу и живутъ въ саду, зная, что имъ часто достается добыча. Кости оставляются на нѣсколько времени въ нишѣ, чтобы дать имъ просохнуть на солнцѣ, а затѣмъ сбрасываются въ колодезь, въ одну общую кучу... Религія парсовъ требуетъ такого посмертнаго уравненія богатаго съ бѣднымъ.

Могильщики, всѣхъ двѣнадцать числомъ, въ своемъ родѣ паріи. Никто не говоритъ съ ними, не раздѣляетъ съ ними пищи и едва-ли кому извѣстны ихъ имена. На вопросъ о томъ, что сталось-бы, если бы въ «Башню безмолвія» былъ заключенъ живой человѣкъ, парсы отвѣчаютъ, что такого случая не бывало, но г-жѣ Уйфальви разсказывали, въ самомъ Бомбеѣ, что въ Курачи, значительномъ городѣ, при устьѣ Инда, былъ слѣдующій случай. Въ мѣстную «Башню безмолвія» внесли мнимоумершаго парса. Хищныя птицы, болѣе опытныя, нежели сами доктора,—какъ выразился морской врачъ, разсказывая это происшествіе г-жѣ Уйфальви,—никогда не тронутъ живаго и потому онѣ оставили бѣднаго парса въ покоѣ. Къ вечеру несчастный очнулся, понялъ свое положеніе, но не рѣшился ждать появленія людей и успѣлъ, съ величайшими трудностями, выбраться изъ страшнаго мѣста по наружной стѣнѣ, цѣпляясь за рѣшетки, устроенныя для пропуска птицъ. Но онъ не воротился въ Курачи и скрылся куда-то, зная, что его бѣгство будетъ открыто и онъ обречется на смерть, потому что, по вѣрованію парсовъ, «однажды вошедшій въ «Башню безмолвія» не долженъ вновь выступать изъ нея».

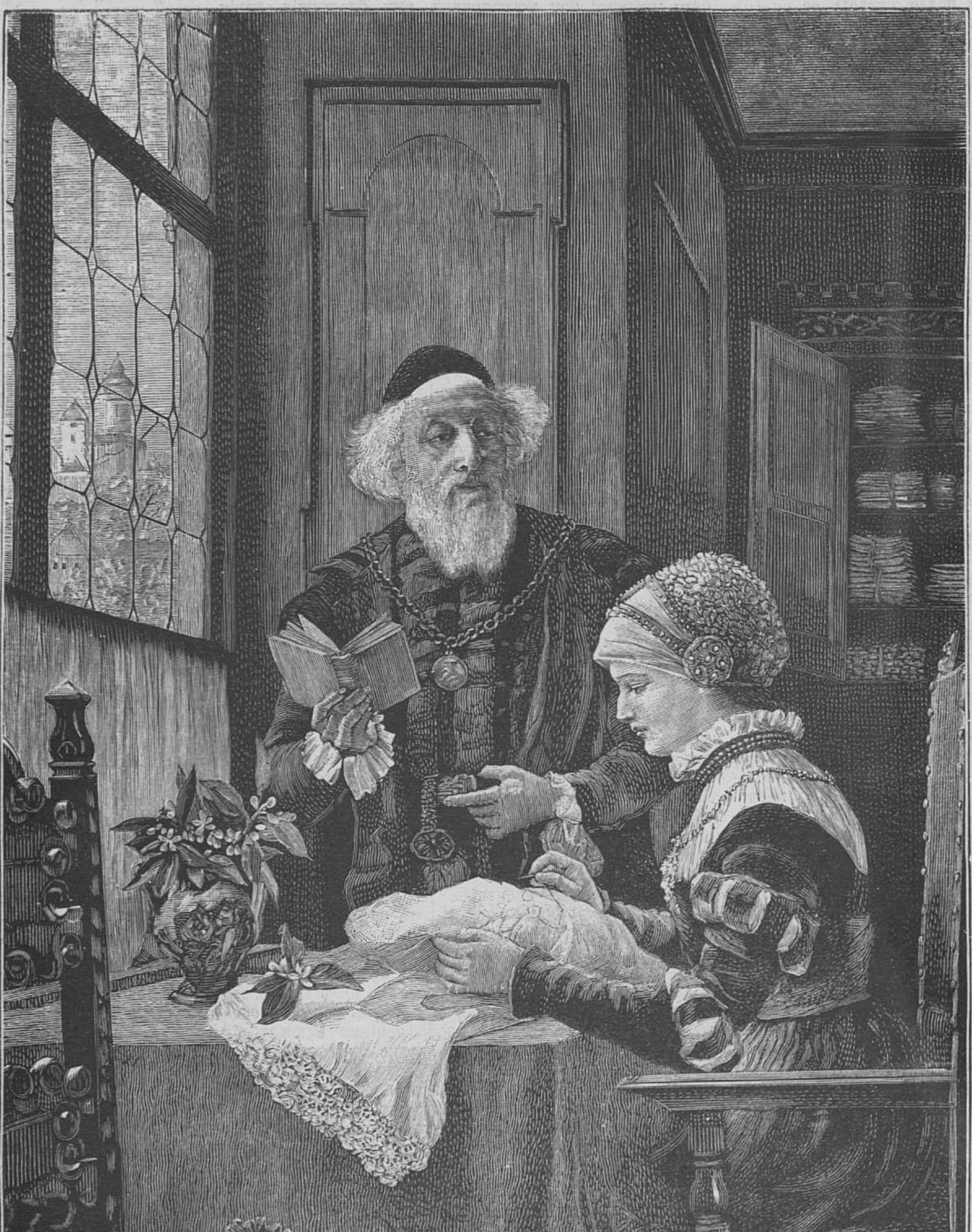
---

*) Парсы отвергаютъ многоженство.

С. Варевскій.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Г. фонъ Геслина.



Старая пѣсня.

Гравировалъ на деревѣ А. Суриковъ въ Спб.

* * *

ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

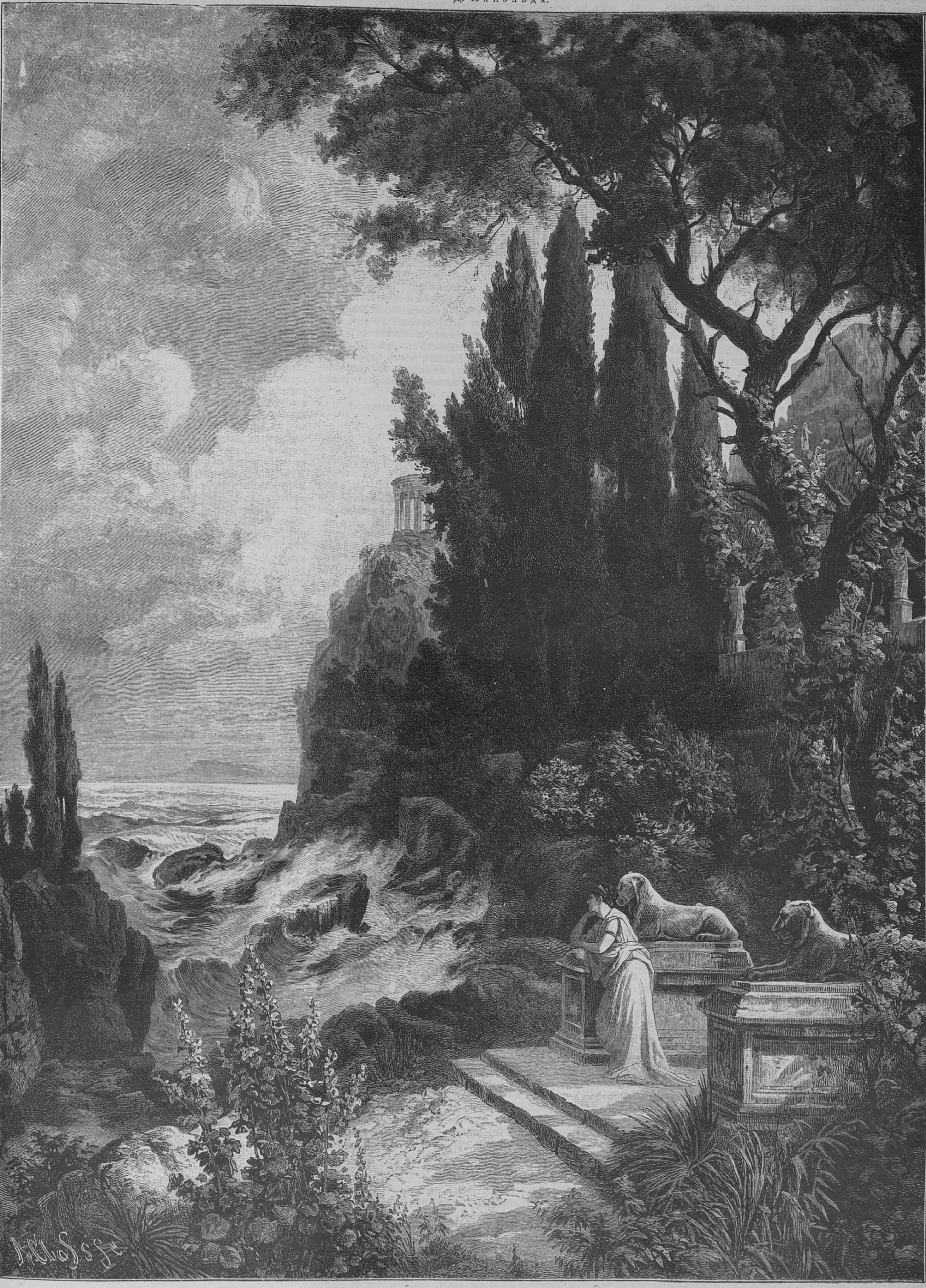
Въ нашъ грѣшный вѣкъ нечестія и безвѣрія довольно равнодушно взглянули на событіе, которое нашими предками истолковывалось бы на всѣ лады, возбуждая не только споры, но, можетъ быть, и политическія осложненія. Дѣло въ томъ, что католическая церковь въ лицѣ ея нынѣшняго главы папы Льва XIII, провозгласила десять новыхъ святыхъ, переведя ихъ изъ разряда блаженныхъ въ списокъ святыхъ за великія услуги, оказанныя этими лицами во время ихъ земной жизни спасенію человѣчества, а главнымъ образомъ пользѣ и славѣ католичества; въ длинной рѣчи папа разъяснилъ причины и соображенія, побудившія его остановить свой непогрѣшимый выборъ именно на избранныхъ лицахъ.

Самая греконизація совершилась на соборѣ епископовъ, которые по случаю папскаго юбилея съѣхались въ Римъ со всѣхъ концовъ земнаго шара въ числѣ 389; такого величественнаго зрѣлища еще не было со времени избранія на престолъ св. Петра нынѣ здравствующаго папы.

Парижъ занятъ вопросомъ: гдѣ долженъ жить сейнскій префектъ? Этотъ мелочной вопросъ имѣетъ громадное значеніе и отъ его разрѣшенія въ ту или другую сторону зависитъ существованіе министерства, спокойствія страны... Во время бывшаго президентскаго кризиса во Франціи, муниципальное управленіе Парижа, представляющее изъ себя радикальное собраніе, мудро рѣшило, что отечество въ опасности, такъ какъ враги его монархисты и отступники республиканцы составили заговоръ въ пользу избранія Ферри, наперсника Бисмарка; противъ такого избранія нужно было принять мѣры, тѣмъ болѣе, что среди столичнаго населенія кандидатура Ферри была особенно непопулярна и власти даже побаивались возмущенія. Муниципальный совѣтъ не долго думая и вспомнивъ только времена коммуны, рѣшилъ произвести себя въ временное правительство,

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Д. Канольда.



Иѳигенія въ Тавридѣ.

Гравировалъ на деревѣ Клоссъ.

если только пройдетъ Ферри. Пророчества не сбылись, избранъ былъ Карно, тишина не была нарушена, если только не считать вспышки Дерулэда, и повидимому городскому совѣту надлежало также успокоиться и заняться исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, но не тутъ-то было; поведеніе парижскихъ муниципальныхъ совѣтниковъ возмутило многихъ депутатовъ изъ умѣренныхъ фракцій и совершенно переполнило чашу терпѣнія монархическихъ группъ; между обоими собраніями — палатою депутатовъ и муниципальнымъ совѣтомъ — существуетъ давнишняя вражда, такъ какъ счеты между ними ведутся уже болѣе десятилѣтія, т. е. со времени перевода парламента и сената изъ Версаля въ Парижъ. По французскому государственному устройству каждый городъ есть свой собственный полновластный хозяинъ, управляющій своими дѣлами черезъ посредство избранныхъ представителей — совѣтниковъ и мэра. Переселясь въ Парижъ, депутаты всей Франціи не пожелали быть на положеніи гостей въ этомъ городѣ и потому возложили на префекта сенскаго департамента (въ районъ котораго входитъ Парижъ) исполненіе обязанностей мэра въ столичномъ муниципальномъ совѣтѣ. Отсюда конфликтъ... Парижане игнорируютъ это распоряженіе, стараясь на каждомъ шагу ставить преграды предположеніямъ сенскаго префекта (съ которымъ не надо смѣшивать полицейскаго префекта столицы), а палата депутатовъ упорно отклоняетъ всѣ обращаемыя къ ней петиціи городскаго управленія. Положеніе, принятое городскимъ совѣтомъ при избраніи новаго президента, показалось по этому вызовомъ, брошеннымъ въ лицо представителямъ страны, и отъ новаго министерства потребовали принятія энергичныхъ репрессивныхъ мѣръ противъ «соціалистовъ»; парижскій муниципалитетъ нашелъ лишь поддержку въ небольшой кучкѣ радикальныхъ депутатовъ. Вотъ тутъ-то и возникъ вопросъ о мѣстожительствѣ сенскаго префекта, такъ какъ было установлено, что многія засѣданія совѣта происходятъ безъ его присутствія и потому предположено отвести ему помѣщеніе въ самомъ зданіи городской думы; между тѣмъ, послѣдняя признаетъ своего предсѣдателя по преимуществу департаментскимъ чиновникомъ, а не городскимъ дѣятелемъ, а потому и жить онъ долженъ въ зданіи сенскаго департамента, а не городскомъ. Возникшій споръ принимаетъ постепенно все болѣе острый характеръ, хотя достаточно какой-нибудь случайности, чтобы обратить его въ водевиль...

Парижскія газеты единодушно сошлись, чтобъ въ прекрасномъ свѣтѣ выставить личность недавно умершаго акварелиста Бомона, выдававшуюся не столько своимъ талантомъ, сколько оригинальностью. Свои художественныя способности Бомонъ употребилъ на иллюстраціи книгъ, на раскрашиваніе экрановъ, вѣеровъ и тому подобныхъ мелочей, но свою душу онъ вложилъ въ коллектированіе... шпагъ. У него было собраніе этого вида оружія настолько рѣдкое и полное, что за нѣсколько особенно выдающихся экземпляровъ Бомону любители предлагали полмилліона франковъ, но художникъ-собиратель, не смотря на стѣсненное положеніе и наступающую бѣдность, не уступилъ своихъ любимцевъ. Въ наше время подобные коллекціонеры становятся все рѣже и рѣже постепенно обращаясь въ торговцевъ старинными вещами съ единственною цѣлью дешевле купить и дороже продать, или обмѣнять съ прибылью. Кромѣ того, у Бомона былъ какой-то культъ къ шпагѣ, культъ къ тѣмъ понятіямъ рыцарства и благородства, которыя она изображала. Съ тѣхъ поръ какъ какой-то глупый химикъ изобрѣлъ порохъ, а безсердечный оружейникъ приготовилъ ружье, шпага вышла изъ моды, а съ нею вмѣстѣ палъ и прежній общественный строй, и прежнія войны, — представлявшія какъ-бы рядъ отдѣльныхъ поединковъ, одинъ на одинъ, — замѣнились убійствами, изъ-за куста, издали, и какъ часто слѣпая пуля попадаетъ въ женщину, разитъ дѣтей, ранитъ врача, сестру милосердія... Вотъ чѣмъ Бомонъ объяснялъ свою симпатію къ шпагѣ. Собранную имъ коллекцію онъ подарилъ музею въ Клюни.

По ту сторону Ламанша, въ туманной Великобританіи идетъ борьба между двумя политическими и общественными партіями страны; борьба эта не новая, не со вчерашняго дня, а вѣковая борьба изъ-за власти. До настоящихъ дней, однако, не были слышны ни звонъ оружія, ни насилія побѣдителей надъ побѣжденными, ни отмщенія послѣднихъ, когда они возвращались къ кормилу правленія. Обѣ партіи—торіи и виги, консерваторы и либералы, не переставали считать себя правительственными партіями и въ парламентѣ партія не у дѣлъ называла себя не оппозиціею Ея Величеству, а оппозиціею Ея Величества, критическою оцѣнкою предлагаемыхъ мѣропріятій, помогавшею ихъ правильной разработкѣ. Случаи перехода людей изъ одной партіи въ другую случались довольно часто и никому въ укоръ не ставились; всегда государственный дѣятель, членъ парламента служилъ своему отчеству, своему государю. За послѣдніе годы отношенія партій перепутались: отъ обѣихъ отдѣлилось нѣсколько лицъ, сдѣлавшихся какъ бы консервативными либералами и либеральными консерваторами. Расколъ былъ возбужденъ ирландскимъ вопросомъ, выдвинутымъ Гладстономъ во имя братолюбія, вслѣдствіе желанія примирить враждующихъ ирландцевъ и собственно англичанъ; предметомъ вражды служилъ и служитъ аграрный вопросъ, нынѣ поставленный ребромъ. Гладстонъ задался идеею обратить ирландцевъ въ друзей своей страны, предоставивъ имъ право собственнаго самоуправленія, право, которымъ уже давно пользуются нѣкоторыя колоніи Англіи, какъ, напр., Канада, Австралія; въ связи съ этимъ Гладстонъ возбудилъ и вопросъ о выкупѣ государствомъ земель у лордовъ и о перепродажѣ ихъ въ собственность ирландцамъ, которые до сихъ поръ пользовались землями лишь на основаніяхъ наслѣдственной аренды.

Такимъ образомъ въ Англіи четверть вѣка послѣ Россіи заходитъ рѣчь о выкупѣ земли. Противъ проекта высказались почти всѣ крупные землевладѣльцы, усмотрѣвъ въ предложенной мѣрѣ не только ущербъ личнымъ денежнымъ интересамъ, но и колебаніе единства и цѣлости государства... Гладстонъ потерпѣлъ крушеніе, когда въ парламентѣ баллотировался его проектъ... ему измѣнила небольшая кучка либеральныхъ депутатовъ въ ирландскомъ вопросѣ, подавшая голосъ вмѣстѣ съ консерваторами. Къ власти вернулась торійская партія, по основной программѣ не пользующаяся большинствомъ въ парламентѣ и удерживающаяся только благодаря поддержкѣ такъ называемыхъ уніонистовъ (либераловъ, высказавшихся противъ автономіи Ирландіи); за эту поддержку главѣ торійскаго министерства Салюсбери приходится поступаться въ пользу уніонистовъ многими коренными идеями партіи; и въ результатѣ получается, что споръ за Ирландію можетъ постепенно примирить соперничествующихъ виговъ и торіевъ и создастъ въ Англіи единую національную партію... Начало ей только еще положено, но въ странѣ и парламентѣ она уже занимаетъ видное мѣсто;—въ ней заискиваютъ ей дѣлаютъ уступки ея представители входятъ въ составъ министерства. Предстоящее возобновленіе парламентской сессіи дастъ въ нѣкоторомъ времени возможность еще опредѣленнѣе высказаться про современный политическій строй страны, близко интересующей Россію, и въ которой политикою занимается все населеніе отъ мала до велика: имѣть право прибавить къ своему имени буквы m. p. (member of Parliament, членъ парламента) составляетъ сладостную мечту всякаго истаго англичанина, которая на ряду съ наживою руководитъ всѣми его дѣйствіями, грезится ему во снѣ.

М. Кольцовъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Опять полный тревоги вопросъ: миръ или война? или что хуже, война, не нарушая мира. Отвѣты слышатся со всѣхъ сторонъ разные: принимая 20 января (нов. ст.) президентовъ и вицепрезидентовъ обѣихъ палатъ прусскаго сейма, императоръ Вильгельмъ заявилъ о благопріятномъ финансовомъ положеніи Пруссіи и выразилъ, между прочимъ, надежду на сохраненіе мира, прибавивъ, что вслѣдствіе этого можно ожидать, что финансы сложатся еще болѣе благопріятно; затѣмъ, императоръ выразилъ особенное удовольствіе по поводу успѣшной желѣзнодорожной политики, которая въ началѣ, въ виду большой надобности въ деньгахъ, представлялась не совсѣмъ лишенною опасенія. Если же послушать Бисмарка, можно подумать, что дѣло имѣешь съ сфинксомъ: разсуждая о послѣднихъ политическихъ событіяхъ онъ сказалъ: «Надѣюсь, что въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ опасаться войны не слѣдуетъ; такую надежду на нынѣшній годъ я могу высказать съ достаточною опредѣленностью. Правда, что и въ 1870 г. я тоже такъ думалъ, а на дѣлѣ вышло иначе». Въ ожиданіи этого «иначе» идутъ военныя приготовленія; такъ, по телеграммѣ изъ Берлина отъ 14 января видно, что «въ военной коммиссіи рейхстага военный министръ сообщилъ, что общая цифра расходовъ, которые потребуются для приведенія въ исполненіе новаго военнаго закона, будетъ простираться приблизительно до 280 милліоновъ марокъ; министръ присовокупилъ, что дѣло идетъ объ единовременномъ расходѣ, который въ общемъ не повлечетъ за собою никакихъ постоянныхъ расходовъ, за исключеніемъ уплаты процентовъ и увеличенія средствъ на содержаніе канцелярій и ремонтъ новыхъ зданій; въ мирное время вновь организованныя вооруженныя силы будутъ существовать только на бумагѣ, но въ военное превратятся въ кровь и плоть». Съ внутренними врагами также не перестаетъ ожесточенная борьба: министръ исповѣданій, отвѣчая на запросъ Ядзевскаго по поводу прекращенія преподаванія польскаго языка въ познанскихъ и восточнопрусскихъ школахъ, прежде всего заявилъ, что онъ признаетъ выраженіе «великое герцогство Познанское» не вѣрнымъ и потому не принимаетъ его. Далѣе министръ сказалъ, что роспоряженіе объ отмѣнѣ преподаванія польскаго языка сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы прусскіе подданные, природный языкъ которыхъ—польскій, усвоили нѣмецкій языкъ и чтобы они могли избавиться отъ изолированнаго въ экономическомъ отношеніи положенія и приняли большее чѣмъ донынѣ участіе въ общественной и экономической жизни Пруссіи и Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Берлинѣ по поводу ожидаемаго возвращенія наслѣднаго принца происходятъ уже конфиденціальныя совѣщанія при участіи гильдій и корпорацій относительно приготовленій къ торжественной встрѣчѣ принца.—Возникшіе слухи объ увольненіи Кальноки отъ руководства австрійскою политикою опровергаются: по телеграммѣ изъ Вѣны отъ 14 января сообщается, что политика министра иностранныхъ дѣлъ пользуется въ руководящихъ сферахъ полнымъ одобреніемъ: на бывшемъ 13 января придворномъ балу императоръ Францъ-Іосифъ удостоилъ графа Кальноки продолжительною бесѣдою; та же телеграмма сообщаетъ, что въ засѣданіи военной коммиссіи австрійскаго рейхсрата былъ принятъ законопроектъ о призывѣ всѣхъ резервистовъ къ семидневнымъ сборамъ, для обученія ихъ стрѣльбѣ изъ магазинныхъ ружей, а министръ народной обороны графъ Вельсерсгеймъ указалъ на необходимость приступить къ существеннымъ измѣненіямъ въ постановленіяхъ существующаго военнаго закона. Ввутренняя политика Австріи впрочемъ не отличается особою удачею: переговоры о компромиссѣ между чехами и богемскими нѣмцами не удались и прерваны самими нѣмцами подъ софистическимъ предлогомъ, будто чехи не хотѣли на нынѣшнихъ основаніяхъ вести переговоры въ моментъ выхода нѣмцевъ изъ областнаго сейма. Такимъ образомъ чехи сохранили полную свободу дѣйствій. Въ вѣнскихъ дипломатическихъ кружкахъ, (телеграмма 15 января) утверждаютъ, что принцъ Рейссъ, германскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ, отправится на будущей недѣлѣ въ Берлинъ для совѣщанія съ княземъ Бисмаркомъ по болгарскому вопросу; имѣется основаніе предполагать, что поѣздка эта находится въ связи съ намѣреніями державъ приступить къ переговорамъ относительно удаленія принца Фердинанда Кобургскаго изъ Болгаріи и назначенія регентства, которое должно управлять государствомъ до избранія законнаго князя, а совѣщанія принца Рейсса съ княземъ Бисмаркомъ будутъ, вѣроятно, имѣть предметомъ соглашеніе между державами по этимъ вопросамъ.—Франціи опять ниспослано судьбою испытаніе въ терпѣніи и хладнокровіи: сразу два «инцидента», одинъ съ нѣмцами, другой съ итальянцами. Первый заключается въ томъ, что 9 января одинъ изъ жителей Оденъ-Леромана, Барберо, отправился на охоту въ округъ Бріэ, на германской территоріи. Знакъ, поданный ему германскимъ таможеннымъ стражникомъ, принятъ былъ охотникомъ за приглашеніе подойти къ нему; когда же онъ подошелъ, то стражникъ, видя его на германской территоріи, хотѣлъ отнять у него ружье. Барберо воспротивился, вслѣдствіе чего стражникъ вынужденъ былъ отнять ружье силою. Послѣ этого стражникъ отправился въ Померанжъ, гдѣ находится его постъ. Въ донесеніи нансійскаго префекта заявлено, что нарушенія неприкосновенности границы не было. Наиболѣе заинтересованное въ этомъ дѣлѣ лицо никакихъ претензій не заявляетъ. При такихъ условіяхъ—нѣтъ повода требовать какихъ-либо дипломатическихъ разъясненій. — Относительно инцидента съ французскимъ консульствомъ во Флоренціи телеграфъ сообщаетъ, что также ожидается мирное улаженіе недоразумѣній. Въ связи съ этимъ вопросомъ находится и заключеніе торговаго договора съ Италіею. Французскій министръ Флурансъ потребовалъ дополнительныхъ донесеній отъ уполномоченныхъ по веденію переговоровъ и на основаніи этихъ донесеній будетъ рѣшено, слѣдуетъ ли возобновить переговоры, которые въ такомъ случаѣ будутъ происходить въ Парижѣ. Исходъ этого дѣла сомнителенъ, такъ какъ изъ 272 статей, заключающихся въ договорѣ 1881 года, итальянскіе делегаты соглашаются включить въ новый договоръ только 89 статей, да и въ нихъ предлагаютъ еще сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. Во Франціи за истекшую недѣлю было два покушенія на убійство съ политическою подкладкою: какой-то помѣшанный скульпторъ пытался проникнуть въ Елисейскій дворецъ, чтобы убить президента Карно, а на анархистскомъ митингѣ въ Гаврѣ нѣкто Люкасъ сдѣлалъ два выстрѣла изъ револьвера въ Луизу Мишель.—Въ Англіи продолжаются аресты по ирландскимъ дѣламъ: 8 января арестованы за произнесеніе возмутительныхъ рѣчей депутатъ Блэнъ и католическій священникъ Марфаденъ, а 11—арестованъ членъ парламента Коксъ, парнеллистскій предводитель осткларскаго округа. — Телеграмма изъ Стокгольма отъ 15 января увѣдомляетъ, что по утвержденіи верховнымъ судомъ выборовъ во вторую половину, король пригласилъ руководящихъ представителей протекціонистской партіи въ риксдагѣ и сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи поручить архіепископу Сандбергу составленіе протекціонистскаго министерства.—Въ Сербіи народное представительство не болѣе какъ игра въ куклы, скупщина распускается при малѣйшемъ желаніи перемѣнить министерство, а право короля назначать отъ себя сорокъ депутатовъ даетъ ему, при нѣкоторой ловкости, неограниченную власть; въ пользу новаго радикальнаго министерства можно сказать только, что оно первое озаботилось приготовленіемъ законопроекта, имѣющаго цѣлью оградить чиновниковъ отъ увольненія при смѣнахъ министерствъ; на будущее время предполагается постановить, чтобы чиновники могли быть увольняемы не иначе, какъ по приговору суда.—Бѣдную Порту разрываютъ на части и друзья, и враги: русскій посолъ Нелидовъ требуетъ уплаты военнаго вознагражденія; черногорскій уполномоченный настаиваетъ на выдачѣ замѣшанныхъ въ Бургасскомъ инцидентѣ черногорцевъ, а бывшій хедивъ Измаилъ-паша проситъ о возвращеніи своихъ дворцовъ и другаго имущества въ 20,000,000 рублей.

Правительственныя распоряженія.

9 января послѣдовало открытіе финляндскаго сейма; тронная рѣчь была прочитана генералъ-губернаторомъ; коммерціи совѣтникъ Куртенъ назначенъ президентомъ, а директоръ банка Энсбергъ—вице-президентомъ сословія гражданъ; Слотте и Дункеръ назначены президентомъ и вице-президентомъ крестьянскаго сословія.—Въ разъясненіе изданныхъ въ 1885 г. правилъ о раздѣлѣ причтовыхъ братскихъ доходовъ, св. синодъ издалъ обязательныя для всѣхъ епархій правила, по которымъ въ нормальномъ причтѣ каждый священникъ получаетъ три части, діаконъ двѣ и псаломщикъ одну; въ причтахъ, состоящихъ изъ священника, діакона и двухъ псаломщиковъ, священникъ долженъ получать $^1/_2$, діаконъ—$^1/_4$ и псаломщики—по $^1/_8$. Затѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ причты имѣютъ въ настоящее время ненормальный составъ, напр., состоятъ изъ одного священника, діакона и трехъ псаломщиковъ или изъ двухъ

священниковъ, діакона, четырехъ псаломщиковъ и т. п. положено излишнихъ членовъ причта перемѣстить въ теченіи двухъ лѣтъ на другія мѣста.—Главный военно-кодификаціонный комитетъ при военномъ министерствѣ съ 1-го января текущаго года преобразованъ въ кодификаціонный отдѣлъ при военномъ совѣтѣ, съ оставленіемъ на его обязанности исключительно изданія свода военныхъ постановленій, продолженій къ нему и сборника инструкцій для всѣхъ частей военнаго вѣдомства. Предварительное же разсмотрѣніе законодательныхъ дѣлъ до внесенія ихъ въ военный совѣтъ и вся переписка по нимъ перенесены въ канцелярію военнаго министерства, при которой учреждается особый законодательный отдѣлъ. При этомъ, по словамъ «Нов. Времени», упразднены шесть должностей членовъ кодификаціоннаго комитета.—По сообщенію министра финансовъ таможенный доходъ въ отчетномъ году по всей Россійской имперіи равнялся 102.313,468 р. 49 к. Изъ отчета Государственнаго контроля видно, что привозная торговля особенно развита въ московской губерніи, которой Петербургъ уступаетъ въ поступленіи этого дохода болѣе чѣмъ на шесть милліоновъ рублей, такъ какъ доходъ съ московской губерніи равняется 21.224,998 руб., а съ петербургской лишь 14.813,461 р. Затѣмъ изъ всѣхъ 72 губерній въ особенности выдѣляются херсонская и варшавская губерніи, принесшія таможеннаго дохода: первая 6.764,063 руб. и вторая—6.564,439 р., а также петроковская (3.421,792 руб.), эстляндская (2,769.075 р.), лифляндская (2.719,446 р.), сувалкская (1.926,432 р.) курляндская (1.712,121 р.) и екатеринославская (1.095,371 р.). Самое же меньшее поступленіе этого дохода идетъ изъ Якутской области, давшей таможеннаго дохода 1 руб. 27 коп.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ виду весьма частыхъ уклоненій отъ платежа пошлинъ съ наслѣдственныхъ, а равно и другихъ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, въ правительственныхъ сферахъ, какъ сообщаютъ «Новости», разрабатываются въ настоящее время новыя правила, имѣющія цѣлью предупредить случаи уклоненія посредствомъ установленія болѣе высокихъ штрафовъ, причемъ открывателямъ наслѣдственныхъ имуществъ, не оплаченныхъ установленнымъ налогомъ, проектируется выдавать денежное вознагражденіе, подобно тому, какъ это установлено въ таможенномъ вѣдомствѣ при открытіи товаровъ, водворенныхъ въ Россію контрабанднымъ способомъ. Нелишенными интереса представляются свѣдѣнія о движеніи недоимокъ по податямъ, а также по выкупнымъ платежамъ за земли. Общее число недоимокъ къ началу отчетнаго года было 60.871,711 р., изъ нихъ въ этомъ году погашено 2.937,064 р., а также поступило вновь 10.038,490 р., такъ что къ заключенію счетовъ осталось недоимки 67.973,137 р., въ томъ числѣ по податямъ 45.641,445 р., съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ — 20.384.591 р., съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ западныхъ губерній по люстраціоннымъ актамъ 238,534 руб., съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ на особомъ основаніи 22,370 руб., съ удѣльныхъ крестьянъ 1.407,256 руб. и по возсоединенной части Бессарабіи 278,929 руб. Изъ всѣхъ губерній болѣе исправной въ платежахъ является плоцкая губернія, на которой лежитъ недоимка только по податямъ, равняющаяся 1,968 р. 26 к. Въ казанской и самарской губерніяхъ недоимка достигла почтенной цифры, а именно: въ первой—6.382,928 руб., а во второй—5.895,543 руб. Затѣмъ слѣдуютъ по цифрѣ недоимки орловская, харьковская и московская губерніи; на каждой изъ нихъ лежитъ недоимка, превышающая четыре милліона руб. По воронежской, саратовской, тамбовской губерніямъ недоимка равняется въ каждой изъ нихъ болѣе чѣмъ тремъ милліонамъ рублей. Недоимка болѣе милліона рублей числится по херсонской, рязанской, тобольской, уфимской, нижегородской, смоленской и пензенской губерніямъ. Такимъ образомъ приведенный бѣглый обзоръ ясно указываетъ, что наиболѣе обременены губерніи нашей черноземной полосы.—Вопросъ о положеніи земскихъ врачей неоднократно обсуждался въ печати; нынѣ «Рус. Кур.» сообщаетъ, что составленъ проектъ о предоставленіи земскимъ врачамъ правъ и преимуществъ госуд. службы и о подчиненіи ихъ губернаторской власти въ отношеніи исполненія предписаній, касающихся медицинской и санитарной частей въ уѣздахъ.—Земледѣліе въ Россіи не только не улучшается, но все болѣе и болѣе падаетъ, поэтому всякая мѣра, направленная къ борьбѣ со зломъ, должна быть встрѣчена особенно сочувственно; къ числу такихъ мѣръ принадлежитъ организація сельско-хозяйственныхъ товариществъ, весьма сочувственно, принятая почти во всемъ юго-западномъ краѣ. Первая мысль объ устройствѣ такихъ товариществъ возникла въ Елисаветградѣ, гдѣ организаторами этого новаго дѣла явились наиболѣе крупные землевладѣльцы. Затѣмъ, какъ сообщаютъ, весьма крупное сельское хозяйственное товарищество образовалось въ гор. Борзнѣ, черниговской губ., и въ нѣсколькихъ южныхъ уѣздахъ полтавской губ. Цѣль этихъ товариществъ—способствовать улучшенію сельскаго хозяйства, а также и сбыту его продуктовъ. Члены сельско-хозяйственнаго товарищества полтавской губерніи, на общемъ собраніи, бывшемъ въ первыхъ числахъ декабря въ г. Кременчугѣ, рѣшили позаботиться о замѣнѣ нынѣшней трехпольной системы полеводства шестипольнымъ сѣвооборотомъ.—Относительно мелкаго хозяйства также принимаются разныя мѣры, по преимущественно земствами, и главнымъ образомъ путемъ устройства сельско-хозяйственныхъ школъ; такія школы проектируются въ настоящее время во всѣхъ уѣздахъ пермской губ. Образцомъ для этихъ школъ предположено принять недавно открытую при фермѣ красно-уфимскаго училища русско-башкирскую школу, которая имѣетъ своею задачею приготовить не только болѣе правильно ведущихъ свое хозяйство землепашцевъ, но и людей, обученныхъ какъ ремесламъ, такъ и техническимъ производствамъ по переработкѣ сырыхъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Этимъ путемъ, имѣется въ виду, современемъ, помочь кустарной промышленности, особенно важной въ пермской губ., гдѣ болѣе 7 мѣсяцевъ тянется зима, а также развить техническую переработку, помощью которой только и можетъ быть усилена доходность сельскаго хозяйства. Башкиры обучаются въ школѣ на счетъ казны, а русскіе приняты своекоштными и на счетъ земскихъ стипендій. Деньги, выручаемыя отъ продажи вечернихъ ученическихъ работъ, предположено вносить въ казначейство въ сохранную кассу на имя каждаго ученика отдѣльно, сообразно съ его собственнымъ заработкомъ. Такая мѣра, обѣщаетъ пріучить мальчиковъ и въ особенности башкировъ къ бережливости и даетъ возможность выпускать учениковъ съ нѣкоторымъ запасомъ денегъ, на которыя они могли бы, сейчасъ же по выходѣ изъ школы, обзавестись необходимыми инструментами.—Мензелинское уѣздное земство (уфимской губерніи) ассигновало въ распоряженіе земской управы 5,000 р. съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ средствъ выдавались по усмотрѣнію управы безлошаднымъ надѣльнымъ дворамъ ссуды на покупку лошадей (не свыше 25 р. на лошадь). Ссуды должны быть выдаваемы на срокъ не свыше 5 лѣтъ изъ 12 проц. годовыхъ. Отвѣтственнымъ лицомъ въ исправной уплатѣ ссуды является только самъ заемщикъ, круговой поруки общины не требуется. Пока ссуда не погашена, до тѣхъ поръ лошадь, купленная на счетъ земства, считается собственностью послѣдняго.—Въ московскую судебную палату поступило дѣло о подѣлкѣ и сбытѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ разнаго достоинства и фальшивыхъ двугривенныхъ. Слѣдствіе производилось $2^1/_2$ года въ московской и другихъ губерніяхъ, а также заграницей. Обвиняемыхъ тридцать человѣкъ, свидѣтелей 150. Дѣло имѣетъ связь съ прошлогоднимъ процессомъ въ Лондонѣ о подѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ. — Ревельскій рейдъ совершенно очистился отъ наноснаго льда и изъ заграницы 13-го января пришелъ нагруженный пароходъ. — Постройка порта въ Маріуполѣ будетъ настолько окончена къ іюню, что съ этого мѣсяца, по словамъ «Одес. Вѣд.», въ немъ будетъ допущена нагрузка судовъ.

Книжное дѣло, музыка, живопись и пр.

Въ текущемъ году исполняется 50-лѣтіе со дня основанія въ губерніяхъ и областяхъ Россійской имперіи печатныхъ органовъ, которымъ присвоено общее наименованіе «Губернскихъ вѣдомостей», или «Областныхъ», смотря по мѣстностямъ, гдѣ онѣ издаются. Введенныя въ 1830 году въ видѣ опыта въ шести губерніяхъ, «Губернскія вѣдомости» съ 3 іюня 1837 года стали издаваться повсемѣстно «для облегченія и сокращенія въ порядкѣ сношеній губернскаго правленія и доставленія какъ присутственнымъ мѣстамъ, такъ и вообще всѣмъ и каждому удобнѣйшаго средства получать въ надлежащее время свѣдѣнія о постановленіяхъ и распоряженіяхъ губернскаго начальства, а равно и о другихъ предметахъ, слѣдующихъ къ общему свѣдѣнію». Раздѣляясь на двѣ части оффиціальную и не оффиціальную, «Губ. вѣд.» по первоначальному плану имѣли довольно широкую программу; онѣ помѣщали извѣстія о чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ губерніи, рыночныхъ справочныхъ цѣнахъ на разныя потребности, о курсѣ на золото и серебро, о состояніи какъ казенныхъ, такъ и частныхъ значительнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ, о выданныхъ привилегіяхъ на изобрѣтенія и составленіе компаній, о способахъ улучшенія сельскаго хозяйства и домоводства, о состояніи урожая, о метеорологическихъ наблюденіяхъ, о ярмаркахъ, о главнѣйшихъ рынкахъ и вообще о состояніи промысловъ и торговли въ губерніи, о состояніи судоходства, объ открытіи въ губерніи новыхъ учебныхъ заведеній всякаго рода, о находимыхъ въ губерніи монетахъ и иныхъ древностяхъ, о замѣчательныхъ въ губерніи чрезвычайныхъ явленіяхъ по всѣмъ царствамъ природы, разныя, достойныя любопытства историческія о губерніи свѣдѣнія, некрологи извѣстнѣйшихъ въ губерніи лицъ, заслужившихъ общее вниманіе и проч. а также объявленія. Съ теченіемъ времени нѣкоторымъ «Губ вѣд.» было разрѣшено перепечатывать изъ всѣхъ существующихъ оффиціальныхъ изданій политическія извѣстія и вообще правительственныя распоряженія, равно какъ заимствовать изъ нихъ руководящія статьи по предметамъ внѣшней политики и внутренняго управленія. Въ настоящее время «вѣдомости» помѣщаютъ и телеграммы «Сѣв. агенства».—Въ виду развитія и распространенія всевозможныхъ фальсификацій повсюду, въ Амстердамѣ возникъ международный журналъ для борьбы съ этимъ зломъ. Журналъ называется: «Revue internationale scientifique et populaire des falsifications des denrées alimentaires». Во 2-мъ выпускѣ его нѣсколько ученыхъ различныхъ странъ настаиваютъ на необходимости особаго законодательства, въ которомъ были бы точно опредѣлены свойства преступленій и проступковъ по части фальсификаціи и установлены кары за нихъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Слѣпцовъ, Полное собраніе сочиненій. Спб. 1888 г. Цѣна 2 р.—Судьба шутитъ иногда злыя шутки надъ людьми. Такую шутку сшутила она съ В. А. Слѣпцовымъ. Это былъ выдающійся талантъ. Довольно напомнить его романъ «Трудное время», его сцены «Спѣвка», «Мертвое тѣло» и т. д. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ очень мало, умеръ молодымъ и о немъ какъ-то тотчасъ-же позабыли. Прошло не мало лѣтъ — и вотъ какой-то невѣдомый издатель напоминаетъ о немъ «Полнымъ собраніемъ сочиненій». При этомъ собраніи нѣтъ никакой біографіи, никакихъ библіографическихъ указателей, никакихъ хронологическихъ справокъ; бумага взята чуть не папиросная, такъ что книга въ тридцать слишкомъ листовъ вышла толщиною чуть не въ палецъ; но лучше всего это приложенный къ книгѣ портретъ: В. А. Слѣпновъ былъ замѣчательно красивъ, изященъ, а тутъ передъ вами какой-то грязно сдѣланный, грязно напечатанный «молодецъ изъ апраксинцевъ». И это называется «Полнымъ собраніемъ сочиненій» извѣстнаго писателя. Обидно и досадно за даровитаго художника. Онъ стоилъ бо́льшаго вниманія, онъ нуждался не въ такомъ изданіи...

Стихотворенія, *I. I. Ясинскій.* С.-Петербургъ. 1888 г. Цѣна 1 руб.—Среди новыхъ иногда даже очень даровитыхъ по натурѣ поэтовъ особенно бросаются въ глаза претенціозность и вычурность не только въ формѣ, но и въ содержаніи стиховъ. Нерѣдко читая эти произведенія, вы сознаете, что такъ не выражаются, что такъ не думаютъ простые смертные. Въ этомъ оригинальничаньи, въ этой манерности вы видите не вдохновеніе, не чувство, а просто надуманные и подобранные очень старательно, пестрящіе въ глазахъ образы и картины. Мы не поклонники такой поэзіи и радуемся каждый разъ, когда попадаются подъ руку стихотворныя произведенія безъ шумихи словъ, безъ притянутыхъ за волосы образовъ. Такими стихами являются стихотворенія I. I. Ясинскаго (Мак. Бѣлинскаго), собранныя недавно въ небольшую, изящно изданную книжку. Не имѣя мѣста для подробнаго разбора этихъ произведеній, приводимъ два-три изъ нихъ:

Эпитафія.

Погасъ и не струится
Чудесный свѣтъ очей.
И сонъ безгрѣшный снится
Сонъ вѣчный снится ей.

Ей снится, будто розы,
Надъ ней склонясь, цвѣтутъ,
Качаются березы.
И соловьи поютъ,

И звѣзды золотыя,
Какъ свѣточи, горятъ,
И тайны неземныя
Ей небеса твердятъ.

И больно ей, и странно,
Но жизни ей не жаль:
Спокоенъ сонъ туманный,
Тиха ея печаль.

Смерть нищаго.

Какъ царь онъ умеръ—величаво.
Кто онъ—Богъ вѣсть; съ своей сумой,
Въ одеждѣ бѣдной и дырявой,
Пришелъ на берегъ онъ морской.

И легъ онъ на песокъ и камень,
И руки онъ крестомъ сложилъ,
И взоръ, гдѣ гаснулъ жизни пламень,
Въ лазурь безгранную вперилъ.

Надъ нимъ, какъ ангелъ, проносилась
По небу тучка. День сіялъ.
И даль морская серебрилась,
И знойный воздухъ не дышалъ.

Отъѣздъ.

Мчались быстрыя сани.
Домъ исчезнулъ въ туманѣ.

Снѣгъ все шибче кружился,
Вѣтеръ плакалъ и злился.

День былъ скучный, печальный,
И съ тоскою прощальной

Садъ шумѣлъ обнаженный,
Негодующій, сонный.

Ѣхалъ я безпріютный,
Долго видѣлъ я въ мутной

Дымкѣ дня образъ милый.
Ангелъ мой легкокрылый,

Чистой, свѣтлой мечтою
Онъ летѣлъ надо мною,

И его тихій шопотъ
Подымался, какъ ропотъ.

Какъ вздохъ арфы унылой:
«Воротись, о, мой милый»!

Мы взяли изъ книжки г. Ясинскаго первыя попавшіяся подъ руку стихотворенія, не выбирая лучшихъ, не ища худшихъ, что, впрочемъ, было бы и не легко сдѣлать, такъ какъ поэзія г. Ясинскаго льетъ ровный свѣтъ и не отличается тѣми крайностями вспышекъ и угасанья, которыя встрѣчаются, напримѣръ, даже въ поэзіи одного изъ самыхъ даровитыхъ и симпатичныхъ среди нашихъ современныхъ поэтовъ К. М. Фофанова. По приведеннымъ нами образцамъ стиховъ г. Ясинскаго, читатель смѣло можетъ судить о характерѣ поэзіи г. Ясинскаго: тихая грусть, извѣстная мечтательность, простота образовъ, естественность выраженія—это тѣ «intimités», которыя такъ удаются Франсуа Коппе. Кстати, у г. Ясинскаго въ тонѣ иногда много общаго съ этимъ искреннѣйшимъ изъ всѣхъ современныхъ поэтовъ Франціи. Возьмемъ для примѣра слѣдующее стихотвореніе г. Ясинскаго:

. . . .
Предъ нею, какъ во снѣ, рядъ блѣдныхъ лѣтъ мелькалъ,
Весь міръ казался ей пустыней охладѣлой.
Чуждалась всѣхъ она... Никто не пробуждалъ
Любви въ ея груди стыдливой. И несмѣло
По желтымъ клавишамъ разсѣянной рукой
Она, потупя взоръ печальный, пробѣгала...
Томилася она невѣдомой тоской
И на глазахъ у всѣхъ безмолвно увядала.

Когда отецъ сзывалъ сговорчивыхъ гостей,
Гремѣла музыка, и залъ шумѣлъ старинный—
Кто могъ бы прочитать во тьмѣ ея очей,
Какой огонь горитъ въ душѣ ея невинной?

Есть блѣдные цвѣты—въ себѣ они таятъ
Чудесный даръ: они всю ночь благоухаютъ
Въ застѣнчивой красѣ и млѣютъ, и грустятъ
И, до зари томясь, безслѣдно отцвѣтаютъ.
Блистая прелестью минутной красоты—
Мечты моей одна печальная отрада
Она жила, какъ тѣ стыдливые цвѣты,
Увядшіе въ глуши запущеннаге сада.

Это точно страничка, вырванная прямо изъ Франсуа Коппе. Если бы г. Ясинскій написалъ одно это стихотвореніе, мы сказали-бы, что онъ истинный поэтъ... Но, довольно о его достоинствахъ. Многіе найдутъ у него крупный недостатокъ. Увы! у него нѣтъ ни гражданскихъ іеремiадъ, ни барабанныхъ криковъ «назадъ»! «впередъ»! ни «пессимистической просебятины», какъ назвалъ одинъ остроумецъ то направленіе въ современной русской поэзіи, которое заставляетъ поэтовъ среди страдающихъ людей носиться, какъ съ сырымъ яйцемъ, только съ собою, постоянно жаловаться тревожно живущему, вѣчно озабоченному сотнями невзгодъ обществу на то, что имъ тошно, и докладывать всѣмъ и каждому, ищущимъ исхода къ лучшему, свѣтлыхъ идеаловъ, что они ни во что не вѣрятъ и, вѣроятно, прежде всего въ серьезность своего разочарованнаго нытья. Къ несчастію, теперь такое наводненіе стихотворныхъ произведеній, что многіе совсѣмъ не могутъ разобраться въ этой грудѣ стиховъ и стали, окончательно потерявъ вкусъ, называть всякую риѳмованную болтовню поэзіей и даже приходятъ въ умиленіе, когда имъ мрачно разсказываетъ кто нибудь, что, онъ, стихотворствующій

Юнкеръ Шмидтъ, изъ пистолета
Хочетъ застрѣлиться.

А. М.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Забавы за стѣнами монастыря.

Снѣгомъ занесло весь обширный садъ монастыря, такъ что едва можно пробраться къ красивому колодцу, устроенному на широкой площади сада. Ноги увязаютъ въ снѣгу чуть не по колѣно. Тѣмъ не менѣе монастырская братія сама ходитъ за водой и вотъ одинъ изъ ея среды направился съ ведеркомъ къ колодцу. У входа въ кельи въ это время стояла группа почтенныхъ монаховъ, серьезно и чинно обсуждая монастырскія дѣла; одинъ изъ братіи, видя идущаго за водой монаха, вздумалъ пошутить и пустилъ въ него «снѣжкомъ». «Ну-ну, кто это тамъ», крикнулъ водоносъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать и шагу, какъ полетѣлъ въ него другой комъ снѣга, третій,—и эти серьезные люди вдругъ превратились въ рѣзвыхъ школьниковъ, играющихъ въ снѣжки... Много милаго, незлобиваго юмора въ этой прелестной картинѣ Жозефа Фраппа и при взглядѣ на эти лица стариковъ-дѣтей невольно навертывается на лице улыбка.

Императорскій Эрмитажъ.

XXIV-й залъ Императорскаго Эрмитажа весь наполненъ превосходно устроенными витринами, въ которыхъ хранится безчисленное множество драгоцѣнныхъ камей и геммъ, т. е. драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камней. Геммами (gemmae, Gemmen, la gemme, gem), въ тѣсномъ смыслѣ, называются такіе рѣзные камни, на которыхъ изображеніе является углубленнымъ, а камеями (camaeus, camayx, cemeo, camée, camaïeu, Kamee), на которыхъ изображеніе дѣлается рельефнымъ, выпуклымъ. Аметистъ, гіацинтъ, агатъ, халцедонъ, ониксъ, сардониксъ, сердоликъ, гранатъ, всѣ эти камни служили матерьяломъ для подобныхъ вещей; иногда для этой-же цѣли брались раковины. Происхожденіе камей очень древнее и уже Геродотъ упоминаетъ, что вавилоняне носили кольца съ печатями, а въ берлинскомъ музеѣ есть еще муміи, на пальцахъ которыхъ находятся подобныя кольца; извѣстенъ также сказочный перстень Поликрата. Войны съ персами распространили моду на подобные перстни въ Греціи. Историческія преданія сохранили даже имя знаменитаго рѣзчика на драгоцѣнныхъ камняхъ, Пирготеля, пользовавшагося исключительнымъ правомъ дѣлать изображенія Александра Македонскаго. У этруссковъ глиптика, рѣзьба на драгоцѣнныхъ камняхъ была тоже въ цвѣтущемъ состояніи и ихъ скарабеи съ изображеніями по преимуществу жуковъ сохранились во множествѣ. Въ Римѣ любовь къ подобнымъ произведеніямъ быстро превратилась въ страсть и уже во времена республики всѣ граждане носили перстни съ печатями. Любители искусства начали составлять дактиліотеки, хранительницы колецъ, бывшія лучшимъ украшеніемъ храмовыхъ сокровищницъ въ древности. Самая древняя дактиліотека принадлежала пасынку Суллы. Богатая дактиліотека была у Митридата. Помпей, побѣдивъ его, перенесъ ее въ римскій Капитолій. Эти-то дактиліотеки и являются родоначальницами нашихъ современныхъ собраній рѣзныхъ камней, печатей, камей и т. п. Лучшія дактиліотеки сохранялись въ семьѣ Гонзаго въ Мантуѣ, у Фарнезе въ Римѣ, у Эсте въ Моденѣ, у Лоренцо Медичи во Флоренціи, у папъ Юлія II и Льва X, у прелата Маріи Пикколомини, у королевы шведской Христины. Многія изъ древнихъ камей и тому подобныхъ вещей во времена упадка искусства начали служить украшеніями для вазъ, сосудовъ, переплетовъ священныхъ книгъ и т. п. Можетъ быть, это отчасти послужило даже къ спасенію этихъ драгоцѣнностей. Въ настоящее время собранія камей и другихъ рѣзныхъ камней находятся во всѣхъ музеяхъ Европы, но національная библіотека въ Парижѣ и Императорскій Эрмитажъ могутъ по части камей считаться самыми богатыми изъ всѣхъ другихъ музеевъ Европы. Здѣсь есть очень большія камеи неоцѣнимаго достоинства. Одной изъ самыхъ знаменитыхъ камей считается камея Гонзаго, находящаяся у насъ и изображающая двѣ головы въ профиль; одна голова въ лавровомъ вѣнкѣ, другая въ шлемѣ, увѣнчанномъ лаврами; на плечахъ воина въ шлемѣ накинута замѣчательная по украшеніямъ и двумъ застежкамъ одежда. Это королевская чета изъ рода Птоломеевъ: по однимъ — Птоломей Филадельфъ и Арсиноя, по другимъ—Птоломей Сотеръ и Евридика. Время происхожденія камеи—второй или третій вѣкъ до Р. Х. Величина камеи въ вышину равняется почти 15 сантиметрамъ... Нѣтъ возможности перечислять всѣ драгоцѣнности этой залы Императорскаго Эрмитажа. Чтобы подробно осмотрѣть ее одну, нужно нѣсколько дней. Къ несчастію, зритель, не имѣя каталога, совершенно теряется здѣсь. Недостатокъ каталоговъ—это самое больное мѣсто Эрмитажа и, что досаднѣе всего, такъ это то, что составленіе каталоговъ не потребовало бы ни значительныхъ расходовъ, ни долгаго времени.

Средневѣковый погребокъ.

Въ нѣмецкихъ городахъ въ XV и XVI столѣтіяхъ. въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху реформаціи, трактирная жизнь развилась очень сильно и содержатели разныхъ подобныхъ заведеній наживались изрядно. «Есть-ли такой нѣмецкій трактиръ, гдѣ бы ѣли не на серебрѣ?» восклицаетъ, можетъ быть, впадающій въ нѣкоторое преувеличеніе Эней Сильва Пикколомини, сдѣлавшійся потомъ папою Піемъ II. Число этихъ трактировъ и шинковъ было такъ велико, что тотъ же писатель говоритъ: «почти всѣ мѣщане содержатъ трактиры и шинки, куда они созываютъ членовъ цеховъ и веселыхъ дѣвицъ». Помѣщались эти заведенія чаще всего въ подвальныхъ этажахъ со сводами. Въ этихъ погребахъ собиралось самое разнохарактерное общество, начиная съ наемнаго войска и кончая благородными мѣщанками, которыя, напримѣръ, въ Любекѣ отправлялись въ винные погреба, скрывая лице подъ густымъ вуалемъ. Пили въ тѣ времена столько, что теперь трудно вѣрить сохранившимся цифрамъ выпивавшагося вина. Въ Цюрихѣ при праздновании весенняго праздника на каждаго человѣка считали по 16 штофовъ водки. При сильной потребности въ винѣ сильно развивалось и винодѣліе. Въ Германіи въ началѣ XVI столѣтія средоточіемъ южно-германской винной торговли былъ Ульмъ и на его рынокъ съѣзжалось часто до 300 подводъ съ виномъ. Въ это время развилась уже и поддѣлка винъ, за которую строго наказывали. Съ другой стороны появились и рецепты противъ опьяненія и головной боли отъ пьянства. Въ погребкахъ, невзрачныхъ по виду и и обстановкѣ, но иногда наполненныхъ драгоцѣнною утварью, дорогими кружками, бокалами, кувшинами и тому подобнымъ, дымъ шелъ коромысломъ: одни пьютъ, другіе пляшутъ, третьи забавляютъ публику пѣніемъ и музыкой... Именно такой погребокъ изобразилъ на помѣщаемой нами картинѣ даровитый Тито Конти; другое его произведеніе «Импровизаторъ» мы помѣстили въ прошломъ нумерѣ нашего журнала; любопытно сравнить эти двѣ художественно исполненныя сцены, обличающія разносторонность таланта художника. Въ его «погребкѣ» цѣлый рядъ интересныхъ группъ: очень граціозна любезничающая парочка на право отъ зрителя; полны юмора толстая служанка, чистящая зелень, и жирный капуцынъ, заговаривающій съ ней; посрединѣ погребка пьянствуетъ цѣлая компанія дворянъ и военныхъ, очевидно уже захмѣлѣвшихъ; ихъ потѣшаютъ странствующіе музыканты и пѣвцы, одинъ изъ которыхъ поетъ «съ большимъ чувствомъ»; все это вызываетъ улыбку служанки, уносящей посуду и стоящей на заднемъ планѣ. Превосходно схваченъ контрастъ роскоши и неряшливости: чудесные кувшинъ и ваза находятся рядомъ съ метлой, за простой лавкой стряпухи стоитъ красивый столъ, музыканты сидятъ на опрокинутой корзинѣ, а одинъ изъ дворянъ сидитъ въ характерномъ по стилю креслѣ. Все это обличаетъ полное знакомство съ жизнью избранной эпохи.

Старая пѣсня.

Старый мужъ, молодая жена;
Въ домѣ скука, тоска, тишина,
На дворѣ-же цвѣты и весна...
Это старая пѣсня, друзья.

Вмѣсто вышивки книга стиховъ
Подвернулась и юную кровь
Взволновали мечты про любовь...
Это старая пѣсня, друзья.

Мужъ взялъ книгу, читаетъ ее,—
У жены помертвѣло лице,
И понятно вдругъ стало имъ все...
Это старая пѣсня, друзья.

За годами года пробѣгутъ,
Но едва ли они заметутъ
Мрачный слѣдъ этихъ горькихъ минутъ...
Это старая пѣсня, друзья.

Иѳигенія въ Тавридѣ.

Симпатичный образъ Иѳигеніи послужилъ поводомъ къ созданію не малаго числа драматическихъ произведеній. Эсхилъ, Еврипидъ, Софоклъ, Расинъ, Гете воспользовались преданіемъ объ Иѳигенія для своихъ драмъ и трагедій и, наконецъ, сказанія о ней вдохновили Аллмерса, написавшаго драму «Электра». Извѣстны также классическія оперы Глука «Иѳигенія въ Авлидѣ» и «Иѳигенія въ Тавридѣ». Художники-живописцы уже въ давнее время старались воспроизвести этотъ образъ на картинахъ. Въ древности Тимантъ создалъ картину «Жертвоприношеніе Иѳигенія», на одной изъ стѣнъ въ Помпеѣ находится изображеніе этого событія. Барельефы и рисунки на вазахъ часто тоже трактуютъ событія изъ жизни Иѳигеніи. Изъ новѣйшихъ художниковъ укажемъ на ученика профессора Шадова, Ансельма Фейербаха (род. 12 сент. 1829 г. въ Шпейерѣ), написавшаго двѣ картины на эту тэму. Первая изъ нихъ, написанная въ 1861 году, не отличается особенно выдающимися достоинствами, за то вторая, находящаяся въ Штутгардѣ и написанная въ 1872 году, замѣчательна по изображенію величавой дѣвственной красоты. Тутъ все вниманіе зрителя сосредоточено на одной фигурѣ и аксессуары, обстановка уходятъ на послѣдній планъ. Не такъ отнесся къ этому сюжету другой художникъ, картину котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Едмундъ Канольдъ, авторъ этой картины, еще сравнительно молодъ, онъ родился 13 марта 1845 года въ Гросрудестедтѣ въ Саксенъ-Веймарѣ. На десятомъ году онъ перебрался въ Іену, гдѣ кончилъ свое образованіе въ гимназіи и университетѣ и тотчасъ-же отправился въ Веймаръ учиться живописи. Въ 1869 году онъ былъ уже въ Римѣ и былъ замѣченъ, какъ пейзажистъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи, онъ прожилъ потомъ нѣкоторое время въ Москвѣ, затѣмъ поселился въ Карльсруэ. Изъ массы его выдающихся картинъ, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ древняго міра, «Иѳигенія на берегу моря» принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ, хотя, можетъ быть, прелесть пейзажа съ чуднымъ моремъ, съ стройными кипарисами, съ древнимъ храмомъ на вершинѣ скалы, отводитъ на задній планъ главную фигуру картины—Иѳигенію, задумчиво смотрящую на разстилающееся передъ ней море. Кромѣ колорита, не передаваемаго въ гравюрѣ, въ этой картинѣ каждый штрихъ обличаетъ массу вкуса, изученія, умѣнья рисовать и поэзіи... Но скажемъ нѣсколько словъ и о самой Иѳигеніи. Сказанія объ Иѳигеніи въ Тавридѣ и ея переходѣ въ Грецію являются созданіемъ послѣгомеровской эпохи. Они говорятъ, что она была дочерью Агамемнона и Клитемнестры. Греки на пути къ Троѣ были задержаны въ Авлидѣ штилемъ на морѣ, посланнымъ разгнѣванной Артемидой. Жрецъ Кальхасъ объявилъ, что для умилостивленія богини надо принести въ жертву Иѳигенію. Агамемнонъ колебался, но, убѣжденный Менелаемъ, онъ вызвалъ въ лагерь дочь подъ тѣмъ предлогомъ, что ее выдадутъ замужъ за Ахилла. Однако, когда должно было совершиться жертвоприношеніе, Артемида похитила дѣвушку, превративъ ее въ облако, и унесла ее въ Тавриду, чтобы сдѣлать своей жрицей. На мѣсто Иѳигеніи, какъ въ сказаніи о жертвоприношеніи Исаака, было принесено въ жертву животное. Въ Тавридѣ приходящіе чужеземцы приносились въ жертву богамъ. Въ числѣ ихъ прибылъ въ Тавриду братъ Иѳигеніи Орестъ со своимъ другомъ Пиладомъ. Орестъ по приказанію оракула хотѣлъ увезти изъ Тавриды изображеніе Артемиды въ Аттику. Какъ только онъ прибылъ въ храмъ, такъ тотчасъ-же нужно было принести его въ жертву, но Иѳигенія узнала его и вмѣстѣ съ нимъ, съ Пиладомъ и изображеніемъ Артемиды бѣжала. Между тѣмъ разнесся уже слухъ, что жрица въ Тавридѣ убила Ореста. Слухъ дошелъ до сестры Иѳигеніи Электры и послѣдняя, встрѣтивъ въ Дельфахъ таврическую жрицу, не подозрѣвая, что это ея сестра Иѳигенія, рѣшилась ее ослѣпить. Къ счастію, явился на помощь Орестъ, выяснившій все. Тогда всѣ вернулись въ Микену. Павзаній говоритъ, что могила Иѳигеніи находится въ Мегарѣ, другія сказанія говорятъ, что она не умирала вовсе, а превращена Артемидой въ гекату и пользуется преимуществомъ оставаться вѣчно юной, причемъ она была соединена съ Ахилломъ... Таково это поэтическое сказаніе, давшее богатый матеріалъ для художниковъ и поэтовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

СОСТАВЫ ИЗЪ ВАЗЕЛИНА.

ВАЗЕЛИНЪ чрезвычайно маслянистъ, и обладаетъ въ сильной степени смягчающимъ и разрѣшающимъ качествами; значительно мягчитъ кожу, излѣчиваетъ ознобленія и всякія раздраженія кожи. Такъ какъ ВАЗЕЛИНЪ не портится и не горкнетъ, то онъ съ большимъ удобствомъ замѣняетъ Кольдъ Кремъ.

ВАЗЕЛИНЪ ДУШИСТЫЙ по 40 коп.

Помада Вазелинъ по 40 к. — **Кольдъ Кремъ Вазелинъ** по 40 к.

МЫЛО ВАЗЕЛИНЪ по 45 коп.

приготовленное съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

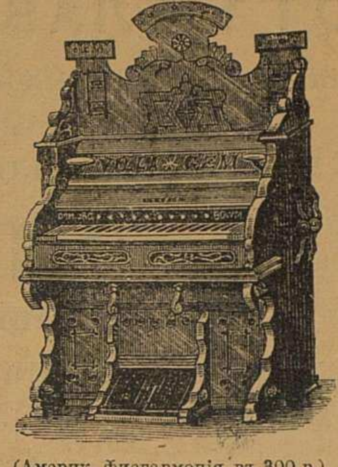
1. Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
2. Невскій проспектъ у Аничкина моста, № 66.
3. Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера № 18—54. (Розничная и оптовая продажи).

Въ МОСКВѢ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

№ 307 (1—1)

Профессоръ Л. Келеръ пишетъ:

„Для домашней музыки особенно можно рекомендовать фисгармонію. Было бы желательно, чтобы въ каждомъ семействѣ, въ которомъ любятъ музыку и средства позволяютъ пріобрѣсть фисгармонію, былъ такой инструментъ. Кто играетъ на фортепіано хотя народныя пѣсни и простыя пьесы можетъ, играя на фисгармоніи, доставить большое удовольствіе въ своемъ семейномъ кружкѣ“.



(Америк. фисгармонія въ 300 р.).

Американскія

ФИСГАРМОНІИ

весьма пріятнаго, пѣвучаго тона, простой и прочной конструкціи и роскошной отдѣлки въ 185, 250, 300, 450, 600, 700, 900, и 1,400 руб.

Французскія фисгармоніи

въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 рублей.

Фисгармонія съ органомъ съ 1-мъ валомъ 325 р., добавочные валы играющіе 7 пьесъ, по 40 р. за каждый. На этихъ инструментахъ можно играть какъ на обыкновенной фисгармоніи, а также посредствомъ верченія ручкой.

Ноты для фисгармоніи въ большомъ выборѣ; спеціальный каталогъ имъ 20 к.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

фай-франсэ, мервелье, сюра, крепъ де-шинь, канаусъ, атласъ во всѣхъ цвѣтахъ, бархатъ гладкій и фасонэ; Русскихъ и Ліонскихъ фабрикъ легкія ткани для бальныхъ платьевъ.

МАТЕРІИ ДЛЯ ПОКРЫШКИ ШУБЪ и ПАЛЬТО:

шелковый плюшъ, бархатъ фасонэ и гладкій, сатинъ дамасе, гератъ, трикотинъ, дюшесъ-гренадинъ и граделендръ, англійскій плюшъ высокій сортъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ магазинъ А. В. ТАРАТИНА, бывшій ШАПКИНА. **№ 110.**

№ 205

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.— Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 290 (53—5)

Для красоты лица

съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—5)

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.

№ 228 (52—10)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

въ С.-Петербургѣ.

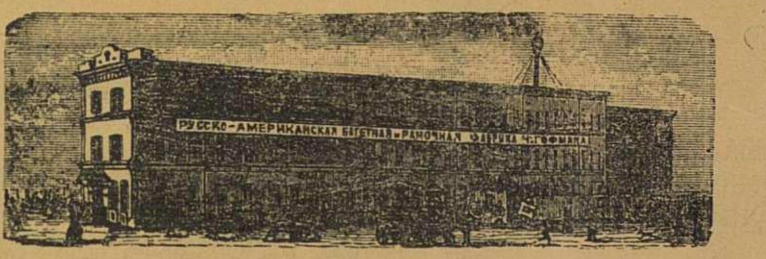
Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 234 (10—9).



Русско-американская БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ фабрики

Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской.

№ 296 (26—2).

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГЕОГРАФІЯ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Н. И. ЗУЕВА.

Книга напечатана на веленевой бумагѣ, въ большемъ форматѣ, иллюстрирована 242 политипажными рисунками, изображающими явленія природы, растенія, животныхъ и типы всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію; кромѣ того, множество выдающихся видовъ замѣчательныхъ городовъ, зданій, памятниковъ и историческихъ достопамятныхъ монастырей. Къ книгѣ принадлежатъ три гравированныя на мѣди и хромолитографированныя карты. Цѣна 2 р., вѣсовыхъ на 3 ф. Требованія адресуются въ С.-Петербургъ, на имя Н. И. Зуева, Большая Садовая, у Покрова, д. № 123, кв. № 32.

№ 305 (3—1)

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.

Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: **А. С. Пушкинъ, Пастеръ,** графъ **Лесепсъ, Группа Сказки Шехеразады изъ 1,001 ночи, Сонъ наяву,** механическая фигура, **Елена Прекрасная,** механическая фигура и много другихъ механическихъ фигуръ, а также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи, за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по Воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по Пятницамъ.

№ 253 (10—7)

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт. на об. бум. 1 р. 50; на лучш. . 2 р.

Съ 44 карт. на об. бум. 2 р. 50; на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.

Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.

№ 222 (24—9)

ЗУБНОЕ ПОЛОСКАНІЕ

Madelaine et Pierre.

Лучшее средство для освѣженія рта и сохраненія зубовъ флаконъ 75 к.

Центральное аптекарское депо

Милютинъ рядъ, уголъ Казанскаго моста.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

Въ виду множества поступившихъ въ Главную Контору заявленій изъ Москвы отъ гг. подписчиковъ, желающихъ получать журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» въ Москвѣ **БЕЗЪ ДОСТАВКИ**, мы вошли въ соглашеніе съ книжнымъ магазиномъ

И. Ф. ПАПКОВА

Тверская улица, Чернышевъ переулокъ, домъ Полякова,

гдѣ гг. подписчики, желающіе подписаться на журналъ **безъ доставки**, по цѣнѣ за годъ **7 рублей** (съ преміею), могутъ получать таковой еженедѣльно *по пятницамъ*.

Тамъ-же принимается подписка на журналъ «**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**» *съ доставкою и пересылкою* (на годъ **8** руб. и **1** р. за доставку преміи цѣнною посылкою), а также и на ежедневныя газеты: «**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**» (на годъ **8** р. и за доставку художественныхъ приложеній цѣнною посылкою **80** к.) и «**МИНУТА**» (на годъ **9** р.)

Разсрочка взносовъ допускается на всѣ вышеозначенныя изданія, но исключительно чрезъ Главную Контору, на слѣдующіе сроки: при подпискѣ **3** р., къ 1 апрѣля **3** р., и къ 1 **іюня остальные.**

Премія выдается **немедленно** при подпискѣ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
А. СІУ и К°,
рекомендуетъ свой
ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
А. СІУ и К°.
спеціал. парфюм. высшаго качества.
Невскій, № 16 на углу Б. Морской
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
301 (2—2).

Соденскія Минеральныя Лепешки
противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней
приготовляемыя подъ надзоромъ Сан. Сов. д-ра Штельцингъ изъ солей знамен. цѣлебн. источн. № 3 и 18. СОДЕНЪ.
Ввозъ этихъ лепешекъ разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.
Клеймо.
Продажа во всѣхъ почти аптекахъ и аптек. магаз. по 70 коп. за коробку. Оптовая продажа у М. Моргенштернъ, Б. Морская, № 23. С.-Петербургъ. № 299 (13—3).

БЕЗПОДОБНО!
для пульверизаціи въ комнатахъ
ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА
провизора А. Янсонъ.
Оптовый складъ въ Спб. конт. Ив. Фегедингъ, Чернышев. пер., Маріинскій рын., № 20.
Кромѣ того имѣется:
Въ Русскомъ Общ. Торг. аптек. тов. Казанск. № 12, центральн. аптек. депо, Милютинъ рядъ, Ф. Линде, Невскій № 23 и В. О. 6 линія № 25, Г. Клосъ и К°. В. О. 5 лин. № 12, казанск. аптекарск. торг. Казанская № 54, О. Роосъ Владимірск. № 7, Лиманъ и Рпксъ Горохов. № 16, и во многихъ аптекахъ и магазинахъ парфюмерн. товаровъ.
№ 249 (10—8)

Зубочистное средство
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ
шведскій.
Зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**
243 5—1

ЭЛЕОПАТЪ
Пр. КИНУНЕНА
УПОТРЕБЛЯЕТСЯ ПРОТИВЪ ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ И ПЕРХОТИ ГОЛОВЫ **ЦѢНА ФЛАКОНУ 1Р. 50К.** КЪ УСЛУГАМЪ ПУБЛИКИ ВО ВСѢХЪ **АПТЕК. и КОСМЕТ. ЛАБОРАТ.**

Только подлинно съ этою фабричною маркою
Huste-Nicht
Gerichtl. geschütz.
„НЕ КАШЛЯЙ“,
медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты
Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ
БРЕСЛАВЛѢ.
Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.
Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
№ 156 (40—21).

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.
№ 298 (4—3)

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.
Туалетное средство для дамъ.
Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.
Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—21)

Нумеръ 4-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) обертки и 3) № 1-го «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній» за январь (новый романъ А. Михайлова [А. Шеллеръ]—«Блага жизни»).

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб. 20 января 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

№ 5
31 ЯНВАРЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

БИБЛІОГРАФІЯ.

Житейскіе разсказы. *Н. И. Познякова.* С.-Петербургъ 1888 г. Цѣна 75 к.— Н. И. Позняковъ не принадлежитъ къ числу ярко выдающихся писателей, но все, что онъ пишетъ, является искреннимъ и согрѣтымъ хорошимъ чувствомъ. Особенно ему удаются разсказы о разныхъ «бѣдныхъ людяхъ» и именно эти люди и служатъ для него главною тэмою. Его книжечка разсказовъ прочтется каждымъ не безъ интереса и не безъ пользы.

* * *

Медицина, заболѣванія, эпидеміи и пр.

Нѣсколько дней тому назадъ с.-петербургское губернское земство обсуждало вопросъ о леченіи фабричныхъ рабочихъ хозяевами фабрикъ и заводовъ. Для достиженія этой цѣли предположено воспретить уѣзднымъ врачамъ принимать на себя обязанности врачей при фабрикахъ и заводахъ, такъ какъ на нихъ самихъ лежитъ обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ Высочайшаго повелѣнія, 26-го августа 1866 года, и о томъ, чтобы законъ 26-го августа 1866 г. былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, чтобы фабриканты, имѣющіе болѣе 50 человѣкъ рабочихъ, были обязаны содержать больницу по расчету одной кровати на каждые 50 рабочихъ, со всѣми больничными принадлежностями и надлежащимъ количествомъ низшаго медицинскаго персонала и больничной прислуги.—Въ Черниговѣ предполагается изданіе, подъ редакціей доктора Святловскаго, еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ «Земскій Врачъ»; этотъ органъ предназначается спеціально для разработки вопросовъ земской медицины и для того, чтобы слѣдить за успѣхомъ развитія земской медицинской и санитарной организаціи въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія.—Въ военномъ госпиталѣ Меца водворвлась непонятная для докторовъ болѣзнь въ эпидемической формѣ—затылочныя сокращенія, вызывающія столбнякъ. Уже было нѣсколько случаевъ смерти.—Въ Лондонѣ образовался національный пенсіонный фондъ для 25 тыс. надзирателей и надзирательницъ за больными въ общественныхъ госпиталяхъ.

* * *

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Вліяніе стекла на вино. Какъ извѣстно въ составъ стекла входятъ три основные элемента: песокъ, селитра и поташъ; но при этомъ, конечно, идутъ самыя разнообразныя примѣси и соединенія. Эти послѣднія имѣютъ такое вліяніе на содержимое въ бутылкахъ, что отъ нихъ зависитъ доброкачественность и порча жидкости: опытъ доказалъ, что бутылка бутылкѣ розь: такъ напр. вино въ хорошей стеклянной посудѣ замѣтно улучшается отъ времени, а въ простомъ стеклѣ напротивъ того, окисляется.

Два старца: омаръ и апельсинное дерево. Въ одной изъ парижскихъ лавокъ былъ недавно выставленъ громадный омаръ, повидимому, много лѣтъ бродившій по дну морскому; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствовали волоса на лапахъ и клещахъ. Его темный черепъ, покрытый сѣрыми наростами, мѣстами совершенно исчезалъ подъ ними; самымъ любопытнымъ была однако масса ракушекъ, покрывавшихъ всю его голову и почти закрывавшихъ ему глаза.—Въ Версальскихъ оранжереяхъ одному апельсинному дереву болѣе 450 лѣтъ; посаженное въ Пампелунѣ Елеонорою, женою Наваркаго короля Карла III, дерево это перевозилось изъ города въ городъ, пока наконецъ оно не нашло покоя въ садахъ Версальскаго дворца.

Англійскій взглядъ на собственность. Однимъ изъ низшихъ судовъ въ Вестминстрскомъ графствѣ, въ Англіи, разбиралось дѣло о мошенничествѣ нѣкоей Райэнъ, которая ухитрилась поживиться около 60—70 англійскихъ филантропокъ, письменно прося у нихъ содѣйствія для поданія настоятельной помощи лично извѣстнымъ ей бѣднякамъ. Отзывчивыя лэди охотно направляли ей гинеи и шиллинги, а Райэнъ преспокойно прикарманила ихъ, полагая, что своя рубашка ближе къ тѣлу. Такія человѣколюбивыя дѣянія, однако, были выведены на чистую воду, и коммиссіонеръ по филантропіи приговоренъ къ тюремному заключенію. Когда ее водворяли на не совсѣмъ, быть можетъ, пріятное мѣстожительство, на ней нашли болѣе 600 рублей наличныхъ денегъ, которыя и были отобраны отъ заключенной и отданы въ распоряженіе полицейскихъ властей. Исходя изъ соображенія, что эти деньги составляютъ часть тѣхъ, что Райэнъ выманила у своихъ кліентокъ, полиція постановила возвратить ихъ по принадлежности, но когда за ними никто не явился, то рѣшено было обратить ихъ уже безъ посредства коммиссіонеровъ на какое-нибудь богоугодное дѣло. Послѣ отбытія срока заключенія Райэнъ потребовала возвращенія себѣ отобранныхъ отъ нея денегъ и на отказъ полиціи принесла жалобу въ судъ. Тотъ же судъ, который приговорилъ ее къ тюремному заключенію, нашелъ, что такъ какъ собственниковъ на эти деньги не нашлось, то онѣ должны составить достояніе Райэнъ. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же судъ, присуждающій тюрьму за кражу, укрѣпляетъ за воромъ право собственности на украденныя вещи.

* * *

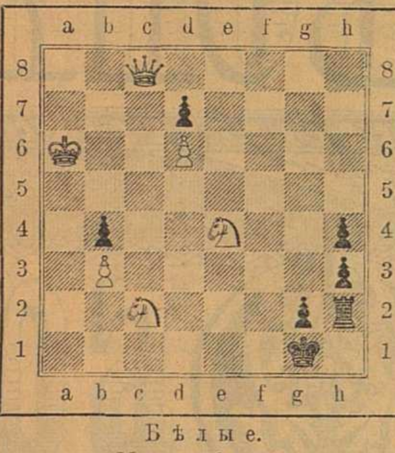
ШАХМАТЫ.

Задача № 7.

Jiri Chocholous.

(Изъ сборника задачъ чешскихъ авторовъ).

Черные.



Бѣлые.

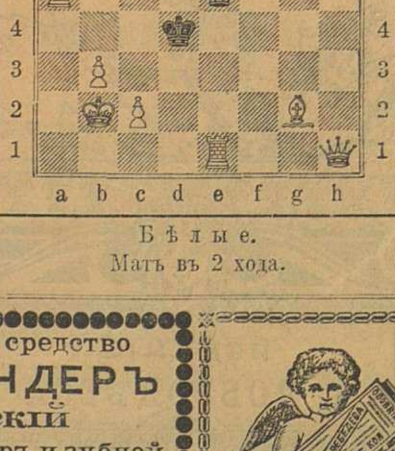
Матъ въ 3 хода.

Задача № 8.

Karel Makovsky.

(Изъ того-же сборника).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ (въ № 2).

3. Jan. Drtina. 1. Фa4—d1, e2:d1; 2. Лf4—e4†, Крe3—d2; 3. Кc3—b1×. (*Вар. a*) 1... Крe3:f4; 2. Фd1—d5, ∞; 3. Кe1—g2×. При всякомъ другомъ первомъ ходѣ черныхъ бѣлые даютъ матъ 2. Кe1:g2×. Правильнаго рѣшенія никто не сообщилъ.

4. J. Chocholons'. 1. Сh2—c7!, Лa8:h8; 2. Крf1—f2×. (*Вар. a*) 1... Лa8:a1†; 2. Сh7—b1×. (*Вар. b*) 1... Л ∞ по 8-й линіи; 2. Сh7—g8×. (*Вар. c*) 1... Лa8—a2 (a3, a4 и т. д.); 2. Сh7—c2 (d3, e4 и т. д.) ×. Вѣрное рѣшеніе сообщили: К. Сердешневъ (Спб.) и В. Апостоловъ. Присланное многими лицами рѣшеніе 1. Сh2—b8 ошибочно въ виду отвѣта черныхъ. 1... Лa8—a7.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Не въ грозный часъ, стихотв. *С. Фруга.*—Раскольничій учитель (продолж.), *Н. И. Шульгина.*—Тигрица (продолж.), романъ *Д. Верга*, переводъ *В. Крестовскаго* (псевдонимъ).—Утилитарное направленіе образованія въ эпоху Петра I-го, статья *М. Лисицына.*—Наблюденія и размышленія (фельетонные замѣтки и очерки), *X.*—Журналистика, *П. Скромнаго.*—Политическое обозрѣніе.—Внутреннее обозрѣніе.—Наша итальянская опера, *В. Баскина.*—Къ рисункамъ.

Рисунки: Перестрѣлка на форпостѣ въ тридцатилѣтнюю войну, съ картины *Вернера Шуха.*—Юноша съ свирѣлью, съ карт. *Бенедетто Бути.* — Возвращеніе съ медвѣжьей охоты, съ карт. профессора *Н. Е. Сверчкова.*—Феликсъ Ивановичъ Кшесинскій.—Князь Михаилъ Черниговскій въ ордѣ, съ карт. *Логева.* — Несправедливое обвиненіе, съ карт. *Рудольфа Виммера.*—Зимою въ паркѣ, оригинальн. рис. перомъ *А. Н. Шильдера.*

На оберткѣ: Библіографія.—Медицина.—Мелкія извѣстія.—Шахматы.—Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
Спб., Невскій, № 57.
Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
№ 234 (10—10).

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ
А. ШТЕЙНЪ
С.-Петербургъ, Большая Морская,
д. № 26
Прейсъ-куранты высыл. безплатно.
№ 216 (30—7)

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.
№ 293 (4—4)

Зубочистное средство
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ШВЕДСКІЙ
зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо Демидовъ пер. № 1.
№ 243 (57—10)

Съ разр. врач. управ.
ОДОБРИНЪ
М. В. ЛЕБЕДЕВА. Уничтожаетъ совершенно въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Иногороднымъ высыл. съ пересылкою 2 короб. 1 р. 50 к., 4 кор. 2 р. 25 к. и 6 кор. 3 р. Можно получать въ аптекарскихъ и косметическихъ торгов. и аптекахъ Россійск. Имперіи. Главное депо „Одобрина“ для всей Россіи. Графскій переул., д. № 20—3).
№ 178 (10—10)

ДЕПО ЧАСОВЪ
Эд. Бурхарда.
1) Гороховая ул., у Краснаго м. № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго пр., д. Дюваль № 2/68.
Рекомендуетъ:
Часы съ календар. никель . . . 15 р.
" " " сереб. отъ 18 до 33 "
" " " стальные . . 23 "
Часы безъ стрѣл. сереб. отъ 35 до 40 "
Часы стальные (черные) отъ 15 до 25 "
Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. № 289 (27—4)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

31-го Января, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

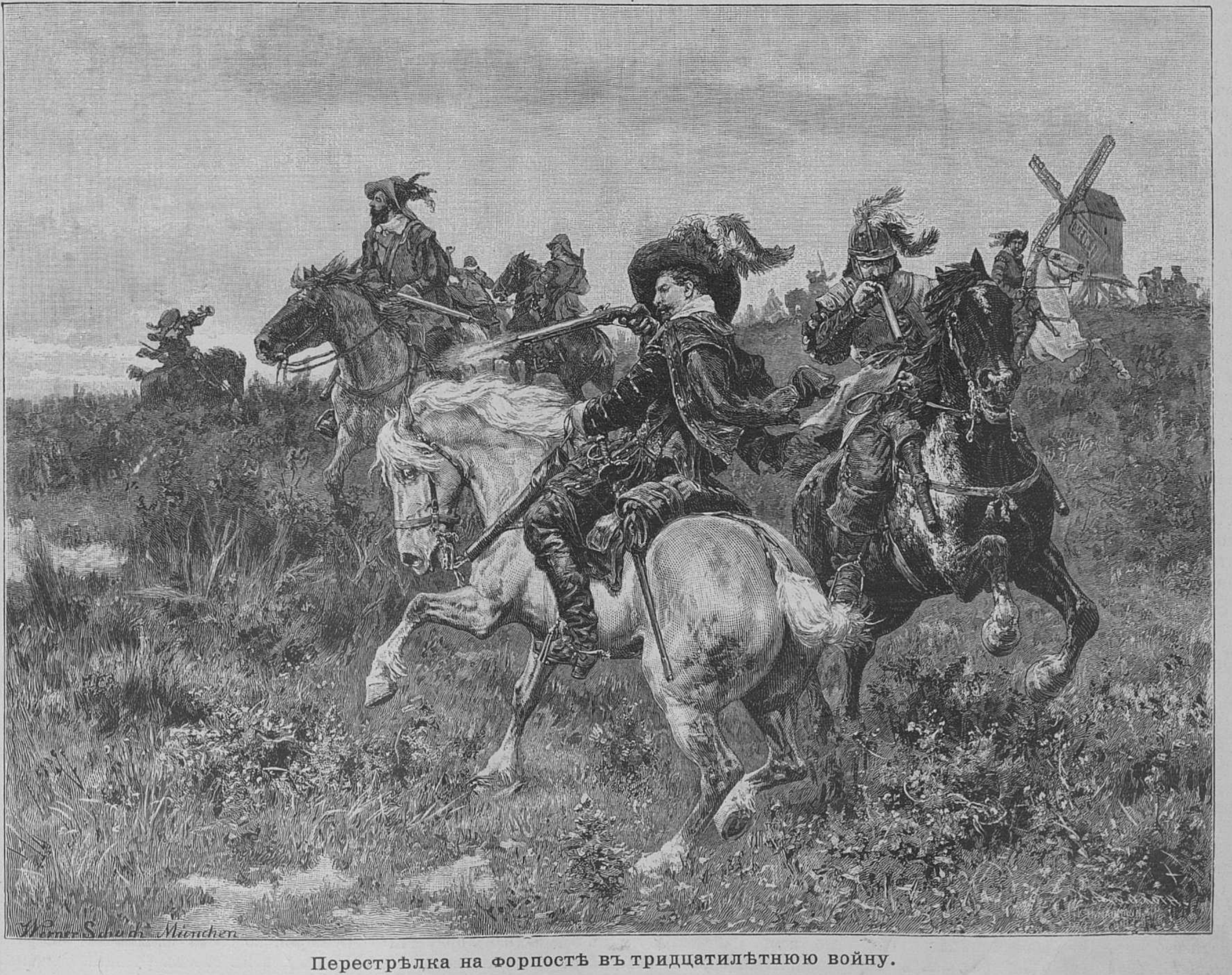
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.
Безъ доставки въ Спб.: за годъ 6 р. 60 к. За границею: за годъ 10 руб.
За пересылку преміи цѣнною посылкою рубль.
Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣлю 3 р. и къ 1-му іюня 2 р.

№ 5

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:
При сношеніи съ конторою необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него. За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій — 1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ. На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми коп. марки.

ОТЪ КОНТОРЫ: Гг. подписчики, желающіе подписаться на журналъ въ Москвѣ БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ 7 р. (съ преміею), благоволятъ обращаться въ книжный магазинъ И. Ф. ПАПКОВА (Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова), гдѣ и могутъ получать нумера журнала еженедѣльно по пятницамъ.

Съ картины Вернера Шуха.



Перестрѣлка на форпостѣ въ тридцатилѣтнюю войну.

* * *

Не въ грозный часъ мучительной невзгоды,
Не въ мигъ веселый радости живой,
Но въ тихій часъ досуга и свободы,
Когда въ душѣ и кротость, и покой,
Ты къ хору тайныхъ голосовъ природы
Прислушайся внимательной душой.
Припомни все, чѣмъ жизнь полна людская,
Что веселитъ и радуетъ нашъ умъ,
Что мучитъ наше сердце, угнетая,—
Весь мракъ и свѣтъ, и суету, и шумъ,
И предъ лицомъ природы вѣковѣчной,
Предъ этой смѣной пестрой, безконечной,
Въ борьбѣ милльоновъ жизней и смертей,
Предъ этой ширью, глубиной и далью
Ты склонишься со всей своей печалью
Всей гордостью и радостью своей,
Какъ селянинъ, пчелою уязвленный,
Предъ витяземъ, лежащимъ на землѣ
Съ разбитой грудью, кровью обагренной,
Съ печатью мукъ предсмертныхъ на челѣ,
Какъ въ одѣяньи ветхомъ и убогомъ
Дитя съ игрушкой жалкою своей
Предъ яркимъ, ослѣпительнымъ чертогомъ,
Сокровищницей пышною царей....

С. Фругъ.

РАСКОЛЬНИЧІЙ УЧИТЕЛЬ.

Изъ забытыхъ исторій. **И. Н. Шульгина.**

(*Продолженіе*).

Глава III.

Нечаянный покровитель Сидоркинъ принадлежалъ къ числу личностей, замѣтныхъ въ русскомъ раскольничьемъ мірѣ. Финогенъ Осиповъ былъ однимъ изъ извѣстныхъ наставниковъ въ безпоповщинской сектѣ федосѣевскаго согласія. Теперь онъ возвращался изъ дальняго путешествія въ Литву, куда призывали его одновѣрцы, для разъясненія нѣкоторыхъ недоумѣній. Осиповъ, малый не промахъ, любилъ и дѣло дѣлать, любилъ и повеселиться. Разрѣшивъ недоумѣнія сомнѣвающихся, онъ знатно погулялъ на чужбинѣ и зашибъ хорошую деньгу. Теперь, въ самомъ радужномъ расположеніи духа, онъ, веселый и счастливый, возвращался домой. Одно ему не нравилось: приходилось путешествовать въ одиночку, а онъ любилъ общество, привыкъ жить постоянно въ обществѣ, — міромъ сподручнѣе живется, говорилъ Осиповъ, — любилъ покалякать. А тутъ иди себѣ одинъ, да помалчивай; развѣ выругаешь встрѣчную ворону или какую другую птицу, а то звѣря. Тѣмъ только и развлекался наставникъ, переходя изъ лѣсу въ лѣсъ. Можно судить, какъ онъ обрадовался новому товарищу. «Будетъ съ кѣмъ отвести душу», думалъ онъ. И Сидоркѣ была по нутру встрѣча съ Осиповымъ. Безпоповщинскій наставникъ, умѣвшій, когда было нужно, напускать на себя важность и серьезность, въ сущности былъ большой шутникъ и балагуръ. Онъ умѣлъ развеселять Сидорку; не взирая на то, что по привычкѣ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, Осиповъ иногда принимался за скучную проповѣдь, Сидоркѣ съ нимъ было весело. Наставникъ искренно былъ убѣжденъ въ правотѣ своей вѣры, почему считалъ святой обязанностію вырвать мальчугана изъ сѣтей дьявольскихъ и привести на путь истиннаго разумѣнія. Чтобы достичь этой цѣли, ему по необходимости приходилось нерѣдко надоѣдать Сидоркѣ разными мистическими толкованіями. Сидорка морщился и плохо слушалъ, что толковалъ ему словоохотливый наставникъ. Не до чувствительныхъ проповѣдей было Сидоркѣ: другія мысли занимали его умъ. Онъ вполнѣ наслаждался легко пріобрѣтенной свободой, онъ съ восторгомъ помышлялъ, что онъ теперь вольный, можетъ дѣлать все, что вздумается, никого не спрашиваясь. Воля, разумѣется, занимала его болѣе всего на свѣтѣ. Скоро забылъ онъ даже и объ Ардаліонѣ Карловичѣ. Все окружающее также привлекало его вниманіе, и онъ часто наивными вопросами о встрѣчныхъ предметахъ прерывалъ восторженную, краснорѣчивую рѣчь своего наставника. Осиповъ не сердился за невниманіе къ его проповѣди и всегда охотно давалъ отвѣты на пытливые вопросы мальчика.

Идя по дорогѣ, зашли они въ деревню, населенную безпоповцами, единовѣрцами Осипова. Не понравились они Сидоркѣ.

— Дядя, сказалъ онъ, какой народъ здѣсь страшный. Уткнутся въ землю и все такъ непонятно разговариваютъ. Скучно, должно быть, съ ними:

— Нѣтъ. Они люди благочестивые, хорошіе, и ты такой будешь, коли станешь меня слушать.

— Не хочу я быть такимъ. Ты же не такой: ты и смѣешься, и балагуришь. А они все: смертный часъ, муки вѣчныя. Нѣтъ, не хочу я быть такимъ, какъ они.

Скоро наши путники пришли къ цѣли своего путешествія. Пройдя нѣсколько верстъ густымъ лѣсомъ, Сидорка увидѣлъ, какъ ему показалось, хорошо обстроенную деревню съ двумя часовнями.

— Ну, вотъ, мы почти и дома, сказалъ Осиповъ. Это нашъ скитъ. Хорошо здѣсь жить—всего вволю. Поживешь, привыкнешь, а тамъ какъ выростешь, и уѣхать отсюда не захочется.

Подойдя поближе, Сидорка увидѣлъ, что то была не то деревня, не то отдѣльная усадьба. По лѣсу протекала небольшая рѣчка. На обоихъ берегахъ ея виднѣлись обширныя сооруженія. Казалось, что то были двѣ отдѣльныя, очень богатыя усадьбы, состоящія каждая изъ группы домовъ. Они стояли на противоположныхъ берегахъ рѣчки, одна противъ другой, сообщаясь между собой посредствомъ прочной плотины водяной мельницы. Каждая группа домовъ была обнесена высокимъ заборомъ.

— Кто тутъ живетъ? спросилъ Сидорка. Купцы, что-ли, какіе? Ишь, у каждаго по сколько домовъ—работники, видно, живутъ тамъ

— Тутъ, милый мой, скитъ истинныхъ христіанъ, въ міру спасающихся. Что на право отъ насъ—тамъ живутъ мужчины, а на лѣво—женщины. Это святыя наши обители. Христіане и христіанки работаютъ, трудятся, кто какъ умѣетъ; ѣздятъ отсюда въ разныя мѣста: кто по торговымъ дѣламъ, а кто по дѣламъ нашей вѣры святой. Дѣти учатся грамотѣ у наставниковъ, такихъ вотъ, какъ я. А какъ выростаютъ,—даютъ имъ работу,—посылаютъ, куда надо: увидятъ, какой прокъ можетъ выйдти. Вотъ и ты начнешь такъ, какъ многіе изъ насъ начинали. Коли захочешь учиться у меня, я передамъ тебѣ все, что знаю. Не любъ я тебѣ, — возьми другого; мы никого не стѣсняемъ, всякій дѣйствуй по своей волѣ. Будешь слушать добрыхъ людей и тебѣ будетъ хорошо.

Сидорка хранилъ молчаніе. Осиповъ тоже углубился въ самого себя. Молча шли они съ версту, наконецъ, подошли къ воротамъ того зданія, которое Осиповъ называлъ мужской обителью.

Осиповъ постучалъ въ ворота особеннымъ стукомъ, на который ему отвѣчали привѣтствіемъ:

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, сказалъ Осиповъ.

— Аминь, отвѣчали ему.

Ворота отворились и тотчасъ же захлопнулись за новыми пришельцами. Послѣдніе вошли на огромный дворъ, усаженный деревьями. Прямо противъ воротъ стояла часовня. На дворѣ не было ни души.

— Видно, всѣ на молитвѣ, замѣтилъ Осиповъ. Зайдемъ и мы въ божій храмъ принести благодареніе за счастливое окончаніе пути.

Вошли въ часовню, наполненную молельщиками. Какой-то старикъ читалъ; всѣ усердно молились. Чтеніе часто прерывалось общими поклонами въ землю и весьма негармоничнымъ пѣніемъ стиха: Господи помилуй!

Сидорка вовсе не расположенъ былъ молиться. Со страхомъ разсматривалъ онъ все окружающее. Невольно вспоминались ему тѣ безпоповцы, съ которыми онъ познакомился въ пути, и не весело стало у него на душѣ. «Что то со мной будетъ, думалъ мальчикъ. Какъ запрутъ они меня на вѣчныя времена въ эту трущобу, пожалуй придется пожалѣть объ Ардаліонѣ Карлычѣ».

Осиповъ скоро прервалъ нить его печальныхъ размышленій.

— Ты, малый, вѣрно, усталъ, съ дороги отдохнуть хочешь. Пойдемъ!

Молча перешли они на другой дворъ, оттуда на третій, гдѣ остановились предъ просторнымъ домикомъ.

— Вотъ здѣсь моя келія, сказалъ Осиповъ. Сейчасъ намъ принесутъ поѣсть. Я уже просилъ кого слѣдуетъ прислать намъ побольше разныхъ разностей; съ дороги, да съ голодухи, не мѣшаетъ перехватить кое-чего хорошаго.

Обѣдъ не заставилъ себя ждать; скоро были поданы изобильныя яства. День былъ скоромный, почему на столѣ появились яйца, творогъ, масло, хорошія щи, каша, жареная курица, ситный и ржаной хлѣбъ и водка. Усталые путники, долго не задумываясь, исправно уничтожили все поданное кушанье.

— Если здѣсь всегда такъ кормятъ, думалъ Сидорка, жить еще можно.

На другой день Сидорку повели къ настоятелю обители. Тотъ принялъ его ласково, но долго причиталъ надъ нимъ, высказывая сокрушеніе о грѣхахъ міра и о томъ великомъ несчастіи, что Сидорка до сей поры пребываетъ въ сѣтяхъ дьявольскихъ, изъ коихъ, впрочемъ, наставникъ обѣщалъ вырвать мальчугана въ непродолжительномъ времени. Для начала же спасенія предложилъ Сидоркѣ съ того же дня приняться за изученіе новой вѣры у Осипова.

— Какой же новой вѣрѣ?—спросилъ Сидорка. Меня хрестили, какъ слѣдуетъ; исповѣдался я и причащался, какъ слѣдуетъ кажинный годъ.

— Въ томъ-то и бѣда, что твои родители тебя, несмышленаго, бросили въ ересь. Надо очиститься отъ нея. Мы тебя вновь окрестимъ. Прежнее твое крещеніе грѣхъ одинъ; тебя крестили еретики, паписты, обливанцы, табачники. Теперь же будутъ крестить православные христіане по правиламъ, заповѣданнымъ святою церковью.

Сидорка слушалъ, но ничего не понималъ. Онъ рѣшился отдать себя въ полную власть своихъ новыхъ попечителей.

Съ слѣдующаго же утра стали подготовлять Сидорку. Кромѣ Осипова, о его душѣ радѣли и другіе иноки. Всѣ они старались пугать мальчика, представляя ему ужасныя картины адскихъ мукъ, какія постигнутъ всѣхъ еретиковъ, что для него одинъ исходъ къ спасенію: принять ихъ истинную, незапятнанную никакими нововведеніями, вѣру. Сначала онъ тупо принималъ всѣ ихъ мудреныя наставленія, но потомъ втянулся,—во что человѣкъ не втягивается,—и сталъ слушать ихъ безъ зѣвоты. Чрезъ нѣсколько дней его крестили; крестнымъ отцомъ былъ Осиповъ, а матерью очень хорошенькая женщина изъ женской обители, по имени Марья Петрова. Новокрещенному дали новое имя Кузьма, которое осталось за нимъ уже навсегда. Отъ крестной матери онъ принялъ фамилію Петровъ.

Сначала Кузьма учился неохотно. Книжная премудрость пугала его; а главное, ему бѣгать хотѣлось, повѣсничать, а тутъ то ученье, то заставляютъ молиться. Однакоже, скоро привыкъ—сталъ прилежно учиться и все рѣже и рѣже отлынивать отъ хожденья въ часовню. Не то чтобы онъ сталъ находить очень вкусными плоды новаго ученія, а вышли тутъ совсѣмъ другія постороннія обстоятельства.

Осиповъ, по своей опытности, скоро замѣтилъ въ новомъ своемъ ученикѣ большія способности къ дѣлу. Въ немъ провидѣлъ онъ будущаго ловкаго пропагандиста раскольничьихъ убѣжденій. Инстинктивно чувствуя, что схоластикой легко забить какія бы то ни было способности, Осиповъ рѣшился къ ученію Кузьмы примѣнить другой, болѣе разумный методъ. Онъ открылъ Марьѣ свои виды на Кузьму. Та обѣщала приняться какъ слѣдуетъ за своего крестника.

Такимъ образомъ Кузьма поступилъ подъ начало Марьи, этой умной, хорошенькой завлекательной женщины.

Подъ руководствомъ милой наставницы, терпѣливо относящейся къ дѣлу, развернулись способности Кузьмы и онъ шутя одолѣлъ букварь. Марья не мучала его ученіемъ. Не хотѣлось Кузьмѣ долбить букваря, тянуло его погулять, Марья кончала урокъ. Прозвучитъ унылый звукъ, призывающій на молитву; Кузьмѣ крѣпко не хочется класть десятки поклоновъ,—«голова трещитъ потомъ, будто тяжесть какую непосильную поволокъ», со вздохомъ говорилъ Кузьма,—предупредительная наставница тотчасъ замѣтитъ неохоту, спѣшитъ на помощь къ любимому ученику: выдумаетъ, какое нибудь спѣшное дѣло и поручаетъ его Кузьмѣ, который поневолѣ долженъ выполнять его во время службы въ часовнѣ. Наставники косятся, а наставница наивно увѣряетъ ихъ: «дѣла у меня было столько, да все спѣшное, пришлось кончать его во время службы; большихъ-то отпустила, а поручила мальчику; грѣхъ на мнѣ, я и отмолю его». Одинъ Осиповъ ни слова; видно, лучше другихъ онъ понималъ, что такъ, а не иначе надо дѣйствовать съ Кузьмой.

Такимъ-то манеромъ прошелъ цѣлый годъ, и другого захватило за половину. Кузьма выросъ, раздобрѣлъ, уже пухъ явился на усахъ и бородѣ. Парень изъ него вышелъ бравый, молодецъ хоть куда. Дѣвки, даромъ, что инокини, стали заглядываться на него. И онъ сталъ опускать глаза пониже при встрѣчѣ съ особами прекраснаго пола.

Отъ Марьи разумѣется не укрылись новыя естественныя побужденія юноши. Да и какъ было укрыться, когда ее-то именно онъ сталъ дичиться, прежде всѣхъ другихъ женщинъ. Уже не такъ откровенно, какъ прежде, высказывалъ онъ ей свои желанія и убѣжденія. Видно къ любви ученика къ доброй наставницѣ, присоединилось другое болѣе сильное чувство…

Хотя Марья принадлежала къ числу весьма искреннихъ религіозныхъ фанатичекъ, однакоже, непрочь была пококетничать съ молодымъ красивымъ юношей, тѣмъ болѣе, если кокетничанье служило на пользу дѣла. Осиповъ увѣрилъ ее, да она и сама убѣдилась, что Кузьма обѣщаетъ многое. Понятно, надо было удержать Кузьму, во что бы то ни стало. И вотъ предъ Кузьмой раскрылись обаянія первой пламенной, раздѣленной любви. Марья не принадлежала къ числу строго недоступныхъ женщинъ. Она понимала жизнь, и брала изъ нея все, что могла изъ нея взять.

Кузьма былъ вполнѣ счастливъ… и съ этой поры начались блистательные успѣхи въ дѣлѣ знакомства съ новой религіей. Двадцати-лѣтній Кузьма уже заткнулъ за поясъ всѣхъ своихъ наставниковъ. Федосѣевщина смѣло могла разсчитывать на него, какъ на одного изъ лучшихъ и искуснѣйшихъ своихъ пропагандистовъ.

При впечатлительной натурѣ Кузьмы, для него не могла пройти совершенно безслѣдно схоластическая премудрость раскольниковъ. Онъ постепенно втянулся въ діалектическія тонкости,—къ тому же въ умѣніи владѣть ими онъ видѣлъ свою личную пользу,—но крайнее изувѣрство и свирѣпый фанатизмъ не нашли въ немъ своего послѣдователя. Имъ онъ не сочувствовалъ, но за то развилъ въ себѣ глубокую хитрость, лицемѣріе и умѣнье пользоваться обстоятельствами. Онъ умѣлъ каждому, какъ говорится, влѣзть въ душу. Наставники очаровались имъ и никогда не рѣшали никакого дѣла, предварительно не посовѣтовавшись съ Кузьмою

И вотъ наконецъ осуществились его мечтанія. Осиповъ опять отправлялся въ продолжительное путешествіе. Онъ намѣревался побывать во многихъ федосѣевскихъ общинахъ съ цѣлію провѣрки: вездѣ ли исполняются постановленія федосѣевской секты. Въ помощники онъ выбралъ Кузьму.

Кузьма былъ въ восторгѣ, хотя ему предстояла не легкая обязанность проститься со своими любовницами, ибо теперь была у него не одна Марья, а уже нѣсколько съ разными другими именами. Съ Марьей онъ давно разстался; и Марья разсталась со скитомъ: ее услали далеко главной наставницей въ женскій скитъ. Простилась она съ Кузьмой довольно холодно, не могла же она чувствовать пылкой любви къ совершенному мальчику. Кузьмѣ было нѣсколько потяжелѣе разставаться съ прелестною наставницей, которую онъ сильно и страстно любилъ, но и онъ скоро утѣшился. На мѣсто Марьи явилась сейчасъ же другая,—въ скитѣ не искать стать красавицъ; много было тамъ дѣвокъ, кровь съ молокомъ, брови дугой, станъ роскошный, косы длинныя; есть съ кѣмъ разгуляться доброму молодцу. Зачастилъ Кузьма въ женскій скитъ. Старцы, хоть и покачивали головой, и молвили: «экой грѣхъ какой», но всегда прибавляли: «молодъ еще больно». Къ тому же по скитскимъ понятіямъ такое дѣло вовсе не было дѣломъ зазорнымъ. «Брачиться — смертный грѣхъ! говорили учителя безпоповщины, а любовное соединеніе грѣхъ меньшій, принеси покаяніе и простится онъ». Такой взглядъ былъ Кузьмѣ какъ разъ на руку и онъ наслаждался вволю.

Понуря голову, шелъ Кузьма въ женскій скитъ. Видно, чуялъ онъ, что не возвратиться ему сюда. Мрачно прощался онъ съ милыми, но загудѣлъ колоколъ и Кузьма поспѣшно удалился. Онъ побѣжалъ въ часовню слушать молебенъ…

А у крыльца стояла готовая кибитка. Скоро унесла она изъ скита нашего героя.

Глава IV.

«Вотъ я и въ другой разъ на волѣ», мечталъ Кузьма, сидя въ телѣгѣ. «Хороша ты воля! Безъ тебя и жизнь не въ жизнь! Славно мы заживемъ. Осиповъ,—добрый человѣкъ; съ нимъ хорошо, не соскучишься. А поклоны тамъ разные, можно на время оставить—безъ нихъ пока обойдемся».

Такъ радовался Кузьма, переѣзжая изъ деревни въ деревню, изъ одной губерніи въ другую. Много исколесили они, долгое время пробыли въ дорогѣ. Все-то ново было Кузьмѣ, много различныхъ мѣстъ проѣхалъ онъ. Многое, что прежде казалось ему неяснымъ, выяснилось вполнѣ во время путешествія. Онъ толково изучилъ жизнь раскольничьихъ общинъ, лучше понялъ свои способности и потому могъ заранѣе опредѣлить роль, какую долженъ играть въ раскольничьемъ мірѣ. Онъ встрѣчалъ искренно убѣжденныхъ фанатиковъ, видѣлъ, какія чудеса дѣлали эти люди, видѣлъ, какъ за ними, не разсуждая, шли толпы темныхъ людей. Но также встрѣчались ему и другія картины: онъ видѣлъ ловкихъ, умныхъ пройдохъ, готовыхъ поддерживать какое угодно убѣжденіе, лишь-бы оно было выгодно лично для нихъ;—и эти люди дѣйствовали съ такимъ же, если еще не съ большимъ успѣхомъ, какъ фанатики, за ними также валили массы; ихъ также почитали праведниками, мудрецами; ихъ слова также считались закономъ. Подобные пройдохи отлично вели свои дѣла, ибо прекрасно изучили сердце человѣческое и умѣли пользоваться людскими слабостями.

— Міръ—господинъ,—ораторствуетъ подобный наставникъ, а мы люди подневольные, мы его слуги, что укажетъ, то и дѣлаемъ.

А смотришь, коли міръ рѣшитъ не по нихъ, они съумѣютъ поставить на своемъ: или распространятъ слухъ о гласѣ съ небеси, повелѣвающемъ дѣлать именно такъ, какъ хочется обиженному наставнику; — гласъ, разумѣется, слышалъ не другой кто, какъ самъ наставникъ;—или пойдутъ чудеса отъ иконы, находящейся въ домѣ наставника: «Святой—нашъ батюшка, скажетъ міръ, значитъ и слова его святы; надо сдѣлать, какъ онъ хочетъ, а то,—быть бѣдѣ». Въ рукахъ наставника находилось еще нѣсколько мѣръ къ усмиренію міра, которыми онъ пользовался нерѣдко: наставникъ прикинется казанской сиротою, начнетъ будто бы молиться, поститься, а стороной пуститъ на проповѣдь своихъ помощницъ—красивыхъ бабъ, а тѣ и почнутъ причитать о грѣхахъ міра сего, о послѣднихъ дняхъ, о пришествіи антихриста, о страшномъ судѣ и вѣчныхъ мукахъ. Не устоять міру противъ всѣхъ этихъ тонкостей, и онъ непремѣнно сдастся.

По натурѣ своей Кузьма не могъ, какъ мы уже говорили, совершенно увлекаться мистицизмомъ,—у него былъ слишкомъ веселый для того характеръ;—по той же причинѣ онъ не усвоилъ себѣ искреннихъ раскольничьихъ убѣжденій; но умный, ловкій и хитрый, онъ рѣшился воспользоваться ими для собственныхъ выгодъ.

Расколъ существуетъ пропагандой и держится постояннымъ приливомъ новыхъ послѣдователей, слѣдовательно, въ рукахъ ловкихъ пропагандистовъ находится участь раскола. Понятно, раскольники чтутъ такихъ людей и доставляютъ имъ всѣ удобства жизни. Умный Кузьма, разумѣется, тщательно изучилъ расколъ съ этой стороны.

Раскольничья пропаганда сильна—теперь это уже не новость: фактъ постояннаго умноженія раскольниковъ говоритъ самъ за себя. Люди, судящіе о событіи по однѣмъ внѣшнимъ его сторонамъ,—а такихъ у насъ большинство,—увѣрены, что успѣхъ раскольничьей пропаганды пріобрѣтается посредствомъ денегъ, щедро расточаемыхъ богатыми раскольничьими общинами, лучше сказать, что раскольники приманкою матеріальныхъ выгодъ вліяютъ на слабые умы темнаго люда.

Матеріальныя выгоды безъ сомнѣнія чрезвычайно важная побудительная причина; она вліяла и постоянно вліяетъ на рѣшеніе обнищавшаго люда, принимать раскольничьи убѣжденія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать твердыхъ убѣжденій отъ нашего неразвитаго простолюдина. Условія быта сложились именно такимъ образомъ, что нашъ крѣпостной мужикъ въ одномъ расколѣ видѣлъ спасеніе отъ гнетущей нищеты, только въ расколѣ получалъ онъ признаніе своего человѣческаго права. Крѣпостное право, безсудность, насилія администраціи и вообще тяжелыя условія быта простолюдина, были лучшими пособниками для раскольничьей пропаганды. Тяжело жить православному простолюдину, бѣдность и произволъ гнетутъ его; долго удерживалъ онъ себя отъ рѣшительнаго поступка идеей смиренія и награды за страданія въ будущей жизни, но не втерпежъ уже становилось ему, слабому человѣку;—тутъ-то кстати подойдетъ раскольничій наставникъ или наставница, наговоритъ съ три короба разныхъ разностей: и о мукахъ смертныхъ, и о царствѣ антихристовомъ; пугаетъ бѣднягу, и безъ того напуганнаго всякой всячиной, совершающейся воочію, и тутъ же, между прочимъ, прибавитъ: у насъ благодать, у насъ раздолье, и лошадку дадимъ, и подати заплатимъ, и коровенка явится, — «даже молочка-то у васъ, сердечненькихъ, нѣту для дѣтишекъ, ишь, какія худенькія, точно помирать собираются». Думаетъ-подумаетъ добрый человѣкъ: съ одной стороны лютая бѣдность, съ другой заманчивыя надежды въ будущемъ,—и готовъ новый послѣдователь раскола.

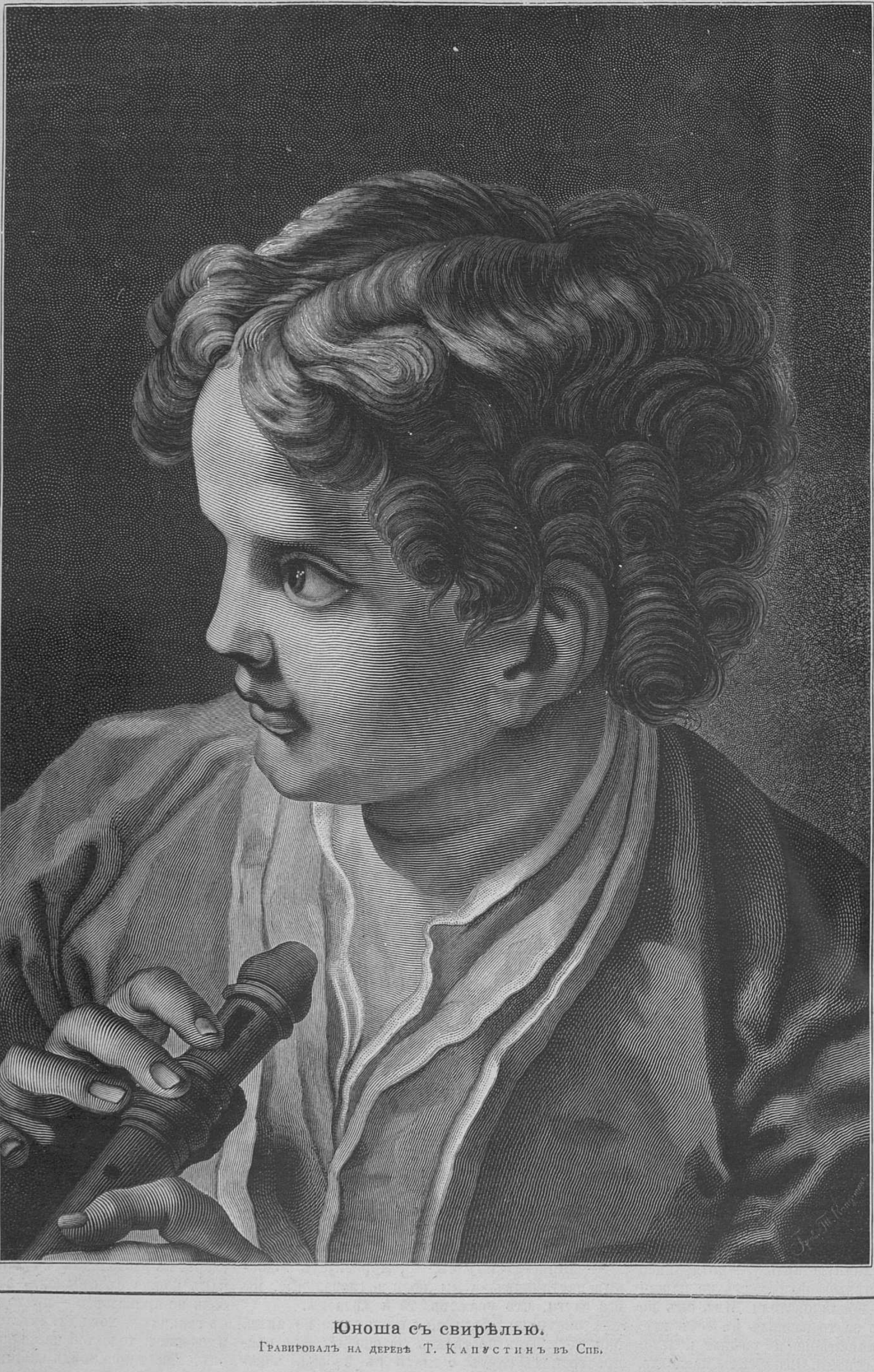
Насильные браки, заключавшіеся въ былое время по приказанію помѣщика, также были побудительной причиной перехода изъ православія въ раскольничьи толки. Живутъ супруги, какъ кошка съ собакой,—какая ужь тутъ любовь по приказанію,—приходитъ проповѣдникъ съ горячимъ, хотя дикимъ, словомъ; «женатый разженись, холостой не женись», ораторствуетъ онъ. Такая проповѣдь нашимъ супругамъ какъ разъ на руку; фанатическія слова учителя принимаются ими, какъ чудесный бальзамъ во время сильной болѣзни — и начинаютъ они смотрѣть на проповѣдника, какъ на своего спасителя.

Замѣчаютъ они, что для нихъ одинъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, переходятъ въ расколъ. Скоро узнаютъ они, что аскетическая фраза проповѣдника о безбрачіи раскольниками никогда не примѣняется къ дѣлу, а принадлежитъ къ числу жалкихъ словъ, во множествѣ употребляемыхъ въ раскольничьей проповѣди; на практикѣ оба пола не чуждаются взаимнаго сожительства, слѣдовательно нѣтъ причины новымъ послѣдователямъ раскола, въ этомъ отношеніи, отставать отъ старыхъ. Но они непремѣнно должны перемѣнить мѣсто жительства: нельзя же въ самомъ дѣлѣ разведеннымъ супругамъ жить вмѣстѣ въ одной комнатѣ. И вотъ, бѣгутъ они или оба, или который нибудь одинъ, если въ расколъ перешелъ только одинъ, и поселяются гдѣ нибудь далеко отъ родины. По большей части, они навѣкъ остаются въ безвѣстной отлучкѣ,—развѣ поймаютъ котораго и сошлютъ въ Сибирь, какъ бродягу,—и, разумѣется, не платятъ никакихъ податей и не несутъ повинностей...

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Съ картины Бенедетто Бути.

(Воспроизведено по снимкамъ, снятымъ фотографомъ „Живоп. Обозр.“).



Юноша съ свирѣлью.

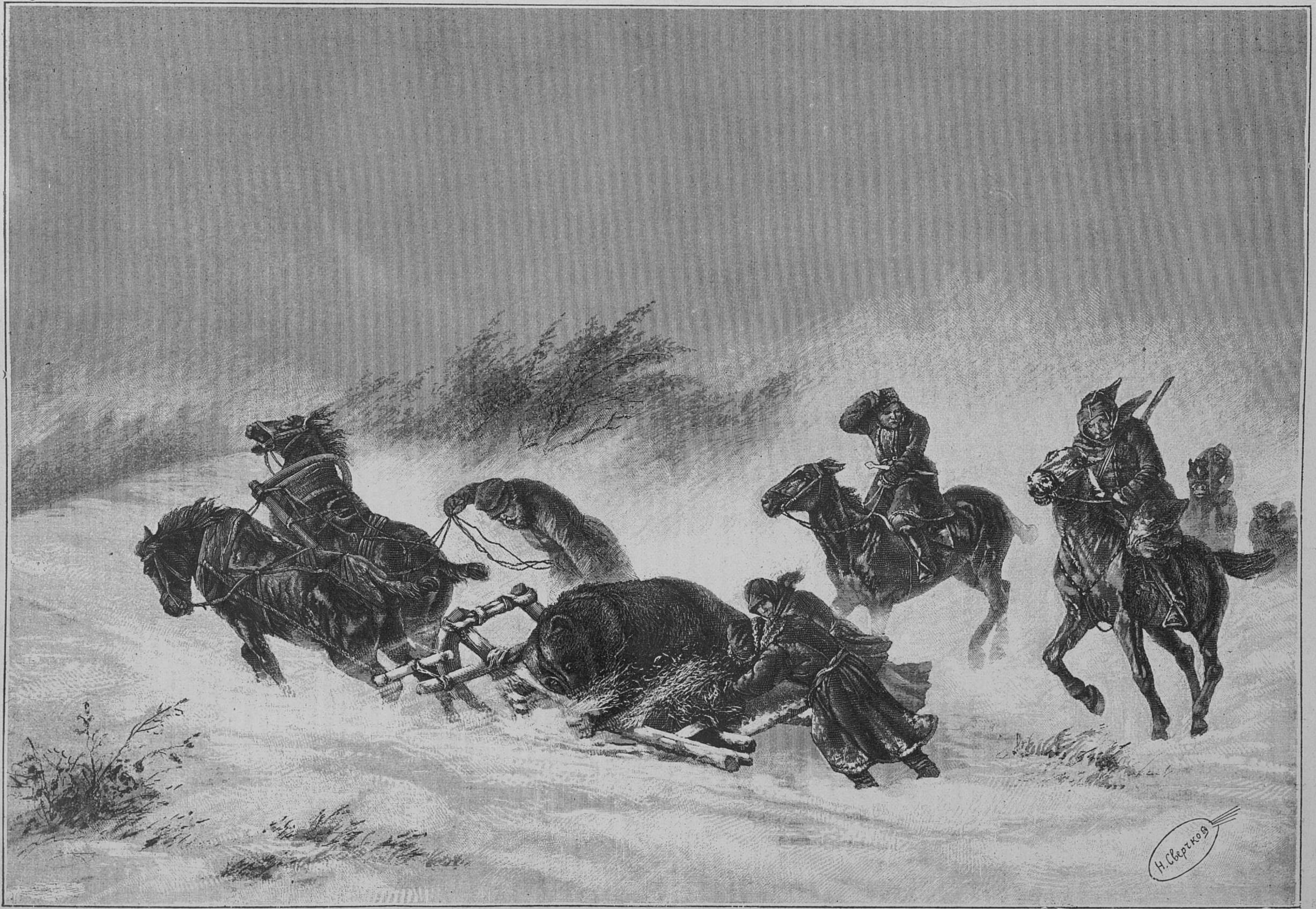
Гравировалъ на деревѣ Т. Капустинъ въ Спб.

. . . .

Кузьма скоро получилъ извѣстность. Въ средѣ

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ карт. профессора Н. Е. Сверчкова.



Возвращеніе съ медвѣжьей охоты.

своихъ единовѣрцевъ онъ сталъ пользоваться славой умнаго, опытнаго и благочестиваго наставника. Онъ не мало поработалъ на пользу призрѣвшаго его толка, и за то не одинъ уже годъ проживалъ въ Западной Руси въ качествѣ главнаго наставника.

Все бы было хорошо, только разъ приходитъ къ нему сотскій.

— Кузьма, иди къ становому,—говоритъ онъ.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Кузьма.

— Не знаю, велѣлъ безпремѣнно прійдти сейчасъ же, а не придешь, — связать тебя и такъ приволокти, связаннаго по рукамъ и ногамъ.

Кузьму проняла дрожь.

— Что за оказія такая приключилась,—думалъ Кузьма, идя дорогою.—Кажись, положеніе платимъ аккуратно. Экая напасть, прости Господи!

Кузьма предсталъ предъ ясныя очи представителя земской полиціи.

— Паспортъ, —сказалъ тотъ отрывисто.

Кузьма подалъ.

— Фальшивый,—лаконически возразилъ полицейскій чиновникъ.

Кузьма въ ноги.

— Вы, мошенники, безпрестанно меня подводите, — отчетливо говорилъ становой. — За васъ чуть не каждый день я получаю выговоръ. Я васъ, подлецовъ, выучу! Въ кандалы его!

— Отецъ родной, будь милостивъ! Ты знаешь, мы, со всей нашей охотой, завсегда готовы исполнять твои приказанія. Прикажи, за нами дѣло не станетъ.

— Ты еще разговаривать, ракалія! Тащи его въ холодную!

Кузьму поволокли въ холодную.

— Что за притча такая!—размышлялъ арестантъ.—Съ чего это онъ взбѣсился? Видно, на порядкахъ намылили ему голову. Да ничего, пройдетъ!.. А надо бы, какимъ ни на есть образомъ, добыть настоящій паспортъ. Завсегда онъ станетъ привязываться... все будетъ тянуть деньги...

Кузьма просидѣлъ въ холодной нѣсколько часовъ; къ вечеру зовутъ его къ становому.

— Сколько?—спросилъ строгій чиновникъ.

— Сотенку, батюшка. Ей Богу больше нѣтъ.

— Мало! Пятьсотъ. Меньше нельзя. Тогда живи себѣ хоть цѣлый вѣкъ. Отсрочку дадимъ, будто ждешь паспорта отъ общества. Иначе... въ острогъ! Тамъ сгніешь, а можетъ, прогуляешься по Владимиркѣ.

Крѣпокъ на своемъ словѣ становой,—Кузьма это зналъ хорошо. Но какъ же разстаться съ пятью стами —вѣдь деньги не малыя? Попробовалъ было попросить непреклоннаго судію, но тотъ разсердился, пригрозилъ разными страшными угрозами. Дѣлать нечего, вынулъ Кузьма бумажникъ, отсчиталъ пятьсотъ и получилъ отсрочку.

— Экой жидъ какой,—сказалъ становой,— надъ всякой копѣйкой трясется. Заплатилъ бы сразу, а то еще ломается.

— Какъ же, батюшка, вѣдь жалко, — отвѣтилъ Кузьма. Свои кровныя, тяжело мнѣ достались.

— Тебѣ-то тяжело, неумытое твое рыло. Знай, подставляй руки, твои дураки дадутъ тебѣ столько, сколько захочешь.

Съ той поры Кузьма сталъ постоянно думать, какъ бы пріобрѣсти какой-нибудь законный паспортишко.

Пріобрѣсти было не трудно.

Югъ Россіи,—Новороссійскій край, въ особенности Бессарабія открывали, въ то время, свои объятія всѣмъ вольнымъ и невольнымъ переселенцамъ: благодатной земли много, да рукъ нѣтъ, приходи, про всѣхъ достанетъ. И потянулась туда униженная и оскорбленная Русь. Паспортовъ ни съ кого не требовали. Къ тому же вышелъ законъ приписать въ томъ краѣ всѣхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застанетъ указъ, не спрашивая о прежнемъ мѣстѣ жительства. Потянулся туда и Кузьма. Два, три года походилъ онъ по широкому раздолью благодатной степи, потомъ очутился на другомъ благодатномъ привольѣ — Волгѣ-матушкѣ, но уже съ законнымъ паспортомъ купца третьей гильдіи, приписаннаго къ обществу одного изъ городовъ Бессарабской области.

Зажилъ Кузьма безъ опаски, но не могъ вполнѣ успокоиться: его душила зависть; онъ не могъ пріобрѣсти то значеніе между федосѣевцами, какого добивался. Тамъ, до него было уже много просиженныхъ мѣстъ и всѣ за нихъ крѣпко держались. Онъ началъ перечитывать писаніе и коментаріи на него различныхъ раскольничьихъ писателей, и убѣдился, что въ рукахъ наставника находится хорошее оружіе: въ его власти толковать писаніе по своему усмотрѣнію, то почему же ему, Кузьмѣ, не сдѣлаться самостоятельнымъ толкователемъ и не основать новой секты. Разъ Кузьма задумалъ, медлить было не въ его характерѣ.

Н. Шульгинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТИГРИЦА.

Романъ **Д. Верга**.

Переводъ **В. Крестовскаго** (псевдонимъ).

(*Продолженіе*).

На другой день, когда Ната всего менѣе ждала пріѣхалъ ея мужъ.

Эта чета прекрасно жила вмѣстѣ, мѣсяца три-четыре въ году, когда съѣжалась въ столицѣ. Остальное время, графъ всегда бывалъ въ отсутствіи, по службѣ. Онъ угадывалъ или ожидалъ, что жена ему очень удивится.

— Я знаю, что вы поправились, сказалъ онъ:—и полагаю, захотите воспользоваться лѣтомъ для возвращенія въ Россію. Мнѣ дали двухнедѣльный отпускъ и я пріѣхалъ, чтобъ имѣть удовольствіе проводить васъ.

Графъ былъ господинъ лѣтъ сорока, бѣлокурый, высокій, немного лысый и старообразный; во всей его фигурѣ, въ осанкѣ, въ плечахъ и движеніяхъ была военная точность, что-то спокойное и рѣшительное, такое, что при блѣдномъ, завяломъ лицѣ, внушало осторожность, близкую къ недовѣрію. Его холодно проницательный взглядъ наводилъ тоску.

— Благодарю васъ, отвѣчала ему Ната.

Этимъ же вечеромъ, горничная тайно передала ей записку:

«Твой мужъ подозрѣваетъ. Берегись».

Графъ держался, будто ничего не бывало, и провелъ день въ музеяхъ и галлереяхъ. Возвращаясь, онъ увидѣлъ сборы въ дорогу.

— Когда вамъ угодно ѣхать? спросилъ онъ жену.

— Хоть завтра; я готова.

Лаферлита между тѣмъ ничего не зналъ о пріѣздѣ мужа и мѣшкалъ запирать свои чемоданы. На слѣдующій вечеръ, онъ нашелъ на своемъ столѣ письмо:

«Я надѣялась еще разъ васъ видѣть. Разставаясь прошлый разъ, ни вы, ни я не думали, что это наше послѣднее прощаніе. Знайте, я много страдала. Теперь я пишу у стола, къ которому столько разъ прикасались ваши руки; пишу и задыхаюсь. Если бы до отъѣзда умереть! Нѣсколько дней назадъ, вы сидѣли тутъ, на диванѣ, помните? и сердце у меня разрывалось, думая, что скоро мы разстанемся на вѣки. Бывали минуты,— вы и не подозрѣвали!—я хотѣла задушить васъ въ объятіяхъ, какъ ревнивая тигрица. Люблю тебя, люблю! говорю это наконецъ, потому что больше никогда тебя не увижу, чтобъ вонзить тебѣ въ сердце это слово, какъ въ мое сердце вонзился твой образъ. Слушай: теперь, когда я сказала это слово, когда ты больше меня не увидишь,—теперь ты ужь никогда меня не забудешь ужь никакая страсть не будетъ мнѣ соперницей,—ни любовь, ни золото, ни честолюбіе... все будетъ для тебя прахъ въ сравненіи съ памятью о той... у которой ты не поцѣловалъ и пальца! Вотъ я какъ хочу быть любима. Будь я твоя любовница, мы, можетъ быть, кончили тѣмъ, что отвернулись бы, не глядя, не прощаясь; всякій день, проведенный вмѣстѣ, обрывалъ бы у насъ по очарованію... Нѣтъ, предметъ моей любви долженъ быть выше всѣхъ! Я хочу думать о тебѣ, вѣчно, въ скорби, въ одиночествѣ, въ разлукѣ, въ дали, думать, что ты любишь меня, какъ нѣчто свыше, что ты меня и мертвую будешь искать вездѣ, вѣчно. Осуждаю тебя на мысль обо мнѣ, на обожаніе,—я божество твое, потому что люблю тебя! Мнѣ жить осталось недолго; я хочу жить въ тебѣ...

«Джорджіо, прощайте. Обѣщаю пріѣхать умирать близко васъ, но не увижу васъ; у меня достанетъ силы умереть молча. Но вы вспомните обо мнѣ, не правда-ли? Вы скажете, можетъ быть, въ ту самую минуту,—она тутъ, она умираетъ... Смотрите: слезы. Онѣ у меня не часто бываютъ... О, хотѣлось бы плакать на твоихъ колѣняхъ»...

Часы что-то пробили; Джорджіо не слыхалъ. Вѣтеръ колыхалъ пламя свѣчи; Джорджіо замѣтилъ, что окно отворено. Улица была тиха и пуста; надъ крышами, смутно черными въ темнотѣ, высоко горѣли звѣзды. Джорджіо стоялъ у окна, потерянный, не зная самъ, что думаетъ. На всѣхъ башняхъ города, на разные тоны били часы; въ безмолвіи, время отъ времени раздавался свистокъ станціи Санта-Марія-Новелла.. Какое множество часовъ во Флоренціи!.. Только это опредѣленно сознавалъ Джорджіо. Наконецъ, онъ вышелъ изъ дома и, самъ не зная, зачѣмъ, пошелъ въ улицу Принца-Амедея. Домикъ стоитъ... по прежнему, сколько разъ Джорджіо поздней ночью бродилъ мимо (онъ вспоминалъ) и видѣлъ этотъ домикъ, бѣленькій, тихій, и по стѣнамъ длинныя тѣни деревьевъ... все это и теперь выдается при свѣтѣ газа. Фонарь у тротуара свѣтитъ на узорную рѣшетку. На поворотѣ къ бульвару еще видѣнъ слѣдъ колесъ тяжелой, барской кареты. Новаго только листокъ бумаги съ объявленіемъ: «Отдается въ наймы», высоко привѣшенъ надъ подъѣздомъ и шевелится, когда вѣетъ вѣтеръ...

IX.

Много времени прошло! Умеръ папаша Лаферлита, Джорджіо женился. Мы были приглашены на другой семейный праздникъ—крестины первенца.

Приглашенные были тѣ же; тѣ же дамы, въ другихъ нарядахъ,—тѣ же мужчины—въ прежнихъ фракахъ. Та же теща, съ тѣмъ-же, только еще болѣе залежалымъ, платочкомъ, расхаживала по комнатѣ молодой супруги; та-же молодая супруга, по прежнему прелестная, но улыбающаяся какъ-то иначе, еще немножко блѣдная, сидящая въ большомъ креслѣ; наконецъ, тотъ же супругъ, элегантный господинъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, смотрѣвшій нѣсколько необычайно, благодаря вороху батиста и кружева, который, торжествуя, обносилъ кругомъ; не замѣчая за собою, но совершенно искренно, онъ заставлялъ желающихъ и нисколько не желающихъ любоваться какой-то безформенной штучкой, которая рѣзко вертѣлась, нетерпѣливо корчилась, дѣлала рожицы и по временамъ издавала звуки въ родѣ блеянія.

— Ну! Неужто, въ самомъ дѣлѣ? Это Лаферлита таскаетъ своего уродца! проворчалъ нераскаянный холостякъ Креспи.

— Позвольте посмотрѣть, кажется, ужь волоски? вскричалъ одинъ учтивый гость, стараясь заглушить замѣчаніе Креспи.

— Да, есть, отвѣчалъ весело Джорджіо: бѣлокурые.

— Всѣ ребята бѣлокурые, сказалъ Вернетти.

— Въ тебя, весь въ тебя, лобъ, носъ... Смотрите,— носъ Джорджіо!

— Кажется, носа-то и вовсе никакого.

— Странно! какіе мы... какіе мы на свѣтъ являемся!

— Другъ Креспи, возразилъ, наконецъ, Лаферлита, когда у тебя родятся дѣти, ты, вотъ, такой же будешь, какъ я,—говорю тебѣ, будешь глупо счастливъ, что у тебя на рукахъ дрыгаетъ ножками твой ребеночекъ.

— Ну!.. пожалуй, отвѣчалъ Креспи, пряча руки въ карманы: когда у меня будутъ.

Въ другой комнатѣ, пріятельницы и пожилыя дамы окружали жену Джорджіо, ласкали, дѣлали замѣчанія, подавали совѣты; ребенокъ, какъ кукла, передавался изъ рукъ въ руки. Когда онъ былъ на колѣняхъ у матери и она оставалась одна, Джіорджіо подходилъ, наклонялся и шепталъ. Изъ подъ драпировки дверей было видно это мягкое кресло, слабо освѣщенная комната, молодая женщина въ бѣломъ, утомленная и радостная; русые бакенбарды отца, рядомъ съ крошечнымъ чепчикомъ; блѣдно восковая рука на черномъ суквѣ фрака... Гостиная вся въ огняхъ, полна нарядныхъ женщинъ, въ кружевахъ; блестятъ золото, каменья, открытыя плечи мужчины жужжатъ и толпятся, какъ лѣтомъ комары...

— Странный эффектъ! ворчалъ Креспи. — Честное слово, если только будутъ у меня жена и дѣти—громаднѣйшій замо́къ повѣшу на дверь!

Мужчины, которые не ухаживали за дамами, одинъ-по-одному ушли въ кабинетъ Джорджіо, покурить и поболтать о женщинахъ и политикѣ... Фальки купилъ отличную пару лошадей и включилъ ее въ счетъ и военнаго бюджета, и кавалерійскаго ремонта, и тѣхъ суммъ, что тратитъ правительство на коннозаводство... Бассано этимъ утромъ сдѣлалъ славную спекуляцію и, по поводу вопроса, какъ дорого обходятся женщины, досталъ биржевой листокъ...

— Ну, Лаферлита заговоритъ о кормилицахъ! шепнулъ Кресни своему сосѣду.—Лучше пойти толковать о модахъ съ барынями.

Элегантная молодежь, съ сигарами въ зубахъ, раскинувшись на креслахъ и диванахъ, принялась разсуждать о женщинахъ такъ, какъ будто за четверть часа до того не рисовалась передъ ними, не разсыпала нѣжнотуманныхъ и вылощенныхъ фразъ. Каждый разсказывалъ свое, случалось—всѣ разомъ, подшучивая всячески, только стараясь, кто смѣлѣе. Если бы эти дамы потрудились подслушать...

— Женщина—красивѣйшее животное созданіе.

— Только инстинкты слишкомъ сложныя...

— Кресни только время тратитъ съ баронессой; Джуліо прилетѣлъ... съ курьерскимъ поѣздомъ.

— Позвольте! Я за женскую эмансипацію: тогда станутъ ухаживать за нами; наша будетъ очередь нервничать, капризничать...

— Знаете, красавецъ-то, Альфонсъ? Съ нимъ случилась бѣда. Оказывается, что лакей былъ вовсе не воръ, что барыня раньше кое-что знала и Альфонсъ самъ,—самъ, вообразите! — былъ принужденъ хлопотать, выручать того изъ полиціи, чтобы не вышло чего похуже...

— Кресни дуракъ, при всемъ его умѣ; баронесса водитъ его за носъ, увѣряетъ, будто Джуліо и его предшественники—ничего больше, какъ «друзья дома»...

— А бѣдный баронъ чего не насмотрится!

— Смотритъ и ни чего не видитъ.

— Турки—умнѣйшій въ мірѣ народъ!

— Видѣли маркизу? вотъ плечики!

— А пудры на нихъ, пудры!

— Madame de Сталь въ растрепанномъ видѣ: локоны распущены, восторженный видъ, глаза закачены до дна.

— Надоѣла мнѣ Эрсилія, господа; вѣчно одна и таже. Бросилъ.

— Любезнѣйшій Бассано, женщина — предметъ роскоши; когда вмѣсто двухъ лошадей, я буду въ состояніи содержать шестерку, тогда позволю себѣ взять любовницу.

— Друзья, всѣ вы прекрасно разсуждаете, но я былъ два раза влюбленъ, и—довольно съ меня. Первая была кокетка; по ея милости я всякій день рвалъ по парѣ перчатокъ. Другая сантиментальничала, ревновала меня къ зефиру, къ дыму сигары; бывало, купишь пучокъ цвѣтовъ у торговки—подавай объясненія! бывало, весь галстухъ зальетъ мнѣ слезами... Нѣтъ, остаюсь холостякомъ въ душѣ, развѣ найду Венеру, глупую, какъ гусыня...

— А Лаферлита каковъ?

— Кто бы могъ предвидѣть?

— Я предвидѣлъ, когда онъ въ Флоренціи моталъ очертя-голову.

— Вотъ, что-называется, покончилъ!

— Истинно, покончилъ; крестъ на нихъ поставить.

— Но, господа, прервалъ Денатале, человѣкъ молодой, но не особенно щеголеватый:—вы толкуете, какъ будто у васъ нѣтъ ни матерей, ни женъ, ни сестеръ.

— О, что касается женъ... если бы въ мірѣ была другая, такая добрая, кроткая, какъ моя, я бы всѣмъ своимъ друзьямъ посовѣтовалъ на ней жениться.

— Сестра, Денаталя,—сестра—не женщина, и вотъ почему, сказать по душѣ, — мнѣ бываетъ хорошо съ моей сестрою.

— И я знаю, что существуютъ женщины, достойныя любви и всякаго уваженія, но я это знаю случайно, возразилъ Фальки.

— Прекрасно. Но если даже случайно у каждаго изъ васъ найдется исключеніе... даже у того скептика, Кресни, который разсыпаетъ свой скептицизмъ передъ баронессой... то почему же вы отрицаете, что Лаферлита можетъ быть счастливъ, даже на цѣпи супружества?

— Кто отрицаетъ?..—Передайте мнѣ сигару.

— Вопросъ личнаго вкуса!

— Вы сказали: «на цѣпи»?

— Прошу о ниспосланіи мнѣ счастія какъ можно позднѣе!

— Да, когда жена твоя такъ подурнѣетъ, что ревновать будетъ не изъ-за чего, а дѣти только доставятъ страхъ, что рано оставишь ихъ сиротами. Такой эгоизмъ неразсчетливъ, Фальки; слишкомъ дорого ты за него поплатишься.

— Денатале, ты супругъ убѣжденный и довольный. Ты доволенъ? Ну, и всѣ довольны. Неправда-ли, господа?

— Э, э!..

— О томъ же надо по секрету спросить у Джорджіо и дать ему слово, что жена не узнаетъ.

— Господа, я такой-же эгоистъ, какъ Джорджіо. Наше счастье намъ ничего не стоитъ; оно легкое, простое, спокойное. Когда вы выломаете себѣ ноги, бѣгая, отыскивая блаженство, каждый на свой ладъ, тогда скажете, правъ-ли я. Знаете-ли, почему меня нисколько не тревожитъ, что ты, Фальки, сардонически улыбаешься, а ты, Бассано, пускаешь мнѣ дымъ въ носъ? Потому что, въ то время, какъ вы засунули руки въ карманы, разлеглись въ креслѣ, посматриваете, посмѣиваетесь и дымите,—я думаю—о тебѣ, во сколько обходится тебѣ твоя Джудитта; о другомъ:—у баронессы на твое мѣсто готовъ другой; о третьемъ:—извѣстная синьора начинаетъ наскучать; слишкомъ затянулась исторія...

— Все это, Денатале, въ отношеніи тебя вѣрно: ты ногъ себѣ не ломалъ; но Джорджіо хуже чѣмъ ломалъ. Я его видалъ во Флоренціи въ такомъ состояніи, что въ сумасшедшій домъ онъ годился, а не въ министерство...

— Да! Бассано, вы видали эту русскую, которая его съ ума сводила?

— Нѣтъ; она была невидимка. Говорили, она такъ хвораетъ, что и Джорджіо, поневолѣ, на гомеопатіи.

— Но, говорили, она очень хороша?

— Кто говорилъ да, кто нѣтъ.

— Но, знаете, гомеопатія...

— И Джіорджіо ее бросилъ?

— Нѣтъ, она его бросила. Прокляла, осмѣяла и дверь показала.

— Джорджіо, однако, успокоился.

— А она отправилась умирать въ какой-то гостинницѣ; всѣ сѣверныя чахоточныя барыни такъ кончаютъ,

— Кстати, о чахоточныхъ знатныхъ дамахъ. Я одну видѣлъ въ гостинницѣ купаленъ; въ Ачиреалѣ. Забавно, если это—страсть нашего Лаферлита. И тоже—русская, прибавилъ Бассано.

— Хороша?

— Чахотная, кости да кожа; сѣрые глаза, вотъ, этакіе!

— Знаю ее, сказалъ докторъ Рендона: моя паціентка.

— Какъ ея фамилія?

— Кто ее знаетъ. Зовется «синьора Конти», но произноситъ свое имя будто по-татарски.

— И та, страсть Лаферлита, не называлась своимъ именемъ; имѣла псевдонимъ.

— Должно быть, была хороша; глаза чудесные.

— И безнадежна?

— Такое слово никогда не говорится! «въ третьей степени», а «третья степень» въ концѣ, отъ лѣваго легкаго остается, такъ, кусочекъ, праваго ужь вовсе нѣтъ. При всемъ моемъ стараніи, протянемъ недѣли двѣ, мѣсяцъ. Не постигаю, изъ чего ихъ врачи присылаютъ къ намъ людей въ такой крайности. Вообразить только чего стоитъ вынести длинную дорогу! Правда, что ужь обратно не поѣдетъ...

Джорджіо вошелъ за минуту и слушалъ, прислонясь къ двери, не говоря ни слова. Докторъ кончилъ свой разсказъ, равнодушно, какъ человѣкъ привычный; всѣ примолкли; будто тѣнь пробѣжала надъ шумнымъ весельемъ кружка. Лаферлита потеръ лобъ рукою, заговорилъ, стараясь оживить разговоръ. Но гости стали посматривать на часы и расходиться. Пожимая руки кругомъ и прощаясь, хозяинъ сказалъ доктору.

— Подожди уходить, Рендона; мнѣ кажется, у Эрминіи какъ будто жаръ.

Кресни, уходя послѣдній, засмѣялся.

Прощаясь со мною, Джорджіо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, будто хотѣлъ сказать что-то, но только крѣпко жалъ мою руку.

— До свиданія и скорѣе... Скоро придешь, не правда-ли?

Рендона догналъ меня на лѣстницѣ; мы пошли вмѣстѣ.

— Да, чуть-чуть жаръ, заговорилъ онъ: устала; народъ этотъ, бабы эти, ей голову прошумѣли... Но кой чортъ съ мужемъ? все распрашивалъ о моей ачиреальской больной. Или въ самомъ дѣлѣ, тутъ чортъ хвостомъ впутался? Ну, во всякомъ случаѣ, не надолго...

X.

Почтенныя коротко знакомыя дамы разошлись, оставя каждая свои наставленія; кончилась ходьба тещи, ребенокъ уснулъ въ нарядной колыбелкѣ; засыпала и молодая мать. Джорджіо сѣлъ у ея постели. Покой, тишина, полусвѣтъ прояснялп душу, проникнутую какимъ-то торжественнымъ миромъ; стѣны, убранство комнаты все смотритъ какъ-то честно, все улыбается, все будто ново; комната будто полнѣе, уютнѣе; голубенькая крошечная колыбель наполнила великую пустоту... На улицѣ еще слышится шумъ засыпающаго города; прокатились, возвращаясь, наемныя кареты, запираются окна, ворота; спѣша, проходятъ запоздалые изъ кофеенъ, изъ театра; долетаютъ обрывки разговоровъ... и среди всего немного не ровное дыханіе женщины и чуть слышное дыханіе ребенка. Взглядъ Джорджіо переходилъ и останавливался на постели, на колыбели: два слабыя существа почивали тихо, довѣрчиво подъ его охраной. Онъ долженъ бодрствовать и беречь, и изъ этого сознанія исходила великая сила, великая полнота жизни. Являлось какое-то довольство; коверъ подъ ногами казался мягче, кресло покойнѣе, пріятнѣе тепло этой спальни, ровнѣе свѣтъ этой лампады. Спать ему не хотѣлось; эта тишина достаточно успокоивала за весь денной шумъ и праздныя рѣчи. Счастливъ-ли онъ—онъ не зналъ, но съ наслажденіемъ сравнивалъ свое настоящее положеніе съ положеніемъ пріятелей, у которыхъ и заботы и житейскія бури. Машинально, въ полудремотѣ, онъ дѣлалъ будто обзоръ парадоксамъ, которые они высказывали, противорѣчію ихъ словъ съ дѣлами... и одно за однимъ потянулись въ памяти собственныя сомнѣнія, волненія, шумное безсмысленное веселье, лихорадочные порывы,—то прошлое, вчерашнее, которое, казалось, ушло ужь такъ далеко; оно вливало будто болѣзненное безпокойное ощущеніе, оно связывалось съ послѣдними шутками пріятелей, съ разсказомъ доктора. Онъ глубоко задумался. Эрминія спала, лицомъ къ нему, ясная, бѣлая; черные волосы разсыпались на бѣлой подушкѣ... Странная галлюцинація: минутами ему казалось, что это лицо вытягивалось, мертвѣло; что эти очертанія худѣли, застывали, что изъ нихъ складывались очертанія другія, знакомыя, образъ сожженный страстью и горячкой, тотъ что безпощадно мерещился во время разсказа Рендона... Пріѣзжая въ Ачиреалѣ, въ гостинницѣ купаленъ... Черные волосы, а лицо—то, другое... Привлекательно, отвратительно и ужасно... Онъ подошелъ и наклонился надъ колыбелью сына. Ребенокъ раскинулся въ кружевахъ и батистѣ, полураскрылъ ротикъ, сжималъ кулачки; мать, будто видя его, спала торжествующая и радостная... Джорджіо оглянулся странно разсѣянный, на стѣны, на все окружающее, и вдругъ пришелъ цѣловать ребенка... Тотъ съ крикомъ проснулся...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Утилитарное направленіе образованія въ эпоху Петра I.

Статья **М. Лисицына**.

Русская жизнь издавна изобиловала вопросами, глубоко интересовавшими и приковавшими къ себѣ вниманіе какъ общества, такъ и правительства. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, обладая особенною живучестью и значеніемъ, продолжаютъ волновать и занимать общественную мысль въ переживаемое нами время точно такъ-же, какъ волновали они ее много-много лѣтъ тому назадъ. Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ и вопросъ о русскомъ образованіи. Если положеніе этого вопроса въ наши дни заставляетъ такъ много говорить о себѣ, заставляетъ усиленно работать общественную мысль, доискиваясь смысла извѣстныхъ явленій и ихъ истинныхъ причинъ, то во всякомъ случаѣ будетъ умѣстно, хотя въ бѣглыхъ замѣткахъ, воскресить въ памяти сравнительно недалекую старину,—ту эпоху, когда русская наука только начинала нарождаться и русская образованность находилась въ зачаточномъ состояніи.

Однимъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ, входящихъ въ составъ всякаго раціональнаго образованія, неотъемлемою его частью является его устойчивость и способность, отвѣчая насущнымъ потребностямъ даннаго общества и извѣстной эпохи, оно надолго, если не навсегда, будетъ удерживаться и господствовать надъ умами членовъ того общества, на службу которому оно призвано и создано. Разъ найдено нужнымъ и соотвѣтствующимъ различнымъ бытовымъ и другимъ условіямъ жизни общества создать то или иное направленіе въ образованіи, является уже необходимость неуклонно и твердо держаться этого разъ принятаго направленія. При этомъ цѣли и принципы образованія могутъ быть крайне различны и измѣнчивы, смотря потому что преслѣдуется и къ какимъ результатамъ желательно придти при помощи и содѣйствіи образованія. Но во всякомъ случаѣ оно непремѣнно должно быть устойчиво и долго проводимо въ жизнь общества, съ цѣлью во-1-хъ обнаруженія его воздѣйствія на умы, а во-2-хъ для того, чтобы, достаточно укрѣпившись, оно могло дать тѣ или другіе опредѣленно ясные результаты и показать свою пригодность или совершенную непримѣнимость. Другимъ важнѣйшимъ свойствомъ всякой системы образованія является его современность, соотвѣтственность эпохѣ и бытовымъ условіямъ жизни даннаго общества, и, наконецъ, гармонія между національнымъ характеромъ и главнѣйшими началами того или другаго образованія. Развитіе всякой системы образованія и ея прочная прививка всецѣло зависитъ отъ того,—совпадаетъ или нѣтъ она съ истинными нуждами и интересами даннаго общества. Если совпаденіе существуетъ, то соотвѣтственно этому получаются и благотворные результаты вліянія образованія на массы; если же этого совпаденія нѣтъ, если оно вводится вопреки желаніямъ и потребностямъ общества насильно навязаннымъ ему, то и, держась много-много лѣтъ, оно не только не приводитъ къ намѣченнымъ цѣлямъ, но даже не въ состояніи укрѣпиться на столько, чтобы устоять противъ малѣйшаго натиска неблагопріятныхъ обстоятельствъ безъ усиленной искусственной поддержки тѣхъ, чьею волею оно вызвано къ жизни.

Бываютъ въ жизни обществъ эпохи, длящіяся иногда цѣлыя столѣтія, когда то или иное направленіе образованія является само собою, независимо, благодаря сложившимся такъ или иначе историческимъ обстоятельствамъ и условіямъ. Такъ было, напр., въ эпоху возрожденія, такъ случается при началѣ и усиленномъ ростѣ умственной духовной дѣятельности въ жизни извѣстнаго общества, извѣстной націи. Въ этихъ случаяхъ вождямъ и руководителямъ народа не приходится задумываться надъ разрѣшеніемъ вопроса о направленіи образованія, но остается лишь подмѣчать и наблюдать стремленія и потребности общества. Иногда эти вожди и руководители, являясь творцами новыхъ формъ жизни своего народа, создавая и указывая новые пути исторической жизни, руководимой ими націи, бываютъ поставлены въ необходимость избрать и намѣтить, въ числѣ другихъ формъ, форму и направленіе народнаго образованія. Тогда весь успѣхъ начатыхъ ими реформъ, вся будущность новосозданнаго строя является въ зависимости отъ того съумѣлъ-ли понять и ясно-ли понялъ преобразователь истинныя потребности своего народа, его склонности, способности и тѣ естественныя условія, среди которыхъ ему приходится жить.

На долю Петра Великаго выпала именно такая задача.

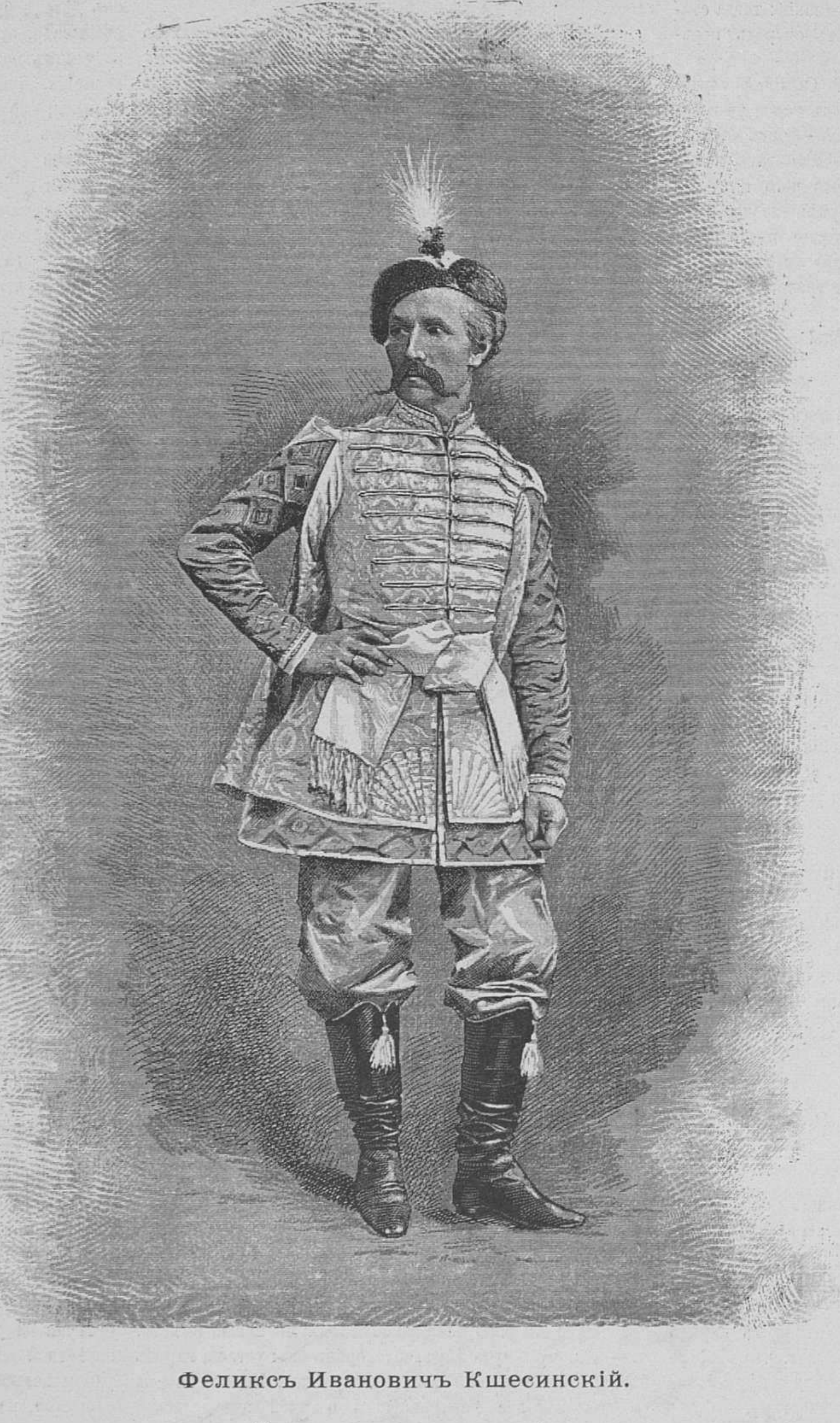
Задавшись мыслью пересоздать свое государство по образцузападно-европейскому, онъ естественно прежде всего долженъ былъ заняться русскимъ образованіемъ, давъ ему извѣстную форму и направленіе. Ясно сознавая и преслѣдуя свои опредѣленныя государственныя цѣли, преобразователь русскаго общества видѣлъ, что ему нужно, чего недостаетъ теперь и въ чемъ его благо въ будущемъ. Ему не только хотѣлось начать перестроивать строй русской жизни, предоставивъ окончаніе этой перестройки по своему усмотрѣнію будущимъ поколѣніямъ, но и желательно было намѣтить тѣ пути государственной жизни, по которымъ неизмѣнно и неуклонно должны были идти преемники въ его благотворной преобразовательной дѣятельности. И въ этомъ отношеніи работа геніальной мысли Петра сдѣлала очень много для русскаго образованія. Понявъ, что нашей землѣ, массамъ ее населяющимъ пригодно лишь такое образованіе, какое соотвѣтствовало бы условіямъ русской жизни и давало-бы возможность пользоваться природными богатствами страны, Преобразователь Россіи, не колеблясь, далъ русскому образованію во всѣхъ его видахъ строго утилитарное направленіе. Этимъ преслѣдовались чисто практическія цѣли и имѣлась въ виду прямая непосредственная польза. Такимъ образомъ дѣло образованія, по мысли Петра, должно было стоять на твердой почвѣ, такъ какъ оно имѣло за собою всѣ данныя, чтобы привиться и прочно установиться въ русскомъ государствѣ и принести со временемъ обильные и сладкіе плоды.

И при бѣгломъ взглядѣ казалось, что это когда-нибудь и будетъ, такъ какъ усвоенное направленіе образованія прямо соотвѣтствовало государственнымъ нуждамъ и потребностямъ, вытекало изъ необходимости и было тѣсно связано съ дѣйствительностью. Школы тогдашняго времени даже по одному названію своему носятъ характеръ утилитарности во всемъ. Только лишь въ школахъ духовныхъ или руководимыхъ сподвижниками Петра изъ духовенства замѣчался нѣсколько отвлеченный характеръ въ направленіи образованія. Такъ, напр., «въ 1721 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ завелъ при своемъ домѣ школу, въ которую онъ принималъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. Это была одна изъ лучшихъ школъ того времени, какъ по внутреннему устройству, такъ и по достоинству доставляемаго ею образованія» *). Интересно при этомъ правило духовнаго Регламента объ училищныхъ домахъ, сообразно которому повидимому Ѳеофанъ старался устроить и свою школу. Въ Регламентѣ было сказано: «мѣсто академіи не въ городѣ, но въ сторонѣ, на веселомъ мѣстѣ угодное, гдѣ нѣсть народнаго шума, ниже частыхъ окказій, которыя обычно мѣшаютъ ученію и находятъ на очи, что похищаетъ мысли молодыхъ человѣкъ и прилежать ученіямъ не допускаетъ».

Изъ этого ясно видно, что даже и въ тѣ времена, извѣстныя своимъ суровымъ отношеніемъ къ молодежи, считали не лишнимъ позаботиться объ удобствѣ помѣщеній школьныхъ домовъ, тогда какъ въ наше время, въ вѣкъ пресловутой гуманности, приходится столько безплодно вопіять о вентиляціяхъ и сносныхъ помѣщеніяхъ для нашихъ низшихъ и высшихъ школъ. Преподавали въ школѣ Ѳеофана Прокоповича законъ Божій, славянское чтеніе, русскій, латинскій и греческій языки, грамматику, риторику, логику, римскія древности, ариѳметику, геометрію, географію, исторію и рисованіе. Учителями въ школѣ были датчанинъ А. Селлій съ 1722 по 1725 г.; профес. акад. наукъ Теофилъ Сигфридъ Байеръ и иностранецъ Георгій Фридрихъ Федоровичъ. Старшіе воспитанники школы, дошедши до высшихъ классовъ, обучали младшихъ учениковъ, получая за это небольшое жалованье. Руководителемъ школы, Ѳеофаномъ, были написаны для нея инструкціи, отзывающіяся нѣсколько іезуитскимъ духомъ. Въ нихъ, между прочимъ, рекомендуется ученикамъ слѣдить другъ за другомъ и доносить обо всемъ по начальству, запрещается писать и читать безъ вѣдома директора школы получаемыя письма, а также напиваться самимъ и напаивать пьяными надзирателей школы.

Къ инструкціи приложено и росписаніе учебнаго дня въ этомъ старинномъ пансіонѣ подъ именемъ «устава», что надлежитъ знать и дѣлать ученикамъ по днямъ и по часамъ. Пунктъ 1-й. Въ простые дни поутру вставать въ 6-мъ часу; въ 7-мъ убираться честно; 8—9 первѣе изученное вчера греческое протвердить, а потомъ латинскаго и русскаго языка обучаться; 10 гулять; 11 рисовать; 12 обѣдать». По полудни инструкція рекомендуетъ въ 1-й часъ гулять, 2 и 3 латинскаго и русскаго языка паки обучаться, 4 и 5 рисовать, 6 и 7—инымъ голосной, инымъ инструментальной музыкѣ обучаться на перемѣну; 8 грамматика еллинскаго языка; 9 гулять и вечерять и потомъ молиться и ложиться. Во вторникъ и четвертокъ по обѣдѣ гулять. Во время трапезы инструкціею предписывалось читать вслухъ, по

РУССКІЕ АРТИСТЫ.



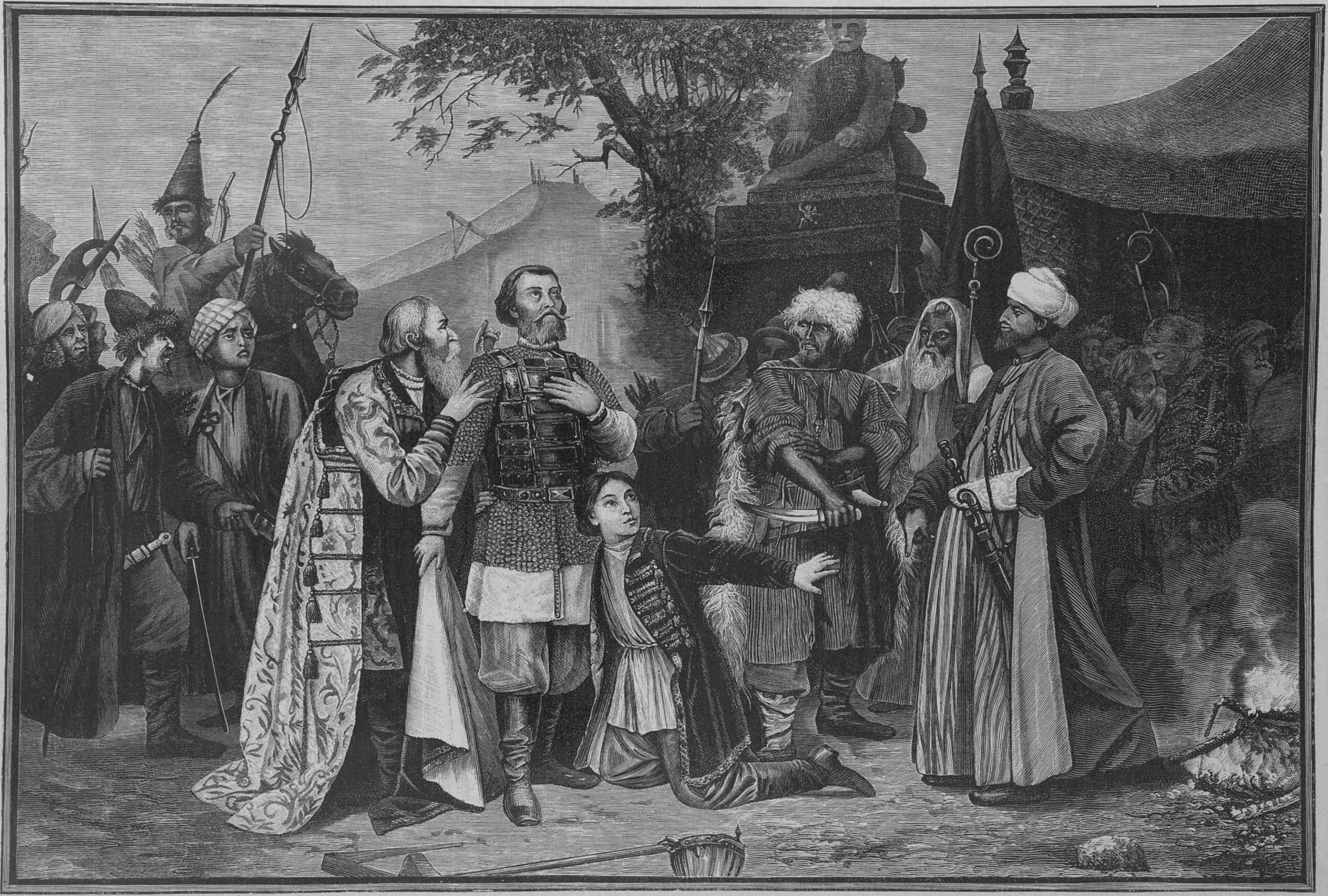
Феликсъ Ивановичъ Кшесинскій.

(Воспроизведено по фотографіи).

---

*) «Ѳ. Прокоповичъ и его время» Чистовичъ, стр. 631—638.

Съ картины Лосева.



Князь Михаилъ Черниговскій въ ордѣ.

Гравировалъ на деревѣ Е. Львовъ въ Спб.

очереди, св. писаніе, причемъ правила рекомендовали ученикамъ непонятныя мѣста записывать и впослѣдствіи просить разъясненія таковыхъ у самаго Ѳеофана. Далѣе слѣдуетъ наставленіе, какъ вести себя въ церкви, на гуляньяхъ и въ какія игры играть. Предусматривая всѣ мельчайшіе случаи въ школьной жизни, инструкція доходитъ даже до того, что описываетъ характеръ самыхъ игръ. Такъ пунктъ X инструкціи гласитъ: «игранія употреблять безбѣдныя и незлообразныя; напримѣръ въ городки палками не играть, на крагли метать пули не выше двоихъ аршинъ; по сторонамъ игры тоей близко не стоять, побѣдителямъ на побѣжденныхъ не садиться и ничего непристойнаго дѣлать не велѣть; въ свайку никому отнюдь не играть». Этотъ пунктъ, вѣроятно, былъ адресованъ къ юнѣйшимъ птенцамъ школы, что-же касается великовозрастныхъ, то послѣднимъ запрещалось «держать у себе питейныхъ припасовъ, кольми паче водки и простаго вина»,—авторъ устава прибавлялъ при этомъ нравоучительно отъ себя, что «сего преслушаніе, почитаемъ мы за великое злодѣйствіе»; для огражденія питомцевъ школы отъ дурныхъ маперъ и «подлыхъ обычаевъ» имъ воспрещено было знакомство съ «дворянами, приказными, конюхами и прочими домовыми служителями», а также рекомендовалось «не пить предоставленное питіе жадно, и такого злообразія весьма храниться, кольми паче не пить до пьяна и не шумѣть».

Изъ дальнѣйшихъ пунктовъ инструкціи, особенно изъ тѣхъ мѣстъ ея, гдѣ трактуется о внутренней жизни школы (напр. «о больныхъ»), видно, что Ѳеофанъ любилъ заботиться объ ученикахъ этой школы и основалъ и велъ ее не изъ-за одного только того, чтобы сдѣлать угодное царю. Для развлеченія учениковъ онъ завелъ въ школѣ вокальную и инструментальную музыку.

Противъ этого нововведенія возстали нѣкоторые ритористы того времени, видѣвшіе въ этомъ «противное церкви святой и ученію ея», такъ какъ ученики семинаріи предназначаются къ священническому и монашескому сану. Однако это не смутило знаменитаго проповѣдника того времени и, по свидѣтельству его біографа, онъ даже «не только позволялъ, но самъ завелъ въ школѣ сценическія представленія». Въ этой школѣ всего обучалось за 15 лѣтній промежутокъ ея существованія до 160 юношей, и нѣкоторые изъ нихъ (А. П. Протасовъ—сынъ рядоваго л.-гв. Семеновскаго полка, С. К. Котельниковъ—сынъ рядоваго л.-гв. Преображенскаго полка), продолжавшіе потомъ ученіе въ академіи наукъ, сдѣлались дѣйствительными членами ея... Многіе изъ воспитанниковъ Ѳеофана пріобрѣли извѣстность въ ученомъ, административномъ и др. поприщахъ общ. службы. («Ѳ. Прокоповичъ и его время» — Чистовича). Нѣкоторые изъ его школы были учителями при школахъ въ провинціяхъ — къ чему, собственно и готовилъ ихъ основатель семинаріи, такъ какъ при школѣ «всегда содержалось 60 отроковъ, коихъ онъ нарочно опредѣленными къ тому учителями обучалъ» *).

Въ 1741 году былъ указъ изъ кабинета относительно «оставшихся послѣ бывшаго Ѳеофана, архіепископа Новгородскаго, семинаристовъ», изъ коихъ многіе «лѣтами уросли» и къ дальнѣйшимъ наукамъ ихъ поэтому употреблять невозможно, а потому кабинетъ постановилъ предоставить Св. Синоду разсмотрѣть: «кого изъ нихъ куда по способности опредѣлить надлежитъ» и объ ономъ представить въ кабинетъ (ibid. стр. 637). Школа Ѳеофана по смерти его перешла въ вѣдомство кабинета.

Такимъ образомъ даже школы и такого типа конечною своею цѣлью имѣли отчасти непосредственно практическую пользу.

Ни государственныя потребности и нужды, ни личность и наклонности самого Петра,—ничто не могло содѣйствовать и поощрять развитіе школъ иного типа. Да онѣ бы явились совершенно лишнимъ отягощеніемъ государственнаго бюджета и лишь дали-бы въ руки оппозиціи однимъ аргументомъ болѣе въ нападкахъ на реформы Преобразователя, такъ какъ принудительное образованіе не съ утилитарнымъ направленіемъ не имѣло бы за собою никакихъ оправдательныхъ доводовъ. Дѣйствуя единолично и самовластно наперекоръ всему, Петръ все таки чувствовалъ и ясно сознавалъ, что главный стимулъ его дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ главный и устойчивый нравственный оплотъ въ его дѣятельности есть принципъ преслѣдованія во всемъ государственной пользы. Этого не могли не видѣть и враги его, какъ-бы ни были они ослѣплены ненавистью къ новшествамъ и слѣпымъ фанатизмомъ по отношенію къ храненію традицій излюбленной ими старины. Слѣдовательно уклонись онъ отъ этого пути, задайся высокими и гуманными соображеніями о пользѣ развитія въ Россіи наукъ гуманитарныхъ, общеобразовательныхъ, онъ не могъ бы уже располагать могучимъ средствомъ доказывать наглядно пригодность и неотложную потребность его мѣропріятій для государственной, въ новыя рамки поставленной, жизни и нововведеній. Правда, эти мѣры были круты, подчасъ жестоки и грубы, правда, онѣ вводились въ русскую жизнь и русское сознаніе насильственно, нерѣдко съ палочными ударами и смертнымъ боемъ, но нравственная ихъ подкладка была достойна уваженія и сочувствія всѣхъ мало-мальски мыслящихъ людей тогдашняго времени.

У насъ до сихъ поръ не установленъ еще правильный взглядъ и не сдѣлана безпристрастная оцѣнка, какъ великой личности перваго русскаго императора, такъ и его дѣяній. Не говоря уже о чужестранцахъ, которымъ позволено ошибаться, и наша русская мысль, продолжаетъ блуждать, подчиняясь настроеніямъ минуты и господствующимъ въ современной исторіи взглядамъ. Переживъ періодъ восторженныхъ поклоненій, предъ эпохою и преобразовательною дѣятельностью Петра, русское сознаніе, въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей науки и публицистики, перешло въ противоположную фазу и дѣятельно и настойчиво занялось усиленнымъ изысканіемъ отрицательныхъ и мрачныхъ сторонъ въ дѣятельности Петра. Вездѣ отыскивалась палка, кнутъ и эшафотъ, вся реформа сводилась на какой-то насильственно наведенный кошмаръ, задавившій вся и всѣхъ, значеніе за вызваннымъ переворотомъ въ жизни Россіи хотя и признавалось громадное, но ему почти всецѣло придавалось отрицательное достоинство. Наконецъ, увлеченіе этимъ направленіемъ достигло до того, что въ новыхъ формахъ европейской жизни, созданныхъ Петромъ для Россіи, стали видѣть лишь новый ярлыкъ, наклеенный на прежнія вмѣстилища. Такъ, отрицалась возможность какого-бы то ни было образованія и воспитанія въ школахъ, заведенныхъ Петромъ, по западно-европейскому образцу, и прохожденіе курса наукъ въ этихъ школахъ, а также извѣстныя посылки молодыхъ людей заграницу для обученія, пріурочивались къ государевой службѣ, лежавшей повинностью издавна на служилыхъ людяхъ Московскаго царства, и такимъ образомъ нравственно-образовательное значеніе этихъ школъ и этихъ заграничныхъ посылокъ, всецѣло утрачивалось. Такому взгляду много способствовала форма и внѣшніе пріемы тогдашняго образованія. Заводя свои высшія и низшія школы, Петру нужно было и хотѣлось видѣть какъ можно скорѣе осязательные результаты дѣятельности этихъ школъ, въ лицѣ выпущенныхъ оттуда учениковъ. Времени на ихъ обученіе было слишкомъ мало; удовлетвореніе потребностямъ вновь созданной государственной жизни, слишкомъ настойчиво требовало силъ и работниковъ, чтобы можно было долго ждать, удѣляя время долгому и зрѣлому ученію въ школахъ. Государство, какъ и всегда, поглощало и подавляло интересы не только личности, но даже цѣлаго подростающаго поколѣнія. И оно съ его человѣческими правами было всецѣло принесено въ жертву государству, во имя его интересовъ. Сообразно этому слагался и бытъ тогдашнихъ школъ, спѣшные, на скорую руку, пріемы обученія и полнѣйшее игнорированіе при этомъ, по большей части, личности ученика. Его захватывали силою изъ родительскаго дома, подчиняли суровой школьной дисциплинѣ, сравнительно недолго обучали той или другой спеціальности и сдавали въ распоряженіе правительства, находившаго сейчасъ-же мѣсто и занятіе новой нужной въ государственномъ механизмѣ силѣ. Завѣдываніе всѣми училищами въ царствованіе Петра, сначала принадлежало Сенату, а потомъ Адмиралтействъ-Коллегіи, которой предоставлено было снабжать заведенія «достойными учителями». Надзоръ за учителями и правильнымъ ходомъ образованія, былъ возложенъ въ губерніяхъ на губернаторовъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, было учреждено нѣчто вродѣ нынѣшнихъ учебныхъ округовъ, куда должностныя лица назначались самимъ Монархомъ. Изъ такихъ лицъ извѣстенъ своею дѣятельностью Скорняковъ-Писаревъ *). Нечего говорить, конечно, о томъ, что дисциплина въ этихъ школахъ была самая суровая, наука и добронравіе вгонялись лозою и побоями, а учителя не располагали слишкомъ обширнымъ запасомъ знаній. Все это вполнѣ соотвѣтствовало и тогдашнимъ правамъ, и тогдашнимъ педагогическимъ взглядамъ. Взятые въ школы по большей части насильно, оторванные отъ своихъ семей, ученики не только нерѣдко таились и убѣгали отъ учебной повинности, но иногда учиняли съ учителями драки, кончавшіяся смертоубійствомъ *).

Такъ, одинъ изъ товарищей учителя Фарварсона, былъ убитъ учениками, не желавшими ни заморской, ни какой иной мудрости. Съ другой стороны и учителя смотрѣли на своихъ учениковъ свысока презрительно. Въ букваряхъ тогдашняго времени, часто встрѣчались такого рода привѣтствія педагога къ своимъ ученикамъ:

Вси мене блюдитеся
Нелѣностно же учитеся
Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни ранамъ мучительскимъ.

Но гордые своимъ превосходствомъ, сами педагоги, какъ видно изъ документальныхъ данныхъ того времени (напр. «Наказаніе къ учителямъ како имъ учити дѣтей грамотѣ»), сами далеко не обладали полнотою знаній, нужныхъ для ихъ званія и не рѣдко нуждались въ наказаніи такого рода: «самимъ бы вамъ знати естество словесъ и силу ихъ разумѣти, и гдѣ говорити дебело и тоностно и гдѣ съ пригибаніемъ устъ и гдѣ съ раздвиженіемъ... А о семъ наипаче молитъ васъ наше худоуміе»... («Наказаніе къ учит.»).

Въ спеціальныхъ, даже и высшихъ школахъ Петровскаго времени, царилъ тотъ-же духъ и та-же суровая дисциплина. Самъ Петръ, по свидѣтельству историческихъ документовъ, рекомендовалъ «сѣчь по два дни нещадно батогами, или по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута, наказать кошками» **). Само собою разумѣется, что такія отношенія между учащими и учащимися и такія суровыя дисциплинарныя мѣры въ школѣ, вели только къ тому, что и дѣти и отцы глядѣли на школу и школьную повинность съ ужасомъ, старались всѣми правдами и неправдами уклониться отъ этой повинности и избѣжать нелегкой участи. Нерѣдко въ отчетахъ тогдашнихъ высшихъ школьныхъ властей указывается на многочисленные побѣги учениковъ, ходатайства отцовъ объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ школьной «учобы» и т. п. Такъ посадскіе люди Пскова, Новгорода, Ярославля, Москвы и Вологды вошли въ 1720 г. въ сенатъ съ просьбою, что дѣти ихъ занимаются торговлею и иные въ дальнихъ мѣстахъ, а ихъ принуждаютъ поступать въ школы, при чемъ «многихъ держатъ въ тюрьмахъ и за карауломъ» ***). Сенатъ уволилъ дѣтей посадскихъ отъ обязательнаго ученія въ цифирныхъ школахъ. Нерѣдко за непосѣщеніе и уклоненіе отъ школьной повинности, налагались на отцовъ штрафы, изъ коихъ слагались довольно почтенныя суммы. Но среди этого темнаго, тяжело подавляющаго мрака насилія надъ личностью, хотя и неизбѣжнаго и вынужденнаго въ то время самимъ положеніемъ дѣлъ, встрѣчаются иногда (хотя и очень рѣдко) свѣтлыя страницы и свѣтлыя личности въ школьной тогдашней жизни. Таковъ напр., извѣстный лифляндскій пасторъ, а впослѣдствіи пробстъ, Эрнстъ Глюкъ, въ домѣ котораго жила (когда онъ жилъ еще въ Маріенбургѣ) schönes Mädchen von Marienburg, какъ звали ее маріенбургскіе жители, впослѣдствіи русская императрица Екатерина I. Этотъ Глюкъ занимался по повелѣнію царя переводами на русскій языкъ различныхъ книгъ и наконецъ въ 1703 г., открылъ училище въ Москвѣ, предварительно обнародовавъ «программу или приглашеніе къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и всякому изображенію угодной глинѣ». Эта программа начинается такъ: «Здравствуйте, плодовитые, да токмо подпоръ и тычинъ требующіе дидивины!»... далѣе слѣдуетъ пространное разсужденіе о пользѣ ученія и, между прочимъ, взывается въ такихъ словахъ, къ собственному сознанію пользы ученія у будущихъ учениковъ... «вы сами въ своей пазухѣ обрящете причины, для которыхъ вамъ достоитъ покорно сіе призваніе внимати и послушно остроуміе свое приклонити... Благоодумайте, что благочестіе не приращается, но притязлется... Чтобы же познали, что отъ школьныхъ трудъ нашихъ въ вашу пользу пригодится, каталогъ учителей и наукъ симъ роспискомъ изъявляемъ, изъ котораго увидите, что не пульные черви суть, которыхъ отроки въ бобахъ находятъ, ниже кропивы, которыми гряды разума вашего посѣяны будутъ, но полезныя науки, сколько ихъ вамъ въ пользу и красоту пригодятся». Далѣе прилагается «Каталогъ» учителей и наукъ преподаваемыхъ въ школѣ; изъ учителей обращаютъ на себя особенное вниманіе Стефанъ Рамбуръ, «танцовальный мастеръ, тѣлесное благолѣпіе и комплементы чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ научаетъ, и Іоаннъ Штурмвелль, конской учитель, охотниковъ отъ первыхъ дѣтей научаетъ кавалерскимъ чиномъ ѣхати и лошадей во всякихъ школахъ и манежахъ умудрити». (Пекарскій, Наук. и лит. въ Рос. при Петрѣ, стр. 120—130).

---

*) Соч. и перев. къ пользѣ увесел. служащія 1761 г, окт., 311—320.

*) Въ народн. образов. въ Россіи до конца XVIII ст. Арсеньева въ Уч. зап. 2 Отд. И. А. Н. кн. I, за 1854 г. стр. 9—10.

*) Ист. Спб. Дух. Акад. Чистовича, стр. 19.

**) Веселаго, Истор. лиг. кад. корпуса стр. 55.

***) Пекарскій, Ист. просв. въ Рос. стр. 125.

М. Лисицынъ.

Наблюденія и размышленія.

(Фельетонные замѣтки и очерки).

Цѣлыхъ двѣ недѣли Петербургъ былъ въ осадномъ положеніи. Чтобы помѣшать смертельнымъ нападеніямъ врага, на улицахъ день и ночь горѣли костры. Этимъ нежданнымъ врагомъ явился морозъ, не на шутку встревожившій всѣхъ своимъ упорнымъ постоянствомъ и своимъ союзомъ съ вѣтромъ и мятелью. Столичныя улицы приняли необычный видъ: вездѣ горящіе костры, около нихъ толпятся, отогрѣвая закоченѣвшія руки и ноги тѣ, кому ради насущнаго хлѣба не приходится сходить съ улицъ по цѣлымъ часамъ; проходящій и проѣзжающій людъ кутается, поднявъ воротники, завертываясь въ башлыки, и спѣшитъ, спѣшитъ, какъ на пожаръ, удирая отъ мороза; вездѣ встрѣчаются люди съ замороженными ушами, щеками, носами, подвязанные, точно раненые въ схваткѣ съ непріятелемъ бойцы; въ полицейскихъ сферахъ дѣлаются распоряженія—подбирать поспѣшно пьяныхъ, впускать въ ночлежные пріюты сверхкомплектныхъ ночлежниковъ, имѣть въ участкахъ свободныя комнаты для ищущихъ пріюта, впускать извощиковъ въ извощичьи трактиры во всю ночь. На окраинахъ, гдѣ болѣе свободы вѣтру, гдѣ дома сколочены кое-какъ, гдѣ не на что отапливать хорошо квартиры, зябнущій людъ создаетъ уже цѣлыя легенды о томъ, что будто-бы происходитъ «въ городѣ». Группѣ дворниковъ и извощиковъ, собравшихся около костра и присѣвшихъ на поставленныя стоймя полѣнья, одинъ изъ дворниковъ разсказываетъ:

— Совсѣмъ его доняло, подъѣхалъ онъ это къ костру, вышелъ изъ саней и присѣлъ на полѣно. На улицѣ-то пусто, всѣ по своимъ угламъ забились...

— Забьешься, какъ ни рукъ, ни ногъ не чувствуешь, перебиваетъ разсказчика извощикъ, похлопывая рукой объ руку и потаптываясь отъ холода на одномъ мѣстѣ.

— На улицѣ-то пусто, морозъ такъ и трещитъ, самъ онъ перемерзъ, а домой еще нельзя ѣхать—выручка мала, хозяинъ залаетъ, продолжаетъ дворникъ,—ну, и всплакнулъ онъ...

— Извѣстно, мальчишка; дѣло дѣтское, прошамкалъ какой-то старикъ.

— Деревня, значитъ, вспомнилась да тепло на печи, вставилъ молодой извощикъ.

— Оно и есть, подтвердилъ дворникъ.—Сталъ это онъ, братцы, думать, думать, дальше да больше, какъ тамъ что у родителевъ, и видитъ, избенка родная, братишки да сестренки въ повалку спятъ, десятый сонъ видятъ, тепло въ избѣ-то, хорошо таково...

Кто-то вздохнулъ.

— Ну, и что-же? послышался вопросъ.

— Ну, и замерзъ, коротко закончилъ дворникъ.

Слышатся отдѣльныя восклицанія:

— Долго-ли!

— Замерзнешь!

— Жисть тоже!

И никто не выражаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ правдивости легенды, всѣ принимаютъ на вѣру разсказъ о томъ, съ какими мыслями замерзъ паренекъ-извощикъ. Можетъ быть, онъ и не замерзалъ, но фантазія уже такъ настроена, что всѣмъ подобнымъ росказнямъ вѣрится невольно и щемитъ сердце за тѣхъ, которые могутъ замерзнуть...

Утромъ двѣ гаваньскія жительницы-старушонки сходятся на улицѣ. Онѣ закутаны такъ, что ихъ, какъ говорится, пушкой не прошибешь, хотя это нисколько не мѣшаетъ имъ быть въ продранныхъ около пятокъ чулкахъ. Одна спрашиваетъ другую:

— Слышала, мать, сторожъ-то на мосту?

— Что такое? спрашиваетъ другая.

— Замерзъ! Ночью-то это мятель поднялась, вѣтеръ такъ и крутитъ, такъ и крутитъ, а онъ это стоитъ, одинъ одинешенекъ, сердешный, какъ перстъ. Доски-то на мосту трещатъ, вѣтромъ-то такъ и наноситъ снѣгъ, а онъ все стоитъ, — стоитъ и не шелохнется. Кругомъ ни гласа, ни послушанія, души человѣческой нѣтъ, собаки добрый хозяинъ не выгонитъ, ну, а онъ стоитъ...

— Служба! вздыхаетъ слушательница.

— Кабы не служба, кто-бы погналъ его стоять! Ну, вотъ такъ это крутило, крутило кругомъ, заносило, заносило его и—закаменѣлъ.

— Ахъ, ты мать Пресвятая Богородица! восклицаетъ слушательница, относясь съ полной вѣрой къ легендѣ.— Это сторожъ-то? Закаменѣлъ? Вотъ дѣла-то! Вотъ у моей жилички—знаешь Митревну? — тоже племянникъ, солдатикомъ служитъ, какъ бы тоже чего съ нимъ не случилось..

— А давно Митревна не видала его?

— Давно! Третій годокъ пошелъ, какъ онъ съ полкомъ въ Одестѣ стоитъ...

— Ишь ты! Третій годъ не видала, мало-ли что могло стрястись...

Обѣ охаютъ о тяжелой службѣ и спѣшатъ торопливыми шагами одна въ лавочку, другая домой, чтобы разсказать еще кому нибудь объ окаменѣвшемъ сторожѣ и о тревогахъ Митревны о племянникѣ, который стоитъ въ Одестѣ и, можетъ быть, тоже замерзъ во время этихъ петербургскихъ морозовъ...

Поздно вечеромъ въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ дней я нанялъ извощика, сѣлъ въ сани и поѣхалъ.

— Что, порядкомъ замерзъ, старина? спрашиваю я у возницы.

— Съ чего замерзнуть-то? сурово отвѣчаетъ онъ. Такіе-ли морозы въ старину-то бывали, а не мерзли люди. Не морозъ всему горю причиной, а малодушіе. Малодушія теперь въ людяхъ много, вотъ бѣда.

И онъ сталъ мнѣ разсказывать про николаевскія времена, когда онъ былъ сданъ въ солдаты. Морозы тогда не такіе бывали, какъ нынче, но малодушія не было, ну, и терпѣли люди. Старикъ говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, съ полной вѣрой въ справедливость своего мнѣнія. Это убѣжденіе было так сильно, что онъ чуть не заморозилъ меня, проѣхавъ весь путь шажкомъ...

Морозы, впрочемъ, не мѣшаютъ зимнимъ удовольствіямъ: январь и февраль, какъ извѣстно, мѣсяцы костюмированныхъ баловъ, аристократическихъ вечеровъ, разныхъ благотворительныхъ концертовъ и забавъ. Инженеры даютъ свой костюмированный балъ, французская колонія устраиваетъ другой такой же балъ, за придворнымъ баломъ слѣдуютъ балы въ великосвѣтскихъ домахъ. Сезонъ зимнихъ развлеченій, въ самомъ разгарѣ. Ко всѣмъ этимъ развлеченіямъ прибавилась нынѣшній годъ еще одна забава: свѣтскія дамы устроили въ залахъ дворянскаго собранія ярмарку, для продажи разныхъ вещей—издѣлій кустарей, яблоковъ, пряниковъ, шампанскаго. Здѣсь стоятъ телѣги, кузова изъ драни, рогоженныя палатки и рядомъ съ этимъ красуются торгующія всѣмъ этимъ, свѣтскія красавицы, въ бархатѣ и брюссельскихъ кружевахъ. Одинъ изъ фельетонистовъ назвалъ эту ярмарку «Ярмаркой тщеславія» или «Базаромъ житейской суеты». Мы можемъ сказать только одно то, что серьезно и строго относиться къ подобнымъ затѣямъ, по меньшей мѣрѣ, странно: это развлеченіе отъ скуки и только, а развлекаться каждый можетъ чѣмъ ему угодно, лишь бы это не вредило обществу и не выходило за предѣлы приличія. Не все же смотрѣть на Цукки и восторгаться Мазини. Нужно-же придумать что нибудь и поновѣе, чтобы убить свободное время. О пользѣ-же подобныхъ ярмарокъ нечего и толковать серьозно, особенно о пользѣ «кустарямъ»—à ces pauvres koustaris. Наши свѣтскія дамы, конечно, на столько умны, хорошо воспитаны и серьезно образованы, что подобныя несообразности не могли-бы имъ придти и въ голову. Имъ просто хотѣлось повеселиться, вотъ и все. И, вѣроятно, онѣ вполнѣ достигли этой вполнѣ невинной и понятной каждому цѣли и не имѣютъ причинъ жалѣть о томъ, что онѣ напрасно потратились на дорого стоющіе наряды и на затѣйливыя декораціи этой ярмарки...

Кстати о кустаряхъ.

Существенную пользу имъ можетъ принести дѣятельность кустарной комиссіи, выставляющей и продающей въ Соляномъ городкѣ издѣлія кустарей. Совѣтуемъ каждому заглянуть на эти предметы въ Соляномъ городкѣ: издѣлія прекрасны и дешевы. Здѣсь вы найдете портсигары изъ карельской березы, ножи и ножницы тульской работы, издѣлія изъ рога, дубовыя шкатулки, окованныя желѣзомъ и сдѣланныя съ большимъ вкусомъ, разныя ткани и образцы мебели, и все это гораздо дешевле, чѣмъ въ магазинахъ. Тутъ же кстати продаются замѣчательныя японскія вещи; нѣкоторыя изъ нихъ являются положительною рѣдкостью, такъ какъ въ самой Японіи уже прекратилось ихъ производство; цѣны назначены далеко не высокія...

Заговоривъ о кустарной комиссіи, упомянемъ о двухъ возникающихъ обществахъ: въ Петербургѣ распространяется общество трезвости и основывается ссудо-сберегательная касса литературныхъ дѣятелей. Мы сочувствуемъ и трезвости и сбереженіямъ на черный день, но... это «но» есть вездѣ. Мы думаемъ, что среди развитыхъ людей не нужно основывать никакихъ «обществъ» для того, чтобы не пить, а нужно имѣть только извѣстную долю характера, а то, пожалуй, придется устраивать «общество неиграющихъ въ карты», «общество не обкрадыванія кассъ», «общество не занимающихся сплетнями» и т. д. Относительно-же ссудо-сберегательной кассы тоже можно сказать: у кого есть характеръ и есть возможность откладывать извѣстную долю денегъ, тотъ это можетъ дѣлать и безъ подобной кассы, дѣлая вклады въ казенныя сберегательныя кассы. Ссудо-сберегательная касса для пишущихъ можетъ имѣть серьезное и существенное значеніе только тогда, когда она будетъ соединена съ эмеритальною, пенсіонною кассой; важны не возможность отложить грошъ, не возможность занять десятокъ рублей въ трудную минуту, а возможность обезпечить себѣ кусокъ хлѣба на старость въ видѣ пенсіи, безъ необходимости протягивать руку къ литературному фонду, который въ крайнемъ случаѣ подастъ эту милостыню избраннику и то въ размѣрѣ 15—25 рублей. Мы можемъ только пожелать возникающей кассѣ стать именно на этотъ путь — на путь эмеритальной кассы.

Мнѣ пришлось въ одномъ и томъ-же книжномъ магазинѣ выписать одинъ и тотъ-же журналъ. Я подошелъ къ кассѣ и съ меня взяли за одинъ экземпляръ 8 рублей, а за другой 8 р. 5 коп.

— Почему это? спросилъ я.

— Вы-же сами теперь возьмете экземпляръ журнала за прошлый годъ, а на полученіе экземпляра журнала въ текущемъ году вамъ выдается билетъ...

Въ эту минуту сзади меня послышался голосъ:

— Да-съ, это наука. Теперь покупайте готовое платье, а новаго не заказывайте.

Я обернулся и увидалъ одного изъ своихъ знакомыхъ.

— Это почему? съ улыбкой спросилъ я, пожимая его руку.

— Готовое платье вы купите безъ счета, на второе вамъ подадутъ счетъ—вотъ и выйдетъ, что въ одномъ и томъ же магазинѣ за одну и ту же вещь вы заплатите пятью копѣйками дороже.

Онъ комично вздохнулъ:

— Впрочемъ пять копѣекъ пустяки, а вотъ каково досталось г-ну Кундышеву-Володину за незнаніе того, какъ выгоднѣе купить въ настоящее время одну и ту же вещь. Читали?

Я сознался, что пропустилъ это извѣстіе въ газетахъ.

— Любопытная исторія и притомъ ее разсказываетъ въ газетахъ самъ-же г. Кундышевъ-Володинъ. Онъ, изволите видѣть, взялся построить броненосецъ изъ русской стали; когда-же онъ сталъ строить, то узналъ, что сталь въ Россіи стоитъ отъ 3 р. 45 к. до 3 р. 60 к. за пудъ, а въ Англіи ее можно получить за 1 р. 10 к. съ нагрузкою. Каково-съ открытіе? Взвоешь тутъ о томъ, что, молъ, отцы родные, отпустите душу на покаяніе и позвольте изъ англійской стали строить.

— Да, точно, разница въ цѣнахъ велика!

— Ну, вотъ, г. Кундышевъ-Володинъ и взмолился...

— Что-же, разрѣшили?

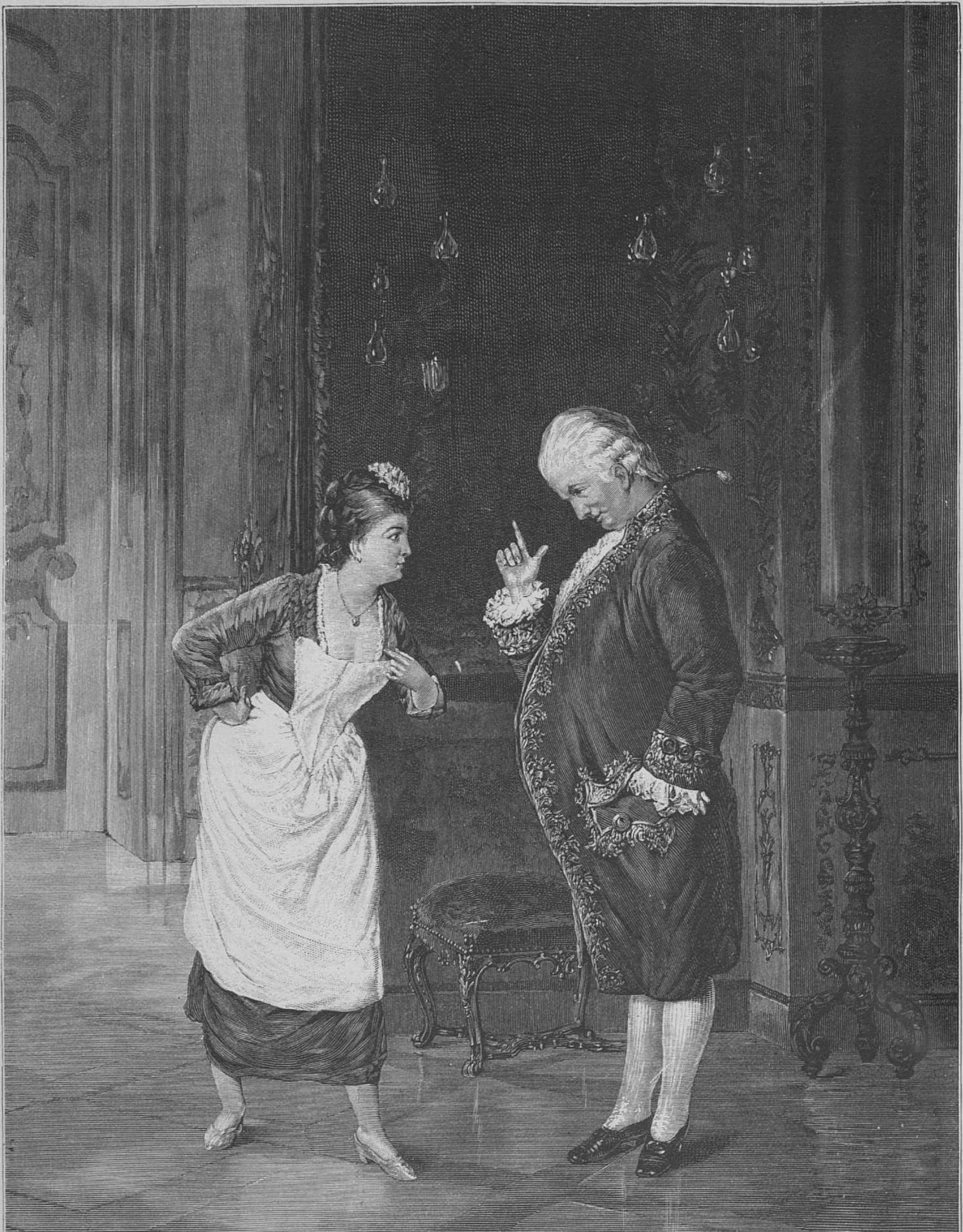
— Да намъ-то съ вами что до этого за дѣло? Важенъ тотъ фактъ, какъ можно за одну и ту-же вещь переплатить, когда цѣнъ не знаешь, какъ не зналъ ихъ г. Кундышевъ-Володинъ, будучи крупнымъ и извѣстнымъ подрядчикомъ. И что обиднѣе всего, такъ это то, что газеты еще ему репримандъ сдѣлали... «Вы, говорятъ, должны были раньше знать цѣны. Изъ иностранныхъ матеріаловъ, конечно, можно корабль дешевле выстроить. Но мы должны въ три-дорога платить за матеріалы, за всякую вещь, лишь-бы она была сдѣлана въ Россіи, такъ какъ этого требуетъ развитіе отечественной промышленности. За границей не только матерьялъ дешевле, но и постройка обойдется гораздо выгоднѣе, но мы обязаны дѣлать все у себя дома и своими рабочими, такъ какъ этого требуетъ развитіе отечественной промышленности». Вѣдь и правда? Нельзя-же ее не поддерживать? А каково намъ... то бишь, господамъ Кундышевымъ-Володинымъ платить вмѣсто 1 р. 10 к. по 3 р. 45 к. за сталь?

Каждое нововведеніе неизбѣжно влечетъ за собою массу недоразумѣній, странностей и ошибокъ. Не мало такихъ исторій происходитъ и съ введеніемъ новыхъ пошлинъ и налоговъ. Больше всего идетъ покуда путаница съ гербовыми марками: однимъ хочется улизнуть отъ оплаты гербовой марки, другіе не знаютъ еще точно, въ какихъ случаяхъ кто долженъ уплачивать гербовый сборъ. Такъ, въ поземельныхъ банкахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ возникаетъ покуда цѣлая переписка о томъ, кто и въ какихъ случаяхъ долженъ оплачивать гербовый сборъ, наводятся справки, дѣлаются колкости и реприманды служащими одного учрежденія служащимъ другого учрежденія. Среди этихъ отмахивающихся отъ гербовыхъ марокъ протестантовъ являются и, такіе, которые лѣпятъ гербовыя марки вездѣ и всюду точно это не денежные знаки, а простыя облатки, благо приходится платить за нихъ не изъ своего кармана.

X.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Рудольфа Виммера.

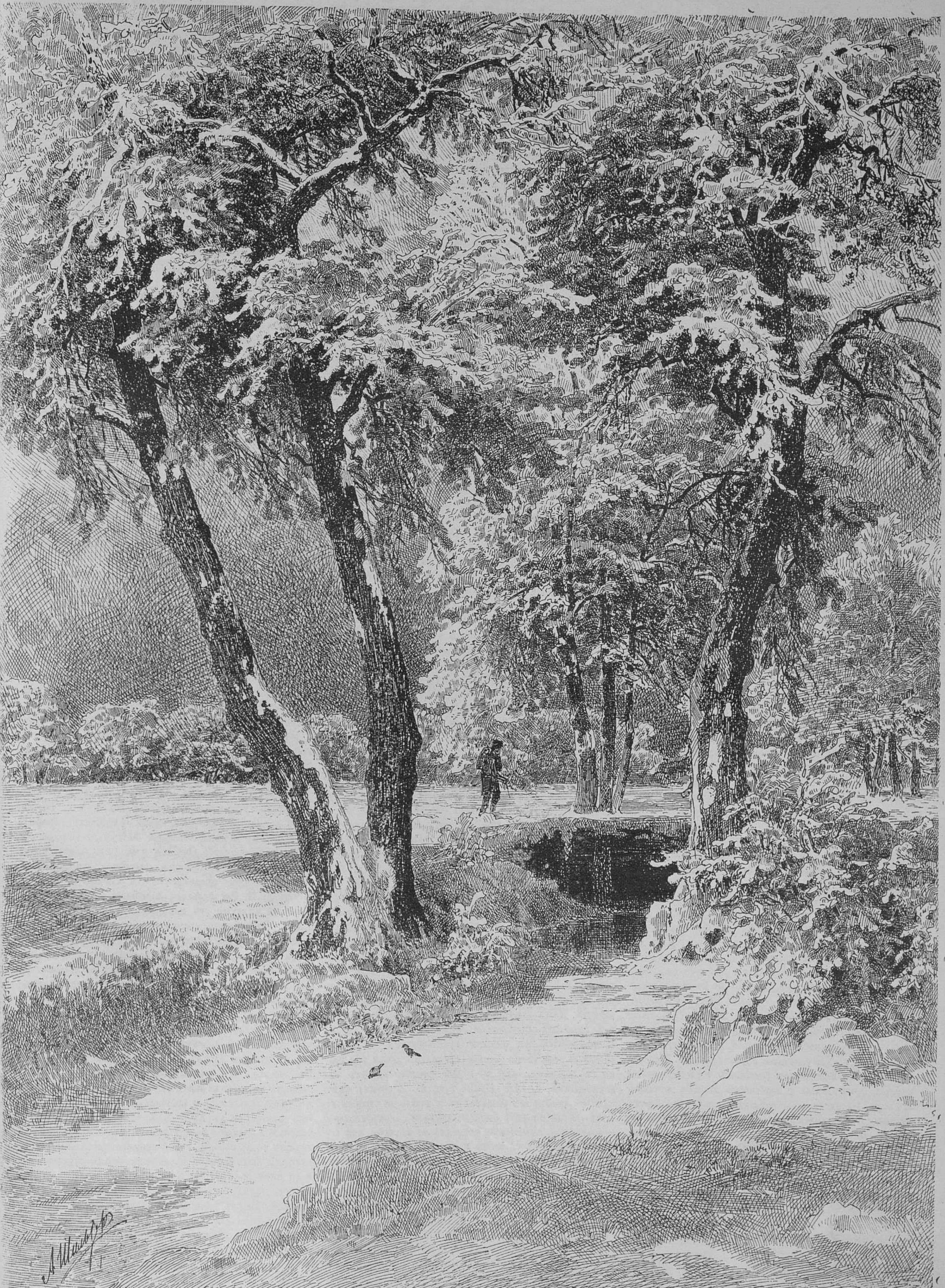


Несправедливое обвиненіе.

Гравировалъ на деревѣ Бренд'амуръ въ Дюссельдорфѣ.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ перомъ А. Н. Шильдера.



Зимою въ паркѣ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Русская Мысль»—«Русская Старина».

Разсказъ г. Альбова—«О томъ, какъ горѣли дрова»,—помѣщенный въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли», принадлежитъ къ числу лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года.—Молодой человѣкъ ѣхалъ изъ Петербурга и съ нетерпѣніемъ стремился въ деревню, къ хорошимъ старымъ знакомымъ, куда манила его, между прочимъ, и любовь къ дѣвушкѣ. Онъ былъ уже близокъ къ желанной цѣли; но на послѣдней станціи, въ какомъ-то скверномъ уѣздномъ городишкѣ, на грязномъ постояломъ дворѣ, застрѣлился, хотя прежде, кажется, и не помышлялъ о такой развязкѣ съ жизнью Тэма разсказа, видите ли, обыкновенная, заѣзженная гг. беллетристами и, по правдѣ сказать, успѣвшая изрядно надоѣсть. Господа беллетристы злоупотребляютъ этою тэмою, конечно, не безъ причинъ. Человѣкъ застрѣлился, отравился или удавился; да развѣ это неблагодарная тэма для повѣствованій? развѣ такого рода факты не способны затронуть дѣятельность творческаго воображенія? Притомъ же эта тэма годна для обработки всякаго рода: можно ее обставить страшными вещами и запугать милыхъ читательницъ; можно пуститься въ тончайшій психологическій анализъ, теряющійся въ самыхъ дикихъ галлюцинаціяхъ; можно выразить протестъ противъ «царюющаго зла», оплакать страждущихъ и потонуть въ морѣ гражданской скорби. Все это такъ; но не надо забывать, что есть тэмы, которыя больше, чѣмъ другія, требуютъ отъ авторовъ искренности и таланта, и именно такова настоящая тэма. Безъ искренности и таланта лучше за нее совсѣмъ не браться; даже остроумныя разсужденія и умъ здѣсь не помогутъ; все будетъ чего-нибудь не доставать; авторъ не овладѣетъ читателемъ. Можемъ быть, для нѣкоторыхъ,—думаемъ для многихъ,—самоубійство вообще понятно; можетъ быть, есть люди, признающіе, что для него существуетъ достаточно причинъ. Но громадное большинство просто не понимаетъ факта самоубійства, считаетъ его аномальнымъ и объясняетъ только сумасшествіемъ. Такимъ плохо подготовленнымъ и, если хотите, предубѣжденнымъ читателямъ довольно рискованно предлагать повѣствованіе о самоубійствѣ. Г. Альбовъ предложилъ такой разсказъ и надо признаться съ большимъ успѣхомъ. Читатель не изумляется катастрофѣ, такъ внезапно и неожиданно постигшей героя разсказа, онъ знакомится съ нимъ и нѣсколько понимаетъ его поступокъ. Не случайность, не сумасшествіе привели героя къ погибели, а какое-то роковое стеченіе обстоятельствъ. Въ Петербургъ онъ не можетъ возвратиться: онъ только-что бѣжалъ оттуда и радовался своему избавленію; старыхъ друзей и прежнихъ цѣлей у него нѣтъ: онъ со всѣмъ этимъ покончилъ навсегда. Пока была надежда найдти въ деревнѣ, въ знакомой семьѣ, успокоеніе, привѣтъ и любовь, онъ жилъ и стремился. А какъ только явилось сомнѣніе и въ этомъ, у него порвалась всякая связь съ жизнью; ѣхать ему и некуда и незачѣмъ; ужели въ самомъ дѣлѣ остаться надолго на перепутьѣ, въ этой грязной комнатѣ?... Для объясненія экстренныхъ случаевъ, авторы часто прибѣгаютъ къ самымъ тонкимъ психическимъ анализамъ, сплетаютъ широкую паутину самыхъ причудливыхъ мыслей и на цѣлыхъ листахъ излагаютъ якобы чувства героя, когда онъ взялъ въ руки пистолетъ, когда онъ приложилъ его къ виску и при этомъ замѣтилъ, что назойливая муха опять садится на носъ и проч. А читатель приэтомъ разсуждаетъ: можетъ быть, такъ думалъ герой въ послѣднія минуты, а можетъ быть, и иначе, «можетъ быть, это чувствовалъ, а можетъ, и другое что»,—и нерѣдко съ поспѣшностью переворачиваетъ не читавши страницу драгоцѣннѣйшихъ психологическихъ описаній, надъ придумываніемъ которыхъ потѣлъ усердный повѣствователь. Достоевскій владѣлъ особымъ даромъ угадывать и уяснять самыя странныя, причудливыя и необычныя явленія психическаго міра. Напрасно иные соблазняются его примѣромъ и нерѣдко подъ именемъ психологическаго анализа, сообщаютъ свои измышленія или очень индивидуальныя, или даже и мало правдоподобныя. Нельзя не поставить въ достоинство г. Альбову то, что онъ здѣсь простъ и правдоподобенъ; онъ не сообщаетъ читателю никакихъ диковинокъ и не предлагаетъ ему необычныхъ и малопонятныхъ вещей. Искренность и талантъ охранили его отъ этого ложнаго пути. Намъ очень нравится и языкъ разсказа—простой и въ то же время вѣрный и выразительный, особенно въ описаніяхъ.

Хорошій разсказчикъ г. Саловъ. Разсказы его читаются легко и съ интересомъ. Мы прочитали его разсказъ: «Медоломы», помѣщенный въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли»—и пришли въ нѣкоторое недоумѣніе, на счетъ мысли и смысла разсказа. Но объ этомъ послѣ. Теперь познакомимъ въ общихъ чертахъ съ самымъ разсказомъ г. Салова. Медоломами называютъ тѣхъ торгашей, которые занимаются покупкою меда и воска прямо съ пчельниковъ. Авторъ знакомъ съ этимъ промысломъ и подробно описываетъ всѣ относящіяся сюда операціи. Онъ хорошо знаетъ пріемы, уловки и характеръ этихъ торгашей, называемыхъ медоломами. Это народъ лукавый и безсовѣстный; пчелинцамъ отъ нихъ часто приходится плохо. Медоломъ сбиваетъ цѣну, подпоитъ пчелинца, чтобы обмануть его при покупкѣ, а при окончательномъ расчетѣ отъ него же требуетъ новой скидки. Чтобы достигнуть этого они нерѣдко прибѣгаютъ къ самому безсовѣстному запугиванью; клянется и божится, что онъ продорожилъ, что ему остается руки на себя наложить; возьметъ веревку и угрожаетъ, что сейчасъ-же повѣсится, если не будетъ уступки. Иной добродушный пчелинецъ и уступитъ, чтобы не быть виновнымъ въ погибели христіанской души безсовѣстнаго торгаша. Вотъ какой народъ медоломы! Но ими не много занимается г. Саловъ въ своемъ разсказѣ. Большая и существенная часть разсказа посвящена описанію каникулярнаго времяпрепровожденія нѣкоего окончившаго курсъ гимназиста предъ поступленіемъ въ университетъ. Молодой человѣкъ вполнѣ воспользовался каникулярнымъ отдыхомъ и наилучшимъ образомъ утилизировалъ для своего удовольствія все что можетъ дать деревня лѣтомъ, въ хорошемъ помѣстьѣ и при полномъ матерьяльномъ достаткѣ. Не обошлось и безъ амуровъ. И амуры начались экстреннымъ образомъ. Пробираясь однажды къ рѣкѣ по густому кустарнику орѣшника, нашъ гимназистъ былъ пораженъ вотъ какимъ явленіемъ. Предоставляемъ слово самому разсказчику. «Вдругъ послышалось нѣсколько женскихъ голосовъ, какой-то визгъ, какой-то хохотъ, плескъ воды; я пріостановился, выглянулъ изъ-за куста и въ ту-же секунду у противоположнаго берега увидалъ цѣлую толпу веселыхъ купальщицъ. Картина эта, по истинѣ достойная кисти художника, до того поразили меня, что я остановился, какъ очарованный. Остановился и, въ тоже время, смутился, не зная, что мнѣ дѣлать. Выйти изъ куста—значило спугнуть купавшихся; бѣжать назадъ—то же самое. И я рѣшился замереть и, дѣйствительно, замеръ до того, что удерживалъ даже дыханіе». Благодаря этому благоразумному рѣшенію, нашъ юноша продлилъ истинно эстетическое созерцаніе и испыталъ всю глубину художественнаго восторга. «Купавшіяся все приближались и приближались рядомъ, цѣпью, грудью разсѣкая воду и вскидывая ногами цѣлые фонтаны брызгъ. Пылью разлетавшіеся брызги эти горѣли алмазами и какою-то радугой играли надъ веселыми разгорѣвшимися личиками купальщицъ. «Всѣ онѣ были такъ близко отъ меня, что я видѣлъ и блескъ ихъ очей, и волны волосъ, и мраморную бѣлизну плечъ; я словно чувствовалъ на себѣ ихъ дыханіе, до меня долетали брызги и, помнится мнѣ, что ноги мои подкосились, что я упалъ на колѣни и, полный трепета и страсти, какъ пушкинскій монахъ, «на воды сталъ глядѣть». Очень естественно, что у впечатлительнаго юноши при созерцаніи столь восхитительной картины подкосились ноги; вѣроятно, при этомъ даже и у мужчины пожилаго, съ загрубѣвшими эстетическими чувствами «отъ радости въ зобу дыханье сперло бъ». Всѣ дѣвицы въ такомъ натуральномъ видѣ были прелестны, а Тоня, дочь земскаго фельдшера, была царицею между этими наядами. Она совсѣмъ очаровала гимназиста. Нашъ влюбленный былъ изобрѣтателенъ, какъ всѣ, впрочемъ, влюбленные: онъ скоро нашелъ случай познакомиться съ милыми купальщицами, и пошли пріятные дни. Нашъ юноша проводилъ почти все время съ дѣвицами, какъ въ пѣснѣ поется: «восемь дѣвокъ—одинъ я, куда дѣвки—туда я». А между тѣмъ чувство юноши все развивалось и дошло до страсти къ Тонѣ. Когда «борьба была немыслима... сопротивленіе невозможно», онъ молча потянулъ ее къ себѣ, она покорно упала ему на плечо и они замерли въ жгучемъ поцѣлуѣ... Нашъ юноша не выдержалъ счастія и разыгралась сцена, въ конецъ разрушившая идиллію. «Я схватилъ Тоню,—будемъ говорить словами разсказчика,—но вдругъ она вырвалась изъ моихъ рукъ, съ силой оттолкнула меня и, немощно прислонившись къ дереву, схватилась за сердце.—Нѣтъ! шептала она, задыхаясь. —Нѣтъ? спросилъ я, подбѣжавъ къ ней.—Нѣтъ.—Что сдѣлалось тогда со мною—я не знаю. Я очнулся тогда только, когда до моего слуха долетѣлъ веселый и искренній хохотъ Тони. Хохотъ этотъ, какъ ножомъ, ударилъ меня по сердцу и въ то-же мгновеніе я опомнился, отрезвился. Въ рукахъ у меня оказался поясъ, толстый шелковый поясъ съ кистями, которымъ я былъ подпоясанъ. Зачѣмъ я развязалъ этотъ поясъ, зачѣмъ снялъ его съ себя, что именно думалъ сдѣлать съ нимъ,—я, видитъ Богъ, не помню... А Тоня продолжала хохотать. — Точно медоломъ, — смѣялась она, указывая на поясъ,—напугать хотѣлъ». Мы выписали конечную сцену разсказа. По нашему мнѣнію сцена эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа удочною и она совершенно портитъ разсказъ, сообщаетъ ему какой-то пошлый—не умѣемъ иначе выразиться—характеръ. Вы теперь знаете, для чего автору понадбились медоломы и кто такіе эти медоломы; самое слово медоломъ получаетъ смыслъ какого-то намека, переноснаго выраженія и его какъ-то невольно сближаетъ съ пріобрѣтшимъ уже право гражданства переноснымъ-же выраженіемъ—«клубничка».

Въ декабр. книжкѣ «Русской Мысли» окончена статья г. Песковскаго: «Недоразумѣнія въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ». Статья эта трактуетъ о вопросахъ народнаго образованія у насъ по поводу разныхъ вѣяній послѣдняго времени, и потому имѣетъ особый интересъ. Трудно опредѣлить по какимъ причинамъ и на основаніи какихъ данныхъ между нѣкоторыми дѣятелями у насъ распространилось убѣжденіе, что для образованія у насъ сдѣлано достаточно, и явилась, кажется, даже боязнь излишка просвѣщенія. Нечего говорить, что это мысль ложная до очевидности. Но такъ какъ она имѣетъ вредное практичеекое вліяніе, то противъ нея приходится говорить. Г. Песковскій опредѣляетъ наши образовательныя средства и силы, сравниваетъ ихъ съ другими государствами и дѣлаетъ отсюда выводы. Выводы понятны сами собою: мы отстали отъ другихъ, мы скудны на счетъ просвѣщенія, намъ угрожаетъ невѣжество, а никакъ не излишекъ просвѣщенія.—Гр. Комаровскій напечаталъ статью: «О заключеніи между Россіей и Франціей литературной конвенціи». Онъ сторонникъ конвенціи и настоятельно рекомендуетъ заключеніе конвенціи. Но доводы его какъ-то малоубѣдительны и по прочтеніи статьи, остается убѣжденіе, что для насъ эта конвенція не принесетъ пока никакой пользы. Мы не отрицаемъ, что конвенція дѣло благородное; но желали бы слышать отъ ученаго автора о реальной пользѣ ея для нашихъ писателей, читателей, и книгопродавцевъ. «Русская Мысль» въ послѣднихъ книжкахъ начала переводить изъ Брандеса статьи о скандинавскихъ писателяхъ; въ ноябрьской книжкѣ была помѣщена статья объ Ибсенѣ, и теперь Бьерстернѣ Бьернсонѣ. Выборъ такихъ статей заслуживаетъ полнаго одобренія. У насъ въ обществѣ весьма скудныя знанія о литературѣ силахъ нашихъ сѣверныхъ сосѣдей.

Въ январьской книжкѣ «Русской Старины» не мало цѣннаго и интереснаго матеріала для чтенія. Прежде всего должно упомянуть о вновь открытыхъ строфахъ Пушкинскаго романа: «Евгеній Онѣгинъ». Строфы содержатъ путешествіе Онѣгина и не были помѣщены ни въ одномъ изданіи Пушкина. Открытіе это принадлежитъ почтенному академику А. Ѳ. Бычкову.—Изъ Записокъ Д. И. Ростиславаго, покойнаго профессора Спб. духовной академіи въ январьской книжкѣ напечатана XXII г. Въ ней изложены воспоминанія о духовномъ училищѣ, въ которомъ воспитывался Ростиславовъ и въ частности—«О финансовыхъ способностяхъ касимовскаго училищнаго начальства и о хозяйственныхъ распоряженіяхъ его». Смотритель училища въ тѣ времена былъ облеченъ полновластіемъ, совѣтъ учителей или контроль и ревизія не тормозили и не стѣсняли его дѣятельности. Дѣла училища были въ совершенномъ безпорядкѣ, суммы неопредѣлялись по назначенію и хищенія совершались самымъ безцеремоннымъ и возмутительнымъ образомъ. Все это зависѣло, конечно, не отъ недостатка власти у главнаго начальника заведенія.—Очень интересны статьи Колчина: «Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв.». Туда посылали на смиреніе и покаяніе раскольниковъ и вольнодумцевъ различнаго рода; вообще людей вреднаго направленія. Заключеніе было крѣпкое и смиреніе весьма суровое даже и по тому времени. Г. Колчинъ перечислилъ длинный списокъ лицъ, сосланныхъ въ острогъ Соловецкаго монастыря. Между ними были дѣйствительно опасные раскольники-фанатики, къ которымъ по взглядамъ тогдашняго времени, прилично было примѣнять строжайшія мѣры. Но рядомъ съ такими въ острогъ попадали и лица, къ которымъ такое заключеніе ужь совсѣмъ не шло: были тамъ и пьяницы, наболтавшіе въ пьяномъ видѣ всякаго вздору; были и душевно больные, которымъ приличнѣе было бы жить въ домѣ умалишенныхъ.

П. Скромный.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Франціи положительно не везетъ во внѣшней политикѣ и приходится только удивляться, какимъ образомъ она до настоящаго времени умѣетъ не довести дѣло до открытаго столкновенія и при этомъ съ достоинствомъ выйдти изъ щекотливыхъ положеній. На прошлой недѣлѣ мы отмѣтили инциденты во Флоренціи и на германской границѣ, нынѣ приходится говорить объ оскорбленіи, нанесенномъ Франціи въ предѣлахъ Турціи. Турецкій полицейскій офицеръ въ Дамаскѣ, ворвался, въ сопровожденіи пятнадцати агентовъ, въ мѣстное французское консульство и взялъ подъ арестъ французскаго подданнаго, который преслѣдовалъ Абдель-Кадера въ изгнаніи; консулъ тотчасъ же обратился съ письменнымъ протестомъ къ генералъ-губернатору, а Абдель-Кадеръ телеграфировалъ президенту Карно и французскій посолъ графъ Монтебелло энергически потребовалъ удовлетворенія. Для изслѣдованія дѣла французское правительство, по соглашенію съ Портой, рѣшило назначить комиссара, который, совмѣстно съ комиссаромъ турецкимъ, будетъ вести слѣдствіе, по этому дѣлу. — О войнѣ толкуютъ не только всѣ иностранныя газеты, но и въ парламентахъ... самыхъ миролюбивыхъ, повидимому, государствъ: Германіи и Австріи. Въ прошломъ году Бисмаркъ провелъ законъ о новомъ усиленіи германской арміи; нынѣ онъ хлопочетъ о громадномъ займѣ для обученія и вооруженія новыхъ воиновъ. Усиленіе военнаго могущества Берлина естественно отражается и въ Вѣнѣ, возбуждая тамъ, однако, на ряду съ удовольствіемъ, и нѣкоторую тревогу; правительственные люди стараются смягчить непріятное впечатлѣніе, такъ Тисса говоритъ, что «нѣтъ ни малѣйшаго основанія для кого-бы ни было сомнѣваться во взаимной добросовѣстности державъ, заключившихъ между собою союзъ въ интересахъ сохраненія мира и ради собственной своей безопасности. Вслѣдствіе продолжающейся дислокаціи и передвиженія русскихъ войскъ къ границамъ монархіи, возникаетъ обязанность, не возбуждая никакихъ сомнѣній относительно мирныхъ заявленій русскаго правительства и избѣгая всякой тѣни вызова, позаботиться о томъ, чтобы на всякій случай сдѣлано было все необходимое для огражденія нашихъ предѣловъ и обезпеченія боевой пригодности нашей арміи». Эти успокоительныя слова не могли, однако, разсѣять опасеніе, какъ-бы и Австро-Венгріи, въ силу принятыхъ на себя союзнымъ договоромъ обязательствъ, не пришлось приступить къ новымъ и весьма крупнымъ расходамъ на вооруженія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ дополненіе къ сообщенному проекту реформы мѣстнаго управленія не безъинтересно привести передаваемый «Русск. Вѣд.» проектъ о преобразованіи земскихъ учрежденій, главныя основанія котораго заключаются въ слѣдующемъ: предоставленная земскимъ учрежденіямъ положеніемъ 1-го января 1864 г. самостоятельность въ распоряженіяхъ по предметамъ ихъ вѣдомствъ отмѣняется: учрежденія эти должны дѣйствовать, подъ высшимъ наблюденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ и ближайшимъ надзоромъ губернатора. Каждое постановленіе земскаго собранія должно подлежать утвержденію губернатора или министра, по принадлежности. Существующіе выборные исполнительные органы земства— земскія управы упраздняются, съ замѣною ихъ правительственными коллегіальными учрежденіями, подъ именемъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ присутствій. Организація земской избирательной системы подвергается существенному измѣненію: взамѣнъ нынѣшнихъ избирательныхъ съѣздовъ, образуются три избирательныя коллегіи по сословіямъ: съѣздъ дворянъ, съѣздъ лицъ городскихъ сословій и сходы крестьянъ. Лица, владѣющія крупной земельной собственностью, если таковая состоитъ во владѣніи ихъ или ихъ рода не менѣе 10 лѣтъ, входятъ въ составъ земскихъ собраній безъ выборовъ; размѣръ владѣній, дающій такое право, опредѣляется въ 16—30 разъ выше ценза, дающаго право голоса на выборахъ. Участіе въ земскомъ представительствѣ признается повинностью: лица, избранныя въ гласные, хотя бы и безъ ихъ на то согласія. не имѣютъ права отказываться отъ этого званія и обязаны присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ собранія подъ страхомъ взысканія за уклоненіе отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей. Земскія присутствія, замѣняющія, какъ сказано, земскія управы, состоятъ: уѣздное—изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, а губернское—изъ предсѣдателя и трехъ членовъ. Предсѣдатели уѣздныхъ и губернскихъ присутствій, въ губерніяхъ, гдѣ есть дворянское представительство, избираются губернаторомъ, по соглашенію съ губернскимъ, а въ первомъ случаѣ — и съ мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, изъ числа принадлежащихъ къ дворянскому сословію гласныхъ членовъ, подлежащихъ земскому избранію и утверждаются въ должности, первые—министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдніе—Высочайшей властью; члены присутствій избираются тѣмъ же порядкомъ изъ числа гласныхъ безъ различія сословій, причемъ члены уѣздныхъ присутствій назначаются губернаторомъ, а члены губернскихъ — утверждаются въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ. Срокъ службы полагается трехлѣтній.

Наша итальянская опера.

Пока поставлены три оперы: «Риголетто», «Джіоконда» и «Фаустъ»; въ послѣднихъ двухъ нашими итальянками были г-жи Любатовичъ и Панаева-Карцева. Мы уже познакомились со всѣмъ составомъ труппы и можемъ сказать, что г. Мазини прекрасно поетъ и съ ума сводитъ нашихъ меломановъ, что впрочемъ нисколько не удивительно и не ново; кто же не знаетъ г. Мазини съ его феноменальнымъ голосомъ и таковымъ же умѣньемъ пѣть? Интересъ, казалось бы вовсе не въ г. Мазини, котораго мы всѣ знаемъ очень давно, а въ остальныхъ; но представьте, какъ только начнешь говорить о нашей итальянской оперѣ, непремѣнно заговоришь о г. Мазини и только о немъ, ибо кромѣ г. Мазини не о комъ говорить; да кажется и публика идетъ слушать только г. Мазини.

Но, eine Schwalbe macht kein Sommer и одинъ г. Мазини не есть итальянская опера, ибо кромѣ тенора въ каждой оперѣ есть еще солисты, есть еще хоры, оркестръ, балетъ, обстановка, постановка, аксессуары и пр., а все это находится болѣе чѣмъ въ жалкомъ состояніи въ театрѣ Лаго или г. Панаева. Очевидно всѣ задачи, которыя поставила себѣ новая антреприза, свелись къ «цѣною подешевле», а «что дешево, то гнило». Дѣйствительно гнилъ и составъ труппы, и оркестръ, гнилы и обветшалыя декораціи изъ театра г. Мамонтова, гнилъ и репертуаръ, даваемый антрепризой. А между тѣмъ деньги за это «удовольствіе» взимаются лопатами; шутка сказать, кресла стоятъ отъ 5 до 12 руб., ложа 4-го яруса 30 р. и галлерея 1 р. 25 к. За эти деньги можно требовать что нибудь получше того состава и ансамблей, какими насъ угощаетъ итальянская опера. Ошикана была, впрочемъ, только «Джіоконда».

Вотъ гдѣ сказывается наша неимовѣрная доброта и снисходительность; мы все еще ждемъ за наши деньги «авось» современемъ лучше будетъ, пріѣдетъ Ферни-Жермано, еще какая нибудь знаменитость, а тѣмъ временемъ питаемся гнилымъ заморскимъ товаромъ, получающимъ гроши, да и цѣна которому грошъ. Достаточно сказать, что г-жа Любатова, рѣшительно нигдѣ не имѣвшая успѣха и какими-то невѣдомыми судьбами попавшая въ итальянскую нашу труппу, поетъ у насъ первыя партіи и даже не хуже остальныхъ исполнителей, каковы же они должны быть? Она не лучше и не хуже баритоновъ, альтовъ и сопрано. Голосъ г-жи Леонарди (очень бойкая особа) такъ-же вульгаренъ, какъ и у г-жи Любатовой, съ той разницей, что г-жа Леонарди умѣетъ держаться на сценѣ, взамѣнъ чего г-жа Любатова обдаетъ слушателей своимъ вибрирующимъ голосомъ. Если г-жа Савольди совсѣмъ еще пѣть не умѣетъ, то г-жи Любатова и Леонарди хорошо одѣваются.

Мы покончили съ альтами. Сопрано мы слышали пока три, изъ которыхъ на г-жѣ Панаевой останавливаться не будемъ, какъ потому, что она слишкомъ давно извѣстна нашей публикѣ, такъ и потому, что мы объ ней говорили по поводу дебютовъ ея на Маріинской сценѣ. Замѣтимъ, что она обдуманно играетъ Маргариту и называется теперь «Сандра» для итальянизированія своего имени. О г-жѣ Мази, которая, кажется, уже уѣхала послѣ перваго представленія «Джіоконды» (даже наша добродушная и снисходительная публика осмѣяла ее) можно только сказать, что она напрасно забыла, отправляясь въ Петербургъ, когда она родилась. Г-жа Мази дѣйствительно бывшая знаменитость, но пріѣхать на закатѣ своей славы въ такой музыкальный центръ, какъ Петербургъ, по меньшей мѣрѣ, неразсчетливо и артистка жестоко поплатилась за свою ошибку. Въ томъ то и бѣда, что иностранцы, по своему крайнему невѣжеству, считаютъ насъ ничего не понимающими въ музыкѣ, да мы своей снисходительностью какъ будто даже поддерживаемъ ихъ въ такомъ мнѣніи. Попробовали бы въ Миланѣ такъ поставить «Джіоконду», какъ у насъ,— публика не ограничилась бы только смѣхомъ и легкимъ шиканьемъ, какъ она тутъ некстати сделикатничала. Такіе исполнители, какъ г-жи Савольди, Любатова, г. Лаллони и др. не посмѣли бы еще разъ явиться на сцену, а у насъ... сдѣлайте одолженіе.

Да, такъ г-жа Мази, видимо, была превосходной артисткой, но прошедшаго не вернешь и мы... избавились отъ нея. Г-жа Петиджіани—очень юная пѣвица, исполнительница колоратурныхъ партій у насъ. При этомъ составѣ она выдѣляется, но, кажется, для этого особеннаго ничего и не нужно; во всякомъ случаѣ она поетъ лучше другихъ, голосъ довольно свѣжъ и, хотя артисткѣ еще слѣдуетъ много работать надъ нимъ, но впечатлѣніе она оставляетъ недурное; если бы изъ взимаемыхъ цѣнъ извлекли кубическій корень, то можно было бы мириться и съ такой пѣвицей на первыхъ порахъ, пока мы находимся въ ожиданіи какой нибудь звѣзды. Мы покончили съ сопрано.

Въ мужскомъ персоналѣ силы лучше; хороши басы (гг. Кампелло, Паволери и Мирабелла); но такъ какъ басамъ въ итальянскихъ операхъ отведена вторая роль, то они невольно проходятъ почти незамѣченными, а между тѣмъ они будутъ хороши при какомъ угодно составѣ; слабѣе гараздо баритоны; мы пока знаемъ двухъ, гг. Ньяккарини и Лаллони; у перваго голосъ дѣланный, но онъ умѣетъ пѣть и маскировать свои недостатки; онъ кричитъ и если не беретъ качествомъ голоса, то количествомъ звука. Г. Лаллони — баритонъ, какихъ много. Оба годились бы въ качествѣ дублеровъ при хорошихъ баритонахъ, но замѣнять собой таковыхъ положительно не могутъ; но публика ихъ одобряетъ и они могутъ быть очень довольны своей судьбой. Намъ остаются еще тенора, т. е. опять же г. Мазини и снова г. Мазини...

Мы еще слышали г. Пуэрари. Вмѣстѣ съ баритонами это пѣвецъ дюжинный, т. е. такихъ въ Италіи на дюжину 12, а не 11. У него былъ голосъ, но онъ кричалъ, а не пѣлъ; впрочемъ, онъ былъ еще молодъ и изъ него могъ выработается, быть можетъ, хорошій пѣвецъ. Мы говоримъ «пѣвецъ», а не «артистъ», ибо мы имѣемъ обыкновеніе быть требовательными и взыскательными только по отношенію къ «своимъ»; когда-же дѣло коснется иностранцевъ, тутъ у насъ никакого масштаба требованій нѣтъ; на все машемъ рукой и требуемъ minimum отъ пѣвцовъ—голоса. У Пуэрари голосъ былъ, а затѣмъ онъ также не имѣлъ понятія о сценѣ и о художественныхъ требованіяхъ, какъ и самъ г. Мазини. Неожиданная смерть положила конецъ его артистической дѣятельности. И вотъ весь составъ. Стоитъ-ли онъ такихъ бѣшеныхъ денегъ?

Въ pendant къ солистамъ и массы. Оркестръ видимо набранъ отовсюду и сформированъ на-спѣхъ; по этому нерѣдко вспоминаются музыканты изъ басни Крылова— «Кто въ лѣсъ, кто по дрова», а г. Бевиньяни, не падая духомъ, продолжаетъ дальше, какъ ни въ чемъ не бывало. Балета вовсе нѣтъ, да и зачѣмъ баловать публику, вѣдь сюда приходятъ слушать г. Мазини, а не балетъ смотрѣть; къ тому-же любители балета всегда имѣютъ возможность посѣтить Маріинскій театръ; зачѣмъ-же за тѣ-же деньги ставить балеты въ операхъ. Танецъ «часовъ» въ «Джіокондѣ» можетъ и вовсе не идти; вѣдь публика своихъ денегъ обратно не потребуетъ за то, что балетъ пропущенъ.

Хоры лучше оркестра; есть свѣжіе голоса и съ ними можно бы обходиться, но еслибы не такъ спѣшили ставить оперы и разучивали-бы ихъ основательнѣе; но некогда, надо скорѣе удовлетворить абонентовъ, ну и торопятся, а второпяхъ—извѣстное дѣло—того не доглядишь, это позабыли; вслѣдствіе чего хоры иногда вызываютъ веселость публики; такъ, когда гранды являются къ Бадоэро (въ «Джіокондѣ»), публика много смѣялась ихъ изящнымъ манерамъ и «прелестнымъ» костюмамъ (изъ театра г. Мамонтова). Но что совсѣмъ хромаетъ, это режиссерская часть и освѣщеніе. Въ большомъ порядкѣ также и вѣшалки для платья; положимъ, это объясняется все тѣмъ, что дѣло новое, прислуга новая, зданіе новое; но все же плата взимается, какъ за старое, упрочившееся, устойчивое и нѣчто постоянное.

Боимся быть (да и не желаемъ нисколько) каркающимъ ворономъ; но, кажется, что при этихъ порядкахъ устойчивость эта потеряетъ равновѣсіе; уже послѣ трехъ спектаклей появились объявленія въ газетахъ объ уступки абонированныхъ мѣстъ со скидкой 10%.. Со временемъ, вѣроятно, скидка увеличится, если антреприза не приметъ мѣръ къ тому, чтобы обставить все дѣло нѣсколько иначе и не позаботится не только о солистахъ, но и объ оркестрѣ и пр., а то вѣдь снисходительные абоненты на будущій годъ могутъ потерять довѣріе даже къ итальянизированнымъ кличкамъ и фамиліямъ; чего добраго публика начнетъ справляться по участкамъ «всамдѣлишніе»-ли итальянцы объявленные персонажи.

Режимъ этого театра напоминаетъ намъ блаженной памяти итальянскую московскую частную оперу (театръ г. Мамонтова) съ итальянцами: г-жей Lubatovitch (теперь Любатови), гг. Gordeeff, Wlassoff и др. Будемъ, однако, надѣяться, что и этотъ сезонъ еще не весь потерянъ и что антреприза замѣнитъ еще и теперь никуда негодныхъ пѣвцовъ, Богъ-вѣсть откуда набранныхъ, хорошими солистами и загладитъ свою неделикатность относительно нашей публики, повинной развѣ только въ томъ, что она зря внесла такія огромныя деньги за итальянскую оперу. Если мы не можемъ требовать роскошной обстановки и хорошихъ массъ отъ частной антрепризы, то покрайней мѣрѣ давайте солистовъ, давайте хорошо срепетованные ансамбли, давайте интересный репертуаръ; нельзя-же въ самомъ дѣлѣ выѣзжать на одномъ только г. Мазини...

В. Баскинъ.

* * *

КЪ РИСУНКАМЪ.

Перестрѣлка на форпостѣ.

Нарядные воины тридцатилѣтней войны на красивыхъ и сильныхъ коняхъ, помѣстились на пригоркѣ, около мельницы, исполняя форпостную службу. Вотъ вдали показался непріятельскій отрядъ и тотчасъ-же завязалась перестрѣлка. Еще минута и изъ-за мельницы выступитъ цѣлое войско, услышавъ пальбу на форпостѣ. Вотъ содержаніе картины Густава Вернера Шуха. Онъ родился 2-го октября 1843 года въ Гильдесгеймѣ и съ 1860 по 1864 годъ изучалъ строительное искусство въ политехникумѣ въ Ганноверѣ, потомъ помогалъ архитектору Газе при реставраціи собора въ Бюкенѣ, затѣмъ уѣхалъ въ Парижъ и далѣе жилъ, какъ частный архитекторъ, то въ Ганноверѣ, то въ Вестфаліи. Въ 1868 году онъ получилъ мѣсто архитектора при Венлоо-Гамбургской желѣзной дорогѣ, а въ 1870 году занялъ мѣсто профессора архитектуры въ ганноверской политехнической школѣ. Только въ 1872 году, онъ безъ учителя въ писаніи масляными красками рѣшился сдѣлать нѣсколько копій въ дрезденской галлереѣ, потомъ написалъ нѣсколько эскизовъ въ Тиролѣ и Верхней Италіи, далѣе повторилъ эти поѣздки и въ 1877 году усовершенствовался въ живописи въ Дюссельдорфѣ. Почти неожиданно изъ него вышелъ замѣчательный пейзажистъ. Онъ никогда не беретъ тэмой для картины только пейзажъ, но постоянно оживляетъ его какой-нибудь исторической или жанровой сценой. Въ его пейзажахъ много поэзіи, въ историческихъ сценахъ много энергіи. Знаніе исторіи у него очень серьезно и особенно любитъ онъ эпоху тридцатилѣтней войны съ ея причудливыми, богатыми костюмами.

Императорскій Эрмитажъ.

Эрмитажная коллекція картинъ итальянскихъ школъ довольно обширна и сравнительно полна. Тутъ есть даже нѣсколько произведеній художниковъ до-Рафаэлевской эпохи, любопытныхъ не столько съ художественной стороны, сколько съ исторической. Таковы произведенія Верроніо (1432—1488 г.) или Росселли (1439—1506 г.). Къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ произведеній Микель-Анджело Буонароти, очень немного произведеній Раффаэля Санціо и притомъ произведеній, не представляющихъ такого первостепеннаго значенія, какъ его «Madonna del Jedia» (Флоренція), «Сикстинская Мадонна» (Дрезденъ), «Папа Левъ X» (Флоренція), «Святое Семейство» (Лувръ) и т. п. Изъ другихъ крупныхъ мастеровъ вы найдете здѣсь превосходныя вещи обоихъ Карраччей, Гвидо Рени, Сальватора Розы и т. д. Съ нѣкоторыми изъ этихъ произведеній еще познакомятся наши читатели въ теченіи настоящаго года, теперь же мы помѣщаемъ копію съ картины Бенедетто Лути «Юноша съ свирѣлью». Лути родился во Флоренціи въ 1666 г. и умеръ въ Римѣ въ 1724 году. Онъ былъ ученикомъ Дом. Габбіани и Чиро Ферри. Всѣ его фигуры нарисованы правильно, въ духѣ тогдашней академической манеры. Въ его вкусѣ есть нѣкоторая изысканность, въ письмѣ нѣкоторая зализанность, но краски живы и веселы и всѣ его картины производятъ пріятное, ласкающее глазъ, впечатлѣніе. Особенно хороши его картины: въ Касселѣ «Пресвятая дѣва, читающая книгу», одно изъ его прелестнѣйшихъ созданій; въ Роттердамѣ «Магдалина», очень оживленное и умно задуманное произведеніе; въ Кедльтонсъ Голлѣ, «Бѣгство Каина»; въ Капитолійской галлереѣ «Психея» и т. д. Лути былъ кромѣ того превосходнымъ граверомъ. Отъ него уцѣлѣли драгоцѣнныя и рѣдкія гравюры: «Христосъ на крестѣ», «Магдалина», пейзажъ Гверчино. Лути пользовался при жизни большимъ почетомъ: папа Климентъ XI награждалъ его орденами и давалъ ему почетныя порученія; императоръ пожаловалъ его въ рыцари; майнцкій курфюрстъ прибавилъ къ его дворянской грамотѣ осыпанный брилліантами крестъ. Помѣщаемая нами картина изображаетъ красиваго, краснощекаго, бѣлокураго юношу, держащаго въ рукахъ свирѣль и засмотрѣвшагося куда-то въ сторону. На немъ бѣлая сорочка и синяя куртка. Картина прекрасно сохранилась и ея краски свѣжи и пріятны по мягкости тоновъ.

Возвращеніе съ медвѣжьей охоты.

Вѣтеръ такъ и рветъ деревья, снѣжная мятель во всемъ разгарѣ въ полѣ, а путь еще не близкій и притомъ это не легкій путь, такъ какъ лошади положительно мечутся и рвутся, чуя тяжелую и страшную поклажу, которую они везутъ. Эта поклажа огромный медвѣдь. Но гигантъ уже никому не страшенъ; онъ лежитъ неподвижный, мертвый, добыча удачной охоты. Эта картина профессора Н. Е. Сверчкова принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ его произведеній; каждая фигура на этой картинѣ характерна; отъ произведенія вѣетъ нашею русскою жизнью.

Пятидесятилѣтній юбилей Ф. И. Кшесинскаго.

Не будучи поклонниками балета, мы не можемъ отрицать того, что онъ занималъ и занимаетъ особенно въ послѣднее время видное мѣсто въ сценическомъ искусствѣ. Въ Парижѣ, напримѣръ, опера не можетъ имѣть успѣха, если въ нее не вставленъ балетъ. Балеты-феерія почти вездѣ въ послѣднее время сдѣлались любимымъ зрѣлищемъ публики. У насъ пишутся чуть не цѣлые трактаты о г-жахъ Цукки, Корнальба, Бріанца, Дель-Эра, Лимидо, съ эпитетами «несравненная», «воздушная», «божественная» и т. д. При этомъ истые балетоманы сокрушаются, что чистое искусство падаетъ въ балетѣ и замѣняется аккробатизмомъ. Для представителей и поклонниковъ этого чистаго искусства въ балетѣ представляется теперь случай отпраздновать юбилей одного изъ корифеевъ этого чистаго искусства,— мы говоримъ о Ф. И. Кшесинскомъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ выступилъ на сцену въ Варшавѣ, потомъ въ 1853 году перешелъ на петербургскую сцену, гдѣ и занялъ почетное мѣсто. Кто бывалъ хоть на время въ Петербургѣ и посѣтилъ оперу, тотъ вѣрно сохранилъ память о Кшесинскомъ, такъ танцующемъ мазурку въ «Жизни за Царя», какъ можетъ ее танцовать только настоящій полякъ. Публика, посѣщающая русскую оперу, не особенно поощряетъ танцы, но мазурку заставляетъ повторять всегда и это, главнымъ образомъ, благодаря Ф. И. Кшесинскому. Здѣсь не мѣсто распространяться о сценической дѣятельности г. Кшесинскаго и мы ограничимся только голыми цифрами. Въ Царствѣ Польскомъ онъ сыгралъ и протанцовалъ въ 48 разныхъ большихъ и не большихъ балетахъ. Въ Петербургѣ онъ игралъ и танцовалъ въ балетахъ и операхъ 2358 разъ. Въ «Жизни за Царя» онъ выступилъ въ первый разъ за г-на Гольца 3 сентября 1862 года, а въ 1870 году замѣстилъ его окончательно и съ тѣхъ поръ протанцовалъ въ этой оперѣ 203 раза, всего же 219 разъ. Онъ одинъ изъ всей балетной труппы безпрерывно танцовалъ въ теченіи 35 лѣтъ въ Красномъ Селѣ во время лѣтняго сезона разные характерные танцы и мазурку. Г. Кшесинскій съ 1853 года участвовалъ почти во всѣхъ петербургскихъ балетахъ, начиная съ «Крестьянской свадьбы» и кончая «Гарлемскимъ тюльпаномъ». Число этихъ балетовъ доходитъ до 42.

Св. Михаилъ Черниговскій.

20-го сентября празднуется память, а 14-го февраля перенесеніе мощей великаго князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, сопричтеннаго нашею церковью къ лику святыхъ. Исторія этого мученика и исповѣдника православія хорошо извѣстна каждому, знакомому съ историческими событіями нашего отечества. Онъ погибъ въ 1245 году, когда злосчастная Русь спасла и отстояла своей грудью остальную Европу отъ нашествія татаръ и ихъ могучаго предводителя Батыя, который послѣ этого, какъ выражается повѣсть о мученіи св. Михаила Черниговскаго, «поставилъ намѣстниковъ и властителей своихъ по всѣмъ городамъ русскимъ», а потомъ «численники поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, и, урядивши все, возвратились въ Орду»... Картина, копію съ которой мы помѣщаемъ, писана на программу, заданную Академіей Художествъ, г-номъ Лосевымъ и находится теперь въ галлереѣ Академіи Художествъ. Художникъ изобразилъ тотъ моментъ, когда великій князь Михаилъ, стоящій между своими спутниками, старикомъ-приближеннымъ и сыномъ, упавшимъ на колѣни, отказывается поклониться идолу.

Несправедливое обвиненіе.

Вчера вечеромъ, возвратившись въ свой замокъ, старый маркизъ замѣтилъ въ полутьмѣ корридора какія-то двѣ тѣни, быстро ускользнувшія въ сторону при его появленіи. Въ одной изъ этихъ скрывшихся отъ него фигуръ онъ, какъ ему показалось, узналъ хорошенькую горничную маркизы. Это обстоятельство сильно встревожило его. Съ кѣмъ это она была? Неужели съ гувернеромъ его сыновей? Или, можетъ быть, это былъ его камердинеръ? Она, правда, такая хорошенькая, каждый можетъ за ней приволокнуться; за такими нужны глаза да и глаза. Впрочемъ, что же ему за дѣло до ея поведенія?

— Гмъ! откашлялся маркизъ.—Конечно, что мнѣ за дѣло... но все же... И какъ это я прежде не обратилъ на нее вниманія? вдругъ задалъ онъ себѣ вопросъ.

Цѣлая ночь прошла въ волненіи, безъ сна. Красивая субретка не выходила изъ головы. Утромъ маркизъ вышелъ изъ своихъ комнатъ и направился въ столовую. На пути онъ встрѣтилъ Жанну.

— А! тебя-то мнѣ и надо, плутовка! проговорилъ онъ, останавливая горничную.

— Чѣмъ могу служить маркизу? присѣдая спросила красавица, лукаво опуская глаза.

— Кто это вчера изволилъ убѣжать изъ корридора при моемъ появленіи?

— Развѣ я знаю, маркизъ?

— А мнѣ кажется, что именно ты-то и знаешь.

— Маркизъ!

— Да, да!

Маркизъ погрозилъ ей пальцемъ, прищуривая глаза.

— Смотри! Будь осторожнѣй. Съ кѣмъ это ты была?

— А такъ вы вотъ что думаете! воскликнула Жанна и, подбоченясь одной рукой, начала тыкать себя другой въ грудь.—Я! я была въ корридорѣ вечеромъ съ мужчиной? И вы могли это сказать? Меня заподозрить?

— Тише! тише! уговаривалъ маркизъ.

Но оскорбленная несправедливымъ обвиненіемъ невинность кричала на весь замокъ.

— Я никому не дала права обвинять меня. Маркиза это, можетъ быть, была, а не я...

Маркизъ, не обративъ никаго вниманія на послѣднія слова, уже сіялъ улыбкой и успокаивалъ ее:

— Ну, чего-же ты сердишься? Ну, и отлично, если это не ты... и отлично...

Онъ нѣжно взялъ ее за подбородокъ. Она притихла и потупила глаза.

— Я, маркизъ, никогда, тихо прошептала она и лукаво взглянула на него.

Онъ совсѣмъ растаялъ и, заслышавъ чьи-то шаги, быстро проговорилъ:

— Мы... мы потомъ поговоримъ съ тобою обо всемъ...

Паркъ зимою.

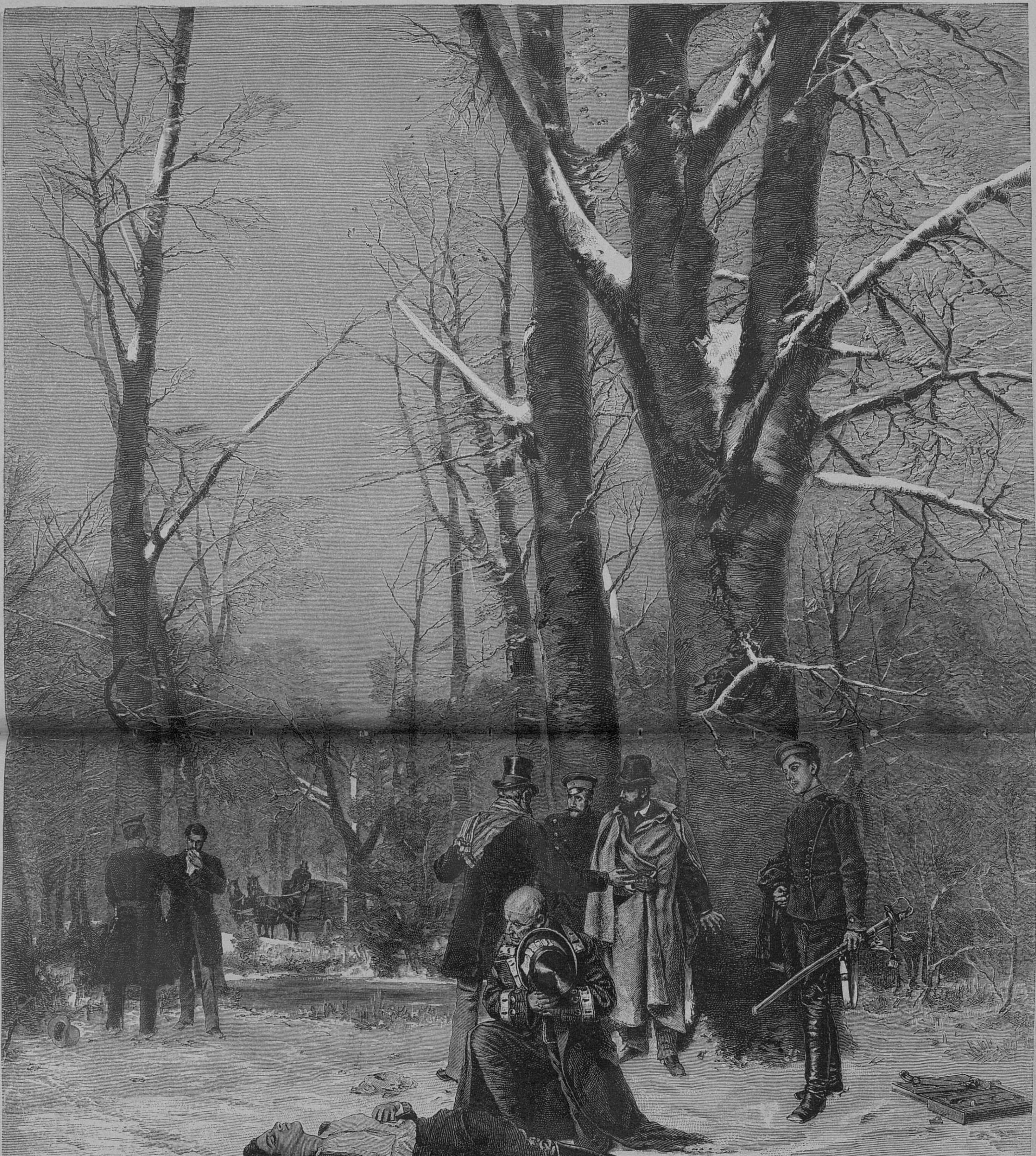
Нашъ русскій художникъ пейзажистъ А. Н. Шильдеръ, какъ рисовальщикъ перомъ, занимаетъ въ настоящее время видное мѣсто и его пейзажи, по большей части, очень характерны. Таковъ помѣщаемый нами уголокъ занесеннаго снѣгомъ парка съ эффектнымъ пятномъ тѣни подъ настилкой мостика, съ частицей незадернутой льдомъ и не занесенной снѣгомъ воды.

За редактора—издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 29-го января 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

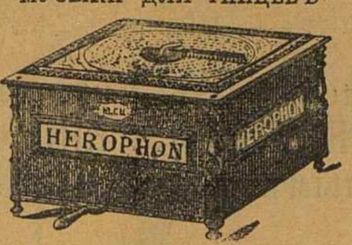
Съ картины [illegible]


R. BRENDAMOUR X.A.

ЖЕРТВА ЧЕСТИ!

Гравировалъ на деревѣ Брендамуръ.

ДЕШЕВАЯ И ПРАКТИЧНАЯ МУЗЫКА ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.



НОВЫЙ ГЕРОФОНЪ

съ приспособленіемъ для игры piano и forte. Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 35 руб. Большое число добавочныхъ пьесъ по 60 коп. за каждую За пересылку прошу приложить за 50 фунт.

Аристонъ-Органъ

Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 28 р. Большое количество добавочныхъ пьесъ по 60 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 45 фунт.

Каталоги пьесъ для герофона и для аристона безплатно.

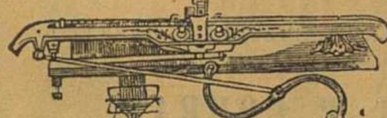
Вышеозначенные инструменты и ноты къ нимъ продаются у меня только патентованные. Поддѣланныхъ, которые легко портятся, не имѣю.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

Центральный складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ. Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—20).

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.— Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 290 (53—6)

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора А. Янсонъ.

Оптовый складъ въ Спб. конт. Ив. Фегедингъ, Чернышев. пер., Маріинскій рын., № 20.

Кромѣ того имѣется:

Въ Русскомъ Общ. Торг. аптек. тов. Казанск. № 12, центральн. аптек. депо, Милютинъ рядъ, Ф. Линде, Невскій № 23 и В. О. 6 линія № 25, Г. Клосъ и К°. В. О. 5 лин. № 12, казанск. аптекарск. торг. Казанская № 54, О. Роосъ Владимірск. № 7, Лиманъ и Риксъ Горохов. № 16, и во многихъ аптекахъ и магазинахъ парфюмерн. товаровъ.

№ 249 (10—9)

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.
№ 228 (52—11)

Императорскаго московскаго общ. Сельск. хозяйства 1886 г.

Одобрительный отзывъ.

Новой усовершен. системы, простой конструкціи разныхъ величинъ

ПОЖАРНЫЕ

трубы и насосы

„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Производство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ, Николаевская 55—6. № 186 (40—13).

Прейсъ-куранты безплатно.

Привилегіи испрашив.

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.
Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи
РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—6)

ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

фай-франсэ, мервелье, сюра, крепъ де-шинь, канаусъ, атласъ во всѣхъ цвѣтахъ, бархатъ гладкій и фасонэ; Русскихъ и Ліонскихъ фабрикъ легкія ткани для бальныхъ платьевъ.

МАТЕРІИ ДЛЯ ПОКРЫШКИ ШУБЪ и ПАЛЬТО:

шелковый плюшъ, бархатъ фасонэ и гладкій, сатинъ дамасе, гератъ, трикотинъ, дюшесъ-гренадинъ и граделендръ, англійскій плюшъ высокій сортъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ магазинъ А. В. ТАРАТИНА, **№ 110.**

бывшій ШАПКИНА. № 205

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—22)

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ Сан. Сов. д-ра Штельцингъ изъ солей знамен. цѣлебн. источн. № 3 и 18. СОДЕНЪ.

Ввозъ этихъ лепешекъ разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Клеймо.

Продажа во всѣхъ почти аптекахъ и аптек. магаз. по 70 коп. за коробку. Оптовая продажа у М. Моргенштернъ, Б. Морская, № 23.

С.-Петербургъ. № 299 (13—4).

ЭЛЕОПАТЪ провизора КИНУНЕНА

☞ ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ☜

безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

№ 311 (1—1). *Пров. КИНУНЕНЪ.*

Съ 1-го января 1888 года свѣже-приготовленные

фруктовые экстракты фабрики Ю. МАРТЕНСА,

Будутъ продаваться по уменьшоннымъ цѣнамъ.

КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ

$^1/_1$ сткл. (1 б.)	$^1/_2$ сткл.	$^1/_4$ сткл.	$^1/_8$ сткл.
по 1 р.	по 55 к.	по 30 к.	по 20 к.

ВИШНЕВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ и ЧЕРНОСМОРОДИНОВ.

$^1/_1$ сткл. (1 б.)	$^1/_2$ сткл.	$^1/_4$ сткл.	$^1/_8$ сткл.
по 3 р. 50 к.	по 1 р. 80 к.	по 1 руб.	по 55 к.

Оптовымъ покупателямъ дѣлается соразмѣрная уступка.

Фабрика и складъ: Разъѣзжая ул., № 49. Телефонъ № 999.

Ю. МАРТЕНСА.

Магазинъ: Гороховая улица, № 22. Телефонъ № 1200.

Продажа: у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ аптекарскомъ обществѣ, у Александра Венцеля, во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и фруктовыхъ магазинахъ. № 226.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

Въ виду множества поступившихъ въ Главную Контору заявленій изъ Москвы отъ гг. подписчиковъ, желающихъ получать журналъ **«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»** въ Москвѣ **БЕЗЪ ДОСТАВКИ**, мы вошли въ соглашеніе съ книжнымъ магазиномъ

И. Ф. ПАПКОВА

Тверская улица, Чернышевъ переулокъ, домъ Полякова,

гдѣ гг. подписчики, желающіе подписаться на журналъ **без доставки**, по цѣнѣ за годъ **7** рублей (съ преміею), могутъ получать таковой еженедѣльно *по пятницамъ*.

Тамъ-же принимается подписка на журналъ **«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»** *съ доставкою и пересылкою* (на годъ **8** руб. и **1** р. за доставку преміи цѣнною посылкою), а также и на ежедневныя газеты: **«СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»** (на годъ **8** р. и за доставку художественныхъ приложеній цѣнною посылкою **80** к.) и **«МИНУТА»** (на годъ **9** р.)

Разсрочка взносовъ допускается на всѣ вышеозначенныя изданія, но исключительно чрезъ Главную Контору, на слѣдующіе сроки: при подпискѣ **3** р., къ **1** апрѣля **3** р., и къ **1** іюня **остальные.**

Премія выдается **немедленно** при подпискѣ.

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—22).

У всѣхъ книгопродавцевъ поступила въ продажу 5-мъ значительно дополненнымъ и пересмотрѣннымъ изданіемъ книга:

ЖИВАЯ СТРУНА

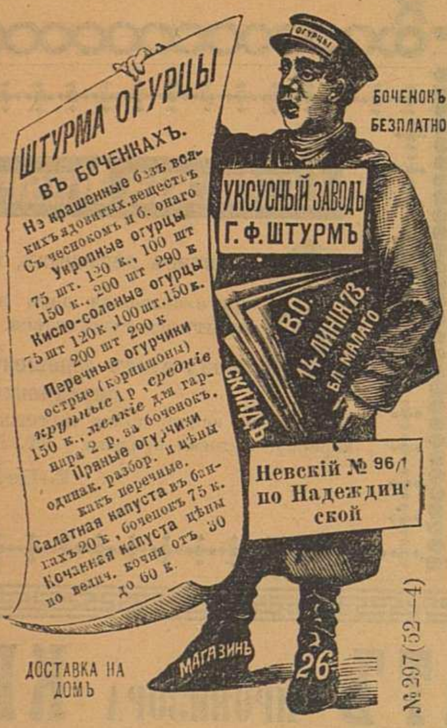
сборникъ стихотвореній и куплетовъ,

читанныхъ и пѣтыхъ: Никитинымъ, Монаховымъ, Градовымъ-Соколовымъ, Григоровскимъ, Бураковскимъ, Петипа, Панчинымъ, Завадскимъ, Лентовскимъ, Войтовичемъ, Брагинымъ, Веригинымъ, Емельяновымъ - Невскимъ и друг. Большой томъ. Спб. 1887 г.

Цѣна 2 рубля.

Складъ въ книжномъ магазинѣ **В. В. Лепехина**, Спб. Зданіе Городск. Думы, № 5. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

№ 309 (1—1).



ШТУРМА ОГУРЦЫ

ВЪ БОЧЕНКАХЪ.

Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ

Съ чеснокомъ и б. онаго

Укропные огурцы 75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к

Кисло-соленые огурцы 75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к

Перечные огурчики острые (корнишоны) *крупные* 1 р, *средніе* 150 к., *мелкіе* для гарнира 2 р. за боченокъ.

Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.

Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к.

Кочанная капуста цѣны по величин. кочня отъ 30 до 60 к.

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ

В. О. 14 ЛИНІЯ 73 БЛ. МАЛАГО

СКЛАДЪ

Невскій № 96/1 по Надеждинской

БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО

ДОСТАВКА НА ДОМЪ

МАГАЗИНЪ 26

№ 297 (52—4)

ОГУРЦЫ

FRANCE
МОСКОВСКАЯ ВСЕРОССІЙСКАЯ ВЫСТАВКА 1882 г.
1882 г.
ЗА ПРЕКРАСНУЮ ХУДОЖЕСТВ: РѢЗЬБУ И ОТЛИЧНОЙ РАБОТЫ.
ЗА МЕБЕЛЬ СЪ РѢЗЬБОЮ, ХОРОШ: ВКУСА.
Gde MEDAILLE D'ARGENT

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕБЕЛЬ.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА СТОЛЯРНУЮ И РѢЗНУЮ РАБОТЫ.

Н. ЛОВИТОНЪ, Невскій, № 60,

противъ Аничкина дворца.

310 (4—1).

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.

Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: А. С. **Пушкинъ**, **Пастеръ**, графъ **Лесепсъ**, **Группа Сказки Шехеразады изъ 1,001 ночи**, **Сонъ наяву**, механическая фигура, **Елена Прекрасная**, механическая фигура и много другихъ механическихъ фигуръ, а также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи, за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по Воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по Пятницамъ.

№ 253 (10—9)

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.

Лучшая пудра для вечера, а также и дня! Незамѣтно на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!

Театральныя гримировка

румяна, бѣлила и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, БЕРЛИНЪ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у Б. АУРИХА, Стремянная, № 4, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 183 (15—10)

Нумеръ 5-й ‹Живописнаго Обозрѣнія› состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) 2-й листъ ‹Художественнаго Альбома› ‹Жертва чести!› съ картины художника Е. де-Пеертъ и 3) Обертки.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 29-го января 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 6
7 ФЕВРАЛЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Промышленность, технологія и торговля.

Появленіе въ области взрывчатыхъ веществъ новыхъ соединеній, какъ, напр., мелинитъ и робуритъ, удивительные результаты, полученные при самыхъ разнообразныхъ опытахъ, которымъ они подвергались, таинственность, которою окружено ихъ приготовленіе, а также патріотическая надежда на ихъ разрушительную силу,—на первое время оттѣснили общее вниманіе на вещество, которое до сихъ поръ пользовалось правомъ предпочтенія предъ всѣми другими взрывчатыми веществами, а именно динамитъ или, говоря точнѣе, нитроглицеринъ,—послужившій основаніемъ многихъ изобрѣтеній въ промышленности, въ военномъ, морскомъ и инженерномъ дѣлѣ. Между тѣмъ въ ихъ примѣненіи нѣтъ никакого соотношенія. Мелинитъ и робуритъ являются исключительно военными взрывчатыми веществами, тогда какъ динамитъ служитъ преимущественно для промышленныхъ цѣлей; если мелинитъ въ прахъ разноситъ оборонительныя работы противника, то за динамитомъ остается мирное служеніе человѣку въ его вѣчной борьбѣ съ природою; имъ пользуются во всѣхъ подземныхъ работахъ; динамиту мы обязаны возможностью прорывать тунели и устанавливать желѣзнодорожныя сообщенія по такимъ горнымъ пунктамъ, какъ Арльбергѣ, Сенъ-Готардъ, уже открытымъ, или Симплонъ и Сурамъ, гдѣ еще производятся работы. Динамитъ разрабатывается съ промышленными цѣлями уже лѣтъ двадцать; во всѣхъ странахъ, кромѣ Россіи, есть по нѣсколько динамитныхъ заводовъ; во Франціи ихъ два, въ Германіи до 8; самый большой въ Абердинѣ, въ Англіи, приготовляющій динамитъ въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ киллограмовъ; въ Россіи динамитъ получается изъ-за границы и примѣняется въ большомъ количествѣ въ горномъ дѣлѣ, на донскихъ каменноугольныхъ шахтахъ и въ сибирскихъ рудникахъ. Въ Америкѣ и говорить нечего: новая сила нашла себѣ тамъ самое обширное примѣненіе. Опредѣлить съ точностью количество разрабатываемаго динамита на земномъ шарѣ очень трудно, несмотря на весь интересъ этого вопроса; употребленіе динамита зависитъ отъ размѣра общественныхъ работъ въ каждой странѣ, а потому подвержено колебанію. Разнообразнѣйшія примѣненія динамита сдѣлали его такимъ общественнымъ, что представляется излишнимъ описывать его приготовленіе или составъ, равно какъ и главной его части—нитроглицерина; достаточно напомнить, что этотъ послѣдній, какова-бы ни была формула динамита, опредѣляетъ его взрывчатую силу, причемъ остальныя составныя части могутъ и не быть принимаемы въ расчетъ для опредѣленія этого дѣла. Что же касается до нитроглицерина, то способы его приготовленія различаются между собою соотношеніемъ глицерина съ частями сѣрными и натріевыми. Самое производство нитроглицерина очень просто, хотя требуетъ, конечно, очень большихъ предосторожностей; на большихъ заводахъ поэтому отдѣлены разныя мастерскія, черезъ которыя проходитъ нитроглицеринъ въ разныхъ фазисахъ своего приготовленія; послѣдствія малѣйшей неосторожности не трудно себѣ представить, вслѣдствіе чего всѣ подобные заводы строются въ сторонѣ отъ населенныхъ мѣстъ.—Прорытіе Панамскаго перешейка вступило въ новый фазисъ; для скорѣйшаго открытія канала, общество рѣшило нѣсколько измѣнить первоначальный проектъ и временно сдѣлать каналъ съ шлюзами, а со временемъ уже замѣнить его каналомъ съ ровною водяною поверхностью, какъ это было рѣшено на международномъ съѣздѣ 1879 г. Новый проектъ принадлежитъ инженеру Эйффелю. Каналъ имѣетъ 74 километровъ длины, 40 метровъ ширины на поверхности воды и 22 на днѣ, 8—9 метровъ глубины. При работахъ все пространство было раздѣлено на пять участковъ разной длины, смотря по трудности работъ, начатыхъ одновременно на всѣхъ участкахъ. Требовалось срыть 135,000,000 кубическихъ метровъ земли; пока срыто 30,000,000 изъ нихъ болѣе четверти сплошного гранита и другихъ формацій, потребовавшихъ для своего удаленія сильнѣйшія взрывчатыя вещества. За этимъ дѣломъ работало обыкновенно до 10,000 рабочихъ и болѣе 3,000 вагоновъ для отвоза земли. При системѣ шлюзовъ можно будетъ ограничиться удаленіемъ еще 40,000,000 кубиковъ; а остальные 65,000,000 сдѣлать постепенно уже по открытіи канала. Въ мѣсяцъ срывается около 1,200,000 кубиковъ, такъ что работы будутъ окончены черезъ три года. При системѣ шлюзовъ въ сутки по каналу могутъ проходить 10 судовъ; считая грузъ каждаго въ 2000 тонъ, выходитъ 20,000 тонъ въ сутки; для прохода канала потребуется 17 часовъ съ половиною; а воды въ шлюзахъ для каждаго корабля потребуется 80,000 куопческихъ метровъ. Такое количество воды могутъ свободно дать прилегающія три озера; для дѣйствія шлюзовъ поставится паровая машина въ 3600 силъ. Если найдутся скептики, которые усомнятся въ возможности такой машины, то на парижской выставкѣ будущаго года они увидятъ машину въ 12,000 лошадиныхъ силъ.—Французская ученая экспедиція, изслѣдующая Тунисъ, открыла въ немъ громадныя залежи фосфата, вполнѣ объясняющія то чрезвычайное плодородіе сѣверной Африки, которое заслужило ей въ древности названіе житницы Рима; съ теченіемъ времени неумѣлая обработка земли совершенно изнурила почву и вернуть ей ея прежнія свойства могутъ только улучшенные пріемы сельскаго хозяйства, которые съумѣли бы привести на поверхность земли лежащія внизу фосфатныя залежи. Въ виду предпріимчивости иностранцевъ Алжиръ и Тунисъ сдѣлаются такимъ образомъ еще новыми конкурентами для Россіи въ ея хлѣбной торговлѣ.—Количество съѣдаемаго швейцарскаго сыра на земномъ шарѣ невольно побуждаетъ сомнѣваться въ швейцарскомъ происхожденіи всякаго круга, который выдаютъ за полученный изъ гельветической республики; новѣйшія свѣдѣнія, собранныя Мерцомъ о молочномъ хозяйствѣ Швейцаріи могутъ только усилить эти сомнѣнія; всего въ Швейцаріи добывается 16.500,000 гектометровъ молока, на сумму 73.000,000 рублей, отъ 662,000 коровъ и 277,000 козъ; двѣ пятыхъ этого количества перерабатывается въ сыръ и творогъ; двѣ пятыхъ идутъ въ пищу въ естественномъ видѣ, а одна пятая употребляется на кормъ молодого скота; на горахъ считается 2,900 сыроваренъ и 2,600 сыроваренъ въ долинахъ; первое мѣсто по молочному хозяйству занимаетъ бернскій кантонъ, потомъ идетъ цюрихскій и люцернскій.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Интересный опытъ. Въ послѣднемъ выпускѣ «Nature» помѣщено описаніе интереснаго опыта, который, не требуя никакихъ аппаратовъ, въ состояніи занять трудностью своего выполненія многочисленное общество. Если сѣсть передъ столомъ и правой, нѣсколько приподнятою ногою описывать въ воздухѣ небольшіе круги, то правой рукою въ это же время лучшему каллиграфу не удастся написать букву «Д», не переставая описывать ногою правильный кругъ; если выйдетъ буква, то нога завертится въ противоположную сторону, совершенно независимо отъ желанія дѣлающаго опытъ. Этимъ фактомъ могутъ одинаково заинтересоваться физіологія и психологія, такъ какъ неисполнимость опыта можно объяснить невозможностью для мозга направлять дѣятельность одностороннихъ органовъ въ разныя стороны. Продолжительная практика, конечно, преодолѣетъ трудности. То же самое можно сказать и про движенія обѣихъ рукъ въ разныя стороны: достаточно попробовать водить по груди правою рукою сверху внизъ, а лѣвою справа на лѣво; на третьемъ движеніи направленія спутаются и обѣ руки задвигаются или вдоль, или поперегъ.

Какъ двигали египтяне обелиски. Вопросъ о томъ, какимъ способомъ египтяне поднимали свои громадные монументы изъ цѣльнаго камня, служилъ предметомъ многихъ догадокъ. Чтобы уставлять подобные монолиты, высотою болѣе нежели въ 30 метровъ и вѣсомъ въ нѣсколько сотень тоннъ, требовалась страшная сила. Большинство заявленныхъ предположеній объ этой работѣ совершенно неосновательно, но слѣдующая гипотеза, принадлежащая проф. Арнудо, весьма остроумна и кажется довольно правдоподобной. Въ своей интересной статьѣ объ египетскихъ постройкахъ, помѣщенной въ «Revue Scintifique», г. Арнудо высказываетъ ту мысль, что египтяне пользовались услугами воды въ данномъ случаѣ. Вокругъ обелиска, лежащаго горизонтально и подножіемъ своимъ къ назначенному для него пьедесталу, они воздвигали кругообразную плотину, стѣны которой равнялись по высотѣ съ высотой монолита; готовый уже пьдесталъ служилъ центромъ ограды. Затѣмъ, верхнюю часть обелиска обвязывали кусками дерева и всякимъ плавучимъ матеріаломъ; благодаря такому приспособленію, центръ тяжести перемѣщался къ самому основанію обелиска и громадный монолитъ вставалъ самъ собою, выпрямляясь постепенно, по мѣрѣ того, какъ поднимался уровень воды въ громадномъ бассейнѣ. Подобную гипотезу можно оправдать простымъ опытомъ: возьмите винтъ длиною въ 5—6 сантиметровъ и снабженный плоской головкою. Насадивъ на остріе этого миніатюрнаго обелиска небольшую пробку, положите его въ чашку, которую наполняте потомъ водой. Вы увидите, что вашъ монументъ (въ данномъ случаѣ желѣзный) начнетъ приподниматься и установится въ вертикальномъ положеніи, когда вода дойдетъ до требуемой высоты.

Поющая булавка. Въ Парижѣ только-что изобрѣтена новинка, представляющая обыкновенную булавку для галстуковъ съ изображеніемъ птичьей головки; оригинальность новой булавки заключается въ автоматическомъ пѣніи, стержень булавки представляетъ тонкую трубку, къ концу которой прикрѣпляется другая, гуттаперчивая, оканчивающаяся такимъ же шарикомъ. При давленіи этого шарика, спрятаннаго въ карманѣ; воздухъ поднимается по обѣимъ трубкамъ и съ помощью особеннаго механизма, вставленнаго въ головкѣ булавки, открываетъ птичій клювъ и издаетъ звукъ близко напоминающій птичье щебетаніе. Эта булавка совершенно вытѣснила бывшія въ такомъ фаворѣ булавки съ электрическимъ свѣтомъ; къ тому же стоитъ она всего 20 франковъ. Дешево и мило.

Къ свѣдѣнію школьниковъ. Однимъ французскимъ инженеромъ разработывается чрезвычайно любопытно примѣненіе электричества къ алгебрическимъ вычисленіямъ; до сихъ поръ, однако, нѣтъ подробностей объ этомъ интересномъ открытіи.

Электрическій экипажъ. Стремленіе къ самостоятельности является однимъ изъ главныхъ свойствъ современнаго прогрессивнаго человѣка; желаніе обойтись безъ слугъ привело къ изобрѣтенію механическихъ умывальниковъ, патентованныхъ щетокъ, безъ рукъ человѣческихъ чистящихъ сапоги, платье и др. На ряду съ этимъ существуетъ желаніе сократить лошадь, даже въ домашнемъ обиходѣ; нѣкто Паркъ въ Брайтонѣ построилъ особый догъ-кэртъ, приводимый въ движеніе электричествомъ, сила котораго разсчитана на шесть часовъ при скорости 17 километровъ въ часъ. До сихъ поръ, однако, не устранены нѣкоторыя трудности, дѣлающія употребленіе новаго экипажа неудобнымъ на несовершенно ровныхъ дорогахъ.

Истребленіе голубей. Противъ голубей въ Вѣнѣ объявлена война не на жизнь, а на смерть. Городской архитекторъ Триши утверждаетъ, что своимъ пометомъ голуби наносятъ страшный вредъ общественнымъ зданіямъ, для ихъ истребленія и извлеченія вмѣстѣ съ тѣмъ пользы, Триши предлагаетъ сыпать на чердакахъ и крышахъ домовъ порохъ пропитанный спиртомъ, опьянѣвшіе голуби будутъ такимъ путемъ живыми попадать въ руки птицелововъ.

Англійское судопроизводство. Англійскій пароходъ доставилъ въ Бременъ грузъ риса изъ Индіи; на пароходѣ для экипажа была устроена особая ванна, причемъ воду можно было спускать прямо въ море посредствомъ особой свинцовой трубы; кромѣ экипажа, на пароходѣ оказалось большое количество крысъ, почему-то избравшихъ ванну своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ; эти грызуны, кромѣ того, проявили довольно оригинальный вкусъ: вмѣсто того, чтобы поѣдать рисовый грузъ, принялись за означенную свинцовую трубу и ухитрились ее перегрызть. Результатомъ такого поступка было проникновеніе морской воды въ корпусъ судна, которая подмочила большое количество груза. Судовладѣльцы обязаны были представить грузъ по назначенію въ полной исправности,—если только этому не помѣшаютъ сверхъестественныя силы; основываясь на этой оговоркѣ, съ ихъ стороны послѣдовалъ отказъ въ уплатѣ вознагражденія за попорченный грузъ, а суду предстояло рѣшить любопытный вопросъ. Дѣло было рѣшено въ пользу судовладѣльцевъ, такъ какъ крысы не уничтожили груза, а причинили аварію самому судну, отъ чего могла случиться его полная гибель вмѣстѣ съ людьми. При разбирательствѣ дѣла судъ, однако, не обратилъ вниманія на удостовѣреніе, что при отплытіи на пароходѣ крысъ не было вовсе.

Всякъ куликъ свое болото хвалитъ. Всѣмъ извѣстно, какъ пренебрежительно относятся истые москвичи къ нашей сѣверной столицѣ и какъ выхваляютъ они свою бѣлокаменную; такимъ москвичемъ до мозга костей былъ и покойный П. М. Садовскій. Въ бытность свою въ Петербургѣ Садовскій возвращался въ театральной каретѣ съ Каменнаго острова... Садовскій всю дорогу хвалилъ Москву и бранилъ Петербургъ. Достигли они Троицкаго моста...

— Вотъ ужь это вы похвалите, Провъ Михайловичъ, замѣтилъ сопутствовавшій ему Сазоновъ... Такой рѣки, какъ Нева, у васъ нѣтъ!..

— Это болото, а не рѣка, отвѣчалъ Садовскій... Какая-же порядочная рѣка течетъ только на 60 верстъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

7-го Февраля, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.

Безъ доставки въ Спб.: за годъ 6 р. 60 к. За границею: за годъ 10 руб. Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 7 р. съ преміею (книжный магазинъ И. Ф. Папкова, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова).

За пересылку преміи цѣнною посылкою рубль.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣлю 3 р. и къ 1-му іюня 2 р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 6

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

При сношеніи съ конторою необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него. За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій — 1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ. На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми коп. марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экземпл.) 1 р. 50 к. годов. 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету трансп. конторы).

ДОЛГЪ ПЛАТЕЖЕМЪ КРАСЕНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

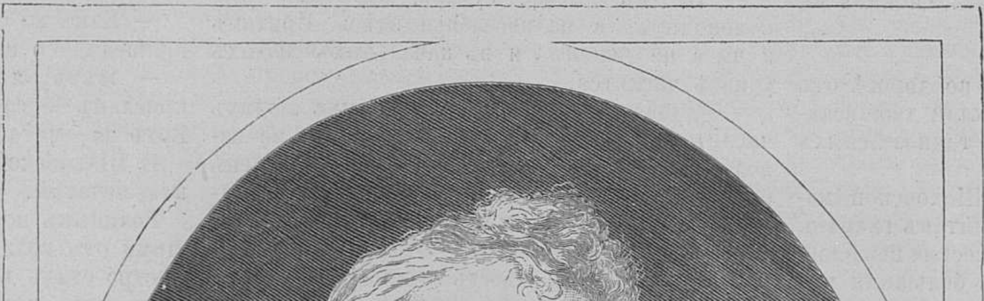
П. Н. ПОЛЕВОГО.

* * *

I.

Сто-сорокъ-семь лѣтъ тому пазадъ, городъ Выборгъ, лежавшій очень близко къ шведскому рубежу, представлялъ собою сильную крѣпость, постоянно и тщательно оберегаемую. Земляные верки выборгской крѣпости отличались правильностью и прочностью работы, палисады, штурмфалы и подъемные мосты содержались въ полной исправности, рвы были постоянно наполнены водою, а изъ-за насыпныхъ валовъ грозно высились зубчатыя стѣны и наугольныя башни цитадели, сложенной изъ массивныхъ гранитныхъ глыбъ, которымъ не страшны были ядра современной артиллеріи. Постоянный гарнизонъ Выборга былъ вообще довольно значителенъ, а въ 1741 году онъ былъ временно еще усиленъ присланными въ Карелію изъ подъ Петербурга полевыми полками и частями гвардіи, въ виду распространившихся и постоянно возраставшихъ слуховъ о предстоящей войнѣ со Швеціею. Помѣстить эти войска въ Выборгѣ не предвидѣлось никакой возможности, и мѣстному начальству пришлось озаботиться о расквартированіи подходившихъ изъ Россіи войскъ въ окрестностяхъ крѣпости по финскимъ и русскимъ поселкамъ, разбросаннымъ среди лѣсной глуши, отовсюду окружавшей Выборгъ и пересѣченной въ разныхъ направленіяхъ весьма плохими проселками. Приблизительно вѣрное понятіе объ этой лѣсной глуши въ настоящее время даютъ развѣ самые отдаленные медвѣжьи углы какого-нибудь повѣнецкаго или пудожскаго уѣзда, съ ихъ непроходимыми лѣсными чащами. Только на Сѣверъ отъ Выборга, верстъ на двадцать пять, пролегала довольно широкая и порядочно укатанная дорога къ селенью Каменный Ломъ, раскинувшемуся по берегамъ красивой и круто-берегой лѣсной рѣченки. Дорога потому была укатана, что по ней ужь лѣтъ двадцать сряду возили въ Выборгъ тѣ каменныя глыбы, изъ которыхъ построена была большая часть новыхъ выборгскихъ укрѣпленій; а всѣ эти глыбы, равно какъ и весь камень рухлякъ, которымъ были вымощены улицы чистенькаго и красиваго городка Выборга, добывались именно въ селеніи Каменный Ломъ, получившемъ свое названіе не даромъ. Вся мѣстность, кругомъ его, была покрыта невысокими гранитными холмами, то прикрытыми сосновымъ боромъ, то выступавшими изъ-подъ тонкаго и жалкаго слоя почвы огромными желваками и валунами, поросшими сѣрымъ, вѣковымъ мохомъ. Только вдоль по правому берегу рѣчки гранитъ выступалъ неправильными, угловатыми утесами и на большомъ протяженіи слоями спускался къ самой водѣ. По этому-то каменистому берегу, на опушкѣ густого, сумрачнаго сѣвернаго лѣса, было когда-то построено первыми русскими

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.



И. И. Лажечниковъ.

поселенцами въ Финляндіи село Каменный Ломъ. Просимъ однако-же читателя не заблуждаться, представляя себѣ это село на сколько-нибудь похожимъ на наши нынѣшнія великорусскія села. Съ полсотни дрянныхъ черныхъ избъ, безъ трубъ и безъ оконъ, были разбросаны по высокому берегу, безъ всякаго порядка, а среди нихъ, на небольшомъ холмѣ, виднѣлась изба попросторнѣе другихъ, крытая не драницами, а тесовою чешуею и съ деревяннымъ краснымъ крестомъ, вмѣсто конька надъ крышею. Околоэтой избы висѣла на деревѣ чугунная доска, замѣнявшая колоколъ. Это и былъ тотъ храмъ Божій, благодаря которому заброшенный въ карельской глуши жалкій поселокъ получалъ громкое наименованіе села. Пониже села, въ полуверстѣ отъ церкви, расположены были каменоломни, въ которыхъ, въ лѣтнее время, съ утра и до вечера, раздавался звонкій стукъ молотовъ, долбившихъ упорный гранитъ, и протяжное пѣніе заунывной «Дубинушки», когда рабочимъ приходилось всею артелью поднимать и ворочать тяжелыя глыбы и на каткахъ спускать ихъ къ тому мѣсту берега, съ котораго онѣ, по зимнему пути, доставлялись въ Выборгъ.

Трудно было представить себѣ поселеніе печальнѣе Каменнаго Лома; изъ него никуда и дорогъ не пролегало; мудрено было туда доброю волею заманить человѣка! И точно: всѣ посельцы въ Каменномъ Ломѣ были подневольные — либо солдаты-дезертиры, либо ссыльные. Всѣ они посылались сюда на тяжкую работу и вели ее подъ надзоромъ особой военной команды, надъ которою начальникомъ былъ офицеръ тоже ссыльный, тоже несчастный подневольникъ, заброшенный злою мачихой-судьбою въ этотъ глухой уголъ, о которомъ сложилась между мѣстными жителями поговорка: «попалъ въ Каменный Ломъ — померетъ тебѣ въ немъ»! какъ и въ наше время говорятъ: «попалъ въ Повѣнецъ—тамъ и конецъ!»

Въ началѣ іюня 1741 года, по дорогѣ отъ Выборга къ Каменному Лому ѣхали двое всадниковъ, въ треуголкахъ и въ темнозеленыхъ военныхъ плащахъ.

Одинъ изъ нихъ былъ князь Шаховской, молодой и красивый брюнетъ, капитанъ гвардіи, высокій и статный; другой, уже весьма пожилой, полный и плотный мужчина, съ большими рыжими усами, былъ самъ комендантъ города Выборга, полковникъ Вѣтровъ, старый служака, еще при Петрѣ опредѣленный на занимаемое имъ мѣсто. Комендантъ ѣхалъ въ Каменный Ломъ для отвода квартиръ войску, пришедшему въ Выборгъ; а Шаховской везъ милостивый указъ правительницы къ сосланному въ эту глушь товарищу-однополчанину. Оба всадника трусили по дорогѣ мелкою рысцою, не прерывая бесѣды, начатой еще при выѣздѣ изъ города.

— Времена превратныя! угрюмо говорилъ Вѣтровъ, дослушавъ разсказъ молодого гвардейца. Кто вчера еще на колесѣ фортуны высоко стоялъ, сегодня все потерялъ и подъ колесомъ очутился... Кто вчера еще въ ссылкѣ на гнилой соломѣ обрѣтался, завтра, пожалуй, въ кабинетѣ засѣдать будетъ?

— И Богу слава! горячо отозвался гвардеецъ. Дождались мы наконецъ того, что палъ съ высоты прегордый временщикъ, упитанный кровью и слезами, несытый злодѣйствами! Настало время вздохнуть и тѣмъ, кого онъ мучилъ неисходною мукою!

Комендантъ посмотрѣлъ на гвардейца съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и сказалъ, покачивая головою:

— Господинъ капитанъ, это ты такъ господина герцога Бирона честить изволишь? Не мѣшаетъ помнить, что о высокихъ персонахъ слѣдуетъ съ решпектомъ отзываться, даже если...

— Даже если судомъ докажутъ, что ненарокомъ залетѣла ворона въ высокія хоромы? Полно, такъ-ли, господинъ комендантъ? Или ты позабылъ, что эту высокую персону судъ обвинилъ въ государственной измѣнѣ, въ насильственномъ захватѣ регентства обманнымъ образомъ, и присудилъ къ смертной казни?

— Хотя мы посямѣстъ обо всемъ тобою помянутомъ, господинъ капитанъ, манифестомъ не увѣдомлены, однако полагаемъ, что и суду господинъ герцогъ Биронъ не безъ важныхъ резоновъ преданъ. А все таки тебѣ, сударь, на видъ поставлю, что о поступкахъ его свѣтлости тебѣ судить еще рано... Потребно и то помнить, что нынче его господинъ фельдмаршалъ Минихъ смѣстилъ, а завтра его рука опять силу заберетъ... И тогда...

— Я своему законному государю вѣренъ и изъ присяги не выступлю, а Биронъ моему государю объявленъ врагомъ и измѣнникомъ и никто меня судить не можетъ въ неотданіи ему почтенія...

— Такъ-то такъ, г. капитанъ, да и то не мѣшаетъ помнить, что государь, которому мы съ тобою присягали, еще изволитъ обрѣтаться въ пеленахъ и вокругъ него—тѣ же иноземцы. А свой своему поневолѣ другъ!

— Ну, господинъ комендантъ, не дай Богъ твоимъ словамъ исполненія! Хоть царь нашъ и пеленами обвитъ, да мы всѣ грудью за него стоять готовы, и около него не одни нѣмцы, а есть и русскіе люди, которые и русскихъ страдальцевъ вспомнили—и теперь, то и дѣло, ворочаютъ ихъ изъ ссылки. Вотъ потому-то мы съ тобой и ѣдемъ теперь въ карельскую трущобу, и веземъ милостивый указъ князю Николаю Голицыну.

Комендантъ ничего не отвѣчалъ на это, а гвардеецъ продолжалъ съ жаромъ:

— Вотъ ужь точно неповинный страдалецъ! Десятый годъ теперь въ ссылкѣ томится, только за то, что онъ съ родни князю Димитрію Михайловичу Голицыну приходился, а тотъ съ Долгорукимъ за одно былъ въ «верховникахъ» *).

— Не въ ссылкѣ, сударь, замѣтилъ сухо комендантъ, а на поселеньи здѣсь. Притомъ и чина не лишенъ, и въ начальныхъ людяхъ у насъ числится...

— Чина не лишенъ! Въ начальныхъ людяхъ числится! воскликнулъ гвардеецъ. — Ты не изволилъ-ли забыть того, что онъ перемѣщенъ сюда изъ гвардіи тѣмъ-же чиномъ въ гарнизонъ подъ твою команду, а командиромъ поставленъ надъ ссыльными! Это-ли не ссылка? О, Господи! Всю молодость здѣсь промаяться—пнямъ молиться, на лопату креститься...

— Самъ виноватъ—не въ обиду будь тебѣ, г. капитанъ, сказано—самъ виноватъ! Не покорливъ—потому и знатными персонами забвенъ... Много разъ я ему говаривалъ, какъ случалось по службѣ въ Каменный Ломъ ѣздить, чтобы подалъ онъ отъ себя челобитную его великогерцогской свѣтлости...

— Какую челобитную!? О какой матеріи? отозвался гвардеецъ, хмуря брови и поглядывая искоса на старика коменданта.

— Вѣстимо о какой матеріи—о помилованіи...

— О помилованіи! Да коли онъ за собою вины не знаетъ?

— Вотъ то-то и оно! Ты, господинъ капитанъ, съ княземъ Николаемъ въ одинъ голосъ поешь... И онъ мнѣ то же говорилъ, что и ты, говорить изволишь... Я ему даже и челобитную заготовилъ, и началъ ее по титулѣ такъ: — «принужденъ, молъ, я недостойнымъ воплемъ отягчать вашей свѣтлости дражайшія ушеса»... А онъ какъ только прочелъ это, такъ и сказалъ: «я, говоритъ, лучше здѣсь подохну, нежели такую челобитную подамъ!..» Ну, вотъ и киснетъ въ забвеніи...

Гвардеецъ не отвѣчалъ ни слова, погруженный въ мрачную думу, и разговоръ не возобновился болѣе до самаго пріѣзда въ Каменный Ломъ.

II.

Старикъ комендантъ не разъ бывалъ въ поселкѣ и зналъ, какъ найти среди дрянныхъ, курныхъ избенокъ жилье князя Николая Голицына. Гвардеецъ былъ пораженъ, когда они, миновавъ убогій храмъ съ краснымъ крестомъ, подъѣхали къ землянкѣ, съ плоской кровлей, съ крошечными окошечками, съ деревянной трубою, вымазанной глиною. Весь поселокъ былъ пустъ—все населеніе было на работахъ въ каменоломнѣ, и коменданту самому пришлось туда отправиться, чтобы розыскать Голицына, между тѣмъ, какъ гвардеецъ, сойдя съ лошади и привязавъ ее къ дереву, вошелъ въ землянку. Его поразило убожество этого жилья. Въ полутьмѣ можно было съ перваго взгляда различить только большую русскую печь направо, а налѣво, въ углу, кровать, столъ и два стула, грубой самодѣльной работы. Надъ столомъ, старая икона Николая Чудотворца въ потемнѣвшей басменной ризѣ; на столѣ двѣ-три книги и старопечатная библія въ порыжѣломъ кожаномъ переплетѣ. Гвардеецъ только что скинулъ плащъ и шляпу, только снялъ съ рукъ перчатки съ большими раструбами и разстегнулъ пряжку широкой кожаной портупеи, какъ дверь въ землянку распахнулась настежь и въ нее вошелъ человѣкъ очень высокаго роста, въ потертомъ и поношенномъ военномъ полукафтаньи. Волосы его были всклочены; борода, давно не бритая, отросла и придавала нѣсколько мрачный оттѣнокъ его пріятному, но блѣдному и болѣзненному лицу, на которомъ выражалась тревога и опасеніе. Вошедшій былъ князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ. Едва переступивъ порогъ, онъ подозрительно и недовѣрчиво сталъ вглядываться въ гвардейца, который поднялся ему на встрѣчу.

— Голицынъ! вскрикнулъ тотъ, бросаясь къ нему съ распростертыми объятіями.

— Шаховской! откликнулся Голицынъ, — и друзья обнялись крѣпко, крѣпко.

— Какъ ты сюда попалъ? Небось съ полкомъ пришелъ—со шведами воевать собираешься?

— Нѣтъ, я къ тебѣ пріѣхалъ. Съ указомъ присланъ — самъ выпросился, чтобъ послали. Вотъ на—читай!

И Шаховской подалъ ему пакетъ съ казенною печатью.

Голицынъ поспѣшно вскрылъ пакетъ, дрожащими отъ волненія руками развернулъ указъ и быстро сталъ пробѣгать его глазами. Въ указѣ значилось, что ему разрѣшалось вновь вернуться на службу въ гвардію, причемъ онъ, въ виду несправедливости, совершенной по отношенію къ нему, приравнивался въ чинахъ къ своимъ товарищамъ по службѣ.

Прочитавъ указъ, Голицынъ набожно перекрестился на икону и сказалъ, глубоко тронутый:

— Благодареніе Богу и государю! Благодареніе и людямъ добрымъ, которые обо мнѣ вспомнили.

И пріятели обнялись еще разъ.

Полилась бесѣда, горячая, задушевная. Шаховской не могъ надивиться тому, какъ Голицынъ выжилъ почти десять лѣтъ въ этой берлогѣ.

— Какъ видишь — выжилъ. Сначала зѣло трудно было, а потомъ обтерпѣлся... Только ужь нѣтъ прежнихъ силъ, нѣтъ прежняго здоровья... Хвораю по зимамъ...

— У тебя нѣтъ силъ? Полно — что ты? А помнишь-ли, какъ ты, бывало, подковы гнулъ?..

— Бывало!.. Ну, а теперь это все забыть надо! Лучше разскажи мнѣ, какъ вы тамъ, послѣ кончины блаженной памяти императрицы Анны, одолѣли прегордаго Голіафа?

— О, да мы ужь эту сказку и забывать стали! сказалъ, смѣясь, Шаховской. А, истинно, какъ есть сказка! —и повѣрить ей трудно, потому все въ ней словно по щучьему велѣнью сдѣлалось... И онъ, живо и складно, во всѣхъ подробностяхъ, разсказалъ другу, какъ произошелъ извѣстный переворотъ 8-го ноября 1740 года, какъ Биронъ изъ своего дома былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, какъ были конфискованы всѣ его имѣнія и пожитки,

---

*) Подъ именемъ «верховниковъ» были извѣстны тѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые задумали ограничить власть императрицы Анны Іоанновны и всѣ погибли на плахѣ и въ ссылкѣ.

и какъ учреждена была надъ нимъ правительницею особая слѣдственная коммисія, которая единогласно приговорила его къ четвертованію...

— Къ четвертованію! повторилъ Голицынъ мрачно; — и ништо ему, злодѣю, кровопійцѣ! Пусть самъ того отвѣдаетъ, что другимъ подносилъ!.. Когда его казнить станутъ—на площадь пойду смотрѣть, какъ палачъ станетъ на куски рубить его сытое тѣло!..

— Его казнить не будутъ! сказалъ Шаховской. Ея высочеству угодно было даровать ему жизнь: Бирона въ Сибирь ссылаютъ и въ приставахъ при немъ шлютъ нашихъ-же Измайловцевъ—поручиковъ Дурново и Викентьева...

— Такъ не казнятъ? сказалъ Голицынъ. Ну, видно, воля Божья!.. Но будь онъ проклятъ, злодѣй и гонитель неправый! Мерзкими дѣяніями своими онъ далъ поводъ и съ нимъ равное чинить. Погубитель мой, повергнувшій меня въ бездну отчаянія,—о! какъ я тебя ненавижу. Изъ за тебя сгинула юность моя, изъ за тебя безвременно пресѣклась вервь счастія моего, изъ за тебя лишился я нѣжно-любимой супруги, которая не вынесла моего отчаянія! Вѣришь-ли, другъ, что и десять лѣтъ жизни въ здѣшней глуши, вдали отъ зрѣнія людского, не примирили меня съ моимъ злодѣемъ! И сойдись я съ нимъ, лицомъ къ лицу, въ лѣсной трущобѣ, я не пощадилъ бы его, натѣшился бы надъ нимъ...

И когда Голицынъ говорилъ это, его лицо было блѣдно, глаза сверкали, а кулаки судорожно сжимались... Онъ былъ страшенъ въ этомъ порывѣ годами накопленной злобы!..

Но дверь въ землянку отворилась; вошелъ старикъ-комендантъ и сталъ разсыпаться передъ Голицынымъ, поздравляя его съ царскою милостью и объявляя ему, что онъ теперь свободенъ; можетъ покинуть Каменный Ломъ и ѣхать куда ему угодно. Голицынъ не заставилъ себѣ повторять эту добрую вѣсть: онъ на другое-же утро, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, выѣхалъ изъ этой «юдоли скорби зазорной и горя несноснаго», среди которой загубилъ лучшіе годы своей жизни.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

РАСКОЛЬНИЧІЙ УЧИТЕЛЬ.

Изъ забытыхъ исторій. **Н. И. Шульгина.**

(Продолженіе).

Глава V.

Много воды протекло съ тѣхъ поръ, много случилось различныхъ приключеній съ Кузьмой; онъ пріобрѣлъ житейскій опытъ и мы встрѣчаемъ его, уже сѣдаго старика, распоряжающагося убѣжденіемъ многихъ сотенъ людей. Исполнились его завѣтныя мечты, онъ сталъ основателемъ новой религіи...

Теперь сидитъ онъ въ своемъ кабинетѣ, разсматриваетъ буквы огромной книги, лежащей предъ нимъ, и нарочно, ради тона, не замѣчаетъ прибытія новой гостьи.

Она давно уже вошла въ комнату и занимается теперь разсматриваніемъ спины учителя. Повидимому такое препровожденіе времени нисколько не тяготитъ ее. Она терпѣливо изучаетъ спину учителя; онъ также терпѣливо разсматриваетъ буквы. Въ комнатѣ мертвая тишина, изрѣдка прерываемая жужжаніемъ мухи, залетѣвшей чрезъ растворенное окно.

Гостья—женщина среднихъ лѣтъ, но еще не перешедшая за ту грань, когда исчезаютъ слѣды молодости и наступаетъ старость. Не смотря на сильную худобу и множество преждевременныхъ морщинъ, она все еще хороша собой. Видно, что въ свое время она была красавицей. Ее звали Марфа. Въ дѣвкахъ она жила верстахъ въ пятнадцати отъ Горокъ, но полюбила горскаго парня Максима Ситникова. Любились они про себя цѣлый годъ, потомъ, съ благословенія родителей, вступили въ бракъ. По второму году ихъ супружества у нихъ родилась дочка. Утѣшались ею родители; дѣвчонка вышла такая шустрая, умная, собой красавица. Жила семья безъ горя, безъ печали; Максимъ больно охочъ до работы, трудолюбивъ, достатки имѣлъ хорошіе и въ домѣ всего было вдоволь. Такъ жили они счастливо почитай четыре года. Прожили бы и весь вѣкъ, да нелегкая принесла въ ихъ деревню Кузьму Петрова. И до него разные проходимцы смущали горковцевъ новыми вѣрами, но дѣйствовали неудачно: горковцы не поддавались лукавымъ ухищреніямъ. Видно, не мастера своего дѣла были приходящіе проповѣдники, ибо какъ пришелъ Кузьма Петровъ, взгляды горковцевъ совсѣмъ измѣнились. Кузьма ловко опуталъ ихъ, темныхъ людишекъ, несвѣдущихъ въ писаніи, неопытныхъ въ казуистикѣ. Онъ былъ мастакъ своего дѣла и хорошо понималъ людскія слабости; онъ зналъ, откуда надо начинать. Въ Максимовой женѣ онъ скоро провидѣлъ вѣрную себѣ помощницу; на Максима и его жену обратилось преимущественное его вниманіе. Максимъ, честный, добродушный мужикъ, сначала отбивался отъ хитраго ересіарха. Но куда ему, простосердечному сыну природы, устоять противъ маккіавелевской логики опытнаго въ діалектическихъ тонкостяхъ раскольничьяго пропагандиста! Не устоялъ Максимъ. Онъ скоро сдѣлался преданнѣйшимъ слугою учителя. Съ Марфой поладить было еще легче. Наши женщины вообще склонны къ принятію мистическихъ ученій. Ученіе Петрова, пропитанное безъисходнымъ мистицизмомъ, было какъ разъ по сердцу нервной Марфѣ. Да и какъ было устоять противъ обаятельной силы краснорѣчія ловкаго проповѣдника? Не одна Марфа чувствовала на себѣ вліяніе новаго учителя. Вся деревня чувствовала то же самое...

Ученіе Кузьмы можетъ оттого привилось такъ легко, что оно слишкомъ противорѣчило установившимся убѣжденіямъ горковцевъ. Кузьма проповѣдывалъ о преступности брачнаго союза; онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей немедленнаго расторженія брачныхъ узъ; онъ требовалъ отъ міранъ иноческой жизни въ мірѣ. «Иная жизнь приводитъ прямо въ адъ», говорилъ краснорѣчивый проповѣдникъ, и густыми, яркими красками описывалъ адскія мученія. Простосердечные слушатели трепетали отъ его словъ и спѣшили расторгать супружества. Онъ училъ, что семейныя привязанности также неугодны Богу, ибо влекутъ за собой житейскіе помыслы и отвращаютъ отъ постоянной службы Господу. Молодые парни и дѣвицы стали тотчасъ же устраивать отдѣльныя кельи въ заднихъ дворахъ, особо отъ семьи. Кузьма училъ, что Богъ ниспосылаетъ св. Духа на вѣрныхъ слугъ своихъ и лучшіе изъ нихъ получаютъ даръ пророчества, что ему самому Господь даровалъ эту милость. Вся деревня повѣрила ему, признала своимъ учителемъ, прорекомъ, вновь крестилась и назвала себя «семьею божьихъ людей».

Марфа разумѣется не могла идти противъ теченія. Она ранѣе всѣхъ женщинъ въ деревнѣ привязалась къ учителю. Она жадно прислушивалась къ его рѣчамъ; она любовалась необыкновеннымъ спокойствіемъ его во время проповѣди. Къ тому же Кузьма видимо отличалъ ее отъ всѣхъ женщинъ. Ее, самую умную и красивую женщину въ деревнѣ, рѣшился онъ избрать въ помощницы при распространеніи новой ереси.

Кузьма былъ очень хорошъ собой, что, въ соединеніи съ чарующимъ вліяніемъ проповѣди, должно было подѣйствовать на такую экзальтированную женщину, какова была Марфа. «Барышней ей слѣдовало родиться», говорили про нее родители; «какая она слабенькая, недотрога; и пища наша не по ней; и прикрикнуть нельзя на нее: испугается, убѣжитъ, забьется гдѣ нибудь, въ кладовой, за мѣшки и плачетъ, заливается горькими слезами». И къ ворожеѣ-то водили, и отмаливали ее родители—ничего не помогло: осталась Марфа цвѣткомъ-недотрогой, нѣжнымъ, нервнымъ, неспособнымъ переносить ничего грубаго. Вышла она замужъ. Мужъ ея, добрый, простой человѣкъ, любилъ ее нѣжно; не то, что бить, не ругалъ даже, обходился съ ней ласково, дружелюбно. Марфа казалась спокойною, счастливою. Она сама себя считала такой. Съ прибытіемъ Кузьмы она поняла, что не знала настоящаго счастія, что оно было только въ ея воображеніи. Поняла она, несмышленая женщина, что никогда не любила, настоящей любовью, своего мужа; пришлось убѣдиться ей, что истинный, желанный ея—это и есть Кузьма Петровъ.

Всѣми силами прекрасной женской души полюбила она Кузьму. Не видѣть его стало для нея сущимъ наказаніемъ. И Кузьмѣ понравилась она; но онъ полюбилъ ее, какъ любитъ пресыщенный сластолюбецъ физическую красоту женщины. Полюбилъ онъ ее за роскошныя формы, за длинную русую косу, за большіе голубые глаза, постоянно увлаженные нѣжной истомой. Ласкалъ и голубилъ онъ ее, пока она была вновѣ, а тамъ... Кузьма сталъ учить, что каждая дѣвушка, принадлежащая къ его сектѣ, достигнувъ пятнадцати лѣтъ, должна быть посвящена въ келейницы. Посвященіе производилъ самъ Кузьма. Но что дѣлаетъ изъ женщины истинная любовь! Марфа, и прежде распространявшая съ успѣхомъ (она была грамотная) ученіе Кузьмы, теперь съ особеннымъ рвеніемъ стала защищать ученіе его о посвященіи въ келейницы. Сомнѣвающихся и нерѣшительныхъ дѣвушекъ она, со всею силою страстнаго краснорѣчія, уговаривала подвергаться обрядамъ новаго ученія. Безъ сомнѣнія, кромѣ страстной, самоотверженной любви, ею руководила также вѣра въ авторитетъ Кузьмы, но и любовь занимала не послѣднее мѣсто!

Между тѣмъ Максимъ, скоро успѣвшій разочароваться въ учителѣ, сталъ крѣпко скучать. Жаль ему было жены, но онъ понималъ, что воротить ее не можетъ. Онъ, какъ и другіе, увлекся софизмами учителя и развелся съ женой, слѣдовательно, не имѣлъ уже права требовать отъ нея любви. Съ горя онъ сталъ хилѣть и скоро умеръ. Это событіе случилось чрезъ годъ по прибытіи въ Горки Кузьмы Петрова. Марфа немного поплакала, потужила о своемъ бывшемъ мужѣ, котораго уважала за доброту и нѣжность къ ней, но Кузьма сказалъ, что грѣхъ жалѣть о покойникѣ,—и Марфа успокоилась. Къ тому же она чувствовала, что начинаетъ надоѣдать ему и что недалеко то время, когда ей придется съ нимъ разстаться. Дѣйствительно, она уже прискучила Кузьмѣ; но онъ еще продолжалъ оказывать ей знаки своего расположенія въ томъ вниманіи, что другой подобной помощницы ему не найти. Прочія женщины, изъ числа принадлежащихъ къ его сектѣ, по своимъ нравственнымъ и физическимъ качествамъ и невѣжеству не годились для пропаганды. Марфа же имѣла всѣ достоинства, необходимыя для такого дѣла.

Но всему свой чередъ, и любовныя отношенія Кузьмы и Марфы смѣнились другими, болѣе спокойными. Трудно прибрать названіе ихъ новымъ отношеніямъ. Назвать ихъ дружескими невозможно,—равенства въ нихъ не было; Марфа была покорнѣйшимъ слугою, а Кузьма безграничнымъ повелителемъ. Марфа съ самоотверженіемъ служила Кузьмѣ; всякое его желаніе было для нея закономъ. Въ одномъ только она противорѣчила Кузьмѣ: она питала нѣжное, материнское чувство къ своей дочкѣ, Палашѣ.

Палашѣ скоро шестнадцать лѣтъ, а она еще не посвящена въ келейницы. Пыталась Марфа обиняками напоминать дочери объ обязанностяхъ ихъ вѣры, но Палаша показывала видъ, что ничего не понимаетъ. Марфа замѣчаетъ за ней кое-что; хотѣлось-бы заставить дочь иначе мыслить, иначе чувствовать, да ничего съ ней не подѣлаешь: крѣпокъ у дѣвки характеръ!

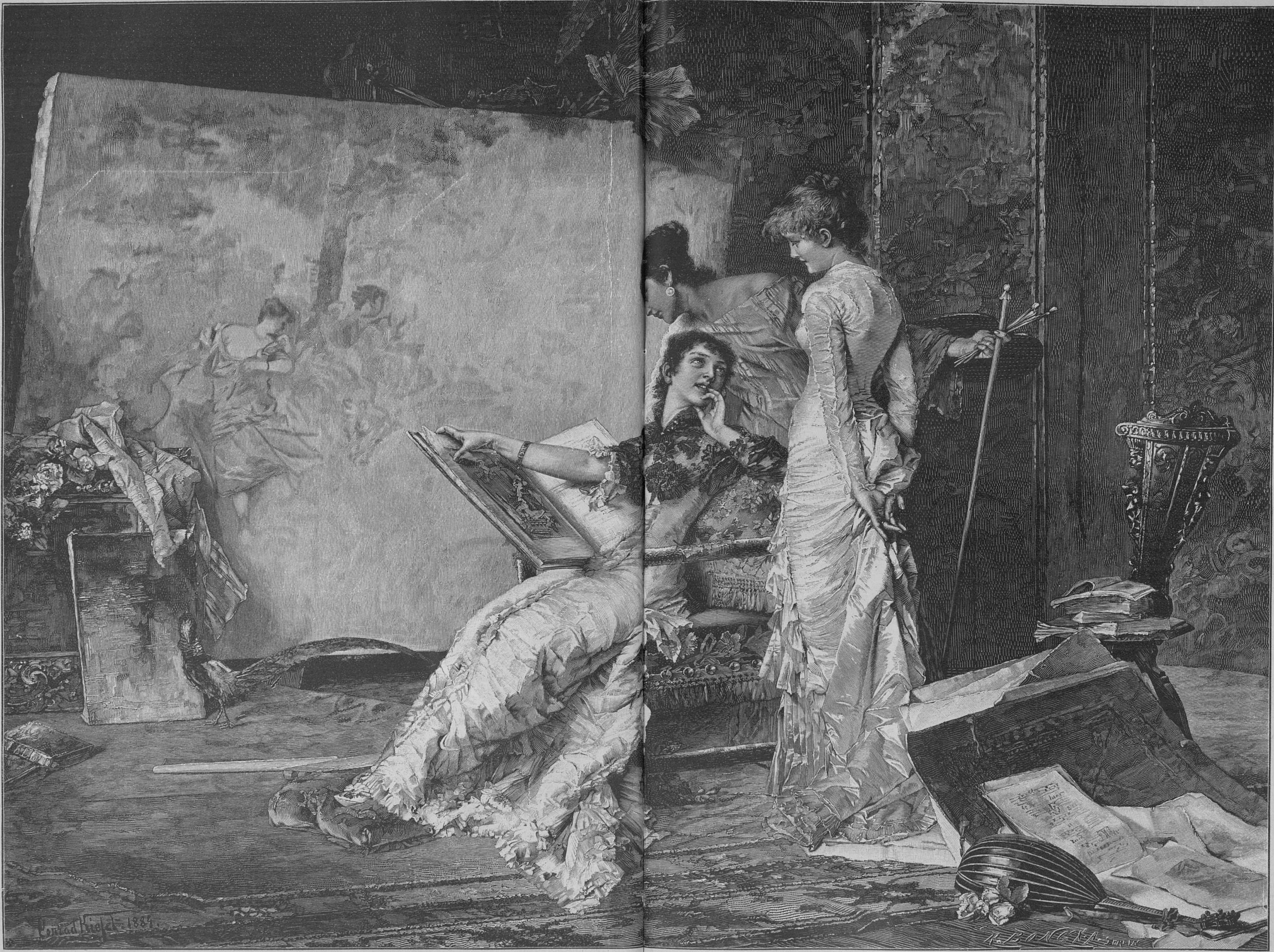
Мается Марфа, не придумаетъ, что ей дѣлать. Тутъ Кузьма, а тамъ дочь... Обоихъ она любитъ горячо. И молится, и плачетъ бѣдная женщина, тяжело ей становится жить на свѣтѣ! Бѣдная Марфа!

Н. Шульгинъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННЫ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Ко да Кизеля.


Conrad Kiesel. 1887

Въ мастерск художницы.

Гравировалъ на дер гъ въ Берлинѣ.

* * *

Гдѣ мои грезы счастливыя,
Полныя вѣры мечты,
Рѣчи наивно-болтливыя,
Дѣтски-живыя черты?
Гдѣ мои пѣсни забытыя?
Гдѣ мои юные сны,
Милые, дѣтски-сердитые,
Полные сказокъ весны?..
Гдѣ моя няня ворчливая,
Добрыя ласки ея?
Гдѣ моя мать терпѣливая,
Мама, голубка моя...
Гдѣ-же ты юность мгновенная,
Гдѣ-же ты?.. Тамъ... позади...
Что-же, моя несравненная,
Снова ко мнѣ подойди!
Снова запой мнѣ любимыя,
Дѣтскія пѣсни запой,
Снова объятья незримыя
Съ лаской поэту раскрой...
Дай отдохнуть хоть мгновеніе
Чтобъ отдохнувши, опять
Въ годы борьбы и терпѣнія
Гордо и честно страдать

М. Липкинъ.

ТИГРИЦА.

Романъ **Д. Верга.**

Переводъ **В. Крестовскаго** (псевдонимъ).

(*Продолженіе*).

XI.

Прошло двѣ недѣли, весна почти миновала. Синьора Эрминія разцвѣтала здоровьемъ, принимала гостей, въ теплые часы выѣзжала кататься въ каретѣ. Счастливица цѣлые дни няньчалась съ своимъ сыночкомъ, то есть, няньчались оба, хотя Джорджіо воображалъ, будто дѣлаетъ это изъ снисхожденія, и сохранялъ очень забавную серьезную физіономію. Эрминія увѣряла, что мальчикъ понимаетъ смѣхъ и голосъ отца. Мамаша Рускалія, бабушка, была въ восторгѣ, что это, именно, мальчикъ, представитель ея рода, хотя и по женскому колѣну.

Разъ она таинственно вошла къ дочери.

— Отгадай, кто пріѣхалъ! Твой кузенъ Карло, въ отпускъ на два мѣсяца. Какъ похорошѣлъ, какъ къ нему мундиръ идетъ. Въ сраженіи былъ, бѣдный малый, при Лиссѣ, на Королѣ Италіи; изъ моря его вытащили: четырнадцать часовъ бился, тонулъ! Такія ужасы, что волосъ дыбомъ! Вотъ, послушаешь, онъ тебѣ пораскажетъ. Теперь онъ изъ Индіи, или изъ Америки, право, ужь не знаю, ну, весь свѣтъ обошелъ,—но мнѣ это неважно: точь-въ-точь онъ такой, какъ былъ, когда въ школу отправлялся, и я его цѣловала, все равно, какъ маленькаго. О тебѣ спрашивалъ; сказалъ, что сегодня же съ тобой увидится.

Лаферлита не было дома. Синьора Эрминія, сидя одна, пришивала бантики на чепчикъ своему ребеночку. Она выслушала свою мамашу, широко раскрывъ глаза, почему-то не могла ничего сказать, поблѣднѣла, и положила руки съ чепчикомъ себѣ на колѣни.

Синьора Рускалія, продолжала разсказывать. Эрминія соображала, что рано или поздно Карло долженъ былъ возвратиться, что она это всегда предвидѣла и что теперь удивлена только потому, что ей такъ внезапно сказали о его пріѣздѣ. Мать еще съ полчаса поболтала и ушла. Эрминію немного смущало ожиданіе гостя; хотѣлось бы, чтобъ онъ не приходилъ, или хоть нѣсколько дней переждалъ. Она заранѣе испытывала неловкость свиданія и первыхъ словъ; не знала, говорить ли ему ты... еслибы хоть мужъ былъ при встрѣчѣ!.. Наконецъ послышался звонокъ... знакомый, и шаги—тоже знакомые...

Карло былъ красивый молодой человѣкъ, смуглый даже для сицилійца, съ привлекательно открытымъ выраженіемъ. Онъ подошелъ такъ скоро, схватилъ руки кузины такъ дружески искренно, сжалъ ихъ такъ крѣпко, что ей смущаться было некогда и смущенія какъ не бывало. Карло сѣлъ рядомъ на низенькій стулъ, какъ отважный морякъ, обошелъ церемоніи—подводные камни—и разговорились, будто вчера начали разговоръ. Эрминія легко вздохнула, улыбаясь, будто благодаря, что у нея сняли камень съ сердца.

— Знаешь, сказалъ Карло:—я немножко конфузился, къ тебѣ идти; теперь ты—дама, какъ же, мать семейства! Хорошъ твой мальчикъ? Еслибъ не тетушка, я бы отложилъ придти до завтра; право, трусилъ. Но только что увидалъ тебя... точно вчера разстались! желтенькая гостиная... помнишь? И сейчасъ я говорю тебѣ ты, и ты все та же... Нѣтъ, ты еще похорошѣла. Что же мальчикъ? покажи!

— Покажу. Ты съ нами обѣдай; познакомлю тебя съ моимъ мужемъ.

— Ну его, мужа! Всѣ мужья противные. Ты такъ и думаешь, я при немъ назвалъ тебя ты? И при немъ, ты была бы такая же, прежняя сестра? Господинъ этотъ меня не знаетъ, сталъ бы таращить на меня глаза, и я нашелъ бы, что онъ скверный, потому что укралъ у меня Эрминію.. вѣдь мы сбирались быть мужъ и жена,—не такъ-ли?.. Я шучу, шучу! мы были дѣти. И оба мы прекрасно сдѣлали то, что сдѣлали. Столько времени прошло! Ты была богатая барышня, а у меня въ перспективѣ только бѣдненькіе галуны! Бѣдненькіе галуны, сестричка моя! Въ нашемъ положеніи надо бѣжать отъ женитьбы, какъ отъ огня. Славная, кипучая жизнь, радость моя Эрминія! Въ какихъ только странахъ свѣта я не вспоминалъ тебя! Вотъ, когда нибудь, разскажу тебѣ что видѣлъ. Всякое видѣлъ, и хорошее, и дурное, но знаешь, какъ пришьешь первые галуны на рукава—и дурное покажется за хорошее. Я все тебѣ разскажу, и твоему мужу... потому что, наконецъ, ты меня представишь мужу. Странно будетъ, если ты не представишь меня мужу. Ну, какъ живется? Довольна ты? Счастлива? Видишь, я никакъ не могу называть тебя иначе, какъ по имени... Не могу—«синьора Лаферлита»... Нѣтъ!

— Сейчасъ покажу тебѣ Джаннино, сказала Эрминія и позвонила.

— Пора. Я останусь здѣсь только два мѣсяца. Буду приходить всякій день. Позволишь?

— Еще бы!

Нянька принесла ребенка.

— Каковъ? Настоящій ангелъ! сказала Эрминія. когда нянька ушла.

— На отца похожъ.

— Но ты отца не знаешь.

— Такъ не похожъ ни на тебя, ни на него.

— Бѣдняжка два дня хвораетъ; блѣдненькій. Какъ ты находишь?

— Что разберешь въ такой крошкѣ, хорошъ или дуренъ. А мужъ красивъ?

— Вотъ увидишь.

— Ты его любишь?.. Э, дуракъ я! развѣ объ этомъ спрашиваютъ.. Ревнивъ?

— Нисколько

— Не хорошо... А знаешь, странно мнѣ тебя видѣть съ этимъ бутузомъ на рукахъ.

— Покорнѣйше прошу васъ, господинъ лейтенантъ, не смѣть называть моего Джаннино бутузомъ.

— Ахъ, покорнѣйше прошу, извините!.. Ну, что хочешь, не привыкну я, что ты—madame Лаферлита! Если бы ты вдругъ стала лѣтъ на пятнадцать помоложе, или если бы я былъ контръ-адмиралъ... Помнишь столикъ, у котораго ты, бывало, всегда работала?.. Ну, что было, то было, и я не золъ на синьора Лаферлита, только съ условіемъ, чтобъ онъ доставлялъ тебѣ счастье. Не стану разсказывать... когда тетка мнѣ написала про твою свадьбу, — тутъ у меня повернулось. Знаешь, какіе мы всѣ, молодежь—моряки? и на кораблѣ—вѣчно школьники; стоишь на вахтѣ, смотришь на звѣзды и такъ дѣлается глубоко—грустно... Другіе военные—не то; кавалеристы, напримѣръ. Эти—молодцы! Только послушай ихъ въ кофейняхъ,—въ «Европѣ», въ «Конкордіи». Можетъ быть, и я, будь я кавалеристъ, иначе бы это принялъ, о мужѣ не подумалъ, сталъ бы за тобой волочиться.

— Карло!

— Чего покраснѣла? Видишь, не волочусь; все тотъ же двоюродный братъ,—минусъ: мечтанія... Къ тому же, я здѣсь пробуду не долго; ссориться некогда.

— Сумасшедшій... тихо сказала Эрминія, улыбаясь, подавая руку, но все еще краснѣя.

Вошелъ безъ доклада бѣлокурый господинъ.

— Братъ мой Карло, сказала Эрминія:—мой мужъ.

Джорджіо принялъ кузена съ объятіями и пригласилъ обѣдать. Карло отговорился, что обѣдаетъ у знакомыхъ. Говорили о путешествіяхъ, о разныхъ разностяхъ. Лаферлита вышелъ.

— Не нравится мнѣ твой мужъ, сказалъ, прощаясь, Карло.

— А что?

— Ничего. Онъ красивъ, но мнѣ не нравится..

— Выходитъ, что тебѣ не нравятся ни мой мужъ, ни мой Джаннино. Что-же тебѣ нравится?

— Кто-жь тебѣ сказалъ, что мнѣ не нравится твой Джаннино? да и мужъ.., не будь онъ твой мужъ, пожалуй, былъ-бы... симпатиченъ. Ну, сказать тебѣ? покуда онъ тутъ былъ, мнѣ казалось—ты отъ меня Богъ знаетъ какъ далеко. Замѣтила ты, какъ мы лавировали, чтобъ не пристать на ты... Досадно—и все тутъ!

Эрминія задумалась, оставшись одна, съ ребенкомъ на колѣняхъ. Джаннино принялся болтать ножками и махать ручками. Мать вздрогнула, будто очнулась; будто ея мысль—изъ маленькой желтой гостиной, о которой напомнилъ братъ, унеслась далеко, облетѣла всѣ чужія стороны, о которыхъ сейчасъ говорилъ братъ... Вся вспыхнувъ, смѣясь и играя, она наклонилась къ ребенку

Кузенъ сталъ приходить всякій день, какъ обѣщался, но его посѣщенія уже не затрудняли Эрминію и не оставляли ей по себѣ того страннаго смятенія, какъ въ первый разъ. Теперь и при Джорджіо говорили другъ другу ты. Вмѣстѣ навѣстили маленькую желтую гостиную; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, она показалась будто не та. Карло наконецъ нашелъ красоты въ бутузикѣ и являлся съ полными карманами сластей и игрушекъ которыя пригодились-бы ребенку развѣ чрезъ два-три года. Тетушка Рускалія отправлялась по гостямъ съ племянникомъ, морскимъ офицеромъ, которымъ безмѣрно гордилась, и вездѣ безконечно повѣствовала о его дальнихъ странствованіяхъ и четырнадцати часахъ гибели на морѣ. Для кузины и кузена всегда была причина видѣться ежедневно: такъ недолго приходилось пробыть вмѣстѣ. Но, не сговариваясь, они не возвращались на воспоминанія послѣ того, какъ Эрминія, опустивъ глаза, серьезно сказала о «Стихотвореніяхъ» Прати:

— Не помню. Теперь занята ребенкомъ; читаю мало.

Карло былъ малый хорошій, юношески деликатный, настоящій воспитанникъ морской школы. Краснѣя, онъ пожалъ руку сестрѣ и не сказалъ ни слова. Въ душѣ, она дорожила имъ, была ему благодарна и доказывала тѣмъ, что оставалась привѣтлива и ласкова.

Но зятя Карло все-таки не выносилъ.

— Чортъ знаетъ что—твой мужъ, говорилъ онъ:—съ фарватера сбился, что-ли?..

XII.

Съ мужемъ вотъ что было.

— Какія дѣла у Лаферлита въ Ачиреале? спросилъ меня Рендона.—Я его два раза встрѣтилъ на станціи.

— Вѣроятно, ѣхалъ въ Джарре; тамъ близко есть одно имѣніе его жены.

Съ того вечера, какъ Рендона разсказалъ о своей ачиреальской больной и Джорджіо такъ странно-выразительно пожалъ мнѣ руку, Джорджіо не говорилъ мнѣ ничего, даже избѣгалъ самаго отдаленнаго намека на это обстоятельство. Въ рѣдкія минуты, когда я замѣчалъ, что онъ задумывался, онъ спѣшилъ заговорить о чемъ попало, какъ будто въ глазахъ моихъ прочелъ нескромный вопросъ. Исключая эти минуты, разсѣянныя, озабоченныя,—Джорджіо весь отдавался женѣ и слабенькому ребенку; въ нихъ для него, казалось, была вся вселенная.

— Моя паціентка сумасшедшая—хоть на цѣпь, сказалъ мнѣ Рендона на станціи въ Ачиреале; я ѣздилъ туда купаться.—Узнала, что въ Катаніи, въ театрѣ будетъ какое-то особенное представленіе, и выдумала ѣхать. Въ ея-то положеніи! Умываю руки. Это—забота начальнику станціи: госпожа эта можетъ въ полчаса ѣзды на тотъ свѣтъ отправиться въ вагонѣ.

Вечеромъ, я самъ былъ въ спектаклѣ, въ Катаніи, и, увидя Лаферлита съ женою, пошелъ къ нимъ въ ложу. Я самъ жилъ въ Ачиреалѣ, въ гостинницѣ Купаленъ, но мало интересовался исторіей больной русской дамы, не встрѣчалъ ее никогда, не слыхалъ о ней, почти забылъ, что разсказывалъ Рендона. Мнѣ вдругъ все вспомнилось: Лаферлита что-то говорилъ, сдѣлалъ быстрое движеніе и поблѣднѣлъ.

Театръ былъ почти пустъ и новыхъ лицъ очень немного. Въ половинѣ представленія, отворилась дверь ложи третьяго яруса, напротивъ нашей; въ глубинѣ что-то шевельнулось, но впереди никто не сѣлъ и ложа ка залась по прежнему пуста. Но взглядъ Джорджіо постоянно обращался туда, углублялся, испуганный, замирающій. Я слѣдилъ: тамъ, точно, былъ кто-то. Я разсмотрѣлъ что-то бѣлое, неопредѣленное, неподвижное. Рѣшившись на секунду взять бинокль, я ясно различилъ блѣдное лицо женщины, худое до того, что профиль былъ точно вырѣзанъ на темнотѣ, а огромные, — мнѣ показалось, черные глаза свѣтились, какъ фосфоръ. Эти страшные глаза оставались настойчиво устремлены на насъ. Джорджіо былъ въ волненіи; говорилъ живо, скоро, безъ связи, хватался нѣсколько разъ за шляпу и опять нервно ставилъ ее на стулъ. Вдругъ, та вышла изъ темноты и сѣла у борта ложи. Она была вся въ кружевахъ, въ бѣломъ бархатѣ; украшеній—никакихъ; пышные бѣлокурые волосы низко заплетены на затылкѣ; перчатки—длинныя до локтя. Сквозь кружево смотрѣли костлявыя плечи, впалая грудь; перчатки морщились, подъ слоемъ пудры угадывалась мертвенная блѣдность,—но все-таки это истощенное лицо, эти поблекшія губы, этотъ горячечный взоръ были неотразимо привлекательны. Она взяла бинокль и уставила его прямо на насъ. Въ публикѣ поднялись бинокли на это странное видѣніе, вставшее изъ мрака. Синьора Лаферлита весело разговаривала и, на движеніе мужа, тоже оглянулась; Джорджіо не докончилъ того, что говорилъ, сказалъ, что надо пойти къ знакомымъ, и вышелъ. Незнакомка скрылась въ глубину ложи; ее больше не видали; время отъ времени слышался задушенный кашель.

Синьора Эрминія не спросила меня, кто эта особа, привлекшая общее вниманіе,—и я не съумѣлъ-бы отвѣчать,—но воротилась домой неразговорчивая и невеселая. Сказала, что безпокоится: Джаннино все прихварываетъ. Джорджіо цѣлый часъ, надъ колыбелью, приставалъ къ Рендона съ вопросами, съ сомнѣніями, съ страхами, а остальной вечеръ былъ съ женой какъ-то особенно, благодарно нѣженъ. Но во всемъ этомъ было замѣтно какое-то усиліе, какое-то стараніе побѣдить необъяснимое безпокойство, — точно страхъ какой-то...

Я воротился къ себѣ, въ Ачиреале, въ гостинницу Купаленъ.

Разъ, въ маленькомъ саду, мнѣ показалось, я встрѣтилъ даму, которая произвела на меня впечатлѣніе въ театрѣ. Та самая особа, истощенная, печальная, гордая, полная чего-то живучаго, огневаго, мятежнаго. Она шла медленно, утомленно опираясь на руку высокаго бѣлокураго господина, и посмотрѣла на меня пожирающими впалыми глазами.

Въ тотъ-же день, мнѣ пришли сказать, что меня желаетъ видѣть синьора, занимающая большую квартиру перваго этажа. Я не зналъ тамъ никого, присылки подобной не ждалъ, но ни минуты не сомнѣвался, что это—она и хочетъ говорить о немъ. Я пошелъ: у меня сердце сжималось.

Она сидѣла въ большомъ креслѣ у окна, одѣтая въ черномъ; полурасплетенная бѣлокурая коса змѣилась на подушкѣ. Былъ май въ половинѣ, но каминъ былъ жарко затопленъ. Солнце уже зашло и въ комнатѣ былъ неопредѣленный полусвѣтъ, хотя горѣли двѣ лампы. Въ окно виднѣлись рѣдкія облачка, еще освѣщенныя на темнѣющемъ небѣ.—Ея лицо оставалось въ тѣни; на черномъ платьѣ выдавались бѣлыя худыя руки въ дорогихъ кольцахъ. Впалые сѣрые глаза будто освѣщали это разрушенное лицо съ болѣзненно сжатыми губами; смерть прошла по немъ, будто пламя, изсушила и затемнила, будто дымомъ. Я во вѣки ее не забуду.

Печально улыбнувшись, она кивнула мнѣ головою и знакомъ пригласила сѣсть. Она молчала, будто превозмогая себя или стараясь припомнить, что хотѣла сказать. Въ ней было еще что-то несломленное, возстающее; она была еще величава, эта смертельно раненая тигрица.

— Васъ удивило мое приглашеніе, медленно начала она:—но я нѣсколько васъ знаю, а дожидаться церемоннаго представленія мнѣ некогда. Вы другъ синьора Лаферлита... во Флоренціи я постоянно васъ съ нимъ видала, послѣ того, какъ у него была дуэль... припоминаете?.. И на-дняхъ, въ Катаніи... я васъ вмѣстѣ видѣла.

Мнѣ показалось, что она закрыла глаза. Ея голосъ сталъ какъ-то глубже, когда она опять заговорила.

— И вы знаете, кто я. Джорджіо вамъ говорилъ обо мнѣ.

Она такъ гордо, спокойно и откровенно развязно приступала къ щекотливому объясненію, что я болѣе нея былъ смущенъ. Она протянула мнѣ горячую сухую руку.

— Надѣюсь, вы извините, что я васъ побезпокоила. Ея голосъ проникалъ до глубины души; я понималъ, что чувствовалъ-бы Джорджіо на моемъ мѣстѣ. Она еще помолчала, еще разъ переломивъ себя.

— Синьоръ Лаферлита женатъ?

— Да.

— И счастливъ?

— Я полагаю.

Она замолчала и наклонила голову на руку. Что происходило въ ея душѣ? Когда она подняла лицо, оно, казалось, окаменѣло, рѣзкое, заостренное, но невозмутимо покорное.

— Благодарю васъ... Еще, послѣдняя просьба: не говорите ему... это прихоть больной!.. не говорите даже, что меня видѣли.

Еще разъ, спокойно, она подала мнѣ руку. Выходя, я оглянулся: она зажала лицо платкомъ.

XIII.

Лаферлита, этимъ временемъ, точно «взбѣсился», какъ находилъ кузенъ Карло. Безпокоило-ли его здоровье ребенка, или что другое, но онъ очевидно усиливался скрывать необыкновенную тревогу, засыпалъ ласками ребенка, одолѣвалъ заботами и угожденіями жену,—и все странно, безпокойно, будто заглаживалъ какую-то вину, будто что было на совѣсти, будто боялся лишиться и жены, и сына. Онъ строилъ всякіе планы—ѣхать въ деревню на лѣто, начать большія хозяйственныя работы, отправиться на купанья въ Ачи,—и все нерѣшительно, все въ тревогѣ. Болѣе всего досадовалъ онъ, что здоровье ребенка не позволяло исполнить главное желаніе—оставить городъ.

Разъ, я пришелъ,—онъ спросилъ:

— Ты живешь въ гостинницѣ Купаленъ... Много тамъ пріѣзжихъ?

— Нѣтъ, нынѣшнее лѣто немного.

Онъ посмотрѣлъ пристально и—больше ни слова.

Въ другой разъ, онъ спросилъ Рендона:

— Что твоя больная? какъ поживаетъ?

— Какъ поживаютъ тѣ, что умираютъ.

— А ужасно умирать одной на чужой сторонѣ... выговорилъ чрезъ минуту Джорджіо.

— Мужъ ея пріѣхалъ.

— Несчастная! кто знаетъ, гдѣ бываетъ ея мысль! кто знаетъ, сколько она выстрадала, какая страсть ее убила...

— Страсть! отъ страсти, мой милѣйшій, не умираютъ, развѣ осложнится тифомъ, бугорчаткой...

— Все медицина!.. прервалъ Джорджіо.

— Но я-то не все только медикъ. И у меня бывали страсти, малыя и великія; и я лилъ слезы и рвалъ на себѣ волосы... въ блаженное время, когда волосъ было много!—и видишь, живъ и здоровъ.

— Замѣтно; даже отростилъ животикъ. Только, любезнѣйшій мудрецъ, ты на себя клевещешь. И страсти у тебя бывали, и волосы свои ты рвалъ, и знаешь на сколько разныхъ манеръ люди отправляются на тотъ свѣтъ, — но одного ты совсѣмъ не знаешь: что такое страсть? И—тѣмъ лучше для тебя. Учился ты много,—можешь-ли побѣдить смерть? Знаешь-ли лекарство отъ чахотки? И страсть—тоже: если поразитъ, тогда... тогда, бѣда, судьба! выноси до конца, но бороться—напрасно.

— Если ужь такъ,—посылайте за священникомъ при первой лихорадкѣ; а я, по совѣсти, считаю обязанностью бороться съ болѣзнью моей русской паціентки до тѣхъ поръ, покуда есть хоть какая-нибудь надежда.

— Прекрасно, докторъ! сказала, немного краснѣя, Эрминія, до тѣхъ поръ не вступавшая въ разговоръ. — Мнѣ кажется, такъ и должно. Бѣды часто приходятъ именно потому, что мы ихъ боимся, и поражаютъ насъ именно потому, что мы не боремся... На многое нужно осмѣлиться и посмотрѣть прямо... можетъ быть, и окажется, что нѣтъ тамъ ничего неодолимаго, рокового...

Лаферлита слушалъ жену, улыбаясь кротко, одобрительно, съ уваженіемъ и снисходительнымъ состраданіемъ.

— Милая моя, сказалъ онъ ласковымъ тономъ:—какъ это ты берешься разсуждать о несчастіяхъ, о борьбѣ! Ты еще дѣвочка! Старшая сестрица нашего Джаннино!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Утилитарное направленіе образованія въ эпоху Петра I.

Статья **М. Лисицына**.

(Продолженіе).

Глюкъ кромѣ того написалъ краткую географію съ посвященіемъ царевичу Алексѣю Петровичу. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, этотъ руководитель одной изъ тогдашнихъ школъ, держался иныхъ педагогическихъ возрѣній, чѣмъ всѣ остальные его современники. Но такія личности были рѣдкимъ и одинокимъ явленіемъ среди тогдашняго школьнаго деспотизма, грубости и жестокости. Въ матеріальномъ отношеніи, школы были также плохо обставлены. Содержались онѣ, согласно постановленіямъ правительства, на извѣстную часть доходовъ церквей и монастырей, но съ одной стороны эта повинность исполнялась не совсѣмъ аккуратно, а съ другой—это ставило ихъ въ зависимость отъ чисто случайныхъ причинъ—доходности церковныхъ земель, расположенія или непріязни къ школамъ со стороны духовенства и т. п. Духовнымъ регламентомъ (1721 г.) епископы обязаны были заводить при архіерейскихъ домахъ школы. Такъ существовали школы въ Кіевской епархіи, (очень древняя; по отчету 1727 г., въ ней обучалось 654 чел.), Черниговской, Бѣлоградской (восемь школъ съ 420 учащимися), Новгородской (четырнадцать школъ съ 1007 учен.), Ростовской, Тверской, Коломенской, Казанской, Вологодской, Рязанской, Суздальской, Устюжской, Смоленской, Вятской, Псковской, Нижегородской, Холмогорской, Тобольской, Иркутской, Московской, гдѣ были заведены школы еще при патріархахъ и гдѣ ихъ было нѣсколько, подъ различными названіями. При Александроневскомъ монастырѣ въ Петербургѣ, также была заведена школа, которая отличалась отъ другихъ тѣмъ, что въ ней было болѣе дѣтей разночинцевъ, мастеровыхъ, подъячихъ, а также «хлопцевъ» различныхъ господъ и крестьянскихъ дѣтей *). Конечно, всѣ эти школы, заведенныя и руководимыя духовенствомъ, носили вполнѣ и духовный характеръ. Но практическая польза ихъ сказывалась въ томъ, что онѣ старались подготовлять и изъ нихъ преимущественно выходили учителя и болѣе или менѣе образованные по тогдашнему священно-служители. Что-же касается училищъ, низшихъ и высшихъ, носившихъ характеръ и ярко иллюстрировавшихъ направленіе образованія Петровской эпохи, то о нихъ можно сказать лишь то, что онѣ, не имѣя прошлаго, являются вполнѣ созданіемъ генія Петра. Первыми нашими спеціальными школами, впослѣдствіи пересозданными по иному образцу, были математическая и навигацкая школа въ Москвѣ и морская академія въ Петербургѣ. Составитель устава послѣдней былъ Андрей Фарварсонъ, профессоръ абердинскаго университета, приглашенный въ Россію Петромъ, въ бытность его въ Англіи въ 1698 г. Этотъ Фарварсонъ, имѣвшій громадное значеніе въ дѣлѣ обученія моряковъ нашего флота, училъ въ школѣ вмѣстѣ съ другими двумя англичанами, Стефаномъ Гвиномъ и Ричардомъ Грейсомъ. Въ навигацкую школу, (пишетъ г. Веселаго, въ «Исторія морск. кадет. корпуса) принимали дѣтей дворянъ, дьячихъ, подъячихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ отъ 12—20 лѣтъ. Дисциплина была самая суровая. Учили въ школѣ ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи съ приложеніемъ къ геодезіи, болѣе же всего навигаціи и нѣкоторой части астрономіи. Для морской академіи самъ царь составилъ такую программу: «учить дѣтей 1) ариѳметикѣ, 2) геометріи, 3) фехтъ или пріемы ружья 4) артиллеріи 5) навигаціи 6) фортификаціи. 7) географіи, 8) знанію членовъ корабельнаго гола (кузова) и такелажа; 9) рисованію... **). Въ провинціяхъ были учреждены школы, извѣстныя подъ названіемъ, «цифирныхъ». Туда набирали дѣтей дворянъ, приказныхъ, дьяческихъ и подъяческихъ отъ 10—15 лѣтъ, и обучали ихъ цифири и нѣкоторой части геометріи. Преподаватели назначались изъ учениковъ навигацкихъ школъ, при чемъ имъ назначалась плата по 3 алтына и 2 деньги въ день съ воспрещеніемъ брать съ учениковъ деньги, а каждый изъ нихъ, по выучкѣ, обязывался заплатить учителю рубль; послѣдній выдавалъ кончившему у него ученіе письменное свидѣтельство ***), «а безъ такихъ свидѣтельствованныхъ писемъ жениться учениковъ не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать», сказано по этому поводу въ полн. собр. законовъ (V, № 2778).

Наконецъ въ 1707 г. при учрежденномъ Петромъ Великимъ въ Москвѣ военномъ гошпиталѣ была заведена и хирургическая школа, въ которой, по отчету завѣдывавшаго и школой, и гошпиталемъ тогдашняго извѣстнаго доктора Н. Бидлоо, обучалось до 50 чел. студентовъ, изъ коихъ 33 окончили курсъ («осталось» при школѣ) 6 умерло, 8 сбѣжали, 2 по указу въ школу взяты и 1 за невоздержаніе отданъ въ солдаты. Плѣнные шведы и другіе иноземцы тоже заводили свои частныя школы, въ которыхъ нерѣдко учились и русскія дѣти. Такова школа, основанная плѣннымъ шведскимъ офицеромъ фонъ-Врехомъ въ Сибири, въ Тобольскѣ; подъ конецъ ея существованія въ ней было до 139 человѣкъ учащихся. Такимъ образомъ и изъ этого краткаго изложенія исторіи возникновенія и быта школъ петровскаго времени, можно до нѣкоторой степени составить себѣ понятіе о томъ, какъ хотѣлось правительству распространить какъ можно шире и глубже просвѣщеніе и образованность. Оно не только не издавало запретительныхъ и разграничительныхъ между сословіями регламентовъ, поощряя доступъ къ образованію для однихъ и заграждая для другихъ, но само подавало иниціативу въ этомъ дѣлѣ, набирая въ школы дѣтей крѣпостныхъ и крестьянъ, и содержа ихъ на свой счетъ. Государству нужны были технически образованные люди, нужны были моряки, военные, доктора, учителя и переводчики книгъ; оно и старалось создать благопріятныя условія для появленія этихъ людей, нисколько не заботясь о томъ изъ какого сословія происходитъ извѣстный спеціалистъ. Знакомясь далѣе съ направленіемъ русскаго образованія въ петровскую эпоху и отмѣчая его рѣзко замѣтное утилитарое ннаправленіе, отражавшееся какъ въ циклѣ, такъ и въ характерѣ преподаваемой въ тогдашней школѣ науки, нельзя не замѣтить, что это направленіе, такъ подходившее къ вѣяніямъ той эпохи, выразилось не только въ низшей и высшей русской школѣ, но и въ такихъ источникахъ и центрахъ образованія, какъ академія наукъ. По самому первоначальному и основному плану своему этотъ высшій разсадникъ русскаго знанія уже носилъ при самомъ началѣ своего возникновенія зародышъ элементовъ утилитарности. Въ кабинетныхъ бумагахъ Петра I сохранились двѣ бумаги, трактующія объ основаніи академіи наукъ. Въ одной изъ нихъ прямо разсматривается «прибыль, которая изъ сей академіи будетъ». Объ отвлеченномъ принципѣ «наукѣ ради самой науки» и умозрительныхъ соображеніяхъ о философскомъ значеніи наукъ нѣтъ и рѣчи. По мнѣнію составителя бумаги прибыль отъ академіи будетъ заключаться въ слѣдующемъ:

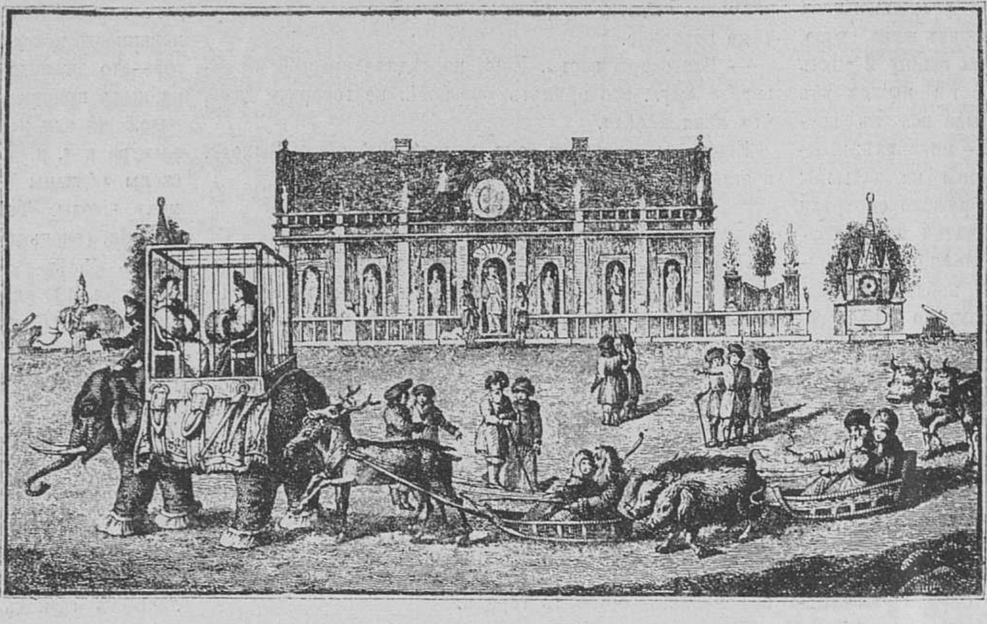
---

*) Пекарскій, стр. 112.

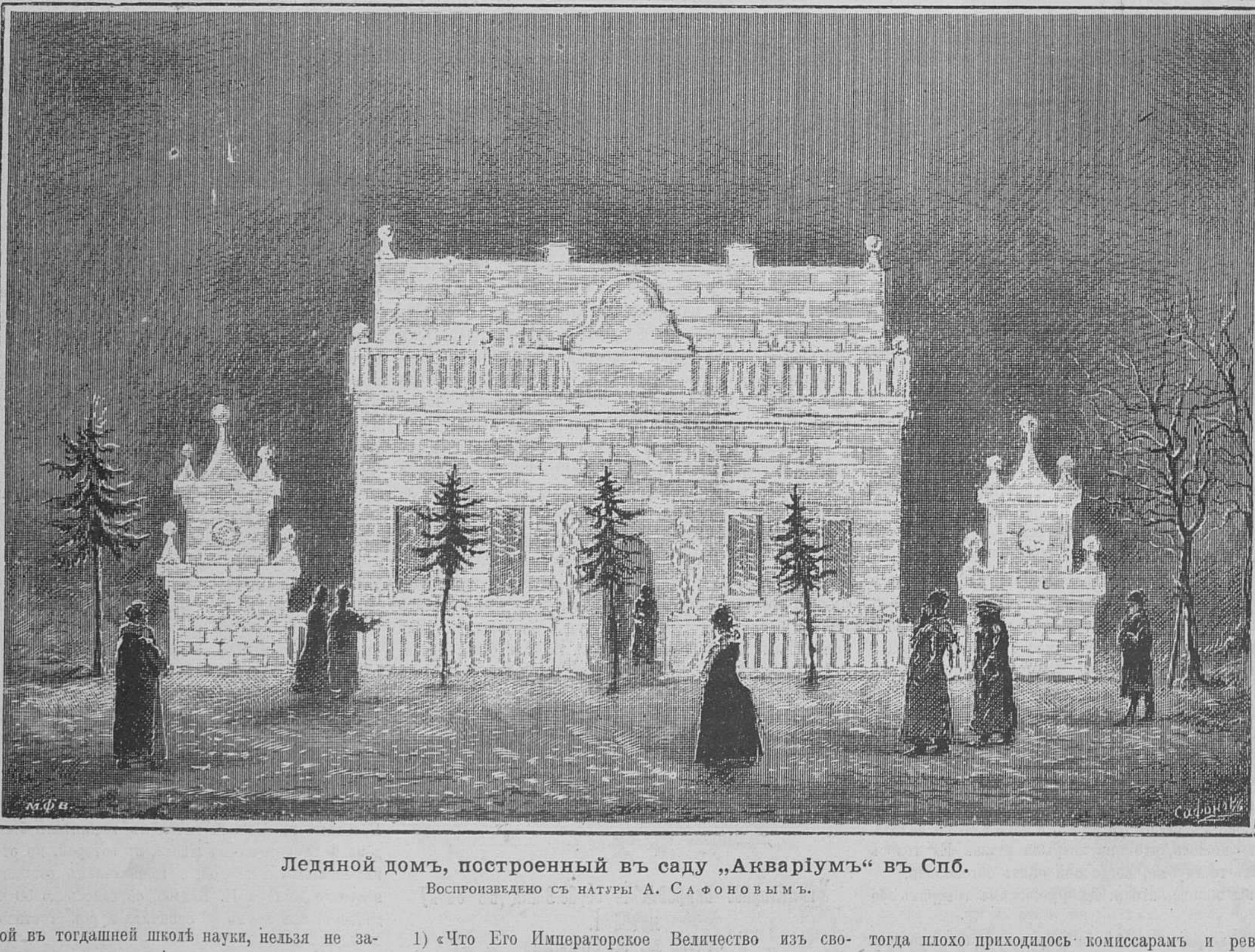
**) Очеркъ истор. мор. кор., стр. 46—47.

***) Пекарскій «Наук. и Лит. въ Россіи при Петрѣ», стр. 125.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ 1740 ГОДА.



Воспроизведено съ современной гравюры.
[изъ коллекцій н. Ребольскаго].

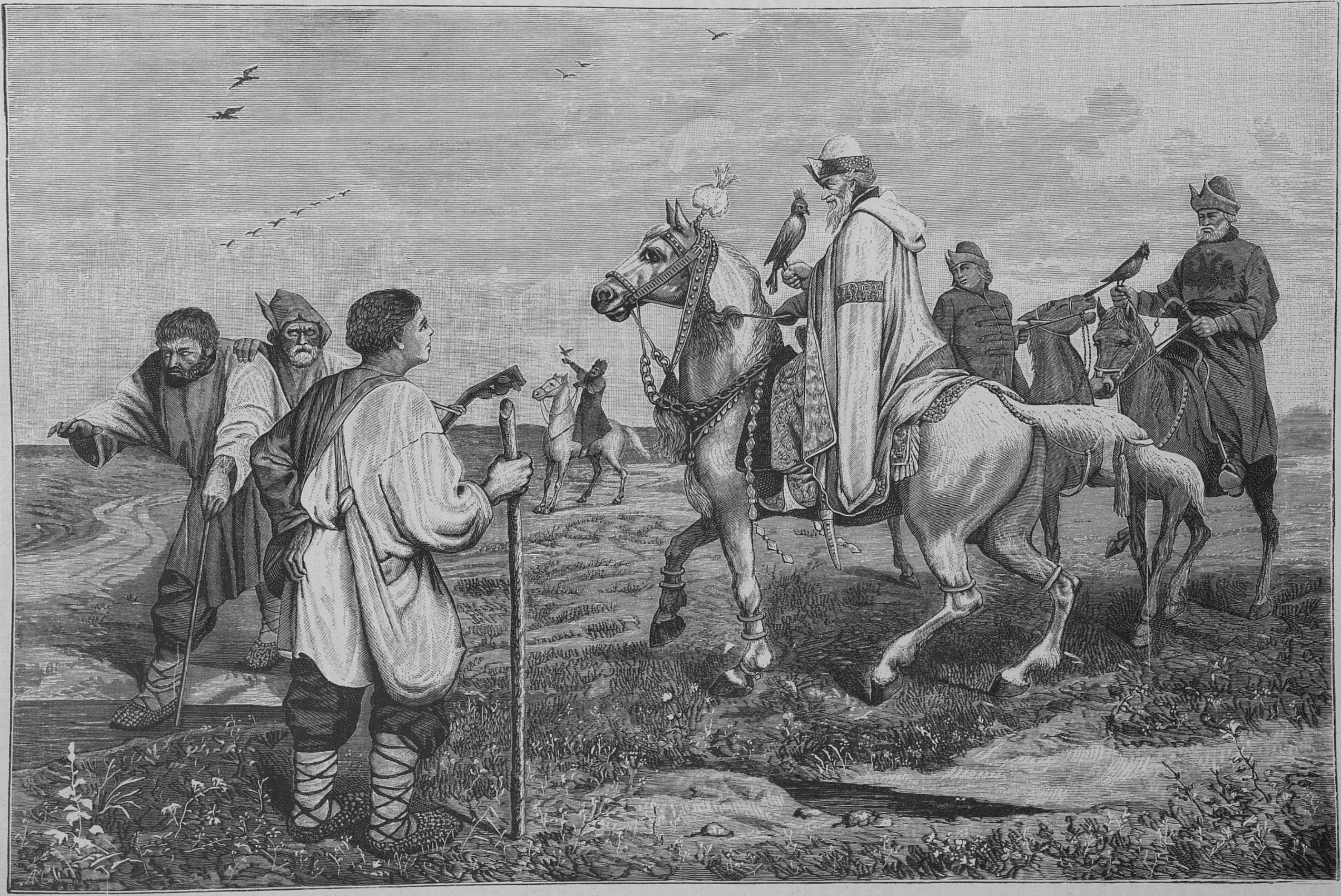


Ледяной домъ, построенный въ саду „Акваріумъ“ въ Спб.
Воспроизведено съ натуры А. Сафоновымъ.

1) «Что Его Императорское Величество изъ своихъ поданныхъ ученые люди получатъ. 2) По сему иноземцы будутъ пріѣзжать въ академію для обученія и деньги свои здѣ въ землѣ тратить. 3) Оные, которые поѣдутъ въ иностранныя земли, меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научатся, нежели иной въ десять лѣтъ». Извѣстная посылка русскихъ молодыхъ людей за границу всецѣло была вызываема государственными нуждами и необходимостью имѣть ученыхъ техниковъ. Первые изъ нихъ отправились заграницу въ 1697 году; изъ нихъ А. Меньшиковъ назначенъ былъ царемъ учиться въ Сардамѣ дѣланію мачтъ, Гавріилъ Головкинъ и третій, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, постройкѣ лодокъ. Жили тутъ и другіе русскіе молодые люди, обучавшіеся различнымъ мастерствамъ. Для надзора за этою молодежью посылались царскіе комиссары заграницу. Къ сожалѣнію, нужно прибавить, что жизнь этихъ учащихся заграницей и самихъ комиссаровъ, наблюдавшихъ за ними, была далеко не казиста. По часту они голодали и терпѣли крайнюю нужду во всемъ и нерѣдко, чуть не со слезами, испрашивали письмами у царя и его сподвижниковъ хоть какой-нибудь денежной помощи. Заграницу посылаемы были преимущественно съ цѣлью обученія навигацкой наукѣ, военнымъ свѣдѣніямъ и языкамъ молодые люди изъ самыхъ знатныхъ русскихъ фамилій или чѣмъ-нибудь полюбившіеся Петру. Между ними встрѣчались и женатые (И. Неплюевъ). Можно представить себѣ, каково было положеніе этихъ злосчастныхъ подвижниковъ науки, оторванныхъ отъ родины и семьи, и брошенныхъ почти на произволъ судьбы. Эти первые русскіе студенты и ученые не разъ принимались протестовать самымъ энергичнымъ способомъ и тогда плохо приходилось комиссарамъ и ревизорамъ, служившимъ нашими агентами при заграничныхъ дворахъ. Въ донесеніяхъ царю и письмахъ къ роднымъ этихъ господъ, можно встрѣтить прямо опасенія быть «убитыми до смерти», жалобы на то, что русская учащаяся молодежь иногда учиняетъ такія дебоширства,

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

(Изъ альбома В. Шварца—иллюстраціи къ «Князю Серебряному»).



Іоаннъ Грозный и калѣки перехожіе.

Гравировалъ на деревѣ А. Смирновъ въ Спб:

что глядя на это «сердце сохнетъ». По большей части посылаемые за границу плохо владѣли языкомъ страны и просто не въ силахъ были выполнить лежавшую на нихъ миссію. Только страшный гнѣвъ царя удерживалъ ихъ въ чужихъ краяхъ и заставлялъ употреблять отчаянныя усилія къ уразумѣнію заморской премудрости· Не нужно забывать при этомъ, что при выборѣ и посылкѣ молодыхъ людей за границу руководствовались не склонностью и способностями въ той или другой наукѣ, а приказомъ царя, который повелѣлъ послать «робятъ добрыхъ и умныхъ, которые бы могли науку воспріять»... Нѣкоторые изъ этихъ «робятъ» физически не могли выносить моря, а инструкція строго предписывала имъ не только изучать мореходное исскуство, но и искать случая быть на кораблѣ во время боя. Лишенные матеріальныхъ средствъ, несвѣдущіе, съ кличкою московитовъ-азіатовъ, они были отданы въ жертву насмѣшкамъ, отчасти презрѣнію и самое благопріятное любопытству тогдашней западно-европейской толпы. Лишь нѣкоторые изъ профессоровъ-учителей этой молодежи относились къ ней по человѣчески внимательно и дружелюбно. По пріѣздѣ домой въ Россію посылаемые за границу должны были являться съ отчетомъ къ царю, и горе было тѣмъ изъ нихъ, которые не смогли или не успѣли усвоить спеціальность, за которой они были посылаемы за границу. Все это было жестоко и безжалостно, но все это оправдалось тогдашними обстоятельствами, исключительнымъ положеніемъ Россіи и Петра, а главное вызывалось неотложными, требовавшими спѣшнаго удовлетворенія, государственными нуждами и потребностями.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ бытъ школъ и учащихся Петровской эпохи.

Переходя теперь къ заключительнымъ выводамъ и обозрѣнію эпохи, въ которую возникала и зарождалась русская наука и русское просвѣщеніе, неизбѣжно приходится сказать слѣдующее. Такъ какъ все совершавшееся въ эпоху дѣятельности Петра въ Россіи, подъ его непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ его воли, носило характеръ утилитаризма, практической осязательной пользы, — то этого направленія естественно не могло избѣгнуть и русское образованіе. Всѣ эти цифирныя, навигаторскія, военныя и т. п. школы были вызваны къ жизни практическими соображеніями преобразователя, были мѣстами сформированія нужныхъ для тогдашней Россіи людей. Какъ-бы ни была скороспѣла ихъ ученость, какими-бы немногими техническими свѣдѣніями ни обладали они. — ихъ дѣятельность, ихъ преображенная наукою личность была необходима для новосозданнаго строя государственной жизни. Правительство зорко слѣдило за аккуратнымъ исполненіемъ указовъ объ обязательномъ обученіи дѣтей, и о томъ, чтобы «учителя не гуляли и даромъ жалованья не получали», Разсчетливый и бережливый Петръ распространялъ эту бережливость не только на государственную казну, но и на вновь подготовлявшихся и выходившихъ изъ учебныхъ заведеній своихъ мелкихъ и крупныхъ сподручниковъ, призванныхъ помогать ему въ его планахъ и реформахъ. Лучшіе и способнѣйшіе изъ нихъ по возможности выдвигались и получали по своимъ способностямъ и соотвѣтственное назначеніе, остальные замѣщали собою низшіе ступени. Нѣтъ слова, что, благодаря крутости мѣръ и суровости отношеній къ учащимся, положеніе послѣднихъ было невыносимо тяжолое. Методы преподаванія, схоластика, господствовавшая въ наукѣ того времени, слишкомъ усиленное вниманіе къ формамъ, обрядности, а не сущности — все это обременяло и давило умъ и личность ученика. Правительству, употреблявшему всѣ усилія на то, чтобы просвѣщеніе разлилось широкой захватывающей волной по государству, приходилось употреблять гигантскія усилія для этого. Разсылаются указы, угрозы, объявляются привиллегіи и преимущества новообразованнымъ, создается цѣлый циклъ благопріятныхъ и стѣсняющихъ условій для получившихъ въ школѣ образованіе и для неполучившихъ таковаго. Наконецъ, употребляются обычныя въ правительственной практикѣ мѣры принужденія — и все-таки дѣло образованія долго не можетъ окрѣпнуть, хотя дѣлаетъ изумительно быстрые, по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, шаги. Не надо забывать при этомъ, что Петру и его немногимъ, искренно и сознательно понимавшимъ дѣло, помощникамъ приходится преодолѣвать затрудненія чисто внѣшняго характера, новосозданнымъ школамъ нужны учебныя пособія—книги, карты и т. п., а между тѣмъ ощущается большой недостатокъ въ типографіяхъ и печатняхъ. Въ маѣ 1698 г. Петръ даетъ типографщику Тессингу привиллегію печатать всѣ книги, карты, учебники и т. п. Онъ старается такимъ образомъ не только доставить все нужное для школъ, но и, распространивъ въ народѣ свѣдѣнія, заставить почувствовать и уразумѣть всѣ выгоды своихъ реформъ и нововведеній, и такимъ образомъ, быть можетъ, притянуть его симпатіи къ своему дѣлу. Первыми напечатанными въ Амстердамѣ книгами были: «Введеніе во всякую исторію» (1699), «Краткое введеніе въ ариѳметику» (1699) «Книга учащая морск. плаванія» соч. Авраама де-Грава, славянскими буквами только съ арабскими цифрами. При ней находились таблицы логарифмовъ, склоненіе солнца (съ 1701 — 32 г.) и мередіональныхъ частей. Въ 1703 г. вышла «Ариѳметика, сирѣчь наука числительная, въ разныхъ діалектахъ на славянскомъ языкѣ переведенная, учителемъ математики Леонтіемъ Магнитскимъ». Это была книга, возбудившая впослѣдствіи любознательность великаго Ломоносова. Приходилось также добывать и доставлять математическіе инструменты въ школы математическія и навигаторскія, откуда выходили наши первые русскіе моряки, геодезисты, топографы, чертежники географическихъ картъ и т. п. Эти инструменты и книги часто утрачивались, а чаще уносились съ собою учениками, не желавшими съ ними, какъ собственностью, разставаться. Такъ какъ часто учениками школъ были люди взрослые, напр. драгуны, то не удивительно, что казенныя вещи приходилось отбирать у нихъ силою «съ великою ихъ противностью», какъ доносилъ объ этомъ въ 1708 г. Магнитскій. Не смотря ни на что, русское правительство продолжало свою благотворную миссію — привлеченіе къ просвѣщенію и образованію возможно большаго количества народа изъ всѣхъ безъ исключенія классовъ общества. Въ этотъ достопамятный періодъ русской жизни, русская женщина впервые получила свое, такъ сказать, оффиціально признанное право на развитіе и образованіе. Въ возникшихъ частныхъ школахъ начинаютъ обучать дѣвушекъ чтенію и письму, извѣстные указы Петра полагаютъ конецъ затворничеству русской женщины и для нея такимъ образомъ заканчивается періодъ многовѣковой татарско-азіатской неволи и растительнаго существованія, и наступаетъ новый. Школы заводятся не только въ центрахъ государства, но и въ отдаленной провинціи — туда посылаются учителя изъ навигаторскихъ и др. училищъ, надзоръ за ними поручается архіереямъ и губернаторамъ, за ними и ихъ дѣятельностью слѣдятъ съ живѣйшимъ вниманіемъ и вполнѣ разсчитываютъ на то, что и они дадутъ на что нибудь практически годныхъ и способныхъ людей. По всему государству шла дѣятельная усиленная преобразовательная работа. «Начертана была» — говоритъ С. М. Соловьевъ — «обширная программа на много-много лѣтъ впередъ, начертана была не на бумагѣ — она начертана была на землѣ, которая должна была открыть свои богатства передъ русскимъ человѣкомъ, получившимъ посредствомъ науки полное право владѣть ею; на морѣ, гдѣ являлся русскій флотъ; на рѣкахъ, соединенныхъ каналами; начертана была въ государствѣ новыми учрежденіями и постановленіями, начертана была въ народѣ посредствомъ образованія, расширенія его умственной сферы, богатыхъ запасовъ умственной пищи, которую доставилъ ему открытый западъ и новый міръ, созданный внутри самой Россіи» (С. Соловьевъ, стр. 255). Власть старалась пробудить жизнь и подвигнуть къ процессу и развитію по возможности всѣ слои общества. Купеческое сословіе, одно изъ устойчивыхъ сословій русскихъ, было не оставлено Петромъ. Оно, по словамъ Арсеньева *) было почти сотворено имъ, и образованіе его шло быстрѣе и замѣтнѣе нежели прочихъ состояній. «Къ сему наиболѣе споспѣшествовало учрежденіе, закономъ утвержденное: во всѣхъ знатныхъ городахъ Россіи выбирать изъ купеческихъ дѣтей и 20 чел. содержать въ Ригѣ и Ревелѣ, и 15 въ чужихъ краяхъ, такъ что когда они изучатся всему, для торговыхъ дѣлъ нужному отправлять на ихъ мѣсто другихъ». Этимъ былъ сильно взволнованъ застой жизни этого сословія. Не доставало только одного—истинныхъ и лучшихъ представителей русскаго коренного народа, вышедшихъ и тѣсно связанныхъ съ нѣдрами русской земли, представителей старой допетровской Руси, ушедшихъ въ это время и всецѣло отдавшихся расколу, его ученіямъ и руководителямъ...

Извѣстно, какое громадное вліяніе и какія услуги оказалъ русскому просвѣщенію въ эпоху Петра В. знаменитый западноевропейскій ученый и философъ того времени Лейбницъ. Онъ принималъ горячее и непосредственное участіе въ дѣлѣ введенія въ Петровской Россіи просвѣщенія и содѣйствовалъ въ значительной степени развитію и направленію русскаго образованія. Принадлежа самъ къ ученымъ сферамъ западно-европейской науки и получивъ образованіе въ школѣ, созданной на западно-европейской почвѣ, онъ не былъ доволенъ современнымъ ему университетскимъ образованіемъ. Будучи реалистомъ по своимъ взглядамъ и принимая горячее участіе въ судьбахъ русскаго образованія, Лейбницъ не разъ въ своихъ письмахъ къ царю, указывалъ на возможность и необходимость избѣгнуть ошибокъ, свойственныхъ западно-европейской школѣ XVII вѣка. Онъ совѣтовалъ *) «обращать во вновь учреждаемыхъ въ Россіи школахъ вниманіе на математику и ввести въ нихъ упражненія въ ремеслахъ—токарномъ, землемѣрствѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Точно также онъ совѣтывалъ въ университетѣ сдѣлать изученіе математики обязательнымъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, поощрять занятія механикой и архитектурой и открыть для желающихъ каѳедру сельскаго хозяйства». Если теперь принять во вниманіе наклонности самого Петра ко всему практически полезному, то отсюда будетъ легко понятна та утилитарность русскаго образованія, какою проникнуты всѣ начинанія русскаго тогдашняго правительства въ этомъ направленіи. Всѣ планы и дальнѣйшія предначертанія носили этотъ характеръ. Въ этомъ отношеніи Петръ, какъ практически-государственный человѣкъ, и Лейбницъ, какъ человѣкъ, искренно преданный интересамъ науки, вполнѣ сходились. И тотъ, и другой во взглядѣ на русское образованіе того времени держались одного,—чтобы оно давало ясно осязательные наглядные практическіе результаты. Этому много способствовало то обстоятельство, что и у русскаго царя, и у германскаго ученаго были свои ясно опредѣленные, сознательно выяснившіеся идеалы и задачи. Петру хотѣлось государственной пользы, выгодъ, даваемыхъ просвѣщеніемъ и образованіемъ, Лейбницу—успѣховъ знанія по отношенію къ распространенію и научнымъ пріобрѣтеніямъ, а также большаго круга дѣятельности науки и ея вліянія. Просматривая исторію его отношеній къ Петру и преобразуемой имъ Россіи, нельзя не удивиться той горячности желаній этого западно-европейскаго ученаго принести новому молодому государству какъ можно болѣе пользы, а съ другой стороны его безкорыстной любви и преданности интересамъ науки. Его проекты и планы нововведеній въ Россіи неисчислимы. По его мысли были основаны извѣстныя коллегіи, управлявшія впослѣдствіи дѣлами государства, ему же обязана своимъ существованіемъ и наша академія наукъ, которой, между прочимъ, онъ предназначалъ видную руководящую роль не только въ дѣлахъ просвѣщенія и образованія, но и вообще въ государственныхъ дѣлахъ. Дѣятельность Лейбница касалась также политической и административной жизни тогдашней Россіи. Поэтому совершенно справедливо говоритъ авторъ «Отношеній Лейбница къ Россіи и Петру В.», заканчивая свой трудъ... «долголѣтнія заботы Лейбница объ успѣхахъ науки и образованія въ Россіи не остались безплодными, и что знаменитому европейскому философу и ученому принадлежитъ также почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія». Это былъ человѣкъ, дѣйствительно много потрудившійся на пользу не только чистой науки, но и живого практическаго дѣла просвѣщенія и образованія совершенно чуждой для него страны. Его усиліямъ и вліянію обязано и то направленіе, которое господствовало въ русскомъ образованіи въ эпоху Петра въ Россіи. Этотъ утилитаризмъ образованія былъ благотворенъ въ томъ отношеніи, что соотвѣтствовалъ и духу времени, и насущнымъ потребностямъ русской земли. Если приходится слышать возраженія и указанія на то, что утилитаризмъ этотъ былъ вызванъ искуственно и навязываемъ насильно, то на это можно возразить, что все насиліе, сопровождавшее реформы Петра, было неизбѣжнымъ зломъ, а вся односторонность и искусственность его умѣрялись другимъ, противоположнымъ теченіемъ въ русской жизни. Это теченіе было — оппозиція раскола и представителей до-петровской Руси.

Образованіе, признаваемое и распространяемое людьми этой половины Россіи носило свой самобытно-русскій характеръ. Вытекая изъ основныхъ началъ народнаго духа и византійскаго начала, оно являлось философски-религіознымъ и отвлеченнымъ. По многимъ и многимъ условіямъ оно не могло развиваться и проявляться открыто, хотя справедливость требовала предоставленія полной свободы развитія и этого направленія, но кромѣ другихъ важныхъ политическихъ соображеній, государство не имѣло возможности создать одинаково благо-

---

*) Очеркъ народн. образов. въ Россіи до конца XVIII ст. въ «Учен. Зап. А. Н. 1854 г., стр. 16.

*) «Отношенія Лейбница къ Петру В.», Вл. Герье, стр. 17.

пріятныя условія для развитія того и другого образованія уже потому, что было слишкомъ мало къ этому средствъ и возможности. И поэтому Петръ былъ совершенно правъ, когда «по старымърусскимъ примѣрамъ и безъ сомнѣнія, по инстинктивному указанію своей геніальности» далъ всему практическое направленіе въ своихъ реформахъ.

И если бы, избѣгая его ошибокъ и увлеченій, русскому образованію была предоставлена возможность идти по намѣченному имъ пути, если бы русская мысль была освобождена отъ чужеземной опеки, имѣвшей значеніе и законную причину въ эпоху преобразованій Петра и потерявшей впослѣдствіи эту законность и необходимость,—кто знаетъ пришли-ли бы мы или нѣтъ къ тѣмъ формамъ общественной жизни и цивилизаціи, къ какимъ неизбѣжно, исторически, мы должны были придти?!... Успѣшное и благотворное умственное развитіе общества, къ которому такъ горячо стремился Великій Преобразователь Россіи, возможно и обусловливается не искусственною регламентаціею, а предоставленіемъ полной свободы образованію и просвѣщенію идти своимъ естественно-историческимъ путемъ.

М. Лисицынъ.

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

Новыя средства для противодѣйствія заразамъ.

Въ числѣ новыхъ приспособленій для дезинфекціи различныхъ предметовъ, особенно замѣчательно по своей практичности аппаратъ Женеста и Гершеля (Heneste et Herschel), устроенный по проекту извѣстнаго проф. Бруарделя и испытанный съ большимъ успѣхомъ во время тифозной эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Пуату, лѣтомъ прошлаго года *). Главная оригинальность аппарата въ томъ, что онъ подвижной и составляетъ какъ бы санитарный поѣздъ, удобно переносящійся въ ту, или другую мѣстность. На первый разъ, по неотлагательности дѣла, передвиженіе совершалось съ помощью мѣстныхъ локомобилей, но на будущее время изготовляются уже локомобили, спеціально приспособленные къ цѣли. Проф. Бруардель въ своемъ докладѣ парижской медицинской академіи по поводу предложенныхъ имъ передвижныхъ дезинфекціонныхъ аппаратовъ, приводитъ слѣдующія соображенія:

«Дезинфекцированіе предметовъ на дому, посредствомъ сѣрнистой кислоты, рѣшительно непримѣнимо въ деревняхъ, вслѣдствіе того, что люди живутъ здѣсь крайне тѣсно, большею частью всей семьей въ одной комнатѣ. Устройство дезинфекціонной камеры въ одномъ какомъ-либо пунктѣ неудобно, такъ какъ поселки лежатъ часто въ 4—5 километрахъ одинъ отъ другаго или отъ главнаго мѣстечка въ округѣ; къ тому же найти пригодное помѣщеніе для такой камеры въ деревушкахъ рѣшительно нельзя, да и въ главныхъ мѣстечкахъ затруднительно; во всякомъ случаѣ, семьямъ больныхъ или умершихъ приходилось бы тащить за далекое разстояніе различную одежду и постельныя принадлежности, а затѣмъ, по прошествіи сутокъ, являться за этими вещами обратно; нѣтъ надобности доказывать все неудобство такого распорядка особенно въ рабочую пору. Лица санитарнаго надзора вынуждены, поневолѣ, ограничивать свои распоряженія совѣтомъ выбѣливать комнаты и тщательно промывать бѣлье послѣ больныхъ. Такія мѣры выполняются деревенскими жителями довольно охотно, но онѣ недостаточны. Для сельскаго обихода необходимъ способъ дезинфекціи не только дѣйствительный, но и удобопримѣнимый, вселяющій къ нему довѣріе, не нарушающій мѣстныхъ условій. За лучшее дезинфекціонное средство признаются теперь влажные пары подъ извѣстнымъ давленіемъ; этотъ способъ имѣетъ еще то важное преимущество, что совершенно безвреденъ для самихъ предметовъ, — чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ другихъ средствахъ. Въ городахъ не трудно устроить постоянные дезинфекціонные пункты, но для деревень, по причинамъ изложеннымъ выше, необходимы дезинфекторы передвижные. Аппаратъ Женеста и Гершеля состоитъ изъ локомобиля и собственно дезинфекціонной повозки; онъ вполнѣ пригоденъ для указанной цѣли.

Благодаря содѣйствію министра промышленности и торговли, въ распоряженіе д-ра Туано, руководившаго дѣлами санитарной комиссіи въ Пуату, было дано четыре дезинфекціонныхъ поѣзда. Туано выбралъ для своихъ первыхъ опытовъ двѣ мѣстности, одинаково опустошаемыя эпидеміей, но находившіеся въ различныхъ условіяхъ. Такъ, въ Дора (белаклскіо округъ, деп. Верхней-Віенны) населеніе скучено, но подвижная санитарная станція могла имѣть всѣ удобства для своего расположенія (обиліе воды, возможность добыть лишнюю прислугу и пр.), тогда какъ въ Мовіерѣ (деп. Индры), населеніе рѣдко, разсѣяно по разнымъ поселкамъ и терпитъ во всемъ большую нужду.

Дезинфекціонная станція въ Дора открыла свои дѣйствія 29 іюня, другая, въ Мовіерѣ, 1 іюля; каждая находилась подъ надзоромъ жандарма, не отходившаго отъ нея во все продолженіе операцій. Въ деревушкѣ Пуле, состоящей всего изъ нѣсколькихъ домишекъ, но бывшей главнымъ гнѣздомъ эпидеміи въ Мовіерѣ, рѣшительно всѣ вещи жителей были подвергнуты дезинфекціи. Эпидемія стихала уже повсюду въ это время, такъ что, посѣтивъ всѣ окрестныя мѣстности, д-ръ Туана счелъ къ 6 іюля свою миссію законченною. Провѣривъ дѣйствія передвижныхъ дезинфекціонныхъ камеръ, проф. Бруардель приходитъ къ такому заключенію:

Сказанныя камеры представляютъ собою самое практичное средство для дезинфекціи въ сельскихъ мѣстахъ. Онѣ могутъ удобно переноситься въ отдаленнѣйшія мелкія деревушки и по самымъ плохимъ дорогамъ. Онѣ не внушаютъ недовѣрія поселянамъ: первое предупрежденіе не трудно побѣдить, а затѣмъ, видя, что всѣ предметы возвращаются тутъ же владѣльцамъ и въ непопорченомъ видѣ, каждый несетъ уже всѣ свои вещи охотно. Быстрота, съ которою совершается дезинфекція (не болѣе ¼ часа), не мало подкупаетъ крестьянъ, такъ дорожащихъ своимъ временемъ. Они убѣждаются наглядно въ безвредности способа и въ томъ, что довольно одного дня для дезинфекцированія цѣлой небольшой деревушки. Однимъ словомъ, новые дезинфекціонные поѣзда призваны оказать громадную услугу сельскому населенію *).

Самый аппаратъ, въ которомъ предметы подвергаются паровой банѣ, состоитъ изъ цилиндрическаго корпуса, внутренній діаметръ котораго равенъ 1 м. 10 сант. при длинѣ въ 1½ метра. Цилиндръ изъ листоваго желѣза съ наружною изолирующею деревянной обшивкою; днище и передняя дверца съ герметическимъ затворомъ изъ кованаго желѣза; края дверцы входятъ въ врѣзъ на самомъ цилиндрѣ, снабженной каучуковою обложкой. Съ помощью особыхъ винтовъ, дверца надавливаетъ на каучукъ, обусловливая полную герметическую закупорку. Для открыванія служитъ ручка очень искусно придуманая и дѣйствующая на подобіе рычага. Весь аппаратъ укрѣпленъ на двухъ колесной повозкѣ при одноконной запряжкѣ.

Паръ доставляется изъ локомобиля въ цилиндръ посредствомъ каучуковаго рукава, который вставляется въ чугунный пріемникъ, находящійся въ непосредственной связи съ самой паровой камерой и снабженный регуляторомъ, манометромъ, предохранительнымъ клапаномъ и краномъ для выпуска воды при охлажденіи паровъ. Проникая въ камеру, пары устремляются за мѣдный вылуженный щитъ, которымъ одѣта верхняя часть цилиндра; этотъ щитъ предохраняетъ предметы отъ капель воды, которыя могутъ, такимъ образомъ, скатываться лишь по стѣнкамъ самого цилиндра, упадая затѣмъ въ желобки, ведущіе къ выпускному крану.

Внутреннія стѣнки цилиндра одѣты деревомъ для предохраненія предметовъ отъ соприкосновенія съ металломъ; подвижныя рѣшетчатыя полки позволяютъ укладывать вещи въ нѣсколько рядовъ. Выпускной кранъ для воды служитъ и для выпуска пара или перемѣны воздуха въ аппаратѣ.

Цилиндръ укрѣпленъ на оси посредствомъ двухъ стоекъ; ось выгнута къ низу и входитъ въ деревянныя колеса, діаметръ которыхъ равняется 1 м. 40 сант. Подвижныя оглобли укрѣплены на боковыхъ стойкахъ. Сверхъ того, при аппаратѣ имѣются тормазъ и крюки для удерживанія цилиндра въ равновѣсіи, когда оглобли опущены.

Локомобиль, спеціально устроенный для подвижной дезинфекціи, состоитъ изъ котла, поставленнаго вертикально на четырехколесной повозкѣ; печь устроена подъ котломъ и въ нее легко накладывать уголь, подойдя сбоку. Котелъ одѣтъ деревомъ и снабженъ указателемъ высоты воды, манометромъ, предохранительными клапанами, трубою, пріемникомъ для золы, автоматической щеткой для чистки и каучуковымъ рукавомъ, который соединяется съ принадлежащимъ къ паровой камерѣ. Въ задней части локомобиля находятся два цилиндрическіе резервуара для воды, питающіе котелъ посредствомъ иньектора; подъ резервуарами ящикъ для угля. Впереди, подъ сидѣньемъ для кондуктора, тоже ящикъ для разныхъ принадлежностей машины. Локомобиль снабженъ тормазомъ. Лицамъ, дѣйствующимъ при поѣздахъ, раздаются печатныя руководства, составленныя проф. Бруарделемъ.

Болѣзни, поражающія растительное царство, гибельны и для человѣка, лишая его благосостоянія и раззоряя цѣлыя области, часто на нѣсколько лѣтъ. Извѣстно насколько потерпѣла Франція, отъ филоксеры, опустошившей лучшіе виноградники въ странѣ. Едва стали они оживать послѣ этого бѣдствія, обѣщая даже превосходный урожай въ прошломъ году, крайне ненастная погода разрушила вновь всѣ надежды хозяевъ: вслѣдствіе проливныхъ дождей, на виноградныхъ лозахъ появилась, такъ называемая, медвяная роса (mildesw), распространившаяся съ изумительной быстротою.

Противъ этой заразы предлагается не мало средствъ (различныя мѣдныя соединенія), которыя, полезныя по существу, не приносятъ, однако, пользы на практикѣ; такъ, напр., сѣрнистая мѣдь въ порошкѣ, какъ бы тщательно она ни была измолота, все еще состоитъ изъ крупинокъ слишкомъ плотныхъ для того, чтобы онѣ могли хорошо приставать къ листьямъ, вслѣдствіе чего порошокъ распредѣляется не ровно, оставляя нѣкоторыя мѣста на листѣ свободными, что равносильно безполезности всей операціи. Баронъ Шефдебіенъ (Chefdebien), уже извѣстный многими своими научными сообщеніями парижской академіи наукъ, предлагаетъ, въ настоящее время, новое средство противъ медвяной росы и другихъ болѣзней, поражающихъ виноградъ. Это средство— сѣрнистый стеатитъ (sulphostéatite или steeite cuprique), дающій возможность употреблять ту же сѣрнистую мѣдь, но съ несомнѣнною пользою. Стеатитъ или талькъ *) давно извѣстенъ въ промышленности; онъ обращается въ торговлѣ преимущественно подъ видомъ бѣлаго жирнаго порошка. Дѣлимость стеатита самая крайняя: по отзыву спеціалиста, помѣстившаго статью объ этомъ предметѣ въ «Nature», въ 1 куб. сант. такой пудры содержится до 7 милліардовъ пылинокъ... Цифра, кажется фантастичной, но, во всякомъ случаѣ, чрезвычайная, дѣлимость стеатита не подлежитъ сомнѣнію, и на ней основанъ новый способъ лѣченія виноградной лозы. Стеатитъ въ мелкомъ видѣ вмѣшиваютъ въ растворъ, насыщенный сѣрнистой мѣдью; когда образовавшееся тѣсто просохнетъ, его размалываютъ на жерновахъ и просѣеваютъ сквозь сито, превращая вновь въ порошокъ. Каждая частица полученной здѣсь, микроскопически мелкой, стеатитной пыли содержитъ въ себѣ сѣрнистую мѣдь (въ количествѣ до 10%) и оставаясь пассивною сама по себѣ, служитъ разносителемъ дѣйствующаго полезно агента. Сѣрнистая мѣдь быстро растворяется подъ дѣйствіемъ росы или дождя, притомъ по всей лозѣ, благодаря тому, что легкая и тонкая стеатичная пыль, осѣдая на растеніе, покрываетъ его силошной оболочкой. Получаемый порошокъ бываетъ синевато-бѣлаго цвѣта; его сѣятъ на лозы посредствомъ мѣховъ. Работу можно производить во всякую погоду (за исключеніемъ слишкомъ вѣтреной), но лучше всего выбирать для этого утро, когда роса еще не обсохла и можетъ способствовать непосредстненному дѣйствію сѣрнистой мѣди. Наискорѣйшее дѣйствіе средства имѣетъ всегда весьма важное значеніе, въ виду той быстроты съ которою разносится зараза.

Стеатитъ, обработанный сѣрнистой мѣдью, дѣйствителенъ не противъ одной «медвяной росы», но и противъ нѣкоторыхъ другихъ болѣзней виноградной лозы, извѣстныхъ подъ общемъ именемъ ржи (brown-rot, gray-rot, black-rot, смотря по окраскѣ на листьяхъ); онъ оказывается тоже полезнымъ для садовъ и огородовъ, какъ истребляющій древесную вошь, улитокъ и пр., равно какъ споры и грибки на картофелѣ и другихъ овощахъ. Всѣ эти факты засвидѣтельствованы оффиціально и подтверждаются авторомъ спеціальнаго руководства для борьбы съ «медвяною росою», загубившую французскіе виноградники **). Знакомство съ новымъ средствомъ можетъ быть полезно и для нашихъ хозяевъ.

С. Варевскій.

---

*) Такъ наз. suette,—горячка, характеризуемая обильнѣйшею испариною съ сильнымъ ознобомъ и крайне учащеннымъ сердцебіеніемъ, кровотеченіяни и пр. Болѣзнь считается весьма заразительною; она унесла много жертвъ въ провинціи Пуату.

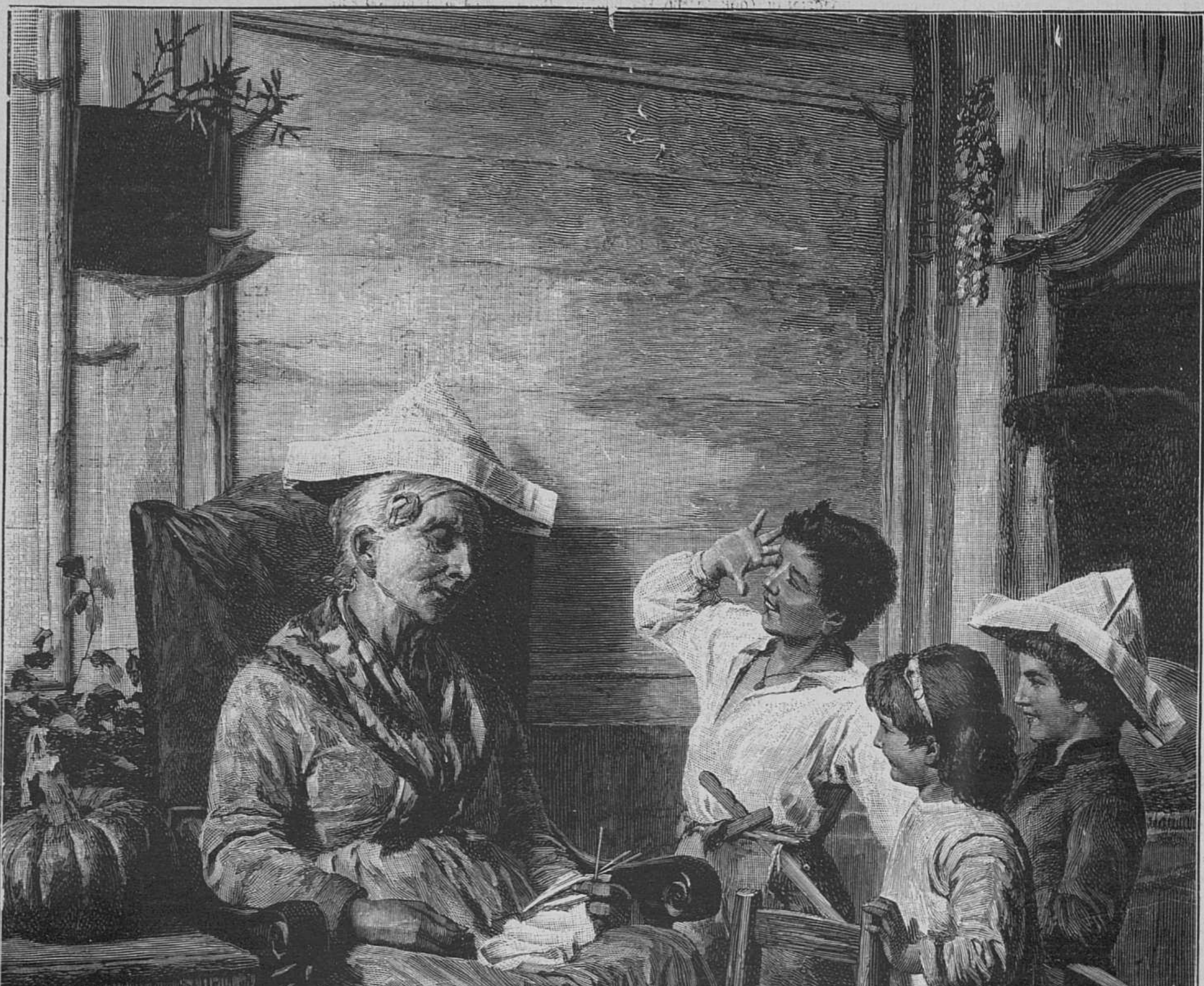
*) Спасительность сѣрнистой кислоты въ дѣлѣ полнаго обязарифованія предметовъ нынѣ подвергается сомнѣнію. Не входя въ разсмотрѣніе этого вопроса, проф. Бруардель все же признаетъ за безусловно достигающую цѣли одну паровую баню.

*) Кремнистая магнезія, «каменное сало», «мыльный камень» у дрогистовъ. Talc de Venise—венеціанская мыловка, употребляемая при валяніи суконъ.

**) Maillardet. Traitement du mildew par les composés cupriques. 1887.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Л. Да Ріосъ.

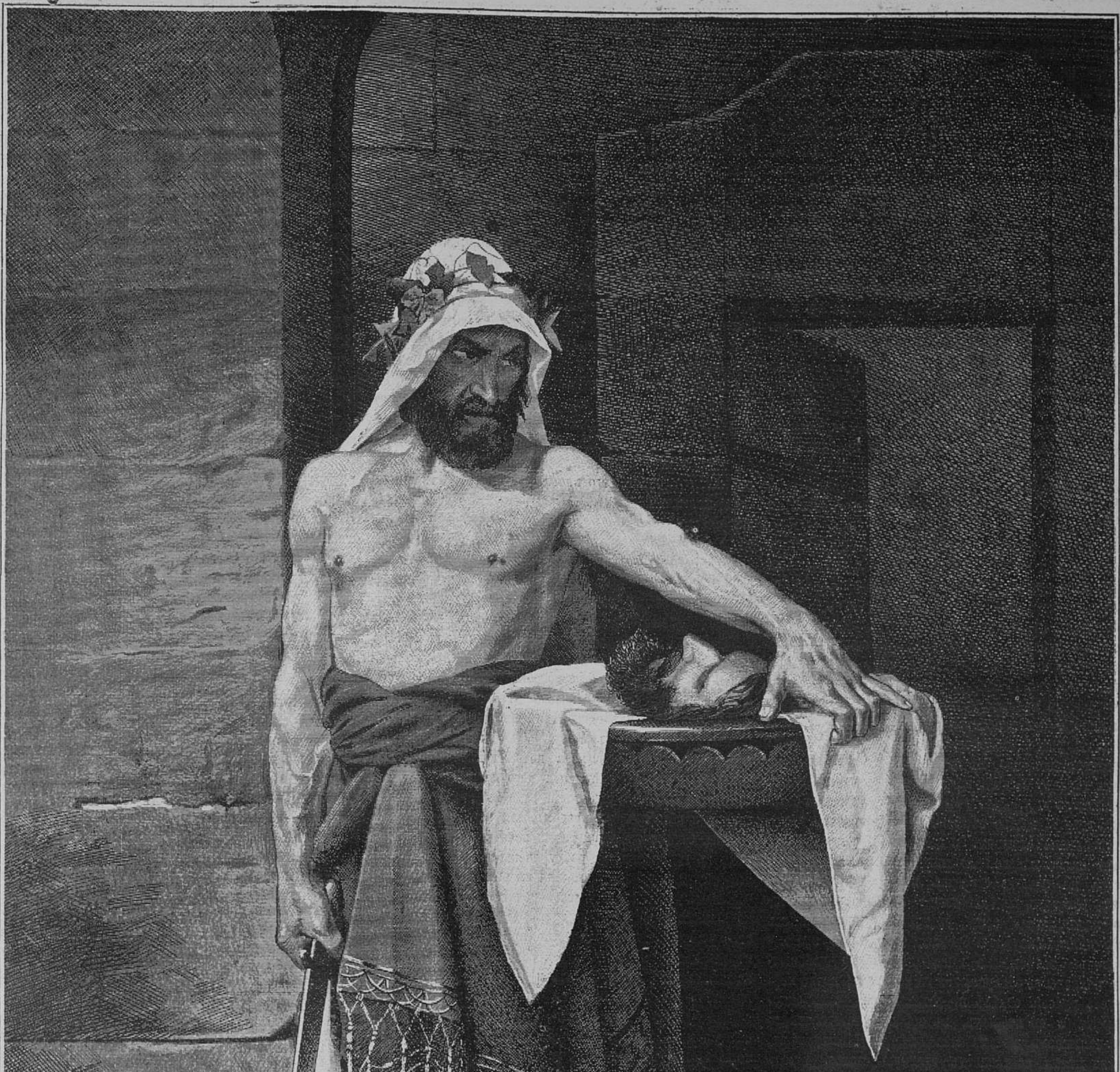

L. Da Rios
Venezia

Здравіе желаю!

Гравировалъ на деревѣ Фельдманъ въ Берлинѣ.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Н. А. Аскназія.



Рабъ съ головой Іоанна Крестителя.

ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Въ маѣ предполагается открытіе въ Брюсселѣ международнаго конкурса изобрѣтеній и всемірная выставка. Не смотря на оригинальность и новизну дѣла, до настоящаго времени записалось только 1,800 экспонентовъ и то для достиженія этой цифры пришлось нѣсколько разъ откладывать окончательный срокъ для пріема заявленій и дѣлать все новыя и новыя уступки и льготы, такъ что, по евангельской истинѣ, первые будутъ послѣдними, а послѣдніе и заплатятъ меньше, и больше выгодъ получатъ. Эти нововведенія были осуществлены съ цѣлью противодѣйствія равнодушію или намѣренному уклоненію отъ участія въ національномъ предпріятіи многихъ бельгійскихъ фабрикантовъ. Дѣло въ томъ, что устройство международнаго конкурса является избирательнымъ маневромъ, задуманнымъ клерикальною партіею, для доказательства своихъ заботъ о промышленныхъ и торговыхъ интересахъ страны путемъ устройства въ ея предѣлахъ выставки предметовъ туземнаго производства; поэтому-то и представлялось необходимымъ заручиться участіемъ достаточнаго числа бельгійскихъ промышленниковъ, чтобы воздержаніе остальныхъ не показалось общимъ осужденіемъ затѣи правящей политической партіи, что особенно бросилось въ глаза при громадномъ развитіи въ Бельгіи обрабатывающей промышленности, незначительности разстояній и удобствахъ путей сообщенія.

Самая выставка устраивается частнымъ обществомъ при поддержкѣ и подъ контролемъ правительства, чѣмъ и объясняется произведенное на бельгійскихъ промышленниковъ давленіе въ пользу участія на выставкѣ. Участіе иностранцевъ, и въ особенности французовъ, также весьма незначительно, что, впрочемъ, и неудивительно въ виду предстоящей въ будущемъ году колоссальной выставки въ Парижѣ; имъ прекрасно понято, что было-бы неосторожно принять участіе въ выставкѣ, успѣхъ и даже внѣшній блескъ которой болѣе чѣмъ сомнительны и выставить вещи, изобрѣтенія и улучшенные способы производства, которые на парижской выставкѣ могутъ получить гораздо большія награды и принести авторамъ и владѣльцамъ ихъ большія выгоды. По сообщенію бельгійскихъ газетъ, только изъ Россіи получено очень много сочувственныхъ отзывовъ и выраженій согласія участвовать на бельгійской выставкѣ, но участіе нашего отечества не можетъ скрасить все предпріятіе, такъ какъ изъ русскихъ издѣлій ожидаются почти исключительно малахитовыя вещи, издѣлія изъ драгоцѣнныхъ камней, лаписъ-лазури и бронзы, т. е. такіе предметы, которые заграницею вызываютъ общія любопытство и похвалы и раскупаются на расхватъ; но во первыхъ весь русскій отдѣлъ представляется очень однообразнымъ, а во вторыхъ, въ стѣнахъ выставочнаго зданія занимаетъ весьма мало мѣста. Между тѣмъ, плата за мѣста составляетъ главную статью дохода всѣхъ подобныхъ предпріятій и пустота галлерей даетъ скептикамъ возможность утверждать, что выставка даже и не состоится. Такое предположеніе, впрочемъ, лишено всякаго основанія, уже потому, что выставочныя зданія возводятся на средства государства и самое устройство выставки производится подъ фирмою правительства; что же касается до той пользы, которую извлекутъ изъ выставки бельгійская промышленность и иностранные производители, то вопросъ этотъ имѣетъ пока очень мало данныхъ для пріятнаго иниціаторамъ дѣла отвѣта. Времени до открытія осталось очень немного и подвести итоги брюссельской выставки въ виду небольшого числа экспонентовъ будетъ нетрудно... а задачи выставки были такъ широки, планъ ея былъ задуманъ въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что теперь поневолѣ вспомнишь пословицу о горѣ, родившей мышь. Устроители выставки разработали подробныя программы вопросамъ, рѣшеніе которыхъ заинтересовано развитіе всѣхъ отраслей промышленности; всѣмъ извѣстнымъ дѣятелямъ были разосланы приглашенія доставить записки объ ихъ изысканіяхъ и сдѣланныхъ выводахъ. Предполагалось, что между всѣми многочисленными полезными, практическими, или хотя-бы просто любопытными изобрѣтеніями выставочный комитетъ пріобрѣтетъ въ собственность наиболѣе выдающіяся, чѣмъ съ одной стороны вознаградились бы труды изобрѣтателей, а съ другой—сторицею окупились хлопоты и заботы, понесенныя устроителями выставки... конечно во имя прогресса.

Во Франціи судебному разбирательству подлежитъ любопытный вопросъ о законности брака католическаго священника; судъ призналъ, что гражданскіе законы не выставляютъ никакихъ препятствій къ заключенію подобныхъ браковъ, но дѣло усложняется принадлежностью духовныхъ лицъ къ особому сословію, имѣющему собственную іерархію, свои правила и свои взгляды на то или другое явленіе жизни. Безбрачіе католическаго духовенства, установленное папою Григоріемъ VII, имѣетъ глубокую философскую подкладку и въ самомъ выгодномъ свѣтѣ выставляетъ остроуміе и знаніе человѣческой натуры въ авторѣ стѣснительнаго распоряженія. Тщетно восточная церковь не признала новаго правила, тщетно лютеране высказались противъ него, тщетно даже католическая церковь терпитъ въ своей средѣ, хотя и на началахъ компромисса, женатое уніатское духовенство, служители Рима остались чисты отъ «заразы» мірскими расчетами и семейными дрязгами. Придавъ такимъ путемъ монашеское устройство даже свѣтскому духовенству, Григорій VII и его преемники получили цѣлую армію сподвижниковъ, почти ничѣмъ не связанную съ родиною, космополитическую по духу и организаціи; такъ велось дѣло до нашихъ дней и на многочисленныя ходатайства объ отмѣнѣ закона безбрачія папы не переставали отвѣчать упорнымъ отказомъ... Отсюда понятенъ тотъ интересъ, который возбудило въ цѣлой странѣ и даже за предѣлами ея случайно возникшее дѣло о бракѣ католическаго патера; во Франціи при этомъ возгорѣлся давній споръ о духовенствѣ вообще, о признаніи его институтомъ государственнымъ съ правомъ самоуправленія или безъ этого права, или же просто терпимымъ суевѣріемъ, какъ выражаются самые радикальные радикалы. Положенія французскаго законодательства еще болѣе осложняютъ вопросъ, допуская совершеніе браковъ только гражданскимъ порядкомъ и не требуя для ихъ законности непремѣнно участія церкви; поэтому браки духовныхъ лицъ могутъ быть совершены безъ посредства другихъ духовныхъ... Есть ко всему прочему еще одна сторона дѣла, которая равнымъ образомъ не можетъ пособить разрѣшенію инцидента: французское католическое духовенство болѣе національно, чѣмъ ихъ единовѣрцы въ другихъ странахъ, и менѣе привязано къ Риму, чѣмъ, напр. духовенство испанское или германское, а потому рѣшеніе французскаго суда можетъ имѣть для него значеніе великаго соблазна, могущаго еще болѣе отдалить его отъ папской власти и сблизить съ народомъ, для его собственной пользы. Серьезная французская печать отнеслась впрочемъ къ приведенному факту очень сдержанно, видимо стараясь или умолчать его, или же выждать послѣдствія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ парижской печати также равнодушно хочется взглянуть и на другое дѣло, а именно устройство ученическаго театра для практическихъ занятій передъ постороннею публикою. «За» и «противъ» можно насказать цѣлые коробы, что и было продѣлано въ свое время, но теперь приходится считаться съ совершившимся фактомъ: театръ уже существуетъ при консерваторіи и помѣщается въ особомъ, нарочито построенномъ зданіи, въ которомъ учащіеся три раза въ недѣлю исполняютъ разныя классическія и современныя пьесы подъ руководствомъ своихъ профессоровъ.

Цѣль новаго театра—пріучать молодыхъ артистовъ къ театральной обстановкѣ, къ зрителямъ еще во время прохожденія ими научнаго курса и выпускать изъ школы уже совершенно сформированныхъ сценическихъ дѣятелей. Оборотная сторона предпріятія заключается въ печатныхъ отзывахъ объ игрѣ дѣйствующихъ лицъ, которыя могутъ вскружить голову или, наоборотъ, вселить сомнѣніе къ собственнымъ силамъ еще въ самый подготовительный періодъ къ будущей дѣятельности. Поэтому ветераны французской театральной критики единодушно совѣтуютъ своимъ собратіямъ воздержаться отъ какихъ бы то ни было отчетовъ про ученическіе спектакли, совершенно резонно замѣчая, что едиными судьями игры на этихъ спектакляхъ могутъ быть только преподаватели; въ противномъ случаѣ не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ всякое серьезное обученіе въ стѣнахъ консерваторіи сдѣлается немыслимымъ, въ виду свойственнаго вообще молодежи пренебреженія къ совѣтамъ и опыту стариковъ; критики не должны забывать, что передъ ними не актеры, а школьники, которые не должны получать отъ публики ни одобреній, ни порицаній до дня окончанія ими консерваторскаго курса и публичныхъ дебютовъ. Однако соблазнъ сказать свое слово объ игрѣ будущихъ артистовъ, а подчасъ соображенія личнаго знакомства и кумовства настолько велики, что врядъ-ли надолго парижскіе критики пребудутъ въ молчаніи; ихъ состояніе можно уподобить состоянію собаки, которой на носъ положенъ кусочекъ хлѣба и вмѣстѣ съ тѣмъ сказано «tout beau»; даже сами совѣтники полнаго воздержанія отъ отзывовъ начинаютъ прорываться разными намеками: они говорятъ уже, что такой-то отрывокъ прочитанъ съ чувствомъ, а такая-то роль не выдержана, — дипломатично умалчивая имена, разгадать которыя не стоитъ никакого труда. Національныя свойства взяли верхъ и предпріятіе, которое должно было принести драматическому искусству столько пользы, послужитъ ему только въ ущербъ.

Нѣсколько словъ объ Испаніи. Всѣмъ памятна та продолжительная трагикомедія, которую нѣсколько лѣтъ разыгрывали въ Испаніи карлисты и другія политическія партіи; теперь въ ней опять возгораются интриги, дворцовыя и партійныя... Престарѣлая королева Изабелла, бабка царствующаго короля, неожиданно ѣдетъ въ Римъ, надолго оставляя родную страну; причина этого отъѣзда заключается, конечно, не въ желаніи перемѣнить подчасъ знойный климатъ Испаніи на болѣе мягкій итальянскій климатъ, или стремленіи поклониться святѣйшему отцу, а въ неудавшейся попыткѣ побудить регентшу, королеву Христину, замѣнить нынѣшнее министерство Сагасты новымъ, изъ партіи реформистовъ, подъ руководствомъ Робледо. Ни для кого не составляетъ тайны, что въ каждой конституціонной странѣ, а въ Испаніи болѣе чѣмъ гдѣ-либо, кучка людей, стоящая у исполнительной власти, имѣетъ много шансовъ провести въ парламентъ угодныхъ себѣ депутатовъ; поэтому-то испанскіе политики и стремятся прежде всего заполучить въ свое распоряженіе портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ по опыту дознано, что одобренные имъ кандидаты избираются громаднымъ большинствомъ голосовъ. Робледо, оставившій своихъ коллегъ консервативной партіи, которая на долго обречена на бездѣйствіе, примкнулъ къ небольшой въ количественномъ отношеніи группѣ такъ называемыхъ «реформистовъ», къ числу которыхъ надо отнести и популярнаго въ арміи генерала Домингеца, и началъ борьбу съ Сагастою. Поддержка одного Домингеца не была достаточна, а потому Робледо обратилъ свои взоры повыше и... нашелъ покровительство королевы Изабеллы. Парламентскія пререканія нашли откликъ въ дворцовыхъ интригахъ, но обрушились противъ непреклонной твердости королевы Христины не устранять Сагасту и его товарищей. Затѣянный заговоръ обнаружился, но о полной неудачѣ его говорить еще преждевременно, такъ какъ въ Испаніи самыя невѣроятныя комбинаціи не только возможны, но и обезпеченнѣе, чѣмъ логическія, именно вслѣдствіе своей невѣроятности и неожиданности. Молодому королю, котораго хотя и носятъ на рукахъ, еще слишкомъ мало мѣсяцевъ, чтобы руководить дѣлами родины; про Альфонса XIII только и можно сказать, что онъ ведетъ себя прилично, мало плачетъ, прекрасно кушаетъ съ помощью немногихъ вышедшихъ зубковъ... и только.

Мих. Кольцовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изъ распубликованной смѣты расходовъ по вѣдомству святѣйшаго синода, видно, что на наступившій 1888 г. по государственной росписи ассигновано на расходы по духовному вѣдомству — 11.000,000 р. Изъ этой суммы болѣе половины ассигнуется на содержаніе городскаго и сельскаго духовенства, миссій и миссіонеровъ; на содержаніе епархіальныхъ архіереевъ, каѳедральныхъ соборовъ, архіерейскихъ домовъ и свиты, и на содержаніе викарныхъ епископовъ ассигновано — 793,000 руб.; расходы на содержаніе лавръ и монастырей, и на вознагражденіе обителей за отошедшія отъ нихъ въ прошломъ столѣтіи въ казну населенныя имѣнія, а также взамѣнъ штатныхъ служителей, которыхъ монастыри лишились по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, исчислены по смѣтѣ въ суммѣ 400,000 р.; затѣмъ на содержаніе духовныхъ учрежденій заграницею и на содержаніе нашихъ заграничныхъ церквей и духовенства ассигновано 197,000 р.; незначительность приведенныхъ суммъ поражаетъ еще болѣе, если принять во вниманіе, что въ 14-ти епархіяхъ: владимірской, воронежской, вятской, донской, кишиневской, курской, московской, нижегородской, орловской, рязанской, симбирской, тамбовской, тульской и ярославской духовенству вовсе не производится никакого содержанія отъ казны. Въ остальныхъ-же епархіяхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ уѣздовъ во внутреннихъ губерніяхъ, казенное содержаніе духовенству заключается въ 96—240 р. въ годъ; въ западныхъ епархіяхъ оно увеличивается до 500 руб. и только въ холмско-варшавской и рижской епархіяхъ духовенство можетъ считаться обезпеченнымъ, такъ какъ въ мѣстностяхъ этихъ епархій оно получаетъ содержанія отъ 1,000 до 1,300 р. священнику. — Медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ выработалъ и опубликовалъ рядъ новыхъ санитарныхъ мѣръ, направленныхъ противъ занесенія въ наше отечество заразныхъ болѣзней, по преимуществу-же противъ холеры. Мѣры эти представляются особенно существенными въ томъ отношеніи, что принадлежатъ исключительно къ разряду чисто врачебныхъ, а не карантинныхъ; этимъ какъ-бы санкціонируется, что карантинный уставъ, наносившій когда-то большіе убытки торговлѣ, нынѣ доживаетъ свой вѣкъ. Вновь опубликованныя мѣры сводятся, главнымъ образомъ, къ наблюденію за здоровьемъ каждаго лица, прибывающаго изъ неблагополучныхъ мѣстъ, для чего таковому лицу и выдается особый санитарный листокъ. Само собою разумѣется, что таковой надзоръ дѣлается обязательнымъ только съ тѣхъ поръ, когда признается необходимымъ объявить пограничныя полосы подлежащими усиленному надзору по предупрежденію заразныхъ заболѣваній. — Какъ извѣстно, статистика была въ большомъ почетѣ у земскихъ дѣятелей, но въ настоящее время относительно ея наступила реакція и земства одно за другимъ приканчиваютъ свои статистическія изслѣдованія. Потративъ большія суммы на это дѣло, земства, а съ нимъ и мѣстное населеніе не извлекли изъ статистическихъ выводовъ значительной пользы, что произошло вслѣдствіе отсутствія однообразнаго плана дѣйствій; съ цѣлью упорядочить это дѣло министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было сдѣлано распоряженіе объ обязательномъ представленіи программъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій чрезъ мѣстные губернскіе статистическіе комитеты на утвержденіе министерства.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

За истекшую недѣлю Бисмаркъ успѣлъ обнародовать договоръ Германіи съ Австріею 7-го окт. 1879 г. и вызвать этимъ общее волненіе; вниманіе всѣхъ занимающихся политикою было привлечено обнародованіемъ интереснаго документа и возбужденными этими толками, еще болѣе усилившимися отъ произнесенной канцлеромъ рѣчи въ германскомъ рейхстагѣ по поводу проекта о вооруженіи Германіи и ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ. Союзный договоръ чрезвычайно интересенъ, хотя и заключается въ трехъ статьяхъ. Статья 1. Если, паче чаянія и желанія договаривающихся сторонъ, одна изъ двухъ имперій подвергнется нападенію со стороны Россіи, то договаривающіяся стороны обязаны помочь другъ другу всѣми своими вооруженными силами и заключить миръ не иначе, какъ сообща и съ полнаго взаимнаго согласія. Ст. 2. Если одна изъ двухъ имперій подвергнется нападенію какой-нибудь другой державы, то другая договаривающаяся сторона обязуется не помогать нападающему и соблюдать доброжелательный нейтралитетъ. Если, однако, нападающему будетъ оказана помощь со стороны Россіи, то вступаютъ въ силу опредѣленныя статьею 1-ю обязательства. Война должна быть ведена и миръ долженъ быть заключенъ сообща. Статья 3-я. Договоръ долженъ носить мирный характеръ и во избѣжаніе недоразумѣній сохраняться въ тайнѣ. Третьимъ сторонамъ онъ можетъ быть сообщенъ не иначе, какъ съ взаимнаго согласія. Обѣ договаривающіяся стороны, въ виду чувствъ, выраженныхъ Императоромъ Александромъ при встрѣчѣ въ Александрово, питаютъ надежду, что вооруженія Россіи дѣйствительно не примутъ для нихъ угрожающаго характера и не имѣютъ пока никакого повода дѣлать такое сообщеніе. Если, однако, паче чаянія, надежда эта окажется ошибочною, то обѣ договаривающіяся стороны признаютъ долгомъ лойальности увѣдомить Императора Александра, что нападеніе на одну сторону будетъ признано за нападеніе на обѣ стороны. Германская и австрійская печать, а также значительная часть англійской и итальянской, отнеслись очень сочувственно къ этому договору, что, впрочемъ, совершенно понятно; во Франціи же газеты высказываютъ сочувствіе къ Россіи; по словамъ «Temps» то, что говорится въ договорѣ, мы знали уже ранѣе; а того, что намъ было-бы интнресно узнать, въ немъ не сказано. Полная безопасность наступитъ для Европы только въ тотъ день, когда мы узнаемъ, считаетъ-ли Австрія вмѣшательство Россіи въ болгарскія дѣла за «casus belli». Газета «Paris» признаетъ опубликованіе договора за маневръ, сдѣланный княземъ Бисмаркомъ съ цѣлью получить отъ рейхстага 280 милліоновъ марокъ; войны же, по мнѣнію газеты, опасаться нечего, потому что Франція и Россія никогда ея не объявятъ. «Liberté» считаетъ войну невѣроятною, но говоритъ, что въ эпоху непредвидимыхъ политическихъ пріемовъ никакъ нельзя знать, при звукѣ выстрѣла, что онъ означаетъ: пушечный-ли выстрѣлъ по тревогѣ или простую петарду. Нѣкоторыя газеты требуютъ заключенія англо-франко-русскаго союза, въ видѣ отвѣта союзу тройственному, такъ какъ только при составленіи сильной антикоалиціи возможно удержать многія второстепенныя государства Европы отъ необходимости или желанія примкнуть къ деспотическому союзу средне-европейскихъ монархій. Достиженіе этой цѣли возможно будетъ, впрочемъ, не раньше, какъ по установленіи въ Франціи правительства болѣе прочнаго, чѣмъ нынѣшнее министерство Парижа, а въ Англіи вступленіе во власть либеральной партіи съ Гладстономъ во главѣ. Во Франціи скорое образованіе новаго министерства Флокэ уже обсуждается на всѣ лады, послѣ того, какъ выяснилось, что Россія ничего не будетъ имѣть противъ этого.

Этнографія, естествознанія, путешествія и пр.

Въ засѣданіи 9 января общества для содѣйствія русской промышленности и торговли обсуждался докладъ «о заселеніи черноморскаго побережья Кавказа. Разсмотрѣвъ дѣлавшіяся до сихъ поръ попытки правительства къ заселенію кавказскаго побережья, комиссія пришла къ убѣжденію, что примѣнявшіеся для того способы, каковы: вызовъ поселенцевъ и надѣлъ ихъ землею въ общинное владѣніе, надѣлъ землею всѣхъ желающихъ подъ условіемъ выполненія нѣкоторыхъ правилъ, продажа земельныхъ участковъ и раздача земель чиновникамъ, не достигли цѣли и имѣли своимъ послѣдствіемъ лишь громадныя затраты, давшія самые ничтожные результаты; пустынность этого горнаго края и недостатокъ въ немъ рабочихъ рукъ создаютъ цѣлый рядъ затрудненій для его заселенія и развитія. Общество пришло къ заключенію, что для того, чтобы заселить кавказское побережье, слѣдуетъ обратиться къ призыву казаковъ и лицъ русскаго происхожденія на правахъ казачества, при чемъ должно быть предоставлено право отчуждать необработанныя земли частныхъ землевладѣльцевъ для нуждъ населенія.—9-го января, состоялось собраніе статистическаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, на которомъ читалось сообщеніе о статистикѣ Туркестана вообще и сельско-хозяйственной въ особенности. Сообщеніе это представляло собою изложеніе результатовъ трудовъ и изслѣдованій г. Яворскаго по изученію Туркестана въ статистическомъ отношеніи. Докладчикъ совершилъ двѣ продолжительныхъ поѣздки въ Туркестанъ и частію на основаніи непосредственныхъ собственныхъ наблюденій, частію же на основаніи имѣвшихся у него другихъ источниковъ составилъ довольно интересную статистическую картину этого края. Свѣдѣнія, сгруппированныя въ докладѣ г. Яворскаго, касаются состава населенія Туркестана, плотности его въ различныхъ мѣстностяхъ, количества русскаго элемента въ краѣ, колонизаціи и заключаютъ не мало данныхъ для характеристики сельско-хозяйственной дѣятельности жителей, а также о развитіи обрабатывающей промышленности. Докладчикъ составилъ на основаніи всѣхъ собранныхъ имъ цифровыхъ данныхъ особыя таблицы примѣнительно къ тому или другому разсматриваемому вопросу. При тѣхъ трудностяхъ, какими обставлены статистическія работы и вообще собираніе какихъ бы то ни было точныхъ свѣдѣній въ туркестанскомъ краѣ — подобный трудъ заслуживаетъ особеннаго вниманія и докладъ г. Яворскаго возбудилъ понятный интересъ. Обращаемся къ нѣкоторымъ частностямъ доклада. Г. Яворскій, между прочимъ, ознакомилъ собраніе съ особой таблицей, въ которой онъ сгруппировалъ цифровыя свѣдѣнія, касающіяся крайне любопытнаго вопроса,—распространенія въ краѣ фабрично-ремесленной промышленности. Въ виду сравнительной новизны и весьма подробной разработки этихъ данныхъ, приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, напр., въ сѣверной степной полосѣ туркестанскаго края общее число фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній, по таблицамъ г. Яворскаго—361; сумма производства на 3.322,368 р. число рабочихъ—2,768. По отдѣльнымъ мѣстностямъ эти промышленныя заведенія распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ уральской области фабрикъ, заводовъ и проч.—110, въ Акмолинской—139, въ Семипалатинской—58, въ Семирѣченской—54. Сравнительно съ сѣверной полосой—южная, культурная, представляетъ слѣдующія богатыя данныя; общее число фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній въ ней—9,363, сумма производства на 6.625,460 р., число рабочихъ—61,393. По отдѣльнымъ мѣстностямъ южной полосы они распредѣляются такъ: въ Сыръ-Дарьинской области—1,640 фабрикъ, заводовъ и пр., въ Ферганской—3,564, въ Заравшанскомъ округѣ 3,741 и въ Кульджинскомъ районѣ—416. Наибольшая сумма производства падаетъ на Ферганскую область (на 3.460,724). Конечно, эти цифры, по собственному замѣчанію докладчика, могутъ быть признаны и не совсѣмъ точными, а тѣмъ болѣе въ каждый данный моментъ развитія края, но важно уже то, что онѣ приблизительно даютъ извѣстную картину промышленной дѣятельности въ такомъ краѣ, гдѣ точныя статистическія свѣдѣнія крайне скудны.

Въ тифлисской губерніи насчитывается до 23,000 виноградныхъ садовъ, занимающихъ пространство около 40,000 десятинъ; при хорошемъ урожаѣ и стоимости 2 р. 50 к. за ведро, получается общій доходъ въ 6.200,000 рублей; но часто встрѣчается не болѣе половины. Въ этой губерніи, какъ и повсемѣстно въ Россіи, виноградарство поставлено на довольно правильномъ основаніи, но страдаетъ самое производство вина, такъ какъ туземцы о винодѣліи не имѣютъ никакого понятія. Отсутствіе погребовъ и притѣсненія перекупщиковъ еще болѣе ухудшаютъ положеніе этой отрасли промышленности.—Международная садовая выставка, назначенная въ Кельнѣ на августъ, будетъ состоять изъ 7 отдѣловъ, между прочимъ, садовыя растенія, планы садовыхъ построекъ, орнаменты, садовыя коллекціи, литература по садоводству.—Съ нѣкотораго времени Кордильеры представляютъ весьма интересное явленіе. Наблюденія показываютъ, что высота самыхъ значительныхъ точекъ этой горной цѣпи постепенно уменьшается. Гора Квито, находившаяся въ 1745 году на 9,596 футовъ надъ уровнемъ моря, въ 1803 году оказалась только въ 9,570 фут., въ 1831 году въ 9,567 фут., а въ 1867 году ея высота едва достигала 9,520 ф. Слѣдовательно, высота Квито уменьшилась на 76 футовъ въ теченіи 122 лѣтъ. Другая гора, Пичинча, за то же время уменьшилась на 218 фут., а ея кратеръ въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ опустился на 425 футовъ. Кратеръ Антизаны опустился въ продолженіи 64 лѣтъ на 165 футовъ. — Послѣднимъ астрономическимъ конгрессомъ было постановлено снять фотографическую карту неба при помощи особаго аппарата и при одновременныхъ работахъ возможно большаго числа обсерваторій; до настоящаго времени дали свое согласіе 11 обсерваторій: пять въ Европѣ, двѣ въ Австраліи и четыре въ Америкѣ. Пулковская обсерваторія еще ничего не отвѣтила, такъ-же какъ и нѣмецкія; между тѣмъ работы, согласно рѣшенію конгресса, должны начаться не позже 1889 года, а они потребуютъ, вѣроятно, не мало подготовительныхъ занятій и предварительныхъ сношеній. — Парижская обсерваторія печатаетъ въ настоящее время каталогъ сдѣланныхъ въ ней наблюденій; вышелъ первый томъ, содержащій 80,000 наблюденій надъ 7,245 звѣздами. — Въ Кохинхинѣ туземцы съ ужасомъ смотрѣли, какъ съ неба опустилась на землю и тотчасъ снова поднялась удивительная птица, вырывъ въ землѣ громадную яму. При ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что «небесная птица» есть болидъ, двигавшійся со скоростью 2 верстъ въ минуту; опустившись на землю, болидъ сдѣлалъ рикошетъ и отлетѣлъ въ сторону; вырытая имъ яма имѣетъ около сажени длины.

Наступленіе холодовъ и покрытіе земли снѣгомъ чрезвычайно гибельно отражается на животныхъ, не имѣющихъ пріюта; особенно страдаетъ отъ морозовъ птичій міръ; но французскій естествоиспытатель Тиссандье сообщаетъ также интересное вліяніе снѣга на птицъ: къ случайно подмоченному птичьему хвосту, когда она садится на землю, пристаетъ нѣсколько крупинокъ снѣга, которыя привлекаютъ къ себѣ другія снѣжинки, и вскорѣ около хвоста образуется такой большой снѣжный комъ, что птицѣ, не особенно сильной, уже нѣтъ возможности слетѣть съ мѣста, и она или сдѣлается добычею хищниковъ, или же, если ей удастся, отрываетъ хвостъ и уже куцая, улетаетъ на свободу. Тиссандье удостовѣряетъ, что перепелка волочила снѣжный комъ въ 270 граммъ.

Новый южный Валлисъ готовится праздновать столѣтіе дня, въ который капитанъ Филлипсъ, первый губернаторъ колоніи, во имя англійскаго короля Георга III завладѣлъ австралійскимъ континентомъ. Въ связи съ этою годовщиною въ Мельбурнѣ открывается всемірная промышленная и научная выставка; кромѣ того, австралійское правительство предполагало снарядить экспедицію на южный полюсъ, но она не состоялась вслѣдствіе отказа англійскаго казначейства въ выдачѣ 125,000 франковъ въ пособіе на эту «затѣю». Новая страна ростетъ не по днямъ, а по часамъ; еще въ 1851 году въ ней было всего 300,000 жителей, а теперь ихъ болѣе трехъ милліоновъ. Соотвѣтственно сему росло и экономическое благосостояніе, примѣромъ чего можетъ служить отправка въ 1887 г. въ Англію 844,000 бараньихъ тушъ, при помощи разныхъ охладительныхъ приспособленій, доставленныхъ въ свѣжемъ видѣ; этотъ грузъ вѣсилъ 17.000,000 килограммовъ. Добыча золота въ Австраліи дала болѣе 4 милліардовъ рублей. Бюджетъ колоній составляетъ полмилліона франковъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Въ мастерской художницы.

Въ мастерской художницы сошлись ея молодыя подруги, быть можетъ, служащія моделями для ея только что начатой картины. Онѣ, какъ видно, толкуютъ о вопросахъ искусства, или, по крайней мѣрѣ, о той иллюстрированной книгѣ, которую держитъ одна изъ нихъ. Въ мастерской полнѣйшій безпорядокъ, хотя все обличаетъ художницу со средствами и, можетъ быть, любящую роскошь: тутъ есть и ноты, и мандолина, и валяющіеся на полу цвѣты. Вся же картина обличаетъ большой вкусъ въ художникѣ, написавшемъ ее: каждая мелочь здѣсь изящна, каждая складка красива. Написана картина превосходно. Конрадъ Кизель еще довольно молодъ: онъ родился 29 ноября 1846 года въ Дюссельдорфѣ. Сначала онъ обучался строительному искусству и посѣщалъ берлинскую строительную академію, потомъ поступилъ къ скульптору Шоперу и занялся ваяніемъ, создавъ нѣсколько прелестныхъ вещицъ въ родѣ «Ожиданіе послѣ пробужденія», затѣмъ проѣхалъ по Голландіи и взялся за живопись. Учился писать онъ сперва у Паульсена въ Берлинѣ, потомъ у В. Зона въ Дюссельдорфѣ. Уже съ первыхъ же картинъ онъ проявилъ блестящій талантъ. «Мать и дитя», «Итальянка» прямо говорили о большомъ талантѣ. Послѣ открытія своей собственной мастерской онъ написалъ «Въ библіотекѣ», «На балконѣ», «День рожденія», «Женщина съ голубями» и т. д. Всѣ эти картины изумительно хороши по техникѣ, гармоніи, краскамъ, вкусу.

Историческій ледяной домъ и современный въ «Акваріумѣ». — И. И. Лажечниковъ.

«Видѣли-ли вы Ледяной домъ?» задаютъ другъ другу модный вопросъ праздные петербуржцы и отправляются въ «Акваріумъ» смотрѣть эту диковинку. Содержатель этого увеселительнаго заведенія, благодаря довольно значительнымъ морозамъ, могъ исполнить эту затѣю и публика идетъ смотрѣть на новинку. Ледяныя статуи, ледяная мебель, ледяная утварь, ледяныя вазы, все это сдѣлано очень недурно. Домъ состоитъ изъ трехъ комнатъ. Въ немъ есть камины съ ледяными дровами. Постель съ ледяными подушками и одѣяломъ, съ ночными колпаками и туфлями. Зеркала, подсвѣчники со свѣчами, рукомойникъ, все ледяное. Нѣкоторыя вещи сдѣланы очень тонко. При освѣщеніи все это очень эффектно. Передъ домомъ поставлены пушки и на-дняхъ увеличено число статуй. Въ февралѣ, какъ слышно, будетъ здѣсь нѣчто въ родѣ костюмированной процессіи въ подражаніе этнографической процессіи бывшей во время постройки ледянаго дома при Аннѣ Ивановнѣ. Такова эта новая игрушка для развлеченія скучающаго люда. Но, конечно, тутъ не можетъ быть и сравненій съ тѣмъ ледянымъ домомъ, который былъ не простой аферой антрепренера увеселительнаго заведенія, а явился характернымъ и мрачнымъ знаменіемъ недобраго времени—времени царствованія Анны Ивановны и владычества Бирона. Императрица Анна Ивановна томилась безъисходною скукою. Ради спасенія отъ этой скуки, она окружала себя цѣлымъ рядомъ разсказчицъ, сказочницъ, юродивыхъ, святошъ, шутихъ, приживалокъ вродѣ «Дарьюшки безручки», драгунскихъ женокъ Михайловны и Рудневой, калмычекъ, «великорослыхъ людей изъ плѣнныхъ турокъ», карлицъ. Ищетъ она вездѣ женщинъ, умѣющихъ говорить безъ умолку, беретъ ко двору княжну Пелагею Аѳонасьевну Вяземскую, потому что она, «какъ сказываютъ, много говоритъ». То и дѣло, слышатъ ея фрейлины крикъ: «дѣвки, пойте!» Родственники тѣхъ самыхъ верховниковъ и родовитыхъ людей, желавшихъ ограничить самодержавныя права Анны Ивановны, теперь являются у нея шутами. Такъ мужъ ея пріятельницы княгини Аграѳены Петровны князь Никита Ѳеодоровичъ Волхонскій дѣлается оффиціальнымъ придворнымъ шутомъ послѣ смерти жены и въ 1734 году Анна Ивановна «играючи» женила его на другомъ шутѣ, князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Голицынѣ, причемъ заставила Волхонскаго написать письмо къ его прикащику о томъ, «что онъ женился въ правду». Анна Ивановна собирала письма Волхонскаго «ради смѣху» и приказала Салтыкову составить «житіе князя Никиты Волхонскаго». Окружающіе, конечно, наперебой старались выдумать что-нибудь, что могло бы развеселить скучающую женщину. Одной изъ такихъ выдумокъ была свадьба пятидесятилѣтняго шута князя Голицына, прозваннаго Квасникомъ, съ придворной калмычкой Бужениновой. Чтобы отпраздновать этотъ пиръ, рѣшили построить ледяной домъ, чему способствовала страшно суровая зима 1740 г. Первая мысль о ледяномъ домѣ пришла въ голову каммергеру Татищеву, но для приведенія ея въ исполненіе составили цѣлую коммиссію подъ предсѣдательствомъ Волынскаго, а Тредьяковскому поручили приготовить стихи для празднества. Домъ построился между старымъ зимнимъ дворцомъ и адмиралтействомъ и «гораздо великолѣпнѣе казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мрамора былъ построенъ, для того казался сдѣланъ былъ будто изъ одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣту на гораздо дрожайшій камень, нежели на мраморъ, походилъ». Украшенія дома были затѣйливы: ледяныя птицы сидѣли на ледяныхъ деревьяхъ съ ледяными вѣтвями и листьями, ледяные дельфины выбрасывали по ночамъ горящую нефть, за ледяными стеклами были смѣшныя картины, освѣщавшіяся извнутри дома, ледяной слонъ въ натуральную величину съ ледянымъ персіяниномъ выбрасывалъ днемъ воду, ночью горящую нефть, у дома стояли ледяныя пушки, изъ которыхъ стрѣлялъ народъ. Тутъ же была этнографическая выставка, для которой собрали со всей Россіи массу народа: по парѣ инородцевъ, которые пѣли и плясали, изъ Казани татаръ, черемисъ, чувашей мордву, изъ Малороссіи малоросовъ, изъ Твери двѣнадцать человѣкъ обывателей, изъ Москвы восемь паръ мужчинъ и женщинъ, умѣющихъ плясать и которые не были бы собой «гнусны» и т. д. Изъ Новгорода Великаго вытребовали 50 козловъ да барановъ четверорогихъ и пятирогихъ до десяти. Изъ Остзейскихъ провинцій привели верховыхъ лошадей для придворныхъ дамъ. Сотни людей и разныхъ животныхъ составляли торжественную процессію во время свадебнаго пира. Въ этотъ-то ледяной домъ была приведена несчастная новобрачная пара — сіятельный шутъ и уродливая калмычка. Какова была ихъ первая ночь—это можетъ себѣ представить каждый, кто не видалъ даже страшной картины г. Якобія, изображающей тотъ моментъ, когда въ домъ утромъ врывается маскарадная процессія и застаетъ замерзшихъ новобрачныхъ. Исторія этого ледянаго дома описана вполнѣ въ сдѣлавшемся теперь рѣдкостью сочиненіи академика Георга Вольфганга Крафта и потомъ въ извѣстномъ романѣ Ивана Ивановича Лажечникова «Ледяной домъ». Какъ ни давно написанъ этотъ романъ, онъ остается до сихъ поръ однимъ изъ наиболѣе занимательныхъ «историческихъ романовъ»... Въ настоящемъ нумерѣ мы помѣщаемъ портретъ И. И. Лажечникова. Родился Иванъ Ивановичъ въ 1794 г. Его отецъ былъ коломенскимъ купцомъ. Съ 1812 года молодой Лажечниковъ служилъ прапорщикомъ въ московскомъ ополченіи и совершилъ компаніи 1813 и 1814 гг. Въ 1820 году онъ былъ назначенъ директоромъ училищъ псковской губерніи. Съ 1843 г. былъ вице-губернаторомъ въ Твери. Два года, съ 1856 по 1858 годъ, онъ занималъ должность цензора въ Петербургѣ. Всѣ историческіе романы Лажечникова пользовались большой извѣстностью да и теперь еще читаются въ извѣстныхъ слояхъ общества, какъ произведенія, написанныя живо и занимательно. «Послѣдній Новикъ», «Басурманъ», «Ледяной домъ» были не только перечитаны у насъ грамотнымъ людомъ, но и были переведены на иностранные языки. Меньшею извѣстностью пользовались его драмы «Христіанъ II и Густавъ Ваза», «Опричники», «Матери-соперницы», и разсказы «Бѣленькіе и черненькіе», «Гримаса моего доктора». Умеръ Лажечниковъ въ 1869 году.

Іоаннъ Грозный и калики перехожіе.

В. Шварцъ (родился въ 1838 г. въ Курскѣ), получившій свое художественное образованіе въ петербургской академіи художествъ и подъ руководствомъ Лефебра въ Парижѣ, былъ большимъ знатокомъ русской жизни, что сказывалось въ каждой его картинѣ — въ «Совѣщаніи иностранныхъ пословъ съ боярами», «Поѣздкѣ царя на богомолье», «Московскіе послы при иностранномъ дворѣ» и т. д. Рисунокъ, помѣщаемый нами, заимствованъ изъ альбома художника В. Шварца и принадлежитъ къ иллюстраціямъ къ «Князю Серебряному», извѣстному роману графа А. Толстаго. Здѣсь художникъ изображаетъ два явленія, присущія древней Руси; членовъ соколиной охоты, любимой потѣхи царей и бояръ, и каликъ перехожихъ, бродившихъ изъ конца въ конецъ по обширной русской землѣ. «Сокольничій» въ старину это былъ придворный санъ; онъ старшій надъ сокольниками, которые ходили за соколами; сокольники обязаны были держать соколовъ, пока не начиналась охота; кромѣ того были подсокольники, сокольный поддатень и т. п. Соколиная охота продержалась, какъ любимое царское развлеченіе, вплоть до Петра I, которому было уже не до этой потѣхи. Еще раньше этого времени выродились калики перехожіе. Сказка и старая пѣсня часто упоминаетъ о каликахъ, калѣчищахъ, какъ о нищенствующихъ и милосердыхъ богатыряхъ; въ видѣ смиренія калики перехожіе искали подаянія, гостепріимства и богатырскихъ похожденій. Потомъ уже начинается смѣшеніе каликъ перехожихъ съ простыми нищими и калѣками, т. е. слѣпыми, хромыми, горбатыми, странствующими уже ради одного куска насущнаго хлѣба. Эти убогіе, эти слѣпцы ходили, какъ и теперь они холятъ, съ поводырями, распѣвали пѣсни, былины, разсказывали сказки...

Здравія желаемъ!

Игра въ солдатики — вездѣ и всюду является любимою игрой у дѣтей, особенно въ тѣ времена, когда и взрослые не находятъ ничего болѣе занимательнаго и полезнаго, чѣмъ эта игра. Въ Венеціи дѣти любятъ ее такъ-же, какъ и у насъ. Вотъ трое ребятишекъ соорудили себѣ деревянное оружіе, бумажныя треуголки и, вѣроятно, намаршировались въ волю на дворѣ или въ саду. Теперь они вернулись домой и передъ ними предстала неожиданная картина: старая няня сладко уснула съ вязаньемъ въ рукахъ. Какъ не воспользоваться случаемъ для шутки? Въ одинъ мигъ на няню надѣта треуголка и одинъ изъ шалуновъ уже приложилъ руку ко лбу, какъ солдатъ, отдающій честь. Сейчасъ старушку вспугнетъ и разбудитъ громкое: «здравія желаю!» Вотъ сюжетъ милаго жанра еще молодого венеціанскаго художника Даріоса. Тутъ нѣтъ ни шаржа, ни каррикатурности. Экспрессія лицъ схвачена прекрасно безъ всякой утрировки.

Рабъ съ головой Іоанна Крестителя.

Когда у Ирода, какъ говорятъ евангелисты, жена его при помощи дочери потребовала головы Іоанна Крестителя, Иродъ волей-неволей долженъ былъ исполнить это желаніе и въ темницу Іоанна былъ посланъ рабъ, чтобы отрубить голову этому великому аскету и проповѣднику. И вотъ, еще увѣнчанный виноградными листьями, возвращается этотъ исполнитель чужой воли и несетъ страшный даръ только что отплясавшей очаровательной царевнѣ. Сильный, мускулистый, сжавъ въ могучей рукѣ рукоятку, только что обагреннаго кровью меча, онъ мрачно смотритъ на голову своей жертвы. Эта картина написана въ Римѣ г. Аскназіемъ, съ талантомъ котораго наши постоянные читатели уже знакомы по его прошлогодней картинѣ, «Скорбныя вѣсти» и производитъ тяжелое впечатлѣніе. Художникъ, серьезно задумавшій свое произведеніе, не далъ ничего, что развлекло бы зрителя, что отвлекло бы его вниманіе отъ главнаго сюжета, что облегчило бы гнетущее впечатлѣніе какими-нибудь затѣями красивой обстановки. Нѣтъ, тутъ совершилось злодѣйское убійство гдѣ то въ темномъ углу, убійство безоружнаго страдальца, отъ котораго не приходилось даже защищаться панцыремъ или щитомъ, и вы это чувствуете, чувствуете съ невольнымъ ужасомъ, смотря на это произведеніе. О техникѣ— лѣпкѣ мускуловъ, правильности рисунка, умѣньи писать— мы не станемъ здѣсь говорить, такъ какъ этакартина поражаетъ не внѣшними эффектами, а внутреннимъ смысломъ.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ**.

Дозволено цензурою. Спб., 3-го февраля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

Нѣсколько курьезовъ. Въ парижскихъ модахъ двѣ новинки. Свѣтскія дамы считаютъ особеннымъ шикомъ носить разноцвѣтную обувь. На балахъ теперь нерѣдко видишь на правой ногѣ синій ботинокъ, а на лѣвой — красный или желтый и бѣлый; но верхъ шика составляютъ черный и бѣлый ботинокъ. Вторая мода состоитъ въ ношеніи боа на бальныхъ платьяхъ. — Въ Парижѣ практикуются самыя необычайныя профессіи. Объ одной изъ нихъ впервые разсказывается во французскихъ газетахъ. При большихъ парикмахерскихъ существуютъ особые ремесленники, занимающіеся лишь завязываніемъ галстуховъ и достигающіе въ этомъ занятіи артистической сноровки. Въ 6 часовъ вечера они являются къ своимъ кліентамъ и украшаютъ свѣтскихъ кавалеровъ своими «бантами», получая съ каждаго по 2 франка. — Иностранныя газеты сообщаютъ о смѣшной и наивной нѣмецкой легендѣ, которая распространена особенно у баварцевъ. Долговѣчность императора Вильгельма приписывается чудотворной жидкости, состава которой никто не знаетъ. По этой легендѣ, повторяемой крестьянами, императоръ далъ по нѣсколько капель таинственной жидкости маршалу Мольтке и князю Бисмарку, что и объясняетъ ихъ долголѣтіе. Но своему сыну, кронпринцу, императоръ не пожелалъ дать и капли изъ боязни, что, выздоровѣвши, онъ заставитъ отца отречься отъ престола. — Начальникъ полиціи въ Альтенбургѣ сдѣлалъ оригинальное распоряженіе о взысканіи денежнаго штрафа съ каждаго, кто подастъ милостыню нищимъ и бродягамъ.

О примѣненіи электричества. Опыты, произведенные въ Нью-Іоркѣ, показали, что электрическая лампа въ 100 свѣчей, погруженная въ море, дѣлаетъ видимыми предметы на 46 метровъ разстоянія подъ водой.—Нью-іоркская коммиссія, которой поручено изыскать «человѣчный» способъ казни, единогласно высказалась за примѣненіе электричества. Прусскій маіоръ Шульцъ изобрѣлъ новое примѣненіе электричества къ военнымъ цѣлямъ: посредствомъ небольшой электрической баттареи, которая находится въ ранцѣ солдата, и двухъ проводовъ, идущихъ къ ушамъ, возбуждается сильнѣйшая зубная боль, которая и заставляетъ солдатъ «лѣзть на стѣну» осаждаемой крѣпости. Съ Новаго года, вся германская армія вооружается такими «электрическими баттареями зубной боли» (Zahnsehmerzelectrick battarei). Предполагаются пробные маневры.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Не будутъ напечатаны: 1) стихотворенія: *В. Вар—бэ*, «Прошлые годы» и пр.; *Аензе*, «Весна» и пр.; *Г. Ши—ловъ*, «Ангелъ»; *П. Вин—ровъ*, «Лѣтній день» и пр.; *М. Ал—вичъ*, «Изъ записной книжки» и пр.; *В. М. Бал—нову*, «Два бойца» и пр.; *Г. З—ва*, «Помнишь, какъ часто гулялъ я съ тобой» и пр.

2) Проза: *Бр. К. Э.*, «Кокетка»; *NN*, «Два музыканта»; *Ю. Ар—дъ*, «Преступница и крестины»; *NN*. «Преемникъ» (по Мопасану).

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Долгъ платежемъ красенъ *П. Полевого*—Раскольничій учитель (продолж.), *Н. И. Шулынна.*—Стихотвореніе *Липкина.*—Тигрица (продолж.), романъ *Д. Верга*, переводъ *В. Крестовскаго* (псевдонимъ).—Утилитарное направленіе образованія въ эпоху Петра I-го, статья *М. Лисицына.*—Научные вопросы, *С. Варевскаго.* — Хроника заграничной жизни *Мих. Кольцова.*—Внутреннее обозрѣніе. — Политическое обозрѣніе. — Этнографія, естествознанія, путешествія и проч. Къ рисункамъ.

Рисунки: Портретъ Лажечникова.—Въ мастерской художницы, съ картины *Конрада Кезиля.*—Историческій ледяной домъ 1740 года, съ современной гравюры *И. Ребольскаго.* — Ледяной домъ, построенный въ саду «Акваріумъ» въ Спб., воспроизведено съ натуры *А. Сафоновымъ.*—Іоаннъ Грозный и калѣки перехожіе, изъ альбома *В. Шварца.*—Здравія желаю, съ картины *Л. Да Ріосъ.* — Рабъ съ головой Іоанна Крестителя, съ картины *Н. А. Асказія.*

На обертке: Промышленность, технологія и торговля.—Мелкія извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займсвъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 274 (10—8).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—23)

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт. на об. бум. 1 р. 50, на лучш. . 2 р. | Съ 44 карт. на об. бум. 2 р. 50, на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.

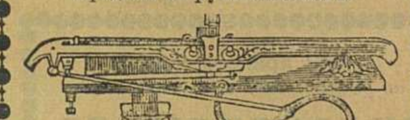
Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.

№ 222 (24—10)

Зубочистное средство
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ШВЕДСКІЙ

зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**

№ 243 (57—11)



Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Томилова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—21).

Водоочищающіе

С.-ПЕТЕРБУРГСКУЮ МАНУФАК. ВЫСТАВК. 1861 КОРЕЛЬСКОМУ

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.

№ 228 (52—12)

Императорскаго
московскаго общ.
Сельск. хозяйства
1886 г.

Одобрительный отзывъ.

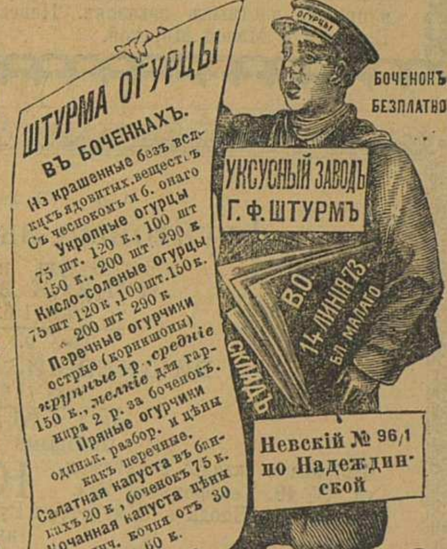
Новой усовершен. системы, простой конструкціи разныхъ величинъ

ПОЖАРНЫЕ
трубы и насосы
„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Производство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ, Николаевская 55—6. № 186 (40—14).

Прейсъ-куранты безплатно.

Привилегія испрашив.



ОГУРЦЫ
ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Изъ крашенные безъ вслкихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт. 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к
Перечные огурчики острые (корнишоны)
крупные 1 р., средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. бочки отъ 30 до 60 к.
УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. Ф. ШТУРМЪ
В.О. 14 ЛИНІЯ 73. БЛ. МАЛАГО
СКЛАДЪ
БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО
Невскій № 96/1 по Надеждинской
МАГАЗИНЪ
26
ДОСТАВКА НА ДОМЪ

№ 297 (52—5)

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ
ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА
провизора А. Янсонъ.

Оптовый складъ въ Спб. конт. Ив. Фегедингъ, Чернышев. пер., Маріинскій рын., № 20.

Кромѣ того имѣется:

Въ Русскомъ Общ. Торг. аптек. тов. Казанск. № 12, центральн. аптек. депо, Милютинъ рядъ, Ф. Линде, Невскій № 23 и В. О. 6 линія № 25, Г. Клосъ и К°. В. О. 5 лин. № 12, казанск. аптекарск. торг. Казанская № 54, О. Роосъ Владимірск. № 7, Лиманъ и Риксъ Горохов. № 16, и во многихъ аптекахъ и магазинахъ парфюмерн. товаровъ.

№ 249 (10—10)

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,
медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты
Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—23).

Превосходные и самые модные препараты
„САФО“
С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.— Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 290 (53—)

ЗУБНОЕ ПОЛОСКАНІЕ
Madelaine et Pierre.

Лучшее средство для освѣженія рта и сохраненія зубовъ флаконъ 75 к.

Центральное аптекарское депо

Милютинъ рядъ, уголъ Казанскаго моста.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

О-де-Колонъ № 4 (экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода специальная по 90 к.

Туалетная вода Шипръ по 1 руб.

Туалетный уксусъ гигіеническій и освѣжительный по 60 к.

Уксусъ Віолетъ де Пармъ по 75 к.

Туалетныя воды высшаго качества по 80 к. и по 1 р. 60 к.

Иксора Бреони Буке Императрисъ:

Шампака

Жокей Клубъ.

Кадзура.

Опопонаксъ.

Віолетъ де Пармъ

Бѣлая роза.

Лѣсная вода для куренія по 50 к.

приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ДУХИ САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 1 р.

Бѣлый Геліотропъ.—Ландышъ.—Лила бланъ.—Эссъ Буке.—Эссъ Віолетъ.

НЕ ЗАМѢНЯЕМЫЙ БУКЕТЪ по 2 р.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1. Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
2. Невскій проспектъ у Аничкина моста, № 66.
3. Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера № 18—54.

(Розничная и оптовая продажа).

Въ МОСКВѢ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ

№ 312 (1—1)

НАИЛУЧШЕЕ и наиполезнѣйшее средство для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ есть **ЭЛЕОПАТЪ** провиз. **КИНУНЕНА**, который признанъ незамѣнимымъ и безподобнымъ средствомъ для правильнаго развиванія и выростанія корней волосъ, **ЭЛЕОПАТЪ** пров. **КИНУНЕНА** къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ, какъ здѣсь, такъ и за-границей. Способъ употребленія приложенъ къ каждому флакону. Иногородные покупатели выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ** только пров. **КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ себя аптекъ, но не менѣе двухъ флаконовъ. Почтовый расходъ и упаковка на счетъ покупателей.

Въ провинціи **ЭЛЕОПАТЪ** къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

№ 313 (1—1).

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

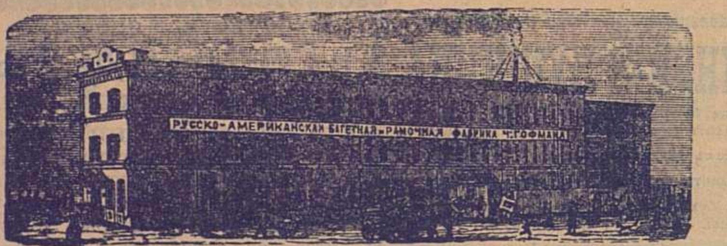
Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.

Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: А. С. **Пушкинъ, Пастеръ**, графъ **Лесепсъ, Группа Сказки Шехеразады изъ 1,001 ночи, Сонъ на яву**, механическая фигура, **Елена Прекрасная**, механическая фигура и много другихъ механическихъ фигуръ, а также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи, за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по Воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по Пятницамъ.

№ 253 (10—10).



Русско-американская багетная и рамочная фабрика Ч. Гофмана

Русско-американская **БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ** фабрики

Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской.

№ 296 (26—3).

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ Сан. Сов. д-ра Штельцингъ изъ солей знамен. цѣлебн. источн. № 3 и 18, СОДЕНЪ.

Ввозъ этихъ лепешекъ разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Клеймо.

Продажа во всѣхъ почти аптекахъ и аптек. магаз. по 70 коп. за коробку. Оптовая продажа у М. Моргенштернъ, Б. Морская, № 23.

С.-Петербургъ.

№ 299 (13—5).

Съ 1-го января 1888 года свѣже-приготовленные

фруктовые экстракты фабрики **Ю. МАРТЕНСА**,

Будутъ продаваться по **уменьшеннымъ** цѣнамъ.

КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ

1/1 сткл. (1 б.)	1/2 сткл.	1/4 сткл.	1/8 сткл.
по 1 р.	по 55 к.	по 30 к.	по 20 к.

ВИШНЕВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ и ЧЕРНОСМОРОДИНОВ.

1/1 сткл. (1 б.)	1/2 сткл.	1/4 сткл.	1/8 сткл.
по 3 р. 50 к.	по 1 р. 80 к.	по 1 руб.	по 55 к.

Оптовымъ покупателямъ дѣлается соразмѣрная уступка.

Фабрика и складъ: Разъѣзжая ул., № 49. Телефонъ № 999.

Ю. МАРТЕНСА.

Магазинъ: Гороховая улица, № 22. Телефонъ № 1200.

Продажа: у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ аптекарскомъ обществѣ, у Александра Венцеля, во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и фруктовыхъ магазинахъ.

№ 226.

Для красоты лица

съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ. Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р. Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—7)

Нумеръ 6-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) № 2-й «Парижскія Моды» (за февраль); 3) Листъ выкроекъ и образцы для работъ (изъ бархата и кретона) и 4) Обертки.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 3-го февраля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

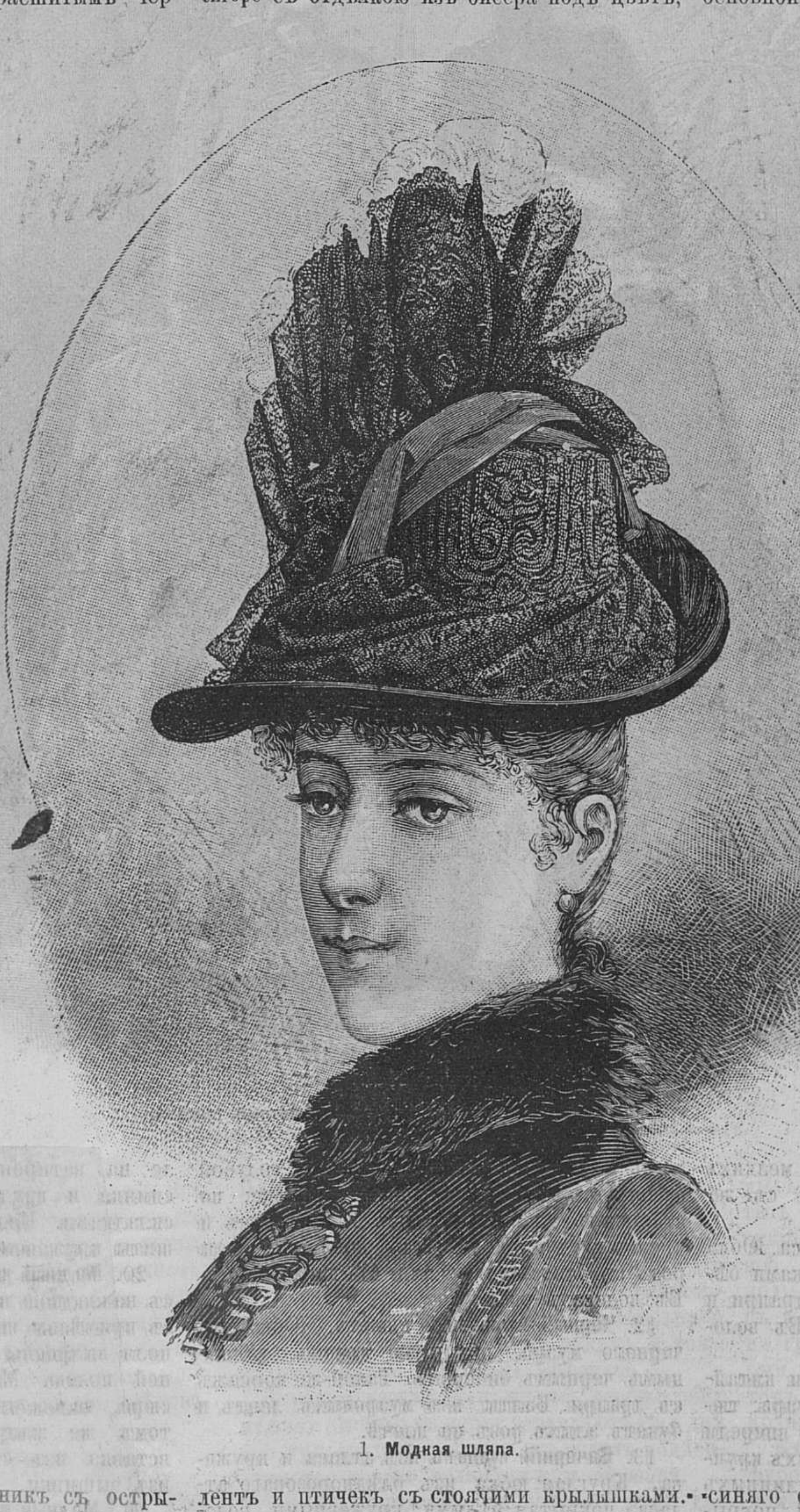
НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

№ 2.—1888. Февраль. 1888.—№ 2.

1. Модная шляпа. Поля бархатныя съ бархатнымъ же подбоемъ; тулья фетровая, покрытая чернымъ тюлемъ, расшитымъ чернымъ бисеромъ. Черный кружевной воланъ обвиваетъ тулью, потомъ возвышается справа въ видѣ эгретки; онъ придерживается фіолетовой лентой, переброшенной черезъ тулью. Сбоку букетъ перьевъ цвѣта геліотропъ.

2. Пріемный туалетъ изъ краснаго плюша (vieux rouge). Фасонъ princesse, т. е. спинка и переднія полы изъ одного куска съ юбкой. Спинка и ея бочка скроены съ внутренними складками на таліи, сверхъ того, для приданія надлежащей ширины юбкѣ, вставлено въ задній шовъ еще одно прямое полотнище. Переднія полы открыты, но придерживаются подкладкой, вшитой въ плечевой и боковой швъ и застегнутой на груди; плюшевый пластронъ съ воротникомъ исчезаетъ внизу подъ драпировкою изъ сюра цвѣта ivoire (бѣлый желтоватый); такое же полотнище впереди съ пояскомъ изъ серебристаго аграманта. Такой же аграмантъ вокругъ полъ и на рукавахъ. Въ волосахъ бантъ vieux rouge. На этотъ туалетъ, требуется 14 метровъ плюша, 4 метра сюра, 5½ м. аграманта.

3. Визитный туалетъ. Юбка изъ фая héliothrope съ такимъ же плиссе на подолѣ и выпуклымъ аграмантомъ изъ шнура подъ цвѣтъ. Вторая юбка изъ того же фая, открытая впереди на вставкѣ изъ бархата héliothrope темнѣе оттѣнкомъ; лѣвыя полы вырѣзаны тупыми зубцами, лѣвая образуетъ реверъ, обшитый шнуромъ. Фаевый тюникъ съ острыми концами на бокахъ, драпированъ сзади очень пышно. Веста изъ сукна геліотропъ плотно обхватываетъ талію и тоже отдѣлана шнурами. Шляпа béguin изъ бархата héliothrope съ отдѣлкою изъ бисера подъ цвѣтъ, лентъ и птичекъ съ стоячими крылышками. Къ этому костюму мы даемъ тоже рисунокъ лифа (рис. 23). Для всего туалета требуется: 16 метровъ французскаго фая, 2 метра бархата, 7 метровъ аграманта изъ шнура. Для основной юбки 4¼ тафты.



1. Модная шляпа.

4. Городской туалетъ. На основной юбкѣ изъ альпага, тафты или т. п. заложена густыми складками юбка изъ бѣлаго сукна; на лѣвомъ боку она украшена полосами изъ синяго сукна (vieux bleu), которыя высѣчены сквознымъ узоромъ и расшиты бисеромъ. Тюникъ изъ синяго сукна, драпированный впереди, открытъ сбоку и образуетъ сзади легкій пуффъ. Отъ бѣлой юбки виденъ кругомъ только край. Корсажъ совершенно новаго фасона: онъ открытъ на бѣломъ жилетѣ, украшенномъ синими полосами, но верхняя часть срѣзана поперегъ и эти концы задрапированы подъ пату, выкроенную изъ одного куска съ правой полой; вторая пата лежитъ ниже таліи. Воротникъ бѣлый съ наложенной синей полосой. Корсажъ застегивается посерединѣ впереди (т. е. застегивается подкладка), послѣ чего пластронъ и паты застегиваются на лѣвомъ боку. Баска на бокахъ нѣсколько срѣзана, сзади въ ней бѣлая вставка съ синими нашивками. Рукава полуширокіе, заложенные вверху мелкими простроченными складочками, а внизу собранные на обшивку съ тесьмой. Шляпа изъ фетра acajou (темнокоричневый красноватый) съ бархатнымъ подбоемъ и перьями acajou. На этотъ костюмъ требуется: 2½ метра бѣлаго сукна при ширинѣ его въ 1 м. 30 сант.; (сукно нашивается на основную юбку до верха только на томъ боку, который открытъ), 5½ м. синяго сукна, изъ котораго нарѣзываются и полосы; для основной юбки, если она изъ тафты, нужно 4 м. 20 сант.

5. **Нарядное манто-визитъ** изъ котиковаго плюша. Сзади три шва, обрисовывающіе талію; густые сборки на юбкѣ закрыты широкимъ аграмантомъ, спускающимся по сторонамъ съ кистями на концахъ. Рукавъ подогнутый, опушенный котикомъ и покрытый широкою аграмантной накладкой, отъ которой спускается полоса внизъ; третья полоса при началѣ заднихъ полотнищъ. Переднія полы застегнуты подъ котиковою опушкою; такой же воротникъ, обхватывающій горло. На это манто требуется 5 м. 40 сант. плюша.

6. **Бальный туалетъ** для молодой особы. Юбка круглая изъ блѣднорозоваго фая, заложенная на бокахъ тройною складкою, а сзади собранная густо. Тюникъ изъ розоваго крепа, расшитый бѣлымъ шелкомъ и серебромъ; корсажъ фаевый круглый; на правомъ плечѣ фаевая драпри, на лѣвомъ вышитая полоса, окаймленная кружевомъ; сзади эта отдѣлка повторяется наоборотъ. На лѣвомъ плечѣ бантъ изъ темно-розовыхъ лентъ; на груди другой.

7. **Бальный туалетъ** для молодой дамы. Круглая бѣлая шелковая юбка обшита кружевнымъ воланомъ; на ней, съ праваго бока, полотнище бѣлаго фая, вырѣзанное фестонами внизу и затканное мелкими розовыми цвѣтами въ видѣ гирляндъ, между которыми внизу расположены букеты. Вторая юбка изъ блѣднозеленаго цвѣта, гладкая впереди, сзади драпированная и съ небольшимъ трэномъ. Она открыта на боку и придерживается кружевнымъ бантомъ. Корсажъ муаровый, открытый, съ мысомъ и вышитыми вставками, образующими пластронъ. Вверху modestie изъ crêpe lisse. Вмѣсто проймъ гирляндочки мелкихъ розъ. Въ волосахъ розовыя перья съ зеленоватой эгреткой и брилліанты.

8. **Бальный туалетъ** изъ тюля и атласа. Юбка бѣлая атласная, покрытая тремя юбками бѣлаго тюля. Корсажъ съ тюлевою драпри и гирляндою блѣднорозовыхъ розъ. Въ волосахъ тѣ же цвѣты.

9. **Вечерній туалетъ** изъ муара и китайскаго крепа. Юбка изъ желтаго муара; тюникъ изъ желтаго крепа, открытый впереди и драпированный сзади въ видѣ двухъ крупныхъ кокилье. Впереди бантъ изъ длинныхъ петель съ концами. Корсажъ фаевый, покрытый крепомъ; на плечахъ муаровыя накладки; на груди, между полъ, креповая драпри, которая скрывается подъ муаровый пластронъ. Булава изъ креповой драпри.

10. **Нарядный вечерній черный туалетъ.** Черная атласная юбка, покрытая другою изъ чернаго газа, расшитаго на подолѣ чернымъ и золотистымъ бисеромъ. Корсажъ собранный, окаймленный вышитой полосой, равно какъ и короткіе рукавчики, покрывающіе руку лишь сзади. Кушачекъ тоже вышитый.

11. **Бальный туалетъ изъ броше и крепа.** Круглая юбка изъ блѣдноголубаго броше съ муаровыми голубыми полосами и розовыми цвѣтами. Паны изъ голубаго крепа; трэнъ изъ броше, окаймленный старинною блондой по сторонамъ. Крупныя розовыя розы лежатъ гирляндою сбоку. Корсажъ голубой фаевый съ голубою креповою вставкою; по сторонамъ ея вышивка изъ бѣлыхъ бусъ и креповыя драпри. Вмѣсто проймъ букеты розъ съ бантами и бусами. На груди бантъ. Въ волосахъ розы.

12. **Черный кружевной туалетъ.** Юбка изъ чернаго муара, покрытая тюлемъ, усѣяннымъ чернымъ бисеромъ. Такой-же корсажъ съ драпри. Банты изъ муаровыхъ лентъ и букетъ алыхъ розъ на плечѣ.

13. **Вечерній туалетъ** изъ атласа и кружева. Круглая юбка изъ блѣднорозоваго атласа, покрытая бѣлыми кружевными воланами. Вторая юбка, вся драпированная изъ блѣднозеленаго фая съ розовыми цвѣточками. Корсажъ открытый croisé со складками. Банты на плечахъ и сбоку на таліи.

14. **Нарядный туалетъ** изъ атласа и брокара. Юбка изъ атласа геліотропъ темнаго оттѣнка, драпированная на другой, тоже атласной. Длинный трэнъ изъ брокара съ геліотропъ свѣтлымъ фономъ и темными букетами. Трэнъ собранъ густо у самой таліи. Сбоку большой бантъ. Корсажъ атласный съ драпри изъ брокара. Рукавчики тоже изъ двухъ матерій. Этотъ туалетъ съ болѣе закрытымъ корсажемъ вполнѣ пригоденъ для пожилой дамы.

15—17. **Дѣтскіе костюмы** (выкр. 2 и 3 на листѣ). Костюмъ дѣвочки 10 — 12 лѣтъ (выкр. 2). Юбка и корсажъ изъ шерстяной ткани fantaisie. Юбка заложена глубокими складками; такой же пластронъ. Открытая веста изъ плюша или бархата. Воротникъ и поясокъ изъ искуственнаго барашка.

16. **Костюмъ дѣвочки** 7—8 л. (выкр. 3). Блуза матеріи fantaisie; поверхъ ея родъ манто изъ полосатаго велутина съ отдѣлкою изъ искуственнаго барашка (astracan) или т. п.

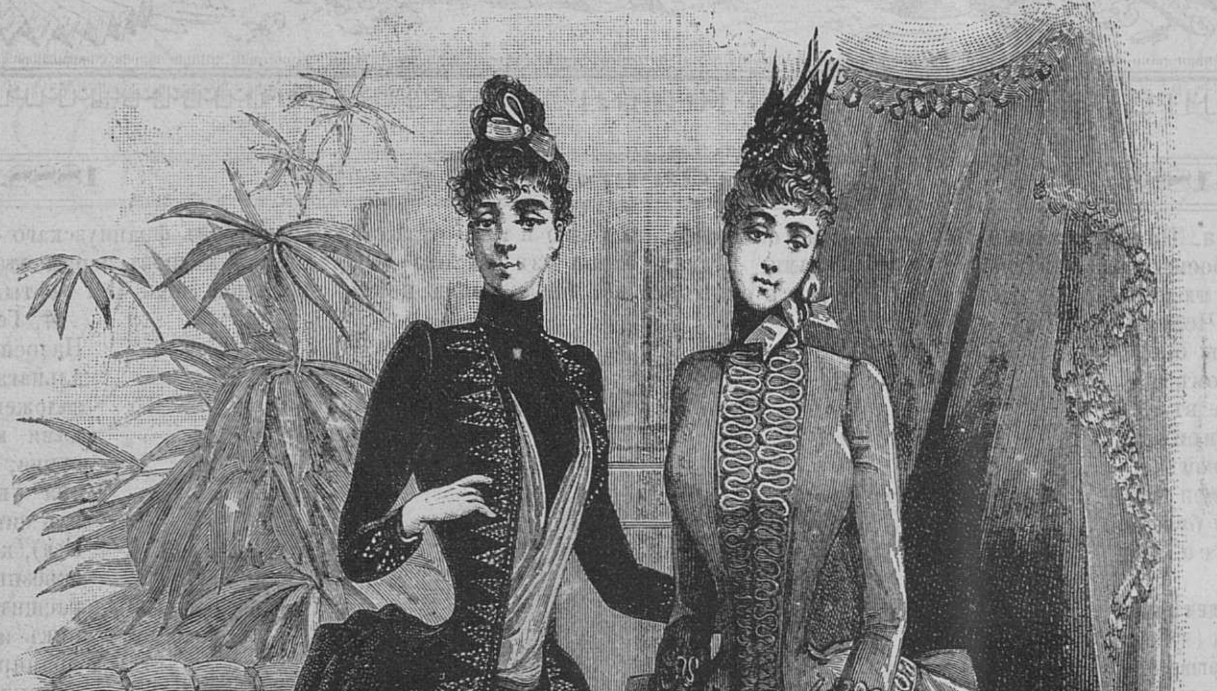
17. **Костюмъ мальчика** 8 — 10 л. Короткія брюки изъ темнаго сукна; бѣлый пикейный жилетъ; вестонъ изъ темнаго велутина съ реверами, вышитыми суташью. Чулки темные, лакированные сапожки.

18. **Чепецъ для пожилой дамы.** Для этого чепца взята кружевная или блондовая барбъ, сложенная пополамъ и собранная въ серединѣ; концы висятъ свободно и обшиты бусами; бѣлые или темные цвѣты довершаютъ отдѣлку.

19. **Дѣтскій теплый капотикъ** изъ бѣлаго букле на ватированной шелковой подкладкѣ; спинка и грудь гладкіе, юбочка пришита складками. Пелерина, воротъ и рукава обшиты кружевомъ.

20. **Модный корсажъ** изъ цвѣтного сукна съ накладною вышивкою изъ сукна темнѣе съ примѣсью шелка и бисера. Кокетка и поля выкроены изъ одного куска съ передней полою. Между ними пластронъ изъ сюра, заложеннаго складками. Рукава въ томъ же жанрѣ. Сзади въ баскѣ тоже вставка изъ складочекъ съ перекладиною изъ вышивки.

21. **Модный мантеле** изъ полосатаго плюша (выкр. 1 на листѣ). Такой мантеле замѣ-



2. Пріемный туалетъ. 3. Визитный туалетъ.

пяетъ сорти-де-баль. Онъ обшитъ мѣхомъ и роскошнымъ аграмантомъ.

22. **Блуза для мальчика** 1—3 л. Блуза сдѣлана изъ легкой шерстяной матеріи; передъ и спинка собраны; воротъ застегивается на боку. Отдѣлка изъ суташной вышивки.

23. **Корсажъ къ туалету** рис.3. Корсажъ фаевый; реверъ на правой сторонѣ груди, воротникъ и вставки на рукавахъ бархатные; лѣвый реверъ фаевый, покрытый вышивкой изъ шнура. Такой же пластронъ.

24—25. **Маскарадные костюмы для мальчика и дѣвочки.** Мефистофель. Короткія брюки и камзолъ изъ чернаго сукна съ креве изъ атласа огненнаго цвѣта. Плащъ красный суконный, красные чулки, черные башмаки. На головѣ плоская черная бархатная шапочка съ двумя стоячими красными перьями. Коломбина. Юбочка изъ мелко-полосатой шелковой матеріи бѣлой съ оранжевымъ; тюникъ и корсажъ изъ матеріи съ болѣе крупными полосами, черными и голубыми. На шеѣ колье изъ собранной оранжевой ленты; такой же рюшъ на рукавахъ. Шапочка изъ полосатой матеріи; черная полумаска. Чулки голубые, башмаки черные съ оранжевыми бантами.

26 и 27. **Маскарадные костюмы для молодыхъ особъ.** Маргаритка. Платье бѣлое, газовое, на бѣломъ шелковомъ чехлѣ; на подолѣ большія бѣлыя маргаритки съ золотистыми сердечками. Корсажъ собранный съ бѣлымъ атласнымъ поясомъ. На плечахъ большія маргаритки, отъ которыхъ идутъ бретели изъ зеленыхъ бархатныхъ лентъ. Колье изъ маргаритокъ, вѣеръ въ видѣ большой маргаритки; такая же куафюра. Ландышъ. Бѣлая креповая юбка на бѣломъ шелковомъ чехлѣ; надъ рубцомъ три атласныя ленты. Длинные зеленые атласные листья расположены тюникомъ, между ними цвѣты ландыша. Корсажъ зеленый, обшитый внизу и вверху бахрамою изъ цвѣтовъ ландыша; на плечахъ и на головѣ по большому ландышу, въ рукѣ большая вѣтвь тѣхъ же цвѣтовъ.

◆

Модная хроника.

Золотыя, серебряныя и стальныя украшенія въ видѣ аграмантовъ, кружева, вышивокъ и пр. болѣе и болѣе въ модѣ. Не одни бальные костюмы отдѣлываются въ этомъ родѣ; для примѣра возьмемъ слѣдующее платье, изготовленное однимъ изъ лучшихъ нашихъ магазиновъ для молодой особы: круглая юбка изъ сѣраго бенгалина безъ всякой отдѣлки; тюникъ подобранный сбоку бантомъ flot изъ сѣрой не широкой ленты. Высокій корсажъ, слегка собранный на плечахъ, открытъ впереди на пластронѣ изъ серебрянаго кружева, подложеннаго сѣрымъ атласомъ. Вокругъ таліи, лежа на юбкѣ, тотъ же серебряный гипюръ; такой же воротникъ; манжеты двойныя, бенгалиновыя и гипюровыя.

Большая новость — переда для юбокъ съ болгарскою вышивкою по бѣлому сукну. Болгарская вышивка исполняется шелкомъ, пестрыми, но нѣжными цвѣтами; узоръ очень густъ и роскошенъ внизу, а къ верху поднимается тонкими, изящными линіями. Въ одномъ стилѣ съ этою вышивкою заготовлены пуговицы, металлическія, филигранной работы. Ихъ нашиваютъ на рукава и тоже въ видѣ пояса, что очень эффектно.

Турнюры весьма уменьшились; вообще юбки не такъ пышны; въ верху вставляютъ еще двѣ или три стальныя полосы, но подолъ поддерживается только воланами нижней юбки.

Фасонъ редингот въ большой модѣ для платьевъ, причемъ полы висятъ свободно; если матерія толстая, то ихъ вовсе не прикрѣпляютъ; если она болѣе жидка, вслѣдствіе чего полы могутъ «разлетаться» при ходьбѣ, ихъ надо прикрѣплять, но никакъ не въ самомъ низу. Изъ матерій для обыкновенныхъ выходныхъ и домашнихъ костюмовъ носятъ болѣе всего сукно; это лучшая ткань для настоящаго времени и ей придаютъ самыя новыя, восхитительныя окраски.

Никогда еще не употребляли столько лентъ, какъ въ настоящемъ году. Бальные костюмы молодыхъ особъ часто совершенно покрыты бантиками изъ лентъ, какъ порхающими мотыльками. На красивые мушчатые, бѣлые или цвѣтные тюли нашиваются тоже полосы изъ лентъ атласныхъ или муаровыхъ. Тюль разныхъ видовъ въ большомъ употребленіи; онъ идетъ тоже на воланы нижнихъ юбокъ, гдѣ его перемѣшиваютъ съ кружевомъ или фаемъ, и пр.

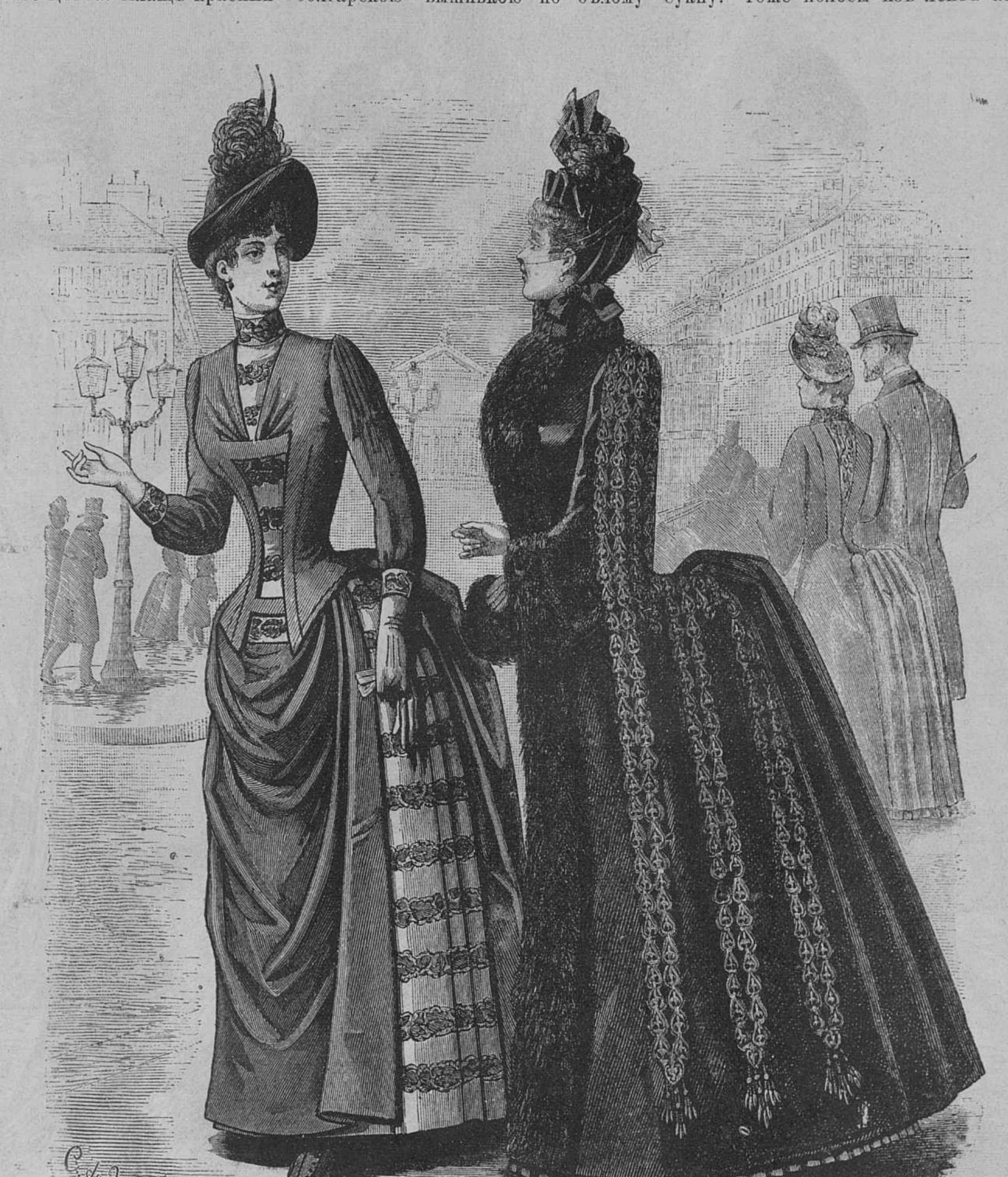
Очень изящны тюлевые собранные пластроны съ примѣсью золотого или серебрянаго кружева, лежащаго въ видѣ реверовъ на корсажѣ. У горла такое же кружево; на рукавахъ манжеты изъ тюля и кружева. Чрезвычайно красивы тоже уборки корсажей изъ простой креповой фестонированной полосы, бѣлой, черной или цвѣтной, заложенной мелкимъ плиссе и съ головкою изъ ленты подъ цвѣтъ. Такое плиссеукрашаетъ воротъ и рукава. Простой туалетъ очень выигрываетъ отъ подобной отдѣлки.

Воланы нижнихъ шелковыхъ юбокъ дѣлаются съ высѣчкою или же обшиваются лентой. Подолъ самого платья тоже украшается съ изнанки подобными воланчиками, плиссе и т. п., что замѣнило прежнія balayeuses.

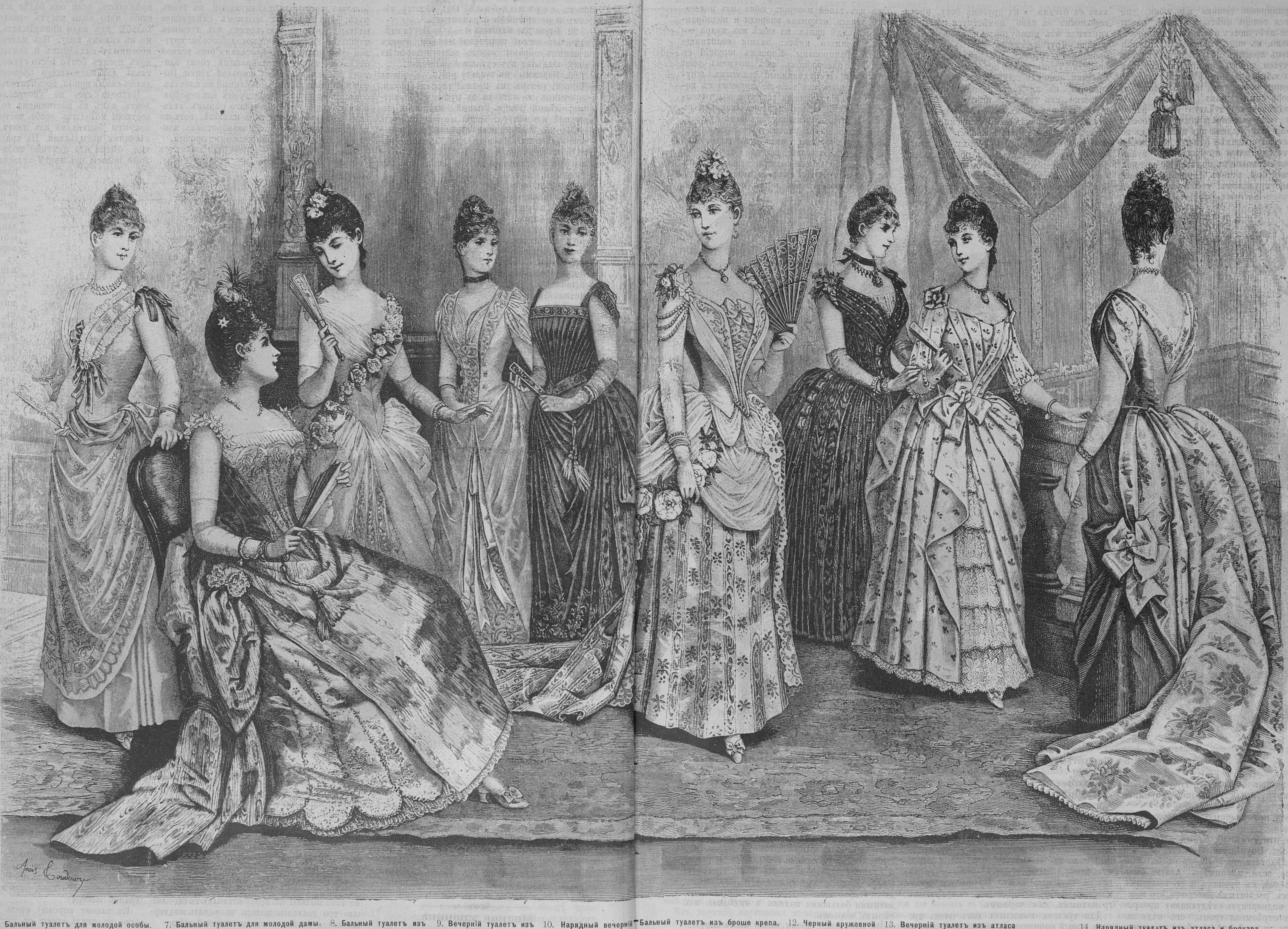
Въ числѣ самыхъ граціозныхъ выдумокъ, надо отмѣтить новыя фишю, которыя дополняютъ открытые корсажи. Это не отдѣльное фишю, накинутое на плечи, но собственно полы корсажа, или, лучше сказать, идущая съ плечъ драпри, которая перекрещивается на груди; концы ея вшиты въ ленты, которыя переходятъ назадъ и завязываются бантомъ. Спинка круглая, безъ мыса, съ легкой драпри наверху.

Къ такому корсажу очень идетъ юбка — фуро въ стилѣ empire съ густою гирляндою или кружевнымъ рюшемъ съ бантами на самомъ подолѣ.

Вмѣсто обычныхъ букетовъ, придерживаю-



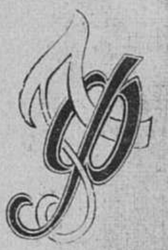
4. Городской туалетъ. 5. Нарядное манто-визитъ.

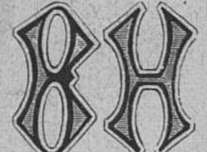


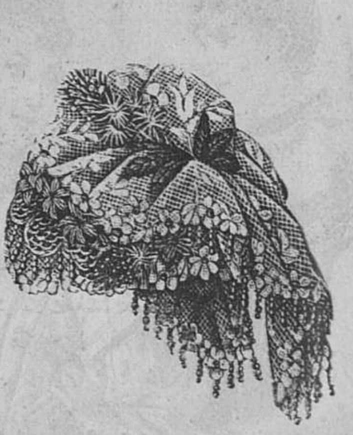
6. Бальный туалетъ для молодой особы. 7. Бальный туалетъ для молодой дамы. 8. Бальный туалетъ изъ тюля и атласа 9. Вечерній туалетъ изъ муара и китайскаго крепа. 10. Нарядный вечерній черный туалетъ. Бальный туалетъ изъ броше крепа. 12. Черный кружевной туалетъ. 13. Вечерній туалетъ изъ атласа и кружева. 14. Нарядный туалэтъ изъ атласа и брокара.

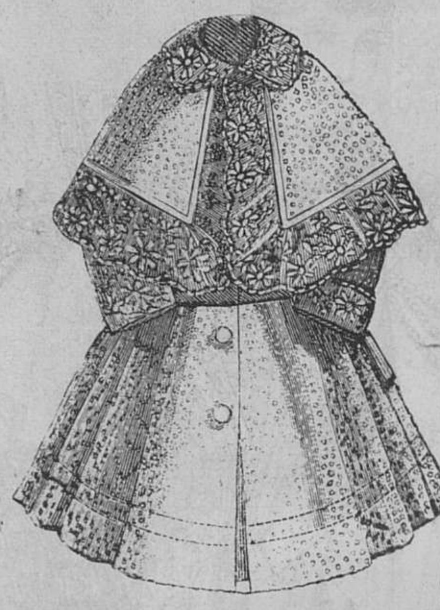
щихъ драпировки тюника или юбки, употребляются теперь цвѣты въ видѣ разсыпающихся цвѣтущихъ вѣтвей или, что очень оригинально, въ видѣ вѣнковъ и полувѣнковъ. Очень красивъ полувѣнокъ, въ который прячутся концы драпри на корсажѣ. Сбоку на юбкѣ большой вѣнокъ, въ который продернутъ газовый шарфъ, образующій своеобразный тюникъ.

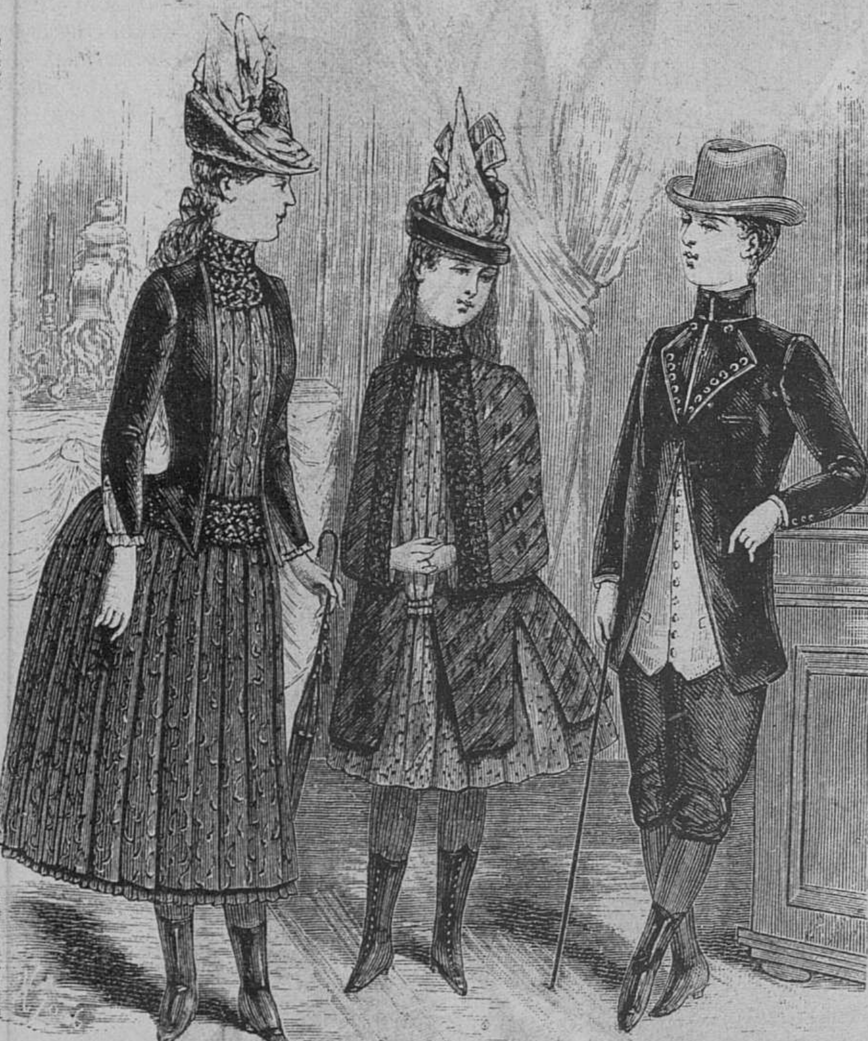
Для подвѣнечнаго туалета цвѣты располагаются тоже вышесказаннымъ способомъ. Полувѣнокъ или діадема изъ цвѣтовъ въ волосахъ всегда красивѣе одного маленькаго цвѣтка, теряющагося въ складкахъ вуаля. Для платья остаются въ модѣ тѣ же матеріи: французскій фай, атласъ, брокаръ, все это отдѣланное кружевомъ, тюлемъ или газомъ, смотря по желаемой пышности туалета. Юбка дѣлается круглая или съ трэномъ; принято то и другое.

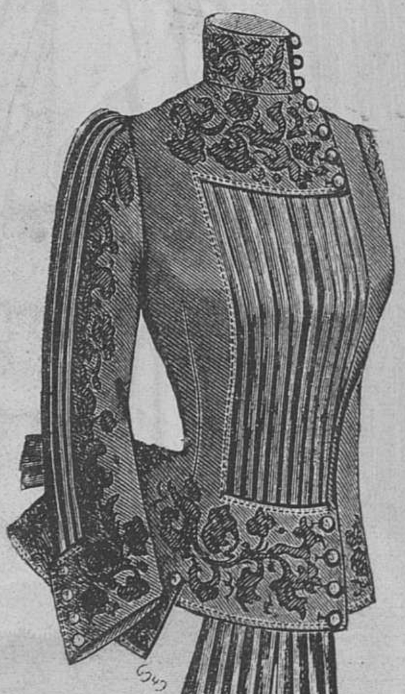

П. Ф.

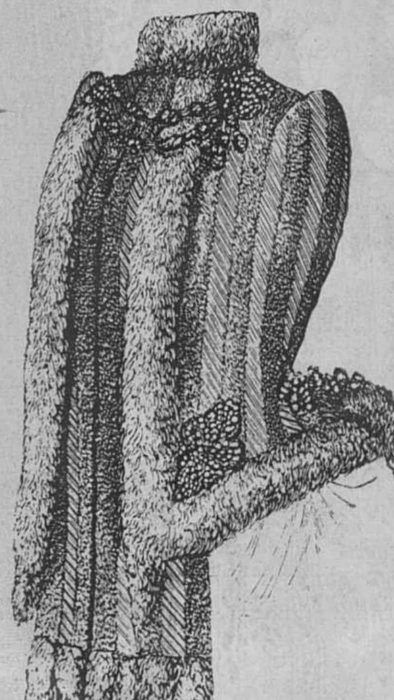

В. Н.


18. **Чепецъ для пожилой дамы.**


20. **Дѣтскій теплый капотикъ.**


15—17. **Дѣтскіе костюмы** (выкр. 2 и 3 на листѣ).


19. **Модный корсажъ.**

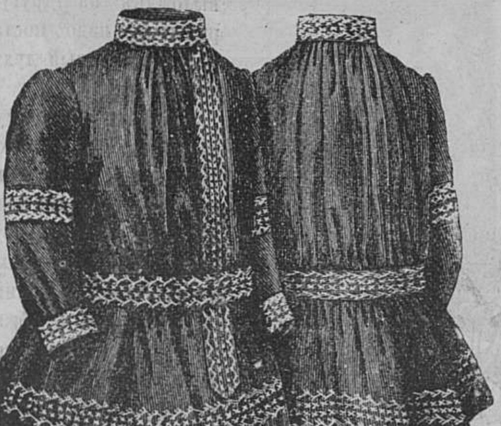

21. **Модный мантеле** (выкр. 1 на л.).

По поводу подвѣнечныхъ туалетовъ, сдѣлаемъ маленькую замѣтку, которая послужитъ тоже отвѣтомъ на одинъ сдѣланный намъ запросъ. Подвѣнечный туалетъ можетъ быть, впослѣдствіи, превращенъ въ бальный очень легко; если, напримѣръ, платье было бѣлое атласное, съ трэномъ и съ тюлевымъ передникомъ, расшитымъ бисеромъ, его можно будетъ подвергнуть слѣдующему превращенію: не отрѣзывая трэнъ, его надо задрапировать въ видѣ пуффа; сбоку наложить бархатное пано бирюзоваго цвѣта, покрытое бахрамами изъ бѣлыхъ бусъ. Корсажъ дополнится бертою тоже изъ бирюзоваго бархата съ бусами, а на другомъ боку, противоположно съ пано, помѣстится розсыпная гирлянда изъ незабудокъ, падающая ниже колѣна. Другой туалетъ: платье изъ бѣлаго брокара съ трэномъ и кружевною юбкою впереди. Трэнъ можно оставить и украсить, мѣстами, раскидистыми вѣтками душистаго горошка; на кружевѣ впереди положится рѣшетка изъ тѣхъ же цвѣтовъ; на груди кружевной пластронъ въ томъ же родѣ. Еще туалетъ: платье изъ бѣлаго кашемира съ атласной отдѣлкой. На боковомъ атласномъ пано нашиты оранжевыя бархатныя ленты, что превращаетъ атласъ въ роскошную полосатую матерію. На другомъ боку бантъ duchesse изъ тѣхъ же лентъ (№ 12). Этотъ бантъ устраивается такъ: двѣ ленты прикрѣпляются къ поясу подъ корсажемъ; спускаясь до половины юбки, онѣ завязываются бантомъ съ очень длинными висячими петлями и концами; бантъ пришивается къ юбкѣ. Корсажъ собранный у горла съ кружевною фрезою pierrot; бретели изъ оранжевой ленты съ бантами на плечахъ; бархатный поясокъ съ мысомъ, огибающій короткую баску. Этотъ туалетъ очень милъ для вечера, концерта и пр. Оранжевый цвѣтъ можно замѣнить изумруднымъ, сапфировымъ, гранатнымъ, даже чернымъ.

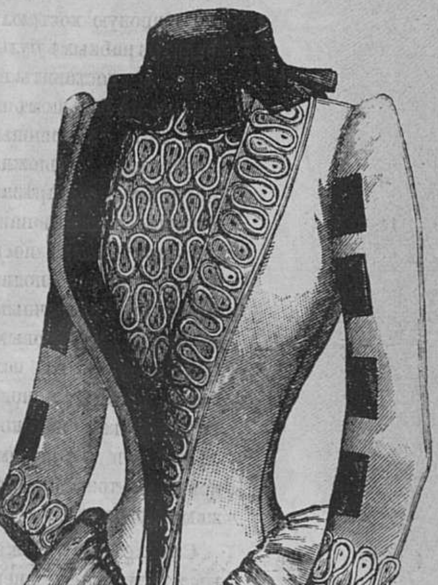
Для туалета пожилыхъ дамъ очень красивъ новый коричневый цвѣтъ cuir de Cordoue (каштановый черноватый); особенно эффектны атласы этого цвѣта съ золотистыми жилками. Мы видѣли слѣдующій нарядный туалетъ изъ такой матеріи: юбка изъ полосатаго атласа, открытая впереди и подобранная въ видѣ панье на юбкѣ изъ муара того-же темнаго цвѣта; заднія полотнища слегка драпированы. Корсажъ высокій съ фишю — пластрономъ изъ кружева point d'Angleterre и отдѣланный золотымъ шнуромъ. Чепецъ изъ того-же кружева съ коричневыми бархатными pensées и золотистыми листьями. Среди цвѣтовъ шпильки съ бриллiантовыми головками въ видѣ мушекъ.

Визитныя шляпы-капотъ очень оригинальны и разнообразны, какъ это видно изъ слѣдующихъ моделей: шляпа Directoire (съ высокими, большими полями); сдѣланная изъ бархата или фетра съ расшитою золотомъ тульею и рюшемъ изъ лентъ подъ полями. Шляпа Gabrielle изъ шведской кожи съ прорѣзною золотою вышивкою на зеленомъ бархатѣ (vieux vert), съ отдѣлкою изъ зеленыхъ и золотистыхъ перьевъ и зелеными бридами. Шляпа Dubarry тоже изъ бархата vieux vert съ муаровыми бантами подъ цвѣтъ и райскою птичкою. Шляпа-токъ Polonaise изъ котика съ золотистыми фазаньими перьями и красиво подобранною къ нимъ эгреткой. Очень изящны круглыя шляпы для молодыхъ особъ, сѣрыя фетровыя съ черными бархатными большими полями и отдѣлкою изъ сѣрыхъ перьевъ.

Въ настоящее время много костюмируются. Мы даемъ нѣсколько модэлей такихъ travestis; костюмы въ видѣ «цвѣтка» очень красивы для молодыхъ особъ. Иногда, нѣсколько молодыхъ дѣвицъ или дамъ соглашаются заранѣе на счетъ своего туалета и составляютъ цѣлый кадриль-цвѣтникъ, дѣлая тѣмъ очень милый сюрпризъ хозяйкѣ и ея гостямъ. Эти костюмы представляютъ еще ту хорошую сторону, что они, сравнительно, очень дешевы, что немыслимо при костюмахъ историческихъ, требующихъ полнаго согласованія съ одеждою извѣстной эпохи или даже избраннаго историческаго лица. Изъ цвѣточныхъ travestis рекомендуемъ тюльпанъ съ лиловыми и желтыми разрисованными лепестками, образующими вторую юбку на первой, бѣлой тюлевой или газовой; розу, съ юбкою изъ розоваго тюля и розовыми шелковыми панье, приподнятыми вѣтками розовыхъ бутоновъ. Корсажъ образуетъ распускающуюся розу; вмѣсто проймъ зеленые листья. Для незабудки красивъ тюникъ изъ этихъ голубыхъ цвѣточковъ, разсыпанныхъ по бѣлой кисеѣ или газу и пр. Для всѣхъ подобныхъ костюмовъ могутъ служить еще свѣжія бѣлыя или другія свѣтлыя бальныя платья изъ легкихъ матерій. Желтый цвѣтъ теперь въ модѣ, поэтому рекомендуемъ брюнеткамъ костюмъ настурція: юбка изъ желтаго тюля, вся въ продольныхъ бульоне, которые отдѣляются одно отъ другого зеленью настурцій; внизу, каждая такая гирлянда заканчивается букетомъ цвѣтовъ. Корсажъ изъ желтаго тюля, обвитый зеленью; на лѣвомъ плечѣ букетъ настурцій; на правомъ блестящая бабочка.



22. **Блуза для мальчика. 1—3 лѣтъ.**



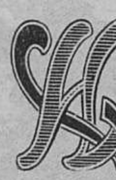
23. **Корсажъ къ туалету** (рис. 3).

Изъ другихъ костюмовъ красивы слѣдующіе:

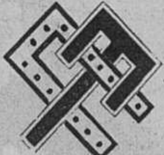
Гречанка. Юбка изъ желтаго атласа, вся покрытая газомъ crême, съ золотыми мушками и вышитыми на немъ, рубиновымъ шелкомъ, звѣздочками. Шарфъ шелковый съ пестрыми полосами, розовыми, красными и золотистыми по фону crême. Корсажъ газовый на атласѣ. Куртка изъ рубиноваго бархата, обшитая золотымъ галуномъ и цехинами. Ожерелье изъ такихъ-же монетъ. Шапочка бархатная, тоже унизанная цехинами. Чулки розовые, туфли бархатныя, шитыя золотомъ.

Молочница (костюмъ для дѣвочки). Юбочка шерстяная полосатая, бѣлая съ краснымъ. Тюникъ тоже шерстяной, гладкій бѣлый. Корсетикъ красный бархатный, зашнурованный впереди. Шемизетка кисейная или изъ бѣлаго сюра. Чулки бѣлые; башмачки-сабо черные. Въ рукахъ кувшинъ.

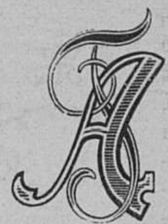
Субретка. Шелковая юбка двуличневая, сѣрая съ розовымъ. Кисейный бѣлый передникъ съ однимъ вышитымъ угломъ. Корсажъ изъ темносѣраго бархата, обшитый розовою тесьмой; вокругъ вырѣза бѣлое креповое бульоне. Чепчикъ изъ розоваго газа съ большимъ пестрымъ газовымъ мотылькомъ вмѣсто банта.



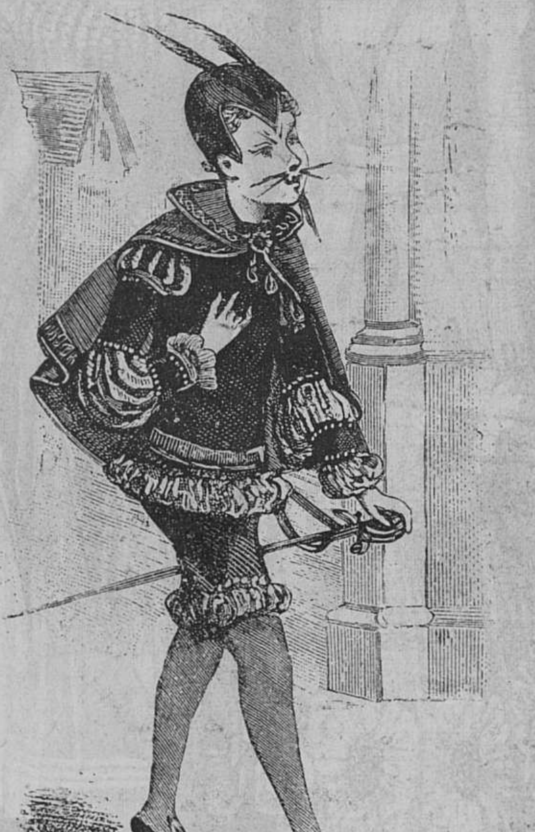
С. Ю.



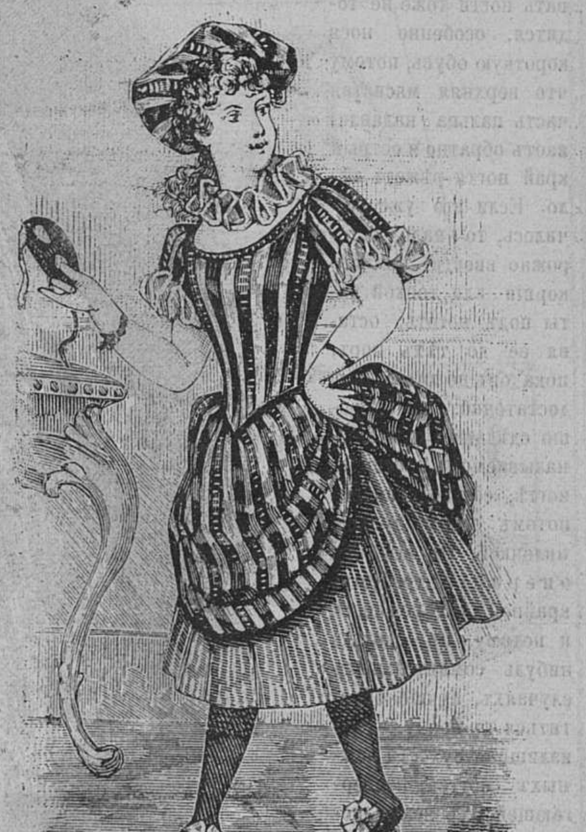
П. Т.



А. Г.



24. **Мефистофель—маскарадный костюмъ для мальчика.**



25. **Коломбина—маскарадный костюмъ для дѣвочки.**

* * *

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Тверь. *Н. Н.* Почти всѣ платья дѣлаются теперь съ корсажемъ отдѣльнымъ отъ юбки; это гораздо удобнѣе при одѣваніи —Мы даемъ маскарадные костюмы въ настоящемъ нумерѣ.—Маленькіе ридикюли для бинокля въ большой модѣ. Ихъ дѣлаютъ, большею частью, изъ плюша съ атласнымъ подбоемъ, украшая лентами и кружевомъ.

Трубчевскъ. *Р. С.* Просмотрите послѣдніе нумера нашихъ «Модъ» за прошлый годъ, вы найдете, нѣсколько подобныхъ моделей.—Отвѣтъ на второй вопросъ въ «Полезныхъ совѣтахъ».—Вышивка суташью и бисеромъ въ той же модѣ.

Торжокъ. *В. Т.* Бѣлыхъ balayeuses уже давно не носятъ; онѣ должны быть шелковыя, подъ цвѣтъ платья.—Для вечера необходимо свѣтлыя перчатки.—Для отдѣлки вашего шерстяного платья лучше взять плюшъ или бархатъ, чѣмъ шелковую матерію.—О весеннихъ модахъ еще рано загадывать.

Нижній-Новгородъ. *Давней подписчицѣ.* Вы можете быть въ бѣломъ платьѣ, но съ цвѣтнымъ украшеніемъ, то есть, цвѣтами или лентами; вообще, присутствуя на свадьбѣ, надо предоставлять одной невѣстѣ совершенно бѣлый туалетъ.—Для туалета при отдачѣ визита новобрачнымъ, посовѣтуйтесь съ нашими гравюрами; большая или меньшая пышность въ этомъ случаѣ зависитъ отъ положенія молодыхъ, при чемъ тактъ долженъ подсказать настоящую мѣру: излишняя роскошь можетъ быть неумѣстной, но излишняя простота можетъ перейти въ оскорбительную...

Варшава. *Н. В.* Букеты на плечѣ еще въ модѣ, но ихъ прикалываютъ теперь и на груди, у вырѣза корсажа; это новѣе.—Съ блѣдно розовымъ платьемъ перчатки шведской кожи натуральнаго цвѣта.—Черный бисеръ хорошъ только на черной матеріи.—Цвѣтъ, извѣстный подъ названіемъ геліотропъ, бываетъ разныхъ оттѣнковъ; онъ очень красивъ и не теряетъ при вечернемъ освѣщеніи.

* * *

ПОЛЕЗНЫЕ СОВѢТЫ.

Ускореніе всхода сѣмянъ. Положите сѣмяна въ холщевый мѣшечекъ, смочите его въ чистой водѣ и выставте его на солнце; зерна проростутъ очень скоро. — Нѣкоторые садовники примѣшиваютъ къ сѣмянамъ подгнившихъ древесныхъ опилокъ, прежде нежели смачивать ихъ водой (Science pour tous).

Средство учиться на фортепіано, не безпокоя сосѣдей. Полосу шерстяной ткани, шириною въ 5 сантиметровъ и длиною по размѣрамъ инструмента, надо укрѣпить на деревянный прутикъ той же длины и ввести тогда ткань во внутренность фортепіано, между струнами и молоточками. Посредствомъ такого приспособленія, звукъ инструмента заглушается почти совершенно. Благодѣтельное приспособленіе изобрѣтено г. Меннесовъ, инструментальнымъ фабрикантомъ въ Реймсѣ, который завѣряетъ, что его «заглушитель» можетъ прилаживаться къ роялямъ и піанино всѣхъ системъ. (Nature).

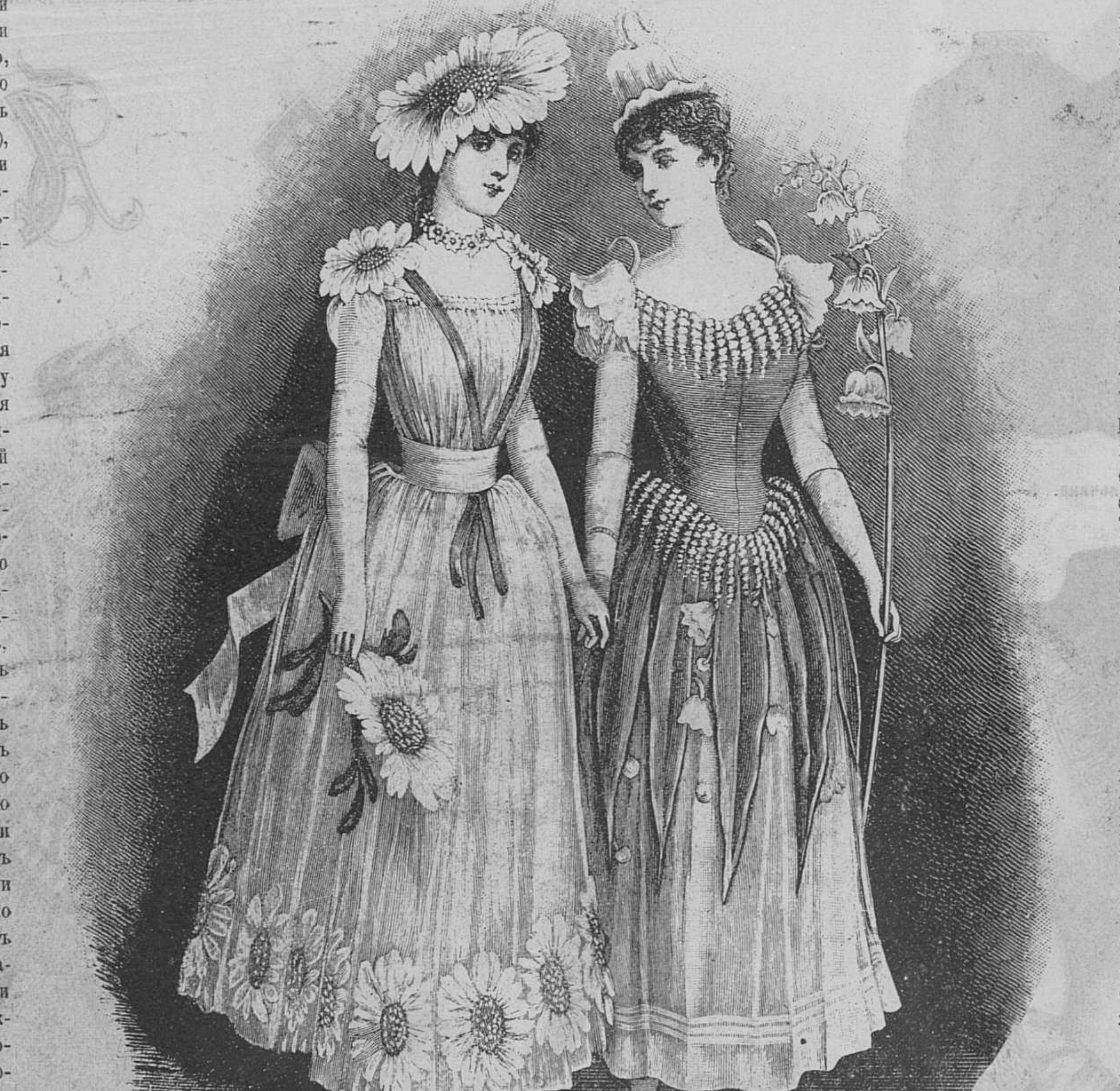
Вростаніе ногтей на ногахъ заставляетъ мучиться не одну хорошенькую женщину. Причиной бѣды служитъ часто слишкомъ узкая или короткая обувь, но иногда и неумѣлое срѣзываніе ногтей. Необходимо округлять ногти по концамъ, иначе они вдавливаются въ тѣло, бередятъ его (особенно часто случается это съ большимъ пальцемъ), вызываютъ опухоль и нарывы, что заставляетъ потомъ обращаться даже къ хирургической помощи. Слишкомъ коротко срѣзывать ногти тоже не годится, особенно нося короткую обувь, потому что верхняя мясистая часть пальца надавливаетъ обратно и острый край ногтя рѣжетъ тѣло. Если это уже случилось, то надо осторожно ввести немного корпіи или тонкой ваты подъ ноготь, оставя ее до тѣхъ поръ, пока онъ не подростетъ достаточно. Это хорошо сдѣлать и при такъ называемомъ, вросшемъ ногтѣ, соскабливая его потомъ сверху тонкою пилочкой. Но всѣ эти операціи требуютъ крайней осторожности и потому, въ сколько нибудь сомнительныхъ случаяхъ, лучше обратиться къ врачу.—При излишней сухости ножныхъ ногтей, подвергающей ихъ ломкѣ, полезно смазывать ихъ вазелиномъ или т. п.

КУХОННЫЕ РЕЦЕПТЫ.

Блины изъ гречневой муки. На 2 фун. гречневой муки налить 2 стакана кипятку; когда остынетъ, положить на 2 к. дрожжей, размѣшанныхъ въ водѣ, взбить все хорошенько веселкою и дать стоять въ тепломъ мѣстѣ. За $1^1/_2$ час. до обѣда разбавить тѣсто 2 ст. молока, посолить, вмѣшать 2—3 желтка, потомъ прибавить 2—3 взбитыхъ бѣлка, осторожно размѣшать; когда поднимется наливать на горячія сковородки.

Вообще, при печеньи блиновъ, надо хорошо раскалять сковородки, причемъ надо посыпать ихъ сначала солью, разогрѣть, протереть полотенцемъ и опять поставить на плиту; давъ раскалиться, смазать масломъ посредствомъ перышка и тогда уже наливать тѣсто.

Блины изъ гречневой и пшеничной муки. На 3 ст. воды положить на 3 к. дрожжей и всыпать гречневой муки, такъ чтобы сдѣлалось густое тѣсто; накрыть и дать стоять. Если блины назначаются къ обѣду, то достаточно поставить тѣсто утромъ, часовъ въ 8—9. Когда поднимется, надо влить 2 ст. горячаго молока, промѣшать хорошенько, посолить, всыпать пшеничной муки, такъ чтобы не слишкомъ загустѣло; если же покажется густо, то развести еще молокомъ. Когда остынетъ, положить 3 желтка, а передъ самымъ печеньемъ прибавить взбитые 3 бѣлка, но вмѣшивая ихъ очень осторожно; дать еще подняться и тогда печь блины.



26 и 27. **Маскарадные костюмы для молодыхъ особъ.**

Блины скороспѣлки. Всыпать $1^1/_2$ фун. пшеничной муки въ кострюлю, влить туда 6 желтковъ и $^1/_2$ фун. растопленаго чухонскаго масла, посолить, размѣшать хорошенько, влить еще $1^1/_2$ стакана кислаго молока, размѣшать, еще прибавя муки, если слишкомъ жидко. Передъ тѣмъ какъ печь, взбить 6 бѣлковъ въ пѣну, осторожно перемѣшать съ тѣстомъ, дать постоять минутъ десять и тогда уже наливать на раскаленыя сковородки.

Модные пирожки. Остатки телятины, дичи и проч. надо срубить мелко и припустить въ кострюлѣ, прибавя немного изрубленнаго лука, соли, перца и 1 или 2 ложки сметаны; между тѣмъ сдѣлать *рубленаго* тѣста, раскатать, его какъ можно тоньше, нарѣзать кружечками, положить на каждый готоваго фарша, завернуть тѣсто и защипнуть наверху, чтобы вышло мѣшечкомъ, и опустить въ растопленый жиръ; дать вскипѣть и подавать на блюдѣ, уложенномъ зеленью петрушки.

Каштаны въ сахарѣ. Очистивъ лучшихъ каштановъ, надо положить ихъ въ горячую, слегка посоленую воду, дать прокипѣть хорошенько, вынуть и очистить старательно, наблюдая чтобы сохранить цѣльными; между тѣмъ надо приготовить густой сахарный сиропъ, прибавя въ него померанцевой или другой душистой воды. Сиропъ должно выкипятить до крайней степени, такъ, чтобы онъ, застывая на ложкѣ, уже хрустѣлъ подъ зубами, тогда опустить въ него каштаны, дать вскипѣть одинъ разъ, потомъ вынуть ихъ осторожно на проволочную рѣшетку, положенную въ каменный тазикъ; оставшійся сиропъ вылить на каштаны и оставить ихъ въ тазикѣ на нѣсколько часовъ, послѣ чего, выложивъ на другую рѣшетку, надо поставить въ вольный духъ, чтобы обсохли.

Начиненая витушка. Замѣсивъ крутое тѣсто, какъ для лапши, раскатать его; между тѣмъ отварить четверть фунта, бѣлыхъ сухихъ грибовъ, исшинковать мелко и обжарить ихъ, прибавя соли, перца и мелко натолченаго лука. Потомъ размазать этотъ фаршъ по лепешкѣ, скатать ее осторожно въ видѣ колбасы, согнуть кольцомъ и положить въ низкую, но широкую кострюлю, залить грибнымъ бульономъ и поставить вариться на большомъ огнѣ. Давъ хорошенько прокипѣть, выложить на блюдо, нарѣзать острымъ ножемъ наискось ломтиками, посыпать сухарями полить горячимъ сливочнымъ масломъ (орѣховымъ или горчичнымъ, если блюдо постное) и подавать. Такая витушка дѣлается и съ мяснымъ фаршемъ, тоже съ свѣжими грибами.

Суфле изъ ржаныхъ сухарей. 1 вершокъ ванили растолочь съ 1 чашкой сахара и просѣять; стереть добѣла съ 6 желтками; натолочь и просѣять $1^1/_2$ стакана ржаныхъ сухарей, насушенныхъ изъ хорошаго просѣяннаго хлѣба; всыпать ихъ въ желтки столько, чтобъ было густо, какъ манная каша, остальными сухарями обсыпать форму, намазанную масломъ, смѣшать массу съ 6 взбитыми въ густую пѣну бѣлками, выложить въ форму, запечь въ печи. Смотрѣть чтобъ не подгорѣло. Подавать со сливками. Въ это суфле можно прибавить 2 полныхъ ложки густой свѣжей сметаны.

Требуется: 1 вершокъ ванили. 2 чашка сахара, 6 яицъ, $1^1/_2$ стакана ржаныхъ сухарей, ложечка масла, 2 ложки сметаны.

Желе изъ лимона. Выжать 2 лимона, развести водою до 5 стакановъ, положить цедру, $1^1/_2$ стакана сахара, 7—8 листиковъ желатина.

За редактора—издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб. 20 января 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 7
14 ФЕВРАЛЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Промышленность, технологія и торговля.

. На утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ имѣетъ поступить проэктъ устройства во всѣхъ губернскихъ городахъ новаго коммиссіонерско-торговаго предпріятія на артельныхъ началахъ. Цѣль этого предпріятія, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ сбытѣ продуктовъ производительности русскихъ мануфактуристовъ, сильно страдающей отъ неплатежа провинціальныхъ купцовъ. Новому предпріятію будутъ отпускаться на коммиссію всѣ товары отечественной производительности, по самой низкой цѣнѣ, со скидкою отъ 30 до 40 процентовъ. Центромъ предпріятія предполагается Петербургъ, гдѣ будетъ находиться правленіе, руководящее всѣми дѣлами общества; Москва-же будетъ центромъ пріема товаровъ для отправки во всѣ губернскіе города Россіи.

— Министерствомъ путей сообщенія будетъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, приступлено къ производству зимнихъ промѣровъ фарватера рѣки Выга въ Сарацкомъ заливѣ, съ цѣлью предварительныхъ работъ по окончательному изысканію пути для новаго Онежско-Бѣломорскаго канала.—На разсмотрѣніе министерства государственныхъ имуществъ поступило ходатайство кіевскаго общества сельскаго хозяйства о разрѣшеніи устройства въ Кіевѣ, въ сентябрѣ нынѣшняго года, всероссійской сельско-хозяйственной выставки предметовъ, касающихся хмѣлеводства и пивоваренія, садоводства, огородничества, табаководства, шелководства, пчеловодства и молочнаго хозяйства. При этомъ одновременно съ открытіемъ выставки, предположено созвать съѣздъ хмѣлеводовъ и пивоваровъ.—Въ Германіи уже давно существуетъ обязательное страхованіе рабочихъ противъ несчастныхъ случаевъ и болѣзни. Теперь принята рейхстагомъ еще болѣе важная мѣра—страхованіе рабочихъ и тружениковъ отъ старости и неспособности къ труду. Новая мѣра обнимаетъ всѣ случаи неспособности къ работѣ, которыхъ не касается предшествовавшій законъ. Она распространяется на всѣхъ лицъ обоего пола, называющихся рабочими, поденьщиками, мастеровыми, слугами въ мастерскихъ, мануфактурахъ или живущихъ семьями; на всѣхъ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ, если жалованье ихъ не превышаетъ 2 тыс. марокъ; на служащихъ на коммерческихъ судахъ. Исключаются чиновники и состоящіе на общественной службѣ, имѣющіе право на пенсію свыше 120 марокъ. Изъ жалованья удерживается извѣстный процентъ для составленія фонда, изъ котораго пенсіи выдаются по-мѣсячно и впередъ рабочимъ, достигшимъ 70-ти-лѣтняго возраста или лишившимся способности къ труду. 30 лѣтъ вычетовъ изъ жалованья въ первомъ случаѣ и 5 лѣтъ во второмъ даютъ право на пенсію. Годъ считается въ 300 рабочихъ дней. Страховая премія уплачивается: треть государствомъ, треть рабочимъ и треть хозяиномъ или патрономъ. Премія женщинъ равна $^2/_3$ мужской преміи.. Пенсія ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать 250 марокъ.—Съ цѣлію поднятія и улучшенія нашего сельскаго хозяйства многими высказывалось мнѣніе, уменьшившійся вывозъ за границу русскаго хлѣба—замѣнить вывозомъ мяса; правильность этого взгляда подтверждается слѣдующимъ расчетомъ: мясопромышленники имперіи и Привислянскаго края могли бы заработать 350 милліоновъ рублей при удовлетвореніи нуждъ тѣхъ странъ, которыя пользуются доставляемымъ изъ за границы мясомъ. Спросъ мяса въ пяти европейскихъ государствахъ, нуждающихся въ привозномъ мясѣ, по вычисленію газетъ, достигаютъ 75,120 милліоновъ, причемъ на одну Англію приходится почти половина, а именно—36.180,000 пудовъ, тогда какъ европейскія страны, вывозящія мясо: Россія, Скандинавія, Голландія, отчасти Испанія, Португалія и Италія доставляютъ въ общемъ только 23.940,000 пудовъ, т. е. менѣе, чѣмъ $^1/_3$ требуемаго количества. Остальные 52 милліона пудовъ на сумму 350 милліоновъ рублей покрываются вывозомъ изъ другихъ частей свѣта, главнымъ образомъ изъ Америки. Можно, однако, надѣяться что въ случаѣ возникновенія конкурренціи, перевѣсъ останется за Россіей, такъ какъ для доставки транспорта изъ Америки требуется двѣ недѣли, а изъ Россіи—5 дней. И все же, не смотря на это, въ 1883 году на рынки Великобританіи изъ Россіи было доставлено мяса только на 631,350 руб., тогда какъ изъ Америки—на 157.721,280 руб. Съ этою-же цѣлью съ 15-го по 25-е число будущаго февраля мѣсяца, состоится съѣздъ мукомоловъ въ Москвѣ. Въ программѣ съѣзда, между прочимъ, поставленными для разработки вопросами значатся слѣдующіе: 1) въ чемъ кроются причины незначительнаго вывоза муки изъ Россіи, и чѣмъ причины эти могутъ быть устранены? 2) какъ можетъ быть достигнуто удешевленіе производства мучныхъ продуктовъ? и 3) какое вліяніе на развитіе нашего мукомольнаго производства имѣютъ нынѣ существующіе тарифы желѣзныхъ дорогъ и наши водяные пути сообщенія?—Недавно испытывался на Темзѣ въ Лондонѣ, изобрѣтенный инженеромъ П. Н. Котляревскимъ, приборъ для опредѣленія скорости теченія воды. Не смотря на спеціально научное значеніе этого новаго русскаго изобрѣтенія, англійскіе промышленники отнеслись къ нему съ обычною энергіею и практичностью. Такъ, день спустя послѣ опыта, 16-го января, одна крупная лондонская фирма купила у изобрѣтателя право на эксплоатацію его прибора въ Англіи и въ свою очередь уже получила заказъ на поставку первыхъ «водомѣровъ» (такъ зовется новый приборъ г. Котляревскаго) англійской фабрикаціи для большихъ пассажирскихъ пароходовъ, которые дѣлаютъ рейсы между Лондономъ и Нью-Іоркомъ.—Въ Америкѣ (Соединенные Штаты) возникло интересное судебное дѣло о правѣ патента на зубчатую проволоку, изобрѣтенную лѣтъ тридцать тому назадъ для устройства изгородей, но патентованную только въ 1874 году. Дѣло еще не кончилось, такъ какъ перенесено въ верховный судъ, вслѣдствіе признанія окружнымъ судомъ изобрѣтенія лишеннымъ новизны. Защитники патента привели цѣлый рядъ доказательствъ для подтвержденія основательности своихъ претензій на привиллегію; между ними особенно оригинальны свидѣтельскія показанія современниковъ; одинъ говоритъ, что онъ самъ тридцать лѣтъ тому назадъ пострадалъ отъ этой изгороди и до сихъ поръ носитъ на лицѣ слѣды ея зубцовъ; другой удостовѣряетъ, что его лошади были обрѣзаны ноги; наконецъ въ живыхъ оказался и кузнецъ, дѣлавшій первыя проволоки по указанію изобрѣтателя Морлея; изъ вещественныхъ доказательствъ выдѣляется 2 фута этой проволоки. Благодаря этому изобрѣтенію, удешевившему устройство изгородей, громадныя пространства пастбищъ были сохранены отъ потравъ скотомъ и сдѣлались возможны для правильной культуры.—2-го февраля открылась въ С.-Петербургѣ фотографическая выставка, на которой можно познакомиться со всѣми примѣненіями фотографіи; тутъ-же находятся аппараты фотографированія, всѣ матеріалы для съемки, обработки негативовъ, приспособленіе фотографіи для съемки ночью, при искусственномъ освѣщеніи, при вспышкахъ огня, на далекія разстоянія, движущихся предметовъ и т. п. Особенная оригинальность выставки заключается въ экспонированіи цѣлыхъ коллекцій нашими любителями.

Книжное дѣло, музыка, живопись и пр.

Въ «Journal Officiel» напечатанъ регламентъ о международной выставкѣ изящныхъ искусствъ, которая состоится въ Парижѣ въ 1889 г. съ 5-го мая по 31-е октября. На выставку принимаются художественныя произведенія, исполненныя послѣ 1-го мая 1878 г., за исключеніемъ копій. На ней полагается 3 отдѣла: французскій, иностранный и международный. Иностранные художники къ 15-му марта 1888 г. должны избрать своихъ комиссаровъ и извѣстить о нихъ французскаго министра народнаго просвѣщенія. Тамъ, гдѣ нѣтъ комиссаровъ, художникъ можетъ къ 15-му мая 1888 г. обратиться къ директору изящныхъ искусствъ, а самыя произведенія должны быть доставлены не позже 20-го декабря этого года.—Мункачи въ своей парижской мастерской работаетъ надъ плафономъ для вѣнскаго художественнаго музея. Предметъ картины—эпоха Возрожденія. Въ центрѣ помѣщенъ геній искусства въ образѣ большой женской фигуры съ распростертыми крыльями и пальмовой вѣтвью въ рукѣ. Въ свитѣ ея находится аллегорія Извѣстности и адскій образъ Зависти. Эта группа поднимается изъ свѣтящагося облака, появившагося на лазури неба. Влѣво отъ группы—Лаврентій Медичи, протягивающій руку Микель-Анжело. Средняя группа подъ геніемъ состоитъ изъ Тиціана и его главныхъ учениковъ съ палитрами и кистями. Тиціанъ указываетъ на натуру, какъ на неизсякаемый источникъ всякаго искусства и изображенія. Все богатство и разнообразіе натуры являются справа ученикамъ Тиціана, какъ свѣтлое видѣніе. Въ нижнихъ группахъ фигурируютъ папа Сикстъ и многіе художники. Это—главныя черты картины.—Японское правительство полтора года назадъ командировало особую комиссію изъ мѣстныхъ художниковъ въ Европу для изученія западнаго искусства на мѣстѣ. Посѣтивъ всѣ галлереи и художественныя учрежденія Европы и Америки, комиссія вернулась въ Японію и одинъ изъ ея членовъ представлялъ на дняхъ отчетъ объ этой экспедиціи въ «Kaugrokai», т. е, художественномъ обществѣ въ Токіо. Отдавая должное произведеніямъ европейскаго искусства, докладчикъ пришелъ, однакожъ, къ тому заключенію, что подражаніе европейцамъ въ данномъ случаѣ уничтожило бы своеобразную физіономію японскаго искусства.—Зола пишетъ новый романъ: Жанъ изъ «La Terre», братъ Жервезы, извѣстной изъ «L'Assomoir», съ отчаянія поступаетъ въ солдаты и это даетъ поводъ знаменитому романисту описать состояніе французскихъ солдатъ при второй имперіи и изобразить паденіе наполеоновскаго владычества при Седанѣ.—Во всѣхъ частныхъ театрахъ Вѣны сдѣлано распоряженіе, чтобъ въ случаѣ паники актеры и фигуранты при наступленіи замѣшательства въ публикѣ удалялись со сцены немедленно, а директоръ и режиссеръ немедленно должны успокаивать публику. Въ Парижѣ открытъ новый театръ, главный интересъ котораго заключается въ томъ, что онъ представляетъ точный сколокъ съ американскихъ театровъ. Здѣсь не даютъ ни драмъ, ни комедій, но за то передъ публикой дефилируютъ замѣчательно искусные клоуны, приводящіе въ восторгъ даже избалованныхъ парижанъ. Особенный интересъ возбудилъ недавно Диксонъ, показавшій замѣчательно ловкій фокусъ исчезновенія человѣка. На сценѣ былъ поставленъ саркофагъ, въ которомъ лежалъ юноша лѣтъ 20. Черезъ мгновеніе саркофагъ подняли на цѣпяхъ, на высоту двухъ саженъ, а когда опустили вновь, то юноши не оказалось уже въ саркофагѣ. Египетскій фокусникъ производитъ громадный эффектъ своею ловкостью и считается въ настоящее время единственнымъ соперникомъ знаменитаго въ былые годы Пинетти.—Шедшая въ Парижѣ «Власть тьмы» въ переводѣ Павловскаго и Метонье имѣла громадный успѣхъ; отзывы Зола о произведеніи нашего писателя полны восторговъ, сочувствія и сравненій гр. Л. Н. Толстого съ Шекспиромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые другіе авторитеты оговариваются, что пьеса, хотя и безконечно хороша, но не годится для постановки на сцену. Выполнена была пьеса съ рѣдкимъ ансамблемъ.

Медицина, эпидеміи, заболѣванія и пр.

Бактеріологія дѣлаетъ съ каждымъ днемъ новые успѣхи и получаетъ примѣненіе во вседневной жизни. Въ Нью-Іоркъ пришелъ итальянскій пароходъ съ эмигрантами; былъ произведенъ установленный карантинный осмотръ, которымъ ничего не открыто, а замѣчены были только желудочныя боли у нѣкоторыхъ пассажировъ. При ближайшемъ изслѣдованіи отбросовъ на бактеріологической станціи были найдены нѣкоторые признаки холеры; по прошествіи четырехъ дней, во время которыхъ итальянскій пароходъ былъ задержанъ, не смотря на всѣ жалобы о неправильности такого задержанія, были окончательны установлены всѣ данныя о присутствіи среди пассажировъ азіятской холеры,—хотя въ первый день по одному наружному осмотру не найдено ничего подозрительнаго. Окончательно всѣ сомнѣнія были разсѣяны появленіемъ новыхъ случаевъ заболѣванія уже со всѣми зловѣщими признаками страшной болѣзни.—Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ приступлено къ пересмотру врачебнаго устава и къ составленію проэкта необходимыхъ измѣненій и дополненій, согласно позднѣйшимъ требованіямъ науки и современнымъ условіямъ общественной жизни, причемъ предполагается ввести отвѣтственность врачей въ тѣхъ случаяхъ, когда они не являются по первому требованію больного для оказанія ему медицинской помощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается поднять вопросъ и о размѣрѣ вознагражденія врачей за оказываемую ими медицинскую помощь. Изъ свѣдѣній, собранныхъ медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, видно, что число медиковъ, имѣющихъ въ Россіи право врачебной помощи, достигло, со включеніемъ женщинъ-врачей,—17,459, ветеринаровъ насчитывается 8,229 и окулистовъ и дантистовъ—601.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Выставка породистыхъ собакъ. Въ концѣ марта или началѣ апрѣля предполагается открытіе I-й очередной выставки недавно образовавшагося среди с.-петербургскихъ охотниковъ общества любителей породистыхъ собакъ. Выставка эта обѣщаетъ представить много новаго и интереснаго для любителей этого отдѣла спорта. Предполагаемыя нововведенія: 1) предварительная экспертиза собакъ до ихъ пріема съ цѣлью устраненія дворнягъ и помѣсей; 2) избраніе одного отвѣтственнаго, вполнѣ компетентнаго, судьи по каждому отдѣлу вмѣсто

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

14-го Февраля, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р.—На полгода 4 р. 50 к. Безъ доставки въ Спб.: за годъ 6 р. 60 к. За границею: за годъ 10 руб. Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 7 руб. съ преміею книжный магазинъ И. Ф. Папкова, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова).

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ 1 нумера. За пересылку преміи цѣнною посылкою рубль.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣлю 3 р. и къ 1-му іюня 2 р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 7

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

При сношеніи съ конторою необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него. За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій — 1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ. На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми коп. марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черною и золотомъ: полугодичные (два экземпл.) 1 р. 50 к. годов. 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету трансп. конторы).

ДОЛГЪ ПЛАТЕЖЕМЪ КРАСЕНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

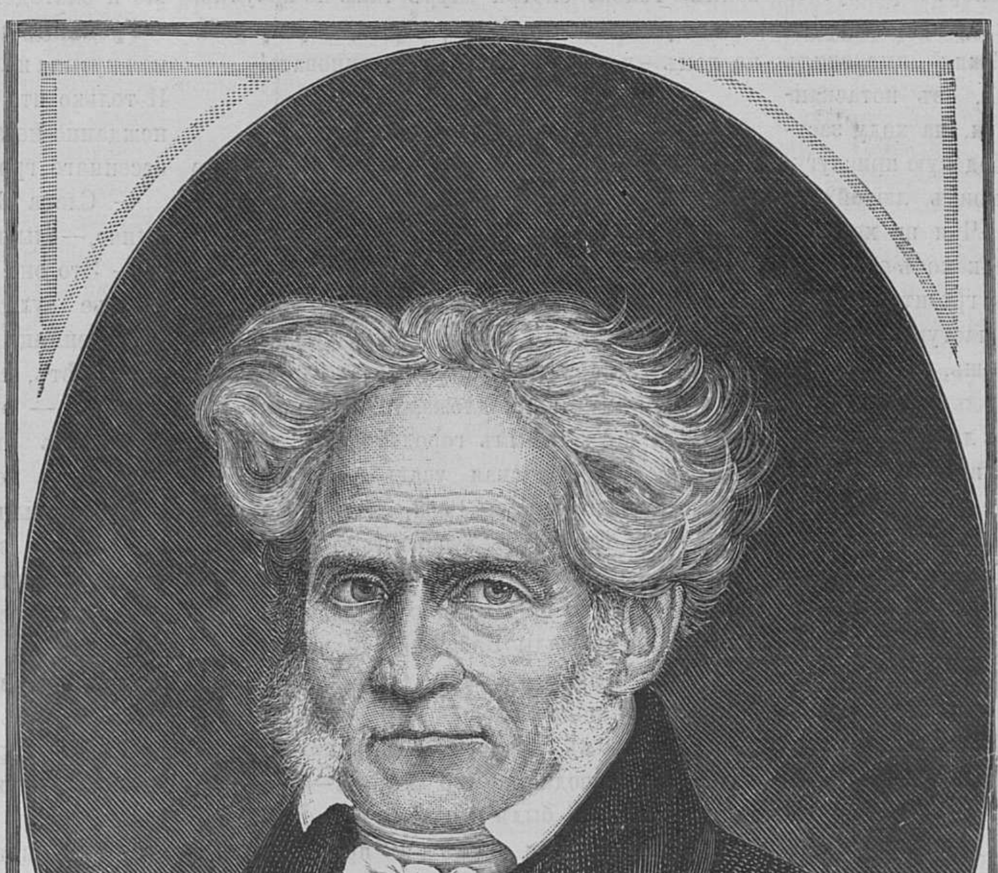
(*Продолженіе*).

III.

Старикъ-комендантъ былъ правъ, когда въ бесѣдѣ съ Шаховскимъ назвалъ времена «превратными»:—слова старика, много видѣвшаго на своемъ вѣку, оправдались нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда въ ночь на 24 ноября, произошелъ новый переворотъ, и на престолъ вступила «великая Петрова дщерь», а императоръ-младенецъ, его мать-правительница и ея супругъ, герцогъ Антонъ Ульрихъ были арестованы и высланы изъ Петербурга. Герцогъ Биронъ, сосланный въ Пелымь Анною Леопольдовною, былъ возвращенъ изъ Сибири Елисаветою и съ конца марта 1742 года поселенъ въ Ярославлѣ; а злѣйшій врагъ его, фельдмаршалъ Минихъ, отправленъ на его мѣсто, въ Пелымь-же, въ ссылку и поселенъ въ томъ самомъ домѣ, который былъ построенъ тамъ для Бирона. «Колесо Фортуны» еще разъ повернулось, увлекая однихъ на край гибели, поднимая другихъ на верхъ могущества и славы…

Въ самый канунъ вешняго Николы, часу въ шестомъ вечера, по московско-ярославской дорогѣ, тащился тяжелый рыдванъ, запряженный шестерикомъ разношерстныхъ доморощенныхъ коней въ нѣмецкихъ шорахъ; кучеръ, дремалъ на козлахъ, и почти не правилъ возжами, только изрѣдка покрикивая на форейтора, молодого и расторопнаго малаго, который довольно бойко подпрыгивалъ на правой выносной лошади. Два дюжихъ деньщика въ ливреяхъ, обшитыхъ галунами, тряслись на запяткахъ рыдвана, въ которомъ, развалясь на подушкахъ и мирно похрапывая, ѣхалъ изъ Ярославля самъ ярославскій воевода, Бобрищевъ-Пушкинъ. Тучное тѣло его, мѣрно покачивалось, колыхалось и встряхивалось въ тактъ неуклюжимъ колебаніямъ тяжелаго экипажа; но эти колебанія и даже толчки нимало не нарушали того глубокаго послѣобѣденнаго сна, которымъ покоился господинъ воевода, утомленный не столько служебными обязанностями, сколько сытнымъ обѣдомъ у владыки, справлявшаго въ тотъ день свои имянины. Крѣпкому сну воеводы много способствовалъ, однако-же, и упоительный весенній воздухъ,

1788. — СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ. — 1888.



Артуръ Шопенгауеръ.

Гравировалъ на деревѣ Е. Львовъ въ Спб.

насквозь пропитанный ароматнымъ запахомъ березовой почки. Весна въ томъ году была поздняя; холода стояли долго и тепломъ пахнуло только на Радуницу; а потому и придорожный лѣсъ только еще начиналъ одѣваться, и бѣлые стволы березъ, подернутые пухомъ молодой листвы, радостно красовались среди блѣдно-зеленыхъ тоновъ весенняго пейзажа.

Воеводскій рыдванъ благополучно отъѣхалъ верстъ десять отъ города, и уже заворачивалъ на проселокъ, къ селу Карабитова Гора, которое виднѣлось въ сторонѣ отъ дороги, на высокомъ берегу Которости, какъ вдругъ стряслась нежданная бѣда. Форейторъ и кучеръ заслышали вдали топотъ коней, громко заливавшійся колокольчикъ и дробное звяканье бубенчиковъ, но прежде чѣмъ они успѣли принять мѣры предосторожности, изъ-за крутого поворота дороги разомъ выскочила тройка лихихъ чалыхъ коней, запряженныхъ въ легкую телѣжку, и прямехонько помчалась на воеводскій экипажъ. Сдержать разгоряченныхъ коней не было никакой возможности... Форейторъ и кучеръ подняли крикъ; завопили не своимъ голосомъ и воеводскіе запяточники—но уже было поздно: тройка налетѣла на воеводскихъ коней, сбила одного изъ нихъ съ ногъ, пристяжная заскочила въ постромки цуга, — всѣ лошади сбились въ кучу. Люди кричали и ругались; лошади бились и становились на дыбы, суматоха произошла невѣроятная!.. Воеводскіе деньщики, соскочивъ съ запятокъ, вмѣсто того, чтобы поскорѣе распутать коней, бросились съ кулаками на встрѣчного кучера; но изъ телѣжки выскочилъ здоровенный дѣтина лѣтъ 30, въ потасканномъ военномъ полукафтаньѣ и, на ходу засучивая рукава, пошелъ на воеводскую прислугу.

— Кто смѣетъ трогать моихъ людей? — заревѣлъ онъ во весь голосъ. Чьи вы холопы? Или вы Ивана Чекина не знаете, каковъ онъ есть!

— А какъ ты смѣешь намъ грозиться! кричали деньщики, пятясь отъ наступавшаго на нихъ молодца. Развѣ не видишь, что мы веземъ воеводу?

Но на помощь отступавшимъ лакеямъ поспѣшилъ соскочить форейторъ и они втроемъ бросились на Чекина.

Завязалось рукопашное побоище; однако силы сразу оказались не равны. Чекинъ такъ и сыпалъ ударъ за ударомъ, и если нападающій не успѣвалъ увернуться—Чекинъ однимъ тумакомъ сбивалъ его съ ногъ. Поднялся такой крикъ и шумъ, что самъ воевода проснулся—и сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Наполовину высунувшись изъ рыдвана, онъ крикнулъ своимъ людямъ:

— Назадъ, собачьи дѣти! Какъ вы смѣете на дворянина съ кулаками лѣзть! Всѣхъ перепорю васъ, каналій! Чѣмъ-бы лошадей распутать, а они въ драку лѣзутъ — и нашли съ кѣмъ сцѣпиться!..

Смущенные холопы бросились въ сторону отъ Чекина и поспѣшили исполнить приказанія воеводы.

— Да и ты хорошъ, государь мой, предобродушно обратился воевода къ Чекину, который все стоялъ въ оборонительной позѣ съ засученными рукавами на мускулистыхъ рукахъ. Хорошъ и ты! Связался съ моими холопями... Только того и смотришь, какъ-бы тебѣ гдѣ побуянить да подраться — а еще гвардіи-сержантъ въ отставкѣ!

— Они сами полѣзли моего холопа бить — думаютъ воеводскіе деньщики, такъ я имъ спуску дамъ! Да не будь я Иванъ Чекинъ...

— Нашелъ чѣмъ хвастать, Иванъ Ѳеодоровичъ!—съ укоромъ перебилъ Бобрищевъ-Пушкинъ. Кому-жъ невѣдома твоя зазорная репутація, сударь! Всякъ знаетъ, что ты у меня первый буянъ и первый задира въ губерніи—весь въ батюшку, въ покойника Ѳеодора Ивановича! Съ нимъ до самой смерти московскій главнокомандующій, какъ съ ребенкомъ нянчился:—или ты думаешь, что и я съ тобою также возиться буду?

— Да твои же холопи меня первые задѣли! сказалъ Чекинъ, нѣсколько понижая голосъ и оправляя рукава полукафтанья.

— Ну, то-то! Первые задѣли! продолжалъ въ наставительномъ тонѣ воевода. Знаю я, каковъ ты тихоня! Только и ты знай, что я тебѣ спуску не дамъ—я тебѣ не Семенъ Андреевичъ Салтыковъ достался! Ступай сюда скорѣе.

Чекинъ нахмурился, но не посмѣлъ ослушаться воеводы и подошелъ къ рыдвану.

— За буйство за твое и за побои моимъ людямъ беру тебя подъ арестъ! Изволь сейчасъ своихъ чалыхъ чертей отправить обратно въ усадьбу—садись со мною въ рыдванъ и поѣдемъ къ зятю въ Карабитову Гору! Онъ у меня завтра имянинникъ!

— Кто? Князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ? Да я къ нему и ѣхалъ...

— Ну, и поѣдемъ! И попразднуемъ, Аника-воинъ! Только смотри—чуръ тамъ не набуянь, не нашуми... А то, братъ, помни, спуску тебѣ не дамъ—у меня всякая вина виновата!

IV.

Князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ, по возвращеніи изъ Финляндіи въ Петербургъ, пробылъ на службѣ не долго. Сильно поколебленное здоровье и порядочно разстроенное состояніе вынудили его къ выходу въ отставку и уже въ августѣ 1741 года онъ уѣхалъ изъ сѣвернаго «парадиза» въ ярославскую губернію, гдѣ ему принадлежали обширныя помѣстья, и подъ самымъ городомъ, въ двѣнадцати верстахъ, барская усадьба, Карабитова Гора. Поселившись въ ней, князь Николай Сергѣевичъ отдохнулъ душою въ кругу друзей, родни и добрыхъ сосѣдей, завелъ знакомства въ Ярославлѣ, и прежде всѣхъ сошелся съ милою семьею воеводы Бобрищева-Пушкина, гдѣ и встрѣтилъ свою суженую. Одна изъ дочекъ воеводы ему понравилась и красотою, и добрымъ, веселымъ нравомъ и онъ просилъ ея руки. Ни воевода, ни его супруга—не возражали. Голицынъ былъ человѣкъ родовитый, богатый помѣщикъ, и дочкѣ онъ приглянулся; а потому, не медля и не раздумывая долго, родители согласились и выдали дочку за карабитовскаго барина, который зажилъ въ своемъ домѣ со второю женою, припѣваючи.

Имянинное пиршество было въ самомъ разгарѣ. Въ столовой карабитовской усадьбы было такъ тѣсно, что слуги съ перемѣнами блюдъ едва могли протѣсниться, стараясь не задѣть почетныхъ гостей хозяина, едва помѣстившихся за тремя столами. Дворянство съѣхалось на имянины чуть не со всего уѣзда, и хозяева распорядились весьма благоразумно, поставивъ столы въ двухъ смежныхъ со столовою комнатахъ и размѣстивъ въ нихъ всю мелкопомѣстную братію и все духовенство съ трехъ приходовъ, въ которыхъ находились голицынскія имѣнія. Не смотря на окна, настежь открытыя, во всемъ домѣ духота въ низкихъ комнатахъ усадьбы была страшная, потому что день былъ жаркій и казался не весеннимъ, а настоящимъ лѣтнимъ днемъ. Среди шума и говора, среди стука ножей и вилокъ и бряканья посуды, то и дѣло слышались возгласы:

— Господи, какая духота! И не повѣришь, что нынче вешній Никола!

— Это хоть бы и въ Петровки такому деньку быть! Жара какая!

— Далъ бы Богъ дождичка, а то, пожалуй, озими засохнутъ...

— Да вонъ съ утра заходятъ тучки, а дождя все нѣтъ и нѣтъ...

И за этими возгласами слѣдовали усиленныя возліянія: слуги не поспѣвали обносить гостей холоднымъ стоялымъ медомъ, морсами, квасами и настоящимъ мартовскимъ пивомъ. Но вотъ уже всюду по столамъ разносятъ пузатенькія рюмки и слуги поспѣшно разливаютъ въ нихъ старое венгерское вино. Самъ воевода поднимается съ мѣста и громко провозглашаетъ:

— За здравіе и благоденствіе великой государыни нашей, императрицы Елисаветъ Петровны!

И опустившись на колѣни, выпиваетъ свою рюмку. Всѣ гости слѣдуютъ его примѣру и пьютъ за здравіе императрицы на колѣняхъ, стараясь кричать, какъ можно громче: «Здравіе и благоденствіе на многая лѣта!

Громкимъ крикамъ на дворѣ вторитъ военная музыка полка, квартирующаго въ Ярославлѣ. И только что смолкли крики и музыка, вдругъ, нежданно-негадано раздаются раскаты перваго весенняго грома.

— Слава Богу! Слава Богу! первый громъ нынче,—слышится со всѣхъ сторонъ.

— Это онъ тебѣ, князь Николай Сергѣичъ, счастье сулитъ! обращается одна изъ дамъ-родственницъ къ хозяину-имяниннику.

— Нѣтъ, сударыня, спѣшитъ возразить ей воевода, — этотъ громъ небесный земнымъ владыкамъ въ честь! Онъ только не поспѣлъ ударить въ пору, какъ мы за здравіе ея величества пили...

— Такъ, значитъ, мало пили! спохватывается хозяинъ.—Эй, вина еще! вина, вина! И новымъ тостамъ вторятъ новые удары грома, который все приближается и приближается. Наконецъ — гдѣ-то очень близко, разражается гроза съ сильнѣйшимъ ливнемъ, съ страшными молніями и раскатами грома... Все небо темнѣетъ и слуги, закрывъ поспѣшно окна, зажигаютъ свѣчи въ люстрахъ надъ столами и въ стѣнныхъ шандалахъ. Дамы, перепуганныя грозою и еще болѣе встревоженныя тѣмъ шумнымъ разгуломъ, который начинаетъ проявляться за столомъ между охмѣлѣвшими собесѣдниками — спѣшатъ удалиться въ комнаты хозяйки. Мужчины продолжаютъ пить и шумѣть:—смолкаютъ только тѣ, кого одолѣваетъ хмѣль, сманивая подъ столъ или вынуждая склонить голову подъ бременемъ тяжкой дремоты. Никто уже не можетъ никого расслышать—всѣ говорятъ заразъ, всѣ хотятъ, чтобъ ихъ слушали... Въ сосѣдней комнатѣ бренчитъ балалайка и дребезжитъ на столахъ посуда отъ залихватской пляски въ присядку; слышатся отрывки какой-то пѣсни безъ начала и конца, въ которой можно различить только: «ай, жги-

жги—говори!» да—«калина—малина моя!» И надъ всѣмъ этимъ шумомъ и гамомъ величаво гремятъ въ весеннемъ небѣ гулкіе, раскатистые удары грома.

Хмѣль прибралъ къ рукамъ и степенныхъ старичковъ — весь тотъ провинціальный генералитетъ, который скопился за почетнымъ столомъ около хозяина и воеводы. И здѣсь шумный говоръ, несвязныя рѣчи и громкій споръ.

— Не намъ, сударь, о предержащей власти судить, горячится воевода, обращаясь къ Голицыну. Коли государынѣ императрицѣ угодно герцога Бирона жаловать — пускай себѣ! Намъ развѣ отъ того убудетъ, что она ему велѣла и лошадей дать, и изъ пожитковъ его кое-что вернуть, и даже съ ружьемъ да съ собаками ему на охоту ѣздить разрѣшила... На милость образца нѣтъ!

— Какія милости къ злодѣю! возражалъ Голицынъ,—довольно ему и той милости, что онъ не четвертованъ... Въ Сибири ему-бы сгнить надо!..

— Это точно вторили Голицыну съ разныхъ сторонъ, — сгнить-бы надо! Да вотъ съумѣлъ въ пору съ челобитною подъѣхать... Того гляди, власть заберетъ опять...

— Пустое! возражалъ Бобрищевъ-Пушкинъ,— власти не дадутъ ему, а въ былыхъ его злодѣйствахъ Богъ ему судья, коли благодушной государынѣ его карать не угодно...

— Видно, тестюшка, онъ не отнялъ у тебя ни жены, ни друзей, ни братьевъ, ни сродниковъ! Не загубилъ твоей молодости, не заставилъ плакать кровавыми слезами—не продержалъ въ сырой ямѣ за тридевять земель? Будь онъ проклятъ, иноземецъ окаянный! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ у васъ тамъ въ Ярославлѣ поселенъ,— я въ городъ ни ногой... Да, ни ногой!..

— И я съ тобою въ одно слово... князь... Николай Сергѣевичъ! вступился въ бесѣду сильно-охмѣлѣвшій Чекинъ, появившійся за спиною Голицына. Онъ... злодѣй... его не слѣдъ миловать... и не будь я Иванъ Чекинъ, коли я ему пакости какой не учиню!

— Молчалъ-бы лучше! крикнулъ строго воевода, — мы чай подъ законами живемъ! Небось, сразу укорочу тебѣ руки!..

— Да вотъ ты хоть и воевода... и все можешь... а я все-же, какъ въ Ярославль пріѣду, такъ и учиню...

Всѣ расхохотались, а воевода собирался еще грознѣе пугнуть отставного гвардіи сержанта, когда вдругъ къ хозяину дома подбѣжалъ одинъ изъ слугъ, шепнулъ что-то на ухо и попросилъ его выйдти въ сѣни. Князь Голицынъ посмотрѣлъ на слугу съ недовѣріемъ и удивленіемъ и вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ столовой.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

* * *

Надъ нами шутитъ жизнь обидно,
Гнететъ сомнѣніе и зло;
Жить для себя смѣшно и стыдно,
А для другихъ жить—тяжело.
Любить и плакать невозможно,
Когда душа, какъ ночь, темна,
Нельзя растратить силъ тревожно,
Коль юность выпита до дна.
Нельзя повѣрить чудной были,
Когда нѣтъ радостей въ быломъ,
И даже спать нельзя въ могилѣ,
Боясь уснуть безсмертнымъ сномъ.

К. Фофановъ.

РАСКОЛЬНИЧІЙ УЧИТЕЛЬ.

Изъ забытыхъ исторій **Н. И. Шульгина.**

(Продолженіе).

Глава VI.

Давно уже пришла Марфа, а Кузьма все погруженъ въ чтеніе. Наконецъ, онъ обернулся.

— А! Это ты, Марфа?

— Я. Кому-же и быть теперь. Вѣдь ты зналъ, что я приду.

— Ну, что, какъ дѣла?

— Эхъ, Кузьма Петровичъ, оставь ты мою дѣвку. Другихъ развѣ мало. Вонъ Стахова Олена. Бравая дѣвка; какъ есть невѣста. Ей, съ прошлой недѣли, шестнадцатый годокъ пошелъ. Я говорила съ ея матерью. Ничего, — не противится. «Батюшка, говоритъ, Кузьма Петровичъ, знаетъ, что надо дѣлать. Мы люди темные, говоритъ, должны все исполнять, что онъ прикажетъ. Не первая, вѣдь, моя дочка!»

Кузьма нетерпѣливо слушалъ свою собесѣдницу, но не хотѣлъ прерывать ея порывистой рѣчи. Видно было, по лицу его, что молчаніе стоило ему большихъ усилій.

— А что-же твоя дочка? спрашиваю я, продолжала Марфа,—что она говоритъ? «Да что, она ничего, говоритъ это Оленина мать, извѣстно, молчитъ, а видать, что желаетъ въ келейницы; она хочетъ уже поселиться отдѣльно, и мы строимъ ей келью, значитъ, желаетъ принять небесный образъ»...

Кузьма продолжалъ сохранять молчаніе.

— Что-же ты ничего не говоришь, Кузьма Петровичъ? съ робостію спросила Марфа.

— Что говорить на твои глупыя рѣчи, отвѣчалъ Кузьма. — Много вздора ты и прежде говорила, а такого, какъ мелешь сегодня, не приводилось еще слушать. Что ты мнѣ тутъ про Олену толкуешь, про это немазанное рыло. Придетъ и ея чередъ, коли мнѣ вздумается, а теперь подавай Палашу!

— Батюшка, голубчикъ, желанный мой, кричала Марфа, упавъ на колѣна, освободи ее. Не вынесетъ она, моя голубушка, руки на себя наложитъ, али убѣжитъ, если я буду къ ней сильно приставать.

— Полно дурачиться, Марфа! Понимаешь... я люблю твою дочь, люблю такъ, какъ не любилъ ни одну женщину, ни даже тебя,—а тебя я любилъ крѣпко. Могу-ли я отказаться отъ нея? Чего-бы мнѣ это ни стоило, а будетъ она моею!

Марфа въ отчаяніи ломала руки. Она знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; она знала, что съ Кузьмой не сговорить. Она понимала, что мольбы ея не помогутъ, что ей не смягчить суроваго сердца своего бывшаго любовника, что если онъ на что рѣшился, то непремѣнно приведетъ въ исполненіе, чего-бы это, дѣйствительно, ему ни стоило. Но Марфа была мать; материнское чувство не было въ ней совсѣмъ убито суевѣріемъ и сильнымъ вліяніемъ Кузьмы. Она рѣшилась прибѣгнуть къ средству, которое сама въ то же время осуждала.

— Ну, если ты, Кузьма Петровичъ, не хочешь сдѣлать добромъ, такъ тебя принудятъ силой. Я пойду въ станъ и разскажу всѣ твои дѣйствія. Тебя засадятъ, а Палаша будетъ спасена.

Кузьма усмѣхнулся.

— Дура ты этакая, съ улыбкой сказалъ онъ,— а еще слывешь помощницей пророка; тебя называютъ матушкой; тебя уважаютъ всѣ истинные христіане. Что ты сказала! Малымъ ребятамъ за дурь уши дерутъ, а съ тобой что сдѣлать? Ты, кажись, не ребенокъ!

Марфа уже плакала, робко опустивъ глаза въ землю.

— Кто-же мнѣ помогалъ насчетъ келейницъ? Кто, скажи! Ты, ты была главнымъ коноводомъ въ этомъ дѣлѣ. Ну, пойдешь ты, скажешь; положимъ, произведутъ слѣдствіе. Что-жь изъ того? Выйдетъ, что ты соврала, наговорила на меня со злобы. Развѣ изъ нашихъ кто покажетъ иначе, какъ я захочу; развѣ кто меня выдастъ?.. Выдастъ? спрашиваю я.

Марфа еще ниже опустила голову.

— Марфа, Марфа, отъ тебя я никакъ не ожидалъ услышать подобныя рѣчи. Гдѣ-же твоя вѣра? Куда дѣвались мои наставленія? Гордымъ Богъ противится. А ты много согрѣшила по своей гордынѣ. Вспомни, ты дала обѣтъ разойтись съ мужемъ, разойтись съ семействомъ и прилѣпиться къ одному Богу. Такъ-то ты держишь свой обѣтъ. У тебя не должно быть дочери, а ты хнычешь объ ней, ты мыслишь помѣшать тому, что заповѣдано Господомъ чрезъ своихъ избранныхъ.... Стыдно тебѣ, Марфа!

Марфа тряслась всѣмъ тѣломъ. Рыданія душили ее.

— Я, Кузьма Петровичъ, чувствую, что согрѣшила, но вѣдь она мнѣ дочь, я ее люблю...

— Выкинь изъ головы эту глупость, что она тебѣ дочь. Дочери у тебя нѣтъ съ той минуты, какъ ты дала обѣтъ. Сама дочь твоя не должна знать матери, если она искренно вѣритъ... Я избаловалъ тебя, позволялъ вамъ жить вмѣстѣ... Я слишкомъ любилъ тебя, и это грѣхъ мой великій.

И Кузьма нѣжно поцѣловалъ ее. Лицо Марфы нѣсколько просіяло.

— Что ты сказалъ, Кузьма! Ты напомнилъ о нашемъ тяжкомъ грѣхѣ. Развѣ наша любовь не великій грѣхъ? Ты отнялъ меня отъ мужа затѣмъ, чтобы сдѣлать своею любовницей! Нѣтъ, Кузьма, видно не свята наша вѣра, если она позволяетъ тебѣ безнаказанно творить такія беззаконія!

Кузьма поморщился.

— Не богохульствуй, глупая ты женщина! Кто говоритъ тебѣ, что мы не грѣшили! Дѣйствительно, мы сотворили большой грѣхъ и получимъ за него должное воздаяніе. Но нашъ грѣхъ предъ Господомъ менѣе тяжекъ, нежели грѣхъ мужа съ женой, какъ говорятъ отступники, законно перевѣнчанныхъ. Мы съ тобой грѣшили тѣломъ, а духъ у насъ оставался чистъ. Вы же съ мужемъ грѣшили вмѣстѣ и тѣломъ, и духомъ. Марфа, милая ты моя, оставь глупости, выбрось изъ головы любовь твою къ Палашѣ, какъ къ дочкѣ; не мѣшай совершиться тому, что надлежитъ по нашей вѣрѣ и законамъ. Тебѣ-ли помѣшать, если Богъ благословляетъ! Напротивъ, содѣйствуй скорѣйшему совершенію благочестиваго дѣла, приложи къ тому все стараніе. Палаша должна сдѣлаться келейницей; она нашей вѣры, слѣдовательно и толковать о томъ нечего, будетъ одна пустая трата времени. Не захочетъ она добромъ, принудимъ силою. Всѣ средства дозволены, если имѣется въ виду привести заблудшую на путь истинный и включить ее въ составъ истиннаго стада Господня.

— Вотъ что, Кузьма, страшно вымолвить, ужь не покинула ли она нашей вѣры? Пробовала распрашивать ее,—ничего не добьешься, все молчитъ.

— Вотъ то-то и есть, не слѣдовало мнѣ, жалѣючи тебя, потакать дѣвкѣ. Давно бы надо поступить съ ней строго, и дѣлу былъ бы конецъ. А теперь, если она оставила нашу вѣру, съ ней ничего не подѣлаешь. Право, лучше пусть бы умерла она, легче ей будетъ, меньше грѣха, меньше соблазна. Отступница окаянная!

— Можетъ быть, я ошибаюсь, Кузьма. Можетъ, мнѣ такъ показалось. Надо правду говорить. не видѣла я, чтобы она молилась не по нашему. Только съ Яковомъ часто видится, съ этимъ молодымъ парнемъ изъ Лебяжаго. Слыхалъ объ немъ?

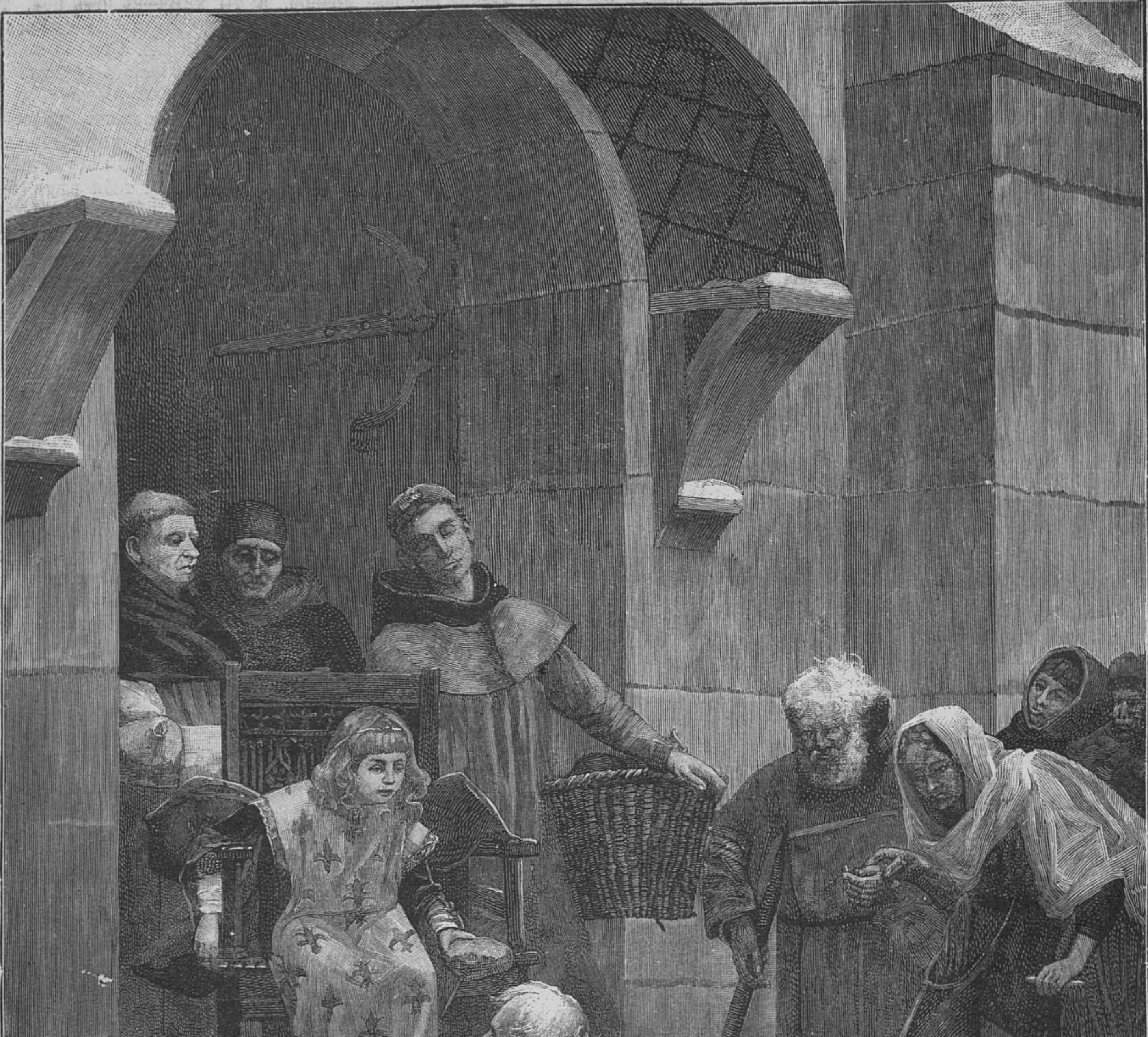
— Слышалъ. Говорятъ, ничего себѣ парень, бравый, ражій, трудящій; только онъ еретикъ, поди, чай, и ее успѣлъ сманить. А какая она была набожная; какъ хорошо знала всѣ наши догматы. Вотъ была бы славная помощница, лучшей и желать нечего. Зажили бы мы славно. Сколько невѣрныхъ перешло бы къ истинной вѣрѣ. Но, Богъ дастъ, все это будетъ! Постарайся, Марфа, поговори, можетъ, не все еще потеряно. Ты совершишь благое дѣло, ты будешь дѣйствовать къ славѣ нашей вѣры!

— Постараюсь, Кузьма Петровичъ, поговорю, но боюсь, будетъ ли изъ этого прокъ.

— Будетъ, знаю, что будетъ. Ты уже старѣешь Марфа, пора тебѣ отдохнуть; какая ужь ты помощница? Мнѣ, теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, нужна хорошая помощница. Нашихъ

ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖСКОМЪ САЛОНѢ.

Съ картины Лезюра.

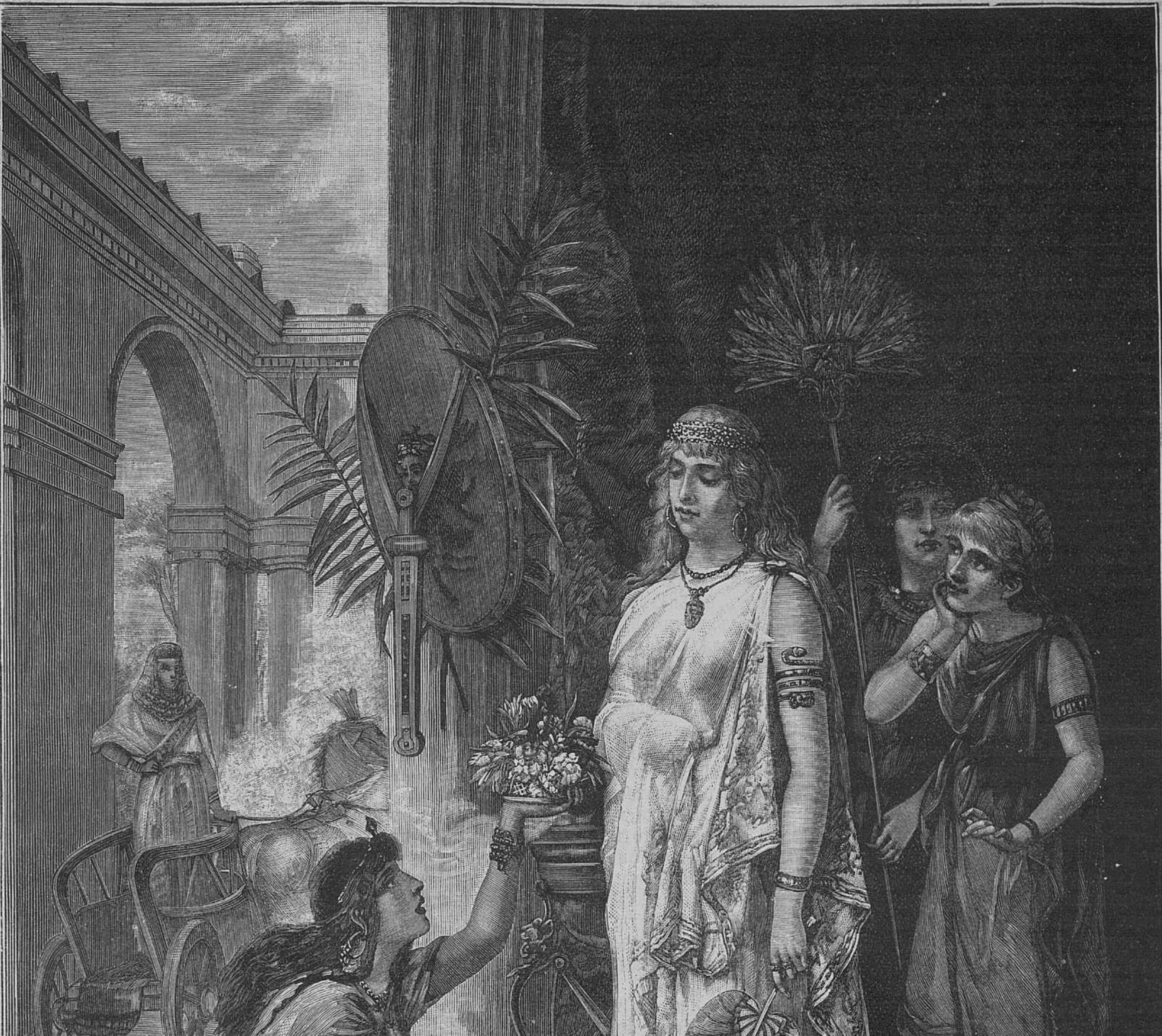


Людовикъ Святой, раздающій милостыню.

Гравировалъ на деревѣ В. Шлитте въ Спб.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Команса.



Вѣстница любви.

Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ Спб.

прибываетъ; я хочу сдѣлать объѣздъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ сіяетъ истинная вѣра. Не съ тобой же мнѣ ѣхать? Въ тебѣ нѣтъ уже прежней ретивости къ дѣлу. Палаша еще очень молода. Такая именно нужна теперь для моихъ благихъ цѣлей. Она горячо примется за дѣло; хорошо послужитъ Богу и своимъ. Теперь ты успокоилась и я могу открыть тебѣ, что самъ Господь указалъ мнѣ на нее, какъ на будущую помощницу въ благомъ дѣлѣ.

Кузьма разсказалъ о своемъ видѣніи, причемъ сослался на Петра, которому будто бы впередъ объявилъ объ отпаденіи двухъ большихъ деревень. Марфа съ благоговѣніемъ выслушала этотъ наглый разсказъ. Она вѣрила ему вполнѣ. Когда же Кузьма опять обнялъ ее и поцѣловалъ, она, совсѣмъ растаявшая отъ ласки, которой давно не пользовалась, съ увлеченіемъ сказала:

— Бѣгу, буду уговаривать, на сколько хватитъ силъ и умѣнья. Она вѣрно не будетъ противиться, когда узнаетъ, что самъ Богъ повелѣлъ быть тому.

— Иди, моя дорогая, а я помолюсь.

Кузьма еще разъ поцѣловалъ ее и ушелъ въ слѣдующую комнату, которая служила ему мольной и была, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстомъ, гдѣ отправлялась общественная служба, по правиламъ кузьмовой вѣры.

Глава VII.

Вечеромъ, наканунѣ того дня, въ который происходилъ описанный въ предъидущей главѣ разговоръ, молодая дѣвушка, робко оглядываясь, пробиралась по двору марфина дома къ задней калиткѣ, выходящей въ поле.

Вечеръ былъ очаровательный, какъ бываютъ вечера въ степныхъ мѣстахъ послѣ очень жаркаго дня. Въ воздухѣ пахло гарью, носился знойный туманъ; птицы, молчавшія въ теченіе дня, звонко распѣвали. Дѣвушка шла очень тихо. Непринужденная одежда превосходно обрисовывала ея чудный станъ; въ ея глазахъ выражалась нѣжность и ожиданіе близкаго счастія. Пройдя за калитку, она пошла скорѣе. Цѣлью ея путешествія былъ лѣсъ, лежащій невдалекѣ отъ деревни.

Въ лѣсу раздался легкій свистъ.

— Онъ тамъ уже, мой милый, онъ пришелъ, громко сказала дѣвушка и побѣжала.

— Но что я говорю, какой грѣхъ я совершила! И она опять пошла тише. Скоро, однакоже, она скрылась въ глубинѣ лѣса.

За полчаса до ея прихода на небольшой прогалинѣ прохаживался молодой парень.

— Придетъ ли она сегодня? спрашивалъ онъ самъ себя. Обѣщалась. Говоритъ, какъ стемнѣетъ немного, безпремѣнно приду... Любишь ли ты меня, Палаша, такъ, какъ я тебя люблю? Ты говоришь: «мой милый Яковъ!» Ты ласкаешься ко мнѣ, цѣлуешь. Но, можетъ быть, это однѣ шутки, можетъ, ты смѣешься надо мной, поиграть тебѣ хочется? Да нѣтъ, вздоръ! она меня любитъ!

Этотъ молодой парень былъ тотъ Яковъ, о которомъ Кузьма отозвался съ такой хорошей стороны. Дѣйствительно, это былъ парень ражій и бравый. Онъ не былъ красавцемъ въ смыслѣ красиваго парикмахерскаго типа, столь нравящагося свѣтскимъ барышнямъ, однакоже, въ деревнѣ считался красивымъ парнемъ. Высокій, сильный, статный, съ вьющимися волосами, онъ пользовался полнымъ расположеніемъ деревенскихъ красавицъ. Многія дѣвушки, изъ его села, заглядывались на него, и не одна изъ нихъ про себя высказывала желаніе на вѣчно привязать къ себѣ браваго парня. Но онъ оставался холоденъ ко всѣмъ ухищреніямъ деревенскаго кокетства; ни на одну изъ вздыхавшихъ по немъ дѣвушекъ онъ не обращалъ никакого вниманія; ни одна изъ нихъ не могла привлечь къ себѣ гордаго парня.

Однажды нашлась такая, только изъ сосѣдней деревни. Яковъ увидѣлъ Палашу и странно забилось его сердце, невѣдомыя до тѣхъ поръ мысли запали въ его голову; приворожила его Палаша; онъ понялъ, что пришелъ и его чередъ испытывать на себѣ силу женскаго взгляда.

И полюбилъ онъ милую дѣвушку со всѣмъ пыломъ первой юношеской любви. Онъ былъ еще очень молодъ; ему шелъ двадцатый годъ, а Палашѣ, какъ мы уже знаемъ, шестнадцатый.

Завидѣвъ Палашу, Яковъ слегка свистнулъ,— этимъ знакомъ онъ заявлялъ ей о своемъ присутствіи въ лѣсу,—и быстро пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Здравствуй, милая, желанная моя, нѣжно сказалъ онъ, обнимая прелестную дѣвушку, склонившую головку къ нему на плечо. — Что такъ долго не шла. Мнѣ показалось, что я цѣлый вѣкъ жду тебя здѣсь, въ лѣсу.

— Какой нетерпѣливый, отвѣчала Палаша.— Кто-жь велѣлъ тебѣ приходить такъ рано! Сядемъ, да потолкуемъ, какъ слѣдуетъ. Я пришла не за тѣмъ только, чтобы глядѣть на тебя. Я пришла поговорить съ тобой въ послѣдній разъ.

Яковъ поблѣднѣлъ.

— Какъ: въ послѣдній разъ! Ты гонишь меня! Что я тебѣ сдѣлалъ дурного? Не солгало, видно, вѣщее сердце: ты меня не любишь! Вѣрно, нашла кого другого, кто тебѣ болѣе любъ, нежели я? Ну, и съ Богомъ! Прощай!

Онъ всталъ, чтобы уйдти, но Палаша схватила его за платье.

— Куда ты, мой милый, подожди. Никого я не люблю, кромѣ тебя. Выслушай меня, голубчикъ, не уходи!

Яковъ не зналъ, на что рѣшиться. Онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Сильная душевная тревога выражалась на его лицѣ.

— Дай, я поцѣлую тебя, мое сердце, мой касатикъ!

Она обвила своими руками шею Якова и пламенно, нѣжно поцѣловала его.

Послѣ такого доказательства любви, Якову ничего болѣе не оставалось, какъ сѣсть рядомъ съ милой очаровательницей.

— Ну, скажи на милость, Палаша, что ты со мною дѣлаешь? Кто тебя разберетъ: то ты меня любишь, то опять гонишь. Ты какая-то чудная!

— Грѣхъ, Яша, большой грѣхъ—наша любовь.

— Какой-же грѣхъ? Развѣ мы что дурное дѣлаемъ. Развѣ я надругаться надъ тобой хочу? Не долго намъ ждать: скоро минетъ тебѣ шестнадцать, а тамъ мы женимся, какъ слѣдуетъ добрымъ людямъ.

— Ахъ, Яша, по твоему это такъ, а по моей вѣрѣ замужество—великій грѣхъ.

— Что ты слушаешь этого проклятаго Кузьму. Вретъ онъ, собачій сынъ! Брось ты свою бѣсовскую вѣру и перейди къ намъ: у насъ лучше.

— Нѣтъ, Яша, нельзя мнѣ идти къ вамъ. Ваша вѣра неистинная, безблагодатная. Поклоняетесь вы не одному Богу; у васъ много боговъ.

— Что ты, перекрестись! Чтожь мы, язычники, что-ли, какіе окаянные? Да гдѣ мнѣ объяснить тебѣ нашу вѣру. Я темный человѣкъ. Поговори лучше съ нашими стариками, тѣ съумѣютъ сказать тебѣ, что за вѣра наша такая. Ты слушаешь этого, прости Господи, дьявола Кузьму.

— Не въ Кузьмѣ дѣло, мой милый. Что мнѣ до него! Знаю я, каковъ онъ, и не онъ научилъ меня вѣрить такъ, какъ я вѣрую. Я сама грамотная; читала святое писаніе; сама и научилась.

— Лучше и не говори. Ну, твоего-ли разума дѣло толковать писаніе. Сказано: вѣруй, не испытуя. Вотъ ты и впала въ грѣхъ великій! А все научилъ тебя Кузьма, чтобъ ему пусто было. Въ келейницы, небось, захотѣлъ посвятить тебя. Знаемъ мы это посвященіе. Видно, очень понравилась ты ему. Чтожь, красавица! А до красавицъ онъ очень лакомъ. Можетъ, и ты не прочь..

— Не обижай меня, Яша! Большой грѣхъ— напрасно клеветать на неповинную. Не будетъ Кузьма посвящать меня. Я сама посвящу себя Богу. Ему единому буду служить. Кузьма-же обо мнѣ совсѣмъ не думаетъ. Онъ даже ни разу не говорилъ мнѣ о посвященіи.

— Не вѣрится мнѣ что-то, а вѣрить хочется. Очень ужъ я люблю тебя. Но помни, Палаша, если ты примешь посвященіе отъ Кузьмы, тогда я проклину тебя. Да нѣтъ, убью! Нѣтъ, я не знаю самъ, что говорю. Этого быть не можетъ.

Палаша испуганными глазами смотрѣла на своего милаго, наконецъ не выдержала и зарыдала.

— Что ты говоришь, Яша, говорила она, всхлипывая, за что клянешь меня. Рязвѣ я тебя въ чемъ обманула, я всегда тебѣ говорила, что не выйду за тебя замужъ...

— Тогда зачѣмъ-же ты приходила сюда столько разъ? запальчиво перебилъ Яковъ. Чего ты меня затягивала къ себѣ; гибели моей, что-ли, тебѣ захотѣлось? Палаша, голубушка, брось ты своихъ грѣховодниковъ, перейди въ нашу вѣру; заживемъ мы тогда, какъ слѣдуетъ добрымъ людямъ.

— Голубчикъ, ты спрашиваешь зачѣмъ я приходила сюда? Я и сама не знаю. Не вольна я въ себѣ, когда задумаю увидѣться съ тобой. Точно что толкаетъ меня къ тебѣ. Чувствую, что дѣлаю грѣхъ, а иду.

— Какой-же?..

— Постой Яша. Дай мнѣ сказать все. Я чувствую, что скоро умру. Чѣмъ скорѣе призоветъ меня Господь, тѣмъ будетъ лучше. Мнѣ снятся странные сны, меня посѣщаютъ дивныя видѣнія. Не могу тебѣ разсказать, что значатъ они; не могу понять, что предвѣщаютъ онѣ; но если мнѣ приходитъ мысль о смерти, мнѣ дѣлается такъ хорошо, такъ сладко, что, кажется, вотъ взяла-бы да и умерла тотчасъ. Право, Яша, сладко умереть. Тамъ не будетъ ни горестей, ни печалей; тамъ благой отецъ Господь Богъ; какое счастіе вѣчно быть съ нимъ. Понимаешь-ли ты—вѣчно! А то иногда, Яша, дѣлается мнѣ страшно; дрожь пробираетъ меня; начну я думать о себѣ, разбирать свои поступки: много на мнѣ грѣховъ, а самый главный—моя любовь къ тебѣ; думая о тебѣ, я забываю о Господѣ, единой любви, къ которой должны стремиться всѣ наши помыслы. Такъ-то думала я, раздумывала, и рѣшилась сказать тебѣ напрямикъ, что мы должны разстаться. Я уйду отсюда куда-нибудь далеко...

Яковъ съ удивленіемъ слушалъ исповѣдь молодой дѣвушки. Съ восторгомъ онъ смотрѣлъ на ея дивную красоту. И въ самомъ дѣлѣ чудно хороша была Палаша въ эту минуту: лице ея пылало; въ глазахъ свѣтился огонь вдохновенія. Она привстала, ея длинныя косы, доходящія до колѣнъ, ея граціозный станъ,—все говорило о любви, а никакъ не объ отреченіи отъ всякой житейской радости. Яковъ любовался ею, но заключительныя слова ея рѣчи привели его въ отчаяніе.

— Палаша, видно, хочется тебѣ видѣть меня мертвымъ; я наложу на себя руки, если ты разстанешься со мной.

— Къ чему отчаяваться, мой милый. Всякая печаль проходитъ, и твоя пройдетъ въ свое время.

— Нѣтъ, Палаша, лучше убей меня, чѣмъ говорить такія рѣчи. Я люблю тебя, я хочу, чтобы ты была моей женою. Мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь. Тебя не будетъ,—зачѣмъ мнѣ жить. Кинусь въ воду,—и дѣлу конецъ.

Палаша грустно покачала головой. Ей хотѣлось утѣшить своего милаго, но слова не шли съ языка.

— Послушай, Палаша, подумай хорошенько, что ты хочешь дѣлать. И я поразмыслю. Дай недѣльку сроку. Недѣля вѣдь не много, робко проговорилъ Яковъ. Можетъ быть, и ты задумаешь, что другое; можетъ, и я попривыкну къ тяжкому разставанію. Но на врядъ ли: я не переживу такого несчастія!

— Хорошо, чрезъ недѣлю я опять приду сюда, но обѣщай мнѣ, Яша, впередъ обѣщай, что ты сдѣлаешь по моему. Я буду усердно молиться Богу и онъ наставитъ меня, что должно дѣлать. А теперь прощай! Обѣщаешь?

— Ну, будь по твоему...

Палаша однако не выдержала, горячо поцѣловала Якова, зарыдала и стремительно убѣжала.

Долго сидѣлъ Яковъ; сидѣлъ долго и послѣ того, какъ уже не стало видно милой дѣвушки. Пригорюнился бѣдняга и непрошенныя слезы показывались изъ глазъ.

— Кто разберетъ ее, сказалъ онъ. Чудная она дѣвушка! Кажется, любитъ меня... А все этотъ проклятый Кузьма; такъ бы кажется изувѣчилъ его, изверга окаяннаго. Куда я дѣнусь, если она уйдетъ, что буду дѣлать?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Г-жѣ Омеръ де-Гелль.

Переводъ франц. стихотворенія М. Ю. Лермонтова.

Сажусь я у дороги, утомленный,
Подъ высохшей березой, надо мной
Качающей свой блѣдный стволъ больной,
Палящимъ, лѣтнимъ вѣтромъ обнаженный.
Прислушиваюсь долго, но одну
Я слышу лишь ночную тишину.

* * *

Я вижу тѣнь; какъ облако ночное,
Какъ бѣлый призракъ, движется она,
Вокругъ распространяя, какъ весна,
Цвѣтовъ благоуханіе степное.
Она внезапно близится ко мнѣ,
И скрылась вдругъ во мракѣ, въ тишинѣ.

* * *

Нѣтъ, это пыль клубится въ отдаленьи,
И кружатся осенніе листы;
То вѣтерокъ дыханьемъ теплоты
Повѣялъ вдругъ въ полночномъ усыпленьи;
То въ тишинѣ по камнямъ у ручья
Ползетъ изъ темной рытвины змѣя.

* * *

И утомленный скукой ожиданья,
Исполненный печали роковой,
Я задремалъ, склонившись надъ травой,
И съ трепетомъ проснулся содроганья:
Ея знакомый голосъ слышу я,
Ея ноги касается моя.

Мисхоръ,
28-го октября 1840 г. В. Шуфъ.

ТИГРИЦА.

Романъ Д. Верга.

Переводъ **В. Крестовскаго** (псевдонимъ).

(*Продолженіе*).

Черезъ день или два, Джорджіо получилъ письмо; штемпель—«Ачиреале». У него задрожали руки. Онъ пошелъ въ спальню къ женѣ и больному ребенку и сказалъ, что этимъ вечеромъ его вызываютъ по дѣлу въ Джарре. Я и Рендона были при этомъ. Джорджіо былъ страшно взволнованъ; это, вѣроятно, замѣтила и жена, которая смотрѣла на него, не скрывая своего удивленія, и подъ разными предлогами просила отложить отъѣздъ; ребенку было хуже.

— Поѣдешь завтра, говорила Эрминія:—въ Джарре, конечно, не случилось ничего особеннаго. Завтра Джаннино будетъ легче и ты поѣдешь покойнѣе.

— Какъ ты находишь мальчика? спросилъ доктора Джорджіо, весь взволнованный.

— Какъ утромъ. Вечеромъ, натурально, жаръ будетъ сильнѣе.

— Мнѣ непремѣнно нужно быть въ Джарре вечеромъ... если ты находишь, что Джаннино въ такомъ состояніи что отлучиться мнѣ нельзя... скажи...

— Нѣтъ, я этого не говорю...

— Въ такомъ случаѣ, Эрминія, до свиданія; завтра, съ первымъ поѣздомъ возвращусь. Видишь, Рендона не безпокоится.

Жена не отвѣчала, проводила его до двери, воротилась и сѣла подлѣ колыбели, не сводя глазъ съ ребенка. Рендона и я ушли вмѣстѣ.

— Кто-жь такія вещи спрашиваетъ при матери! ворчалъ онъ:—я и самъ безпокоюсь, но могъ-бы онъ догадаться, не заставлять меня пугать бѣдную женщину.

На станціи, я встрѣтился съ Джорджіо; онъ былъ одинъ, безъ багажа, и, увидя меня, удивился, будто не зналъ, что, живя въ Ачиреале, я почти каждый день ѣзжу этой дорогой. Онъ взялъ билетъ въ Джарре; въ купэ насъ сѣло только двое. Джорджіо говорилъ мало и все смотрѣлъ въ окно на море. На станціи Ачи-Кастелло, онъ вообразилъ, что ужь пріѣхали, и когда поѣздъ опять тронулся, сѣлъ и зажалъ голову руками. Приближаясь къ Ачиреале, поѣздъ убавлялъ хода. Джорджіо всталъ и стоялъ, держась за ручку двери, съ противоположной стороны гостинницы Купалень. Онъ не сказалъ ни слова. Я, выходя, спросилъ, не вмѣстѣ-ли мы опять поѣдемъ завтра съ утреннимъ поѣздомъ; онъ отвѣчалъ, что не знаетъ навѣрное, что, можетъ быть, воротится въ Катарію на лошадяхъ. Вагонъ затворили, поѣздъ пошелъ; Джорджіо не оглянулся на пріѣзжихъ.

Въ гостинницѣ вечеромъ читали, колотили на фортепіано, курили, гуляли по саду. Часовъ въ одиннадцать послышался стукъ экипажа со стороны Джарре. Я ужь хотѣлъ идти въ свою комнату, когда встрѣтился лицомъ къ лицу съ Лаферлита. Онъ вдругъ остановился, потомъ рѣшительно подошелъ и сильно сжалъ мнѣ руку.

— Все равно, выговорилъ онъ:—такъ должно было случиться. Пойдемъ въ залу, въ садъ, къ тебѣ,—куда хочешь. Ты все понялъ.

Я очень понялъ и увелъ его въ садъ; вечеръ былъ теплый, но постороннихъ въ это время никого не было. Въ темнотѣ, мы нашли скамью. Джорджіо сказалъ глухо:

— Главное—не читай морали. Напрасно.

— Не читаю. Но кой чортъ тебѣ вошло въ голову...

— Вошло. Я тебя избѣгалъ; увидѣлъ—стыдно стало.

Нѣсколько оконъ свѣтились четыреугольниками на темномъ фасадѣ гостинницы. Джорджіо, не садясь, смотрѣлъ на нихъ, будто спрашивалъ.

— Которое? обратился онъ, наконецъ, ко мнѣ, какъ будто мы о комъ нибудь говорили.—Я поступаю скверно,—знаю. Видѣлъ, какъ посмотрѣла Эрминія? Въ сердцѣ у меня читала! а мальчишка мой... что съ нимъ теперь?.. Что ни говори... Оказалъ-бы мнѣ услугу, если-бы кто нибудь сейчасъ прострѣлилъ мнѣ голову!.. Но... это выше силъ моихъ! Умираетъ несчастная,—знаешь-ли? Все она, вотъ, тутъ, передо мной, стоитъ передъ глазами! Если-бы еще сегодня меня принудили не видать ее... не знаю, что бы со мною было!

Онъ метался взадъ и впередъ по дорожкѣ, рвалъ листья и кусалъ ихъ съ какимъ-то бѣшенствомъ, вдругъ захватилъ лицо руками и зарыдалъ. Онъ былъ жалокъ. Этотъ вѣчно беззаботный, этотъ фатъ корчился, пряталъ свою слабость, свои слезы.

Я хотѣлъ взять его руку; онъ тихо оттолкнулъ меня.

— Дорого обходятся роковыя радости! выговорилъ онъ:—тяжело сознавать себя подлецомъ!

— Джорджіо...

— Я подлецъ. Я обманулъ Эрминію, оставилъ сына,—а моя обязанность—остаться при немъ; я бросилъ домъ, семью, счастье... сердце разрывалось и я все-таки уѣхалъ!

— Зачѣмъ-же...

— Зачѣмъ уѣхалъ? Надо было. Она написала...

— На что ей тебя?

— Не знаю. Ни на что. Надо было ѣхать.

— Но ты попробовалъ-ли подумать хоть минуту, что ѣхать не должно, ни для нея, ни для тебя?

Онъ былъ внѣ себя.

— Попробовалъ-ли подумать? Къ чему пробовать? Это выше моихъ силъ, я тебѣ сказалъ!.. Знаю ваши резоны, ваши приличія, ваши обязанности!.. Я несчастный, вотъ я передъ вами... я проклятый!

Онъ зажималъ лицо руками, вдругъ встрепенулся—часы били половину двѣнадцати.

— Прощай. Надо идти. Пусти меня...

XIV.

Почти всѣ лампы были погашены въ корридорѣ комнаты Наты; ея дверь была полуотворена. Джорджіо, колеблясь, вошелъ. Въ полусвѣтѣ, Ната, вся въ бѣломъ стояла опершись на стулъ, неподвижная, глядя на дверь. Она быстро двинулась впередъ, скользя по ковру, будто призракъ, блѣднѣе своего платья, протянувъ руки, сверкая глазами и, какъ звѣрь, схватила Джорджіо въ объятія.

Она не сказала ни слова и все держала его такъ на своей груди, стискивала его голову, откачивалась, заглядывала кошачьимъ взглядомъ ему въ лицо, все молча, и опять все крѣпче сжимала.

Въ корридорѣ послышался легкій шумъ. Она дико оглянулась.

— Запри!

Онъ вздрогнулъ отъ ея голоса.

— Кто тамъ?

— Мой мужъ. Не обращай вниманія. Съ тобой есть револьверъ? Если онъ на свою бѣду сюда заглянетъ, я его убью.

Она не замѣчала впечатлѣнія своихъ словъ и все глядѣла ему въ глаза.

— Я ждала тебя, сказала она глухо.

Онъ поцѣловалъ ее; ея губы не шевельнулись.

— Ты женился?

Онъ не успѣлъ отвѣтить; она бѣшено обняла его.

— Сюда! ближе! Дай лобъ... дай губы... Ближе!

Вдругъ она помертвѣла и повисла на его рукахъ; онъ посадилъ ее въ кресла.

— Ничего, выговорила она, запрокидывая голову:—не пугайся. Дай, вотъ, ту стклянку.

Откупоривъ, Джорджіо почувствовалъ запахъ сильнѣйшаго возбуждающаго и колебался. Ната поняла, горько улыбнулась, и нетерпѣливо взяла у него стклянку.

— Да не пугайся, хуже мнѣ ужь не сдѣлаетъ, а теперь мнѣ необходимо.

Она влила нѣсколько капель въ рюмку и выпила; ея щеки мгновенно вспыхнули. Она захохотала раздирающимъ смѣхомъ.

— Ахъ, хорошо, хорошо!.. Будто огонь, тутъ!

Джорджіо стоялъ, смотрѣлъ, задыхаясь, истерзанный, не находя ни словъ, ни слезъ. Съ ужаснымъ кокетствомъ умирающей, она особенно заботливо нарядилась; ея волосы были заплетены въ двѣ толстыя косы, исхудалая грудь закрыта дорогими кружевами... Ему мерещился ея образъ, какъ она бывала когда-то въ Пергола, въ садикѣ улицы «Принца Амедея»... Прелестная, насмѣшливая...

— О чемъ задумался? Не думай о женѣ, не хочу! сказала она со злостью.

Онъ наклонилъ голову,

— Любишь ее... ту женщину? Не отвѣчай! вскричала она, зажимая ему ротъ рукою. Я ее видѣла въ театрѣ.. Хороша!

Она закрыла глаза, по ея щекамъ медленно покатились двѣ слезы. Бесѣду влюбленныхъ прервало мрачное молчаніе. Вдругъ, будто очнувшись, Ната уставила на него потерянный взглядъ.

— Что ты такъ смотришь? Я стала безобразна? Нѣтъ, волосы еще очень хороши; расплети... Не бойся меня; еще не умираю... И къ тому же, такъ тебя люблю!

Шатаясь, она обняла его, припала отчаянно нѣжно на его грудь, вдругъ отшатнулась съ неожиданной силой и смотрѣла, допрашивая:

— Говори, что не любишь эту женщину! Говори,—не любишь?

Джорджіо опустилъ глаза.

— Говори, что не любилъ ее никогда! Что любилъ, что любишь одну меня! Говори!

Онъ солгалъ; самъ не зная, лжетъ-ли, и не стыдясь своей лжи. Она не отводила взгляда, помолчала и спросила невыразимо:

— У тебя ребенокъ?

Онъ молчалъ, уничтоженный. Она рѣзко охватила его голову, прижалась къ ней головою и заплакала...

— О, зачѣмъ слезы... выговорилъ Джорджіо.

У него разрывалось сердце.

— Не буду, не буду плакать... И я тоже вправѣ быть счастлива... Что мнѣ она, та! Скажи ей, что я прежде чѣмъ она тебя любила; скажи ей, что я скоро умру... скажи... Силъ не было умереть, не повидавшись съ тобою! Когда я тебѣ писала, я не думала, что кончу такъ скоро... не знала, что такое чувствовтеь, какъ жизнь бѣжитъ, бѣжитъ... и сердце не было такъ переполнено... Еслибъ ты зналъ, какъ тяжело умирать! и одной! въ гостинницѣ! Мужъ пріѣхалъ, къ послѣднимъ часамъ,—докторъ ему написалъ... увѣренъ, что назадъ, туда, къ должности своей не запоздаетъ; отпускъ взялъ на мѣсяцъ; все спаяно, и долгъ, и приличія!.. Что этотъ человѣкъ можетъ намъ сдѣлать? что онъ для меня? Тебѣ было противно, когда я сказала, что если онъ между нами станетъ—минута будетъ для него роковая!.. Что мнѣ весь міръ, когда я изъ него ухожу? Что мнѣ бояться, чего мнѣ ждать? У меня—одинъ ты! Я люблю тебя понимаешь? на зло женѣ, ребенку, всѣмъ!

Она говорила глухо, отрывисто, рѣшительно, будто страшный роковой приговоръ. Съ бѣшенствомъ, будто въ бреду, она обняла Джорджіо; казалось, скрипѣли ея кости... чудовищная страсть мертвеца... Образы жены, ребенка, тихаго дома, семейныхъ радостей закружились предъ Джорджіо рядомъ съ этимъ призракомъ, съ этой ужасной, любящей, измученной женщиной. Замирая, она дико вскрикивала, стыдливо придерживая кружева на своей груди. Вдругъ, она рванула ихъ, внѣ себя, выпрямилась, лепеча, рыдая, протягивая руки къ постели. Джорджіо уложилъ ее, будто трупъ. Слезы текли изъ ея закрытыхъ глазъ. Она судорожно закусила губы, вдругъ взглянула потерянно, отчаянно и оттолкнула Джорджіо.

— Нѣтъ! Между нами эта женщина... Нѣтъ!

Она что-то зашептала, забредила и вдругъ тяжко заснула...

Джорджіо слушалъ ея прерывистое дыханіе. Она вздрагивала, вскакивала, взглядывала, не опомнясь, запрокидывала голову и спала. Ея лицо заострилось, глаза впали, щеки потемнѣли; волосы разметались, бѣлое платье обвилось вокругъ застылаго тѣла... Она спала, Джорджіо, будто околдованный, не сводилъ глазъ...

Ужасной ночи, казалось, конца не будетъ.

* * *

Наконецъ первые отблески дня замелькали на бѣлыхъ занавѣскахъ, на рамахъ картинъ, на мебели. Ната проснулась.

— Выспалась... Хорошо! прошептала она. Мнѣ очень хорошо.

Она поискала руку Джорджіо и повернулась къ нему. При дневномъ свѣтѣ, ея лицо казалось еще мертвеннѣе.

— Ужь день? Какъ я долго спала. Помоги мнѣ встать; я хочу видѣть зарю.

Онъ поднялъ ее; ухватясь руками за его шею, она дошла до окна. Въ гостинницѣ всѣ еще спали. Сторожа желѣзной дороги ходили съ фонарями, осматривая рельсы; горластый пѣтухъ, на кучѣ дровъ, вытянувъ шею, пробовалъ голосъ; небо было темно-голубое съ легкими молочными облачками и чуть-чуть румянилось на востокѣ; на морѣ, еще темно-сѣромъ, далеко бѣлѣлъ длинный рядъ рыбачьихъ парусовъ.

— Какая тишина... прошептала Ната:—и въ этотъ часъ, сколько счастливыхъ!

Джорджіо содрогнулся.

— Прощай! сказала она рѣшительно, но съ усиліемъ; въ ея голосѣ были слезы.—Придешь опять, вечеромъ?

— Приду.

— Обѣщаешь? Она взяла его руки.

— Вѣдь ужь недолго... Приходи. У меня только и есть, что ты одинъ. Ужь недолго.

Онъ обнялъ ее съ какимъ-то угрызеніемъ совѣсти. Она дала разцѣловать себя, неподвижная, сжавъ губы и глядя прямо...

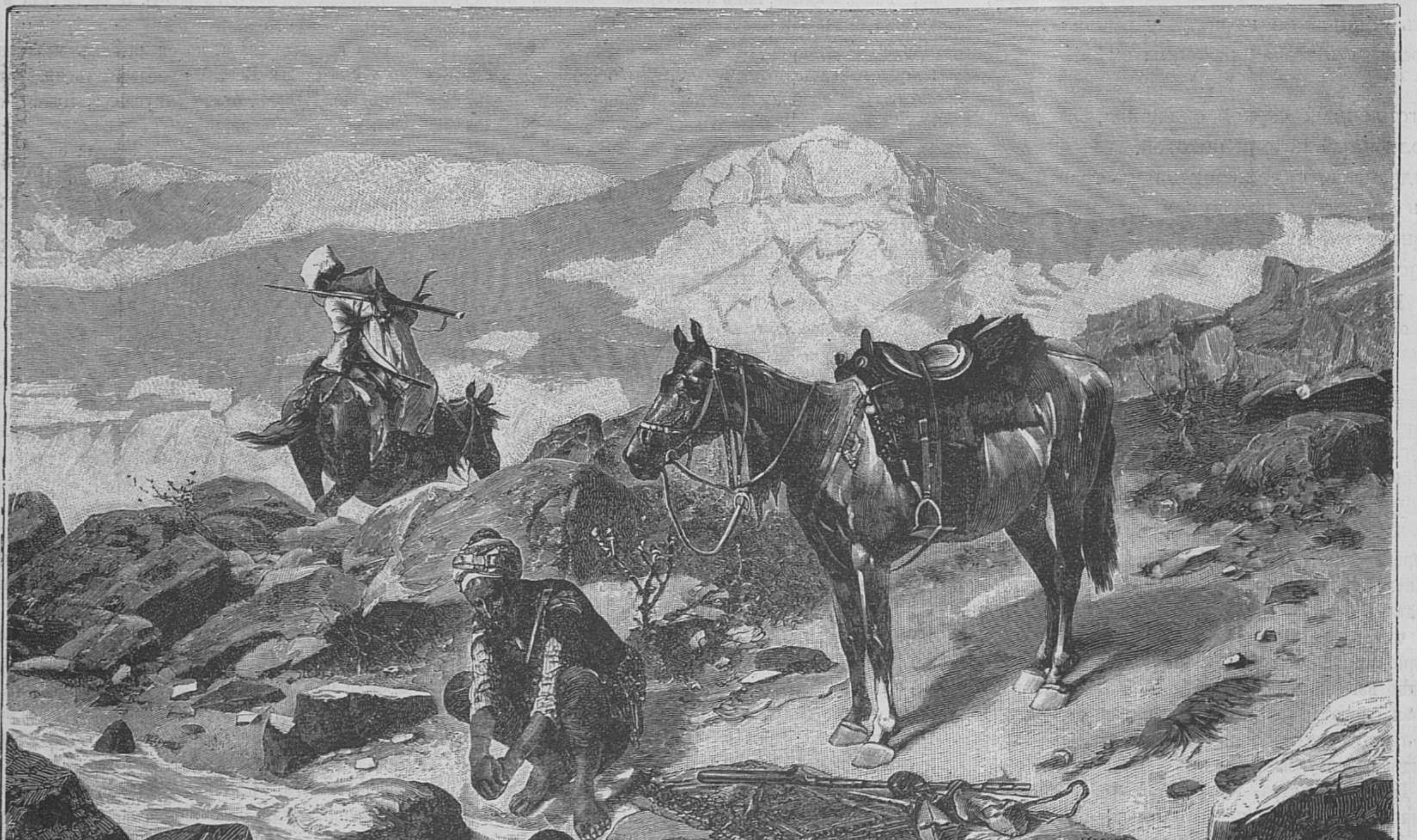
Онъ вышелъ, спотыкаясь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ПОЛЬЗУ ВДОВЪ И СИРОТЪ АРХИТЕКТОРОВЪ.

Съ картины Рубо.



Курды на молитвѣ.

Гравировалъ на деревѣ А Смирновъ въ Спб:

Артуръ Шопенгауеръ.

(1788 — 1860).

Артуръ Шопенгауеръ родился въ Данцигѣ въ пятницу, 22 февраля (по старому стилю 10-го), 1788 года. Отецъ его занималъ видное положеніе въ коммерческомъ мірѣ Данцига, мать-же была высоко образованная женщина, впослѣдствіи обратившая на себя вниманіе цѣлымъ рядомъ романовъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр. «Тетка», «Сидонія») имѣли за собою несомнѣнныя достоинства.

Дѣтство и отрочество Артура Шопенгауера прошли почти сплошь въ путешествіи. Отецъ готовилъ его по торговой части, думая передать ему свои дѣла, а потому и рѣшилъ, что сынъ его долженъ изучить свѣтъ. Результатомъ этого маленькій Артуръ за исключеніемъ двухъ лѣтъ (1797—1799), проведенныхъ въ Гамбургѣ, въ аристократической школѣ Рунге, почти до 1804 года ѣздилъ со своими родителями изъ конца въ конецъ по всей Европѣ. Такъ, въ 1800 году семейство Шопенгауера путешествовало по Германіи, 1803 году оно находится въ Англіи, откуда черезъ Голландію перебирается во Францію, въ началѣ 1804 года путешествуетъ по Южной Франціи, Швейцаріи, Италіи, Австріи и т. д. Польза такого времяпрепровожденія была несомнѣнна для впечатлительнаго, живого ума маленькаго Артура и, хотя онъ терялъ не мало—лишаясь систематическаго школьнаго обученія, «книга жизни» жадно прочитывалась имъ и усваивалась. Англійскій, французскій, итальянскій языки онъ зналъ, какъ свой родной, и въ 1804 г. съ сентября мѣсяца онъ сталъ спеціально изучать дѣло своего отца въ Данцигѣ подъ руководствомъ г. Кабруна, компаньона фирмы, а въ декабрѣ вернулся въ Гамбургъ, чтобы съ новаго 1805 года засѣсть за изученіе торговли въ конторѣ Іениша.

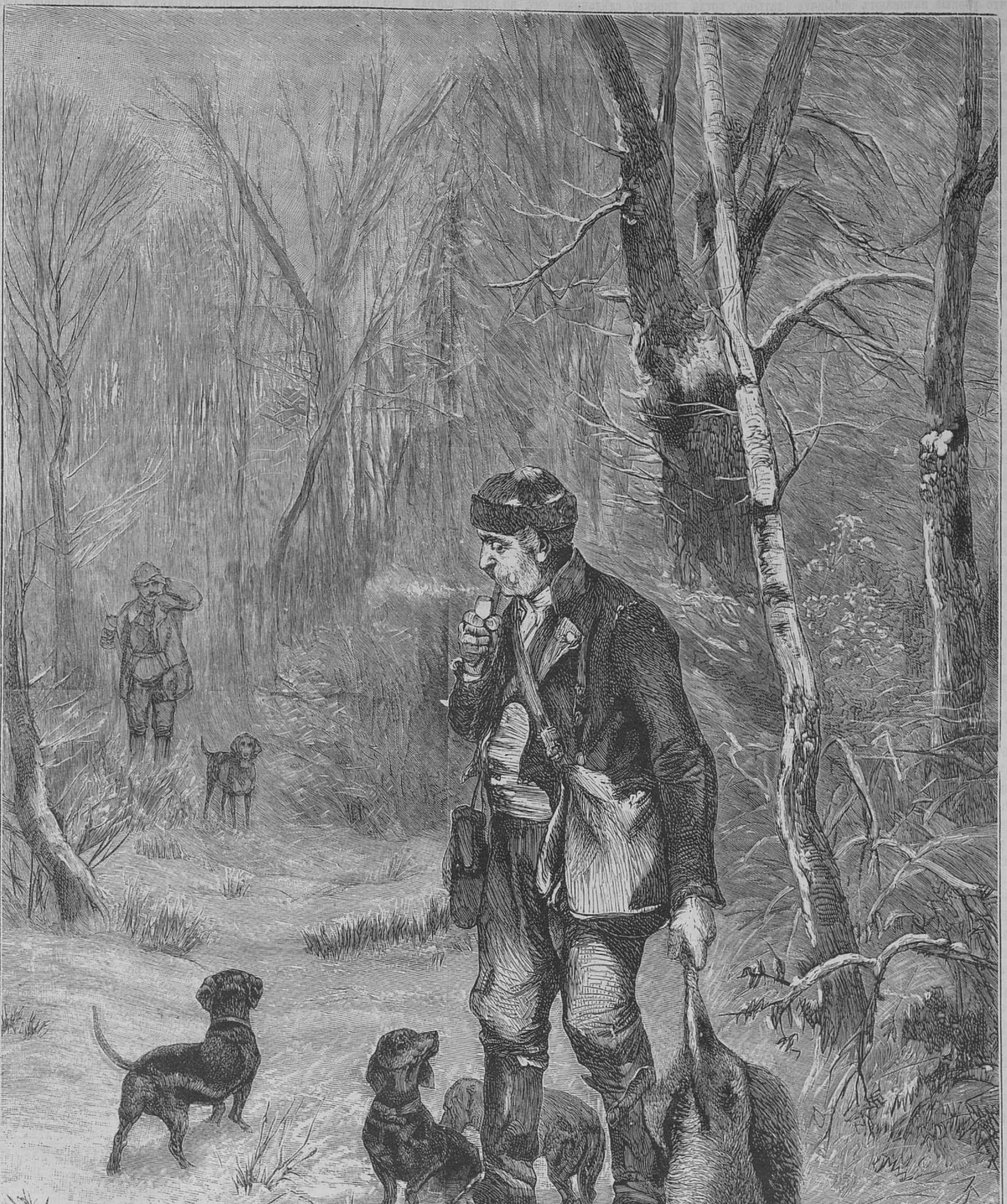
Въ апрѣлѣ этого же года умеръ его отецъ. Артуръ помѣстился въ конторѣ Іениша изучать торговое дѣло, мать же его съ маленькою дочерью Аделью переселилась въ Веймаръ, гдѣ вскорѣ съумѣла привлечь на себя всеобщее вниманіе своимъ умомъ, живостью и образовать около себя кружекъ изъ лучшихъ людей Германіи. Достаточно сказать, что ея знакомствомъ дорожили Гете, Виландъ, братья Шлегели.

Потеря горячо любимаго отца, отъѣздъ матери повліяли на впечатлительную душу Артура и мысли его начали пробуждаться. Еще прежде онъ всегда стремился къ другой карьерѣ, его всегда преслѣдовала жажда ученія, но отецъ умѣлъ сдерживать его порывы и ловко направлялъ его къ своей спеціальности. Но теперь, сидя за ненавистной конторкою надъ разграфленными книгами, онъ снова сталъ томиться прежнею жаждою. Получая отъ матери письма, гдѣ она ярко рисуетъ свою веселую, легкую жизнь, Артуръ вдумывался въ свою и приходилъ въ отчаянье. Онъ все болѣе чувствовалъ, что эта обстановка не отвѣчаетъ его идеаламъ и все болѣе и болѣе тяготился ею. Наконецъ, онъ написалъ отчаянное письмо къ своей матери, въ которомъ рисовалъ самыми мрачными красками свое положеніе. Мать обратила вниманіе на это письмо и, посовѣтовавшись съ близкимъ своимъ другомъ Ферновымъ, предложила Артуру готовиться въ университетъ, для чего онъ долженъ былъ ѣхать въ Готу къ профессору Якобсу, рекомендованному Ферновымъ.

Артуръ Шопенгауеръ вздохнулъ свободно. Въ іюнѣ 1807 г. онъ разстался съ ненавистною конторою Іениша и прибылъ въ Готу, гдѣ немедленно засѣлъ за латинскій и греческій языки. Его учителя Дерингъ и Якобсъ сразу обратили вниманіе на его способности и пророчили ему блестящую будущность. Свои приготовленія къ университету Артуръ окончилъ уже въ Веймарѣ, подъ руководствомъ Пассова и Ленца, совершенно увлекшихъ его древностью. Увлеченіе было настолько сильно, что Шопенгауеръ на всю жизнь остался горячимъ защитникомъ и поклонникомъ классицизма, при-

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Шлитцберга.



Непріятная встрѣча.

Гравировалъ на деревѣ Н. Суриковъ въ Спб.

ходя въ ярость отъ невѣрно переведенной цитаты, жалуясь, что ученые начинаютъ забывать латынь, когда этотъ языкъ долженъ бы быть единственнымъ для научныхъ трактатовъ.

Внѣ занятій время свое онъ проводилъ въ театрѣ, въ прогулкахъ верхомъ и на вечерахъ у матери. Но уже и въ то время начинаетъ обрисовываться его тяжелый, угрюмый характеръ. Въ 1808 г. 20-ти лѣтній юноша пишетъ: «если исключить изъ жизни немногія минуты, поглощаемыя религіознымъ чувствомъ, искусствомъ и чистою любовью, то едва-ли затѣмъ останется что нибудь, кромѣ длиннаго ряда пошлыхъ помысловъ».

Веселая, живая мать, видя постоянно угрюмую фигуру сына, слыша отъ него ѣдкіе сарказмы, начинаетъ все менѣе ему симпатизировать; веселая рѣчь, живой смѣхъ замолкали, когда входилъ Артуръ Шопенгауеръ, и всѣ избѣгали его. Но, не смотря на это, невольное уваженіе всегда окружало его, и великій Гете, когда молоденькія дѣвушки за чайнымъ столомъ однажды смѣялись надъ Артуромъ, сказалъ имъ: «ну, дѣтки, его-то вы мнѣ оставьте въ покоѣ—когда нибудь онъ всѣхъ насъ переростетъ головою»

И это пророчество сбылось впослѣдствіи.

Въ 1809 г. Артуръ былъ выдѣленъ и, получивъ отъ матери причитающуюся часть наслѣдства, уѣзжаетъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ и поступаетъ на медицинскій факультетъ. Въ 1811 г., подъ вліяніемъ профессора Шульце, онъ впервые обращаетъ свое вниманіе на философію и отдается ей уже весь, безраздѣльно. Этому способствуетъ и его нелюдимый, теперь уже совершенно сложившійся характеръ. Онъ внимательно предался изученію системъ Платона и Канта и переѣхалъ уже въ Берлинъ, чтобы послушать Фихте, пользовавшагося тогда славою. Онъ внимательно прослушалъ весь курсъ, хотя совершенно разочаровался въ Фихте и до конца жизни считалъ его не болѣе, какъ шарлатаномъ.

1813 г. Артуръ Шопенгауеръ приготовился сдавать диссертацію на степень д-ра философіи. Весною этого-же года онъ посѣтилъ 70-ти лѣтняго Виланда, котораго подговорили отвлечь Артура Шопенгауера отъ его стремленій.

На убѣжденія Виланда Арт. Шопенгауеръ отвѣчалъ: «Жизнь неудачная шутка, и я поставилъ себѣ задачею провести ее въ размышленіи надъ самою жизнью». Послѣ продолжительной бесѣды, престарѣлый поэтъ распростился съ начинающимъ философомъ со словами: «Да, я вижу теперь, что вашъ выборъ, молодой человѣкъ, правиленъ; я постигаю вашу натуру — вамъ, дѣйствительно, лучше изучать философію».

Въ томъ же 13 году Шопенгауеръ представляетъ свое сочиненіе на докторскую степень «О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія», за которое и удостоивается таковой 2 октября 1813 г.

Послѣ этого зиму онъ проводитъ въ Веймарѣ, гдѣ Гете поручаетъ ему провѣрить свои изслѣдованія по теоріи «Ученія о цвѣтахъ», результатомъ чего было въ 1816 году выпущенное Шопенгауеромъ сочиненіе «О зрѣніи и о цвѣтахъ».

Къ этому времени относится и окончательный разрывъ его съ матерью, продолжавшійся вплоть до кончины ея 1838 г. Шопенгауеръ въ теченіи всей своей жизни остался при своемъ невысокомъ мнѣніи о матери.

Время съ 1814 по 1818 г. Шопенгауеръ провелъ въ Дрезденѣ, посвятивъ себя писанію главнаго своего сочиненія «Міръ, какъ воля и представленіе», вышедшаго въ свѣтъ въ началѣ 1819 года. Послѣ этого онъ отправился въ Римъ, Неаполь и Венецію, гдѣ цѣлый годъ провелъ «человѣкомъ» въ полномъ смыслѣ, а не философомъ, отрицающимъ жизнь. Здѣсь онъ «прожигалъ» жизнь, дѣля время между любовью и кутежами. Замѣчательно, что въ это-же время въ этой же Венеціи прожигалъ свою жизнь другой геній, Байронъ, и, между тѣмъ, они ни разу не встрѣтились.

Въ 1820 г. Шопенгауеръ стряхнулъ съ себя все человѣческое и отправился въ Берлинъ, гдѣ началъ читать лекціи.

Въ то время въ нѣмецкой наукѣ всецѣло царилъ Гегель со своею туманною метафизикою, и Шопенгауеръ, рѣшившій снова возстановить въ чистотѣ ученіе Канта, былъ принятъ крайне непріязненно. Сочиненія его нарочно игнорировались, лекціи его никѣмъ не посѣщались и онъ болѣе и болѣе озлоблялся противъ этой клики, которая подъ звонкими фразами скрывала пустоту и пошлость. Все это озлобленіе вылилось у него въ сочиненіяхъ, особенно въ «Парерга», гдѣ онъ казнитъ со всею безпощадностью своего языка фарисейство, пошлость и бездарность нѣмецкихъ ученыхъ. На упрекъ, сдѣланный ему по этому поводу его другомъ Фраунштедтомъ, онъ пишетъ: «Въ 1813 г. я выступилъ съ первою моею работою, въ 1816 г. появилось ученіе о цвѣтахъ, въ концѣ 1818 г. вышло мое капитальное сочиненіе и т. д. Подобное методическое молчаніе въ теченіи цѣлыхъ 34 лѣтъ о вещахъ, заслуживающихъ вниманія, и, на ряду съ этимъ, превозношеніе всякой дряни до небесъ—безпримѣрно. Я еще слишкомъ мягко обошелся съ этими негодяями»...

Съ 1822 по 1825 г. онъ пробылъ въ Италіи. Вернувшись назадъ въ Берлинъ, онъ уже не продолжалъ своихъ лекцій и только въ 30 г. повторилъ свое сочиненіе «Ученіе о цвѣтахъ» въ латинскомъ переводѣ для иностранныхъ ученыхъ. Въ 1831 году, въ виду появившейся въ Берлинѣ холеры, онъ уѣхалъ въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ поселился навсегда. Образъ его вылился окончательно.

Юношескія неудачи, холодность и легкомысліе его матери, непріязнь, пошлость и подлость среди ученой братіи поселили въ немъ окончательную ненависть къ людямъ. Такъ, онъ пишетъ: «...если-бы я совсѣмъ могъ отдѣлаться отъ иллюзій и пересталъ бы видѣть ближнихъ въ этой лягушечьей, ехидной породѣ, то, конечно, вздохнулъ бы свободнѣе»...

«Міръ—зло, жизнь—страданіе», говорилъ онъ и, полный злобы и горечи, отрекся отъ жизни, какъ мы ее понимаемъ. Обладая средствами, онъ окружилъ себя книгами и весь погрузился въ размышленія надъ жизнію. Свой отдыхъ онъ находилъ въ игрѣ на флейтѣ и въ загородныхъ прогулкахъ со своимъ другомъ пуделемъ. Видѣть человѣческое лице было ему непріятно до болѣзненности и почти 30 лѣтъ онъ прожилъ въ совершенномъ уединеніи. Но отъ современнаго теченія жизни онъ не отставалъ. Внимательно слѣдилъ за газетами, журналами и интересовался событіями текущей жизни.

Въ это время изъ подъ его пера вышли слѣдующіе труды: въ 1836 г. «О волѣ въ природѣ», въ 39 г. «О свободѣ воли», за этотъ трудъ королевско-норвежское общество увѣнчало Шопенгауера преміей и избрало его своимъ членомъ. Въ 41 г. «Основы морали», а въ 1851 г. появилось его популярнѣйшее сочиненіе «Парерга и Паралипомена», небольшія философскія статьи, сразу сдѣлавшія имя Шопенгауера извѣстнымъ, откуда и начинается его слава.

Его сочиненія проникаютъ во всѣ слои общества, выдерживаютъ по нѣсколько изданій, ими увлекаются и пессимистическое ученіе широкою волною начинаетъ разливаться всюду.

За два года до своей смерти Шопенгауеръ снова вернулся къ людямъ, но на этотъ разъ онъ только встрѣтилъ горячихъ поклонниковъ своего ученія, смотрящихъ на него, какъ на учителя.

Среди уваженія и почета, постоянно угрюмый и желчный, дожилъ онъ до 72 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ и умеръ 21-го сентября (9-го по старому стилю) 1860 г., умоляя, чтобы на его могильной плитѣ было поставлено лишь имя и фамилія «и отнюдь ничего болѣе, никакой даты, ни года, совершенно ничего, ни одного слова болѣе»...

Всѣхъ сочиненій послѣ себя Шопенгауеръ оставилъ 6, въ порядкѣ времени появлявшихся такъ:

1) «О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія». Филоссофская статья Артура Шопенгауера, доктора философіи. Изд. 1813, 1847, 1864, 1875 гг.

2) «О зрѣніи и о цвѣтахъ», статья Артура Шопенгауера. Изд. 1816, 1854, 1870 гг.

3) «Міръ, какъ воля и представленіе». Четыре книги съ прибавленіемъ, содержащимъ критику кантовской философіи. Изд. 1819, 1844, 1859, 1873, 1879 гг.

4) «О волѣ въ природѣ». Изд. 1836, 1854, 1867, 1878 гг.

5) «Двѣ основныя проблемы этики» I. «О свободѣ человѣческой воли»; сочиненіе, увѣнчанное королевскимъ норвежскимъ обществомъ наукъ въ Дронтгеймѣ. 26-го января 1839 г. II. «Объ основахъ морали». 30-го января 40 г. Изд. 1841, 1860 гг.

6) «Парерга и Паралипомена», небольшія философскія статьи. 2 тома. 1851, 1862, 1874, 1878 гг.

Полное собраніе сочиненій А. Шопенгауера издано было Юліусомъ Фрауенштедтомъ въ 6 томахъ въ Лейпцигѣ сперва въ 1873 потомъ въ 1877 году.

Артуръ Шопенгауеръ, безспорно геніальная личность, играетъ страшную, демоническую роль въ исторіи умственнаго нашего развитія. Онъ первый положилъ начало пессимистическому ученію и развивалъ его съ такою страшною послѣдовательностью, что даже самъ отрекся отъ жизни подъ вліяніемъ своего ученія. Сущность этого ученія въ самой крайней формѣ выразилась у послѣдователя Шопенгауера, Гартмана, въ слѣдующей формулѣ: «въ мірѣ сплетеніе добра и зла, изъ которыхъ послѣднее очень распространено и очень сильно и, хотя міръ устроенъ такъ хорошо, какъ только возможно, но въ общей совокупности и отдѣльно для каждаго одушевленнаго существа онъ такъ дуренъ и жизнь такъ трудна, что лучше было бы, если бы міръ вовсе не былъ созданъ и все живущее въ немъ никогда ге существовало».

И это страшное, убивающее всякую энергію и живой порывъ, ученіе проникло въ литературу, а черезъ нее и въ общество вмѣстѣ съ апатіей, съ уныніемъ. Особенно по вкусу въ нашемъ обществѣ это ученіе пришлось «слабымъ и немощнымъ духомъ», которымъ только «суждены благіе порывы»; послѣ тщетныхъ попытокъ сдѣлать что-нибудь, они разочаровываются и съ вѣчнымъ припѣвомъ: «жизнь—пошла и безсмысленна» начинаютъ ныть, отравляя своимъ нытьемъ спокойствіе окружающихъ.

Страшно и растлѣвающе это нарождающееся поколѣніе «нытиковъ»!..

Артуръ Шопенгауеръ въ своемъ пессимизмѣ страдалъ не за себя, а за все человѣчество, обреченное страданіемъ, и былъ гордъ и великъ въ своихъ глубоко гуманныхъ воззрѣніяхъ, какъ геній.

Если съ одной стороны дознанная и испытанная негодность людей сдѣлала Шопенгауера человѣконенавистникомъ, то съ другой стороны онъ завѣщалъ человѣчеству взаимную любовь во имя общаго страданія. Этотъ великій завѣтъ своею гуманностью выкупаетъ весь мракъ и ужасъ его ученія:

«Съ какимъ-бы человѣкомъ, говоритъ онъ, ни пришелъ ты въ столкновеніе, не думай дѣлать объективной оцѣнки его достоинства и значенія и потому не бери въ расчетъ дрянности его воли или ограниченности его ума и ложности понятій, ибо первое возбудило бы къ нему ненависть, а послѣднее презрѣніе; но имѣй въ виду лишь его страданія, нужду, страхъ и болѣзни: тогда ты всегда будешь чувствовать свое родство съ нимъ; ему симпатизировать и, вмѣсто ненависти или презрѣнія, будешь чувствовать къ нему состраданіе. которое и есть та любовь, къ которой взываетъ Евангеліе».

Такія фразы произносятся только вѣками.

Наблюденія и размышленія.

(Фельетонные замѣтки и очерки).

«У книгъ своя судьба». То никто не хочетъ знать какого-то Шекспира, то господинъ Вольтеръ признаетъ его дикаремъ, котораго сначала нужно умыть и причесать, то каждый, понабившій себѣ всѣми неправдами карманы прожигатель жизни обѣляетъ свой нравственный образъ поклоненіемъ великому Шекспиру. У сочиненій Л. А. Мея тоже своя судьба: при жизни, не смотря на его крупное дарованіе, его очень мало цѣнили; послѣ смерти его почти забыли; когда онъ написалъ свою драму «Псковитянка»—ее нельзя было поставить на сцену; когда послѣ его смерти черезъ десятки лѣтъ ее поставили на сцену—публика рѣшила, что драма скучна, и увлеклась только сценой «вѣча», но и то лишь потому, что это «точно у мейнингенцевъ». Мало того, нашелся какой-то ораторъ, громко задававшій вопросъ: «удобно-ли брать солдатъ для изображенія на сценѣ вѣчевой вольницы?» Этотъ вопросъ даже смутилъ робкія сердца и они вздохнули свободнѣе только тогда, когда одно изъ высокостоящихъ лицъ, услышавъ о словахъ оратора, замѣтило коротко:

— Глупости!

А чѣмъ-бы вышла эта драма, если бы ее могъ поставить при жизни самъ авторъ, имѣя возможность во время репетицій кое-что урѣзать, кое-что добавить, какъ это имѣютъ возможность дѣлать разные господа Крыловы и Николаевы, пьесы которыхъ преподносятся публикѣ, такъ сказать, со сковороды, не встрѣчая никакихъ «но»?

За постановку этой драмы публика должна сказать спасибо г-жѣ Стрепетовой и примириться ради этого съ тѣмъ, что даровитая артистка уже не въ силахъ вполнѣ олицетворить взятую ею на себя роль. Много смысла, много души, много нервности въ игрѣ г-жи Стрепетовой, но увы! время беретъ свое и шестнадцатилѣтней дѣвушки на сценѣ не было, была только превосходная артистка, изображающая шестнадцатилѣтнюю дѣвушку.

Да, время не щадитъ никого и теперь трудно представить г-жу Федотову, въ первомъ дѣйствіи «Фру-фру» или въ роли «Ребенка», г-жу Никулину въ роли шаловливой субретки, г-жу Дюжикову въ роли первой римской красавицы Помпеи, какъ было бы трудно представить г. Варламова исполняющимъ роли гг. Аполлонскаго или Корвинъ-Круковскаго въ «Агриппинѣ», тогда какъ этимъ артистамъ стоитъ только выйдти, чтобы публика поняла ихъ роли. Къ несчастію, артисты и артистки всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ очень рѣдко понимали, когда уже для нихъ наставало время проститься со своимъ прежнимъ амплуа или даже со сценой. И Тамберликамъ, и Маріо приходилось напоминать объ этомъ «пора пошабашить» безпощадными свистками, какъ недавно еще сдѣлали это у насъ съ г-жей Мази.

Знаменитая когда-то m-lle Жоржъ очень долго боролась съ судьбой и, наконецъ, дошла до того, что однажды, упавъ на колѣни на сценѣ въ самомъ патетическомъ мѣстѣ драмы, не могла уже подняться съ пола, вслѣдствіе своей грузности. На бѣду игравшій съ нею «первый любовникъ» оказался малосильнымъ и долго не могъ помочь ей встать на ноги, хотя и тащилъ ее изо всѣхъ силъ. Произошла нѣкоторая возня на полу, вызвавшая гомерическій смѣхъ всей залы.

Мы лично были свидѣтелями другого случая, оставившаго въ душѣ тяжелое воспоминаніе. На кафе-шантанной сценѣ у покойнаго Берга разъ появился новый танцоръ. Когда онъ «выпорхнулъ» изъ-за кулисъ на сцену, всѣхъ поразило его лице: это была какая-то тощая маска на тощей, темной и жиловатой шеѣ, ярко накрашенная бѣлилами, румянами и углемъ; фигура танцора, обтянутая въ плохое трико, напоминала скелетъ. Не знаю, многіе-ли изъ зрителей видѣли гольбейновскую «пляску смерти», но всѣхъ охватило непріятное, жуткое ощущеніе, точно на сценѣ явился для пляски нарумяненный покойникъ. Онъ сталъ выдѣлывать антраша, кружиться, вскидывать ноги. Что это была за пляска, съ видимо подламывающимися ногами, съ крупными каплями пота, смывавшими краску съ лица, съ тяжело отдувающейся отъ усталости грудью, съ безсильно моргающими и падающими на потухшіе глаза вѣками! Раздались неистовыя шиканья и крики:

— Довольно! довольно!

— Да вѣдь они его на голодную смерть обрекаютъ, послышался около меня голосъ одного изъ близкихъ къ театру людей.—У него угла нѣтъ, куска хлѣба нѣтъ для ребятишекъ...

Мнѣ стало еще болѣе жутко. А каково было ему, этому старику: онъ плясалъ, потому что и онъ, и его семья были голодны, и ничему другому, кромѣ танцевъ, онъ не былъ наученъ съ дѣтства... Къ счастію, публика театра Берга была изъ добродушныхъ: мало по малу она свыклась съ пляшущимъ покойникомъ и начала наконецъ надрываться отъ смѣха, когда эти подламывающіяся ноги силились выдѣлывать пируэты и антраша. Нѣкоторые изъ зрителей во время его «нумера» выходили курить въ буфетъ, но ему уже не шикали:

— Пусть кормится!

И какія жертвы приносятъ иногда артисты, чтобы подольше продержаться на сценѣ или занимать извѣстное амплуа. Достаточно напомнить знаменитую В. А. Лядову: она вырвала себѣ всѣ зубы и вставила обѣ челюсти, чтобы явиться въ «Прекрасной Еленѣ». А каково артисткѣ, когда она сознаетъ, что она не можетъ перейти на другое амплуа? Лагранжъ-Белькуръ играла до старости роли наивныхъ дѣвочекъ и когда уже нельзя было играть ей эти роли, оставила сцену Михайловскаго театра. Попробуйте представить г-жу Савину съ ея навсегда усвоенными ею манерами, съ ея вульгарнымъ, жиденькимъ голосомъ въ роляхъ «grandes dames», «драматическихъ старухъ» или «благородныхъ матерей» и вы поймете, на сколько ниже она будетъ стоять, чѣмъ стоитъ теперь въ разныхъ «тетенькахъ», «искоркахъ», «чудовищахъ», «самородкахъ» и т. п. Но если артисткамъ и артистамъ не легко переходить во время съ одного амплуа на другое, то еще тяжелѣе имъ покидать вовсе сцену, ради которой многіе изъ нихъ или не обзавелись семьей, или не съумѣли сдѣлать изъ этой семьи для себя маленькій земной рай. Покинувъ сцену, неспособные ни къ какой новой дѣятельности, они сразу остаются какъ-бы лишними, выкинутыми за бортъ, сданными въ архивъ. Общество забываетъ ихъ быстро и даже не справляется послѣ ихъ удаленія со сцены, живы-ли они, какъ живутъ, не нуждаются-ли. До этого нѣтъ и не можетъ быть дѣла никому.

Не рѣдко, покинувъ сцену, артисты окончательно опускаются, какъ когда-то опустился П. В. Васильевъ 2-й или П. А. Смирновъ. Особенно тяжелое воспоминаніе оставилъ въ насъ послѣдній.

Петръ Алексѣевичъ Смирновъ когда-то былъ однимъ изъ замѣтныхъ артистовъ на Александринской сценѣ. или, вѣрнѣе сказать, онъ могъ-бы встать на первостепенное мѣсто, если-бы онъ не былъ слишкомъ лѣнивымъ для интриги, а эта интрига заграждала ему всѣ пути. Красавецъ собой, сильно напоминавшій лучшіе портреты Петра I, баловень публики и въ особенности женщинъ, всегда благородный и изящный, онъ выслужилъ пенсію и сошелъ со сцены, отчасти чувствуя невозможность перейдти на другое амплуа, отчасти сознавая свою неспособность къ интригамъ и кознямъ закулиснаго міра, испортившимъ ему всю карьеру, какъ онѣ долго, почти до самой смерти, портили дорогу Мартынову. Какъ-то я со своимъ отцомъ, другомъ Смирнова, забрелъ къ нему и засталъ его лежащимъ на диванѣ. Около него были два мальчугана съ книгами въ рукахъ. При нашемъ приходѣ онъ отослалъ ихъ изъ комнаты.

— Это что у тебя за ребятишки? спросилъ отецъ, обнимаясь съ Петромъ Алексѣевичемъ.

— Грамотѣ ихъ учу отъ нечего дѣлать, лѣниво отвѣтилъ Смирновъ.—Чьи-то со двора. Надоѣдятъ—отсылаю домой...

Когда онъ обнялъ меня, я тотчасъ-же почуялъ запахъ водки.

— Ну, усаживайтесь! сказалъ онъ и направился черезъ комнату къ шкапчику.

Онъ открылъ дверцу шкафчика, налилъ рюмку водки и опрокинулъ ее въ ротъ.

— Блаженствую я теперь, проговорилъ онъ, снова прилегши на диванъ,—какъ покончилъ съ театромъ. Мимо него извощику не позволяю ѣздить, чтобы не видать этого вертепа. Да, счастливъ тотъ, кто можетъ покончить съ нимъ...

— Часто выѣзжаешь? спросилъ отецъ, всматриваясь въ него грустными голубыми глазами.

— Выѣзжаю? Нѣтъ, чего выѣзжать! отвѣтилъ Смирновъ.—Тутъ хорошо, тихо... За пенсіей только ѣзжу...

Онъ откинулъ свои густые, вьющіеся черные волосы, въ которыхъ уже серебрилась сѣдина, и снова подошелъ къ шкапчику.

— И куда выѣзжать? продолжалъ онъ, приваливаясь на диванъ.—Къ особамъ прекраснаго пола? «Уходили сивку крутыя горки»! Къ старымъ однокашникамъ? Смотрѣть, какъ Самойловъ все выше дѣлаетъ себѣ ходули, какъ Сашка Мартыновъ все съеживается, не смѣя даже подумать о томъ, что онъ геній, какъ почтеннѣйшій Павелъ Степановичъ въ особу превращается?

Онъ засмѣялся горькимъ смѣхомъ.

— Помнишь, когда его жена у насъ въ Коломнѣ щепки собирала?

Онъ махнулъ красивой, бѣлой рукой и, подойдя къ шкапчику, разомъ осушилъ двѣ рюмки...

Его прекрасное лице осунулось, черные глаза потухли, рука, державшая рюмку, дрожала. Онъ сталъ дремать. Я, не прощаясь съ дремлющимъ хозяиномъ, вышелъ съ отцомъ.

— Пьютъ-съ, пояснила намъ прислуга,—и никуда почти не выходятъ. Учатъ вотъ ребятишекъ, пока не соснутъ... Иногда такія безобразія устраиваютъ, что...

Отецъ заторопился и я замѣтилъ, какъ онъ стиснулъ зубы, что онъ всегда дѣлалъ, когда на его ясные голубые глаза навертывались слезы. Онъ всегда досадовалъ на себя за это «малодушіе». Мы молча вышли на улицу, сердца наши сжимались за этого когда-то блестящаго, умнаго, веселаго и безпечнаго «баловня судьбы», какъ называли его прежде всѣ близкіе. Мы чувствовали, что это «начало конца»...

Къ несчастію, этотъ «конецъ» не всегда является скоро..

Рискуя наскучить вамъ, читатель, я не могу не подѣлиться съ вами еще однимъ воспоминаніемъ изъ того-же театральнаго міра...

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія на нашей балетной сценѣ проходило не мало знаменитостей. Такіе балетмейстеры, какъ Дидло, и руганью, и пинками стремились превратить все театральное училище въ танцовщиковъ и въ танцовщицъ. Къ этому поприщу готовили и тщедушнаго А. Е. Мартынова, и прославившуюся потомъ въ драмѣ подъ фамиліей Дюръ, Марью Дмитріевну Новицкую, и даже собственный сынъ свирѣпаго Дидло, Карлъ Карловичъ Дидло, сдѣлавшійся потомъ почтеннымъ чиновникомъ, пролилъ не мало слезъ, обучаясь у отца танцамъ. Всѣ слышали отъ яраго балетмейстера: «свинъ, скотинъ, сѣнъ, соломъ, полѣнъ дровъ», и волей-неволей плясали. Въ эту-то эпоху моды на балетъ, когда въ честь танцовщицъ писали стихи Грибоѣдовъ и Пушкинъ, яркой звѣздочкой мелькнула на сценѣ Марья Никоновна Иконина. Правда, у нея были немного велики, хотя и очень узки ноги; можетъ быть, она могла-бы быть пониже ростомъ или нѣсколько полнѣе; тѣмъ не менѣе это была первоклассная танцовщица. Знатоки пророчили ей уже блестящую будущность, такую-же, можетъ быть, славу, какою пользовались въ разныя времена Данилова, Истомина, Тальони, Эльслеръ, Доръ, Черитто и т. д. Но обстоятельства сложились такъ, что эта «богиня театральныхъ подмостокъ» сошла рано со сцены: она числилась въ штатѣ служащихъ, дослуживала до пенсіи, но почти не танцовала. Что заставило ее удалиться со сцены, когда у ея ногъ уже были самые блестящіе свѣтскіе поклонники? Записки Вигеля отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ: «Иконина была хороша собою, высока ростомъ, молода, стройна, неутомима и танцовала весьма правильно; но всякій разъ, какъ появлялась, заставляла со вздохомъ вспоминать о Даниловой. Вдругъ напала на нее ужасная худоба: румяна валились съ ея сухихъ и блѣдныхъ щекъ и она сдѣлалась настоящимъ скелетомъ. Тогда еще менѣе она стала нравится, ибо кому пріятно смотрѣть на пляску мертвецовъ?» Вслѣдствіе чего явилась эта худоба, вслѣдствіе чего пришлось оставить сцену, объ этомъ Вигель не говоритъ. Въ жизнь Икониной впуталась любовь. Къ кому? Къ одному изъ тѣхъ, чье имя пользовалось громкой извѣстностью въ то время, къ графу З. И самъ графъ З., и его родня принадлежали къ высшей аристократіи и уже съ екатерининской эпохи играли крупную роль въ общественной жизни нашего отечества. Долго-ли длилась любовь—здѣсь говорить не мѣсто. Прошли годы, не стало графа З., поклонники балерины давно забыли ее, положенія въ обществѣ не было пріобрѣтено никакого, двѣ ея дочери вышли замужъ и свили свои собственныя гнѣзда, и какъ-то почти незамѣтно для самой себя она очутилась одна...

Я помню ее именно въ это время.

Въ небольшой, чистенькой, изящно обставленной квартирѣ, на Васильевскомъ Островѣ, царствуетъ гробовая тишина. Прислуга ходитъ, повидимому, на цыпочкахъ, какъ-бы боясь потревожить больного. Но больного въ домѣ нѣтъ: въ немъ находится только одна женщина—это худощавая, стройная, величественная старуха, въ корсетѣ, въ превосходно сшитомъ платьѣ. Она сидитъ у окна, подперши лице тонкою, все еще прекрасною рукою, и безцѣльно смотритъ на улицу, или безучастно читаетъ что-то, очевидно не интересуясь тѣмъ, что читаетъ. Давно уже общество пережило двѣнадцатый годъ, четырнадцатое декабря, турецкую войну двадцать восьмого года, венгерскую кампанію и мятежи сорокъ восьмого года, императоръ Александръ I сошелъ въ могилу и на его мѣсто вошелъ на престолъ Николай I, не стало и Николая, а воцарился императоръ Александръ II, но всѣ эти событія прошли для нея какъ-то безслѣдно, не занимая, не интересуя ее, живую покойницу: молчаливая, серьезная, одинокая, она смотритъ изъ окна на этотъ снующій по улицамъ людъ, на эту сутолоку жизни и ждетъ конца. Изрѣдка заходятъ къ ней ея родные, съ которыми у нея нѣтъ почти ничего общаго; она почти не смотритъ на нихъ, зная, что если они и посѣщаютъ ее, то чаще всего только ради нужды въ деньгахъ; она отвѣчаетъ отрывисто на ихъ вопросы, не интересуясь ихъ жизнью, ожидая только одной фразы:

— Бабенька, у насъ нужда!

Наконецъ они уходятъ и она снова застываетъ въ неподвижной позѣ.

Разъ на исповѣди священникъ замѣтилъ ей:

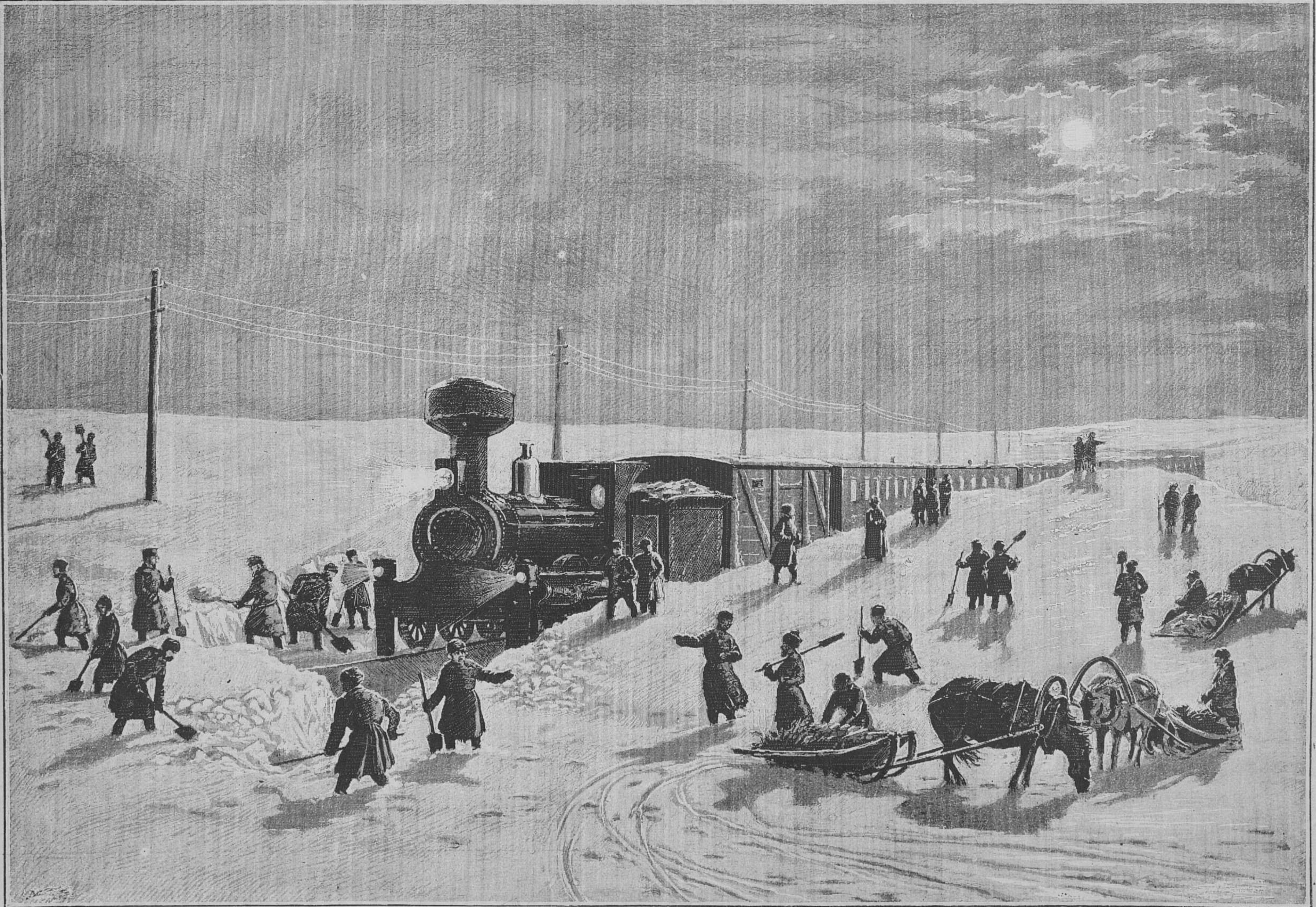
— Горда ты!

— Да, да, горда! отрывисто отвѣтила она и подняла высоко свою прекрасную голову.

Еще-бы! Когда-то она изображала на сценѣ величавыхъ греческихъ богинь; когда-то ей рукоплескалъ весь Петербургъ; когда-то у ея ногъ была вся блестящая петербургская молодежь изъ высшаго круга; когда-то ея покорнымъ рабомъ былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся аристократовъ того времени, графъ З., какъ-же было не сдѣлаться гордой? И послѣ всего-то этого пришлось на долгіе-долгіе годы вдругъ превратиться просто въ отставную балетную танцовщицу, мѣщанскую дѣвицу Марію Никонову Иконину! Только необходимость упорно работать, крупные жизненные интересы, выходящій изъ ряду вонъ умъ, многосторонняя образован-

ИЗЪ ЖИЗНИ и ПРИРОДЫ.

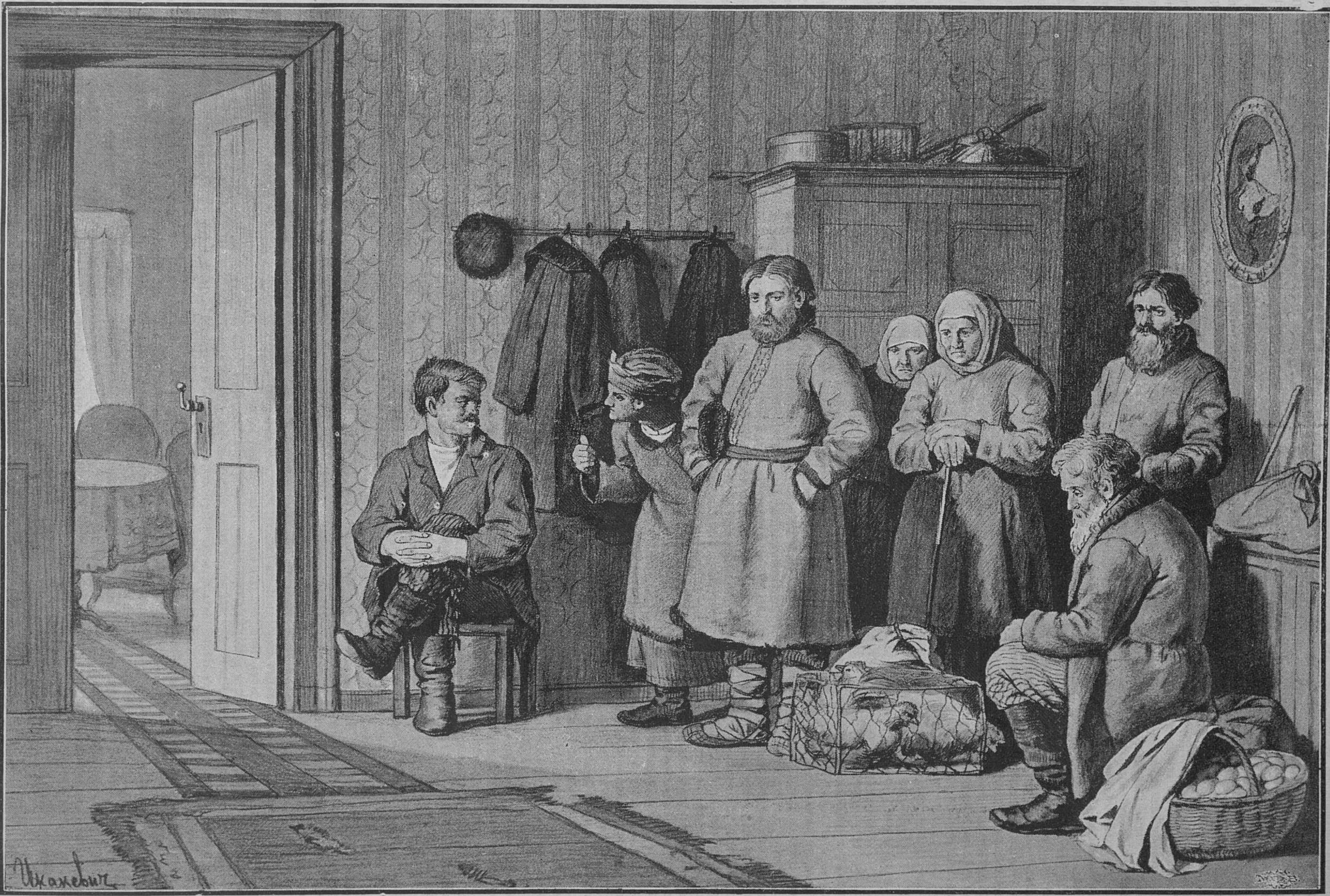
(По наброску съ натуры корреспондента-художника журн. «Жив. Об.» Петровича).



Снѣжный заносъ на желѣзной дорогѣ.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ Ижакевича.



Въ пріемной у нужнаго человѣка.

ность, горячая привязанность къ кому-нибудь или къ чему-нибудь могли-бы заставить забыть это прошлое и примириться съ этимъ настоящимъ. У нея не было ни того, ни другого, ни третьяго и она, богиня, сброшенная съ балетнаго Парнаса на землю, отшатнулась, почти возненавидѣла людей, заперлась среди своихъ севрскихъ бездѣлушекъ и—ждала конца, ждала долгіе, долгіе годы...

Одна эта жизнь—цѣлый историческій романъ...

Счастливы тѣ артисты, которые умерли въ полномъ блескѣ своего таланта, или которые вплоть до глубокой старости сохранили свои таланты и силы, или которые, покинувъ театральные подмостки, съумѣли найдти на жизненной сценѣ новые интересы и теплое семейное гнѣздо, вознаградивъ себя вполнѣ за шумныя рукоплесканія иными тихими радостями... На этихъ дняхъ предстоитъ юбилейный бенефисъ на Александринской сценѣ одного изъ такихъ ветерановъ сценическаго искусства, ушедшаго съ театральныхъ подмостковъ, но не порвавшаго связи съ тревогами и радостями жизни. Мы, говоримъ о Леонидѣ Львовичѣ Леонидовѣ, пользовавшемся всегда любовью товарищей и уваженіемъ публики. Къ его бенефису возобновляется старинная пьеса «Русская свадьба», интересная по своимъ бытовымъ подробностямъ... X.

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Сѣверный Вѣстникъ».

Рѣдко между журнальными статьями встрѣчаются такія, какъ статья г. А. В. Елисѣева: «Среди поклонниковъ дьявола», помѣщенная въ январской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника»; чтеніе этой статьи было для насъ величайшимъ удовольствіемъ. Намъ не приходится рекомендовать читателямъ г. Елисѣева: онъ очень извѣстенъ, какъ неутомимый и наблюдательный путешественникъ по Востоку. Кто читалъ его прекрасныя описанія или слушалъ его публичныя чтенія, хорошо знаетъ, что онъ имѣетъ особый даръ наблюдать бытъ и жизнь человѣка и талантъ художественнаго изображенія явленій и впечатлѣній природы. Любители хорошихъ описаній на первыхъ же страницахъ указанной статьи найдутъ мастерское описаніе одной ночи, застигшей нашего автора въ дорогѣ во время его путешествія по Сиріи. Въ эту ночь, такъ непріятно застигшую нашего автора въ дорогѣ, ему выпало на долю рѣдкое счастье—быть близкимъ зрителемъ оригинальнаго и для непосвященныхъ недоступнаго богослуженія іезидовъ: они-то и называются поклонниками дьявола. Нашему заблудившемуся путешественнику въ дикой Сирійской пустынѣ, въ непроглядную ночь, подъ покровомъ тьмы, удалось быть у самого костра, гдѣ три іезида совершали свое моленіе дьяволу, съ бѣготнею около костра, причитаніями и конвульсивными движеніями, до совершеннаго разслабленія и полной потери силъ. Іезиды живутъ у насъ на Кавказѣ, не мало ихъ въ горныхъ мѣстахъ Арменіи и Курдистана; но главный центръ ихъ здѣсь, въ Сѣверной Сиріи, въ области Африна; здѣсь живутъ самые фанатическіе почитатели дьявола смѣло и открыто; впрочемъ, и здѣсь они не въ безопасности отъ гоненій правовѣрныхъ мусульманъ. Іезидовъ издавна называютъ поклонниками дьявола, считая послѣдняго заглавное божество ихъ. Между мусульманами и христіанами они имѣютъ самую дурную репутацію: іезидъ не вѣруетъ ни во что, онъ не чтитъ ни Бога, ни пророковъ, ни Магомета, ни Христа; онъ поклоняется только одному дьяволу и вмѣстѣ съ нимъ является врагомъ Бога и всего святаго. Такъ смотрятъ на іезидовъ, и потому естественно презираютъ и ненавидятъ ихъ. Наши кавказскіе іезиды принадлежатъ къ тихому земледѣльческому населенію; наблюдая ихъ, нашъ авторъ нашелъ ихъ слишкомъ обычными, не интересными и начиналъ думать, что всѣ толки объ іезидахъ лишены серьезнаго смысла, и не стоитъ заботиться объ изученіи ихъ вѣроученія и культа. Сейчасъ описанная ночная встрѣча съ іезидами снова затронула его вниманіе, возбудила интересъ и заставила внимательно изучить этихъ оригинальныхъ сектантовъ. Внимательное изученіе привело нашего автора къ убѣжденію, что вражда къ іезидамъ зародилась вслѣдствіе незнанія ихъ вѣроученія и поддерживается таинственностью, которою іезиды покрываютъ свой культъ отъ непосвященныхъ. Они, дѣйствительно, почитаютъ падшаго и проклятаго Богомъ ангела; но предметъ ихъ поклоненія совсѣмъ не имѣетъ тѣхъ мрачныхъ чертъ, какія христіане и магометане придаютъ дьяволу. Онъ, правда, несовершенное существо, но для людей благодѣтельное и страдалецъ за нихъ, какъ Прометей греческой миѳологіи. Не противленіе Богу и вражда къ свѣтлому и совершенному началу привлекаютъ іезидовъ къ падшему и отверженному ангелу, а истинно человѣческія чувства—благодарности къ благодѣтелю и сочувствіе къ страдальцу. Это наглядно и въ изящной формѣ объясняетъ прекрасная легенда іезидовъ, лежащая въ основѣ ихъ вѣроученія. — Ниспала съ неба звѣздочка — говоритъ древнее преданіе іезидовъ—и схоронилась въ нѣдрахъ тогда еще темной земли; въ той звѣздочкѣ ниспалъ на землю свѣтлый лучъ вѣчнаго солнца, озарявшаго рай, и на землѣ стало свѣтло, ясно и тепло; частица вѣчнаго свѣта озарила ее, зажгла въ ней жизнь, дала ей силу, разумъ и дыханіе. Тѣмъ лучомъ, тою частицею вѣчнало свѣта былъ великій и славный Мелькъ-Таузъ изъ любви къ темной землѣ онъ промѣнялъ царство вѣчнаго свѣта,—голубое небо, залитое лучами солнца и тридцати-трехъ тысячъ звѣздъ; съ вѣчнымъ свѣтомъ потерялъ Мелькъ-Таузъ и милость великаго свѣтлаго Бога, царившаго въ небѣ, но не любившаго земли, которая была всегда далеко отъ него. Разгнѣвался великій Создатель на Мелькъ-Тауза и низринулъ его съ высоты трона, на которомъ онъ прежде царилъ надъ звѣздами, солнцемъ и луною. Долго летѣлъ внизъ великій и несравненный, не зная, гдѣ остановиться и отдохнуть; но ни звѣзды, ни солнце, ни луна не хотѣли его поддержать; вѣрныя волѣ Всевышняго, они гнали отъ себя падшаго духа, боясь прогнѣвить того, кто низвергнулъ Мелькъ-Тауза. Только земля не отказала въ прибѣжищѣ изгнаннику, и съ распростертыми объятіями приняла его. Упавши на зеленую, покрытую ароматными цвѣтами землю, долго безъ движенія лежалъ несравненный Мелькъ-Таузъ; разбитый, больной, опечаленный, онъ былъ на свѣтѣ одинъ, потому что всѣ отвернулись отъ него. Даже люди, которыхъ онъ такъ любилъ, которымъ принесъ съ неба свѣтлую надежду и яркій огонь, были такъ жестоки, что не хотѣли облегчить тяжкой муки изгнанника. Проходя мимо и видя его безпомощнаго, они смѣялись надъ нимъ, били палками, плевали ему въ лицо и проклинали того, кому были обязаны самою жизнью и умомъ. Но всѣ эти оскорбленія молча и терпѣливо переносилъ Мелькъ-Таузъ; онъ вѣрилъ и надѣялся, что искорка лучшаго свѣта, принесенная имъ, не можетъ заглохнуть совершенно даже среди жестокихъ и испорченныхъ людей, и свѣтлая надежда не обманула Мелькъ-Тауза. Нашлись добрые чистые сердцемъ люди которые сохранили непогашенною искорку вѣчнаго свѣта, ниспавшую на землю въ видѣ яркой звѣзды небосклона, они узнали и приласкали Мелькъ-Тауза, не боясь того, что скажутъ другіе люди, и какъ посмотритъ на ихъ доброе дѣло Аллахъ. Собравшись вокругъ падшаго ангела, они обмыли тѣло его водою чистыхъ ключей, обрызгали благовоніемъ пестрыхъ цвѣтовъ горъ, покрыли лучшими одеждами, вытканными руками ихъ прекрасныхъ дочерей. Ожилъ и проснулся тогда для новой жизни на землѣ Мелькъ-Таузъ; онъ поднялъ руки къ небу, словно прощаясь съ нимъ, и трижды оттуда прогремѣлъ въ грохотѣ бури Предвѣчный. Создатель міра—источникъ благодати и безпредѣльной любви, не осудилъ добрыхъ людей за то, что они сдѣлали для несчастнаго Мелькъ-Тауза, и знакомъ радуги показалъ имъ свое благоволеніе. И бѣдные люди горъ приняли это знаменіе, какъ приказъ Всевышняго не покидать въ горѣ и несчастіи низринутаго и отверженнаго Мелькъ-Тауза. Тѣ люди были горцы; они и до сихъ поръ идутъ за Мелкъ-Таузомъ, когда весь міръ проклинаетъ и ненавидитъ его»... Итакъ, Мелькъ-Таузъ—падшій ангелъ, мрачный духъ отрицанія и сомнѣнья, врагъ божій. Сатана, — изъ любви къ людямъ пожертвовалъ славою и блаженствомъ. Люди помнятъ благодѣтеля и чтутъ страдальца, не обращая вниманія на то, что онъ отринутъ и проклятъ Богомъ. Они свидѣтельствуютъ благодарность къ своему благодѣтелю и любовь къ страдальцу, не осмѣливаясь быть судьями между нимъ и гнѣвнымъ Богомъ. На нихъ за это не гнѣвается и самъ Богъ. Какая глубоко-гуманная мысль проникаетъ насквозь эту прекрасную легенду! Уже изъ изложенной легенды видно, что іезиды, кромѣ падшаго духа, знаютъ и признаютъ Высшее Существо, и записанный теперь символъ вѣры іезидовъ ясно показываетъ, какъ возвышенны и идеальны ихъ понятія о совершенномъ, добромъ, абсолютномъ Существѣ. Теперь представляется интересный вопросъ, какимъ образомъ, зная добраго и совершеннаго Бога, іезиды главнымъ и единственнымъ предметомъ своего почитанія и поклоненія избрали падшаго и отринутаго Богомъ ангела? Сами іезиды объясняли изслѣдователямъ, спрашивавшимъ у нихъ объ этомъ, такими примѣрами: ты нашъ другъ и любимый слуга Царя: Царь на тебя прогнѣвался. Ужели это даетъ намъ право прекратить къ тебѣ дружественныя отношенія... Развѣ мы имѣемъ право вмѣшиваться въ отношеніе Бога къ ангеламъ? Если Мелькъ-Таузъ ангелъ, мы должны почитать его. Мы сами грѣшны; какое же право мы имѣемъ проклинать падшаго ангела. — Если мы сами ждемъ прощенія отъ милости Божіей, почему же не можемъ думать, что и великій низверженный будетъ прощенъ и снова возвысится на степень вождя небесныхъ воинствъ? Быть можетъ, онъ уже прощенъ и снова, какъ первый служитель Бога, исполняетъ повелѣнія всевышняго законодателя. Можетъ быть, Моисей, Магометъ и другіе святые пророки представляютъ собою его воплощенія. — Несомнѣнно, религія іезидовъ имѣетъ свое начало въ глубокой древности и составляетъ достопамятный обломокъ сѣдой старины, уцѣлѣвшій до нашего времени. Предъ изслѣдователемъ такого рода явленій ставится трудная и въ высшей степени интересная задача: опредѣлить всѣ многоразличныя наслоенія, которыя легли на первоначальную основу. Первоначальная основа іезидства—религія Зороастра, парсизмъ. Къ ней постепенно присоединены элементы изъ библіи и Ислама. Вотъ разгадка, почему по различнымъ іезидскимъ легендамъ Мелькъ-Таузъ имѣетъ черты, уподобляющія его то Ариману Зендавесты, то сатанѣ Библіи, то Прометею греческой миѳологіи. Смѣшеніе различныхъ элементовъ въ одномъ образѣ объясняется тѣмъ, что Иранъ, служившій колыбелью іезидскаго вѣроученія, былъ издревлѣ тою страною, гдѣ религія Зороастра, іудейство, христіанство и исламъ постоянно сталкивались и взаимно дополняли другъ друга. Если поглубже заглянуть въ Вендавиту, то можно найдти разгадку страннаго и непонятнаго на первый взглядъ почитанія падшаго духа, сатаны, Аримана. Бундегема проповѣдуетъ, что въ концѣ міра Ариманъ очистится и будетъ предстоять Ормузду, въ качествѣ жреца-священника. Поклонники Мелькъ-Тауза, вѣроятно хорошо помнятъ такую судьбу Аримана. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что культъ Мелькъ-Тауза также древенъ, какъ религія Зороастра». Мы не знаемъ, прямо или преемственно іезиды сохранили древніе принципы дуализма и своеобразный культъ почитанія сатаны. Быть можетъ, іезиды представляютъ собою обломокъ древняго значительнаго народа, культивировавшаго на почвѣ дуализма почитаніе сатаны и, такимъ образомъ, измѣнившаго ученіе Зороастра въ пользу поклоненія злому началу Аримана. Мы знаемъ еще изъ Зендавесты, что часть иранскаго народа, издавна называвшаяся Мазанійскими дэвами, была склонна къ почитанію злого духа, и еще Фирдуси описываетъ ихъ землю, какъ великое обиталище демоновъ. Въ сказкахъ и преданіяхъ курдовъ говорится также о народахъ, исповѣдующихъ дьяволовъ и поклоняющихся имъ. Если были въ самомъ дѣлѣ такіе народы въ передней Азіи, то іезиды—прямые наслѣдники ихъ религіозныхъ воззрѣній. Мы не исчерпали всего содержанія статьи г. Елисѣева, да она и не окончена еще въ январской книжкѣ. Такъ долго мы остановились на этой статьѣ потому, что такія статьи встрѣчаются рѣдко. Статья интересна для всякаго и особенно для того, кто интересуется исторіею религіозныхъ вѣрованій. Нашъ авторъ въ своей работѣ умѣлъ найдти золотую средину между отрывочностью и случайностью личныхъ наблюденій путешественника и чисто книжною, кабинетною работою ученаго; авторъ своими глазами видѣлъ людей и изучалъ книги. Статья представляетъ законченный этюдъ по исторіи вѣрованій, основанный на непосредственномъ знакомствѣ съ предметомъ и оживленный личными наблюденіями. Такое соединеніе личнаго наблюденія и изученія древности не часто встрѣчается; можетъ быть, потому, что наши спеціалисты иногда отличаются удивительною скудостью мышленія или недостаткомъ общаго образованія. Въ той же январской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» есть и еще статья, принадлежащая перу другого нашего извѣстнаго путешественника, г. Миклухо-Маклая. Это извлеченія изъ дневника 1879 г., подъ заглавіемъ: «Островокъ Андре». Какъ можно было ожидать, въ ней находится много цѣнныхъ фактовъ и новыхъ наблюденій надъ жизнью и бытомъ островитянъ-людоѣдовъ. То, что мы читаемъ и читали, заставляетъ желать, чтобы долголѣтнія записки и наблюденія нашего путешественника были поскорѣе разобраны и опубликованы. Даже въ настоящей отрывочной формѣ дневника замѣтки и наблюденія г. Миклухо-Маклая читаются съ пользою и съ интересомъ.—Вотъ этого ужъ никакъ нельзя сказать о статьѣ г. С. Южакова: «Международная экономическая борьба». Чтобы основательнѣе разсмотрѣть свой предметъ, авторъ къ довольно простымъ вещамъ подбавляетъ, можетъ быть, по заразительному примѣру маркиза Оквича, «немножко философіи» и, какъ чистый соціологъ, начинаетъ съ муравьевъ и пчелъ. Противъ такого начала мы ничего не имѣемъ: ибо и ветхозавѣтный премудрый гласитъ: «иди ко мравію, лѣнивый, и поревнуй пчелѣ». Мы не враги философства книжнаго; отчего не пофилософствовать? лишь бы при этомъ соблюдалось благоприличіе. А г. С. Южаковъ совсѣмъ не знаетъ этого. Противъ содержанія статьи мы ничего не имѣемъ. Но форма какая! Какой—языкъ! Справедливо сказалъ Талейранъ, кажется, что языкъ данъ г. Южакову, чтобы скрывать мысли. Если бы мы хотѣли сдѣлать непріятность читателю, мы выписали бы нѣсколько строкъ изъ статьи г. Южакова.—Въ книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» есть и критика, и прибавимъ, критика неумолимо-строгая. Она караетъ стараго, уже сошедшаго съ жизненной сцены поэта Мея, память котораго недавно чествовали. Критическая статья написана по поводу изданія полнаго собранія сочиненій Льва Александровича Мея, называется она: «Забытый поэтъ» и принадлежитъ перу М. Пр. Послѣ довольно долгаго разбора, авторъ дѣлаетъ строгій приговоръ, что Мей былъ «ниже своей эпохи», что онъ «забытый поэтъ», забытый по праву, по справедливости, и ужь, конечно, не мы—прибавляетъ отъ себя критикъ—пожелаемъ ему воскреснуть. Наше мнѣніе о Меѣ совсѣмъ не таково. Но мы не будемъ спорить съ «Сѣвернымъ Вѣстн.», и даже пожелаемъ, чтобы онъ такую же строгую критику прилагалъ къ современнымъ поэтамъ, напримѣръ, къ г. Мережковскому, который постоянно въ немъ печатается. Да и не сдѣлалъ ли уже этого «Сѣверный Вѣстн.»? Въ настоящей книжкѣ нѣтъ стиховъ г. Мережковскаго и совсѣмъ никакихъ стиховъ нѣтъ.

Въ отдѣлѣ беллетристики находится произведеніе г. А. Шабельской: «Три теченія». Романъ въ трехъ частяхъ и по отпечатаннымъ тремъ листамъ еще ничего нельзя сказать; еще не выяснены ни характеры, ни положенія. Будемъ говорить объ этомъ романѣ по окончаніи его, конечно, если это найдемъ нужнымъ.—Мрачныя вещи о деревнѣ и мужикахъ разсказываетъ г. В. Дмитріева въ повѣсти: «Своимъ судомъ». Дѣло идетъ объ отношеніи мужика Родіона къ молодой женѣ его сына Григорія, Аринѣ. Родіонъ извѣстенъ въ деревнѣ, какъ «снохачъ». Аринѣ отъ него житья нѣтъ, конечно, не легко и ея мужу. Такъ какъ жаловаться на старика некому, и терпѣть было молодымъ не подъ силу, то они порѣшили съ нимъ «своимъ судомъ»; другого средства не было избавиться... Не смѣемъ упрекать автора за выборъ тэмы: онъ имѣлъ полное право изображать, что даетъ жизнь. Но г. Г. Успенскій какъ-то иначе наблюдаетъ жизнь деревни и находитъ тамъ другія тэмы для разсказовъ. Намъ это больше по душѣ. Онъ помѣщаетъ очерки подъ названіемъ: «Живыя цифры». Дѣйствительно, сухія статистическія цифры оживаютъ, если присмотрѣться къ жизни и быту мужика. Вы читаете въ статистическомъ отчетѣ, что въ такомъ-то уѣздѣ на душу приходится «четверть» лошади. Какое производитъ это на васъ впечатлѣніе? Какъ-то странно: что это такое «четверть» лошади! Подите въ поле и посмотрите, какъ работаетъ семья, у которой нѣтъ лошади, какъ трудно достается этой семьѣ; послѣ этого мертвая цифра будетъ говорить вамъ весьма понятнымъ языкомъ.

П. Скромный.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

На-дняхъ государственнымъ совѣтомъ разсмотрѣнъ проектъ объ установленіи при вѣдомствѣ путей сообщенія новаго званія по инженерной части—именно званія техника путей сообщенія. Проектъ этотъ, представленный г. министромъ путей сообщенія, имѣетъ практическую важность. Всякій производитель хоть сколько нибудь значительныхъ инженерныхъ работъ, прекрасно знаетъ, насколько при нихъ необходимы лица, которыя могли бы слѣдить за точнымъ и правильнымъ исполненіемъ сдѣланныхъ распоряженій, руководить десятниками и рабочими, приготовлять исполнительные чертежи, подготовлять данныя для технической отчетности, производить небольшія съемки и т. п. Въ настоящее время, когда въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣятелями на работахъ являются лишь двѣ категоріи лицъ: инженеры, съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, въ качествѣ распорядителей, и безграмотные рабочіе съ ихъ малограмотными десятниками, въ качествѣ исполнителей, — вся тяжесть такихъ второстепенныхъ, кропотливыхъ, но въ то же время очень отвѣтственныхъ работъ падаетъ всецѣло на инженера путей сообщенія. Поэтому постепенное подготовленіе десятниковъ является дѣломъ необходимости. — Въ новыхъ правилахъ о паспортахъ предполагается ввести слѣдующее облегченіе при обмѣнѣ срочныхъ паспортовъ лицами, временно проживающими внѣ предѣловъ ихъ постоянной осѣдлости: на каждомъ паспортѣ при выдачѣ его дѣлать надпись о томъ, можетъ-ли онъ быть возобновленъ внѣ мѣста постояннаго жительства лица, которому онъ выданъ, и обозначается срокъ; при окончаніи срока такого паспорта, владѣлецъ его будетъ имѣть право обратиться къ мѣстному, по временному жительству, полицейскому начальству съ просьбою о выдачѣ новаго паспорта, на срокъ не далѣе означеннаго въ надписи, старый-же паспортъ будетъ отсылаться полиціею въ то учрежденіе, изъ котораго онъ былъ выданъ; что-же касается лицъ, желающихъ внѣ мѣста своего постояннаго жительства возобновить паспортъ, не имѣющій вышеуказанной надписи, то они должны обратиться къ учрежденію, выдавшему паспортъ, съ требованіемъ выдать удостовѣреніе о неимѣніи препятствій къ выдачѣ паспорта, при чемъ подлежащія начальства обязаны будутъ высылать такія удостовѣренія въ теченіи не позже четырнадцати дней со времени полученія о томъ ходатайства; при отказѣ-же въ такомъ удостовѣреніи, должны быть указаны причины.—Съ цѣлью упорядоченія акцизнаго дѣла министерство финансовъ предположило установить новый порядокъ вознагражденія открывателей корчемства; сумма, ежегодно отчисляемая на вознагражденіе чиновниковъ, отличающихся при открытіи корчемства, открывателей нарушеній акцизныхъ уставовъ и наконецъ пособіе чиновникамъ другихъ вѣдомствъ, занимающимся дѣлопроизводствомъ по неокладнымъ сборамъ, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, будутъ исчисляться инымъ способомъ, въ виду послѣдовавшихъ съ нынѣшняго года новыхъ пошлинъ и сборовъ. «Южный Край» сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о волостныхъ порядкахъ, поставленныхъ въ исключительную зависимость отъ произвола старшины. Въ Чугуевской волости, считающейся одною изъ богатѣйшихъ въ Зміевскомъ уѣздѣ, благодаря неряшливому отношенію волостныхъ начальниковъ къ своей обязанности, дѣла съ каждымъ годомъ ухудшались, такъ что къ концу 1866 года на волости накопилось около 40,000 недоимокъ; были такіе крестьяне, за которыми числилось недоимки по 500 руб. и болѣе; это все «близкіе» къ старшинамъ, между тѣмъ подати брались съ бѣдняковъ, у которыхъ, въ случаѣ неуплаты ихъ, продавалось имущество; многіе зажиточные крестьяне, благодаря своему вліянію въ обществѣ, пріобрѣтали въ аренду волостную землю на весьма выгодныхъ условіяхъ, въ ущербъ общественному капиталу. Съ избраніемъ въ 1887 г. новаго волостнаго старшины, дѣла волости приняли другое направленіе: было отыскано нѣсколько десятинъ замотанной земли, которая при этомъ старшинѣ стала приносить волости извѣстный доходъ; недоимки стали уменьшаться, такъ что не прошло еще и года, а ихъ осталось менѣе, чѣмъ на половину.—Совершенно однородную картину можно видѣть въ исторіи Нестеровской волости елатемскаго уѣзда, тамбовской губерніи, въ которой, бывшій старшина, уволенный свыше за разныя художества, преумножилъ свое достояніе, совершенно разоривъ односельчанъ и на интересы казны не обращавшій никакого вниманія. Съ избраніемъ другаго старшины дѣло перемѣнилось, крестьяне вздохнули свободно, потому что не только исчезли разныя притѣсненія, но облегчился и способъ уплаты податей: старшина не лѣнится лично объѣзжать волость и по грошамъ собирать подати, не принуждая мужика къ займу на безчеловѣчныхъ условіяхъ и не описывая его имущества. Старыя недоимки уменьшаются съ каждымъ днемъ, а новыхъ нѣтъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Злобой дня служитъ рѣчь, произнесенныя въ рейхстагѣ княземъ Бисмаркомъ, коментируемая нынѣ на всѣ лады и въ свою очередь коментирующая договоръ заключенный между Германіею и Австріею, о которомъ было сказано въ послѣднемъ политическомъ обозрѣніи. Примутъ-ли дѣла въ Европѣ мирный оборотъ послѣ рѣчи князя Бисмарка или же откровенность германскаго канцлера только ускоритъ развязку? Этотъ вопросъ задаютъ теперь себѣ всѣ не только политики, прэсса или публицисты, но и весь читающій газеты людъ. Бисмаркъ стяжалъ себѣ такое видное положеніе на общеевропейскомъ политическомъ горизонтѣ, что къ каждому его слову прислушиваются, какъ къ оракулу, а тутъ вдругъ цѣлая рѣчь, длинная и интереса, въ полнымъ смыслѣ слова, «захватывающаго», такъ, по крайней мѣрѣ показалось въ первую минуту. Отзывы печати о рѣчи Бисмарка самые разнорѣчивые; такъ берлинскія газеты, повторяя слова канцлера, что опубликованіе австро-германскаго союзнаго договора не ультиматумъ, не предостереженіе и не угроза по адресу Россіи, увѣряютъ что Бисмаркъ построилъ Россіи золотой мостъ для отступленія. По поводу этого выраженія можно сказать, что этотъ мостъ, какъ и всѣ мосты, открытъ для свободнаго движенія въ обѣ стороны и ничто не мѣшало пройтись по немъ и германскому парламенту, который могъ бы признать, что совершенно напрасно разрѣшилъ правительству многомилліонный кредитъ на усиленіе арміи и разрѣшилъ безъ преній, подъ впечатлѣніемъ рѣчи канцлера.—По разоблаченіемъ газетъ Италія заключила съ Германіею и Австріею два отдѣльные договора. Текстъ перваго договора тождественъ съ текстомъ австро-германскаго союзнаго договора, съ тою только разницею, что условія его примѣнимы не къ Россіи, а къ Франціи. О численности войскъ, которыя договаривающіяся стороны обязуются выставить въ поле, вовсе не упоминается, заявляется только, что обѣ державы обязаны помогать другъ другу всѣми силами. Второй договоръ заключенъ Италіей одновременно съ Германіей и Австро-Венгріей. Этимъ договоромъ взаимно обезпечивается территоріальное владѣніе и возлагается на договаривавшіяся стороны во всякомъ случаѣ обязательство соблюдать дружественный нейтралитетъ и не заключать отдѣльно миръ съ третьей державой. Въ случаѣ если Россія произведетъ нападеніе на Германію или Австро-Венгрію, Италія должна выставить армію на французской границѣ. Въ случаѣ, если Франція атакуетъ Италію или Германію, Австро-Венгрія должна выставить армію на русской границѣ. Въ случаѣ франко-русской коалиціи, всѣ державы должны двинуть противъ нея всѣ свои вооруженныя силы.—Англійская законодательная сессія открылась вчера посреди всеобщаго равнодушія и невниманія, что, впрочемъ, по всей вѣроятности, не особенно огорчаетъ маркиза Салисбюри, поставленнаго въ прискорбную необходимость выступить передъ палатами съ тронною рѣчью вовсе неблестящаго содержанія. Консервативному премьеру, потерпѣвшему за послѣднее время столько неудачъ не только во внутренней, но и во внѣшней политикѣ, пришлось поставить на первомъ мѣстѣ достигнутыхъ въ этой послѣдней области успѣховъ такъ называемое афганское соглашеніе съ Россіей, и какъ будто похвастаться своими нынѣшними хорошими сношеніями съ петербургскимъ кабинетомъ.

Этнографія, естествознанія, путешествія и пр.

Въ Соединенныхъ Штатахъ сдѣлано недавно любопытное открытіе, которое можетъ принести большую пользу въ рыбной торговлѣ и выгодно отразиться на здоровьѣ потребителей, вслѣдствіе болѣе широкаго распространенія продажи живой рыбы, которую она можетъ вызвать. Нѣкто Морфи открылъ, что рыба можетъ быть сохраняема живою довольно продолжительное время, если сосудъ, въ которомъ она находится, только частью наполненъ водою и герметически закупоренъ. Были произведены опыты надъ двумя банками съ рыбою, изъ которыхъ одна была герметически закупорена, а другая оставлена открытою. По прошествіи сорока восьми часовъ рыба въ открытой банкѣ уснула, тогда какъ въ закупоренной рыба оставалась живою даже спустя три недѣли.—Докторъ Келлеръ въ Цюрихѣ увѣряетъ, будто-бы пауки оказываютъ большую пользу для сохраненія лѣсовъ, не давая насѣкомымъ истреблять листвы. Докторъ Келлеръ производилъ много наблюденій надъ лѣсными пауками и нашелъ, что пауки самые прожорливые враги вредныхъ насѣкомыхъ. Швейцарскій ученый утверждаетъ даже, будто пауки приносятъ въ этомъ отношеніи больше пользы, нежели птицы, истребляющія насѣкомыхъ.—Французское астрономическое общество, президентомъ котораго состоитъ Камилль Фламмаріонъ, получило отъ анонимнаго жертвователя сумму въ 5000 ф. на учрежденіе конкурса для измѣненія теперешняго календаря. Представлены 50 проектовъ, изъ которыхъ одобрены и награждены шесть. Первая премія присуждена за слѣдующій проектъ: Годъ дѣлится на четыре триместра, каждый ровно въ 91 день или 13 недѣль. Всѣ эти четыре триместра рѣшительно одинаковы, такъ что теперешній годовой календарь можетъ быть сокращенъ въ трехмѣсячный календарь. Каждый годъ имѣетъ 364 дня; лишніе дни высокосныхъ годовъ должны разсматриваться какъ добавочные и не причитаться ни къ недѣлямъ, ни къ мѣсяцамъ. Слѣдующій годъ будетъ начинаться такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день недѣли какъ и предъидущій, всѣ года будутъ одинаковы и тотъ-же триместръ будетъ повторяться безконечно. Въ этомъ длинномъ рядѣ одинаковыхъ четвертей года первый мѣсяцъ всякаго триместра имѣетъ 31 день и начинается въ понедѣльникъ, второй 30 дней и начинается въ четвергъ, третій тоже 30 дней и начинается въ субботу. Проектъ этотъ уничтожаетъ мѣсяцы въ 28 дней; онъ устанавливаетъ правильный порядокъ въ смѣнѣ мѣсяцевъ въ 30 и 31 день; наконецъ, онъ даетъ возможность, не прибѣгая къ помощи альманаха, совсѣмъ простымъ, не длиннымъ вычисленіемъ опредѣлить, какой день недѣли упалъ или упадетъ на такое-то число перваго, втораго или третьяго триместра, и это на безконечное число лѣтъ. — Подчасъ самыя хорошо изслѣдованныя страны представляютъ большія неожиданности въ географическомъ и геологическомъ отношеніяхъ; во Франціи, въ Авейронѣ, была недавно открыта пещера съ подземнымъ озеромъ; дѣло въ томъ, что въ этой мѣстности протекаетъ небольшая рѣчка Жанта, русло которой идетъ вдоль долины, между отрогами холмовъ, а близъ деревушки Дузъ рѣчка внезапно исчезаетъ и снова появляется на поверхности почвы лишь 9 километровъ ниже; въ этомъ самомъ мѣстѣ и оказалась пещера съ озеромъ въ 300 квадр. метровъ; въ концѣ озера одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей замѣтилъ выемку, на высотѣ 5 метровъ, до которой пришлось добраться съ помощью лѣстницы. Изъ этой выемки идутъ нѣсколько галлерей, усыпанныхъ мелкимъ рѣчнымъ пескомъ, иногда совершенно загромоздавшимъ путь. Эти галлереи идутъ постепенно въ гору до 400 футъ высоты. Наступленіе дождливаго времени года пріостановило дальнѣйшія изслѣдованія до лѣта.—Недавно былъ открытъ совершенно новый видъ паразитовъ, а именно рыбные. Очень маленькіе, видомъ напоминающіе угря, они составляютъ не болѣе десяти разновидностей и населяютъ Средиземное море, Атлантическій и Индійскій океаны. Обыкновенно они помѣщаются въ какой нибудь складкѣ тѣла большихъ морскихъ звѣрей, чаще всего около жабръ и совершенно для него безвредны, такъ какъ питаются тѣми водяными обитателями, которыя заносятся водою въ мѣста ихъ расположенія.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Людовикъ Святой, раздающій милостыню.

Людовикъ IX или Святой, родившійся въ Пуасси 25 апрѣля 1215 года, оставилъ по себѣ во Франціи добрую память, какъ мудрый законодатель, какъ удивительно справедливый человѣкъ и какъ безукоризненно нравственный христіанинъ. Нерѣдко французскіе короли роняли свое достоинство своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, безсознательно подрывая въ народѣ уваженіе къ престолу и королевской семьѣ. Людовикъ понялъ, что королевская власть только тогда и можетъ быть сильна, тогда король и его семья являются безупречными людьми и могутъ служить для народа образцами добродѣтели. Всѣми своими выдающимися достоинствами онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своей энергичной и даровитой матери — Бьянкѣ Кастилльской. Она научила его, вступившаго на престолъ одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, съ дѣтства стоять на высотѣ своего призванія. Между прочимъ, съ юныхъ лѣтъ его пріучали дѣлать добро. Мальчуганъ, окруженный духовенствомъ, публично помогалъ бѣднякамъ, стекавшимся къ нему массами. Помогать этимъ несчастнымъ было необходимо. Интересно вспомнить тогдашнее положеніе Парижа. Самыя грязныя улицы Парижа нашего времени не могутъ дать понятія о грязи тогдашняго Парижа. Первая идея о мостовыхъ, послѣ того, какъ варвары уничтожили многое изъ римской цивилизаціи, зародилась въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и къ тринадцатому вѣку мостовыя встрѣчались не вездѣ. Не всѣ дома имѣли трубы, мебель и посуда встрѣчалась не вездѣ, вилки были рѣдкостью и ѣли руками; при Филиппѣ Августѣ еще спали на соломѣ даже во дворцахъ. Въ одномъ письмѣ Филиппа Августа говорится: «мы отдаемъ парижскому госпиталю для бѣдныхъ, находящихся тамъ, всю солому изъ нашей комнаты и нашего парижскаго дома, когда мы уѣзжаемъ на житье въ другое мѣсто». Спустя цѣлый вѣкъ послѣ Филиппа Августа уже при Карлѣ V на столъ не ставились свѣчи и во дворцѣ одного изъ богатѣйшихъ князей того времени, слуги держали въ рукахъ за ужиномъ сальные фитили. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ самые важные господа не имѣли сорочекъ, а гораздо позднѣе королева Изабелла, жена Карла VI обвинялась въ расточительности «за желаніе имѣть двѣ сорочки». Но если жизнь богачей была лишена удобствъ, то жизнь бѣдняковъ была лишена самаго необходимаго. Повальныя голодовки были тогда явленіемъ постояннымъ: съ конца десятаго вѣка до начала двѣнадцатаго, въ сто двѣнадцать лѣтъ было тринадцать или четырнадцать повальныхъ голодовъ, сопровождавшихся страшною чумою. Народъ вымиралъ въ несмѣтномъ количествѣ. Размѣры этой смертности были таковы, что въ четырнадцатомъ столѣтіи во время голода и чумы, свирѣпствовавшихъ шестнадцать мѣсяцевъ, въ Провансѣ и Лангедокѣ вымерли двѣ трети населенія, а въ Парижѣ умирало по восьмисотъ человѣкъ въ день. Нечего и говорить, что нужно было приходить на помощь такъ страдавшему народу. Но если мать научила Людовика Святого помогать этому народу милостынею, то этотъ-же до крайности набожный Людовикъ, прозванный потомъ Святымъ, содѣйствовалъ одной изъ сторонъ, главнымъ образомъ вредившей народу... Эта сторона заключалась въ тунеядствѣ и бродяжничествѣ, развивавшихся вслѣдствіе привычки къ паломничеству. Народъ ходилъ массами въ Іерусалимъ, въ Римъ, въ Туръ и т. д. Паломники превращались въ настоящихъ нищихъ и бродягъ, бѣгали въ веригахъ, полунагіе, бичевали себя, наводя ужасъ на жителей. Людовикъ не избѣжалъ этой общей участи и тоже направился воевать съ невѣрными и поклониться святымъ мѣстамъ, оторвавъ цѣлую массу народа отъ работы. Голодъ и заразныя болѣзни въ войскѣ застали его въ 1250 году въ Египтѣ и, къ довершенію несчастія, онъ съ двумя братьями попалъ въ плѣнъ. За его освобожденіе Франція должна была заплатить до 7.000,000 франковъ. Освобожденный изъ плѣна, онъ отправился въ Палестину, гдѣ пробылъ 4 года, не смотря на настоянія матери, призывавшей его во Францію. Таковъ былъ духъ времени, что даже этотъ человѣкъ не могъ не заразиться общей страстью паломничества, хотя это-то паломничество и было главною школою бездѣльничества, нищенства и бродяжничества, главныхъ язвъ, истощавшихъ тогда народное хозяйство, отучавшихъ отъ работы, развивавшихъ голодъ и распространявшихъ чуму. Умеръ Людовикъ IX 25 августа 1270 года, а въ 1297 году, при папѣ Бонифаціѣ VIII онъ былъ канонизированъ. Вплоть до революціи во французской академіи было въ обычаѣ читать 25 августа панегирики въ честь Людовика Святого. Вообще о превосходныхъ качествахъ этого короля писалось не мало во Франціи. Вольтеръ, Анри Мартэнъ, Мишле одинаково отдаютъ ему полную справедливость, какъ одной изъ самыхъ крупныхъ личностей своего времени.

Вѣстница любви.

Молодая патриціанка отправляется на прогулку въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ; но она еще не успѣла выйдти на улицу, какъ къ ея ногамъ бросается чья-то рабыня и подноситъ корзину съ цвѣтами. Это даръ влюбленнаго въ дѣвушку человѣка. Любитъ-ли она, гордая патриціанка, того, кто шлетъ ей цвѣты? Вотъ вопросъ, очевидно занимающій ея спутницъ. Но что узнаютъ онѣ, любопытныя, когда она, не смотря на свою молодость, уже научилась скрывать свои чувства подъ ледяной внѣшностью? Вотъ содержаніе картины Команса, почти исключительно отдавшагося изученію домашней жизни древняго Рима, Помпеи и т. д. Его картины всегда граціозны.

Курды на молитвѣ.

Въ настоящее время въ академіи художествъ открыта выставка, сборъ съ которой предназначается въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ. Картины, собранныя здѣсь, по большей части принадлежатъ иностранцамъ-богачамъ, живущимъ въ Петербургѣ. Гг. Санъ-Галли, Закъ, Краускопфъ, Мольво, Гюнцбургъ,—вотъ главные собственники выставленныхъ художественныхъ произведеній. Сами произведенія далеко не одного достоинства, но тѣмъ не менѣе почти всѣ они имѣютъ извѣстный интересъ. Тутъ есть оригинальная по фигурамъ окружающихъ Христа людей картина Везари «Положеніе во гробъ Христа», далѣе есть «Веселая компанія» Винеа, съ его повторяющимися всюду типами гулякъ, но въ то же время и съ поражающей мелочностью, своеобразной отдѣлкой аксессуаровъ, затѣмъ передъ вами выдвигается какъ бы изъ тумана воздушный идеальный образъ «Св. Юліи» Габріэль Макса и тутъ же вы видите, какъ нагло и весело вретъ и удивляетъ своими разсказами охотникъ на картинѣ Грюцнера «Разсказъ охотника»... Число нумеровъ выставленныхъ здѣсь картинъ и художественныхъ произведеній доходитъ до 300, при чемъ въ нѣкоторыхъ витринахъ подъ однимъ нумеромъ находится по нѣсколько вещей... Можно порекомендовать каждому интересующемуся искусствомъ посѣтить эту выставку, чтобы ознакомиться съ оригиналами картинъ такихъ новѣйшихъ художниковъ, какъ Деффрегеръ, Пилоти, Коро, Кнаусъ, Э. Циммерманъ, Р. Бейшлагъ, Э. Деталь и т. д. Кромѣ иностранныхъ произведеній здѣсь не мало и русскихъ картинъ, гг. Аскназія, Семирадскаго, Нефа, А. Мещерскаго, Ал. Соколова и т. д. Картина, копію съ которой мы помѣщаемъ здѣсь, «Курды», составляетъ собственность г. Ф. Краускопфа.

Непріятная встрѣча.

Въ лѣсу охотникъ, только что убившій лисицу, стоитъ со своими таксами, уже почуявшими, что къ нимъ приближается другой охотникъ, въ сопровожденіи лягаваго пса. Второй охотникъ приложилъ къ глазамъ въ видѣ зонтика руку, чтобы лучше разглядѣть, кто это сейчасъ стрѣлялъ въ лѣсу, не браконьеръ ли? Быть можетъ онъ не ошибся: ужь очень смущенно смотритъ старикъ, держащій лисицу; хотя онъ и не выпускаетъ изо рта трубки и не пробуетъ бѣжать, но вся его поза говоритъ, что онъ бы радъ былъ провалиться сквозь землю. Самыя собаченки, какъ-то пугливо насторожились и не бѣгутъ на встрѣчу приближающемуся къ нимъ лягавому псу.

Снѣжный заносъ.

Нынѣшнюю зиму, какъ мы уже говорили въ нашемъ журналѣ, то и дѣло доходятъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о снѣжныхъ заносахъ. Вотъ несется среди снѣговой пустыни желѣзнодорожный поѣздъ; все медленнѣе и медленнѣе движется онъ по покрытому снѣгомъ пути; наконецъ, паровикъ уже не можетъ преодолѣть врага: путь занесенъ цѣлыми горами снѣга и приходится волей-неволей остановиться въ полѣ, сзывать изъ ближайшихъ деревень народъ и расчищать путь. Цѣлые часы, а иногда и сутки идетъ борьба съ нашей суровой и непривѣтливой зимой и не легко достается побѣда надъ ея мятелями и снѣгами, хотя окрестные мужички и зашибаютъ копѣйку этой нежданной-негаданной работой «на чугункѣ».

Въ пріемной у нужнаго человѣка.

Провинціальныя власти, доктора, адвокаты, все это люди, къ которымъ народъ относится съ извѣстнымъ страхомъ и считаетъ своимъ долгомъ приносить «гостинца». Нашъ художникъ г. Ижакевичъ изобразилъ на своей картинѣ именно этотъ темный людъ, пришедшій «съ поклономъ» къ одному изъ такихъ «нужныхъ» людей. На всѣхъ лицахъ лежитъ слѣдъ извѣстной тоски и тревоги; очевидно, всѣ эти люди, принесшіе «гостинца», думаютъ о томъ, на сколько пользы принесутъ имъ ихъ подарки. Изъ всѣхъ присутствующихъ, терпѣливо и покорно ожидающихъ выхода «особы», только одна бабенка торопливо и съ подвижными жестами распрашиваетъ слугу, скоро ли начнется пріемъ, и ея фигура очень характерна. Этотъ лакей провинціальной «особы» смотритъ на нее нѣсколько презрительно и свысока, хотя онъ видимо стоитъ по положенію не выше Гоголевскихъ Осипа или Петрушки.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 11-го февраля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

трехъ, какъ то практиковалось до сихъ поръ на всѣхъ выставкахъ: 3) назначеніе не только почетныхъ наградъ и медалей, но и денежныхъ призовъ за лучшіе экземпляры собакъ; 4) разнаго рода состязанія, по примѣру обычаевъ заграничной спротсмэнской жизни, какъ-то полевыя состязанія собакъ (field tries); 5) недопущеніе на выставку экспонентовъ-торговцевъ охотничьими принадлежностями и другихъ, дадутъ выставкѣ вполнѣ серіозный, спеціальный характеръ, а не видъ охотничьяго базара, какими являются выставки нѣкоторыхъ охотничьихъ обществъ. Большою приманкою будетъ возможность полюбоваться собаками Императорской охоты, охотъ Ихъ Высочествъ Николая Николаевича и Георгія Михаиловича, и многихъ другихъ нашихъ извѣстныхъ петербургскихъ охотниковъ, не выставлявшихъ до сихъ поръ своихъ собакъ ни на одной изъ выставокъ, а также сравненіе здѣшнихъ собакъ съ собаками московскихъ и провинціальныхъ любителей, ожидаемыми въ значительномъ количествѣ; общее число экспонатовъ предвидится отъ 300 до 400. Декоративная часть и внутреннее устройство представятъ также много новаго. Стойки для собакъ будутъ устроены по типу, принятому на лондонскихъ выставкахъ въ Cristall Palace, т. е. вполнѣ гарантирующіе цѣлость собаки.

Вознагражденіе находчивости. Одному господину понадобилось двѣсти фр., и онъ отправился вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ, полковникомъ Лизеро, къ знакомому банкиру. Просьба друзей учесть вексель встрѣтила отказъ, сопровождаемый смѣхомъ. Полковникъ, обладавшій замѣчательною находчивостью, сказалъ банкиру: «Очень жаль, что вы не хотите исполнить такой пустой просьбы. Я хотѣлъ вести съ вами постоянныя дѣла, такъ-же какъ и мой пріятель. Учесть вексель, я знаю, мнѣ не откажетъ и Ротшильдъ». Банкиръ иронично улыбался, говоря, что Ротшильдъ и вниманія не обратитъ на подобную просьбу. «Если вы сомнѣваетесь, замѣтилъ полковникъ, то не угодно ли держать со мною пари на 500 фр., что я черезъ часъ принесу вамъ доказательство». Банкиръ выразилъ согласіе и, по просьбѣ полковника, письменно изложилъ условіе пари. Полковникъ отправляется къ Ротшильду, добивается свиданія съ нимъ и объясняетъ, въ чемъ дѣло. «Если вы меня не выручите, говоритъ онъ, то я долженъ потерять 500 фр., и мой товарищъ не получитъ 200 фр., которые ему крайне необходимы». Въ удостовѣреніе своихъ словъ, полковникъ представилъ условіе, заключенное съ банкиромъ. Эта исторія такъ насмѣшила Ротшильда, что онъ написалъ банкиру, съ которымъ былъ знакомъ, слѣдующую записку: «вы проиграли пари, мой другъ! Платите 500 фр., такъ какъ я учелъ вексель полковника». Такимъ образомъ. благодаря находчивости и рѣшительности, Лизеро не только выручилъ товарища, но и самъ заработалъ 500 фр.

Что стоитъ кусочекъ льду.—Слѣдующій случай, не лишенный нѣкотораго трагическаго эффекта въ своемъ финалѣ, имѣлъ недавно мѣсто въ одномъ изъ курьерскихъ поѣздовъ величайшей сѣверо-американской желѣзной дороги, идущей отъ С.-Франциско до Нью-Іорка. Въ этомъ поѣздѣ одна новобрачная чета совершила свою послѣсвадебную поѣздку, которую всѣ «порядочные» американцы непремѣнно совершаютъ вслѣдъ за вѣнчаніемъ, Въ дорогѣ молодая новобрачная, прелестная блондинка, почувствовала страшную жажду; температура въ поѣздѣ стояла очень высокая, воды не было ни капли, а между тѣмъ, курьерскій поѣздъ летѣлъ на всѣхъ парахъ, нигдѣ не останавливаясь. Молодая женщина попросила достать ей кусокъ льда; супругъ, въ отчаяніи, бросался изъ угла въ уголъ по всѣмъ вагонамъ длиннаго поѣзда, но нигдѣ нельзя было достать кусочка льда. Наконецъ, супругъ предлагаетъ во всеуслышаніе 50 долларовъ за кусокъ льда. Противъ такого соблазна сердце одного изъ янки, бывшихъ въ поѣздѣ, не могло устоять. Выразивъ готовность помочь бѣдѣ, онъ удалился на нѣсколько минутъ въ багажное отдѣленіе поѣзда и затѣмъ принесъ обрадованному супругу тарелку, полную самаго натуральнаго льда. Изнемогавшая отъ жажды женщина ожила и все успокоилось, но на бѣду на другой день ѣзды повторяется та же исторія. Молодой супругъ, конечно ни мало не медля, обращается снова ко вчерашнему услужливому янки, но не тутъ-то было. На самыя соблазнительныя предложенія янки отвѣчаетъ упорнымъ отказомъ. Наконецъ, обезумѣвшій отъ мучительнаго томленія своей молодой жены, молодой супругъ вынимаетъ свой бумажникъ и предлагаетъ его цѣликомъ за новую порцію льда. Янки глубоко задумался, долго морщилъ лобъ, но, наконецъ, сказалъ: «невозможно, сударь! Я не могу больше сгребать ледъ съ тѣла моего покойнаго дядюшки, а то оно у меня разложится въ дорогѣ и я не довезу его въ свѣжемъ видѣ до Нью-Іорка». Картина!

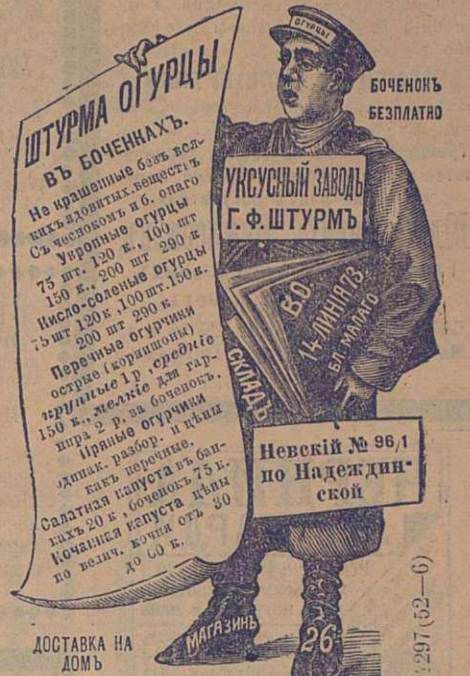
СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Долгъ платежемъ красенъ (продолж.), *П. Н. Полевого.*—Стихотвореніе *К. Фофанова.*—Раскольничій учитель (продолж.), *Н. И. Шулыгина.*—Стихотвореніе *В. Шуфа.*—Тигрица, романъ (продолж.), *Д. Верга,* переводъ *В. Крестовскаго* (псевдонимъ).—Артуръ Шопенгауеръ.—Наблюденія и замѣтки (фельетонъ) *X.*—Журналистика, *П. Скромный.*—Внутреннее обозрѣніе.—Политическое обозрѣніе.—Этнографія, естествознаніе, путешествія и пр.—Къ рисункамъ.

Рисунки: Портретъ Артура Шопенгауера.—Людовикъ святой, раздающій милостыню, съ картины *Лезюра.*—Вѣстница любви, съ картины *Команса.*—Курды на молитвѣ, съ картины *Рубо.*—Непріятная встрѣча, съ картины *Шмитцбергера.*—Снѣжный заносъ на желѣзной дорогѣ, по наброску корреспон.-художника, *Петровича.*—Въ пріемной нужнаго человѣка, оригинальный рисунокъ *Ижакевича.*

На оберткѣ: Промышленность, технологія и торговля.—Книжное дѣло, музыка. живопись и проч.—Медицина, эпидеміи, заболѣванія и проч.—Мелкія извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



ОГУРЦЫ
ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к
Перечные огурчики острые (корнишоны) крупные 1 р., средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики однак. разбор. и цѣны какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к., боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.
БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО
УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ
БО. 14 ЛИНІЯ 73 БЛ. МАЛАГО
СКЛАДЪ
Невскій № 96/1 по Надеждинской
МАГАЗИНЪ 26
ДОСТАВКА НА ДОМЪ
297 (52—6)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
Спб., Невскій. № 57.
Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
№ 271 (10—9)

ДЕПО ЧАСОВЪ
Эд. Бурхарда.
1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 2/63.
Рекомендуетъ:
Часы съ календар. никель . . . 15 р.
„ „ „ сереб. отъ 18 до 33 „
„ „ „ стальные . . 23 „
Часы безъ стрѣл. сереб. отъ 35 до 40 „
Часы стальные [черные] отъ 15 до 25 „
Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.
№ 289 27—5.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ
А. ШТЕЙНЪ
С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 26
Прейсъ-куранты высыл. безплатно.
№ 216 (30—8)

Превосходные и самые модные препараты
„САФО“
С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.
Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,
Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.—Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.
Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.
Петерб. ст., Бол. просп., 28.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 290 (53—8)

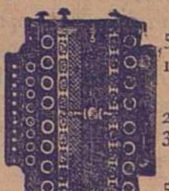
ГАРМОНІИ
нѣмецкія и русскія. Рекомендуетъ фабрика музыкальныхъ инструментовъ
Дмитрія Алексан. Александрова
оптомъ и въ розницу:
Скрипки, гитары, струны, герофоны и всѣ принадлежности.
Пріемъ починокъ.
Самоучитель для гармоніи Куликова 75 коп. и 1 руб. и 10 тетрадей нотъ по 50 к. Прейсъ-куранты высылаются за 7 к. марку. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно. Депо музыкальн. инструментовъ. Невскій, № 53, въ С.-Петербургѣ.
№ 319 (1—1)

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГЕОГРАФІЯ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ
Н. И. ЗУЕВА.
Книга напечатана на веленевой бумагѣ, въ большемъ форматѣ, иллюстрирована 242 политипажными рисунками, изображающими явленія природы, растенія, животныхъ и типы всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію; кромѣ того, множество выдающихся видовъ замѣчательныхъ городовъ, зданій, памятниковъ и историческихъ достопамятныхъ монастырей. Къ книгѣ принадлежатъ три гравированныя на мѣди и хромолитографированныя карты. Цѣна 2 р., вѣсовыхъ на 3 ф. Требованія адресуются въ С.-Петербургъ, на имя Н. И. Зуева, Большая Садовая, у Покрова, д. № 123, кв. № 32.
№ 305 (3—2)

Leichner's Fettpuder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Цѣна коробки 1 рубль.
Лучшая пудра для вечера, а также и дня! Незамѣтно на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!
Театральныя гримировка
румяна, бѣлила и карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, БЕРЛИНЪ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.
Главное депо для Россіи у Б. АУРИХА, Стремянная, № 4, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГАРМОНІИ

новые очень хорошіе сорта.



Однорядныя въ 3, 5, 6, 8, 10, 12, 15, 18 и 24 р.

Двухрядныя въ 14, 20, 22, 25, 28, 30, 35 р.

Трехрядныя въ 30, 50, 60 и 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 р. и по 1 р. 50 коп. Ноты его же по 75 коп. и по 1 р. за тетрадь.

НѢМЕЦКІЯ КОНЦЕРТИНО

въ 3, 5, 6, 8, 10, 15 и 20 р. Самоучит. 75 к., ноты по 40 к. и 1 р. **Требованія изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.**

Юлій Генрихъ Циммерманъ,

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:

С-Петерб., Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузн. мостъ, д. Торлецкаго.

319 (1—1).

ЛЮБИМЫЕ ДУХИ:

Майскій ландышъ. Бѣлая акація. Бѣлая сирень. Бѣлый гіацинтъ. Мимоза. Гольдъ лакъ.	Флаконъ 1 р. Лотъ 40 коп.

ДУХИ франц. 32 разн. запах. лотъ 25 к., $^1/_4$ фун. 1 р. 50 к.

ДУХИ англ. 22 разн. запаховъ лотъ 35 к., $^1/_4$ фун. 2 руб.

Вышеозначенные 6 новѣйш. запах. по 1 лот. съ пересылкою 2 р. 50 к.

Химическая лабораторія РООСЪ.

Магазины въ С.-Петербургѣ:

1) Владимірская, № 7.
2) Невскій пр., № 25.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., № 3—15.

288 (53—8).

НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

каррикатуръ, силуэтовъ и картинъ. Очень интересно и забавно, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Цѣна за 5 конв. (50 карт.) 3 р.
» » 10 » (100 карт.) 5 р.

съ пересылкою во всѣ города Россіи. Торговцамъ значительная уступка. Можно получить въ игрушечныхъ, писчебумажныхъ и табачныхъ магазинахъ. Главный складъ СПБ. Большая Садовая, № 12. **О. Лессеръ.**

№ 315 (5—1).

Усовершенствованные пожарные

ТРУБЫ И НАСОСЫ

„ПОТОКЪ"

для селъ и городовъ.

Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.

Прейсъ-курантъ безплатно.

№ 185 (12—6).

Зубочистное средство

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ШВЕДСКІЙ

зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**

№ 243 (57—12)

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

РАМЪ

собств. и иностр. фабрикъ аршинъ отъ 15 к. до 20 р.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ

КАРТИНЫ

иконы, портретные пейзажи, сцены, рельефы и переводн.

ТЕРРАКОТЫ

отъ 30 к. до 25 р.

Поздравительныя карточки.

Всѣ письменныя и художественныя принадлежности.

Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ.

Угловой магазинъ Гороховой и Мойки.

№ 317 (1—1).

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1826 г.) Предостерегаютъ отъ поддѣлокъ. Только неподдѣльны съ этимъ клеймомъ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

Можно получать въ большинствѣ магазиновъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.

Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ ализариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *специальностей.*

318 (26—1).

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

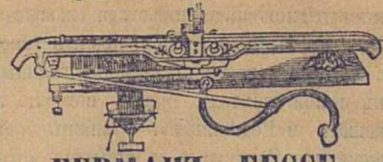
многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.

№ 228 (52—13)

Центральный складъ

швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.

Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.

Прейсъ-куранты безплатно.

Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.

№ 158 (52—22).

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ ГИСГЮБЛЕРЪ

чистый щелочнокислый источникъ весьма освѣжительный и здоровый

СТОЛОВЫЙ НАПИТОКЪ

можно получить вездѣ.

6,000000 (миллион) бутыл. годовой вывозъ.

№ 306 (16—2).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ",

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—24).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—24)

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ

ЭЙКАЛИПТИ

Косметика А. ЭЙНГЛУНДЪ.

Есть средство для укрѣпленія волосъ, уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ пересылкой 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Эйнглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Комп., О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Эйнглундъ, Литейная, № 38.

314 47—1.

Съ 1-го января 1888 года свѣже-приготовленные

фруктовые экстракты фабрики Ю. МАРТЕНСА,

Будутъ продаваться по **уменьшеннымъ** цѣнамъ.

КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ

$^1/_1$ сткл. (1 б.)	$^1/_2$ сткл.	$^1/_4$ сткл.	$^1/_8$ сткл.
по 1 р.	по 55 к.	по 30 к.	по 20 к.

ВИШНЕВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ и ЧЕРНОСМОРОДИНОВ.

$^1/_1$ сткл. (1 б.)	$^1/_2$ сткл.	$^1/_4$ сткл.	$^1/_8$ сткл.
по 3 р. 50 к.	по 1 р. 80 к.	по 1 руб.	по 55 к.

Оптовымъ покупателямъ дѣлается соразмѣрная уступка.

Фабрика и складъ: Разъѣзжая ул., № 49. Телефонъ № 999.

Ю. МАРТЕНСА.

Магазинъ: Гороховая улица, № 22. Телефонъ № 1200.

Продажа: у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ аптекарскомъ обществѣ, у Александра Венцеля, во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и фруктовыхъ магазинахъ. № 226.

Нумеръ седмой «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: изъ 2-хъ листовъ текста и Обертки. При семъ № разсылаются всѣмъ гг. городскимъ подписчикамъ объявленіе отъ Торговаго дома Т. Денкеръ и К°. «Прейсъ-Курантъ» Педро-Домекъ въ Хересъ-де-ла-Фронтера.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 11-го февраля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева. Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 8
21 ФЕВРАЛЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Правительственное сообщеніе.

Въ получаемыхъ въ послѣднее время изъ-за границы частныхъ телеграммахъ сообщается, что Императорскимъ посломъ въ Берлинѣ сдѣланы германскому правительству предложенія, относительно Болгаріи. Для вѣрнаго пониманія настоящаго положенія дѣлъ, необходимо имѣть въ виду первоначально высказанный Императорскимъ правительствомъ взглядъ на болгарскій вопросъ. Берлинскій трактатъ служитъ основаніемъ установившагося, по общему соглашенію державъ, на Балканскомъ полуостровѣ порядка вещей, и въ немъ заключается единственная международная гарантія противъ потрясеній, опасныхъ для будущности юныхъ государствъ полуострова. Съ этой именно точки зрѣнія Императорское правительство и отнеслось къ событіямъ, совершившимся въ Болгаріи со времени отреченія ея перваго князя. Пріѣздъ принца Фердинанда Кобургскаго въ Софію и захватъ имъ княжеской власти совершились вопреки постановленіямъ трактата, почему Императорское правительство тогда же заявило, что оно не намѣрено признавать принца законнымъ правителемъ Болгаріи, и одновременнно пыталось склонить и другіе кабинеты высказаться въ томъ же смыслѣ. Нынѣ имѣя въ виду повсемѣстно выражаемое желаніе положить конецъ существующему тревожному состоянію, корень коего кроется преимущественно въ двусмысленномъ положеніи Болгаріи, Императорское правительство сочло долгомъ сдѣлать вновь попытку, съ цѣлью вызвать заявленіе державъ о неприкосновенности трактатныхъ постановленій, касающихся Болгаріи, и необходимости возвратить ее на путь законности. Естественнымъ послѣдствіемъ такого заявленія державъ должны быть представленія въ Константинополѣ, съ цѣлью склонить султана—объявить болгарамъ, что лицо, носящее нынѣ званіе князя, не законный правитель Болгаріи, а только похититель власти. По мнѣнію Императорскаго правительства, инціатива такого объявленія безспорно принадлежитъ султану, права коего, какъ сюзерена, непосредственно затрагиваются незаконнымъ положеніемъ дѣлъ въ Софіи. Не предрѣшая будущаго, Императорское правительство, въ видахъ устраненія какихъ бы то ни было сомнѣній относительно его цѣлей и намѣреній не находитъ нисколько нужнымъ скрывать образъ дѣйствій, котораго оно твердо рѣшилось держаться въ болгарскомъ вопросѣ, въ случаѣ устраненія причинъ, способствующихъ продленію кризиса. Болгарія обязана своимъ существованіемъ жертвамъ и усиліямъ Россіи, которая уже въ силу одного этого продолжаетъ съ участіемъ относиться къ этой странѣ и съ прискорбіемъ взираетъ на переживаемыя ею испытанія. Оставаясь одинаково чуждымъ, какъ предубѣжденіямъ, такъ и пристрастіямъ, и не считая поэтому совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ вмѣшиваться во внутренніе раздоры, Императорское правительство далеко въ то же время и отъ мысли подвергать кого либо отвѣтственности за минувшее; одно чистосердечное сознаніе заблужденій по служитъ въ глазахъ его залогомъ поворота къ лучшему Россія желаетъ исключительно блага Болгаріи и, по удаленіи похитителя власти, она будетъ ожидать перваго искренняго заявленія со стороны болгарскаго народа выраженнаго чрезъ посредство его представителей, чтобы предатъ забвенію прошлое и позаботиться о возстановленіи сношеній, основанныхъ на взаимномъ довѣріи. При этомъ Императорское правительство чуждо также и намѣренія въ чемъ бы то ни было стѣснять свободу болгаръ, обезпеченную за ними трактатомъ во всемъ, что касается внутренняго устройства страны и управленія ею; оно не можетъ позабыть, что этою свободою Болгарія обязана преимущественно Россіи и что никакъ ни въ попраніи, а въ защитѣ правъ болгарскаго народа заключается наше прямое призваніе, лишь бы, съ своей стороны, лица, призванныя руководить судьбою народа, умѣли разумно пользоваться этими правами. Пусть болгары, умудренные опытомъ, сознаютъ, наконецъ, необходимость отрѣшиться отъ личныхъ стремленій и расчетовъ и объединятъ свои усилія, съ цѣлью вывести свою родину на путь законности и благоустройства, и въ такомъ случаѣ всякое постороннее змѣшательство окажется безцѣльнымъ и излишнимъ и водвореніе будущаго князя безпрепятственно совершится въ условіяхъ, опредѣленныхъ трактатомъ. Вышеизложенными соображеніями Императорское правительство не переставало руководствоваться, съ самаго начала болгарскаго кризиса, и они-то и побудили его на первыхъ же порахъ отвергнуть мысль о возможности возстановленія законности, при помощи мѣръ насилія. При всемъ этомъ, само собою разумѣется, что до удаленія изъ Болгаріи похитителя власти Императорское правительство будетъ продолжать считать существующее въ этой странѣ положеніе дѣлъ незаконнымъ, оставаясь при убѣжденіи, что въ устраненіи этого положенія заключается наиболѣе благонадежное средство упрочить всеобщее спокойствіе.

Промышленность, технологія и торговля.

Табакъ, пришедшій изъ Америки въ Европу, получилъ во всѣхъ странахъ послѣдней весьма быстрое распространеніе, вслѣдствіе содержащагося въ немъ возбуждающаго алколоида—никотина. Потребленіе табаку въ Европѣ въ теченіе 1880—1884 гг. достигаетъ болѣе 21 милліона пудовъ, а доходъ съ табаку составляетъ около двухъ милліардовъ рублей кредитными, или 1 р. 50 к. на человѣка. Эти данныя выработаны на бывшемъ въ 1887 году международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Римѣ.—Отъ той-же причины большое примѣненіе получили чай, кофе и какао; налогъ на эти продукты доставляетъ европейскимъ государствамъ ежегодный доходъ болѣе 200.000,000 рублей; слѣдовательно, каждый отдѣльный человѣкъ платитъ 35 к. въ годъ за потребляемый имъ кофе и 20 к. за чай.—Изъ опубликованныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній о валовомъ оборотѣ скотопригоннаго двора въ С.-Петербургѣ за 1887 годъ видно, что въ теченіи года было продано на убой для продовольствія столицы и окрестностей 198,004 головы крупнаго скота, на сумму 14.953,063 руб. 50 коп., мелкаго скота на сумму 2.515,126 руб. 35 коп. Изъ этой суммы по 2 р. со штуки крупнаго скота и 50 к. съ мелкаго поступаетъ въ карманъ мелкихъ перекупщиковъ и «зайцевъ» скотопромышленнаго дѣла. Такимъ образомъ около полумилліона совершенно непроизводительно переплачивается столичнымъ населеніемъ на предметъ, имѣющій столь важное значеніе въ нашей пищѣ.—Министерство финансовъ, желая способствовать развитію нашей экспортной торговли спиртомъ, предложило нѣкоторымъ изъ нашихъ консуловъ въ Германіи и Испаніи представить подробныя и точныя свѣдѣнія о ходѣ спиртной торговли на главныхъ заграничныхъ рынкахъ. Свѣдѣнія эти имѣютъ цѣлью познакомить нашихъ производителей съ требованіями заграничныхъ рынковъ и въ то же время выяснить тѣ мѣры, которыми министерство финансовъ могло-бы поощрить развитіе нашей отпускной торговли спиртомъ. Изъ полученныхъ до сихъ поръ консульскихъ отзывовъ выяснилось, что заграничные рынки требуютъ исключительно хорошо очищенный спиртъ, а потому наше министерство финансовъ въ настоящее время занято выработкой особыхъ льготъ ректификаціоннымъ заводамъ, съ цѣлью способствовать развитію промышленности очищеннаго спирта.—Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ недавнихъ поръ стала процвѣтать новая своеобразная отрасль промышленности, а именно: фабрикація «Newspapers—Underweard» («газетныя куртки»), которыя продаются по баснословно дешевымъ цѣнамъ (5 центовъ за штуку). Эти куртки-безрукавки дѣлаются изъ газетныхъ листовъ, сложенныхъ въ шестеро, края же ихъ и швы склеиваются клеемъ. Куртки снабжены плечевыми застежками. Газетные листы, изъ которыхъ сдѣланы эти куртки, не смотря на ихъ подчасъ «горячій» текстъ, оказываются плохими проводниками тепла, а потому это одѣяніе нашло себѣ обширное распространеніе среди бѣднаго люда.—Желѣзнодорожная сѣть въ Индіи увеличивается съ каждымъ годомъ, и въ настоящее время достигаетъ 21,000 верстъ. Капиталъ, затраченный на это дѣло, достигалъ къ началу прошлаго года полутора милліардовъ рублей; валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ составлялъ въ 1886 году 700.000,000 рублей, а чистый половину этой суммы; подвижной составъ заключался въ 1,000 локомотивахъ, 3,3000 пассажирскихъ и 18,000 товарныхъ вагоновъ.

Этнографія, естествознанія, путешествія и пр.

Одною изъ ближайшихъ къ землѣ планетъ является Марсъ, которая поэтому для астрономовъ представляетъ наибольшій интересъ и лучше разработана, чѣмъ остальныя. Долгое время изслѣдователей занимало, что у обоихъ полюсовъ планеты, имѣющей въ общемъ красноватый цвѣтъ, виднѣются бѣлыя пятна, увеличивающіяся и уменьшающіяся черезъ опредѣленные промежутки времени; для объясненія періодичности измѣненій этихъ бѣлыхъ пятенъ была выставлена гипотеза, что Марсъ у полюсовъ своихъ окруженъ такими же вѣчными ледяными глыбами, какъ и наша планета, но которыя по временамъ оттаиваютъ. Кромѣ того, на Марсѣ были замѣчены моря и материки, первыя съ болѣе темною окраскою, вторые съ краснымъ оттѣнкомъ. 6 лѣтъ тому назадъ, итальянскій астрономъ Скіапарелли замѣтилъ въ частяхъ суши, прилегающихъ къ экватору Марса, слѣды проливовъ и каналовъ, соединяющихъ сѣверныя и южныя моря планеты, имѣющихъ 2—3° ширины и 50—60° длины; въ прошломъ году были произведены наблюденія надъ «искуственностью» этихъ сооруженій обитателями Марса и эти наблюденія подтверждаютъ такое предположеніе; интересно также открытіе астронома Перротена, что Марсъ окруженъ атмосферою, подобно землѣ; это подтверждается наблюденіями надъ тѣмъ, что временами часть поверхности морей на Марсѣ свѣтлѣетъ, а суши темнѣютъ: Перротенъ приписываетъ это появленію тучъ и тумановъ.—Въ послѣднемъ собраніи этнографическаго отдѣла Императорскаго географическаго общества проф. В. И. Ламанскимъ было сдѣлано интересное сообщеніе, на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній, о современномъ состояніи Босніи, въ которую теперь, вообще говоря, не легко проникнуть русскому человѣку, будь то мирный изслѣдователь или путешественникъ. Коснувшись того грустнаго и непригляднаго положенія въ которомъ находится Боснія въ данный моментъ, проф. Ламанскій охарактеризовалъ совершающуюся теперь изъ этой страны усиленную эмиграцію и обрисовалъ угнетенное состояніе мѣстнаго населенія, страдающаго отъ поборовъ, налоговъ, штрафовъ и постоянной продажи съ молотка крестьянскаго имущества; народъ просто изнемогаетъ подъ бременемъ этихъ невзгодъ. Гнетущее австрійское вліяніе и высасываніе изъ народа послѣднихъ грошей для австрійской казны порождаютъ въ населеніи сильное озлобленіе противъ угнетателей и жажду мести; происходитъ какая-то то явная, нѣмая подавленная борьба. Эта послѣдняя проявляется, между прочимъ, въ убійствѣ офицеровъ, солдатъ, и въ разбойничествѣ, несомнѣнно имѣющемъ характеръ политическій. Указавъ затѣмъ на чрезвычайную бдительность австрійцевъ, на ихъ усиленныя оборонительныя средства, на ихъ чуткость и подозрительность, проф. Ламанскій добавилъ, что недовольство славянскаго населенія усиливается еще и вслѣдствіе стѣсненнаго положенія православной церкви и пропагандированія католицизма. Для болѣе успѣшнаго подчиненія населенія австрійскому вліянію, въ Боснію зовутъ нѣмцевъ. Населеніе ненавидитъ Австрію и даже сожалѣетъ о прежнемъ турецкомъ игѣ. Сообщеніе свое В. И Ламанскій иллюстрировалъ рядомъ частныхъ случаевъ и нѣкоторыми цифровыми данными.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Изъ Шопенгауера. Въ зимній морозный день всѣ ежи, принадлежавшіе къ одному обществу, жались другъ къ другу для того, чтобы согрѣться. Но, приблизившись, они кололи другъ друга своими иглами; это заставило ихъ всѣхъ разбѣжаться въ разныя стороны. Тогда имъ опять стало холодно и, чтобы не замерзнуть, они снова прижались одинъ къ другому и опять почувствовали уколы. Долгое время приходилось имъ выбирать одно изъ двухъ золъ; наконецъ они научились держаться въ такомъ разстояніи, при которомъ имъ было не очень холодно и въ то же время они не чувствовали иглъ. Тоже самое наблюдаемъ мы у людей; скука и пустота одиночества заставляетъ человѣка сближаться съ другими людьми, но множество непріятныхъ свойствъ человѣческой природы отталкиваютъ людей другъ отъ друга. Правила вѣжливости и хорошаго тона учатъ насъ находиться въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, которое наиболѣе для насъ удобно. Въ Англіи всякому, забывающему предѣлы вѣжливости, говорятъ: сохраняйте должное разстояніе! Разумѣется при такихъ условіяхъ люди недостаточно согрѣваютъ другъ друга, за то они избавлены отъ взаимныхъ уколовъ. Но тому, у кого много внутренняго жара, лучше всего избѣгать общества для того, чтобы не подвергаться никакимъ неудобствамъ и никому ихъ не доставлять.

Ледяной домъ. Въ № 6 «Жив. Об.» помѣщены рисунки «ледяного дома»; въ дополненіе къ описанію современнаго домика изъ льда, сдѣланнаго въ «Акваріумѣ», не лишены интереса отзывы американскихъ газетъ о построенномъ ледяномъ дворцѣ въ С.-Полѣ. Онъ занимаетъ поверхность въ одинъ акръ; главная башня его имѣетъ 120 фут. высоты; стоимость постройки—50 тыс. долларовъ; для построенія этого исполинскаго дворца потребовалось 50 тыс. льдинъ, вѣсомъ всего въ 16 милліоновъ фунтовъ; при электрическомъ освѣщеніи это ледяное зданіе представляетъ собой величественное зрѣлище.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.
ГАЛЬНЕМАКЕР
ШПАНЪ

21-го Февраля, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р.—На полгода 4 р. 50 к. Безъ доставки въ Спб.: за годъ 6 р. 60 к. За границею: за годъ 10 руб. Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 7 руб. съ преміею (книжный магазинъ И. Ф. Папкова, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова).

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ 1 нумера. За пересылку преміи цѣнною посылкою—одинъ рубль.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣлю 3 р. и къ 1-му іюня 2 р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 8

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

При сношеніи съ конторою необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него. За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій — 1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ. На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми коп. марки

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экземпл.) 1 р. 50 к. годов. 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету трансп. конторы).

ДОЛГЪ ПЛАТЕЖЕМЪ КРАСЕНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

(*Окончаніе*).

V.

Когда князь вступилъ въ сѣни, то въ полутьмѣ, среди музыкантовъ и сновавшей прислуги, съ трудомъ различилъ у входа двѣ мужскія фигуры—одну повыше, другую пониже ростомъ. Гости только-что скинули съ себя и передали своему слугѣ плащи, съ которыхъ ручьемъ сбѣгала вода; но когда тотъ, что пониже, заговорилъ съ хозяиномъ дома, князь замѣтилъ, что оба пріѣзжіе гости дрожатъ всѣмъ тѣломъ и зубъ на зубъ навести не могутъ, потому что промокли до костей.

— Князь, дозволь намъ у тебя пріютиться отъ непогоды...За...заблудились на охотѣ...Не откажи, дай намъ у тебя пооб... обсохнуть...

— Что-же ты, гость дорогой! Развѣ къ нехристю заѣхалъ, что спрашиваешься...Милости прошу! Эй, люди! огня! Да дозволь узнать, кого мнѣ Богъ послалъ въ день Ангела... Чай слышишь, каково у насъ веселье?

— Я тебѣ однополчанинъ — тоже измайловецъ, Викентьевъ поручикъ, въ приставахъ вотъ... при нихъ состою...

И Викентьевъ мотнулъ головою въ сторону своего высокаго и сумрачнаго товарища, который молча кивнулъ головою князю.

— А какъ ихъ величать? спросилъ князь съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Или не узналъ, князь, шепнулъ поспѣшно Викентьевъ, — вѣдь это самъ герцогъ Биронъ!

Голицынъ невольно вздрогнулъ и попятился! Биронъ—самъ герцогъ Биронъ въ моемъ домѣ! мелькнуло въ головѣ его. Но онъ быстро совладалъ съ собою, и низко поклонившись герцогу, сказалъ Викентьеву:

— Прошу за мною, гости дорогіе! и самъ повелъ ихъ черезъ сѣни, въ свѣтелку съ лежанкою, рядомъ со своей моленной.

По приказу Голицына слуги засуетились кругомъ пріѣзжихъ гостей, обогрѣли и обсушили ихъ, принеся имъ хозяйское бѣлье и платье. Затѣмъ внесенъ былъ въ свѣтелку накрытый столъ съ двумя приборами, поданъ сытный ужинъ и нѣсколько бутылокъ добраго вина.

И только здѣсь, въ свѣтелкѣ Голицынъ могъ ближе разсмотрѣть своего заклятаго врага.

1838. — ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ. — 1888.

Л. Л. Леонидовъ.

Гравировалъ на деревѣ Е. Львовъ въ Спб.

Въ высокой и плотной фигурѣ недавняго властелина всей Россіи, даже и теперь, среди униженія и паденія, еще чувствовалась и какая-то сила, и непомѣрная горделивость. Укоренившаяся привычка власти, привычка повелѣвать, сказывалась въ каждомъ движеніи, въ каждомъ поворотѣ головы. Въ то время, когда Викентьевъ въ одномъ концѣ свѣтелки разговаривалъ съ Голицынымъ, а слуги суетились около стола и оправляли постели, Биронъ опустился на лавку въ переднемъ углу, оперся руками на колѣни и молча осматривался кругомъ, иногда поглядывая въ сторону хозяина, котораго онъ не удостоилъ ни единымъ словомъ, не желая говорить по-русски. И Голицынъ каждый разъ чувствовалъ устремленный на него взглядъ Бирона и каждый разъ оборачивался въ его сторону, пораженный этимъ острымъ и непріятнымъ взглядомъ карихъ глазъ герцога, которые холодно и сурово глядѣли изъ-подъ насупленныхъ бровей... Такой взглядъ бываетъ только у жестокихъ и безсердечныхъ людей. Когда Голицымъ, извинившись передъ герцогомъ, удалился къ своимъ гостямъ, а Биронъ и поручикъ Викентьевъ сѣли за ужинъ и принялись за него съ усердіемъ людей, проголодавшихся на охотѣ, Биронъ, утоливъ первый голодъ и осушивъ стаканъ венгерскаго, обратился къ Викентьеву съ вопросомъ:

— Dieser Galitzin?.. Изъ какой фамилія?

— Дмитрія Михайловича Голицына племянникъ.

— Племеникъ? Was soll das heissen?

— Сынъ сестры или брата..

— То значитъ Neffe?

— У него въ домѣ и выросъ. И только вотъ съ годъ тому назадъ, какъ возвращенъ изъ ссылки,—добавилъ Викентьевъ, прихлебывая изъ стакана и пристально глядя въ лицо герцогу. Насъ съ вами въ Сибирь отправили, а его изъ Кареліи вернули...

Герцогъ отвернулся въ сторону, показывая видъ, будто онъ не понимаетъ намековъ своего пристава, который однакоже продолжалъ:

— Десять лѣтъ этотъ Голицынъ безъ всякой вины въ ссылкѣ былъ — жена у него молоденькая померла съ горя—по службѣ сколько потерялъ...

Герцогъ вдругъ покраснѣлъ; глаза его загорѣлись недобрымъ огнемъ, и онъ съ озлобленіемъ произнесъ:

— Ну, тофольно, г. поручикъ! Ich weiss das! Тогда такъ надо было, а теперь такъ не надо было... Тругое время!..

— Да, слава Богу! Другое время! продолжалъ безжалостный приставъ, наливая себѣ еще стаканъ венгерскаго. И какъ вѣдь мудрено бываетъ на свѣтѣ! Ваша свѣтлость его сослать изволили... ха! ха! А теперь вамъ-же у него пришлось быть гостемъ... Онъ и принимаетъ, и угощаетъ васъ... ха! ха! и платье, и бѣлье на васъ—его-же!.. Чудеса!..

Герцогъ наморщилъ лобъ, въ безсильной злобѣ сверкнулъ глазами на Викентьева и поднялся изъ-за стола. Онъ отошелъ къ своей постели и сталъ готовиться ко сну: ему хотѣлось поскорѣе сорвать съ себя это противное голицынское платье, которое словно тяжелыя вериги бременило его плечи! А поручикъ Викентьевъ остался за столомъ и не всталъ изъ-за него до тѣхъ поръ, пока не осушилъ послѣдней бутылки. Голицынское вино пришлось ему по вкусу.

VI.

Страшно-взволнованный, блѣдный, растерянный, князь Николай Сергѣевичъ вернулся въ столовую, гдѣ человѣкъ двадцать самыхъ крѣпкихъ питуховъ еще сидѣли около стола и все еще шумѣли, допивая второй боченокъ домашней наливки. Князь хотѣлъ сообщить воеводѣ о пріѣздѣ нежданныхъ гостей; но это оказалось невозможно, потому что воевода спалъ непробуднымъ сномъ, откинувшись на спинку креселъ и упираясь въ грудь своимъ толстымъ, отвисшимъ подбородкомъ. Среди пьянаго шума, какъ труба, звучалъ голосъ Чекина, который выпилъ болѣе всѣхъ и былъ все-же всѣхъ трезвѣе. Онъ спорилъ съ какимъ-то сосѣдомъ-помѣщикомъ о лошадяхъ и, какъ всегда, хватая черезъ край, бился съ нимъ объ закладъ, что на своей чалой тройкѣ проскачетъ не кормя отъ Ярославля до Москвы. Князь Голицынъ, никогда не пившій много, сразу понялъ, что ему здѣсь дѣлать нечего, что эта пьяная братія даже не замѣчаетъ отсутствіе хозяина—и поспѣшилъ уйти къ себѣ въ моленную.

Ему хотѣлось уединиться, уйти не только отъ этого нескладнаго шума и веселья, но — даже изъ дому; хотѣлось бѣжать изъ-подъ того крова, подъ которымъ онъ пріютилъ своего исконнаго, заклятаго врага, врага всей Россіи, всего русскаго! Жажда мести, страшная потребность возмездія за вынесенное имъ самимъ и за претерпѣнное другими — вотъ что волновало, терзало душу князя, не давая ему ни на минуту покоя. «Онъ здѣсь! онъ въ моихъ рукахъ! Сама судьба его ко мнѣ въ домъ направила—его мнѣ предала... Что хочу, то съ нимъ и сдѣлаю! За что его щадить, проклятаго. Развѣ онъ щадилъ кого? Развѣ жалѣлъ? Мучитель—кровопивецъ! И съ какого права онъ надъ нами тѣшился?..»

И князь быстрыми шагами ходилъ изъ угла въ уголъ по моленной и тщетно старался подавить въ себѣ то бѣшенство, котороев се болѣе и болѣе въ немъ разгоралось и постепенно овладѣвало всѣмъ его нравственнымъ существомъ... Только гдѣ-то далеко, въ самомъ тайникѣ души, теплился еще огонекъ, слышались еще слабые доводы, напоминавшіе князю о долгѣ гражданина—повиноваться предержащей власти, о долгѣ человѣка—уважать священныя права гостепріимства. Внутренній голосъ еще шепталъ князю:

— Онъ былъ тебѣ врагомъ, когда былъ въ силѣ и славѣ! А теперь онъ такой же слабый, ничтожный человѣкъ, какъ и всѣ—онъ самъ нуждается въ твоемъ кровѣ и въ твоей защитѣ!

И невольно поддаваясь на время этому слабому голосу совѣсти и разума, князь останавливался на минуту передъ кіотомъ и говорилъ: «Вразуми, Господи»!—пытался даже читать молитву; но изъ кіоты на него сурово смотрѣлъ старинный образъ Николая Чудотворца—тотъ самый, съ которымъ онъ не разлучался во время всей своей десятилѣтней ссылки... И, при взглядѣ на этотъ ликъ, въ воображеніи князя разомъ воскресало все нескончаемое бѣдствіе и томленіе, безвинно вынесенныя имъ тамъ, въ далекой, безвѣстной глуши; въ его памяти возникала убогая, сырая землянка, съ землянымъ поломъ и промерзлыми углами, и рядъ невыносимыхъ лишеній, и слезы злобы и отчаянія, и тѣ безсильныя проклятія, которыми онъ тогда осыпалъ своего мучителя...

— Нѣтъ! говорилъ себѣ князь Голицынъ:— нѣтъ! я не пощажу его, я не выпущу его изъ рукъ—я натѣшусь надъ нимъ... Я его опозорю:—людямъ своимъ велю отодрать его плетьми на конюшнѣ! Самъ приду смотрѣть на его истязаніе, на его корчи, буду слушать его вопли, буду приговаривать: «любо-ли тебѣ, господинъ герцогъ»! буду людямъ кричать, чтобы стегали его такъ же нещадно, какъ онъ другихъ стегать приказывалъ,—заставлю его въ ногахъ у себя ползать, просить, вымаливатъ пощады!..

Ангелъ Божій отлетѣлъ отъ его души—слѣпая злоба и жажда мести взяли верхъ, и князь быстро повернулъ къ дверямъ моленной, выходившимъ въ сѣни, чтобы созвать людей и выполнить свой замыселъ...

Но, что это? Въ сѣняхъ шумъ, гамъ, крики— слышны отдѣльные возгласы и общее галдѣнье толпы людей, которая тѣснясь и толкаясь, идетъ отъ столовой...

Князь съ трудомъ различаетъ среди общаго шума отдѣльныя слова:

— Гдѣ онъ? Давай его сюда? Гдѣ укрылся? Выходи, анаѳема!

— Что это? бунтъ? пожаръ? мелькнуло вдругъ въ головѣ князя. Онъ рванулъ дверь въ сѣни и на-пяту распахнулъ ее въ ту самую минуту, когда человѣкъ двадцать его гостей, допившихся уже до зеленаго змія, съ Чекинымъ во главѣ,—поравнялись съ дверьми моленной. За гостями слѣдомъ шли ихъ холопы, съ арапниками и батожьемъ въ рукахъ.

Съ перваго взгляда на это сонмище, Голицынъ понялъ, куда они идутъ и кого они ищутъ... И на душѣ у него вдругъ захолодѣло.. Величаво и спокойно, скрестивъ руки на широкой груди, Голицынъ заградилъ дорогу пьяной ватагѣ.

— Князь! голубчикъ! — обратился къ нему Чекинъ, сильно пьяный, но крѣпко державшійся на ногахъ. Гдѣ у тебя этотъ мучитель-то твой! Давай его намъ!..

— Кого тебѣ нужно? Зачѣмъ ты тутъ шумишь—добрыхъ людей будишь?

Чекинъ схватился за бока и разразился громкимъ хохотомъ, закинувъ назадъ свою кудластую голову.

— Ты о какихъ же добрыхъ людяхъ говоришь? гаркнулъ онъ вдругъ во всю глотку. Вѣдь мы же знаемъ, кто къ тебѣ въ гости пожаловалъ! Сама свѣтлость герцогская! Биронъ треклятый! Давай его намъ!.. Потому мы тебя всѣ любимъ... Мы ему за всѣ твои муки отплатимъ! Отольются кошкѣ...

— Ступай спать, Иванъ Федоровичъ! Кто-бы ко мнѣ ни пожаловалъ—всякъ у меня подъ крышею благодатный гость, и никого я не дамъ въ обиду!

— Это ты говоришь? Ты! Ты! заревѣлъ Чекинъ, входя въ пьяный азартъ. Такъ я же тебѣ скажу, что мы тебя знать-то не хотимъ. И будь я не Иванъ Чекинъ, коли я твоего гостя не поподчую батожьемъ! Ха! Ха!

— Такъ! Такъ! Батожьемъ его, да изъ дома въ зашеи! загалдѣла пьяная толпа гостей.

— Слушай, Чекинъ! мрачно произнесъ Голицынъ. Ни тебѣ, ни кому изъ нихъ я у себя въ домѣ буйствовать не дозволю. Вы мои гости, но я у себя въ домѣ господинъ и хозяинъ. Вы теперь всѣ хмѣльны—ступайте спать! Вотъ вамъ и сказъ весь!

— Такъ вотъ ты что поешь! заревѣлъ Чекинъ, сжимая кулаки и наступая на Голицына.

Ты, значитъ, ему защитникъ! Ты намъ всѣмъ ругатель...

У Голицына захватило въ груди дыханіе, онъ почувствовалъ приближеніе одного изъ тѣхъ страшныхъ, неудержимыхъ порывовъ бѣшенства, которыхъ онъ самъ всегда пугался.

— Отвяжись отъ меня, сатана! крикнулъ онъ Чекину, сильно отталкивая его отъ себя и загораживая спиною дверь въ свѣтелку.

Чекинъ отступилъ на шагъ, озадаченный.

— А! такъ ты вотъ каковъ! Такъ ты, значитъ, Бирону холопъ!—Братцы, крикнулъ онъ, обращаясь ко всей ватагѣ,—такъ мы и его вмѣстѣ съ Бирономъ отдеремъ, чтобъ помнилъ — рядомъ положимъ!.. Бери, хватай его! За мной!

Раздались крики; ватага заволновалась. Чекинъ бросился впередъ, за нимъ еще двое гостей...

Но Голицынъ уже ничего не понималъ и не видѣлъ передъ собою. Въ немъ проснулся дикій, разъяренный звѣрь—слѣпая ярость удесятерила его силы и заволокла ему очи. Сорвавши полку со стѣны, онъ взмахнулъ ею, какъ щепкою, и ринулся на толпу. Первый ударъ обрушился на Чекина, который полетѣлъ со всѣхъ ногъ и раскинулся навзничь; затѣмъ грузно рухнули еще двое... И вся ватага вдругъ отхлынула въ ужасѣ отъ разсвирѣпѣвшаго Голицына: передніе потѣснили заднихъ, задніе обратились въ постыдное бѣгство, побросавъ батоги и арапники. Произошла тѣснота и сумятица, всѣ спѣшили убраться, толкались, падали, давили другъ друга...

Только увидавъ страшныя послѣдствія своего бѣшенаго порыва, Голицынъ остановился и оглянулся. Чекинъ лежалъ передъ нимъ безъ движенія, раскинувъ руки крестомъ; кровь струилась по лицу его изъ широкой раны на лбу. Подальше—корчился на боку и громко стоналъ другой сосѣдъ-помѣщикъ... Кто-то третій, ползкомъ, волоча правую ногу, пробирался къ крыльцу...

Голицынъ опомнился, швырнулъ полку на полъ и провелъ рукою по волосамъ. Словно чешуя у него свалилась съ глазъ.

Тутъ только понялъ онъ, что исполнилъ свято свой долгъ и «избавилъ себя отъ лукаваго».

VII.

Биронъ все слышалъ, и все понялъ. Еще съ вечера, узнавъ изъ разговора съ Викентьевымъ, къ какому Голицыну привела его судьба, герцогъ уже почувствовалъ себя неловко и сталъ тревожиться не на шутку. Современные нравы, не слишкомъ мягкіе и цивилизованные даже и въ столицахъ, тѣмъ болѣе носили на себѣ въ провинціи отпечатокъ наивной грубости «добраго стараго времени,» которое охотно пускало въ ходъ и батоги, и плети, и всякую ручную расправу. Не понравился Бирону и тотъ взглядъ, который по временамъ обращалъ на него Голицынъ, разговаривая съ Викентьевымъ, передъ уходомъ изъ свѣтелки. Сверхъ этого, Биронъ, какъ человѣкъ жестокій и глубокоразвращенный грубыми пріемами той власти, которая нѣкогда (и такъ еще недавно) была у него въ рукахъ—не ждалъ для себя ничего добраго отъ этого охотничьяго приключенія. Онъ судилъ по себѣ; онъ твердо былъ увѣренъ, по своей нѣмецкой логикѣ, что Голицынъ долженъ поступить съ нимъ такъ, какъ онъ самъ поступилъ-бы съ каждымъ изъ своихъ враговъ, въ періодъ своего могущества—и онъ, ворочаясь послѣ ужина на постелѣ, не могъ сомкнуть глазъ, и все проклиналъ ту несчастную страсть къ охотѣ, которая завлекла его въ эту страшную западню. Все казалось ему совершенно ясно; хозяинъ ему врагъ, человѣкъ отъ него пострадавшій; его гости—русскіе дворяне, ненавидящіе иноземцевъ вообще, а тѣмъ болѣе его, главу всѣхъ иноземцевъ; въ домѣ масса народу и притомъ еще на двѣ трети пьянаго—«этого безобразнаго русскаго народа, неспособнаго ни къ какому европеизму» и привыкнувшаго буквально исполнять приказанія господъ...

Въ результатѣ всѣхъ этихъ соображеній, Биронъ говорилъ себѣ: «бѣда! я погибъ! и если мнѣ удастся уйти отсюда цѣлымъ—это будетъ чудомъ!»

И онъ со страхомъ прислушивался къ каждому долетавшему изъ столовой пьяному возгласу и къ тяжелымъ, быстрымъ, тревожнымъ шагамъ князя Николая за стѣною.

«Тамъ кто-то ходитъ... Не спитъ? Вѣрно, сторожитъ насъ, чтобы»... И онъ поднялся съ постели и подошелъ къ окошкамъ, намѣреваясь ознакомиться съ мѣстностью, на всякій случай. Но окошки оказались такъ малы и узки, что, даже выбивъ изъ окна волоковую раму, такой плотный и высокій мужчина, какъ Биронъ, не могъ-бы изъ него вылѣзти. У него еще страшнѣе, еще смутнѣе стало на душѣ... И онъ опять ворочался, на постели, подъ одѣяломъ, и думалъ свои мрачныя, злыя, черныя думы.

Викентьевъ, осушившій съ вечера всѣ бутылки, которыя были имъ поданы за ужинъ, спалъ крѣпкимъ сномъ человѣка со спокойною совѣстью и тяжелою головою. Но страшный гвалтъ и шумъ въ сѣняхъ заставили, наконецъ, его очнуться отъ тяжелаго сна. Прежде всего ему пришло въ голову, что въ домѣ пожаръ:—онъ поспѣшно вскочилъ съ постели и сталъ одѣваться. Но первое, что бросилось ему въ глаза, былъ герцогъ Биронъ, сидѣвшій на своей постелѣ въ одной рубахѣ. Ночь была свѣтлая, и Викентьевъ ясно видѣлъ передъ собою блѣдное лицо его свѣтлости, съ испуганнымъ, блуждающимъ взоромъ и трясущеюся нижнею челюстью. Его видимо трясла та лихорадка, которая трясетъ осужденнаго на смерть преступника, когда онъ видитъ передъ собою ступени эшафота и ожидающую его позорную петлю. Увидѣвъ, что Викентьевъ проснулся и спѣшитъ одѣться, Биронъ ничего не могъ ему сказать—языкъ ему не повиновался—онъ только указалъ ему пальцемъ на дверь и безсильно поникъ головою.

Викентьевъ подошелъ къ двери, прислушался и понялъ сразу, о чьей шкурѣ тутъ идетъ дѣло. Онъ слышалъ крики и хохотъ наступавшей на Голицына ватаги, слышалъ до слова громкія и пьяныя рѣчи Чекина, которымъ вторили хоромъ хмѣльные гости, слышалъ внятно и отвѣты князя, и какъ потомъ вдругъ что-то сорвалось со стѣны и грохнуло, какъ кто-то полетѣлъ съ ногъ, кто-то застоналъ и взвизгнулъ... Еще ударъ — еще паденіе... И крики ужаса и топотъ поспѣшнаго бѣгства, при которомъ бѣгущіе безпощадно давили и толкали другъ друга.

Викентьевъ распахнулъ дверь настежь и бросился обнимать Голицына, который въ изнеможеніи опустился на лавку, блѣдный, какъ полотно, и тяжело дыша всею грудью.

И не Голицынъ, а Викентьевъ и воевода, въ попыхахъ прибѣжавшій изъ своего флигеля на мѣсто побоища, призвали людей, приказали снести раненыхъ въ баню и тамъ подать имъ первую помощь. Не менѣе ихъ нуждался въ помощи и самъ князь Николай Сергѣевичъ, котораго едва отпоили холодной водой и почти насильно уложили въ постель.

Когда, черезъ полчаса послѣ всей этой суматохи, Викентьевъ вернулся въ свѣтелку къ герцогу, онъ увидѣлъ, что тотъ все такъ-же неподвижно сидитъ на своей постели, опустивъ голову. Онъ все слышалъ и все понялъ — и чувствовалъ себя не только сбитымъ съ позиціи, озадаченнымъ, но даже приниженнымъ. Еслибы Голицынъ могъ на него взглянуть въ эту минуту, онъ понялъ-бы, что онъ отомщенъ, и отомщенъ жестоко... Викентьевъ этого не сообразилъ:

— Ложитесь спать, ваша свѣтлость! сказалъ онъ герцогу. За спиной у такого хозяина, какъ князь Голицынъ, и врагу можно спать спокойно.

Биронъ вдругъ соскочилъ съ постели, босой, какъ былъ, въ одной рубахѣ, подбѣжалъ къ Викентьеву и проговорилъ вполголоса:

— Вы знаете... вы знаете... Онъ не только знатная персона,—онъ большой человѣкъ! Въ немъ большая душа... Какъ это по русски: Grossmuth? Grossmuth! У него есть много Grossmuth!

Но слово «великодушіе» тогда еще не существовало въ русскомъ языкѣ, и Викентьевъ могъ только сказать герцогу, многозначительно на него поглядывая:

— Да, это вѣрно! У него великая душа, мужество львиное—да и силища при этомъ медвѣжья! Не дай Богъ такому медвѣдю не въ пору попасться въ лапы!

На другой день, герцогъ Биронъ и Викентьевъ, уѣхали въ Ярославль, не видавъ хозяина, который дорого поплатился за свой вчерашній подвигъ. Подъ утро онъ сталъ бредить и въ жару метаться на постелѣ:—у него открылась сильнѣйшая горячка, которая продержала его въ постелѣ три недѣли, и едва не свела въ могилу. Въ бреду, онъ ни единымъ словомъ не упоминалъ о Биронѣ и своей ссорѣ съ Чекинымъ, и все только представлялъ себя еще живущимъ въ ссылкѣ, кричалъ на рабочихъ, давалъ приказанія или остерегалъ ихъ отъ обвала камней. Молодой супругѣ не легко было выходить больного, который только ея и слушался. Но наконецъ, могучая натура взяла верхъ надъ недугомъ. Князь сталъ выздоравливать, и окончательно прійдя въ сознаніе, прежде всего освѣдомился о Чекинѣ.

Къ величайшему своему удовольствію, онъ узналъ, что Чекинъ оправился гораздо ранѣе его; что жестокій ударъ, нанесенный ему доскою по головѣ, по счастію, не разбилъ ему черепа, а только оглушилъ и отуманилъ его, оставивъ однакоже навсегда на лбу его широкій багровый рубецъ. Говорятъ, будто этотъ урокъ послужилъ Чекину на пользу; онъ сталъ смирнѣе, и когда бывало начиналъ въ пьяномъ видѣ буянить и лѣзть въ драку, окружающіе смѣялись надъ нимъ и говорили:

— Смотри, братъ Иванъ Ѳеодоровичъ, не наткнись опять чекинскимъ лбомъ на голицынскую полку!

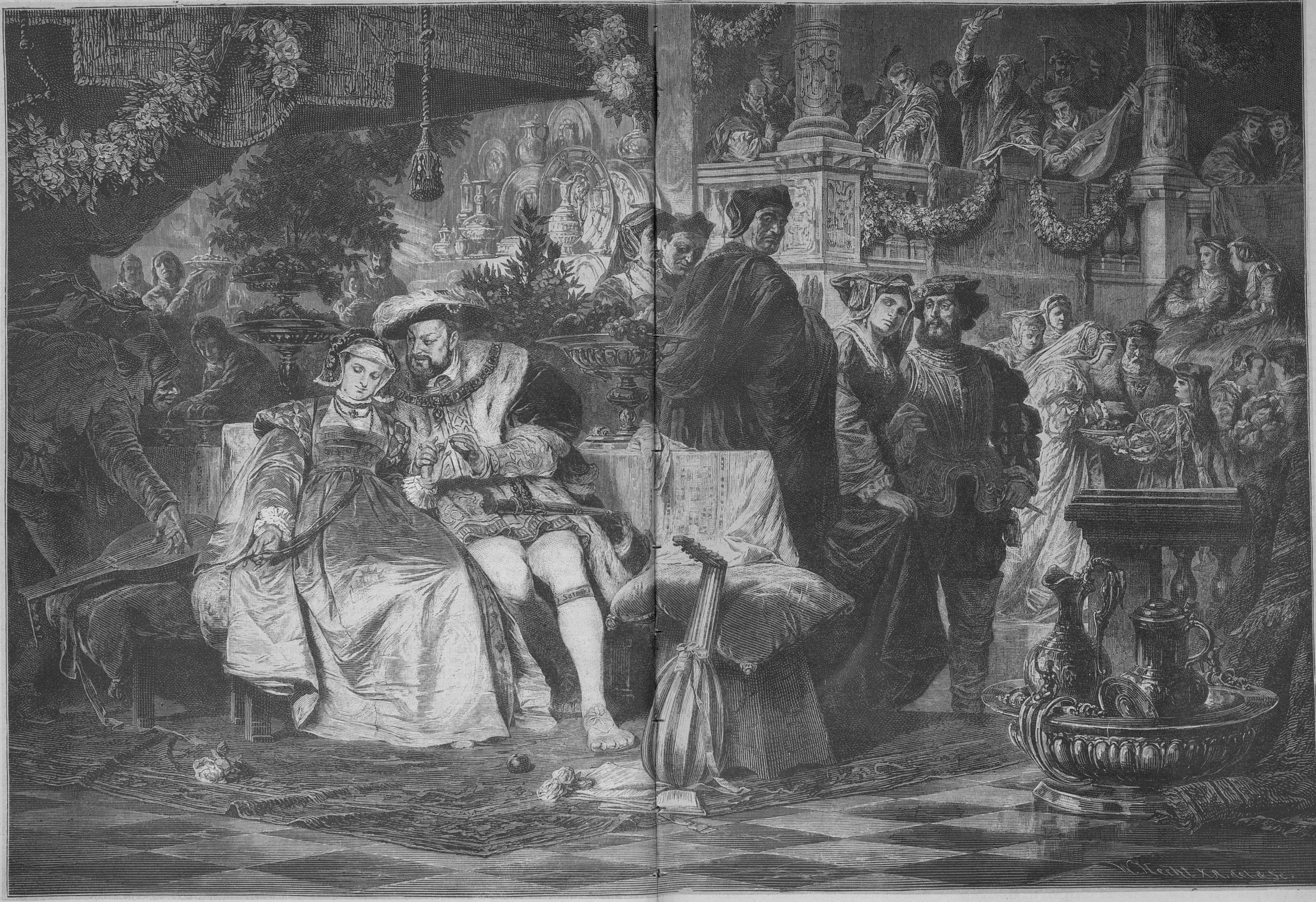
П. Н. Полевой.

(*Конецъ*).

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДІЯ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ СПБ.

(ВЫСТАВКА ВЪ ПОЛЬЗУ ВД И СИРОТЪ АРХИТЕКТОРОВЪ).

Съ картин. Пилоти.


W. Hecht. X.A. del. & Sc.

Генрихъ VIII Анна Болейнъ.

Гравировалъ на де Гехтъ въ Берлинѣ.

РАСКОЛЬНИЧIЙ УЧИТЕЛЬ.

Изъ забытыхъ исторiй. **Н. И. Шульгина.**

(Продолженiе).

Глава VIII.

Прибѣжала домой Палаша, залилась горькими слезами и думаетъ невеселую думу. Улеглась спать,—не спится!

— Что дѣлать мнѣ, думаетъ бѣдная дѣвушка. Помоги мнѣ, Господи, научи меня, неразумную,—молится она.

Жаль ей Якова; жаль обмануть любовь этого добраго человѣка; жаль и своей любви,—она была убѣждена, что горячо любитъ браваго парня. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не легко разстаться съ мечтою вѣчнаго служенiя Богу, проповѣдуя другимъ, темнымъ людямъ, убѣжденiя религiи, которую она съ малыхъ лѣтъ привыкла считать истинной, не смотря даже на то, что главнымъ ея учителемъ былъ ненавистный для нея человѣкъ Кузьма Петровъ. Она понимала, что Кузьма плутъ, проходимецъ, потому не любила его, но это нисколько не мѣшало ей до фанатизма быть приверженной къ его заблужденiю. «Вѣра не виновата, что служитель ея плохъ», утѣшала себя молодая дѣвушка. Свою мечту Палаша лелѣяла съ той самой поры, какъ стала себя помнить и разсуждать, такъ легко ли ей было разставаться съ нею.

Палаша помнила себя очень давно, лучшiя воспоминанiя ея относились къ самымъ первымъ годамъ ея младенчества, къ тому времени, когда былъ еще живъ ея отецъ. Палаша была единственнымъ ребенкомъ у своихъ родителей, почему они оба души въ ней не чаяли. Мать потомъ нѣсколько охладѣла къ ней, но отецъ до самой смерти своей любилъ ее безъ памяти. Испытавъ разочарованiе въ наставникѣ новой религiи, Максимъ, невольно также разочаровавшiйся въ женѣ, всю силу своей привязанности сосредоточилъ на маленькомъ существѣ, такъ мило, для его слуха, выговаривавшемъ простыя слова: «папка, милый папка». Ее, свою крошку, Максимъ любилъ до самозабвенiя. Играя съ ней и цѣлуя ее, бѣдный мужикъ забывалъ свое горе, постепенно подтачивавшее его скорбную жизнь. Трехлѣтняя Палаша какъ будто понимала, что отцу нужно утѣшенiе. Она, своимъ маленькимъ сердечкомъ отгадала, что только ей одной, одной ей можно облегчать безъисходное горе своего простого, честнаго отца. И умѣла же плутовка утѣшить: бывало заслышитъ кашель отца, уже бѣжитъ къ нему на встрѣчу, бросается на шею и пошла передавать свои маленькiя приключеньица. Слушаетъ бѣдняга свою милашку, проясняется его лицо, озаренное кроткой, любящей улыбкой. Пройдетъ немного времени,—смотришь,—и молчаливый Максимъ разговорился: начнетъ пересказывать своей милой дочкѣ разныя разности, надаетъ ей кучу совѣтовъ, главное проситъ не мѣнять религiи,—въ какой родилась, въ той и умирай. Просилъ ее, если научится читать, прочитать святое писанiе и слѣдовать ему въ точности. «Люди многое сами выдумали», съ грустiю говорилъ онъ. Все помнитъ Палаша, не забыла она наставленiй нѣжно любимаго отца. Много времени прошло со дня его смерти, а Палашѣ кажется, что будто бы ей часто слышится его тихiй, нѣжный голосъ, въ ушахъ раздается плавная рѣчь молодаго страдальца, безпрестанно прерываемая тяжелымъ, удушливымъ кашлемъ...

Палашѣ не долго привелось пожить съ любимымъ отцомъ. И теперь еще она часто вспоминаетъ тотъ горестный день, когда бѣдняга, постоянно пересиливавшiй свой недугъ, сказалъ ей: «не можется мнѣ что-то, мое милое дитя; не пойду я сегодня въ поле; лягу, можетъ, и полегчаетъ». Но не полегчало Максимушкѣ: какъ легъ бѣдняга, такъ и не вставалъ до того дня, когда положили его въ гробъ и съ напутствiемъ, проговореннымъ Кузьмою, опустили въ мать сыру землю. Ничего не забыла безгранично любящая дочь. Помнитъ она объ отцѣ и часто, очень часто встаетъ въ ея воображенiи незабвенный образъ отца и друга, такъ рано похищеннаго неумолимою смертiю.

Со смертiю отца Палаша повела иную жизнь. Некому ей было пересказывать свои наблюденiя, некого было распрашивать. Мать любила Палашу, но любовь ея была совсѣмъ другого сорта, какъ любовь покойнаго отца. Дѣвочкѣ, правда, по прежнему ни въ чемъ не было запрета: захочетъ она ѣсть, ей давалось въ волю; хотѣлось играть, ей не запрещали; ее не били, не ругали; но мать почти никогда не говорила съ нею, недосугъ ей было;—пытливые вопросы умной дѣвочки почти никогда не вызывали отвѣта со стороны Марфы. Но все же Марфа любила свою Палашу: когда Кузьма требовалъ строгаго исполненiя ученiя о безбрачiи и расторжимости семей, Марфа горячо возстала противъ своего любовника. Она объявила, что лучше разойдется съ нимъ и уйдетъ куда нибудь въ другую деревню, нежели перестанетъ исполнять материнскiя обязанности. Кузьма не настаивалъ, главное потому, что невозможно было настаивать: куда дѣть дѣтей? Нечего было думать объ учрежденiи общихъ воспитательныхъ домовъ, на манеръ существующихъ въ нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ общинахъ, гдѣ бы всѣ дѣти воспитывались подъ надзоромъ особо приставленныхъ къ нимъ наставниковъ и наставницъ. Средствъ не было для такого обширнаго предпрiятiя, къ тому же Кузьма, тогда еще недавно переселившiйся въ Горки, не успѣлъ поладить съ начальствомъ, почему крѣпко побаивался его. Кузьма уступилъ, и въ марфиномъ домѣ все пошло по прежнему.

Вначалѣ, тотчасъ послѣ смерти Максима, Кузьма частенько посѣщалъ Марфу, но потомъ посѣщенiя сдѣлались рѣже: Марфа успѣла уже надоѣсть своему любовнику, къ тому же онъ нерѣдко сталъ отлучаться для проповѣди въ другiя мѣста, куда иногда онъ бралъ съ собой и Марфу, но не ради любви къ ней: Марфа помогала учителю въ его дѣлѣ. Посѣщенiя Кузьмы не прошли безслѣдно для Палаши, онъ полюбилъ дѣвочку, ласкалъ ее, приносилъ гостинцы, но Палаша всегда чувствовала къ нему инстинктивное нерасположенiе. Причиной тому вѣроятно была не любовь къ Кузьмѣ ея покойнаго отца, которую тотъ хотя тщательно скрывалъ, но все же иногда противъ воли высказывалъ, ибо не могла же маленькая дѣвочка додуматься сама, что уважаемый всѣми учитель ни что иное, какъ ловкiй пройдоха и сластолюбецъ. Впослѣдствiи выросши, она стала уже сознательно не любить его. Лучше другихъ она понимала всѣ его штуки.

Марфа имѣла много занятiй внѣ дома; помощницѣ учителя, то путешествовавшей съ нимъ, то бесѣдовавшей у него на дому, некогда было заниматься своей дочерью и Палаша росла на волѣ, одна одинешенька. Она удалялась куда-нибудь въ уголъ и тамъ раздумывала, своимъ дѣтскимъ умомъ, о всякихъ подмѣченныхъ ею явленiяхъ природы и жизни. Сильно работало ея крошечное воображенiе, въ особенности съ того времени, какъ Кузьма выучилъ ее читать и писать. Усядется крошка на полу, положитъ предъ собой книгу, едва-ли не равную ей по величинѣ, и начнетъ вслухъ выкрикивать слова. Съ одиннадцати лѣтъ она уже стала читать Библiю, затѣмъ пристрастилась къ чтенiю мистическихъ, противобрачныхъ сочиненiй, которыя Кузьма старался распространять между своими единовѣрцами. Хотя онъ проповѣдывалъ, что не въ писанiи сила и не тамъ надо искать правды, что ее говоритъ Богъ устами своихъ избранныхъ пророковъ, однако-же считалъ полезнымъ дозволять чтенiе книгъ, такъ или иначе поддерживавшихъ принципы проповѣдуемой имъ религiи. Такое чтенiе, разумѣется, давало широкое поле фантазiи, и Палаша, и безъ того дѣвочка съ сильно настроеннымъ, обстоятельствами, воображенiемъ, пристрастившись къ мистическому чтенiю, необходимо развила въ себѣ крайнiя аскетическiя воззрѣнiя, а какъ религiя Кузьмы, болѣе другихъ знакомыхъ ей религiй, подходила подъ составленный ею строго аскетическiй идеалъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что она полюбила эту религiю, презирая въ то же время ея главнаго служителя.

Лежала бѣдная Палаша и думала горькую думу. Не спитъ она,—не до сна ей горемычной. Разныя печальныя картины возстаютъ въ ея разстроенномъ воображенiи. То чудится ей Яковъ раздутый, посинѣлый, клещи впились въ его тѣло; то представляются ей мученiя ада; дрожитъ бѣдняжка, не видитъ исхода изъ своего незавиднаго положенiя.

— Господи, хоть-бы умереть, думаетъ она.— Лучше-бы было. Да что смерть? Смерть будетъ мнѣ отрадой... Какъ тяжело мнѣ, Боже, какъ тяжело...

— Ты не спишь, Палаша, не можется, что-ли? спрашиваетъ ее Марфа, и тотчасъ-же засыпаетъ.

— Такъ, не спится, говоритъ Палаша.

Опять тѣ же думы, тѣ же картины. Палаша мечется по постели, какъ въ лихорадкѣ. Опять просыпается Марфа, прислушивается къ прерывистому дыханiю и тихимъ рыданiямъ своей дочери, не хочетъ уже спрашивать, что за причина ея безпокойства, а произноситъ про себя пламенную молитву, прося Бога, дабы успокоилъ страждующую молодую душу.

(Окончанiе слѣдуетъ).

ТИГРИЦА.

Романъ **Д. Верга.**

Переводъ **В. Крестовскаго** (псевдонимъ).

(Продолженiе).

XV.

Рендона не могъ въ тотъ вечеръ навѣстить свою больную: его позвали въ домъ Лаферлита. Къ ночи ребенку стало хуже; оказался дифтеритъ.

Ребенокъ былъ въ постели; Эрминiя, въ страхѣ, не дыша, скрывая слезы, слѣдила за всякимъ измѣненiемъ крошечнаго личика, за всякимъ раздирающимъ, задушеннымъ крикомъ. Покуда еще свѣтило солнце, матери будто свѣтила надежда; но стало темнѣть, и ей казалось—на ея дитя падаетъ смертная тѣнь.

Въ домѣ вся прислуга была на ногахъ, но Эрминiя не позволяла никому входить. Она оставалась одна въ темнѣющей комнатѣ, надъ ребенкомъ, который метался, протягивая ручки, будто прося защиты, прислушивалась къ шороху въ сосѣдней комнатѣ и оборачивалась къ двери, ловя первый взглядъ входившаго доктора; сама въ жару, больная, спрашивала, разсказывала отрывисто и нервно. Часовъ въ девять утра, прибѣжалъ Карло.

— Что случилось? твои люди меня напугали.

Она сдѣлала знакъ, чтобъ онъ говорилъ тише, сжала его руку, заплакала и откинула покрывало съ ребенка.

— Смотри...

У молодого человѣка сжалось сердце. Эрминiя проговорила:

— Хоть ты его любишь, бѣдненькаго... Не уходи. У него, у меня—ты одинъ...

Вошелъ докторъ и спросилъ свѣчу; свѣтъ желтымъ кругомъ упалъ на подушки. Рендона посмотрѣлъ и отошелъ.

— Не хуже, нежели часъ назадъ, сказалъ онъ:—дышать еще можетъ. Надо-бы попробовать сдѣлать маленькую операцiю; если удастся—спасенъ.

— Больно ему будетъ? спросила мать, замирая.

— Нѣтъ... не очень.

Несчастная захватила лицо руками. Докторъ написалъ нѣсколько строкъ на листочкѣ своей записной книжки и вышелъ приказать прислугѣ.

— Но надо увѣдомить твоего мужа, сказалъ Карло.

Эрминiя не отвѣчала.

— Я ужь послалъ ему телеграмму въ Джарре, сказалъ, возвращаясь, докторъ.

— Но деревня Джорджiо въ сторонѣ! Короче послать верховаго, проселочной дорогой.

— Правда; можетъ быть, такъ скорѣе. Пошлите Джузеппе.

Эрминiя, задыхаясь, только слушала, сжимая руки.

— Еще скорѣе—я самъ поѣду, сказалъ Карло.

— Нѣтъ! вскричала она, схвативъ его за руку:—хоть ты не покидай насъ!

Наконецъ прибѣжала и перепуганная синьора Рускалiа, узнавъ объ опасномъ положенiи внучка. Она обняла Эрминiю; всѣ плакали. Ободрялъ докторъ, прохаживаясь по комнатѣ.

— Ничего, ничего, синьоры! еще не конецъ, есть надежда.

Синьора Рускалiа прижалась въ уголку; Эрминiя сидѣла подлѣ ребенка; Карло стоялъ за нею, тоже не шевелясь и не дыша. Съ улицы долеталъ стукъ экипажей; пробѣгали мальчишки, распѣвая во все горло, радуясь весеннимъ днямъ... Въ памяти молодой матери кружились короткiе дни ея сокровища: его первый крикъ, отъ котораго еще неизвѣданной радостью встрепенулось ея сердце... онъ у груди... онъ улыбнулся... Крошечный вышитый чепчикъ... еще въ ожиданiи его она вышивала!.. И вдругъ—онъ блѣдненькiй; приходилъ докторъ... какое глубокое, несказанное счастье, когда миновала тревога! А нынѣшнее утро, нынѣшнее, когда она заглянула въ колыбель, а сокровище въ такомъ ужасѣ, въ жару... Она вспоминала все, что задумывала о немъ. Онъ росъ въ ея мечтахъ. Вотъ, онъ ходитъ въ школу. Вотъ, маленькими шажками, слышно, бѣгаетъ въ той комнатѣ. Вотъ, его голосокъ кричитъ: Мама! О, изъ всѣхъ на свѣтѣ голосовъ она узнала-бы его голосъ!—И съ этими воспоминанiями смѣшиваются другiя—о томъ человѣкѣ, который дѣлилъ эти мечты и радости, кто столько разъ бралъ на руки Джаннино, самъ дѣтски хохоча, когда дитя колотило его ножками и хватало рученками за лицо... А теперь, этотъ человѣкъ не знаетъ, что дитя задыхается, зоветъ мать на помощь... этотъ человѣкъ уѣхалъ, бросилъ бѣдное дитя,—уѣхалъ, нѣтъ его!..

Слуга постучалъ въ дверь и передалъ доктору сткляночку и маленькiй портфель. Эрминiя вскочила и дрожа, съ ужасомъ слѣдила за этими предметами въ рукахъ доктора. Синьора Рускалiа сказала, что видѣть этого не можетъ, и ушла въ гостиную. Докторъ шелъ къ постели. Эрминiя, блѣдная какъ смерть, схватила его за руки.

— Докторъ... Что вы дѣлаете? Что вы хотите дѣлать? Больно будетъ?

— Да ничего, пустяки! Не волнуйтесь, милая. Увидите, будетъ здоровъ. Не держите меня, если еще полчаса промѣшкаемъ, я ужь не отвѣчаю...

— О, такъ скорѣе... Господи, я забываю! Вамъ нужно бѣлья? перевязки?

— Ничего не нужно. Нужно только, чтобъ кто-нибудь его приподнялъ и подержалъ.

— Я сама! На чтожь кого-нибудь? кто кромѣ меня, моего мальчика...

— Вотъ, вотъ это-то, именно. Вы, въ вашемъ положенiи, заставите меня бѣдъ надѣлать.

— Я подержу, сказалъ Карло.

Эрминiя посмотрѣла потерянно и кивнула головой.

— Докторъ, ради Бога... Онъ такъ мучится, онъ такой маленькiй... Господи, Господи...

Она рыдала, шептала, бродила по комнатѣ, не помня себя, ломая руки, кружа около доктора и Карло, державшаго ребенка ближе къ свѣту; ее притягивало къ нимъ, ее не допускалъ страхъ. Она слѣдила за движенiями доктора,—цѣлая вѣчность! въ ея груди, разрывая сердце, будто впивались всѣ чудовищные хирургическiе ножи, какiе только она могла вообразить. Ребенокъ задушенно вскрикивалъ и вдругъ вскрикнулъ рѣзко и звонко. Мать бросилась къ нему, какъ безумная. Докторъ спокойно пряталъ свой футляръ въ карманъ.

— Положите его въ постельку. Все отлично.

Мать почти съ злобой выхватила ребенка изъ рукъ Карло, уложила его бережно и упала лицомъ къ нему на подушку.

Синьора Рускалiа пришла, тоже съ плачемъ и докторъ мучился, успокоивая обѣихъ... Эрминiя отъ постели подходила къ часамъ, открывала окно, слушала, будто ожидала, и шатаясь, ходила по комнатѣ.

Докторъ обѣщалъ, что раньше полночи не уйдетъ. Соньора Рускалiа падала отъ усталости; ее уговаривали прилечь. Эрминiя отвела ее въ другую комнату; когда она возвращалась въ спальню, Карло выбѣжалъ ей на встрѣчу въ гостиную.

— Порадуйся, Эрминiя! докторъ сказалъ, что онъ спасенъ; жаръ легче; онъ уснулъ и дышетъ легко.

Она помертвѣла, не промолвила ни слова, глядя на него и вся дрожа; вдругъ обняла его обѣими руками и вскрикнула:

— Какъ я тебя люблю!

Джорджiо прибѣжалъ, торопясь, со станцiи. Подъѣздъ отворенъ, въ такой поздній часъ, прислуга встревожена... испуганный онъ побѣжалъ въ комнату жены. Свѣча еще горѣла, хотя очень было ужь свѣтло. Карло и Рендона сидѣли на диванѣ. Эрминiя стояла подлѣ ребенка, спиной къ двери. Услыша шаги мужа, она вздрогнула, обернулась и осталась какъ потерянная; ея лицо побѣлѣло, губы задрожали, задрожали колѣни... она упала въ кресло. Джорджiо не смѣлъ войти. Карло и Рендона поспѣшили къ нему.

— Ничего, говорилъ Рендона: опасность прошла. Очень было плохо, но теперь—ничего.

Джорджiо, едва держась на ногахъ, подошелъ къ постели, тревожно взглянулъ на спящаго ребенка и несмѣло взялъ руку жены; она дала ее безсознательно, вдругъ упала на постель и зарыдала громко...

— Ничего, повторялъ Рендона, дайте ей выплакаться. Сильное нервное напряженiе. Отъ слезъ будетъ легче...

XVI.

Совѣсть подсказывала Джорджiо, что есть что-то заставляющее его избѣгать взгляда жены, отнимающее право распрашивать о сынѣ, заставляющее молчать, будто униженнаго. Въ замѣшательствѣ, онъ сказалъ нѣсколько словъ невнятно, безсвязно, безъ смысла; на его счастье, его заглушали рѣчи доктора и тещи, а ребенку въ теченiе дня становилось лучше. Ободренiя доктора уже начинали вызывать улыбки и радость, Эрминiя была спокойнѣе, за то сказывались усталость и перенесенныя волненiя; она была страшно блѣдна и ослабѣла. Синьора Рускалiа уговорила ее прилечь подлѣ ребенка; докторъ ушелъ къ своимъ другимъ больнымъ; Карло ушелъ тоже по своимъ дѣламъ. Въ домѣ затихло. Слышались только шаги Джорджiо, который расхаживалъ по своему кабинету. Онъ былъ нѣсколько дней нездоровъ и скрывалъ это отъ всѣхъ. Тонкое чувство, гордое, мрачное, тяжко заставляло его притворяться, не выдавать страданiя своихъ долгихъ ночей, въ горячкѣ, среди призраковъ...

Съ этого дня, между мужемъ и женой началась необъяснимая холодность. Джорджiо входилъ въ комнату Эрминiи, спрашивалъ о сынѣ, оставался все время, покуда приходилъ докторъ, настоятельно поручалъ ему разстроенное здоровье жены, затѣмъ уходилъ и не показывался до вечера. Ясная, покорная кротость Эрминiи колола его въ сердце; что-то неопредѣленное, скрытое представлялось ему, когда она обращала на него глаза или заговаривала. Онъ былъ готовъ исполнять ея малѣйшiя прихоти, но когда докторъ посовѣтовалъ имъ всѣмъ переѣхать на лѣто въ деревню близь Джарре, Джорджiо живо воспротивился, не объясняя, почему. Однажды, ему даже было необходимо съѣздить въ Джарре, но онъ рѣшительно отказался.

Онъ больше не былъ въ Ачиреале. Раза три, онъ приходилъ на дебаркадеръ и возвращался домой. У него не было мужества еще увидѣть Нату: ему было страшно. Предъ нимъ неотвязно стояла эта умирающая, ея позеленѣлое лицо; окаменѣлый взоръ, горькая улыбка упрека. А въ глубинѣ души, и кругомъ, въ сужденiяхъ свѣта, во взглядахъ друзей слышалось неясное чувство обязанности, справедливости, чести... всего, что вдругъ опустило свою желѣзную руку на его голову, въ ту минуту, когда онъ подошелъ къ порогу той комнаты, гдѣ умиралъ его ребенокъ... Тогда, въ первый разъ въ жизни, онъ постигъ это чувство; оно поднялось, какъ пламя стыда, впилось, какъ заноза,—и онъ заперся въ своемъ домѣ, путаясь на каждомъ шагу въ софизмахъ страсти, несокрушимой, необъяснимой. Ему казалось, будто тамъ, въ какой-то невѣдомой сторонѣ, что-то околдовываетъ его и уничтожаетъ. Онъ предчувствовалъ дурную вѣсть, нервически вздрагивалъ при всякомъ пустомъ словѣ, когда слуга входилъ въ его кабинетъ, когда раздавался нечаянный звонокъ. Почти шатаясь, ходилъ онъ по дому, отыскивая, чѣмъ заняться; придумывалъ какiя-то важныя дѣла, выѣзжалъ, возвращался, оторопѣлый, безпокойный; минутами, онъ глядѣлъ сумасшедшимъ. Онъ блѣднѣлъ при появленiи доктора. Рендона заговорилъ о своихъ пацiентахъ; Джорджiо вставалъ съ мѣста, прохаживался по комнатѣ, опять садился и, не говоря ни слова, смотрѣлъ, какъ съ просонка. Разъ, я зашелъ къ нему; онъ, подъ пустымъ предлогомъ, выскочилъ изъ комнаты жены и ждалъ меня въ передней.

— Что она?

— По прежнему, я думаю, отвѣчалъ я.

— Ты ее видѣлъ?

— Нѣтъ.

— Но... ничего не случилось въ гостинницѣ?

— Ничего.

Онъ передохнулъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Время отъ времени, среди дневныхъ занятiй, мучительная мысль вдругъ налетала живѣе, поражала въ сердце; говоря, онъ останавливался на полусловѣ, широко раскрывалъ глаза, будто видѣлъ предъ собою привидѣнiе. У него являлось безтолковое, рѣзкое нетерпѣнiе, непостижимыя вспышки, какiя-то попытки возстанiя противъ всего, что до тѣхъ поръ онъ уважалъ не на однихъ только словахъ. Всѣ понятiя о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ въ немъ перепутались; онъ говорилъ о нихъ съ упрекомъ, съ насмѣшкой, будто они переполняли его сердце горечью и гнѣвомъ. Онъ сталъ незамѣтно наблюдать за женою. Она была спокойна и всегда покорна. Его глухо злила эта ясность, эта кротость, которыя ей ничего не стоили, а въ немъ поднимали пытку. Онъ завидовалъ этой безмятежной совѣсти и спрашивалъ себя, какая заслуга въ добродѣтели, которой ничто не противорѣчитъ. Эта честная невозмутимость каждую минуту становилась въ сравненiе съ его горячкой, волненiемъ, угрызенiями совѣсти. Онъ чувствовалъ, что подавленъ, порабощенъ; онъ завидовалъ и удивлялся; терзаясь, онъ ее почти ненавидѣлъ...

Еслибъ онъ зналъ, чего ей стоило ея спокойствiе!

Какъ женщина, она все отгадала. Прiятели Джорджiо считали своимъ долгомъ разсказывать женѣ, когда случалось, жизнь и дѣянiя супруга, въ особенности «легенду улицы принца Амедея». И Джорджiо, честный въ глубинѣ души, самъ былъ не въ силахъ совершенно скрывать свои страданiя. Несчастная молодая женщина была поражена. Жестокое испытанiе вынесла она, покинутая въ ту ночь, какъ умиралъ ея ребенокъ. И такое одиночество предстояло ей вѣчно, во все долгое будущее, одиночество видѣлось ей въ перемѣнѣ обращенiя мужа, въ его безпокойныхъ, неловко робкихъ угожденiяхъ, въ его разсѣянности, въ постоянной озабоченности чѣмъ-то постороннимъ, во взглядахъ, которые избѣгали взгляда жены, предъ которыми вѣчно будто стояло что-то другое. Она покинута! Выздоравливающiй ребенокъ—сирота! Его видѣть мученiе! Ласки отца ребенку задѣваютъ въ матери какое-то тонкое далекое чувство, задѣваютъ больно; онѣ противны, будто выпрошенная милостыня. Она краснѣла... Пропасть разверзается между ними. Къ мужу, одна за одной, прилѣплялись всѣ ея привязанности, съ того часа, какъ она осталась съ нимъ одна въ каретѣ и онъ умчалъ ее далеко отъ матери, отъ родного дома, отъ всего дорогого прошлаго, когда она отдала всю жизнь свою ему, этому человѣку,—за нѣсколько мѣсяцевъ даже незнакомому... И теперь, когда отдаляется этотъ человѣкъ, она испытываетъ то же безпокойство, недоумѣнiе, ту же необходимость привязаться, прилѣпиться, какую испытала, когда ухватилась за его руку. Но теперь одиночество горько, болѣзненно, тревожно; въ немъ прорываются какiе-то смятенiя, воспоминанiя, образы, будто сны на яву, вспыхиваетъ пламенемъ лицо, обдаетъ жаромъ все тѣло, заставляетъ вскакивать съ постели, въ долгiе тихiе ночные часы, въ пустой комнатѣ. Она не смѣла жаловаться даже самой себѣ, скрывала, что страдаетъ, скрывала не изъ чувства достоинства, но потому что не смѣла и самой себѣ сознаться... И, еще мучительнѣе!—этотъ мужъ, который отнялъ у нея свое сердце и всякiй день отнималъ семейное сближенiе, покой, довѣрчивость, веселье,—налагалъ заботу, безпокойство за себя, становился не только чужимъ, но властелиномъ...

Въ ту ночь, когда она страдала, какъ дѣвушкой невоображала, что такъ можно страдать, въ ней сложилось сердце женщины со всей чуткостью, нѣжностью, со всѣми оттѣнками любви, какихъ не даютъ ни первыя впечатлѣнiя жизни, ни юность, ни счастье, ни даже чувство матери, поднявшееся при первомъ крикѣ ея новорожденнаго... и въ эту ночь Джорджiо не былъ при ней... Ея мысль кружилась: гдѣ онъ можетъ быть? Тѣмъ больше она была благодарна Карло, тѣмъ крѣпче и глубже она полюбила его, за то, что онъ страдалъ вмѣстѣ съ нею; въ эту ужасную ночь, когда растерялись и затемнились всѣ ея помышленiя, ей, казалось, что весь мiръ долженъ страдать вмѣстѣ съ нею. Благодарность выразилась порывно, неудержимо, закружила голову, потрясла душу. Но съ той минуты, какъ она бросилась на шею къ брату, будто къ избавителю, она инстинктивно избѣгала оставаться съ нимъ одна: она чувствовала, что ее въ первый разъ въ жизни смущаетъ ея неизмѣнная, ровная привязанность. Увидя снова Карло, она покраснѣла.

И Карло казался будто не тотъ. Онъ сидѣлъ долго, молча, вертя перчатки, бахрому дивана, покуда синьора Рускалiа болтала съ Эрминiей, а Эрминiя ласкала и забавляла своего воскресающаго Джаннино. У Карло пропало его веселое расположенiе духа, его беззаботный смѣхъ, его молодая откровенность. Онъ избѣгалъ говорить обо всемъ, что могло-бы напомнить томикъ

«Стихотвореній» Прато и желтенькую гостиную; изрѣдка говорилъ о своемъ отъѣздѣ и часто о немъ думалъ; иногда смущался, если Эрминія или ея мужъ спрашивали что-нибудь о его путешествіяхъ,—десятокъ разъ сбирался и вставалъ уходить, если оставался съ кузиной наединѣ.—И онъ тоже, тогда, какъ опять увидѣлъ кузину и замѣтилъ, какъ краска разлилась у нея по шеѣ и по лицу,—и онъ весь вспыхнулъ тоже... Эрминія думала, что благодарна ему, за то, что онъ не читаетъ въ ея сердцѣ и избѣгаетъ случаевъ оставаться затруднительно вдвоемъ.

— Когда опять пріѣдешь? спрашивала она.

— Кто знаетъ? Года черезъ два, черезъ три...

Эрминія думала: можетъ быть, не увидимся...

— По крайней мѣрѣ, возвращайся контр-адмираломъ! прибавляла она, искренно желая притвориться веселою и разсмѣшить его.

Онъ печально улыбался и смотрѣлъ на нее, молча.

Смятеніе Эрминіи затихало понемногу. Въ ея душѣ тихо поднималась и росла великая полнота жизни, великая, тревожная и необъяснимая радость, наслажденіе, которое время отъ времени сказывалось почти болью; наслажденіе, которое захватывало ее, усыпляло, набрасывало будто покровъ, будто исцѣленіе на ея тоску, безнадежность, на ея горькую обиду—холодность мужа, на самый образъ этого мужа... Она ощущала какое-то сладостное утомленіе, какую-то необходимость забыться, заснуть... Что это? Откуда это? Она не знала, боялась отгадать, была счастлива, что не знаетъ. Когда пробуждался разсудокъ, взволнованный перепуганный, смущенный, ей хотѣлось опять погрузиться въ забвеніе, быть ближе къ Карло, слышать его голосъ, слѣдить мыслью за нимъ въ далекія-далекія лазурныя страны; ей казалось, будто онъ милъ ей потому, что съ нимъ оживаютъ, возвращаются молодые беззаботные годы... и розы, которыя она насадила въ саду для него, и пожатія руки украдкой, и стихи, прочитанные вмѣстѣ, тамъ, у столика, подъ лампой съ пестрымъ абажуромъ... Прошлое было все лазурное, какъ тѣ, далекія страны, куда она летала за Карло,—страны, гдѣ радость безоблачная, нѣжащая, глубокая... какъ туманъ прозрачная. И цѣлыми часами, она слушала его, тихо, не прерывая, какъ маленькая дѣвочка, а онъ разсказывалъ просто, безъ напыщенности и фразъ, просто и правдиво... Пышная заря надъ моремъ, нѣжный закатъ, безбрежная тишина, разноообразныя земли и народы; торжественныя могучія бури; горячка сраженій, оглушительный звукъ трубъ, короткая, рѣзкая команда, шумъ боя, казни и смерти, упоеніе борьбы и побѣды, гордость торжества... честь, родина, знамя!.. Она слушала, не дыша; ея сердце билось, ея лицо мѣнялось; она глядѣла на него и не могла наглядѣться, а мысль улетала далеко... Онъ бѣдненькій, слабъ здоровьемъ, нѣженъ, — и такъ молодъ! Сирота, ни отца, ни матери... и вся эта бойня людей, и это бѣшеное море... а онъ улыбается, какъ, вотъ, улыбается теперь!.. Искушеніе: броситься ему на шею и не пускать его больше никуда. Ея сердце переполнялось, душило въ горлѣ, она зарыдала.

— Что съ тобой? вскричалъ Карло, прерываясь на полусловѣ.

— Ничего... ты говорилъ... я перепугалась.

Онъ смотрѣлъ на нее. Эрминія была блѣдна, вспыхнула и поблѣднѣла опять. Карло, дрожа, взялъ ея руку; она, другой рукой, закрыла лицо.

— Не я тебя испугалъ, а ты меня мучишь, сказалъ онъ тихо:—пожалѣй меня немножко.

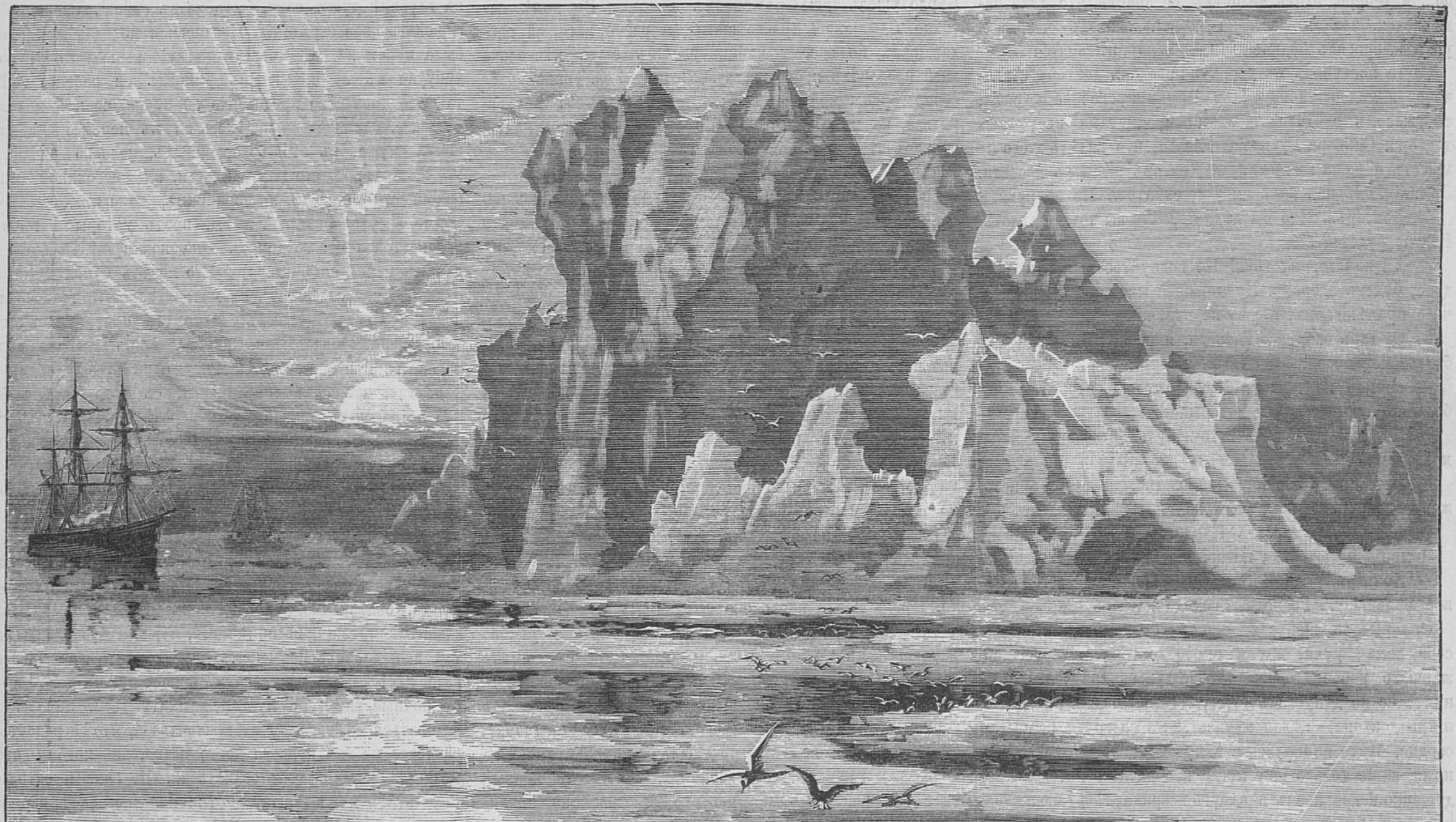
Эрминія подняла на него глаза. Въ его глазахъ тоже что-то свѣтилось. Онъ склонилъ голову на руки и молчалъ.

— Мнѣ надо имѣть силу уѣхать, выговорилъ онъ, наконецъ:—Понимаешь?.. Надо мнѣ эту силу!

Въ прихожей послышались шаги Джорджіо. Эрминія вскочила и вышла. Карло, блѣдный, схватилъ шляпу и на-скоро простился.

Джорджіо входилъ въ комнату жены, какъ посторонній, съ смущеніемъ, котораго при всей своей свѣтской развязности не могъ скрыть. Онъ былъ блѣденъ и выносилъ свои страданія съ энергіей, которой нельзя было въ немъ подозрѣвать. Одно изъ главныхъ мученій было—пробыть полчаса съ женою, вынести ея чистый взглядъ, выслушать ея спокойный голосъ. Вся комната смотрѣла какъ-то честно — воздухъ казался чище, свободнѣе; бѣлая постель, голубая качалка, простая мебель—казались какими-то священными. Джорджіо входилъ будто въ церковь; инстинктивно отгадывая печаль и холодность жены, онъ относился къ ней привѣтливо и изысканно учтиво, но всегда холодно. Онъ чувствовалъ себя легче въ этой тихой, мирной комнатѣ; въ немъ будто освѣжалась кровь; мрачный роковой образъ той умирающей, образы ужасающей любви не смѣля переступить этого порога. Тутъ онъ отдыхалъ; если бы осмѣлился, онъ попросилъ бы у жены позволенія хоть разъ спокойно уснуть ночь въ креслѣ, въ ногахъ постели. Онъ чувствовалъ уваженіе, благодарность, нѣжность къ матери своего ребенка, къ женщинѣ, которая незапятнянно носила его имя; онъ удивлялся ей, какъ существу высшему. Ему казалось невозможно, чтобъ эта чистота могла быть чѣмъ нибудь возмущена, чтобы страсти, съ которыми онъ такъ мучительно боролся, могли когда нибудь коснуться этой спокойной совѣсти, этой честности... Разъ, Эрминіи и Карло сидѣли рядомъ. Джорджіо взглянулъ... въ немъ, будто молнія, пролетѣла мысль и что-то нежданное укусило за сердце...

ИЗЪ ЖИЗНИ и ПРИРОДЫ.



Ледовитый океанъ.

* * *

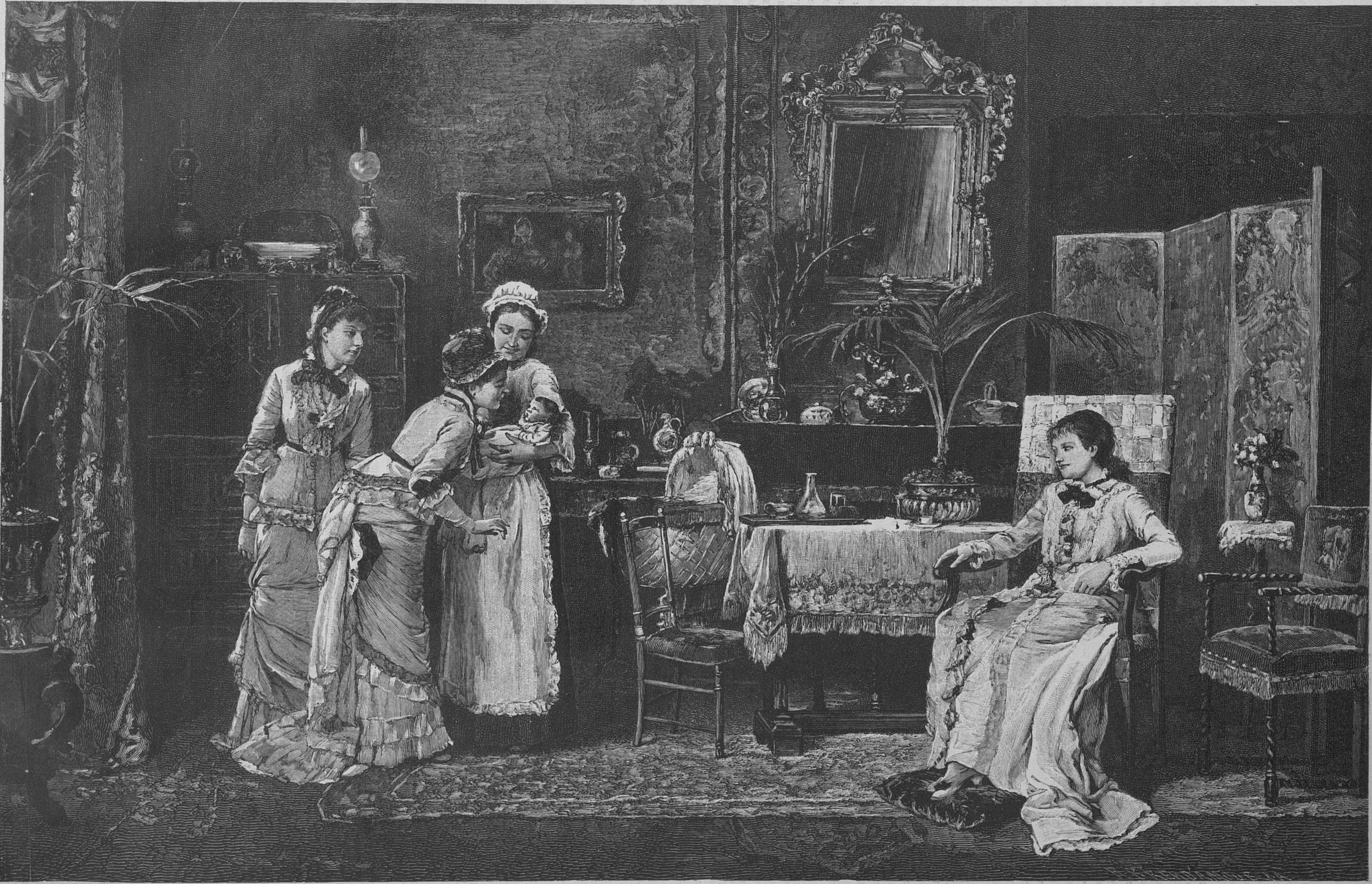
НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

IV.

Слѣды до-историческаго человѣка въ Америкѣ.

Работы по прорытію Панамскаго перешейка, помимо своей прямой цѣли, представляютъ большой интересъ и въ научномъ отношеніи. Д-ръ Менаръ, состоящій на службѣ компаніи, приводящей въ исполненіе грандіозный планъ соединенія двухъ океановъ, сообщаетъ любопытныя данныя о найденныхъ имъ слѣдахъ до-исто

Съ картины М. Мункачи.



Новорожденный.

Гравировалъ на деревѣ Бренд'амуръ въ Дюссельдорфѣ.

рическаго человѣка въ сказанной мѣстности. Въ долинѣ Обиспо, г. Менаръ открылъ множество памятниковъ сѣдой старины. Это собственно не монументы, а природныя, свободно лежащія каменныя глыбы, носящія однако, на себѣ явные признаки обработки человѣческими руками; поверхность ихъ исчерчена различными фигурами. Нѣкоторые изъ этихъ камней совершенно отдѣлены отъ матерой земли и лежатъ врывшись въ глубокій слой перегноя: другіе, напротивъ того, состоятъ въ непосредственной связи съ скалистою подпочвою, соединяясь съ нею какъ бы шейкою, покрытою наносными слоями. Эта связь позволяетъ предполагать, что и первые изъ упомянутыхъ камней того же происхожденія, а не занесенные извнѣ. Волнистая *) поверхность камней, по мнѣнію наблюдателя, является слѣдствіемъ проливныхъ дождей, господствующихъ въ странѣ впродолженіе, такъ называемаго, зимняго времени, и слѣдующихъ за тѣмъ страшныхъ лѣтнихъ жаровъ. Къ этимъ двумъ главнымъ причинамъ слѣдуетъ прибавить еще лѣсные пожары, повторяющіеся систематически, такъ какъ мѣстное населеніе не знаетъ другого способа очищенія земли подъ пашню, кромѣ сплошного выжиганія порослей.

На нѣкоторыхъ камняхъ, фигуры состоятъ изъ концентрическихъ круговъ съ выемкою въ центрѣ меньшаго круга; на другихъ изображены человѣческія лица различныхъ размѣровъ и разбросанныя неправильно. Одинъ небольшой камень, яйцевидной формы, украшенъ только одною подобною маской; еще на одномъ видна какъ бы шкала съ раздѣленіями; замѣчателенъ тоже камень съ двумя фигурами: одна изъ нихъ походитъ на двѣ, поставленныя рядомъ, палицы, другая имѣетъ видъ широкой горизонтальной полосы, закругленной на концахъ и раздѣленной на восемь частей.

Д-ръ Менаръ не берется истолковать значеніе всѣхъ этихъ изображеній, ограничиваясь лишь указаніемъ на полное сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ съ встрѣчаемыми на мегалитахъ другихъ странъ; такъ, напр. концентрическіе круги съ выемкою въ центрѣ видны на извѣстномъ камнѣ въ Бэкнъ-гиллѣ и на дольменѣ въ Лохъ-Маріакерѣ, между тѣмъ какъ палицы и шкалы съ подраздѣленіями составляютъ принадлежность многихъ британскихъ долменовъ; таковъ, напр., камень въ Мане-Каріонедъ, близъ Плуармеля, и пр.

Опредѣлить древность панамскихъ мегалитовъ очень трудно; по всей вѣроятности, они современны тому періоду, къ которому относятся и находимыя по близости къ нимъ каменныя орудія, уже полированныя и выдѣланныя изъ кремнистыхъ и кварцовыхъ породъ; топоры высѣчены, большею частью, изъ долерита и по классическому келтійскому образцу (съ серповиднымъ лезвіемъ). Но такъ какъ періодъ каменныхъ полированныхъ орудій на панамскомъ перешейкѣ не опредѣленъ еще, то и вопросъ о камняхъ съ начертаніями остается открытымъ. Можно лишь утверждать съ достовѣрностью, что искусство вытачивать орудія должно было значительно предшествовать тому времени, въ которое воздвиглись чудныя мексиканскія и юкатанскія постройки. По мѣрѣ продолженія работъ на перешейкѣ, будутъ сдѣланы, вѣроятно еще новыя открытія, которыя прольютъ большій свѣтъ на ту связь, которая существуетъ, повидимому, между мегалитами Америки и Европы.

Открытіе подобныхъ и другихъ слѣдовъ до-историческаго человѣка въ Америкѣ стало особенно занимать ученый міръ съ половины настоящаго столѣтія, причемъ многія смѣлыя фантазіи принимались за несомнѣнную истину. Въ 1853 г., извѣстный Агассисъ указалъ на человѣческіе останки, найденные во Флоридѣ графомъ Парталесъ въ массѣ коралловой извести и прѣсноводныхъ раковинъ, на берегу озера Монроэ. Находка состояла изъ человѣческой челюсти съ сохранившимися зубами и нѣсколькихъ ножныхъ костей. Признавая, что весь полуостровъ Флориды образованъ изъ коралловыхъ рифовъ, причемъ почва наростала, преимущественно, отъ сѣвера къ югу и что прѣсныя воды въ сѣверной части (остаткомъ которыхъ является нынѣ озеро Монроэ) могли начать скопляться лишь по образованіи южной части полуострова, знаменитый ученый пришелъ къ такому выводу: коралловые рифы растутъ, приблизительно, на одинъ футъ въ столѣтіе; поднимаются же они въ данномъ мѣстѣ съ глубины 75 ф., изъ чего слѣдуетъ (мы пропускаемъ детальныя вычисленія), что на образованіе южной части Флориды, а съ тѣмъ вмѣстѣ сѣвернаго прѣсноводнаго бассейна, потребовалось 135,000 лѣтъ. Агассисъ дѣлаетъ, впрочемъ, уступку и принимаетъ для даннаго періода круглую цифру въ 100,000 лѣтъ, при чемъ уже совершенно произвольно, рѣшаетъ, что найденныя человѣческія кости пролежали въ береговомъ осадкѣ десять тысячъ лѣтъ. Не смотря на то, что оставалось вполнѣ невыясненнымъ по крайней мѣрѣ, почему эти останки погреблись здѣсь именно черезъ 90,000 лѣтъ послѣ образованія южной части полуострова, гипотеза Агассиса была принята за научную истину, благодаря авторитету его имени, перешла за таковую въ извѣстное сочиненіе Рота и Глиндона «Types of mankind», оттуда въ изслѣдованіе Лайеля о древности человѣческаго рода, а затѣмъ и во всѣ ученыя сочиненія. Къ сожалѣнію, самъ находчикъ, графъ Пурталесъ, вздумалъ заявить лишь въ 1869 году, что отысканные имъ въ 1848 г., человѣческіе останки залегали, дѣйствительно, близь озера Монроэ, но вовсе не въ коралловомъ образованіи, а въ прѣсноводномъ песчаникѣ... Въ Новомъ Орлеанѣ были тоже найдены человѣческія кости на значительной глубинѣ, подъ корнями нагроможденныхъ вертикально и въ нѣсколько ярусовъ кипарисныхъ корней. Эта находка повела, въ свою очередь, къ весьма занимательнымъ предположеніямъ. По мнѣнію проф. Доулера, найденныя останки кипарисовъ, діаметромъ до 10 ф., у корня, свидѣтельствовали о томъ, что земля опускалась здѣсь нѣсколько разъ, покрываясь водою; затѣмъ, на водѣ появлялись признаки растительности, образовывались такъ называемыя пловучія преріи, которыя съ теченіемъ вѣковъ, твердѣли и пріобрѣтали толщу, достаточную для воспитанія новаго лѣса. И весь такой процессъ повторялся неоднократно, на основаніи чего,—все по исчисленію Доулера,—человѣческіе останки, найденные въ Новомъ Орлеанѣ, подъ третьимъ слоемъ древесныхъ корней, пролежали въ землѣ не менѣе 57,000 лѣтъ. Другіе ученые объясняли нахожденіе этихъ корней болѣе просто: рѣка Миссиссипи течетъ очень извилисто и безпрестанно мѣняетъ свое русло, о чемъ наглядно свидѣтельствуетъ безчисленное множество мелкихъ озеръ окаймляющихъ ее съ обѣихъ сторонъ. Въ своихъ прихотливыхъ изгибахъ, рѣка постоянно подтачиваетъ свой, такъ сказать, наружный берегъ, а внутренній (вогнутый) заноситъ пескомъ, иломъ и пловучимъ лѣсомъ. Вслѣдствіе этого, самый изгибъ ея отклоняется, до тѣхъ поръ, пока не сольется съ сосѣднимъ изгибомъ и проложитъ себѣ новую дорогу. Занесенныя рѣчнымъ соромъ и иломъ мѣста высыхаютъ, а лощинки между ними превращаются въ озера, и подобныя измѣненія русла такъ часты, что въ первую половину нашего столѣтія ихъ насчитывалось уже шесть въ одной нижней части рѣки. Осушенныя мѣста покрываются однако опять при разливахъ, при чемъ вода несетъ съ собою павшихъ животныхъ, сломанныя деревья и вывороченные корни, разбрасывая все по разнымъ мѣстамъ. Легкіе предметы остаются на поверхности почвы; болѣе тяжелые,—напримѣръ, корни отъ сломанныхъ старыхъ деревьевъ,—осѣдаютъ въ илистую, никогда не просыхающую вполнѣ береговую почву, причемъ они могутъ опускаться въ своемъ естественномъ положеніи, то есть остаткомъ ствола вверхъ. На основаніи этого проф. Шмидтъ *) приходитъ къ тому заключенію, что «ново-орлеанскіе кипарисы вовсе не представляютъ собою несомнѣннаго свидѣтельства о существованіи здѣсь нѣсколькихъ поколѣній лѣсовъ; равнымъ образомъ, найденныя подъ однимъ изъ этихъ кипарисныхъ корней человѣческія кости могли быть занесены сюда рѣкою въ сравнительно недавнее время. Опредѣлять хронологически появленіе первыхъ слѣдовъ человѣка на землѣ нѣтъ возможности и всѣ подобныя предположенія строятся на произвольномъ фундаментѣ; возможны лишь, болѣе или менѣе, правдоподобныя заключенія о геологическомъ періодѣ, къ которому могутъ относится сказанные слѣды... Но и здѣсь встрѣчается трудность, потому что даже и позднѣйшія геологическія измѣненія земной коры намъ мало извѣстны, и геологи расходятся въ ихъ точномъ опредѣленіи. Наиболѣе изслѣдованъ періодъ образованія ледниковъ, что проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на новѣйшія палеонтологическія открытія». Пещерныя находки свидѣтельствуютъ о существованіи въ Европѣ человѣка современнаго животнымъ ледяного періода (мамонтъ, волосатый носорогъ, пещерный медвѣдь, гіена). Но въ Америкѣ, не смотря на доказанное тождество ея климатическихъ условій съ европейскими, въ названный періодъ, не сдѣлано до сего времени подобныхъ открытій; собственно пещерной фауны тамъ не существуетъ **), равнымъ образомъ не открыто и слѣдовъ пещернаго человѣка, не смотря на изобиліе пещеръ, особенно въ известковыхъ формаціяхъ. Въ Кентукки и Индіанѣ встрѣчаются цѣлые ряды естественныхъ подземныхъ углубленій и проходовъ, превосходящихъ все извѣстное въ этомъ отношеніи въ Европѣ; но въ этихъ пещерахъ не видно ни малѣйшаго слѣда до-исторической жизни и лишь ближайшія части ихъ служатъ мѣстомъ погребенія для нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ. Нѣкоторыя болѣе или менѣе оригинальныя догадки о существованіи въ Америкѣ человѣка, современнаго мамонту, не выдерживаютъ критики; такъ, напр. близь р. Висконсинъ находится холмъ, имѣющій подобіе съ очертаніемъ слона и носящій, поэтому, названіе Elephant-Mound. Многіе признаютъ его за произведеніе человѣка, изобразившаго такимъ путемъ современное ему животное. Въ другомъ мѣстѣ, надъ обожженными костями мамонта, были найдены каменные топоры, стрѣлы и другія орудія. По мнѣнію проф. Шмидта, висконсинскій холмъ приписывается человѣческому сооруженію совершенно неосновательно, а топоры и пр. могли быть просто покинуты индѣйцами, случайно выбравшими для своего костра мѣсто надъ лежавшими въ землѣ костями мамонта *). Но, относясь такъ скептически къ различнымъ догадкамъ, Шмидтъ не отвергаетъ существованія до-историческаго человѣка въ Америкѣ и придаетъ большое значеніе слѣдующимъ фактамъ **). Во время американской междоусобной войны, южане, лишенные подвоза соли съ сѣвера, открыли въ Луизіанѣ, на островкѣ Petite-Anse (на Миссиссипи), пластъ каменной соли, залегавшій однако, на 15 ф. глубины, подъ тяжелымъ наноснымъ слоемъ. При минералогическомъ изслѣдованіи этого послѣдняго, въ немъ были открыты зерна оливъ и гранатъ, очевидно принесенныя издалека и, по догадкѣ, во время таянія ледниковъ, послѣ перваго ледяного періода, (въ настоящее время, рѣка, по своемъ разливѣ, никогда не оставляетъ подобныхъ зеренъ; поэтому нельзя не приписать имъ весьма древняго происхожденія). Прорывъ землю до глубины 10 ф., рабочіе нашли кости мамонта, лежавшіе, по завѣренію проф. Генри, директора Смитсонова института, въ ихъ натуральномъ соотвѣтственномъ положеніи. Подъ ними, непосредственно надъ солянымъ пластомъ, находились остатки плетенья, даже цѣлыя корзины изъ тростниковыхъ стеблей. По всей вѣроятности, эти корзины служили при добываніи соли первобытными обитателями нижняго Миссиссипи, а обиліе ихъ указываетъ на значительность добывавшагося здѣсь количества соли. Если вышеприведенная догадка о происхожденіи верхняго наслоенія острова справедлива, то найденные предметы относятъ существованіе человѣка къ періоду сильнаго отступательнаго движенія ледниковъ, при которомъ содержимый въ нихъ мелкій матеріалъ уносился далѣе болѣе могучимъ стремленіемъ талыхъ водъ. Другими словами, сказанную находку надо отнести къ болѣе теплому промежутку между ледяными періодами.

Въ 1866 г. былъ найденъ въ Иллинойсѣ, въ расщелинѣ скалы, черепъ, отнесенный, по геологическимъ даннымъ, тоже къ ледяному періоду. Близъ Натхеца, въ образовавшемся при землетрясеніи обрывѣ, названномъ **Мамонтовой ямой**, вслѣдствіе находимыхъ въ ней останковъ мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ, была также вырыта часть человѣческаго таза. Лайель нашелъ эту послѣднюю находку сомнительною; по его мнѣнію, кость могла быть просто вымыта водою изъ какой-нибудь индѣйской могилы и занесена въ Мамонтову яму при половодьи. Онъ отвергалъ, въ то время, вообще существованіе человѣка въ ледяной періодъ и потому не принялъ во вниманіе обстоятельствъ, говорившихъ въ пользу находки, но, черезъ нѣсколько лѣтъ, при своемъ вторичномъ посѣщеніи Америки, онъ измѣнилъ взглядъ, о чемъ заявилъ открыто въ своихъ послѣдующихъ научныхъ сочиненіяхъ.

Въ Карсонъ-Сити, главномъ городѣ штата Невада, было сдѣлано другое открытіе. Еще въ 1860 г., при постройкѣ здѣсь тюрьмы, директоръ ея, м-ръ Гаррардъ, нашелъ, на глубинѣ 32 ф. отъ поверхности земли, слѣды лапъ животныхъ, отпечатанные ясно въ мягкой глинѣ, но лишь въ 1882 г. дошли слухи объ этомъ открытіи до

---

*) Moutonnée, по выраженію автора.

*) Schmidt. Urgeschichte Nord-Amerikas.

**) Въ Калифорніи только былъ найденъ пещерный медвѣдь, представлявшій, однако, нѣкоторыя особенности въ строеніи зубовъ и потому отнесенный натуралистами къ особому виду.

*) М-ръ Кохъ, сдѣлавшій эту находку, пользовался незавидною репутаціею ученаго Барнума, вслѣдствіе чего всѣ его заявленія встрѣчались съ большой недовѣрчивостью.

**) Schmidt. Die ältesten Spuren der Menschen in Nord America.

Санъ-Франциско и тогда мѣстная академія прислала особую коммиссію, съ геологомъ Ле-Контъ во главѣ, для изслѣдованія подлинности сказанныхъ знаковъ.

Карсонъ-Сити лежитъ высоко, у подошвы Сіерры-Невады, въ 4630 ф. надъ уровнемъ моря. Въ грунтовомъ песчаникѣ было найдено множество раковинъ живущихъ доселѣ породъ, но между пластами песчаника были залежи глины и на нихъ виднѣлись ясные слѣды птичьихъ и звѣриныхъ ногъ. Присутствіе вышеназванныхъ раковинъ не противорѣчило древности происхожденія песчаника, по мнѣнію коммиссіи; эти породы весьма устойчивы и находятся часто въ однѣхъ залежахъ съ давно вымершими породами млекопитающихъ животныхъ. По заключенію Ле-Конта, вышесказанный песчаникъ принадлежитъ къ исходу третичнаго періода; Копе, одинъ изъ лучшихъ американскихъ палеонтологовъ, приписываетъ ему еще болѣе раннее происхожденіе. Вмѣстѣ съ упомянутыми слѣдами животныхъ, были усмотрѣны и другіе, представлявшіе разительное сходство съ слѣдами человѣческой ноги, лишь весьма увеличенныхъ размѣровъ. Эти слѣды оказывались вдавленными въ глину довольно различно (на 1—5 и даже 6 дюймовъ), очевидно вслѣдствіе большей или меньшей мягкости почвы. Длина каждаго слѣда равнялась 18—20 дюймамъ; ширина 6—8 дюймамъ; абрисъ слѣда былъ совершенно схожъ съ человѣческимъ; длину шага можно было опредѣлить въ 2, $2^1/_2$ и даже 3 фута; разстояніе между правымъ и лѣвымъ слѣдами равнялось 18—19 дюймамъ. Всѣ отпечатки шли правильными рядами (всѣхъ числомъ 6), причемъ въ самомъ короткомъ ряду насчитывалось 8, а въ самомъ длинномъ 17 шаговъ.

Слѣды продолжались и подъ нетронутыми еще глыбами песчаника, какъ въ томъ могла убѣдиться коммиссія. Копе призналъ слѣды за несомнѣнно принадлежащіе двуногому существу, притомъ никакъ не обезьянообразному, но человѣкообразному. Слишкомъ значительная длина слѣда могла быть приписана обуви въ родѣ лыжъ, необходимой при ходьбѣ по илистой почвѣ.

Къ этимъ открытіямъ надо еще причислить найденный въ Калифорніи человѣческій черепъ (на глубинѣ въ 130 ф.), человѣческія кости, отрытыя изъ подъ базальтовой лавы въ Эльдорадо, осколки человѣческаго черепа, вынутые съ золотоноснымъ пескомъ съ 180 ф. глубины въ шахтѣ при Табло-Моунтэнъ и пр. Всѣ эти человѣческіе останки найдены, большею частью, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ костями допотопныхъ животныхъ.

С. Варевскій.

ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Центромъ всей европейской политической жизни въ послѣднее время считается Берлинъ. Но жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что прусская столица носитъ на себѣ отпечатокъ своего міроваго значенія; Берлинъ не служитъ даже представителемъ собственно Пруссіи, и всякій другой городъ Германіи можетъ съ успѣхомъ конкуррировать съ нимъ въ этомъ дѣлѣ; берлинскій университетъ стоитъ ниже другихъ германскихъ университетовъ, его театры не представляютъ ничего выдающагося, столичная пресса еще въ большой зависимости отъ извѣстнаго бюро, чѣмъ провинціальная или пресса другихъ германскихъ центровъ; художественные музеи, дворцы, статуи, сады,—словомъ все, что служитъ украшеніемъ городовъ, въ Берлинѣ въ самомъ зачаточномъ состояніи. Зато, если, вспомнивъ про раздающіеся въ Германіи воинственные клики, попробуемъ на мгновеніе вообразить себѣ эту страну въ видѣ обширнаго военнаго лагеря, то Берлинъ, какъ нельзя лучше, дополнитъ иллюзію изображеніемъ изъ себя штабъ-квартиры прусскихъ полчищъ. Мнѣ невольно вспоминается время, послѣдовавшее за франко-прусской войной, когда мнѣ пришлось быть проѣздомъ въ Берлинѣ; меня поразила военная фигура всего города: по улицамъ двигались ряды солдатъ, изъ двухъ проходящихъ одинъ былъ непремѣнно офицеромъ...

Съ этого времени прошло полтора десятка лѣтъ, но общій характеръ военнаго города не измѣнился; въ немъ все происходитъ по заведенному ранжиру, по установленному порядку. Разъединеніе между различными классами общества существуетъ полное; дворянство занимаетъ должности при дворѣ, служитъ въ войскѣ и наполняетъ гражданскія управленія. Средній классъ, буржуазія, занимается промыслами и торговлею, при чемъ рѣдкій нѣмецъ на склонѣ лѣтъ удалится на отдыхъ и передастъ дѣла сыну, зятю; напротивъ того, всѣ купцы, почти безъ исключенія, до глубокой старости сами руководятъ своими дѣлами, не довѣряя даже ближайшимъ родственникамъ и членамъ собственной семьи. Такимъ образомъ французскіе рантье почти не встрѣчаются; въ Берлинѣ работаютъ всѣ, но при этомъ выступаетъ и другая особенность германца вообще, а берлинца въ особенности: онъ тратитъ все пріобрѣтаемое, очень мало или ничего не откладывая на черный день. Исключеніемъ служатъ только евреи, а копить деньгу чуждо чистокровному берлинцу. Иностранца эта національная черта не поражаетъ, съ перваго раза, ему берлинецъ кажется, напротивъ, разсчетливымъ и скупымъ, но чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно внимательнѣе присмотрѣться къ внутренней жизни берлинца; если онъ не требуетъ утонченныхъ яствъ, то ему нужно ихъ обиліе; если онъ дурно ѣстъ, то много пьетъ; если платья его жены лишены изящества, зато они сдѣланы изъ дорогой матеріи; если его квартира не поражаетъ убранствомъ и показнымъ блескомъ, зато ея хозяинъ постоянно посѣщаетъ театръ, ресторанъ, пивную; въ путешествія нѣмецъ скорѣе француза возметъ билетъ высшаго класса, а въ гостинницѣ лучшій номеръ; при встрѣчѣ съ пріятелями нѣмецъ требуетъ вина или пива; вино же или пиво онъ требуетъ и въ одиночествѣ, какъ испытанныя средства для борьбы со скукою. Особенно рельефно выражаются эти свойства въ Швейцаріи, гдѣ нѣмцы сталкиваются со всевозможными народностями и въ послѣднее время нѣмецъ совершенно затмилъ англичанина, славившагося своею тароватостью, и русскаго, о щедрости котораго осталась лишь легенда; швейцарскія гостинницы настежъ открываютъ свои двери предъ гостемъ изъ Тевтоніи, и конечно, не въ силу его принадлежности къ великой націи (хотя все въ походкѣ, звукѣ голоса, манерахъ напоминаетъ объ этомъ), а вслѣдствіе густо набитаго кошелька и частаго его открыванія. Новыя привычки не получили еще, впрочемъ, полнаго права гражданства; имъ приходится еще бороться съ прежними нравами простоты,—отсюда и вытекаетъ то противорѣчіе, которое можетъ сбить невнимательнаго путешественника и которое легко объясняется переходнымъ временемъ общественной жизни Берлина. Мы видимъ, что обѣдаетъ населеніе Берлина (надо подразумѣвать интеллигентную часть) по старому, какъ это было въ прошломъ вѣкѣ, отъ двухъ до четырехъ; негоціанты раньше, дворяне позже, и тѣмъ позднѣе, чѣмъ они «благороднѣе»; но этотъ порядокъ чрезвычайно затрудняетъ возможность выполнять обычаи нашего столѣтія, а именно дѣлать визиты: до двухъ часовъ рано, послѣ пяти поздно, а отъ двухъ до пяти гостю трудно не помѣшать хозяйскому обѣду. Есть, впрочемъ, нѣкоторые высокопоставленныя лица, которыя принимаютъ до 8 часовъ утра, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Обѣдъ является сборнымъ временемъ для цѣлой семьи, такъ какъ къ полдню школьныя занятія оканчиваются совершенно; посторонніе къ обѣду не допускаются, такъ какъ для взрослыхъ членовъ семьи работа только прервана,—ихъ ждетъ или контора, или правительственная служба. Вслѣдствіе ранняго обѣда и вечеръ начинается для берлинца рано, а потому плотный ужинъ составляетъ насущную необходимость; онъ соединяетъ друзей и знакомыхъ за стаканомъ вина и кружкою пива, и надо отдать справедливость берлинцамъ, что за ужиномъ они умѣютъ весело провести нѣсколько часовъ; разговоры ихъ изъ скучно-ученыхъ превращаются въ занимательные, хотя трактуется та же философская тэма или обсуждается тотъ же политическій вопросъ. Въ часъ все кончается и гости расходятся по домамъ.

Отношенія нѣмца къ театру также въ высшей степени своеобразны. Хотя спектакли начинаются до семи часовъ, но такъ какъ отъ обѣда прошло уже много времени, то зритель-нѣмецъ сидитъ въ театрѣ задолго до поднятія занавѣса; онъ благодушенъ, свѣжъ, не дремлетъ, какъ французъ или англичанинъ, въ 9 часовъ вечера только что кончившій обѣдъ, и весь поглощенъ желаніемъ слѣдить за пьесою. Нѣмецкіе актеры самые счастливые изъ своихъ собратьевъ: имъ не приходится тратить много стараній для изученія роли и для оттѣненія своею игрою тонкостей характеровъ; зрители обращаютъ гораздо больше вниманія на содержаніе пьесы, чѣмъ на ея исполненіе; послѣднее можетъ быть изъ рукъ вонъ плохо, а чувствительная роль вызоветъ слезы или самымъ гробовымъ голосомъ сказанная шутка возбудитъ гомерическій смѣхъ. Молодыя женщины и дѣвушки изъ средняго класса посѣщаютъ театры однѣ; безъ сопровожденія старшихъ или кавалеровъ; обычай установилъ, что театръ является какъ бы дополненіемъ семейной обстановки.

Въ Берлинѣ насчитывается до 30 театровъ, но большинство ихъ надо отнести къ разряду cafés concerts, и конечно, не къ нимъ относится высказанное замѣчаніе. Собственно только три театра могутъ носить это названіе: королевскій театръ и опера, получающіе оба субсидію изъ казны и поставленные подъ управленіе особаго правительственнаго лица; затѣмъ идетъ частный нѣмецкій театръ съ прекрасною труппою, но очень мало посѣщаемый нѣмцами, такъ какъ въ немъ встрѣчается много... евреевъ!

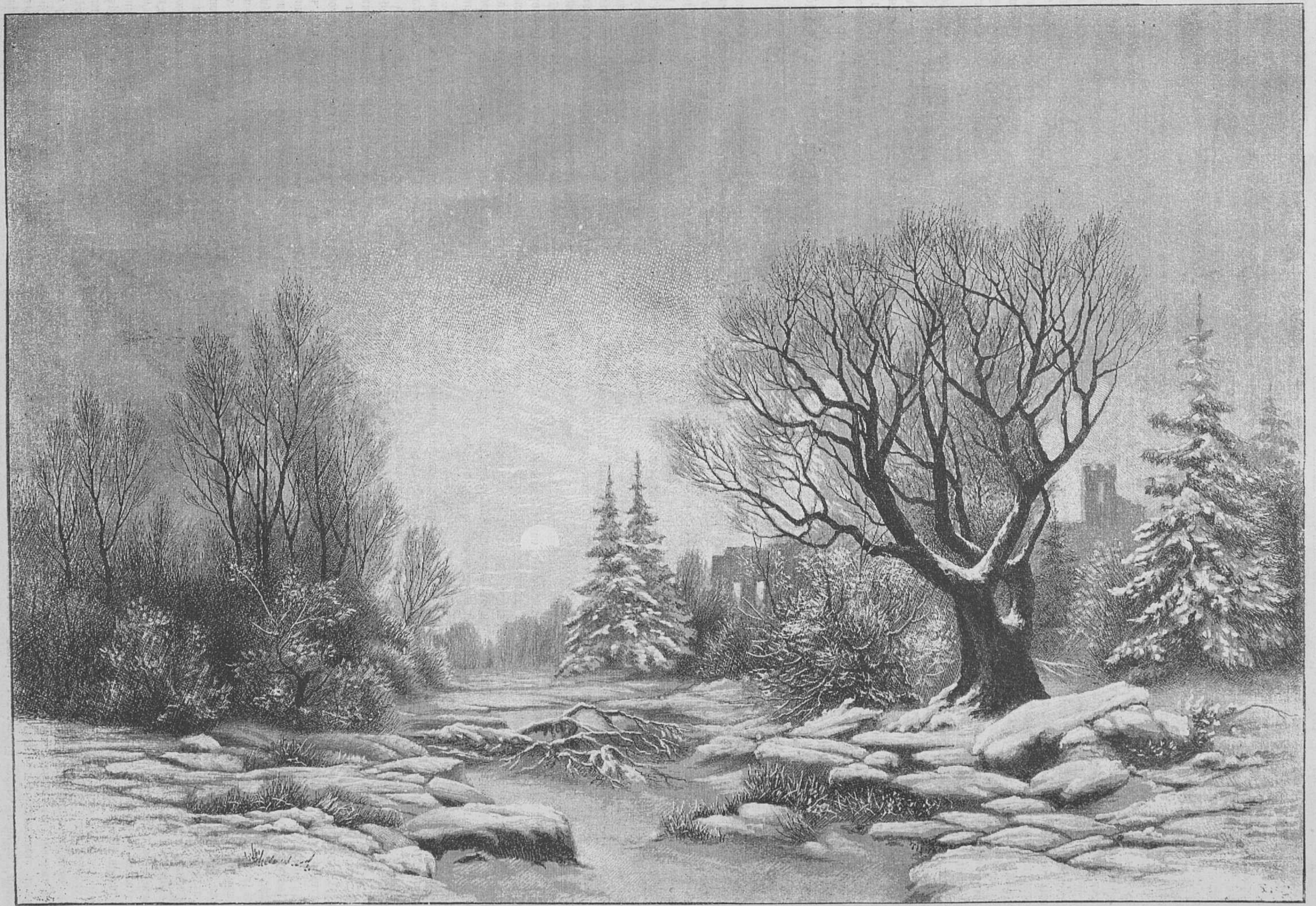
Въ жизни встрѣчаются непонятныя просвѣщенному уму странности, хотя изъ противорѣчій и соткана человѣческая жизнь. Берлинскій буржуа возмущается высокомѣріемъ высшаго класса, отказывающагося считать его за равнаго, хотя часто онъ такъ-же богатъ и образованъ, но они оба сходятся на почвѣ ненависти къ евреямъ, которые можетъ быть ничѣмъ не хуже ихъ. Эта антипатія повсемѣстна и она раздѣляется даже рабочими; такимъ отношеніемъ ихъ къ евреямъ думала воспользоваться консервативная партія для привлеченія на свою сторону рабочихъ-избирателей широкими обѣщаніями объ изгнаніи еврея изъ Германіи. Нетерпимость осуждается одними прогрессистами, отчасти вслѣдствіе невозможности нарушить либеральныя убѣжденія партіи, но главнымъ образомъ потому что избиратели-евреи подаютъ за нихъ голоса. Жалобы на усиленіе еврейства слышатся повсемѣстно и иногда доходятъ до абсурда, до сѣтованія, напр., что домъ переходитъ отъ владѣльца-нѣмца къ еврею, которому поэтому и придется нѣсколько разъ въ годъ вносить квартирную плату. Еврей, принимающій христіанство, не избѣгаетъ презрѣнія берлинца, даже дѣти его будутъ страдать за свое еврейское происхожденіе и только внуки крестившагося могутъ разсчитывать на забвеніе. Такое явленіе тѣмъ болѣе странно, что въ старину Берлинъ отличался своимъ гостепріимствомъ для евреевъ; особенно хорошо жилось имъ въ концѣ прошлаго столѣтія; во время царствованія Фридриха Вильгельма III израильскому племени стало хуже, но за то крестившіеся пользовались особеннымъ покровительствомъ короля; Неандеръ, Шталь были даже возведены въ дворянское достоинство. Бисмаркъ, успѣвшій хорошо познакомиться съ еврействомъ во время своего пребыванія во Франкфуртѣ, примѣняетъ къ нимъ общую свою политику: приласкаетъ, когда они нужны, и наоборотъ, притѣснитъ и сдавитъ, когда нужны ихъ враги антисемиты.

Усиленіе еврея въ Пруссіи есть еще фактъ относительно недавній, не такъ, какъ во Франціи, гдѣ съ равноправностью еврея общество успѣло освоиться уже цѣлое столѣтіе; въ Германіи эмансипація совершалась гораздо позднѣе и медленнѣе. Когда еще только начиналось общее благосостояніе послѣ полученія съ Франціи пятимилліардной контрибуціи, евреи были на положеніи парій и потому негодованіе видѣть ихъ забирающими верхъ надъ христіанами не имѣло границъ; за ними была оставлена важная отрасль торговли, а именно банковое дѣло, но когда они стали постепенно присасываться и къ другимъ ея отраслямъ, то поднялся ропотъ и нѣмецъ сталъ огрызаться; въ особенности онъ не можетъ переварить жида-собственника земли отъ прадѣда нѣмецкой, священной, такъ какъ обрабатывалась христіанскими руками. Нѣмецъ соглашался видѣть около себя еврея, но еврея бездомнаго, безпріютнаго и забитаго, годнаго для факторства но, и только; когда же обреченное на вѣчное скитаніе племя дѣлается постепенно осѣдлымъ, то зависть и ненависть возгораются со страшною силою.

Страшная рознь между обоими племенами имѣетъ еще одно основаніе, кромѣ расовыхъ антипатій и религіозныхъ вопросовъ. Каждый народъ признаетъ за собою какую-нибудь національную черту, которою онъ гордится и упорно отрицаетъ въ другихъ; такъ, французъ считаетъ исключительно своимъ достояніемъ понятіе о чести, англичанинъ—чувство патріотизма, нѣмецъ думаетъ, что только онъ одинъ добросовѣстенъ и честенъ, что ему одному присуща Ehrlichkeit, именуемая имъ въ общежитіи своимъ синонимомъ: deutsche Ehrlichkeit. Еврею-же, по нѣмецкимъ понятіямъ, эта Ehrlichkeit совершенно чужда, такъ какъ вся его дѣятельность построена на обманѣ, на надувательствѣ ближняго, на наглой наживѣ на счетъ его простоты, словомъ на Schwindel.

Между тѣмъ подобно тому, какъ вода капля по каплѣ точитъ камень, такъ и еврей въ Германіи завоевываетъ себѣ положеніе въ странѣ, въ которой со временемъ будетъ полнымъ хозяиномъ. Въ 1871 г. въ Берлинѣ было 36.000 евреевъ, въ 1885 г. ихъ было уже 64.000, т. е. на ихъ долю приходится двадцатая часть населенія города; увеличиваясь численно почти вдвое, они въ еще большей степени увеличились относительно своихъ

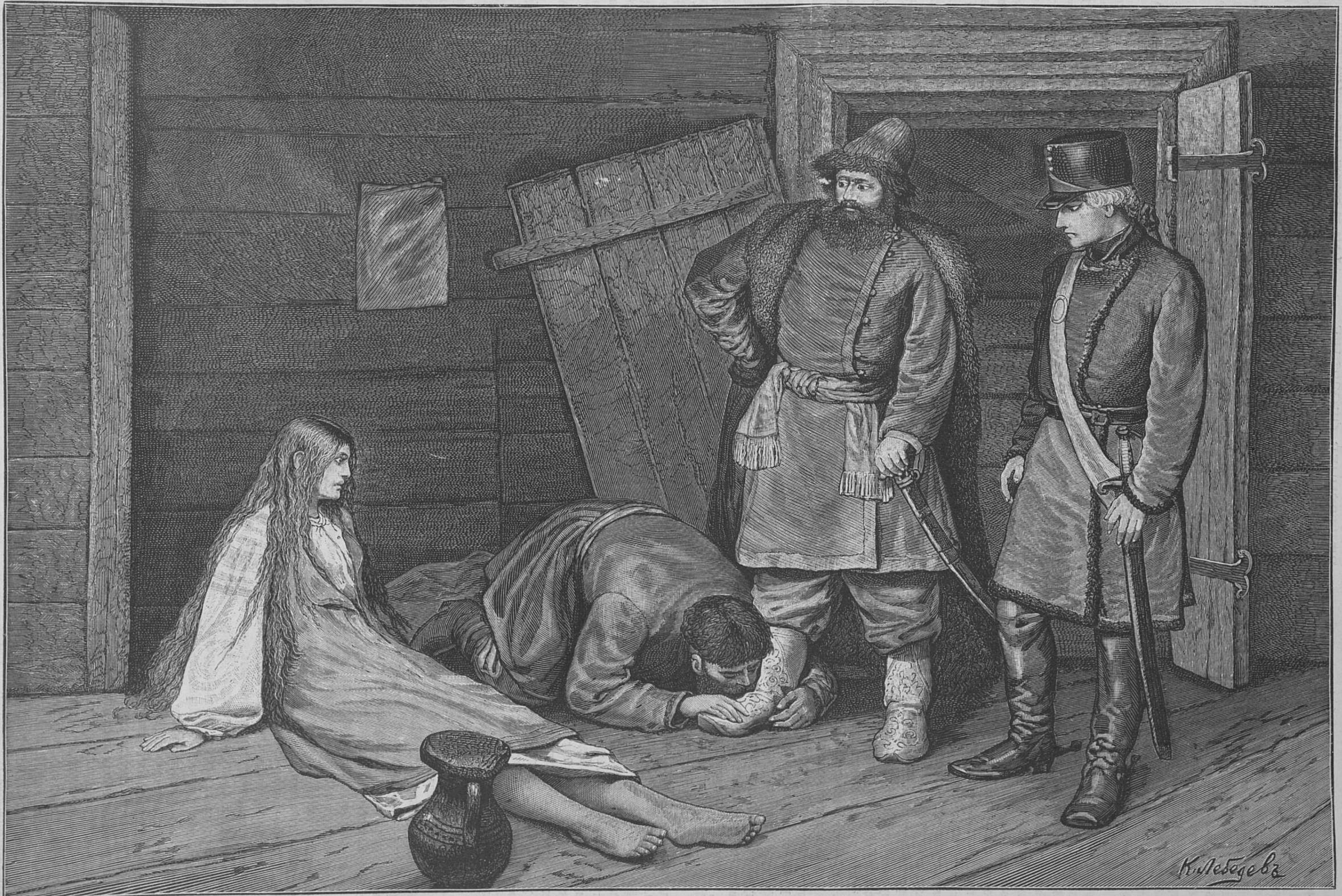
Съ картины Кондратенко.



Развалины въ заглохшемъ паркѣ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ КЪ ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ.

Къ «Капитанской дочери» А. Пушкина.



Гриневъ и Пугачевъ въ домѣ Швабрина.
Рисунокъ К. Лебедева (собств. «Жив. Обозр.»).

богатствъ, не переставая составлять особую націю, особое государство въ государствѣ, сохраняя въ первобытной чистотѣ свои качества и недостатки, и эти послѣдніе преимущественно передъ первыми. Въ Берлинѣ часъ еврейства еще не пробилъ и еврей сидитъ довольно смирно въ своей норкѣ, не переставая подготовлять себѣ почву для будущаго господства. Статистика даетъ интереснѣйшія указанія о намѣреніяхъ евреевъ; составляя всего 5°/о столичнаго населенія, въ городскихъ училищахъ еврейскій элементъ составляетъ уже 7°/о, въ реальныхъ гимназіяхъ 12°/о, въ классическихъ 21°/о всего количества учениковъ; въ спеціальныхъ классахъ послѣднихъ евреи составляютъ болѣе 28°/о; такимъ образомъ если въ общей массѣ населенія одинъ еврей приходится на двадцать нѣмцевъ, то въ интеллигенціи одинъ еврей приходится на четыре нѣмца. Евреи лучше и раньше всѣхъ народовъ поняли, что образованіе и богатство—рычаги, которыми можно перевернуть міръ въ свою пользу. Поэтому-то они и не ограничиваются изученіемъ только наукъ, имѣющихъ ближайшее примѣненіе въ жизни и преподаваемыхъ въ реальныхъ гимназіяхъ, и предпочтительно отдаютъ своихъ дѣтей въ гимназіи классическія, не смотря на всѣ трудности ихъ курса и на кажующуюся безполезность получаемаго въ нихъ образованія.

Если берлинскій арсеналъ служитъ храмомъ для надменнаго пруссака, то для еврея такимъ же храмомъ является зданіе биржи, въ которомъ онъ поклоняется золотому тельцу и пріемлетъ отъ него пропитаніе; священнодѣйствуютъ въ этомъ храмѣ Блехредеръ, Мендельсонъ, Мейеръ и цѣлая клика второстепенныхъ жрецовъ и прислужниковъ. Зданіе биржи, построенное на берегахъ Шпре, прежде всего поражаетъ своимъ безвкусіемъ и мрачностью снаружи, ощущеніемъ отвращенія внутри. Гешефтмахерствуютъ почти исключительно евреи, но за ихъ спиной стоятъ министры, депутаты, крупные промышленники и древніе представители нѣмецкаго дворянства; ихъ всѣхъ гложетъ мысль о скорой наживѣ и побуждаетъ бросаться за призрачною добычею, не разбирая средствъ для достиженія цѣли. Особенно сильный толчекъ биржевой игрѣ дала французская контрибуція, принесшая, конечно, побѣдителямъ больше вреда, нежели побѣжденнымъ; въ 1872 г. началась строительная горячка, во время которой дома нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки въ теченіи двухъ часовъ открытія биржи; простой каменьщикъ зарабатывалъ до пяти таллеровъ въ день,—болѣе 8 рублей. Кризисъ, вызванный ненормальнымъ положеніемъ вещей, не пережитъ еще и до нынѣ; выгоды получила одни только евреи, окончательно воцарившіеся на биржѣ и понижающіе на ней русскій курсъ.

Страстнымъ противникомъ еврейства выступилъ въ Берлинѣ пасторъ Штекеръ, глава антисемистской лиги; во время распущенія прошлымъ лѣтомъ палатъ изъ-за проекта о военномъ септеннатѣ, Штекеръ началъ горячую пропаганду въ пользу избранія по всей странѣ депутатовъ, сочувствующихъ новому закону, и воспользовался случаемъ, чтобы обвинить евреевъ въ противодѣйствіи Бисмарковскому проекту и въ измѣнѣ отечеству. Евреямъ пришлось преклонить главу; два еврея-профессора университета напечатали манифестъ съ приглашеніемъ своихъ единовѣрцевъ подавать голоса за септеннатъ, а Блехредеръ внесъ солидную сумму въ кассу правительственнаго избирательнаго комитета. О чистосердечіи тутъ уже не приходится говорить.

Всякій разъ затрагивая исторію еврейства или касаясь его современнаго положенія, невольно представляется параллель между Римомъ и Израилемъ, отличавшихся равною непоколебимою вѣрою въ принадлежность себѣ будущаго. Эта вѣра дала Риму господство надъ цѣлымъ міромъ въ теченіи вѣковъ, и эта же вѣра поддерживала Израиля во всѣхъ его испытаніяхъ въ продолженіи тысячелѣтей. Народу, съумѣвшему устоять противъ столькихъ бѣдствій, несомнѣнно принадлежитъ побѣда и при этой мысли невольно вспоминаютъ про мольбу, съ которою антисемиты обращаются къ Бисмарку: «Отче Бисмаркъ, сущій въ Варцинѣ, да прославится имя твое, да воцарится разумъ твой въ нашей странѣ, да будетъ воля твоя въ ландтагѣ и рейхстагѣ, наставленія свои преподай намъ днесь и прости намъ наши глупыя рѣчи, не введи насъ во искушеніе противостоять твоимъ глубокимъ замысламъ, но избави насъ отъ жида»

Мих. Кольцовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о нормализаціи курса нашего кредитнаго рубля составляетъ вѣчную злобу нашего финансоваго управленія; для достиженія этой цѣли проектировались самыя различныя мѣры; нынѣшній министръ финансовъ проектировалъ возстановленіе обращенія монеты, громадные склады которой хранятся не только въ нашемъ государственномъ банкѣ, но и у заграничныхъ банкировъ на счету послѣдняго. По давленіямъ внѣшнихъ обстоятельствъ министръ финансовъ, какъ слышно, беретъ обратно изъ Государственнаго Совѣта свой проектъ возстановленія обращенія звонкой монеты. Это рѣшеніе, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать успокоенію финансоваго міра и укрѣпитъ курсъ рубля, сильно пошатнувшагося за послѣднее время.—Въ правительственныхъ сферахъ снова поставленъ вопросъ объ установленіи акцизнаго надзора за уксусными заводами, съ цѣлью предупрежденія злоупотребленій, наносящихъ вредъ интересамъ государственнаго казначейства. Въ губерніяхъ имперіи существуетъ болѣе 600 заводовъ, спеціально занимающихся приготовленіемъ уксуса; эта отрасль промышленности возростаетъ въ Россіи съ каждымъ годомъ, а между тѣмъ управляющіе акцизными сборами, неоднократно обращались въ министерство финансовъ съ донесеніями, въ которыхъ указывали, что на уксусныхъ заводахъ нерѣдко обнаруживаются тайное винокуреніе и пивовареніе, сокрытіе корчемнаго спирта и безпатентная торговля виномъ. Такія ухищренія никого не должны удивлять, такъ какъ самые изобрѣтательные изъ корчемниковъ—евреи—ухитрились продавать водку на глазахъ акцизныхъ чиновниковъ подъ видомъ одеколона и въ флаконахъ изъ-подъ духовъ.—Въ министерствѣ финансовъ разсматривается предположеніе о возможности включенія во вновь разрабатываемый проектъ новаго биржевого устава правила, на основаніи котораго въ составъ биржевого комитета допускались бы по выбору и купцы 2-й гильдіи, совершающіе свои операціи на фондовомъ рынкѣ биржи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣднее правительственное сообщеніе появилось какъ нельзя болѣе своевременно, чтобы опровергнуть тѣ ложные слухи, которые распространялись границею друзьями и недругами нашего правительства о его намѣреніяхъ. Дѣло дошло до того, что нашъ оффиціозный органъ «Journal de St.-Pétérsbourg» былъ вынужденъ напечатать слѣдующее сообщеніе: «Въ нѣкоторыхъ газетахъ мы встрѣчаемъ содержаніе мнимой циркулярной ноты, которую императорскій кабинетъ разослалъ будто-бы, своимъ представителямъ заграницею. Мы поставлены въ возможность заявить, что подобной ноты не существуетъ». Отзывы иностранной прессы о нашемъ profession de foi по восточному вопросу уже дошли до насъ по телеграфу; такъ, телеграммою изъ Берлина отъ 12 февраля намъ сообщается, что «Сѣверо-германская Всеобщая Газета» говоритъ въ своемъ политическомъ обозрѣніи: «Оффиціальный комментарій къ предложеніямъ Россіи подходитъ къ ея прежней точкѣ зрѣнія. Но то, что Россія именно въ настоящемъ фазисѣ развитія международной политики рѣшилась сдѣлать это мирное заявленіе, безусловно доказываетъ, что Россія искренно желаетъ успокоить Европу относительно своихъ намѣреній и, съ своей стороны, содѣйствовать освобожденію умовъ отъ постоянныхъ опасеній войны. Внутренняя цѣнность предложеній Россіи едва-ли измѣняется вслѣдствіе опасеній, высказываемыхъ съ другихъ сторонъ». Далѣе газета еще разъ повторяетъ, что было-бы ошибкою предполагать, будто предложенія Россіи нуждаются въ поддержкѣ всѣхъ державъ, чтобы быть принятыми Портою.—Изъ Вѣны 12-го февраля сообщаютъ, что въ Пештѣ политически-благоразумные мыслители должны-бы признать мирный характеръ послѣдняго дѣйствія Россіи; если-бы державы уяснили себѣ изъ происходящаго теперь обмѣна мыслей, въ чемъ заключаются рѣшенія Россіи, то могла-бы открыться надежда на мирное разрѣшеніе болгарскаго вопроса; послѣднее дѣйствіе Россіи произвело въ пештскихъ вліятельныхъ кругахъ довольно благопріятное впечатлѣніе. Отзывы вѣнскихъ газетъ отличаются туманностью; за туманомъ передовыхъ статей сквозитъ, однако, сочувствіе къ принцу Кобургскому, котораго австрійцы желаютъ оставить въ Софіи на вѣчныя времена; о берлинскомъ трактатѣ ни одна газета уже не заикается; опасаются, что анархія восторжествуетъ въ Болгаріи и что во всякомъ случаѣ трудно будетъ принцу Фердинанду поддерживать спокойствіе въ странѣ, тѣмъ болѣе, что приведенное выше заявленіе «Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты» истолковывается въ Вѣнѣ въ такомъ смыслѣ, что князь Бисмаркъ сталъ на сторону Россіи; это нѣсколько смутило вѣнскихъ политиковъ.—Относительно образа мыслей англійскаго общества, достаточно привести слова англійскаго премьера, сказанныя на бывшемъ 11 февраля засѣданіи палаты депутатовъ: по мнѣнію Селюсбери, международная конференція по болгарскому вопросу хотя и представляется желательною, когда не существуетъ настоящей опасности рѣзкихъ разногласій, но такая торжественная мѣра, какъ конференція, если она не заканчивается успѣхомъ, можетъ скорѣе усугубить разногласія и увеличить опасности, а потому къ ней слѣдуетъ прибѣгать лишь осторожно, коль скоро не существуетъ увѣренности въ возможности соглашенія. «Относясь къ дѣлу съ точки зрѣнія настоящаго положенія, сказалъ Селюсбери, я не думаю, чтобы въ разногласіяхъ изъ-за болгарскаго вопроса, самихъ по себѣ, крылась непосредственная опасность. Я сердечно присоединяюсь къ выраженному княземъ Бисмаркомъ въ его послѣдней рѣчи мнѣнію, что война изъ-за ничтожнаго вопроса о болгарскомъ правительствѣ была бы позоромъ для Европы».

Книжное дѣло музыка живопись и пр.

Однимъ изъ русскихъ періодическихъ журналовъ недавно былъ возбужденъ любопытный, вопросъ имѣющій громадное значеніе для развитія печатнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ; вопросъ этотъ, уже нашедшій отголоски въ печати, заключается въ урегулированіи доставки газетъ и журналовъ по нашимъ селамъ и весямъ. Къ одному столичному еженедѣльному органу было приложено и разослано иногороднимъ подписчикамъ объявленіе одной петербургской торговой фирмы, хотя помимо свѣдѣнія и желанія его редакціи и издателя. Допуская, что такой способъ разсылки разныхъ гешефтмахерскихъ объявленій очень простъ и удобенъ, нельзя, однако, не признать за нимъ извѣстной беззастѣнчивости и нанесенія ущерба частнымъ лицамъ. Редакція заинтересованнаго органа объясняетъ дѣло участіемъ въ немъ низшихъ почтовыхъ агентовъ а именно вложеніемъ ими, безъ вѣдѣнія главнаго начальства, таковыхъ объявленій въ нумера журнала уже по полученіи ихъ на мѣсто. Остроуміе такой догадки, какъ пишутъ въ «Сынѣ Отечества» подтверждается снисходительнымъ отношеніемъ русскаго человѣка къ чужой книжкѣ и соблазномъ позаимствованія вѣстей изъ чужихъ газетъ и журналовъ. Отъ подписчиковъ на иллюстрированныя изданія приходится поэтому получать безпрестанныя жалобы на неаккуратное полученіе ими журналовъ, между тѣмъ какъ укупорка нумеровъ журнала и газетъ производится обыкновенно подъ самымъ тщательнымъ надзоромъ опытныхъ артельщиковъ и переплетчиковъ, отвѣчающихъ штрафомъ за каждую допущенную ими неисправность Слѣдовательно, собственно артельщикамъ и переплетчикамъ нѣтъ никакого расчета, комплектуя нумера, дѣлать какія-либо утайки, не вложить того или другаго приложенія; да если и возможно допустить какую-либо оплошность, то—на самый ничтожный процентъ. Жаловаться на пропажи въ почтамтъ не всегда достигаетъ цѣли, такъ какъ за пропажу собственно приложеній газетная экспедиція, а за нею, слѣдовательно, и провинціальныя почтовыя учрежденія,—совсѣмъ не отвѣчаютъ, такимъ образомъ юркій почтальончикъ можетъ сегодня изъ одного нумернаго комплекта журнала, выхватить листика два (вкладныхъ), завтра изъ 2-го. Въ маленькихъ городкахъ, другое зло: значительная часть періодическихъ изданій, по очереди, идетъ, предварительно, на прочтеніе цѣлаго уѣзднаго общества и, затѣмъ уже, благосклонно доставляется многотерпѣливому подписчику, который въ этотъ длинный періодъ провѣрки журнально-газетнаго содержанія любознательными читателями,—успѣетъ послать издателю, въ редакцію и въ контору изданій не одну жалобу со всевозможными упреками за медленную и неаккуратную доставку. Само собою разумѣется, что послѣ объясненной безцеремонной трепки изданій, они преподносятся подписчикамъ не только безъ всякой «обложки-бандероли» и даже безъ адреса, но въ совершенно-разоренномъ видѣ; такой безжалостной трепки удостоиваются, въ особенности, нумера изданій съ приложеніями, адресуемые чрезъ маленькіе города, сельскимъ и деревенскимъ подписчикамъ, получающимъ ихъ чрезъ земскую почту или «съ попутчиками», а отвѣты съ почты этимъ подписчикамъ, въ случаѣ справокъ, шлются лаконическіе: «еще не получено изъ редакціи», или: «вашъ нумеръ затерялся»... Очевидно, что такіе отвѣты прямо разсчитаны на то, что когда-то послѣ этого подписчикъ напишетъ въ редакцію или контору, а тамъ — когда-то «справятся» и «спишутся съ экспедиціею... Печальныя приключенія, испытываютъ и отправляемыя теперь посылками въ холстѣ, такъ называемыя преміи къ изданіямъ. То и дѣло получаются изъ разныхъ мѣстъ отъ подписчиковъ жалобы на порчу этихъ посылокъ въ дорогѣ: протирку, подмочку и даже на переломъ самыхъ скалокъ (деревянныхъ), послѣ чего посылки преисправно возращаются обратно и — тѣмъ, дѣло кончается, ибо почта «за внутреннее поврежденіе не отвѣчаетъ», а неудовлетворить ни въ чемъ неповиннаго подписчика — тоже нельзя... Между тѣмъ каждая партія, отправляемая цѣнною посылкою, оплачивается за доставку по новому возвышенному почтовому тарифу сполна. Вторичная же разсылка вызываетъ расходъ довольно значительный.

Л. Л. Леонидовъ.

Леонидъ Львовичъ Леонидовъ родился 18 апрѣля 1821 года въ Петербургѣ, получилъ образованіе въ театральномъ училищѣ, какъ и его покойный братъ Александръ, служившій въ балетѣ. Первый его дебютъ состоялся 28 апрѣля 1838 года въ бенефисъ Каратыгина 2-го въ водевилѣ «Ложа 2-го яруса» и въ томъ-же году въ бенефисъ М. Н. Балберховой онъ выдвинулся въ пьесѣ «Женщина въ 30 лѣтъ». Въ первый же годъ своего пребыванія на сценѣ г. Леонидовъ сыгралъ 25 ролей и появился въ разныхъ пьесахъ 111 разъ. Мало по малу близкіе къ тогдашней сценѣ люди увидали въ молодомъ человѣкѣ способности къ трагическому амплуа и уже въ 1843 году г. Леонидова командировали въ Москву раздѣлять трагическія роли съ П. С. Мочаловымъ. Послѣдній умеръ въ 1847 году и его репертуаръ перешелъ къ г. Леонидову всецѣло. Въ 1853 г. въ Петербургѣ умеръ В. А. Каратыгинъ и г. Леонидова перевели изъ Москвы для замѣщенія мѣста перваго трагика. Было бы утомительно перечислять всѣ переигранныя Л. Л. Леонидовымъ роли. Гамлетъ, Ляпуновъ, Ломоносовъ, Бенвенуто Челлини, Радель и множество другихъ ролей стараго репертуара составили извѣстность уважаемаго артиста. Нужно было обладать недюжиннымъ талантомъ и много работать, чтобы пользоваться успѣхомъ въ публикѣ, избалованной такими артистами, какъ П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ, съ которыми она волей-неволей сравнивала ихъ замѣстителя. Л. Л. Леонидовъ съ честью вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія и завоевалъ себѣ симпатіи тогдашнихъ цѣнителей искусства. Послѣ смерти императора Николая Павловича въ литературѣ повѣяло новымъ направленіемъ, обновился и театръ—трагедія сошла со сцены, ее замѣнили бытовыя комедіи и драмы. Г. Леонидовъ не сошелъ со сцены, а вступилъ на новый путь, благодаря своему развитію и чуткости. Онъ былъ всегда однимъ изъ тѣхъ «живыхъ» людей, которые отзываются на все хорошее новое, сочувствують всякому движенію впередъ. Вообще, какъ человѣкъ и какъ артистъ, г. Леонидовъ заслужилъ и любовь, и уваженіе всѣхъ знавшихъ его или стоявшихъ близко къ нему. Онъ былъ одною изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которыя встрѣчаются не часто...

Въ день своего 50-ти лѣтняго юбилея онъ ставитъ пьесу П. П. Сухонина «Русская свадьба», гдѣ выступаетъ въ роли Гвоздева. Въ этой роли, въ 1853 г., какъ сообщаютъ газеты, императоръ Николай Павловичъ, въ бытность свою въ Москвѣ, видѣлъ Л. Л. Леонидова и, вполнѣ довольный игрою артиста, приказалъ перевести его по окончаніи сезона въ Петербургъ. Для г. Леонидова этотъ переводъ былъ важнымъ событіемъ въ жизни, такъ какъ здѣсь, въ Петербургѣ, жили его родные, два брата и двѣ незамужнія сестры, и были старыя дружескія связи. Женился Л. Л. Леонидовъ въ Петербургѣ на дочери г. Гольца.

А. Михайловъ.

Телефонъ.

14 февраля исполнится ровно 12 лѣтъ со дня изобрѣтенія телефона Беллемъ. Въ теченіи 12 лѣтъ изобрѣтеніе Белля принесло такіе плоды, что можно съ увѣренностью сказать, что не далеко то время, когда онъ представитъ серьозную конкурренцію телеграфу.

Если мысль переписываться на огромныя разстоянія по телеграфу давно занимала человѣческій умъ, то мысль переговариваться должна была возникнуть еще ранѣе и занимать умъ человѣческій еще болѣе. И это подтверждается фактами: еще за 968 лѣтъ до Р. Х. какой-то китайскій ученый, Кунгъ-Фоа-Влингъ, придумалъ аппаратъ, съ помощью котораго можно говорить на огромныя разстоянія. До насъ, къ сожалѣнію, не дошло описаніе этого прибора. Къ попыткамъ передавать рѣчь на большія разстоянія можно отнести и аккустическія трубы или рупоры. Говорятъ, Александръ Македонскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи аккустическую трубу, съ помощью которой отдавалъ свои приказанія, не сходя съ мѣста, въ самые отдаленные отряды войска, расположеннаго на протяженіи 14 верстъ! Но самой разумной попыткой передавать рѣчь на разстоянія надо счесть попытку Роберта Гарке, который первый въ 1667 году опубликовалъ изобрѣтенье шнуроваго телефона,—теперь продающагося у насъ, какъ игрушка; «съ помощью натянутаго шнурка, писалъ Робертъ Гарке, я могу передавать слова на значительное разстояніе со скоростью свѣта». Изобрѣтеніе это потому можно считать первой разумной попыткой, что оно имѣетъ чисто научное основаніе: шнуровой телефонъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ металлическихъ стаканчиковъ, на концахъ которыхъ натянута перепонка изъ бумаги, пергамента или бычьяго пузыря; перепонки обоихъ стакановъ соединены съ помощью шнурка, прикрѣпленнаго узломъ къ серединѣ каждой. Если говорить, приставивъ ко рту одинъ стаканчикъ, то воздухъ станетъ колебать перепонку, которая передастъ это колебаніе черезъ шнурокъ перепонкѣ другого стакана, приставленнаго къ уху; перепонка, уже обратно, своимъ колебаніемъ приведетъ въ движеніе воздухъ и черезъ него ухомъ будутъ восприниматься звуки. Этимъ путемъ на натянутомъ шнуркѣ можно переговариваться почти шепотомъ на разстояніи до 90 саж. Какъ видите, основаніе чисто научное; а потому и исторію телефона правильнѣе всего считать съ 1667 года.

Въ 1837 году американскій физикъ Пэджъ открылъ что при быстромъ намагничиваніи и размагничиваніи желѣзнаго прута слышенъ звукъ, который онъ и назвалъ гальванической музыкой. Чистота звука и его тонъ зависятъ отъ числа намагничиваній въ секунду. Въ 1843 г. женевскій ученый де-ла-Ривъ объяснилъ это явленіе и открылъ способъ увеличивать и разнообразить число колебаній, употребляя проволоки огромной длины. Ученые и изобрѣтатели обратили вниманіе на это явленіе и въ 1852 г. Патерма изъ Праги устроилъ аппаратъ, съ помощью котораго можно было слышать музыку на значительномъ разстояніи. 1861 г. Физическое общество во Франкфуртѣ на Майнѣ слушало музыку различныхъ инструментовъ, удаленныхъ на большое разстояніе, съ помощью аппарата, изобрѣтеннаго Рейсомъ. Наконецъ, въ 1874 г. Элиза Грей изъ Чикаго представилъ свой аппаратъ, для передачи музыкальныхъ звуковъ и съ нимъ вмѣстѣ появился цѣлый рядъ подобныхъ-же аппаратовъ Іетса, Фонъ-деръ-Вейде, Сесиля, Леонарда Рея и другихъ.

Шарль Бурсейль 1854 г. первый подалъ мысль о примѣненіи электричества къ разговорному телефону, но на эту мысль посмотрѣли, какъ на праздную фантазію, и вниманіе всѣхъ было устремлено на усовершенствованіе музыкальныхъ телефоновъ,—какъ вдругъ на филадельфійской выставкѣ 1876 г. появился первый разговорный телефонъ, представленный Грагамомъ Беллемъ изъ Бостона, который и считается первымъ изобрѣтателемъ телефона. Этотъ аппаратъ, легко и просто разрѣшившій задачу электрической передачи словъ, былъ встрѣченъ публикою съ недовѣріемъ и только одинъ знаменитый англійскій физикъ сэръ Уильямъ Томсонъ, понявъ все громадное значеніе этого изобрѣтенія, назвалъ его чудомъ изъ чудесъ.

По способу своего употребленія, а также и по конструкціи, телефоны раздѣляются на два главные типа: на магнитные телефоны безъ батарей и телефоны съ батарей.

Телефонный приборъ, какого бы типа онъ ни былъ, состоитъ изъ 2-хъ главныхъ частей: говорнаго аппарата или передатчика, въ который говорятъ, и изъ пріемника, въ который слушаютъ. Существенное различіе между двумя типами телефоновъ состоитъ въ томъ, что въ магнитныхъ телефонахъ передатчикъ и пріемникъ одинъ и тотъ-же приборъ, такъ что вся система состоитъ изъ двухъ приборовъ; въ батарейныхъ-же эти части различны, такъ что система составляется изъ четырехъ приборовъ.

Первый, самый простой и самый удобный изъ всѣхъ телефоновъ, есть телефонъ Белля. Основаніе его заключается въ слѣдующемъ: возьмемъ два магнита и обмотаемъ ихъ проволоками, причемъ проволоки эти соединимъ между собой на большемъ или меньшемъ разстояніи; передъ каждымъ магнитомъ помѣстимъ тонкую стальную пластинку. Если приложить стальную пластинку къ одному изъ магнитовъ, то его магнитная сила увеличится; въ проволокѣ разовьется, такъ называемый, индуктивный токъ, который передаетъ другому магниту силу перваго магнита и заставитъ притянуть стальную пластинку. Если эти магниты помѣстить въ стаканы и передъ однимъ изъ нихъ говорить, то звукъ будетъ колебать воздухъ, который, въ свою очередь, передастъ колебанія стальной пластинкѣ и черезъ магнитъ, проволоку, другой магнитъ и другую пластинку воспроизведетъ тѣ же звуки въ другомъ стаканѣ.

Устройство магнитнаго телефона Белля понять очень легко послѣ предыдущаго объясненія. Весь приборъ заключенъ въ стаканѣ, передняя часть котораго называется амбушюромъ, въ него и говорятъ, и слушаютъ; тотчасъ за амбушюромъ расположена тонкая стальная пластинка, производящая колебанія, позади которой въ длину стакана помѣщенъ брусокъ магнита съ намотанной проволокой; проволока эта двумя свободными концами соединена съ другимъ стаканомъ, гдѣ точно такъ-же намотана на магнитъ.

Интересно прослѣдить тѣ измѣненія въ телефонѣ, которыя происходятъ въ теченіи мгновенія между моментами, когда звукъ выходитъ изъ гортани и достигаетъ до уха слушателя, отстоящаго на десятки верстъ.

Этихъ измѣненій семь: 1) колебаніе воздуха приводитъ въ движеніе пластинку телефона передатчика.

2) Колебаніе это измѣняетъ силу напряженія магнита, находящагося въ телефонѣ.

3) Это измѣненіе развиваетъ индуктивные токи въ проволокѣ, намотанной на магнитѣ.

4) Токи передаются по проволокамъ въ проволоку магнита телефона-пріемника.

5) Эти токи измѣняютъ силу напряженія въ магнитѣ телефона-пріемника.

6) Измѣненіе силы магнита заставляетъ колебаться пластинку и, наконецъ,

7) колебаніе пластинки приводитъ въ движеніе воздухъ и, дѣйствуя на барабанную перепонку уха слушателя, воспроизводитъ снова звуки!

Послѣ появленія телефона Белля явилось множество телефонныхъ системъ; но ни одна изъ нихъ не представляетъ изобрѣтенья и всѣ онѣ, вѣрнѣе, или ухудшеніе, или улучшеніе телефона Белля.

Въ числѣ системъ, представляющихъ улучшеніе, нельзя не упомянуть телефона Говера, у котораго пріемникъ воспроизводитъ звуки такъ громко, что слова можно слышать во всѣхъ концахъ большой залы.

Къ самымъ распространеннымъ телефонамъ относятся телефоны Белля, Эдиссона и Адера.

Но какъ ни просты и ни остроумны магнитные телефоны, примѣненія ихъ ограничиваются только сообщеніями внутри домовъ, гдѣ телефонъ требуется провести изъ комнаты въ комнату. Причины этому заключаются въ томъ, что измѣненіе силы магнитовъ обладаетъ такою малою электровозбудительностью, что передача тока не можетъ превысить разстоянія 70 верстъ, при чемъ внѣшній шумъ сильно мѣшаетъ чистотѣ и ясности произносимыхъ словъ.

Эти обстоятельства требовалось удалить и, по странной случайности, на рѣшеніи этого вопроса столкнулись Белль съ Греемъ, предложившіе въ одно время систему, при которой во время разговора колебаніе пластинки въ передатчикѣ будетъ дѣйствовать не на магнитъ, а смыкать и размыкать цѣпь гальваническаго тока, который въ свою очередь будетъ дѣйствовать на электро-магнитъ въ пріемникѣ. Эта геніальная мысль для своего осуществленія требовала во 1) гальванической баттареи, а во 2) уже двухъ различныхъ приборовъ: одного—передатчика и другого—пріемника, представляющаго собой магнитный телефонъ, въ которомъ магнитъ замѣненъ электро-магнитомъ. Вся суть такимъ образомъ, сводилась къ изобрѣтенью лучшаго прибора—передатчика.

Эти-то приборы, почти совершенно одинаковой конструкціи, и представили въ бюро привеллегій Белль съ Греемъ въ одинъ и тотъ же день 14 февраля 1876 г., но Белль, замѣтивъ нѣкоторыя несовершенства своего прибора, успѣлъ во время замѣнить его простымъ магнитнымъ телефономъ и, такимъ образомъ, честь перваго изобрѣтателя осталась за нимъ.

Приборы эти по своей конструкціи были очень просты. Вся суть ихъ заключалась въ штифтикѣ, прикрѣпленномъ къ перепонкѣ передатчика, который при колебаніи перепонки, прикасался къ жидкости, налитой въ сосудъ, стоящій подъ нимъ, и тѣмъ замыкалъ и размыкалъ токъ.

Этотъ приборъ породилъ массу ему подобныхъ, такъ называемыхъ, передатчиковъ съ жидкостями, но они всѣ являются неудобными во 1) по трудности установки ихъ и ухода за ними (нужно было, что бы уровень жидкости былъ постоянно на одной высотѣ, чего достичь довольно трудно), во 2) и потому, что смыканіе и размыканіе цѣпи производится настолько грубо, что въ пріемникѣ слышенъ какой-то вслѣдствіе этого непріятный сипъ, препятствующій ясности рѣчи.

Недостатокъ этотъ въ томъ же 1876 г. устранилъ Эдиссонъ,—плодовитѣйшій изъ изобрѣтателей нашего времени,—употребивъ для измѣненія тока угли.

Въ этомъ случаѣ онъ воспользовался научнымъ открытіемъ графа дю Монселя, который въ 1856 г. доказалъ, что давленіе, производимое въ точкѣ сопротивленія двумя проводниками, приложенными одинъ къ другому, значительно вліяетъ на силу тока.

Исходя изъ этого положенія, Эдиссонъ помѣстилъ между двумя проводниками угольный кружокъ, на который наложилъ платиновую пластинку, пуговкою прикасающуюся къ перепонкѣ пріемника. Дрожаніе перепонки отъ голоса приводитъ въ движеніе платиновую пластинку, которая и производитъ давленіе на уголь, вслѣдствіе чего напряженность тока измѣняется. Что касается пріемника въ этомъ телефонѣ, то онъ ничѣмъ не отличается особенно отъ телефона Белля.

Описанный телефонъ въ большомъ употребленіи въ Америкѣ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Генрихъ VIII и Анна Болейнъ.

Среди придворныхъ оргій Генриха VIII и его споспѣшниковъ въ родѣ «адскаго лейтенанта» Бріана, семейство Болейнъ играло не послѣднюю роль: супруга и дочь сэра Томаса Болейнъ были одинаково близки Генриху VIII. Но онѣ должны были стушеваться, когда ко двору явилась только-что вернувшаяся изъ Франціи Анна Болейнъ, младшая дочь сэра Томаса Болейнъ. Это была опытная красавица: во Францію, куда она уѣхала совсѣмъ молоденькой дѣвочкой въ качествѣ фрейлины Маріи, сестры Генриха VIII, ея репутація была уже вполнѣ скандальной. Когда вернулась Анна въ Англію это неизвѣстно въ точности,—въ 1525 или въ 1527 г., во всякомъ случаѣ это было въ то время, когда Генрихъ VIII уже началъ толковать о незаконности своего брака съ Катериной Арагонской. Къ расторженію этого брака сильно подталкивалъ Генриха VIII честолюбивый кардиналъ Вольсей, уже проэктировавшій бракъ короля съ Изабеллой Французской. Анна Болейнъ попала ко двору какъ разъ во время, чтобы очаровать Генриха, воспользоваться идеей Вольсея о расторженіи брака для своихъ цѣлей, столкнуть кардинала съ мѣста и даже подорвать силу католицизма въ Англіи. Эта, какъ она подписывалась въ письмахъ къ Генриху, «покорная слуга безъ всякихъ ограниченій» повела дѣло такъ, что король даже не дождался развода и уже 14 ноября 1532 г. тайно обвѣнчался съ Анной Болейнъ, получившей сначала титулъ маркизы Пенброкъ. Катерина Арагонская была лишена званія королевы, а ея дочь Марія званія принцессы. Лучшіе люди въ родѣ знаменитаго канцлера Томаса Мора были казнены. Но торжество Анны Болейнъ было недолгимъ: какъ она въ качествѣ фрейлины Катерины Арагонской обольстила короля, такъ теперь Джэнни Сеймуръ въ качествѣ ея фрейлины обольстила ея мужа. Генрихъ VIII не долго думалъ, когда дѣло шло объ удовлетвореніи своихъ животныхъ страстей: извѣты, пытки, казни, все пускалось въ ходъ, лишь бы достигнуть цѣли. Анну Болейнъ приказано было судить за развратъ, то есть было приказано обвинить. Конечно, ей произнесли смертный приговоръ и 20 мая 1536 года ея не стало. На другой день послѣ ея казни Генрихъ VIII женился на Джэнни Сеймуръ..

Пилоти на своей картинѣ, выставленной теперь въ Императорской академіи художествъ въ Петербургѣ на выставкѣ въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ, изобразилъ тотъ моментъ, когда всѣ придворные уже видятъ, что король сближается съ Анной Болейнъ и Вольсей уходитъ омраченный съ предчувствіемъ своей гибели. Картина не велика по размѣрамъ, но производитъ сильное впечатлѣніе, не смотря даже на нѣкоторую недодѣланность на заднемъ планѣ. Она составляетъ собственность г. К. Ф. Санъ-Галли, имѣющаго, какъ извѣстно, очень цѣнную коллекцію картинъ.

Ледовитый океанъ.

При яркомъ заревѣ заката
Надъ моремъ вѣковѣчныхъ льдовъ
Покрылъ хрустальныя палаты
Уборъ серебряный снѣговъ.

Сномъ заколдованнымъ зимою
Здѣсь все оковано всегда
И вьются съ крикомъ надъ водою
Лишь чаекъ шумныя стада.

Порой корабль, отваги полный,
Богъ вѣсть зачѣмъ изъ дальнихъ странъ
Сюда зайдетъ, смутивъ безмолвный,
Во льду застывшій океанъ...

Новорожденный.

Въ богатой комнатѣ, среди роскошной обстановки, сидитъ въ большомъ креслѣ еще слабая послѣ болѣзни молодая женщина. Она улыбается, смотря, какъ ея двѣ пріятельницы любуются ея новорожденнымъ младенцемъ, котораго держитъ на рукахъ нянька. Вотъ содержаніе помѣщаемой нами картины М. Мункачи. Это одно изъ очень немногихъ произведеній знаменитаго венгерскаго художника, дышащее миромъ и спокойствіемъ, такъ какъ большая часть картинъ Михаила Мункачи отличается мрачнымъ настроеніемъ. Мункачи родился 10 октября 1846 года въ Мункачѣ и, во время революціи 1848 года, лишился родителей. Его отдали дядѣ, который и пристроилъ его въ ученье къ столяру. Шесть лѣтъ прошло въ тяжелой обстановкѣ столярной мастерской, наконецъ годы ученичества кончились и юноша сталъ зарабатывать хлѣбъ въ Пештѣ рисованіемъ портретовъ и жанровыхъ картинокъ. Ему удалось на свои средства перебраться въ Вѣну и вступить въ академію Отсюда онъ направился въ Мюнхенъ и, подъ руководствомъ Франца Адама, такъ быстро развилъ свой талантъ, что получилъ награды за три жанра. Далѣе онъ поѣхалъ въ Дюссельдорфъ и, подъ вліяніемъ Вотье и Кнауса создалъ въ 1869 году первую большую картину «Послѣдній день осужденнаго», облетѣвшую въ копіяхъ всю Европу. Глубоко прочувствованная, потрясающая по содержанію, превосходно написанная, эта картина, заслужившая въ Парижѣ золотую почетную медаль, создала громкое имя художнику. Вообще и въ дальнѣйшей его дѣятельности мрачные и трагическіе моменты всего чаще останавливали его вниманіе и ему удавалось создавать въ этомъ родѣ неподражаемыя произведенія въ родѣ его «Христа передъ Пилатомъ». Во всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ Мункачи является глубокимъ психологомъ и никогда трагическое у него не переходитъ въ мелодраму, какъ у реалиста по натурѣ. Но среди этихъ мрачныхъ произведеній есть у него и болѣе веселыя какъ по содержанію, такъ и по колориту вещи, какъ, напримѣръ, помѣщаемая нами картина или его «Двѣ семьи»—собаки и люди. Съ 1872 года Мункачи поселился въ Парижѣ, гдѣ онъ получилъ офицерскій орденъ Почетнаго Легіона. Какъ мы говорили въ прошломъ нумерѣ журнала, онъ работаетъ теперь надъ огромнымъ плафономъ «Возрожденіе».

Развалины въ заглохнувшемъ паркѣ.

Кочковатая земля, болотце, елки, ивы и мелкій кустарникъ, все это покрыто снѣжкомъ. Среди деревьевъ виднѣются полуразвалившіяся стѣны и башни старинной постройки, напоминающей замокъ. Небо зимнее, сѣроватое съ легкими тучками, съ едва проглядывающимъ солнцемъ. Вотъ весь пейзажъ г. Кондратенко, но какъ хорошо схвачена эта даль, какъ живо изображенъ этотъ уголокъ заброшеннаго парка, какъ мало тутъ стремленія къ эффектамъ. Это главное достоинство этой картины, изображающей нашъ сѣверъ.

«Капитанская дочка» А. С. Пушкина.

Кто изъ насъ не знаетъ этого лучшаго изъ русскихъ историческихъ романовъ, поражающаго своей геніальной простотой? Было бы излишне передавать здѣсь все его содержаніе и мы только напомнимъ тотъ моментъ, который послужилъ тэмою для помѣщаемаго нами рисунка нашего даровитаго художника К. В. Лебедева. Въ XII главѣ романа описывается пріѣздъ Пугачева съ Гриневымъ къ предателю Швабрину, который держалъ подъ замкомъ несчастную «капитанскую дочку», Марью Ивановну. Пугачевъ освѣдомился о состояніи крѣпости, о слухахъ про непріятельскія войска и тому подобномъ, и вдругъ спросилъ его неожиданно: «Скажи, братецъ, какую дѣвушку держишь ты у себя подъ карауломъ? Покажи-ка мнѣ ее».

Швабринъ поблѣднѣлъ, какъ мертвый. «Государь, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ... Государь, она не подъ карауломъ... она больна... она въ свѣтлицѣ лежитъ».

— Веди же меня къ ней, сказалъ самозванецъ, вставая съ мѣста. Отговориться было невозможно, Швабринъ повелъ Пугачева въ свѣтлицу Марьи Ивановны. Я за ними послѣдовалъ.

Швабринъ остановился на лѣстницѣ.

— Государь! сказалъ онъ,—вы властны требовать отъ меня, что вамъ угодно; но не прикажите постороннему входить въ спальню къ женѣ моей.

Я затрепеталъ.

— Такъ ты женатъ! сказалъ я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! прервалъ меня Пугачевъ. Это мое дѣло. А ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ Швабрину, не умничай и не ломайся: жена ли она тебѣ, или не жена, а я веду къ ней кого хочу. Ваше благородіе, ступай за мною.

У дверей свѣтлицы Швабринъ опять остановился и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Государь, предупреждаю васъ, что она въ бѣлой горячкѣ и третій день какъ бредитъ безъ умолку.

— Отворяй! сказалъ Пугачевъ.

Швабринъ сталъ искать у себя въ карманахъ и сказалъ, что не взялъ съ собою ключа. Пугачевъ толкнулъ дверь ногою; замокъ отскочилъ, дверь отворилась и мы вошли.

Я взглянулъ—и обмеръ. На полу, въ крестьянскомъ оборванномъ платьѣ, сидѣла Марья Ивановна, блѣдная, худая, съ растрепанными волосами. Передъ нею стоялъ кувшинъ воды, накрытый ломтемъ хлѣба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало—не помню.

Пугачевъ посмотрѣлъ на Швабрина и сказалъ съ горькою усмѣшкою:

— Хорошъ у тебя лазаретъ! потомъ подошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ: «Скажи мнѣ, голубушка, за что твой мужъ тебя наказываетъ? Въ чемъ ты передъ нимъ провинилась?»

— Мой мужъ! повторила она. Онъ мнѣ не мужъ. Я никогда не буду его женою! Я лучше рѣшилась умереть и умру, если меня не избавятъ.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина:

— И ты смѣлъ меня обманывать! сказалъ онъ ему:—Знаешь ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?

Швабринъ упалъ на колѣна... Въ эту минуту презрѣніе заглушило во мнѣ всѣ чувства ненависти и гнѣва. Съ омерзѣніемъ глядѣлъ я на дворянина, валяющагося въ ногахъ бѣглаго казака. Пугачевъ смягчился.

— Милую тебя на сей разъ, сказалъ онъ Швабрину:—но знай, что при первой винѣ тебѣ припомнится и эта. Потомъ обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ и сказалъ ей ласково: «Выходи, красная дѣвица: дарую тебѣ волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что передъ нею убійца ея родителей. Она закрыла лицо обѣими руками и упала безъ чувствъ. Я кинулся къ ней; но въ эту минуту очень смѣло въ комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачевъ вышелъ изъ свѣтлицы и мы трое сошли въ гостиную.

— Что, ваше благородіе? сказалъ, смѣясь, Пугачевъ.—Выручили красную дѣвицу! Какъ думаешь, не послать ли за попомъ, да не заставить-ли его обвѣнчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженымъ отцомъ, Швабринъ дружкою; закутимъ, запьемъ—и ворота запремъ!»

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 17-го февраля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

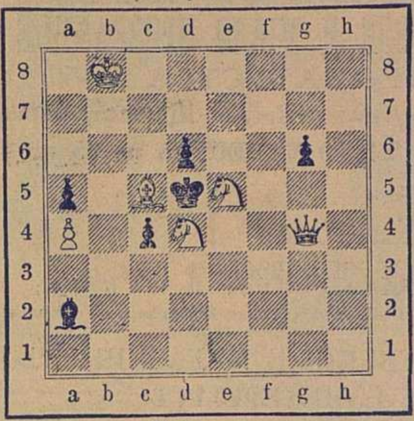
ШАХМАТЫ.

Задача № 9.

C. Planck.

Первый призъ за трехходовую задачу въ конкурсѣ задачъ «Montreal Gasette».

Черные.



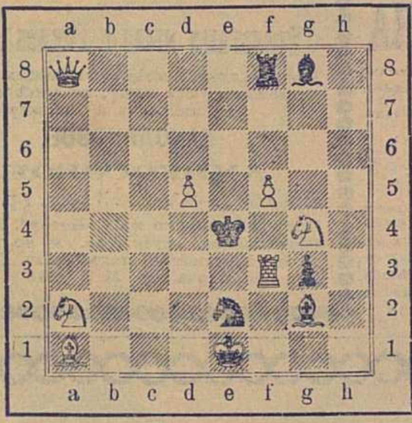
Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 10.

T. Taverner.

Первый призъ за двухходовую задачу въ томъ же конкурсѣ.

Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Въ воскресенье, 21-го февраля, въ обществѣ любителей шахматной игры (Мойка, д. 38) М. И. Чигоринъ будетъ играть одновременно съ 10 противниками 10 партій не смотря на доску (à l'aveugle). Сеансъ начнется въ 12 час. по полудни и продлится около 7—8 час. Посѣтители допускаются по билетамъ, которые могутъ быть получены заблаговременно въ помѣщеніи Общества. Число билетовъ ограничено.

Рѣшенія задачъ (въ № 2).

5. A. W. Orr. 1. Фa5—d2, Cd1: f3; 2. Kg1 : f3†, Кpd4—d5; 3. Фd2—a5×. (*Вар. a*) 1... Кpd4—c5; 2. Фd2—c3†, Кpc5—b6; 3. Фc3—c7×. (*Вар. b*) 1... Кpd4—d5. 2. Фd2—b4, ∞; 3. Ф×. (*Вар. c*) 1... e5—e4; 2. d3 : e4†; Кp∞; 3. Фd2—d6×. (*Вар. d*) 1... Ke7—∞; 2. Kb8—c6†, Кp∞; 3. Фd2—a5×. (*Вар. e*) 1... Kh3—∞; 2. Ch4—f2†, Кpd4—d5; 3, Фd2—a5×. Правильное рѣшеніе прислали: г. Винкманъ (Москва) Л. Шаревичъ (Кіевъ), Н. Петеръ (Обоянь), О. Станиславскій (ст. Доманово), Г. Розовъ (Уральскъ).

6. J. A. Conray. 1. Лc1—c3, ∞; 2. Ф, Л или К×. 6 различныхъ матовыхъ положеній. Правильно рѣшили: тѣже лица, Х. Черняхъ (Астрахань), А. Мелешкевичъ (Лисино), С. Михайловскій (Одесса).

Задачи №№ 2 и 4 правильно рѣшили еще: О. Станиславскій. С. Михайловскій и Г. Розовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКК,
Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 274 (10—10).

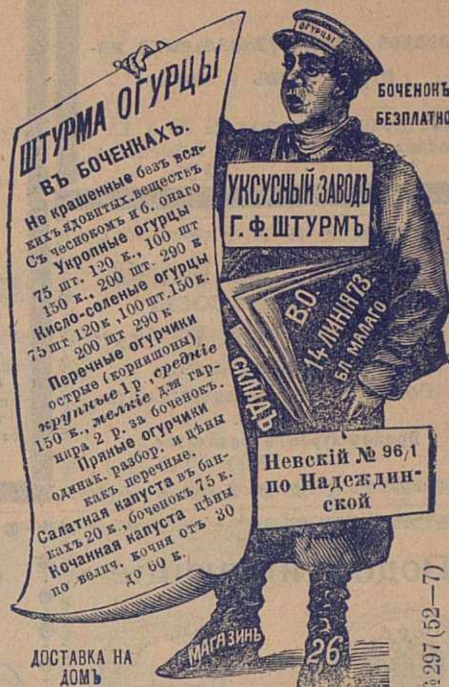
РЕКОМЕНДУЕТЪ
Дм. Алексан. Александровъ

Флейты-кларнеты, пиколо-флейты, карнетъ-а-пистоны, мюзеты вѣнскія фложелеты и проч, музыкальныя инструменты и принадлежности къ нимъ, пріемъ въ починку.

Прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается за 7 коп. марку.

Депо. Невскій, № 53, въ С.-Петербургѣ.

№ 325 (1—1).



ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт. 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к.
200 шт 290 к
Перечные огурчики острые (корнишоны)
крупные 1 р., средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к., боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.

БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. Ф. ШТУРМЪ

СКЛАДЪ
В.О. 14 ЛИНІЯ 73 БЛ. МАЛАГО

Невскій № 96/1 по Надеждинской

МАГАЗИНЪ 26

ДОСТАВКА НА ДОМЪ

№ 297 (52—7)

! За 30 коп. !
почтовыми марками высылаются
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ
съ объясненіями и прейсъ-курант.
за 50 коп.
почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ
для экономныхъ курителей. Получше 70 коп. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „чужаго“. Получать можно во всѣхъ игрушеч. и бум. магазинахъ Петербурга и Москвы.

Главное депо мастерская игръ
А. МЕЛАМЕДА.
Спб., Обуховскій пр., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.
№ 322 (3—1).

БЕЗПОДОБНО!
для пульверизаціи въ комнатахъ
ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА
провизора А. Янсонъ.
Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.

Продается:
Въ **Москвѣ:** у Л. Борхардтъ, Г. Брунсъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.
Въ **С.-Петербургѣ:** Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.
кромѣ того имѣется:
у М. Заксъ, Г. Клосъ и К°., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ; Ф. Линде, О. Роосъ, Русск. Общество торг. аптекарск. товарами и во многихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.
№ 323 (26—1)

Косметическіе спермацетовые
ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральник., кожа лица дѣлается чистою, нѣжною. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они удобны противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза, также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р. 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

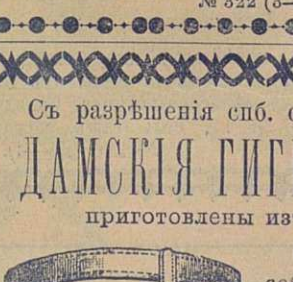
Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи; въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38.
№ 314 (47—2).

Превосходные и самые модные препараты
„САФО“
С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.— Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.
Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.
Петерб. ст., Бол. просп., 28.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.
№ 290 (53—9)

Съ разрѣшенія спб. столичнаго врачебнаго управленія.
ДАМСКІЯ ГИГІЕНИЧЕСКІЯ ПОДУШКИ
приготовлены изъ древесной сулемовой ваты.



Поясъ съ подушкой.

Очень удобная повязка, съ приспособленнымъ поясомъ для ношенія дамами во время регулъ и послѣ родового періода.

Цѣна за дюжину подушекъ 1 р. цѣна за поясъ отъ 40 к. до 1 р. 50 к.

Продаются во всѣхъ аптекарскихъ, резиновыхъ и хирургическихъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ,
С.-Петербургъ, Казанская, 3, прот. Зимина пер. маг. 7. № 161 (6—4).

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ
Музей Т. В. БОЦВА.
Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: Клеопатра египетская царица, механически движущаяся. А. С. Пушкинъ, Пастеръ, графъ Лесепсъ, группа, сказки Шехерезди изъ 1,001 ночи, Сонъ на яву, механическая фигура, Елена Прекрасная, и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.
№ 324 (10—1).

СКРИПКИ

НОВЫЯ ОТЪ

2½ до 150 РУБ.

а также старыя обыгранныя, нѣмецкія, французскія и итальянскія, отличнато тона

до 800 руб.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ

Спб., Больш. Морская № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.
№ 256.

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.
Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи
РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—9)

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

МЫЛО ГЛИЦЕРИНОВОЕ И МЫЛО ПРОЗРАЧНОЕ

МЫЛО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 45 к.

Миндальное.—Ирисовое.—Сюкъ де-Летю.—Крымская фіалка.

МЫЛО САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 65 к.

Шипръ
Шампака
Геліотропъ
Эксъ Буке
Иксора
Буке Императрисъ.
Кадзура
Жокей Клубъ.

МЫЛА КАРБОЛОВОЕ ДЕГТЯРНОЕ И ПРОЧ.

приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1. Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
2. Невскій проспектъ у Аничкина моста, № 66.
3. Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера № 18—54.

(Розничная и оптовая продажа).

Въ МОСКВѢ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ
№ 321 (1—1)

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ",

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты
Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—25).

Усовершенствованные пожарные ТРУБЫ И НАСОСЫ „ПОТОКЪ"

для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.
Прейсъ-курантъ безплатно.
№ 186 (40—15).

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт. на об. бум. 1 р. 50, на лучш. 2 р.
Съ 44 карт. на об. бум. 2 р. 50, на лучш. 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.

Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.
№ 222 (24—11).

Туалетныя мыла І. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,
АМИКОСОВОЕ.

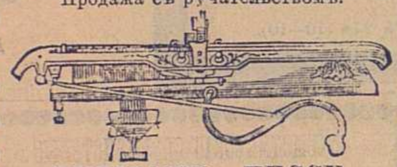
Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—13)

Водоочищающіе ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.
№ 228 (52—14)

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—23).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. **Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.**

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—25)

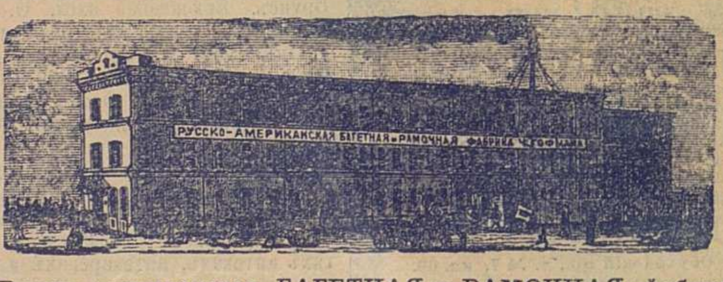
ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

фай-франсэ, мервелье, сюра, крепъ де-шинъ, канаусъ, атласъ во всѣхъ цвѣтахъ, бархатъ гладкій и фасонэ; Русскихъ и Ліонскихъ фабрикъ легкія ткани для бальныхъ платьевъ.

МАТЕРІИ ДЛЯ ПОКРЫШКИ ШУБЪ и ПАЛЬТО:

шелковый плюшъ, бархатъ фасонэ и гладкій, сатинъ дамасе, гератъ-трикотинъ, дюшесъ-гренадинъ и граделендръ, англійскій плюшъ высокій сортъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ
магазинъ
А. В. ТАРАТИНА,
бывшій **ШАПКИНА.** **№ 110.**
№ 205


РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская **БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ** фабрики
Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—4).

Нумеръ восьмой «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: изъ 2-хъ листовъ текста и Обертки. При немъ разсылается гг. иногороднимъ подписчикамъ (исключая Москвы) объявленіе „Спб. Издательскаго Товарищества".

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 17-го февраля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 9
28 ФЕВРАЛЯ
1888.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Промышленность, технологія и торговля.

Барда составляетъ видную статью въ хозяйствѣ винокуренныхъ заводовъ и находитъ себѣ широкое примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ какъ употребляется для откармливанія скота, но сбытъ ея, какъ продукта жидкаго, естественно ограничивается ближайшимъ сосѣдствомъ завода, да и то вызываетъ немало расходовъ и хлопотъ. Поэтому попытки высушивать барду,—обращать ее въ твердое состояніе, сдѣланныя въ Баваріи, получаютъ большой интересъ и для Россіи; опыты производились съ помощью аппарата Клаупига, состоящаго изъ трехъ желѣзныхъ котловъ, которые частью вмазаны въ печь и соединены между собою; первый котелъ, въ который притекаетъ барда, подвергается дѣйствію огня на всей цилиндрической поверхности; затѣмъ барда перегоняется во второй котелъ, окруженный, какъ и третій, паровыми рубашками; барда мѣшается все время при помощи особаго прибора Въ теченіи сутокъ было высушено 23,000 литровъ жидкой барды; истрачено 800 килограмовъ каменнаго угля; машина для бардоосушительнаго прибора Клаупига требуется 4—5 силъ: ручная работа одного человѣка. Въ средней полосѣ Россіи новое изобрѣтеніе несомнѣнно получитъ самое широкое примѣненіе въ виду недостаточности кормовъ и необходимости содержать много скота для удобренія долей.—Въ Эдинбургѣ есть тоннель, по которому желѣзнодорожные поѣзда не ходятъ уже давно. Его вздумали утилизовать для культуры шампиньоновъ, потому что онъ почти совсѣмъ не освѣщенъ, и температура тамъ почти всегда одинакова. Образовавшаяся компанія устроила тамъ гряды и засадила ихъ шампиньонами. Добытые результаты оказались столь удовлетворительными, что рѣшено засадить шампиньонами весь тоннель, имѣющій километръ въ длину и восемь метровъ въ ширину. —Помѣщенная въ «Economiste Français» статья депутата Лаланда, подъ заглавіемъ: «Потери Франціи отъ филоксеры», не лишена интереса и для насъ: филоксера—больной вопросъ для нашего юга, и въ то же время постоянное ухудшеніе французскаго винодѣлія, какъ извѣстно, дало толчекъ развитію винодѣлія на Кавказѣ, въ Крыму, Бессарабіи и др. мѣстахъ Россіи. На основаніи отчета, представленнаго французской филоксерной коммиссіи, площадь совершенно уничтоженныхъ виноградниковъ достигала въ началѣ 1885 г. слишкомъ милліона гектаровъ. Это еще не все: кромѣ уничтоженныхъ были еще зараженные больные (vignes malades), цифра которыхъ опредѣляотся департаментомъ земледѣлія въ 664,500 гектаровъ. Если принять послѣднюю категорію виноградниковъ, дающихъ виноградъ плохого качества и въ маломъ количествѣ за эквивалентъ 200 тысячъ уничтоженныхъ гектаровъ (въ дѣйствительности 660 тысячъ зараженныхъ виноградниковъ даютъ гораздо меньше 440 т. не зараженныхъ), то потеря Франціи отъ филоксеры выразится въ суммѣ 1.200,000 гектаровъ. Это—половина всѣхъ виноградниковъ Франціи. Если остановиться только на капитализаціи чистаго дохода, то, при существующей цѣнѣ гектара виноградника—5,000 фр. въ среднемъ—потеря Франціи опредѣлится въ 6.000,000,000 франк. Изъ этой суммы надо вычесть около 1.000,000,000 фр., представляющихъ нормальную стоимость земли послѣ опустошенія, и мы получимъ цифру въ 5 милліардовъ, составляющую потерю Франціи отъ филоксеры за послѣднія 10 лѣтъ, т. е. то, что стоило ей прусская контрибуція. При этомъ, впрочемъ, нужно принять во вниманіе не только чистый, но и валовой доходъ отъ производства: для собственника можетъ быть безразлично, будетъ-ли данное производство или данный участокъ земли давать заработокъ населенію, увеличивать обороты желѣзныхъ дорогъ и т. п., но это не безразлично для государства.

Этнографія, естествознанія, путешествія и пр.

Микрографія заняла такое мѣсто въ современной наукѣ, что вызвала появленіе втораго изданія прекраснаго руководства по этой отрасли знанія «Guide pratique pour les Travaux de micrographie», соч. Борегара, французскаго ученаго; во второмъ изданіи, дополненномъ, можно найдти всѣ новѣйшія научныя свѣдѣнія объ опредѣленіи, уходѣ и сохраненіи микроорганизмовъ.—Всякое новое свѣдѣніе о нашихъ окраинахъ и о прилегающихъ къ нимъ сосѣднихъ странахъ представляютъ для насъ большой интересъ, тѣмъ болѣе, когда эти свѣдѣнія сообщаются лицомъ, всю жизнь проведшимъ на мѣ- по своему положенію, имѣщимъ возможность прекрасно знать мѣстныя условія. Въ географическомъ обществѣ Я. Ѳ. Барабашемъ (забайкальскимъ губернатотором) былъ сдѣланъ весьма любопытный докладъ о Манчжуріи: наша близкая сосѣдка въ Азіи, имѣющая много сходныхъ чертъ съ нашимъ Южно-Уссурійскимъ краемъ, находится въ настоящее время въ особенно интересномъ переходномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что въ эту страну усиленно идетъ переселеніе изъ Китая; неудержимымъ потокомъ стремится въ нее значительное количество китайскихъ выходцевъ. Выходцы эти, правда, часто народъ ненадежный; сюда эмигрируютъ, напримѣръ, преступники или люди, прожившіеся и прокутившіеся въ Китаѣ. Они идутъ въ Манчжурію, имѣя въ виду занятія охотою и промыслами, и давно уже стали группироваться тамъ въ отдѣльныя артели. Вообще говоря, заселеніе Манчжуріи совершается самымъ очевиднымъ образомъ и дѣлается фактомъ первостепеннаго значенія. Можетъ быть уже не совсѣмъ далеко то время, когда Манчжурія переполнится населеніемъ подобно внутреннему Китаю. Въ настоящее время, впрочемъ, въ Манчжуріи встрѣчается еще не малое количество пустыхъ земель; всего она можетъ вмѣстить въ себѣ 60—70 милліоновъ жителей, теперь же въ двухъ только сѣверныхъ провинціяхъ Манчжуріи не менѣе 8 милліоновъ населенія (а въ общемъ до 20 милліоновъ жителей). При существующемъ положеніи дѣла и въ виду усиленнаго переселенія въ Манчжурію невольно возникаетъ вопросъ: какое значеніе имѣютъ подобныя явленія для насъ. Г. Барабашъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ. Если взять въ расчетъ русскіе торговопромышленные интересы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что фактъ стремительнаго заселенія Манчжуріи долженъ отозваться на насъ самымъ благопріятнымъ образомъ, и съ успѣхами заселенія Манчжуріи, особенно нашей пограничной полосы, связано оживленіе торговли и большія выгоды. Г. Барабашъ два раза ѣздилъ въ Манчжурію, посѣтилъ многія доселѣ не изслѣдованныя мѣсности, снялъ на планъ до 900 верстъ—опредѣлилъ высоты горныхъ хребтовъ и проч., причемъ второе путешествіе было совершенно имъ черезъ десять лѣтъ послѣ перваго. Одна небольшая, но крайне характерная подробность: Г. Барабашъ указываетъ на тотъ фактъ, что юркіе и предпріимчивые англичане, видимо, стремятся проникнуть и въ эту оживающую страну. Англійскіе миссіонеры то и дѣло «трутся» въ Манчжуріи.—На восточномъ берегу Индіи, въ Бенгальскомъ заливѣ, лежитъ принадлежащій къ территоріи Тепассерима архипелагъ Мерги, состоящій изъ 220 острововъ. Около пятнадцати острововъ имѣютъ довольно значительное протяженіе; такъ, одинъ изъ нихъ, называемый Кингсъ - Айлендъ, имѣетъ въ длину 40 километровъ при 12 килом. ширины. Высокія горы пересѣкаютъ этотъ островъ, покрытый лѣсами, въ иныхъ мѣстахъ непроходимыми. Населеніе этого острова состоитъ изъ рыбаковъ, число которыхъ не превышаетъ 1,000. Змѣи, тигры, медвѣди, носороги и обезьяны въ изобиліи водятся на этомъ едва обитаемомъ островѣ. Между обезьянами встрѣчается особый родъ, отличающійся пристрастіемъ къ устрицамъ. Окружающія островъ скалы густо покрываются во время морскаго прилива вкусными устрицами, и какъ только окончится отливъ, цѣлыя стада обезьянъ спускаются съ горъ на берегъ и тутъ начинается пиръ. Обезьяны снимаютъ устрицы со скалъ, переносятъ ихъ на берегъ, разбиваютъ ихъ твердую раковину камнями и проглатываютъ ихъ содержимое. Бывшій очевидцемъ этого зрѣлища, сотрудникъ одного англійскаго научнаго журнала, сдѣлалъ интересное замѣчаніе, что обезьяны для разбиванія устричныхъ раковинъ пользуются не всякимъ камнемъ, какой попадается имъ подъ руку, а выбираютъ наиболѣе удобный для этой цѣли и, что всего удивительнѣе—онѣ не ищутъ такихъ камней на берегу, а приносятъ ихъ съ собою съ горъ.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Политика въ медицинѣ. Продолжительная мучительная болѣзнь германскаго наслѣднаго принца приковала къ себѣ вниманіе всѣхъ европейскихъ свѣтилъ по части медицины. Національность больного естественно отдавала нѣмецкимъ врачамъ преимущественное право на его леченіе; только англійскому доктору Макензи удалось замѣнить ихъ у постели больного, да и то когда надежды на выздоровленіе кронпринца сдѣлались достояніемъ лишь его близкихъ. Не смотря на страданія, претерпѣваемыя высокимъ больнымъ, газеты не стѣснялись открыто обсуждать и порицать распоряженія лечащихъ его докторовъ и прописываемыя имъ средства; къ числу такихъ нападокъ любопытно отнести сѣтованіе «Paris» на неприглашеніе къ кронпринцу французскихъ докторовъ, которые несомнѣнно помогли бы ему; устраненіе послѣднихъ приписывается политическимъ соображеніямъ и проискамъ Бисмарка, не желающаго дать Франціи хоть какой-нибудь перевѣсъ надъ своимъ фатерландомъ; между тѣмъ среди французскихъ врачей, особенно изъ южанъ, нашлись бы люди, готовые взяться за это трудное леченіе. Не даромъ одинъ юный гасконецъ на экзаменѣ съ бойкостью отвѣтилъ на вопросъ о притокахъ Жиронды: «Гаронна, Дордона и океанъ»

Выносливость лошади. На истекшей недѣли въ С.-Петербургѣ происходило частное состязаніе на тройкахъ на призъ изъ серебряной вещи въ 450 рублей; каждая тройка, кромѣ кучера, имѣла по шести сѣдоковъ,—иподромомъ служило шоссе между городомъ и Озерками всего 18 верстъ. Первая тройка (г. Александрова) прошла эту дистанцію въ 17 минутъ; вторая — 22 минуты, третья—27 минутъ. На обратномъ пути тройка г. Александрова прошла то же разстояніе въ 20 минутъ.

Американскіе курьезы. Къ оригинальному средству наказанія за сплетни и клеветы обращаются иногда американцы: въ Пенсильваніи, въ г. Фредонія, жила одна особа, вдовушка среднихъ лѣтъ, которой доставляло жгучее наслажденіе вносить разладъ въ семьи знакомыхъ и даже незнакомыхъ людей. Кодлеръ, такъ звали вдовушку, въ теченіи полугода разлучила нѣсколько супружескихъ паръ и развела нѣсколько невѣстъ съ женихами. Пострадавшіе рѣшились отмстить. Поздно вечеромъ въ квартиру Кодлеръ позвонили. Ничего не подозрѣвая, вдовушка, жившая совершенно одна, отворила дверь; вошло человѣкъ пятнадцать мужчинъ, принадлежащихъ къ хорошему кругу, и нѣсколько женщинъ изъ числа пострадавшихъ отъ языка Кодлеръ. Послѣ краткой борьбы, женщины увели вдовушку въ другую комнату и, обмазавъ ее смолою, обсыпали пухомъ и перьями. Въ такомъ видѣ несчастную клеветницу рѣшено было провезти по всѣмъ улицамъ города, и только просьбы самихъ пострадавшихъ заставили мстителей не приводить въ исполненіе жестокаго плана. Кодлеръ осталась дома, со связанными руками и ногами, покрытая цѣлою корою пуха, и въ такомъ видѣ должна была принимать разныхъ барынь, нарочно заѣзжавшихъ взглянуть на казнь ненавистной сплетницы. Едва оправившись, Кодлеръ рѣшилась покинуть Пенсильванію, гдѣ ея остроуміе и изобрѣтательность не съумѣли оцѣнить по достоинству, или, вѣрнѣе, оцѣнили такъ жестоко...—Президентъ нью-іоркскаго общества предохраненія дѣтей отъ жестокаго обращенія предложилъ отъ имени одного американскаго милліонера отцу 11-ти-лѣтняго виртуоза Іосифа Гофмана на образованіе его 50 тыс. долларовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Гофманъ, пожинающій теперь лавры въ Америкѣ, прекратилъ утомительные для него концерты. Отецъ отвѣтилъ, что онъ согласится на предложеніе за 100 тыс. Концерты малолѣтняго осаждаются публикой, хотя Гофманъ по контракту уже исполнилъ свои обязательства относительно своего импрессаріо.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Заграничныя встрѣчи съ соотечественниками, очерки *Вл. Михневича*.—Стихотвореніе, *В. Страховича*. — Раскольничій учитель (окочаніе), *Н. И. Шулыгина*.—Тигрица, романъ (окончаніе), *Д. Верга*, переводъ *В. Крестовскаго* (псевдонимъ).—Русская масляница минувшихъ столѣтій, историческій очеркъ *М. М. Лисицына*.—Наблюденія и размышленія (фельетонные замѣтки и очерки). *Х*.—Журналистика, *П. Скромнаго*.—Внутреннее обозрѣніе.—Политическое обозрѣніе.—Книжное дѣло, музыка, научныя новости, живопись и пр.—Къ рисункамъ.

Рисунки: На масляницѣ къ балаганамъ, по наброску *А. Петровича*.—Послѣднія усилія зимы, рисунокъ *Ст. Рейхяна*. — Султанъ Туранщахъ беретъ въ плѣнъ Людовика святого, изъ исторіи крестоносцевъ. — Электрическій экипажъ. — Шутъ за прялкой, съ картины *Германа Каульбаха*.—Роковой поцѣлуй. — Драма «Власть тьмы» графа *Л. Н. Толстого*. на сценѣ «Théâtre libre» въ Парижѣ.

На оберткѣ: Промышленность, технологія и торговля. — Этнографія, естествознаніе, путешествія и пр.—Мелкія извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

PANNEMAKER
ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА

28-го Февраля, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою **8 р.** Безъ доставки въ Спб.: **за годъ 6 р. 60 к.** Въ Москвѣ **безъ доставки** на годъ **7** руб. съ преміею (книжный магазинъ **И. Ф. Папкова**, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ №1 со всѣми приложеніями. За пересылку **преміи** цѣнною посылкою **рубль.**

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р., къ 1-му іюня **2** р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 9

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—**25** копѣекъ.

На отвѣты прилагаются **двѣ** 7-ми копѣечныя марки.

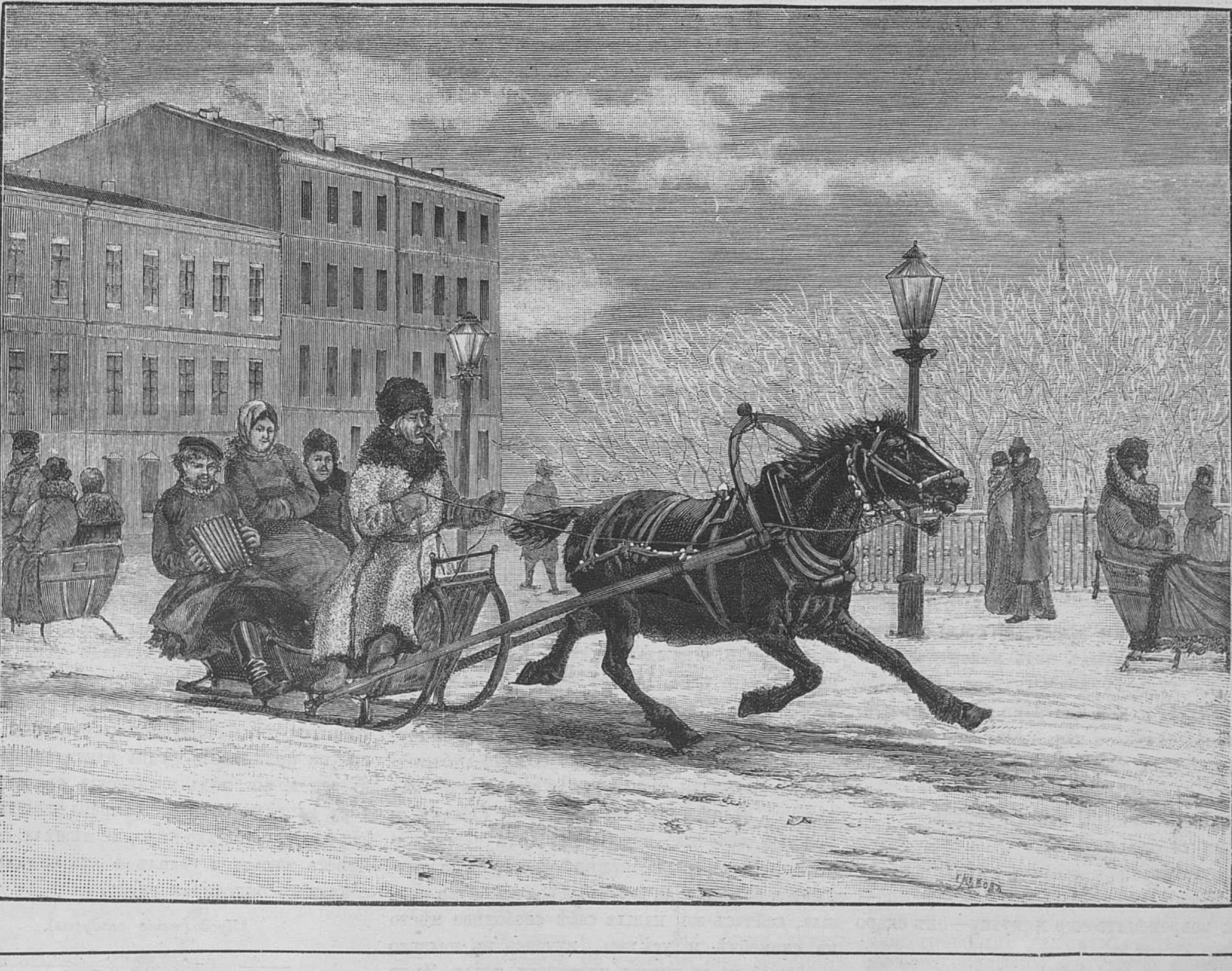
Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

(По наброску А. Петровича).



На масляницѣ къ балаганамъ.

Гравировалъ на деревѣ Е. Львовъ въ Спб.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ВСТРѢЧИ СЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ.

Очерки **Вл. Михневича.**

Это было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Отправившись за-границу, я твердо положилъ себѣ не только не искать, но всячески избѣгать встрѣчъ съ соотечественниками. Отчасти цѣль моей поѣздки въ томъ и состояла, что я отъ нихъ именно хотѣлъ на время уединиться и отдохнуть; но по справкѣ это оказалось вещью невозможной. Милыхъ компатріотовъ скитается нынче на чужбинѣ такое множество, что волей-неволей приходится съ ними сталкиваться почти повсемѣстно. Нѣкоторыя изъ моихъ встрѣчъ были настолько характерны и курьезны, что о нихъ стоитъ разсказать.

I.

Въ Берлинѣ я случайно сблизился съ однимъ путешествующимъ веймарнскимъ нѣмцемъ, премилымъ молодымъ человѣкомъ, который бывалъ когда-то въ Россіи, полюбилъ — ужь не знаю, право, за что — нашу родину и очень обрадовался знакомству со мною, какъ съ русскимъ. Съ своей стороны я ему былъ обязанъ многими полезными указаніями и многими пріятными минутами и, между прочимъ, онъ несказанно забавлялъ меня наивными опытами въ бесѣдахъ со мною «припомнить», какъ онъ выражался, «славный» и «сильный» русскій языкъ, котораго, впрочемъ, добрякъ никогда не зналъ. Къ слову, на такіе-же опыты, свидѣтельствовавшіе, что нами и нашимъ языкомъ очень интересуются нынче на западѣ, наталкивался я не разъ. Нѣсколько позже въ Парижѣ одинъ американецъ, тоже побывавшій въ Россіи, мой сосѣдъ по табльдоту въ гостинницѣ, подобнымъже образомъ, въ разговорѣ со мною, сталъ «припоминать» нашъ краснорѣчивый языкъ. Лексиконъ его былъ еще бѣднѣе, чѣмъ у моего веймарнца, но за то состоялъ изъ отборныхъ русскихъ крѣпкихъ словъ и реченій. Чудакъ не зналъ ихъ смысла и громко, съ апломбомъ произносилъ ихъ, видимо щеголяя своимъ лингвистическимъ пріобрѣтеніемъ. У какой бестіи выучился онъ этому «русскому языку»—не знаю.

Такъ вотъ однажды утромъ, странствуя съ моимъ скоропостижнымъ пріятелемъ-нѣмцемъ по Берлину, зашелъ я съ нимъ въ небольшую банкирскую контору, гдѣ, по его указанію, мнѣ могли размѣнять русскіе рубли на прусскія марки.

— Съ удовольствіемъ, — отозвался хозяинъ конторы, выслушавъ мое требованіе; — но потрудитесь, господа, немножко обождать,—прибавилъ онъ и скрылся въ заднюю дверь своего помѣщенія.

Хорошо. Стали мы ждать. Прошла минута, другая, третья,—цѣлыхъ пять наконецъ, а хозяинъ и не думаетъ показываться. Насъ это афраппировало, и мой чичероне сталъ спрашивать конторщиковъ — что, молъ, это значитъ! Тѣ улыбаются, а старшій изъ нихъ серьозно отвѣчаетъ:

— Хозяинъ, господа, занятъ теперь.

— Чѣмъ-же онъ занятъ?

— Онъ брѣется.

— Брѣется?!

— Да; повремените еще минутку—онъ скоро кончитъ.

Признаюсь, это меня и разсмѣшило, и взорвало. Моя коммиссія была пустая, на маленькую сумму, ее можно было кончить въ мигъ и уже потомъ, казалось-бы, идти бриться.

— Ну, — говорю я моему пріятелю по-русски, — хотя этотъ господинъ банкиръ, видно, очень чистоплотенъ и пунктуаленъ въ своемъ туалетѣ, а все-же онъ порядочный свинтусъ!

— Совѣтовалъ-бы вамъ быть воздержаннѣе въ выраженіяхъ! — отвѣчаетъ мнѣ вдругъ чистымъ русскимъ языкомъ старшій конторщикъ съ серьознымъ лицомъ.

Понятно, для меня это было крайне неожиданно и на минутку я оторопѣлъ.

— Вы русскій?—спрашиваю его.

— Нѣтъ! — сухо и рѣзко возразилъ онъ по-русски-же:—но я знаю русскихъ, знаю, что они любятъ, чтобы торговцы передъ ними лакействовали, раболѣпствовали... Ну, а здѣсь это не такъ, здѣсь купецъ — не лакей! У нашего хозяина свой часъ для бритья, къ нему приходитъ цирюльникъ, и — онъ не станетъ для васъ мѣнять свой порядокъ и свои привычки!

Все это было высказано такимъ заносчивымъ, враждебно-вызывающимъ тономъ, что и во мнѣ невольно зашевелилось недоброе чувство.

— Вашего хозяина,—сказалъ я,—никто не понуждалъ ни лакействовать, ни измѣнять своихъ привычекъ; но, если ему пришла охота заняться бритьемъ, то онъ могъ отказать мнѣ въ моей коммиссіи, а не заставлять напрасно ждать себя, потому что, надѣюсь, и кліенты тоже не лакеи. И если вашъ хозяинъ этого не сдѣлалъ, то—я опять повторю—поступилъ онъ по-свински. Можете ему передать это отъ меня, а если онъ вздумаетъ обидѣться, то — вотъ моя карточка... Я къ его услугамъ!

Пока я вынималъ и передавалъ мою карточку, мой милый веймарнецъ, съ своей стороны, уже по-нѣмецки отчиталъ должнымъ образомъ неделикатность обхожденія съ нами хозяина конторы. Когда мы вышли, я его спрашиваю:

— Не знаете-ли, кто такой этотъ конторщикъ? Онъ отлично говоритъ по-русски.

— Не знаю,—отвѣчаетъ,—но только теперь въ Берлинѣ—я знаю—очень многіе нѣмцы владѣютъ русскимъ языкомъ.

— Не такъ-ли, какъ и вы, мой добрый другъ?—хотѣлъ было я его спросить.

Таковъ былъ первый, непредусмотрѣнный случай у меня разговора на родномъ языкѣ за границей. Разсказанное маленькое непріятное столкновеніе не имѣло никакихъ послѣдствій и поспорившаго со мной по-русски конторщика я больше не встрѣчалъ.

II.

При отъѣздѣ изъ Берлина я забрался на желѣзнодорожный вокзалъ немного раньше, чѣмъ нужно было. Пришлось ждать. Было около девяти часовъ утра. Вскорѣ къ кучкѣ пассажировъ, какъ и я, ждавшихъ на платформѣ нужныхъ имъ поѣздовъ, подошли двѣ фигуры, тотчасъ-же ставшія предметомъ общаго любопытства: — пожилая, растерянная и растрепанная дама съ бѣгающими, безпокойными глазами, и при ней дѣвочка—подростокъ лѣтъ четырнадцати, долговязый, небрежно одѣтый, съ апатичнымъ и соннымъ личикомъ. Дѣвочка, чуть пришла, сейчасъ-же нашла себѣ свободное мѣсто на скамейкѣ и усѣлась, кутаясь въ неловко висѣвшій на ея узкихъ плечикахъ плэдъ. За то дама, чѣмъ-то видно озабоченная, суетливо вертѣлась во всѣ стороны.

— Гдѣ тутъ начальникъ станціи? гдѣ начальникъ станціи?—громко спрашивала она по-нѣмецки, ни къ кому не обращаясь, но явно недовольная, что на ея вопросъ никто не прислуживался отвѣтами и указаніями.

На платформѣ показался помощникъ начальника станціи. Дама стремительно бросилась къ нему.

— Скоро идетъ поѣздъ въ Петербургъ? — спросила она его.

Тотъ взглянулъ на громадный циферблатъ станціонныхъ часовъ и отчеканилъ съ нѣмецкой пунктуальностью:

— Черезъ девять съ четвертью минутъ!

— Ахъ, Боже мой!—всплеснула руками дама. — Значитъ, мы не поспѣемъ... Нашего багажа до сихъ поръ не привезли изъ гостинницы,—можете себѣ представить!

— Это ваше дѣло!—холодно сказалъ желѣзнодорожный чинъ и уклонился отъ дальнѣйшаго разговора.

Дама съ совершеннымъ отчаяніемъ въ физіономіи подошла къ дѣвочкѣ и заговорила съ нею по-русски.

— Слышала, Киса?—сказала она.—Поѣздъ сейчасъ уйдетъ, а нашего багажа нѣтъ... Придется намъ съ тобою остаться, а съ чѣмъ? У насъ не осталось ни копѣйки лишней.

Киса не отвѣтила ни слова; она философически ковыряла себѣ пальчикомъ въ носу и оставалась, повидимому, совершенно равнодушной къ постигшему ихъ злоключенію,

— Что-же ты молчишь?—упрекнула ее мать (разумѣется, это была мать и дочь) и вдругъ перемѣнила мысли, теперь только замѣтивъ, что на нихъ всѣ посматриваютъ съ любопытствомъ и усмѣшкой.—Да ты, чай, не мылась сегодня!—ужаснулась она. — Фу, неряха! Неужели тебѣ самой не гадко, что ты такая грязная?—Смотри, вѣдь на тебя чуть пальцами не тыкаютъ, какъ на чучело!

Дѣвочка и на эти укоры ничего не сказала и ни одной черточкой не измѣнила своей сонливой безчувственности.

— Ну, а вы тутъ чего не видѣли?—накинулась дама на сосѣдей, брюзгливо на нихъ поглядывая.—Образованные народы называетесь и нахально таращите свои дурацкіе буркулы на ребенка. Что вамъ ребенокъ сдѣлалъ? Что онъ не помылся, такъ вамъ какая нужда? У-у, ироды!

Она выражалась такъ непринужденно, въ увѣренности, конечно, что никто по-русски не разумѣетъ, и ей доставляло, очевидно, особенное удовольствіе сознаніе, что она, вотъ, можетъ, какъ хочетъ, громко, въ глаза «образованнымъ народамъ», бранить ихъ совершенно безнаказанно.

Какой-то бѣсъ подстрекалъ меня обезкуражить безцеремонную и сердитую соотечественницу предостереженіемъ, что тутъ могутъ находиться лица, знающія по-русски и которыя могутъ принять ея брань близко къ сердцу, но въ это время подъ гигантскіе своды дебаркадера влетѣлъ поѣздъ, отправлявшійся по моему маршруту. Надо было, не мѣшкая, садиться. Черезъ минуту я уѣхалъ и ужь не знаю—чѣмъ кончилась описанная сцена.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Посмотри, дитя, на море...
Грозной силою полно,
Шлетъ рокочущія волны
Въ даль безбрежную оно.
Величавые гиганты
Подъ туманной пеленой,
Къ морю грозному столпились
Скалы тѣсною семьей...
И, склонивъ сѣдыя кудри,
Въ чуткій сонъ погружены,
Беззаботно отдыхаютъ
Подъ ворчливый плескъ волны...
Посмотри, дитя, на небо...
Надъ равниной бурныхъ водъ
Свѣтлой дымкой развернулся
Безпредѣльный небосводъ...
И сквозитъ хрустальной влагой.
И трепещетъ, какъ живой,
И чаруетъ, и ласкаетъ
Полной нѣги синевой...
Посмотри, дитя: зеркальный,
Безпредѣльный небосводъ
Беззавѣтно погрузился
Въ глубину угрюмыхъ водъ...
И слились въ одномъ блаженствѣ
Властелинъ могучихъ бурь
И, свѣтла, какъ свѣтлый ангелъ,
Неба знойнаго лазурь.

В. Страховичъ.

РАСКОЛЬНИЧІЙ УЧИТЕЛЬ.

Изъ забытыхъ исторій. **Н. И. Шульгина.**

(*Окончаніе*).

Глава IX.

Марфа бѣгомъ возвращалась домой послѣ извѣстнаго уже читателю разговора съ Кузьмою. Убѣдившись изъ хитрыхъ рѣчей учителя, что само Провидѣніе указало Палашу, какъ помощницу для проповѣдыванія ихъ вѣры, Марфа летѣла домой, чтобы поскорѣе объявить дочери объ ожидающемъ ее счастіи. «То-то обрадуется дѣвка», говорила она. Но придя домой, она испугалась. Палаша сидѣла пригорюнившись надъ книгой, которую вовсе не читала. Красные заплаканные глаза, грустный, утомленный видъ, блѣдность, худоба, — видно не безсонная ночь, а тяжкое горе такъ измѣнили ея милую дочку.

— Что съ тобой, дитя мое милое, что ты такая скучная, о чемъ горюешь?

— Такъ, маменька, сама не знаю. Что-то скучно. Поплакала, легче стало.

— Ты-бы почаще молилась, дочка. Горе какъ рукой сниметъ.

— Я молюсь, мать, часто молюсь. Святыя книги — мое лучшее утѣшеніе. Почитаю ихъ и такъ чудно легко дѣлается на сердцѣ. Хочется уйдти, далеко, туда, къ бѣднымъ темнымъ людямъ, къ блуждающимъ во мракѣ грѣха язычникамъ и ихъ научить святой вѣрѣ Божіей.

Марфа набожно перекрестилась.

— Слушай, дочка, какое счастіе посылаетъ тебѣ самъ Господь. Учитель, Кузьма Петровичъ, размышляя о насъ, грѣшныхъ, своей паствѣ, просилъ Бога, да вразумитъ онъ его неумѣлаго. Господь внялъ мольбамъ своего вѣрнаго слуги и послышался голосъ съ неба: «сперва будутъ великія испытанія и горести; многіе вѣрные отторгнутся отъ церкви; но затѣмъ наступятъ лучшія времена. Изберешь ты, Кузьма, себѣ помощницу и нойдете вы оба проповѣдывать, и увѣнчается ваша проповѣдь успѣхомъ; приведете вы къ истинной вѣрѣ тьмы темъ неразумныхъ людей». Учитель спросилъ: «кого-же избрать на такое святое дѣло?» И услышалъ онъ опять: «возьми себѣ Пелагею, марфину дочь!...» Вотъ, дочка, какую милость посылаетъ тебѣ Господь!

Палаша съ большимъ волненіемъ слушала разсказъ матери: и вѣрила она, и не вѣрила. То казалось ей, какъ и ея матери, что Кузьма не могъ выдумать, что дѣйствительно ему было видѣніе; то представлялось ей, что онъ мошенникъ, и выдумалъ всю эту штуку единственно съ цѣлію насытить свое сластолюбіе. Нѣсколько секундъ она собиралась съ отвѣтомъ, наконецъ проговорила, истерически рыдая:

— Не бывать этому! Вретъ Кузьма! Захотѣлось ему моей погибели, онъ хочетъ надругаться надо мною. Но этого не будетъ. Лучше утоплюсь, убѣгу куда-нибудь, а наложницей проклятаго учителя не буду.

— Дитя мое неразумное, что говоришь ты! Кого клянешь? Бросаешь хулу въ избранника Господня. Какой грѣхъ тяжкій ты берешь на душу. Говорила тебѣ, не зачитывайся книгъ; отъ нихъ закружилась твоя голова. Ты должна знать и вѣрить, что не то правда, что говорится въ писаніяхъ, а то, чему учитъ насъ самъ Господь чрезъ нашихъ учителей. Писанія дѣлали люди, а устами Кузьмы говоритъ Богъ.

— Нѣтъ, никогда не повѣрю, чтобы такова была воля Господня! Кузьма опуталъ всѣхъ васъ. Онъ обманщикъ!

— О, бѣдное дитя мое, грѣшишь ты, крѣпко грѣшишь. Слушай и узнаешь, что Кузьма не обманщикъ. Наши въ Благодатномъ и Терехинѣ отступились отъ правой вѣры. Никто о томъ не зналъ до сегодняшняго дня, а учителю уже было о томъ видѣніе. Сегодня пріѣхалъ Петръ, а учитель встрѣтилъ его словами: «съ недобрыми вѣстями пріѣхалъ, знаю, не разсказывай, мнѣ уже повѣдано о томъ». И разсказалъ о видѣніи.

— Мало-ли что онъ разсказываетъ. Не вѣрьте, узналъ какъ-нибудь стороной.

— Что ты, сама слышала, при мнѣ говорилъ съ Петромъ.

Марфа въ экзальтаціи не замѣчала, что говоритъ ложь; свиданіе съ Петромъ было вовсе не при ней. Можетъ быть, она сама уже признавала эту ложь за истину, ей казалось, что дѣйствительно Кузьма при ней сообщалъ подробности своей бесѣды съ небеснымъ голосомъ. Очень часто случается, что лжецъ, прежде всѣхъ другихъ, признаетъ выдуманную имъ ложь за чистую истину.

Палаша была озадачена словами матери; но сомнѣніе все еще не оставляло ее. Она придвинулась къ матери и, обнявъ ее, сказала:

— Что же мнѣ дѣлать, матушка? Не вѣрится, а, видно, нужно повѣрить.

Еще крѣпче прижалась она къ матери и обѣ плакали.

— Палаша, голубушка, не грѣши. Иди туда, куда тебѣ назначено. Посмотри, какъ благъ Господь: ты спишь и видишь—какъ бы служить ему, проповѣдуя темнымъ людямъ божье слово,—онъ услышалъ твое моленіе и посылаетъ тебѣ опору. Гдѣ тебѣ, неразумной еще отроковицѣ, снести на себѣ всю тяжесть великаго дѣла! Въ Кузьмѣ ты найдешь все, чего тебѣ не достаетъ. Онъ мужчина, силенъ, опытенъ и много ученъ. Рѣшайся скорѣй, не гнѣви Господа.

Палаша молчитъ.

— Что же ты молчишь, скажи что нибудь.

— Нѣтъ, недостойна я идти на такое святое дѣло. Ты не знаешь мать, что я сдѣлала: я люблю Якова.

— Вотъ наказаніе за твою гордыню! Любишь Якова! Знать тебя не хочу, уйди съ глазъ моихъ.

— Онъ хочетъ на мнѣ жениться.

— Жениться! Съ ума ты сошла! Пойдешь за еретика. Вѣдь это смертный грѣхъ; тогда и я тебя прокляну, и всѣ наши проклянутъ отступницу. Вѣрно ты уже оставила свою вѣру? Но ты сама себя обманываешь,—ты наша, иначе Господь не указалъ бы на тебя.

Водворилось молчаніе. Его прервала Марфа, нѣжно обнявшая дочь.

— Милая моя, сказала она, брось думать объ Яковѣ. Пойди къ учителю; онъ наставитъ тебя во благо.

— Къ Кузьмѣ — ни за что. Я не могу видѣть этого человѣка; онъ мнѣ противенъ. Я лучше убѣгу куда нибудь.

— Не дѣлай этого, милая Палаша; въ тебѣ говоритъ гордость. За что можешь ты не любить Кузьму, что онъ тебѣ сдѣлалъ? Не любить кого бы то ни было—грѣхъ большой, а не любить учителя—двойной грѣхъ!

— Знаю. Да что же мнѣ дѣлать, если мое сердце не лежитъ къ этому человѣку.

— Подумай, дочка, подумай хорошенько, да помолись. А я пойду пока по дѣлу.

— Правъ Кузьма, или обманщикъ? думаетъ Палаша, оставшись одна. Не вѣрю я его святости. А если правъ, тогда грѣхъ-то какой!.. А Яковъ! Что съ нимъ будетъ, бѣднягой? Знаю, любить его—великій грѣхъ, выйдти за него замужъ—еще большій... Кузьма тоже хочетъ, чтобы я сдѣлалась его наложницей. Неужели нужна такая жертва съ моей стороны?.. Я хочу служить единому Господу, и буду. Убѣгу отсюда, поищу настоящаго наставника, который вразумитъ меня... Но я обѣщала видѣться съ Яковомъ на будущей недѣлѣ. Приходится обмануть его, но Богъ проститъ мнѣ этотъ грѣхъ... Какъ будетъ скучать маменька! Нѣтъ, она не будетъ скучать, она проклянетъ меня. Но все же прощай, не поминай лихомъ. Жалко мнѣ ее, да что дѣлать: Богъ выше матери, выше отца... Рѣшено,—уйду отсюда, уйду сейчасъ!

Глава X.

Чрезъ три дня въ знакомомъ намъ кабинетѣ учителя сидѣли Кузьма и Марфа. Лица обоихъ выражали нѣкоторое безпокойство.

— Да, Кузьма Петровичъ, ушла; куда—невѣдомо, говорила Марфа. Пыталась я развѣдать про нее, но ничего не узнала вѣрнаго. Была у Аксиньи, моей свояченицы, тамъ Палаша не бывала. Вывѣдывала стороной, не ушла-ли къ Яшкѣ,—я говорила тебѣ, что она призналась въ любви къ этому, прости Господи, еретику,—тамъ ее нѣтъ. Яшка-то, слышъ, какъ узналъ, что Палаша пропала, ревмя реветъ, говоритъ: я этому Кузьмѣ окаянному бока протру; его, говоритъ, это штуки; спряталъ куда нибудь дѣвку и разсказываетъ сказки: ушла, дескать, и слѣдъ простылъ. Архипка рыжій видалъ ее третьяго дни въ лепехинскомъ лѣсу; идетъ, говоритъ, по дорогѣ; я къ ней: куда молъ, Палашка, идешь. А она: помолись, говоритъ, дядюшка, за меня Богу, иду, говоритъ, по учителя;—да и была такова. Что дѣлать Кузьма Петровичъ?—Научи.

Марфа, рыдая, поцѣловала у него руку.

— Полно ревѣть-то, ревомъ ничего не возьмешь. Что дѣлать?—Надо подать заявку, какъ о бѣглой, поклониться становому чѣмъ слѣдуетъ по положенію, чтобы не тянулъ нашихъ къ слѣдствію, а то могутъ и ни вѣсть что выдумать, потомъ ничѣмъ не откупишься.

— А все жаль мнѣ, Кузьма Петровичъ, своего дѣтища; одна она у меня была, одинешенька. Некого мнѣ теперь голубить, некому обо мнѣ позаботиться.

— Пошла разводить свое. Чего жалѣть отступницу. Пошла чай въ городъ, повинную понесла, и тамъ пойдетъ разсказывать про насъ разныя небылицы. А полиціи-то на руку; пойдетъ тягать насъ изъ стана въ городъ, изъ города въ станъ, пока совсѣмъ не разоритъ.

— Все оттого, Кузьма, что тебя она не долюбливала. Зазорно видно показалось ей идти къ тебѣ на мѣсто матери.

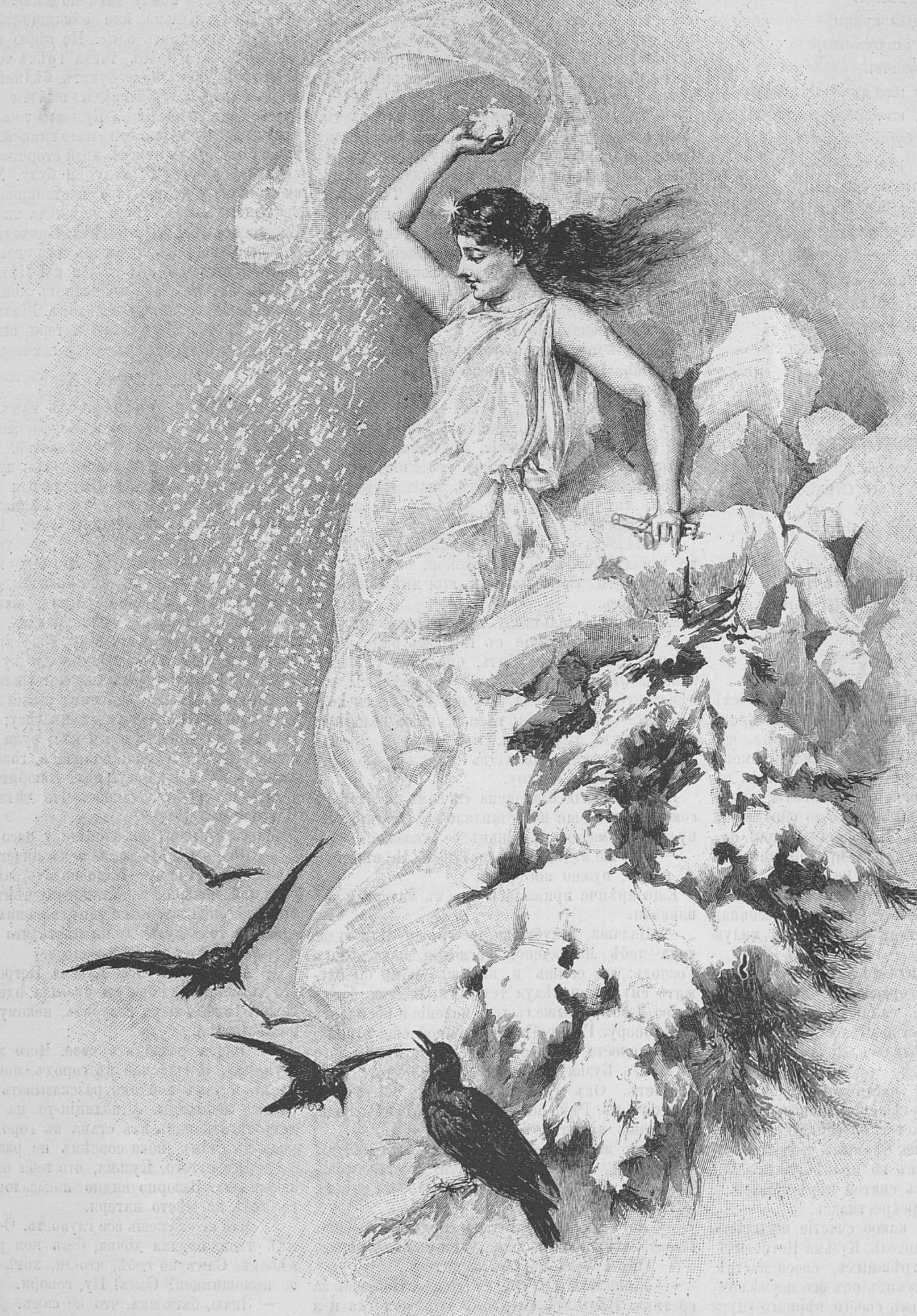
— Что не скажешь все глупость. Очень нужна мнѣ твоя подлая дочка, безъ нея развѣ мало дѣвокъ. Самъ по себѣ, что-ли, хотѣлъ сдѣлать ее помощницей? Самъ! Ну, говори.

— Знаю, батюшка, что не самъ. Да какъ же такъ, коли самъ Господь выбралъ на такое дѣло, какъ же она ушла.

— Врагъ силенъ, женщина, очень силенъ. Видно, Господь попустилъ сдѣлать надъ ней испытаніе, а она его не выдержала. Можетъ, Господь и меня испытывалъ. Согрѣшилъ и я, многогрѣшный; не съумѣлъ, какъ подобаетъ пастырю, привести заблудшую на путь истины: уговаривать ее—было мое дѣло, а я, по слабости, поручилъ тебѣ. Вотъ и вышло не къ добру.

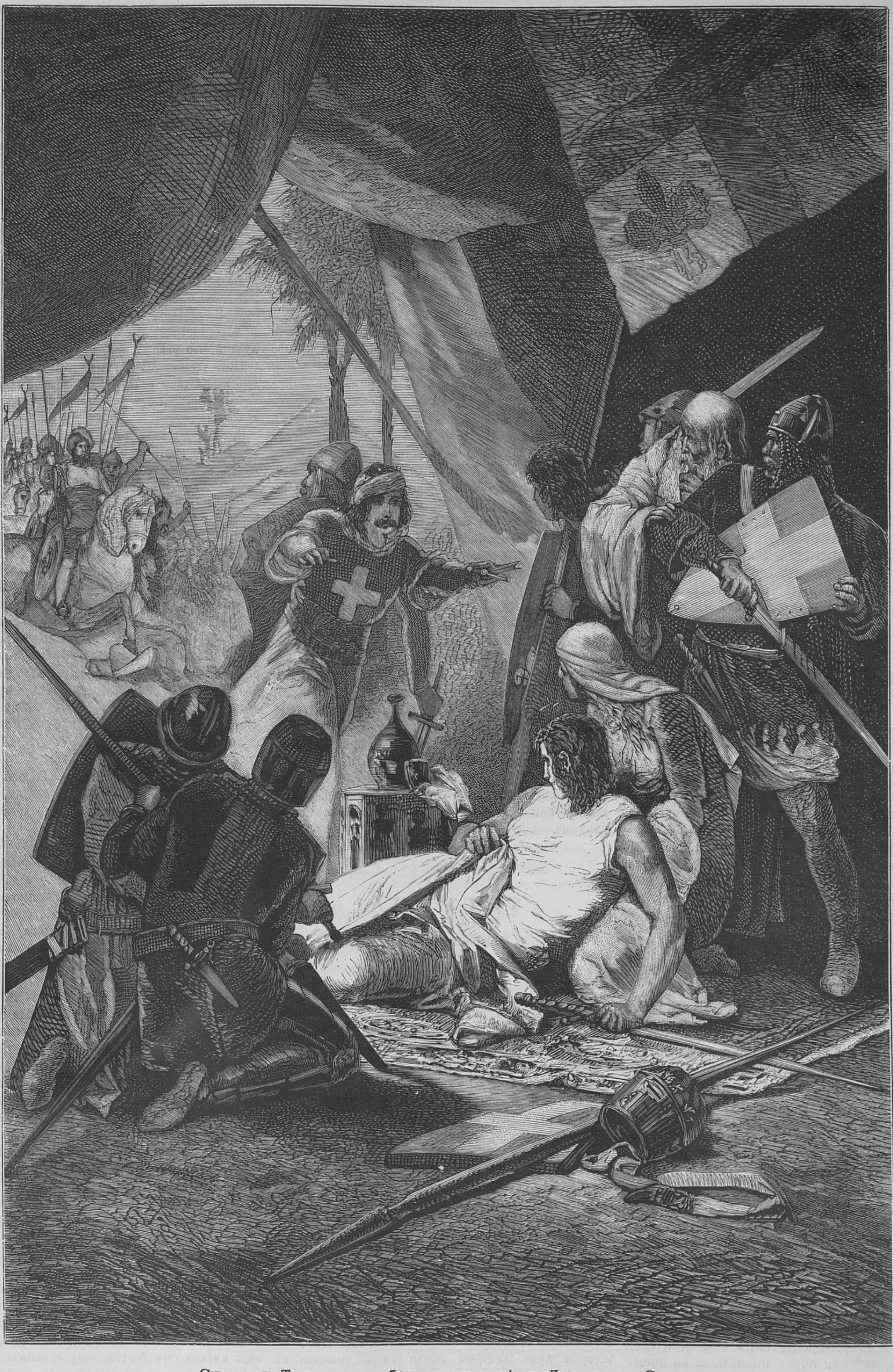
ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Рисунокъ Ст. Рейхяна.



Послѣднія усилія зимы.

(Изъ исторіи Крестоносцевъ).



Султанъ Тураншахъ беретъ въ плѣнъ Людовика Святого.

Молился я вчера день цѣлый и ночь, и посѣтилъ меня Господь своею милостью; услышалъ я гласъ, что мнѣ прощается мое тяжкое прегрѣшеніе, а грѣшница пріемлетъ должное воздаяніе за срамоту свою. Марфа, дочь милая, молись и ты.

Марфа уже давно плакала. При упоминаніи же о наказаніи, которое дожно постигнуть ея грѣшную дочь, она горько зарыдала.

— Да будетъ воля Господня, сказала она; съ этой минуты нѣтъ у меня дочери!

— Прекрасно! Кстати, продай свой домъ, отдай землю и переѣзжай ко мнѣ. Мнѣ нужна добрая хозяйка; ты теперь женщина пожилая и мнѣ уже не зазорно держать тебя.

— А помощницей кого сдѣлаешь; или останешься безъ нея?

— Какъ можно безъ помощницы! Есть у меня на примѣтѣ дѣвка хорошая. Помолюсь, коли Господь укажетъ, возьму ее.

— И въ келейницы ее посвятишь?

— Непремѣнно, безъ этого нельзя. Однако, прощай. Сейчасъ придетъ Петръ, надо съ нимъ переговорить о важномъ дѣлѣ.

Но Петръ уже стоялъ у дверей и Марфа ушла.

— Глупы бабы, очень глупы, сказалъ наставительно Кузьма. Не возмьутъ хорошенько въ толкъ, и пошли голосить. Эта еще умнѣе другихъ, но слышалъ бы ты, что она тутъ натрезвонила!

Кузьма усмѣхнулся.

— Правду изволишь говорить, Кузьма Петровичъ. Но какъ же ты думаешь на счетъ Палашки?

— Что думать-то. Покаралъ ее Господь за ея гордыню и нечестіе. Отступница; съ еретиками дружила; изъ нихъ и полюбовникъ у нея былъ. Ты, чай слышалъ?

— Не хочу грѣшить, не слыхалъ! Чудная она была такая. Бывало отъ нея слова не добьешься; совсѣмъ дикая!

— Ну ее, къ лѣшему. Не стоитъ объ ней и говорить, если она не надѣлаетъ намъ пакостей. Коли перейдетъ туда (онъ указалъ пальцемъ на городъ), потянутъ насъ съ тобою. Тогда припасай побольше денежекъ; пустякомъ не откупишься; сотнягами будутъ считать. Тогда и поговоримъ о ней; теперь же оставимъ ее въ покоѣ. У меня на умѣ дѣло важное...

Кузьма задумался. Послѣ непродолжительнаго молчанія онъ продолжалъ:

— Прежде всего надо выбрать помощницу. Твоя Олимпіада пока годится. Дѣвка дѣйствительно красивая, а мнѣ то и надо. Поѣдемъ сперва къ ней; тамъ уладимъ, и дальше. Тебя я пошлю къ Селифону Афанасьевичу; отвеземъ ему мой поклонъ и скажемъ спасибо; онъ мастеръ вести дѣло. Тамъ, стороной поразвѣдай: какъ наши, любятъ-ли его и не будетъ-ли гдѣ, вблизи, хорошей поживы для нашего дѣла. Если справишь это дѣло, какъ слѣдуетъ, дамъ я тебѣ добрую работу. Будешь мнѣ благодаренъ.

— Благодарю на добромъ словѣ, Кузьма Петровичъ. Отъ тебя, кромѣ хорошаго, я ничего не видѣлъ.

— Не за что меня благодарить. Благодари Господа, укрѣпляющаго тебя на благое дѣло, сказалъ хитрый лицемѣръ. А я, вмѣстѣ съ Олимпіадой, поѣду въ Куськино.

— Село хорошее, мужики добрые, богатые.

— Такіе намъ и нужны. Наше дѣло еще не установилось; значитъ, безъ денегъ ничего не подѣлаешь. Нужны намъ богатенькіе; съ ихъ помощію можно все сдѣлать...

— Безъ денегъ вѣстимо нельзя. Вотъ и теперешній палашкинъ побѣгъ вѣрно станетъ не мало.

— Ну, тутъ не Богъ знаетъ что, отдѣлаемся пожалуй, четвертною...

— Давай Богъ, чтобы такъ.

— Поѣду я въ Куськино, продолжалъ Кузьма;—будетъ хорошая жатва. Я такъ надѣюсь: тамъ много старовѣровъ, какъ они сами себя называютъ; всѣ они очень податливы на новыя ученія. Гдѣ-же не успѣю я съ своей проповѣдью, тамъ будетъ дѣйствовать Олимпіада своей красотою. Кажется, она не совсѣмъ дура; съумѣетъ завлечь: тому глазкомъ мигнетъ, того легонько обниметъ, того поцѣлуетъ; многіе на это попадаются. Много обѣщай, да мало дѣлай, — вотъ что она должна вѣчно помнить и будетъ хорошо служить нашему дѣлу.

— Какъ-же можно, Кузьма Петровичъ, для такого святого дѣла употреблять подобную заманку.

— Все дозволено, лишь-бы заблудшаго обратить на истинный путь. Народъ дикъ, неразуменъ, какъ младенецъ, съ нимъ и приходится поступать, какъ съ ребенкомъ: завлекать его игрушками. Понимаешь теперь?

— Понимаю, какъ не понять.

— А теперь поди, готовься въ дорогу. Какъ со становымъ окончимъ, сейчасъ-же въ путь. Дома у меня останется Марфа, она баба хорошая—приглядитъ за всѣмъ.

Уѣхалъ Кузьма, какъ говорилъ. Дѣло его спорилось. Да и какъ не спориться. Наша Русь родимая велика; всего въ ней вдоволь—широко раскинулись ея необозримыя степи. Добры, гостепріимны, скромны и честны ея сыны; по свѣту въ ней еще мало; суевѣріе и предразсудки застилаютъ его... Такимъ проходимцамъ, какъ Кузьма, не дурно живется на Руси и спорятся ихъ темненькія дѣлишки. Развѣ какой изъ нихъ перехватитъ черезъ край, тогда немудрено, что прогуляется и по Владимірке. Впрочемъ, и отсюда бываетъ выходъ ловкому пройдохѣ.

Что-же сталось съ Палашей? То же, что случается съ очень многими, ей подобными, въ юныхъ лѣтахъ, чистыми созданіями. Уберeглась она отъ ухищреній одного Кузьмы, попала въ сѣти другого. Въ глухихъ, едва проходимыхъ лѣсахъ нашего сѣвернаго края она нашла учителя, котораго искала. Этотъ былъ еще лицемѣрнѣе Кузьмы: онъ ловко съумѣлъ подѣйствовать на дѣвушку идеаломъ аскетической добродѣтели. Палаша приняла его ученіе, предалась ему всей душой. Затѣмъ, побывъ, обычнымъ порядкомъ, нѣкоторое время его возлюбленной, она стала начальницей женскаго скита въ заонежскомъ краю. Она живетъ, какъ и всѣ начальницы скитовъ, припѣваючи, припасая денежку про черный день. Она все еще очень хороша собой: богатые московскіе купцы изъ старовѣровъ, бывающіе въ томъ краю по дѣламъ, считаютъ долгомъ навѣстить прекрасную скитницу: особенно тароватые выѣзжаютъ отъ нея вполнѣ довольные и долго потомъ съ пріятностію вспоминаютъ дни, проведенные въ ея глухомъ скиту.

(Конецъ).

ТИГРИЦА.

Романъ **Д. Верга.**

Переводъ **В. Крестовскаго** (псевдонимъ).

(Окончаніе).

XVII.

Съ этой минуты, онъ сталъ иначе смотрѣть на жену. Всякій день онъ находилъ все больше и больше привлекательности, стыдливой, будто завѣшенной покровомъ, глубокой и тѣмъ болѣе сильной, въ ея чистыхъ глазахъ, въ ласковомъ голосѣ, въ скромныхъ движеніяхъ, въ ея сердцѣ... которое, стало быть, можетъ ощущать порывы такой-же бури, какъ то, что разрушаетъ его сердце! И она, можетъ быть, ощущаетъ ихъ и мужественно затаила. Она отъ того еще прелестнѣе. Джорджіо чувствовалъ, что, будь она не жена его,—эта очаровательная, простодушная, скромная, сдержанная грація подняла-бы въ немъ бѣшеныя желанія,—въ немъ, въ этомъ утомленномъ обольстителѣ, которому надоѣло женское лицемѣріе... Измученный и мучительный образъ той, другой женщины отходилъ все дальше, туманился, сглаживался. Странно: этотъ человѣкъ въ первый разъ любилъ жену свою со всѣми порывами всѣхъ своихъ прежнихъ увлеченій, именно потому, что чувствовалъ—другой можетъ увлекаться прелестью этихъ противоположностей, простотой, скромностью, кротостью,—на которыя мужъ оглянулся только теперь, сознавая въ нихъ опору, миръ, счастіе всей жизни...

Онъ встрѣтилъ Карло въ прихожей; тотъ едва поздоровался и спѣшилъ уйти. Эрминія была блѣдна, казалось, поплакала.

Кто перескажетъ, что выносилъ мужъ въ полчаса, которые провелъ съ нею? Она прячетъ слезы, она заперла свое сердце, она больше не принадлежитъ ему! Но въ глубинѣ души, онъ добръ, онъ нѣженъ; онъ виноватъ, потому что слабъ; онъ чувствителенъ до подозрительности, деликатенъ... до гордости...

— Какъ сегодня докторъ нашелъ Джаннино? спросилъ онъ.

— Лучше... Много лучше.

— А твое здоровье?

— Хорошо.

— Ты всякій день все блѣднѣе. Спросила-бы Рендона...

— Я совсѣмъ здорова, коротко прервала она.

— Тебѣ надо-бы поправиться... Если хочешь, поѣдемъ въ деревню... въ Треместьери, прибавилъ онъ поспѣшно.

— Какъ хочешь.

— Я хочу того, что можетъ быть пріятно тебѣ.

— Ты самъ нездоровъ... сказала она, колеблясь.—Если хочешь, чтобъ мы ѣхали...

Въ первый разъ, случайно, встрѣтились ихъ взгляды. Джорджіо отвернулся, чувствуя, что выдаетъ себя.

— Я здоровъ; дѣло не обо мнѣ... возразилъ онъ, взволнованный и пожимая плечами.—Поговори съ Рендона и, что рѣшите, скажи мнѣ.

Подъ предлогомъ важныхъ дѣлъ, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ и вечеромъ слышалось, какъ онъ расхаживалъ, метался изъ угла въ уголъ, какъ во время болѣзни ребенка.

Эрминія осталась на томъ же мѣстѣ, какъ ушелъ мужъ; она сидѣла почти въ забытьи, и часто ея глаза наполнялись слезами.

Вечеромъ пришла синьора Рускаліа, на этотъ разъ безъ своего «офицера».

— Слышала новость пріятную? кричала она дочери.—Карло получилъ приказъ чрезъ три дня явиться; долженъ отправляться въ Генную на свой корабль, который шлютъ въ Аргентинскую республику, въ Парагвай... ну, не знаю! куда-то въ Америку. Скверная сторона, и грызутся они тамъ, какъ бѣшеныя собаки... и будто мало этого наказанія Господня, христіане тамъ, какъ мухи, мрутъ отъ желтой лихорадки. Скажите, пожалуйста, поступаютъ такъ благородные люди? Какъ разъ въ то время вызывать бѣднаго мальчика, когда ему надо въ здоровьи поправляться! Даже и ты замѣтила, какъ онъ худъ,—лица нѣтъ! Въ два года, будто милостыню, дали всего два мѣсяца,—такъ нѣтъ: и тутъ умѣютъ оторвать хоть двѣ недѣли... ростовщики этакіе! Просто, мошенничество. Я сказала господину лейтенанту: возьми да отошли имъ и фуражку свою, и галуны,—«пожалуйте отставку!» Такой молодецъ вездѣ себѣ хлѣбъ найдетъ.

Эрминія слушала, не дыша.

— Чтожь онъ не пришелъ? спросила она наконецъ.

— Не знаю. Ты думаешь, легко перенести такую непріятность? Да—въ отставку! всего лучше, въ отставку. Пусть меня послушаетъ; я не маленькая, понимаю...

Эрминія ничего не сказала; мать, уходя, спросила ее о здоровьи, она отвѣчала, что здорова, но легла спать разбитая. Нянька Джаннино изъ сосѣдней комнаты слышала, какъ она всю ночь стонала во снѣ.

На другой день Карло пришелъ съ теткой; Эрминія уже встала. На ея лицѣ не было слѣда страданія; немножко будто не по себѣ, но такъ было почти постоянно въ послѣднее время. Она, какъ всегда, поздоровалась, пожала руку Карло, какъ всегда, мало говорила. И Карло былъ тоже—какъ всегда. Только одну минуту, покуда бабушка няньчилась съ внучкомъ, молодые люди нечаянно разомъ взглянули другъ на друга и оба разомъ покраснѣли.

— Выходи въ отставку, повторяла тетушка Рускаліа:—вотъ мой совѣтъ. Если ужь такъ, тамъ, эти господа,—выходи въ отставку. Посмотрятъ, гдѣ они себѣ найдутъ такихъ офицеровъ, чтобъ для ихъ удовольствія по четырнадцати часовъ на доскѣ по морю носились!..

— Уѣзжаешь? спросила Эрминія, не глядя на брата.

— Да, отвѣчалъ онъ, тоже не глядя.

И оба ни слова больше.

— Ну, уѣдетъ... если глупъ, то уѣдетъ! Но, если меня послушаетъ, увидитъ, что рано или поздно, а придутъ къ нему просить,—въ домъ къ нему сами придутъ просить эти важные господа, которымъ ничего не стоитъ за тысячи миль распоряжаться, командовать!.. И вѣдь именно того берутъ, кому нуженъ родной воздухъ. Взгляните вы на него: развѣ такихъ посылаютъ на желтую лихорадку, на всякія тамошнія мерзости?.. Нѣтъ, я еще съ зятемъ поговорю! У него пріятели въ министерствѣ; найдетъ средство...

Эрминія подняла голову.

— Нѣтъ, не надо, тетушка, не надо, напрасно! вскричалъ Карло.

— Что рѣшатъ люди умнѣе тебя, то ты и сдѣлаешь, произнесла тетка,—я твоихъ галуновъ не боюсь ни крошечки. Что тетка велитъ, то и слушай, какъ бывало, маленькій. Пустите, я къ зятю пойду.

Оставшись одни, они опять переглянулись.

— Когда уѣдешь?

— Въ субботу.

— Еще придешь до отъѣзда?

— Приду.

— Приходи всякій день.

— Ихъ всего осталось только два...

Оба замолчали. Вдругъ, она протянула руки, задыхаясь, будто умирая.

— Прощай... Можетъ быть, не удастся такъ тебѣ сказать... прощай.

Она залилась слезами.

Синьора Рускалія явилась, торжествующая.

— Я вѣдь говорила! Такъ нельзя! И Джорджіо говоритъ: на полгода дадутъ отпускъ для поправленія здоровья; и никакого нѣтъ затрудненія, онъ за это берется... И ты не уѣдешь.

Увидя мать, услыша, что она сказала, Эрминія вся вспыхнула и быстро отошла отъ Карло. Она была разстроена, молодой человѣкъ, напротивъ, повеселѣлъ, какъ школьникъ.

— Такъ до свиданія, сказалъ онъ, прощаясь.

Она молча дала руку.

Просьба тещи была тяжелымъ ударомъ для Джорджіо, но изъ деликатно гордаго чувства, онъ согласился ее исполнить. Онъ ни минуты не осмѣлился подозрѣвать свою жену, не смѣлъ осуждать тревоги, которую бѣдная мученица покорно старалась скрывать, — но онъ боялся. Онъ боялся страсти, которую считалъ непобѣдимой; боялся, потому что какъ-то иначе полюбилъ жену съ тѣхъ поръ, какъ другой оспаривалъ ея сердце. Джорджіо провелъ трудный день. Эрминія была очень разстроена; къ вечеру усиливалась лихорадка, которую больше недѣли она скрывала. Она, однако, не ложилась и, стараясь заняться, вышивала при лампѣ; ея руки дрожали, глаза горѣли.

— Ты страшно страдаешь! сказалъ мужъ.—Ты очень больна; надо сейчасъ послать за Рендона.

— Зачѣмъ? Это пустяки, увѣряю тебя. Маленькое волненіе; пройдетъ.

Джорджіо хотѣлъ взять ея руку и не посмѣлъ.

— Эрминія, сказалъ онъ, голосомъ, какого она давно не слыхала:—ты не имѣешь права убивать себя; подумай о своемъ сынѣ... сдѣлай для него...

Онъ не помянулъ о себѣ. Она оглянулась, пораженная; онъ потупилъ голову.

— Хорошо, сказала она наконецъ. — Посмотримъ завтра.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ Джорджіо и всталъ.

Онъ ни слова не сказалъ о кузенѣ. Казалось, онъ колебался, не уходилъ дольше обыкновенія, смотрѣлъ на бѣлыя руки, на блѣдное, похудѣвшее лицо, наклоненное надъ шитьемъ, въ полутѣни абажура; на прелестную освѣщенную шею, по которой вились тонкія тѣни роскошныхъ волосъ; чудесные глаза горѣли; складки платья мягко падали на коверъ. Джорджіо смотрѣлъ на пустое мѣсто на диванѣ подлѣ нея... онъ, мужъ, не смѣлъ занять этого мѣста... хотѣлось продѣть руку за подушку дивана, хотѣлось обнять... Тьма заклубилась предъ его глазами; онъ рѣзко торопливо простился и ушелъ.

— Посылала синьора за докторомъ? спросилъ онъ на другой день.

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга.

— Хорошо... Идите, мнѣ ничего ненужно.

Онъ опять зашагалъ по кабинету; не разъ шелъ къ женѣ и возвращался отъ порога. Онъ не спалъ ночь, нахмуренный, блѣдный. Въ немъ кипѣлъ гнѣвъ глухой, необъяснимый, гнѣвъ полный стыда. Онъ подходилъ къ письменному столу, не писалъ, смотрѣлъ на часы, будто ждалъ чего-то...

XVIII.

Эрминія не спала тоже. Утромъ, измученная, она сѣла за свои пяльцы. Въ полдень раздался звонокъ. Не поднимая головы, она покраснѣла и помертвѣла.

Они поздоровались, смущенные. Она все вышивала.

— Карло, спросила она наконецъ, все глядя на узоръ;— какъ-же ты рѣшилъ?

— Не знаю... отвѣчалъ онъ также тихо.

— Тебѣ надо уѣхать... Мать говоритъ... Знаешь, мы, женщины, многаго не понимаемъ. Если слушать женщинъ... ты загубишь свою карьеру. Это будетъ бѣда. Надо ѣхать.

— Ты такъ хочешь? спросилъ онъ чуть слышно.

— Тебѣ надо исполнить твой долгъ... шептала она, становясь еще блѣднѣе.—Надо исполнить нашъ долгъ, Карло.

— Уѣду, сказалъ молодой человѣкъ, опустивъ голову.

Оба молчали.

— Сегодня, съ вечернимъ поѣздомъ уѣду, повторилъ онъ.

Она все вышивала; слезы капали ей на пяльцы. Вдругъ она подала ему обѣ руки и оба они, молча, долго смотрѣли другъ на друга.

— Прощай, сказалъ онъ:—я исполню свой долгъ.

— Я тоже... выговорила она, падая на диванъ.

Доктора поспѣшно позвали. Синьора Рускалія, только что проводивъ племянника на желѣзную дорогу, прибѣжала встревоженная. Эрминія лежала въ жару, въ бреду, и тѣмъ опаснѣе, что на болѣзнь давно не обращали вниманія: она ворвалась съ такой силой, что не давала времени справиться. Рендона поднялъ на ноги весь домъ и позвалъ еще двухъ врачей на консультацію. Джорджіо ходилъ, какъ лунатикъ, слушалъ, что говорили доктора, посматривалъ на входящихъ и только потиралъ себѣ лобъ рукою.

— Какъ ты ее находишь? спросилъ онъ Рендона.

— Что тутъ скажешь! Что-то будетъ завтра.

Джорджіо сѣлъ, какъ стоялъ: ноги подкосились.

Ночью, Рендона подали телеграмму изъ Ачиреале.

— Некогда мнѣ, нельзя, закричалъ онъ.—Такъ и скажите. Телеграфируйте.

Джорджіо слушалъ, одурѣлый. Онъ провелъ ночь около жены. Онъ былъ пораженъ тяжелѣе, нежели она.

Ей стало какъ будто легче утромъ, но доктора опять собрались и совѣщались.

— Что они сказали? спрашивалъ Джорджіо.

— Ничего; только не хуже, отвѣчалъ Рендона.

— Спасена?

— Ну... этого я не сказалъ. Увидимъ.

Весь день приходили и уходили доктора, знакомые, друзья, узнавать о здоровьи, пріятельницы пошептаться въ залѣ и пошуршать шлейфами. Вечеръ наступалъ медленно, печально, лѣтній, жаркій, тяжелый вечеръ; зажигались огни; громче въ затихающемъ городѣ раздавался близкій стукъ экипажей; въ открытыя окна, изъ-за тяжелыхъ занавѣсокъ, начинали трепетать звѣзды; красныя полосы газа освѣтили стѣну дома напротивъ; по улицѣ разносился обычный вечерній шумъ; въ безмолвной, полутемной комнатѣ отдавались шаги тѣхъ, кто подходилъ къ двери, не смѣя войти; слышался частый, тихій, робкій звонокъ въ прихожей; слышался жалкій крикъ Джаннино, на рукахъ у няньки, въ сосѣдней комнатѣ... Отъ заката до полночи тянулась будто вѣчность, Эрминія не бредила, не стонала, лежала неподвижно, лицомъ къ окну, съ тяжело закрытыми глазами; вдругъ испуганно открывала ихъ и слышалось ея прерывистое дыханіе.

Въ половинѣ ночи, страшно усталый, Рендона сказалъ, что теперь ему можно отдохнуть. Синьора Рускалія была чуть жива отъ страха.

— Поди, прилягъ и ты, сказалъ докторъ, тронувъ Джорджіо за плечо.—Ты и самъ едва держишься.

Джорджіо качнулъ головою и не двинулся съ кресла.

— Джульетта лучше тебя тутъ справится, а ты ее часа черезъ два перемѣнишь.

— Нѣтъ. Я спать не хочу, возразилъ Джорджіо, хриплымъ голосомъ, которымъ говорилъ съ утра.—Нѣтъ, не надо; я спать не хочу.

Рендона оставилъ его въ покоѣ.

Джорджіо точно не хотѣлъ спать; онъ былъ разбитъ, нервы напряжены, голова въ тискахъ; въ мозгу отдавался весь шумъ снаружи, всякій шагъ подъ окнами; его морилъ жаръ этой іюньской ночи. Въ отуманенной мысли перемѣшивалось смутно, болѣзненно, и прошлое, и настоящее, разсѣянная молодость, воспоминанія далекія, незначительныя,—Ната, сынъ, Флоренція, Эрминія, маленькая церковь въ Треместьери... лицо Рендона, когда онъ сказалъ «увидимъ»... Карло на морѣ... дымъ паровоза у станціи Ачиреале... все кружилось, сталкивалось, смѣшивалось. И среди всего — лицо жены, обращенное къ окну, въ полутѣни... Мысль совершала все одну и ту же дорогу — въ улицу «Принца-Амедея», къ маленькой церкви въ Треместьери... и опять назадъ, къ бѣлой постели въ полутѣни. И опять то же... Изъ темнаго круга поднималось тѣло Эрминіи; неопредѣленный очеркъ расплывался въ туманѣ, сливался съ складками простынь и вдругъ одѣвался въ мягкія складки темнаго платья, падающія съ дивана на коверъ... такъ она часто сидѣла, и свѣтъ золотилъ ея шейку въ тонкихъ завиткахъ... И вотъ тутъ, между ею и мужемъ, приходилъ и спокойно садился Карло... Вспоминалась, видѣлась и другая женщина... комната гостинницы; протянутыя объятія, глаза привидѣнія... это привидѣніе стоитъ тутъ, въ темнотѣ, нежданное, грозное, не прощающее... Онъ смотритъ, смотритъ, отупѣлый, — а въ сердцѣ... ничего! Только страшно этого неподвижнаго, безмолвнаго привидѣнія... Онъ отворачивался, оглядывалъ знакомыя стѣны, обои съ крупными цвѣтами, восточныя пышныя занавѣски, стеганый мягкій диванъ. Эти стѣны родного дома будто сдвигаются, будто хотятъ обнять, защитить, спасти... Рядомъ, въ комнатѣ медленно били часы, отчетливо, звучно... знакомо! Имъ отвѣчалъ бой часовъ ближней церкви, а затѣмъ, въ тишинѣ ночи, часто сливая вмѣстѣ свои удары, — слышались и другіе часы, тоже знакомые; всѣ они напоминали время, проведенное въ этой комнатѣ, всѣ необыкновенно ясно выводили обстоятельства, образы, подробности, мелочи того, что, казалось, этотъ человѣкъ уже не помнилъ,—того, что миновало незамѣченное,—того, что разлилось вдали... идеалы милые, грустные и горькіе!.. Вечера на этомъ диванѣ; она вышивала... На балъ не поѣхали .. Она все кресло заняла своими пышными оборками. Бывало... милые, простые, сердечные разговоры; говорилось все! Не потуплялись глаза, не было горячки, ни стѣсненія, ни смятенія, ни далекихъ призраковъ, всепоглощающихъ, ревнивыхъ, неумолимыхъ. Невозмутимъ былъ миръ этой комнаты, и далеко загадывали впередъ, о завтрашнемъ днѣ, о Джаннино... сбирались въ поле... Довѣрялись! Теперь все ярче свѣтила радуга этого идеала. Джорджіо погружался въ него съ отчаяніемъ человѣка, который ищетъ покоя. Его будило, схватывало безжалостное настоящее,—вотъ это: Эрминія, неподвижная, недышащая... Онъ смотрѣлъ и старался угадать, чрезъ какую борьбу прошла она, прежде чѣмъ отдалилась отъ него; онъ хотѣлъ прочесть въ ея измѣнившемся загадочномъ лицѣ, какія страсти чудовищно терзали ее въ бреду...—Часы били одни за другими, однообразно, невозмутимо...

Предъ зарей, Эрминія заметалась. Джорджіо, не смѣя дохнуть, слѣдилъ за ея движеніями. Вдругъ она открыла глаза и упорно смотрѣла на него. Онъ всталъ и стоялъ надъ нею. Она вглядывалась такъ настойчиво, съ такимъ выраженіемъ, что у него вырвался вопросъ,—первый:

— Чего ты хочешь?

Она не отвѣчала, глядя по прежнему, шарила рукой по одѣялу, будто чего искала, наконецъ, схватила руку мужа.

— Я хочу съ тобой говорить... прошептала она чуть слышно.

Ему казалось, что ея рука сжимаетъ его сердце.

— Я любила Карло, выговорила она, побѣждая свое смятеніе.

Онъ шевельнулъ губами... не нашлось ни слова, ни звука.

— Прости меня... начала она послѣ долгаго молчанія, и зарыдала.—Мнѣ нужно твое прощеніе... Джорджіо!.. Я не виновата, увѣряю тебя... Я не знала, что любила... не замѣтила... Я столько плакала... ахъ, какъ было тяжко!.. Я ему велѣла уѣхать, онъ уѣхалъ... я не виновата, что это было выше силъ моихъ; я думала, что умру... Но онъ этого не зналъ, клянусь тебѣ! Никто не зналъ, какъ мнѣ было тяжко... Не сказывай этого Джаннино... и мамѣ не сказывай... Скажи, что ты меня прощаешь... не разставайся въ гнѣвѣ!

Джорджіо молча плакалъ, прячась за абажуръ. Вдругъ ему подумалось, что она бредитъ; онъ освѣтилъ ее и увидѣлъ въ слезахъ. Онъ бросился къ ней, обнялъ крѣпко, прислонилъ голову къ ея головѣ и ихъ слезы смѣшались.

— О, какъ хорошо! какъ мнѣ, вотъ такъ хорошо! легко, что ты заплакалъ! Зачѣмъ ты раньше не плакалъ? раньше, давно! Какъ мнѣ легко! воскресаю, буду жить...

Онъ не сказалъ, какъ онъ виноватъ; онъ чувствовалъ, что она знаетъ. Онъ не смѣлъ просить прощенія, которое уже заранѣе самъ себѣ взялъ. Онъ не могъ оторваться, рыдая и обнимая... И заря тихо входила въ окна... какъ тамъ, въ гостинницѣ... И передъ нимъ бѣлѣетъ измученное лицо...

— Ты будешь жить, повторилъ онъ порывно.—Говорю тебѣ: ты будешь жить. И еще разъ будемъ счастливы. Бѣжимъ въ поле, въ деревню; будемъ вмѣстѣ... Вѣчно вмѣстѣ, и никто, никто...

— Какъ ты это хорошо говоришь! Ахъ, какъ заря хороша!.. Мнѣ лучше; право, мнѣ лучше. Вели принести Джаннино... о, крошка моя! Покажи мнѣ его.

Джорджіо побѣжалъ на цыпочкахъ и принесъ ребенка. Мать схватила его, замирая, потомъ положила его слабую ручку на шею мужа и оба склонились надъ розовымъ свѣжимъ созданіемъ, которое глядѣло на нихъ огромными глазами, удивленными съ просонья...

— Да, точно, легче, говорилъ Рендона, придя во время — замѣтно, легче. И прекрасно. На этотъ разъ, можетъ быть, отдѣлаемся... прибавилъ онъ сквозь зубы.

XIX.

Эрминія выздоравливала; Джорджіо не оставлялъ ее ни минуты, сторожилъ взглядомъ, будто выпрашивая прощеніе, забывая всѣ прошлые тяжелые дни, разцвѣтая душой съ разцвѣтомъ ея здоровья. Онъ радовался, когда она, еще блѣдная, похудѣвшая, сидѣла въ креслѣ у окна, тихо улыбаясь ребенку и мужу. Онъ испытывалъ странное смутное чувство удовольствія, припоминая прошлыя волненія, припоминая ночь у ея постели. Ея граціозныя, невѣрныя движенія заставляли его ощущать какую-то новую нѣжность, сильную, глубокую, какое-то влюбленное состраданіе къ тому, что она вынесла, — уваженіе, благоговѣніе къ женщинѣ, которая подала ему такой примѣръ душевной силы. Минутами ему бывало стыдно; онъ чувствовалъ, что унижался предъ нею,—благородной, смиренной, онъ радовался, что она его любитъ, что оба вмѣстѣ, они будутъ... забывать...

Въ концѣ іюня Рендона рѣшительно одобрилъ знаменитый планъ—провести лѣто въ деревнѣ, о которомъ Джорджіо толковалъ ежеминутно, увѣряя, что деревня — лучшее лекарство. Было ужь слишкомъ жарко, чтобъ ѣхать въ Треместіери или Піана, и Эрминія настояла на переѣздѣ въ Джарре. Сборы были занятіе, праздникъ. Уѣзжали, наконецъ, въ воскресенье, съ утреннимъ поѣздомъ. Небо казалось все въ золотой пыли, море сверкало серебряными полосами; сады по сторонамъ дороги засыпали вагоны померанцовымъ цвѣтомъ. На платформахъ въ полѣ толпились крестьяне въ праздничныхъ платьяхъ; по тропинкамъ вдоль рельсовъ шли дѣвушки и весело кричали, здороваясь съ поѣздомъ. На станціи Ачиреале было множество купцовъ, разносчиковъ, охотниковъ, калибрійскихъ крестьянъ, которые гурьбами приходятъ наниматься жать. Лаферлита съ женою сидѣли одни въ своемъ отдѣленіи. Эрминія съ любопытствомъ смотрѣла на толкотню, на переноску багажа. Джорджіо глядѣлъ въ другую сторону. Поѣздъ стоялъ дольше обыкновеннаго; готовились пустить впередъ другой, экстренный поѣздъ. Онъ состоялъ всего изъ двухъ небольшихъ вагоновъ и локомотива. Когда его сцѣпили, показался пожилой бѣлокурый господинъ весь въ черномъ, и за нимъ нѣсколько лакеевъ, тоже въ траурѣ. Начальникъ станціи шумно захлопнулъ дверцу передняго вагона, внутри обитаго чернымъ сукномъ; въ глубинѣ что-то мелькнуло, — гробъ, и на немъ огромный вѣнокъ цвѣтовъ, перевязанный черною лентою, съ концами до полу. Господинъ въ траурѣ приподнялъ шляпу, сказалъ нѣсколько словъ начальнику станціи и сѣлъ въ другой вагонъ. Въ окна гостиницы смотрѣли любопытные, покойно облокотясь на подоконники. Эрминія обратилась къ мужу; онъ стоялъ у двери и смотрѣлъ безумными глазами. Машина свистнула; похоронный поѣздъ тихо двинулся, покачиваясь. Джорджіо стоялъ, окаменѣлый, не шевелясь, не вскрикнувъ, вдругъ весь вздрогнулъ, будто отъ внезапнаго холода, весь сжался, будто прячась, и упалъ на свое мѣсто.

Эрминія поблѣднѣла... Не угадала-ли она, чье неумолимое привидѣніе становилось еще разъ на ихъ дорогѣ,—роковое, выходило изъ могилы, возмущало сны покоя, счастія, любви?.. Джорджіо былъ уничтоженъ... Вдругъ, онъ почувствовалъ—его взяли за руку, на его колѣни положили ребенка... крошка Джаннино глядѣлъ во всѣ глазки... Рѣзкимъ движеніемъ, Джорджіо закрылъ себѣ лицо рученками ребенка, спасаясь отъ ужаснаго видѣнія.

Эрминія бросилась ему на шею.

— Милый, бѣдный, мы тебя будемъ много любить...

Безъ слезъ, блѣдный, какъ мертвецъ, онъ обнялъ ее долго, крѣпко...

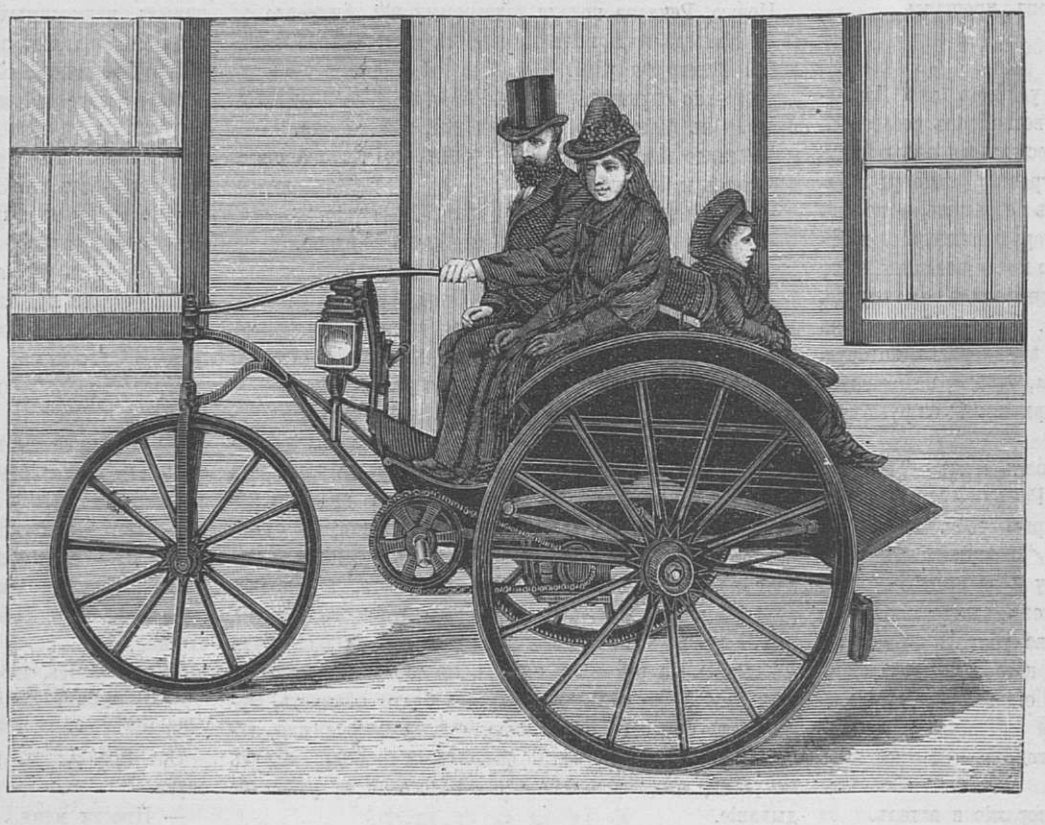
Остановились въ Джарре. Джорджіо оглянулся, передохнулъ, будто просыпаясь отъ тяжкаго сна. Похоронный поѣздъ, шедшій впереди, уже скрылся; въ крытой галлереѣ еще медленно разстилался дымъ, вырываясь и расплываясь клочьями въ голубомъ небѣ.

Отъ прошлаго больше ничего не оставалось.

Въ Джарре, Джорджіо подали телеграмму, ожидавшую его и пересланную изъ Катаніи. Кромѣ адреса и числа, въ телеграммѣ было только одно слово: «Прощай!»

(Конецъ).

НОВѢЙШІЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.



Электрическій экипажъ.

Русская масляница минувшихъ столѣтій.

Историческій очеркъ М. М. Лисицына.

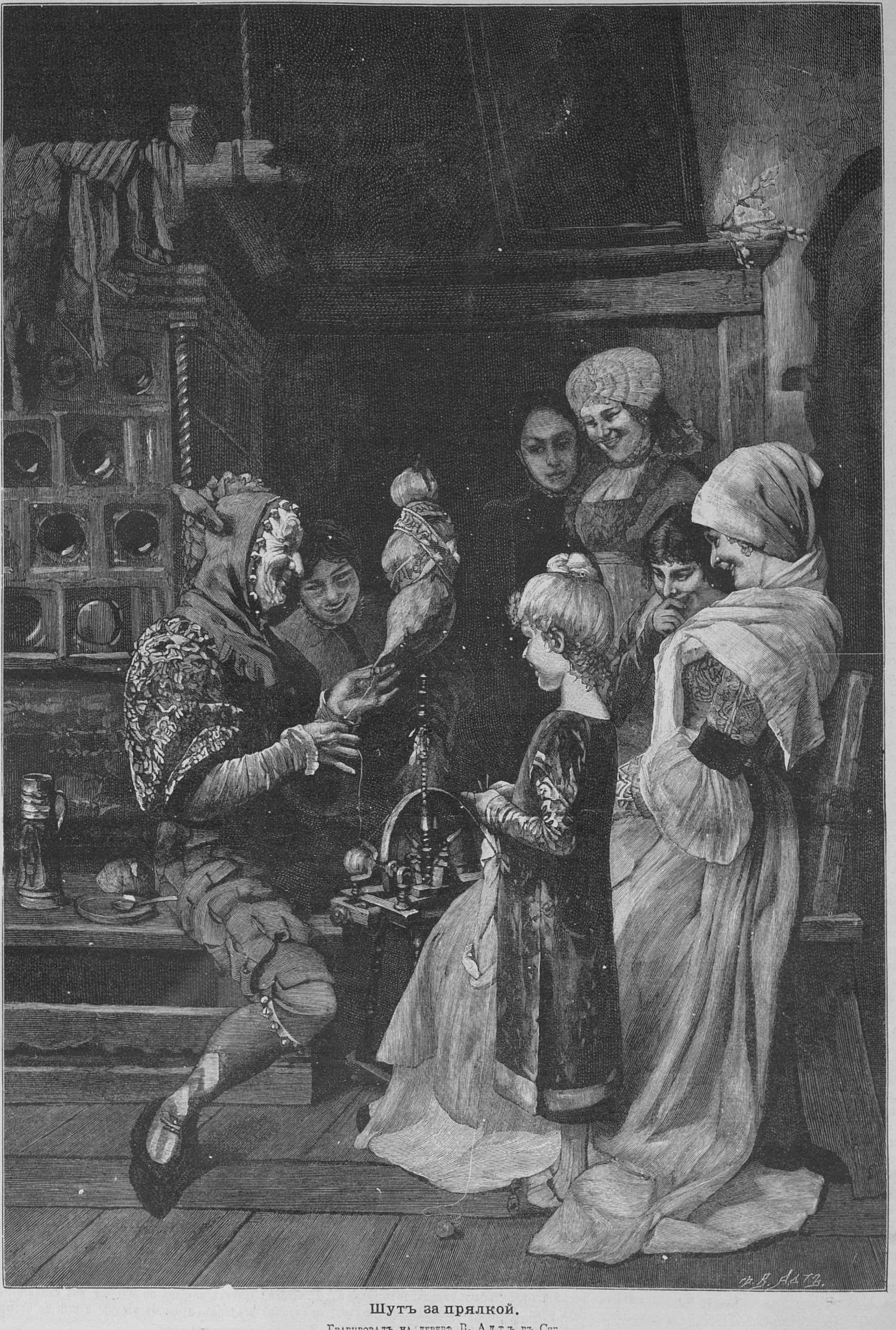
Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ явленій жизни можетъ считаться, какъ продуктъ историческихъ и иныхъ условій, процессъ образованія и окончательнаго складыванія формъ того или другого общественнаго быта. Обыкновенно весь строй общественной жизни, вся система взаимныхъ сложныхъ запутанныхъ людскихъ отношеній, условій и понятій общежитія слагается и создается помимо воли тѣхъ, которые, казалось-бы, являются главными его творцами и созидателями. Бытовыя общественныя формы или вытекаютъ сами собою изъ историческихъ условій жизни даннаго общества и всего его прошлаго, или являются результатомъ внѣшняго, органически несвязаннаго съ извѣстнымъ обществомъ, навязыванія этихъ формъ со стороны деспотическихъ вождей, имѣющихъ возможность и силу переводить, хотя временно, ходъ общественнаго механизма съ одного пути движенія на другой. Зародившись на извѣстной почвѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, общество по инерціи продолжаетъ рости, жить и развиваться, подчиняясь и тѣмъ условіямъ извнѣ, которыми было обусловлено и сопровождалось его первоначальное раннее возникновеніе и развитіе. Сначала неясныя и не установившіяся, но съ теченіемъ времени все крѣпнущія и рельефно обрисовывающіяся формы общественнаго быта неизмѣнно и послѣдовательно развиваются въ одномъ и томъ-же направленіи, измѣняя свою физіогномію и подчиняясь законамъ прогресса и развитія, пожалуй, диференцируясь, но въ сущности оставаясь неуклонно вѣрными своему основному типу и преслѣдуя свой излюбленный идеалъ. При этомъ, конечно, играетъ несомнѣнно важную роль законъ послѣдовательности въ переходахъ отъ низшихъ къ болѣе высшимъ формамъ и отъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ.

Наша національная жизнь въ теперешнемъ, заимствованно европейскомъ ея видѣ, имѣя за собою многовѣковое историческое прошлое и служа дальнѣйшимъ продолженіемъ проведенія тѣхъ началъ и устоевъ, на которыхъ держится она, можетъ служить довольно наглядною иллюстраціею къ тому положенію, что бытовыя формы вообще мало зависятъ, благодаря многимъ существующимъ причинамъ, отъ единоличныхъ наклонностей и желаній личности, составляющей ея краеугольный камень. И что такое была эта самая личность, какъ въ древнѣйшемъ, много-много вѣковъ назадъ протекавшемъ періодѣ жизни русскаго общества, такъ и въ болѣе позднѣйшія времена?! Она терялась и безслѣдно исчезала въ массѣ, въ общинѣ, въ той стадной массовой жизни и неудержимо-сокрушающемъ потокѣ общихъ проявленій общественнаго существованія, какимъ изстари отличался бытъ нашего племени. Сдавленная гнетомъ отношеній, существовавшихъ между общественною единицею и обществомъ, принося почти постоянно въ жертву свои интересы и проявленія своего «я» во имя инстинктивно сознаваемой идеи солидарности всѣхъ членовъ рода или племени, наконецъ вполнѣ сочувствуя и соглашаясь съ подобнымъ порядкомъ вещей, могла-ли личность жить настолько самобытною жизнью, чтобы создавать формы и давать окраску этой жизни. Этою самобытною жизнью жило, а слѣдовательно такъ или иначе до нѣкоторой степени создавало формы быта, лишь вся совокупность общественныхъ единицъ, т. е. все тогдашнее примитивное русское общество. Но и тутъ не было простора его творческой дѣятельности. Сначала при зарожденіи и возникновеніи бытовыхъ общественныхъ формъ этому мѣшали чисто внѣшнія условія:—природа, средства добыванія всего необходимаго для жизни и сопряженная съ этимъ борьба за существованіе, и впослѣдствіи къ этому присоединились еще условія территоріи и причины политико-экономическаго характера. Въ дальнѣйшемъ развитіи формъ нашей общественности стали принимать участіе и нерѣдко играть значительную роль, частью совершенно исторически-необходимые, а частью случайно врывавшіеся въ общественную жизнь элементы.

Къ первымъ возможно отнести какъ внѣшнія сношенія съ близкими и дальними сосѣдними народами, а также вторженія этихъ народовъ въ предѣлы русской земли съ воинственными цѣлями,—ко вторымъ появленіе болѣе или менѣе крупныхъ личностей изъ иноземцевъ, пытавшихся ознакомить хотя высшіе слои кореннаго общества земли съ культурою и бытовыми общественными формами тѣхъ странъ, откуда они появлялись. Сюда-же можно отнести рѣдкіе случаи браковъ князей и верховныхъ руководителей общественной жизни съ чужеземными принцессами, приносившими съ собою свои родные порядки, обычаи и духъ иной жизни. Такова, напр., была жена великаго московскаго князя Ивана Васильевича, Софья Палеологъ. Но и самая крупная ломка общественной, вѣками сложившейся, жизни русской,—ломка, какою явилась петровская реформа съ ея новымъ строемъ и новыми общественными поряд-

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Германа Каульбаха.



Шутъ за прялкой.

Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ Спб.

ками, въ сущности не измѣнивъ нисколько вѣковыхъ устоевъ и началъ русскаго быта, прошла поверхностно, не измѣнивъ глубину всего склада русской жизни. Остался тотъ-же застой, та-же приниженность и пригнетенность личности, тѣ-же стадные инстинкты и безконечная готовность и охота подставлять свою спину подъ удары властной руки, та-же лѣнь и нежеланіе создавать себѣ свою жизнь, предъявлять и стойко, и упорно бороться за свои общественные идеалы и стремленія. Личность по прежнему осталась въ сторонѣ отъ иниціативы, по прежнему не рѣшалась взять на себя починъ въ общественномъ переустройствѣ, закидывая и затаптывая съ рабскою готовностью всякаго смѣльчака, заявлявшаго чѣмъ либо свою индивидуальную личность и звавшую къ новымъ формамъ общественнаго быта. Общественная единица, не говоря, конечно, объ исключеніяхъ жила не своею индивидуальною, въ смыслѣ выработки, хотя-бы основныхъ, строго опредѣленныхъ задачъ и цѣлей, жизнью, а руководствовалась завѣтами предковъ, обычаями и порядками старины, да развѣ примѣрами и указаніями своихъ властителей-владыкъ и духовенства. Послѣднее, какъ извѣстно, издавно имѣло громадное значеніе и вліяніе на жизнь и общественный бытъ русскаго народа. Это его вліяніе прошло красною нитью чрезъ весь ходъ историческаго развитія русскаго общества и положило свою неизгладимую печать на многихъ сторонахъ русской жизни. Явившись первыми устроителями духовнаго міра русскаго человѣка въ сферѣ религіозной, духовенство естественно должно было создать цѣлый циклъ условій, при которыхъ необходимо было обращаться къ нему за совѣтомъ, помощью и поставленіемъ въ области совершенно еще незнакомыхъ вопросовъ философско-религіознаго характера, и такимъ образомъ надолго упрочило за собою власть и вліяніе въ жизни. Съ другой стороны ему, въ цѣляхъ чисто религіозныхъ, нужно было какъ можно чаще возвращать неокрѣпшій умъ новаго христіанина къ мысли о Верховномъ Существѣ, Его законахъ и возможности угодить или прогнѣвить Его. Словомъ, нужно было почаще останавливать вниманіе новообращенныхъ на вопросахъ вѣры и религіи, а для этого требовалось установить не только извѣстные религіозные обряды, но и цѣлые болѣе или менѣе продолжительные періоды времени, посвященные исключительно этому духовному созерцанію Высшей Идеи. Такимъ образомъ возникли праздники, т. е., дни, посвященные исключительно воспоминаніямъ о томъ или другомъ церковномъ событіи или лицѣ, могущемъ сосредоточивать на себѣ всеобщее вниманіе. Съ теченіемъ времени сама жизнь уже дополнила смыслъ этихъ праздничныхъ дней, соединивъ съ представленіемъ о нихъ и представленіе объ отдыхѣ, физическомъ бездѣйствіи, а впослѣдствіи и съ необходимостью развлеченій и увеселеній. Праздникъ считался божьимъ днемъ, временемъ, когда человѣкъ не только воленъ, но даже обязанъ, подъ страхомъ наказанія за грѣхъ, ничего не дѣлать, посвящая свое вниманіе предметамъ поучительно религіознымъ и интересамъ чисто духовнымъ. Но въ самомъ процессѣ празднованія указаннаго церковью дня ясно сказались и обнаружились черты національнаго характера различныхъ народовъ. Въ то время какъ западно-европейскій человѣкъ, болѣе или менѣе строго придерживаясь церковныхъ предписаній и требованій, проводилъ свой воскресный или праздничный день сообразно идеалу своей церкви, русскій православный человѣкъ, повинуясь неудержимой силѣ своихъ національныхъ наклонностей и поползновеній, стремился свести свой праздникъ на болѣе или менѣе матеріальную почву чувственныхъ удовольствій и полнаго отдыха отъ своей правда, невеселой и тяжелой жизни и трудовъ. Хотя въ эти дни и совершались въ болѣе увеличенномъ по числу и продолжительности количествѣ извѣстныя церковныя службы и обряды, но это было, такъ сказать, неизбѣжною данью духовенству и необходимымъ компромиссомъ съ своею совѣстью, напоминавшею о значеніи праздника по церковному толкованію. Да и нельзя было винить зауряднаго русскаго человѣка за эти, съ извѣстной аскетической точки зрѣнія, противозаконныя стремленія и поползновенія, когда вся радость и единственная отрада его жизни заключалась (и заключается) въ этомъ свободномъ отъ неустаннаго труда днѣ праздника. Что касается людей, принадлежавшихъ къ тогдашнимъ высшимъ классамъ общества, думныхъ и служилыхъ людей, вообще лицъ, стоявшихъ около источника власти и господства надъ всѣмъ обществомъ и народомъ, то и о нихъ можно сказать почти то же самое. Если не обращать вниманія на благочестивую внѣшность, на величаво-торжественные выходы въ церковь или монастырь высокопоставленныхъ лицъ тогдашняго времени, окруженныхъ въ такихъ случаяхъ всѣми своими чадами и домочадцами, по праздничному богато-разодѣтыхъ и разукрашенныхъ и сопровождаемыхъ нерѣдко многочисленными свитами изъ слугъ и приживальщиковъ, если, наконецъ, вспомнить ту преобладавшую во всемъ этомъ значительную долю внѣшней обрядности и показного благочестія, которое должно было непремѣнно проявляться для поддержанія о себѣ доброй «славы въ людѣхъ» и уваженія со стороны духовенства, съ другой стороны принять во вниманіе всю ту массу роскоши, пышности, тщеславія и самодовольства отъ сознанія «что-де въ праздникъ выдемъ и мы не хуже другихъ»,— то не трудно будетъ понять, сколько, по количеству, истинно-глубокаго религіознаго чувства было при этомъ въ глубинѣ души этихъ истово молившихся и наружно чрезвычайно благочестивыхъ и богобоязненныхъ людей, И справлявшему праздникъ боярину и, по происхожденію, «подлому», какъ говорилось тогда, человѣку въ концѣ концовъ во время праздничнаго дня мерещилось въ перспективѣ одно — сытный, жирный обѣдъ-пированьице, возможность поразнообразить праздничною потѣхою свою скучную, утомительно однообразную монотонную жизнь и широкій просторъ и позволеніе развернуться во всю русскую мочь, похвастаться своимъ богатствомъ и домомъ полною-чашею, или провести время въ дружной согласной бесѣдѣ съ друзьями-пріятелями. Духовныхъ интересовъ не было, занятіе религіозными вопросами не было удѣломъ тогдашняго большинства, книга еще не пріобрѣла права гражданства въ тогдашнемъ обществѣ и того, подъ чѣмъ теперь мы разумѣемъ общественную жизнь, тоже и въ поминѣ не было, а потому праздничный день всецѣло посвящался яствамъ, питіямъ и различнымъ «потѣшнымъ дѣйствамъ», гдѣ главными героями являлись шуты, дураки, дурки, своеобразные фокусники, гусляры, сказочники и т. п. увеселители, а также ученые медвѣди и козы съ барабанами.

Само духовенство, по крайней мѣрѣ нѣкоторая его часть, не обладало еще настолько развитостью и высокимъ нравственнымъ уровнемъ своихъ членовъ, чтобы возвыситься до пониманія истиннаго назначенія праздничнаго дня и сообразно этому употреблять его съ морально-религіозными цѣлями. Время препровожденіе праздничнаго дня, впрочемъ, соотвѣтствовало тому, какимъ считался праздникъ—большимъ, среднимъ или малымъ. Особенно характерно и рельефно рисовалъ бытъ тогдашней общественной жизни празднованіе какого нибудь церковнаго праздника во дворцѣ нашихъ древнихъ царей. По словамъ Забѣлина, московскіе цари, издревле благочестивые, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ теченіе года. Даже самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковной службѣ въ извѣстные праздники были ничто иное какъ церемоніальныя шествія, которыя поэтому возвѣщались нерѣдко, смотря по важности празднества, особымъ колокольнымъ звономъ, который и назывался выходнымъ *). Праздничные выходы царей сопровождались блескомъ и торжественностью необыкновенною. Царь обыкновенно, если не препятствовала этому погода, шелъ къ обѣднѣ пѣшкомъ, въ сопровожденіи большой свиты, состоявшей изъ бояръ и другихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Какъ на немъ самомъ, такъ и на окружавшихъ его придворныхъ бывали надѣты роскошныя тогдашняго времени и вкуса, наряды и одежды, поражавшіе своимъ великолѣпіемъ толпу и иностранцевъ, случайно бывавшихъ при этомъ. Лѣтомъ, въ этихъ случаяхъ, царь выходилъ въ легкомъ шелковомъ опашнѣ и въ золотой шапкѣ съ мѣховымъ околомъ, зимою—въ шубѣ и въ горлатной лисьей шапкѣ, осенью-же и въ ненастную погоду — въ суконной однорядкѣ. Въ рукахъ всегда былъ посохъ, сдѣланный изъ какого нибудь дорогого матеріала. Въ большіе праздники и торжества, каковы были Рождество Христово, Богоявленіе, недѣля Вайй, Пасха, Троицынъ день, Успенія и мног. друг. государь облекался въ «царскій нарядъ», состоявшій изъ порфиры, царскаго станового кафтана, царской короны, бармъ, наперстнаго креста и перевязи, возлагаемыхъ на грудь; вмѣсто посоха былъ въ рукахъ царскій жезлъ. Все это, конечно, было украшено золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. Такъ какъ весь этотъ нарядъ былъ тяжелъ, то государя поддерживали подъ руки. Лица, составлявшія царскую свиту, при этомъ бывали одѣты съ соотвѣтственою роскошью, причемъ если у кого не случалось своей роскошной одежды, то ему выдавалась такая на время церемоніи изъ царской казны. Общимъ для всѣхъ выходнымъ платьемъ была ферезея или ферезь; эти ферезеи раздѣлялись по богатству матерій на три разряда—золотыя, бархатныя и объяринныя. Каждая изъ нихъ предназначалась для тѣхъ или другихъ праздниковъ, смотря по важности ихъ. Во время шествія свита раздѣлялась рядами: люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, а бояре, окольничьи, думные и близкіе люди слѣдовали за государемъ. Царь Іоаннъ Грозный выходилъ къ обѣднѣ въ сопровожденіи рындъ, молодыхъ людей, по описанію одного изъ свидѣтелей такого выхода, итальянца Барберини, въ высокихъ бѣлаго бархата, съ жемчугомъ и серебромъ, шапкахъ, одеждѣ изъ бѣлой серебряной ткани, подбитой горностаями, и бѣлые сапоги. Каждый изъ нихъ несъ на своемъ плечѣ красный большой топоръ, украшенный серебромъ и золотомъ. Зимою выходъ царя въ церковь совершался на саняхъ *). Празднества церковныя сопровождались иногда «дѣйствами». Такъ напр. въ тогдашній Новый годъ, начинавшійся съ 1-го сентября, было совершаемо церковью «дѣйство многолѣтняго здоровья» въ Москвѣ противъ Краснаго крыльца. «Дѣйство» это состояло въ шествіи государя къ нарочно для того устроенному помосту, гдѣ ожидало его все высшее духовенство съ патріархомъ во главѣ, окруженное высшими гражданскими властями и начальниками войска стрѣльцовъ и гдѣ, по пришествіи царя, совершалась торжественная церковная служба, послѣ чего патріархъ говорилъ государю рѣчь, поздравляя его съ новымъ годомъ и желая здравія ему и всему семейству на слѣдующій наступавшій новый годъ. Царь отвѣтствовалъ на это краткою рѣчью. Затѣмъ вся площадь, покрытая безчисленными толпами народа и всѣ стрѣлецкіе полки, бывшіе тутъ «на стойкѣ» при этомъ дѣйствѣ—всѣ въ одно мгновеніе ударяли челомъ въ землю и многолѣтствовали царскому величеству. По окончаніи всей этой церемоніи царь отвѣтствовалъ міру поклономъ и шествовалъ домой. Ни одинъ, болѣе или менѣе крупный, праздникъ не обходился безъ подобнаго рода торжественныхъ выходовъ, придворныхъ церемоній и «дѣйствъ». Извѣстенъ обрядъ шествія торжественной процессіи во главѣ съ царемъ и патріархомъ въ недѣлю Вайй—вербную или цвѣтоносную. Такіе-же выходы и церемоніи, по большей части, сопровождали и всѣ другіе большіе церковные праздники. Самымъ блестящимъ и выдающимся между ними былъ царскій выходъ въ день Богоявленія или крещенія Господня. «Государь», пишетъ Забѣлинъ. «являлся въ это время народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, которыя во многомъ напоминали обычаи Востока. По словамъ иностранцевъ, стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное: со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ. Кремлевская площадь у царскаго дворца между соборами вся покрывалась въ это время густою толпою. Отъ Успенскаго собора и до самой Москвы рѣки, гдѣ находилась Іордань, строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами, со всѣмъ ратнымъ строемъ, двумя линіями пролегалъ широкую дорогу для крестнаго хода. Часу въ двѣнадцатомъ утра, въ то время, какъ патріархъ въ Успенскомъ соборѣ полагалъ начало службѣ, звонъ колоколовъ на Иванѣ-Великомъ возвѣщалъ народу, что государь началъ шествіе изъ своихъ комнатъ. Государь выходилъ въ соборъ по Красному крыльцу. Вошедъ въ соборъ и возложивъ на себя въ особомъ придѣлѣ царскій санъ, т. е. особый праздничный нарядъ, царь, при пѣніи многолѣтія, молился св. иконамъ и св. мощамъ и потомъ принималъ у патріарха благословеніе. Въ соборъ за государемъ входили одни только высшіе чины: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; прочіе же, начиная съ стольниковъ, останавливались на рундукѣ или помостѣ отъ Успенскаго собора до Архангельскаго, по обѣ стороны, по чинамъ, младшіе ниже старшихъ. Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался крестный ходъ, царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ. Патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его крестомъ, а духовныя власти отдавали ему по два поклона. Торжественное шествіе открывали стрѣльцы въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе, выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ по 200 чел. изъ каждаго. Они были въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ и шли по четыре человѣка

---

*) Древн. Рос. Вивл. XI, 38.

*) «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ» И. Забѣлина т. I, стр. 301.

въ рядъ, вооруженные золочеными пищалями и винтовками, ложи коихъ украшены были перламутровыми раковинами; другіе съ золочеными копьями и наконецъ третьи—съ нарядными золочеными протозанами (родъ алебарды), у которыхъ ратовища или древки были обтянуты желтымъ или червчатымъ атласомъ съ золотымъ галуномъ и украшены шелковыми кистями. Кромѣ того здѣсь же шли два пятидесятника съ обоюдными стальными топорами (алебардами) на древкахъ изъ чернаго дерева, украшенныхъ серебряными кистями. За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшихъ облаченіяхъ. Потомъ открывалось шествіе государя. Впереди шли дьяки разныхъ приказовъ, за ними дворяне, стряпчіе, стольники—въ «золотыхъ», т. е. въ золотыхъ кафтанахъ; далѣе ближніе люди думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ шубахъ. Всѣ-же тѣ, которые не имѣли такихъ богатыхъ кафтановъ, а были въ объяринныхъ или суконныхъ, отпускались на іордань прежде шествія государя, безъ сомнѣнія для того, чтобъ обыкновенными нарядами не нарушить общаго блеска и великолѣпія. Вслѣдъ за этимъ шелъ постельничій съ «царскою стряпнею». Государь шествовалъ въ большомъ «царскомъ нарядѣ». Сверхъ зипуна и богатѣйшаго станового кафтана на немъ было царское платье, изъ дорогой золотой матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Плечи его были покрыты бармами, на груди на золотой цѣпи былъ крестъ. Въ правой рукѣ былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и серебромъ. Когда вся процессія достигала мѣста своего назначенія, устланнаго краснымъ сукномъ и огороженнаго рѣшетками и балюстрадами, то начинался обрядъ освященія воды по церковному чину. Государь, по окончаніи богослуженія и освященіи воды, вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха и потомъ принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, причемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ говорилъ поздравительную рѣчь. Крестный ходъ возвращался въ томъ-же торжественномъ порядкѣ (ibid. стр. 317).

Наблюденія и размышленія.

(Фельетонные замѣтки и очерки).

— Слышали вы, какимъ успѣхомъ пользуется въ Парижѣ «Власть тьмы» графа Л. Н. Толстого?

Этотъ вопросъ то и дѣло раздается тамъ, гдѣ еще говорятъ у насъ о литературѣ. Большинство, казалось, не ждало этого успѣха. Скептики находятся даже и теперь и толкуютъ о томъ, что успѣхъ можно объяснить «пикантностью» драмы: всякіе адюлтеры въ благородныхъ семействахъ, этотъ главный конекъ современныхъ французскихъ драматурговъ, по объясненію этихъ скептиковъ, пріѣлись французамъ и вотъ они бѣгутъ смотрѣть на эту «варварскую драму». Едва-ли это такъ. Безпощаднымъ реализмомъ французовъ не удивишь. Они видѣли на сценѣ «L'assommoir». Но какія причины ни вызвали-бы успѣхъ «Власти тьмы», ему можно только порадоваться. Вы думаете, ради патріотизма? Вовсе нѣтъ. Радоваться нужно тому, что успѣхомъ пользуется произведеніе, заставляющее публику взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности. Такія произведенія часто бываютъ рѣзки, безпощадны, жестоки, но они отрезвляютъ общество отъ разныхъ иллюзій, а это отрезвленіе особенно нужно тамъ, гдѣ общество, какъ у насъ, сладко опьяняется разными разсказнями новѣйшихъ Шехеразадъ въ видѣ яко-бы историческихъ романовъ...

Эти яко-бы историческіе романы тоже злоба дня: публика смакуетъ ихъ, увлекается ими и знать не хочетъ, что это только сказки и больше ничего.

Гдѣ причины этого увлеченія? Посмотримъ.

Въ нашемъ домѣ жила старая няня, степенная и серьезная пожилая женщина, аристократка среди прислуги. Какъ-то разъ ей подарили билетъ въ театръ. Она принарядилась и отправилась смотрѣть пьесу. Не прошло и двухъ часовъ, какъ она вернулась домой, сердитою и раздраженною.

— Няня, развѣ пьеса кончилась? спросили мы.

— Кто ее знаетъ! сурово отвѣтила она. Чего смотрѣть-то. Рвань! Хоть-бы одѣлись порядочно. Очень мнѣ нужно на мужичье-то смотрѣть. Безстыдники, въ грязныхъ сарафанахъ да въ зипунахъ такъ и вышли! Этого-то добра и въ мелочныхъ лавкахъ насмотришься...

Оказалось, что она искренно обидѣлась на артистовъ, что они были «какъ есть мужики и мужички», играя пьесу «Шуба овечья—душа человѣчья». Мы много смѣялись надъ простотой доброй старушки, но потомъ, присматриваясь къ жизни, мы поняли, что многіе и многіе люди смотрятъ такъ-же на литературныя и художественныя произведенія, требуя не голой правды, а принаряженнаго вымысла.

Мы недавно бродили по одной изъ выставокъ—теперь въ Петербургѣ только тѣмъ и занимаются, что дѣлаютъ выставки и ходятъ по выставкамъ—и остановились передъ двумя картинами: на одной былъ написанъ песчаный бережокъ и разстилалась гладкая поверхность моря; на другой клубились тучи, поднимались волны, свирѣпствовала буря и былъ хаосъ пестрыхъ красокъ. Къ намъ подошелъ знакомый художникъ и, видя, что мы сравниваемъ эти двѣ картины, разсказалъ анекдотъ. У художниковъ, когда они уже завоевываютъ славу и деньги, всегда есть въ запасѣ анекдоты.

— На одной выставкѣ, началъ онъ разсказъ, въ двухъ залахъ были помѣщены горные пейзажи гг. Айвазовскаго и Лагоріо. Пришли какіе-то восточные человѣки и стали восхищаться картинами г. Айвазовскаго: «Ахъ, карошо! вотъ такъ карошо! совсэмъ карошо»! Имъ сказали: «Нѣтъ, а вотъ посмотрите въ другой залѣ картины»! Пошли они туда, гдѣ были картины г. Лагоріо, взглянули и говорятъ небрежно: «Ну, што тутъ смотрэть? Это мы каждый дэнь у сэбэ на Кавказэ видымъ! Совсэмъ, какъ у насъ»! и вернулись опять любоваться картинами г. Айвазовскаго...

Этотъ анекдотъ напомнилъ намъ другой случай, про который намъ разсказывала одна издательница иностранныхъ романовъ въ русскомъ переводѣ.

— Разъ я издала переводъ произведенія Француза, говорила она, гдѣ изображался еврейчикъ Мошка. Черезъ нѣсколько дней я получила письмо, гдѣ говорилось: «Госпожа издательница, вы напечатали романъ о Мошкѣ. Я самъ Мошка и хорошо знаю, какъ можетъ жить Мошка. Дайте мнѣ романъ, гдѣ были бы описаны княгини и графини и позвольте мнѣ быть счастливымъ хоть одинъ день»...

Это характерные факты. Они бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, почему въ извѣстной малоразвитой части публики въ такомъ ходу разные яко-бы историческіе романы. Эти произведенія уносятъ насъ отъ извѣстной намъ дѣйствительности и даютъ тому или другому Мошкѣ возможность быть счастливымъ хоть на одинъ день въ обществѣ разныхъ графинь и княгинь. Простой народъ, какъ извѣстно, долгое время читалъ и читаетъ теперь съ охотой «Прекрасныхъ магометанокъ», потому что своихъ Матренъ и Акулинъ онъ и такъ каждый день видитъ. И чѣмъ грустнѣе дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе въ извѣстномъ кругу общества развивается жажда потѣшить себя хоть сказкою. Оттого, можетъ быть, наибольшимъ успѣхомъ пользуются такъ называемые историческіе романы именно тогда, когда дѣйствительная жизнь становится уже очень неказиста. А какова въ наше время эта жизнь—не у насъ однихъ, а во всей Европѣ,—на это вамъ могутъ дать отвѣтъ всевозможные художники-реалисты и натуралисты: вся исторія Ругоновъ-Макаровъ, «Смерть Ивана Ильича», «Убогіе и нарядные», исторія разныхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, и т. д. И если кто вздумаетъ сказать, что это клевета на жизнь, то за клевету придется судить всю современную беллетристику огуломъ. Правда, идеалисты-народники долго еще говорили о непосредственной чистотѣ, объ устояхъ, о цѣломудріи народа, но когда въ одно и то же время появились и «Власть тьмы», и «Земля» Золя,—этимъ идеалистамъ-народникамъ пришлось повторить то, что вырвалось съ устъ одного изъ нихъ въ порывѣ отчаянія:

— Теперь остается только повѣситься!

Мы такихъ крутыхъ мѣръ не признаемъ, думая, что вѣшаться ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Напротивъ того, мы думаемъ, что именно теперь-то и не слѣдуетъ прятать подъ крыло голову, слушая историческія побасенки, а слѣдуетъ смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности, если она точно такъ непригляднa. Чѣмъ опаснѣе врагъ, тѣмъ лучше нужно его знать, чтобы имѣть силы бороться съ нимъ...

— А что дѣлается у васъ теперь въ Петербургѣ? можетъ насъ спросить провинціальный читатель.

Трудно отвѣтить на это. Скучаютъ всѣ надъ политическою канителью, повторяя два слова: миръ—война, война—миръ. Охаютъ надъ паденіемъ курса и тоже твердятъ одну и ту же фразу: рубль—полтинникъ, полтинникъ—рубль. Для разсѣянія скуки устраиваются выставки: выставка освѣщенія, выставка фотографическаго дѣла, выставка картинъ въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ, выставка передвижниковъ, выставка любителей породистыхъ собакъ, выставка восковыхъ фигуръ и пытокъ въ Пассажѣ, выставка восковыхъ фигуръ и анатомическихъ пикантностей на Невскомъ проспектѣ, выставка этнографическихъ предметовъ съ китайцами, распарывающими животы, и съ китайцами, перемалываемыми подъ жерновами. Вездѣ, впрочемъ, одинаково скучно, вездѣ зрители ходятъ позѣвывая. Веселѣе нѣсколько на балахъ, и на костюмированныхъ вечерахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ въ аристократическихъ домахъ и въ разныхъ собраніяхъ, но и это пріѣдается: одинъ костюмированный балъ въ театрѣ г. Панаева не удался вовсе и кто-то въ газетахъ замѣтилъ, что для удачи подобныхъ баловъ нужны деньги, а у большинства теперь денегъ нѣтъ. Поразвлеклась, правда, публика на нѣкоторое время курьезнымъ споромъ г. Панаева и г. Пруссака: первый утверждалъ, что его театръ не провалится, второй утверждалъ, что онъ непремѣнно провалится. Но надоѣло и это. Теперь рѣшили не говорить объ этомъ больше въ печати и ждать терпѣливо, провалится зданіе итальянской оперы или не провалится. Любителямъ держать пари представляется удобный случай побиться объ закладъ и выиграть или проиграть ставку. Но какъ ни развлекаются люди, а нервы сказываются и то и дѣло слышишь объ умопомѣшательствахъ, самоубійствахъ и нервныхъ ударахъ. Не даромъ же нашъ вѣкъ называется «нервнымъ вѣкомъ». Особенно страшно отразились на наукѣ и искусствѣ эти скоропостижныя смерти. Еще не очень давно всѣ были поражены, когда внезапно умерли профессоръ Бутлеровъ, Бородинъ, Крамской, а нынѣшній годъ въ теченіи трехъ недѣль скоропостижная смерть унесла въ могилы одного изъ художниковъ Петра Ивановича Балашова, потомъ бывшую пѣвицу русской оперы Анну Александровну Бичурину и, наконецъ, писателя и артиста императорскаго театра Александра Трофимовича Трофимова. Хороша эта смерть для тѣхъ, кто умираетъ; тяжко она отзывается на тѣхъ близкихъ, которые переживаютъ умершихъ. Иногда подобная смерть уноситъ не только любимаго человѣка, но сразу подрываетъ все матеріяльное благосостояніе семьи, не ожидавшей удара, не подготовившейся къ нему. И хорошо еще, если общество во время озаботится о подобной семьѣ, поспѣшитъ справиться, могъ-ли оставить что нибудь какой нибудь труженикъ-писатель и не избалованный большими окладами артистъ. По большей-же части, никто и не думаетъ объ этомъ: похоронятъ покойника, возложатъ вѣнки на его могилу, скажутъ приличныя случаю рѣчи и конецъ. А его семья? До нея часто никому нѣтъ дѣла...

X.

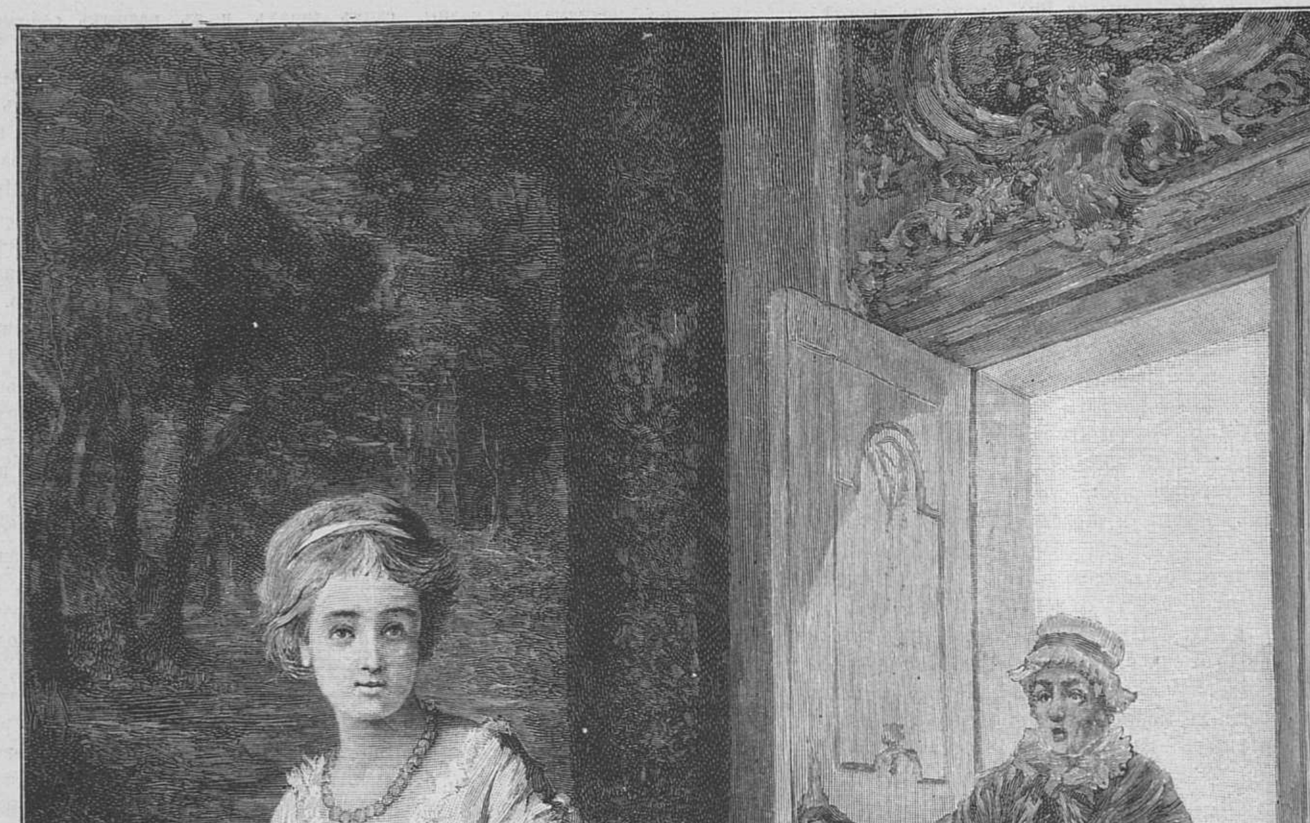
ЖУРНАЛИСТИКА.

«Вѣстникъ Европы».

Февральская книжка «Вѣстника Европы» не богата беллетристикою; но въ ней мы находимъ продолженіе «Воспоминаній» И. А. Гончарова, которыя, конечно, несравненно цѣннѣе многихъ повѣстей и романовъ новаго моднаго производства. Въ главахъ, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ, авторъ описываетъ начало своей службы въ провинціи, правителемъ канцеляріи у губернатора Углицкаго. Служба въ провинціи продолжалась недолго и кончилась съ отставкою губернатора, патрона нашего автора. Вмѣстѣ съ губернаторомъ и онъ отправился въ Петербургъ. Пріѣздомъ въ Петербургъ кончается эта часть «Воспоминаній», помѣщенная въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы». Въ одномъ изъ прошлыхъ обзоровъ журналистики мы уже дали отчетъ о новомъ произведеніи И. А. Гончарова и характеризовали «Воспоминанія» словами самого автора. Стало быть, къ этому возвращаться нѣтъ нужды. «Воспоминанія» имѣютъ характеръ произведенія не біографическаго или историческаго, а художественнаго; авторъ описываетъ не себя и событія своей жизни, а жизнь губернскаго общества за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, тогдашніе порядки, нравы, типическія личности. Конечно, не мы одни желали бы встрѣтить въ слѣдующихъ книжкахъ «Вѣстника Европы» продолженіе «Воспоминаній» знаменитаго романиста.

В. П. Гаевскій сообщаетъ обстоятельныя свѣдѣнія о перстнѣ Пушкина, извѣстномъ «талисманѣ». Княгиня Воронцова подарила Пушкину перстень, по поводу котораго Пушкинъ написалъ свое стихотвореніе «Талисманъ». Княгиня Воронцова, даря перстень, дѣйствительно считала его талисманомъ и наивно вѣрила въ его волшебную силу. Эти мысли раздѣлялъ и Пушкинъ, и онъ этому перстню придавалъ особое значеніе. Теперь вопросъ: что же это за перстень? По изслѣдованіямъ оказалось, что подъ именемъ «таинственнаго и древняго талисмана» княгиня Воронцова купила перстень крымско-караимскаго происхожденія, работы конца прошлаго или начала нынѣшняго вѣка; а таинственныя письмена, начертанныя на перстнѣ — простая еврейская надпись, которая гласитъ: «Симла, сынъ почтеннаго рабби Іосифа старца, да будетъ его память благословенна». Такимъ образомъ, знаменитый талисманъ ничто иное, какъ простая именная печать какого-то еврея Симхи. Гдѣ темное и запутанное дѣло, тамъ непремѣнно нужно ожидать какого нибудь Симху. Послѣ Пушкина талисманъ принадлежалъ Жуковскому, сыномъ Жуковскаго былъ подаренъ И. С. Тургеневу, а по смерти его Полиною Віардо, получавшею по завѣщанію все его движимое имущество, подаренъ лицею и находится теперь въ Пушкинскомъ Музеѣ. Происхожденіе и значеніе «Талисмана» уяснены только недавно въ 1880 году. По поводу перстня г. Гаевскій говоритъ о стихотвореніи «Талисманъ» и сообщаетъ нѣчто и для біографіи Пушкина, и для комментарія къ его стихотвореніямъ. Чего нибудь значительнаго и крупнаго, авторъ не могъ дать ужь по самой тэмѣ своего изслѣдованія. Но тѣмъ не менѣе онъ въ правѣ ожидать благодарности за свой кропотливый трудъ отъ всѣхъ почитателей Пушкина. А. Н. Пыпинъ написалъ статью: «Новые романы Сенкевича», въ которой подвергъ строгой, но справедливой критикѣ и художественные, и публицистическіе пріемы польскаго романиста. Для русскаго общества статья почтеннаго писателя не имѣетъ особеннаго значенія, а поляки ее непремѣнно должны прочитать и замотать на свой длинный усъ. Наши читатели знакомы съ произведеніями Сенкевича. «Живописное Обозрѣніе» едва-ли не прежде другихъ печатало его «Огнемъ и мечемъ». Сенкевичъ—не Толстой и не Вальтеръ-Скотъ. Его историческіе романы ни въ какомъ смыслѣ нельзя признать классическими произведеніями, достойными занять мѣсто, хотя бы и скромное, въ исторіи всеобщей литературы. Романы его имѣютъ внѣшній интересъ и представляютъ занятное легкое чтеніе. Узкая и уста-

КЪ СТИХОТВОРЕНІЮ „СТАРЫЙ ДОМЪ“.

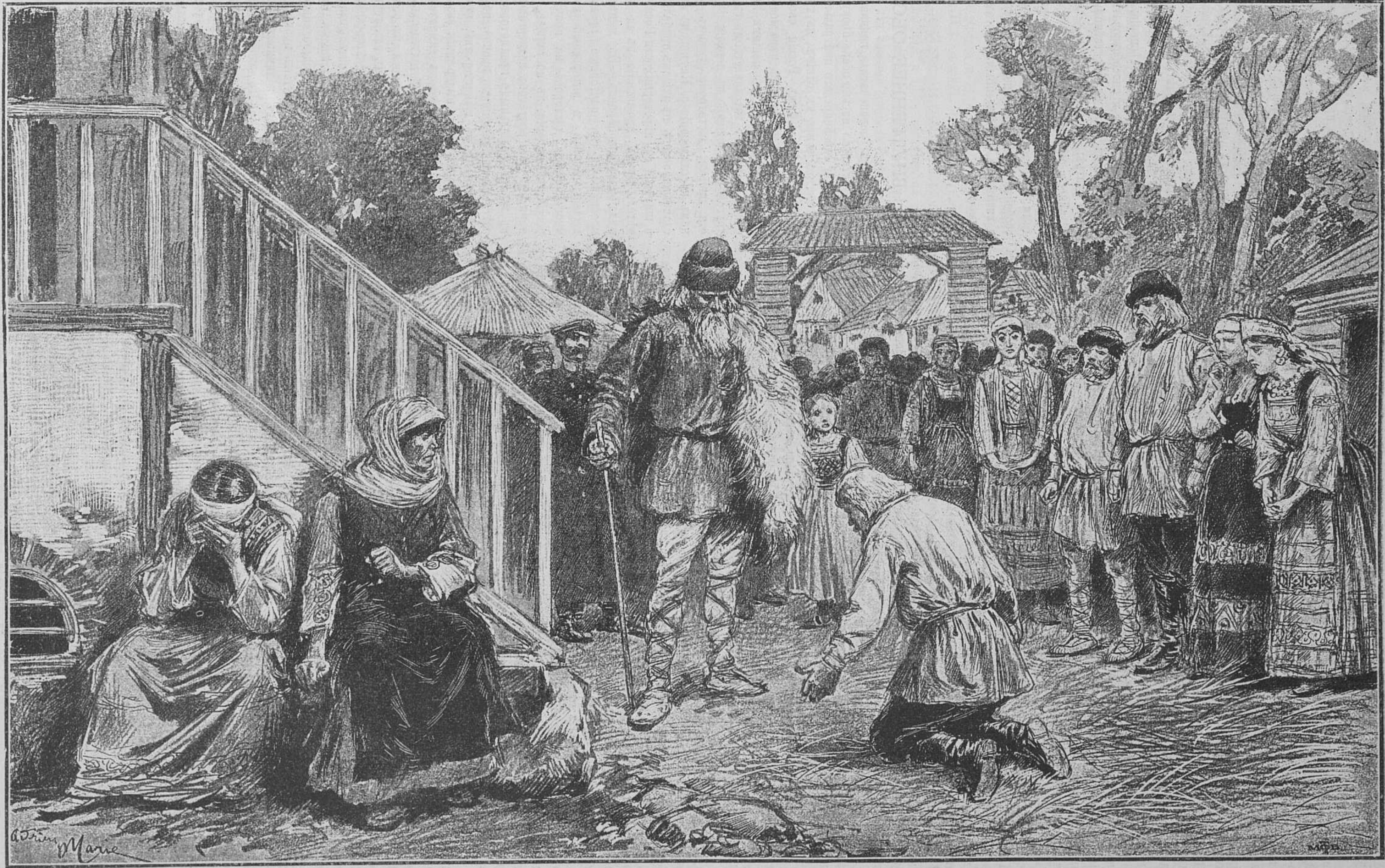


Роковой поцѣлуй.

Гравировалъ на деревѣ Бренд'амуръ въ Дюссельдорфѣ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ РУССКИМЪ ДРАМАТИЧЕСКИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ.

(Воспроизведено по наброску съ натуры корресп.-художн. журн. «Le Monde Illustré» Адріенъ Мари).



Анисья. Матрена. Акимъ. Анютка. Никита. Акулина.

Драма графа Л. Н. Толстаго «Власть тьмы» на сценѣ «Théâtre Libre» въ Парижѣ.

рѣлая шляхетская тенденція проникаетъ романы и значительно обезображиваетъ ихъ и умаляетъ ихъ достоинство. Такъ мы смотрѣли на романы Сенкевича, когда печатали ихъ, чтобы познакомить читателей съ новою польскою литературою. Намъ не было нужды указывать на тенденцію романиста; читателямъ она была ясна сама собою. Русскому читателю не нужно было объяснять и художественное значеніе польскаго романиста. Кто читалъ Толстого и Мордовцева, долженъ безъ руководства опредѣлить мѣсто Сенкевича. Мы думали такъ; но послушайте, что поляки говорятъ о Сенкевичѣ и его историческихъ романахъ, и вы придете въ крайнее недоумѣніе. «Сенкевичъ — геній; онъ далъ такія произведенія, которыя ставятъ его на ряду съ корифеями польской литературы—Мицкевичемъ, Красинскимъ, Словицкимъ, Винцентіемъ Полемъ; онъ даже превзошелъ ихъ». Слушайте дальше: «Сенкевичъ выше Шекспира, Мильтона, Данта и Гете»... Такія дикія вещи, замѣтьте, не только бормотали поляки въ свою бороду, въ темныхъ уголкахъ, а проповѣдывали громогласно и публично. Краковскій профессоръ, графъ Тарновскій въ этомъ духѣ прочиталъ рядъ публичныхъ лекцій о романахъ Сенкевича и публично громко апплодировали лектору. Этого, кажется, довольно. Теперь судите, каково-же эстетическое и литературное образованіе польскаго общества! Положимъ, не художественныя достоинства романовъ Сенкевича были главною причиною этого восторга, а публицистическія тенденціи. Но тогда—каково же гуманное и политическое развитіе польскаго общества? Какой образованный человѣкъ въ XIX в. возьметъ на себя храбрость восхвалять безправіе, религіозную нетерпимость, шляхетскую узость и даже канибальскую жестокость? Почтенный А. Н. Пыпинъ никогда не былъ проповѣдникомъ національной вражды и узкопонятой народности; потому поляки должны его почитать и прочитать со вниманіемъ. Надо думать, что они хватили чрезъ край, если такой человѣкъ не утерпѣлъ и читаетъ имъ нотацію. Г. Пыпинъ, очевидно, взялся за свое дѣло и сдѣлалъ его хорошо и кстати.

А вотъ г. В. Соловьевъ, носящій званіе «философа» въ отличіе отъ другихъ Соловьевыхъ, кажется, взялся не за свое дѣло. Мы все думали, что онъ народникъ и почвенникъ, почитатель и въ вопросахъ политики, и публицистики, единомышленникъ покойнаго Достоевскаго. А онъ для насъ совершенно неожиданно нашу мать Россію и православный русскій народъ взялъ да и отдѣлалъ на всѣ бока. Это учинилъ онъ въ февральской книжкѣ «Вѣстн. Евр.» въ статьѣ своей, озаглавленной: «Россія и Европа». Эта статья окончательно убѣдила насъ, что отъ г. Соловьева можно всегда ожидать неожиданнаго. Онъ очень своеобразный и очень искренній человѣкъ и въ словѣ воистинну рыцарь безъ страха и упрека. Когда-то онъ богословствовалъ и оповѣстилъ, что церковь содержитъ не важные догматы (онъ выражался порѣзче въ Соляномъ городкѣ). Понравился ему католицизмъ; онъ сейчасъ же всему православному міру оповѣстилъ свои нѣжныя симпатіи къ папству. Убѣдился онъ въ томъ; что іудейство—наилучшая система, и евреи—прекраснѣйшіе люди на земномъ шарѣ; и это убѣжденіе изложилъ въ «Русской Мысли» въ прошломъ году) такъ выразительно, какъ едва ли могъ сдѣлать самый увлеченный еврей. Въ публицистическихъ статьяхъ г. Соловьева всегда повторяется что нибудь старое, всѣмъ извѣстное и много разъ высказанное. Но тѣмъ не менѣе объ его статьяхъ всегда говорятъ, и онѣ являются неожиданностью. Конечно, будутъ говорить и объ его статьѣ: «Россія и Европа». Статья написана по поводу давно извѣстныхъ сочиненій Данилевскаго (Россія и Европа и Дарвинизмъ) и Страхова (Борьба съ западомъ въ русской литературѣ) и въ ней развиваются старыя, много разъ повторенныя мысли противъ славянофильскаго ученія объ особенностяхъ славянскаго міра и его будущности. Г. Соловьевъ повторяетъ то же самое, что когда-то говорилъ извѣстный Чаадаевъ, что много разъ говорили западники въспорѣ съ славянофилами. Но ухитряется говорить такъ, что, думаемъ, даже усердные западники найдутъ и голословными, и рѣзкими, и слишкомъ односторонними его разсужденія. Онъ ведетъ рѣчь свою прямо къ тому, что Россія отжила свой вѣкъ; замѣтьте, нисколько не живетъ культурною жизнью и не имѣетъ никакихъ задатковъ для дальнѣйшихъ успѣховъ въ культурномъ отношеніи. Мы не принадлежимъ къ поклонникамъ славянофильскихъ теорій. Но это не обязываетъ насъ признавать основательною и особенно глубокомысленною статью г. Соловьева. Онъ хватилъ черезъ край и наговорилъ много такого, чего доказать нельзя.

Вотъ противъ статьи г. И. И. Янжула, вѣроятно, не найдутъ серьезныхъ возраженіи и тѣ, кому эта статья придется не по душѣ. Мы говоримъ о статьѣ: „Фабричный рабочій въ средней Россіи и въ Царствѣ Польскомъ“. Московскій экономистъ здѣсь трактуетъ о современномъ и жгучемъ вопросѣ въ нашемъ промышленномъ мірѣ. Конечно, всѣ слыхали, что уже нѣсколько лѣтъ, какъ идетъ упорная борьба изъ за обладанія рынками между центромъ Россіи и ея окраинами—губерніями Царства Польскаго. Въ этой борьбѣ, если не окончательная побѣда, то весьма замѣтный перевѣсъ принадлежитъ окраинамъ. Московское и всероссійское купечество, не умѣя побѣдить своихъ, болѣе искусныхъ конкуррентовъ, уже обращалось къ правительству съ жалобами и просьбами покровительства и привиллегій. Лодзинскіе фабриканты въ виду этого представили начальству и свою записку, въ которой, съ своей стороны, освѣтили дѣло конкурренціи. И министерство внутреннихъ дѣлъ, и министерство финансовъ занялись этимъ важнымъ вопросомъ нашей промышленности. Ученый авторъ въ своемъ трудѣ имѣетъ цѣлью освѣтить одну сторону важнаго въ практическомъ отношеніи и спорнаго вопроса объ условіяхъ промышленнаго труда въ различныхъ частяхъ россійской имперіи. Авторъ воспользовался доступными изслѣдованіями и лично изучилъ дѣло какъ въ центрѣ Россіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ, и свои выводы дѣлаетъ изъ достовѣрныхъ фактовъ и статистическихъ данныхъ. Г. Янжулъ перебралъ всѣ стороны жизни рабочаго въ Средней Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, и оказалось, что въ Царствѣ Польскомъ рабочій пользуется большимъ благополучіемъ, чѣмъ въ срединѣ Россіи: онъ избавленъ отъ произвола хозяина, правильно получаетъ расчетъ, плата его выше, количество рабочихъ часовъ меньше, жилище удобнѣе, пропитаніе лучше и дешевле; у него есть медицинская помощь, пособіе въ несчастныхъ или экстренныхъ случаяхъ изъ кассы и даже пенсія. Московскіе рабочіе и вообще рабочіе у русскихъ фабрикантовъ ничего этого не имѣютъ, подвержены эксплуатаціи и произволу фабриканта, живутъ въ самой тяжелой обстановкѣ и ничѣмъ не гарантированы на случай несчастія. Чтобы познакомить со всѣмъ разнообразіемъ встрѣчающихся на польскихъ фабрикахъ благотворительныхъ учрежденій для рабочихъ, авторъ приводитъ перечень таковыхъ на одной фабрикѣ Шейблера—одной изъ крупнѣйшихъ во всей Россіи. Кромѣ больницы, аптеки, двухъ школъ, ресторана и проч., фабрика имѣетъ слѣдующія собственно благотворительныя учрежденія: 1) потребительное общество; фабрика даетъ для него безплатно зданіе, квартиру для служащихъ и капиталъ, нужный для оборота (268,349 р. за послѣдній отчетный годъ), и общество беретъ лишь 5 проц. на продаваемые продукты, прибыль же присоединяетъ къ капиталу вспомоществованія; 2) общество вспомоществованія для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, на что фабрика даетъ ежегодно 7466 р.; 3) сберегательная и вспомогательная касса для служащихъ, получающихъ менѣе двухъ съ половиною тысячъ въ годъ; капиталъ образуется вычетомъ 5 проц. съ жалованья участниковъ и таковой же приплатой отъ фабрики; 4) пенсіонный фондъ для рабочихъ, который поддерживается отчисленіемъ 2 проц. отъ воловой прибыли фабрики, что составляетъ въ годъ около 25.000 р.; 5) сберегательная касса для рабочихъ и нѣкоторыя другія учрежденія. Почти каждая польская фабрика имѣетъ такія многочисленныя и разнообразныя благотворительныя учрежденія для рабочихъ; а на 158 московскихъ фабрикъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій приходится—всего лишь 10. Теперь поймите, какимъ благополучіемъ пользуется московскій рабочій! Благодаря хорошему положенію рабочихъ, и ихъ довѣрію и уваженію къ хозяевамъ, а также образованію хозяевъ и ихъ правильному взгляду на свои отношенія къ рабочимъ, промышленность Царства Польскаго идетъ успѣшнѣе московской и побѣждаетъ ее въ конкурренціи. Для успѣха нашей промышленности нужно улучшить отношенія между хозяевами и рабочими и увеличить довѣріе и согласіе между ними. Какъ это сдѣлать? Правительство указало путь къ этому новымъ фабричнымъ закономъ 3-го іюня 1886 г. Но само собою разумѣется, что благія и гуманныя предначертанія закона окажутся безсильными измѣнить что либо къ лучшему, если сами заинтересованныя лица, вмѣсто теперешней апатіи и даже непріязни, не пойдутъ на встрѣчу намѣреніямъ закона, не помогутъ его выполненію и не проникнуться убѣжденіемъ, что законъ этотъ имѣетъ именно въ виду вывести нашу фабричную промышленность изъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ находится ея внутренняя жизнь, и которое ставитъ ее въ неблагопріятное положеніе даже по сравненія съ Привислянскимъ краемъ, не говоря уже о западной Европѣ. Пора сознать нашимъ промышленникамъ, что нельзя успокоиваться и ограничиваться однимъ лишь повышеніемъ охранительныхъ пошлинъ и на нихъ возлагать всю надежду для поднятія промышленности; необходимо подумать о мѣрахъ къ улучшенію всего внутренняго фабричнаго быта и способовъ самаго производства. Дальнѣйшая поддержка и проведеніе въ жизнь началъ гуманнаго закона, являясь однимъ изъ существенныхъ условій улучшенія быта рабочихъ и ихъ состава на нашихъ фабрикахъ, послужитъ къ улучшенію самой промышленности, и слѣдовательно явится и новымъ орудіемъ успѣшной конкурренціи промышленности центральныхъ губерній съ губерніями Привислянскаго края. Этимъ совѣтомъ заключаетъ свою прекрасную статью почтенный московскій экономистъ. Не думаемъ, чтобы совѣтъ былъ по вкусу нашему именитому купечеству: оно и въ законѣ 3-го іюня 1886 г. видѣло для себя великое стѣсненіе; а тутъ еще совѣтуютъ—проникнуться и способствовать.

Нашъ извѣстный путешественникъ, г. Потанинъ, въ своей статьѣ: «Три народности»—даетъ характеристику китайцевъ, монголовъ и тангутовъ. Русскому человѣку весьма полезно познакомиться съ этими своими сосѣдями и, конечно, статья г. Потанина найдетъ читателей, особенно въ виду недавнихъ препирательствъ о Китаѣ и китайцахъ, возбужденныхъ книгами Пржевальскаго и Симона.

П. Скромный.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Всѣ газеты перепечатали появившееся въ «Церковномъ Вѣстникѣ» письмо оберъ-прокурора Св. Синода къ президенту швейцарскаго центральнаго комитета Евангелическаго союза въ отвѣтъ на ходатайство его объ отмѣнѣ «стѣсненій въ Россіи свободы совѣсти»; въ письмѣ этомъ проводится параллель между православною церковью и ея отношеніями къ иностранцамъ, съ одной стороны и католичествомъ съ лютеранствомъ, съ другой по отношенію къ первой; не приводя всего текста письма, достаточно указать на упоминаемыя въ немъ преслѣдованія о. Наумовича въ Австріи и православныхъ эстовъ въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ; о широкой же вѣротерпимости Россіи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ проживаніе въ ея предѣлахъ многихъ милліоновъ иновѣрцевъ.—Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ настоящее время разсматривается весьма важный и интересный вопросъ о правахъ иностранныхъ докторовъ на практику въ предѣлахъ россійской имперіи; въ настоящее время, врачи заграничныхъ университетовъ подвергаются испытанію лишь въ знаніи спеціальныхъ предметовъ, считающихся обязательными для нашихъ врачей, но по проэкту, разрабатываемому въ министерствѣ, предполагается требовать сверхъ того выдержанія экзамена на аттестатъ зрѣлости изъ предметовъ гимназическаго курса; мѣра эта вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе русскіе юноши, не добившіеся на родинѣ аттестата зрѣлости, уѣзжаютъ въ одинъ изъ германскихъ университетовъ, получаютъ тамъ докторскій дипломъ и держатъ затѣмъ здѣсь лишь дополнительный экзаменъ по медицинскимъ наукамъ.—Казеннымъ палатамъ предписано привести въ извѣстность число конторъ, производящихъ банковыя операціи, путемъ провѣрки выбранныхъ торговыхъ документовъ и личными изслѣдованіями податныхъ инспекторовъ. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, распоряженіе это имѣетъ цѣлью съ одной стороны имѣть нѣкоторый надзоръ за операціями банкирскихъ конторъ, а съ другой—взиманіе вновь установленнаго сбора съ спеціальныхъ текущихъ счетовъ, открываемыхъ банкирскими конторами своимъ кліентамъ подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ. Въ то-же время казеннымъ палатамъ предписано доставлять мѣстнымъ контрольнымъ палатамъ списки всѣхъ находящихся въ губерніи общественныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій и банкирскихъ конторъ съ извѣщеніемъ о каждомъ вновь образовавшемся или прекратившемъ свои дѣйствія учрежденіи или конторѣ.—Министерство финансовъ проэктируетъ издать новыя облегчительныя правила для табаководовъ, къ числу которыхъ относится сложеніе акциза съ табака и табачныхъ издѣлій, экспортируемыхъ за-границу, и кромѣ того нѣкоторыя важныя измѣненія въ нынѣ дѣйствующемъ табачномъ уставѣ.—Бюджетъ Великаго Княжества Финляндскаго на трехлѣтіе 1889—1891 представляетъ слѣдующія данныя: на народное образованіе назначено 270,000 марокъ; на военные расходы 10.855,000; на путей сообщенія $2^1/_2$ милліона; доходы-же княжества составляются между прочимъ изъ въ $3^1/_2$ милліона марокъ въ текущемъ трехлѣтіи; $2^1/_2$ милліона съ пошлинъ, $3^1/_2$ съ табачнаго акциза и болѣе 6 милліоновъ дохода даетъ Финляндскій банкъ. Дѣла свои мѣстное управленіе ведетъ прекрасно; особенно хорошо поставлено учебное дѣло. Во всемъ княжествѣ въ настоящее время 24 гимназіи съ 4,036 учениками, изъ которыхъ собственно на финскія гимназіи приходится 2,280 воспитанниковъ. Финскій языкъ, какъ языкъ преподаванія, сдѣлалъ за послѣднее десятилѣтіе весьма значительные успѣхи: за это время основано десять новыхъ финскихъ гимназій и число учениковъ возросло до 1,394, тогда какъ число воспитанниковъ въ шведскихъ гимназіяхъ увеличилось за то же время только на 10 человѣкъ. Напротивъ въ Гельсингфорсѣ, переполненномъ издавна шведами, составляющими также главный контингентъ населенія принадлежащихъ къ городу окрестностей, т. е. большую часть мѣстнаго крестьянства, шведскій языкъ въ дѣлѣ народнаго образованія занималъ всегда первое мѣсто. Въ самомъ Гельсингфорсѣ въ настоящее время находится 18 шведскихъ и 17 финскихъ высшихъ и низшихъ училищъ и 1 училище съ смѣшаннымъ преподавательскимъ языкомъ. Высшіе женскіе педагогическіе курсы посѣщаютъ 31 шведка и 11 финокъ; учителей и учительницъ во всѣхъ 35 высшихъ и низшихъ училищахъ 93, учащихся 3,041, изъ которыхъ 1,661 человѣкъ приходится на высшія, а 1,288 человѣкъ на низшія училища. Кромѣ того, по предложенію, Торкелля сдѣлано обязательнымъ для каждаго прихода имѣть школу съ курсомъ выше элементарнаго.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Восточному вопросу повидимому суждено оставаться вѣчно неразрѣшимому; въ послѣднее время Россія, на которую были устремлены всѣ взоры и на которую за терпѣливое ожиданіе событій сыпалось столько нареканій отъ другихъ государствъ, уступила еще разъ и ясно оформулировала свои желанія и требованія. Въ европейскомъ концертѣ поднялся страшный шумъ и всѣ заговорили, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Рѣшеніе Россіи объясняется иностранною печатью выраженнымъ престарѣлымъ германскимъ императоромъ желаніемъ видѣть при жизни водвореніе въ Европѣ общаго мира и спокойствія; ему же приписываютъ и давленіе на Австрію къ выполненію, въ предѣлахъ возможности, русскихъ требованій; не смотря на противодѣйствіе, встрѣчаемое въ Вѣнѣ русскими предложеніями, въ Берлинѣ преобладаетъ увѣренность, что дѣло въ концѣ концовъ уладится и вооруженнаго конфликта между Россіей и Австро-Венгріей опасаться не слѣдуетъ; тѣмъ болѣе, что по слухамъ, переговоры князя Бисмарка съ римскимъ и лондонскимъ кабинетами относительно присоединенія ихъ къ извѣстной русской программѣ обѣщаютъ увѣнчаться успѣхомъ, а такъ какъ въ такомъ случаѣ Австро-Венгрія рискуетъ оказаться изолированною, то она тоже, вѣроятно, предпочтетъ отказаться отъ дальнѣйшей оппозиціи желаніямъ Россіи. Австрія съ своей стороны принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобъ не поддаться необходимости покориться общему желанію, а съ другой—не остаться изолированною. Телеграфъ (отъ 18 февраля) передалъ содержаніе руководящей статьи «Pesther Lloyd», въ которой доказывается, что въ свое время оккупація Босніи и Герцеговины была предоставлена Австро-Венгріи, какъ вознагражденіе за установленіе русскаго вліянія въ сѣверной Болгаріи. Теперь, когда Восточная Румелія возсоединилась съ Болгаріей, возстановленіе этого вліянія было бы равносильно распространенію его за Балканы, а потому Австріи по необходимости слѣдовало бы дать дальнѣйшеее вознагражденіе. Въ pendant къ этому мадьярскія газеты печатаютъ хвалебные гимны графу Кальноки за то, что онъ въ рѣшительные дни оправдалъ ожиданія, возлагавшіяся на него венгерскими политиками, желая своими похвалами подбодрить графа Кальноки, чтобы онъ остался непреклоннымъ и не поддавался ни на какія предложенія русской дипломатіи, тогда какъ въ здѣшнихъ высшихъ правительственныхъ кружкахъ замѣчается склонность смягчить оппозицію по отношенію къ Россіи. Въ Болгаріи, причинѣ всѣхъ золъ творится что-то неладное. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Болгаріи, разногласія между министрами, а также общее неудовольствіе замѣтно усиливаются. Сообщаютъ, что Странскій и Стамбуловъ окончательно поссорились съ Начевичемъ и что дѣло дошло бы давно до крупнаго скандала, если бы не вмѣшательство принцессы Клементины, которая всячески старается отстоять за сыномъ занятый имъ престолъ, а потому и прилагаетъ отчаянныя усилія къ тому, чтобы улаживать раздоры между главными его совѣтниками и руководителями. Но какъ въ средѣ послѣднихъ, такъ и въ арміи и массѣ населенія начинаютъ тяготиться неопредѣленностью положенія, и стремленія выйти изъ него обнаруживаются все съ большею силою. Возникшіе оживленные переговоры между правительствами имѣютъ потому такое большое значеніе, что всякое обостреніе въ нихъ можетъ вызвать вооруженное столкновеніе: дѣло идетъ къ веснѣ; на границахъ всѣхъ странъ стоятъ громады войскъ и, кажется, достаточно искорки, чтобы вспыхнулъ пожаръ великой европейской войны...

Книжное дѣло, музыка, научныя новости, живопись и пр.

Императорское археологическое общество присудило И. Ѳ. Барщевскому медаль за труды по фотографированію древне-русскихъ памятниковъ, архитектурныхъ и разныхъ памятниковъ древне-русскаго художественно-промышленнаго производства. Г. Барщевскимъ въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1882—1887 г., исполнено около 2,000 фотографическихъ листовъ большого формата in 4°, которые въ общей сложности составляютъ атласъ въ 27 томовъ.—Картина Яна Матейко «Шествіе Христа на тайную вечерю», по сообщенію нѣмецкихъ газетъ, перешла въ собственность краковскаго городскаго музея.—28 февраля въ С.-Петербургѣ открывается выставка товарищества передвижныхъ выставокъ; однимъ изъ главныхъ дѣятелей и учредитель этого товарищества былъ покойный Крамской. — На столичной сценѣ, на прошлой недѣлѣ, былъ поставленъ новый балетъ Петипа «Весталка»; сюжетъ изъ древней римской жизни; обстановка балета роскошна.—Въ скоромъ времени предполагается выходъ въ свѣтъ «библіографическаго словаря русскихъ современныхъ музыкантовъ» П. Зиновьева; словарь будетъ заключать 260 біографій и критическіе очерки о наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ. — Вѣнскимъ картографическимъ заведеніемъ Артарія и Комп. готовится къ изданію въ свѣтъ въ концѣ февраля военная карта Россіи, съ указаніемъ распредѣленія русскихъ войскъ по разнымъ мѣстностямъ и съ приложеніемъ особой наглядной таблицы численности русской арміи въ мирное время, во время мобилизаціи и во время войны. Карта обработана однимъ офицеромъ австрійскаго генеральнаго штаба въ масштабѣ 1 : 450,000. Этимъ-же заведеніемъ Артарія выпускается новое изданіе обработанной Фрейтагомъ генеральной карты западной Россіи, въ масштабѣ 1 : 1.500,000.—Императорское московское археологическое общество обратилось къ ученымъ археологическимъ учрежденіямъ и губернскимъ статистическимъ комитетамъ съ просьбой содѣйствовать ему въ составленіи археологической карты, которую предполагается издать въ январѣ 1890 года, т. е. ко времени открытія въ Москвѣ восьмого археологическаго съѣзда; на эту карту предположено занести всѣ сохранившіеся на русской землѣ курганы, гражданскіе и церковные древніе памятники.

Медицина, эпидеміи, заболѣванія и пр.

Американскіе врачи недавно установили, что смерть Роберта Двайра, занимавшаго видное мѣсто въ военной іерархіи, произошла отъ горошины, засѣвшей въ одномъ изъ изгибовъ кишекъ (appendis vermiformis); эта смерть заставила врачей вспомнить нѣсколько другихъ смертей отъ воспаленія кишекъ, причиненнаго ихъ засореніемъ зернышками яблоковъ, апельсиновъ, винограда и т. п., и печатно предупредить публику, чтобы при ѣдѣ фруктовъ была соблюдаема возможная осторожность. — Въ интересной публичной лекціи «о медѣ и его примѣненіяхъ», прочитанной недавно въ Винтертурѣ, г. Тейлеръ изъ Цуга, одинъ изъ весьма видныхъ членовъ швейцарскаго общества пчеловодовъ (энергически преслѣдующій всякую поддѣлку пчелинаго продукта и дѣйствительно успѣвшій въ послѣднее время поднять швейцарскій медъ на небывалую еще высоту доброкачественности), обращаетъ, между прочимъ, вниманіе потребителей на діэтетическое и терапевтическое значеніе настоящаго (неподдѣльнаго) меда. По словамъ автора, «медъ представляетъ одно изъ самыхъ лучшихъ пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ, чѣмъ и объясняется именно тотъ фактъ, что названіе «медъ» присваивается такому огромному числу всевозможныхъ поддѣльныхъ продуктовъ. Онъ отличается крайнею легковаримостью, такъ какъ представляетъ родъ естественно приготовленнаго пищевого предмета, предпереваренняго уже въ организмѣ пчелы». Отсюда онъ переносится даже самымъ слабымъ желудкомъ. Лучше всего употреблять медъ съ хлѣбомъ намазывая тонкимъ слоемъ на ломтики. Особенно полезно правильное употребленіе меда, въ смѣси съ молокомъ, для слабыхъ дѣтей и стариковъ. Какъ укрѣпляющее средство, онъ пользуется въ швейцарской народной медицинѣ такою прочною и громкою славою, что борцы изъ Бернскаго Оберланда (альпійскіе пастухи, горные сыроваренные рабочіе и т. д.) неизмѣнно пьютъ медъ съ молокомъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣлъ передъ днемъ состязанія—передъ днемъ такъ наз. «праздника борцовъ (Schwingerfest)»—пьютъ съ цѣлью наилучшаго закаливанія своихъ силъ. Швейцарская народная медицина признаетъ медъ также специфическимъ и быстродѣйствующимъ, въ 2 — 3 дня, средствомъ противъ коклюша: здѣсь медъ назначается въ тщательно-приготовленной смѣси съ равною частью хорошаго уксуса, по половинѣ столовой ложки смѣси на пріемъ, послѣ каждой трапезы. Каждую порцію такой смѣси ребенокъ долженъ принимать лишь по немногу, весьма медленно. Прекрасно дѣйствуетъ медъ и при блѣдной немочи, крупѣ, чахоткѣ; при золотушныхъ глазныхъ заболѣваніяхъ, язвахъ кожи и т. д. Лучше всего давать медъ въ видѣ тѣста съ мукою.—Въ «Revue Internationale des Falsifications des Denrées Alimentaires» обращается вниманіе на существованіе минеральной краски, содержащей окись желѣза съ небольшою примѣсью глинозема, которая употребляется фабрикантами какао для приданія ему цвѣта.—Въ Бельгіи обнаружена примѣсь къ мукѣ квасцовъ; фальсификація эта производилась въ большомъ учрежденіи, носившемъ названіе «Compagnie Anonyme Anversoise des Moulins à Merxemlez-Anvers», которое заявляло печатно, что доставляемая имъ мука пріятна на вкусъ, питательна и здорова; такимъ образомъ фальсификаторы не стѣсняются подмѣшивать вредныя примѣси даже къ хлѣбу, продукту, всѣми употребляемому и служащему для нѣкоторыхъ классовъ населенія главнымъ пищевымъ средствомъ.—Употребляемыя нами пряности, какъ-то: перецъ, мускатный орѣхъ, шафранъ—содержатъ разнообразныя примѣси, хотя въ большинствѣ случаевъ безвредныя, за то крайне низкія по цѣнамъ; существуютъ даже искуственныя зерна перца, совершенно похожія на настоящія.

КЪ РИСУНКАМЪ.

На масляницѣ къ балаганамъ.

Едва откроетъ глаза петербуржецъ въ первый день масляницы въ воскресенье, какъ уже его слухъ поражаютъ совершенно новые звуки—звуки мелкихъ бубенчиковъ. Это чухны пріѣхали. И точно, смотритъ онъ на улицу—вездѣ виднѣются деревенскія сани, вездѣ мелькаютъ сытыя и бойкія деревенскія лошаденки, вездѣ то и дѣло являются около нихъ не извозчики въ своей «форменной» одеждѣ, а простые мужики въ тулупахъ. Нѣсколько тысячъ этихъ чухонъ оживляютъ городъ, наполняютъ улицы своеобразнымъ говоромъ, придаютъ имъ особенный характеръ. Всю масляницу приходится работать чухнамъ: мелкое купечество, мѣщане, небогатые чиновники, мастеровые, ребята, весь этотъ болѣе или менѣе не мудреный людъ то и дѣло катается на чухнахъ, которые и замѣняютъ на масляницѣ дорого стоющія тройки, доступныя только богачамъ. Но не одни небогатые и простые люди разъѣзжаютъ на чухнахъ; иногда и представители высшаго общества, ради пикантности, устраиваютъ пикники, поѣздки куда нибудь за-городъ на чухнахъ. Быстрая и удалая ѣзда, низенькія сани, своеобразная чухонская смѣлость-неосторожность, все это придаетъ интересъ катанью. Но въ послѣднее время и это удовольствіе начинаетъ превращаться въ плохую спекуляцію ловкихъ людей—въ городѣ число настоящихъ чухонъ уменьшается, а ѣздятъ «переряженные» извозчики, благо, это выгодно; при этомъ переряживанья теряется и характеръ саней, и характеръ ѣзды, и самыя отношенія между публикой и возницей, такъ какъ, надо правду сказать, несноснѣе и наглѣе нашего петербургскаго извозчика ничего нѣтъ.

Послѣдніяусилія зимы.

Еще морозомъ воздухъ вѣетъ,
Но вмѣсто зимней полутьмы
Весеннимъ блескомъ небо рдѣетъ
И фея строгая зимы,
Вся зарумянясь, такъ бросаетъ
Свой снѣгъ, какъ будто-бы, рѣзвясь,
По дѣтски весело играетъ
Съ землей въ снѣжки въ послѣдній разъ.

Султанъ Тураншахъ беретъ въ плѣнъ Людовика Святого.

Въ предыдущей замѣткѣ (№ 7) мы очертили въ короткихъ словахъ жизнь Людовика Святого. Теперь намъ приходится коснуться самой печальной стороны его жизни: неудачнаго похода въ Святую землю. 28 августа 1248 г. Людовикъ отплылъ изъ Франціи и 17 сентября былъ уже въ Кипрѣ. На этомъ островѣ была проведена зима. Въ маѣ флотъ французскихъ крестоносцевъ тронулся въ путь. Потерпѣвъ на дорогѣ сильную бурю, крестоносцы наконецъ завидѣли Египетъ. Собрали совѣтъ, какъ и когда сдѣлать высадку на берегъ. Людовикъ говорилъ страстно и требовалъ, чтобы высадились всѣ тотчасъ же. Совѣтъ былъ принятъ и въ виду сарацынъ всѣ крестоносцы вышли или, вѣрнѣе сказать, бросились на берегъ. Мусульмане, тѣснимые крестоносцами, отступили. Людовикъ послѣ побѣды, въ сопровожденіи духовенства, босымъ вошелъ въ Дамьетту, оставленную врагами. Это было время половодья Нила, когда было неудобно продолжать путь; кромѣ того изъ Франціи ждали съ подкрѣпленіями графа Пуатье, брата короля; эти причины заставили армію расположиться въ Дамьеттѣ. Началась та праздная жизнь, которая не разъ уже губила цѣлыя арміи въ томъ или другомъ смыслѣ. Гульба и развратъ среди крестоносцевъ дошли до чудовищныхъ размѣровъ. Бароны, вмѣсто того, чтобы удержать отъ излишествъ солдатъ, сами задавали чудовищные пиры — «les grands mangers et les outrageuses viandes»,—не говоря уже ни о чемъ остальномъ. По словамъ Жуанвиля, самые гнусные притоны содержались приближенными короля и притомъ почти подлѣ королевской ставки. Только въ ноябрѣ рѣшились крестоносцы двинуться на Каиръ, отъ чего, впрочемъ, самые предусмотрительные изъ вождей отговаривали Людовика. Неизвѣстный путь среди рѣчекъ и каналовъ, сырая почва, недостатокъ легкой конницы, все это не сулило успѣха, а тутъ еще въ добавокъ ко всему греческій огонь: когда-то его изобрѣли для борьбы съ магометанами, теперь онъ производилъ ужасъ среди поклонниковъ креста и при каждомъ взрывѣ его, какъ разсказываетъ Жуанвиль, Людовикъ падалъ на колѣни, восклицая: «Beau Sire, Dieu Jesus Christ, garde moi et toute ma gent» (Милосердый Господь Богъ Іисусъ Христосъ, спаси меня и весь мой народъ). Послѣ долгихъ усилій въ началѣ 1250 года крестоносцамъ удалось овладѣть городомъ Мансурой, но дѣло испортилъ графъ Артуа, братъ Людовика: зарвавшись въ свалку, онъ съ цѣлой массой рыцарей погибъ среди враговъ. Враги воспользовались удобнымъ случаемъ и овладѣли въ тылу непріятеля христіанскими судами, подвозившими съѣстные припасы: крестоносцы, потерявшіе половину войска, остались безъ пищи. Начались повальныя болѣзни. Надо было отступать, но это приходилось дѣлать очень поспѣшно, такъ какъ султанъ Тураншахъ уже почти окружилъ войско. Людовику, уже больному, совѣтовали спастись бѣгствомъ, но онъ рѣшился не покидать своего войска. Онъ отступалъ въ арьергардѣ и нѣсколько разъ его вѣрному спутнику Жоффруа де Сержину приходилось защищать его отъ сарацинъ. Это отступленіе описано съ неподражаемой простотой у Жуанвиля. «Мессиръ Жоффруа, говорится въ этомъ разсказѣ, отгонялъ отъ короля сарацинъ, какъ хорошій слуга защищаетъ отъ мухъ чашу (le hanap) своего господина». Но спасти короля отъ враговъ было уже невозможно. Почти безъ борьбы удалось теперь Туранщаху овладѣть королемъ и его братьями, а вмѣстѣ съ ними и всѣми остатками войска. Пошли казни, пытки, поруганія. Жуанвиль говоритъ, что до 10,000 человѣкъ казнили за то, что они не приняли ислама. Королева, оставшаяся въ Даміеттѣ, узнавъ объ участи мужа, просила бывшаго при ней стараго вождя: «Sir Chevalier, je vous requiers sur la foy que m'avez donnée, que si les Sarracins prennent cette ville, vous me couppiez la teste, avant qu'ils me puissent prendre» (рыцарь, я полагаюсь на вашу преданность и вѣрю, что вы мнѣ отрубите голову, прежде чѣмъ сарацины возьмутъ городъ). На это старикъ коротко отвѣтилъ: «я уже думалъ объ этомъ». Не мудрено, что въ такомъ положеніи Людовикъ быстро согласился на предложенныя условія выкупа, хотя они были страшно тяжки. Правда, онъ сказалъ, что «французскіе короли не продаются за деньги», но прибавилъ къ этому, что «за деньги онъ выкупаетъ войско, а за себя возвращаетъ Даміетту». Денегъ приходилось уплатить до 7,000,000 франковъ. Къ несчастію, мачиха султана Туранщаха и мамелюки устроили заговоръ и убили своего повелителя. Переговоры на нѣкоторое время затянулись. Наконецъ Людовику удалось окончить эту сдѣлку и перебраться въ Палестину съ женой, братьями и горстью оставшихся въ живыхъ крестоносцевъ. Три года онъ прожилъ здѣсь, все еще надѣясь на помощь изъ Европы, ухаживая за больными, поддерживая христіанъ, укрѣпляя христіанскіе города, а во Франціи между тѣмъ уже начались безпорядки. Среди низшихъ классовъ народа, земледѣльцевъ, бродягъ, нищихъ и разбойниковъ распространился слухъ, что надо помочь королю, и вотъ возникло общество «пастушковъ» (pastoureaux), которое начало грабить во имя французскаго короля. Біанкѣ Кастильской, оставшейся регентшею во Франціи, пришлось считаться съ этимъ сбродомъ и охранять Францію отъ грабежей. Не смотря на ея просьбы, Людовикъ не возвращался домой. Наконецъ не стало и ея. Эта смерть тяжело поразила его. «О, Господи, воскликнулъ онъ, я дѣйствительно любилъ мою мать болѣе, чѣмъ кого бы то ни было, но да будетъ воля твоя и благословится имя твое». Не ѣхать теперь во Францію было невозможно и уже 24 апрѣля 1254 года Людовикъ тронулся въ путь, а 5 сентября былъ въ Венсеннѣ.

Электрическій экипажъ.

Недавно одинъ американскій инженеръ, завѣдующій электрической желѣзной дорогой, сдѣлалъ попытку приспособить двигаемые электричествомъ вагоны къ движенію по обыкновеннымъ дорогамъ. Экипажъ, представленный на нашемъ рисункѣ, приводится въ движеніе электро-моторомъ въ 1/2 лошадиной силы. Электрическій токъ получается при содѣйствіи 16 аккумуляторовъ и его хватаетъ для движенія повозки въ теченіи шести часовъ. Само собою разумѣется, что скорость передвиженія зависитъ отъ качествъ дороги и нагрузки. По асфальтовой мостовой оно совершается скорѣе, а по булыжной медленнѣе. Двигаясь по прямому шоссе, повозка достигаетъ скорости въ 9 миль въ часъ. Если въ повозкѣ сидитъ не болѣе двухъ человѣкъ, она можетъ двигаться по дорогѣ съ уклономъ 1/30.

Шутъ за прялкой.

Маленькая любимица всего населенія стараго замка, уже умѣющая вязать чулки, никакъ не можетъ научиться прясть, хотя ее и учатъ всѣ. Наконецъ является шутъ и объявляетъ, что это самое легкое дѣло. Онъ садится за прялку, дѣлаетъ умышленно тѣ же неловкости, какія дѣлаетъ маленькая дѣвочка, и теперь уже увѣряетъ, что этой наукѣ никогда не научишься. Кругомъ раздается веселый смѣхъ и больше всѣхъ посмѣивается маленькая дѣвочка. Тѣмъ не менѣе, какъ только уйдетъ добродушный шутъ, такъ тотчасъ же она усядится за прялку, чтобы доказать шуту, что если онъ не умѣетъ прясть, то она-то умѣетъ. Вотъ содержаніе одной изъ прелестныхъ картинъ Г. Каульбаха, отличающейся добродушіемъ и юморомъ, исполненной превосходно талантливымъ художникомъ, какъ и всѣ его другія произведенія.

Въ старомъ домѣ.

Почти что старикомъ попалъ онъ вновь случайно
Въ свои давнымъ давно забытые края,
Гдѣ росъ онъ, сынъ любви, покрытый вѣчной тайной,
Какъ съ улицы къ чужимъ попавшее дитя.
Въ покои старые заброшеннаго дома
Вступилъ онъ съ робостью: здѣсь въ дни его весны
Впервые сдѣлалась тоска ему знакома
И снились первые безрадостные сны.
Но не объ этихъ снахъ въ душѣ воспоминанье
Проснулось въ этотъ мигъ. Забывъ про горечь слезъ,
Онъ вспомнилъ милое и кроткое созданье,
Съ которымъ, какъ съ сестрой, онъ здѣсь когда-то росъ.
И горе, и печаль дѣлилъ онъ только съ нею,
Когда-жь промчалися младенчества лѣта,
Онъ полюбилъ ее, какъ сказочную фею,—
И та любовь была наивна и чиста.
Угадывать ея желанія глазами,
Внимать ея рѣчамъ, быть вмѣстѣ съ ней всегда,
Прильнуть къ ея рукѣ украдкою устами,—
Вотъ все, чего просилъ онъ у судьбы тогда...
Вотъ старая рояль. Здѣсь музыка и пѣнье
Имъ подсказали все, что волновало кровь.
Онъ помнитъ чудный мигъ, когда безъ объясненья
Имъ стала ясной ихъ взаимная любовь.
Припалъ къ ея рукѣ онъ въ сладостной тревогѣ,
Но слабый двери скрипъ развѣялъ свѣтлый сонъ:
Мать гнѣвная ея стояла на порогѣ
И приговоръ надъ нимъ ужь былъ произнесенъ...
Въ широкій божій міръ жестоко и позорно
Онъ былъ заброшенъ вновь на тяжкую борьбу,
На неустанный трудъ... А ей, всегда покорной,
Пришлось соединить съ другимъ свою судьбу.
Съ тѣхъ поръ прошли года. Завоевалъ по праву
Онъ имя громкое, богатство и почетъ,
Но счастія не зналъ онъ, не смотря на славу
И позабыть не могъ своихъ былыхъ невзгодъ,
Своей былой любви... Его влекло порою
Взглянуть на этотъ домъ, какъ будто думалъ онъ,
Что храмъ его любви заботливой судьбою
Отъ бурь и непогодъ былъ свято защищенъ,
А фею милую, какъ изъ волшебной сказки
Царевну спящую, оставилъ юной рокъ,
И взглядъ ея очей остался полныхъ ласки,
И на щекахъ ея румянецъ не поблекъ...
И вотъ вошелъ онъ въ домъ. По комнатамъ пустыннымъ
Ногами шаркая, слуга повелъ его
И передалъ ему въ разсказѣ страшно длинномъ
Что здѣсь случилося, и какъ, и отчего:
«Самихъ» давно ужь нѣтъ. Сынки все подѣлили
И промотали все на бабъ, да на вино.
Извѣстно, старики прижимистыми были,
А молодымъ пожить хотѣлося давно...
Дочь замужъ выдали. Противиться не смѣла
Отцу и матери — за старика пошла...
Да онъ, чай, самъ не радъ, что сладилъ это дѣло,
Какъ въ домѣ ладу нѣтъ, такъ жизнь-то не мила...
Дѣтей послалъ имъ Богъ. Такъ при немиломъ мужѣ
Не милы и они. Отъ горя и отъ ссоръ
У ней не стало силъ, здоровье стало хуже
И въ домѣ начался одинъ сплошной раздоръ»...
Дослушавъ розсказни, исполненный печали,
До старыхъ клавишей коснулся онъ рукой
И вдругъ пронесся звукъ разстроенной рояли,
Какъ кашель старческій, и хриплый, и сухой,—
Казалось, этотъ звукъ, его коснувшись слуха,
Съ насмѣшкой говорилъ, что фея прежнихъ дней
Теперь покрытая морщинами старуха,
Брюжжащая весь день на мужа и дѣтей...

«Власть тьмы» на сценѣ «Свободнаго театра».

Мы уже говорили, что «Власть тьмы» гр. Л. Н. Толстого въ переводѣ на французскій языкъ, сдѣланномъ гг. И. Павловскимъ и Оскаромъ Метенье, была поставлена на сценѣ «Свободнаго театра» въ Парижѣ. «Свободный театръ» основанъ нѣкимъ г. Антуаномъ съ цѣлью дать возможность быть поставленными на сцену тѣмъ произведеніямъ, которыя по какимъ нибудь побочнымъ и закулиснымъ, иногда очень неблаговиднымъ соображеніямъ не попали на сцены другихъ театровъ. Затѣя была довольно рискованною, но тѣмъ не менѣе она удалась, благодаря избранной части общества, литераторамъ, художникамъ, артистамъ, любителямъ литературы. Собственной залы «Свободный театръ» не имѣетъ и сначала давалъ представленія въ «Elisée de Beaux-Arts», а потомъ перенесъ ихъ въ болѣе обширное помѣщеніе «Gaîté Montparnasse». Драма гр. Л. Н. Толстого была поставлена тщательно и привлекла на представленія самое избранное общество, которое и съумѣло оцѣнить всѣ крупныя достоинства этого крайне оригинальнаго произведенія нашего талантливаго писателя. Роли были распредѣлены между г-жей Л. Дорси (Анисья), г-жей Барни (Матрена), г-жей Люсъ Коласъ (Акулина), г-номъ Антуаномъ (Акимъ), г-номъ Мевисто (Никита) и проч. Помѣщаемый нами рисунокъ изображаетъ моментъ покаянія Никиты въ послѣднемъ дѣйствіи драмы.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 24-го февраля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій, пер. собств. д. № 14.

FRANCE
МОСКОВСКАЯ ВСЕРОССІЙСКАЯ ВЫСТАВКА
1882 г.
1882 г.
1872
Gde MEDAILLE D'ARGENT
ЗА ПРЕКРАСНУЮ ХУДОЖЕСТВ: РѢЗЬБУ — ЗА МЕБЕЛЬ СЪ РѢЗЬБОЮ. ХОРОШ: ВКУСА И ОТЛИЧНОЙ РАБОТЫ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕБЕЛЬ.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА СТОЛЯРНУЮ И РѢЗНУЮ РАБОТЫ.

Н. ЛОВИТОНЪ, Невскій, № 60,

противъ Аничкина дворца.

310 (4—2).

НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

каррикатуръ, силуэтовъ и картинъ. Очень интересно и забавно, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Цѣна за 5 конв. (50 карт.) 3 р.
» » 10 » (100 карт.) 5 р.
съ пересылкою во всѣ города Россіи.

Цѣна за 1 пробный конвертъ 65 коп. Торговцамъ значительная уступка. Можно получить въ игрушечныхъ, писчебумажныхъ и табачныхъ магазинахъ. Главный складъ СПБ. Большая Садовая, № 12. **О. Лессеръ.**

№ 315 (5—2).

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно. Большая Морская, № 25. въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—1).

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

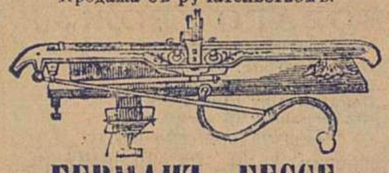
Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1826 г.) Предостерегаю отъ подделокъ. Только съ этимъ клеймомъ неподдельны.

Можно получать въ большинствѣ магазинахъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ. Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ алицариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *специальностей.*

318 (26—2).

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ
для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.

№ 158 (52—24).

за 16 руб.

1) **Камеръ-обскура,** съ помощью которой можно снимать портреты, виды и проч.

2) **Самоучитель рисованія** акварелью по бумагѣ, атласу и стеклу (печатное наставленіе) большой изящный ящикъ красокъ.

3) **Стереоскопъ** съ карт., изображ. извѣстн. процессіи, конгрессы, балы и проч.

Отдѣльно каждая вещь 6 руб. съ пересылк.

за 30 руб.

Ружье двухствольное съ витымъ ствол. изв. фабр. Тромбеля, Лепажа, Дортуа и др. шомпольное. Ружья заряж. съ казен. части, центральнаго боя 40—65 и 80 руб.

Всѣ цѣны съ пересылкою. Адресовать: въ Москву, въ Англійскую торговлю Языковой. (Грузинская ул., д. № 60. № 320 (3—1).

Только-что поступила въ продажу новая книга:

„НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА“

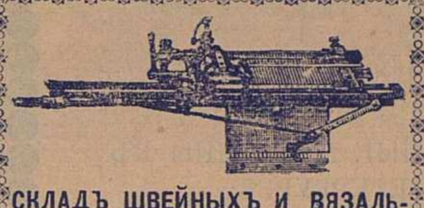
Соч. ЭБЕРСА.

Историческій романъ изъ временъ язычества.

Изящное изданіе (съ портрет. авт.) въ 600 страницъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Подписчики „Живоп. Обозрѣн.“ за пересылку не платятъ.



СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Больш. Морская д. № 26

Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

№ 216 (30—9)

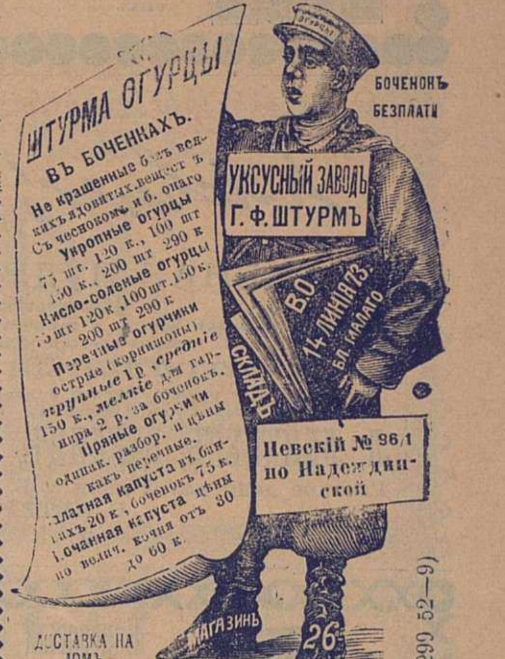
ПАРФЮМЕРІЯ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА А. СІУ и Ко.

СРЕДСТВА ДЛЯ КУРЕНІЯ.

Тройной Амбре 35, 65 и 1 р. 10 к.
Египетская вода 45, 85 и 1 р. 65 к.
Придворн. вода кур. выс. с. 1 р. 40 к.
Міель д'Англетеръ 1 р. 40 к.
Уксусъ ароматическій 40 и 80 к.
Карболовый уксусъ 60 коп.
Сосновая вода 55 к. и 1 р.

МОСКВА Тверская д. Варгина
Ильинка д. Торгов. Банка
С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ № 16

№ 327 (1—1).



ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к.
200 шт 290 к
Перечные огурчики
острые (корнишоны)
крупные 1 р., средние 150 к., мелкие для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики
одинак. разбор. и цѣны
какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к., боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.

№ 299 (52—9)

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается нѣжною и придаетъ ей бѣлизну, нѣжность. Зимою она удобна противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза. Цѣна флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ, у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлертъ и Ко, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная, № 38.

№ 314 (47—3).

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора А. Янсонъ.

Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.

Продается:

Въ **Москвѣ:** у Л. Борхардтъ, Г. Брунсъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.

Въ **С.-Петербургѣ:** Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.

кромѣ того имѣется:

у М. Заксъ, Г. Клосъ и Ко., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ, Ф. Линде, О. Роосъ; Русск. Общество торг. аптекарск. товарами и во многихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.

№ 323 (26—1)

! За 30 коп. !

почтовыми марками высылаются

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ

съ объясненіями и прейсъ-курант.

за 50 коп.

почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономныхъ курителей. Получше 70 коп. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „чужаго“. Получать можно во всѣхъ игрушеч. и бум. магазинахъ Петербурга и Москвы.

Главное депо мастерская игръ

А. МЕЛАМЕДА.

Спб., Обуховскій пр., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.

№ 322 (3—2).

ЭЛЕОПАТЪ

Пр. КИНУНЕНА

УПОТРЕБЛЯЕТСЯ ПРОТИВЪ ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ И ПЕРХОТИ ГОЛОВЫ ЦѢНА ФЛАКОНУ 1 Р. 50 К. КЪ УСЛУГАМЪ ПУБЛИКИ ВО ВСѢХЪ АПТЕК. и КОСМЕТ. ЛАБОРАТ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: **Клеопатра египетская царица,** механически движущаяся. **А. С. Пушкинъ, Пастеръ,** графъ **Лесепсъ.** группа, сказки **Шехерезди изъ 1,001 ночи, Сонъ** на яву, механическая фигура, **Елена Прекрасная,** и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.

№ 324 (10—2).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—26).

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.— Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 290 (53—10)

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.
Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
МЫЛО ГЛИЦЕРИНОВОЕ И МЫЛО ПРОЗРАЧНОЕ
МЫЛО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 45 к.
Миндальное.—Ирисовое.—Сюкъ де-Летю.—Крымская фіалка.
МЫЛО САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 65 к.

Шипръ
Шампака
Геліотропъ
Эксъ Буке
Иксора
Буке Императрисъ.
Кадзура.
Жокей Клубъ.

МЫЛА КАРБОЛОВОЕ ДЕГТЯРНОЕ И ПРОЧ.
приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ХИМИЧЕСКАЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

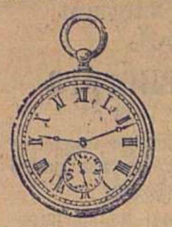
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1. Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
2. Невскій проспектъ у Аничкина моста, № 66.
3. Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера № 18—54.
(Розничная и оптовая продажа).
Въ МОСКВѢ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ
№ 321 (1—1)

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Цѣна коробки 1 рубль.
Лучшая пудра для вечера, а также и дня! Незамѣтно на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!
Театральныя гримировки
румяна, бѣлила и карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, БЕРЛИНЪ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.
Главное депо для Россіи у Б. АУРИХА, Стремянная, № 4, С.-ПЕТЕРБУРГЪ. № 183 (15—12).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.
Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.
Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—26)



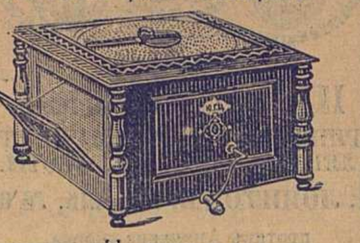
ДЕПО ЧАСОВЪ
Эд. Бурхарда.
1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 3/68.
Рекомендуетъ:
Часы съ календар. никель . . . 15 р.
„ „ „ сереб. отъ 18 до 33 „
„ „ „ стальне . . 23 „
Часы безъ стрѣл. сереб. отъ 35 до 40 „
Часы стальные [черные] отъ 15 до 25 „
Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.
№ 289 (27—6).

Водоочищающіе
ФИЛЬТРЫ
многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.
№ 228 (52—15)

Усовершенствованные пожарные
ТРУБЫ И НАСОСЫ
„ПОТОКЪ“
для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.
Прейсъ-курантъ безплатно.
№ 186 (40—16).

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ НОВОСТИ
ДЖЕРСИ
Гладкіе отъ 3 р. 50 к.
Вышитые 4 р. 50 к., 6 р., 8 р.
Съ бисеромъ черн. 5 р. 50 к. 8 р. 50 к.
для бальныхъ платьевъ:
кремъ, розовые, голубые, геліотропъ.
Гг. Иногородные могутъ выписывать съ наложеннымъ платежемъ, черезъ почту, при заказѣ обозначать цвѣтъ и мѣру таліи.
МАГАЗИНЪ БѢЛЬЯ
Гостиный дворъ № 22 по Невскому нижн. гал.
№ 331 (3—1).

ДЕШЕВАЯ И ПРАКТИЧНАЯ
МУЗЫКА ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.



НОВЫЙ ГЕРОФОНЪ
съ приспособленіемъ для игры piano и forte. Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 40 руб Большое число добавочныхъ пьесъ по 70 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунт.
Аристонъ-Органъ
Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 32 р. Большое количество добавочныхъ пьесъ по 70 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 45 фунт.
Каталоги пьесъ для герофона и для аристона безплатно.
Вышеозначенные инструменты и ноты къ нимъ продаются у меня только патентованные. Поддѣланныхъ, которые легко портятся, не имѣю.
Юлій Генрихъ Циммерманъ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго. № 256.

НОВАГО УРОЖАЯ
замѣчательно хорошія папиросы:
„Охота“ 10 шт. 10 к.
„Дамскія“ 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія“ 10 шт. 6 к.
„Фотографъ“ 10 шт. 6 к.
Получать можно всюду:
Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.
Соб. магаз. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающимъ не менѣе 25 р. до 1000 вер. разстояніе, пересылка и упаковка на счетъ магазина.
№ 329 (44—1).

Зубочистное средство
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ШВЕДСКІЙ
зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо Демидовъ пер. №. 1.
№ 243 (57—14)

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства
ПУДРА НИЛЬСОНЪ
самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ. Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р. Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ
Химической лабораторіи
РООСЪ.
1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.
Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—10)

Съ 1-го января 1888 года свѣже-приготовленные
фруктовые экстракты фабрики Ю. МАРТЕНСА.
Будутъ продаваться по уменьшеннымъ цѣнамъ.
КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ

сткл. (1 б.)	1/2 сткл.	1/4 сткл.	1/8 сткл.
по 1 р.	по 55 к.	по 30 к.	по 20 к.

ВИШНЕВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ и ЧЕРНОСМОРОДИНОВ.

сткл. (1 б.)	1/2 сткл.	1/4 сткл.	1/8 сткл.
по 3 р. 50 к.	по 1 р. 80 к.	по 1 руб.	по 55 к.

Оптовымъ покупателямъ дѣлается соразмѣрная уступка.
Фабрика и складъ: Разъѣзжая ул., № 49. Телефонъ № 999.
Ю. МАРТЕНСА.
Магазинъ: Гороховая улица, № 22. Телефонъ № 1200.
Продажа: у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ аптекарскомъ обществѣ, у Александра Венцеля, во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и фруктовыхъ магазинахъ. № 226.

Нумеръ 9-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) Обертки и 3) № 2-го „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній“ за Февраль.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 24-го февраля 1888 г.
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 10
6 МАРТА
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Промышленность, технологія и торговля.

Стоимость проектированнаго морского канала между Сѣвернымъ моремъ и Каттегатомъ исчислена въ 36,000,000 кронъ, при чемъ ширина канала будетъ 80 футовъ, а глубина 21 ф.; работы будетъ производить голландское товарищество съ правомъ выпустить акціи. Новый путь сократитъ на 14 миль (географическихъ, по 7 в. въ мили) проходимое нынѣ разстояніе, совершенно устранивъ при томъ опасность отъ неудобствъ нынѣшняго фарватера, и кромѣ того послужитъ конкуренціею собственно нѣмецкому плану соединенія Нѣмецкаго моря съ Балтійскимъ. Осуществить первое предположеніе при утилизаціи Лимфіорда можно въ пять лѣтъ. — Въ 1887 г. кончился первый годъ введенія въ Англіи пониженной телеграфной таксы и, по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ главною дирекціею почтъ и телеграфовъ, число поданныхъ депешъ въ періодѣ 1886 — 1887 гг. было 40.137,175 противъ 30.087,869, бывшихъ въ 1885—1886 гг.; сборъ за депеши возвысился съ 31.940,130 до 33.871,975 франковъ. Такимъ образомъ оказалось увеличеніе числа депешъ на 33% и сбора на 6%. Число городскихъ депешъ въ Лондонѣ увеличилось почти на 50% и достигаетъ 3.800,000 въ годъ, но расходы по этой службѣ превышаютъ сборъ и даютъ значительный дефицитъ. — О постоянныхъ усовершенствованіяхъ, дѣлаемыхъ въ области фотографіи, приходилось уже указывать, особенно поразительны новыя приспособленія для моментальныхъ снимковъ, дающія возможность прослѣдить не только видоизмѣненія общаго движенія людей и животныхъ, но даже отдѣльныя части движенія. Благодаря этому, французскому ученому Марею удалось изслѣдовать законы полета птицы при помощи фотографическихъ снимковъ. Надо знать, что весь взмахъ полета напр. голубя состоитъ изъ множества отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ каждый можно фотографировать отдѣльно,—между тѣмъ въ одну секунду голубь дѣлаетъ нѣсколько взмаховъ; на снимкахъ схвачены даже приготовительныя движенія къ полету. Фотографическіе снимки сдѣлали видимымъ полетъ пистолетной пули, дали изображеніе молніи, пробѣгающей по облаку. Изслѣдованія по этому послѣднему вопросу указали, что молнія падаетъ на землю въ видѣ зигзаговъ—но не той формы, какъ намъ она обыкновенно представляется, а съ цѣлымъ рядомъ боковыхъ вѣтвей, между которыми замѣчаются темныя пространства. Услуги фотографіи, при ея нынѣшнемъ развитіи, особенно цѣнны въ астрономіи, т. к. для снятія снимковъ съ небесныхъ свѣтилъ достаточно $^{1}/_{200}$ части секунды; поэтому всѣ вычисленія дѣлаются безусловно вѣрно, такъ какъ не приходится принимать въ расчетъ время.—Вслѣдствіе печальной случайности имѣются доказательства разрушительнаго дѣйствій мелинита: врачами, изслѣдовавшими тѣла солдатъ, убитыхъ при взрывѣ мелинита въ Бельфорѣ. представленъ французскому хирургическому обществу докладъ, изъ котораго видно, что дѣйствіе этого новаго взрывчатаго вещества гораздо ужаснѣе, чѣмъ предполагали до сихъ поръ; изъ 17 человѣкъ осталось въ живыхъ только шесть, хотя и они сильно искалѣчены. Тѣла убитыхъ буквально разорваны на куски и, по мнѣнію доктора Ташарда и его ассистентовъ, большая часть вещества взорвалась уже послѣ того, какъ вошла въ тѣло несчастныхъ, другими словами—что различныя составныя части мелинита взрываются не одновременно, а однѣ раньше, другія позже. Несчастные были разорваны на куски первымъ взрывомъ и размельчаны послѣдующими; на тѣлахъ незамѣтно ни обжоговъ, ни зараженія.—Примѣненіе электричества въ обыденной жизни становится съ каждымъ годомъ обширнѣе и разнообразнѣе, Въ Англіи изобрѣтены въ послѣднее время два аппарата. изъ которыхъ одинъ называется «электрическій сторожъ», а другой—«электрическій замокъ». Журналъ «La lumière électrique» сообщаетъ, что въ Лондонѣ, въ полицейскомъ посту на Боу-Стритъ (Bow Street), поставленъ аппаратъ, которому суждено играть большую роль въ обереганіи имущества мирныхъ обывателей. Это большой циферблатъ, на которомъ означены нумера домовъ и квартиръ, хозяева которыхъ пожелали отдать себя подъ охрану этого снаряда. Циферблатъ соединенъ проволоками и электрическими аппаратами, находящимися въ квартирахъ охраняемыхъ, и при нажиманіи пуговки аппарата раздается звонокъ, указывающій на квартиру, гдѣ требуется помощь. Кромѣ того, двери, окна, кассы, сундуки снабжены проволоками, соединяющими ихъ съ аппаратомъ, и малѣйшее покушеніе на ихъ цѣлость тотчасъ же передается циферблату полицейскаго поста; звонокъ раздастся и тогда, когда проволоку, соединяющую квартиру съ полицейскимъ постомъ, перерываютъ или перерѣзываютъ. Проволоки, проходящія внутри квартиры, соединены съ такъ называемыми, термоскопами, которые возбуждаютъ токъ при нагрѣваніи проволокъ и такимъ образомъ даютъ знать полиціи о начинающемся пожарѣ.—Изобрѣтеніе электрическихъ замковъ принадлежитъ французскому электротехнику Жилле (Gillet). Замокъ этотъ состоитъ изъ крючка, входящаго въ петлю или впадину на другой створкѣ двери и притягиваемаго попеременно двумя электромагнитами. Одинъ магнитъ притягиваетъ крючекъ такъ, что онъ входитъ въ петлю; другой, начинающій дѣйствовать при перемѣнѣ направленія тока, притягиваетъ пластинку, задерживающую крючекъ въ запертомъ положеніи. Такіе замки особенно рекомендуются желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ въ одно мгновеніе оберъ-кондукторъ можетъ замкнуть или отомкнуть дверцы всѣхъ вагоновъ; кромѣ того, подобные замки не излишни въ банкахъ, сохранныхъ кассахъ и, наконецъ, въ богатыхъ ювелирныхъ магазинахъ и другихъ складахъ драгоцѣнныхъ издѣлій.—Производство угля для электрическихъ лампъ сдѣлалось спеціальною отраслью промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ ежедневный расходъ превышаетъ 150,000 угольевъ, изъ коихъ 100,000 вырабатываются въ г. Клевелэндѣ, имѣющей для этой цѣли около 20 заводовъ. Одна обыкновенная обжигательная печь производитъ до 45,000 углей въ день.—Какъ потребительница нашего керосина, Остъ-Индія выступаетъ новымъ и громаднымъ рынкомъ для сбыта этого продукта. «Одес. Вѣстн.» имѣетъ возможность ознакомиться съ не подлежащими, по его словамъ, сомнѣнію данными, которыя указываютъ на громадный вывозъ нашего керосина изъ Батума въ Остъ-Индію. Такъ, наприм., въ прошломъ 1887 году было вывезено туда болѣе двухъ милліоновъ пудовъ, а въ настоящемъ году до первыхъ чиселъ февраля погружено было на пароходы около 400,000 пудовъ керосина. — Министерствомъ земледѣлія во Франціи обнародованы оффиціальныя статистическія данныя о результатахъ земледѣльческой эксплоатаціи за 1886 годъ. Этотъ обширный трудъ заключаетъ матеріалы по разнообразнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ земледѣлію и сельскому хозяйству. Данныя собственно объ урожаѣ исчисляютъ общую площадь обрабатываемыхъ земель въ 26.200,000 гектара, которые между отдѣльными растеніями распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: хлѣба—14.800,000, кормовыя растенія—9.090,000, масличныя—105,000, волокнистыя—100,000, промышленныя—270,000 и виноградники—1.908,000 гектаровъ. Такимъ образомъ площадь подъ хлѣбными посѣвами составляла свыше 53% всего пространства воздѣлываемыхъ земель; около половины этой площади находилось подъ пшеницей, другая-же половина распредѣлялась неравномѣрно между рожью, овсомъ, ячменемъ, кукурузой, гречихой и просомъ. Наиболѣе доходнымъ, конечно, представляется обработка пшеницы и кукурузы, дающія вмѣстѣ съ соломою: первая до 400 франковъ валового дохода съ гектора, вторая до 300 фр.; къ послѣдней же нормѣ можно отнести посѣвы ржи и овса.

Книжное дѣло, музыка, научныя новости, живопись и пр.

Помѣщаемая на страницахъ нашего журнала одноактная комедія Щеглова «Театралы» шла съ большимъ успѣхомъ на московскомъ театрѣ Корша, причемъ въ ея исполненіи отличались г-жа Глама-Мещерская, а изъ мужскихъ ролей гг. Киселевскій и Шмидтгофъ. Впрочемъ не сыграть такую пьесу не хорошо почти невозможно, такъ какъ изображеніе въ лицахъ сатирической картины нравовъ нашихъ любителей театральнаго искусства—должно быть подъ силу всякому опытному актеру; кромѣ того въ «Театралахъ» поражаетъ полнота пьесы, умѣнье автора въ одно дѣйствіе вложить содержаніе, которое наши присяжные драматурги развели бы на двѣ пяти-актныя комедіи, оставивъ еще маленькій запасецъ для драмы; но что совершенно подкупаетъ въ пользу г. Щеглова, это оригинальность его сюжетовъ, въ чемъ нельзя похвалить напр. г. Виктора Александрова (Крылова) выдающаго передѣлку за оригинальное произведеніе, какъ это было,—чтобы недалеко ходить, съ его «Сорванцемъ», содержаніе котораго взято у Розена.—Одной изъ послѣднихъ книжныхъ новинокъ является сборникъ г. Парвова «Папскихъ буллъ по грекоуніатскому вопросу»; этотъ сборникъ, заключающій 42 папскихъ буллъ, бреве и декретовъ даетъ возможность познакомиться на русскомъ языкѣ со всѣми постановленіями папъ по столь интересному для православія вопросу отъ 1521 до 1766 года.—Текущій годъ особенно богатъ сообщеніемъ цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи нашего отечества. Мы можемъ отмѣтить два интересныхъ сборника въ этомъ направленіи, появившіеся въ печати за послѣднее время, это: 1) «Сенатскій Архивъ» (1 ч.) заключающій именные указы императора Павла I. Это изданіе редактируется сенаторомъ Рѣпинскимъ и состоитъ изъ хранящихся въ сенатскомъ архивѣ повелѣній съ конца 1797 г., которымъ не издано никакой описи и которыя не вошли въ Полное Собраніе законовъ, а также протоколы Сената съ 1737 г. и другихъ документовъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, представляющихъ интересъ въ историческомъ и научномъ отношеніяхъ. Въ первый томъ вошли указы съ 6-го ноября 1796 г. по 25-е іюля 1800 г.; изданіе это, составляющее томъ въ 980 страницъ, исполнено весьма тщательно, между прочимъ указаны ошибки и опечатки въ тѣхъ указахъ, которые вошли въ Полное Собраніе Законовъ; и 2) письма и бумаги императора Петра Великаго (1 т.—съ 1688 по 1701 г.),—изданіе коммиссіи, состоящей изъ профессоровъ русской исторіи Соловьева, Попова, Бестужева-Рюмина и Замысловскаго, а также Калачова и Бычкова; всѣ эти лица раздѣлили работу между собою по собиранію писемъ и бумагъ императора. Большое количество писемъ Петра утрачено, что видно изъ отвѣтныхъ къ нему писемъ, изъ которыхъ помѣщены въ этомъ томѣ именно тѣ, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія объ этихъ утраченныхъ письмахъ императора. Къ первому тому приложены указатели и два портрета. Примѣчанія, въ которыхъ между прочимъ приведены 362 отвѣтныхъ пасьма, занимаютъ добрую половину тома. Для послѣдующихъ томовъ изданія матеріалъ приготовленъ. Когда оно будетъ окончено, то составитъ драгоцѣннѣйшее пособіе для опредѣленія этой личности. —Открывшаяся 28 февраля въ Петербургѣ, въ зданіи Академіи Наукъ, XVI передвижная выставка картинъ, отличается своими обычными достоинствами, хотя на ней не встрѣчается картинъ, грандіозныхъ по размѣру. Изъ выставленныхъ картинъ общее вниманіе привлекаютъ Лемоха—«Божья воля», Маковскаго—«По пути въ Кіевъ» и «Застава на пути свадебнаго поѣзда», Шишкина—«Лѣсъ», Неврева—«Ярославъ Мудрый съ дочерью Анной». барона М. Клодта—«Женщина-врачъ въ крестьянской семьѣ», Шильдера—«Лѣсъ зимою». Подробный отчетъ о выставкѣ мы дадимъ въ слѣдующемъ нумерѣ. Редакціею пріобрѣтено право помѣстить копіи съ наиболѣе выдающихся картинъ гг. Лемоха, Маковскаго, Неврева, барона Клодта, Шильдера и др.: на страницахъ «Жив. Об.» эти картины будутъ появляться по мѣрѣ изготовленія.

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Изъ американской жизни. Американцы, отвѣтившіе на запрещеніе ввоза свиного мяса во Францію огромной пошлиной на ея художественныя произведенія, теперь, когда эта пошлина уничтожена, намѣрены отказаться отъ участія въ всемірной выставкѣ 1889 г., если Франція не сниметъ запрещенія съ ихъ свиного мяса. Въ этомъ смыслѣ въ сенатъ внесено предложеніе Кулломомъ, сенаторомъ изъ Иллинойса. — Нѣкая г-жа Гаркотъ затѣяла тяжбу съ издателемъ «New-York-Herald» изъ-за того, что онъ къ газетѣ публично назвалъ ее богатой и благодѣтельной дамой. Въ жалобѣ своей она заявляетъ, что это утвержденіе газеты имѣло дурныя послѣдствія для нея. Она получила до 6,000 писемъ съ просьбами о помощи, да 14 тыс. челов. лично являлись къ ней просить денегъ. Даже воры составили планъ обокрасть ее. Г-жа Гаркоттъ прибавляетъ, что она не богата и обвиняетъ издателя въ клеветѣ.—Весьма оригинальный способъ привлечь публику въ театръ придумалъ директоръ театра въ Батонъ-Ружъ, въ штатѣ Миссисипи, въ Сѣверной Америкѣ. Поставивъ плохенькую пьесу молодого начинающаго автора, подъ заглавіемъ: «Жены спекулянтовъ», директоръ театра на афишахъ, расклеиваемыхъ на углахъ улицъ, громадными буквами приказалъ написать, что это «пьеса, проваливавшаяся въ 27 американскихъ театрахъ». Объявленіе подѣйствовало: театръ былъ биткомъ набитъ, такъ какъ всѣмъ хотѣлось посмотрѣть провалившуюся пьесу и ловкій директоръ пять разъ повторилъ провалившуюся пьесу при громадномъ стеченіи публики.—Въ американскій сенатъ внесенъ законопроектъ объ ограниченіи правъ переселенцевъ. Законопроектомъ требуется, чтобы Соединенные Штаты перестали служить убѣжищемъ для преступниковъ другихъ націй и для опасныхъ личностей, стремящихся къ ниспроверженію существующаго порядка. — Законодательная комиссія по изслѣдованію способовъ смертной казни въ Соединенныхъ Штатахъ обратилась къ Эдиссону съ просьбой дать свое заключеніе о примѣненіи электричества въ настоящемъ случаѣ, Эдиссонъ отвѣтилъ слѣдующее: «я — человѣкъ гу-

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА

6-го Марта, 1888. **№ 10.** Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

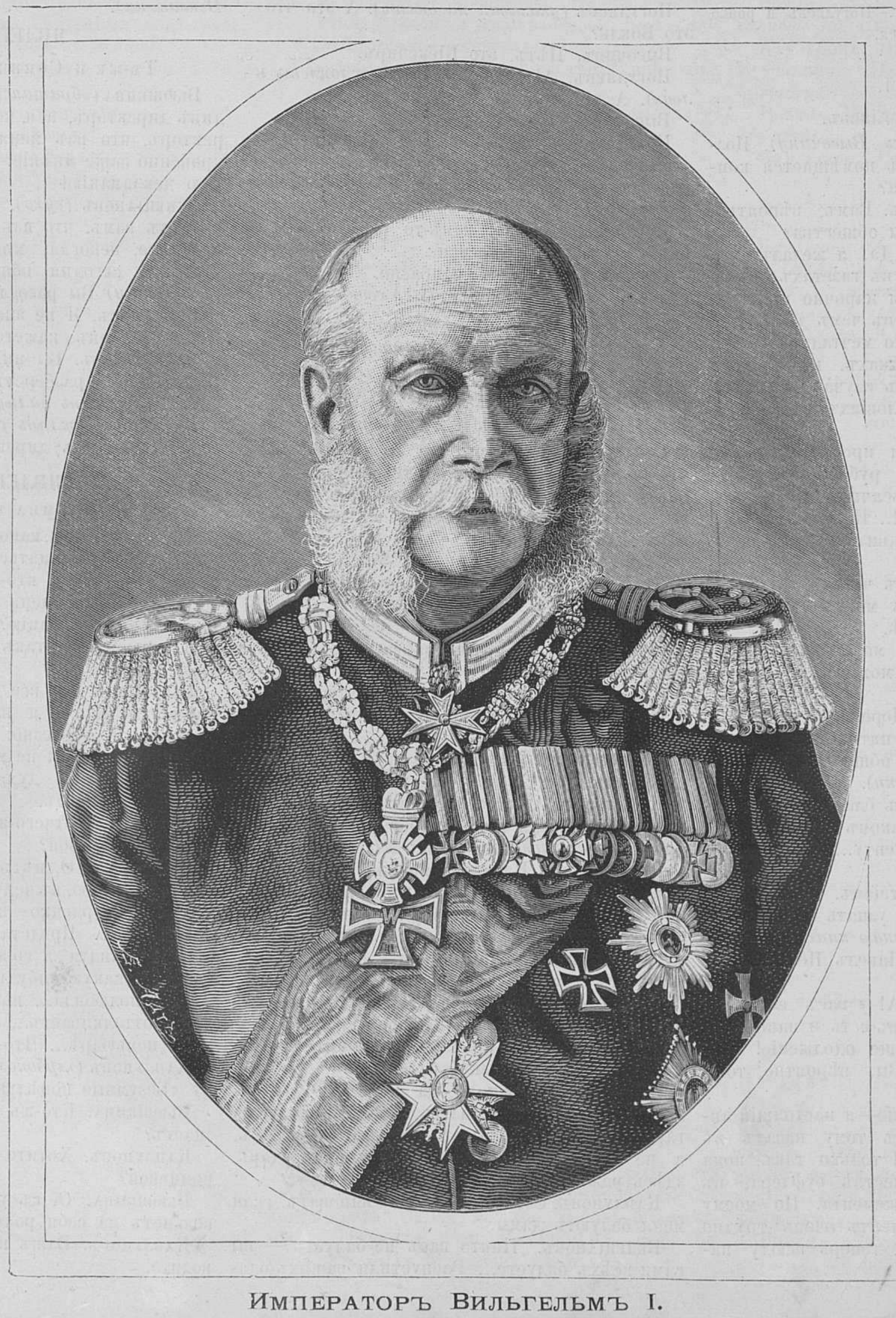
КОНЧИНА
Императора Вильгельма.

Дни среды и четверга минувшей недѣли прошли для всей Европы въ тревогѣ вслѣдствіе опаснаго поворота въ болѣзни германскаго императора. Непрерывно работавшій телеграфъ сообщалъ часъ отъ часу все болѣе и болѣе тревожные слухи; прибытіе къ больному придворнаго проповѣдника безпокойство родныхъ, постоянные бюллетени врачей, постепенно подготовляли населеніе Берлина къ мысли о невозможности исцѣленія. Хотя императоръ неоднократно принималъ предписанную ему врачами легкую пищу, но сильныя боли, увеличившіяся съ начала недѣли, оказались не по силамъ утомленному организму; въ теченіе четверга, послѣ безпокойной ночи слабость постепенно увеличивалась и въ пять часовъ пополудни окончилась обморокомъ. Объ опасности положенія августѣйшаго больного было сдѣлано сообщеніе въ рейхстагѣ. Въ пятницу утромъ, 26 февраля, телеграфъ принесъ печальную вѣсть о послѣдовавшей кончинѣ императора Вильгельма въ $8^1/_2$ ч. у.

Это извѣстіе, никого не могло поразить своею неожиданностью, такъ какъ въ виду продолжительности болѣзни, къ смерти императора были подготовлены. Но все-же эта смерть несомнѣнно тревожно отразилась на всемъ земномъ шарѣ: умеръ самый престарѣлый монархъ, умеръ представитель идеи о германской народности, положившій всю свою жизнь, всѣ свои силы на довершеніе задачи, завѣщанной ему дѣдомъ: сплотить Германію вокругъ Пруссіи. Умеръ наконецъ одинъ изъ немногихъ представителей рыцарства, честный, неподкупный, даже во врагахъ своей родины снискавшій себѣ любовь и уваженіе. Фанатичный поборникъ мира, усопшій императоръ рѣшался на открытую вражду только при самыхъ безъисходныхъ обстоятельствахъ, вражды-же тайной онъ не допускалъ, какъ и неискренней дружбы.

Для Россіи смерть унесла одного изъ преданныхъ ей и сердечно привязанныхъ лицъ, отъ котораго она могла смѣло ждать только содѣйствія и помощи. Чувства любви императора Вильгельма и Россіи объясняются его родственными отношеніями къ нашему Царствующему Дому, чувствами признательности къ ней за спасеніе Пруссіи въ 1813 году русскими войсками, въ рядахъ которыхъ сражался и самъ императоръ, тогда еще семнадцатилѣтній юноша. Кромѣ того, расположеніе къ Россіи укрѣплялось въ немъ обѣщаніемъ, даннымъ вмѣстѣ со всѣми братьями матери, королевѣ Луизѣ, никогда не воевать съ Россіею, спасительницею ихъ родины.

◆



Императоръ Вильгельмъ I.

ТЕАТРАЛЫ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи **Ив. Щеглова.**

* * *

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тарасъ Сидорычъ Венеціановъ, страстный театралъ, основатель драматическаго кружка любителей.

Петръ Ивановичъ (Пепочка) Каплуновъ, режиссеръ, кассиръ и импровизированный профессоръ драматическаго искусства.

Надежда Николаевна Синсокова, премьерша кружка.
Прасковья Θедоровна Вохина.
Клепа (Клеопатра).
Лика (Лидія) Дѣти Вохиной.
Вика (Викторъ) 8 л.
Болонкинъ, первый любовникъ.
Упорниковъ, трагикъ и драматургъ.
Никагосовъ, кавказскій офицеръ.
Г-жа Шалашникова.
Соничка Вьюшкина, барышня какихъ много.
Гг. любители.

Павелъ Петровичъ Погуляевъ, очень молодой человѣкъ.

Василій Ивановичъ Высочинъ, суфлеръ и конторщикъ кружка, неудачникъ изъ провинціальныхъ актеровъ.

Мѣсто дѣйствія—губернскій городъ.

Зало драматическаго кружка. Слѣва (отъ зрителей) входная дверь, открытая настежь. Справа дверь съ ярлыкомъ: «Входъ на сцену». Въ глубинѣ сцены на пьедесталѣ бюстъ Шекспира. Направо, на авансценѣ, письменный столикъ, за которымъ занимается Высочинъ. Изъ лѣвыхъ дверей выходитъ г. Погуляевъ и робко осматривается.

ЯВЛЕНІЕ I.

Высочинъ и Погуляевъ.

Погуляевъ *(обращаясь къ Высочину)*. Позвольте васъ спросить, здѣсь помѣщается контора драматическаго кружка?

Высочинъ *(важно)*. Здѣсь. Вамъ, вѣроятно, угодно записаться въ члены общества?

Погуляевъ *(конфузливо)*. Да, я желалъ-бы... Вотъ видите-ли, я прочелъ въ газетахъ объявленіе о вашемъ обществѣ и нарочно пріѣхалъ изъ деревни, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. Признаться откровенно, я давно мечталъ какъ нибудь показаться на подмосткахъ, но до сихъ поръ все не представлялось случая. Скажите, пожалуйста, при какихъ условіяхъ этого можно достигнуть?

Высочинъ. Условія самыя простыя: каждый членъ уплачиваетъ десять рублей единовременно и пять рублей ежемѣсячно.

Погуляевъ. Только всего!.. И, по взносѣ денегъ, я получаю право подвизаться въ чемъ мнѣ угодно?

Высочинъ. Рѣшительно въ чемъ угодно.

Погуляевъ. А въ Гамлетѣ могу выйти?

Высочинъ. И въ Гамлетѣ.

Погуляевъ. И Сганареля могу съиграть?

Высочинъ. И Сганареля можете.

Погуляевъ. И... Нерона?

Высочинъ. Пожалуй, и Нерона.

Погуляевъ. И все это за пятнадцать рублей?

Высочинъ. Вотъ уставъ общества, если не вѣрите... *(Даетъ ему книжку)*.

Погуляевъ. Покорно васъ благодарю *(перелистываетъ уставъ)*. Въ такомъ случаѣ, будьте любезны, принять мою лепту... *(Вынимаетъ деньги)*.

Высочинъ. Съ удовольствіемъ. *(Запираетъ деньги въ столъ)*. Позвольте узнать вашу фамилію? *(Раскрываетъ конторскую книгу)*.

Погуляевъ. Погуляевъ Павелъ Петровичъ... Черниговскій помѣщикъ.

Высочинъ *(записывая)*. А! у васъ есть помѣстье? Можетъ быть, у васъ есть и папиросы?

Погуляевъ. Сдѣлайте ваше одолженіе! *(подаетъ ему портсигаръ)*. Вы, вѣроятно, тоже актеръ-любитель?

Высочинъ. Нѣтъ, я больше—я настоящій актеръ... Я игралъ семь лѣтъ тому назадъ въ Ставрополѣ «Велизарія». Я только такъ, пока околачиваюсь здѣсь въ качествѣ суфлера, въ ожиданіи выгоднаго ангажемента. По моему амплуа, вы знаете, ангажементъ очень трудно найти, такъ какъ трагедія теперь всюду падаетъ.

Погуляевъ. Неужели падаетъ?

Высочинъ. Ужасно. А комедія развѣ въ лучшемъ положеніи? Гдѣ столпы? гдѣ Садовскіе, Самарины, Мартыновы?

Погуляевъ. Вы ихъ видѣли?

Высочинъ. Никогда.

Погуляевъ. Я также.

Высочинъ *(вздохнувъ)*. Ахъ, печально положеніе современнаго искусства!

Погуляевъ *(тоже вздыхая)*. Да, теперь публика больше все насчетъ оперетки.

Высочинъ. Ужъ не говорите. Теперь настоящій артистъ, пожинавшій нѣкогда лавры, доходитъ часто до того, что проситъ 3 рубля взаймы у перваго хорошаго знакомаго... если это васъ не стѣснитъ...

Погуляевъ *(смѣшавшись)*. Меня... нѣтъ... на пользу искусству... я съ удовольствіемъ...

Высочинъ *(взявъ деньги)*. Вы подаете большія надежды. Теперь рѣдко кто такъ сочувственно относится къ искусству.

Погуляевъ. О, что касается меня, то я просто благоговѣю передъ театромъ... Вѣрите-ли, прежде чѣмъ войти сюда, я долго не рѣшался переступить завѣтнаго порога. Какъ-бы другіе тамъ ни смотрѣли на эту залу, но я смотрю на нее, какъ на священный храмъ искусства.

Высочинъ. Да, разумѣется, храмъ... Не смотря на подержаную мебель—все-таки храмъ.

Погуляевъ *(указывая на бюстъ)*. А это что—это Бокль?

Высочинъ. Нѣтъ, это Шекспиръ.

Погуляевъ. А! *(почтительно наклоняетъ голову)*. А это куда ходъ, на сцену?

Высочинъ. Это на сцену.

Погуляевъ. Можно пройти—посмотрѣть?

Высочинъ. Отчего-же, очень можно. *(Отворяетъ дверь, Погуляевъ нерѣшительно останавливается)*. Ну, что-же?

Погуляевъ. Знаете, какъ-то робѣешь, вступая впервые на подмостки.

Высочинъ. Совсѣмъ напрасно. Теперь мало кто изъ любителей робѣетъ! *(Уходятъ)*.

(Слѣва появляются, оживленно разговаривая Венеціановъ и Каплуновъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Венеціановъ и Каплуновъ.

Венеціановъ. Ну, что вы со мной дѣлаете, что вы со мной дѣлаете? Въ театральной кассѣ опять ни гроша... Я васъ спрашиваю, куда-же вы дѣли 60 рублей, вырученные съ послѣдняго спектакля?

Каплуновъ *(добродушно)*. Фить... куда!.. Вы забываете, что послѣ спектакля былъ ужинъ съ дамами.

Венеціановъ *(хватаясь за голову)*. Такъ и зналъ!.. Нѣтъ, вы просто варваръ! Варваръ, а не режиссеръ!

Каплуновъ. Однако, вы ужъ черезчуръ!.. Вотъ я васъ никогда не упрекаю, если вы какъ нибудь передержите.

Венеціановъ. Что я передержалъ? когда я передержалъ?

Каплуновъ. А вотъ хоть въ позапрошломъ мѣсяцѣ выписали изъ Петербурга этого господина...*(указываетъ на бюстъ Шекспира)*.

Венеціановъ. Нашли сравненіе! Да вѣдь это батюшка, Шекспиръ, а не что нибудь такое. Это духъ кружка поднимаетъ, даетъ, такъ сказать, пареніе умамъ... А ужинъ съ дамами... ну, какая польза можетъ быть искусству отъ ужина съ дамами?

Каплуновъ. Какъ... какая? Все таки сближаешься тѣснѣе съ артисткой, узнаешь темпераментъ... ну, и прочее... Препріятная процедура, ей Богу, препріятная!

Венеціановъ. Господи, да когда-же вы отвыкнете смотрѣть на нашъ кружокъ, какъ на гаремъ! *(горячо)*. Вѣдь это храмъ искусства-съ, а не гаремъ... И вы, милостивый государь, здѣсь режиссеръ, а не султанъ.

Каплуновъ. Согласитесь, я не виноватъ, если меня балуютъ дамы.

Венеціановъ. Никто васъ не балуетъ — вы сами всѣхъ балуете... Распустили вашихъ одалисокъ... тьфу! артистокъ — чортъ знаетъ до чего!

Каплуновъ. Какъ хотите, Тарасъ Сидорычъ, а съ дамами безъ нѣкотораго снисхожденія вы ничего не подѣлаете. Развѣ только всѣхъ разгоните изъ кружка.

Венеціановъ. Знаю я ваше снисхожденіе: какую юбку ни увидите — сейчасъ и захвалите. Въ театральномъ дѣлѣ такъ нельзя-съ. Вотъ хоть эта вчерашняя... какъ ее... Вьюшкина. Прочла для экзамена какое-то стихотвореніе и такъ прочла, что ее, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало-бы высѣчь, а вы ее чуть не до небесъ превознесли.

Каплуновъ. Богъ съ вами, Тарасъ Сидорычъ, развѣ въ человѣческихъ силахъ обойтись строго съ такимъ жизненочкомъ. Вѣдь такую прелесть, такого наивнаго ребеночка не скоро залучишь въ кружокъ *(представляя)*: входитъ вдругъ этакій маленькій чертеночекъ... въ этакой какой-то голубенькой пелериночкѣ и тоненькимъ, тоненькимъ голоскомъ лепечетъ: «Гдѣ здѣсь директоръ театральнаго искусства?» У, милашка!

Венеціановъ. Что вы говорите!.. Подумайте только: что вы говорите? *(Кивая на бюстъ)* Вы хоть-бы Шекспира посовѣстились!

Каплуновъ. Эхъ, Тарасъ Сидорычъ, далеко намъ съ вами до Шекспира! *(Входитъ Вьюшкина)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Соничка Вьюшкина.

Вьюшкина *(обращаясь къ Венеціанову)*. Господинъ директоръ, а я къ вамъ... Господинъ директоръ, что изъ меня выйдетъ—скажите откровенно ваше мнѣніе? Вы вѣдь слышали вчера мою декламацію!

Венеціановъ *(сухо)*. Вотъ Петръ Ивановичъ скажетъ вамъ, что изъ васъ выйдетъ, а мнѣ, извините, некогда, мнѣ нужно тутъ распорядиться... сегодня общее собраніе членовъ... *(Каплунову)* Вы разослали повѣстки?

Каплуновъ. Я не знаю, я говорилъ Василію Иванычу... онъ, кажется, разослалъ.

Венеціановъ. Вы никогда ничего не знаете! Одинъ чортъ разберетъ, что у насъ тутъ творится! *(Уходитъ налѣво)*.

Вьюшкина *(вслѣдъ ему)*. Господинъ директоръ? господинъ директоръ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вьюшкина и Каплуновъ.

Вьюшкина. Фуй, какой онъ нелюбезный! Развѣ можно такъ обращаться съ барышней... Господинъ профессоръ, кто-же мнѣ, наконецъ, скажетъ — что изъ меня выйдетъ? Вы вѣдь слышали мою декламацію?

Каплуновъ. Вы такъ прелестны, что я не нахожу словъ...

Вьюшкина. Вы все мнѣ говорите одни комплименты. Нѣтъ, я васъ прошу мнѣ сказать совершенно серьезно: могу я быть «театральной звѣздой» или не могу?

Каплуновъ. Я думаю, что можете... почти увѣренъ въ этомъ.

Вьюшкина. Отчего-же только почти, развѣ я такъ дурна собой?

Каплуновъ. О, нѣтъ! Но, видите-ли, я хорошенько не знаю, къ чему больше склоняется ваше маленькое сердечко—къ комедіи или трагедіи?

Вьюшкина. Представьте, я тоже не знаю. Въ выборѣ амплуа я совсѣмъ теряюсь... Мнѣ-бы хотѣлось какую-нибудь такую роль: какъ будто я кого полюбила... потомъ вдругъ кто-нибудь меня отталкиваетъ... и я умираю въ кружевномъ пеньюарѣ... Что-нибудь въ этомъ духѣ.

Каплуновъ *(глубокомысленно)*. Вы знаете драму «Безумные поцѣлуи?»

Вьюшкина. Кто-жъ изъ любительницъ ее не знаетъ?

Каплуновъ. Хотите съиграть роль Софьи Муромцевой?

Вьюшкина. О, съ удовольствіемъ! А кто-же возьметъ на себя роль князя Радилова?

Каплуновъ. Вашъ покорный слуга, если позволите.

Вьюшкина (*смѣется*). Вы... полноте, что вы! это выйдетъ не натурально.

Каплуновъ (*обидчиво*). Почему-же не натурально?

Вьюшкина. Потому что тутъ нуженъ блондинъ съ голубыми глазами.

Каплуновъ. Отчего-же непремѣнно блондинъ съ голубыми глазами?

Вьюшкина (*уклончиво*). Ну, да ужь оттого...

Каплуновъ. Вотъ логика женщинъ!.. Ну, гдѣже я вамъ достану блондина съ голубыми глазами?

Вьюшкина (*указывая на входящаго Погуляева*). А вотъ это что такое?

ЯВЛЕНІЕ V.

Каплуновъ, Вьюшкина, Погуляевъ и Высочинъ.

Каплуновъ (*Высочину, кивая на Погуляева*). Въ самомъ дѣлѣ, что это такое?

Высочинъ. Это нашъ новый членъ... страстный театралъ... Павелъ Петровичъ Погуляевъ... черниговскій помѣщикъ... на амплуа jeune premier...

Каплуновъ. Ахъ, очень пріятно! (*жметъ руку Погуляеву*). Васъ только намъ и недоставало! Вотъ позвольте вамъ представить... Софья Александровна Вьюшкина... тоже страстная любительница... на амплуа petites coquettes (*Вьюшкина присѣдаетъ*). Василій Иванычъ, раздобудьте намъ изъ библіотеки «Безумные поцѣлуи»...

(*Высочинъ идетъ къ шкафу*).

Вьюшкина (*полуиспуганно*). Что вы хотите дѣлать?

Каплуновъ. Устроить репетицію.

Вьюшкина. Какъ... сейчасъ?

Каплуновъ. Зачѣмъ-же терять золотое время! Monsieur Погуляевъ навѣрно будетъ такъ любезенъ, что не откажется прочесть за князя Радилова.

Погуляевъ (*волнуясь*). На сценѣ... при всей публикѣ?

Вьюшкина (*растерянно*). Господинъ профессоръ, пощадите—у меня нѣтъ даже подходящаго туалета!..

Каплуновъ. Милыя дѣти, успокойтесь. Во-первыхъ, наша публика еще не скоро соберется, а во-вторыхъ, репетировать мы будемъ не на сценѣ, а здѣсь, въ гостиной... (*принимаетъ отъ Высочина книгу*). А вотъ и «Безумные поцѣлуи» (*отмѣчаетъ «сцену» и передаетъ книгу Вьюшкиной*). Просмотрите ваши роли, а я пока переговорю съ Василіемъ Иванычемъ (*Погуляевъ и Вьюшкина отходятъ въ глубину сцены и шепчутся*).

Высочинъ (*Каплунову*). Что вамъ угодно?

Каплуновъ. Мнѣ угодно знать, были вы вчера пьяны?

Высочинъ. Былъ.

Каплуновъ. Значитъ, повѣстокъ о сегодняшнемъ засѣданіи общества не разослали?

Высочинъ. Нѣтъ, половину разослалъ: я былъ пьянъ послѣ обѣда.

Каплуновъ. А бристольской бумаги для луны купили?

Высочинъ. Нѣтъ, не купилъ.

Каплуновъ. Почему?

Высочинъ. Потому что трагику вовсе не къ лицу покупать луну—это дѣло бутафора.

Каплуновъ. А напиваться — это къ лицу. Нѣтъ, Василій Иванычъ, вы просто становитесь невозможны.

Высочинъ. Если я невозможенъ—разсчитайте меня за полмѣсяца. Въ кассѣ есть деньги. Они внесли (*киваетъ на Погуляева*).

Каплуновъ (*вынимая деньги изъ ящика*). Что-жъ вы до сихъ поръ ничего не скажете? Вѣдь вы знаете, въ какомъ положеніи дѣла общества (*кладетъ деньги себѣ въ карманъ*).

Высочинъ. Какъ-же мнѣ вамъ говорить объ интересахъ общества, когда вы сами собой интересуетесь!

Каплуновъ. Ваше дѣло суфлировать, а не разсуждать. Вы оселъ, а я кассиръ. Ступайте прочь!

Высочинъ (*насмѣшливо*). Тоже — театралы! (*Уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вьюшкина, Погуляевъ и Каплуновъ.

Каплуновъ (*подходя къ Вьюшкиной и Погуляеву*). Ну-съ, я прогналъ этого дурака, и мы можемъ приступить къ репетиціи.

Погуляевъ. Какъ «дурака»? А онъ мнѣ сказалъ, что игралъ Велизарія.

Каплуновъ. Онъ все вретъ. Какой онъ къ черту Велизарій—просто наиобыкновеннѣйшій драматическій пьяница, которому нельзя дать въ руки гривенника, чтобъ онъ его не пропилъ.

Погуляевъ. А я ему далъ три рубля.

Каплуновъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю. Теперь онъ такъ нафлитюрится, что, пожалуй, разнесетъ все наше общество.

Вьюшкина. Кто-же теперь намъ будетъ суфлировать?

Каплуновъ. Я самъ буду суфлировать. Поспѣшимте-же, пока никто намъ не мѣшаетъ... Репетиція безъ постороннихъ свидѣтелей — это чистый кладъ для молодыхъ людей. Когда я былъ свѣжѣе, я всегда предпочиталъ репетиціи на дому. Ну-съ, позвольте мнѣ книгу и начнемте (*принимаетъ менторскую позу и читаетъ*) «Запущенная часть сада. Посреди сцены столѣтній дубъ, освѣщенный луной. На скамьѣ, подъ дубомъ, сидятъ князь Радиловъ и Софья Муромцева» (*ставитъ на авансценѣ два стула*). Ну-съ, вообразите, что это «скамья, освѣщенная луной» и усаживайтесь! (*Вьюшкина и Погуляевъ усаживаются*).

Вьюшкина. Pardon, а гдѣ-же столѣтній дубъ? Я такъ не могу играть.

Каплуновъ (*галантно*). Если вы позволите, я стану вмѣсто дуба (*становится, распростирая руки за стульями*).

Вьюшкина. Merci! (*Погуляеву*). Ну-съ начинайте! (*Каплуновъ тихо суфлируетъ*),

Радиловъ-Погуляевъ (*играя*). «Какая нынче сильная роса! не промочили-ли вы ногъ?»

Муромцева-Вьюшкина (*играя*) «Нѣтъ».

Радиловъ-Погуляевъ. «И не озябли?»

Муромцева-Вьюшкина. «Напротивъ, мнѣ ужасно жарко, Вольде...»

Каплуновъ (*прерывая игру*). Здѣсь продолжительная пауза (*слѣдитъ по часамъ. Вьюшкина и Погуляевъ смотрятъ другъ на друга, улыбаясь*). Теперь продолжайте!

Муромцева-Вьюшкина. «Вольдемаръ... о, неужели вы до сихъ поръ не догадываетесь, что мое сердце уже...»

Каплуновъ (*тихо Вьюшкиной*). Удареніе на «уже».

Муромцева-Вьюшкина (*повторяя*) Вольдемаръ... мое сердце ужѐ!... (*Каплуновъ одобрительно киваетъ*).

Радиловъ-Погуляевъ. «Безцѣнная моя Соничка, смѣю-ли я вѣрить твоимъ словамъ... Вѣдь можно называть тебя Соней—ты позволяешь?»

Муромцева - Вьюшкина. «Можно, милый, можно».

Радиловъ-Погуляевъ. «И подвинуться ближе?»

Муромцева-Вьюшкина (*подвигаясь къ Погуляеву*). «Можно, все можно» (*Каплунову*). Хорошо это у меня вышло?

Каплуновъ (*цѣлуя кончики пальцевъ*). Восторгъ!

Радиловъ-Погуляевъ. «О, глупецъ! понимаешь-ли ты теперь свое счастье! Соня тебя любитъ!»

Муромцева - Вьюшкина. «Люблю... люблю» (*склоняетъ голову на плечо Погуляева*).

Каплуновъ (*шепотомъ Погуляеву*). Что-жъ вы не обнимаете? (*Погуляевъ робко обнимаетъ Вьюшкину*). Смѣлѣе, молодой человѣкъ! смѣлѣе!

Радиловъ-Погуляевъ (*воодушевляясь*). «Такъ впередъ-же, моя Соничка! Наперекоръ всѣмъ устарѣлымъ предразсудкамъ—впередъ къ свѣту и радости! О!..»

Каплуновъ (*топая ногой*). Горячѣе! больше страсти!

Радиловъ-Погуляевъ (*крикливо*). «О, кто лучше моей Сонички съумѣетъ оцѣнить любовь аристократа! О, кто можетъ любить беззавѣтнѣе и безумнѣе моей Сонички! О, если бы весь міръ былъ наполненъ Соничками!!..»

Каплуновъ. Что-жъ вы не цѣлуете? (*Погуляевъ конфузливо цѣлуетъ Вьюшкину въ плечо*). Что-жъ это вы дѣлаете? Вѣдь въ текстѣ сказано: «Осыпаетъ ее поцѣлуями».

Радиловъ-Погуляевъ (*смѣшавшись*). Я лучше сдѣлаю это на спектаклѣ.

Каплуновъ (*горячо*). Нѣтъ-съ, я васъ покорнѣйше прошу сдѣлать это сейчасъ, а то иначе мы васъ не допустимъ до дебюта (*Погуляевъ слегка касается щеки Вьюшкиной*). Да развѣ такъ цѣлуютъ? неужели вы никогда не любили? Вѣдь поймите: вы увлечены ходомъ интриги, вы разгорячены, вы, такъ сказать, потеряли всякое самообладаніе... Вотъ смотрите, какъ надо (*садится на мѣсто Погуляева возлѣ Вьюшкиной*). «О, если-бы весь міръ былъ наполненъ Соничками!» (*цѣлуетъ ее съ увлеченіемъ. Входитъ Вохина съ дѣтьми и останавливается на порогѣ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Вохина, Клёна, Лика и Вика.

Вохина (*заслоняя дѣтей*). Фу! какая неприличность! (*Каплуновъ вскакиваетъ со стула и съ почтительнымъ поклономъ подходитъ къ Вохиной*).

Каплуновъ. Спѣшу васъ разувѣрить, многоуважаемая Прасковья Ѳедоровна—это репетиція «Безумныхъ поцѣлуевъ».

Вохина. А, это другое дѣло! Кто это? (*указываетъ на Вьюшкину*).

Каплуновъ. Это новая дебютантка.., m-lle Вьюшкина... Не правда-ли, какая пикантная брюнетка?

Вохина. Не нахожу?.. А это? (*указываетъ на Погуляева*).

Каплуновъ. Нашъ новый членъ. Помѣщикъ Погуляевъ.

Вохина. Онъ помѣщикъ... такой молодой!.. Что-жь вы не познакомите?

Каплуновъ (*представляя Погуляева*). Павелъ Петровичъ Погуляевъ... Прасковья Ѳедоровна Вохина... замѣчательная «комическая старуха».. такъ сказать, мамаша драматическаго искусства.

Погуляевъ. Я очень радъ, что имѣю честь...

Вохина. Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться съ приличнымъ жёнпремьеромъ, а то здѣсь все такая шушера. Вотъ позвольте вамъ представить моихъ дочерей... Старшая дочь Клеопатра... трагедія (*Клёпа чванно кланяется*). Младшая Лидія. . Лика... комедія (*Лика шаловливо присѣдаетъ*). Хоть матери и не годится хвалить своихъ дочерей, но я вамъ прямо скажу, что въ настоящее время вы не найдете ничего подобнаго ни на петербургской сценѣ, ни на московской... А вотъ это мой сынъ. Вика, поди сюда! (*треплетъ его по головѣ*) Тоже феноменъ въ своемъ родѣ! (*разговариваетъ съ Погуляевымъ*).

Вьюшкина (*отводя Каплунова въ сторону*). Что-жъ мы будемъ продолжать репетицію или нѣтъ?

Каплуновъ. Теперь неудобно. Мы лучше съ вами прорепетируемъ наединѣ, когда всѣ уѣдутъ.

Вьюшкина. А какъ-же monsieur Погуляевъ?

Каплуновъ. Мы его устранимъ. Онъ положительно не годится въ любовники (*голосъ Венеціанова за сценой*: «Петръ Иванычъ, зайдите на минутку въ уборную. Очень нужно!») Иду, иду!

Вьюшкина. И я съ вами. Я непремѣнно хочу репетировать при директорѣ, а то иначе Богъ знаетъ когда дождешься дебюта!

Каплуновъ. Я всегда къ вашимъ услугамъ (*уходитъ съ Вьюшкиной*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Погуляевъ, Вохина, Клёна, Лика и Вика.

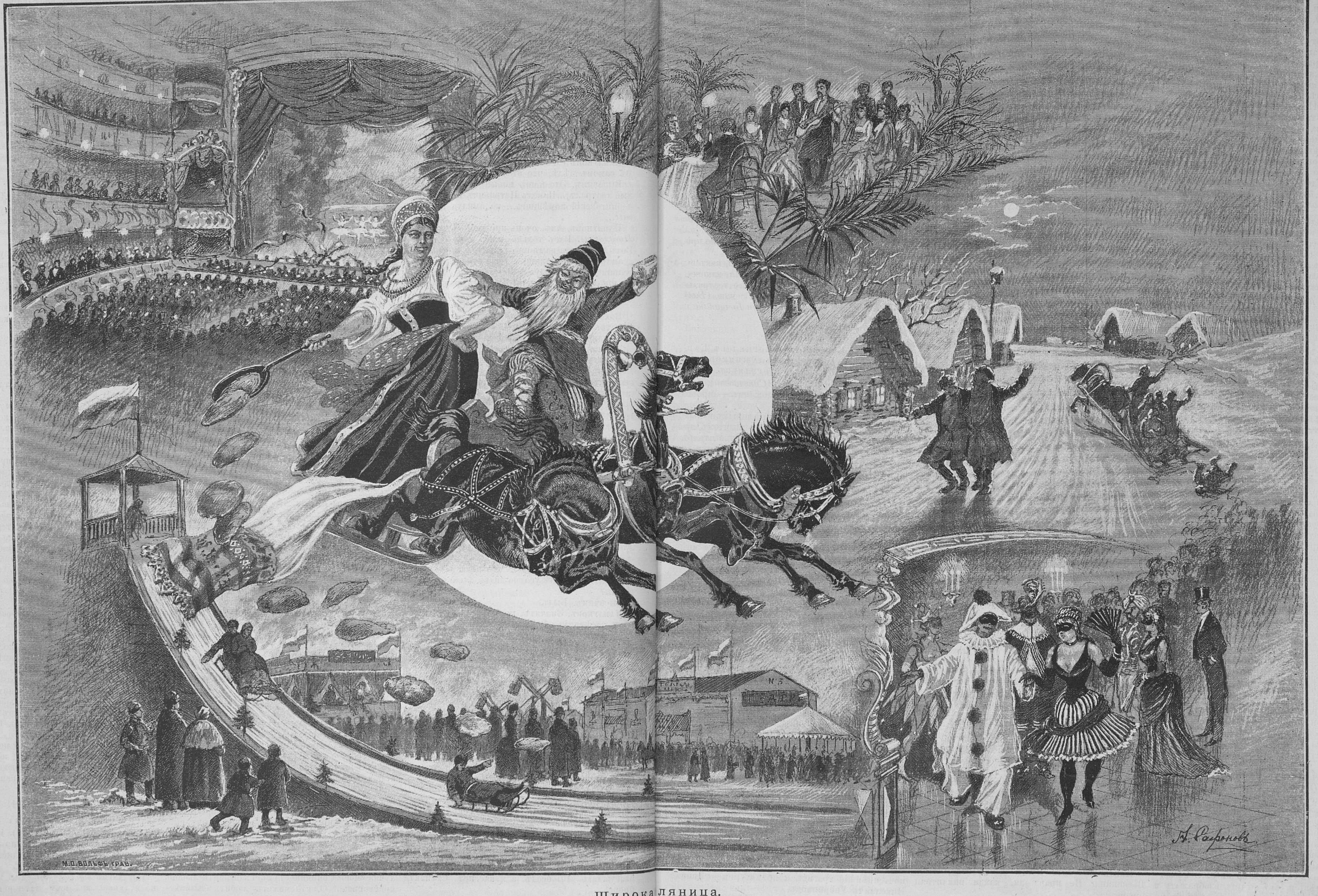
Вохина (*вслѣдъ Каплунову*). Противный старикашка! это какой-то сатиръ, а не режиссеръ... Я всегда стою за кулисами, когда онъ режиссируетъ моихъ дочерей.

Погуляевъ (*тревожно*). Вы меня простите, но я думаю, мнѣ надо идти репетировать.

Вохина. Совсѣмъ не надо. . Изъ вашей репетиціи все равно ничего не выйдетъ... Эта

РУССКІЕ ОЖНИКИ.

Оригинальный А. Сафонова.


№ 3
А. Сафоновъ
М. О. ВОЛЬФЪ ГРАВ.

Широка ляница.

ваша Вьюшкина просто назойливая бездарность... я это сейчасъ по глазамъ увидала.. Если вы точно неопытны, то лучшей школы какъ мои дочери, вы не найдете. Вы не вѣрите?

Погуляевъ. О, помилуйте!

Вохина. Нѣтъ, я вамъ говорю безъ шутокъ, что это замѣчательно богато одаренныя натуры!.. Такой, напримѣръ, трагической силы и такого разнообразія, какъ у моей старшей дочери, вы положительно нигдѣ не встрѣтите... Это Медея, Корделія, Офелія, все, что хотите... Вы не видѣли Стрепетовой?

Погуляевъ. Нѣтъ не приходилось.

Вохина. Ну, такъ вы сейчасъ увидите... Клепа, золотая моя, представь намъ что-нибудь. Напримѣръ, сцену помѣшательства Маріи изъ «Полтавы» Пушкина. Она въ ней незамѣнима. Ну, хоть съ этого мѣста: «Но гдѣ-жь ты былъ? Съ тобою розно зачѣмъ въ ночи?..»

Клепа. Съ удовольствіемъ, maman! (*Растрепываетъ волосы, откашливается и декламируетъ замогильнымъ голосомъ*):

Но гдѣ-жь ты былъ? Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой... Скорѣй... ужъ поздно...
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго:
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня...

(*Отступаетъ нѣсколько шаговъ и дико озирается*).

Вохина. Боже, какъ она хороша! Обратите вниманіе на ея позу: гравюра, настоящая гравюра!

Клепа (*продолжая завывать*):

Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ,
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ;
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга...
А на твоихъ засохла кровь!..

(*Хохочетъ, подражая сумасшедшей*).

Вохина (*со слезой въ голосѣ*). Клёпа, довольно... Перестань!.. а то я расплачусь... (*Клепа оправляетъ прическу и самодовольно улыбается*). А, каково?.. Вы молчите... Я вижу, она произвела на васъ тяжелое впечатлѣніе... Хóтите его разсѣять? Взгляните сюда (*указываетъ на Лику, которая стоитъ въ кокетливо задумчивой позѣ передъ бюстомъ Шекспира*). Ну, развѣ я не права, что это вторая Савина... Посмотрите, какъ она плутовски молчитъ... выраженіе глазъ... поворотъ головы... Вылитая Савина! Лика, милочка, поди ко мнѣ на минуточку?

Лика (*вертляво подбѣгая къ Вохиной*). Душечка, мамашечка, что вамъ угодно? (*взглянувъ на Погуляева, кокетливо опускаетъ глаза*).

Вохина (*Погуляеву*). Не правда-ли, какъ она прелестна? (*съ добродушнымъ лукавымъ подмигиваніемъ*). Вы знаете, откуда эта фраза: «Мамашечка, что вамъ угодно?» Это ея первый выходъ въ водевилѣ: «Тайна Олиньки»... Она всегда такъ. Она не можетъ шагу сдѣлать безъ игры. А посмотрѣли-бы вы ее на сценѣ — она все время играетъ... до смѣшного! И тогда, когда нужно, и когда ей приходится молчать, или просто пройти зачѣмъ-нибудь черезъ сцену... Уйдетъ за кулисы — и за кулисами продолжаетъ играть. Спектакль кончится, въ карету сядетъ, чтобъ ѣхать домой — и тамъ играетъ. Замѣчательно воспріимчивая дѣвочка!

Погуляевъ (*подавленный*). А вашъ сынъ... онъ тоже играетъ? (*Указываетъ на Вику, который вырѣзываетъ изъ бумаги пѣтушковъ на письменномъ столѣ*).

Вохина. И онъ играетъ. Пока его, впрочемъ, держатъ на амплуа звѣрей (*Погуляевъ недоумѣваетъ*). Ахъ, онъ удивительно имитируетъ разныхъ животныхъ — кошку, собаку, пѣтуха... смотря, что тамъ слѣдуетъ по пьесѣ... Со временемъ, разумѣется, онъ будетъ изображать и человѣка... О, этотъ мальчикъ съ недюжинными способностями... Вика, перестань шалить, а то опять изрѣжешь какой-нибудь нужный счетъ и выйдетъ цѣлая исторія! (*За ухо отводитъ его въ уголъ*). Ну, что вы мнѣ скажете послѣ того, что видѣли?.. Вѣдь это не дочери, а перлы!...

Погуляевъ (*смѣшиваясь*). Да... признаюсь... это дѣйствительно... ужь точно...

Вохина. Онѣ вамъ нравятся? я такъ и знала... Знаете, приходите къ намъ завтра, запросто, на тарелку супа... Мы обѣдаемъ въ пять. Съ моими дочерьми вы никогда не потеряете даромъ времени... Онѣ непремѣнно васъ посвятятъ во всѣ тайны искусства. А съ здѣшними, «съ кружковыми», вамъ положительно нечего связываться: рожа на рожѣ и интригуютъ, какъ послѣднія актерки! Вотъ хоть эта, что идетъ сюда — Шалашникова: бездарность вопіющая, оттираетъ моихъ дочерей и повсюду таскаетъ за собой какого-то восточнаго офицера. Отойдемте въ сторону—я съ ней не кланяюсь! Я здѣсь почти ни съ нѣмъ не кланяюсь! (*Вохина и Погуляевъ отходятъ въ глубину сцены*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же, Шалашникова и Никагосовъ.

Шалашникова (*Никагосову, кивая на Вохину*). Драматическая мамаша съ своими драматическими цыплятами уже здѣсь. Кто этотъ молодой человѣкъ съ ними—вы не знаете?

Никагосовъ. По всей вѣроятности, новая жертва Гименея.

Шалашникова. Идите—спасайте!

Никагосовъ. Безполезно! Кто разъ попалъ подъ покровительство этой фуріи, тотъ не избѣгнетъ своей участи. Да и мнѣ-ли спасать, когда я самъ погибаю самымъ очевиднымъ образомъ.

Шалашникова. Кто-же васъ губитъ?

Никагосовъ (*страстно*). Ваши глаза!

Шалашникова. Мишель, вы забываете, что у меня есть мужъ.

Никагосовъ. Между свободными любителями эта привиллегія не играетъ никакой роли.

Шалашникова. Положимъ такъ, но вы не знаете, что мой Валя ужасно ревнивъ?

Никагосовъ. А развѣ вы не знаете, что я родился на Кавказѣ и что моя настойчивость равняется моей пылкости!.. (*Схватываетъ ее за руки*).

Шалашникова (*отдергивая руку и указывая на Вохиныхъ*). Вы просто сумасшедшій! (*Громко*). Не правда-ли, какой милый кружокъ?

Никагосовъ. Прекрасное учрежденіе... Дешевый буфетъ, роскошныя женщины, свободные нравы... Я, положительно, давно не проводилъ такъ пріятно время! (*Входятъ Вьюшкина и Каплуновъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же, Вьюшкина и Каплуновъ.

Вьюшкина (*Каплунову*). Господинъ профессоръ, умоляю васъ, скажите откровенно ваше мнѣніе, какъ я теперь играла?

Каплуновъ. Въ общемъ вы были божественны, но, въ частности, со мной вы репетировали нѣсколько холоднѣе, чѣмъ съ monsieur Погуляевымъ.

Вьюшкина. А куда-же отъ насъ скрылся господинъ директоръ? Даже не дослушалъ, какъ я репетировала... Развѣ такъ можно обращаться съ барышнями?

Каплуновъ. Онъ отправился въ клубъ, чтобы розыскать нашего домохозяина. Дѣло, между нами говоря, довольно серьезное.

Вьюшкина. Ну, и я пойду въ клубъ, у меня тоже дѣло не послѣдней важности... Должна-же я, наконецъ, узнать, что изъ меня выйдетъ?! (*Уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же, безъ Вьюшкиной.

Шалашникова (*подзывая Каплунова*). Пепочка, подите сюда... Что это за просительница?

Каплуновъ. Это новая дебютантка, m-lle Вьюшкина. Не правда-ли, какая пикантная брюнетка?

Шалашникова. На мой взглядъ, она просто неприлична. Вы Богъ знаетъ кого скоро введете въ нашъ кружокъ. Надо быть, Пепочка, разборчивѣе въ своихъ симпатіяхъ.

Каплуновъ. Клянусь вамъ, Лизавета Михайловна, что ваши подозрѣнія не основательны.

Шалашникова. Кто-же вѣритъ клятвамъ режиссера? Скажите прямо: вы съ ней репетировали «Безумные поцѣлуи?»

Каплуновъ. Есть грѣхъ.

Шалашникова Съ вами кто не согрѣшитъ. И откуда вы только выкапываете такой благодарный матеріалъ. Вы, чего добраго, и мужу моему найдете какую-нибудь роль?

Каплуновъ. Отчего-же... я съ удовольствіемъ...

Никагосовъ. Ну, это мудрено. У него застарѣлый ревматизмъ и онъ не можетъ сдѣлать шагу безъ палки.

Каплуновъ. Что-жь, мы подыщемъ ему какую-нибудь «роль съ палкой». Вотъ хоть взять Іоанна Грознаго? или что-нибудь такое классическое... какого-нибудь этакаго патріарха съ посохомъ. . Эдипа, напримѣръ?..

Шалашникова. Развѣ, что Эдипа! (*пересмѣивается съ Никагосовымъ. Каплунову*). Кстати. Пепочка, скажите на милость, чего-же, наконецъ, мы здѣсь ждемъ?

Каплуновъ. Надежда Николаевна еще не пріѣхала.

Шалашникова. Это просто противно, какъ вы возитесь съ этой чванной дурой! По вашему, кажется, если она не пріѣдетъ, все театральное искусство исчезнетъ съ лица земли. (*Входитъ Синеокова, въ сопровожденіи Болонкина и Упорникова*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Синеокова, Болонкинъ, Упорниковъ, Каплуновъ, Никагосовъ и Шалашникова; въ глубинѣ Вохины и Погуляевъ.

Шалашникова (*цѣлуясь съ Синеоковой*). Прелесть моя, а мы васъ ждемъ, ждемъ — просто сгораемъ отъ нетерпѣнія!

Синеокова. Душечка моя, мнѣ никакъ нельзя было раньше. У меня сидѣла съ визитомъ губернаторша: пріѣхала просить участвовать въ благотворительномъ спектаклѣ. Разумѣется, я отказала... Я и безъ того такъ завалена ролями, что мнѣ едва достаетъ времени перемѣнить туалетъ (*щурясь, лорнируетъ присутствующихъ и видитъ Погуляева*). Ce jeune homme n'est pas mal! (*Каплунову*). Кто это?

Каплуновъ. Черниговскій помѣщикъ Погуляевъ... нашъ новый членъ. Спитъ и видитъ сдѣлаться драматическимъ любовникомъ.

Синеокова. Это любопытно! Представьте мнѣ его. (*Каплуновъ бѣжитъ къ Вохинымъ и не безъ труда вытаскиваетъ на сцену Погуляева*).

Каплуновъ (*представляя Погуляева Синеоковой*). Павелъ Петровичъ Погуляевъ... Надежда Николаевна Синеокова... слава и опора нашего кружка... Такъ сказать, наше театральное солнце, вокругъ котораго вращаемся всѣ мы, грѣшные.

Шалашникова (*довольно громко*). И даже платимъ деньги, чтобъ вращаться... въ видѣ ежемѣсячныхъ взносовъ!..

Синеокова (*Погуляеву*). Мнѣ ваша физіономія что-то знакома. Вы не были вчера на спектаклѣ Ѳедотовой?

Погуляевъ. Какъ-же, былъ-съ.

Синеокова. Ну, значитъ, это я васъ видѣла (*кивая въ сторону Болонкина и Упорникова*). Вы не знакомы?

Погуляевъ. Не имѣлъ удовольствія.

Синеокова (*указывая на Болонкина*). Болонкинъ, Сергѣй Михайловичъ — нашъ jeune premier... Ромео, подите сюда... Это я зову его по роли, которую онъ создалъ въ прошломъ году... Ромео, представляю вамъ соперника - monsieur Погуляевъ (*Болонкинъ и Погуляевъ жмутъ другъ другу руки; одновременно подходитъ Упорниковъ*).

Упорниковъ (*рекомендуясь*). Позвольте также представиться: Любимъ Торцовъ!

Каплуновъ (*Погуляеву*). Иными словами, нашъ почтеннѣйшій трагикъ и драматургъ — Яковъ Николаичъ Упорниковъ.

Погуляевъ. Ахъ, очень пріятно! (*жмутъ руки*).

Синеокова (*отводитъ Каплунова въ сторону*.

Упорниковъ и Болонкинъ завладѣваютъ вниманіемъ Погуляева). Ну, какъ идутъ дѣла моего кружка?

Каплуновъ. Плохо, многоуважаемая Надежда Николаевна, совсѣмъ плохо! Хозяинъ дома рѣшительно требуетъ, чтобы мы уплатили за помѣщеніе драматическаго кружка до 1-го числа, т. е. завтра. Положеніе буквально драматическое!

Синеокова. Но какъ-же онъ можетъ требовать платы за квартиру послѣ того фурора, который я произвела въ послѣднемъ спектаклѣ?!

Каплуновъ. Ничего не подѣлаешь, божественная! Такой грубый мужикъ. Развѣ онъ въ состояніи почувствовать всю прелесть вашей красоты.

Синеокова. Ну, это еще мы увидимъ! Подите сюда. У меня явилась одна очень счастливая мысль, какъ спасти кружокъ. (*Отводитъ Каплунова на середину сцены къ бюсту Шекспира и оживленно разговариваетъ. Слѣва* (*отъ зрителей*), *въ глубинѣ сцены, Шалашникова шепчется съ Никагосовымъ; въ глубинѣ справа Вохина наблюдаетъ за дочерьми, которыя учатъ роли. Вика стоитъ въ углу за наказаніе. Налѣво, на авансценѣ: Погуляевъ, Упорниковъ и Болонкинъ*).

Болонкинъ (*Погуляеву*). Вы въ чемъ-же предполагаете дебютировать?

Погуляевъ. Я уже пробовалъ себя въ роли князя Радилова въ драмѣ «Безумные поцѣлуи»...

Болонкинъ. Ну, и что-же?

Погуляевъ. Я не знаю, почему, но у меня любовныя мѣста совсѣмъ не выходятъ.

Болонкинъ. И не могутъ выйти, потому что вы слишкомъ еще неопытны. Вы думаете, лавры легко достаются? Вы думаете — амплуа jeune premier не разрушаетъ организма? Знаете-ли вы, напримѣръ, что я, въ третьемъ году, послѣ роли *Чацкаго*, вылежалъ шесть недѣль въ госпиталѣ... въ нервной горячкѣ!

Упорниковъ. А мнѣ, напримѣръ, вы думаете, даромъ досталось въ прошломъ году созданіе типа Любима Торцова! Я къ нему готовился слишкомъ мѣсяцъ и цѣлый мѣсяцъ пилъ безъ просыпу, чтобъ лучше войти въ роль... и чуть не допился до бѣлой горячки.

Погуляевъ (*подавленный*). Это ужасно!

Болонкинъ (*Погуляеву*). И, представьте, неблагодарность публики: его освистали.

Упорниковъ. Ну, и врешь! вовсе не освистали, а *не поняли*. Это большая разница, это со всякимъ можетъ случиться... даже съ Синеоковой.

Погуляевъ. Вы меня извините, это не секретъ—по комъ она въ глубокомъ траурѣ?

Упорниковъ. По Монаховѣ.

Погуляевъ. То есть, какъ это «по Монаховѣ?»

Упорниковъ. Такъ, по извѣстномъ петербургскомъ артистѣ Монаховѣ. Она была въ него безнадежно влюблена и до сихъ поръ не снимаетъ траура... вѣроятно, потому не снимаетъ что черный цвѣтъ ей къ лицу и до нѣкоторой степени маскируетъ ея многія другія увлеченія... послѣ Монахова.

Болонкинъ (*держая Упорникова за рукавъ*). Жакъ, какъ ты не скроменъ.

Упорниковъ. Хорошъ скромникъ! (*Погуляеву*). Вы знаете, въ прошломъ году онъ на моихъ глазахъ погубилъ цѣлыхъ трехъ любительницъ: одна изъ любви къ нему развелась съ мужемъ, другая кинулась въ воду, а третья изъ драмы бросилась въ оперетку.

Болонкинъ (*рисуясь*). Что дѣлать, всякій артистъ, прежде чѣмъ изображать любовь на сценѣ, долженъ пройти всю гамму страстей... Но ты, Жакъ, напрасно обвиняешь меня въ легкомысліи... Послѣдняго моего увлеченія я не забуду до гроба (*Погуляеву, съ театральной аффекціей*). «Это была ангелъ дѣвушка, украшенная всѣми прелестями юности и цѣломудренная, какъ свѣтъ небесный... Но кому я говорю это?.. Вы никогда не любили и не были любимы!»

Упорниковъ (*Погуляеву*). Это изъ «Разбойниковъ» Шиллера: 3-е дѣйствіе, картина 2-я, явленіе 4-е.

Погуляевъ (*Упорникову*). Это удивительно, какая у васъ память на драматическія произведенія!

Упорниковъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что я самъ драматургъ... авторъ драмы «Судъ Соломона».

Погуляевъ. Судя по названію, это должно быть что нибудь оригинальное. Вы, вѣроятно, хлопочете теперь о постановкѣ вашего произведенія на Александринской сценѣ?

Упорниковъ. Хлопоталъ, но безуспѣшно. Дирекція испугалась размѣра драмы.

Погуляевъ. А какъ велика ваша пьеса?

Упорниковъ. Въ 6-ти дѣйствіяхъ и двухъ междудѣйствіяхъ.

Погуляевъ. Что это такое «междудѣйствія?»

Упорниковъ. Это совсѣмъ новый пріемъ: это небольшіе акты, въ которыхъ актеръ, или самъ авторъ объясняетъ публикѣ все то, что непонятно въ остальныхъ актахъ. У меня еще не то придумано! (*Отводитъ Болонкина и Погуляева на край сцены*).

Каплуновъ (*Синеоковой*). Смѣю васъ увѣрить, высокодаровитая Надежда Николаевна, что вашъ проэктъ о спасеніи общества посредствомъ устройства живыхъ картинъ едва-ли принесетъ желанный плодъ...

Синеокова. Но вѣдь я вамъ говорю, что я согласна позировать въ чемъ угодно.

Каплуновъ. Сомнѣваюсь, божественная, чтобы Тарасъ Сидорычъ съумѣлъ оцѣнить по достоинству ваше самопожертвованіе. Вы знаете, онъ помѣшанъ на Шекспирѣ и въ женской пластикѣ ничего не смыслитъ.

Синеокова. Да мы его и спрашивать не будемъ. Какое мнѣ дѣло, что онъ любитъ Шекспира! Я сама тоже кого нибудь люблю, однако, другихъ не стѣсняю. И потомъ всѣ эти его классическія проповѣди—все это одни мыльные пузыри. Еслибъ онъ хорошенько вникъ въ окружающее, онъ-бы убѣдился, что любовь къ театру и любовь къ женщинѣ—почти одно и то же (*громко, чтобы всѣ слышали*). A propos, чего-же мы ждемъ? Я вижу, вашъ директоръ только умѣетъ говорить о возвышенномъ, а самъ Богъ знаетъ гдѣ пропадаетъ! (*при послѣднихъ словахъ между любителями происходитъ движеніе*).

Вохина (*вставая съ дивана*). Я тоже желала бы знать, чего мы ждемъ. Мои дочери уже успѣли приготовить роли къ слѣдующему спектаклю, а вашего глупаго Шекспира все еще нѣтъ. Если ему почему нибудь некогда, — не надо было назначать засѣданія.

Шалашникова (*подойдя къ Каплунову*). Въ самомъ дѣлѣ, будемъ мы наконецъ, засѣдать или нѣтъ?

Упорниковъ (*Каплунову*). Я, кстати, желалъ-бы знать, отчего не всѣмъ членамъ разосланы повѣстки? Что это: недосмотръ, или интрига?

Никагосовъ (*подходя къ Упорникову и Болонкину*). Чортъ возьми, скоро-ли ужинъ? Вы не знаете, господа, скоро ужинъ? Надѣюсь, что насъ не отпустятъ отсюда съ пустыми желудками. Если не будетъ ужина — я ухожу изъ кружка!

Синеокова. Я жду двѣ минуты. Если черезъ двѣ минуты Тарасъ Сидорычъ не явится, я прикажу подавать экипажъ.

Одновременно.
Вохина. Мы тоже сейчасъ уѣдемъ!
Упорниковъ. Чортъ побери, я тоже не намѣренъ торчать здѣсь безъ толку!
Болонкинъ. Я тоже не намѣренъ!
Погуляевъ. И я! (*Въ эту минуту входитъ Венеціановъ и, съ растеряннымъ видомъ останавливается посреди сцены*).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Слезы.

На блеклыя розы
Для новой красы
Спадаютъ блестящія слезы
Алмазной росы.

* * *

И снова цвѣты оживаютъ,
И пышный цвѣтокъ
Красавицы гордо вплетаютъ
Въ роскошный вѣнокъ!..

* * *

Но горести слезы
(Ихъ кто избѣжитъ?)
Срываютъ цвѣтущія розы
Съ прекрасныхъ ланитъ...

Былинскій.

Русская масляница минувшихъ столѣтій.

Историческій очеркъ **М. М. Лисицына.**

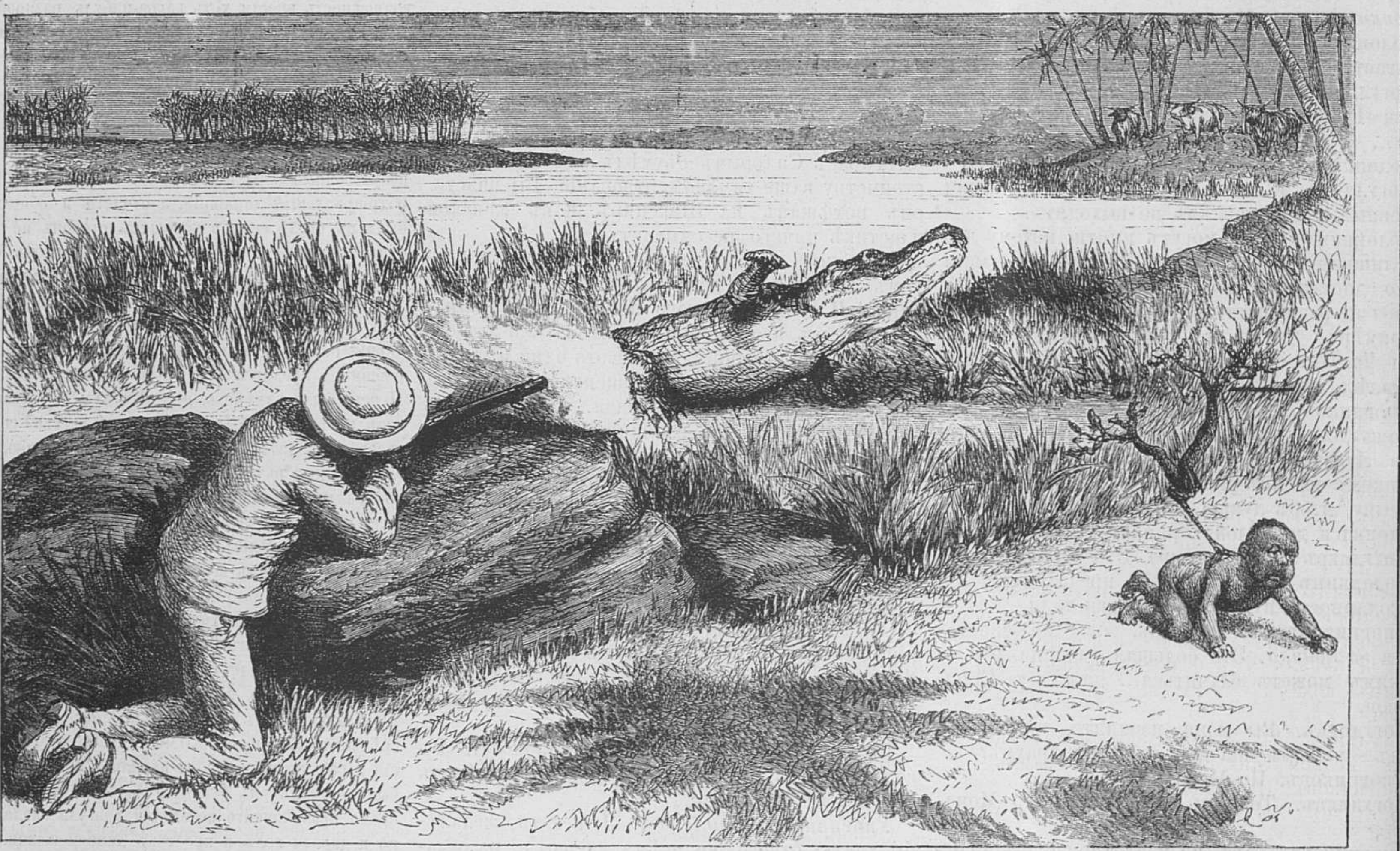
Такимъ образомъ очевидно, что праздники давали возможность внести хоть какое-нибудь разнообразіе въ бѣдную событіями монотонно-скучную жизнь, а съ другой стороны позволяли удовлетворить чувства тщеславія и желанія блеснуть всѣми накопленными богатствами. Праздничныя процессіи давали также возможность публично, предъ народомъ засвидѣтельствовать степень своей знатности и приближенности къ царю. Простой безъискуственный образъ тогдашней жизни, полубиблейскій патріархальный домашній, а отчасти и общественный, бытъ въ числѣ своихъ хорошихъ сторонъ не обладалъ одною крупною и важною—онъ не былъ въ состояніи давать что-нибудь свѣтлое, живое и заполняющее, захватывающее весь умъ и помыслы человѣка. Жизнь шла обычною колеею, вмѣщенная въ извѣстныя стародавнія рамки, регламентированныя до мельчайшихъ подробностей предписаніями обычаевъ и преданія старины. Нечего было измѣнять, передѣлывать и усовершенствовать, не въ чемъ было проявить творческой способности своего ума, дать выходъ своему стремленію, проявить свои личные вкусы и изобрѣтательность. И вотъ тутъ-то празднества и сопряженныя съ ними «дѣйства» сыграли незамѣнимую ничѣмъ роль. Все было обставлено благочестіемъ, религіозными обрядами, церковными службами, но сущность всего этого заключалась въ томъ, чтобы хоть на минутку вырваться изъ опостылѣвшей обыденщины и отдохнуть умомъ на чемъ-нибудь новомъ и небываломъ. Тутъ представлялась возможность проявить свое индивидуальное я, свои вкусы и желанія, хотя бы все это и въ микроскопической формѣ. Тѣ узкія рамки, въ которыхъ была уложена вся жизнь, тѣ крѣпкіе желѣзные оковы мистицизма, суевѣрій и давленій деспотическаго гнета преданія старины, которыми былъ скованъ умъ русскаго человѣка того времени, во время праздничнаго веселья и разгула спадали временно и давали волю и просторъ личной жизни. Во время праздниковъ, особенно такихъ, какъ святки и широкая масляница, все дозволялось и разрѣшалось. Само духовенство, такъ заботливо опекавшее русскій умъ, душу и волю; представляло и санкціонировало этотъ просторъ для русскаго ума и чувства. На праздникахъ дозволялись не только всякія излишества въ яствѣ и питіяхъ, но всякія потѣхи и зрѣлища, не дозволенныя въ другое время. Впрочемъ слѣдуетъ признаться, что развеселившійся русскій человѣкъ подчасъ въ это время любилъ дать полную волю своимъ первобытнымъ инстинктамъ и наклонностямъ, предпочиталъ пользоваться грубыми, а нерѣдко и дикими удовольствіями—медвѣжьими травлями, въ которыхъ особые охотники выходили для потѣхи толпы или царя въ бой съ медвѣдемъ одинъ на одинъ и бывали иногда растерзаны на глазахъ зрителей своимъ могучимъ противникомъ,—кулачными боями съ смертнымъ боемъ и т. п. Иногда живой, насмѣшливый и быстро подмѣчавшій все смѣшное умъ тогдашняго русскаго человѣка усвоилъ себѣ, опять таки потѣхи и веселія ради, сатирическое направленіе и настроеніе. Тутъ дѣло, благодаря древнерусской спѣси и обидчивости, часто не обходилось и безъ курьезовъ. Такъ, въ 1733 были подана на Высочайшее имя слѣдующая жалоба одного изъ россійскихъ обывателей, по профессіи служителя Алексѣя Граниковскаго.

«Сего іюля 17 дня настоящаго 1733 года, писалъ этотъ служитель, случилось быть у меня нижайшаго въ домѣ гости, и безъ призыву моего пришелъ ко мнѣ въ домъ мой, церкви Николая чудотворца, что на Хивеновѣ, викарій попъ Василей и принесъ съ собою некакую проказу, роспись смѣхотворную, якобы кому надлежитъ къ женитьбѣ, у которой онъ попъ своею рукою и подписался, и тѣмъ при гостяхъ учинилъ мнѣ нижайшему не малый афронтъ и безчестье, понеже оные гости вмѣняли меня нижайшаго въ непостоянство; а я нижайшій о той росписи и не свѣдомъ, и гдѣ онъ попъ тое роспись взялъ и кто писалъ, не знаю, только узналъ подъ тою росписью рука его попова, отчего я весьма опасенъ; а оное неточію бъ попу, но и мірянину того дѣлать не пристойно, а онъ попъ чинитъ въ томъ соблазнъ не малой, а мнѣ нижайшему нанесъ безчестье, а для подлиннаго безсомнительнаго разнимательства со онаго смѣхотворнаго якобы приданаго реэстра копіею, принявъ, записать, а онаго попа, сыскавъ въ томъ реэстрѣ и въ безчестьи меня нижайшаго допросить и по произведеніи дѣла по силѣ Вашего Императорскаго Величества указовъ и правилъ Святыхъ Отецъ учинить ему попу, чему онъ будетъ достоинъ, а за безчестье мое по Уложенію на немъ взыскавъ, отдать мнѣ нижайшему, дабы впредь оной попъ, ходя по домамъ такихъ проказъ и незаконныхъ поступокъ чинить пересталъ». Далѣе челобитчикъ прилагаетъ и самый смѣхотворный реэстръ — образчикъ тогдашняго остроумія и тогдашней сатиры. Вотъ ея начало: «Роспись о приданомъ: вначалѣ восемь дворовъ крестьянскихъ, промежъ Лебедяни, на старой Резани, не доѣзжая Казани, гдѣ пьяныхъ вязали, межъ неба и земли, поверхъ лѣсу и воды; да 8 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ полтора человѣка съ четвертью, 3 челов. дѣловыхъ людей, 4 человѣка въ бѣгахъ, да 2 чел. въ бѣдахъ, одинъ въ тюрьмѣ, а другой въ водѣ; да въ тѣхъ-же дворахъ стоитъ горница о трехъ углахъ, надъ жиломъ подклѣтомъ... третій московской дворъ загородной на Воронцовомъ полѣ, позади Тверской дороги. Въ ономъ дворѣ хоромнаго строенія: два столба вбиты въ землю, третьимъ покрыто... Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякой годъ насыпного хлѣба восемь амбаровъ безъ заднихъ стѣнъ...» заканчивается эта своего рода сатира того времени слѣд. словами: «И всего приданаго будетъ на 300 пуста на 500 ни кола. А у записи сидѣли с. Еремей да женихъ Тимофей, котъ да кошка, да п. Тимошка, да сторожъ Филимошка. А запись писали въ сѣрую субботу, въ рябой четвертокъ, въ соловую пятницу; тому честь и слава, а попу каравай сала, да обратина пива, прочитальщику чарка вина, а слушальщикамъ бадья меду, да 100 рублевъ въ мошну; а которые добрые люди сидя при бесѣдѣ и выписанной росписи не слушали тѣмъ всѣмъ по головнѣ» *)... Что собственно, обидное нашелъ для себя челобитчикъ въ этой росписи—неизвѣстно.

Еще одною изъ симпатичныхъ чертъ обладалъ праздникъ для русскаго человѣка—это именно возможностью вполнѣ проявить во время его одно изъ глубокихъ и яркихъ свойствъ своего національнаго характера—гостепріимство и широкое хлѣбосольство. Всѣ классы, всѣ слои русскаго общества издревле отличались этимъ свойствомъ, да и теперь еще внутренняя жизнь нашихъ деревень и селъ свидѣтельствуетъ объ этомъ свойствѣ, собирая у своихъ праздничныхъ столовъ родныхъ, знакомыхъ и даже незнакомыхъ людей, часто пріѣзжающихъ въ деревню «къ празднику» за нѣсколько десятковъ верстъ. А въ то время это свойство русскаго характера проявлялось еще съ большею силою, такъ какъ по части явствъ, питій и угощенія старинный русскій человѣкъ былъ неподражаемъ и виртуозъ. Къ тому-же этому способствовала и дешевизна жизненныхъ продуктовъ. Особенно сильно проявлялось русское хлѣбосольство на масляницѣ—одномъ изъ любимѣйшихъ россійскими обывателями времени церковнаго года.

Масляницу, или по церковному, сырную недѣлю, русскій народъ, по свидѣтельству Сахарова **), откуда мы и заимствовали всѣ свѣдѣнія, издавна величаетъ «честною, широкой и веселой». Всѣ дни масляной недѣли имѣютъ свои особыя названія; такъ: понедѣльникъ—или встрѣча, вторникъ — заигрыши, среда — лакомка, четвергъ — разгулъ, переломъ, широкій четвертокъ; пятница—тещины вечерки; суббота—золовкины посидѣлки и, наконецъ, воскресенье—прощеный день. На первый день масляницы справляли встрѣчу ея. Дѣти съ утра выходили на улицу строить снѣжныя горы и зазывать масляницу слѣдующими причитываніями: «звалъ позывалъ честной семикъ широкую масляницу къ себѣ въ гости во дворъ. Душа-ль ты моя, масляница, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣльце, сахарныя уста, сладкая твоя рѣчь! Пріѣзжай ко мнѣ въ гости на широкъ дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться, сердцемъ потѣшаться. Ужь ты-ль, моя масляница, красная краса, русая коса, тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трех-материна дочка, кеточка, ясочка, ты-же моя перепелочка! Пріѣзжай ко мнѣ въ тесовый домъ душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться. Выѣзжала честная масляница, широкая боярыня на семидесяти семи саняхъ козырныхъ, во широкой лодочкѣ, во великъ городъ пировать, душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться. Какъ на встрѣчу масляницѣ выѣзжалъ честной семикъ на салазочкахъ, въ однихъ протяпочкахъ безъ лапотокъ. Пріѣзжала честная масляница широкая боярыня, къ семику во дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться, сердцемъ потѣшиться. Ей-то семикъ бьетъ челомъ на салазочкахъ, въ однихъ протяпочкахъ, безъ лапотокъ. Какъ и тутъ ли честная масляница на горахъ покаталася, въ блинахъ поваляласся, сердцемъ потѣшалася. Ей-то семикъ бьетъ челомъ, кланяется, зоветъ въ тесовой теремъ, садилась за дубовый столъ, къ зелену вину входила честная масляница, широкая боярыня къ семику во тесовый теремъ, садилась за дубовый столъ къ зеленому столу. Какъ и она-ль, честная масляница, душой потѣшалася, умомъ повеселялася, рѣчью наслаждалася». Послѣ этой встрѣчи, дѣти сбѣгаютъ съ горъ и кричатъ: «Пріѣхала масляница! Пріѣхала масляница!» Встрѣча

ИЗЪ ЖИЗНИ и ПРИРОДЫ.



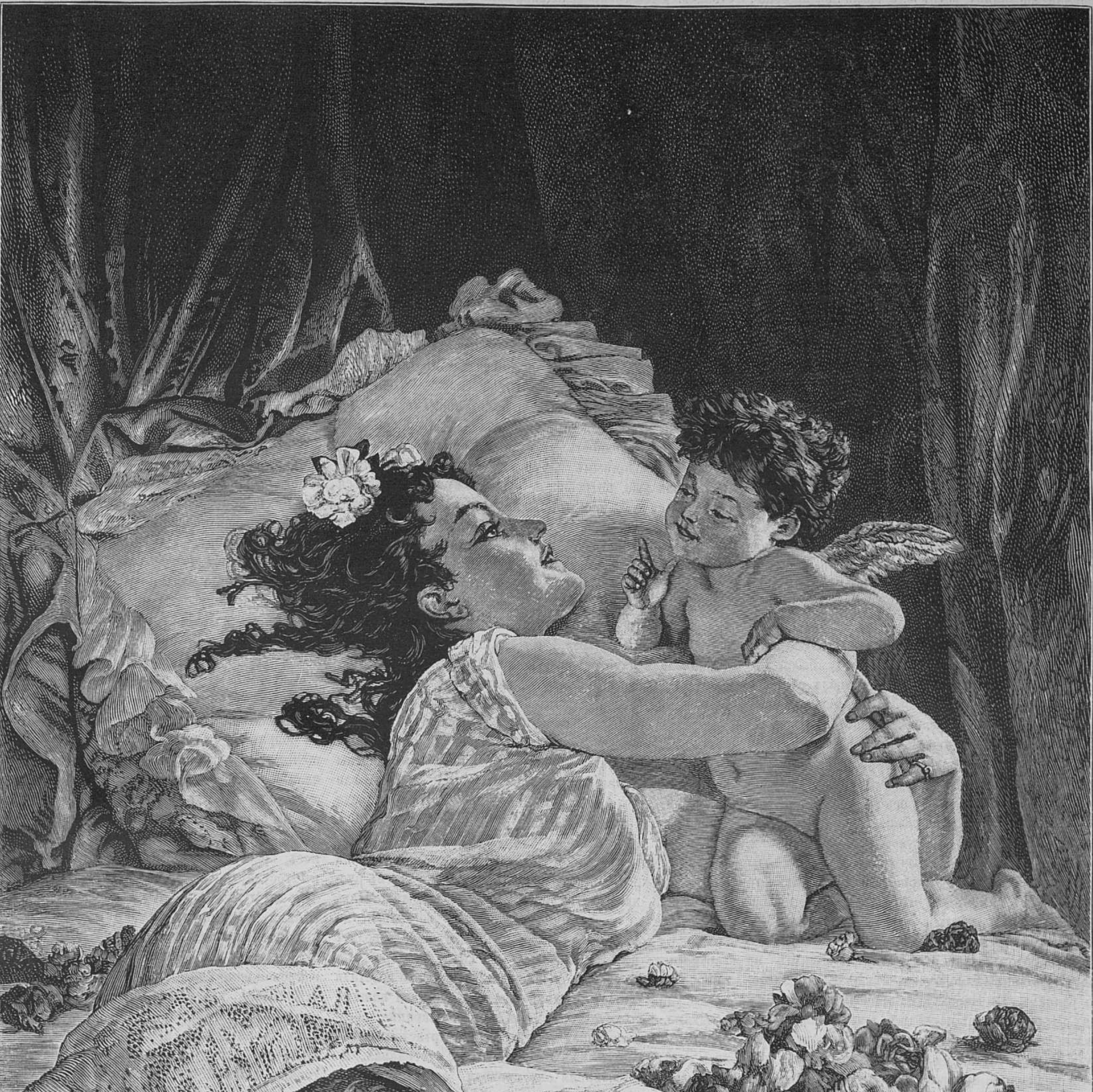
Охота на крокодиловъ на островѣ Цейлонѣ.

---

*) «Бытъ русск. царей и царицъ» П. Забѣлина т. II, стран. 421.—**) «Сказанія русскаго народа» собран. П. Сахаровымъ, кн. II, изд. 1885 г., стр. 164.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Лоссова.



Весеннія грёзы.

Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ Спб.

оканчивается кулачнымъ боемъ. Въ разныхъ мѣстахъ русской земли масляницу встрѣчали различно, но общій колоритъ веселья и разгула лежалъ вездѣ и на всемъ. Москвичи въ старину справляли масляницу у Красныхъ воротъ. Здѣсь Петръ В. открывалъ масляницу съ понедѣльника и качался на качеляхъ съ офицерами. Народъ, храня преданія и живыя воспоминанія о язычествѣ и послѣ принятія христіанства, придавалъ образное значеніе масляницѣ и каждому дню ея отдавалъ должную дань вниманія, соединяя съ этимъ особые семейные обряды и старинные обычаи. Такъ, начиная масляницу, совершали обрядъ изготовленія опары для блиновъ. Эта опара готовилась изъ снѣга на дворѣ, когда взойдетъ мѣсяцъ. Здѣсь стряпухи-женщины причитывали «мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, золотые твои рожки! Выглянь въ окошко, подуй на опару». Въ глубокую старину зятья и дочери приглашали заранѣе тещъ и старухъ-родственницъ учить ихъ уму-разуму — печь блины и встрѣчать масляницу. Со вторымъ днемъ масляницы соединялись сходбища на ледяныхъ горахъ молодыхъ людей обоего пола. Тутъ будущіе женихи и невѣсты, суженые-ряженые присматривались другъ къ другу и знакомились — чего не допускалось въ другое время. Въ среду или «на лакомки» происходило посѣщеніе тещъ своими зятьями. Сзывались и другіе родные, родственники и знакомые; нерѣдко для увеселенія пѣлись насмѣшливыя надъ тещами пѣсни, появлялись ряженые медвѣди, изображавшіе, какъ «теща про зятя блины пекла—какъ у тещи головушка болитъ—какъ зять-то удалъ тещѣ спасибо казалъ». Съ четверга, какъ и теперь, начинался полный масляничный разгулъ и гульба — катанье, кулачные бои и т. п. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Юрьевѣ-Польскомъ и Владимірѣ возили по улицамъ шутника, сидѣвшаго на колесѣ. Въ старину въ Зарайскѣ, возили на саняхъ дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками. Въ Архангельскѣ нѣкогда мясники возили по городу быка. Въ Ярославлѣ съ четверга колядовщики начинали пѣть коляду *). Въ пятницу на масляной зятья обязаны были въ свою очередь приглашать своихъ тещъ къ обѣду или на ужинъ. На золовкины посидѣлки, т. е., въ субботу молодыя невѣстки приглашали къ себѣ своихъ родныхъ. Новобрачная невѣстка обязана была дарить своихъ золовокъ подарками. Въ тульской, пензенской и симбирской губерніяхъ въ этотъ день дѣти, а въ старину и взрослые, строили и брали приступомъ снѣжные городки. Въ послѣдній день сырной недѣли совершались проводы масляницы и прощанье. Это сопровождалось различнаго рода обрядами. Въ симбирской, саратовской и пензенской губерніяхъ по городамъ и селамъ устраивался поѣздъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ саней и дровней наполненныхъ народомъ. Такой поѣздъ разъѣзжалъ въ сопровожденіи толпы скомороховъ, пѣвшихъ и плясавшихъ по улицамъ. Въ Нерехтѣ на проводахъ сожигаютъ масляницу. Прощались въ послѣдній день масляницы съ покойниками и живыми, тутъ родные и знакомые просили другъ у друга прощенія и дарили подарки одинъ другому и прощеные пряники. Родные приходили къ старшему въ родѣ, а бѣдные къ богатымъ. Прощанье заключалось поцѣлуемъ и низкимъ поклономъ. Что касается быта старой Москвы, то тамъ масляница имѣла свои особенныя характерныя черты. Прежде всего для ея встрѣчи церковь устраивала особое «дѣйство», совершавшееся въ послѣднее, передъ масляницею, воскресенье. На площади, за алтаремъ Успенскаго собора устраивалось особое возвышеніе, куда выходили опять-таки въ торжественной процессіи, царь и патріархъ. На помостѣ, устланномъ краснымъ сукномъ, ставилась особая икона Страшнаго Суда, возлѣ коей совершалось, по особому чину и при пѣніи особыхъ стихиръ, торжественное церковное богослуженіе, освящалась вода и читалось на четыре стороны Евангеліе, послѣ котораго патріархъ отиралъ губкою образъ Страшнаго Суда и прочія иконы, вынесенныя къ дѣйству. По окончаніи всей церемоніи, патріархъ осѣнялъ крестомъ и кропилъ св. водою государя, властей и народъ. Рано утромъ въ этотъ день царь тайно обходилъ всѣ тюрьмы, богадѣльни и т. п. Тамъ онъ раздавалъ милостыню и иногда освобождалъ преступниковъ. Въ этотъ же день во дворцѣ давался столъ для нищей братіи, за которымъ обѣдалъ самъ царь и угощалъ своихъ смиренныхъ и убогихъ гостей.

Затѣмъ съ наступленіемъ масляницы начинался самый бурный, по веселью, періодъ русской жизни. Въ это время проявлялось все національное съ большею силою и рельефностью. Наставалъ чередъ выступить всѣмъ тогдашнимъ «потѣхамъ» и незамысловатымъ удовольствіямъ. Тутъ-то происходили, какъ уже было упомянуто, медвѣжьи травли, поединки между звѣрями и людьми, которыхъ за тяжкія увѣчья награждали «сукнецемъ добрымъ въ 2 рубля», знаменитые русскіе кулачные бои и поединки на рапирахъ межъ пріѣзжими иноземными людьми для утѣхи, «великаго государя» и «міра честнаго»; въ это время, наконецъ, съѣзжались въ Москву всѣ фокусники и «удивительныхъ дѣйствъ» мастера, которымъ въ иное время не было возможности показывать свое искусство. Бурному же разгулу масляницы и тому, что въ эту недѣлю все разрѣшалось и не ставилось въ вину русскому человѣку, мы обязаны и происхожденіемъ театра. Уже давно до слуха русскаго человѣка доходили свѣдѣнія о существованіи за границей комидійныхъ потѣшныхъ дѣйствъ. О нихъ разсказывали, возбуждая всеобщее любопытство и удивленіе, наши дипломатическіе посланники, имѣвшіе случай видѣть при западныхъ дворахъ и наслаждаться театральнымъ искусствомъ; но эти разсказы такъ и оставались разсказами. Тяжелый гнетъ домостроевскихъ доктринъ не позволялъ имъ воплотиться во очію на русской землѣ. Но это было лишь до поры до времени. Бракъ царя Алексѣя Михаиловича съ Натальей Нарышкиной и склонность извѣстнаго воспитателя ея Матвѣева, къ иноземнымъ заимствованіямъ, а главное-же назрѣвшая уже потребность русскаго ума попытаться сбросить съ себя весь гнетъ стараго строя жизни, сдѣлали то, что въ субботу на масляницѣ 1672 г. 17 февраля, когда позволялись всякаго рода зрѣлища, былъ устроенъ въ царскомъ дворцѣ спектакль, разыгранный труппою странствующихъ актеровъ-нѣмцевъ подъ управленіемъ магистра Ягапа Готфрида Грегори. «Съ этого дня, говоритъ И. Забѣлинъ, и должна начинаться исторія нашего театра» (стр. 470, т. II).

Сначала и царь, и окружающіе его смотрѣли на театральныя представленія, хотя какъ и на очень интересное и заманчивое развлеченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на дѣло крайне грѣховное, бѣсовское и недозволенное. Царицы и царевны являлись въ дворцовый театръ съ закутанными лицами и для нихъ были устроены особыя ложи, сквозь щели которыхъ онѣ и смотрѣли на заморскія чудесныя дѣйства. Для перваго спектакля была избрана пьеса „Эсфирь“ по библейскому сказанію. Послѣднее хоть немного умиряло нашихъ фарисеевъ и фанатиковъ. Но и при этомъ много труда и упорной борьбы должно было вынести это новое явленіе въ русской жизни, прежде чѣмъ сдѣлаться обыденнымъ. Царь и бояре, хотя подкупленные новизною и интересомъ зрѣлища, долго все-таки не рѣшались еще дозволить употреблять въ театрѣ музыку, но когда наскоро слаженное дѣло уладилось и невиданныя картины возстали предъ удивленными и наивно восхищавшимися нашими предками, успѣхъ его уже можно было заранѣе обезпечить. Странствующая труппа этихъ артистовъ осталась съ тѣхъ поръ надолго въ Москвѣ, устраивая, по приказанію царя, время отъ времени, свои спектакли, на которые съѣзжался весь дворъ и вся тогдашняя знать. Впослѣдствіи была даже устроена особая комидійная хоромина—матеріалъ на ея постройку былъ отпущенъ изъ государевой казны. Масляницы послѣдующихъ лѣтъ, по свидѣтельству исторіи, сопровождались уже потомъ театральными представленіями. Любовь къ театру возросла въ короткій промежутокъ времени уже до того, что царь, уѣзжая изъ Москвы въ пригородныя свои имѣнія, приказываетъ возить за собою и театральныя декораціи, и труппу. Не лишнее прибавить при этомъ, что тогдашнее комедійное дѣйство театральное длилось иногда около семи часовъ и все, значитъ, это время присутствовавшей публикѣ не надоѣдало смотрѣть!.. Такъ начался нашъ русскій театръ. Конечно, кромѣ удовольствій духовныхъ, существовала цѣлая масса наслажденій физическихъ или, лучше сказать, утробныхъ. Вся Русь въ это время истребляла неимовѣрное количество блиновъ, оладьевъ, сластей другихъ „ядей“.

Наши древне-русскія искусницы-хозяйки запасали къ этому времени цѣлыя горы рыбныхъ, молочныхъ и др. припасовъ и старались превзойти одна другую въ кулинарномъ искусствѣ. Медовъ, романеи, квасовъ и другихъ питей истреблялось тоже не малое количество. Въ числѣ другихъ удовольствій было, конечно, и неизбѣжно соединенное съ празднованіемъ масляницы катанье на лошадяхъ и, главное, катанье съ горъ. Въ послѣднемъ въ старину принимали живѣйшее участіе люди всѣхъ возрастовъ, а иногда и половъ. Это время было, вѣроятно, опять однимъ изъ благопріятныхъ моментовъ для сближенія и знакомства молодежи обоего пола, выбора невѣстъ и тайныхъ сближеній... Правда, тутъ присутствовали всегда старыя мамушки, нянюшки и матери, но гдѣ-же было услѣдить за стариннымъ удалымъ добрымъ русскимъ молодцомъ и гдѣ-жь устоять противъ его подарочковъ разнымъ нянюшкамъ и сѣннымъ дѣвушкамъ?

Масляница давала также возможность многочисленному классу придворныхъ и боярскихъ шутовъ и дураковъ проявить всѣ свои шутовскія способности и достоинства. Извѣстно, какъ многочисленъ и разнообразенъ былъ этотъ классъ людей въ старину. Тутъ, во время веселыхъ масляничныхъ дней ихъ присутствіе, потѣха надъ ними и съ ними являлась уже неотъемлемою принадлежностью веселья. Не было болѣе или менѣе значительнаго боярскаго и вообще знатнаго дома, гдѣ не было-бы своей такой утѣхи и развлеченія, какъ шутъ, уродъ, карликъ и т. п. Ихъ обряжали въ затѣйливо придуманные шутовскіе костюмы, заставляли паясничать, драться межъ собою и т. д. На масляницѣ же задавались веселые пиры и попойки при дворѣ и у бояръ, дѣлались поѣздки на травли и охоты и творилось все, что только могло дать хоть какое нибудь удовлетвореніе вырывавшимся изъ подъ тяжелой домостроевской опеки русскому уму, чувству и иногда дикимъ инстинктамъ и страстямъ. Разгулъ этотъ былъ такъ великъ и безпредѣленъ, что нерѣдко поражалъ своею картиною бывавшихъ въ Москвѣ иностранцевъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, написавшій впослѣдствіи книгу «Anhang von den Russischen oder Moscovischen Religion», бывшій въ Москвѣ, выдумалъ будто патріархъ хотѣлъ уничтожить этотъ праздникъ, но не успѣлъ, и только сократилъ его на 8 дней, тогда какъ прежде онъ продолжался 14 дней; сравнивалъ нашу масляницу съ итальянскимъ карнаваломъ *). Съ половины масляницы, въ московскомъ дворцѣ, наступали прощеные дни. Въ среду государь посѣщалъ городскіе монастыри: Чудовъ, Вознесенскій, Алексѣевскій и др., гдѣ прощался съ братіею и больничными старцами, жалуя имъ денежную милостыню. Въ пятницу, а иногда субботу или воскресенье, царь съ боярами и патріархъ съ властями ходили для прощенія къ царицѣ. Она принимала ихъ въ своей золотой палатѣ и жаловала къ рукѣ, какъ бояръ, такъ и пріѣзжихъ боярынь. Въ воскресенье-же на масляницѣ, поутру предъ литургіею патріархъ со всѣми доховными властями, въ предшествіи соборнаго ключаря, который несъ крестъ и святую воду, приходилъ «прощатися» къ государю. Послѣ патріарха царь прощался, жалуя къ рукѣ, съ боярами, окольничими, думными дворянами и думными дьяками, а также стольниками, дьяками, стрѣлецкими головами, дворянами и жильцами московскими. Вечеромъ въ тотъ же день, государь въ сопровожденіи свѣтскихъ чиновъ, шествовалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ совершалъ обрядъ прощенія «по чину»; послѣ ектеніи и молитвословій царь подходилъ къ патріарху и, прощеніе говоря, прикладывался ко кресту. Власти духовныя и свѣтскія также, прощеніе говоря, всѣ цѣловали крестъ у патріарха и потомъ ходили къ государю къ рукѣ. Изъ собора царь шелъ прощаться къ патріарху. У послѣдняго, въ крестовой палатѣ, украшенной коврами и сукнами, собирались въ это время всѣ духовныя власти. Патріархъ встрѣчалъ благословляя, государя и они шли вмѣстѣ на свои обычныя мѣста. Въ сѣняхъ Крестовой палаты былъ устроенъ царскій «питейный поставецъ» съ разными винами романеею, ренскимъ, бастромъ и русскими медами, краснымъ и бѣлымъ. По приказанію царя, сидѣвшій за поставцомъ думный дворянинъ наливалъ по три кубка разнаго вина, а стольники несли эти кубки для питья патріарху. Этотъ послѣдній, принявъ кубки, отливалъ изъ каждаго для себя, а потомъ подносилъ государю «вѣхъ питій по три кубка». Государь накушивалъ и отдавалъ ихъ стольникамъ для отнесенія въ поставецъ. Тѣмъ же порядкомъ разносились кубки боярамъ. Потомъ былъ подносимъ бѣлый и красный медъ. Когда оканчивали эти «прощальныя чаши», всѣ выходили изъ палаты и государь съ патріархомъ оставались наедин «съ полчаса времени». Потомъ всѣ снова входили, патріархъ читалъ «Достойно» и «прощеніе»—извѣстную молитву—и послѣ благословенія всѣ уходили вслѣдъ за государемъ. Точно также обрядъ прощенія совершался въ этотъ день и на половинѣ царицы. Вечеромъ въ этотъ-же день прощенія, по обычаю, начальникъ всѣхъ приказовъ докладывалъ царю о «колодникахъ, которые въ какихъ дѣлахъ сидятъ многія лѣта». По этому докладу государь освобождалъ многихъ преступниковъ

---

*) Ibid., стр. 169.

*) Сахаровъ т. I, стр. 172.

особенно тѣхъ, которые «сидѣли въ большихъ винахъ». На первой недѣлѣ великаго поста, въ первые дни, послѣ обѣдни во дворецъ пріѣзжали стряпчіе изъ 35 монастырей и подносили, по обычаю, государю и каждому члену царскаго семейства отъ каждаго монастыря «по хлѣбу, по блюду капусты и по кружкѣ квасу». Государь приказывалъ поить этихъ стряпчихъ виномъ, пивомъ и медами съ своего погреба *). Такъ заканчивалась наша старинная масляница. И если вглядѣться пристальнѣе въ безъискуственное, но широкое и полное веселье ея, если возстановить въ воображеніи полную и яркую картину разгула тогдашняго русскаго человѣка всѣхъ слоевъ общества,—какое убогое и далеко не похожее на прежнюю пору широкой русской масляницы представленіе получимъ мы теперь при видѣ современной намъ казенной, обставленой всяческими рамками и условіями, масляницы!.. Правда, по части проявленія нашихъ національныхъ дикихъ инстинктовъ, безобразій и непрепятствованія нашему «ндраву» мы, слава Богу, богаты еще картинами и теперь на нашей масляницѣ, но сколько-же въ этомъ болѣзнености, ненормальности и другихъ аномалій; беззавѣтнаго-же, самодовлѣющаго веселья и той глубокой русской удали въ нашей теперешней масляницѣ, какъ бывало въ старину, нѣтъ и слѣда. Или доктрины новаго домостроя сдавили и тяготятъ наше чувство и нашъ умъ желѣзными своими тисками?!.

М. Лисицынъ.

Конецъ.

Изъ Гейне.

I.

Дитя мое, свѣтъ глупъ и слѣпъ;
Во всѣхъ сужденьяхъ ложь;
Онъ говоритъ, что у тебя
Характеръ не хорошъ.

Дитя мое, свѣтъ глупъ и слѣпъ;
Тебя-ль онъ оцѣнитъ?
Не знаетъ онъ, какимъ огнемъ
Твой поцѣлуй горитъ.

II.

Самоубійцъ хоронятъ
Межь четырехъ дорогъ,
Ростетъ цвѣтокъ тамъ синій
Проклятыхъ душъ цвѣтокъ.

Я плакалъ мертвой ночью
Межь четырехъ дорогъ,
Въ лучахъ луны кивалъ мнѣ
Проклятыхъ душъ цвѣтокъ.

III.

Заставь горячими клещами
Меня щипать, лицо мнѣ рвать,
Сѣчь розгами, хлестать плетями,—
Не заставляй лишь только ждать!

Заставь мнѣ пыткою ужасной
Всѣ кости вывихнуть, сломать,—
Не заставляй лишь ждать напрасно!
Страшнѣе муки нѣтъ, какъ ждать!

Вчера прождалъ я въ этой мукѣ
Тебя съ полудня до шести,
Ты не пришла. Кусая руки,
Я былъ готовъ съ ума сойти!

Меня душило нетерпѣнье,
Какъ змѣй. У двери позвонятъ,—
Вскочу... не ты!.. Въ изнеможеньи,
Какъ трупъ, я падаю назадъ.

Ты не пришла. Я рвусь и ною;
А въ уши шепчетъ сатана:
«Безумецъ старый! Надъ тобою
Не потѣшается-ль она?»

Мих. Илецкій.

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

V.

Ненужность и вредъ, обращенные въ пользу.

Мы уже мелькомъ говорили объ извлеченіи пользы изъ паутины *). Теперь скажемъ объ этомъ подробнѣе. Мысль объ изготовленіи тканей изъ паутины возникла въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія. Въ 1709 г., г. Бонъ (Bon), членъ Счетной палаты въ Монпелье и почетный общникъ королевской академіи наукъ въ томъ же городѣ, представилъ въ эту академію чулки и митенки изъ паутинныхъ нитей. Онъ собиралъ пауковые коконы, то есть, шелковистые комочки. которыми пауки защищаютъ свои яйца, выколачивалъ ихъ до полнаго выдѣленія изъ нихъ всякой пыли, промывалъ въ тепловатой водѣ, вымачивалъ въ мыльномъ растворѣ, прибавя въ него селитры и немного гумми-арабика, послѣ чего кипятилъ впродолженіи трехъ часовъ. Вываренная и высушенная затѣмъ кудель была высучена, какъ обыкновенный шелкъ, но на болѣе тонкихъ гребняхъ, при чемъ получились нити пріятнаго сѣраго цвѣта, и Бонъ фабриковалъ изъ нихъ различные предметы, возбуждавшіе общее любопытство. Брошюра, въ которой онъ описалъ свои опыты, была переведена почти на всѣ европейскіе языки. Академія поручила извѣстному Реомюру изслѣдовать пользу и практичность новаго изобрѣтенія. Отзывъ ученаго энтомолога оказался неблагопріятнымъ: паутинныя нити не могли служить ни для какой ткани, по причинѣ своей крайней тонкости и непрочности. Требовалось 90 паутинныхъ нитей для составленія одной, равной по крѣпости обыкновенному ткацкому шелку, и 18,000 для швейной нитки, равной по крѣпости съ получаемою отъ бомбикса (шелковая бабочка). Сверхъ того по мнѣнію Реомюра, одни садовые пауки могли доставлять матеріалъ, еще сколько нибудь годный для пряжи, да и при этомъ, для полученія извѣстнаго количества шелка, требовалось въ 12 разъ болѣе пауковъ, нежели червей,—иначе говоря, для того, чтобы добыть одинъ фунтъ (489 граммъ) шелка, было бы нужно собрать 28,000 пауковыхъ коконовъ. Для такой цѣли надо было содержать еще большее число пауковъ, потому что однѣ самки плетутъ паутину, обволакивающую ихъ яйца. И при всемъ этомъ, паутинный шелкъ уступалъ въ блескѣ добываемому отъ червей. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, разведеніе пауковъ во Франціи для добычи съ нихъ шелка не представляло никакой практической пользы, по заключенію Реомюра, но онъ находилъ, что было бы не безъинтересно произвести соотвѣтствующіе опыты надъ пауками другихъ странъ, преимущественно же надъ американскими, которые гораздо крупнѣе европейскихъ и даютъ большее количество шелка.

Черезъ полвѣка, въ 1762 г., аббатъ Рамонъ де Термейеръ произвелъ опыты надъ паутиной въ Америкѣ, а потомъ въ Испаніи и Италіи. Онъ бралъ паутину не съ яицъ, а отъ живыхъ пауковъ, наматывая ее на катушку, по мѣрѣ того, какъ насѣкомое ее испускало. При всемъ своемъ стараніи и настойчивости, онъ успѣлъ собрать, втеченіе 34 лѣтъ (1762—1796), только 675 граммъ такихъ нитей... Спустя нѣкоторое время, англичанинъ Рольтъ успѣлъ выткать кусочекъ матеріи изъ паутинныхъ нитей, добытыхъ по способу Рамона; наконецъ, въ 1843 г., проф. Малла доставилъ въ парижскій музей естественной исторіи образцы шелка-сырца, полученнаго имъ съ большого паука на островѣ Явѣ. Еще позднѣе, въ 1867 г., г. Бассель, служащій при колоніальномъ управленіи въ Сенегалѣ, прислалъ изъ Африки подобные же образцы шелка. Остается еще упомянуть объ одномъ парижскомъ торговцѣ, который терпѣливо фабриковалъ изъ паутины втеченіе двадцати лѣтъ (1823—1843), кусочки гемостатической (кровеостанавливающей) тафты для употребленія при порѣзахъ.

Въ настоящее время, въ Англіи существуетъ заводъ Стетльбирса (Stettlbers), выдѣлывающій подобную тафту уже въ значительномъ количествѣ. Вообще, дѣло здѣсь поставлено широко и заслуживаетъ подробнаго съ нимъ знакомства. Пауки выбираются лишь изъ самыхъ крупныхъ американскихъ и африканскихъ породъ; они разсажены по особымъ осьмигранным клѣткамъ; въ комнатахъ, имѣющихъ 40 метровъ длины, 20 м. ширины и 5 м. вышины, помѣщается до 5,000 такихъ клѣтокъ. Температура поддерживается на 15° Ц., и въ томъ же помѣщеніи медленно испаряется растворъ, въ составъ котораго входитъ хлороформъ, эѳиръ и сивушное масло. Цѣль этого одуряющаго и анестетическаго средства осталась невыясненною для французскихъ техниковъ, посѣщавшихъ заводъ.

Пауки-самки кладутъ яйца разныхъ цвѣтовъ и окутанныя паутиной; эти коконы собираютъ и поступаютъ съ ними подобно тому, какъ и съ обыкновенными шелковичными коконами: горсть ихъ кладутъ въ чанъ изъ эмальированнаго чугуна, наполненный кипяткомъ. Минуты черезъ 2—3, когда коконы вздуются, въ воду прибавляютъ 1% сѣрнокислаго глицерина, 1% фенилосѣрнистаго цинка и 2% клещевиносѣрнистаго амміака. Поддерживая кипѣніе воды, коконы поворачиваютъ и трутъ жесткой метелочкой съ цѣлью снять съ нихъ очесокъ, потомъ вынимаютъ изъ воды и разматываютъ на обыкновенномъ станкѣ. Съ одного кокона получается 120—150 метровъ нити. Требуется 25,000 коконовъ для образованія 1 килограмма шелка, слѣдовательно, длина всей нити въ килограммѣ паутиннаго шелка равняется 3.250,000 метровъ.

Способъ тканья тафты составляетъ секретъ изобрѣтателя и остался неизвѣстнымъ для наблюдателей. На видъ, ткань походитъ сначала на обыкновенную шелковую тафту, лишенную блеска, шероховатую и грязно-сѣраго цвѣта; ее необходимо бѣлить, тѣмъ болѣе, что она весьма неоднообразной окраски. Съ этою цѣлью, ее вымачиваютъ въ водѣ, прибавя 1% двуокиси барита и 1% кремнекислой соды. Черезъ двое сутокъ, ткань бѣлѣетъ, но шероховатость ея усиливается; чтобы ее смягчить, ее обрабатываютъ снова клещевиносѣрнистымъ амміакомъ. Чтобы придать ей прочность, ее дубятъ, употребляя для того дубовую кору и нѣкоторыя минеральныя средства. Этотъ процессъ продолжается пять сутокъ, послѣ чего тафта принимаетъ красивый желтый цвѣтъ, дѣлается болѣе гладкой и блестящей, пріобрѣтая притомъ большую прочность. Ткань поступаетъ въ продажу подъ названіемъ «hemostatic Stettlbers» и начинаетъ входить въ употребленіе; практичность предпріятія, однако, сомнительна, потому что 1 килограммъ паутиннаго шелка стоитъ не менѣе 2,000 франковъ *).

Очень многое изъ того, что принадлежитъ къ разряду отбросовъ, начинаетъ теперь находить себѣ полезное примѣненіе. Сюда относится сажа изъ дымовыхъ трубъ. Въ Бельгіи ее начинаютъ употреблять въ большихъ размѣрахъ для удобренія полей (до 50 гектолитровъ сажи на 1 гектаръ), перемѣшивая ее съ золою или известью. Въ смѣси съ животнымъ удобреніемъ, сажа составляетъ превосходный компостъ; получаемая отъ каменнаго угля болѣе богата азотомъ, нежели древесная, но она бѣднѣе послѣдней минеральными веществами. Сажа признается тоже хорошимъ средствомъ противъ насѣкомыхъ и червей, губящихъ посѣвы. Ее насыщаютъ растворомъ квассіи или табака и насыпаютъ ею гряды; садовники совѣтуютъ даже вымачивать сѣмяна, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, въ растворѣ изъ 10 литровъ воды и 1 килограмма сажи **).

Къ числу предметовъ, не обращающихъ на себѣ нашего вниманія или даже презираемыхъ нами, принадлежитъ крапива, которую теперь краснорѣчиво защищаетъ д-ръ Флоріанъ въ французской «Nature». Пряжа изъ крапивныхъ волоконъ довольно извѣстна, но, хотя крапивный батистъ не уступаетъ лучшему льняному, онъ почему-то не въ ходу, не смотря на то, что разведеніе льна и его обработка требуютъ несравненно большаго труда, нежели тотъ же процессъ въ отношенія крапивы, весьма неприхотливой на счетъ почвы и ухода. Д-ръ Флоріанъ указываетъ, впрочемъ, на крапиву преимущественно съ врачебной точки зрѣнія. Обыкновенная крапива (Urtica dioïca) и бѣлая крапива (Lamium album) обладаютъ весьма полезными свойствами. Первая изъ нихъ жжется и употреблялась, въ прежнее время, въ качествѣ отвлекающаго средства (вмѣсто горчичниковъ); вторая, болѣе безобидная, обладаетъ, однако, свойствами, которые позволяютъ ей стать на ряду съ различными гемостатическими средствами въ родѣ Gossypium, Hamamelis и пр., привозимыми издалека. «Мы цѣнимъ только то, что рѣдко и дорого, говоритъ д-ръ Флоріанъ, и я знаю особъ, которыя выпьютъ охотно отваръ гамамелиса, но ни за что не согласятся проглотить ложку крапивнаго чая. И ни одинъ врачъ (французскій) не рѣшится прописать своей больной подобное простое средство... Между тѣмъ, въ провинціальной глуши, тамъ, гдѣ процвѣтаютъ еще знахарки, оттѣсняющія докторовъ на второй планъ, крапива, равно какъ и другія дикія травы, пользуется довѣріемъ,—и вполнѣ заслуженнымъ, какъ я имѣлъ случай самъ въ томъ убѣдиться»... Почтенный докторъ, практикующій въ кантонѣ Алье, приводитъ затѣмъ случай сильнаго кровотеченія, при которомъ деревенская знахарка побѣдила его, какъ онъ въ томъ сознается съ полною откровенностью *). Это пораженіе не озлобило его, однако, а навело на мысль объ изученіи всѣхъ свойствъ столь полезнаго растенія, какъ крапива; онъ занялся извлеченіемъ ея алколоида, причемъ имъ были получены два тѣла, изъ которыхъ первое, сѣрнокислый ламинъ, соотвѣтствуетъ сѣрнокислому хинину, а второе сѣрнокислому цинхонину **). Указавъ затѣмъ на по-

---

*) «Домашній бытъ русскихъ царей», стр. 322, т. I. И. Забѣлина.

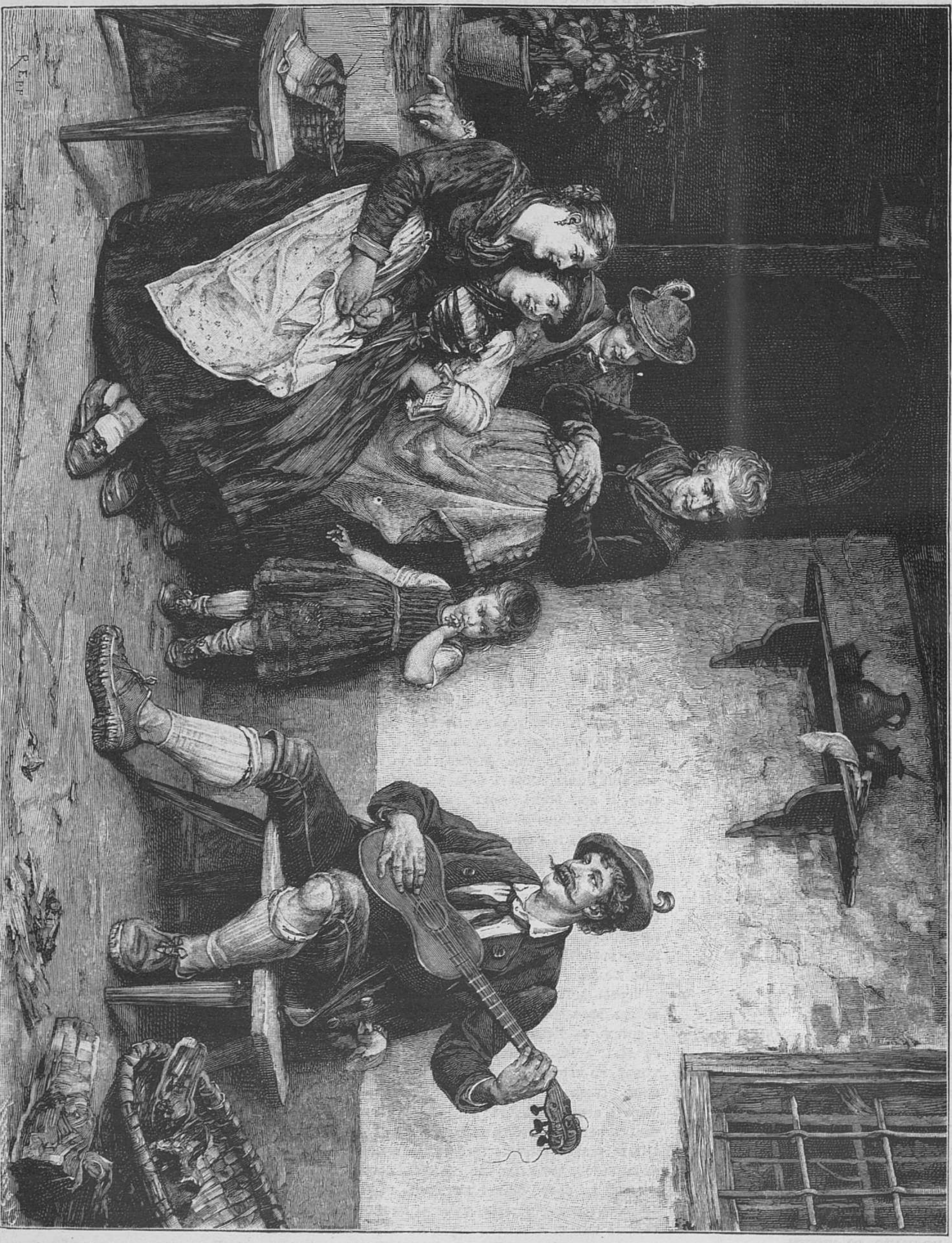
*) № 3 «Промышленность, торговля и технологія».

*) Пишущему эти строки пришлось видѣть небольшую картину, писанную на паутинѣ. Работа была старинная и владѣльцу картины было извѣстно только то, что ее рисовалъ какой-то итальянскій монахъ. Рисунокъ былъ включенъ между двумя стеклами, такъ что его можно было разсматривать съ обѣихъ сторонъ. На сколько можно было судить, здѣсь не было искуственнаго тканья, но натуральные слои паутины были наложены одинъ на другой и, вѣроятно, пропитаны какимъ-нибудь составомъ, позволившимъ нарисовать на этомъ «холстѣ» тушью незатѣйливый пейзажъ.

**) «Nature». Dec. 1887.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Р. Еппа.



Бродячій виртуозъ.

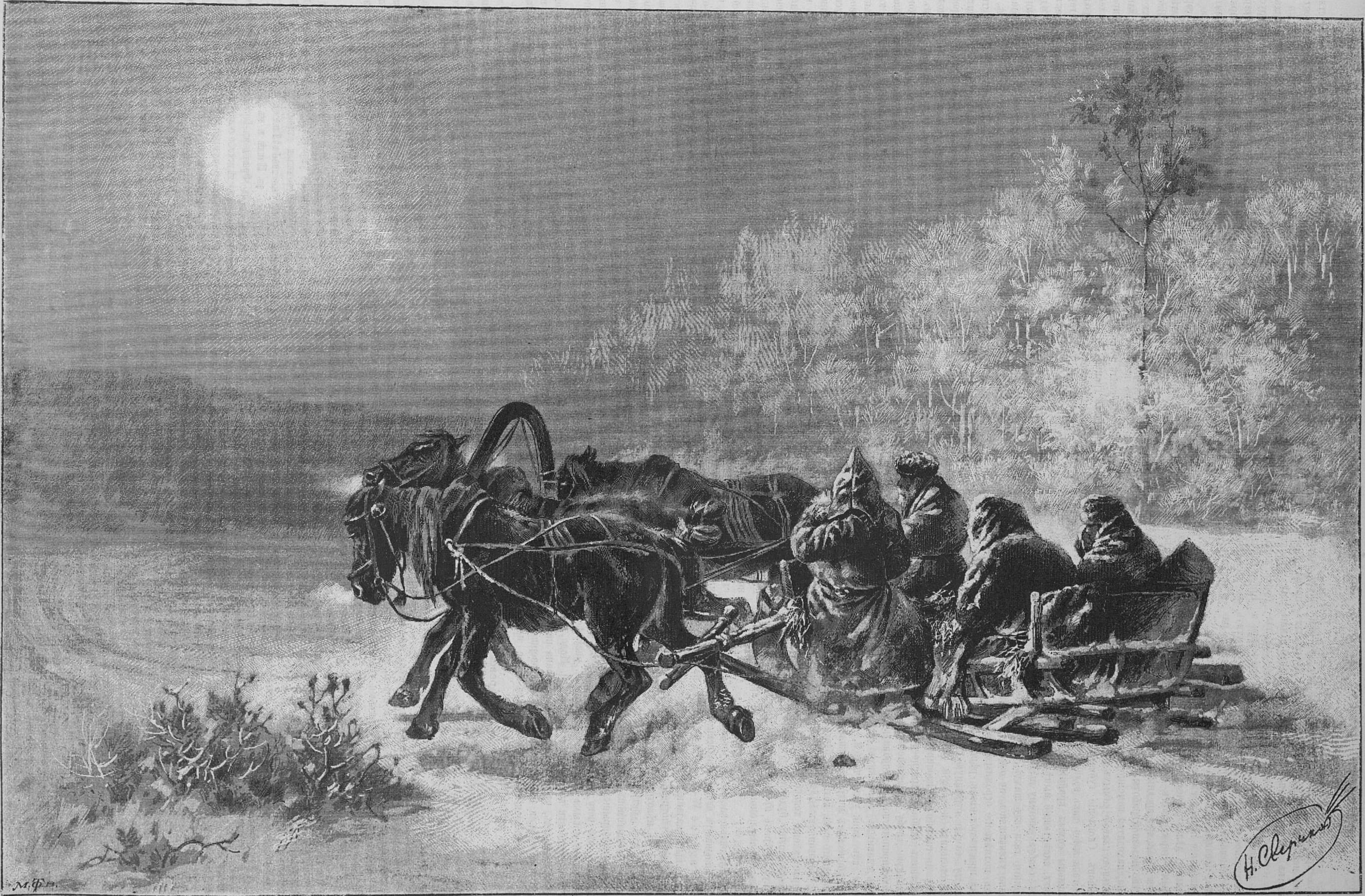
Гравировалъ на деревѣ Кнезингъ.

---

*) Bulletin génér, de théraupethique. 15 Janv. 1887.

**) Цинхонинъ—растительное основаніе въ хинной корѣ.

Съ картины профессора Н. Е. Сверчкова (собств. журн. «Живоп. Сб.»).



Въ морозное утро.

лезную примѣсь крапивы къ корму скота (по содержанію въ ней сравнительно большаго процента азотистыхъ веществъ), на откармливаніе крапивою домашней птицы и пр., д-ръ Флоріанъ говоритъ, что онъ вовсе не выдаетъ крапивы за какое-то универсальное врачебное и хозяйственное средство, но желаетъ только обратить общее вниманіе на крапиву и на другія скромныя растенія, презираемыя нами совершенно напрасно.

Извлеченіе пользы изъ того, что считалось доселѣ ненужнымъ, дѣлаетъ честь всякому изобрѣтателю, но полнымъ торжествомъ человѣческаго ума можетъ считаться обращеніе вредныхъ природныхъ силъ на производство полезной работы. Въ Германіи, на Вурмѣ, близъ Ахена, находятся каменноугольныя копи, пользующіеся печальною славою самыхъ опасныхъ по части газовыхъ взрывовъ. Скопленіе губительнаго углеродистоводороднаго газа здѣсь такъ велико, что противъ него бывали безсильны самыя крайнія мѣры предосторожности. Г. Гольтъ, завѣдующій нынѣ работами въ копяхъ, придумалъ особую систему вытяжныхъ трубъ для удаленія вреднаго газа изъ шахтъ, при чемъ опасность значительно уменьшилась; но онъ не удовольствовался этимъ и, въ возмѣщеніе огромныхъ затратъ, вызванныхъ новыми приспособленіями, рѣшилъ сдѣлать производительною ту самую страшную силу, которая была причиною столькихъ несчастій. Доведя главную вытяжную трубу до газометра, изолировавъ этотъ послѣдній посредствомъ особаго приспособленія и одѣвъ вышесказанную трубу металлическими щитами, онъ могъ уже безпрепятственно направить струю газа въ очаги двухъ главныхъ заводскихъ машинъ. Въ настоящее время изъ копи получается, втеченіе 24 часовъ, 864 кубическихъ метра (550 килограммовъ) углеродистоводороднаго газа, который, благодаря новому примѣненію, перегоняетъ 8,000 килогр. воды. Но теперь газъ собирается еще только съ одной части шахты; со временемъ можно будетъ получать его въ количествѣ до 18 куб. метровъ въ минуту, что позволитъ обращать въ пары, съ его помощью, до 160,000 килогр. воды въ сутки.

Польза, извлекаемая изъ страшнаго «feu grisou», какъ называютъ его французскіе и бельгійскіе рабочіе (Schlagende Wetter въ Германіи), не ограничится однимъ вышесказаннымъ. По всей вѣроятности, тотъ же газъ будетъ употребленъ въ качествѣ освѣтительнаго матеріала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время, 1 куб. метръ освѣтительнаго газа стоитъ въ Ахенѣ 15 сантимовъ; вурмскій заводъ можетъ, съ значительнымъ барышомъ для себя, отдавать свой газъ за 10 сант., изъ чего можно заключить о выгодѣ, представляемой новымъ способомъ освѣщенія, разумѣется лишь по близости каменноугольныхъ копей. Надо, впрочемъ, прибавить, что система Гольта основана на большой силѣ тяги и потому какое нибудь несовершенство въ этомъ отношеніи можетъ повести къ вовсе не блистательнымъ результатамъ *).

С. Варевскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Императоръ Вильгельмъ I.

Передъ смертью германскаго императора отходятъ на второй планъ всѣ политическіе вопросы, волновавшіе еще такъ недавно всю Европу; личныя чувства сливаются въ общую печаль о кончинѣ человѣка, сдѣлавшаго столь многое для своей родины и старавшагося сдѣлать какъ можно меньше зла для своихъ сосѣдей. Жизнь его была тревожна и полна событій. Онъ былъ второй сынъ короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, родился 22-го марта 1797 года въ Берлинѣ. Послѣ пагубнаго для Пруссіи сраженія подъ Іеной, онъ прожилъ со всѣмъ остальнымъ королевскимъ семействомъ въ Кенигсбергѣ и Мемелѣ. 1-го января 1807 года, онъ былъ произведенъ въ офицеры. Воспитателями и учителями были у него Дельбрюкъ и капитанъ фонъ-Рейхе. Уже въ ранней молодости будущій императоръ отличался практическимъ умомъ и любовью къ порядку. Въ 1814 г. онъ сопровождалъ своего отца во Францію, гдѣ въ битвѣ подъ Баръ-сюръ Обомъ, 26-го февраля, заслужилъ себѣ Желѣзный Крестъ и русскій орденъ св. Георгія, и вмѣстѣ съ союзными войсками вошелъ въ Парижъ. Съ тѣхъ поръ молодой принцъ занялся военнымъ дѣломъ: суровая школа молодости закалила его характеръ и выработала въ немъ одного изъ лучшихъ полководцевъ нашего времени. По смерти своего отца, въ 1840 году, принцъ Вильгельмъ получилъ титулъ принца прусскаго, какъ вѣроятный наслѣдникъ престола, такъ какъ у его брата, короля Фридриха-Вильгельма IV, дѣтей не было. Когда началась революція 1848 года, принцъ Вильгельмъ, въ качествѣ старшаго члена прусскаго министерства, подписалъ конституцію 18-го марта. Такъ какъ на берлинскихъ улицахъ появились тогда баррикады, то принцъ настаивалъ на необходимости подавить сперва возстаніе вооруженною силой, а затѣмъ сдѣлать попытку серьезнаго примѣненія канституціоннаго принципа. Въ качествѣ представителя прусскаго министерства, принцъ Вильгельмъ слылъ реакціонеромъ и приверженцемъ абсолютной монархіи. Народъ относился къ нему съ такой нелюбовью, что король и министры сочли умѣстнымъ отправить его на нѣкоторое время за границу, и Вильгельмъ уѣхалъ въ Англію, откуда онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ событій въ своей родинѣ. Въ Англіи принцъ пробылъ всего три мѣсяца; вернувшись въ Берлинъ, онъ произноситъ въ прусскомъ національномъ собраніи рѣчь, въ которой подробно изложилъ свои политическіе взгляды. Послѣ этого онъ совершенно устранился отъ общественной дѣятельности, пока въ 1849 г. не былъ назначенъ главнокомандующимъ операціонной арміи въ баденскомъ великомъ герцогствѣ и въ Пфальцѣ и усмирилъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль происходившее тамъ возстаніе. Вскорѣ затѣмъ ему пришлось опять взяться за мечь, такъ какъ гессенскій конфликтъ вызвалъ мобилизацію прусской арміи, главное начальство надъ которой было ввѣрено принцу Вильгельму. Между тѣмъ правительственная система Мантейфеля съ ея феодальной и клерикальной окраской стала къ тому времени настолько непопулярною, что народныя симпатіи перешли совершенно на сторону принца Вильгельма, когда онъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни короля, назначенъ былъ, 23-го октября 1857 года, замѣстителемъ, а 7-го октября 1858 года регентомъ.

26-го октября 1858 года принцъ Вильгельмъ въ качествѣ регента присягнулъ на вѣрность конституціи. 5-го ноября имъ было назначено, такъ называемое, министерство новой эры. 8-го ноября принцъ въ рѣчи къ министерству изложилъ свои правительственные принципы. Онъ объяснилъ, что не должно быть и рѣчи о разрывѣ съ прошлымъ, но что на религіозной почвѣ лицемѣріе, ханжество и властолюбіе не будутъ болѣе терпимы; Пруссія должна обзавестись могущественной арміей, чтобы, въ случаѣ надобности, оказать надлежащее давленіе на вѣсы внѣшней политики, въ которой она не должна подчиняться чуждымъ вліяніямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Пруссія должна стараться о духовныхъ завоеваніяхъ въ самой Германіи посредствомъ мудрыхъ законовъ, подъема нравственныхъ элементовъ и національнаго германскаго духа. Всему міру должно быть извѣстно, что Пруссія повсюду готова стоять за право. Съ этого времени Пруссія вступаетъ на политическую сцену уже не въ роли мелкаго государства, а державы, съ которою приходится считаться. При объявленіи итальянской войны въ 1859 году всѣ стороны старались заручиться содѣйствіемъ принца-регента. Графъ Кавуръ уже въ іюлѣ 1858 года, въ бытность свою въ Баденъ-Баденѣ, старался пріобрѣсти сочувствіе принца для Италіи. Наполеонъ III предлагалъ ему въ февралѣ мѣсяцѣ Голштинію, Ганноверъ и курфиршество Гессенское, если онъ поддержитъ Францію въ итальянскомъ вопросѣ. Съ другой стороны, эрцгерцогъ Альбрехтъ уговаривалъ принца-регента сосредоточить на Рейнѣ прусскія войска и произвести, такимъ образомъ, демонстрацію противъ Франціи. Принцъ-регентъ не соглашался, однако, быть орудіемъ наполеоновскихъ замысловъ или австрійской легитимистко-клерикальной политики, а требовалъ для себя, для родины, роли почетной и вліятельной; на военное вмѣшательство или на посредничество онъ соглашался лишь въ томъ случаѣ, если ему предоставлено будетъ безусловно главное начальство надъ всѣми германскими военными силами. Австрія отвѣтила на эти требованія поспѣшнымъ заключеніемъ виллафранкскаго мирнаго договора. Послѣдующее затѣмъ время Пруссія неуклонно стремилась къ реформѣ союзной конституціи на основаніи фактическаго могущества государствъ, входящихъ въ составъ союза; Австрія совмѣстно съ средними и мелкими государствами германскаго союза старались, напротивъ того, помѣшать осуществленію прусскихъ плановъ, вслѣдствіе чего для Пруссіи возникала необходимость рѣшить спорный вопросъ силою оружія. Заботы объ арміи не переставали занимать правителя, такъ какъ въ ней онъ видѣлъ способъ къ достиженію той задачи, которую поставилъ себѣ еще въ юности. Планъ реорганизаціи былъ выработанъ самимъ принцемъ-регентомъ при содѣйствіи военнаго министра Роона. Послѣдующія войны блестящимъ образомъ доказали справедливость и умѣстность этой реорганизаціи.

2 января 1861 г., вслѣдствіе смерти короля Фридриха-Вильгельма II, принцъ Вильгельмъ вступилъ на прусскій престолъ и короновался въ Кенигсбергѣ. Министерскій кризисъ былъ устраненъ назначеніемъ Бисмарка (тогда прусскаго посланника въ Россіи) министромъ-президентомъ, но внутренній конфликтъ продолжался и даже объострился еще болѣе, хотя въ то же время германская политика Пруссіи стала принимать все болѣе и болѣе явственныя очертанія. Еще до вступленія Бисмарка въ министерство, Пруссія признала итальянское королевство, настояла на заключеніи франко-германскаго торговаго договора и приняла энергическія мѣры противъ курфюрста гессенъ-кассельскаго въ вопросѣ о гессенской конституціи. Затѣмъ послѣдовалъ отказъ короля Вильгельма участвовать на франкфуртскомъ съѣздѣ германскихъ государей, отклоненіе австрійскаго проекта союзной реформы и датско-германская война 1864 года. Побѣдоносная война съ Австріею, начавшаяся и кончившаяся въ лѣтніе мѣсяцы 1866 года еще болѣе возвеличила авторитетъ Пруссіи въ Германіи и Европѣ, а присоединеніе къ Пруссіи Ганновера, курфюршества Гессенскаго, герцогства Нассаускаго, Шлезвигъ-Голштиніи и Франкфурта увеличило ея территорію. Съ учрежденіемъ сѣверо-германскаго союза (1-го іюля 1867 года) король Вильгельмъ назначенъ былъ его президентомъ и располагалъ всѣми военными силами, а также руководилъ внѣшней политикой всѣхъ, вообще, сѣверо германскихъ державъ. Благодаря союзнымъ договорамъ съ южно-германскими государями, онъ получилъ также главное начальство и надъ ихъ войсками. Такимъ образомъ постепенно создавалась новая Германія. Люксембургскій вопросъ обострилъ отношенія съ Франціею до такой степени, что война уже тогда, въ 1867 г. считалась неизбѣжною; отношенія между обоими сосѣдними государствами приняли совершенно враждебное направленіе, когда въ 1870 г. зашла рѣчь о гогенцоллернской кандидатурѣ на испанскій престолъ. Задоръ французской прессы, требовательность французскаго кабинета и безтактность французскаго посла Бенедетти сдѣлали то, что зачинщицей войны оказалась Франція. Выполненіе операціоннаго плана, выработаннаго Мольтке еще въ 1868 г. пошло своимъ чередомъ. 11 августа прусскія войска вступили во французскіе предѣлы подъ личнымъ начальствомъ короля, руководившаго и главными сраженіями этой кампаніи: при Гравеллотѣ и Седанѣ. Въ октябрѣ король Вильгельмъ былъ уже въ Версали, откуда онъ руководитъ политическими переговорами, долженствовавшими привести къ возстановленію германской имперіи и заключенію міра съ Франціей.

Торжественное провозглашеніе германской имперіи состоялось 18 января 1871 г. въ зеркальной залѣ версальскаго дворца. Въ прочитанной тогда прокламаціи къ германскому народу, король Вильгельмъ принялъ на себя и за своихъ наслѣдниковъ въ Пруссіи титулъ германскаго императора съ тѣмъ, чтобы неустанно пещись о преуспѣяніи германской имперіи не завоеваніями, а мирными пріобрѣтеніями въ сферѣ народнаго благосостоянія, свободы и нравственнаго прогресса.

Послѣ заключенія мира съ Франціею и возвращенія въ Берлинъ, предстояло укрѣпить юный организмъ новой имперіи, причемъ, вслѣдствіе столкновенія съ католическимъ духовенствомъ возникъ пресловутый культуркампфъ, закончившійся недавно фактическимъ отказомъ свѣтской власти отъ всѣхъ требованій, которыя она предъявляла Ватикану.

Германія нуждалась въ мирѣ со своими сосѣдями для внутренняго своего упроченія. Сохраненію мира содѣйствовали дружественныя отношенія императора Вильгельма съ могущественнѣйшими европейскими государями. Свиданія въ Ишлѣ и въ Зальцбургѣ въ 1871 съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ положили начала заключенному впослѣдствіи союзу между Австро-Венгріей и Германіей, къ которому впослѣдствіи примкнула и Россія. Все шло болѣе или менѣе спокойно до 1877 г. когда восточный вопросъ принялъ къ тому времени крайне острую форму. Императоръ Вильгельмъ лично высказалъ слѣдующую точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ: «Я не считаю себя въ правѣ противиться справедливымъ требованіямъ Россіи» Если русско-турецкая война 1877 и 1878 гг. привела не къ англо-русскому столкновенію, а къ берлинскому мирному договору (13-го іюля 1878 г.), то это слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, посредничеству императора Вильгельма. Послѣдовавшее за франко-прусской войною время Германія провела въ мирѣ, хотя не переставала готовиться

---

*) Comptes rendus mensuels de la Societé d'Industrie minérale. Juin, 1887.

войнѣ и усиливать свои вооруженія; усовершенствованіе арміи было всегдашнею заботою императора, имѣвшаго въ лицѣ Мольтке геніальнаго помощника. Съ этою цѣлью не смотря на свои преклонныя лѣта, онъ лично присутствовалъ на большихъ осеннихъ маневрахъ въ сѣверной и южной Германіи. Такого рода инспекторскіе смотры имѣли также и политическое значеніе, такъ какъ давали императору случай поддерживать близкія сношенія съ союзными германскими государями и съ населеніемъ разныхъ германскихъ областей. Результатомъ всѣхъ стараній покойнаго императора было доставленіе «Пруссіи» первенствующаго положенія въ Европѣ и почти завершившееся переименованіемъ ея въ «Германію». Мы намѣренно оставляемъ въ сторонѣ отношенія Вильгельма къ Россіи, такъ какъ обстоятельства иногда заставляли его измѣнять личнымъ симпатіямъ къ нашему отечеству, но дѣлалъ онъ это тогда, когда отъ непринятія мѣръ, ей неугодныхъ, наносился бы явный ущербъ его родинѣ; также намѣренно умалчиваемъ мы про главнаго сотрудника императора князя Бисмарка, который пользовался полнымъ довѣріемъ своего государя,—такъ какъ онъ былъ лишь осуществителемъ его плановъ, его идеи. Въ 1829 году покойный императоръ сочетался законнымъ бракомъ съ принцессой Августой саксенъ-веймарской (родившейся 30 сентября 1811 года), старшая сестра которой, принцесса Марія, вышла замужъ за младшаго его брата принца Карла. Отъ этого брака родились: принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, нынѣшній императоръ, родившійся 18-го октября 1831 года и принцесса Луиза (великая герцогиня баденская), родившаяся 3-го декабря 1838 года. Въ заключеніе приводимъ свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ почившаго монарха: въ четвергъ, 25 февраля, очнувшись изъ забытья, императоръ Вильгельмъ завелъ съ княземъ Бисмаркомъ, который стоялъ у постели больного, разговоръ о политикѣ Германской имперіи въ будущемъ, когда его не станетъ. Предполагая, что и внукъ его, принцъ Вильгельмъ, тихо удалившійся изъ комнаты, еще находится тутъ, императоръ сказалъ, обращаясь къ нему: «Только съ русскимъ Императоромъ ты долженъ быть внимательнымъ, это поведетъ только къ добру». Затѣмъ императоръ положилъ руку на плечо князю Бисмарку, ставшему на колѣни съ тѣмъ, чтобы проститься съ умирающимъ, и сказалъ ему: «Ты все это хорошо дѣлалъ». Вскорѣ больной впалъ въ обморокъ и жизнь по всѣмъ наружнымъ признакамъ можно было считать угасшею. Таково было мнѣніе и врачей. Тѣмъ не менѣе сердце возобновило свою дѣятельность, хотя и билось очень слабо. Позвали духовника. Очнувшись, умирающій императоръ повторялъ слова молитвы, которую произносилъ пасторъ. Послѣ этого больной опять впалъ въ обморочное состояніе, изъ котораго очнулся въ семь часовъ. У постели больного находилась дочь, великая герцогиня Баденская. Императоръ слабымъ голосомъ спросилъ ее: «Который часъ». Великая герцогиня сказала часъ, прибавила, что во дворцѣ обѣдаютъ, спросила, не желаетъ ли императоръ чего нибудь съѣсть. Получивъ согласіе, великая герцогиня предложила императору немного свѣжей икры и вина. Послѣ принятія пищи больной повидимому почувствовалъ себя крѣпче; онъ бесѣдовалъ со внукомъ, принцемъ Вильгельмомъ, о политикѣ и военныхъ дѣлахъ. Ночь больной провелъ спокойно. Императрица Августа, сама слабая, держала руку императора въ моментъ наступленія смерти. Послѣдніе слова его были, когда дочь предложила ему лечь поудобнѣе и отдохнуть: «Теперь мнѣ уже нечего бояться усталости». Императоръ Вильгельмъ скончался, приподнявшись въ полусидячемъ положеніи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, 27-го февраля объявлено: Въ память скончавшагося императора германскаго короля прусскаго Вильгельма I, 5-му пѣхотному Калужскому полку, коего шефомъ былъ покойный императоръ, именоваться навсегда 5-мъ пѣхотнымъ Калужскимъ императора Вильгельма I полкомъ. Всей россійской арміи, по скончавшемся императорѣ, носить на лѣвомъ рукавѣ трауръ въ теченіи четырехъ недѣль, а с.-петербургскому гренадерскому, 5-му пѣхотному Калужскому и 37-му драгунскому военнаго ордена полкамъ, коихъ покойный императоръ былъ шефомъ, наложить трауръ на пять недѣль; причемъ въ этихъ полкахъ первые три дня носить полный трауръ и въ теченіи этого времени, при отданіи чести, музыкѣ не играть, барабанамъ не бить и въ трубы не трубить. Въ день же погребенія императора Вильгельма всей россійской арміи надѣть полный трауръ и музыкѣ не играть. 37-му драгунскому военнаго ордена его императорскаго королевскаго величества императора германскаго короля прусскаго Вильгельма I полку именоваться впредь 37-мъ драгунскимъ военнаго ордена полкомъ. Его императорское величество императоръ германскій король прусскій Фридрихъ III назначается шефомъ с.-петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III и 5-го калужскаго императора Вильгельма I полковъ. 33-му изюмскому его императорскаго высочества наслѣднаго принца германскаго и прусскаго полку именоваться 33-мъ драгунскимъ изюмскимъ его императорскаго королевскаго величества императора германскаго короля прусскаго Фридриха III полкомъ. 85-му пѣхотному выборскому его королевскаго высочества принца Вильгельма прусскаго полку именоваться 85-мъ пѣхотнымъ выборскимъ его императорскаго королевскаго высочества наслѣднаго принца германскаго прусскаго полкомъ.—Отъ двора Его Императорскаго Величества объявляется: госпожамъ статсъ-дамамъ, фрейлинамъ и господамъ придворнымъ кавалерамъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ по случаю кончины его величества императора германскаго Вильгельма I, наложить при Высочайшемъ дворѣ трауръ на четыре недѣли.

Нѣсколько словъ о балетѣ «Весталка».

Пусть заглавіе «о балетѣ» не пугаетъ читателя; мы не станемъ его занимать цѣлыми трактатами о балетѣ, какъ это теперь особенно вошло въ моду, преимущественно на газетныхъ столбцахъ; мало того, мы чистосердечно сознаемся, что въ технической сторонѣ балета ничего не понимаемъ, и поэтому не станемъ устрашать читателя разными «балонами, аттитюдами, элеваціями, пуантами» и другими словами въ родѣ «жупелъ» или «металлъ», которыми такъ охотно щеголяютъ такъ называемые балетоманы, стараясь придавать трактуемому имъ «предмету», если не міровое значеніе, то по крайней мѣрѣ «серьезно-научный» характеръ; ничего подобнаго у насъ не будетъ и не потому, чтобы такъ трудно было понять и заучить эти нѣсколько словъ, а потому... даже страшно выговорить... потому что въ балетѣ искусства нѣтъ! мы не признаемъ за балетомъ самостоятельнаго существованія; въ качествѣ придатка къ чему нибудь, — къ оперѣ ли, къ драмѣ или даже феерія,—его можно допустить, но какъ самостоятельная отрасль искусства балетъ просто несостоятеленъ: кромѣ тоски вслѣдствіе однообразія и глупой рутины, заѣвшей его, балетъ ничего не можетъ дать ни для души, ни для ума.

Мы видимъ насупившіяся брови многихъ знатоковъ и присяжныхъ цѣнителей «ножного дѣла»; но пусть они на насъ не сердятся; вѣдь мы по простотѣ души говоримъ, никому не навязывая, подобно этимъ знатокамъ, своихъ взглядовъ и не беремъ на себя роли руководителя общественнымъ мнѣніемъ въ столь «серьезномъ вопросѣ», а высказываемъ лишь наши впечатлѣнія на основаніи видѣннаго нами новаго балета «Весталка», возбудившаго въ послѣднее время столько толковъ; да и говоримъ мы объ этомъ балетѣ лишь съ точки зрѣнія его музыки, но разъ мы коснулись этой отрасли, на которую у насъ тратятся такъ непроизводительно такія огромныя суммы и столько пороху со стороны завзятыхъ балетомановъ и плѣшивыхъ старичковъ, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о балетѣ, какъ о самостоятельномъ типѣ зрѣлищъ, повторяя, что мы въ этомъ дѣлѣ, т. е. въ его технической сторонѣ —абсолютные профаны и не претендуемъ ни на что, ни на званіе знатока, ни на представителя «pro» или «contra», словомъ, говоримъ о балетѣ потому, что онъ у насъ существуетъ и занимаетъ слишкомъ значительное мѣсто.

Въ каждомъ искуствѣ существуютъ двѣ стороны — цѣль и средства, — идея его и техника. Что касается послѣдней, то, чтобы судить о ней, надо имѣть какія нибудь теоретическія свѣдѣнія; нельзя судить о выполненіи картины или объ исполненіи музыкальной пьесы, не будучи настолько достаточно знакомымъ съ технической стороны, чтобы не знать элементарныхъ правилъ или теоретическихъ основъ этого искусства; то же самое и въ балетѣ; нельзя судить о высотѣ прыжка, не зная, насколько аршинъ отъ земли полагается такой прыжокъ, или трудно одобрить или не одобрить хожденіе на цыпочкахъ (это, кажется именно и называется пуантами) разъ не знаешь, насколько «артистъ долженъ поднять въ данномъ случаѣ туловище или повернуть лѣвый бокъ при этомъ; этой стороны дѣла мы и касаться не будемъ, предоставляя «спеціалистамъ» (какихъ у насъ только спеціальностей нѣтъ) высказаться; пускай они глазами мѣряютъ аршины прыжка и разскажутъ намъ, насколько «талантлива» такая-то балерина или «даровитъ» такой-то «прыгунъ», сколько «огня и жизни» въ молитвѣ ногами какой нибудь «знаменитой» г-жи Пфулли или съ какимъ «мастерствомъ» объясняется въ любви ногами мимъ г. Дулли. Мы въ данномъ случаѣ темная масса, всему повѣримъ, разъ это печатается, и не станемъ прекословить; говорятъ намъ на непонятномъ языкѣ (припомните, читатель, страшныя слова въ началѣ нашей замѣтки). что такъ нужно, что тутъ-то и лежитъ наука, — безусловно вѣримъ и преклоняемся; уступаемъ, учимся и благодаримъ за науку.

Но кромѣ этой стороны, есть еще другая,—это цѣль искусства, та сторона, которая должна непосредственно дѣйствовать на нашу мысль, на нашу духовную жизнь и которая одинаково доступна понимающимъ поэзію балона и неимѣющимъ о немъ понятія,—та сторона, которая слезу вышибаетъ одинаково у всѣхъ, или заставляетъ отъ души посмѣяться,—та сторона, которая заставляетъ всѣхъ одинаково любить и сострадать или же, наоборотъ, вызываетъ отталкивающее чувство; вотъ этой именно стороны мы и не видимъ въ балетѣ, какъ въ самостоятельномъ искусствѣ. Намъ скажутъ, что г-жа Цукки вызываетъ слезы въ «Эсмеральдѣ»; мы ее не видали; но если это такъ, то во-первыхъ, честь и слава ей, ибо она одна изъ тысячи безсмысленно прыгающихъ по сценѣ умѣетъ вложить жизнь въ это дѣло; во-вторыхъ, если это такъ, то она вызываетъ эти слезы не прыганьемъ и пуантами, а мимикой, т. е. той отраслью, которая составляетъ ингредіентъ всякаго сценическаго искусства и одинаково присуща и драмѣ, и оперѣ; слѣдовательно талантъ тутъ лежитъ не въ ногахъ, а въ душевныхъ перипетіяхъ, которыя она обнаруживаетъ мимикой.

Разъ основная мысль вѣрна, что ногами невозможно передать никакихъ психическихъ и умственныхъ движеній, то все, что остается въ этомъ искусствѣ, есть техника, т. е. ловкость, грація, позы, прыжки и тѣ страшныя слова, о которыхъ мы выше говорили; но техника искусства есть ремесло, почти всегда зависящая отъ способности упражняющагося, отъ долговременныхъ практическихъ занятій, отъ опыта въ данной области и пр. Чему же удивляться, что люди, положившіе свою жизнь на прыганье, хорошо прыгаютъ; въ такомъ случаѣ надо больше удивляться медвѣдю въ циркѣ, продѣлывающему на лошади всѣ тѣ salto mortali, которые и люди дѣлаютъ, или слонамъ, играющимъ какой-то мотивъ на разныхъ инструментахъ, а ужь объ акробатахъ и говорить нечего. Куда же г. Чекетти или г-жѣ Корнальби сравниться по ловкости и легкости съ акробатами; но о послѣднихъ вѣдь не пишутъ и не говорятъ, а между тѣмъ они имѣютъ такое же право, если не большее, на вниманіе прессы и знатоковъ ножного ремесла, какъ и прославленныя «свѣтила хореграфическаго искусства».

Идемъ далѣе. Искусства здѣсь нѣтъ; все сводится къ ослѣпляющему блеску, чтобы отуманить зрителя и замѣнить духовное содержаніе, котораго въ балетѣ нѣтъ, внѣшними аксессуарами,—костюмами, декораціями, освѣщеніемъ и легкой музыкой, способствующей разгорячать и разжигать чувственность зрителя или же ослѣплять его живыми картинами, красиво-освѣщенными группами, фантастическими видами и прочими внѣшними аттрибутами искусства. Все, слѣдовательно, чѣмъ можетъ блеснуть ставящій балетъ, или выражаясь ученымъ словомъ, балетмейстеръ, это—фантазіей, разнообразіемъ группировки, живописностью картинъ и умѣлымъ расположеніемъ этого внѣшняго матеріала. Не станемъ задаваться вопросомъ, нужно-ли это все, какъ самостоятельное «искусство», и для кого это нужно; посмотримъ, что сдѣлалъ нашъ «знаменитый» (тутъ простыхъ смертныхъ не бываетъ; все это «знаменитости» и «свѣтила искусства») балетмейстеръ, г. Петипа, поставившій «Весталку» въ бенефисъ «знаменитой» г-жи Корнальби и въ свой собственный, имѣя въ своемъ распоряженіи такія огромныя и роскошныя средства во всѣхъ отношеніяхъ, какими располагаетъ наша Маріинская сцена. Но чтобы закончить съ этимъ «искусствомъ», къ которому вѣроятно больше никогда не вернемся, скажемъ еще два слова: мы признаемъ балетъ лишь по стольку, по скольку онъ весь, со всѣми его аттрибутами, in corpore, можетъ пригодиться для искусства, т. е. для драмы, оперы или въ крайнемъ случаѣ, если ужь намъ необходимы безсодержательныя забавы и удовольствія, для феерій, какъ придатокъ къ чему-то. Намъ всегда, напримѣръ правятся характерные, народные танцы, выработанные извѣстною національностью, передающіе намъ какія нибудь специфическія особенности данной народности, могущія сказаться и въ тѣлодвиженіяхъ; вотъ все, что мы имѣли прибавить къ сказанному объ этомъ «искусствѣ» вообще.

Программу либретто «Весталки» составилъ г. Худековъ, музыку къ ней написалъ г. М. Ивановъ, а танцы поставилъ г. Петипа; сюжетъ взятъ изъ римской жизни. Вотъ въ сжатомъ видѣ его содержаніе. У сенатора Флакка есть двѣ дочери, Амата и Клавдія (г-жи Корнальба и Горшенкова); обѣ безумно влюблены въ центуріона Луція, а послѣдній любитъ Амату и, съ согласія отца, дѣлается ея женихомъ и отправляется на войну (пропускаемъ пиръ по этому случаю, пляски, трогательное прощанье и пр.). Но вотъ ex ordine deorum одна изъ дочерей должна посвятить себя богинѣ Вестѣ и, разумѣется, бѣлый вѣнокъ вынимаетъ изъ урны Амата (пропускаемъ отчаяніе, грусть и отправленіе ея въ храмъ). Въ храмѣ Амата даетъ обѣтъ цѣломудрія, но такъ какъ мысли ея заняты Луціемъ, она постоянно грезитъ имъ (искушеніе Венерой, окруженной амурами, грезы и мечты). Центуріонъ возвратился побѣдителемъ и летитъ къ своей Аматѣ, но тутъ узнаетъ, что она сдѣлалась весталкой. Онъ въ отчаяніи отправляется въ колизей съ цѣлью найти тамъ смерть и, дѣйствительно, находитъ ее (пропускаемъ шествіе, миѳическія аллегоріи, состязанія бойцовъ и пр.) въ бою съ гладіаторомъ. Горячо любящая его Амата, появившаяся здѣсь въ образѣ Терпсихоры, не переживаетъ его смерти и закалываетъ себя надъ его трупомъ.

Не трудно убѣдиться, что сюжетъ драматиченъ и требуетъ талантливой мимистки для передачи всѣхъ душевныхъ перипетій; но г-жа Корнальба—«знаменитая классическая» танцовщица и мимика у нея блистаетъ полнымъ отсутствіемъ; поэтому она мечется по сценѣ, ничего не выражая своимъ весьма некрасивымъ лицомъ; какъ «классическое свѣтило хореографическаго искусства», она не снисходитъ къ земной прозѣ, продѣлываетъ свои три-четыре жанра pas (тутъ намъ не хватаетъ хорошенькаго термина), которые она буквально повторяетъ въ каждомъ актѣ три-четыре раза и нагоняетъ только скуку на залу. Глядя на главную героиню, г-жу Корнальба, намъ невольно приходили въ голову извѣстные стихи, какъ нельзя болѣе, къ ней подходящіе: «Черна, какъ галка; суха, какъ палка; увы! «Весталка», тебя мнѣ жалко». Можетъ-ли она при такихъ своихъ качествахъ играть драматическую роль,—не трудно рѣшить всякому.

Если такова чужеземная «знаменитость», то чего уже требовать отъ нашихъ туземныхъ «свѣтилъ»; къ чести ихъ нужно сказать, что они не только не уступаютъ, но гораздо жизненнѣе ея, если только можно говорить о жизненности въ балетѣ, закоснѣломъ въ безтолковой рутинѣ и пропитанномъ затхлымъ шаблономъ. Но всѣхъ лучше г. Петипа, не придумавшій ничего новаго, что бы отличило этотъ балетъ отъ многихъ другихъ; тѣ же группы, тѣ же танцы (названія-то, конечно, другія), что надоѣли уже въ другихъ балетахъ; фантазія его ему не подсказала ничего такого, что бы выходило изъ затверженныхъ pas или вносило бы какую-либо свѣжую струю, что бы заставило публику хоть сколько нибудь заинтересоваться. Декораціи чудесны, освѣщеніе превосходное, персоналъ огромный, костюмы блещутъ роскошью, а между тѣмъ ничто не трогаетъ, все думаешь: когда же это кончится; экая тоска какая! Вотъ выбѣжали свѣженькія личики воспитанницъ, все полно жизни и блеска,—начнутъ танцовать опять тоже самое, тѣ же безсмысленные, рутинные пируэты, тѣже движенія, та же скука. Въ чемъ состоитъ талантливость балетмейстера? Даже группы однообразны и не живописны; никакой фантазіи, не говоря уже о жизни; все казенно, рутинно, какъ «дѣды поступали»; конечно, въ такихъ случаяхъ остается все свалить на музыку, сопровождающую балетъ,—обычный исходъ всякаго неспособнаго человѣка, создавшаго что-либо въ сотрудничествѣ съ кѣмъ-нибудь.

Композиторъ, впервые взявшійся за балетную музыку, имѣя въ рукахъ такой серьезно-драматическій сюжетъ, и незакоснѣлый въ балетной рутинѣ, со свѣжими силами принялся за работу и въ три мѣсяца написалъ и оркестровалъ четыре дѣйствія по плану и безконечнымъ капризамъ балетмейстера,—и конечно обратилъ главное вниманіе на драматическіе моменты сюжета, вѣроятно полагая, что г-жа Корнальба, если не Цукки, то по крайней мѣрѣ способна что нибудь сдѣлать, взявшись за эту драматическую роль; вотъ тутъ-то и лежитъ роковая ошибка; его музыка слишкомъ хороша для умѣющей только прыгать г-жи Корнальба, слишкомъ художественно обработана для привыкшихъ къ заученнымъ pas въ $^{2}/_{4}$ и въ $^{3}/_{4}$ и слишкомъ симфонична для обычнаго уха слушателя, то-же привыкшаго къ самой безсодержательной музыкѣ въ балетѣ. Въ музыкѣ г. Иванова къ «Весталкѣ» есть законченные оперные №№ которые здѣсь оказались слишкомъ необычными; онъ не принялъ во вниманіе силы и «дарованія» своихъ дѣйствующихъ лицъ и отнесся къ дѣлу болѣе съ музыкальной точки зрѣнія, чѣмъ съ балетной; его solo (на скрипкѣ, альтѣ, арфѣ) могутъ быть исполнены скорѣе на эстрадѣ въ концертѣ, чѣмъ съ участіемъ ничего не выражающаго лица главной балерины. Эта ошибка роковая. Композиторъ долженъ былъ бы раньше изучить свое поле дѣйствія и основательно измѣрить талантъ и фантазію балетмейстера, а не отдаваться въ его власть и безусловно во всемъ повиноваться его требованіямъ.

Отъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ. Наша балетная музыкальная литература слишкомъ бѣдна; если вспомнимъ нигдѣ не шедшую «Виноградную лозу» Рубинштейна и поставленное только въ Москвѣ «Лебединое озеро» Чайковскаго, то этимъ почти исчерпывается все, что у насъ есть по этой части; образцовъ, и къ тому же хорошихъ, у насъ нѣтъ. Композитору, не желающему идти по шаблону французскихъ и итальянскихъ балетистовъ, приходится пролагать новый путь на этомъ поприщѣ; другой вопросъ, почему наши композиторы не культивируютъ балета; вѣроятно оттого, что они его также не признаютъ самостоятельнымъ искусствомъ; такъ или иначе, г. Иванову пришлось идти своимъ самостоятельнымъ путемъ и написать оригинальную вещь. Если она не совсѣмъ пришлась по силамъ, то его за это винить нельзя; въ его балетной музыкѣ есть много прекрасныхъ morceaux, кромѣ вышеназванныхъ; такъ, вакханалія и оргія въ первомъ дѣйствіи, шествіе (маршъ) въ третьемъ, танецъ нимфъ и цвѣтовъ во второмъ (ахъ какъ бѣдна фантазія г. Петипа въ этомъ актѣ!), танецъ музъ на Парнасѣ, и безусловно характерна и глубоко содержательна вся музыка, сопровождающая драматическіе моменты. Композиторъ положилъ много стараній, и первый опытъ его слѣдуетъ считать вполнѣ удачнымъ; труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: г. Иванову поднесено было на первомъ представленіи два лавровыхъ вѣнка.

Конечно, по первому представленію трудно что либо сказать о настоящемъ успѣхѣ произведенія: но если его и не будетъ, то, положа руку на сердце, слѣдуетъ сказать, что виноватъ въ этомъ г. Петипа, ничего не сдѣлавшій изъ такого богатаго матеріала во всѣхъ смыслахъ (и силъ, и декорацій, и музыки, и сюжета, и костюмовъ, и аксессуаровъ), какой имѣлся у него подъ рукой; впрочемъ, можетъ быть, само «искусство» таково, что его двигать впередъ невозможно, что оно слишкомъ застыло въ своихъ формахъ. Добрымъ словомъ слѣдуетъ помянуть нашихъ превосходныхъ солистовъ, гг. Ауэра (скрипка), Галкина (альтъ), Логановскаго (віолончель) и Цабеля (арфа). Изъ нашихъ «корифеекъ» успѣхъ имѣли г-жи Горшенкова, Петипа, Іогансонъ, Виноградова, Жукова и Оголейтъ. Г-жѣ Корнальба поднесли массу подарковъ; на это у насъ денегъ, сколько угодно. О, если бы дирекція отпускала хоть десятую долю расходовъ на постановку драмы! О, если бы она перемѣнила къ драмѣ свои мачихинскія отношенія!

В. Баскинъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Масляница широкая.

Широкая масляница—нашъ русскій карнавалъ, только безъ «ряженныхъ» на улицахъ. Полные театры, цыгане въ Аркадіи, пьяные гуляки въ деревнѣ, катанье съ горъ у балагановъ, костюмированные балы, катанье на тройкахъ, наконецъ блины, блины и блины, вотъ аттрибуты этой широкой масляницы, за которой тотчасъ-же слѣдуетъ великій постъ съ его воздержаніемъ, говѣньями и проповѣдями богатымъ мелодіями духовнымъ пѣніемъ. Въ особой статьѣ мы говоримъ подробно о масляничныхъ и тому подобныхъ увеселеніяхъ, въ старое время. Какъ проводится масляница въ наше время—это, конечно, знаетъ каждый. Можно только замѣтить, что наше масляничное веселье не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ западно-европейскими карнавалами, особенно итальянскими, чему значительно способствуетъ и та благодарная природа, гдѣ все это происходитъ на воздухѣ.

Охота на крокодиловъ на островѣ Цейлонѣ.

Опасность, которую представляютъ людямъ крокодилы, увеличивается еще больше, вслѣдствіе невѣроятной осторожности этихъ животныхъ и трудности ихъ ловли и вообще охоты за ними. Помѣщаемый нами рисунокъ представляетъ набросокъ англійскаго генерала Роблея о способѣ охоты за крокодилами на островѣ Цейлонѣ. Ожидать выслѣженнаго звѣря въ засадѣ иногда въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ — времяпрепровожденіе не особенно веселое; поэтому англійскіе охотники употребляютъ въ дѣло приманку. Сторговывая для этой цѣли у туземцевъ небольшаго ребенка, охотникъ привязываетъ его, какъ показано на рисункѣ, близь мѣста выхода крокодила изъ воды, а самъ прячется въ засаду. Ребенокъ, естественно, кричитъ и тѣмъ привлекаетъ звѣря въ свою сторону. Какъ только раздается шумъ, свидѣтельствующій о его приближеніи, охотникъ внимательно и осторожно присматривается и въ рѣшительный моментъ мѣткою пулею убиваетъ добычу наповалъ, въ двухъ шагахъ отъ человѣческой приманки, причинивъ такимъ образомъ ребенку только испугъ отъ неожиданнаго выстрѣла. Скрытые въ недалекомъ разстояніи туземцы съ жадностью набрасываются на мясо животнаго, голову и чешуйчатую кожу котораго уноситъ съ собою охотникъ въ награду за ловкій выстрѣлъ. Роблей говоритъ, что слава о мѣткости англійскихъ стрѣлковъ такъ укоренилась въ мѣстномъ населеніи, что не представляется никакого труда нанять ребенка, даже за небольшое вознагражденіе его родителямъ. Думается, однако, что тутъ проявляются просто страсть дикаря къ наживѣ, съ одной стороны и, съ другой, полная безсердечность со стороны европейца, готоваго пожертвовать жизнью ребенка для личной забавы.

Весеннія грёзы.

Гейнрихъ Лоссовъ принадлежитъ къ цѣлой семьѣ художниковъ Лоссовыхъ. Онъ родился въ Мюнхенѣ, 10 марта 1843 г. Любимый его жанръ—картины изъ временъ рококо, кокетливыя, иногда причудливыя по замыслу. Лежащая передъ нами картина представляетъ дѣвушку, разметавшуюся на постели среди цвѣтовъ. Передъ нею на колѣняхъ стоитъ лукавый божокъ любви, амуръ, и читаетъ ей наставленія, грозя пальчикомъ и, очевидно, разъясняя ей, «какъ опасно въ эти лѣта»... однимъ словомъ, все то, что постоянно говорится молодымъ дѣвушкамъ и чего онѣ постоянно не могутъ запомнить.

Бродячій виртуозъ.

Въ чудесномъ Тиролѣ въ крестьянскую семью заходитъ бродячій виртуозъ-тиролецъ и поетъ, играя на гитарѣ, народныя пѣсни. Вся семья заслушалась, но особенно поразило пѣніе маленькую дѣвочку, застѣнчиво и конфузливо смотрящую на даровитаго гостя. Вся эта группа прекрасна по своей простотѣ, какъ большинство группъ на картинахъ Рудольфа Еппа, безыскуственнаго жанриста, особенно удачно передающаго дѣтскіе типы.

Морозное утро.

Говорить о картинахъ, работы профессора Николая Егоровича Сверчкова значитъ повторять одно и тоже: г. Сверчковъ, какъ знатокъ лошадей, давно уже завоевалъ себѣ громкое имя не только въ Россіи, но и заграницей. Помѣщаемая нами картина прекрасно передаетъ впечатлѣніе тихаго морознаго утра -- въ воздухѣ туманъ, солнце кажется багровымъ пятномъ, лѣсъ весь покрытъ инеемъ, ѣдущіе на тройкѣ люди закутались въ башлыки, лошаденки бѣгутъ не шибко, паръ валитъ изъ ноздрей... Отъ этой картины талантливаго нашего художника вѣетъ, какъ и ото всѣхъ его произведеній, родною Русью, въ исполненіи которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ему соперника.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 2-го марта 1888 г.
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

манный и сторонникъ уничтоженія смертной казни, вслѣдствіе чего не желаю давать на вашъ судъ свое мнѣніе о вашемъ изобрѣтеніи, которое я нахожу отвратительнымъ и скорѣе взялся бы за изученіе средствъ къ возвращенію жизни казненнымъ, при помощи электричества»; однимъ изъ лучшихъ проэктовъ считается «Яблочковскій».

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Кончина Императора Вильгельма I.—Театралы, комедія въ одномъ дѣйствіи *Ив. Щеглова.*—Слезы, стихотвореніе *Былинскаго.* — Русская масляница минувшихъ столѣтій, историческій очеркъ *М. М. Лисицына* (оконч.). — Изъ Гейне, стихотвореніе *Мих. Илецкаго.* — Научные вопросы, *С. Вѣчевскаго.*—Политическое обозрѣніе.—Внутреннее обозрѣніе. — Нѣсколько словъ о балетѣ «Весталка». *В. Баскина.*—Къ рисункамъ.

Рисунки: Портретъ Императора Вильгельма I.—Широкая масляница, оригинальный рисунокъ *А. Сафонова.*—Охота на крокодиловъ на островѣ Цейлонѣ. — Весеннія грезы, съ картины *Лоссова.* — Бродячій виртуозъ, съ картины *Р. Еппа.* — Въ морозное утро, съ картины проф. *Е. Сверчкова.*

На оберткѣ: Промышленность, технологія и торговля. — Мелкія извѣстія и замѣтки.— Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги,
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 234 (10—7).

ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Из крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к
Перечные огурчики острые (корнишоны)
крупные 1 р, *средніе* 150 к., *мелкіе* для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. Ф. ШТУРМЪ

БОЧЕНОКЪ
БЕЗПЛАТНО

Невскій № 26 1
по Надеждинской

ДОСТАВКА НА
ДОМЪ

№ 297 (52—9)

! За 30 коп. !
почтовыми марками высылаются
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ
съ объясненіями и прейсъ-курант.
за 50 коп.
почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ
для экономныхъ курителей. Получше 70 коп. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „чужаго“. Получать можно во всѣхъ игрушеч. и бум. магазинахъ Петербурга и Москвы.
Главное депо мастерская игръ
А. МЕЛАМЕДА.
Спб., Обуховскій пр., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.
№ 322 (3—2).

БЕЗПОДОБНО!
для пульверизаціи въ комнатахъ
ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА
провизора А. Янсонъ.
Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.
Продается:
Въ Москвѣ: у Л. Борхардтъ, Г. Брунсъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.
Въ С.-Петербургѣ: Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.
кромѣ того имѣется:
у М. Заксъ, Г. Клосъ и К°., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ, Ф. Линде, О. Роосъ, Русск. Общество торг. аптекарск. товарами и во многихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.
№ 323 (26—3)

Усовершенствованные пожарные
ТРУБЫ И НАСОСЫ
„ПОТОКЪ“
для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.
Прейсъ-курантъ безплатно.
№ 186 (40—17)

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ
Ф. Трахтенберга
основанъ въ 1863 г.
Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.
Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.
№ 330 (44—2).

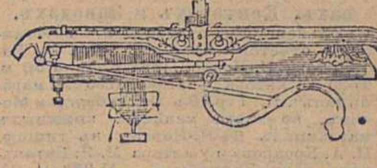
ЛЮБИМЫЕ ДУХИ:

Майскій ландышъ. Бѣлая акація. Бѣлая сирень. Бѣлый гіацинтъ. Мимоза. Гольдъ лакъ.	Флаконъ 1 р. Лотъ 40 коп.

ДУХИ франц. 32 разн. запах. лотъ 25 к., 1/4 фун. 1 р. 50 к.
ДУХИ англ. 22 разн. запаховъ лотъ 35 к., 1/4 фун. 2 руб.
Вышеозначенные 6 новѣйш. запах. по 1 лот. съ пересылкою 2 р. 50 к.
Химическая лабораторія РООСЪ.
Магазины въ С.-Петербургѣ:
1) Владимірская, № 7.
2) Невскій пр., № 25.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., № 3—15.
288 (53—10)

ЭЛЕОПАТЪ провизора **КИНУНЕНА**
ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ВОЛОСЪ
безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**
ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.**
№ 311 (1—1). *Пров. КИНУНЕНЪ.*

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ
Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—25).

Водоочищающіе
ФИЛЬТРЫ
многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.
№ 228 (52—16)

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ НОВОСТИ
ДЖЕРСИ
Гладкіе отъ 3 р. 50 к.
Вышитые 4 р. 50 к., 6 р., 8 р.
Съ бисеромъ черн. 5 р. 50 к. 8 р. 50 к.
для бальныхъ платьевъ:
кремъ, розовые, голубые, геліотропъ.
Гг. Иногородные могутъ выписывать съ наложеннымъ платежемъ, черезъ почту, при заказѣ обозначать цвѣтъ и мѣру таліи.
МАГАЗИНЪ БѢЛЬЯ
Гостиный дворъ **№ 22** по Невскому нижн. гал.
№ 331 (3—2).

Кахетинское вино изъ садовъ князя Джорджадзе, князя Макаева и проч.

Рекомендуется
всѣхъ сортовъ
лучшихъ садовъ
Южнаго берега Крыма
и Кахетіи
натуральное
Русское
Виноградное
Вино
Этикетъ утвержденъ Правительствомъ
изъ Главнаго Склада
натуральныхъ русскихъ
винъ
Т. Денкеръ и К°
сущ. съ 1815 г.
Стъ Петербургъ.

Красныя и бѣлыя вина отъ 40 к. за бутылку, десертныя и крѣпкія вина; въ родѣ портвейнъ, мадера, хересъ и проч. отъ 65 к. за бутылку.
КОНТОРА и ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ВАСИЛ. ОСТР., 1-я ЛИНІЯ, № 20.
ПОГРЕБА ВО ВСѢХЪ ГЛАВНЫХЪ ЧАСТЯХЪ ГОРОДА. № 334 (1—1)

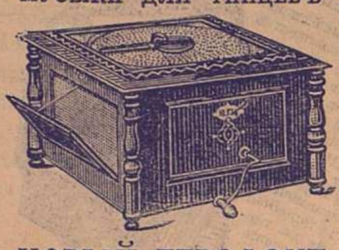
Туалетныя мыла I. Голлендера.
Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну,
ЛАНОЛИНОВОЕ,
АМИКОСОВОЕ.
Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.
Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи.
Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—15)

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.
СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА
съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.
Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.
Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт.	на об. бум. 1 р. 50 на лучш. . 2 р.	Съ 44 карт.	на об. бум. 2 р. 50 на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.
Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.
№ 222 (24—12).

ДЕШЕВАЯ И ПРАКТИЧНАЯ МУЗЫКА ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.



НОВЫЙ ГЕРОФОНЪ

съ приспособленіемъ для игры piano и forte. Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 40 руб. Большое число добавочныхъ пьесъ по 70 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунт.

Аристонъ-Органъ

Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 32 р. Большое количество добавочныхъ пьесъ по 70 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 45 фунт.

Каталоги пьесъ для герофона и для аристона безплатно.

Вышеозначенные инструменты и ноты къ нимъ продаются у меня только патентованные. Поддѣланныхъ, которые легко портятся, не имѣю.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго. № 256.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:
ДѢТИ.

Соч. Ек. Скаврода, для дѣтскаго чтенія, посвященная матерямъ. Цѣна 1 руб. Иногородные прилагаютъ на пересылку 3 почтовыхъ марки по 7 коп. и адресуютъ свои требованія: въ Москву, на Малую Никитскую улицу, Н. А. Рѣшетову, соб. домъ, № 18.

№ 333 (1—1)

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ",

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

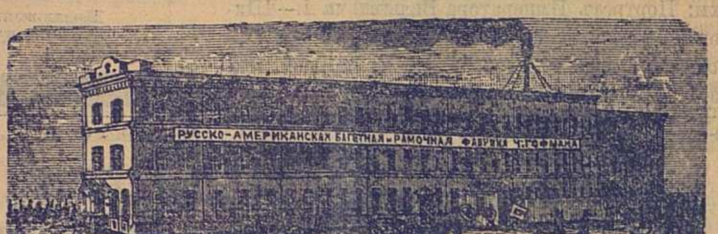
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—27).

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГЕОГРАФІЯ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ
Н. И. ЗУЕВА.

Книга напечатана на веленевой бумагѣ, въ большомъ форматѣ, иллюстрирована 242 политипажными рисунками, изображающими явленія природы, растенія, животныхъ и типы всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію; кромѣ того, множество выдающихся видовъ замѣчательныхъ городовъ, зданій, памятниковъ и историческихъ достопамятныхъ монастырей. Къ книгѣ принадлежатъ три гравированныя на мѣди и хромолитографированныя карты. Цѣна 2 р., вѣсовыхъ на 3 ф. Требованія адресуются въ С.-Петербургъ, на имя Н. И. Зуева, Большая Садовая, у Покрова, д. № 123, кв. № 32.

№ 305 (3—3)



РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ фабрики
Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской.

№ 296 (26—5).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—27)

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ
Музей Т. В. БОЦВА.
Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: Клеопатра египетская царица, механически движущаяся. А. С. Пушкинъ, Пастеръ, графъ Лесепсъ. группа, сказки Шехерезады изъ 1,001 ночи, Сонъ на яву, механическая фигура, Елена Прекрасная, и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.

№ 324 (10—3).

НОВАЯ КНИГА:
РУКОВОДСТВО

какъ производить ревизіи и повѣрять отчеты въ Банкахъ, Управахъ, Конторахъ и Заводахъ.

Съ объясненіемъ счетоводства и составленія отчетовъ въ оныхъ. Соч. М. Батенькова. Н.-Новгор. 1887 г. Цѣна 50 к. Того же автора „Счетоводство для магазиновъ". Ц. 1 р. Въ Петербургѣ и Москвѣ, во всѣхъ извѣстн. книжныхъ магазинахъ Въ Н.-Новгор: въ типогр. П. А. Косарева и у автора М. Я. Батенькова, домъ Блиновыхъ. № 332 (1—1).

НОВАГО УРОЖАЯ
замѣчательно хорошія папиросы:
„Охота" 10 шт. 10 к.
„Дамскія" 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія" 10 шт. 6 к.
„Фотографъ" 10 шт. 6 к.

Получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. магаз. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающимъ не менѣе 25 р. до 1000 вер. разстояніе, пересылка и упаковка на счетъ магазина.

№ 329 (44—2).

Съ 1-го января 1888 года свѣже-приготовленные
фруктовые экстракты фабрики Ю. МАРТЕНСА.
Будутъ продаваться по уменьшеннымъ цѣнамъ.

КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ

сткл. (1 б.)	1/2 сткл.	1/4 сткл.	1/8 сткл.
по 1 р.	по 55 к.	по 30 к.	по 20 к.

ВИШНЕВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ и ЧЕРНОСМОРОДИНОВ.

сткл. (1 б.)	1/2 сткл.	1/4 сткл.	1/8 сткл.
по 3 р. 50 к.	по 1 р. 80 к.	по 1 руб.	по 55 к.

Оптовымъ покупателямъ дѣлается соразмѣрная уступка.

Фабрика и складъ: Разъѣзжая ул., № 49. Телефонъ № 999.

Ю. МАРТЕНСА.

Магазинъ: Гороховая улица, № 22. Телефонъ № 1200.

Продажа: у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ аптекарскомъ обществѣ, у Александра Венцеля, во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и фруктовыхъ магазинахъ. № 226.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, шероховатости и пр., освѣжаетъ и придаетъ юношескую свѣжесть. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 р.—2 банки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор. — Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38.

№ 314 (47—4).

Нумеръ 10-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) Обертки и 3) № 3-го „Новѣйшихъ Парижскихъ Модъ" за Мартъ.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 3-го марта 1888 г.

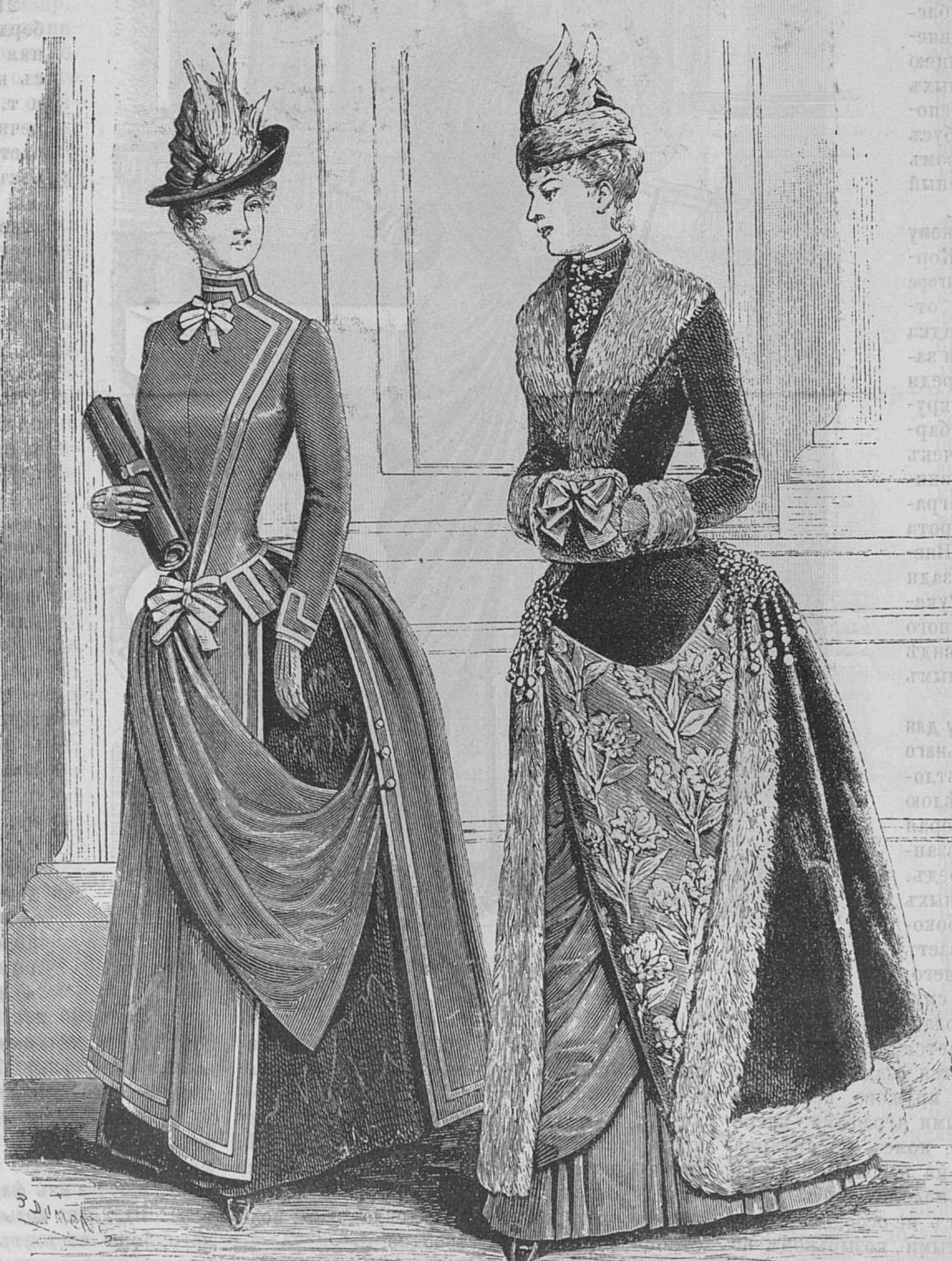
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

№ 3.—1888. Мартъ. 1888.—№ 3.

1. Костюмъ молодой особы. Юбка изъ велутина свинцоваго цвѣта. Рединготъ изъ сѣраго сукна, отдѣланный тесьмою, свѣтло-сѣрой съ серебромъ. Корсажъ съ лацканомъ, застегнутымъ на боку, равно какъ и воротничекъ. Баска, образующая сбоку кармашекъ, расходится впереди; у горла и на таліи бантики изъ тесьмы. Полы реднигота висятъ прямо и открыты на лѣвомъ боку; небольшая драпри, пристегнутая пуговицами къ заднимъ полотнищамъ, переходитъ напередъ и скрывается справа подъ баскою. Шляпа изъ сѣраго фетра, подложенная свинцовымъ бархатомъ, съ отдѣлкою изъ сюра и серебристою птичкою.

2. Костюмъ для прогулки. Юбка изъ темносѣраго фая (vert russe), заложенная складками и съ тюникомъ. Рединготъ изъ бархата того-же цвѣта съ опушкою изъ перьевъ тономъ свѣтлѣе. Лѣвая пола отогнута; она подложена атласомъ vert-lézard (зеленый съ металлическимъ отблескомъ), расшитымъ блестящимъ зеленымъ бисеромъ и шелкомъ. Двѣ бисерныя аграфы на бокахъ. Воротникъ изъ перьевъ, отложной, съ бисерною аграфой. Шапочка бархатная съ опушкою изъ перьевъ и зелеными крылышками.



1. Костюмъ молодой особы. 2. Костюмъ для прогулки.

3. Городской весенній туалетъ. Юбка изъ французскаго фая гранатнаго цвѣта, заложенная складками; сбоку пано изъ муара подъ цвѣтъ. Полонезъ фаевый, драпированный сбоку и сзади, гдѣ онъ образуетъ легкій пуффъ. Лѣвая пола корсажа переходитъ на правую и окаймлена реверомъ. Правая слегка собрана. На рукавахъ вверху муаровыя нашивки съ острымъ угломъ книзу. Воротникъ и обшлага на рукавахъ муаровые. Шляпа изъ гранатнаго фетра съ бархатнымъ подбоемъ и большимъ муаровымъ бантомъ.

4. Весенній костюмъ для прогулки. Юбка изъ синяго сукна (bleu océan), гладкая и съ суташной вышивкой на подолѣ. Тюникъ изъ того-же сукна, слегка драпированный сзади; впереди онъ заложенъ складками у таліи и окаймляется слѣва большимъ вышитымъ реверомъ. Корсажъ-веста, вышитый кругомъ; жилетъ тоже вышитый съ двумя шелковыми драпри, заложенными накрестъ. На воротникѣ и рукавахъ тоже вышивка. Шляпа изъ фетра подъ цвѣтъ костюма; поля подложены бархатомъ; отдѣлка изъ синихъ бархатныхъ лентъ съ атласной каймою и розоватыхъ перьевъ.

5. **Корсажъ для вечерняго туалета.** Корсажъ сдѣланъ изъ матеріи броше, служащей для папо и пр. на юбкѣ; рукава изъ гладкой матеріи, какъ самая юбка. Передъ открытый на пластронѣ изъ гладкой матеріи. Широкое бѣлое кружево образуетъ воротникъ; такое-же кружево, поуже, нашито впереди на пластронъ, какъ модести. Бантъ изъ ленты подъ цвѣтъ на груди; второй бантъ, поменьше, соединяетъ полочки. Рукава до локтя съ кружевнымъ воланомъ и бантомъ. Два ряда кружева вверху юбки, какъ-бы окаймляющіе этотъ корсажъ.

6. **Корсажъ для наряднаго туалета въ стилѣ** empire. Передъ и спинка изъ полосатой матеріи; одна полоса темнозеленая плюшевая, другая блѣднорозовая атласная съ розовымъ узоромъ. Воротъ открытый шалью впереди и сзади. Онъ окаймленъ блѣднорозовою драпри изъ китайскаго крепа; сзади драпри перекрещивается и переходитъ въ концы, завязанные впереди бантомъ; концы окаймлены бахромою. Переднія полы съ небольшою срѣзанной баскою; онѣ пристегнуты впереди большою пуговицею изъ розовыхъ и зеленыхъ бусъ. Рукава розовые креповые съ обшивкою изъ бусъ двухъ цвѣтовъ. На правомъ плечѣ плюшевый зеленый бантъ.

7. **Корсажъ къ нарядному обѣденному туалету.** Корсажъ изъ бархата héliothrope съ высокою спинкою и открытый впереди. Подкладка кроится съ выточками и застегивается плотно впереди подъ драпированнымъ кружевнымъ пластрономъ; бархатныя полы безъ выточекъ и только драпируются внизу подъ серебряною аграфою. На баскѣ и у ворота серебряная вышивка. Впереди длинный мысъ; сзади тоже мысъ, покороче. Рукава изъ бѣлаго кружевного тюля, собранные въ видѣ буффы, и съ кружевнымъ воланомъ.

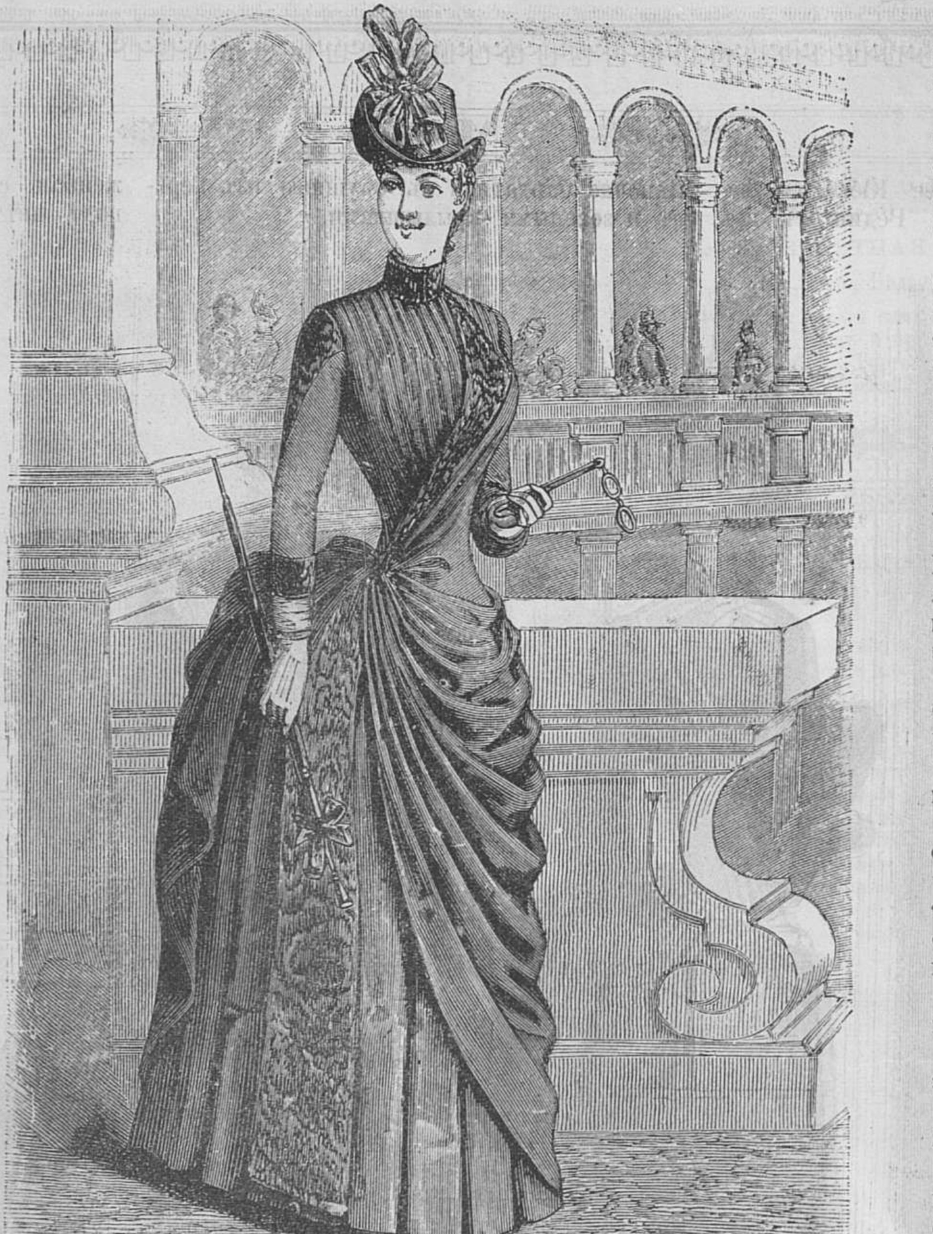
8. **Корсажъ къ туалету для концерта или танцовальнаго вечера.** Корсажъ изъ свѣтлоянтарнаго фая съ бѣлою кружевною драпри, которая огибаетъ спинку, вырѣзанную шалью, какъ и передъ. Аграмантъ, изъ янтарныхъ бусъ, выходитъ изъ боковыхъ швовъ и охватываетъ передъ; внизъ отъ него, вкось къ лѣвому боку, спускается кружевной воланъ, падающій на юбку. Онъ придерживается бантомъ на боку. Спинка заканчивается сзади разрѣзной баской; въ разрѣзахъ кружево, придерживаемое вверху янтарными аграфами; впереди, начиная съ боковъ, поясъ изъ янтарнаго аграманта, лежащій на небольшой баскѣ.

9. **Модная шляпа для молодой особы.** Шляпа изъ сѣраго фетра съ не особенно высокой тульей и выдвинутыми козырькомъ полями; отдѣлка изъ сѣрой плюшевой ленты и сѣраго страусоваго пера, приколотаго сзади и перегибающагося впередъ.

10. **Корсажъ съ суташною вышивкою.** Корсажъ плотно обтягиваетъ талію; баска гладкая. Вышивка изъ толстой суташи, подъ цвѣтъ фону матеріи, окаймляетъ корсажъ кругомъ и расположена вдоль рукавовъ.

11. **Бархатная мантилья къ визитному туалету.** Эта мантилья скроена, какъ корсажъ, и его замѣняетъ. Отличіе ея отъ настоящаго корсажа заключается въ рукавахъ, которые пришиты къ спинкѣ по ея длинѣ, какъ обыкновенно въ мантильяхъ, а спереди подвернуты и образуютъ полушировій рукавъ, обшитый искуственнымъ или натуральнымъ мѣхомъ. Передъ мантильи съ выточками и плотно застегнутъ подъ бархатнымъ вышитымъ пластрономъ, который застегивается на боку. Мѣховая опушка у горла и вдоль полъ расположена такъ, что имѣетъ видъ накинутаго боа.

12. **Корсажъ-веста съ вышивкою.** Такой корсажъ дѣлается изъ сукна или другой матеріи; суташъ или шнуръ для вышивки берется нѣсколько потемнѣе самой ткани, въ тонъ бархату, употребленному для жилета. Вышивка состоитъ изъ простыхъ петель, но очень красива по своему расположенію; наружный рядъ ея идетъ по самому краю, такъ что петли висятъ па воздухѣ. Подкладка кроится съ выточками и плотно застегивается впереди, закрываясь полами жилета, которыя заложены складками; полы самой весты висятъ свободно.



3. Городской весенній туалетъ.

13. **Модная шляпа для молодой особы.** Тулья шляпы покрыта шифонированнымъ фаемъ подъ цвѣтъ костюма; поля бархатныя, поднятыя по бокамъ и окаймленныя кругомъ перышками. На верху банты изъ лентъ, сбоку крылышки.

14—31. **Приданное для малютки** 14. Шляпа для малютки; она сдѣлана изъ бѣлаго фая и отдѣлана бѣлыми атласными лентами. Поля подняты и заложены вверху вѣеромъ: они обшиты перышками по краю; небольшой бантикъ сдерживаетъ ихъ надъ лбомъ.

15. **Фуфайка** изъ бумазейнаго пике, выметанная фестонами по краю (выкр. 3 на листѣ).

16. **Фуфайка** изъ тонкаго пике, обшитая кружевомъ и прошивкою. На груди мѣтка, какъ и на первой фуфайкѣ.

17. **Чепчикъ** изъ кружевъ и кружевныхъ прошивокъ съ бантами изъ узенькихъ лентъ.

18. **Чепчикъ** для самаго маленькаго ребенка съ вышитою обшивкою по краю (выкр. 5 на листѣ).

19. **Сапожокъ** изъ бѣлаго кашемира, вышитаго суташью и положеннаго на шелковую ватированную подкладку. Вверху и впереди шелковая бахрома въ видѣ мѣха или лебяжій пухъ; поверхъ этой опушки застежки изъ шелковаго шнура.

20. **Башмачекъ** изъ бѣлой или цвѣтной фланели; носокъ и верхъ украшены шерстяными тесемочками, нашитыми въ клѣтку.

21. **Вязаный сапожокъ** изъ берлинской шерсти. Нижняя часть полосатая, бѣлая съ краснымъ или голубымъ и т. п.; она вяжется поперечными рядами. Верхняя часть, изображающая чулочекъ, вяжется кругомъ одной цвѣтной шерстью. Вязаное кружевцо вверху и вокругъ начала чулочка. Шнурки съ булями, изъ той-же шерсти, вдернуты для придерживанія обуви на ногѣ ребенка.

22. **Ожерелье** изъ бѣлыхъ бусъ (collier anodin), которое надѣваютъ ребенку, когда у него начинаютъ прорѣзываться зубы.

23. **Чепчикъ для малютки** (выкр. 6 на листѣ). Этотъ чепчикъ дѣлается изъ батиста или нансука и обшитъ фестонами и кружевцомъ или тонкой вышитой сборкой.

24. **Набрюшникъ** изъ тонкаго пике или фланели.

25. **Свивальникъ** изъ бумазейнаго пике.

26. **Серебряная погремушка.**

27. **Крестильное платьеце** изъ тонкаго нансука, батиста или кисеи, отдѣланное складочками, кружевами и лентами (выкр. 1 на листѣ).

28. **Пеленка-кальсоны** изъ полотна или тонкаго пике съ вышитою обшивкою (выкр. 4 на листѣ).

29. **Платьеце** изъ нансука; юбка отдѣлана на подолѣ мелкими складочками и кружевомъ. На лификѣ бретели изъ складочекъ, окаймленныя кружевомъ; между ними, вверху, кружевная прошивка. У горла оборочка изъ нансука и кружевцо въ видѣ фрезы.

30. **Юбочка изъ фланели** (выкр. 2 на листѣ).

31. **Нарядная колыбелька** для новорожденнаго; она состоитъ изъ корзинки, обитой внутри ватированнымъ атласомъ и отдѣлана кружевами и лентами.

32—42. **Приданое для малютки.** 32. **Косыночка** изъ нансука, фестонированная по краю и съ отложнымъ воротникомъ.

33. **Рукавичка** вязаная изъ берлинской шерсти алжирскимъ или обыкновеннымъ крючкомъ. Ленточка или резинка продѣва-

ются въ вязанье у кисти руки, для придерживанія рукавички на мѣстѣ.

34. **Нагрудникъ** изъ пике, отдѣланный тесьмою, вышивкою и кружевомъ (выкр. 9 па листѣ).

35. **Башмачекъ** изъ берлинской шерсти, вязаный простымъ или алжирскимъ крючкомъ. Впереди розетки изъ лентъ.

36. **Шляпа** изъ бѣлаго фая съ бѣлыми лентами и букетомъ бѣлыхъ и голубыхъ перьевъ.

37. **Ручная постелька** изъ бѣлой кисеи на цвѣтной тафтѣ, отдѣланная кружевами и лентами. Ребенка уже спеленатаго, кладутъ въ такую постельку, которая замѣняетъ подушку и одѣяльце.

38. **Простынька и наволочка**, вышитыя и отдѣланныя кружевами.

39. **Манто** изъ бѣлаго кашемира или т. п. съ вышивкою гладью и отдѣлкою изъ лебяжьяго пуха. Подкладка изъ бѣлой ватированной тафты (выкр. 7 на листѣ).

40. **Одѣяльце** изъ бѣлаго или цвѣтного пике, или изъ другой ткани, фестонированное по краю.

41. **Капюшонъ** изъ вышитой шелкомъ фланели, напр., розовой съ бѣлою вышивкою и т. п. Головка и пелерина кроятся изъ одного куска; верхняя часть собирается, образуя чепчикъ. Вздержки и банты изъ лентъ подъ цвѣтъ (выкр. 8 на листѣ).

42. **Нарядное покрывало** для колыбельки, вышитое по тюлю и подложенное цвѣтнымъ атласомъ.

43—46. **Костюмъ для дѣвочекъ** 7 — 8 л.—43. Юбка изъ велутина коричневаго цвѣта, заложенная складками. Веста изъ той-же ткани съ разрѣзною баскою, лежащею на юбкѣ; каждый конецъ баски пристегнутъ тремя металлическими пуговками; всѣхъ концовъ три. Переднія полы застегнуты на груди аграфою, потомъ расходятся и срѣзаны внизу острымъ угломъ. Воротникъ отложной. Шемизетка изъ розоваго сюра, подвязанная розовой лентой. Шляпа изъ коричневаго фетра съ отдѣлкою изъ коричневаго бархата и розоваго пера.

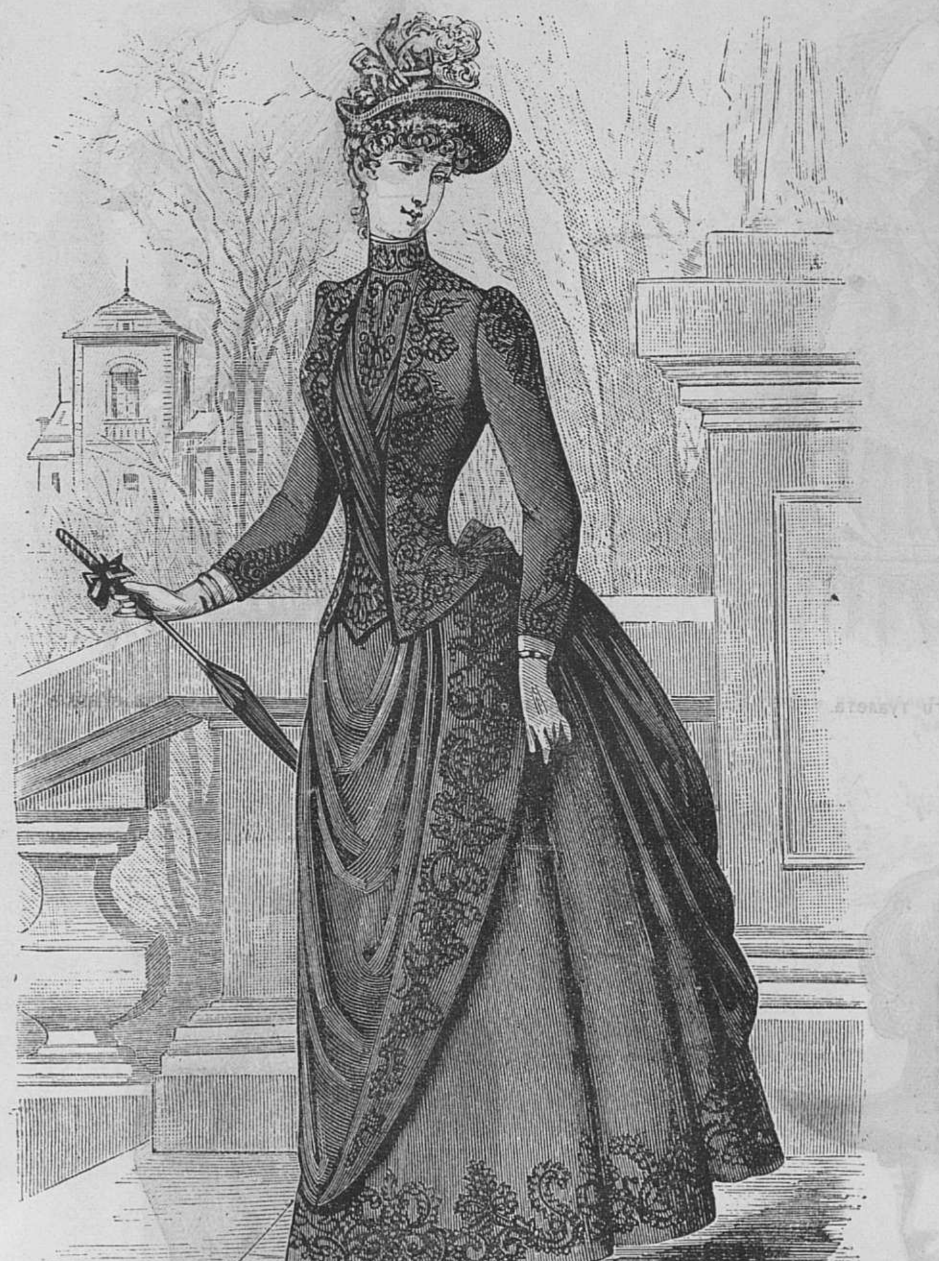
44. **Пальто** изъ темносиняго сукна съ собранными полотнищами назади. Передняя верхняя пола переходитъ далеко на нижнюю и спускается нѣсколько вкось; она обшита чернымъ барашкомъ; такой-же стоячій воротничекъ. Шапочка синяя бархатная съ висячимъ верхомъ и барашковымъ околышемъ; сбоку бѣлыя крылышки.

45. **Манто** изъ полосатаго лимузина, сѣраго съ темнозеленымъ. Спинка гладкая съ выемкой къ таліи, но свободная; пелерина-рукавъ покрываетъ плечи; она вшита въ задній боковой шовъ. Подъ нею другіе, узкіе рукава. Сзади двѣ паты, соединяющія правую и лѣвую части пелерины. Манто подложено ватированною тафтою. Шляпа темнозеленая фетровая съ атласными лентами подъ цвѣтъ и сѣрыми перышками.

46. **Юбка изъ шерстяной ткани**, свѣтлопесочной съ темнокрасными поперечными полосами, заложенная крупными складками. Полонезъ изъ темнокрасной гладкой шерстяной матеріи, подобранный высоко сзади; переднія полы заложены вверху простроченными складочками, въ видѣ кокетки; отсюда онѣ просто собраны и придерживаются на таліи аграфой; подъ ними полосатый пластронъ, застегнутый двойнымъ рядомъ пуговокъ. Впереди, отъ таліи внизъ, матерія заложена складками, въ видѣ вѣера. Шляпа-токъ изъ фетра песочнаго цвѣта съ темнокраснымъ бархатнымъ околышемъ и красными перышками въ тѣнь; сбоку бантъ изъ темнокраснаго бархата, окаймленнаго атласомъ подъ цвѣтъ фетра.

МОДНАЯ ХРОНИКА.

Теперь еще рано говорить о весеннихъ модахъ; фасоны верхнихъ одеждъ остаются безъ измѣненія и не видно тоже новыхъ матерій. Костюмы для выхода изготовляются по прежнему изъ сукна, шевіота и т. п. тканей различныхъ цвѣтовъ, украшаясь вышивкою, тесьмою и аграмантами. Этотъ жанръ останется господствующимъ и весною, какъ это можно предвидѣть, и мы совѣтуемъ всѣмъ особамъ, желающимъ соединить изящество съ экономіею, занять свои досуги вышивкою шерстяныхъ пано, пластроновъ и т. п. или изготовленіемъ красивыхъ бисерныхъ украшеній, которыя придаютъ такую щеголеватость всякому простому костюму. На болѣе нарядныхъ платьяхъ эти отдѣлки нашиваются въ большомъ изобиліи; такъ, напр., боковое пано или передняя вставка покрываются сплошь сверху до низу, рядами сверкающей бахромы, состоящей изъ блестящихъ подвѣсокъ; подобное же украшеніе повторяется на корсажѣ. Это очень роскошно, но немного тяжело, не только въ переносномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ, потому что хорошій бисеръ очень тяжеловѣсенъ и надо нѣкоторое самоотверженіе для того, чтобы носить на себѣ подобный грузъ. Избѣгая излишества, можно, однако, составить себѣ туалетъ, вполнѣ отвѣчающій требованіямъ современной моды.



4. Весенній костюмъ для прогулки.

Турнюры уменьшаются въ значительной степени; требуется только очень маленькая подушечка для поддержки драпировокъ и два-три серсо, вшитыя вверху юбки съ тою же цѣлью; вотъ и все. Нельзя не привѣтствовать такого благоразумнаго измѣненія.

Цвѣтныя юбки сдѣлались теперь необходимостью и шьются изъ болѣе или менѣе дорогого матеріала. Для выхода запросто лучше всего черная юбка изъ шерстяного муара, обшитая на подолѣ шерстянымъ кружевомъ или рядами черной ленты вгладь. Плиссе или т. п. придаютъ лишнюю тяжесть юбкѣ, матерія которой и такъ тяжела. Для болѣе нарядного туалета, юбки устраиваются изъ фая или сюра съ отдѣлкою изъ плиссе, кружевъ и лентъ; на нѣкоторыхъ видны даже вышитые шелкомъ воланы.

Для костюмовъ къ причастію очень хороши: бѣлый шерстяной crêpe-duchesse, вуаль, индѣйскій и простой кашмиръ, гренадинъ и пр. Фасонъ платья долженъ быть простъ; для молодыхъ особъ лучше всего собранный корсажъ съ широкимъ кушакомъ, завязаннымъ сзади большимъ бантомъ à l'enfant; юбка круглая, сборчатая кругомъ и съ отдѣлкою изъ мелкихъ складочекъ вокругъ подола; тюникъ въ видѣ передника съ острымъ угломъ впереди или въ видѣ шарфа; сзади небольшой пуффъ. Очень красивы тоже юбки вовсе безъ тюника, но съ густою отдѣлкою на подолѣ. Въ этомъ старинномъ жанрѣ особенно оригинальны рюши-кокилье изъ сплоенныхъ полосъ съ бантиками comète среди рюша. Если, вмѣсто рюша, подолъ обшитъ двумя или тремя воланчиками, то головки ихъ придерживаются такими же бантиками. Для причастнаго туалета дамъ пригодны тѣ-же матеріи, но юбка можетъ дополняться трэномъ, или же остается круглою. Типомъ такихъ костюмовъ могутъ служить слѣдующіе два туалета:

Юбка изъ бѣлаго crêpe-duchesse; на подолѣ два рюша изъ бѣлаго кружева съ мелкими бѣлыми бантиками; эта отдѣлка доходитъ лишь до боковъ, такъ какъ заднія полотнища, которыя соединяются съ небольшимъ переднимъ тюникомъ, падаютъ прямыми складками до самаго низу. Корсажъ съ небольшой баскою и кружевнымъ пластрономъ. У горла рюшъ изъ кружевъ и лентъ. Небольшая кружевная наколка съ пуффомъ изъ лентъ.

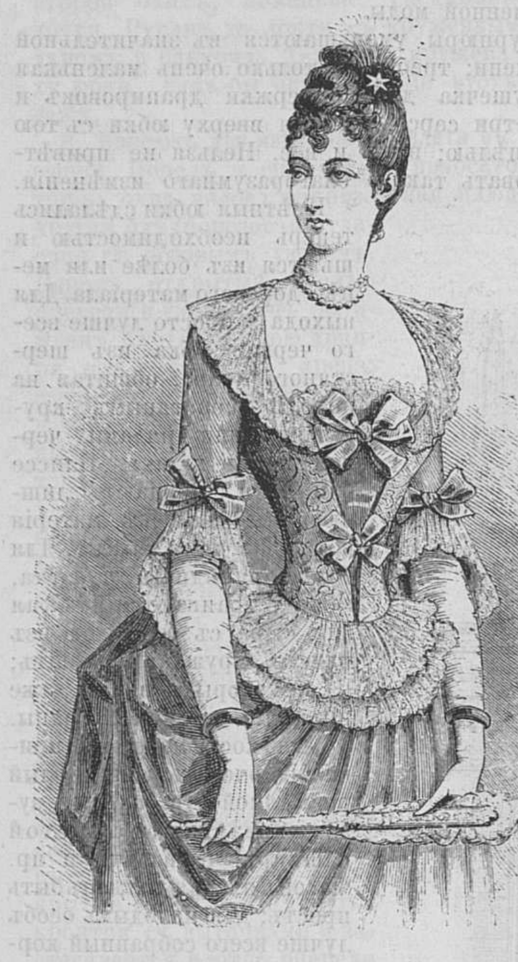
Юбка изъ бѣлой полосатой матеріи съ тремя воланчиками на подолѣ. Рединготъ изъ бѣлаго индѣйскаго кашмира; корсажъ застегнутый вкось и обшитый плюшевой тесьмою, подражающей плюшевымъ полосамъ на матеріи юбки. Шляпка-капотъ изъ кружева и перышекъ марабу.

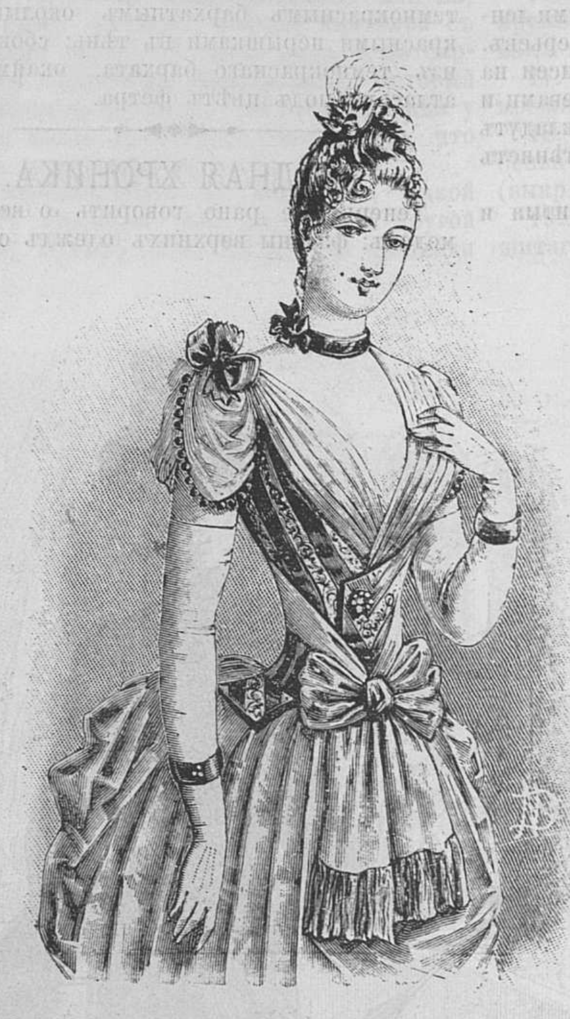
Фасонъ редингота остается въ модѣ и измѣненія въ немъ состоятъ лишь въ корсажѣ, который или застегивается на крестъ, или украшается оригинальными драпри, вышивкою и т. п. Очень часто вышита

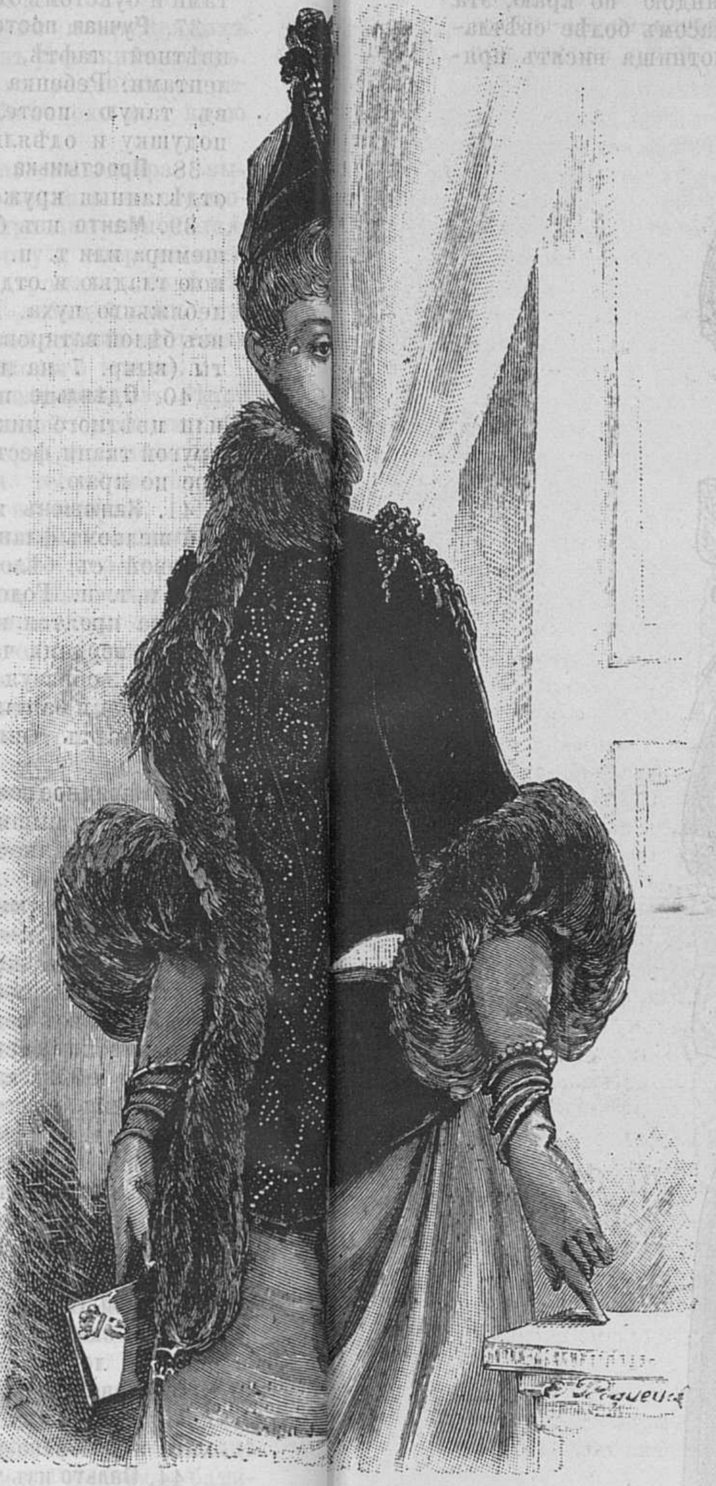
тивоположномъ направленіи; иногда эта верхняя пола обшита реверомъ, который повторяется, въ такомъ случаѣ, и на корсажѣ. На рукавахъ тоже реверы, нашитые вкось.

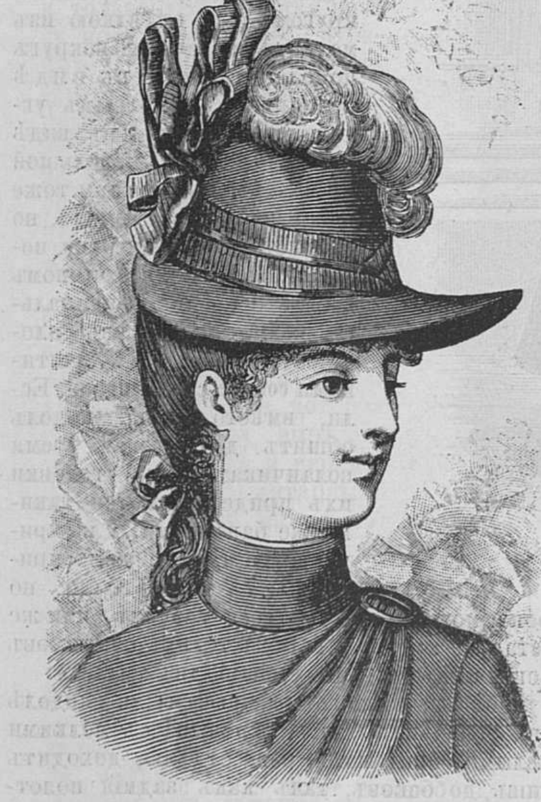
Въ фасонѣ шляпъ двѣ крайности: видны шляпы Directoire съ выдающимися полями, окружающими лицо большимъ ореоломъ, и

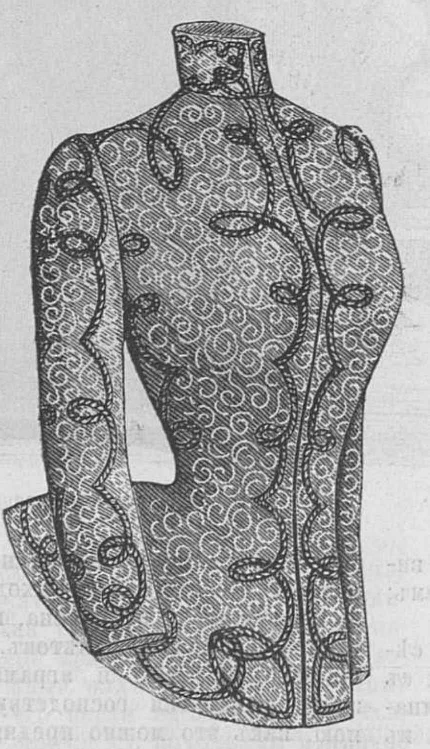
лентъ crème съ сѣрой эгреткою. Внизу, подъ полями, кучка петелекъ изъ розовой синели, походящая на пучокъ розъ безъ листьевъ. Бѣлый цвѣтъ въ большой модѣ для шляпъ, равно какъ все блестящее. Тульи осыпаны бисеромъ; очень оригинальны тоже шляпы съ тульею изъ матеріи pompadour, бархатнымъ пассомъ и бантами подъ цвѣтъ

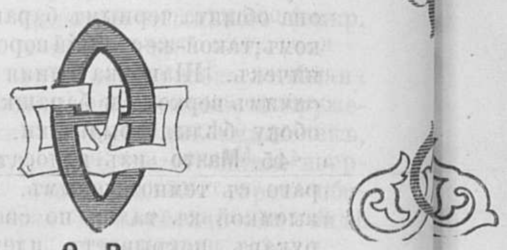

5. Корсажъ для вечерняго туалета.


6. Корсажъ для нарядного туалета въ стилѣ empire.


11. Бархатная мавизитному туалету.


9. Модная шляпа для молодой особы.


10. Корсажъ съ суташною вышивкою.


О. В.

только одна пола, а на другой идетъ рядъ аграмантныхъ пуговицъ или полоса изъ мелкихъ складочекъ; полы перекрещиваются, оставляя вверху мѣсто для бархатнаго или креповаго пластрона. При другомъ фасонѣ верхняя пола застегнута наглухо у горла, потомъ она идетъ отсюда вкось къ таліи, а отсюда опять срѣзана вкось, но въ про-

также крохотныя капотъ. Для круглыхъ шляпъ тоже два противоположные типа: огромныя Amazone и маленькіе токи съ мягкой тульей, въ родѣ фригійскаго колпака. Очень изящна шляпа Монсоро съ полями Directoire (небольшого размѣра) изъ сѣраго бархата и тульею изъ натуральныхъ страусовыхъ перьевъ. Сбоку бантъ изъ

вышивки. Этотъ типъ сохранится, вѣроятно, для весеннихъ и лѣтнихъ шляпъ, при чемъ банты будутъ замѣняться цвѣтами.

Сорти-де-баль дѣлаются, большею частью, съ короткими спинками и длинными передними полами; если же спинка тоже длинная, то она должна имѣть разрѣзъ до таліи сзади и на бокахъ, для того, чтобы платье не

мялось. Мода на матеріи броше и т. п. для этихъ сорти позволяетъ употреблять на нихъ старинныя платья damas и т. п.

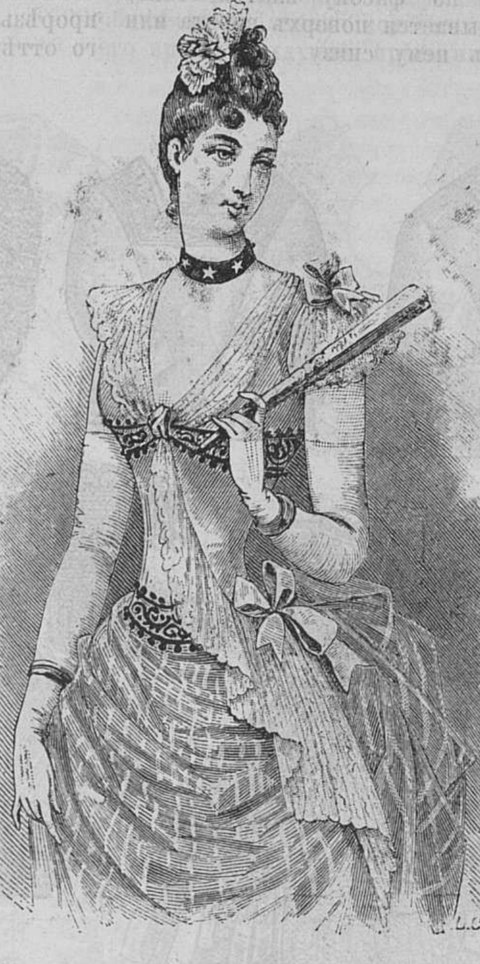
Бархатные рукава при шерстяномъ или шелковомъ корсажѣ показываются снова. Одинъ изъ лучшихъ парижскихъ журналовъ описываетъ слѣдующее платье: юбка изъ сукна biche (сѣрокоричневый), вышитая кру-

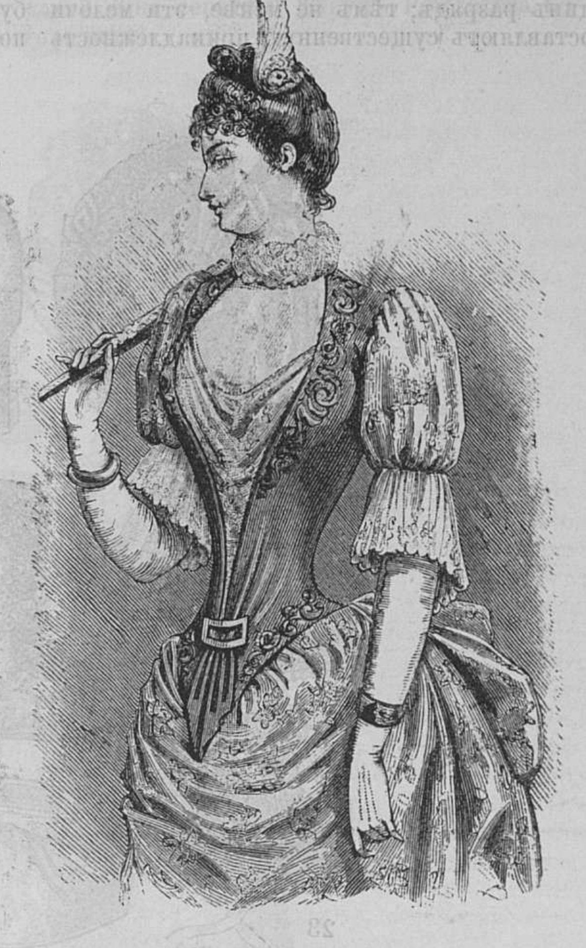
клѣтчатой бархатной юбки и редингота изъ лимузина темнопесочнаго цвѣта съ полотнищами, открытыми на каждомъ швѣ. Воротникъ, реверы на корсажѣ и рукавахъ изъ клѣтчатаго бархата.

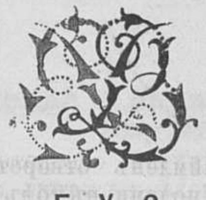
Насъ спрашиваютъ часто: носятъ ли еще корсажи джерси? Нельзя отвѣтить, что они составляютъ нѣчто модное, но они такъ

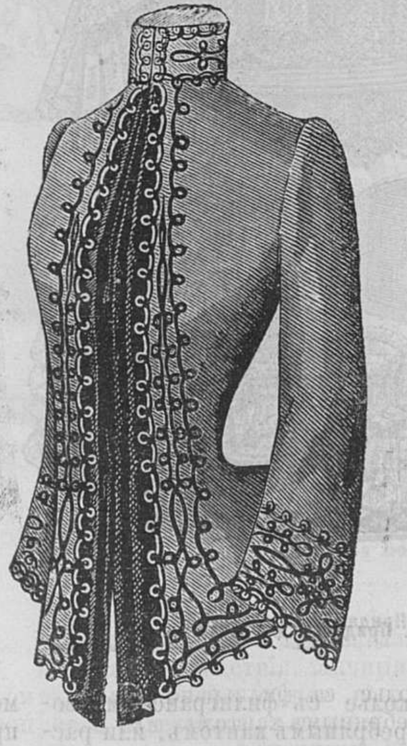
тиками на плечахъ. Такое добавленіе отнимаетъ у джерси слишкомъ банальный характеръ и позволяетъ донашивать юбки, которыя еще свѣжи, но требуютъ новаго корсажа.

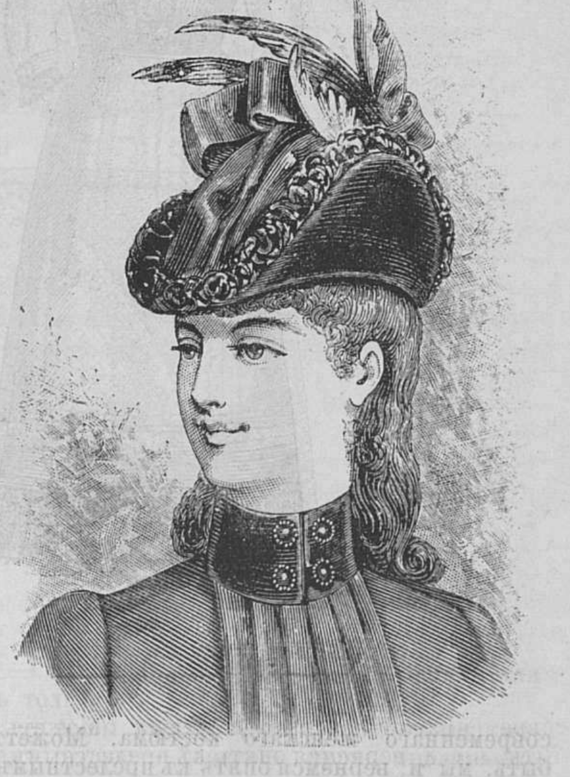
Еще одно приспособленіе, которое понравится всѣмъ особамъ, любящимъ соблюдать экономію. Поверхъ юбки, которая уже


7 Корсажъ нарядному обѣденному туалету.


8. Корсажъ къ туалету для концерта или танцовальнаго вечера.


Е. У. З.

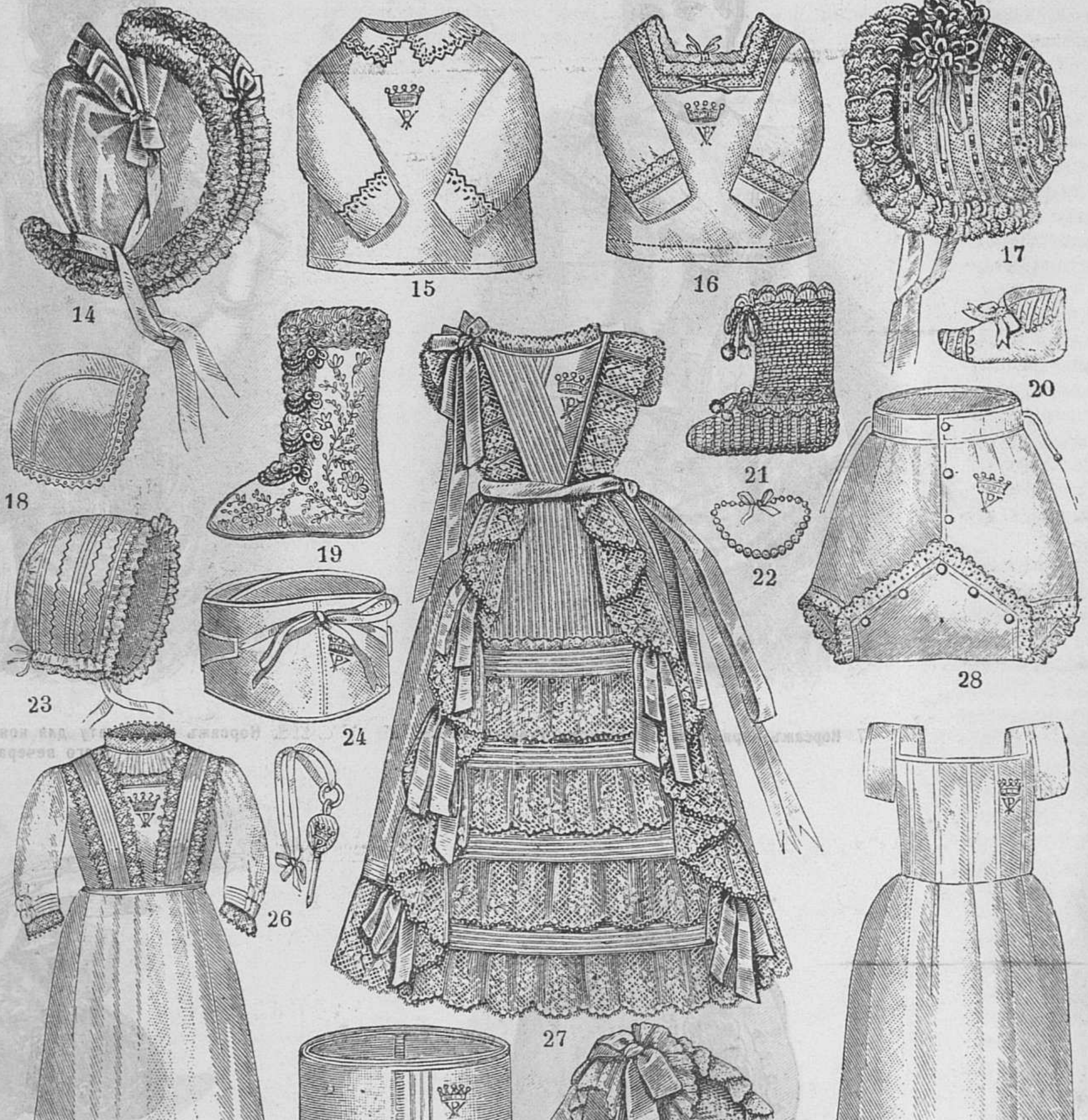

12. Корсажъ—веста съ вышивкою.


13. Модная шляпа для молодой особы.

гомъ ажурными трилистниками; она драпируется на бархатной юбкѣ коричневаго цвѣта. Корсажъ съ вышитыми полами и бархатнымъ пластрономъ. Рукава бархатные. Другое совершенно подобное платье составлено изъ тонкаго сукна цвѣта réséda и бархата оливковаго цвѣта. Очень красиво тоже городское платье, состоящее изъ темной

удобны, что остаются въ употребленіи для простого наряда. Но джерси должны быть всегда подъ цвѣтъ юбки, суконной кашмировой или т. п. Если юбка отдѣлана тесьмою, та же отдѣлка повторяется и на джерси; юбка надѣвается поверхъ джерси; талія опоясана муаровой лентой, отъ которой идутъ вверхъ такія же бретели съ бан-

не можетъ служить открыто, надѣвается вторая, то есть, нѣсколько полотнищъ черной или другой матеріи пришиваются на кушачекъ, оставаясь открытыми впереди и доходя кругомъ до подола юбки. Къ этому надѣвается мантеле или веста, и изъ всего вмѣстѣ является изящный дорожный костюмъ. При этомъ необходимо, разумѣется, чтобы матерія, взятая для полотнищъ, подходила по возможности болѣе къ той, изъ которой сдѣлана веста или мантеле. Подобная комбинація очень удобна и для предохраненія отъ пыли всякаго новаго костюма.



14—31. **Приданое для малютки.**

Какъ извѣстно, то, что называлось прежде lingerie, то есть, вышитыя по кисеѣ или батисту парюры, замѣнено нынѣ разными fanfreluches, которыя трудно подвести подъ одинъ разрядъ; тѣмъ не менѣе, эти мелочи составляютъ существенную принадлежность современнаго женскаго костюма. Можетъ быть, мы и вернемся опять къ прелестнымъ, дорогимъ вышитымъ воротникамъ и манжетамъ, но пока нельзя не признавать господства разныхъ рюшей и бульоне, или даже простыхъ біэ и ленточекъ, подшитыхъ къ вороту вгладь. При простомъ туалетѣ все еще носятъ этаминовыя біэ, но они удачно замѣняются кокетливыми рюшками съ бантиками comètes изъ лентъ. Такая же рюшка подшивается и внутрь рукавовъ; смотря по вкусу, ленты могутъ быть цвѣтныя, въ тонъ матеріи, или же бѣлыя, подъ стать кружеву. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо сообразоваться съ оттѣнкомъ кружева, чтобы не пришить лентъ совершенно бѣлыхъ къ кружеву crème или наоборотъ.

Шелковыя біэ, положенные въ три-четыре ряда и съ бисеромъ по краю, тоже очень хороши, равно какъ тюлевыя или газовыя бульоне, пристегнутыя бантикомъ впереди или на боку. Въ бульоне продернута ленточка. Смотря по фасону платья, такое бульоне накладывается поверхъ ворота или подшивается къ нему снизу.

Бархатные колье съ филиграновымъ золотымъ или серебрянымъ кантомъ, или расшитые бисеромъ, жемчугомъ и пр. очень нарядны и потому не могутъ идти къ каждому платью. Они особенно красивы при шемизеткахъ изъ сюра голубого, розоваго, crème и пр. Обшлага на рукавахъ и кушачекъ или корсетикъ должны соотвѣтствовать бархатному колье. Такіе аксессуары тотчасъ придаютъ большую щеголеватость туалету, что можно сказать и объ аграмантныхъ и бисерныхъ воротникахъ, эполетахъ и обшлагахъ.

Высѣченные шелковые рюши (chicorée) въ большой модѣ для платьевъ и домашнихъ вестъ; по всей вѣроятности, такія отдѣлки будутъ употребляться и для верхнихъ весеннихъ одеждъ.

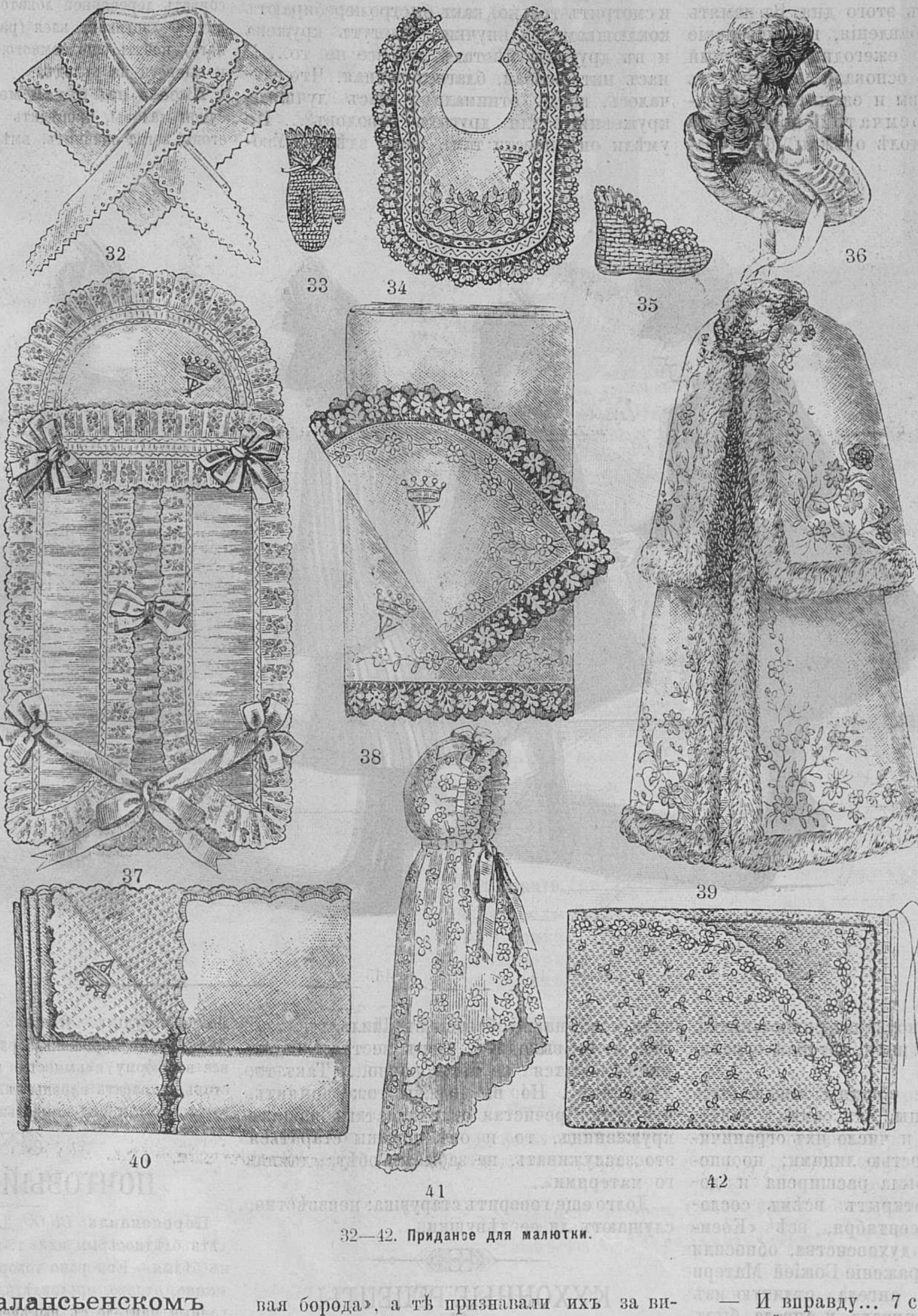
Въ заключеніе нѣсколько полныхъ туалетовъ demi-saison:

Юбка изъ велветина оливковаго цвѣта. Суконный тюникъ того же цвѣта съ высѣченною насквозь гирляндою по краю; эта прорѣзь подложена атласомъ болѣе свѣтлаго оттѣнка. Заднія полотнища висятъ прямо; лѣвый бокъ окаймленъ отворотомъ съ прорѣзью. Веста съ полами въ томъ же родѣ; подъ нею бархатный жилетъ. Нижній край весты гладкій; баска съ разрѣзомъ и двумя патами съ прорѣзью. Круглая шляпа изъ оливковаго фетра съ перьями посвѣтлѣе и розоватою эгреткой. Поля подложены оливковымъ бархатомъ.

Юбка изъ полосатаго поплина, сѣраго съ коричневымъ. Редингонъ изъ коричневаго шевіота, обшитаго мѣхомъ шеншилла. Шапочка бархатная коричневая съ опушкою тоже изъ шеншилла (этотъ мѣхъ сѣраго цвѣта).

Юбка изъ темносиней шерстяной ткани, заложенная крупными складками. Тюникъ и корсажъ изъ той же матеріи, отдѣланные тесьмою, синею съ золотомъ. Мантеле изъ синяго сукна съ отдѣлкою изъ темныхъ перьевъ. Шляпа-капотъ изъ синяго фая; поля собранныя, немного приподнятыя; подъ ними розовая синелевая торсада. Тулья усѣяна золотистыми мушками.

◆



32—42. Приданое для малютки.

Легенда о валансьенскомъ кружевѣ.

Очень давно, въ XI столѣтіи, городъ Валансіеннъ, во Фландріи, опустошался чумою. Большая половина жителей уже пала жертвою заразы, такъ что даже не хватало рукъ для погребенія труповъ; приходилось сожигать тѣла, для чего ихъ сваливали въ одну кучу за городомъ. Страшное было время, какъ повѣствуетъ о томъ Петръ Ултреманнъ въ своей «Хроникѣ Валансьенскаго графства». Братъ опасался пожать руку брату, сынъ сторонился отъ отца, но зараза смѣялась надъ всѣми предосторожностями и уносила горожанъ одного за другимъ. Мы видимъ, что и въ болѣе просвѣщенное, позднѣйшее время, люди теряютъ голову при подобныхъ народныхъ бѣдствіяхъ, толкуютъ объ отравленіи водъ, о злонамѣренности и колдовствѣ; неудивительно, если въ тѣ годы, при общемъ невѣжествѣ и постоянно господствовавшихъ междоусобіяхъ, жители ожесточились до полной потери разсудка. Приверженцы графа Валансьенскаго обвиняли въ злыхъ козняхъ сторонниковъ его врага, Балдуина, прозваннаго «Красивая борода», а тѣ признавали ихъ за виновниковъ бѣдствія. Личныя ссоры раздували еще болѣе общее раздраженіе, которое и разразилось однажды страшною дракою на базарной площади. Кто началъ, изъза чего именно поднялась ссора, этого никто не умѣлъ-бы сказать, да и не старался себѣ уяснить. Дрались,—и этого было довольно для того, чтобы число дравшихся увеличивалось. Кричали: «Бей отравителей!» и били, не зная даже хорошенько, того-ли бьютъ, кого хотятъ заклеймить этимъ именемъ. Свалка была страшная, и неизвѣстно, чѣмъ бы она кончилась, если-бы на площади не появился монахъ, котораго несли на своихъ плечахъ двое здоровыхъ мужчинъ между тѣмъ какъ двое другихъ прочищали имъ дорогу. Монахъ кричалъ, что было силы:

— Успокойтесь, добрые граждане! Выслушайте, что я вамъ скажу!

Толпа немного притихла. «Послушаемъ монаха!» крикнулъ кто-то. «Послушаемъ.... можно послушать!» подхватили другіе.

— Граждане! началъ монахъ, вспомните, какой день сегодня! Канунъ Рождества Богородицы!

— И вправду... 7 сентября... зашептали въ толпѣ.

— А вы что дѣлаете? продолжалъ монахъ сурово.—Деретесь, кровь проливаете. Расходитесь-ка по домамъ, наложите на себя постъ и молитесь! Именемъ Божіимъ заклинаю васъ и пророчествую: вы узрите знакъ Господняго милосердія и заступничества Пресвятой Дѣвы!...

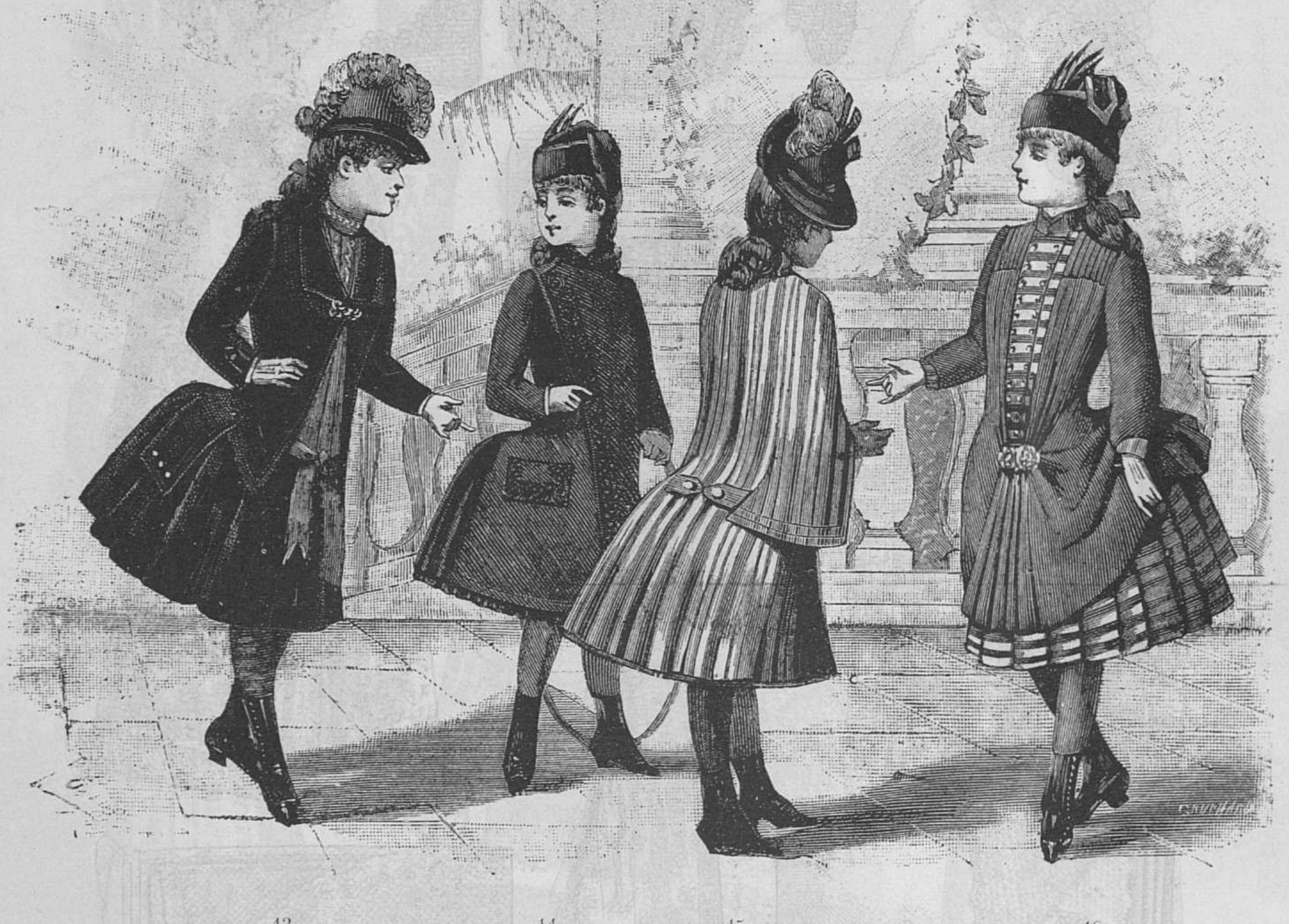
Жители пали на колѣни и смятеніе утихло. «И тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, городская стѣна озарилась чуднымъ свѣтомъ. Набожные люди поняли, что по ней прошла Божія Матерь съ сонмомъ ангеловъ и окружила городъ нитью,—тонкою, какъ паутинка, но могущественною, способною охранить всѣхъ насъ отъ заразы... Находившіеся тутъ работники и работницы посвятили себя и свои стапки Пречистой, давая обѣтъ превзойти искусствомъ и благочестіемъ всѣхъ другихъ плетельщицъ кружевъ, если только Царица Небесная спасетъ городъ Валансьеннъ отъ заразы... А святой отшельникъ, образумившій жителей, увидѣлъ во снѣ, въ ту же ночь, Божію Матерь. Она повелѣла ему устроить на завтра же, въ день Ея праздника, большой крестный ходъ вокругъ города. Это было исполнено, и чума стала быстро ослабѣвать съ этого дня. Въ память такого чудеснаго избавленія, валансьенскіе граждане учредили ежегодный крестный ходъ 8 сентября и основали общину въ честь Пресвятой Дѣвы и ея нити. Называлась эта община Коемчатой, потому что у членовъ ея, на подолѣ одежды, была заткана кайма изъ нѣсколькихъ рядовъ нитей, въ честь той чудной нити, которая оградила городъ»...

Вначалѣ, членами общины могли быть лишь дворяне и купцы, изъ самыхъ почетнѣйшихъ въ городѣ, и число ихъ ограничивалось двадцати шестью лицами; но впослѣдствіи, община была расширена и доступъ въ нее былъ открытъ всѣмъ сословіямъ. Ежегодно, 8 сентября, всѣ «Коемчатые», при участіи духовенства, обносили кругомъ города изображеніе Божіей Матери и небольшую статую ангела, отлитую изъ чистаго серебра. Въ рукахъ у ангела былъ клубокъ нитокъ, какъ-бы разматываемый имъ, по мѣрѣ движенія процессіи. Этотъ клубокъ хранился въ особомъ серебряномъ ларцѣ въ церкви, построенной графомъ Валансьенскимъ въ память того же заступничества Пресвятой Дѣвы.

Это преданіе, занесенное Ултреманномъ въ его лѣтопись, дышетъ простодушною прелестью и живетъ, до сихъ поръ, въ памяти всѣхъ фламандцевъ. Старой общины «Коемчатыхъ» уже не существуетъ, статуя ангела и серебряный ларецъ были уничтожены сектою еретиковъ въ XVI столѣтіи, (по другому преданію, они находились въ церкви до временъ революціи), но храмъ Божіей Матери еще цѣлъ и городъ, чтя преданія старины, совершаетъ ежегодно крестный ходъ 8 сентября. Валансьенскія кружевницы, прославившіяся своими издѣліями на весь міръ, вспоминаютъ при этомъ, что ихъ праматери дали обѣтъ жить благочестиво и совершенствовать свое искусство.

— Вотъ почему такъ хороши валансьенскія кружева! говоритъ иная сѣдая старушка, которая не можетъ уже сама работать и смотритъ только, какъ быстро перебираютъ коклюшками ея внучки.—Плетутъ кружева и въ другихъ мѣстахъ, да все не то... У насъ нить особая, благословенная. Что случалось, когда отнимали у насъ лучшихъ кружевницъ для другихъ городовъ?... Не умѣли онѣ плести тамъ, какъ здѣсь... Увозили тоже наши образцы въ Лилль, въ Дуэ... Все не то выходитъ, узоръ не такъ чистъ, нить ложится не такъ ровно... Такъ-то, дѣвушки!... Но вы должны тоже помнить, что если Пречистая отличила такъ нашихъ кружевницъ, то и онѣ должны стараться это заслуживать, не забывать обѣта, даннаго матерями...

Долго еще говоритъ старушка; неизвѣстно, слушаютъ ли ее дѣвушки...



43. 44. 45. 46.

КУХОННЫЕ РЕЦЕПТЫ.

Судакъ въ маслѣ. Нарѣзавъ сырую (предварительно вычищенную и слегка посоленую) рыбу ломтиками, надо растопить $^1/_2$ фн. или 1 фн. столоваго масла, смотря по количеству рыбы. Выливъ масло въ сотейникъ, положите туда рыбные ломтики, покрывъ ихъ мелко изрубленнымъ лукомъ, ломтиками сельдерея, петрушки и рѣпы; прибавьте нѣсколько зеренъ перца. Держите на большомъ огнѣ, постоянно потряхивая сотейникъ. Когда рыба мягка на столько, что легко протыкается вилкой, выложите на блюдо и подавайте, обливъ поджаренымъ сливочнымъ масломъ съ сухарями.

Вареный сигъ. Влейте въ кострюлю 2 стакана воды, положите щепотку соли, луку, петрушки, другихъ кореньевъ, даже, если любите, то и головку чеснока. Дайте кипѣть съ полчаса, потомъ остудите немного, процѣдите сквозь сито, влейте жидкость снова въ кострюлю, прибавьте туда же 2 бут. цѣльнаго молока и варите сига въ этомъ составѣ, наблюдая чтобы не кипѣлъ очень шибко.

Желе изъ чернаго хлѣба. Высушить 1 фун. чернаго хлѣба и облить его 2 бут. кипятка. Дать постоять часа три, потомъ процѣдить сквозь салфетку, истолочь полфунта сахара, натертаго о лимонную цедру, всыпать его въ хлѣбную воду и сбивать деревянной лопаточкой, послѣ чего прибавить 6 листиковъ клея (развареннаго и процѣженнаго), побить еще немного, потомъ вылить въ форму и вынести на холодъ.

Кисель изъ сухой малины. Сваривъ 1 фунтъ, сухой малины, процѣдить и снова поставить на огонь; когда закипитъ, вмѣшать въ нее $^1/_2$ фунта манной крупы и четверть фунта мелкаго сахара. Давъ крупѣ хорошенько развариться, надо вылить все въ форму и вынести на холодъ. Подавая на столъ, украсить вареньемъ. Къ этому киселю подаютъ сливки или миндальное молоко.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Переяславль. *В. О.* Для визитовъ можно надѣть блѣдносѣрыя или т. п. перчатки, но никакъ не бѣлыя.—Еще рано говорить о весеннихъ модахъ; можно, однако, предвидѣть, что будутъ въ модѣ суконные мантеле съ высѣченною отдѣлкою изъ того же сукна.

Казань. *Б. Р.* Вышитыя тульи будутъ въ большой модѣ для весеннихъ шляпъ; вы можете заранѣе расшить мелкими цвѣтами шелковую матерію подъ цвѣтъ вашему платью. Цвѣточная отдѣлка должна гармонировать съ вышивкою.

Астрахань. *Т. К.* Мы даемъ на листѣ выкроекъ то что вамъ требуется.—Вазелинъ очень хорошъ для смягченія кожи; онъ предохраняетъ тоже руки отъ трещинъ при холодѣ.

За редактора—издатель **С. Добродѣевъ**.

Дозволено цензурою. Спб., 3 марта 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 11
13 МАРТА
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Промышленность, технологія и торговля.

Проше и Пинета изобрѣли способъ ректифицировать сырой спиртъ, не разбавляя его водою, и даже получать чистый спиртъ прямо изъ бражки. Результатъ этотъ достигается при помощи химическаго препарата, для приготовленія котораго смѣшиваютъ селитру (калійную или натровую) съ искуственно осажденною углекислою магнезіею, тонкоразмолотымъ магнезитомъ, известью или другими щелочными землями, лучше всего въ пропорціи 2 частей магнезіи на 1 часть селитры, и эту смѣсь прокаливаютъ, поддерживая температуру краснаго каленія въ продолженіе 2 часовъ. Операція совершается въ приспособленныхъ для того ретортахъ или желѣзныхъ котлахъ; по окончаніи ея, масса охлаждается и разбивается въ порошокъ. Полученный такимъ образомъ препаратъ содержитъ магнезію, углекислую магнезію, азотнокислое и азотистокислое кали (натръ). Для употребленія въ дѣло, препаратъ можно смѣшивать съ углемъ и другими матеріалами, способными очищать спиртъ, но это не безусловно необходимо. Очищаемый спиртъ (какъ уже сказано, безъ предварительнаго разбавленія водою) смѣшивается съ препаратомъ въ подогрѣвателѣ, гдѣ и остается въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, чтобы поступить затѣмъ въ перегонный кубъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно производить это смѣшеніе непосредственно въ кубѣ и тотчасъ начинать перегонку. Дѣйствіе очищающей массы основано на томъ, что при дистилляціи она долго удерживаетъ въ кубѣ сивушное масло, вслѣдствіе чего выходъ очищеннаго спирта увеличивается, а количество перваго и послѣдняго нечистыхъ погоновъ соотвѣтственно уменьшается. Послѣ отгонки спирта дистиллируется немного смѣшаннаго погона и, наконецъ, почти чистое сивушное масло, которое до тѣхъ поръ было удерживаемо препаратомъ. Количество очищающей массы зависитъ отъ качествъ сырого спирта, но, вообще, на 100 литровъ послѣдняго потребно отъ 45 до 60 грам. препарата. Съ первымъ и послѣднимъ погонами поступаютъ, какъ и со всею массою сырого спирта, т. е. подвергаютъ ихъ дистилляціи въ смѣси съ вышеуказанною очищающею массою. При этомъ сивушное масло задерживается до конца операціи и перегоняется почти безъ примѣси спирта; можно даже оставить этотъ погонъ въ кубѣ. Описанный способъ примѣняется также для очищенія спирта въ бражкахъ. Вмѣсто того, чтобы выгонять изъ бражки нечистый спиртъ, можно получать изъ нея прямо очищенный, прибавляя очищающую массу непосредственно въ бражку, до дистилляціи. Смѣшеніе производится удобнѣе всего въ бродильномъ чану, причемъ, чѣмъ дольше оставить бражку въ прикосновеніи съ препаратомъ, тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ и очищеніе. Пропорцію очищающей массы опредѣляютъ по содержанію спирта въ бражкѣ, руководствуясь данными, которыя были приведены выше. Вмѣсто подмѣшиванія массы къ сырому спирту или бражкѣ, можно прогонять пары спирта чрезъ эту массу. Описанный способъ примѣняется для очищенія всякаго рода спирта и бражекъ, напр., хлѣбныхъ, картофельныхъ, свекловичныхъ, паточныхъ и т. д. Что же касается аппаратовъ, то всѣ нынѣ употребляемые дистилляціонные и ректификаціонные приборы пригодны для этого способа, который, не требуя разбавленія спирта и примѣняясь даже непосредственно къ бражкамъ, во всякомъ случаѣ, долженъ дать немалую экономію въ топливѣ.

Этнографія, естествознанія, путешествія и пр.

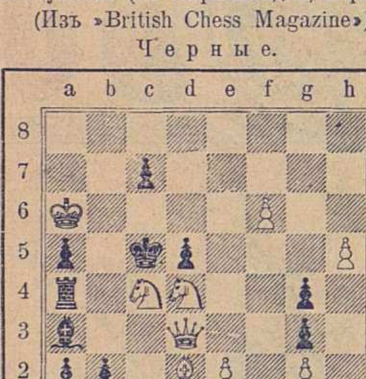
Въ засѣданіи археологическаго общества, въ концѣ февраля, генералъ-лейтенантъ Комаровъ сдѣлалъ чрезвычайно интересное сообщеніе о Закаспійской области въ археологическомъ отношеніи. Представивъ общій очеркъ вновь присоединенной области, генералъ Комаровъ далъ живое обозрѣніе сохранившихся тамъ развалинъ брошенныхъ городовъ. По словамъ генерала Комарова, такіе разрушенные города насчитываются тамъ десятками; большинство изъ нихъ занимаетъ обширное пространство и представляетъ величественные остатки солидно развитой мусульманской культуры. Судя по представленнымъ генераломъ Комаровымъ фотографіямъ, сохранившіяся тамъ зданія (минареты, мазары или гробницы, караванъ-сараи), дорожныя и крѣпостныя сооруженія отличаются своей грандіозностью и выдержанностью стиля. Остатки громадныхъ водопроводныхъ сооруженій, подземныхъ и надземныхъ, указываютъ, по словамъ генерала Комарова, и на причины современнаго обезлюденія этой столь населенной въ былое время страны, культура которой возможна лишь при хорошо организованномъ орошеніи. При раскопкахъ, произведенныхъ генераломъ Комаровымъ и другими лицами, по его порученію, обнаружено множество монетъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, золотая монета эмира Тимура и др., представляютъ серьезный нумизматическій интересъ. Кромѣ того, раскопки въ Закаспійской области констатировали слѣды обитанія этой страны и въ до-историческія эпохи, вѣка каменнаго и бронзоваго.—Въ нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ Козмодемьянска, на границѣ губерній вятской и казанской, раскинуто нѣсколько деревень, жители которыхъ—черемисы, хотя и числятся православными, но исполняютъ весь языческій культъ. Вблизи деревень есть церкви, но черемисы ходятъ молиться на свои мольбища. Рощица изъ нѣсколькихъ гладко подстриженныхъ деревъ и опрятно содержимая—вотъ ихъ мольбище; туда они ходятъ молиться и приносятъ жертвы. Груды костей, сложенныхъ на мольбищахъ, свидѣтельствуютъ о степени религіознаго усердія идолопоклонниковъ. Смотря по важности случая, приносятся въ жертву даже лошади и коровы. Какой-то охотникъ случайно набрелъ на одно изъ такихъ мольбищъ, близъ селенія Шудугушъ, и нашелъ тамъ камень, формою похожій на обыкновенное точило, вѣсомъ полтора пуда. Охотникъ взвалилъ находку на плечи и понесъ домой, но, подъ угрозою смерти, былъ принужденъ возвратиться назадъ и положить камень туда, откуда взялъ. Оказалось, что найденный охотникомъ камень чтится мѣстными язычниками, какъ высшее божество. — Въ виду громаднаго спроса на устрицы, ловля ихъ составляетъ своего рода промыселъ, доставляя въ мѣстностяхъ своего рожденія обильный и легкій доходъ населенію. Въ Парижѣ особенно цѣнятся такъ называемыя остендскія зеленыя устрицы, совершенно неизвѣстныя Англіи, такъ какъ только съ нынѣшняго времени нашлось нѣсколько молодыхъ дэнди, достаточно храбрыхъ, чтобы съѣсть вчетверомъ порядочный боченокъ и потребовать второй; до сихъ поръ тщетно нѣсколько выдающихся англійскихъ изслѣдователей - естественниковъ старались доказать полнѣйшую ихъ безвредность, объясняя цвѣтъ вліяніемъ морской воды и свойствами пищи. Курьезъ заключается въ томъ, что эти устрицы ловятся въ Англіи.—Въ Сиріи открытъ саркофагъ Александра Великаго, содержащій прахъ великаго полководца.

ШАХМАТЫ.

Задача № 11.

F. Geyestam (въ Карльштадтѣ, Германія).
(Изъ »British Chess Magazine»).

Черные.

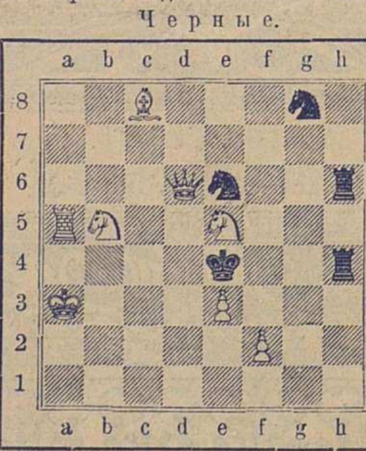


Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

Задача № 12.

J. Pilna'cek.
(Изъ сборника задачъ чешскихъ авторовъ).

Черные.



Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія задачъ (въ № 8 «Жив. Об.»).

7. J. Chocholons'. 1. Кра6—b6, Лh2—h1; 2. Кc2—d4, ∞; 3. Фc1 или Кd4—f3×. (*Вар. а*) 1... Крg1—h1; 2. Фc8—a8, ∞; 3. Кe4—f2 или Фa8—a1×. (*Вар. b*) 1... Крg1—f1; 2. Фc8—a6†. Крf1—g1; 3. Фa6—a1×.

Въ задачѣ оказалось, къ сожалѣнію, второе рѣшеніе: 1. Фc8—f8, Лh2—h1; 2. Фf8—f4; 3. Фf4—c1×. (*Вар. а*) 1... Крg1—h1; 2. Фf8—f3 и 3. Фf3—c1×. Сообщили: Н. Петеръ (Обсянь), О. Станиславскій (ст. Доманово), А. Мелеткевичъ (Лисно), С. Чесноковъ (Москва), Леночка Кирьякова (Очаковъ).

8. 1. Фh1—h8, ∞; 2. Матъ различными способами. Рѣшили: тѣ же лица, г. Винкманнъ (Москва), С. Орловъ (Москва), А. Шнейдеръ (Одесса), г. Илько (Одесса), Я. Маранцманъ (Севастополь), С. Берляндъ (Кишиневъ).

Задачи №№ 5 и 6 правильно еще рѣшили: В. Александровъ и К. Здановскій (Москва), А. Паночини (ст. Богачка) и г. Илько.

ОТВѢТЪ.

Уральскъ. Г. Р—ву. Первая посылка оказалась неудачной. Задача подъ № 4 не рѣшается, а остальныя имѣютъ вторыя рѣшенія: № 1:—1. Фf1—f7. № 2:—1. f3 : e4, также Сd5 : e4. № 3—рѣшается въ 2 хода. 1. Сa6—c4†. № 5:—1. Фg1—g7.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Кишеневъ, *г. Н—ру*. Воспользоваться вашимъ предложеніемъ не можемъ.

Не будутъ напечатаны: стихотв. г. М—цкаго «Лица ваши строги» и пр., г. Г—сона, «Дѣтская шалость» и пр.; г. Ив. К—іева, «Изба» и пр.; г. Н. С. «Молчи, поэтъ...»; г. В. Гл—ева, «Приближеніе весны» и пр. Г. Оль А—вой «О какъ велика...»; г. А. Х. «Молитва»; г-жи Подписчицы «Полно пѣть пѣсни...»; г. М—ъ «Мятель»; г-жи Е. Ч—ръ «Безъ борьбы...»; г. В. С. Б—ва «Впередъ!» и пр. Неопытная критика г. В. Л—ва.

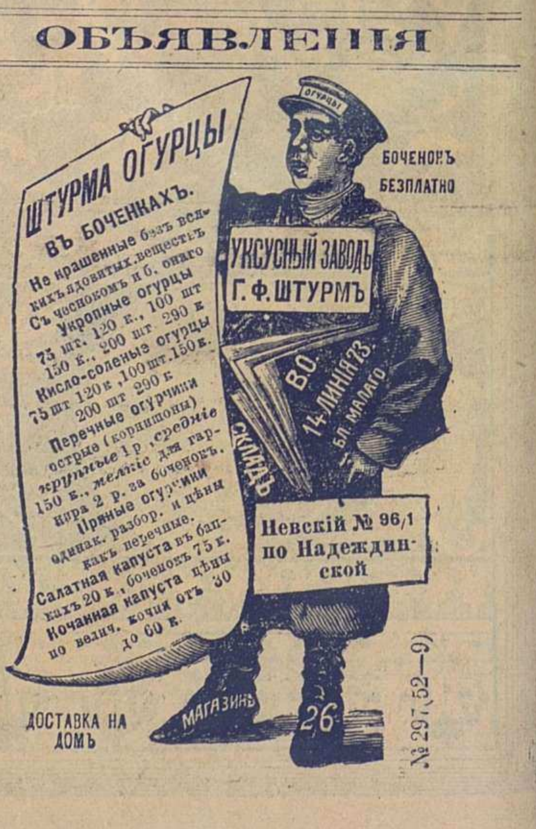
СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Царь Михаилъ Θеодоровичъ и русское общество его времени, *А. Михайлова*.—Стихотвореніе, *П. Попова*.—Заграничныя встрѣчи съ соотечественниками, очерки *Вл. Михневича* (продолженіе).—Хроника заграничной жизни, *Мих. Кольцова*.—Журналистика, *П. Скромнаго*.—Внутреннее Обозрѣніе.—Политическое Обозрѣніе.—Книжное дѣло, музыка, научныя новости, живопись и проч.—Библіографія.—Телефонъ, *А. Зарина* (окончаніе).—Къ рисункамъ.

Рисунки: Портретъ Царя Михаила Θеодоровича Романова.—Смерть Ивана Сусанина, оригинальный рисунокъ *А. Земцева*. — Ипатьевскій Троицкій монастырь на Волгѣ близъ Костромы.—Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова, съ картины *Г. Угрюмова*.—Послѣдняя цѣнная вещь, съ картины *Ф. Брютта*.—Напала на слѣдъ, съ картины *Бельгерса*.

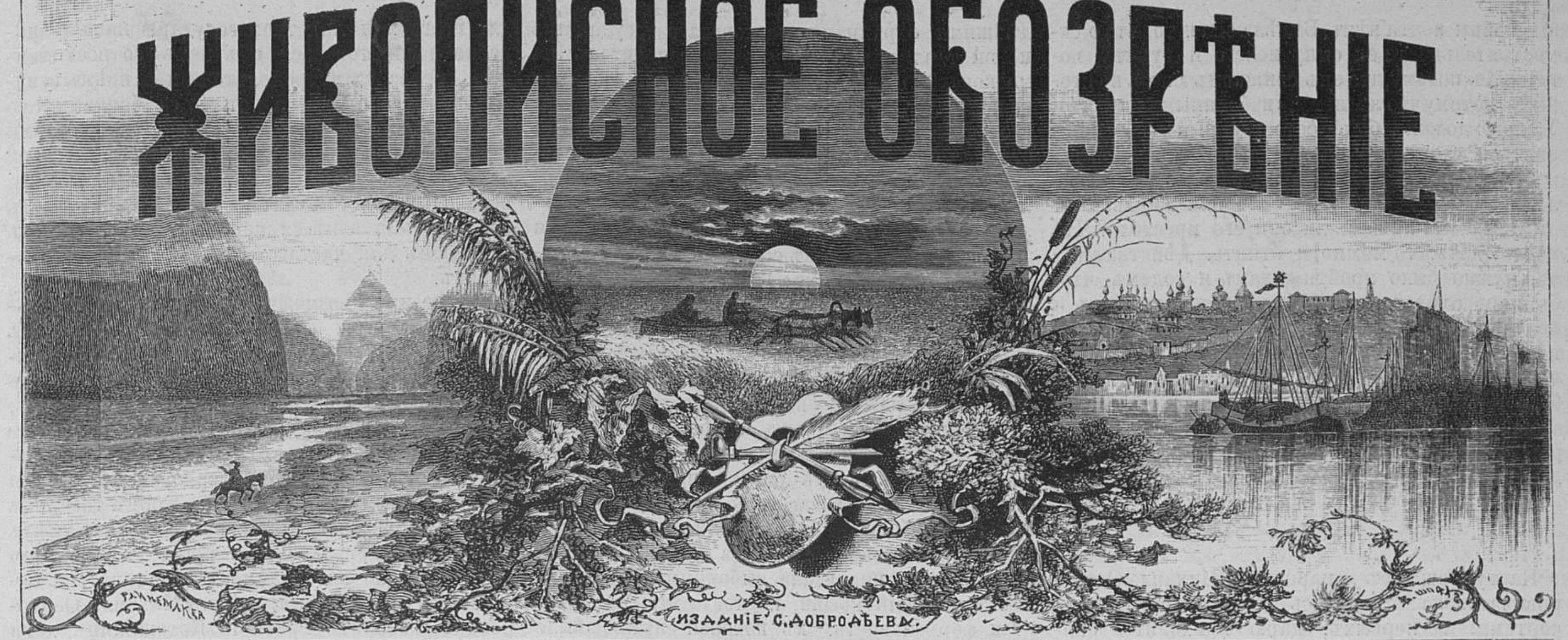
На оберткѣ: Промышленность, технологія и торговля.—Этнографія, естествознанія, путешествія и проч.—Шахматы.—Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ



ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к.
200 шт 290 к
Перечные огурчики
острые (корнишоны)
крупные 1 р, средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ.
Цѣльные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к., боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.
ОГУРЦЫ
БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО
УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. Ф. ШТУРМЪ
СКЛАДЪ
В. О. 14 ЛИНІЯ 73. БЛ. МАЛАГО
Невскій № 96/1 по Надеждинской
МАГАЗИНЪ
26
ДОСТАВКА НА ДОМЪ
№ 297 (52—9)

13-го Марта, 1888. № 11. Годъ изданія 53-й



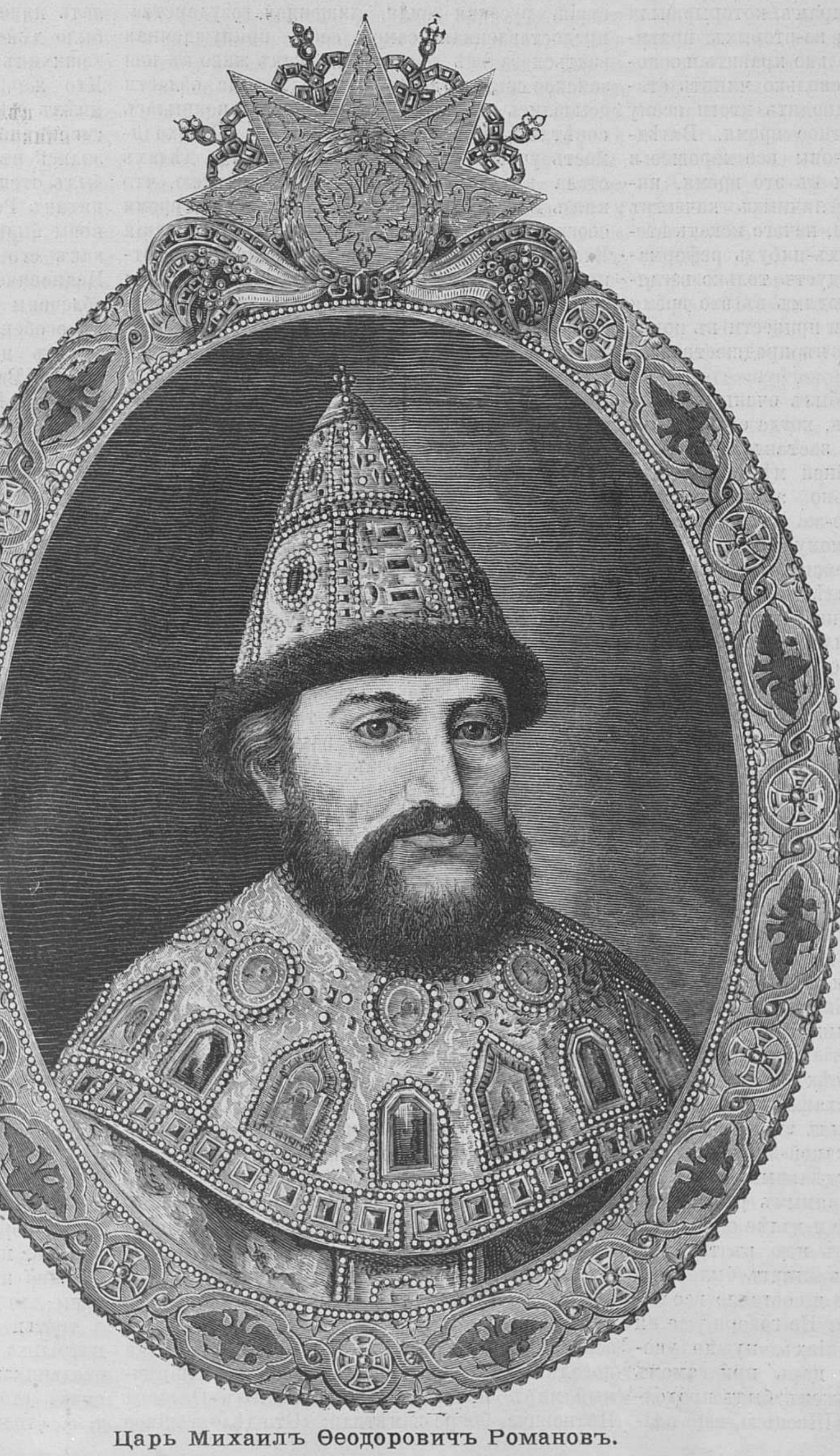
1613. 14-е МАРТА — ДВѢСТИСЕМИДЕСЯТИПЯТИЛѢТІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. — 14-е МАРТА 1888.

ЦАРЬ МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ и РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ЕГО ВРЕМЕНИ

А. Михайлова.

I.

Двѣсти семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, 14-го марта 1613 г., въ городѣ Костромѣ совершалось знаменательное событіе, давшее извѣстный характеръ послѣдующей русской исторіи: въ г. Кострому прибыло московское посольство и оффиціально объявило юному **Михаилу Ѳеодоровичу Романову**, что онъ избранъ на царство. Повидимому, это извѣстіе должно было крайне обрадовать Михаила Ѳеодоровича и его мать, такъ какъ юноша удастаивался высокой чести сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи. Но радость не проявилась ничѣмъ, а проявилось нѣчто совсѣмъ иное. Моментъ встрѣчи Михаила Ѳеодоровича и его матери, инокини Марѳы, съ посольствомъ вышелъ крайне характернымъ. Инокиня Марѳа, женщина энергичная и властная, имѣвшая огромное вліяніе на своего юнаго и слабохарактернаго сына, рѣзко и умно высказала посламъ всю горькую правду, указавъ на то, что «русскіе люди всѣхъ чиновъ измалодушествовались» и стали предателями и клятвопреступниками, а самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ на отрѣзъ отвѣтилъ имъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ, что царемъ быть не хочетъ»... Вся эта сцена не была повтореніемъ комедіи, разыгранной Борисомъ Годуновымъ, а была откровеннымъ выраженіемъ того страха, который невольно охватывалъ юношу и его мать при мысли о престолѣ. Званіе царя сулило больше бѣдъ, чѣмъ радостей. Примѣры были на лицо: Борисъ Годуновъ, Димитрій, Шуйскій... Нѣсколько часовъ пришлось уговаривать инокиню Марѳу, чтобы она согласилась «благословить сына на царство», и въ эти часы выяснилось многое, а главнымъ образомъ выяснилось для сына и матери то, что «измалодушествовавшіеся люди» теперь уже сознавали невозможность оставаться долѣе безъ твердо установившагося образа правленія: паническій страхъ передъ новыми смутами и ужасами междуцарствія былъ хорошимъ ручательствомъ за то, что такъ или иначе близкіе къ престолу люди будутъ теперь дорожить новымъ царемъ, наученные горькимъ опытомъ недавняго прошлаго. Эти обстоятельства позволяли думать, что новаго царя не ждетъ участь Годунова, Димитрія, Шуйскаго. Тѣмъ не менѣе, боязнь передъ вступленіемъ на престолъ, имѣвшая глубокія основанія, не могла разсѣяться вполнѣ; инокиня Марѳа сознавала, что государство разорено, царскія сокровища разграблены, средствъ для веде-



Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

нія войны почти нѣтъ. Видѣла она и то, что о самостоятельности ея сыну нечего и думать, во-первыхъ потому, что онъ слишкомъ юнъ, а во вторыхъ, потому что является «избраннымъ царемъ». У него должно было естественнымъ образомъ явиться множество опекуновъ изъ среды тѣхъ, кто вручилъ ему бразды правленія. Съумѣетъ ли онъ угодить этимъ людямъ или справиться съ ними? Не лишатъ-ли они его престола? Что можно дать, то можно и отнять. Дѣйствительно, нужно было пройти годамъ и годамъ, чтобы царь сдѣлался вполнѣ самостоятельнымъ и получилъ всецѣло ту силу и власть, которыми пользовались прежніе цари. Тѣмъ не менѣе власть эта получилась, и притомъ получилась безъ насилій и жестокихъ мѣръ, самымъ естественнымъ путемъ, какъ это показываетъ исторія. Этого было трудно ждать, но это такъ случилось вслѣдствіе тогдашняго положенія общества.

II.

Наступившая съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича эпоха отличалась двумя характерными чертами: во-первыхъ, царю приходится опираться на земскую силу, которая выбрала его и которая одна могла поддержать его въ смутные дни, и въ то-же время приходится дать крайне много простора боярамъ, которые были готовы на всякія интриги; во-вторыхъ, правительству приходится не столько править и основывать что-нибудь новое, сколько чинить старое, сводить счеты и подводить итоги всему тому, что уцѣлѣло въ смутное время. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны все хорошее и все дурное, совершавшееся въ это время, нисколько не зависѣло отъ личныхъ качествъ царя; съ другой-же стороны, нечего искать втеченіи этого времени какихъ-нибудь реформаціонныхъ попытокъ и слѣдуетъ только взглянуть, насколько удалось людямъ въ это время выяснить положеніе дѣлъ и привести въ порядокъ то, что расшаталось въ предшествовавшую эпоху.

Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ очень молодъ, онъ былъ почти мальчикомъ, когда его избрали на царство. Это одно уже заставляло думать, что онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, сначала управлять не самостоятельно, а съ помощью чужихъ людей. Но на кого-же опереться? Отвѣтъ на это былъ, повидимому, очень простъ: Михаилъ былъ избранъ земскимъ соборомъ и только въ этой земской силѣ могла быть для него точка опоры. Это ясно понимали уже и тогда. Когда мать Михаила, отказываясь за сына отъ предложеннаго ему престола, говорила: «Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души (присягу) прежнимъ государямъ, не прямо служили», — послы замѣтили ей, что «прежніе государи—царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень царевича Димитрія, началъ дѣлать многія неправды, и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка-разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; царя Василія выбрали на государство не многіе люди, его-же, Михаила, выбрали по изволенію Божію, не по его желанію, вложилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ» 1). Такимъ образомъ сила Михаила и залогъ его спокойнаго царствованія былъ въ земщинѣ, въ томъ, что его избралъ не какой-нибудь одинъ городъ, не какой-нибудь отдѣльный классъ общества, а весь народъ. Прямымъ разсчетомъ такого царя было стремленіе и далѣе опираться на эту силу, совѣщаться съ нею въ трудныя минуты. Трудныхъ-же этихъ минутъ было такъ много, что только изъ нихъ и состояло все начало царствованія Михаила. Не говоря уже ни о какихъ другихъ затрудненіяхъ, нужно упомянуть о томъ, что юный царь при самомъ вступленіи на престолъ долженъ былъ продолжать войну съ Польшею и Швеціею, еще владѣвшими окраинами московскаго государства и выставлявшими своихъ претендентовъ на московскій престолъ, что ему грозила казацкая вольница въ Астрахани провозглашая третьяго его соперника, малолѣтняго сына Марины. Все это еще болѣе усложняло тягостное дѣло управленія государствомъ, истощеннымъ и разореннымъ предшествовавшими событіями, и заставляло Михаила опираться на земство и обращаться такъ напримѣръ, какъ обращался къ Строгановымъ, отписывая имъ: «Не пожалѣйте своихъ животовъ, хотя и себя приведете въ скудость. Разсудите сами: если отъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ конечное разореніе россійскому государству, нашей истинной вѣрѣ, то въ тѣ поры и у васъ, и у всѣхъ православныхъ христіанъ животовъ и домовъ совсѣмъ не будетъ» 2). Земство, дѣйствительно, опять получило извѣстную силу послѣ смерти послѣдняго изъ государей, царствовавшихъ по праву наслѣдства и особенно впродолженіи смутнаго времени. Уже избирательная на царство грамота Борису была подписана выборными почти отъ всѣхъ сословій Россіи, но тогда это была простая формальность, къ которой нужно было прибѣгнуть Борису. Царь Василій Шуйскій считался уже незаконнымъ, ибо онъ не былъ выбранъ «всею землею». Во время междуцарствія, русская земля, лишенная государства, предоставленная самой себѣ, принужденная взяться за всѣ дѣла, явила, какъ живо въ ней земское совѣщательное начало. Города, области ссылались между собою; вся страна покрылась совѣтами, вѣчами, сходками» 3). Необходимость участія земли въ общественныхъ дѣлахъ стала въ это время до того очевидною, что князь Василій Васильевичъ Голицынъ, во время своего посольства въ Польшу по дѣлу избранія Владислава въ цари, говорилъ полякамъ: «Отпущали насъ къ великимъ государемъ бити челомъ патріархъ и бояре, и всѣ люди московскаго государства, а не одни бояре; и въ прочихъ грамотахъ, и въ наказѣ, и во всякихъ дѣлахъ писанъ у насъ въ началѣ патріархъ и весь освященный соборъ, и бояре, и всѣхъ чиновъ всякіе люди московскаго государства: а отъ однихъ-бы бояръ я, князь Василій, и не поѣхалъ» 4). Когда позже говорили, что князь Пожарскій дѣлалъ предложеніе австрійскому императору возвести на престолъ его родственника, «земскій соборъ въ наказѣ посламъ велитъ сказать ближнимъ, думнымъ его людямъ, что ни у кого изъ русскихъ и въ мысляхъ не бывало выбирать брата его на россійскій престолъ; высказываетъ сомнѣніе, чтобы князь Пожарскій сдѣлалъ это предложеніе; говоритъ, что развѣ онъ это сдѣлалъ безъ совѣту всей земли, и прибавляетъ: «А то вамъ, думнымъ людямъ, мочно и самимъ разсудити, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей земли не дѣлается» 5). Наконецъ, какъ я уже сказалъ, самъ Михаилъ былъ избранъ всею землею. Такимъ образомъ, земство опять, повидимому, стало принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича земскіе соборы стали довольно часты и ихъ насчитываютъ въ его царствованіе до двѣнадцати.

Но могла-ли въ то время земля, дѣйствительно принимать участіе во всемъ управленіи и удержать за собою это право? Конечно, нѣтъ. Соборы могли созываться только въ особенно важныхъ случаяхъ, а частности и будничныя дѣла управленія не могли отлагаться до собранія выборныхъ. Кромѣ того, народъ былъ слишкомъ грубъ и невѣжественъ, слишкомъ бѣденъ и подчиненъ, чтобы особенно разумно и осмысленно интересоваться земскими дѣлами въ то время, когда они принимали хотя сколько-нибудь правильное теченіе. Самая обширность государства и разбросанность населенія должны были служить тормазами для постояннаго веденія государственныхъ дѣлъ при помощи земства. Это сознавалось уже и тогда. Когда посолъ Гарабурда предлагалъ постановить вѣчный миръ при избраніи на престолъ Ѳеодора Ивановича, бояре замѣтили: «Это дѣло великое для всего христіанства; государю нашему надобно посовѣтоваться объ немъ со всею землею, сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею; на такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ» 6). И такъ, необходимость съѣзжаться изъ дальнихъ мѣстъ должна была явиться первымъ значительнымъ тормазомъ для частаго созыванія земскихъ соборовъ.

Но, не имѣя возможности постоянно опираться на земскую силу, Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ полную возможность опираться постоянно на силу боярскую,— и это было необходимо при его молодости, при его неопытности. Онъ былъ очень добръ, онъ былъ далеко не глупъ, но онъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые отличаются твердостью характера и блестящими способностями. Кромѣ того, онъ былъ не образованъ и, говорятъ, едва умѣлъ читать при вступленіи на престолъ. Все это обусловливало необходимость подчиняться боярамъ и окружать ими себя. «Михаилъ Ѳеодоровичъ, говоритъ Григорій Котошихинъ, хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего 7)». Хотя Михаилъ, повидимому, и не давалъ записи не дѣлать ничего безъ совѣта бояръ, но на дѣлѣ было дѣйствительно такъ, какъ говоритъ Котошихинъ: приближенные царя дѣлали все. Кто же были эти приближенные? Михаилъ имѣлъ цѣлую массу родственниковъ и свойственниковъ, которые прежде всего и приблизились къ царю. Князь Владиміръ Долгорукій былъ отецъ первой жены Михаила. Иванъ Никитичъ Романовъ былъ дядя Михаила. Годуновы были въ свойствѣ съ Михаиломъ, такъ какъ его тетка была замужемъ за Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ. Князья Сицкіе были облечены званіемъ боярскимъ не по уваженію къ особеннымъ заслугамъ, а по праву свойства ихъ съ царскимъ домомъ, такъ какъ князь Иванъ Васильевичъ Сицкій былъ женатъ на Евфиміи Никитишнѣ Романовой. Малознаемый и бѣдный родъ Стрѣшневыхъ поставленъ былъ на ряду съ древними вельможными фамиліями потому, что Михаилъ сочетался вторымъ бракомъ съ Евдокіею Лукьяновной Стрѣшневой. Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій былъ сынъ Марѳы Никитишны Романовой и т. д. 8). Рядомъ съ массою родственниковъ и свойственниковъ царя шелъ рядъ представителей древнихъ фамилій, рядъ людей, отличившихся за послѣднее время. К. И. Арсеньевъ, говоритъ, что онъ по строгомъ исчисленіи нашелъ, что съ 1627 года на службѣ царской при Михаилѣ значилось 40 бояръ, 18 окольничихъ, 4 думныхъ дворянъ и 10 думныхъ дьяковъ. Первыя три званія составляли аристократію или высшій синклитъ властей гражданскихъ, военныхъ, дипломатическихъ и придворныхъ; послѣдніе, т. е. думные дьяки были большею частію люди не родословные, а принадлежали по происхожденію къ среднему слою общества; но по своей служебной дѣятельности стояли высоко и во мнѣніи царя, и въ глазахъ народа; вершеніе дѣлъ въ царской Думѣ и исполненіе боярскихъ приговоровъ и царскихъ указовъ лежало преимущественно на думныхъ дьякахъ. Сверхъ упомянутыхъ высшихъ сановниковъ царства, поставлены были въ чиновничей іерархіи второстепенныя званія и должности: стряпчіе и стольники; они состояли или при лицѣ государя для исполненія его повелѣній, или назначались, особенно стольники, начальственными лицами въ должностяхъ придворныхъ, въ полкахъ и въ приказахъ. Царь Михаилъ образовалъ многочисленный штатъстольниковъ, изъ коихъ одни состояли непосредственно въ распоряженіи царя, другіе отчислены для службы царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ, а третьи образовали особый служебный штатъ патріарха Филарета и назывались патріаршими стольниками. Первыхъ, т. е. собственно царскихъ стольниковъ значилось 465; вторыхъ, т. е. стольниковъ царицы, было только 10; а патріаршихъ стольниковъ считалось 477. Званіе патріаршихъ стольниковъ было учрежденіе временное; оно значится въ боярскихъ книгахъ только 1627 и 1629 годовъ; во все остальное время XVII вѣка о нихъ и рѣчи нѣтъ: очевидно, что патріаршіе стольники установлены для Филарета исключительно и даны ему не по сану патріарха, а по качеству «государева родителя» 9). Вся эта масса людей была очень разнообразна, но, можно сказать смѣло, что на большей части изъ нихъ лежали толстымъ слоемъ всѣ недостатки того тяжелаго времени.

III.

Интересно остановиться на характеристикѣ хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, такъ какъ на нихъ лежала въ сущности обязанность залѣчить тѣ раны, которыя были нанесены московскому государству въ послѣдніе годы.

«Царь ихъ подобенъ солнцу, котораго часть покрыта облаками, такъ что земля московская не можетъ получить ни теплоты, ни свѣта... Всѣ приближенные царя—несвѣдущіе юноши; ловкіе и дѣловые приказные—алчные волки; всѣ безъ различія грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя; къ царю нѣтъ доступа безъ большихъ издержекъ; прошеніе нельзя подать въ приказъ безъ огромныхъ денегъ, и тогда еще неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло: будетъ ли оно задержано или пущено въ ходъ» 10). Это сужденіе одного голландца о тогдашнемъ состояніи Россіи покажется слишкомъ рѣзкимъ каждому, кто невполнѣ знакомъ съ личностями тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей. Всѣ эти дѣятели были болѣе или менѣе испорчены въ предшествовавшіе годы—въ царствованіе Ивана IV, Ѳеодора Ивановича, Бориса, Димитрія, Шуйскаго и въ смутное время. Князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій въ смутное время вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Сицкимъ вмѣшался въ толпу измѣнниковъ и, усердствуя тушинскому вору, грабилъ и истреблялъ народъ. Князь Борисъ Лысковъ-Оболенскій, будучи при Борисѣ Годуновѣ чашникомъ, перешелъ на сторону Димитрія Самозванца, потомъ склонился на сторону Сигизмунда, сдѣлался его усерднѣйшимъ слугою, получилъ отъ него въ даръ имѣніе окольничьяго Рукина и имѣніе убитаго князя А. В. Голицына, а потомъ примкнулъ къ Михаилу. Князь Г. И. Ромодановскій, видя постоянныя пораженія русскихъ поляками, заблаговременно предался Сигизмунду и былъ награжденъ имъ помѣстнымъ окладомъ и пожалованъ изъ окольничихъ въ бояре. Бояре Михаилъ Глѣбовичъ и сынъ его, Иванъ Михайловичъ Салтыковы, увлеклись беззаконнымъ желаніемъ властвовать на развалинахъ гибнущаго отечества и хотѣли отдать Россію подъ власть иноземцамъ; они не достигли своей цѣли и погибли позорною смертью; это пятно, положенное на ихъ фамилію, должно бы было быть урокомъ для ихъ дѣтей, являющихся при Михаилѣ подъ скромнымъ именемъ московскихъ дворянъ, но и эти люди, какъ только они достигли власти, были обвинены въ злоумышленной помѣхѣ предположенному браку царя съ дѣвицею Хлоповою и сосланы съ семействами въ разные города. Думный дьякъ Иванъ Тарасовичъ Граматинъ былъ типомъ измѣнника: онъ попремѣнно служилъ двумъ самозванцамъ, усердствовалъ потомъ дѣлу Владислава, вкрался въ довѣренность къ Сигизмунду и потомъ, почуявъ перемѣну въ настроеніи общества, во время перешелъ на сторону Михаила. Воевода Максимъ Языковъ ложно писалъ про свою службу къ государю: онъ говорилъ, что къ городу приступали литовскіе люди, что онъ ихъ побѣдилъ, а между тѣмъ ничего этого не было. Большинство изъ этихъ людей умѣло хитрить и унижаться тамъ, гдѣ это было нужно, и такъ же умѣло поднимать голову тамъ, гдѣ это было возможно. Отношенія высшихъ лицъ къ великимъ князьямъ и царямъ московскимъ дѣлались все болѣе и болѣе скромными, и это уже отразилось на именахъ этихъ людей въ отпискахъ ихъ къ государю: при Іоаннѣ III-мъ знатные люди подписываются обыкновенными именами: Иванъ, Василій; менѣе знатные употребляютъ уменьшительные—Иванецъ, Васюкъ; при Василіи встрѣчаемъ форму уменьшительную, уничижительную для людей незначительныхъ, напр. Илейка; при Іоаннѣ IV и люди знатные начинаютъ употреблять эту послѣднюю форму; наприм. князь Стригинъ подписывается: «Холопъ твой Олешка Стригинъ»; потомъ встрѣчаемъ: «Ѳедко Умный-Колычевъ», и т. п.; а самые знатные, какъ напримѣръ бояринъ Челядинъ, употребляютъ форму на ецъ или юкъ 11). Но, являясь такими, повидимому, смиренными, они въ то же время были крайне щекотливы въ своихъ счетахъ съ равными себѣ. Споры о старшинствѣ, мелкіе и жалкіе, заставляли этихъ людей забывать о болѣе важныхъ вопросахъ, о своихъ общественныхъ обязанностяхъ. Въ 1613 году, на праздникъ Рождества Богородицы были приглашены къ царскому столу бояре: князь Ѳ. И. Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ и князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ. Родной дядя царскій безспорно уступалъ мѣсто князю Мстиславскому, но Лыковъ не хотѣлъ уступить Романову и второго мѣста и билъ челомъ, что ему меньше Ивана Никитича быть невмѣстно: государь на князя Бориса кручинился и говорилъ ему много разъ, «чтобъ онъ у стола былъ, что подъ Иваномъ Никитичемъ быть ему можно», и Лыковъ на этотъ разъ уступилъ убѣжденіямъ царя; но потомъ раскаялся въ своей уступчивости: въ апрѣлѣ 1614 года, въ вербное воскресенье, опять были приглашены къ царскому столу князь Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ и князь Лыковъ, и опять Лыковъ билъ челомъ на Романова; государь напомнилъ ему, что прошлаго года онъ сидѣлъ ниже Ивана Никитича. Лыковъ отвѣчалъ, что «ему меньше Романова быть никакъ нельзя, лучше пусть государь велитъ казнить его смертью; а если государь укажетъ быть ему меньше Ивана Никитича по своему государеву родству, потому что ему, государю, Иванъ Никитичъ дядя, то онъ съ Иваномъ Никитичемъ быть готовъ». Государь возражалъ, что ему Лыкову, меньше Ивана Никитича можно быть по многимъ причинамъ, а не по родству, и онъ бы его государя не кручинилъ, садился подъ Иваномъ Никитичемъ; но Лыковъ не послушался, за столъ не сѣлъ и уѣхалъ домой; два раза посылали за нимъ, и все понапрасну, посланнымъ былъ одинъ отвѣтъ: «Готовъ ѣхать къ казни, а меньше Ивана Никитича мнѣ не бывать». Тогда государь велѣлъ его выдать головою Романову 12). Это одна изъ сотни подобныхъ исторій. Считались старшинствомъ всѣ,—люди ничтожные по своему нравственному значенію и люди, успѣвшіе стяжать себѣ громкое имя своими подвигами. Такъ, даже знаменитый князь Пожарскій въ серьезныхъ дѣлахъ не забывалъ этихъ мелкихъ счетовъ. Въ первый же годъ своего пожалованія князь Пожарскій подвергся гнѣву царскому и жестокому наказанію за мѣстничество съ Салтыковымъ, которому онъ не хотѣлъ объявить боярство. Царь, по совѣщанію съ боярами, повелѣлъ выдать князя Пожарскаго Салтыкову головою 13). Самое наказаніе выдавать головою было чисто варварскимъ: по царскому приказанію, дьякъ или подъячій велъ «выдаваемаго головою» пѣшкомъ (что уже состояло безчестіе) во дворъ соперника, ставилъ его на нижнемъ крыльцѣ и объявлялъ, что царь выдаетъ такого-то головой. Пожалованный билъ челомъ царю за милость и дарилъ дьяка или подъячаго подарками, а выданнаго себѣ головою отпускалъ домой, но не дозволяя ему садиться на лошадь у себя на дворѣ. Выданный головой обыкновенно при этомъ ругался всѣми способами и пожалованный не обращалъ на то никакого вниманія. Иногда же царь за ослушаніе, кромѣ выдачи головою, приказывалъ наказывать виновнаго батогами 14). Битье батогами и сѣченье было дѣломъ обыкновеннымъ. Чипчюгова били за мѣстничество батогами, стольника Юрія Игнатьева Татищева за то же высѣкли кнутомъ, князей Волконскихъ и Бориса Пушкина за то же засадили въ тюрьму, князя Ивана Голицына за то же лишили имѣнія и сослали въ Пермь и т. д. Въ виду подобныхъ счетовъ и при такомъ стремленіи поддерживать только достоинство своего рода не могло быть мѣста для общихъ сословныхъ интересовъ, ибо мѣстничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тутъ связь, какіе общіе интересы между людьми, которые при первомъ назначеніи къ царскому столу, или береговой службѣ, перессоривались между собою за то, что одинъ не хотѣлъ быть ниже другого, ибо какой-то его родичъ, когда-то, былъ выше какого-то родича, его соперника 15)? Но этого мало, бояре и думные дьяки вели себя самымъ непозволительнымъ образомъ. До какой степени были грубы въ то время нравы, показываетъ то, что близкіе къ царю люди почти на глазахъ его, ругались и дрались между собою и не смущались тѣмъ, когда ихъ били по щекамъ или батогами 16). Нѣкто Леонтьевъ билъ челомъ на князя Гагарина, за это думный дьякъ билъ его по щекамъ. Далѣе Чихачевъ билъ челомъ на князя Шаховского, бояре приговорили челобитчика бить кнутомъ, но думный дьякъ, знаменитый Томила Луговской, сказалъ боярамъ: «Долго этого ждать», да взявши палку, сталъ бить Чихачева по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ другою палкою билъ также по спинѣ и по ногамъ.

Таково было большинство людей, окружавшихъ добраго, мягкаго и чистаго, въ нравственномъ отношеніи, Михаила. Всѣ они думали гораздо болѣе о достоинствахъ своихъ родовъ, о своихъ денежныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ объ общественныхъ дѣлахъ. И уже въ силу этого не могли имѣть первенствующаго значенія, не могли заслонить царя, или сдѣлать его игрушкою въ своихъ рукахъ. Для захвата власти въ свои руки у нихъ не доставало ни энергіи, ни выдержки, ни нравственныхъ достоинствъ.

IV.

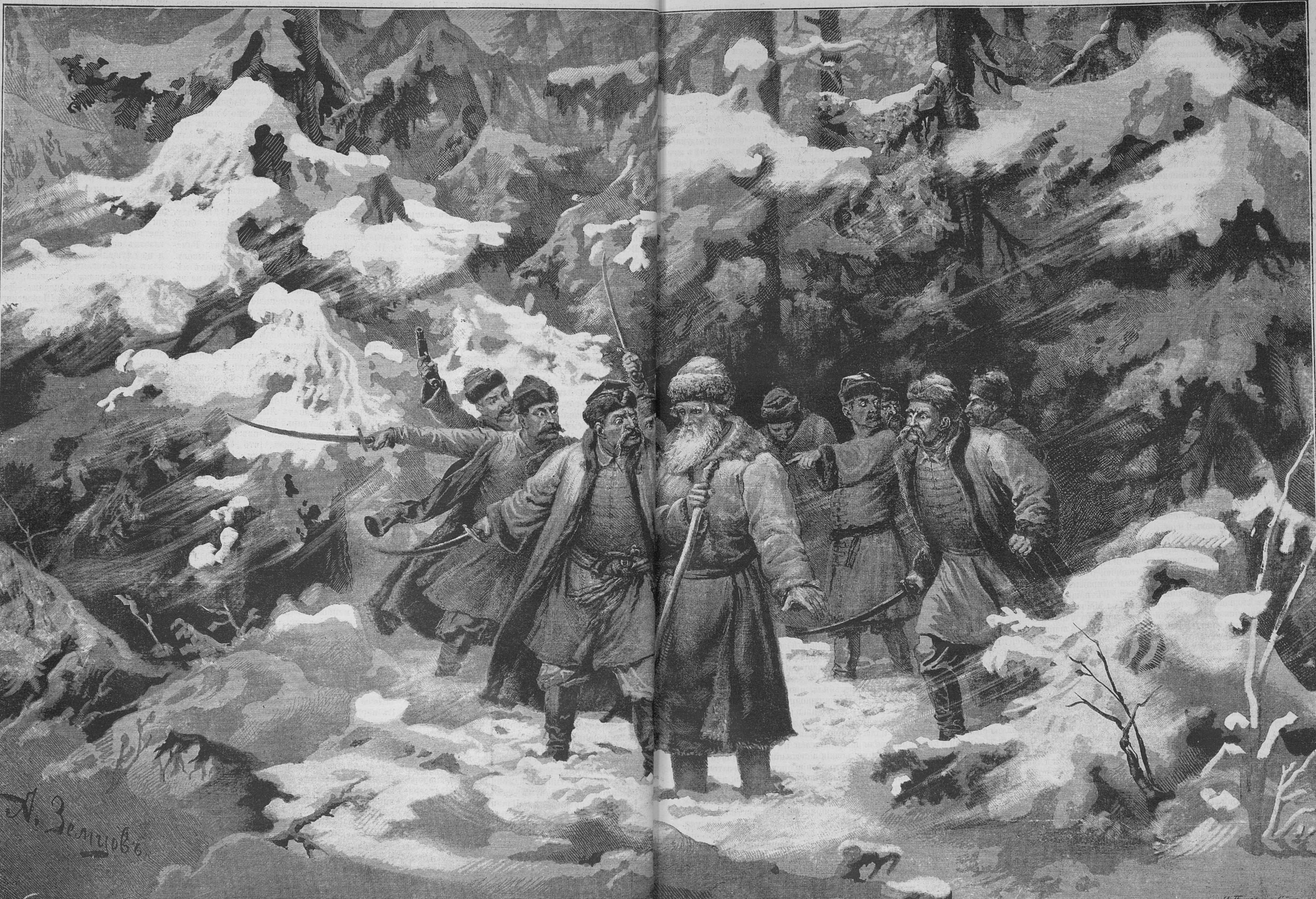
Былъ еще одинъ классъ людей, который могъ бы пользоваться большимъ вліяніемъ на дѣла общественныя и государственныя. Это духовенство. Въ тяжелую эпоху междуцарствія, во время разныхъ смутъ оно и сослужило свою службу, оставило въ памяти исторіи громкія имена, святые примѣры. Но, теперь, въ мирное время, въ будничной жизни, оно являлось въ очень жалкомъ видѣ. На него слышались со всѣхъ сторонъ жалобы и ужь конечно оно серьезно не могло въ то время вліять ни на кого.

Жалобы на то, что духовенство не исполняетъ, какъ слѣдуетъ, даже своихъ прямыхъ обязанностей, продолжаются безпрерывно.

Уже съ XVI вѣка, въ сѣверо-восточной Россіи, замолкла церковная проповѣдь. «Проповѣдниковъ нѣтъ у нихъ, говоритъ Герберштейнъ: думаютъ, что тѣмъ избѣгаютъ разности въ мнѣніяхъ и ересей» 17). Въ началѣ XVII вѣка (около 1600 г.). Маржеретъ тоже говорилъ, что «въ Россіи, въ церквахъ никогда не проповѣдаютъ» 18). Въ первой половинѣ XVII вѣка священники не только не сказывали своихъ поученій, но не читали и уставныхъ чтеній. На это такъ жаловался патріархъ Іоасафъ I въ 1636 году: «Чтенія, иже учинено прочитати на праздники, учительныя народомъ евангелія и иныя святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ поученія и св. отецъ житія, то все (священники) оставляютъ, а православнымъ христіанамъ того ничего не прочитаютъ, а которымъ чести хотящимъ и они такожде возбраняютъ, рекуще поздаго ради времене: и таковыя ради лѣности, на воскресные дни и на праздники учительныя евангелія и св. апостолъ и св. отецъ поученія и житія, отъ

ДВѢСТИСЕМИДЕСЯТИП ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Оригинальный рисунокъ А. Зе ред. «Живописн. Обозрѣнія».


А. Земцовъ
C. Angerer & Göschl. ph.

Подвигъ Ивана (**ина въ 1613 году.**

Фототипія Ангер ешль въ Вѣнѣ.

лѣнивыхъ священниковъ, на заутреняхъ вотще оставляемы бываютъ не прочитаеми, но приходящіи бо людіе православніи христіане исходяще изъ церкви Божія яко гладни, иже бо слава Божія прочитаемаго и св. апостолъ и св. отецъ поученія и житія не слышаще и заповѣдей Божіихъ и св. апостолъ и св. отецъ преданія недоумѣвающе творити; и видя то православніи христіане, иже въ церквахъ Божіихъ и въ наставницѣхъ неисправленіе, и отъ того имъ смущается умъ и скудѣетъ вѣра [19])». 1636 августа 14, память тіуну Макайлову и поповскому старостѣ, Никольскому попу Панкратію, о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребленій, говоритъ: «Вѣдомо убо великому господину святѣйшему Іоасафу, Патріарху московскому и всея Русіи, отъ многихъ извѣстися, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть въ Китаѣ, и въ Бѣломъ городѣ Каменномъ, и въ Древяномъ, и въ загородныхъ мѣстѣхъ, въ соборныхъ и приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинится тятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыя и православныя христіянскія непорочныя вѣры, что во святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло по скору пѣніе Божіе, не по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, говорятъ въ голосовъ въ пять и въ шесть, и больши, со всякимъ небреженіемъ; а православные христіане, иже суть мірстіи, людіе, приходяще ко свят. Божіимъ церквамъ стоятъ въ церкви Божіи съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ и во время святаго пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ, а божественная пѣнія и св. апостолъ и св. отецъ преданія, еже суть поученія, вотще презирающе и благочиновнымъ священницъ наказанія, иже во св. Божіихъ церквахъ о благосостояніи поученія не пріемлюще, но и паки же о томъ и самимъ священникомъ поношающе и ихъ укоряюще; а иніи же бо священницы и сами суть бесѣдующе, и безчинствующе, и мірскія угодія творяще, и чревоугодію своему послѣдующе, и повинующеся пьянству, и вся яже св. апостолъ и св. отецъ преданія вотще презирающе, и мірскимъ людемъ о благочиніи и о укрѣпленіи христіанскаго благопребыванія не наказующе и сами безчинствующе, а обѣдни служатъ безъ часовъ, только отпустомъ начинаютъ; а во св. дни св. великаго поста, въ нихъ же должни суть православніи христіане, яко въ жатвенное время, съ трудомъ великимъ и воздержаніемъ плоды добродѣтельные собирати въ житницу душевную, а въ тѣ великіе дни службы церковныя священницы совершаютъ зѣло поскору, не по правиломъ, не по преданію св. отецъ, но по своему умышленію, и лѣностію и нерадѣніемъ великимъ изнуряютъ время постное; а иніи же бо суть, послѣ обѣдни на св. недѣлѣ и вечерни отпѣваютъ, для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣностью содержащеся. Такожде и въ воскресные дни, и во Владычни и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ праздники, завтрени священницы поютъ гораздо попозду и для позднаго ради времени поютъ зѣло поскору же, и чтенія, иже учинено прочитати на праздники учительныя народомъ евангелія и иныя св. апостолъ и св. отецъ поученія и св. отецъ житія, то все оставляютъ, а православнымъ христіанамъ того ничего не прочитаютъ, а которымъ чести хотящимъ и они такожде возбраняютъ, рекуще поздаго ради времене: и таковыя ради лѣности, на воскресные дни и на праздники учительныя евангелія и св. апостолъ и св. отецъ поученія и житія, отъ лѣнивыхъ священниковъ, на заутреняхъ вотще оставляемы бываютъ не прочитаемы, но приходящіи бо людіе православніи христіане исходяще изъ церкви Божія яко гладни, иже бо слово Божія прочитаемаго и св. апостолъ и св. отецъ поученія и житія не слышаще и заповѣдей Божіихъ и св. апостолъ и св. отецъ преданія недоумѣвающе творити; и видя то православніи христіане иже въ церквахъ Божіихъ и въ наставницѣхъ неисправленіе, и отъ того имъ смущается умъ и скудѣетъ вѣра, потому что вожди ослѣпоша лѣностію и нерадѣніемъ исправленія церковная погасиша. А пономари по церквамъ молодые, безъ женъ; да такожде по церквамъ поповы, купно же и мірскихъ людей дѣти, во время св. службы во олтари безчинствуютъ; и по время же св. пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, и въ церквахъ овогда бранятся, овогда и дерутся; а иніи полагаютъ пелены на блюдѣхъ и свѣчи и собираютъ, рекуще на созиданіе церквамъ; иніи же творятся малоумни, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумныхъ; а иніи же ходятъ въ образѣ пустынническомъ и во одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы; а иніи во время св. пѣнія по церквамъ ползаютъ, пискъ творяще, и великъ соблазнъ полагаютъ въ простыхъ человѣцѣхъ. Такожде на праздники Владычни и Богородичны и въ нарочитыхъ святыхъ, въ нихъ же бо суть подобаетъ православнымъ христіанамъ праздновати и веселитися духовно и приходя къ церкви Божіей молитися и со страхомъ и благоговѣніемъ стояти и духовная словеса божественныхъ писаній со вниманіемъ послушати; ...въ насъ же сія пренебрегоша и яко не истинно дѣло презираемо и вся противно творимъ и ругательно праздникомъ Господнимъ, вмѣсто радости духовной воздѣланіе творятъ радости бѣсовской, и воспріимши не празньственные праздники, еже суть угодное дьяволу творяще и ходяще по воли сердецъ своихъ, ходяще по улицамъ въ народѣ безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздникомъ св. Божіимъ...— И о сихъ всѣхъ великій господинъ, святѣйшій Іосафъ, Патріархъ Московскій и всея Русіи, слыша таковое въ церквахъ Божіихъ смятеніе, и поповское нерадѣніе и лѣность и преизлишному піянству порабощеніе, и многихъ православныхъ колеблющихся народовъ безчиніе и смятеніе, и о томъ зѣло возжалися, что православніи христіане ходяще въ невѣдѣніи своемъ, яко во тмѣ шатаяся, и яко овца безъ пастыря ходяще [20])...

Во все продолженіе царствованія Михаила Θеодоровича отношенія духовенства къ своимъ обязанностямъ не измѣнилось. Мѣнялись свѣтскія и духовныя власти, а напоминанія духовенству о церковномъ благочиніи были все тѣ же. Въ 1651 г. 25 мая. Царская грамота на Двину, Сійскаго монастыря игумену Θеодосію, о единогласномъ пѣніи и чтеніи во время отправленія церковной службы, говоритъ: «Въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ, на Москвѣ и въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, въ соборныхъ церквахъ и въ монастырѣхъ и въ приходскихъ церквахъ, ввелося отъ небреженія многогласное пѣніе, и поготъ и говорятъ голоса въ два, и въ три, и въ четыре.— И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ у себя въ монастырѣ велѣлъ пѣти единогласно, чинно и немятежно, безо всякаго зазора церковнаго» [21]).. 1646 февраля 16. Является окружный патріаршій наказъ духовному чину о соблюденіи поста и церковнаго благочинія. «И вы-бъ, всѣ протопопы и попы, во своихъ церквахъ учинили заказъ большой, чтобъ ваши дѣти духовные и церковники и всѣ прихожены православные христіане, и сами попы и дьяконы, сій св. великій постъ постились, и приходили къ церквамъ Божіимъ и молились Господу Богу и Пречистой Богородицы и всѣмъ святымъ, и стояли-бъ въ церквахъ Божіихъ со страхомъ и съ трепетомъ и съ любовію въ молчаніи, безъ всякихъ шептовъ...; а вы-бъ, протопопы и попы и дьяконы, творили то жъ, пребывали въ покаяніи и постѣ, и отъ пьянства и отъ злобъ удалялись, и православныхъ христіанъ призывали къ покаянію и поучали. А протопопъ-бъ и попы начинали вечерни и заутрени въ ризахъ; а иноковъ и прокуратовъ, которые ходятъ по церквамъ съ образы и съ блюды и съ пеленами, и всякихъ чиновъ люди милостыни просятъ, и вамъ бы протопопы и попы и дьяконы тѣхъ нищихъ по церквамъ милостыни прошать отнюдь не пущать во время божественнаго пѣнія въ вечерню и въ заутреню и въ литургію, понеже отъ ихъ крику и писку православнымъ христіанамъ божественнаго пѣнія и чтенья не слышать; да тѣ-жъ въ церкви Божіи приходятъ аки разбойники съ палки, а подъ тѣми палки у нихъ бываютъ копейца желѣзные, и бываютъ у нихъ межъ собя драка до крови и лая смрадная; по Господню словеси нищимъ велѣно просить стоя внѣ церкви у церковныхъ дверей. А которые протопопы и попы и дьяконы учнутъ пити и ходити безчинно, и тѣхъ протопоповъ и поповъ и дьяконовъ святѣйшій патріархъ указалъ смирять болшимъ смиреніемъ, да имъ же быти въ великомъ прещеніи; а дѣтей бы воихъ духовныхъ отцы духовные и церковниковъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, въ сей великій спасенный постъ, призывали къ покаянію по вся недѣли, а безъ покаянія ни едина-бъ душа христіанская не была; а которые... будутъ не послушливы и непокорливы, извѣщать св. патріарху, и тѣмъ непослушнымъ духовнымъ дѣтямъ и церковникамъ и всѣмъ непослушливымъ православнымъ христіанамъ въ ихъ непослушаньѣ и въ безчинствѣ государевъ указъ будетъ [22]). Въ 1657 года, въ октябрѣ, грамота Іоны, митрополита ростовскаго и ярославскаго, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, о строжайшемъ наблюденіи церковнаго благочинія повторяетъ тоже: «Въ прошлыхъ годѣхъ посыланы наши грамоты, нашея Ростовскія митрополіи въ городы къ протопопомъ и къ попомъ и къ дьякономъ, а въ уѣзды по селамъ памяти, не по одно время, чтобы они попы и дьяконы пѣли и говорили въ церквахъ Божіихъ единогласно, и часы говорили предъ обѣднею, и обѣдни бы служили по новымъ печатнымъ служебникамъ: и нынѣ намъ вѣдомо учинилось, въ нашей митрополіи въ городѣхъ и уѣздѣхъ по селамъ попы и дьяконы заутрени поютъ и говорятъ поздно, и правило говорятъ въ заутреннее пѣніе, зашедъ въ олтарь, не слушавъ церковнаго пѣнія, и часы говорятъ послѣ заутрени, не выходя изъ церкви, и неединогласно, и обѣдни начинаютъ пѣть рано, на первомъ часу дни, и служатъ по старымъ служебникамъ, а не по новымъ печатнымъ... А которые попы и дьяконы нашего указа не послушаютъ... и мы на тѣхъ попѣхъ и на дьяконѣхъ велимъ править пени болшія и быть отъ насъ имъ въ великомъ смиреніи, безъ пощады...» [23]). Такихъ грамотъ можно насчитать много. Впрочемъ, иногда происходили такіе случаи, что приходится спросить, какъ было удобнѣе въ то время относиться къ своимъ церковнымъ обязанностямъ— спустя рукава или съ извѣстнымъ рвеніемъ. Приведемъ одинъ характерный случай. 8 ноября 1616 г. Михаилъ Θеодоровичъ повелѣлъ архимандриту Троицко-Сергіева монастыря Діонисію съ братіею исправить и приготовить къ печати требникъ. Въ маѣ 1618 г. исправленный требникъ былъ представленъ Діонисіемъ въ Москву къ митрополиту Іонѣ, въ то время блюстителю патріаршаго престола. Іона собралъ въ Москвѣ соборъ изъ духовныхъ властей для суда надъ исправителями книги. Сряду 4 дня призывали исправителей на патріаршій дворъ, чинили имъ всякія истязанія. Діонисія приговорили къ разстриженію, осудили на заточеніе, наказали тысячью поклонами на день, въ дыму, въ продолженіи 40 дней и пр. Та-же участь постигла и его сотрудниковъ. Правда, изъ отзывовъ самихъ исправителей извѣстно, что общество могло дать и дало дѣлу Діонисія такихъ судей, «кое и азбуки едва умѣютъ;... не знаютъ кое во азбуцѣ гласныя писмена и согласныя, а родовъ и времянъ і лицъ и числъ того и непоминаи, священая жъ θилоθія и въ рукахъ не бывала». Въ дѣлѣ исправленія нужно было судить,—вѣрно-ли православно-ли оно, согласно-ли съ ученіемъ слова Божія и Церкви; а между тѣмъ выступаютъ такіе судьи, которые «не знаютъ ни православная, ни кривославная, точію божественнаго писанія по чернилу проходятъ, разума жъ сихъ не нудятся свѣдѣти». Нужно было слѣдить за простотой и точностью рѣчи; а тогда только «красныхъ глаголовъ» искали, между тѣмъ какъ «красныя глаголы и риторскии слогъ» полны были «злаго и гнилаго и еретическаго мудрованія». Одинъ изъ справщиковъ, описывая невѣжество московскихъ протопоповъ и архимандритовъ, замѣчаетъ, что никто изъ нихъ «ничѣмъ же разнствуетъ невѣжду и поселянина меня пьяново» 24). О поведеніи духовенства и близкихъ къ церкви лицъ въ то время осталось множество свидѣтельствъ. Еще въ посланіи къ патріарху Іову въ 1604 г. представляются безпорядки духовенства: «А садятся безмѣстные, попы и дьяконы у Фроловскаго моста и безчинства чинятъ великія, межъ себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя, а иныя межъ себя играютъ и борются и кулачки бьются; а которые наймутся обѣдни служить и они съ своею братьею, съ которыми бранисшся, не простясь, Богу литургіи служатъ 25). Въ челобитной суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря игумены Ульяніи, на священника на Θторова Иванова, отъ 1621 года, мы читаемъ: ...«Дѣялось государь въ нынѣшнемъ во 129 году о фроловѣ днѣ, пустили Государь Николы Шартомскаго монастыря архимандритъ Тихонъ, кабакъ, на свой поземь, въ деревню Королятино, и на той Государь ихъ кабакъ священникъ Θторой Ивановъ, съ крестьяны, напився пьяни и почали нашихъ монастырскихъ служекъ и крестьянишекъ бить и грабить... а всего Государь сняли денегъ и платья съ нашихъ монастырскихъ служекъ и нашихъ монастырскихъ со крестьянишекъ денегъ на восемьдесятъ на пять рублевъ съ полтиною окромѣ монастырскихъ служекъ и крестьянъ безчестья и увѣчья 26). Въ челобитной шуйскаго земскаго старосты Климки Степанова (отъ лица всѣхъ шуянъ — посадскихъ людей) на воздвиженскаго попа Алексѣя да на сына его спасскаго дьякона Федора въ 1624 году, тоже говорится о тогдашнихъ нравахъ. Сказавъ, что архіепископъ Іосифъ изъ Суздаля прислалъ въ Шую попа Кузмина съ сыномъ, по ихъ челобитью, по мздѣ, по накупу, челобитная продолжаетъ, что этотъ «попъ да сынъ его дьяконъ Федоръ бывъ въ Шуѣ, при бывшемъ Іосифѣ архіепископѣ, стакався съ его (архіеписк.) намѣстниками, съ чернецами и съ его людьми приказными, умысля бездѣльемъ насъ, сиротъ твоихъ, продавали духовными дѣлы и иными всякими бездѣльными составы, и чинили они намъ налоги и тѣсноты и продажи многія. Не смотря на то, что за бездѣлье и безчинства они лишились мѣста въ Шуѣ, они нашли другія мѣста и даже Федоръ произведенъ въ попы. И нынѣ отъ того попа Алексѣя и отъ сына его отъ попа Федора, отъ ихъ бездѣльные продажи и отъ накупу по зазывнымъ грамотамъ, погибли мы, сироты твои, въ конецъ. Многіе посадскіе людишки промыслишковъ своихъ отбыли, никаковъ человѣкъ для своего промыслишку къ Москвѣ ѣхать не смѣетъ за ихъ продажею и бездѣльемъ, и отъ накупныхъ ихъ бездѣльныхъ дѣлъ 27)». Челобитная, поданная 1620 г. царю Михаилу Федоровичу отъ суздальцевъ на архіепископа своего, Іосифа Кіянина, въ разграбленіи у нихъ кожевенъ говоритъ: «Въ нынѣшнемъ году, присылалъ Іосифъ архіепископъ своихъ дѣтей боярскихъ въ кожевни грабити и кожи изъ рѣки волочити на первымъ часу нощи и пришедъ, Государь, въ кожевни, учали кожи изъ рѣки волочити и грабити, а тѣхъ, Государь, кожевницкихъ жильцовъ дома не излучилося, поволоклися къ Москвѣ къ тебѣ, Государю Царю, бити челомъ всѣми своими головами о своей бѣдности и нуждѣ, и увидавъ тѣхъ кожевницкихъ жильцовъ жены ихъ и дѣти, и учали по ближнимъ храмомъ звонити, и сбѣжалися на тотъ звонъ многіе всякіе люди, и учали имъ говорити, что, де, вы такъ дѣлаете не гораздо, посацкихъ людишекъ грабите напрасно, и онѣ имъ сказали, быть, де, имъ безъ головъ своихъ, и безъ дворовъ, и безъ животовъ... И нынѣ, Государь, намъ, сиротамъ твоимъ, Государевымъ, на посадишкѣ жити не возможно отъ его, Архіепискуплева, насильства и грабежу, съ женишками и съ дѣтишками разбрестить разно 28). Характерна челобитная царю Михаилу Θеодоровичу шуйской Воздвиженской церкви попа Алексѣя Прокопьева, на попа той же церкви Алексѣя Кузмина, о обидахъ 1631 года: Въ челобитной этотъ попъ «является на товарища своего на попа Алексѣя Кузмина, да на сына его Федора, похваляется Государь тотъ попъ Алексѣй Кузминъ съ сыномъ своимъ Федоромъ на меня нищева убійствомъ смертнымъ и иными всякими лихими дѣлы: и архіепискупу и его приказнымъ людемъ похваляется на меня наноснымъ оговорнымъ словомъ, и сыну своему Федору велитъ съ своего двора на моемъ дворишкѣ убить меня нищева изъ пищала, а дворъ его Государь съ моимъ дворишкомъ смежно, и бездельниковъ на меня хочетъ накупить убить досмерти, и ножемъ хотятъ зарѣзать гдѣ ни есть дождуся тебя на дорогѣ, не быть тебѣ атъ насъ живу. да въ нынешнемъ же Государь во 139 году апрѣля въ 27 день, въ третьемъ часу ночи, ѣздилъ я нищей въ приходъ свой въ деревню Остапово 3 дары, и тотъ попъ Алексѣй съ сыномъ своимъ Федоромъ гонялись за мной па дорогѣ съ саблями, и я нищій одва у нихъ утекъ 29). Во времена Михаила Θеодоровича въ Троицкомъ монастырѣ былъ архимандритомъ извѣстный Діонисій, особенно заботившійся о монастырскомъ просвѣщеніи и о смягченіи нравовъ духовенства. Между прочими монахами былъ у Троицы и Логинъ, составившій себѣ громкую извѣстность необыкновенно пріятнымъ и чистымъ голосомъ. Никто не могъ равняться съ нимъ въ пѣніи и композиціи духовныхъ напѣвовъ. Правда, что въ своихъ музыкальныхъ увлеченіяхъ онъ искажалъ иногда смыслъ словъ, такъ что вмѣсто сѣмени выходило племени, но отецъ Логинъ не давалъ смыслу большой важности. Вмѣстѣ съ музыкальнымъ талантомъ Логинъ отличался и необычайнымъ буйствомъ. Онъ бранилъ и билъ простыхъ монаховъ и никто не смѣлъ сказать ему ни слова. Логинъ сердился на архимандрита особенно за то, что онъ заставлялъ монаховъ читать поученія св. отцовъ и самъ часто читалъ ихъ и нерѣдко пѣлъ на клиросѣ. «Не ваше дѣло пѣть или читать говорилъ ему Логинъ; зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобы съ мотовиломъ своимъ (посохъ) на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ стоять». Разъ, въ заутреню, Діонисій хотѣлъ читать, но Логинъ подскочилъ къ нему и вырвалъ у него изъ рукъ книгу, налой полетѣлъ на землю и произошелъ великій соблазнъ. Діонисій перекрестился и пошелъ молча на клиросъ. Логинъ, кончивъ чтеніе, началъ плевать въ архимандрита и бранить его. Но Діонисій отвѣтилъ ему на это только: «Перестань, Логинъ, не мѣшай божественному пѣнію и не смущай братію; можно намъ объ этомъ переговорить и послѣ заутрени». Въ отвѣтъ Логинъ выхватилъ изъ рукъ архимандрита посохъ, изломалъ на четыре части и бросилъ къ нему на колѣни 30). Въ разныхъ «памятяхъ» видно, что духовныя лица занимались пристанодержательствомъ, корчемствомъ и т. п. Въ памяти (отъ 1656 г. 26 іюня) поповскаго старосты шенкурскаго острога архангельск. соборнаго попа Лаврентія Θедорова десятскому попу Θедору Прокопьеву о наблюденіи за церковнымъ благочиніемъ и поведеніемъ прихожанъ въ церквахъ во время богослуженія, говорится: «И самому тебѣ до великаго пьяна не упиваться, и по улицамъ не валяться, и на кабакъ не ходити. А буде ты и иные попы и церковные причетники о церкви Божіи радѣти не учнете, и учнешь въ церкви Божіи говорити неединогласно, во многіе гласы, и муро и масла у тебя и у иныхъ поповъ въ церквахъ Божіихъ не будетъ, и дѣтей духовныхъ страху Божію наказывать не учнешь, и въ ихъ непослушанье учнешь ихъ покрывать, и мнѣ поповскому старостѣ на нихъ извѣщать неучнешь, и тебѣ за то быти въ жестокомъ наказаньѣ и въ пени, безо всякой пощады... Да ты же бъ десяцкой попъ заказалъ накрѣпко, въ своей чети, чтобы чернцы и черницы въ кабакъ не ходили и допьяна не упивались, и жили бъ чернцы въ мужскомъ монастырѣ, а черницы въ женскомъ; а послѣ заказу будетъ попы или чернцы или черницы учнутъ на кабакъ ходите или церковные причетники, и ты бъ на нихъ правилъ пени, въ святительскую казну, на человѣкѣ по полтинѣ 31). Въ 1653 г., въ наказной памяти Тихвинскимъ церковнымъ причетникамъ сказано: «что бы есте, по нашему указу, съ нынѣшняго 162 году декабря 10 числа, монастырскихъ черныхъ поповъ и крылошанъ и простыхъ старцовъ и пришлыхъ днемъ становать, а ночью ночевать, въ домы къ себѣ не пущати. Да вамъ же бы священникомъ, и всѣмъ церковнымъ причетникомъ, и всякихъ чиновъ людемъ, хмельнаго питія, вина и пива, у себя въ домѣ не держати; а будетъ кто учнетъ у собя въ домѣ хмельное питіе держать, вино или пиво, или у кого вымутъ, и по тѣхъ людѣхъ велимъ пени править, за вино по пяти рублей, а за пиво по два рубли по четыре алтына по полуторы деньги, да сверхъ того будетъ монастырское смиреніе» 32). Всѣ эти грамоты, челобитныя и памяти ясно говорятъ, что нестроенія въ церквахъ было не частнымъ, а общимъ явленіемъ. Тогдашнее духовенство не могло выставить ни одной сильно вліятельной личности.

V.

Такимъ образомъ ни одинъ изъ элементовъ, составлявшихъ тогдашнее русское общество, не имѣлъ ни физической возможности вмѣшиваться въ управленіе дѣлами, ни той нравственной силы, которая могла-бы непрошеннымъ вмѣшательствомъ стѣснять волю молодого царя, чего, конечно, болѣе всего могли опасаться такія личности, какъ энергичная инокиня Марθа, видѣвшая жалкую роль предшествовавшихъ избранныхъ царей. Теперь общество, окружавшее царя, было въ такомъ состояніи, что въ немъ трудно было возстановить порядокъ, но въ то-же время оно было лишено на столько энергіи, на столько измалодушествовалось, что подчинять его царской волѣ можно было безъ тѣхъ крутыхъ мѣръ, къ которымъ должны были прибѣгать прежніе цари, основатели московскаго государства, въ особенности Иванъ III и Иванъ IV. Это было очень важно, такъ какъ молодой царь самъ по себѣ, какъ человѣкъ добрый, мягкій, слабохарактерный, былъ не способенъ на подобныя мѣры суровой расправы или жестокости. Едва-ли онъ могъ-бы справиться съ какой-нибудь тѣсно сплотившейся враждебной ему силой, какъ послѣ справился его сынъ съ многочисленными мятежниками или Петръ I со стрѣльцами. Даже такихъ выдающихся въ томъ или другомъ смыслѣ личностей, какъ Адашевъ, Сильверстъ, Морозовъ, Никонъ, царевна Софья, Мазепа и т. п., съ которыми нужно-бы было считаться и мѣряться силой, не выдвинулось на первой планъ въ это царствованіе. Правда, вслѣдствіе этого оно, можетъ быть, и вышло такимъ блѣднымъ, не блестящимъ, но вслѣдствіе-же этого молодой царь, безъ особенныхъ бурь, заговоровъ и крамолъ, могъ утвердиться на престолѣ и подготовить путь для такихъ уже болѣе самостоятельныхъ дѣятелей, какъ Алексѣй Михайловичъ, разомъ истребившій всякіе споры о мѣстничествѣ и осилившій такую личность, какъ Никонъ, и, главнымъ образомъ, Петръ I, ломавшій безбоязненно весь строй жизни. И царствованіе царя Алексѣя Михайловича, и царствованіе императора Петра I были полны внутреннихъ смутъ, но эти правители уже стояли твердо и могли осилить всякіе мятежи, чего, конечно, не могъ-бы осилить Михаилъ Θеодоровичъ, взявъ въ еще неопытныя руки бразды правленія и будучи еще новымъ человѣкомъ въ роли царя. Этихъ смутъ болѣе всего боялась и инокиня Марθа, когда она говорила посламъ объ измалодушествовавшихся людяхъ, присягавшихъ то тому, то другому царю и измѣнявшихъ всѣмъ этимъ царямъ.

Матеріаломъ служили слѣдующія источники:

[1] Соловьевъ, исторія Россіи, IX, 9. [2] Костомаровъ, исторія Россіи, II ч. 10. [3] Полн. собр. соч. К. А. Аксакова. Томъ I. Москва. 1861 г., стр. 153. [4] Ibid, стр. 153. [5] Ibid. [6] Григорій Котошихинъ, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича. 1859 г., стр. 104. [7] Ученыя Записки второг. отдѣл. Имп. Академіи наукъ. 1858 г., книга IV. Ст. К. И. Арсеньева: Высшія правительственныя лица при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. [8] Ibid, стр. 5. [9] Костомаровъ, Русская исторія, втор. отд. выпускъ четвертый. Спб. 1874 г., стр. 3. [10] Соловьевъ, VII, 13. [11] Соловьевъ, IX, 362—363. [12] Зап. втор. отд. Акад. наукъ, кн. четв. Спб. 1858. стр. 21. Ст. И. Арсеньева. [13] Костомаровъ, Русск. Истор. 2 отд. вып. 4. Спб. 1874 г. стр. 2—3. [14] Соловьевъ, IX, стр. 355—356. [15] Костомаровъ, Русская Исторія, 2 отд., вып. 4. Спб. 1874 г. стр. 4. [16] Rerum mescovitarum commantar p. 30. [17] Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ. Т III, стр. 2.6. [18] Акты Археографической Экспедиціи, Т. III, № 264. [19] Акты Археогр. Эксп. Т. III, стр. 401—402, № 264. Спб. 1836 г. [20] Акты Археогр. Эксп. Т. IV, стр. 487—489, № 327. Спб. 1836 г. [21] Акты Археогр. Эксп. Т. IV, стр. 481—482, № 321. Спб. 1836 г. [22] А. Арх. Экс. Т. IV, стр. 499, № 335. Спб. 1836. [23] «Правосл. Собес.» 1862 г. Часть 3-я. Ст. «Исправленіе богослужебныхъ книгъ при п. Филаретѣ». [24] Памятн. моск. древн., ч. II, стр. 335. [25] «Владимірскія Губ. Вѣд.» 1861 г. № 45, стр. 182. [26] Владимірскія Губ. Вѣд. 1861 г. № 52, стр. 211. [27] Чт. въ Моск. общ. истр. и древ. рос. 1863 г. кн. I, стр. 2—3 «Смѣсь». [28] Влад. губ. вѣд. 1864 г. № 44, стр. 304—305. [29] «Русское Слово» 1864 г. № 1 «Россія до-Петра». [30] Ак. Арх. Эк. т. IV. Спб. 1836 г., стр. 496—98, № 334. [31] Акт. Юр. Спб. 1838 г., стр. 375.

❖

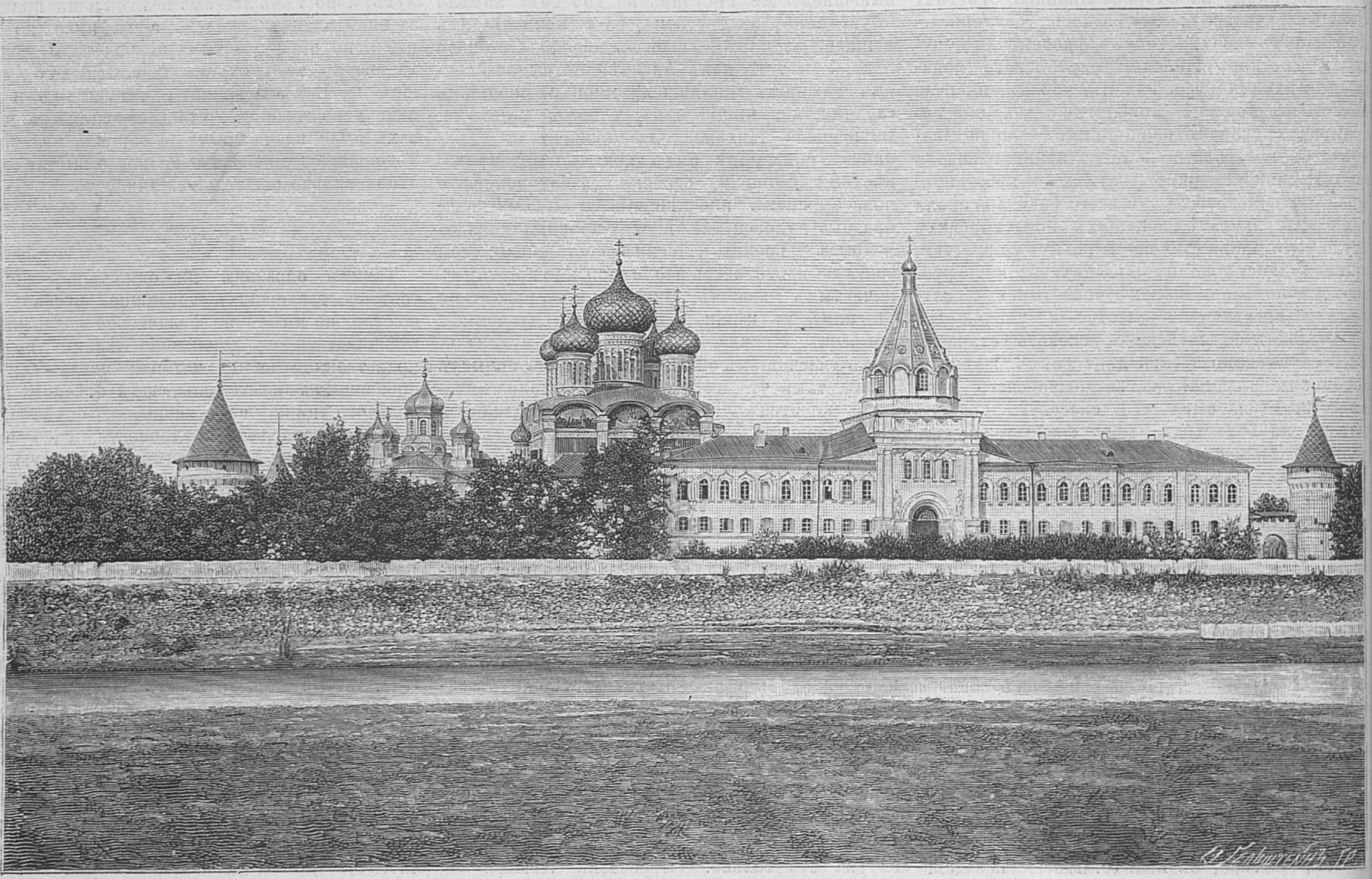
* * *

Словно рая Господняго вѣсть отдаленную,
Гармонично-прекрасную пѣснь вдохновенную
Такъ изъ сердца и вылилъ бы я,—
Чтобы въ ней какъ молитва, какъ радость, какъ счастіе,
Было все—божество, было все сладострастіе,
Было все—огневая струя.
Только нѣтъ... этой пѣснѣ изъ сердца не вылиться:
Тамъ другая родится и вырваться силится
На свободу, какъ бурный ручей,—
Вмѣсто отзвука рая, въ ней откликъ страданія...
И не пѣсня она, а скорѣе рыданіе
Крикъ души наболѣвшей моей.

П. Поповъ.

❖

1613. — ДВѢСТИСЕМИДЕСЯТИПЯТИЛѢТІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ. — 1888.



Ипатьевскій Троицкій монастырь на Волгѣ близь Костромы.

Гравировалъ на деревѣ Гельштейнъ въ Спб.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ВСТРѢЧИ СЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ.

Очерки **Вл. Михневича.**

(*Продолженіе*).

III.

Ѣду по очаровательному Рейну. Плавно и безъ шуму скользитъ пароходъ по изумрудной глади волшебной рѣки. День ясный, но свѣжій сѣверный вѣтеръ согналъ почти всю первоклассную публику съ носовой палубы парохода: — часть ея спустилась въ каюты, а другая, закутавшись въ пальто и плэды, ютится у рубки, возлѣ нагрѣтыхъ дымовыхъ трубъ. Мнѣ, сѣверяку, вѣтеръ этотъ ни по чемъ. Весь поглощенный зрѣлищемъ непрерывно мѣняющихся видовъ Рейна, его живописныхъ городковъ, виллъ и развалинъ, я остаюсь на палубѣ у самаго носа; но вскорѣ замѣчаю, что я не одинъ,— замѣча потому, что до моего слуха неожиданно доносит русская рѣчь.

— Лена, ступай въ каюту! Вѣдь ты здѣ простудишься... Ты вся посинѣла!—говорил мужской голосъ, сухой и недовольный съ тѣм неуловимымъ оттѣнкомъ въ интонаціи, которы сразу обозначаетъ градусъ сердечной темпера туры въ отношеніяхъ данной пары супругов или любовниковъ. На этотъ разъ оттѣнокъ был зябкій, какъ дувшій намъ въ лицо вѣтеръ.

— Вамъ-то какая забота—отвѣтилъ жен скій голосъ, брюзгливый и жалобно-укори ненный. — Простужусь я, заболѣю, умру вамъ все равно.

Я обернулся. Это были еще молодые люд —онъ высокій брюнетъ съ физіономіей бонвив на, она—худощавая, недурная собой блондинк съ блѣднымъ и дѣйствительно посинѣвшимъ л чикомъ. Видно было, что ей нестерпимо х лодно.

— Значитъ, не все равно, если я прош тебя уйти отсюда,—возразилъ онъ.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!—язвительно о вѣтила она.—Вы боитесь, что, если я заболѣ то задержу васъ, надѣлаю вамъ хлопотъ; введ въ лишнія издержки.

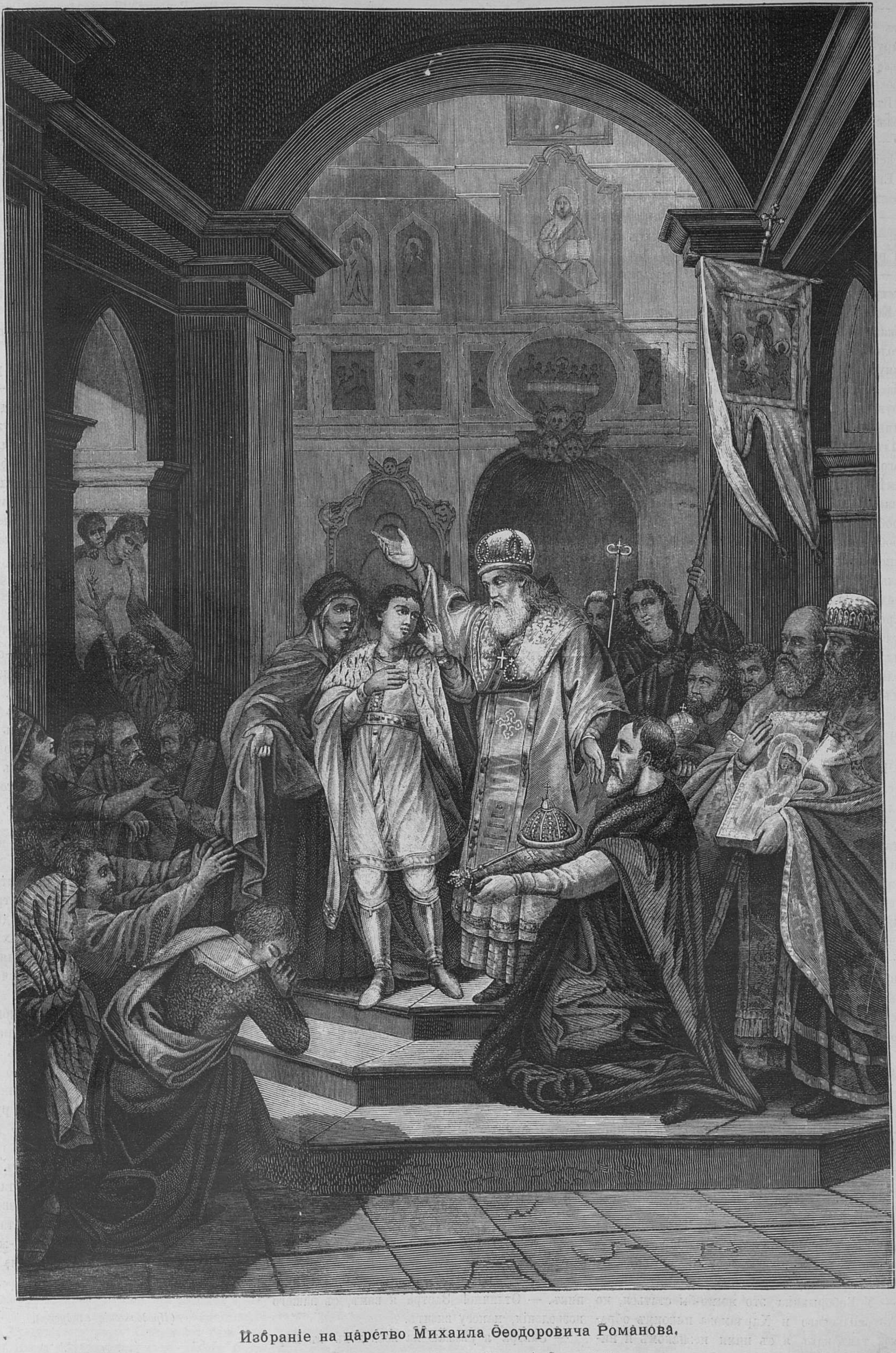
— Какъ это глупо и несносно, еслибы т знала!

— Знаю... Давно уже знаю и вижу, ч я для васъ стала и глупой, и несносной.

— Подобными капризами и брюзжаньемъ мож но расхолодить какую угодно привязанность

ДВѢСТИСЕМИДЕСЯТИПЯТИЛѢТІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Воспроизведено съ картины Г. Угрюмова (Импер. Эрмитажъ).



Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Гравировалъ для журн. «Живоп. Обозр.» А. Суриковъ.

— Вотъ потому-то я и хочу освободить васъ отъ себя... Пусть я простужусь, заболѣю, умру—мнѣ ничего больше не осталось, и вы пожалуйста, прошу васъ, не стѣсняйтесь:—бросьте меня и поѣзжайте себѣ, куда хотите!

Въ послѣднихъ словахъ ея звучали уже раздражительныя слезы.

— Ну, полно Лена! Къ чему эта сцена, и—здѣсь, при людяхъ?

Его видимо больше всего озабочивалъ именно страхъ скандала.

— Ну, Леночка, прошу тебя—уйдемъ отсюда!—съ насилованной ласкою протянулъ онъ ей руку.

— Оставьте меня!—рѣзко, почти съ крикомъ, отстранилась она.

Кельнеръ пришелъ сказать, что мнѣ поданъ заказанный мною завтракъ. Я отправился въ столовый салонъ и, проходя по палубѣ, наткнулся на другую молодую пару. Онъ и она, оба свѣжіе, здоровые и веселые, прижавшись другъ къ другу, стояли у борта, прикрывшись однимъ плэдомъ, который очевидно надобенъ былъ имъ не столько отъ холода, сколько для того, чтобы свободно подъ нимъ обняться, не замѣтно для сторонняго нескромнаго глаза. Счастливые другъ другомъ, они восхищались пробѣгающими мимо картинами Рейна. Онъ подробно, съ знаніемъ, давалъ ей по-нѣмецки поясненія о каждой мѣстности, а она, внимательно слушая его, сіяющими голубыми глазами глядѣла на его лицо, и на пѣнившіяся подъ пароходомъ волны рѣки, и на ея берега, оглянулась мелькомъ и на меня, и — столько свѣтилось въ этихъ глазахъ заразительной радости и любви, что подъ ихъ обаяніемъ мигомъ испарилось во мнѣ жуткое и непріятное впечатлѣніе подслушанной невольно размолвки русской парочки.

IV.

Часовъ въ двѣнадцать ночи возвращался я, послѣ спектакля въ одномъ изъ парижскихъ бульварныхъ театровъ, къ себѣ въ гостинницу въ rue du Richelieu. Путь мой лежалъ чрезъ Итальянскій бульваръ, опустѣлый и отъ поздняго часа, и потому, что на тотъ разъ моросилъ дождикъ. Вдругъ меня останавливаетъ какой-то встрѣчный мужчина, небольшого роста, не старый еще брюнетъ съ бородою, довольно прилично одѣтый.

— А-а! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!.. Здравствуйте! Давно-ли въ Парижѣ?.. Что?—Вы меня, кажется, не узнаете? — выпалилъ онъ по-русски, овладѣвъ моей рукою, тряся ее и съ необыкновеннымъ умиленіемъ заглядывая мнѣ въ глаза.

Я былъ озадаченъ этой внезапной радостной встрѣчей и, вглядѣвшись въ незнакомца, убѣдился, что я первый разъ въ жизни его вижу.

— Вы,—говорю ему,—не ошиблись-ли, принявъ меня за кого-нибудь другого?

— Ну, вотъ! Я васъ отлично знаю... Вы — господинъ Михневичъ?

— Да, но, извините, васъ не имѣю чести знать.

— Полно-те! Я—Вологдовъ, извѣстный художникъ... Припоминаете? Мы еще съ вами сколько разъ встрѣчались у Боборыкина, у Антокольскаго, у Харламова... помните?

— У Боборыкина это могло-бы статься, но у Антокольскаго и Харламова никоимъ образомъ, такъ какъ я съ ними незнакомъ и никогда у нихъ не бывалъ.

— Ну, значитъ, у Боборыкина... Какъ онъ поживаетъ? Да что-же мы здѣсь стоимъ?—видимо стараясь замять вопросъ о нашемъ старомъ, якобы, знакомствѣ, говорилъ «извѣстный художникъ», хотя — каюсь въ моемъ невѣжествѣ—о существованіи его я и не подозрѣвалъ, даже имени его никогда не слыхалъ.

— Вамъ куда? — продолжалъ онъ тараторить. Домой, въ гостинницу... А гдѣ вы остановились? Въ rue du Richelieu... Вотъ и чудесно:—намъ по пути! Я васъ провожу... Вы не можете представить себѣ, какъ я радъ встрѣчѣ съ вами... Землякъ, старый знакомый, изъ Россіи, — намъ на чужбинѣ лучшаго сюрприза и желать невозможно!

Незнакомецъ овладѣлъ мною, какъ говорится, нахрапомъ и, хотя его навязчивость и развязность далеко не располагали къ нему, — я не видѣлъ еще причины отказаться отъ его сопутствія. Мы пошли. Дорогой онъ не переставалъ болтать; разспрашивалъ — когда я пріѣхалъ и надолго-ли? былъ-ли тамъ-то и тамъ-то? видѣлъ-ли то-то и то-то? Я слушалъ и односложно отвѣчалъ, догадываясь, на основаніи разсказовъ людей бывалыхъ, что все это только прелюдія, а суть разговора—всегда въ подобныхъ встрѣчахъ одна и та-же, классическая,—впереди. Я къ ней приготовился и все ждалъ—когда-же наконецъ...

— А знаете-ли,—съ размаху предложилъ незнакомецъ, остановившись на одномъ изъ перекрестковъ:—не зайти-ли намъ съ вами куда-нибудь скоротать часокъ, другой, роспить бутылочку? Я, право, такъ радъ встрѣчѣ съ вами, что не разстался-бы... Хотите въ «Chat noir?» Слыхали? Оригинальное заведеніе! Тамъ всѣ наши бываютъ...

Я зналъ этотъ ресторанъ, дѣйствительно интересный по составу своихъ гостей, но въ данную минуту никакой охоты не имѣлъ идти туда, да еще Богъ знаетъ съ кѣмъ.

— Не хотите? что-же такъ? — не унимался мой спутникъ.—Тогда вотъ что... Зайдемте—здѣсь сейчасъ близехонько—въ одно мѣстечко... Ручаюсь—спасибо скажете и будете въ восхищеніи! Красота всѣхъ расъ, сортовъ и типовъ... наши художники нарочно изучать ходятъ... Рай Магомета, да и только!

— Нѣтъ, ужь и отъ рая освободите! — отозвался я.

— Вѣдь, вотъ, какіе эти русскіе! — почти разсердился соотечественникъ.—Пріѣзжаютъ въ Парижъ, живутъ, шляются и уѣзжаютъ, не видавши того именно, чего они нигдѣ не увидятъ. Я хочу провести васъ, на радостяхъ, потому что — отъ души расположился къ вамъ, туда, куда безъ знакомства нельзя попасть... Я-же тамъ свой человѣкъ... А вы артачитесь? Ну, полно, пойдемте! Ей-Богу, благодарить будете!

— Извините, не могу теперь:—я усталъ и спать хочу.

— Экой вы, право... Да хоть на минутку... взглянуть только!

— И на минутку расположенія не имѣю.

Мы дошли до подъѣзда гостинницы, въ которой я жилъ. Я взялся за ручку звонка къ портье.

— Вы здѣсь стоите?—освѣдомился мой спутникъ. — Отлично! Завтра я вамъ, съ вашего позволенія, нанесу визитъ.

— Завтра я уѣзжаю на весь день въ Версаль,—сухо возразилъ я, давая понять, что не желаю продолжать знакомство.

— Въ Версаль? Я превосходно знаю Версаль и могу служить вамъ проводникомъ... Поѣдемте вмѣстѣ... Хорошо?

— Я уѣзжаю очень рано.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялся незнакомецъ. — Бьюсь объ закладъ, что вы принимаете меня чортъ знаетъ за кого и думаете, что я изъ корысти пристаю... Такой ужь анекдотъ про насъ, обитающихъ въ Парижѣ россіянъ, сложился дома тамъ у васъ, — знаю... Грѣшно, землякъ! Я къ вамъ со всѣмъ моимъ расположеніемъ, а вы чуть не гоните: «Отвяжись, молъ!..» Право, грѣшно!

— Милостивый государь, я васъ не знаю...

— Ладно ужь, ладно! — перебилъ меня соотечественникъ.—Богъ съ вами! Прощайте!—пожалъ онъ мнѣ руку.

— Неужели сути-то и не будетъ?—подумалъ я, входя въ отпертую портье дверь.

— Постойте!—возвратился вдругъ уже удалявшійся было «художникъ».—Мнѣ,—сказалъ онъ, смѣясь, беззаботно-благирующимъ тономъ, хочется васъ наказать, чтобы ужь, знаете, не напрасно вы обо мнѣ дурно думали, чтобы, знаете, анекдотъ-то вышелъ сполна, форменно.

— Что вамъ еще угодно?—спросилъ я.

— Дайте мнѣ взаймы двадцать франковъ до завтра... Завтра вамъ возвращу... честное слово!

— Ну, вотъ, договорились мы наконецъ съ вами до сути! Съ этого-бы слѣдовало начать... Только ужь не взыщите:—двадцати франковъ я вамъ не дамъ, а вотъ что могу...

Незнакомецъ протянулъ руку и я вложилъ въ нее монету.

— Что-жь это?—Двуфранковикъ!—обидѣлся онъ, ощупавъ мою лепту.—Нищій я вамъ, что-ли? Это просто оскорбительно... Чай, транжирите здѣсь деньги пригоршнями, а земляку суете грошъ... Это безсовѣстно! Вѣдь я не милостыни просилъ, а взаймы, на честное слово...

Онъ возвысилъ голосъ, размахивалъ руками, явно грозя скандаломъ, страхомъ котораго желалъ, очевидно, понудить меня быть къ нему щедрѣе.

— Entrez, monsieur, s'il vous plait!—изъявилъ нетерпѣніе сонный портье.

— Имѣю честь кланяться, и простите—больше я дать не могу!—сказалъ я наотрѣзъ навязчивому компатріоту и вошелъ въ дверь, которую портье тотчасъ-же сердито захлопнулъ.

Тяжелое раздумье навѣяла на меня эта, не повторившаяся болѣе, встрѣча на счетъ того жалкаго, празднаго и унизительнаго прозябанія, на которое обрекли себя на чужбинѣ многіе, къ сожалѣнію, очень многіе наши «скитальцы-всечеловѣки». Нѣкоторые изъ нихъ въ Парижѣ, какъ говорятъ, тѣмъ только и существуютъ, что выклянчиваютъ вышеописаннымъ способомъ «взаймы» у пріѣзжихъ русскихъ. Какимъ-то образомъ они узнаютъ о каждомъ изъ нихъ—кто онъ, когда пріѣхалъ, гдѣ остановился, выслѣживаютъ его и падаютъ на него, какъ снѣгъ на голову. Вѣроятно, такимъ-же порядкомъ былъ выслѣженъ и я «извѣстнымъ художникомъ», разыгравшимъ роль стараго моего знакомаго. Какъ роль эта, такъ-же, нѣтъ сомнѣнія, были взяты незнакомцемъ на прокатъ и званіе художника и самое имя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Кончина императора Вильгельма на нѣкоторое время пріостановила общественную жизнь въ Европѣ; взоры всѣхъ обратились на Берлинъ съ тревожнымъ ожиданіенъ—что-то будетъ? что слѣдуетъ ждать отъ новаго императора, вступающаго въ управленіе страною, игравшей такую выдающуюся роль въ послѣдніе годы? Императора Фридриха считаютъ сторонникомъ мира и первыя его дѣйствія оправдали эти надежды; вступая на престолъ съ твердо выработанною программою царствованія, въ совершенно зрѣлыхъ, даже преклонныхъ годахъ, императоръ можетъ легко устранить тѣ вліянія, которыя окружали его отца и которыя онъ, по совѣсти, считаетъ вредными для государства и династіи; въ стремленіи къ миру императоръ встрѣтитъ поддержку всѣхъ и каждаго,—что доказывается тѣми отзывами и впечатлѣніями, которыя вызвала смерть Вильгельма по всей Европѣ,—если не считать нѣсколькихъ неполитичныхъ выходокъ мелкой французской прессы. Надо-бы впрочемъ исключить и еще одну, совсѣмъ ужь неприличную, выходку со стороны одного изъ членовъ германской имперіи, а именно микроскопическаго полувассальнаго княжества Рейссъ, по своей территоріальной незначительности не представляющаго даже размѣра избирательнаго округа и потому не имѣющаго собственнаго представителя въ рейхстагѣ; въ этомъ княжествѣ происходилъ обмѣнъ знаменъ у «войска», при чемъ вмѣсто прежней надписи «за императора, за князя и отечество»—явилась новая: «За князя и отечество», а объ императорѣ ни полслова. Со времени замолчанія Баваріи послѣ смерти короля Людвига еще ни одно союзное государство не рѣшалось столь явно нарушать общую гармонію; впрочемъ не ограничиваясь этимъ, княжеское правительство запретило обращеніе въ предѣлахъ княжества лоттерейныхъ билетовъ одного благотворительнаго общества, состоящаго подъ покровительствомъ кронпринца Вильгельма.

На горизонтѣ Франціи и Италіи черныя тучки, ожидается гроза. Независимо отъ главнаго вопроса «торговый договоръ» — непріязненныя чувства, поддерживаются разными мелочами. Во Франціи напр. одинъ изъ мѣстныхъ судовъ оправдалъ двухъ французовъ, братьевъ Герръ, обвинявшихся въ убійствѣ итальянца. Мотивъ къ оправданію было соображеніе, выставленное защитникомъ, что «если-бы отмѣтить крестомъ во французскихъ деревняхъ каждое мѣсто, гдѣ пролита была итальянцами французская кровь, то вся страна приняла-бы видъ обширнаго кладбища». Весьма естественно, что такой приговоръ вызываетъ страшное неудовольствіе въ Италіи и что общественное мнѣніе страны потребуетъ объясненій и репрессалій. Но для безпристрастнаго рѣшенія дѣла не нужно забывать, что мѣсяцъ передъ тѣмъ судъ присяжныхъ въ Ломбардіи оправдалъ итальянскаго рабочаго за умерщвленіе трехъ французовъ. Вѣроятно, вооруженное столкновеніе между обоими народами, къ сожалѣнію, слишкомъ должно было входить въ сокровенные планы Бисмарка, но нынѣ имъ, быть можетъ, не суждено осуществиться, такъ какъ, хотя Бисмаркъ и названъ въ рескриптѣ къ нему императора «милѣйшимъ княземъ», но новому государю далеко не всѣ его затѣи симпатичны.

Западъ облекся въ трауръ послѣ шумнаго веселья масляницы, во время которой западно-европейскіе города: Римъ, Ницца, Парижъ положительно сумашествуютъ въ теченіи недѣли; особенно эффектны итальянскіе карнавалы, что, впрочемъ, объясняется наступленіемъ весны, — тогда какъ у насъ даже при поздней пасхѣ, масляница неразлучна со снѣгами. Карнавалъ составляетъ какъ бы національный итальянскій праздникъ, такъ онъ торжественно обставляется; богатые выѣзжаютъ на катанья въ роскошныхъ экипажахъ, бѣдные гуляютъ пѣшкомъ, но и тѣ, и другіе конкуррируютъ въ весельѣ. Обычай допускаетъ шутки даже между незнакомцами; вся панорама оживленной толпы проходитъ предъ глазами, усыпанная цвѣтами, которые истребляются за нѣсколько дней въ баснословномъ количествѣ. Въ настоящемъ году Ницца, конкуррирующая съ Римомъ въ роскоши устройства праздника, должна была уступить ему пальму первенства, такъ какъ посѣтившее ее въ прошломъ году землетрясеніе многихъ путешественниковъ удержало отъ соблазна провести скучное на сѣверѣ время года на благодатныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Совершенно безъ иностранцевъ Ницца конечно остаться не можетъ и не столько въ силу своихъ климатическихъ условій, сколько вслѣдствіе сосѣдства Монте-Карло и рулетки. Послѣ запрещенія этой игры въ Висбаденѣ и Гамбургѣ, она перекочевала въ предѣлы монакскаго княжества подъ покровительство его сюзерена, Карла III. Этотъ правитель представляетъ собою образецъ житейской мудрости; свои финансовыя дѣла онъ устроилъ прекрасно; пожалуй, что только у него и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки доходный бюджетъ превышаетъ всѣ расходы и является избытокъ денегъ. Для достиженія цѣли онъ совершенно устранился отъ управленія наслѣдственнымъ царствомъ и передалъ всѣ свои верховныя права нѣкоему Блану, нынѣ умершему, но бывшему главнымъ пайщикомъ гамбургской рулетки. По происхожденію и знатности рода монакскій князь одинъ изъ самыхъ древнихъ. Его имени перечислить нѣтъ возможности, такъ какъ перечисленіе его титуловъ заняло-бы цѣлый столбецъ; достаточно сказать, что въ эту фамилію входитъ болѣе 200 княжескихъ, герцогскихъ, графскихъ и баронскихъ титуловъ; все это прикрашивается полнѣйшею политическою самостоятельностью и двухмилліонною арендою съ небольшого государства.

Любопытно, однако, что въ церковномъ отношеніи масляница на западѣ не представляетъ ничего выдающагося и даже въ качествѣ преддверья къ посту не имѣетъ большого значенія. Такое положеніе находитъ себѣ объясненіе въ отношеніи католической церкви къ постамъ: допуская употребленіе рыбы и молочныхъ продуктовъ для всѣхъ мірянъ, католичество находитъ цѣлый рядъ оправданій для отступленій богатыхъ и знатныхъ отъ налагаемаго церковью обычая. Отъ необходимости соблюденія семинедѣльнаго поста для католика можно освободиться посредствомъ небольшого приношенія въ пользу папской датаріи; на ряду съ этимъ слѣдуютъ исключенія отъ общаго принципа: запрещая охоту на дичь во все продолженіе поста, разрѣшается рыболовство, да и первое занятіе было оффиціально дозволено Людовику XIV подъ условіемъ раздачи части добычи больнымъ и престарѣлымъ; каноническія правила дѣлаютъ, напримѣръ, различіе между домашнею и дикою уткою: первая безусловно запрещается для ѣды во время поста, вторая же допускается.

У насъ отходитъ масляница; въ Западной Европѣ, живущей на двѣнадцать дней скорѣе насъ, уже давно наступилъ великій постъ; у китайцевъ же только что отпразднованъ новый годъ. Какъ извѣстно, сыны небесной имперіи приняли лунную систему лѣтосчисленія; каждый мѣсяцъ года начинается съ нарожденія луны, а новый годъ—съ момента появленія февральской луны; праздники по случаю новаго года продолжаются двѣ недѣли; употребляемые при этомъ народные обычаи представляютъ много интереснаго для европейца своею оригинальностью. Прежде всего самая рамка, окружающая картину празднествъ, поражаетъ полнымъ противорѣчіемъ всего общепринятаго въ Европѣ; улицы въ китайскихъ городахъ отличаются отъ европейскихъ отсутствіемъ домовъ, выходящихъ на улицу; прохожему представляется только длинный рядъ стѣнъ или заборовъ, изъ-за которыхъ выдаются кровли надворныхъ построекъ, главное же жилище очень удалено отъ улицы и прежде, чѣмъ дойти до него, надо пройдти иногда нѣсколько маленькихъ дворовъ, пестро и неуклюже занятыхъ разными пристройками. О чистотѣ на улицахъ лучше не спрашивать; пыльныя лѣтомъ и покрытыя непролазною грязью въ дождливое время годы, онѣ переполняются всякими отбросами изъ всѣхъ прилегающихъ домовъ; единственными санитарами служатъ собаки, громадными стаями рыскающія по городу; отъ грязи же богатыхъ китайцевъ спасаютъ паланкины, бѣдныхъ--страшной высоты подошвы на особо устраиваемыхъ калошахъ.

Отъ своей замкнутой жизни китайцы отрѣшились лишь очень недавно, но и до сихъ поръ не перестаютъ съ большимъ недовѣріемъ относиться ко всякому посягательству путешественника заглянуть въ ихъ внутреннюю жизнь.

Канунъ новаго года шуменъ и оживленъ, улицы переполнены народомъ, что особенно поражаетъ въ большихъ городахъ, какъ напр. Пекинѣ, имѣющемъ трехмилліонное населеніе; въ столицѣ самый праздникъ начинается по сигналу изъ императорскаго дворца: ровно въ полночь пускается ракета, возвѣщающая жителямъ о наступленіи новаго года и приглашающая ихъ къ веселью, такъ какъ, по народному повѣрью, для благополученія въ цѣломъ году нужно непремѣнно весело прожить его первые двѣ недѣли. Вслѣдъ за ракетою Пекинъ сразу озаряется тысячами огней, сожигающихъ заклинанія китайцевъ отъ всѣхъ несчастій; для этого около каждаго дома до уровня крыши ставится особый деревянный жертвенникъ, на который кладутся груды листовъ, исписанныхъ молитвами, и серебряной бумаги (суррогатъ металла въ виду его цѣнности); по отзывамъ путешественниковъ, отъ одновременнаго сожженія всего бумажнаго хлама получается величественная картина. Въ это время дворецъ собираетъ всю знать и всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ, спѣшащихъ принести свои поздравленія «Сыну Солнца». При этомъ по церемоніалу дѣлается каждымъ девять колѣнопреклоненій, изъ чего можно заключить о продолжительности церемоніи.

Въ домахъ простыхъ смертныхъ тотчасъ послѣ жертвоприношеній начинается пиръ, оообенно веселый, если при сожженіи дымъ и пепелъ поднялись прямо вверхъ; въ текущемъ году, слѣдовательно, приходится ждать много хорошаго и нѣтъ никакой причины не радоваться счастливому году.

Пиръ, который продолжается затѣмъ до разсвѣта, въ состояніи поразить самаго обжорливаго европейца, до того громадно количество подаваемыхъ блюдъ; въ слѣдующіе пять дней меню повторяется, такъ какъ по существующимъ вѣрованіямъ, признается совершенно невозможнымъ не только приготовленіе новыхъ блюдъ на очагѣ, но и подогрѣваніе старыхъ. Система поздравительныхъ визитовъ примѣняется не хуже, чѣмъ у насъ, хотя въ аристократіи существуетъ благородный обычай—не принимать посѣтителей, за то въ среднемъ классѣ привѣтствія приносятся лично и сопровождаются угощеніемъ. Обыкновенно очень скромные въ своей домашней жизни, въ новогодніе дни китайцы раскучиваются и съ одинаковымъ радушіемъ принимаютъ родныхъ и незнакомыхъ. На стѣнахъ многихъ домовъ китайцы расклеиваютъ листы съ загадками, до которыхъ они большіе охотники. Разгадавшій имѣетъ право войдти въ домъ и получить угощеніе, а иногда—у богатыхъ и денежный подарокъ.

Открываемые по городамъ базары привлекаютъ къ себѣ толпы народа, на улицахъ идутъ разныя игры въ родѣ гимнастическихъ упражненій, подбрасыванія тяжести или состязаніи въ ловкости въ игрѣ съ шарами; театры также переполняются. Оригинальная особенность: актрисъ-китаянокъ вовсе нѣтъ, а женскія роли исполняются мужчинами; изображаемыя пьесы обыкновенно историческаго содержанія; одна изъ главныхъ приманокъ театровъ заключается въ присоединенныхъ къ нимъ харчевняхъ, откуда отпускаются въ ложи цѣлые обѣды; такимъ образомъ театръ является пріятнымъ дополненіемъ къ обѣду, которымъ заняты почти всѣ зрители.

М. Кольцовъ.

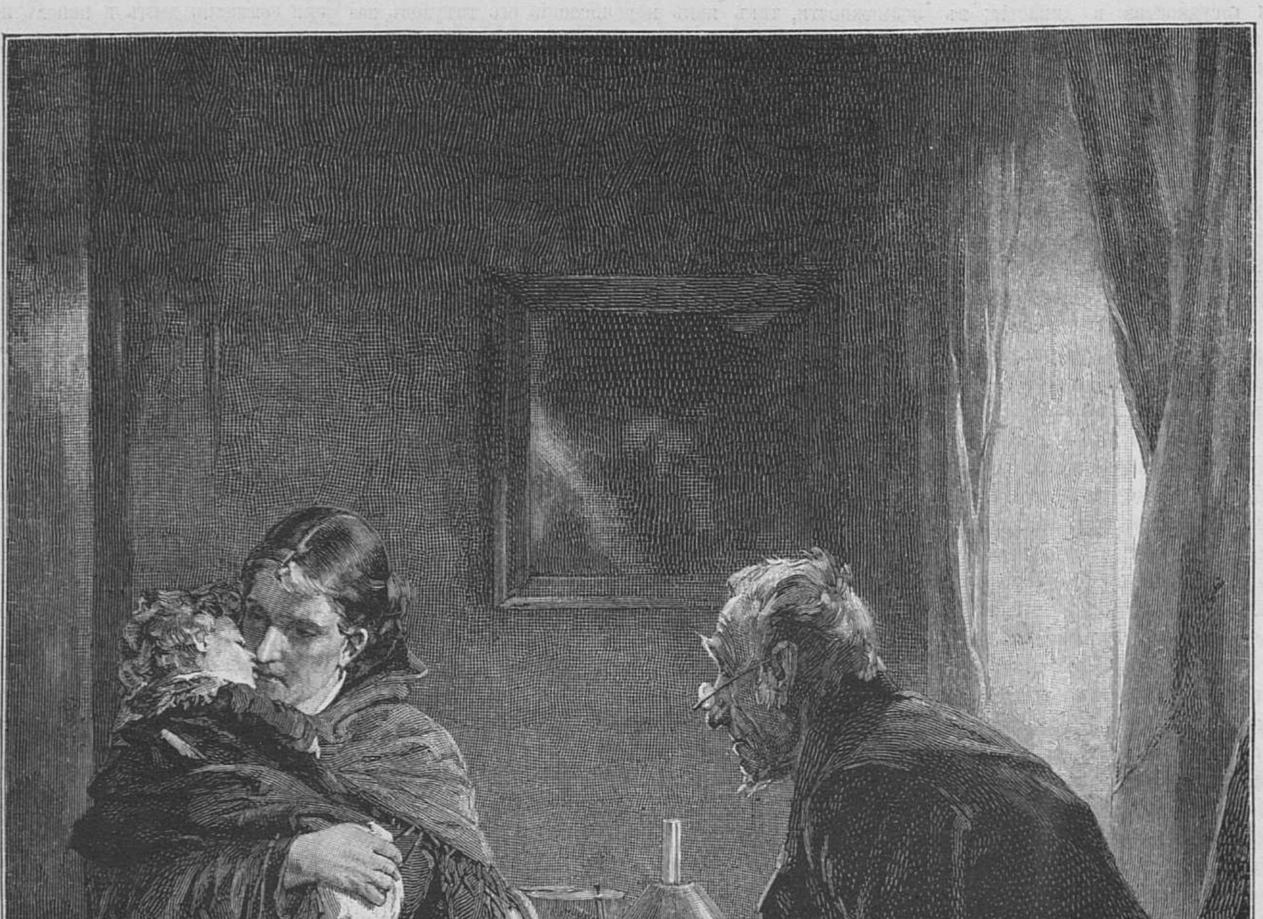
ЖУРНАЛИСТИКА.

«Русская Мысль».

«Русская Мысль» запаслась «большимъ романомъ на 1888 годъ и печатаетъ его въ январской книжкѣ; въ первыхъ двухъ книжкахъ за настоящій годъ отпечатано уже десять главъ первой части, въ размѣрѣ пяти листовъ. Мы не знаемъ, изъ сколькихъ частей состоитъ весь романъ г. Салова и какой его объемъ. Но по началу можемъ судить, что объемъ романа будетъ очень значительный, романъ растянется на нѣсколько книжекъ и читатели будутъ заняты имъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ виду всего этого мы считаемъ необходимымъ хоть на короткое время остановиться на новомъ произведеніи г. Салова. Романъ носитъ названіе: «Грезы». Что пріобрѣтутъ читатели въ новомъ произведеніи г. Салова, объ этомъ еще не время говорить. Но напечатанныя главы не производятъ пріятнаго впечатлѣнія ни содержаніемъ, ни формою. Не смотря на значительное количество отпечатанныхъ листовъ романа, дѣйствіе не начато и положенія не опредѣлены. Читатель еще ничего не знаетъ и ничего не ожидаетъ; въ немъ ничѣмъ еще не затронутъ интересъ. Начавшій хорошо, говорятъ, сдѣлалъ уже половину дѣла. Дурнымъ началомъ можно испортить если не все, то очень многое. Г. Саловъ началъ свой романъ весьма неудачно. Мы не гадаемъ о томъ, что будетъ, а говоримъ о томъ, что есть сейчасъ. Въ романѣ описано слѣдующее событіе: Въ городъ Энскъ пріѣхалъ на гастроли пользующійся большимъ успѣхомъ въ провинціи трагикъ Печоринъ. Онъ почему-то обратилъ свое благосклонное вниманіе на молоденькую, только начавшую театральную карьеру и ничѣмъ еще на зарекомендовавшую себя актрису Милину. Благодаря высокому покровительству Печорина, Милина удостоилась играть съ нимъ въ Гамлетѣ роль Офеліи, и играла такъ, что даже и ему, знаменитому трагику, не приходилось еще видѣть лучшей Офеліи. За этотъ успѣхъ молодая актриса поплатилась нервною болѣзнью.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Ф. Брютта.



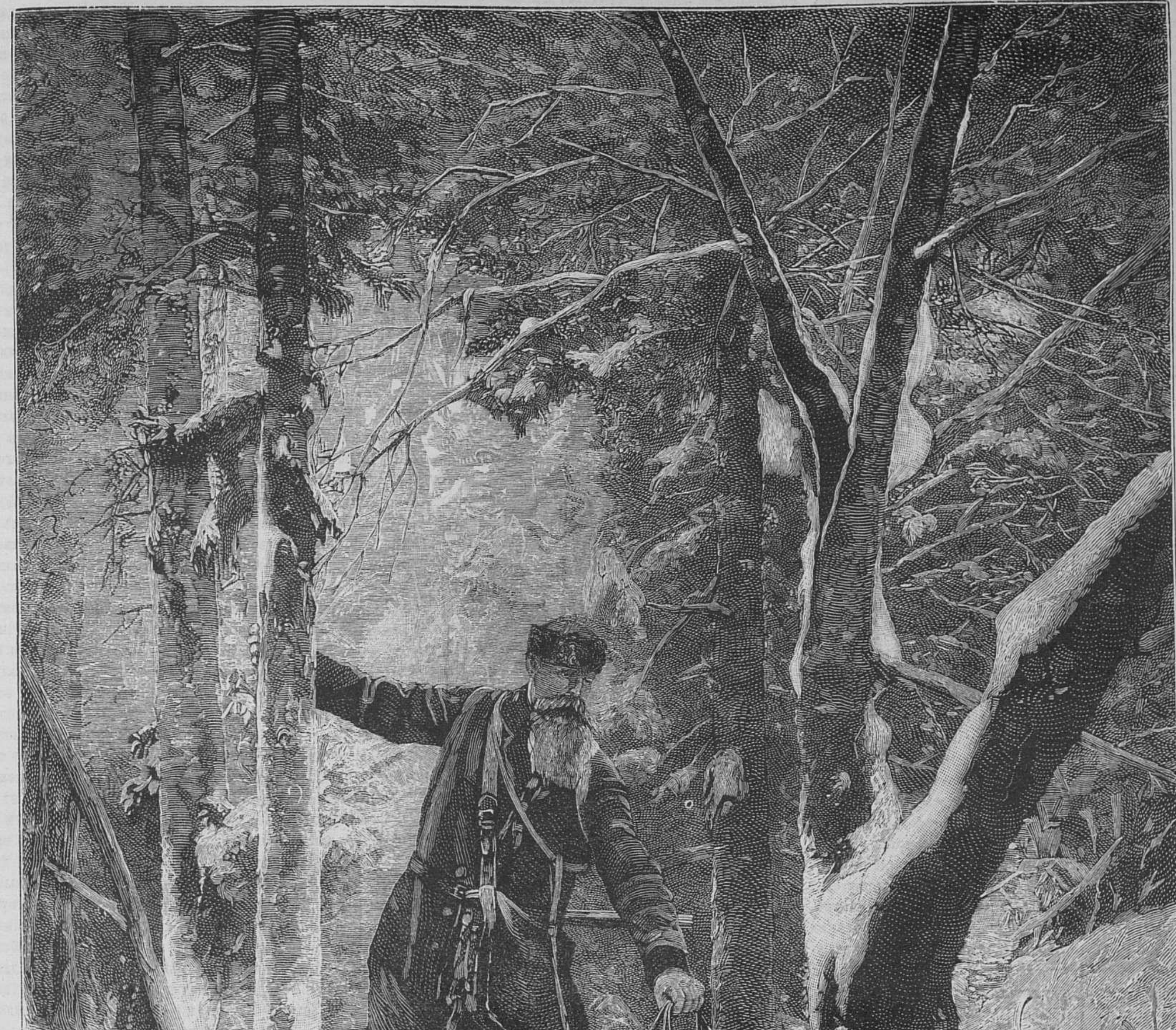
Послѣдняя цѣнная вещь.

Гравировалъ на деревѣ Крей и Эдлеръ.

Вотъ и все содержаніе отпечатанныхъ главъ романа. Что будетъ дальше, объ этомъ судить нѣтъ никакихъ данныхъ. Одно несомнѣнно, что Милина будетъ героиня романа; а въ судьбѣ ея будутъ имѣть немаловажное значеніе: актеръ Печоринъ, штатскій генералъ Туберкулозовъ, ея крестный отецъ и покровитель, и Вася Котоминъ, маленькій банковскій чиновникъ, другъ дѣтства. Начало романа сдѣлано такъ искусно, что къ нему удобно присоединить какое хотите продолженіе и окончаніе. Можно Милину сдѣлать замѣчательной актрисой, пустить на гастроли вмѣстѣ съ Печоринымъ, подвергнуть всякимъ жизненнымъ треволненіямъ и послѣ всего этого обручить съ Васею и успокоить въ тихомъ семейномъ кругу. Это будетъ благополучная развязка. А если хотите трагическаго конца, можно сдѣлать иначе. Пусть Милина сначала обручится съ Васею, а потомъ броситъ семейный очагъ, разрушитъ счастіе любящаго человѣка и пойдетъ и пойдетъ куралесить себѣ на погибель... Матеріалъ въ романѣ набросанъ въ такомъ безпорядкѣ, что изъ него можно дѣлать что угодно; дѣйствующія лица до сихъ поръ такъ мало опредѣлились, что ихъ можно поставить въ какое угодно положеніе и заставить играть какую хотите роль. Печоринъ—актеръ хорошій; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но что онъ за человѣкъ? На это авторъ не даетъ отвѣта. Можно предполагать, что онъ преизрядная дрянь. Но изъ этой слишкомъ общей характеристики трудно сдѣлать какой-нибудь болѣе опредѣленный выводъ. Почему же онъ обратилъ свое бласклонное вниманіе на Милину? какіе онъ имѣетъ на нее виды? что онъ хочетъ съ нею сдѣ-

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Бельгерса.



Напалъ на слѣдъ.

Гравировалъ для журн. «Живоп. Обозр.» В. Шпрингеръ.

лать? Романъ начатъ съ того, что онъ обратилъ на нее благосклонное вниманіе, а на другихъ смотрѣть не хочетъ; съ нею разговариваетъ, а на другихъ актрисъ кричитъ, когда онѣ на него съ подобострастіемъ издали посматриваютъ. Приходится думать, что такъ какъ-то ему приглянулась молоденькая наивная дѣвочка; что онъ любитъ молоденькихъ, смазливенькихъ дѣвочекъ. О Милиной только и можно сказать, что она молоденькая и наивная; весь характеръ въ этомъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ совсѣмъ позабылъ свою героиню; онъ занялся ею довольно обстоятельно. Онъ разсказалъ, какъ она росла и училась, какъ повисла на шею старику, укравшему съ барки воблу и тѣмъ спасла его отъ побоевъ; описалъ чудесное или, лучше, нелѣпое путешествіе и по Волгѣ на островъ... Но всѣ эти розсказни ни на что не годны. Авторъ любитъ длинно-предлинно разсказывать самыя обычныя вещи самымъ обычнымъ образомъ: напримѣръ, пріѣздъ актера и шипѣніе противъ него мѣстной труппы, крестины, пьянственный кутежъ генерала Туберкулозова съ дѣвицами и проч. и проч. Чтобы разсказы были занимательнѣе, онъ всѣхъ актеровъ и актрисъ заставляетъ шипѣть до подлости и до глупости, попъ на крестинахъ цѣлуетъ руку куму за неожиданно хорошую плату, генералъ кутитъ въ чужой банѣ, должно быть для секретности. Авторъ весьма часто прибѣгаетъ къ манерѣ мастеровъ лубочныхъ картинъ; да если и желаетъ иногда что-нибудь отдѣлать и вырисовать поотчетливѣе, то дѣлаетъ это какъ-то странно. По его цѣлямъ нужно было «покороче познакомить читателя» съ генераломъ Ипполитомъ Петровичемъ Туберкулозовымъ, крестнымъ отцемъ героини Милиной, и губернскимъ секретаремъ Павломъ Степановичемъ Шумилинымъ, отцомъ Милиной (Милина, театральное прозвище Шумилиной). Авторъ и приступаетъ къ этому съ усердіемъ. «Шумилинъ имѣлъ видъ пасмурный, угрюмый, забитый; тѣлосложенія былъ вялаго; бритое лицо его съеживалось морщинами и во всѣхъ его движеніяхъ проглядывала какая-то робость; сморкался онъ въ руку и только высморкавшись, утиралъ носъ и руку платкомъ. Туберкулозовъ же олицетворялъ собою постоянное довольство и веселость. Шумилинъ былъ дрянь-дрянью, а Туберкулозовъ—молодецъ-молодцомъ... Послѣдній носилъ коротко подстриженныя бакенбарды, одѣвался всегда по послѣдней модѣ, мнѣніе свое высказывалъ съ увѣренностью, съ апломбомъ и сморкался не иначе, какъ въ самые изящные носовые платки, постоянно вспрыснутые духами. Шумилинъ, бывало, чтобы высморкаться, отскакивалъ куда-нибудь, либо въ уголъ, либо за дверь, а Туберкулозовъ, наоборотъ, дѣлалъ это какъ-то среди комнаты, встряхивалъ платкомъ, не торопясь подносилъ его къ носу обѣими руками, окидывалъ все общество пріятнымъ взглядомъ и только тогда уже сморкался»... И дальше идетъ длиннѣйшее описаніе въ этомъ родѣ. Такими художественными описаніями переполненъ весь романъ г. Салова.

Въ февральской книжкѣ помѣщенъ разсказъ г. Боборыкина, тоже изъ театральной жизни, подъ заглавіемъ «Вторая отъ воды». Вѣроятно не всѣ знаютъ, что бы могло значить такое заглавіе, а можетъ быть и многіе не знаютъ, что-такое—«вторая отъ воды». Г. Боборыкинъ ужь всегда умѣетъ выдумать что-нибудь удивительное, заставляющее задуматься. «Вторая отъ воды»—это балетный терминъ; имъ обозначаютъ танцовщицъ, занимающихъ не высокое положеніе въ балетной іерархіи. Танцовщица Марина Игнатьевна и есть «вторая отъ воды»—героиня разсказа г. Боборыкина. Почтенный романистъ въ этомъ разсказѣ показалъ новую свою манеру: онъ помѣщаетъ латинскія фразы, а прежде онъ пересыпалъ рѣчь свою изреченіями на новыхъ языкахъ. Это, впрочемъ, для читателя еще не великая радость. Разсказъ кратокъ и въ немъ сравнительно не много вывертовъ и выкрутовъ, которыми г. Боборыкинъ переполняетъ обыкновенно свои произведенія во вредъ имъ. Это, во всякомъ случаѣ, пріятная новость въ творчествѣ г. Боборыкина. Даже можемъ указать и болѣе пріятную новость въ манерѣ почтеннаго романиста: онъ въ своемъ разсказѣ главнымъ образомъ занимается людьми, а не стульями, столами, платьями и другими неодушевленными предметами, для которыхъ онъ такъ часто совсѣмъ забывалъ человѣка и его жизнь. Въ жизни человѣка, даже такого небольшаго, какъ Марина Игнатьевна, всегда найдется много, что стоитъ разсказать и надъ чѣмъ можно подумать. Разсказъ г. Боборыкина вообще производитъ пріятное впечатлѣніе.

Г. Данилевскій написалъ новый историческій романъ, изъ исторіи Пугачева. Маленькій отрывокъ изъ этого романа—подъ заглавіемъ: «Первая искра» напечатанъ въ январской книжкѣ «Русской мысли». Отрывокъ касается самаго начала пугачевщины, когда Пугачевъ только что объявился Петромъ Θеодоровичемъ и пріобрѣтаетъ себѣ первыхъ послѣдователей и сподвижниковъ. Въ напечатанномъ отрывкѣ изъ романа г. Данилевскаго нѣтъ чего-нибудь яркаго, характернаго для времени или для личности Пугачева. Можетъ быть, достоинства новаго произведенія г. Данилевскаго для читателя ослабляются невольнымъ сравненіемъ его съ произведеніемъ великаго художника, съ которымъ, конечно, не имѣлъ намѣренія состязаться г. Данилевскій, не смотря на то, что онъ взялъ для своего настоящаго произведенія тэму, имъ впервые обработанную. Кромѣ Пушкина, Пугачевымъ занимался еще и гр. Сальясъ. Для читателя и критика, безъ сомнѣнія, будетъ очень интересно сравнить произведенія разныхъ писателей, касающіяся одного времени и одной исторической личности.

Первыя двѣ книжки «Русской Мысли» чрезвычайно богаты статьями научнаго и публицистическаго содержанія и нужно добавить: солидными и цѣнными статьями. Мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ. Ф. Ф. Мартенсъ напечаталъ статью: «Россія и Пруссія въ эпоху реставраціи». Почтенный профессоръ международнаго права дѣлаетъ много новыхъ и серьезныхъ замѣчаній, основанныхъ на изученіи дипломатической переписки архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Прежде всего, во вступленіи къ своей статьѣ, ученый авторъ объявляетъ ошибочнымъ и тенденціознымъ мнѣніе, что императоры Александръ I и Николай I въ управленіи дѣлами внѣшней русской политики находились подъ вліяніемъ своихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. На основаніи дѣлъ, находящихся въ дипломатическихъ архивахъ, можно придти къ несомнѣнному убѣжденію, что не только почти каждая дипломатическая депеша собственноручно утверждалась государями, но что всѣ рѣшительные дипломатическіе шаги всегда дѣлались по личной иниціативѣ царствующаго государя, и на основаніи инструкціи, собственноручно имъ написанной. Императоръ Александръ собственноручно писалъ и самъ сочинялъ всѣ, важныя съ государственной точки зрѣнія, письма къ прусскому королю. Точно также Александромъ писаны съ начала до конца и, конечно, не подъ диктовку министра и самые интересные и важные акты вѣнскихъ переговоровъ и ахенскаго конгресса. Еще больше вниманія дѣламъ этого рода удѣлялъ императоръ Николай. На всѣхъ депешахъ онъ собственноручно писалъ резолюціи съ точнымъ опредѣленіемъ направленія дѣлъ. Мало того, онъ сочинялъ подробныя записки относительно всѣхъ важныхъ событій своего времени. Съ нѣкоторыми изъ нихъ впервые знакомитъ г. Мартенсъ. По мнѣнію г. Мартенса, ни одинъ министръ иностранныхъ дѣлъ у насъ не имѣлъ рѣшительнаго и даже руководящаго значенія, и меньше всего самостоятельнаго вліянія имѣлъ графъ Нессельроде. Статья г. Мартенса, помимо своего серьезнаго научнаго достоинства, представляетъ много интереснаго въ виду обстоятельствъ настоящаго времени.

Къ такому-же роду статей должно отнести и статью г. Венюкова; «Панамскій каналъ». Авторъ, извѣстный писатель и путешественникъ; дѣло ему извѣстно и по книгамъ, и личнымъ наблюденіямъ; свѣдѣнія его относятся къ самому послѣднему времени: статья помѣчена: О-въ Сенъ-Томасъ, 10-го декабря 1887 г. Прослѣдивши самымъ основательнымъ образомъ всю работу по прорытію канала до послѣдняго мѣсяца, авторъ задается вопросомъ, какія послѣдствія будетъ имѣть выполненіе этого грандіознаго предпріятія? Теперь можно предвидѣть только нѣкоторыя послѣдствія. Во-первыхъ съ прорытіемъ канала значительно сократятся разстоянія между главными портами обоихъ полушарій, западнаго и восточнаго. Это благотворно повліяетъ на всемірную торговлю и вообще на сношенія разныхъ частей свѣта. Для американцевъ Панамскій каналъ важнѣе, чѣмъ для европейцевъ, и понятно, они отъ него выиграютъ болѣе чѣмъ французы и англичане. Отсюда ясно само собою, что они будутъ употреблять всѣ усилія, чтобы завладѣть каналомъ посредствомъ-ли скупа акцій теперешней компаніи, или посредствомъ разоренія ея, чтобы самимъ заступить ея мѣсто, или, наконецъ, посредствомъ военнаго захвата. Такимъ образомъ слѣдуетъ предвидѣть различныя политическія комбинаціи по поводу Панамы и даже возможность войнъ. Другое важное политическое вліяніе Панамскаго канала обнаружится на средней и южной Америкѣ. Составляющія ихъ республики, кромѣ чилійской, доселѣ такъ ничтожны, на вѣсахъ міровой политики, что ихъ обыкновенно не принимаютъ въ разсчетъ при обдумываніи политическихъ комбинацій. Отнынѣ будетъ не такъ: онѣ быстро усилятся и разбогатѣютъ. Наконецъ, почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ направленія всемірной торговли черезъ Панаму, по Антильскому морю, будетъ окончательное отдѣленіе европейскихъ колоній въ антильскомъ архипелагѣ отъ ихъ метрополій: эти колоніи сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, почувствуютъ надобность быть самостоятельными и тяготѣть къ Америкѣ, а не къ Европѣ. Будущему историку, такимъ образомъ, пожалуй часто придется вспоминать Лессепса.

П. Скромный.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Святѣйшимъ Синодомъ распубликовано слѣдующее распоряженіе: въ текущемъ 1888 г. исполнится 900-лѣтіе крещенія русскаго народа при святомъ и благовѣрномъ князѣ Владимірѣ. Въ благодарномъ воспоминаніи объ особой милости Божіей, озарившей русскую землю свѣтомъ истинной вѣры и о подвигахъ святаго и равноапостольнаго князя Владиміра, заботами котораго было впервые положено твердое основаніе христіанскому просвѣщенію русскаго народа по ученію восточной православной церкви, святѣйшій Синодъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ чадъ россійской церкви къ торжественному принесенію Господу Богу благодарственной молитвы и къ прославленію святаго и равноапостольнаго князя Владиміра, нареченнаго во св. крещеніи Василіемъ, и въ виду сего, полагая пріурочить молитвенное воспоминаніе о крещеніи русскаго народа ко дню чествованія памяти просвѣтителя русской земли — 15-му іюля, святѣйшій Синодъ благословляетъ: наканунѣ, 14-го іюля, во всѣхъ церквахъ Имперіи соборныхъ, приходскихъ и монастырскихъ, а также церквахъ придворнаго и военнаго вѣдомства и во всѣхъ домовыхъ, имѣющихъ особые причты, совершить всенощное бдѣніе по чину богослуженія, положеннаго уставомъ на храмовые праздники; въ самый же день празднованія, 15-го іюля, божественную литургію въ каѳедральныхъ соборахъ епархіальнымъ преосвященнымъ, а въ отсутствіи ихъ—викаріямъ, въ прочихъ церквахъ настоятелямъ, въ сослуженіи остальныхъ священнослужителей, съ произнесеніемъ соотвѣтствующихъ воспоминаемому событію поученій; по окончаніи же литургіи — благодарственное Господу Богу молебствіе съ крестнымъ ходомъ на рѣку, или источникъ для водоосвященія по чину, положенному на 1-е августа. Чтеніе акаѳиста святому и равноапостольному князю Владиміру можетъ быть отнесено и къ всенощному бдѣнію, и къ самому дню празднества, въ который разрѣшается цѣлодневный звонъ. Епархіальнымъ преосвященнымъ предоставляется сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ въ этотъ день торжественныхъ собраній съ произнесеніемъ рѣчей, посвященныхъ празднуемому событію. Что же касается чествованія девятисотлѣтія крещенія русскаго народа въ г. Кіевѣ, то таковое дозволяется совершить въ порядкѣ, начертанномъ митрополитомъ кіевскимъ въ представленіи его святѣйшему Синоду по сему предмету. Вмѣстѣ съ симъ для запечатлѣнія навсегда въ благоговѣйной памяти православныхъ чадъ русской церкви имени просвѣтителя русскаго народа, святаго и равноапостольнаго князя Владиміра, святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ установить: а) чтобы въ молитвахъ на литіи, по Евангеліи на утрени передъ канономъ, равно на тѣхъ отпустахъ и молитвахъ, въ коихъ поминаются имена святителей вселенскихъ и русской церкви, имя св. и равноапостольнаго князя Владиміра поминалось непосредственно послѣ именъ свв. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, учителей словенскихъ, и б) чтобы день празднованія памяти св. и равноапостольнаго князя Владиміра, 15-го іюля, былъ отнесенъ къ числу среднихъ церковныхъ праздниковъ и для сего въ печатныхъ мѣсяцесловахъ число это означалось, какъ принято, крестомъ въ полукругѣ. О чемъ, для должныхъ къ исполненію распоряженій и для всеобщаго свѣдѣнія, напечатать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» вмѣстѣ съ выпискою изъ представленія преосвященнаго митрополита кіевскаго о порядкѣ празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ городѣ Кіевѣ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о будущей политикѣ Германіи занимаетъ не только государственныхъ людей, отвѣтственныхъ за свои дѣйствія, но также и общественное мнѣніе всѣхъ странъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ рескриптѣ новаго германскаго императора, на имя канцлера князя Бисмарка, содержаніе котораго въ виду его интереса и важности, мы приводимъ дословно: «Милый мой князь. Принявъ бразды правленія, я чувствую потребность обратиться къ вамъ, многолѣтнему, заслуженному первому слугѣ моего покойнаго отца. Вы были всегда его вѣрнымъ и безстрашнымъ совѣтникомъ, который воплощалъ цѣли его политики въ опредѣленныя формы, обезпечивалъ успѣшное осуществленіе ихъ. Вамъ обязанъ я и мой домъ горячею благодарностью. Поэтому вы имѣете право прежде всего узнать, какими взглядами будетъ руководствоваться мое правленіе. Конституція и правовыя постановленія Имперіи и Пруссіи имѣютъ быть соблюдаемы превыше всего, съ достодолжнымъ уваженіемъ, дабы они срослись съ нравами и обычаями народа. Поэтому слѣдуетъ по возможности избѣгать потрясеній, вызываемыхъ частою перемѣною государственныхъ учрежденій и законовъ. Преуспѣяніе задачъ имперскаго правительства не должно колебать тѣхъ твердыхъ основаній, на которыхъ прусское государство до сихъ поръ покоилось прочно и крѣпко. Въ имперіи необходимо также добросовѣстно уважать конституціонныя права всѣхъ союзныхъ правительствъ, какъ и права рейхстага, но съ той и другой стороны слѣдуетъ добиваться подобнаго же уваженія къ правамъ императора, причемъ надо имѣть въ виду, что эти обоюдныя права должны служить лишь преуспѣянію общественнаго благосостоянія, между тѣмъ какъ высшимъ закономъ останется то правило, что вновь нарождающіяся несомнѣнныя національныя нужды должны быть удовлетворяемы въ полной мѣрѣ. Необходимымъ, самымъ вѣрнымъ залогомъ безпрепятственнаго преуспѣянія этихъ задачъ я считаю неприкосновенность вооруженныхъ силъ страны, моей испытанной арміи и развивающагося флота, на который возложены серьезныя задачи вслѣдствіе пріобрѣтенія заморскихъ владѣній. Армія и флотъ должны во всякое время оставаться на высотѣ совершенства своей организаціи, которая обосновала ихъ славу и обезпечиваетъ имъ дальнѣйшіе успѣхи. Я рѣшилъ управлять имперіей и Пруссіей при добросовѣстномъ соблюденіи постановленій имперской конституціи и конституціи прусской. Эти учрежденія, созданныя моими предками на престолѣ въ мудромъ сознаніи неотложныхъ нуждъ предстоящихъ къ разрѣшенію трудныхъ задачъ общественной и государственной жизни, должны быть всѣми уважаемы, дабы они могли проявить свою силу и благотворное дѣйствіе. Я желаю, чтобы вѣками моимъ домомъ соблюдавшійся принципъ религіозной терпимости и впредь служилъ защитой всѣмъ моимъ подданнымъ, къ какой бы религіозной общинѣ, къ какому бы исповѣданію они ни принадлежали. Каждый изъ нихъ одинаково близокъ моему сердцу, такъ какъ всѣ они въ одинаковой мѣрѣ доказали свою полную преданность въ дни опасности. Согласно съ воззрѣніями моего покойнаго отца, я горячо буду поддерживать всѣ стремленія, могущія споспѣшествовать экономическому преуспѣянію различныхъ классовъ общества, примирять противоположные ихъ интересы и по мѣрѣ силъ смягчать неизбѣжное зло, не возбуждая, однако, ожиданій, будто путемъ вмѣшательства государства возможно уничтожить всѣ бѣдственныя стороны общественнаго строя. Съ соціальными вопросами тѣсно связанными я считаю попеченія, обращенныя въ сторону воспитанія подростающихъ поколѣній. Если съ одной стороны необходимо высшее образованіе сдѣлать доступнымъ все болѣе и болѣе широкому кругу лицъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ принять мѣры предосторожности, чтобы полуобразованіе не создавало серьезныхъ опасностей, чтобы не пробуждались притязанія, которыхъ не могутъ удовлетворить экономическія силы народа; равно слѣдуетъ избѣгать, чтобы при одностороннемъ стремленіи къ пріумноженію знаній не оставались втунѣ задачи воспитанія юношества. Только если молодое поколѣніе выростетъ на здравыхъ началахъ богобоязненности, въ простотѣ нравовъ, оно будетъ владѣть достаточной силой сопротивленія, чтобы преодолѣть опасности, которыя возникаютъ для общества въ настоящее время быстрыхъ экономическихъ движеній, благодаря примѣрамъ высокоприподнятыхъ требованій отъ жизни отдѣльныхъ лицъ. Я желаю, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ на государственной службѣ стремились противодѣйствовать искушенію къ несоразмѣрной тратѣ денегъ. Каждому предложенію финансовыхъ реформъ заранѣе обезпечено мое безпристрастное разсмотрѣніе, если издавна съ успѣхомъ практикующаяся въ Пруссіи бережливость не позволитъ избѣжать наложенія новыхъ тяготъ или можетъ привести къ облегченію прежнихъ налоговъ. Дарованное болѣе обширнымъ и мелкимъ общинамъ въ государствѣ самоуправленіе я считаю благотворнымъ; за то я признаю необходимымъ обсудить, не возникаетъ ли несоразмѣрное обложеніе отдѣльныхъ лицъ вслѣдствіе того, что общинамъ предоставлено право налагать налоги, которымъ они пользуются, не обращая достаточнаго вниманія на сборы, одновременно устанавливаемые имперіей и каждымъ отдѣльнымъ государствомъ. Равнымъ образомъ слѣдуетъ обсудить, не можетъ-ли быть допущено нѣкоторое упрощеніе въ строѣ административныхъ властей, въ какомъ случаѣ уменьшеніе числа чиновниковъ дало бы возможность увеличить имъ содержаніе. Если такимъ образомъ удастся сохранить во всей ихъ силѣ основы государственной и общественной жизни, то особое удовольствіе доставитъ мнѣ способствовать полному развитію германскаго искусства и науки, достигшихъ уже столь высокой степени процвѣтанія. Для осуществленія моихъ намѣреній я разсчитываю на вашу столь часто доказанную преданность, на поддержку вашей признанной опытности. Да будетъ мнѣ дано привести Германію и Пруссію путемъ мирнаго развитія къ новымъ почестямъ, при единодушномъ совмѣстномъ дѣйствіи имперскихъ органовъ управленія, при самоотверженной дѣятельности народнаго представительства, равно какъ и всѣхъ административныхъ властей, при довѣрчивомъ сотрудничествѣ всѣхъ классовъ неселенія. Не заботясь о блескѣ достославныхъ великихъ дѣлъ, я буду доволенъ, если со временемъ можно будетъ сказать о моемъ правленіи, что оно было благотворно для моего народа, полезно моей странѣ и счастіемъ имперіи. «Изъ приведеннаго рескрипта (текстъ котораго съ небольшими измѣненіями составляетъ и содержаніе манифеста къ народу) нетрудно сдѣлать выводъ, что программа новаго царствованія во многомъ расходится съ политическою программою Бисмарка, и съ перваго же акта императора Фридриха III можно замѣтить признаки раздвоенности въ германскихъ правящихъ сферахъ.—Всѣ телеграммы изъ Берлина единогласно утверждаютъ, что въ этомъ городѣ придаютъ наибольшее политическое значеніе тому, какъ отнеслось русское правительство къ горю, постигшему Германію; изъ Вѣны телеграфируютъ, что тамъ озабочены тѣмъ обстоятельствомъ, что по поводу кончины императора Вильгельма между Берлиномъ и Петербургомъ установились несравненно болѣе сердечныя отношенія, чѣмъ между Берлиномъ и Вѣною. Изъ достовѣрныхъ источниковъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, противорѣчащихъ такому взгляду на дѣло, настолько, насколько это касается лично до императора Фридриха. А между тѣмъ князь Бисмаркъ какъ будто торопится ослабить преобладающее впечатлѣніе, выступая лично отъ себя съ демонстраціей въ пользу Австро-Венгріи. Первые министры императоровъ Фридриха III и Франца-Іосифа вступаютъ въ приватную переписку, которая оглашается на столбцахъ «Wiener Zeitung». Говоря отъ своего имени, германскій канцлеръ ручается графу Кальноки за непоколебимость и прочность австро-германскаго союза, и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ тоже отъ своего имени свидѣтельствуетъ о своей вѣрѣ въ то, что узы дружбы, связывающія Австро-Венгрію и Германію, «пустили такіе глубокіе корни», что выдержатъ «въ будущемъ» всякое испытаніе.

Книжное дѣло, музыка, научныя новости, живопись и пр.

Самою обширною и богатою библіотекою является національная библіотека въ Парижѣ. Число ея томовъ равняется 2.078,000. Вообще-же Франція не занимаетъ въ этомъ отношеніи перваго мѣста среди остальныхъ европейскихъ странъ. Во Франціи всего 500 библіотекъ, заключающихъ въ себѣ около пяти милліоновъ томовъ, такъ что на 100 жителей приходится 12,5 том. Въ Австріи наприм. число библіотекъ доходитъ до 600, число томовъ до шести милліоновъ, или на 100 челов. 26,8 томовъ. Пруссія, Италія и Великобританія—всѣ оказываются значительно бѣднѣе Австріи книгохранилищами. Такъ, въ Пруссіи на 100 челов приходится 11 томовъ,—въ Италіи—16,2, въ Великобританіи—17,4 и такъ далѣе. По богатству главныхъ библіотекъ, вслѣдъ за Парижемъ, имѣющимъ 2.078,000 томовъ, идетъ британскій музей (1.000,000) мюнхенская библіотека (800,000) Берлинъ (700,000), Дрезденъ (500,000), Вѣна (420,000), Оксфордъ (300,000) и т. д. Ватиканская библіотека имѣетъ всего 30,000 том., но за то обладаетъ рѣдкими и драгоцѣнными рукописями въ количествѣ 25,000 названій. — Выставленная въ С.-Петербургѣ картина К. Е. Маковскаго «Послѣднія минуты Іоанна Грознаго», производитъ глубокое впечатлѣніе характерной фигурой умирающаго царя. Истощенная, костлявая, съ осунувшимися чертами, съ померкшимъ взоромъ, полулежа въ центрѣ картины, фигура царя ужасомъ послѣдней минуты и изнеможенной борьбой со смертью, невольно приковываетъ вниманіе зрителя. Широкій кафтанъ царя съ соболиной опушкой обнаруживаетъ безсильно протянутыя ноги. Лѣвая, страшно исхудалая рука изнеможенно повисла, и надъ нею наклонился докторъ съ ланцетомъ. За царемъ, въ изголовьи, стоитъ царевичъ Ѳеодоръ и его жена, молодая, красивая женщина. Лицо очень красиво, но мало выражающее. Въ ногахъ царя полулежитъ шутъ, съ испугомъ и ожиданіемъ смотрящій въ лицо царю. Каждая мелочь въ этой картинѣ поражаетъ тщательностью отдѣлки. Нечего и говорить о томъ, что все скомпановано со вкусомъ, свойственнымъ нашему высоко даровитому художнику, имя котораго теперь пользуется громкой извѣстностью какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, гдѣ выставка его картинъ привлекаетъ толпы любопытныхъ. Рисунокъ съ этой картины появится на страницахъ «Живописнаго Обозрѣнія». — Нарвскимъ музыкальнымъ обществомъ, учрежденнымъ въ 1884 г. и состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, открыто въ 1887 г. музыкальное училище съ общеобразовательнымъ курсомъ 2-го разряда; воспитанниковъ имѣется уже до 60, обучающихся на всѣхъ инструментахъ и составляющихъ прекрасный оркестръ; наиболѣе способнымъ ученикамъ предоставляется возможность и средства завершить свое артистическое образованіе въ консерваторіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчая такое симпатичное явленіе въ нашей провинціальной жизни, приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ распространенію музыкальныхъ знаній въ нашемъ отечествѣ оказать посильную помощь хорошему начинанію или-же постараться устроить подобныя училища и у себя на мѣстѣ. Членами нарвскаго музыкальнаго общества могутъ быть лица обоего пола, всѣхъ званій и состояній, уплачивая или 100 р. единовременно, или 10 руб. ежегодно; члены общества имѣютъ право на ношеніе особаго золотого (или золоченаго) знака съ вензелевымъ изображеніемъ покровителя общества. Этотъ знакъ, въ видѣ ордена, художественно составленъ и за особую плату высылается всѣмъ членамъ общества.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Рыданья и хохотъ. Сборникъ новыхъ стихотвореній для чтенія въ концертахъ и пр. Составленъ подъ редакціей А. Соколова. Двѣ части. С.-Петербургъ 1888 г. Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 50 к.—Это едва-ли не самый полный изъ сборниковъ подобныхъ стихотвореній, удобныхъ для чтенія на публичныхъ вечерахъ. Книга, какъ видно, пришлась по вкусу публикѣ, такъ какъ она уже выходитъ вторымъ изданіемъ.

Критико-біографическій словарь русскихъ ученыхъ и писателей *С. А. Венгерова.* Выпускъ IX. С.-Петербургъ 1888 г. Ц. 35 к.—Этотъ выпускъ начинается біографіей Александра инока и кончается біографіей В. Д. Аленицына. Біографіи отличаются все тою-же добросовѣстностью и полнотою.

Нѣмецкій самоучитель русскаго языка, составленный *А. Месковскимъ.* — Недавно вышедшая книга, названіе которой нами только-что выписано, хоть и предназначена для нѣмцевъ, но составлена настолько толково и полно, что можетъ во многихъ случаяхъ служить руководствомъ и для русскихъ. Въ Германіи, гдѣ съ нею уже успѣли познакомиться, такъ какъ она выходила выпусками, она имѣетъ очень значительный успѣхъ, Въ берлинской газетѣ «Ежедневное Обозрѣніе», издаваемой извѣстнымъ переводчикомъ Пушкина и Лермонтова, Фридрихомъ Боденштедтомъ, профессоръ русскаго языка при берлинской военной академіи, докторъ Кернеръ, между прочимъ, говоритъ:—«За послѣдніе годы ко мнѣ безпрестанно и изустно, и письменно обращаются съ вопросомъ «какое руководство можетъ служить лучшимъ пособіемъ для желающихъ изучить русскій языкъ?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, доказывающій настоятельную потребность нашего общества изучать до сихъ поръ мало распространенный въ Германіи языкъ, считаю долгомъ обратить всеобщее вниманіе на книгу г. Месковскаго, десятый и послѣдній выпускъ которой завершилъ этотъ въ высшей степени почтенный и полезный трудъ. Богатствомъ и полнотой своего содержанія учебникъ этотъ постоянно даетъ самые разумные и обстоятельные отвѣты, могущіе возникнуть при изученіи чуждаго языка и такимъ образомъ помогаетъ справляться со всѣми трудностями, неизбѣжно являющимися при изученіи этого языка и кажущимися на первый взглядъ непреодолимыми. Очень многіе изъ моихъ учениковъ, познакомившихся по моему указанію съ помянутымъ руководствомъ, единогласно утверждаютъ, что извлекли изъ этого знакомства величайшую для себя пользу. Усвоивъ себѣ это прекрасное руководство, учащійся прямо можетъ переходить къ чтенію въ оригиналѣ образцовыхъ русскихъ писателей». Мы же лично познакомившись съ этимъ толковымъ и добросовѣстно составленнымъ учебникомъ, можемъ только пожелать ему того успѣха, котораго онъ вполнѣ достоинъ.

Телефонъ.

(Окончаніе).

Открытіе дю-Монселя, на которое Эдиссонъ обратилъ всеобщее вниманіе своимъ изобрѣтеніемъ, привело къ еще болѣе поразительнымъ результатамъ, а именно къ изобрѣтенію микрофона, первымъ изобрѣтателемъ котораго былъ Юзъ, опубликовавшій этотъ приборъ въ январѣ 1878 года.

Микрофонъ въ области слуха является тѣмъ-же, чѣмъ микроскопъ въ области зрѣнія: съ помощью его для нашего слуха являются громкими звуками совершенно неуловимые для невооруженнаго уха шумъ и шорохъ. Такъ напримѣръ ползанье мухи кажется конскимъ топотомъ, тиканье карманныхъ часовъ стукомъ паровой машины и т. п. А между тѣмъ, приборъ этотъ, можно сказать, поражаетъ грубостью своей конструкціи.

Онъ состоитъ изъ палочки, заостренной по концамъ и сдѣланной изъ ретортнаго угля, которая вставлена въ углубленія двухъ другихъ угольковъ. Угольки эти соединены проволоками съ телефономъ и баттареей; на доску-же позади штатива кладутся испытуемые предметы.

Это замѣчательное изобрѣтеніе нашло тотчасъ-же обширное примѣненіе въ медицинѣ.

Микрофонъ, измѣненный д-ромъ Буде, Саваромъ, Шарденомъ и Прайе, помогаетъ докторамъ улавливать самыя слабыя біенія сердца и пульса, слышать самый незначительный шумъ въ легкихъ, въ артеріяхъ, зондировать раны, изслѣдовать малѣйшія сокращенія мускуловъ.

Какая огромная польза для науки, ибо что теперь можетъ ускользнуть отъ вниманія ученаго изслѣдователя, вооруженнаго микроскопомъ и микрофономъ?

Но въ примѣненіи къ потребностямъ будничной жизни микрофонъ играетъ второстепенную роль. Его, съ легкой руки Эдисона стали соединять съ телефонами, благодаря чему телефонное дѣло получило такое огромное распространеніе, какое мы видимъ въ настоящее время.

Изобрѣтеніе телефона произошло 1876 года и уже 1877 г. въ Америкѣ насчитывалось до 14 тысячъ телефонныхъ проводовъ. Изъ Америки телефоны проникли въ Европу, гдѣ прежде всего они появились въ Англіи, которая вскорѣ сдѣлала первый опытъ проведенія подводныхъ телефонныхъ линій. Телефонные кабели были опущены между Дувромъ и Калэ, и между Портсмутомъ и островами, при чемъ послѣдній проложенъ на протяженіи 100 верстъ 458 саж. Оба опыта оказались вполнѣ удачны. Въ 1878 году англійская газета «Daily News» соединилась съ нижнею палатою. Въ 1880 г. «Times» послѣдовалъ этому примѣру, причемъ проводники расположилъ такъ, что рѣчи парламента передавались прямо въ типографію газеты. Въ 1878 г. были проведены телефоны въ Пруссіи и во Франціи, вслѣдъ затѣмъ въ Италіи и, наконецъ, съ 1882 г. не существуетъ болѣе ни одной образованной страны, гдѣ бы не были проведены телефоны, которыми пользуются даже въ Японіи!

Чтобы вполнѣ постигнуть громадность распространенія телефоновъ, интересно взглянуть на ихъ статистику за 10 лѣтъ со времени появленія перваго телефона.

НАЗВАНІЕ СТРАНЫ.	Число сѣтей.	Число абонентовъ.
Великобританія	89	15,114
Германія	91	14,733
Италія	16	8,346
Франція	20	7,175
Швеція	15	5,705
Россія	20	5,280
Швейцарія	36	4,900
Бельгія	7	3,365
Австрія	11	3,032
Нидерланды	8	2,493
Данія	2	1,370
Испанія	3	800
Португалія	2	350
ВСЕГО	320	72,663

Кромѣ того: въ Александріи и Каирѣ числится 434 абонемента, въ Шанхаѣ — 139, въ Калькутѣ—336.

Что-же касается Америки, такъ сказать, родины телефоновъ, то въ настоящее время тамъ насчитываютъ до 747 городовъ 137,750 абонентовъ.

Словомъ, телефонныя сѣти покрываютъ почти всѣ главные города Европы. Главное затрудненіе при телефонныхъ сообщеніяхъ внѣ города представляла прокладка телефонныхъ линій, но въ настоящее время затрудненіе это устранено однимъ голландцемъ фонъ-Рисельбергъ, изобрѣтшимъ систему, при которой телефонами можно пользоваться по телеграфнымъ проволокамъ. Говорятъ, за это изобрѣтеніе французское правительство уплатило Рисельбергу милліонъ франковъ. Этимъ изобрѣтеніемъ можно считать исторію телефона законченной и, нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени онъ будетъ наравнѣ съ телеграфомъ имѣть уже всемірное значеніе.

Примѣненія телефона самыя разнообразныя. Не говоря уже о телефонѣ, какъ посредникѣ въ переговорахъ, онъ играетъ огромную роль и въ наукѣ. Его примѣняютъ въ медицинѣ, въ обсерваторіяхъ, на метеорологическихъ станціяхъ.

Между прочимъ очень интересны опыты приложенія телефона къ сценѣ или театральной телефоніи, которые были въ первый разъ показаны Адеромъ на Парижской выставкѣ 1881 года, а затѣмъ, немного спустя, у насъ въ С.-Петербургѣ.

На сценѣ Парижской оперы была расположены вдоль рампы, по обѣимъ сторонамъ суфлерской будки, 12 передатчиковъ Адера. Каждый передатчикъ былъ соединенъ съ 4 пріемниками, расположенными по стѣнамъ зала во Дворцѣ Промышленности, отстоящемъ отъ оперы на двѣ, слишкомъ, версты.

Сидѣвшіе въ залѣ съ удовольствіемъ могли прослушать всю оперу, при чемъ каждая нота была передана съ поразительною точностью!

Въ настоящее время пользуются телефонами всѣхъ возможныхъ системъ, но самыми употребительными считаются телефоны: Блекъ-Белля, Эдиссона, Говера, Адера, Сименса и двухъ нашихъ русскихъ—Голубицкаго и Охоровича.

Въ Англіи и Россіи введены телефоны системы Блекъ-Белля. Предпріятіе это у насъ ведется «международной компаніей телефоновъ Белля», уставъ которой былъ Высочайше утвержденъ 15 декабря 1881 г.

Въ настоящее время эта компанія имѣетъ свои отдѣленія въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Одессѣ и Лодзи.

Чтобы вполнѣ понять дѣятельность этого общества, достаточно привести цифры, показывающія количество переговоровъ по телефону за мѣсяцъ по среднимъ выводамъ: въ С.-Петербургѣ 68,617; Москвѣ 25,927; Варшавѣ 460,445; Одессѣ 47,713; Ригѣ 1,237.

Теперь, для полнаго понятія телефона, остается разсказать, какъ происходятъ разговоры по телефону системы Блекъ-Белля.

Въ С.-Петербургѣ на углу Невскаго проспекта и Малой Конюшенной улицы помѣщается главная телефонная станція, куда направлены проводники всѣхъ телефоновъ-абонентовъ, при чемъ каждый абонентъ имѣетъ свой № при отдѣльномъ коммутаторѣ на центральной станціи.

Каждый абонентъ, въ свою очередь, имѣетъ у себя полную станцію, состоящую изъ звонка, передатчика, пріемника и баттареи и соединенную съ центральною станціей.

Желающій переговорить съ кѣмъ нибудь подходитъ къ своей станціи и начинаетъ вертѣть ручку звонка, послѣ чего прикладываетъ пріемникъ къ уху. Вслѣдствіе верченія ручки звонка на центральной станціи съ сухимъ громкимъ стукомъ открывается № желающаго говорить и, такимъ образомъ, обращаетъ на себя вниманіе служащаго. Служащій быстро соединяетъ № съ своимъ телефономъ и спрашиваетъ: «что надо?»—«Соедините мой № съ № 000» приказываетъ желающій. Служащій тотчасъ соединяетъ его № съ 000 № и, крикнувъ въ телефонъ: «готово!» отходитъ въ сторону. Его дѣло окончено и теперь можно непосредственно переговариваться съ № 000. По окончаніи разговора дается сигналъ и служащій, разъединивъ №№, приводитъ все въ прежній порядокъ.

А. Заринъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.—Подвигъ Ивана Сусанина.—Ипатьевскій монастырь.—Избраніе на царство царя Михаила Ѳеодоровича.

14 марта 1888 г. ровно **двѣсти семьдесятъ пять лѣтъ** исполнилось со времени избранія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, происходившаго изъ боярскаго рода Романовыхъ и всѣ обозначенные здѣсь рисунки относятся къ этому высокознаменательному для Россіи событію. Объяснять эти рисунки нечего. Кто не знаетъ незабвеннаго подвига крестьянина Ивана Сусанина? Кто не слыхалъ объ Ипатьевскомъ монастырѣ, служившемъ мѣстопребываніемъ для инокини Марѳы и ея юнаго сына въ смутное время? Мы напомнимъ здѣсь только объ авторѣ картины «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича», о профессорѣ Угрюмовѣ. Егоръ Ивановичъ Угрюмовъ родился въ 1764 г. и умеръ въ 1825 году; онъ былъ ученикомъ Лоссенко, а потомъ профессоромъ и ректоромъ въ академіи художествъ въ Петербургѣ. Изъ его картинъ наиболѣе извѣстны: помѣщаемое нами произведеніе, потомъ «Завоеваніе Казани», тоже находящееся въ Эрмитажѣ, и, наконецъ «Укрощеніе быка», находящееся въ академіи художествъ. Правильность рисунка, прекрасный колоритъ, удачная композиція составляютъ главныя достоинства его картинъ.

Послѣдняя драгоцѣнная вещь.

Женщина съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ стоитъ передъ столомъ закладчика, отдавъ въ залогъ послѣднюю имѣющуюся у нея драгоцѣнную вещь. Что это за вещь—о, не болѣе, не менѣе какъ обручальное кольцо, послѣдняя память о томъ, послѣ котораго осталось у бѣдной женщины только это дитя. Конечно, за эту «драгоцѣнность» дадутъ очень мало, такъ какъ «на вѣсъ» она слишкомъ легка. Ростовщикъ не прибавитъ за нее ни гроша, хотя болѣзненные стоны ребенка видимо встревожили и его... Вотъ простое содержаніе картины Фердинанда Брютта, родившагося въ 1849 году, 13 іюля въ Гамбургѣ и бывшаго до 1870 года литографомъ. Только съ этого года онъ сталъ обучаться живописи у Паувельса въ Веймарѣ, а съ 1876 г. поселился въ Дюссельдорфѣ. Главнымъ образомъ, онъ пишетъ жанры веселаго содержанія, полные юмора, хотя иногда въ его картинахъ проскальзываютъ и мрачные сюжеты. «Просительница», «Возвращеніе богомольцевъ», «Аудіенція на лѣстницѣ», «Сила звуковъ», «Посѣщеніе мастерской» принадлежатъ къ числу лучшихъ его картинъ.

Напала на слѣдъ.

Самый страстный охотникъ въ концѣ концовъ утомлется на охотѣ; неутомимымъ остается только хорошій охотничій песъ. Стоитъ послѣднему напасть на слѣдъ и уже его трудно удержать, хотя бы давно было пора возвращаться домой. Тутъ исчезаетъ даже послушаніе охотничьей собаки и ее приходится сдерживать силой. Именно такой моментъ изобразилъ художникъ на помѣщаемой нами картинѣ.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 9-го марта 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.

Лучшая пудра для вечера, а также и дня! Незамѣтно на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!

Театральныя гримировки

румяна, бѣлила и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, БЕРЛИНЪ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у Б. АУРИХА, Стремянная, № 4, С.-ПЕТЕРБУРГЪ. № 183 (15—13).

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р., 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.,

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.—Спб., Гостинный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 290 (53—11)

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора А. Янсонъ.

Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.

Продается:

Въ **Москвѣ**: у Л. Борхардтъ, Г. Брунсъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.

кромѣ того имѣется:

у М. Заксъ, Г. Клосъ и К°., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ, Ф. Линде, О. Роосъ, Русск. Общество торг. аптекарск. товарами и во многихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.

№ 323 (26—4)

В КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Н. П. КАРБАСНИКОВА

С.-Петербургъ, Литейный, 48. Москва, Моховая, д. Кохъ. Варшава, Новый Свѣтъ, 67. Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА:

ПОСЛѢ ПОТОПА.

(Панъ Володыевскій)

Историческій романъ ГЕН. СЕНКЕВИЧА.

Полный переводъ съ польскаго Розальонъ-Сошальской. Цѣна 2 рубля.

Выписывающіе это изданіе отъ Карбасникова за ПЕРЕСЫЛКУ не ПЛАТЯТЪ.

№ 337 (1—1).

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.

№ 228 (52—17)

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ НОВОСТИ

ДЖЕРСИ

Гладкіе отъ 3 р. 50 к.

Вышитые 4 р. 50 к., 6 р., 8 р.

Съ бисеромъ черн. 5 р. 50 к. 8 р. 50 к.

для бальныхъ платьевъ:

кремъ, розовые, голубые, геліотропъ.

Гг. Иногородные могутъ выписывать съ наложеннымъ платежемъ, черезъ почту, при заказѣ обозначать цвѣтъ и мѣру таліи.

МАГАЗИНЪ БѢЛЬЯ

Гостиный дворъ **№ 22** по Невскому нижн. гал.

№ 331 (3—3).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—28).

Спеціальный магазинъ

БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.

Большая Морская, № 25.

въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—3).

папиросы крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ

получать можно повсюду.

№ 328. (44—3)

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

«ЭЛЕОПАТЪ» употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ и развивающемъ густоту волосъ.

«Элеопатъ» только пров. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 руб. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп. почтовый расходъ и укупорка на счетъ покупателя.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только «ЭЛЕОПАТЪ» провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. или уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

СПРАШИВАЙТЕ

ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

№ 311 1—1.

ДЕПО ЧАСОВЪ

Эд. Бурхарда.

1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.

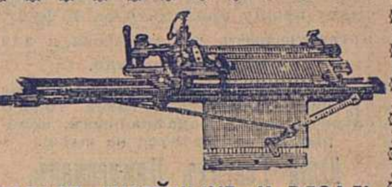
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 2/63.

Рекомендуетъ:

Часы съ календар. никель . . . 15 р.
„ „ „ сереб. отъ 18 до 33 „
„ „ „ стальные . . 23 „
Часы безъ стрѣл. сереб. отъ 35 до 40 „
Часы стальные [черные] отъ 15 до 25 „

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 289 (27—7).



СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ

А. ШТЕЙНЪ

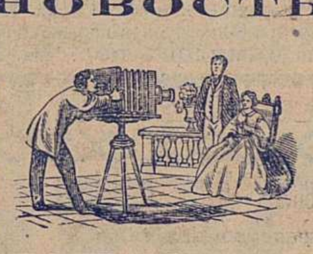
С.-Петербургъ, Большъ. Морская, д. № 26

Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

№ 216 (30—10)

НОВОСТЬ!

4. Невскій пр., 4, рядомъ съ Гл. Шт.



ТОЛЬКО 10 р.

Настоящ. фотографическ. аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Перес. за 15 фунтовъ. СПБ. Складъ новыхъ изобрѣт., 4. Невскій пр., 4, рядомъ съ Главн. Штаб.

№ 335 (1—1).

Для красоты лица

съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—13)

Только-что поступила въ продажу новая книга:

„НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА“

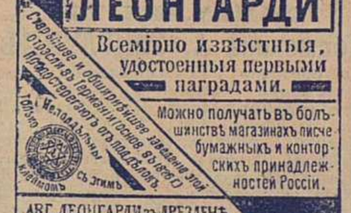
Соч. ЭБЕРСА.

Историческій романъ изъ временъ язычества.

Изящное изданіе (съ портрет. авт.) въ 600 страницъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Подписчики „Живоп. Обозрѣн.“ за пересылку не платятъ.



ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1826).
Предостерегаютъ отъ подделокъ.
Только
Неподдѣльны
съ этимъ
клеймомъ

Можно получать въ большинствѣ магазинахъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

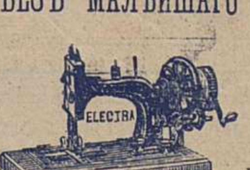
АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.
Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ алицариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *спеціальностей.*

БЕЗЪ МАЛѢЙШАГО ШУМА ЛУЧШАЯ СОВРЕМЕННАЯ ШВЕЙНАЯ

МАШИНА

ЭЛЕКТРА

(системы Зингера).



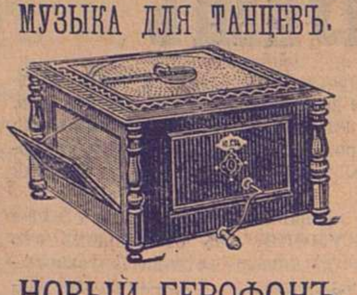
шьетъ самыя тонкія, какъ самыя толстыя ткани, не перемѣняя иголки и нитки все также тихо и легко. Роскошной отдѣлки, съ ручательствомъ на 4 года.

Только въ магазинѣ

М. МОРГЕНШТЕРНЪ.

Большая Морская, № 23. уголъ Гороховой. № 339 (1—1).

ДЕШЕВАЯ И ПРАКТИЧНАЯ МУЗЫКА ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.



НОВЫЙ ГЕРОФОНЪ

съ приспособленіемъ для игры piano и forte. Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 40 руб. Большое число добавочныхъ пьесъ по 70 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунт.

Аристонъ-Органъ

Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору 32 р. Большое количество добавочныхъ пьесъ по 70 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 45 фунт.

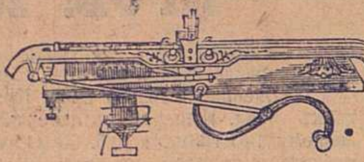
Каталоги пьесъ для герофона и для аристона безплатно.

Вышеозначенные инструменты и ноты къ нимъ продаются у меня только патентованные. Поддѣлачныхъ, которые легко портятся, не имѣю.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго. № 256.

Центральный складъ

швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—26).

НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

каррикатуръ, силуэтовъ и картинъ. Очень интересно и забавно, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Цѣна за 5 конв. (50 карт.) 3 р.
» » 10 » (100 карт.) 5 р.

съ пересылкою во всѣ города Россіи. Цѣна за 1 пробный конвертъ 65 коп. Торговцамъ значительная уступка. Можно получить въ игрушечныхъ, писчебумажныхъ и табачныхъ магазинахъ. Главный складъ СПБ. Большая Садовая, № 12. **О. Лессеръ.**
№ 315 (5—3).

НОВАГО УРОЖАЯ

замѣчательно хорошія папиросы:
„Охота“ 10 шт. 10 к.
„Дамскія“ 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія“ 10 шт. 6 к.
„Фотографъ“ 10 шт. 6 к.

Получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. магаз. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающимъ не менѣе 25 р. до 1000 вер. разстояніе, пересылка и упаковка на счетъ магазина.
№ 329 (44—3).

Зубочистное средство

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ШВЕДСКІЙ

зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**
№ 243 (57—16)

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

ЗУБНЫЕ ЭЛЕКСИРЫ И ПОРОШКИ

приготовленные съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Зубная Глицериновая паста по 75 к.—Порошокъ Корайль и съ хиною по 75 коп.

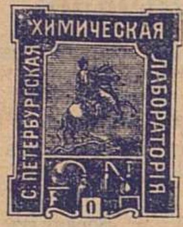
ГИГІЕНИЧЕСКІЯ САЛИЦИЛОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Единственные магазины въ С.-Петербургѣ:

1. Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
2. Невскій проспектъ у Аничкина моста, № 66.
3. Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера № 18—54.

Розничная и оптовая продажа.

Въ МОСКВѢ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

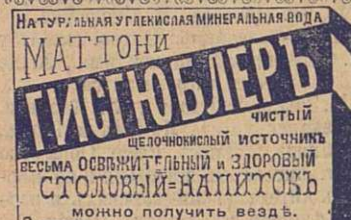


Остерегаться отъ подражаній

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названіе фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„СПБ. ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
№ 336 (1—1).



НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
чистый
щелочнокислый источникъ
весьма освѣжительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
можно получить вездѣ.
6 000000 (миллiон) бутыл. годовой вывозъ.

№ 306 (16—3).

Усовершенствованные пожарные ТРУБЫ И НАСОСЫ „ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.
Прейсъ-курантъ безплатно.
№ 185 (12—7)

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

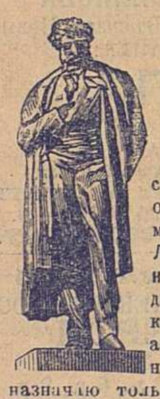
Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—28)

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.



Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: Клеопатра египетская царица механически движущаяся А. С. Пушкинъ, Пастеръ, графъ Лесепсъ группа, сказки Шехерезады изъ 1,001 ночи. Сонъ на яву, механическая фигура, Елена Прекрасная, и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.
№ 324 (10—4).

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ
ЭЙКАЛИПТИ
Косметика А. ЭЙНГЛУНДЪ.

Есть средство для укрѣпленія волосъ, уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ пересылкой 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Эйнглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Комп., О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Эйнглундъ, Литейная, № 38.
314 (47—5)

Съ 1-го января 1888 года свѣже-приготовленные

фруктовые экстракты фабрики Ю. МАРТЕНСА.

Будутъ продаваться по **уменьшеннымъ** цѣнамъ.

КЛЮКВЕННЫЙ ЭКСТРАКТЪ

стекл. (1 б.)	1/2 стекл.	1/4 стекл.	1/8 стекл.
по 1 р.	по 55 к.	по 30 к.	по 20 к.

ВИШНЕВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ и ЧЕРНОСМОРОДИНОВ.

стекл. (1 б.)	1/2 стекл.	1/4 стекл.	1/8 стекл.
по 3 р. 50 к.	по 1 р. 80 к.	по 1 руб.	по 55 к.

Оптовымъ покупателямъ дѣлается соразмѣрная уступка.

Фабрика и складъ: Разъѣзжая ул., № 49. Телефонъ № 999.

Ю. МАРТЕНСА.

Магазинъ: Гороховая улица, № 22. Телефонъ № 1200.

Продажа: у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ аптекарскомъ обществѣ, у Александра Венцеля, во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и фруктовыхъ магазинахъ. № 226.

Нумеръ 11-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: изъ 2-хъ листовъ текста и Обертки. При немъ разсылается гг. иногороднимъ подписчикамъ (исключая Москвы), Объявленіе чайной торговли К. Е. Киселева, въ Москвѣ.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 9-го марта 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 12
20 МАРТА
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

ТАБЛИЦА ВЫИГРЫШЕЙ и ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

2-го внутрен. съ выигр. займовъ 1866 года, произведенный 1-го марта 1888 г. (по таблицѣ Государственнаго Банка).

№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билетовъ.	Сумма выигрыша.
00112	16	500	02266	27	5000	04327	3	500	07470	49	500	10202	10	500	12696	27	500	15135	45	1000	17360	35	500
00113	3	500	02283	25	500	04381	41	1000	07635	11	500	10238	10	500	12712	32	500	15139	30	500	17397	31	500
00114	37	5000	02431	48	500	04446	50	1000	07676	10	500	10241	18	500	12833	11	500	15245	47	500	17428	38	25000
00176	40	500	02475	34	500	04812	30	500	07732	9	500	10284	16	500	12850	35	500	15362	9	500	17428	50	500
00238	33	1000	02623	7	500	04894	35	500	07740	34	500	10447	6	500	12912	12	500	15390	7	500	17802	41	500
00264	31	500	02722	12	500	04902	19	500	07785	30	500	10551	21	500	12922	45	500	15504	1	500	17842	33	75000
00267	40	500	02744	48	500	05017	2	500	07871	7	500	10563	6	500	12998	12	500	15638	4	500	17971	26	500
00420	9	500	02868	17	500	05054	3	1000	07960	23	500	10606	44	500	13050	17	500	15713	48	500	18047	29	1000
00420	19	500	02932	42	1000	05057	50	500	08080	50	500	10703	21	500	13070	34	500	15729	14	5000	18221	9	500
00471	31	500	02966	5	500	05066	7	500	08092	37	500	10893	25	500	13080	13	10000	15770	20	1000	18276	2	500
00545	49	500	03005	45	500	05192	1	500	08155	38	500	10920	18	500	13160	34	500	15881	15	500	18279	39	500
00557	20	500	03032	28	500	05259	45	8000	08164	31	500	10941	42	10000	13199	40	500	15919	36	500	18296	45	500
00613	20	500	03032	39	500	05549	5	500	08201	4	500	10960	35	500	13332	39	500	15966	36	500	18408	34	500
00661	7	500	03296	50	500	05658	23	500	08203	11	10000	10965	11	1000	13429	21	500	16064	25	500	18521	2	500
00702	36	500	03302	25	500	05794	41	500	08214	44	500	11002	3	500	13483	25	500	16110	30	500	18600	28	500
00731	6	500	03320	37	5000	05902	50	500	08310	2	500	11107	5	500	13600	32	500	16119	23	500	18696	3	500
00738	40	500	03356	36	500	06041	33	500	08310	27	500	11112	46	500	13609	29	500	16127	8	500	18711	18	500
00742	31	5000	03417	34	500	06072	36	1000	08317	50	500	11233	12	500	13689	10	1000	16218	20	500	18726	35	500
00765	41	1000	03473	33	500	06078	9	500	08331	47	500	11314	44	500	13783	8	500	16233	21	500	18989	2	500
00803	34	500	03551	23	500	06107	16	500	08374	44	500	11327	45	500	13931	11	500	16272	32	500	18999	19	500
00914	45	500	03570	8	500	06161	27	500	08427	10	500	11375	24	500	13941	37	8000	16278	14	500	19133	2	500
00941	34	5000	03646	6	500	06175	44	500	08441	31	500	11422	2	500	14001	42	500	16368	34	500	19160	19	500
00981	11	500	03653	12	500	06209	29	500	08787	31	500	11482	1	500	14089	36	500	16422	34	500	19312	29	500
00982	41	500	03744	28	500	06355	21	500	08865	38	500	11614	42	1000	14143	18	500	16443	7	500	19369	8	500
01062	37	500	03770	46	500	06399	22	500	09045	15	500	11792	28	1000	14155	8	500	16533	23	500	19424	36	8000
01238	13	500	03848	3	500	06443	8	500	09134	43	500	11922	35	500	14217	33	500	16564	33	500	19426	32	500
01473	17	500	03898	12	500	06511	42	500	09203	26	500	11960	44	500	14232	43	500	16634	27	5000	19451	14	1000
01522	37	500	03937	41	500	06668	23	500	09210	37	500	12046	50	500	14422	21	500	16689	37	500	19470	17	500
01539	41	500	03977	45	500	06680	14	500	09235	46	500	12268	49	500	14508	46	500	16707	19	500	19526	43	500
01581	35	5000	04000	42	500	06767	5	500	09283	33	40000	12279	47	500	14742	15	500	16756	3	500	19661	40	500
01603	15	500	04005	18	500	06768	6	200000	09285	24	1000	12300	39	8000	14759	45	500	16766	44	500	19667	24	500
01636	16	500	04096	41	500	06806	15	500	09545	42	500	12409	37	500	14813	11	500	16867	22	500	19668	40	500
01745	29	8000	04193	49	500	07084	34	500	09671	41	500	12469	37	500	14853	5	500	16883	26	500	19713	29	500
02020	20	500	04213	20	500	07211	7	500	09899	29	500	12529	40	500	14899	30	500	17009	47	500	19752	16	500
02143	25	500	04256	46	500	07280	32	1000	10042	30	500	12558	15	500	14864	8	500	17023	4	500	19841	5	500
02187	44	500	04290	45	500	07360	16	500	10068	48	500	12685	18	500	15060	1	500	17026	24	500	19893	47	500
02209	20	500	04291	25	500	07384	11	500	10192	44	1000	12694	46	500	15089	9	1000	17280	34	500	19901	43	1000
02261	26	500	04295	15	500	07395	11	500	10196	33	500												

Тиражъ погашеній. Нумера серій.

00004
00102
00134
00283
00311
00397
00879
01012
01577
02293
02507
03290
03526
03748
04336
04714
04786
04935
05202
05526
05637
05646
05840
06024
06074
06176
06460
06531
07022
07044
07161
07212
07300
07546
07615
07864
08052
08064
08126
08783
09749
10032
10599
10871
11018
11534
11583
12101
12197
12798
12966
13161
13177
13400
13420
13965
14226
14278
14994
15213
15466
15615
15707
16373
16491
16673
17128
17526
17568
17660
17774
18159
18212
18561
18914
19028
19054
19339
19380
19613
19747
19815
19963
19980

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступили въ продажу новыя книги:

БЛАГА ЖИЗНИ

Интересный современный романъ. Соч. **А. Михайлова (А. Шеллера)**. 320 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

ОКО ЗА ОКО.

Романъ **МАТТЕИ**, переводъ *К. Назарьевой* 416 стр. Цѣна 1 руб.

КОНСУЭЛО.

Большой романъ въ 2-хъ част., **ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ**, переводъ *П. Лѣтнева*. 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА.

Сочиненіе **ЭБЕРСА**.

Историческій романъ изъ временъ язычества. Изящное изданіе (съ портретомъ автора), 452 страницъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Для подписчиковъ *«Живописнаго Обозрѣнія»*, *«Сынъ Отечества»* и *«Минуты»* цѣна за экземпляръ означенныхъ изданій **РУБЛЬ** съ доставкою.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

папиросы крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ

получать можно повсюду.

№ 328. (44—4)

ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к.
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к
Перечные огурчики острые (корнишоны)
крупные 1 р., средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.
БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО
УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ
ВО 14 ЛИНІЯ 73 БЛ. МАЛАГО
СКЛАДЪ
Невскій № 96 по Надеждинской
МАГАЗИНЪ 26
ДОСТАВКА НА ДОМЪ

№ 297. (52—11).

⟵ за 16 руб. ⟶

1) **Камеръ-обскура**, съ помощью которой можно снимать портреты, виды и проч.

2) **Самоучитель рисованія** акварелью по бумагѣ, атласу и стеклу (печатное наставленіе) большой изящный ящикъ красокъ.

3) **Стереоскопъ** съ карт., изображ. извѣстн. процессіи, конгрессы, балы и проч.

Отдѣльно каждая вещь 6 руб. съ пересылк.

⟵ за 30 руб. ⟶

Ружье двухствольное съ витымъ ствол. изв. фабр. Тромбеля, Лепажа, Дортуа и др. шомпольное. Ружья заряж. съ казен. части, центральнаго боя 40—65 и 80 руб.

Всѣ цѣны съ пересылкою. Адресовать: въ **Москву, въ Англійскую торговлю Языковой.** (Грузинская ул., д. № 60. № 30 (3—2).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышесзначенному адресу.

№ 234 (10—5).

ЛЮБИМЫЕ ДУХИ:

Майскій ландышъ.
Бѣлая акація.
Бѣлая сирень.
Бѣлый гіацинтъ.
Мимоза.
Гольдъ лакъ.
} Флаконъ 1 р. Лотъ 40 коп.

ДУХИ франц. 32 разн. запах. лотъ 25 к., $^1/_4$ фун. 1 р. 50 к.

ДУХИ англ. 22 разн. запаховъ лотъ 35 к., $^1/_4$ фун. 2 руб.

Вышеозначенные 6 новѣйш. запах. по 1 лот. съ пересылкою 2 р. 50 к.

Химическая лабораторія РООСЪ.

Магазины въ С.-Петербургѣ:
1) Владимірская, № 7.
2) Невскій пр., № 25.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., № 3—15.

288 (53—13)

20-го Марта, 1888. № 12. Годъ изданія 53-й.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ЗА ШТАТОМЪ.

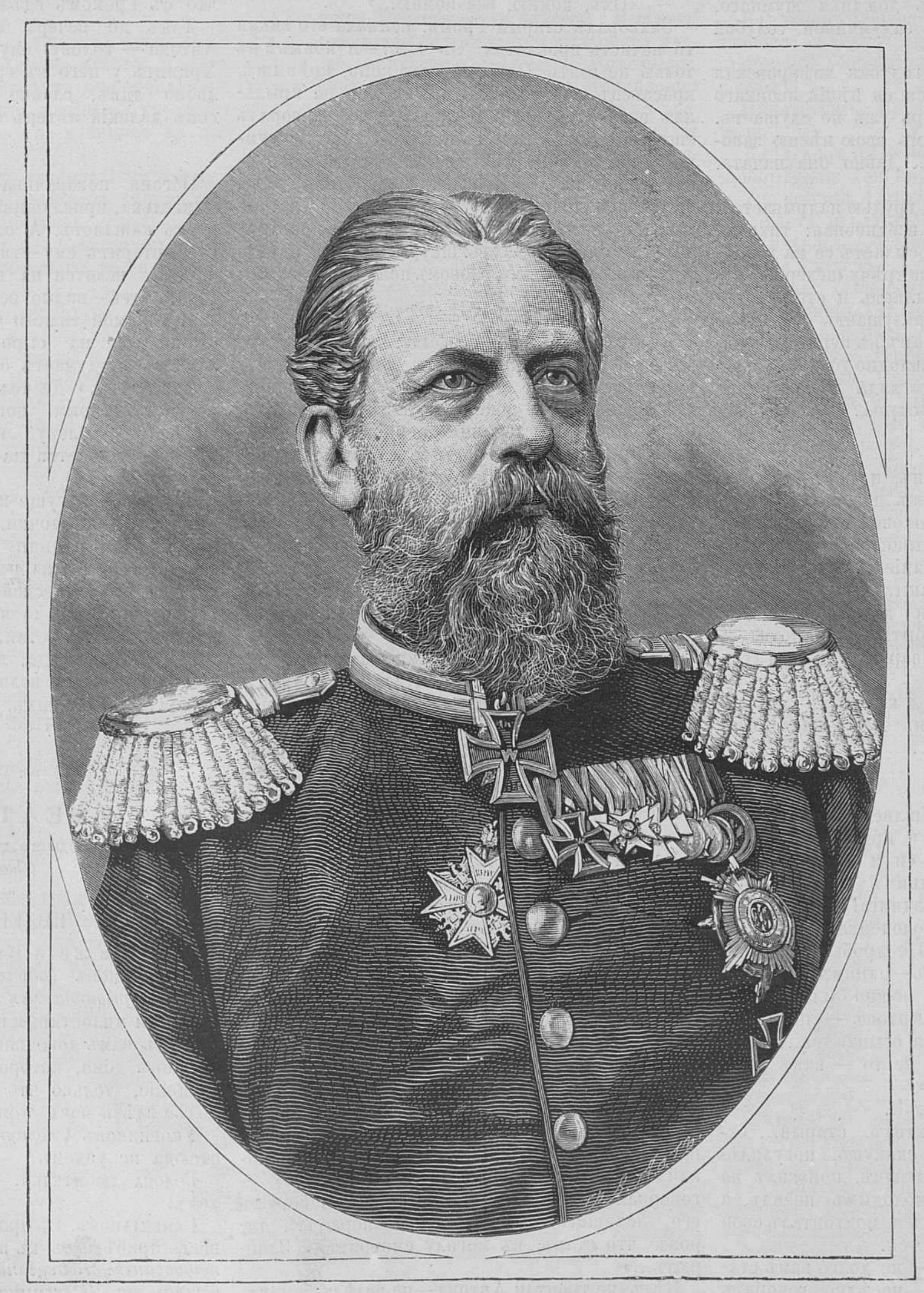
Новелла **С. Г. Фруга.**

I.

Съ гикомъ, шумомъ и свистомъ снялась со двора и отхлынула въ широкое поле удалая барская потѣха—охота псовая. Протрубилъ сигналъ рожокъ доѣзжачаго, и весело заржали сытые и здоровые кони, вынося изъ воротъ усадьбы своихъ молодецкихъ всадниковъ. Отхлынула шумная и веселая кавалькада, и настала тишина во всѣхъ уголкахъ обширной усадьбы.

Въ широкихъ и темныхъ сѣняхъ стариннаго помѣщичьяго дома лежала, свернувшись на полинявшемъ войлочномъ коврикѣ, старая «Обгоня»—нѣкогда краса и вѣнецъ мѣстнаго псоваго штата, любимица барина. Это, впрочемъ, было давно, очень давно — еще въ то время, когда у Обгони была густая и мягкая шерсть—свѣтлозолотистая, съ темными отмѣтинами на бокахъ и на груди, глаза свѣтлосѣрые съ яркой и горячей зеленой искрой, подвижныя, чуткія, розовыя ноздри и крѣпкія, точно вылитыя изъ стали, рѣзвыя, молодыя ноги. А теперь...

Впрочемъ, и то сказать: много времени ушло съ тѣхъ поръ, и измѣнилось многое. Не такимъ выглядѣлъ тогда и барскій домъ — это пустынное, непривѣтливое гнѣздо стараго холостяка; не такимъ выглядѣлъ и самъ баринъ. Храбрится онъ еще и теперь, старину вспоминая, да куда! Не стряхнуть ему съ головы своей снѣга поздняго, не выпрямить стана сутулаго, не выгнуть груди молодецкой... Поизносился, Лихачъ Кудрявичъ, поистерся...



Германскій императоръ Фридрихъ III.

II.

Въ тяжелой, смутной дремотѣ лежала старая Обгоня на своемъ ветхомъ коврикѣ все время, покуда на дворѣ шли приготовленія и сборы къ охотѣ. Не сгоняли ея дремоты ни голоса людей, ни ржанье конское ни заливчатый лай укрощаемыхъ арапниками своръ. И лишь когда наступила кругомъ тишина, подняла Обгоня свою отяжелѣвшую голову, принюхалась къ спертому воздуху темныхъ сѣней, съ трудомъ встала на одряхлѣвшія ноги и, толкнувъ головою дверь, вышла на крыльцо.

Влажною и сырою волною настуженнаго утренникомъ осенняго воздуха обдало обезсиленное, старое тѣло Обгони, и она вздрогнула вся и робко съежилась въ своей скудной, вылинялой шерсткѣ. Нѣсколько бѣленькихъ, пушистыхъ звѣздочекъ сѣло на ея облысѣлую голову, защекотало въ глазахъ и за ушами. Она нетерпѣливо мотнула головой, стряхая холодныя снѣжинки, и, медленно сойдя съ расшатанныхъ ступенекъ, побрела черезъ дворъ къ службамъ.

Обогнувъ «контору», кладовыя, сараи, людскую и кухню, Обгоня направилась къ покосившемуся, полуразрушенному флигельку—нѣкогда уютной и шумной людской, а нынѣ обитаемому единственнымъ существомъ, престарѣлымъ доѣзжачимъ Антономъ. Обгоня нѣсколько разъ ткнула носомъ въ маленькую, потемнѣвшую дверь и, найдя ее плотно притворенной, остановилась и стала оглядываться кругомъ. Плохо ужь видѣли ея потухшіе глаза, но она различала слухомъ близость тополей и акацій господскаго сада, а холодный вѣтерокъ опахивалъ ее порою отдаленнымъ шумомъ днѣпровскихъ волнъ, омывавшихъ этотъ старый, тѣнистый садъ.

III.

Пустынно и мрачно въ обширной усадьбѣ—этой колыбели многихъ поколѣній стариннаго, барскаго рода. Глохнетъ старый домъ, глохнутъ пруды, аллеи и куртины вѣковаго сада—глохнетъ и мертвѣетъ все въ этомъ полуразрушенномъ гнѣздѣ непригрѣтаго, неприласканнаго одиночества.

Одна только не подвластная времени, свѣтлая днѣпровская волна все также шумитъ—шумитъ и поетъ свою немолчную пѣсню — поетъ съ вѣтрами осенними, съ туманами сизыми, съ горячимъ лучемъ лѣтняго полудня, со звономъ разсыпчатымъ дождика шумнаго, да съ тихимъ дыханіемъ задумчивой, голубой полночи...

Поетъ — сладко поетъ голубая днѣпровская волна. Вдоволь наслушался ея пѣнія звонкаго и старый Антонъ, а теперь ужь не слушаетъ. Не слушаетъ старикъ: самъ свою пѣсню заводитъ — грустную пѣсню... Давно она начата, не долго и до конца...

Кашляетъ старый—всей грудью надрывается. Недлинна молитва его вседневная: тихимъ, ровнымъ шопотомъ онъ посылаетъ ее на встрѣчу утренней звѣздѣ, на встрѣчу вечерней зоренькѣ... А въ груди рыдаетъ и стонетъ голосъ недуга жгучаго и заглушаетъ онъ слово кроткое, и рвется къ небесамъ въ суровой, горькой, громкой жалобѣ на безплодно убитую жизнь, безъ ласки теплой, безъ взгляда нѣжнаго—на усладу, да на потѣху барскую...

IV.

Кашляетъ старый Антонъ, и, какъ будто отвѣчая на этотъ кашель, изъ низенькаго стойлица, примыкающаго къ боковой стѣнѣ обширной барской конюшни, слышится повременамъ глухое и хриплое посапываніе.

Это сопитъ третій заштатный обыватель усадьбы — третья живая душа, отслужившая свою службу и забытая бариномъ — бывшій его баловень и товарищъ, гнѣдой «Соколъ».

Есть звуки и взгляды, которыхъ не выразить никакими словами. Ихъ надо слышать, ихъ надо видѣть...

V.

«Стара я стала»—размышляетъ Обгоня, улегшись у дверей флигелька и прислушиваясь къ глухому кашлю Антона: «и я состарилась, и Соколъ, и Антонъ — скрипимъ еще покуда... долго-ли?..» Кашляетъ, бѣдняга! Подвело его старую грудь отъ крика молодецкаго. А, и покричалъ-же онъ, старый! Не дробью колючею, не острымъ песьимъ зубомъ—однимъ окрикомъ его любого русака сшибить можно было. Правду говаривали: «Загогочетъ Антонъ — листья съ деревьевъ валятся, колосья осыпаются... Держи шапку, да покрѣпче, не то — какъ разъ, точно вѣтромъ, снесетъ...»

Да, покричалъ, голубчикъ!..

А тотъ, гнѣдко-то—кряхтитъ, старый... отлеживается. Попрыгалъ, скакунъ, погулялъ-покружился на вольной-волюшкѣ, поносилъ на спинѣ своей барина — и молодымъ носилъ, и старымъ... вотъ и поизносился, подтопталъ свои рѣзвыя ножки... отлеживается.

«Э-эхъ, Соколъ, Обгоня!—не долго вамъ старыя ноги свои волочить!»—нерѣдко говоритъ старый доѣзжачій, лаская своихъ добрыхъ товарищей: «Слышите, какъ Антонъ кашлемъ мается? Это, вѣдь, душа его пѣсенку свою прощальную заводитъ... Улетитъ голубка Божія, зароютъ кости старыя и... недолго, вамъ, товарищи, недолго на мірѣ Божій любоваться: порѣшатъ съ вами... охъ, порѣшатъ, какъ съ тѣмъ, съ «Громомъ»... помните?..»

VI.

Слаба стала голова у Обгони... Умница была, рѣзвая, славная была собака!—за цѣлую версту, бывало, хозяина учуетъ. И не только, что хозяина — трубку его въ землю заройте—сыщетъ, прямо къ барину и принесетъ. И не то, чтобы такъ только, зубами какъ нибудь захватить, да приволочь—нѣтъ: возьметъ она чубукъ этакъ правильно — въ лѣвой уголъ рта, голову наверхъ закинетъ и важно такъ выступаетъ, несетъ, а у самой въ живыхъ, умныхъ глазахъ зеленая искра такъ и сверкаетъ...

Славная была собака—да ушло все это, съ годами ушло. Теперь и пустой вещи несообразитъ—память совсѣмъ служить перестала. Заберется какъ нибудь въ барскіе покои, а назадъ какъ идти и не смекаетъ — забыла. Одного только не забыла старая Обгоня—не забыла она про бѣднягу Грома.

— «Охъ, помню, все помню...»

Захворалъ старый Громъ: осыпала его какая то нечисть проклятая. Съ чего?—и понынѣ въ толкъ не взять. Славный былъ конь, крѣпышъ, красавецъ, вѣтеръ вольный—точно на крыльяхъ носилъ. А какъ состарился, да захворалъ еще къ тому, его и съ глазъ долой... За гумномъ, на лугу—тамъ и сложилъ онъ свою буйную головушку.—«Проклятая животина! даже шкуры порядочной не сберегъ!» Такъ-то и попрощался съ нимъ Андрюшка-живодеръ—пристрѣлилъ, да ногою пихнулъ: шкуры для него не сберегъ, такъ и добрымъ словомъ помянуть нечего...

VII.

Антона въ ту пору не было: въ церковь старикъ собрался. Едва назадъ ноги приволокъ. Вернулся онъ и прямо къ стойлицу идетъ, гдѣ Грома въ то время на вылѣчку держалъ. Самъ онъ и стойлице обрядилъ — навѣсецъ приладилъ, хворостомъ и бурьяномъ прикрылъ — еще бурку верблюжью разостлалъ—своя была, старенькая, а все-же отъ дождя защиту даетъ... Заботился... Да какъ узналъ онъ о томъ, что съ его Громомъ сдѣлали... Вся дворня это помнитъ...

Добрый онъ старикъ, душевный, ласковый, да только въ ту пору всякому, глядя на него, страшно-бы сдѣлалось...

Какъ схватился онъ руками за-голову, лицомъ къ землѣ, такъ и грохнулся. — «Баринъ! Баринъ!»—кричитъ задыхается: «Зачѣмъ ты... охъ! Зачѣмъ? Зачѣмъ?.. Берегъ я его, какъ человѣка берегъ... Ходилъ за нимъ... Душа... Живая вѣдь душа!.. Пусть-бы жилъ... пусть-бы маялся... Что тебѣ! Самъ вѣдь я... самъ, изъ своихъ рукъ и кормилъ, и поилъ... Зачѣмъ-же... Эхъ, люди, люди»!..

Плачетъ Антонъ—такъ-вотъ и колотится головой объ землю, да слезами обливается... И вдругъ—какъ вскочитъ онъ на ноги, хвать шапкой о землю, рубаху во всю грудь однимъ махомъ разодралъ... «Что-же!»—кричитъ, подступая къ барину! «На, бей! И меня бей!.. Что ужь! Гляди—вѣдь и я старъ ... Слышишь, въ груди какъ хрипитъ? Такъ долой и меня, долой съ глазъ твоихъ... бей-же, на! бей, бей!..»

VIII.

Страшно было на него глядѣть въ то время: волосы сѣдыя всклокочены, глаза горятъ, весь дрожитъ, мечется... Насилу его успокоили — въ людскую отвели... «Погоди-ко» — говорили кругомъ — «быть бѣдѣ! — Запорютъ его, ледящаго... до смерти запорютъ... Даромъ что старъ, въ могилу смотритъ... Запорютъ...»

Нѣтъ, не тронули Антона—не велѣлъ баринъ. У самого губы задрожали, какъ Антонъ на него наступать сталъ; да только не такъ задрожали, какъ бывало, когда вскипитъ на кого и къ конюхамъ отошлетъ... Отвернулся онъ отъ Антона... рукою какъ-то въ карманѣ шаритъ—не то ищетъ чего, не то прячетъ будто,—а другую руку украдкой къ глазамъ подноситъ... Ничего онъ не сказалъ — молча въ домъ ушелъ.

Въ сѣняхъ только—какъ вошелъ—шумъ послышался, загромыхало что-то, да казачекъ-Фистирка пулей въ дверь такъ и вылетѣлъ, точно его оттуда выстрѣлило... или съ кручи будто въ воду ныряючи, съ верхней ступеньки внизъ головой такъ и бухнулся...

IX.

Никто къ Антону въ тотъ день идти не отваживался. Одна только Обгоня въ старый флигелекъ пробралась. Антонъ на палатяхъ лежитъ, дремлетъ... Щеки красныя-красныя—пылаютъ, и слезка по нимъ пробирается... Вздрагиваетъ и покашливаетъ тихонько. Подошла ближе—увидѣлъ ее Антонъ, протянулъ руку, на-голову положилъ. Рука сухая и горячая... Гладитъ ей голову и шепчетъ—тихо такъ, ласково:

— «Что, старая? Провѣдать пришла?.. Охъ, недолго намъ съ тобою маяться... Слышала, что съ Громомъ сдѣлали?... Варвары!..»

Такъ до вечера и просидѣла она возлѣ Антона — голову ему на грудь положила... Хрипитъ у него въ груди, у бѣдняги, да жалобно такъ, словно ночью зимнею сквозь сонъ далекій вѣтеръ слышится...

X.

Обгоня поворачиваетъ голову къ дверямъ флигелька, прислушивается: кашляетъ старикъ, опять кашляетъ. А оттуда, изъ стойлица, Соколъ вторитъ ему—тяжело такъ, глубоко вздыхаетъ... возится на помостикѣ, копытомъ постукиваетъ—видно, встать хочетъ...

И у самой тяжело такъ, тяжело въ груди становится на сыромъ осеннемъ воздухѣ. «Встать-бы думаетъ она—пойти-бы въ сѣни—тепло тамъ...» Да только тяжело ужь ей встать на свои старыя ноги, трудно поднять отяжелѣвшую голову, и она только еще болѣе сворачивается на крылечкѣ стараго флигелька...

Все гуще и гуще падаютъ на землю холодныя бѣлыя звѣздочки, одна за другой ложатся онѣ на темя и спину Обгони... Все глубже и глубже тонетъ она въ темную волну смутной и тяжелой старческой дремоты и все рѣже и глуше доносятся до нея рѣзкое, зловѣщее карканье вороньей стаи, обсыпавшей оголенныя вѣтви стараго сада, да глухой рокотъ холодной днѣпровской волны, тяжело перекатывающейся въ заглохшихъ, помертвѣлыхъ берегахъ...

С. Фругъ.

ТЕАТРАЛЫ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи **Ив. Щеглова.**

(Окончаніе).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Венеціановъ.

Венеціановъ *(обращаясь къ присутствующимъ прерывающимся голосомъ)*. Милостивые государи и милостивыя государыни! я вынужденъ сдѣлать вамъ довольно непріятное сообщеніе... Хозяинъ дома, которому принадлежитъ это помѣщеніе, только что объявилъ мнѣ, что онъ долѣе здѣсь насъ терпѣть не можетъ.

Упорниковъ *(выступая впередъ)*. А если мы отсюда не уйдемъ?

Голоса любителей. Мы не уйдемъ! не уйдемъ!

Венеціановъ. Въ противномъ случаѣ, онъ обѣщалъ прибѣгнуть къ помощи полиціи!!.. *(взрывъ негодованія. Венеціановъ, бросивъ потухающій взглядъ на Шекспира, безсильно падаетъ въ кресло).*

Почти одновременно.

Синеокова и Шалашникова. Какая наглость!.. какъ онъ смѣетъ!

Клепа и Лика. Мама, неужели-же мы напрасно учили роли? Какая обида!

Болонкинъ (*дамамъ*). Мужикъ всегда останется мужикомъ. По моему его надо-бы проучить хорошенько за такую дерзость.

Упорниковъ. Проучить, непремѣнно проучить!

Никагосовъ. Хотите, господа, я съ нимъ раздѣлаюсь по военному?

Голоса. Прекрасно! мы васъ просимъ! Вотъ это членъ!

Погуляевъ (*Каплунову*). Значитъ теперь все кончено и мнѣ не удастся дебютировать.

Каплуновъ. Увы! дорогой нашему сердцу кружокъ погибъ безвозвратно.

Вохина. Ничего не кончено и никто не погибъ—не надо только киснуть! (*Венеціанову*). Согласитесь, намъ оттого не легче, что вы повѣсили носъ передъ Шекспиромъ. И потомъ я никогда не повѣрю, чтобы не было средства спасти кружокъ. Слышите, не повѣрю и требую объяснить намъ, что вы намѣрены теперь предпринять?

Голоса. Да, мы требуемъ! какое средство?

Венеціановъ (*растерянно*). Какое средство... только и есть одно... устройство новаго спектакля... конечно, если вы, господа, съ своей стороны... то и я, съ своей стороны, тоже... (*путается*).

Голоса. Вотъ это дѣло!.. Слушайте, слушайте!..

Венеціановъ (*поднимаясь съ кресла*). Только предупреждаю васъ, господа, это послѣднее средство... такъ сказать, надрывъ кружка!.. Если оно не поможетъ... мы, извините за выраженіе, угаснемъ...

Голоса. Мы не хотимъ угаснуть! мы хотимъ играть... браво!.. (*Вика, пользуясь суматохой, заваливается спать на диванъ*).

Синеокова (*обращаясь къ Венеціанову*). Что же, однако, вы думаете поставить на спектакль? Это любопытно!

Венеціановъ. Сразу рѣшительно ничего не могу сказать. Финансы кружка на столько запутаны, что я, право, не знаю, въ какой мѣрѣ все это осуществимо. Необходимо подумать, составить коммиссію, выработать программу...

Упорниковъ. По моему вовсе не къ чему думать и вырабатывать программу, тутъ просто надо такъ или иначе поразить умы: поставьте, напримѣръ, на спектакль «Гамлета» и «Горе отъ ума»—и я вамъ ручаюсь за бѣшеный сборъ... (*Венеціановъ недоумѣваетъ*). Вы думаете это невозможно? Очень возможно, разъ я возьму на себя роли Фамусова и Гамлета. А я возьму—вотъ вамъ моя рука.

Вохина. А я ручаюсь за мою Клёпу, что она въ одни сутки приготовитъ Офелію и Софью Павловну.

Венеціановъ. Какъ хотите, господа, а сыграть въ одинъ вечеръ «Гамлета» и «Горе отъ ума» это положительно сверхъ нашихъ силъ.

Синеокова. Я не берусь судить о чужихъ силахъ, но мнѣ кажется, такой spectacle-monstre дѣйствительно привлекъ-бы массу публики!

Шалашникова. Разумѣется.

Венеціановъ. Повторяю, mesdames, еще разъ, что финансовое положеніе кружка самое неутѣшительное и рисковать грандіознымъ спектаклемъ было бы безумство... Небольшой сборный спектакль—вотъ все, что намъ остается при наличныхъ средствахъ кружка (*Пауза. Ропотъ между любителями*).

Вохина (*зоветъ Каплунова*). Пепочка, подите сюда! (*Каплуновъ подходитъ*). Я не знаю, что у васъ тамъ остается, но прошу васъ не забывать, что у меня дочери на возрастѣ и что Ликѣ давно ужъ обѣщанъ дебютъ въ водевилѣ «Тайна Олиньки». Что-же касается Клепы, то она непремѣнно желаетъ разыграть съ monsieur Погуляевымъ «Сцену у Фонтана» Пушкина. Подите, передайте это вашему глупому Шекспиру. (*Каплуновъ отходитъ отъ Вохиныхъ. На дорогѣ его перехватываютъ Синеокова и Шалашникова*).

Синеокова и Шалашникова. Пепочка, подите къ намъ! (*Каплуновъ останавливается и шепчется съ дамами, потомъ беретъ подъ руку Венеціанова и отводитъ его въ глубину*).

Упорниковъ (*Никагосову, кивая въ сторону Вохиныхъ*). Вы знаете, почему эта фурія хлопочетъ поставить «Сцену у Фонтана» Пушкина? Это мышеловка: она хочетъ выдать замужъ свою Клепу за этого Погуляева тѣмъ-же способомъ, какимъ выдала первую дочь за Растеряева.

Никагосовъ. Это у нея, вѣроятно, своего рода драматическій пріемъ?

Упорниковъ. Именно. Вы знаете, что она сдѣлала съ Растеряевымъ? Ея дочь играла Марину, а онъ изображалъ Самозванца. Репетиція, разумѣется, происходила на дому. Сначала все шло благополучно до самаго мѣста: «Тѣнь Грознаго меня усыновила!» Какъ только онъ произнесъ эту фразу, *Марина* вдругъ ему и шепчетъ: «Въ этомъ мѣстѣ вы меня обнимаете!» — Помилуйте, говоритъ, этого нѣтъ въ текстѣ!— «Все равно, это такъ нужно по ходу пьесы!» Онъ и обними. А маменька тутъ какъ тутъ: «Благословляю, милыя дѣти, благословляю»! Тотъ такъ и опѣшилъ:—«Какъ «благословляю?» зачѣмъ «благословляю?» — «Развѣ это есть у Пушкина!?» Мать сейчасъ въ слезы:—«Я, говоритъ, и безъ Пушкина вижу, что вы другъ друга любите!» Ну, и женился (*Никагосовъ хохочетъ*).

Каплуновъ (*обращаясь къ дамамъ*). Mesdames! Дѣло, повидимому, слаживается къ общему удовольствію: приказаніе Надежды Николавны, равно какъ и желаніе Лизаветы Михайловны будутъ исполнены въ точности. Законныя требованія Прасковьи Θеодоровны и ея даровитыхъ дочерей также будутъ удовлетворены (*обращаясь къ мужчинамъ*). Остается только пожелать, чтобы господа кавалеры поддержали достойнымъ образомъ надежды прелестныхъ дамъ и тогда все пойдетъ какъ нельзя лучше.

Упорниковъ. Но, позвольте, мы не знаемъ даже приблизительно программы спектакля... какъ-же мы будемъ поддерживать?

Каплуновъ. Программа необыкновенно счастливая: «Сцена у фонтана» Пушкина, потомъ—два акта изъ «Горе отъ ума», и водевиль «Тайна Олиньки».

Болонкинъ (*подходя*). Дѣло вовсе не въ составѣ спектакля, а въ распредѣленіи ролей.

Каплуновъ. Роли распредѣлены также необыкновенно счастливо (*льстиво Болонкину*) разумѣется, если вы играете Чацкаго.

Болонкинъ. А кто играетъ Софью?

Каплуновъ. Безъ сомнѣнія, наша «божественная!» (*киваетъ на Синеокову*).

Болонкинъ. Въ такомъ случаѣ, я согласенъ. Хотя я знаю заранѣе, что это мнѣ даромъ не пройдетъ: я непремѣнно слягу... я слишкомъ нервно играю!.. (*Каплуновъ жметъ ему благодарно руку*).

Каплуновъ (*пожимая руку Упорникову*). Въ васъ, Яковъ Николаичъ, я ни на минуту не сомнѣваюсь, зная ваше рѣдкое рвеніе...

Упорниковъ. Что-жь, я вамъ, пожалуй, сыграю Фамусова, хотя это совсѣмъ не мое амплуа... Я, можно сказать, съ самыхъ пеленокъ былъ склоненъ къ трагедіи (*Никагосову*). Вы не видали меня въ «Уголино?,.» Я игралъ въ прошломъ году съ пріѣзжей труппой.

Никагосовъ. Не удалось. Я какъ разъ въ этотъ день сидѣлъ на гауптвахтѣ... за скандалъ въ Шато-де-Флёрѣ.

Упорниковъ. Жаль! Сцена въ «Башнѣ голода», когда я ѣмъ своихъ дѣтей, вышла просто невыносима для глазъ по своей реальности. (*Болонкину*). Помнишь это мѣсто? (*декламируетъ*):

«Умолкли... Умерли... Лампада тухнетъ...
Тѣмъ лучше...»

Это былъ ужасъ, а не игра!.. (*Каплунову*). Пепочка, будьте благоразумны, поставьте хоть отрывокъ...

Каплуновъ. Никакъ нельзя, милѣйшій... Во-первыхъ, это затянетъ спектакль, а во-вторыхъ, у насъ нѣтъ подходящей Вероники.

Упорниковъ. Какъ нѣтъ Вероники, что за вздоръ... А Клеопатра Львовна? (*Вохиной*) Прасковья Θеодоровна, разрѣшите вашей дочери прорепетировать со мной «Уголино?»

Вохина (*сухо*). Нѣтъ, она не можетъ. Она уже сошлась съ monsieur Погуляевымъ на «Борисѣ Годуновѣ».

Упорниковъ. А, это другое дѣло! (*Недовольный отходитъ къ Болонкину и Никагосову*).

Вохина (*Погуляеву, кивая на Упорникова*). Какая дерзость! лѣзетъ безъ приглашенія въ чужую семью, точно къ какимъ-нибудь прелестницамъ... въ родѣ Синеоковой и Шалашниковой. Мои дочери вовсе не такъ воспитаны, чтобы репетировать со всякимъ проходимцемъ. Онъ у васъ не занялъ денегъ?

Погуляевъ. Пока нѣтъ.

Вохина. Ну, такъ непремѣнно займетъ. И вообразите, этотъ психопатъ мнитъ себя драматургомъ только потому, что написалъ какую-то дребедень, отъ которой всѣхъ тошнитъ. Право, если-бы не дѣти—духу моего-бы не было въ этомъ вертепѣ!

Никагосовъ (*Каплунову*). Слушайте, какъ васъ... а мнѣ вы дадите какой-нибудь постъ? Чортъ возьми, я тоже хочу дѣйствовать!

Каплуновъ. Помилуйте, на васъ теперь вся надежда. Остались не занятыми цѣлыя три роли: роль Молчалина, роль Скалозуба и роль Петрушки. Выбирайте любую.

Никагосовъ. Мнѣ рѣшительно все равно.

Каплуновъ (*Болонкину и Упорникову*). Вотъ, господа, идеалъ актера-любителя: никакихъ претензій!.. Значитъ, вы не прочь сыграть Скалозуба?

Никагосовъ. Я говорю, господа, мнѣ все равно!

Каплуновъ (*обнимая Никагосова*). Вы цѣнное пріобрѣтеніе для кружка!

Упорниковъ (*Каплунову*). А Молчалипа кто-же будетъ играть? Ужь не вы-ли?

Каплуновъ (*обидчиво*). А хоть-бы и я! Лѣта тутъ не причемъ... главное, чтобъ былъ внутренній огонь! (*Надувшись, отходитъ къ дамамъ*).

Упорниковъ (*Никагосову*). Вы знаете, почему онъ хочетъ играть *Молчалина?*

Никагосовъ. Нѣтъ, не догадываюсь.

Упорниковъ. Чтобъ волочиться за *Лизой*.

Никагосовъ. А кто играетъ Лизу?

Упорниковъ. По всей вѣроятности, мадамъ Шалашникова.

Никагосовъ. Чортъ побери, я этого не допущу! Я его вызову на дуэль!! (*Болонкинъ и Упорниковъ его успокаиваютъ*).

Синеокова (*Каплунову*). Скажите, какъ вы распорядились съ отрывкомъ изъ «Бориса Годунова?» (*Клепа подслушиваетъ*).

Каплуновъ. Клеопатра Львовна намѣревается разыграть его съ monsieur Погуляевымъ.

Синеокова. Я этого не допущу!.. «Сцена у фонтана» принадлежитъ по всѣмъ правамъ мнѣ и monsieur Болонкину.

Каплуновъ. Но, божественная... Сергѣй Михайловичъ ничего мнѣ не говорилъ о вашемъ намѣреніи.

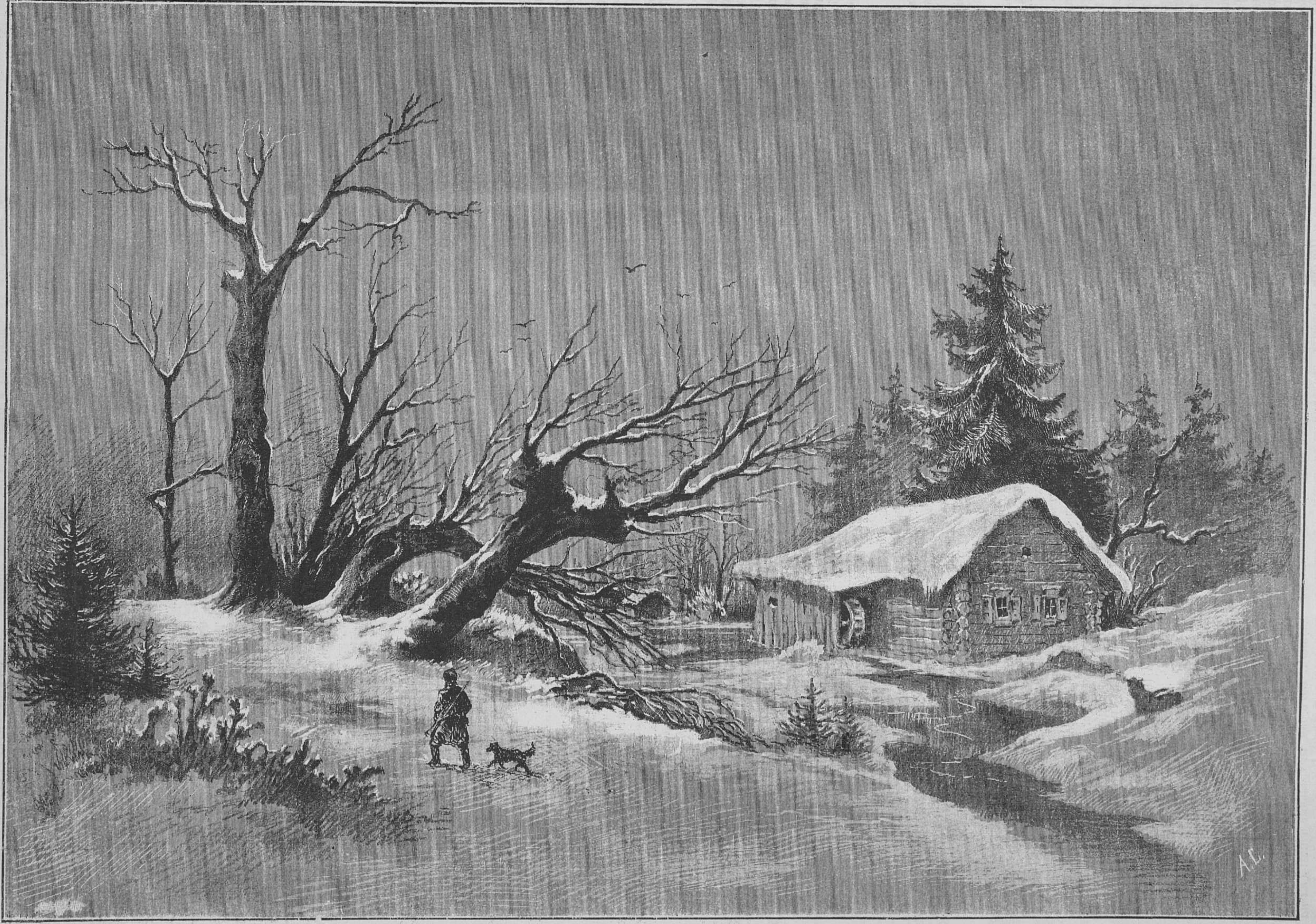
Синеокова (*раздражительно*). Ну, если онъ не хочетъ, такъ я возьму себѣ въ Самозванцы monsieur Никагосова.

Шалашникова (*вспыхнувъ*). Надѣюсь, моя дорогая, что вы этого никогда не сдѣлаете, потому что monsieur Никагосовъ предполагалъ разыграть эту сцену *со мной!* (*неловкая пауза*).

Синеокова. Въ такомъ случаѣ «Сцена у фонтана» вовсе не пойдетъ.

Клепа (*бросаясь къ матери*). Мама, мама, слышишь, что со мной хотятъ сдѣлать? У меня хотятъ отнять роль Марины... мою коронную роль, на которую мы съ тобой, мама, возлагали такія надежды... которая могла... (*Съ ней дѣлается истерика*).

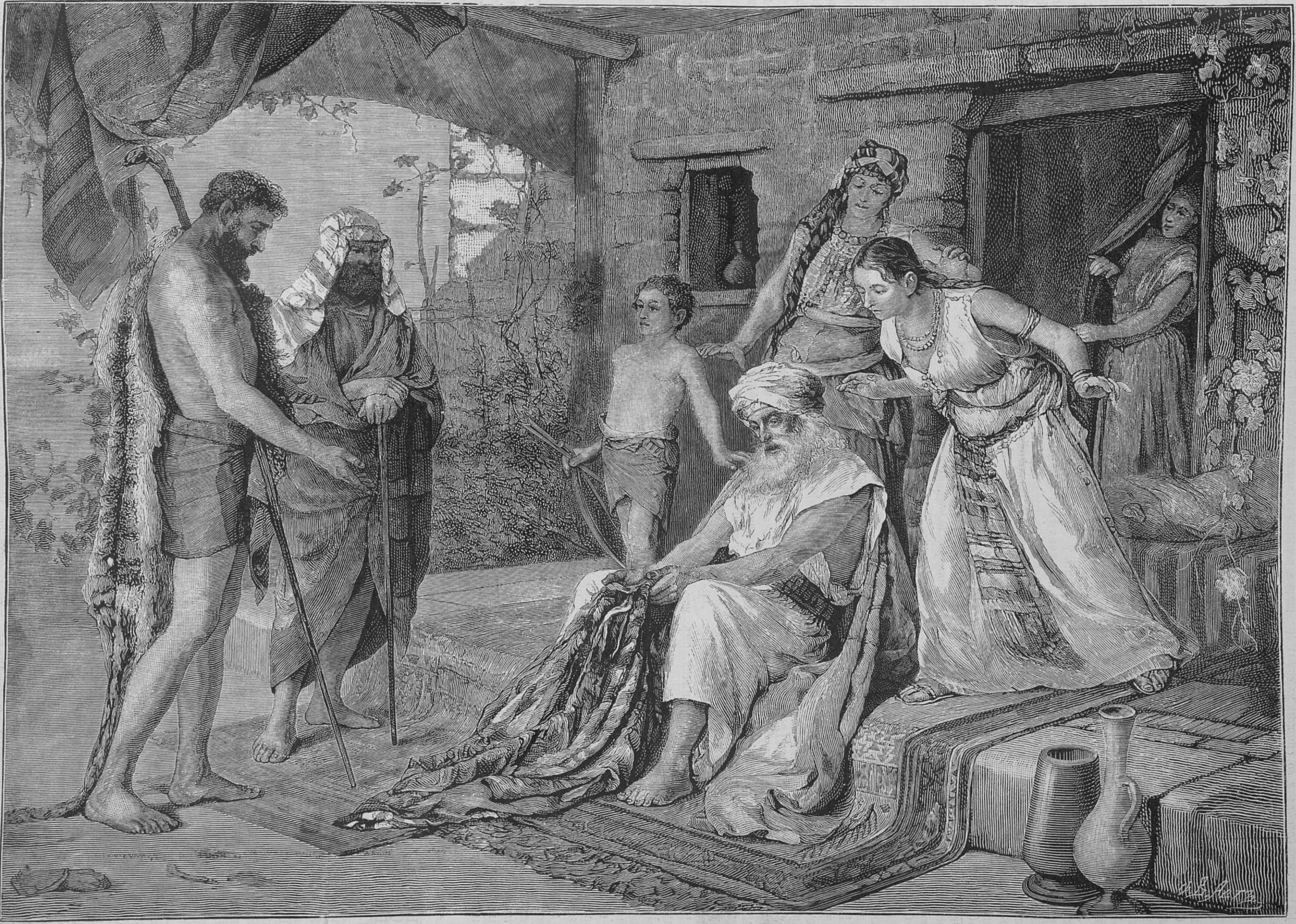
Вохина (*Погуляеву*). Скорѣй поддержите ее, а то она упадетъ. (*Клепа падаетъ на руки къ Погуляеву*). Пепочка... воды... для вашей жертвы! (*обмахиваетъ дочь платкомъ*). Бѣдная страдалица!.. Вотъ они, театральные шипы! (*Клепа продолжаетъ рыдать*). И какъ натурально! о, какой талантъ! Вы знаете, почему съ ней истерика?



Оригинальный рисунокъ А. Смирнова (собств. «Жив. Обозр.»).

Водяная мельница.

Оригинальный рисунокъ И. Ижакевича (собств. «Живоп. Обозрѣн.»).



Одежда Іосифа, принесенная братьями къ Іакову.

Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ Спб.

Погуляевъ. Не догадываюсь...

Вохина. Узнаете послѣ!

Каплуновъ (*подбѣгая со стаканомъ воды*). Я, право, mesdames, не виноватъ... Я никакъ не ожидалъ...

Шалашникова. Что до меня, то я не хочу связываться съ этимъ несчастнымъ семействомъ и отказываюсь отъ «свиданья съ Самозванцемъ».

Синеокова. Я также... (*Венеціанову*). Мы отказываемся отъ свиданья у фонтана, но мы требуемъ вознагражденія: вы должны включить въ спектакль «живыя картины».

Шалашникова. А послѣ спектакля устроить танцы.

Никагосовъ (*подходя*). Не дурно-бы послѣ ужина импровизировать пикникъ съ дамами за городъ?

Венеціановъ (*сухо*). Къ сожалѣнію, ни одного изъ вашихъ требованій я исполнить не могу-съ... Во-первыхъ, это повредило-бы репутаціи серьезнаго драматическаго кружка.

Синеокова. А во-вторыхъ?..

Венеціановъ. А во-вторыхъ, повторяю въ десятый разъ, финансы наши въ отвратительномъ состояніи.

Синеокова. Какое дѣло дамамъ до вашихъ финансовъ! Мы рождены любить, а не расчитывать!.. Пожалуйста, не впутывайте насъ въ вашу бухгалтерію!

Венеціановъ. Я убѣжденъ, mesdames, въ одномъ, что вы мнѣ ни на волосъ не вѣрите... Нечего дѣлать, я буду вынужденъ васъ разочаровать. Я вамъ открою всю истину... Я вамъ покажу, куда уходятъ деньги (*роется въ бумагахъ*). Маленькій отчетъ о прошломъ спектаклѣ, надѣюсь, откроетъ вамъ глаза... Куда-же онъ дѣлся?.. онъ долженъ быть здѣсь... я положилъ его въ конторскую книгу. Петръ Иванычъ, гдѣ счетъ?

Каплуновъ. На сколько мнѣ помнится, онъ былъ у Василія Иваныча.

Венеціановъ. Гдѣ-же Василій Иванычъ? куда провалился этотъ негодный Велизарій!.. Вы не знаете, куда онъ провалился? Впрочемъ, вы, по обыкновенію, ничего не знаете. Онъ навѣрное сидитъ теперь въ бутафорской и декламируетъ какой-нибудь монологъ... Это на него по временамъ находитъ (*подойдя къ дверямъ налѣво*). Василій Иванычъ, вы здѣсь? Василій Иванычъ!.. Василій Иванычъ! (*Входитъ Высочинъ и останавливается, пошатываясь, на порогѣ. Онъ пьянъ, но сохраняетъ осанку театральнаго принца*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ-же и Высочинъ.

Высочинъ. Я... здѣсь...

Синеокова. Фуй, онъ пьянъ... какая наглость!

Венеціановъ. Господинъ Высочинъ, какъ вы позволили себѣ явиться въ наше общество въ пьяномъ видѣ?..

Высочинъ. Помилуйте, да развѣ трезвый пойдетъ сюда... Особливо если артистъ, и съ понятіемъ!..

Болонкинъ. Вы, кажется, забываете, Василій Иванычъ, что вы находитесь не среди вашихъ трактирныхъ мизераблей, а въ обществѣ любителей драматическаго искусства!

Высочинъ. Какіе вы любители! Вы губители драматическаго искусства! (*движеніе среди любителей*). Водрузили посреди грязной гостиной Вильяма Шекспира и возмечтали, что вы ужь артисты (*указывая на бюстъ*). А вы думаете, ему не обидно, что вы его втащили сюда глазѣть на ваше позорище! Сэръ Вильямъ, скажите мнѣ, какъ артисту... вѣдь вамъ обидно?.. Киваетъ... Ему обидно!.. Мнѣ тоже... только я это скрывалъ отъ васъ, пока аккуратно получалъ жалованье... А теперь я пьянъ и скорблю... Чему вы смѣетесь? Не тому-ли, что я здѣсь талантливѣе васъ всѣхъ? Или тому, что меня нужда заѣла? Или, можетъ быть, тому, что меня споили такіе-же, какъ вы, театралы, и я влачу теперь печальный жребій Велизарія?!.. (*неловкая пауза*). Да, господа, я Велизарій, я настоящій Велизарій среди васъ, изгнанный изъ моего отечества—театра. Во мнѣ тоже горѣла когда-то святая искра, порывавшаяся вспыхнуть яркимъ блескомъ... и вспыхнула-бы, и увѣнчала-бы лаврами мою лысую голову, если бы побольше простору намъ, истиннымъ артистамъ... побольше удачи... побольше вокругъ *любви* къ театру и поменьше васъ, господъ *любителей*... А то теперь всѣ лѣзутъ на сцену... Недоучившіеся гимназисты, которымъ надоѣла указка... Перезрѣлыя барышни, потерявшія надежду выйти замужъ... Свѣтскія дамы, ищущія амуровъ, и всякіе шатающіеся джентельмэны, любящіе ловить рыбу въ мутной водицѣ. Всѣ лѣзутъ... Рвутъ честный кусокъ хлѣба у истиннаго артиста! Пускаютъ по міру истиннаго артиста!.. Губители вы, злодѣи-губители!!

Синеокова (*Каплунову*). Выведите вонъ этого Велизарія!

Высочинъ. Не безпокойтесь—я самъ уйду... Мнѣ достаточно здѣсь противно...

«Пойду искать по свѣту
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!..»

До свиданія, господа театралы! (*уходитъ, гордо закинувъ голову. Пауза*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ-же безъ Высочина.

Вохина. Что онъ такое мололъ? Я рѣшительно ничего не поняла.

Шалашникова. Я тоже.

Каплуновъ (*Погуляеву*). Я вамъ предсказывалъ, что онъ нафлитюрится и устроитъ скандалъ.

Синеокова. Я не знаю, кто его тамъ напоилъ, но даю вамъ слово: что если въ моемъ присутствіи повторится еще разъ подобная сцена — я выйду изъ кружка (*неловкое молчаніе. Любители злорадно переглядываются. Бьетъ полночь*).

Вохина. Я тоже не знаю, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ—я знаю одно: что моимъ дѣтямъ пора домой! Клепа, Вика, пойдемте... Вика! онъ спитъ... Бѣдный ребенокъ! (*толкаетъ его. Вика вскакиваетъ съ дивана и протираетъ глаза*). Вика, домой! Monsieur Погуляевъ, надѣюсь, вы будете такъ любезны, проводите насъ до дому?

Погуляевъ. Я, пожалуй... я съ удовольствіемъ.

Вохина. А завтра вы заходите къ намъ пораньше: моя дочь пройдетъ съ вами передъ обѣдомъ «сцену у фонтана». Кстати, о «сценѣ у фонтана»... Пепочка, подите сюда!.. Пепочка, надѣюсь, что вы прилично обставите свиданье у фонтана, не такъ, какъ въ прошлый разъ: будетъ и фонтанъ, и луна, и соловей?

Каплуновъ. Вотъ на счетъ «луны», Прасковья Θеодоровна, я не могу сказать вамъ ничего положительнаго, потому что нашъ директоръ, повидимому, стѣсняется произвести лишній расходъ.

Вохина. Въ такомъ случаѣ, позовите мнѣ вашего стѣснительнаго директора — я сама съ нимъ поговорю (*Погуляеву*). Вы слышали, какая низость: мою дочь хотятъ оставить безъ «луны?..» Когда Надежда Николаевна дебютировала въ «Безумныхъ поцѣлуяхъ», ее освѣщали и электричествомъ, и бенгальскимъ огнемъ, и я не знаю еще чѣмъ, а для моихъ дѣтей ничего не хотятъ сдѣлать (*подходитъ Венеціановъ*). Тарасъ Сидорычъ, отвѣчайте безъ увертокъ: будетъ у насъ *луна*, или не будетъ?..

Венеціановъ. Будьте покойны, мы примемъ всѣ мѣры, я постараюсь...

Вохина. Смотрите-же! а то я подыму такой шумъ, что сами потомъ не будете рады! (*Венеціановъ хочетъ идти*). Погодите, еще не все... У васъ, кажется, изъ ума вонъ, что вы обошли моего сына. По крайней мѣрѣ въ пьесахъ, которыя вы назначили, ему нѣтъ ни одной роли... Неужели вамъ не жаль этого даровитаго ребенка!.. пристройте его куда-нибудь?..

Венеціановъ. Помилуйте, Прасковья Θеодоровна, онъ еще такъ малъ, что я, право, теряюсь, куда его можно опредѣлить.

Вохина. Ну, опредѣлите его... хоть въ гимназію... у васъ, вѣдь, есть связи... Не даромъ-же онъ таскается въ вашъ глупый кружокъ!

Венеціановъ (*рѣзко*). Сударыня, вы забываете, что я не директоръ гимназіи, а директоръ драматическаго общества. И, наконецъ, я не виноватъ, что у васъ такъ много дѣтей!

Вохина. Вы просто невѣжа! (*схватываетъ правой рукой Вику, а лѣвой беретъ подъ руку Погуляева и уходитъ, пропустивъ впередъ Клепу и Лику*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ-же, безъ Погуляева и Вохиныхъ.

Венеціановъ. Сумасшедшая старуха. Извольте вотъ объясняться съ такой безтолковщиной—тутъ, чего добраго, самъ съ ума спятишь!

Шалашникова. Пресмѣшная и съ вѣчными претензіями (*кивая на Никагосова*). Вотъ мы съ Михаиломъ Абрамовичемъ самые сговорчивые люди: дадутъ намъ «Горе отъ ума» — мы сыграемъ «Горе отъ ума»; дадутъ намъ «Прекрасную Елену» — мы сыграемъ «Прекрасную Елену». Съ нами трудно поссориться.

Венеціановъ. И такъ, вы играете *Лизу*—это рѣшено?

Шалашникова. Разумѣется... Впрочемъ, съ маленькой оговоркой — я васъ попрошу вставить во второй актъ немного пѣнія.

Венеціановъ (*опѣшивъ*), Вставить *пѣніе* въ «Горе отъ ума?». Что вы хотите этимъ сказать?

Шалашникова. Я хочу этимъ сказать, что я очень удачно имитирую «Цыганскія пѣсни». По крайней мѣрѣ, всѣ, кто слышалъ, какъ я ихъ пою, называютъ меня второй Зориной. Вотъ вамъ это подтвердитъ monsieur Никагосовъ.

Никагосовъ. Дѣйствительно—съ рѣдкимъ шикомъ, съ рѣдкимъ шикомъ.

Венеціановъ. Но, Господи Боже мой, какимъ образомъ вставить вдругъ «Цыганскія пѣсни» въ «Горе отъ ума?» Это... это... я не знаю, что это такое!

Шалашникова. Напротивъ, это весьма легко устроить. Monsieur Никагосовъ въ этомъ случаѣ подалъ мнѣ очень счастливую мысль: именно, въ концѣ втораго дѣйствія, когда *Молчалинъ* заигрываетъ съ *Лизой*, онъ можетъ ей сказать: «Лизанька, спой что нибудь!» Вотъ она и споетъ... ну, хоть «Чертенка».

Венеціановъ. Лизавета Михайловна, что вы предлагаете? Да развѣ мыслимо такъ искажать Грибоѣдова? Вѣдь это-же преступленіе!

Шалашникова (*кокетливо*). Я васъ прошу!

Венеціановъ. Какъ вамъ угодно, но я этого допустить не могу. Это выйдетъ посмѣяніе надъ прахомъ! (*Каплуновъ дергаетъ его за рукавъ*).

Шалашникова. Я рѣшительно не понимаю, чего тутъ стѣсняться. Слава Богу, мы свободные любители, а не актеры на жалованьи. За свои-же деньги и себя стѣснять—это по меньшей мѣрѣ глупо.

Венеціановъ (*горячо*). Ну, пусть это будетъ глупо, а я все-таки не допущу.

Шалашникова (*вспыхнувъ*). Въ такомъ случаѣ, считайте меня выбывшей изъ кружка. Я не какая нибудь театральная фигурантка, а свободная любительница! Мишель, поѣдемте въ клубъ ужинать—здѣсь намъ нечего больше дѣлать! (*уходитъ подъ руку съ Никагосовымъ напѣвая*):

Говорятъ, я рребенокъ
Едва изъ пел-ленокъ,
Настоящій черррртенокъ!!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же безъ Никагосова и Шалашниковой.

Каплуновъ (*Венеціанову*). Я васъ предупреждалъ, Тарасъ Сидорычъ, что съ дамами нельзя поступать такъ рѣшительно.

Венеціановъ. А съ «классиками» можно?.. Резонъ! Нѣтъ, ужь если выбирать между Грибоѣдовымъ и взбалмошной барыней, — разумѣется, я всегда пожертвую послѣдней.

Синеокова. И прекрасно сдѣлали, а то ея отношенія съ Никагосовымъ послѣднее время становятся просто неприличны. Она должна помнить: то, что позволительно «большой» артисткѣ, далеко не къ лицу всякой бездарности. А на счетъ *Лизы* вы не безпокойтесь, а вамъ найду прекрасную Лизу—гораздо моложе и безъ пѣнія.

Венеціановъ. Я вамъ буду крайне обязанъ. Заранѣе увѣренъ, что съ такой *Софьей Павловной*, какъ вы, спектакль сойдетъ блистательно.

Синеокова. За меня не безпокойтесь: бѣлокурый парикъ у меня уже заказанъ, а новое платье, которое мнѣ сегодня принесли, цвѣта gris-perle, какъ нельзя болѣе подходитъ къ типу Софьи. Если *обои* гостиной также «подойдутъ» къ туалету—не будь я Синеокова-Свѣтозарова, если я не сведу всѣхъ съ ума.

Венеціановъ. Pardon, я не понимаю—при чемъ же тутъ обои?

Синеокова. Я думаю, вы не ребенокъ и должны знать, что къ бѣлокурому парику и платью gris-perle долженъ быть голубой fond.

Венеціановъ. Но, многоуважаемая Надежда Николаевна, у насъ нѣтъ «голубой гостиной» у насъ есть только декорація «желтой гостиной».

Синеокова. Какой вы странный человѣкъ! Когда я вамъ говорю, что мнѣ нужно голубую гостиную, то это значитъ, что мнѣ нужно голубую, а не желтую.

Венеціановъ. Но, добрѣйшая Надежда Николаевна, вы знаете наши фонды... у насъ положительно нѣтъ средствъ завести новую декорацію... Подтверждаю въ сотый разъ, что у насъ нѣтъ средствъ!

Синеокова. А я вамъ, Тарасъ Сидорычъ, подтверждаю въ послѣдній разъ, что безъ «голубой гостиной» я играть не буду.

Венеціановъ *(мрачно)*. Какъ вамъ угодно. Въ такомъ случаѣ «Горе отъ ума» не пойдетъ.

(*Каплуновъ опять дергаетъ его за рукавъ*).

Синеокова. Такъ, «голубой гостиной» не будетъ?

Венеціановъ. Нѣтъ, не будетъ... я не могу выйти изъ бюджета.

Синеокова. Вы предпочитаете, чтобы я вышла изъ кружка?

Венеціановъ. То-есть, я не...

Синеокова. Ни слова больше. *Я уже вышла!*

Каплуновъ. Божественная, за что насъ губите? Что-же съ нами будетъ?

Синеокова. Я сказала и слова моего не перемѣню (*Болонкину*). Ромео, слѣдуйте за мной!.. Пепочка, кликните моего кучера! (*Каплуновъ забѣгаетъ впередъ. Синеокова небрежно киваетъ Упорникову и уходитъ подъ руку съ Болонкинымъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Венеціановъ и Упорниковъ.

Венеціановъ. Ну, все погибло! И мои двухлѣтніе труды, и моя репутація директора, и и мои надежды на возрожденіе драматическаго искусства... все, все погибло!.. О, о! (*стоитъ растерянно посреди сцены*).

Упорниковъ. Успокойтесь, Тарасъ Сидорычъ пока я здѣсь, еще не все погибло. Я васъ могу спасти.

Венеціановъ. Чѣмъ это? ужъ не вашей-ли пьесой?

Упорниковъ. Именно. Поставьте на спектакль мою драму: «Судъ Соломона»—и вы спасены! Можете быть покойны, что затраты, какія вы сдѣлаете для ея постановки вознаградятся съ избыткомъ. Разумѣется, еслибъ не ваше критическое положеніе,—я-бы ни за что не отдалъ ее вамъ даромъ.

Венеціановъ. И даромъ отдадите — не возьму-съ.

Упорниковъ. Позвольте, это почему-же?

Венеціановъ. Потому что это не драма, а чортъ знаетъ что такое!

Упорниковъ. Какъ чортъ знаетъ что такое?..

«Смерть и адъ!
Кровь моя кипитъ... Въ глазахъ темно!
Рука подъята къ мщенью...»

Венеціановъ. Вы, милостивый государь мой, потише! Вы сначала уплатите «членскій взносъ» за прошлый годъ, а потомъ и кричите!

Упорниковъ. Мой *взносъ*—мой талантъ! Если вы мѣряете на гроши мои дарованія—мое почтеніе! (*трагически*).

«О, еслибъ міръ разрушился со мной!»
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Венеціановъ, потомъ Каплуновъ.

Венеціановъ (*вслѣдъ ему*). Губители вы, настоящіе губители! (*ходитъ въ волненіи по сценѣ. Входитъ Каплуновъ, тоже совсѣмъ разстроенный*).

Каплуновъ. Тарасъ Сидорычъ! что вы надѣлали? что вы надѣлали? Развѣ можно такъ круто обращаться съ дамами?

Венеціановъ (*наступая на него*). А съ искусствомъ, по вашему, можно обращаться, какъ угодно? По вашему, можно перевертывать Пушкина, Грибоѣдова, Мольера, Шекспира, какъ кому заблагоразсудится? Можно, я васъ спрашиваю, можно??

Каплуновъ (*отступая*). Я ничего не знаю... я знаю одно, что пока вы не вмѣшивались въ режиссерскую часть, все шло прекрасно.

Венеціановъ (*саркастически*). Вы полагаете?

Каплуновъ. Какъ видите, два года протянули и протянули-бы еще два, если бы вы не впутались сегодня въ режиссерскую часть... Я васъ предупреждалъ, что если вы будете рѣзко объясняться съ дамами, спектакль разъѣдется... Ну, и разъѣхался... Ахъ, Тарасъ Сидорычъ, ладить съ дамами—это, можно сказать, второе драматическое искусство!

Венеціановъ. Ну, и упражняйтесь въ этомъ *второмъ*, а въ первое не мѣшайтесь... Вы въ немъ, съ позволенія сказать, столько-же смыслите, сколько одна госпожа въ апельсинахъ.

Каплуновъ. Послѣ такихъ словъ, Тарасъ Сидорычъ, мнѣ больше ничего не остается, какъ взять шляпу и идти ужинать.

Венеціановъ (*саркастически*). Ужинать?!

Каплуновъ. Да... меня пригласила къ себѣ Надежда Николаевна. У нея соберется кое-кто изъ недовольныхъ артистовъ.

Венеціановъ. Что-же это такое въ самомъ дѣлѣ? Искусство падаетъ, а они собираются ужинать... Господи, какое индифферентное время мы переживаемъ!

Каплуновъ. Вы меня извините... мнѣ пора...

Венеціановъ. Идите, куда вамъ угодно. Мнѣ такого режиссера не надо.

Каплуновъ. Спасибо, Тарасъ Сидорычъ, спасибо! Два года трудился на пользу общества и вдругъ сталъ не нуженъ. Покорно васъ благодарю... Желаю вамъ съ вашимъ Шекспиромъ всякаго благополучія! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XX.

Венеціановъ, потомъ Вьюшкина.

Венеціановъ (*страдальчески*). Милосердый Боже! они, кажется, сговорились меня сегодня извести! Уйти, уйти скорѣй отсюда, пока еще не совсѣмъ потерялъ голову!.. (*берется за шляпу. Входитъ Вьюшкина*)

Вьюшкина. Господи! наконецъ-то я васъ отыскала... какъ я рада! Господинъ директоръ, что изъ меня выйдетъ? Скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе—вы, вѣдь, теперь видѣли, какъ я играла?

Венеціановъ (*внѣ себя*). Если хотите знать откровенно мое мнѣніе — изъ васъ *ничего* не выйдетъ. Слышите-ли: ни-че-го!! (*быстро уходитъ на сцену, захлопнувъ дверь передъ носомъ Вьюшкиной*).

Вьюшкина. Какъ, ничего? почему ничего? Развѣ я такъ дурна собой? Господинъ директоръ! Господинъ директоръ!! Господинъ директоръ!!! (*растерянно машетъ передъ запертой дверью. Занавѣсъ*).

Иванъ Щегловъ.

Конецъ.

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ Т. Ёжа.

(Перев. съ польскаго А. Сахаровой)

* * *

ГЛАВА I.

Слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, считая отъ 1885 года, страна, извѣстная въ настоящее время подъ названьемъ Кроаціи, называлась точно такъ же и точно такъ же была присоединена къ коронѣ венгерской. Въ формальномъ отношеніи разница между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что было тогда, представляется незначительной. Политически законодательный узелъ, связывающій отчизну Звониміра съ отчизной Св. Стефана, дѣлалъ изъ нея часть государственнаго организма, распространяющагося отъ Карпатъ до Дуная и до прибрежья Адріатическаго моря и находившагося въ ту эпоху подъ гнетомъ двойного вторженья: турецкаго и нѣмецкаго. Турки занимали значительную часть Венгріи и всю Славонію; Буда, столица государства, находилась у нихъ въ рукахъ; въ Будѣ, турецкой крѣпости, распоряжался паша и тамъ возвышалась мечеть, въ которой правовѣрные поклонялись Аллаху и чтили пророка, вѣруя глубоко, что завоюютъ міръ. Нѣмцы старались отнять страны, занятыя турками, и подчинить ихъ своей власти. И тѣ, и другіе, держась преимущественно въ крѣпостяхъ, обходились со страной, какъ завоеватели. Такъ было въ Венгріи,—точно также было и въ Кроаціи. Порядокъ вещей представлялся одинаковый, и если замѣтна была какая нибудь разница, то развѣ только въ оттѣнкахъ. Въ Венгріи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, населеніе предпочитало турокъ нѣмцамъ. Въ Кроаціи дѣло не заходило такъ далеко. Къ турецкому владычеству враждебно относился элементъ мѣстный, рыцарскій, состоящій, какъ въ Польшѣ, изъ шляхты (племичи) и изъ магнатовъ (властичи). Шляхта и магнаты сопротивлялись набѣгамъ турокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ недовѣріемъ относились къ защитѣ, предлагаемой имъ нѣмцами. Нападеніе и защита были только разными словами и не разнились по отношенію къ политическому значенію и не уступали другъ другу по отношенію къ бремени, взваливаемому на страну. Это бремя въ особенности тяготѣло надъ народомъ, тяготѣло, однако-же, и надъ шляхтой, которой оно угрожало потерей положенія «сословія политическаго», въ томъ и въ другомъ случаяхъ, т. е. кто бы ни одержалъ верхъ: турки надъ нѣмцами или же нѣмцы надъ турками. Не дубьемъ, такъ палкой. Дѣло было плохо, такъ или иначе. Одинаковая опасность угрожала какъ со стороны Константинополя, гдѣ, при помощи фаворитовъ и фавориточекъ Магометъ IV разыгрывалъ роль Зевса громовержца, такъ и со стороны Вѣны, гдѣ та же самая роль досталась вдохновляемому и руководимому іезуитами Леопольду I. Магометъ IV и Леопольдъ I—султанъ и императоръ—сіяли на горизонтѣ въ качествѣ тѣхъ небесныхъ созвѣздій, которыя по мнѣнію людей суевѣрныхъ, предвѣщаютъ бѣдствія и несчастія. Оставалось только въ будущемъ надежда, которая выражалась такъ:

— Никто, какъ Богъ.

Такими словами отвѣтилъ Гаспаръ Дещичъ въ видѣ заключенія разговора, который велся у него за столомъ. За этимъ столомъ сидѣло нѣсколько племичей. Одинъ изъ нихъ, по имени Павао Чолничъ, человѣкъ роста ниже средняго, сухощавый, костлявый, немного рябоватый, съ живыми и быстрыми глазами, отвѣчалъ хозяину дома:

— Я пріѣхалъ прямо изъ Загребья... говорилъ съ баномъ.

— Банъ, дѣло извѣстное, императорскій слуга,—отвѣтилъ Дещичъ. Такъ запоетъ, какъ ему заиграютъ... Ужь это не то, что бывало прежде... послѣднимъ для меня баномъ былъ Петръ Зрини... о!..

Послѣднія слова старикъ проговорилъ съ увлеченіемъ и ударилъ кулакомъ по столу, такъ что стоявшая на немъ посуда, тарелки и кубки, подскочили. Глаза старика грозно сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей, щеки дрогнули, на лбу нависла туча.

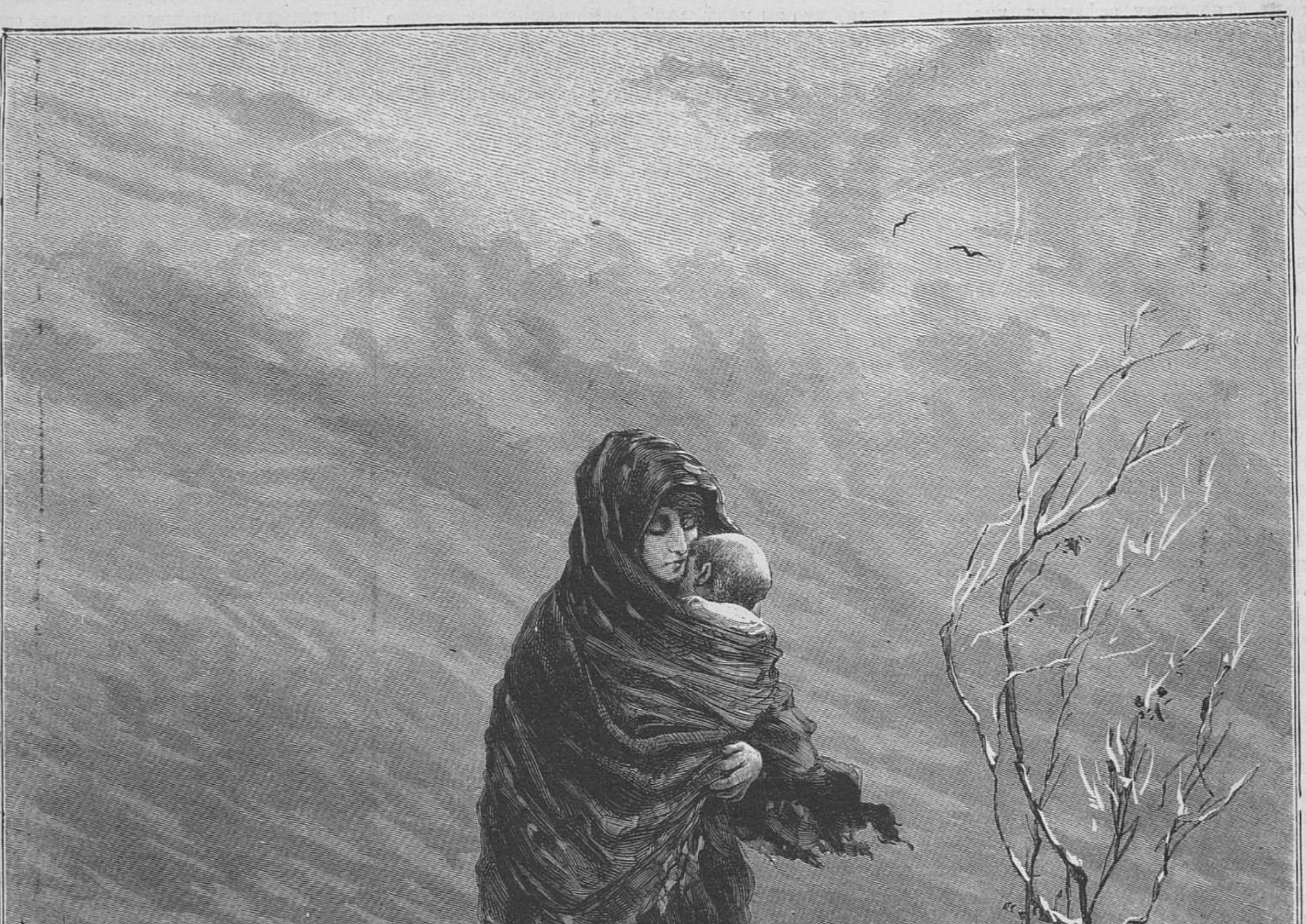
— Что было... о...—началъ Чолничъ тономъ убѣжденья. Что было, того не слѣдуетъ принать въ расчетъ.

— Не слѣдуетъ принимать въ расчетъ попиранья законовъ человѣческихъ и божескихъ?.. воскликнулъ Дещичъ.—Надо было видѣть то, что я видѣлъ въ Бечѣ, на Новомъ мѣстѣ... О!..—сжалъ старикъ кулаки и поднялъ обѣ руки. Съ этой минуты я сказалъ себѣ: пусть Богъ насъ судитъ...

— Но... вѣдь слѣдуетъ же судить о фактахъ по справедливости.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Трентена.



Бездомные.

Гравировалъ для «Жив. Обозр.» Р. Кингъ въ Спб.

— Гдѣ же тутъ справедливость?

— Покойникъ, дай ему Боже царство небесное! возставалъ противъ императора и короля!

— Онъ дѣйствовалъ по праву и справедливости...— отвѣтилъ старикъ, произнося эти слова съ удареніемъ и придавая имъ оттѣнокъ торжественности,—по закону, который повелѣвалъ, чтобы его судили въ его странѣ, по справедливости, не дозволяющей признавать виной того, что было заслугой... Возставалъ онъ,—продолжалъ старикъ,—не противъ императора и короля, но противъ несправедливости. Вѣдь у насъ же есть наши права! кто ихъ нарушаетъ, тотъ преступникъ...

— Правда... раздалось нѣсколько голосовъ.

Дещичъ покачалъ головой всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Оставшіеся за столомъ молчали съ минуту. Наконецъ, одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Что тамъ слышно?

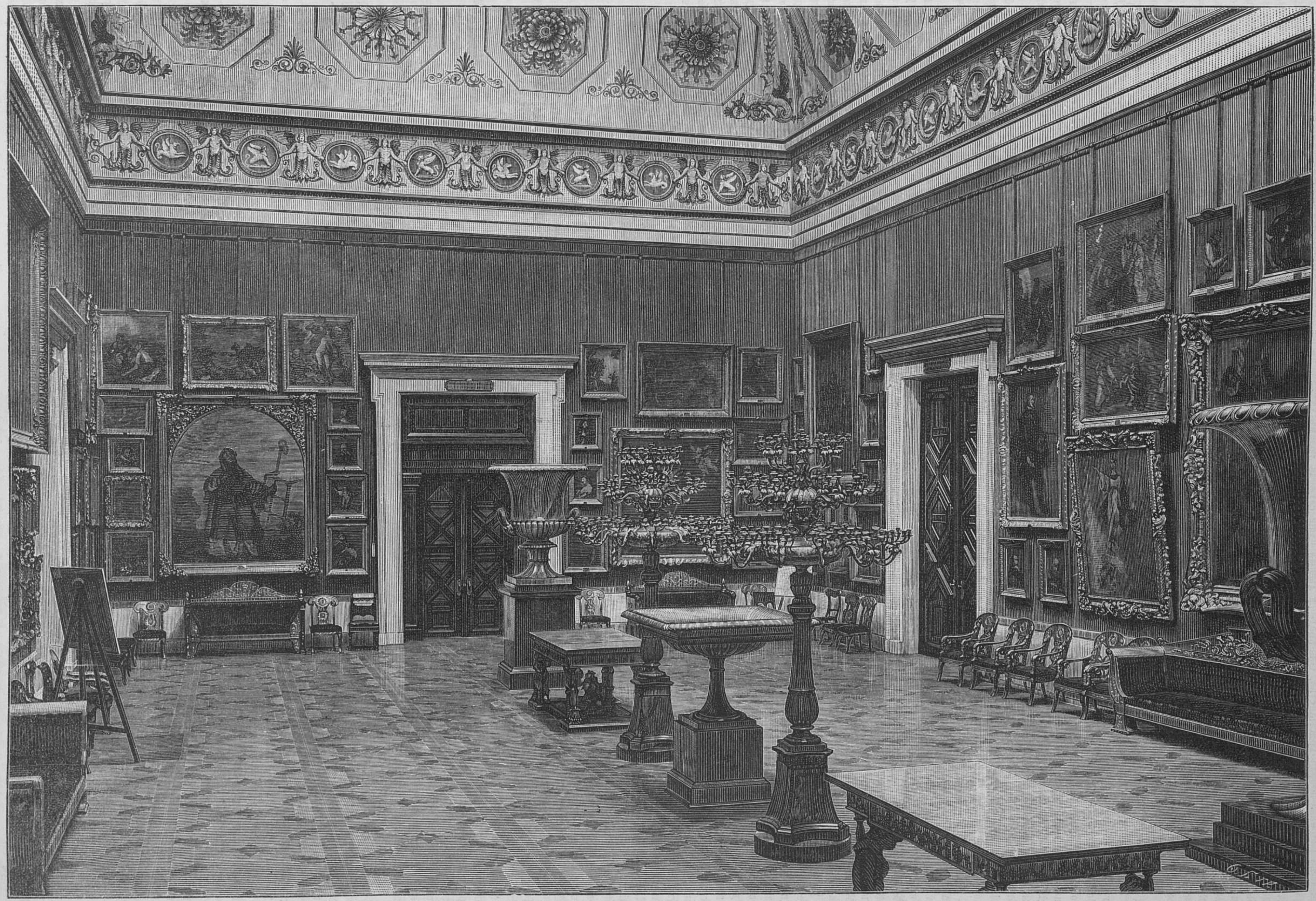
Вопросъ былъ обращенъ къ Чолпичу.

— Что?—отвѣтилъ тотъ. Куручи держится, Такели держится, турки держатся, но дни ихъ уже сочтены... Собѣсскій нанесъ имъ смертельный ударъ... Намъ пора подумать о себѣ...

Этотъ разговоръ былъ бы непонятенъ, если бы мы не указали событій, къ которымъ онъ относился. Въ 1683 году совершился фактъ, имѣющій громадное историческое значеніе: освобожденіе осажденной и доведенной турецкими войсками до истощенія Вѣны. Это событіе, привѣтствованное съ восторгомъ христіанскимъ міромъ, не особенно обрадовало народы, подвластные

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

(Воспроизведено по снимкамъ, снятымъ съ натуры фотографомъ журнала «Живописное Обозрѣніе»).



Зало испанской школы.

Гравировалъ на деревѣ Гельштейнъ въ Спб.

коронѣ св. Стефана. Имъ было такъ сладко подъ десницей того, чье имя было увѣнчано этой короной, что ихъ вовсе не радовала побѣда христіанства. Они предпочли бы торжество мусульманскаго оружія. Это не было дѣломъ вкуса, но слѣдствіемъ нѣмецкой системы управленія, во главѣ которой стоялъ настолько же неспособный, насколько жестокій Леопольдъ I. Въ Венгріи Текели не слагалъ оружія, приверженцевъ его звали куручами, связывая дѣло, которое онъ защищалъ съ дѣломъ крестьянскаго бунта, съ котораго уже прошло полтора вѣка. Въ Кроаціи царило глубоко враждебное настроеніе. Поводомъ къ нему послужила смертная казнь, совершенная въ 1671 году надъ двумя личностями, обвиненными въ государственной измѣнѣ: Петромъ Зрини и Францискомъ Франкопано, пользовавшимися громаднымъ сочувствіемъ. Казнь ихъ повлекшая за собой преслѣдованіе всѣхъ тѣхъ, кого подозрѣвали или могли подозрѣвать въ сношеніяхъ съ ними, произвела на страну впечатлѣніе сильное и подавляющее. Кроація облеклась въ трауръ и стала равнодушно относиться къ борьбѣ съ врагами креста. Нерѣдко раздавались голоса:

— Лучше турокъ чѣмъ нѣмецъ...

Однако же отъ турокъ, занимавшихъ Боснію и Славонію, кроаты оборонялись; но оборонялись мягко, ограничиваясь только отпоромъ нападеній на пограничные города и мѣстности, имѣющихъ скорѣе разбойничій, чѣмъ военный характеръ. Эта борьба отличалась скорѣе партизанскимъ и временнымъ характеромъ. Турки переступали границу и гнались за добычей, кроаты держались на сторожѣ и слѣдовали правилу око за око, зубъ за зубъ. И они съ своей стороны дѣлали вылазки за турецкую границу, идущую отъ Сисака на сѣверъ мимо устья рѣки Мура до Дравы къ Коморну. За нападенье—нападенье, за добычу—добыча. Изъ этого возникало обоюдное опустошеніе страны, не принимавшее размѣровъ завоевательнаго стремленія на широкую ногу. Это было искусство для искусства—удовлетвореніе рыцарскаго духа шляхты, враждебно относящейся къ нѣмецкому владычеству, болѣе или менѣе равнодушной къ вопросу о смѣнѣ нѣмецкаго владычества на турецкое и питающей въ глубинѣ души идею независимости, внушенную ей казнью двухъ популярныхъ магнатовъ, въ особенности же Петра Зрини, внука геройскаго защитника Шигеля, занимающаго высокую должность бана Кроаціи. По общему мнѣнію, это былъ послѣдній народный банъ. Назначенный короной преемникъ его возбуждалъ всеобщее недовѣріе. Между этимъ представителемъ политической самостоятельности страны и массой шляхты, являющейся, какъ въ Польшѣ, политическимъ сословіемъ, существовало недоразумѣніе, которое было трудно устранить. Звено, соединяющее правительство съ народомъ утонуло въ крови Зрини, оставивъ по себѣ раздраженіе, поддерживаемое и разжигаемое нѣмецкими войсками, дѣйствующими въ Кроаціи, какъ въ странѣ завоеванной. Таково было положеніе въ минуту разговора, ведущагося за столомъ у Дещича.

Гаспаръ Дещичъ, человѣкъ старый, помнилъ прежнія времена. Онъ провелъ свою молодость въ битвахъ сначала подъ начальствомъ Николая Зрини, воина и поэта, одной изъ симпатичнѣйшихъ личностей въ исторіи, затѣмъ подъ начальствомъ Петра. Это были родные братья. Дядя ихъ, наслѣдниками котораго они были, усердный распространитель евангелическаго вѣроисповѣданія и просвѣщенія, принадлежалъ къ разряду вельможъ щедрыхъ, любящихъ вознаграждать людей за оказываемыя ими услуги. Дещичъ принадлежалъ къ числу вознагражденныхъ. Помѣстье, которымъ онъ владѣлъ, входило нѣкогда въ составъ громаднаго состоянія Зрини, состоянія широко раскинутаго на берегахъ Уны, Купы въ Славоніи, въ Кроаціи, въ Далмаціи, въ Венгріи, даже въ Италіи. Помѣстье, дарованное Дещичу, было раскинуто на одномъ изъ притоковъ рѣки Купы съ лѣваго берега, почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Купы до Савы и въ небольшомъ разстояніи отъ Сисака, полуукрѣпленнаго мѣстечка, остающагося въ турецкихъ рукахъ и являющагося пунктомъ, изъ котораго турки стратегически господствовали надъ частью западной половины Славоніи и могли попытаться завладѣть Кроаціей. Деревню звали Дубровацемъ; она обладала тѣми характеристическими признаками, которыми въ тѣ воинственныя времена отличались всѣ людскія селенія, выстроенныя способомъ, выразимся такъ, замаскированнымъ: будучи уже въ деревнѣ, трудно было догадаться, что находишься среди людскихъ жилищъ. Крестьянскія избы, раскинутыя на значительномъ пространствѣ, скрывались за выступами земли, представляющейся въ формѣ горнаго ущелья, усѣяннаго скалами и поросшаго лѣсомъ. Скалы и лѣсныя чащи служили людямъ убѣжищемъ на случай нашествія турецкаго; домъ же Дещича, возвышаясь на холмѣ, обнесенный заборомъ и снабженный бойницами, исполнялъ какъ бы назначеніе крѣпости, бодрствующей надъ селеньемъ. Онъ не могъ бы выдержать ни осады, ни даже сильнаго приступа; однако онъ былъ въ состояніи давать отпоръ нападенію вооруженныхъ отрядовъ, забирающихся въ глубину страны, съ цѣлью поживиться добычей и забрать невольниковъ. Онъ являлся гарантіей безопасности для жителей деревни, гарантіей тѣмъ болѣе вѣрной, что старый Дещичъ подкрѣплялъ ее своей личностью, пользующейся во всей окрестности уваженіемъ, обусловливаемымъ украшающими ее честностью, храбростью и знаніемъ военнаго дѣла. Онъ являлся типомъ опытнаго, посѣдѣвшаго въ бояхъ солдата и въ то-же время проникнутаго сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей племича. Это выражалось въ его величественной фигурѣ, въ открытомъ, украшенномъ бѣлыми усами, лицѣ, въ глазахъ, смотрѣвшихъ кротко, однако иногда, когда брови его хмурились, метавшихъ молніи. Гаспаръ Дещичъ пользовался общимъ уваженіемъ и, хотя, со времени смерти Зрини онъ удалился отъ общественныхъ дѣлъ, онъ не переставалъ пользоваться этимъ уваженіемъ. Сосѣди собирались у него часто и всегда пользовались его указаніями въ общественныхъ дѣлахъ. «Что думаетъ объ этомъ Дещичъ»,—повторялось неизмѣнно при каждомъ удобномъ случаѣ. Многіе садились на лошадей и спѣшили въ Дубровацъ. Въ Дубровацѣ гостей ожидалъ радушный пріемъ и разумное слово, проникнутое недовѣріемъ къ существующему порядку, но не отнимающее надежды на будущее, потому что старый воинъ самъ не терялъ надежды, основывая ее на томъ мнѣніи, въ которомъ группировались всѣ его воззрѣнія.

— Никто, какъ Богъ, говорилъ онъ... Нашъ Богъ бодрствуетъ надъ нами... Отходили въ вѣчность императоры и короли, проходили хорошія и дурныя времена: народъ выжилъ... подождемъ, дождемся; въ концѣ концовъ Богъ насъ разсудитъ...

Таковъ былъ принципъ, котораго онъ держался, и, негодуя на настоящее, былъ спокоенъ за будущее.

Слова Чолнича раздражали его преимущественно, потому что онъ зналъ источникъ ихъ. Чолничъ пріѣхалъ изъ Загребія, отъ бана, которымъ былъ Николай Ердоди, назначенный короной. Дещичъ не допускалъ, чтобы оттуда могло выйти что-нибудь хорошее, потому что онъ былъ того убѣжденья, что послѣ смерти Петра Зрини ни одинъ честный человѣкъ не долженъ былъ занять мѣста, съ котораго покойникъ былъ свергнутъ гнуснымъ образомъ. И такъ потому, когда Чолничъ, человѣкъ краснорѣчивый и искусный въ законѣ, принялся доказывать, старикъ вышелъ, всталъ на чердакѣ, заложилъ назадъ руки и началъ осматривать окрестность. Передъ глазами его разстилался пейзажъ, одинъ изъ прелестнѣйшихъ среди тѣхъ, которые природа создаетъ изъ тѣснящихся между Купой и Савой скалистыхъ откосовъ. Вдали за Савой, синѣли выступы цѣпи горъ Варадинскихъ, а ближе тянулись овраги, обнаруживая тутъ обрывъ, тамъ скалистую стѣну, далѣе скаты, перевитые плющемъ, испещренные кустарниками, поросшіе мхомъ и увѣнчанные темной зеленью буковыхъ лѣсовъ, придающей общій колоритъ пейзажу. Среди обрывовъ и каменьевъ въ глубокой долинѣ показывалась мѣстами вода, сверкающая зеркальной поверхностью. Дороги нигдѣ не было видно, за исключеніемъ того клочка, который доходилъ до воротъ дома Дещича и шагахъ въ двухъ стахъ отъ воротъ, казалось, точно проваливался въ пропасть. Это придавало окрестности неприступный, дикій и пустынный видъ. Однако противъ незаселенности свидѣтельствовали дымки, разстилающіеся среди бросающихся въ глаза предметовъ и выходящіе, какъ бы изъ пропасти. Дымки возвѣщали о присутствіи человѣческихъ существъ, но видиѣлись не постоянно; однако же, когда они взвивались прямо-ли кверху пучками или мутными клубами, тогда они иногда оживляли, разнообразили пейзажъ, иногда-же образовывали нѣчто въ родѣ туманной завѣсы, окутывающей то ту, то другую части горизонта. Слѣдуетъ прибавить къ этому еще ихъ разноцвѣтность, происходящую не только отъ разнообразія красокъ, окрашивающихъ каменья, землю, лѣса и воды, но также и оттѣнковъ самыхъ красокъ и тѣней, набрасываемыхъ на нихъ небомъ и солнцемъ. Тучи, облака, солнце придавали имъ то унылый, то радостный, улыбающійся оттѣнокъ.

Значитъ Гаспару Дещичу было бы на что посмотрѣть, если бы онъ хотѣлъ любоваться красотами природы. Однако эти пейзажи надоѣли ему. Онъ глядѣлъ на нихъ столько лѣтъ! И такъ, онъ равнодушно окидывалъ ихъ взглядомъ и, повидимому, сохранилъ бы до конца равнодушіе, если бы налѣво за плетнемъ, отдѣляющимъ дворъ отъ сада, за шпалерой изъ кустарниковъ, подъ образующимъ лиственный шатеръ платаномъ, онъ не увидѣлъ чего-то, живо занявшаго его. Старикъ заслонилъ глаза ладонью отъ солнца и присматривался съ минуту. На лицѣ его промелкнула полунѣжная, полурадостная улыбка. Черезъ минуту онъ сошелъ съ чердака, прошелъ вдоль дома и, добравшись до сада, сталъ пробираться за кустарниками. Можно было бы сказать, что онъ собирается охотиться за трусливой дичью, потому что онъ склонился, притаилъ дыханье и шагалъ на цыпочкахъ, внимательно смотря подъ ноги, чтобы не наступить ни на листокъ, который бы зашелестилъ, ни на вѣточку, которая бы сломалась и затрещала. У ногъ его мелькали ящерицы. Старикъ остановился и присѣлъ низко, не желая спугнуть ящерицъ. Черезъ минуту онъ сталъ пробираться дальше и все пробирался осторожно, пока не добрался до платана. Только у дерева онъ выпрямился, однако, онъ всталъ за деревомъ въ такую позу, какую принимаютъ люди, прячущіеся за деревья: лѣвымъ плечомъ онъ прижался къ стволу правое же слегка выдвинулъ впередъ и вытянулъ шею, нагнувъ голову такъ, чтобы можно было заглянуть въ противоположную сторону. Онъ охотился—подкарауливалъ дичину—что-ли? За деревомъ, дѣйствительно, находилось существо, носящее въ извѣстныхъ случаяхъ имя «дичины», когда о ней говорится въ переносномъ смыслѣ этого слова и въ другихъ условіяхъ, нежели тѣ, которыя существовали въ домѣ стараго Дещича. Дичиной она могла бы быть для царевича, королевича, воеводича, властелича какого нибудь, для султана или паши, жаднаго на лакомства, однако же никогда для такого старика, какъ Дещичъ, который молился утромъ и вечеромъ и тщательно соблюдалъ предписанія, наказывающія чистоту жизни. Это была дѣвушка, одаренная тѣми прелестями, которыми иногда бываютъ одарены дѣвушки, могущія сказать про себя, что имъ не исполнилось еще двадцати лѣтъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОСТОЙ, НЕ УХОДИ.

Постой, не уходи!.. Въ нарядѣ подвѣнечномъ
Ты дивно хороша!.. Хотѣлъ тебя проклясть,
Но нѣтъ обидныхъ словъ!.. Въ забвеніи безпечномъ
Готовъ по прежнему къ ногамъ твоимъ упасть!..

⁂

Прощай, мой другъ, прощай!.. Когда лучемъ заката
Пошлетъ землѣ привѣтъ вечерняя заря,
Какъ робкое дитя, тревогою объята
Ты станешь подъ руку съ другимъ у алтаря!..

⁂

И буду я тогда одинъ на бѣломъ свѣтѣ
Съ тоской разбитыхъ грезъ въ истерзанной груди...
И вотъ теперь молю: за всѣ мученья эти
Останься хоть на мигъ... Постой, не уходи!..

Пав. Симоновъ.

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

VI.

Переселенія различныхъ животныхъ

Періодическіе перелеты птицъ общеизвѣстны, но переселенія другихъ животныхъ обращаютъ на себя меньше вниманія; между тѣмъ, такія эмиграціи чрезвычайно любопытны, хотя онѣ рѣдко носятъ тотъ характеръ строгой періодичности, который мы наблюдаемъ у птицъ потому что вызываются причинами болѣе неустойчивыми, случайными. Птица, улетая на зиму, возвращается на старыя мѣста, туда, гдѣ она вила себѣ гнѣздо въ прошлую весну и высиживала птенцовъ; ею какъ бы руководитъ инстинктъ воспроизведенія; породы четвероногихъ, которыя мы выбираемъ здѣсь для примѣра, покидаютъ извѣстныя мѣстности преимущественно ради снисканія себѣ пищи, и если переселенія ихъ совпадаютъ, большею частью, съ одними и тѣми же временами года, то это объясняется условіями размноженія племени и скудостью необходимаго для него продовольствія. Нѣкоторыя изъ сказанныхъ переселеній совершаются различными породами грызуновъ и наводили даже суевѣрный ужасъ на средневѣковыхъ наблюдателей. Такъ, Олай Магнусъ, упсальскій епископъ, упоминающій впервые о маленькомъ животномъ, извѣстномъ Скандинавіи подъ названіемъ лемминга *), разсказываетъ, что онъ былъ пораженъ, проѣзжая черезъ одинъ лѣсъ въ 1578 г., громаднымъ собраніемъ горностаевъ. «Причиною такого скопища, говоритъ онъ, было неисчислимое множество маленькихъ звѣрьковъ, «лемановъ» (по его терминологіи), которые сваливаются съ неба при грозѣ.. Эти животныя появляются массами, какъ саранча, истребляя всякую зелень. Отправляясь далѣе, они собираются тоже стаей, какъ ласточки, но многіе изъ нихъ дохнутъ и трупы ихъ такъ заражаютъ воздухъ, что люди подвергаются вслѣдствіе того тяжкимъ болѣзнямъ, именно головокруженію и желтухѣ. По счастію еще, горностаи истребляютъ ихъ въ большомъ количествѣ»... Столѣтіемъ позже, Олай Ворміусъ написалъ цѣлую книгу въ подтвержденіе того, что лемминги падаютъ изъ тучъ и что противъ нихъ безсильны всякія заклинанія...

Такія понятія о сверхъестественномъ происхожденіи звѣрьковъ вызывались ихъ несмѣтными полчищами и производимымъ ими опустошеніемъ. Сидя у себя, лемминги или пеструшки причиняютъ мало вреда, потому что занимаютъ мѣстности, остающіяся почти вовсе безъ обработки, и довольствуются для своей пищи мхами, кореньями или березовою корою; но черезъ промежутки отъ 10 до 20 лѣтъ, притомъ обыкновенно осенью, они пускаются въ походъ, направляясь, частью, къ Сѣверному морю, частью, къ Ботническому заливу, и слѣдуя, преимущественно, по теченію рѣкъ. Нельзя приписывать такія эмиграціи предчувствію суровой зимы потому, что слѣдовавшія за ними зимы оказывались, часто, сравнительно, не холодными; притомъ, самая способность животныхъ къ подобнымъ предчувствіямъ еще требуетъ подтвержденія. Болѣе основательно можно предположить, что полевыхъ грызуновъ гонитъ голодъ, обусловливаемый, отчасти, высушеніемъ сѣверныхъ равнинъ сильными вѣтрами; но для слишкомъ внезапнаго и поголовнаго переселенія еще мало подобной причины, и потому его надо объяснять крайнимъ размноженіемъ породы. Какъ бы то ни было, но, въ извѣстный моментъ, точно повинуясь какой-то командѣ, пеструшки спускаются съ возвышенностей и собираются на равнинахъ въ отряды, которые выступаютъ въ различныя стороны; двигаются они всегда неуклонно по прямой линіи, уничтожая все на своемъ пути, причемъ проводятъ въ почвѣ борозды глубиною до 6 сантиметровъ, на разстояніи нѣсколькихъ футовъ одна отъ другой. Поля, черезъ которыя проходятъ пеструшки, принимаютъ видъ вспаханныхъ и ничто не можетъ остановить движенія подобной колонны: она пробиваетъ насквозь стоги сѣна, переплываетъ черезъ рѣки и озера, обходитъ скалы, но не сбивается съ однажды принятаго направленія. Норвежскій натуралистъ Заттерштедтъ разсказываетъ, что такія стаи пеструшекъ, переплывая озеро близь Гернезанда въ 1823 г., едва не потопили нѣсколько барокъ; въ 1839 г., подобный же фактъ былъ наблюдаемъ проф. Марціусомъ близь Боскопа. Пеструшки, при своихъ переселеніяхъ, сохраняютъ тѣ же привычки, которыя отличаютъ ихъ при осѣдлости, то есть, остаются въ бездѣйствіи днемъ и пускаются въ дорогу лишь послѣ солнечнаго заката; утромъ, онѣ останавливаются, опустошаютъ выбранное ими поле и затѣмъ отдыхаютъ. Одно море служитъ имъ преградой и заставляетъ обратиться назадъ; многія гибнутъ дорогой, попадая на зубъ волкамъ, куницамъ, горностаямъ, собакамъ, кошкамъ и хищнымъ птицамъ; многія тонутъ при водяныхъ переправахъ. Человѣкъ для нихъ мало опасенъ, потому что ихъ мѣхъ очень плохъ, а мясо отвратительно на вкусъ; оно потребляется одними лапландцами.

Сибирскіе «овражки», близкіе родственники «пеструшекъ», совершаютъ такія же путешествія, но съ большей періодичностью. «Каждую весну, за весьма рѣдкими исключеніями, говоритъ Заборовскій, изъ равнинъ, простирающихся между Обью и Камчаткой, направляются къ западу стаи овражковъ. Они идутъ прямо на западъ до Пенжинской губы, съ самыми кратковременными отдыхами, не уклоняясь отъ прямой линіи и не смотря на всѣ губительныя путевыя препятствія. Отъ Пенжина овражки сворачиваютъ къ югу и добираются до р. Охоты въ серединѣ іюля, а затѣмъ къ октябрю, снова прибываютъ въ Камчатку. Камчадалы привѣтствуютъ ихъ съ радостью, потому что пользуются, въ случаѣ нужды, запасами изъ ихъ норъ. Но въ странахъ обработанныхъ, появленіе всякихъ полевыхъ мышей считается бѣдствіемъ. Въ 1792 году, они произвели страшное опустошеніе на сѣверѣ Франціи. На одной фермѣ близъ Па-де-Кале, принадлежавшей доммартенскому аббатству, 30 гектаровъ земли были буквально подрыты такими звѣрьками, устроившими здѣсь свой подземный городъ съ цѣлою системою переходовъ, и истреблявшими всѣ посѣвы. Въ 1818 г., та же порода полевыхъ грызуновъ (campagnols) показалась на правомъ берегу Рейна въ такомъ количествѣ, что мѣстныя власти обязали каждаго землепашца представлять ежедневно по дюжинѣ головокъ этого звѣрька, за что выдавалось по одному флорину. Мѣра подѣйствовала, но чтобы судить о количествѣ этой саранчи своего рода, достаточно сказать, что въ одномъ мѣстечкѣ Оффенбахъ было убито, втеченіе трехъ дней, 47,000 овражковъ. Въ томъ-же году, въ герцогствѣ Саксенъ-Гота было убито ихъ до 200,000 штукъ и т. д. Франція страдала отъ этого бича впродолженіе многихъ лѣтъ съ конца прошлаго столѣтія; убытки, понесенные при этомъ въ 1802 г. одною Вандеей, равнялись тремъ милліонамъ франковъ. Въ несчастной мѣстности было истреблено все: трава, посѣвы, даже мелкій кустарникъ, такъ что весь скотъ погибъ отъ безкормицы; сѣять вновь что нибудь было нельзя, потому что сѣмена тотчасъ-же расхищались тѣми-же мышами. Всѣ мѣры противъ мелкаго, но ужаснаго врага, оказывались безуспѣшными и выручили жителей одни проливные дожди. Бремъ, сообщающій столько любопытныхъ подробностей о полевыхъ грызунахъ, говоритъ, что въ 1822 г., въ округахъ Путсбахъ, Нидда и Савернъ, было убито болѣе 2 милліоновъ овражковъ,—и только втеченіе двухъ недѣль; по словамъ Ленца, въ 1856 г., въ окрестностяхъ Эрфурта, пришлось вспахать заново 12,000 акровъ земли, благодаря тѣмъ-же звѣрькамъ, при чемъ до 200,000 ихъ было убито поселянами, получавшими по 1 сантиму за дюжину штукъ; наконецъ, въ 1861 г., до полумилліона подобныхъ животныхъ было изловлено въ Гессенскомъ герцогствѣ.

По мнѣнію Палласа, полевыя мыши, извѣстныя подъ названіемъ лемминговъ, сусликовъ, кампаньоловъ (во Франціи) и пр., переселились въ Европу изъ Азіи, послѣ большого землетрясенія въ 1727 г. Они заняли сначала каспійскія степи, перебрались черезъ Волгу близь Астрахани и продолжали потомъ путь на западъ. Почти одновременно съ тѣмъ, остъиндскіе корабли завезли ихъ въ Англію, откуда они попали и въ другія страны. Въ настоящее время, благодаря эмиграціямъ полевой мыши и ея крайней плодовитости, она положительно водворилась во всѣхъ частяхъ свѣта не смотря на все, что дѣлается для ея истребленія.

Но не одни грызуны переселяются массами. Сѣверные олени, лоси, квагги, зебры и проч. показываются иногда въ мѣстахъ, далекихъ отъ ихъ обычнаго пребыванія, впрочемъ, стадами немногочисленными, не имѣющими подобія съ тѣми, въ которыя собираются антилопы извѣстной породы, отмѣченной Бюффономъ названіемъ прыгающей (chevre sauteuse, Springbock). Эти животныя водятся въ южной Африкѣ; часть ея, къ сѣверу отъ капскихъ колоній, покрыта безводными степями и можетъ быть обитаема человѣкомъ лишь въ дождливое время года; въ прочіе мѣсяцы, воду можно найти лишь въ кое-какихъ почвенныхъ углубленіяхъ, къ которымъ приходятъ утолять жажду дикіе звѣри. Но, черезъ каждые 3—4 года, и эти натуральные резервуары высыхаютъ вслѣдствіе продолжительныхъ жаровъ и тогда «прыгающія козы» эмигрируютъ къ югу. Капитанъ Гордонъ Кеммингъ (Cumming), видѣвшій подобное переселеніе, говоритъ, что его можно уподобить лишь надвиженію саранчи. И оно столь-же губительно для всего ростущаго: въ одну ночь истребляются всѣ посѣвы обширныхъ плантацій...

«Мнѣ удалось видѣть переходъ антилопъ и я никогда не забуду этого зрѣлища! говоритъ путешественникъ. Часа за два до разсвѣта, насъ разбудилъ, какой-то глухой шумъ... Шагахъ въ 200 отъ моей повозки слышалось блеяніе антилопъ; я подумалъ, что онѣ проходятъ небольшимъ стадомъ по близости нашей стоянки, но когда совсѣмъ разсвѣло, оказалось, что степь буквально покрыта животными. Они двигались съ запада, медленно выступая изъ прогалины между холмами, на подобіе широкой рѣки, разливающейся по степи и исчезали опять за сѣверовосточной возвышенностью. Я смотрѣлъ цѣлыхъ два часа на эту удивительную картину, принимая ее, порою, за игру моего воображенія... Наконецъ, мы съ товарищемъ сѣли на лошадей, подъѣхали къ самому стаду и дали нѣсколько выстрѣловъ, при чемъ убили четырнадцать штукъ. Мы не захотѣли охотиться долѣе, хотя было-бы легко увеличить вдесятеро добычу. Никогда, на моей охотничьей памяти, не случалось мнѣ видѣть такой массы этихъ животныхъ и это единственный разъ, что мнѣ удалось врѣзаться съ лошадью въ стадо... Въ тотъ же вечеръ, показался второй отрядъ, и еще болѣе многочисленный, нежели первый. Опредѣлить количество животныхъ было невозможно, но могу съ увѣренностью сказать, что ихъ была не одна сотня тысячъ...»

Подобный разсказъ могъ-бы казаться преувеличеннымъ, если бы онъ не подтверждался наблюденіями Крешмара, Ливингстона*) и другихъ путешественниковъ, видавшихъ степи въ 50 километровъ покрытыми сплошь стадами антилопъ сказанной породы. Сплоченность этихъ массъ такъ значительна, что онѣ увлекаютъ все живое на своемъ пути. Д-ръ Вудъ разсказываетъ, что большое стадо барановъ было втянуто такимъ образомъ въ движущійся потокъ животныхъ и принуждено за нимъ слѣдовать. Но въ самомъ движеніи массы бываетъ замѣтенъ извѣстный приливъ и отливъ: головныя животныя, находя болѣе пищи, нежели прочія, скоро отъѣдаются и становятся тяжеловатыми на ходу; тогда ихъ обгоняютъ вторые ряды. Кафры ждутъ появленія антилопъ, какъ источника легкой добычи; они заманиваютъ ихъ, заранѣе выжигая въ степяхъ мѣста, которыя покрываются потомъ болѣе обильной растительностью. Замѣчено, что африканскія антилопы рѣдко возвращаются тѣмъ-же путемъ, которымъ пришли; большею частью, онѣ описываютъ родъ удлинненнаго эллипса, наибольшій діаметръ котораго равняется тысячи лье. Онѣ употребляютъ на весь такой громадный походъ отъ шести до двѣнадцати мѣсяцевъ.

Американскіе бизоны тоже предпринимаютъ ежегодныя путешествія. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, они направляются къ югу, въ плодородныя прэріи Арканзаса, а весною, раздѣлясь на небольшія стада, возвращаются въ равнины Канады и верхняго Миссури. Африканскіе слоны тоже спускаются два раза въ годъ въ низменности, во время засухъ, и поднимаются потомъ снова въ горы, оживившіяся послѣ дождей. «Пекари» или американскіе кабаны выступаютъ въ путь въ извѣстное время года подъ предводительствомъ стараго сильнаго самца. «Никакая преграда не останавливаетъ ихъ, говоритъ д-ръ Ренгеръ. Мнѣ пришлось видѣть, какъ они перебирались черезъ Парагвай, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ширина рѣки доходитъ до полумили. Все стадо шло сплошной массою: въ головѣ колонны были самцы, за ними самки, въ сопровожденіи дѣтенышей. Бѣда путникамъ, которые повстрѣчались бы съ такимъ полчищемъ! По словамъ индѣйцевъ, даже ягуаръ не осмѣливается нападать на «пекари» въ этомъ случаѣ».

Нѣкоторыя породы летучихъ мышей и другихъ ногокрылыхъ тоже переселяются большими стаями. Крупныя летучія мыши, водящіяся въ жаркихъ странахъ, не боятся перелетать даже черезъ значительные морскіе проливы. Онѣ производятъ большія опустошенія, преимущественно, въ фруктовыхъ садахъ, не пугаются выстрѣловъ и щадятъ только тѣ деревья, которыя прикрыты сѣтками. Нѣкоторыя породы, питающіяся исключительно насѣкомыми, слѣдуютъ за стадами различныхъ животныхъ, при ихъ переходахъ, зная, что гдѣ стада, тамъ много и всякихъ мухъ.

Переселенія нѣкоторыхъ земноводныхъ и насѣкомыхъ, тоже весьма замѣчательны. Натуралистъ-путешественникъ Верро (Verreau) наблюдалъ не разъ эмиграціи черепахъ, въ свою бытность на мысѣ Доброй Надежды. Болѣе квадратнаго километра бывало сплошь покрыто черепахами, скученными такъ плотно, что нѣкоторыя сидѣли на спинахъ другихъ, и масса двигалась такимъ двойнымъ рядомъ, отыскивая себѣ болѣе удобное мѣсто для пропитанія. Другія породы черепахъ (рѣчныя) періодически выходятъ изъ рѣкъ для кладки яицъ. Нѣкоторыя лягушки, въ особенности лѣсныя, тоже переселяются, какъ то замѣчалось въ Бразиліи.

---

*) Lemming—пеструшка, родъ суслика.

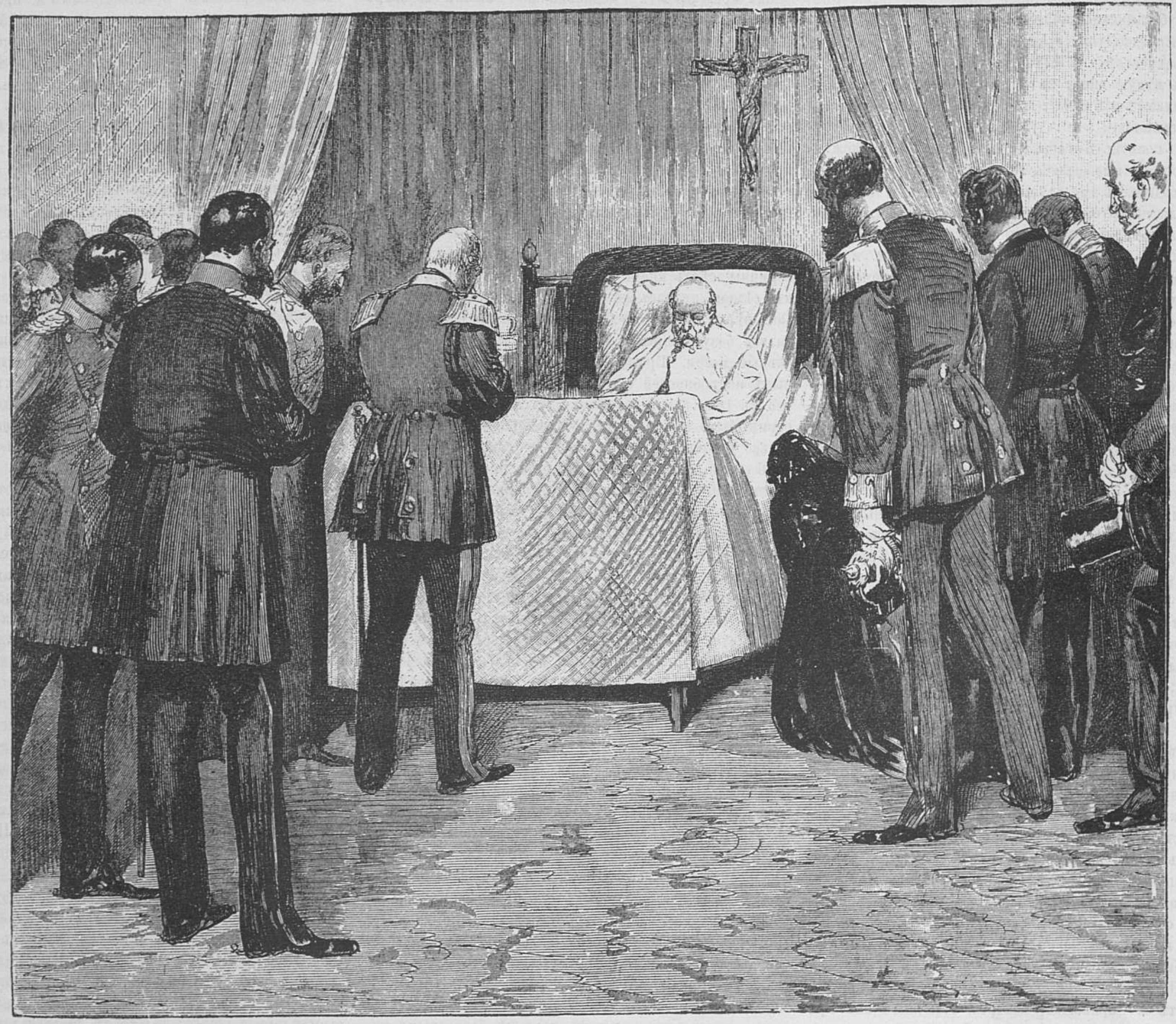
*) По Ливингстону, не одна засуха и недостатокъ пищи гонятъ этихъ животныхъ, но они ищутъ равнинъ наиболѣе открытыхъ, не представляющихъ охотникамъ или дикимъ звѣрямъ никакихъ удобствъ для засады.

(Zaborowski).

Весьма интересны наблюденія извѣстнаго англійскаго энтомолога Бэтса (Bates) надъ нравами кочующихъ муравьевъ въ южной Америкѣ. Эти муравьи принадлежатъ къ породѣ Eciton. Въ просторѣчіи, они извѣстны подъ названіемъ «фуражировъ»; голова у нихъ плоская, тѣльце стройное, лапки длинныя и тонкія; кромѣ жала, они снабжены еще весьма острыми ѣдальцами. Питаются эти муравьи исключительно мясомъ и нападаютъ даже не на однихъ мелкихъ животныхъ. Въ Эгѣ,—мѣстности, лежащей при сліяніи Теффе съ Ріо-Солимоэнсъ,—Бэтсъ насчиталъ не менѣе 10 разновидностей этихъ муравьевъ. Одна изъ нихъ, называемая индѣйцами «туака», отличается особенно грознымъ видомъ и снабжена весьма развитыми лапками, позволяющими туакамъ совершать большіе переходы съ удивительною быстротой. Отправляясь въ путь, туаки выстраиваются въ колонны, узкія, но длиною до 100 метровъ и по бокамъ которыхъ снуютъ отдѣльно нѣсколько муравьевъ, какъ бы въ качествѣ офицеровъ. Они очевидно наблюдаютъ за порядкомъ. Появленіе туаковъ,—предвозвѣстниками которыхъ служатъ всегда лакомые до нихъ сѣрые дрозды,—привѣтствуется жителями съ большою радостью. «Въ тропическихъ мѣстностяхъ южной Америки, говоритъ Бэтсъ, жизнь отравляется разными мелкими врагами человѣчества, выползающими изъ всякихъ щелей и норъ съ наступленіемъ каждой ночи. Противъ этихъ разбойниковъ безсильны всякія мѣры предосторожности; иного изъ нихъ не проймешь ничѣмъ, благодаря одѣвающимъ его твердымъ латамъ; другой расползается отъ малѣйшаго къ нему прикосновенія, распространяя отвратительный запахъ; миріады мошекъ попадаютъ вамъ въ ротъ, въ ноздри и уши, гасятъ собою лампы, вязнутъ въ стаканахъ и чашкахъ, между тѣмъ какъ по полу и стѣнамъ комнаты прогуливаются не столь надоѣдливые, но болѣе опасные, скорпіоны и сороконожки. Къ ужамъ и ящерицамъ всѣ уже такъ привыкли, что эти милые гости даже не обращаютъ на себя ничьего вниманія... Но съ появленіемъ муравьевъ все измѣняется; злоумышленныхъ гадовъ и насѣкомыхъ ждетъ кровавая расправа. Жители покидаютъ дома, чтобы предоставить туакамъ возможно большую свободу дѣйствій. Тогда происходитъ опять нѣчто похожее на военный совѣтъ: муравьи-офицеры собираются въ кучу, пока весь отрядъ отдыхаетъ, потомъ отправляютъ нѣкоторыхъ изъ своихъ какъ бы на рекогносцировку. Когда эти посланные, осмотрѣвъ отворенный настежь домъ, возвращаются съ благопріятнымъ отвѣтомъ, весь отрядъ снимается съ мѣста и бросается въ комнаты. Ничто не можетъ устоять противъ страшнаго натиска: сороконожки, клопы, мошки, ящерицы, даже змѣи и большія крысы падаютъ подъ ударами несмѣтнаго полчища. Покончивъ съ послѣднимъ врагомъ, выпроставъ домъ чисто на-чисто, туаки выходятъ изъ него и отправляются далѣе. Неудивительно, что по всему бассейну Амазонской рѣки туакъ считается истиннымъ благодѣтелемъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ можетъ быть опасенъ и для человѣка, однако. Горе путнику, который вздумалъ бы перешагнуть черезъ подвигающуюся колонну воинственныхъ насѣкомыхъ. Они облѣпятъ его съ ногъ до головы и положительно истерзаютъ. Самое лучшее при встрѣчѣ съ ними, это бѣжать, отложивъ въ сторону свое достоинство «царя природы».

ПО ПОВОДУ СОБЫТІЙ ВЪ БЕРЛИНѢ.



Первыя минуты послѣ кончины императора Вильгельма.

Наблюденія и размышленія.

(Фельетонные замѣтки и очерки).

XVI-я Передвижная выставка.

На петербургскую публику Передвижная выставка нынѣшняго года производитъ далеко не такое выгодное впечатлѣніе, какъ прошлогодняя. Говорятъ, что она слабѣе прежнихъ и качественно, и количественно, что на выставкѣ нѣтъ выдающихся произведеній, что г. Рѣпинъ удовольствовался лишь нѣсколькими портретами, что г. Савицкій—не совсѣмъ удовлетворителенъ, что г. Ярошенко—нѣсколько сентименталенъ, что пейзажи незначительны и очень немногочисленны, что главное содержаніе выставки—жанръ съ г. В. Маковскимъ во главѣ и что, вообще, жанровыя картины,—лучшее, что есть на выставкѣ, что этотъ жанръ, тѣмъ не менѣе, по самой сущности своей, не можетъ представить того захватывающаго интереса, котораго публика ищетъ на художественныхъ выставкахъ. Таково общее мнѣніе; оно проникло въ печать; оно слышится среди публики; оно выражается громко въ залахъ самой выставки и, отчасти, раздѣляется даже нѣкоторыми художниками.

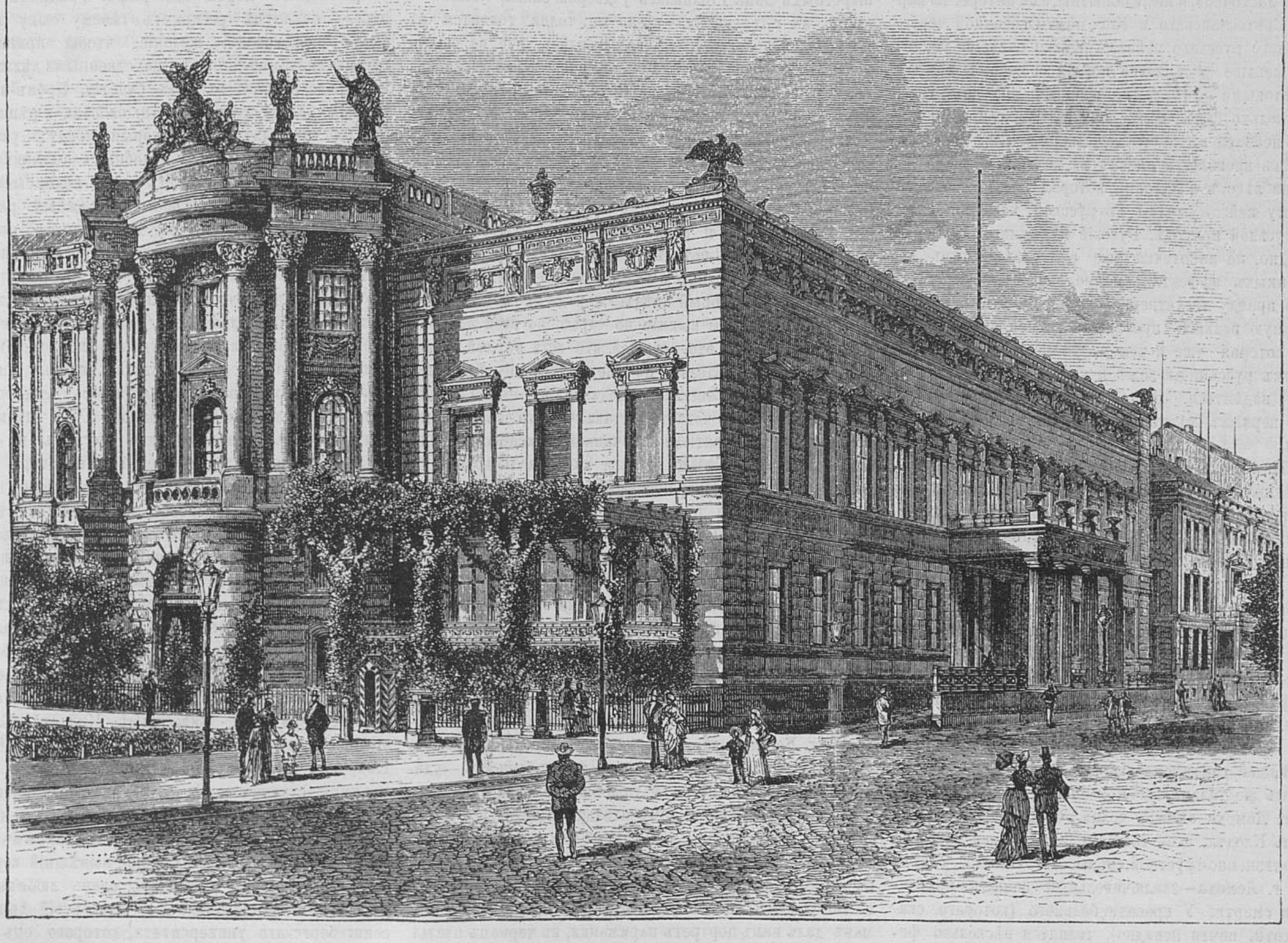
Но справедливо-ли такое мнѣніе? Не существуетъ-ли тутъ какого-либо недоразумѣнія? Дѣйствительно-ли настоящая выставка такъ слаба, какъ о ней говорятъ? Правда, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Передвижная выставка нынѣшняго года не представляетъ ни одной картины, которая останавливала бы на себѣ всеобщее вниманіе, какъ напр. въ прошломъ году картина г. Сурикова: «Боярыня Морозова»; нѣтъ также картины, которая бы резюмировала собой коллективное впечатлѣніе, которая бы отвѣчала извѣстному настроенію. Но было бы несправедливо и не раціонально требовать появленія подобныхъ произведеній ежегодно; они появляются отъ времени до времени; и хорошо то, что появляются хоть изрѣдка, свидѣтельствуя, по крайней мѣрѣ, о томъ, что русское искусство далеко не такъ поверхностно, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ нашихъ пессимистовъ, что въ немъ живутъ серьезныя задачи, которыя и обнаруживаются при случаѣ.

Съ другой стороны, можетъ быть, дѣйствительно настоящая выставка не даетъ зрителю того эстетическаго удовольствія, того наслажденія, которыя онъ надѣется встрѣтить тамъ; но интересъ,—и интересъ довольно значительный,—выставка все-таки представляетъ. Представляетъ она его, главнымъ образомъ, потому, что на нынѣшней выставкѣ лучше, чѣмъ на какой-либо другой, можно уловить тотъ прогрессивный элементъ движенія, который несомнѣнно существуетъ въ русской живописи. Онъ замѣтенъ во многомъ, и замѣтенъ тѣмъ ярче, что вниманіе не отвлечено въ сторону произведеніями, выдающимися слишкомъ или по исполненію, или по содержанію; зритель, вниманіе котораго не поглощено цѣликомъ одной или двумя картинами, легко замѣтитъ напримѣръ значительный прогрессъ въ техникѣ, совершенный г. Суриковымъ; онъ съ интересомъ увидитъ, что г. Рѣпинъ въ портретѣ г. Фофанова до извѣстной степени отступаетъ отъ своей всегдашней манеры; онъ увидитъ, что г. В. Маковскій, по прежнему удивителенъ по разнообразію выбираемыхъ имъ сюжетовъ, что г. Беггровъ выступилъ на этотъ разъ съ нѣсколькими картинами, весьма замѣчательными, что, наконецъ, на нынѣшней выставкѣ мы имѣемъ нѣсколько картинъ начинающихъ художниковъ, которые, можетъ быть, многое обѣщаютъ въ будущемъ. Развѣ для ежегодной выставки всего этого не довольно?

Къ числу этихъ молодыхъ художниковъ я бы на первомъ планѣ причислилъ г. Зощенко. Г. Зощенко—жанристъ и изучаетъ народный бытъ: его можно причислить къ школѣ г. Максимова. Въ выставленной имъ картинѣ: «Волостной судъ», колоритъ мало удовлетворителенъ, рисунокъ рѣзкій, неправильный, въ картинѣ нѣтъ общей гармоніи, группы не связаны между собой чѣмъ-либо общимъ, вся суть точно составлена изъ отдѣльныхъ этюдовъ, не имѣющихъ между собой никакой связи. Во всемъ этомъ неумѣлость и неопытность молодого художника еще слишкомъ очевидны; г. Зощенко не справляется еще съ колоритомъ, какъ не справляется съ рисункомъ и композиціей; за то его картина очень интересна по типамъ; эти типы онъ, несомнѣнно, видѣлъ въ природѣ, а не только въ картинахъ, они свѣжи и непосредственны, въ нихъ много оригинальнаго, много живого; онъ любитъ наблюдать жизнь и умѣетъ ее наблюдать,—а это уже многое.

Г. Левитанъ тоже, если не ошибаюсь, принадлежитъ къ молодымъ художникамъ. Онъ пейзажистъ и пейзажистъ,—можно прямо сказать,—талантливый; его «Заросшій прудъ», не смотря на сюжетъ нѣсколько затасканный, представляетъ собою прелестный уголокъ природы; картина очень изящна, мягко написана; въ ней есть поэтическое чувство. Г. Ендогуровъ выставилъ шесть пейзажей, изъ которыхъ одинъ — «Наступленіе ночи», можетъ считаться перломъ пейзажной живописи нынѣшней выставки: большая равнина, покрытая снѣгомъ, и вдали деревушка, или вѣрнѣе, нѣсколько избушекъ, почти совершенно утопающихъ въ снѣгу, избушекъ, въ окнахъ которыхъ появляются огоньки,—вотъ содержаніе картины; на эту мертвую поляну нисходитъ ночь, небо покрывается тучами и по снѣгу начинаютъ ложиться темныя, почти черныя тѣни. Впечатлѣніе, получаемое отъ картины, гармонично и цѣльно. Другая картина г. Ендогурова—«Вечеръ» менѣе удачна. Г. Ендогуровъ, несомнѣнно, колористъ, но онъ не всегда достигаетъ желательной гармоніи красокъ; это особенно ощутительно въ «Вечерѣ». Картина представляетъ крымскій берегъ; ярко синій цвѣтъ моря и неба составляютъ довольно рѣзкій контрастъ съ деревомъ, ростущимъ на берегу, пожелтѣвшія листья котораго какъ-то не вяжутся съ синевой моря; г. Ендогуровъ преувеличилъ яркость красокъ и тѣмъ уничтожилъ цвѣтовую гармонію природы; въ этомъ отношеніи, ему бы слѣдовало поучиться у французскихъ импрессіонистовъ.

ПО ПОВОДУ СОБЫТІЙ ВЪ БЕРЛИНѢ.



Дворецъ императора Вильгельма въ Берлинѣ.

«Буреломъ» г. Шишкина меня мало удовлетворяетъ. О мастерствѣ рисунка г. Шишкина — было бы излишне распространяться,—оно есть, конечно, и въ этой картинѣ, но колоритъ еще болѣе сухъ и безжизненъ, чѣмъ въ прежнихъ картинахъ высоко-даровитаго художника, и пейзажъ не представляетъ того интереса, который онъ могъ бы представить, если бы г. Шишкину въ композиціи и въ детали удалось выразить съ большею силой разрушительное дѣйствіе бури. «Поздняя осень», г. Остроухова, — картинка небольшая, но интересная по тонамъ. «Сѣверная ночь», г. Васнецова превосходна по мягкости красокъ и удивительной дали, разстилающейся передъ зрителемъ. Вообще, слѣдуетъ сказать, что если пейзажи на нынѣшней выставкѣ не особенно многочисленны, то въ большинствѣ случаевъ прекрасны. Въ особенности среди нихъ отличаются свѣжестью и нешаблонностью мотивовъ пейзажи гг. Беггрова и Волкова. Но есть между ними, конечно, и плохіе, о которыхъ также для полноты отчета слѣдуетъ упомянуть. Очень плохи пейзажи г. Дубовскаго; страннымъ кажется пейзажъ г. Ярошенко: «Въ горахъ Кавказа», скорѣе любопытенъ, чѣмъ интересенъ пейзажъ г. Холодковскаго: «Прилетъ ласточки», и не любопытны, и не интересны картины гг. Свѣтославскаго и Киселева. Особенной чертой современнаго русскаго пейзажа можно считать то, что въ немъ меньше замѣчается погоня за яркими, необычными свѣтовыми эффектами, бывшими еще въ такой модѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ современномъ русскомъ пейзажѣ нѣтъ уже необыкновенныхъ зеленыхъ зочей, нѣтъ кровавыхъ пятенъ на снѣгу, нѣтъ той яркой зелени лѣсовъ и луговъ, которая болѣе идетъ къ индѣйскому пейзажу, чѣмъ къ русской, холодной и нѣсколько тусклой природѣ. Русскіе художники, какъ по всему видно, не заботятся уже обо всѣхъ этихъ необыкновенныхъ эффектахъ и предпочитаютъ непосредственную правду искуственной лжи. Въ этомъ я вижу благотворную реакцію противъ недавней еще моды,—реакцію, которая уже и теперь дѣлаетъ болѣе содержательнымъ русскій пейзажъ и которая въ будущемъ, слѣдуетъ надѣяться, поставитъ русскій пейзажъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной европейской живописи.

Г. М. П. Клодтъ выставилъ только двѣ картины, но онѣ выдѣляются и обращаютъ на себя вниманіе публики. Въ особенности удачной и талантливо скомпанованной показалась намъ его картина «Женщина-врачъ»; въ ней есть много самой неподдѣльной правды и жизни. На картинѣ изображена внутренность крестьянской избы; на лавкѣ, у стѣны, сидитъ сгорбленная, больная женщина, рядомъ съ нею—женщина-врачъ,—полная, съ энергическимъ видомъ, распрашивающая съ участіемъ больную; нѣсколько поодаль — еще двѣ-три женскія фигуры, съ любопытствомъ посматривающія на женщину-врача. Картина даетъ цѣльное, живое впечатлѣніе, и сцена, изображенная художникомъ—правдива, безъ малѣйшей сантиментальности, проста, безъ эффектовъ. Столь же талантливо и непосредственно правдива картина г. Лемоха «Божья воля». Сюжетъ родствененъ картинѣ г. Клодта; это—какъ бы два фазиса одной и той-же болѣзненно-грустной сцены. У г. Клодта—совѣтъ врача; у г. Лемоха—заключительный финалъ приближающейся смерти. У кровати больного (котораго, скажемъ, кстати, почти невидно), толпятся нѣсколько фигуръ: старуха-сосѣдка, ребятишки, у полуоткрытой двери избы, нѣсколько дѣтей, съ удивленіемъ и испугомъ, заглядывающихъ въ дверь; по другой сторонѣ кровати—плачущая дѣвочка. Слѣдуетъ-ли говорить о типичности всѣхъ этихъ фигуръ? Объ индивидуальности каждаго лица? Г. Лемохъ любитъ крестьянскихъ дѣтей и знаетъ ихъ чудесно.

Также симпатичны и правдивы дѣти г. В. Маковскаго. На этотъ разъ г. В. Маковскій даетъ намъ нѣсколько картинъ, гдѣ крестьянскія дѣти играютъ первенствующую роль: «Пейзажистъ-любитель», «Рыбачки» «Передъ грозой», «Отъ дождя». Все это — жанровыя сценки, слегка юмористическія и тѣмъ болѣе привлекательныя, что въ нихъ видна удивительная наблюдательность даровитаго художника, точно никогда не истощающаяся, всегда находящая нѣчто новое и содержательное въ жизни и людяхъ. Особенно привлекательны у него дѣти,—такого разнообразія типовъ, характеровъ, настроеній, такой выразительности лицъ едва-ли мы найдемъ даже у первоклассныхъ европейскихъ жанристовъ, не исключая даже и самого Кнауса. Въ одной картинкѣ, г. В. Маковскій изображаетъ намъ маленькихъ рыбачковъ, удящихъ въ какой-то лужѣ рыбу, въ другой—цѣлая свора дѣтей, купающихся въ рѣченкѣ, улепетываетъ вслѣдствіе приближающейся бури; въ третьей—любитель-пейзажистъ перебирается къ какому-то импровизированному мостику, предшествующій мальчишками, несущими краски, мольбертъ и проч.,—и все это удивительно жизненно, правдиво, добродушно-юмористично, съ поразительнымъ совершенствомъ техники. Изъ другихъ жанровыхъ картинъ г. В. Маковскаго, я упомяну о «Свадебномъ поѣздѣ», «Передняя консисторіи», «Отдыхъ на пути изъ Кіева». Лучшая, или болѣе законченная изъ нихъ—послѣдняя. Картина представляетъ довольно большихъ размѣровъ жанръ. Монахъ и молодая дѣдушка, на возвратномъ пути изъ Кіева, гдѣ они были на богомольи, остановились въ какой-то деревнѣ, въ избѣ. Монахъ съ жирнымъ, плутоватымъ лицомъ, обѣдаетъ; молодая дѣвушка читаетъ книжку и монахъ съ любопытствомъ прислушивается къ чтенію. Краски чудесны, выразительность лицъ удивительна, вся сцена полна жизни и правды. «Передняя консисторіи», въ сущности, представляетъ сюжетъ не разъ уже трактованный г. В. Маковскимъ, напр. въ извѣстномъ «Крахѣ банка». Въ «Крахѣ» цѣлая толпа самыхъ разношерстныхъ лицъ столпилась у дверей банка, узнавъ о крахѣ: въ «Передней».—такая же толпа толпится въ передней консисторіи; всѣ они явились, кто за справкой, кто съ прошеніемъ. Группы расположены чудесно, типы разнообразны, схвачены съ натуры, но въ картинѣ недостаетъ гармоніи,—это просто толпа, случайная, безпорядочная, члены этой толпы не связаны между собой ни общимъ чувствомъ, ни общимъ интересомъ; чувствуется, что это—только передняя консисторіи, и что она понадобилась художнику, чтобы показать всю его виртуозность и разнообразіе въ изображеніи типовъ. «Свадебный поѣздъ»—картина, прекрасно задуманная, хотя нѣсколько эскизно выполненная. Это остановившійся «Свадебный поѣздъ» передъ на скоро сдѣланной заставой, чтобы вынить по чаркѣ; во всей картинѣ масса движенія, и это—лучшее, что есть въ этой превосходной картинѣ. Нельзя не упомянуть еще объ одной картинѣ г. В. Маковскаго: «Подъ хмѣлькомъ». Старый, обрюзглый поваръ чокается стаканчикомъ съ такимъ-же старымъ, плутоватымъ лавочникомъ. Экспрессія этихъ двухъ лицъ удивительна и вся картина написана съ замѣчательнымъ совершенствомъ техники. Но этого нельзя сказать о портретѣ г. Жемчужникова того-же художника. Г. В. Маковскій—чудеснѣйшій жанристъ, одинъ изъ лучшихъ жанристовъ нашего времени, но, какъ портретистъ онъ значительно менѣе талантливъ. Портретъ г. Жемчужникова,—не смотря на большое сходство, не представляетъ ничего выдающагося. Г. В. Маковскій придалъ лицу г. Жемчужникова слишкомъ красный оттѣнокъ и это портитъ впечатлѣніе.

Изъ картинъ, присланныхъ изъ за-границы русскими художниками, мы имѣемъ на настоящей выставкѣ картины гг. Боголюбова, Харламова, Бронникова, Лемана. Общая у всѣхъ этихъ художниковъ особенность,—удивительное совершенство и такая-же техника; гг. Харламовъ и Бронниковъ замѣчательно тщательно выписываютъ свои картины; г. Леманъ блеститъ изяществомъ и вкусомъ; одинъ лишь г. Боголюбовъ не такъ рѣзко выдѣляется изъ русской школы. Нынѣшнія картины г. Боголюбова—менѣе удачны, чѣмъ прежнія. Г. Леманъ далъ намъ портретъ парижанки, въ черномъ платьѣ съ удивительно высокой прической; портретъ мастерски написанъ, съ чисто парижскимъ шикомъ, съ поразительной мягкостью тоновъ. Это одинъ изъ лучшихъ портретовъ настоящей выставки. Г. Харламовъ выставилъ этюдъ (дѣвочки-цыганки) и «Мыльные пузыри»,—тоже въ своемъ родѣ этюдъ. О мастерствѣ кисти г. Харламова—излишне распространяться, но г. Харламовъ не блеститъ разнообразіемъ; вотъ сколько уже лѣтъ онъ намъ даетъ одни лишь этюды, дѣвочекъ-цыганокъ въ разныхъ положеніяхъ, въ разныхъ обстановкахъ и въ разныхъ костюмахъ. Все это хорошо, безспорно, но бѣдновато по содержанію. Его «Мыльные пузыри»—тоже этюдъ группы дѣвочекъ, занимающихся пусканіемъ пузырей. Наконецъ г. Бронниковъ, на этотъ разъ, тоже ограничился только этюдами: «Монахъ», «Дѣвочки-итальянки», «Пифферари», «Задумалась».—Лучшая изъ этихъ картинокъ: «Пифферари» (мальчикъ-итальянецъ), типъ интересенъ и живо схваченъ. Молодой, плутоватый католическій монахъ тоже интересенъ, какъ типъ, рѣдко встрѣчающійся въ живописи. «Дѣвочки» г. Бронникова довольно обыкновенны. Но все это написано съ большимъ изяществомъ въ итальянскомъ стилѣ.

Любитель.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Останки покойнаго германскаго императора преданы землѣ окончательно; о почившемъ монархѣ осталась только благодарная память, а жизнь въ Германіи пошла своимъ чередомъ. 11-го марта императоръ Фридрихъ III окончательно вступилъ въ свою роль верховнаго правителя Германіи, предсѣдательствуя въ первый разъ въ совѣтѣ министровъ. Все совершилось въ строгомъ согласіи съ традиціями монархическихъ государствъ. Преемникъ покойнаго Вильгельма I началъ не только царствовать, но и управлять страною на другой же день послѣ погребенія его предшественника. Первые акты новаго царствованія сразу положили конецъ всѣмъ толкамъ, ходившимъ въ Берлинѣ, на счетъ взаимныхъ отношеній императора, кронъ-принца и имперскаго канцлера. Сколько можно догадываться князь Бисмаркъ явился, до извѣстной степени, посредникомъ между царственнымъ отцомъ и его сыномъ. Всѣ эти послѣдніе дни канцлеръ совѣщался то съ императоромъ, то съ наслѣднымъ принцемъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно ему послѣдній обязанъ развязкою, которую сообщилъ 11-го марта телеграфъ. Фридрихъ III подписалъ наканунѣ рескриптъ своему сыну и наслѣднику, выражающій желаніе, чтобы принцъ Вильгельмъ знакомился съ государственными дѣлами путемъ непосредственнаго въ нихъ участія. Кронъ-принцу поручается вслѣдствіе этого «выработка и рѣшеніе» тѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя «будутъ указываться ему императоромъ». Въ подобныхъ случаяхъ наслѣдникъ престола будетъ имѣть право подписывать за императора бумаги безъ особаго на каждый разъ полномочія. Это несомнѣнно «замѣстительство», но замѣстительство условное. Новыя полномочія принца Вильгельма менѣе обширны, чѣмъ тѣ, которыми облекала его съ прошлой осени воля покойнаго императора Вильгельма. Дозволительно догадываться, что именно нѣкоторою урѣзкою этихъ послѣднихъ полномочій достигъ князь Бисмаркъ того результата, который снова возвращаетъ кронъ-принца къ участію въ государственныхъ дѣлахъ и въ управленіи страною. Такъ или иначе, но всякій поводъ къ дальнѣйшимъ слухамъ и сплетнямъ на тэму взаимныхъ отношеній императора и кронъ-принца—теперь устраненъ. Германія знаетъ отнынѣ, какая роль предназначается наслѣднику престола волею его державнаго отца и не имѣетъ болѣе поводовъ думать, что при новомъ порядкѣ вещей, роль имперскаго канцлера измѣняется въ смыслѣ уменьшившейся его вліятельности. Князь Бисмаркъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ при покойномъ императорѣ Вильгельмѣ, т. е. главнымъ руководителемъ внутренней и внѣшней политики имперіи.—Въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій приводимъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ императорѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ-Николаѣ-Карлѣ, родившемся въ Потстдамѣ 18-го октября 1831 года. Получивъ отличное домашнее образованіе, которымъ преимущественно руководилъ извѣстный ученый Курціусъ, принцъ поступилъ въ 1850 году въ боннскій университетъ, гдѣ прилежно занимался, главнымъ образомъ историческими науками. Вообще нынѣшній король прусскій и императоръ германскій очень любитъ научныя занятія, что и доставило ему докторскій дипломъ отъ кенигсбергскаго университета, котораго онъ состоитъ почетнымъ ректоромъ, а также университетовъ боннскаго и оксфордскаго. Это не мѣшало ему, однако, держаться традицій Гогенцолернскаго дома и усердно заниматься военнымъ дѣломъ. Что онъ обладаетъ недюжинными военными способностями, это онъ доказалъ въ кампанію 1866 года, гдѣ онъ командовалъ второю арміей, рѣшившею своимъ своевременнымъ приходомъ на поле сраженія подъ Садовой исходъ войны, а также въ 1870 г., когда состоявшая подъ его начальствомъ третья армія особенно отличилась подъ Вертомъ и Седаномъ. 28-го октября 1870 г. принцъ былъ назначенъ генералъ-фельдмаршаломъ, а въ день провозглашенія германской имперіи получилъ титулъ «кронпринца германской имперіи». По заключеніи мира принцъ былъ назначенъ президентомъ комитета обороны страны и генералъ-инспекторомъ четвертой военной инспекціи. Съ наступленіемъ мирнаго времени принцъ опять предался научнымъ занятіямъ и, между прочимъ, содѣйствовалъ возобновленію раскопокъ въ Олимпіи. Фридрихъ III извѣстенъ въ тѣсномъ кругу тоже какъ писатель. Послѣ войны 1866 г. онъ написалъ «Воспоминанія о войнѣ», а въ 1869 г. «Мое путешествіе на Востокъ». Сочиненія эти въ продажѣ не находятся. Съ

25-го января 1858 г. императоръ германскій женатъ на принцессѣ Викторіи, дочери королевы Викторіи. Отношенія его къ князю Бисмарку были всегда строго конституціонными, не болѣе. Заслуживаетъ вниманія, что нерасположеніе Фридриха III къ Бисмарку проявилось еще по случаю датской войны, которой принцъ не одобрялъ.—На стр. 192 и 193 нами помѣщаются два рисунка, относящіеся къ послѣднимъ берлинскимъ событіямъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ первыя минуты кончины Императора; онъ окруженъ родными и совѣтниками; отсутствуетъ только его больной сынъ, нынѣшній императоръ... Другой рисунокъ изображаетъ дворецъ въ Берлинѣ, въ которомъ умеръ императоръ,—это одно изъ немногихъ красивыхъ зданій германской столицы. Внутренняя же обстановка комнатъ императора Вильгельма была весьма скромна, почти бѣдна. Къ рабочему кабинету императора съ историческимъ угольнымъ окномъ прилегаетъ со стороны Unter den Linden пріемная комната въ два окна. За кабинетомъ и прилегая къ выходящей на Оперную площадь галлереѣ, находится библіотека, откуда боковая дверь ведетъ въ спальню, которая, слѣдовательно выходитъ на дворъ и расположена позади названной пріемной, выходящей окнами на Unter den Linden. Спальня императора меблирована очень скромно. Въ углу стояла простая желѣзная походная кровать, съ которою покойный императоръ никогда не разлучался и возилъ съ собою какъ въ походахъ, такъ и въ путешествіяхъ. Кровать эта и знаменитая старенькая шинель были всегда его неразлучными спутниками. Надъ кроватью виситъ деревянное Распятіе. Налѣво отъ входа въ спальню виднѣется шкафъ краснаго дерева, съ тѣми изъ поднесенныхъ императору подарками и сувенирами, которыми онъ особенно дорожилъ. Зеркало простое и скромное, принадлежало еще родителю императора, королю Фридриху Вильгельму III. Прочая мебель состоитъ изъ платяного шкафа краснаго дерева, комода, умывальника, старомодныхъ часовъ и нѣсколькихъ стульевъ въ стилѣ Empire.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣйствующій въ Россіи пенсіонный уставъ уже давно устарѣлъ, но всѣ попытки выработать новое положеніе не приводили къ положительнымъ результатамъ, такъ какъ всегда наталкивались на недостатокъ средствъ государственнаго казначейства. Нынѣ составленъ новый проэктъ, въ общемъ представляющійся въ слѣдующемъ видѣ: а) пенсіонный капиталъ, образовавшійся изъ обязательныхъ и необязательныхъ вычетовъ въ случаѣ смерти на службѣ участника, не оставившаго вдовы, будетъ переданъ въ видѣ единовременной выдачи его законнымъ наслѣдникамъ; б) если послѣ смерти на службѣ участника пенсіонной кассы останутся вдова и несовершеннолѣтнія дѣти, то эти послѣднія получатъ въ видѣ единовременной выдачи половину пенсіоннаго капитала, образовавшагося только изъ обязательныхъ вычетовъ; в) сироты послѣ отца участника пенсіонной кассы будутъ получать до 21 года пенсію изъ запаснаго капитала пенсіонной кассы; г) каждый круглый сирота будетъ получать 25 проц., а сирота послѣ отца при живой матери—17 проц. пенсіи, на которую имѣлъ право или получалъ ихъ отецъ и д) общая пенсія всѣмъ сиротамъ вмѣстѣ не будетъ превышать пенсіи, на которую имѣлъ право ихъ отецъ.—По уголовному кассаціонному департаменту Правительствующаго Сената составленъ отчетъ за 1887 годъ: къ 1-му января 1887 года оставалось дѣлъ 2,417; въ теченіи 1887 г. поступило 11,619 новыхъ дѣлъ; сравнительно съ 1886 годомъ (11,109) болѣе на 510; въ теченіи 1887 г. рѣшено 10,796 дѣлъ, сравнительно съ 1886 годомъ (11,474) менѣе на 678 дѣлъ. На каждаго изъ сенаторовъ, докладывавшихъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, приходится среднимъ числомъ 436 дѣлъ. Изъ числа рѣшенныхъ 2,808 дѣлъ общихъ судебныхъ мѣстъ кассировано 295, т. е. около 10,[illegible]°/$_0$; наибольшій процентъ (почти 15°/$_0$) приходится на харьковскій, наименьшій (6°/$_0$) на саратовскій судебный округъ. Изъ числа рѣшенныхъ 6,700 дѣлъ мировыхъ установленій кассировано 1,713, около 25,$_5$°/$_0$. Наибольшій процентъ (болѣе 37°/$_0$) приходится на виленскій, наименьшій (14°/$_0$)—на тифлисскій судебный округъ. Къ 1-му января 1888 г. осталось 3,240 дѣлъ нерѣшенныхъ, болѣе противъ остатка къ 1-му января 1887 г. (2,417) на 823 дѣла.—Въ виду крайне жалкаго состоянія помѣщеній народныхъ школъ въ казанской губ., большинство которыхъ сыры, грязны, удушливы и представляютъ совершенную невозможность для правильнаго обученія, послѣднее очередное губернское собраніе постановило образовать особый запасный капиталъ на постройку школьныхъ зданій въ размѣрѣ 80 тыс. руб., достаточный для ежегодной постройки по одной школѣ въ уѣздѣ, для чего рѣшено было ежегодно вносить въ смѣту по 10 тыс. руб. Нынѣшнимъ экстреннымъ собраніемъ рѣшено выдавать изъ этого капитала ссуды на постройку училищныхъ зданій, какъ уѣзднымъ земствамъ, такъ и отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ; размѣръ ссуды на каждое училищное зданіе не долженъ превышать 800 р., уплата ссудъ разсрачивается равными долями не болѣе, какъ на 10 лѣтъ.

Промышленность, технологія и торговля.

Значеніе нижегородской ярмарки для нашей торговли и промышленности извѣстно всѣмъ и каждому; поэтому оффиціальныя свѣдѣнія о ней получаютъ общій интересъ. Оборотъ прошлогодней ярмарки достигъ 198.750,426 руб., превысивъ оборотъ 1886 года почти на 12.000,000 руб. Привозъ товаровъ на ярмарку былъ болѣе 1886 года на 9.139,000, при стоимости этихъ товаровъ на 193.000,000 руб. Главнѣйшая часть привезеннаго товара падала на долю русскихъ товаровъ, коихъ было на 160 мил. руб. Изъ иностранныхъ товаровъ—европейскихъ было на 8 мил. руб. и азіятскихъ на 28.000,000 руб. По ходу торговыхъ дѣлъ минувшая ярмарка отличалась большимъ оживленіемъ. Главную статью привоза 37.500,000 руб. составляли мануфактурные бумажные товары, которые распроданы почти безъ остатка, причемъ цѣны на товары собственно московскаго района и ивановскихъ фабрикъ были значительно выше, чѣмъ на товары польскихъ фабрикъ и несмотря на это спросъ на наличный товаръ русскихъ фабрикъ не могъ быть удовлетворенъ сполна. Такой значительный спросъ объясняется отчасти распродажею бывшихъ до сего времени значительныхъ запасовъ этихъ товаровъ прежней заготовки, распродажей, которая на ярмарку 1886 года служила причиной значительнаго пониженія цѣнъ на бумажную мануфактуру, отчасти же уменьшившейся производительностью русскихъ фабрикъ, сократившихъ производство. Кромѣ того закрытіе Батумскаго порто-франко и уничтоженіе закавказскаго транзита также способствовало увеличенію сбыта нашей мануфактуры въ Персію, Бухару и Закаспійскій край. Затѣмъ второе мѣсто по стоимости привоза занимаютъ металлы (свыше 19 мил. р.), торговля коими, въ особенности желѣзомъ, шла бойко и оно продано по повысившимся цѣнамъ, чему въ значительной степени способствовало возвышеніе пошлинъ на иностранное желѣзо и чугунъ. Затѣмъ также хорошо торговали рыбой, пеньковымъ и льнянымъ товарами, пушнымъ, кожевеннымъ товаромъ и лѣснымъ. Что же касается шерсти, то торговля ею шла плохо и цѣны понизились на 15—20 проц. противъ 1886 г. Чая привезено было на ярмарку на 18.220,000 руб., болѣе 1886 года на 5 милліоновъ, причемъ байховые чаи, привезенные черезъ Сибирь, распроданы по повышеннымъ цѣнамъ что объясняется худшимъ качествомъ чаевъ, доставляемыхъ моремъ, и отъ небольшого сравнительно количества высокихъ сортовъ чая, доставляемаго сухимъ путемъ. Вообще ярмарку 1887 года можно назвать вполнѣ удовлетворительною, какъ по торговлѣ такъ равно и по денежнымъ разсчетамъ. О несостоятельностяхъ или о какихъ нибудь значительныхъ неплатежахъ по векселямъ не было слышно. Дисконтъ (частный вексельный) колебался между $4^1/_2$°/$_0$ и $5^1/_2$°/$_0$. Въ теченіи ярмарки было учтено векселей около 13 мил. руб. Вообще же, хотя ярмарка 1887 года по своимъ оборотамъ не достигаетъ оборотовъ бывшихъ на ярмаркахъ 1880—1884 гг., оборотъ коихъ достигалъ 215 мил. рублей, но все-таки своими результатами значительно превосходитъ обороты двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, а потому съ большей вѣроятностью можно предсказать, что замѣченное въ прошломъ году оживленіе торговли и промышленности пойдетъ по пути дальнѣйшаго развитія.

Не безъ интереса представляются цифровыя данныя изъ послѣдняго отчета главнаго управленія почтъ и телеграфовъ. За отчетный годъ внутренней иногородней корреспонденціи было переслано: писемъ закрытыхъ, оплаченныхъ—88.074,244; писемъ не вполнѣ оплаченныхъ—148,571; писемъ безплатныхъ—32.034,358 писемъ открытыхъ—8.616,559; бандерольныхъ отправленій—7.850.287; заказной корреспонденціи—10.284,953 и т. д. Казенная корреспонденція, пересылающаяся безплатно, въ отчетномъ году составила по своей тяжести 45°/о общаго вѣса всей внутренней иногородней корреспонденціи. Желѣзнодорожныхъ путей сообщенія насчитывается 24,915 верстъ, грунтовыхъ дорогъ—97.474 версты, проселочныхъ—18,579 верстъ и 7,481 верста шоссейныхъ дорогъ. Всѣхъ служащихъ по почтовому и телеграфному вѣдомствамъ (отъ чиновниковъ и почтальоновъ до ямщиковъ включительно) состояло 38,431 человѣкъ. Почтовыхъ учрежденій разнаго рода насчитывалось 4.830; почтовыхъ станцій — 4,269; почтовыхъ ямщиковъ—9,344. Абонементныхъ періодическихъ изданій за отчетный годъ переслано около $83^1/_2$ милліоновъ экземпляровъ.—Французскій химикъ Фреми представилъ парижской академіи наукъ рубинъ чистой воды, приготовленный искусственно. — Сахарозаводчики вездѣ составляютъ особый кружокъ людей съ особыми интересами; что касается Россіи, достаточно вспомнить про сахарную кампанію, прошлаго лѣта. Заграницею есть даже особые органы сахарозаводчиковъ, въ которыхъ, впрочемъ, встрѣчаются и свѣдѣнія о техническихъ усовершенствованіяхъ въ области сахарной промышленности; изъ нихъ мы видимъ, что на заграничныхъ свеклосахарныхъ заводахъ стараются обойтись и во многихъ случаяхъ дѣйствительно обходятся безъ костяного угля, однако, нельзя не признать, что экономія всегда отзывается, если не на существенныхъ, то по крайней мѣрѣ на внѣшнихъ качествахъ продуктовъ. Вотъ почему рафинадные заводы, за очень немногими исключеніями, еще продолжаютъ употреблять дорогой костяной уголь, который находитъ также примѣненіе въ водочномъ дѣлѣ, для обезцвѣчиванія глицерина, крахмальнаго сахара и др. Въ недавнее время въ продажѣ явился суррогатъ, который, будучи гораздо дешевле костяного угля, имѣющій не меньшую способность обезцвѣчиванія и поглощенія. Этотъ искусственный костяной уголь приготовляется обугливаніемъ крови и иныхъ животныхъ остатковъ въ смѣси съ минеральными веществами, безъ доступа воздуха. Продуктъ обугливанія, по внѣшнему виду, нѣсколько отличается отъ натуральнаго костяного угля, но, подобно этому послѣднему, можетъ быть оживляемъ прокаливаніемъ въ обыкновенныхъ приборахъ.—Въ «Annales industrielles» описывается рядъ опытовъ съ гальваническими элементами, въ которыхъ цинкъ былъ замѣненъ магніемъ. Судя по тому, что при горѣніи магнія отдѣляется гораздо болѣе теплоты, нежели при окисленіи цинка, слѣдовало предполагать уже à priori, что элементы съ магніемъ будутъ развивать больше электровозбудительной силы, и опытъ вполнѣ оправдалъ такое предположеніе. Сравнивъ цинковый элементъ Даніеля съ такимъ же элементомъ, въ которомъ, вмѣсто цинковаго полюса, былъ употребленъ полюсъ изъ магнія, экспериментаторъ нашелъ для обыкновеннаго элемента электровозбудительную силу въ 1,$_{125}$ вольтовъ, а для элемента съ магніемъ—въ 2,$_{033}$ вольта. Элементъ Мейдингера (съ сѣрнокислой магнезіей, вмѣсто сѣрной кислоты) съ магніемъ далъ электровозбудительную силу въ 1,$_{93}$ вольтовъ. Въ элементахъ Бунзена, при замѣнѣ цинка магніемъ, электровозбудительная сила увеличилась на 22°/о, а въ элементахъ Лекланше даже на 53°/о (2,$_3$ вольта, вмѣсто 1,$_5$). Изъ этихъ опытовъ видно, что магній, какъ электроположительный металлъ, развиваетъ весьма большую энергію и при удешевленіи его производства можетъ быть съ пользою употребленъ для устройства сильныхъ гальваническихъ баттарей.

БИБЛІОГРАФІЯ.

И. М. Догеля. «Вліяніе музыки на человѣка и животныхъ. Публичная лекція. Казань. 1888 г. Цѣна 60 к. Профессоръ Шольцъ, авторъ «Діететики духа», говорилъ, что музыка безспорно оказываетъ значительное вліяніе на нервную систему, какъ въ качествѣ простого развлеченія, доставляя отдыхъ уму, такъ и какъ возбуждающее средство физическое и нравственной воспріимчивости. Она измѣняетъ общую чувствительность и заставляетъ ее настраиваться какъ бы въ одномъ направленіи съ собственнымъ созвучіемъ.

Во всѣ времена, всѣми развитыми народами признавалось могущественное вліяніе музыки. Слушая игру Давида на арфѣ, Саулъ освобождался отъ злого духа, Тимофѣй извѣстными аккордами своей лиры умѣлъ внушать кровожадную ярость. Въ древности музыкой пользовались для успокоенія страданій при невралгіяхъ, сѣдалищной невралгіи и подагрѣ. Музыкѣ приписывали цѣлебную силу противъ чумы, Цельзій совѣтуетъ музыку фрелійской школы, употреблять противъ меланхоліи; а дорійской противъ маніакальнаго возбужденія. Нѣкоторыя гаммы имѣютъ характеръ благородный и страстный—другія шумный и воинственный, третьи—меланхолическій, и четвертыя—игривый и наивный. Мажорный тонъ выражаетъ сильную страсть, а минорный грустныя чувства. Басовые звуки мрачны; звуки кларнета—жалобные; гобоя—мечтательные; флейты—нѣжные; трубы—рѣзкіе или яростные. Скрипка, какъ и человѣческій голосъ, можетъ выражать всѣ чувства. Часто приходится слышать о чудесныхъ излѣченіяхъ музыкой ипохондріи, истеріи и другихъ нервныхъ болѣзней. Оставя въ сторонѣ чудеса, которымъ можно вѣрить и не вѣрить, пользу музыки безспорно можно признать при нервныхъ состояніяхъ, вызванныхъ горемъ, отвращеніемъ къ жизни и нравственной ипохондріи. Она освобождаетъ умъ отъ оковывающихъ цѣпей сплина.

Въ виду этого каждое болѣе или менѣе полное изложеніе вопроса о вліяніи музыки на человѣка никогда не можетъ быть лишнимъ. Не лишней является и публичная лекція профессора казанскаго университета, И. М. Догеля, трактующая объ этомъ вопросѣ въ довольно популярной формѣ, хотя первая ея половина, не имѣющая научнаго значенія, и могла бы съ удобствомъ быть пропущенною, какъ не нужная и довольно тривіальная болтовня съ цитированьемъ стиховъ и не идущими къ дѣлу вставками о томъ, что жизнь Страделлы послужила сюжетомъ для оперы Флотова «Страделла» и т. п. Но за этими шестью-семью страничками неудачнаго вступленія идетъ уже серьезное изложеніе предмета. Не вдаваясь въ разборъ этой лекціи, которую, вѣроятно, прочтутъ не безъ пользы интересующіеся этимъ предметомъ, мы остановимся на интересномъ указаніи автора на различные музыкальные инструменты... «Не случайнымъ, говоритъ онъ, оказывается употребленіе у разныхъ народовъ того или другого устройства музыкальнаго инструмента. Инструменты, помощію которыхъ производятъ очень рѣзкіе и сильные звуки, нравятся народамъ, стоящимъ на низкой степени культуры. Смотря по тому, будетъ ли народъ заниматься хлѣбопашествомъ или войной, музыкальные инструменты этихъ народовъ мы находимъ соотвѣтственными ихъ занятію, характеру. У жителей горныхъ странъ имѣетъ предпочтеніе одного рода музыкальный инструментъ; у обитателей низменныхъ мѣстъ встрѣчается другого рода инструментъ. Музыкальные инструменты народовъ, находящихся на низкой степени культуры, не отличаются ни сложностію, ни совершенствомъ настроенія; у нихъ чаще въ употребленіи труба, свирѣль, барабанъ. Напротивъ, чѣмъ народъ оказывается способнѣе къ умственному развитію, тѣмъ разнообразнѣе и съ большимъ искусствомъ имѣется у него музыкальный инструментъ. Во Франціи, въ окрестности Poitiers найдена въ долменахъ, т. е. въ каменныхъ гробахъ, дудка каменнаго періода, очень примитивнаго устройства. Капитанъ Cook описалъ дудку, сдѣланную изъ бамбука, длиною въ одинъ футъ съ двумя отверстіями у жителей острова Отаити, прибавляя въ своемъ описаніи, что у отаитянъ имѣются только дудки и барабаны, какъ музыкальные инструменты. Барабаны дѣлаются у нихъ изъ деревяннаго обрубка, выдолбленнаго въ срединѣ, котораго одинъ конецъ покрытъ натянутой кожей морского животнаго; вмѣсто палочекъ для барабана они употребляютъ свои руки (Voyages autour du monde entrepris par ordre de sa Majesté Britannique, etc. Paris, 1774; traduet.). У малайцевъ музыкальный инструментъ (анклянгъ) состоитъ изъ бамбуковыхъ трубокъ, разной длины, укрѣпленныхъ подвижно на перекладинахъ такъ, что сотрясеніемъ бамбуковыя трубки издаютъ звуки; кромѣ того, у нихъ имѣются разнообразной формы и строенія барабаны.—У жителей острова Тонгатабу архипелага Тонга, названнаго Cook'омъ архипелагомъ Товарищей, имѣется своего рода пастушеская свирѣль (flûte de Pan), которая хотя состоитъ изъ 8 трубокъ, но помощію этого инструмента можно произвести пять звуковъ, гдѣ re повторяется три раза, а ut—два раза; слѣдовательно положена въ основаніе діатоническая система. Ал. Гумбольдтъ описалъ музыкальный инструментъ, тоже видъ flûte de Pan, найденный имъ въ Мексикѣ; этотъ инструментъ сдѣланъ изъ 8 тростниковыхъ трубокъ. Впослѣдствіи, французскій генералъ Paroissien, посѣтившій загадочный и давнымъ давно забытый въ первобытномъ лѣсу древній городъ Паленку, нашелъ въ числѣ археологическихъ рѣдкостей, въ гробу музыкальный инструментъ, сдѣланный изъ камня и лежавшій на груди скелета,—инструментъ, сходный по устройству съ описаннымъ Ал. Гумбольдтомъ, и извѣстнымъ у индѣйцевъ подъ названіемъ хуарапуара. Найденный музыкальный инструментъ французскимъ генераломъ интересенъ еще тѣмъ, что даетъ понятіе о музыкальной способности индѣйцевъ до открытія Америки Колумбомъ и что звуковая скала музыки американскихъ индѣйцевъ аналогична музыкальной скалѣ аравитянъ.—Негры и китайцы отдаютъ преимущество такимъ музыкальнымъ инструментамъ, на которыхъ игра происходитъ посредствомъ удара палочками или молоткомъ. Такъ, китайскій музыкальный инструментъ кингъ состоитъ изъ разной величины каменныхъ пластинокъ, по которымъ ударяютъ металлическимъ или деревяннымъ молоткомъ. У негровъ излюбленнымъ музыкальнымъ инструментомъ считается барабанъ тома-коу.—Примитивнымъ музыкальнымъ инструментомъ финляндцевъ извѣстна, такъ называемая, кантела, имѣющая значеніе не только въ музыкѣ, но и въ поэзіи, и въ миѳологіи этого народа. Это пятиструнный инструментъ, и музыка финляндцевъ имѣла въ основаніи 5 діатоническихъ звуковъ. Layard открылъ въ памятникѣ Нимврода разной формы бронзовые колокола съ желѣзными балами; они употреблялись въ Ассиріи, какъ музыкальные инструменты. Нѣчто подобное имѣется у китайцевъ, японцевъ, малайцевъ и бирмановъ, а именно (у китайцевъ), цѣлый рядъ металлическихъ шляпокъ, укрѣпленныхъ на ножкахъ; по этимъ шляпкамъ ударяютъ палочками. Въ числѣ древнеегипетскихъ музыкальныхъ инструментовъ имѣлась двойная флейта. При игрѣ на такой флейтѣ, а равно и на другихъ музыкальныхъ инструментахъ древніе египтяне любили выбивать тактъ, ударяя въ ладоши.—Кромѣ того, у разныхъ народовъ встрѣчаемъ разнообразнаго строенія рога и трубы: большой рогъ, употребляемый въ Бенгаліи при религіозныхъ и другихъ торжествахъ, и большая труба въ провинціи Мадрасъ. Не имѣя возможности долѣе останавливаться на разборѣ устройства множества музыкальныхъ инструментовъ у разныхъ другихъ народовъ древности и новѣйшаго времени, я ограничусь сказаннымъ относительно этого предмета, лишь прибавивъ нѣсколько словъ, касательно значенія этихъ инструментовъ въ духовной жизни народовъ. Историкъ Тацитъ, описывая нравы древней Германіи, упоминаетъ о военныхъ пѣсняхъ и о духовыхъ инструментахъ германцевъ. Со времени введенія христіанства между германцами было введено церковное пѣніе и употребленіе при этомъ трубъ, валторнъ и другихъ духовыхъ инструментовъ. Съ пріобрѣтеніемъ для музыки кларнета національнымъ инструментомъ нѣмцевъ сдѣлался этотъ послѣдній. Подобно тому, какъ въ Польшѣ, почти въ каждомъ селѣ, найдете играющаго на скрипкѣ, а въ Россіи—на гусляхъ, бандурѣ, балалайкѣ, такъ въ Германіи вамъ довольно часто попадается играющій на кларнетѣ.—Сравнивая совершенство устройства прежнихъ духовыхъ инструментовъ германцевъ съ кларнетомъ, вы убѣдитесь въ громадной разницѣ между первыми и вторымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вы знаете, какая существуетъ разница между древнимъ и настоящимъ состояніемъ культуры этого народа. Если бы вамъ можно было подробнѣе изучить устройство всевозможныхъ, существовавшихъ и существующихъ у различныхъ народовъ музыкальныхъ инструментовъ, то вы удивились бы, узнавъ, какъ мысль человѣка постепенно развивалась и постепенно достигла до той степени совершенства, которое замѣчается въ устройствѣ музыкальныхъ инструментовъ въ настоящее время».

Самуэль Смайльсъ. — Вѣчный труженикъ.— Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. Переводъ С. Майковой. Спб. 1888. Цѣна 1 руб. 25 к. Съ рисунками. Изд. 2-е. Эта крайне интересная и полезная книга, выдержавшая уже одно изданіе, сообщаетъ въ живомъ разсказѣ массу естественнонаучныхъ фактовъ. Она прочтется съ одинаковымъ интересомъ взрослыми и юношами. Переводъ сдѣланъ добросовѣстно. Картинки не дурны. Изданіе сдѣлано хорошо и цѣна не дорога, такъ какъ томъ заключаетъ до 370 страницъ убористой печати.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Водяная мельница.

Сномъ глубокимъ спитъ природа,
Снѣгомъ вся занесена,
Но проглянетъ съ небосвода
Теплымъ солнышкомъ весна,
И подъ жаркими лучами
Станутъ таять снѣгъ и ледъ
И ручей, бурля волнами,
Зашумитъ и запоетъ,
И, глася о пробужденьи
Силы, скованной въ морозъ,
Понесутся въ отдаленье
Звуки мельничныхъ колесъ.

Одежда Іосифа, принесенная братьями къ Іакову.

Въ тридцать седьмой главѣ книги «Бытіе» передается одна изъ поучительнѣйшихъ исторій — исторія вражды между братьями изъ за того, что одному изъ братьевъ отецъ оказываетъ предпочтеніе, и что этотъ братъ сознаетъ свое превосходство надъ остальными братьями. Художникъ на помѣщаемой нами картинѣ изобразилъ тотъ моментъ, когда къ Іакову, отцу проданнаго братьями Іосифа, приносятъ разноцвѣтную одежду послѣдняго, смоченную кровью козла, и спрашиваютъ: «Посмотри, сына-ли твоего эта одежда или нѣтъ?» Онъ узналъ ее, и сказалъ: «Это одежда сына моего; хищный звѣрь съѣлъ его; вѣрно, растерзанъ Іосифъ». И разодралъ Іаковъ одежды свои, и возложилъ вретище на чресла свои, и оплакивалъ сына своего многіе дни. И собрались всѣ сыновья его, и всѣ дочери его, чтобы утѣшить его»...

Бездомные.

Въ весеннюю непогодицу и въ мятель въ открытомъ полѣ плетется несчастная женщина съ сыномъ и дочерью въ городъ. У нихъ нѣтъ крова и они идутъ искать его у чужихъ людей. Дойдутъ-ли они до цѣли своего путешествія, найдутъ-ли себѣ гдѣ нибудь уголъ—Богъ вѣсть. Это страшная драма нищеты, повторяющаяся, къ сожалѣнію, не рѣдко въ жизни. Художникъ съумѣлъ изобразить ее яркими красками.

Императорскій Эрмитажъ.

Двѣ залы, въ которыхъ помѣщаются произведенія испанской школы живописи, главнымъ образомъ, возбуждаютъ, удивленіе непосвященныхъ въ искусство посѣтителей Эрмитажа. Удивленіе это возбуждается не картинами, а столами, вазами, канделябрами, массой малахита и лапислазури. Дѣйствительно роскошь обстановки здѣсь замѣчательная. Но не она, конечно, имѣетъ значеніе въ глазахъ цѣнителя искусства: онъ ищетъ здѣсь произведеній знаменитыхъ испанскихъ художниковъ Риберы, Сурбарана, Кардучи, Валаскеса, Мурильо. Посчастливилось Эрмитажу въ особенности въ пріобрѣтеніи произведеній Валаскеса и Мурильо — Валаскеса 6 картинъ, Мурильо 20 картинъ. Что стоятъ эти сокровища? Укажемъ на то, что за двѣ картины Валаскеса заплачено 38,815 флориновъ, за одну картину его школы заплачено 1500 піастровъ, за одну копію съ Мурильо заплачено 63,000 франковъ, за одну картину Мурильо заплачено 151,000 франковъ, за другую 30,000 франковъ. Только немногія картины удалось добыть случайно за дешевую цѣну. Такъ картина Сурбарана св. Лаврентій пріобрѣтена за 3,000 франковъ. Это та большая картина, которую читатель можетъ легко отличить на нашей гравюрѣ на лѣво отъ дверей на заднемъ планѣ. На ней св. Лаврентій, изображенъ опирающимся на рѣшотку—символъ его мученій.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 16-го марта 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на ежедневную политическую, ученую и литературную газету

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

съ еженедѣльными и ежемѣсячными
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.
(Безъ повышенія подписной платы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ
«СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»:

Безъ доставки и пересылки:
На годъ 7 р. — —На 6 мѣс. 3 р. 60 к.
На 3 мѣс. 2 р. 25 к.—На 1 мѣс. — 75 к.

Съ доставкою и пересылкою:
На годъ 8 р. — —На 6 мѣс. 4 р. —
На 3 мѣс. 2 р. 50 к.—На 1 мѣс. 1 р. —

За границу съ пересылкою 14 р.
Вновь подписавшіеся получатъ всѣ вышедшіе уже нумера, начиная съ № 1-го, а также и Воскресныя приложенія.

Желающіе получить художественное приложеніе **«Крещеніе Кіевлянъ при св. князѣ Владимірѣ»** или **«Смерть Ивана Сусанина»**—высылаютъ на доставку 80 к.

Также можно получать преміи журнала «Живописное Обозрѣніе: 1) **«Закатъ солнца въ зимній день»** и 2) **«Босфоръ при лунномъ освѣщеніи»**—съ доставкою по 3 руб. за экз., а **«Наводненіе»** 4 руб. за экз. съ доставкою.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ **Главную Контору** на слѣдующіе сроки: при подпискѣ 3 р. Къ 1 апрѣля 3 р. Къ 1 іюня 2 р.

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., У Аничкина моста, д. № 68—40.

НОВАГО УРОЖАЯ

замѣчательно хорошія папиросы:
„Охота“ 10 шт. 10 к.
„Дамскія“ 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія“ 10 шт. 6 к.
„Фотографъ“ 10 шт. 6 к.

Получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. магаз. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающимъ не менѣе 25 р. до 1000 вер. разстояніе, пересылка и упаковка на счетъ магазина.

№ 329 (44—4).

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. № 228 (52—18)

Усовершенствованные пожарные ТРУБЫ И НАСОСЫ

„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.

Прейсъ-курантъ безплатно.

№ 186 (40—18)

Спеціальный магазинъ

БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

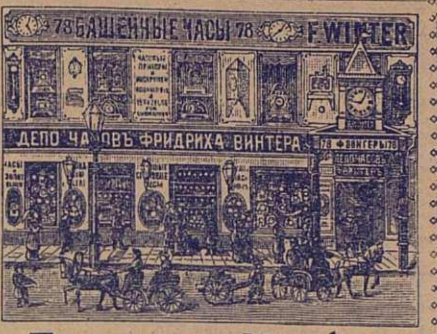
Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—4).

КНИГИ

СТАРЫЕ ПОКУПАЮ, Заротная у., д. № 9, кв. № 19.

№ 340 (1—1).



Телефонъ № 1182.

ДЕПО ЧАСОВЪ

ФРИДРИХА ВИНТЕРА

Уголъ Невскаго и Литейнаго пр., № 78.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

Съ ручательствомъ на 2 года, въ особенно большомъ выборѣ.

Часы дамскіе:

Зол. глух. цил. на 10 кам.	отъ 30	до 50 р.
„ анк. на 15 камн. . .	„ 38	„ 115 „
„ цил. съ зав. безъ кл.	„ 38	„ 60 „
„ анк. съ зав. безъ кл.	„ 50	„ 150 „
„ съ зав. безъ кл. матовые съ жив. эмалью. .	„ 60	„ 100 „
Такіе-же съ брилліантами.	„ 85	„ 200 „
Золот. глухіе новомодные, изящной отдѣлки. . . .	„ 50	„ 150 „
Bijou меньш. разм. . .	„ 40	„ 125 „
Серебрян. глух. на 10 кам.	„ 14	„ 18 „
„ „ съ зав. б. к.	„ 16	„ 22 „
„ „ анк. на 15 к.	„ 16	„ 27 „
Никкелиров. съ зав. б. кл.	„ 10	„ 13 „
Черные стальные	„ 14	„ 25 „

Часы мужскіе:

Зол. глух. анк. на 15 кам.	отъ 50	„ 200 „
„ „ съ зав. б. к.	„ 55	„ 350 „
„ „ съ репетиторомъ.	„ 250	„ 1000 „
„ „ „ хронограф. календаремъ и проч. .	„ —	„ 425 „
Серебр. глух. на 10 кам. .	„ 13	„ 14 „
„ „ анк. на 15 кам.	„ 14	„ 75 „
„ съ брегет. зав. анк.	„ 18	„ — „
Такіе-же съ зав. безъ кл.	„ 18	„ 75 „
Сер. хроногр. для бѣговъ.	„ 35	„ 50 „
„ глухіе докторскіе . .	„ —	„ 50 „
„ „ съ зав. б. кл. календаремъ.	„ 35	„ 40 „
Сереб. зав. б. кл. без. стрѣл.	„ 35	„ 40 „
„ накладнаго золота .	„ 35	„ 45 „
Никкелиров. открытые. .	„ —	„ 6 „
„ съ зав. б. кл. цил.	„ 8	„ 12 „
Такіе-же анкерные . . .	„ 12	„ 18 „
„ „ глухіе .	„ 14	„ 18 „
„ цилиндр. . . .	„ 12	„ 14 „
Стал. черн. зав. безъ кл.	„ 15	„ 28 „
Такіе-же безъ стрѣлокъ. .	„ 35	„ 40 „
Стальные черн. анк. зав. безъ ключа хронографы.	„ 38	„ 45 „
Часы стол. мал. размѣра.	„ 4 р. 50 к.	—
„ „ съ будильник.	„ 5	до 18 р.
„ каретные	„ 25	„ 150 „
„ стѣнные.	„ 2	„ 250 „
„ столовые.	„ 15	„ 350 „
„ контрольные Бюрка со всѣми приборами. .	„ —	„ 45 „

Башенные часы:

Часовые приборы и инструменты для часовыхъ дѣлъ мастеровъ.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 344 (1—1).

ДЕПО ЧАСОВЪ

Эд. Бурхарда.

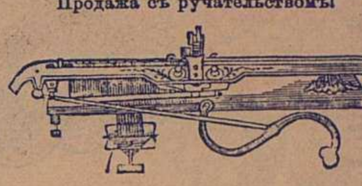
1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 3/63.

Вновь полученъ большой выборъ часовъ лучшихъ фабрикантовъ, цѣпочекъ, ключей и брелоковъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Каждые часы продаются съ ручательствомъ.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 289 (27—9).

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.

№ 158 (52—27).

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт. {на об. бум. 1 р. 50 / на лучш. . 2 р. | Съ 44 карт. {на об. бум. 2 р. 50 / на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.
Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.

№ 222 (24—13).

Туалетныя мыла I. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,

АМИКОСОВОЕ.

Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 248 (57—17)

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора А. Янсонъ.

Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.

Продается:

Въ **Москвѣ**: у Л. Борхардтъ, Г. Брунсъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.
кромѣ того имѣется:
у М. Заксъ, Г. Клосъ и К°., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ, Ф. Линде, О. Роосъ, Русск. Общество торг. аптекарск. товарами и во многихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.

№ 323 (26—5)

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—29).

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго управленія

ВАТА „ГАВАННА“

ДЛЯ КУРЯЩИХЪ

положенная въ мундштукъ папиросы, удаляетъ никотинъ и вредныя пригорѣлыя вещества, чѣмъ предохраняетъ здоровье курящаго отъ вреднаго ихъ вліянія и улучшаетъ вкусъ табака.

Цѣна коробки 10 коп

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

у Александра Венцеля, Казанская, № 3 и во всѣхъ лучшихъ табачныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Гг. иногороднымъ за 3 руб. высылаются 25 коробокъ. Гг. торговцамъ соразмѣрная уступка.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ

прошу обращать вниманіе при покупкѣ на подпись изобрѣтателя Н. Розенблата и лит. A. W. на каждой коробкѣ.

Александръ Венцель.

№ 162 6—4.

ЭЛЕОПАТЪ провизора КИНУНЕНА

ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ВОЛОСЪ

безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.**

№ 343 (39—4). *Пров. КИНУНЕНЪ.*

И. Г. КАРЛСОНЪ въ Воронежѣ

◆ сѣменной складъ, садовое заведеніе и древесный питомникъ ◆

высылаетъ по заявленіи немедленно **БЕЗПЛАТНО**

слѣдующія изящныя иллюстрированныя изданія: 1) Полный прейсъ-курантъ сѣменамъ, садовымъ инструментамъ и георгинамъ. 2) Полный, особенно обстоятельный, прейсъ-курантъ деревьямъ и грунтовымъ растеніямъ и 3) Каталогъ тепличнымъ, оранжерейнымъ и комнатнымъ растеніямъ.

Произведенія фирмы вновь награждены **ВЫСШЕЙ НАГРАДОЙ, ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ**, на Всероссійской сельско-хозяйственной выставкѣ въ Харьковѣ 1887 г. № 342 (1—1)

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. **Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада** (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у **В. Ауриха** въ **С.-Петербургѣ**, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—29)

ПРАВОСЛАВНОЕ

ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. д. и II кл. на пар.		III классъ	
	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Безъ продовольствія.	
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Коп.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	183	126	62	50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу. . . .	305	230	215	160	172	115	46	50
Отъ Кіева чрезъ Одессу . . .	250	170	175	120	158	101	33	—
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ.	270	180	200	130	186	118	38	—
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47	—

II. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . .	45 р.
Отъ Кіева черезъ Одессу въ III классѣ.	32 р.
Отъ Одессы въ III классѣ.	22 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп. д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Въ Троице-Сергіевской лаврѣ: у о. Агапита, въ Новой гостиницѣ.

Въ Москвѣ: у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Воснесенія.

Въ Кіевѣ: у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Злаговерхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеремонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостиницѣ.

Въ Воронежѣ: у іеромонаха Платона, въ Митрофаніевскомъ монастырѣ.

Въ Перми—у Аркадія Александровича Маллѣева.

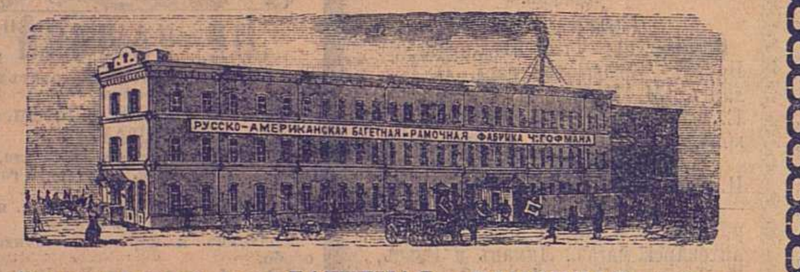
Въ Казани: у В. И. Заусайлова, въ своемъ домѣ.

Въ Одессѣ: у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, „Руское Общество Пароходства и Торговли", по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до **Яффы и обратно**, отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

Православное Палестинское Общество проситъ за необходимыми свѣдѣніями и объясненіями, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, обращаться еще: въ **Одессѣ:** къ протоіерею Александру Николаевичу Кудрявцеву, въ Университетъ; въ **Константинополѣ:** къ Іосифу Петровичу Юговичу, главное Агентство Русскаго Общества Пароходства и Торговли. № 341 (1—1)


РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ-РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская **БАГЕТНАЯ** и **РАМОЧНАЯ** фабрики

Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—6).

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.

Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: **Клеопатра египетская царица**, механически движущаяся. **А. С. Пушкинъ, Пастеръ**, графъ **Лесепсъ** группа, сказки **Шехеразады изъ 1,001 ночи**, **Сонъ на яву**, механическая фигура, **Елена Прекрасная**, и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также **Анатомическій кабинетъ**, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ. № 324 (10—5).

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, шероховатости и пр., освѣжаетъ и придаетъ юношескую свѣжесть. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 р.—2 банки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор.— Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Кº, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. № 314 (17—6).

Большая золотая медаль

Ю. МАРТЕНСА.

Московская выставка 1882 г.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ

съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.

МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ

по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ

КЛЮКВЕННЫЯ И ФРУКТОВЫЯ ЭКСТРАКТЫ

ВИШНЕВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ, ЧЕРНОСМОРОДИНОВЫЙ

свѣже-приготовленные

ФРУКТОВЫЯ СИРОПЫ

Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.

Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.

Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія. № 226.

Нумеръ 12-й ‹Живописнаго Обозрѣнія› состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) Обертки и 3) № 3-го „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній" за мартъ.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою Спб., 16-го марта 1888 г.

Типографія С. Добродѣева. Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 13
27 МАРТА
1888.

Живописное Обозрѣніе

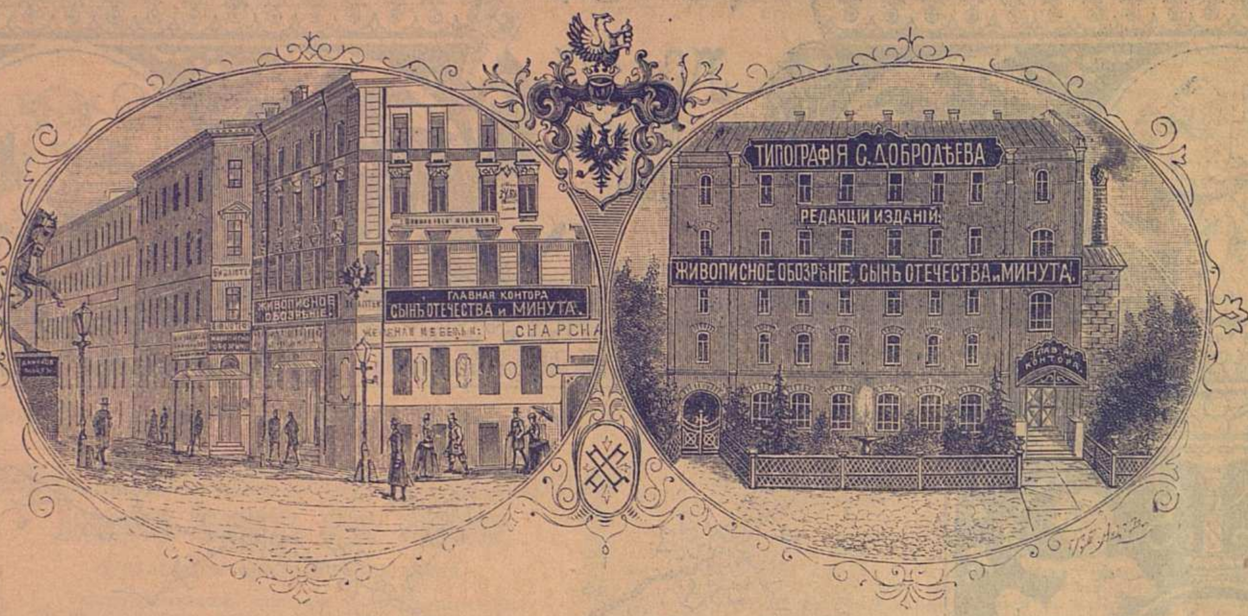
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Главная премія 1888 года «**ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ**» разослана всѣмъ годовымъ подписчикамъ, внесшимъ **сполна** подписную сумму **8** р. и на доставку **рубль.**

Преміи разосланы чрезъ Спб. почтамтъ цѣнными посылками, тщательно задѣланными въ холстъ.

1835


ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА
РЕДАКЦІИ ИЗДАНІЙ:
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ, СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА и МИНУТА.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА и МИНУТА
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1888

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою **8 р.** Безъ доставки въ Спб.: **за годъ 6 р. 60** к.
Въ Москвѣ **безъ доставки на** годъ **7** р. съ преміею
(Книжный магазинъ И. Ф. Папкова. Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова).
За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Гг. подписчики, желающіе получить въ премію вмѣсто картины «**Закатъ солнца въ зимній день**»—«**Босфоръ**», благоволятъ указать объ этомъ въ требованіи. Новые подписчики получаютъ журналъ съ № 1 со всѣми приложеніями. Желающіе получить премію, высылаютъ **рубль.**

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р., къ 1-му іюня **2** р.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ бы то ни было справокъ изъ конторы, необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него, а также на отвѣтъ благоволятъ высылать **двѣ** 7-ми-копѣечныя марки.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль иногородняго на иногородній—**25** копѣекъ.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно каждая **книжка** приложенія 40 к., съ пересылкою 50 к.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго каленкора съ чернью. и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.):

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черныя и золотыя) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

При заказѣ деньги высылаются **впередъ.**

◆

Получена новая партія картины профессора Шерреса «**НАВОДНЕНІЕ**». Цѣна за экзем. **4** р. съ доставкою.

Закатъ солнца въ зимній день» и «**Босфоръ при лунномъ освѣщеніи**» по **3** р. за экземпляръ съ доставкою.
Смерть Ивана Сусанина» и «**Крещеніе кіевлянъ при св. кн. Владимірѣ**» по **2** р. за экз съ доставкою.

Главная премія 1888 года «**ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ**» разослана всѣмъ годовымъ подписчикамъ, внесшимъ **сполна** подписную сумму **8** р. и на доставку **рубль.**

Преміи разосланы чрезъ Спб. почтамтъ цѣнными посылками, тщательно задѣланными въ холстъ.

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступили въ продажу новыя книги:

БЛАГА ЖИЗНИ
Новый романъ **А. Михайлова (А. Шеллеръ)**
320 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

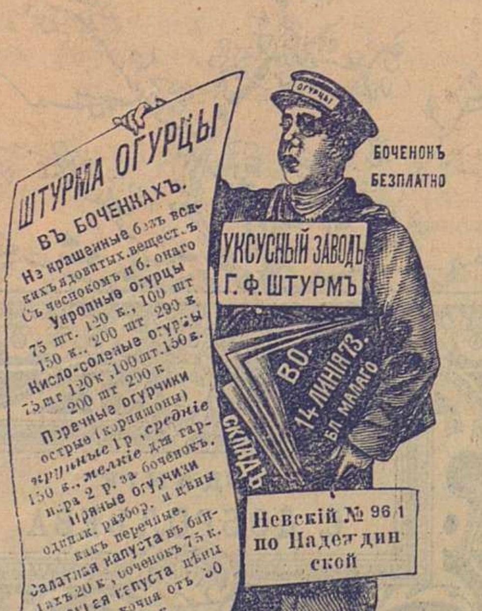
ОКО ЗА ОКО.
Романъ **МАТТЕИ,** переводъ *К. Назарьевой* 416 стр.
Цѣна 1 руб.

КОНСУЭЛО.
Романъ въ двухъ частяхъ, **ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ,** переводъ *П. Лѣтнева.* 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА.
Сочиненіе **ЭБЕРСА.**
Историческій романъ изъ временъ язычества. Изящное изданіе (съ портретомъ автора), 452 страницы.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Для подписчиковъ «*Живописнаго Обозрѣнія*», цѣна за экземпляръ означенныхъ изданій **РУБЛЬ** съ доставкою.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:
ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.


ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к, 100 шт. 150 к.
200 шт 290 к
Перечные огурчики
острые (корнишоны)
крупные 1 р, средніе
150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики
одинак. разбор. и цѣны
какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к
ОГУРЦЫ
БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО
УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ
СКЛАДЪ
В. О. 14 ЛИНІЯ 73. БЛ. МАЛАГО
Невскій № 96/1 по Надеждинской
МАГАЗИНЪ
26
ДОСТАВКА НА ДОМЪ

№ 297 (52—12)

СКРИПКИ

НОВЫЯ ОТЪ
$2\frac{1}{2}$ ДО 150 РУБ.
а также старыя обыгранныя, нѣмецкія, французскія и итальянскія, отличнаго тона
до 800 руб.

РЕКОМЕНДУЕТЪ
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ

Спб., Больш. Морская № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

27-го Марта 1888. № 13. Годъ изданія 53-й.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ВСТРѢЧИ съ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ.

Вл. Михневича.

(Окончаніе).

V.

Надо, впрочемъ, сказать, что въ Парижѣ нашего брата, пріѣзжаго россіянина, какимъ-то удивительнымъ чутьемъ, по первому взгляду, безъ словъ, сразу узнаютъ всѣ туземцы и тѣмъ болѣе акклиматизовавшіеся тамъ наши компатріоты. По крайней мѣрѣ, я много разъ испытывалъ это на себѣ.

Была у меня, напр., такая еще встрѣча.

Въ затѣйливомъ, вычурномъ и пестромъ «Эденъ-театрѣ» отправился я въ антрактѣ въ его шумное фойэ, служащее преддверіемъ такого-же шумнаго ресторана. Людность и шумъ этого веселаго вертограда краснорѣчиво рекламировали его, хорошо извѣстное, специальное назначеніе — служить для вечернихъ rendez-vous бульварнымъ искателямъ приключеній обоего пола.

Желая освѣжиться какимъ-нибудь питьемъ, я пробирался сквозь толпу въ ресторанъ. Внезапно налетаетъ на меня маленькая, черненькая, юркая женщина съ полными руками — букетиковъ, вѣеровъ, коробочекъ съ конфектами и тому подобнаго вздора.

— Братъ-русшкій, ждравштвуйтю вамъ!— развязно привѣтствовала она меня, какъ будто мы съ нею сто разъ встрѣчались.

— Почему вы узнали, что я русскій — спросилъ я, вглядываясь въ ея еще не старое, но сильно помятое жизнью, сухое, словно-бы птичье лицо, съ хищнымъ семитическимъ носомъ.

— Ну, какъ не узнать? Я сшама—русшкая...

— Изъ Бердичева?

— Нѣтъ, зъ Вильны... Посшлюхайте, такъ какъ мы изъ вами патріоты, то выпьемте сшебѣ чего-нибудь для пріятнаго зжнакомства.

— Почему-же это мы съ вами патріоты?

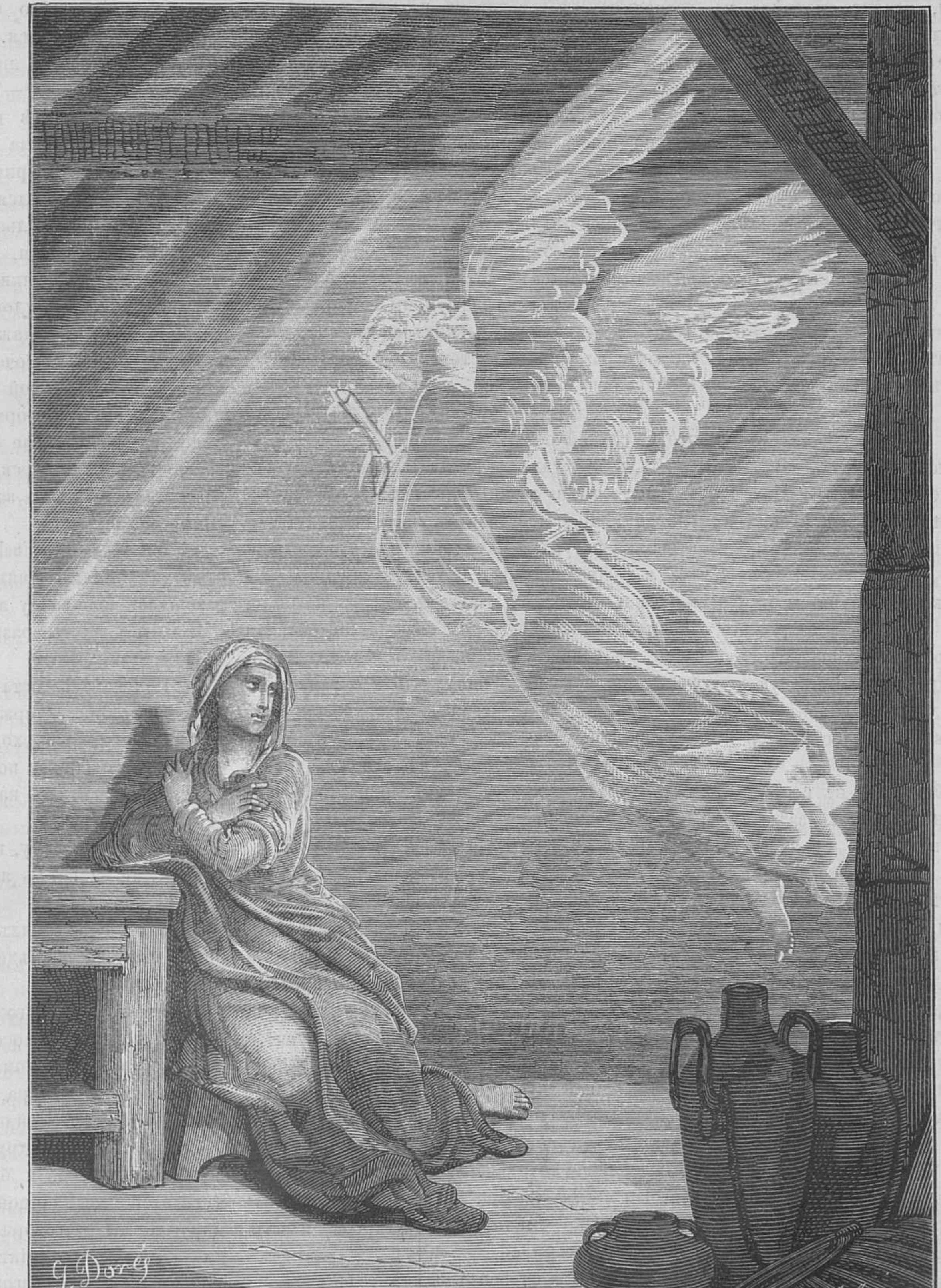
— Ну, какже! Вы русшкій и я русшкая, мы изъ одного зъ вами страна...

— Вы хотѣли, можетъ быть, сказать, что мы—компатріоты.

— Да, это увсе равно.

— Не совсѣмъ... Впрочемъ, выпить я не прочь. Что прикажете?

— Я васъ не хочу разжорять. Выпьемте сшебѣ пива...



Благовѣщеніе.

— Хорошо.

Мы присѣли къ свободному столику. Явилась бутылка пива, и ужь не постигаю какъ—моментально подсѣло къ намъ нѣсколько расфуфыренныхъ и раскрашенныхъ особъ съ голодными физіономіями и кислыми улыбками.

— Это, — рекомендовала моя новоявленная знакомая,—увсе очень хорошаго, очень милаго барышни, и я васъ изъ ними позжнакомлю... Это — мамжель Сесиль, это — мамжель Эмма, нѣмка изъ Берлина, это—мамжель Клотильдъ... очень любитъ русшкихъ...

Пока шла эта непрошенная репрезентація и я изъ вѣжливости приподымалъ шляпу передъ каждой изъ представляемыхъ «мамжелей»,—на столикѣ вдругъ, вмѣсто одной, спрошенной мною бутылки, какимъ-то волшебствомъ очутилось ихъ уже четыре; усердный гарсонъ раскупоривалъ пятую, а шестую держалъ наготовѣ подъ мышкой. Отрекомендованныя «барышни», не дожидая приглашенія, тянулись къ налитымъ стаканамъ и съ изумительной жадностью опорожняли ихъ одинъ за другимъ. Моя виленская компатріотка, не смолкая, старалась развлечь меня бесѣдой, сладко смотрѣла на меня своими рысьими глазками и почему-то начала говорить мнѣ «ты» и называть «душкой», наянливо упрашивая, чтобы я что-нибудь купилъ у нея для подарковъ сидѣвшимъ съ нами дамамъ.

Мнѣ стало и гадко, и жутко отъ этой безцеремонности и отъ всего милаго общества. Я всталъ и спросилъ счетъ за выпитое пиво.

— Куда-же? Зачѣмъ разстраивать хорошаго компанью? — немножко озадачилась соотечественница.

— Антрактъ кончился и я иду смотрѣть представленіе,—отвѣтилъ я.—Сколько съ меня слѣдуетъ за четыре бутылки пива?

— Сорокъ франковъ, душко!

Я ждалъ наддачи въ цѣнѣ, но не въ такой наивно-грабительской степени.

— За одно пиво? — спрашиваю. — Можетъ быть, въ томъ-же счетѣ и за пріятное общество?

— Нѣтъ, братъ-русшкій, только за пиво! Здѣсь такой цѣна...

— Позвольте въ этомъ усомниться, любезная компатріотка!

Гарсонъ оказался за одно съ «хорошаго компанью», и пришлось адресоваться въ буфетъ, гдѣ взяли только двѣнадцать франковъ—цѣна тоже несообразная, но все-же не сорокъ франковъ.

Такъ улавляютъ и обираютъ въ подобнаго сорта парижскихъ веселыхъ мѣстахъ заѣзжихъ иностранцевъ, для каковой цѣли въ каждомъ такомъ мѣстѣ служитъ цѣлый штатъ сиренъ спеціально для каждой національности: — для англичанина англичанки, для нѣмцевъ нѣмки и т. д., или по крайней мѣрѣ говорящія на языкахъ этихъ иноземцевъ. Къ числу этихъ сиренъ, безъ сомнѣнія, принадлежала и изображенная здѣсь компатріотка «зъ Вильны», для спеціальной охоты за русскими. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы эти сирены, ихъ тактика и ихъ соблазны были слишкомъ опасны...

VI.

Въ Женевѣ я провелъ проѣздомъ нѣсколько часовъ, оказавшихся слишкомъ достаточными для ея осмотра. Послѣ Парижа, показалась она мнѣ весьма провинціальной, буржуазно-скромной, и—сейчасъ видно, что «паршивая республика», какъ говоритъ князь Нехлюдовъ у гр. Л. Н. Толстаго: — пропасть бродячихъ собакъ и — первое, что мнѣ бросилось въ глаза, какъ характерно-комическое въ этомъ смыслѣ явленіе,—смотрю, въ «Jardin Anglais», у входа, два республиканскихъ жандарма нѣжно ласкаютъ какого-то шершаваго и безхвостаго забулдыгу-барбоса... Вспомнилась мнѣ однородная сцена въ Петербургѣ, видѣнная минувшимъ лѣтомъ, и — какое-же сравненіе? Нѣсколько вооруженныхъ метлами дворниковъ, подъ предводительствомъ городового, неистово преслѣдовали по Адмиралтейской набережной побродяжку-собаченку, съ визгомъ отъ нихъ улепетывавшую...

За то я самъ въ Женевѣ сталъ объектомъ страннаго и загадочнаго преслѣдованія со стороны какого-то таинственнаго незнакомца съ «мрачнымъ пламенемъ во взорѣ». Въ первый разъ я замѣтилъ его въ томъ-же «Англійскомъ саду», при обозрѣніи изящнаго національнаго памятника, въ видѣ мощной Гельвеціи, пріемлющей въ свои объятія граціозную Женеву. Смотрю я на памятникъ и въ то-же время примѣчаю, что на меня самого тутъ-же смотритъ нѣкій господинъ въ гороховомъ пальто, и смотритъ такими пытливыми, пронзительными глазами, что я не могъ не обратить на него вниманія. Иду въ музей Рата, любуюсь тамъ, между прочимъ, античной Венерой,—глядь,—изъ-за мраморнаго плеча богини вонзились въ меня, грѣшнаго, тѣ-же любопытные глаза. Всхожу на чудесный мостъ du Mont-Blanc и забываюсь въ очарованіи зрѣлищемъ дремлющихъ въ синемъ туманѣ горъ, бирюзовой водой Лемана и бѣшено-страстнымъ клокотаніемъ рвущейся въ его объятія черезъ преграды Роны, но чрезъ минутку вижу—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня какъ-бы раздѣляетъ восторги мои и назойливый незнакомецъ.

— Ну,—думаю себѣ,—это ужь не спроста, это не случайность!

Сталъ я и самъ оглядываться, и—дѣйствительно — куда я ни толкался, всюду почти, словно тѣнь, выростала за моей спиной таинственная фигура. У памятника Руссо, на островкѣ, я сошкольничалъ. Я усѣлся тамъ па скамейкѣ и отдыхалъ. Кругомъ никого не было. Вошелъ незнакомецъ, и, какъ-бы не замѣчая меня, сѣлъ на сосѣдней скамьѣ. Съ своей стороны, не показывая виду, что я обращаю на него вниманіе, но желая аллегорически дать ему понять (если онъ компатріотъ, какъ я догадывался), что мнѣ наскучило это соглядатайство, я началъ про себя, внятно напѣвать романсъ Кольцова:

«Что ты ходишь за мной,
Всюду ищешь меня?..»

Незнакомецъ и ухомъ не повелъ.

Кончивъ обзоръ города, я расположился позавтракать—не помню, въ какомъ ресторанѣ, и забылъ объ этомъ приключеніи. Было прелестнѣйшее утро и, поэтому, я занялъ уютное мѣстечко въ верандѣ ресторана, сплошь увитой плющемъ съ багряными, по осеннему, листьями и уставленной кустами олеандровъ. Сосѣдній столикъ отдѣлялся отъ моего трельяжемъ изъ зелени и, когда я кончилъ завтракать, за него усѣлись какіе-то два только что вошедшіе гостя. Ни я ихъ, ни они меня—взаимно видѣть не могли. Они что-то заказали гарсону и заговорили по-русски.

— Ну, что?—спросилъ одинъ голосъ.

— Выслѣдилъ,—отвѣтилъ другой.

— Кто-же онъ?

— А чортъ его знаетъ!

— А вѣдь похожъ...

— Да, только—Ѳедотъ, да не тотъ.

Я торопился на пароходъ и не сталъ далѣе слушать. Проходя мимо сосѣдей, я на нихъ оглянулся:—одинъ изъ нихъ былъ преслѣдовавшій меня по женевскимъ стогнамъ незнакомецъ.

VII.

Въ Вѣнѣ у меня случилась непріятная надобность обратиться въ наше русское консульство—непріятная, между прочимъ, потому, что я на опытѣ убѣдился въ небезосновательности столь частыхъ жалобъ на крайнее безучастіе почтенныхъ этого сорта учрежденій къ нуждамъ обращающихся къ нимъ русскихъ путешественниковъ.

Для пополненія рессурсовъ, мнѣ понадобилось продать, для запаса, цѣнную русскую бумажку, вполнѣ благонадежную и выгодную; но сверхъ моего чаянія, оказалось по справкѣ, что въ Вѣнѣ наши фонды никого не соблазняютъ, никому неизвѣстны и не имѣютъ никакой цѣны—въ какіе только банки и банкирскія конторы я ни обращался. Это меня весьма обезкуражило и за себя лично, и за отечество.

Что было дѣлать?—Телеграфировать въ Петербургъ о высылкѣ нужной мнѣ суммы во флоринахъ—это была для меня крайность по многимъ личнымъ причинамъ.

— Ба!—спохватился я.—Вѣдь здѣсь существуетъ наше консульство спеціально для русскихъ подданныхъ и, вѣроятно, не напрасно-же существуетъ. Толкнусь-ка я къ нему:—нужда моя такая, что удовлетворить ее можно безъ всякихъ жертвъ и даже безъ всякихъ хлопотъ!

Поѣхалъ. Меня очень сухо встрѣтили въ прихожей консульской канцеляріи какіе-то чинные, невозмутимо-форменные нѣмецкіе человѣки, на мое русское обращеніе холодно возразившіе, что по-русски они не разумѣютъ. Я разсказалъ имъ мою заботу по-нѣмецки и просилъ содѣйствія.

— Wir können für Euch Nichts machen!—коротко отвѣтили они мнѣ, чинно повернулись и чинно разошлись по своему аппартаменту.

Я готовъ былъ разругаться отъ обиды и досады.

— Почекайте!—остановилъ меня одинъ изъ этой компаніи, задержавшись въ ту минуту, когда я собирался уходить,

— Вы говорите по-польски?—спросилъ я, обрадованный этимъ, какъ мнѣ показалось, участливымъ голосомъ.

— И по-польскему, и по-русскему, и по-ческему... Я на всѣхъ языкахъ говору... Почекайте!

Передо мной стоялъ могучій, бодрый старикъ лѣтъ за шестьдесятъ съ сурово добродушнымъ лицомъ.

— Что-же вамъ угодно?—спросилъ я его.

— Я вамъ хочу пособить,—говорилъ онъ на своемъ странномъ, ломанномъ языкѣ.—У меня есть знакомая контора, гдѣ, можетъ быть, вашу бумагу купятъ... Пойдемте!

Онъ взялъ меня дружески подъ руку и повелъ. Разумѣется, я былъ обрадованъ и тронутъ этой неожиданной предупредительностью. Дорогой мы разговорились и чрезъ нѣсколько минутъ были уже пріятелями. Въ лингвистическомъ отношеніи разговоръ нашъ былъ весьма курьозенъ. Старику хотѣлось говорить по-русски (оказалось, что онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Петербургѣ), но его русскій языкъ состоялъ изъ какой-то удивительной всеславянской окрошки, въ которой исковерканныя русскія слова перемѣшивались съ польскими, чешскими и ужь не знаю, еще какими. Затѣмъ, его рѣчь часто сбивалась на нѣмецкій языкъ, который онъ зналъ уже основательно. Я освѣдомился—кто онъ такой по національности? Онъ, какъ потомъ обнаружилось, плохо меня понялъ и отвѣтилъ, что онъ—«швейцеръ», т. е., швейцарецъ, какъ я себѣ объяснилъ.

Въ искомой конторѣ сидѣли компатріоты — маменька и сынокъ, евреи, эмигрировавшіе изъ Россіи во время печальной памяти «погромовъ» Израиля. Маменька—то, что называется «бой-баба»,—шумно изъявила удовольствіе отъ оказіи поговорить «по-русшкему», завести «весьма пріятнаго зжнакомство» съ русскимъ и быть ему полезной. Это, впрочемъ, нисколько не помѣшало обязательной соотечественницѣ взять съ меня, при нашей сдѣлкѣ, «жидовскую» премію, но я искренно принялъ въ одолженіе уже то, что она согласилась купить мою несчастную бумажку и вывела меня изъ затрудненія. Въ особенности-же былъ я признателенъ моему доброму Виргилію, словно-бы съ неба упавшему.

Старикъ весьма расположился ко мнѣ и вызвался показать мнѣ Вѣну. Мы сдѣлали съ нимъ большую прогулку по городу, который онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ заключеніе я, желая чѣмъ-нибудь выразить мою благодарность, предложилъ ему позавтракать. Мы зашли въ ресторанъ, гдѣ насъ угостили, по выбору моего сотрапезника, спеціально-вѣнскими блюдами и превосходнѣйшимъ пильзенскимъ пивомъ. Дошло дѣло до «здравицъ».

— Виватъ Руссія!—поднялъ кружку расходившійся старикъ, желая, конечно, сдѣлать мнѣ пріятность.

— Виватъ Швейцарія! — счелъ я долгомъ, блюдя международную вѣжливость, выпить во славу отечества моего собесѣдника, какъ я думалъ.

Старикъ удивился.

— Для чего Швейцарія?—освѣдомился онъ, чокаясь со мною.

— Ваше отечество... Euere Vaterland, — пояснилъ я.

— О, нѣтъ!.. Мое отечество—Богемія... я—чехъ...

— Но вы раньше сказали, что вы—«швейцеръ...»

Старина разсмѣялся.

— Я при русскомъ посольствѣ швейцеръ... Verstehen Sie?

Послѣ завтрака, мы еще побродили вмѣстѣ по Вѣнѣ и разстались, какъ давніе, хорошіе знакомые. Это была у меня одна изъ самыхъ пріятныхъ заграничныхъ встрѣчъ. И если кому-нибудь изъ читателей приведется быть въ Вѣнѣ и очутиться въ подобномъ моему затрудненіи, рекомендую имъ, не заглядывая въ наше консульство, обратиться къ моему пріятелю—швейцару русскаго посольства. Такой простой, добрый человѣкъ, не обязанный никакими миссіями, безкорыстно и мило, по человѣчеству, оказывающій вамъ услуги, — истинная и очень рѣдкая находка на чужбинѣ.

(Конецъ).

В. Михневичъ.

⁂

Темнымъ садомъ, яркими цвѣтами
Любовалось ласковое солнце,
Изъ-за тучки выглянувъ лучами,
Какъ красотка въ свѣтлое оконце.

⁂

А въ лѣсу, обласканы сіяньемъ,
Прерывая лаской поцѣлуи
Наслаждались милые свиданьемъ,
О любви таинственно воркуя...

⁂

Увидало солнце золотое
Эту тайну съ высоты лазурной
И тихонько скрылось за горою,
Знойно вспыхнувъ краскою пурпурной...

К. Былинскій.

ПИСАТЕЛЬ.

Разсказъ **Виктора Бибикова**.

Посвящается И. Е. Рѣпину.

Пассажирскій поѣздъ подходилъ къ Бѣлостоку. До станціи оставалось еще минутъ десять ѣзды, а въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса пассажиры, спѣша, доставали изъ-подъ скамеекъ чемоданы, завязывали узлы съ подушками и торопливо надѣвали верхнее платье.

Въ общей суетѣ не принималъ никакого участія молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, въ короткомъ драповомъ пальто, сидѣвшій въ углу вагона и смотрѣвшій въ окно на однообразныя поля, покрытыя снѣжнымъ ковромъ, на мелькающіе телеграфные столбы.

Впрочемъ, когда старикъ еврей, нагруженный тяжелымъ большимъ сундукомъ на спинѣ и узломъ подъ лѣвой рукой, прошелъ къ выходу и остановился, искоса взглянувъ на молодого человѣка, то этотъ послѣдній приподнялся, оглядѣлъ вокругъ себя, тронулъ рукой небольшой полотняный чемоданъ, стоявшій на верхней полкѣ, и опять сѣлъ, облокотившись на подушку, завязанную желтыми ремнями въ сѣрый клѣтчатый плэдъ. Молодой человѣкъ ѣхалъ въ Петербургъ изъ далекаго южнаго города и проводилъ въ дорогѣ уже третій день. Возбужденіе, не покидавшее его первые два дня дороги, уже утихло, его смѣнила напряженная апатія: впереди еще двое сутокъ утомительной ѣзды въ третьемъ классѣ, ночей безъ сна, продолжительныхъ остановокъ на пустынныхъ станціяхъ, среди незнакомой чуждой толпы.

Рѣзкій протяжный свистокъ. Лязгъ цѣпей и скрипъ тормазовъ. Укороченнымъ ходомъ поѣздъ приближался къ станціи, и всѣ пассажиры столпились у запертой пока двери вагона, осматривая другъ друга съ враждебнымъ любопытствомъ.

Больше всего было евреевъ; они перекидывались отрывочными хриплыми фразами и недовольно посматривали на группу юнкеровъ, ѣхавшихъ въ училище послѣ рождественскихъ каникулъ.

Юнкера все время сидѣли особнякомъ въ срединѣ вагона и занимали четыре скамьи; они равнодушно посматривали на суетившихся евреевъ, но когда поѣздъ сталъ подходить подъ навѣсъ платформы, будущіе офицеры поднялись съ своихъ мѣстъ и, не говоря ни слова, растолкали толпу евреевъ и стали первыми у дверей.

Наконецъ кондукторъ отворилъ двери, и пассажиры въ безпорядкѣ, толкая другъ друга, вышли изъ вагона на платформу. Послѣднимъ вышелъ молодой человѣкъ въ короткомъ драповомъ пальто. Къ нему подбѣжалъ маленькій еврейчикъ въ материнской, должно быть, порыжѣлой, нѣкогда бархатной кофтѣ, перевязанной поясомъ.

— Позвольте ваши вещи я перенесу на Варшавскій вокзалъ! сказалъ онъ, обнажая бѣлые острые зубы.

— А гдѣ Варшавскій вокзалъ! отвѣтилъ вопросомъ молодой человѣкъ, не выпуская изъ рукъ ни чемодана, ни плэда съ подушкой.

— Вонъ тамъ! Еврейчикъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой въ воздухѣ и, скорчивъ жалкую гримасу, продолжалъ:

— Добрый баринъ, дайте что нибудь отъ васъ заработать, я отнесу вещи, на вокзалъ еще далеко.

— Такъ я возьму извозчика!

— Зачѣмъ извозчика, тутъ пять шаговъ, но только вы устанете, баринъ, дайте что нибудь заработать, у меня маменька третій годъ въ чахоткѣ лежитъ.

Послѣдній аргументъ подѣйствовалъ, еврейчикъ съ ловкостью опытнаго носильщика выхватилъ чемоданъ изъ рукъ уже не сопротивлявшагося молодого человѣка и улыбнулся, встряхнувъ рукой легкій сундучекъ.

— Баринъ не любитъ возить много вещей, позвольте и тотъ узелъ.

И онъ засѣменилъ худенькими ногами въ стоптанныхъ женскихъ башмакахъ по обледѣнѣлой платформѣ, постоянно поворачивая на ходу къ слѣдовавшему за нимъ молодому человѣку свое худое горбоносое лицо, желтизна котораго бросалась въ глаза ярче, благодаря длиннымъ изсиня-чернымъ шелковистымъ пейсамъ, закрывавшимъ уши.

До Варшавскаго вокзала, дѣйствительно, было не многимъ болѣе пяти шаговъ; еврейчикъ быстро пробѣжалъ по деревяннымъ мостикамъ, проложеннымъ по небольшому двору, раздѣляющему оба вокзала, и, внеся чемоданъ въ залу второго класса, бережно опустилъ ношу на полъ и ожидалъ платы. Получивъ тридцать копѣекъ, онъ разсыпался въ благодарностяхъ и предлагалъ взять билетъ въ кассѣ, но молодой человѣкъ отказался отъ этой услуги и спросилъ, когда отходитъ поѣздъ.

— Первый и второй классы черезъ двадцать минутъ, въ четыре часа, а тамъ, гдѣ съ третьимъ классомъ, въ двѣнадцать часовъ ночи.

Это сообщеніе было очевидной неожиданностью для молодого человѣка, и еврейчикъ, замѣтивъ недовольство своего слушателя, продолжалъ скороговоркой:

— Но вы можете здѣсь хорошо отдохнуть! Въ Бѣлостокѣ есть Петербургская гостинница, такъ тамъ есть недорогіе отличные номера, и вы можете и спать, и сдѣлать все, что вамъ угодно. Баринъ, я снесу ваши вещи? Извозчику нужно дать только десять копѣекъ.

— Нѣтъ, я останусь на вокзалѣ. По тону, какимъ была сказана эта фраза, еврейчикъ понялъ, что молодой человѣкъ хочетъ отдѣлаться отъ него, и, снявъ свой мѣховой треухъ, онъ униженно поклонился и исчезъ изъ залы все той-же торопливой, сѣменящей походкой.

За длиннымъ обѣденнымъ столомъ съ высокими цинковыми лампами, съ аляповатыми вазами синяго стекла, наполненными иммортелями и цвѣтами изъ папиросной бумаги, сидѣли юнкера и пили чай. Они шумно разговаривали между собой и негодовали на желѣзнодорожные порядки.

— Не могутъ прицѣпить двухъ-трехъ вагоновъ третьяго класса, точно мы виноваты, что не можемъ ѣздить во второмъ классѣ! говорилъ красивый брюнетъ съ румянымъ лицомъ, сидѣвшій посрединѣ стола.

— Желѣзнодорожники проклятые!

— Сердись, не сердись, а все равно до двѣнадцати подождешь! ядовито возражалъ маленькій блондинъ съ фельдфебельскими золотыми нашивками на синихъ погонахъ. Юнкера засмѣялись, улыбнулся добродушно и протестантъ.

— Но согласись, что дѣлать въ продолженіе восьми часовъ.

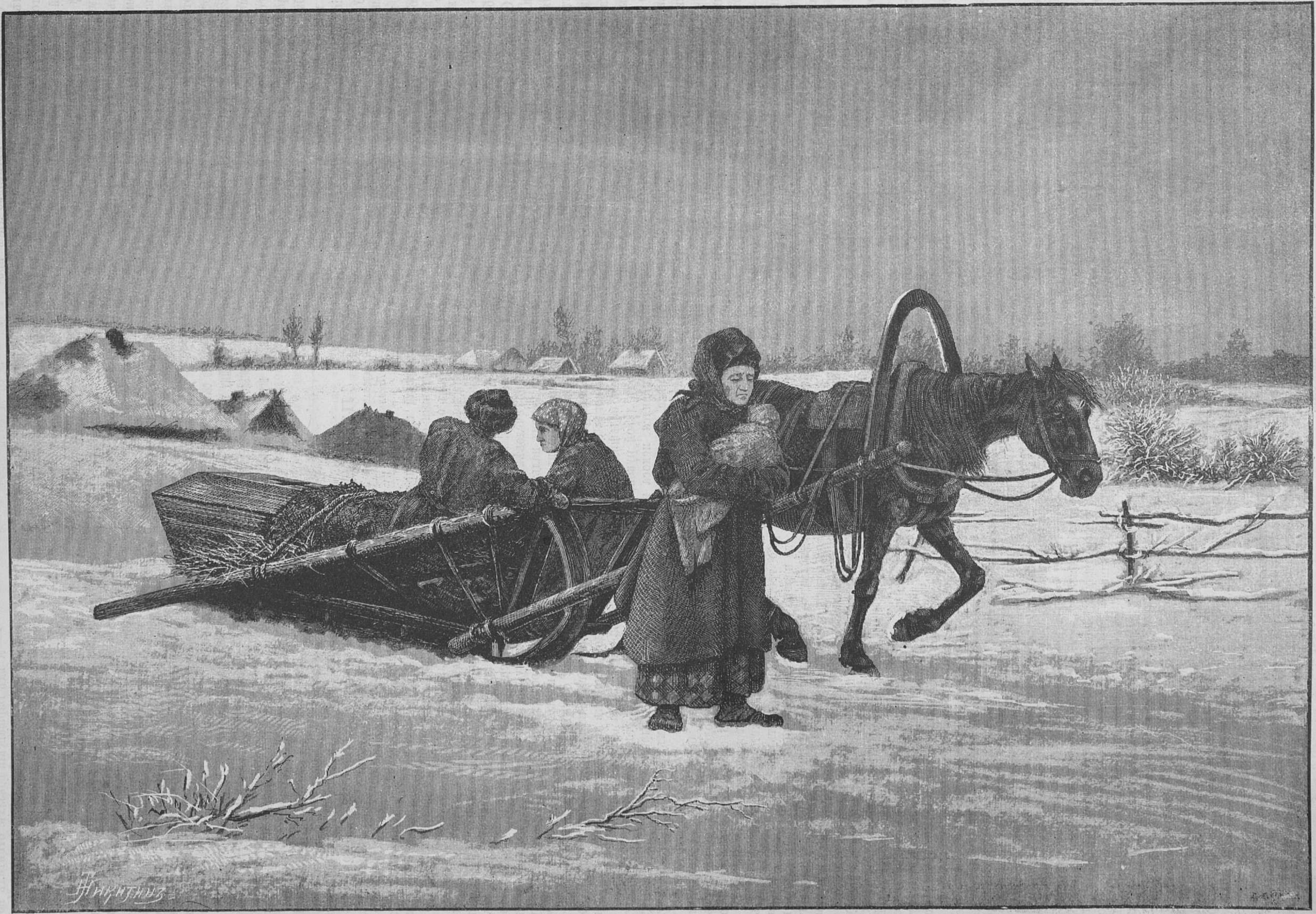
— Пойдемъ въ городъ, осмотримъ его достопримѣчательности.

— Воображаю достопримѣчательности: паршивый жидовскій городишко!

— Бѣлостокъ, на границѣ съ Пруссіей, сук-

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

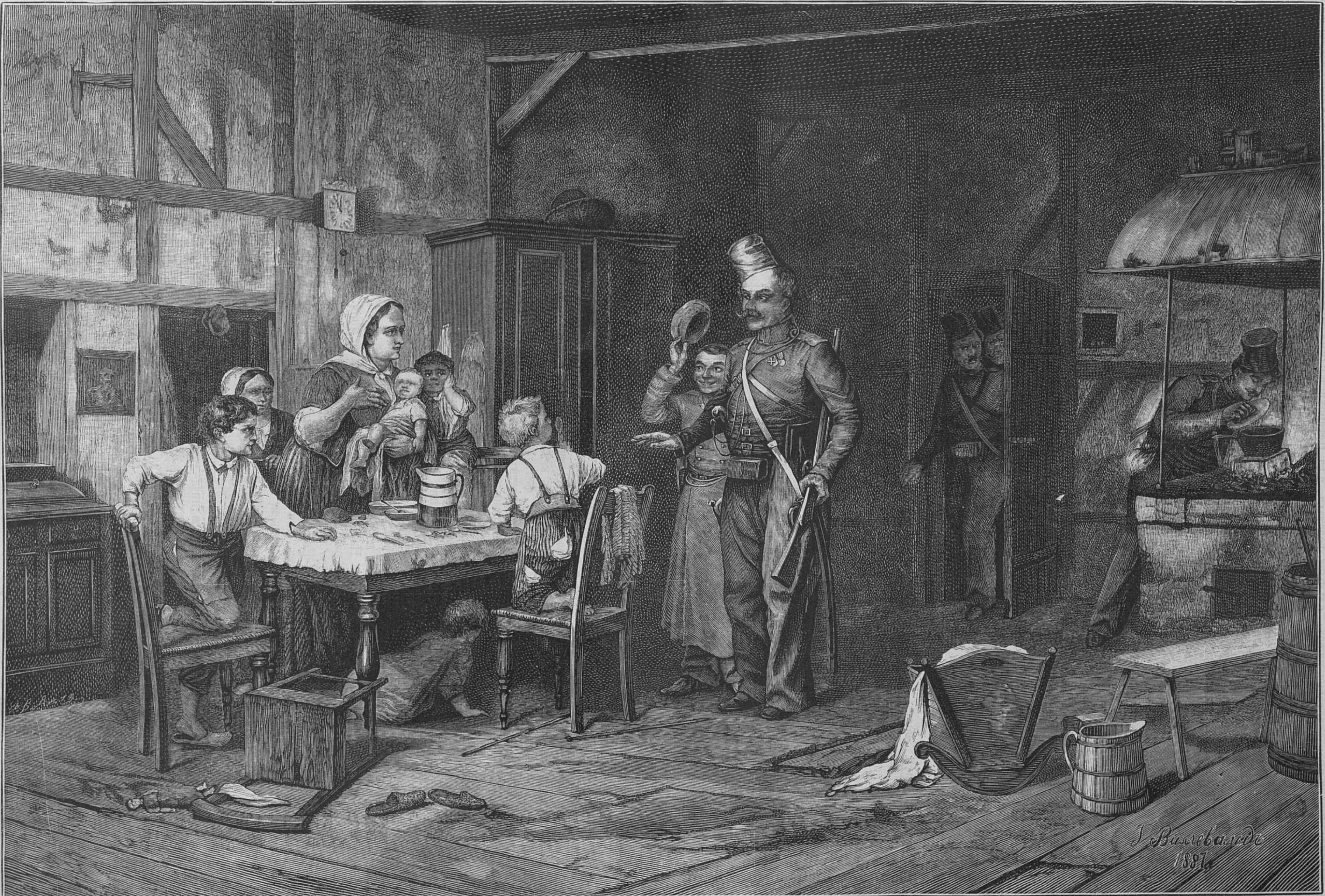
Оригинальный рисунокъ Т. Никитина (собств. журн. «Жив. Об.»).



Крестьянскіе похороны.

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины профессора Г. Виллевальде (собств. журн. «Жив. Обозр.»).


Г. Виллевальде
1887

«Не бойтесь—мы казаки».

новязальныя фабрики съ производствомъ на сотни тысячъ въ годъ!—Точно отвѣчая урокъ, сказалъ юнкеръ, сидѣвшій рядомъ съ фельдфебелемъ, худощавый юноша съ неестественно большими ушами и далеко разставленными сѣрыми глазами.

— Вотъ и посмотримъ фабрики, сказалъ фельдфебель.

— Держи карманъ шире, сегодня воскресенье, и фабрики, навѣрно, закрыты.

— Ну, тогда осмотримъ другія достопримѣчательности, которыхъ нѣтъ въ географіи Смирнова, возразилъ спокойно фельдфебель, медленно отпивая глотокъ за глоткомъ свой чай.

— Хорошо тебѣ разговаривать съ твоимъ характеромъ: тебя хоть въ Чухлому посади, такъ ты и тамъ найдешь осматривать достопримѣчательности, отвѣчалъ, раздражаясь, румяный юнкеръ.

— И тамъ найду, если больше нечего будетъ дѣлать.—Но, позвольте узнать, какой это у васъ такой характеръ.

— Вспыльчивый, горячій, нетерпѣливый, вотъ какой!

— А ты выпей стаканъ холодной воды, авось простынешь.

— Ну, пошелъ острить. Знаешь поговорку, какъ ни остри, а все-таки... Румяный юнкеръ смолкъ, выразительно подмигивая улыбавшимся товарищамъ.

Они сдержанно смѣялись, посматривая на слушавшаго ихъ молодого человѣка въ короткомъ драповомъ пальто. Но молодой человѣкъ, все время съ оживленнымъ вниманіемъ слушавшій споръ, тоже смѣялся, и, замѣтивъ его смѣхъ, юнкера засмѣялись громче.

— Вы тоже ѣдете въ Петербургъ? спросилъ его юнкеръ съ фельдфебельскими нашивками.

— Да, въ Петербургъ!

— Съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ?

— Да.

— А позвольте узнать, что вы будете дѣлать до поѣзда.

— Тоже, должно быть, пойду осматривать достопримѣчательности, улыбаясь, среди всеобщаго радушнаго смѣха юнкеровъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Значитъ, у васъ не горячій характеръ?

— Нѣтъ, горячій, но я уже привыкъ къ остановкамъ на станціяхъ; въ Брестѣ пришлось ждать цѣлую ночь.

— А вы откуда ѣдете?

— Изъ N—ска.

— Вы студентъ?

— Нѣтъ, не студентъ. И молодой человѣкъ, желая прекратить разспросы, наклонился къ стакану чая.

— Все равно, пойдемъ съ нами въ городъ, въ компаніи вамъ будетъ веселѣе. Впрочемъ, какъ хотите, можетъ быть, васъ стѣсняемъ...

— Напротивъ, я съ удовольствіемъ. И въ порывѣ откровенности, молодой человѣкъ продолжалъ:—вы меня приняли за студента, потому что на мнѣ широкополая шляпа и эта бородка, да?

— Да! улыбаясь отвѣчалъ юнкеръ.

— Меня многіе принимаютъ за студента, сказалъ молодой человѣкъ, поглаживая свою небольшую жесткую рыжеватую бородку — но я не студентъ, я писатель, начинающій писатель-беллетристъ, и моя фамилія Надеждинъ, позвольте познакомиться, Надеждинъ! Молодой человѣкъ приподнялся съ мѣста и протянулъ руку черезъ столъ поспѣшившему встать юнкеру съ фельдфебельскими нашивками. Всѣ юнкера встали, шумно отодвигая стулья, и одинъ за другимъ энергично пожимали маленькую руку начинающаго писателя.

— Вы, должно быть, недавно начали печататься, потому что я ничего вашего не читалъ, впрочемъ, теперь такъ много журналовъ, —спросилъ фельдфебель, послѣ нѣкотораго молчанія, во время котораго юнкера съ почтительнымъ любопытствомъ осматривали беллетриста.

— О, да, недавно! Даже еще ничего не напечаталъ, то-есть печаталъ, но въ провинціальныхъ газетахъ, а въ Петербургѣ одинъ толстый журналъ взялъ три мѣсяца тому назадъ мою повѣсть, заплатилъ всѣ деньги, предложилъ постоянное сотрудничество; я везу имъ теперь двѣ повѣсти, но еще ничего не напечатано, такъ что не мудрено, что вы не читали.

— А сколько вамъ платятъ за ваши повѣсти, или, можетъ быть, это нескромный вопросъ?

— Отчего-же нескромный, каждый трудъ оплачивается извѣстной суммой денегъ. «Не продается вдохновенье. Но можно рукопись продать!» какъ сказалъ Пушкинъ. Мнѣ заплатилъ издатель по сто рублей за пеачтный листъ, шестнадцать страницъ, тридцать пять тысячъ буквъ. Въ моей повѣсти было больше трехъ листовъ, но я получилъ триста рублей, а остальное по напечатаніи.

— Скажите! Даже буквы разсчитываютъ! изумлялись слушатели.—Такъ что каждая вами написанная буква стоитъ нѣсколько долей копѣйки.

— Да, каждая буква! самодовольно отвѣтилъ начинающій беллетристъ.—Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: слова составляются изъ буквъ, а печатные листы составляются изъ словъ, отсюда и весь издательскій расчетъ.

— Да, я понимаю, въ раздумьи отвѣчалъ фельдфебель,—но все-таки странно, мы, вотъ, исписываемъ цѣлыя тетради и, кромѣ плохихъ балловъ, ничего не получаемъ, а у васъ каждая буква оплачивается.

— Да, но какая буква: буква буквѣ рознь. Оплачивается каждая буква художественной прозы, или стихотворенія, а вѣдь и я много пишу даромъ: замѣтки, переводы для себя, наконецъ, письма. Впрочемъ, счастливо улыбаясь, сказалъ Надеждинъ, — если я составлю себѣ громкое имя, то послѣ моей смерти, мои корреспонденты могутъ продать и мои письма, какъ это было послѣ смерти Тургенева. И, пожалуй, продадутъ и получатъ больше денегъ, чѣмъ получаю я теперь за свои повѣсти. Однако, господа, если идти осматривать достопримѣчательности, такъ уже пора!

Надеждинъ досталъ изъ кармана панталонъ открытые никкелевые часы и позвонилъ ложечкой о пустой стаканъ.

Юнкера наскоро допивали простывшій чай и расплачивались съ кельнеромъ. Когда сдача была принесена, фельдфебель предложилъ снести вещи въ туалетную, всѣ взяли свои чемоданы и отправились въ мужскую уборную, узкую, продолговатую комнату съ клеенчатымъ потертымъ диваномъ, жестянымъ умывальникомъ и пыльнымъ зеркаломъ. Похлопывая рукой по чемодану Надеждина, юнкеръ, негодовавшій на желѣзнодорожные порядки, сказалъ, улыбаясь:

— Здѣсь хранятся ваши повѣсти?

— О, нѣтъ, я не такъ простъ! — живо возразилъ Надеждинъ, — рукописи всегда со мной!

Онъ разстегнулъ свое пальто и досталъ изъ бокового кармана небольшой кожаный портфель.—Поѣздъ можетъ столкнуться съ другимъ поѣздомъ, или просто слетѣть съ рельсовъ, будешь спасаться, гдѣ ужь тутъ думать о чемоданѣ, а рукописи мнѣ дороже всего.

— Я думаю, авторитетно возразилъ фельдфебель,—если каждая буква...

— Ахъ, вы это напрасно, съ живостью перебилъ Надеждинъ,—вы, можетъ быть, думаете, что я смотрю на литературу, какъ на выгодное ремесло, вы меня не поняли, хотя я самъ виноватъ, я вамъ говорилъ все про деньги и даже о письмахъ. Но, увѣряю васъ, что я и не думаю о деньгахъ, когда пишу, да и никто не думаетъ, да и нельзя думать. Самый трудъ этотъ—такое счастье!

— Но, согласитесь... началъ было румяный юнкеръ, но Надеждинъ тотчасъ-же его перебилъ.

— Впередъ говорю, ни съ чѣмъ не соглашусь. Вы не знаете, вы представить себѣ не можете, что значитъ быть писателемъ. Я сейчасъ вамъ объясню. Были вы когда-нибудь влюблены? вдругъ спросилъ онъ.

Юнкера засмѣялись, румяный юнкеръ отвѣчалъ, натянуто улыбаясь:

— Ну, былъ... случалось... такъ что-жь?

— Былъ... Случалось! Какъ вы говорите, точно я васъ спрашиваю, ѣли-ли вы когда-нибудь гречневую кашу. А то, что, представьте себѣ, вы любите, страстно, безумно, и любимая дѣвушка назначила вамъ свиданіе. Вы всѣмъ существомъ своимъ поглощены мечтой объ этомъ свиданіи. Можете-ли вы въ это время думать о томъ, что вотъ, молъ, женюсь на ней, возьму столько-то приданаго?

— За кого вы меня принимаете? обиженно возразилъ юнкеръ.

— За прекраснаго молодого человѣка. Вы не обижайтесь, это сравненіе. Такъ вотъ приблизительно состояніе души писателя, когда онъ обдумываетъ свою работу, приготовляется писать. А ужь когда пишетъ, и рука не поспѣваетъ набрасывать на бумагу задуманное; это уже нельзя сравнить ни съ какимъ любовнымъ свиданіемъ, поцѣлуями, жаркими ласками самыхъ неистовыхъ влюбленныхъ. Да что далеко ходить за примѣрами: я самъ былъ влюбленъ, такъ влюбленъ, что по ночамъ рыдалъ отъ счастья, что меня любитъ чудная дѣвушка, мечталъ о ней, какъ не знаю, о чемъ, но все это блѣднѣетъ въ сравненіи съ писательствомъ. И это очень понятно. Всѣ люди любятъ, влюбляются и всѣ бываютъ одинаково счастливы. Но творить могутъ только художники-поэты, и никогда въ человѣкѣ образъ и подобіе Божіе не выступаютъ съ такой силой, какъ во время творчества. Мы создаемъ цѣлые міры однимъ маніемъ руки, населяемъ ихъ людьми, нами созданными, создаемъ новую землю, новое небо, зажигаемъ солнце, луну и звѣзды, и созданные нами люди кажутся намъ болѣе дѣйствительными, чѣмъ тѣ, которые ходятъ передъ нашими глазами!..

Надеждинъ смолкъ, стыдливо опустивъ глаза. Въ комнатѣ наступило молчаніе. И когда начинающій писатель, весь покраснѣвшій отъ радостнаго смущенія, поднялъ глаза, въ которыхъ дрожали слезы, на своихъ слушателей, то почувствовалъ, что его волненіе сообщилось молодымъ людямъ: у насмѣшливаго фельдфебеля горѣли глаза и онъ вдругъ похорошѣлъ, румяный юнкеръ, чуть дыша, благоговѣйно смотрѣлъ на Надеждина и, казалось, еще слушалъ, остальные юнкера сохраняли почтительное вниманіе.

— Вы простите насъ, прервалъ молчаніе фельдфебель,—если мы васъ обидѣли на счетъ денегъ, но, право, мы безъ всякаго умысла, а по незнанію. Такъ рѣдко встрѣчаешь писателя... Значитъ, Державинъ былъ правъ, когда писалъ: «Я червь, я рабъ, я царь, я Богъ!»

— Нѣтъ, я нисколько не обидѣлся, я, вообще, никогда не обижаюсь, отвѣчалъ Надеждинъ,—и Державинъ, конечно, правъ, но только мнѣ нравится больше опредѣленіе Майкова: «Мы—боги, скованные тѣломъ». Этотъ стихъ изъ его поэмы «Три смерти»—не читали? Прочтите, великая вещь! Эту фразу говоритъ философъ Сенека передъ своей смертью, относя ее, кажется, ко всѣмъ людямъ, по ученію Платона, но я нахожу, что только поэты и художники, пожалуй, философы имѣютъ несомнѣнное право такъ говорить о себѣ.

Надеждинъ мечтательно оглядѣлъ своихъ слушателей.

— Знаете, о чемъ мы васъ хотимъ попросить, началъ фельдфебель,—у насъ такъ много свободнаго времени, въ городѣ-же, серьезно говоря, никакихъ достопримѣчательностей нѣтъ, да мы ихъ успѣемъ еще осмотрѣть, не согласитесь-ли вы намъ прочитать одну изъ вашихъ вещей, или хотя отрывокъ.

Онъ замолчалъ, просительно глядя на молодого писателя, просіявшаго при его послѣднихъ словахъ.

— Зачѣмъ-же отрывокъ? возразилъ онъ,— лучше я вамъ прочту всю повѣсть; тутъ у меня есть небольшая вещь, листа въ два, и я въ часъ успѣю вамъ ее прочитать, если, разумѣется, вамъ не будетъ скучно!

Онъ самодовольно улыбнулся.

— Что вы, что вы, помилуйте, басомъ заговорили молчавшіе до сихъ поръ юнкера,—мы съ большимъ удовольствіемъ!

— Хорошо, я вамъ прочту. Но, знайте, что я дѣлаю на этотъ разъ исключеніе, потому что, вообще, я не люблю читать своихъ вещей: въ моей работѣ еще много несовершеннаго, и во время чтенія для меня яснѣе выступаютъ недостатки, которыхъ все равно, пока, я исправить не могу, потомъ есть и другія соображенія, но я далъ слово и прочту, разсчитывая, конечно, на вашу снисходительность.

Надеждинъ отперъ портфейль маленькимъ ключикомъ и досталъ небольшую, но довольно толстую тетрадку въ восьмую долю листа. Юнкера съ любопытствомъ слѣдили за его движеніями, попросили показать почеркъ, спрашивали объясненія, почему Надеждинъ пишетъ только на одной сторонѣ страницы, и получили отвѣтъ, что это дѣлается для облегченія наборщиковъ.

Надеждинъ пригласилъ слушателей садиться на диванъ, взялъ стулъ, стоявшій передъ зеркаломъ, и поставилъ его на середину комнаты, откашлялся и сѣлъ, нахмуря свои темныя пушистыя брови. Два юнкера поспѣшно вынули носовые платки и громко высморкались, фельдфебель разстегнулъ верхнія пуговицы мундира, и всѣ трое боязливо посматривали на молодого беллетриста, который, сохраняя нахмуренное серьозное выраженіе лица, спокойно пережидалъ приготовленіе къ слушанію.

Въ комнатѣ воцарилась тишина, изрѣдка нарушаемая далекими и короткими свистками маневрирующаго паровоза.

— «Соперники», повѣсть! внушительнымъ громкимъ голосомъ прочиталъ Надеждинъ.

Онъ читалъ хорошо, увѣренно и отчетливо выговаривая каждое слово, и было замѣтно, что звукъ собственнаго голоса доставляетъ ему наслажденіе.

Въ повѣсти описывались дѣти-подростки, два гимназиста четвертаго класса, влюбленные въ одну шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, идеально красивую, съ золотыми кудрями, съ глазами, синими, какъ небо. Познакомившись съ этой красавицей, друзья охладѣли другъ къ другу, а когда барышня предпочла одного изъ гимназистовъ, стройнаго юношу съ горящими глазами и каштановой гривой, въ которомъ слушатели безъ особеннаго труда могли узнать портретъ начинающаго беллетриста, они поссорились, одинъ оскорбилъ другого и было рѣшено смыть оскорбленіе кровью. Но во время поединка, пистолетъ разорвало отъ неумѣреннаго заряда и поранило гимназиста, стрѣлявшаго первымъ. Примиреніе не состоялось, но и дуэль не была возобновлена, а пока одинъ изъ противниковъ выздоравливалъ отъ обжоговъ, другой охладѣлъ и разошелся съ барышней.

Вообще повѣсть была написана еще неумѣлой и робкой рукой, но кой-гдѣ вспыхивали искорки несомнѣннаго таланта, замѣчалась наблюдательность, оба гимназиста выступали, какъ живые, недурно были построены ихъ характеры, каждый говорилъ своимъ языкомъ, и только барышня, очевидно, выдуманное лицо, отличалась романтической натянутостью.

Она была ужасно умна, начитанна, писала стихи, мечтала о славѣ и по цѣлымъ ночамъ просиживала на окнѣ, глядя на луну.

Но слушателямъ повѣсть очень понравилась; при чтеніи нѣкоторыхъ сценъ, гдѣ гимназисты говорили между собой о барышнѣ, или при сценѣ, гдѣ ясно выступало желаніе каждаго изъ героевъ отличиться передъ красавицей, юнкера громко и дружно смѣялись. Надеждинъ прерывалъ чтеніе, радостно улыбаясь, оглядывалъ свою аудиторію, иногда не выдерживалъ характера и смѣялся такъ-же громко, какъ и слушатели, счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ, опрокидывался на спинку кресла и кричалъ:

— Дѣйствительно смѣшно, даже самому смѣшно, тутъ я ихъ здорово изобразилъ, вотъ такъ я! Чтеніе окончилось среди шумнаго одобренія юнкеровъ, радовавшихся успѣху Надеждина, какъ своему собственному.

Они окружили его толпой, пожимали ему руки, пророчили славное будущее и просили его навѣщать ихъ въ училищѣ въ любой изъ праздничныхъ дней.

— Впрочемъ, прибавилъ фельдфебель съ грустной улыбкой,—вы тамъ вступите въ литературный міръ, перезнакомитесь съ знаменитостями, гдѣ ужь тутъ помнить о сѣрыхъ шинеляхъ.

Надеждинъ, сіяя глазами отъ недавняго торжества, спѣшилъ его успокоить.

— Всѣ люди одинаково интересны; разумѣется, на первыхъ порахъ знаменитости возбудятъ особый интересъ, но вѣдь и они люди, могутъ скоро пріѣсться,—а для меня главное: смѣна разнообразныхъ впечатлѣній, и я буду очень радъ время отъ времени навѣщать васъ, господа, тѣмъ болѣе, что я чувствую, какъ молодѣешь въ вашемъ обществѣ.

— А теперь пора въ городъ!

Юнкера поспѣшно одѣвались, помогая другъ другу застегивать пояса со штыками, собирать сзади узаконенное число складокъ шинели и оправлять по установленной формѣ башлыки. Надеждинъ разстегнулъ ремни у плэда, оставилъ подушку на диванѣ, а плэдъ взялъ съ собой, ухарски перебросивъ его черезъ плечо.

— Теперь вы совсѣмъ студентъ, замѣтилъ фельдфебель,—въ этой шляпѣ, съ плэдомъ и съ этой бородкой.

— Отчего-же студентъ? И художники тоже носятъ широкополыя шляпы и плэды, а бородка моя, если ужь хотите знать, совсѣмъ не студенческая, а Ванъ-Диковская. Точь въ точь такія бородки на портретахъ этого живописца.

Молодые люди, смѣясь, шутя и разговаривая, вышли изъ вокзала.

Было рѣшено часъ побродить по городу, а потомъ зайти куда нибудь въ недорогую гостинницу и пообѣдать, такъ какъ вокзальныя цѣны показались слишкомъ накладными для отощавшихъ въ дорогѣ кошельковъ молодежи.

Выдался одинъ изъ тѣхъ ясныхъ, солнечныхъ и теплыхъ зимнихъ дней, какіе бываютъ только на югѣ, и, если бы не талый снѣгъ на улицѣ и на черепичныхъ крышахъ, обнажившихъ свои красныя черепицы, блестѣвшія на солнцѣ, можно было бы подумать, что въ этомъ году ранняя весна. Свѣтлое голубое небо съ неподвижными, серебряными облаками, пискъ воробьевъ, голуби, слетающіеся во множествѣ передъ лавками съ овсомъ, мягкій теплый воздухъ, легкій, совсѣмъ весенній вѣтерокъ и встрѣчающіеся евреи въ люстриновыхъ допотопныхъ сюртукахъ и хламидахъ,—ничто не напоминало зимы, и только молодые люди въ толстыхъ сѣрыхъ шинеляхъ съ башлыками и въ барашковыхъ шапкахъ нарушали пріятную иллюзію.

Они прошли нѣсколько узкихъ и пустынныхъ улицъ и вышли на главную улицу города, которая отличалась отъ неглавныхъ тѣмъ, что она была немножко шире и почти въ каждомъ домѣ ея была лавка съ красными товарами. Въ лавкахъ и на скамейкахъ передъ лавками сидѣли купцы, которые, по выраженію Тургенева, притворялись торгующими.

Два, три извозчика съ широчайшими сидѣніями допотопныхъ пролетокъ, но обитыхъ бархатомъ, правда порыжѣвшимъ, но все-таки бархатомъ ярко-вишневаго цвѣта. Пѣшеходовъ почти нѣтъ. Изрѣдка по проложеннымъ доскамъ, вмѣсто тротуара, пройдетъ куда-то, торопясь, какой-нибудь еврей, да въ концѣ улицы юнкера встрѣтили офицера стоящей въ городѣ артиллерійской баттареи. Офицера, еще совсѣмъ молодого поручика, видимо одолѣла скука, и онъ шелъ, не зная, куда. Юнкера отдали ему честь, онъ весь расцвѣлъ улыбкой и, наклонившись впередъ, изящнымъ движеніемъ приложилъ руку къ козырьку новехонькой фуражки.

— Смотрите, какая вывѣска! вскричалъ румяный юнкеръ, останавливая своихъ товарищей передъ огромнымъ лабазомъ. Изъ лабаза вышелъ жаждущій покупателей толстый еврей съ красно-рыжими волосами. Юнкера читали вывѣску: «Продажа овса, дегтю, мыла, сала и прочихъ деликатесовъ».

Дружный хохотъ покрылъ громкое чтеніе.

— Нѣтъ, это прелесть что такое: сало, мыло и прочіе деликатесы! повторяли юнкера, заливаясь веселымъ смѣхомъ.

Надеждинъ, улыбаясь общему смѣху, разстегнулъ пальто, и оказался въ синей австрійской блузѣ, досталъ маленькую записную книжку и серебрянымъ карандашемъ, висѣвшимъ у него на шнуркѣ, записалъ текстъ вывѣски.

— Характерная вывѣска, объяснялъ онъ своимъ спутникамъ эту запись, — потомъ будешь описывать какое-нибудь захолустье, можетъ пригодиться! Помните у Гоголя: портной изъ Копенгоры, вѣдь это навѣрно съ натуры списано...

— А помните, у него-же, перебилъ фельдфебель, — есть другой портной изъ Парижа и Лондона.

— Помню, конечно, помню, отвѣчалъ снисходительно Надеждинъ.

Послѣ случая съ характерной вывѣской, юнкера во все время прогулки разсматривали тщательно вывѣски и попадающіяся объявленія, каждый изъ нихъ желалъ увеличить запасъ наблюденій молодого беллетриста, но ихъ старанія не увѣнчались успѣхомъ: попадались вывѣски крайне безграмотныя, но ни одна изъ нихъ не была «характерна» и ни одна не удостоилась чести быть занесенною въ памятную книжку молодого писателя.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ёжа.**

(Перев. съ польскаго **А. Сахаровой**).

(*Продолженіе*).

Дѣвушка не исполнилось еще двадцати лѣтъ! Станъ, какъ бы выточенный на токарномъ станкѣ, черты лица, какъ бы возсозданныя по образцу поэтическихъ грезъ, глаза большіе, темноголубые, оттѣненные длинными рѣсницами, волосы темнорусые, шелковистые, свернутые въ тяжелую косу у нея на головѣ, на лицѣ спокойствіе, въ манерахъ грація полная безмятежности, свободы и того дѣвственнаго величія, которыя можно видѣть, понять, но нельзя высказать.

Дѣвушка сидѣла, склонивъ голову надъ какимъ-то рукодѣльемъ.

Старикъ высунулъ голову изъ-за дерева, съ минуту заглядывалъ ей черезъ плечо, какъ бы слѣдя за движеніемъ вязальной иголки, мелькавшей у нея въ рукахъ; онъ вдругъ спросилъ:

— О чемъ ты думаешь?..

— Оо!.. крикнула она, испуганная.

— Ты испугалась меня?.. га?.. проговорилъ онъ, выходя изъ-за дерева.

— Я испугалась не тебя, дѣдушка,—отвѣтила она, но неожиданности твоего появленія.

— Ты меня не ожидала...

— Мнѣ бы даже и въ голову не могло придти, чтобы ты оставилъ гостей...

— Ну, видишь... я оставилъ ихъ...

— Зачѣмъ? спросила она.

— Для тебя... я тебя увидѣлъ изъ далека и мнѣ захотѣлось подслушать твои мысли... Я стоялъ тамъ,— онъ указалъ глазами,—за платаномъ и приложилъ ухо къ платану... Платанъ молчалъ...

— Ему пришлось бы сказать немного.

— Кто знаетъ... только одно несчастье, что я не понимаю шепота листковъ...

— О, дѣдушка, ты шутишь...

— Ей-Богу, не понимаю... отвѣтилъ онъ, усаживаясь подлѣ внучки на дерновую скамейку.

— Ты шутишь, говоря, что шепотъ листьевъ можно понять.

— Однако, они должны что нибудь говорить... голосъ природы... кто нибудь понимаетъ этотъ голосъ...

— Развѣ только Богъ...

— А ну... ты, право, хорошо отвѣтила... Ты дѣвушка смышленная... голоса природы славятъ Бога.

— Но... вставила дѣвушка.

— Что? спросилъ онъ.

— Какже это я не слыхала твоего прихода...

— О! потому, что я подкрался тихонько на цыпочкахъ.

— Тебѣ вздумалось такъ пошалить.

— Прибавь: старику... знай однако, что я молодѣю, когда гляжу на тебя... жаль только, что мнѣ недолго придется такъ молодѣть.

— Отчего-бы недолго? отвѣтила она съ оттѣнкомъ упрека.

— Отчего?.. по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что списокъ моихъ дней уже приближается къ концу, во вторыхъ потому, что ты такая пташка, которая отлетаетъ изъ гнѣзда и пора твоего отлета недалека. Сегодня, завтра ты простишься со старымъ дѣдушкой, заплачешь, отрешь слезы и забудешь.

— Забыть... о тебѣ?.. я?.. воскликнула она съ негодованіемъ.

— Это такъ говорится... забвенье забвенью рознь... Бываетъ одно полное, другое неполное, однако же, забвеніе... Теперь твой дѣдушка, мать, братъ для тебя, все; но настанетъ пора, когда для тебя будетъ всѣмъ кто нибудь другой.

— Ахъ!.. вѣрно нѣтъ...

— Гмъ!.. пробормоталъ старикъ и слегка махнулъ рукой. Это ужь въ порядкѣ вещей... и, откровенно говоря, я желаю, чтобы этотъ порядокъ вещей, какъ можно скорѣе, счастливо и съ благословеніемъ Божіимъ завершился...

— Ты хочешь отъ меня избавиться... что-ли?

— Не то, но ты, можетъ быть, неожиданно, хотя или нехотя, избавившься отъ меня... Кому восьмой десятокъ въ глаза заглядываетъ...

— А!.. прервала она,—поговоримъ о чемъ нибудь другомъ, дѣдушка.

— О чемъ нибудь другомъ? Ну?

— О гостяхъ... Не въ твоемъ обычаѣ уходить отъ гостей!..

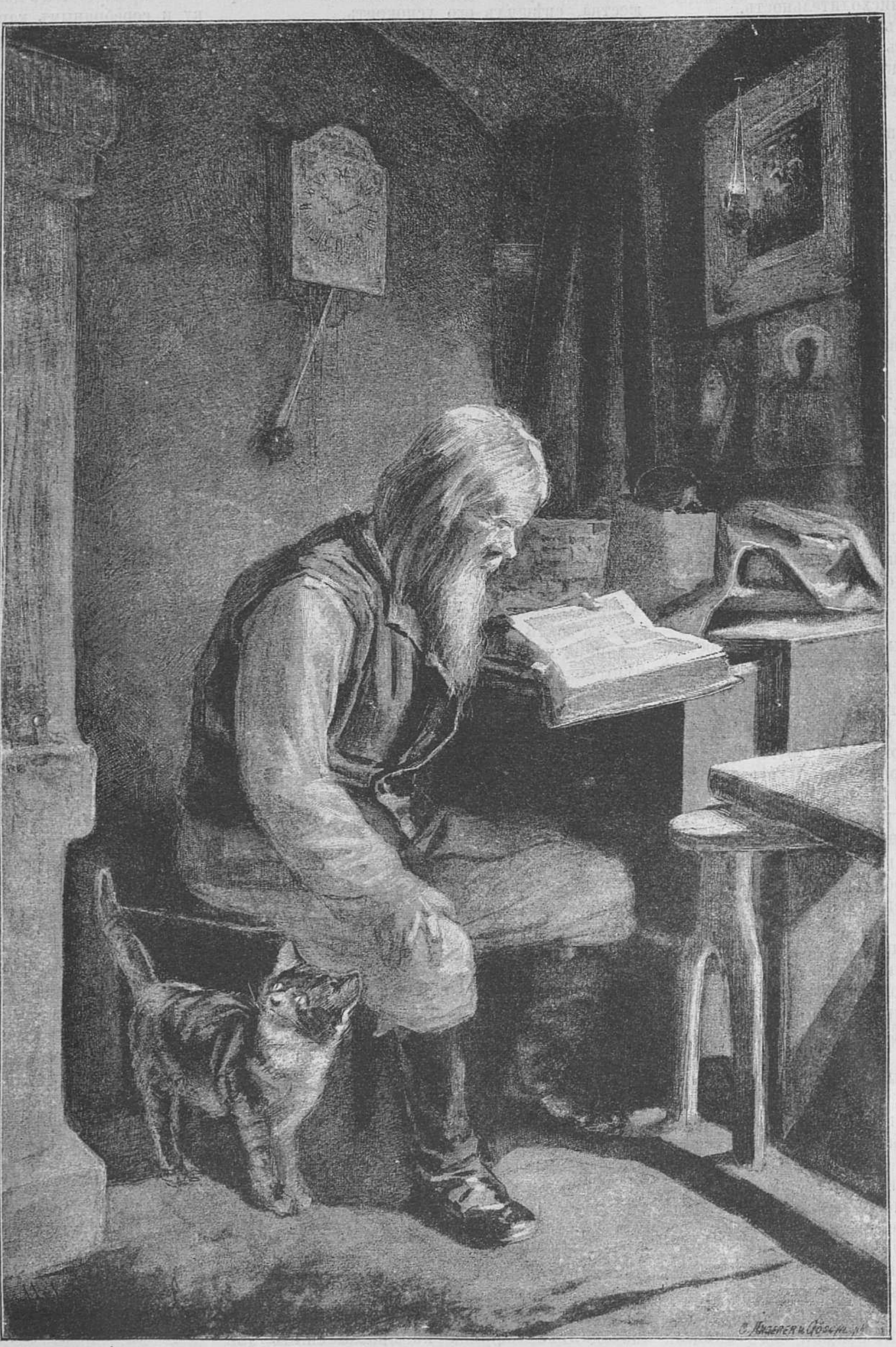
— Правда!.. отвѣтилъ старикъ.

— Однако, ты ушелъ отъ нихъ: почему же? спросила она тономъ, въ которомъ слышалось не простое любопытство, но желаніе напомнить хозяину дома объ его обязанности.

— Мнѣ надо было нѣсколько остыть, потому что

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

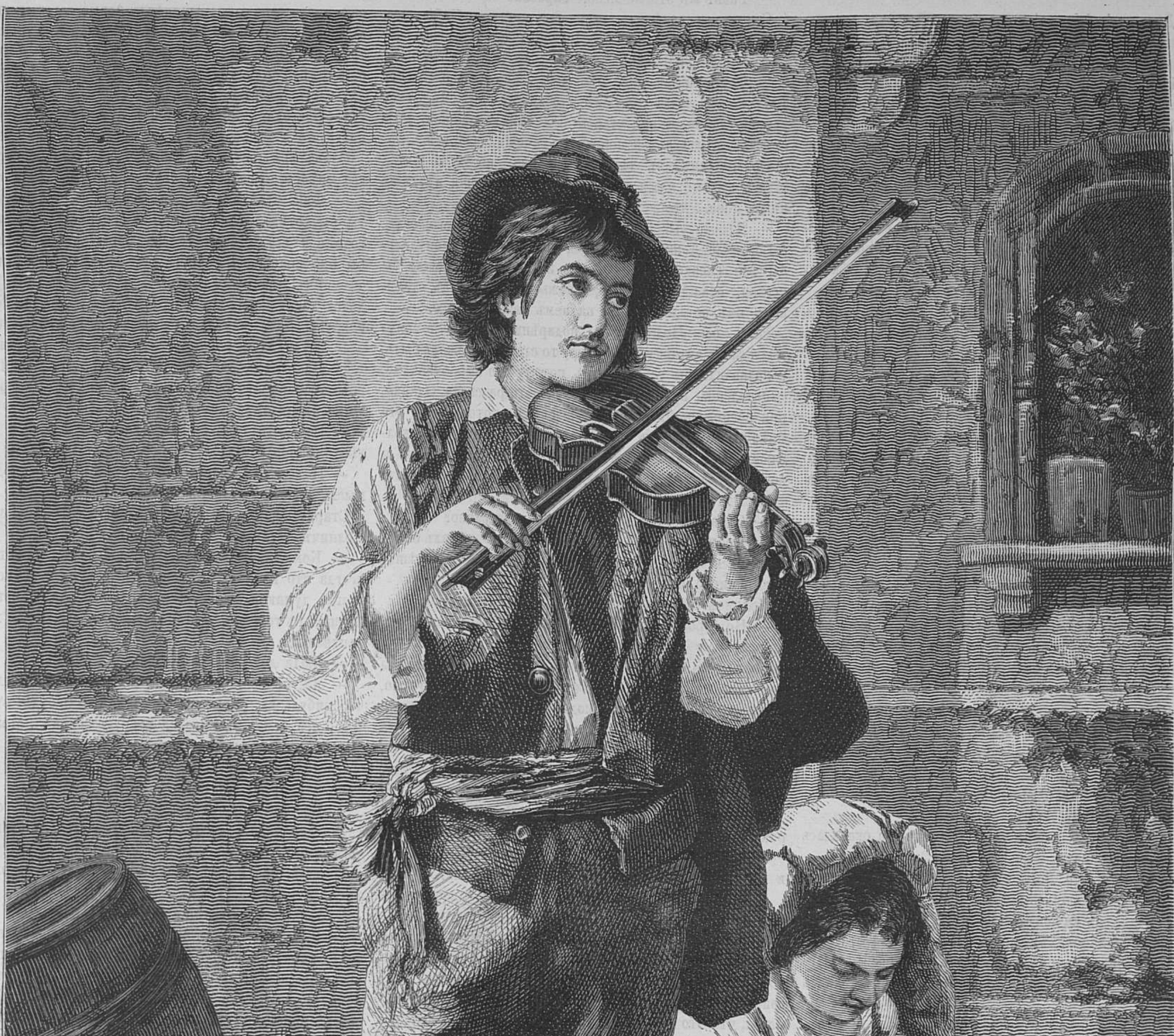
Рисунокъ Н. Гречанинова.



Душеспасительное чтеніе.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Беккера.


R. BRENDAMOUR XA
Becker

Уличные артисты.

Гравировалъ на деревѣ Брендʼамуръ въ Дюссельдорфѣ.

я разгорячился и боялся сказать больше, чѣмъ слѣдуетъ.

— Дѣдушка! дѣдушка! проговорила дѣвушка, ласково заглядывая въ глаза старику, который съ нѣкоторымъ усиліемъ приподнялся со скамейки и сказалъ, вставая:

— Изъ Загребья пріѣхалъ Чолничъ; въ Загребьѣ наслушался и повторяетъ то, что слышалъ.

— Онъ вернулся одинъ?—спросила она.

Когда она произнесла эти слова, щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ. Она внезапно умолкла, опустила глаза и начала что-то ковырять иголкой въ своемъ вязаньи.

Старикъ въ эту минуту не глядѣлъ на внучку, потому что вѣроятно иначе онъ навѣрно бы спросилъ о причинѣ, вызвавшей этотъ румянецъ. Онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ приподнялся со скамьи и отвѣчалъ:

— А ну... я его не разспрашивалъ объ этомъ... Онъ поѣхалъ туда съ нашимъ молодымъ сосѣдомъ, значитъ, можетъ, вмѣстѣ вернулись... Не знаю, не спрашивалъ. И-и!.. что мнѣ тамъ...

Дѣвушка больше ничего не сказала, даже не взглянула вслѣдъ за уходящимъ дѣдушкой.

Старикъ выпрямился и болѣе широкими шагами вернулся опять въ гостиную. Проходя по двору, онъ громко крикнулъ слугамъ, стоящимъ у конюшни, сложа руки:

— Ге!.. лѣнтяи!..

Съ минуту спустя, занявъ свое мѣсто за столомъ, онъ говорилъ, какъ бы оправдывая свое отсутствіе, продолжавшееся слишкомъ долго:

— Съ этой прислугой просто бѣда, да и только... ничего не сдѣлаютъ, если самъ не присмотришь... Чистое наказаніе, и только... Ну, и что-жь, вы не пьете, сосѣди? прибавилъ онъ, обращаясь къ гостямъ. Я вижу полный кувшинъ и неопорожненные кубки. Будемъ пить, веселиться, если на свѣтѣ невесело...

— Вотъ, отозвался одинъ изъ гостей, указывая глазами на Чолнича,—по словамъ сосѣда могло бы быть иначе...

— Иначе?.. подхватилъ Дещичъ,—конечно, время не стоитъ, часъ на часъ не приходится... Tempora mutantur et nos in illis... Это вещь извѣстная.

Чолничъ отвѣтилъ на это:

— Дѣло въ томъ, чтобы эта перемѣна не оказалась невыгодной для насъ.

— Будетъ то, что Богъ дастъ... отвѣтилъ онъ, повторяя фразу, которая со времени турецкаго нашествія, долго звучала въ качествѣ пословицы въ устахъ народовъ южно-славянскихъ, характеризируя политику покорности, которой, однако, народы эти, въ особенности-же народы сербскаго происхожденія, не придерживались вовсе.

— Ну, да... отвѣтилъ Чолничъ,—безъ Бога ничего... Однако-же самъ Богъ далъ людямъ разумъ и волю не для того, чтобы они исключительно надѣялись на милосердіе Божіе... Трудись, человѣче, а я тебѣ помогу...

— Ни слова противъ этого... отвѣтилъ старикъ. Трудись, но смотри, чтобы тебѣ не срубили головы за твой честный трудъ.

— Это уже не можетъ повториться.

— Почему?

— Послушай меня, сосѣдъ, и будь только повнимательнѣе. Среди насъ нѣтъ второго Зрини.

— Въ этомъ-то и все несчастье! воскликнулъ старикъ.

— Несчастье, это правда, великая правда. Но, благодаря отсутствію Зрини, уже некому срубать головы, и это потому, что Зрини былъ извѣстнымъ и уважаемымъ не только въ Кроаціи, не только въ цѣлой Венгріи, но и во всемъ обширномъ мірѣ божьемъ... къ нему король французскій, король польскій, даже изъ Милета султанъ, отецъ святой пословъ посылали... Вѣдь заявилъ же ему король польскій, что онъ ожидаетъ его въ Краковѣ на свою коронацію? *) Ergo, это былъ человѣкъ великій, который тамъ, въ Бечѣ, мѣшалъ, который кому-то загораживалъ дорогу, иначе чѣмъ Текели, который былъ солнцемъ подлѣ солнца... подобнаго уже нѣтъ въ нашей странѣ.

— И потому у насъ нѣмцы... вставилъ Дещичъ.

— И и!.. развѣ ихъ теперь такъ много? Да и тѣ, которые теперь у насъ, у насъ только потому, что мы опустили руки. Руки вездѣ нужны. Значитъ, если бы мы захотѣли дѣйствовать по прежнему, то и эту кучку нѣмцевъ мы-бы спровадили въ задунайскіе лагери, мы-же остались-бы у себя дома хозяевами, какъ этого хотѣлъ покойникъ Зрини.

Дещичъ пожалъ плечами и вздохнулъ.

— Развѣ-жъ это не ясно? спросилъ Чолничъ.

Старикъ не отвѣчалъ; остальные поглядывали на него, точно ожидая его мнѣнія. Молчанье продолжалось довольно долго, наконецъ хозяинъ дома прервалъ его:

— Tempora mutantur et nos in illis... кто десять лѣтъ тому назадъ былъ зрѣлымъ и бодрымъ мужемъ, тотъ теперь сгорбился отъ старости; кто былъ юношей, тотъ созрѣлъ, а изъ дѣтей повыросли юноши... Обратись, сосѣдъ Чолничъ, къ тѣмъ и другимъ, но не ко мнѣ... Пусть зрѣлые мужи совѣтуютъ, пусть юноши идутъ за ними; я-же... что-же я?

— Что-же ты? Вотъ что сказалъ о тебѣ банъ: если-бы старый Дещичъ тронулся, то за нимъ тронулась-бы вся сисакская область, а за сисакской пошла бы ясская, озалійская, все прибрежье Купы... изъ стариковъ онъ остался одинъ: на немъ держится все...

Если бы Чолничъ не подкрѣпилъ вышеупомянутыхъ словъ авторитетомъ бана, то старикъ, можетъ быть, и позволилъ бы себя убѣдить, потому что онъ, очевидно, смягчился во время предшествующаго разсказа. Однако, при воспоминаніи о банѣ,—человѣкѣ, который, по его мнѣнію, не долженъ былъ принимать униженной должности, онъ нахмурился. Брови у него насупились и щеки дрожали. Онъ разгладилъ усы ладонью и отвѣтилъ:

— Нѣтъ... пора моя прошла.

— Однако-же, это не твое послѣднее слово?

— Послѣднее мое слово, вотъ какое...—началъ онъ и задумался. Вотъ какое... повторилъ онъ. Я не вмѣшиваюсь ни во что.

Чолничъ сдѣлалъ жестъ обѣими руками и головой.

— Но, продолжалъ старикъ медленно,—ни препятствовать, ни отсовѣтывать никому, даже родному внуку своему, я не стану... Съ Богомъ! Дѣлайте то, что вы признаете хорошимъ и достойнымъ: я дѣлалъ свое дѣло, когда былъ помоложе... подъ старость же, видите... трудно забывать о чемъ нибудь, что накипѣло на сердцѣ... впрочемъ—прибавилъ онъ—я не вижу, что-бы можно сдѣлать въ настоящую минуту... Турокъ оставляетъ насъ въ покоѣ... даже не нападаетъ.

— А братья наши по ту сторону Савы и по ту сторону Купы...—вмѣшался Чолничъ.

— Ну, да... это правда... братья наши... Дѣлайте, что и какъ хотите, не обращая вниманія на меня.

— Да если ты среди насъ главарь... проговорилъ кто-то.

— Кто такъ думаетъ, пусть вообразитъ себѣ, что я умеръ и что вы меня схоронили. Да вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ умеръ тому назадъ... сколько лѣтъ?.. не тринадцать-ли? Тринадцать лѣтъ. Боже мой! Мнѣ кажется, что это было вчера.

У старика навернулись слезы на глазахъ. Онъ взялъ стоявшій передъ нимъ кубокъ, отпилъ большой глотокъ, поставилъ кубокъ на столъ и разгладилъ усы обратной стороной руки.

Краснорѣчіе Чолнича, повидимому, не убѣдило никого изъ присутствующихъ. Причина этого упорства была простая. Она состояла въ томъ, что сосѣди не столько обращали вниманія на то, что старикъ скажетъ, какъ на то, что онъ сдѣлаетъ. Онъ же какъ бы умывалъ руки.

— Однако-же, проговорилъ Чолничъ,—однако же, императоръ и король провозгласилъ въ Позонѣ (Пресбургѣ) общую амнистію и забвеніе всякихъ грѣховъ.

— Петръ Зрини,—отвѣтилъ старикъ, поѣхалъ въ Бечъ не иначе, какъ съ ручательствомъ за безопасность своей личности. Я былъ съ нимъ, прибавилъ онъ съ улыбкой, въ которой промелькнула иронія,—и я вѣрилъ этому ручательству, такъ-же, какъ вѣрую въ Бога на небѣ и въ то, что въ эту минуту солнце свѣтитъ. О, вѣрилъ... вздохнулъ онъ.

— Что-же, значитъ: ждать, сложивъ руки, пока швабъ осилитъ турка, или турокъ шваба?

— Ждите, не ждите... сказалъ на это старикъ, dixi quod съ моей стороны dicendo erat...

— Ты хочешь быть Ахилломъ и, какъ онъ, оставаться въ шатрѣ съ своей печалью и своимъ гнѣвомъ, несмотря на то, что тебѣ болѣе приличествовало бы быть Несторомъ, въ особенности потому, что тутъ, по близости, находится одинъ юноша, который слушалъ бы тебя, какъ отца, и могъ бы многое сдѣлать съ твоею помощью.

Старикъ махнулъ рукой съ такимъ выраженіемъ, которое показывало, что это до него не касается. Заимствованное изъ Иліады сравненіе такъ-же мало убѣдило его, какъ и мотивированіе причины съ помощью представленія текущаго порядка вещей. Сосѣди, люди степенные, молчали. Замолкъ и Чолничъ,—можетъ быть, онъ придумывалъ какіе нибудь новые аргументы, съ которыми однако же онъ уже не могъ выступить, потому что Дещичъ прервалъ молчаніе, начавъ разговоръ о погодѣ и о благодѣтельномъ вліяніи ея на земледѣльческія работы.

— Благодаря Бога, говорилъ онъ, если это не измѣнится, то у насъ будетъ вдоволь хлѣба, вина и плодовъ.

Одинъ изъ гостей пожаловался на солнце, которое, по его мнѣнію, слишкомъ пригрѣвало.

— Фи!.. отвѣтилъ старикъ, покачивая головой. Какже ты бы хотѣлъ, чтобы солнце не пригрѣвало. На то оно и солнце и для того его Творецъ повѣсилъ на небѣ, чтобы оно вращалось вокругъ земли, грѣло и свѣтило...

— Гмъ! проговорилъ одинъ, я слышалъ, что находятся такіе люди, которые говорятъ, что не солнце вокругъ земли, а земля вокругъ солнца вращается.

— О? откликнулись двое удивленнымъ голосомъ.

— Находятся, ей-Богу... отвѣтилъ сообщившій эту новость и обратился къ старому Дещичу съ вопрошающимъ взглядомъ.

— Ну!.. отвѣтилъ старикъ, какъ бы нехотя и съ оттѣнкомъ презрѣнія.

— И кому же могла придти въ голову подобная мысль? спросилъ кто-то.

Старикъ пожалъ плечами въ знакъ, что онъ не знаетъ; Чолничъ отвѣчалъ:

— Кому? кому-же, если не полякамъ, у которыхъ всегда что нибудь въ головахъ вертится и которые всегда думаютъ иначе, чѣмъ другіе. Одному изъ нихъ пришло въ голову... Поляки храбро сражаются, храбро напиваются.

— Люди достойные... вмѣшался Дещичъ.

— Да, но не по отношенію къ мышленію... Если они что нибудь выдумаютъ, то всегда что нибудь въ родѣ того, что земля вращается вокругъ солнца... Можно-ли придумать большую глупость?

Послѣднія слова онъ проговорилъ съ удареніемъ, приложивъ себѣ ко лбу палецъ.

— Бре-бре... проговорилъ одинъ, покачивая головой, съума спятили... развѣ еще выдумаютъ... что люди не ногами, а головами по землѣ ходятъ.

Громкій, почти всеобщій хохотъ былъ отвѣтомъ на это замѣчаніе.

— И чего-же еще они ни выдумаютъ!

— У нихъ,—началъ Чолничъ,—все на изнанку, не такъ, какъ у людей. Они именуются республикой, а выбираютъ себѣ короля; короля именуютъ господиномъ, а онъ одинъ не властвуетъ; бунтуютъ противъ собственнаго монарха, а помогаютъ чужимъ въ усмиреніи ихъ подданныхъ; считаютъ себя христіанскимъ народомъ, а между ними попался одинъ такой, который наперекоръ священному писанію утверждаетъ, что земля вращается вокругъ солнца.

Чолничъ, очевидно, не сочувствовалъ полякамъ.

Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Венгры и кроаты, претендуя на нихъ за то, что они оказали дѣйствительную помощь Леопольду I, готовы были взвалить на цѣлый народъ отвѣтственность и за ту «глупость, которую выдумалъ одинъ изъ его членовъ, Коперникъ, и издѣвались надъ польскимъ народомъ. Они чувствовали себя уполномоченными на это, потому что это были люди просвѣщенные, говорящіе по латынѣ, начитавшіеся латинскихъ авторовъ—многіе изъ нихъ могли бы сказать: «Мой другъ, Маро,» какъ выражался въ панѣ Тадеушѣ чиновникъ, читающій военные приказы. Не смотря на все это, однако они уважали польскую храбрость, которая ярко заблистала подъ Вѣною. Собѣскій внушалъ уваженіе людямъ воинственнымъ. Дещичъ повторялъ отъ поры до времени:

— Храбрый народъ.

Ради Собѣскаго, онъ прощалъ имъ Коперника.

Бесѣда тянулась дальше. Нашелся матеріалъ, который ее поддержалъ и продолжилъ. Хозяинъ подливалъ вина, поощряя къ питью и подкрѣпляя поощренія неоспоримыми доводами, высказываемыми по кроатски или по латынѣ. Онъ говорилъ то о необходимости промочить себѣ горло, то о томъ, что вино развеселяетъ сердце, наконецъ, что въ винѣ правда. Гости не заставляли себя упрашивать, пили, но медленно, по маленьку, какъ подобало людямъ, каждаго изъ которыхъ ожидало путешествіе домой. Въ разговорѣ проходило время,—солнце склонялось къ закату и, можетъ быть, уже зашло бы прежде, чѣмъ гости разъѣхались, если бы не Чолничъ, проговорившій:

---

*) Петръ Зрини былъ приглашенъ на коронацію Михаила Корибута.

— Хорошо намъ тутъ, пріятно и мило, но уже пора собираться.

Въ эту минуту одинъ изъ гостей, до тѣхъ поръ молчавшій, неожиданно обратился къ нему.

— О какомъ это юношѣ ты говорилъ!

— О какомъ?.. отвѣтилъ Чолничъ, не догадавшись сразу, къ чему относится вопросъ.

— Для котораго бы Дещичъ могъ быть Несторомъ.

— Э... отвѣтилъ онъ. Объ этомъ ужь не стоитъ и разговаривать.

Старикъ смѣшался, заговорилъ о чемъ-то.

Чолничъ всталъ. Остальные послѣдовали его примѣру. Общество перешло на чердакъ. На чердакѣ завязалась новая бесѣда, пока слуги выводили лошадей изъ конюшни. Лошади были осѣдланы различно, одна на турецкій манеръ, другая на венгерскій, одна ярко съ бахромой и кистями, другая темно и гладко; онѣ были также различныхъ племенъ: турецкаго, боснійскаго, семиградскаго, венгерскаго, даже нѣмецкаго. Гости одинъ за другимъ прощались съ хозяиномъ дома, который каждому отдѣльно желалъ счастливаго пути, и по очереди исчезали за воротами, за землянымъ выступомъ. Первымъ уѣхалъ Чолничъ,—онъ спѣшилъ,—а съ нимъ и тотъ, который распрашивалъ его объ юношѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

⁂

Когда смолкаетъ день усталый
И ночь на землю ниспадетъ,
Мнѣ голосъ слышится бывалый—
Изъ гроба мать меня зоветъ...

Дыханье сперто... сердца стуки
Замрутъ, какъ отдаленный звонъ...
И мнѣ таинственныя руки
Возложатъ на голову сонъ...

И вся душа исповѣданья
И вѣрой вѣчности полна,
И жду я съ матерью свиданья—
Я жду желанной смерти сна.

И тщетно силится сознанье
Схватить тотъ чудный перелетъ
Туда, гдѣ сонъ свои созданья
Обмана сладостнаго шлетъ...

Но грезъ обманныхъ навожденья
Неуловимый хороводъ
Блѣднѣетъ, меркнетъ въ пробужденьи,
Какъ звѣзды въ солнечный восходъ!

Пав. Свободинъ.

ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Послѣ смерти императора Вильгельма, на нѣкоторое время нарушившей обычное теченіе европейской общественной жизни, наиболѣе интереснымъ событіемъ представляется, безъ, сомнѣнія отставка генерала Буланже нынѣшнимъ французскимъ министерствомъ, т. е. принятіе мѣры, передъ суровостью которой отступали и бывшій президентъ республики и бывшее министерство.

Дѣло въ томъ, что за обнародованіе и печатаніе писемъ, безъ испрошенія на то согласія начальства еще бывшій военный министръ Ферронъ присудилъ Буланже въ наказаніе къ мѣсячному домашнему аресту; по отбытіи этого срока, Буланже вернулся къ командованію прежнимъ 13 корпусамъ. При перемѣнѣ министерства Рувье на министерство Тирара и замѣны Феррона генераломъ Ложеро, недовѣрчивое отношеніе къ опальному воину не прекращалось; казалось, даже болѣе усилилось. Буланже сталъ предметомъ постоянныхъ придирокъ, ему отказывалось въ самыхъ заурядныхъ просьбахъ, какъ, напр., въ разрѣшеніи пріѣхать въ Парижъ для свиданія съ больною женою. Своевольная отлучка изъ мѣста служенія была избрана мотивомъ къ наложенію на Буланже самой строгой мѣры взысканія, которой только можетъ подвергнуться французскій военный и которой со времени Базена, дѣйствительно не подвергался ни одинъ генералъ; надо, конечно, припомнить, что послѣ Седана во Франціи не было болѣе популярнаго въ народѣ и войскѣ генерала, хотя и менѣе угоднаго правящей партіи оппортунистовъ съ Жюлемъ Ферри во главѣ и цѣлымъ рядомъ его фиктивныхъ ставленниковъ въ родѣ Рувье, бывшаго министра, президента, или Тирара нынѣшняго.

Личность и характеръ Буланже представляютъ загадку, разрѣшить которую, пожалуй, не возьмутся и его ближайшіе друзья. Одно только можно сказать, что до настоящей минуты его не покидала удача.

Выдвинувшись совершенно случайно при министерствѣ Гоблэ, въ которомъ онъ получилъ портфель военнаго министра, Буланже началомъ быстраго повышенія обязанъ одному изъ тѣхъ орлеанскихъ принцевъ, за высылку которыхъ онъ агитировалъ при вступленіи во власть; для назначенія министромъ, Буланже пришлось спеціально повысить въ чинѣ и изъ бригаднаго генерала сдѣлать дивизіоннымъ. «Министра» уличаютъ консерваторы въ лести предъ орлеанскимъ герцогомъ почти документально, но всѣ нападки не ослабляютъ ореола народнаго любимца; дуэль съ генераломъ Соссье и комическія послѣдствія ея остаются безъ вліянія на репутацію Буланже; арестъ за нарушеніе дисциплины также проходитъ безслѣдно. Наконецъ, маскарадная обстановка тайныхъ посѣщеній Парижа, переодѣваніе синіе очки, хромота,—были бы достаточны, чтобы до конца жизни вышутить любого гражданина французской республики, — а Буланже все это въ вину не ставится. Его друзья или по крайней мѣрѣ люди, именующіеся его друзьями, — противъ всякихъ правилъ, выставляютъ кандидатуру генерала въ Марсели, пользуясь случайными дополнительными выборами, — и Буланже, ни единымъ словомъ не заявившій о своемъ согласіи на это избраніе, не выставившій никакой политической программы, избирается громаднымъ большинствомъ. Такое отношеніе къ дѣлу даетъ возможность упорно возражать на обвиненія въ противуправительственной агитаціи. Издается газета «Cocarde», выдающая себя за личный органъ Буланже и выходящая съ его портретомъ.—Буланже молчитъ, прикрываясь званіемъ генерала. Вотъ въ этомъ-то и кроется тайна обаянія дѣйствіями генерата. Умѣнье во время промолчать или недосказать и дать собесѣднику возможность предполагать все, что ему хочется, — и составляетъ неотъемлемое достоинство бывшаго командира 13 корпуса.

Буланже былъ единогласно признанъ виновнымъ въ нарушеніи военной дисциплины въ особо назначенной для разсмотрѣнія его дѣла коммиссіи изъ девяти генераловъ, старшихъ или равныхъ ему по чину, и также единогласно приговоренъ къ отставкѣ безъ прошенія. Руководствуясь конституціонными обычаями, президентъ республики Карно утвердилъ суровый приговоръ, направленный противъ его коллеги по симпатичному для всей страны министерству Гоблэ, выдвинувшему сразу нѣсколькихъ видныхъ государственныхъ людей. Теперь возникаетъ вопросъ, что будетъ дѣлать Буланже? Умѣренная республиканская партія осудила его въ лицѣ своихъ представителей; за то на него съ надеждою обратились какъ монархисты, такъ и радикалы. Выборъ не затруднителенъ между этими партіями, такъ какъ ни одна не имѣетъ будущности, что впрочемъ, и понятно: во Франціи не столько идея привлекаетъ сторонниковъ, сколько личныя свойства и удача представителя этой идеи. Во всякомъ случаѣ устраненіемъ отъ себя генерала Буланже, партія правящихъ республиканцевъ сдѣлала промахъ поправить который теперь очень трудно, такъ какъ отъ Буланже приходится ждать примиренія съ постигшею его участью, примиренія съ разбитою военною карьерою, словомъ полнаго самоотверженія въ пользу партіи, глубоко и несправедливо оскорбившей его. Если Буланже молча сойдетъ со сцены, откажется отъ воззванія къ народному суду, то онъ покажетъ себя такимъ горячимъ патріотомъ, что народъ французскій на будущихъ-же выборахъ поспѣшитъ доказать ему свою признательность за сохраненіе спокойствія. Буланже, впрочемъ, можетъ поступить и наоборотъ... и тогда въ исторіи третьей французской республики на восемнадцатомъ году ея жизни наступитъ самый опасный для нея кризисъ.

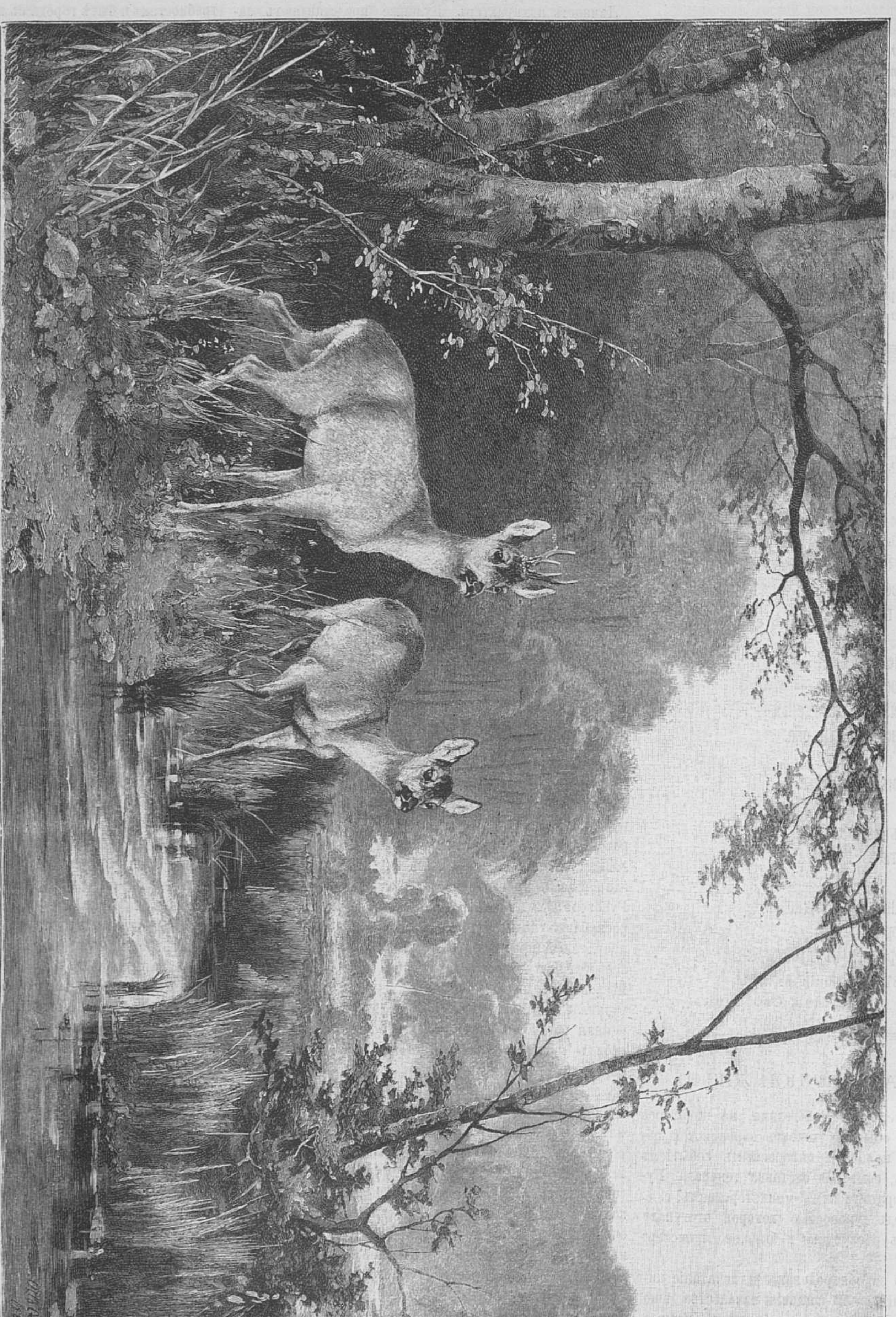
Слѣдствія надъ государственными дѣятелями повидимому входятъ въ моду. Надъ прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Путткаммеромъ назначено слѣдствіе за нераспорядительность во время похоронъ императора. Многіе депутаты и представители германскихъ городовъ, прибывшіе въ Берлинъ для отданія послѣдняго долга почившему государю, по приглашенію императрицы Августы, пострадали довольно сильно, при попыткахъ проникнуть въ соборъ, отъ окружающей уличной толпы. Козлищемъ отпущенія для нападокъ былъ выставленъ Путткаммеръ, обвиненный въ порученіи берлинской полиціи начальнику, никогда не жившему въ Берлинѣ и не имѣющему никакого понятія о потребностяхъ и бытѣ города съ милліоннымъ населеніемъ; кромѣ того,—если вѣрить газетнымъ статьямъ, Путткаммеръ нашелъ совершенно лишнимъ согласовать свои распоряженія относительно порядка поклоненія тѣлу въ соборѣ и похоронъ съ распоряженіями дворцоваго управленія и военнаго министра; между тѣмъ стеченіе народа передъ соборомъ было настолько велико, что для того, чтобы войти въ соборъ на одну минуту, въ группѣ сорока человѣкъ, нужно было дежурить семнадцать часовъ, прежде чѣмъ попасть въ очередь. Само по себѣ прекрасное распоряженіе оцѣпять весь кварталъ города, въ которомъ помѣщается соборъ, охранять его отъ вторженія толпы и впускать публику постепенно, частями,—на практикѣ привело къ страшнымъ стѣсненіямъ и вызвало большое неудовольствіе; дѣло въ томъ, что этотъ кварталъ, центральный, наполненный конторами, редакціями, магазинами и, кромѣ того густо населенный, впродолженіи трехъ сутокъ былъ блоккированъ войсками и полиціею, только по извѣстнымъ промежуткамъ пропускавшей въ дома ихъ квартирантовъ. Банкирскія конторы оставались безъ бюллетеней, газетныя редакціи безъ репортерскихъ свѣдѣній, многіе жители безъ крова и обѣда. Къ этимъ неудобствамъ надо прибавить еще шансъ быть помятымъ и искалѣченнымъ, такъ какъ ежедневно число изувѣченныхъ на смерть въ окрестностяхъ собора насчитывалось до десятка.

Въ виду общаго негодованія, Бисмаркъ, въ качествѣ президента совѣта министровъ, распорядился назначеніемъ слѣдствія противъ своего товарища, результаты котораго вѣроятно не придется долго ждать. Впрочемъ положеніе Путткаммера поколеблено независимо отъ этого инцидента его отношеніемъ къ вопросу о регентствѣ, возбуждавшемуся еще при жизни императора Вильгельма. Путткаммеръ высказался за учрежденіе регентства въ лицѣ принца Вильгельма, вслѣдствіе желанія услужить молодому принцу, расположеніемъ котораго онъ пользовался; между тѣмъ Бисмаркъ не одобрилъ этого предложенія и лишилъ Путткаммера своего благоволенія; говорятъ, что это произошло вслѣдствіе поползновенія этого министра къ пріобрѣтенію самостоятельнаго вліянія на принца Вильгельма еще до смерти императора. Такимъ образомъ назначеніе слѣдствія надъ дѣйствіями министра внутреннихъ дѣлъ даетъ Бисмарку прекрасный способъ отдѣлаться отъ неудобнаго сотрудника, входящаго въ роль соперника. Путткаммеръ считается еще, кромѣ того, слишкомъ ярымъ консерваторомъ, для того, чтобы принимать участіе въ управленіи страною при либеральныхъ взглядахъ новаго императора. Бисмаркъ строго охраняетъ за собою монополію мѣнять убѣжденія и союзниковъ и бросать ихъ, какъ только они дѣлаются несвоевременными. Послѣ отставки Мольтке, удаленіе Путткаммера является одною изъ выдающихся перемѣнъ въ личномъ составѣ высшаго управленія. Мольтке замѣнилъ старѣйшій корпусный командиръ; принадлежность будущаго преемника Путткаммера къ той или другой политической партіи лучше всего покажетъ ближайшее направленіе предстоящей внутренней политики Германіи.

Германскаго императора Фридриха и итальянскаго короля Гумберта связываетъ личная дружба, а ихъ первыхъ министровъ, Бисмарка и Криспи—политическія соображенія; казалось, что можно безусловно ожидать наступленія и для Италіи времени играть видную роль въ европейскомъ концертѣ. Между тѣмъ дѣло стоитъ нѣсколько иначе, такъ какъ у Италіи есть одно больное мѣсто, не дающее спокойно спать ея правителямъ; больное мѣсто—это Массова и Абиссинія, военныя дѣйствія противъ которой продолжаются второй годъ, но которыя кромѣ занятія береговаго пункта ни къ чему не привели; въ экспедиціонный корпусъ посылаютъ подкрѣпленія за подкрѣпленіями, но бѣдные солдаты обречены умирать не въ честномъ бою, а отъ болѣзней въ мирной стоянкѣ. Двинуть сразу большія силы не позволяетъ самолюбіе, дѣйствовать малыми—отсутствіе смѣлости; у всѣхъ на памяти извѣстный походъ англичанъ въ Абиссинію, совершенный съ гораздо меньшими средствами и много лѣтъ тому назадъ, во время котораго англичане прошли всю страну и столицу обратили въ груду развалинъ. Но кромѣ этого, аппенинскій полуостровъ переживаетъ и внутренній кризисъ чисто экономическаго характера; плодородныя провинціи грозятъ обратиться въ пустыни такъ какъ сельское населеніе эмигрируетъ массами, не задумываясь объ ожидающихъ за океаномъ бѣдствіяхъ и болѣзняхъ. Эмигранты распродаютъ все свое имущество и десятками тысячъ бѣгутъ въ Бразилію, въ Сѣверную-Америку, спасаясь отъ предстоящаго на родинѣ нищенства. Цѣнность земли падаетъ все ниже; собственники и арендаторы должны обанкрутиться вслѣдствіе дороговизны жизни и тяжести налоговъ: треть дохода приходится отдавать въ видѣ налога; привозный хлѣбъ обложенъ громадными таможенными пошлинами, за зерновой хлѣбъ напр., взимается въ таможнѣ копѣйка съ фунта, за фунтъ овса три четверти копѣйки. Земельная собственность въ Италіи сосредоточена въ рукахъ одной седьмой населенія, такъ что на каждаго владѣльца недвижимости приходится шесть человѣкъ, ея неимѣющихъ; но по оффиціальной статистикѣ только одна сороковая часть всего 28.000,000 населенія Италіи можетъ считаться пользующейся достаткомъ (въ это число включены и торговые классы городскаго населенія). На земельной недвижимости лежитъ колоссальный долгъ, одни проценты съ котораго составляютъ въ годъ почти полмиллиарда франковъ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Отто Грушигъ.



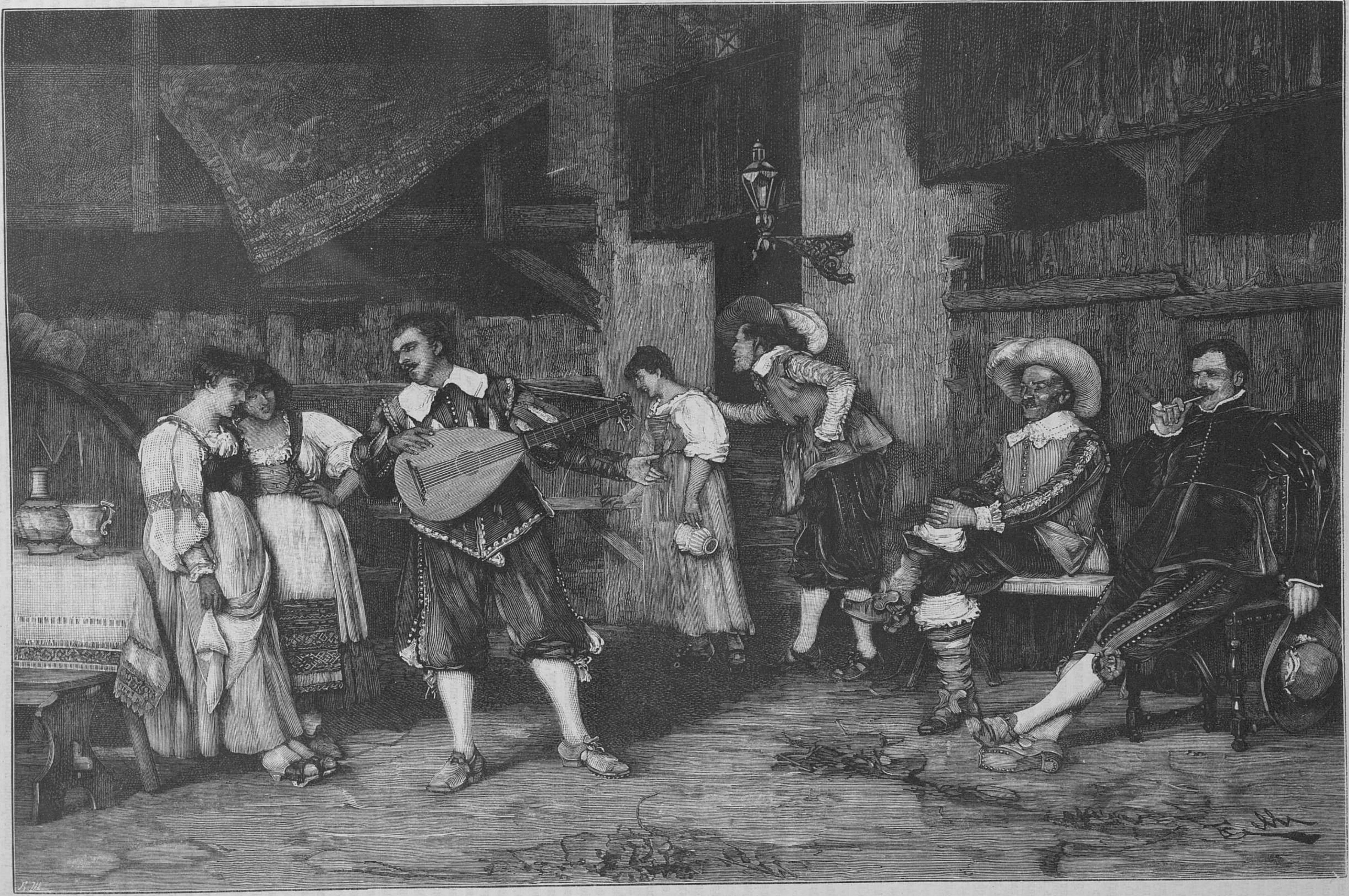
У водопоя въ лѣсу.

Гравировалъ на деревѣ Книзингъ.

Турція, при своей агоніи, крѣпче многихъ здоровыхъ организмовъ, такъ какъ ея недуги врачуютъ нѣсколько

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Эдуарда Гелли.



Веселая компанія.

Гравировалъ на деревѣ В. Шпрингеръ въ Спб.

лицъ, взаимно другъ другу противодѣйствующихъ, а потому и лишенныхъ возможности уморить паціента; по своему рецепту, она напоминаетъ красавицу, за которою увиваются нѣсколько поклонниковъ, очень льставо ей улыбающихся, но другъ на друга рычащихъ и скалящихъ зубы; принужденная однако выбрать себѣ покровителя, она боится довѣриться кому-либо одному и кокетничаетъ со всѣми по немножку, стараясь угодить всѣмъ вообще и самой себѣ въ особенности. Предметомъ пріятныхъ разговоровъ съ Портою служитъ нынѣ поведеніе ея строптивой дочери, Болгаріи, не слушающей ни совѣтовъ, ни угрозъ. Болгарскій вопросъ, приближавшійся къ разрѣшенію, отодвинулся на задній планъ вслѣдствіе смерти императора Вильгельма, но нынѣ онъ опять выступаетъ на очередь; Кальноки и Фердинандъ чувствуютъ себя очень нехорошо, такъ какъ послѣднему нельзя будетъ не убраться изъ Софіи, а первому нельзя поддерживать болѣе мадьярскаго ставленника. Есть одно радикальное средство; провозгласить Болгарію самостоятельнымъ королевствомъ, а Фердинанда королемъ соединеной Болгаріи, но тогда необходимо будетъ для Австріи открыто нарушить берлинскій трактатъ и окончательно развязать руки Россіи, освободивъ ее отъ всякихъ международныхъ обязательствъ; страхъ за могущія быть послѣдствія слишкомъ великъ...

М. Кольцовъ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Наблюдатель»—«Русское Богатство».

Въ 1856 г. впервые высказана была очень оригинальная и въ то же время очень странная мысль о томъ, что произведенія Шекспира не принадлежатъ ему и что ихъ авторомъ нужно считать никого другого, какъ Бэкона веруламскаго, канцлера англійскаго королевства, творца положительнаго метода въ философіи, знаменитаго автора Novum organon. Эта на первый взглядъ странная мысль обратила на себя серьезное вниманіе, нашлись защитники и послѣдователи, съ трудолюбіемъ и ученостью пріискавшіе не мало доказательствъ въ ея пользу. Бэконовская гипотеза въ настоящее время имѣетъ уже довольно богатую литературу (въ 1882 г. считали 255 книгъ и брошюръ, посвященныхъ этой гипотезѣ, а теперь, конечно, несравненно больше) и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ пройдена молчаніемъ людьми, занимающимися изученіемъ твореній Шекспира. Солидный знатокъ иностранныхъ литературъ и, въ частности, спеціалистъ по Шекспиру, В. В. Чуйко посвятилъ пресловутой бэконовской теоріи обстоятельную статью въ февральской книжкѣ журнала «Наблюдатель», подъ заглавіемъ: «Былъ или не былъ Шекспиръ»? Творенія Шекспира давно извѣстны русской публикѣ, и потому, думаемъ, для нея не безъинтересно познакомиться съ спорами, которые теперь очень оживленно ведутся объ ихъ творцѣ. В. В. Чуйко излагаетъ исторію развитія бэконовской гипотезы и показываетъ ея несостоятельность. Съ тѣмъ и другимъ постараемся познакомить читателя въ своемъ изложеніи.

Гипотеза, какъ мы уже сказали, впервые была высказана въ 1856 г.; авторомъ ея была, теперь умершая, миссъ Делія Бэконъ. Эксцентричная американка, съ умомъ, способнымъ къ самымъ причудливымъ философскимъ бреднямъ, какъ разъ годилась для того, чтобы безъ робости высказать странную гипотезу; а ея солидныя знанія исторіи и жизни англійскаго общества XVI и XVII вѣковъ могли снабдить и многочисленными аргументами—основательными или нѣтъ: это другой вопросъ—въ пользу гипотезы. Мы не знаемъ, какимъ путемъ миссъ Бэконъ пришла къ своему убѣжденію. Можемъ только предполагать, что ее поразилъ контрастъ между бѣднымъ актеромъ Шекспиромъ, не получившимъ никакого систематическаго образованія, вышедшимъ изъ крестьянской среды и авторомъ шекспировскихъ драмъ, глубокимъ философомъ и политикомъ, знатокомъ классической литературы и аристократомъ по убѣжденіямъ. Если не могъ бѣдный и малообразованный актеръ Шекспиръ быть авторомъ этихъ геніальныхъ созданій, то кому же они принадлежатъ? Какому нибудь высокопоставленному государственному мужу, посвященному во всѣ тайны политики, какому нибудь глубокообразованному геніальному философу. Между современниками Шекспира именно таковъ былъ сэръ Френсисъ Бэконъ, лордъ Веруламъ, виконтъ Сентъ-Альбансъ. При томъ же Бэконъ, какъ усмотрѣла изобрѣтательница гипотезы, кромѣ философскихъ сочиненій, несомнѣнно писалъ какія-то другія, несомнѣнно издавалъ ихъ въ свѣтъ подъ чужимъ именемъ, чтобы не уронить своего аристократизма въ высокомъ обществѣ. Лордъ Бэконъ былъ главою кружка мыслителей, занятыхъ соціальными и философскими вопросами; съ цѣлью пропагандировать свои идеи онъ писалъ театральныя пьесы; а чтобы не накликать на свою голову бѣды за смѣлыя идеи, онъ подкупилъ актера Шекспира ставить эти пьесы подъ его—Шекспира—именемъ. Вы, конечно, замѣчаете, что здѣсь нанизывается одно предположеніе на другое, и нѣтъ фактическихъ данныхъ и серьезныхъ доказательствъ. И дальше изобрѣтательница гипотезы продолжаетъ въ томъ же родѣ. Разгадка истинныхъ началъ соціальной философіи Бэкона находится въ трагедіи «Гамлетъ»; подлинныя рукописи драмъ могутъ дать окончательныя доказательства въ пользу всѣхъ этихъ предположеній; рукописи эти хранятся въ гробу Шекспира или въ гробу Бэкона... Замѣтьте: и это все ни на чемъ не основанныя предположенія. Но мечтательница задалась серьезною задачею проникнуть въ могилу Шекспира, чтобы овладѣть подлинными рукописями драмы. Это ей не удалось. Миссъ Бэконъ печально кончила: она умерла въ домѣ умалишенныхъ. Но ея теорія не погибла, а развилась послѣ смерти ея съ особенною силою. Произвольныя и бездоказательныя предположенія первой изобрѣтательности о соціальной философіи, скрытой въ драмахъ Шекспира, и о подлинныхъ рукописяхъ драмъ, положенныхъ въ могилѣ Шекспира или Бэкона, были оставлены. Обратили же вниманіе на совпаденіе нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни Шекспира и Бэкона и на идеи драмъ, чтобы доказать, что онѣ не могли принадлежать Шекспиру и могли принадлежать или принадлежали Бэкону. Это дѣлали и дѣлаютъ въ Америкѣ Гольмсъ и въ Англіи Смитъ. Бэконовская теорія открыла для себя неистощимый арсеналъ аргументовъ съ изданіемъ хранившагося въ рукописи сочиненія Бэкона: «Промусъ». Эта книга представляетъ записную тетрадь, въ которую мыслитель вносилъ разныя мысли, изрѣченія и пословицы различныхъ народовъ. Книгу издала миссъ Поттъ въ 1883 г.; она же и обработала ее въ пользу бэконовской теоріи. Трудолюбивая миссъ Поттъ для каждой почти фразы «Промуса» нашла соотвѣтствующую фразу въ драмахъ Шекспира. Соотвѣтствіе выходитъ иногда поразительное. Но какъ увидимъ сейчасъ, отъ этого нисколько не пріобрѣтаетъ правдоподобности бэконовская гипотеза.

Болѣе двухъ вѣковъ люди считали Шекспира писателемъ и при томъ авторомъ извѣстныхъ подъ его именемъ драмъ. Ужели безъ доказательствъ? Нѣтъ-ли на это свидѣтельства современниковъ? Что Шекспиръ былъ драматическій писатель и авторъ игранныхъ на его театрѣ пьесъ—на это есть прямыя свидѣтельства современниковъ. Пока эти свидѣтельства не опровергнуты, никакъ нельзя отрицать авторства Шекспира. Теперь вопросъ: опровергли-ли эти свидѣтельства современниковъ защитники бэконовской гипотезы? Они дѣлали только самыя неудачныя попытки устранить или перетолковать свидѣтельства современниковъ объ авторствѣ Шекспира. Кажется, въ этомъ главное несчастіе бэконовской гипотезы. Но какія же доказательства приводятъ къ убѣжденію, что лордъ Бэконъ могъ быть или даже былъ авторомъ шекспировскихъ драмъ? Онъ любилъ театръ и неоспоримо былъ авторомъ нѣкоторыхъ произведеній Это нисколько не говоритъ въ пользу его авторства геніальныхъ Шекспировскихъ драмъ и даже говоритъ противъ. Если Бэконъ не отрекался отъ дурныхъ пьесокъ и признавалъ ихъ своими, почему бы ему не признавать своими геніальныя пьесы? Говорятъ, когда Бэконъ былъ безъ общественнаго положенія и въ долгахъ, онъ писалъ отъ нужды, для денегъ и тайкомъ чрезъ Шекспира и подъ именемъ Шекспира пристраивалъ свои пьесы на сцену; когда получилъ высокую должность, то бросилъ это авторство. Вы хотите доказательствъ? Вотъ они: въ 1613 г. Бэконъ былъ назначенъ генеральнымъ атторнеемъ и, конечно, ни нужды, ни времени не имѣлъ писать драмы для театра. Въ этомъ-же году и Шекспиръ перестаетъ писать, оставляетъ Лондонъ и театръ, и поселяется въ Стратфордѣ. Вотъ разгадка обстоятельства, такъ долго смущавшаго изслѣдователей, почему Шекспиръ съ 1613 г. ничего не написалъ. Послѣдователи бэконовской теоріи считаютъ это совпаденіе разительнымъ доказательствомъ въ свою пользу. Но едва-ли нужно говорить, что даже неособенно строгіе логики и тѣ не удовлетворятся этимъ доказательствомъ. Нельзя не признаться что большинство бэконіанскихъ аргументовъ даже еще менѣе убѣдительно. Миссъ Поттъ заявляетъ, что въ ея распоряженіи находится 32 аргумента, въ пользу бэконова авторства шекспировскихъ драмъ. Количество почтенное! Но аргументы неважнаго качества. Судите сами: въ драмѣ «Троилъ и Крессида» неправильная ссылка на Аристотеля; какъ разъ такая же неправильная ссылка находится въ сочиненіяхъ Бэкона. Что-же изъ этого можно вывести? Или Шекспиръ заимствовалъ неправильную ссылку на Аристотеля у Бэкона, или Бэконъ взялъ это мѣсто у Шекспира, а можетъ быть, тотъ и другой взяли это мѣсто изъ какой нибудь книги. Другихъ выводовъ, изъ этого, кажется, нельзя сдѣлать. А по мнѣнію миссъ Поттъ, отсюда нужно заключить, что Бэконъ авторъ шекспировскихъ драмъ. Многочисленныя, сравненія между сочиненіями Бэкона и драмами Шекспира дѣйствительно показываютъ часто поразительное сходство; но изъ этого никакъ нельзя заключить, чтобы Бэконъ былъ авторомъ драмъ, и даже нельзя никогда заключить и того, чтобы Шекспиръ что нибудь заимствовалъ у Бэкона. Они только доказываютъ, что тотъ и другой были людьми одного вѣка и одной націи, пользовались одинаковыми источниками, знали однѣ и тѣ же народныя примѣты, наблюденія, пословицы и изрѣченія. Только увлеченіе предвзятою мыслью и неосмотрительная логика были причиною тѣхъ рѣшительныхъ положеній и обобщеній, которыя высказываютъ послѣдователи бэконовской гипотезы. Вообще же въ этомъ вопросѣ важную роль играютъ недоразумѣнія и неясность главныхъ основныхъ понятій, касающихся поэтическаго творчества, съ одной стороны, и преувеличенное мнѣніе о знаніяхъ, которыми, якобы, обладалъ писатель шекспировскихъ драмъ, съ другой. Уже давно съ начала нынѣшняго столѣтія нѣмецкая критика представляетъ Шекспира не только величайшимъ поэтическимъ геніемъ, но и величайшимъ философскимъ умомъ, преисполненнымъ всякаго вѣдѣнія. Люди самыхъ противуположныхъ убѣжденій, мыслители различныхъ школъ находили въ немъ подтвержденіе своихъ мнѣній и убѣжденій; такимъ образомъ Шекспиръ превращался въ пророка, высочайшаго мудреца и всеобъемлющаго философа. Отъ этого личность Шекспира не уяснялась, а пожалуй, затемнялась. Глубокомысленный Кантъ, универсальный Лейбницъ и малоученый актеръ Шекспиръ высказываютъ одни мысли и взгляды. Это достойно удивленія. Но Шекспиръ поэтическій геній; а генію доступно бываетъ то, о чемъ не подозрѣваютъ ученые труженики. Если Шекспиръ глубокій знатокъ души человѣка, человѣческихъ отношеній, если онъ великій психологъ, это еще можно объяснить себѣ его творческимъ геніемъ. Но что вы подумаете, если вамъ будутъ доказывать что онъ обладаетъ всѣми и всякими свѣдѣніями, фактическими и положительными: юридическими, теологическими, медицинскими, астрономическими, ботаническими настолько, насколько это было доступно лучшимъ спеціалистамъ его времени—по юриспруденціи, медицинѣ, астрономіи и ботаникѣ? А все это серьезно показали и, какъ дважды-два—четыре, доказали англійскіе критики и солидные ученые спеціалисты. Посмотрите, какой многочисленный сонмъ почтенныхъ свидѣтелей: «Лордъ Кемпбель провѣрилъ юридическія знанія Шекспира и былъ удивленъ, найдя въ немъ вполнѣ ученаго юриста, знакомаго съ юридическими тонкостями. Бэкниль, Келлогъ, Стирнсъ показали его знаніе въ медицинѣ и, въ особенности, въ психіатріи (которая, добавимъ мы отъ себя, тогда еще совсѣмъ не была наукою). Р. Смитъ считаетъ поэта спеціалистомъ въ сельскомъ хозяйствѣ; другіе замѣтили, что онъ былъ знакомъ съ садоводствомъ, съ ботаникой, что онъ искусился въ придворномъ этикетѣ, что верховая ѣзда не имѣла никакихъ тайнъ для поэта. Томсъ видитъ въ немъ спеціалиста по военному искусству. Блэдсъ доказываетъ, что онъ обстоятельно зналъ типографское дѣло. Епископъ Водсвордъ указываетъ на его прекрасное знакомство съ священнымъ Писаніемъ. Патерсонъ написалъ объемистую «шекспировскую энтомологію». Мы далеко не перечислили всѣхъ знаній, которыя приписываютъ автору шекспировскихъ драмъ разные спеціалисты и солидные ученые. Но думаемъ и этого совсѣмъ достаточно, чтобы привести въ совершенное изумленіе даже не очень простодушнаго человѣка. Слушайте еще: авторъ шекспировскихъ драмъ зналъ такое, что въ его время никто не зналъ: онъ зналъ кровообращеніе до открытія его Гарвеемъ и законъ тяготѣнія до открытія его Ньютономъ. Все это подтверждается весьма обстоятельно выписками изъ шекспировскихъ драмъ. Не правда ли: малограмотнаго актера Шекспира никакъ нельзя признать творцомъ знаменитыхъ драмъ? Не лучше ли многоученаго и глубокомысленнаго философа считать авторомъ этихъ геніальныхъ созданій? У насъ нѣтъ серьезныхъ данныхъ утверждать, что лордъ Бэконъ зналъ все, что досужіе люди приписываютъ автору шекспировскихъ драмъ; но мы знаемъ, что онъ былъ очень плохой поэтъ. Подлинные поэтическіе опыты Бэкона ужели надобно забывать при рѣшеніи вопроса объ авторѣ шекспировскихъ драмъ? Вопросъ запутанъ вслѣдствіе того, что позабыли опредѣлить, что такое поэтическій геній и художественное творчество. Едва ли возможно прилагать, для выясненія поэтическаго произведенія, ту методу, какую прилагаютъ къ произведеніямъ Шекспира послѣдователи бэконовской теоріи; даже положительно можно сказать, что эта метода неспособна ничего опредѣлить и выяснить.

Не только всемірные геніи, отдѣленные отъ насъ вѣками, но и наши современники, обильно одаренные талантами, въ своемъ развитіи, трудахъ и стремленіяхъ нерѣдко бываютъ для насъ загадкою, если счастливый случай не дастъ ключа къ ея разрѣшенію. Наша соотечественница М. К. Башкирцева, умершая въ 1884 г. двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, была обильно и разнообразно одарена выдающимися художественными талантами. Дневникъ ея, отъ 12-ти лѣтняго возраста до смерти, кажется, можетъ служить весьма обильнымъ матеріаломъ для психологическихъ соображеній. М. Башкирцева извѣстна, какъ талантливая художница, въ короткое время пріобрѣтшая почтенную извѣстность и даже, пожалуй, знаменитость во Франціи; вещи ея получали награды на выставкахъ, были очень хвалимы художественною критикою и пріобрѣтены для Люксамбургскаго музея. Теперь мы узнаемъ, что она могла быть такою-же знаменитою пѣвицею, какъ и художницею, что она была талантливая музыкантша и, кромѣ всего, этого, въ короткое время пріобрѣла самыя разнообразныя свѣдѣнія въ различныхъ отрасляхъ литературы и даже древнихъ авторовъ—грековъ и римлянъ поэтовъ и философовъ читала и перечитывала съ оригиналовъ. И всѣмъ этимъ она овладѣла по собственной инициативѣ, почти безъ посторонняго руководства, и при томъ въ такой краткій промежутокъ времени! Рекомендуемъ прочитать въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» статью, посвященную этой нашей даровитой соотечественницѣ, къ сожалѣнію, такъ рано сошедшей въ могилу. «Русское Богатство» по задачѣ и программѣ нѣсколько отличается отъ другихъ нашихъ журналовъ; оно занимается преимущественно вопросами научной философіи и даетъ въ этой области много цѣннаго и достойнаго серьезнаго вниманія. Въ отдѣлѣ изящной литературы читатели найдутъ повѣсть А. Михайлова: «Бѣлая Ночь».

П. Скромный.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Проявившееся, за послѣднее время, сближеніе между Россіей и Германіею служитъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ въ Вѣнѣ, возбуждая тревогу за дальнѣйшее покровительствованіе Берлиномъ австрійскихъ интересовъ на Востокѣ; всю истекшую недѣлю газеты усиленно распространяли алармистскія извѣстія съ цѣлью заподозрить Россію въ воинственныхъ замыслахъ; такого рода слухи выдумываются и пускаются въ ходъ съ тѣмъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, производимое сближеніемъ Берлина съ Петербургомъ.—Императоръ Фридрихъ, повидимому, не намѣренъ отступать отъ программы царствованія, которую онъ обнародовалъ, и стремится всѣми мѣрами упрочить въ Европѣ миръ и спокойствіе; даже относительно Франціи имъ сдѣлано многое. По случаю похоронъ императора Вильгельма, оффиціальная Германія и оффиціальная Франція обмѣнялись любезностями, которымъ оффиціозная пресса обоихъ государствъ старается, повидимому, придать выдающееся значеніе. Генералъ Бильо, бывшій замѣстителемъ президента Карно на берлинскихъ печальныхъ торжествахъ, былъ принятъ, по возвращеніи въ Парижъ, Флурансомъ и передалъ ему, что члены французской миссіи были приняты съ самою утонченною вѣжливостью и съ величайшею внимательностью; Бильо былъ принятъ не только графомъ Гербертомъ Бисмаркомъ, но и самимъ германскимъ канцлеромъ, который провелъ почти цѣлый часъ въ бесѣдѣ съ французскимъ чрезвычайнымъ посломъ. По случаю смерти сенатора Карно; отца президента республики, императоръ Фридрихъ написалъ послѣднему письмо съ выраженіями глубокаго соболѣзнованія. Императрица Августа, съ своей стороны, прислала по тому же случаю письмо госпожѣ Карно, съ другой стороны и генералъ графъ Альтенъ, прибывшій въ Парижъ для оффиціальнаго сообщенія президенту республики о вступленіи на престолъ императора Фридриха, былъ принятъ чрезвычайно любезно. Все это выставляется на видъ парижскими и берлинскими оффиціозными газетами. «Liberté» высказывается весьма сочувственно о Германіи, «Post» констатируетъ, что образъ дѣйствій не только французскаго правительства, но и французской прессы, во время пережитаго Германіею глубокаго горя, былъ весьма приличенъ.—Дѣла Италіи нѣсколько поправляются, такъ какъ военный министръ ея получилъ изъ Массовы слѣдующую телеграмму: «Вчера вечеромъ на итальянскіе форпосты явился абиссинскій офицеръ, пожелавшій переговорить съ генераломъ Санъ-Марцано. Офицеръ привезъ письмо негуса, который выражаетъ въ немъ желаніе заключить миръ. Санъ-Марцано сообщилъ содержаніе этого письма по телеграфу итальянскому правительству, которое и дало главнокомандующему нужныя инструкціи, съ цѣлью облегчить переговоры подъ условіемъ охраненія достоинства и интересовъ Италіи». Очевидно, итальянское правительство только ищетъ благовиднаго предлога отказаться отъ столь разорительной борьбы.—

Замѣтка объ А. И. Полежаевѣ.

Какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти А. И. Полежаева и по этому поводу появились его біографіи,—далеко, впрочемъ, не полныя. Теперь Михаилъ Петровичъ Струйскій, одинъ изъ родственниковъ отца нашего поэта. любезно доставилъ намъ замѣтку объ отцѣ поэта, которую мы и помѣщаемъ здѣсь, какъ выясняющую вопросъ о родныхъ поэта. М. П. Струйскій пишетъ намъ:

«Случайно я прочелъ краткую біографію поэта Александра Полежаева, помѣщенную въ № 3 «Живописнаго Обозрѣнія» нынѣшняго года въ которой сказано (какъ и въ другихъ біографіяхъ поэта, прибавимъ мы отъ себя что Полежаевъ былъ сынъ Петра Николаевича Струйскаго. Это ошибочно, Александръ Полежаевъ былъ сынъ моего роднаго дяди Леонтія Николаевича Струйскаго, брата моего отца Петра Николаевича Струйскаго.

Фамилія: Полежаевъ, удержалась за нимъ по той причинѣ, что его мать, дѣвица изъ дворовыхъ: Степанида Ивановна, вслѣдствіе семейныхъ интригъ, но вопреки воли Леонтія Николаевича, была повѣнчана съ мѣщаниномъ г. Саранска Полежаевымъ. Съ того времени, жизнь Леонтія Николаевича была окончательно отравлена. Путь къ усыновленію любимыхъ имъ дѣтей, оказался порваннымъ.

Тоскуя объ участи своего сына Александра и дочери Олимпіады, онъ еще болѣе предался кутежамъ, доводившимъ его до припадковъ опредѣленныхъ медициною delirium tremens. Вслѣдствіе такой жизни и по настоянію бывшаго пензенскаго губернатора Сперанскаго, Леонтій Николаевичъ былъ осужденъ на поселеніе въ Тобольскъ, гдѣ до кончины своей, онъ пользовался покровительствомъ князя Долгорукова, бывшаго въ то время тобольскимъ губернаторомъ.

Осиротѣлыя дѣти Леонтія Николаевича Струйскаго были оставлены имъ на попеченіе его матери: Александры Петровны Струйской и кромѣ того, сынъ Александръ,—вниманію моего отца Петра Николаевича Струйскаго; а дочь Олимпіада, родной его сестры: Екатерины Николаевны Струйской—по мужу Коптевой.

М. Струйскій.

Промышленность, технологія и торговля.

Употребленіе свекловичной листвы, въ особенности заквашенной въ ямахъ, считается въ теоріи вреднымъ для животныхъ, но этотъ взглядъ опровергается практическими опытами сельскихъ хозяевъ, изъ которыхъ многіе давно уже съ успѣхомъ пользуются листвою, какъ кормовымъ веществомъ. І. Редвольдъ, одинъ изъ числа такихъ хозяевъ, объясняетъ это разнорѣчіе между теоріей и практикой незнаніемъ условій, при которыхъ закваска листвы въ ямахъ даетъ хорошіе результаты. Для этого необходимо: во 1-хъ, чтобы содержаніе влажности въ закопанныхъ листьяхъ не превышало 75 процентовъ, и, во 2-хъ, чтобы температура массы никогда не была выше 60° Ц. На плантаціи г. Редвольда принятъ слѣдующій способъ сохраненія свекловичныхъ листьевъ: послѣ срѣза, листья оставляются на поляхъ, дня на 2—3, пока они не овянутъ, а затѣмъ укладываются въ ямы, по возможности, безъ примѣси земли и нечистотъ. Укладка должна быть окончена не больше какъ въ два дня, чтобы броженіе началось одновременно во всей массѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней кучи, которыя сначала возвышались надъ поверхностью земли на 2 метра, опускаются въ уровень съ краями ямъ; тогда куча дополняется такъ, чтобы высота ея надъ землею снова доходила до 2 метровъ. Эта операція повторяется нѣсколько разъ, съ промежутками около трехъ дней, пока осѣданіе листьевъ не прекратится и поверхность кучи не будетъ на постоянной высотѣ 70 — 80 сантиметровъ надъ краями ямы. Затѣмъ прикрываютъ кучи тонкимъ слоемъ соломы и небольшимъ количествомъ земли, чтобы избѣгнуть слишкомъ сильнаго нагрѣванія бродящей массы. Когда термометръ, указывающій энергію броженія, начнетъ опускаться, то можно утолстить земляную покрышку до 50—60 сантиметровъ и болѣе, смотря по внѣшней температурѣ. Если въ покрышкѣ образовались отдушины, то онѣ тотчасъ задѣлываются. Ямы должны быть въ 2 метра глубиною и отъ 2 до 3 метровъ въ діаметрѣ. Ихъ надобно копать въ твердомъ и сухомъ грунтѣ, обдѣлывая стѣнки отвѣсно, за исключеніемъ угловъ, которые закругляются, чтобы не образовалось пустотъ при нагрузкѣ. Въ тѣхъ же вилахъ, нагрузка не должна заходить за края ямы, иначе осѣдающая масса будетъ поддерживаться этими краями и произойдутъ полости. Есть обыкновеніе солить листья, но это вредно, такъ какъ соль задерживаетъ броженіе и образованіе кислотъ; точно также не слѣдуетъ утаптывать кучи лошадьми, потому что въ слишкомъ плотной массѣ температура легко можетъ подняться выше 60° Ц. и вызвать масляное броженіе, которое сообщаетъ корму противный вкусъ. Во время послѣдовательныхъ нагрузокъ кучи распространяютъ пріятный запахъ и замѣчается отдѣленіе водяныхъ паровъ. Эти признаки указываютъ моментъ, когда должна быть сдѣлана дополнительная нагрузка. Если всѣ указанныя условія соблюдены, то весною, открывъ кучу можно убѣдиться, что вся масса листьевъ, кромѣ наружной оболочки темнаго цвѣта, сохранила равномѣрный желтовато-зеленый цвѣтъ. Заквашенная такимъ образомъ листва имѣетъ слегка уксусный запахъ. Скотъ, и въ особенности упряжные быки, ѣдятъ ее очень охотно и безъ малѣйшаго вреда. Поэтому было бы неблагоразумно отказываться отъ корма, сохраненіе котораго не требуетъ ни особыхъ хлопотъ, ни большихъ издержекъ. — Во Франціи изобрѣтенъ освѣтительный аппаратъ, подъ названіемъ «люцигена», основанный на пульверизаціи тяжелыхъ углеводородовъ, каковы фотогенъ, нефтяныя масла и пр., нагрѣтымъ воздухомъ. При помощи этого аппарата можно получить освѣщеніе силою до 2,000 свѣчей, слѣдовательно далеко превосходящее свѣтъ отъ обыкновеннаго уличнаго электрическаго фонаря. Люцигенъ состоитъ изъ резервуара, въ который наливается нефтяное масло и нагнетается, черезъ особое отверстіе, воздухъ, подъ давленіемъ 1 до 1,5 килогр. на квадратный сантиметръ. Чрезъ центръ резервуара проходитъ вертикальная питающая труба, по которой масло поднимается дѣйствіемъ давленія къ горѣлкѣ. Воздухъ, вгоняемый въ этотъ резервуаръ, обходитъ сначала вокругъ питающей трубы; а затѣмъ направляется въ верхнюю часть аппарата, гдѣ нагрѣвается въ особомъ змѣевикѣ, и проникаетъ, наконецъ, по центральной трубѣ въ горѣлку, изъ которой онъ вылетаетъ уже въ смѣси съ пульверизованнымъ нефтянымъ масломъ. Притокъ масла и воздуха къ горѣлкѣ регулируется помощью крановъ. Сбоку, у пульверизаціонной горѣлки, придѣлана еще маленькая горѣлка со свѣтильней, питаемой масломъ изъ резервуара. Эта горѣлка даетъ возможность немедленно зажечь пульверизованную струю, если бы пламя люцигена погасло. Описанный освѣтительный аппаратъ даетъ широкое ровное пламя, высота котораго для лампъ силою въ 2,000 свѣчъ доходитъ до 70 сантиметровъ. Вслѣдствіе значительной поверхности пламени, рѣзкихъ тѣней не бываетъ; въ этомъ заключается преимущество люцигена передъ электрическимъ освѣщеніемъ. Единственный недостатокъ люцигена—шумъ, которымъ обыкновенно сопровождается всякая пульверизація, но этотъ недостатокъ не имѣетъ особеннаго значенія при освѣщеніи открытыхъ пространствъ, маяковъ и пр., или же мастерскихъ, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, всегда бываетъ довольно шума отъ машинъ. Лампы устанавливаются на высотѣ, соотвѣтствующей величинѣ освѣщаемой поверхности. Если освѣщеніе состоитъ не болѣе какъ изъ двухъ лампъ, силою въ 500 свѣчей каждая, то воздухъ можно накачивать рукою; для болѣе сильнаго освѣщенія необходимъ уже двигатель, при чемъ удобнѣе всего пользоваться нефтянымъ двигателемъ, напр. системы Руара. Лампа въ 2,000 свѣчей потребляетъ отъ 7 до 8 литровъ каменноугольнаго или нефтянаго масла, такъ что при настоящихъ цѣнахъ на нефтяные продукты люцигеновое освѣщеніе могло бы быть очень выгодно на югѣ Россіи и даже въ Москвѣ.—Англійскими торговцами принимаются новыя мѣры противъ русскаго хлѣба: между различными сортами хлѣба, продающимися на лондонскомъ хлѣбномъ рынкѣ, индійская пшеница считается наиболѣе нечистою, вслѣдствіе первобытныхъ способовъ обработки и очистки. Европейскіе покупатели индійской пшеницы неоднократно жаловались поэтому на значительныя примѣси къ послѣдней земли, песку, камней и т. п., но жалобы эти оставлялись индійскими производителями безъ вниманія, пока цѣна на пшеницу стояла хорошая и трудъ вполнѣ вознаграждался. Но въ настоящее время, съ упадкомъ пшеничныхъ цѣнъ и съ затруднительностью сбыта индійской пшеницы, крупныя торговыя фирмы въ Калькуттѣ, занимающіяся вывозомъ хлѣба, рѣшили сообща принять мѣры для устраненія, по возможности, указаннаго недостатка индійской пшеницы. Для этой цѣли постановлено, что биржевая цѣна будетъ уплачиваться ими только въ томъ случаѣ, если въ пшеницѣ заключается не болѣе 5% постороннихъ примѣсей, каковая пшеница считается нормальной. Если же постороннія примѣси достигаютъ 7%, въ такомъ случаѣ дѣлается соотвѣтственная сбавка съ биржевой цѣны; наконецъ, при болѣе значительномъ процентномъ содержаніи постороннихъ примѣсей взимается съ продавцевъ пшеницы штрафъ.

Книжное дѣло, музыка, научныя новости, живопись и пр.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, открыта выставка картинъ въ Академіи художествъ и въ Академіи наукъ. На обѣихъ выставкахъ продаются иллюстрированные каталоги. Это хорошее предпріятіе. Къ сожалѣнію, въ каталогахъ находятся снимки не со всѣхъ картинъ; къ каталогу «Передвижной выставки» вышли уже дополненія.—На дняхъ поступило въ продажу отдѣльное изданіе романа «Обязанности» В. Крестовскаго (псевдонимъ). Романъ изданъ фирмою «Книжный магазинъ Новаго Времени». Цѣна 1 р. 25 к.—Въ великомъ посту, какъ извѣстно, русскіе театры закрыты и интересъ сосредоточивается на иностранныхъ театрахъ: въ итальянской оперѣ дали новую оперу «Эдмеа» молодого композитора А. Каталани. Музыка слаба, написана торопливо. Въ нѣмецкомъ театрѣ идутъ дебюты А. Матковскаго, артиста саксонскаго короля. Во французскомъ новинокъ нѣтъ, если не считать новинкой того, что Вицентини остается еще на четыре года режиссеромъ съ жалованьемъ въ 25,000 фр. въ годъ. Алисъ Лоди получитъ жалованья въ 38,000, Анжель въ 20,000 и т. д.—На дняхъ петербургская еврейская колонія хоронила одного изъ наиболѣе выдающихся своихъ писателей—Л. О. Леванду. Покойный родился въ г. Минскѣ въ 1835 году. Воспитаніе свое онъ получилъ въ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ. Писать началъ Л. О. еще въ очень раннемъ возрастѣ. Первое его беллетристическое произведеніе «Депо бакалейныхъ товаровъ» появилось въ печати въ 1860 году и затѣмъ имъ былъ данъ длинный рядъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній, стяжавшихъ ему почтенное мѣсто въ русской литературѣ. Печаталъ покойный свои произведенія въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (Корша), «Недѣлѣ», «Еврейской библіотекѣ» «Восходѣ» и другихъ русско-еврейскихъ и обще-русскихъ органахъ печати.

Похороны происходили съ большой торжественностью. Произносились рѣчи и, между прочимъ, было прочитано прочувствованное и красивое по формѣ стихотвореніе г. И. Тагера, которое мы здѣсь приводимъ:

Еще одна тяжелая утрата!..
Еще одинъ умолкъ могучій гласъ
Что эхомъ былъ скорбей и муки брата,—
Еще одна тяжелая утрата,
Незамѣнимая для насъ!..

Спи мирно, другъ! ты честно потрудился,
Тернистъ былъ путь и тяжелы труды
На нивѣ дорогой... Ты утомился...
Спи добрый братъ, ты честно потрудился,
По нивѣ пролагая борозды.

Привыкли мы давно къ такимъ утратамъ:
Вся наша слава—скорбный рядъ могилъ...
И нынѣ плачемъ мы надъ павшимъ братомъ...
Привыкли мы давно къ такимъ утратамъ,
Но кто тебя замѣнитъ, полный силъ?..

Чей гласъ, какъ твой, карающій, правдивый
И любящій надъ нами зазвучитъ?..
Кто бороздой пройдетъ по нашей нивѣ?..
Умолкъ твой голосъ честный и правдивый
И, какъ могила, все кругомъ молчитъ!..

КЪ РИСУНКАМЪ.

Благовѣщеніе.

25-го марта церковь празднуетъ одинъ изъ двунадесятыхъ праздниковъ—день Благовѣщенія. «Посланъ былъ Ангелъ Гавріилъ отъ Бога въ городъ Галилейскій, называемый Назаретъ, говорится въ Евангеліи отъ Луки, къ дѣвѣ, обрученной мужу, именемъ Іосифу изъ дома Давидова; имя-же дѣвѣ Марія. Ангелъ, вошедши къ ней, сказалъ: «Радуйся, благодатная! Господь съ тобою; благословенна ты между женами». Она же, увидѣвъ его, смутилась отъ словъ его, и размышляла, что бы это было за привѣтствіе. И сказалъ ей Ангелъ: «не бойся, Марія; ибо ты обрѣла благодать у Бога. И вотъ зачнешь во чревѣ, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Іисусъ. Онъ будетъ великъ, и наречется Сыномъ Всевышняго, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его; и будетъ царствовать надъ домомъ Іакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца». Этотъ моментъ передаетъ своимъ рисункомъ даровитый Густавъ Дорэ, одинъ изъ лучшихъ иллюстраторовъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ.

Крестьянскія похороны.

Проста жизнь нашего крестьянина, просты и его похороны. Поставленъ некрашенный гробъ на роспуски, впряжена въ нихъ лошаденка, около гроба примостились близкіе къ покойнику люди, вдова покойника съ ребенкомъ на рукахъ шагаетъ около роспусковъ и тихо движется это погребальное шествіе къ ближайшему погосту безъ факельщиковъ, безъ пѣвчихъ, безъ всякихъ ненужныхъ церемоній, которыми обставляются наши городскіе похороны,—движется вдоль тѣхъ самыхъ полей и нивъ, гдѣ не мало было пролито въ работѣ пота бѣднымъ труженникомъ. Ему, нетребовательному въ жизни работнику, не нужно и послѣ смерти никакихъ пышныхъ декорацій и церемоній, и слава Богу, если его семья послѣ его смерти не познакомится съ голодомъ, не превратится въ нищихъ... Отъ помѣщаемой нами картины вѣетъ правдивостью—это сама дѣйствительность безъ лишнихъ прикрасъ, безъ подчеркиваній совершающейся драмы.

«Не бойтесь—мы казаки».

Нашъ даровитый баталистъ, профессоръ Виллевальде, въ послѣднее время, какъ на прошлой, такъ и на нынѣшней академическихъ выставкахъ, представилъ на судъ публики цѣлый рядъ военныхъ сценъ изъ эпохи отечественной войны 1812, 1813 и 1814 годовъ. Всѣ эти произведенія исполнены съ тѣмъ мастерствомъ, къ которому уже давно пріучилъ публику въ своихъ картинахъ почтенный художникъ. Наши читатели въ прошломъ году уже ознакомились съ нѣкоторыми изъ этихъ произведеній: «Сладкій виноградъ», «Сегодня ты, а завтра я» и т. д. Теперь мы помѣщаемъ копію съ картины г. Виллевальде, выставленной на нынѣшней выставкѣ въ академіи художествъ. Казаки являются заграницей въ простой и небогатый семейный домъ, происходитъ, конечно, переполохъ, но казаки успокаиваютъ хозяевъ: «не бойтесь—мы казаки!» Это не мѣшаетъ одному изъ хозяйскихъ ребятишекъ запрятаться подъ столъ, а одному изъ гостей прямо направиться къ плитѣ для осмотра кушанья. Въ картинѣ много движенія и юмора. Написана она, какъ всѣ картины талантливаго профессора, то есть съ знаніемъ эпохи и съ изумительной законченностью всѣхъ мелочей. Съ этой картины мы начинаемъ помѣщеніе копій съ картинъ лучшихъ нашихъ художниковъ, выставившихъ свои произведенія на нынѣшней академической выставкѣ, о которой мы дадимъ подробный отчетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ нашего журнала. Она довольно богата и удачна въ нынѣшнемъ году. Пріемъ на выставку картинъ былъ довольно строгъ, такъ что балласта на ней не очень много.

Душеспасительное чтеніе.

Въ маленькой кельѣ, убого обставленной, съ множествомъ незатѣйливыхъ иконъ въ переднемъ углу, съ теплящейся передъ ними лампадой, старикъ-начетчикъ весь погрузился въ душеспасительное чтеніе распухнувшей отъ долгаго употребленія Библіи. Ничто не смущаетъ его мира въ полной тишинѣ его тѣснаго угла, гдѣ только котъ, товарищъ его уединенія, трется около старика, что-то тихо мурлыча, да выбиваютъ стѣнные часы свое вѣчное тикъ-такъ... Незамѣтно бѣжитъ для старика время—и что его замѣчать?—впереди ждетъ одно: еще болѣе тѣсная келья—могила.

Уличные артисты.

Вдали отъ блещущаго неба
Родной прекрасной стороны
Изъ-за куска дневнаго хлѣба
Мы бродимъ, бѣдности сыны.

Зимой въ трескучіе морозы,
Продрогнувъ въ рубищѣ своемъ,
Едва удерживая слезы,
О знойномъ югѣ мы поемъ,

Поемъ о морѣ, вѣчно синемъ,
О царствѣ пламенной весны,
Не зная сами, гдѣ мы сгинемъ,
Гдѣ будемъ мы погребены.

У водопоя въ лѣсу.

Лѣсъ уже одѣлся свѣжею листвою, вездѣ высоко поднялась трава, все принарядилось, точно къ празднику. Особенно прекрасна природа раннимъ утромъ среди полнаго затишья, когда еще кое-гдѣ виднѣются туманы какъ упавшія на землю облака. Въ эти-то утренніе часы выходитъ изъ лѣсу на опушку, къ окаймляющему лѣсъ ручью, пара молодыхъ граціозныхъ оленей. Чу! гдѣ-то раздается подозрительный шорохъ; они поднимаютъ свои прелестныя головки, настораживаютъ уши и чутко слушаютъ... Вотъ содержаніе помѣщаемой нами гравюры, исполненной во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно и крайне характерно передающей и позу, и выраженіе смышленыхъ животныхъ.

Веселая компанія.

Средневѣковыя таверны съ ихъ веселою жизнью—это излюбленная тэма современныхъ западно-европейскихъ художниковъ, особенно итальянскихъ. Оригинальность обстановки, пестрота костюмовъ, возможность блеснуть техникой, все это манитъ художниковъ къ подобнымъ сюжетамъ. На помѣщаемой нами картинѣ художникъ воспользовался вполнѣ всѣмъ, что могло дать ему возможность блеснуть письмомъ и колоритомъ: пестрота красокъ, бархатъ и кружево, фарфоръ и полугнилое дерево, все здѣсь изображено съ полнымъ мастерствомъ. Группы гулякъ довольно живы и характерны.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ**.

Дозволено цензурою. Спб., 23-го марта 1888 г.
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

Поздравит. и пасхальн. карточки,
юмористич. и меню

англ. МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ краски

для писанія на атласѣ, бархатѣ, кожѣ, деревѣ и пр.

Для живописи, брызгальн., выжигательн., гобеленов. и гелІоминіатюрн работъ: аппараты, краски, кисти, стекла, предметы.

Деревянныя вещи отъ 5 к. до 30 руб. столы, доски и пр.

ОЛЕОГРАФИЧ. КАРТИНЫ

отъ 10 к. до 30 р. Иконы, портреты, пейзажи, сцены, рельеф. и перев.

ТЕРРАКОТЫ

отъ 20 к. до 25 р., вазы, фигуры медальоны.

БАРОСКОПЪ

химич., очень практич. предсказатель погоды съ термометр. и календаремъ за 1 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

РАМЪ

собств. и иностр. фабрикъ, арш. отъ 15 к. до 20 руб. Вставленіе и реставрація картинъ всякаго рода.

Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ.

угловой магаз. Гороховой и Мойки.

№ 348 (1—1).

ШОКОЛАДЪ И КАКАО

(Золотая медаль въ Москвѣ 1882 г.)

С. СІУ и Кº.

Депо въ С.-Петербургѣ

16. Невскій, 16.

На углу Бол. Морской.

Магазинъ А. СІУ и Кº.

ПАРФЮМЕРІЯ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

347 (1—1).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

Спб., Невскій, № 57

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 234 (10—3).

за 16 руб.

1) **Камеръ-обскура**, съ помощью которой можно снимать портреты, виды и проч.

2) **Самоучитель рисованія** акварелью по бумагѣ, атласу и стеклу (печатное наставленіе) большой изящный ящикъ красокъ.

3) **Стереоскопъ** съ карт., изображ. извѣстн. процессіи, конгрессы, балы и проч.

Отдѣльно каждая вещь 6 руб. съ пересылк.

за 30 руб.

Ружье двухствольное (съ витымъствол. изв. фабр. Тромбеля, Ленажа, Дортуа и др. шомпольное. Ружья заряж. съ казен. части, центральнаг. боя 40—65 и 80 руб.

Всѣ цѣны съ пересылкою. Адресовать: въ Москву, въ Англійскую торговлю Языковой. Грузинская ул., д. № 60. № 320 (3—3).

папиросы крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ

получать можно повсюду.

№ 318 (44—5).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, ученую и литературную газету

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

(Безъ повышенія подписной платы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ

«СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»:

Безъ доставки и пересылки:

На годъ 7 р. — —На 6 мѣс. 3 р. 60 к.
На 3 мѣс. 2 р. 25 к.—На 1 мѣс. — 75 к.

Съ доставкою и пересылкою:

На годъ 8 р. — —На 6 мѣс. 4 р. —
На 3 мѣс. 2 р. 50 к.—На 1 мѣс. 1 р. —

За границу съ пересылкою 14 р.

Вновь подписавшіеся получатъ всѣ вышедшіе уже нумера, начиная съ № 1-го, а также и Воскресныя приложенія.

Желающіе получить художественное приложеніе **«Крещеніе Кіевлянъ при св. князѣ Владимірѣ»** или **«Смерть Ивана Сусанина»**—высылаютъ на доставку **80 к.**

Также можно получать преміи журнала «Живописное Обозрѣніе: 1) **«Закатъ солнца въ зимній день»** и 2) **«Босфоръ при лунномъ освѣщеніи»**—съ доставкою по **3** руб. за экз., а **«Наводненіе»** 4 руб. за экз. съ доставкою.

Разсрочка допускается **исключительно** чрезъ **Главную Контору на** слѣдующіе сроки: при подпискѣ **3** р. Къ 1 апрѣля **3** р. Къ 1 іюня **2** р.

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., У Аничкина моста, д. № 68—40.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1826 г.)

Предостерегаютъ отъ подделокъ.

Неподдѣльны только съ этимъ клеймомъ

Можно получать въ большинствѣ магазинахъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.
Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ алицариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *спеціальностей.*

№ 318 (26—4).

Водоочищающіе ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. № 228 (52—19).

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р. Кремъ „Сафо“ 1 р. 25 к., Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.—Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 290 (53—12)

FRANCE

МОСКОВСКАЯ ВСЕРОССІЙСКАЯ ВЫСТАВКА 1882. 1882.

Gde MEDAILLE D'ARGENT

ЗА ПРЕКРАСНУЮ ХУДОЖЕСТВ. РѢЗЬБУ—ЗА МЕБЕЛЬ СЪ РѢЗЬБОЮ, ХОРОШ. ВКУСА И СТОЛЯРНОЙ РАБОТЫ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕБЕЛЬ.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА СТОЛЯРНУЮ И РѢЗНУЮ РАБОТЫ.

Н. ЛОВИТОНЪ, Невскій, № 60,

противъ Аничкина дворца

№ 310 (4—3).

Только-что поступила въ продажу новая книга:

„НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА“

Соч. ЭБЕРСА.

Историческій романъ изъ временъ язычества.

Изящное изданіе (съ портрет. авт.) въ 600 страницъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Подписчики „Живоп. Обозрѣн.“ за пересылку не платятъ.

Спеціальный магазинъ

БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.

Большая Морская, № 25.

въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—5).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—30).

Зубочистное средство

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ШВЕДСКІЙ

зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**

№ 243 (57—18)

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора **А. Янсонъ.**

Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.

Продается:

Въ **Москвѣ:** у Л. Борхардтъ, Г. Брунеъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.

Въ **С.-Петербургѣ:** Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.

кромѣ того имѣется:

у М. Заксъ, Г. Клосъ и Кº., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ, Ф. Линде, О. Роосъ, Русск. Общество торг. **аптекарск.** товарами и во многихъ **аптекахъ**, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.

№ 323 (26—6)

НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

каррикатуръ, силуэтовъ и картинъ. Очень интересно и забавно, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Цѣна за 5 конв. (50 карт.) 3 р.
» » 10 » (100 карт.) 5 р.

съ пересылкою во всѣ города Россіи. Цѣна за 1 пробный конвертъ 65 коп.

Торговцамъ значительная уступка. Можно получить въ игрушечныхъ, писчебумажныхъ и табачныхъ магазинахъ. Главный складъ СПБ. Большая Садовая, № 12. О. Лессеръ.

№ 315 (5—4).

Усовершенствованные пожарные

ТРУБЫ И НАСОСЫ

„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ

Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.

Прейсъ-курантъ безплатно.

№ 186 (40—19)

НОВАГО УРОЖАЯ

замѣчательно хорошія папиросы:

„Охота“ 10 шт. 10 к.
„Дамскія“ 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія“ 10 шт. 6 к.
„Фотографъ“ 10 шт. 6 к.

Получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. магаз. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающимъ не менѣе 25 р. до 1000 вер. разстояніе, пересылка и упаковка на счетъ магазина.

№ 329 (44—5).

Косметическіе спермацетовые

ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральник., кожа лица дѣлается чистою, нѣжною. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они удобны противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза, также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р. 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи; въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Кº, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38.

№ 314 (47—7).

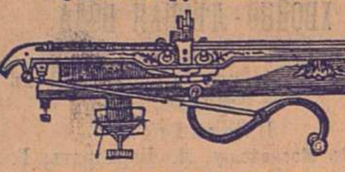
ПОДГОТОВЛЕНІЕ НА МѢСТА

счетоводовъ (бухгалтеровъ), конторщиковъ, подотчетныхъ прикащиковъ путемъ практическихъ упражненій, въ фирмѣ «Счетоводъ». Невскій, д. 66.

№ 345 (1—1).

Центральный складъ

швейныхъ и вязальныхъ машинъ
для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—27).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.
Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.
Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—13)

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.
РЕКОМЕНДУЮТСЯ ВЪ ОСОБЕННОСТИ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ПОМАДЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА И УКРѢПИТЕЛЬНЫЯ ВОДЫ.
ДЛЯ ВОЛОСЪ
ХИННАЯ И ТОНИЧЕСКАЯ
приготовленная съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

Экстрактъ Вежеталь Віолетъ де-Пармъ по 90 к.

Шампуйнъ для мытья головы по 40 к.

Бриллiантинъ Эссъ-Буке по 90 к.

ХИМИЧЕСКАЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Единственные магазины въ С.-Петербургѣ:

1. Невскій просп., д. Католической церкви, № 32.
2. Невскій просп., у Аничкова моста, № 66.
3. Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы, домъ Шредера, № 18—54.

Въ семъ послѣднемъ магазинѣ производится и оптовая продажа.
Въ МОСКВѢ: На Кузнецк. мосту, д. Третьяковыхъ.
№ 346 (1—1).

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: **Клеопатра, египетская царица**, механически движущаяся. **А. С. Пушкинъ, Пастеръ, графъ Лесепсъ**, группа, сказки **Шехеразады изъ 1,001 ночи. Сонъ на яву**, механическая фигура, **Елена Прекрасная**, и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.
№ 324 (10—5).

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.
Лучшая пудра для вечера, а также и дня! Незамѣтна на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!

Театральныя гримировки
румяна, бѣлила и карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, БЕРЛИНЪ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у Б. АУРИХА, Стремянная, № 4, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 183 (15—13).

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

«ЭЛЕОПАТЪ» употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ и развиваетъ густоту волосъ.

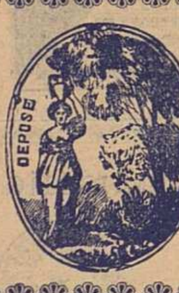
«Элеопатъ» только пров. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 руб. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп. почтовый расходъ и укупорка на счетъ покупателя.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только «ЭЛЕОПАТЪ» провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. или уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

☞ СПРАШИВАЙТЕ ☜

ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.
№ 343 (1—1).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.



Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у **В. Ауриха** въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—29)

ДЕПО ЧАСОВЪ

Эд. Бурхарда.

1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 3/68.

Вновь полученъ большой выборъ часовъ лучшихъ фабрикантовъ, цѣпочекъ, ключей и брелоковъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Каждые часы продаются съ ручательствомъ.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.
№ 289 (27—9).

Большая золотая медаль

Ю. МАРТЕНСА.

Московская выставка 1882 г.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ
съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.
МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ
по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ
КЛЮКВЕННЫЕ И ФРУКТОВЫЕ ЭКСТРАКТЫ
ВИШНЕВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ, ЧЕРНОСМОРОДИНОВЫЙ
свѣже-приготовленные
ФРУКТОВЫЕ СИРОПЫ
Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.
Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.
Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія.
№ 226.

Нумеръ 13-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: изъ 2-хъ листовъ текста; и Обертки.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ**.

Дозволено цензурою Спб., 24-го марта 1888 г.

Типографія С. Добродѣева. Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 14
3 АПРѢЛЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Мелкія извѣстія и замѣтки.

Изъ жизни императора Вильгельма. Про отношенія покойнаго императора Вильгельма къ императрицѣ Августѣ разсказывается такой анекдотъ. Императоръ часто смѣялся надъ самимъ собой и своимъ приближеннымъ говорилъ: «Меня называютъ героемъ и характеризуютъ въ этомъ смыслѣ всюду, а никто не знаетъ, что я, величайшій герой Германіи, нахожусь подъ башмакомъ жены». Почему онъ такъ любитъ васильки? однажды спросили императора. Слѣдующее событіе изъ его дѣтства было тому причиной, по словамъ самого императора. «Когда моя мать — разсказывалъ Вильгельмъ—вмѣстѣ со мною и покойнымъ братомъ бѣжали изъ Кенигсберга въ Мемель, на пути въ полѣ у насъ сломалось колесо. Намъ пришлось ждать, пока его исправятъ. Я, какъ слабый и болѣзненный ребенокъ, надоѣдалъ матери своими жалобами. Чтобъ занять насъ, мать указала на множество красивыхъ голубыхъ цвѣтовъ въ полѣ и попросила насъ принести ей этихъ цвѣтовъ. Затѣмъ она стала плести изъ нихъ вѣнки, и мы весело слѣдили за ея работой. Во время своей работы мать, вспомнивъ, конечно, о судьбѣ своего угнетеннаго отечества, прослезилась и слезы капали на васильки. Это глубоко тронуло меня. Я сталъ ее утѣшать поцѣлуями, причемъ она надѣла на меня вѣнокъ изъ васильковъ. Мнѣ было тогда 10 лѣтъ, и эта сцена осталась незабвенной. Теперь въ старости, когда я смотрю на васильки, я вижу на нихъ слезы дорогой матери и потому люблю эти цвѣты больше всѣхъ».

* * *

Покойный Государь Александръ Николаевичъ и императоръ Вильгельмъ сидѣли однажды вмѣстѣ на музыкѣ въ эмскомъ курзалѣ. Много было гуляющихъ и изъ нихъ не мало любопытныхъ нѣмцевъ, которые, разумѣется, очень близко подходили къ скамейкѣ, гдѣ сидѣли оба Императора, разсматривали Царственнаго Гостя и раскланивались очень почтительно.

Покойный Государь, шутя, замѣтилъ своему дядѣ, что не особенно весело сидѣть подъ наблюденіемъ столькихъ глазъ.

Какъ разъ въ это время показывается Бисмаркъ.

Не подходя, онъ проходитъ мимо, кланяясь Императорамъ, и направляется дальше.

— Ну, теперь насъ оставятъ въ покоѣ, говоритъ императоръ Вильгельмъ.

— А что? спрашиваетъ покойный Государь.

— Всѣ глаза у насъ отберетъ Бисмаркъ.

Чего стоитъ послѣдняя рѣчь Бисмарка. Послѣдняя знаменитая рѣчь князя Бисмарка въ германскомъ парламентѣ заключала въ себѣ 10,997 словъ. Она была сообщена различнымъ нѣмецкимъ и иностраннымъ газетамъ посредствомъ 1218 телеграммъ, составленныхъ, въ общей сложности, изъ 194,296 словъ, и была отправлена изъ Берлина въ 326 различныхъ мѣстностей. Для этой передачи потребовалось 222 телеграфическихъ аппарата, изъ нихъ 60 системы Юза, 155 системы Морзе и 7 системы Эстьена, при общей работѣ 255 различныхъ телеграфныхъ агентовъ. Самая пространная телеграмма была адресована газетѣ «Times», изъ которой и заимствованы вышеприведенныя свѣдѣнія.

Растительный гигрометръ. Извѣстный въ нашихъ садахъ gynerium можетъ служить прекраснымъ указателемъ степени влажности воздуха: его красивые серебристые листья свертыватся въ сухую погоду и начинаютъ развертываються при малѣйшемъ признакѣ сырости. При дождѣ, листья развертываются во всю свою длину.

Плавучіе льды на сѣверѣ. Суровая зима 87—88 года напомнила всѣмъ о плавучихъ льдахъ, встрѣчаемыхъ въ сѣверныхъ частяхъ Атлантическаго океана и представляющихъ большую опасность для судовъ, при переправѣ ихъ изъ Европы въ Канаду или сѣверные порты американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Эти льды попадаются иногда въ громадномъ числѣ; въ маѣ 1882 г., одинъ англійскій пароходъ насчиталъ ихъ до 350, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ ледяныхъ громадъ возвышались до 300 футовъ надъ поверхностью моря, при длинѣ до 7 миль. Такъ какъ видимая высота льдины должна приниматься лишь за шестую часть ея дѣйствительнаго вертикальнаго размѣра, то сказанныя льдины углублялись въ море на 1000—1500 футовъ. Въ прошломъ году, между 4 и 23 іюня, проходившіе пароходы насчитали до 80 ледяныхъ громадъ близъ 40 град. сѣв. шир. и 50 вост. долг. Самая замѣчательная изъ нихъ, встрѣченная англійскимъ пароходомъ Samaritan, имѣла до 200 ф. высоты при длинѣ въ 2 мили.

Электричество къ услугамъ энтомологовъ. Свѣтъ электрическихъ фонарей привлекаетъ всякихъ летающихъ насѣкомыхъ, чѣмъ не замедлили воспользоваться американскіе пауки, какъ извѣщаетъ о томъ «Electricion»; они раскинули свои паутины повсюду, на улицахъ и въ домахъ, доводя даже до отчаянія городскихъ жителей. Но собиратели энтомологическихъ коллекцій въ восторгѣ: имъ стоитъ только протянуть руку, чтобы добывать самые рѣдкіе экземпляры пауковъ.

Стальное гнѣздо. Въ Золотурнѣ (Швейцарія) находится нѣсколько часовыхъ фабрикъ. Владѣлецъ одной изъ нихъ, г. Рюдеръ, открылъ прошлымъ лѣтомъ, на одномъ изъ деревъ своего сада, гнѣздо синицы, свитое изъ стальныхъ пружинъ и имѣвшее въ длину до 12 сантиметровъ. Это гнѣздо, замѣчательно тонкой работы, доставлено въ золотурнскій музей натуральной исторіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Разрѣшенные Спб. Врачебн. Управл.
ТИМОЛОВЫЙ Зубной элексиръ 1 руб.
ТИМОЛОВЫЙ Зубной порошокъ 60 коп.
ГИГІЕНИЧЕСКІЙ Зубной элексиръ 60 коп.
С.-Петербургской
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.
Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45, Невскій просп., № 110, противъ Пушкинск., Петерб. сторона, Больш. проспектъ, № 28. **Москва,** Никольская, д. Шереметева.—Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ
для
ЦЕРКВЕЙ, ФАБРИКЪ
и проч
поставляетъ
Ф. ВИНТЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР № 78
С ПЕТЕРБУРГЪ
№ 352 (3—1).

НОВАГО УРОЖАЯ
замѣчательно хорошія папиросы:
„Охота“ 10 шт. 10 к.
„Дамскія“ 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія“ 10 шт. 6 к.
„Фотографъ“ 10 шт. 6 к.
Получать можно всюду.
Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.
Соб. магаз. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающимъ не менѣе 25 р. до 1000 вер. разстояніе, пересылка и упаковка на счетъ магазина.
№ 329 (44—6).

А. КАПЛУНЪ и СЫНЪ
извѣщаютъ, что матеріи русскихъ и англійскихъ фабрикъ на статское платье въ больш. выборѣ уже получены. Костюмы отъ 25 до 80 р. Пальто или ульстръ отъ 25 до 80 р. Также имѣется прекрасный выборъ готоваго платья: костюмы триковые отъ 14 до 45 р.; пальто или ульстръ отъ 18 до 55 р.: брюки триковыя отъ 3 р. 50 к. Съ почтеніемъ **А. КАПЛУНЪ и СЫНЪ.**
Невскій проспектъ, № 63, противъ Надеждинской.
№ 351 (4—1)

Большая золотая медаль **Ю. МАРТЕНСА.** Московская выставка 1882.
МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ
съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.
МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ
по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ
КЛЮКВЕННЫЕ И ФРУКТОВЫЕ ЭКСТРАКТЫ
Вишневый, Малиновый, Черносмородиновый
свѣже-приготовленные
ФРУКТОВЫЕ СИРОПЫ
Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.
Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.
Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія.
№ 226.

ЭЛЕОПАТЪ
Пр. КИНУНЕНА
УПОТРЕБЛЯЕТСЯ ПРОТИВЪ ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ И ПЕРХОТИ ГОЛОВЫ **ЦѢНА ФЛАКОНУ 1р. 50к.** КЪ УСЛУГАМЪ ПУБЛИКИ ВО ВСѢХЪ АПТЕК. и КОСМЕТ. ЛАБОРАТ.
№ 343 (39—6)

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.
Туалетное средство для дамъ.
Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.
Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—31)

ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ
Отоманъ, Бенгалинъ, Гератъ, Сатинъ Дюшесъ. Гределендръ, Дамасэ, Бархатъ и **Плюшъ гладкій и фрапэ.**
ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ
Подесуа, фай франсэ, Сюра клѣтчатое и гладкое, Ча-чун-ча, Крепъ де-шинъ и Атласъ, Гренадинъ стеклярусный.
ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ: Марабу для отдѣлки конфексіонъ отъ 1 руб. 50 коп.
№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ магазинъ А. В. ТАРАТИНА, бывшій **ШАПКИНА.** **№ 110.**
№ 205

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

3-го Апрѣля, 1888. ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Годъ изданія 53-й.

№ 14

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою **8** р. Безъ доставки въ Спб.: **за годъ 6 р. 60 к.** Въ Москвѣ **безъ доставки** на годъ **7** руб. съ преміею (книжный магазинъ **И. Ф. Панкова**, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ №1 со всѣми приложеніями. За пересылку **преміи** цѣнною посылкою **рубль**.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р., къ 1-му іюня **2** р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—**25** копѣекъ.

На отвѣты прилагаются **двѣ 7-ми** копѣечныя марки.

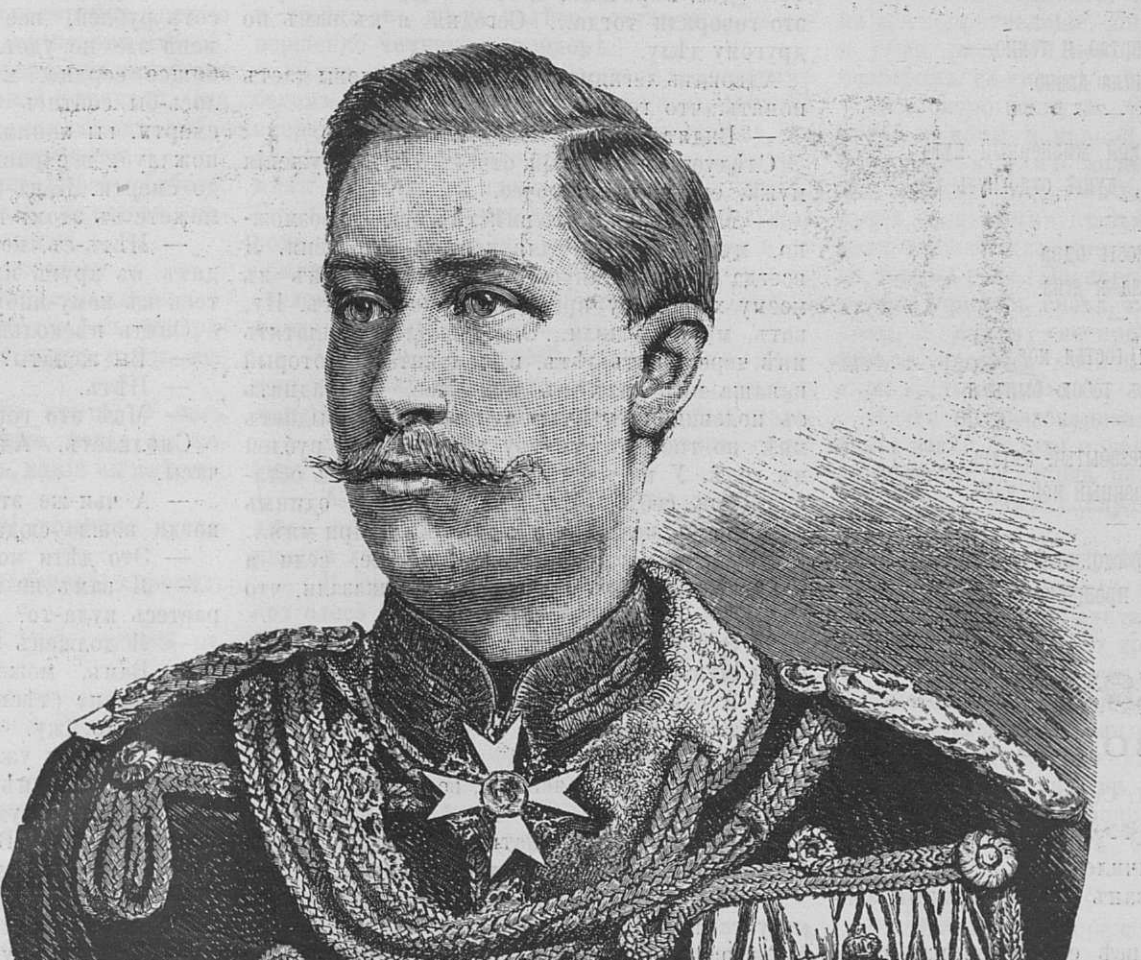
Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

ГЕРМАНСКІЙ Кронпринцъ Вильгельмъ.

Кронпринцъ Вильгельмъ (его полное имя Вильгельмъ-Фридрихъ-Викторъ-Альбертъ) родился въ Берлинѣ, 15 января 1859 года. Ему, слѣдовательно, нѣтъ еще тридцати лѣтъ, возрастъ очень молодой для той роли, которую онъ призванъ играть, и для той дѣятельности, которой онъ долженъ себя посвятить. До пятнадцати лѣтъ принцъ Вильгельмъ воспитывался въ домѣ родителей, а затѣмъ три года былъ въ кассельской гимназіи, по окончаніи курса въ которой, въ 1877 г., былъ зачисленъ въ военную службу, въ гвардейскомъ полку съ чиномъ подпоручика. Этимъ, однако, научное воспитаніе наслѣднаго принца не было окончено, такъ какъ слѣдующіе два года онъ посѣщалъ Боннскій университетъ. Во время своего студенчества, принцъ проявилъ большія симпатіи къ радикальнымъ идеямъ, отрѣшиться отъ которыхъ ему способствовала дальнѣйшая военная служба, вскорѣ сосредоточившая на себѣ все вниманіе юноши, а также въ значительной степени и кн. Бисмаркъ, въ этотъ періодъ отказавшійся отъ услугъ либеральной партіи и дружившій съ консерваторами.



Германскій кронпринцъ Вильгельмъ.

Въ 1881 году кронпринцъ Вильгельмъ вступилъ въ бракъ со старшей дочерью герцога Аугустенбургскаго, принцессою Аугустою-Викторіею. Отъ этого брака родилось четыре сына, Вильгельмъ, Фридрихъ, Адальбертъ и Августъ.

Вступленіе на престолъ императора Фридриха III должно было сразу прекратить всѣ сомнѣнія, уничтожить всѣ колебанія въ новомъ наслѣдникѣ; онъ уже не вѣроятный кандидатъ на титулъ императора, а первый слуга своего государя. Примиреніе между отцомъ и сыномъ, вызванное политическими соображеніями, несомнѣнно упрочится и молодой принцъ, легко поддающійся окружающему вліянію, быть можетъ, раздѣлитъ взглядъ отца, что славнымъ и почетнымъ можетъ быть и миролюбивое царствованіе; залогомъ такой перемѣны въ убѣжденіяхъ наслѣдника германскаго престола можетъ служить порученіе ему завѣдыванія нѣкоторыми государственными дѣлами; такимъ образомъ ему предстоитъ пройдти трудную школу управленія государствомъ подъ непосредственнымъ руководствомъ своего державнаго отца.

Въ жизни кронпринца есть только одна черная тучка на горизонтѣ, — это слабость его здоровья; онъ уже давно не владѣетъ одною рукою, сломанною въ дѣтствѣ при паденіи съ лошади; въ настоящее-же время усиливается хроническая боль уха, угрожающая глухотою; слѣдуетъ надѣяться, что молодые годы больного и старанія врачей исцѣлятъ этотъ недугъ. Злой рокъ, въ видѣ болѣзни, точно тяготѣетъ надъ германскимъ царствующимъ домомъ: о здоровьѣ императора каждый день приносятся новыя утѣшительныя извѣстія,—но, точно въ противовѣсъ этому, съ каждымъ-же днемъ болѣзнь кронпринца все менѣе и менѣе поддается леченію, хотя она и не угрожаетъ смертельнымъ исходомъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Около насыпи свѣжихъ могилъ
Я мои первыя пѣсни сложилъ

—

Пѣлъ ихъ въ печальной ночной тишинѣ:
Зимняя вьюга лишь вторила мнѣ,

—

Слушали звѣзды далекихъ небесъ,
Слушалъ угрюмый, задумчивый лѣсъ...

—

Сѣрою лентою годы прошли,
Горе и радость съ собой унесли,

—

Стало все пусто, мертво и темно,—
Даже и злоба умолкла давно.

—

Теменъ не долгій мой жизненный путь:
Не на чемъ сердцу, душѣ отдохнуть.

—

Только далекая юность одна
Тихо смѣется, свѣтла и ясна.

—

Миръ тебѣ! ранняя гостья моя,
Силенъ и счастливъ тобою былъ я,

—

И лишь на твой незабытый алтарь
Я приношу примиренный мой даръ.

—

Жизни печальной роскошный разсвѣтъ
Юность!—тебѣ мой прощальный привѣтъ.

Караскевичъ.

У АДВОКАТА.

Очеркъ Н. Северина.

Пріемный часъ кончился.

Сегодня баринъ званъ на именинный завтракъ въ два часа.

Это разстраиваетъ всѣ его привычки и поэтому онъ слегка не въ духѣ.

Обыкновенно ему подаютъ завтракать ровно въ часъ, когда съ кліентами разговоры кончены. Къ этому времени онъ начинаетъ ощущать голодъ, дѣлается сухъ и лаконичен, и усиленнымъ ёрзаніемъ на стулѣ вліяетъ, даже и на словоохотливыхъ субъектовъ, такимъ удручающимъ образомъ, что у нихъ слова замираютъ въ горлѣ.

Но сегодня, когда въ половинѣ второго раздается звонокъ, онъ даже доволенъ, что представляется случай съ кѣмъ нибудь убить время до отъѣзда и вмѣсто обычнаго, отрывистаго: «не принимать!» довольно мягко приказываетъ лакею посмотрѣть: «кто это?» если дама—провести въ гостиную.

Черезъ минуту лакей возвращается съ карточкой въ рукѣ и подаетъ ее барину, поясняя при этомъ:

— Дама-съ.

Онъ могъ бы этого не пояснять, такъ какъ на карточкѣ весьма четко отпечатано: «Анна Павловна Сафанова», но люди умные часто любятъ окружать себя дураками, а потому у извѣстнаго адвоката лакей очень глупъ.

Баринъ, по свойственной его профессіи, привычкѣ позировать, охорашивается передъ зеркаломъ и солидной походкой, съ дѣловитымъ выраженіемъ лица, выходитъ въ сосѣднюю комнату.

Молодая дамочка въ прищипнутой кверху по послѣднему фасону, шляпкѣ, со множествомъ перьевъ и цвѣтовъ, въ костюмѣ утрированной до карикатуры, моды, съ подрисованными глазами и черезъ-чуръ румяными щеками и губами, соскакиваетъ съ кресла, на которомъ она расположилась, разсматривать одинъ изъ альбомовъ, лежащихъ на столѣ, и произноситъ, прищуриваясь:

— Вы меня не узнаете?

И не дожидаясь отвѣта:

— Я Алферьева. Это фамилія моего мужа. Въ прошломъ году я была у васъ подъ этой фамиліей, но потомъ, мы съ нимъ разошлись и я опять стала носить мою дѣвичью фамилію. По моему это гораздо приличнѣе... разъ не живешь съ мужемъ, зачѣмъ носить его фамилію? Не правда-ли? Я у васъ была въ прошломъ году, чтобъ вы мнѣ помогли въ дѣлѣ развода, помните?

— Я бракоразводными дѣлами не занимаюсь.

— Да? Впрочемъ, я это знаю, вы мнѣ уже это говорили тогда... Сегодня я къ вамъ по другому дѣлу.

Адвокатъ легкимъ наклоненіемъ головы даетъ понять, что готовъ слушать.

— Видите, мой мужъ служитъ въ...

Слѣдуетъ подробный отчетъ мѣста служенія мужа, его чинъ и прочее.

— Мы рѣшили, что вмѣстѣ жить—невозможно, мука одна, и для него, и для меня. Я всегда такая останусь, какая есть, а онъ къ моему характеру привыкнуть не можетъ. Ну, вотъ, мы и рѣшили... Онъ обязался выплатить мнѣ, черезъ пять лѣтъ, весь капиталъ, который папаша мнѣ далъ въ приданое, двѣнадцать съ половиной тысячъ, а пока, онъ выдаетъ мнѣ, по третямъ, тысячу восемь сотъ рублей въ годъ. У насъ есть дочь. Дочь эту онъ оставилъ при себѣ... Ну, мнѣ хочется... однимъ словомъ, я желаю, чтобъ дочь была при мнѣ... Какъ вы думаете, отдадутъ мнѣ ее, если я буду ее требовать судомъ? Мнѣ сказали, что отдадутъ.

— Это зависитъ отъ того, какія объясненія вашъ мужъ представитъ на судѣ.

— А сколько времени это будетъ продолжаться?

— Что именно?

— Ну, судъ, объясненія, весь процессъ, однимъ словомъ?

— Этого нельзя знать заранѣе. Можетъ быть, годъ, а можетъ быть, и больше.

— Больше году! Это слишкомъ долго, я не хочу такъ долго ждать.

Адвокатъ пожимаетъ плечами. Молчаніе.

— А если я ее украду? Могу я ее украсть?

— Можете.

— Какъ-же это сдѣлать? Вы мнѣ посовѣтуйте!

— Я такихъ совѣтовъ не даю.

— Вотъ видите, теперь мы такъ устроились съ мужемъ, что онъ выплачиваетъ мнѣ тысячу восемь сотъ рублей въ годъ по третямъ. Это очень неудобно да и мало... Я не то, чтобъ гонялась за деньгами, о, нѣтъ! Вы не подумайте, пожалуйста, чтобъ ужь я была такая жадная, вовсе нѣтъ, а только все-таки... если можно съ него стащить больше, то почему-же не стащить? Онъ очень нехорошій человѣкъ... Моя дочь меня очень любитъ, ей было бы гораздо лучше у меня, чѣмъ у отца... Развестись мнѣ развѣ съ нимъ? Совсѣмъ, формально? Какъ вы мнѣ посовѣтуете?

— Разводитесь.

— А вы возьметесь за мое дѣло?

— Нѣтъ, не возьмусь. Я вамъ уже сказалъ, что разводными дѣлами не занимаюсь.

— Да, вы мнѣ это сказали, правда. А знаете, мнѣ легко получить разводъ; мой мужъ завелъ себѣ одну мадамъ... она у него въ экономкахъ, рожа, говорятъ, и рябая... Если я это докажу, мнѣ дадутъ разводъ и дочь тоже, неправда-ли?

— Зачѣмъ вамъ дочь? Мужъ вашъ служитъ, какъ вы говорите, стало быть, занимаетъ извѣстнаго рода общественное положеніе, а вы...

— Да говорятъ-же вамъ, что у него эта мадамъ, рябая, какой-же примѣръ для дѣвочки?

— У васъ она, по всей вѣроятности, видѣла-бы примѣры получше этого, но въ виду неопредѣленности вашего положенія...

— А если я его убью?

— Кого?

— Моего мужа. Куплю пистолетъ, заряжу его и такъ, прямо въ упоръ—пафъ! Какъ вы думаете, оправдаютъ меня?

— Смотря по обстоятельствамъ.

— А возьметесь вы меня тогда защищать?

— Не знаю.

— А какъ это сдѣлать?

— Что именно?

— Да убить его? Посовѣтуйте мнѣ.

— Такихъ совѣтовъ я не даю.

Молчаніе. Адвокатъ смотритъ на часы, дамочка это замѣчаетъ и спѣшитъ возобновить прерванную бесѣду.

— Видите, вотъ я съ мужемъ разсталась и онъ выдаетъ мнѣ по третямъ тысячу восемьсотъ рублей, все это хорошо, если хотите, но меня это не удовлетворяетъ, у меня очень любящее сердце, мнѣ хотѣлось-бы... мнѣ хотѣлось-бы сойтись съ кѣмъ-нибудь прочно, до смерти, вы понимате? Гражданскимъ бракомъ, пожалуй, все равно, лишь-бы только прочно, до смерти. Какъ-бы это устроить? Вы мнѣ не можете въ этомъ помочь?

— Нѣтъ-съ, не могу. Подобныя дѣла не входятъ въ кругъ нашей спеціальности, обратитесь къ кому-нибудь другому.

Опять нѣсколько секундъ молчанія.

— Вы женаты?

— Нѣтъ.

— Мнѣ это говорили, что вы холостой.

Смолкаетъ. Адвокатъ опять смотритъ на часы.

— А чьи-же это дѣти, которыхъ я видѣла, когда вошла сюда?

— Это дѣти моей сестры.

— Я вамъ не мѣшаю? Вы, кажется, собираетесь куда-то?

— Я долженъ ѣхать минутъ черезъ десять.

— Вамъ, можетъ быть, одѣваться нужно? Такъ вы не стѣсняйтесь, пожалуйста, я тутъ и одна посижу.

— Нѣтъ, я ужь одѣтъ.

— Знаете, мнѣ хотѣлось-бы найти человѣка не молодого и умнаго... Непремѣнно умнаго, въ родѣ васъ... Вы такого не знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Жаль.

Оглядывается по сторонамъ.

— Квартира у васъ очень большая. Что у васъ тамъ, въ другихъ комнатахъ?

— Столовая, спальня, кабинетъ...

— Тамъ у васъ никого нѣтъ?

Киваетъ на одну изъ дверей.

— Никого.

— Прошлый разъ, когда я у васъ была, вы были очень суровы и все прерывали меня... Сегодня вы добрые... Я вамъ не мѣшаю?

— Я вамъ уже сказалъ, что минутъ черезъ пять мнѣ надо ѣхать.

— У васъ есть фортепьяны?

— Нѣтъ.

— Жаль. Я-бы вамъ что-нибудь сыграла... Я умѣю играть на фортепьянахъ.

Молчаніе. Адвокатъ подымается съ мѣста, дамочка тоже.

— Да, сегодня вы гораздо добрѣе. Почему это вы сегодня добрѣе, чѣмъ въ прошломъ году?

— Я, вѣроятно, былъ занятъ тогда.

— Васъ ждали, мужчины какіе-то, въ кабинетѣ... Вѣдь это у васъ кабинетъ тамъ?

— Кабинетъ.

У дверей прихожей:

— Могу я къ вамъ опять зайти?

— Если у васъ будетъ какое-нибудь дѣло.

— О! Разумѣется! Я и сегодня по дѣлу... До свиданія.

— До свиданія.

На порогѣ двери на лѣстницу, дамочка возвышаетъ голосъ:

— Я къ вамъ зайду на будущей недѣлѣ...

Лакей затворяетъ ей на носъ дверь и конецъ фразы не долетаетъ до ушей барина.

Н. Северинъ.

ПИСАТЕЛЬ.

Разсказъ **Виктора Бибикова.**

(*Окончаніе*).

Было семь часовъ вечера, когда молодые люди подошли къ «Петербургской гостинницѣ», помѣщавшейся въ центрѣ города.

Въ общей залѣ, неопрятной маленькой комнатѣ съ нѣсколькими столиками, покрытыми цвѣтными скатертями, не было ни души, и кельнеръ, юркій еврейчикъ въ сѣромъ пиджакѣ, растерялся отъ неожиданности видѣть стольких посѣтителей. Пока юнкера усаживались за однимъ изъ столовъ, собирая изъ всѣхъ концовъ залы разнокалиберные стулья, онъ успѣлъ достать гдѣ-то салфетку, поддѣлъ ее подъ лѣвую руку и, склонивъ голову на бокъ, ожидалъ приказаній.

Изъ сосѣдней комнаты вышла еврейка, должно быть, буфетчица, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ длинными золотыми эмальированными серьгами и толстой золотой часовой цѣпочкой. Она остановилась у порога и съ тоскливымъ любопытствомъ посматривала на юнкеровъ.

— Мы хотимъ ѣсть! объявилъ фельдфебель.

— Что-жь, можно! отвѣчалъ кельнеръ, наклоняя голову на бокъ еще ниже.

— Что-же у васъ можно достать?

— Все! меланхолично отвѣчалъ кельнеръ.

— Все—это значитъ ничего! сказалъ, раздражаясь, Надеждинъ,—подайте карту и мы выберемъ!

— Зачѣмъ карту, для чего карту? У насъ нѣтъ никакой карты. Говорите, какія вы хотите кушанья, я буду говорить, какія мы имѣемъ, и вы выберете.

— Оригинальные порядки! пожимая плечами, замѣтилъ Надеждинъ.

— Ну, что у васъ есть, говорите! спросилъ фельдфебель.

— Говорите прежде вы, я буду слушать, отвѣчалъ кельнеръ.

— Да что мы торговаться пришли сюда, что-ли? повышая голосъ, вмѣшался Надеждинъ.— Какія кушанья у васъ есть?

— Зачѣмъ сердиться, не надо сердиться, можно сдѣлать все безъ крику, безъ голосу. Что вы себѣ прикажете, молодой баринъ?

— Да что у васъ есть, вы скажете, наконецъ!

— Охъ, какой горячій молодой баринъ! У насъ есть все: можно приготовить котлеты пожарскія, бифштекъ съ картофелью, можетъ, баринъ любитъ рыбное, можно щуку подать, хорошую фаршированную щуку; цыплятъ тоже можно, молодыхъ цыплятъ!

— Антрекотъ вы можете приготовить? спросилъ Надеждинъ.

— Антрекотъ? лукаво улыбаясь, переспросилъ кельнеръ. — У барина тонкій вкусъ, можно и антрекотъ.

— Что это такое: антрекотъ? спросилъ фельдфебель.

— А просто большой кусокъ мяса, я всегда требую въ ресторанахъ это кушанье, и если говядина свѣжая, лучшаго ничего не надо, отвѣчалъ Надеждинъ.

— Ну, тогда дайте и намъ антрекотъ! сказали юнкера.

— Всѣмъ антрекотъ? задумчиво произнесъ кельнеръ.

— Да, всѣмъ!

— Всѣмъ антрекота нельзя. Можно подать молодому барину, потому онъ очень горячій, можно еще одну порцію вамъ, кивая на фельдфебеля, отвѣчалъ кельнеръ, — а всѣмъ антрекота нельзя!

— Отчего-же нельзя?

— Деликатное блюдо.

Юнкера засмѣялись. Надеждинъ предложилъ отправиться въ другой ресторанъ. Косые глаза кельнера забѣгали пугливо.

— Зачѣмъ безпокоить себя? Для чего ходить въ другой ресторанъ, вы получите свой антрекотъ, и господинъ юнкеръ получитъ, а господамъ я подамъ шнелькλопсъ.

— Что это еще за шнельклопсъ? смѣясь, переспрашивали юнкера.

— Такое блюдо. Тоже все изъ мяса, какъ антрекотъ.

Переговоры уже надоѣли проголодавшимся молодымъ людямъ, и фельдфебель приказалъ подавать все, что есть, лишь-бы скорѣе.

Кельнеръ засуетился, сталъ собирать ножи и вилки, хотѣлъ сдвигать столики вмѣстѣ, чтобы восемь человѣкъ помѣстились за однимъ столомъ, но раздумалъ и, поставивъ взятый столикъ на мѣсто, подошелъ къ молодымъ людямъ.

— Знаете, что я вамъ скажу? Здѣсь вамъ будетъ нехорошо ѣсть, а что я вамъ скажу: сюда могутъ приходить всякій народъ, а лучше я вамъ дамъ номеръ, большой семейный номеръ, тамъ вы и пообѣдаете и будете, какъ дома

— Веди въ номеръ!

Юнкера гурьбой отправились за номернымъ и, выйдя въ дверь налѣво, очутились въ совершенно темномъ корридорѣ.

«Куда ты насъ ведешь?» запѣлъ громкимъ басомъ изъ «Жизни за Царя» юнкеръ, шедшій впереди всѣхъ. Надеждинъ зажегъ спичку, но при поворотѣ уже было свѣтло, и кельнеръ гремѣлъ ключомъ въ плохо отворявшемся замкѣ. Семейный номеръ оказался довольно большой комнатой съ двумя широкими кроватями и съ обыкновенной номерной обстановкой: круглымъ столомъ, диваномъ, двумя креслами и шестью мягкими стульями.

— Здѣсь вы можете себѣ и хорошенько отдохнуть, до поѣзда еще порядочно осталось, сказалъ кельнеръ, сдвигая рядомъ два ломберные стола.

— А что будетъ стоить этотъ номеръ? спросилъ Надеждинъ.

— А ничего. Я хочу угодить молодымъ людямъ, чтобы довольны остались и чтобы вспоминали хорошо нашъ отель.

— Il faut lui donner pour boire! сказалъ въ полголоса Надеждину фельдфебель.

— Après! отвѣчалъ беллетристъ дѣловымъ тономъ и оба смолкли, довольные этими французскими словами.

Кельнеръ лукаво оглядѣлъ молодыхъ людей, изъяснявшихся на французскомъ діалектѣ, и ушелъ, пообѣщавъ принести заказанныя блюда черезъ десять минутъ. Юнкера сняли стѣснявшіе ихъ мундиры и приняли непринужденныя позы, развалившись на мягкой мебели. Фельдфебель улегся на кровати и сладко потягиваясь, приглашалъ, Надеждина послѣдовать его примѣру. Но не успѣлъ еще начинающій писатель снять свое короткополое пальто, какъ въ дверяхъ послышался слабый стукъ, затѣмъ щелкнула отворявшаяся ручка, и въ комнату выглянула оживленно кивавшая голова съ черными спутанными волосами и неестественно блѣднымъ лицомъ.

— Позвольте васъ безпокоить, господа молодые офицеры! заговорила блѣдная голова.

— Что вамъ надо, войдите! пригласилъ Надеждинъ.

Голова еврея высунулась уже по плечи и однимъ, зрячимъ и зоркимъ глазомъ,—другой былъ навѣки закрытъ,—бѣгло оглядѣла молодыхъ людей.

— Войдите! повторилъ Надеждинъ.

— Благодарю васъ, сейчасъ.

Медленно отворяемая дверь заскрипѣла, и въ комнату, униженно кланяясь, вошелъ горбатый еврей въ длинномъ лапсердакѣ.

Онъ дружелюбно улыбнулся молодымъ людямъ и, таинственно подмигивая, сказалъ, понижая искательный тонъ своего голоса:

— У меня есть до васъ, господа, маленькое дѣло, и, обращаясь преимущественно къ Надеждину, продолжалъ: у меня есть янтари, хорошіе янтари зъ прусской контрабанды!

— Какіе янтари?

— Мундштуки и папиросницы.

Факторъ досталъ изъ-за пазухи бумажный свертокъ и показывалъ янтари «изъ прусской контрабанды». Юнкера поочередно пересмотрѣли папиросницы, но когда фельдфебель спросилъ, что стоитъ самый маленькій мундштукъ, факторъ заломилъ такую ни съ чѣмъ несообразную цѣну, что съ нимъ не захотѣли торговаться и попросили уйти. Онъ долго не хотѣлъ уходить и стоялъ въ растворенной и невыносимо скрипѣвшей двери, до тѣхъ поръ, пока фельдфебель не вытолкалъ его въ корридоръ и заперъ за нимъ дверь на ключъ.

Черезъ добрыхъ полчаса явился кельнеръ съ блюдами. Разставляя тарелки, онъ суетился, болталъ безъ умолку, зажегъ двѣ тоненькія свѣчи и поспѣшно ушелъ. Приготовлены были блюда нестерпимо плохо, и въ особенности плохи оказались обѣ порціи антрекота, два засушенные куска говядины сомнительной свѣжести. Во время ѣды, Надеждинъ храбро выдерживалъ укоризненные взгляды фельдфебеля, соблазнившагося хитрымъ названіемъ блюда, и съ аппетитомъ, болѣе похожимъ на прилежаніе, уничтожалъ невкусное жесткое мясо. Послѣ обѣда легли отдыхать. Надеждину, не смотря на его сопротивленіе, юнкера уступили кровать и сами размѣстились на другой кровати въ четверомъ, на диванѣ и на сдвинутыхъ стульяхъ.

Они скоро заснули, утомленные долгой дорогой и, когда номерной пришелъ въ одиннадцать часовъ будить молодыхъ людей, всѣ встали, оглядывая съ тупымъ изумленіемъ другъ друга заспанными глазами, точно они не провели вмѣстѣ два дня въ дорогѣ, а видѣлись въ первый разъ. Наскоро пили чай, и когда номерной принесъ счетъ, каждый заплатилъ свою долю, и никому не пришло въ голову возмутиться противъ двойныхъ цѣнъ «Петербургской гостинницы».

Почти не разговаривая, они пришли на вокзалъ, взяли билеты и, занявъ въ вагонѣ мѣста за полчаса до отхода поѣзда, размѣстились на скамьяхъ и опять заснули, продолжая прерванный сонъ.

Утромъ всѣ были разбужены кондукторомъ: въ вагонѣ прибавились пассажиры, и юнкера должны были освободить занятыя ими лишнія мѣста и усѣсться, по требованію кондуктора, по два человѣка на скамьѣ.

Днемъ молодые люди опять сблизились между собою, завязались оживленные разговоры, шутки, смѣхъ, и всеобщее вниманіе юнкеровъ опять привлекалъ Надеждинъ. По мѣрѣ приближенія къ столицѣ онъ становился все веселѣе и возбужденнѣе, говорилъ объ ожидающемъ его успѣхѣ, читалъ стихотворенія, импровизировалъ разсказы.

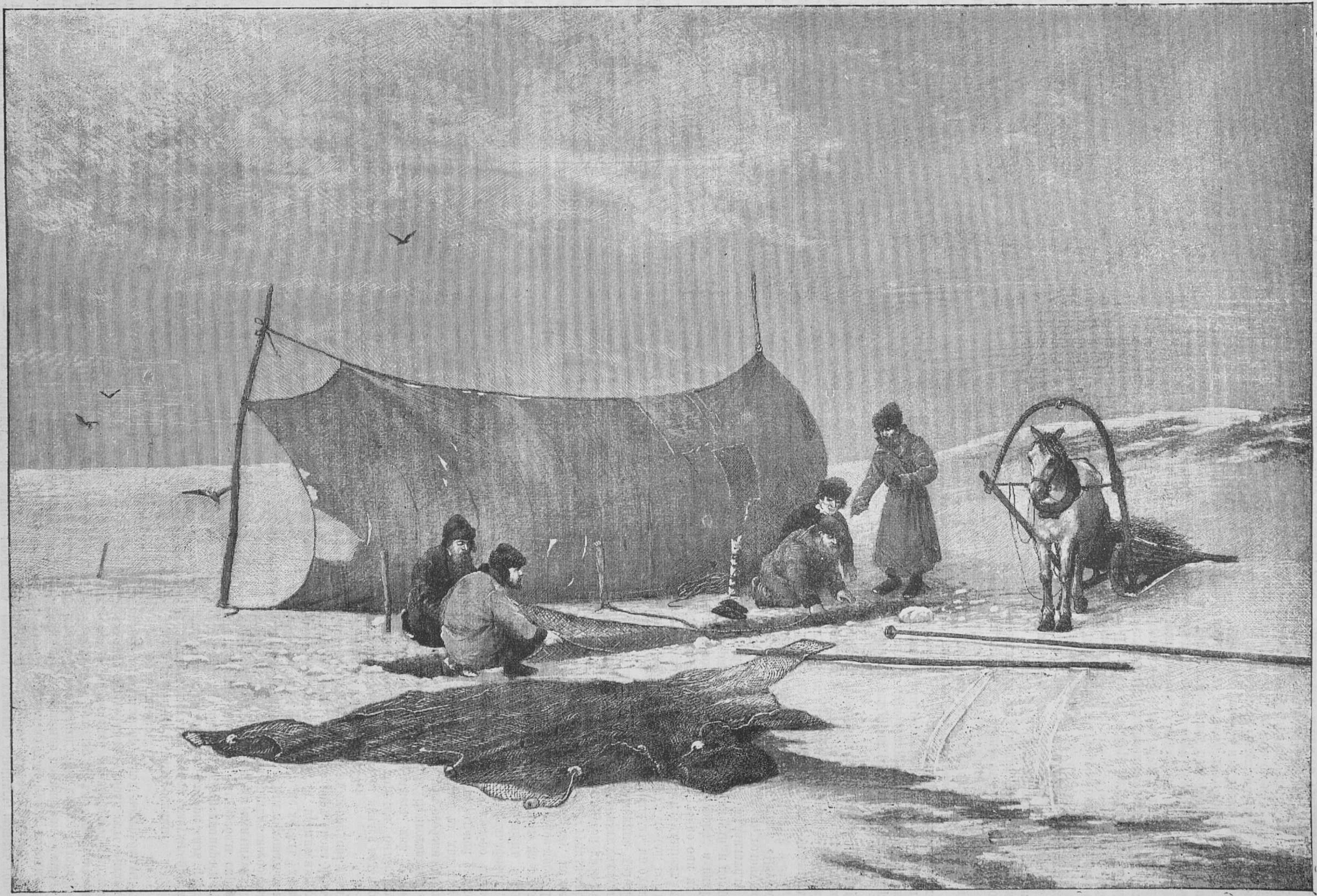
Въ Вильно полуторачасовая остановка и пересадка.

На вокзалѣ юнкера встрѣтились съ своими товарищами, ѣхавшими черезъ Вилейку изъ западныхъ губерній, и такъ какъ всѣхъ набралось человѣкъ тридцать, то было рѣшено за обѣдомъ занять отдѣльный вагонъ, не пускать въ него никого изъ постороннихъ пассажировъ и ѣхать въ тѣсномъ дружескомъ обществѣ.

Юнкера, ѣхавшіе изъ Бѣлостока, познакомили, разумѣется, Надеждина съ своими товарищами, и онъ быстро съ ними сошелся, благодаря восторженнымъ отзывамъ представлявшихъ его молодыхъ людей. Кондуктору дали рубль на чай, и онъ съ удовольствіемъ согласился на просьбу юнкеровъ не пускать никого въ занятый ими вагонъ.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

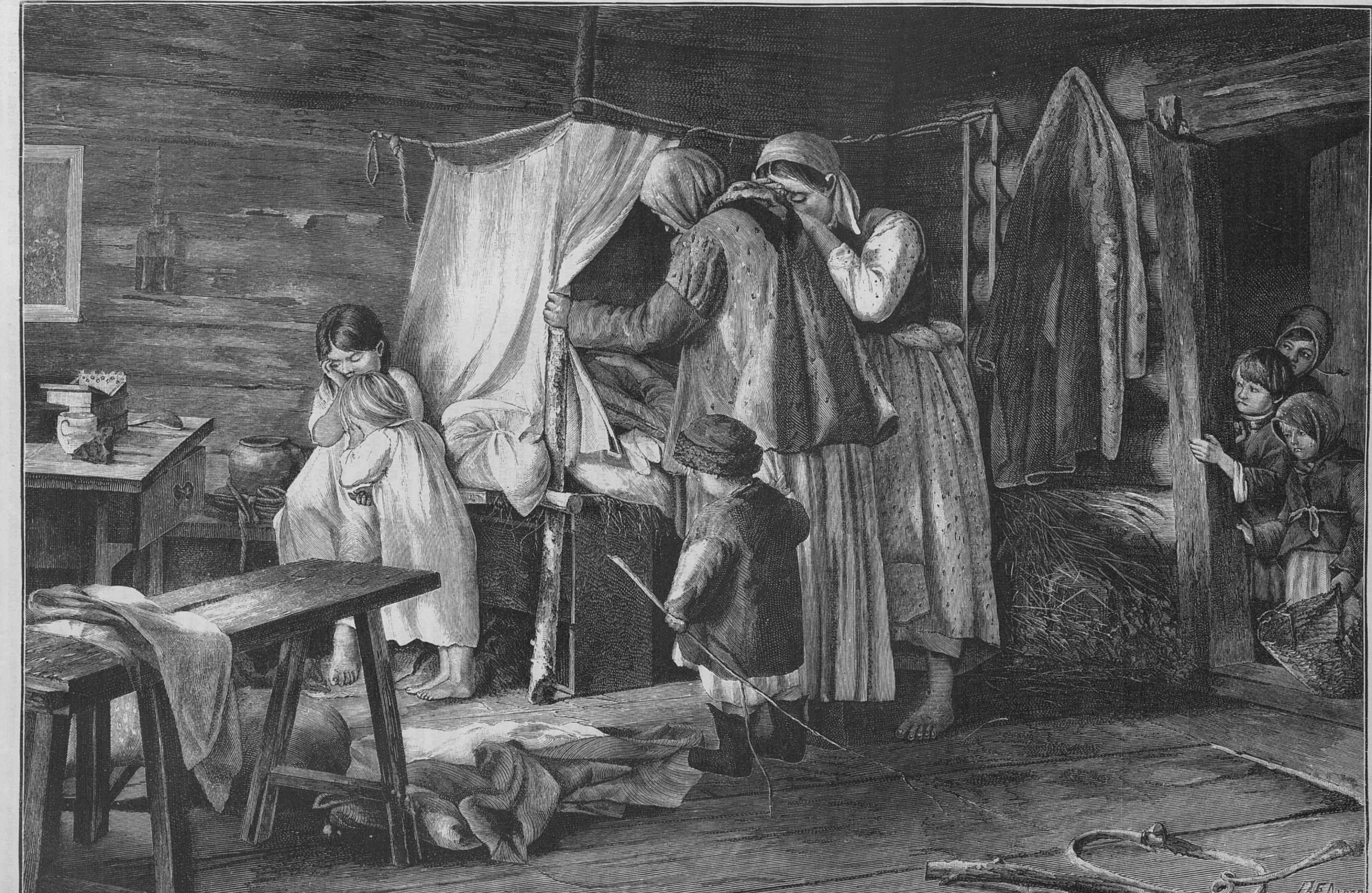
Съ картины А. Гофмана (рисовано для журн. «Жив. Об.»).



Ловля рыбы зимой.

XVI-я ПЕРЕДВИЖНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ СПБ. 1888 ГОДА.

Съ картины К. В. Лемоха (собств. журн. «Жив. Обозр.»).



Божья воля.

Гравировалъ на деревѣ для журн. „Жив. Обозр.“ Е. Львовъ въ Спб.

Шутки, смѣхъ, веселые разговоры не умолкали всю дорогу. У нѣкоторыхъ юнкеровъ, сѣвшихъ въ поѣздъ въ Вильно, нашлись въ чемоданахъ пирожки, вино, закуски, положенные дома заботливыми родственниками: конечно, они всѣмъ дѣлились съ своими товарищами и наперерывъ угощали молодого беллетриста.

Онъ быстро вошелъ во всѣ интересы училищной жизни, ему были разсказаны самые послѣдніе училищные анекдоты и остроты, онъ узналъ всѣхъ болѣе или менѣе характерныхъ учителей, баталіоннаго командира «Яшку красную рубашку» по училищному прозвищу, ругавшагося на ученіяхъ неприличными словами и оправдывавшагося въ своемъ сквернословіи тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ институтками, узналъ, что у начальника училища прехорошенькая горничная, предметъ ухаживанія всѣхъ юнкеровъ, узналъ, наконецъ буфетчика Харлампія, всеобщаго любимца, отпускающаго въ неограниченный кредитъ юнкерамъ до выпуска въ офицеры, папиросы, булки, чай и сахаръ. Разсказы объ училищной жизни, объ экзаменахъ съ неизбѣжными мошенничествами посредствомъ шпоргалокъ *), подсказыванiй, всевозможныхъ школьныхъ продѣлокъ, вызвали со стороны Надеждина разсказы о его пансіонской жизни, и молодые люди взапуски дѣлились своими воспоминаніями.

Возлѣ Динабурга евреи, не нашедшіе свободныхъ мѣстъ во всемъ поѣздѣ, попробовали войти въ вагонъ юнкеровъ, но ихъ вытолкали при общемъ смѣхѣ. Та же участь постигла и небольшую партію рабочихъ-плотниковъ.

Во время дороги на промежуточныхъ станціяхъ другіе пассажиры пробовали войти въ этотъ вагонъ, но юнкера не пускали никого, объявляя, что вагонъ отведенъ имъ желѣзнодорожнымъ начальствомъ, они должны ѣхать вмѣстѣ, а о Надеждинѣ говорили, что онъ—сопровождающій надзиратель, и всѣ удовлетворялись этими объясненіями.

Надеждинъ уступилъ просьбамъ своихъ спутниковъ, прочиталъ имъ вслухъ другую свою повѣсть, и чтеніе сопровождалось тѣмъ же успѣхомъ, что и въ Бѣлостокѣ. Онъ читалъ, стоя по срединѣ вагона, окруженный тѣснившимися и жавшимися другъ къ другу юнкерами, которые боялись проронить хоть одно слово чтенія. Послѣ прочтенія этой повѣсти, вниманіе юнкеровъ къ беллетристу удвоилось. На ночь они устроили ему удобную постель изъ своихъ шинелей, и Надеждинъ не сопротивлялся, какъ въ Бѣлостокѣ, принимая всѣ эти знаки уваженія, какъ необходимую дань своему таланту.

Но несмотря на сравнительно очень удобную постель, молодой человѣкъ не могъ заснуть всю ночь. Завтра въ Петербургѣ. Какъ приметъ его столица? Какъ приметъ его тотъ редакторъ, которому онъ везетъ свои повѣсти? Онъ думалъ о литературныхъ знаменитостяхъ, съ которыми ему предстояло познакомиться, мечталъ объ ожидавшемъ его успѣхѣ. Успѣхѣ? А если неудача. Развѣ не можетъ быть такъ, что редакторъ не возьметъ его повѣстей, что тогда дѣлать въ громадномъ городѣ безъ друзей, родныхъ и знакомыхъ? На помощь съ родины, онъ расчитывать не могъ, оттуда некому его поддержать, всѣ отговаривали его уѣзжать въ Петербургъ, пророчили ему неудачу и, пожалуй, они только порадуются справедливости своихъ предсказаній. Онъ вскакивалъ со скамьи, выходилъ на площадку и, освѣженный морознымъ воздухомъ, рѣзкимъ вѣтромъ, возвращался въ вагонъ, садился на свое мѣсто и осматривалъ мирно спавшихъ юнкеровъ.

Онъ вспоминалъ ихъ горящіе глаза, восторженныя лица во время его чтенія, похвалы, которыми осыпали его слушатели, похвалы искреннія, горячія, и это воспоминаніе его нѣсколько успокоивало, и, онъ крѣпко заснулъ, побѣдивъ послѣдніе приступы страха.

Утромъ, мутный свѣтъ лился черезъ замерзшія окна, освѣщая неопрятный вагонъ съ набросанными во множествѣ на полу окурками и остатками ѣды, Надеждина разбудилъ шумъ и возня возлѣ вагонной двери.

— Уходите, уходите, мѣстъ нѣтъ—громкимъ шопотомъ убѣждали кого-то юнкера—съ нами ѣдетъ надзиратель, и если вы его разбудите, онъ Богъ знаетъ что съ вами сдѣлаетъ!

— Какъ они меня любятъ, думалъ Надеждинъ, сладко потягиваясь и протягивая руку въ карманъ, чтобы достать и закурить папиросу,—берегутъ мой покой и за что?

Но его счастливое настроеніе смѣнилось безпокойствомъ, когда онъ услышалъ хриплый голосъ, простонавшій: «Господа, ради Бога!»

Надеждинъ всталъ, наскоро протирая глаза, и подошелъ къ юнкерамъ, которые, сохраняя напряженное молчаніе силились вытолкнуть за дверь отбивающагося отъ нихъ пассажира въ енотовой шинели и потертой драповой шапкѣ, лица котораго не было видно, благодаря поднятому воротнику. Онъ стоялъ спиной къ двери, схвативъ обѣими руками за дверную ручку, и юнкера, несмотря на всѣ свои усилія, не могли оторвать крѣпко уцѣпившихся рукъ человѣка въ енотовой шубѣ.

— Уходите въ другой вагонъ! вскричалъ съ досадой Надеждинъ. Чего вы лѣзете? Я ѣду съ моими воспитанниками и не могу позволить никому изъ постороннихъ ѣхать съ нами.

Голосъ Надеждина ободрилъ юнкеровъ, руки человѣка въ енотовой шубѣ были разжаты дружными усиліями, дверь отворилась, струя морознаго воздуха ворвалась въ вагонъ, человѣкъ въ енотовой шубѣ покачнулся, чуть не упавъ, но схватился за косякъ и удержался, юнкера надвинулись на него ближе, и онъ бы вылетѣлъ за дверь, какъ вдругъ громкій вопль, старческій, дрожащій вопль, вырвавшійся у человѣка въ енотовой шубѣ, заставилъ юнкеровъ отодвинуться отъ него. Человѣкъ въ енотовой шубѣ, порывистымъ движеніемъ руки разстегнулъ воротникъ шубы, шапка слѣзла на затылокъ, изъ-подъ нея выбились въ безпорядкѣ сѣдые спутанные волосы и всѣ увидали старческое бритое лицо съ слезящимися глазами, съ дрожащими отъ волненія губами.

— Уходите! закричалъ фельдфебель, подвигаясь къ старику.

Новое рыданіе огласило вагонъ, старикъ собралъ всѣ свои силы, запахнулъ шинель и сдѣлалъ шагъ къ выходу. Но на ходу повернувъ къ юнкерамъ свою трясущуюся голову, сказалъ:

— Уйду, уйду! И съ новымъ рыданіемъ ушелъ изъ вагона. Юнкера какъ стояли возлѣ дверей, такъ и остались, смущенные съ виноватыми лицами, избѣгая встрѣтиться взглядами другъ съ другомъ.

— Надо его вернуть, сейчасъ же вернуть! вскричалъ Надеждинъ.—Я пойду!

Но фельдфебель его предупредилъ и со словами: подождите, я сейчасъ, вы простудитесь! вышелъ изъ вагона. Прошло минуты три напряженнаго молчанія. Фельдфебель возвратился съ пасмурнымъ лицомъ

— Ну, что? спросилъ Надеждинъ.

— Не хочетъ! глухо отозвался фельдфебель.

— Что же онъ говоритъ?

— Говоритъ, что онъ старикъ и... что насъ Богъ накажетъ; все плачетъ. Фельдфебель отвернулся отъ Надеждина и отъ внимательно слушавшихъ его товарищей, чтобы скрыть слезы, выступившія на его глаза.

Два юнкера ушли къ старику. Но и они возвратились безъ успѣха съ унылыми, печальными лицами. Тогда изъ вагона вышелъ Надеждинъ. На открытой площадкѣ, на кондукторской скамейкѣ сидѣлъ старикъ. Онъ опустилъ свою голову въ руки, упершись на колѣна и, казалось, застылъ въ этомъ положеніи. У ногъ его лежалъ небольшой ковровый саквояжъ.

— Мы просимъ васъ возвратиться въ вагонъ! началъ Надеждинъ дрожащимъ голосомъ, но не получилъ отвѣта. Онъ постоялъ молча нѣсколько минутъ. Старикъ не поднималъ головы.

— Простите насъ! прошепталъ чуть слышно Надеждинъ. Молчаніе.

— Простите насъ! повторилъ онъ громче, трогая руку старика.

Старикъ поднялъ голову, и когда Надеждинъ опять увидалъ это дряхлое, морщинистое лицо съ воспаленными отъ слезъ и отъ вѣтра глазами, нестерпимый стыдъ охватилъ все его существо.

— Простите насъ! повторилъ онъ еще разъ, наклоняя голову подъ взглядомъ старика.— Идите къ намъ въ вагонъ! прибавилъ онъ чуть слышно.

— Проститъ васъ Богъ, а мнѣ нечего прощать. Но только и вы доживете до старости, тогда узнаете, что значитъ... Онъ не могъ договорить, слезы заструились по его лицу, голова затряслась и онъ поникъ ею безсильно.

— Прошу васъ въ вагонъ, здѣсь простудитесь!

Старикъ досталъ большой клѣтчатый платокъ, вытеръ слезы и сказалъ почти спокойно:

— Идите вы сами, вы, если простудитесь, такъ жалко будетъ,—молодой человѣкъ, а меня ужъ не пожалѣютъ: лишнее мѣсто на свѣтѣ занимаю.

— Идемъ въ вагонъ! повторилъ Надеждинъ.

— Нѣтъ, не просите, не пойду; ужъ если вы не пустили тогда меня, то теперь не пойду, здѣсь останусь, дастъ Богъ, не замерзну. А вы идите.

— Безъ васъ я не пойду!

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ старикъ, отворачиваясь отъ Надеждина.

Дверь вагона отворилась, изъ нея выглянуло смущенное лицо фельдфебеля, онъ вопросительно поглядѣлъ на Надеждина, но тотъ замахалъ руками, и фельдфебель скрылся.

Поѣздъ мчался все скорѣе и скорѣе. Потянулись пригородныя деревни, обнаженныя чернѣющія рощи.

На площадкѣ было очень холодно, и ознобъ заставилъ Надеждина дрожать всѣмъ тѣломъ въ его короткомъ, недостающемъ до колѣнъ, пальто.

— Идите въ вагонъ! кротко сказалъ старикъ послѣ долгаго молчанія.

— Съ вами пойду, безъ васъ—нѣтъ! отвѣчалъ Надеждинъ, и оба опять замолчали.

Опять отворились двери вагона, и двѣ-три головы юнкеровъ выглянули, безпокойно оглядывая Надеждина. Но онъ замахалъ нетерпѣливо обѣими руками и, должно быть, выраженіе его лица было такъ убѣдительно, что дверь тотчасъ же захлопнулась. Прошло еще съ четверть часа. Поѣздъ приближался къ столицѣ. Виднѣлись трубы далекихъ фабрикъ, кресты церквей, вотъ проѣхали кладбище, такъ непохожее своими размѣрами на провинціальныя кладбища, встрѣчающее, какъ молчаливая угроза, ѣдущихъ искать счастья въ туманный городъ.

Старикъ тяжело вздохнулъ и перекрестился, когда поѣздъ, свистя и пыхтя, промчался мимо кладбищенской церкви.

Но вотъ поѣздъ съ немолчно свистящимъ, точно стонущимъ паровозомъ, въѣхалъ въ станціонную территорію. Промелькнули безчисленные пустые вагоны, поѣздъ въѣхалъ подъ стеклянный навѣсъ платформы и остановился. Старикъ вышелъ на платформу. Надеждинъ остался на своемъ мѣстѣ въ томъ же положеніи съ опущенной головой, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, но черезъ нѣсколько мгновеній, онъ со всѣхъ ногъ бросился догонять старика.

— Послушайте, ради Бога, взмолился онъ, догнавъ старика, который, весь согнувшись, проходилъ черезъ большую залу.

— Что вамъ угодно? остонавливаясь, спросилъ тотъ.

— Ради Бога, что вамъ стоитъ, простите меня, простите... и долго сдерживаемыя слезы потокомъ хлынули по холоднымъ щекамъ Надеждина.

— Батюшка, что съ вами, чего вы плачете, сказалъ я вамъ, Богъ проститъ, успокойтесь, здѣсь люди...

— Нѣтъ, не уйду я, пока вы меня не про... простите.

---

*) Тетрадокъ микроскопическаго размѣра, въ которыхъ мельчайшимъ почеркомъ вписанъ конспектъ экзамена и прячущихся въ рукавахъ юнкеровъ на резинкахъ.

— Христосъ съ вами. Вотъ не ожидалъ. Ну, прощаю, прощаю, только перестаньте. Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Старикъ опустилъ саквояжъ на полъ, обѣими руками приблизилъ голову Надеждина и поцѣловалъ заплаканные глаза начинающаго беллетриста.

— Простите и вы меня, старика, неразумнаго. Простите и прощайте, счастья вамъ много желаю. Ахъ, сердце горячее!

Онъ наклонился къ саквояжу, а въ это время Надеждинъ схватилъ его другую руку, въ порывѣ благодарности прижалъ ее къ своимъ губамъ и побѣжалъ въ залу ожиданія, чтобы скрыть охватившее его волненіе. Тамъ онъ напился воды и, успокоясь, рѣшилъ переждать пока всѣ юнкера, не нашедшіе его ни на площадкѣ, ни на платформѣ, не прошли къ выходу. Когда послѣдній юнкеръ скрылся въ толпѣ спѣшащихъ и суетящихся людей, Надеждинъ пошелъ къ вагону, взялъ свои вещи, нанялъ извощика и поѣхалъ по непривѣтливымъ улицамъ незнакомаго города, который такъ долго томилъ его воображеніе.

Викторъ Бибиковъ.

Конецъ.

Томасъ Гоббсъ.

(по поводу 300-лѣтія дня его рожденія).

Джонъ Льюисъ говоритъ: «за исключеніемъ Спинозы, быть можетъ, нѣтъ ни одного философа, къ которому были бы такъ несправедливы, какъ къ Гоббсу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ заявилъ о себѣ, и до настоящаго времени имя его у большинства писателей было презрительной кличкой, и даже тѣ, у которыхъ хватало великодушія признать заслуги противника, относились къ нему, какъ къ опасному и одностороннему мыслителю. Однако, Джемсъ Милль (отецъ Джона-Стюарта Милля) первый открыто призналъ за нимъ значеніе политическаго мыслителя». — «Но, добавляетъ потомъ Льюисъ, пока политическія и соціальныя теоріи будутъ обсуждаться съ точки зрѣнія ихъ предполагаемыхъ слѣдствій, до тѣхъ поръ нельзя ожидать и справедливаго отношенія къ Гоббсу». Философъ и публицистъ, проповѣдникъ государственнаго абсолютизма, Томасъ Гоббсъ родился 5 апрѣля 1588 года въ Мальмсбюри. 14 лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ (откуда вслѣдъ за нимъ вышелъ знаменитый въ исторіи философіи Локкъ) и занялся изученіемъ математики и философіи Аристотеля (которая, впрочемъ, въ то время уже сильно пошатнулась). Въ 1641 году, не раздѣляя принципа революціонеровъ, которыхъ онъ тщетно увѣщевалъ назидательнымъ переводомъ Фукидида, Гоббсъ переселился въ Парижъ, куда бѣжала вся семья Стюартовъ, сдѣлался учителемъ принца Уэльскаго (впослѣдствіи короля Карла II) и написалъ слѣдующія сочиненія, развившія теорію государственнаго абсолютизма: «De cive» (1642 г.), «Human nature, or the fundamental elements of policy» (1650 г.), «Leviathan seu de materia forma et potestate civitatis eclesiasticae et civilis» (1651 г.). Вслѣдъ за этими произведеніями, по возвращеніи его въ Англію, послѣдовали и другія: «Elementorum philosophiae, sect. I: «de corpare» (1655), sect. II: «de homine» (1659 г.), «De corpore politico, or the elements of law moral and political» (1659 г.), и «Questiones de libertate necessitate et casu» (1646 г.). Кромѣ этого, онъ написалъ еще нѣсколько историческихъ сочиненій (какъ, напримѣръ: «Исторія междуусобной войны въ Англіи») и физико-математическихъ, изъ которыхъ особенно обращаетъ на себя вниманіе «Decameron physiolohicum». И наконецъ, на закатѣ дней своей жизни перевелъ Готера. Карлъ II, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, въ благодарность за услуги, оказанныя отечеству Гоббсомъ, назначилъ ему пенсію въ 100 фунтовъ стерлинговъ ежегодно (въ 1660 году). На эти деньги, достаточныя по тому времени, престарѣлый философъ спокойно провелъ свои послѣдніе годы жизни въ сельскомъ уединеніи въ имѣніи своего воспитанника графа Девонширъ. Тамъ онъ и умеръ въ глубокой старости (на 91 году отъ рожденія) 4 декабря 1679 года.

Хотя философія Гоббса и родственна философіи Бекона, но оба философа составили свою эпоху въ этой области. Первый по времени, т. е. Беконъ, былъ представителемъ индуктивнаго метода; вслѣдъ за тѣмъ начинается эпоха Декарта—представителя дедуктивнаго метода Спинозы; а потомъ является Гоббсъ, который сводитъ философію на вопросъ психологическій. По его ученію, единственный источникъ познанія есть—наши внѣшнія чувства (сенсуализмъ); предметъ же познанія — видимый міръ (матеріализмъ). Гоббсъ различаетъ два вида предметовъ: естественные и искуственные; первые составляютъ предметъ натуральной или естественной философіи (philosophia naturalis); а вторые — предметъ государственной или практической философіи (philosophia civilis). Къ первымъ, по примѣру Бекона, онъ причисляетъ человѣческую душу, которая, по его мнѣнію, лишь составляетъ тѣло болѣе тонкое, и ощущенія его онъ называетъ движеніями (нервными и мозговыми). Но главное свое вниманіе онъ останавливаетъ на государствѣ, которое образуется отъ совмѣстнаго дѣйствія силъ человѣческой воли, подобно тому, какъ естественное тѣло происходитъ вслѣдствіе таковаго-же дѣйствія физическихъ силъ природы.—Какъ въ естественныхъ силахъ природы, такъ и въ людяхъ, Гоббсъ видитъ стремленіе къ разрушенію и взаимному уничтоженію. Но вѣчное и неизмѣнное устройство природы, при помощи своихъ законовъ, направляетъ борющіяся силы къ единой общей цѣли—къ созиданію. Точно также и въ человѣческомъ обществѣ: отдѣльныя воли стремятся ко взаимному уничтоженію и единая цѣль, направляющая ихъ, какъ законъ природы естественный, должна оформиться въ идеѣ государства, искуственнаго учрежденія безопасности, при помощи котораго, какъ по естественному закону, регулируется борьба силъ природы, такъ здѣсь—отдѣльныхъ человѣческихъ волей. Но такъ какъ для человѣческой воли нѣтъ никакой верховной силы, какъ для разрушительныхъ силъ природы въ самой природѣ, то таковая должна быть создана самими людьми, для ихъ же блага, взаимнымъ соглашеніемъ. И этой искуственной силѣ (государю) должна быть дана такая же абсолютная принудительная власть по отношенію къ индивидуумамъ, какую сама природа фактически примѣняетъ къ отдѣльнымъ своимъ разрушительнымъ силамъ,—власть повелителя (могущая сосредоточиться какъ въ отдѣльномъ лицѣ, такъ и въ коллегіи, но первую форму Гоббсъ считаетъ наиболѣе удобной), хотя первоначально перенесенная по договору, является абсолютной и неотъемлемой, въ противуположность Гроцію,—установленный ею порядокъ—единственная норма (законодательство), а воля его—единственный источникъ права. Всякое несогласіе съ властью—революція, по какимъ-бы причинамъ она ни происходила, и, какъ таковая, противузаконна и преступна. Даже религія, такъ какъ она не можетъ дать своимъ членамъ «государства въ государствѣ» (status in statu), въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія.

Послѣдній выводъ вызвалъ страшную бурю негодованія со стороны католическаго и англиканскаго духовенства, послѣдствіемъ чего было даже обвиненіе Гоббса передъ парламентомъ въ безбожіи. Но на это онъ отвѣтилъ извѣстной остроумной брошюрой „Historical narration concerning heresy and the punishment there of» (Историческій разсказъ о ереси и наказаніи за нее).

Гоббсъ всегда потомъ служилъ образцомъ французскимъ энциклопедистамъ и позднѣйшимъ позитивистамъ, но въ своихъ соплеменникахъ, не расположенныхъ къ абсолютизму и матеріализму, не встрѣчалъ особеннаго сочувствія, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени.

С. Страховскій.

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ёжа.**

(Перев. съ польскаго **А. Сахаровой**).

(*Продолженіе*).

ГЛАВА II.

Деревня, называемая Климовацомъ, походила на Дубровацъ такъ, какъ въ семьѣ походятъ другъ на друга дѣти одного отца и одной матери. И въ ней крестьянскія избушки какъ бы прятались; и въ ней помѣщичій домъ, обнесенный оградой и приспособленный къ оборонѣ, занималъ господствующее положеніе. Изъ Дубровaца въ Климовацъ было близко и далеко: близко черезъ гору, далеко—проѣзжей дорогой, которая, извиваясь по долинѣ берегомъ потока, дѣлала нѣсколько большихъ изворотовъ. Гора, раздѣляющая эти деревни, была крута и скалиста и съ перваго взгляда казалось, что она непроходима. Но такъ только казалось. При ближайшемъ разсмотрѣніи можно было подмѣтить, что среди камней и надъ обрывами тянулись тропинки, имѣющія такой видъ, точно козы ихъ вытоптали. Этими тропинками ходили люди—и онѣ-то гораздо болѣе, чѣмъ проѣзжая дорога, поддерживали между обитателями обѣихъ деревень сношенія сосѣдства, тѣ близкія сношенія, которыя выражаются въ томъ, что всѣ знакомы между собой. Дубровчане водили знакомство съ климовчанами; знали другъ друга старые и молодые, встрѣчались на тропинкахъ и сходились во время церковныхъ праздниковъ. Постомъ въ Дубровацѣ была цѣлая климовацкая толпа и наоборотъ, въ праздникъ св. покровителя Климовaца, дубровчане на разсвѣтѣ тянулись гуськомъ горными тропинками, съ одной стороны взбирались на гору, съ другой спускались внизъ; къ вечеру возвращались; цѣлый день проводили сообща у обѣдни и за проповѣдью до полудня, въ развлеченіяхъ пополудни. Они были знакомы и дружны между собою, за исключеніемъ племичей.

Владѣльцы этихъ двухъ помѣстій знали другъ друга, но не дружились; никогда не сходились, никогда не видѣлись, когда же имъ приходилось случайно встрѣчаться, то они отворачивались другъ отъ друга. Люди этому вовсе не удивлялись, не смотря на то, что это могло казаться страннымъ, потому что ихъ не разлучала ни одна изъ тѣхъ ссоръ, которыя часто случаются между сосѣдями, они не тягались, не судились, не причиняли другъ другу ни малѣйшей непріятности. Ихъ удаляла другъ отъ друга фамилія. Владѣльцемъ Климовaца былъ Ердоди. Онъ не только носилъ фамилію Ердоди, но былъ двоюроднымъ братомъ бана; не только былъ двоюроднымъ братомъ бана, но принадлежалъ при томъ къ партіи тѣхъ терпѣливыхъ, которые покорно переносили всякіе удары и захваты со стороны короны и если не одобряли ихъ въ тиши собственной совѣсти, то и не негодовали на нихъ открыто.

— Какая отъ этого польза?

Если бы не это обстоятельство, то корона не могла бы найти среди мѣстнаго дворянства человѣка для занятія должности бана.

Ердоди, какъ показываетъ сама фамилія, происходили изъ мадьярскаго дворянства; однако, у нихъ были помѣстья въ Кроаціи и они причисляли себя къ мѣстному дворянству, и причисляли на томъ основаніи, что въ XVII столѣтіи принималось въ расчетъ только мѣстопребываніе. Венгерскій дворянинъ въ Кроаціи становился гражданиномъ кроатскаго королевства, пользующимся тѣми же правами и преимуществами, которыми пользовался въ Венгріи дворянинъ, кроатъ родомъ. Національность не имѣла никакого значенія. Вопросъ о національности дремалъ еще въ народныхъ пеленкахъ въ безсознательномъ состояніи. Даже языкъ, связанный съ неимѣющимъ ни политическаго, ни общественнаго значенія крестьянствомъ, не разлучалъ дворянъ, потому что они объяснялись между собой на латинскомъ языкѣ, который они страшно коверкали, но на которомъ они однако же понимали другъ друга. Болѣе долгое пребываніе кроатовъ въ Венгріи и венгровъ въ Кроаціи заставляло ихъ усвоить себѣ мѣстное нарѣчіе. Такимъ образомъ изглаживались національныя различія и въ слѣдующемъ поколѣніи уже ничего, за исключеніемъ фамиліи, не отличало пришельца отъ мѣстныхъ жителей. Въ этомъ отношеніи повторялось то же самое, что происходило между Литвой и Польшей. Дворянинъ-литвинъ, пересаженный на почву великой Польши и пр., говорилъ по польски нараспѣвъ и съ другимъ удареніемъ, однако, въ слѣдующемъ поколѣніи происхожденіе его можно было узнать только изъ того, что его звали Шукстой или Пукстой. Онъ не слылъ чужеземцемъ. Чужеземцемъ не слылъ также и Ердоди, тѣмъ болѣе, что уже его прадѣды и дѣды переселились сюда, что онъ сжился съ мѣстными элементами—приросъ къ почвѣ. Старый Дещичъ претендовалъ на сосѣда не за то, что онъ происходилъ изъ мадьяръ, но за то, что онъ исповѣдывалъ такія убѣжденія, благодаря которымъ его родственникъ занялъ мѣсто бана. Родство объясняло до извѣстной степени его поступокъ, но не оправдывало: не оправдывало одинаково, какъ и по эту сторону Дравы въ Кроаціи, такъ и въ Венгріи. Банъ не пользовался симпатіей ни со стороны тѣхъ, которые твердо запомнили смерть Зрини, ни среди приверженцевъ Текели и Ракоча.

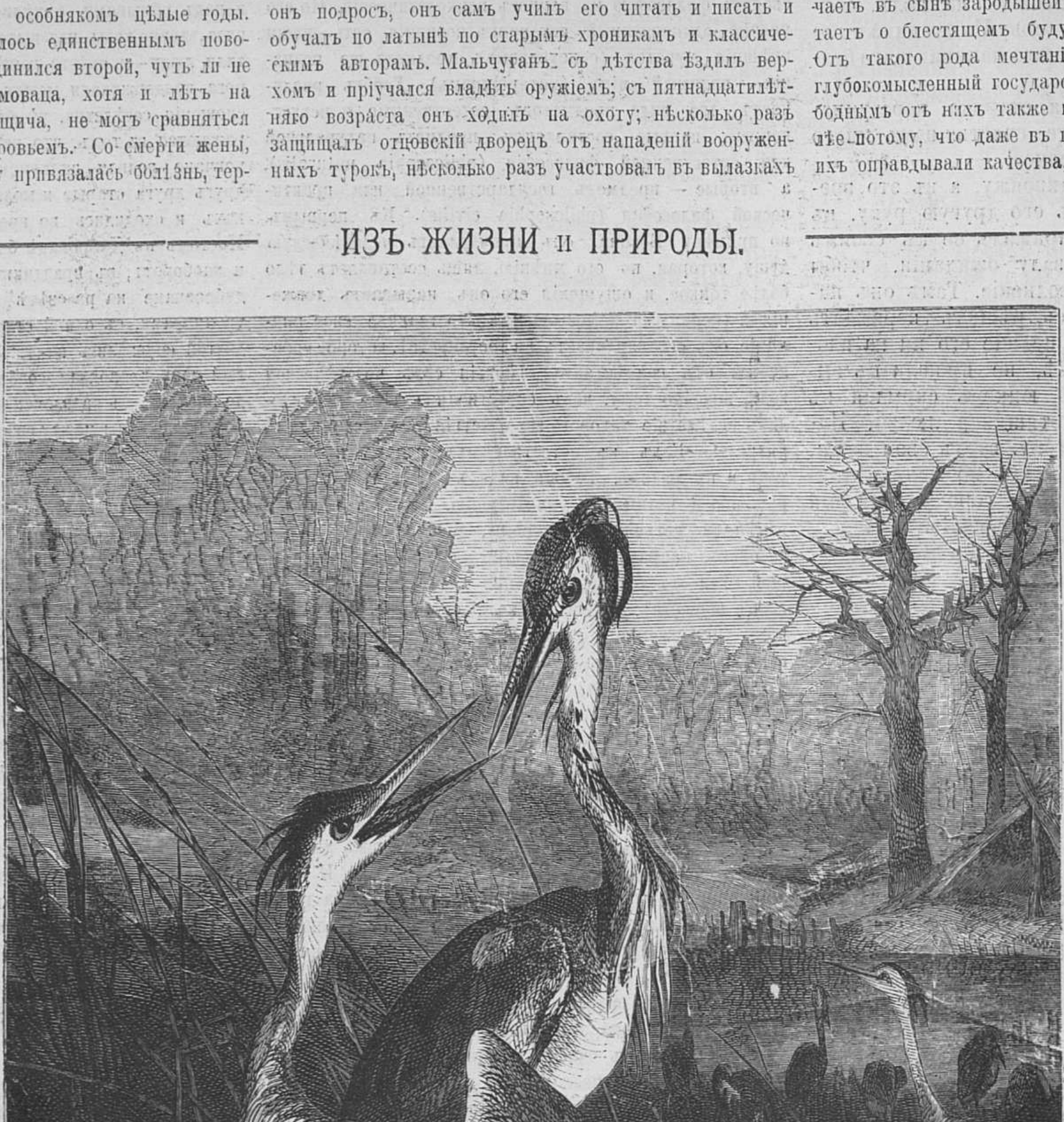
Владѣлецъ Климовaца не пользовался излишнимъ сочувствіемъ окрестнаго дворянства. Дещичъ явно отворачивался отъ него, другіе держались вдали. Это не была явная и открытая вражда; это было скорѣе нерасположеніе, которое имѣло слѣдствіемъ то, что какъ сосѣди не льнули къ Ердоди, такъ и Ердоди не льнулъ къ сосѣдямъ—не ѣздилъ къ нимъ, не собиралъ ихъ у себя, уединялся и прожилъ особнякомъ цѣлые годы. Однако нерасположеніе явилось единственнымъ поводомъ, къ которому присоединился второй, чуть ли не важнѣйшій. Владѣлецъ Климоваца, хотя и лѣтъ на двадцать моложе стараго Дещича, не могъ сравняться съ нимъ ни силой, ни здоровьемъ. Со смерти жены, умершей въ родахъ, къ нему привязалась болѣзнь, терзавшая его постоянно. Хворость сдѣлалась его нормальнымъ состояніемъ. Отъ времени до времени онъ тяжко занемогалъ, поправлялся и занемогалъ снова. Онъ призывалъ къ себѣ лекарей и лекарокъ, пилъ различные отвары изъ травъ, мазался различными мазями и прибѣгалъ ко всевозможнымъ заговорамъ,—ничего не помогало. Онъ стоналъ и охалъ, исхудалъ, сгорбился преждевременно, былъ раздражителенъ, докучалъ слугамъ и являлся привѣтливымъ и ласковымъ только въ отношеніи къ одному существу изо всѣхъ его окружающихъ, и этимъ существомъ былъ его сынъ. Этого сына звали Ляіошомъ. Отецъ держалъ его при себѣ двадцать три года—ребенкомъ онъ его нянчилъ и голубилъ, когда онъ подросъ, онъ самъ училъ его читать и писать и обучалъ по латынѣ по старымъ хроникамъ и классическимъ авторамъ. Мальчуганъ съ дѣтства ѣздилъ верхомъ и пріучался владѣть оружіемъ; съ пятнадцатилѣтняго возраста онъ ходилъ на охоту; нѣсколько разъ защищалъ отцовскій дворецъ отъ нападеній вооруженныхъ турокъ, нѣсколько разъ участвовалъ въ вылазкахъ за границу; затѣмъ занимался хозяйствомъ, замѣняя отца, который хворалъ все сильнѣе, и особенно огорчался тѣмъ, что онъ держитъ при себѣ сына.

Онъ нѣсколько лѣтъ огорчался этимъ обстоятельствомъ, приходя къ рѣшенію выслать сына въ Загребье, къ дядѣ.

— Вышлю Ляіоша, вышлю... говорилъ онъ себѣ—не слѣдуетъ запирать его въ Климовацѣ... пусть мальчуганъ увидитъ свѣтъ, пусть осмотрится... Дядя, узнавъ его, найдетъ для него соотвѣтствующую дорогу... Такому юношѣ грѣхъ пропадать...

Послѣднія фразы диктовала родительская любовь, которая обыкновенно бываетъ слѣпа и легко заблуждается при оцѣнкѣ достоинства сына. Какой отецъ не подмѣчаетъ въ сынѣ зародышей геніа?—какой отецъ не мечтаетъ о блестящемъ будущемъ для своего потомка?.. Отъ такого рода мечтаній не свободенъ даже самый глубокомысленный государственный мужъ. Не былъ свободнымъ отъ нихъ также и старый Ердоди и тѣмъ болѣе потому, что даже въ глазахъ людей равнодушныхъ ихъ оправдывали качества, которыми природа надѣлила юношу. Достаточно было взглянуть на Ляіоша, чтобы имѣть о немъ самое лучшее мнѣніе: прежде всего онъ выглядѣлъ молодцемъ: высокій, стройный, крѣпко сложенный, онъ отличался среди окрестной молодежи какъ фигурой, такъ и мужественнымъ, возбуждающимъ довѣріе, выраженіемъ лица. При видѣ его, приходилъ на память молодой дубъ, который, не смотря на свою юность, можетъ и умѣетъ противустоять бурямъ. Такъ выглядѣлъ Ляіошъ Ердоди. Его наружность соотвѣтствовала внутреннему достоинству. Онъ представилъ

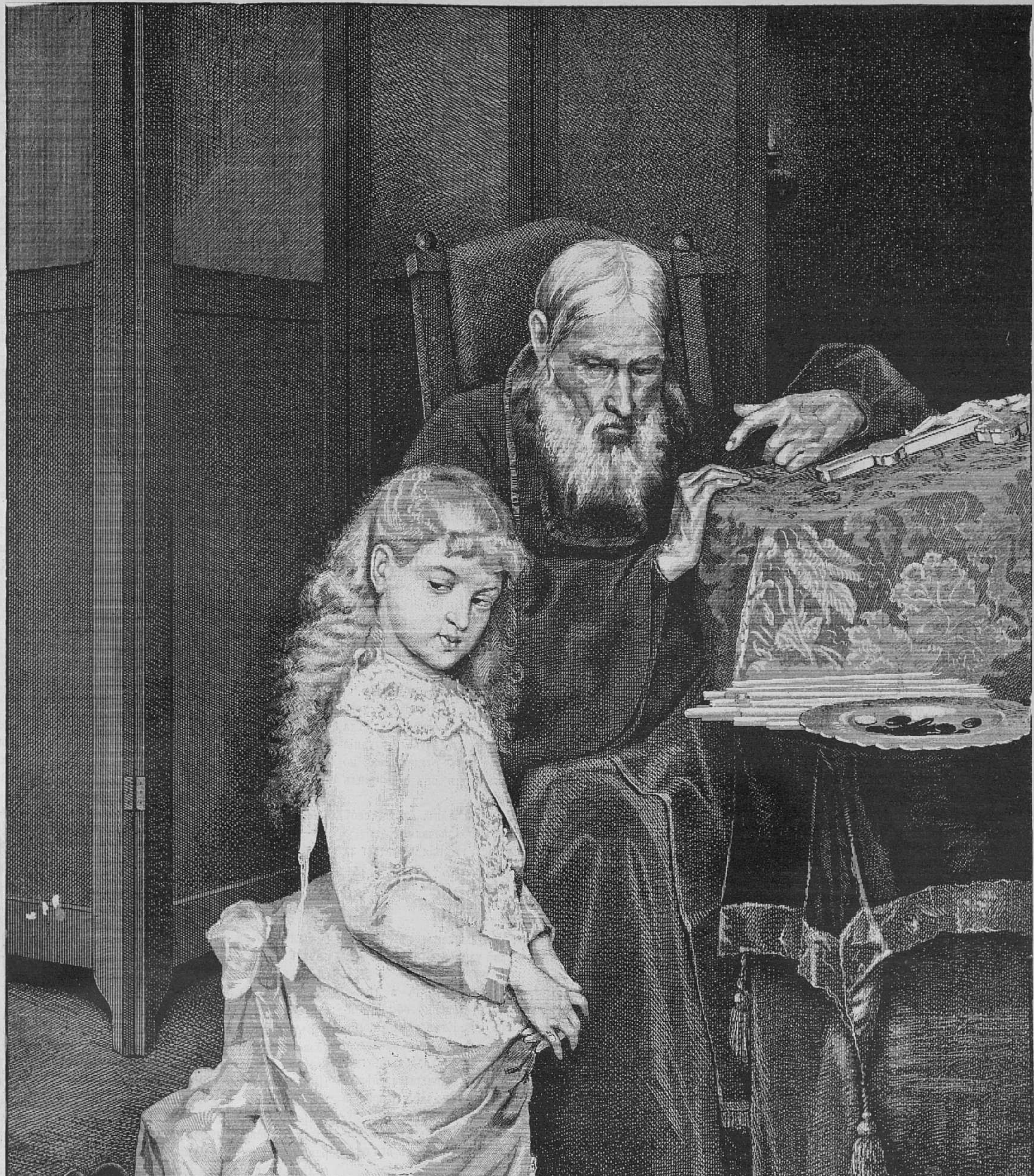
ИЗЪ ЖИЗНИ и ПРИРОДЫ.



Весенніе гости.

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины А. Н. Новоскольцева (собств. журн. «Жив. Обозр.»).


Новоскольцевъ

У исповѣди.

доказательства того, правда, немногочисленныя, но достовѣрныя и громкія, состоящія въ личной храбрости, съ которой онъ отражалъ враговъ. Объ этомъ говорили, прославляли юношу—онъ слылъ героемъ въ окрестности.

И такъ до извѣстной степени оправдывались родительскія мечты стараго Ердоди и желанія болѣе обширнаго поприща дѣятельности для сына. Что же однако? Этого желанія онъ не только не могъ осуществить, но даже не въ состояніи былъ высказать. Привязанность къ сыну зажимала ему ротъ—заставляла слова замирать гдѣ-то въ глубинѣ. Онъ пытался неоднократно, начиналъ:

— Ляіошъ, пора ужь подумать...

— О чемъ, батюшка?.. спрашивалъ молодой человѣкъ.

Старикъ замолкалъ, думалъ, наконецъ отвѣчалъ, например:

— Объ уборкѣ сѣна...

— Вѣдь оно только-что скошено, еще не высохло...

— Да... конечно; однако объ этомъ слѣдуетъ заранѣе подумать, чтобы... гмъ? оно не пересохло на покосахъ...

Однажды онъ зашелъ такъ далеко, что послѣ глагола подумать, произнесъ слѣдующія слова:

— Тебѣ уже двадцать одинъ годъ...

И замолчалъ. Сынъ ожидалъ продолженія, однако, такъ какъ отецъ молчалъ, онъ спросилъ:

— Что, батюшка?

— Тебѣ двадцать одинъ годъ...—повторилъ старикъ.

— Да... правда... Что же изъ этого?

— Мнѣ это припомнилось...

— Но вѣдь ты сказалъ, батюшка, что необходимо о чемъ-то подумать... О чемъ?..

Старикъ закашлялся. Откашлявшись, онъ поднялъ руку, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Молодые люди въ твоемъ возрастѣ думаютъ уже о женитьбѣ... Ты не думаешь?..

— И и!.. процѣдилъ сынъ нехотя сквозь зубы.

— Тебѣ не приглянулась ни одна дѣвушка?..

— Ни одна... Э... не знаю...

— Можетъ, которая нибудь приглянулась?..

— Можетъ, приглянулась, можетъ, нѣтъ... не знаю...

Молодой человѣкъ не выражался ясно, точно ему, что-то мѣшало объясняться.

— Ты бы хотѣлъ жениться?.,

— Нѣтъ... отвѣтилъ онъ рѣшительно.

— Ты правъ... Ты молодъ; жена, которую тебѣ предназначаетъ Богъ, не убѣжитъ, а...

Тутъ Ердоди опять не могъ проговорить словъ, вертѣвшихся у него на языкѣ. Онъ опять закашлялся и когда кашель прошелъ и сынъ обратился къ нему съ вопросомъ, онъ отвѣчалъ.

— А... будетъ такъ, какъ Богъ дастъ...

Въ этомъ отношеніи между отцомъ и сыномъ существовало недоразумѣнье, которое не портило гармоніи, тѣмъ не менѣе однакоже мѣшало и той, и другой сторонамъ. Старику мѣшало въ особенности то обстоятельство, что онъ не могъ выслать сына изъ дому. Онъ любилъ его,—это было одно препятствіе, разлука съ нимъ казалась ему невыносимой.

— Онъ выѣдетъ, я умру... говорилъ онъ себѣ,—и некому будетъ закрыть мнѣ глаза... Пусть же я сначала умру, онъ уѣдетъ потомъ...

Болѣзнь являлась другимъ препятствіемъ, оправдывающимъ первое. Онъ ожидалъ смерти и до минуты своей смерти откладывалъ рѣшенье относительно судьбы сына. На этотъ случай у него заранѣе было все наготовѣ: завѣщанье, написанное по латынѣ, отдѣльныя распоряженія, относящіяся къ этому завѣщанью, а рядомъ съ ними въ громадномъ конвертѣ письмо, адресованное, съ поименованьемъ всѣхъ титуловъ къ бану, Николаю Ердоди. Для составленія завѣщанія онъ вызвалъ Чолнича, не только потому, что Чолничъ относился къ нему сочувственнѣе другихъ, но еще и потому, что, зная законы, онъ могъ помочь ему составить бумагу по правиламъ судопроизводства. Это было излишнимъ, какъ говорилъ Чолничъ:

— У тебя единственный сынъ, значитъ, къ нему, какъ къ единственному наслѣднику, переходитъ твое состояніе и безъ духовнаго завѣщанія...

— Знаю... отвѣтилъ тотъ,—но, пусть не зарождается ни малѣйшаго сомнѣнія... Пусть люди видятъ, что это помѣстье мое, сынъ мой, сынъ единственный, и, что никто не имѣетъ права и не можетъ имѣть притязанія на то, что останется послѣ моей смерти... Какъ Богъ единъ на небѣ, такъ Ляіошъ единъ на Климовацъ, Крсты и Козій рогъ...

— Воля твоя, отвѣтилъ Чолничъ на это.

Онъ составилъ завѣщаніе по формѣ, скрѣпилъ его подписями и печатями, запечаталъ въ канцеляріи его копію и передалъ подлинникъ въ руки завѣщателя.

— А теперь,—обратился къ нему этотъ послѣдній,—я желалъ-бы, чтобы ты былъ при мнѣ, когда моя пора приблизится...

— Можетъ, я опережу тебя...

— Можетъ... не знаю... Въ случаѣ, однако, если бы не опередилъ, приходи, когда я тебя вызову... проговорилъ онъ тономъ просьбы.

— Почему бы мнѣ не пріѣхать?..

— Пріѣзжай, братъ, пріѣзжай... Вѣрно, найдется многое, что сказать тебѣ...

Чолничъ убѣждалъ, что это наступитъ не скоро. Однако же это наступило. Однажды вечеромъ къ нему прибѣжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что старый Ердоди кончается. Чолничъ быстро собрался, усѣлся на лошадь, поспѣшилъ и два часа спустя находился у постели больного, который дѣйствительно лежалъ, угасая, какъ лампада, когда въ ней догораетъ масло. Сначала онъ пріобщился, символическая свѣча горѣла у его изголовья, собравшаяся въ сосѣдней комнатѣ прислуга читала молитвы за умирающихъ, у постели стоялъ на колѣняхъ сынъ, а на головѣ его покоилась отцовская рука. При входѣ Чолнича глаза умирающаго оживились и на губахъ промелькнула улыбка.

— О, хорошо... О, хорошо, что ты пришелъ... проговорилъ онъ слабымъ голосомъ.

Пріѣзжій хотѣлъ сказать нѣсколько словъ, но умирающій предупредилъ его.

— Ляіошъ, послѣ моей смерти, поѣдетъ въ Загребье... Загребье городъ большой... сопровождай его...

Чолничъ кивнулъ головой.

— Ты обѣщаешь мнѣ это?.. спросилъ Ердоди.

— Обѣщаю.

— Спасибо тебѣ братъ... спасибо.. Загребье городъ большой, Ляіошъ молодъ...

— Батюшка!..—проговорилъ молодой человѣкъ, подымая голову и глядя на отца заплаканными глазами.

— Не дожидайся ни минуты... послѣ похоронъ поѣзжай... съ письмомъ... къ бану... съ Чолничемъ, который...

Онъ ослабѣлъ, не могъ продолжать; черезъ минуту повторилъ то-же самое и опять замолкъ, оконечности тѣла у него ослабѣвали, пульсъ переставалъ биться, дыханіе становилось все слабѣе; онъ еще разъ откликнулся, но ужь его едва было слышно; наконецъ онъ устремилъ взглядъ на сына и скончался.

Молодой человѣкъ вскочилъ съ колѣнъ, сжалъ себѣ рукою лобъ и предался вполнѣ своей печали.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались громкія молитвы за упокой души.

Плакальщицы, по обычаю южныхъ славянъ, разразились причитаніями.

— Яу, яу, куку леле!..

Домъ наполнился куканьемъ и плачемъ, въ присутствіи котораго сынъ покойника умолкъ и вышелъ изъ комнаты.

Начали одѣвать умершаго для катафалка и гроба. Похоронный обрядъ развивался постепенно обыкновеннымъ порядкомъ, наполняя три дня Климовацкій помѣщичій домъ гуломъ, который поочередно то усиливался, то стихалъ, наконецъ, закончился на кладбищѣ, гдѣ, опущенный въ глубокую яму, гробъ прикрыла свѣжая насыпь. На могилѣ стоялъ на колѣняхъ какой-то юноша и прижималъ къ склоненному лбу крѣпко сжатые кулаки, точно онъ хотѣлъ вбить ихъ себѣ въ черепъ. Наконецъ и онъ удалился съ кладбища. На дворѣ его ожидалъ Чолничъ.

— Вотъ теперь я одинъ на свѣтѣ... обратился Ляіошъ къ этому послѣднему.

— Одинъ... нѣтъ...—отвѣтилъ Чолничъ. Люди по закону Божію, братья...

— Но я имѣлъ такъ недавно отца... и потерялъ...

— Не навсегда... Ты завершишь свое земное странствованіе и отправишься туда, куда онъ отошелъ... Значитъ, ты потерялъ его изъ виду не надолго; ты вернешь его на цѣлую вѣчность...

Юношу, который былъ вѣрующимъ, такъ какъ вѣрили люди въ XVII столѣтіи, поразили вышеприведенныя слова. Они, если не утѣшили, такъ успокоили его и позволили Чолничу напомнить ему отцовскую волю.

— Покойникъ желалъ, чтобы ты немедленно послѣ его похоронъ...

— Ѣхалъ въ Загребье... подхватилъ Ляіошъ. А да... я помню объ этомъ, хотя предпочелъ бы ѣхать не теперь...

— Воля отца.

— Я ей не сопротивляюсь, не смотря на то, что я чувствую потребность спокойствія, одиночества, потребность замкнуться въ себѣ...

— Отецъ видно предчувствовалъ въ тебѣ это чувство, когда позаботился о томъ, чтобы воспрепятствовать ему.

— Развѣ въ немъ есть что-нибудь дурное?

— Дурного нѣтъ, но вреднаго много... Въ печали слѣдуетъ избѣгать одиночества...

Ляіошъ вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Значитъ ѣдемъ...

Они недолго собирались въ путь, часа два, три, не больше. Слуги подвели къ порогу осѣдланныхъ лошадей, путники усѣлись и тронулись: Ляіошъ и Чолничъ впереди, за ними двое конюховъ. Чемоданчики и мѣшки у сѣделъ свидѣтельствовали о томъ, что путешествіе продолжится нѣкоторое время. Всадники были вооружены, потому что въ тѣ времена осторожность не позволяла пускаться въ путь безъ оружія. Туловища ихъ были покрыты полупанцырями, у лѣваго бока висѣли короткія сабли, въ чехлахъ покоились пистолеты. За воротами каждый изъ всадниковъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ; Чолничъ проговорилъ:

— Съ Богомъ...

Разстояніе отъ Климоваца до Загребья простиралось не больше, какъ на нѣсколько миль. Лѣтней порой, выѣхавъ на разсвѣтѣ, можно было очутиться на ночь въ столицѣ. Но такъ какъ наши путники двинулись въ полдень, то они должны были ночевать въ дорогѣ и, ѣдучи степью, добрались на слѣдующій день до переправы на Савѣ, когда солнце уже клонилось къ закату. Съ переправы глазамъ ихъ представлялся городъ на возвышеніи. Нижній городъ еще не существовалъ тогда. Загребье издалека имѣло видъ покрытаго домами крутого холма, обведеннаго снизу оградой изъ стѣнъ, а на вершинѣ увѣнчаннаго храмомъ. Въ перспективѣ городъ представлялся надтреснутымъ пьедесталомъ древняго собора св. Стефана, который одинъ ясно вырисовывался на горизонтѣ. Солнце освѣщало куполъ, шпили и кресты, бросая красноватый отблескъ на окна каменныхъ домовъ, превращало ихъ оптической иллюзіей въ горящіе факелы. Они мигали и горѣли, въ видѣ показывающейся въ отверстіи литейной печи растопленной мѣди. Между домами тамъ и сямъ выглядывали зеленыя мѣстечки, разнообразящія пейзажъ, который самъ по себѣ имѣлъ видъ очень привлекательной панорамы.

— Какъ же это красиво!—воскликнулъ юноша.

— Красивѣе нашихъ дикихъ горъ... отвѣчалъ Чолничъ.—И онъ принялся говорить, указывая пальцемъ:

— Это соборъ... это дворецъ архіепископа... это дворецъ бана... это францисканскій монастырь... тамъ церковь св. Марка...

Молодой человѣкъ обводилъ взглядомъ, но за исключеніемъ собора, который выдѣлялся, онъ не могъ различить ни одного изъ зданій, указываемыхъ ему его спутникомъ. Онъ только повторялъ:

— Какъ это красиво... — и ѣхалъ, заглядѣвшись на столицу.

Въ воротахъ ихъ ожидали часовые. Они должны были назвать свои фамиліи. Фамилія Ердоди произвела впечатлѣніе на пандуровъ, сторожащихъ входъ въ Загребье. Ихъ начальникъ, выпрямившись, почтительно отвѣчалъ на задаваемые ему Чолничомъ относительно гостинницы вопросы. Наши путники тотчасъ-же воротами въѣхали въ густозастроенную, ведущую подъ гору, улицу, которая довела ихъ до площади. На площади они свернули налѣво и, доѣхавъ до дома съ вывѣской, обозначеннаго вѣхой, остановили лошадей.

— Вотъ тутъ... наша гостинница...—проговорилъ Чолничъ.

— Хорошо добрались?.. послышалось восклицаніе.

— Какъ поживаете?.. отвѣтилъ кто-то.

Восклицаніе выходило изъ устъ человѣка толстаго и приземистаго, который подходилъ къ слѣзающимъ съ лошадей путникамъ, шлепая туфлями.

— Найдется въ гостинницѣ мѣсто для насъ и для лошадей нашихъ?.. спросилъ его Чолничъ.

— Какъ же не найтись!.. былъ отвѣтъ. Если бы въ моей гостинницѣ гость на гостѣ сидѣлъ, то все-таки нашлось бы мѣсто для такого гостя, какъ ты... Я уступилъ бы тебѣ свою комнату и собственную постель... такой старый и хорошій знакомый!.. Мѣста будетъ съ избыткомъ, благодаря Бога...

Сказавъ это, онъ отвернулся и крикнулъ во все горло:

— А!.. поди сюда!..

Въ воротахъ, ведущихъ внутрь зданія, явился человѣкъ въ красной ермолкѣ на головѣ и въ передникѣ и спросилъ:

— А что тамъ?..

— Дай лошадямъ этихъ господъ лучшее мѣсто и помни, чтобы онѣ были накормлены и напоены...

Отдавъ это приказаніе, онъ обратился къ Чолничу съ вопросомъ:

— Съ чѣмъ же хорошенькимъ ты пріѣхалъ?

— Я пріѣхалъ, какъ видишь, не одинъ.

— Вижу это и догадываюсь, что тебя приводитъ къ намъ какое нибудь дѣло, тяжба какая нибудь... отвѣтилъ онъ, измѣряя молодого человѣка съ ногъ до головы.

— То-то и есть: никакое дѣло, никакая тяжба. Я пріѣхалъ для этого молодчика, который еще никогда въ жизни не заглядывалъ въ Загребье.

— Бр... бр... проговорилъ хозяинъ удивленнымъ голосомъ. Ни разу еще не былъ въ Загребѣ?

— У него былъ хворый отецъ, отъ котораго онъ не отходилъ.

— И и... прекрасно. Онъ хорошій сынъ. А какъ-же его звать?

— Ляіошомъ Ердоди.

— Ухъ! воскликнулъ хозяинъ, точно его неожиданно толкнули въ бокъ и прибавилъ свободнѣе.—А это онъ, сынъ того Ердоди изъ Климоваца. Я слышалъ, что онъ хвораетъ.

— Ужь не хвораетъ... отвѣтилъ Чолничъ.

— А... ну... отвѣтилъ хозяинъ на это. Царство ему небесное. Пойдемте-же въ комнату, дорогіе гости, усядьтесь за столомъ, отдохните и освѣжитесь холоднымъ винцомъ. Вотъ вашъ путь... сказалъ онъ, указывая на входныя двери.

Путники вошли въ большую пріемную гостиную, не особенно свѣтлую и чистую, заставленную столами и лавками. За столами тамъ и сямъ сидѣло нѣсколько человѣкъ статскихъ и военныхъ. Одни говорили по сербски, другія по нѣмецки. Когда Ляіошъ и Чолничъ переступили черезъ порогъ, разговоры прекратились и глаза всѣхъ устремились на нихъ.

Въ Загребѣ гость былъ предметомъ любопытства, пріѣздъ новой личности интересовалъ людей Загребье въ XVII столѣтіи, хотя и столица страны, отличалось свойствами провинціальныхъ городовъ, въ которыхъ всѣ жители знакомы между собою. И такъ появленіе гостя вызывало разспросы, обыкновенно чередующіеся такъ:—кто такой? откуда пріѣхалъ? зачѣмъ? останется ли долго, или недолго? эти вопросы свѣтились въ глазахъ сидящихъ за столомъ; когда Ляіошъ съ Чолничемъ заняли свои мѣста, изъ другого конца комнаты стали звать хозяина.

— Ты забылъ о насъ... говорилъ призывающій.— Уже у насъ высохъ кувшинъ и высыхаетъ въ горлѣ...

Это былъ предлогъ для удовлетворенія любопытства, потому что, когда хозяинъ подошелъ къ столу съ цѣлью наполнить кувшинъ, одинъ изъ сидящихъ за столомъ шепнулъ ему на ухо:

— Кто это такіе?

— Старикъ—это Чолничъ молодой—это Ердоди.

— Ердоди?

— Не иначе... о...

— Откуда онъ? спросилъ другой — изъ подъ Варадина?

— Нѣтъ.

— Подъ Варадиномъ живутъ Ердоди?

— Живутъ они не только подъ Варадиномъ... отвѣтилъ хозяинъ, какъ-то скупясь на объясненія.

— А... этого я ужь не знаю... Значитъ онъ съ венгерской стороны, потому что я слышалъ, что у бана есть тамъ родственники...

— У него есть родственники и подъ Сисакомъ.

— Развѣ?.. я не слыхалъ объ этомъ...

— Какой-же человѣкъ можетъ слышать обо всемъ!.. Человѣку Господь Богъ далъ только пару ушей, значитъ онъ слышитъ только, что въ два уха влѣзетъ...

— Правда... отвѣтилъ любопытный. Значитъ, онъ съ Сисака, съ границы турецкой?..

— Какъ ты говоришь... Съ границы...

— Зачѣмъ-же онъ пріѣхалъ?..

— Спроси его...

— А долго-ли онъ останется?..

— Спроси его, если ты любопытствуешь...

— Я любопытствую?.. протестовалъ спрашивающій. Я никогда не выказывалъ себя любопытнымъ... Я спрашиваю... вотъ такъ себѣ, чтобы ротъ болталъ...

Хозяинъ, вызванный отъ одного стола къ другому, удалился, и въ комнатѣ изъ устъ въ уста начало переходить слово: Ердоди. Это слово выбралось за предѣлы гостинницы и начало привлекать гостей. Приходили разныя личности и усаживались за столы. Это не приносило ущерба гостинницѣ. Между пришедшими нашлось нѣсколько знакомыхъ Чолнича. Тѣ присѣли къ нему. Стало многолюдно и шумно, обмѣнъ вина на звонкую монету шелъ бойко; разсуждали о политикѣ и о новостяхъ, съ арены военныхъ дѣйствій. Ляіошъ прислушивался и присматривался къ этому,—прислушивался и присматривался болѣе или менѣе такъ, какъ прислушивается и присматривается навѣрно лѣсная птичка, поставленная въ клѣткѣ среди людей. Въ разговорахъ, отдающихся у него въ ушахъ, и взглядахъ, сосредоточивающихся на личности его, онъ не умѣлъ дать себѣ отчета. Слушалъ—не слыхалъ, глядѣлъ—не видѣлъ. За ужиномъ, за который усѣлось даже много такихъ гостей, которые могли бы поужинать и дома, онъ ѣлъ мало и тотчасъ послѣ ужина шепнулъ Чолничу:

— Нельзя-ли намъ ужь отдохнуть?..

— Почему бы нѣтъ!.. былъ отвѣтъ.

Чолничъ призвалъ хозяина и сообщилъ ему желанія Ляіоша.

— О! мои дорогіе гости... отвѣтилъ тотъ, тономъ высоконастроеннаго радушія, объясняющагося доходомъ, который принесъ ему этотъ вечеръ,—я велѣлъ приготовить для васъ комнату, гдѣ вамъ будетъ удобно, какъ королямъ во дворцѣ... Если вы не хотите ночевать, сидите, потому еще не поздно; если же, однако, васъ тянетъ на покой, подождите чуточку... минуточку...

Минуточка вытянулась въ часокъ. Въ этомъ не было ничего удивительнаго. Для хозяина, занятаго наполненіемъ кружекъ и сборомъ платы, время пролетало быстро. Чолничъ долженъ былъ дважды повторить ему и каждый разъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Сейчасъ...

Это сейчасъ, наконецъ, осуществилось. Хозяинъ нашъ издалека кивнулъ пріѣзжимъ и, опережая ихъ съ факеломъ въ рукѣ, ввелъ въ комнатку, въ которой они нашли возвѣщенныя имъ королевскія постели въ видѣ наръ, покрытыхъ рогожкой, снабженной продолговатыми набитыми соломой, подушками, и устланной ихъ дорожными плащами. У одной изъ стѣнъ сложили ихъ сѣдла, чемоданы, мѣшки и оружіе. Подъ рогожей, ни матраца, ни сѣнника. Короли уже спали поудобнѣе въ концѣ XVII вѣка. Однако, наши путники не обратили на это ни малѣйшаго вниманія. Хозяинъ, пожелавъ имъ доброй ночи, ушелъ и его желаніе осуществилось, не смотря на то, что съ жесткостью постели соединялись еще другія неудобства, которыя не дали бы спать людямъ взыскательнымъ. Комната была густо заселена существами, имѣющими обыкновеніе бодрствовать по цѣлымъ ночамъ и питаться кровью человѣческой, существами двоякаго рода, такими, которыми лазаютъ и гнѣздятся въ щеляхъ, и такими, которыми лазаютъ и скачатъ и не имѣютъ постоянныхъ гнѣздъ. Южное славянство такъ изобилуетъ ими, что его можно отчасти признать отчизной этихъ существъ. Однако же наши путники были невзыскательны. Отчасти они освоились съ этими врагами человѣческаго рода (потому, что къ чему же нельзя привыкнуть?), отчасти усталость была причиной того, что, правда, не по королевски, но какъ короли, они выспались и проснулись на другой день искусанные, бодрые и отдохнувшіе.

— А значитъ... къ бану... сказалъ Чолничъ, кончая свой туалетъ.

— Нѣтъ... отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Надо же начать съ того, потому что...

— Начнемъ съ молитвы... Вчера при видѣ столькихъ церквей, я подумалъ о покойникѣ-отцѣ... Я закажу обѣдню за спасеніе его души...

— Это хорошо... хорошо и похвально... отвѣтилъ Чолничъ.—Какже ты хочешь?.. Въ соборѣ?..

— И въ соборѣ... Я заказалъ себѣ обѣдни въ трехъ церквахъ, между ними, конечно, въ церкви св. Марка, покровителя покойника..,

— И... прекрасно... значитъ поспѣшимъ, чтобы во время заказать молебны... во всѣхъ трехъ разомъ?..

— Нельзя ли было бы устроить такъ, чтобы по окончаніи обѣдни въ одной церкви попасть на молебенъ въ другую?..

— Можетъ, и можно... Слѣдуетъ справиться объ этомъ...

— Пойдемъ же... сначала въ церковь св. Марка. .

Они вышли въ городъ. Городское движенье едва начиналось, потому было еще очень рано. Съ заказными обѣднями у нихъ не было ни какихъ хлопотъ, во-первыхъ потому что Ляіошъ платилъ за все впередъ и щедро, во вторыхъ потому, что дѣло шло о души Ердоди. Эта фамилія устраняла всякія противорѣчія, которыя они встрѣчали почти вездѣ. По произнесеніи ея находилось все: и время, и церковная прислуга, и священники. Въ церкви св. Марка священникъ далъ имъ хорошій совѣтъ относительно очереди обѣденъ: въ семь часовъ въ церкви св. Марка, въ девять у францисканцевъ, въ одиннадцать въ соборѣ. Ляіошъ заказалъ вездѣ, чтобы выставили катафалкъ, чтобы освѣщеніе было блестящее, духовенства было много, потому что онъ хотѣлъ почтить какъ можно больше память отца и придать молитвамъ за его душу возможно большую силу. Отъ священника св. Марка, онъ отправился къ настоятелю францисканскаго монастыря, отъ настоятеля къ священнику церкви св. Стефана и когда онъ выходилъ отъ этого послѣдняго, на соборныхъ часахъ било семь.

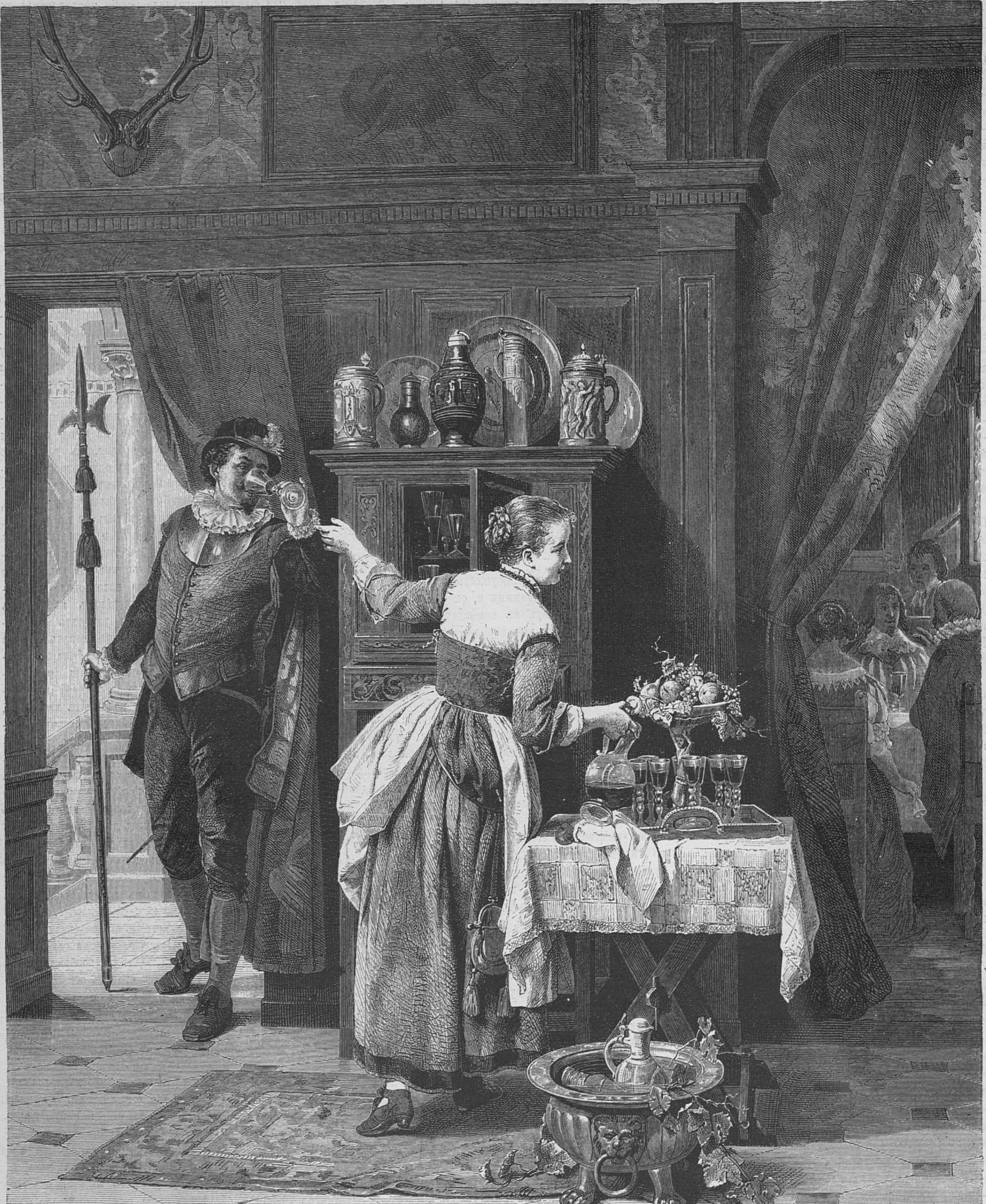
Въ церкви св. Марка онъ стоялъ на колѣняхъ, молился и плакалъ. Къ обѣднѣ собралось немного народа и для собравшихся сама обѣдня была неожиданностью. Пышность обстановки поражала и возбуждала любопытство. Священникъ молился за душу Марка. Имя Марка ничего не объясняло бы, если бы не церковныя нищенки, имѣющія способность проникать въ самыя сокровенныя тайны. Отъ нихъ публика узнала, что этотъ Маркъ носилъ фамилію Ердоди; узнала также и о томъ, что за душу его были заказаны одинаково пышныя обѣдни, въ девять во францисканскомъ монастырѣ и въ одиннадцать въ соборѣ. Ради этого, у францисканцевъ церковь совершенно наполнилась, въ соборѣ же была толпа,—толпа, ради которой проповѣдникъ выступилъ съ проповѣдью, преисполненной торжественности и нравственныхъ поученій, представляющей образцомъ для подражанія человѣка, о которомъ онъ никогда ничего не слыхалъ въ своей жизни. Это взволновало и растрогало Ляіоша. Онъ не подозрѣвалъ въ своемъ отцѣ тѣхъ добродѣтелей, которыми украсилъ его священникъ, потому еще сильнѣе почувствовалъ потерю его, не догадываясь, что эта проповѣдь была произнесена не столько для него, не столько для собравшагося народа, сколько потому, что за обѣдней на боковой скамьѣ, предназначенной для почетныхъ личностей, присутствовалъ величавый, одѣтый въ бархатную, роскошно вышитую золотомъ, одежду сановникъ, на котораго присутствующіе въ церкви поглядывали съ уваженіемъ. Ляіошъ не видѣлъ этого сановника. Онъ весь былъ сосредоточенъ въ себѣ. Проповѣдь, которую онъ слышалъ, онъ считалъ за своего рода гарантію по отношенію успѣшности молитвъ, заказанныхъ имъ въ трехъ церквахъ. Она давала ему ту увѣренность, что если душа его отца не переселится прямо на небо, то ей придется перенести только легкія и непродолжительныя мученья чистилища,—родъ подготовки въ преддверьи царства небеснаго, которыхъ онъ не можетъ миновать. Его это взволновало, растрогало, успокоило и обрадовало,—обрадовало внутренно и той радостью, которая совершенно замыкается въ человѣческой душѣ и возбуждаетъ въ ней родъ ревности. Ему казалось, что онъ осквернилъ-бы эту радость, если бы онъ подѣлился ею съ кѣмъ нибудь. Онъ почувствовалъ потребность одиночества хоть бы на короткое время,—на часокъ,—чтобы переработать и привести въ порядокъ чувства, всколыхнувшія его грудь. Поэтому какъ только въ соборѣ обѣдня окончилась, онъ вышелъ и пустился въ противуположную сторону отъ той, гдѣ находилась гостинница. Пустился одной улицей,—та довела его до стѣны окружающей городъ, пошелъ въ другую,—на той его остановили лѣстницы, ведущія внизъ; наконецъ, онъ напалъ на ворота и вышелъ на Варадинскую дорогу, на которой среди виноградниковъ и загородныхъ садовъ, онъ нашелъ убѣжище, обезпечивающее ему безусловное одиночество. Вдали виднѣлась Сава, извивающаяся среди зеленыхъ полей, рядомъ въ глубокой долинѣ шумѣлъ потокъ, направляющійся къ Савѣ, надъ головой юноши широко простиралъ свои вѣтви платанъ и набрасывалъ тѣнь, юношу прохлаждалъ легкій вѣтерокъ, дующій съ горъ. Тамъ было тихо, мило и пріятно—среди этой тишины жужжали мухи, шипѣли слѣпни, въ травѣ стрекотали полевые кузнечики и чирикали птички. Ляіошъ всталъ на колѣни, сложилъ руки и, поднявъ глаза къ небу,—воскликнулъ:

— Боже!.. Боже!..

Въ этомъ восклицаньи онъ излилъ свою благодарственную молитву. Затѣмъ онъ сѣлъ, хотѣлъ подумать,

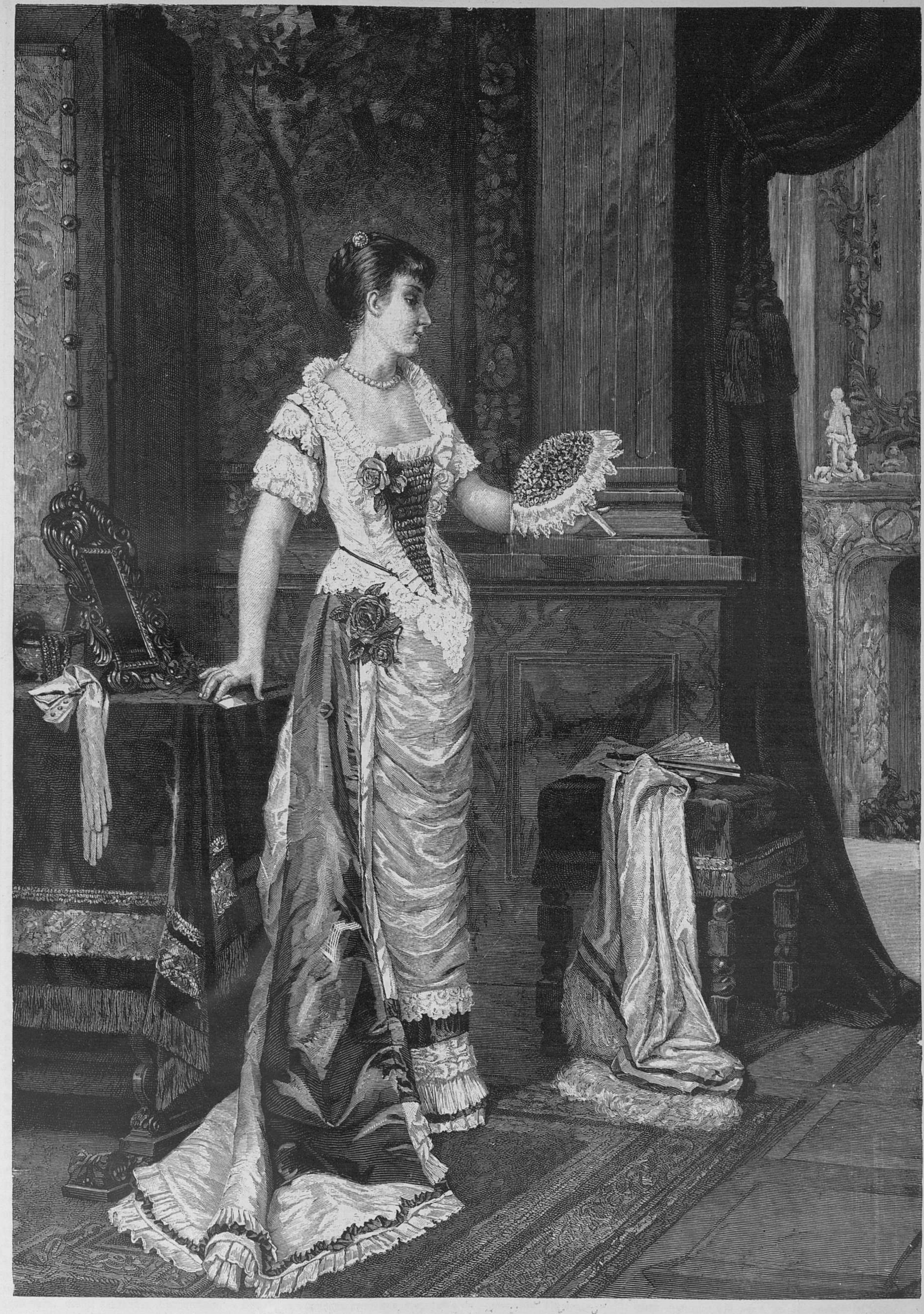
ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины А. Зигерта.



Для милаго дружка.

Съ картины Аккермана.



Послѣ концерта.

но не въ состояніи былъ сосредоточить своихъ мыслей. Ихъ разсѣевало чувство. Онѣ блуждали безъ призора, пока не нашли пути, на которомъ сошлись: на дорогѣ, которая вела изъ Климоваца въ Дубровацъ.

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

VII.

Новыя изобрѣтенія и наблюденія. — Искусственные рубины. — Свистящія ракеты.—Новая роль динамита.—Изслѣдованія проф. Игльстена.

Къ числу задачъ современной химіи относятся любопытныя попытки къ воспроизведенію драгоцѣнныхъ камней. Помимо непосредственной цѣли, то есть, фабрикаціи рѣдкаго матеріала, ученыхъ занимаетъ здѣсь возможность возбуждать, посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ, всѣ тѣ реакціи, которыми обусловливается феноменъ естественнаго зарожденія минераловъ. Понятно, что такіе вопросы крайне важны, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, и должны служить предметомъ самыхъ усердныхъ изслѣдованій.

Рубинъ (кориндонъ минералоговъ, съ химической точки зрѣнія, ничто иное, какъ кристаллизированный алюминій,—слѣдовательно, для полученія рубина, достаточно лишь кристаллизировать алюминій. Но это задача нелегкая. Многіе извѣстные химики, напр. Годэнъ, Эбэльменъ, Каронъ и др., успѣвали добывать кориндонъ, но только въ видѣ мелкой пыли, подававшей лишь отдаленную надежду на полную кристаллизацію тѣла. Въ 1877 г., директоръ парижскаго музея естественной исторіи, г. Фреми, въ сотрудничествѣ съ проф. Фейлемъ, получилъ, наконецъ, драгоцѣнный камень въ видѣ мелкихъ кристалловъ: этотъ успѣхъ казался, однако, еще сомнительнымъ. Но, продолжая свои работы, на этотъ разъ съ другимъ молодымъ ученымъ, г. Вернейлемъ, Фреми достигъ, въ 1887 г., такихъ результатовъ, которые даютъ, повидимому, вполнѣ практичное разрѣшеніе вопроса. Представя въ парижскую академію наукъ полученные кристаллы, Фреми и Вернейль пояснили, при этомъ, и свой способъ добыванія камней, состоящій въ воздѣйствіи фтористаго барія на аллюминій, содержащій слѣды двухромокислаго кали *) Правильность кристаллизаціи, по словамъ доклада, была достигнута послѣ многихъ опытовъ и должна быть приписана удачному способу нагрѣванія тѣла до краснокалильнаго жара, обусловливающему химическія реакціи. Полученные рубины весьма разнятся отъ добытыхъ въ прошлые года. Первые, въ особенности добытые въ 1877 г., были слоисты и хрупки, имѣли видъ тонкихъ пластинокъ и зарождались въ стекловидной матрицѣ, изъ которой они выдѣлялись съ трудомъ и не поддаваясь очисткѣ. При анализѣ, они не показывали постояннаго состава. Новые рубины формируются не въ стекловидной, а въ пористой, ломкой массѣ; они сидятъ, какъ бы въ особыхъ ячейкахъ и выходятъ изъ нихъ уже въ чистомъ кристаллическомъ видѣ. Самое отдѣленіе ихъ отъ матрицы происходитъ безъ всякаго затрудненія: стоитъ только бросить эту послѣднюю въ сосудъ съ водою и встряхивать его посильнѣе; при этомъ, матрица, состоя изъ легкой массы, всплываетъ, между тѣмъ какъ самые рубины, въ силу своей тяжести, падаютъ на дно. Это выскальзываніе ярко-алыхъ камешковъ изъ бѣловатой, породившей ихъ массы, представляетъ очень любопытное зрѣлище. Большею частью рубины получаются при этомъ уже самой чистой воды, такъ что дальнѣйшее очищеніе ихъ кислотами становится излишнимъ. Рубины получаются постоянно въ видѣ ромбоидовъ и совершенно подобны натуральнымъ, При анализѣ, они не содержатъ болѣе слѣдовъ барія и состоятъ изъ чистаго алюминія, окрашеннаго слѣдами хрома. Кристаллизація вполнѣ правильна, блескъ, присущій самоцвѣтному камню, цвѣтъ чисто рубиновый, прозрачность и твердость тоже равныя тѣмъ, которыми обладаетъ настоящій рубинъ (они легко исчерпываютъ топазъ). Тоже, подобно натуральнымъ рубинамъ, эти тамни чернѣютъ при нагрѣваніи и принимаютъ снова свой алый цвѣтъ, когда охлаждаются.

Изложенная выше характеристика новыхъ рубиновъ подтверждается свидѣтельствомъ извѣстнаго минералога Де-Клуазо (Des Cloizeaux), разсматривавшаго представленные камни по порученію Академіи и подвергшаго ихъ самому строгому кристаллографическому разбору. Надо при этомъ замѣтить, что Фреми и Вернейль производили свои опыты въ малыхъ размѣрахъ (не болѣе 50 граммъ алюминія на каждый разъ), причемъ нагрѣваніе продолжалось тоже лишь по нѣскольку часовъ сряду. Въ настоящее время, гг. Фреми и Вернейль приступаютъ къ работамъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и надѣются получить камни уже значительной величины.

Другое недавнее изобрѣтеніе по части химіи болѣе увеселительнаго свойства и принадлежитъ къ области пиротехники. Какъ извѣстно, наше время отличается изобиліемъ открываемыхъ, чуть не ежедневно, болѣе и болѣе сильныхъ взрывчатыхъ средствъ, и тотъ химикъ, который вздумалъ впервые составить, такъ называемое, пикринокислое кали, имѣлъ въ виду, вѣроятно, тоже лишь производство новаго взрывчатаго тѣла; ему не приходило въ голову, что, смѣшивая съ этою цѣлью ѣдкое кали съ растворомъ пикриновой кислоты, онъ изобрѣтаетъ соль, обладающую свойствомъ свистѣть во время своего горѣнія. Свистъ этотъ нельзя назвать пріятнымъ,—онъ весьма напоминаетъ тотъ, которымъ угощаютъ насъ паровозы,—тѣмъ не менѣе «химическіе свистки» получили право гражданства во всѣхъ французскихъ фейерверкахъ. По замѣчанію «Nature», дѣло не обходилось въ началѣ безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній: во многихъ мѣстностяхъ, между прочимъ и въ Гаврѣ, публика, не особенно восхищенная музыкальнымъ аккомпаниментомъ самыхъ лучшихъ фигуръ фейерверка, принялась громко кричать, требуя удаленія глупыхъ свистуновъ, нарушавшихъ общее удовольствіе, но когда причина выяснилась, всѣ остались очень довольны...

Но, помимо забавы сомнительнаго достоинства, «химическіе свистки» могутъ, безъ сомнѣнія, оказывать существенную пользу, служа, напримѣръ, для сигналовъ съ берега во время бурь, тумановъ и проч. Вспомнимъ хотя одну ту мятель, во время которой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, погибло столько людей на пути изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Ракеты съ пронзительнымъ свистомъ, указывающія путь сбившимся съ дороги, могли бы оказывать неоцѣнимыя услуги во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. А. Денисъ, въ своей брошюрѣ, спеціально посвященной предмету *), даетъ нѣсколько рецептовъ для составленія свистящихъ ракетъ съ различнымъ измѣненіемъ звука посредствомъ нѣкоторыхъ примѣсей къ главному составу. Для основного заряда, производящаго весьма зычный свистъ, требуется 15 частей пикринокислаго кали и 1 часть іудейской смолы (Judenpech, асфальтъ, настоящій); эта смѣсь, обращеніе съ которою требуетъ не большей осторожности, нежели манипуляціи другихъ фейерверочныхъ составовъ, вкладывается въ трубку съ внутреннимъ діаметромъ въ 9 миллиметровъ при длинѣ въ 6 сантиметровъ. Трубочка замыкается съ одного конца мелкоистолченою и крѣпко прессованною глиной. Составъ вводится постепенно, малыми частями, которыя забиваются плотно посредствомъ мѣднаго шомпола и молоточка до тѣхъ поръ, пока трубка не наполнится такъ, чтобы до верха оставалось не болѣе 12—15 миллиметровъ. Этотъ «свистокъ» прикрѣпляется къ ракетному патрону посредствомъ той-же проволоки, которая служитъ для подвязыванія палки къ ракетѣ. Свистокъ снабженъ колпачкомъ, въ который входитъ стопинъ, оконечность котораго нагибается къ пикриновому заряду; тотъ же стопинъ впущенъ въ ракетный патронъ, вслѣдствіе чего обѣ части воспламеняются вмѣстѣ. Звукъ свистка, въ началѣ весьма рѣзкій, дѣлается гуще, по мѣрѣ сгоранія состава.

Динамитъ, съ названіемъ котораго связана, преимущественно, идея разрушенія, является теперь и въ созидательной роли. Журналъ «Revue du génie militaire» указываетъ на него, какъ на дѣятельнаго агента, при возведеніи построекъ. Мысль о такомъ счастливомъ примѣненіи страшнаго состава принадлежитъ инженеру Бонфонъ (Bonnefont), который придумалъ воспользоваться силою расширенія газовъ при воспламененіи динамитнаго заряда для мгновеннаго осушенія почвы, въ которыхъ предполагается закладка фундамента. Работа производится въ слѣдующемъ порядкѣ: посредствомъ извѣстныхъ орудій, въ землѣ высверливается дыра глубиною въ 3—4 метра при діаметрѣ въ 4 сантиметра; въ нее впускается рядъ динамитныхъ патроновъ. При взрывѣ почвенная вода частью испаряется, частью отталкивается болѣе, нежели на 1 метръ разстоянія отъ стѣнокъ пробуравленнаго отверстія и начинаетъ возвращаться на мѣсто не прежде, какъ черезъ полчаса. Этого промежутка времени достаточно для очистки образовавшейся воронки и заполненія ея бетономъ.

Говоря о постройкахъ, нельзя не упомянуть о замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ ньюіоркскаго ученаго, профессора Игльстена (Eagleston) относительно причинъ, обусловливающихъ разрушеніе камней, и средствъ къ противодѣйствію сказанному вреду. Согласно наблюденіямъ, гранитъ остается почти неприкосновеннымъ при извѣстныхъ условіяхъ атмосферы; при другихъ же, онъ подвергается быстрой порчѣ, о чемъ наглядно свидѣтельствуетъ египетскій обелискъ, перевезенный въ ньюіоркскій паркъ: простоявъ невредимо 2000 лѣтъ въ сухомъ климатѣ, этотъ монументъ, доставленный въ Нью-Іоркъ въ 1880 г., уже обнаруживаетъ на себѣ значительные слѣды порчи. Изъ песчаниковъ, однѣ только кремнистыя породы могутъ считаться прочнымъ матеріаломъ для построекъ; всѣ остальныя, содержащія въ себѣ желѣзистыя или известковыя соединенія, не способны противустоять атмосферическимъ вліяніямъ. Известняки и доломиты болѣе прочны, но если каменная масса сформирована изъ обоихъ этихъ веществъ, то известковыя части вывѣтриваются изъ доломитныхъ и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ незначительнѣе количество этихъ послѣднихъ. Замѣчено тоже, что части постройки, ближайшія къ поверхности земли, подвергаются болѣе вышесказанному дѣйствію, нежели лежащія выше, и интенсивность порчи уменьшается постепенно, по мѣрѣ высоты зданія. Это явленіе объясняется значительнымъ присутствіемъ углекислоты и сѣрнистой кислоты въ воздухѣ большихъ городовъ, при чемъ эти газы скопляются преимущественно въ самыхъ нижнихъ слояхъ атмосферы, пронизывая и почву, насыщенную влажностью. На извѣстной высотѣ, движеніе воздуха разгоняетъ вредные элементы и нейтрализируетъ ихъ разъѣдающее дѣйствіе. Но, помимо вышеназванныхъ причинъ, на разрушеніе камня вліяетъ еще одна, на которую обращаютъ, обыкновенно, мало вниманія. Она заключается въ воздѣйствіи на камень уличной пыли, поднимаемой почти непрерывно вѣтромъ и движеніемъ экипажей и пѣшеходовъ въ многолюдныхъ городахъ. По мнѣнію профессора Игльстена, треніе производимое, этой пылью, гораздо значительнѣе, нежели это можно себѣ представить. При произведенныхъ имъ опытахъ, камни различной твердости и съ разнообразной внѣшней поверхностью, подвергнутые дѣйствію воздушной струи, несшей съ собою песокъ, оказались всѣ болѣе или менѣе затронутыми въ непродолжительное время; даже алмазъ не представлялъ исключенія. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ изслѣдованія надъ пылью большихъ городовъ показываютъ, что въ составъ ея входятъ въ значительной степени кварцовый угловатый песокъ, металлическія частицы и другія вещества, хотя не столь твердыя, но способныя, однако, выглаживать и стирать камень при своемъ прикосновеніи. На всѣхъ городскихъ кладбищахъ можно видѣть старинные памятники, надписи на которыхъ (углубленныя) исчезаютъ почти совершенно, преимущественно на фасахъ, обращенныхъ въ сторону господствующихъ вѣтровъ. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ наглядно о незамѣтномъ, но сильномъ дѣйствіи пыльныхъ частицъ.

Профессоръ Игльстенъ говоритъ въ заключеніе, что прежніе строители относились строже къ выбору своего матеріала и обращали серьезнѣйшее вниманіе на натуральный, внутренній цементъ камней, между тѣмъ какъ настоящіе архитекторы и поставщики надгробныхъ монументовъ совершенно не заботятся объ этихъ условіяхъ, равно какъ о приданіи своимъ постройкамъ тѣхъ формъ, которыя не благопріятствовали бы задержанію дождевыхъ водъ, принадлежащихъ тоже къ разрушительнымъ элементамъ *).

С. Варевскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новое французское правительство Флокэ прочитало въ палатѣ депутатовъ свою программу, въ которой послѣ общихъ всѣмъ подобнымъ «profession de foi» выраже-

---

*) Comptes rendus des séances de l'Academie des Sciences. Mars, 1887.

*) Amedée Denisse. Feux d'artifice sifflants.

*) Лекція въ обществѣ „American Society of civil engineers“.

ній о готовности служить странѣ, просьбѣ о довѣріи палаты и безпристрастномъ отношеніи къ дѣйствіямъ кабинета, идетъ перечень проектовъ о предстоящихъ реформахъ; тутъ говорится, что «вопросъ о пересмотрѣ конституціи, долженствующій быть внесеннымъ на разсмотрѣніе палаты,—одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые требуютъ полнѣйшаго спокойствія и осмотрительности. Тѣ члены кабинета, которые показали себя сторонниками пересмотра конституціи, не могутъ желать, чтобы дѣло столь первостепенной важности, долженствующее привести нашу политическую организацію въ полное согласованіе съ республиканскими принципами, было предпринято при условіяхъ, могущихъ его скомпрометтировать. Вотъ, почему правительство предложитъ вамъ предоставить его усмотрѣнію выборъ благопріятнаго момента для подготовки соглашенія между обѣими палатами. Президентъ палаты сказалъ вамъ недавно, что въ настоящее время задачи, касающіяся политическихъ фактовъ, не возбуждаютъ въ народѣ такого живого интереса, какъ вопросы, имѣющіе отношеніе къ его собственнымъ дѣламъ, а именно: государственные финансы, промышленность, торговля, бытъ рабочихъ, военные порядки, международныя отношенія. Въ виду этого, на ваше усмотрѣніе и будетъ внесенъ рядъ законопроектовъ, касающихся этихъ великихъ вопросовъ. За обсужденіемъ ихъ правительство будетъ внимательно слѣдить и будетъ всегда поддерживать такія рѣшенія, которыя наиболѣе согласуются съ демократическими интересами. Оно внесетъ законопроектъ объ ассоціаціяхъ, который необходимъ законодателямъ и странѣ для окончательнаго урегулированія отношеній между церковью и государствомъ. Затѣмъ будетъ принято во вниманіе учрежденіе свѣтскаго судопроизводства по церковнымъ дѣламъ, которое было установлено французскою революціей и вновь поставлено на очередь третьею республикою. Главнымъ-же предметомъ нашихъ занятій будутъ финансовыя дѣла. Будемъ надѣяться, что обѣ палаты тщательно провѣрятъ бюджеты законодательныхъ періодовъ и введутъ при этомъ важныя реформы, въ особенности реформы, касающіяся налога на спиртные напитки и права наслѣдства. Мы предложимъ сенату вновь приступить къ обсужденію военнаго закона, вотированнаго палатою депутатовъ. Слѣдуетъ надѣяться, что рѣшеніе этого вопроса послѣдуетъ тѣмъ скорѣе, что министръ, которому поручена защита его въ сенатѣ, былъ предсѣдателемъ разсматривавшей его коммиссіи. Новая организація нашихъ оборонительныхъ средствъ не только позволитъ намъ заручиться подобающимъ уваженіемъ, но и будетъ служить гарантіею мира, котораго мы искренніе сторонники. Будемъ-же готовиться, какъ внутри, такъ извнѣ, къ празднованію достославной годовщины 1789 г., къ участію въ которой Франція приглашаетъ ученыхъ, промышленниковъ и рабочихъ всего міра». Полагая приступить къ пересмотру конституціи, оставивъ генерала Буланже за штатомъ и совершенно устранивъ оппортунистовъ отъ участія въ кабинетѣ, Флокэ имѣетъ серьезные шансы долго продержаться у власти и даже распустить палату, въ которой ни одна мѣра не проходитъ безъ коаліціоннаго большинства.—Телеграмма изъ Берлина (отъ 25 марта) говоритъ, что въ берлинскихъ дипломатическихъ кругахъ господствуетъ сильное возбужденіе вслѣдствіе возможной въ скоромъ времени отставки князя Бисмарка, что приводится въ связь съ проектируемымъ бракомъ принцессы Викторіи съ принцемъ Баттенбергомъ. Принцъ намѣревается прибыть вмѣстѣ съ королевою Викторіей и сдѣлать предложеніе. «Кельнская Газета» полагаетъ, что бракъ этотъ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ болгарскій вопросъ; неугодное Русскому Императору лицо не можетъ сдѣлаться зятемъ германскаго императора; невозможно также, чтобы принцъ намѣревался заключить бракъ, который лишилъ бы нѣмецкій народъ имперскаго канцлера. Выходомъ изъ такой дилеммы могъ-бы быть отказъ бывшаго болгарскаго князя на всегда отъ всякихъ притязаній на болгарскій престолъ.—Телеграмма изъ Вѣны (отъ 26 марта) сообщаетъ, что, по свѣдѣніямъ дипломатическихъ источниковъ, болгарское правительство съ трудомъ поддерживаетъ спокойствіе въ странѣ. Органъ Каравелова нападаетъ на политику Австріи и Англіи. Принцъ Кобургскій, говоритъ его газета, не пользуется популярностью въ Болгаріи, народъ ему не довѣряетъ. Болгаріи лучше быть авангардомъ Россіи, чѣмъ Австріи, которая только о томъ и хлопочетъ, чтобы завладѣть Салониками. — Изъ Рима телеграфируютъ въ вѣнскую «Neue Freie Presse , будто бы папа уже принялъ выработанныя въ Вѣнѣ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и тамошнимъ папскимъ нунціемъ, Галимберти, предварительныя условія соглашенія между Россіей и Ватиканомъ. Остается разъяснить только нѣкоторые второстепенные вопросы, послѣ чего Россіей будетъ аккредитованъ при Ватиканѣ особый посланникъ, по всей вѣроятности, г. Бутеневъ, отецъ котораго былъ русскимъ посланникомъ въ Римѣ при папахъ Григоріи XVI и Піи IX.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По военному вѣдомству 12 марта послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе: 1) Въ учебный сего года сборъ назначить къ явкѣ изъ губерній и областей Европейской Россіи и Кавказа нижнихъ чиновъ запаса пѣхоты, пѣшей и крѣпостной артиллеріи: а) срока службы 1883 года, находившихся на дѣйствительной службѣ менѣе одного года и двухъ лѣтъ (въ качествѣ однолѣтковъ), или по сокращеннымъ срокамъ и вольноопредѣляющихся,—вообще перечисленныхъ въ запасъ прямо изъ войскъ или изъ отпуска и прослужившихъ въ войскахъ менѣе трехъ лѣтъ; б) срока службы 1878 года, находившихся на дѣйствительной службѣ три, четыре года (по сокращеннымъ срокамъ), или пять лѣтъ, вообще, перечисленныхъ въ запасъ прямо изъ войскъ или отпуска по прослуженіи въ войскахъ болѣе трехъ лѣтъ. 2) Началомъ учебнаго сбора назначить: а) 10-е августа: для нижнихъ чиновъ запаса губерній: екатеринославской, полтавской, курской и харьковской, уѣздовъ: Борзненскаго, Глуховскаго, Козелецкаго, Конотопскаго, Кролевецкаго, Нѣжинскаго, Остерскаго и Сосницкаго—черниговской губерніи, Кромскаго и Малоархангельскаго—орловской губерніи и округовъ Ростовскаго и Таганрогскаго—Донской области. б) 15-е августа: для нижнихъ чиновъ запаса астраханской губерніи и Царицынскаго уѣзда саратовской губерніи. в) 15-е сентября: для нижнихъ чиновъ запаса губерній—петербургскаго, виленскаго, московскаго и остальныхъ мѣстностей харьковскаго военныхъ округовъ и пермской, вятской, казанской, пензенской и симбирской губерній казанскаго военнаго округа. г) 20-е сентября: для нижнихъ чиновъ запаса губерній и областей: варшавскаго, кіевскаго, одесскаго (кромѣ екатеринославской губерніи) и кавказскаго военныхъ округовъ и самарской, саратовской—кромѣ царицынскаго уѣзда, оренбургской и уфимской губерній казанскаго военнаго округа. 3) Продолжительность учебнаго сбора нижнихъ чиновъ запаса при частяхъ войскъ опредѣлить—въ 21 день, кромѣ нижнихъ чиновъ запаса мѣстностей, поименованныхъ въ п. 2, *а*, для которыхъ продолжительность учебнаго сбора опредѣлить въ 26 дней. На основаніи ст. 5 Высочайше утвержденныхъ 8-го мая 1887 года временныхъ правилъ для учебныхъ сборовъ запасныхъ нижнихъ чиновъ арміи, объ изложенномъ объявляется по военному вѣдомству. Росписаніе частямъ войскъ, при которыхъ должны быть произведены учебные сборы, съ указаніемъ уѣздовъ, изъ коихъ подлежатъ явкѣ нижніе чины запаса въ учебный сего года сборъ, а равно числа сихъ чиновъ будетъ своевременно распубликовано военнымъ министромъ.—Настоятельная потребность въ низшихъ техникахъ побудила правительство учредить въ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія званіе механика путей сообщенія, которое пріобрѣтается выдержаніемъ установленнаго испытанія въ особыхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ, какъ при петербургскомъ институтѣ инженеровъ путей сообщенія императора Александра I, такъ равно при правленіяхъ округовъ путей сообщенія, по ближайшему указанію министра путей сообщенія. Комиссіи эти образуются распоряженіемъ сего министра изъ профессоровъ и преподавателей института, а также изъ другихъ лицъ, окончившихъ полный курсъ наукъ въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ перваго разряда. Испытанія на званіе техника путей сообщенія производятся по программамъ, утвержденнымъ министромъ путей сообщенія, изъ слѣдующихъ предметовъ: а) черченія инженернаго, архитектурнаго и ситуаціоннаго; б) низшей геодезіи и производства изысканій; в) элементарной механики; г) архитектуры и строительнаго искусства; д) элементарныхъ свѣдѣній изъ практической и строительной механики, и е) составленія смѣтъ и техническихъ отчетовъ по правиламъ, принятымъ въ министерствѣ путей сообщенія. Къ испытанію на званіе техника путей сообщенія допускаются одни только русскіе подданные всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, имѣющіе не менѣе двадцати и не болѣе сорока лѣтъ отъ роду, если лица сіи окончили полный курсъ въ гимназіи, реальномъ училищѣ, или въ иномъ равномъ имъ по объему учебнаго курса заведеніи, или же выдержали при сихъ заведеніяхъ испытаніе въ удовлетворительномъ знаніи полнаго установленнаго для нихъ курса. Сверхъ сего, желающій пріобрѣсти означенное званіе обязанъ представить удостовѣреніе отъ одного изъ инженеровъ путей сообщенія въ томъ, что онъ не менѣе одного года занимался строительною практикою, съемкою и нивеллированіемъ. Полученіе свидѣтельствъ о выдержаніи установленнаго испытанія даетъ право производить въ вѣдомствѣ путей сообщенія строительныя работы по утвержденнымъ проектамъ. Кромѣ того техники путей сообщенія могутъ быть опредѣляемы на государственную службу, но только по вѣдомству путей сообщенія и при томъ исключительно на техническія должности, не соединенныя съ обязанностью производить самостоятельныя строительныя работы. Относительно же общихъ правъ государственной службы установлено, что лица удостоенныя званія техниковъ путей сообщенія, пользуются, въ случаѣ поступленія на государственную гражданскую службу, тѣми правами по производству въ чины, которыя принадлежатъ имъ по закону, сообразно полученному общему образованію.

Книжное дѣло, музыка, научныя новости, живопись и пр.

Адольфъ Гензельтъ (портретъ котораго помѣщается на стр. 228) пріобрѣлъ обширную извѣстность въ качествѣ виртуоза, композитора, а въ Россіи, главнымъ образомъ, педагога. Онъ родился 12 мая 1814 г. въ баварскомъ городкѣ Швабахѣ. Его музыкальное образованіе началось въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ шести лѣтъ сталъ играть на скрипкѣ; инструментъ этотъ ему не дался и онъ пристрастился къ фортепіано, которому уже не измѣнилъ въ дальнѣйшей карьерѣ. Талантъ Гензельта превлекъ вниманіе баварскаго короля Лудвига I, который далъ ему средства переселиться въ Веймарнъ, гдѣ онъ поступилъ ученикомъ къ прославившемуся уже въ то время Гуммелю. Въ 1832 г. Гензельтъ переселился въ Вѣну, продолжая усиленно заниматься музыкою подъ руководствомъ Тальберга и Зехтера; въ видѣ отдыха молодой музыкантъ вскорѣ предпринялъ концертное путешествіе. Берлинъ, Дрезденъ, Лейпцигъ и другіе музыкальные центры были мѣстами восторженныхъ овацій и тріумфовъ артистической карьеры Гензельта. Слишкомъ нервная натура его не позволяла ему однако играть при многочисленныхъ слушателяхъ, и онъ въ послѣдній разъ игралъ публично въ 1838 г., въ Петербургѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, пріобрѣлъ обширныя знакомства и окончательно посвятилъ себя педагогической дѣятельности, которой онъ отдаетъ себя вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ; эта дѣятельность доставившая нѣсколькимъ тысячамъ лицъ безукоризненное музыкальное образованіе, лишила однако потомство многихъ талантливыхъ произведеній, такъ какъ совершенно заглушила композиторскую дѣятельность Гензельта. Уже долгіе годы занимая должность инспектора музыки во всѣхъ женскихъ институтахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, Гензельтъ праздновалъ въ Петербургѣ, 21 марта, пятидесятилѣтній юбилей своей службы искусству въ предѣлахъ Россіи. Мы увѣрены, что въ этотъ день всѣ его бывшія воспитанницы,—многія изъ которыхъ теперь уже почтенныя матери семействъ — съ благодарностью вспомнили о своемъ бывшемъ учителѣ; ихъ посильными приношеніями учреждается особая стипендія имени Гензельта; но намъ кажется, что лучшимъ отвѣтомъ на его полувѣковыя попеченія о распространеніи музыкальныхъ познаній въ средѣ учащагося юношества была-бы передача полученныхъ отъ него свѣдѣній грядущимъ поколѣніямъ, и тѣмъ воздвигнуть славному труженику нерукотворный памятникъ.—Русская литература уже завоевала себѣ почетное мѣсто въ общественномъ мнѣніи французовъ, нѣмцевъ и англичанъ; въ настоящее время можно также сказать что и въ Финляндіи, Швеціи и Даніи,—если судить по массѣ переводовъ на шведскій датскій и финскій языки произведеній русскихъ авторовъ и по успѣху, который имѣютъ всѣ эти переводы, выдерживающіе массу изданій,—сильно интересуются русской литературой. Въ текущемъ мѣсяцѣ въ Стокгольмѣ и Выборгѣ вышли въ свѣтъ слѣдующіе переводы на шведскій языкъ: Лермонтова: «Демонъ» (Demonen), «Кинжалъ» (Dolken), «Валерикъ» (Walerik), «Бѣглецъ» (Flyktingen), «Пѣснь про удалаго купца Калашникова» (Zaren Ivan Vasilevitsch). Переводчикомъ сочиненій Лермонтова является В. Госъ (W. Goös). Переводами изъ сочиненій Пушкина и Некрасова занимается Аминовъ, въ прошломъ мѣсяцѣ выпустившій въ свѣтъ свои переводы изъ сочиненій Пушкина: «Мѣдный всадникъ» (Kopparyttaren), «Талисманъ» (Talismannen), «Памятникъ» (Minnesstoden). «Элегія» (Elegie) и изъ сочиненій Некрасова два стихотворенія: «Въ госпиталѣ» (Isjukhuset) и «На улицѣ» (Ury Garu intrycken). Извѣстный своими капитальными переводами Эрнестъ Лундквистъ выпустилъ прекрасный переводъ «Обломова», — Гончарова и анонимный переводикъ, скрывшійся подъ буквой «К.», издалъ цѣлый рядъ переводовъ изъ сочиненій Тургенева, а именно: «Дворянское гнѣздо» (Adels folk), «Рудинъ» и нѣсколько другихъ.—

Въ 1863 г. въ «Библіотекѣ для чтенія», издававшейся Писемскимъ, была напечатана повѣсть «Ксаня чудная», подписанная псевдонимомъ Вадимъ и принадлежащая перу графа Е. А. Саліаса-де-Турнемиръ. Послѣ этой повѣсти гр. Саліасъ написалъ цѣлый рядъ романовъ, повѣстей и разсказовъ преимущественно историческаго содержанія; говорить объ ихъ достоинствахъ незачѣмъ, такъ какъ объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ любовь нашей читающей публики къ произведеніямъ г. Е. А. 25-го марта въ Москвѣ праздновался двадцатипятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности.

Любопытныя свѣдѣнія были сообщены В. А. Шрейеромъ на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій с.-петербургскаго общества архитекторовъ о стоимости и размѣрахъ главнѣйшихъ европейскихъ театровъ. По своей цѣнности и вмѣстимости заслуживаетъ вниманія театръ парижской оперы, вмѣщающій до 3,000 человѣкъ; кромѣ того, публика допускается стоять, такъ какъ сидѣнія въ театрѣ устроены откидныя. Стоимость его, по числу кубическихъ саженъ, опредѣляется въ 16.000,000 руб. Затѣмъ слѣдуетъ театръ придворной оперы въ Вѣнѣ на 3,000 зрителей, стоимостью 5.400,000 руб. Московскій театръ имѣетъ для зрителей 2,300 мѣстъ. Постройка его обошлась около 4.650,000 руб. Театръ королевской оперы имѣетъ 1,270 мѣстъ и стоитъ около 2.500,000 р., одесскій театръ строился 4 года, постройка обошлась въ 2.167,000 р., вмѣщаетъ зрителей до 2,000 чел. Постройка петербургскаго Маріинскаго театра обошлась въ 2.600,000 р., имѣетъ мѣстъ для зрителей на 2,625 человѣкъ. Средняя цѣна за кубическую сажень при постройкѣ новыхъ, дрезденскаго, франкфуртскаго и рижскаго театровъ обошлась: для опернаго театра 250 р. и драматическаго 150 р.—Японское правительство издало новый законъ о печати: редакторъ не можетъ содержать типографію; газеты лишаются права писать противъ какого бы то ни было правительственнаго распоряженія, даже если бы оно было признано дурнымъ министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ пріостановить, прекратить и конфисковать газету, если, по его мнѣнію, содержаніе ея нарушаетъ общественное спокойствіе и нравы; за нарушенія правилъ о печати налагаются строгія кары. Этотъ законъ сочиненъ для Японіи однимъ прусскимъ юристомъ.

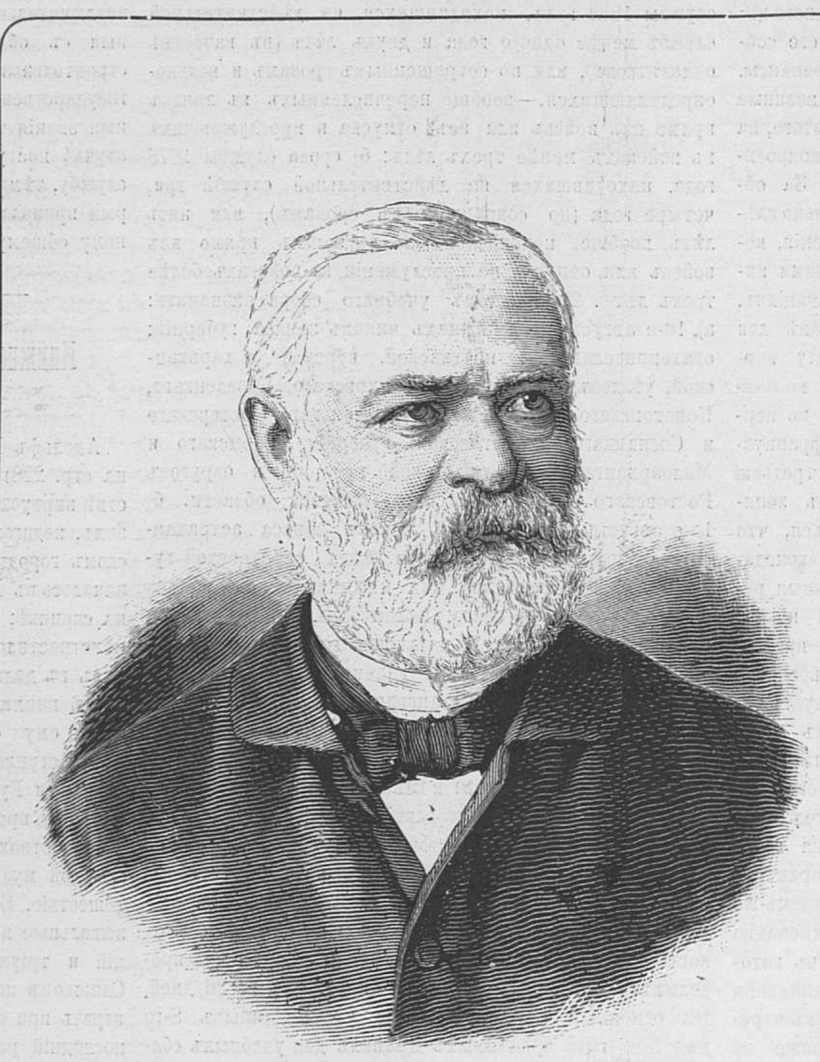
* * *

В. М. Гаршинъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Русская литература понесла еще одну тяжелую утрату; умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ (тридцати одного года) Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ, самый талантливый и самый симпатичный изъ молодыхъ русскихъ беллетристовъ. Давно уже покойный страдалъ сильнымъ разстройствомъ нервовъ и одна изъ минутъ нервнаго припадка рѣшила все: онъ бросился въ пролетъ лѣстницы, переломалъ себѣ кости и, пролежавъ нѣсколько дней въ лечебницѣ въ безсознательномъ состояніи, умеръ утромъ 24 марта. Какъ человѣкъ, Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ былъ глубоко симпатичною личностью: все, начиная съ прекрасной внѣшности и задушевнаго мягкаго голоса, влекло къ нему, мягкому, доброму, гуманному. Среди множества вѣнковъ, присланныхъ и принесенныхъ на гробъ покойнаго, на одномъ вѣнкѣ была надпись: «Писателю-художнику и безупречному человѣку». Именно такого человѣка видѣли въ Гаршинѣ близко знавшіе его люди. Намъ еще придется въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ нашего журнала поговорить подробнѣе о покойномъ, смерть котораго такъ тяжко поразила многихъ и многихъ людей, еще любящихъ русскую литературу.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ А. Л. ГЕНЗЕЛЬТА.



* * *

КЪ РИСУНКАМЪ.

Ловля рыбы зимой.

Чѣмъ ближе весна, тѣмъ болѣе становится и рыбы въ рѣкахъ и дѣятельность рыболововъ усиливается, не смотря на то, что ледъ еще не прошелъ. На Финскомъ заливѣ и Невѣ вы часто видите мужиковъ, прорубающихъ такъ или иначе ледъ, опускающихъ въ эти отверстія сѣти, мережи, морды и т. п. Работа тутъ кипитъ, все устраивается наскоро, какъ наскоро устроена эта загородка изъ стараго паруса, защищающая проруби отъ снѣжнаго заноса.

Божья воля.

Нашъ фельетонистъ уже коснулся въ своемъ отчетѣ о XIV «Передвижной художественной выставкѣ» этой картины г. Лемоха, составляющей одно изъ лучшихъ украшеній этой выставки. Особенно удались г. Лемоху крестьянскіе ребятишки, на которыхъ всегда съ такой любовью останавливается въ своихъ глубоко прочувствованныхъ картинахъ этотъ даровитый художникъ. Прекрасное освѣщеніе картины—тутъ, въ этой избѣ происходитъ драма, а тамъ за окномъ, вы чувствуете, какъ весело играетъ яркое солнце.

Весенніе гости.

Первыми вѣстниками весны являются, смотря по мѣсту, разные залетные гости—ласточки, грачи, жаворонки, журавли, аисты, цапли и тому подобные воздушные странники. Всюду разносятся ихъ чириканье, пѣніе и крики, всюду идетъ хлопотливая возня по поводу устройства гнѣзда, по части выбора подруги жизни идетъ настоящая война: клювы и когти, крылья и шпоры, все пускается въ ходъ, такъ что только перья летятъ у сражающихся, иногда поднимающихся даже на воздухъ для своихъ поединковъ. По разъ побѣда одержана, подруга жизни завоевана, — жизнь принимаетъ мирный и правильный ходъ въ тепломъ свитомъ гнѣздѣ.

На исповѣди.

Въ церкви, за ширмами, около аналоя помѣстился старикъ-священникъ, на колѣняхъ передъ нимъ стоитъ нарядно одѣтая дѣвочка. Она исповѣдуется. Очевидно, она только что высказала одинъ изъ своихъ страшныхъ грѣховъ—лѣнилась, капризничала, не слушала матери — и старикъ-пастырь читаетъ ей наставленіе. Онъ серьезенъ и строгъ, она застыдилась и смотритъ въ сторону... Вотъ содержаніе очень граціознаго жанра классного художника первой степени А. Н. Новоскольцева, очень талантливаго молодого жанриста. Эта картина принадлежитъ къ числу тѣхъ передъ которыми долго останавливаются посѣтители нынѣшней выставки въ академіи художествъ.

Для милаго дружка.

Весело пируютъ въ старомъ рыцарскомъ замкѣ чопорные и важные господа. Но едва-ли не лучше насладится и винами, и яствами, и фруктами часовой, стоящій у входа въ буфетную комнату, благо служанка распоряжающаяся угощеніемъ, его землячка, а, какъ извѣстно, «для милаго дружка и сережка изъ ушка»... Этотъ превосходно написанный, мелочно отдѣланный жанръ принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Августа Зигерта (род. въ Нейвидѣ 5 марта 1820), учившагося въ Дюссельдорфѣ, Антверпенѣ, Парижѣ и Мюнхенѣ. Онъ извѣстенъ не только какъ жанристъ, но и какъ историческій живописецъ.

Послѣ концерта.

«Цвѣты, цвѣты, цвѣты... слишкомъ много цвѣтовъ», говорилъ разсчетливый Кальхасъ, отыскивая у входа въ храмъ болѣе существенныхъ приношеній. Сколько концертантокъ, особенно изобилующихъ у насъ въ великопостный сезонъ, готовы повторить слова Кальхаса «цвѣты, цвѣты и только цвѣты». Правда, иногда на лентѣ букета бываетъ на что-то намекающая надпись, въ цвѣты иногда воткнута душистая записочка,—тогда въ душѣ зарождаются смутныя надежды на то, что не все же будутъ одни цвѣты...

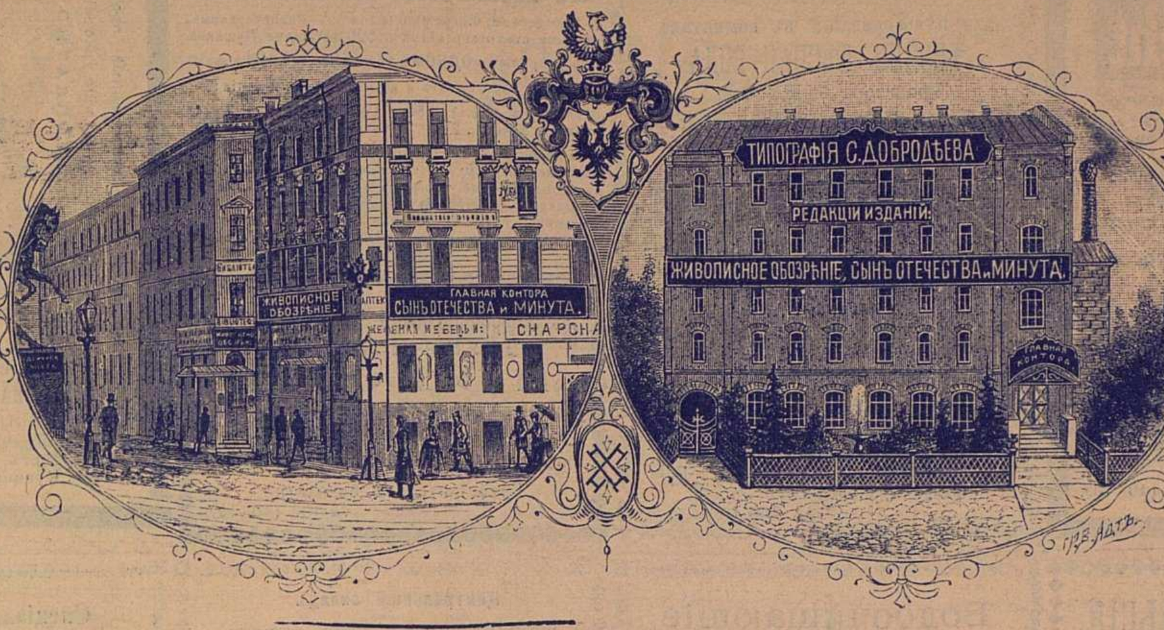
За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 30-го марта 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

Главная премія 1888 года «**ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ**» разослана всѣмъ годовымъ подписчикамъ, внесшимъ **сполна** подписную сумму **8** р. и на доставку **рубль.**

Преміи разосланы чрезъ Спб. почтамтъ цѣнными посылками, тщательно задѣланными въ холстъ.

1835



1888

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою **8 р.** Безъ доставки въ Спб.: **за годъ 6** р. **60** к.
Въ Москвѣ **безъ доставки на годъ 7** р. съ преміею

(Книжный магазинъ И. Ф. Панкова, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова).
За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Гг. подписчики, желающіе получить въ премію вмѣсто картины **«Закатъ солнца въ зимній день»—«Босфоръ»**, благоволятъ указать объ этомъ въ требованіи. Новые подписчики получаютъ журналъ съ № 1 со всѣми приложеніями. Желающіе получить премію, высылаютъ **рубль.**

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р., къ 1-му іюня **2** р.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ бы то ни было справокъ изъ конторы, необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него, а также на отвѣтъ благоволятъ высылать **двѣ** 7-ми-копѣечныя марки.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль иногородняго на иногородній—**25** копѣекъ.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно каждая **книжка** приложенія 40 к., съ пересылкою 50 к.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго каленкора съ черною и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.):

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черныя и золотыя) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

При заказѣ деньги высылаются **впередъ.**

◆

Получена новая партія картины профессора Шерреса **«НАВОДНЕНІЕ»**. Цѣна за экзем. **4** р. съ доставкою.

Закатъ солнца въ зимній день» и **«Босфоръ при лунномъ освѣщеніи»** по **3** р. за экземпляръ съ доставкою.
»Смерть Ивана Сусанина» и **«Крещеніе кіевлянъ при св. кн. Владимірѣ»** по **2** р. за экз съ доставкою.

Главная премія 1888 года «**ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ**» разослана всѣмъ годовымъ подписчикамъ, внесшимъ **сполна** подписную сумму **8** р. и на доставку **рубль:**

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы
поступили въ продажу новыя книги:

БЛАГА ЖИЗНИ
Новый романъ **А. Михайлова (А. Шеллеръ)**
320 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

ОКО ЗА ОКО.
Романъ **МАТТЕИ,** переводъ *К. Назарьевой* 416 стр.
Цѣна 1 руб.

КОНСУЭЛО.
Романъ въ двухъ частяхъ, **ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ,** переводъ *П. Лѣтнева.* 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

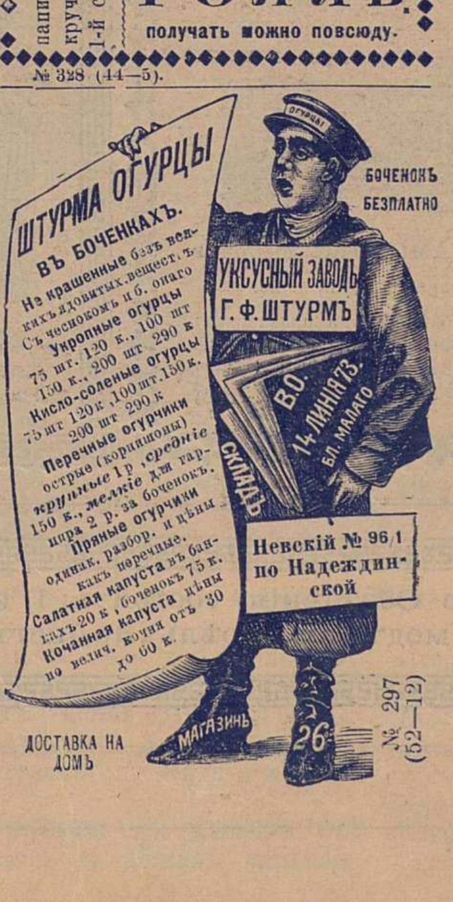
НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА.
Сочиненіе **ЭБЕРСА.**
Историческій романъ изъ временъ язычества. Изящное изданіе (съ портретомъ автора), 452 страницы.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Для подписчиковъ *«Живописнаго Обозрѣнія»*, цѣна за экземпляръ означенныхъ изданій **РУБЛЬ** съ доставкою.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:
ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"
Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

папиросы
крученыя
1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.
РОЯЛЬ.
получать можно повсюду.

№ 328 (44—5).



ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Не крашенные безъ вредныхъ ядовитыхъ веществъ.
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы
75 шт. 120 к., 100 шт
150 к., 200 шт 290 к
Кисло-соленые огурцы
75 шт 120 к ,100 шт. 150 к.
200 шт 290 к
Перечные огурчики
острые (корнишоны)
крупные 1 р ,*средніе*
150 к., *мелкіе* для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики
одинак. разбор. и цѣны
какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к , боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны
по велич. кочня отъ 30
до 60 к.

Невскій № 96/1
по Надеждинской

№ 297
(52—12)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКК,
Спб., Невскій, № 57.
Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
№ 234 (10—3).

Зубочистное средство
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ШВЕДСКІЙ
зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**

№ 249 (57—18)

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ",

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа по всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—31).

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора А. Янсонъ.

Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.

Продается:

Въ **Москвѣ**: у Л. Борхардтъ, Г. Брунсъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.

кромѣ того имѣется:

у М. Заксъ, Г. Клосъ и К°., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ, Ф. Линде, О. Роосъ, Русск. Общество торг. аптекарск. товарами и во многихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.

№ 323 (26—7)

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт. на об. бум. 1 р. 50, на лучш. . 2 р. | Съ 44 карт. на об. бум. 2 р. 50, на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.

Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.

№ 22 (222—14).

Усовершенствованные пожарные

ТРУБЫ И НАСОСЫ

„ПОТОКЪ"

для селъ и городовъ.

Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.

Прейсъ-курантъ безплатно.

№ 186 (40—20)

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталоги нотъ по требованію высылается БЕЗПЛАТНО

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ. Б. Морская, № 36 и 42.

Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

№ 256 (1—1).

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается нѣжною и придаетъ ей бѣлизну, нѣжность. Зимою она удобна противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза. Цѣна флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ, у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная, № 38.

№ 314 (47—8).

Водоочищающіе

С.-ПЕТЕРБУРГСКУЮ МАНУФАК. ВЫСТАВКА ... КОРЕЛЬСКОМУ 1861

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій**. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. № 228 (52—20)

Центральный складъ

швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.

Продажа съ ручательствомъ!

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.

Прейсъ-куранты безплатно.

Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.

№ 158 (52—29).

Спеціальный магазинъ

БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.

Большая Морская, № 25.

въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—6).

Для красоты лица

съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., д. № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—15)

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

каррикатуръ, силуэтъ и картинъ очень интересно и забавно какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ; цѣна съ пересылкою 60 к. почтовыми марками за 1 конв. 10 раз. картинъ, торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, № 12. Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (27—1).

Въ книжной торговлѣ спеціально для иногороднихъ А. Я. Панафидина,
С.-Петербургъ, Б. Итальянская, № 8.

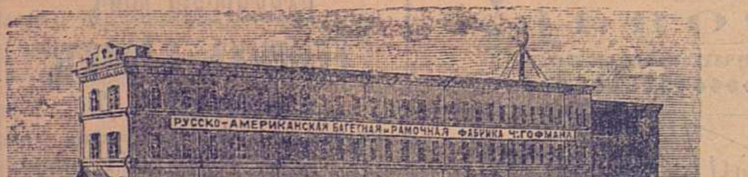
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

Первая книжка разсказовъ. Спб. 1888 г. изд. 3-е. Цѣна съ пересылкой 1 р. Оглавленіе: Четыре дня.—Происшествіе.—Трусъ.—Встрѣча.—Художники.—Ночь.—Attalea princeps.—То, чего не было.

Вторая книжка разсказовъ. Спб. 1888 г. изд. 2-е. Цѣна съ пересылкой 1 р. Оглавленіе: Деньщикъ и офицеръ.—Изъ воспоминаній рядового.—Красный цвѣтокъ. — Медвѣди. — Сказки о жабѣ и розѣ. — Надежда Николаевна.

№ 349 (2—1)



РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ фабрики

Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—7).

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ

Музей Т. В. БОЦВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.

Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: Клеопатра, египетская царица, механически движущаяся. А. С. Пушкинъ, астеръ, графъ Лесепсъ, группа, сказки Шехеразады изъ 1,001 ночи. Сонъ на яву, механическая фигура, Елена Прекрасная, и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ, въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; за входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.

№ 324 (10—7).

Нумеръ 14-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) № 4-го «Новѣйшихъ Парижскихъ модъ» (за апрѣль); 3) Листъ выкроекъ и узоровъ и 4) Обертки.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою Спб., 10-го марта 1888 г.

Типографія С. Добродѣева. Ковенскій пер., собств. д. № 14.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

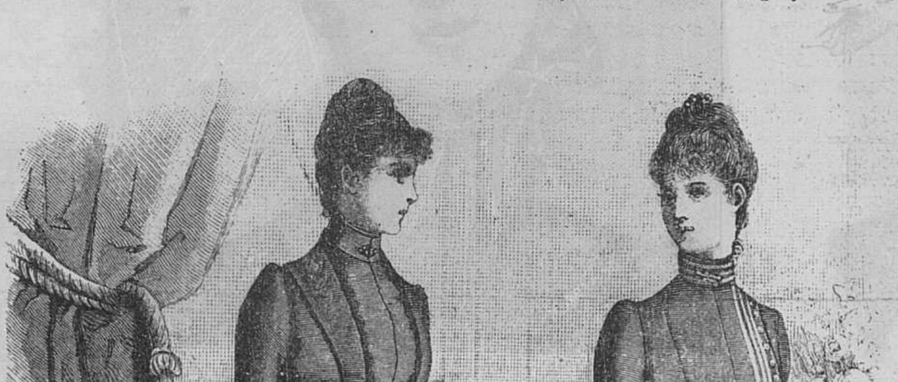
№ 4.—1888. Апрѣль. 1888.—№ 4.

1. **Домашній туалетъ** изъ синяго легкаго сукна на шелковой юбкѣ подъ цвѣтъ. Суконная юбка фестонирована по краю. Переднія полотнища драпированы на бокахъ; справа разрѣзъ, открывающій шелковую юбку; заднія полотнища слегка драпированы. Корсажъ съ очень короткою баской, открытый на шелковомъ жилетѣ; онъ окаймленъ реверами и застегнутъ внизу патами, которыя перекрещиваются. Воротникъ шелковый стоячій; на рукавахъ шелковые реверы.

2. **Домашній туалетъ** изъ шерстяной саржи двуличневой, сѣрой съ розовымъ. На нижней юбкѣ нашиты тесьмы, розовыя съ сѣрымъ, обрисовывающія какъ-бы открытую сбоку вторую юбку. Тюникъ изъ той же матеріи, высоко драпированный на бокахъ, а сзади падающій густыми волнами. Корсажъ съ вставкой въ видѣ пластрона, застегнутый на боку и обшитый тесьмою впереди. Сзади вторая баска, заложенная складками и обшитая тесьмой. Подобная-же отдѣлка на рукавахъ и стоячемъ воротникѣ.

3. **Модная мантилья** (выкр. 3 на листѣ). Эта красивая мантилья дѣлается изъ сисильена или другой шелковой матеріи и состоитъ изъ плотно прилегающаго стана съ подогнутымъ рукавомъ и длинныхъ, роскошно вышитыхъ полъ. На груди складки; вверху наложена вышитая кокетка, остроконечная впереди. Спинка съ баской, заложенной складками, которыя придерживаются аграмантнымъ мотивомъ; рукава украшены вышивкою, равно какъ и воротникъ.

4. **Весенняя мантилья-пальто.** Эта накидка сдѣлана тоже изъ шелковой матеріи на легкой ватированной покладкѣ. Спинка короткая, полы удлинняются постепенно впередъ; кругомъ черный кружевной воланъ, съуживающійся, на концахъ. Впереди пластронъ изъ кружевного тюля, заложеннаго складками. Пластронъ окаймленъ двумя бархатными полосами съ кистями внизу. Рукава соединены сзади съ спинкой, но впереди имѣютъ видъ свободныхъ; они слегка собраны внизу подъ бархатною обшивкой. На груди и на плечахъ богатые бисерные мотивы; тоже сзади на таліи и на соединеніи рукавовъ съ спинкою внизу. Воротникъ стоячій вышитый.



1. Домашній туалетъ. 2. Домашній туалетъ.

5. **Модная весенняя шляпа.** Тулья и поля изъ желтой соломы. Поля подложены гранатнымъ бархатомъ, расшитымъ золотистыми звѣздами. Завязки гранатныя съ бантомъ, перехваченнымъ золотою звѣздою. Отдѣлка изъ гранатныхъ лентъ и желтыхъ перьевъ.

6. **Модэли рубашекъ для дѣвочекъ.** Обѣ рубашки кроятся съ легкимъ выгибомъ, охватывая довольно плотно станъ. Первая модэль съ приставными рукавчиками; вторая, болѣе нарядная, заложена впереди прострочеными складками. Вмѣсто рукавовъ просто проймы, окаймленныя вышивкою, такою-же, какъ и вокругъ ворота, и съ продернутою въ нее ленточкою.

7. **Нижняя юбка изъ полосатаго цвѣтного перкаля.** Подолъ фестонированъ бумагою подъ цвѣтъ полосъ. Выше нѣсколько рядовъ складочекъ. Подобныя цвѣтныя юбки будутъ въ большомъ употребленіи для лѣтняго туалета.

8. **Модныя булавки для украшенія шляпъ.** Булавки употребляются не столько для дѣйствительнаго прикалыванія шляпъ, сколько для добавленія къ бантамъ. Предлагаемыя нами модэли очень изящны и сдѣланы изъ жэ, черепахи и металлическихъ композицій.

9. **Модная креповая шляпа.** Тулья собранная изъ блѣдно-розоваго крепа. Пассъ изъ мелкихъ павлиньихъ перьевъ. Вверху пуффъ изъ розовыхъ страусовыхъ перьевъ и трехъ павлиньихъ перьевъ, придерживаемыхъ бантикомъ изъ золотой тесьмы, поставленныхъ стоймя.

10. **Модная круглая шляпа** изъ коричневой соломы, съ бархатнымъ подбоемъ подъ цвѣтъ. Вверху бантъ изъ двуличневой ленты, красной съ коричневымъ, и букетъ красныхъ перьевъ.

11. **Корсажъ Альберта** (выкр. 2 на листѣ). Этотъ оригинальный и красивый корсажъ дѣлается изъ одной матеріи съ юбкой или же отдѣльно отъ нея. Переднія полы застегиваются посредствомъ перекрещивающихся патъ. Внизу пластронъ изъ вышитой суташью матеріи или изъ подходящаго броше и т. п.

12. **Юбка-турнюръ** изъ полосатой шерстяной матеріи. Въ заднее полотнище вшиты рэссоры; внизу два волана, обшитые шерстянымъ кружевомъ; они собраны густо. Впереди одинъ воланъ, нашитый почти вгладь.

13. **Юбка-турнюръ** изъ цвѣтной бумажной

ткани. Заднее полотнище съ рессоромъ; на подолѣ воланъ съ отпечатанной каймой.

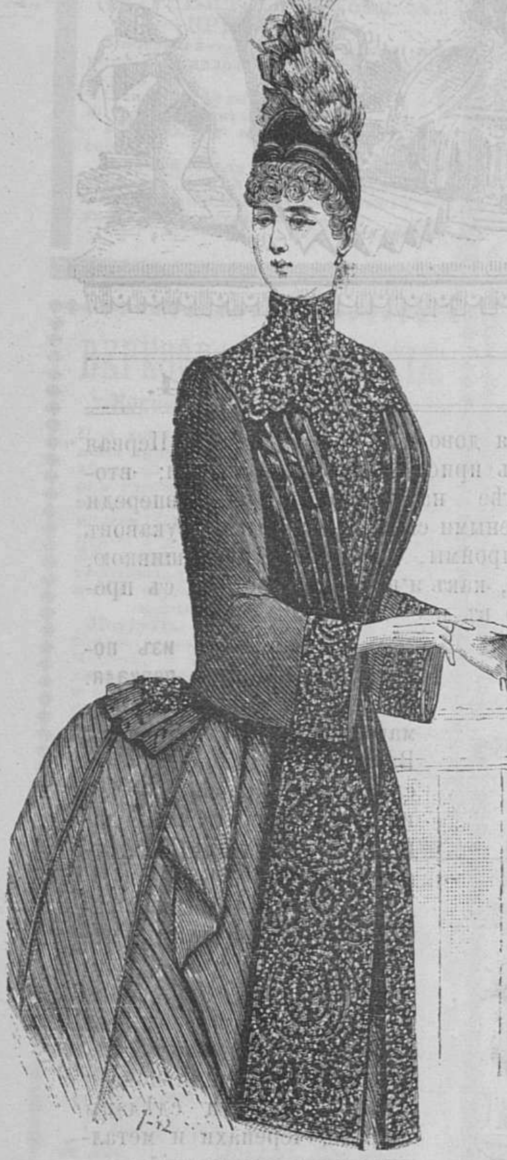
14. **Домашній капотъ** (выкр. 1 на листѣ). Это красивое неглиже сдѣлано изъ темно-красной шерстяной матеріи, затканной розоватыми полосами. Впереди вставка изъ розоваго вуаля, заложеннаго складками. Реверы на полахъ и рукавахъ розовые фаевые; такой-же воротникъ. Роскошный шнуръ съ кистями служитъ поясомъ.

Весеннія моды (см. рис. 32—35).

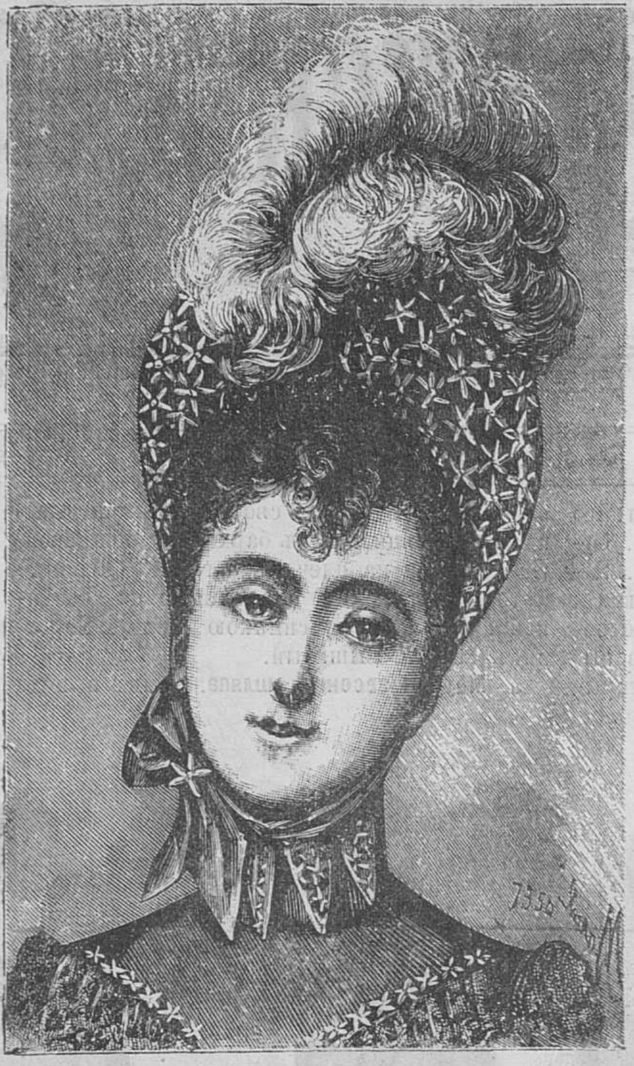
15—24. **Костюмъ изъ полосатой и гладкой шелковой матеріи.** Юбка изъ пекине суроваго цвѣта съ коричневыми полосами. Тюникъ изъ шелковаго суроваго полотна, открытый на боку и подложенный здѣсь коричневымъ бархатомъ. Сзади онъ драпированъ тремя отдѣльными полотнищами. Корсажъ изъ тогоже полотна, застегнутый накрестъ и съ бархатными реверами. Подъ нимъ полосатый пластронъ съ бархатнымъ стоячимъ воротникомъ. Бархатные обшлага на рукавахъ. Шляпа изъ крепа суроваго цвѣта съ пассомъ изъ коричневаго бархатнаго бульонэ. Отдѣлка изъ суровыхъ лентъ и розовыхъ перьевъ.

16. **Костюмъ изъ сукна и турецкой матеріи.** Юбка изъ шерстяной съ шелкомъ матеріи, затканной турецкимъ узоромъ. Тюникъ и корсажъ изъ темнаго сукна; впереди они выкроены изъ одного куска, причемъ на таліи сдѣланы сборки, пристегнутыя бархатной патой. На плечахъ такія-же паты. Спинка отрѣзная, застегнутая незамѣтно, т. е. застегнута собственно только подкладка, а сукно, слегка собранное, просто закладывается поверхъ ея. Тюникъ застегнутъ на боку. Рукава двойные: нижніе гладкіе изъ турецкой матеріи, верхніе суконные, полуширокіе, съ бархатнымъ обшлагомъ. Шляпа изъ темнаго фетра съ свѣтлыми бантами.

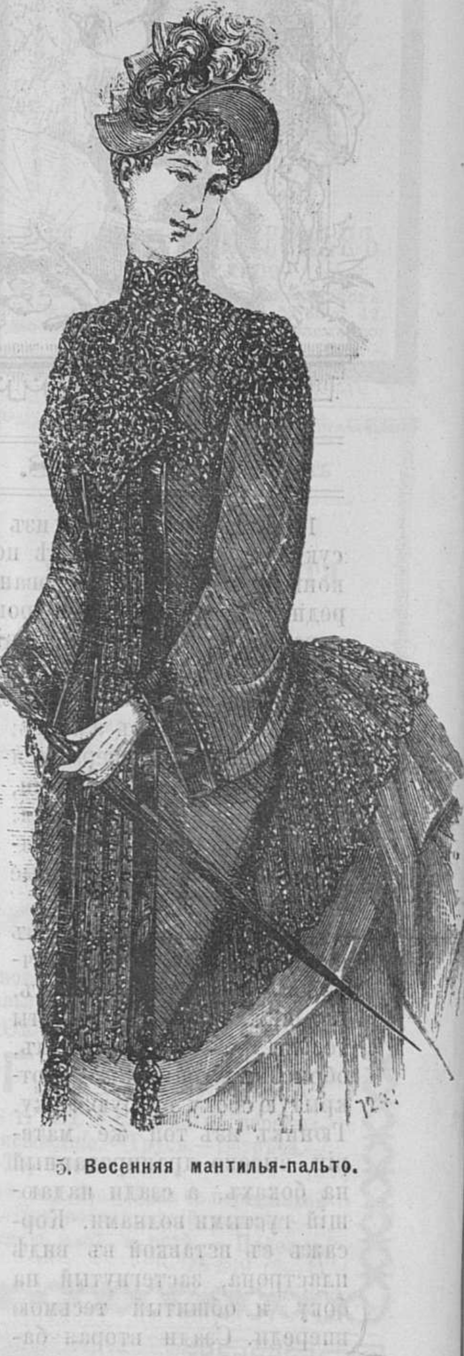
17. **Костюмъ дѣвочки 8—10 лѣтъ.** Юбка и веста изъ сѣраго кашемира, открытыя на пластронѣ изъ шелковой полосатой матеріи, сѣрой съ розовымъ. Реверы изъ сѣраго бар-



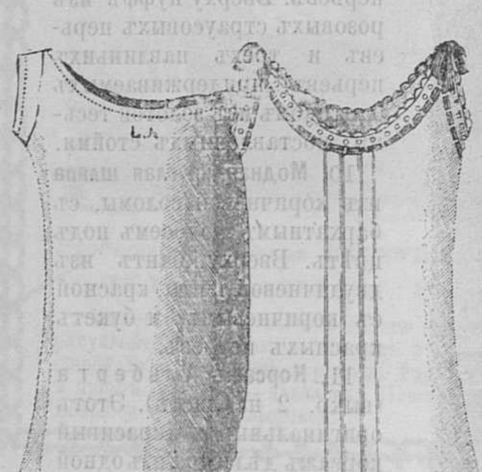
3. Модная мантилья (выкр. 3 на листѣ).



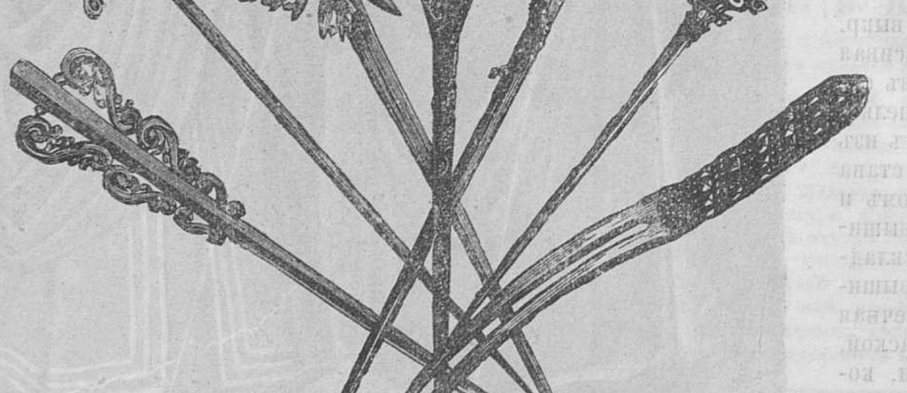
4. Модная весенняя шляпа.



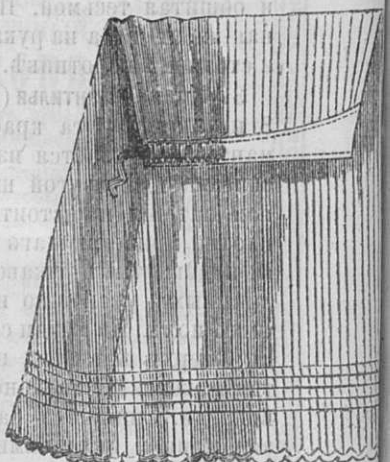
5. Весенняя мантилья-пальто.



6. Модэли рубашекъ для дѣвочекъ.



8. Модныя булавки для украшенія шляпъ.



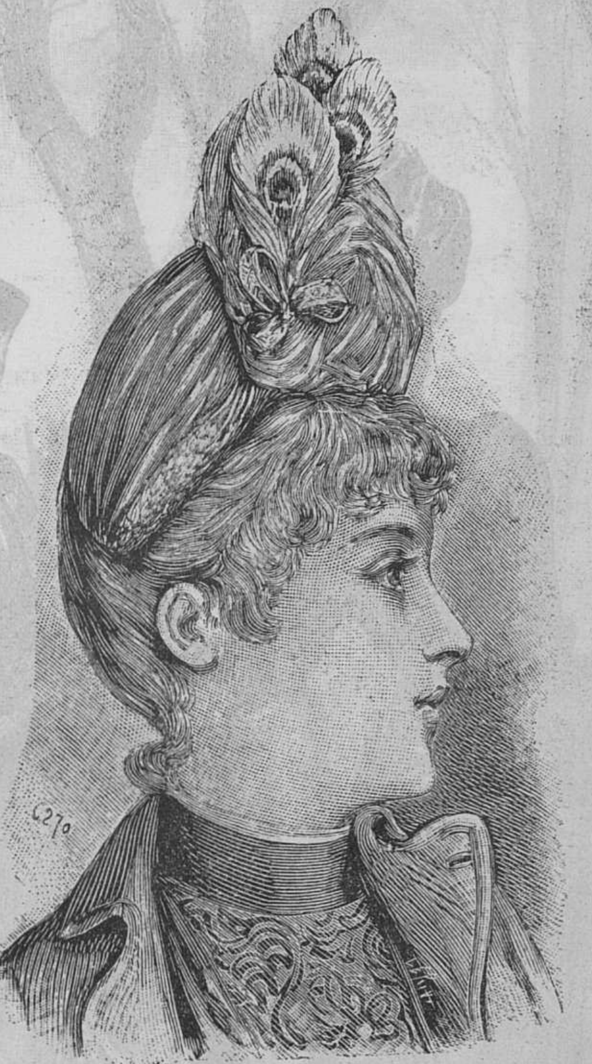
7. Нижняя юбка изъ полосатаго пер

хата окаймляютъ весь передъ. Бархатный воротникъ и обшлага на рукавахъ. Шляпа изъ сѣраго фетра съ бархатнымъ сѣрымъ подбоемъ. Отдѣлка изъ сѣрыхъ лентъ и розовой птички.

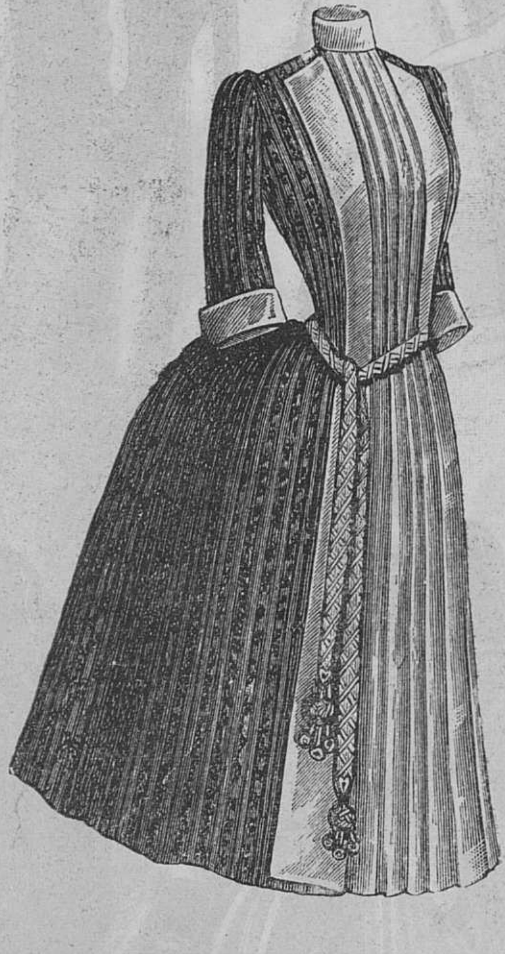
18. **Шерстяное платье съ суташной вышивкой.** Правое боковое полотнище вышито; открытый впереди тюникъ остается гладкимъ. Корсажъ собранный съ кушачкомъ. Небольшая пелерина, вся расшитая суташью, покрываетъ плечи. На рукавахъ вышитые обшлага. Круглая фетровая шляпа съ отогнутыми вверхъ полями, подложенными бархатомъ. На тульѣ перо въ видѣ раскинутаго султана.

19. **Костюмъ дѣвочки 7—9 лѣтъ.** Юбка изъ голубаго сисильена; поверхъ нея платьецерединготъ изъ голубой шерстяной матеріи съ высѣчкою на подолѣ и широкимъ шелковымъ шарфомъ, завязаннымъ большимъ бантомъ назади. На бокахъ бантики. Пелерина съ острыми концами, высѣченная по краю; она спускается къ таліи. Внизу на рукавахъ бантики. Шляпа-токъ черная бархатная съ серебристою птичкой и голубою эгреткой.

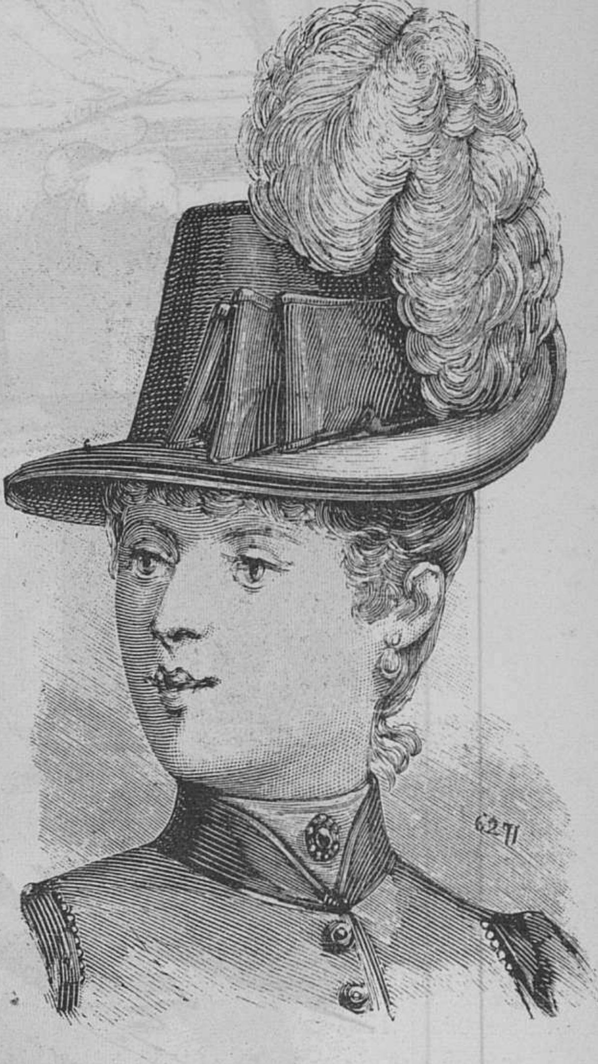
20. **Мантилья изъ цвѣтного брошэ,** фонъ рыжеватый, узоръ коричневый, бархатистый. Кругомъ синелевая бахрома двухъ цвѣтовъ.



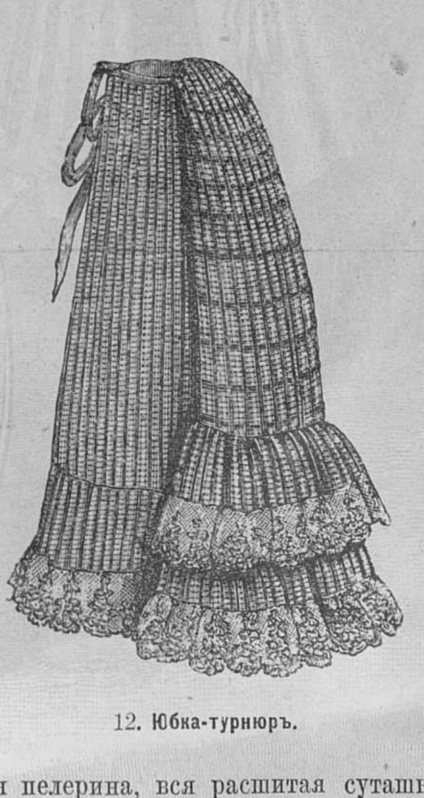
9. **Модная креповая шляпа.**



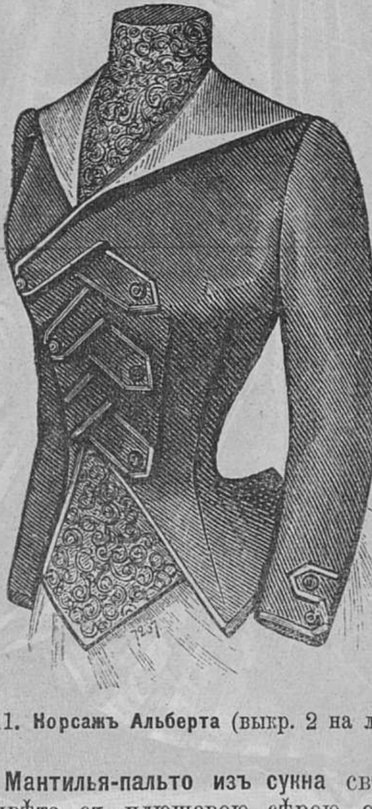
14. **Домашній капотъ** (выкр. 1 на л.).



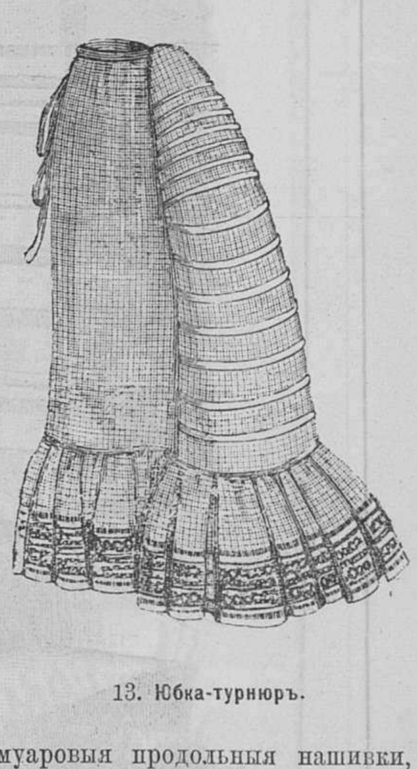
10. **Модная круглая шляпа.**



12. **Юбка-турнюръ.**



11. **Корсажъ Альберта** (выкр. 2 на листѣ).



13. **Юбка-турнюръ.**

21. **Мантилья-пальто изъ сукна** свѣтло-сѣраго цвѣта съ плюшевою сѣрою отдѣлкой въ видѣ зубцовъ.

22. **Веста изъ плюша цвѣта** loutre, обшитая перьями.

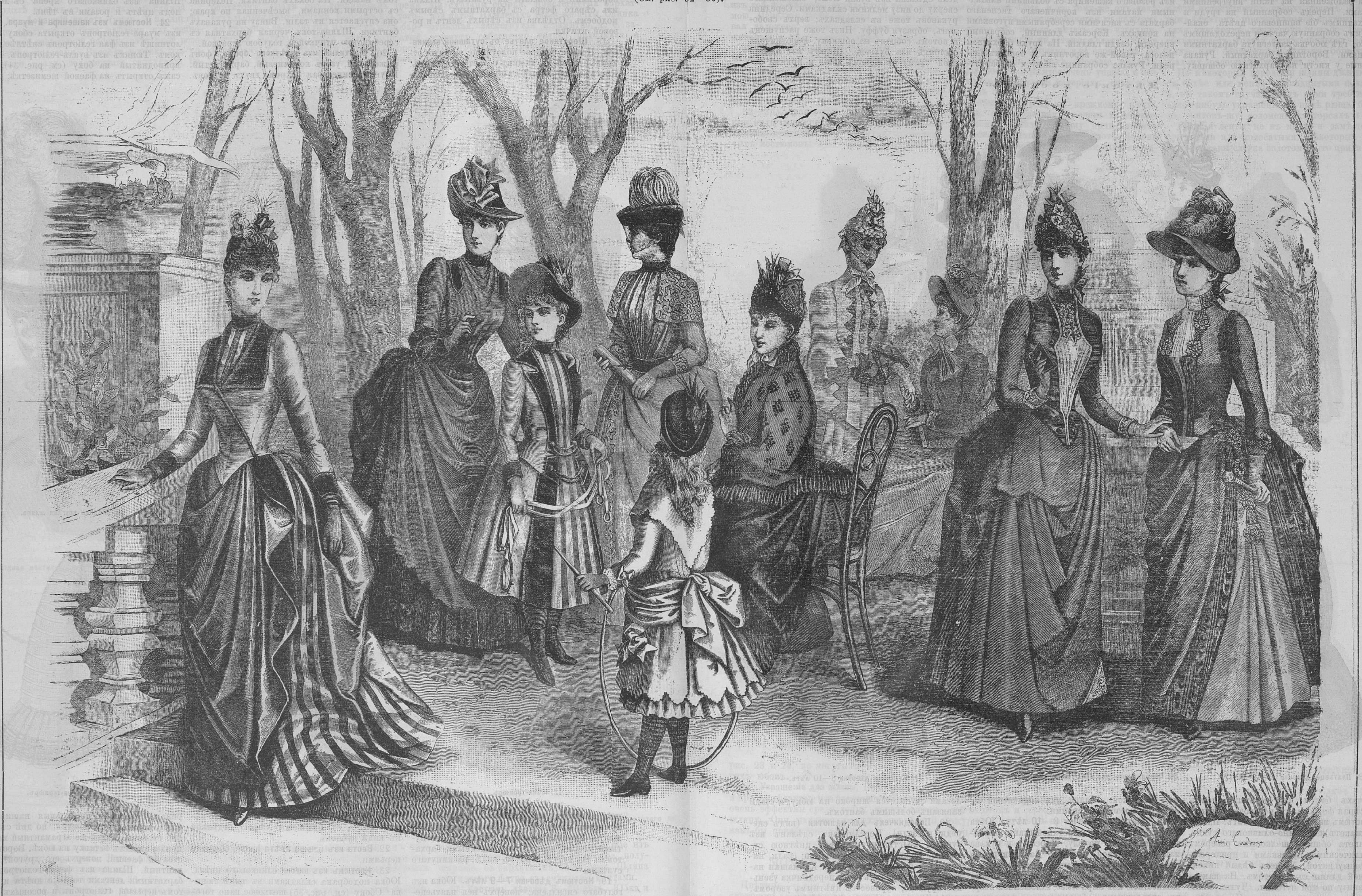
23. **Костюмъ изъ вигони** оливковаго цвѣта. Юбка подобрана складками въ видѣ тюника. Сбоку (см. рис. 35) шелковое пано того-же цвѣта, но свѣтлѣе и расшитое суташью. Корсажъ съ шелковою вставкой, расшитой вверху на груди. По сторонамъ пуговицы. Шляпа изъ оливковаго крепа съ лентами подъ цвѣтъ и розами въ тѣнь.

24. **Костюмъ изъ кашемира и муара.** Юбка изъ муара-геліотропъ открыта сбоку на полотнищѣ изъ фая геліотропъ свѣтлѣе оттѣнкомъ. Тюникъ изъ вуаля-геліотропъ, высоко приподнятый на боку (см. рис. 34). Корсажъ открытъ на фаевой шемизеткѣ; по сторонамъ муаровыя продольныя нашивки, а выше аграмантныя розетки, по двѣ съ каждой стороны. Такой-же аграмантный мотивъ придерживаетъ вставку на юбкѣ. Воротникъ стоячій фаевый, поверхъ его другой, аграмантный. Шляпа изъ фетра-геліотропъ съ бархатными лентами того-же цвѣта и букетомъ перьевъ, геліотропъ и розовыхъ.

25—27. **Дѣтскіе костюмы.** 25. **Костюмъ дѣвочки 6—8 лѣтъ.** Блуза-princesse изъ сѣраго

ВЕСЕННІЯ МОДЫ.

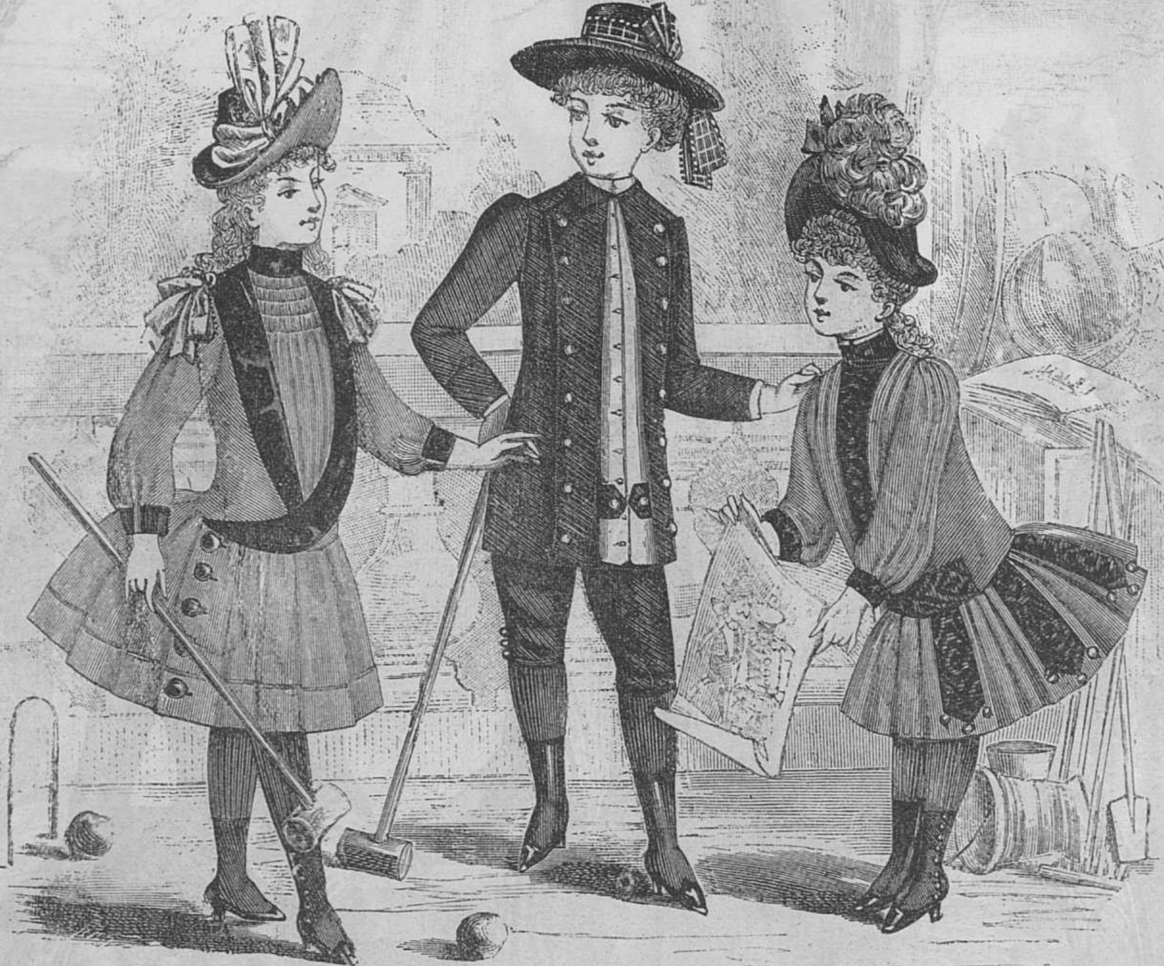
(См. рис. 32—35).



15. Костюмъ изъ полосатой и гладкой шелковой матеріи. 16. Костюмъ изъ сукна и турецкой матеріи. 17. Костюмъ дѣвочки 8—10 лѣтъ. 18. Шерстяное платье съ суташной вышивкой. 19. Костюмъ дѣвочки 7—9 лѣтъ. 20. Мантилья изъ цвѣтного броше. 21. Мантилья-пальто изъ сукна. 22. Веста изъ плюша. 23. Костюмъ изъ вигони (см. рис. 35). 24. Костюмъ изъ кашемира и маура (см. рис. 31).

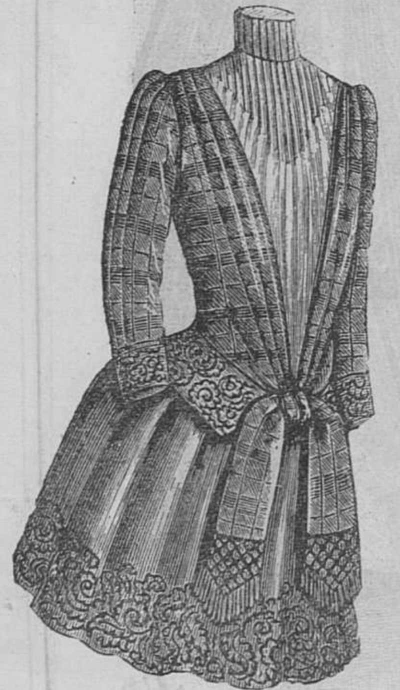
вуаля. Спинка изъ одного куска съ корсажемъ и заложенная на таліи внутренними складками. Передъ собранный на груди и съ бархатнымъ біэ вишневаго цвѣта, окаймляющимъ собранную часть и переходящимъ направо, гдѣ юбочка застегнута бархатными пуговицами. Воротникъ бархатный. Рукава собранные у кисти на бархатную обшивку. На плечахъ банты изъ розовыхъ лентъ. Шляпа сѣрая фетровая съ розовою отдѣлкой.

Дѣтскіе костюмы:

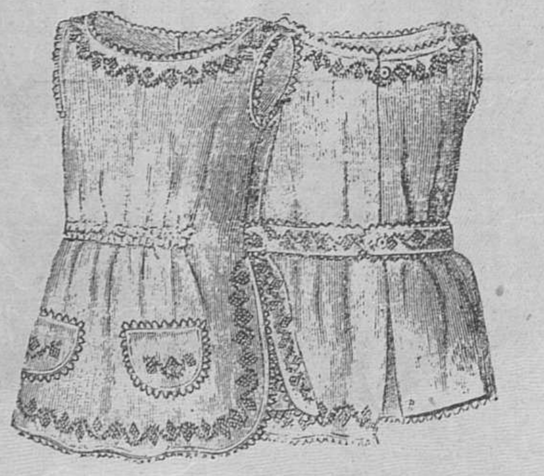


25. 26. 27.

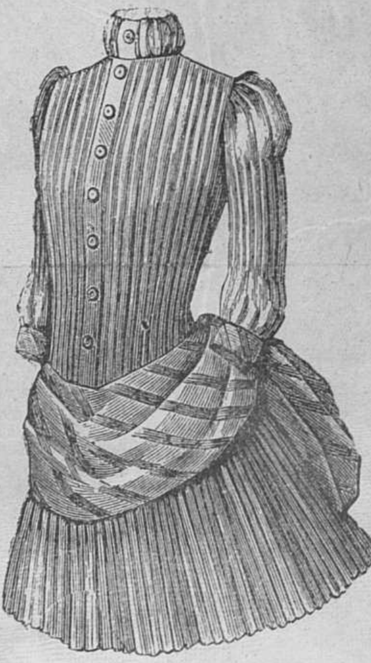
ИРИНЯ



28. **Платьеце дѣвочки** 8—10 **лѣтъ.**



30. **Передничекъ для малютки** (видъ спереди и сзади).



29. **Платьеце дѣвочки** 8—10 **лѣтъ.**

26. **Костюмъ мальчика 10—11 лѣтъ.** Панталоны и жакетъ изъ темно-оливковаго сукна. Полы жакета обшиты шелковымъ реверомъ съ металлическими пуговками и придерживаются внизу патой. Жилетъ бѣлый пикейный, одной длины съ жакетомъ. На панталонахъ внизу по три пуговки. Чулки оливковаго цвѣта, сапожки черные. Черная касторовая шляпа съ шотландскою лентой.

27. **Костюмъ дѣвочки 5—6 лѣтъ.** Юбочка изъ розоваго кашемира съ большими накладными патами изъ коричневаго тисненаго бархата съ висячими серебряными пуговками на концахъ. Корсажъ длинный, собранный впереди, сзади гладкій. На груди бархатная полоса; такой-же воротникъ и поясокъ впереди. Рукава собранные внизу и съ бархатною обшивкой. Шляпа изъ коричневой соломы съ розовыми перьями.

28. **Платьеце дѣвочки 8—10 лѣтъ.** Юбка изъ гладкой синей шерстяной ткани, вышитая суташью по подолу. Корсажъ и рукава изъ шотландской матеріи. Баска корсажа гладкая, расшитая суташью, также какъ и обшлага на рукавахъ. Корсажъ дополняется шемизеткою изъ сюра crème, заложенной вверху складочками, образующими родъ кокетки.

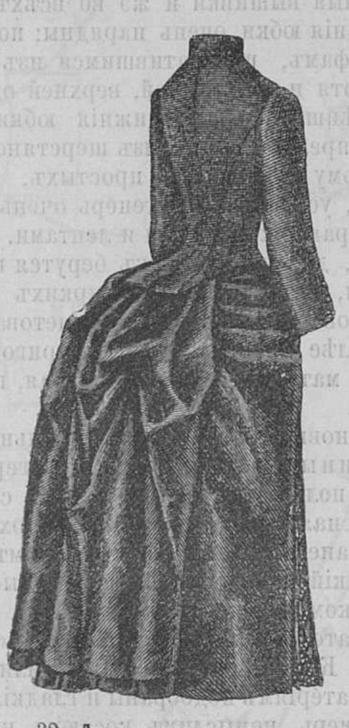
29. **Платьеце дѣвочки 8—10 лѣтъ.** Эта модель сдѣлана изъ вуаля crème, заложеннаго сверху до низу мелкими складками. Середина рукавовъ тоже въ складкахъ; верхъ свободенъ, образуя буффу. Низъ тоже распущенъ и потомъ собранъ на обшивку. Воротничекъ состоитъ изъ бульонэ. Шарфъ изъ алжирской ткани съ фономъ crème и яркими полосами спускается широко на юбку, а сзади завязанъ большимъ бантомъ.

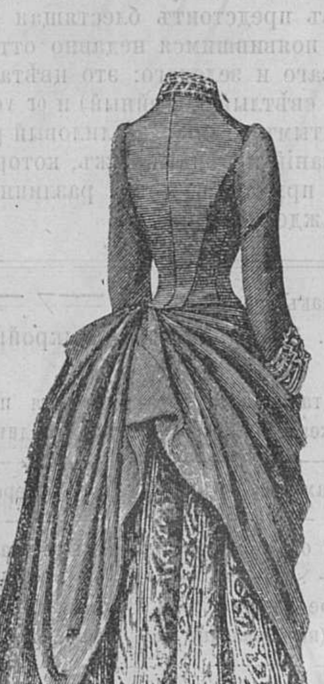
30. **Передничекъ для малютки** (видъ спереди и сзади). Передничекъ сдѣланъ изъ суровой холстинки, вышитой цвѣтною суташью. Впереди на таліи сборки; сзади, начиная съ боковъ, кушачекъ. Кармашки нашиты низко; кругомъ всего передничка узенькое кружево, суровое съ цвѣтнымъ узоромъ.

31. **Костюмъ дѣвочки 14—15 лѣтъ.** Юбка изъ темной шерстяной матеріи съ семью ря-

дами узенькой тесьмы на подолѣ. Рединготъ изъ той-же матеріи, отдѣланный тоже тесьмою. Переднія полы открыты, причемъ правая заложена вверху складками и придерживается у таліи патой; лѣвая отогнута и обшита тесьмой; заднія полотнища драпированы. Корсажъ открытый съ реверами и пластрономъ, который покрытъ рядами тесьмы; воротникъ въ томъ-же родѣ; обшлага на рукавахъ тоже обшиты тесьмой. Шляпа изъ чернаго фетра съ пестрыми лентами.

32—35. **Драпировки тюника.** Эти различные виды драпировокъ заднихъ полотнищъ тюника пригодны для всякихъ современныхъ костюмовъ. Рис. 34 и 35 относятся къ рис. 23 и 24, но могутъ служить и для другихъ юбокъ.


32. Драпировка тюника.

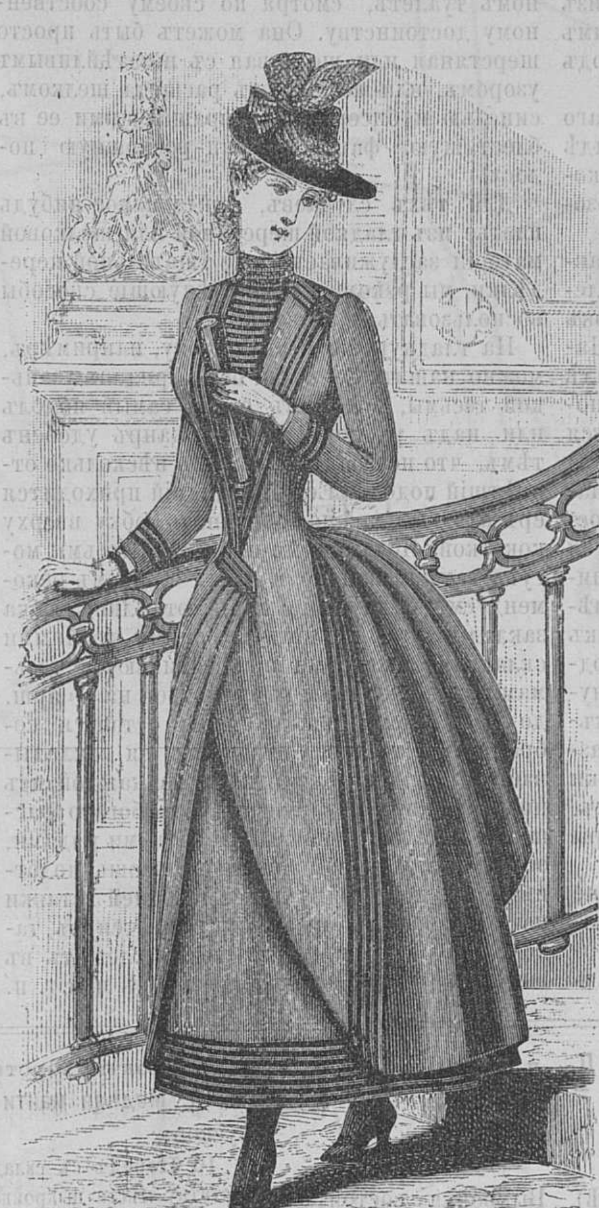

34. Драпировка тюника (см. рис. 24).

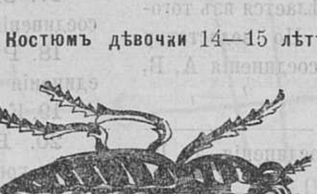
36. **Украшеніе для шляпы.** Подобные жучки и пр., выдѣланные изъ блестящей композиціи, очень эффектны среди лентъ, украшающихъ шляпу. Они нашиваются тоже на бриды, какъ-бы придерживая бантъ.

МОДНАЯ ХРОНИКА.

Цвѣтные чулки остаются въ модѣ, не смотря на слабые голоса, поднимающіеся въ защиту бѣлыхъ чулокъ. Въ настоящее время, когда принято носить и лѣтомъ открытую обувь, цвѣтной чулокъ имѣетъ свою полную raison d'être, и къ тому-же онъ такъ изященъ, такъ приспособляется къ каждому туалету, что нельзя желать его изгнанія. Самыми изысканными остаются гладкіе чулки съ вышитыми стрѣлками или передкомъ, но полосатые тоже въ модѣ. Вообще, мода на всякія полосы держится очень упорно и онѣ повторяются, какъ на матеріяхъ, такъ и на лентахъ и пр.

Шляпы остаются, по прежнему, двухъ родовъ: очень большія и очень маленькія. Къ этому послѣднему типу принадлежатъ особенно изящныя шляпки-капотъ фасона béguin. Это скорѣе чепчики или наколки миніатюрныхъ размѣровъ, но покрытыя множествомъ украшеній. Пассъ дѣлается маленькій, а тулья расшита бисеромъ и шелками или-же устроена изъ соломы, затканной золотомъ и серебромъ, изъ соломенныхъ ажурныхъ полосъ въ перемежку съ газовыми бульонэ и т. д.


31. Костюмъ дѣвочки 14—15 лѣтъ.

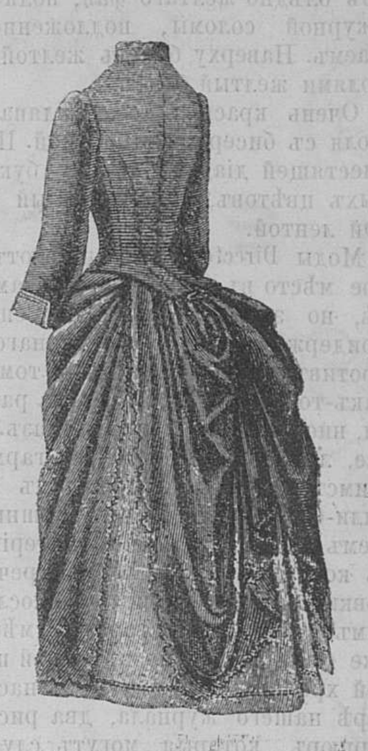

36. Украшеніе для шляпы.

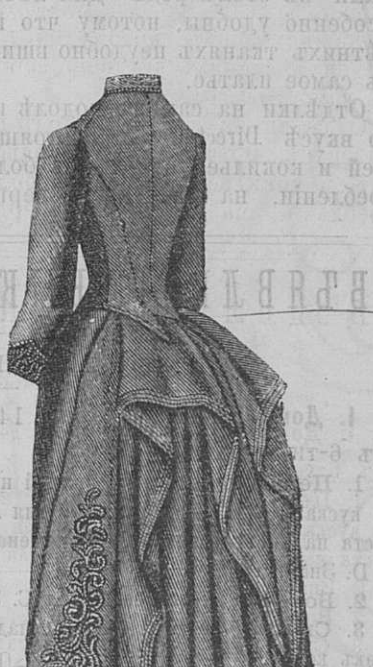
Газъ и тюль, расшитые бисеромъ, играютъ большую роль въ устройствѣ шляпъ, равно какъ цвѣты, которые выбираются, въ настоящую минуту, преимущественно изъ древесныхъ и нѣжнаго цвѣта, напр. цвѣты вишни, яблони, липы, персика, черемухи и пр.

Главнымъ украшеніемъ шляпы остается эгретка, поэтому и всѣ отдѣлки изъ лентъ и цвѣтовъ располагаются по этому типу: цвѣты устремляются вверхъ узкимъ и тонкимъ букетомъ, придерживаясь кругомъ петлями изъ лентъ, кружевомъ и т. д. Пассъ обхватываетъ голову узкимъ бульонэ, газовымъ или бархатнымъ, или-же образуетъ діадему, расшитую бисеромъ.

Но нѣкоторыя городскія шляпы дѣлаются съ болѣе или менѣе приподнятыми полями и, въ такомъ случаѣ, подъ ними требуется какое-нибудь украшеніе въ видѣ рюша, бандо, бантовъ-шу, соломенныхъ торсадъ и пр.

Гладкія ленты не въ модѣ и замѣщены рубчатыми или полосатыми. Нѣкоторыя изъ нихъ затканы слегка золотомъ, что придаетъ особенную оригинальность устроенной изъ нихъ отдѣлкѣ.


33. Драпировка тюника.


35. Драпировка тюника (см. рис. 23).

Въ числѣ новыхъ модэлей шляпъ очень красивы слѣдующія: шляпа изъ двуличневаго пудесуа сѣраго съ краснымъ. Поля Directoire, выступающія надъ лбомъ, собранныя и съ букетикомъ красной гвоздики подъ ними. Тулья покрыта вышивкою изъ гранатнаго бисера съ небольшою примѣсью стального. Сбоку букетъ сѣрыхъ и красныхъ перьевъ. Другая шляпа изъ сукна бэжъ, расшитая сѣрымъ шелкомъ и золотомъ; узоръ такъ нѣженъ, что кажется нарисованнымъ. Сбоку бантъ изъ золотой тесьмы и сѣрыхъ лентъ, придерживающій два стоячія пера.

Изъ модэлей, болѣе напоминающихъ весну, отмѣтимъ слѣдующія: шляпа béguin съ пассомъ изъ бѣлаго тюля, расшитаго бѣлымъ жемчужнымъ бисеромъ и образующаго торсаду, которая придерживается сбоку блестящею бабочкой. Тулья изъ полосъ, тюлевыхъ, вышитыхъ и аграмантныхъ, изъ бѣлой соломы. Букетъ ландышей и бѣлыя тюлевыя завязки довершаютъ отдѣлку. Шляпа Directoire изъ блѣдно-зеленаго газа, перехваченнаго мѣстами блестящими зелеными бисерными тесьмами. Отдѣлка изъ букета яблоневыхъ цвѣтовъ. Бриды блѣдно-зеленыя бархатныя. Шляпа безъ бридъ: тулья мягкая изъ блѣдно-желтаго фая; поля Directoire изъ ажурной соломы, подложенной желтымъ фаемъ. Наверху букетъ желтой акаціи; подъ полями желтый бантъ.

Очень красива тоже шляпа изъ чернаго тюля съ бисерной вышивкой. Пассъ въ видѣ блестящей діадемы. Сбоку букетъ персиковыхъ цвѣтовъ, прихваченный блѣдно-розовой лентой.

Моды Directoire завоевываютъ себѣ главное мѣсто въ современномъ дамскомъ туалетѣ, но это не обязываетъ еще модистокъ придерживаться строго даннаго стиля. Напротивъ того, въ одномъ и томъ-же нарядѣ какъ-то соединяются весьма различныя эпохи, нисколько не шокируя глазъ. Допускается все, лишь-бы оно казалось гармоничнымъ и заимствованія изъ прошлыхъ временъ ладили-бы искусно съ сегодняшнимъ настроеніемъ. Такъ, восточныя матеріи уживаются съ корсажами Louis XV, а греческія драпировки съ турнюрами. Эти послѣдніе, замѣтимъ однако, стали гораздо умѣреннѣе, какъ уже было оговорено въ нашей прошлой модной хроникѣ. Мы даемъ, въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, два рисунка юбокъ-турнюръ, которыя могутъ служить образцами въ этомъ родѣ. Для лѣта такія юбки особенно удобны, потому что при легкихъ, лѣтнихъ тканяхъ неудобно вшивать рессоры въ самое платье.

Отдѣлки на самомъ подолѣ платья, тоже во вкусѣ Directoire и, состоящія изъ рюшей и кокилье, будутъ въ большомъ употребленіи, на ряду съ совершенно гладкими юбками, безъ всякихъ украшеній внизу и дополненныхъ только тюникомъ. Тесьмы всякаго рода болѣе въ модѣ, чѣмъ когда либо. Такое увлеченіе тесьмой выгодно въ томъ отношеніи, что оно позволяетъ «освѣжать» прежнія платья до полной неузнаваемости. Модныя тесьмы чрезвычайно разнообразны, въ отношеніи фасона рисунка и цѣнности. Это уже вовсе не то, что разумѣлось прежде подъ скромнымъ названіемъ тесьмы и принадлежало къ числу дешевыхъ отдѣлокъ. Служа и теперь часто для простого костюма, тесьма занимаетъ мѣсто и въ самомъ нарядномъ туалетѣ, смотря по своему собственному достоинству. Она можетъ быть просто шерстяная или шелковая съ незатѣйливымъ узоромъ, или-же бываетъ расшита шелкомъ, синелью и бисеромъ, превращающими ее въ блестящую, фантастически-роскошную полосу.

Для тѣхъ случаевъ, когда какое-нибудь платье изъ гладкой шерстяной или шелковой матеріи заслуживаетъ еще тщательной передѣлки, мы рекомендуемъ слѣдующіе способы воспользоваться тесьмой:

На гладкую шерстяную юбку, напримѣръ, можно нашить 7—8 или болѣе рядовъ узенькой тесьмы, положивъ ее на самый подолъ или надъ рубцомъ. Этотъ жанръ удобенъ тѣмъ, что позволяетъ закрыть нѣсколько отцвѣтшій подолъ. Если послѣдній приходится срѣзать, то можно дополнить юбку вверху кокеткой. Положенныя продольно тесьмы могутъ замѣнять пано и т. п., причемъ рекомендуемъ слѣдующіе типы отдѣлки: юбка закладывается кругомъ глубокими двойными складками, которыя придерживаются тесьмами, законченными внизу петлей на ¼ арш. до края юбки; или-же юбка остается собранною и только одинъ бокъ ея закладывается складками, причемъ на каждой изъ нихъ нашивается тесьма. Изъ богато расшитой тесьмы, наложенной густыми рядами, образуется какъ-бы вышитое сплошь полотнище, служащее для пано, передней вставки на юбкѣ и пр. Корсажъ украшается въ такомъ-же родѣ, причемъ тесьма лежитъ въ видѣ пластрона, кокетки, реверовъ или т. п. Все это очень красиво и придаетъ чрезвычайно изящный и новый видъ прежнему, надоѣвшему туалету.

Новыя мантильи принимаютъ болѣе и болѣе видъ корсажей, прилегая совершенно плотно къ таліи, не только на спинкѣ, но и на груди. Это очень идетъ къ тонкимъ, стройнымъ таліямъ, но для особъ полныхъ или уже не молодыхъ предпочтительнѣе мантильи съ нѣсколько свободными передними полами, снабженными лишь небольшой выточкой, которая придаетъ лучшій фасонъ всей вещи, не дѣлая ее совершенно обтянутой. Для отдѣлокъ, всего употребительнѣе суташныя вышивки и жэ во всѣхъ видахъ.

Нижнія юбки очень нарядны; подобно ватерпруфамъ, превратившимся изъ некрасивой, хотя и практичной, верхней одежды въ изящнѣйшую вещь, нижнія юбки, дѣлавшіяся прежде только изъ шерстяного муара или тому подобныхъ простыхъ, прочныхъ тканей, устраиваются теперь очень кокетливо, убираясь кружевами и лентами. Большею частью, для этихъ юбокъ берутся шелковыя матеріи, черныя или-же яркихъ цвѣтовъ: сапфироваго, пунсоваго, фіолетоваго и пр. Для болѣе простыхъ юбокъ пригодна шерстяная матерія, розовая, голубая, полосатая и т. п.

Изъ новыхъ матерій замѣчательны: лѣтніе поплины (прежній хорошій могеръ) гладкіе и полосатые; шали (тоже старинная прекрасная ткань); шерстяной бархатъ (лучшая фланель съ затканнымъ узоромъ); альпага гладкій и полосатый (все старые и хорошіе знакомые); шерстяные дамассе, шотландскія матеріи (клѣтчатое будетъ опять въ модѣ). Ко всѣмъ полосатымъ или узорчатымъ матеріямъ подобраны и гладкія, потому что теперь немыслимъ костюмъ изъ одной только какой-нибудь ткани. Изъ новыхъ цвѣтовъ предстоитъ блестящая будущность двумъ появившимся недавно оттѣнкамъ коричневаго и зеленаго: это цвѣта café au lait (очень свѣтлый кофейный) и or vert (зеленый съ желтымъ отливомъ), лиловый разныхъ наименованій и вѣчный бэжъ, которому фабриканты придаютъ лишь различные оттѣнки при каждомъ сезонѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВЫКРОЕКЪ И УЗОРОВЪ.

ПРАВАЯ СТОРОНА.

I. Домашній капотъ (рис. 14 въ текстѣ). Выкройка состоитъ изъ 6-ти кусковъ:

1. **Передъ**, кроится по прямой ниткѣ впереди; реверъ дѣлается изъ того-же куска. Подъ рукою выточка для лучшаго фасона полы. По недостатку мѣста на листѣ выкройка изображена съ загибомъ. Буквы соединенія A, B, C, D. Знакъ контура ˈ——ˌ ˈ——ˌ ˈ——ˌ ˈ——ˌ ˈ——ˌ ˈ——ˌ

2. **Бочекъ**. Буква соединенія C. Знакъ контура —— . ——— . ——

3. **Спинка** съ внутренними складками у таліи. Буквы соединенія A, B. Знакъ контура ——∩——∩——∩——∩——∩——∩——

По недостатку мѣста выкройка изображена съ загибомъ.

4. **Пластронъ**, заложенный складками. Буква соединенія D. По недостатку мѣста выкройка изображена съ загибомъ. Знакъ контура ——ʌʌ——ʌʌ——

5. **Рукавъ**. Низъ и верхъ изъ одного куска, равно какъ и реверъ. Знакъ контура —— ×× ——— ×× ——— ×× ———

6. **Воротникъ** прямой. Знакъ контура ————————

II. Корсажъ Альберта (рис. 11 въ текстѣ). Выкройка изъ 9-ти кусковъ.

7. **Передъ** съ двумя косыми выточками и тремя патами, которыя перекрещиваются на пластронѣ. Воротъ вырѣзанъ шалью. Буквы соединенія N, K, L. Знакъ контура —— ıı ——— ıı ——— ıı ——

8. **Бочекъ къ переду**. Буквы соединенія L, M. Знакъ контура —>—>

9. **Бочекъ къ спинкѣ**. Знакъ контура ——⊔——⊔——⊔——

10. **Спинка** со складкою вѣеромъ. Буква соед. K. Знакъ конт. ‾|_|‾‾|_|‾‾

11. **Пластронъ**. Соединяется съ плечомъ и первою выточкою. Буква соединенія на плечѣ K Знакъ контура ——— o ——— o ——— o ——— o ———

12. **Рукавъ**, верхняя часть съ патою внизу. Знакъ контура ——θ——θ—

13. **Рукавъ**, нижняя часть. Знакъ контура —— ııı —— ııı —— ııı —

14. **Матросскій воротникъ**. Знакъ контура ——— мм ——— мм ———

15. **Стоячій воротникъ**. Знакъ контура —7 —7 —7 —7

III. Модная мантилья (рис. 3-й въ текстѣ). Выкройка изъ 5-ти кусковъ:

16 **Передъ** съ складками до таліи; ниже виситъ прямая пола. По недостатку мѣста выкройка изображена съ загибомъ. Буквы соединенія C, F, G, H, J. Знакъ контура ——— Σ3 ——— Σ3 ——— Σ3 ——— Σ3 ——— Σ3 ———

17. **Спинка** съ тремя складками на бокахъ и одною посерединѣ. Буквы соединенія F, J. Знакъ контура —3——3——3——3——3——3——

18. **Рукавъ** подвернутый. Для обрисовыванія локтя выточка. Буквы соединенія J, G. Знакъ контура — s —— s —— s —— s —— s —— s —

19. **Кокетка** впереди. Буквы соединенія E F G. Знакъ контура ‾Z_Σ‾‾Z_

20. **Воротникъ прямой** (не показанъ на уменьшенномъ патронѣ). Знакъ контура — + ———— + ———— + ———— + ———— + —

ЛѢВАЯ СТОРОНА.

1—4. **Вышивки** суташью для корсажей, дѣтскихъ платьевъ и пр.

5. **Нагрудникъ**. Вышивка суташью и фестонами по англійскому пике.

6—7. **Чепчикъ** для малютки; шитье англійскимъ швомъ по нансуку или т. п.

8—10. **Воротникъ**, рукавные обшлага и передъ къ фуфайкѣ для малютки. Вышивка суташью и фестонами.

11—12 **Кокетка** съ рукавами къ женской рубашкѣ. Вышивка Ришилье, то есть кордонне и прорѣзью.

13—14. **Вышивки** англійскимъ швомъ для юбокъ и пр.

15—16. **Вышивки** англійскимъ швомъ для дѣтскаго бѣлья.

17. **Вышивка** англійскимъ швомъ для наволоки.

18—39. **Мѣтки**, при чемъ одна и тѣ-же вэнзеля повторяются въ различныхъ величинахъ. Вышивка гладью, кордоне и пр.

40—45. **Различныя имена** для носовыхъ платковъ. Вышивка гладью.

46. **Узоръ** къ футляру для перчатокъ. Вышивка гладью различными шелками.

За редактора—издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 3-го марта 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 15
10 АПРѢЛЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

ОБЪЯВЛЕНІЯ

А. КАПЛУНЪ и СЫНЪ

извѣщаютъ, что матеріи русскихъ и англійскихъ фабрикъ на **СТАТСКОЕ ПЛАТЬЕ** въ больш. выборѣ уже получены. Костюмы отъ 25 до 80 руб. Пальто или ульстръ отъ 25 до 80 р. Также имѣется **ПРЕКРАСНЫЙ ВЫБОРЪ ГОТОВАГО ПЛАТЬЯ:** костюмы триковые отъ 14 до 45 р.; пальто или ульстръ отъ 18 до 55 р.; брюки триковыя отъ 3 р. 50 к.

Съ почтеніемъ **А. КАПЛУНЪ и СЫНЪ.**

Невскій просп., № 63, противъ Надеждинской.

№ 351 (4—2)

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступили въ продажу новыя книги:

БЛАГА ЖИЗНИ.

Новый романъ А. Михайлова (А. Шеллеръ) 320 стр. Цѣна 1 р, 50 к.

НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА.

Сочиненіе **ЭБЕРСА.**

Историческій романъ изъ временъ язычества. Изящное изданіе (съ портретомъ автора), 452 страницы. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ОКО ЗА ОКО.

Романъ **МАТТЕИ,** переводъ *К. Назарьевой* 416 стр. Цѣна 1 руб.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

Романъ изъ современной жизни **Г. Елизарова.** Цѣна 75 к.

КОНСУЭЛО.

Романъ въ двухъ частяхъ, **ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ,** переводъ *П. Лѣтнева.* 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

Выписывающіе изъ склада за доставку не платятъ. Для подписчиковъ «Живописнаго Обозрѣнія», «Сынъ Отечества» и «Минуты» цѣна за экземпляръ означенныхъ изданій РУБЛЬ съ доставкою.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Буркгардтъ и Урлаубъ

ВЪ МОСКВѢ, Красносельская улица № 601.

СТРОИТЪ

плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, соломорѣзки, локомобили, 3, 4 и 6 силъ, конные приводы, мельницы. Тріумфъ, жнеи, косилки, конныя грабли, сѣнные прессы, насосы, пожарныя трубы и пр.

КОНТОРЫ И СКЛАДЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Васильевскій Островъ 1-я линія № 10.
МОСКВА, Мясницкая, домъ Виноградова.

Иллюстрированные каталоги безплатно

тамъ-же продаются новые огнегасительные патроны.

АНТИПИРЪ

простое и быстродѣйствующее противопожарное средство по 15 р. за 1 дюж. и 8 р. за $^1/_2$ дюж.

Ищутъ въ провинціи агентовъ.

№ 362 (5—1).

ЗОНТИКИ

собственной фабрики прочной и изящной работы, обтяжки и починки исполняются хорошо и скоро у токаря В. Осипова. Моховая улица, домъ № 28. С.-Петербургъ.

№ 357 (2—1).

!! За 30 к. !!

почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.

съ объясненіями и прейсъ-курант.

за 50 коп.

почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономныхъ курителей. Получше 70 коп. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „ЧУЖАГО“.

Мастерская игръ **А. Меламеда.**

Спб., Обуховскій просп., д. № 7, кв. 63.

Торговцамъ выгодная уступка.

№ 360 (37—1).

ЛИМОННОЕ МЫЛО

изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к. у **В. ПАРИКОВА и К°.** Гостин. дв. № 7. 354 (10—1).

Для красоты лица

съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ. Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р. Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

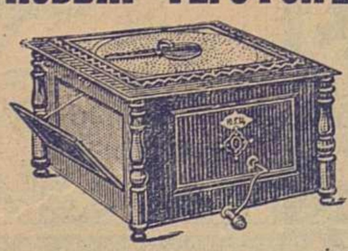
РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—16).

НОВЫЙ ГЕРОФОНЪ



съ приспособленіемъ для игры piano и forte. Цѣна съ 10-ю пьесами 38 руб. Большое число добавочныхъ пьесъ по 60 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунт.

героফоны и ноты къ нимъ продаются у меня только настоящіе патентованные. Поддѣльныхъ, которые легко портятся, не имѣю.

Каталогъ пьесъ для герофона и иллюстрированный прейскурантъ—безплатно.

Юлій Генрихъ

ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С-Петербургъ: Б. Морская, № 36 и 42.
Москва: Кузнецкій мостъ., д. Торлецкаго.

№ 319.

ПАРИЖСКІЙ БАЗАРЪ.

ПАРИЖСКІЙ БАЗАРЪ,
Невск. пр № 15

ПАРИЖСКІЯ ювелирныя издѣлія, самыя новѣйшія. Искусственные бриллiанты, гранаты, кораллы и прч.

ПАРИЖСКІЯ КУКЛЫ

Бебе-Жюмо.

ФРАНЦУЗСКІЯ туфли съ пеньковыми плетеными подошвами.

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ 6 РУБ.

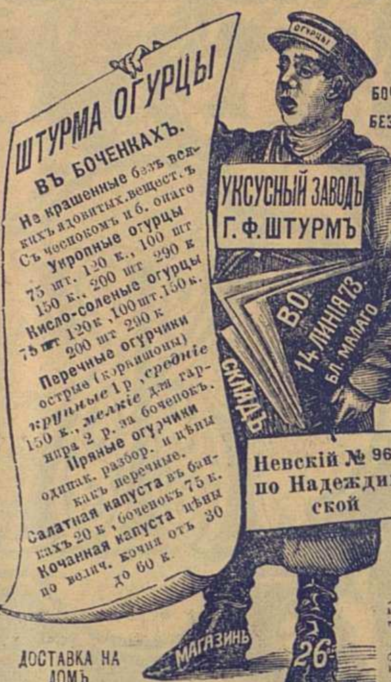
Электрическое огниво.

Самыя новѣйшія игрушки.

Спб. Невскій просп., 15.

№ 358 (2—1).

ПАРИЖСКІЙ БАЗАРЪ



ШТУРМА ОГУРЦЫ

ВЪ БОЧЕНКАХЪ.

Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ

Съ чеснокомъ и б. онаго

Укропные огурцы 75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к

Кисло-соленые огурцы 75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к

Перечные огурчики острые (корнишоны) *крупные* 1 р, *средніе* 150 к., *мелкіе* для гарнира 2 р. за боченокъ.

Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.

Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к.

Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.

(52—15).

Вязальныя машины.

Вышивальн. машины.

Швейныя машины

ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Л. Кастильонъ.

Большая Морская, 16. Уголъ Невскаго проспекта.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ

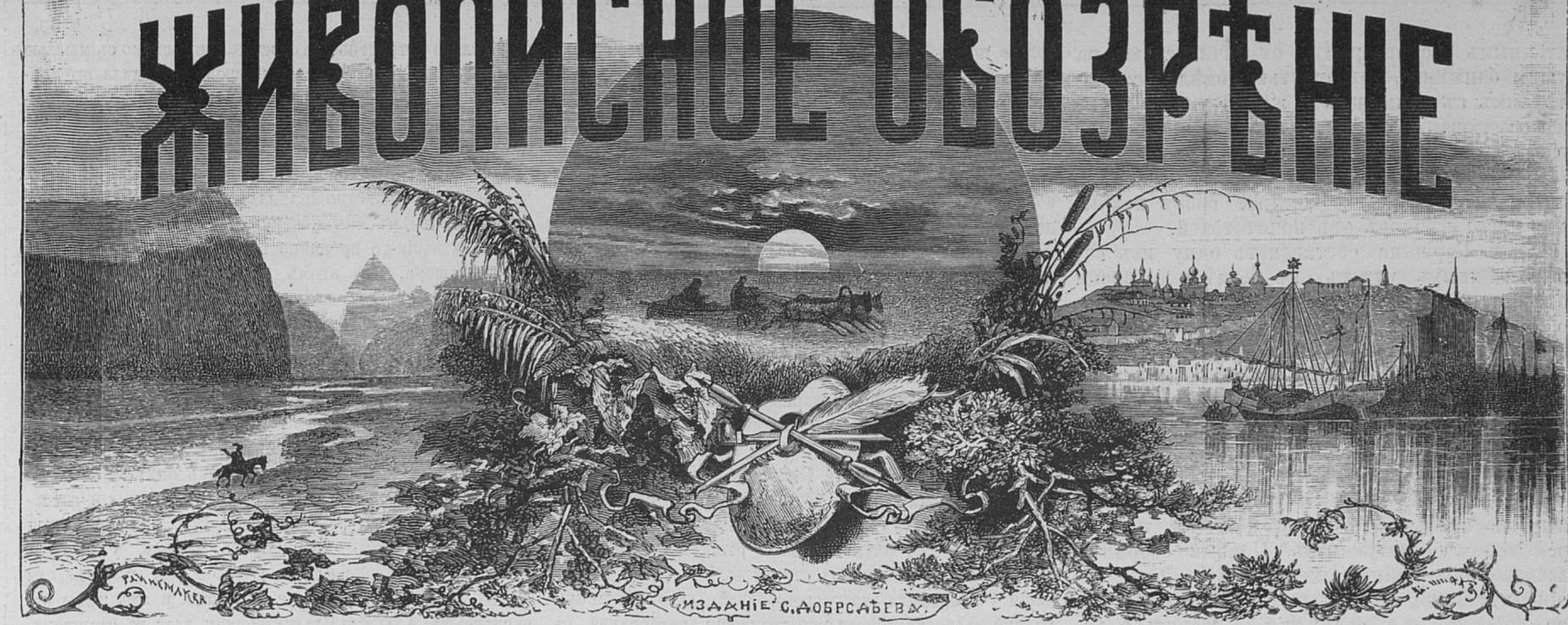
КЪ ПАСХѢ!

рядомъ съ Гл. Шт. Невскій, 4.

ТОЛЬКО 10 Р.

Настоящ. фотографическ. аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Перес. за 15 фунт. С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣт., Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штаб.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ



10-го Апрѣля, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою **8** р. Безъ доставки въ Спб.: **за годъ 6** р. **60** к. Въ Москвѣ **безъ доставки** на годъ **7** руб. съ преміею (книжный магазинъ **И. Ф. Панкова**, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ №1 со всѣми приложеніями. За пересылку **преміи** цѣнною посылкою **рубль**.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р., къ 1-му іюня **2** р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. **Отдѣльно книжка** приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 15

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—**25** копѣекъ.

На отвѣты прилагаются **двѣ** 7-ми копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

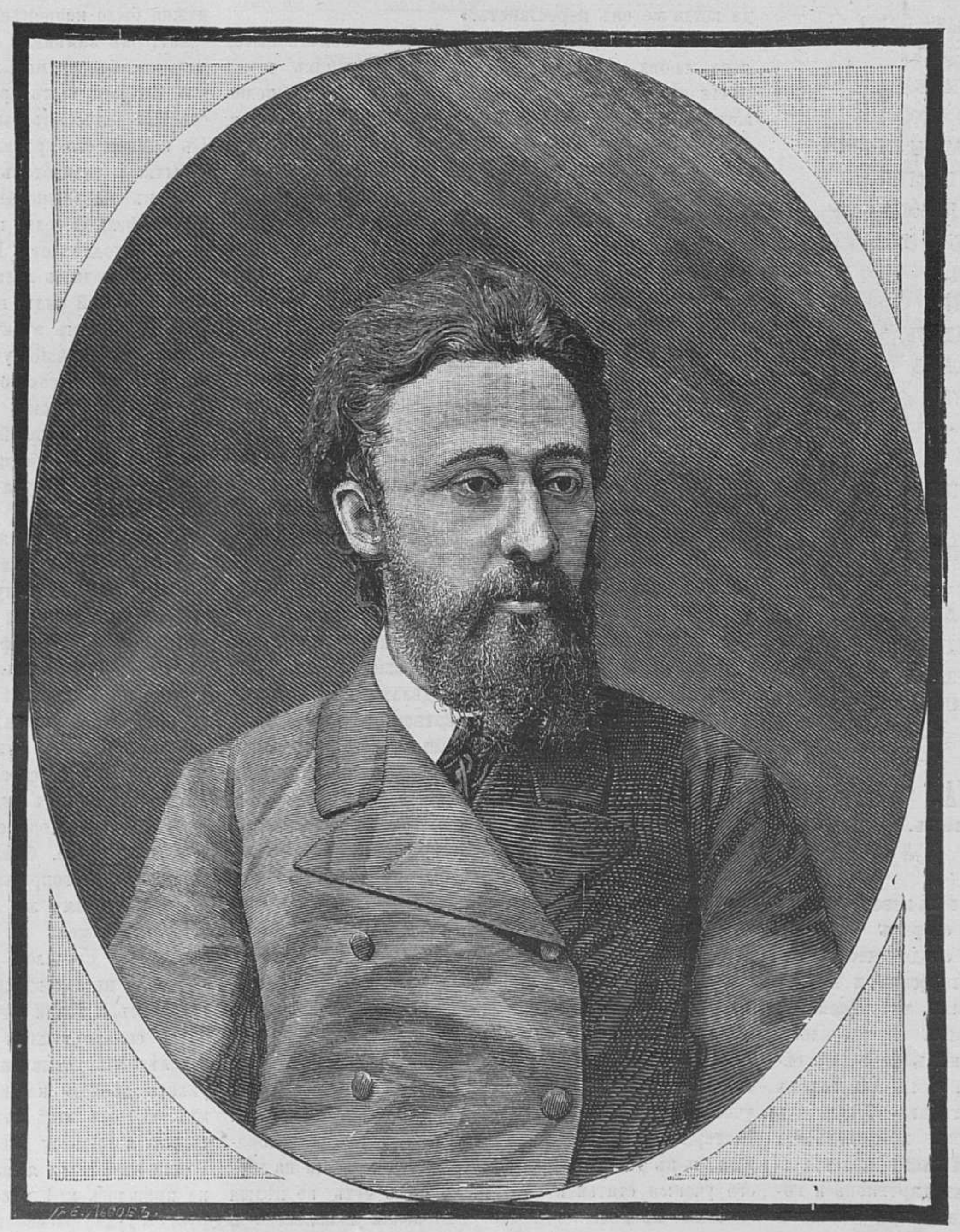
Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

В. М. Гаршинъ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ родился 2 февраля 1855 г. въ имѣніи своей бабки Акимовой «Пріятная долина», бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губерніи; воспитаніе свое онъ получилъ въ первомъ с.-петербургскомъ реальномъ училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ, поступилъ въ Горный институтъ. При объявленіи въ 1877 году манифеста о восточной войнѣ Гаршинъ, не оканчивая переходныхъ экзаменовъ съ третьяго курса на четвертый, бросилъ институтъ и уѣхалъ въ дѣйствующую армію на Дунай. На положеніи вольноопредѣляющагося рядового въ Болховскомъ пѣхотномъ полку, В. М. сдѣлалъ переходъ отъ Кишинева до Систово. Въ битвѣ при Аясларѣ онъ былъ раненъ въ ногу пулей на вылетъ и долженъ былъ оставить полкъ, чтобы поѣхать для излеченія на родину. Въ этотъ относительно короткій промежутокъ времени Гаршинъ прекрасно изучилъ бытъ и нравы русскаго солдата и свои наблюденія положилъ въ основаніе «Записокъ рядового Иванова», составляющихъ едва-ли не лучшее произведеніе покойнаго. За отличіе въ аясларской битвѣ В. М. былъ произведенъ въ офицеры, но продолженіе военной службы въ мирное время его не прельщало и въ 1879 году онъ вышелъ въ отставку, поступивъ вольнослушателемъ на филологическій факультетъ с.-петербургскаго университета.



Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ.

Послѣдніе годы своей жизни Гаршинъ находился подъ вліяніемъ страшнаго недуга — меланхоліи, впервые посѣтившаго его еще въ 1874 году, когда онъ былъ въ гимназіи. Съ 1879 года болѣзнь приняла острый характеръ, заставившій помѣстить больного въ психіатрическую лечебницу. Тщательный уходъ и родственныя попеченія вернули его къ сознанію, но свѣтлые періоды не переставали чередоваться съ припадками меланхоліи вплоть до самой его смерти, съ каждымъ годомъ уступая имъ все больше и больше времени. Въ послѣдній разъ угнетенное состояніе, начавшееся прошлымъ лѣтомъ, было особенно продолжительно; отрѣшиться отъ гнета болѣзни В. М. удалось только не задолго до смерти; онъ рѣшилъ ѣхать на Кавказъ, чтобы вполнѣ оправиться, но осуществленію этого намѣренія помѣшала преждевременная, самовольная смерть, похитившая въ расцвѣтѣ силъ одного изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей.

Надъ свѣжей могилой не приходится допытываться о тѣхъ непосредственныхъ причинахъ, которыя вызвали ужасную смерть; объ этомъ узнается въ будущемъ, когда подѣлятся своими воспоминаніями родные и многочисленные друзья покойнаго; Гаршинъ всѣхъ привлекалъ къ себѣ своимъ симпатичнымъ характеромъ, отзывчивостью на нужды ближняго, готовностью подѣлиться послѣднимъ съ неимущимъ; живой умъ и хорошее образованіе дѣлали его бесѣду чрезвычайно занимательною.

На похоронахъ Гаршина собралось все столичное литературное общество; гробъ покрывала масса вѣнковъ отъ почитателей.

Смерть Гаршина составляетъ одну изъ самыхъ цѣнныхъ утратъ, въ послѣднее время понесенныхъ литературою, не только русской, но и всемірной, такъ какъ нѣкоторые его разсказы уже нашли себѣ, на ряду съ нашими классическими писателями, переводчиковъ на иностранные языки и поклонниковъ заграницею. Число написанныхъ имъ вещей, впрочемъ, очень ограничено: въ послѣдніе годы В. М. писалъ не болѣе одного-двухъ разсказовъ или повѣстей въ годъ; за то къ ихъ отдѣлкѣ онъ относился, какъ очень немногіе изъ современныхъ беллетристовъ. Первый сборникъ разсказовъ Гаршина вышелъ въ 1882 г.; теперь, вѣроятно, семья покойнаго издастъ полное собраніе его сочиненій. Говорить о достоинствахъ произведеній Гаршина излишне, они несомнѣнно извѣстны каждому читающему; его «Красный цвѣточекъ», «Записки рядового Иванова», «Медвѣди» составляютъ положительно образцовыя произведенія по своей задушевности, художественной правдѣ и простотѣ.

* * *

⁂

Взгляни, по синевѣ темнѣющихъ небесъ,
Охвачена огнемъ далекаго заката,
Цѣпь облаковъ плыветъ, причудлива какъ сонъ,
Какъ сказка дѣтскихъ лѣтъ картинами богата.
И вотъ передъ тобой раскинулся дворецъ...
На мраморъ колоннадъ легли гиганты своды,
И стройныхъ статуй рядъ безмолвно сторожитъ
Прозрачнымъ сумракомъ подернутые входы...
И тонутъ въ синевѣ зубцы гранитныхъ стѣнъ.
Мосты раскинулись съ причудливой рѣзьбою.
Высокихъ башенъ рядъ чаруетъ, нѣжитъ глазъ
Своею сказочной, таинственной красою...
Какъ очарованъ ты волшебною игрой?
Но... мигъ... и дивная картина пропадаетъ,
Покорная вѣтрамъ цѣпь легкихъ облаковъ
Туда, за горизонтъ далекій уплываетъ.

Порой, тупую боль обыденной тоски,
Гнетущій душу мракъ унылаго ненастья.
Вдругъ исцѣлитъ своей живительной волной,
Вдругъ освѣтитъ лучъ дорогаго счастья.
О, какъ онъ нуженъ намъ, усталымъ и больнымъ!
Мы рады такъ ему... Онъ такъ насъ согрѣваетъ...
Но... мигъ... и свѣтлый лучъ, какъ мимолетный сонъ,
Какъ стая облаковъ волшебныхъ исчезаетъ.

В. Страховичъ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Повѣсть С. Караскевичъ.

I.

Въ ту пору мнѣ пришлось переживать невеселые дни: я только что бросилъ академію и старикъ Каншинъ самъ принесъ мнѣ мои картины изъ академической мастерской. Каншинъ этотъ былъ интересная и жалкая личность. Когда-то онъ былъ богатымъ человѣкомъ и считалъ себя художникомъ, но таланта не оказалось, деньги скоро ушли въ погоняхъ за нимъ по всѣмъ европейскимъ картиннымъ галлереямъ, и къ 60 годамъ Каншинъ превратился въ нищаго старика. Жилъ онъ у Знаменья и каждый день пѣшкомъ приходилъ въ академію, гдѣ за какую-то до смѣшного маленькую плату былъ продавцомъ ученическихъ картинокъ и копій. Картинки шли туго, но все-таки шли, и Каншинъ стоялъ за учениковъ, какъ за родныхъ дѣтей. «Да вы только посмотрите, говорилъ онъ несговорчивому покупателю. Развѣ это картина? Это—вещь! Ахъ, Боже мой!..» И самъ долго и пристально съ родительскою любовью смотритъ на «вещь», на которой изображены розовыя деревья и зеленое небо. Чувства мѣры и критики у Каншина совсѣмъ не было: онъ младенчески восхищался всѣмъ, что выходило изъ подъ кисти академиста, да и въ жизни своей онъ былъ сущій младенецъ. Робкій и загнанный, онъ передъ всякимъ снималъ свою рваную шапку и опускалъ глаза. А какіе это были добрые, чистые, чудные глаза! Когда я задумалъ моего «Блуднаго сына», я нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ отыскивать Каншина: только его голова съ мягкими сѣдыми кудрями, съ восторженнымъ взглядомъ и страдальчески покорнымъ лицомъ могла пристать отцу, обнимающему погибшаго сына. Но старикъ тогда уже умеръ и мнѣ не могли указать даже его могилу. Этотъ самый Каншинъ вошелъ ко мнѣ въ сырой, холодный вечеръ, когда я сидѣлъ въ темной комнатѣ, напряженно смотрѣлъ на улицу и, каюсь, въ первый и послѣдній разъ въ жизни рѣшалъ вопросъ: что лучше:—застрѣлиться или отравиться? Я жилъ въ 16 линіи у сапожника за перегородкой, сквозь которую ко мнѣ свободно доносились хозяйскія перебранки съ женой и чувствительные романсы его подмастерьевъ.

— Я къ вамъ, Антонъ Филипповичъ, заговорилъ старикъ, опуская на полъ груду моихъ картинокъ, которыя были ему сданы для продажи. Сами знаете, теперь ужь никакъ нельзя... Вотъ я завтра, пожалуй, снесу къ Даціаро...

— Ахъ, оставьте!.. Все равно!..

— Какъ вы говорите «все равно»; вѣдь цѣна картинѣ по мѣсту: у Даціаро одна, а въ Апраксинѣ совсѣмъ другая...

Старикъ долго говорилъ на эту тэму, но я не слушалъ: меня всего передергивало отъ каждаго его слова и, не понимая смысла его рѣчи, я ощущалъ какую-то странную боль отъ звука его голоса. «Господи, да когда же онъ перестанетъ?»

— Нѣтъ, вы послушайте меня, Антонъ Филипповичъ, я по любви, какъ отецъ, заговорилъ старикъ тихо, почти шепотомъ и, робко приблизившись ко мнѣ, положилъ свою руку на мое плечо... Это все бываетъ, и таланту своего не узнать... Я много видѣлъ... много на старости помню... Вотъ Иванъ Михайловичъ (старикъ назвалъ славное имя), какъ забраковали его «Магдалину», подошелъ къ ней, глядѣлъ, глядѣлъ, да вдругъ какъ крикнетъ: не доставайся-жь ты никому! да ножемъ такъ всю и распоролъ... Въ тотъ же день и вышелъ изъ академіи за непочтительныя слова передъ высшимъ начальствомъ... Думали, вовсе ума лишился, а теперь Ивана Михайловича во дворецъ зовутъ-недозовутся... Вотъ что! А по адресу вы все-таки пойдите.

— По какому адресу?—Что на визитной карточкѣ написанъ?—Да чей адресъ-то!

— Я вамъ докладывалъ... (Каншинъ заробѣлъ) работу предлагаютъ... должно быть, плата хорошая: ученые никогда вашего брата, художника, не обидятъ. Я прочелъ на карточкѣ «Алексѣй Владиміровичъ Петровъ, докторъ медицины», а на другое утро познакомился съ докторомъ.

Странный онъ былъ человѣкъ! Мнѣ пришлось три мѣсяца подъ-рядъ видѣть его ежедневно, и за все это время наши отношенія оставались такими, какъ были въ первый день. Въ денежныхъ дѣлахъ онъ отличался рѣдкою щедростью и деликатностью, собесѣдникъ былъ незамѣнимый, всегда былъ готовъ на всякую услугу, а все-таки отъ него попахивало холодкомъ. Въ ту пору Алексѣю Владиміровичу шелъ 43-й годъ, но всякій, глядя на его высокую, тонкую фигуру, на волнистые темные волосы и главное на живые, холодные, черные глаза, не далъ бы ему и 35. Но бывали минуты, когда онъ задумается, не замѣчая, что на него смотрятъ; глаза потухали, губы опускались старческой складкой, и это молодое, удивительно красивое лицо покрывалось будто налетомъ преждевременной дряхлости. Такими-же несообразностями была полна вся его жизнь. Онъ носилъ званіе доктора медицины и, по его-же словамъ, никогда не выслушалъ ни одного больного послѣ того, какъ получилъ дипломъ. Онъ былъ ученый ботаникъ, писалъ много по своему предмету, но терпѣть не могъ приводить свой трудъ въ порядокъ, и въ то время, какъ заграницей хватали на лету его ученыя статьи и строили на нихъ чуть не цѣлыя системы, въ Россіи имя его было почти неизвѣстно и за ученаго его никто не почиталъ. Петровъ страстно (хотя слово «страстно» не совсѣмъ совмѣстимо съ мыслью о немъ) любилъ живопись, и природа наградила его удивительнымъ художественнымъ чутьемъ; но то, что выходило у него на словахъ божественно, въ контурѣ становилось только хорошимъ, а въ рисункѣ дѣлалось такой безобразной мазней, что оставалось рвать и жечь, что онъ добросовѣстно и дѣлалъ. Жизнь его сложилась тоже не совсѣмъ обыкновеннымъ путемъ. Съ третьяго курса за какія-то провинности онъ былъ разжалованъ въ фельдшера, и въ этомъ званіи пробылъ почти десять лѣтъ, при чемъ его гоняли изъ мѣста въ мѣсто, съ одной окраины на другую, отъ одного пьянаго доктора къ другому. Когда онъ вторично поступилъ въ медицинскую академію, онъ явился анахронизмомъ, обломкомъ полузабытаго прошлаго, и юноши-товарищи сторонились отъ него съ нѣкоторою долею уваженія, но не безъ большой примѣси подозрительнаго недовѣрія. Тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ сохранилъ пріятельскія отношенія (опять слово «пріятельскій» не совсѣмъ тутъ умѣстно). Всѣ они опередили Петрова въ своихъ жизненныхъ путяхъ, у каждаго было уже болѣе или менѣе громкое имя и болѣе или менѣе любимая семья, но и они сами, и ихъ жены относились къ Алексѣю Владиміровичу, какъ къ старшему. Иные говорили ему „вы“ въ обмѣнъ на его дружественное «ты». За молодыми женщинами и дѣвушками онъ ухаживалъ съ такимъ терпѣливымъ постоянствомъ, точно въ этомъ-то и находилъ истинный смыслъ жизни. Вѣчно, бывало, ходитъ обвѣшанный кардонками и свертками, съ книгами, билетами и картинками въ карманахъ. Но при всемъ этомъ въ его безмѣрно фамильярномъ тонѣ сквозила фраза: „милыя дамы, очень я васъ люблю на извѣстномъ разстояніи!“ И странно, даже къ прошлому Петрова друзья его не привязывали никакого женскаго имени, хотя вообще говорили о немъ охотно, какъ о личности немного чудаковатой, но очень интересной.

Самъ онъ о себѣ почти никогда не говорилъ, и если нужно было непремѣнно упомянуть свое имя въ разсказѣ, онъ замѣнялъ его словами: «одинъ господинъ», «юноша, близко мнѣ знакомый» и т. д. Я уже сказалъ, что Петровъ былъ прекрасный собесѣдникъ, но это не совсѣмъ такъ: онъ былъ не собесѣдникъ, а разсказчикъ. Въ памяти его хранилась громадная масса наблюденій, событій и анекдотовъ, и онъ умѣлъ все это передавать въ совершенствѣ: заговоритъ-ли о фельдфебелѣ, живой фельдфебель передъ вами: и усы опуститъ и походку поддѣлаетъ. Примется-ли разсказывать, «какъ мы въ молодыхъ лѣтахъ бунтовали»—передъ вами проходитъ цѣлый рядъ восторженныхъ юношескихъ лицъ.

Но обо всемъ этомъ онъ говорилъ не какъ человѣкъ, лично принимавшій участіе, а точно зритель, видѣвшій все это съ высокаго покойнаго мѣста. Зато своего личнаго мнѣнія онъ совсѣмъ не умѣлъ высказывать: или впадетъ въ такой дерзкій тонъ, что обзываетъ неучами первыхъ бойцовъ и подвижниковъ искусства и науки, или опустится до самоуниженія: «что я, дикій человѣкъ, знаю!?»

И не смотря на это, я очень любилъ говорить съ Петровымъ, выпытывать его мнѣніе.

Въ большинствѣ случаевъ у него на всѣ вопросы жизни были готовыя коротенькія формулы. Волнуюсь бывало, вопіющимъ фактомъ невѣжества и несправедливости, происшедшимъ въ мірѣ художниковъ, и за успокоеніемъ непремѣнно пойду къ Алексѣю Владиміровичу. Онъ дастъ мнѣ вволю накричаться, а потомъ спокойно скажетъ: «изъ пушекъ по воробьямъ не стрѣляютъ». Пожалуюсь ему, что природу трудно воплотить въ картину, а онъ на это отвѣчаетъ: «полюбите ее, матушку, какая она есть, не дѣлайте изъ нея пейзажа»

А то и вовсе, бывало, разговаривать не станетъ, и отвѣчаетъ на вопросы воркотней: «что я вамъ за пиѳія такая? Самъ же я дальше своего носа не вижу». И все-таки меня къ нему тянуло каждый разъ, какъ въ жизни случалось какое нибудь затрудненіе или мелькалъ въ головѣ смутный образъ будущей картины. Впрочемъ, я почти ничего не писалъ въ ту зиму.

Съ самаго выхода изъ академіи меня неотступно преслѣдовала одна мысль: мнѣ непремѣнно хотѣлось уѣхать весною на югъ, въ Малороссію, и казалось мнѣ, что отъ этой поѣздки зависитъ все мое будущее: съ юга я привезу новое небо и новое солнце.

Для этой цѣли я работалъ день и ночь, и чего-чего ни пришлось мнѣ рисовать! Я писалъ портреты по 20 руб. штука, рисовалъ елочки и лавровые вѣнки для дѣтскихъ журналовъ, дѣлалъ рисунки по микроскопу для ботаническихъ работъ Петрова. На все это уходила масса времени, и къ веснѣ у меня лежали завѣтныя двѣ сотни рублей, но зато въ головѣ не было ни одной мысли, ни одной картины: я весь былъ—одно нравственное и физическое утомленіе. А между тѣмъ въ Петербургѣ настали бѣлыя ночи.

Я люблю сѣверную весну, какъ любятъ покойниковъ: мучительно, тоскливо. Она мнѣ напоминаетъ умирающую красавицу: глаза горятъ, щеки пылаютъ огнемъ, но все это дѣлаетъ злая чахотка, которая изукрасила больную только для того, чтобы еще мучительнѣе дать ей почувствовать весь ужасъ разлуки съ молодою любимою жизнью. Я по часамъ заглядывался на бѣлое ночное небо, а въ груди ныло и болѣло, будто воздуху не хватало подъ этимъ безсильнымъ, блѣднымъ небомъ... Въ такомъ настроеніи забрелъ я на Смоленское кладбище, въ самый далекій его уголъ. Наступалъ вечеръ; свѣтъ былъ, но солнца уже не было; гдѣ-то близко начиналъ пѣсню соловей: щелкнетъ раза два и перестанетъ, точно поджидаетъ ночи. Сочная трава ярко зеленѣла и въ ней виднѣлись грязные, лиловенькіе цвѣточки, которые называются подснѣжниками, будто въ насмѣшку надъ яркими южными цвѣтами, носящими то же имя. На небѣ ровной полосой алѣла заря... Я сидѣлъ долго, безъ счета, и когда опомнился,—въ головѣ моей была готова «она», моя картина. Да, мнѣ нужно именно эту весну, робкую, молодую. До лѣта еще далеко, небо и земля дышутъ великимъ запасомъ жизненныхъ силъ, но силы эти скрыты еще: природа боится сразу отдать свое богатство... Щедрая и могучая, она все отдаетъ полностью по закону своей вѣчной свободы... Мнѣ нужно было лицомъ къ лицу съ молодою весной поставить человѣка, такого же сильнаго и молодого, но измученного борьбою духа: на монастырской стѣнѣ стоитъ монахиня и безумно-тоскующимъ взглядомъ смотритъ въ широкую, свѣтлую даль, гдѣ остались свобода, краса и счастье...

Въ тотъ же день я отправился къ Петрову и, торопясь и волнуясь, разсказалъ ему мою картину. Онъ слушалъ внимательно, по временамъ задумывался и просилъ повторить еще разъ, вставлялъ свои замѣчанія, обсуждалъ мелочи, чертилъ наброски и вообще казался заинтересованнымъ и даже тревожнымъ. Было поздно, когда я собрался домой...

— Послушайте, обратился онъ ко мнѣ на прощанье вы забыли главное—натурщицу...

— Найдется.

— Едва ли-съ, едва ли-съ! Такую монашку съ обыденнаго лица не напишете...

— Буду искать...

— Желаю успѣха. Ну, а если не найдете, поклонитесь мнѣ пониже: у меня есть одна на примѣтѣ... отличная!

Я началъ съ того, что купилъ монашескій подрясникъ и шапочку, а потомъ сталъ надѣвать эти иноческія принадлежности на всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Сперва я перебралъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, затѣмъ натурщицъ и, наконецъ, просто принялся бродить по улицамъ, отыскивая лицо, которое мнѣ было нужно. Случалось, какая-нибудь торговка или горничная поражала меня тихою грустью въ выраженіи ея лица. Я накидывался на нее, упрашивалъ прійти ко мнѣ, обѣщая хорошую плату, и съ торжествомъ наряжалъ въ монашескій клобучекъ. Очарованіе сразу пропадало: передо мною была переодѣтая горничная — и только! Но хуже всего было то, что желаннаго образа не было и въ моемъ воображеніи. На словахъ я отлично могъ разсказать, какою должна быть моя монахиня, но передъ глазами моими рисовался только смутный, неопредѣленный обликъ, и ярче всего выступали складки подрясника, да прозрачная дымка покрывала. А между тѣмъ картина все больше и больше завладѣвала мною: я не могъ уѣхать, не намѣтивши хоть смутными чертами мою будущую работу. Оставалось идти къ Петрову. Онъ встрѣтилъ меня такъ суетливо, какъ никогда: разсказалъ всѣ городскія новости, вспомнилъ два-три анекдота, и наконецъ сталъ куда-то собираться, прося прощенія за свою неделикатность и обѣщая зайти ко мнѣ на этой недѣлѣ. Мы уже были на улицѣ, когда я рѣшился заговорить.

— А вѣдь я сегодня къ вамъ съ великою просьбой!

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Да помните, вы обѣщали модель для моей картины.

— А, покаялся! съ улыбкой сказалъ Александръ Владиміровичъ, и тутъ-же о чемъ-то глубоко задумался.

— Видите-ли, я съ нею еще не говорилъ... Больна она была недавно.

— Нѣтъ, ужь вы какъ нибудь упросите ее хоть на два сеанса.

— Не знаю, не знаю!

— Пожалуйста!

— Ну, да ладно ужь! я вамъ открытое письмецо тогда черкну.

Я много волновался, получивши на другой день записку Петрова. Въ ней стояло только: «Завтра барышня будетъ у васъ». Мнѣ пришлось не мало видѣть женщинъ. Писать съ молоденькой и хорошенькой натуры для меня не было новостью; всѣ барышни охотно позировали, когда я собирался писать съ нихъ портретъ. Но тамъ было другое дѣло: я писалъ въ ихъ квартирѣ, или подъ открытымъ небомъ, около насъ вѣчно торчала маменька, тетенька, или сестрица, да и писать приходилось молодое, свѣжее личико съ ямочками на щекахъ и смѣющимися глазами. А теперь... войдетъ «она», строгая, чинная, съ тоскою во взорѣ и скорбью на губахъ. Войдетъ высокая и статная! Моя комната показалась мнѣ въ первый разъ грязной, темной, холодной, совсѣмъ противной. Я только тутъ замѣтилъ, что на окнахъ были прилѣплены сапоги и башмаки, вырѣзанные изъ бумаги и щедро раскрашенные моими же красками. Съ негодованіемъ сорвалъ я эти скромныя рекламы моего хозяина и швырнулъ ихъ за окно. Впрочемъ, этимъ и ограничились мои заботы объ уборкѣ комнаты, потому что, когда я было покусился отодвинуть диванъ отъ печки, у которой онъ торчалъ бокомъ,—сразу обломились всѣ его четыре ноги, и не мало трудовъ пришлось положить, чтобы привести его въ прежнее, неестественное, но прочное положеніе. Только что покончилъ я возню съ диваномъ, какъ въ комнату вбѣжала хозяйка и зашептала, махая на меня обѣими руками, фартукомъ и ребенкомъ, котораго она по дорогѣ подобрала въ корридорѣ, чтобъ не попался подъ ноги: „Пріѣхали, пріѣхали! Алексѣй Владиміровичъ и барыня съ ними!“ Я растерялся.

Петровъ самъ установилъ стулъ, самъ надѣлъ клобучекъ на Вѣру Гавриловну (такъ онъ назвалъ вошедшую), самъ усадилъ меня за мольбертъ. Я взялъ краски, и удивленно сталъ разглядывать мою натуру. Съ перваго же взгляда она поразила меня совершеннымъ несоотвѣтствіемъ своей наружности съ тѣмъ обликомъ какой я пытался нарисовать въ своемъ воображеніи. Передо мною сидѣла маленькая, худая женщина. По ея узкимъ плечамъ и крошечной тонкой рукѣ ее можно было принять за дѣвочку лѣтъ пятнадцати. Блѣдное лицо съ мелкими тонкими чертами не поражало ни красотой, ни силой. Безспорно хороши были однѣ губы: дѣтскія, наивныя, онѣ сложились такою странною чертой, что и улыбка, и слезы одинаково къ ней пристали-бы. На всемъ лицѣ дѣвушки лежалъ отпечатокъ сильнѣйшаго смущенія, почти испуга. Она точно окаменѣла въ той позѣ, которую ей далъ Петровъ: голова склонилась на руку, глаза неподвижно смотрятъ въ раскрытое окно. Я принялся рисовать, внутренно проклиная и доктора, и мою неудачу. «Откуда я возьму мою монахиню?!» съ тоскою спрашивалъ я себя, и спѣшно чертилъ, почти не глядя на «натуру» и торопясь кончить набросокъ. Петровъ забился въ уголъ и шелестилъ тамъ листами моихъ альбомовъ... Я почувствовалъ облегченіе, когда сеансъ былъ конченъ. Вѣра Гавриловна торопливо одѣлась и спросила меня, когда ей еще прійти? Я собирался поблагодарить ее за любезность и отказаться отъ второго сеанса, но въ разговоръ вмѣшался Петровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ художникъ! Назвались груздемъ,—полѣзайте въ кузовъ: пишите до тѣхъ поръ, пока дѣло выйдетъ. А это развѣ этюдъ!

Онъ подошелъ къ мольберту и принялся разглядывать рисунокъ, пока я условливался съ Вѣрой Гавриловной о днѣ второго сеанса.

— Послушайте, что вы надѣлали! обратился ко мнѣ докторъ, когда дѣвушка ушла. Вѣдь вы написали совсѣмъ не то, что было у васъ передъ глазами. И куда вы смотрѣли?

— Да вѣдь я не могу гнаться за портретнымъ сходствомъ. Мнѣ нужна картина, идеализація!..

— Эхъ вы! Идеализація. Да если бы вамъ удалось нарисовать синюю жилку, что трепещется у нея на вискѣ, если бы вамъ удалось передать только одинъ изгибъ ея брови... Да что! Сами разглядите... А не разглядите,—тогда переломайте свои кисти, а краски раздарите хозяйскимъ дѣтямъ.

II.

Вѣра Гавриловна минута въ минуту пришла къ назначенному сроку.

— Ужь вы сами нарядите и посадите меня, сказала она; поздоровавшись и снявши пальто.

Я надѣлъ ей на голову черную шапочку, путаясь въ мягкихъ прядяхъ ея темнорусыхъ, гладко причесанныхъ волосъ. На вискахъ и на затылкѣ они выбивались изъ косы непослушными локончиками и темною рамкою обнимали высокій, думающій лобъ. Подрясникъ не понадобился: простое черное платье съ бархатнымъ воротникомъ дѣлало ея фигуру достаточно строгой. Я повернулъ голову дѣвушки въ профиль, облокотилъ ея руки на столъ и самъ взялъ чистый холстъ, чтобы наново начать этюдъ. Вѣра Гавриловна точно застыла: даже грудь не подымалась и рѣсницы не моргали. Строгія линіи ея тонкаго профиля поражали меня своею безукоризненной чистотою. Я началъ замѣчать тѣ художественныя особенности ея лица, о которыхъ говорилъ Петровъ: и прозрачный високъ съ трепетавшими на немъ жилками, и тонкую, говорящую бровь, и чудную линію губъ, которую не умѣлъ еще опредѣлить: она одна мѣнялась на этомъ неподвижномъ лицѣ. Не помню, сколько времени я писалъ, не отрываясь, изрѣдка только взглядывая на мою «натуру». Сначала я сильно боялся утомить ее и спрашивалъ нѣсколько разъ, не устала-ли она?

— Нѣтъ! Вы обо мнѣ не безпокойтесь: я могу цѣлые часы просиживать неподвижно, и это не только не утомляетъ меня, а даже доставляетъ очень пріятный отдыхъ. Я принялся за кисти съ новымъ жаромъ... Первый разъ «моя» монахиня стояла передо мною ясно и живо, облеченная плотью и кровью. У нея былъ чудный профиль дѣвушки, сидѣвшій передо мною, но подъ моею кистью его слишкомъ сухія, строгія линіи оживали, и говорили: въ нихъ билась жизнь, въ нихъ зажигалось чувство.

Наконецъ мнѣ показалось, что на первый разъ довольно, страшно было испортить этюдъ новой чертой и я опустилъ палитру...

— Простите, я васъ замучилъ! хотѣлъ я сказать Вѣрѣ Гавриловнѣ, но взглянулъ на нее... и слова застыли на языкѣ.

Передо мною сидѣла другая, невиданная женщина. На лицѣ ея легла мучительная, жгучая скорбь.

Всѣ черты гармонически слились въ этомъ выраженіи. Сѣрые глаза потемнѣли; они были полны невыплаканныхъ слезъ и одна крупная, свѣтлая слезинка блестѣла и высыхала на блѣдной щекѣ.

— Вотъ, что мнѣ нужно! чуть не крикнулъ я и опять принялся за работу. Вѣра Гавриловна не шевелилась и будто не замѣчала меня. Цѣлыхъ четыре часа промучилъ я мою терпѣливую натурщицу; понять не могу, какъ у нея хватило силъ и спокойствія просидѣть столько времени въ одной позѣ! У меня рука онѣмѣла, а этюдъ все-таки оставался безобразной мазней: лучъ жизни совсѣмъ ушелъ изъ него. «Надо начать все съ начала» рѣшилъ я, и попросилъ у Вѣры Гавриловны третьяго сеанса.

— О, не стѣсняйтесь! Я очень рада... Если понадобится прійти не одинъ разъ, а нѣсколько,—я приду съ удовольствіемъ. Она ушла, а я взялъ новый холстъ и принялся на память писать ея профиль.

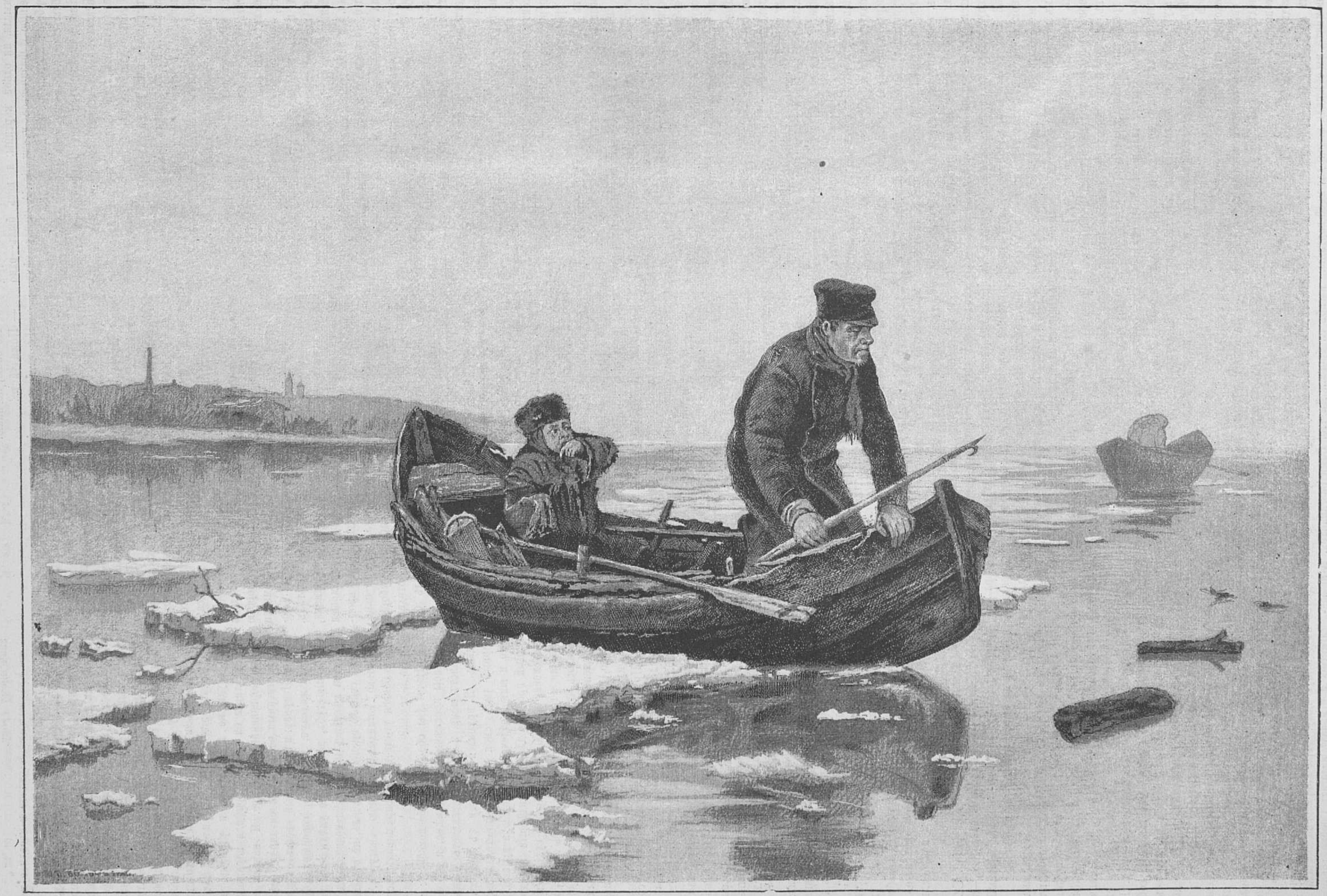
Шесть разъ была у меня Вѣра Гавриловна и писалъ я часа по три, не давая отдыху ни себѣ, ни ей. Правда, я боялся ее замучить, и потому постоянно спрашивалъ, не устала ли она, на что получался неизмѣнный отвѣтъ: «Вѣдь я отдыхаю!». Мнѣ оставалось только разговаривать съ нею, чтобы не очень ужь скучно показалось ей время. Но и это не удалось: Вѣра Гавриловна не умѣла говорить, не глядя на собесѣдника. Какъ только ей нужно отвѣтить на вопросъ, она вся повернется ко мнѣ и испортитъ позу; приходится опять усаживать и возиться у мольберта.

— Знаете ли, что мы сдѣлаемъ, сказала она одинъ разъ. Вы мнѣ все разсказывайте, а я буду только слушать.. Ну право-же, когда я говорю, а человѣка не вижу, мнѣ кажется, что онъ меня слышать не можетъ, или хоть и услышитъ, все равно ничего не пойметъ.

Такъ мы и сдѣлали. На другой-же день, усѣвшись въ обычную позу, Вѣра Гавриловна сказала: «Ну, излагайте!» и я началъ излагать. Сперва говорились пустяки: я перечислялъ, какія картины были на послѣдней выставкѣ, разсказывалъ, какіе предметы преподаются въ академіи художествъ и кто ихъ читаетъ; потомъ мало по малу заговорилъ о себѣ, о моихъ това-

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

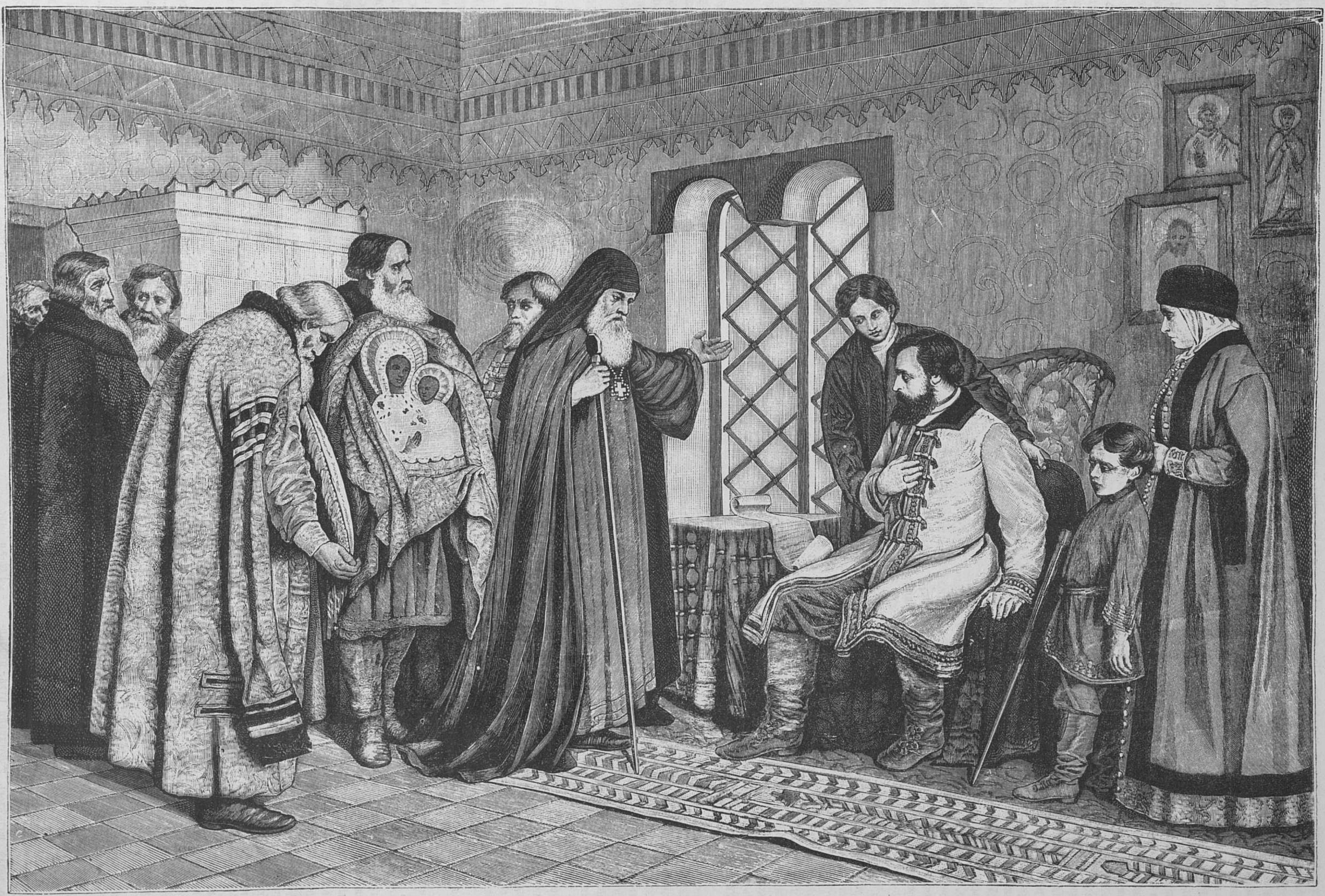
Съ картины Н. Г. Богданова (собств. журн. «Живоп. Об.»).



Ловля дровъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ СПБ.

Съ картины Савицкаго (собств. журн. «Живоп. Обозр.»).



Посольство въ домѣ князя Пожарскаго

рищахъ, о томъ, какая широкая дорога передъ нами и какъ трудны первые шаги по этой дорогѣ. Вѣра Гавриловна умѣла слушать ласково и красиво. По лицу ея проходили тѣнью впечатлѣнія разсказа: то улыбка тронетъ уголокъ губъ, то грустью приподымется бровь, то глаза засвѣтятся радостью. Въ тѣ минуты, когда мнѣ становилось тяжело высказываться, она тихонько, почти шепотомъ, скажетъ: «Вѣдь я слушаю!» и я опять говорю, говорю безъ умолку. Въ первый разъ здѣсь, передъ Вѣрой Гавриловной, я самъ понялъ, почему мнѣ нужно было бросить академію: разсказывая моей ласковой слушательницѣ и наши порядки, и мой собственный нравъ, я далъ себѣ отчетъ въ прошломъ и поставилъ много задачъ для будущаго. Ей первой (да и послѣдней, должно быть) я жаловался на судьбу, на самого себя, на людскую обиду.

— Не осуждайте меня за то, что я бросилъ академію, говорилъ я какъ-то. Право-же, не лѣность, не порывъ заставили меня сдѣлать это! Быть можетъ они правы, тысячу разъ правы, но вѣдь нельзя-же дѣлать добро людямъ, придавливая этихъ людей къ землѣ. Ни талантливымъ, ни счастливымъ человѣка не сдѣлаешь насильно!

Вѣра Гавриловна вся измѣнилась при этихъ словахъ, она забыла свою позу, повернула ко мнѣ голову и заговорила, глядя мнѣ въ глаза радостными, ласковыми глазами:

— Ахъ, Антонъ Филипповичъ! вы сами не знаете, какая правда, глубокая жизненная правда въ вашихъ словахъ!

Развѣ можно помирить счастье съ мыслью о насиліи? Вѣдь счастье—сама свобода!

Нельзя сказать «иди туда,—и будешь счастливъ», «уйди отсюда, а то станешь несчастнымъ».

Человѣкъ счастливъ только тамъ, куда его сердце тянетъ, гдѣ ему хочется быть... Царствіе небесное и то покажется тюрьмою, если въ него посадятъ насильно, а захочу—въ прорубь головою кинусь!

И ужь навѣрное въ послѣднюю минуту счастье будетъ: никто моей воли не снималъ—что было мнѣ по сердцу,—то и сдѣлала...

Вырывать у человѣка его счастье, говорить: «Я спасаю тебя отъ тебя самого», «я тебѣ своимъ собственнымъ благомъ жертвую»—вотъ гдѣ настоящая-то неволя! Вѣдь за жертву жертвою платятъ... и нѣтъ конца краю этой расплатѣ!» Я не узнавалъ Вѣры Гавриловны: лицо у нея разгорѣлось, въ глазахъ опять стояли слезы, но это были не красивыя слезы молчаливаго страданія, это были слезы обиды, почти злобы, если бы весь кроткій обликъ не противорѣчилъ выраженію глазъ. Губы дрожали дѣтскою мольбою и жалобой, и выкупали эту слезу.

Это былъ нашъ послѣдній сеансъ: на другой день я началъ собираться въ дорогу.

Пришлось нѣсколько дней провести въ безустанной бѣготнѣ изъ одного конца города въ другой.

Только наканунѣ отъѣзда я принялся разбирать мои рисунки и этюды и между ними нашелъ нѣкоторые, принадлежавшіе Алексѣю Владиміровичу. Я имъ обрадовался, какъ удобному предлогу повидаться и проститься съ Вѣрой Гавриловной. Петровъ, уѣзжая на лѣто заграницу, просилъ передать его книги и картинки по ея адресу. Но мнѣ не хотѣлось придти къ ней съ пустыми руками; надо было отблагодарить ее за терпѣливое многократное сидѣнье. Долго перебиралъ я свои папки, пока нашелъ подходящій этюдъ: это былъ набросокъ съ головы Алексѣя Владиміровича, сдѣланный чернымъ карандашемъ. Сердце у меня порядкомъ билось, когда я дернулъ звонокъ въ квартирѣ Вѣры Гавриловны, а когда мнѣ сказали: «барышни нѣту дома», я почувствовалъ почти облегченіе: меня почему-то пугало наше прощальное свиданіе.

— А не могу ли я войти въ ихъ комнату: оставить записку?

— Это можно! По темному узенькому корридору дѣвушка привела меня къ двери и, сказавши «эта самая!» юркнула въ кухню.

Говорятъ, что по виду комнаты можно судить о характерѣ ея обитателя; не знаю, всегда-ли это вѣрно, но комната моей натурщицы была такъ похожа на нее, что будто сливалась съ представленіемъ о ней самой.

Узенькая, въ одно окно, она принадлежала къ типу петербургскихъ студенческихъ «щемилокъ». Кровать, столъ, два стула и комодъ составляли всю ея меблировку, но вездѣ виднѣлась заботливая рука, придавшая комнатѣ уютный и даже щеголеватый видъ: на окнѣ—широкая кисейная занавѣска, кружевная покрышка на подушкѣ, по стѣнамъ, оклееннымъ голубыми дешевенькими обоями, гравюры и фотографіи, а на столѣ цѣлая груда книгъ и тетрадей, и нигдѣ не пылинки.

На комодѣ въ фарфоровомъ цвѣточномъ горшкѣ доцвѣталъ большой розовый кустъ: бѣлые лепестки покрывали весь комодъ, а на вѣткахъ послѣдній бутонъ распускался въ уродливый, блѣдный цвѣтокъ. Видно было, что растеніе, перенесенное изъ жаркой теплицы, не прижилось въ комнатѣ, какъ ни холила его заботливая хозяйка.

Я оставилъ рисунки для Петрова и портретъ его, сдѣлавши на немъ такую подпись: «На память о старомъ и новомъ другѣ», и поскорѣй ушелъ, испугавшись своей смѣлости.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ёжа.**

(Перев. съ польскаго **А. Сахаровой**).

(*Продолженіе*).

ГЛАВА III.

Когда Ляіошъ, выйдя изъ церкви, искалъ выхода изъ города, на церковной паперти остановился этотъ величавый сановникъ въ бархатахъ и казалось, точно онъ ждалъ кого-то или чего-то. Церковь опустѣла; онъ стоялъ окруженный нѣсколькими личностями, носящими на себѣ оффиціальный отпечатокъ, и велъ съ ними такой разговоръ, который ведется только для того, чтобы не молчать. Онъ, какъ-бы мимоходомъ разспрашивалъ о чемъ-то то ту, то другую изъ этихъ оффиціальныхъ личностей и когда спрошенный отвѣчалъ ему, то онъ выслушивалъ отвѣтъ, какъ рѣшето воспринимаетъ воду. Очевидно онъ ждалъ кого-то или чего-то. Наконецъ онъ дождался одного изъ сторожей городской стражи и, когда тотъ появился, спросилъ его издалека:

— А что?..

— Нѣтъ... послышался отвѣтъ.

— Ищи... спрашивай...

Минуту спустя появился другой сторожъ и съ нимъ повторился слово въ слово тотъ-же самый разговоръ, какъ и съ первымъ.

Подошелъ третій, и этотъ третій удалился по приказанію, звучащему точно также, какъ оба предшествующіе:

— Ищи... спрашивай...

По уходѣ третьяго, величавый сановникъ обратился къ окружающимъ его оффиціальнымъ лицамъ.

— Не знаю, куда дѣвался этотъ Ердоди, который заказалъ такія великолѣпныя обѣдни...

— Въ трехъ церквахъ... вмѣшался одинъ изъ окружающихъ.

— Гмъ?.. пробормоталъ величавый сановникъ. Я велѣлъ его отыскать и сторожа не могутъ отыскать.

Этому удивлялись тѣ, къ которымъ были обращены эти слова. Минуту спустя одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— О!.. ведутъ.

Эти слова сопровождались указываньемъ пальцемъ на улицу, по которой шло трое сторожей, охраняя человѣка, котораго нельзя было узнать издали.

Величавый сановникъ повернулся въ эту сторону.

Сторожа подошли и встали въ слѣдующемъ порядкѣ: одинъ направо, другой налѣво, третій сзади, а передъ этимъ послѣднимъ, заслоненный ими двумя, человѣкъ, который былъ никто другой, какъ Чолничъ.

— Э?.. спросилъ величавый сановникъ.

— Милостивый графъ,—отвѣтилъ одинъ изъ сторожей,—разспрашивали мы и добрались до этого человѣка.

— Ты заказывалъ обѣдни?..

— Заказывалъ... отвѣтилъ спрошенный.

— На какомъ основаніи?..

— Для сына, который просилъ меня объ этомъ...

— Твоего сына?..

— Откуда-же?.. Сына у меня не было и нѣтъ...

— Вѣдь обѣдни были отслужены за душу Ердоди...

— Да, Марка, родственника твоего, dignissime domine.

— Марка?.. а?.. ну... Былъ одинъ Маркъ Ердоди, но я потерялъ его изъ виду...

— Онъ хворалъ всю жизнь... и умеръ... и оставилъ сына... Вотъ этотъ-то сынъ вздумалъ почтить память отца и почтилъ...

— Гдѣ-же онъ?

— Гдѣ?.. не знаю... Я былъ съ нимъ въ церкви св. Марка, мы пошли вмѣстѣ къ францисканцамъ и вмѣстѣ въ соборъ... Въ соборѣ онъ исчезъ у меня изъ глазъ. Онъ вѣрно вышелъ и заблудился въ городѣ, обыкновенно... человѣкъ непривычный...

— Гмъ?.. отвѣтилъ величавый сановникъ на это и прибавилъ черезъ минуту:—когда онъ найдется, приведи его ко мнѣ, къ бану... къ графу Ердоди... Понимаешь?..

— Воля твоя, милостивый графъ, будетъ исполнена... отвѣтилъ Чолничъ, отвѣшивая низкій поклонъ.

— Маркъ Ердоди... освѣдомился графъ,—жилъ гдѣ-то неподалеку отъ Сисака?

— Въ Климовацѣ...

— А да... припоминаю... мой родственникъ... Я буду радъ его сыну, который такъ прекрасно ознаменовалъ свой пріѣздъ въ Загребье... Я иду во дворецъ и буду васъ ожидать...

Онъ кивнулъ сторожамъ, — отступили; банъ пошелъ въ одну сторону, Чолничъ—въ другую. Этотъ послѣдній отправился въ его гостинницу съ той увѣренностью, что если не застанетъ Ляіоша, то вскорѣ дождется его. И такъ, онъ былъ спокоенъ въ этомъ отношеніи. Въ гостинницѣ онъ сидѣлъ въ пріемной комнатѣ и поджидалъ, сокращая себѣ время бесѣдой, обильнымъ матеріаломъ для которой служили обѣдни. Говорили объ обѣдняхъ и о покойникѣ, объ его жизни и болѣзняхъ. Болѣзни представляютъ предметъ весьма занимательный, значитъ было о чемъ разсуждать. Разсуждали и отсутствіе Ляіоша не было бы ощутительнымъ, если бы обѣденная пора не напомнила о немъ.

Столъ былъ накрытъ,—обѣдать не подавали; хозяинъ ежеминутно входилъ въ комнату и обращался къ Чолничу съ вопросомъ:

— Гдѣ твой молодчикъ?

— Онъ придетъ сейчасъ... — слышался постоянно отвѣтъ.

Ляіошъ однако не приходилъ.

— Дѣлать нечего... подаютъ обѣдать... заявилъ наконецъ хозяинъ,—а ему оставятъ... Онъ самъ виноватъ, что не получитъ горячаго кушанья...

За обѣдомъ онъ доказалъ свою заботливость о молодомъ человѣкѣ, потому что когда на столѣ появился красиво выглядящій, посыпанный краснымъ перцемъ и издающій пріятный запахъ печеный лукъ, онъ сказалъ:

— Жаль, что онъ этого не попробуетъ... печенаго лука ему нельзя оставлять, потому что холодный онъ ничего не стоитъ... Онъ вкуснѣе всего, когда изъ него паръ идетъ... вотъ такъ... прибавилъ онъ, разламывая луковицу и положивъ себѣ въ ротъ кусочекъ.

Лукъ служилъ дессертомъ. Обѣдъ кончился и только тогда Чолнича встревожило отсутствіе Ляіоша.

— Что съ нимъ могло случиться?.. проговорилъ онъ, что онъ заблудился въ городѣ, это вѣрно; но вѣдь у него же было время обойти всѣ улицы Загребья и попасть на площадь... Развѣ онъ зашелъ куда, или что... Можетъ кого изъ знакомыхъ встрѣтилъ...

Это предположеніе успокоило его до извѣстной степени, однако не совсѣмъ, потому что это было простое предположеніе, основанное на догадкахъ. «Если никого изъ знакомыхъ не встрѣтилъ, значитъ никуда не зашелъ, что же съ нимъ случилось»? Этотъ вопросъ мучилъ его и не давалъ ему усидѣть на мѣстѣ. Послѣ обѣда онъ вышелъ въ городъ, ходилъ по улицамъ, вернулся въ гостинницу; опять вышелъ и опять расхаживалъ, оглядываясь. Его тревога усилилась къ вечеру: всѣ загадки и предположенія уничтожились; онъ сильно встревожился и подумалъ, что слѣдовало бы посовѣтоваться съ людьми. Посовѣтоваться съ кѣмъ,—съ кѣмъ же, если не съ корчмаремъ, человѣкомъ здѣшнимъ?

— Молодчика моего нѣтъ, какъ нѣтъ... проговорилъ онъ въ видѣ вступленія.

— Куда же онъ дѣвался!..

— Скажи мнѣ, такъ я буду знать...

— И-и... загулялся...

— На цѣлыхъ полъ дня!.. И мнѣ казалось, что онъ загулялся, но это слишкомъ долго продолжается... банъ велѣлъ намъ придти къ нему... онъ ждетъ насъ, а тутъ... его нѣтъ...

— Надо пойти поискать его въ городѣ...

— Я уже истратилъ на это нѣсколько часовъ...

— Людей разспросить...

— Какихъ?..

— Купцовъ-бакалейщиковъ... Они по цѣлымъ днямъ сидятъ и зѣваютъ, можетъ кому нибудь изъ нихъ юноша и приглянулся, когда онъ проходилъ мимо... Стоитъ только сказать купцу, какъ онъ выглядѣлъ, и когда онъ отвѣтитъ, въ какую сторону онъ направился, вотъ... тутъ мы его и найдемъ...

Чолничъ недовѣрчиво покачалъ головой, вышелъ въ городъ, спросилъ одного, второго бакалейщика, ничего не узналъ и, подумывая уже о какомъ нибудь другомъ средствѣ, неожиданно на поворотѣ улицы съ глазу на глазъ столкнулся съ Ляіошемъ.

— Ради Бога!... крикнулъ онъ.

— Ну?.. отозвался молодой человѣкъ.

— Что съ тобою дѣлалось цѣлый день?..

— Я слушалъ обѣдни за упокой души моего отца...

— А потомъ?..

— Потомъ... гмъ... сердце у меня такъ сжалось, что я почувствовалъ потребность отойти и удалиться отъ людей...

— Надѣлалъ же ты мнѣ тревоги!..

— По какому поводу?..

— По тому поводу, что ты исчезъ, никого не извѣстивъ... Если бы ты мнѣ сказалъ...

— Ба... такъ я бы не ушелъ...

— Развѣ я помѣшалъ бы тебѣ?...

— Я бы себѣ самъ помѣшалъ... Я былъ въ такомъ настроеніи, что ни съ кѣмъ не могъ словечкомъ перемолвиться... Мнѣ надо было бѣжать и... я бѣжалъ...

Чолничъ можетъ быть понялъ это душевное состояніе, вызванное въ молодомъ человѣкѣ глубокой скорбію и сожалѣніемъ о потерѣ любимаго существа, а можетъ и не понялъ его. Можетъ быть онъ только инстинктивно почуялъ это состояніе. Это послѣднее можно было угадать изъ того, что онъ не дѣлалъ упрековъ Ляіошу.

— Ну... отвѣтилъ онъ, это хорошо... Слава Богу, что ты нашелся... плохо только, что мы заставили бана понапрасну прождать...

— А что такое?.. спросилъ Ляіошъ.

Чолничъ разсказалъ ему, какъ полицейскіе добрались до гостинницы и, не найдя Ердоди, доставили его подъ стражей на церковную паперть.

— Значитъ, банъ насъ ждетъ... — закончилъ онъ разсказъ.

— Да вѣдь сегодня ужь не время къ нему идти...

— Поздно... это правда; но... если ждетъ...

— Я голоденъ... отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— А... не удивительно... Вѣдь ты не ѣлъ съ утра... да и вчера, какъ я замѣтилъ, ты еле отвѣдалъ чего-то...

Съ послѣдними словами они сошли въ гостинницу и, когда усѣлись за столъ, корчмарь, подойдя къ нимъ, обратился къ Чолничу торжествующимъ голосомъ:

— А что!.. мой совѣтъ былъ хорошъ... ты нашелъ свою потерю... Это вѣрно, что бакалейщики, зѣвая, видятъ всѣхъ прохожихъ...

— Не бакалейщики дали мнѣ справки о немъ...

— Кто же?...

— Никто... Онъ самъ подошелъ...

— Но вѣдь ты бы его не встрѣтилъ, если бы не послушалъ моего совѣта и не вышелъ къ купцамъ.

— Конечно...

— То-то и есть... хорошій совѣтъ дороже золота.

Затѣмъ онъ обратился къ Ляіошу съ упреками относительно обѣда, который перестоялъ изъ за него; далѣе же онъ разсуждалъ о печеномъ лукѣ, испечь который удивительно удалось его женѣ.

— Однако она завтра испечетъ еще... прибавилъ онъ,—но, удастся ли ей такъ, какъ удалось сегодня?.. это вопросъ...

Послѣднія слова онъ проговорилъ съ многозначительнымъ удареньемъ. Видно, онъ приписывалъ большое значеніе своей кухнѣ и хлопоталъ о томъ, чтобы всѣ признали его.

Этотъ вечеръ прошелъ для нашихъ путниковъ, какъ и предшествующій, только съ той разницей, что Ляіоша уже все общество считало знакомымъ. Онъ не зналъ никого; всѣ его знали. Это того рода знакомство, которое создается славой. Молодой человѣкъ прославился на минуту, или, выражаясь современнымъ языкомъ, составилъ себѣ рекламу. О немъ говорили; имъ занимались; къ нему присматривались: онъ нравился всѣмъ, его находили юношей, подающимъ самыя блестящія надежды. Положеніе его въ эту минуту было похоже на положеніе каленаго и пригоднаго для ковки желѣза. Отъ него зависѣло воспользоваться имъ. Однако, онъ и не думалъ пользоваться, принимая его такъ, какъ оно сложилось, и не заботясь о собственномъ будущемъ. Однако, нельзя безусловно сказать, что такого рода забота была ему чуждой; однако, она шла въ томъ направленіи, которое онъ хранилъ у себя въ сердцѣ, подобно заколдованному сокровищу, и которое не имѣло ничего общаго съ гороскопами, поставленными для него другими людьми. Позднѣе выясниться, съ какой тайной носился Ляіошъ Ердоди. Между тѣмъ, онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что дѣлалось вокругъ него, принималъ поздравленія и похвалы съ равнодушной улыбкой и собирался къ бану. Визитъ къ бану представлялся ему въ качествѣ обязанности, записанной въ кодексѣ вѣжливости. Родственникъ его занималъ такое высокое положеніе! поэтому ему слѣдовало поклониться—и только.

Визитъ къ бану не представлялся ему иначе. Онъ не придавалъ ему никакого болѣе важнаго значенія и если онъ имъ занимался и даже нѣсколько тревожился, то потому что ему приходилось явиться къ человѣку, наиболѣе значительному послѣ короля. Банъ, надъ баномъ—король, надъ королемъ—Богъ. Въ такой обстановкѣ ему представлялся его родственникъ. Это такъ тревожило его, что онъ предпочелъ бы вернуться въ Климовацъ, вмѣсто того, чтобы идти къ нему. Онъ несомнѣнно рѣшился бы на послѣднее, если бы не отцовское письмо и неясно выраженное покойникомъ желаніе.

— Что я ему скажу?.. спросилъ онъ Чолнича, когда на слѣдующій день наступила минута отправиться въ этотъ затруднительный походъ.

— Ты ему хорошенько поклонишься и вручишь письмо.

— Но, вѣдь, при этомъ надо же что-нибудь сказать...

— Отвѣтишь, когда спросятъ...

— А до этого?

— До этого скажу нѣсколько словъ я, во-первыхъ, потому что я старшій, во-вторыхъ, потому что мнѣ банъ поручилъ привести тебя... Я ему объясню, отчего вчера онъ прождалъ насъ даромъ...

— И какже ты ему объяснишь это?.. спросилъ молодой человѣкъ съ оттѣнкомъ любопытства въ голосѣ.

— Ты узнаешь впослѣдствіи... я не изъ тѣхъ, которые держатъ языкъ за зубами...

Черезъ нѣсколько минутъ спустя, Ляіошъ и Чолничъ явились въ жилище бана. Они попали въ такую минуту, когда королевскій намѣстникъ давалъ аудіенціи. Комнату, въ которую ихъ ввели, наполнили просители, ожидая очереди. И они должны были бы ожидать очереди, если бы не фамилія Ердоди, благодаря которой, какъ только они вошли, передъ ними открылись двери, ведущія въ пріемную залу. Банъ измѣрилъ юношу съ ногъ до головы взглядомъ, когда тотъ переступилъ черезъ порогъ и, видно, онъ не произвелъ на него невыгоднаго впечатлѣнія, потому что онъ обратился къ входящимъ съ слѣдующими словами, звучащими радушнымъ упрекомъ:

— А я вчера прождалъ цѣлый день...

— Dignissime domine...—отвѣтилъ Чолничъ, кланяясь, мы бы не обманули твоего ожиданья, если бы я могъ до вечера встрѣтиться съ твоимъ родственникомъ. Я сошелся съ нимъ только вечеромъ. Слѣдуя внушенью pietatis filialae родственникъ твой, присутствующій здѣсь Ляіошъ Ердоди, весь вчерашній день провелъ въ одиночествѣ, въ размышленіяхъ о добродѣтеляхъ родителя...

— Тебѣ слѣдовало сказать мнѣ объ этомъ—замѣтилъ банъ, отвѣчая Чолничу.

— Если я и самъ не зналъ ни о чемъ... Но вотъ у твоего родственника есть письмо къ тебѣ, illustrissime domine.

— Письмо?.. а?..

Ляіошъ вынулъ изъ-за пазухи большой запечатанный конвертъ и подалъ его бану.

— Отъ кого?.. спросилъ этотъ послѣдній.

— Отъ моего отца...—отвѣчалъ Ляіошъ.

— Гмъ?.. подумалъ онъ и, положивъ конвертъ подлѣ себя, прибавилъ: у меня въ настоящую минуту нѣтъ времени для чтенія... просители ожидаютъ... Я прочту потомъ... и мы поговоримъ о томъ, что нужно, между тѣмъ выходите сюда. Тутъ онъ указалъ рукой на боковыя двери—тамъ и усядитесь... Сегодня вы остаетесь у меня обѣдать.

— Если такова твоя, illustrissime, воля...—отвѣтилъ Чолничъ, склонивъ голову и слѣдуя указанному направленію. Это большая честь для насъ...

За дверями они нашли комнату, выглядѣвшую на половину оружейной, наполовину библіотекой. Одну стѣну занимали брони и оружье, другую на полкахъ—большіе фоліанты въ кожаныхъ переплетахъ. Число тѣхъ и другихъ было невелико. Средину занималъ тяжелый, дубовый столъ; на столѣ лежалъ шлемъ, наплечники, перчатки, а у стола стояло нѣсколько деревянныхъ креселъ съ ручками и безъ ручекъ. Свѣтъ проникалъ въ комнату изъ двухъ узкихъ и не слишкомъ высокихъ оконъ, до половины завѣшанныхъ тяжелыми шторами...

Ляіошъ принялся осматривать ту половину комнаты, которая напоминала оружейную. Его вниманіе останавливали на себѣ мечи, пращи, булавы, ружья и пистолеты. Въ концѣ XVП столѣтія, прежняя система вооруженія не совсѣмъ уступила новой, начатой введеніемъ въ употребленіе огнестрѣльнаго оружія. Это послѣднее не достигло еще того совершенства, какъ въ настоящее время. Отъ тогдашней оловянной пули можно было защитить грудь или даже голову закаленной жестью. Однако уже начинался упадокъ жести, потому что она все дорожала и потому не могла служить для всеобщаго употребленія. Бетлемъ Гобаръ возвысилъ значеніе легкой кавалеріи и далъ ей вмѣсто всякаго оружія—въ руку одну только саблю. Однако кирасса не выходила изъ употребленія, но служила только тѣмъ, которые могли позволить себѣ эту роскошь. И такъ, въ оружейной бана находились кирассы и шлемы, возбуждавшіе любопытство молодого человѣка. Ляіошъ разсматривалъ ихъ съ любопытствомъ; Чолничъ же прочитывалъ на фоліантахъ латинскія заглавія сочиненій, изъ которыхъ одни были ему знакомы, другія—нѣтъ. Занятіе это отнимало у нихъ время.

За этимъ занятіемъ засталъ ихъ банъ. Онъ вошелъ въ комнату съ открытымъ письмомъ и, обращаясь къ Ляіошу, сказалъ:

— Отецъ ввѣряетъ мнѣ тебя и проситъ, чтобы я опредѣлилъ тебя на королевскую службу. И конечно... ты такъ хорошо зарекомендовалъ себя, что отъ тебя можно ожидать самыхъ лучшихъ услугъ.

Слова эти совершенно неожиданно обрушились на молодого человѣка. Онъ вспыхнулъ, какъ красная дѣвушка.

— Но,—прибавилъ банъ,—поговоримъ объ этомъ послѣ обѣда. Графиня разсердилась бы на на насъ, если бы мы заболтались и опоздали къ обѣду. Ну, такъ пойдемъ-же.

Онъ пошелъ впередъ; но остановился и сказалъ Чолничу:

— Я до сихъ поръ не знаю твоей фамиліи.

— Павао Чолничъ.

Банъ заглянулъ ему въ глаза быстро и вопросительно.

— Не тотъ, о которомъ ты думаешь, dignissime.

— Что не тотъ, я это знаю, но не такой ли?

— Не совсѣмъ такой... однако чуточку.

— И я точно также... отвѣтилъ банъ на это. Они были правы, но быть правыми—этого еще недостаточно. Ну... кушать.

Онъ провелъ гостей черезъ двѣ комнаты и ввелъ ихъ въ просторную залу, по рыцарски украшенную, оружіемъ и охотничьими трофеями, въ которой большой и длинный столъ по срединѣ и громадный каминъ у одной изъ стѣнъ свидѣтельствовали о томъ, что она служила для многолюдныхъ сборищъ, только одна половина стола была покрыта и заставлена столовой посудой. Въ глубинѣ ожидала прислуга, а ближе нѣсколько личностей, стоя у одного изъ оконъ, занимались бесѣдами. Это были лица оффиціальныя, военныя и статскія, одно изъ нихъ—въ духовной одеждѣ. При выходѣ бана всѣ тотчасъ прервали разговоръ и приняли почтительную позу. Банъ подошелъ, поздоровался и обмѣнялся нѣсколькими словами съ двумя изъ нихъ.

Въ эту минуту церемоніймейстеръ торжественно возвѣстилъ о появленіи графини Ердоди де-Моніорокорекъ; двери отворились настежъ и въ нихъ появилась, одѣтая по французски, по модѣ, царящей при дворѣ Людовика XIV, дама не молодая и величественная, шествующая во главѣ женской свиты, выступающей за ней въ порядкѣ. Мужчины выстроились, и когда она проходила мимо нихъ, они отвѣшивали ей глубокій поклонъ. Банъ поджидалъ ее, поздоровался съ ней, подалъ ей руку и подвелъ къ одному изъ двухъ креселъ, поставленныхъ у болѣе узкаго конца стола. Графиня остановилась у кресла, рядомъ всталъ графъ; церемоніймейстеръ указалъ гостямъ мѣста; гости выстроились у стола: съ одной стороны мужчины, съ другой женщины, ксендзъ прочелъ вслухъ молитву по латынѣ, послѣ молитвы графъ и графиня заняли свои мѣста, что послужило какъ бы лозунгомъ для каждаго, чтобы занять предназначенное ему мѣсто. Порядокъ за столомъ устроился такъ, что графъ сидѣлъ во главѣ дамской половины, графиня—мужской; подлѣ этой послѣдней сидѣлъ Ляіошъ, котораго банъ ей представилъ:

— Родственникъ нашъ, Ляіошъ Ердоди изъ Климоваца.

Ляіошу слѣдовало поклониться. Однако вмѣсто того, чтобы поклониться, онъ вспыхнулъ румянцемъ. Графиня улыбнулась и сказала:

— Слышала... о!.. слышала. Со вчерашняго дня въ Загребѣ не говорятъ ни о комъ другомъ.

— Пріѣхалъ прямо изъ деревни, ни въ Загребѣ, ни въ какомъ другомъ большомъ городѣ не былъ никогда въ жизни,—прибавилъ банъ, навѣрно съ цѣлью оправдать молодого человѣка, который въ первый разъ очутился въ незнакомомъ ему обществѣ, сконфузился и не зналъ, что съ собой дѣлать.

— Въ самомъ дѣлѣ? никогда въ жизни?—спросила графиня, обращаясь прямо къ Ляіошу.

Ляіошъ крякнулъ и отвѣчалъ, закрывъ себѣ ротъ пальцами:

— Въ самомъ дѣлѣ... никогда... въ жизни.

— Ты жилъ въ деревнѣ?

— Въ деревнѣ...

— Въ Климовацѣ?

— Въ Климовацѣ...

— Въ какой это сторонѣ?

— Въ сторонѣ...

Разговоръ у него не клеился. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, онъ сидѣлъ какъ бы оштрафованный, налѣво отъ него сидѣлъ нѣмецкій генералъ, направо нарядная и раздушенная графиня, далѣе величавый банъ, а напротивъ рядъ женскихъ личикъ, представляющихся въ видѣ гирлянды изъ цвѣтовъ, глядѣть на которые не безопасно. Ароматъ духовъ, который доносился отъ графини и представляющееся ему зрѣлище совершенно опьянили его. Онъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Онъ боялся пошевельнуться, чтобы не сдѣлать какого нибудь неприличія. Но на счастье генералъ обратился къ графинѣ по нѣмецки, и разговоръ завязавшійся между ними далъ ему время и возможность опомниться и осмотрѣться. Поэтому, когда его аристократическая сосѣдка обратилась къ нему съ вопросомъ, онъ отвѣчалъ толково и со смысломъ.

— Ты пріѣхалъ въ Загребье надолго?

— Не знаю еще... это зависитъ...

— Какъ тебѣ понравился городъ?

— Онъ меня удивилъ: я еще не видалъ такихъ зданій.

— Ты бы еще больше удивился, если бы ты былъ въ Бечѣ или въ Милотѣ, въ сравненіи съ которыми...

— Да правда... я слышалъ объ этомъ отъ людей.

— А тебѣ хотѣлось бы побывать въ большихъ городахъ?

— О, и очень хочется.

И такъ далѣе. Онъ осматривался, осваивался и постепенно становился все смѣлѣе, благодаря тому, что графиня относилась къ нему привѣтливо, радушно и ласково. Ему очень помогалъ генералъ, ведя разговоръ на языкѣ, непонятномъ ему. Этотъ разговоръ который сильно бы разсѣялъ его, потому, что генералъ разсказывалъ о попугаѣ, былъ для него чѣмъ то въ родѣ этаповъ для отдыха. Они послужили къ тому, что и слѣпота спала у него съ глазъ—и цвѣточная гирлянда перестала ему представляться пестрой мозаикой красокъ и оттѣнковъ, но какъ рядъ существъ противуположнаго пола, среди которыхъ однѣ заслуживали, а другія не заслуживали, чтобы на нихъ смотрѣть. Даже больше. Онъ не только отличалъ въ этой гирляндѣ молодыхъ женщинъ отъ старыхъ, красивыхъ отъ менѣе красивыхъ, но онъ даже осматривался въ комнатѣ и среди кабаньихъ головъ, оленьихъ роговъ, рогатинъ, кортиковъ, ружей, ошейниковъ, разглядѣлъ окованный въ серебро охотничій рожокъ, о которомъ онъ подумалъ:

— Вотъ его то я взялъ бы себѣ.

Онъ снова пріобрѣлъ способность думать, что было доказательствомъ, что онъ совершенно опомнился. Онъ опомнился,—собрался съ мыслями: слышалъ, что ему говорятъ, видѣлъ то, что можно было видѣть, находилъ вкусъ въ томъ, что ѣлъ и пилъ, ощущалъ подъ собою стулъ и даже духи, которыми пахло отъ графини не вызывали въ немъ истомы, потому что онъ догадывался, что этотъ ароматъ происходилъ отъ пахучихъ водокъ, которыми облилась знатная дама.

— Если бы она не облилась ими, — сказалъ онъ себѣ—то бы отъ нея плохо пахло. Вѣрно водками не обливается вонъ та.

Это замѣчаніе относилось къ дѣвушкѣ, третьей въ ряду, черноглазой и чернобровой, выглядѣвшей такъ, точно она была пламенемъ, принявшимъ на себя образъ дѣвушки и кажущейся на видъ не старше девятнадцати лѣтъ. Онъ сомнѣвался въ томъ, чтобы ей, какъ графинѣ, надо было обливаться пахучими водками. Ему казалось, что она сама благоухаетъ.

Подъ конецъ обѣда уже ему ничто не мѣшало,—онъ чувствовалъ себя самимъ собою: ѣлъ, пилъ, осматривался, дѣлалъ различныя заключенія; одно ему нравилось, другое — нѣтъ; онъ анализировалъ впечатлѣнія, которыя оставили на немъ болѣе глубокій слѣдъ: охотничья труба и чернобровая дѣвушка. О первой онъ сказалъ въ душѣ: «о, вотъ ее то я желалъ бы имѣть!» о второй: «какая прелесть! ой!» поэтому, когда графиня, сказавъ ему: «мы сегодня еще увидимся,» встала изо стола, и когда за ней поднялся цѣлый рядъ женщинъ, то Ляіошъ только и смотрѣлъ, что на нее.

Вставая, она улыбнулась. Эта улыбка восхитила его онъ въ душѣ выругался и преслѣдовалъ ее взглядомъ, пока она не исчезла за дверями. Она исчезла, а онъ вздохнулъ изъ глубины груди и засопѣлъ, тотчасъ же перенеся взглядъ на трубу, съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, точно онъ хотѣлъ убѣдиться, не исчезла-ли также и она.

По уходѣ дамъ остались одни мужчины; прислуга убрала со стола столовую посуду, оставивъ только кубки и прибравъ осушенныя бутылки; гости встали, потянулись, засопѣли, растегнули на себѣ одежду и усѣлись за столомъ по ту и по другую стороны, перемѣнивъ прежнія мѣста. Почувствовалось, что всякія церемоніи исчезли. Они разсѣлись, развалились и опирались локтями на столъ. Ляіошъ придвинулся къ Чолничу. Его мѣсто занялъ какой-то совѣтникъ, напротивъ совѣтника усѣлся генералъ. Стало шумно. Завязался разговоръ на четырехъ заразъ языкахъ: сербскомъ, нѣмецкомъ, венгерскомъ и латинскомъ. Генералъ продолжалъ разговоръ о попугаѣ, составляющемъ одинъ изъ трехъ предметовъ, о которыхъ онъ любилъ и умѣлъ говорить и который, разъ затронутый, служилъ ему цѣлые мѣсяцы, уступая на слѣдующіе нѣсколько мѣсяцевъ мѣсто если не лошади, такъ собакѣ. Въ настоящее время попугай находился на нѣсколько мѣсячной очереди. Онъ разсказывалъ о немъ графинѣ, разсказывалъ графу, возвышалъ голосъ, желая, чтобы всѣ знали, какъ онъ велъ себя, какимъ онъ былъ и какъ онъ разстался съ жизнью. Ляіошъ рѣшительно ничего не понималъ. Такъ какъ въ обществѣ находилось много такихъ, которымъ нѣмецкій языкъ былъ чуждымъ, значитъ тѣ вели бесѣду по своему. Другіе же опять-таки молча осушивали кубки, смакуя. Священникъ, сидящій напротивъ Ляіоша, медленно прихлебывалъ, ставилъ передъ собою кубокъ, закрывалъ ротъ, чмокалъ и обращался къ Ляіошу черезъ столъ съ убѣдительными словами:

— Bonum vinum...

Банъ дремалъ; отъ поры до времени онъ пробуждался, отпивалъ изъ кубка и, кивая генералу головой, отвѣчалъ:

— Also Papagai?.. И такъ... попугай?..

Онъ притворился, что слушаетъ его внимательно.

Ляіошъ тихонько спросилъ Чолнича:

— Кто этотъ нѣмецъ, который толкуетъ съ баномъ?...

— Генералъ Лесли... тсъ... и прибавилъ, наклоняясь къ его уху:—это тотъ самый, который, бывши полковникомъ, ограбилъ замокъ Зрини въ Чаковцѣ...

Ляіошъ слышалъ что-то объ этомъ стороной. Отецъ его принадлежалъ къ партіи правительственной, поэтому онъ не старался разглашать такихъ поступковъ. Зрини же онъ осуждалъ. Не смотря на это, ему показался интересной личностью этотъ сановникъ, занимающій высокую должность, представитель закона и справедливости—разбойникъ.

— О чемъ онъ тамъ толкуетъ, да, толкуетъ?.. спросилъ онъ.

— О попугаѣ.

— Развѣ онъ нашелъ въ Чаковцѣ попугая?

— Онъ нашелъ тамъ нѣчто другое: лошадей, сѣдла, одежду, оружіе, драгоцѣнные камни, жемчугъ, деньги.

— Парень не промахъ!—прошепталъ про себя Ляіошъ.

— Ба!.. причмокнулъ — священникъ, — bonum vinum...

— Что? спросилъ Ляіошъ, мысль котораго была занята совершеннымъ генераломъ грабежомъ и который не понялъ этихъ словъ и думалъ, что священникъ сказалъ ему что-то другое.

— Ничего... отвѣтилъ тотъ—я говорю bonum vinum для того, чтобы ты запомнилъ юноша, что bonum vinum baetcipocat cor...

Проговоривъ это, онъ поднесъ кубокъ къ губамъ, сталъ цѣдить вино, отпилъ нѣсколько глотковъ и причмокнулъ.

Ляіошъ перестал обращать на него вниманіе. Онъ обратилъ вниманіе на трубу, труба тотчасъ же напомнила ему барышню. Онъ взглянулъ на то мѣсто, на которомъ сидѣлъ какой-то драгунъ съ щетинистыми усами и фіолетовымъ носомъ въ формѣ огурца; взглянулъ на двери, въ которыя она вышла,—двери были заперты. Онъ сморщился, потеръ лобъ ладонью и опять обратился къ Чолничу съ вопросомъ:

— Куда это вышла графиня?..

— Куда?.. гм?.. вышла...

— Подлѣ нея столько дамъ!..

— Это ея дворъ...

— Кто это такія?..

— Однѣ графини, княжны, баронессы...

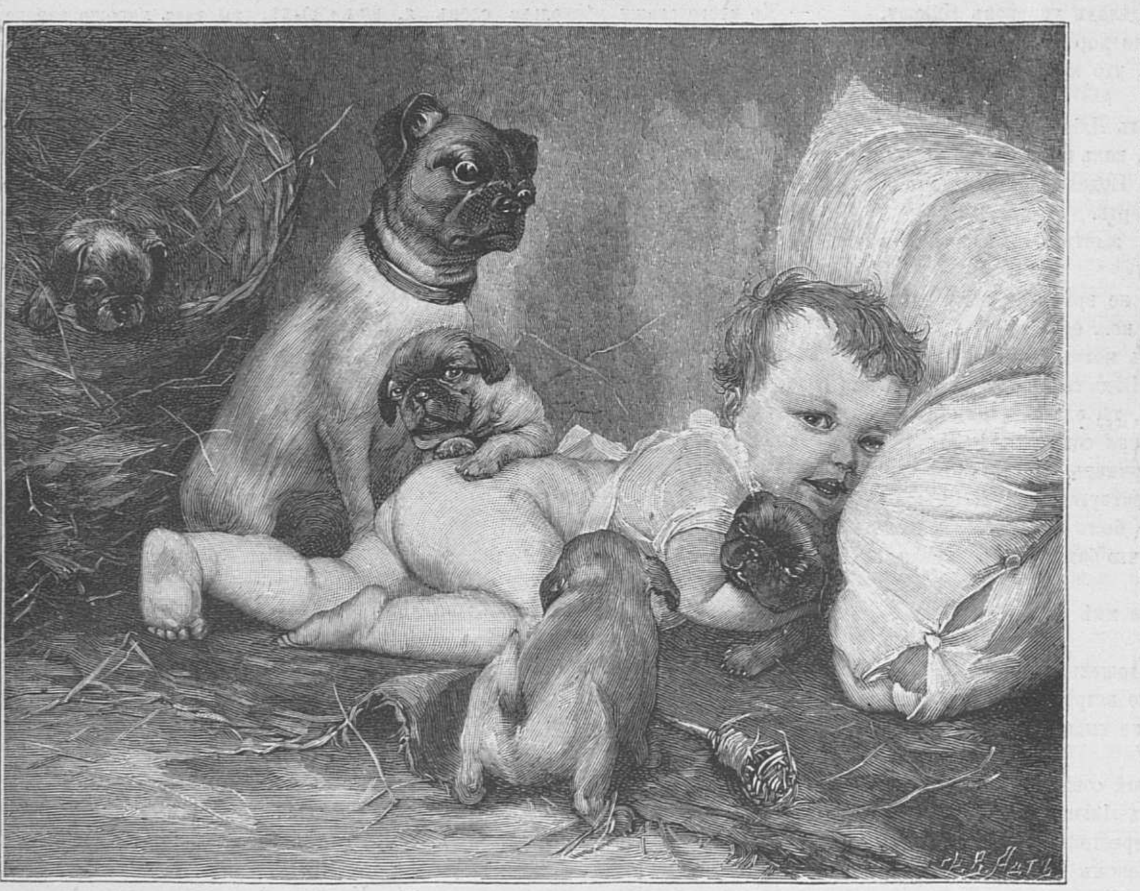
— А та?..

— Что за та?..

— Сидѣла она третьей въ ряду...

— А?.. та?.. не знаю навѣрно; однако, мнѣ кажет-

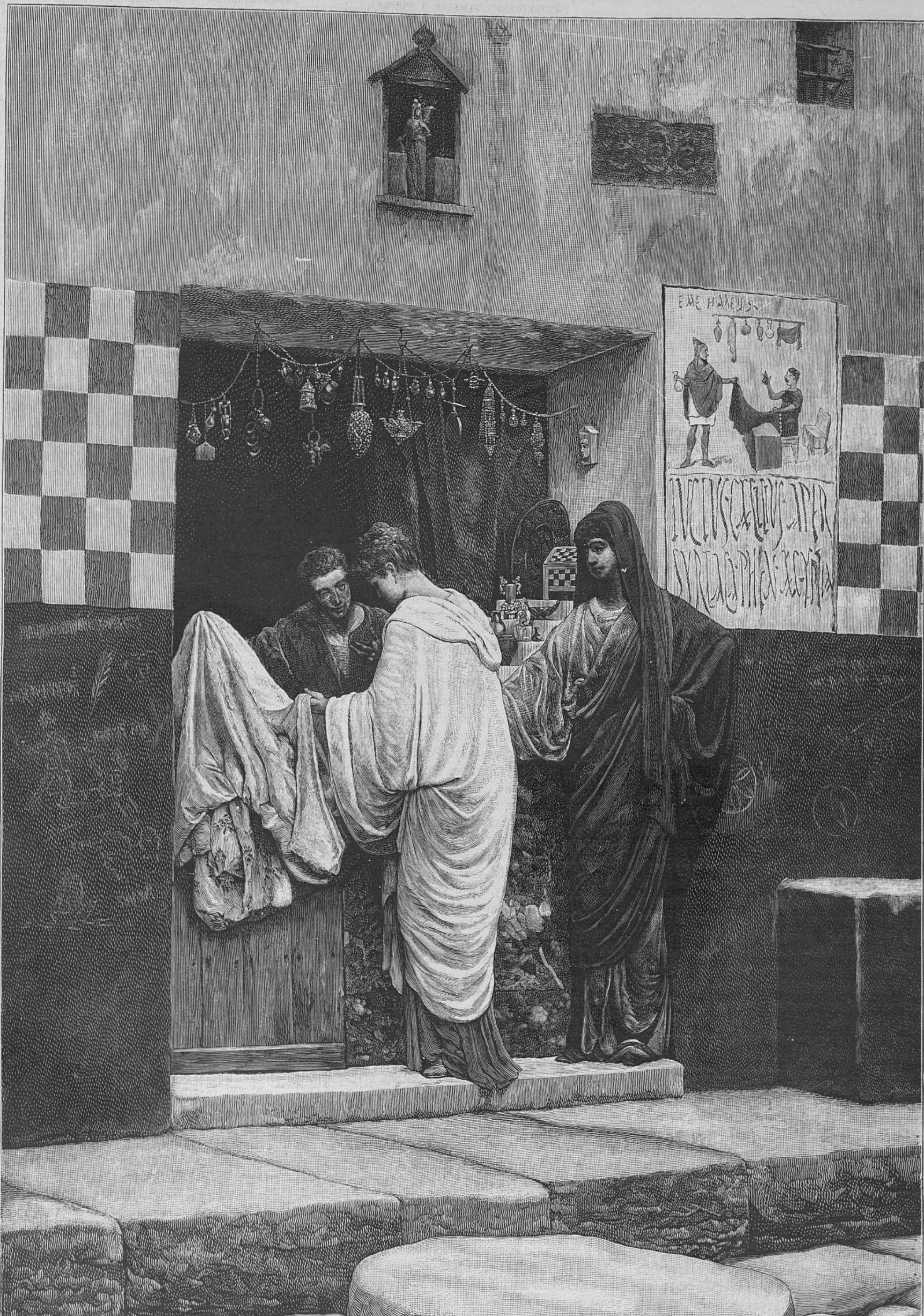
ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.



Друзья дѣтства (съ картины Фрешля).

ВЫСТАВКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины академика С. В. Бакаховича (собств. «Жив. Об.»).



Помпейская лавочка.

ся, что она изъ Печичей, изъ графовъ Печичей. знаешь?..

— Я что-то слышалъ о нихъ...

— Она тебѣ приглянулась?.. что-ли?..

— Красавица... отвѣтилъ онъ коротко тономъ, въ которомъ слышался, какъ бы оттѣнокъ вражды.

Онъ больше уже не разспрашивалъ Чолнича ни о чемъ. Графиня (дѣйствительно, это была графиня Печичъ) поразила его красотой; въ фамиліи же, которую она носила, не было ничего отталкивающаго для него, потому что она принадлежала къ одному изъ тѣхъ семействъ, богатыхъ и знатныхъ, къ которымъ ни одна партія не относится враждебно; не смотря на это, дѣвушка, носившая эту фамилію, произвела на него впечатлѣніе, какъ бы съ оттѣнкомъ гнѣва. Это впечатлѣніе проявилось, когда Чолничъ спросилъ, приглянулась ли она ему. Приглянулась: развѣ же это было ему непріятно? Развѣ тутъ дѣло касалось совѣсти? Развѣ?. Пока мы отвѣтимъ на эти вопросы вопросительнымъ знакомъ, поставленнымъ надъ сердцемъ молодого человѣка. Если его сердце было занято сначала, то въ такомъ случаѣ впечатлѣніе, вызванное личностью дѣвушки, могло имѣть до извѣстной степени значеніе измѣны. Это вопросъ щекотливый. Однако, намъ необходимо коснуться его для болѣе подробной характеристики личности, играющей не послѣднюю роль въ нашей повѣсти Приглянулись молодому человѣку дѣвушка и труба—два предмета занимательные, изъ которыхъ одинъ, однако же, понравился, и только; что же касается другого, то въ перспективѣ вырисовывались послѣдствія, долженствующія повліять на цѣлую жизнь.

Однако, еще ничего не произошло. Ляіошъ даже не зналъ, какъ зовутъ ту, которая произвела на него впечатлѣніе. Онъ проговорилъ слово: красавица—и замолкъ; казалось, онъ прислушивается не къ разговорамъ, но къ разговорному гулу, состоящему изъ четырехъ языковъ и образующему хаосъ человѣческихъ голосовъ. Изъ этихъ языковъ три звучали постоянно, одинъ же употреблялся въ такомъ смыслѣ, въ какомъ употребляются драгоцѣнные камни въ вышивкахъ, т. е. для украшенія и оттѣнковъ. Кроаты, говоря по сербски, венгры—по мадьярски, нѣмцы—по нѣмецки—постоянно припутывали отдѣльныя выраженія и цѣлые латинскіе періоды. Даже самъ генералъ не иначе велъ свои разсказы

Этого Ляіошъ не понималъ; но понялъ бы другихъ. въ особенности же тѣхъ нѣсколькихъ, которые на чистомъ языкѣ Гундулича вели необычайно интересный разговоръ: объ охотѣ. Разговоръ состоялъ изъ разсказа о случившихся съ ораторами приключеніяхъ, у одного съ кабаномъ, у другого съ медвѣдемъ. Это были вещи необыкновенныя,—удивительныя. Молодой человѣкъ, будучи въ другомъ настроеніи, напрягъ бы слухъ и вниманіе, глоталъ бы каждое слово; но въ томъ настроеніи, которое было вызвано въ немъ видомъ красавицы графини, только промелькнувшей передъ его глазами, даже понятныя слова звучали у него въ ушахъ, какъ звучитъ шумъ потока или шелестъ листьевъ. Онъ слушалъ, но думалъ о чемъ-то другомъ—о графинѣ-ли?

Сидѣнье за столомъ продолжалось недолго, но и не мало. Гости не торопились убѣгать отъ покрытыхъ мхомъ и плѣсенью бутылокъ, изъ которыхъ выливалась золотая жидкость, выжатая двѣсти лѣтъ тому назадъ изъ виноградныхъ лозъ, отягощающихъ виноградники. Собесѣдники не спѣшили. Однако наступила такая минута, когда въ бутылкахъ не хватило жидкости, и среди присутствующихъ нашелся одинъ такой, который подалъ сигналъ къ отступленію. Этимъ однимъ, первымъ былъ священникъ; онъ всталъ, откашлялся, утеръ губы и проговорилъ:

— Намъ хорошо тутъ, но... онъ поднялъ палецъ и прибавилъ: memento mori. Человѣческая жизнь является приготовленіемъ на путь вѣчности, на который можно найти запасы не въ бутылкахъ.

На эти благоразумныя слова генералъ замолкъ, замолкли и охотники, банъ заложилъ себѣ за голову руки съ сплетенными пальцами, протянулся, зѣвнулъ громко и съ удареніемъ и вставая со стула, кивнулъ Ляіошу и Чолничу. Гости начали расходиться. Банъ, Ляіошъ и Чолничъ направились къ дверямъ, за которыми исчезла толпа женщинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наблюденія и размышленія.

(Фельетонные замѣтки и очерки).

XVI. Передвижная выставка.

(Окончаніе).

На нынѣшней передвижной выставкѣ существуетъ своего рода курьезъ, уже, какъ кажется, замѣченный и публикой: я говорю о картинѣ г. Иванова: «Обратные переселенцы». Догадливый художникъ, скорбя объ участи русскаго переселенца, задумалъ написать картину, которая должна была изобразить ужасное положеніе переселенца, отправившагося въ невѣдомую страну въ надеждѣ жить тамъ безбѣдно и теперь принужденнаго возвращаться съ семьей, исхудалымъ, оборваннымъ, не только безъ копѣйки денегъ, но и лишеннымъ, окончательно, всего своего имущества. Картина, дѣйствительно, все это изображаетъ: художникъ представляетъ какую-то невозможную пыльную степь, почти въ родѣ русской Сахары, по которой тянутся обратно переселенцы, испробовавъ предполагаемаго Эльдорадо. Туда они отправлялись, конечно, съ кое-какимъ имуществомъ, съ лошаденкой, да коровой; была и телѣга, да пожитки. Хотя переселенцамъ прежде и скверно жилось, но надо полагать, что они выглядѣли изъ себя хорошо, были сыты и ребятишки рѣзвы. Все это надо полагать, ибо на картинѣ всего этого нѣтъ (большая ошибка со стороны художника). На картинѣ мы видимъ только то, что случилось съ переселенцами, когда они испробовали Эльдорадо. Въ маленькой тачкѣ, которую тащитъ отецъ, сидитъ грудной ребенокъ; по бокамъ и сзади идутъ мать и нѣсколько человѣкъ дѣтей. Всѣ они оборваны до невозможности; на нихъ висятъ какія-то тряпки, вмѣсто одежды. Они исхудали такъ, какъ едва-ли представляется возможность исхудать живому человѣку, и поэтому они похожи скорѣе на тѣни, чѣмъ на людей. И вотъ эти тѣни двигаются по желтой русской Сахарѣ; солнце палитъ, пыль стоитъ столбомъ, они шагаютъ... Я представляю себѣ иностранца, который случайно затесался на настоящую выставку и эта картина предстала его взорамъ. Не особенно пріятное, думаю, впечатлѣніе вынесетъ этотъ иностранецъ отъ этой картины: онъ непремѣнно подумаетъ, что, Россія и въ самомъ дѣлѣ нѣчто въ родѣ Сахары, гдѣ людямъ рѣшительно нечѣмъ питаться и гдѣ они непремѣнно должны умирать съ голоду. Но, можетъ быть, этотъ выводъ, столь неблагопріятный для могущественной Россіи, нѣсколько смягчится тѣмъ обстоятельствомъ что картина написана изъ рукъ вонъ плохо. Когда я говорю, что господа переселенцы похожи скорѣе на тѣни, чѣмъ на людей, то сообщаю только фактъ: это дѣйствительно тѣни, и къ тому же тѣни отвратительно нарисованныя; очевидно, г. Ивановъ писалъ не кистью, а какой-то — къ тому-же еще и грязной—метлой; слѣды отъ прутьевъ метлы остались повсюду. Кто уразумѣетъ «идею» картины, тотъ придетъ къ заключенію, что г. Иванову было бы гораздо приличнѣе написать на эту тэму передовую статью, которая несомнѣнно произвела бы гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ его картина.

Г. Ярошенко, я, конечно, не сравниваю съ г. Ивановымъ, но и г. Ярошенко любитъ, по временамъ, писать свои картины на тэмы, иногда общественныя, иногда и просто философскія. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ философской тэмой. Въ картинѣ, которая называется «Всюду жизнь», г. Ярошенко изобразилъ съ внѣшней стороны часть тюремнаго вагона; вагонъ остановился у платформы, на которой нѣсколько голубей поклевываетъ зерна. Въ окнѣ вагона, съ рѣшеткой, выглядываетъ нѣсколько лицъ, очевидно, ссыльные: истомленная женщина, нѣсколько мужчинъ, ребенокъ; всѣ они съ особеннымъ любопытствомъ и какъ-бы съ завистью, посматриваютъ на голубей. Картина написана не безъ таланта, скомпанована прекрасно, хотя, можетъ быть, было-бы желательно чтобы общій тонъ картины не былъ такъ сѣръ, чтобы въ картинѣ было больше красокъ и того, что называется пятнами. Но я не понимаю хорошенько самой идеи, никакъ не могу объяснить себѣ, что собственно хотѣлъ выразить г. Ярошенко? Что есть всюду жизнь, это знаетъ всякій,—и заключенный, и свободный человѣкъ: особенно умиляться или задумываться надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что вотъ, молъ, и голуби живутъ,—рѣшительно никому не придетъ въ голову; я думаю заключенный могъ бы грустно задуматься, глядя на этихъ голубей, но онъ бы думалъ, конечно не на тэму—всюду жизнь,—а скорѣе на тэму—всюду свобода. И дѣйствительно, г. Ярошенко изобразилъ контрастъ жизни безъ свободы внутри вагона и жизни съ свободой внѣ вагона; контрастъ этотъ ясенъ безъ всякихъ комментаріевъ и въ немъ, несомнѣнно, заключается весь смыслъ картины. Но авторъ имѣлъ несчастную мысль дать несоотвѣтствующее картинѣ названіе; это обстоятельство путаетъ зрителя, онъ никакъ не можетъ объяснить себѣ, въ чемъ дѣло, и, стараясь разрѣшить эту загадку, забываетъ наслаждаться картиной, которая, дѣйствительно, имѣетъ большія достоинства. Названіе картины не только невѣрно и ложно, но даже слишкомъ опредѣлительно, и это еще болѣе путаетъ зрителя. Ужъ если авторъ такъ настойчиво утверждаетъ, что «Всюду жизнь,»—то очевидно надо искать этой жизни въ картинѣ, а этого-то именно зритель никоимъ образомъ и не можетъ отыскать. Слишкомъ большая опредѣленность и ясность въ художественномъ произведеніи всегда имѣетъ это неудобство: она ограничиваетъ горизонтъ мысли и поэтому ослабляетъ впечатлѣніе.

Но недостатокъ, только что мною указанный, далеко не встрѣчается въ русскомъ жанрѣ; по временамъ русскій жанръ можно упрекнуть какъ разъ въ противуположномъ,—въ слишкомъ большой неясности и неопредѣленности. Такою неопредѣленностью страдаетъ, между прочимъ, чудеснѣйшая картина г. Савицкаго: „На войну“. Г. Ярошенко слишкомъ многое хотѣлъ сказать и сказалъ, поэтому, плохо; г. Савицкій былъ скромнѣе и, какъ кажется, почти ничего не сказалъ. Картина—значительныхъ размѣровъ. На заднемъ планѣ видны: часть платформы и навѣса желѣзно-дорожной станціи; у платформы — локомотивъ съ вагонами. На платформѣ и внизу,—на первомъ планѣ,—большая суетня: солдаты съ пожитками суетятся, торопятся; одни направляются къ вагонамъ, другіе возятся на платформѣ, третьи прощаются,—„всюду жизнь“, какъ сказалъ бы г. Ярошенко, всюду движеніе; есть сцены грустныя и радостныя, комическія и драматическія, есть чудеснѣйшіе типы,—жандарма, офицера, деревенской бабы, ухарскаго мужика, солдаты въ разныхъ позахъ и съ разнымъ настроеніемъ. Все это есть, но... нѣтъ идеи въ картинѣ. Я понимаю, что солдаты отправляются на войну,—это, во всякомъ случаѣ, шагъ очень серьезный: много-ли изъ нихъ вернется домой? Кто сложитъ голову на полѣ брани, кто вернется раненый, кто останется калѣкой на всю жизнь, а кто, можетъ быть, и орденъ получитъ, и въ чинѣ подвинется, и карьеру сдѣлаетъ. Значитъ сцена, которую изображаетъ г. Савицкій,—есть сцена грустныхъ и веселыхъ настроеній,—сюжетъ богатый и благодарный для художника, но при одномъ условіи,—художникъ долженъ и отъ себя сказать что нибудь, сдѣлать выводъ, произнести сужденіе; безъ этого вся картина—только эскизъ, только приготовленіе къ картинѣ, а не картина, нѣчто неопредѣлившееся, незаконченное и неоформленное въ самой мысли художника. Нѣчто въ родѣ фотографіи, которая можетъ быть драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для картины, но не есть еще картина.

Значитъ, если мы станемъ разсматривать какое-либо произведеніе искусства, подумаемъ о томъ, что каждый изъ насъ требуетъ отъ него, то придемъ къ заключенію (и это заключеніе будетъ однимъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ эстетическихъ законовъ), что синтетическая мысль должна присутствовать въ произведеніи, что она должна выдѣляться ярко и опредѣленно, но въ то же время не слишкомъ ярко и не слишкомъ опредѣленно, а такъ, въ извѣстной мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, которыя должны быть опредѣлены художественнымъ тактомъ самого автора. Зритель—пассивное лицо, онъ только воспринимаетъ то, что ему даетъ художникъ. Можетъ быть, эти предѣлы и трудно уловить. но что ихъ можно уловить—доказываютъ многія картины нынѣшней передвижной выставки и, между прочимъ, картина г. Неврева: «Ярославъ Мудрый напутствуетъ свою дочь Анну въ замужество французскому королю Генриху І-му». По самому сюжету своему, картина не есть, въ строгомъ смыслѣ слова, историческая картина, а скорѣе—историческій жанръ. Исторической ее можно назвать лишь по обстановкѣ, по внѣшности, по костюмамъ, по убранству комнатъ и проч. Но собственно сцена не есть историческая картина: это просто семейная сцена, но она схвачена живо и передана прекрасно. Грустное лицо молодой дѣвушки, склонившей его на грудь отца, который прощается съ дочерью, увѣренный, что не увидитъ ея больше; лица, окружающія эту центральную группу, одни—съ любопытствомъ глядящія на нее, другія—несомнѣнно, принимающія участіе въ этомъ разставаніи; оффиціальные послы французскаго короля въ своихъ средневѣковыхъ костюмахъ,—все это группируется вокругъ основного положенія,—

прощанія отца съ дочерью, все это участвуетъ въ этой сценѣ такъ или иначе, все это, въ эту секунду, живетъ однимъ этимъ чувствомъ. Такимъ образомъ, впечатлѣніе, получаемое отъ картины зрителемъ, является цѣльнымъ и гармоничнымъ. Это нѣчто въ родѣ сцены, выхваченной изъ какой-либо драмы; сцена и сама по себѣ интересна, пластична, но она была бы еще интереснѣе и пластичнѣе, если бы художникъ показалъ намъ то, что показываетъ намъ драма на сценѣ: то, что предшествуетъ, то, что послѣдуетъ. Талантливый художникъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не сдѣлалъ этого и потому-то его картина не есть въ строгомъ смыслѣ историческая.

Почти такая же гармонія сюжета и идеи выступаетъ въ картинѣ г. Прянишникова «Общій жертвенный козелъ въ престольный праздникъ». Въ картинѣ много жизни и движенія, масса группъ и отдѣльныхъ лицъ, множество самыхъ разнообразныхъ типовъ, иногда чрезвычайно счастливо схваченныхъ. Все это суетится и хлопочетъ вокругъ жертвеннаго козла. Картина г. Прянишникова,—широкій, розмашистый, большихъ размѣровъ жанръ, но въ этомъ жанрѣ, какъ и въ картинѣ г. Маковскаго, преобладаютъ типы, а самая идея, хотя и указанная, недостаточно значительна. Почти то же самое можно сказать и о картинѣ г. Бодаревскаго «Свадьба въ Малороссіи». Художникъ изобразилъ лѣтній, яркій день; передъ террасой помѣщичьяго дома въ саду стоитъ группа разряженныхъ крестьянъ; на самой террасѣ, куда успѣли уже выйти обитатели дома: самъ помѣщикъ, его семья, вѣроятно, гости,—стоятъ молодые въ ожиданіи отеческаго благословенія, другіе держатъ хлѣбъ и соль. Вся картина написана въ пріятныхъ тонахъ и производитъ пріятное впечатлѣніе; колоритъ прекрасенъ и гармониченъ; группы талантливо расположены; между ними есть очень удачный типъ, напримѣръ самъ помѣщикъ. Но на мой взглядъ картина имѣетъ одинъ недостатокъ: въ ней мало движенія, всѣ эти люди точно застыли и не двигаются, точно ждутъ чего-то.

Только что высказанный мною эстетическій принципъ о гармоніи между сюжетомъ и идеей я бы хотѣлъ примѣнить также и къ пейзажу. Въ пейзажѣ не бываетъ опредѣленной идеи, но есть опредѣленное, поэтическое чувство, извѣстное настроеніе, какъ въ музыкѣ. Природа сама по себѣ, какъ простой, безразличный, матеріальный фактъ, не можетъ быть объектомъ искусства; она становится имъ только тогда, когда человѣкъ придаетъ ей смыслъ и жизнь, внося въ нее свое личное чувство, или свое личное, преходящее настроеніе; въ этомъ смыслѣ природу можно было-бы приравнять къ музыкальному инструменту, который самъ по себѣ—ничего, онъ—только возможность музыки, но не музыка; онъ только тогда пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе, когда къ нему прикоснется рука музыканта и извлечетъ изъ него звуки. Поэтому и пейзажъ можно сравнить съ сонатой; но я бы предпочелъ сравнить его съ лирическимъ стихотвореніемъ: вѣдь и въ лирическомъ стихотвореніи поэтъ чаще всего беретъ природу, какъ объектъ, или, если хотите—какъ предлогъ, и на этой почвѣ высказываетъ свое личное, субъективное чувство. Но между природой и субъективнымъ чувствомъ существуетъ интимная связь, потому что они другъ друга обусловливаютъ: личное чувство есть только результатъ того настроенія, которое поэтъ получилъ, глядя на природу. Есть-ли на передвижной выставкѣ такія живописныя лирическія стихотворенія, такія сонаты въ краскахъ? Несомнѣнно есть, и даже въ изобиліи. Къ нимъ на первомъ планѣ принадлежатъ пейзажи гг. Волкова, Киселева, Кузнецова, конечно, въ различныхъ степеняхъ и съ различными настроеніями. Г. Волковъ напримѣръ, талантливый лирикъ, его настроеніе довольно радужное, оптимистическое; своими живописными стихотвореніями онъ намъ говоритъ, что жизнь прекрасна, что ее надо любить, надо вѣрить въ нее, что въ этомъ только и есть счастіе. Можетъ быть, въ извѣстной мѣрѣ, такъ-же думаетъ и г. Киселевъ, хотя мнѣ бы казалось, что въ его сонатахъ звучитъ и нѣсколько иная нота;—нѣчто въ родѣ чуть-чуть замѣтнаго резонерства. Г. Волковъ,—поэтъ совершенно непосредственный, такъ сказать, не разсуждающій; г. Киселевъ—поэтъ въ раздумьи. И, странное дѣло: почти всѣ наши пейзажисты, за чрезвычайно малыми исключеніями,—поэты-оптимисты, между тѣмъ какъ наши настоящіе лирики—почти всегда мрачные пессимисты. Одни—вѣчно счастливы; другіе — вѣчно несчастны. Отчего-бы могло происходить такое любопытное раздвоеніе, такое странное распредѣленіе чувства? Вопросъ трудный для разрѣшенія, и я конечно, не буду пытаться разрѣшать его. Выскажу только свое предположеніе: происходитъ это, можетъ быть, отъ того, что пейзажистъ имѣетъ дѣло только съ природой, а природа всегда молода, слѣдовательно, всегда радостна; между тѣмъ, какъ поэтъ имѣетъ дѣло съ людьми и обществомъ по преимуществу, а въ людяхъ—легко разочароваться, да и въ обществѣ тоже.

Въ заключеніе, мнѣ бы хотѣлось сказать нѣсколько словъ о г. Рѣпинѣ. Г. Рѣпинъ далъ нѣсколько картинъ: портреты г. Фофанова, гр. Л. Толстого, г-жи Ковалевской, портретъ-типъ монахини и портретъ-картину: «Пахарь». Пахарь—это тотъ же графъ Л. Н. Толстой, въ традиціонной блузѣ, въ бѣлой шапкѣ, за сохой, въ полѣ. Картина маленькихъ размѣровъ, но очень любопытна. Портреты въ большинствѣ случаевъ чудесны, но на мой взглядъ самый лучшій, необыкновенно талантливый портретъ, есть портретъ г. Фофанова. Молодой поэтъ нѣсколько идеализированъ; художникъ придалъ лицу нѣсколько намѣренное поэтическое выраженіе, но написанъ онъ необыкновенно изящно и въ сущности чрезвычайно вѣрно передаетъ лицо г. Фофанова. Портретъ гр. Л. Толстого—самый неудачный; онъ — эскизенъ, недоконченъ и нѣсколько грубоватъ по краскамъ. О сходствѣ я, конечно, не говорю,—оно есть въ полной мѣрѣ; чудесно переданы также глаза, поза, энергія выраженія. Все это глубоко и правдиво, но не докончено, не додѣлано...

Любитель.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Вѣстникъ Европы.

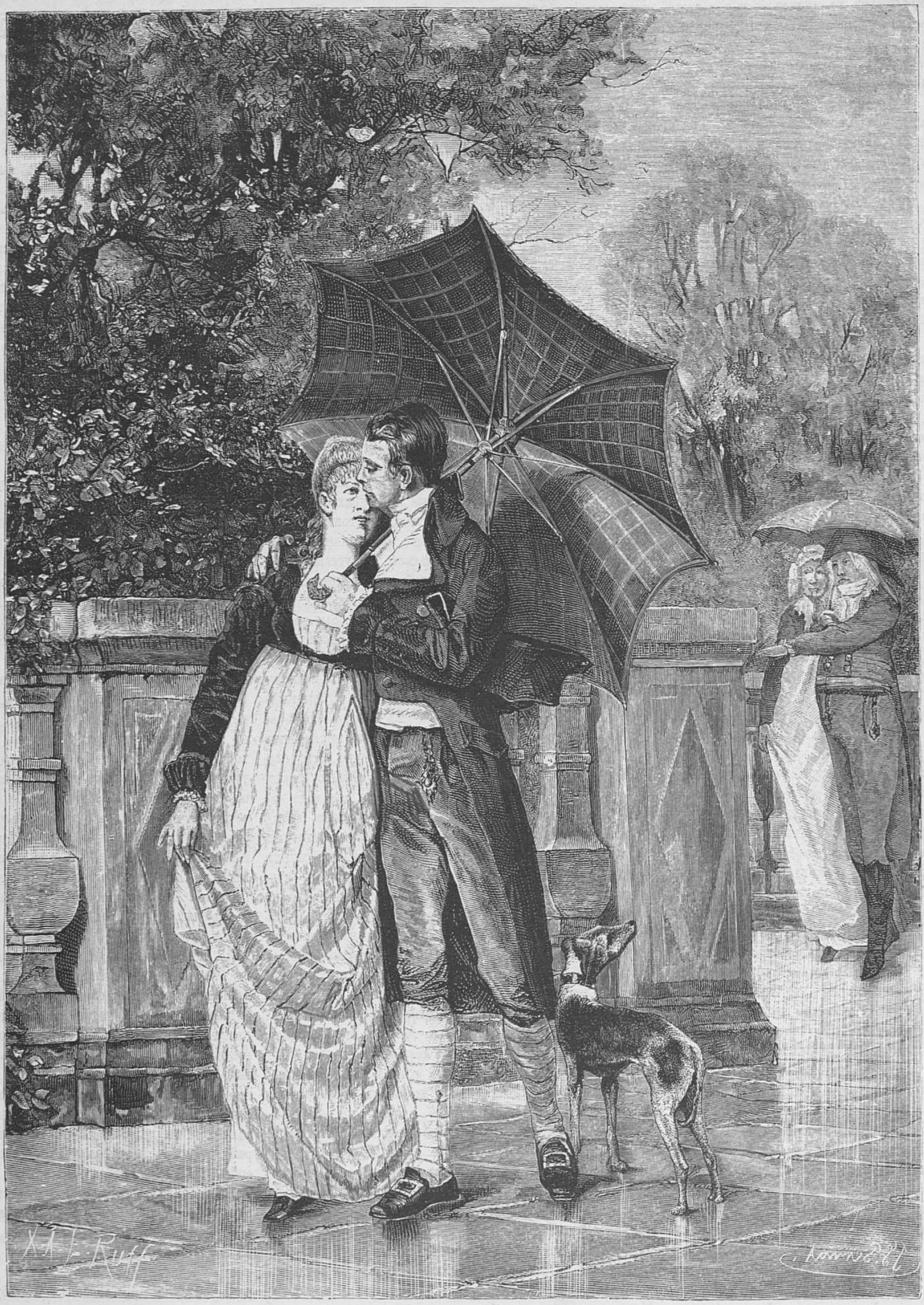
Извѣстный адвокатъ и писатель В. Д. Спасовичъ занялся изученіемъ вліянія Байрона на другихъ поэтовъ, и прежде всего на «первоклассныхъ поэтовъ, принадлежащихъ къ двумъ родственнымъ, по племенному происхожденію, литературамъ—польской и русской, писателей одной и той-же поэтической эпохи романтизма: Мицкевича, Пушкина, Словацкаго и Лермонтова». Почтенный авторъ «Исторіи польской литературы» началъ на этотъ разъ свое изученіе съ русскихъ поэтовъ: Пушкина и Лермонтова, и теперь уже окончилъ русскій отдѣлъ. Съ результатами своей работы онъ познакомилъ петербургское общество на своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ 15, 19 и 22 января. Намъ не пришлось быть на лекціяхъ г. Спасовича, но слышать о нихъ случилось не мало. Всѣ, или почти всѣ, слушатели лекцій отдавали дань уваженія таланту лектора и хвалили мастерство изложенія, что для насъ не составляло новости и чего мы всегда ожидали. Но о содержаніи лекцій судили различно: были хвалители, были и порицатели. Много говорили о тенденціозности лекцій: упрекали лектора въ желаніи принизить русскихъ поэтовъ и развѣнчать ихъ. По слухамъ мы не имѣли возможности составить понятіе объ интересныхъ лекціяхъ и очень удивлялись тому, что онѣ произвели столь различныя впечатлѣнія и столь противорѣчивыя сужденія. Теперь появилась въ печати интересная работа г. Спасовича, хотя еще и не вся: въ мартовской книжкѣ «Вѣстникъ Европы» помѣщены только изслѣдованія о байронизмѣ Пушкина. Можно, не ошибаясь, предсказывать, что и печатная лекція, документъ болѣе надежный и объективный, чѣмъ устная рѣчь, произведетъ различныя впечатлѣнія и вызоветъ противорѣчивыя сужденія. Истинная мысль автора какъ-то убѣгаетъ отъ читателя, и иногда рѣшительный приговоръ ослабляется многочисленными оговорками и побочными обстоятельствами и теряетъ совершенно свою обстоятельную силу. Такая—какъ бы выразиться — дипломатичность изложенія, можетъ быть, зависитъ отъ того, что авторъ не хочетъ забѣгать впередъ, своими рѣшительными приговорами, не представивъ читателю всей задуманной работы; но, во всякомъ случаѣ она неудобна при чтеніи печатаемыхъ теперь отрывковъ этой работы. Мы слышали, что г. Спасовича обвиняли въ желаніи унизить нашихъ поэтовъ и нашли въ обозрѣваемыхъ лекціяхъ фразы, рѣшительно опровергающія это обвиненіе, нашли превозношеніе Пушкина предъ Байрономъ. Вотъ точное доказательство: «На палитрѣ Пушкина совсѣмъ почти нѣтъ тѣхъ темныхъ красокъ, которыми злоупотребляетъ иногда муза Байрона, но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что воображеніе Пушкина было несравненно живѣе и богаче; что оно дѣлало его настоящимъ «Протеемъ» (такъ называли его современники); что онъ былъ въ высокой степени способенъ выходить изъ себя, объективироваться и доходить до яснаго, величаваго спокойствія, присущаго античному искусству. — Впослѣдствіи, когда увлеченіе Байрономъ прошло, самъ Пушкинъ весьма трезво и мѣтко указывалъ на односторонность его поэзіи, на ея слабыя стороны. «Се Байронъ, Феба образецъ!—писалъ онъ въ шуточной одѣ къ Хвостову, въ 1824 г.—Великъ онъ, но единообразенъ».—Въ первой главѣ «Онѣгина» Пушкинъ не желаетъ, чтобы подумали, что въ Онѣгинѣ—«намаралъ я свой портретъ—какъ Байронъ, гордости поэтъ;—Какъ будто намъ ужъ невозможно—Писать поэмы о другомъ—Какъ только о себѣ самомъ». И въ другихъ мѣстахъ, сравнивая Пушкина съ Байрономъ, г. Спасовичъ находитъ, что и «воображеніе его (Пушкина) было богаче, и дарованіе разнообразнѣе». Онъ даже беретъ Пушкина подъ защиту отъ нашихъ русскихъ критиковъ: Водовозова и Писарева, которые принижали Пушкина передъ Байрономъ, и подробно говоритъ (76—77 стр.) о великомъ значеніи Пушкина. Какъ же могло случиться послѣ этого, что нашлись недовольные отношеніемъ г. Спасовича къ нащему поэту? Способъ изложенія г. Спасовича, какъ мы уже сказали, могъ служить причиною недоразумѣнія. Выписанныя нами выраженія потонули въ массѣ другихъ, не такъ лестныхъ для Пушкина. Но будемъ слѣдить за байронизмомъ Пушкина, по изслѣдованію нашего почтеннаго критика. Что же привлекало Пушкина къ Байрону, при несходствѣ ихъ натуръ и поэтическаго дарованія? Пушкинъ прежде всего увлекся Байрономъ не какъ художникомъ, а какъ „геніемъ вѣка“, „властителемъ думъ“. Если это слишкомъ обще, такъ поищите болѣе частныхъ фактовъ, припомните, что носились упорные слухи, что Пушкинъ за литературные проказы, вольнолюбивыя мечты и эпиграммы лишился нѣсколькихъ «клочковъ шкуры»—и вамъ станетъ ясно, почему Пушкинъ увлекся отрицаніемъ и пессимизмомъ Байрона. Пушкина высѣкли и онъ сдѣлался байронистомъ! Если съ надлежащимъ мастерствомъ сдѣлать это сообщеніе, то байронизмъ Пушкина явится прямо съ самой интересной стороны. Причины у Пушкина сдѣлаться байронистомъ, видите-ли, были весьма солидныя. Постигъ ли Пушкинъ Байрона вполнѣ, усвоилъ ли онъ себѣ мозгъ костей байроновскаго творчества? Такіе вопросы ставитъ почтенный критикъ. Ни глубины идеи байроновской Пушкинъ не постигъ, ни философіи его не усвоилъ, кое-что байроновское къ нему пристало, но въ слабомъ, не совершенномъ видѣ. «Послѣ дней тоски и бѣшенства, наболѣвшее сердце Пушкина жадно усваивало себѣ и, такъ сказать, всасывало одну особенность характера Байрона: презрѣніе къ роду человѣческому». «Но можно съ достовѣрностью сказать, что его озлобленіе противъ людей не было вызвано, какъ у Байрона, созерцаніемъ тогдашней политической неурядицы въ Европѣ; потому что политическія убѣжденія Пушкина были весьма неустойчивы въ бурные годы молодости, и онъ продолжалъ еще питать сильныя розовыя надежды“.

До конца жизни Пушкинъ оставался однимъ и тѣмъ же безграничнымъ оппортюнистомъ, надѣющимся, что правительство послушается его совѣтовъ. И такъ, тоска и разочарованіе Пушкина произошли не отъ неудачъ и проваловъ въ русской и европейской общественности, вообще Пушкинъ переносилъ ихъ довольно спокойно, онъ относился къ нимъ, ни какъ къ своему главному дѣлу. Это разочарованіе можно бы объяснить частными обстоятельствами жизни Пушкина: измѣнами въ дружбѣ, любви, подобными той, съ которой Альфредъ Мюссе начинаетъ свои «Confessions d'un enfant du siècle»,—если бы не было вполнѣ удостовѣрено, что онъ влюблялся часто и не безъ взаимности и что онъ имѣлъ друзей добрыхъ, преданныхъ, которымъ вѣрилъ и которые составляли лучшее, что только было въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Остается возможность предположить, что Пушкинъ заразился разочарованіемъ отъ другого лица?! Не будемъ, вмѣстѣ съ нашимъ критикомъ, разыскивать, отъ кого Пушкинъ заразился разочарованіемъ и пессимизмомъ. Несомнѣнно теперь одно, что разочарованіе Пушкина не имѣетъ серьезныхъ причинъ, и пессимизмъ его—низкой пробы. Байронъ лордъ, титанъ и орелъ, онъ боролся съ своимъ вѣкомъ, высоко держалъ знамя идеаловъ. А Пушкинъ? Посмотрите у г. Спасовича рядомъ съ титаномъ Байрономъ стоитъ маленькая фигурка человѣка безъ серьезнаго воспитанія, безъ твердыхъ идей и даже безъ опредѣленнаго характера; это Пушкинъ! Пушкинъ въ

Байроны не годится, байронизмъ его неважнаго качества. «Байронизмъ—внушительно добавляетъ нашъ почтенный критикъ—не состоялъ вовсе въ томъ, чтобы копошиться вмѣстѣ съ другими въ грязи, хотя бы и признавая ничтожество бытія, но въ томъ, чтобы идти на бой со всѣмъ свѣтомъ, неся въ рукахъ свѣточъ своего личнаго идеала и утверждая его превосходство предъ пошлою дѣйствительностью. Только такая борьба оправдываетъ слова: „Гордая лира Альбіона“ (1 гл. Онѣгина) и даетъ бойцу право свысока смотрѣть на болѣе слабыя существа. Выходитъ, что Пушкинъ карикатуренъ въ роли Байрона. Вся статья г. Спасовича посвящена вопросу о байронизмѣ Пушкина; такимъ образомъ и зародилась у слушателей господина Спасовича мысль, что онъ задался задачею принизить, развѣнчать нашего поэта и сдѣлать его смѣшнымъ. Слушатели только и слышали, что Пушкину не по темпераменту, не по образованію, не удалось, этого онъ не умѣлъ сдѣлать; а что Пушкинъ имѣлъ великій даръ, что ему удалось очень и очень многое, что Байрону не доступно было многое, что было доступно Пушкину,—все это они забывали; и потому казалось, что г. Спасовичъ намѣрено унижаетъ Пушкина. Многіе обороты рѣчи и фразы г. Спасовича мы бы признали неумѣстными или, пожалуй, очень неточными. Забудьте, что Рубинштейнъ великій музыкантъ, и заставьте его соперничать съ мастеромъ на балалайкѣ. Кто будетъ великій виртуозъ? Кто проиграетъ въ этомъ состязаніи? Мы не имѣемъ возможности слѣдить далѣе за статьею г. Спасовича. Но не можемъ здѣсь не замѣтить, что въ ней самый

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Перна.

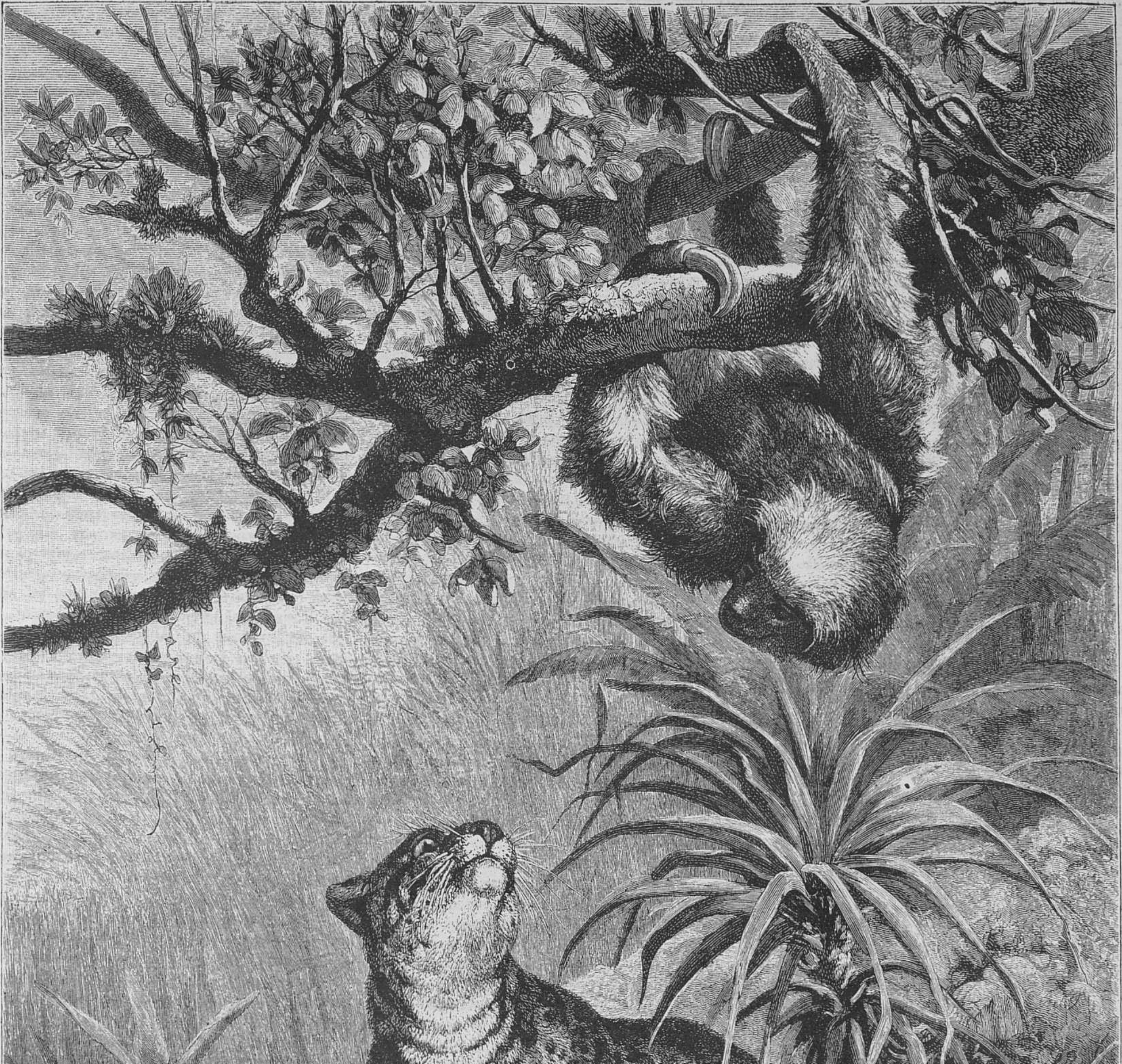


Дождь не помѣха!

Гравировалъ на деревѣ Руффъ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Рисунокъ Шпехта.



Тихоходъ и пантера

непредубѣжденный противъ почтеннаго писателя читатель встрѣтитъ многое такое, съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться. Статья написана прекрасно, въ ней, кромѣ талантливости автора, видно долговременное и усердное изученіе вопроса; но въ ней чего-то не достаетъ; она имѣетъ характеръ болѣе публицистическій, чѣмъ историко-критическій. Опять повторяемъ, можетъ быть, статья производитъ неполное и не вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе только потому, что она представляетъ собою лишь одинъ отрывокъ изъ цѣлаго ряда статей по одному вопросу, появленіе которыхъ, конечно, заставитъ радоваться всѣхъ серьезныхъ любителей литературы.

Но, конечно, никого не обрадовала редакція «Вѣстника Европы» статьею графа П. А. Валуева: «Религіозныя смуты и гоненія отъ V до XVII в.» Тэма статьи весьма широкая, интересная и такъ сказать, назидательная. Разрабатывая ее можно и должно коснуться многихъ вопросовъ, сообщить много интересныхъ и поучительныхъ фактовъ. А вамъ даютъ то, что прекрасно извѣстно всякому гимназисту и семинаристу изъ учебниковъ по общей исторіи, напримѣръ Иловайскаго и церковной исторіи Смирнова. Конечно, отъ такого матеріала вы не придете въ восторгъ, особенно если факты излагаются безъ цѣли и освѣщенія, только въ хронологическомъ порядкѣ. Ученикамъ обыкновенно задаютъ по исторіи общія тэмы иногда для повторенія учебника; пусть ученикъ перелистуетъ учебникъ и соберетъ разсѣянное въ немъ на различныхъ страницахъ и въ разныхъ отдѣлахъ однообразные факты; и такія сочиненія полезны въ педагогическомъ отношеніи. Но въ печати они неудобны и ненужны. Ученики, по наивности, обыкновенно уснащиваютъ свои сочиненія цитатами изъ учебника и цитируютъ неоспоримыя и ненужныя вещи, напримѣръ: Лютеръ родился въ Ейслебенѣ и цитата, Саванаорола умеръ и цитата. Но кто-же въ печати будетъ цитировать и такіе несомнѣнные факты и изъ такихъ авторитетныхъ источниковъ, какъ церковная исторія Смирнова? Для того, чтобы писать о религіозныхъ смутахъ и гоненіяхъ, нужно что нибудь почитать и есть много хорошихъ вещей спеціально на эту тэму.

Скромный.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ министерствѣ финансовъ выработаны главныя основанія новаго порядка отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ. Для этой цѣли собраны точныя данныя какъ о способахъ раскладокъ крестьянами взимаемыхъ съ нихъ платежей, въ связи съ общиннымъ или подворнымъ пользованіемъ землею, такъ и о порядкѣ примѣненія установленныхъ въ законѣ мѣръ взысканія окладныхъ сборовъ, и въ особенности постановленій о круговой порукѣ.—Въ томъ-же министерствѣ разрабатывается проектъ выкупа въ казну варшавско-бромбергской, варшавско-вѣнской и варшавской-тереспольской желѣзныхъ дорогъ; новыхъ займовъ для выкупа этихъ дорогъ не потребуется, такъ какъ акціи ихъ обмѣнятся на обязательства государственнаго казначейства по уплатѣ ренты. Въ нынѣшнемъ году, рѣшено приступить къ выкупу курско-кіевской дороги.—Въ виду выдающагося значенія, придаваемаго миноноскамъ въ военно-морскомъ дѣлѣ при выработкѣ новаго типа миноносокъ, морскимъ министерствомъ обращено серьезное вниманіе на приданіе большей устойчивости судамъ, устраненіе причинъ, препятствовавшихъ послѣднимъ выходить въ открытое море а особенно, на уменьшеніе надводнаго груза, въ значительной степени препятствующаго быстроходности и не соотвѣтствущаго безопасности миноносокъ во время непогоды.—На разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ поступилъ проектъ устройства въ сѣверныхъ уѣздахъ таврической губерніи русскихъ колоній на казенныхъ земляхъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, на тѣхъ приблизительно основаніяхъ на какихъ устроены были колоніи менонитовъ, отводомъ на каждый дворъ отъ 60 до 100 десятинъ земли, поступающей въ пользованіе безземельныхъ крестьянъ на льготныхъ условіяхъ долгосрочной аренды.—По проекту главнаго тюремнаго управленія объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь министерство юстиціи высказало мнѣніе, что наказаніе ссылкою на поселеніе въ значительной степени утратило прежнюю карательную силу; одобряя вообще главную мысль тюремнаго управленія, министерство юстиціи, однако, полагаетъ, что допустить безусловную замѣну ссылки на поселеніе исправительнымъ наказаніемъ, когда оно опредѣляется лишь въ качествѣ меньшей мѣры взысканія, не представляется возможнымъ безъ существеннаго нарушенія всей системы уголовныхъ наказаній, такъ какъ нынѣ законъ, хотя и предоставляетъ суду уменьшать наказанія, означенныя въ ст. 19 улож. на двѣ степени, если подсудимый признанъ заслуживающимъ снисхожденія, но при этомъ вовсе не имѣетъ въ виду смягченія наказанія до исправительнаго взысканія. Въ силу этихъ соображеній министръ юстиціи нашелъ, что ссылка въ Сибирь на поселеніе должна быть сохранена не только при преступленіяхъ религіозныхъ и политическихъ, но и при преступныхъ дѣяніяхъ противъ союза родственнаго.—Только въ самое послѣднее время обращено вниманіе на то, что всѣми сборами съ приходящихъ въ одесскій портъ судовъ пользуется исключительно городъ, казна-же не получаетъ съ порта никакого дохода. Вопросъ объ этомъ возбужденъ вслѣдствіе того обстоятельства, что казна уже затратила на сооруженіе одесскаго порта около 10 мил. руб. и еще имѣетъ въ виду затратить до 4 милліоновъ рублей, что въ общемъ составитъ уже 14 милліоновъ рублей. Въ числѣ частныхъ компаній, пользующихся казеннымъ устройствомъ въ порту, находится и общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, которое занимаетъ своею «линіею» всю береговую полосу земли, не платя за это никакихъ сборовъ. Всѣ эти своего рода «недосмотры» будутъ теперь устранены.—Въ видахъ улучшенія быта сельскаго духовенства Св. Синодомъ было разрѣшено открытіе ссудосберегательныхъ кассъ; по полученнымъ въ Синодѣ свѣдѣніямъ въ настоящее время особенно широкое распространеніе эти кассы получили въ харьковской, полтавской, кіевской, и литовской епархіяхъ. — Многія городскія думы обратились съ ходатайствомъ о предоставленіи въ пользу городовъ, выморочныхъ движимыхъ имуществъ; на основаніи дѣйствующихъ законовъ (т. X, ч. I, ст. 1,172), недвижимыя имущества, находящіяся въ предѣлахъ городовъ и остающіяся выморочными послѣ ихъ владѣльцевъ, обращаются въ пользу городовъ; что-же касается выморочныхъ движимыхъ имуществъ, то они поступаютъ въ собственность государственной казны. Министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ дали въ общемъ заключеніе въ пользу ходатайства, съ нѣкоторыми разъясненіями и ограниченіями; въ настоящее время вырабатывается общій проектъ, который будетъ представленъ въ государственный совѣтъ.—По распоряженію одесскаго генералъ-губернатора, полиція приступила къ закрытію въ Одессѣ частныхъ конторъ для составленія прошеній и всякаго рода другихъ бумагъ, владѣльцами, которыхъ состоятъ исключительно евреи, бросившіеся на это занятіе послѣ воспрещенія имъ состоять писарями у нотаріусовъ, судебныхъ приставовъ и проч.—Слушаніе въ государственномъ совѣтѣ проекта реформъ въ мѣстномъ управленіи отложено до осени.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Надѣлавшій столько шуму вопросъ о бракосочетаніи принца Баттенбергскаго съ дочерью германскаго императора, принцессою Викторіею, кажется разрѣшенъ теперь окончательно или, по крайней мѣрѣ, отложенъ на долго. Связанный съ нимъ канцлерскій кризисъ остается также открытымъ. По словамъ «Neue Freie Presse», Бисмарку было тѣмъ легче одержать побѣду въ этомъ дѣлѣ, что главнымъ противникомъ бракосочетанія принца Баттенбергскаго съ принцессою Викторіей является кронпринцъ Вильгельмъ, при томъ не столько по политическимъ соображеніямъ, сколько потому, что бракъ этотъ оскорбляетъ чувство его достоинства; нерасположеніе принца къ браку его сестры оказало вліяніе и на способъ дѣйствія князя Бисмарка во всемъ этомъ дѣлѣ, такъ какъ для кронпринца было неудобно лично и съ надлежащею энергіею выступить противъ воли родителей. Этотъ щекотливый вопросъ даетъ «Journal de St.-Pétersbourg» возможность высказать взглядъ русскаго правительства на Баттенберга и возразить на разные намеки и инсинуаціи иностранной прессы: «всѣмъ извѣстна причина, лишившая принца Баттенбергскаго довѣрія и благосклонности его августѣйшаго покровителя и навлекшая на него вполнѣ заслуженное возмездіе. Извѣстно также строгое осужденіе самимъ императоромъ Вильгельмомъ дѣйствій принца, который, помимо проявленной имъ въ этомъ случаѣ неблагодарности ввергнулъ Болгарію въ состояніе анархіи, въ которомъ она пребываетъ и по сіе время, и едва не вызвалъ пожара на Балканскомъ полуостровѣ, угрожая поставить на карту миръ Европы. Кто можетъ утверждать, что слѣды этого прошлаго изгладились и что высокое положеніе, которое займетъ принцъ Баттенбергскій, не возбудитъ въ корифеяхъ болгарской революціи надежды на возвращеніе ему княжеской власти, и что послѣдствіемъ этого не будетъ усложненіе болгарскаго кризиса, нарушеніе существующихъ трактатовъ и спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ и добрыхъ отношеній между державами? Развѣ можно оспаривать политическій характеръ вѣроятныхъ послѣдствій этого брака? Развѣ можно примирить ихъ съ программой, ясно предначертаной княземъ Бисмаркомъ для германской политики, и съ миролюбивыми и дружественными заявленіями, которыми ознаменовалъ свое восшествіе на престолъ императоръ Фридрихъ III? Мы увѣрены, что идея, положенная въ основаніе германской политики, побудитъ послѣднюю принять въ соображеніе всѣ послѣдствія, взвѣсить ихъ и этимъ предотвратить возможныя опасности, угрожающія добрымъ отношеніямъ обоихъ государствъ и сохраненію общаго мира».—Телеграммы изъ Вѣны (31-го марта) передаютъ впечатлѣніе мадьярской печати; она ополчилась на германскаго канцлера, потому что, по ея мнѣнію, кризисъ окончился побѣдой Россіи; ни императрица Викторія, ни князь Бисмаркъ ничего не выиграли, теперь Россія сдѣлается болѣе требовательной; правительственныя лица отзываются очень сдержанно о бисмарковскомъ кризисѣ, но на германскихъ дипломатовъ выходки въ австрійской и венгерской печати противъ германскаго канцлера подѣйствовали удручающимъ образомъ; они упрекаютъ здѣшнихъ политиковъ въ неблагодарности, такъ какъ ни кто иной, какъ кн. Бисмаркъ, настоялъ на томъ, что Германія заключила союзъ съ Австріей, не смотря даже на сопротивленіе покойнаго императора Вильгельма. Положеніе Венгріи незавидно; настроеніе мадьярскихъ правительственныхъ сферъ угнетенное; предчувствіе серьезныхъ осложненій пугаетъ мадьярскихъ политиковъ; со всѣхъ концевъ Венгріи получаются донесенія о возростающемъ недовольствѣ среди различныхъ народностей, входящихъ въ составъ королевства св. Стефана; особенно неблагопріятно для мадьяръ слагаются дѣла въ мѣстностяхъ, населенныхъ румынами. Власти принимаютъ мѣры, чтобы подавить движеніе; редакторы румынскихъ газетъ подвергаются судебному преслѣдованію за то, что они поддерживаютъ и усиливаютъ агитацію въ народѣ. Но всѣ эти процессы ни къ чему не ведутъ; опасаются проявленія недовольства въ болѣе рѣзкой формѣ, въ какомъ случаѣ придется прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, а это еще болѣе разстроитъ отношенія Румыніи къ Австро-Венгріи. Движеніе среди крестьянъ въ Румыніи не осталось безъ вліянія на ихъ единоплеменниковъ въ Австріи.—Телеграфъ же (Вѣна, 1-го апрѣля) передаетъ, что въ палаты депутатовъ австрійскаго рейхсрата и венгерскаго сейма внесенъ законопроектъ относительно привлеченія людей резерва и запаса, въ видѣ исключенія, къ отбыванію дѣйствительной службы; сущность этого законопроекта заключается въ слѣдующемъ: люди перваго года резерва, а также три младшіе возраста запаса, могутъ—если того потребуютъ особыя обстоятельства—быть привлекаемы, по повелѣнію императора, къ отбыванію дѣйствительной службы на столько времени, сколько необходимо; люди эти должны, однако, быть оставляемы въ строю лишь до тѣхъ поръ, пока не истечетъ срокъ ихъ пребыванія въ упомянутыхъ возрастныхъ условіяхъ; изъ этого исключаются всѣ тѣ лица, которыя, по заслуживающимъ вниманія обстоятельствамъ освобождены отъ установленной службы въ дѣйствующихъ войскахъ или перечислены въ запасъ; резервисты, привлекаемые къ отбыванію дѣйствительной службы на срокъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ, освобождаются на весь дальнѣйшій срокъ состоянія ихъ въ резервѣ отъ всякихъ военныхъ упражненій; законъ вступитъ въ силу со дня его опубликованія. — Относительно болгарскихъ дѣлъ послѣднія извѣстія сообщаютъ изъ Софіи, что для личной безопасности принца Кобургскаго приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности. По ночамъ ко дворцу приставляются усиленные караулы. Принцъ рѣдко выѣзжаетъ. По слухамъ, во многихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ расположены войска, производятся аресты. По свѣдѣніямъ изъ Вѣны, люди, находящіяся въ близкихъ отношеніяхъ къ принцу Кобургскому, слѣдующимъ образомъ отзываются о положеніи дѣлъ: по дѣлу Попова между принцемъ и Стамбуловымъ существовали фактическія разногласія, но послѣ того, какъ Стамбуловъ представилъ принцу несомнѣнныя доказательства виновности Попова, принцъ уступилъ и подписалъ указъ о преданіи Попова суду; продержится ли—и сколько времени—нынѣшнее министерство, это, по отзыву помянутаго лица, зависитъ отъ народнаго собранія. Болѣе безпристрастныя лица вѣроятно возбудили бы вопросъ, продержится-ли самъ принцъ Кобургскій въ Болгаріи.—Во Франціи продолжаются внутреннія распри, общій характеръ которыхъ совершенно вѣрно опредѣляется въ напечатанной въ «République Française» статьѣ бывшаго министра Спюллера (оппортуниста), въ которой говорится: «Такъ какъ Буланже заявилъ, что между нимъ и парламентомъ идетъ теперь единоборство, то парламентъ долженъ принять этотъ вызовъ; а такъ какъ теперь доказано, что тутъ не поверхностная и мимолетная агитація, а покушеніе на существующія учрежденія—то кабинетъ долженъ предложить палатамъ проекты законовъ, которые дали бы возможность охранять и защищать республику.» Избранію Буланже въ Сѣверномъ департаментѣ предшествовала ожесточенная борьба и бурныя сходки. Оппортунисты распространяли въ департаментѣ прокламаціи, на которыхъ колоссальными буквами значилось: «Буланже—это война!» Буланжисты, въ свою очередь, тоже не скупились на прокламаціи, въ которыхъ утверждали, что оппортунисты, съ Ферри во главѣ, лгутъ безсовѣстно приписываютъ Буланже честолюбивые планы и намѣреніе вовлечь страну въ войну. Самъ Буланже, питаетъ самыя миролюбивыя чувства и, какъ Наполеонъ III при вступленіи на престолъ, объявляетъ, что имя его значитъ миръ, Boulanger c'est la paix. Заявленіе это сдѣлано было имъ за завтракомъ, на которомъ присутствовало нѣсколько журналистовъ. На вопросъ къ какой собственно партіи онъ, Буланже, себя причисляетъ, «опальный генералъ», отвѣтилъ: «Вотъ уже семнадцать лѣтъ, какъ партіи, пожираютъ другъ друга. Ни одна партія предоставленная однимъ лишь собственнымъ силамъ, не въ состояніи предпринять что-нибудь дѣльное и только вступая между собою въ коалиціи, онѣ могутъ кое-чего достигнуть. И послѣ этого вы меня спрашиваете, желаю-ли я присодиниться къ которой нибудь изъ нихъ. Этого никогда не будетъ». Сказавъ это, Буланже взялъ столовый ножикъ и, указывая на него, продолжалъ. «Я похожу на это лезвіе, я не уклоняюсь отъ прямой линіи. Уже черезчуръ часто мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ партійныхъ дрязгъ, то приходилось опираться на правую, то искать точку опоры въ лѣвой. Нерѣдко я спрашивалъ: а что приходится претерпѣвать Франціи? Тогда на меня устремляли удивленные взгляды. Я хочу сдѣлать изъ буланжистской партіи партію Франціи, которая оставитъ въ сторонѣ политику и станетъ заниматься мирнымъ трудомъ, избравъ при этомъ своимъ знаменемъ національную честь. Толкуютъ о диктатурѣ? Но развѣ Греви былъ диктаторомъ, развѣ Карно — диктаторъ? Вѣдь не я мечталъ сдѣлаться президентомъ республики. Желанія мои, когда я находился еще въ Клермонѣ, сводились лишь къ тому, чтобы вновь занять постъ военнаго министра. Въ настоящее время друзья мои, правда, стремятся доставить мнѣ постъ президента республики и я долженъ откровенно признаться, что теперь и я считаю это возможнымъ». На вопросъ сотрудника «Figaro»: «Опасаются войны въ томъ случаѣ, если бразды правленія перейдутъ въ ваши руки», Буланже отвѣтилъ: «Я это знаю. Въ Сѣверномъ департаментѣ на всѣхъ деревьяхъ расклеены афиши: Буланже—это война! Это просто глупо. Съ какой стати я стану желать войны, коль скоро ни Франція, ни Германія войны не хочетъ. Готовиться къ войнѣ мы, конечно, обязаны, но объявлять ее мы никогда не станемъ».—«А если вамъ ее объявятъ»? спросилъ журналистъ.—«Это говорятъ, но клянусь, что все это ложь. Германія нуждается въ мирѣ и объявленіе войны съ ея стороны сдѣлается еще менѣе вѣроятнымъ, когда мы будемъ хорошо вооружены и она будетъ относиться ко мнѣ съ довѣріемъ. Вы можете озаглавить свою статью: «Буланже—это миръ».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Николаевичъ Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи Съ факсимиле и двумя портретами. Ред. В. Стасовъ. Изданіе А. Суворина. Спб. 1888. Цѣна 3 р. 50 к.

Иванъ Николаевичъ Крамской былъ не только замѣчательный художникъ, но и недюжинный умъ—человѣкъ, глубоко любившій искусство и смотрѣвшій серьезно на задачи художника. Своимъ образованіемъ и развитіемъ онъ былъ вполнѣ обязанъ самому себѣ. Онъ много читалъ, много наблюдалъ и его взгляды на искусство сложились въ извѣстныя опредѣленныя формы. Съ этими взглядами на искусство слѣдуетъ познакомиться каждому художнику. Но не для однихъ художниковъ представляетъ интересъ эта книга: въ ней каждый образованный человѣкъ найдетъ интересную исторію положенія русскаго художника, пробивающаго себѣ дорогу къ извѣстности, среди лишеній и невзгодъ начинающаго свой жизненный путь въ роли полуграмотнаго мальчика и почти слуги у еврея-фотографа. Какое разстояніе нужно пройти, чтобы отъ такой роли дойти до положенія выдающагося художника, до положенія замѣчательнаго портретиста, которому нѣтъ отбоя отъ заказовъ въ высшемъ обществѣ,—это указываетъ этотъ жизненный путь художника. Здѣсь многіе найдутъ отвѣтъ на вопросъ: почему гибнетъ такъ рано множество даровитыхъ натуръ. Не всѣ же люди родятся такими крѣпкими, сильными и здоровыми, какъ Крамской, имѣвшій сотни случаевъ опустить руки и погибнуть, не добившись ничего. Въ этой книжкѣ, между прочимъ, помѣщены автобіографическія свѣдѣнія, доставленныя самимъ Крамскимъ А. К. Шеллеру и А. С. Суворину; приведены біографическія свѣдѣнія, сообщенныя въ «Живописномъ Обозрѣніи» «Диллетантомъ» (В. В. Чуйко) на основаніи разсказовъ самого покойнаго И. Н. Крамского, и т. д. Мы отъ души желаемъ полнаго успѣха этой превосходно изданной книгѣ, не имѣющей характера спекуляціи и дѣлающей честь ея издателю.

В. П. Буренинъ. Критическіе этюды. Изд. книжнаго магазина «Новаго Времени». Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к.

В. П. Буренинъ давно извѣстенъ нашему, слѣдящему за литературой, обществу не только, какъ поэтъ и сатирикъ, но какъ журнальный обозрѣватель, помѣщающій свои журнальныя обозрѣнія въ пятничныхъ фельетонахъ «Новаго Времени». Волей-неволей эти журнальныя замѣтки не рѣдко носятъ характеръ случайности и отличаются ѣдкими полемическими пріемами, создающими фельетонисту массу недруговъ. «Дамы, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ» и «Маниловы» даже содрогаются, нерѣдко слыша о полемикѣ В. П. Буренина и его противниковъ, и восклицаютъ: «И зачѣмъ это они? Развѣ нельзя жить мирно? И все это съ Буренина началось.» Добрые люди даже и не подозрѣваютъ, что полемика всегда и вездѣ носила одинъ и тотъ же характеръ и что теперь нельзя даже напечатать ни въ одномъ журналѣ многихъ полемическихъ пріемовъ Лютера, Эразма Ротердамскаго, Томаса Мора и т. д. Не особенно мягки были, какъ извѣстно, и пріемы Гейне и Берне. Всѣ знаютъ, до чего доходила полемика изъ-за произведеній Зола во Франціи. Не удивительно, что и у насъ полемика часто принимаетъ до крайности рѣзкій тонъ и, разумѣется, въ этой полемической борьбѣ, г. Буренинъ не уступитъ ни одному изъ своихъ противниковъ. Но среди этой журнальной борьбы нерѣдко В. П. Буренинъ посвящаетъ свои силы чисто критическимъ этюдамъ. Таковы его этюды о Тургеневѣ, гр. Л. Толстомъ, Гоголѣ, Лермонтовѣ, Пушкинѣ, Глѣбѣ Успенскомъ, В. А. Слѣпцовѣ, А. Чеховѣ, выдающійся талантъ котораго, кстати сказать, оцѣнилъ именно В. П. Буренинъ, и т. д. Это работы серьезныя, написанныя не по поводу злобы дня и не для данной минуты. Ихъ-то и собралъ авторъ въ одну книгу—и, прибавимъ мы отъ себя, прекрасно сдѣлалъ, такъ какъ эти вещи теряются и забываются, являясь на столбцахъ газеты. Книга издана прекрасно.

МЕЛОЧИ.

Поймалъ.

Швейцарскій полицистъ въ Цюрихѣ, Карлъ Альбертъ Рудели, и сегодня выпилъ по обыкновенію früh Schoppen, и пришелъ въ необыкновенное возбужденіе, конечно, не отъ привычной ему früh Schoppen, а оттого, что въ пивной его сильно подзадорилъ одинъ пруссакъ; пруссакъ-берлинецъ обидно надсмѣхался надъ швейцарской полиціей и когда Рудели, набравшись храбрости, хотѣлъ было возражать, зажалъ ему ротъ нахальнымъ вопросомъ: удалось-ли ему когда-нибудь задержать вора? Вся бѣда была въ томъ, что именно это ему никогда неудавалось, но ему также никогда не приходило и въ голову, что ловить воровъ есть уже непремѣнная обязанность полициста; пускай всякій самъ бережетъ и охраняетъ свое добро; наше дѣло смотрѣть за порядкомъ на улицѣ, а не вмѣшиваться въ домашнія дѣла,—у насъ вѣдь свобода. Однако, не смотря на всѣ эти успокоительныя размышленія, Рудели не могъ сегодня по обыкновенію мирно дремать на своемъ посту у Gemüse Brücke и развлекаться болтовней съ торговками фруктовъ и зелени; онъ прошелъ мимо всѣхъ торговокъ скорымъ шагомъ, чѣмъ-то озабоченный, не сказавъ ни съ одной ни слова. Торговки съ удивленіемъ посмотрѣли ему вслѣдъ и увидѣли только, что онъ остановился передъ одной пивной и упорно смотритъ въ окно. Ну, что нашелъ онъ тамъ интереснаго, что тамъ такого особеннаго можно увидѣть; люди сидятъ и пьютъ себѣ пиво; такая-же пивная, изъ которой онъ самъ сейчасъ вышелъ, не много только почище и покрасивѣе убрана. Одна изъ торговокъ не утерпѣла, поручивъ свой товаръ подругѣ, сбѣгала, посмотрѣла и еще болѣе удивилась: и народу-то тамъ почти никого нѣтъ; сидятъ два господина съ хорошо знакомыми имъ лицами и говорятъ себѣ про свое; ничего больше! «Ну чего вы такъ уставились въ окно, точно съѣсть хотите глазами этихъ господъ», съ досадой замѣтила полицисту торговка. «Оставьте, съ необычной серъозностью отвѣтилъ ей Рудели,—я дѣлаю свое дѣло, я наблюдаю». Говорятъ на ловца звѣрь бѣжитъ, и полицисту, который ревностно принялся наблюдать, повидимому, сразу попалось нѣчто достойное наблюденія. Два господина, сильно напоминавшіе сухопараго Шульца и толстяка Мюллера, были старинные пріятели; они каждый день сходились вмѣстѣ въ пивной и вели между собой дружескую, но весьма однообразную бесѣду. Ихъ всѣ знали, а полицистъ, какъ оказалось, не зналъ. Онъ не могъ слышать того, что они между собой говорили; онъ только смотрѣлъ, видѣлъ и вѣрилъ своимъ глазамъ. И было, что видѣть: Мюллеръ вынулъ изъ своего бокового кармана серебряную табакерку и, открывъ ее, предложилъ понюхать Шульце; затѣмъ онъ погрузился въ чтеніе газеты, забывъ табакерку на столѣ, пріятель-же его протянулъ къ ней руку, закрылъ ее своей огромной ладонью и съ добродушной улыбкой смотрѣлъ на пріятеля, замѣтилъ онъ или нѣтъ. Тотъ не отрывалъ глазъ отъ газеты. Шульце, на котораго нашелъ шутливый стихъ, взялъ табакерку со стола и положилъ въ карманъ. У полицейскаго при видѣ этого забилось сердце. Онъ предчувствовалъ, что передъ нимъ воръ, котораго онъ непремѣнно поймаетъ. Черезъ минуту пріятели разстались. Тяжеловѣсный Мюллеръ пыхтѣлъ и сопѣлъ подъ газетой и, казалось, еще долго не намѣревался подняться, а длинноногій Шульце скоро и весело бѣжалъ по мосту, довольный тѣмъ, что такъ ловко удалось ему подшутить надъ своимъ пріятелемъ; онъ направлялъ свои стопы къ дому послѣдняго, намѣреваясь передать табакерку женѣ своего пріятеля, но ему такъ и не удалось исполнить этого своего благаго намѣренія. Къ его великому удивленію предъ нимъ предсталъ полицистъ, который арестовалъ его за воровство табакерки, не смотря на увѣренія его, что это не воровство а милая шутка. Сдѣлавъ свое дѣло—поймавъ, проводивъ вора въ полицейское управленіе, полицистъ съ гордостью прошелся раза два по Gemüse Brücke; затѣмъ онъ направилъ шаги свои къ предмету своего наблюденія; толстякъ въ это время, переваливаясь, шелъ по мосту. «Господинъ, сказалъ ему полицистъ, вы, кажется, нечего не подозрѣваете, что съ вами сегодня случилось»? «Со мной, воскликнулъ толстякъ испуганно и изумленно,—кажется, ничего особеннаго»? «У васъ совершилась пропажа».—«Ахъ я, кажется, въ самомъ дѣлѣ потерялъ свою табакерку». «Вы ее не потеряли, внушительно сказалъ полицистъ, ее у васъ украли, но вамъ нечего безпокоиться; я поймалъ того шельму, который стащилъ ее у васъ, отъ моихъ глазъ ничего не можетъ укрыться; я наблюдаю; теперь вамъ стоитъ только подняться въ полицейское управленіе и вы получите тамъ свою табакерку и увидите вора». Мюллеръ исполнилъ предписаніе полициста и, дѣйствительно, получилъ свою табакерку, но каково-же было его удивленіе, когда на мѣсто вора онъ увидалъ своего лучшаго пріятеля, который объяснилъ ему все, какъ было. Оба они черезъ пять минутъ, весело смѣясь, вышли изъ полицейскаго управленія и, бросивъ насмѣшливый взглядъ, прошли мимо полициста, который, сообразивъ, въ чемъ дѣло, опустилъ глаза. «Ну хорошо, думалъ онъ, что проклятый берлинецъ не видалъ этого и никогда не узнаетъ объ этомъ».

Борьба Петра Великаго съ суевѣріемъ.

Извѣстно, что Петръ Великій былъ врагъ суевѣрій; онъ старался при всякомъ удобномъ случаѣ разоблачать мнимыя чудеса и строго наказывалъ шарлатановъ и обманщиковъ. Не разъ ему приходилось принимать мѣры и противъ нелѣпаго толкованія такихъ естественныхъ явленій, какъ напримѣръ, затменіе солнца. Въ 1705 г. во время великой Сѣверной войны случилось затменіе солнца. Государь зналъ объ этомъ заранѣе и счелъ нужнымъ принять свои мѣры противъ злоумышленныхъ толкованій въ смыслѣ предвѣщанія военныхъ неудачъ. Съ этою цѣлью онъ разослалъ письма къ разнымъ лицамъ: адмиралу Ѳ. А. Головину, князю Ромодановскому, Нарышкину, ученымъ архіереямъ и другимъ лицамъ, чтобы они старались распространять въ народѣ здравыя понятія о предстоящемъ явленіи природы. Онъ писалъ Головину слѣдующее: «Господинъ адмиралъ! Будущаго мѣсяца въ первый день будетъ великое солнечное затменіе; того ради изволь сіе поразгласить въ нашихъ людяхъ: что когда оное будетъ, дабы за чудо не поставили; понеже когда люди про то вѣдаютъ прежде, то не есть уже чудо».

◆

КЪ РИСУНКАМЪ.

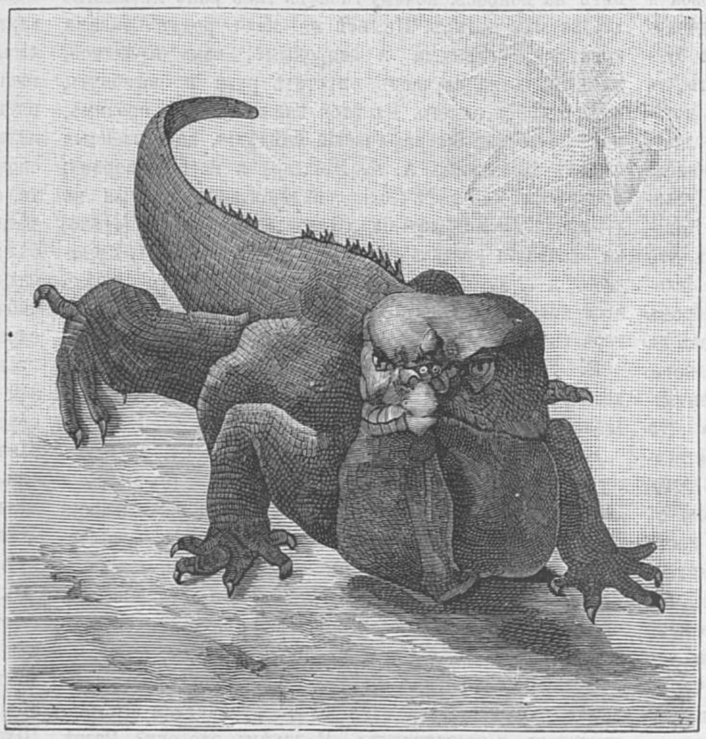
Ловля дровъ.

Какъ только начнетъ расходиться Нева, такъ тотчасъ-же заснуютъ жалкія лодченки разныхъ бѣдняковъ изъ жителей Гавани, окраинъ Коломны, окрестностей Екатерингофа, съ цѣлью выловить куски разнаго дерева, дровъ, коры, всего, что плыветъ по рѣкѣ. Обыкновенно выѣзжаютъ по двое на лодкѣ и вторымъ является подростокъ, коченѣющій въ какой-нибудь женской кофтѣ отъ холода. Сцены этой ловли дровъ описаны подробно въ романѣ А. Михайлова «Лѣсъ рубятъ —щепки летятъ» и въ его же дѣтскомъ разсказѣ «На рѣкѣ». Даровитый художникъ Н. Г. Богдановъ, особенно симпатично передающій сцены изъ жизни разной бѣдноты, написалъ на эту же тэму одну изъ лучшихъ своихъ картинъ, копію съ которой мы и помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ.

Посольство въ домѣ князя Пожарскаго.

Первые годы XVII столѣтія были самыми тяжелыми годами для Россіи: смѣна избранныхъ на царство людей, самозванцы, нашествіе поляковъ, полная неурядица, все это привело государство въ такое положеніе что, казалось, пришелъ его конецъ. Уже въ 1611 году мало по малу увидѣли необходимость самопомощи, необходимость кликнуть кличъ о спасеніи. Власти Троицкаго монастыря стали разсылать во всѣ концы Россіи одну грамоту за другою, призывая народъ къ спасенію отечества. Мысль объ очищеніи земли русской отъ иноземцевъ сдѣлалась уже всеобщею и ждали только начала движенія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принялъ на себя Нижній-Новгородъ, а въ немъ выдвинулся впередъ мясникъ Кузьма Мининъ Сухорукій, одинъ изъ земскихъ старостъ. Въ октябрѣ 1611 года, при его помощи, уже было рѣшено нижегородцами, что надо пожертвовать всѣмъ для спасенія отечества и прежде всего найти воеводу. Кузьма Мининъ остановился на стольникѣ князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ. Тотъ въ это время жилъ въ суздальскомъ уѣздѣ и долѣчивался отъ ранъ, полученныхъ имъ при разореньи Москвы. Городъ отправилъ къ князю посольство—архимандрита печерскаго Ѳеодосія, дворянина добраго Жданъ Петровича Болтина да изо всѣхъ чиновъ лучшихъ людей. Пожарскій уже былъ подготовленъ Кузьмою Мининымъ къ принятію посольства. Когда ему сказали, зачѣмъ къ нему явились послы, онъ отвѣчалъ: «Радъ я вашему совѣту готовъ хотя сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать». При этомъ самъ-же князь указалъ на Кузьму Минина. Картина, копію съ которой даемъ мы, находится въ галлереяхъ академіи художествъ въ С.-Петербургѣ. Она изображаетъ именно тотъ моментъ, когда къ князю Пожарскому явилось посольство и Ѳеодосій высказалъ цѣль своего прибытія.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.



Рогоносная ящерица.

Друзья дѣтства.

Ученикъ вѣнской и мюнхенской школъ, долго путешествовавшій по Италіи, Карлъ Фрешль (род. 1848 г.), отличается главнымъ образомъ, какъ портретистъ, но и его жанры пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью, особенно жанры изъ жизни дѣтей, полные добродушія. Такова и помѣщаемая нами картина К. Фрешля «Друзья дѣтства»—мальчуганъ, играющій со щенятами-мопсами. Особенно хороша мать щенятъ, зорко слѣдящая за тѣмъ, чтобы мальчуганъ и въ самомъ дѣлѣ не задушилъ спрятаннаго имъ мопсика.

Помпейская лавочка.

Недалеко отъ нынѣшнихъ Неаполя и Торре дель-Аннунціата въ давніе годы существовалъ красивый и богатый городъ, основаніе котораго приписывалось Геркулесу и который возникъ въ дѣйствительности, вѣроятно, не ранѣе паденія Трои. Въ 89 году до Р. Х. этотъ городъ, Помпея, выдержалъ осаду Силлы, въ 63 году до Р. Х. онъ былъ полуразрушенъ землетрясеніемъ, но настоящая его слава и извѣстность основана не на его процвѣтаніи, а на его окончательной гибели въ 79 году по Р. Х. Страшное изверженіе Везувія сожгло и засыпало этотъ городъ и всѣ его окрестности: въ теченіи семнадцати вѣковъ Помпея была позабыта въ своей могилѣ и только въ 1689 г., случайныя находки напомнили о ней, указали мѣсто этой могилы города. Однако, изысканія начались собственно съ 1755 года и теперь они дошли до того, что мы знаемъ всѣ мельчайшія подробности жизни этого города, лучшіе музеи Европы наполнены утварью и драгоцѣнностями Помпеи, каждый путешественникъ въ Италіи считаетъ долгомъ посѣтить этотъ мертвый городъ. Въ него-то и переноситъ наше воображеніе картина С. В. Бакаловича, изображающая помпейскую лавку «галантерейныхъ товаровъ», помпейскаго торговца и помпейскихъ женщинъ, характерно расписанныя стѣны, вывѣску у лавочки и т. д. Исполнена эта картина въ техническомъ отношеніи превосходно, какъ и всѣ картины г. Бакаловича, появившіяся въ нынѣшнемъ году на выставкѣ въ императорской академіи художествъ.

Дождь не помѣха.

Деревья уже зазеленѣли, въ воздухѣ тепло, вездѣ пахнетъ цвѣтами, все манитъ въ садъ, къ природѣ. Но что-же это? Сквозь солнце льетъ прямой дождь. Что за дѣло! Развѣ можно бояться весенняго дождя, весеннихъ грозъ, особенно когда подъ дождевыми зонтиками такъ удобно близко-близко шептаться о любви съ милымъ... Вотъ сюжетъ этого милаго жанра, замѣчательнаго по передачѣ мелкихъ деталей.

Тихоходъ и пантера.

Тихоходы (Bradipus) составляютъ отдѣльную семью млекопитающихся и водятся исключительно въ тропическихъ странахъ; отличительными особенностями этихъ звѣрей являются: большія круглыя обезьянообразныя головы, раковидныя уши, большіе когти, напоминающіе по своей формѣ обыкновенный серпъ; затѣмъ обращаютъ также вниманіе недостатокъ зубовъ, короткій хвостъ, и выдающаяся длина переднихъ лапъ, гораздо большихъ, чѣмъ заднія. Такая конструкція и обусловливаетъ медленность движенія по землѣ, за то на деревьяхъ, по вѣткамъ, тихоходы передвигаются съ большою легкостью. По длинѣ переднихъ лапъ тихоходъ представляетъ контрастъ съ кенгуру, имѣющую, какъ извѣстно, длинныя заднія ноги. Въ настоящее время этотъ типъ постепенно переводится, по величинѣ рѣдко достигая трехъ футовъ длины, между тѣмъ, какъ прежде, если судить по скелетамъ, тихоходы попадались величиною съ быка. Въ лондонскомъ зоологическомъ саду имѣется нѣсколько экземпляровъ тихоходовъ; они обыкновенно висятъ на вѣткѣ, уцѣпившись когтями, головою внизъ и совершенно неподвижно по цѣлымъ часамъ.—На томъ-же рисункѣ изображена пантера (ягуаръ, или леопардъ) типъ болѣе знакомый намъ, такъ какъ встрѣчается подъ разными наименованіями въ старомъ и новомъ свѣтѣ; кромѣ того отдаленныхъ родственниковъ пантеры—кошекъ—можно встрѣтить въ каждомъ домѣ.

Рогоносная ящерица.

Недавно мы помѣстили рисунокъ, изображающій одинъ изъ рѣдкихъ видовъ ящерицъ «плащеносную ящерицу». Теперь американскій журналъ «American Scientific» даетъ изображеніе еще одного изъ рѣдкихъ видовъ ящерицъ. Эта ящерица по виду, пожалуй, неуклюжѣе всѣхъ остальныхъ своихъ родичей. Особенно уродлива голова, широкая, плоская, снабженная наростами, какъ и все тѣло этой ящерицы. Точное изображеніе ея читатели найдутъ на нашемъ рисункѣ.

ПОПРАВКА: Въ № 12 «Ж. О.» на страницѣ 185, надъ рисункомъ *напечатано*: ориг. рис. Ижакевича. *Слѣдуетъ*: съ карт. Думитрашко, рис. Ижакевичъ.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Съ слѣдующаго нумера въ „ЖИВОПИСНОМЪ ОБОЗРѢНІИ“, одновременно съ появленіемъ французск. оригинала, начнется печатаніе въ переводѣ П. А. КАНШИНА, новый романъ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ,

„ГРЕЗА“.

Дозволено цензурою Спб., 6-го апрѣля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева. Ковенскій пер., собств. д. № 14.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на ежедневную политическую, ученую
и литературную газету

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

съ еженедѣльными и ежемѣсячными
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.
(Безъ повышенія подписной платы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ
«СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»:

Безъ доставки и пересылки:
На годъ 7 р. — —На 6 мѣс. 3 р. 60 к.
На 3 мѣс. 2 р. 25 к.—На 1 мѣс. — 75 к.

Съ доставкою и пересылкою:
На годъ 8 р. — —На 6 мѣс. 4 р. —
На 3 мѣс. 2 р. 50 к.—На 1 мѣс. 1 р. —

За границу съ пересылкою 14 р.

Вновь подписавшіеся получатъ всѣ вышедшіе уже нумера, начиная съ № 1-го, а также и Воскресныя приложенія.

Желающіе получить художественное приложеніе **«Крещеніе Кіевлянъ при св. князѣ Владимірѣ»** или **«Смерть Ивана Сусанина»**—высылаютъ на доставку **80** к.

Также можно получать преміи журнала «Живописное Обозрѣніе: 1) **«Закатъ солнца въ зимній день»** и 2) **«Босфоръ при лунномъ освѣщеніи»**—съ доставкою по **3** руб. за экз., а **«Наводненіе»** **4** руб. за экз. съ доставкою.

Разсрочка допускается **исключительно** чрезъ **Главную Контору** на слѣдующіе сроки: при подпискѣ **3** р. Къ 1 апрѣля **3** р. Къ 1 іюня **2** р.

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., У Аничкина моста, д. № 68—40.

Превосходные и самые модные
препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р., Кремъ „Сафо“ 1 р. 25 к., Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.—
Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.
Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.
Петерб. ст., Бол. просп., 28.
Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 290 (53—13)

Водоочищающіе

С.-ПЕТЕРБУРГСКУЮ МАНУФАК. ВЫСТАВКА
ПУБЛИЧНАЯ ПОХВАЛА
КОРЕЛЬСКОМУ
1861

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій**. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. № 228 (52—21).

НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

каррикатуръ, силуэтовъ и картинъ. Очень интересно и забавно, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Цѣна за 5 конв. (50 карт.) 3 р.
» » 10 » (100 карт.) 5 р.

съ пересылкою во всѣ города Россіи. Цѣна за 1 пробный конвертъ 65 коп. Торговцамъ значительная уступка. Можно получить въ игрушечныхъ, писчебумажныхъ и табачныхъ магазинахъ. Главный складъ СПБ. Большая Садовая, № 12. **О. Лессеръ.**

№ 315 (5—5).

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора **А. Янсонъ.**

Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.

Продается:

Въ **Москвѣ**: у Л. Борхардтъ, Г. Брунсъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.

кромѣ того имѣется:
у М. Заксъ, Г. Клосъ и К°., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ, Ф. Линде, О. Роосъ, Русск. Общество торг. аптекарск. товарами и во многихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.

№ 323 (26—8)

Туалетныя мыла І. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,

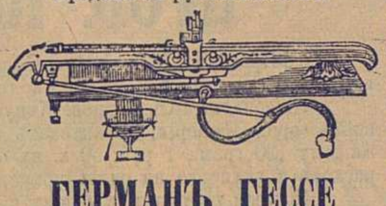
АМИКОСОВОЕ.

Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—20)

Центральный складъ

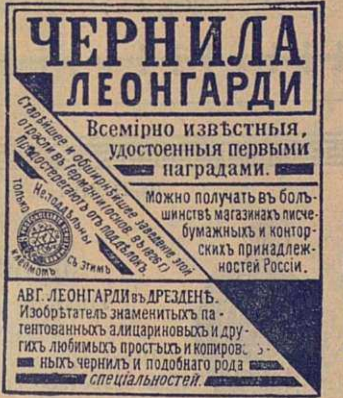
швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.

№ 158 (52—30).



ЧЕРНИЛА
ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой
отрасли въ Германіи (основ. въ 1826 г.)
Предостерегаютъ отъ поддѣлокъ.
Только
Неподдѣльны
съ этимъ
клеймомъ

Можно получать въ большинствѣ магазинахъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.
Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ алицариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода спеціальностей.

№ 318 (26—5).

ДЕПО ЧАСОВЪ

Эд. Бурхарда.

1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 3/68.

Вновь получены большой выборъ часовъ лучшихъ фабрикантовъ, цѣпочекъ, ключей и брелоковъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Каждые часы продаются съ ручательствомъ.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 289 (27—9).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—32).

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

каррикатуръ, силуэтъ и картинъ очень интересно и забавно какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ; цѣна съ пересылкою 60 к. почтовыми марками за 1 конв. 10 раз. картинъ, торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, № 12. **Оскаръ Лессеръ.**

№ 350 (37—2).

Спеціальный магазинъ

БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.
Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—7).

Косметическіе спермацетовые

ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральник., кожа лица дѣлается чистою, нѣжною. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они удобны противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза, также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р. 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи; въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38.

№ 314 (47—9).

НОВАГО УРОЖАЯ

замѣчательно хорошія папиросы:
„Охота“ 10 шт. 10 к.
„Дамскія“ 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія“ 10 шт. 6 к.
„Фотографъ“ 10 шт. 6 к.

Получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. магаз. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающимъ не менѣе 25 р. до 1000 вер. разстояніе, пересылка и упаковка на счетъ магазина.

№ 329 (44—7).

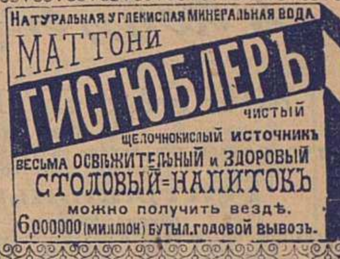
папиросы
крученыя
1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ.

получать можно повсюду.

№ 328 (44—7).



НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
ЧИСТЫЙ
ЩЕЛОЧНОКИСЛЫЙ ИСТОЧНИКЪ
ВЕСЬМА ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ
СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ
можно получить вездѣ.
6,000000 (МИЛЛІОН) БУТЫЛ. ГОДОВОЙ ВЫВОЗЪ.

№ 306 (16—4).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—32)

БОЛЬШОЙ УСПѢХЪ!

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Для пѣнія съ русскимъ и франц. текстомъ, для сред. голоса *Испанская пѣсня* (Estudiantina), муз. П. Лакома, ц. 75 к. эффектная и бравурная пѣсенка, послужившая темой излюбленному и популярному вальсу Вальдтейфеля, исполняется съ большимъ успѣхомъ хорами моск. цыганъ. *Сказка* (Le conte), муз. Ж. Бизе, ц. 60 коп. *Пѣсенка Гасконца* (Le gascon), муз. Ж. Бизе, творца «Кармена», ц. 60 к. Для фортепіано въ 2 руки. *Aubade printanière* (русскій текстъ С. Уколова), соч. П. Лакома, ц. 60 коп., салонная піеса, исполн. съ большимъ успѣхомъ въ Павловскѣ оркестр. г. Вицентини. *Австрійскіе звуки*, вальсъ, соч. Цирера, ц. 60 к., любимый вальсъ за-границей. аранж. не трудная и très dansant. *Rêve accompli*, вальсъ, соч. г. Эйбль, ц. 85 коп., исполн. съ больш. успѣхомъ многими оркестрами. *Valse des Italiens*, сост. г. Эйбль изъ итальянскихъ мелодій, ц. 85 коп. *Школа для балалайки*, сост. Селиверстовъ подъ редакціей В. В. Андреева, ц. 75 к., съ перес. 90 к., съ рис. правильной балалайки, способъ играть не изучая нотъ, пѣсни. испол. въ концертахъ г. Андреевымъ. Изданія книжно-музыкальнаго магазина Д. Ѳедорова. С.-Петербургъ, Большая Садовая, д. № 16, противъ Гостинаго двора, торг. сущ. съ 1840 г. Книги и ноты дешевыя изданія. Каталогъ книгъ и мелод. муз. новостей высылаются безплатно. Спеціальное отдѣленіе для иногородныхъ. Цѣны съ пересылкой. Въ печати помѣщены лестные отзывы о вышесказанныхъ изданіяхъ. Балалайки отъ 2 руб. 355 (1—1).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА
прозрачныя и непрозрачныя
Большой выборъ деревянныхъ, хрустальныхъ и бронзовыхъ
ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ
БЕЗВРЕДНАЯ
КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:
Въ С.-Петербургѣ: 1. Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
2. Невскій проспектъ у Аничкина моста, № 66.
3. Уголъ Вознесенск. и Казанской, д. Шредера № 18—54.
Розничная и оптовая продажа
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

Остерегаться отъ подражаній

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названіе фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:
„СПБ. ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
№ 353 (2—1).

Большая золотая медаль **Ю. МАРТЕНСА.** Московская выставка 1882.
МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ
съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.
МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ
по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ
КЛЮКВЕННЫЕ И ФРУКТОВЫЕ ЭКСТРАКТЫ
Вишневый, Малиновый, Черносмородиновый
свѣже-приготовленные
ФРУКТОВЫЕ СИРОПЫ
Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.
Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.
Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія.
№ 226.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
Спб., Невскій, № 57.
Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
№ 234 (10—7).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ
Саатчи и Мангуби
ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ
ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ
BIS
цѣною за 10 шт. 10 коп.
Можно получать вездѣ
№ 356 (37—1).

Усовершенствованные пожарные
ТРУБЫ И НАСОСЫ
„ПОТОКЪ"
для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул.,
№ 55—6.
Прейсъ-курантъ безплатно.
№ 185 (12—8)

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ
ДЛЯ
ЦЕРКВЕЙ, ФАБРИКЪ
И ПРОЧ.
ПОСТАВЛЯЕТЪ
Ф. ВИНТЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 78
С. ПЕТЕРБУРГЪ
№ 352 (3—2).

Leichner's Fettpuder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Цѣна коробки 1 рубль.
Лучшая пудра для вечера, а также и дня! Незамѣтна на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!
Театральныя гримировки,
румяна, бѣлила и карандаши для бровей.
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, БЕРЛИНЪ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.
Главное депо для Россіи у Б. АУРИХА, Стремянная, № 4,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. № 183 (15—15).

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

«ЭЛЕОПАТЪ» употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ и развиваетъ густоту волосъ.

«Элеопатъ» только пров. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 руб. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп. почтовый расходъ и укупорка на счетъ покупателя.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ только «ЭЛЕОПАТЪ» провиз. Кинунена, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. или уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

☞ СПРАШИВАЙТЕ ☜
ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.
№ 343 (1—1).

ВЕСЕННІЯ НОВОСТИ

Касторовыя дамскія шляпы безъ отдѣлки, формы дамскихъ новѣйшихъ фасоновъ; для гарнировки громадный выборъ новостей: перья фантази; страусовые, нанаши и амазонъ, эгреты стеклярусные и аграмантъ.

Ленты; омбрэ, моаръ и экосэ; кружева, тюль и шляпные платки; для вуалей: тюль и газъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ магазинъ А. В. ТАРАТИНА, бывшій ШАПКИНА. № 110.
№ 205

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ
Музей Т. В. БОЦВА.
Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: Клеопатра, египетская царица, механически движущаяся, А. С. Пушкинъ, Пастеръ, графъ Лесепсъ, группа, сказки Шехеразады изъ 1,001 ночи. Сонъ на яву, механическая фигура, Елена Прекрасная и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только за 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.
№ 324 (10—8).

Нумеръ 15-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: изъ 2-хъ листовъ текста и Обертки.

Дозволено цензурою Спб., 6-го апрѣля 1888 г.
Типографія С. Добродѣева. Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 16
17 АПРѢЛЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ.

НА

ВѢСТНИКЪ ФИНАНСОВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ.

УКАЗАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО МИНИСТЕРСТВУ ФИНАНСОВЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

Будетъ издаваться по прежней программѣ.

Подписная цѣна. Годовая въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 6 р., съ дост. 7 р. Съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи 7 р., заграницу 14 р. Полугодовая въ С.-Петербургѣ: безъ достовки 3 р. 75 к., съ дост. 4 р. 50 к. Съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи 4 р. 50 к.. заграницу 9 р.

Подписка принимается въ Редакціи (въ зданіи Министерства Финансовъ, на Дворцовой площади).

МАГАЗИНЪ МУЖСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ

РОБЕРТЪ

43. Литейный пр., противъ Бассейной ул. 43.

Имѣетъ честь извѣстить уважаемыхъ гг. своихъ заказчиковъ и почтеннѣйшую публику, что получены послѣднія новости на весеннія и лѣтнія платья въ громадномъ выборѣ разноцвѣтныхъ англійскихъ, французскихъ и русскихъ матерій, новѣйшихъ и элегантнѣйшихъ рисунковъ предлагаетъ.

НА ЗАКАЗЪ

Костюмы отъ . . .	25 р. и дороже	Лѣтнія пальто . . .	18 р. и дороже
Весеннія пальто . .	25 » » »	Пальто-манто . . .	15 » » »
Пальто ульстеръ . .	20 » » »	Брюки	8 » » »

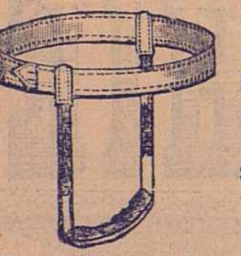
Жилеты . . . 4 р. и дороже.

Заказы исполняются изящно, добросовѣстно, прочно и въ кратчайшій срокъ.
№ 375 (10—1).

Съ разрѣшенія спб. столичнаго врачебнаго управленія.

ДАМСКІЯ ГИГІЕНИЧЕСКІЯ ПОДУШКИ

приготовлены изъ древесной сулемовой ваты.



Поясъ съ подушкой.

Очень удобная повязка, съ приспособленнымъ поясомъ для ношенія дамами во время регулъ и послѣ родоваго періода.

Цѣна за дюжину подушекъ 1 р., цѣна за поясъ отъ 40 к. до 1 р. 50 к.

Продаются во всѣхъ аптекарскихъ резиновыхъ и хирургическихъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ,

С.-Петербургъ, Казанская, 3, прот. Зимина пер. маг. 7. № 161 (6—5).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

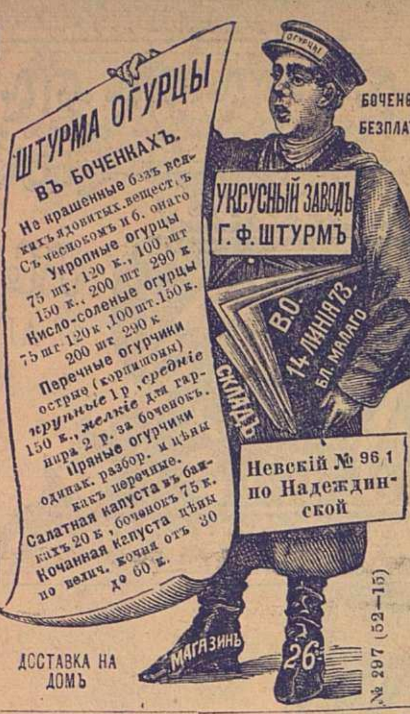
Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—33)



ШТУРМА ОГУРЦЫ

ВЪ БОЧЕНКАХЪ.

Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ

Съ чеснокомъ и б. онаго

Укропные огурцы 75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к

Кисло-соленые огурцы 75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к

Перечные огурчики острые (корнишоны) *крупные* 1 р, *средніе* 150 к., *мелкіе* для гарнира 2 р. за боченокъ.

Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.

Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к.

Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.

БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. Ф. ШТУРМЪ

Невскій № 96 1 по Надеждинской

ДОСТАВКА НА ДОМЪ

№ 297 (52—15)

Разрѣшенные Спб. Врачебн. Управл.

ТИМОЛОВЫЙ Зубной элексиръ 1 руб.

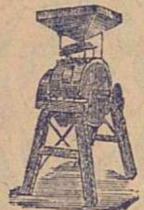
ТИМОЛОВЫЙ Зубной порошокъ 60 коп.

ГИГІЕНИЧЕСКІЙ Зубной элексиръ 60 коп.

С.-Петербургской

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.

Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45, Невскій просп., № 110, противъ Пушкинск., Петерб. сторон. Больш. проспектъ, № 28. **Москва**, Никольская, д. Шереметева.—Прейсъ-Куранты высылаются безплатно. Г. № 240



Вновь открытый

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Буркгардтъ и Урлаубъ ВЪ МОСКВѢ, Красносельская улица, д. № 601.

◆ СТРОИТЪ ◆

плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, соломорѣзки, локомобили, 3, 4 и 6 силъ, конные приводы, мельницы Тріумфъ, жнеи, косилки, конныя грабли, сѣнные пресса, насосы, пожарныя трубы и пр.

◆ КОНТОРЫ И СКЛАДЫ ◆

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. Остр., 1-я линія, № 10.

МОСКВА, Мясницкая, домъ Виноградова.

Иллюстриров. каталоги безплатно.

Тамъ-же продаются новые огнегасительные патроны.

◆ АНТИПИРЪ ◆

простое и быстродѣйствующее противопожарное средство по 15 р. за 1 дюж. и 8 р. за ½ дюж.

Ищутъ въ провинціи агентовъ.

№ 362 (5—1).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, ученую и литературную газету

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

съ еженедѣльными и ежемѣсячными

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

(Безъ повышенія подписной платы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ

«СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»:

Безъ доставки и пересылки:

На годъ 7 р. — —На 6 мѣс. 3 р. 60 к.
На 3 мѣс. 2 р. 25 к.—На 1 мѣс. — 75 к.

Съ доставкою и пересылкою:

На годъ 8 р. — —На 6 мѣс. 4 р. —
На 3 мѣс. 2 р. 50 к.—На 1 мѣс. 1 р. —

За границу съ пересылкою 14 р.

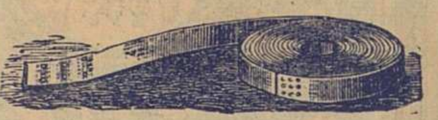
Вновь подписавшіеся получатъ всѣ вышедшіе уже нумера, начиная съ № 1-го, а также и Воскресныя приложенія.

Желающіе получить художественное приложеніе **«Крещеніе Кіевлянъ при св. князѣ Владимірѣ»** или **«Смерть Ивана Сусанина»**—высылаютъ на доставку **80 к.**

Также можно получать преміи журнала «Живописное Обозрѣніе: 1) **«Закатъ солнца въ зимній день»** и 2) **«Босфоръ при лунномъ освѣщеніи»**—съ доставкою по 3 руб. за экз., а **«Наводненіе»** 4 руб. за экз. съ доставкою.

Разсрочка допускается **исключительно** чрезъ **Главную Контору** на слѣдующіе сроки: при подпискѣ 3 р. Къ 1 апрѣля 3 р. Къ 1 іюня 2 р.

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., У Аничкина моста, д. № 68—40.



СКЛАДЪ

ЛУЧШИХЪ КОЖАНЫХЪ

РЕМНЕЙ

Евгеній БОТМАНЪ и Ко.

С.-Петербургъ, Большая Садовая, № 12.
Прейсъ-куранты безплатно.
№ 359 (2—1).

Водоочищающіе

С.-ПЕТЕРБУРГСКУЮ МАНУФАК. ВЫСТАВКА
КОРЕЛЬСКОМУ
1861

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку.

Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. № 228 (52—23)

Зубочистное средство

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ШВЕДСКІЙ

зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Антек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. № 1.**

№ 243 (57—21).

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА

ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ВОЛОСЪ

безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **во всѣхъ антекахъ и аптекрскихъ магазинахъ.**

№ 343 (15—8). *Пров. КИНУНЕНЪ.*

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

17-го Апрѣля, 1888. ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Годъ изданія 53-й.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р. Безъ доставки въ Спб.: **за годъ 6 р. 60 к.** Въ Москвѣ **безъ доставки** на годъ **7** руб. съ преміею (книжный магазинъ **И. Ф. Папкова**, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ №1 со всѣми приложеніями. За пересылку **преміи** цѣнною посылкою **рубль.**

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р., къ 1-му іюня **2** р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. **Отдѣльно книжка** приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 16

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—**25** копѣекъ.

На отвѣты прилагаются **двѣ** 7-ми копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черною и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

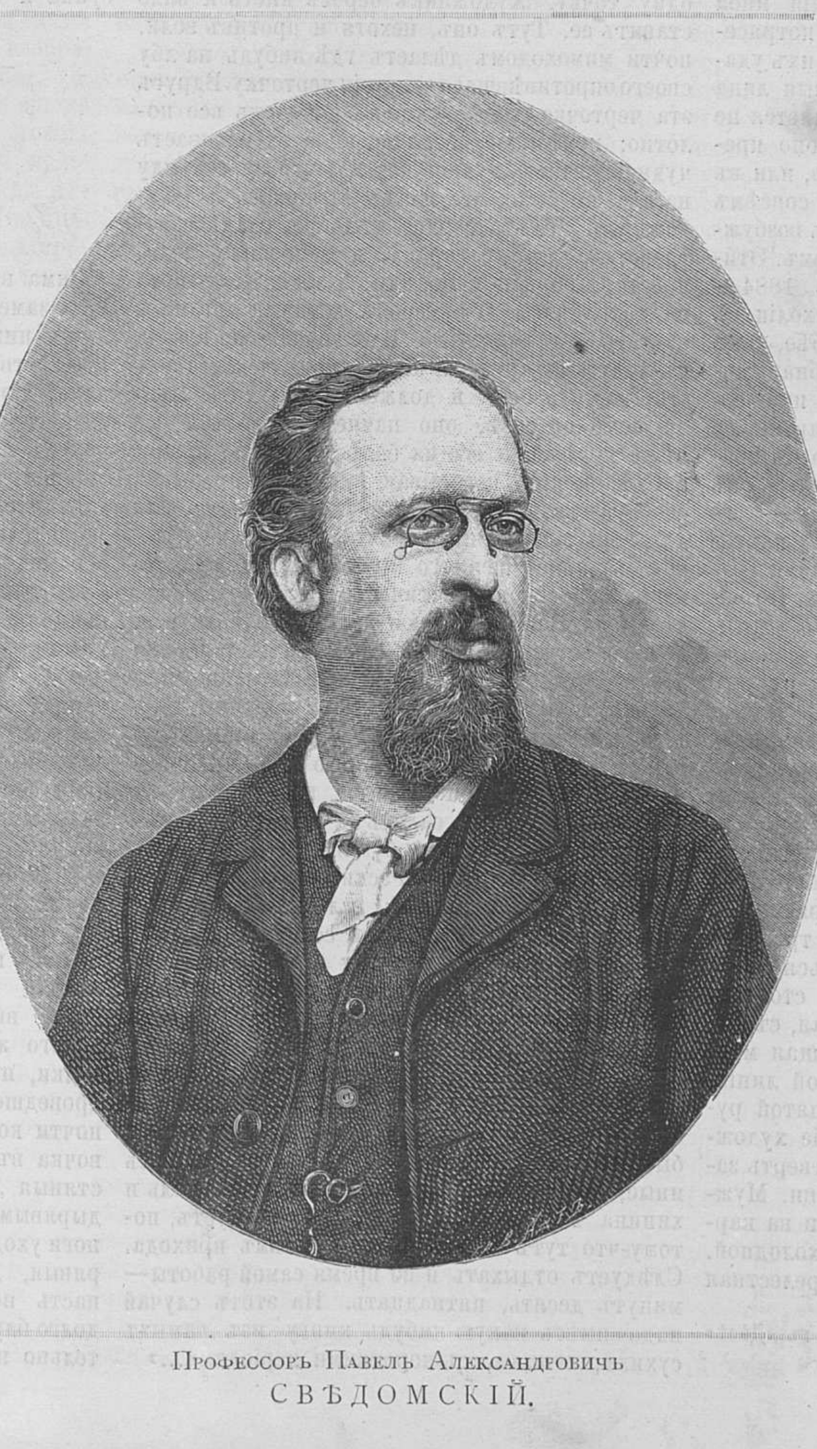
РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

П. А. Свѣдомскій.

Павелъ Александровичъ Свѣдомскій, талантливый живописецъ, работающій въ настоящее время въ кіевскомъ храмѣ св. Владиміра, родился въ богатой и свѣтской семьѣ въ Петербургѣ въ 1849 году. Развитіе его художественнаго таланта шло нѣсколько инымъ путемъ, чѣмъ артистическое образованіе и воспитаніе блестящей плеяды современныхъ русскихъ — живописцевъ. Будучи вполнѣ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, художникъ не былъ вынужденъ бороться съ нуждой и могъ вполнѣ отдаться любимому занятію, такъ что его ученическіе годы прошли довольно быстро. Двадцати-лѣтнимъ юношей онъ уѣзжаетъ заграницу учиться, и уже черезъ восемь лѣтъ выступаетъ вполнѣ развившимся художникомъ.

Первоначальной школой Свѣдомскаго была дюссельдорфская академія. Въ ней онъ пробылъ всего полгода, оставивъ ее по совѣту знаменитаго Мункачи. Мункачи-же руководилъ дальнѣйшими занятіями молодого художника. Когда Мункачи оставилъ Дюссельдорфъ, онъ передалъ Свѣдомскаго профессору Гебгарту, который и занимался съ П. А. полтора года. Затѣмъ художникъ работаетъ самостоятельно, живя съ 1875 года въ Римѣ.

Въ 1878 году Свѣдомскій появляется на выставкахъ съ двумя картинами: «Москва горитъ» и «Дочь камеліи». Сначала картины выставляются въ Римѣ на годичной выставкѣ, причемъ за вторую изъ нихъ автору присуждается медаль; затѣмъ оба произведенія появляются въ Петербургѣ на академической выставкѣ, «Дочь камеліи» — картина прекрасная по исполненію и трогательная по содержанію, — была замѣчена критикой и публикой.



Профессоръ Павелъ Александровичъ
СВѢДОМСКІЙ.

Въ 1880 году Свѣдомскій выставляетъ въ парижскомъ «Салонѣ» большую картину въ натуральную величину на сюжетъ изъ временъ первой революціи, «Предъ тюрьмою». Картина куплена Дюваленъ и перепродана въ Америку, американцу Moïse. Иллюстрированный журналъ «Нива», въ № 10, за текущій годъ, помѣстилъ снимокъ съ этой картины, довольно неудачно назвавъ ее «Жертва Революціи». Художникъ изобразилъ не одну только жертву, но и палачей. Богато одѣтая дама въ послѣднемъ моментѣ отчаянія заламываетъ руки и откидывается назадъ, умоляя солдатъ, стерегущихъ входъ въ тюрьму, пропустить ее къ заключенному. Еще секунда, и женщина упадетъ навзничь. Но солдаты ее не поднимутъ. Одинъ, сидящій, читаетъ «Cri du peuple», и его толстое, апатичное лицо неподвижно. Другой, напоминающій демона революціи, со злобнымъ наслажденіемъ не сводитъ глазъ съ лица женщины. Крошечная дѣвочка, съ чепчикомъ, упавшимъ на затылокъ, въ трогательной позѣ дѣтскаго ужаса и горя прячетъ лицо въ складахъ платья матери. Вдаль уходитъ узкая, огражденная колоссальными, неуклюжими домами, улица стараго, больного, совершавшаго надъ собою тяжкую операцію 89-го года, Парижа.

Слѣдующія по времени произведенія художника появляются также въ «Салонѣ»: въ 1881 году—«Юлія въ ссылкѣ», въ 1882—«Юродивый» и «Медуза». Послѣдняя куплена П. М. Третьяковымъ, въ Москвѣ. «Медуза», безспорно, самое значительное произведеніе Свѣдомскаго. Художникъ съ огромной силой передалъ то, что намѣтилъ въ одномъ изъ солдатъ картины «Предъ тюрьмою». Медуза Свѣдомскаго—воплощеніе демоническаго. Въ лицѣ Медузы соединены выраженіе глубокой, безвыходной скорби и печать неутолимой злобы. Скорбь — роковая, слѣдствіе и собственнаго грѣха, и паденія подъ ударами судьбы. Злоба — безпредѣльная. Поза Медузы такова, точно она въ ужасѣ отступаетъ предъ мысленнымъ созерцаніемъ самой-же себя. Мрачный, безнадежный пейзажъ довершаетъ впечатлѣніе.

Въ 1884 году Свѣдомскій выставляетъ въ академіи «Evohe Bacche» (собственность вел. кн. Константина Константиновича), «На берегахъ Понта» (собственность Ѳ. А. Терещенки, въ Кіевѣ) и «Предъ вѣнцомъ» (тоже принадлежитъ Ѳ. А. Терещенкѣ). Въ 1885 г., по заказу Н. Д. Селезнева, въ Москвѣ, написана «Школа невольницъ», а въ 1886—«Казнь цвѣтами» для г. Терещенки.

Всѣ послѣднія произведенія, какъ и остальныя, носятъ на себѣ печать не оставляющей кисти художника меланхоліи. Онъ смотритъ на міръ и человѣка не какъ на праздникъ; онъ не можетъ не видѣть, сколько на землѣ розлито горя и страданій. Эти страданія иной разъ проявляются въ общественныхъ потрясеніяхъ («Предъ тюрьмою»); иной разъ ихъ удары, раздробляясь, поражаютъ отдѣльныя лица («Медуза»). Но еще чаще горе проявляется не въ столь острыхъ формахъ; и тогда оно превращается или въ глухое недовольство, или въ неясныя предчувствія, а то такъ и совсѣмъ исчезаетъ, прогнанное искусственнымъ возбужденіемъ или искусственнымъ отупѣніемъ. Этито моменты выражсны въ картинахъ 1884—1886 годовъ. Однако, элементъ меланхоліи въ этихъ произведеніяхъ значительно слабѣе, такъ что его несомнѣнное присутствіе обнаруживается лишь въ связи съ картинами предшествующаго времени. Въ послѣднихъ картинахъ ярче выступаетъ стремленіе художника къ красивому, изящному, нѣжному. Въ сюжетахъ онъ не такъ пессимистиченъ. Въ краскахъ — онъ исполненъ необыкновеннаго вкуса; его картины — изящная, задумчивая, не лишенная грусти, но и не безсильная музыка цвѣтовъ. Позволяю себѣ привести то, что я писалъ о картинахъ Свѣдомскаго по послѣднимъ его вещамъ, когда упомянутая меланхолическая черта его дарованія еще ускользала отъ моего вниманія *). «Пиръ Геліогабала» или «Казнь цвѣтами» изображаетъ то мгновеніе, когда на опьяненныхъ гостей начинаютъ падать цвѣты, которыми ихъ задушитъ. Тутъ — женщины и мужчины, но первымъ, какъ болѣе изящной формѣ, отдано рѣшительное предпочтеніе. Мужчины или на заднемъ планѣ, или спрятаны за женщинъ. Главное мѣсто занимаютъ три красавицы. Одна заставляетъ любоваться своей грустью, другая веселостью; третья, стоящая къ зрителямъ спиной, полуобнаженная, съ рукой, заложенной на голову,—настоящая морская волна по безукоризненно изящной линіи, начиная отъ колѣна и до локтя поднятой руки. Послѣ женщинъ особое вниманіе художника обращено на цвѣты, уже на четверть завалившіе полъ, на игру свѣта и тѣни. Мужчинъ, дикаго разгула и вѣянія смерти на картинѣ мало, и она кажется нѣсколько холодной. То-же впечатлѣніе производитъ и прелестная сценка «На берегахъ Понта». Набережная Чернаго моря въ богатой греческой колоніи. Раннее утро. Сердитое море плещетъ, и дышетъ на городъ утреннимъ туманомъ. Двѣ утомленныя, слегка опьяненныя танцовщицы, обнявшись, идутъ домой, и на нихъ сонными и удивленными глазами смотритъ безобразный скифъ, спящій подъ стѣной. Тутъ на первомъ мѣстѣ опять женщина, изящество, грація, выступающія еще рельефнѣй рядомъ со скифомъ, совершенной свиньей по фигурѣ и тяжелой позѣ. Въ картинѣ «Передъ вѣнцомъ», въ невѣстѣ, струсившей жениха и спрятавшейся на лежанку гдѣ-то въ задней комнатѣ дома, снова главное—граціозная, кошачья поза женщины и безупречная игра бѣлыхъ цвѣтовъ атласа на платьѣ, бѣлыхъ стѣнъ и слегка задымленной бѣлой печки. Краски и линіи — вотъ поэзія Свѣдомскаго». Прибавьте къ этому меланхолическое настроеніе автора, и вы будете имѣть всего Свѣдомскаго.

Мнѣ остается сказать о томъ, какъ работаетъ Свѣдомскій, потому что способъ работы отражается на произведеніяхъ артиста. Вотъ что писалъ я объ этомъ лѣтомъ 1886 г., послѣ знакомства съ Васнецовымъ и Свѣдомскимъ, начинавшимъ тогда свои работы въ храмѣ св. Владиміра, и долгихъ и частыхъ бесѣдъ съ ними. «Интересно слушать, какъ оба художника разсказываютъ о процессѣ своего творчества. Васнецовъ и объ этомъ говоритъ волнуясь и съ широкими жестами. Художникъ не всегда расположенъ работать. Часто—не только лѣнь, — но все противно: и картины, и самъ себѣ, и публика, и все искусство, пожалуй даже—весь міръ Божій. Легъ-бы да и лежалъ, а лучше того — заснулъ-бы да и не просыпался. Но нужно поправить глазъ начатой головѣ, всего одну точку. Художникъ беретъ кисть и вяло ставитъ ее. Тутъ онъ, нехотя и противъ воли, почти мимоходомъ дѣлаетъ гдѣ-нибудь на лбу своего опротивѣвшаго созданія черточку. Вдругъ эта черточка, какъ молніей освѣщаетъ все полотно; противное, безжизненное вздрагиваетъ чудной жизнью, чудной потому, что ея секунду назадъ не было; эта жизнь пролилась изъ художника. Что-то гордое, сильное, сладкое затрепетало въ его сердцѣ и запросило воли, простора борьбы и побѣды. И закипѣла работа на долгіе часы, до сумерокъ, которыя могли-бы настать сутками позже. Вдохновеніе не всегда къ услугамъ артиста, но онъ можетъ заставить его служить себѣ и долженъ заставлять. Иначе, само по себѣ, оно начнетъ являться все рѣже и рѣже, и все на болѣе короткое время.

Свѣдомскій, посасывая сигару и прерывая свой разсказъ для мелкихъ услугъ дамамъ, или для серьезныхъ выговоровъ ресторанному лакею за пересушеннаго цыпленка, къ вдохновенію относится скептически. Онъ—не юноша, чтобы не вѣрить въ свои силы и волноваться. У него есть воображеніе и вкусъ, и—рано или поздно—они нѣчто изобрѣтутъ. Случайно приходитъ только сюжетъ будущей картины, но и тутъ вовсе не вдохновеніе, а счастливый случай. Разработка сюжета—чисто дѣло прилежанія и знанія — при талантѣ, разумѣется. Съ утра, послѣ ванны, садись за работу и не смѣй отойти отъ полотна или бумаги до положеннаго часа. Если набросанный эскизъ тебя не удовлетворяетъ, дѣлай другой; если плохъ второй, засади себя за третій. Если сочетаніе красокъ рѣжетъ глазъ, бери палитру и ищи гармоніи. Если рисунокъ невѣренъ, подъучи руку и глазъ на натурѣ. Въ концѣ концовъ сюжетъ будетъ скомпакованъ, нарисованъ и написанъ правильно, красиво и цѣльно; работая, дашь произведеніе истиннаго искусства. А кончилъ работать—непремѣнно слѣдуетъ отдохнуть, чтобы быть свѣжимъ на завтра. Зарабатываться, какъ иные, до безсонницы, валерьяновыхъ капель и хинина ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, потому-что тутъ больше расхода, чѣмъ прихода. Слѣдуетъ отдыхать и во время самой работы—минутъ десять, пятнадцать. На этотъ случай надо имѣть какую-нибудь книгу изъ самыхъ сухихъ, ясныхъ, съ короткими періодами...»

Послѣ этого читателю станетъ понятна параллель, сдѣланная мною между Васнецовымъ и Свѣдомскимъ:

«Свѣдомскій — почти полная противоположность Васнецову. Пріятели въ шутку называютъ второго самосожигателемъ, а перваго—римляниномъ временъ имперіи. Есть два типа современнаго художника. Одинъ—преобладающій типъ,—человѣкъ изъ народа; другой—баринъ, обыкновенно,—дворянинъ хорошей, помѣщичьей фамиліи, не безъ солидныхъ связей съ чиновнымъ и родовитымъ Петербургомъ. Одинъ росъ и выросъ, какъ дерево въ лѣсу. Его заглушали старики, топтала и объѣдала скотина, не разъ чуть не срѣзалъ на хворостину мужикъ; зимой его губило морозомъ, весной—солнцепеками, лѣтомъ—лѣсной сыростью. Но сильное, упрямое деревцо все выдержало, дотянулось до солнца и тутъ уже показало себя, всю свою могучую жизненность. Другой росъ если не въ оранжереѣ, то въ саду, окруженный заботами садовника, который придалъ ему и изящную форму, и плодородіе. Первый—борецъ—все беретъ съ боя. Второй—рантьеръ—получаетъ проценты съ капитала въ банкѣ. Въ произведеніяхъ перваго отражается мятежная сила; второй—спокойно изященъ. Если размѣщать названныхъ художниковъ по приведеннымъ рубрикамъ, то Васнецовъ будетъ самосожигатель, а Свѣдомскій — римлянинъ имперіи».

О «Новомъ Завѣтѣ», который П. А. Свѣдомскій пишетъ въ кіевскомъ храмѣ св. Владиміра читатель можетъ судить по снимкамъ съ картоновъ художника. Конечно, копіи лишены той «музыки красокъ», которой такъ мастерски владѣетъ живописецъ, но и по нимъ можно судить о строгости стиля, точности рисунка и изяществѣ композиціи.

В. Л. Дѣдловъ.

ГРЕЗА.

Новый романъ **Э. Золя.**

Перев. П. А. Каншина.

I.

Зима въ 1860 году стояла крайне суровая. Уаза замерзла, глубокіе снѣга покрывали равнины нижней Пикардіи, а въ самый день Рождества Христова, налетѣвъ съ сѣверо-запада, поднялась такая сильная мятель, что весь городокъ Бомонъ былъ буквально похороненъ подъ снѣжными заносами. Снѣгъ, пошедшій съ утра, къ вечеру еще усилился, такъ что и безъ того уже толстый слой его значительно увеличился въ теченіи ночи. Въ верхней части города, гдѣ находится улица «Золотыхъ дѣлъ мастеровъ», въ одинъ изъ концовъ которой словно вправлена сѣверная колоннада собора, масса снѣга, гонимая вѣтромъ, безпрепятственно проносилась вдоль улицы, но, встрѣчая преграду въ воротахъ Св. Агнесы, укладывалась глубокими сугробами около этой древней романской, почти готической постройки, въ изобиліи украшенной изваяніями. За эту ночь около собора снѣга накопилось, по крайней мѣрѣ, фута на три.

Всѣ обыватели этой мѣстности, вѣроятно полѣниваясь послѣ вчерашняго праздника, еще спали. Пробило шесть часовъ. Среди мрака, принимавшаго, благодаря медленно и упорно падавшему снѣгу, голубоватый оттѣнокъ, виднѣлись неясныя очертанія только одного живого существа, девятилѣтней дѣвочки, пріютившейся подъ сводами воротъ и проведшей тамъ всю ночь, ежась, дрожа и почти коченѣя отъ холода. Одѣта была дѣвочка въ старыя, до дыръ изношенныя шерстяныя лохмотья. Голова ея обмотана была дырявымъ фуляровымъ платкомъ; босыя-же ноги уходили въ грубыя, стоптанныя, тоже дырявыя, мужскія штиблеты. Прежде чѣмъ попасть подъ эти своды, дѣвочка, повидимому, долго блуждала по городу, потому что положительно падала отъ усталости. Тутъ для нея былъ конецъ вселенной: во всемъ остальномъ мірѣ для нея очевидно не существовало никого и ничего, кромѣ круглаго одиночества, полнѣйшей заброшенности, терзаній голода и безпріютнаго холода, сводящаго въ могилу. Казалось, это слабое и беззащитное созданіе, подавленное или, вѣрнѣе, въ конецъ раздавленное гнетомъ душевной тоски и физической усталости, совсѣмъ переставало бороться; въ немъ сохранились только послѣдніе остатки чувства самосохраненія, выражавшіеся въ инстинктивныхъ попыткахъ перемѣнять мѣсто, когда шумные порывы вѣтра черезъ чуръ свирѣпо взметали вокругъ малютки снѣжную пыль, обдавая лицо ея холодными и колючими иглами.

---

*) Писано лѣтомъ 1886 года. Напечатано въ «Дѣлѣ» 1887 г. № 6.

Время шло: одинъ часъ пролеталъ за другимъ. Продрогшая дѣвочка сначала долго стояла прислонившись къ простѣнку между двумя просвѣтами, украшенному изваяніямъ такого-же беззащитнаго и юнаго созданія, какъ и она сама, то-есть Св. Агнесы, тринадцатилѣтней мученицы, съ пальмовой вѣтвью въ рукѣ и съ изваяннымъ-же барашкомъ у ея дѣтскихъ ногъ. На стѣнѣ, надъ головою праведницы, развертывалась въ горельефныхъ изображеніяхъ вся полная наивной вѣры легенда о юной мученицѣ. Тутъ она, будущая Христова Невѣста, представлена вся закрытая длинными распущенными волосами, по преданію, выросшими въ нѣсколько мгновеній и замѣнившими собою одежду, когда начальникъ провинціи, разгнѣванный сопротивленіемъ дѣвушки, не хотѣвшей отдаться его сыну, велѣлъ обнажить ея цѣломудренное тѣло и въ такомъ видѣ отправить ее въ притонъ порока; далѣе изображено, какъ пламя костра, само собою отстраняясь отъ тѣла дѣвушки, жгло самихъ палачей, когда тѣ поджигали этотъ костеръ; еще далѣе представлены чудеса, совершенныя костями праведницы, и ея писанными изображеніями: чудесныя изцѣленія Констанціи, дочери императора отъ проказы и священника Павлина, долго терзавшагося непреодолимымъ желаніемъ вступить въ брачный союзъ и, по совѣту папы, предложившаго иконѣ Св. Агнесы украшенное изумрудомъ кольцо. По преданію, писанное изображеніе праведницы протянуло палецъ, потомъ съ надѣтымъ уже на него кольцомъ снова прижало его къ груди; при этомъ кольцо навсегда осталось на пальцѣ иконы, а Павлинъ былъ изцѣленъ. Еще выше на стѣнѣ изображенъ былъ пріемъ, встрѣченный юной праведницей на небесахъ. Дѣвочка-ребенокъ стоитъ, окруженная сіяніемъ, а предвѣчный женихъ ея, Христосъ, божественнымъ поцѣлуемъ даетъ ей вкусить небесное блаженство.

Однако, когда вѣтеръ, все сильнѣе крутя снѣжные вихри и грозя совсѣмъ занести доступъ подъ своды колоннады, обдавалъ дѣвочку пушистыми хлопьями, малютка инстинктивно искала защиты по сторонамъ, гдѣ у откосовъ, расширявшихъ косяки, на подстолбіяхъ виднѣлись изваянія другихъ дѣвственныхъ праведницъ, служащихъ почетнымъ конвоемъ св. Агнесѣ. Такихъ изваяній съ каждой стороны «Христовой Невѣсты» по три: направо отъ нея—Доротея, получавшая чудеснымъ образомъ пищу въ темницѣ, заключенныя въ башнѣ Варвара и Женевьева, спасшая Парижъ своею дѣвственною чистотою; налѣво—Агата, съ изувѣченными и вырванными грудями; Христина, мучимая роднымъ отцемъ, бросавшимъ ей въ лицо куски ея-же тѣла, и, наконецъ, Цецилія, удостоившаяся любви ангела. Надъ этими шестью праведницами — еще три ряда тѣсно прижавшихся одна къ другой непорочныхъ дѣвъ, поднимающихся къ вершинамъ сводовъ, такъ что всѣ три простѣнка и стѣна надъ ними наполнены изображеніями обнаженнаго, но непорочнаго тѣла угодницъ Божіихъ, въ нижнихъ рядахъ терзаемыхъ пытками и принимающихъ мученическій вѣнецъ, а въ верхнихъ встрѣчаемыхъ вереницами летящихъ къ нимъ серафимовъ, готовыхъ ввести ихъ въ вѣчное Царство Свѣта.

Пробило восемь часовъ. Становилось совсѣмъ свѣтло. Давно уже ничто не защищало несчастную дѣвочку. Вокругъ нея намело такіе сугробы рыхлаго снѣга, что онъ дошелъ-бы ей до плечъ, еслибы она вздумала забраться на одинъ изъ нихъ. Стѣны сводовъ, словно обтянутыя горностаемъ, были сплошь улѣплены пушистыми бѣлыми хлопьями, межъ тѣмъ какъ весь фасадъ собора попрежнему оставался сѣрымъ: ни одна снѣжинка не приставала къ обнаженной и совершенно гладкой поверхности его стѣнъ. Въ особенности много снѣга нападало на изваянія праведницъ, стоявшихъ внизу на подстолбіяхъ; изваянія эти были покрыты имъ съ ногъ до головы, какъ дѣвственно-бѣлыми розами. Сцены, изображенныя въ простѣнкахъ и на вершинахъ сводовъ, казались свѣтлыми линіями, проведенными на темномъ фонѣ, а на самомъ верху, гдѣ изваяно было обрученіе св. Агнесы, архангелы какъ будто осыпали «Христову Невѣсту» дождемъ изъ бѣлыхъ розъ; само-же изваяніе юной дѣвственницы, съ барашкомъ, лежавшимъ у ея ногъ, и съ пальмовою вѣтвью, неподвижно, словно окоченѣлое, стоя на высокомъ цоколѣ и убранное въ бѣлыя одежды, не омраченныя ни однимъ темнымъ пятнышкомъ, было какъ будто вылѣплено изъ снѣга, и отъ близости этой снѣжной статуи, казалось, распространялся такой холодъ, что отъ него застылъ весь полетъ счастливыхъ избранницъ, стремящихся къ небесамъ, а у самыхъ ногъ св. Агнесы въ полузабытьи пріютилось несчастное, тоже побѣлѣвшее отъ снѣга созданіе и какъ этою бѣлизною, такъ и почти полной своею неподвижностью до того было похоже на окружавшія его изваянія, что можно было подумать, будто и оно такое же каменное, какъ всѣ остальныя изображенія праведницъ, у ногъ которыхъ оно коченѣло.

Однако, стукъ растворяемаго ставня въ одномъ изъ безмолвныхъ до тѣхъ поръ фасадовъ ближайшихъ домовъ заставилъ дѣвочку невольно вскинуть кверху глаза. Вмѣстѣ съ ставнемъ въ верхнемъ этажѣ сосѣдняго дома раскрылось окно, и въ немъ показалась женщина, лѣтъ подъ сорокъ, полная брюнетка, съ такимъ красивымъ лицомъ, что оно необыкновеннымъ изяществомъ и правильностью чертъ тоже напоминало мраморное изваяніе. Женщина эта, увидавъ движеніе дѣвочки, не смотря на сильную стужу, не отошла отъ раскрытаго окна, а осталась, какъ была, съ вытянутою впередъ обнаженною рукою. Выраженіе удивленія и состраданія появилось на ея спокойномъ лицѣ; но вдругъ по ея тѣлу отъ холода пробѣжала дрожь, и она снова захлопнула окно, унося въ памяти представшее передъ нею неожиданное видѣніе бѣлокурой дѣвочки съ голубовато-сѣрыми глазами, цвѣтомъ похожими на весеннія фіалки, и съ головою, повязанною дырявымъ фуляровымъ лоскутомъ. Образъ этой дѣвочки съ продолговатымъ, посинѣвшимъ отъ холода лицомъ, съ хотя нѣсколько длинной, но граціозной шеей, напоминавшей стебель лиліи, съ покатыми плечами, съ маленькими на половину уже окоченѣвшими руками и ногами. Только одинъ легкій паръ, носившійся надъ устами ребенка, доказывалъ, что ребенокъ этотъ еще живъ.

Между тѣмъ, бѣдная дѣвочка, машинально раскрывъ глаза, такъ и осталась, устремивъ неподвижный взглядъ на узкій двухъ-этажный и очень старинный домъ, построенный еще въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. Домъ этотъ ютился между двумя выступами собора, словно бородавка между пальцами на ногѣ какого-нибудь исполина. Благодаря такому выгодному положенію, онъ отлично сохранился: и нижній этажъ, выстроенный изъ обтесаннаго камня, и верхній деревянный съ кирпичными столбами, и высокая крутая крыша, выступавшая по крайней мѣрѣ на цѣлый метръ надъ гребнемъ стѣнъ, и башенка съ помѣщавшеюся въ ней лѣстницей, лѣпившаяся къ лѣвому углу зданія съ своимъ узкимъ окномъ, гдѣ еще виднѣлись остатки свинцовыхъ перекладинъ, замѣнявшихъ деревянную оправу для стеколъ,—все почти оставалось въ своемъ первобытномъ видѣ. Теченіе времени вызвало, однако, кое-какія измѣненія и поправки. Черепичная кровля, вѣроятно, относилась къ эпохѣ Людовика XIV; стиль этой эпохи ясно сказывался и во многихъ другихъ перестройкахъ и прибавкахъ, какъ, напримѣръ, въ слуховомъ окнѣ, пробитомъ въ нижней части башенки и въ замѣнѣ свинца деревомъ въ перекладинахъ оконныхъ рамъ; вмѣсто трехъ оконъ въ верхнемъ этажѣ, соединенныхъ въ одно, образовалось теперь только два, такъ какъ среднее было задѣлано кирпичами; вслѣдствіе чего возстановилась симметрія между древнимъ зданіемъ и другими сосѣдними постройками, воздвигнутыми въ сравнительно позднѣйшія времена. Произошли измѣненія и въ нижнемъ этажѣ: вмѣсто прежней, обитой желѣзомъ, входной двери подъ башенкой, появилась рѣзная дубовая дверь, а въ срединѣ зданія сверху, снизу и съ боковъ забрали камнями части полукруглаго или стрѣльчатаго пролета, доходившаго до земли, такъ что получилось четыреугольное широкое окно.

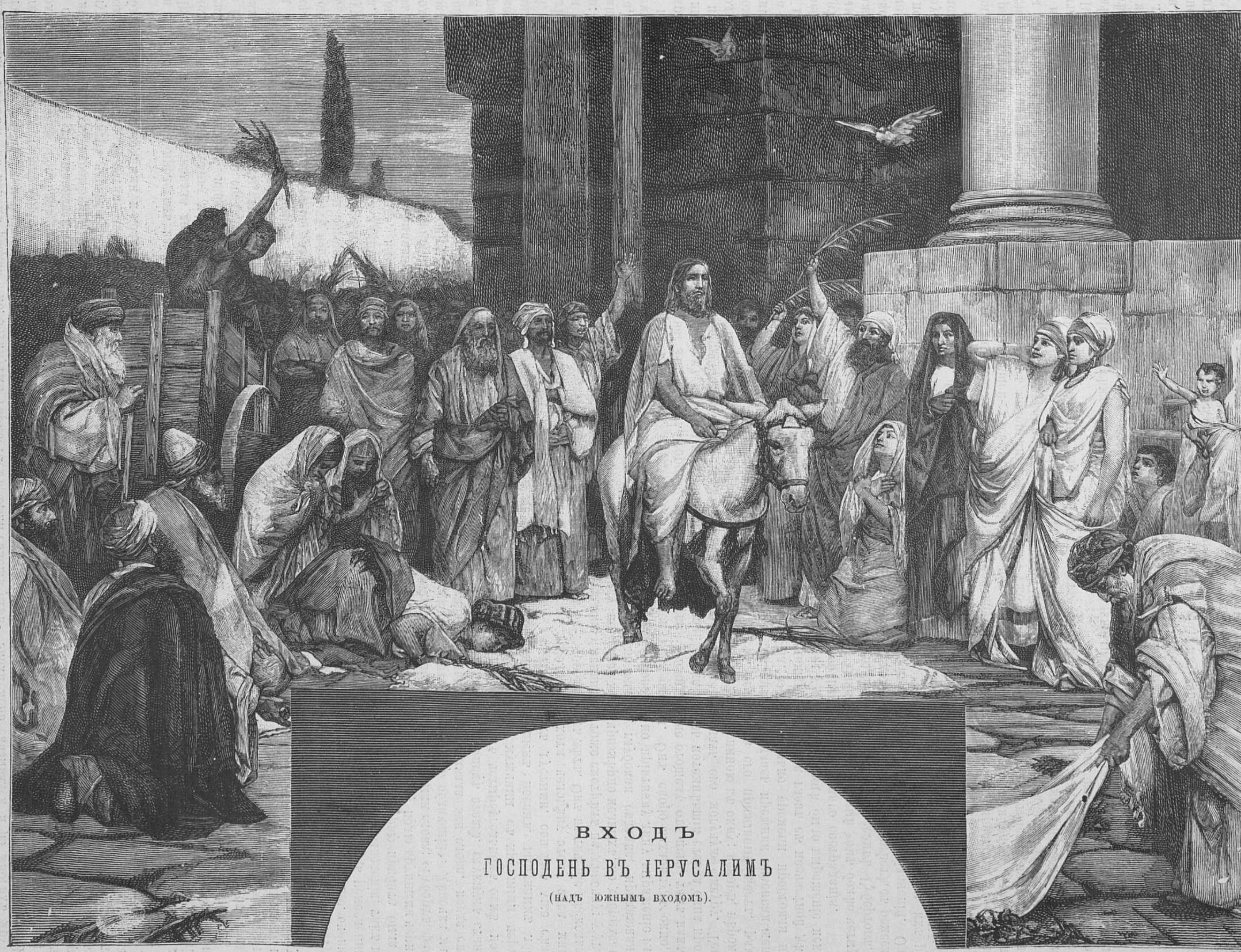
Дѣвочка безсознательно продолжала смотрѣть на это заботливо содержимое жилище, очевидно принадлежавшее какому-нибудь ремесленнику, самостоятельному хозяину заведенія, такъ какъ рядомъ съ входною дверью прибита была вывѣска, гдѣ по желтому полю крупными черными буквами выведены были слова: «Губертъ, фабрикантъ церковныхъ облаченій». Дѣвочка машинально перечитывала эти слова, когда снова, но уже въ нижнемъ этажѣ, стукнулъ ставень, и въ большомъ четыреугольномъ окнѣ появилась фигура мужчины съ крупными чертами лица, орлинымъ носомъ, выпуклымъ лбомъ, увѣнчаннымъ густыми, совсѣмъ уже сѣдыми волосами, хотя человѣку этому едва минуло сорокъ пять лѣтъ. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній тоже смотрѣлъ на дѣвочку; у угловъ его, хотя чрезмѣрно полныхъ, но добрыхъ губъ появилась глубокая складка, придавшая его суровому, но пріятному лицу выраженіе глубокой скорби. Онъ скоро захлопнулъ окно, но, очевидно, не отошелъ отъ него, такъ какъ дѣвочка сквозь потемнѣвшія стекла окна продолжала различать его могучую фигуру. Теперь онъ стоялъ спиною къ окну; вскорѣ, вѣроятно, въ отвѣтъ на его призывный жестъ, рядомъ съ нимъ появилась прежняя красивая женщина. Оба нѣсколько времени простояли неподвижно, не сводя глазъ съ несчастной дѣвочки; у обоихъ на лицѣ было выраженіе искренней грусти, искренняго состраданія.

Означенный старинный домъ болѣе четырехъ столѣтій принадлежалъ семьѣ Губертовъ, переходя отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ ремесломъ поставщиковъ церковныхъ облаченій. Одинъ изъ предковъ Губерта, основатель ихъ рода, выстроилъ этотъ домъ при Людовикѣ XI; другой реставрировалъ его въ царствованіе Людовика XIV; теперешній его хозяинъ продолжалъ ремесло своихъ предковъ, то-есть ткалъ и вышивалъ церковныя ризы. Двадцати лѣтъ отъ роду, онъ такъ страстно полюбилъ шестнадцатилѣтнюю красавицу Губертину, что, получивъ отказъ отъ матери послѣдней,—она не въ мѣру гордилась тѣмъ, что покойный мужъ ея принадлежалъ къ судейскому сословію, — похитилъ любимую дѣвушку и тайкомъ женился на ней. Губертина дѣйствительно была поразительно хороша собою; этой взаимной любовью ограничивался весь ихъ романъ, всѣ радости ихъ жизни; отъ нихъ произошло и все ихъ горе. Мѣсяцевъ черезъ восемь послѣ свадьбы мать Губертины опасно занемогла. Дочь явилась къ ней просить прощенія.

Но злопамятная старуха даже на смертномъ одрѣ не только не простила дочери, но прокляла ее и лишила наслѣдства. Губертина въ это время была беременна, и недоношенный ребенокъ, родившійся въ тотъ-же вечеръ, тутъ-же умеръ. Упрямая буржуазка даже въ могилѣ, вѣроятно, не помирилась съ дочерью, потому что горячее желаніе молодыхъ супру-

НОВОСТРОЮЩІЙСЯ ХРАМЪ СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

Съ картона профессора П. Сведомскаго, рисовалъ для журн. «Живоп. Обозр.» Н. Проскурнинъ



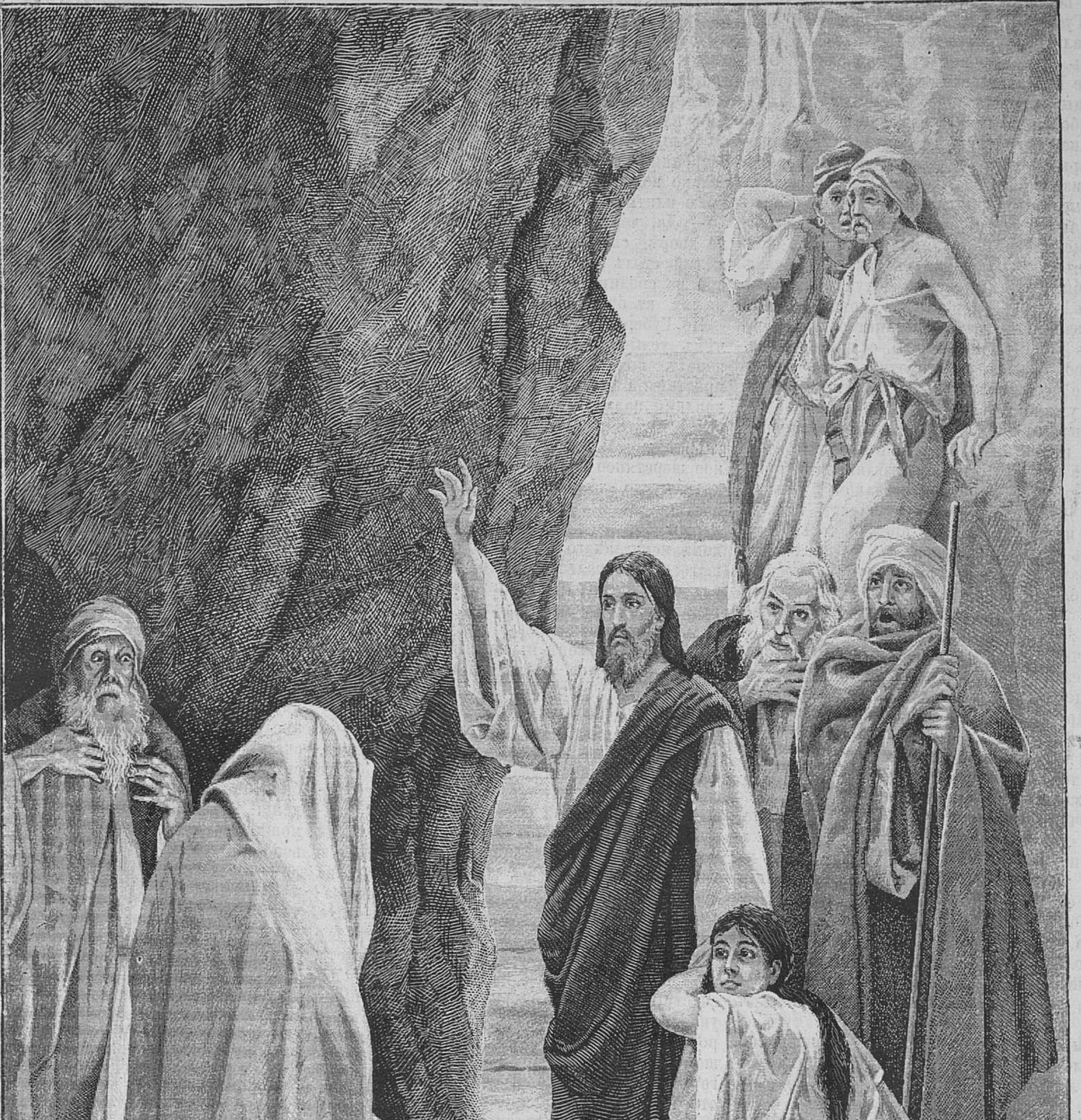
ВХОДЪ

ГОСПОДЕНЬ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ

(надъ южнымъ входомъ).

НОВОСТРОЮЩІЙСЯ ХРАМЪ СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

Съ картона профессора П. Свѣдомскаго, рисовалъ для журн. «Живоп. Обозр.» Т. Никитинъ.



Воскрешеніе Лазаря

(НАДЪ ЗАПАДНЫМЪ ВХОДОМЪ).

говъ имѣть дѣтей такъ и не осуществилось. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать четыре года, и какъ Губертъ, такъ и его жена все еще продолжали оплакивать того ребенка, котораго лишились въ самую минуту его рожденія. Они безплодіе Губертины считали загробной местью покойницы и совершенно потеряли надежду когда-либо умилостивить ее.

Дѣвочка, смущенная ихъ взглядами, старалась укрыться за цоколемъ, на которомъ стояло изваяніе Св. Агнесы. Ее тревожила также мысль, что обыватели улицы начинали пробуждаться; лавки отпирались; кое-гдѣ показывались пѣшеходы. Улица «Золотыхъ дѣлъ мастеровъ», упиравшаяся въ боковой фасадъ собора, была-бы совершеннымъ тупикомъ (такъ какъ съ одной стороны ея домъ Губерта плотно занималъ все пространство между сосѣднимъ домомъ и церковью), если-бы съ другой стороны, какъ разъ противъ означеннаго дома, не пролегалъ узенькій переулокъ, называемый улицей «Солнца», тянувшійся до самой Монастырской площади. Двѣ богомолки, знавшія всѣхъ въ Бомонѣ, вышли изъ этого переулка и съ удивленіемъ взглянули на пріютившуюся подъ воротами незнакомую имъ нищенку. Снѣгъ продолжалъ падать такъ-же упорно и медленно, какъ прежде, только стужа какъ будто усилилась съ наступленіемъ бѣлесоватаго утра; издали глухо доносился звукъ человѣческихъ голосовъ, заглушаемый бѣлымъ саваномъ снѣга, окутывавшимъ городъ.

Дѣвочка, дикая отъ природы, стыдившаяся своей безпомощности, какъ проступка, старалась еще дальше запрятаться за цоколь статуи. Вдругъ она увидала передъ собою Губертину. Послѣдняя, не имѣя прислуги, сама ходила по утрамъ покупать хлѣбъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила красивая женщина:—Кто ты такая?

Дѣвочка ничего не отвѣтила, и только старалась еще болѣе скрыть свое лицо. Отъ холода она уже не чувствовала ни рукъ, ни ногъ и уже почти совсѣмъ теряла сознаніе; сердце ея, какъ будто превращаясь въ кусокъ льда, совсѣмъ переставало биться. Когда Губертина, съ выраженіемъ состраданія покачавъ головою, удалилась, дѣвочка, утративъ послѣднія силы, сначала упала на колѣни, а потомъ, словно снопъ, совсѣмъ повалилась въ снѣгъ, пушистыя хлопья котораго тутъ-же закрыли ее почти совершенно. Возвращаясь изъ булочной, Губертина увидала, что дѣвочка лежитъ въ снѣгу, и снова подошла къ ней.

— Послушай, милая! сказала она. — Тебѣ здѣсь оставаться нельзя.

Тутъ Губертъ, тоже вышедшій на улицу и остановившійся на крыльцѣ своего дома, взялъ у жены хлѣбъ и сказалъ:

— Возьми ее на руки и отнеси въ комнату.

Губертина, не говоря ни слова, нагнулась и своими мощными руками подняла малютку, оказавшуюся не тяжелѣе птички, выпавшей изъ гнѣзда. Дѣвочка не сопротивлялась; она, вся похолодѣлая, лежала, словно неодушевленный предметъ, со стиснутыми зубами и съ закрытыми глазами.

Когда всѣ снова вошли въ домъ, мужъ затворилъ дверь, а жена съ своею ношею, миновавъ комнату, выходившую на улицу и служившую гостиной, гдѣ, какъ на выставкѣ, у четырехугольнаго окна разложены были образцы матерій и вышивокъ для ризъ, прошла прямо въ обширную кухню, служившую нѣкогда общей сборной комнатой и сохранившуюся въ томъ видѣ, въ какомъ она была нѣсколько столѣтій тому назадъ. Бревенчатый потолокъ, вымощенный каменными плитами полъ, починенный по крайней мѣрѣ мѣстахъ въ двадцати; громадный каминъ съ каменною полкой; на стѣнахъ—другія деревянныя полки, на которыхъ разставлена была кухонная посуда, горшки, лохани, кастрюли и другая мѣдная, оловянная, фаянсовая и старая каменная посуда, въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ столѣтій, переходившая отъ одного поколѣнія къ другому,—все было то же и стояло на томъ-же самомъ мѣстѣ, какъ въ старину. Въ каминѣ, однако, виднѣлся таганъ новѣйшей конструкціи съ чугунной плитою и разными блестящими мѣдными принадлежностями. Теперь плита раскалена была до красна; слышно было, какъ вода кипѣла въ котелкѣ; кофе, сваренный на молокѣ, былъ уже готовъ и только подогрѣвался, стоя въ кастрюлѣ на краю плиты.

— Да, чортъ возьми! Здѣсь пріятнѣй, чѣмъ на дворѣ, сказалъ мужъ, кладя хлѣбъ на тяжелый столъ временъ Людовика XIII, стоявшій на срединѣ комнаты.—Посади, ее, бѣдняжку, къ огню; пусть отогрѣется.

Но Губертина уже исполнила это прежде, чѣмъ услышала совѣтъ мужа. Дѣвочка сидѣла передъ ярко топящимся каминомъ; снѣгъ, приставшій къ ея платью, таялъ и тяжелыми каплями падалъ на полъ. Сквозь дыры грубыхъ мужскихъ штиблетъ проглядывали ея наболѣвшія и посинѣвшія ноги, а изношенное шерстяное платье обрисовывало худобу ея крошечнаго тѣла, измученнаго нищетой и страданіемъ. По всѣмъ членамъ ея пробѣжала дрожь; она растерянно раскрыла глаза съ видомъ испуганнаго звѣрка, внезапно проснувшагося въ западнѣ. Лицо ея какъ будто еще болѣе ушло подъ дырявый лоскутъ, завязанный подъ ея подбородкомъ. Она до того сильно прижимала правую руку къ груди, что Губерту и его женѣ въ первыя минуты показалось, будто она ею не владѣетъ.

— Успокойся, крошка!.. Не бойся; ничего дурного мы тебѣ не сдѣлаемъ.

Но чѣмъ болѣе съ нею говорили, тѣмъ сильнѣе она тревожилась и даже пугалась, безпрестанно повертывая голову, какъ будто сзади нея стоялъ кто-то и собирался ее избить. Она украдкой быстрымъ взоромъ окинула комнату, сразу увидавъ и бревенчатый потолокъ, и каменный полъ, и блестящую мѣдную посуду. Потомъ взглядъ ея упалъ на два неправильныя окна, сдѣлавшіяся неправильными вслѣдствіе передѣлки, а съ нихъ перешелъ далѣе на епископскій садъ съ его покрытыми снѣгомъ деревьями, бѣлые силуеты которыхъ возвышались надъ оградой, и несчастный ребенокъ, казалось, съ удивленіемъ увидалъ налѣво передъ собою соборъ, съ его романскими окнами и съ стрѣльчатыми нишами его капеллъ. Не смотря на яркій огонь, горѣвшій въ каминѣ и уже начинавшій ее отогрѣвать, сильная дрожь снова пробѣжала по всему тѣлу малютки; она снова устремила глаза въ полъ и словно замерла на мѣстѣ.

— Здѣшняя ты или нѣтъ? Кто твой отецъ?

Вопросы эти снова остались безъ отвѣта. Губертъ, вообразивъ, что судорожное сжатіе горла не даетъ малюткѣ произнести ни слова, сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Вмѣсто того, чтобы ее разспрашивать безъ толка, налей-ка ей лучше горячаго кофе. Отъ него она скорѣе оправится.

Совѣтъ этотъ былъ настолько благоразуменъ, что Губертина тотчасъ отдала дѣвочкѣ ту чашку, которую налила было для себя. Пока добрая женщина отрѣзывала для дѣвочки толстые ломти хлѣба, та недовѣрчиво продолжала пятиться назадъ; терзанія голода взяли, однако, верхъ надъ дикою робостью, и пугливый ребенокъ принялся ѣсть съ жадностью. Чтобы не стѣснять несчастную, мужъ и жена молчали; сердце ихъ сжималось до боли при видѣ дѣвочки, рученка которой дрожала до такой степени, что едва была въ силахъ подносить къ губамъ чашку и куски хлѣба. Она то и другое брала одною лѣвою рукою, такъ какъ правая по-прежнему плотно была прижата къ груди. Съѣвъ хлѣбъ и выпивъ кофе, дѣвочка чуть не разбила чашки, нечаянно задѣвъ ее локтемъ съ неловкимъ движеніемъ калѣки.

— У тебя, должно быть, болитъ рука? спросила Губертина... Не бойся, крошка, покажи, въ чемъ дѣло.

Но когда она дотронулась до дѣвочки, та въ какомъ-то дикомъ изступленіи вскочила съ мѣста и начала отбиваться. Во время этой минутной борьбы, она, забывшись, отняла отъ груди руку и сквозь одну изъ дыръ ея лифа выпала небольшая переплетенная книжка, которую бѣдняжка до тѣхъ поръ бережно прижимала къ тѣлу. Она съ гнѣвно сжатыми кулаками бросилась было отнимать свое тщательно оберегаемое сокровище, но видя, что мужъ и жена раскрыли книгу и начали разсматривать, остановилась.

Оказалось, что это одна изъ тѣхъ книжекъ, которыя управленіе воспитательнаго дома сенскаго департамента, вмѣсто вида, выдаетъ своимъ питомцамъ. На первой страницѣ подъ медальономъ съ портретомъ Сенъ-Венсанъ-де-Поля, стояли напечатанныя слова:—«Фамилія питомца или питомицы». Противъ этихъ словъ просто была чернилами проведена черта, наполнявшая пустое мѣсто. Строчкой ниже опять стояли напечатанныя слова:—«Имя или имена, полученныя при крещеніи». противъ нихъ значилось: — Анжелика-Марія; а далѣе — родилась 22-го января 1851 года, принята въ воспитательный домъ 23 того-же мѣсяца и года подъ № 1634. Итакъ, кто были отецъ и мать ребенка, неизвѣстно; у нея не оказалось никакой другой бумаги, могущей служить указаніемъ на ея происхожденіе; не было даже настоящаго метрическаго свидѣтельства, ничего, кромѣ книжки въ блѣднорозовомъ холщевомъ переплетѣ, съ холоднымъ формализмомъ сообщавшей, что владѣтельница этой книжки—питомица воспитательнаго дома, записанная подъ № такимъ-то. Не было у несчастной ни отца, ни матери; она явилась на свѣтъ и на другой-же день, какъ колодникъ, была подъ нумеромъ внесена въ списки заведенія. Большаго одиночества, большей безпомощности и большей заброшенности нельзя и вообразить.

— Она подкидышь! воскликнула Губертина.

При этомъ восклицаніи, Анжелика окончательно вышла изъ себя.

— Я не хуже другихъ! кричала она въ припадкѣ бѣшенаго негодованія:—Нѣтъ, я лучше другихъ! Лучше, лучше, лучше! Я никогда ни у кого ничего не крала, а меня обворовываютъ!.. Отдайте мнѣ то, что вы у меня украли!

Такая безсильная гордость, такое необузданно-страстное желаніе одержать верхъ надъ другими и поставить на своемъ потрясало все тѣло будущей женщины, такъ что Губертина и ея мужъ остановились въ недоумѣніи, глядя на этотъ непонятный гнѣвъ. Они уже не узнавали теперь бѣлокурой дѣвочки, съ голубоватосѣрыми глазами, цвѣтомъ похожими на фіалку, съ длинной и граціозной шеей, напоминавшей стебель лиліи. Глаза стали совсѣмъ черными; въ лицѣ появилось злое выраженіе; тонкая шея вздулась отъ прилива крови. Теперь, отогрѣвшись вполнѣ, она выпрямлялась и шипѣла, какъ змѣя, подобранная на снѣгу.

— Ты, значитъ, злая? кротко проговорилъ Губертъ: — мы для твоей-же пользы хотимъ узнать, кто ты такая.

Говоря это, онъ черезъ плечо жены пробѣгалъ книжку, которую перелистывала Губертина. На второй страницѣ стояло имя кормилицы. Тамъ значилось:

«Ребенокъ женскаго пола по имени Анжелика-Марія отданъ на вскормленіе Франсуазѣ, женѣ нѣкоего Амлека, землепашца званіемъ, живущаго въ Суламрской общинѣ, Невэрскаго округа. Вышеозначенная кормилица при отъѣздѣ своемъ получила за первый мѣсяцъ сполна всѣ деньги, полагающіяся ей за вскормленіе ребенка такъ-же, какъ и полный комплектъ бѣлья для питомицы».

Далѣе слѣдовало свидѣтельство о рожденіи, составленное и подписаное священникомъ при воспитательномъ домѣ, нѣсколько медицинскихъ свидѣтельствъ, составлявшихся каждый разъ, какъ ребенка привозили въ Парижъ для осмотра, наконецъ, слѣдовали росписки въ полученіи ежемѣсячной платы за вскормленіе, производившейся по истеченіи каждой четверти года. Послѣднія четыре страницы были сплошь заняты этими росписками, скрѣпленными одною и тою-же фамиліей получателя, написанною такимъ почеркомъ, что ее едва можно было разобрать.

— Какъ, ты изъ Невэра? спросила Губертина: Ты тамъ воспитывалась?

Анжелика, вся раскраснѣвшись отъ досады, что не въ силахъ помѣшать чужимъ людямъ читать ея книжку, напустила было на себя прежнее молчаніе; гнѣвъ, однако, скоро развязалъ ей языкъ, и она заговорила про кормилицу.

— И отколотила-бы васъ мама Нини, еслибы была здѣсь, да какъ-бы еще отколотила-то!.. Она хоть отшлепаетъ и меня бывало, но никогда не давала въ обиду другимъ!.. Совсѣмъ я не была такая несчастная, когда жила у нея да за скотиной ходила...

Отъ злости у нея захватывало дыханіе, но она все-таки прерывающимся голосомъ и едва внятными фразами продолжала говорить о лугахъ, куда водила «Рыжонку», о широкой дорогѣ, на которой играли дѣти, о лепешкахъ, которыя пекли по праздникамъ, и о большой собакѣ, которая какъ-то укусила ее.

Губертъ прервалъ ея словоизверженіе, читая вслухъ:

— «Въ случаѣ серьезной болѣзни ребенка или дурного съ нимъ обращенія, помощникъ инспектора имѣетъ право взять питомца или питомицу отъ кормилицы и передать другой»...

Подъ этимъ напечатаннымъ параграфомъ написано было, что ребенокъ женскаго пола по имени Анжелика-Марія, 20-го іюня, поручается Терезѣ, женѣ Луи Франшома, цвѣточниковъ по ремеслу, живущихъ въ Парижѣ».

— Теперь понимаю! сказала Губертина:— ты занемогла и тебя опять отвезли въ Парижъ.

Но она не отгадала. Она и мужъ ея только тогда узнали подробно всю исторію, когда слово за словомъ выпытали ее у самой Анжелики. Оказалось, что Луи Франшомъ, приходившійся двоюроднымъ братомъ мамѣ Нини, вынужденъ былъ для полнаго излеченія послѣ продолжительной болѣзни отправиться на мѣсяцъ въ деревню. Здѣсь жена его Тереза привязалась къ дѣвочкѣ и выхлопотала себѣ право взять ее съ собою въ Парижъ, обязуясь научить ее цвѣточному ремеслу. Черезъ три мѣсяца мужъ умеръ, а жена, сильно больная сама, вынуждена была переселиться къ своему брату, кожевнику, по фамиліи Рабье, жившему въ Бомонѣ. Въ началѣ декабря добрая женщина эта тоже умерла, поручивъ Анжелику невѣсткѣ. Съ этихъ поръ для бѣдной дѣвочки началась каторжная жизнь: каждый день ругали, били, истязали, какъ только возможно.

— А, Рабье! тихо проговорилъ Губертъ:— знаю я ихъ. Живутъ они въ нижней части города, неподалеку отъ рѣки. Мужъ кожевникъ сильно запиваетъ, а жена ведетъ дурную жизнь.

Оскорбленная гордость доводила Анжелику до изступленія.

— Они называли меня выброшеннымъ паршивымъ щенкомъ и еще хуже того, продолжала дѣвочка внѣ себя: — они говорили, что мнѣ не съ людьми жить бы надо, а въ помойной ямѣ, да и тамъ для меня было бы еще слишкомъ хорошо. Жена Рабье исколотитъ меня бывало, а потомъ наложитъ прямо на полъ разныхъ объѣдковъ, словно кошкѣ, да и говоритъ:—Ѣшь!.. Хорошо еще, когда такъ, а иной разъ приходилось ложиться спать совсѣмъ не ѣвши... Я подъ конецъ не выдержала бы, наложила бы на себя руку.

У нея вырвался жестъ, изобличавшій крайніе предѣлы отчаянія.

— Вчера по утру, на самое Рождество, оба они напились да и принялись колотить меня, забавы ради, грозя, что выколятъ мнѣ пальцами глаза. Это у нихъ шутки такія!.. Потомъ стали между собой ссориться... передрались, да такъ колотили другъ друга кулаками, что растянулись оба на полу среди комнаты .. Лежатъ, не двинутся... Я думала, что они умерли... Давно уже я замышляла убѣжать отъ нихъ, да не хотѣла убѣжать безъ книжечки. Бывало мама Нини показываетъ мнѣ ее да и говоритъ:—«Въ этой книжкѣ все твое имущество, вся твоя судьба, есть она у тебя, такъ ты какой ни на есть, а все-таки человѣкъ; не будетъ ея у тебя, такъ ты сама прахомъ пропадешь...» А я знала, что послѣ смерти мамы Терезы книжку мою Рабье въ верхній ящикъ комода прятали... Тутъ я перескочила черезъ нихъ обоихъ, схватила книжку, сунула ее за пазуху, прижала рукой къ самому тѣлу и убѣжала, куда глаза глядятъ. Книжка-то не очень маленькая; я воображала, что ее всѣ видятъ и того и гляди украдутъ у меня... И бѣжала же я, бѣжала, со всѣхъ ногъ, словно за мною кто гнался... Когда совсѣмъ стемнѣло, пробралась я на соборную паперть и всю ночь пробыла тамъ... Холодно-же мнѣ было тамъ, такъ холодно, что каждую минуту думалось:— «Вотъ сейчасъ духъ вонъ!..» Но ничего!—все терпѣла, а книжки все-таки отъ себя не выпускала... Вотъ она опять у меня!..

Еще не успѣвъ сказать послѣднихъ словъ, она неожиданно бросилась на Губерта и вырвала у него изъ рукъ книжку въ ту самую минуту, когда онъ, просмотрѣвъ все, что нужно, намѣревался возвратить ее по принадлежности. Затѣмъ, дѣвочка сѣла на прежнее мѣсто и, припавъ къ столу, прижалась лицомъ къ холщевому переплету книжки. Отчаянныя рыданія вырывались изъ ея дѣтской груди. Теперь необузданная гордость малютки, вся ея недавняя рѣзкая запальчивость уступили мѣсто какой-то безпомощной слабости. Обильныя слезы полились изъ ея глазъ и падали на то сокровище съ обившимися и истрепанными углами, которое по дѣтскимъ понятіямъ дѣвочки было единственною связью ея съ остальнымъ міромъ. Долго текли эти слезы, но не облегчали наболѣвшей души малютки, жаждавшей нѣжной привязанности, ласки... Вдругъ, словно уступая непобѣдимой потребности высказаться такъ или иначе, но высказаться вполнѣ, она неожиданно и порывисто схватила руку Губертины и, прильнувъ къ ней, стала горячо, съ любовью цѣловать эту руку. Она снова вся преобразилась, вся строптивость ея, какъ и злое выраженіе лица, исчезли, и она стала тѣмъ-же безпомощнымъ ребенкомъ съ бѣлокурою головкой, съ тонко-очерченнымъ оваломъ худощаваго лица, съ нѣсколько длинной шеей, тонкой и гибкой, какъ стебель цвѣтка. Глаза также какъ будто поблѣднѣли и приняли прежній оттѣнокъ весенней фіалки. Словомъ, она снова стала такою-же, какою Губертина увидала ее въ первую минуту.

Губертовъ, какъ жену, такъ и мужа, сильно растрогалъ этотъ неожиданный порывъ нѣжности въ строптивомъ ребенкѣ, у обоихъ навернулись на глаза слезы.

— Бѣдная, бѣдная! повторяли они, лаская плачущую малютку.

Значитъ она не злая отъ природы, даже не совсѣмъ испорченный ребенокъ... Можетъ быть еще возможно исправить эту крошечную дикарку, отучить ее отъ рѣзкости, отъ необузданной вспыльчивости, переходившей въ порывы бѣшеной злобы.

— О, ради Бога, ради Бога, лепетала малютка и въ голосѣ ея слышалась мольба: — не отводите меня опять къ тѣмъ... ради Бога, не отводите!

Мужъ и жена переглянулись между собою. Они еще осенью рѣшили было взять въ домъ ученицу, въ надеждѣ, что отъ присутствія ребенка станетъ веселѣе въ домѣ, гдѣ вѣчныя сожалѣнія обоихъ супруговъ о неимѣніи дѣтей бросали на все какой-то унылый оттѣнокъ. Тутъ-же рѣшено было взять къ себѣ Анжелику.

— Хочешь, возьмемъ ее? спросилъ хозяинъ, обращаясь къ женѣ.

— Хорошо, возьмемъ, спокойно и неторопливо отвѣтила жена.

Губертъ, не теряя времени, поспѣшилъ исполнить всѣ необходимыя формальности. Онъ отправился къ Грансиру, приходившемуся двоюроднымъ братомъ Губертинѣ и исправлявшему обязанность мирового судьи въ сѣверной части городка Бомона, и разсказалъ ему всю исторію. Мировой судья вызвался написать въ воспитательный домъ, гдѣ, благодаря книжкѣ, взятой съ собою дѣвочкой и значущемуся въ немъ нумеру, самоличность Анжелики была признана безъ малѣйшаго затрудненія. Вскорѣ послѣдовало распоряженіе отдать ее въ ученіе къ Губерту, вообще пользовавшемуся репутаціей добраго и безукоризненно честнаго человѣка. Пріѣхалъ помощникъ окружного инспектора, обревизовалъ книжку дѣвочки, а съ хозяиномъ заключилъ контрактъ, которымъ Губертъ обязывался обращаться съ своей ученицей ласково, учить ее ремеслу, одѣвать чисто, посылать въ школу и водить въ церковь; кромѣ того, согласно контракту, хозяинъ обязался дать Анжеликѣ чистую отдѣльную постель, гдѣ-бы дѣвочка могла спать одна. За все это Губерту предоставлялось право получать условную ежемѣсячную плату и полное количество платья и бѣлья, какое слѣдовало по положенію.

Все было улажено въ теченіе какихъ-нибудь десяти дней. Въ домѣ у Губерта на самомъ верху была комнатка, выходившая окномъ въ садъ; въ этой-то комнаткѣ и помѣстили Анжелику. Дѣвочка начала учиться вышивать шелками и золотомъ, а въ воскресенье утромъ, собираясь вмѣстѣ съ нею въ церковь, Губертина открыла стоявшій въ мастерской баулъ, куда хозяйка постоянно прятала золотыя нитки, блестки, канитель и остальной дорогой матеріалъ; туда-же положила она и книжку Анжелики.

— Смотри, куда я ее кладу, сказала она, обращаясь къ дѣвочкѣ:—я могла-бы спрятать твою книжку въ другое мѣсто, но нарочно не дѣлаю этого, чтобы ты во всякое время, когда захочешь, могла взять ее. Лучше, чтобы ты сама видѣла и помнила, гдѣ она лежитъ.

Въ этотъ день, входя въ церковь Анжелика снова очутилась подъ сводами воротъ св. Агнесы. Наступила было оттепель, но скоро опять начались холода сильнѣе прежнихъ. Снѣгъ, покрывшій изваянія «Христовой невѣсты» и другихъ праведницъ, началъ было таять, но потомъ превратился въ ледъ и дѣвственныя угодницы Божіи теперь одѣты были въ ярко сіяющія хрустальныя и алмазныя ризы съ серебряными кружевами. Свѣча, которую Доротея держала въ рукахъ, превратилась въ лучезарный жезлъ, а около пальцевъ ея рукъ образовались такія-же лучезарныя кисти и иглы; на головѣ Цециліи образовался серебряный вѣнецъ, усыпанный сверкающими бусами; изувѣченная грудь Агаты была облечена въ хрустальную кирассу, а изваянія на стѣнѣ, изображающія непорочныхъ дѣвъ, несущихся на небеса, казались прикрытыми стекломъ и оправленными въ громадныя рамы изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; распущенныя-же волосы Агнесы превратились въ царскую мантію, сотканную изъ свѣта и усѣянную звѣздами; руно барашка у ногъ мученицы горѣло миріадами брилліантовыхъ искръ, а пальма въ ея рукѣ играла всѣми цвѣтами радуги. Все подъ сводами этихъ воротъ, благодаря сильной стужѣ и солнечному свѣту, горѣло, искрилось и сверкало ослѣпительнымъ блескомъ.

Анжеликѣ пришла на память ночь, проведенная ею здѣсь, подъ этими сводами и подъ защитою дѣвственныхъ праведницъ. Она слегка подняла голову и улыбнулась своимъ покровительницамъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Повѣсть **С. Караскевичъ.**

(*Окончаніе*).

III.

Теперь мнѣ и вспомнить странно мое первое лѣто, проведенное на югѣ. Это было горячее, спѣшное нахватываніе впечатлѣній, безцѣльное мыканье по деревцамъ и перелѣскамъ, работа урывками: въ полѣ, на мужицкой телѣгѣ, на церковной паперти. Я—то рисовалъ спѣлыя вишни въ зеленыхъ вѣткахъ, то бѣжалъ пѣшкомъ пятнадцать верстъ по жарѣ, чтобы посмотрѣть на Прыську, знаменитую красавицу села Бугаевъ. И вишни, и Прыська на полотнѣ выходили очень некрасивы, но я не унывалъ и на другой день съ зарею принимался писать сѣнокосъ. Осенью мое настроеніе поутихло. Я поселился въ глухомъ хуторѣ въ хатѣ у хохловъ и поставилъ холстъ. Всѣ этюды съ Вѣры Гавриловны были со мною, и когда я взялся за кисть, мнѣ вдругъ стали ясны двѣ вещи: во-первыхъ моя картина была совсѣмъ готова въ моей душѣ—оставалось перевести ее на полотно. Второе открытіе и обрадовало, и испугало меня: я любилъ мою скорбную натурщицу, любилъ съ первой нашей встрѣчи и для нея работалъ и жилъ теперь. Только съ художниками въ двадцать лѣтъ (да и то не со всѣми, должно быть), могутъ происходить такія чудеса, какія я пережилъ въ ту пору. Я вдругъ засѣлъ за работу, насильно отрывался отъ нея, и бѣжалъ скорѣй домой отовсюду, чтобы исправить рисунокъ, измѣнить тоны, или просто посмотрѣть на «мою Вѣру», которая съ каждымъ днемъ все яснѣе и печальнѣе смотрѣла на меня съ полотна. Мысль неутомимо работала и создала цѣлый романъ. Я очень мало зналъ жизнь Вѣры Гавриловны: она курсистка, отца у нея нѣтъ, мать живетъ гдѣ-то на югѣ, съ Алексѣемъ Владиміровичемъ знакома давно,—вотъ все, что я узналъ о ней изъ бѣглыхъ словъ Петрова и ея самой; но изъ этого немногаго я создалъ прошедшее, настоящее и будущее дѣвушки. Она одинока, бѣдна, несчастна; ей нужны любовь и участье, а кругомъ нея нѣтъ никого, кто-бы могъ понять и оцѣнить ея прекрасную душу. Она страдала на моихъ глазахъ, а у меня, слѣпого, не хватило ни чутья, ни честности подойти и помочь ей. Быть можетъ, успокоенная и ободренная моей любовью и лаской,—она отдала бы мнѣ свою любовь... быть можетъ, она не безучастно смотрѣла на меня и теперь не даромъ ея душа такъ чутко отзывалась на мое слово не даромъ въ ея глазахъ иногда зажигалась тихая ласка! Убѣжденіе въ томъ, что Вѣра любитъ меня, съ каждымъ днемъ становилось крѣпче и наконецъ сдѣлалось несомнѣннымъ. Я до смѣшныхъ, маленькихъ подробностей воображалъ наше будущее «вмѣстѣ», задумывалъ рядъ картинъ и картинокъ, гдѣ Вѣра была то курсисткой, то матерью, то русалкой, то Маргаритой, а въ ожиданіи ихъ,—не отрываясь писалъ мою монахиню. Однако, несмотря на все усердіе и лихорадочность работы, картина заняла у меня осень и почти всю зиму. Фигуру я окончилъ скоро, но за пейзажемъ исколесилъ три губерніи, исходилъ всѣ монастыри въ округѣ и, случалось, одну бойницу или трещины на стѣнѣ, писалъ по недѣлямъ. На эти переѣзды требовались деньги и, потративши мои сбереженія, я принялся писать во всѣ стороны отчаянныя письма.

— Я готовъ заложить женъ и дѣтей, писалъ я товарищу, чтобы окончить мою любимицу. Она окупитъ всѣ расходы, и я не жалѣю на нее не только денегъ, но и собственныхъ нервовъ. Пришлось войти въ долги, но за то къ выставкѣ картина была готова.

Грязное утро только-что начиналось, когда я въѣхалъ въ Петербургъ. Придерживая ящикъ съ картиной, поеживаясь отъ сырости, я ѣхалъ по Невскому и разглядывалъ вывѣски. Странное чувство испытываю я каждый разъ, когда выбравшись изъ подъ арки Николаевскаго вокзала, увижу длинную сѣрую ленту Невскаго проспекта. Что-то родное и въ то-же время холодное щемитъ сердце и голова сладко кружится, будто отъ шампанскаго. Вспоминается, какъ много лѣтъ тому назадъ, неразумный, но смѣлый.—увидѣлъ впервые этотъ сѣрый городъ; хочется видѣть любимыхъ моихъ, которыхъ было такъ много когда-то; и съ мучительною тоскою проносится въ головѣ сознаніе, что всѣ были и прошли.

Въ тотъ пріѣздъ я весь былъ поглощенъ мыслью о свиданьи съ Вѣрой. Странно: за тысячу верстъ отъ Петербурга свиданье это казалось совсѣмъ простымъ «я приду къ ней и скажу»; теперь-же, когда она быть можетъ, досыпала свой утренній сонъ въ одномъ изъ домовъ, мимо которыхъ я ѣхалъ—на меня напали робость и смущеніе.

— Надо черезъ Петрова узнать ея адресъ и какъ нибудь стороною развѣдать, желаетъ-ли она возобновить наше знакомство.

Принявши это рѣшеніе, я успокоился и цѣлый день употребилъ на приведеніе въ порядокъ своей новой квартиры и установку мольберта. Вечеромъ я отправилъ Алексѣю Владиміровичу записку такого содержанія: «здѣсь вмѣстѣ съ моей картиной. Буду очень радъ, если вы завернете посмотрѣть на вашу крестницу. Если барышня поинтересуется взглянуть на свое изображеніе, милости просимъ». Нѣсколько разъ я перемѣнялъ редакцію и рвалъ листы: то мнѣ казалось слишкомъ «прозрачно», то дерзко, то не сдержанно. Пріемъ картинъ на выставку уже начался, и нѣсколько дней я провелъ въ бѣготнѣ. За хлопотами и суетой я почти не думалъ о моихъ лѣтнихъ мечтаніяхъ. Въ моей комнатѣ толпились бывшіе товарищи по академіи; одни хвалили картину, другіе сосредоточенно и ехидно молчали, но никто не видѣлъ въ ней того, что видѣлъ я. Восхищались свѣжестью кисти, мягкостью колорита, тонами неба, даже галками и воронами, но чуть рѣчь заходила о фигурѣ,—ее замалчивали. Мнѣ самому начинало казаться, что картина безжизненна, по цѣлымъ часамъ я глядѣлъ на нее и въ эти минуты мнѣ хотѣлось взять мою монахиню, увезти опять на югъ и тамъ въ тихомолку писать ее до тѣхъ поръ, пока она не заговоритъ съ полотна. Мысль о Вѣрѣ опять наполняла меня тоскою и счастьемъ, но Вѣра Гавриловна, которая живетъ въ Петербургѣ и, быть можетъ, явится ко мнѣ, было — моею мечтою; это была «моя Вѣра», чудная, любимая, съ которой я привыкъ вести безконечныя бесѣды, которая почти годъ невидимо ласкала и ободряла меня. «Вѣра, голубка моя» говорилъ я иногда вслухъ, и тутъ-же съ тайной робостью думалъ о предстоящемъ свиданіи съ нею. А что какъ не придетъ? что, какъ ее въ Петербургѣ нѣтъ? пугалъ я себя и почти хотѣлъ, чтобы наше свиданье не состоялось.

Разъ, въ свѣтлое, яркое утро въ моей квартирѣ раздался сильный звонокъ и знакомый голосъ спросилъ дома-ли Антонъ Филипповичъ? я замеръ: это былъ голосъ Петрова.

— Гдѣ вы запропали говорилъ Алексѣй Владиміровичъ, цѣлуясь со мною «по православному» въ обѣ щеки. Я думалъ, вы ужъ и Питеръ и картину свою забыли, да и барышня попрекала: сидѣть заставили, а монахини никакой не написали.

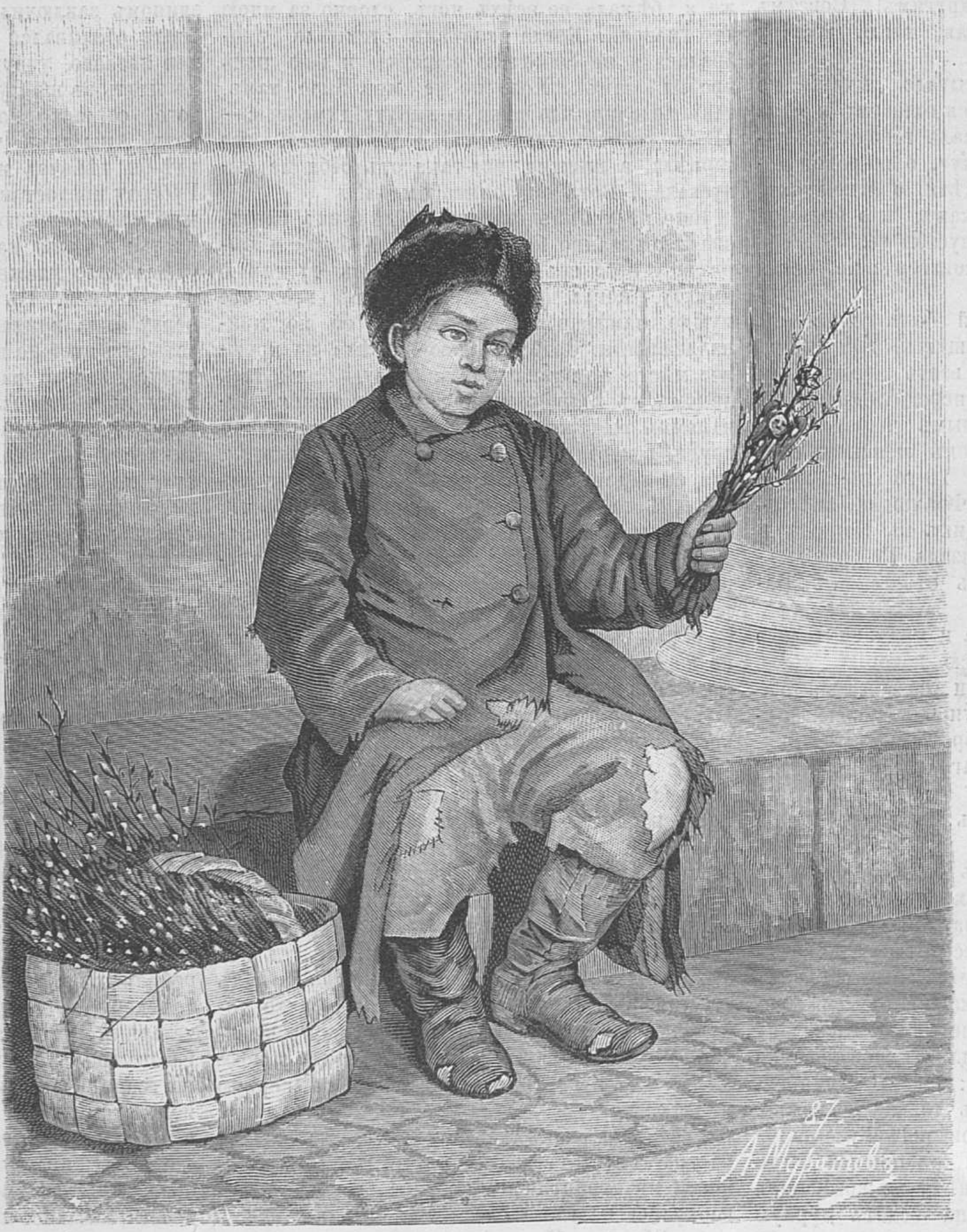
— Вѣра Гавриловна въ Петербургѣ? быстро спросилъ я.

— Не только въ Петербургѣ, но даже въ вашей квартирѣ, отвѣтилъ Петровъ и крикнулъ въ корридоръ: что вы тамъ возитесь? Хозяинъ отъ нетерпѣнія умираетъ.

Дѣвушка вошла и я невольно сдѣлалъ шагъ назадъ, увидѣвши ее: Вѣра Гавриловна была не та! Выросла-ли она или нарядное платье съ какими-то бархатными вставками дѣлало ее выше, но теперь она совсѣмъ не казалась маленькой. На головѣ въ модной прическѣ блестѣли узорныя шпильки, глаза смѣялись, на щекахъ появились ямочки. На всемъ лицѣ лежалъ нѣжный, розовый румянецъ, будто она чего-то застыдилась да такъ и осталась въ этомъ радостномъ смущеніи.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

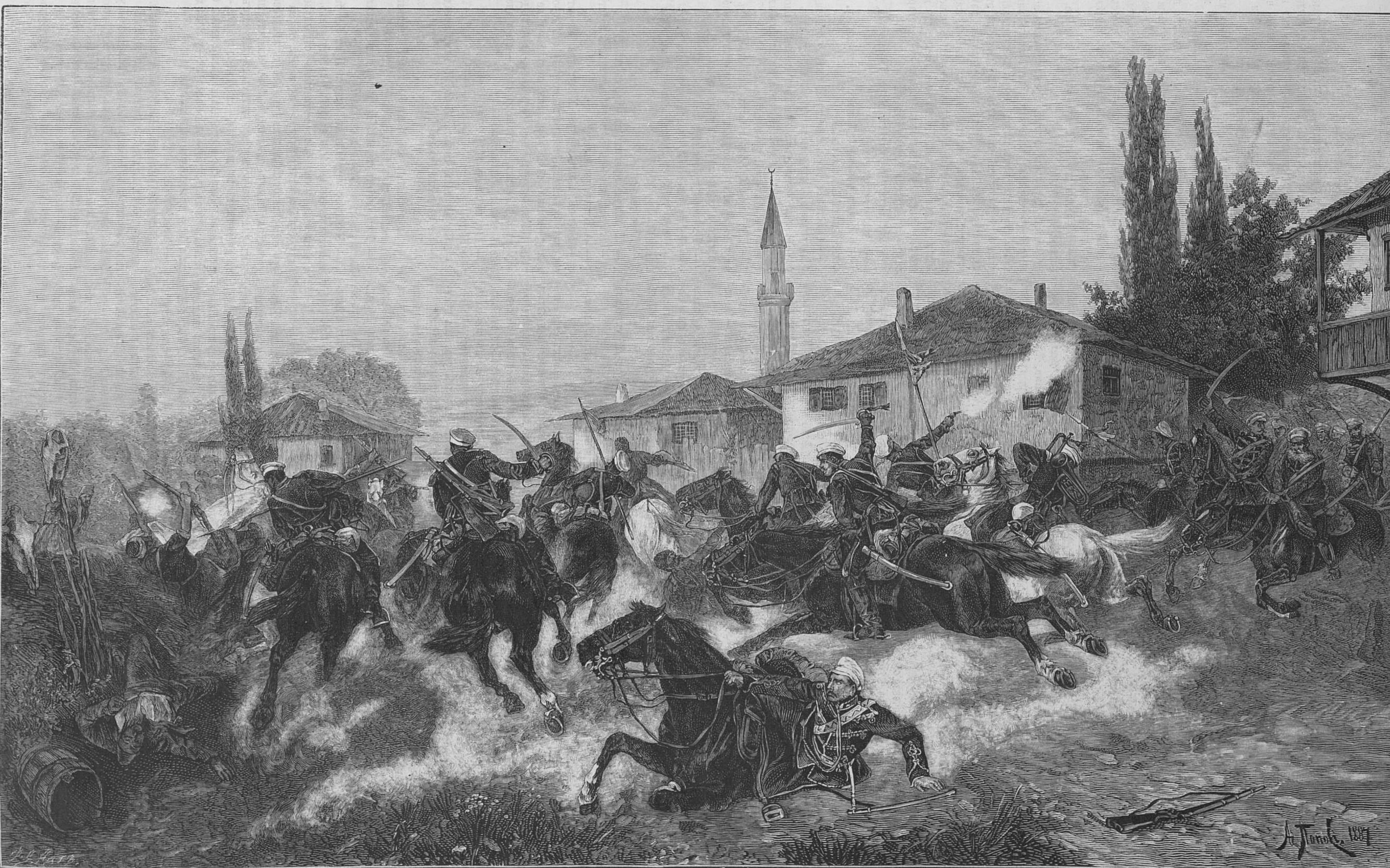
(Собств. журн. «Живоп. Обозр.»).



Купите вербочку.

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины Н. А. Попова, рисовалъ для журн. «Живоп. Обозр.» В. Поляковъ.



Аттака Лубенскими гусарами въ кампанію 1877—1878.

Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ Спб.

— Что, не узнали? засмѣялся Петровъ. Да, теперь съ нея монашку написать немножко трудно. Посмотримъ, чѣмъ-то вы насъ обрадуете! Хвалитесь!

Я снялъ простыню съ мольберта. Алексѣй Владиміровичъ долго простоялъ передъ картиной; я старался по лицу его узнать впечатлѣніе, которое она производила; Вѣра Гавриловна усѣлась въ уголъ и смотрѣла, ровно и ласково улыбаясь. Потомъ докторъ принялся разбирать мелочи, детали, и браниться за нихъ,—и наконецъ положилъ мнѣ руку на плечо со словами: ну, голубчикъ вы мой, если и бранить станутъ,—не вѣрьте: вы молодецъ!

Мнѣ слова не удалось сказать Вѣрѣ Гавриловнѣ: она была не знатокъ въ живописи, а разговоръ все время вертѣлся на чисто спеціальныхъ мелочахъ.

Только, когда мои гости вышли на лѣстницу, я набрался смѣлости заговорить съ Вѣрой.

Она уже спустилась на нижнюю площадку, а я съ Петровымъ стояли еще у двери.

— Вѣра Гавриловна, заговорилъ я, перегибаясь къ ней черезъ перила, если успѣхъ будетъ, то половина, о, нѣтъ! большая часть его принадлежитъ вамъ, вашему терпѣнію и добротѣ... Вы мнѣ позволите еще разъ зайти къ вамъ и отъ всей души поблагодарить...

— Милости просимъ, отвѣтилъ за нее Петровъ, только не раньше будущей недѣли: на этой мы съ барышней въ законное супружество вступаемъ, — такъ суеты много...

Я крѣпче ухватился за перила: сердце во мнѣ замерло и дыханіе захватило. Все исчезло куда-то: я видѣлъ передъ собою только одни глаза Вѣры, которые смотрѣли мимо меня на того, кто стоялъ со мною. Въ этихъ чудныхъ глазахъ глядѣло такое безумное счастье, что жутко становилось... Любовь, ласка, обожаніе и радость, безмѣрная радость сіяли въ этомъ глубокомъ, потемнѣвшемъ взорѣ, подернутомъ нѣгою первой молодой страсти. Я видѣлъ, какъ она протянула на встрѣчу доктору свою тонкую руку робко и ласково оперлась на его плечо и, не глядя на меня, вся застыдившись, пошла по лѣстницѣ, говоря ему какое-то тихое слово...

На другой день картину взяли на выставку. Я былъ почти радъ, когда ее вынесли изъ комнаты; она мнѣ слишкомъ напоминала чужую, любимую дѣвушку и хотѣлось иной разъ распороть ее ножемъ сверху до низу или измазать черными полосами: тоскующіе глаза смотрѣли на меня неотступно и точно говорили: «отчего ты не пришелъ раньше?»

Когда картину унесли, я вдругъ весь затихъ, мнѣ стало все равно и, по часамъ лежа съ закрытыми глазами, я ни о чемъ не думалъ, ничего не хотѣлъ и машинально считалъ стукъ маятника за стѣною на хозяйскихъ часахъ. Такъ лежалъ я вечеромъ наканунѣ выставки, когда мнѣ подали письмо: я узналъ почеркъ Петрова. «Поздравляю! писалъ онъ. Судьба ваша рѣшена: картина признана первымъ нумеромъ выставки. Художникъ Алексѣевъ хочетъ ее купить и не постоитъ за тысячью; въ другія руки можно продать вдвое дороже: смотрите, не продешевите по неопытности».

Тутъ же мелкимъ женскимъ почеркомъ была сдѣлана приписка: «Я рада всѣмъ сердцемъ, и крѣпко желаю, чтобы этотъ успѣхъ былъ только началомъ длинной-длинной вереницы удачъ».

Рано утромъ я побѣжалъ на выставку, но у дверей на меня напалъ такой страхъ, что силъ не хватило войти. Долго бродилъ я по городу и только къ полудню вернулся назадъ. Вмѣшавшись въ толпу, я пробился къ кассѣ, съ бою взялъ билетъ и вошелъ въ залу: моя картина глянула на меня... О, какой новой, прекрасной показалась она мнѣ!

Приподнятая надъ толпою, ярко освѣщенная, она вся ожила: солнце сдѣлало то, что не окончила моя кисть. Передъ картиной, не порѣжаясь, стояла толпа. Похвалы слышались отовсюду: дамы по-французски говорили, что картина мила и граціозна; мужчины смотрѣли на «пикантный профилекъ»; купецъ въ долгополомъ кафтанѣ громко сказалъ своему спутнику.

— Глянь-ка, какъ монашка-то смотритъ: не даромъ сказано «въ тихомъ омутѣ черти водятся», и вызвалъ сдержанный, одобрительный смѣхъ. Въ сторонѣ бесѣдовали два художника: по широкимъ плечамъ и львиной головѣ я узналъ въ одномъ изъ нихъ старика Алексѣева, корифея современной живописи. Онъ говорилъ вполголоса и его низкій басокъ свободно долеталъ до противуположной стѣны.

— Да, батенька, говорилъ онъ, искусству рамокъ не поставишь, не сдѣлаешь на немъ сигнатурокъ: «классицизмъ», «романтизмъ», «реализмъ». Вонъ она картинка!.. Классическое благородство фигуры, мечтательность позы и выраженія, а вонъ лужа блеститъ и ворона скачетъ, и рука упала самымъ реальнымъ кулакомъ... Полотно въ аршинъ ростомъ, имя—никто его и не слышалъ, а вѣдь это—цѣлое новое слово!

Я прислонился къ стѣнѣ и стоялъ неподвижно, испытывая невыразимо-сладкое ощущеніе: точно свѣтлыя волны наплывали на меня, шумѣли въ ушахъ, смыкались надъ головою и проносились мимо... Я вспомнилъ давно забытое дѣтство: это безотчетное неудержимое рыданіе просилось на волю. Боясь смотрѣть на толпу, не смѣя взглянуть на мою картину, я пробрался стороною и вышелъ изъ залы. На площадкѣ лѣстницы было прохладно и просторно. У кассы стояла группа художниковъ... Въ центрѣ ея я замѣтилъ высокую фигуру Бахметьева. До этого раза мнѣ почти не приходилось съ нимъ встрѣчаться; слыхалъ, что онъ хорошій художникъ и не добрый человѣкъ. Онъ оживленно разсказывалъ что-то, размахивая руками, и чертилъ на кассовомъ столѣ какія-то воображаемыя фигуры. Лица другихъ художниковъ были возбуждены и взволнованы. Я прислушался...

— Да поймите-же, господа, говорилъ Бахметьевъ, это дѣло наше общее, оно всякаго касается одинаково. Если не карать такихъ бойкихъ новичковъ, такъ никто изъ насъ не гарантированъ отъ такого же нахальства.

— О комъ вы говорите? вмѣшался въ группу новый слушатель.

— Да какой-то Антоновъ, Семеновъ, чертъ его знаетъ! Однимъ словомъ—видѣли вы пикантную монашенку въ весеннемъ пейзажѣ?

— Видѣлъ... Прелестна!

— Только эта прелесть вся украдена!

Я уже давно совсѣмъ близко подошелъ къ Бахметьеву и съ его послѣднимъ словомъ раздался мой громкій окрикъ:

— Вы нагло лжете!

Толпа художниковъ всколыхнулась, кое-кто изъ публики подошелъ ближе, кто-то громко шепнулъ:—Опомнитесь, не дѣлайте скандала!

Но я смотрѣлъ, не отрываясь, въ холодные глаза Бахметьева, въ которыхъ мелькала чуть-чуть насмѣшливая искорка. Черезъ мгновеніе онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и немного протянулъ руку, будто очищая себѣ дорогу или слегка кланяясь.

— Вы не авторъ-ли названной картины? спросилъ онъ спокойно.

— Да, я—Антоновъ, и повторяю, что ваши слова—ложь и клевета.

— Къ сожалѣнію, я не могу взять своихъ словъ назадъ и очень радуюсь возможности наглядно доказать справедливость моей рѣзкой, но совершенно правдивой фразы. Съ этими словами Бахметьевъ взялъ со стола маленькій портфель, вынулъ изъ него какой-то альбомъ, пошелестилъ листами и, приподнявши его въ ровень съ моимъ лицомъ, сказалъ медленно и отчетливо:

— Я повторяю свои слова: картина украдена цѣликомъ... Попробуйте, г. Антоновъ, повторить ваши!

Маленькій французскій эстампъ лежалъ у меня въ рукахъ, а на этомъ клочкѣ бумаги въ той-же позѣ, съ тѣмъ же выраженіемъ, въ томъ-же весеннемъ пейзажѣ, покрытая вуалемъ кармелитокъ—сидѣла моя Вѣра... Что было потомъ—не берусь вспоминать. Въ тотъ-же вечеръ я ѣхалъ въ Москву. Весенняя свѣжесть врывалась въ окно... пахло талымъ снѣгомъ и смолой.

IV.

Тѣмъ и окончился мой художническій романъ... Впрочемъ, я видѣлъ потомъ и картину мою, и ея оригиналъ. Три года спустя я пріѣхалъ въ Петербургъ: привезъ на выставку «Маккавеевъ», и рѣшилъ непремѣнно отыскать «Монахиню». Она оказалась перепроданной въ пятыя руки, и мнѣ пришлось заплатить впятеро больше противъ ея первоначальной цѣны. Картина и теперь у меня въ мастерской. Я люблю смотрѣть на нее, когда горячее весеннее солнце заливаетъ ее свѣтомъ: на встрѣчу ему оживаетъ моя скорбная монашенка и приводитъ мнѣ на память молодую любовь съ ея несбывшимися и несбыточными мечтами...

Въ тотъ-же пріѣздъ я отыскалъ Петровыхъ. Сдѣлать это было легко, потому что они жили на старой квартирѣ Алексѣя Владиміровича. Прежняя кухарка, дебелая и преданная Варвара Касьяновна, отворила мнѣ двери съ готовой фразой:

— Барина дома нѣту!

— А барыня?

Но отвѣчать не пришлось: сама Вѣра Гавриловна,—маленькая, блѣдная, граціозная, худенькая, пугливая,—однимъ словомъ давнишняя Вѣра стояла на порогѣ, казалось, даже платье осталось то-же: только черный, бархатный воротничекъ былъ шире, да по таліи подвязанъ бѣлый, широко вышитый передникъ.

— Вотъ это кто! крикнула она, протягивая мнѣ обѣ руки, и я схватилъ одною рукою эти блѣдныя, худенькія руки.

Гостиная-кабинетъ, куда мы вошли, непріятно поразила меня своей неизмѣняемостью: въ ней царила прежняя безукоризненная унылая опрятность. Тѣ-же полки съ книгами до потолка, тѣ-же ботаническіе атласы по свободной стѣнѣ, даже разрѣзные ножи и прессъ-папье лежали на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ я ихъ видѣлъ три года тому назадъ.

— Пойдемъ ко мнѣ, предложила хозяйка, тамъ теплѣе.

Комната, куда мы вошли, прежде называлась «запасной» и служила кладовою для всякаго книжнаго хлама. Тутъ-же помѣщалась кроват «на всякій случай» и не разъ мнѣ приходилось ночевать на этой запасной кровати. Вѣра Гавриловна совсѣмъ измѣнила комнату: низенькая мягкая мебель, цвѣты, картины, начатое рукодѣлье—все говорило, что здѣсь живетъ молодая, милая женщина. На письменномъ столѣ въ роскошной рамкѣ изъ маіолики стоялъ мой подарокъ,—портретъ Алексѣя Владиміровича.

— Ну, излагайте, сказала Вѣра Гавриловна, усаживаясь возлѣ меня.

— Что мнѣ излагать! Я живу по прежнему. Вы-то какъ? Здоровы? счастливы?

— Счастлива, очень счастлива, быстро отвѣтила она и задумалась. Вотъ только здоровья нѣтъ, какъ нѣтъ.

— А я-то думалъ васъ видѣть почтенной дамой внушительныхъ размѣровъ... Помните, какая вы были цвѣтущая въ наше послѣднее свиданіе!

— Ну, еще-бы! Вѣдь я была невѣста! Да къ тому-же я въ ту зиму вернулась къ Рождеству, стало быть, все лѣто и осень прожила у мамы, на югѣ.

— Въ какой губерніи?

— Въ черниговской, въ стародубскомъ уѣздѣ·

— Вотъ такъ сюрпризъ! Значитъ, мы жили по сосѣдству!

— Какъ такъ?

— Я полгода прожилъ въ Чуриловкѣ...

— Въ той, что отъ Бугаевъ пятнадцать верстъ?

— А Бугаи вы знаете?

— Еще-бы! Нашъ хуторъ, Хомутовка, въ четырехъ верстахъ отъ нихъ, только въ сторону отъ дороги, въ ложку;—можно мимо огородовъ проѣхать и не замѣтить. Да и маленькій онъ: семь хатъ, да нашъ домъ,—онъ въ три оконца, стоитъ въ саду,—его и днемъ съ огнемъ искать приходится.

— Ну, не зналъ я!..

— Чего?

— Что вы такъ близко... Я-бы къ вамъ повадился...

— Не на долго только!

— Почему?

— Да я совсѣмъ не была-бы такой терпѣливой и неподвижной, какъ была здѣсь.

— Ужь, дѣйствительно! Вы натурщица идеальная... Какъ у васъ терпѣнія доставало?

— Никакого терпѣнія не было... Просто я была въ такомъ состояніи, когда человѣкъ «мѣсту радъ». Наши сеансы для меня были истиннымъ отдохновеніемъ. Сяду, бывало, сложу руки, и задумаюсь: сперва лекціи про себя повторяю, потомъ что нибудь жизненное, дорогое на память придетъ, потомъ замечтаешься... а тамъ ужь понемножку все затихаетъ, затихаетъ, и не то дремота, не то забытье,—сладкое, глубокое,—охватитъ всю... Такъ-бы и просидѣла цѣлый день... Одного только я боялась: какъ-бы не заснуть:—у меня два мѣсяца было хроническое недосыпаніе.

— Безсонница?

— Какая безсонница!.. Выпускные экзамены. Вѣдь они хуже безсонницы измучаютъ. Да особенно съ моимъ характеромъ: не даромъ няня меня маленькую «заботной марудой» звала. Бывало рѣшу: «ну, столько-то билетовъ прочитано». Лягу спать... Дремота такъ сразу и охватитъ... И вдругъ, точно сонъ, выплываетъ вопросъ: «а какъ звали сыновей Хлодовика?» или «Кѣмъ собраны пѣсни Калевалы?» «Сколько періодовъ пережила готика?», «Какъ Платонъ доказываетъ безсмерті души?» и т. д. Даже страшно станетъ... Схватишь лекціи и примешься опять перечитывать. А тутъ бѣлая ночь свѣтится, заря загорѣлась, на Смоленскомъ кладбищѣ поетъ соловей, чьи-то гулкіе шаги звонко раздаются подъ окномъ... И лекціи изъ рукъ выпадутъ, а сна все нѣту... Такъ бывало и замрешь вся, слушаешь что-то, а сердце громко стучитъ и мѣшаетъ слушать... Ахъ, какое это чудное было время! Помню, передъ экзаменомъ «Исторіи искусствъ» мнѣ осталось дочитать четыре билета... Былъ пятый часъ утра. Противъ моей квартиры въ чайной лавкѣ поднялась суета: фабричные рабочіе, въ опоркахъ на босу ногу и совсѣмъ босые, толпились у крыльца съ чайниками и сверточками чаю, сахару въ рукахъ. У меня на столѣ горѣла лампа: не хотѣлось признать, что ночь прошла, что экзаменъ «сегодня». Я задумалась: сперва о томъ, что хорошо бы, если бы было возможно теперь пойти въ чайную и вмѣстѣ съ фабричными выпить хоть жиденькаго чаю, а то до восьми часовъ ждать придется: раньше Маша не встанетъ... Потомъ вспомнила, что въ Хомутовкѣ всѣ теперь поднялись. Мама чаю ждетъ, кухарка самоваръ раздуваетъ, подъ окнами гуси гогочутъ, утки крякаютъ. Вдругъ подъ окномъ меня кто-то окликнулъ: смотрю—это Власова съ Ольховской, мои однокурсницы...

— Что это вы такъ рано поднялись? спрашиваютъ.

— Да я и не ложилась. А вы?

— Мы только что послѣдній билетъ дочитали... Сонъ прошелъ, голова болитъ,—вотъ мы и рѣшили пойти на Неву взглянуть: она теперь прелестная—перламутровая вся.. Не хотите-ли съ нами?

— У меня четыре билета не дочитаны...

— Пустяки! пройдетесь, освѣжитесь немножко: уснете часика четыре, а потомъ со здоровой головой въ одинъ часъ все просмотрите.

И мы пошли... Чудное было время...

— Вѣра Гавриловна, перебилъ я, и крѣпко сжалъ ея маленькую руку, если-бы вы знали, какое тогда время было для меня!..

Должно быть, я сказалъ-бы ей мой молодой бредъ, но въ эту минуту раздался громкій «хозяйскій» звонокъ... Вѣра вздрогнула, въ лицѣ ея промелькнула радость, потомъ испугъ, и,—не отнимая своей руки, она наклонилась ко мнѣ и зашептала робко и сбивчиво:

— Пожалуйста, перемѣнимъ разговоръ... О себѣ говорите... Это Алексѣй Владиміровичъ: это его звонокъ... А онъ не любитъ, когда я прежнее вспоминаю. Ему кажется все, что я тоскую по прошлому, что я... что я не совсѣмъ счастлива...

Алексѣй Владиміровичъ шелъ къ намъ, Вѣра Гавриловна ласково и робко улыбнулась ему на встрѣчу.

Петровъ постарѣлъ... Онъ обрадовался мнѣ, облобызался троекратно, засыпалъ вопросами, и вдругъ обратился къ женѣ:

— Вы, сударыня, сегодня гулять ходили?

— Я хотѣла... Да вотъ дорогой гость...

— Ну, на этотъ разъ прощается, только чтобъ это былъ послѣдній. Помните, что главное ваше занятіе и единственная обязанность—быть здоровой. Сколько разъ вамъ повторять, что мужъ любитъ жену здоровую... Еще это лѣто повезу васъ въ Крымъ, а тамъ и брошу, поправляйтесь, какъ сами знаете... Въ тонѣ этихъ словъ слышалась и ласковая шутка, и горечь, и строгость.

Вѣра слушала и улыбалась, но это была улыбка вымученная, больная.

— Ну-съ, а теперь можете приступить къ своимъ хозяйственнымъ обязанностямъ, продолжалъ докторъ.

— Да Варвару мнѣ пошли, прибавилъ онъ, когда Вѣра пошла къ дверямъ.

Преданная слуга явилась.

— Кумысъ привезли? обратился къ ней хозяинъ.

— Привезли... Да что! Барыня не пьютъ его вовсе, говорятъ—надоѣлъ.

— Ванну въ починку взяли?

— Завтра ужъ готова будетъ.

— Ну, смотри!.. А кумысъ подай къ обѣду,—Вѣра Гавриловна выпьетъ.

И она дѣйствительно выпила цѣлый стаканъ съ видимымъ усиліемъ, но стараясь улыбнуться.

Весь вечеръ я провелъ у Петровыхъ. Я съ Алексѣемъ Владиміровичемъ говорилъ и спорилъ. Вѣра принесла изъ своей комнаты низенькую табуретку и усѣлась съ работой около мужа немножко позади его кресла. Когда говорилъ Петровъ, она опускала руки на колѣни и слушала его съ восторженнымъ вниманіемъ, изрѣдка дѣлая свои замѣчанія, но сейчасъ же робѣла и умолкала. Въ одиннадцать часовъ онъ тихонько сказалъ ей «пора!» она сложила работу и подошла ко мнѣ проститься. Нашъ разговоръ не прерывался. На минуту молодая женщина, остановившись на порогѣ, пристально посмотрѣла на насъ обоихъ и ушла къ себѣ. Петровъ проводилъ ее ласковымъ, почти нѣжнымъ взглядомъ и задумался. Нѣсколько времени мы молча курили и пили вино, которое было принадлежностью всѣхъ вечернихъ бесѣдъ Алексѣя Владиміровича. Прежде онъ могъ выпить страшно много, но вино на него не дѣйствовало, и теперь онъ не былъ пьянъ, только вялость и истомленность выдавали его. На лицѣ лежала печать старости и печали. Почему-то мнѣ стало жаль Петрова.

— Да, заговорилъ онъ наконецъ, больна она у меня! И не то, что легкіе, или тамъ желудокъ не въ порядкѣ:—сердце въ ней тоскуетъ, душа вся изныла. Да и мудрено-ли! Молодая, милая... Въ ней жилка всякая жить хотѣла, она и теперь иной разъ козою скачетъ, а мнѣ на отдыхъ пора. А ужъ какъ хитритъ, ужь какъ вретъ, изворачивается! Думаетъ, я такъ и повѣрю, какъ она скажетъ «счастлива» да улыбнется... Охъ, ужь эта мнѣ улыбка! Вѣдь глаза-то не лгутъ: въ нихъ слезы.

Алексѣй Владиміровичъ прошелся по комнатѣ.

— Виноватъ я, виноватъ, говорилъ онъ да казнить-то меня не за что. Вѣдь три года я и себя, и ее мучилъ! Вѣдь говорилъ ей, что на муку ее беру! Вѣдь юношей какихъ отличныхъ съ нею знакомилъ! По полгоду не видѣлъ ее и вѣсти о себѣ не давалъ. Только и оставалось застрѣлиться либо зарѣзаться: за мертвеца замужъ не выйдешь! Такъ утопилась бы она, глупая!

Я всталъ.

— А! вы ужь уходите? Ну, не забывайте-же насъ, къ барынѣ моей поболтать заходите: она васъ любитъ, да и весело ей съ молодыми-то.

Я обѣщалъ... На дворѣ стояла чудная морозная лунная ночь, когда я вышелъ отъ Петровыхъ. Въ окнѣ «запасной» комнаты свѣтился огонь. Мнѣ почудилось, что за занавѣской мелькала тревожная женская тѣнь...

Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ Петровыхъ.

Слыхалъ, что живы. **С. Караскевичъ.**

(Конецъ).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ёжа.**

(Переводъ съ польскаго **А. Сахаровой**).

(Продолженіе).

ГЛАВА IV.

Графиня Ердоди принадлежала къ тому разряду женщинъ, которыя не удовлетворяются домашнимъ очагомъ. Она признавала себя самою исторической личностью; ее считали таковой въ сферѣ, охватывающей интересы Кроаціи: вся ея историчность состояла въ томъ, что во времена волненій, вызванныхъ Петромъ Зрини, имя ея всплыло на верхъ, какъ имя личности, которой угрожала месть главныхъ дѣятелей бунта. Общественное мнѣніе приписывало ей вліяніе на мужа, занимавшаго тогда должность воинскаго начальника въ Варадинѣ. Говорятъ, что если бы не она, то графъ всталъ-бы на сторону бунтовщиковъ, и дѣла приняли-бы другой оборотъ. Она удержала мужа въ вѣрности къ престолу и утверждали, что графъ былъ обязанъ ей тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ. Она не могла сравниться съ такой героиней, какъ Елена Ракочи; однако, она имѣла значеніе и, по собственному убѣжденію, большое значеніе.

— Вотъ нашъ родственникъ... сказалъ банъ, вводя Ляіоша въ комнату, въ которой сидѣла графиня,—а вотъ Павелъ Чолничъ, племичъ изъ Сисака...

Графиня сидѣла у большихъ пялецъ, занятая работой при помощи нѣсколькихъ дамъ. Вышивали шелками скатерть для алтаря. Искусная работа дѣлилась на части, состоящія изъ средины и полосокъ со вставками и бахромой. Одна изъ дамъ работала одну часть, другая другую. Пяльцы были окружены поэтому толпой дамъ, среди которыхъ находилась и графиня Изабелла Печичъ.

Вышиванье не было отброшено ради входа бана съ гостями,—наоборотъ: работницы принялись за него съ большимъ усердіемъ. Исключенье въ этомъ отношеніи составляла графиня. Она отложила иголку и проговорила:

— Вы застаете насъ, господа, за работой, которая, можетъ быть, вамъ не понравится.

— На оборотъ... возразилъ банъ.—Эта работа выставляетъ на видъ два красивыхъ предмета: тотъ, который работаетъ, и тотъ, который работается... кому же не нравится красота...

— Графъ!.. будь поосторожнѣе съ комплиментами.. Мы знакомы... подхватила графиня тономъ шутливаго упрека. Если ты пришелъ затѣмъ, чтобы говорить комплименты...

— Не за тѣмъ... прервалъ онъ.—То, что я сказалъ, вырвалось у меня невольно, само собою; желаніе же мое имѣетъ другую цѣль...

— Что?.. спросила она.

— Привести вамъ барыни помощника, въ лицѣ моего родственника... отвѣтилъ онъ, указывая глазами на Ляіоша,—помощника въ подрѣзываніи нитокъ, держаніи моточковъ и поднятіи булавокъ съ полу... принимаете-ли его?..

— Если это не будетъ ему непріятно...

— Развѣ это будетъ тебѣ непріятно?.. спросилъ банъ, обращаясь къ Ляіошу съ вопросомъ.

— Но вовсе нѣтъ... отвѣчалъ спрошенный голосомъ, въ которомъ слышалась подавленная дрожь.

— Ну, такъ останься у графини; мы съ Чолничемъ вскорѣ придемъ за тобой...

Графиня указала молодому человѣку на стулъ и нѣсколько минутъ не обращалась къ нему. Очевидно, она давала ему время осмотрѣться въ новой обстановкѣ. Ляіошъ занялъ указанное ему мѣсто, опустилъ глаза, однако тотчасъ-же поднялъ ихъ и повелъ ими вокругъ. Онъ находился въ такомъ положеніи: передъ нимъ графиня, подлѣ графини какая-то худая дама, налѣво молодая дама довольно полная, направо—графиня Печичъ, представляющаяся ему въ профиль всей фигурой, сидящая на табуретѣ и склонившаяся надъ работой. Плечи у нея были округлены, локти нѣсколько подняты, шея вытянута и станъ изогнутъ такъ, что онъ возбуждалъ желанье обнять его. Шитье въ пяльцахъ приводило эту фигуру въ движеніе, вызывавшее игру изгибовъ тѣла, роскошную гармонію дѣвичьихъ формъ. Когда вытягивая нитку, она откидывала руку, тогда она какъ то открывалась; когда же ея обѣимъ ручкамъ приходилось имѣть дѣло съ иглой, тогда онѣ напоминали объятіе, которое бы сплело эти ручки на шеѣ возлюбленнаго. А о томъ, что ея возлюбленнымъ желали бы быть многіе, нечего и говорить. Такая красавица!..

Когда Ляіошъ повелъ взглядомъ направо и налѣво и разглядѣлъ обстановку, въ которой онъ находился, тогда графиня завела съ нимъ разговоръ, начавъ его требованіемъ услуги отъ молодого человѣка. Ей надо было подать красный клубочекъ. Ляіошъ выполнилъ задачу надлежащимъ образомъ. Онъ подалъ графинѣ клубочекъ; та его поблагодарила и сопровождала благодарность такой преувеличенной похвалой, точно подать клубочекъ было чуть не геройскимъ поступкомъ. Ляіошъ замѣтилъ, что онъ не заслужилъ такой похвалы.

— Наоборотъ... возразила она,—не каждый съумѣетъ это сдѣлать...

— Это такая простая вещь...

— Не совсѣмъ... Молодой графъ Друшковичъ услуживаетъ намъ тутъ иногда и никогда не умѣетъ услужить, какъ слѣдуетъ...

Упоминанье о графѣ Друшковичѣ вызвало улыбки у дамъ. Графиня продолжала:

— Я просила у тебя красный клубочекъ и ты подалъ мнѣ красный...

— Вѣдь не могъ же я подать голубой... вмѣшался онъ...

— Но ты могъ подать пунцовый, малиновый, розовый и произвести неурядицу, которая лишила бы услугу цѣнности... Видно, что ты человѣкъ бывалый въ женскомъ обществѣ...

— Ничуть не бывало, запротестовалъ онъ.

— Однако вѣдь въ деревнѣ женщины собираются на совмѣстныя работы...

— Собираются... да, знаю объ этомъ по слухамъ...

— Развѣ Климовацъ былъ исключенъ... Развѣ твоя мать.

— Матери я не зналъ... подхватилъ онъ. Я прожилъ съ больнымъ отцемъ и у насъ въ домѣ не было другихъ женщинъ, кромѣ служанокъ.

— Значитъ женскій полъ тебѣ чуждъ?..

При этомъ вопросѣ всѣ дамы искоса и проницательно взглянули на молодого человѣка. Взглянула на него и графиня. Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Однако-же, ты долженъ былъ посѣщать сосѣдей продолжала графиня, и въ сосѣдствѣ видѣлъ женщинъ.

— Сосѣдей я не посѣщалъ... отвѣтилъ онъ коротко.

— И женщинъ не видалъ?..

— Крестьянокъ... ну... и...

— И что?.. проговорила она такимъ тономъ, какимъ ведется допросъ.

— Видѣлъ, отвѣчалъ онъ поспѣшно издалека только... издалека...

— Это значитъ, что ты ни къ одной не приблизился сердцемъ... Сердце у тебя свободное, говорила она, не глядя на Ляіоша—это хорошо... Юноша съ свободнымъ сердцемъ это рѣдкость въ наши времена... знаете ли вы, барыни, обратилась она къ дамамъ,—такого юношу?..

— Я, ей Богу, не знаю... отвѣчала толстая дама, покачивая головой направо и налѣво.

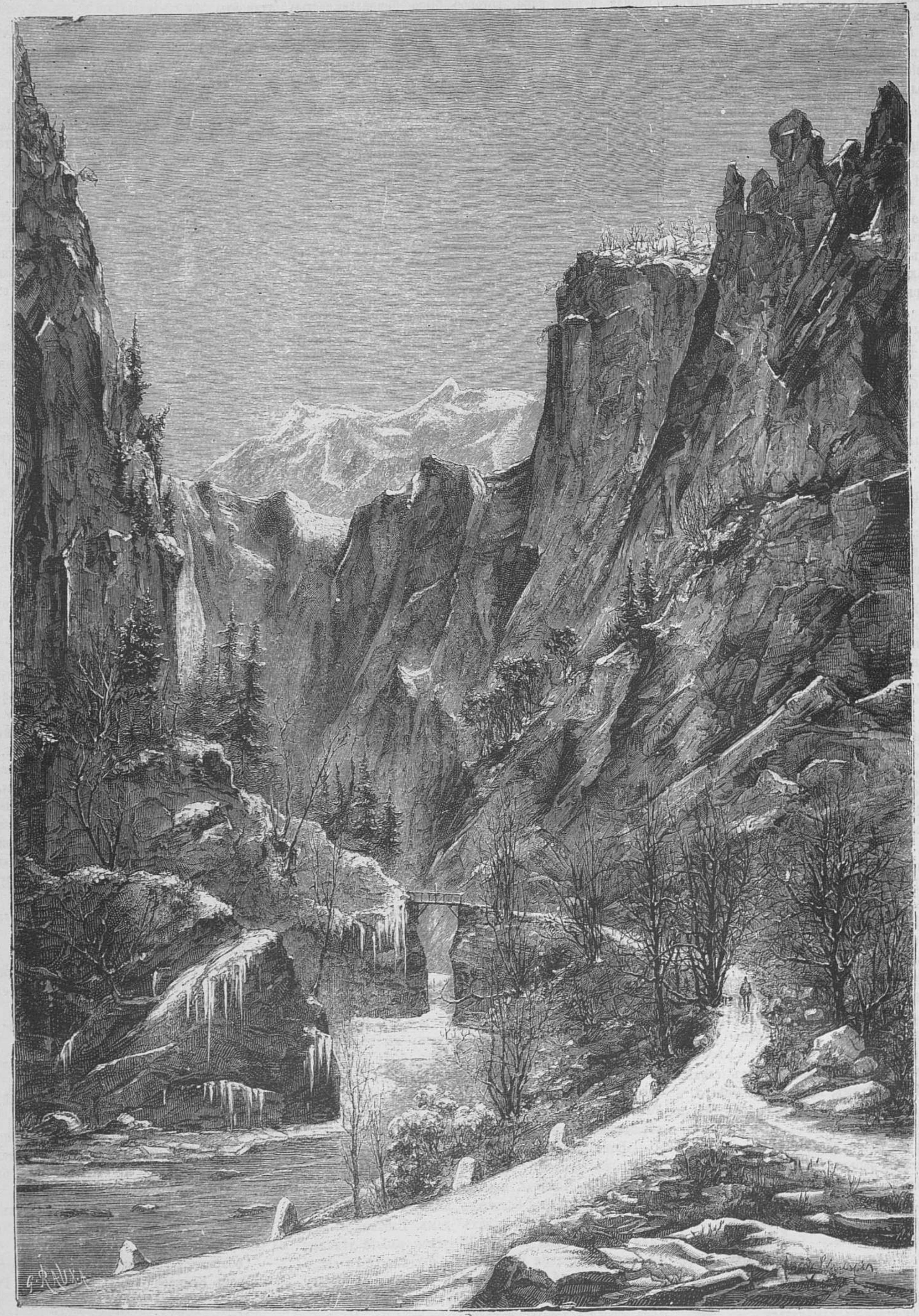
— Ни я... прибавила худая дама.

Молоденькая графиня ничего не сказала. Жена же бана продолжала такъ:

— Нѣтъ, графъ Наги Ференцъ отдалъ свое сердце въ плѣнъ, онъ самъ не знаетъ, въ который ужь разъ,

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Е. Мейеръ.



Послѣднія заморозки.

сердце барона Брейнера подвластно тремъ властительницамъ за разъ, о графѣ-же Друшковичѣ и говорить нечего... А другіе?... о!..

— О!.. подтвердили дамы, и толстая, и худая.

— И такъ значитъ, обратилась графиня къ Ляіошу,— ты въ Загребѣ рѣдкость... старайся-же, прибавила она тономъ шутливаго предостереженія...

При этихъ словахъ графиня Печичъ ошиблась. Иголка ея воткнулась въ вышитый уже цвѣтокъ и уколола палецъ. Вдругъ она быстро отдернула руку и крикнула: «охъ!»

— Что это? воскликнула графиня.

— Я укололась... отвѣтила она, осматривая пальчикъ.

— Сильно?..

— Чуточку...

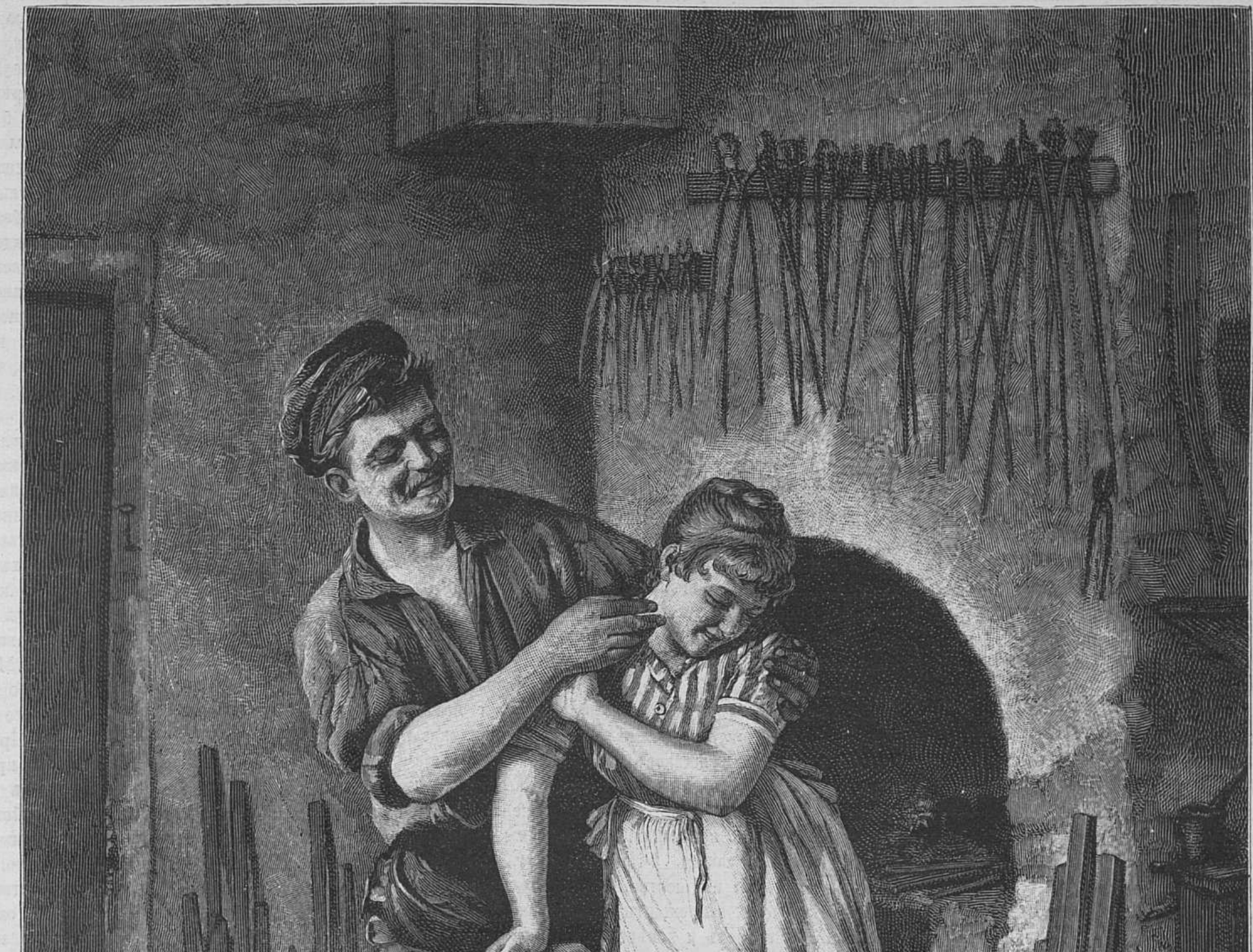
— Перевязать-бы?..

— Н-и... не надо... не болитъ ужъ... отвѣчала она снова принимаясь за работу.

Отвѣты ея были первыми словами, которыя Ляіошъ услышалъ изъ ея устъ. Они прозвучали, какъ отголосокъ серебрянаго колокольчика, звучно, чисто, пѣвуче. Молодой человѣкъ взглянулъ на сосѣдку сбоку, оста-

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Шницлера.



Между дѣломъ.

новилъ на ней взглядъ и не услыхалъ графини, просящей его подать ножницы.

— Пане Ляіошъ!.. обратилась она къ нему вторично, возвысивъ голосъ, вотъ тамъ подлѣ тебя!..

— Что? спросилъ онъ, какъ-бы внезапно пробуждаясь.

— Ножницы...

Онъ соскочилъ и побѣжалъ, оглядываясь.

— Подъ твоей рукой...

— Гдѣ?...

— Тамъ...

Онъ замѣтилъ ножницы, схватилъ и поднялъ ихъ съ видомъ, показывающимъ, что онъ не знаетъ, что дѣлать съ этой находкой.

— Подай мнѣ ихъ... сказала графиня, протягивая руку черезъ пяльцы, и когда она взяла въ руку ножницы, она прибавила:—повидимому я ошиблась въ тебѣ, считая тебя рѣдкимъ юношей... Должно быть, какая нибудь изъ твоихъ издалека видѣнныхъ сосѣдокъ плѣнила твое сердце. Не правда-ли?.. такъ, что-ли?..

Этотъ вопросъ очевидно смутилъ молодого человѣка. Казалось, судя по его поведенію, что онъ не могъ отвѣтить да, отвѣтить-же нѣтъ—не хотѣлъ, дать-же уклончивый отвѣтъ—не умѣлъ, и такъ онъ ухватился за средство, которое у него было подъ рукой. Такъ какъ онъ соскочилъ со стула для ножницъ, то притворился, какъ-бы ищущимъ стула, покинутаго имъ,—онъ оглядывался и оборачивался за стуломъ. Этотъ маневръ ему удался. Графиня, не ожидая отвѣта, задала ему новый вопросъ, относящійся къ близости и численности сосѣдства, окружающаго Климовацъ.

— О... отвѣтилъ онъ, тамъ села одно возлѣ другого.

— И племичи живутъ въ селахъ?..

— Живутъ... отвѣчалъ онъ и назвалъ нѣсколько фамилій, а между ними и фамилію Дещича.

— Вы не дружили съ нимъ?.. спросила она и прибавила: знаю, почему...

— Отецъ постоянно хворалъ...

— Не это одно было причиной, что вы удалялись отъ такихъ сосѣдей... Ердоди не могъ сближаться съ ними... Однако слѣдуетъ,—проговорила она черезъ минуту, чтобы это измѣнилось наконецъ, а это измѣнилось-бы, если-бы не старый Дещичъ... Что-жь тамъ старикъ подѣлываетъ?.. спросила она.

— Хозяйничаетъ... что-же... отвѣтилъ онъ.

— Внука женилъ?...

— Нѣтъ...

— Внучку замужъ выдаетъ?...

— Не знаю... отвѣтилъ онъ, заикаясь.

— Я не видала его уже лѣтъ тринадцать и тогда еще это былъ человѣкъ старый... Богъ одарилъ его долгой жизнью...

Послѣднія слова были произнесены съ оттѣнкомъ скрытаго притязанія: зачѣмъ Дещичъ такъ долго живетъ?

Разговоръ прервался; графиня задумалась, воцарилось молчаніе, которое прервала тучная дама, предложивъ на обсужденіе вопросъ о вышивкѣ цвѣтка, долженствующаго занять мѣсто въ полоскѣ. Этотъ вопросъ, былъ весьма важенъ, касаясь какъ формы, такъ и цвѣта. О формѣ споръ шелъ между однѣми дамами; однако, когда дошло до разрѣшенія вопроса о цвѣтѣ тучная дама сослалась на мнѣніе Ляіоша.

— Скажи ты, сударь, проговорила она,—ты, сударь, такъ превосходно понимающій толкъ въ цвѣтахъ...

— Я?... въ цвѣтахъ?... запротестовалъ онъ. Я вовсе ничего не смыслю въ цвѣтахъ..

— Ты представилъ доказательства... возразила тучная дама.

— Доказательства неоспоримыя... подтвердила худая.

— Не подлежащія сомнѣнью...

— Не допускающія опроверженія...

— Разрѣши, сударь, начала первая, указывая на ту точку, о которой шла рѣчь, маленькимъ пальчикомъ—долженъ-ли этотъ листикъ быть голубымъ, краснымъ, фіолетовымъ, желтымъ?..

— Не знаю, ей Богу... защищался онъ.

— Какъ тебѣ кажется, сударь?..

— Какъ мнѣ кажется, пожалъ онъ плечами.

— По моему мнѣнію, онъ долженъ быть оранжевый, сказала тучная дама.

— А по моему — малиновый, проговорила худая дама.

— А по твоему?.. спросила жена бана у графини.

— Я бы... отвѣтила спрошенная—выбрала голубой цвѣтъ...

— Ты же?.. обратилась она къ Ляіошу.

— Голубой... отвѣтилъ онъ

— Дѣло рѣшено... заключила графиня. Разрѣшила его сходство вкусовъ, которое, прибавила она внушительно,—навѣрно имѣетъ нѣкоторое значеніе.

При этихъ словахъ графиня и Ляіошъ оба разомъ вспыхнули яркимъ румянцемъ. Графиня заслонила глаза длинными рѣсницами и склонилась надъ работой; у Ляіоша глаза сверкнули южнымъ блескомъ, доказывающимъ, что заявленіе о сходствѣ вкусовъ между нимъ и красавицей Печичовной не произвело на него такого впечатлѣнія, какого слѣдовало-бы ожидать. Однако произвело нѣкоторое впечатлѣніе.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ Государственномъ совѣтѣ будетъ въ непродолжительномъ времени разсматриваться вопросъ объ учрежденіи государственныхъ кассъ страхованія рабочихъ, съ распространеніемъ обязательнаго участія въ нихъ и на желѣзнодорожныя компаніи, по отношенію къ страхованію служащихъ подвижного состава принадлежащихъ имъ желѣзныхъ дорогъ.—Министерствомъ юстиціи представленъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената вопросъ о томъ, имѣютъ ли право нотаріусы, въ виду закона 4-го мая 1882 года совершать и свидѣтельствовать договоры о продажѣ лѣса на срубъ евреямъ, заключаемые на продолжительные сроки, при условіи включенія въ эти договоры еще и права пользованія подлѣсною землею и другими выгодами. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе донесенія одного изъ начальниковъ губерній, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, что мѣстные нотаріусы принимаютъ къ засвидѣтельствованію договоры о продажѣ евреямъ лѣса на срубъ съ правомъ производить вырубку въ теченіе нѣсколькихъ (иногдо до 20 и болѣе) лѣтъ, причемъ допускаютъ включеніе въ контракты условій о правѣ покупщиковъ производить въ купленномъ ими лѣсу въ продолженіе условленнаго срока выгонку дегтя, выпаливаніе угля, сѣнокошеніе, сооружать всякаго рода постройки, копать ямы и проч., между тѣмъ какъ законъ 3-го мая 1882 г., запрещая аренду евреевъ на имущества, находящіяся внѣ городовъ и мѣстечекъ, запрещаетъ также засвидѣтельствованіе на имя евреевъ и довѣренностей на управленіе и распоряженіе этими имуществами.—Министерство финансовъ занято, какъ сообщаютъ, изысканіемъ мѣръ къ развитію и расширенію нашей внѣшней торговли.—Предстоящее къ 1-му мая новаго стиля открытіе всемірной выставки въ Барселонѣ подало министру финансовъ мысль воспользоваться удобнымъ случаемъ для ознакомленія Испаніи съ русскими производствами и для доставленія представителямъ русской промышленности возможности завязать непосредственныя торговыя сношенія съ Испаніею, безъ помощи гамбургскихъ и другихъ нѣмецкихъ коммиссіонеровъ. Министерство финансовъ разослало фабрикантамъ и заводчикамъ приглашенія участвовать въ барселонской выставкѣ и, въ свою очередь, командировало компетентныхъ лицъ на мѣсто выставки, для оказанія возможнаго содѣйствія русскимъ экспонентамъ при установленіи постоянныхъ торговыхъ сношеній съ портами Испаніи. Одну изъ немаловажныхъ отраслей нашей промышленности, какъ извѣстно, составляютъ винокуреніе и производство спирта. До сихъ поръ русскій спиртъ, отпускавшійся за границу, попадалъ въ руки гамбургскихъ коммиссіонеровъ-посредниковъ, на долю которыхъ выпадала львиная доля прибылей и, кромѣ того, самый спиртъ отправлялся въ Испанію подъ видомъ нѣмецкаго производства. Нынѣ т. с. Вышнеградскій, въ виду предстоящаго заключенія съ Испаніею новаго торговаго трактата, нашелъ нужнымъ поставить русскую спиртную отпускную торговлю въ независимое положеніе. Для этой цѣли министръ финансовъ призналъ необходимымъ позаботиться о томъ, чтобы отпускаемый русскій спиртъ соотвѣтствовалъ требованіямъ потребителей. Министерство финансовъ предложило профессору Орбинскому изучить въ Испаніи условія торговли и представить о томъ надлежащій отвѣтъ. — Проэктъ преобразованія высшихъ женскихъ курсовъ окончательно разработанъ и въ скоромъ времени будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Высшія женскія заведенія будутъ имѣть, по проекту, характеръ высшихъ педагогическихъ институтовъ, которые будутъ подготовлять къ практической дѣятельности наставницъ и учительницъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности. Открытіе первыхъ курсовъ преобразованныхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній послѣдуетъ не ранѣе 1889 учебнаго года.—Восходившій на разрѣшеніе правительствующаго сената, вопросъ о томъ: «съ какого дохода—чистаго или валового—слѣдуетъ исчислять 5 проц. вознагражденія опекунамъ, причитающееся имъ за управленіе подопечнымъ имѣніемъ, въ общемъ собраніи, 1-го и кассаціоннаго департаментовъ правительствующаго сенана, какъ мы слышали, 4-го апрѣля, разрѣшенъ единогласно въ томъ смыслѣ, что помянутые 5 проц. вознагражденіе опекунамъ надлежитъ исчислять во всѣхъ случаяхъ съ валового дохода.—Законодательнымъ отдѣленіемъ департамента министерства юстиціи представленъ въ Государственный совѣтъ выработанный имъ проэктъ по вопросу о мѣрахъ къ огражденію во время кассаціоннаго производства имущественныхъ правъ тяжущихся, противъ которыхъ состоялись судебныя рѣшенія.—Въ министерство финансовъ поступило ходатайство многихъ чайныхъ торговцевъ, въ которомъ выражается просьба торговцевъ о томъ, чтобы введеніе бандероли на чай не было принято. Вмѣсто бандерольнаго обложенія чайные торговцы предлагаютъ, для установленія контроля, учредить должности особыхъ «чайныхъ инспекторовъ», которые имѣли бы право производить внезапныя ревизіи магазиновъ.—Изъ поступающихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній видно, что чумная эпидемія рогатаго скота почти совершенно прекратилась въ южныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе чего министерство разрѣшило привозъ убойнаго скота въ Севастополь изъ Тамани и Новороссійска. На-дняхъ послѣдуетъ объявленіе такихъ же разрѣшеній и для другихъ мѣстностей. — Министерство внутреннихъ дѣлъ отклонило ходатайство кременецкой думы о замѣщеніи должности городского головы лицомъ по назначенію отъ правительства. Произведенные вслѣдствіе этого выборы, подобно всѣмъ предыдущимъ, снова окончились полною неудачею. Въ виду этого, думою возбуждено теперь новое ходатайство о разрѣшеніи оставаться въ должности городского головы нынѣ занимающему эту должность временно, съ дозволенія своего начальства, начальнику мѣстной почтово-телеграфной конторы Постникову, до окончанія четырехлѣтія, на которое онъ избранъ, и съ сохраненіемъ имъ также должности по почтово-телеграфному вѣдомству. Какъ на причину такого ходатайства гласные указываютъ «на полное отсутствіе въ Кременцѣ лицъ, вполнѣ благонадежныхъ и соотвѣтствующихъ должности городского головы».—Въ богородскомъ уѣздѣ, за послѣдніе годы, начался усиленный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ по извѣстной 165 статьѣ крестьянскаго положенія. Лихорадочное стремленіе кулаковъ по выкупу надѣловъ какъ своихъ, такъ и сосѣдскихъ, объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что на крестьянскихъ обществахъ за послѣднее десятилѣтіе накопились крупныя недоимки, особенно недоимки вымершихъ домохозяевъ, отвѣчать за которыхъ должно общество, и потому дальновидное кулачество спѣшитъ убѣгать отъ общей отвѣтственности; во-вторыхъ, кулаки стараются прихватить къ своимъ рукамъ надѣлы бѣднѣйшихъ домохозяевъ, запутавшихся у нихъ въ долгахъ. Всѣ надѣлы крестьянъ, гуляющихъ на отхожихъ промыслахъ, вообще отлынивающихъ отъ сохи, находятся въ распоряженіи кулаковъ, которые составляютъ теперь на деревнѣ силу, и съ этою темною силой приходится считаться. Двѣ трети волостного судейскаго персонала и сельскихъ распорядителей—все кулаки-міроѣды. Гдѣ-бы можно еще повременить, обождать малость, напримѣръ, при взысканіи частныхъ требованій и податей, кулачество подводитъ скорѣе подъ продажу, чтобъ захватить съ молотка подходящее имущество по самымъ убійственнымъ цѣнамъ. По взысканіямъ, рѣшеннымъ въ волостныхъ судахъ, тѣ-же кулаки что засѣдали въ волостномъ ареопагѣ, присутствуютъ и на аукціонахъ и жадно хватаютъ изъ-подъ молотка крестьянскихъ телокъ, поросятъ и т. п., сарайчики и даже послѣдніе мужицкіе хлѣвы за половинную цѣну настоящей стоимости. Во всѣхъ продѣлкахъ кулаковъ по захвату крестьянскихъ надѣловъ главными помощниками ихъ являются волостные писаря.

* * *

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Полученные 7-го апрѣля телеграммы изъ Берлина и Шарлоттенбурга самаго тревожнаго свойства. Состояніе здоровья императора мѣняется періодически. Послѣ того, какъ 6-го апрѣля, вечеромъ, температура понизилась почти до нормальнаго уровня, сегодняшнее повышеніе температуры считается признакомъ того, что болѣзненный процессъ продолжается; произведенный Лейденомъ и Сенаторомъ осмотръ не доказалъ существованія гнойнаго зараженія ни легкихъ, ни крови, но опасаются того и другого; всѣ врачи совѣтывали продолжительный покой въ постели; сегодня у императора былъ съ докладомъ только генералъ Винтерфельдъ; наслѣдный принцъ проведетъ сегодняшнюю ночь въ Шарлоттенбургѣ; послѣднія обнародованныя извѣстія вызвали общую тревогу; болѣзнь императора занимаетъ исключительно прессу и публику, но въ политическихъ кругахъ ожидаютъ тоже съ напряженіемъ извѣстій изъ Парижа; опасаются именно какихъ-нибудь неожиданностей по случаю появленія Буланже въ палатѣ. Послѣдующія извѣстія также сообщаютъ, что положеніе императора остается критическимъ: утромъ лихорадочное положеніе ослабѣваетъ, вечеромъ опять усиливается. Врачи опасаются, что при малѣйшемъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ болѣзнь осложнится воспаленіемъ легкихъ; по нѣкоторымъ признакамъ предполагаютъ, что императоръ въ настоящее время страдаетъ гнойнымъ зараженіемъ крови; сюда наѣхало много высокопоставленныхъ особъ; приливъ публики огромный; больной императоръ два дня не вставалъ съ постели и у окна кабинета не показывался собравшейся у дворца публикѣ.—Въ Вѣнѣ въ засѣданіи палаты депутатовъ младочехъ Вашати изложилъ программу иностранной политики младочешской партіи. Вашати сказалъ, что нынѣшняя политика ничего не стоитъ и австро-германскій союзъ никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ онъ выгоденъ для одной только Германіи. «Увѣряютъ, продолжалъ ораторъ, что союзъ этотъ преслѣдуетъ миролюбивыя цѣли, а между тѣмъ всѣ вооружаются. Въ данный моментъ князь Бисмаркъ можетъ нанести Австріи такой-же ударъ, какъ въ 1866 году. Изъ-за чего заключать подобный союзъ? Насъ онъ разоряетъ. Князю Бисмарку онъ нуженъ для войны съ Франціей. Австріи слѣдуетъ заключить союзъ съ Россіей. Вступивъ съ Россіей въ соглашеніе, Австрія можетъ присоединить Боснію и Герцеговину и современемъ занять Салоники, если предоставить Россіи ея сферу вліянія. Пора въ интересахъ Европы прекратить расширеніе Германіи. Если Франція понесетъ еще разъ пораженіе, то Австрія и Италія сдѣлаются вассалами Германіи». Въ заключеніе Вашати отъ имени младочеховъ отказался вотировать бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Членъ нѣмецко-либеральной партіи, Пленеръ, рѣзко нападалъ на правительство, обвиняя его въ томъ, что оно вызвало національное движеніе въ Австріи и славянизировало ее. По мнѣнію Пленера, нравственное паденіе Австріи началось именно съ установленіемъ нынѣшней правительственной системы. Въ отвѣтъ на это министръ финансовъ, указывая на произнесенныя политическія рѣчи, заявилъ относительно иностранной политики, что уже девять лѣтъ международное значеніе монархіи упрочивается и что Австрія чувствуетъ себя хорошо въ союзѣ, равнозначительнымъ и равноправнымъ членомъ котораго она состоитъ. Далѣе министръ указалъ на заявленіе вождя чешскаго народа, что чехи находятъ спасеніе только въ одной Австріи и что ихъ интересы отождествляются съ австрійскими интересами. Министръ сказалъ, чтобы ему откровенно отвѣтили, гдѣ, кромѣ Австріи, не-нѣмецкіе народы могутъ найти охрану своей индивидуальности, языка и вѣры. «Этой Австріи, сказалъ въ заключеніе министръ, мы должны оставаться вѣрными, твердо выдерживая натискъ всѣхъ политическихъ направленій безъ исключенія. Крайнихъ стремленій съ чьей-бы-то ни было стороны никакое австрійское правительство допустить не можетъ. Существованіе нашего государства зиждется на взаимномъ уваженіи».—Во Франціи естественно всѣ взоры обращены на Буланже, о немъ только и рѣчи. Успѣхи Буланже произвели странныя перемѣны фронта во всей почти французской прессѣ. Бонапартисты, особенно Кассаньякъ, прославляютъ его, радикалы же, которые такъ много содѣйствовали его торжеству, глубоко разочарованы. Особенно характеристична статья Клемансо въ «Justice». Вождь радикальной партіи, говоря о результатахъ выборовъ въ Дордоньскомъ департаментѣ, заявляетъ, что наконецъ-то этотъ «обмундированный сфинсъ» вскрылъ свои карты и обнаружилось, что такъ называемая партія «національнаго» протеста, такъ-же «національна», какъ партія, устроившая государственный переворотъ 2-го декабря. 7-го апрѣля, въ день возобновленія засѣданій, въ коридорахъ палаты замѣтно было большое оживленіе. Всѣ группы находились въ сборѣ до начала засѣданія. Крайняя лѣвая возставала противъ всякихъ плебисцитарныхъ идей и постановила исключить буланжистовъ изъ своей среды. Союзъ лѣвыхъ рѣшилъ не принимать инициативы относительно запроса. Радикальная лѣвая не прочь войти съ кабинетомъ въ соглашеніе относительно назначенія комиссіи для пересмотра конституціи. Союзъ правыхъ желаетъ, чтобы коммиссія была назначена въ будущемъ засѣданіи. Многочисленныя группы занимаютъ доступы въ палату. Всѣ ведущія въ палату улицы заграждены полицейскимъ кордономъ. По открытіи засѣданій Флокэ сказалъ, что прежде, чѣмъ опредѣлить формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, потребуются необходимыя объясненія между палатою и правительствомъ; положеніе не такъ опасно, какъ говорятъ, но все-таки оно довольно серьезно; правительство желаетъ знать, существуетъ-ли въ палатѣ большинство, готовое относиться съ довѣріемъ къ кабинету, склоняющемуся въ сторону лѣвой. Кабинетъ желаетъ пользоваться довѣріемъ палаты для того, чтобы защищать республиканскія учрежденія противъ тѣхъ, которые прикрываются монархическимъ знаменемъ или предлагаютъ странѣ плебисцитарную загадку. Послѣ этого заявленія членъ лѣвой Жюмель выразилъ желаніе обратиться къ правительству съ запросомъ относительно общей политики; Флокэ выразилъ согласіе на безотлагательное обсужденіе запроса. Палата депутатовъ, большинствомъ 379 голосовъ противъ 117, приняла предложенную Жюмелемъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, высказывающую довѣріе къ правительству и убѣжденіе, что оно своею энергіею обезпечитъ уваженіе къ республиканскимъ учрежденіямъ и съумѣетъ отстоять политику прогресса, реформъ и желаемой страною свободы. Послѣ вотированія довѣрія къ кабинету Викерсгеймеръ предложилъ назначить въ субботу комиссію для пересмотра конституціи. Предложеніе это было принято большинствомъ 340 голосовъ противъ 215. — По сообщеннымъ телеграфомъ свѣдѣніямъ газетъ, правительство приняло необходимыя мѣры для поддержанія порядка. Части парижскаго гарнизона приказано, какъ говорятъ, не отлучаться изъ казармъ. Члены исполнительнаго комитета лиги патріотовъ Делонгль, Плонъ и Вальгофъ протестуютъ въ опубликованномъ письмѣ противъ избранія вновь Дерулэда почетнымъ президентомъ лиги; въ слѣдующемъ засѣданіи палаты депутатовъ будетъ преимущественно обсуждаться вопросъ о томъ, должно-ли бюро палаты назначить комиссію для разсмотрѣнія вопроса о пересмотрѣ конституціи. О томъ, какъ относится къ этому вопросу правительство, пока еще ничего неизвѣстно; о намѣреніяхъ Буланже ходятъ разнорѣчивые слухи. По версіи, довольно распространенной, онъ послѣ избранія въ Сѣверномъ департаментѣ займетъ свое мѣсто въ палатѣ депутатовъ, произнесетъ громоносную рѣчь противъ нынѣшняго парламента и, объявивъ, что слагаетъ съ себя депутатскія полномочія, оставитъ залу засѣданія. Его двѣнадцать отъявленныхъ сторонниковъ тотчасъ послѣдуютъ его примѣру. Тогда потребуется произвести новые выборы въ тринадцати департаментахъ. Во всѣхъ этихъ департаментахъ будетъ избранъ Буланже, вслѣдствіе чего распущеніе палаты сдѣлается неизбѣжнымъ, а это въ свою очередь приведетъ къ избранію Буланже въ президенты республики.—Причины и размѣры крестьянскаго бунта въ Румыніи еще недостаточно выяснены. Къ тому же свѣдѣнія, касающіяся этого бунта, поступаютъ очень скудно, такъ какъ румынское правительство и вѣнская пресса заинтересованы въ томъ, чтобы не представлять дѣло такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что сельское населеніе Румыніи очень недовольно налогами, жестокимъ способомъ ихъ взиманія; кромѣ того, крестьянскіе надѣлы такъ малы, что не удовлетворяютъ самымъ насущнымъ потребностямъ. Неудовольствіемъ сельчанъ, повидимому, воспользовались и агитаторы, распространяя слухъ, что, по приказанію короля, мѣстнымъ властямъ приказано раздать крестьянамъ новыя земли. Вслѣдствіе этого вышли недоразумѣнія, затѣмъ начались волненія и, наконецъ, дѣло приняло характеръ настоящаго бунта. Изъ одного перечня мѣстностей, гдѣ были безпорядки, видно, что движеніе было очень серьезное. Въ Стефанескахъ разсвирѣпѣвшіе крестьяне убили бургомистра, во многихъ мѣстахъ были кровопролитныя столкновенія съ войсками. Въ Фербинцахъ войска нѣсколько разъ стрѣляли въ бунтовщиковъ, изъ коихъ многіе были убиты и ранены.

Н. Н. Миклуха-Маклай.

(Некрологъ).

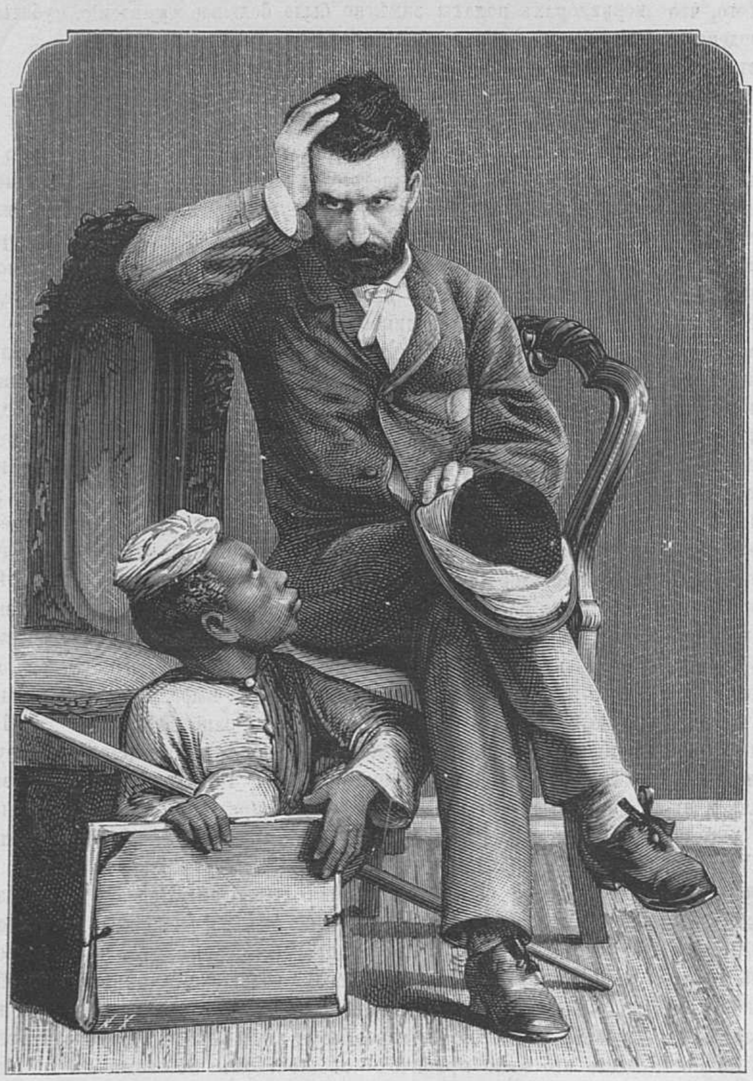
Со дня смерти Гаршина не прошло и полумѣсяца, а неумолимая смерть успѣла унести четыре новыя жертвы изъ того небольшого кружка честныхъ тружениковъ, которые всѣ свои силы посвящаютъ на служеніе наукѣ и искусству; не успѣли мы засыпать землею могилы Лебедева (романиста Морского), Зиновьева (музыкальнаго критика) и Усова (бывшаго редактора «Сѣверной Пчелы»), какъ умираетъ Н. Н. Миклуха-Маклай, еще въ полномъ цвѣтѣ силъ (42 л.), но изнуренный продолжительною и тяжкою болѣзнью. Покойный составилъ себѣ громадную извѣстность своими путешествіями, для которыхъ онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни средствъ; при жизни, однако, его старанія не были оцѣнены ни обществомъ, ни печатью, предпочтившихъ лучше посмѣяться надъ нѣкоторыми странностями отважнаго изслѣдователя, чѣмъ поддержать его попытки. Послѣдовавшая 2-го апрѣля смерть прервала занятія Н. Н. по составленію записокъ о своихъ путешествіяхъ; надо надѣяться, что собранный имъ интересный матеріалъ выйдетъ въ свѣтъ, хотя-бы и въ необработанномъ видѣ. По окончаніи курса во 2-й петербургской гимназіи и слушанія лекцій въ петербургскомъ и германскомъ университетахъ, Миклуха-Маклай съ 1866 года предпринималъ рядъ большихъ путешествій. Въ Новой Гвинеѣ онъ изслѣдовалъ расу, которая до его пріѣзда еще не видала европейцевъ и сохранила первобытный образъ жизни каменнаго вѣка. Въ знойномъ и болотистомъ климатѣ этой страны сильно пострадало здоровье покойнаго; уже съ надорванными силами онъ возобновилъ путешествія въ Тихій океанъ для разъясненія и дополненія тѣхъ наблюденій, которыя онъ собралъ на берегу Маклая.

Помѣщаемые нами рисунки представляютъ портретъ путешественника съ мальчикомъ-папуасомъ у его ногъ и тотъ домъ, который собственноручно построилъ себѣ Миклуха-Маклай въ странѣ папуасовъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Входъ Господенъ въ Іерусалимъ и воскрешеніе Лазаря.

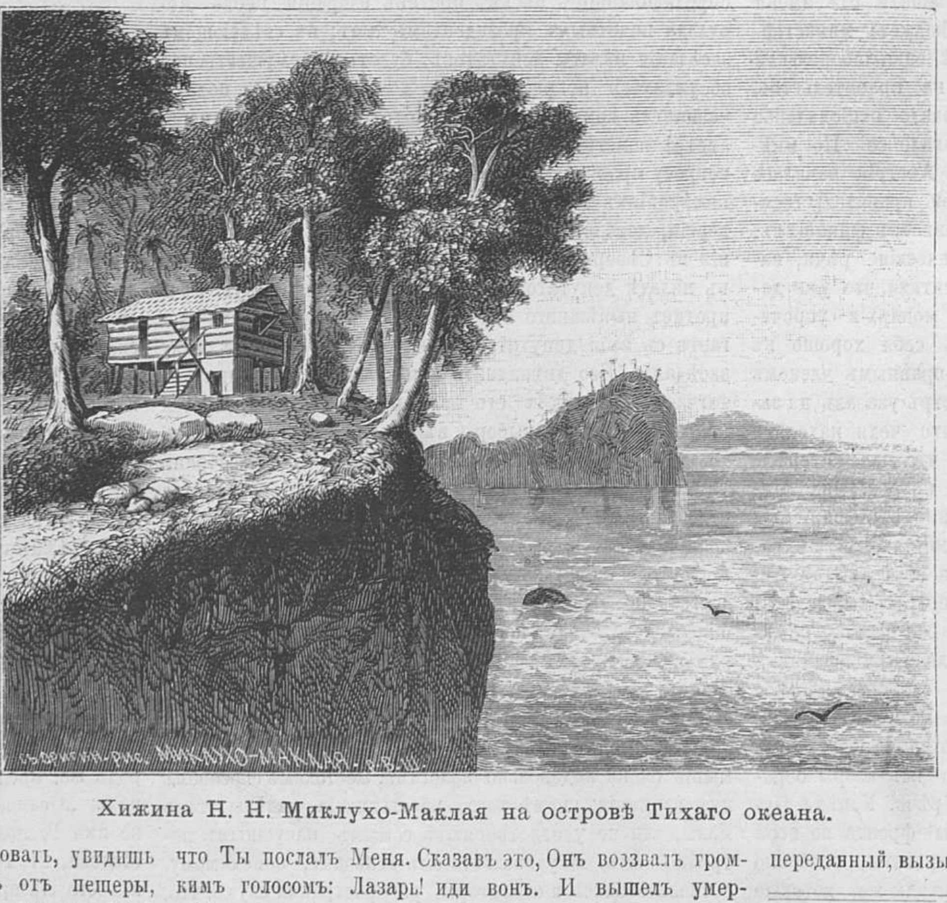
Мы помѣщаемъ отдѣльный очеркъ о г. Свѣдомскомъ, авторѣ этихъ фресокъ, которыя должны украсить строющійся теперь въ Кіевѣ храмъ въ память святого князя Владиміра, насадившаго и распространившаго на Руси православную вѣру. Здѣсь мы укажемъ только на моменты, изображенные талантливымъ художникомъ. Передъ праздникомъ пасхи Іисусъ отправился въ Іерусалимъ. «И когда приблизились къ Іерусалиму, говоритъ евангелистъ,—и пришли въ Виѳанію къ горѣ Елеонской, тогда Іисусъ послалъ двухъ учениковъ, сказавъ имъ: «Пойдите въ селеніе, которое прямо передъ вами; и тотчасъ найдете ослицу привязанную и молодого осла съ нею; отвязавъ, приведите ко мнѣ. И если кто скажетъ вамъ что нибудь, отвѣчайте, что они надобны Господу и тотчасъ пошлетъ ихъ». Все-же сіе было. да сбудется реченное черезъ пророка, который говоритъ: „Скажите дщери Сіонской: се, Царь твой грядетъ къ тебѣ кроткій, сидя на ослицѣ и молодомъ ослѣ, сынѣ подъяремной» (Исаіи 62, 11, Захаріи 9, 9). Ученики пошли и поступили такъ, какъ повелѣлъ имъ Іисусъ. Привели ослицу и молодого осла, и положили на нихъ одежды свои, и онъ сѣлъ поверхъ ихъ. Множество же народа постилали одежды свои по дорогѣ; а другіе рѣзали вѣтки съ деревъ и постилали по дорогѣ. Народъ же, предшествовавшій и сопровождавшій восклицалъ; „Осанна сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!“ (Евангеліе отъ Матѳея, 21, 1—9). Іисусъ былъ очень близокъ съ семьею нѣкоего Лазаря изъ Виѳаніи, селенія, гдѣ жили и сестры Лазаря Марѳа и Марія, та самая, которая разъ помазала Іисуса мѵромъ и отерла ноги Его волосами своими. Лазарь заболѣлъ и сестры его послали сказать Іисусу: „Господи вотъ, кого ты любишь, боленъ". Іисусъ услышавши то, сказалъ: „Эта болѣзнь не къ смерти, но къ славѣ Божіей, да прославится черезъ нее Сынъ Божій". Іисусъ же любилъ Марѳу, и сестру ея, и Лазаря. Когда же услышалъ что онъ боленъ, то пробылъ два дня на томъ мѣстѣ, гдѣ находился. Послѣ этого сказалъ ученикамъ: «Пойдемъ опять въ Іудею». Потомъ сказалъ: «Лазарь, другъ нашъ, уснулъ; но я иду, разбудить его». Ученики Его сказали: «Господи, если уснулъ, то выздоровѣетъ». Іисусъ говорилъ о смерти его, а они думали, что Онъ говорилъ о снѣ обыкновенномъ. Тогда Іисусъ сказалъ имъ прямо: «Лазарь умеръ.» Іисусъ, пришедши, нашелъ что онъ уже четыре дня въ гробѣ. Многіе изъ іудеевъ пришли къ Марѳѣ и Маріи утѣшить ихъ въ печали о братѣ ихъ. Марѳа, услышавъ, что идетъ Іисусъ, пошла на встрѣчу Ему: Марія же сидѣла дома. Тогда Марѳа сказала Іисусу: Господи! если бы Ты былъ здѣсь; не умеръ бы братъ мой. Но и теперь, знаю, что чего Ты попросишь у Бога, дастъ Тебѣ Богъ. Іисусъ говоритъ ей: воскреснетъ братъ твой. Марѳа сказала Ему: знаю что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день. Іисусъ сказалъ ей: Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій, живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ во вѣкъ. Вѣришь ли сему? Она говоритъ Ему: такъ Господи! я вѣрую, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ. Сказавши это, пошла, и позвала тайно Марію, сестру свою, говоря: Учитель здѣсь и зоветъ тебя. Она, какъ скоро услышала, поспѣшно встала, и пошла къ Нему. Іисусъ еще не входилъ въ селеніе, но былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтила Его Марѳа. Іудеи, которые были съ нею въ домѣ утѣшали ее, видя, что Марія поспѣшно встала и вышла, пошли за нею, полагая, что она пошла на гробъ, плакать тамъ. Марія же, пришедши туда, гдѣ былъ Іисусъ, и увидѣвъ Его, пала къ ногамъ Его, и сказала Ему: Господи! если бы Ты былъ здѣсь; не умеръ бы братъ мой. Іисусъ когда увидѣлъ ее плачущую и пришедшихъ съ нею іудеевъ плачущихъ, Самъ воскорбѣлъ духомъ, и возмутился. И сказалъ; гдѣ вы положили его? Говорятъ Ему: Господи! пойди и посмотри. Іисусъ прослезился. Тогда іудеи говорили: смотри, какъ Онъ любилъ его. А нѣкоторые изъ нихъ сказали: не могъ ли сей, отверзшій очи слѣпому, сдѣлать чтобы и этотъ не умеръ? Іисусъ же, опять скорбя внутренно, приходитъ ко гробу. То была пещера, и камень лежалъ на ней. Іисусъ говоритъ: отнимите камень. Сестра умершаго Марѳа, говоритъ Ему: Господи! уже смердитъ; ибо четыре дня какъ онъ во гробѣ. Іисусъ говоритъ ей: не сказалъ-ли Я тебѣ, что если будешь вѣровать, увидишь славу Божію? И такъ отняли камень отъ пещеры, гдѣ лежалъ умершій. Іисусъ же возвелъ очи къ небу, и сказалъ: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня. Я и зналъ, что Ты всегда услышишь Меня; но сказалъ сіе для народа, здѣсь стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня. Сказавъ это, Онъ воззвалъ громкимъ голосомъ: Лазарь! иди вонъ. И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платкомъ. Іисусъ говоритъ имъ: развяжите его, пусть идетъ. Тогда многіе изъ іудеевъ, пришедшихъ къ Маріи, и видѣвшихъ, что сотворилъ Іисусъ, увѣровали въ Него» (Евангеліе отъ Іоанна, 11, 1—45).



Н. Н. Миклухо-Маклай

и его воспитанникъ изъ племени папуасовъ.

Изъ альбома Миклухо-Маклая.



Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая на островѣ Тихаго океана.

Купите вербочку.

Въ послѣдніе дни вербной недѣли по большимъ городамъ то и дѣло вы встрѣтите ребятишекъ съ корзинками, наполненными пучками вербъ, иногда простыхъ, иногда украшенныхъ восковыми херувимами съ разноцвѣтными бумажными украшеніями. Вездѣ слышатся возгласы этихъ маленьихъ продавцевъ: „Купите вербочку!" Торгъ этотъ довольно бойкій, особенно на папертяхъ церквей, передъ вечерней службой въ субботу, и бѣдные, полуголодные, оборванные мальчуганы наживаютъ за свой нехитрый товаръ кое-какіе гроши.

Аттака Лубенскими гусарами въ кампанію 1877--1878.

На нынѣшней академической выставкѣ, кромѣ картинъ почтеннаго профессора Б. П. Виллевальда, Н. Каразина, есть ещ нѣсколько батальныхъ картинъ, среди которыхъ помѣщаемая нами картина Алексѣя Николаевича Попова, класснаго художника первой степени и пенсіонера академіи, отличается особеннымъ движеніемъ. Это одно изъ дѣлъ послѣдней русско-турецкой войны—аттака турокъ Лубенскими гусарами. Группировка дѣйствующихъ лицъ, рисунокъ и самый тонъ картины очень хороши, написана она энергично и производитъ прекрасное хотя и тяжелое впечатлѣніе.

Послѣднія заморозки.

Этотъ превосходно исполненный пейзажъ, какъ и вообще пейзажи, не нуждается въ пространныхъ поясненіяхъ. Кто любитъ горную природу, тотъ съ удовольствіемъ взглянетъ на двѣ громады горъ съ пробившей ледъ горной рѣченкой, съ остатками послѣдняго снѣга на каменныхъ глыбахъ. Еще недѣля или двѣ и зазеленѣетъ здѣсь все, оживленное весной...

Между дѣломъ.

«Вездѣ жизнь!» гласитъ надпись къ картинѣ г. Ярошенко изображающей арестантовъ, любующихся изъ-за рѣшетки арестантскаго вагона на клюющихъ кормъ голубей. Вездѣ жизнь! можно повторить и при видѣ этой картины. Тяжела обстановка, тяжелъ трудъ кузнеца, но молодость беретъ свое, и молодой парень въ минуту отдыха любезничаетъ и дурачится по своему съ молоденькой, приглянувшейся ему, дѣвушкой. Вездѣ жизнь. Этотъ милый, безхитростный жанръ, удачно переданный, вызываетъ невольную, благодушную улыбку.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ**.

Дозволено цензурою. Спб., 14-го апрѣля 1888.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступили въ продажу новыя книги:

БЛАГА ЖИЗНИ.

Новый романъ А. Михайлова (А. Шеллеръ) 320 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА.

Сочиненіе **ЭБЕРСА.**

Историческій романъ изъ временъ язычества. Изящное изданіе (съ портретомъ автора), 452 страницы. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ОКО ЗА ОКО.

Романъ **МАТТЕИ,** переводъ *К. Назарьевой* 416 стр. Цѣна 1 руб.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

Романъ изъ современной жизни **Г. Елизарова.** Цѣна 75 к.

КОНСУЭЛО.

Романъ въ двухъ частяхъ, **ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ,** переводъ *П. Лѣтнева.* 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

Выписывающіе изъ склада за доставку не платятъ. Для подписчиковъ «Живописнаго Обозрѣнія», «Сынъ Отечества» и «Минуты» цѣна за экземпляръ означенныхъ изданій РУБЛЬ съ доставкою.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

БЕЗПОДОБНО!

для пульверизаціи въ комнатахъ

ХВОЙНО-ЛѢСНАЯ ВОДА

провизора А. Янсонъ.

Главный Агентъ О. Гревсмюль въ Москвѣ.

Продается:

Въ **Москвѣ:** у Л. Борхардтъ, Г. Брунсъ, Брюшковой насл. О. Гетлингъ, М. Гревсмюль, Золотаревъ, Е. Керстанъ, Н. Матейссенъ, Пучкова, Ф. Доблеръ, К. Феррейнъ.

Въ **С.-Петербургѣ:** Оптов. складъ у И. Фегедингъ, Маріинск. рын., № 20.

кромѣ того имѣется:

у М. Заксъ, Г. Клосъ и К⁰., Казанск. аптекарск. магаз., Лиманъ и Риксъ, Ф. Линде, О. Роосъ, Русск. Общество торг. аптекарск. товарами и во многихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерн. магазинахъ Россіи.

№ 323 (26—9)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,

Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 234 (10—9).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ

Саатчи и Мангуби

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

ВНОВЬ ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ

BIS

цѣною за **10** шт. **10** коп

Можно получать вездѣ

№ 356 (37—2).

Императорскаго

московскаго общ.

Сельск. хозяйства

1886 г.

Одобрительный отзывъ.

Новой усовершен. системы: простой конструкціи разныхъ величинъ.

ПОЖАРНЫЕ

трубы и насосы

„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Производство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ, Николаевская 55—6.

№ 186 (40—21).

Прейсъ-куранты безплатно.

Привиллегія испрашив.

А. КАПЛУНЪ и СЫНЪ

извѣщаютъ, что матеріи русскихъ и англійскихъ фабрикъ на **СТАТСКОЕ ПЛАТЬЕ** въ больш. выборѣ уже получены. Костюмы отъ 25 до 80 руб. Пальто или ульстръ отъ 25 до 80 р. Также имѣется **ПРЕКРАСНЫЙ ВЫБОРЪ ГОТОВАГО ПЛАТЬЯ:** костюмы триковые отъ 14 до 45 р.; пальто или ульстръ отъ 18 до 55 р.; брюки триковыя отъ 3 р. 50 к.

Съ почтеніемъ **А. КАПЛУНЪ и СЫНЪ.**

Невскій просп., № 63, противъ Надеждинской.

№ 351 (4—3)

НА ПАСХУ.

С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ.

Основана въ 1873 г.

ДЕСЯТЬ МЕДАЛЕЙ на выставкахъ.

Предлагаетъ въ большомъ выборѣ.

ЯЙЦА картонныя, деревянныя и гипсовыя съ разнообразными подарками для дѣтей.

Образовательныя игры, занятія, дѣтскія книги и картины, игрушки и забавы.

11. ТРОИЦКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ. 11.

№ 364 (2—1).

Въ книжной торговлѣ специально для иногороднихъ А. Я. Панафидина, С.-Петербургъ, Б. Итальянская, № 8.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

Первая книжка разсказовъ. Спб. 1888 г. изд. 3-е. Цѣна съ пересылкой 1 р. Оглавленіе: Четыре дня.—Происшествіе.—Трусъ.—Встрѣча.—Художники.—Ночь.—Attalea princeps.—То, чего не было.

Вторая книжка разсказовъ. Спб. 1888 г. изд. 2-е. Цѣна съ пересылкой 1 р. Оглавленіе: Деньщикъ и офицеръ.—Изъ воспоминаній рядового.—Красный цвѣтокъ.—Медвѣди.—Сказки о жабѣ и розѣ.—Надежда Николаевна.

№ 349 (2—2)

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ
ДЛЯ
ЦЕРКВЕЙ, ФАБРИКЪ
И ПРОЧ.
ПОСТАВЛЯЕТЪ
Ф. ВИНТЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 78
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

№ 352 (3—3).

Пульты складныя для нотъ. Машинки для рубки дровъ. Ручные катки и выжималки для бѣлья. Копировальные прессы. Передвижные американскіе столы. Точильные станки. Вѣшалки для платья. Фанери. Сидѣнья

у Евг. БОТМАНЪ и К⁰.

Большая Садовая № 12.

№ 371 (2—1).

Вышивальн. машины.

Вязальныя машины.

Швейныя машины

ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Л. Кастильонъ.

Большая Морская, 16. Уголъ Невскаго проспекта.

№ 359 (2—2)

Для красоты лица

съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ **химической лабораторіи**

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—18).

папиросы крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ.

получать можно повсюду.

№ 328 (44—8).

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ

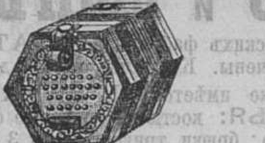
ЭЙКАЛИПТИ

Косметика А. ЭЙНГЛУНДЪ.

Есть средство для укрѣпленія волосъ, уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ пересылкой 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Эйнглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Бесбардисъ, Р. Келлеръ и Комп. О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Эйнглундъ, Литейная, № 38.

№ 314 (47—10).

АНГЛІЙСКОЕ КОНЦЕРТИНО



инструментъ весьма пріятнаго звука, съ тонами полной хроматической гаммы, легкій и благодарный для изученія

въ 30, 40, 50, 65, 80, 120, 140, 160, 180, 225 и 300 р.

Концертино-Баритоны въ 120, 200 и 300 р.

Школа Пруссака 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ

Спб., Больш. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.
№ 256.

ПОГРЕБА РУССКИХЪ ВИНЪ

Г. РОССОЛИМО

ПОМѢЩАЮТСЯ:

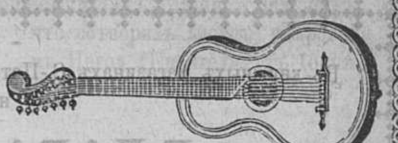
Казанская улица № 18.
Невскій проспектъ, № 140.
Большая Садовая улица, № 69.
Вас. Остр., 7 линія, № 34.
Уголъ Гагаринской и Косого пер.

ГОСПОДАМЪ ДАЧНИКАМЪ въ окрестностяхъ Петербурга **заказы** въ **60** бутылокъ доставляются безплатно.

Торг. подъ фирмою Г. РОССОЛИМО.

ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ.

№ 376 (10—1)



ФАБРИКА

Дмитрія Александровича АЛЕКСАНДРОВА.

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ

ИНСТРУМЕНТОВЪ

рекомендуетъ большой выборъ гитаръ, скрипокъ, мандолинъ, віолончели, и проч. инструментовъ и пріемъ въ починку.

Прейсъ-курантъ высылается за 7 к. марку.

№ 53. Невскій пр., № 53.
С.-Петербургъ.

№ 372 (1—1).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА

Годъ IV. ОДЕССКІЯ НОВОСТИ Годъ IV.

на 1888 г.

Газета выходитъ ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ, большого формата.

Составъ сотрудниковъ пополняется новыми силами: въ прошедшемъ 1887 г. въ газетѣ принимали участіе: А. Г. Гусаковъ (кандидатъ правъ), М. Дилленъ (профессоръ), А. Зусманъ (ученый агрономъ), А. Кирпичниковъ (профессоръ), Д. Куликовскій (профессоръ), П. Г. Митровичъ, Москвичъ (псевдонимъ, московскій фельетонистъ), Светозавъ (псевдонимъ), В. Свиданъ (кандидатъ правъ), Стрембо (псевдонимъ, одесскій фельетонистъ), Точка (псевдонимъ петербургскій фельетонистъ). С. А. Трейгеръ, Ѳедоръ Успенскій (профессоръ), И. Шрейдеръ и друг.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Херсонской губ., а также нѣкоторыхъ городахъ губ. Подольской, Екатеринославской, Крыма и Бессарабіи.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ главной конторѣ «Одесск. Новостей».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкой въ города и доставкой въ Одессѣ: На годъ 6 р. на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. на 1 мѣсяцъ 75 коп. Безъ доставки въ Одессѣ: На годъ 5 р. на полгода 3 р. на 3 мѣсяца 1 р. 60 коп. на 1 мѣсяцъ 60 коп.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ: Контора газеты помѣщается на Греческой улицѣ, въ домѣ С. Гуровича, противъ Общества Взаимнаго Кредита, второй домъ отъ Ришельевской улицы. Иногородніе подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к. Вмѣсто мелкихъ денегъ, допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ.

Редакторъ-издатель **А. И. Черепенниковъ.**

Продолжается подписка на 1888 г.

на газету

КІЕВЛЯНИНЪ.

литературная и политическая газета Юго-Западнаго края.

Выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

(Годъ изданія 24-й).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «КІЕВЛЯНИНЪ»:

съ доставкой и пересылкой:	на 1 годъ.	12 р. — к.
	» 6 мѣс.	7 » — »
	» 1 »	1 » 50 »

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ къ 1-му января—5 р., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля—3 р. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца **не далѣе, какъ до конца года.** За перемѣну адреса городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, уплачиваютъ 50 к., а иногородніе 30 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ редакціи **ежедневно**, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, отъ 10-ти до 4-хъ часовъ пополудни и въ конторѣ «Кіевлянина» (книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, въ Кіевѣ). Иногороднихъ просятъ адресоваться въ контору редакціи.

За напечатаніе объявленій платится за одну строку въ столбцѣ или за ея мѣсто: за одинъ разъ по 20 к., за каждый слѣдующій разъ по 10 к. За всѣ объявленія впереди текста взимается двойная плата.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **1888** ГОДЪ.

ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

Газета Зауралья издается въ Екатеринбургѣ по слѣдующей программѣ: 1) Календарныя свѣдѣнія и метеорологическій бюллетень. 2) Правительственныя публикаціи и объявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Указатель дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, а также резолюцій и постановленій означенныхъ учрежденій. 3) Почтовый указатель. Росписаніе хода почтъ, мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, отходящихъ изъ Перми и Тюмени. 4) Адресный указатель для Перми, Екатеринбурга и Тюмени, свѣдѣнія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. 5) Торговый бюллетень. 6) Промышленный бюллетень. 7) Частныя объявленія, рекламы и извѣщенія. 8) Указатель зрѣлищъ, театральныя объявленія и анонсы и 9) Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Какъ доказалъ двухлѣтній опытъ, газета стремится быть не только органомъ дѣловыхъ людей изъ дѣятелей торговли и промышленности въ городахъ Перми, Екатеринбургѣ и Тюмени, но и необходимымъ бюллетенемъ каждаго грамотнаго человѣка въ Зауральѣ, ведущаго тѣ или другія сношенія, обусловленныя торговлею или промышленностію въ этомъ краѣ. Вслѣдствіе этого подписчиками газеты состоятъ не только всѣ выдающіяся торговыя фирмы упомянутыхъ городовъ, конторы горныхъ заводовъ Урала, золотопромышленники и золотопромышленныя конторы и товарищества, но и большое количество торговцевъ средней руки и начинающихъ свои дѣла промышленниковъ на Уралѣ и въ Западной Сибири.

Особенную службу, по общему отзыву, газета сослужила въ періодъ бывшей Сибирско-Уральской выставки спеціальной хроникой этого солиднаго научно-промышленнаго предпріятія Зауралья.

Газета является, вмѣстѣ съ тѣмъ, органомъ существующихъ въ Зауральѣ сибирско-уральскихъ ярмарокъ: Ирбитской, Крестовской и Ишимской, устраивая въ нихъ, въ теченіи ярмарочныхъ періодовъ, отдѣленія своей Конторы и посылая спеціальныхъ опытныхъ корреспондентовъ. Постоянныхъ-же корреспондентовъ, во всѣхъ болѣе значительныхъ торговыхъ центрахъ Пермской, Тобольской, Уфимской и Оренбургской губерній и степныхъ областей Сибири, газета имѣетъ болѣе 70, т. е изъ 70 мѣстъ доставляетъ своимъ читателямъ свѣдѣнія о движеніи торговли и промышленности. Достоинство этихъ свѣдѣній засвидѣтельствовано и печатными изданіями, заимствующими ихъ изъ «Дѣловаго Корреспондента» и довѣріемъ фирмъ и отдѣльныхъ лицъ.

Всѣ описанныя условія и планъ изданія служатъ ручательствомъ за то, что газета должна получить значительное распространеніе; это въ свою очередь не можетъ не рекемендовать «Дѣловой Корреспондентъ» тѣмъ лицамъ и фирмамъ, которыя интересуются печатными изданіями для помѣщенія въ нихъ объявленій и рекламъ о своихъ произведеніяхъ, изобрѣтеніяхъ, товарахъ, услугахъ и требованіяхъ. Для облегченія подачи объявленій, отдѣленія Конторы редакціи имѣются: въ С.-Петербургѣ у г. Петрика, Невскій проспектъ, № 8; въ Москвѣ у Л. Метцль и бр. Зензиновыхъ, Малая Дмитровка, домъ Алексѣева; въ Варшавѣ у Райхмана и Френдлера; въ Парижѣ у М. Розенблатъ, Rue Demours, 5.

Газета выходитъ въ теченіи года въ количествѣ 200 нумеровъ (четыре раза въ недѣлю). Подписная цѣна на газету за годъ 5 р., за полгода 2 руб. 50 к., за мѣсяцъ, кромѣ февраля, 40 к., а за февраль 80 к. съ пересылкою и доставкою.

Подписчики благоволятъ адресоваться въ Екатеринбургъ, въ редакцію «Дѣловаго Корреспондента» при типографіи И. К. Савицкаго.

Редакторъ-издатель **Н. Стрижевъ.**

Поздравительные и пасхальные карточки,
юмористич. и меню.
англ. МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ краски
для писанія на атласѣ, бархатѣ, и пр.
Для **живописи, брызгальн., выжигательн., гобеленов. и гелiоминiатюрн. работъ:** аппараты, краски, кисти, стекла, предметы.
Ѵеревянныя вещи отъ 5 к. до 30 руб. столы, доски и пр.

ОЛЕОГРАФИЧ. КАРТИНЫ
отъ 10 к. до 30 р. Иконы, портреты, пейзажи, сцены, рельеф. и перев.
ТЕРРАКОТЫ отъ 30 к. до 25 р.
САМЫЙ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

РАМЪ

собств. и иностр. фабрикъ, арш. отъ 15 к. до 20 руб. Вставленіе и реставрація картинъ всякаго рода.

Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ.
угловой магаз. Гороховой и Мойки.
№ 365 (1—1).

НОВАГО УРОЖАЯ
замѣчательно хорошія папиросы:
„Охота" 10 шт. 10 к.
„Дамскія" 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія" 10 шт. 6 к.
„Фотографъ" 10 шт. 6 к.
Получать можно всюду.
Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.
Соб. магаз. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающимъ не менѣе 25 р. до 1000 вер. разстояніе, пересылка и упаковка на счетъ магазина.
№ 329 (44—8).

ЛИМОННОЕ МЫЛО
изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.
у В. ПАРИКОВА и К°.
Гостин. дв. № 7. 354 (10—2).

!! За 30 к. !!
почтовыми марками высылаются.
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.
съ объясненіями и прейсъ-курант.
☛ **за 50 коп.** ☚
почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ
для экономныхъ курителей. Получше 70 коп. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики **„ЧУЖАГО".**
Мастерская игръ **А. Меламеда.**
Спб., Обуховскій просп., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.
№ 360 (37—2).

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и **500** письмами Пушкина.
Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.
Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:
Безъ карт {на об. бум. 1 р. 50, на лучш. . 2 р. | Съ 44 карт. {на об. бум. 2 р. 50, на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.
Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.
№ 222 (222—15).

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ
Ф. Трахтенберга
основанъ въ 1863 г.
Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.
Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.
№ 330 (44—8).

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ
Музей Т. В. БОЦВА.
Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: **Клеопатра, египетская царица,** механически движущаяся, **А. С. Пушкинъ,** Пастеръ, графъ Лесепсъ. группа, сказки **Шехеразады изъ 1,001 ночи. Сонъ** на яву, механическая фигура, **Елена Прекрасная** и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только за 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.
№ 324 (10—9).

ВЕСЕННІЯ НОВОСТИ

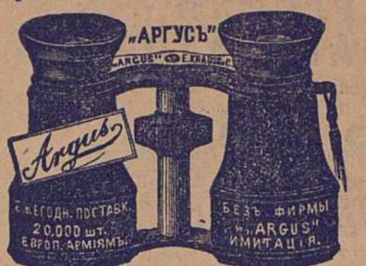
Касторовыя дамскія шляпы без̕ъ **отдѣлки, формы** дамскихъ **новѣйшихъ фасоновъ;** для гарнировки громадный выборъ новостей: перья фантази; страусовые, нанаши и амазонъ, эгреты стеклярусные и аграмантъ.

Ленты; омбрэ, моаръ и экосэ; **кружева, тюль и шляпные платки; для вуалей:** тюль и газъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ
магазинъ
А. В. ТАРАТИНА,
бывшій **ШАПКИНА.** **№ 110.**

№ 205

Ахроматическ. Универсаль Бинокль.



„АРГУСЪ"
„ARGUS" © E.KRAUS & C°
Argus
С ВЕГОДН. ПОСТАВК. 20,000 шт. ЕВРОП. АРМІЯМЪ.
БЕЗЪ ФИРМЫ „ARGUS" ИМИТАЦІЯ.

Карманн. форматъ съ замшев. кошельк. 8 р. 50 к. съ упаковк. и пересылкой 9 р.
Больш. форматъ съ кожан. футл. и ремн. 9 р. 50 к. съ упаковк. и пересылкой 10 р. 50 к.
«Аргусъ» имѣетъ превосходныя оптическія качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, путешествія и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названіе: Универсальный бинокль.
Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальная фабрика Биноклей, Парижъ, Avenue d. l. République, 4.
Складъ для Россіи, С.-Петербургъ, Мойка, № 40 у Полиц. моста (перев. съ Литейн. пр. 55).
№ 367 (2—1).

ПАРИЖСКІЙ БАЗАРЪ.

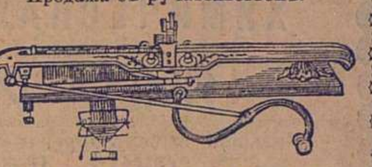
ПАРИЖСКІЙ БАЗАРЪ, Невск. пр № 15

ПАРИЖСКІЯ ювелирныя издѣлія, самыя новѣйшія. Искусственные бриллiанты, гранаты, кораллы и прч.
ПАРИЖСКІЯ КУКЛЫ
Бебе-Жюмо.
ФРАНЦУЗСКІЯ туфли съ пеньковыми плетеными подошвами.
КАРМАННЫЕ ЧАСЫ 6 РУБ.
Электрическое огниво.
Самыя новѣйшія игрушки.
Спб. Невскій просп., 15.
№ 358 (2—2).

ПАРИЖСКІЙ БАЗАРЪ.

КАРТИНКИ-ХЛОПУШКИ
Небывалая новость! Всѣ картины представляютъ собою разныя сцены стрѣльбы, напр.: волки, нападающіе на тройку—пистолетъ охотника зажигается и застрѣливаетъ волка! Очень забавна и занимательна. 1 проб. кон. съ перес. 10 карт. 55 к. почтов. марками.
Торговцамъ уступка.
С.-Петербургъ. Большая Садовая, № 12. **Оскаръ Лессеръ.**
№ 350 (37—3).

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ
Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.
№ 158 (52—31).

Лучшія графитныя тиглы и графитная мука.
Вейксельнской Общины въ Кругцовѣ. Главные агенты.
Евгеній БОТМАНЪ и К°.
Большая Садовая, д. 12. Прейсъ-куранты безплатно.
№ 368 (3—1).

Гарцеръ углекислый источникъ «Граугофъ». *Лучшій освѣжительный діэтетическій напитокъ. Хорошее средство отъ катарровъ.* Можно получать въ аптекарск. магаз., виноторговл., лучш. рестор. и ящиками у Главныхъ Агентовъ.
Евгеній БОТМАНЪ и К°.
С.-Петербургъ, Большая Садовая, № 12.
№ 370 (3—1).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ",
медо-травяной мальпъ-экстрактъ и конфекты
Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.
Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.
Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
№ 156 (40—33).

КРЫМСКОЕ ЮЖНО-БЕРЕЖНОЕ ВИНО
изъ имѣнія его императорскаго высочества государя великаго князя
КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА

„ОРЕАНДА"

и изъ садовъ
С. Г. РОМАНОВСКАГО-РОМАНЬКО
КРЫМСКОЕ ШАМПАНСКОЕ
Ріонъ 1 р. 75 к.—Таврія 2 р.—Понтусъ 2 р. 75 к.—Ореанда 3 р.
Бѣлыя вина . . . . . . отъ 50 к. за бут. } до самыхъ лучшихъ марокъ.
Красныя вина . . . . . отъ 55 к. за бут. }
Главное агентство въ С.-Петербургѣ площадь Александринскаго театра, домъ графовъ Бенкендорфъ, № 5—5.
Отдѣленіе. Невскій, № 5. **Ж. Рихтеръ.**

Удостовѣреніе сіе дано изъ придворной государя великаго князя Константина Николаевича конторы, за надлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати виноторговцу **Жоржу Рихтеру** въ томъ, что согласно соизволенія его императорскаго высочества, единственно ему, **Рихтеру,** предоставлена продажа Ореандскихъ винъ изъ крымскаго государя великаго князя имѣнія **„Ореанда"** въ погребѣ главнаго агентства южно-россійскихъ виноградныхъ винъ противъ Александринскаго театра, на углу Толмазова пер. и по Невскому пр. № 5.

Телефонъ № 1279. № 000 (0—0).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА

прозрачныя и непрозрачныя

Большой выборъ деревянныхъ, хрустальныхъ и бронзовыхъ

ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1. Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
2. Невскій проспектъ у Аничкина моста, № 66.
3. Уголъ Вознесенск. и Казанской, д. Шредера № 18—54.

Розничная и оптовая продажа:

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ХИМИЧЕСКАЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ

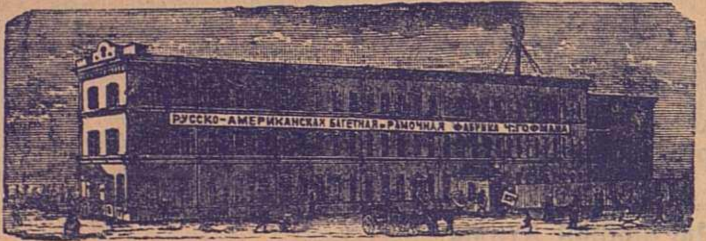
Остерегаться отъ подражаній

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названіе фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„СПБ. ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

№ 353 (2—2).


РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская **БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ** фабрики

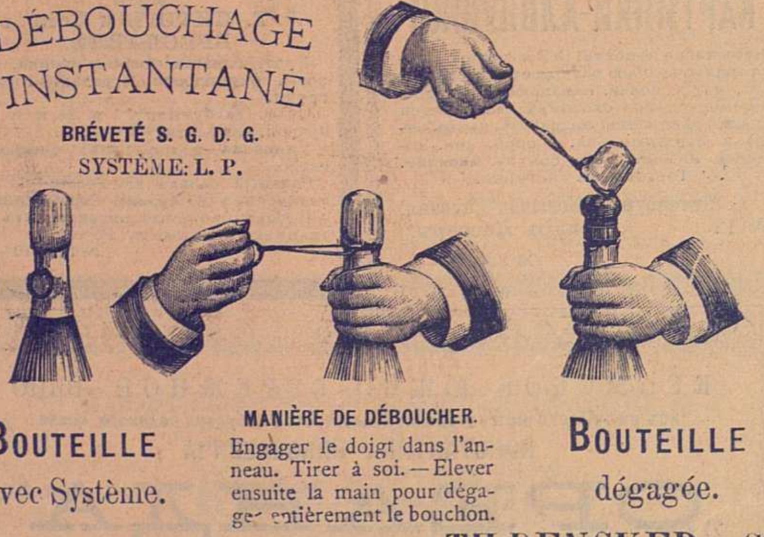
Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—7).

CHAMPAGNE „ORIGINAL“

DÉBOUCHAGE
INSTANTANE

BRÉVETÉ S. G. D. G.
SYSTÈME: L. P.



BOUTEILLE
avec Système.

MANIÈRE DE DÉBOUCHER.
Engager le doigt dans l'anneau. Tirer à soi.—Elever ensuite la main pour dégager entièrement le bouchon.

BOUTEILLE
dégagée.

Se vend á St. Pétérsbourg dans toutes les caves de **TH. DENCKER & Cie.**

Maison **MINET JEUNE**, fondée en 1825.
Paul Durieux & Cie. Sucrs., á Reims.
Fournisseurs descours d'Espagne et de Portugal.
№ 366 (1—1),

Большая золотая медаль **Ю. МАРТЕНСА.** Московская выставка 1882.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ

съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.

МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ

по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ

КЛЮКВЕННЫЕ И ФРУКТОВЫЕ ЭКСТРАКТЫ

Вишневый, Малиновый, Черносмородиновый

свѣже-приготовленные

ФРУКТОВЫЕ СИРОПЫ

Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.

Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.

Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія.
№ 226.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

только-что полученныя изъ-за границы

(всѣ вещи патентов. и приготов. на лучш. америк., англ. и франц. фабрикахъ)

ВЫСЫЛАЮТСЯ СЪ ПЕРВОЙ ПОЧТОЙ.

Всѣ цѣны съ пересылкой, но за пересылку въ Азіатскую Россію и на Кавказъ прибавляется 10 процентовъ.

Англійскій приборъ для уженія рыбы. Удочки механич. подсѣк., всѣ принадл. и руков.—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 р.

Микроскопъ, увеличив. 1000—1500 разъ—5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.

Зрительная труба, приближ. 5—10 верстъ—5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.

Полевой биноклъ, приближ. 6—12 вер.—10 р., 12 р., 15 р., 18 р. 20 р. и 25 р.

Барометръ металл., усоверш. констр., предсказыв. всѣ перем. погоды: ясную погоду, сушь, дождь, бурю, снѣгъ и пр., съ книгою о прим. къ сельск. хозяйству—6 р., 7 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Двухствольныя ружья съ витыми ствол., съ дальн. и вѣрн. боемъ, съ ручат., фабр. Мортимеръ, Тамберъ, Берто, Зауера, Пипера, Скотта, Лепажа, со всѣми принадл.: шомпольн.—25 р., 30 р., 35 р., 40 р. и 50 р.; изъ дамасск. стали—60 р., 65 р., 70 р., 80 р., 85 р.; съ центр. боемъ—40 р., 45 р., 50 р., 55 р., 60 р., 70 р., 75 р., 80 р., 90 р. и 100 р.; изъ дамасск. стали—110 р., 120 р., 130 р. и 150 р.

Американскій револьверъ, централ. боя съ принадл.—10 р., 12 р., 14 р., 16 р., 18 р. и 20 р.

Лампа-молнія (нов. изобр.)—Яркій, ослѣпит. бѣл. свѣтъ, подобн. электрич. заправл. прост. керосин. Со всѣми принадл.—15 и 20 р.

Камеръ-обскура, съ помощью котор. можно снимать портреты, виды и пр.—6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 р.

Американскій фильтръ для очищ. воды, предупр. заразн. болѣзни—3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 р.

Волшебный фонарь съ картинами, всѣми принадлежн. и печатн. руковод. 3 р., 4 р., 5 р., 6 р. и 8 р.

Большой волшебн. фонарь съ сильн. освѣщ., всѣми принадл., карт. механич. движущим., хромотропами (игра цвѣт.) и печатн. руков.—10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 80 р. и 100 р.

Часы карманные америк., весьма изящн., съ вѣрн. ходомъ: **открытые**—10 р. и 12 р.; **глухіе**—15 р., 18 р. и 20 р.; **съ свѣтящимся циферблатомъ**—20 р.; **дамскіе**: 13 р., 15 р., 18 р. и 20 р.; **черные** изъ оксидиров. стали—18 р., 20 р., 25 р. и 30 р.; **золотые**—40 р., 50 р. и 60 р.

Часы кабинетные столовые, весьма красив. и вѣрные—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р. и 20 р.

Часы кабин. съ будильн. стол.—8 р. и 10 р.; роскош. отд.—15 р., 20 р. и 25 р.

Часы карман. солнечн., съ компас. 5 р., 6 р. и 8 р.

Цѣпочки америк., не уступ. зол., не чернѣющ. 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р. и 10 р.

Билліардъ столов. складн. съ 7 шар., всѣми принадл. и печ. руковод.—6 р.

Швейная машина лучш. усовершен. системы со всѣми принадл. и руковод. **въ двѣ нитки**: 25 р. и 30 р.; роскошн. отд.: 35 р. и 40 р.; **дѣтская**—12 р.

Стереоскопъ съ превосходн. художествен. картин.—6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Локомотивъ дѣйств. паромъ, вполнѣ безопасный—12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р. и 40 р.

Готовальня полный приборъ для черченія—3 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р. и 15 р.

Самоучитель рисованія. Большой ящикъ красокъ, со всѣми принадл. и печатн. руковод.—3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.

Приборъ для цвѣтной выпиловки изъ дерева, со всѣми принад. и узорами—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 18 р. и 20 р.

Столярный приборъ. Инструменты и всѣ принадл.—6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 18 р. и 20 р.

Искусство вышиванія. Складныя пяльцы, матеріалъ и узоры—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р. и 12 р.

Искусство дѣлать цвѣты.—Полн. приборъ, матер. и руковод.—4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 р.

Дамскій нессесеръ съ принадл. рукодѣл., роскошн. отд.—4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.

Роскошн. портфель съ письм. принадл.—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 р.

Симфоніонъ, нов. мелодичн. органъ, несравн. лучше аристона, съ 6 нотами—20 р., больш. 45 р. и 60 р.; ноты отдѣльно 75 к. и 1 р. 20 к.

Роскошный альбомъ для фотографій—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Ящикъ фокусовъ. Аппараты и руковод.—4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 р.

Гамакъ садовый для качан.—12 р., 15 р., 18 р. и 20 р.

Всѣ цѣны съ пересылкой, но за пересылку въ Азіатскую Россію и на Кавказъ прибавляется 10 процентовъ.

Всѣ требованія адресуются: въ Москву въ контору „ДѢТСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“ (Петровка, д. Кредитнаго Общества).

№ 363 (2—1).

Нумеръ 16-й ‹Живописнаго Обозрѣнія› состоитъ: 1) изъ 2¼ листовъ текста; 2) Обертки и 3) № 4-го ‹Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній› за Апрѣль.

Дозволено цензурою. Спб., 14-го апрѣля 1888.
Хромо-литографія и типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

№ 17
24 АПРѢЛЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

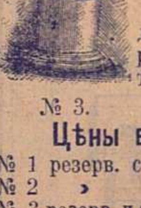
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА.

НА ПАСХУ.

С.-Петербургская мастерская
учебныхъ пособій и игръ.
Основана въ 1873 г.
ДЕСЯТЬ МЕДАЛЕЙ на выставкахъ.
Предлагаетъ въ большомъ
выборѣ.
ЯЙЦА картонныя, деревянныя
и гипсовыя **съ разнообразными подарками для дѣтей.**
Образовательныя игры, занятія, дѣтскія книги и картины, игрушки и забавы.
11. ТРОИЦКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ. 11.
№ 364 (2—2).

По порученію княгини М. А. УРУСОВОЙ.
ВРЕМЕННАЯ
ВЫСТАВКА и ПРОДАЖА
съ 15 Апрѣля по 15 Мая 1888 года.
РАЗНЫХЪ
Тканыхъ ручныхъ издѣлій.
КРЕСТЬЯНОКЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ СЫЧЕВСКАГО
КУСТАРНАГО ТКАЦКАГО ПРОМЫСЛА.
Подъ руководствомъ
княгини М. А. УРУСОВОЙ.
ЦѢНЫ САМЫЯ ДЕШЕВЫЯ
Продажа безъ запроса
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
В. К. ЖЕЛЯКОВА СЪ СЫНОМЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гороховая ул., д. 41. Между Большой Садовой и Каменнымъ мостомъ.
№ 378 (1—1).



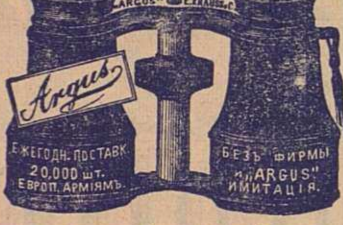
Вновь усовершенствованный
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ
АППАРАТЪ
для зажиганія сигаръ, папиросъ, свѣчей и пр. и для употребленія моментальнымъ ночникомъ.
№ 3.

Цѣны въ С.-Петербургѣ:
№ 1 резерв. стекл. гладк. . . . 3 р. 75 к.
№ 2 » » съ украш. . 4 » 50 »
№ 3 резерв. и аппар. никкилиров. 5 » 50 »
Вѣсъ съ укупоркой 3 фун.

При полученіи $^1/_2$ стоимости немедленно высылаю съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Оптовая продажа у Ив. Фегедингъ, въ С.-Петербургѣ, Чернышевъ пер., уг. Бол. Садовой, Маріинскій рынокъ, № 20, верхній этажъ. № 384 (5—1).

ЛИМОННОЕ МЫЛО
изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.
у В. ПАРИКОВА и К°.
Гостин. дв. № 7. 354 (10—2).


„АРГУСЪ"
„ARGUS" E.KRAUS & C
Argus
ЕЖЕГОДН. ПОСТАВК 20,000 шт. ЕВРОП. АРМІЯМЪ.
БЕЗЪ ФИРМЫ „ARGUS" ИМИТАЦІЯ.

Ахроматическ. Универсаль Бинокль.

Карманн. форматъ съ замшев. кошельк. 8 р. 50 к. съ упаковк. и пересылкой 9 р.

Бол. форматъ съ кож. футл. и ремн. 9 р. 50 к. съ упак. и перес 10 р. 50 к. **«Аргусъ»** имѣетъ превосходныя оптическія качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, путешествія и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названіе: **Универсальный бинокль.**

Е. КРАУСЪ и К°.
Спеціальная фабрика Биноклей, Парижъ, Avenue d. l. République, 4. **Складъ для Россіи,** Спб., Мойка, № 40 у Полиц. моста (перевед. съ Литейн. пр. 55). № 367 (2—2).

Поступила въ продажу въ С.-Петербургѣ и Москвѣ только что изданная **Ф. Павленковымъ**
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.
(40 книжекъ и біографія Пушкина (№ 41), составленная **А. Скабичевскимъ**).

1. **Русланъ и Людмила.** Съ 8 картинками. Цѣна 10 к.— 2. **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт. Ц. 3 к.—3. **ратья разбойники.** Съ 3 карт. Ц. 2 к.—4. **Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт. Ц. 3 к.—5. **Цыганы.** Съ 3 карт. Ц. 3 к.—6. **Полтава.** Съ 5 карт. Ц. 6 к.—7. **Галубъ.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—Сказки: 8. **О царѣ Салтанѣ.** Съ 2 карт. Ц. 4 к.—9. **О попѣ.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—10. **О мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт. Ц. 3 к.—11. **О золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—12. **О рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—13. **Пѣсни запад. славянъ.** Съ 3 карт. Ц. 4 к.—14 **Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт. Ц. 20 к.— 15. **Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт. Ц. 2 к.—16. **Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—17. **Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт. Ц. 3 к.—18. **Анджело.** Съ 3 карт. Ц. 3 к.—19. **Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт. Ц. 10 к.—20. **Скупой рыцарь.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—21. **Моцартъ и Сальери.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—22 **Каменный гость.** Съ 3 карт. Ц. 3 к.—23. **Пиръ во время чумы.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.— 24. **Русалка.** Съ 4 карт. Ц. 3 к.—25. **Выстрѣлъ.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—26. **Мятель.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—27. **Гробовщикъ.** Съ 2 карт. Ц. 2 к.—28. **Станціон. смотритель.** Съ 3 карт. Ц. 3 к.—29. **Барышня крестьянка.** Съ 2 карт. Ц. 4 к.—30. **Пиковая дама.** Съ 3 карт. Ц. 5 к.— 31. **Дубровскій.** Съ 5 карт. Ц. 10 к.—32. **Арабъ Петра Великаго.** Съ 3 карт. Ц. 6 к.—33. **Капитанская дочка.** Съ 11 карт. Ц. 20 к.—34. **Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ 17 карт. Ц. 20 к.—35. **Всѣ поэмы.** Съ 21 карт. Ц. 25 к.—36. **Всѣ сказки.** Съ 6 карт. Ц. 10 к.—37. **Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт. Ц. 10 к.—38. **Всѣ драматич. произведенія.** Съ 17 карт. Ц. 20 к.—39. **Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт. Ц. 10 к.—40. **Всѣ письма.** Съ 26 портретами. (Около 500 страницъ) Ц. 25 к.—41. **Біографія Пушкина.** Сост. А. Скабичевскимъ. Съ 27 портретами и многими рисунками Ц. 15 к.

Книжки этой «Библіотеки,» прод. во всѣхъ книжн. магаз. Складъ въ магаз. **Луковникова** (Спб., Лешт. пер., д. 2).
№ 379 (1—1).

AU BON MARCHÉ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гостиный дворъ №№ 132, 133, 134.

Имѣя прямыя и непосредственныя сношенія съ первоклассными фабриками Франціи, Англіи и Россіи, постоянно получаетъ самыя послѣднія новости сезона немедленно послѣ ихъ появленія

ДЛЯ ВЕСЕННИХЪ И ЛѢТНИХЪ ПЛАТЬЕВЪ
ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ
ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ
разнообразнѣйшихъ, новѣйшихъ и изящныхъ рисунковъ.
Цѣны безъ запроса. Prix-fixe.
№ 380 (2—1).

ИСТОРИЧЕСКІЙ, АНАТОМИЧЕСКІЙ И ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКО-НАУЧНЫЙ
Музей Т. В. БОЦВА.
Уголъ Невскаго и Литейнаго просп. № 74.
Открытъ для публики ежедневно.

Состоящій изъ 4-хъ отдѣленій, которыя содержатъ въ себѣ болѣе 500 предметовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія фигуры: **Клеопатра, египетская царица,** механически движущаяся **А. С. Пушкинъ, Пастеръ,** графъ **Лесепсъ,** группа, сказки **Шехеразады изъ 1,001 ночи. Сонъ на яву,** механическая фигура, **Елена Прекрасная** и много другихъ замѣчательныхъ фигуръ. А также Анатомическій кабинетъ въ которомъ находится масса препаратовъ по анатоміи; входъ въ музей 30 к., а чтобы дать возможность каждому посѣтить мой музей, я по воскресеньямъ назначаю только за 20 к. во всѣ отдѣленія; дѣти платятъ половину. Дамы въ анатомическое отдѣленіе допускаются исключительно по пятницамъ.
№ 324 (10—10).

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ЯИЦЪ ИЗЪ МЫЛА.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЩЕТОКЪ,
ГРЕБНЕЙ, ШПИЛЕКЪ И ПРОЧ.
А. СІУ и К°.
16. Невскій, 16.

Спеціальной парфюмеріи высшаго качества.

№ 381 (1—1).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ
Саатчи и Мангуби
ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И
УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА
ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ
ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ
BIS
цѣною за **10** шт. **10** коп
Можно получать вездѣ
№ 356 (37—3).

Скрипки, гитары, мандолины, цитры, гармоніи, концертины, аристоны, герофоны; всевозможные музык. инстр. имѣются постоянно въ большомъ выборѣ и по очень умѣрен. цѣнамъ, а также и народныя цитры по 4, 5 и 8 р, кромѣ перес. платы, **въ муз. инстр. торговлѣ**
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, д. Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.
№ 383 (6—1).

!! За 30 к. !!
почтовыми марками
высылаются.
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.
съ объясненіями и прейсъ-курант.
☞ **за 50 коп.** ☜
почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ.
для экономн. курит. Получше 70 к. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики **„ЧУЖАГО"**.
Мастерская игръ **А. Меламеда**
Спб., Обуховскій пр.
д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**
№ 360 (37—3)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА

24-го Апрѣля, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р. Безъ доставки въ Спб.: за годъ 6 р. 60 к. Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 7 руб. съ преміею (книжный магазинъ И. Ф. Папкова, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: за годъ 10 руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ №1 со всѣми приложеніями. За пересылку преміи цѣнною посылкою рубль.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р., къ 1-му іюня 2 р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 17

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ.

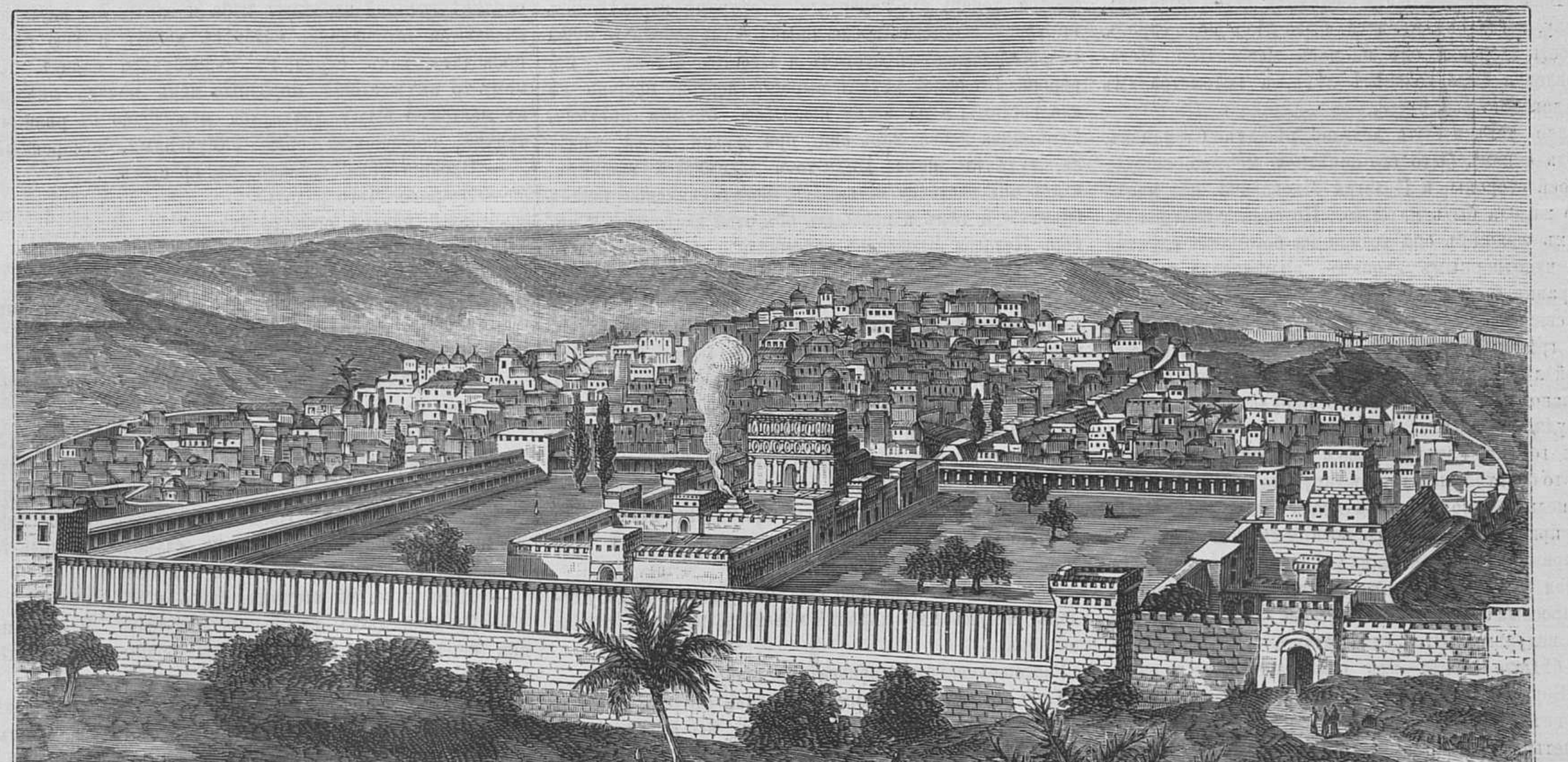
На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черпью и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

НАУЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.



Іерусалимъ во времена Іисуса Христа

(По новѣйшимъ изслѣдованіямъ профессора Одило Вольфа).

Христосъ Воскресе!

Разсказъ П. П. Каратыгина.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Коломнѣ, у Покрова, жила въ собственномъ домѣ вдова-купчиха, Пелагея Яковлевна Степанова. Домъ деревянный, особнякъ, съ порядочнымъ садомъ, принадлежалъ къ типу тѣхъ старинныхъ домовъ, которые въ наше время съ каждымъ годомъ исчезаютъ, чтобы уступить свое мѣсто каменнымъ, пятиэтажнымъ громадамъ, съ верху до низу биткомъ набитымъ жильцами. Та-же участь постигла и домикъ Степановой: исчезъ онъ съ лица земли, подобно своей хозяйкѣ. Купилъ его на сломъ какой-то жидокъ-спекуляторъ, повырубилъ садъ и построилъ пятиэтажный Ноевъ ковчегъ, со множествомъ квартиръ одна другой дороже, одна другой неудобнѣе. Да и какой же домохозяинъ у насъ, въ Петербургѣ, думаетъ объ удобствахъ своихъ жильцовъ?

Но въ старину жили широко; дома-особняки не были рѣдкостью, равно какъ и дома съ садами. Ими обиловали не только окраины, столицы, но и центральныя ея части: Адмиралтейская, Литейная и др. Вопроса объ ассенизаціи города, о его снабженіи чистымъ воздухомъ никто не затрагивалъ, а чистаго воздуху было вдоволь и вообще дышалось какъ-то легче нынѣшняго. Да проститъ мнѣ читатель эту похвалу доброму старому времени: вспоминая добрую старушку Степанову, я съ невольной грустью сравниваю настоящее съ прошедшимъ и отдаю ему преимущество предъ настоящимъ: свободнѣе дышалось и лучше жилось шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, потому что добрыхъ людей было больше, да общественная нравственность была почище нынѣшней.

Женщина полу-грамотная, но добрая, кроткая и покорная, Степанова, на восемнадцатомъ году, по волѣ родительской, выдана была замужъ за купца третьей гильдіи, человѣка простого, но также добраго, честнаго, немножко самодура, иногда воркуна, но обходившагося съ нею всегда ласково, кротко и за всѣ двадцать два года законнаго, брачнаго сожительства не сказавшаго женѣ грубаго слова. Богатыми Степановыхъ нельзя было назвать; но торговля, благодаря Богу, шла хорошо, отъ долговъ Богъ миловалъ; однимъ обидѣлъ: дѣтей не давалъ. Степанову, когда онъ женился, было лѣтъ подъ сорокъ, на слабость здоровья онъ не могъ жаловаться; Пелагея Яковлевна была во цвѣтѣ лѣтъ; а потомства имъ Богъ не давалъ...

— Стало такъ и быть должно! рѣшилъ Степановъ, хотя быть отцомъ было его завѣтною мечтою.

Со своей стороны и Пелагея Яковлевна не менѣе страстно желала быть матерью. По совѣту знакомыхъ, семейныхъ женщинъ она ходила на богомолье, служила молебны чудотворнымъ иконамъ, вымѣнивала у разныхъ странницъ и колечки и ленточки изъ Кіева, и другихъ святыхъ мѣстъ—и все напрасно, Господь не внималъ грѣшнымъ ея молитвамъ! И всѣ запасы материнской любви она обратила на дѣтей чужихъ: не могла равнодушно видѣть какого нибудь пузана, особенно грудного, ласкала его; цѣловала сквозь слезы; далѣе, съ годами, пристрастилась крестить новорожденныхъ и это обратилось у нея въ какую-то манію. Бывало, ничѣмъ нельзя было такъ порадовать Пелагею Яковлевну, какъ приглашеніемъ быть воспріемницею отъ купели, безразлично, мальчика или дѣвочки, и въ нѣсколько лѣтъ у нея накопилось десятка два крестниковъ и крестницъ и прослыла она по всему околотку «всеобщей крестной матерью». Этой слабостью Степановой пользовались бѣдные сосѣди изъ ремесленниковъ и рабочихъ съ Бердова завода и Галернаго порта. Народъ все плодовитый: у рѣдкаго изъ нихъ не было въ три года по четыре ребенка; просто Божья благодать, жаль только некуда дѣвать! И эксплуатировали маменьку крестную безъ зазрѣнія совѣсти. Боленъ крестникъ, заболѣла крестница—къ Пелагеѣ Яковлевнѣ—не будетъ-ли милости дать на лекарство; прибралъ Богъ ребенка: матушка крестная, помоги похоронить «ангельскую душеньку», зубки прорѣзались—посеребри; пошелъ ребенокъ: маменька крестная, пути обрѣжь, т. е. чиркни ножемъ подъ ногами ребенка и—самое главное на сапожки подари. Подъ слѣдъ ребенка отецъ и мать выманивали и самимъ себѣ. Полагая, что средства Степановой соразмѣрны ея добротѣ, кумовья и кумушки огласили ее богачихой, что-де у нея денегъ и куры не клюютъ.

Овдовѣла Пелагея Яковлевна и наслѣдовала все состояніе мужа, на сороковомъ году. Другая вдовушка не приминула-бы по прошествіи траура «возложить на главу вѣнецъ отъ камени честна», тѣмъ болѣе, что благодаря наслѣдству мужа и женихи наклевывались. Но Пелагея Яковлевна помнила пословицу: «сорокъ лѣтъ—бабій вѣкъ», да и о покойникѣ своемъ на всю жизнь, сохранила благоговѣйное воспоминаніе: каждую недѣлю посѣщала его могилу на Смоленскомъ кладбищѣ; нѣсколько разъ въ годъ служила по немъ панихиды и у себя въ домѣ вела все хозяйство въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ оно велось при покойникѣ, ни въ чемъ не измѣнивъ и внутренней обстановки. Ни одного стула съ мѣста не передвинула и въ мужниномъ кабинетѣ на письменномъ столѣ ничего не тронула. Покойникъ любилъ цвѣты и тѣ-же самые цвѣты остались на окнахъ и въ саду, на клумбахъ; даже въ залѣ (комнаты были не высокія) въ переднемъ углу, гдѣ стоялъ гробъ покойнаго и четыре свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ накоптили пятна на потолкѣ, Пелагея Яковлевна не велѣла ихъ забѣливать. Эти вещественныя напоминанія не наводили на нее тоски, не растравляли сердечной раны; напротивъ: эта обстановка пріучила вдову къ отрадной мысли, что мужъ ея живъ, отлучился куда-то и ждетъ ее, и съ каждымъ днемъ сокращается срокъ разлуки. Иногда, въ осеннія сумерки, когда было еще рано закрывать ставни, Пелагея Яковлевна, сидя одна, въ уголку, любила припоминать свое супружество, какъ она въ праздничные дни хаживала съ мужемъ въ Екатерингофъ, а иногда, въ тихую погоду, ѣздила кататься водою, на взморье, на тони. Живѣе и живѣе воскресалъ въ ея памяти обликъ покойнаго мужа, воображеніе разыгрывалось и ей слышалось очень явственно шарканье его туфель въ сосѣдней комнатѣ и не ощущая ни малѣйшаго страха, она упрямо уставляла глаза въ дверь, изъ-за которой кротко мерцала лампада предъ большимъ кіотомъ. Шепча молитву, она ждала, что вотъ, ея покойникъ изъ дверей выглянетъ.

Такъ мечтала она о давно-минувшемъ не годъ, не два; такъ прошло двѣнадцать лѣтъ ея вдовства и мысли ея фиксировались, а не изглаживались. Времени она не замѣчала; оно напоминало ей о себѣ перемѣнами въ окружавшей ее обстановкѣ. Такъ, напримѣръ, въ саду, плакучія березы, давно-ли едва достигавшія высоты забора, теперь его переросли и вѣтками перевѣсились на улицу; жасминъ, посаженный руками покойнаго мужа разросся большимъ кустомъ и Пелагею Яковлевну переросъ. На одной клумбѣ выросло деревцо аршина въ два ростомъ, а на весну покрылось бѣлыми цвѣтами. Вспомнила вдова, какъ она, при жизни мужа, сидѣла тутъ съ нимъ, когда-то и лакомилась вишнями: взялъ онъ косточку и, смѣясь, посадилъ: «свои вишни будутъ!» а тамъ и позабылъ объ этой косточкѣ, а теперь Пелагея Яковлевна вспомнила... А давно-ли это было? Да въ 1815 году, а у насъ теперь 1827. Давненько!

Полетъ времени еще замѣтнѣе былъ на многочисленныхъ крестникахъ и крестницахъ Степановой. Изъ году въ годъ, тѣ и другія приходили къ ней на поклонъ о Рождествѣ, въ Свѣтлый праздникъ. Были тутъ и Вани, и Петруши, и Гриши; Настеньки, Аннушки... И вотъ эти малютки превратились во взрослыхъ парней и дѣвочекъ-подростковъ; двѣ, три изъ нихъ являлись вполнѣ развитыми и даже довольно красивыми дѣвушками.

— Да неужто Настя? спросила одну изъ нихъ Степанова, вглядываясь.

— Такъ точно, мамаша крестная! Господь судьбу послалъ, замужъ иду, хорошій человѣкъ; военный писарь сватаетъ!

Раскошеливайся, маменька крестная, на приданое.

Тамъ, откуда ни взялся, приходилъ матросикъ, лѣтъ девятнадцати. Кухарка докладывала, что-де крестникъ Вася пришелъ. Выйдетъ Степанова въ кухню, всматривается—дѣйствительно, что-то знакомое.. Припоминаетъ.

— Вася Мироновъ?

— Такъ точно, мамашенька крестная.

— На службѣ?

— Въ 8 флотскомъ экипажѣ съ марта мѣсяца.

— Ай, ай, какъ время-то летитъ.

Кажется, давно-ли? А теперь Вася уже матросъ, и бородой обросъ, и рюмку хлопнулъ за здоровье мамаши крестной и подарила она ему уже не двугривенный на пряники, а цѣлую синенькую.

Но, кромѣ крестниковъ и крестницъ навѣщали Степанову и немногіе знакомые и дальніе родственники, такъ что жила она не въ совершенномъ одиночествѣ. Кромѣ того, лѣтъ пять тому назадъ пріютила у себя одну старинную пріятельницу Анфису Матвѣевну, годами себѣ ровесницу, вдову капитана, получавшую чуть-ли не семнадцать рублей пенсія въ мѣсяцъ. Анфиса Матвѣевна была олицетвореніемъ кротости и смиренія; немножко говорливая, великая охотница до чтенія и до кофе, великая мастерица вязать чулки и солить огурцы. Единственная, неизмѣнная собесѣдница Пелагеи Яковлевны, она за нее была готова въ огонь и въ воду, любила ее, какъ мать родную. Правда, злые языки говорили, что любовь эта не безкорыстна, что вдова капитанша вкралась въ расположеніе Степановой съ смутною надеждою получить малую толику изъ ея наслѣдства. Но кромѣ злого языка, надобно было обладать очень злой душонкой, чтобы выдумать эту клевету: Анфиса Матвѣевна была ровесница Степановой, а милостями и щедротами ея пользовалась въ настоящемъ, не думая о будущемъ. Обѣ старушки жили своими воспоминаньями въ прошедшемъ.

Домашнюю прислугу Степановой составляли: кухарка Василиса и дворникъ Никифоръ, оба на службѣ у нея состарѣвшіеся, люди честности неподкупной.

Наступилъ 1829 годъ. 17 февраля было мясное заговѣнье, тамъ прикатила и широкая, масляница съ неизбѣжными блинами и попойками; много было объѣвшихся, опившихся, не мало было физіономій съ «фонарями» и другими слѣдами разгульной, пьяной недѣли. Первые три дня великаго поста для многихъ были днями тяжелаго покаянія въ обжорствѣ съ жестокой головной болью съ перепою. Тамъ потекла мирная великопостная жизнь. Само собою разумѣется, что разгульное веселье масляницы миновало домъ Пелагеи Яковлевны; она почтила только блинами этотъ языческій праздникъ и радостно прислушалась къ колоколу у Покрова въ чистый понедѣльникъ. Анфиса Матвѣевна говѣла на первой недѣлѣ; Пелагея Яковлевна намѣревалась говѣть на четвертой.

Изъ этого мирнаго, Богомъ хранимаго уголка мы поведемъ читателя за городъ, на Петергофскую дорогу и заглянемъ въ пріютъ нищеты горемычной.

На пятой верстѣ, на мѣстѣ бывшей тутъ во времена Екатерины II барской дачи, разстилался тогда, какъ разстилается и понынѣ, обширный огородъ въ нѣсколько десятинъ. Зимою это какая-то степь, на дальней окраинѣ которой чернѣютъ изба и сараи; въ избѣ помѣщаются огородники, человѣкъ десять и всю зиму проводятъ, какъ сурки, въ непробудной спячкѣ. Къ нимъ-то въ жестокій морозный день начала января, въ жестокую вьюгу, толкнулся мужиченко въ рваномъ тулупѣ, невзрачный собой, измученный, заморенный.

— Здравствуйте! сказалъ онъ, крестясь.

— Здорово. Чего надоть?

— Энто, никакъ огородъ будетъ?

— Огородъ и есть.

— Работника не требуется-ли?

— На лѣто копорокъ нанимаемъ, а таперя не нужно.

— А такъ, значитъ, постояннаго работника?

— Не требуется.

— Ишь дѣло-то какое! простоналъ мужиченко, опускаясь на скамью.

— Да ты кто такой будешь? строго спросилъ старшій.

— А съ завода, съ Гутуевскаго; Трофимъ Семеновъ. Служилъ я, родимый, въ сторожахъ и жена при мнѣ съ ребенкомъ жила, съ Введенья, значитъ два мѣсяца. Да на бѣду на заводѣ покража случилась, Карла-то Иванычъ, управляющій-то, меня и прогналъ.

— И за дѣло: ты сторожъ, стало и въ отвѣтѣ.

— Да очередь-то, слышь, не моя была. Я тутъ не при чемъ. Не поможете-ли, отцы родные? Пріютите, ради Христа!

— Вона, что выдумалъ! Да нешто мы по своей волѣ живемъ? Наше дѣло тоже подначальное, хозяинъ есть.

— Батюшки мои, да я за уголъ, за харчи, только... Вѣдь вы подумайте, пріютиться негдѣ, ѣсть нечего, а послѣ Святой оброкъ подай... Сжальтесь, православные! заплакалъ онъ—хошь не надо мной, такъ надъ женой, надъ младенцемъ неповиннымъ!

— Нѣтъ, братъ, дѣло твое дрянь! отозвался одинъ изъ огородниковъ.

— Мы тутъ ничего не подѣлаемъ.

— Да, пачпортъ-то у тебя есть-ли? спросилъ старшій.

— Со мной, родимый, со мной; ему срокъ около Покрова.

— И опять, на что ты намъ пригоденъ? Наше-то огородницкое дѣло знаешь?

— Куда угодно! Мужику да этого дѣла не знать...

Огородники переглянулись...

— Будьте отцы родные! я, вотъ вамъ Христосъ-батюшка (онъ перекрестился), заслужу, ей, ей заслужу.

Мужичекъ умѣетъ отличать ложь отъ правды, хоть съ виду и простъ. Увидѣли огородники, что этотъ Трофимъ Семеновъ—какъ есть горемыка, говоритъ по совѣсти, не лукавитъ. Рѣшили они, общимъ судомъ, дать ему уголъ, кормить, но чтобы и онъ, и хозяйка, служили имъ за это исправно. Тутъ не было ни контракта, ни договора: клятва скрѣпила условіе, и бездомный горемыка отдался съ радостью въ кабалу; не зналъ, какъ благодарить благодѣтелей, и поспѣшилъ на Гутуевскій, забрать жену и ребенка. Сборы были не долги, имуществау обоихъ—образокъ, да узелъ бѣльишка, да пара сапогъ. Помѣстили ихъ, на время въ чуланѣ, рядомъ со стойломъ. Трофиму поручили покуда за лошадью смотрѣть, дрова да воду носить, хозяйкѣ его, Афимьѣ, на рабочихъ стирать, да обѣдъ имъ стряпать, попеременно съ женой другого огородника, Ненилой, грязной и лѣнивой бабенкой, которая была радехонька взвалить всю свою работу на бѣдную жиличку. Живетъ Трофимъ недѣлю, другую, мѣсяцъ; изъ кишекъ лѣзетъ, работаетъ за десятерыхъ, а работы съ каждымъ днемъ прибываетъ, да прибываетъ. И не отъ единаго изъ своихъ благодѣтелей Трофимъ не слышитъ спасиба. Да и какого ему спасиба ждать? Пріютили нищаго, кусокъ хлѣба дали, какого-же ему еще рожна? Онъ долженъ денно и нощно молить Бога за благодѣтелей.

Замѣчательная вещь: православный мужичекъ—деспотъ въ душѣ. Пожалѣтъ человѣка онъ пожалѣетъ, помочь—поможетъ, но за то считаетъ себя въ законномъ правѣ помыкать тѣмъ, кому добро сдѣлалъ, и долгомъ себѣ поставляетъ, при случаѣ, попрекнуть его кускомъ хлѣба.

Во время крѣпостного права дворовый считалъ себя выше крестьянина и чванился тѣмъ, что у него, холопа, есть свои подчиненные. Нужда сдѣлала изъ Трофима крѣпостного—жалкаго шута, раба рабовъ и это положеніе окончательно подавило въ немъ всѣ чувства человѣческія. На огородѣ—ниже его были только сторожевыя собаки, его единственные подчиненные. На масляной огородники, половина на половину, загуляли, перепились; поднесли чарку и Трофиму. Но за то эта чарка не дешево ему обошлась: ни за что, ни про что тѣ-же благодѣтели его вздули и хозяйкѣ его треуховъ надавали. «Дай человѣку одно только необходимое», сказалъ Шекспиръ—«и жизнь его будетъ жизнью скота». Чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, достаточно было взглянуть на жизнь Трофима. Худо было въ деревнѣ, а тутъ не въ примѣръ хуже; и какой только бѣсъ несъ его въ Питеръ на заработки! Черезъ мѣсяцъ посылай оброкъ, тридцать рублей, а откуда его взять?..

Пришелъ постъ, закипѣли работы на огородѣ. Трофимъ сталъ работать ретивѣе прежняго, въ надеждѣ, что надъ нимъ смилуются и дадутъ кой-какое жалованье, а можетъ быть, Богъ милостивъ, въ счетъ его и денежекъ на оброкъ. Надежда, вещь утѣшительная; одно худо: изъ малаго зерна больно скоро разростается, какъ мышиный горохъ опутаетъ разумъ своими побѣгами и заглушитъ его. Наканунѣ Благовѣщенія, послѣ вечернихъ работъ, Трофимъ рѣшилъ закинуть словцо старшему: не будетъ-ли его милости назначить ему жалованьишко. Опуская нецензурныя слова, передаемъ его отвѣтъ:

— Ловкая же ты птица! Зимой Лазаря пѣлъ, а теперь, какъ дѣло къ веснѣ, такъ о жалованьѣ запѣлъ, а то ради куска насущнаго хлѣба шелъ? Волкъ ты выкормленный. Жить живи на прежнемъ положеніи, а не нравится, такъ скатертью дорога!

Никакія мольбы не могли умилостивить благодѣтеля. А тутъ новая бѣда! Аѳимья еле ходитъ: на сносяхъ.

— Ишь, дьяволы плодовитые, что твои свиньи! заворчала вся артель огородниковъ. Одному ребенку еще двухъ лѣтъ не вышло, ужь другой наготовѣ!

Ненила, прежняя «матка», бабенка жалостливая, дала Аѳимьѣ добрый совѣтъ: ѣхать въ воспитательный, отдать ребенка на незаконную половину, а самой поступить въ кормилки. Совѣтъ хорошій, но за эту продѣлку подъ уголовный угодишь! Еще проще—дать новорожденному карачунъ. У Трофима голова кругомъ пошла. Будто какое ядовитое сѣмя, запала ему въ голову злая, сумасбродная мысль. Не онъ первый, не онъ послѣдній. Городъ за четыре версты, а тамъ живутъ люди богатые; высмотрѣть какого богача, изловчиться, не лежитъ-ли что плохо... Авось! И эта мысль втемяшилась въ голову горемыки и докучаетъ ему, что слѣпень лошади въ жаркую пору, и какъ на зло, всѣ обстоятельства слагаются такъ, будто сама судьба толкаетъ Трофима на эту дорогу. Дня черезъ два послѣ Благовѣщенія, именно въ четвергъ, 27-го марта, старшой послалъ Трофима въ Никольскій рынокъ, въ зеленную, доложить тамошнему хозяину, Синебрюхову, что-де когда онъ прикажетъ парниковыхъ огурцовъ и салату привезти: къ самому празднику, или пораньше?

— Хозяинъ добрый; тебѣ, дураку, на водку дастъ, прибавилъ старшой въ видѣ поощренія.

Побѣжалъ Трофимъ опрометью; нашелъ лавку Синебрюхова, хозяина засталъ. Тотъ очень обрадовался извѣстію, велѣлъ привезти свѣжей зелени на вербной и Трофиму четвертакъ на водку подарилъ. Побрелъ бѣдняга на огородъ, но дорогой, у Сухарнаго моста завернулъ въ кабачекъ, пропустить малую толику. Народу было немного, за столомъ у окна сидѣли двое молодыхъ парней, на веселѣ: одинъ угощалъ пріятеля и находился въ самомъ кисло-сладкомъ настроеніи духа.

— Ты, Борька, знай, что добрѣй моей крестной мамаши нѣтъ человѣка на свѣтѣ и потому нонѣ, въ день ея тезоименитственнаго рожденія (эти слова съ трудомъ сползли у него съ языка), я счелъ святымъ долгомъ выпить. Понялъ?

Пріятель что-то промычалъ.

— Пелагея Яковлевна Степанова старушка почтенная! продолжалъ онъ съ паѳосомъ. Я, ты знаешь—свинья. Вѣдь правда?

— Правда.

— А она ко мнѣ ласкова. Нонѣ-то... и, Господи Боже мой! Обѣдни нѣтъ, часы, я просвирку хотѣлъ подать, нельзя... ну, замѣсто просвирки калачъ въ гривенникъ купилъ, принесъ. «Съ днемъ рожденія, мамаша крестная!» А она, моя голубушка, меня въ лобъ поцѣловала, кофейкомъ поподчивала и цѣлковенькій подарила... Да! А я за суточную работу два двугривенныхъ получаю. По этому случаю могу я сегодня прогулять? Такъ-ли я говорю? Могу?

— Это, конечно. А крестная—одно слово—праведный человѣкъ. Да и чего ей: одна, какъ перстъ, богачка, свой домъ и всякія угодья, и садъ свой...

— А домъ-атъ гдѣ?

— Да я-жь тебѣ сто разовъ говорилъ: въ собственномъ домѣ въ Прядильномъ переулкѣ, отъ Аглицкаго налѣво, третій отъ угла. Говорилъ я ейной кухаркѣ Василисѣ и Никифору—дворнику: «по истинѣ Богъ васъ хранитъ!» Всѣхъ жильцовъ въ домѣ четверо—маменька крестная, Анфиса Матвѣевна, старушка почтенная, Василиса немногимъ ихъ помоложе и Никифоръ, тоже старой бабы стоитъ.. А ты что слушаешь, дружище? спросилъ вдругъ крестникъ, взглянувъ на стоявшаго у стола Трофима. Мы промежь себя разговоры ведемъ...

— Я Степанову купчиху знаю! солгалъ Трифонъ.

— Много Степановыхъ есть... А съ вашей стороны тоже довольно странно въ чужіе разговоры вмѣшиваться. Я вамъ одно скажу—отчаливайте.

Трофимъ попятился къ дверямъ.

— Мазура какая нибудь! проводилъ его крестникъ Пелагеи Яковлевны.

Не домой пошелъ Трофимъ. Словно какимъ-то вѣтромъ отшатнуло его мимо Калинкина моста и, спросивъ у перваго встрѣчнаго, гдѣ Прядильный переулокъ и домъ Степановой, онъ побрелъ туда. Вотъ садъ, вотъ и домъ: девять оконъ на улицу, цвѣты на окнахъ, зеленыя ставни... Три старухи и дворникъ... И вотъ онъ какъ разъ у воротъ... да, ветхій человѣкъ!

— Это домъ купчихи Степановой?

— Самый этотъ и есть. А тебѣ на что?

— Да мнѣ домъ Артемьева надо.

— Такого здѣсь нѣтъ. Ты спроси по Прядильной улицѣ. Можетъ, тамъ есть.

Никифоръ ушелъ, захлопнувъ калитку. Трофимъ постоялъ минуты двѣ и, понуривъ голову, поворотилъ на Фонтанку.

Съ этого дня, точно что на него сѣло. Трудился онъ по прежнему, но иной разъ безъ всякой причины задумывался, словно чей голосъ шепталъ ему въ уши: домъ Степановой. Въ теченіе двухъ недѣль, до самаго четверга страстной недѣли онъ еще нашелъ возможность два раза побывать въ Прядильномъ переулкѣ...

А въ самую страстную пятницу, часу въ первомъ по полудни бѣдная его жена, съ помощью Ненилы, въ углу сарая, на соломѣ, родила ему дочку.

— Ишь, безстыжая! упрекнула ее импровизированная повитуха. Такой-ли день, чтобы рожать? До и поди, ищи батюшку, чтобы молитву дать... Ни одинъ не пойдетъ...

Завернутая въ лохмотья новорожденная, жалобно пищала, будто укоряя мать, зачѣмъ она ее на свѣтъ родила... Ужасно было положеніе роженицы, но и Трофимъ былъ не въ лучшемъ. Благословивъ дочь дрожащей рукой, онъ самъ зарыдалъ, какъ ребенокъ; помертвѣлыя его губы шептали молитву, но молитва эта была безсмысленнымъ наборомъ словъ; мысли путались и несчастному былъ одинъ путь—на девятую версту: авось тамъ пріютятъ, а жена съ ребятишками иди по міру, покуда, по этапу на родину не перешлютъ... А чей-то неотвязный голосъ твердитъ въ уши:

— Домъ Степановой!

Въ самую эту минуту, какъ бы стараясь заглушить этотъ окаянный голосъ, до слуха Трофима донесся звонъ колокола, не то съ Ульянки, не то отъ Екатерины-мученицы: вечерня, выносъ св. Плащаницы. Огородники гурьбой, за исключеніемъ Трофима, ушли въ церковь; онъ остался караулить избу и Ненила волей-неволей осталась при Аѳимьѣ.

— Изъ-за тебя, безстыжая, и въ церковь Божію не попаду! ворчала она. Да и грѣхъ одинъ отъ тебя въ домъ Божій идти! Вотъ тебѣ и Свѣтлый праздникъ... чего рюмишь-то, кто виноватъ? Ишь нашла время «разсыпаться», хошь бы два денька повременила!

Вернулись огородники. Трофимъ, у котораго въ карманѣ оставался послѣдній пятакъ, попросилъ позволенья у старшого, сходить въ церковь свѣчку поставить. Это была, именно, лепта евангельской вдовицы!..

— Ступай, дѣло доброе...

На время оставимъ несчастнаго и возвратимся къ нашей Пелагеѣ Яковлевнѣ.

Утромъ въ страстной четвергъ у нея въ домѣ окончилась предпраздничная суматоха: чисто вымытые полы лоснились, какъ паркетъ; нигдѣ ни пылинки, все вычищено, вылощено; остается однѣ занавѣски на окна навѣсить. Этого важнаго дѣла не хотѣла Степанова препоручить ни Василисѣ, ни Анфисѣ Матвѣевнѣ: сама, непремѣнно сама. Двѣ первыя гардины навѣсила сама, а при третьей приключилась оказія: занавѣска зацѣпилась за раскидистую герань, стоявшую на подоконникѣ, Пелагея Яковлевна хотѣла поправить да оступилась и чуть не упала съ табурета если бы ее не поддержала Анфиса Матвѣевна. Дѣло въ сущности пустое, но Степанова оступилась, нога у нея подвернулась и минуты черезъ три она не могла сдѣлать ни шагу. Ни перелома, ни вывиха; она, что называется, жилу вытянула. Домашнія средства: холодная вода, деревянное масло, майскій бальзамъ, до нѣкоторой степени помогли—а все на ногу ступать нельзя... Такъ промучилась Степанова всю пятницу. Въ субботу ей пооблегчало, но идти къ заутрени нечего было и думать...

— Матушка родимая, какъ же намъ быть? голосила Анфиса Матвѣевна.

— Да такъ-же, какъ всегда, отвѣчала Степанова—ты съ Василисой идите къ заутрени, Никифоръ снесетъ куличъ да пасху; а я останусь. Что же дѣлать, не привелъ Богъ быть у заутрени—дома помолюсь...

— Да какъ же вы однѣ останетесь?

— Вотъ рѣдкость! Чего бояться? Не въ первой. Никифоръ запретъ калитку, а я всѣ двери кругомъ... Сорокъ лѣтъ здѣсь живу, какъ у Христа за пазушкой.

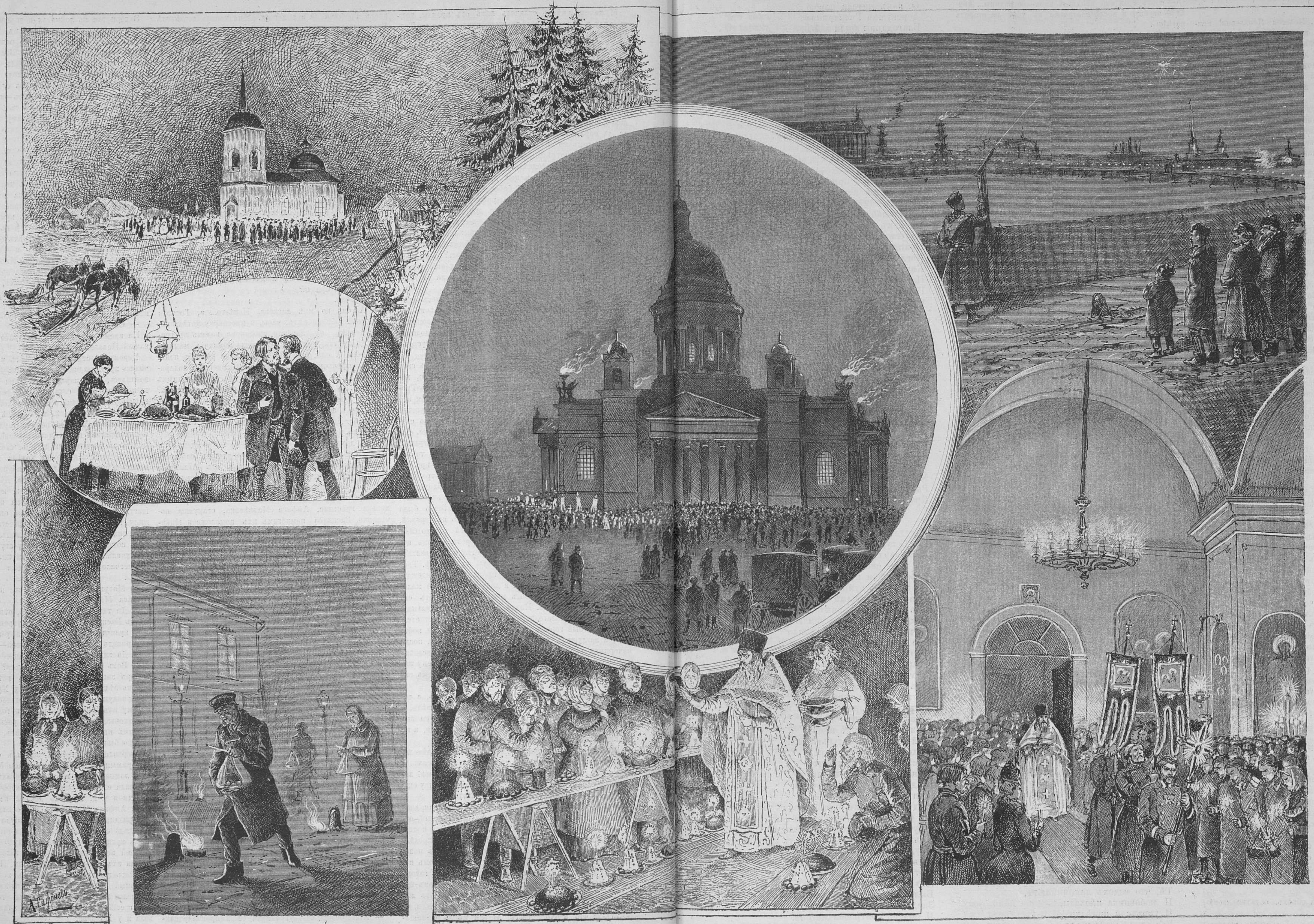
Равнодушіе Степановой сообщилось и ея домашнимъ; никому изъ нихъ не пришло въ голову, что она, одна одинехонька въ домѣ, страшно рискуетъ. Ея распоряженіямъ никто не противорѣчилъ, какъ будто такъ и должно было быть.

Смеркалось. Никифоръ закрылъ ставни; Степанова, прихрамывая, съ помощью Анфисы Матвѣевны, затеплила лампады во всѣхъ комнатахъ, накрыла столъ, уставила его для розговенья окорочкомъ, крашеными яйцами и т. д. Пробило десять; въ исходѣ одиннадцати Анфиса Матвѣевна и Василиса принарядились по праздничному; Степанова вынула изъ формы пасху, положила ее на блюдо съ красными яйцами и большимъ куличемъ, украшеннымъ ярко краснымъ, съ исполинской величины розаномъ съ золотыми листьями. Завязала ихъ въ чистыя салфетки. Никифоръ пошелъ зажигать плошки. Въ морозномъ воздухѣ раздался отдаленный гулъ пушечнаго выстрѣла, на него гдѣ-то отозвался звонъ колокола, ему гдѣ то откликнулся другой, третій; вотъ задребезжалъ знакомый звукъ колокола и у Покрова.

— Съ Богомъ, съ Богомъ! сказала Пелагея Яковлевна, провожая своихъ домочадцевъ въ сѣни. Помолитесь и за меня, грѣшную...

РУССКІЕ ХОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ А. Сафон(собств. журн. «Живоп. Обозр.»).



Ночь на Свѣе Воскресеніе.

— Не простудитесь, матушка!

— Ничего, вечеръ тихій.

— Счастливо оставаться, Пелагея Яковлевна! прибавилъ Никифоръ, замыкая калитку.

Степанова возвратилась въ комнаты. Въ нихъ царила мертвая тишина; чуть доносился звонъ колокола сквозь двойныя рамы и плотно закрытые ставни. Доплелась Пелагея Яковлевна до своей спальни, зажгла небольшую восковую свѣчу и держа ее въ лѣвой рукѣ опустилась на колѣни.

— Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ, шептала она вполголоса,—и насъ на землѣ сподоби чистимъ сердцемъ Тебѣ славити.

Двѣ свѣтлыя и чистыя, какъ божія роса, слезинки выкатились изъ глазъ Степановой и, поникнувъ головой, она задумалась.

— Причастенъ-ли ты, мой родной, святому празднику воскресенья? думала она, вспомнивъ о покойномъ мужѣ. Мнѣ ли, грѣшной, за тебя молиться, если ты обо мнѣ помолишься?.. Радуйся-же, сынъ воскресенья, исповѣдникъ Вѣры Христовой...

Въ сосѣдней комнатѣ скрипнула половица, словно кто на цыпочкахъ тихими шагами подходилъ къ двери. Не вставая съ колѣнъ, Степанова прислушивалась. Восторженное ея состояніе ежеминутно возрастало; слухъ ее не обманываетъ: покойный мужъ, а не другой кто пришелъ изъ гробовой сѣни, чтобы отвѣтить женѣ на христіанское привѣтствіе: Воистинну воскресе!

Въ эту минуту радостно загудѣли колокола и къ нимъ примѣшался перекатный гулъ пушечныхъ выстрѣловъ. Приподнялась съ колѣнъ Степанова и со свѣчею въ рукахъ направилась въ столовую. На самомъ порогѣ передъ нею стоялъ блѣдный, какъ смерть, мужиченко въ старомъ армякѣ...

— Христосъ воскресе! сказала ему спокойно Пелагея Яковлевна, цѣлуя его троекратно.

Эти два слова, это лобзаніе, поразили Трофима, какъ громъ небесный. Топоръ, взятый имъ на кухнѣ, выпалъ изъ его правой руки и онъ, рыдая, упалъ въ ноги Пелагеѣ Яковлевнѣ. Старушка, безъ малѣйшаго страха, его оглядывала.

Онъ, съ самыхъ сумерокъ пробрался въ садъ Степановой и притаился въ кустарникахъ. Судьба ему благопріятствовала; изъ сада, никѣмъ незамѣченный, онъ проскользнулъ въ сѣни, изъ нихъ, покуда Степанова провожала уходившихъ, забрался въ кухню... Казалось, дѣло въ шляпѣ! Въ кухнѣ нашелъ топоръ, около груды нащипанныхъ растопокъ. Притаился опять: слышалъ, какъ Пелагея Яковлевна прошла въ спальню, тамъ—все затихло. Тихохонько, ступая по половикамъ, Трофимъ прошелъ въ столовую... Смутила его ярко горящая лампада... Идетъ въ зало и слышитъ дрожащій голосъ Пелагеи Яковлевны, читавшей молитву.

Назадъ дороги нѣтъ, а старуха въ его рукахъ; часа въ два времени все можно обработать и уйдти прежде окончанія обѣдни, въ садъ, черезъ заборъ! А поживиться, слава Богу, есть чѣмъ... Вонъ, въ спальной комодъ, сундукъ, на комодѣ шкатулка... Разбойникъ шагнулъ—и въ эту минуту ему на встрѣчу, безоружная, какъ ребенокъ, беззащитная старушка, въ бѣломъ чепцѣ и въ капотѣ, точно покойница... Она не кричитъ, не зоветъ на помощь, а съ радостнымъ лицомъ, цѣлуетъ его, окаяннаго, какъ родного сына и «Христосъ воскресе!» говоритъ. О, да пусть и жена, и дѣти помираютъ съ голоду; самъ Трофимъ въ каторгу пойдетъ, но рука его не подымется на эту святую женщину.

— Снеси топоръ на мѣсто, сказала она кротко,—и потомъ разскажи мнѣ, какъ ты сюда попалъ и зачѣмъ?

Трофимъ снесъ топоръ на кухню и, вернувшись въ зало, опять упалъ на колѣни.

— Да полно, голубчикъ! встань!.. сказала Степанова.— Видно, нужда твоя горькая, ежели ты въ Великій день на такое дѣло пошелъ. Говори, какъ матери родной, Господь свидѣтель, что я никому тебя не выдамъ.

Ей-ли было не вѣрить! Разсказалъ Трофимъ все отъ слова до слова.

— Стоило изъ-за этого на грѣхъ идти! улыбнулась Степанова.—Погоди немного, сказала она и, прихрамывая, пошла въ спальню. Забрякали ключи, защелкали замки и минутъ черезъ десять вернулась Пелагея Яковлевна.

— Вотъ тебѣ сто рублей на оброкъ, остатки женѣ отдай...

— Матушка! родная! Ангелъ ты Господень... рыдалъ Трофимъ.

— Вотъ тебѣ еще двадцать пять—на родины... Дочку я окрещу и послѣ завтра-же къ тебѣ на огородъ пріѣду...

— Что-же ты дѣлаешь, родимая!

— Вотъ тебѣ окорочекъ (она отрѣзала большой кусокъ окорока, приложила къ нему нѣсколько яицъ), разговѣйся, женѣ только не давай, а то ей повредитъ.

Трофимъ осыпалъ руки ея поцѣлуями.

— Благодари не меня, а Христа Спасителя, а теперь иди съ Богомъ; я сама тебя проведу... Изъ сада есть калитка, въ переулокъ... Заколочена, да ты ее откроешь... Ну, иди съ Богомъ, Трофимъ, Богъ съ тобой... А на второй день праздника я буду къ тебѣ непремѣнно.

Она перекрестила Трофима, который въ какомъ-то одурѣніи вышелъ въ садъ, нашелъ калитку, отбилъ гвозди и опрометью пустился на Петергофскую дорогу...

А Степанова, спокойная и довольная болѣе его самого, вернулась въ комнаты и снова молилась; горячо, усердно и была ея молитва теперь, молитвою благодарности и радости и чувствовала она, что душа ея покойнаго мужа, здѣсь, съ нею,

Часа черезъ два возвратились Анфиса Матвѣевна, Василиса и Никифоръ. Похристосовались и получили подарки...

— Не скучали, матушка, однѣ?

— Я была не одна, а съ моимъ Ангеломъ Хранителемъ.

Сѣли разгавливаться. Ахнула Анфиса Матвѣевна: половины окорока нѣтъ!

— Будетъ съ тебя! смѣясь, отвѣчала Степанова, садясь за столъ. Это я соблазнилась—и согрѣшила!..

П. Каратыгинъ.

Madonna Soy para Elche.

Разсказъ В. Елизарова.

I.

Былъ прекрасный, теплый вечеръ,
Колыхалось море сонно,
Купы розъ дремали сладко,
Ароматомъ упоенны.
Вѣтерокъ, порхая нѣжно,
Напѣвалъ имъ серенады,
А луна глядѣла съ неба,
Покраснѣвши отъ досады...
Гвардемаръ лежитъ близь моря —
И спокойно, безмятежно
Плещетъ море и разноситъ
Далеко свой шумъ прибрежный.
И подъ эту пѣснь стихіи
Вѣчно-стараго напѣва,
То съ чарующею нѣгой,
То съ безумствомъ дикимъ рева,
Въ деревушкѣ Гвардемарѣ
Жили люди и женились,
И рожали, и бранились,
И опять, забывши ссоры,
Вновь дѣтьми обзаводились.
И не разъ раскаты моря
Рѣчь красавца прерывали,
Въ часъ полночнаго свиданья
Клятвы, вздохи заглушали,
И супружескія ссоры
Между мужемъ и женою
Прерывались въ мигъ разлада
Пѣсныо чудной, водяною
И подъ тихій шелестъ влаги
У разгнѣванной супруги
Застывали безъ движенья
Размахнувшіяся руки,
И супругъ, въ забвеньи сладкомъ,
Преклонясь благоговѣя
Предъ супругой, для удара
Подставлялъ смиренно шею,
И пискливый крикъ ребенка,
Когда мать его качаетъ,
И ночные звуки старца,
Тѣ, что вздохъ напоминаютъ,
И любовника проказы,
И украдкой поцѣлуи —
Все таили, заглушали
Моря дремлющаго струи...
О, какъ жители порою
Деревушки Гвардемара
Благодарны были морю,
Прославляли море съ жаромъ,
Какъ цѣнили эти пѣсни,
Эти вѣрныя услуги
И гуляющія жены,
И рогатые супруги!..

2.

Извивается Сегура
Змѣйкой рѣзвой, серебристой
И въ струяхъ купаетъ солнце
Лучъ сіяющій, огнистый.
И бѣжитъ, бѣжитъ Сегура
Въ море чисто-голубое,
Чья волна съ прибрежнымъ камнемъ
Забавляется игрою,
Бѣдный камень то подпрыгнетъ,
То лѣниво шелохнется,
То, какъ въ танцахъ балерина,
Вдругъ, стремительно завьется.
Приплывали рыбки часто
Поглядѣть, какъ онъ танцуетъ,
Какъ онъ скачетъ, разсердившись
На докучливыя струи.
Рыбки очень любопытны,
Онѣ знали все на свѣтѣ,
Хоть не разъ за эту доблесть,
Носъ ихъ вязъ въ рыбачьей сѣти.
Никакія тайны міра
Не бывали для нихъ скрыты.
Сколько есть родинокъ разныхъ
У прекрасной Хуаниты,
Какъ Онофре, старый нищій,
Барыши свои считаетъ
И людей за подаянья
Лишь ослами обзываетъ.
Все отлично знали рыбки,
Но изъ скромности таили
Отъ людей, хоть межь собою
И судили, и рядили.
Богъ, создавъ единымъ словомъ
Міръ величіемъ богатый,
Рыбкамъ зрѣніе удвоилъ,
Краснорѣчье—адвокатамъ...

3.

Гвардемаръ лежитъ близь моря...
Но Сегура, извиваясь,
Къ Гвардемару не подходитъ,
Въ море синее вливаясь.
Берега рѣки прекрасной
Въ мягкомъ сумракѣ темнѣютъ
И вечерній теплый вѣтеръ
Изъ долинъ нагорныхъ вѣетъ;
Ночь спускается на землю...
Ночь... А скромное свѣтило
Все блѣднѣетъ, словно немочь,
Вдругъ дѣвичью ощутило...
Гвардемаръ не спитъ — и долго
Спать, быть можетъ, не придется:
Изъ дверей раскрытыхъ венты
Звукъ веселья раздается.
Слышенъ говоръ, смѣхъ и шутки,
И веселый звонъ стакана,
И порой затянетъ пѣсню
Чей-то голосъ полупьяный...
А хозяинъ венты старой
Посѣтителямъ разноситъ
Вина съ приторной улыбкой
И долги въ счета заноситъ.
Типъ мошенника большого
Видѣнъ въ немъ, при первомъ взглядѣ:
Съ боку смѣлый онъ разбойникъ,
Плутъ онъ спереди, воръ сзади.
Алчность къ деньгамъ, страсть къ наживѣ
Грудь его обуревала —
Онъ готовъ продать, пожалуй,
Хоть себя за полъ-реала.
Лео (такъ онъ прозывался)
Былъ хитеръ, какъ самъ нечистый,
Заслуживши этимъ дружбу
И почетъ контрабандистовъ.
Знали всѣ—ихъ предводитель
Былъ ему первѣйшимъ другомъ,

Что самъ Лео за песету
Отдавалъ въ наймы супругу...
А песета вѣдь не шутка,
На землѣ найдешь едва-ли.
Между тѣмъ и жизнь, и счастье
Такъ ужасно вздорожали...
Но была у Лео дочка,
Чернобровая Марія,
У Маріи-жь, дочки Лео,
Были косы смоляныя
И косами, и Маріей
Гвардемаръ давно гордился,
И, Пепико самъ, красавѣцъ,
Въ косы черныя влюбился.
Но, храня отцовъ обычай,
Онъ всю ночь, вплоть до разсвѣта,
Лишь топтался подъ окошкомъ
Съ нѣжной лаской и привѣтомъ.
Цѣлый годъ прошелъ—и свадьбы
Всѣ напрасно дожидались —
Гордый Лео и супруга
На нее не соглашались.
А Пепико бѣдный ходитъ
Словно въ мартѣ котъ влюбленный
И на стройную Марію
Смотритъ ласково и томно,
И, задравши носъ свой кверху,
Вплоть всю ночь и до разсвѣта
Все слова любви бормочетъ,
Тихой ласки и привѣта.
Похудѣлъ, Пепико бѣдный,
Даже тѣнью сталъ казаться,
Даже носъ, вдругъ по привычкѣ
Самъ сталъ къ небу подниматься.
Но судьба неумолима
И преслѣдуетъ несчастье,
И у Лео гордость та-же,
И на свадьбу нѣтъ согласья.
Черноглазая Марія
Также, бѣдная, вздыхаетъ
И святыхъ, какихъ лишь вспомнитъ
Всѣхъ на помощь призываетъ.
Но взойдетъ луна—и тихо
Гость къ ней крадется извѣстный,
. . . .

4.

Трель ритмически-спокойно
Кастаньетовъ раздается,
Пара ловко и красиво
Подъ мотивъ фанданго вьется.—
Это славный нашъ Пепико
Стройный «novio» Маріи —
Онъ съ красоткой ловко пляшетъ,
Жесты дѣлая лихіе.
А трещетки-кастаньеты,
Словно тетки съ языками,
Словно смерти черепъ голый,
Рѣзко щелкаютъ зубами...
Край подола приподнявши,
Перегнувъ свой корпусъ гибкій,
Пляшетъ танецъ дочка Лео,
Съ обаятельной улыбкой.
И мила она, какъ радость,
И свѣтла, какъ счастья греза!...
Въ волосахъ дрожитъ стыдливо
Ярко-палевая роза.
—«Пепе милый», тихій шепотъ
Съ губокъ алыхъ, цвѣта крови
Раздается, «полно, полно,
Не нахмуривай такъ брови.
Я твоя давно, ты знаешь,
Подождемъ-же наше счастье—
Скоро къ намъ оно заглянетъ
Послѣ горя и ненастья
И Santissima Madonna
Намъ поможетъ, мой Пепико»...
И она ногой взмахнула
Съ граціозностью великой.
—«О, Марія» шепчетъ Пепе,
Въ неописанномъ волненьи,
Но, дрожащій голосъ сладокъ
Какъ кондитера печенья,—
«Я все жду, моя Марія,
Я все жду—и все напрасно
. . . .
—«Полно, полно, мой Пепико,
Страсть разсудокъ твой туманитъ.»
. . . .
И опять она колѣно
Ловко выписала ножкой,
И Пепико, видя это,
Веселѣе сталъ немножко.
Между тѣмъ ужь ночь спустилась,
Высоко луна стояла,
Гвардемаръ лучами нѣжно
И любовно озаряла.
И почтенный людъ изъ венты
Ужь валилъ домой толпою;
Дома жены дожидались
Приготовившися къ бою...
Ловкій Лео въ это время
Барыши считалъ съ улыбкой
И записывалъ поспѣшно
Цифры въ книгу безъ ошибки.
День былъ прибыленъ сегодня,
Вечеръ далъ доходъ не малый,
Вента Лео, слава Богу,
Такъ прекрасно торговала!..
Между тѣмъ фанданго конченъ
Смолкли также кастаньеты
И гуляютъ тихо пары,
Озаренны луннымъ свѣтомъ.
Отдѣлившися отъ прочихъ,
И Марія съ милымъ бродитъ,
И на пылкую головку
Мѣсяцъ ясный лучъ наводитъ...
—«Да, Марія», слышенъ шепотъ,—
«Ночь тиха и ароматна
А гулять съ тобою ночью,
Право, очень мнѣ пріятно...
Посмотри, какъ море тихо,
Какъ въ немъ мѣсяцъ серебрится...
Мы возьмемъ у Пабло лодку
И поѣдемъ прокатиться.
Нашу чудную прогулку
Старый Лео не узнаетъ,
Онъ теперь навѣрно въ вентѣ
Барыши свои считаетъ».

5.

Старый Лео въ старой вентѣ
Скоро кончилъ свое дѣло—
Подсчиталъ онъ всю страницу
И итогъ подвелъ умѣло,
Да, барышъ большой сегодня...
Завтра, съ вѣрою святою
Онъ снесетъ реалъ, пожалуй,
Богу щедрою рукою.
Онъ идетъ спокойно въ спальню
И супругу обнимаетъ,
И спросить: «что, спитъ-ли дочка?»
Въ попыхахъ позабываетъ.
А Марія, въ это время,
Съ Пепе по морю гуляетъ,
Онъ гребетъ весломъ, она-же
Звонко пѣсню напѣваетъ:
«Потухала заря, зажигалась звѣзда
«Средь сумрака ночи безмолвной
«И лучъ уронила съ далекихъ небесъ
«На море и спящія волны
«Онъ влагу разрѣзалъ и дно освѣтилъ
«И тайны глубокаго моря—
«И видитъ кораллъ изъ разщелины скалъ».
—«Пепе милый, завтра въ Эльче
Ты пойдешь изъ Гвардемара
Принеси-же мнѣ колечко,
Кастаньеты и гитару.
Ты споешь мнѣ серенаду,
Я фанданго протанцую,
А за новое колечко
Обниму и поцѣлую»...
И Пепико, растерявшись,
Обѣщалъ кольцо Маріи
Кастаньеты и гитару,
Пожалѣвъ карманъ впервые...

6.

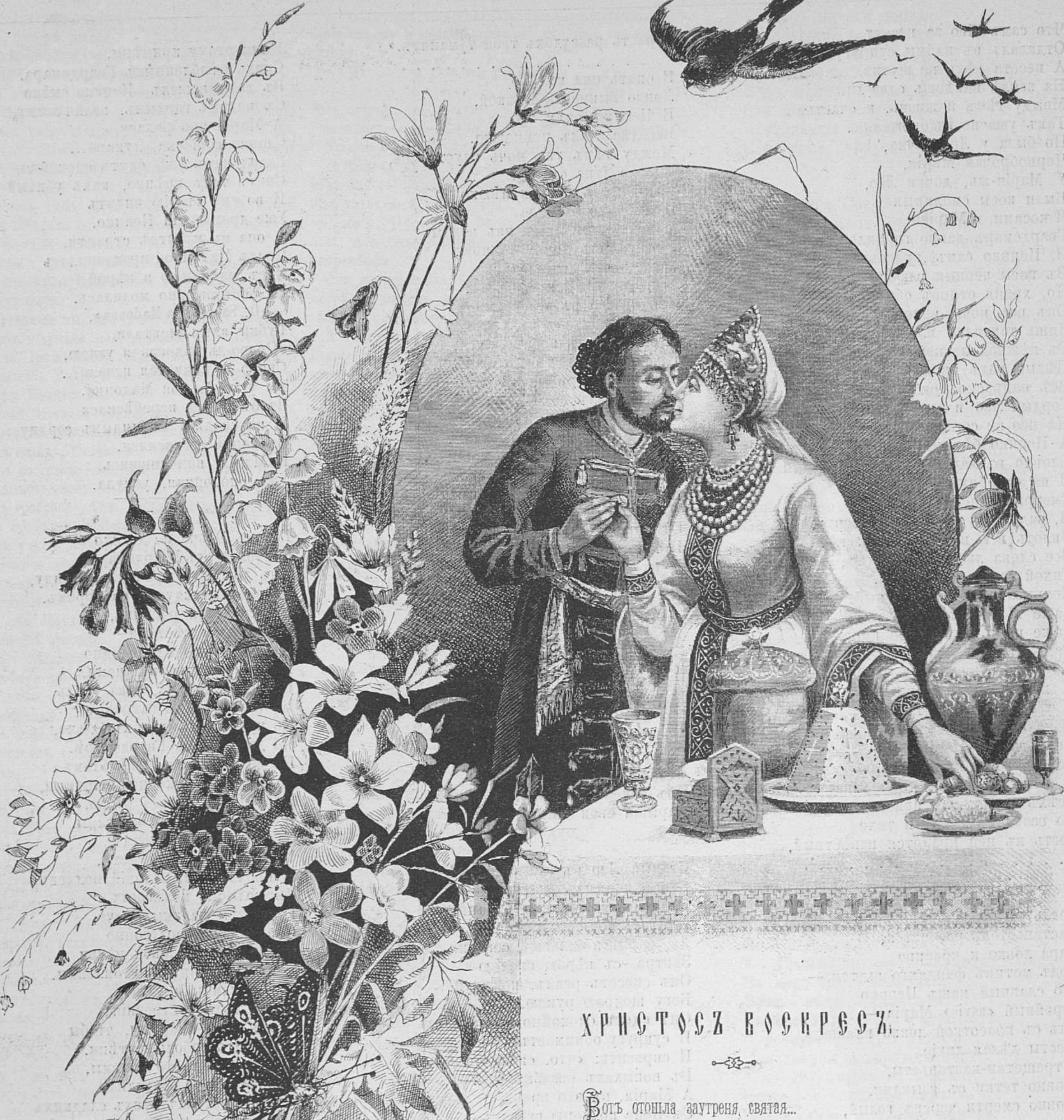
Ужь домой вернулся Пепе,
Ужь вернулась и Марія—
Оба знали, какъ опасно
Быть вдвоемъ въ часы ночные.
Ночь—волшебница, и часто
Умъ дурманятъ эти чары—
Были этому примѣры,
Средь влюбленныхъ Гвардемара.
Въ домъ вошелъ Пепико смѣло
Съ видомъ гордымъ, величавымъ,
А Марія пробралася,
Словно кошечка, лукаво...
Гвардемаръ ужь спитъ спокойно,
Спитъ такъ крѣпко, какъ убитый
И во снѣ Марію видитъ
Уже дремлющій Пепико.
А она въ избыткѣ страсти,
Предъ Мадонной преклонилась
И съ надеждою и вѣрой
Ей восторженно молилась.
—«О, Santissima Madonna»,
Губки алыя шептали,
«Скоро-ль радость я узнаю,
Скоро-ль кончатся печали?..
Ты устрой, моя Мадонна,
Чтобъ отецъ перебѣсился
И на свадьбу съ милымъ сердцу,
Поскорѣе согласился.
И Марія, помолившись,
Ужь спокойная, уснула.

7.

Городъ Эльче не далеко
Отстоитъ отъ Гвардемара
Онъ довольно мраченъ съ виду,
Словно страждущій катарромъ.
Разстилается равнина,
Порыжѣлая мѣстами—
Солнце землю безпощадно
Ежедневно жжетъ лучами.
И песокъ горячь, какъ уголь
Въ разогрѣтомъ самоварѣ.
Но привыкли люди къ Эльче,
Не дивятся въ Гвардемарѣ.
На безцвѣтномъ фонѣ этомъ
Солнцемъ выжженной равнины,
Выступаетъ городъ рѣзко,
Какъ пятно среди картины.
Зелень чудно-голубая
Пышно Эльче окружаетъ,
И прохладу въ жаркій полдень
Дружелюбно навѣваетъ.
Граціозны пальмы Эльче,
Неподвижно, полусонно
Книзу клонятъ свои вѣтви
Жаромъ знойнымъ утомленны.
Кривы улицы и узки,
Стѣны голы у строеній,
Оконъ нѣтъ снаружи, чтобы
Сохранить побольше тѣни.
Но нависли густо пальмы,
Крѣпко Эльче обхватили
И въ объятьяхъ этихъ сладкихъ
Башни города застыли...
А на западѣ далеко
Кряжъ горы Санъ-Гадитано
Цвѣтомъ палевымъ играетъ
Въ облакахъ сѣдыхъ тумана.

8.

Въ эту ночь обычно въ небѣ
Звѣзды теплились, сіяло
Скромно блѣдное свѣтило
И деревню озаряло.
Море тихо задремало,
Задремали сладко волны...
И царила всюду нѣга,
И царилъ покой безмолвный.
Только звѣздочка порою
Съ неба яснаго сорвется
И, мелькнувши яркой искрой,
Въ чудномъ блескѣ пронесется...
Да плеснетъ чуть слышно рыбка—
И опять—покой безмолвный,
Застываетъ звукъ лѣниво,
Застываютъ тихо волны...
Но далеко, тамъ далеко,
Гдѣ за свѣтлою чертою
Слилось дружно небо съ моремъ,
Какъ въ объятьяхъ братъ съ сестрою,
Что-то рѣзкой темной точкой
Средь безмолвія ночного
Выдѣляется на фонѣ



Христосъ воскресъ

Вотъ отошла заутреня святая...
Заря ужъ занялась на синевѣ небесъ.
— Христосъ воскресъ! голубка дорогая!
— Въ истину, родной, Спаситель нашъ воскресъ

⁂

И троекратнымъ чистымъ поцѣлуемъ
Святая эта вѣсть съ любовью скрѣплена.
Ликуетъ міръ, сознаніемъ волнуемъ—
Какимъ страданіемъ земля искуплена.

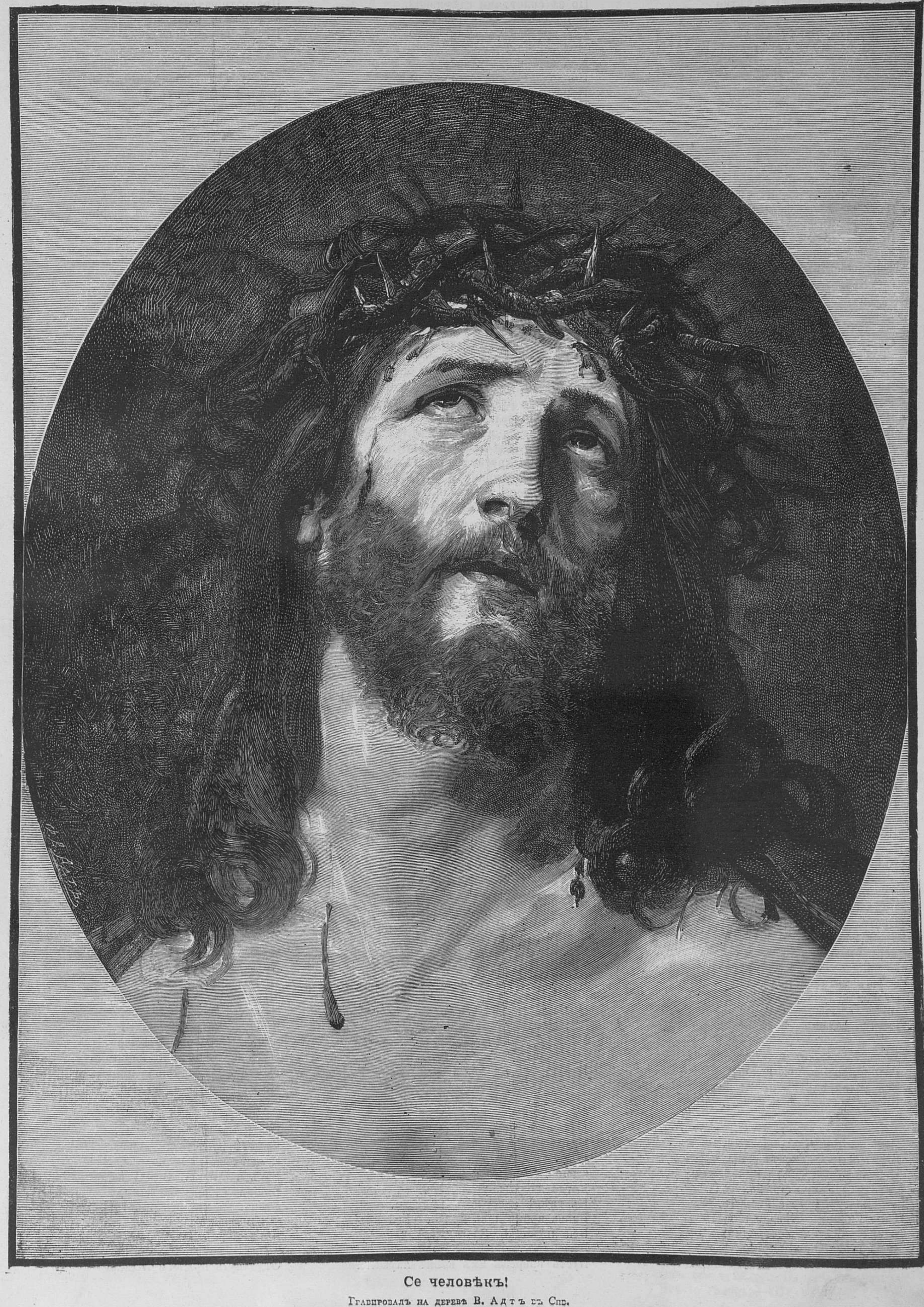
⁂

Вѣнецъ Христа тяжелый и терновый,
Какъ страшный, мрачный сонъ, съ чела Его исчезъ,
Но тотъ вѣнецъ зоветъ насъ къ жизни новой
Съ отрадной вѣстію, что нашъ Господь воскресъ.

А. фонъ-Беземанъ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Гвидо Рени.



Се человѣкъ!

Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ Спб.

Этой блещущей основы
И ростетъ, ростетъ замѣтно
Эта точка небольшая,
И свѣтлѣй при этомъ море,
Точку блескомъ оттѣняя.
Вотъ пятно вдругъ показалось...
Все яснѣй оно... И вскорѣ
Можно было видѣть лодку
На спокойно спящемъ морѣ
Безъ руля, безъ мачтъ, безъ веселъ
Эта лодка путь держала,
Словно сила неземная
Ею мудро управляла.
Ни гребца, ни рулевого,
Только чей-то обликъ тѣнью
Надъ кормою возвышался,
Но безъ жизни, безъ движенья.
Недалеко отъ деревни,
Лодка къ берегу пристала,
Ткнувшись въ отмель моря носомъ,
Она тихо задрожала,
Задрожала и осталась
Тамъ, гдѣ море было мельче,
Въ лодкѣ той была Мадонна,
Съ чудной надписью: «Для Эльче»...

9.

Зорька въ небѣ разгорѣлась,
Рыбки въ морѣ встрепенулись
И, въ деревнѣ Гвардемарѣ
Вскорѣ жители проснулись.
Вышла стройная Марія
По своей привычкѣ вѣрной,
Чтобы выкупаться въ морѣ—
Жизнь вела она примѣрно.
Вышла стройная Марія,
Тамъ, гдѣ море было мельче,
И увидѣла Мадонну
Съ чудной надписью «для Эльче»...
Пала ницъ она въ восторгѣ—
И воскликнула:—«Мадонна
Для меня Маріи бѣдной
Ты сошла съ небесъ и съ трона!»...
Улыбнулась ей Мадонна,
Но ни слова не сказала,
И Марія къ Гвардемару
Съ чудной вѣстью побѣжала...

10.

Разошлася вѣсть повсюду,
Что Мадонна появилась,
Что Испаніи прекрасной
Небо шлетъ дары и милость,
И народъ валитъ толпою...
Старики и молодые
Всѣ къ Мадоннѣ поспѣшили,
Позабывъ труды дневные...
Вѣсть пришла и въ Аликанте
И оттуда побѣжали
Всѣ къ деревнѣ Гвардемарѣ,
Лишь про чудо услыхали
Дамы, рыцари, прислуга,
Какъ бараны цѣлымъ стадомъ...
Вѣстью этой соблазнился
Даже песъ цѣпной алькада
День былъ жаркій въ эту пору
И въ пескахъ тонули ноги,
Сапоги, штаны, подвязки
Оставались на дорогѣ.
Но росло святое чувство,
Велика въ народѣ вѣра!

……

Увидавъ тѣнистый Эльче,
Гвардемаръ минуя вскорѣ,
Вся толпа вдругъ преклонилась
Предъ Мадонною у моря...

11.

Росъ восторгъ религіозный...
Шумъ и гамъ стоятъ надъ моремъ
И. волна съ пескомъ прибрежнымъ
Суматохѣ этой вторитъ.
— «Благородные сеньеры.»,
Такъ кричитъ Онофре нищій,
«Дайте мнѣ изъ состраданья
Полъ-реала, хоть на пищу!..»
— «Pater noster», шепчетъ старецъ,
Удалившійся отъ свѣта,
Но за сплетнями слѣдившій,
Какъ скандальная газета,
«Да прославятъ люди благо
Милосердія Господня...
Михаэла, не забудь-же,
Приходи ко мнѣ сегодня...»
И ростетъ все гулъ громовый,
Какъ обвалъ, встряхнувшій горы,
Все слилось въ одно: молитвы,
Шутки, брань и разговоры.
Поднялось умовъ броженье
И, завязывались драки...
Въ толкотнѣ, вдругъ отдавили
Хвостъ алькадовой собакѣ.
Боль чувствительна для тѣла —
Взвылъ несчастный песъ печально,
И поджавши хвостъ свой, очи
Поднялъ къ небу театрально.
Но черства душа злодѣя,
Ждетъ чужихъ страданій жадно —
Вздумалъ пнуть онъ пса, попалъ-же,
Въ бокъ красавицѣ нарядной.
Заступился кабалеро
За обиду знатной дамы —
Всѣ испанцы въ дѣлѣ чести,
Какъ ослы, всегда упрямы.
И пошла тогда потѣха,
И пустили руки въ дѣло;
Тутъ и зрители вступились
И вмѣшались въ битву смѣло
— «Отдавайте намъ Мадонну!..»
Такъ одни другимъ кричали
И по своему причину
Глупой ссоры понимали...
— «Нѣтъ, постойте...»—«Эй ты, Хозе!..
Понатужься... ну, смѣлѣе!..»
— «Шляпу!.. Шляпу!!..»—«Сеньорита,
Шляпа съѣхала на шею?»
— «Отдавайте мнѣ Мадонну!
Небо мнѣ даруетъ милость —
Моя прежняя Мадонна
На кусочки вся разбилась!..»
— «Эй! чего тутъ долго спорить,
Въ Аликанте!.. Въ Аликанте!..
Уберемъ ее цвѣтами
И пришпилимъ всюду банты!..»
И толпа шумѣла страшно,
И дралась съ ожесточеньемъ,
Всякъ хотѣлъ себѣ Мадонну
Для святого поклоненья ..
Но донъ-Флавіо изъ Эльче
Влѣзъ на лодку и рукою
Указалъ вдругъ всѣмъ на надпись
И сказалъ: «Здѣсь что такое?!..
— «Не само-ли небо Эльче
Эту милость посылаетъ
И забыть раздоръ безумный
Этотъ вамъ повелѣваетъ!
Вотъ!.. глядите, воля Бога!..
Повинуйтесь ей безгласно!..
Измѣнить законы неба
Всѣ старанія напрасны!!..»
И замолкла на минуту
Вся толпа и преклонилась...
Всѣ готовы были Эльче
Уступить Господню Милость —
Пусть свершится воля неба!..
Ужъ счастливцы ликовали,
И Мадоннѣ гимнъ церковный
Ужъ монахи напѣвали.
Но... О, дерзкое сомнѣнье!
Золотарь изъ Аликанте
Вдругъ вскричалъ, какъ сумасшедшій:
— «Каковы есть въ Эльче франты!..»
— «Ужъ не вы-ли, кабалеро,
Эту надпись написали?!..
Иль, быть можетъ, вы Мадоннѣ
Каллиграфію читали?!..»
И толпа вновь зашумѣла,
Словно буря въ непогоду,
Когда людямъ угрожаетъ
Въ гнѣвѣ яростномъ природа.
Вновь промчались крики: «Бей ихъ!..
Бей лгуновъ!.. За эту штуку
Разнесемъ мы цѣлый Эльче—
Пусть впередъ имъ всѣмъ наука!!..»
И опять возобновилась
Прекратившаяся свалка,
Замелькали руки, ноги,
Вѣера, кнуты и палки...

12.

Между тѣмъ, премудрый Лео,
Зная, гдѣ зимуютъ раки,
Венту отперъ хладнокровно,
До начала глупой драки.
Люди ссорились, а Лео
Торговалъ себѣ спокойно,—
Подъ шумокъ любилъ онъ ближнихъ
Обирать благопристойно...
И дѣйствительно не даромъ
Растворилъ онъ венты двери,
Посѣтителей набралось
Ужь штукъ семь, по крайней мѣрѣ.
Двое сильно были пьяны,
Двое пьяны въ половину,
Остальные ужь хмѣлѣли,
Восхваляя громко вина...
Самъ хозяинъ венты — Лео
Выворачивалъ карманы
У гостей своихъ веселыхъ,
Углубившихъ взоръ въ стаканы.
А Марія въ это время
Предъ Мадонной все стояла
И, моляся ей усердно,
Очи къ небу поднимала.
И блестѣли эти очи,
Эти бархатные очи,
Словно звѣзды въ небѣ темномъ
Средь морозной тихой ночи.
И слеза чиста, хрустальна
По щекѣ ея бѣжала
И на солнцѣ ярко-жгучемъ
Цвѣтомъ радуги играла...
Такъ по-утру вѣнчикъ чудный
Бѣлой лиліи стыдливой
Каплю росъ ночныхъ колышетъ
Въ блескѣ яркихъ переливовъ...
Распустились эти косы,
Эти косы смоляныя,
Грузно на землю упавши...
Хороша, какъ день,—Марія...
Но толпа все волновалась,
Все шумѣла, прибывала—
Было разныхъ любопытныхъ
Изъ окрестныхъ селъ не мало...
Золотарь изъ Аликанте
Дерзко, яростно сражался
И, разбивъ головъ штукъ двадцать,
Къ двадцать первой подбирался.
И Марія, испугавшись,
Кутерьмы такой нестройной,
Поспѣшила въ домъ убраться,
Озираясь безпокойно.

13.

Пепе всталъ по-утру рано.
Всталъ, одѣлся, причесался
И пошелъ тотчасъ-же въ Эльче,
Какъ Маріи обѣщался.
Вѣялъ сонъ еще крылатый
Надъ спокойнымъ Гвардемаромъ,
Хоть далеко на востокѣ—
Небо вспыхнуло пожаромъ.
Пепе шелъ себѣ спокойно,
Утро свѣжестью дышало,
А безоблачная зорька
День прекрасный обѣщала.
Путь не долог, не коротокъ—
Двѣ версты до Эльче вѣрныхъ,
Но за то песокъ сыпучій
Утомляетъ черезмѣрно.
Затянулъ Пепико пѣсню—
Все идти повеселѣе,
Кажетъ путь тогда короче
И шагаешь самъ бодрѣе.
Вотъ и Эльче... Всюду пальмы;
Башни, стѣны, бастіоны
Утопаютъ въ ихъ объятьяхъ,
Оттѣнившись яркимъ фономъ.
Хороша картина!.. Словно
Создана рукою мага!..
Отдохнуть прилегъ Пепико

У широкаго оврага,
Заломивъ лѣниво руки,
Въ небо взоръ вперилъ онъ ясный—
Какъ оно казалось ярко,
Какъ прозрачно и прекрасно! —
Какъ оно глубоко было!
Такъ глубоко, такъ бездонно,
Что тонула мысль, а разумъ
Содрогался пораженный...
Между тѣмъ всходило солнце...
Зорька въ небѣ разгоралась
(Въ это время въ Гвардемарѣ
Дочка Лео просыпалась)—
Отсвѣтъ розовый съ востока
Брызнулъ бѣшеной волною
И проснулась жизнь, и солнце
Поднялося золотое.
Всталъ Пепико... Городъ Эльче
Беззаботно пробудился,
За минуту словно мертвый
Весь теперь онъ оживился:
Ужь торговцы хлопотливо
Двери лавокъ растворяли,
А по улицамъ поспѣшно
Ужь прохожіе сновали.
Закупилъ что нужно, Пепе
И колечко, и гитару,
Не забывъ и кастаньеты
Для красотки Гвардемара.

14.

Не остался Пепе въ Эльче,
Но покупки взявъ съ собою,
Онъ пошелъ не къ Гвардемару,
А дорогою другою.
Въ полъ-верстѣ отъ Эльче жили
У него свои родные,
Къ нимъ-то онъ свой путь направилъ,
Не къ красавицѣ Маріи.
А за Пепе слѣдомъ всюду,
Вѣсть летѣла легче птицы,
Что въ Испаніи явилась
Вдругъ Небесная Царица.
Городъ Эльче волновался,
Всѣ бѣжали къ Гвардемару,
Лишь Пепико шелъ спокойно
И брянчалъ своей гитарой.
Путь пройденъ былъ очень скоро...
Но Пепико лишь въ селеньи
Услыхалъ, что въ ночь случилось
Божьей Матери явленье.
Отъискавъ родныхъ, тотчасъ-же
Распросилъ онъ ихъ объ этомъ,
Разсказавъ, что самъ онъ въ Эльче
Прибылъ съ утреннимъ разсвѣтомъ —
И родные все, что знали,
Безтолково разсказали
И конечно отъ себя ужь,
Очень многое солгали.
Самъ Пепико, пораженный
Разростающимся слухомъ,
Побѣжать хотѣлъ сейчасъ-же
Къ Гвардемару, что есть духу,
Но родные обѣщали,
Безо всякаго обмана,
Посадить съ собою Пепе,
Хоть на дно своей тартаны.
Пепе тотчасъ согласился,
Человѣкъ онъ не спѣсивый —
Согласился и дорогой,
Дулъ коня и въ хвостъ, и въ гриву...

15.

Между тѣмъ надъ Гвардемаромъ
Гулъ по прежнему несется —
И Мадоннѣ этой ссоры
Долго-ль ждать конца придется?
Ужь Онофре, старый нищій,
Сдѣлавъ видъ глупѣй барана,
У увлекшихся Мадонной
Сталъ вырѣзывать карманы;
Уже песъ цѣпной алькада
Сталъ общипанной вороной,
И алькадъ къ женѣ подъ юбку
Быстро спрятался со стономъ.
Но толпа все рветъ и мечетъ,
Разъигралась буря страсти,
А алькадъ подъ юбкой плотной
Огражденъ сталъ отъ напасти.

16.

И—procumbit humi bos—вдругъ,
Золотарь, какъ дубъ сраженный,
Растянулся и былъ тотчасъ
Признанъ всѣми побѣжденнымъ.
Прозвучалъ трубою голосъ
Побѣдителя лихова:
— «Благородные испанцы,
Дайте мнѣ сказать вамъ слово!..»
Прекратились всюду драки
И замолкли крики смуты,
И толпа послушна стала
И тиха, въ одну минуту.
— «Благородные испанцы»,
Закричалъ онъ, «мнѣ внимайте
И совѣтъ, который дамъ я,
Какъ хотите понимайте.
Я мясникъ, зовусь Таддео,
Я держу самъ въ Эльче лавку,
И въ моей мясной день цѣлый
Отъ кухарокъ вѣчно давка.
Но не въ этомъ вовсе дѣло,
Не за тѣмъ прошу я слова»,
И обвелъ толпу онъ взглядомъ
Гордымъ, грознымъ и суровымъ.
— «Мы довольно посчитались,
Не начнемъ-же больше ссоры,
Дѣло вѣкъ не разрѣшится
Среди этого раздора!..
И хвала Пречистой Дѣвѣ,
Въ честь ея, я дрался славно,
Помогалъ мнѣ самъ Іаковъ,
Нашъ патронъ святой и главный.
Но, теперь, мы эту ссору
Прекратимъ, друзья, скорѣе
И вопросъ столь сложный, право,
Можемъ мы рѣшить умнѣе.
Двухъ воловъ мы купимъ тотчасъ
(Я къ тому-жъ скотомъ торгую)
И возьму съ васъ, вѣрьте, цѣну
Такъ и быть недорогую.
Пять дублоновъ, какъ задатокъ,
Вы дадите мнѣ покуда,
Пять дублоновъ - это значитъ
Пятьдесятъ всего эскудо.
Остальную половину,
Въ добротѣ своей сердечной
Подожду я, но сегодня
Вы заплатите, конечно.
А волы мои красивы,
Какъ испанки граціозны.
Отыскать вторыхъ такихъ-же,
Я клянусь вамъ невозможно.
Есть бычокъ одинъ прекрасный,
Съ очень длинными рогами,

. . . .

Есть другой, такой-же точно,
Ходитъ также онъ красиво,
Только вотъ ведетъ себя ужь
И при дамахъ неучтиво.
Есть и третій... Впрочемъ, если
Вы мнѣ вѣрите, тогда я
Приведу вамъ самыхъ лучшихъ —
Въ этомъ дѣлѣ толкъ я знаю.
Запряжемъ воловъ мы этихъ
А къ тартанѣ привезенной
Крѣпко-на-крѣпко привяжемъ
Къ намъ приплывшую Мадонну.
На глаза воловъ надѣнемъ
Очень плотную повязку
И пускай скоты, не люди
Кончатъ споръ такой развязкой:
Если Дѣву Пресвятую
Они въ Эльче, къ намъ доставятъ,
То, пускай Мадонну люди,
Тамъ на вѣки и оставятъ.
Если-жь прямо въ Аликанте
Привезутъ находку эту,
То пускай-же Аликанте
Процвѣтетъ на многи лѣта!..»

17.

И толпа съ нимъ согласилась,
И купить воловъ рѣшила,
И премудрому Таддео
Выбрать лучшихъ поручила.
Побѣжалъ домой Таддео,
Оглашая воздухъ звономъ,
Такъ въ штанахъ его звенѣли
Десять новенькихъ дублоновъ.

18.

Чернобровая Марія
Все Пепико поджидала
И, присѣвши у окошка,
Гимнъ Мадоннѣ напѣвала.
Ей казалось, что Пепико,
Вдругъ въ той свалкѣ очутился
И отъ дерзкаго удара
Красоты своей лишился!..
И представился ей милый
Съ носомъ вспухнувшимъ и краснымъ,
Съ синякомъ подъ глазомъ цвѣта
Неба родины прекрасной
И хромой, глухой, беззубый,
Искалѣченный и хилый —
И красавица Марія
Глазки въ ужасѣ закрыла.
И упавши на колѣни,
Вновь воскликнула: «Мадонна!
Отъ несчастій этихъ страшныхъ
Ты пошлешь намъ оборону?!»
Двухъ быковъ привелъ Таддео
Выбравъ лучшихъ, безъ сомнѣнья —
Имъ задачи очень трудной
Предстояло разрѣшенье.
И быки стояли важно,
Словно чувствовали это,
Какъ была ихъ роль серьезна
Предъ глазами всего свѣта.

19.

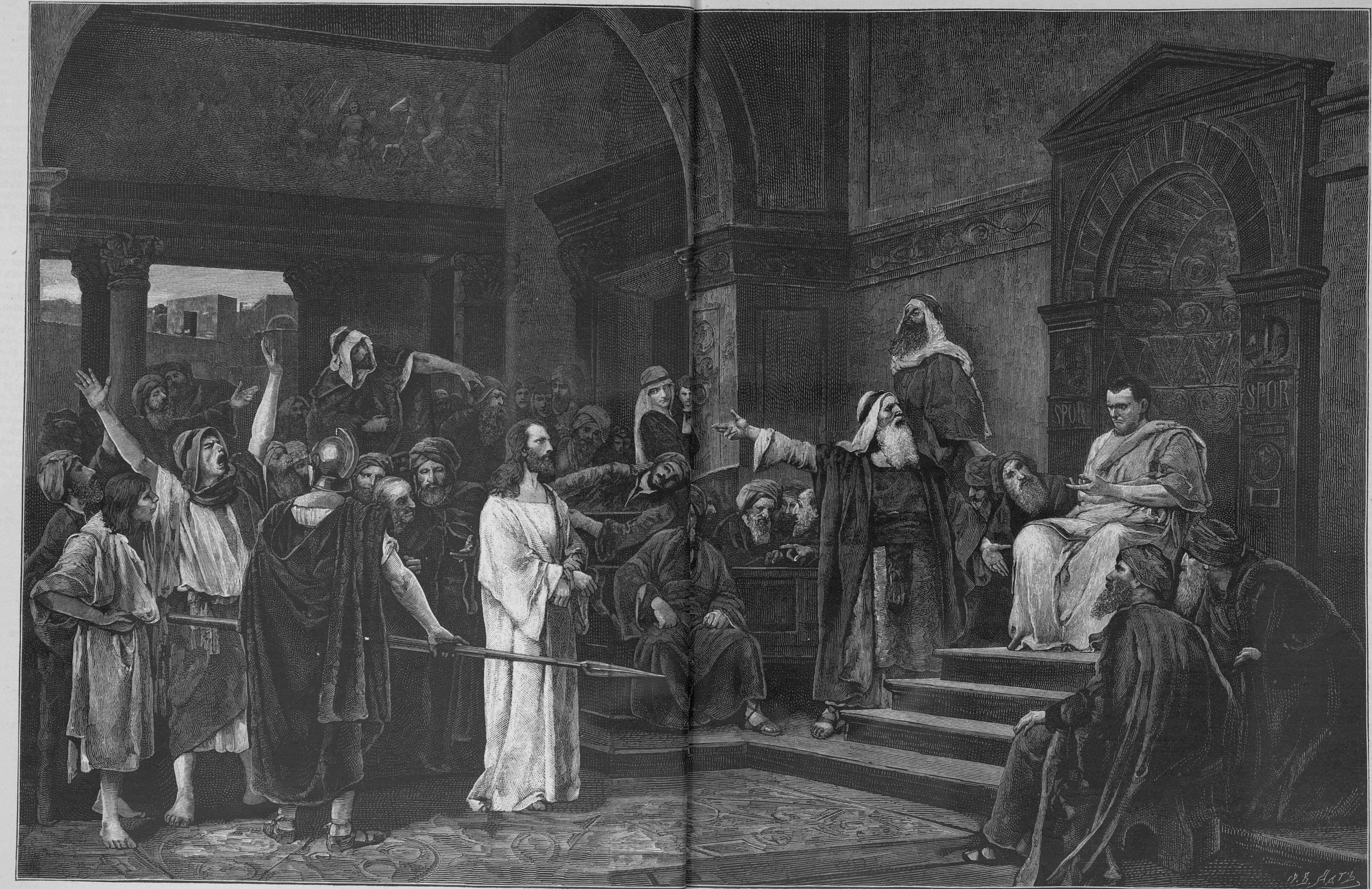
Коррехидоръ донъ-Алонзо,
Водворилъ порядокъ строго,
Усмирялъ толпу, но въ свалкѣ
Получилъ на лбу два рога.
Отъ удара, вдругъ, на землю
Онъ безсильно опустился
И ждалъ смерти... Но, Пепико
Передъ нимъ вмигъ очутился
(Онъ, поспѣвъ уже обратно,
Спрятавъ вещи и гитару,
Въ честь Святой Пречистой Дѣвы
Наносилъ теперь удары)
И, завидя донъ-Алонзо
И на лбу его два рога,
Понялъ тотчасъ-же Пепико,
Гдѣ нужна его подмога.
Донъ-Алонзо, въ это время,
Отъ удара чувствъ лишался
И къ нему не безъ усилій
Пепе добрый мой пробрался.
Онъ съ находчивостью рѣдкой
Поддержалъ его умѣло
И затѣмъ уже изъ свалки
Поволокъ въ сторонку тѣло.
Примочилъ водой два рога
И плеснулъ въ лицо Пепико,—
И открылъ глаза Алонзо
Съ благодарностью великой.
— «Слабы вы еще порядкомъ»,
Молвилъ Пепе, «но опасно
Оставаться вамъ, ей-Богу,
Пореди толпы ужасной.
Я сведу васъ въ домикъ Лео,
Тамъ отъ ранъ вы отдохнете,
А на сѣнѣ ароматномъ
Отъ усталости уснете...»
Донъ-Алонзо и Пепико
Пробрались и не сказали
Лео вовсе . . . .
Коррехидоръ
Легъ на мягкомъ сѣновалѣ...

20.

Не спалось ему... Онъ думалъ
Въ благодарности великой,
Чѣмъ-бы могъ онъ за услугу
Отплатить добромъ Пепико...
Онъ все думалъ... Вдругъ онъ слышит
Чей-то голосъ:—«Ну, Эльвира,

ИНОСТРАНН ХУДОЖНИКИ

Съ кар ункачи.



Христосъ пер судомъ Пилата.

Гравировалъ на Б. Адтъ въ Спб.

Долго ждали, но дождались
Мы столь радостнаго пира...
Пообчистилъ я карманы
Посѣтителей знакомыхъ;
Продалъ я вина на дуро,
Своровалъ пять-шесть дублоновъ».
— «Гм!..» промолвила Эльвира...
— «Да... У мельника Гернана
Я укралъ довольно ловко
Два дублона изъ кармана».
— «Гм!..» промолвила Эльвира...
— «А у Педро чуть не съ боя
Я стащилъ колечко съ пальца
Съ небольшою бирюзою...
И цѣпочку у Филиппа
Снялъ я также... Іеронимо
Въ пьяномъ видѣ самъ мнѣ отдалъ
Образокъ святой изъ Рима...»
— «Гм!.. промолвила Эльвира,
Мнѣ колечко и цѣпочку
Ты отдашь, конечно... Образъ,
Хоть подаришь нашей дочкѣ...»
Но старикъ не согласился—
Онъ сказалъ: «Ихъ въ Гвардемарѣ
Намъ носить нельзя, продать ихъ
Надо въ Эльче на базарѣ...»
Разсердилася Эльвира
И сказала:—«Что-жъ я даромъ
Для тебя работать стану,
Чтобъ таскаться по базарамъ!..
Кто тебѣ счета подчистилъ,
Цифры ловко переправилъ
И, въ добавокъ, такъ прекрасно
Воровства весь планъ составилъ?
Не твоя-ль ханжа Марія,
Что объ Пепе вѣчно трется —
Но ей свадьбы этой, знай-же,
Очень долго ждать придется!..»
— «А!..» подумалъ донъ-Алонзо...
— «Замолчишь ли ты, болтушка?»
Такъ сказалъ самъ Лео, «хуже
Языка бабъ нѣту въ мірѣ...»
Но Эльвира все кричала,
Старый Лео ужь унялся,
Только донъ-Алонзо что-то
Про себя все улыбался...

21.

Лео краденыя вещи
Опускалъ въ свои карманы,
Какъ вошедшій донъ-Алонзо,
Вдругъ потребовалъ стакановъ.
Не одинъ, не два спросилъ онъ,
Цѣлыхъ пять—и предъ собою
Всѣ поставилъ, словно былъ онъ
Не съ одною головою.
Старый Лео чрезвычайно
Этой выдумкѣ дивился...
Но, вдругъ къ Лео донъ-Алонзо
Съ этой рѣчью обратился:
— «Вы меня, хозяинъ славный,
Безъ сомнѣнія, узнали—
Коррехидоръ я изъ Эльче,
Мы другъ друга тамъ встрѣчали».—
И въ такомъ-же точно духѣ
Продолжалъ онъ рѣчь, впервые
Тутъ коснулся онъ и Пепе
И красавицы Маріи.
Старый Лео долго слушалъ—
И вдругъ сильно разсердился,
Но великій донъ-Алонзо
Этимъ вовсе не смутился.
Далъ онъ Лео тутъ-же выбрать:
Иль тюрьму ему, какъ вору,
Иль за Пепе тотчасъ выдать
Дочь свою безъ разговора.
И старикъ рѣшилъ второе,—
Но Эльвира долго мялась
И надуть коррехидора
И Пепико все старалась;
Истерическихъ припадковъ
Съ ней случилося не мало...
Но въ концѣ концевъ, верхъ все-же
Добродѣтель одержала.
И порожнихъ пять стакановъ,
Вдругъ наполнились средь пира—
Пили Лео, дочь и Пепе,
Донъ-Алонзо и Эльвира.

22.

Между тѣмъ волы Таддео,
Всѣ украшенные въ бантахъ,
То везли Мадонну къ Эльче,
То обратно къ Аликанте.
Такъ шесть разъ они кружили,
Но и рыцари, и дамы,
И простой народъ за ними
Всюду слѣдовалъ упрямо.
Ужь пыхтѣлъ Таддео толстый,
Проклиналъ себя съ досады;
Изъ подъ юбки у супруги
Ужь торчала плѣть Алькада.
Но волы, на зло какъ будто,
Все бродили и бродили
И Мадонну мѣрнымъ шагомъ
Все по прежнему кружили.
Наконецъ ужь солнце сѣло,
День смѣнился легкой тѣнью
И волы пришли вдругъ къ Эльче
И легли отъ утомленья...
И отъ края и до края
Понеслося ликованье—
Мѣстомъ выбрала Мадонна
Городъ Эльче, по желанью...

23.

На другой день совершилась
Свадьба Пепе и Маріи,
Веселились гости вдоволь,
Съ ними также молодые
Донъ-Алонзо съ новобрачной
Танцевалъ фанданго ловко—
Люди только говорили:
— «Вѣдь добилась-же, плутовка...»
Но никто не зналъ, что это
Имъ Мадонна помогала,

. . . .

Только Пепе и Марія
Позднимъ вечеромъ моленья
Принесли отъ сердца оба
И въ святомъ благоговѣньи...

24.

Въ Эльче жители Мадоннѣ
Храмъ построили прекрасный
И стоитъ она по нынѣ
Тамъ въ величіи безгласномъ.

В. Елизаровъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Напряженность политическихъ отношеній между европейскими государствами сказывается въ принятіи ими многихъ мѣръ къ самозащитѣ и къ нападенію на сосѣдей. О Германіи говорить излишне, потому что въ ней военное дѣло никогда не останавливается въ прогрессивномъ развитіи; телеграфъ извѣщаетъ, что австро-венгерское правительство, для увеличенія своей готовности къ войнѣ на восточномъ фронтѣ, рѣшило увеличить гарнизоны въ Галиціи. Съ этою цѣлью были построены бараки въ окрестностяхъ Кракова, Ярославля, Пржемысла, Львова и др. Въ настоящее время надо полагать, что оба армейскіе корпуса въ Галиціи будутъ усилены не временно, а на долгій срокъ, такъ какъ по послѣднимъ извѣстіямъ, взамѣнъ бараковъ будутъ возведены постоянныя казармы близь Трембовла, Ярославля, Подгорицы, Броды, Заборова, Пржемысла и Станислава. Кромѣ того приступлено къ устройству второго желѣзнодорожнаго пути между Вѣной и Краковомъ.—Во Франціи морской министръ внесъ въ палату законопроектъ объ ассигнованіи чрезвычайныхъ кредитовъ въ размѣрѣ 62 милліоновъ франковъ для оборонительныхъ сооруженій въ брестскомъ, шербургскомъ и тулонскомъ портахъ. Кредиты эти будутъ расходоваться по частямъ въ продолженіи восьми лѣтъ, начиная съ 1889 года, если только не случится какихъ нибудь чрезвычайныхъ событій. Италія вслѣдствіе абиссинской экспедиціи, уже давно на военномъ положеніи.—Такъ называемое «буланжистское» движеніе все болѣе и болѣе вырождается въ движеніе «ревизіонистское». До сихъ поръ пересмотра конституціи и распущенія палаты требовали только единомышленники генерала Буланже и бонапартисты; отнынѣ къ нимъ должны будутъ присоединиться и орлеанисты такъ какъ изъ сегодняшней телеграммы видно, что глава орлеанской династіи графъ Парижскій открыто высказался въ пользу не только пересмотра конституціи, но и плебисцитарнаго способа рѣшенія вопроса о правительственномъ будущемъ Франціи.—Можно безошибочно предположить, что всѣ эти оппозиціонныя партіи разсорятся въ тотъ же день, когда побѣда останется за ними; республиканцамъ не трудно будетъ получить большинство. Если-же за нихъ подастъ голоса меньшинство народа, то имъ, какъ представителямъ идеи свободы и народной воли, придется только подчиняться voci populi.—Объ императорѣ Фридрихѣ III съ достовѣрностью сказать ничего нельзя,—такъ разнорѣчивы сообщаемые о его здоровьѣ слухи. Если онъ еще преодолѣваетъ страшныя физическія страданія, то этимъ, конечно, обязанъ невѣроятной силѣ воли и—если эта причина можетъ имѣть какое-либо значеніе—единодушнымъ пожеланіямъ всѣхъ искреннихъ сторонниковъ мира.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нашъ флотъ продолжаетъ пополняться новыми судами. Въ непродолжительномъ времени состоится спускъ строющагося на Балтійскомъ заводѣ океанскаго крейсера «Память Азова», командиромъ котораго назначенъ капитанъ 1-го ранга Ломенъ 1-й. Корпусъ крейсера уже готовъ и въ настоящее время идутъ внутреннія работы по устройству крюйтъ-камеръ, бомбовыхъ погребовъ, водяного трюма, сухарныхъ ящиковъ, парусныхъ кладовыхъ и т. п. Новый крейсеръ имѣетъ въ длину 386 фут., такъ что въ нашемъ флотѣ ему суждено занять первое мѣсто по своей величинѣ. Это будетъ трехъ-мачтовый фрегатъ съ закрытой батарейной палубой и двумя трубами, стальными мачтами, въ 8,000 тоннъ водоизмѣщенія. Новое судно будетъ снабжено двумя винтами. Механизмъ его будетъ о шести цилиндрахъ съ тройнымъ расширеніемъ пара, въ 8,000 индикаторныхъ силъ, но есть основаніе полагать, что механизмъ разовьетъ значительно больше, такъ что новый крейсеръ пойдетъ, какъ полагаютъ, со скоростью 18 или даже 20 узловъ. Машину для океанскаго крейсера строитъ инженеръ-механикъ Соколовъ, а строителемъ корпуса явился корабельный инженеръ Титовъ. Со стороны морского министерства наблюдающимъ за постройкой состоитъ корабельный инженеръ Андрющенко. Послѣ спуска «Памяти Азова», въ августѣ мѣсяцѣ предположено приступить къ установкѣ машины. Съ началомъ морской навигаціи, во Францію будутъ отправлены на коммерческомъ пароходѣ 13 офицеровъ и 230 человѣкъ матросовъ, назначенныхъ на строющійся тамъ нашъ броненосный крейсеръ «Адмиралъ Корниловъ». Заводскія пробы механизмовъ уже происходили, а окончательное испытаніе будетъ произведено на дняхъ въ Брестѣ, гдѣ и послѣдуетъ сдача крейсера.—Собранными департаментомъ неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ данными удостовѣрено, что безпатентная торговля крѣпкими напитками была всегда однимъ изъ самыхъ распространенныхъ видовъ нарушеній устава о питейномъ сборѣ, что подтверждается нижеслѣдующими цифровыми данными: въ 1884 г. изъ общаго числа нарушеній устава о питейномъ сборѣ 51,111, было 19,147 случаевъ безпатентной торговли, въ 1885 году на 53,587 нарушеній—17,698 случаевъ и въ 1886 г. на 58,602 нарушенія — 22,358 случаевъ. — По Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, Закаспійскую область рѣшено выдѣлить изъ вѣдѣнія кавказскаго главнаго начальства, образовавъ изъ нея отдѣльный самостоятельный районъ, съ подчиненіемъ его во всѣхъ отношеніяхъ непосредственно высшимъ центральнымъ учрежденіямъ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при участіи начальника области генералъ-лейтенанта Комарова, будетъ произведенъ пересмотръ настоящихъ штатовъ военно-народнаго управленія Закаспійской области.—С.-петербургское общество взаимнаго поземельнаго кредита хорошо памятно нашимъ землевладѣльцамъ по тягости условій платежей въ немъ на золото. По этому вопросу недавно состоялось постановленіе государственнаго совѣта, которое несомнѣнно должно близко интересовать заемщиковъ общества. На основаніи этого распоряженія съ окончаніемъ конверсіи 5% металлическихъ закладныхъ листовъ общества взаимнаго поземельнаго кредита въ 4½% листы, гарантированные правительствомъ, досрочный выкупъ имѣній, заложенныхъ въ обществѣ, производится: или посредствомъ взноса суммы, образующейся чрезъ капитализацію изъ $4^{1}/_{2}\%$ годовыхъ обязательныхъ, впредь до истеченія срока $4^{1}/_{2}\%$ металлическаго займа платежей заемщиковъ (п. 6 Высочайше утвержденнаго 15-го іюня 1887 года мнѣнія государственнаго совѣта), или посредствомъ представленія $4^{1}/_{2}\%$ закладныхъ листовъ, считая таковые по нарицательной цѣнѣ, но въ семъ послѣднемъ случаѣ съ уплатою долга, указаннаго въ п. 9 Высочайше утвержденнаго 15-го іюня 1887 года мнѣнія государственнаго совѣта.

Современная лаконическая драма.

На парижскомъ «Свободномъ театрѣ» недавно была поставлена драма «Между братьями», принадлежащая перу двухъ молодыхъ драматурговъ Густава Гишало и Генри Лаведана, выдающаяся по своей краткости и простотѣ постановки; въ представленіи участвуетъ восемь дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ три безмолвныхъ роли; сама сцена продолжается не болѣе пяти минутъ. Реалисты шумно привѣтствуютъ новый жанръ. Вотъ почти дословный пересказъ драмы:

Обстановка торжественна: роскошно убранная комната съ большою кроватью, на которой при послѣднемъ издыханіи покоится престарѣлая, изнуренная болѣзнью маркиза Гебріанжъ, окруженная своими тремя сыновьями маркизомъ Жаномъ, графомъ Ренэ и виконтомъ Франсуа, тремя врачами и сестрою милосердія.

Врачи послѣ минутнаго совѣщанія, категорично заявляютъ, что спасти умирающую можетъ только чудо. Сыновья обступаютъ мать и съ выраженіемъ участія стараются «прилично» обставить ея послѣднія минуты.

— Узнаете-ли вы насъ, спрашиваетъ маркизъ.

Умирающая открываетъ глаза и легкимъ движеніемъ головы показываетъ, что хочетъ говорить; наконецъ, она едва слышно произноситъ:

— Дѣти мои... я умираю...

Движеніе присутствующихъ.

— Да, не плачьте... и когда меня не будетъ, помолитесь за меня... Я была невѣрною женою... я сдѣлала ошибку... преступленіе, въ которомъ покаялась Богу... Прежде чѣмъ предстать на страшный судъ... я должна... приблизьтесь... передъ вами исповѣдываться въ своемъ грѣхѣ.

Сестра милосердія удаляется. Всѣ три сына стоятъ близь самой кровати.

— Я обманула... о Боже!.. вашего отца, такого добраго, хорошаго... Одинъ изъ васъ не его сынъ... Это, это...

Силы покидаютъ говорящую и только рука ея обводитъ всѣхъ троихъ пораженныхъ слушателей, не останавливаясь впрочемъ ни на одномъ. Маркизъ Жанъ ограничивается холоднымъ поклономъ, графъ Ренэ прикладывается къ рукѣ, виконтъ Франсуа едва касается губами похолодѣвшаго лба. Затѣмъ они поспѣшно отходятъ въ сторону и маркизъ съ авторитетомъ главы семейства обращается къ братьямъ:

— Вы слышали? Это должно, конечно, остаться тайною? Да? Свѣтъ ничего не узнаетъ... передъ глазами всѣхъ мы по прежнему будемъ: я—маркизомъ Жаномъ, Ренэ—графомъ, Франсуа—виконтомъ де-Гебріанжъ... Но здѣсь, между нами... въ одномъ изъ насъ течетъ чужая кровь, быть можетъ, менѣе благородная, чѣмъ кровь нашего отца... Можемъ-ли мы, должны-ли мы, между собою оставаться въ такой неизвѣстности? Я не думаю.

— Вы правы, замѣчаетъ Франсуа.

— Совершенно, заявляетъ Ренэ. Вы меня предупредили, я собирался сказать тоже самое. Слушайте, я убѣжденъ, что наша мать хотѣла указать на меня.

Братья съ изумленіемъ смотрятъ на Ренэ.

— Вѣрно, кому же больше?. Вы, Жанъ, первенецъ? это немыслимо! Вы, Франсуа, который родились черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти нашей сестры Жанны... припомните, какъ она ее оплакивала?.. Нѣтъ, нѣтъ это невозможно! Между тѣмъ я увидѣлъ свѣтъ на чужой сторонѣ, когда покойный маркизъ Гебріанжъ былъ посланникомъ... никогда она не была такъ хороша, двадцать девять лѣтъ... потомъ, говорятъ, благосклонное вниманіе государя... Сомнѣній нѣтъ, это я... Мнѣ кажется, что я слышу ея голосъ, говорящій мнѣ это...

Маркизъ и виконтъ отстраняются отъ брата, теперь чужаго.

— Я ожидаю вашего рѣшенія.

— Мы очень благодарны вамъ, милостивый государь, за вашу откровенность,—холодно отвѣчаетъ маркизъ. Для всѣхъ—кромѣ насъ—вы остаетесь графомъ Гебріанжъ... Только мы не будемъ жить вмѣстѣ... Когда вы уѣзжаете?

— Тотчасъ послѣ похоронъ...

Маркизъ и виконтъ молчаливо кланяются и собираются уже уйти изъ комнаты, когда ихъ вниманіе привлекаетъ умирающая, приподнявшись на постели съ неподвижнымъ взглядомъ: нѣсколько минутъ она тщетно силится заговорить; наконецъ она громкимъ голосомъ произноситъ:

— Это маркизъ... это Жанъ.

Картина. Занавѣсъ падаетъ.

Подобныхъ «драмъ» авторы «Между братьями» обѣщаютъ написать превеликое множество, поощренные успѣхомъ своего перваго произведенія.

Успѣхъ этотъ однако породилъ конкуренцію и соперничество Нашлись виртуозы еще болѣе упростившіе содержаніе и развитіе дѣйствія, и вмѣсто драмъ ставящіе какіе то тезисы, точно чтобы пріучить театральную публику не опаздывать къ спектаклямъ. Вотъ примѣръ такого произведенія, которое, вѣроятно, разучивается къ постановкѣ и несомнѣнно получитъ премію на подлежащемъ литературномъ конкурсѣ.

Мѣсто дѣйствія—пріемная доктора.

Дѣйствующія лица: докторъ, посѣтитель и слуга.

Посѣтитель (входитъ и передаетъ доктору пачку банковыхъ билетовъ). Жена умерла—вотъ вамъ десять тысячъ франковъ за ваши труды (уходитъ).

(Докторъ молча пересчитываетъ деньги).

Слуга. Отдай! (Хладнокровно беретъ деньги и прячетъ въ карманъ).

(Докторъ скрежещетъ зубами).

Читателю или зрителю остается мысленно дополнить нарисованную картину и къ финальному моменту при содѣйствіи собственной фантазіи придумать начало, середину и даже конецъ житейской драмы.

И зачѣмъ это только подумаешь, тратить воображеніе, талантъ, трудъ и время на подобныя пустяки и добро-бы они помѣщались въ юмористическихъ листкахъ, но дѣло въ томъ, что имъ отводится мѣсто на страницахъ самыхъ серьезныхъ журналовъ. Видно, знаменіе времени.

М. Кольцовъ.

Праздникъ пасхи.

Христіанскій праздникъ пасхи посвященъ воспоминанію воскресенія Христова и является нашимъ главнымъ церковнымъ праздникомъ, *праздникомъ праздниковъ*; объ апостольскомъ учрежденіи его не возникало никогда никакихъ сомнѣній, но самые ожесточенные споры породилъ вопросъ о времени празднованія пасхи. Вмѣстѣ съ тѣмъ пасха есть также главнѣйшій еврейскій праздникъ, и при томъ самый древній, учрежденный, по преданію, еще во время пребыванія евреевъ въ Египтѣ въ память избавленія еврейскихъ семей отъ смерти первенцовъ, повергшей въ скорбь и уныніе всѣхъ египтянъ, притѣснителей «избраннаго народа»; съ нѣкоторыми измѣненіями праздникъ этотъ существовалъ и въ Палестинѣ, при чемъ съ нимъ связалось благодарственное воспоминаніе о благополучномъ выходѣ изъ Египта. Послѣ второй седьмицы низана мѣсяца каждый глава еврейскаго семейства обязывался принести въ жертву ягненка, безъ пороковъ, годовалаго, и изжарить его на огнѣ, не переламливая костей; всѣ члены семьи, въ дорожномъ одѣяніи, съ посохами въ рукахъ, должны были принять участіе въ ночной трапезѣ; впослѣдствіи стали допускаться приглашенные и было постановлено, чтобы на одного пасхальнаго агнца приходилось «путниковъ» не менѣе десяти и не болѣе двадцати, при чемъ иноплеменники безусловно отстранялись отъ общенія. Самый праздникъ сдѣлался продолжительнѣе и изъ однодневнаго, какимъ онъ былъ въ Египтѣ, обратился въ недѣльный; въ храмѣ приносились усиленныя жертвы въ видѣ двухъ быковъ, барана, семи ягнятъ, не считая приношеній хлѣба, вина. Съ теченіемъ времени второй день пасхи стали спеціально посвящать дѣламъ земледѣлія и жатвы, для чего на жертвенникъ клали снопы еще необмолоченнаго хлѣба, снятаго съ полей особыми посланцами синедріона; до этого приношенія никто не смѣлъ дотрагиваться до плодовъ новой жатвы. Отъ евреевъ праздникъ пасхи перешелъ и въ христіанскую церковь, но относительно времени празднованія послѣдняя расходилась съ ветхозаветными обычаями.

По этому вопросу существовало три различныхъ ученія, изъ которыхъ одно принадлежало западной церкви, другое малоазійской, а третье, еретичное, выставлялось сектою эбіонитовъ, утверждавшихъ, что древній законъ еще обязателенъ и что поэтому ветхозавѣтная пасха не отмѣнена; такимъ образомъ, пасхальный праздникъ этой секты не былъ въ сущности собственно христіанскимъ праздникомъ.

Оба остальныя ученія стояли на вполнѣ христіанской точкѣ зрѣнія, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, еврейская пасха перестала существовать, совершенно преобразованная Спасителемъ. Но между собой ученія расходились по двумъ вопросамъ: 1) относительо времени пасхи и 2) относительно поста. Одинаково руководствуясь хронологическими данными для опредѣленія времени смерти Спасителя, они оба принимали 14-й день низана для пасхальнаго праздника, не потому, конечно, что съ этимъ днемъ совпадала пасха еврейская, а потому, что страданія Христа начались дѣйствительно 14 низана; но отъ общаго основанія дѣлались различные выводы.

Одни настаивали преимущественно на днѣ недѣли и хотѣли чествовать праздникъ въ самый день смерти и воскресенія Христа и поэтому у нихъ, преимущественно въ западной церкви, годовщина смерти Спасителя всегда приходилась на пятницу, а праздникъ Воскресеніе на воскресеніе. Христіанскія-же общины Малой Азіи отдавали предпочтеніе дню мѣсяца и за день смерти Спасителя признавали тотъ именно день, на который приходилось 14 низана. Дѣло въ томъ, что тогда еще всѣ церкви полагали, что Христосъ въ послѣдній годъ своей земной жизни не вкушалъ пасхальнаго агнца съ своими учениками и былъ распятъ въ день 14 низана до пасхальной трапезы. Если случайно это число совпадало съ пятницею, то получалось полнѣйшее согласіе и пасха наступала въ одинъ и тотъ-же день для всѣхъ христіанъ.

Второе различіе, заключавшееся въ воззрѣніяхъ на постъ въ день смерти Спасителя, объясняется разными толкованіями этого событія. Западная церковь, руководствуясь преимущественно историческими соображеніями, видѣла въ немъ день скорби и усугубляла свой постъ. Восточная-же церковь исходила изъ догматической точки зрѣнія и видѣла только моментъ искупленія, а слѣдовательно поводъ къ радости и ликованію, такъ какъ своею смертію Христосъ довершилъ дѣло спасенія рода человѣческаго; только часы, предшествовавшіе смерти были для ея послѣдователей временемъ печали и поста, продолжавшагося до трехъ часовъ пополудни, затѣмъ они приступили къ общей братской трапезѣ, которая для западниковъ наступала только въ воскресенье. Нѣкоторыя впрочемъ мелочныя различія существовали также и относительно способа соблюденія поста.

Отличіе между восточными общинами и сектою эбіонитовъ заключалось въ спорѣ, принималъ-ли Христосъ участіе въ пасхальномъ пиру въ послѣдній годъ земной жизни или нѣтъ; первые полагали, что нѣтъ, и видѣли въ пасхальной трапезѣ вновь учрежденное торжество въ память Божественнаго искупленія, совершенно независимое отъ еврейскаго праздника, а ихъ противники утверждали, что Христосъ ѣлъ пасхальнаго агнца, по ветхозавѣтному обычаю и слѣдовательно христіане должны дѣлать тоже самое.

Оба ученія были главнымъ образомъ распространены въ Сиріи, Месопотаміи и Киликіи. За перенесеніе праздниковъ на пятницу и воскресеніе высказались церкви палестинская, римская, александрійская, африканская, греческая и др. Евсевій въ (Hist. eccles. Vita Const.). Обѣ стороны ссылались на разныя преданія, при чемъ главный преставитель восточнаго толкованія Поликратъ Ефесскій указывалъ на евангелиста Іоанна и Филиппа, а западная церковь говорила, что ея обычаи установлены апостолами Петромъ и Павломъ. Безусловно согласны были всѣ партіи только на наименованіе праздника пасхою. Два вѣка оба ученія жили мирно и споры, если таковые были, имѣли вполнѣ теоретическій характеръ; начало открытой вражды было положено папою римскимъ Викторомъ, предложившимъ въ 196 году всѣмъ епископамъ созвать помѣстные соборы для установленія однообразнаго времени пасхи по примѣру римской церкви; въ нѣкоторыхъ посланіяхъ, какъ, напримѣръ, еписк. Поликрату, заключались угрозы въ случаѣ сопротивленія. Въ дѣйствительности всѣ церкви, кромѣ малоазійскихъ постановили, «что правиломъ Церкви должно быть празднованіе таинства Воскресенія только въ субботу, не допуская иныхъ дней». Поликратъ же остался при своемъ прежнемъ взглядѣ и съ нимъ согласилось большинство восточныхъ епископовъ; въ отвѣтѣ папѣ Виктору, Поликратъ говоритъ, что «они чествуютъ истинный день, ничего не прибавляя, ни убавляя». По словамъ Евсевія, папа хотѣлъ отлучить отъ церкви всѣ несогласныя общины, но былъ удержанъ отъ такого рѣшительнаго дѣйствія только совѣтами св. Иринея, видѣвшаго въ отступленіи восточныхъ христіанъ неправильный, но древній обычай.

Въ третьемъ вѣкѣ къ двумъ спорнымъ вопросамъ о днѣ и постѣ - присоединился еще третій—астрономическій: въ какое время года наступаетъ 14 низана? какъ примирить лунное лѣтосчисленіе съ солнечнымъ?

Еврейскій церковный годъ, первый мѣсяцъ котораго называется низаномъ, начинается весною, а 14 низана наступаетъ приблизительно съ полнолуніемъ, слѣдующимъ за весеннимъ равноденствіемъ.

Самое древнее счисленіе для пасхи, — насколько намъ извѣстно, принадлежитъ св. Ипполиту, онъ принималъ кругъ въ 16 лѣтъ, по прошествіи которыхъ пасхальное полнолуніе всегда приходилось на одно и то же число мѣсяца, но не день недѣли; только по прошествіи 112 лѣтъ полнолуніе опять совпадаетъ съ обоими. Таблица Ипполита была измѣняема Діонисіемъ Анатоліемъ, Евсевіемъ (Цезарійскимъ); они всѣ брали новое число лѣтъ для пасхальнаго круга (8, 19) и кромѣ того принимали разные дни года для опредѣленія равноденствія (18, 19 и даже 21 марта), выходило на дѣлѣ, что александрійская церковь иногда праздновала пасху мѣсяцемъ позже, римской и еще позднѣе, чѣмъ малоазійская. Помѣстный соборъ въ Арлѣ (314 г.) утвердившій римское лѣтосчисленіе не имѣлъ однако достаточно авторитета и постоянно возроставшія несогласія потребовали обсужденія вопроса на вселенскомъ соборѣ. Никейскій соборъ (325 году), подтвердилъ предыдущее постановленіе, но при этомъ обязалъ римскихъ епископовъ при опредѣленіи равноденствія руководствоваться астрономическими исчисленіями александрійской церкви, ежегодно сообщающей ихъ въ Римъ; т. е. былъ одобренъ кругъ въ 19 лѣтъ, а равноденствіе опредѣлено 21 марта. Полнаго однообразія впрочемъ не послѣдовало, такъ какъ римскіе первосвященники упорствовали на кругѣ въ 84 года, а александрійскіе патріархи вѣроятно также отклонились отъ соблюденія римскихъ предписаній. Въ 387 году, напримѣръ въ Римѣ пасха была 21 марта, а въ Александріи 25 апрѣля. Только гораздо позже, черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ было опять установлено въ этомъ отношеніи согласіе между обѣими соперничествующими церквами.

Григорій XIII исправляя календарь, сохранилъ девятнадцатилѣтній кругъ для пасхаліи и позаботился навсегда устранить разногласія между церковнымъ календаремъ и астрономическими вычисленіями; для этого онъ не задумался даже пренебречь постановленіями Никейскаго собора, чтобы христіанская пасха никогда не совпадала съ еврейской: Григорій XIII не видѣлъ въ допущеніи такого совпаденія никакого неудобства. Само собою разумѣется, что такія сочетанія очень рѣдки; послѣдній разъ оно было, кажется, въ 1825 г.

Древняя церковь праздновала пасху съ величайшею торжественностью; всѣ вѣрующіе проводили большую часть ночи съ субботы на воскресенье въ церкви и рано утромъ опять возвращались въ храмъ, привѣтствуя другъ друга радостными словами «Христосъ Воскресъ»; паперть и входъ церкви покрывались цвѣтами и зеленью; въ церкви же освящали и пищу (мясо, сыръ, хлѣбъ, яйца), до чего было принято ничего не ѣсть. Во многихъ епархіяхъ издавна существовалъ обычай крестныхъ ходовъ и перенесенія плащаницы; евангеліе читалось на латинскомъ и греческомъ языкахъ; пѣснопѣнія были звучнѣе и чаще; во время литургіи всѣ вѣрные, безъ исключенія, причащались. Праздникъ продолжался цѣлую недѣлю.

Одною изъ оригинальныхъ особенностей этого праздника въ наши дни является обычай обмѣниваться раскрашеными яйцами; происхожденіе этого обычая въ точности неизвѣстно и для его объясненія есть нѣсколько толкованій: одни видятъ въ яйцѣ символическое выраженіе окончанія поста, другіе предполагаютъ мистическое выраженіе воскресенія и приписываютъ обычай остаткамъ языческихъ вѣрованій; третьи говорятъ что скорлупа яйца символически выражаетъ плоть, бѣлокъ—душу, а внутренность яйца божественность распятаго Христа. Всѣ эти объясненія имѣютъ общее свойство—искусственность. Съ достовѣрностью извѣстно только, что обычай этотъ очень древній и повсемѣстенъ.

Любопытное описаніе христосованія и сопряженныхъ съ нимъ обрядовъ въ XVII в. въ Россіи даетъ Забѣлинъ въ описаніи домашняго быта русскихъ царей. Государь послѣ заутрени въ Успенскомъ соборѣ и обмѣна поздравленій съ патріархомъ, принималъ поздравленія отъ бояръ и другихъ должностныхъ лицъ, причемъ раздавалъ имъ яйца гусиныя, куриныя и деревянныя точеныя, по три, по два и по одному, смотря по чину и знатности лицъ; яйца расписывались яркими красками и золотомъ въ узорѣ: изображались травы, звѣри и птицы. Приготовленіемъ такихъ яицъ, которыхъ для одного государя требовалось до 40,000 штукъ, занимались монахи Троицкаго монастыря, токари и иконописцы Оружейной Палаты. Церемоніи христосованія съ государемъ придавалось большое значеніе и для устраненія безпорядковъ и споровъ о «мѣстахъ» разряднымъ дьякомъ заранѣе составлялись списки, по которымъ каждому назначалось опредѣленное мѣсто.

Въ одинъ изъ первыхъ дней праздника государи московскіе принимали въ своихъ палатахъ духовенство, бояръ и гостей съ поздравленіями и *приношеніями*; эти послѣднія были строго опредѣлены и состояли исключительно изъ золотыхъ червонцевъ. Патріархъ, напримѣръ, подносилъ царю и царицѣ по 100 золотыхъ, царевичу—50, царевнѣ—30; гости и бояре—половину, митрополиты еще меньше; общая сумма приношеній естественно зависѣла отъ состава государевой семьи и числа гостей. Въ 1628 г. было получено въ государеву казну съ небольшимъ двѣсти золотыхъ, а въ 1675 (при Алексѣѣ Михаиловичѣ) около двухъ съ половиною тысячъ червонцевъ. Эти деньги, надо полагать, шли на благотворительность, которую щедрою рукою расточали московскіе государи (такъ, напримѣръ, въ 1654 году въ одинъ рождественскій выходъ нищимъ было роздано государемъ 1,131 рублей 4 алтына; въ 1669 году въ великопостный выходъ 1,495 рублей 2 алтына). Собственноручно передавать подарки государю удостаивались только высшія приближенныя лица, а для принятія приношеній отъ остальныхъ назначались особые поднощики, докладывавшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и имена поздравителей. Отъ каждаго приношенія извѣстная часть шла въ пользу поднощиковъ, вслѣдствіе чего исполненіемъ этой обязанности не гнушались и важные стольники.

Великое религіозное значеніе праздника пасхи сохранилось вполнѣ и въ наши дни и поколебать это значеніе не рѣшилось и протестантское ученіе, хотя оно и отвергло соблюденіе религіозныхъ обрядовъ, практикуемыхъ въ католической и въ православной церквахъ, желая по возможности приблизиться къ первоначальной простотѣ апостольскихъ временъ. Въ *каѳолической* церкви пасха, наступая послѣ продолжительнаго и утомительнаго поста, пріобрѣтаетъ, естественно, еще большую торжественность, обращаясь во всенародный праздникъ. Полному общенію какъ церквей, такъ и мірянъ препятствуетъ, впрочемъ, разница въ лѣтосчисленіи, ставящая преграду между католическимъ западомъ и православнымъ востокомъ; въ текущемъ году, какъ извѣстно, у насъ пасха наступаетъ 24 апрѣля, а на западѣ была 1 апрѣля. Касаться обрядовыхъ сторонъ церковнаго торжества совершенно излишне, потому что во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ такого человѣка, который-бы нѣсколько разъ не присутствовалъ на пасхальной заутренѣ и обѣднѣ; останавливаться на способѣ народнаго празднованія также безполезно, потому что кромѣ розговѣнія въ тѣсномъ семейномъ кругу и обычая троекратнаго лобызанія для выраженія поздравленія и радости—никакіе свѣтскіе обряды съ этимъ праздникомъ не соединяются народомъ; это явленіе объясняется чисто христіанскимъ происхожденіемъ праздника и несоединеніемъ его въ народной памяти съ какими-либо языческими торжищами.

Въ деревняхъ и селахъ пасха возвѣщаетъ приближеніе весны, окончаніе зимнихъ занятій и начало лѣтнихъ работъ, составляя какъ-бы переломъ въ жизни земледѣльца и вновь выдвигая на первый планъ заботы о полѣ, о необходимости напречь силы для обезпеченія себѣ на будущую зиму насущнаго хлѣба. Поэтому недѣльный отдыхъ на пасхѣ особенно сладокъ труженику, особенно горячо молится онъ въ церкви о ниспосланіи ему разныхъ благъ и усердно творитъ посильную милостыню просящимъ «именемъ Христовымъ».

С. Терновскій.

* * *

КЪ РИСУНКАМЪ.

Іерусалимъ во времена Христа.

Профессоръ Одило Вольфъ издалъ монографію, гдѣ на основаніи точныхъ изысканій онъ старается указать на размѣры, архитектуру и расположеніе Іерусалима и храма во времена Іисуса Христа. Общій видъ города и его окрестностей, мы помѣщаемъ на первой страницѣ настоящаго нумера, въ виду высокаго интереса этой исторической мѣстности въ судьбахъ христіанства.

Ночь на Свѣтлое Воскресеніе.

Эта ночь у насъ на Руси проводится на половину безъ сна: богослуженіе, освященіе куличей, пасхъ и яицъ, разгавливаніе, все это превращаетъ эту святую ночь въ день. На картинѣ нашего художника изображены: вверху сельская церковь въ ночь на Свѣтлое воскресенье; сигнальная ракета у Зимняго дворца, дающая знать о началѣ богослуженія; внизу, съ правой стороны, крестный ходъ за заутреней, освященіе на улицѣ куличей и пасхъ, возвращеніе изъ церкви съ освѣщенными куличами; въ срединѣ, съ лѣвой стороны, разгавливанье и христосованье, а затѣмъ грандіозный Исаакіевскій соборъ, во время крестнаго хода, иллюминованный въ эту святую ночь.

«Се человѣкъ» и «Христосъ передъ судомъ Пилата».

Страшные моменты изъ жизни Іисуса Христа, когда божественный страдалецъ предсталъ на судъ Пилата, когда дикая толпа обрекла его на крестную смерть, когда надъ нимъ наругались окружающіе, всегда служили одной изъ самыхъ привлекательныхъ тэмъ для художниковъ, благоговѣйно вдумывавшихся въ великую драму, разыгравшуюся въ Іерусалимѣ. Мы помѣщаемъ двѣ картины относящіяся къ этой драмѣ—одна принадлежитъ знаменитому мастеру стараго времени, Гвидо Рени (род. 4 ноябр. 1575 г. въ Кальвенцано близь Болоньи; умеръ въ Болоньѣ 18 августа 1642 г.), другая написана однимъ изъ знаменитостей нашего времени, Михаиломъ Мункачи (родился 10 октября 1846 г. въ Мункачѣ). Михаилъ Мункачи долго и тщательно работалъ надъ своей картиной и создалъ удивительное по простотѣ и правдѣ произведеніе, гдѣ всѣ фигуры имѣютъ свое значеніе. Долго не удавался художнику Христосъ, наконецъ онъ добился того, что создалъ эту простую, спокойную фигуру безгрѣшнаго страдальца, ясно смотрящаго въ лице своихъ судей. Простота этой фигуры поразительна. Совсѣмъ иное лице встрѣчаемъ мы на картинѣ стараго мастера; здѣсь Христосъ уже претерпѣлъ мученія, его чело уже изъязвленно иглами терноваго вѣнца, онъ уже чувствуетъ близость конца и молится за приближеніе этого конца и за тѣхъ, которые не знаютъ, что творятъ.

Художественное приложеніе къ № 17:

1) **«Тайная вечеря»**—копія съ знаменитой картины Ліонардо да-Винчи.

2) **«Подарокъ весны»**—букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Воспроизведено съ акварельнаго рисунка въ собственной хромо-литографіи, который мы не обѣщали нашимъ подписчикамъ въ своихъ объявленіяхъ. Жаль, что вслѣдствіе необходимости, по почтовымъ правиламъ, складывать листы журнала вдвое, мы не можемъ разослать его нашимъ иногороднимъ подписчикамъ, наклееннымъ на картонъ, какъ это сдѣлано для городскихъ подписчиковъ. Желающіе-же наклеить его на картонъ съ полями, благоволятъ означенный рисунокъ, смочить слегка водою съ обратной стороны, приколоть его на доску кнопками или булавками и онъ самъ собою расправится.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ**.

Дозволено цензурою. Спб., 20-го апрѣля 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

*

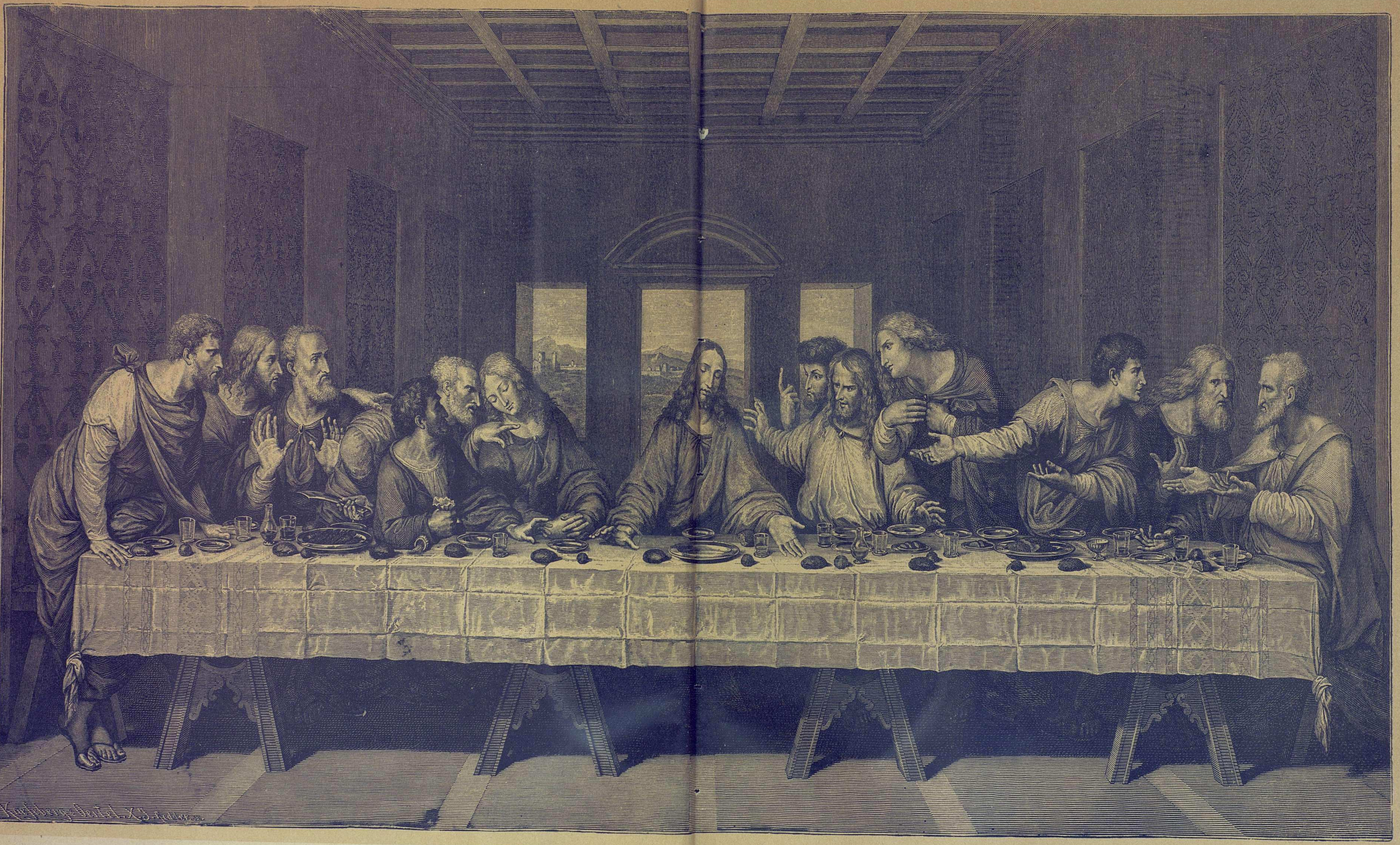
Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде

ЛИСТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

«ХУДОЖЕСТВЕ НЫЙ АЛЬБОМЪ»

Приложеніе къ «Жив. Обозр.» за 1888

Съ картины Л. ардо де Винчи



ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

РУССКІЯ ВИНА

Г. РОССОЛИМО

ПРОШУ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ НА:

№№ 25—27—БЕССАРАБСКОЕ . . . въ 40 коп.
» 31—32—ШАБСКОЕ . . . въ 50 и 55 »
» 36—БЕССАРАБСКОЕ БОРДО . 65 »

(Замѣняющее ФРАНЦУЗСКОЕ СТОЛОВОЕ ВИНО).

Торг. подъ фирмою Г. РОССОЛИМО.

ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ.

№ 376 (10—2).

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

только-что полученныя изъ-за границы

(всѣ вещи патентов. и приготов. на лучш. америк., англ. и франц. фабрикахъ)

ВЫСЫЛАЮТСЯ СЪ ПЕРВОЙ ПОЧТОЙ.

Всѣ цѣны съ пересылкой, но за пересылку въ Азіатскую Россію и на Кавказъ прибавляется 10 процентовъ.

Англійскій приборъ для уженія рыбы. Удочки механич. подсѣк., всѣ принадл. и руков.—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 р.

Микроскопъ, увеличив. 1000—1500 разъ—5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.

Зрительная труба, приближ. 5—10 верстъ—5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.

Полевой бинокль, приближ. 6—12 вер.—10 р., 12 р., 15 р , 18 р. 20 р. и 25 р.

Барометръ металл., усоверш. констр , предсказыв. всѣ перем. погоды: ясную погоду, сушь, дождь, бурю, снѣгъ и пр., съ книгою о прим. къ сельск. хозяйству—6 р., 7 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Двухствольныя ружья съ витыми ствол., съ дальн. и вѣрн. боемъ, съ ручат., фабр. Мортимеръ, Тамберъ, Берто, Зауера, Пипера, Скотта, Лепажа, со всѣми принадл.: шомпольн.—25 р., 30 р., 35 р., 40 р. и 50 р.; изъ дамасск. стали—60 р., 65 р., 70 р., 80 р., 85 р.; съ центр. боемъ—40 р., 45 р., 50 р., 55 р., 60 р., 70 р., 75 р., 80 р., 90 р. и 100 р.; изъ дамасск. стали—110 р., 120 р., 130 р. и 150 р.

Американскій револьверъ, централ. боя съ принадл.—10 р., 12 р., 14 р., 16 р., 18 р. и 20 р.

Лампа-молнія (нов. изобр.)—Яркій, ослѣпит. бѣл. свѣтъ, подобн. электрич. заправл. прост. керосин. Со всѣми принадл.—15 и 20 р.

Камеръ-обскура, съ помощью котор. можно снимать портреты, виды и пр.—6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 р.

Американскій фильтръ для очищ. воды, предупр. заразн. болѣзни—3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 р.

Волшебный фонарь съ картинами, всѣми принадлежн. и печатн. руковод. 3 р., 4 р., 5 р., 6 р. и 8 р.

Большой волшебн. фонарь съ сильн. ссвѣщ., всѣми принадл., карт. механич. движущим., хромотропами (игра цвѣт.) и печатн. руков.—10 р., 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 80 р. и 100 р.

Часы карманные америк., весьма изящн., съ вѣрн. ходомъ: **открытые**—10 р. и 12 р.; **глухіе**—15 р., 18 р. и 20 р.; **съ свѣтящимся циферблатомъ**—20 р.; **дамскіе:** 13 р., 15 р., 18 р. и 20 р.; черные изъ оксидиров. стали—18 р., 20 р., 25 р. и 30 р.; **золотые**—40 р., 50 р. и 60 р.

Часы кабинетные столовые, весьма красив. и вѣрные—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р. и 20 р.

Часы кабин. съ будильн. стол.—8 р. и 10 р.; роскош. отд.—15 р., 20 р. и 25 р.

Часы карман. солнечн., съ компас. 5 р., 6 р. и 8 р.

Цѣпочки америк., не уступ. зол., не чернѣющ. 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р. и 10 р.

Билліардъ столов. складн. съ 7 шар., всѣми принадл. и печ. руковод.—6 р.

Швейная машина лучш. усовершен. системы со всѣми принадл. и руковод. **въ двѣ нитки:** 25 р. и 30 р.; роскошн. отд.: 35 р. и 40 р.; **дѣтская**—12 р.

Стереоскопъ съ превосходн. художествен. картин.—6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Локомотивъ дѣйств. паромъ, вполнѣ безопасный—12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р. и 40 р.

Готовальня полный приборъ для черченія—3 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р. и 15 р.

Самоучитель рисованія. Большой ящикъ красокъ, со всѣми принадл. и печатн. руковод.—3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.

Приборъ для цвѣтной выпиловки изъ дерева, со всѣми принад. и узорами—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 18 р. и 20 р.

Столярный приборъ. Инструменты и всѣ принадл.—6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 18 р. и 20 р.

Искусство вышиванія. Складныя пяльцы, матеріалъ и узоры—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р. и 12 р.

Искусство дѣлать цвѣты.—Полн. приборъ, матер. и руковод.—4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 р.

Дамскій нессесеръ съ принадл. рукодѣл., роскошн. отд.—4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и 20 р.

Роскошн. портфель съ письм. принадл.—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р. и 15 р.

Симфоніонъ, нов. мелодичн. органъ, несравн. лучше аристона, съ 6 нотами—20 р., больш. 45 р. и 60 р.; ноты отдѣльно 75 к. и 1 р. 20 к.

Роскошный альбомъ для фотографій—4 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р., 20 р. и 25 р.

Ящикъ фокусовъ. Аппараты и руковод.—4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 р.

Гамакъ садовый для качан.—12 р., 15 р., 18 р. и 20 р.

Всѣ цѣны съ пересылкой, но за пересылку въ Азіатскую Россію и на Кавказъ прибавляется 10 процентовъ.

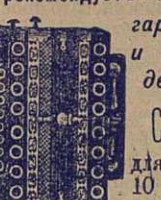
Всѣ требованія адресуются: въ Москву въ контору „ДѢТСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“ (Петровка, д. Кредитнаго Общества). № 363 (2—2).

ФАБРИКА

музыкальныхъ иструментовъ

Д. А. АЛЕКСАНДРОВА

рекомендуетъ большой выборъ



гармоній рускихъ и нѣмецкихъ по дешов. цѣнамъ

САМОУЧИТЕЛЬ

для гармоній по 1 р., 10 тетрадей нотъ по 50 коп.

КОНЦЕРТНЫЯ БАЛАЛАЙКИ

по 3, 5, 10 и 15 р.

Самоучитель 75 коп.

Аристоны, герафоны и ноты для нихъ.
Продожа оптомъ и въ розницу.
Прейсъ-курантъ высылается за 7 к. марку.

№ 53. НЕВСКІЙ ПР., № 53.
С.-Петербургъ.

№ 373 (1—1).

Вновь открытый

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Буркгардтъ и Урлаубъ
ВЪ МОСКВѢ, Красносельская улица, д. № 601.

◆ СТРОИТЪ ◆

плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, соломорѣзки, локомобиля, 3, 4 и 6 силъ, конные приводы, мельницы Тріумфъ, жнеи, косилки, конныя грабли, сѣнные пресса, насосы, пожарныя трубы и пр.

◆ КОНТОРЫ И СКЛАДЫ ◆

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. Остр., 1-я линія, № 10.
МОСКВА, Мясницкая, д. Виноградова.

Иллюстриров. каталоги безплатно.

Тамъ-же продаются новые огнегасительные патроны.

◆ АНТИПИРЪ ◆

простое и быстродѣйствующее противопожарное средство по 15 р. за 1 дюж. и 8 р. за 1/2 дюж.

Ищутъ въ провинціи агентовъ.

№ 362 (5—3).

Спеціальный магазинъ

БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.

Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—9).

НОВАГО УРОЖАЯ

замѣчательно хорошія папиросы:

„Охота“ 10 шт. 10 к.
„Дамскія“ 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія“ 10 шт. 6 к.
„Фотографъ“ 10 шт. 6 к.

получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 25 р. до 1000 в. разстояніе, перес. и упаковка на счетъ маг. № 329 (44—9).

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1826 г.)

Предостерегаютъ отъ подделокъ.

Только съ этимъ клеймомъ неподдѣльны

Можно получать въ большинствѣ магазинахъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.
Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ алицариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *спеціальностей.*

№ 318 (26—6).

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ

ЭЙКАЛИПТИ

Косметика А. ЭЙНГЛУНДЪ.

Есть средство для укрѣпленія волосъ, уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ пересылкой 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Эйнглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Бесбардисъ, Р. Келлеръ и Комп. О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Эйнглундъ, Литейная, № 38.

№ 314 .47—11).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россія у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—34)

МАГАЗИНЪ МУЖСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ

РОБЕРТЪ

43. Литейный пр., противъ Бассейной ул. 43.

Имѣетъ честь извѣстить уважаемыхъ гг. своихъ заказчиковъ и почтеннѣйшую публику, что получены послѣднія новости на весеннія и лѣтнія платья въ громадномъ выборѣ разноцвѣтныхъ англійскихъ, французскихъ и русскихъ матерій, новѣйшихъ и элегантнѣйшихъ рисунковъ предлагаетъ.

НА ЗАКАЗЪ

Костюмы отъ . . .	25 р. и дороже	Лѣтнія пальто . . .	18 р. и дороже
Весеннія пальто . .	25 » » »	Пальто-манто . . .	15 » » »
Пальто ульстеръ . .	20 » » »	Брюки	8 » » »

Жилеты . . . 4 р. и дороже.

Заказы исполняются изящно, добросовѣстно, прочно и въ кратчайшій срокъ. № 375 (10—2).

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. № 228 (52—23)

КАРТИНКИ-ХЛОПУШКИ

Небывалая новость! Всѣ картины представляютъ собою разныя сцены стрѣльбы, напр.: **волки, нападающіе на тройку**—пистолетъ охотника зажигается и застрѣливаетъ волка! Очень забавна и занимательна. **1 проб. кон. съ перес. 10 карт. 55 к. почтов. марками.** Торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, № 12. Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—2).

Разрѣшенные Спб. Врачебн. Управл.

ТИМОЛОВЫЙ Зубной эликсиръ 1 руб.

ТИМОЛОВЫЙ Зубной порошокъ 60 коп.

ГИГІЕНИЧЕСКІЙ Зубной элексиръ 60 коп.

С.-Петербургской

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.

Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45, Невскій просп., № 110, противъ Пушкинск., Петерб. сторон. Больш. проспектъ, № 28. **Москва,** Никольская, д. Шереметева.—Прейсъ-Куранты высылаются безплатно. Г. № 240

Туалетныя мыла I. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,

АМИКОСОВОЕ.

Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—22)

Къ празднику.

ДЕПО ЧАСОВЪ

Эд. Бурхарда.

1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.

2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 3/68.

Вновь получены большой выборъ часовъ лучшихъ фабрикантовъ, цѣпочекъ, ключей и брелоковъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Каждые часы продаются съ ручательствомъ.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 289 (27—9).

Императорскаго

московскаго общ.

Сельск. хозяйства

1886 г.

Одобрительный отзывъ.

Новой усовершен. системы: простой конструкціи разныхъ величинъ.

ПОЖАРНЫЕ

трубы и насосы

„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Провзводство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ, Николаевская 55—6. № 186 (40—22).

Прейсъ-куранты безплатно.

Привилегія испрашив.

Для красоты лица

съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ. Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р. Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

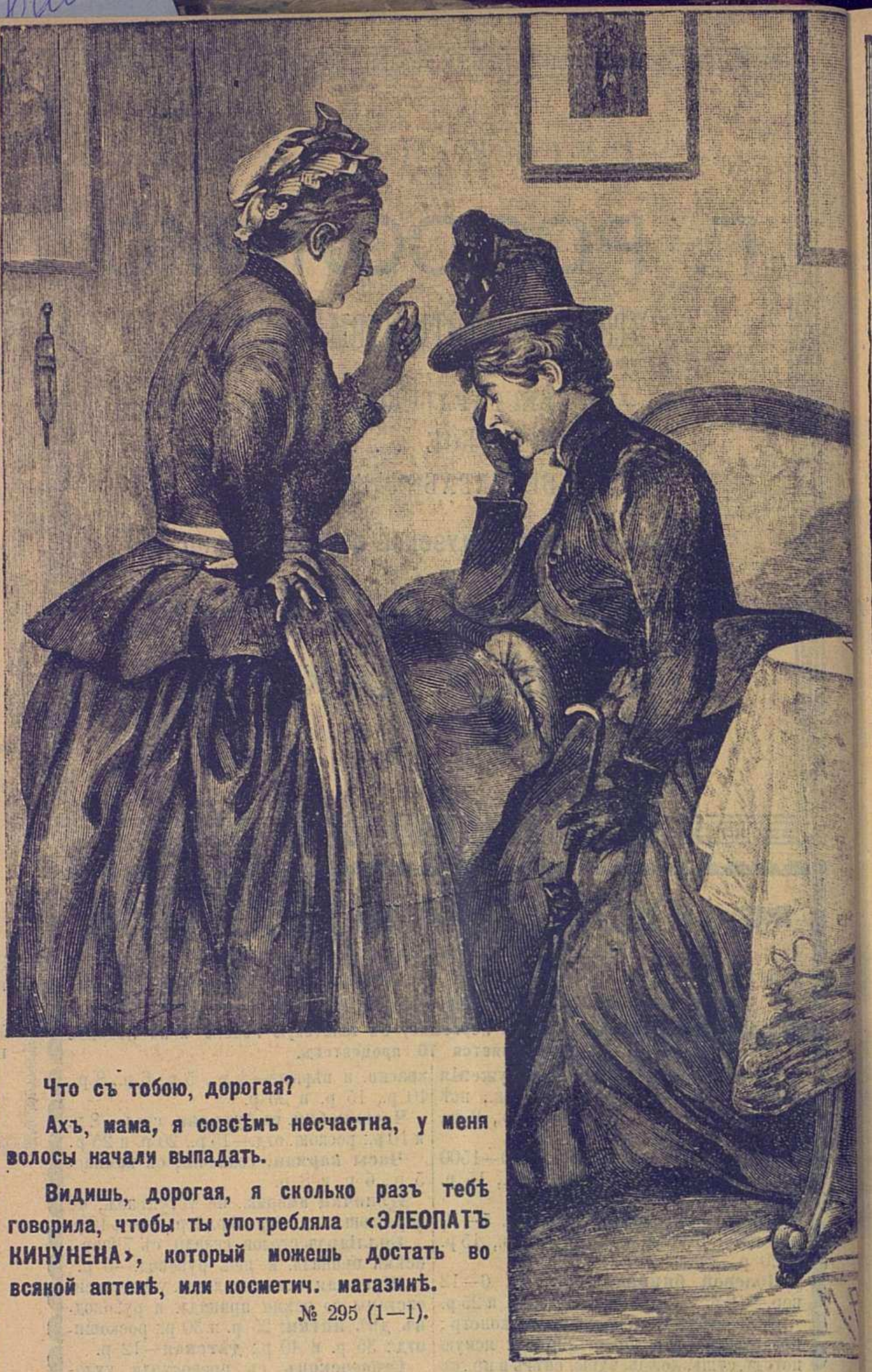
1) Невскій просп., домъ № 25.

2) Владимірская, домъ № 7.

3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—18).



Что съ тобою, дорогая?

Ахъ, мама, я совсѣмъ несчастна, у меня волосы начали выпадать.

Видишь, дорогая, я сколько разъ тебѣ говорила, чтобы ты употребляла «ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА», который можешь достать во всякой аптекѣ, или косметич. магазинѣ.

№ 295 (1—1).

папиросы крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ

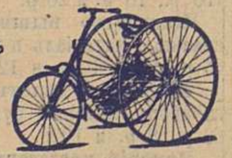
получать можно повсюду.

№ 328 (44—6).

Усовершенствованные

двухъ и трехъколесные

ВЕЛОСИПЕДЫ.



Центральный складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

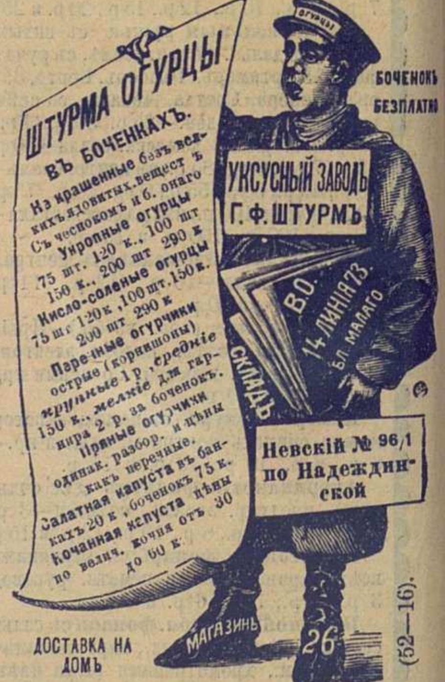
Собственное механическое заведеніе для починокъ.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.

С.-Петербургъ.

№ 158 (52—33).


ОГУРЦЫ
ШТУРМА ОГУРЦЫ
ВЪ БОЧЕНКАХЪ.
Не крашенные безъ вредныхъ ядовитыхъ веществъ
Съ чеснокомъ и б. онаго
Укропные огурцы 75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к
Кисло-соленые огурцы 75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к
Паренные огурчики острые (корнишоны) крупные 1 р., средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ.
Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные.
Салатная капуста въ банкахъ 20 к., боченокъ 75 к.
Кочанная капуста цѣны по велич. кочня отъ 30 до 60 к.
УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ
В.О. 14 ЛИНІЯ 73. Бл. МАЛАГО
СКЛАДЪ
МАГАЗИНЪ
26

БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО

Невскій № 96/1 по Надеждинской

ДОСТАВКА НА ДОМЪ

(52—16).

ВЕСЕННІЯ НОВОСТИ

Касторовыя дамскія шляпы безъ отдѣлки, формы дамскихъ новѣйшихъ фасоновъ; для гарнировки громадный выборъ новостей: перья фантази; страусовые, нанаши и амазонъ, эгреты стеклярусные и аграмантъ.

Ленты; омбрэ, моаръ и экосэ; **кружева, тюль и шляпные платки;** для вуалей: тюль и газъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ магазинъ А. В. ТАРАТИНА, бывшій **ШАПКИНА.** **№ 110.**

№ 205

Нумеръ 17-й «Живописнаго Обозрѣнія» (пасхальный) состоитъ: 1) изъ **ДВУХЪ** листовъ (I и II) текста и приложеній: 2) «Художеств. Альбомъ», листъ IV—**«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ»** (съ картины Ліонардо де-Винчи); 3) Хромолитографія—**«ПОДАРОКЪ ВЕСНЫ»** и 4) Обертка.

☛ **ТРЕТІЙ ЛИСТЪ «Художественнаго Альбома» будетъ разосланъ при № 20.** ☚

Дозволено цензурою. Спб., 20-го апрѣля 1888.
Хромо-литографія и типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

№ 18
1 МАЯ
1888

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Промышленность, технологія и торговля.

Въ Англіи уже нѣкоторое время занимаются производствомъ бутылокъ изъ бумаги; теперь въ Америкѣ учреждается товарищество для приготовленія бочекъ изъ бумажной массы, утилизируя для этого особый родъ травы, ростущей въ изобиліи въ Жерси-сити. Заготовленіе бочекъ предполагается съ помощью особыхъ машинъ, а для того, чтобы сдѣлать ихъ прочными и совершенно непроницаемыми для жидкостей, бочки покрываются глазурью. Бочки, по отзывамъ спеціалистовъ, отличаются прочностью, дешевизною, легкостью вѣса и мытья, т. е. качествами, обѣщающими большое распространеніе бумажныхъ бочекъ въ пивоваренномъ дѣлѣ, а также на керосиновыхъ и масляныхъ заводахъ.— Америка-же придумала новый видъ домашняго хозяйства и устройство вмѣсто разныхъ земледѣльческихъ— змѣиныхъ фермъ въ штатѣ Флоридѣ и Иллинойсѣ и лягушечныхъ въ Висконсинѣ. Иллинойская ферма устроена на широкихъ основаніяхъ и приноситъ большіе доходы, такъ какъ каждая змѣя продается по крайней мѣрѣ по 10—15 рублей; ухода ферма требуетъ очень небольшого, и всѣ заботы, кромѣ пищи, ограничиваются попеченіями, чтобы змѣи не могли уйти изъ отгороженнаго для нихъ участка земли; отъ змѣй въ продажу идетъ кожа на выдѣлку разныхъ предметовъ; змѣиный ядъ, жиръ, мозги идутъ на приготовленіе нѣкоторыхъ фармацевтическихъ средствъ.—Такъ называемое «сивушное масло», содержащееся во всякомъ неочищенномъ спиртѣ, состоитъ изъ весьма многихъ, частію еще не изслѣдованныхъ веществъ, которыя при ректификаціи спирта сконцентрировываются въ первой и послѣдней порціяхъ дистиллята. Природа этихъ веществъ измѣняется въ зависимости отъ матеріаловъ, употребляемыхъ для винокуренія, отъ качества и природы дрожжей, отъ постороннихъ ферментовъ, развивающихся въ заторахъ и, наконецъ, отъ самаго способа обработки и дистилляціи заторовъ. Во всѣхъ сырыхъ матеріалахъ, служащихъ для полученія алкоголя, содержатся ароматическія вещества, по большей части, непріятнаго запаха, который сообщается и выкуриваемому спирту. Такъ, напримѣръ, свекловица содержитъ масло, чрезвычайно интенсивнаго запаха, кипящее при 200° Ц.; нѣсколько капель этого масла достаточно, чтобы наполнить большую комнату характернымъ запахомъ растенія. Картофель и хлѣбныя зерна тоже содержатъ непріятно пахнущія масла, которыя, впрочемъ, легко удаляются изъ спирта при ректификаціи. Но наиболѣе противнымъ запахомъ характеризуются летучія вещества аммiачнаго типа, содержащіяся въ патокѣ, въ особенности-же въ осмозированной патокѣ; эти продукты, образующіеся изъ бѣлковыхъ и сахаристыхъ веществъ патоки подъ вліяніемъ бактерій, отличаются сильнымъ гнилостнымъ запахомъ. Независимо отъ того, спиртъ, получаемый изъ осмозированной патоки, всегда содержитъ другія вредныя примѣси, между прочимъ: масляную кислоту, муравьиную кислоту и ядовитый фурфуроль. Два послѣдніе продукта происходятъ отъ кипяченія паточной воды съ сѣрной кислотой, безъ котораго эта насыщенная бактеріями вода совсѣмъ не способна къ броженію. Въ противуположность всѣмъ прочимъ матеріаламъ, плоды и ягоды содержатъ ароматическія вещества пріятнаго запаха, который придаетъ особую цѣнность получаемому изъ нихъ спирту. Указанныя примѣси переходятъ въ спиртъ изъ сырыхъ матеріаловъ, въ которыхъ онѣ содержатся уже готовыми. Но, независимо отъ того, даже при совершенно нормальномъ броженіи, образуется цѣлый рядъ побочныхъ летучихъ примѣсей, измѣняющихся смотря по природѣ и качеству дрожжей, но во всякомъ случаѣ неизбѣжныхъ; онѣ содержатся даже не только въ спиртѣ, но и въ пивѣ и въ виноградномъ винѣ. При ректификаціи спирта примѣси перегоняются частію въ концѣ, а частію въ началѣ операціи, вслѣдствіе того, что высококипящіе продукты образуютъ съ веществами большей летучести (каковъ, напримѣръ, уксусъ) соединенія, точка кипѣнія которыхъ относительно низка. Эти примѣси безспорно портятъ запахъ и вкусъ алкоголя, но не должны быть особенно вредны для организма. Несмотря на усовершенствованные ректификаторы, не меньше половины всего количества спирта выпускается съ заводовъ въ полуочищенномъ состояніи, т. е. съ содержаніемъ сивушныхъ примѣсей, въ числѣ которыхъ могутъ быть ядовитыя. Поэтому способы испытанія продажнаго алкоголя представляютъ, въ особенности для оптовыхъ торговцевъ, большой практическій интересъ; изъ нихъ наиболѣе простой и доступный даже для неспеціалистовъ представляетъ способъ датскаго химика Банга, который заключается въ слѣдующемъ: 50 или 60 куб. лит. испытуемаго спирта смѣшиваютъ съ концентрированнымъ растворомъ щелочи и эту смѣсь нагрѣваютъ въ водяной банѣ при 60° Ц. Если продуктъ содержалъ летучія примѣси, то жидкость окрашивается и принимаетъ, смотря по количеству примѣси оттѣнки отъ желтаго до чернобураго. Можно обойтись и безъ нагрѣванія, но тогда реакція требуетъ не менѣе 24 часовъ. Если присутствіе легкихъ примѣсей обнаружилось, то спиртъ уже долженъ быть признанъ нечистымъ и дальнѣйшее испытаніе безполезно. Въ противномъ случаѣ, приступаютъ къ открытію тяжелыхъ сивушныхъ маслъ. Для этого опять берутъ 50—60 куб. сантим. алкоголя и прибавляютъ къ нему, постоянно взбалтывая, легкое нефтяное масло до тѣхъ поръ, покуда послѣднее не перестанетъ быстро растворяться. Полученный растворъ разводятъ пятью или шестью объемами воды, причемъ нефтяное масло, не растворимое въ слабомъ спиртѣ, всплываетъ на верхъ, содержа въ себѣ тяжелыя сивушныя масла. Этотъ верхній слой собираютъ въ стклянку съ притертой пробкой, куда вливаютъ также нѣсколько куб. сантиметровъ крѣпкой сѣрной кислоты. Затѣмъ, взболтавъ стклянку и давъ кислотѣ отстояться, наблюдаютъ ея окраску. Желтое окрашиваніе кислоты будетъ означать присутствіе изобутиловаго алкоголя, бурое—амиловаго. Отсутствіе окраски покажетъ, что въ испытуемомъ спиртѣ нѣтъ высшихъ алкоголей. Способъ Банга позволяетъ открывать самое ничтожное количество примѣси.

Медицина, эпидеміи, заболѣванія и пр.

Въ высшей степени интересное сообщеніе было сдѣлано докторомъ медицины Виреніусомъ о гигіенѣ учителя; имъ затронутъ вопросъ о тѣхъ труженикахъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, которые воспитываютъ цѣлыя поколѣнія молодежи и въ большинствѣ случаевъ преждевременно сходитъ въ могилу, или же если и доживаютъ до старости, то уже не носятъ въ себѣ никакихъ идеаловъ и дѣло свое дѣлаютъ автоматически и безучастно. Картина жизни провинціальнаго учителя среднихъ учебныхъ заведеній разрисована далеко неприглядными красками: онъ работаетъ, главнымъ образомъ, на счетъ жизненности своей нервной системы. Трата душевныхъ силъ превосходитъ ихъ пополненіе и съ каждымъ годомъ уменьшается въ общей экономіи организма. Лекторъ рисуетъ два типа педагоговъ: оба задумчивые, вѣчно рѣшающіе какую-то задачу и постоянно поглощенные какою нибудь мыслью; но одинъ при этомъ нѣсколько спокоенъ и плавенъ въ движеніяхъ, а другой порывистъ, болѣзненъ и безпокоенъ. Въ общемъ они очень похожи одинъ на другого и всѣ остальные типы учителей подходятъ подъ эти два главные вида. Сначала оба принимаются за дѣло горячо и съ вѣрою, но скоро устаютъ и преподаютъ по обязанности, выполняя только необходимое, не выходя изъ предѣловъ программы. Жить они устаютъ очень скоро. Постоянное пребываніе въ классѣ съ испорченнымъ воздухомъ, вѣчная возня съ учениками, которые раздражаютъ, необходимость сдерживать свои чувства, и чаще всего гнѣвъ, налагаютъ свою печать на здоровье. Учитель утомляется скорѣе всякаго другого труженика и поставленъ въ такія условія, что сочинять для него правила гигіены очень затруднительно. Нервная система постоянно напряжена, легкія наклонны къ заболѣванію, зѣвъ и горло предрасположены къ катаррамъ, мышцы слабы и пищевареніе плохо: аппетитъ плохъ и тѣло питается дурно. Во всемъ поведеніи проглядываетъ вѣчное стремланіе къ отдыху. Учитель приходитъ съ уроковъ разбитый, наскоро обѣдаетъ и требуетъ отъ домашнихъ полной тишины. Онъ эгоистъ, но эгоистъ поневолѣ, въ силу профессіи и окружающей обстановки. Въ своемъ кругу онъ развязенъ, но въ обществѣ ребенокъ и всегда чего-то боится. Типъ спокойный смотритъ на все легче и поверхностнѣе, иногда способенъ даже къ утучнѣнію (если получаетъ напр. мѣсто директора гимназіи), но отъ заболѣваній, общихъ всѣмъ учителямъ, не гарантированъ. Въ видахъ сохраненія здоровья и жизни докторъ Виреніусъ совѣтуетъ движеніе, прогулку во всякую погоду и тѣлесныя упражненія, танцы, музыку, катанье верхомъ, работу веслами и т. п. не менѣе 1—2 час. въ сутки. Для укрѣпленія кожи и вообще нервной системы необходима холодная вода, ежедневныя обмыванія, обтиранія тѣла мокрой губкой и даже мокры простыни, но все это нужно продѣлывать ежедневно и правильно. Купанье въ холодной, даже въ 10-ти градусной водѣ и плаваніе дѣйствуютъ могущественно,— исправляя пищевареніе и благодѣтельно дѣйствуя на внутренніе органы. Легкія учителя страдаютъ болѣе всего, потому его жилое помѣщеніе, въ особенности спальня, должны быть тщательно вентилируемы; чѣмъ чаще открываются форточки, тѣмъ лучше. Платье учителя — грязнѣе всякаго другого; въ немъ постоянно находится цѣлая масса мелкой вредной пыли, приносимой учениками съ улицы въ классъ; поэтому на чистку его должно быть обращено серьезное вниманіе. Столъ педагога по его небольшимъ средствамъ не можетъ быть изысканъ, но долженъ быть непремѣнно питателенъ: побольше мяса и поменьше хлѣба и крахмалистыхъ веществъ; ѣсть необходимо не менѣе трехъ разъ въ день. Горчица и возбуждающія пряности могутъ быть допущены, какъ привычное зло, копченое и соленое—изрѣдка для разнообразія, а водка должна быть устранена совершенно. При соблюденіи этихъ правилъ, тѣло будетъ здорово, подымется духъ и появится душевный покой. Умственная дѣятельность должна быть разнообразна и пріятна; математику полезно изучать исторію литературы, историку—естественныя науки и т. п. Но это ужь дѣло природныхъ наклонностей человѣка и тутъ строгихъ правилъ предписать нельзя. Можно смѣло сказать только одно, что исполненіе и этихъ немногихъ предписаній принесетъ свою долю несомнѣнной пользы, а главное дастъ нервамъ труженика доступъ къ разумному отдыху, который при настоящихъ условіяхъ жизни составляетъ достояніе очень немногихъ изъ нихъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ:

Не будутъ напечатаны стихотворенія: г. А. Б—го «Съ тѣхъ поръ, какъ...» и пр.; г. М. Б—ва «Демонъ и дѣва»; г. М. К—го «Весна»; г. Ер—ва «Устарѣлый хирургъ»; «Благовѣщеніе», «Муза» и пр. г-жи Д—ва.

Не будутъ напечатаны стихотв. Гг. Н. А. «Утесъ одинокій;» П. Р. «Въ непогоду;» С. П—на «Два видѣнія» и пр.; Ш. П—ва «Отъ шумныхъ смутъ» и пр.; И. П—каго «Тебя капризная судьба» и пр.; Ер—ва «Гроза» и пр.; М. Е—ва «Въ часы душевной боли»; г-жи Л. Н. Пр—ой стихи и проза; Г. П—го «Изъ Гете» и пр.; Як. Б—на «Лисица и Волкъ» и пр. и «Скиталецъ» г. М. Б—ва.

Гг. Ю. П. (въ Харьковѣ), М. В—ой, А. С—ву (въ Тулѣ), и М. М—ой (въ Москвѣ)—Ред. «Жив. Обозр.» переводовъ не принимаетъ, въ виду того, что при ней имѣются постоянные переводчики.

Не будутъ напечатаны разсказы «Мишенька» г. Д. Д—ва и «На послѣдней ступени» г. Н. С—ко.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: А. Н. Майковъ.—Весна стих. *Аѳонасьева.*-Стрѣлецкое утро, истор. очеркъ, *Л Осташева.*-Греза, ром. Э. Зола, перев. *П. Каншина*, (продолжен.).—Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига, ром. П. Ежа, перев. *А. Сахаровой* (продол.).—Библіографія. — Журналистика, *П. Скромный.*—Политическое обозрѣніе.—Внутреннее обозрѣніе.—Къ рисункамъ.

Рисунки: Портретъ А. Н. Майкова.—Радоница, ориг. рисунокъ *А. Муратова.* — Невѣста приноситъ жертву богамъ, съ карт. *Н. Лосева.*—Чилійскій щитоносецъ.—Невѣріе апостола Ѳомы, съ карт. *Чизери.*—Маленькая Ева, съ карт. *В. Реги.*-Праздничный подарокъ, съ картин. *Р. Еппа.*-Кушелево-Безбородко. Пивоваренный заводъ «Новая Баварія», ориг. рис. *А. Ф. Бальдингера.*

На оберткѣ: Промышленность, технологія и торговля.—Медицина, эпидеміи, заболѣванія и проч.-Объявленія.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

1-го Мая, 1888. ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Годъ изданія 53-й.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою **8** р. Безъ доставки въ Спб.: **за годъ 6 р. 60 к.** Въ Москвѣ **безъ доставки** на годъ 7 руб. съ преміею (книжный магазинъ **И. Ф. Папкова**, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ **№1** со всѣми приложеніями. За пересылку **преміи** цѣнною посылкою **рубль.**

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р., къ 1-му іюня 2 р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно **книжка** приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 18

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—**25** копѣекъ.

На отвѣты прилагаются **двѣ 7-ми** копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

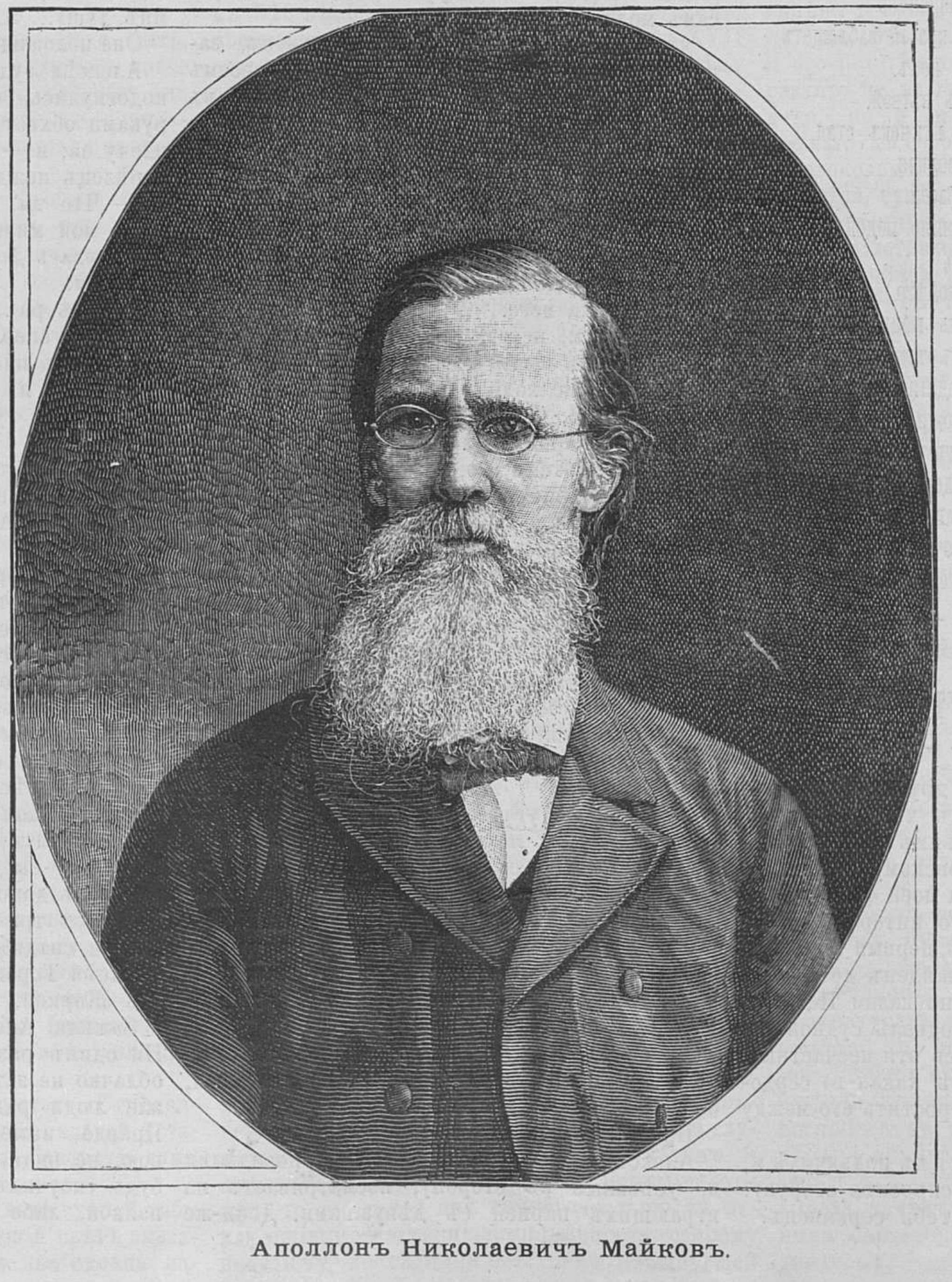
Деньги высылаются впередъ при требованіи.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

А. Н. Майковъ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ родился въ Москвѣ 23 мая 1821 г. и дѣтство свое провелъ въ деревнѣ отца, близь Троицко-Сергіевской лавры; въ 1836 онъ поступилъ въ московскій университетъ, по окончаніи курса въ которомъ опредѣлился въ министерство финансовъ, затѣмъ занималъ мѣсто библіотекаря въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, но большую часть своей служебной карьеры провелъ въ цензурномъ вѣдомствѣ и нынѣ уже много лѣтъ состоитъ предсѣдателемъ петербургскаго комитета по иностранной цензурѣ. Само собою разумѣется, что не служебная дѣятельность доставила Майкову ту извѣстность, которою онъ пользуется въ русскомъ обществѣ и за-границею, а заслуги на поприщѣ литературы, его пятидесятилѣтнее служеніе которой собираются праздновать нынѣ почитатели и соратники престарѣлаго поэта. 30-го апрѣля 1838 г. было написано имъ первое стихотвореніе «Разочарованіе», вылившееся, впрочемъ, совершенно случайно, вслѣдствіе какой-то неудачи въ живописи, которой А. Н. думалъ исключирельно заняться.

1838. — ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ — 1888.



Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Происходя изъ художественной семьи (отецъ поэта — извѣстный живописецъ, прадѣдъ — авторъ «Елисѣя»), А. Н. и его старшій братъ Валеріанъ Николаевичъ (критикъ) наслѣдовали любовь къ искусству и тонкое пониманіе изящнаго. Затѣмъ Селоницынъ, соредакторъ Сенковскаго по изданію «Библіотеки для чтенія» и Гончаровъ рано развили въ поэтѣ вкусъ къ литературѣ и положили основаніе къ солидному образованію: еще до поступленія въ университетъ, А. Н. познакомился съ капитальными произведеніями французской, нѣмецкой и англійской литературъ. Долгое время, однако, Майковъ шелъ, такъ сказать, по ложной дорогѣ, отдавшись всецѣло живописи и на свои литературныя упражненія смотрѣлъ, какъ на постороннее занятіе, между дѣломъ. Настоящее призваніе было указано поэту Бѣлинскимъ, очень сочувственно отозвавшимся о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ начинавшаго писателя, помѣщенныхъ въ сороковыхъ годахъ въ «Одесскомъ альманахѣ» и «Библіотекѣ для чтенія». Продолжительное пребываніе въ Римѣ и изученіе итальянскихъ классическихъ древностей оказали вліяніе на послѣдующія произведенія поэта; вернувшись на родину, А. Н. не остался чуждъ зарождавшейся тогда славянской идеи, представителемъ которой былъ «Москвитянинъ»; еще ранѣе, кандидатскую диссертацію свою А. Н. посвятилъ изученію характера законовъ по источникамъ славянскаго права, а впослѣдствіи предался занятіямъ русской исторіею.

Литературныя произведенія Майкова разсыпаны по всевозможнымъ періодическимъ изданіямъ; кромѣ двухъ названныхъ выше, слѣдуетъ указать еще на «Огечественныя Записки», «Современникъ», «Русскій Вѣстникъ», «Время», «Гражданинъ», «Заря» и многіе др. Желающимъ познакомиться со всѣми стихотвореніями поэта необходимо обратиться къ этимъ изданіямъ, потому что нѣкоторыя напечатанныя въ нихъ (особенно первоначальныя) произведенія не вошли ни въ одно собраніе сочиненій Майкова и какъ-бы игнорируются авторомъ, хотя по искренности и свѣжести чувства они могли-бы занять въ собраніи почетное мѣсто.

Въ чествованіи юбилея А. Н. Майкова принимаютъ участіе не только русскіе писатели, но и художники, которые готовятъ цѣлый рядъ иллюстрацій къ сочиненіямъ юбиляра; эти иллюстраціи составятъ изящный альбомъ и, вѣроятно, украсятъ слѣдующее полное собраніе маститаго поэта.

ВЕСНОЙ

Природа ожила, исчезла пелена
Пушисто-снѣжная,—покровъ зимы суровый,
Земля ужъ сбросила мертвящія оковы
И съ жизнью новою опять идетъ весна.
Ужъ на полѣ трава успѣла кое-гдѣ
Зеленымъ бархатомъ изъ-подъ земли пробиться
И послѣ сна ручей очнулся—и рѣзвится,
И солнце искрится на брызжущей водѣ.
Сіяетъ радостно сапфирный небосводъ
Счастливой, свѣтлою улыбкою ребенка,
И вѣтерокъ гудитъ, и жаворонки звонко
Поютъ и кружатся въ лазури, безъ заботъ.
Позеленѣвшій лѣсъ, обвѣянный тепломъ,
Согрѣтый ласками весенними—трепещетъ...
— Уже тѣ близки дни—и онъ красой заблещетъ,
И зелень зашумитъ роскошная на немъ.
Опять подъ сѣнь его развѣсистыхъ вѣтвей,
Въ покинутый пріютъ, примчится птичекъ стая,
И пѣсни звонкія, весь день не умолкая,
Лелѣять будутъ слухъ гармоніей своей.
При чудномъ гимнѣ птицъ неслышно подойдетъ
Царицей сказочной чарующее лѣто,
Въ цвѣты душистые и зелень разодѣто,
И вновь съ собою жизнь и радость принесетъ.
Въ душѣ смиритъ тревогъ и мукъ тяжелый гнетъ
Печальныхъ, скорбныхъ дней,прошедшихъ въ испытаньяхъ
Когда томился духъ, теряясь въ ожиданьяхъ,
Иль страхомъ мучимый, въ предчувствіи невзгодъ.
И въ сердцѣ скорбномъ вновь надежда оживетъ,
Съ любовью крѣпкою и вѣрой благотворной,
И жизнь забьется въ немъ, какъ ключъ съ вершины горной,
Родясь межъ темныхъ скалъ, струей хрустальной бьетъ.

Леонидъ Афанасьевъ.

СТРѢЛЕЦКОЕ УТРО.

Историческій очеркъ **Л. Осташева.**

Мы собрались небольшимъ дружескимъ кружкомъ. Каждый разсказывалъ что-нибудь изъ своихъ воспоминаній. Третьимъ пришла очередь разсказывать Стрѣльцовскому.

— Исторія происхожденія моей фамиліи, господа, не лишена нѣкотораго интереса.

Одинъ изъ моихъ предковъ, первый начавшій носить эту фамилію, былъ найденъ десятимѣсячнымъ ребенкомъ, въ день казни Петромъ Великимъ стрѣльцовъ, въ подвалѣ судной избы, гдѣ наканунѣ содержались эти несчастные. Этого ребенка взяла къ себѣ какая-то сердобольная подьячиха и стала ростить его между своими дѣтьми.

Бывало кто-нибудь придетъ къ подьячихѣ и, увидавъ рѣзваго мальчика, спроситъ старуху:

— Это чей-же будетъ у тебя сорванецъ?

— Да вотъ, взяла сиротку Христа ради, сама не знаю, чей онъ. Одно полагать надо,— стрѣльцовскаго помету.

Съ тѣхъ поръ и осталось за мальчикомъ прозвище: стрѣльцовскій пометъ. Такъ что, когда онъ выросъ и былъ опредѣленъ въ бомбардирскую роту рядовымъ, то, откинувъ второе слово, какъ зазорное, начальство занесло его въ книгу подъ фамиліей Стрѣльцовскій.

Въ нашемъ родѣ живетъ легенда, какимъ образомъ этотъ ребенокъ, родоначальникъ нашей фамиліи, очутился въ день казни стрѣльцовъ въ подвалѣ судной избы.

Вотъ эта легенда.

У богатаго купца Якова Жаркаго была единственная дочь, красавица Доня.

Румяная, плечи бѣлыя, сама стройная, съ поступью легкой; а усмѣхнется Доня, покажетъ рядъ жемчужныхъ зубовъ, да метнетъ искрою черныхъ глазъ, отороченныхъ соболиною бровью — заглядѣніе! сердце не у одного парня екнетъ.

И нрава она была веселаго, первая затѣйница до всякихъ игръ и шутокъ. Бывало, соберутся-ли гдѣ на посидѣлки, хороводы-ли поведутъ—Доня ужъ тутъ и всѣмъ заправляетъ.

Когда ей минуло 17 лѣтъ, отъ парней отбою не было; а къ отцу стали сваты похаживать. Но привередлива дѣвка была: только усмѣхается, бывало, да скажетъ:

— Не хочу дѣвичью вольну-волюшку бросать, мнѣ и при батюшкѣ жить хорошо.

А вдовый отецъ, души въ ней нечаявшій, не неволитъ ея,—самому не радостно казалось разставаться со своей горлинкой, какъ онъ называлъ дочку.

Прошелъ такъ годъ; настала зима. Стали дѣвушки замѣчать на посидѣлкахъ одного тихаго парня. Бывало придетъ, поклонится учтиво всему обществу и сядетъ въ сторону, слушаетъ оттуда, какъ другіе пѣсни поютъ, а самъ молчитъ.

Другіе парни вьются около дѣвушекъ, заигрываютъ съ ними, а онъ все сидитъ въ своемъ углу и лишь изрѣдка, украдкой, взглянетъ въ ту сторону, откуда задорный смѣхъ Дони серебромъ прозвенитъ, или тихо усмѣхнется себѣ въ шапку, на чью-нибудь веселую шутку.

А красивъ парень: статный, сильный, волосы русые, кудрявые, а глаза такіе ласковые, ясные. Одно горе: слишкомъ застѣнчивъ былъ.

Замѣтила и Доня парня и тоже, нѣтъ-нѣтъ,— взглянетъ на него.

— Ишь ты, несуразный какой,—думаетъ,— сидитъ одинъ сычемъ, словно ему и дѣла нѣтъ до дѣвокъ. Не ходилъ-бы ужъ лучше на посидѣлки, право, чѣмъ такъ-то.

А гнать парня не годилось: завидный женихъ былъ. Отецъ его, Иванъ Тороповъ, стрѣлецкій тысячникъ, да и самъ онъ, Алексѣй Тороповъ, лихой стрѣлецъ, не гляди, что молодъ, не сегодня-завтра сотникомъ сдѣлаютъ.

Скромность молчаливаго Алексѣя начала раззадоривать Доню. Разъ она не выдержала и сама подошла къ нему.

— Чтой-то, Алексѣй, сидишь все одинъ, — пѣсень съ нами не поешь, шутокъ не шутишь? Аль кручина есть?.. Можетъ, зазноба какая сердце твое сиротское ущемила?

Проговорила это Доня, а у самой на лицѣ издѣвка.

— Тутъ изъ угла мнѣ сподручнѣй глядѣть... на тебя, Домна Яковлевна, слушать голосокъ твой... А тамъ съ прочими боязно, осмѣютъ еще... тихо отвѣтилъ парень и, будто устыдившись того, что сказалъ, стыдливо ухмыляется.

Зардѣлась дѣвушка. Куда дѣвалась улыбка ея задорная и всегда готовая на языкѣ отшутка! А онъ такъ ясно смотритъ ей въ глаза и все также ясно улыбается.

Повернули сердце Дони простыя слова кроткаго Алексѣя; ни слова болѣе не сказавши, она отошла прочь отъ него.

Прошелъ еще мѣсяцъ.

Алексѣй ходитъ по прежнему на посидѣлки и, усѣвшись въ сторону, посматриваетъ на играющихъ парней съ дѣвушками. Доня-же стала рѣже показываться; а если и придетъ, будто другая стала: не смѣется, не балагуритъ съ парнями, а больше пѣсни поетъ и то тѣ, что позаунывнѣе.

Подруги начали ее спрашивать, что съ ней случилось. Отшучивается: «Хворость, милыя, нашла, чай вы-же сглазили здоровьемъ».

Но вотъ, однажды, когда молодежь хоромъ запѣла веселую пѣсню, Доня незамѣтно подошла къ Алексѣю и торопливо, шепотомъ говоритъ ему:

— Я рано уйду домой. Ступай и жди меня за избой стрѣльчихи Городилихи,—и опять незамѣтно присоединилась къ поющимъ.

А парня будто кто обухомъ ударилъ по головѣ,—онъ даже задрожалъ.

— Неужь-то она мнѣ это молвила? Не ослышался-ли я?

Однако, схвативъ шапку, онъ спѣшно вышелъ изъ избы.

Ясная, морозная ночь клала позади идущаго Алексѣя густую тѣнь по бѣлому снѣгу. Тѣнь эта будто прыгала изъ стороны въ сторону: это Алексѣй шатался, какъ хмѣльной. Онъ то глядѣлъ на мѣсяцъ и шепталъ ему что-то нескладное, то, нагнувъ голову и вглядываясь въ алмазные огни морознаго снѣга, неистово махалъ руками; зайдя-же за уголъ городилинской избы, сталъ креститься.

Прошло немного времени. Слышитъ Алексѣй, хруститъ снѣгъ подъ чьими-то частыми шагами. Выглянулъ изъ-за угла — она! Идетъ торопливо такъ, только рукава лисьей шубки, накинутой на плечи, болтаются, да концы бѣлаго головного платочка развѣваются по сторонамъ.

Пуще залихорадило парня.

А Доня ужъ передъ нимъ. Перевела разокъ-другой духъ и, глядя ему въ глаза,говоритъ:

— Алёха, я къ тебѣ... Такъ не можно дольше... своею голубиною кротостью ты вынулъ во мнѣ душу... Алёха, соколъ мой!

Она положила свою бѣлую руку ему на плечо...

Алексѣя будто что подкосило: колѣни сами подогнулись, и чтобы не упасть, онъ обѣими руками обхватилъ Доню, припавъ головою къ плечу ея; и — стыдно сказать — этотъ удалой стрѣлецъ нежданно заплакалъ, какъ баба.

— Что ты, что ты? Ненаглядный мой, дружокъ мой милый, что-жъ ты плачешь?—переполошилась Доня, приподымая и поддерживая Алексѣя.

— Отъ ра...дости... До...ня, отъ рад...

У него сперло дыханіе.

Концомъ платка она смахнула ему набѣжавшія слезы и, ухватя лице его въ обѣ руки, припала къ губамъ долгимъ, хмѣльнымъ поцѣлуемъ...

— Ясочка ты моя милая, горлинка моя сизокрылая, — шутила Доня, гладя Алексѣя по лицу рукою. А онъ широко осклаблялся...

— Однако, мнѣ пора, какъ-бы не увидѣли, негоже,—заторопилась она. Вотъ что, Алеха, поговори съ отцомъ, да сватовъ засылайте скорѣй, пока мясоѣдъ на дворѣ. Мой-то старикъ перечить не станетъ... Ну, прощай, дитятко мое неразумное!..

И губы ихъ опять слились.

Доня ушла. А онъ, нежданно, ни съ того, ни съ этого, прыгнулъ чертомъ къ торчащей изъ-подъ снѣга молодой березкѣ, ухватилъ ее обѣими руками и, однимъ махомъ, вырвавъ съ корнемъ изъ мерзлой земли, далеко бросилъ. И, словно-бы дѣло какое сдѣлалъ, размашисто зашагалъ домой.

Черезъ три недѣли въ стрѣлецкой слободѣ играли свадьбу: вѣнчался молодой стрѣлецъ, Алексѣй Тороповъ, съ купеческой дочкой Домной Жаркой.

Зажили Алексѣй съ Доней душа въ душу. Ни одинъ разладъ, ни одна ссора,—ни одно облачко не затуманивало ихняго счастья. Чужіе люди радовались, глядя на ихъ житье. Правда, иные покачивали укоризненно головою, не видя, чтобы Алексѣй хоть когда-нибудь «поучилъ» жену; не то, чтобы ужъ тамъ палкой, либо ухватомъ, а даже плетью, какъ тому указываетъ православный обычай. Что-же дѣлать,—больно жалостливъ Алексѣй къ женѣ былъ; да и Доня не таковская была, чтобы ее можно было такъ, зря, учить. Хотя русская пословица говоритъ: «плоха та домова, гдѣ быка бодаетъ корова»—но вѣдь Доня, не то, чтобъ ужъ такъ: гдѣ нужно и она смиренной умѣла быть передъ мужемъ.

На второй годъ супружества Богъ послалъ имъ свое благословеніе: родился у нихъ сынъ, котораго они назвали, въ честь дѣда, Яковомъ... Тутъ счастье Тороповыхъ пошло еще крѣпче...

Да, видно, правду говорятъ, что счастье на землѣ недолговѣчно. Не прошло и двухъ полныхъ лѣтъ, какъ Тороповы повѣнчались, а Богу угодно было послать на Москву новое испытаніе.

Опять, какъ то было лѣтъ 15 назадъ, задурило стрѣлецкое войско: пошла у нихъ сумятица да бунтовство.

Въ ту пору царь Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ было въ иноземныя страны у нѣмцевъ уму-разуму учиться. И вотъ главари стрѣлецкіе, вспомнивъ старое, задумали вновь вступиться за царевну Софью Алексѣевну, вызволить ее изъ монастыря, куда она заточена была царемъ, и посадить ее самое на царство.

Порѣшили стрѣльцы идти на Москву, перебить всѣхъ воеводъ царскихъ, да все ихнее потѣшное войско, что сторожило Кремль.

Кому не извѣстно, какъ у Воскресенскаго монастыря стрѣльцы встрѣтили это войско, готовое къ бою, и какъ воевода царскій Шеинъ сталъ усовѣщевать бунтовщиковъ. По началу стрѣльцы было замялись; но когда старшины окрикнули ихъ, напомнили объ угнетеніи старой вѣры, они ободрились и густой лавой кинулись на кургузыхъ потѣшныхъ. Началась битва...

Да не долго стрѣльцы бились—надо быть, царь хорошо обучилъ боевому дѣлу свое новое войско—не прошло и часу, какъ, побитые, они побѣжали. Много ихъ полегло тутъ-же, а оставшіеся въ живыхъ кинулись укрываться въ свою слободу.

Ивана Торопова, лихо налетѣвшаго со своимъ полкомъ на царское войско, еще въ началѣ битвы, пуля солдатская уложила на мѣстѣ. Полкъ, потерявъ вожака, замялся,—разсыпался. Тогда Алексѣй, собравъ сотню болѣе удалыхъ молодцовъ, отступилъ къ слободѣ и укрѣпился тамъ за плетнями огородовъ, рѣшивъ отстоять родныя гнѣзда. Но могла-ли удержать сотня удальцовъ подступившее цѣлое войско?—и получаса не прошло, какъ обошедшая ихъ царская конница налетѣла, многихъ изрубила, а прочихъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ, забрала живьемъ.

Такъ кончился второй стрѣлецкій бунтъ.

Пріѣхалъ царь и сталъ чинить надъ бунтовщиками судъ и расправу.

Прежде всего приказалъ разнести всю стрѣлецкую слободу, чтобы и духу стрѣлецкаго не оставалось. Сколько отъ этого пошло бабьяго и ребячьяго стону, реву, вою — и сказать невозможно. А стало и того хуже, когда оповѣстили, что всѣхъ стрѣльцовъ царь приказалъ казнить смертью.

Что сталось съ Доней—всякій пойметъ: изсохла вся; глаза ушли внутрь, ужь и плакать не могутъ; ходитъ, бѣдная, будто помѣшаная...

Передъ казнью стрѣльцовъ держали, гдѣ попало: въ ямахъ, подвалахъ, на съѣзжихъ дворахъ, а то и прямо за городомъ, на выгонѣ, въ телѣгахъ, окруженныхъ солдатами.

Алексѣй съ десяткомъ другихъ несчастныхъ попалъ въ подвалъ судной избы. При немъ неотлучно была Доня съ десятимѣсячнымъ Яшей...

Настала ночь кануна знаменитаго «Стрѣлецкаго утра», когда руки десятка палачей уставали рубить стрѣлецкія головы. Говорятъ, самъ царь помогалъ имъ...

Въ сыромъ, смрадномъ подвалѣ судной избы совсѣмъ темно; только брезжущій свѣтъ звѣздной ночи, пробившись чрезъ два оконца наверху подвала, дозволяетъ привыкшимъ къ темнотѣ глазамъ видѣть неясно очертаніе фигуръ заключенныхъ.

Кругомъ стоитъ нестройный, рѣжущій ухо, гулъ...

Въ одномъ углу подвала сгорбленный древній старикъ шамкаетъ что-то, сидя, поджавъ подъ себя ноги; возлѣ молодой парень стоитъ на колѣнахъ и часто, двуперстно крестится, повторяя за старикомъ: «Исусе сладчайшій, помилуй ны»;—голосъ парня дрожитъ. Противъ нихъ двѣ бабы, склонивъ головы на ноги рыжаго стрѣльца, въ запуски голосятъ: начнутъ тихо, потомъ все выше и выше, покуда стрѣлецъ не крикнетъ на нихъ: «Буде вамъ и безъ васъ тошно!» они смолкнутъ на время, чтобы затѣмъ опять начать такъ-же. Дальше, лохматый бородачъ, размахивая неистово руками, изступленнымъ голосомъ грозитъ кому-то: «Постой, проклятый — мы завтра примемъ смерть во искупленіе, а придетъ ангелъ Божій и сверзнетъ тебя, антихриста, въ гіену огненну»... Гдѣ-то въ углу визжитъ что-то: не то собака, не то дитя...

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя.**

Переводъ **П. Каншина.**

II.

Небольшой городокъ Бомонъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ и совершенно непохожихъ между собою частей. Въ верхней или, какъ ее называютъ, церковной части, съ ея древнимъ каѳедральнымъ соборомъ, сооруженнымъ еще въ XII вѣкѣ, и съ ея епископскимъ дворцомъ, постройка котораго относится только къ XVII столѣтію, считается всего до тысячи человѣкъ обывателей, проживающихъ, вѣрнѣе—задыхающихся тамъ въ темныхъ старинныхъ домахъ, въ кривыхъ и узкихъ улицахъ; нижняя-же или городская часть, расположенная у подножія холма на самомъ берегу Линьеля и бывшая нѣкогда только городскимъ предмѣстіемъ, теперь, благодаря процвѣтанію фабрикъ, на которыхъ выдѣлываются кружева и батистъ, до того расширилась и обогатилась, что въ ней уже считается болѣе десяти тысячъ жителей, и есть тамъ и просторныя площади, и красивыя зданія въ современномъ вкусѣ, въ родѣ дома су-префекта. Сѣверная, то-есть верхняя, и нижняя, иначе южная, части живутъ каждая своею отдѣльною жизнью, и между ними нѣтъ даже никакихъ, помимо чисто административныхъ отношеній. Хотя отъ Парижа до Бомона всего какихъ-нибудь тридцать лье и поѣздка туда не требуетъ болѣе двухъ часовъ времени, но церковная часть города до сихъ поръ живетъ тою-же жизнью, какою жила пять столѣтій тому назадъ: нравы, обычаи, занятія ея жителей, переходя изъ рода въ родъ, отъ дѣда къ сыну, отъ сына къ внуку, остались тѣми-же, какъ и въ тѣ времена, когда городъ сще окруженъ былъ укрѣпленіями, отъ которыхъ, впрочемъ, только и осталось теперь, что трое воротъ. Все тамъ какъ будто застыло, замерло въ прежнемъ, почти средневѣковомъ положеніи.

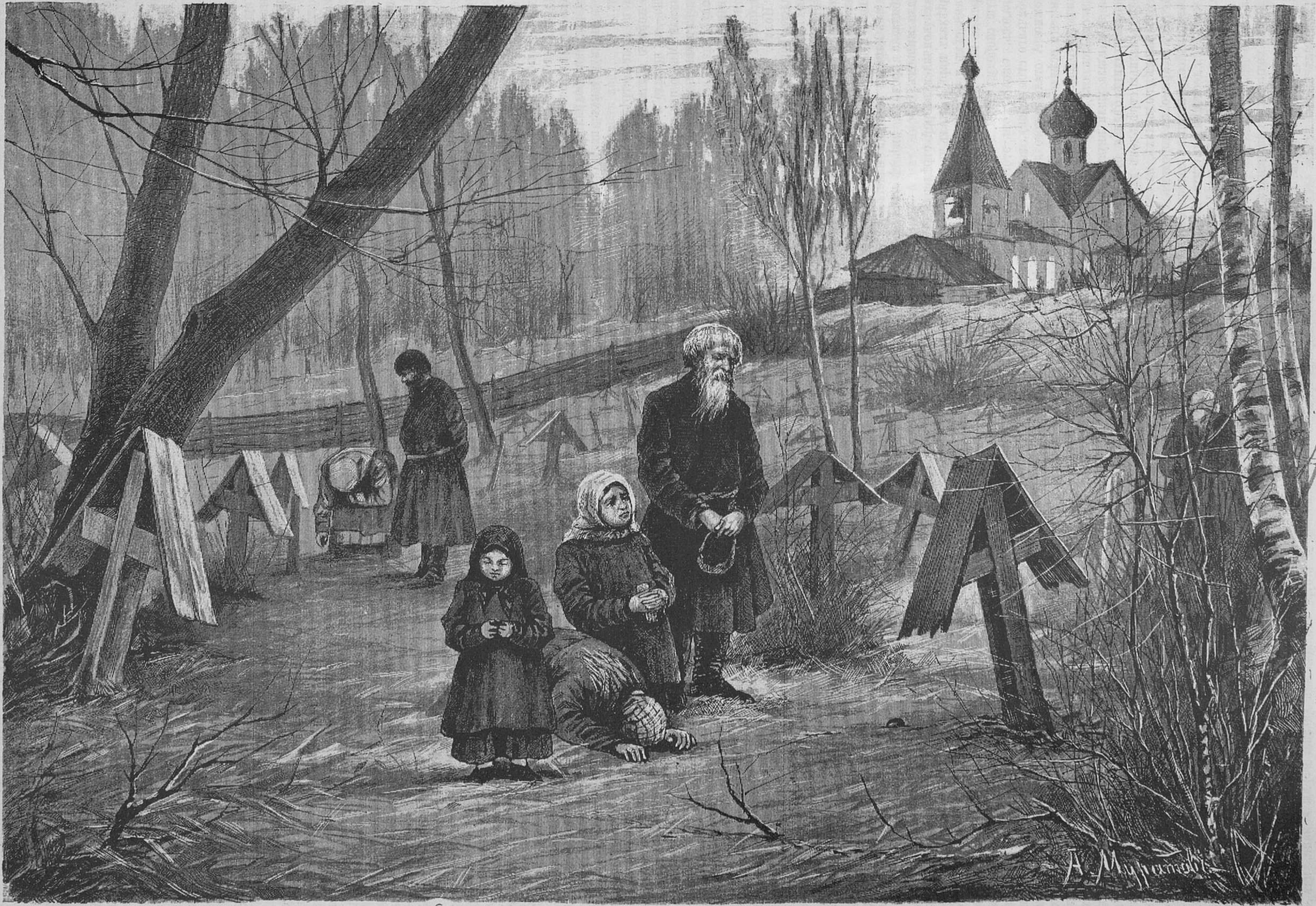
Вся жизнь этой части городка сосредотачивается вокругъ собора: имъ все объясняется, имъ-же создается и сохраняется. Онъ является какимъ-то исполинскимъ царемъ, кормильцемъ среди нѣсколькихъ десятковъ другихъ миніатюрныхъ зданій, похожихъ на зябкихъ птенцовъ, ищущихъ защиты подъ его громадными каменными крыльями. Все существуетъ только имъ и для него. Мастеровые работаютъ, купцы торгуютъ только для того, чтобы одѣвать, поддерживать и кормить или его самого, или служащее при немъ духовенство, а если тамъ и живутъ еще на покоѣ нѣсколько мирныхъ буржуа, то являются они немногочисленными исключеніями, сохранившими вѣрность старому пепелищу, послѣдними остатками отхлынувшей толпы. Соборъ является не только нравственнымъ, но и географическимъ центромъ городка, потому что всѣ улицы неизбѣжно примыкаютъ къ нему, являются относительно его тѣмъ-же, чѣмъ сердце относительно кровеносныхъ сосудовъ. Отъ этого-то и происходитъ то религіозное оцѣпененіе, тотъ полумонашескій характеръ города, отъ котораго такъ и вѣетъ стариною, миромъ и непоколебимою вѣрою.

Ни на одномъ домѣ этого полумонастырскаго города не лежало такого мистическаго отпечатка, какъ на домѣ Губертовъ, въ которомъ суждено было поселиться Анжеликѣ. Домъ этотъ не только тѣснѣе всѣхъ другихъ примыкалъ къ собору, но какъ будто составлялъ даже часть его. Право выстроить его между двумя выступами храма, вѣроятно, предоставлено было одному изъ родоначальниковъ семьи Губертовъ кѣмъ-нибудь изъ представителей высшаго духовенства съ цѣлью какъ можно тѣснѣе и неразрывнѣе привязать къ себѣ весь этотъ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе занятый производствомъ церковныхъ облаченій и украшеній. При этомъ домѣ былъ садикъ, замыкавшійся съ южной стороны массивной громадой храма. Прямо надъ землей находились наружныя галлереи боковыхъ придѣловъ, окна которыхъ выходили въ садикъ; надъ галлереями возвышался средній корпусъ храма съ подпиравшими его откосами и заканчивался высокой и крутою кровлею, крытой свинцовыми листами. Солнечные лучи никогда не проникали въ этотъ садикъ, такъ что только плющъ да буксы въ состояніи были достигать тамъ могучаго развитія, но въ вѣчной тѣни, падавшей отъ громаднаго зданія, было все-таки хорошо, а царившая тамъ вѣчная тишина, изрѣдка нарушаемая только звономъ церковныхъ колоколовъ,—тишина, въ которой словно застыли священные напѣвы и ароматныя волны ѳиміама, навѣвала на душу благодатный миръ, полный умиленія, и это религіозное успокоительное вліяніе было разлито не только въ зеленоватой полумглѣ садика, но и въ каждомъ уголкѣ словно приросшаго къ собору дома, куда, не говоря уже о колокольномъ звонѣ, проникали звуки богослуженія, гудѣніе органа, пѣніе клира во время торжественныхъ молебствій и даже ароматъ ладана, вылетавшій изъ кадильницъ и какъ-бы пробивавшійся сквозь каменныя стѣны.

Тутъ-то въ теченіе пяти лѣтъ, вдали отъ свѣта, словно въ монастырѣ, росла Анжелика, постоянно сидя дома и только по воскресеньямъ выходя вмѣстѣ съ Губертиной къ ранней обѣднѣ. Хозяйка, боясь дурного вліянія, даже въ школу не посылала свою питомицу, выхлопотавъ на то разрѣшеніе начальства, такъ что этотъ древній тѣсный домъ и примыкавшій къ нему садикъ, съ вѣчно царившею въ немъ мертвою тишиною, былъ для дѣвочки всѣмъ ея міромъ. Ей на самомъ верху дома подъ крышею отведена была крошечная, выбѣленная известью комнатка, куда вела каменная лѣстница, помѣщавшаяся въ башенкѣ; оттуда она по утрамъ спускалась въ кухню, завтракала и затѣмъ шла въ мастерскую, находившуюся въ верхнемъ этажѣ, и принималась за работу. Въ этихъ-то трехъ комнатахъ, въ которыхъ все дышало почтенною, заботливо охраняемою стариною, да въ садикѣ проходила вся ея жизнь, потому что въ обѣихъ комнатахъ, отдѣланныхъ въ болѣе современномъ стилѣ, а именно въ пріемной или въ гостиной, какъ ее называютъ хозяева, дѣвочкѣ случалось бывать только изрѣдка, мимоходомъ; въ спальню же супруговъ она не входили никогда. Въ гостиной потолокъ былъ оштукатуренъ и украшенъ посрединѣ лѣпною розеткой, а по краямъ лѣпнымъ же карнизомъ; стѣны оклеены обоями временъ первой имперіи, съ большими желтыми цвѣтами; относящіеся къ тому же времени бѣлый мраморный каминъ и мебель краснаго дерева, состоящая изъ дивана, формы канапе, изъ четырехъ такихъ же креселъ, обитыхъ бумажнымъ бархатомъ, изъ круглаго стола передъ диваномъ, довершали убранство комнаты. Вся-

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

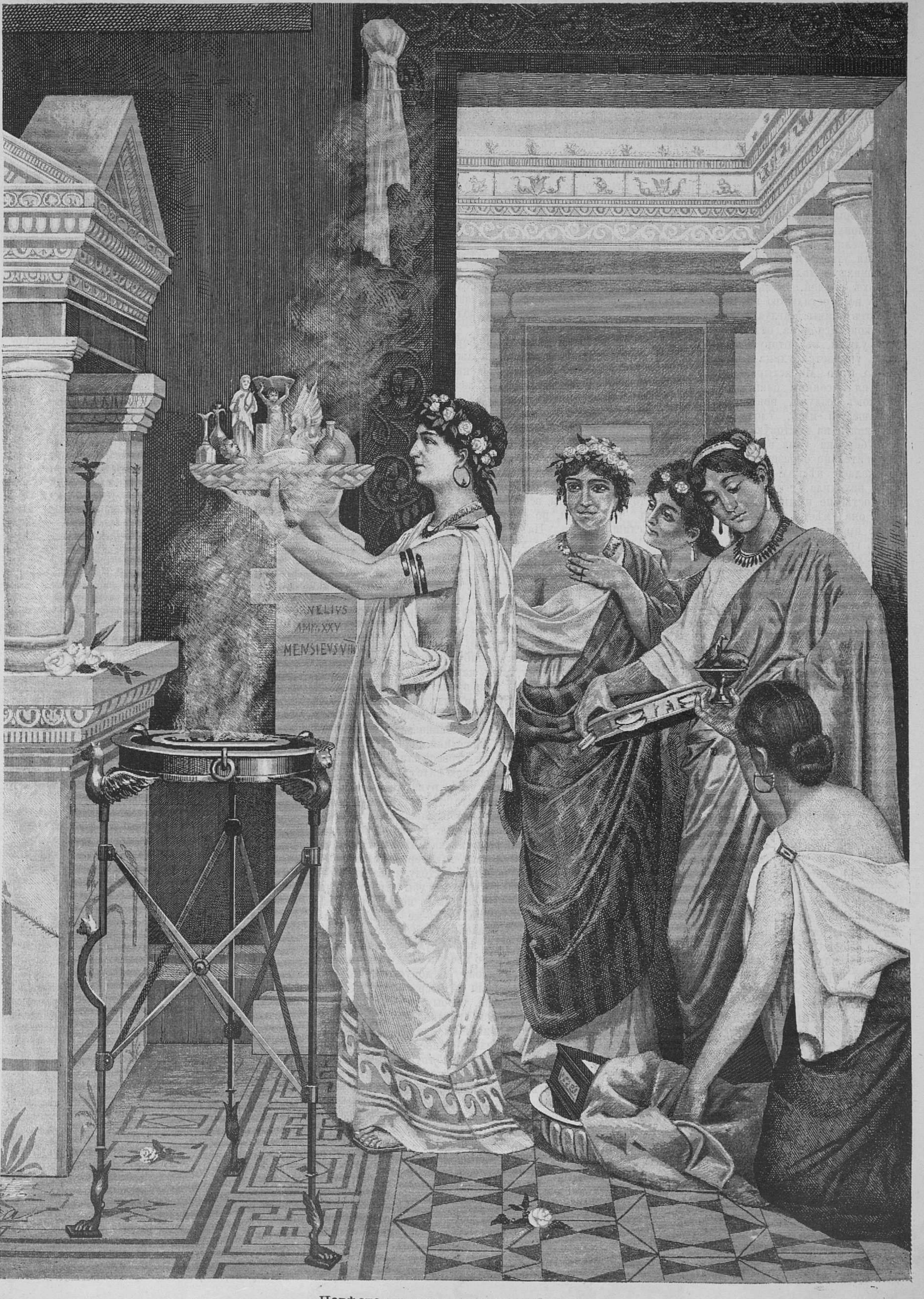
Оригинальный рисунокъ А. Муратова (собств. журн. «Живоп. Обозр.»).



Радоница.

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины Н. Лосева, рисовалъ для журн. «Живоп. Обозр.» Т. Никитинъ.


NELIVS
ANN·XXV
MENSIEVS VIII

Невѣста приноситъ жертву богамъ

кій разъ, какъ Анжеликѣ случалось входить въ эту комнату, большею частью затѣмъ, чтобы подновить выставку, состоявшую изъ двухъ или трехъ вышитыхъ золотомъ полосъ матеріи, передъ нею вѣчно открывалось одно и то-же зрѣлище, то есть улица, упиравшаяся въ ворота св. Агнесы; какая нибудь богомолка отворяла одну изъ желѣзныхъ рѣшетчатыхъ половинокъ этихъ воротъ открывавшихся и затворявшихся безъ малѣйшаго шума, а по другую сторону улицы лавка серебряныхъ дѣлъ мастера, а рядомъ съ нею—свѣчная лавка, въ которыхъ никогда не было видно ни одного покупателя, между тѣмъ какъ въ окнахъ красовались дароносицы, всякая другая церковная утварь и цѣлыя груды всевозможныхъ большихъ и малыхъ, толстыхъ и тонкихъ восковыхъ свѣчей. Надъ всѣмъ этимъ, какъ и надъ всей остальною церковною частью города, отъ улицы Маглуаръ, находящейся сзади епископскаго дома, отъ такъ называемой Большой улицы, въ которую другимъ своимъ концомъ упирается улица «Золотыхъ дѣлъ мастеровъ» и до Монастырской площади, съ обѣими ея высокими башнями, парилъ въ дремотномъ воздухѣ, невозмутимый, совершенно монашескій міръ, словно блѣдныя сумерки спускаясь на мостовую безлюдныхъ улицъ.

Губертина сама взялась учить Анжелику; относительно образованія добрая эта женщина держалась нѣсколько устарѣвшихъ понятій. Она находила, что для дѣвушки излишняя ученость не нужна; совершенно достаточно, если она умѣетъ читать, писать, знаетъ четыре правила ариѳметики и не дѣлаетъ слишкомъ грубыхъ ошибокъ въ правописаніи. Учить Анжелику было, однако, дѣломъ не легкимъ: не то, чтобы дѣвочка была непонятлива, нѣтъ! но она не чувствовала ни малѣйшей охоты къ ученію; ей несравненно пріятнѣе было разсѣянно глазѣть въ окно, хотя въ зрѣлищѣ, открывавшемся за этимъ окномъ, выходившимъ въ садъ, не было ровно ничего занимательнаго. Пристрастилась она только къ одному чтенію, за то правописаніе давалось ей весьма плохо: какъ ни билась съ ней Губертина, сколько ни диктовала ей по книжкѣ, составленной изъ разныхъ образцовыхъ отрывковъ, она и нѣсколькихъ словъ не могла написать безъ ошибокъ, хотя писала очень не дурно; не совсѣмъ правильный почеркъ ея напоминалъ собою тѣ мушиныя лапки, какими въ прежнія времена писали знатныя барыни. Что-же касается остального, то есть ариѳметики далѣе первыхъ четырехъ правилъ, исторіи, географіи и т. д., то невѣжество Анжелики въ этомъ отношеніи осталось полнымъ. Да и къ чему наука? Дѣло это совсѣмъ безполезное. Впослѣдствіи, когда настало время готовиться къ конфирмаціи, Анжелика въ порывѣ самой пламенной вѣры выучила наизустъ весь катехизисъ и привела всѣхъ въ восторгъ своею изумительною памятью.

Не смотря на то, что и самъ Губертъ, и его жена обращались съ дѣвочкой очень кротко, имъ въ первый годъ ея пребыванія у нихъ часто приходилось отчаяваться въ возможности сдѣлать изъ нея что-нибудь путное. Къ вышиванію она была способнѣе, чѣмъ къ наукамъ, и подавала надежды, что изъ нея со временемъ выйдетъ хорошая мастерица; но измѣнчива она была, какъ вѣтеръ: то въ теченіи нѣсколькихъ дней учится бывало съ примѣрнымъ прилежаніемъ, то на нее нападетъ вдругъ непобѣдимая и необъяснимая лѣность; сдѣлается она вялой, нерадивой, жадной къ ѣдѣ воруетъ сахаръ и сидитъ по цѣлымъ часамъ, ничего не дѣлая, вся раскраснѣвшись, и съ глазами, окруженными темною тѣнью. Каждый даже самый мягкій упрекъ за это вызывалъ съ ея стороны дерзкіе, нехорошіе отвѣты. Иной разъ, когда воспитатели во что-бы то ни стало старались обуздать ее, сломать ея строптивость, ея упрямство, на нее нападали припадки высокомѣрнаго, дикаго бѣшенства: она, упираясь на своемъ, рвала и метала, доходила до изступленія, сжимала кулаки, топала ногами, готовая, казалось, царапаться и кусаться. Воспитатели невольно отступали тогда передъ этимъ маленькимъ чудовищемъ: ихъ просто пугалъ сидѣвшій въ ней бѣсъ. Откуда у нея такой ужасный характеръ? Кто она такая по рожденію? Гдѣ отецъ ея и мать, и кто они такіе? Пріемыши, отданные въ воспитательный домъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ бываютъ плодомъ порока и преступленія. Раза два, доведенные до безнадежнаго унынія они горько сожалѣли, что такъ опрометчиво взяли ее на воспитаніе, рѣшались избавиться отъ нея и опять отвезти ее въ воспитательный домъ; но послѣ каждой изъ этихъ безобразныхъ сценъ, отъ которыхъ весь домъ приходилъ въ ужасъ, слѣдовали порывы такого-же бѣшенаго раскаянія; дѣвочка, заливаясь слезами, каталась по полу и такъ страстно молила, чтобы ее наказали самымъ жестокимъ образомъ, что поневолѣ приходилось ее прощать.

Мало по малу Губертина, однако, пріобрѣла надъ Анжеликой нравственный авторитетъ и до нѣкоторой степени умѣла заставлять ее слушаться. Добрая женщина эта какъ по своей врожденной душевной мягкости, по своему неуклонному здравому смыслу, такъ и по своей красивой и внушительной наружности, казалось, создана была для роли воспитательницы. Она старалась развить въ Анжеликѣ сознаніе долга, привычку къ сдержанности и къ послушанію, противопоставляя ихъ строптивости, вспыльчивости и гордости. Вся задача жизни, по ея мнѣнію, заключалась въ послушаніи. Надо слушаться Бога, родителей и старшихъ; такъ обрисовывалась цѣлая іерархія лицъ, которымъ слѣдовало повиноваться безропотно; внѣ послушанія, какъ думала она, нѣтъ спасенія; безъ него жизнь непремѣнно должна была выйти изъ правильной колеи и вести къ погибели. Потому послѣ каждой необузданной выходки дѣвочки, чтобы научить виноватую смиренію, Губертина заставляла ее исполнять какую нибудь черную работу, чистить посуду, мыть каменный полъ въ кухнѣ, и сама стояла все время тутъ-же, пока назначенный искусъ не былъ исполненъ вполнѣ. Пылкая дѣвочка сначала рвала и метала, но потомъ смягчалась и повиновалась. Врожденная страстность Анжелики, порывистая горячность ея ласкъ тоже тревожили Губертину. Не разъ заставала она свою питомицу въ то время, какъ та цѣловала себѣ руки; замѣчала она также въ ней какое-то лихорадочное увлеченіе картинками, изображавшими святыхъ и въ особенности Христа. У нея образовалась цѣлая коллекція такихъ картинокъ. Наконецъ, воспитательница какъ-то вечеромъ застала дѣвочку пригнувшуюся къ столу и безъ чувствъ. Лицо ея было въ слезахъ; губы страстно прижимались къ разбросаннымъ передъ нею картинкамъ. Губертина тутъ-же конфисковала коллекцію. Поднялась цѣлая буря: дѣвочка кричала, плакала, какъ будто съ нея кожу сдираютъ. Съ этого вечера съ Анжеликой стали обращаться строже, не допускали никакихъ поблажекъ, задавали ей несравненно болѣе работы, чѣмъ прежде, чтобы она ни одной минуты не оставалась праздной, а когда нервы ея начинали развиваться, щеки разгораться, а въ глазахъ появлялось дикое, почти безумное выраженіе, вокругъ нея тотчасъ-же воцарялось полное, леденящее молчаніе.

Въ дѣлѣ исправленія необузданнаго нрава Анжелики воспитательница нашла неожиданную помощницу въ книжкѣ, выданной дѣвочкѣ въ воспитательномъ домѣ. Черезъ каждые три мѣсяца, когда воспитателю приходилось вносить въ счетъ получку установленной суммы денегъ, и книжка, снова являлась для этого на свѣтъ Божій, попадалась на глаза Анжеликѣ, послѣдней на весь день овладѣвало какое-то мрачное настроеніе. То же происходило каждый разъ, какъ книжка случайно попадалась ей на глаза, когда она доставала изъ баула катушку съ золотомъ или какой нибудь другой матеріалъ для вышиванія. Какъ-то разъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда ничто не въ силахъ было укротить ея расходившейся злобы, и она сердито перерывала все въ ящикѣ, ей подъ руку попалась вдругъ книжка. Весь гнѣвъ ея утихъ сразу. Нѣсколько мгновеній простояла она, какъ въ воду опущенная, потомъ принялась рыдать, упала на колѣни передъ воспитателями, горько каялась въ своей винѣ и сквозь рыданія въ отчаяніи и едва внятно повторяла, что воспитатели напрасно пріютили ее, такъ какъ она не достойна, чтобы они ее хлѣбомъ кормили. Съ этого дня одна мысль о книжкѣ часто укрощала самые бѣшеные приступы ея гнѣва.

Такъ дожила Анжелика до двѣнадцати лѣтъ, то есть до того возраста, когда для нея настала пора конфирмоваться. Спокойная среда, въ которую она попала, полусонная жизнь въ тихомъ домѣ, пріютившемся въ тѣни собора, ароматъ ладона и смутный гулъ церковныхъ напѣвовъ, проникавшій туда сквозь отворенныя окна храма, какъ нельзя болѣе способствовали хотя медленному, но все таки замѣтному улучшенію этого дикаго побѣга, принесеннаго неизвѣстно откуда и посаженнаго на мистической почвѣ уединеннаго садика. Тому же сильно содѣйствовали регулярный образъ жизни, который вели въ этомъ домѣ, постоянная ежедневная работа и полное невѣдѣніе того, что происходило во всемъ остальномъ мірѣ, такъ какъ туда не проникала ни одна вѣсть изъ вѣчно дремлющаго квартала, въ которомъ находился этотъ мирный уголокъ, отчужденный отъ всякой житейской суеты. Болѣе же всего достиженію этихъ благихъ результатовъ способствовала безпредѣльная любовь другъ къ другу мужа и жены, любовь, которая, казалось, все росла и росла вслѣдствіе вѣчныхъ, ничѣмъ не изцѣлимыхъ укоровъ совѣсти. Всѣ старанія мужа, вся жизнь его были направлены на то, чтобы изгладить изъ памяти жены слѣды того оскорбленія, которое онъ нанесъ ей, женясь на ней противъ воли ея матери. Въ минуту смерти ихъ ребенка, онъ изъ словъ и по тону жены понялъ, не могъ не понять, что она винитъ его въ постигшемъ ихъ несчастіи, обрушившемся на нихъ, какъ наказаніе свыше, и всячески старался заслужить полное прощеніе, хотя цѣль эта была давно уже достигнута: жена не только простила, но и боготворила его. Однако, бывали минуты, когда онъ въ этомъ сомнѣвался, и это сомнѣніе отравляло все его счастіе. Рожденіе другого ребенка одно могло бы доказать ему, что та упрямая, безпощадно злопамятная мать простила имъ. И какъ страстно и онъ, и жена его желали имѣть еще ребенка, который долженъ бы былъ послужить имъ вѣстникомъ загробнаго прощенія. Не смотря на долгіе годы напраснаго ожиданія, онъ все-таки не терялъ надежды, всю жизнь проводилъ у ногъ жены, и брачный союзъ ихъ былъ одною изъ тѣхъ пылкихъ и въ то же время цѣломудренныхъ привязанностей, которыя невольно заставляютъ предполагать, что видишь предъ собою не мужа и жену, а только жениха съ невѣстой. Хотя при воспитанницѣ онъ ни разу не позволилъ себѣ поцѣловать жену даже въ лобъ, онъ тѣмъ не менѣе, даже послѣ двадцати лѣтъ супружеской жизни, входя въ общую комнату, не могъ преодолѣть въ себѣ того невольнаго смущенія, того сладкаго трепета, которые ощущаетъ новобрачный, впервые входя въ спальню жены, съ которою только что былъ повѣнчанъ. Сама же эта комната, кое гдѣ выкрашенная бѣлой и сѣрой краскою, оклеенная обоями съ голубыми узорами и установленная орѣховою мебелью, обитою кретономъ, свято сохранила тайну ихъ любви. Никогда ни одинъ звукъ не обличалъ того, что тамъ происходило, но кроткое сіяніе взаимной цѣломудренной любви и нѣжности наводняло всю окружающую атмосферу своими ласковыми лучами, вызвало умиленіе даже въ постороннихъ и благотворно дѣйствовало на юное созданіе, смягчая его порывистый нравъ, научая его кротости, и росло это существо подъ сѣнью святой привязанности, росло, правда, странное, но безукоризненно чистое нравственно.

Случайно найденная книга довершила остальное. Какъ то по утру Анжелика рылась на одной изъ покрытыхъ пылью полокъ мастерской; вдругъ, среди разныхъ принадлежиостей вышиванія, уже негодныхъ къ употребленію, ей попался на глаза очень старинный экземпляръ «Золотой Легенды» Жака де-Воражинъ. Французскій переводъ этотъ, помѣченный 1549 годомъ, вѣроятно купленъ былъ нѣкогда однимъ изъ предковъ Губерта, ради находившихся въ немъ картинокъ и политипажей, могущихъ дать полезныя свѣдѣнія на счетъ житія святыхъ. Анжелика долго интересовалась однѣми только картинками, грубо вырѣзанными на деревѣ, но дышавшими самою наивною, самою чистою вѣрою и приводившими ее въ восторгъ. Только что ей позволяли отдохнуть отъ работы, она тотчасъ же бралась за этотъ большой томъ in folio, въ желтомъ переплетѣ изъ телячьей кожи, и начинала его перелистывать. На самой первой страницѣ красными и черными буквами напечатанъ былъ только адресъ издателя: — «Парижъ. Новая улица Богоматери. Лавка подъ вывѣскою Жанъ-Батистъ». Далѣе слѣдовалъ фронтисписъ съ полнымъ заглавіемъ книги, по бокамъ котораго находились по два круглыхъ медальона евангелистовъ; внизу представлено было поклоненіе волхвовъ, а вверху—торжество Христа, попиравшаго ногами человѣческія кости. Далѣе слѣдовали однѣ за другими изукрашенныя прописныя буквы, большія, среднія и малыя виньетки, помѣщенныя среди текста на самыхъ страницахъ книги. Тутъ изображены были Благовѣщеніе, на которомъ громадный ангелъ осѣнялъ своими крылами и заливалъ потоками лучей совсѣмъ крошечную Дѣву Марію; затѣмъ — избіеніе младенцевъ, на которомъ жестокій Иродъ изображенъ былъ среди груды маленькихъ труповъ; ясли, съ покоящимся въ нихъ младенцемъ-Христомъ, съ одной стороны котораго находилась Богородица, а съ другой Іосифъ, держащій свѣчу. Далѣе Іоаннъ Милостивый подавалъ милостыню нищимъ, св. Матѳей разбивалъ идола, св. угодникъ Николай, въ епископскомъ облаченіи, имѣющій направо отъ себя лохань съ довольно большимъ количествомъ малютокъ. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ праведницъ. Тутъ были: и святая Ангеса, съ шеей, проняженной мечемъ, Христина, изображенная въ тотъ моментъ, когда у нея вырываютъ груди, Женевьева съ своими барашками, бичеваніе Юліаны, сожженіе Анастасіи, Марія Египетская, кающаяся въ пустынѣ, Магдалина, несущая сосудъ съ благовоніями и еще множество разныхъ другихъ; съ каждой новой виньеткой благоговѣйный трепетъ и религіозное настроеніе возростали въ душѣ и производили впечатлѣніе тѣхъ потрясающихъ разсказовъ, отъ которыхъ сердце сжимается и слезы выступаютъ на глаза.

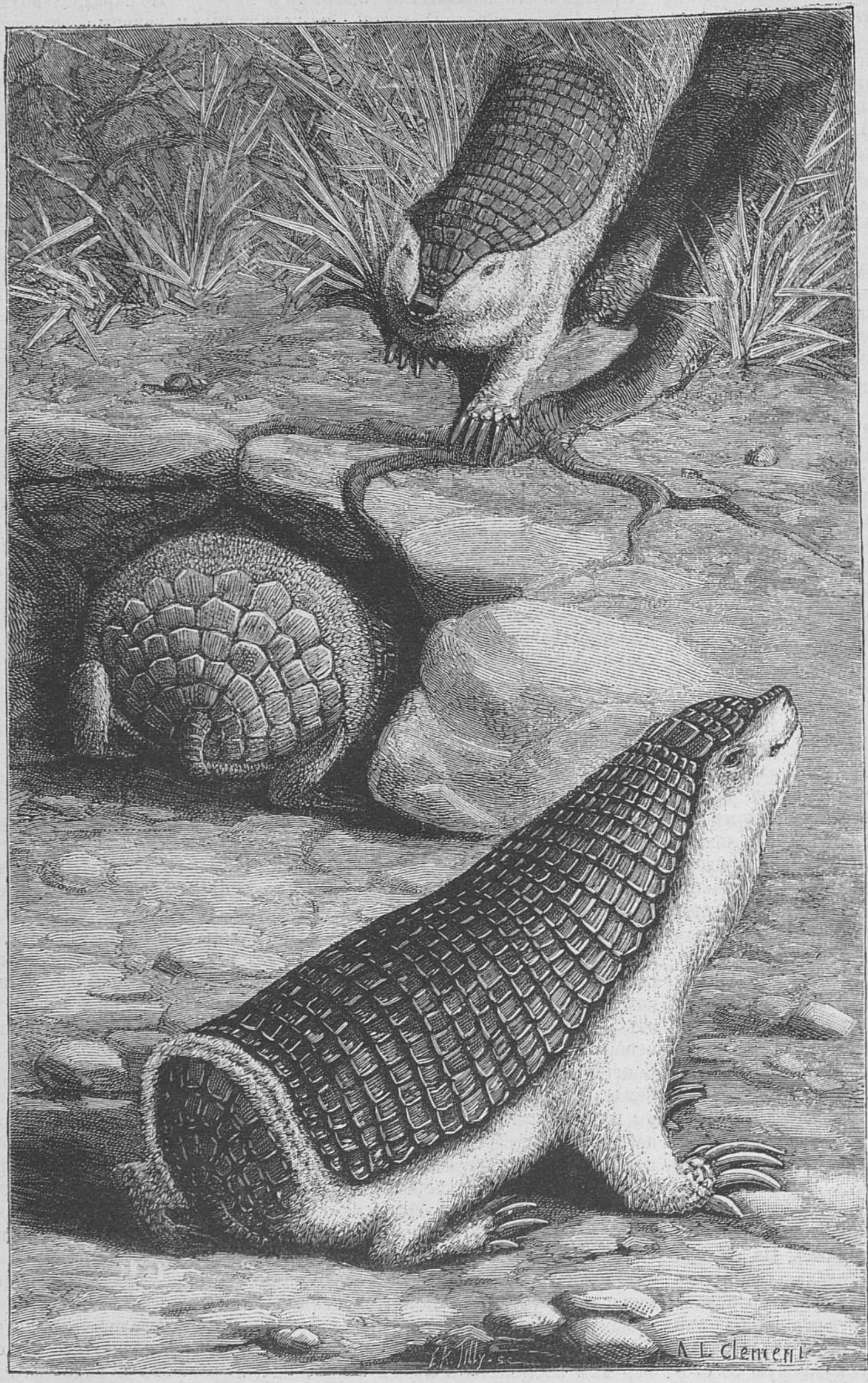
Однако, мало по малу въ Анжеликѣ пробуждалось желаніе узнать въ точности, что именно изображено на картинкахъ. На каждой страницѣ было по два столбца убористаго текста. Бумага сильно пожелтѣла, но печать осталась такою-же черною, какъ и въ дни выхода книги въ свѣтъ. Дѣвочка со страхомъ принялась разбирать книгу, пугавшую ее своимъ варварскимъ готическимъ шрифтомъ, но это все-таки не остановило ее и она, правда, не безъ труда, мало по малу привыкла и къ шрифту, и къ сокращеніямъ, и къ страшной орѳографіи; добиралась до смысла устарѣлыхъ словъ и выраженій и кончила тѣмъ, что стала бѣгло читать и понимать прочитанное. При каждой трудности, которую ей удавалось преодолѣть, она приходила въ восторгъ, словно проникнувъ въ суть сокровенной тайны или добравшись до смысла мудреной загадки. Благодаря тяжкимъ и усидчивымъ стараніямъ, мракъ постепенно разсѣялся и раскрылъ передъ нею невѣдомый лучезарный міръ. Она какъ будто проникала въ царство какого-то ослѣпительнаго свѣта. Всѣ прежнія классическія книги, которыми она до тѣхъ поръ пробавлялась, книги сухія и холодныя, были теперь забыты. Только одну «Легенду» читала она съ страстнымъ увлеченіемъ. Она долго-долго сиживала, склонившись надъ книгой, охвативъ обѣими руками свой пылающій лобъ, забывая и время, и весь міръ, пока передъ ея духовными глазами изъ глубины невѣдомаго вставалъ и въ полномъ блескѣ развертывался и прояснялся чудный, необъятный міръ грезъ.

Прежде всего поразила ее кротость и милосердіе Божіе, а потомъ жизнь и характеры праведниковъ и праведницъ, уже какъ-бы заранѣе отмѣченныхъ перстомъ Создателя для великихъ подвиговъ; таинственные голоса возвѣщаютъ ихъ рожденіе, ихъ матери видятъ вѣщіе лучезарные сны. Всѣ они прекрасны, сильны тѣломъ и духомъ, всѣ остаются побѣдителями. Всѣ они окружены сіяніемъ; даже самыя лица ихъ изливаютъ ослѣпительный свѣтъ: у св. Доминика звѣзда во лбу. Всѣ они читаютъ въ сердцахъ и мысляхъ людей, высказывая громко то, что каждый чувствуетъ и думаетъ втайнѣ. Всѣ надѣлены даромъ пророчества и предсказанія ихъ постоянно сбываются. Число ихъ безконечно: есть среди нихъ епископы и монахи, есть непорочныя дѣвы и блудницы, нищіе и люди знатнаго, даже царскаго рода; есть обнаженные монахи, удалившіеся въ пустыню и питавшіеся одними кореньями, и старцы, живущіе въ пещерахъ, и не знающіе иного общества, кромѣ робкой лани. Всѣ ихъ исторіи въ сущности схожи между собою; разница только въ подробностяхъ. Всѣ они родились какъ будто для одного только обожанія Христа; они вѣруютъ въ него, отказываются поклоняться ложнымъ богамъ, терпятъ всевозможныя мученія и пытки, и умираютъ, окруженные полнымъ сіяніемъ славы. Самимъ вѣнценосцамъ, наконецъ, надоѣдаетъ преслѣдовать ихъ. Св. Андрей, уже распятый на крестѣ, въ теченіе двухъ сутокъ продолжаетъ проповѣдовать двадцатитысячной толпѣ. Вновь обращенные являются массами; четыре тысячи человѣкъ за одинъ разъ принимаютъ крещеніе. Если чудеса не въ силахъ обратить невѣрующихъ на истинный путь, невѣрующіе эти разбѣгаются въ страхѣ. Угодниковъ Божіихъ обвиняютъ въ колдовствѣ, задаютъ имъ самыя мудреныя загадки, которыя они тутъ-же разрѣшаютъ, заставляютъ ихъ состязаться съ учеными, и тѣ нѣмѣютъ предъ мудростью ихъ и ихъ познаніями. Когда ихъ силою влекутъ въ капища, заставляя противъ воли поклониться идоламъ, идолы эти падаютъ отъ малѣйшаго дуновенія и разбиваются. Одна непорочная дѣва надѣваетъ свой поясъ на шею Венеры и послѣдняя разсыпается въ прахъ. Земля дрожитъ; молнія ударяетъ въ храмъ Діаны, и онъ рушится, народы возмущаются, начинаются междуусобныя войны. Тутъ иногда сами палачи молятъ удостоить святого крещенія; цари преклоняютъ колѣна передъ нищими, давшими обѣтъ вѣчно жить въ бѣдности и вслѣдствіе этого покрытыми рубищемъ. Сабина убѣгаетъ изъ родительскаго дома; Павла, во имя Христа, покидаетъ пятерыхъ дѣтей и даетъ обѣтъ никогда не мыться. Всѣ умерщвляютъ плоть свою; лишенія и самый строгій постъ очищаютъ ихъ. Они не ѣдятъ ни пшеницы, ни масла. Германъ посыпаетъ пепломъ свою пищу. Бернардъ теряетъ способность различать явства и узнаетъ вкусъ одной только чистой воды. Агафонъ въ теченіи трехъ лѣтъ держитъ во рту камень. Августинъ, какъ о тяжкомъ грѣхѣ, сокрушается о томъ, что разсѣянно засмотрѣлся на пробѣжавшую собаку. Блага жизни, здоровье въ полнѣйшемъ пренебреженіи; ликованія начинаются только съ наступленіемъ испытаній и лишеній, убивающихъ тѣло. Стяжавъ мученическій вѣнецъ или восторжествовавъ надъ всѣми земными соблазнами, они живутъ въ чудныхъ садахъ, гдѣ каждый цвѣтокъ—звѣзда, а каждый листокъ на деревьяхъ поетъ. Они сокрушаютъ драконовъ, поднимаютъ и укрощаютъ бури, а ихъ самихъ; въ минуты изступленнаго восторга, сверхестественная сила поднимаетъ на двѣ пяди отъ земли. Во время ихъ жизни о нуждахъ ихъ заботятся благочестивыя вдовицы, получающія во снѣ приказаніе похоронить ихъ, когда они умираютъ. Съ ними случаются самыя чудесныя и поразительныя происшествія, которыя много интереснѣе всякихъ романовъ и сказокъ, а когда по прошествіи цѣлыхъ столѣтій открываютъ ихъ гробы, оттуда распространяются упоительныя благоуханія.

Но параллельно съ угодниками Божіими идутъ и демоны, безконечное множество демоновъ. «Оные нерѣдко, аки мухи, имѣютъ летаніе вокругъ насъ», говорится въ книгѣ: «и нѣсть числа діаволамъ и прочимъ злымъ духамъ, и крутятся они въ воздухѣ, аки пылинки въ столбѣ солнечномъ, ибо сами они и мелки и мерзки, аки пыль». Идетъ вѣчная, ожесточенная борьба. Праведники постоянно остаются побѣдителями, тѣмъ не менѣе борьбу приходится возобновлять постоянно. Чѣмъ больше ихъ удается прогнать, тѣмъ въ большемъ количествѣ они возвращаются. Сосчитано было, что цѣлыхъ шесть тысячъ шестьсотъ шесть дьяволовъ засѣло въ тѣлѣ одной женщины, которую избавляетъ отъ нихъ св. Фортритъ. Они неистовствуютъ, бьются, говорятъ, кричатъ устами бѣсноватыхъ, и отъ этихъ криковъ поднимаются страшныя бури. Бѣсы вторгаются въ праведниковъ черезъ ноздри, чечезъ уши, черезъ ротъ и, послѣ ожесточенной борьбы, побѣжденные, вынуждены удалиться и удаляются съ отчаяннымъ ревомъ и воемъ. На каждомъ почти перекресткѣ валяются одержимые бѣсомъ, и проходящимъ мимо праведникамъ приходится ради исцѣленія больныхъ ожесточенно бороться съ дьяволомъ. Изъ-за несчастнаго юноши св. Василій вступаетъ съ бѣсомъ въ рукопашный бой, а Макарію, кочевавшему на кладбищѣ среди могилъ, приходится въ теченіи цѣлой ночи отбиваться отъ нападавшихъ на него враговъ рода человѣческаго. Даже ангелы, стоя у изголовья только-что умершихъ людей и отстаивая души этихъ умершихъ, вынуждены ударами отгонять демоновъ. Иногда борьба бываетъ не физическая а нравственная и орудіями ея служатъ умъ и находчивость: шутятъ, стараются перехитрить одинъ другого. Апостолъ Петръ и Симонъ волхвъ состязаются посредствомъ чудесъ. Сатана въ своихъ ухищреніяхъ принимаетъ всевозможные виды, превращается въ женщину и даже принимаетъ внѣшній образъ святыхъ, но въ туже минуту, когда побѣда остается за его противникомъ, онъ принимаетъ снова свой настоящій и безобразный видъ.—«И обращается онъ черной кошкой», говоритъ таже книга: «ростомъ непомѣрнымъ, премного болѣе пса, съ глазами огромны и сверкающи; съ отмѣнно долгимъ языкомъ, до самого пупа доходяшимъ и съ хвостомъ кверху трубою загнутымъ, изъ подъ себя зѣло смрадное зловоніе издающимъ». Дьяволъ служитъ главною заботой спасающихся, предметомъ ихъ неутомимой ненависти. Его боятся пуще всего на свѣтѣ и надъ нимъ же надсмѣхаются, явно его вышучиваютъ. Съ нимъ даже иной разъ поступаютъ далеко не честно. Въ сущности онъ, не смотря на весь ужасающій арсеналъ своихъ орудій, въ родѣ раскаленныхъ сковородъ, пылающихъ костровъ и кипящихъ котловъ, постоянно остается въ дуракахъ: всѣ заключенные съ нимъ договоры отнимаются у него силой или хитростью. Даже слабыя женщины справляются съ нимъ. Маргарита размозжаетъ ему голову своею пятою; Юліана своими цѣпями пробиваетъ ему утробу. Изъ этого истекаютъ какъ нельзя болѣе утѣшительные и свѣтлые выводы: зло презираютъ, потому, что оно безсильно; въ добро уповаютъ твердо, потому что сила его непоколебима. Стоитъ только перекреститься съ вѣрою, и все могущество дьявола пропадаетъ; онъ побѣжденъ и исчезаетъ съ пронзительнымъ воемъ. Когда непорочная дѣва сотворитъ знаменіе креста. вся геенна рушится.

Среди же вѣчной борьбы праведниковъ съ сатаною развертывается вся длинная нить жестокихъ преслѣдованій и безпощадныхъ пытокъ. Палачи выставляютъ на съѣденіе мухамъ мучениковъ, вымазанныхъ медомъ; заставляютъ ихъ ходить босыми ногами по битому стеклу или по раскаленнымъ угольямъ; опускаютъ ихъ въ ямы, кишащія всякими пресмыкающимися гадами; истязаютъ ихъ бичами со свинцовыми шариками; заколачиваютъ живыми въ гробы и бросаютъ въ море; привязываютъ за волосы къ вѣтвямъ деревьевъ и потомъ поджигаютъ, обливаютъ ихъ язвы негашеною известью, кипящей смолою или растопленнымъ свинцомъ; сажаютъ на мѣдныя плиты, раскаленныя до бѣла; надѣваютъ имъ на головы раскаленные шлемы; тѣло жгутъ смоляными факелами; кузнечными молотами раздробляютъ имъ кости; вырываютъ у нихъ глаза, отрѣзаютъ языки и ломаютъ пальцы одинъ за другимъ. Но страданія мученикамъ ни по чемъ: праведники къ пыткамъ и казнямъ относятся съ презрѣніемъ и съ восторженной радостью рвутся къ новымъ страданіямъ. Впрочемъ, постоянныя чудеса служатъ имъ защитой, такъ что палачи выбиваются изъ силъ. Іоаннъ выпиваетъ ядъ, и это не приноситъ ему не малѣйшаго вреда; Стефанъ, весь истыканный стрѣлами, только улыбается, а иные стрѣлы виснутъ въ воздухѣ, словно не дерзая вонзиться въ тѣло праведника или даже обращаются вспять и выкалываютъ глаза пустившимъ ихъ стрѣлкамъ. Они выпиваютъ растопленный свинецъ, какъ свѣжую воду. Львы — и тѣ, словно ягнята, преклоняются передъ ними и лижутъ имъ руки. Св. Лаврентію раскаленная рѣшетка, на которой его мучатъ, доставляетъ необыкновенно пріятное ощущеніе прохлады. — «Несчастный! кричитъ онъ палачу: ты зѣло исправно поджарилъ одну сторону. Переверни на другую и жри ту, ибо она весьма уже поджарилась». Цецилія, брошенная въ котелъ съ кипяткомъ «пребывала въ ономъ, аки въ самомъ прохладномъ мѣстѣ». Христина доводитъ мучителей чуть не до отчаянія. Отецъ ея приказываетъ двѣнадцати человѣкамъ нещадно стегать ее бичами, и исполнители его воли почти падаютъ отъ усталости. На смѣну имъ является другой палачъ; онъ привязываетъ ее къ колесу и разводитъ подъ этимъ колесомъ костеръ; но пламя, не касаясь праведницы, сжигаетъ полторы тысячи человѣкъ. Навязавъ ей на шею камень, ее бросаютъ въ море, но ангелы поддерживаютъ ее въ воздухѣ; Христосъ является лично и производитъ надъ нею таинство крещенія, потомъ поручаетъ ее архангелу Михаилу, который снова приводитъ ее па землю. Наконецъ еще новый палачъ запираетъ ее вмѣстѣ съ ядовитыми ехиднами, но онѣ только ласково обвиваются вокругъ ея шеи; затѣмъ ее на пять дней ввергаютъ въ огненную печь, но это не приноситъ ей никакого вреда, и она тамъ только поетъ, прославляя Господа. Викентій вытерпѣлъ еще болѣе, не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго страданія: ему ломаютъ руки и ноги; желѣзными когтями рвутъ ему грудь, спину и животъ, такъ что всѣ внутренности выходятъ наружу; въ тѣло его втыкаютъ несмѣтное количество иголокъ и бросаютъ потомъ на пылающій костеръ, но кровь, текущая изъ ранъ его, заливаетъ огонь. Потомъ его снова заключаютъ въ тюрьму, пригвоздивъ ноги къ столбу, но весь изрубленный, обгорѣлый, съ распоротымъ животомъ, онъ все таки продолжаетъ жить; вмѣсто страданія онъ испытываетъ одно блаженство; сверхъестественный свѣтъ озаряетъ его темницу; каменныя плиты подъ нимъ превращаются въ ложе изъ розъ, и ангелы распѣваютъ вмѣстѣ съ нимъ. «Благовонный духъ цвѣточный купно съ сладчайшіе звуки пѣсни изрядно далеко разносились», сообщаетъ таже легенда:—«и когда стража пришедши сіе узрѣла, то тутъ же въ истиннаго Бога увѣровала, а когда молва о семъ достигла слуха Докіанова, то сей послѣдній въ неописуемомъ бѣшенствѣ изрѣкъ:—«что паче могимъ мы ему сотворить, егда мы имъ побѣждены есмы?» Когда у мучителей вмѣстѣ съ крикомъ ярости вырывается такое сознаніе, то имъ остается только увѣровать или умереть. На нихъ сыплются тысячи бѣдствій: параличъ поражаетъ ихъ руки; они давятся рыбными костями; ихъ убиваетъ молнія или раздавливаетъ изломавшаяся колесница. Они одинъ за другимъ погибаютъ мучительной, большею частью, внезапною смертью. Темницы-же праведниковъ наводнены сіяніемъ; Пречистая Дѣва Марія и апостолы безпрепятственно проникаютъ туда сквозь каменныя стѣны. Неожиданная помощь поминутно снисходитъ на избранниковъ Божіихъ съ разверзающихся небесъ, на которыхъ являются разныя знаменія: самъ Господь Богъ является, держа въ десницѣ своей вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней. При такихъ обстоятельствахъ смерть становится не страшна и мученики дѣйствительно не только ея не боятся, но даже призываютъ ее; родители ликуютъ, когда кто-нибудь изъ ихъ дѣтей гибнетъ такимъ образомъ. На горѣ Араратѣ десять тысячъ вѣрныхъ рабовъ истиннаго Бога умираютъ на крестахъ. Близъ Кельна одиннадцать тысячъ непорочныхъ дѣвушекъ гибнетъ жертвами гунновъ. Въ циркахъ живыя человѣческія кости хрустятъ подъ зубами дикихъ звѣрей. Кирикъ, трехлѣтній младенецъ, умудренный Св. Духомъ, говоритъ, какъ взрослый человѣкъ и принимаетъ мученическую смерть. Грудные младенцы оскорбляютъ палачей. Пренебреженіе къ человѣческой плоти, полное отвращеніе отъ этихъ бренныхъ земныхъ лохмотьевъ придаютъ страданію небесное блаженство. Пусть рвутъ эту плоть на части, пусть наносятъ ей увѣчья, жгутъ ее — тѣмъ лучше: какія-бы муки ни терпѣла она, для нея все-таки будетъ слишкомъ мало, и всѣ стремящіеся къ небесамъ,

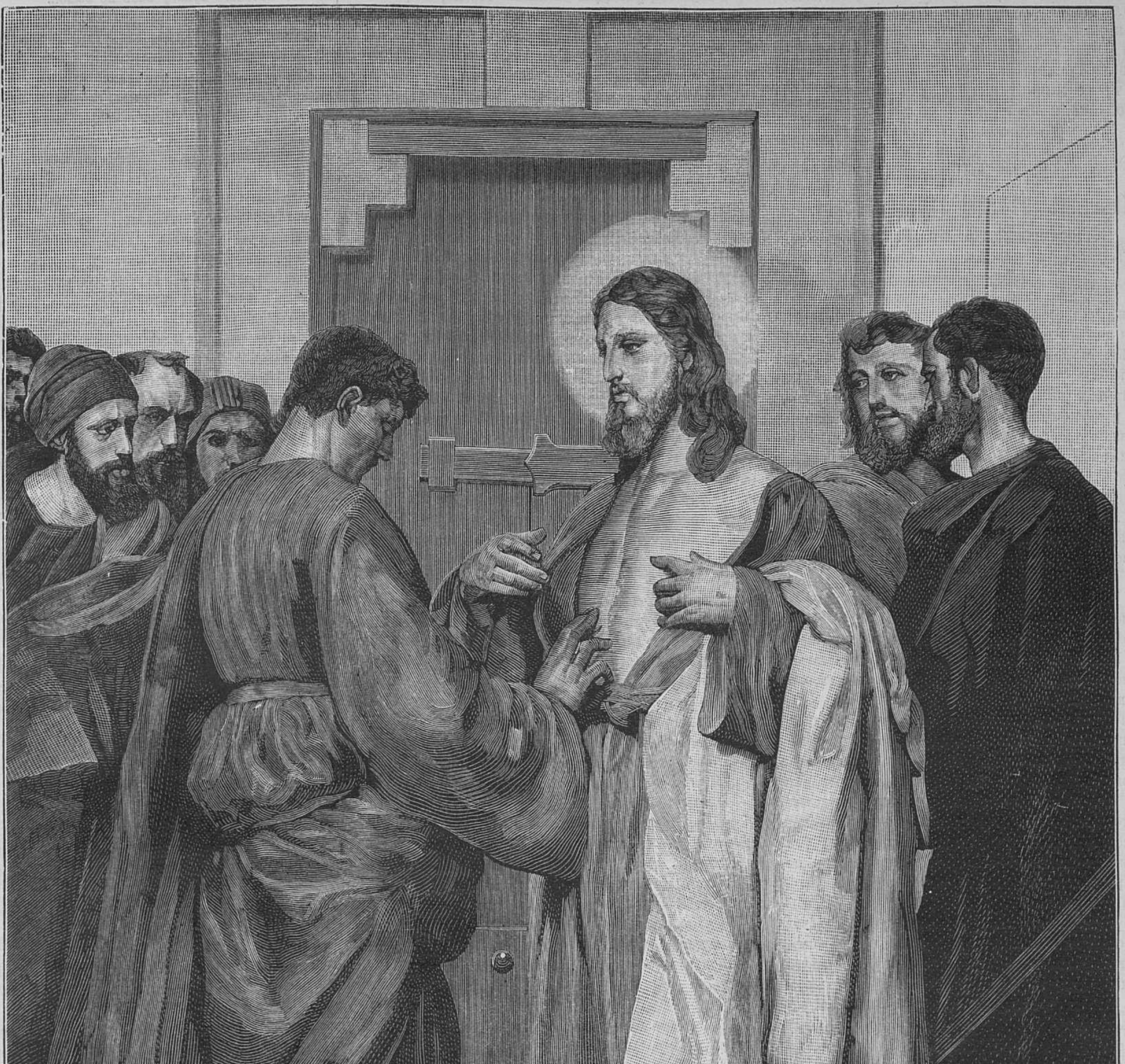
НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.



Чилійскій щитоносецъ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Чизери.



Невѣріе апостола Ѳомы.

Гравировалъ на деревѣ для «Жив. Обозр.» А. Шталь въ Спб.

страстно призываютъ булатные мечи, насквозь прокалывающіе имъ горло. Евлалія, стоя связанная на кострѣ, старается втягивать въ себя пламя, чтобы умереть поскорѣе. Молитва ея услышана Господомъ: онъ посылаетъ ей смерть, и въ ту-же минуту изъ ея устъ вылетаетъ бѣлая голубка и несется прямо къ небесамъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ёжа.**

(Переводъ съ польскаго **А. Сахаровой**).

(*Продолженіе*).

Можно предположить, что представился-бы еще случай для подобнаго проявленія, если-бы Ляіошъ дольше просидѣлъ съ дамами. Бесѣда Ляіоша была прервана входомъ бана съ Чолничемъ, которые провели съ глазу на глазъ часа два. Банъ былъ, повидимому въ хорошемъ расположеніи духа, являющимся слѣдствіемъ внутренняго удовлетворенія. Войдя, онъ смѣрилъ Ляіоша взглядомъ, разгладилъ ладонью усы и спросилъ у графини:

— Что-же, значитъ... помощникъ пригодился?..

— О... и очень... послышался отвѣтъ. Безъ него мы бы не выпутались изъ затрудненія, въ которое насъ ввелъ вопросъ, относящійся къ оттѣнку цвѣтка на полосѣ...

— А что!... Оказывается, что онъ на всѣ руки мастеръ: потому что я только что узналъ отъ сосѣда, что... бѣда тому, кто подвернется подъ взмахъ его сабли. Умѣетъ и саблей рубить, и отца почитать, и цвѣта подбирать... Вотъ такъ молодецъ!... Такихъ намъ теперь нужно...

Ляіошъ, услыхавъ неожиданно обрушившіяся ему на голову похвалы, онѣмѣлъ. Онъ не въ состояніи былъ вымолвить ни одного слова. Къ счастью своему, онъ могъ молчать, благодаря Чолничу, который отвѣчалъ за себя и за него. Впрочемъ, это продолжалось недолго. Послѣ того какъ банъ, графиня и Чолничъ обмѣнялись между собою нѣсколькими длинными и короткими фразами, они начали прощаться и на прощаніи банъ, положивъ руку на плечо Ляіоша, сказалъ:

— Да, мы устроились съ Чолничемъ: въ Загребьѣ вы не будете обѣдать нигдѣ, какъ у меня... Decisum est... А слѣдовательно... ad revidendum... тѣмъ болѣе, что намъ надо кое-что обдумать и кое-что придумать...

Выйдя изъ дворца, молодой человѣкъ нѣкоторое время шелъ рядомъ съ товарищемъ молча. Наконецъ, онъ прервалъ молчаніе.

— Мы возвращаемся въ Климовацъ...

— А, нѣтъ... отвѣчалъ Чолничъ,—нельзя...

— Почему?

— Вещь простая: не идетъ...

— Это не причина...

— Если воля покойника-отца не имѣетъ для тебя никакого значенія, въ такомъ случаѣ... ѣдемъ.

Молодой человѣкъ не нашелся, что отвѣтить на такое доказательство. Это доказательство повліяло на него, какъ узда на лошадь. Онъ выходилъ изъ терпѣнья, но повиновался, только пожаловался своему товарищу:

— Мнѣ какъ-то не по себѣ въ Загребьѣ...

— Ты не привыкъ къ городу...

— Не то, но...

— Что?

— Я-бы предпочелъ не заглядывать въ Загребье...

— Привыкнешь...

— Именно этого-то мнѣ и не хочется... и прибавилъ:

— Привыкать?.. Я тутъ боюсь пріучиться...

— Я не думалъ, чтобы ты былъ такъ труслив...

— Ахъ, проговорилъ онъ съ нетерпѣніемъ. Робость моя не обыкновенная робость... пребываніе въ Загребьѣ мѣшаетъ мнѣ... и вотъ...

— Первый разъ въ жизни—отвѣтилъ Чолничъ, случается мнѣ видѣть такого человѣка... Что-жь тебѣ тутъ можетъ мѣшать?.. Банъ къ тебѣ милостивъ, медомъ готовъ тебя смазать; жена его также, водятъ къ дамамъ, сажаютъ тебя подлѣ дѣвушки красной, точно заря, и сверкающей не только глазами, но и непомѣрнымъ количествомъ золота... Знаешь-ли ты, что такого второго приданаго, какъ приданое графини Печичъ, ты не найдешь во всей коронѣ венгерской, хоть-бы ты искалъ съ фонаремъ?.. Знаешь-ли ты это?..

— Что мнѣ за дѣло до этого!.. проворчалъ Ляіошъ.

— Что?.. проговорилъ Чолничъ тономъ, выражающимъ изумленіе. Такая невѣста!.. такое приданое!.. Тебѣ улыбается будущее, которое встрѣчается одному изъ тысячи... что я говорю!.. одному изъ милліона молодыхъ людей... и ты вздумалъ отворачиваться отъ такого будущаго?.. Если-бы ты женился на Печичъ, то-бы отъ тебя зависѣло сдѣлаться баномъ Кроаціи и даже палатиномъ въ Венгріи... Ужь это зависѣло-бы отъ тебя... повторилъ онъ съ цѣлью выясненія перспективы, вытекающей изъ этихъ словъ.

— А!.. началъ Ляіошъ.

Но Чолничъ не далъ ему заговорить, вѣроятно, для того, чтобы у него не выскользнуло изъ устъ такое словечко, которое сдѣлалось-бы обязательствомъ. Это случается. Одно словечко, поспѣшно высказанное въ припадкѣ дурного расположенія духа, является иногда вопросомъ чести, рѣшающимъ участь цѣлой жизни. Чолничъ, человѣкъ опытный, не хотѣлъ этого допустить. Онъ зналъ, что юноша съ такой дѣвственной душой придаетъ большое значеніе своимъ собственнымъ словамъ и когда онъ что-нибудь выскажетъ въ смыслѣ рѣшенія, то высказанное имъ мнѣніе останется, отъ котораго онъ также не отступитъ, какъ-бы онъ не убѣжалъ отъ своего знамени. Поэтому какъ только Ляіошъ заговорилъ, прежде чѣмъ слово, выражающее фактъ или дѣйствіе, вырвалось у него изъ устъ, тотчасъ прервалъ его.

— Въ этомъ нѣтъ, проговорилъ онъ, еще ничего вѣрнаго... Что я тебѣ сказалъ, то пригрезилось мнѣ... Человѣку, который столько жилъ, столько видѣлъ и столько испыталъ, сколько я въ столкновеніяхъ съ людьми, достаточно одного взгляда, чтобы онъ догадался, въ чемъ дѣло... Не даромъ я юристъ... Ну, вотъ, я и говорю тебѣ, Ляіошъ Ердоди: ты держишь свою судьбу въ собственныхъ рукахъ и теперь дѣло только въ томъ, чтобы ее не упустить. Еще нѣтъ ничего, но все можетъ быть, это значитъ: если въ настоящую минуту мѣшать не будешь, а затѣмъ приложишь старанія...

— Но... началъ Ляіошъ.

— Тише!.. не откликайся...

— Однако-же...

— Т-съ... прошипѣлъ Чолничъ, протягивая руку. Говорю тебѣ, что въ настоящую минуту тебѣ нечего дѣлать... пусть дѣла идутъ своимъ порядкомъ, ты же только не мѣшай, точно рѣчь идетъ не о тебѣ... Больше отъ тебя ничего не требуется... Понимаешь?..

— Ну, понимаю... отвѣтилъ юноша съ нетерпѣніемъ, но не понимаю, отчего ты мнѣ говорить не даешь...

— Для того, чтобы ты своему счастью головы не срубилъ...

— Что?

— Въ устахъ человѣческихъ слова бываютъ подобно мечу въ рукѣ палача...

— Да вѣдь я же знаю это...

— Если знаешь, такъ и понимаешь... Довольно... Теперь намъ надо переговорить съ хозяиномъ корчмы...

Послѣднія слова были произнесены на порогѣ гостинницы. Дальнѣйшій разговоръ въ этомъ направленіи становился невозможнымъ. Хозяинъ стоялъ неподалеку отъ дверей и, увидя ихъ входящими, разставилъ руки и воскликнулъ:

— А ей Богу-же, такъ уже не годится!...

— Ну, отвѣтилъ Чолничъ.

— Вчера одинъ, сегодня оба!..

— И о чемъ-же ты хлопочешь?..

— Мы ждали съ обѣдомъ, ждали...

— Вина не наша...

— Конечно, не моя... А печеный лукъ сегодня еще лучше, чѣмъ вчера... Вкусный, ароматный... Вкусъ и запахъ прямо человѣку въ душу и въ сердце лѣзли...

— Жалко...

— Пожалѣйте, потому что спечетъ-ли такъ жена во второй разъ... Ей не всегда это удается... Для этого надо не только въ мѣру посолить и во время перцемъ посыпать, но чтобы и печка не была ни слишкомъ горяча, ни слишкомъ холодна... Какъ сообразить эту теплоту?.. Въ этомъ-то и искусство... Ну... и гдѣ же вы запропастились?..

— Банъ удержалъ насъ обѣдать...

— Я догадывался объ этомъ... Однако, не довѣряя собственной проницательности, я, какъ каждый разсудительный человѣкъ, велѣлъ оставить для васъ бараньей печени.

— Спасибо... отвѣтилъ Чолничъ.

— Вы не голодны?..

— Ну... нѣтъ...

— Но печенаго лука у васъ не было...

— У насъ были жареные фазаны...

— И-и... что это такое!.. отвѣтилъ онъ презрительно. Луку печь у бана не умѣютъ... Но, спросилъ онъ, измѣняя тэму разговора,—что тамъ слышно?.. Что банъ поговариваетъ о войнѣ?.. Турокъ собираетъ великія силы и направляется на Штаперское... Если онъ захватитъ Штаперское... то и намъ смерть...

— А если мы ему не дадимся?.. заговорилъ Чолничъ.

— Ахъ!.. небрежно махнулъ рукою хозяинъ корчмы, не дадимся?.. Одному съ двоими не справиться, а тутъ на одного придется не двое, но, по крайней мѣрѣ, сто...

— Однако же этихъ сто, одинъ отъ Беча отогналъ...

— Собѣскій... подхватилъ хозяинъ корчмы; это дѣло другое... Собѣскій это—воинъ, толстый, какъ я, и я слышалъ, что у него такой голосъ, что когда онъ гаркнетъ, такъ человѣкъ испугается такъ, точно громъ грянулъ... Это дѣло другое... какой-же изъ нѣмецкихъ генераловъ похожъ на Собѣскаго?.. Зачѣмъ его отпустили?.. если-бы Собѣскій вмѣшался...

— Отчего-бы ему не вмѣшаться?.. проговорилъ одинъ изъ присутствующихъ въ пріемной.

— Нѣтъ... отвѣтилъ хозяинъ корчмы, отворачиваясь и размахивая себѣ пальцемъ подъ носомъ направо и налѣво, онъ ужъ не вмѣшается...

— Отчего нѣтъ?..

— Если-бы ты пригласилъ къ себѣ гостя, посадилъ за столъ и не далъ ему ѣсть, развѣ гость пришелъ-бы къ тебѣ второй разъ?...

— Къ этому факту не слѣдуетъ такъ относиться... возразилъ противникъ.

— Не такъ?.. а какже?..

— Монархи между собой считаются иначе.

— Конечно... Монархъ къ монарху въ гости приходитъ и для цѣлаго войска надо уставлять столы... Ну, вотъ для Собѣскаго и для поляковъ не разставляли столовъ... значитъ они не придутъ во второй разъ...

Изъ этой тэмы завязался живой разговоръ, раздѣлившій присутствующихъ въ пріемной на двѣ партіи: оптимистовъ, разсчитывающихъ на Собѣскаго, и пессимистовъ, рисующихъ себѣ будущее въ мрачныхъ краскахъ. Эти послѣдніе раздѣляли мнѣніе хозяина корчмы пессимизмъ котораго доходилъ до послѣднихъ предѣловъ,—до покорности, до примиренія заранѣе со всѣмъ, что случится.

— Ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ... проговорилъ онъ самоувѣреннымъ тономъ.

— Въ томъ то и бѣда... отвѣтилъ ему одинъ изъ присутствующихъ,—что мы такіе же, которые не сосутъ, но насъ сосутъ... Сосутъ насъ тѣ змѣи, которыя цѣпляются за коровье вымя...

— Ну, такъ что-жь!.. хоть бы и такъ было... сказалъ онъ на это. Развѣ мы въ состояніи избавиться отъ змѣи!.. Развѣ намъ не все равно, что сегодня насъ сосетъ одна, а завтра будетъ сосать другая?.. Пусть сами змѣи расправляются между собой... это не наше дѣло: неправда-ли?.. обратился онъ къ Чолничу съ вопросомъ.

— Было-бы не наше... отвѣтитъ тотъ,—въ такомъ случаѣ, если бы мы дѣйствительно были коровами или телятами... но вѣдь мы же люди...

При послѣднихъ словахъ онъ постучалъ себѣ пальцемъ въ лобъ...

— Люди?.. подхватилъ хозяинъ корчмы съ оттѣнкомъ ироніи. Люди?.. точно у насъ есть разумъ? Что намъ разумъ совѣтуетъ?.. ге?..

— Что?.. спросилъ Чолничъ.

— Собраться, сложить на возъ рухлядь и поселиться тамъ, куда ни турокъ, ни (прибавилъ онъ потихоньку) нѣмецъ не заглянетъ... Вѣдь гдѣ-же нибудь должно существовать такое мѣсто.,.

— Такое мѣсто найдется... Существуютъ люди, которые, не ожидая твоего совѣта выселились изъ отчизны своей...

— Э?.. взглянулъ хозяинъ корчмы на Чолнича вопросительно.

— Жиды и цыгане... удрали отъ турка, который докучалъ имъ въ родномъ краю, но туркомъ сталъ для нихъ каждый человѣкъ въ странахъ, въ которыя они спрятались... Значитъ ты бы хотѣлъ, чтобы мы пошли по слѣдамъ цыганъ и жидовъ?

— Тсъ... причмокнулъ хозяинъ корчмы. Этого я бы не хотѣлъ...

— Видно не любили они гнѣзда своего, не привязались они... можетъ быть не считали его своимъ, такъ какъ мы—наше, или оно не было ихъ настоящимъ гнѣздомъ, потому что иначе они относились бы къ нашествіямъ, какъ къ бурѣ, и переживали-бы ее, сторожа родимыя гнѣзда, починяя ихъ и не прерывая этой починки до послѣдняго издыханья... Мы въ нашей Кроаціи, въ нашемъ гнѣздѣ; турокъ, или кто нибудь другой и нашествіе его, это буря, которая, какъ пришла, такъ и пройдетъ, если мы будемъ защищаться, какъ слѣдуетъ: сегодня оружіемъ, завтра опять оружіемъ и такъ usque ad finem...

— Правда... раздалось нѣсколько голосовъ даже такихъ, которые за минуту держали сторону хозяина корчмы.

Ляіошъ протянулъ ему руку подъ столомъ и крѣпко пожалъ его руку.

Хозяинъ корчмы всталъ, сложилъ руки на брюхѣ, открылъ ротъ на половину и лице его приняло то выраженіе, которое называется «глупымъ», которое медлено исчезало съ его лица и наконецъ уступило мѣсто широкой, слегка насмѣшливой, улыбкѣ.

— Ей... проговорилъ онъ,—если такъ, то пусть и будетъ такъ... Что же касается меня, то я предпочитаю защищаться терпѣньемъ, чѣмъ оружіемъ... У меня есть обязанности, гостинница, я толстъ и тяжелъ, въ юнаки не гожусь, значитъ я буду ждать терпѣливо: явится турокъ, я приму его, накрою столъ и на столъ подамъ ему чарку, пловъ, перцовку и жаренаго барашка.

— Печеный лукъ... подхватилъ кто-то сбоку.

— И печеный лукъ... повторилъ онъ,—поклонюсь ему хорошенько и скажу ему salam aleikam...

— И хорошо... смѣялись гости.

— Точно также я обращаюсь съ нѣмцами. Я говорю имъ: kaszamer Diener покорный слуга... Я этимъ угождаю и себѣ, и имъ.

— Это умно... послышалось голоса два.

— А голова на что? отвѣтилъ онъ, указывая себѣ на шею.

— Голова хозяина корчмы... замѣтилъ кто-то.

Громкій и почти общій хохотъ покрылъ эти слова, тамъ и сямъ послышались требованія холоднаго вина.

Ляіошъ живо заинтересовалъ предшествующій разговоръ и сталъ чѣмъ-то въ родѣ противодѣйствія по отношенію къ его прежнему желанію уѣхать обратно въ Климовацъ. Это желаніе было нейтрализовано съ помощью неясно рисующагося будущаго, открывшагося передъ нимъ. Онъ сознаѣлъ, догадался или, скорѣе, выражаясь точнѣе, почуялъ, что представляется какая-то дѣятельность, имѣющая цѣль служеніе родинѣ. Дѣянія такого рода прежде, чѣмъ осуществиться, сначала носятся въ воздухѣ, — создаютъ намѣренія, вызываютъ треволненія, пробуждаютъ совѣсть; прежде они возвѣщались небесными знаменіями, а также и предзнаменованіями на землѣ и въ воздухѣ. И въ тогдашнее время существовали такого рода предсказанія,—предсказанія тѣмъ болѣе правдоподобныя, что война велась и что можно было предвидѣть, что Кроація рано или поздно будетъ вовлечена въ эту войну. Однако являлся вопросъ: дастъ ли она себя вовлечь или нѣтъ?

— Дастъ-ли она себя вовлечь?

Хозяинъ корчмы оспаривалъ это. Правда, отъ него ничего не зависѣло; его мнѣніе не имѣло значенія; однако это было мнѣніе, раздѣляемое многими, а между прочимъ,—на иномъ основаніи,—и такимъ человѣкомъ, какъ Гаспаръ Дещичъ, котораго уважала значительная половина страны. Мнѣніе хозяина корчмы заслуживало поэтому нѣкотораго вниманія, какъ доказательство извѣстнаго настроенія умовъ. Было много такихъ, которые не находили большой разницы въ тяжести между десницей нѣмецкой и турецкой, тѣмъ болѣе, что для жителей Славоніи турецкое владычество не было болѣе тягостнымъ, чѣмъ для кроатовъ нѣмецкое. Оно было особенно ощутительнымъ на основаніи вѣры. Луна возвышалась надъ крестомъ. Это было горько; однако эта горечь и печаль были чисто нравственныя. Турокъ повсемѣстно считали невѣрными. Они представлялись всѣмъ вмѣстѣ и каждому отдѣльно въ качествѣ враговъ креста. Въ вѣкъ истинной вѣры, въ тотъ вѣкъ, когда изъ вѣры не приходилось еще выстругивать искуственнаго орудія для политическихъ цѣлей, это имѣло громадное значеніе. Поэтому на ряду съ такими политиками-утилитаріанцами, какъ хозяинъ корчмы, на ряду съ такими политиками, которые ничего не забыли и ничему не научились, какъ владѣлецъ Дуброваца, находились и такіе, которые рвались къ оружію противъ невѣрныхъ, не взирая ни на что, Эти политики также раздѣлялись на разряды: одни изъ нихъ смотрѣли на вещи глазами Чолнича, другіе—Ляіоша. Одни разсуждали, отдавали себѣ отчетъ, другіе—нѣтъ.

Ляіошъ на слѣдующій день послѣ перваго визита къ бану былъ и у него опять и уже не проходилъ черезъ пріемную. Его ввели прямо въ столовую. Прислуга относилась къ нему очень привѣтливо и услужливо. За столъ усѣлось менѣе многочисленное общество,—одни домашніе: придворный штатъ мужской и женскій, первый въ образѣ капитана, секретарей и пары адъютантовъ, второй—во вчерашнемъ составѣ. Послѣ обѣда гости не такъ долго бесѣдовали съ поросшими мхомъ бутылками и скорѣе явились въ общество дамъ, которыя на этотъ разъ уже не сидѣли за работой, а встрѣтили гостей въ дворцовомъ саду. Пришло нѣсколько гостей—мужчинъ. Между ними явился и епископъ, которому представили Ляіоша и который сказалъ, что зналъ его отца нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Епископъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами и не захотѣлъ его удерживать при себѣ.

— Побесѣдуемъ между собою,—обратился онъ къ бану и къ его женѣ, а молодой пусть отправляется къ молодымъ.

Онъ милостиво кивнулъ ему головой и улыбнулся. Ляіошъ удалился въ глубину сада; сначала его окружило уединеніе, однако прежде чѣмъ онъ вышелъ изъ главной аллеи, онъ встрѣтилъ худую даму, прохаживающуюся въ обществѣ графини. Эти дамы заградили ему дорогу. Онѣ сдѣлали это умышлено, если не обѣ, то подруга графини, которая обратилась къ нему и спросила:

— Ты, сударь, искусенъ въ разрѣшеніи загадокъ?

— Загадокъ?.. Ей Богу...—не знаю, отвѣтилъ онъ. Когда то я разгадывалъ загадки, но это ужь очень давно...

— Это не должно быть очень давно.

— О, давно.. увѣрялъ онъ.

Худая дама улыбнулась и сказала:

— Должно быть, время очень медленно тянулось для тебя въ деревнѣ?

— Наоборотъ, оно протекало быстро.

— Напримѣръ, сколько лѣтъ протекло съ той поры, какъ ты разгадывалъ загадки?

— Развѣ же я считалъ свои года!.. текли, протекали...

— И ты не оглядывался назадъ,—подхватила дама,—какъ тотъ, которому чернокнижникъ запретилъ оглядываться. Можетъ, и тебѣ кто нибудь запретилъ? спросила она.

— Я не разу въ жизни не встрѣчался съ чернокнижникомъ.

— А съ чародѣйкой?

— Никогда! отвѣчалъ онъ.

— Молодой? черноглазой? черноволосой?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, молодой человѣкъ заикнулся и искоса взглянулъ на графиню, которая въ эту минуту обернулась къ розовому кусту и протянула руку къ полураспустившемуся цвѣтку. Ляіошъ устремилъ на нее свой взглядъ. Дѣвушка то протягивала, то отдергивала руку, стараясь не задѣть за шипы.

— Ступай-же... прошептала съ соотвѣтствующимъ жестомъ худая дама Ляіошу,—помоги ей сорвать цвѣтокъ, она оцарапается.

Ляіошъ подскочилъ и оказался такимъ ловкимъ, что даромъ испортилъ три цвѣтка, оцарапалъ себѣ руки и наконецъ вручилъ розу графинѣ.

— Спасибо... проговорила она своимъ серебристымъ голоскомъ и прибавила сочувственно:

— Какже ты, сударь, исцарапался.

— И-и, это ничего... отвѣтилъ онъ, отряхивая руки и дуя себѣ на пальцы,—высохнетъ и заживетъ... Вѣдь я уже не разъ царапался!

— Однако не изъ-за меня...

— Причина пустяки... Разъ я исцарапался изъ-за медвѣдя, который меня обхватилъ, обнялъ и хотѣлъ удушить... Это было только...

— И что-же? спросила графиня.

— Сильно меня поцарапалъ.

— Что-же случилось съ медвѣдемъ?

— Шкура его мнѣ служитъ постелью.

— Ахъ!.. и, обращаясь къ подругѣ, она прибавила: Если бы это зависѣло отъ меня, то я запретила-бы ходить на медвѣдей.

— О?... проговорилъ Ляіошъ, выпрямляясь и принимая самоувѣренную позу.

И на одну минутку оба молодыхъ встали другъ противъ друга въ видѣ двоихъ противниковъ: онъ вызывающій, она взволнованная, встревоженная, склонившись немного на бокъ гибкимъ станомъ, съ глазами, поднятыми на юношу и утонувшими въ его глазахъ. Это зрѣлище взволновало сухощавую даму. Она приняла сторону графини противъ Ляіоша и обратилась къ нему съ упрекомъ:

— Ты испугалъ графиню, пане Ердоди.

При звукѣ этихъ словъ, графиня выпрямилась, улыбнулась и пошла дальше, поднося розу къ носу и бесѣдуя съ Ляіошемъ именно о томъ самомъ медвѣжьемъ объятіи, которое такъ испугало ее. Вещи ужасающія бываютъ иногда странно привлекательными. Между медвѣдемъ и Ляіошемъ существовало нѣкоторое сходство.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

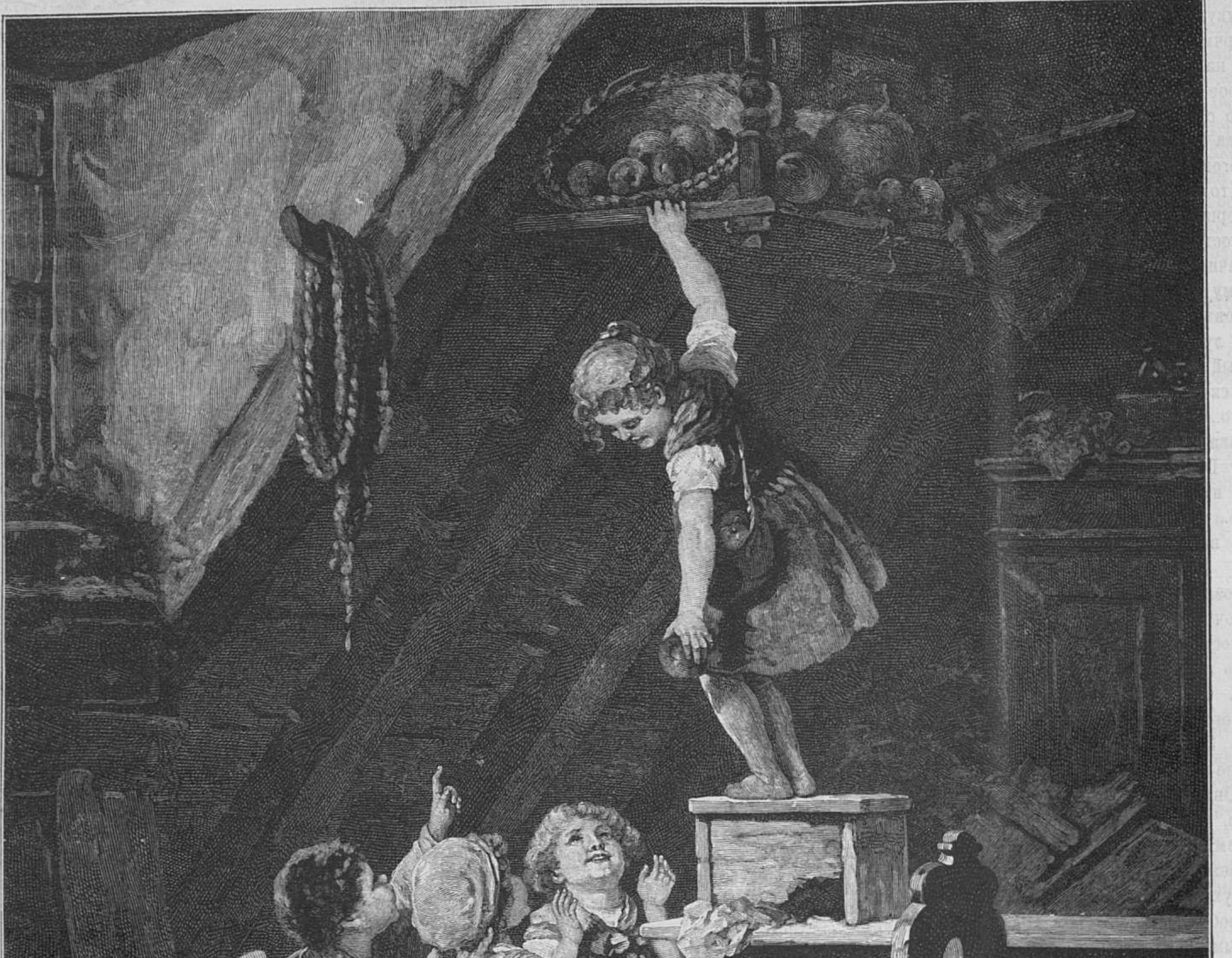
ЖУРНАЛИСТИКА.

«Русская Мысль».

Въ одномъ изъ прошлыхъ обозрѣній мы познакомили читателя съ началомъ романа г. Салова—«Грезы» и высказали впечатлѣніе, произведенное на насъ началомъ романа. Если помнитъ читатель, романъ произвелъ на насъ далеко неблагопріятное впечатлѣніе. Не смотря на солидный размѣръ десяти главъ первой части, отпечатанныхъ въ первыхъ двухъ книжкахъ «Русской Мысли», едва только началось дѣйствіе романа и нисколько не опредѣлились ни положенія, ни характеры дѣйствующихъ лицъ. По началу романа можно было думать, что авторъ, способный иногда недурно разсказывать несложныя происшествія и эпизоды, совсѣмъ запутается въ сложномъ дѣйствіи романа, сочинитъ множество ненужныхъ для главнаго дѣйствія эпизодовъ, введетъ безъ цѣли много лицъ и будетъ нанизывать случайно одну главу къ другой. Теперь мы прочитали романъ до пятнадцатой главы и, къ великому нашемъ сожалѣнію, не только ни чѣмъ не разсѣялись наши опасенія, а даже явились новыя доказательства для ихъ оправданія. Въ четырехъ главахъ, растянутыхъ на два листа въ мартовской книжкѣ, дѣйствіе романа не подвинулось впередъ ни на одинъ шагъ, дѣйствующія лица ничего не сдѣлали и съ ними ничего не случилось. Впрочемъ, нужно сдѣлать маленькую оговорку: у генерала Туберкулозова, пріемнаго отца, какъ помнятъ читатели, и покровителя дѣвицы Шурочки Шумилиной, а по театральному прозвищу Милиной, главной героини романа, какъ надо предполагать (хотя по роману чтобы то ни было предполагать рискованно), умерла супруга. Это событіе описано обстоятельно и, можетъ быть, оно имѣетъ близкое отношеніе къ дѣйствію романа, можетъ быть, весьма серьезно отразится на судьбѣ дѣйствующихъ лицъ. Но теперь мы этого еще не знаемъ, предполагать ничего не смѣемъ и забѣгать впередъ своими догадками не будемъ. Если что нибудь выяснится по окончаніи романа,—можетъ выясниться и смыслъ этого событія. Будемъ ожидать съ терпѣніемъ; г. Саловъ своимъ безбрежно-размашистымъ писаньемъ, даетъ читателю средство воспитать и испытать эту столь важную въ столкновеніи съ различными невзгодами и непріятностями добродѣтель. Если дѣйствіе романа не подвинулось ни на шагъ, можетъ быть, авторъ занялся обрисовкою среды, быта, обстановки? можетъ быть, онъ занялся обрисовкою характеровъ дѣйствующихъ лицъ, глубоко зашелъ въ психологическій анализъ? Ничего этого нѣтъ въ главахъ, напечатанныхъ въ мартовской книжкѣ «Русской Мысли». Мы ничего не узнали изъ этихъ главъ новаго, чего-бы не знали изъ предшествовавшихъ: тотъ-же бытъ и та-же среда, ни одной новой черты для характеристики дѣйствующихъ лицъ и даже никакого намека. Шумилинъ и семья его, Котомины, Шурочка, Туберкулозовъ намъ знакомы по лубочной картинѣ, нарисованной авторомъ въ первыхъ десяти главахъ; въ новыхъ главахъ ни одной черты не прибавлено къ прежнему примитивному изображенію. Лица, прежде выведенныя въ романѣ, нисколько не опредѣлились и не прояснились для читателя. Къ нимъ присоединились въ новыхъ главахъ еще новыя лица. Зачѣмъ и для чего они нужны, это пока составляетъ секретъ автора. Но, можетъ быть, имъ суждено игратъ въ романѣ и судьбѣ его героевъ и героинь важную роль; и поэтому просимъ читателя познакомиться съ ними. Это семья театральнаго «резонера» Бучумова. «Бучумовъ былъ мужчина лѣтъ сорока пяти, высокаго роста, плотный, съ солидными манерами, большой говорунъ и любитель выпить хорошо и хорошо поѣсть. Собственно какъ актеръ, онъ былъ не важный, но за то крайне полезный. У него была жена, Ирина Васильевна, занимавшая амплуа «комическихъ старухъ», и двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, шестнадцата лѣтъ, состояла въ той-же труппѣ въ должности второй водевильной актрисы, а младшая, лѣтъ десяти, только еще «присматривалась» къ сценѣ, бѣгала за кулисами въ коротенькихъ платьецахъ и изрѣдка исполняла дѣтскія роли. Всѣ они, за исключеніемъ младшей дочери, получали жалованье, зарабатывали въ итогѣ приличное содержаніе и имѣли возможность не только безбѣдно жить, но даже откладывать копѣйку «про черный день». Ирина Васильевна была женщина толстая, сырая, но до крайности живая, подвижная и большая хлопотунья. Она вставала рано, сама бѣгала на рынокъ, сама покупала провизію, при чемъ жестоко торговалась и даже ругалась съ торговками и торговцами; превосходно дѣлала бифштексы, форшмаки и неподражаемо изготовляла всевозможные подливки къ селедкѣ, капустѣ, осетринѣ и другимъ холоднымъ закускамъ, подаваемымъ къ водкѣ. Только одною ею и держался домъ, и надо отдать справедливость, что порядокъ у ней въ домѣ былъ примѣрный. Принимая во вниманіе солидность Ирины Васильевны и ея искусство въ приготовленіи селедки, вы, конечно, ожидаете, что она заботливая мать и прекрасная воспитательница своихъ дѣтей. Дѣйствительно Ирина Васильевна такова; вы не ошиблись. Она оберегаетъ старшую дочь Лизу, какъ зѣницу ока и не спускаетъ съ нея глазъ и особенно во время антрактовъ, когда элегантная молодежь обыкновенно являлась за кулисы полюбезничать и поболтать съ хорошенькими актрисами. Заботливая мать внушаетъ своей молоденькой дочери солидныя правила поведенія, чтобы она со всякой голытьбой зубы не скалила. «Другое дѣло, коли хорошій человѣкъ, солидный, богатый... съ такимъ, почему и не пошутить, и не поболтать... а съ прохвостами-то нечего и слова по пусту тратить». Заботливость матери особенно возбуждается тою средою, въ которой вращается ея дочь; театральная среда, мы слышали уже отъ автора, очень непривлекательна и зловредна для всякой добродѣтели; Ирина Васильевна

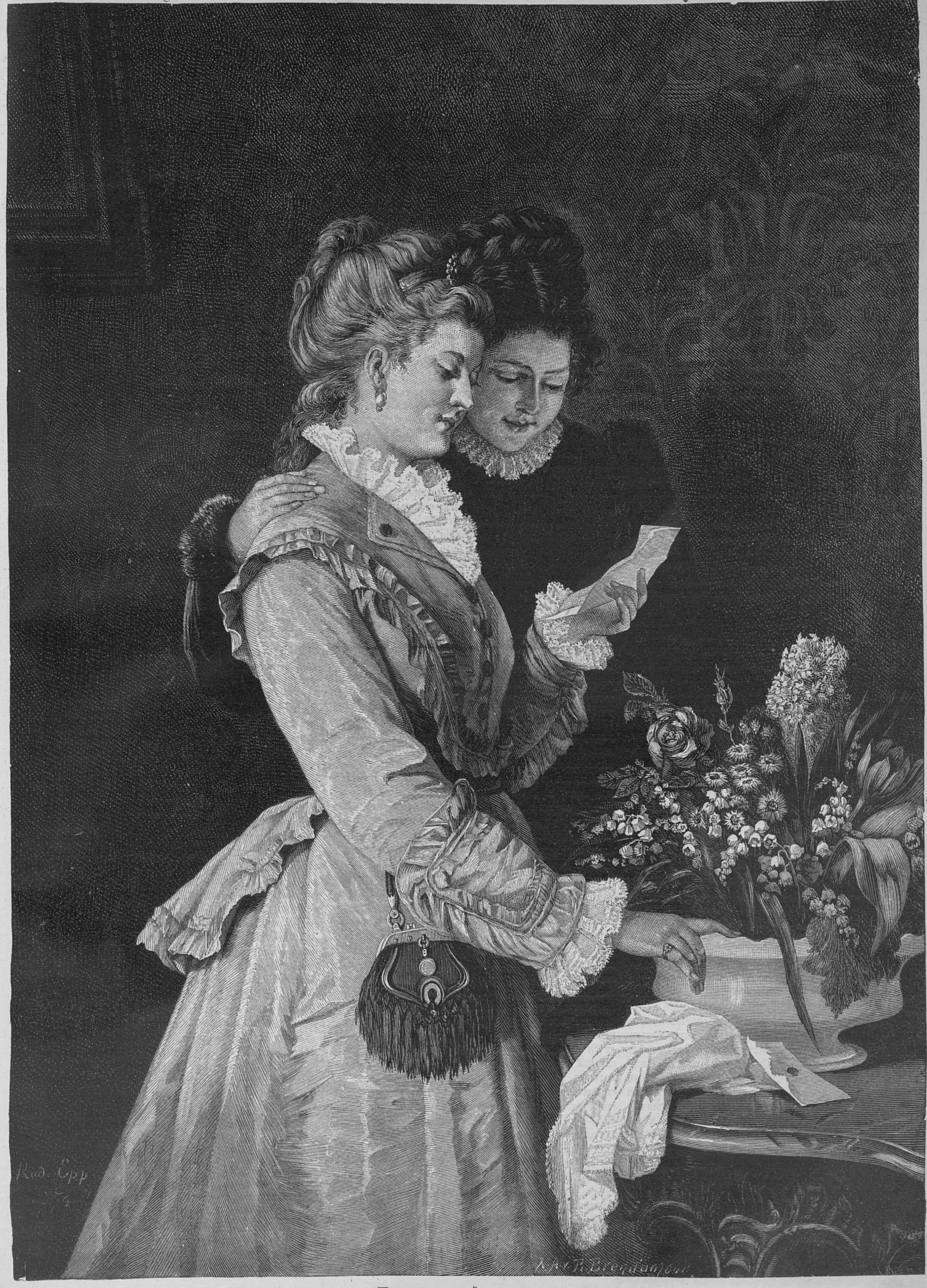
ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины В. Рёгге.



Маленькая Ева.

Съ картины Р. Еппа.


Rud. Epp
A. v. R. Brendamour

Праздничный подарокъ.

Гравировалъ на деревѣ Брендʼамуръ въ Дюссельдорфѣ.

вполнѣ согласна съ г. Саловымъ и свою братію—актеровъ отдѣлываетъ наилучшимъ образомъ. «Это такая дрянь — разсуждаетъ благоразумная комическая старуха—какой и свѣтъ не производилъ! Слава тебѣ, Господи, двадцать лѣтъ слишкомъ на сценѣ служу, всѣхъ ихъ насквозь вижу!.. Ни стыда, ни совѣсти... Такъ вотъ и наровятъ слопать!.. Отъ чужаго человѣка все еще можно оберечь свое дѣтище, а вотъ отъ этихъ-то, отъ своихъ-то, что тамъ въ потемкахъ-то за кулисами шныряютъ, да каждый день на глазахъ вертятся, да руки жмутъ, за ними, дьяволами, самъ чортъ не углядитъ». Сила и возвышенность выраженій ясно показываетъ, что «комическая стаауха» не чужда и трагическаго паѳоса. Сердце дѣлаетъ людей краснорѣчивыми. Нѣжное сердце чадолюбивой матери преисполнено мрачныхъ предчувствій о судьбѣ ея дочери. Сердце-вѣщунъ не обмануло: дочь сбѣжала изъ дома родительскаго и изъ города Энска съ какимъ-то актерчикомъ. Вотъ и новыя лица и новыя событія, разсказанныя въ послѣднихъ главахъ романа г. Салова. Какъ все это разсказано, читатель можетъ судить по коротенькимъ выпискамъ, приведеннымъ нами сейчасъ; а для чего это разсказано, мы пока еще не знаемъ. Нельзя не сказать еще разъ, что въ построеніи и расположеніи романа г. Саловъ впалъ въ ошибки, вѣроятно, почти непоправимыя: отъ того и невозможно пока опредѣлить идеи романа, смысла его. Надъ отдѣльными сценами и эпизодами авторъ, кажется, не работалъ тщательно: отъ того въ каждой сценѣ вы найдете, что нибудь не правдоподобное, каррикатурное, нескладное. Прочитайте, какъ генералъ Туберкулозовъ трактуетъ предъ маленькою дѣвочкою Шурочкою и ея матерью, безграмотною бабою, о пользѣ просвѣщенія—и вы убѣдитесь, что авторъ напрасно «дурака валяетъ» изъ генерала, человѣка ему непріятнаго, но человѣка образованнаго и шельмоватаго. Не думаемъ, чтобы Туберкулозовъ былъ способенъ неграмотной бабѣ высокопарно излагать общія фразы о значеніи театра. А похороны жены и поведеніе при этомъ Туберкулозова? развѣ все это не написано ради юмора? Юморъ вышелъ не важнаго качества. Впрочемъ, довольно о романѣ г. Салова. Посмотримъ, какъ и чѣмъ онъ закончится, и до окончанія говорить о немъ не будемъ.

Г. Скабичевскій съ мартовской книжки началъ печатать—«Очерки литературнаго движенія послѣ Бѣлинскаго и Гоголя». Задачѣ автора нельзя не сочувствовать; настоящее поколѣніе почти не знаетъ пятидесятыхъ годовъ нашей литературы, по преимуществу журналистики этого времени. Сочиненія Бѣлинскаго служатъ богатою энциклопедіею для ознакомленія съ литературою и ея интересами и направленіями по годъ смерти знаменитаго критика. Разъ они изданы и читаются, можно предполагать, что знаніе литературы по 1848 г. у насъ существуетъ. А что было отъ смерти Бѣлинскаго до Добролюбова и Писарева—этого многіе изъ теперешняго поколѣнія совсѣмъ не знаютъ, между тѣмъ, какъ знать это интересно и полезно. Почти всѣ знаютъ, какого рода тэмы разрабатывали «Современникъ» и «Дѣло» Благосвѣтлова, какія идеи особенно интересовали общество и журналистику, какія философскіе и эстетическіе взгляды были въ ходу, а полоса отъ этого времени до Бѣлинскаго представляется совсѣмъ въ туманѣ. Туманное представленіе о пятидесятыхъ годахъ обусловливается тѣмъ, что литература этого времени не представляла ничего особенно яркаго и выдающагося (мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ журналистику) сравнительно съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ временемъ. Но это не можетъ служить достаточною причиною совсѣмъ вычеркнуть десятилѣтіе изъ исторіи; знать его необходимо. Не можемъ не высказать желаній, чтобы за это дѣло взялся такой свѣдущій и трудолюбивый изслѣдователь нашихъ литературныхъ движеній и направленій, какъ почтенный А. Н. Пыпинъ. По началу трудно судить, какъ разработаетъ свою тэму г. Скабичевскій; но есть возможность опасаться, какъ-бы онъ не ограничился общими поверхностными и мало-характерными «очерками». На такую мысль наводятъ двѣ первыя главы, помѣщенныя въ мартовсной книжкѣ. Г. Скабичевскій рисуетъ мрачными красками состояніе литературы пятидесятыхъ годовъ: она потеряла жизненность, забыла совсѣмъ широкія задачи и общественные вопросы; въ журналахъ помѣщались, вмѣсто живыхъ публицистическихъ статей, необъятно длинные и сухіе трактаты, которымъ мѣсто въ спеціальныхъ сборникахъ; вмѣсто критики, кропотливыя изслѣдованія о мелкихъ фактикахъ жизни сошедшихъ въ могилу писателей, вродѣ Третьяковскаго и Богдановича. Въ 40-хъ годахъ образовались у насъ литературныя партіи и отъ журналовъ требовалось непремѣнно направленіе. «Но въ 50-е годы журналы вновь принимаютъ характеръ безцвѣтныхъ и безхарактерныхъ сборниковъ, ничѣмъ почти не отличаясь одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе, что многіе изъ сотрудниковъ являются у нихъ общіе. Прежде всего, конечно, беллетристы и поэты... начали печататься разомъ во всѣхъ органахъ, не обнаруживая ни малѣйшаго пристрастія ни къ одному изъ нихъ. Но не одни беллетристы и поэты, всегда отличающіеся до извѣстной степени индефферентизмомъ къ журнальнымъ направленіямъ, перекочевывали изъ одного журнала въ другой,—примѣру ихъ слѣдовали и критики, несмотря на то, что по самой профессіи своей, являясь представителями того или другого литературнаго лагеря, они должны были-бы сосредоточивать свою дѣятельность въ одномъ какомъ-либо органѣ». Видите-ли какое было въ пятидесятыхъ годахъ печальное состояніе литературы! Не находите-ли, что восьмидесятые годы похожи на пятидесятые? Беллетристы и поэты и теперь индефферентны по всякимъ направленіямъ, кочуютъ гдѣ только возможно и участвуютъ во всѣхъ журналахъ и газетахъ разомъ, проявляя желаніе участвовать и въ имѣющихъ народиться, но еще не народившихся органахъ. Критики тоже и въ наше время бродятъ, хотя бы имъ и прилично было сосредоточиться. Да, литература нашихъ дней такъ-же расшаталась, какъ и литература пятидесятыхъ годовъ; мы характеризировали ее въ новогоднемъ своемъ журнальномъ обозрѣніи. Если-бы кто-нибудь сталъ обвинять насъ въ преувеличеніяхъ; мы теперь прикрылись бы авторитетомъ покойнаго Кавелина. Этого глубокопочтеннаго человѣка никто, конечно, не обвинитъ въ недостаткѣ вѣры и бодрости или въ страсти къ отрицанію. Послушайте, что онъ говоритъ, въ печатаемой теперь, въ мартовской книжкѣ «Русской Мысли» статьѣ «Злобы дня» о состояніи литературы нашего времени. «Всѣ направленія печати, вызывавшія еще недавно такое живое участіе, пользовавшіяся такимъ большимъ довѣріемъ, какъ будто выцвѣли и полиняли. Публика охладѣла къ печатному слову, перестала имъ интересоваться, извѣрилась въ него. Теперь нѣтъ больше ни одного органа періодической печати, котораго мнѣнія и взгляды группировали бы около себя большинство читающихъ. Да и въ самыхъ органахъ, наиболѣе распространенныхъ, идеалы и программы общаго характера стушевались и исчезли.—Рѣзко очерченные мнѣнія и взгляды, дѣлившіе, бывало, печать на лагери, встрѣчаются все рѣже и рѣже. Они смѣшались и обезсилѣли, не возбуждая ни интереса, ни даже особеннаго вниманія читателей, которые становятся изо дня въ день равнодушнѣе къ печатнымъ преніямъ и пререканіямъ газетъ и журналовъ». Литературной критикѣ пятидесятыхъ годовъ г. Скабичевскій, самъ критикъ по профессіи, въ отпечатанныхъ очеркахъ, посвящаетъ нѣсколько страницъ. Современный нашъ критикъ съ особенною строгостью и даже можно сказать съ суровостью осуждаетъ своихъ предшественниковъ на литературномъ поприщѣ и оплакиваетъ полное паденіе критики. Намъ кажется, что напрасно авторъ принципы критики пятидесятыхъ годовъ и ея результаты не разсмотрѣлъ пополнѣе и поглубже. Дѣло стоило труда. Въ настоящемъ видѣ сужденія г. Скабичевскаго о критикѣ и критикахъ пятидесятыхъ годовъ требуютъ многихъ оговорокъ и ограниченій. Но мы этого не будемъ касаться. Опять интересно сближеніе пятидесятыхъ годовъ съ восьмидесятыми. Послѣ Бѣлинскаго критика утратила значеніе и ослабѣла; а въ наше время она, кажется, совсѣмъ не существуетъ. Послѣ Бѣлинскаго критика приняла характеръ чисто эстетическій. Предположимъ, что это большой грѣхъ. Какими же добродѣтельными принципами, какими философскими началами руковсдится критика нашихъ дней? Къ нашей ужь очень скудной литературной критикѣ совсѣмъ нельзя приступать съ такими великолѣпными запросами. Какъ ни скудна была критика пятидесятыхъ годовъ, но ее представляли: Дружининъ, Дудышкинъ, Анненковъ и А. Григорьевъ. Никто изъ нихъ не обладалъ талантомъ Бѣлинскаго, но все это были люди прекрасно образованные и хорошіе знатоки литературы. Въ этомъ отношеніи восьмидесятымъ годамъ не приходится смотрѣть высокомѣрно на пятидесятые. Едва-ли не главною причиною ослабленія литературы послѣ Бѣлинскаго былъ цензурный гнетъ и общая реакція. Отчего же теперь наша литература не можетъ похвалиться особеннымъ процвѣтаніемъ? Этотъ вопросъ отчасти затрогиваетъ покойный Кавелинъ въ цитированной уже нами статьѣ; коснемся его и мы впослѣдствіи.

П. Скромный.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

На первый планъ опять выступаютъ пасхальныя извѣстія о здоровьѣ германскаго императора. Въ оффиціальномъ бюллетенѣ 19-го апрѣля заявляется, что императоръ провелъ послѣднюю ночь не такъ хорошо какъ предшествовавшую и что лихорадочное состояніе у него усилилось; врачи стараются, главнымъ образомъ, поддержать физическія силы императора, организмъ котораго чрезвычайно истощенъ; умственныя силы, напротивъ того, совершенно свѣжи. — Изъ Вѣны телеграфъ сообщаетъ, что за послѣдніе дни происходятъ безпрерывно засѣданія общеимперскаго совѣта министровъ. 19-го апрѣля предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министровъ самъ императоръ Францъ-Іосифъ, причемъ министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки, представилъ докладъ о международномъ политическомъ положеніи, которое онъ признаетъ серьезнымъ, хотя и не ожидаетъ, чтобы оно могло привести къ войнѣ. Въ засѣданіи рейхсрата, при обсужденіи бюджета министерства народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, министръ Гаучъ произнесъ рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе и вызвала неудовольствіе въ рядахъ правой стороны. Гаучъ защищалъ свой декретъ о среднеучебныхъ заведеніяхъ и заявилъ, что студенты, окончившіе курсъ въ чешскихъ университетахъ, должны будутъ сдавать экзамены изъ нѣмецкаго языка; министръ присовокупилъ, что никогда не дозволитъ понизить уровень образованія; рѣчь эта не вызвала ни съ чьей стороны одобреній. Отдѣльныя группы правой стороны немедленно, затѣмъ, собрались для совѣщанія по поводу упомянутой рѣчи; старочехи рѣшили не утверждать смѣты министерства народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій; противъ Гауча обнаруживается сильное возбужденіе, и взаимныя отношенія партій обостряются.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По вопросу о правѣ евреевъ, поселившихся до изданія Высочайше утвержденнаго 3-го мая 1882 г. положенія комитета министровъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, переселяться на жительство изъ однихъ селеній въ другія, Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ послѣдовавшія въ государственномъ совѣтѣ разныя мнѣнія по этому вопросу Высочайше повелѣть изволилъ: 1) разъяснить, что, по смыслу правила, изложеннаго въ пунктѣ 1 примѣчанія 4 при статьѣ 959 законовъ о состояніяхъ (св. зак. т. IX, по прод. 1886 г.), переходъ евреевъ изъ селеній, гдѣ они проживали до 3 мая 1882 г., въ другія селенія долженъ считаться безусловно воспрещеннымъ, и 2) евреевъ, переселившихся послѣ 3 мая 1882 г. по день обнародованія настоящаго разъясненія изъ однѣхъ сельскихъ мѣстностей въ другія, находящіяся въ чертѣ постоянной еврейской осѣдлости, оставить на постоянномъ жительствѣ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ застанетъ ихъ упомянутое разъясненіе.—Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено: I. Третій департаментъ правительствующаго сената упразднить въ теченіи первой половины 1888 года, въ срокъ по ближайшему усмотрѣнію министра юстиціи. II. Чиновниковъ канцеляріи 3-го департамента правительствующаго сената, если они не получатъ иного назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи. Эта мѣра принята вслѣдствіе постепеннаго ввода новыхъ судебныхъ установленій въ наши окраины и соотвѣтственнаго уменьшенія дѣлъ въ «старыхъ» департаментахъ сената. Въ настоящее время только Сибирь и нѣкоторыя сѣверовосточныя губерніи европейской Россіи остаются еще съ прежними судами.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Радоница.

Человѣчество не можетъ примириться съ мыслью, что со смертью человѣка для него кончается все, а потому существововало и существуетъ до нынѣ множество обрядовъ, указывающихъ на желаніе человѣчества почитать усопшихъ въ той или другой формѣ. Язычники клали въ могилу своихъ покойниковъ оружіе, сосуды, драгоцѣнныя украшенія. Христіане берегутъ свои дорогія могилы, поминаютъ въ извѣстные дни покойниковъ, молятся за нихъ. Въ большихъ городахъ западной Европы, въ Парижѣ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, кладбища, похожія на сады, ясно свидѣтельствуютъ, какъ относятся люди къ своимъ покойникамъ. Мы въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ западной Европы и большинство нашихъ кладбищъ содержится очень плохо; мало того, сравните у насъ лежащія рядомъ кладбища, нѣмецкія и русскія, и вы удивитесь разницѣ между ними—первыя похожи на сады, вторыя запущены и грязны. У насъ въ Россіи церковь поучаетъ чтить покойниковъ и свято помнить дни поминовеній. Однимъ изъ такихъ дней является «радоница», «радошница» или «радовница». Этимъ названіемъ обозначается, смотря по мѣстности, одинъ изъ дней Ѳоминой недѣли—понедѣльникъ, вторникъ или воскресенье. Близкіе родственники приходятъ въ эти дни на могилы своихъ родныхъ похристосоваться, помолиться и помянуть ихъ, при чемъ закапываютъ въ землю яйца, съ которыми были у Свѣтлой заутрени. Радоница — это вешнія поминки: осеннія бываютъ въ родительскую субботу передъ Дмитріевымъ днемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ радоницей или красной горкой зовется вся ѳомина недѣля, то есть первая недѣля послѣ пасхи, когда холостежъ собираетъ на угощенье съ новоженовъ. Народъ еще сохранилъ обычай голосить по покойникамъ и вслѣдствіе этого въ немъ сохранилась поговорка «разрюмилась, какъ радоница». По примѣтамъ народнымъ, дождь на радуницу не предвѣщаетъ хорошей погоды лѣтомъ: «дождь на радоницу—не обрадуешься».

Невѣста приноситъ жерутв богамъ.

Николай Дмитріевичъ Лосевъ, классный художникъ первой степени и пансіонеръ академіи, выставилъ въ императорской академіи художествъ двѣ картины, съ одной изъ которыхъ мы помѣщаемъ копію въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала. Сюжетъ картины воспроизводитъ одинъ изъ обычаевъ древне-римской жизни, какъ это видно изъ самаго заглавія картины Граціозныя женскія фигуры, тщательная отдѣлка, красивые аксессуары, вотъ главное достоинство этого безпретенціознаго жанра, отличающагося свѣжестью и блескомъ.

Чилійскій щитоносецъ.

Въ штатѣ Ріо-де-ла-Плата, окрестностяхъ города Мендоза, открыто чрезвычайно интересное животное, изображенное на нашемъ рисункѣ и получившее въ наукѣ названіе щитоносца (Chlamydophorus truncatus), у туземцевъ же слѣпого звѣрька (Pichiciego). Животное это принадлежитъ къ немногочисленнымъ представителямъ той группы отряда неполнозубыхъ млекопитающихъ, которая названа броненосцами вслѣдствіе того, что тѣло ихъ покрыто со спинной стороны болѣе или менѣе твердыми, суставчатыми щитами которые представляютъ собою броню, служащую до извѣстной степени защитою отъ враговъ.

Щитоносецъ—животное на столько рѣдкое даже на своей родинѣ, что его мало кто знаетъ тамъ. Это объясняется также и тѣмъ, что оно ведетъ очень скрытный ночной образъ жизни, пребывая почти постоянно въ подземныхъ ходахъ и норахъ. Правда, относительно образа жизни щитоносца свѣдѣніями до сихъ поръ не богаты и ученые, но зато, внѣшность и внутреннее строеніе его изучены во всѣхъ подробностяхъ.

Щитоносецъ, изображенный на рисункѣ въ естественную величину,—черепаха между млекопитающими животными, кротъ—между броненосцами. Фицингеръ, изслѣдовавшій это рѣдкое животное въ Чили, описываетъ его приблизительно слѣдующимъ образомъ: щитоносецъ является одною изъ наиболѣе уклоняющихся формъ между броненосцами; удивительно странное строеніе рогового панцыря, покрывающаго его тѣло, дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ созданій во всемъ животномъ царствѣ. Голова его, созданная повидимому для рытья, короткая, расширенная кзаду, заостренная впереди, оканчивается притупленной мордой съ хрящеватымъ, свинообразнымъ кончикомъ носа; на переднемъ и нижнемъ краю носа находятся ноздри, которыя могутъ почти совершенно закрываться выдающимися бугорками. Маленькіе глаза закрыты нависшими надъ ними волосами. Наружныхъ ушей нѣтъ и слуховыя отверстія также накрыты волосами. Небольшой ротъ окруженъ толстыми, твердыми губами, языкъ длинный, мясистый, бородавчатый. Въ челюстяхъ, съ обѣихъ сторонъ вверху и внизу, по 8 коренныхъ зубовъ, не имѣющихъ корней. Клыковъ и рѣзцовъ нѣтъ. Шея короткая и толстая, туловище кзаду расширяется и оканчивается усѣченною поверхностью. Короткія ноги вооружены пятью пальцами, которые оканчиваются длинными, тупыми и плоскими когтями, весьма пригодными для рытья земли. Хвостъ всегда подогнутъ подъ брюхо; онъ короткій, малоподвижный, на вершинѣ лопатообразно расширенный. Спинная сторона тѣла накрыта щитомъ, который менѣе гибокъ, чѣмъ кожа, употребляемая на подошвы. Такимъ же роговымъ панцыремъ накрытъ и усѣченный задній конецъ тѣла. Панцыри состоятъ изъ рядовъ щитковъ; спинной панцырь только въ срединѣ прикрѣпленъ кожею къ позвоночнику, по бокамъ же онъ свободенъ и его можно приподнять. Это подало поводъ къ разсказамъ о томъ, будто щитоносцы прячутъ подъ панцырь дѣтенышей, что однакоже, весьма сомнительно. Только на передней части головы и на заднемъ концѣ туловища, панцыри плотно соединены съ тѣломъ всею своею шириною. Поперечные ряды щитковъ соединены кожей, которая образуетъ между щитками небольшіе складки, благодаря чему животное, вѣроятно, способно свертывать свое тѣло шарообразно, какъ то дѣляютъ броненосцы и ежи. Кожа животнаго всюду покрыта густыми, длинными и мягкими волосами; голыми остаются только хвостъ, подошвы и кончикъ морды. На груди у самокъ два сосца. Цвѣтъ животнаго грязно-желтовато-бѣлый, снизу свѣтлѣе, чѣмъ на спинной сторонѣ.

Хотя, какъ уже замѣчено, свѣдѣнія объ образѣ жизни щитоносца очень скудны, тѣмъ не менѣе по строенію его тѣла можно догадаться, что это животное способно къ быстрымъ движеніямъ только въ подземныхъ ходахъ, а на поверхности земли должно быть довольно неуклюже; что кормится оно земляными насѣкомыми, червями, можетъ быть, также нѣжными кореньями, и что при отыскиваніи корма оно руководствуется не глазами, а главнымъ образомъ осязаніемъ и обоняніемъ, сосредоточеннымъ въ кончикѣ морды.

Положительно извѣстно только то, что звѣрекъ нашъ живетъ въ песчаныхъ, сухихъ, каменистыхъ мѣстностяхъ Южной Америки и любитъ участки, поросшіе кустарникомъ и кактусами; что на поверхность земли онъ выходитъ только ночью, особенно при лунномъ свѣтѣ; что отъ норы своей удаляется очень недалеко, и что слѣдъ, оставляемый имъ на землѣ, такъ своеобразенъ, что его нельзя смѣшать со слѣдомъ какого либо другого звѣрька. Медленно волоча ноги, щитоносецъ оставляетъ на пескѣ параллельныя полоски, образующія всевозможныя петли, у отверстія же его норы лежатъ, по сторонамъ, двѣ кучки земли, выброшенной животнымъ при выходѣ изъ норы.

Щитоносцевъ не считаютъ нужнымъ преслѣдовать, и ежели бьютъ или ловятъ ихъ, то только случайно при перекопкѣ земли. Вѣроятно, однакоже, ловить ихъ не легко, такъ какъ натуралистамъ-путешественникамъ бываетъ очень трудно добыть это животное даже за большія деньги. До послѣдняго времени чучела щитоносца находились, по одному экземпляру, только въ музеяхъ Филадельфіи и Лондона.

Подобно всѣмъ броненосцамъ, щитоносецъ размножается слабо и ростетъ медленно; обстоятельства эти вмѣстѣ съ беззащитностью животнаго, грозятъ совершеннымъ его истребленіемъ. Въ отдаленные геологическіе эпохи существовали броненосцы, достигавшіе величины быка и носорога, но отъ этихъ гигантовъ остались только окаменѣлые скелеты и панцыри, и въ настоящее время самый крупный изъ живущихъ броненосцевъ достигаетъ, не считая хвоста, всего трехъ футовъ длины.

Невѣріе Ѳомы.

Когда Христосъ послѣ воскресенія своего явился ученикамъ, въ средѣ ихъ не было апостола Ѳомы, называемаго Близнецомъ. Услыхавъ отъ апостоловъ, что Христосъ приходилъ къ нимъ, онъ сказалъ: «Если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его, не повѣрю». Послѣ восьми дней опять были въ домѣ ученики Его, и Ѳома съ ними. Пришелъ Іисусъ, когда двери были заперты, сталъ посреди ихъ и сказалъ: «Миръ вамъ». Потомъ говоритъ Ѳомѣ: «Подай перстъ твой сюда, и посмотри руки Мои; подай руку твою, и вложи въ ребра Мои; и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ». Ѳома сказалъ Ему: «Господь мой и Богъ мой»! Іисусъ говоритъ ему: «Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе» (Ев. отъ Іоанна, 20, 24—29).

Маленькая Ева.

Праматерь нашу Еву любопытство довело до грѣхопаденія. Маленькая Ева на граціозномъ жанрѣ, помѣщаемомъ нами въ нашемъ журналѣ, не только согрѣшила любопытствомъ, но и вовлекла цѣлую группу своихъ пріятелей въ маленькое грѣхопаденіе—въ кражу чужихъ яблоковъ. Всѣ фигурки этихъ дѣтишекъ очень милы и забавны... Впрочемъ, когда-же не милы и не забавны ребятишки въ этомъ возрастѣ? Наша гравюра исполнена однимъ изъ лучшихъ современныхъ граверовъ, г. Кнезингомъ. Авторъ картины Вильгельмъ Регге (родился въ Остеркаппельнѣ, въ Ганноверѣ въ 1829 г.) кончилъ свое художественное образованіе въ Мюнхенѣ, много путешествовалъ по верхней Италіи и сначала отдался исторической живописи, потомъ перешелъ къ жанру. «Примиреніе императора Оттона I съ его братомъ Генрихомъ», «Послѣдній изъ Гогенштауфеновъ передъ Карломъ Анжуйскимъ», «Расквартированіе въ XVI вѣкѣ», «Возвращеніе съ ярмарки», «Гретхенъ передъ Мадонной» и наконецъ «Рожденіе ребенка въ знатномъ домѣ» принадлежатъ къ числу его лучшихъ произведеній.

Пасхальный подарокъ.

Великій праздникъ Пасхи—одинъ изъ первыхъ весеннихъ праздниковъ, и съ воскресеніемъ Христа совпадаетъ воскресеніе отъ зимней смерти природы. Правда, въ поляхъ къ этому празднику нерѣдко еще лежитъ снѣгъ, но въ оранжереяхъ искусственная весна и лѣто всегда къ нашимъ услугамъ—и все здѣсь въ полномъ цвѣту, сирень, ландыши, розы, тюльпаны. Цѣлыя вазы этихъ дорогихъ дѣтей теплаго лѣта отправляются въ подарокъ близкимъ сердцу, но иногда дороже этихъ роскошныхъ цвѣтовъ бываетъ то, что сказано во вложенной въ нихъ запискѣ... На эту тэму написанъ милый жанръ талантливымъ нѣмецкимъ художникомъ Еппомъ, помѣщаемый нами въ нынѣшнемъ нумерѣ нашего журнала.

Кушелево-Безбородко. Пивоваренный заводъ «Новая Баварія».

Къ числу интересныхъ историческихъ памятниковъ царствованія императрицы Екатерины Великой, находящихся въ чертѣ современнаго Петербурга, безспорно принадлежитъ бывшее имѣніе графовъ Кушелевыхъ-Безбородко, подаренное великой монархиней ея канцлеру графу Безбородко. Это роскошное имѣніе, расположенное одною пограничною чертой на берегу Большой Невы, совмѣщало въ себѣ, въ былыя времена, графскую усадьбу съ великолѣпнымъ каменнымъ дворцомъ на набережной Невы, окруженнымъ роскошнымъ паркомъ со всевозможными причудами, вродѣ: каменныхъ замковъ, бесѣдокъ, монументовъ, звѣринцевъ, каменныхъ и чугунныхъ мостовъ чрезъ рѣчки, грандіозныхъ пристаней, мельницъ, искусственныхъ прудовъ, водопадовъ и т. п., не говоря уже о безконечномъ числѣ различныхъ каменныхъ службъ и всевозможныхъ хозяйственныхъ построекъ, разбросанныхъ по всему имѣнію на очень значительной площади... Еще очень недавно, лѣтъ шестнадцать тому назадъ, извѣстная часть веселящагося Петербурга посѣщала очень усердно этотъ историческій уголокъ столицы съ цѣлью поплясать въ веселомъ «Тиволи», находящемся въ старинномъ готическомъ зданіи на берегу пруда, въ самой живописной части графскаго парка, изобиловавшей историческими развалинами, или же послушать музыку въ вокзалѣ, устроенномъ въ паркѣ около главнаго графскаго дворца, но уже въ болѣе близкое отъ насъ время. Но не прошло еще и ста лѣтъ съ эпохи самаго цвѣтущаго состоянія этого замѣчательнаго по своимъ художественнымъ памятникамъ имѣнія, какъ неумолимая рука Сатурна совершенно, такъ сказать, переставила всѣ декораціи. Тамъ, гдѣ гордый графскій дворецъ невольно поражалъ, въ былое время, своимъ спокойнымъ величіемъ, гдѣ во всей окружности, на далекомъ пространствѣ не было ни одного соперника этому дворцу, въ настоящее время дѣятельная промышленность, постепенно завоевывая золотомъ этотъ историческій уголокъ, какъ-бы хочетъ доказать преимущества и права производительнаго труда и энергіи надъ прежними, давно уже отошедшими въ область преданій, непроизводительными прихотями стараго барства. Изображенное на нашемъ рисункѣ колоссальное зданіе пивовареннаго завода: «Новая Баварія», построенное на берегу Большой Незы и принадлежащее, само по себѣ, къ числу выдающихся капитальныхъ построекъ столицы, является въ этомъ живописномъ и скромномъ уголкѣ ея такимъ гигантомъ, что массивный, но сильно запущенный каменный дворецъ графа Безбородко, находящійся рядомъ съ заводомъ и купленный недавно купцомъ Брусницынымъ, кажется теперь какимъ-то карликомъ и пигмеемъ. Sic transit gloria mundi!.. Заводъ этотъ, построенный въ 1876 году, находится съ 1884 года во владѣніи акціонернаго общества и пріобрѣлъ въ Петербургѣ, за послѣдніе года, репутацію образцоваго пивовареннаго завода, благодаря его выгодному расположенію на берегу самой широкой части Большой Невы, (наискось городской водокачальни), въ такомъ ея мѣстѣ, гдѣ вода не засоряется отъ судовъ, а также и вслѣдствіе примѣненія въ немъ новѣйшихъ машинъ, фильтровъ и другихъ приспособленій по пивоваренію, составляющихъ послѣднее слово техники по этой отрасли, требующей, какъ извѣстно, прежде всего, самой крайней, самой безусловной чистоплотности и строжайшаго, педантическаго порядка. Благодаря любезности директора этого завода г. Ручмана, художникъ имѣлъ возможность нарисовать три внутреннихъ помѣщенія, которыя составляютъ главнѣйшій интересъ для читателей, не имѣющихъ понятія о заводскомъ пивовареніи. Средній рисунокъ, внизу, изображаетъ часть «солодовки», въ которой влажная рожь, разсыпанная длинной грядой на чистыхъ каменныхъ плитахъ, пускаетъ ростки. На рисункѣ, помѣщенномъ въ правомъ углу, находится «заторная», гдѣ, собственно, варится пиво. Въ лѣвомъ углу нарисована часть одной изъ «бродилень», гдѣ въ гигантскихъ дубовыхъ чанахъ пиво «бродитъ» и проходитъ всѣ стадіи этого длиннаго процесса. Для изображенія всѣхъ остальныхъ помѣщеній завода потребовался-бы цѣлый толстый томъ. Зданія этого завода, его службы и земля занимаютъ семнадцать тысячъ квадратныхъ саженъ—громандую площадь, находящуюся въ самой лучшей части исторической мѣстности, сохранившей и по сіе время, въ память ея старинныхъ, прославленныхъ владѣльцевъ, названіе Кушелево-Безбородко.

Б.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КАРТИНКИ-ХЛОПУШКИ

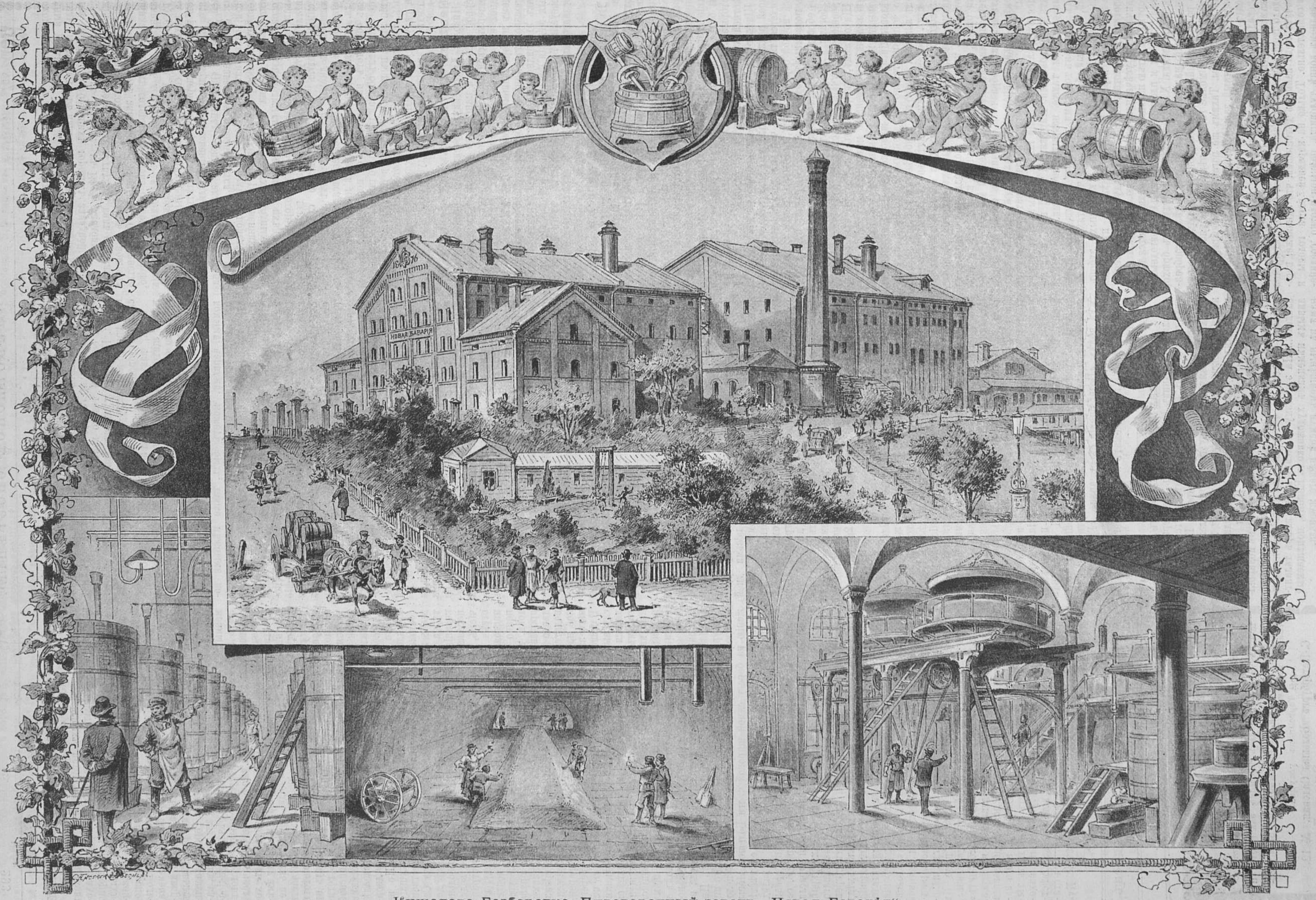
Небывалая новость! Всѣ картины представляютъ собою разныя сцены стрѣльбы, напр.: волки, нападающіе на тройку—пистолетъ охотника зажигается и застрѣливаетъ волка! Очень забавна и занимательна. 1 проб. кон. съ перес. 10 карт. 55 к. почтовыми марками.

Торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ Большая Садовая, № 12.
Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—5).

Оригинальный рисунокъ А. Ф. Бальдингера (собств. журнала «Живописное Обозрѣніе»).

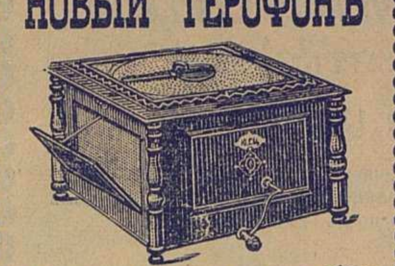


Кушелево-Безбородко. Пивоваренный заводъ „Новая Баварія“.

(Фотогравюра Ангереръ и Гешль въ Вѣнѣ).

Дозволено цензурою. Спб., 28-го апрѣля, 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

НОВЫЙ ГЕРОФОНЪ



съ приспособленіемъ для игры piano и forte. Цѣна съ 10-ю пьесами 38 руб. Большое число добавочныхъ пьесъ по 60 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунт.

герофоны и ноты къ нимъ продаются у меня только настоящіе патентованные. Поддѣльныхъ, которые легко портятся, не имѣю.

Каталогъ пьесъ для герофона и иллюстрированный прейскурантъ—безплатно.

Юлій Генрихъ

ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С-Петербургъ: Б. Морская, № 36 и 42.
Москва: Кузнецкій мостъ., д. Торлецкаго.

№ 319.

FRANCE
МОСКОВСКАЯ ВСЕРОССІЙСКАЯ ВЫСТАВКА 1882 г. 1882 г.
ЗА ПРЕКРАСНУЮ ХУДОЖЕСТВ: РѢЗЬБУ—ЗА МЕБЕЛЬ СЪ РѢЗЬБОЮ, ХОРОШ: ВКУСА. И СТОЛЯРНОЙ РАБОТЫ.
Gde MEDAILLE D'ARGENT
1872

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕБЕЛЬ.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА СТОЛЯРНУЮ И РѢЗНУЮ РАБОТЫ.

Н. ЛОВИТОНЪ, Невскій, № 60,

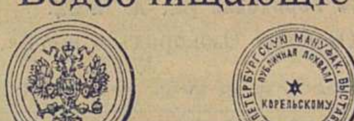
противъ Аничкина дворца.

№ 310 (4—4).

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ
ДЛЯ
ЦЕРКВЕЙ, ФАБРИКЪ
И ПРОЧ.
ПОСТАВЛЯЕТЪ
Ф. ВИНТЕРЪ
НЕВСКІЙ ПР. № 78
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

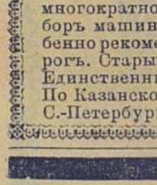
№ 382 (10—1).

Водоочищающіе



ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. № 228 (52—24)



Вновь усовершенствованный

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

для зажиганія сигаръ, папиросъ, свѣчей и пр. и для употребленія моментальнымъ ночникомъ.

№ 5.

Цѣны въ С.-Петербургѣ:

№ 1 резерв. стекл. гладк. . . .	3 р. 75 к.
№ 2 » » съ украш. .	4 » 50 »
№ 3 резерв. и аппар. никкилиров.	5 » 50 »

Вѣсъ съ укупоркой 3 фун.

При полученіи ½ стоимости немедленно высылаю съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Оптовая продажа у Ив. Фегедингъ, въ С.-Петербургѣ, Чернышевъ пер., уг. Бол. Садовой, Маріинскій рынокъ, № 20, верхній этажъ. № 384 (5—2).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ. Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р. Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—18).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ",

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и омп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—35).

Пульты складные для нотъ.
Машинки для рубки дровъ.
РУЧНЫЯ КАДКИ И ВЫЖИМАЛКИ ДЛЯ БѢЛЬЯ.
Копировальные прессы.
ПЕРЕДВИЖНЫЕ АМЕРИКАНСК. СТОЛЫ.
Точильные станки.
ВѢШАЛКИ ДЛЯ ПЛАТЬЯ.
ФАНЕРИ.
СИДѢНІЯ.

у Евг. БОТМАНЪ и К°.

Большая Садовая № 12.

№ 371 (2—2).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 234 (10—10).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ

Саатчи и Мангуби

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ

BIS

цѣною 10 шт. 10 коп
Можно получать вездѣ
№ 356 (37—4).

НОВАГО УРОЖАЯ
замѣчательно хорошія папиросы:
„Охота" 10 шт. 10 к.
„Дамскія" 10 шт. 10 к.
„Сенаторскія" 10 шт. 6 к.
„Фотографъ" 10 шт. 6 к.
ПОЛУЧАТЬ МОЖНО ВСЮДУ.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 25 р. до 1000 в. разстояніе, перес. и упаковка на счетъ маг. № 329 (44—10)

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт.	на об. бум. 1 р. 50 на лучш. . 2 р.	Съ карт.	на об. бум. 2 р. 50 на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе. Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.

№ 222 (222—16).

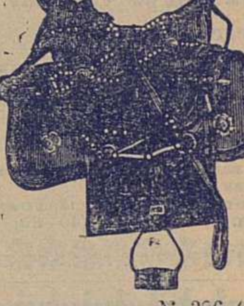
Косметическіе спермацетовые
ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральник., кожа лица дѣлается чистою, нѣжною. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они удобны противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза, также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р. 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи; въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38.

№ 314 (47—12).

Черкесское сѣдло съ полн. приборомъ роскошно тисненое съ краски, томпакомъ, или бѣлымъ набо-



ромъ съ пересылк. по ж. д. 40 р., почтою за 40 ф. Фабрика М. и Н. МАЛЫШЕВЫХЪ, Саратовъ.

№ 386 (1—1)

ФАБРИКА

басовыхъ струнъ для скрипки, гитары, мандолины, віолончели, цитры.

Дм. Ал. Александрова

рекомендуетъ гг. торговцамъ. Оптовый прейсъ-курантъ высылается безплатно. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 53.

№ 373 (1—1).

папиросы
крученыя
1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ.

получать можно повсюду.

ЛИМОННОЕ МЫЛО

изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.

у В. ПАРИКОВА и К°.

Гостин. дв. № 7. 354 (10—4).

!! За 30 к. !!

почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.

съ объясненіями и прейсъ-курант.

за 50 коп.

почтовыми марками высылается

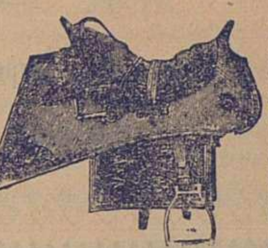
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономн. курит. Получше 70 к. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „**ЧУЖАГО**".

Мастерская игръ **А. Меламеда.**
Спб., Обуховскій пр.
д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**

№ 360 (37—4).

Казацкое сѣдло № 1-й, роскошно-тисненое, шагренированной кожи, съ уздечкою и остальн. полн. приборомъ



20 р. Тоже № 2 16 руб. Пересылка въ Европ Россіи 3 руб. Сибирь и Кавказъ за 25 ф. Фабрика

М. и Н. МАЛЫШЕВЫХЪ Саратовъ.

№ [illegible] (1—1)

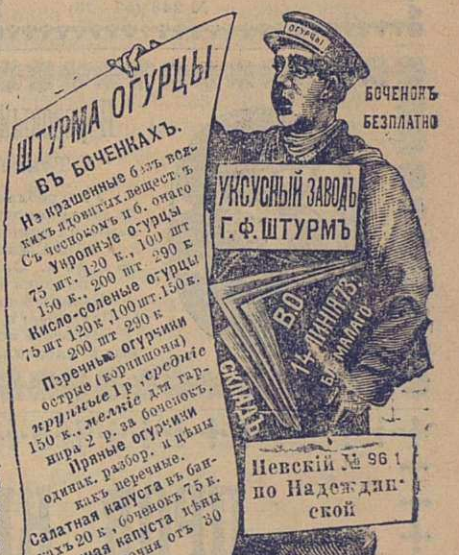
Усовершенствованные пожарные
ТРУБЫ И НАСОСЫ

„ПОТОКЪ"

для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.

прейсъ-курантъ безплатно.

№ 186 (40—23)



ШТУРМА ОГУРЦЫ

ВЪ БОЧЕНКАХЪ.

Не крашенные безъ всякихъ ядовитыхъ веществъ. Съ чеснокомъ и б. онаго Укропные огурцы 75 шт. 120 к., 100 шт 150 к., 200 шт 290 к Кисло-соленые огурцы 75 шт 120 к, 100 шт. 150 к. 200 шт 290 к Перечные огурчики острые (корнишоны) крупные 1 р, средніе 150 к., мелкіе для гарнира 2 р. за боченокъ. Пряные огурчики одинак. разбор. и цѣны какъ перечные. Салатная капуста въ банкахъ 20 к, боченокъ 75 к. Кочанная капуста цѣны по велич. бочки отъ 30 до 60 к.

БОЧЕНОКЪ БЕЗПЛАТНО

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. Ф. ШТУРМЪ

Невскій № 96 1 по Надеждинской

ДОСТАВКА НА ДОМЪ

№ 257 (52—17)

Усовершенствованные
двухъ и трехъ-колесные

ВЕЛОСИПЕДЫ.

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ.
Собственное механическое заведеніе

ДЛЯ ПОЧИНОКЪ.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.
С.-Петербургъ.

№ 152 (52—35).

ВНОВЬ ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
КАХЕТИНСКОЕ ВИНО
ВЪ 50 И 60 КОП.
ВЪ ПОГРЕБАХЪ
ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ,
торг. подъ фирмою Г. РОССОЛИМО.
№ 376 (10—3).

Зубочистное средство
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ШВЕДСКІЙ
зубной элексиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурнаго запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**
№ 243 (57—23)

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ
Ф. Трахтенберга
основанъ въ 1863 г.
Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.
Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.
№ 330 (44—10.

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.
Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—35)

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

«ЭЛЕОПАТЪ» употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ и развиваетъ густоту волосъ.

«Элеопатъ» только пров. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 руб. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп. почтовый расходъ и укупорка на счетъ покупателя.

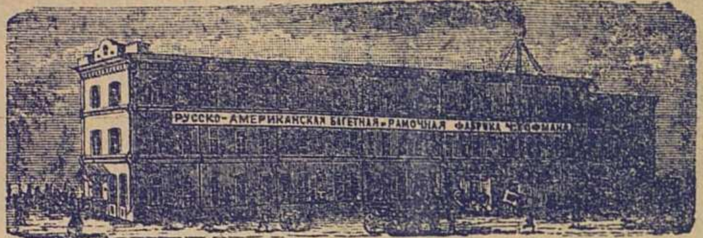
Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только «ЭЛЕОПАТЪ» провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. или уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

☞ СПРАШИВАЙТЕ ☜
ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.
№ 343 (15—10).

AU BON MARCHÉ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Гостиный дворъ №№ 132, 133, 134.

Имѣя прямыя и непосредственныя сношенія съ первоклассными фабриками Франціи, Англіи и Россіи, постоянно получаетъ самыя послѣднія новости сезона немедленно послѣ ихъ появленія.

ДЛЯ ВЕСЕННИХЪ И ЛѢТНИХЪ ПЛАТЬЕВЪ
ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ
ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ ТКАНЕЙ
разнообразнѣйшихъ, новѣйшихъ и изящныхъ рисунковъ.
Цѣны безъ запроса. Prix-fixe.
№ 380 (2—2).


РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская **БАГЕТНАЯ** и **РАМОЧНАЯ** фабрики
Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—9).

Большая золотая медаль Ю. МАРТЕНСА. **Московская выставка 1882.**
МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ
съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.
МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ
по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ
КЛЮКВЕННЫЕ И ФРУКТОВЫЕ ЭКСТРАКТЫ
Вишневый, Малиновый, Черносмородиновый
свѣже-приготовленные
ФРУКТОВЫЕ СИРОПЫ
Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.
Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.
Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія.
№ 226.

ВЕСЕННІЯ НОВОСТИ

Касторовыя дамскія шляпы безъ отдѣлки, формы дамскихъ новѣйшихъ фасоновъ; для гарнировки громадный выборъ новостей: перья фантази; страусовые, нанаши и амазонъ, эгреты стеклярусные и аграмантъ.

Ленты; омбрэ, моаръ и экосэ; **кружева, тюль и шляпные платки; для вуалей:** тюль и газъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ
магазинъ
А. В. ТАРАТИНА,
бывшій ШАПКИНА. № 110.
№ 205

Нумеръ 18-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: изъ 2-хъ листовъ текста и Обертки.

Дозволено цензурою. Спб. 27-го апрѣля 1888 г.
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

№ 5.—1888. Май. 1888.—№ 5.

1. **Подвѣнечный туалетъ.** Юбка изъ бѣлаго фая. Впереди кружевной воланъ, падающій отъ таліи въ видѣ кокилье и обходящій справа по подолу юбки до ея задняго полотнища. Поверхъ кружева тюникъ изъ бѣлаго крепъ-де-шинъ. Трэнъ изъ фая съ муаровыми полосками; такой же корсажъ, открытый на креповой шемизеткѣ съ фаевымъ широкимъ кушакомъ. Правый край корсажа окаймленъ кружевнымъ кокилье, а лѣвый гирляндою померанцевыхъ цвѣтовъ. Другая гирлянда на юбкѣ. Въ волосахъ букетъ тѣхъ-же цвѣтовъ; длинный тюлевый вуаль спускается до конца трэна.

2. **Лѣтняя жакетка** Tailleur. Эта жакетка изъ сукна бэжъ обрисовываетъ талію посредствомъ двухъ бочковъ; передъ безъ выточекъ; онъ подкладывается парусиной, что-бы глаже лежалъ. На груди внутренняя пата для застежекъ; поверхъ ея строчка въ нѣсколько рядовъ; кругомъ тоже строчка. Кармашки прорѣзные, закрытые патами. Воротникъ отогнутый. На рукавахъ строчка, обрисовывающая обшлагъ. Сзади юбка круглая, безъ складокъ. Подкладка шелковая полосатая, бэжъ съ коричневымъ.

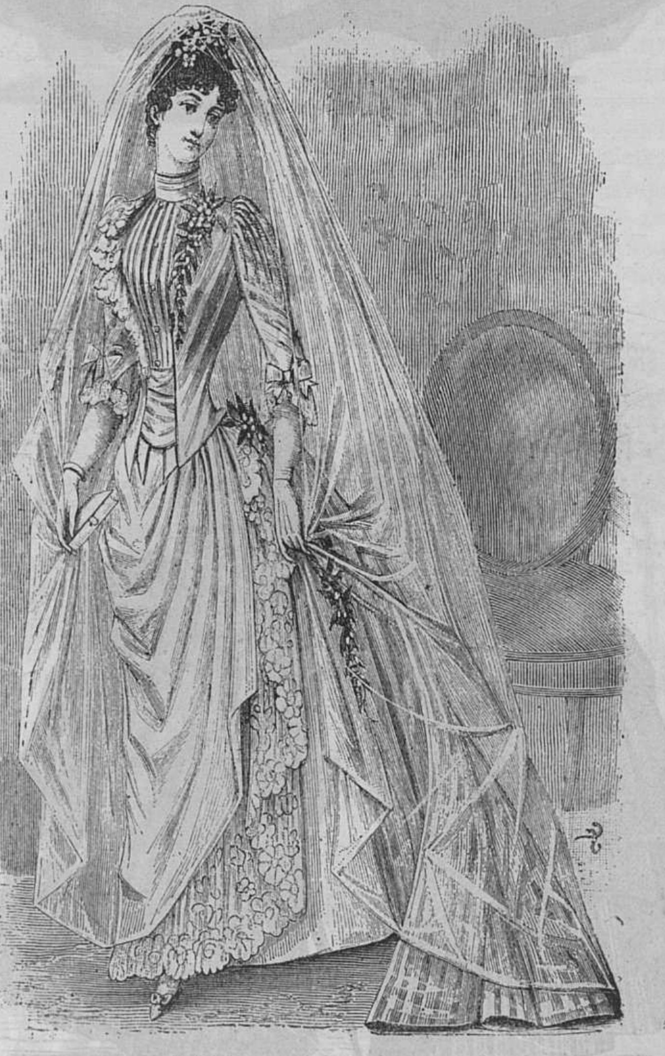
3. **Бретонская жакетка** (выкр. 1 на листѣ). Жакетка дѣлается изъ сукна цвѣта loutre (коричневый золотистый). Переднія полы, вышитыя разноцвѣтнымъ шелкомъ по краю, открыты на расшитомъ тоже пластронѣ. Сзади баска со складкой, расходящейся на вышитой узенькой полоскѣ. Воротникъ стоячій вышитый.

4. **Лѣтняя мантилья** изъ черной шелковой саржи съ плотно прилегающей спинкой и вся покрытая кружевными прошивками, раздѣленными бисерными рядами. Рукавъ закругленъ; переднія полы слегка заострены. Кругомъ густой кружевной воланъ; впереди такое-же кокилье. Воротникъ бисерный, надъ воланомъ бисерная бахрома.

5. **Лѣтняя мантилья** изъ сплоеннаго кружевного тюля на фаевой подкладкѣ, плотно обнимающей талію. Сплоенный тюль продолжается внизъ отъ таліи въ видѣ узенькихъ концовъ. На плечахъ бисерныя бретели; рукава сплошь покрыты рядами бисерной бахромы. Сзади кружевная баска; на груди кружевное жабо. Воротникъ стоячій, покрытый бисеромъ.

6. **Дачный туалетъ** изъ полосатаго зефира; суроваго съ темнокраснымъ. Передъ подобранъ въ видѣ тюника, изъ подъ котораго выходитъ суровая ажурная вышивка. Заднія полотнища слегка драпированы. Лифъ полосатый, открытый впереди на вышитомъ пластронѣ и съ реверами въ видѣ бретелей. Воротникъ стоячій, вышитый. Шляпа изъ темнокрасной соломы съ бархатнымъ подбоемъ подъ цвѣтъ, красными лентами и букетомъ бѣлыхъ маргаритокъ.

7. **Дачный туалетъ** изъ мелкополосатаго синяго батиста. Передъ юбки заложенъ мелкими складками; по сторонамъ три широкія складки, покрытыя бѣлыми узорчатыми тесемочками. Корсажъ съ синимъ шелковымъ, собраннымъ пластрономъ. На плечахъ накладки изъ тесемочекъ. Большая баска обшита въ томъ же родѣ, равно какъ и рукава. Шелковый кушакъ начинается у лѣваго бокового шва на таліи, уходитъ справа подъ баску и заканчивается бантомъ среди драпировки заднихъ полотнищъ. Шляпа изъ синей соломы съ двуличевными лентами, синими съ бѣлымъ. По краю полей рядъ синихъ бусъ.



1. Подвѣнечный туалетъ.

8. **Мантеле-пелерина** изъ французскаго фая съ аграмантною вставкою на спинѣ. Бретели изъ лентъ, съ бантами на плечахъ, отдѣляютъ спинку отъ частей, покрывающихъ плечи. Сзади кружевная баска, впереди длинные шелковые концы съ кружевомъ и бантами.

9. **Мантеле-пелерина** изъ gros-de-Lyon. Спинка прилегаетъ къ таліи и заканчивается кружевной баской. Передъ открытъ; край его вырѣзанъ зубцами, обшитыми бусами и бахромой; подъ нимъ кружевное полотнище, собранное у таліи подъ кушачкомъ изъ лентъ и спускающееся до подола платья. Воротникъ стоячій кружевной съ кружевнымъ бантомъ впереди.

10—14. **Туалетъ для прогулки и вояжа.** 10. **Костюмъ для прогулки.** Юбка изъ шерстяной ткани блѣднозеленаго цвѣта съ темнозелеными плюшевидными полосами и мелкими розоватыми полосками между ними. Тюникъ изъ гладкой свѣтлозеленой матеріи. Веста-мантеле изъ темнозеленаго сукна, расшитая суташью и бисеромъ подъ цвѣтъ. Она плотно облегаетъ талію, какъ настоящая веста, но рукава наложены только въ видѣ длинныхъ эполетъ, покрывающихъ руку до локтя. Впереди собранный шелковый пластронъ, законченный внизу шерстянымъ чернымъ кружевомъ, расшитымъ зеленымъ бисеромъ; такое-же кружево пришито кругомъ поверхъ баски. Шляпа изъ темнозеленой соломы съ розовымъ подбоемъ и отдѣлкою изъ лентъ, зеленыхъ съ розовою изнанкой.

11. **Веста** изъ темносѣраго сукна съ реверами на груди; передъ открытъ на пластронѣ изъ бѣлой тафты съ черными полосками. Изъ подъ рукавовъ выходятъ такія-же обшивки. Шляпа изъ сѣрой соломы съ бѣлыми и черными лентами.

12. **Дорожное манто-дульетъ** изъ двуличной шелковой тафты черной съ пунцовымъ. Форма дульетъ самая покойная; это родъ капота, съ прямыми передними полами, заложенными складочками на груди и на спинѣ. Рукава полуширокіе, собранные внизу. Отдѣлка изъ высѣченнаго густого рюша, нашитаго вокругъ всей одежды. Шляпа изъ желтой соломы съ бантами соломеннаго цвѣта.

13. **Костюмъ для прогулки.** Платье изъ тафты геліотропъ съ тюникомъ изъ вуаля того-же цвѣта, вышитымъ шелкомъ въ тѣнь. Мантеле изъ черныхъ бисерныхъ прошивокъ и синелеваго аграманта съ эполетами, покрытыми бисеромъ и обшитыми бисерной бахромой; полы короткія, законченныя «ко-

локольчикомъ» изъ тюля, расшитаго синелью; между ними длинный буффонъ изъ такого-же тюля. Шляпа изъ бѣлой соломы съ подбоемъ и лентами цвѣта геліотропъ.

14. **Дорожное манто** изъ рыжеватаго легкаго сукна съ рукавомъ-пелериной и мѣшкомъ, подбитымъ красной тафтою, заложенной складочками. Отворотъ у мѣшка изъ шелковой матеріи, рыжеватой съ краснымъ рисункомъ. Шляпа изъ рыжеватой соломы съ лентами подъ цвѣтъ; поля подбиты краснымъ бархатомъ.

15. **Модная шляпа изъ чернаго кружева.** Тулья покрыта сплоеннымъ кружевомъ, которое придерживается рядомъ бусъ. Пассъ состоитъ изъ кружевного волана, подъ которымъ приколотъ бантъ изъ ленты vieux rose. Бриды розовыя, наверху букетъ мелкихъ розовыхъ цвѣтовъ.

16. **Нарядный корсажъ** изъ оттомана, блѣднозеленаго съ темнозелеными рубчиками. Реверы на груди и рукавахъ изъ розоваго фая; такая-же лента подвязываетъ черную кружевную шемизетку, служащую пластрономъ. Воротникъ кружевной, покрытый сзади другимъ, розовымъ.

17. **Нарядный корсажъ** изъ фая жонкилеваго цвѣта; баска и рукава обшиты мелкой бисерной золотистой бахромой. Пластронъ вышитый золотистой суташью и бисеромъ. Фаевое фишю, тоже съ бахромочкою по краю, спускается къ таліи, гдѣ концы его перекинуты одинъ на другой. На рукавахъ подобные-же банты.

18. **Ночная перкалевая рубашка.** Станъ заложенъ вверху складочками, которыя прошиты легкимъ узоромъ. Такая-же вышивка придерживаетъ у горла оборку изъ вышитой и фестонированной полосы; подобная-же полоса, слегка собранная, окаймляетъ верхнюю переднюю полу и рукава.

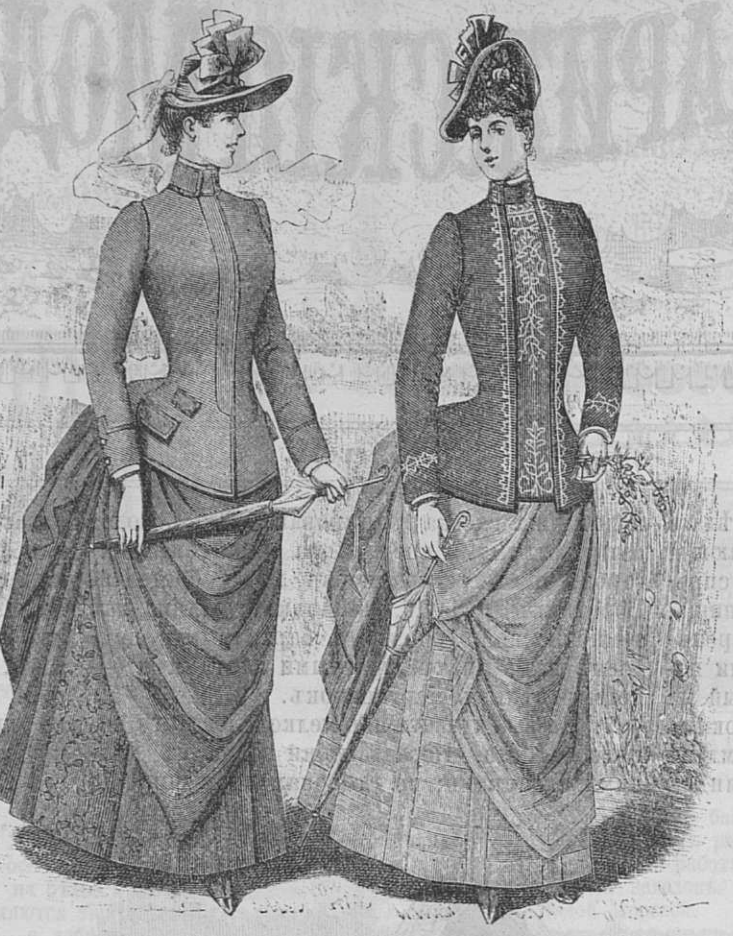
19. **Ночная рубашка изъ бѣлаго сюра**, украшенная кружевомъ валансіенъ и такими-же прошивками. Рукава обшиты рядами бульоне, которое перерѣзывается наложенными прошивками; внизу собранное кружево. Кружевная отдѣлка на груди и у горла. Вокругъ таліи вдернута розовая лента, завязанная напереди. Банты на рукавахъ и у горла. Воротникъ кружевной.

20. **Ночная перкалевая кофта** съ отдѣлкою изъ простой, фестонированной полосы. На груди и внизу широкій простроченный рубецъ. Такая-же строчка на рукавахъ и у горла придерживаетъ фестонированную оборку.

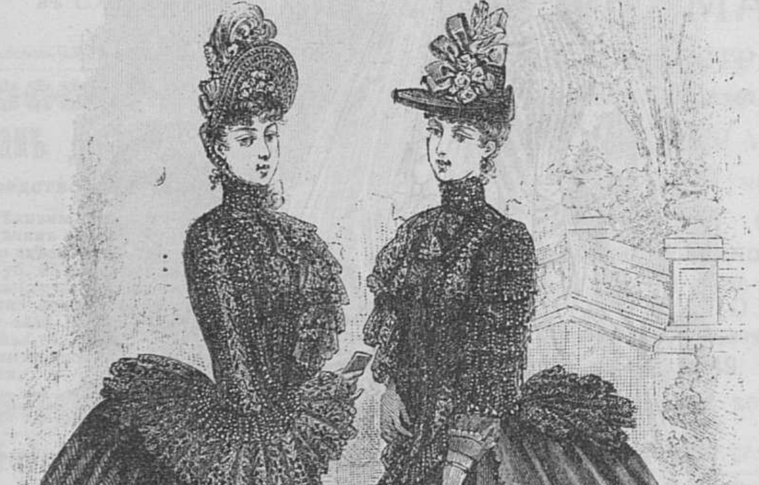
21. **Костюмъ для малютки.** Сдѣланный въ видѣ манто изъ бѣлой шерстяной ткани съ голубыми клѣточками. Подолъ и пелерина, образующая рукавъ, обшиты полосой, бѣлой съ голубымъ шитьемъ. На плечахъ шнуры двухъ цвѣтовъ. Такой-же шнуръ служитъ поясомъ. Шляпа изъ голубой соломы, подбитая бѣлымъ атласомъ и съ бантами изъ бѣлыхъ лентъ.

22. **Костюмъ малютки.** Юбочка изъ бѣлаго батиста, покрытаго англійскимъ шитьемъ. Блуза изъ гладкаго батиста съ вышивкой; складки пристегнуты тоже вышивкой. Вышитый воротникъ; такія же манжеты. Шляпа изъ бѣлой соломы съ бѣлыми перьями.

23. **Костюмъ малютки.** Платьеце изъ темнокраснаго кашмира; юбочка заложена складками, корсажъ гладкій, съ пластрономъ и реверами изъ французскаго фая. На плечахъ бантики съ булями. Кокетка и воротникъ изъ стариннаго кружева.



2 и 3. **Лѣтнія жакетки.**



4 и 5. **Лѣтнія мантильи.**

24. **Манто дѣвочки 5—6 лѣтъ.** Манто сдѣлано изъ легкаго лѣтняго узорчатаго сукна; переднія полы гладкія, застегнутыя на груди пуговицами; заднія заложены складками на кушачкѣ, который застегивается впереди. Пелерина прилегаетъ сзади къ таліи, плотно обхватываетъ плечи и спускается острымъ угломъ внизъ. Воротникъ отогнутый. На плечахъ и на концахъ пелерины аграмантныя украшенія.

25. **Костюмъ мальчика 9—11 лѣтъ.** Короткіе панталоны, жилетъ и жакетъ изъ рубчатаго сукна оливковаго цвѣта. Чулки такого-же цвѣта, черные суконные сапожки, обшитые кожей. Галстучекъ клѣтчатый. Шляпа изъ оливковаго фетра съ черною лентой.

26. **Серебряная брошъ** филиграновой работы.

27. **Серебряный браслетъ** филиграновой работы.

28 — 34. **Различныя украшенія для шляпъ**, сдѣланныя изъ жэ, гранатнаго и аметистоваго стекла и пр.

МОДНАЯ ХРОНИКА.

Мода склоняется рѣшительно къ жанру Directoire: шляпы съ высокими выдающимися полями, широкіе кушаки,—при очень длинныхъ таліяхъ, впрочемъ, — большіе реверы на груди и совершенно гладкія юбки. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи переходъ не такъ рѣзокъ, какъ кажется, потому что затѣйливыя уборки давно оставлены и вся отдѣлка юбки состоитъ очень часто изъ одного тюника. Теперь и онъ устраняется, даже заднія полотнища нисколько не драпируются и падаютъ простыми складками. Но это еще слишкомъ смѣлое нововведеніе и привьется не вдругъ. Пока господствуетъ жанръ mixte, не лишенный большой граціозности. Никакая мода не приходитъ вдругъ, а подготовляется постепенно, и только неопытный глазъ не замѣчаетъ этихъ переходовъ и поражается новымъ фасономъ, какъ какою-нибудь внезапностью.

Зонтики походятъ на тѣ, которые были въ модѣ въ прошломъ году: много двуличневыхъ и клѣтчатыхъ; какъ новость, можно отмѣтить кружевные, бѣлые, черные или суровые, собранные мелко и безъ всякой подкладки. Они очень удобны тѣмъ, что идутъ ко всѣмъ туалетамъ.

Для верхнихъ лѣтнихъ одеждъ очень хороши манто изъ свѣтлыхъ шерстяныхъ, одноцвѣтныхъ или клѣтчатыхъ матерій, имѣющіе форму ротонды, но съ прорѣзями для рукъ. Такое манто легко накинуть и снять, между тѣмъ оно очень граціозно и не стѣсняетъ руки, держащей зонтикъ или саквояжъ.

Мантильи очень разнообразны, но всѣ онѣ обрисовываютъ талію; спинка дѣлается короткая, доходящая лишь до пояса и законченная здѣсь баской, большею частью кружевной; полы узкія и длинныя, часто тоже кружевныя и съ бантами на концахъ.

Лѣтнія шляпы чрезвычайно разнообразны. Къ услугамъ тѣхъ особъ, которыя еще не рѣшаются надѣть «Directoire» или находятъ этотъ фасонъ не къ лицу, имѣются прелестныя шляпы-капотъ съ вышитымъ пассомъ въ видѣ небольшой діадемы, за которою возвышается бантъ изъ стоячихъ петель съ блестящею эгреткою, перьями или т. п. посерединѣ.

Рядомъ съ этими формами видно множество приподнятыхъ острымъ угломъ полей, подъ которыми ютятся, какъ въ гнѣздышкѣ, цвѣты и банты. Очень милы тоже шляпы béguin, плоско облегающія голову, какъ шапочки нашихъ колонистокъ, и украшенныя только впереди стоячимъ бантомъ. Въ противоположность этому, нѣкоторыя модистки выставили шляпы, тулья которыхъ походитъ на корзиночку, въ которую воткнутъ пучокъ цвѣтовъ или петель изъ лентъ. Это очекъ оригинально, но, пока, видно мало такихъ шляпъ. Показались тоже шляпы съ мягкой тульею изъ расшитаго крепа или тафты съ цвѣтными букетиками по фону бѣлому, кремъ, палевому и т. п. Поля соломенныя; наверху букетъ цвѣтовъ, гармонирующій съ вышивкою.

Бриды часто отсутствуютъ, что усиливаетъ миніатюрность шляпъ. Но если ихъ и носятъ, то не длинныя и не широкія съ бантомъ на боку или сколотыя брошью въ видѣ бабочки, жука, стрѣлы, звѣздочки и т. п.

Круглыя шляпы могутъ быть съ козырькомъ, т. е. съ полями прямыми и выступающими впередъ; это болѣе идетъ къ тѣмъ лицамъ, которыя называются minois chiffonés. Для физіономій съ правильными чертами пригоднѣе шляпы съ полями, отогнутыми вверхъ или приподнятыми съ одного бока, въ родѣ Monsoreau, Amazone и пр.

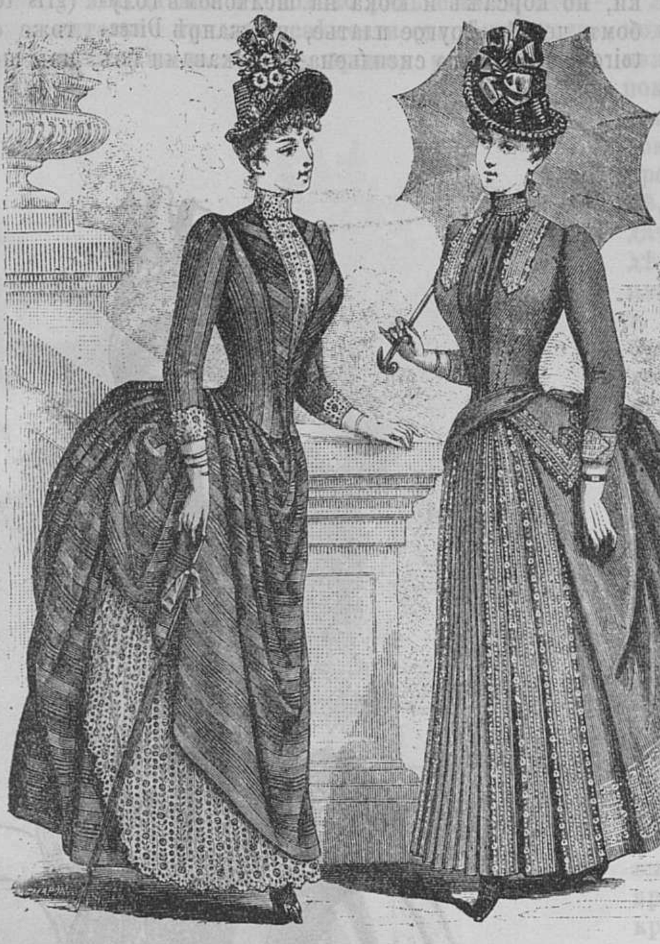
Турнюры уменьшаются въ объемѣ, при общемъ одобреніи непрекраснаго пола; до совершеннаго исчезновенія всякихъ рессоръ еще далеко, но число ихъ въ юбкѣ не превышаетъ трехъ, при длинѣ верхней въ 32—35 сант. и нижней въ 45 сант. Вверху самая маленькая подушечка. Платья Directoire съ совершенно гладкими юбками, убранными лишь впереди и то плоско, въ видѣ большого ревера или т. п., способствуютъ уничтоженію турнюровъ. На нѣкоторыхъ юбкахъ подолъ обшитъ рюшемъ изъ высѣченной матеріи или плоской вышивкой и пр.

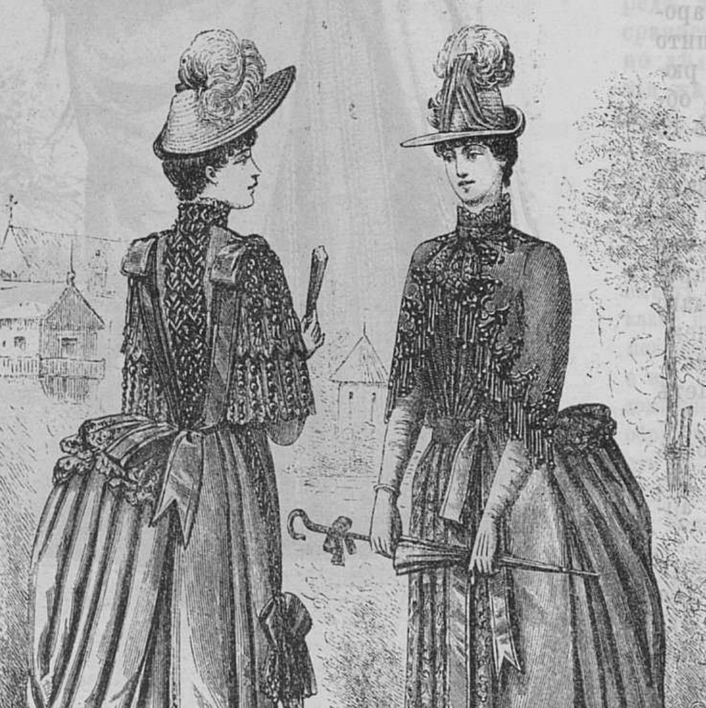
Мода на костюмы въ видѣ распашныхъ капотовъ усиливается, только вмѣсто прежнихъ кисейныхъ вышитыхъ юбокъ, которыя носили въ сороковыхъ годахъ, нижнія юбки дѣлаются изъ сюра или другой шелковой матеріи, т. е. собственно дѣлается такое переднее полотнище, которое нашивается на основную юбку. Полы самого платья прикрѣпляются къ этой юбкѣ, но не у самаго края, а на первомъ швѣ, что позволяетъ имъ висѣть впереди свободно.

Очень красивы въ этомъ родѣ слѣдующіе лѣтніе туалеты: костюмъ изъ чичунчи, гладкой и полосатой. Юбка изъ гладкой чичунчи прямая, собранная у таліи, расходится впереди на полосатомъ полотнищѣ. Полы обшиты шелковымъ суровымъ кружевомъ. Корсажъ-веста съ полосатою шемизеткою, которая проглядываетъ въ прорѣзяхъ на груди. Чтобы устроить этотъ очень красивый фасонъ, можно нашить сверху полосатую матерію въ видѣ длинныхъ креве, или-же сдѣлать среднюю часть корсажа отдѣльною и пристегивать ее наверху. У горла кружевное жабо; рукава убраны кружевомъ. Банты изъ узкихъ лентъ, подходящихъ къ цвѣту полосокъ на матеріи.

Шляпа изъ кружевъ съ подходящими къ полоскамъ цвѣтами и кружевной зонтикъ составятъ прекрасное дополненіе къ этому туалету.

Еще дачный туалетъ въ томъ-же родѣ: юбка изъ вуаля цвѣта tabac d'Espagne (бывшій havane) съ переднею вставкою изъ бѣлаго сюра и отдѣлкою изъ кружевъ табачнаго цвѣта, расшитыхъ бѣлымъ шелкомъ. Корсажъ-веста съ бѣлою вставкою и кружевною кокеткою. Банты изъ лентъ двухъ цвѣтовъ.


6 и 7. Дачные туалеты.


8 и 9. Мантеле-пелерина.

По всей вѣроятности, скоро войдутъ въ моду и кисейныя вышитыя вставки или нижнія юбки для платьевъ сказаннаго фасона изъ бумажныхъ или пеньковыхъ лѣтнихъ тканей, напр. изъ жакона, брилліантина, холстинки и пр.

Такъ какъ тюники еще не оставлены, то видно много легкихъ матерій, назначенныхъ для подобныхъ драпировокъ. Очень красивы въ этомъ родѣ шерстяные газы съ атласистыми клѣтками въ тѣнь или другого цвѣта, напр. геліотропъ съ бѣлымъ, фисташковый съ темнозеленымъ и пр.

Бисеръ всѣхъ цвѣтовъ и повсюду: таково послѣднее слово моды для шерстяныхъ и шелковыхъ лѣтнихъ костюмовъ. То, что входитъ въ область confection, буквально засыпано бисеромъ. Примѣромъ можетъ служить слѣдующая confection, которая выпущена въ свѣтъ подъ именемъ Madeleine и есть собственно ничто иное, какъ плотно обхватывающій талію корсажъ съ мысомъ впереди и сзади. Корсажъ устроенъ изъ фая, покрытаго кружевомъ; онъ безъ рукавовъ; на плечахъ кружевная пелерина, усѣянная бисеромъ, не цѣльная, но съ отдѣльными половинами, покрывающими плечо. Она придерживается впереди и на спинкѣ бисерною тесьмой, образующей бретели. Воротникъ hausse-col, т. е. стоячій и съ остроконечнымъ продолженіемъ на груди, тоже вышитымъ и окаймленнымъ бисерной бахромой; вокругъ пелерины бахрома. Очень короткая баска обшита кругомъ тоже бисерной тесьмой и бахромой.

Въ отвѣтъ на запросы нѣкоторыхъ подписчицъ, приводимъ нѣсколько общихъ замѣтокъ относительно дѣтскаго туалета.

Въ дѣтскихъ костюмахъ замѣтно упрощеніе, т. е. въ самомъ фасонѣ платьецъ; роскошь матерій зависитъ отъ произвола маменекъ, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ склонны наряжать своихъ малютокъ въ бархатъ и кружева. Но собственно фасонъ простъ; большею частью, это блуза или длинный прямой корсажъ съ густымъ воланомъ вмѣсто юбочки. Позднѣе, когда фигура ребенка уже болѣе обрисовывается, дѣлаются корсажи болѣе прилегающіе къ таліи, весты, рединготы; но большіе пуффы и всякія драпировки очень некрасивы на дѣвочкахъ-подросткахъ при ихъ еще нескладной фигурѣ. Полонезы съ простымъ гладкимъ корсажемъ очень старообразны; дѣвочка въ такомъ костюмѣ кажется наряженой въ платьѣ своей бабушки, но тому-же полонезу можно придать болѣе моложавый видъ, украсивъ его бантиками на плечахъ или обрисовавъ на немъ, посредствомъ суташи, тесьмы и т. п., маленькій корсетикъ, весту Манола (она-же Фигаро), бретонскій пластронъ и т. д.

Шляпы для дѣтей не отличаются тою благоразумною простотою фасона, которая замѣчается въ платьяхъ. Съ того возраста, когда ребенокъ начинаетъ уже ходить, ему украшаютъ головку бантиками куафюрами. Самая незатѣйливая изъ нихъ, это токъ съ прямымъ стоячимъ околышемъ и прямою тульею; затѣмъ слѣдуютъ шляпы bébé съ огромнѣйшими полями, поднятыми вверхъ, или-же съ выступающимъ далеко козырькомъ. Онѣ дѣлаются изъ соломы или какой-нибудь ткани, преимущественно крепа или газа, которые шифонируются изящно. Очень оригинальны шляпы съ плотными, фетровыми или соломенными полями, выступающими впередъ, и тульею изъ крѣпкаго тюля, на которой расположены банты. Такая шляпа очень легка.

Изъ числа новостей, нѣкоторыя принимаются съ трудомъ, другія проходятъ незамѣтно, стушевываясь въ массѣ другихъ, за то иныя, такъ сказать, навязываются и не могутъ не привлекать вниманія, размножаясь до безконечности. Таковъ капюшонъ (мѣшокъ), безъ котораго не обходится теперь ни одно дѣтское манто. Эта мода распространяется и на взрослыхъ дѣвушекъ, дополняя ихъ мантильи, весты или длинныя верхнія одежды. Капюшонъ подбивается всегда яркой, блестящей матеріей, что придаетъ блестящую ноту всему туалету.

Мода на вышивки, всевозможныя вышивки, продолжается и возрастаетъ. Суташь, шитье гладью или русскимъ швомъ распространено и на самые простые туалеты. Въ подражаніе шитью, тесьмы украшаются красивыми затканными узорами, что позволяетъ составлять изъ нихъ отдѣлки, совершенно замѣняющія вышивку. Серебряное и золотое тканье на цвѣтномъ фонѣ очень красиво; особенно изящны въ этомъ родѣ узенькія тесьмы, положенныя вездѣ по краямъ корсажа, какъ лизере. Артистическія пуговицы въ томъ же вкусѣ довершаютъ отдѣлку.

Широкіе, даже очень широкіе, кушаки въ большой модѣ; они пришиваются къ бокамъ корсажа и завязываются поверхъ полъ весты или подъ нею, или-же просто на таліи, смотря по фасону корсажа. Но съ нѣкоторыми костюмами во вкусѣ Directoire носятъ ленты, шириною вершковъ въ шесть, положенныя сборками вокругъ таліи и завязанныя впереди или на боку длинными концами. Типомъ такого костюма можетъ служить слѣдующій туалетъ изъ муара и полосатой шерстяной матеріи цвѣта alicante (въ родѣ стариннаго масака). Основная юбка съ муаровымъ полотнищемъ впереди, которое обшито на самомъ подолѣ полосою высѣченнаго рюша. На бокахъ и кругомъ юбки подолъ обшитъ тоже муаромъ, но лишь на высотѣ 15 сант. Длинный рединготъ Directoire изъ шерстяной матеріи; онъ открытъ впереди, сзади заложенъ глубокими складками, которыя падаютъ прямо до подола. Корсажъ застегнутъ отъ таліи до половины груди; выше муаровые реверы, между которыми концы бѣлаго кружевного галстука, обматывающаго шею. Отъ реверовъ назадъ муаровый воротникъ. Очень широкая муаровая лента опоясываетъ талію; концы ея, безъ банта, висятъ на боку. Шляпа Directoire изъ желтой соломы, безъ бридъ, съ бантами alicante и чайными розами на поляхъ и подъ ними. Чулки alicante, ботинки подъ цвѣтъ.

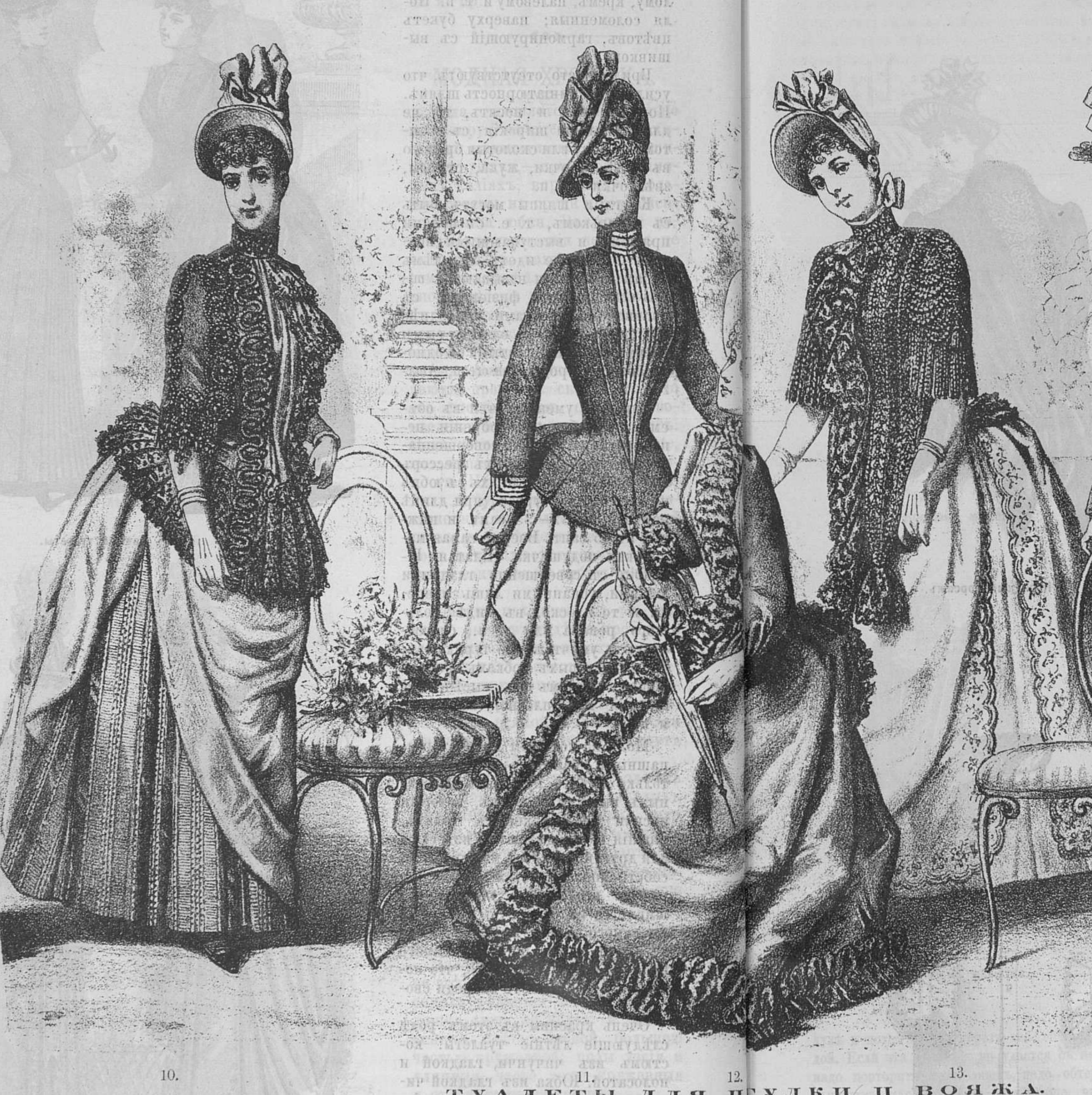
Очень мелкія складки, такъ называемыя plis-lingerie, въ большомъ употребленіи для корсажей и рукавовъ. Эти послѣдніе дѣлаются теперь часто въ складочкахъ наверху и внизу; середина остается свободною. Этотъ жанръ очень практиченъ для лѣта.

Обувь остается остроконечною, но каблуки значительно понизились. Въ настоящее время изготовляютъ много ботинокъ съ деревянными каблуками, не только черными, но и цвѣтными. Дѣтская обувь дѣлается съ болѣе широкими носками; узкіе носки могутъ только уродовать нѣжную дѣтскую ножку. Цвѣтные сафьянные башмачки для малютокъ очень красивы, но лучше всего легкіе коломенковые или т. п., обшитые красиво вырѣзанной узорчатой кожей. Этого рода обувь очень хороша и для взрослыхъ особъ, какъ самая практичная для жаркаго времени.

Мы говорили уже, что широкіе кушаки въ большой модѣ; соединяясь съ различными фишю Recamier, Directoire и пр., переносящими насъ къ концу прошлаго или началу нынѣшняго столѣтія, они составляютъ весьма изящную новинку. Для нагляднаго примѣра, описываемъ одинъ такой туалетъ: платье изъ китайскаго крепа бирюзоваго цвѣта съ букетами пестрой гвоздики. Широкій голубой кушакъ, въ который прячутся концы прелестнаго фишю изъ бѣлаго шелковаго газа. Рукава прозрачные безъ подкладки, но корсажъ и юбка на шелковомъ голубомъ чехлѣ. Другое платье, въ жанрѣ Directoire, изъ сѣраго сисильена съ рукавами изъ сѣраго муара и такимъ-же поясомъ; воротникъ высокій, покрытый стальнымъ аграмантомъ; на груди, спинѣ и плечахъ тоже артистическія украшенія изъ стального бисера.

Сѣрый цвѣтъ въ большой модѣ для весеннихъ туалетовъ. Лучшій парижскій модный журналъ «Coquet» приводитъ цѣлый рядъ костюмовъ, въ которыхъ преобладаетъ сѣрое того или другого оттѣнка: юбка изъ кружевного тюля, превосходно имитирующаго алансонское кружево. Она едва драпирована, придерживаясь волнами очень широкаго сѣраго муароваго пояса, петли и концы котораго почти одинаковой длины. Другой костюмъ изъ бѣлаго вуаля не имѣетъ другого украшенія кромѣ пояса изъ муара перловаго цвѣта (gris-de-lin); этотъ поясъ выкроенъ изъ матеріи, потому что нѣтъ лентъ такой ширины, которая удовлетворяла-бы требованіямъ настоящей моды. Далѣе костюмъ изъ шерстяной ткани сизаго цвѣта (gris tourterelle) съ полосками въ двѣ тѣни и тоже съ муаровымъ поясомъ. Еще костюмъ изъ шерстяного ормюра темно-сѣраго цвѣта (gris-ramier) съ отдѣлкою изъ бархата синяго цвѣта (bleu lapis), и т. д.

Для стоячихъ воротниковъ придумано нѣсколько новинокъ, изъ которыхъ очень граціозны воротники изъ свѣтлаго шелка, покрытые тюлемъ или газомъ, вышитые бѣлымъ или цвѣтнымъ бисеромъ, или-же просто украшенные рядомъ петелекъ. Вмѣстѣ съ этимъ распространяются отложные воротники Pierrot изъ крепа различныхъ цвѣтовъ, дополненные кружевнымъ жабо или безъ него. Иногда воротникъ Pierrot соединяется съ стоячимъ.



10. 11. 12. 13. 14.

ТУАЛЕТЫ ДЛЯ П ГУЛКИ И ВОЯЖА.

Собранные внизу рукава будутъ въ большой модѣ для лѣтнихъ платьевъ; они очень разнообразны и весьма практичны для лѣта. Мы дадимъ, въ слѣдующемъ нумерѣ нашего журнала, самые послѣдніе образцы корсажей съ подобными рукавами, которые не стѣсняютъ руки во время лѣтнихъ жаровъ. Рукава съ буффами у плеча тоже въ употребленіи. Въ нѣкоторыхъ рукавахъ буффа повторяется и на локтѣ (какъ у Маргариты въ «Фаустѣ»); другіе собраны вверху, потомъ середина рукава заложена мелкими складками; ниже опять плоская буффа, заканчивающаяся обшивкой. Въ общемъ, рукава нѣсколько длиннѣе прежнихъ. Длинные креве съ шелковыми или кружевными вставками очень хороши для наряднаго туалета.

Для нарядныхъ домашнихъ неглиже въ большой модѣ японскія матеріи съ фантастичными цвѣтами и птицами.

Для молодыхъ дѣвушекъ и подростковъ будутъ въ большой модѣ бѣлыя платья съ прямыми юбками, собранными у таліи и собраннымъ тоже корсажемъ. Широкій кушакъ съ длинными концами необходимъ при этомъ туалетѣ. Лучшія матеріи для такого костюма—вуаль, муслинъ-ленъ и т. п. мягкія шерстяныя ткани. Для маленькихъ дѣтей изготовляются костюмы изъ клѣтчатыхъ матерій свѣтлыхъ цвѣтовъ; отдѣлка изъ англійскаго шитья.

Мы давали нѣсколько разъ совѣты относительно приданія свѣжести старымъ туалетамъ. Въ настоящее время, рекомендуемъ особенно всякаго рода шемизетки, креповыя, фуляровыя, кружевныя и т. п., которыя въ такой модѣ и могутъ превосходно служить для корсажа, сдѣлавшагося слишкомъ узкимъ и пр. Креповыя и т. п. вставки на рукавахъ позволяютъ тоже освѣжать эту часть платья. Вообще, нынѣшнія моды весьма благопріятны для реставрацій; пано и переднія вставки въ юбкахъ могутъ всегда быть изъ другой матеріи, нежели сама юбка; это большое удобство, потому что многія нарядныя платья, малоношенныя, но сшитыя года 3—4 назадъ, слишкомъ узки теперь въ подолѣ. Въ этомъ случаѣ стоитъ только прибавить къ юбкѣ одно или два полотнища, подобравъ ихъ такъ, чтобы они гармонировали и съ передѣлкой корсажа.

◆

Вязаныя корзинки.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ была въ модѣ одна работа, очень простая, практичная и о которой считаемъ не лишнимъ напомнить нашимъ читательницамъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ она будетъ и современною новостью. Вязанье крючкомъ очень распространено, а въ рекомендуемомъ нами видѣ, оно можетъ послужить для украшенія дачныхъ оконъ и балконовъ. Изъ него можно дѣлать цвѣточныя корзинки, футляры на цвѣточные горшки, оконныя ширмочки и т. п. Для этого надо взять самой толстой бумаги или нитокъ и какую-нибудь металлическую, фарфоровую или стеклянную форму. Можно заказать такую форму жестянику, можно и воспользоваться имѣющимся мода предметомъ. Положимъ, что вы желаете связать корзину для цвѣтовъ; формою можетъ послужить умывальная чашка. Связавъ кружокъ для дна корзины, вяжите бока какимъ либо сквознымъ узоромъ, прибавляя ширину по мѣрѣ надобности и примѣряя, время отъ времени, на чашку. Дойдя до верха, надо обвязать край 3—4 сплошными рядами и узенькимъ кружевнымъ узоромъ, а дно тоже 3—4 рядами для образованія подножія, на которомъ будетъ стоять корзинка. Когда все кончено, натяните вязанье на чашку, разведите столярнаго клея, держите его горячимъ, обмокните въ него толстую кисть и вымажьте все вязанье, такъ чтобы нитки пропитались насквозь. Дайте высохнуть, покройте спиртовымъ лакомъ и когда онъ обсохнетъ, снимите вязанье: ваша корзинка готова, нитки пріобрѣли крѣпость тростника, но вещь имѣетъ то преимущество передъ тростниковою, что узоръ на ней несравненно красивѣе. Такимъ способомъ можно дѣлать весьма изящныя стоячія и висячія жардиньерки, а также корзины для бумагъ, мотковъ шерсти и пр., и пр.

◆

Луковичныя растенія въ комнатахъ.

Всѣ любители цвѣтовъ знаютъ, какъ пріятно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ трудно вырастить въ комнатѣ какое нибудь растеніе. Большею частью, приходится покупать его уже выращеннымъ и лишь заботиться о его сохраненіи. Причины, неблагопріятствующія домашнему выводу растеній, заключаются, главнымъ образомъ, въ недостаткѣ свѣта, въ излишней сухости воздуха и въ вредномъ дѣйствіи пыли.

Нѣкоторыя растенія выводятся, однако, хорошо и въ комнатахъ,—это луковичныя. Для многихъ изъ нихъ достаточно привести цвѣточную головку въ соприкосновеніе съ водою, для того, чтобы оно пустило корни и ростки. Для этой цѣли употребляются особые графины съ широкимъ горлышкомъ. Красивые и душистые гіацинты особенно хорошо выращиваются такимъ образомъ. Наполнивъ графинъ водою такъ, чтобы нижняя часть луковицы соприкасалась съ нею, надо поставить его въ закрытое мѣсто (напр. въ шкафъ), наблюдая, чтобы въ комнатѣ не было жарко. При слишкомъ высокой температурѣ, листья могутъ развиться раньше корней и цвѣтеніе будетъ неудачнымъ. Когда корни покажутся въ изобиліи и стебли начнутъ выступать, надо выставить графинъ на солнце,—лучше всего на столъ передъ окномъ.

Можно садить гіацинты и прямо въ землю. При этомъ можно разнообразить расположеніе цвѣтовъ самымъ живописнымъ образомъ, такъ, напр., глиняную вазу, съ нѣсколькими отверстіями въ ея стѣнкахъ, наполняютъ ее землею или просто нарубленнымъ мхомъ и садятъ каждую луковицу такъ, чтобы стебель вышелъ наружу черезъ одно изъ отверстій. Въ самой серединѣ тоже садятъ луковицу. Когда всѣ стебли покроются цвѣтомъ, ваза принимаетъ видъ раскошнаго букета. Подобнымъ же образомъ, на графинахъ или въ вазахъ съ нѣсколькими отверстіями, можно выращивать нарциссы, жонкили, амарилисы, даже тюльпаны и крокусы.

КУХОННЫЕ РЕЦЕПТЫ

Домашнее пиво. Взять $^1/_4$ фун. хмѣля, дать ему кипѣть 2 часа въ 3 штоф. воды. Еще въ 3 штоф. воды разварить $^1/_2$ фун. ячменя. Распустивъ 3 фун. патоки въ холодной водѣ, вылейте ее въ боченокъ, прибавьте 1 стаканъ хорошаго уксуса и немного жженаго сахара. Не остужая хмѣли, процѣдите воду съ него въ боченокъ; налейте на тотъ же хмѣль холодной воды и процѣдите въ боченокъ сдѣлайте тоже и съ ячменемъ, продолжая до тѣхъ поръ, пока боченокъ наполнится; тогда прибавьте туда же $^1/_2$ стакана хорошихъ дрожжей (пивныхъ); размѣшайте хорошенько. Чтобы получить пиво умѣренной крѣпости, разлейте въ бутылки черезъ 3 дня; для болѣе крѣпкаго надо дать постоять съ недѣлю, но, въ обоихъ случаяхъ, слѣдуетъ ежедневно снимать пѣну, которая будетъ показываться на поверхности жидкости.

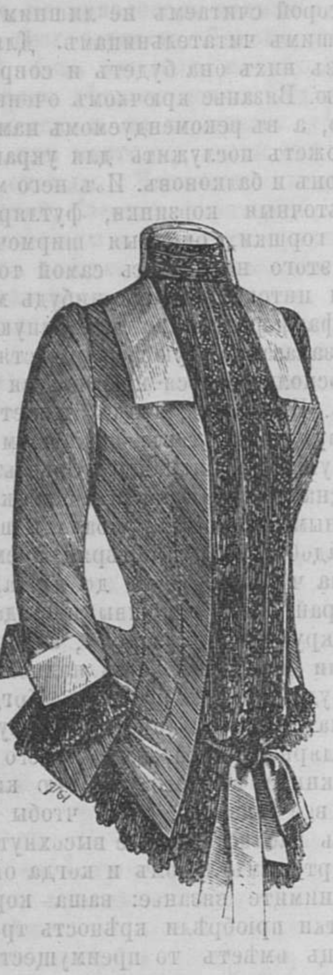
Миндальныя оладьи. Взявъ полную столовую ложку самой лучшей крупичатой муки, замѣсить ее на молокѣ, прибавить 1 чайную ложку мелкаго сахара и $^1/_8$ мелко-истолченаго миндалю; перемѣшать, прибавить 3 яйца, развести молокомъ, чтобы вышло полужидкое тѣсто, и печь оладьи обыкновеннымъ порядкомъ.

Пыжки. Поставить на огонь 1 ф. чухонскаго масла, вливъ въ него $^1/_2$ бут. воды, дать вскипѣть и вмѣшивать понемногу муки, не снимая съ огня и мѣшая постоянно, до тѣхъ поръ, пока тѣсто не станетъ отставать отъ кострюли. Послѣ этого дать остыть и тогда вмѣшать, одно за другимъ, а не заразъ, 16 яицъ, размѣшивая старательно; вымазать масломъ листъ, класть на него тѣсто ложкою и посадить въ умѣренный жаръ. Подавать когда пыжки подымутся и зарумянятся. Можно примѣшать къ тѣсту коринки или мелкихъ цукатовъ.

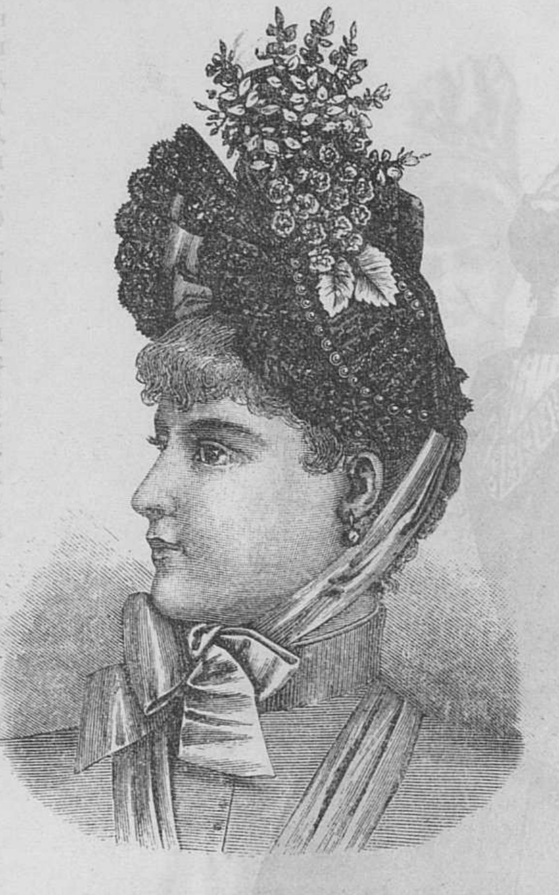
Пирожки жареные. Раскатать тѣсто, нарѣзать кружковъ, начинить фаршемъ или какою-нибудь другою начинкой, защипать, дать подняться, смазать, изжарить въ $^1/_4$—$^1/_2$ ф. русскаго масла.

Итальянскіе пряники. Взбить 3 желтка съ $^1/_2$ чашкою мелкаго сахара, прибавя 2 чайн. ложки рома; когда будетъ густо, влить три ложки столовыя сливокъ и прибавить крупичатой муки на столько, чтобы можно было раскатать тѣсто густое, какъ для лапши. Раскатавъ не слишкомъ тонко, нарѣзать четыреугольниковъ и поджарить ихъ въ маслѣ подавать пересыпавъ сахаромъ съ ванилью.

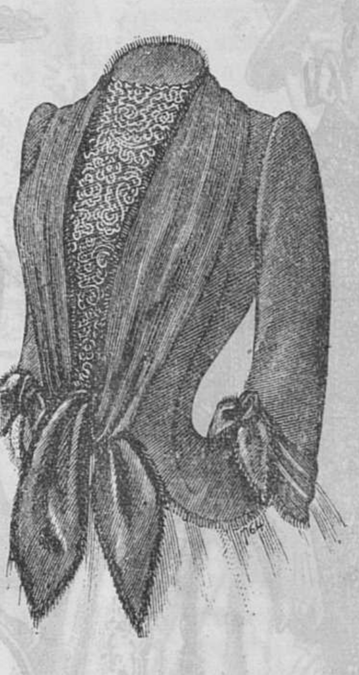
Пирогъ съ ливеромъ. 1 телячій ливеръ сварить, затѣмъ изрубить довольно мелко, положить четверть фунта масла, 3 круто сваренныхъ и изрубленныхъ яйца, и сдѣлать пирогъ.



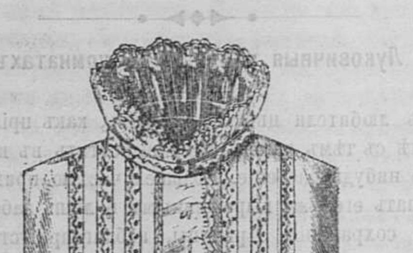
16. Нарядный корсажъ.



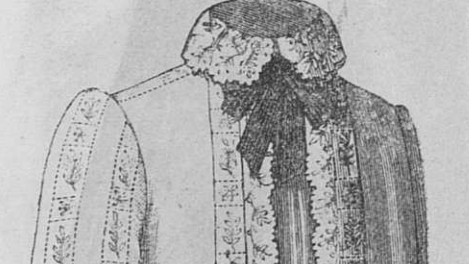
15. Модная шляпа изъ чернаго кружева.



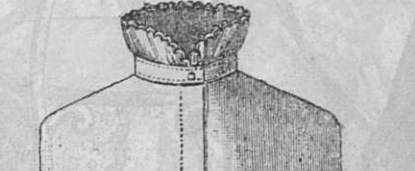
17. Нарядный корсажъ.



18. Ночная перкалевая рубашка.



19. Ночная рубашка изъ бѣлаго сюра.

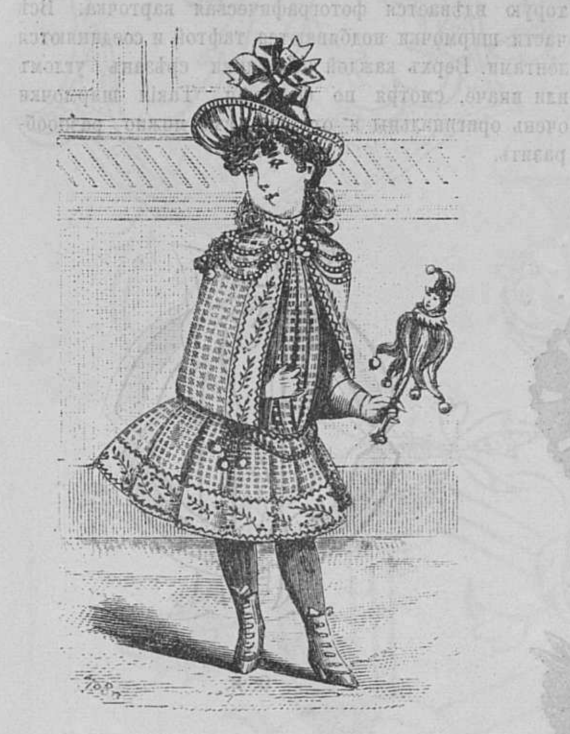


20. Ночная перкалевая кофта.

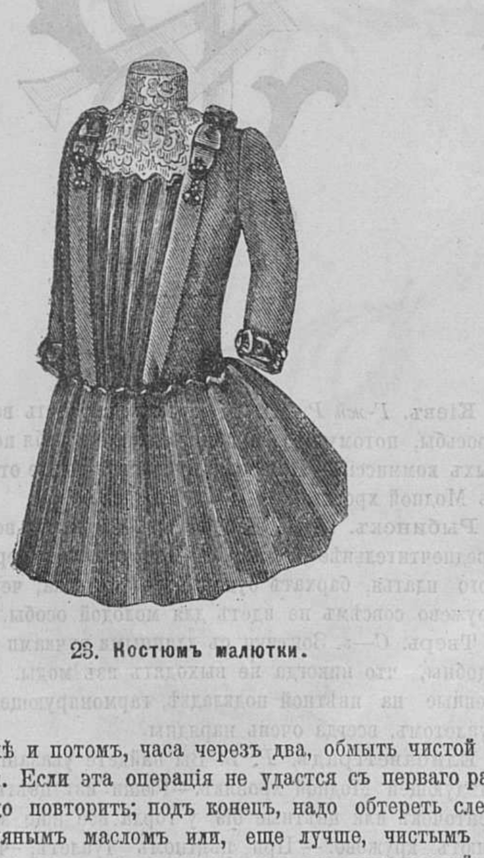
ПОЛЕЗНЫЕ СОВѢТЫ.

Составъ для вывода жирныхъ пятенъ съ бумаги. Взявъ по равной части жженыхъ квасцовъ и сѣрнаго цвѣта, перемѣшать ихъ хорошенько; жирное мѣсто смочить слегка водою, взять на палецъ сказаннаго порошка и тереть легонько, чтобы не прорвать бумаги (Nature).

Чистка мрамора. Пятна на мраморѣ смываются хлористой водой (60 граммъ хлористой извести на 1 литръ воды). Обмокнувъ губку въ эту воду, надо вытереть ею мраморъ, дать обсохнуть на воз-



21. Костюмъ малютки.



23. Костюмъ малютки.

духѣ и потомъ, часа черезъ два, обмыть чистой водой. Если эта операція не удастся съ перваго раза, надо повторить; подъ конецъ, надо обтереть слегка льнянымъ масломъ или, еще лучше, чистымъ бѣлымъ воскомъ, распущеннымъ въ скипидарной эссенціи.

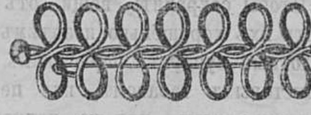
Порошокъ для саше. Взять:

Фіялковаго корня	750	граммъ.
Розоваго дерева.	185	»
Ириса (каламусъ)	250	»
Желтаго сандала.	125	»
Росного ладана.	155	»
Гвоздики	15	»
Корицы.	30	»

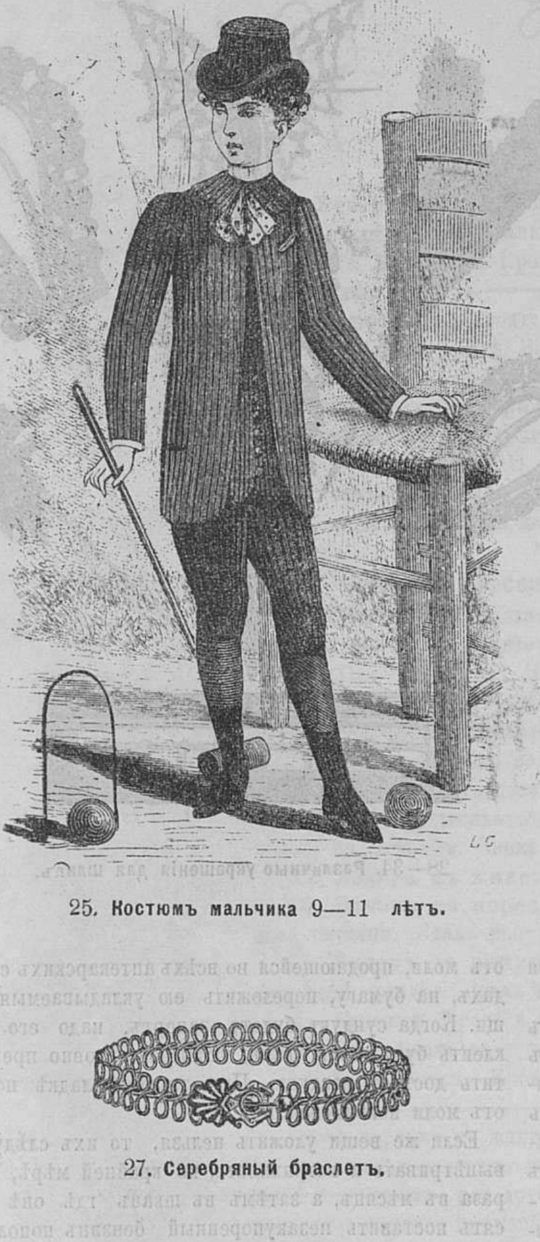
Истолочь все въ порошокъ, посыпать имъ вату и надѣлать изъ нея небольшихъ подушечекъ для раскладки между бѣльемъ.

Составъ для чернилъ. Красныя чернила: распустить 40 сантиграммовъ кармина въ 60 граммахъ амміака; прибавить немного гуммиарабика.— Синія чернила: 30 граммъ кремортартора и 30 граммъ желѣзнаго купороса вскипятить въ 100 гр. воды. Когда выкипитъ на половину, прибавить немного гумми-арабика въ порошкѣ. (Nature)

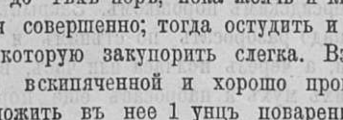
Очищеніе бычачьей желчи. Какъ извѣстно бычачья желчь служитъ превосходнымъ средствомъ для вывода жирныхъ пятенъ изъ всякихъ тканей, потому что не портитъ ихъ цвѣта; но она противна по своему непріятному запаху, для устраненія котораго существуетъ, однако, весьма простое средство: взявъ $^1/_2$ штофа свѣжей желчи, надо вскипя-



26. Серебряная брошь.



25. Костюмъ мальчика 9—11 лѣтъ.



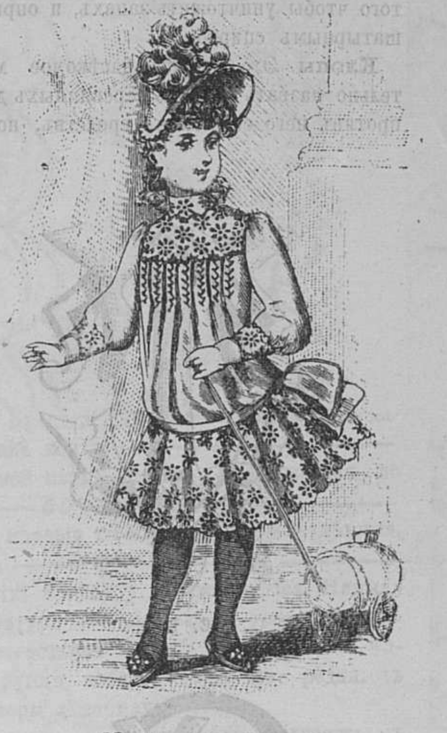
27. Серебряный браслетъ.

тить ее, процѣдить, всыпать въ нее 1 унцъ мелко истолченыхъ квасцовъ и поставить опять на огонь, не снимая до тѣхъ поръ, пока желчь и квасцы не смѣшаются совершенно; тогда остудить и слить въ бутылку, которую закупорить слегка. Взявъ еще $^1/_2$ штофа вскипяченной и хорошо процѣженной желчи, положить въ нее 1 унцъ поваренной соли, поставить на огонь, снять когда соль разойдется, остудить, тоже слить въ слегка закупоренную бутылку и выставить обѣ бутылки въ прохладное мѣсто. Черезъ 10—12 недѣль, желчь совершенно очистится, образуя на днѣ посуды густой осадокъ. Тогда взять такую бутыль, въ которой могла-бы помѣститься жидкость изъ двухъ бутылокъ, и слить въ нее всю желчь осторожно, сквозь тряпку. Послѣ этого дать постоять еще нѣсколько дней, процѣдить окончательно сквозь пропускную бумагу или фланель, закупорить накрѣпко и держать въ холодномъ мѣстѣ. Желчь, приготовленная такимъ способомъ, совершенно безцвѣтна, лишена непріятнаго запаха и сохраняетъ свои полезныя свойства втеченіе многихъ лѣтъ.

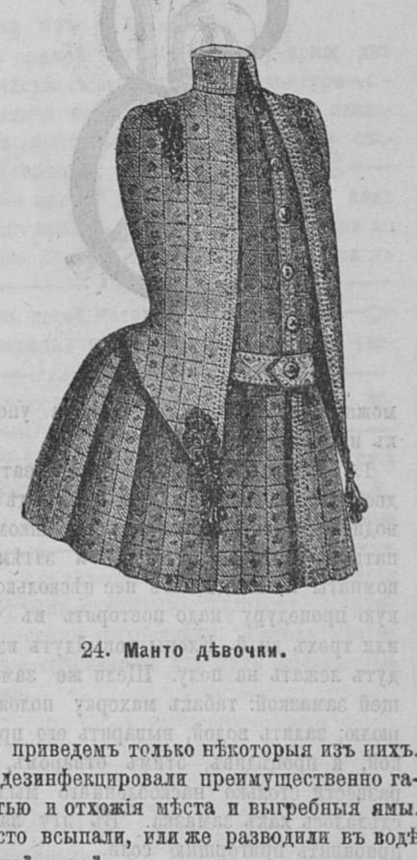
Средства примѣняемыя къ улучшенію воды. Въ жесткую колодезную воду слѣдуетъ подбавлять соды. На одинъ стаканъ воды довольно положить соды два шарика каждый съ горошинку.

Мутную же и непріятную на вкусъ воду слѣдуетъ процѣживать сквозь фланель, съ насыпанными на нее березовыми угольями. Воду надо пропустить два раза.

Дезинфекція. Дезинфекціонныхъ средствъ очень



22. Костюмъ малютки.



24. Манто дѣвочки.

много, но мы приведемъ только нѣкоторыя изъ нихъ. Въ старину дезинфекцировали преимущественно гашеной известью и отхожія мѣста и выгребныя ямы. Известь просто всыпали, или же разводили въ водѣ и заливали этой водой.

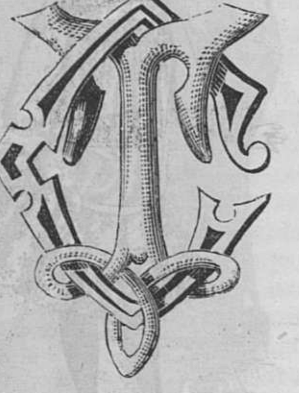
Затѣмъ какъ воздухоочистительное средство несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ должна занимать карболовая кислота, которую подливаютъ въ воду, и водой заливаютъ то, что нужно.

Хлорную известь бросаютъ въ отхожія мѣста и выгребныя ямы, завязавъ въ мѣшокъ прочной и толстой бумаги. Фунта три этой извести можетъ дѣйствовать въ продолженіи десяти дней.

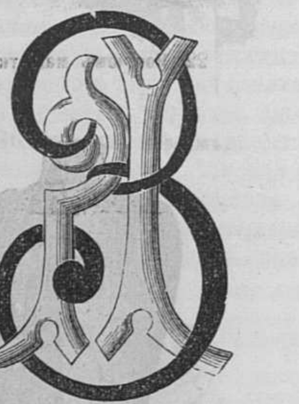
Въ двухъ бутылкахъ кипятка разводится полдрахмы азотно-кислаго свинца, между тѣмъ въ ведрѣ съ водой разводится столько-же поваренной соли. Оба раствора слить вмѣстѣ и дать постоять до образованія осадка. Чтобы уничтожить запахъ въ комнатахъ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, надо повѣсить тряпки, помоченныя въ этомъ растворѣ. Ямы заливаютъ этимъ растворомъ. Это средство удобно для лицъ, не выносящихъ запаха карболовой кислоты, и другихъ дезинфекціонныхъ средствъ.

На ведрѣ теплой воды растворяется 4 фунта желѣзнаго купороса. Этотъ растворъ поливаютъ куда нужно. Если же въ него прибавить карболовой кислоты, то онъ дѣйствуетъ значительно лучше. Послѣ какихъ нибудь заразныхъ болѣзней комнаты дезинфекцируются окуриваніемъ ихъ хлоромъ. Это производится слѣдующимъ образомъ. Въ комнатѣ окна въ два становится фаянсовая или каменная чашка и въ нее вливается два фунта хлорной извести и 4 фунта соляной кислоты. Комнату плотно закрываютъ на полсутокъ, а затѣмъ ее вывѣтриваютъ для того чтобы уничтожить запахъ, и опрыскиваютъ нашатырнымъ спиртомъ.

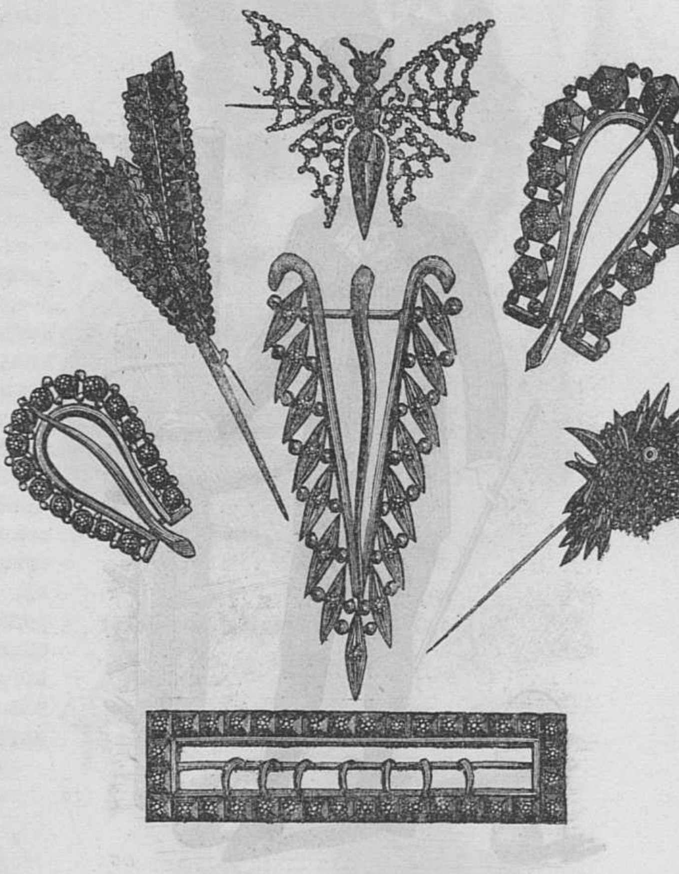
Клопы. Это ужасное насѣкомое можно положительно назвать бичемъ деревянныхъ домовъ, и хотя противъ него есть много средствъ, но вывести его можно если только сама хозяйка упорно стремится къ истребленію его.



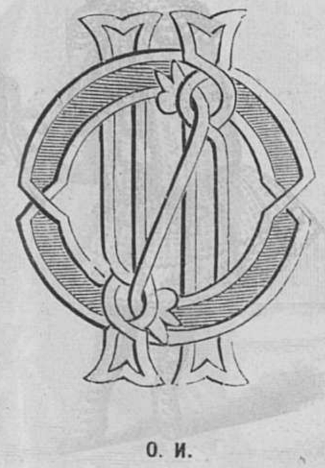
С. Т.



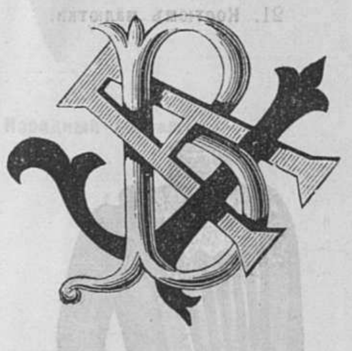
Л. З.



28—34. Различные украшенія для шляпъ.



О. И.



А. В. Г.

1. Тщательно заперевъ окна и заткнувъ щели въ дверяхъ, посыпать во всѣ щели, гдѣ только могутъ водиться клопы, турецкимъ порошкомъ. Но высыпать его надо очень много, и затѣмъ выйдя изъ комнаты не входить въ нее нѣсколько часовъ. Такую процедуру надо повторять въ теченіи двухъ или трехъ дней. Клопы повыйдутъ изъ щелей и будутъ лежать на полу. Щели же замазать слѣдующей замазкой: табакъ махорку положить въ кострюлю, залить водой, выварить его прикрывъ крышкой, и процѣдивъ, этимъ отваромъ, горячимъ же развести столько наскобленнаго мыла, чтобы оно сдѣлалось какъ замазка. Въ эту замазку хорошо прибавить пригоршню соли.

2. Если щели, гдѣ живутъ клопы извѣстны, то перышкомъ надо взять карболовой кислоты и вымазать щели.

3. Если имѣется въ домѣ спѣлая дыня, то слѣдуетъ обмакнувъ перышко въ ея сокъ вымазать имъ ихъ.

4. Выводить клоповъ изъ кроватей, конечно, гораздо легче, чѣмъ изъ стѣнъ, потому что легче уничтожить всякую щелку. Надо сварить обыкновеннаго столярнаго клея довольно жидко и перышкомъ замазать всѣ щели. Когда клей застынетъ, онъ запретъ всѣ выходы. Если же окажется еще гдѣ нибудь щель то ее надо вторично замазать или залить.

5. На бутылку жидкости, составленной изъ полуторa стакановъ скипидарнаго масла и полтора стакана спирта положить лотъ камфоры и поставить бутылку въ теплое мѣсто для того, чтобы камфора разошлась. Взболтавъ бутылку, мазать этой жидкостью тѣ мѣста, гдѣ водятся клопы.

6. Клопы очень любятъ траву перечнаго кресса (lepidium rederale); и если ее положить въ комнатѣ, то они сползаются къ ней и тутъ же издыхаютъ.

7. Для того, чтобы клопы не безпокоили ночью надо напрыскать простыню и одѣяло духами или одеколономъ, или же положить въ постель и подъ подушку свѣжей лимонной корки

8. Мазать щели гдѣ водятся клопы керосиномъ.

Моль. Чтобы сохранить вещи отъ моли слѣдуетъ выбить ихъ хорошенько и затѣмъ уложить въ хорошій, плотный сундукъ, пересыпавъ или камфорой, или листовымъ табакомъ, или перцемъ, или персидскимъ порошкомъ, или же наливъ жидкости отъ моли, продающейся во всѣхъ аптекарскихъ складахъ, на бумагу, переложить ею укладываемыя вещи. Когда сундукъ будетъ запертъ, надо его заклеить бумажками такъ, чтобы безусловно прекратить доступъ воздуха. При такой укладкѣ порча отъ моли невозможна.

Если же вещи уложить нельзя, то ихъ слѣдуетъ вывѣтривать и встряхивать, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ, а затѣмъ въ шкапъ гдѣ онѣ висятъ поставить незакупоренный бензинъ пополамъ съ сѣрнистымъ углеродомъ, или осыпать вещи персидскимъ порошкомъ. Къ шкапу, гдѣ стоитъ открытый бензинъ не слѣдуетъ подходить со свѣчей.

Мухи. Докучливыя мухи истребляются очень хорошо персидскимъ порошкомъ. Закрывъ всѣ окна и двери, надо разбросать по стѣнамъ и по окнамъ порошки, а черезъ полчаса или часъ, вымести попадавшихъ мухъ и набросавъ еще порошка опять запереть.

Мыши. Мышей отравляютъ различными ядами—фосфоромъ, сулемой, мышьякомъ; но все это вредно для другихъ домашнихъ животныхъ, не говоря уже о людяхъ Можно мышей уничтожать и такъ: взять губку, разрѣзать ее на мелкія части, и поджаривъ въ конопляномъ маслѣ разбросать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся мыши.

◆

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Екатеринославъ. *С. В.* Бѣлыхъ balayeuses давно не носятъ, но подшиваютъ подолы цвѣтнымъ подходящимъ рюшемъ.—Модныя амазонки узки и коротки: прежнихъ длинныхъ шлейфовъ болѣе не дѣлаютъ.

Москва. *Р—ъ.* Все японское въ большой модѣ; ширмочки для фотографическихъ портретовъ дѣлаются такимъ образомъ: три или четыре куска картона желаемой величины обклеиваютъ снизу до половины цвѣтнымъ плюшемъ; верхняя половина покрыта бѣлымъ атласомъ съ вышитымъ на ней японскимъ сюжетомъ; на плюшъ, занимая часть его, нашивается золотой позументъ въ видѣ рамки, въ которую вдѣвается фотографическая карточка. Всѣ части ширмочки подбиваются тафтой и соединяются лентами. Верхъ каждой половинки срѣзанъ угломъ или иначе, смотря по фантазіи. Такія ширмочки очень оригинальны и отдѣлку ихъ можно разнообразить.

Кіевъ. *Г-жѣ Р.* Мы не можемъ исполнить вашей просьбы, потому что не принимаемъ на себя подобныхъ коммиссій.—На второй запросъ найдете отвѣтъ въ Модной хроникѣ.

Рыбинскъ. *В. Т.* Для вечера, башмаки всегда предпочтительнѣе ботинокъ.—Для отдѣлки шерстяного платья, бархатъ будетъ лучше шелка; черное кружево совсѣмъ не идетъ для молодой особы.

Тверь. *С—ъ.* Зонтики съ длинными ручками такъ удобны, что никогда не выходятъ изъ моды. Кружевные на цвѣтной подкладкѣ, гармонирующей съ туалетомъ, всегда очень нарядны.

Елисаветградъ. *Р. Б.* Вы найдете указаніе въ слѣдующей Модной хроникѣ.—Рюши изъ цвѣтныхъ ленточекъ или цвѣтные біэ у горла все еще замѣняютъ кружево.—При цвѣтномъ туалетѣ, чулки должны быть наиболѣе темнаго оттѣнка въ костюмѣ такъ, если у дѣвочки бѣлое платье съ розовымъ или синимъ кушакомъ, то чулки розовые или синіе и т. д.

Люблинъ. *О. С.* Вы найдете нужную выкройку при настоящемъ нумерѣ журнала.—Для молодыхъ особъ хороши весты изъ мелкоклѣтчатыхъ шерстяныхъ матерій.—Ватерпруфъ долженъ закрывать все платье.

◆

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 5-го мая 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 19
8 МАЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Гос. Публичная б-ка в Петрограде.

Новости художественныя, литературныя и научныя.

Древніе художники (а также эпохи возрожденія) совершенно игнорировали мѣстныя условія и не считали себя въ правѣ уклоняться въ воспроизведеніи многихъ подробностей. Ева, напримѣръ, изображается съ изысканною прическою, съ браслетами и ожерельями; навозная куча Іакова превращается въ нарядное сѣдалище; пещера, въ которой былъ погребенъ Лазарь, изображается въ видѣ прехорошенькаго мавзолея съ колоннами и фронтономъ; жертвенникъ, наскоро сложенный Авраамомъ для жертвоприношенія Исаака, представляется съ художественными барельефами. Между тѣмъ въ первые вѣка христіанства были ближе къ исторической правдѣ,—какъ о томъ свидѣтельствуетъ недавно открытый и сохраняемый въ римской-нѣмецкой церкви Santa Maria dell'anima остатокъ гробницы V столѣтія; на ней изображена, между прочимъ, группа колѣнопреклоненнаго Исаака и Авраама съ занесеннымъ уже ножемъ, а рядомъ жертвенникъ, составленный изъ груды камней. О такомъ видѣ алтаря свидѣтельствуютъ и нехристіанскіе писатели, что однако, не помѣшало въ средніе вѣка—когда во что бы то ни стало хотѣли найти въ Палестинѣ вещественные памятники о библейской старинѣ,—былъ открытъ алтарь, на которомъ должно было совершиться закланіе Исаака, въ видѣ большой правильной четырехугольной мраморной плиты, въ наши дни показываемой тоже въ Римѣ, въ церкви Santo Giacamo Scossa Cavalli. — Періодическая парижская выставка картинъ годъ отъ году привлекаетъ все увеличивающееся число экспонентовъ. Въ текущемъ году картинъ 5,523,—съ рамами пространство не менѣе 1,000 квадратныхъ саженъ. Произведенія, въ пріемѣ которыхъ отказано, не входятъ въ этотъ счетъ, а число имъ легіонъ. Въ виду такого количества возникшія пререканія о помѣщеніи выставки получили трагическій оттѣнокъ,—во всемъ Парижѣ только одинъ промышленный музей можетъ вмѣстить въ себѣ нѣсколько тысячъ полотенъ. Въ послѣднюю минуту, когда художники приготовлялись уже брать свои произведенія обратно, согласіе возстановилось между правительствомъ, муниципальнымъ совѣтомъ и артистическимъ обществомъ. Въ числѣ выставленныхъ картинъ можно видѣть произведенія всѣхъ маломальски извѣстныхъ французскихъ художниковъ. Нѣкоторые образцы ихъ искусства петербуржцы могли видѣть на выставкѣ ихъ произведеній, устроенной въ пользу «Краснаго Креста».

Постановка въ Парижѣ на сценѣ драмы Золя «Жерминаль», передѣланной имъ изъ романа того-же названія, возбудила горячую полемику и навлекла на автора упреки большинства театральныхъ критиковъ. По собственному сознанію Золя, онъ вставилъ въ драму цѣлыя страницы изъ романа, совершенно забывая, что сценическія условія требуютъ переработки даже самыхъ талантливыхъ произведеній. Дѣйствительно, зрители не могутъ разжалобиться только отъ дѣтскихъ словъ «я голоденъ»! и отвѣта «чортъ тебя возьми», какъ-бы ни была жалобна просьба и грубъ отвѣтъ,—если эта сцена не подготовлена предъидущими; также недостаточно выпустить на сцену 150 статистовъ, одѣтыхъ рабочими, кричащихъ, жестикулирующихъ и вообще изображающихъ народное волненіе, — чтобы повергнуть зрителя въ ужасъ,—между тѣмъ какъ эта-же сцена въ романѣ производитъ удручающее впечатлѣніе, вслѣдствіе тонкаго анализа причинъ, ее вызывающихъ. Золя очень недоволенъ критикою и обращается къ общественному суду, приглашая парижанъ лично прослушать пьесу и затѣмъ вывести собственное заключеніе. Жаль, что нельзя поставить споръ на голоса.—Жюри, учрежденное подъ предсѣдательствомъ Теодора Банвилла, остановило свой выборъ на двухъ представленныхъ къ конкурсу поэмъ на тэму «1889 годъ, столѣтняя годовщина»; первая премія—медаль въ 3,000 франковъ, присуждена Габріэлю Викэру, а вторая медаль цѣнностью въ 1,000 фр. Клоду Кутюрье.—Нельзя не обратить вниманія на предположеніе командируемаго министерствомъ государственныхъ имуществъ для обслѣдованія школъ, находящихся въ калмыцкихъ степяхъ и въ состоящихъ въ вѣдѣніи управленія калмыцкимъ народомъ — ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета А. М. Позднѣева произвести также во время своихъ экскурсій обслѣдованіе нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ калмыцкихъ храмовъ (хуруловъ), среди которыхъ есть сооруженія замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ; число всѣхъ хуруловъ и моленъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ одной только астраханской губ. простирается до 114; среди этихъ храмовъ есть очень древніе. — Сохранившійся до настоящаго времени въ гор. Угличѣ четырехъ-вѣковой памятникъ отечественной старины, такъ называемый дворецъ царевича Димитрія, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ и грозитъ въ недалекомъ будущемъ полнѣйшимъ разрушеніемъ. Въ виду этого, начальникъ ярославской губерніи обращается какъ къ уроженцамъ гор. Углича, такъ и ко всѣмъ лицамъ, интересующимся родною нашею стариною, съ предложеніемъ поспособствовать посильными денежными пожертвованіями возобновленію теремовъ царевича Димитрія. Пожертвованія могутъ быть адресованы: въ Ярославль, на имя г. начальника губ. и въ Угличъ—на имя угличскаго уѣздн. предв. дворянства.—Во Франціи образовалось общество исторіи революціи, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ президента республики Карно. Цѣль этого общества—внести научный методъ въ изученіе исторіи французской революціи, служить связующимъ центромъ для лицъ, занимающихся исторіей Франціи съ 1789 года, печатать неизданные и рѣдкіе тексты, а также оригинальные труды, касающіеся исторіи Франціи послѣдняго столѣтія, организовать историческія лекціи по всей Франціи и подготовить историческій отдѣлъ на парижской всемірной выставкѣ 1889 года.

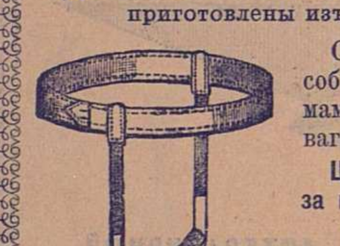
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Усовершенствованные
двухъ и трехъ-
колесные
ВЕЛОСИПЕДЫ.

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ
машинъ.
Собственное механическое заведеніе
для починокъ.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,
Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.
С.-Петербургъ.

№ 15



Съ разрѣшенія спб. столичнаго врачебнаго управленія.

ДАМСКІЯ ГИГІЕНИЧЕСКІЯ ПОДУШКИ

приготовлены изъ древесной сулемовой ваты.

Очень удобная повязка, съ приспособленнымъ поясомъ для ношенія дамами во время регулъ и послѣ родоваго періода.

Цѣна за дюжину подушекъ 1 р., цѣна за поясъ отъ 40 к. до 1 р. 50 к.

Продаются во всѣхъ аптекарскихъ резиновыхъ и хирургическихъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ,
С.-Петербургъ, Казанская, 3, прот. Зимина пер. маг. 7. № 161 (6—6).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Папочка замѣть

ШТУРМА
уксусъ
высшаго
качества
БЕЗВРЕДЕНЪ
чистаго
вкуса
и
ЗАПАХА.

НАДО
БРАТЬ!

СОРТА:
Виноградный уксусъ бѣлый и красный.
Уксусъ эстрагонъ подъ №№ 1, 2, 3.
Винный уксусъ тройной 9% — № 00
Винный уксусъ двойной 6% — № 0.
Винный уксусъ средній 4½% — № 2.
Винный уксусъ обыкновенный 3% — № 4.
Винный уксусъ низшій 2½ % — (безъ №).

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

На каждой бутылкѣ заводскаго розлива обозначенъ сортъ, № и цѣна съ посудою.

№ 297. (52—18).

ЛУЧШІЯ ГРАФИТНЫЯ ТИГЛИ
и
ГРАФИТНАЯ МУКА.
Евгеній БОТМАНЪ и К°.
Большая Садовая, д. 12. Прейсъ-
куранты безплатно.
№ 368 (3—2).

ФАБРИКА
музыкальныхъ иструментовъ
Д. А. АЛЕКСАНДРОВА
рекомендуетъ большой выборъ
гармоній руских и нѣмецкихъ по дешов. цѣнамъ
САМОУЧИТЕЛЬ
для гармоній по 1 р., 10 тетрадей нотъ по 50 коп.

КОНЦЕРТНЫЯ БАЛАЛАЙКИ
по 3, 5, 10 и 15 р.
Самоучитель 75 коп.

Аристоны, герафоны и ноты для нихъ.
Продажа оптомъ и въ розницу.
Прейсъ-курантъ высылается за 7 к.
марку.

№ 53. НЕВСКІЙ ПР., № 53
С.-Петербургъ.

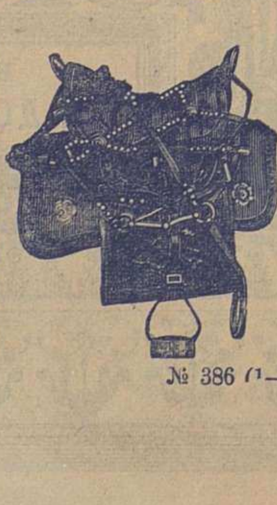
№ 378 (1—1).

А. КАПЛУНЪ и СЫНЪ

извѣщаютъ, что матеріи русскихъ и англійскихъ фабрикъ на **СТАТСКОЕ ПЛАТЬЕ** въ больш. выборѣ уже получены. Костюмы отъ 25 до 80 руб. Пальто или ульстръ отъ 25 до 80 р. Также имѣется **ПРЕКРАСНЫЙ ВЫБОРЪ ГОТОВАГО ПЛАТЬЯ:** костюмы триковые отъ 14 до 45 р.; пальто или ульстръ отъ 18 до 55 р.; брюки триковыя отъ 3 р. 50 к

Съ почтеніемъ **А. КАПЛУНЪ и СЫНЪ.**

Невскій просп., № 63, противъ Надеждинской.
№ 351 (4—4)



Черкесское сѣдло съ полн. приборомъ роскошно чищенное съ красн. томпакомъ или бѣлымъ набо-
ромъ съ пересылк. по ж. д. 40 р., почтою за 40 ф.
Фабрика М. и Н. МАЛЫШЕВЫХЪ, Саратовъ.

№ 386 (1—1)

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

8-го Мая, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р. Безъ доставки въ Спб.: за годъ 6 р. 60 к. Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 7 руб. съ преміею (книжный магазинъ И. Ф. Папкова, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: за годъ 10 руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ №1 со всѣми приложеніями. За пересылку преміи цѣнною посылкою рубль.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р., къ 1-му іюня 2 р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 19

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ.

На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черною и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

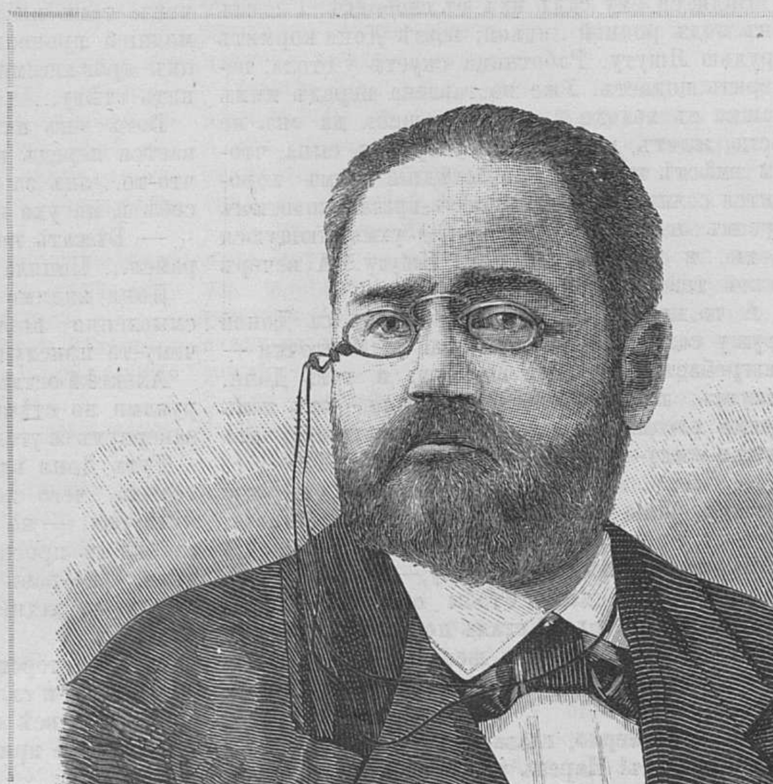
Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

Эмиль Золя.

Имя французскаго романиста, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ извѣстныхъ среди всей читающей публики; произведенія этого писателя переведены на всѣ европейскіе языки и такимъ образомъ вошли въ составъ всенародной литературы,—своимъ появленіемъ вызывая повсемѣстную реакцію противъ прежнихъ «классическихъ» литературныхъ пріемовъ и нарождая новую школу «натуралистическую». Дѣятельность Золя, по крайней мѣрѣ до настоящаго года, изображаетъ собою цѣлую эпоху въ литературѣ, дошедшую повидимому до апогея своего развитія съ выходомъ въ свѣтъ романа «La terre» (къ слову сказать запрещеннаго во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ и даже на родинѣ автора подвергшагося цензурнымъ гоненіямъ). Въ своемъ стремленіи къ правдѣ и натуральности Золя не замедлилъ перейти тѣ границы, которыя приблизили его романъ къ типу почти порнографической литературы. Послѣдователи Золя, долго шедшіе по стопамъ своего учителя, не особенно давно раздѣлились на двѣ группы, изъ которыхъ одна стала протестовать и остановилась, или, вѣрнѣе, хотѣла остановиться на опредѣленномъ мѣстѣ избраннаго пути, — а другая пошла дальше учителя, постепенно размѣниваясь на мелкіе двухсмысленные фельетоны разныхъ грошевыхъ уличныхъ парижскихъ изданій. Обладая выдающимся талантомъ, Золя съумѣлъ отнестись къ себѣ объективно—и ужаснулся при видѣ той пропасти, передъ которою стоялъ. Послѣдній романъ его, еще печатающійся въ «Revue illustrée» и уже переводимый на двунадесять языкъ, — составляетъ абсолютный контрастъ со всѣми его прежними романами; Золя, если можно судить по вышедшимъ главамъ, вполнѣ оправдалъ свои слова что его «Rêve» могутъ безбоязненно читать даже барышни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ остался вѣренъ и своему основному принципу — реализму, но ни въ пріемахъ, ни въ отдѣльныхъ выраженіяхъ или словахъ, нѣтъ и тѣни прежней грубости и пошлости, побуждавшихъ сравнивать всѣ романы Золя съ розами, усѣянными шипами; для прочтенія несомнѣнно талантливыхъ произведеній приходилось заранѣе примиряться съ такими выраженіями, которыя даже среди необразованнаго класса трудно услышать. Въ переводахъ этотъ недостатокъ, впрочемъ, значительно скрадывался, такъ какъ слова смягчались, выпускались фразы и цѣлые періоды.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ.



Эмиль Золя.

Сдѣланный Золя поворотъ долженъ порадовать всѣхъ его почитателей и любителей хорошихъ романовъ. Носятся слухи, что въ своемъ «исправленіи» Золя предполагаетъ сдѣлать удобочитаемыми всѣ свои прежнія произведенія, пересмотрѣвъ и измѣнивъ ихъ для новыхъ изданій.

Золя въ настоящее время въ полномъ расцвѣтѣ силъ; онъ родился въ 1840 году въ Парижѣ, который и понынѣ составляетъ главный центръ его мѣстопребыванія; быстрое распространеніе всѣхъ написанныхъ имъ книгъ доставило романисту большое состояніе, въ свою очередь дозволяющее ему относиться весьма строго къ отдѣлкѣ своихъ романовъ. Для бо́льшей правды, Золя всегда на мѣстѣ изучаетъ ту среду и тѣхъ людей, типы которыхъ онъ предполагаетъ вывести въ романѣ. Оригиналенъ пріемъ работы: послѣ обдуманія плана книги, Золя ставитъ себѣ задачею ежедневно написать извѣстное число страницъ.

Опыты Золя на драматическомъ поприщѣ не увѣнчались большимъ успѣхомъ. Къ его послѣдней передѣлкѣ драмы «Germinal» изъ романа того-же названія, критика отнеслась очень холодно. Впрочемъ, и авторъ не претендуетъ здѣсь на выдающуюся роль, такъ какъ свои драмы пишетъ всегда въ сообществѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ.

Союзники.

(Изъ греческой антологіи).

Долго стучался онъ, маленькій богъ съ золотыми кудрями
Въ келью укромную къ отроку Децію—долго стучался:
То предъ окномъ, своимъ розовымъ крылышкомъ быстро махая,
Онъ шаловливо повиснетъ на вѣткѣ зубчатаго лавра,
Плавно качаясь, головку закинетъ и бѣлыя тучки,
Тихо текущія въ свѣтлой лазури, считать начинаетъ;
То заберется въ глубокую чащу маслинъ и оранжей,
Звонко стрѣлой о стрѣлу золотую стучитъ и ритмично
Звону ихъ свѣтлому смѣхомъ и пѣніемъ вторитъ шутливо;
Вѣнчики синихъ фіалокъ, бокальчики ландышей бѣлыхъ
Нижетъ узоромъ на плющъ изумрудный и сѣтью дрожащей
Блѣдный оконный просвѣтъ оплетаетъ...
Но тщетно.
Юный ораторъ, тончайшей софистики свѣточъ грядущій,
Анахорета уставы блюдетъ нерушимо и строго:
Складки прозрачныя Хлоиной тоги, ремни на сандальяхъ,
Плотно облекшіе стройную ножку малютки Исмены,
Жгучія искорки въ черныхъ глазахъ свѣтлокудрой Лициски—
Все, что кругомъ въ этомъ мірѣ очамъ его мудрымъ предстанетъ,
Мимо пройдетъ, не затронувъ ни струнки единой въ спокойно,
Мудро и благостно дремлющемъ сердцѣ софиста.
Долго трудился и мучился маленькій богъ; негодуя,
Стрѣлы свои, золотыя волшебныя стрѣлы
Сталъ онъ топтать и ломать, объ колѣно сгибая...
Близко въ то время случился другой небожитель:
Былъ онъ и ростомъ повыше, и тѣломъ безсмертнымъ
Трижды тучнѣй златокудраго крошки; ланиты
Ярко пылали; вѣнокъ виноградный облекъ его кудри;
Тучное тѣло тряслось и дрожало при каждомъ движеньи.
Съ хохотомъ громкимъ къ окну подошелъ онъ. Цвѣточную сѣтку
Быстро раздвинулъ и яркую, сочную кисть винограда
Вплелъ межь бокальчиковъ ландышей бѣлыхъ, и—чудо!
Чудо!.. Что съ юнымъ софистомъ свершилось?.. Въ холодныхъ,
Черныхъ извилинахъ буквы премудрой какъ будто
Яркими змѣйками вьются душистыя струйки, и новымъ,
Чуднымъ невѣдомымъ смысломъ полны эти буквы...
Шире и шире текутъ-растекаются струйки живыя;
Струйки въ обильныя волны сливаются, волны,
Яркія волны подъемлютъ и тихо, на стройныхъ изгибахъ,
Тихо и сладко качаютъ-баюкаютъ Деція сердце...
Бѣдное серце! Оно замираетъ съ прощальнымъ софизмомъ:
—«Противъ союза двухъ мудрыхъ боговъ устоять я не въ силахъ»!..

С. Фругъ

СТРѢЛЕЦКОЕ УТРО.

Историческій очеркъ **Л. Осташева**.

(*Окончаніе*).

Въ томъ углу, гдѣ подвалъ заворачиваетъ глаголемъ, подальше отъ прочихъ заключенныхъ, лежитъ на соломѣ Алексѣй, подложивъ подъ голову обѣ руки. У ногъ его, вся сгорбившись, обхвативъ торчащія у лица колѣни, сидитъ Доня, недвижная, словно закоченѣлая, и все глядитъ въ одну точку темнаго угла. Тутъ-же, на землѣ, подъ общій гулъ, спокойно спитъ маленькій Яша.

Время за полночь.

— Чай скоро свѣтать начнетъ. Все ближе да ближе къ этому... къ концу-то моему, подумалъ Алексѣй, а по спинѣ его волною забѣгали мурашки,—даже грудь схватило.

Тянетъ его повернуться, поглядѣть, не начало-ли свѣтать,—да страшно, такъ страшно, что силъ не хватаетъ голову поворотить!..

Но вотъ, онъ затаилъ дыханіе, стиснулъ зубы и медленно, искоса повелъ глаза въ ту сторону, откуда свѣтъ шелъ. Сначала долго не можетъ поднять ихъ на оконце, потомъ сразу — какъ въ воду холодную бросаются — онъ вскинулъ ихъ и... глубоко вздохнулъ: въ оконцѣ утра еще не чуялось, — ровный синеватый свѣтъ звѣздной ночи обрисовывалъ небольшое отверстіе среди темныхъ стѣнъ подвала.

Отлегло Алексѣю; успокоенный, онъ такъ и оставилъ взоръ на рамѣ оконца, по верху которой двигалась чуть замѣтная тѣнь.

— Жукъ это или такъ что со двора кажетъ?.. Надо быть жукъ—вонъ усами водитъ... Жукъ и есть... Куда залѣзъ... ишь ты, ишь ты—оборвешься, дурень!.. Нѣтъ, влѣзъ... Вонъ съ какой выси полетѣлъ-бы... Можетъ-ли жукъ расшибиться?.. Вотъ я завтра расшибусь!!..

Опять забѣгало по спинѣ; тоска схватила сердце—Алексѣй заерзалъ по соломѣ, толкнувъ нечаянно при этомъ ногою Доню.

По та только мотнулась впередъ, не отрывая глазъ отъ темнаго угла, словно-бы боялась упустить тамъ нивѣсть что.

И вотъ въ головѣ Алексѣя новая дума:

— Донечка моя, ты-то какъ-же безъ меня будешь?.. Творецъ небесный, вѣдь они-жь мои, мои они! Какъ-же безъ меня жить имъ. Вонъ, ровно пальцы, рука: отрѣжь ихъ — не могутъ жить... О, Господи, почто Ты не послалъ на меня, какъ на батюшку, пулю—не мучился-бъ теперь такъ-то...

Опять заворочался Алексѣй.

— А вѣдь жилось-то какъ, сколько радостей было и вѣкъ-бы не помирать...

Тутъ стала вспоминаться ему красная жизнь его съ женою. И подъ эту сладкую грезу забывается онъ.

Видится ему садъ ихъ въ слободкѣ. Сидитъ онъ подъ родной липкой; возлѣ Доня кормитъ грудью Яшуту. Работница снуетъ у стола, вечерить подаетъ. Уже поставлена передъ нимъ чашка съ холодной простоквашей; да онъ не ѣстъ, ждетъ, когда Доня откормитъ сына, чтобы вмѣстѣ начать... За сосѣдній холмъ хоронится солнышко и своимъ изъ-красна золотымъ лучемъ озаряетъ и радостно ухмыляющуюся Доню, и соннаго толстюка Яшуту. А вечеръ такой теплый, душистый...

А то видитъ Алексѣй, какъ онъ съ Доней грушу садилъ. Присѣлъ онъ на корточки — разгребаетъ яму для посадки; а тутъ Доня, балуясь, какъ толкнетъ его сзади,—онъ такъ прямо носомъ и угодилъ въ разкисшую отъ дождя ямку—сколько смѣху было!

— Скоро, поди, и плоды пойдутъ отъ этой груши?.. Яша станетъ ѣсть, отца вспоминать, а отецъ въ тѣ поры...

Что-то подступило къ горлу,—Алексѣй даже глотнулъ раза два. Чтобы облегчить горло, онъ нетвердой рукой сталъ поправлять воротъ рубахи. Рука коснулась шеи...

— Вотъ по этому мѣсту топоръ завтра пройдетъ... у-хъ!!

Сердце замерло, глаза вылѣзли, волосъ поднялся дыбомъ! Парень несвязно зашепталъ молитву...

Со двора послышался протяжный окликъ: «посматривай!» Въ подвалѣ гулъ сразу замеръ, словно притаилось все; только чей-то одинокій голосъ не переставъ фистулой выводить псаломъ царя Давида.

Нежданно наступившая тишина встрепенула Доню: она вдругъ выпрямилась и начала дико озираться... Кинулась шарить, тутъ-ли сынъ, отъ него порывисто повернулась къ мужу, ощупала и его; а убѣдясь, что оба при ней, однимъ взмахомъ руки поправила съѣхавшій на глаза головной платокъ и опять будто застыла.

— Никакъ обезумѣла, бѣдная?.. Господи, Владыко!.. А таку-ли судьбу чаяла, идя за меня?.. Кажется, не одну-бы казнь, пытку вынесъ за нее, лишь-бы счастлива была,—а замѣсто того, вотъ что вышло... Добро наше теперь, чаю, все разорено, — можетъ, завтра по міру идти ей?..

И вотъ уже видится Алексѣю, будто стоитъ Доня ободранная, въ истомѣ, на перекресткѣ улицъ Москвы. Въ одной рукѣ держитъ она хворенькаго Яшу, другая протянута впередъ. «Подайте, православные», робко проситъ она; по иные прохожіе не слышутъ, другимъ лѣнь за денежкой въ мошну лѣзть, — а Доня, два дня не ѣвшая, все стоитъ и все проситъ, глотая слезы...

Идетъ гунявый подъячій. Увидѣлъ Доню, остановился и возрился на нее.

— Вишь, красавица такая, а христарадничаетъ!.. Ты и безъ Христова имени пропитаться можешь—хэ, хэ! —Въ полюбовницы тебя взять—ничего. Право!.. А хочешь ко мнѣ, а? За мной сыто и одѣто ходить будешь... И ублюдка твоего возьму — ничего!.. Что, пойдешь?

Тутъ подъячій обнялъ Доню и ущипнулъ...

Не взвидѣлъ свѣту Алексѣй! Онъ вдругъ вскочилъ, такъ взмахнулъ кулакомъ, что отъ стѣны что-то отломилось и на весь подвалъ заревѣлъ:—«Убью!!»

Онъ сопѣлъ. Кулаки поднялись, грозя невѣдомому подъячему...

— Убью, собака! крикнулъ Алексѣй еще разъ хрипло и... запнулся. — Какъ-же убить-то?—съ того свѣта?..

Тутъ что-то неладное приключилось съ парнемъ: будто вся сила та, что держала его могучее тѣло, вдругъ стала уходить; голова свисла, руки опустились, колѣни начали подгибаться.

— Бѣжать, бѣжать надо,—зашепталъ онъ, часто переводя дыханіе и цѣпляясь руками за стѣну. — Можетъ, кирпичики можно повытаскать?.. Дыру сдѣлать и убѣжать...

Онъ взглянулъ на оконце — высота до него была огромная, а отверстіе слишкомъ маленькое, чтобы пролѣзть въ него человѣку, наконецъ, тамъ позади часовые ходили — все это молніей пронеслось въ головѣ Алексѣя. Тогда онъ дрожащими руками торопливо началъ щупать стѣну...

Вотъ онъ натыкается на Доню, останавливается передъ ней. Затѣмъ, будто вспомнивъ что-то, онъ за плечи приподымаетъ Доню къ себѣ и на ухо зашепталъ ей:

— Бѣжать надо, слышишь, бѣжать... Собирайся... Поняла, что сказываю,—бѣжимъ...

Доня видимо ничего не понимала: она безсмысленно повторила—«бѣжать» и стала къ чему-то прислушиваться.

Алексѣй оставилъ ее и опять пошелъ шарить руками по стѣнѣ; и идя по ней дальше, онъ завернулъ за уголъ въ другую половину подвала.

Тутъ Доня вдругъ вздрогнула: теперь она поняла, чего хотѣлъ мужъ. «Постой!» крикнула она, — но тотъ уже скрылся. Тогда она словно съ просонья потерла крѣпко лицо руками, еще разъ оглянулась во всѣ стороны и пошла къ задней стѣнѣ, гдѣ было изголовье Алексѣя.

Долго и торопливо водила она тамъ руками по сырымъ и скользкимъ кирпичамъ, а дознавшись, что всѣ они крѣпко сидятъ въ стѣнѣ, она тутъ-же присѣла и руками быстро начала рыть яму.

Тѣмъ временемъ, Алексѣй, держась за стѣну, шелъ по другой половинѣ подвала, гдѣ лежали другіе заключенные. Онъ топталъ ихъ ногами, спотыкался и отрывисто, будто глотая что-то, шепталъ:

— Бѣжимъ, братики... стѣну выломаемъ и бѣжимъ... Помогите, братики...

Но никто его не слушалъ: иные ругались, когда онъ больно наступалъ на нихъ, другіе творили крестное знаменіе, полагая, что онъ ума рѣшился.

А онъ все идетъ... Вдругъ со всего маху ударяется лбомъ о желѣзную стягу свода. Нежданный ударъ такъ силенъ, что Алексѣй, не устоявъ, растягивается во всю длину и отъ боли теряетъ сознаніе.

Много-ль прошло времени отъ его паденія, не знаетъ Алексѣй, но вотъ до его слуха начинаетъ доходить старческій голосъ:

— Грѣхъ, парень, Бога гнѣвишь! Нешто можно такое малодушничество?.. Да и куда ты бѣжишь?—все, братъ, на крѣпкихъ запорахъ, а стѣна. почитай, въ сажень... Грѣхъ, сказываю тебѣ! Ты радоваться долженъ, что Онъ, Всемилостивецъ, сподобляетъ тебя принять вѣнецъ мученическій, а не то что... Стало, возлюбилъ Онъ тебя, отличилъ отъ прочихъ... Такъ покудова сердце въ тебѣ бьется, прославляй ты Его, да молись за грѣхи свои. И гляди, пошлетъ Онъ тебѣ, въ душу твою, таку тихость, да благость и такъ-то свѣтло въ ней станетъ, что съ улыбочкой на устахъ примешь ты смерть во имя Его святое...

Алексѣй слушаетъ. Отъ забытья и боли шальная тревога стала стихать;—и слова старика, будто тихая музыка, полились въ изболѣлую душу, покоя ее.

Онъ поднялся на колѣни, скрестилъ на груди руки... Со лба по лицу текла струйка теплой крови...

А старикъ все говоритъ:

— Онъ, Царь небесный, Себя для насъ не пожалѣлъ, принялъ мученичество, такъ неужто мы, рабы Его, устрашимся смерти, ратуя супротивъ супостата Его?

— Ни смерти я боюсь, старче,—чуть слышно перебилъ Алексѣй,—а жену и сына махонькаго не въ моготу мнѣ покинуть!

— Полно, парень. не ропщи, — Господь знаетъ, что дѣлаетъ. Забудь про бабу и сына, коли Онъ призываетъ тебя на великое дѣло—не твоя о нихъ забота. Коли тебя Онъ возлюбилъ, то и бабу твою съ сыномъ не оставитъ...

И долго еще старикъ вразумляетъ Алексѣя; тотъ все слушаетъ и легко становится ему...

Старикъ закончилъ: «Ступай теперь къ себѣ и молись, а меня оставь: и мнѣ молиться надо».

Алексѣй сдѣлалъ земной поклонъ, перекрестился и, поднявшись успокоенный, побрелъ въ свой уголъ.

— Алексѣй Ивановичъ,—ты? окликнулъ его тотъ лохматый бородачъ, что грозилъ кому-то.—Помни, Алексѣй Ивановичъ, какъ до твоей головы очередь дойдетъ, ты прежде, чѣмъ нагнуться на плаху-то, плюнь ему—антихристу-то—въ морду трижды... Не забудь, трижды-то плюнь...

Алексѣй не слушалъ. онъ осторожно шелъ дальше къ своей соломѣ. А придя туда, опустился на колѣни и началъ молиться.

Но не долго онъ молится,—думы налетныя начинаютъ мѣшать. Вонъ, визгливо вырывается изъ общаго гула бабій голосъ:

— И на кого ты насъ, сиротъ, покидаешь! на кого по-ки-да-ешь!..

— Да и я покину,—думаетъ Алексѣй среди молитвы. Но дума о смерти теперь ужь не отдается въ немъ прежнимъ ужасомъ. Онъ будто свыкся съ ней, будто переболѣла эта дума; и теперь онъ только гонитъ ее, какъ назойливую, докучную...

Чтобы не развлекаться, онъ легъ ничкомъ, уткнулъ голову въ солому и даже уши заложилъ руками.

— «Отче нашъ иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое...» читаетъ Алексѣй, а въ головѣ дума: духъ какой тяжелый отъ соломы идетъ—испрѣла вся!.. «Да будетъ воля твоя, яко на небеси...» Ишь ты, словно живая солома ходитъ—это мокрица кишитъ... «такъ и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ...» Самая что ни на есть гнилая козявка. А гляди, тоже и семья, и дѣтки есть,—хлопочетъ объ нихъ... А вотъ я возьму ногтемъ щелкъ—и нѣтъ... Все такъ: можетъ, ты и не хочешь, а помирай... И всѣ помрутъ, и Доня, и Яша... Хоть-бы они, пока живы, горя не мыкали — Творецъ небесный! пошли Ты имъ... А я ужь, ну, что-же, коли судьба—да будетъ воля Твоя—я помру, что-жъ, пущай... я помру...

Тутъ вдругъ, нежданно, вспоминается Алексѣю голосъ его любимой плясовой пѣсни (надо быть размѣръ словъ: «я помру», напомнилъ его) и онъ, самъ того не чувствуя, запѣлъ про себя подъ этотъ голосъ: «я помру, я помру, что-жъ, пущай, я помру!..»

— О, Господи, что я! — экой грѣхъ!.. Это лукавый, право, лукавый дразнитъ, — перепугался Алексѣй, и приподнявшись, сталъ часто креститься, повторяя:—Господи помилуй...

Здѣсь Алексѣй замѣтилъ Доню, которая все еще сидѣла на корточкахъ и рыла ту-же яму. Изрѣдка переведетъ духъ и все роетъ, да такъ часто перебираетъ руками, будто собака лапами.

Не сразу понялъ Алексѣй, что она дѣлала.

— Полно, Донечка, не труди себя, ничего не выйдетъ. Стѣна глубоко сидитъ въ землѣ. Тутъ и въ недѣлю не докопаешься, а мнѣ много-ль осталось?..

Усталая Доня все рѣже перебираетъ руками... Вотъ и совсѣмъ руки остановились,—она качнулась разъ, другой и опрокинулась на спину.

Перепугался Алексѣй, двинулся къ женѣ.

— Донечка, родная моя, что ты?.. Сомлѣла!..

Онъ поднялъ ее на руки и бережно уложилъ на солому.

— Очнись, милая, очнись, люба моя...

Ласкаетъ ее, а самъ думаетъ: «Не увижу больше этого тѣла бѣлаго, этихъ косъ густыхъ... Вотъ и родинка (онъ нащупалъ знакомую родинку на плечѣ жены)—прощай, не дотронусь до тебя болѣе...

Очнулась Доня.

— Гдѣ я?.. Алеха, ты тутъ?.. Живъ, живъ!.. Соколъ мой!..

Ослабшими руками схватила она Алексѣя за шею, судорожно потянула къ себѣ, прижала...

Хорошо стало ему,—покойно такъ на плечѣ жены, даже дрема начала баюкать... Но вотъ знакомый духъ молодого тѣла и судорожныя пожатія Дони начинаютъ воскрешать въ немъ что-то забытое—отрадное... Затлѣлась искорка, по началу тихо, а потомъ, все больше да больше разгораясь, она перешла и къ Донѣ и нежданно слила обоихъ въ одномъ жгучемъ пламени хмѣлевой страсти.

Лежитъ Доня возлѣ Алексѣя, истомленная—разметалась; ее, по временамъ, дергаетъ всю. А онъ, то погладитъ ее, успокаивая, то вдругъ откинется и замретъ весь — сердце засосетъ такъ до рѣжущей боли! Онъ думаетъ:

— Въ останошній разъ ласкаю... а тамъ можетъ другой на мое мѣсто станетъ!.. Вотъ также, обойметъ, ухватитъ за грудь бѣлую и начнетъ услаждаться... А она-то гладитъ его, а она-то шепчетъ слова ласковыя... ухъ — не могу!

Его корчитъ, зубы скрежещутъ, изъ груди хрипъ идетъ. Шевельнулась Доня, и этого довольно, чтобы ненасытныя желанія заходили въ немъ съ новой бурей. И словно-бы чуя себя еще господиномъ надъ этой слабенькой, изнеможенной красавицей, онъ, на этотъ разъ грубо, по звѣриному, сжалъ ее и снова привлекъ къ себѣ...

Уже забрезжило утро, когда Доня, чуть живая, поднялась поглядѣть на Яшу. Зорька освѣтила ея, истомленное горемъ и послѣднею страстью, лицо—еще краше, еще завлекательнѣе она! Алексѣй лежа любовался ею. Желанія не остывали въ немъ. Онъ поднялся, чтобы подойти къ женѣ...

Но тутъ стукнулъ запоръ за дверьми; затѣмъ настежь раскрылись двери и въ подвалъ повалили солдаты.

Увидя ихъ, Доня дико вскрикнула, кинулась къ мужу и, толкая его въ самый темный уголъ, старалась укрыть его собою.

Алексѣй послушно отступалъ... Вдругъ лицо его все перекосилось.

— Вотъ, вотъ когда начнетъ другого ласкать... Вонъ эти губы цѣловать его станутъ...

Солдаты подымали стрѣльцовъ и гнали ихъ на дворъ. Заголосили бабы, поднялся страшный вой. Проснулся Яша и тоже заплакалъ.

Доня испугалась, не берутъ-ли солдаты сына, хотѣла было бѣжать къ нему, да Алексѣй удержалъ.

— Постой... простимся,—прохрипѣлъ, онъ,—глаза его изъ тьмы горѣли. Онъ твердой рукой перекрестилъ ее и губами чуть приложился ко лбу. Затѣмъ, взявъ горло Дони въ свои могучія руки, что было силы, сдавилъ его. Та только разъ-другой качнулась...

Алексѣй рознялъ руки,—на солому грузно упалъ трупъ Дони...

Красная площадь кишмя кишитъ народомъ. Широкимъ сомкнутымъ кругомъ стоятъ солдаты, позади ихъ разный пестрый людъ глазѣетъ, а внутри все несчастненькіе, ждущіе казни, стрѣльцы. По два, по три сидятъ они, связанные на телѣгахъ, либо такъ стоятъ, одинъ за другимъ, окруженные солдатами. Вокругъ иныхъ стрѣльцовъ ихъ бабы, ребята, даже собаки. Все это голоситъ, плачетъ; слышны проклятія, угрозы. Нѣкоторые стрѣльцы держатъ передъ собой зажженныя восковыя свѣчи и громко поютъ псалмы, — имъ вторитъ вой собакъ.

Посреди площади, на возвышеніи, огромная плаха и тутъ-же заплечные мастера съ топорами. Сбоку, верхомъ на лошади, стоитъ царь Петръ Алексѣевичъ; вокругъ него многолюдная свита такъ и блещетъ пестрыми кафтанами.

Лицо царя спокойно, но грозно.

Казнь началась. Къ лобному мѣсту солдаты, взявъ подъ руки, подводятъ сразу по нѣсколько стрѣльцовъ...

Вонъ и Алексѣй, статный такой да видный, цѣлой головой выше другихъ, медленно, шагъ за шагомъ, вмѣстѣ съ прочими двигается впередъ. Видъ его вовсе спокойный; онъ даже весело оглядываетъ всю эту страшную картину.

Да и чего ему теперь тосковать? Онъ вѣдь сейчасъ опять свидится съ Доней: палачъ взмахнетъ топоромъ, отлетитъ голова,—онъ и увидитъ ее, скажетъ: «здравствуй, Доня»—обнимутся...

Шеренга Алексѣя двигается впередъ, по мѣрѣ того, какъ палачи отрубаютъ переднимъ головы и тѣла ихъ оттаскиваютъ прочь. Вотъ шеренга эта подвинулась къ свитѣ царской; Алексѣй пришелся какъ разъ противъ самого царя.

— Ишь ты какой рослый, да видный — молодчага! — думаетъ парень, оглядывая его съ любопытствомъ.—Жаль, Доня не видала.

Замѣтилъ и царь Алексѣя. Видитъ: молодой, да красивый такой, а глядитъ такъ ясно — словно-бы не на казнь, а къ причастію святому идетъ. Понравился онъ Петру Алексѣевичу.

— Кто такой?—спросилъ царь своихъ свитскихъ. Да тѣ въ лицо и сами не знали Алексѣя.

Приказали подвести его къ царю.

— Какъ звать?

— Алексѣй Тороповъ, твое царское величество! отвѣтилъ онъ бойко.

Царь обратился къ князю Ромадановскому:

— Изъ главныхъ или такъ, не отставалъ отъ прочихъ?

— Отецъ его, Иванъ Тороповъ, убитый въ бою, былъ коноводъ бунтовства; а этого между другими забрали въ слободѣ, — отвѣтилъ знаменитый князь-папа.

— Сынъ за отца не отвѣтчикъ,—промолвилъ царь, будто самъ про себя и, снова поглядѣвъ на стрѣльца, похвалилъ его:

— А ты молодцомъ идешь на плаху!

— Семи смертей не бывать, одной не миновать!—весело отвѣтилъ тотъ.

— А хочешь, я тебя помилую?

Алексѣй не сразу понялъ царскую рѣчь: внутри замутилось, подъ ногами земля заходила. Онъ никакъ не ждалъ такого слова и молчалъ, припоминая что-то.

Но вотъ брови его сдвинулись, ротъ перекосило и онъ грозно, дерзко крикнулъ:

— Не желаю!

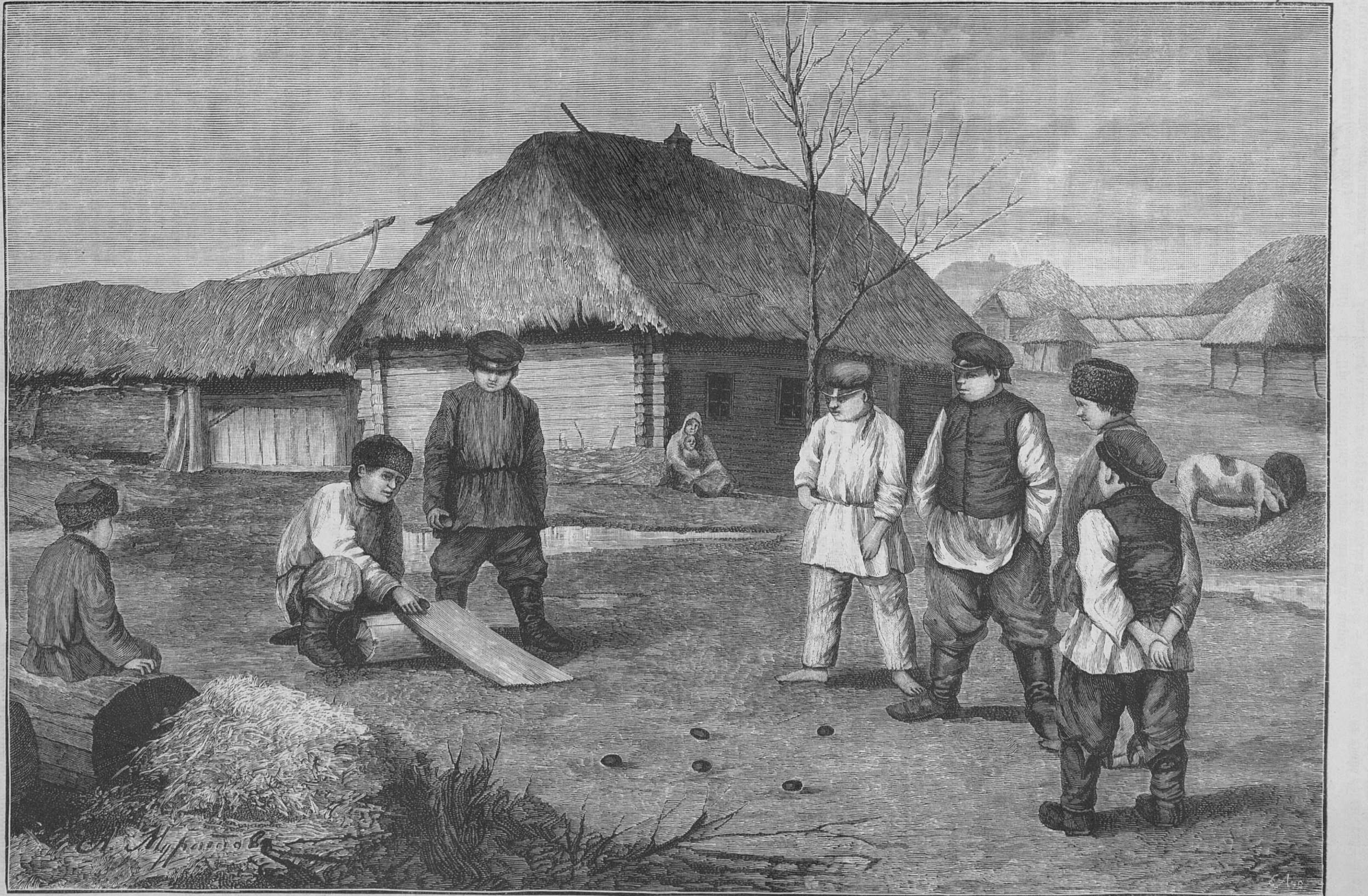
— Что?—какъ-же ты смѣешь такъ отвѣчать царю!

— Да, не желаю твоихъ милостей—поздно!—еще громче крикнулъ Алексѣй.

— Вотъ какъ! — нахмурился царь. Ахъ вы,

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ Муратова (собств. журн. «Живоп. Обозр.»).

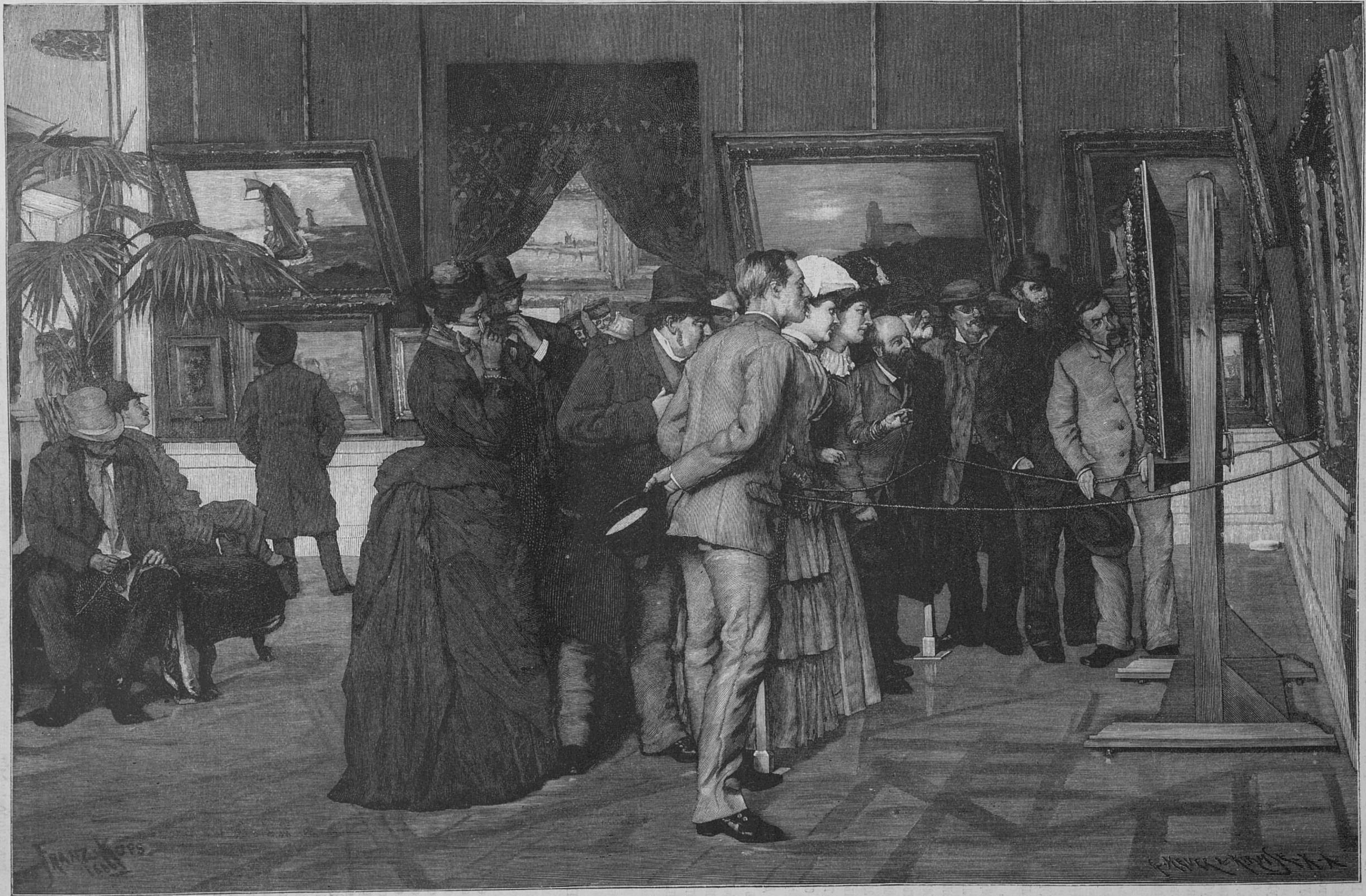


Пасхальныя игры.

Гравировалъ на деревѣ Е. Львовъ въ Спб.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Франца Копса.



На выставкѣ картинъ.

Гравировалъ на деревѣ Герфъ и Кермзе.

упрямая стрѣлецкая порода! Козлы толстолобые!.. Врешь, братъ, меня не пересилишь!.. Отвести его въ сторону: изъ него я сдѣлаю хорошаго солдата.

И одурѣлаго Алексѣя вывели за кругъ.

Не удалось бѣдному Алексѣю скоро свидѣться съ Доней, но и солдатъ изъ него не вышелъ. Онъ сталъ какой-то бѣшеный,—никакого сладу съ нимъ не было. Разъ даже бросился убить офицера... Но царь уже утомился казнями—за буйство Алексѣя, онъ приказалъ заковать его въ кандалы и сослать на работы на вновь построенные уральскіе заводы.

Л. Осташевъ.

Конецъ.

* * *

Полно, дорогая, оботри-же слезы,
Оживи улыбкой милыя уста...
Посмотри, какъ ярко блещутъ эти розы,
Какъ отрадой вѣетъ утра красота...
Мы читали долго, мы томились думой.
Ночь давила душу, точно злой кошмаръ,
И, казалось, будто этой мглой угрюмой
Весь нашъ міръ подернутъ, полный злобныхъ чаръ.
И казалось, будто вдругъ предсталъ предъ нами
Грозный злобной мощью, самъ владыка тьмы
И разбилъ со смѣхомъ, грязными руками
Все, что такъ хранили, свято чтили мы...
Молодая сила горя не сдержала...
Плачешь ты? О, полно, посмотри кругомъ:
Видишь, дорогая, солнце засіяло,
Обливаетъ землю свѣтомъ и тепломъ...
Слышишь этотъ щебетъ, этотъ запахъ степи:
Онъ живитъ дыханье, онъ волнуетъ кровь...
Вѣрь, настанетъ время—люди сбросятъ цѣпи,
Всѣхъ тепломъ согрѣютъ правда и любовь...

В. Страховичъ.

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя**.

Переводъ **П. Каншина**.

(*Продолженіе*).

II

Чтеніе этой книги приводило Анжелику въ восторгъ. Такая торжествующая радость при такомъ количествѣ вынесенныхъ страданій высоко настраивала ея душу, заставляла ее далеко уноситься за предѣлы дѣйствительнаго міра. Но не одни мрачные разсказы увлекали ее: тѣ страницы легенды, гдѣ рѣчь шла о менѣе потрясающихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, о животныхъ, о которыхъ въ книгѣ говорилось весьма часто, тоже очень занимали дѣвочку. Она сильно интересовалась львами, воронами, орлами, на которыхъ лежала обязанность кормить отшельниковъ. Въ особенности много разсказовъ попадалось про львовъ, напримѣръ, про того услужливаго льва, который помогалъ копать могилу Маріи Египетской, или про огненнаго льва, заграждавшаго входъ въ притоны порока, куда разгнѣванные проконсулы приказывали вести непорочныхъ дѣвушекъ, или, наконецъ, про того льва, которому велѣно было стеречь осла, а онъ до того зазѣвался, что осла этого украли, но онъ все-таки отыскалъ и привелъ его обратно. Былъ также разсказъ про волка, одержимаго раскаяніемъ, который добровольно возвратилъ украденнаго поросенка. Бернардъ предаетъ анаѳемѣ мухъ, и цѣлыя миріады ихъ падаютъ мертвыми. Реми и Власъ кормятъ птицъ за своимъ столомъ, благословляютъ ихъ и возвращаютъ имъ здоровье. Францискъ, полный «превеликой голубиной простоты», читаетъ имъ наставленія и убѣждаетъ ихъ любить Создателя. «Нѣкая птица, именуемая Стрекозою, на смоковницу сѣвши, пѣла, и Францискъ, протянувши руку, позвалъ пѣвунью, и тотчасъ-же оная птица послушалась, и онъ ей рекъ: Пой, сестра моя, и прославляй Господа. И тотъ-же часъ птица запѣла невоздержно, доколѣ святой отецъ не рекъ ей: Лети». Этотъ разсказъ впослѣдствіи послужилъ Анжеликѣ источникомъ постоянной забавы: желая испытать, будутъ-ли ее слушаться ласточки, она стала призывать ихъ, но, разумѣется, безуспѣшно.

Анжелика столько разъ перечитывала драгоцѣнную книгу, что выучила ее наизустъ и нерѣдко, сидя за вышиваніемъ, разсказывала Губертинѣ разныя легенды, оказавшіяся много занимательнѣе всевозможныхъ волшебныхъ сказокъ. Такъ, разсказывала она имъ преданіе о семи уснувшихъ праведникахъ, замурованныхъ въ пещерѣ, проспавшихъ тамъ триста семьдесятъ лѣтъ и своимъ пробужденіемъ такъ сильно удивившихъ императора Ѳеодосія. Разсказала она имъ также полное самыхъ трогательныхъ и неожиданныхъ происшествій житія св. Климента, въ которыхъ всѣ члены одной семьи, состоявшей изъ отца, матери и трехъ сыновей, силой несчастія разлучены были между собою, но подъ конецъ все-таки встрѣтились чудеснымъ образомъ. Часто слезы ея лились ручьями; вычитанныя изъ книги легенды безпрестанно грезились ей во снѣ, да и на яву она почти постоянно жила въ трагическомъ мірѣ чудесъ, гдѣ необъятное блаженство служило наградою торжествующей добродѣтели.

День конфирмаціи былъ для Анжелики цѣлымъ событіемъ. Возвращаясь отъ причастія, ей казалось, будто и она, подобно праведницамъ, идетъ не по землѣ, а поднявшись надъ нею на двѣ пяди, несется по воздуху. Она вполнѣ похожа была на восторженную дочь церкви первыхъ временъ христіанства и вполнѣ отдавалась во власть создателя, вычитавъ въ завѣтной книгѣ, что спасеніе невозможно безъ особенной милости Божьей. Воспитатели ея были люди искренно вѣрующіе, исполнявшіе, но не слишкомъ усложнявшіе религіозные обряды. По воскресеньямъ они ходили въ церковь, а по большимъ праздникамъ исповѣдывались и причащались. То была такая безхитростная вѣра людей смиренныхъ, не мудрствующихъ лукаво и набожныхъ частью по собственному духовному влеченію, частью-же по привычкѣ и по преданію, и изъ желанія угодить своимъ заказчикамъ, такъ какъ набожность въ ихъ семьѣ вмѣстѣ съ ремесломъ переходила изъ рода въ родъ. Губертъ, болѣе способный увлекаться, чѣмъ его жена, часто забывалъ про начатую работу, заслушиваясь разсказовъ дѣвочки. Онъ такъ-же, какъ и она, проникался священнымъ трепетомъ при этихъ разсказахъ; волосы его становились дыбомъ, по тѣлу пробѣгала дрожь, словно что-то незримое и непостижимое вѣяло на него своимъ легкимъ дыханіемъ. Увидавъ Анжелику, готовую идти къ причастію и съ ногъ до головы одѣтую въ бѣлое, онъ даже прослезился. День этотъ и для хозяина, и для воспитаницы пролетѣлъ, словно сонъ; оба вернулись изъ церкви усталые и какъ будто чѣмъ-то удивленные, такъ что Губертина, не допускавшая ни малѣйшей утрировки даже въ самыхъ лучшихъ побужденіяхъ, вынуждена была пожурить ихъ обоихъ. Съ этого дня ей пришлось сильно бороться съ чрезмѣрнымъ религіознымъ рвеніемъ Анжелики, въ особенности-же съ ея желаніемъ дѣлать добро ближнимъ. Увлеченная примѣромъ св. Франциска, избравшаго бѣдность своею неизмѣнною подругою, Юліана милостиваго, считавшаго бѣдняковъ своими господами, Гервасія, омывавшаго имъ ноги, и Мартина, отдавшаго нищему половину своего плаща, дѣвочкѣ, подобно св. Лукіи, хотѣлось раздать все, что она имѣла, и деньги раздѣлить между бѣдными. Раздавъ всѣ бездѣлушки, принадлежавшія ей лично, она принялась и за хозяйское добро, безъ разбора награждая чѣмъ ни попало всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Хуже всего то, что милостыня ея большею частью попадала въ самыя недостойныя руки. На другой день послѣ конфирмаціи въ сумерки она изъ окна выбросила пьяной нищей что-то изъ хозяйскаго бѣлья. Губертина стала ей выговаривать, и это вызвало въ дѣвочкѣ одинъ изъ тѣхъ необузданныхъ припадковъ бѣшенства, которые когда-то повторялись довольно часто, но отъ которыхъ она за послѣднее время стала было немного отвыкать. Когда пылъ гнѣва въ ней остылъ, она, совершенно раздавленная стыдомъ, занемогла такъ сильно, что ее уложили въ постель, съ которой она не вставала цѣлыхъ трое сутокъ.

Недѣли между тѣмъ шли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами. Анжеликѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и она изъ ребенка стала обращаться въ взрослую дѣвушку. Она по прежнему все свободное время проводила за чтеніемъ «Золотой легенды»; у нея при этомъ звенѣло въ ушахъ, молодая кровь кипѣла ключемъ и сильно билась въ тонкихъ синеватыхъ жилкахъ, испещрявшихъ ея виски. Теперь самое горячее сочувствіе ея начали вызывать непорочныя дѣвы, которыхъ она считала своими сестрами.

Она вычитала, что дѣвственная непорочность—сестра ангеламъ, дающая обладаніе всѣми земными и небесными благами, посрамляющая дьявола и указывающая вѣрнѣйшій и кратчайшій путь въ царство небесное. По ея мнѣнію, непорочность эта, какъ величайшая изъ добродѣтелей, безъ которой немыслимо совершенство, однимъ своимъ появленіемъ способна была разбивать въ дребезги всю силу враговъ и совершать чудеса. Благодаря ей, благодать св. Духа, осѣнившая Лукію, придаетъ праведницѣ такую сверхъестественную тяжесть, что тысяча человѣкъ и пять паръ воловъ не въ состояніи сдвинуть ее съ мѣста, чтобы по приказанію проконсула доставить ее въ вертепъ разврата. Правитель страны, покушавшійся обнять Анастасію, мгновенно пораженъ слѣпотою. Во время пытокъ и казней, дѣвственная непорочность является въ полнѣйшемъ своемъ блескѣ: изъ обнаженнаго бѣлаго тѣла угодницъ Божіихъ, терзаемыхъ желѣзными когтями, вмѣсто, крови течетъ молоко. Въ житіи святыхъ разъ десять повторяется исторія юной христіанки, покинувшей родительскій домъ, облекшейся въ мужскія монашескія одежды и въ качествѣ мужчины обвиняемой въ совращеніи на пути порока какой нибудь другой дѣвушки. Праведница не оправдывается, терпѣливо переноситъ клевету, пока случайно не узнается ея полъ; взведенная напраслина падаетъ сама собою и служитъ такимъ образомъ для посрамленія невѣрующихъ и для полнаго торжества добродѣтели. Такъ Евгенія, приведенная къ судьѣ, узнавъ отца, разрываетъ на себѣ одежды и въ ней узнаютъ непорочную дѣвушку. Непорочность защищается упорно, одерживаетъ блистательнѣйшія побѣды, но тѣмъ не менѣе, борьба цѣломудрія съ немощной человѣческой плотью возобновляется безпрестанно, потому сохраненіе душевной и тѣлесной чистоты является первою заботою праведниковъ; боязнь поддаться обаянію женщины заставляетъ отшельниковъ удаляться въ пустыни, гдѣ нѣтъ женщинъ. Но даже и это порою не помогаетъ: алчущіе спасенія отчаянно бичуютъ свою плоть, обнаженнымъ тѣломъ ложатся на терніи или на снѣгъ. Забота эта доходитъ до того, что одинъ отшельникъ, помогая родной матери перейти черезъ ручей, обвертываетъ руку плащемъ, чтобы прикосновеніе женской, даже материнской обнаженной руки не вызвало въ немъ дурныхъ помысловъ; другой мученикъ, привязанный къ столбу и искушаемый порочною женщиной, откусываетъ себѣ языкъ и выплевываетъ его въ лицо искусительницы. Францискъ признается, что у него нѣтъ злѣе врага, чѣмъ собственное его тѣло. Бернардъ кричитъ:—«караулъ! караулъ!» чтобы защититься отъ женщины, у которой нашелъ пріютъ. Одна женщина, получая причастіе отъ Льва, папы римскаго, цѣлуетъ у него руку; онъ тутъ-же отрубаетъ эту руку, но Пречистая Дѣва Марія снова приращаетъ ее къ прежнему мѣсту. Всѣ прославляютъ расторженіе брачныхъ союзовъ. Алексѣй, человѣкъ очень богатый, женится, укрѣпляетъ новобрачную жену свою въ правилахъ вѣры и цѣломудрія, и удаляется. Многіе женятся только для того, чтобы вмѣстѣ идти на смерть. Юстина, при видѣ Кипріана, внезапно охваченная самой пылкою любовью, одолѣваетъ, однако, плотскую страсть, обращаетъ любимаго человѣка на путь истинной вѣры и вмѣстѣ съ нимъ идетъ на казнь. Цецилія, удостоенная любви ангела, тотчасъ послѣ свадьбы повѣряетъ эту тайну мужу своему Валеріану, и онъ не только соглашается не прикасаться къ ней, но даже рѣшается принять святое крещеніе, чтобы увидать ангела. «Онъ нашелъ Цецилію въ ея опочивальнѣ, ведущую разговоръ съ ангеломъ, а сей послѣдній держалъ въ рукахъ два вѣнца изъ розъ и, надѣвъ оные вѣнцы на голову Валеріана и жены онаго, изрекъ: — «Храните сіи вѣнцы, чистоту и духовную, и тѣлесную сохраняя». До двадцати союзовъ только затѣмъ и заключаются, чтобы тотчасъ-же быть расторгнутыми: жажда смерти оказывается несравненно сильнѣе любви и служитъ смѣлымъ вызовомъ земному существованію. Иларій молитъ Бога призвать къ себѣ дочь его Апію, чтобы та не выходила замужъ; Апія дѣйствительно умираетъ, и ея мать проситъ мужа, чтобы онъ умолилъ Создателя призвать къ себѣ и ее; желаніе это исполняется. Сама Пречистая Дѣва Марія, чтобы охранить непорочность своихъ избранницъ, удаляетъ ихъ жениховъ и мужей. Одинъ изъ знатныхъ родственниковъ венгерскаго короля отказывается отъ дѣвушки изумительной красоты, когда видитъ, что дѣвушку эту охраняетъ Матерь Божія, которой онъ усердно молился передъ совершеніемъ брака: — «Богоматерь предстала передъ нимъ и рекла ему: — «Почто мѣняешь меня на другую, когда въ правду настолько чтишь меня, какъ сіе говоришь?» Онъ тутъ-же даетъ обѣтъ безбрачія и твердо держитъ его.

Между непорочными праведницами у Анжелики были свои любимицы, именно тѣ, чей примѣръ особенно сильно задѣвалъ ее за живое и помогалъ ей исправиться. Такъ, премудрая Екатерина, рожденная въ пурпурѣ, восемнадцатилѣтней дѣвушкой вступая въ ученые диспуты съ риторами и грамматиками, которыхъ противупоставлялъ ей императоръ Максимъ, приводила ее въ восторгъ своими всеобъемлющими познаніями. Дѣвушка приводитъ ученыхъ мужей въ смущеніе, посрамляетъ ихъ, такъ что имъ невольно приходится замолкнуть передъ нею. «И вынуждены были оные мужи замолчать, ибо ничего сказать ей въ опроверженіе не смѣли, императоръ-же зѣло сильно журилъ ихъ, что они дозволили такъ позорно побить себя на словахъ столь невинной дѣвицѣ». Тутъ всѣ пятьдесятъ ученыхъ мужей прямо объявляютъ ему, что они, вразумленные этою мудрою дѣвицею, отнынѣ будутъ исповѣдовать вѣру въ одного только истиннаго Бога и служить только ему одному. «Услышавъ сіе, тиранъ въ неописуемую ярость пришедъ, повелѣлъ посреди города костры соорудить и на оныхъ супротивниковъ сжечь». Екатерина въ глазахъ Анжелики являлась не только представительницей могущественнаго знанія, но и блистательнѣйшимъ идеаломъ величавой мудрости и красоты. Ей-то хотѣла-бы она уподобиться, чтобы обращать къ истинному Богу умы и сердца невѣрующихъ, и какъ она-же, прежде чѣмъ сложить голову на плаху, получать въ темницѣ пищу, приносимую голубками. Сильно увлекалась она также личностью Елизаветы, дочери короля венгерскаго, въ жизни которой она безпрестанно почерпала самые благіе примѣры. Всякій разъ, когда въ ней готова была снова заговорить прежняя гордость, или чувствуя, что вотъ сейчасъ въ ней вспыхнетъ порывъ необузданнаго гнѣва, она мысленно обращалась къ Елизаветѣ, этому чистѣйшему идеалу кротости и простоты, уже пятилѣтнимъ ребенкомъ отличавшейся своею необыкновенною набожностью, забывавшей, ради молитвы, игры и забавы, ложившейся на голую землю и тѣмъ доказывавшей свое смиреніе передъ Господомъ, бывшей впослѣдствіи смиренной, оскорбленной, отвергнутой женою ландграфа Тюрингенскаго, являвшеюся передъ мужемъ не иначе, какъ съ веселымъ лицомъ, тогда какъ по цѣлымъ ночамъ лицо это обливалось слезами, а затѣмъ, уже будучи безупречной вдовою, изгнанной изъ своихъ владѣній и счастливой тѣмъ, что Создатель удостоилъ ее нищенской жизни. «Одежда ея была толикой бѣдности, что сѣрый плащъ ея надставленъ былъ другою тканью, а на прорванныхъ рукавахъ заплаты совсѣмъ иного цвѣта». Отецъ ея, король венгерскій, наконецъ послалъ за нею одного изъ своихъ приближенныхъ. «Когда оный графъ узрѣлъ ее въ столь нищенскомъ одѣяніи и смиренно кудель прядущую, онъ въ избыткѣ изумленія и горести воскликнулъ: — «О, видано когда-ль царская дочь въ толикомъ нищенскомъ убранствѣ и столь грубую шерсть прядущая?!» Елизавета является полнѣйшимъ олицетвореніемъ христіанскаго смиренія; она, питаясь однимъ сухимъ хлѣбомъ, живетъ среди нищихъ, безъ отвращенія перевязываетъ ихъ язвы и раны, одѣтая въ такое-же рубище, какъ и они, она спитъ на голой землѣ, и не иначе, какъ босая, участвуетъ въ крестныхъ ходахъ. «Нерѣдко сія царская дочь лохани и иные гнусные сосуды мыла, отъ прочихъ рабынь и служанокъ прячась, дабы оныя отъ нея сей низкой работы не отняли, и завсегда говаривала: — «Ежели-бы кто указалъ мнѣ жизнь смиреннѣе или эпитимію строже моей, я съ великою радостію на оную пошла-бы», и Анжелика, нѣкогда такъ сильно возмущавшаяся, когда ее за наказаніе заставляли мыть полъ въ кухнѣ и чистить посуду, теперь, чувствуя въ себѣ хоть и подавляемыя, но все-таки ощутительныя для нея самой вспышки гордости, тщеславія и властолюбія, охотно бралась за самую черную работу.

Однако сильнѣе даже, чѣмъ Екатерина или Елизавета, увлекала ее личность Агнесы, юной праведницы, почти въ дѣтскія лѣта принявшей мученическій вѣнецъ. Съ какою радостью встрѣтилась она въ «Золотой легендѣ» съ «Христовой Невѣстой», единственной одеждой которой для прикрытія наготы служили собственные ея, мгновенно выросшіе волосы, и около изваянія которой она въ соборной колоннадѣ нашла пріютъ въ памятную ночь послѣ побѣга своего изъ дома Рабье. Какое чистое пламя любви! Какъ смѣло отвергаетъ она, беззащитный ребенокъ, искательства сына правителя страны, когда онъ заговариваетъ съ нею при выходѣ ея изъ школы! «Прочь отъ меня ты, пастырь смерти, начало грѣха и питатель вѣроломства!» Какъ прославляетъ она Того, кому отдалась душою! — «Я молю Того, чья матерь дѣвство сохранила и по рожденіи сына, чей отецъ отъ вѣка не зналъ жены, чьей красотѣ дивятся солнце и мѣсяцъ и отъ чьего благовоннаго дыханія мертвые изъ гробовъ воскресаютъ». А когда взбѣшенный Аспазіанъ повелѣваетъ, чтобы ей «мечемъ проткнули горло», она возносится на небо къ божественному жениху своему. Особенно за послѣдніе мѣсяцы, когда въ часы смутной, чисто физической тревоги волнующаяся кровь усиленно билась и стучала въ вискахъ Анжелики, послѣдняя горячо взывала къ «Христовой Невѣстѣ», моля ее о защитѣ, и дѣвочкѣ казалось, будто волненіе ея утихало и вмѣсто него, какъ въ душѣ, такъ и въ тѣлѣ, являлась благодатная свѣжесть. Анжеликѣ постоянно грезилось, что духъ Агнесы неотлучно витаетъ около нея, и она доходила чуть не до отчаянія, когда ловила себя на какой-нибудь мысли, которая могла-бы вызвать неудовольствіе праведницы... У нея изрѣдка еще проявлялась старая привычка цѣловать у себя руки, до сихъ поръ доставлявшая ей что-то въ родѣ наслажденія, но однажды вечеромъ, поймавъ себя на этомъ предосудительномъ, по ея мнѣнію, поступкѣ, она вдругъ покраснѣла, невольно обернулась и сильно сконфузилась, хотя кромѣ нея въ комнатѣ не было никого. Она поняла, что «Христова Невѣста» видѣла ея движеніе — недовольна ею. Такимъ образомъ, праведница охраняла тѣлесную непорочность подростающей дѣвушки.

Къ пятнадцатилѣтнему возрасту Анжелика значительно выровнялась и въ физическомъ отношеніи, сдѣлалась совсѣмъ прелестнымъ созданіемъ. Конечно, ни затворническая и трудовая жизнь, ни близость собора, въ ласковой тѣни котораго она выросла, ни даже «Золотая легенда» съ описаніями житія праведныхъ, не создали изъ Анжелики ангела, не помогли ей достигнуть полнаго совершенства. Мятежныя вспышки ея строптиваго характера и другія провинности проявлялись нерѣдко, словно пробиваясь сквозь такія щели, которыхъ не съумѣли законопатить, какъ слѣдуетъ; сама-же она такъ стыдилась этихъ вспышекъ, онѣ такъ огорчали ее, и ей такъ хотѣлось быть вполнѣ совершенной во всѣхъ отношеніяхъ, но ея живая, вполнѣ человѣческая натура постоянно давала себя чувствовать, хотя въ сущности ничто не нарушало ея полнаго невѣдѣнія житейскаго грѣха, ея безукоризненной душевной чистоты. Какъ-то во время одной изъ тѣхъ дальнихъ прогулокъ, которыя Губертъ и его жена позволяли себѣ два раза въ годъ, а именно въ Духовъ день и на Успеніе Богородицы, она вырвала съ корнемъ побѣгъ шиповника и, забавы ради, посадила его въ садикѣ около дома. Она поливала, подстригала его; самъ онъ отъ этого становился все прямѣе, а цвѣты его все крупнѣе и душистѣе. Прививать его она ни за что не хотѣла, все надѣясь, что какимъ нибудь чудомъ цвѣты его превратятся въ настоящія розы. Она часто вертѣлась и приплясывала вокругъ него, напѣвая: «Это я, это я». Когда же начинали подтрунивать надъ ея пристрастіемъ къ дрянному цвѣтку, въ изобиліи растущему около любой придорожной канавы, на рѣсницахъ ея появлялись слезы. Глаза ея съ фіолетовымъ оттѣнкомъ стали еще мягче; сквозь полуоткрытыя губы ея виднѣлись два ряда чудесныхъ бѣлыхъ зубовъ и удлиненный овалъ ея лица, словно сіяніемъ, увѣнчивался легкими волнами тонкихъ золотисто-бѣлокурыхъ волосъ. Она значительно выросла, но очень худощавой не сдѣлалась; напротивъ, изящный и стройный станъ ея, сохраняя всю свою гибкость, получилъ красивую округлость, а въ посадкѣ головы, въ роскошныхъ плечахъ ея было что-то гордое и величавое. Такъ сложилась она веселая, здоровая, отличаясь не только рѣдкою красотою, но и необыкновенной прелестью, ясно свидѣтельствовавшею о томъ, что въ ея непорочномъ и красивомъ тѣлѣ живетъ цѣломудренная душа.

Привязанность обоихъ супруговъ къ Анжеликѣ росла съ каждымъ днемъ и въ головѣ у обоихъ не разъ возникала мысль формально усыновить ее, но каждый изъ нихъ упорно таилъ въ себѣ эту мысль, боясь разбудить въ другомъ вѣчно затаенныя, но живучія сожалѣнія, и они отчасти были правы. Когда Губертъ рѣшился, наконецъ, заговорить объ этомъ, — а произошло это какъ разъ въ ихъ общей спальнѣ — жена упала на стулъ и разразилась истерическими рыданіями. Усыновить законнымъ образомъ чужую дѣвочку, развѣ не значило окончательно отречься отъ надежды имѣть собственныхъ дѣтей? Правда, разсчитывать на это, въ виду ихъ уже не молодыхъ лѣтъ, было нѣсколько поздно, потому Губертина, сообразивъ это, дала свое согласіе, и когда горе, вызванное изъ глубины души печальнымъ воспоминаніемъ, прошло, добрая женщина была даже тронута великодушной мыслью мужа. Когда Анжеликѣ сообщили, что ее думаютъ усыновить, она, не помня себя отъ радости и въ то-же время задыхаясь отъ слезъ, бросилась на шею къ воспитателямъ.

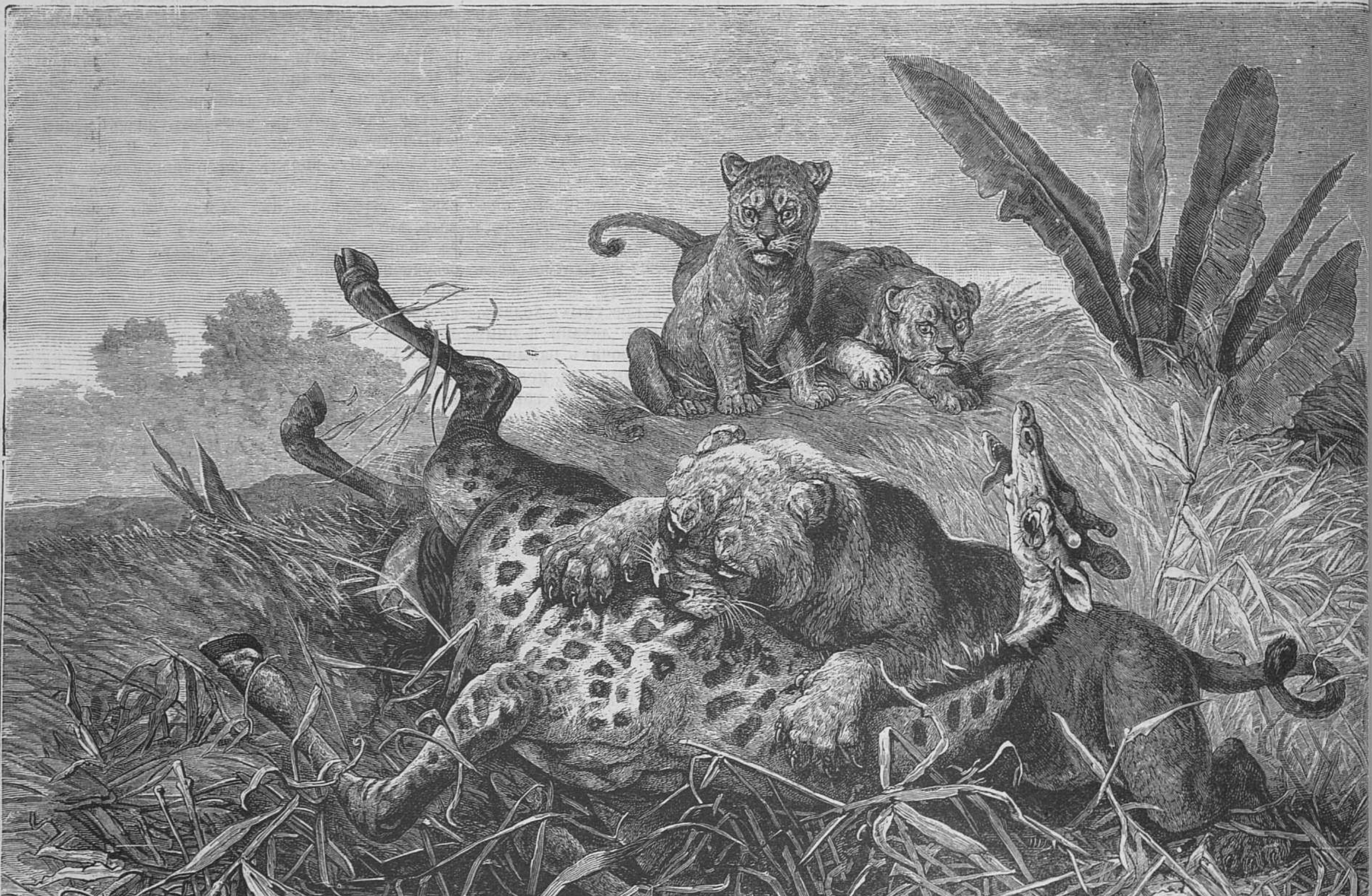
Итакъ, было рѣшено, что дѣвочка навсегда остается въ домѣ Губертовъ, гдѣ всѣ къ ней привыкли, куда она своею молодостью внесла обновленную жизнь и своимъ звонкимъ смѣхомъ—веселое оживленіе. Губертъ тотчасъ-же принялся хлопотать о разныхъ формальностяхъ, но на первыхъ же порахъ ему встрѣтилось непреодолимое препятствіе, сильно опечалившее и его самого, и его жену. Онъ, разумѣется, прямо обратился за совѣтомъ къ мировому судьѣ Грансиру, приходившемуся родственникомъ Губертинѣ, и тотъ ясно доказалъ воспитателямъ, что вполнѣ усыновить воспитанницу невозможно, потому что законъ прямо запрещаетъ усыновлять малолѣтнихъ. Видя огорченіе Губерта, мировой судья внушилъ ему мысль прибѣгнуть къ уловкѣ, допускаемой закономъ, которая должна была повести къ такимъ же почти результатамъ, какъ и полное усыновленіе. Законъ каждому гражданину, достигшему пятидесятилѣтняго возраста, дозволялъ быть оффиціальнымъ опекуномъ каждаго ребенка не свыше пятнадцати лѣтъ отъ роду; почему-бы Губерту не похлопотать о назначеніи его оффиціальнымъ опекуномъ надъ Анжеликой? Возрастъ обоихъ какъ разъ согласовался съ требованіями закона, и супруги съ радостью ухватились за мысль объ опекѣ, тѣмъ болѣе, что никто не мѣшалъ имъ, не усыновивъ даже Анжелики, сдѣлать ее своею наслѣдницей, написавъ въ ея пользу духовное завѣщаніе на все свое имущество. Грансиръ, заручившись просьбой мужа и формальнымъ согласіемъ жены, обратился къ директору воспитательнаго дома, такъ какъ директоръ этотъ считается по закону естественнымъ опекуномъ всѣхъ подкидышей, и для назначенія другого опекуна невозможно было обойтись безъ его разрѣшенія. Произвели дознаніе, всѣ необходимыя бумаги были уже доставлены означенному мировому судьѣ, и оставалось только исполнить послѣднюю формальность судоговоренія, когда вдругъ обоими супругами овладѣло нѣсколько позднее сомнѣніе.

Имъ пришло въ голову, что прежде чѣмъ окончательно рѣшить судьбу Анжелики, слѣдовало постараться розыскать ея родителей. Если мать жива, то какое право имѣли они, совершенно чужіе, завладѣть ея ребенкомъ, не убѣдившись вполнѣ, что она окончательно отреклась отъ дочери и покинула ее навсегда? Помимо этой главной причины, была еще и другая. Воспитателей въ то время, когда они рѣшили оставить дѣвочку у себя, сильно тревожила мысль о томъ, кто были родные Анжелики? Подкидыши и пріемыши воспитательныхъ домовъ рѣдко, очень рѣдко могутъ похвалиться нравственной чистотой своихъ родителей и, какъ уже сказано ранѣе, происхожденіемъ своимъ они почти исключительно обязаны бываютъ пороку и преступленію. Теперь та-же мысль возникла въ нихъ снова и до того тревожила ихъ, что не давала имъ покойно уснуть.

Долго совѣщались они на этотъ счетъ, и Губертъ рѣшился, наконецъ, лично отправиться въ Парижъ. Такая поѣздка была цѣлымъ событіемъ въ ихъ мирной и неподвижной жизни. Прямо, безъ всякой утайки, объяснить Анжеликѣ причину неожиданной отлучки воспитателя было неудобно, потому ее увѣрили, что онъ уѣзжаетъ въ Парижъ по дѣлу, касающемуся его назначенія опекуномъ и требующему его личнаго присутствія; къ тому-же онъ надѣялся, что достаточно будетъ однихъ сутокъ для того, чтобы собрать всѣ необходимыя для него справки. На дѣлѣ вышло, однако, иначе: въ Парижѣ дни шли за днями, а дѣло не подвигалось. На каждомъ шагу возникали препятствія. Въ теченіе цѣлой недѣли Губерта одни отсылали къ другимъ, другіе къ третьимъ, и онъ, въ вѣчныхъ попыхахъ, чуть не плача отъ досады, по цѣлымъ суткамъ безъ всякой пользы гранилъ мостовую. Непріятности для него начались съ перваго посѣщенія воспитательнаго дома, гдѣ его приняли очень сухо. Тутъ онъ узналъ о существованіи установленнаго администраціей правила, не дозволяющаго до самаго совершеннолѣтія питомцевъ давать имъ какія бы то ни было свѣдѣнія на счетъ ихъ родителей. Два утра подъ рядъ являлся онъ въ контору и оба раза уходилъ ни съ чѣмъ. Онъ вынужденъ былъ объ-

ИЗЪ ЖИЗНИ и ПРИРОДЫ.

Рисунокъ Шпехта.

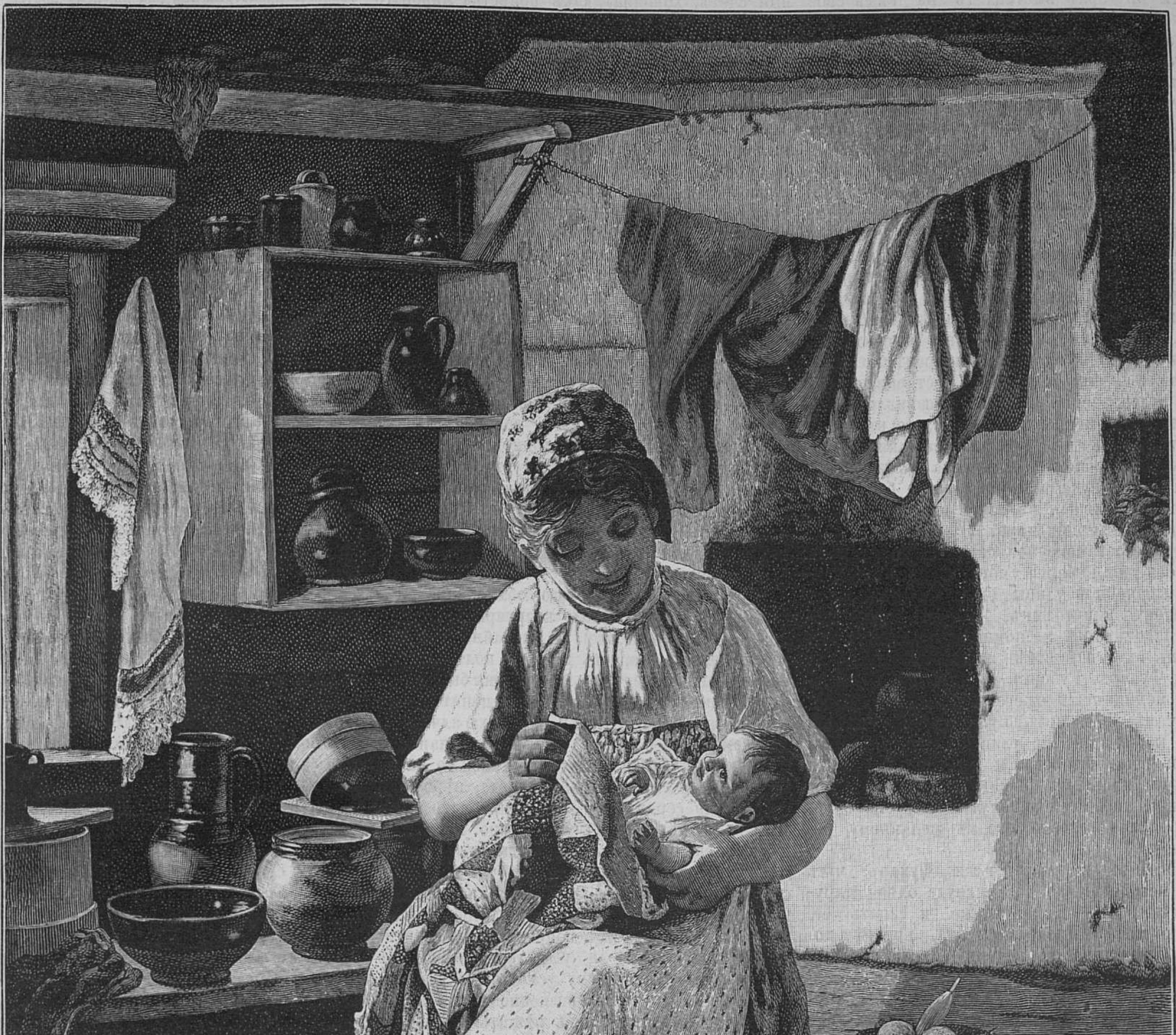


Нападеніе львицы на жирафа.

Гравировалъ на деревѣ Рутъ.

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМIИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины академика И. А. Пелевина.



Первенецъ.

Гравировалъ на деревѣ для «Жив. Обозр.» К. Пястушкевичъ въ Спб.

ясняться въ трехъ разныхъ инстанціяхъ, до хрипоты въ горлѣ выставлять на видъ свое назначеніе оффиціальнымъ опекуномъ и, только благодаря своей настойчивости, на третій день узналъ, что въ конторѣ не имѣется ровно никакихъ положительныхъ данныхъ на счетъ родителей дѣвочки. Администрація ровно ничего не знала о нихъ; дѣвочку, принятую подъ именемъ Анжелики-Маріи, въ воспитательный домъ доставила повивальная бабка, не назвавъ имени матери и не давъ о ней никакихъ свѣдѣній. Губертъ приходилъ въ отчаяніе и, не узнавъ ничего, уже думалъ было вернуться въ Бомонъ, но мысль, блеснувшая у него въ головѣ, заставила его снова отправиться въ контору воспитательнаго дома и потребовать тамъ копіи съ метрическаго свидѣтельства дѣвочки, совершенно основательно разсчитывая, что въ свидѣтельствѣ этомъ непремѣнно должно значиться имя акушерки, доставившей ребенка въ заведеніе. Изъ этого возникли новыя непріятности, новыя проволочки, но въ концѣ концовъ измученный Губертъ все-таки узналъ, что Анжелику-Марію доставила въ заведеніе нѣкая г-жа Фукаръ, повивальная бабка, въ 1850 году жившая въ такой-то улицѣ, безъ точнаго обозначенія дома.

Тутъ безостановочное скитаніе по улицамъ началось для Губерта снова. Одинъ изъ концовъ означенной улицы былъ съ тѣхъ поръ совершенно уничтоженъ, и никто изъ мѣстныхъ лавочниковъ не помнилъ, чтобы когда либо въ ихъ сосѣдствѣ жила акушерка по имени Фукаръ. Губертъ придумалъ пересмотрѣть медицинскій ежегодникъ того времени, но и тамъ не нашелъ нужнаго ему имени. Долго ходилъ онъ по улицамъ, поднявъ голову и читая вывѣски, и наконецъ, рѣшился заходить ко всѣмъ повивальнымъ бабкамъ, квартиры которыхъ попадутся ему на пути. Это средство привело его къ желанному результату.

— Мнѣ-то не знать г-жи Фукаръ? чуть не съ негодованіемъ воскликнула одна старуха-акушерка: — Да кому-же и знать ее, какъ не мнѣ?! Прекрасная она, вполнѣ достойная женщина! Не повезло ей, бѣдняжкѣ!.. Что дѣлать?—видно на то воля Божія.

Оказалось, что г-жа Фукаръ живетъ на другомъ концѣ Парижа. Нечего дѣлать! — пришлось отправиться туда.

Наученный горькимъ опытомъ, онъ рѣшился дѣйствовать на этотъ разъ дипломатично. Г-жа Фукаръ, уже старая женщина необъятной толщины на коротенькихъ ножкахъ, не дала ему высказать по порядку заранѣе обдуманные и приготовленные вопросы. Едва успѣлъ онъ произнести имя Анжелики-Маріи, а также годъ, мѣсяцъ и число, когда она была доставлена въ воспитательный домъ, какъ слова изъ устъ акушерки посыпались, словно горохъ изъ прорваннаго мѣшка, и она по собственному побужденію разсказала все, что было ей извѣстно.

— А, дѣвчонка-то еще жива? начала она, и въ каждомъ ея словѣ сказывалась застарѣлая, долго сдерживаемая злоба: — ну, если такъ, жаль мнѣ ее, потому что мать у нея самая отчаянная мерзавка. Не знаю, какъ была ея фамилія до замужества, но даже, когда она овдовѣла, всѣ ее звали не иначе, какъ по полуимени: — Сидони да Сидони... Ходили слухи, будто родня у нея очень хорошая, будто братъ ея даже министромъ былъ, но это нисколько не мѣшало ей заниматься такими дѣлами, что даже и говорить стыдно!

Тутъ акушерка начала объяснять, что она познакомилась съ г-жей Сидони вскорѣ послѣ того, какъ «эта подлюга» вмѣстѣ съ мужемъ явилась изъ Плассана въ Парижъ искать счастія и завела въ улицѣ Ст. Онорэ лавку, въ которой торговала фруктами и провансскимъ масломъ. Когда-же мужъ умеръ, у нея мѣсяцевъ черезъ пятнадцать родилась дочь. Откуда взялась такая прибыль, акушерка объяснить не могла, какъ не могла понять, кто могъ польститься на «такую рожу», которая, по ея словамъ, была длинна и суха, какъ неоплаченный счетъ, холодна, какъ повѣстка мироваго судьи, груба и безчувственна, какъ сторожъ изъ долговаго отдѣленія.

— Можно простить какую угодно вину, продолжала Фукаръ:—но только не вопіющую неблагодарность. Хотя «негодница эта» и была скупа, какъ кремень, но магазинъ ея продержался не долго:—все, все прахомъ пошло... Настало ей время родить—а въ карманѣ ни одного сантима... Кто призрѣлъ ее тогда, кто кормилъ и поилъ столько времени? Я, дура... все я... и ребенка все я-же въ воспитательный домъ снесла, оказала ей это благодѣяніе, избавила отъ обузы, а она, какъ-бы вы думали?—На дверь указала, даже синяго волоса и того не дала, а сама мало того, что мнѣ за цѣлый мѣсяцъ полнаго содержанія должна осталась, но я еще ей своихъ кровныхъ пятнадцать франковъ изъ рукъ въ руки передала... Какъ вамъ это нравится? Теперь она въ предмѣстьи Пуасоньеръ живетъ, три комнаты на антресоляхъ занимаетъ... прикрывается тѣмъ, что будто бы кружевами торгуетъ, а чѣмъ на самомъ дѣлѣ промышляетъ, такъ даже и сказать скверно!.. Да, да, жаль мнѣ дѣвчонку, очень жаль!.. Лучше ей и не знать совсѣмъ, что у нея есть мать. Отъ такой матери радость небольшая.

Черезъ часъ послѣ этого объясненія, Губертъ уже бродилъ около квартиры, занимаемой матерью Анжелики, и случайно увидалъ эту женщину, возрастъ и даже полъ которой трудно было опредѣлить сразу. Она была длинна и худа, какъ жердь; блѣдное испитое лицо ея выражало одну только ненасытную алчность; по всему было замѣтно, что воспоминаніе о дочери. рожденной вслѣдствіе какой-то давно уже забытой случайности, никогда, вѣроятно, не согрѣло сердца этого низкопробнаго маклера въ юбкѣ. Губертъ осторожно навелъ о ней справки и узналъ такія вещи, что никому, даже женѣ, не сказалъ потомъ о нихъ ни слова. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки колебался и продолжалъ бродить около подозрительнаго магазина, задавая себѣ вопросъ: — не войти-ли и не испросить-ли у матери позволенія распорядиться по своему усмотрѣнію участью ея дочери? «Ему ,безукоризненно честному человѣку, предстояло теперь рѣшить: имѣетъ-ли онъ право порвать навѣки связь между дѣвочкой и ея матерью?

Онъ уже подошелъ было къ самой двери магазина, но внезапно повернулъ назадъ и тотчасъ-же отправился обратно въ Бомонъ.

По возвращеніи домой онъ узналъ, что жена его только-что получила отъ Грансира извѣстіе о томъ, что дѣло ихъ уже слушалось, и что указъ о назначеніи Губерта опекуномъ надъ малолѣтней Анжеликой-Маріей уже подписанъ.

При этомъ извѣстіи, Анжелика посмотрѣла на него такимъ вопрошающимъ и вмѣстѣ молящимъ взглядомъ, что у него защемило сердце. Онъ понялъ, что дѣвочка инстинктивно угадала цѣль его поѣздки въ Парижъ. Надо было что нибудь отвѣтить.

— Дѣвочка моя, сказалъ онъ тихо и просто:—твоя мама умерла.

Анжелика, заливаясь слезами, стала горячо обнимать и цѣловать ихъ обоихъ. Съ тѣхъ поръ обо всемъ этомъ между ними троими болѣе и рѣчи не заводилось: дѣвочка сдѣлалась какъ-бы родною дочерью своихъ воспитателей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ежа.**

(Переводъ съ польскаго **А. Сахаровой**).

(Продолженіе).

V.

Пребываніе Ляіоша въ Загребѣ затягивалось со дня на день. Отношенія его къ графинѣ сложились довольно оригинально. Со стороны молодого человѣка являлось пренебреженіе; она къ нему льнула,—шла къ нему, поддавалась ему; не пугалась его манеръ, отзывающихъ деревенщиной и иногда смахивающихъ на грубость. Грубіянъ Ляіошъ имѣлъ въ ея глазахъ больше цѣнности, чѣмъ полированные кавалеры, которые терлись при дворахъ версальскомъ, вѣнскомъ, варшавскомъ, венеціанскомъ. Ее привлекалъ къ нему, вѣроятно, законъ контраста. Она, хрупкая, нѣжная, слабая, чуяла въ немъ то, чего ей не хватало и искала, какъ-бы, дополненія себя самой въ соединеніи съ этимъ силачемъ, болѣе похожимъ на юнаковъ, воспѣваемыхъ ей народными пѣснями, чѣмъ на рыцарей, произведенныхъ въ рыцарское достоинство правительствами. Однимъ словомъ—она льнула къ нему. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что она, навѣрно, не льнула-бы къ нему, если-бы, во-первыхъ, Ляіошъ не носилъ фамиліи Ердоди, и если-бы, во-вторыхъ, графъ и графиня не подсунули его ей, такъ сказать. Съ ихъ стороны очень ясно было замѣтить желаніе подыскать своему родственнику супругу въ лицѣ дѣвушки хорошей фамиліи, обладающей громаднымъ приданымъ и вдобавокъ красивой. Если-бы не это, Ляіошъ промелькнулъ-бы у нея передъ глазами, какъ промелькнули многіе другіе, на которыхъ она даже не удостоила взглянуть. Она увидѣла его въ первый разъ въ соборѣ во время заупокойной обѣдни, у катафалка, когда его мужественная фигура была воплощеніемъ сиротской скорби и печали, и сразу обратила на него вниманіе. Юноша выдѣлился изъ толпы въ ея глазахъ. Скорбь, съ которой онъ боролся, возвысила его и поставила какъ-бы на пьедесталъ. Онъ возвеличился въ ея мнѣнія, въ мнѣніи, одобренномъ всѣми. Вокругъ нея говорили о Ляіошѣ,—прославляли его, украшали его личность качествами, изъ которыхъ ни одно не было обыденнымъ. Онъ явился чѣмъ-то необыденнымъ и, такимъ образомъ, прежде всего произвелъ сильное впечатлѣніе на воображеніе молодой и чуткой дѣвушки. Остальное явилось само собой, благодаря тому близкому сродству, которое существуетъ между воображеніемъ и чувствомъ: юноша овладѣлъ ея мыслью и сердцемъ.

— Юноша необыденный...

Этими словами опредѣлила его графиня, когда по возвращеніи съ заупокойной обѣдни въ соборѣ, начали говорить о немъ въ кружкѣ дамъ.

— Необыденный... отвѣчали единогласно хоромъ.

И начали анализировать фигуру, останавливаясь, по женскому обычаю, надъ составными частями ея: надъ ростомъ, складомъ, выраженіемъ лица, формой лба, губъ, носа, надъ цвѣтомъ голосъ и глазъ, надъ прелестью молодости и сиротской долей. Когда дѣло дошло до этого послѣдняго, графиня замѣтила:

— Какъ я замѣчаю, каждая изъ васъ охотно взялась-бы утѣшить юношу...

— Можетъ быть, онъ не нуждается въ утѣшеніи... проговорила одна изъ нихъ.

Отсюда завязался очень интересный философскій споръ,—анализъ печали, сначала разсматриваемой съ общей точки зрѣнія въ примѣненіи къ этому юношѣ, который въ церкви, передъ катафалкомъ, при блестящемъ освѣщеніи, стоялъ, склонивъ голову, со сложенными руками и скорбью на лицѣ.

— Бѣдный... сирота... говорили и та, и другая. И тѣ, и другія плакали изъ сожалѣнія къ сиротству Ляіоша.

Такимъ-то образомъ Ляіошъ отрекомендовался графинѣ Изабеллѣ.

Реклама, въ которой онъ не былъ виноватъ, открыла ему ея сердце. Не иначе открываются женскія сердца для актеровъ, пѣвцовъ, гимнастовъ, которыхъ онѣ видятъ на театральныхъ подмосткахъ, на концертныхъ эстрадахъ и на натянутыхъ канатахъ. Правило одно и то-же,—разница состоитъ въ условіяхъ, которыя рисовали Ляіоша съ самой выгодной стороны и заранѣе нейтрализовали всякіе недостатки и недохватки, касающіеся свѣтской полировки. Необыденность сглаживала все.

Для женщинъ вообще и для юной графини въ особенности, было большой радостью извѣстіе о томъ, что банъ пригласилъ Ляіоша на обѣдъ. Извѣстіе это графиня сообщила такимъ способомъ, какимъ обыкновенно сообщаются подобныя извѣстія. Она извѣстила свой женскій придворный штатъ о новинкѣ einem Sürprise, какъ она выразилась, чисто по нѣмецки. Это возбудило любопытство. Что за сюрпризъ? какой сюрпризъ? Вопросамъ и приставаньямъ не было конца, успокоились только тогда, когда графиня сообщила о появленіи молодого человѣка за столомъ. Это заявленіе имѣло то слѣдствіе, что всѣ дамы тотчасъ разбѣжались; когда-же черезъ минуту онѣ возвратились, одна за другой, то видно было, что каждая поправила свой туалетъ. Одна надѣла браслетъ или ожерелье, другая перемѣнила серьги или увеличила количество колецъ, третья причесала себѣ волосы, приколола себѣ цвѣточекъ, обновила воротничекъ, четвертая-же явилась въ новомъ платьѣ и каждая умыла себѣ руки и хоть чуточку надушилась. Освѣженный такимъ образомъ ради Ляіоша женскій придворный штатъ выстроился и съ графиней во главѣ направился въ столовую.

Ляіошъ, разумѣется, и не догадывался, какое вниманіе возбуждала его особа. На что онъ смотрѣлъ, то онъ видѣлъ,—остальное было сокрыто отъ него тайной. Онъ пообѣдалъ не безъ внутреннихъ волненій, и не безъ внутреннихъ волненій провелъ часа два у пялецъ, въ обществѣ дамъ, въ то время, какъ банъ, увидя Чолнича, усѣлся съ нимъ въ той комнатѣ которая казалась наполовину библіотекой, наполовину оружейной, и обратился къ нему такъ:

— Значитъ ты теперь пріѣхалъ изъ Сисака?..

— Точно такъ, ваша свѣтлость...

— И ты одинъ изъ тѣхъ, которые съ нами не дружатъ, но и отъ насъ не сторонятся?..

— Точно такъ, dignissime domine...

— Скажи же мнѣ: что же тамъ Гаспаръ Дещичъ?..

— Га!.. Гаспаръ Дещичъ?.. Онъ остался все тѣмъ Гаспаромъ Дещичъ...

— Не забылъ?..

— Нѣтъ...

— И племичи все такъ-же его уважаютъ?..

— Все... такъ-же...

— Гмъ?.. проворчалъ банъ,—это нехорошо... не хорошо потому, что для насъ наступила пора...

Съ минуту онъ задумался и началъ:

— Выслушай меня только внимательно и обсуди мои слова... Я говорю: наступила для насъ пора; это значитъ, что Кроація, если бы она поняла, въ какомъ положеніи дѣла, она могла бы начать на свой страхъ и выиграть много... Корона ведетъ войну съ турками ты это знаешь, но ты не знаешь того, что въ этой войнѣ ея положеніе, является положеніемъ корабли, изломаннаго бурей и направляющагося во время бури въ гавань... Нѣмецкія войска одерживаютъ побѣды, завоевываютъ города, однако послѣ каждой побѣды, послѣ каждаго завоеванія они уменьшаются, слабѣютъ и является опасеніе, что у нихъ не хватитъ, энергіи для окончательной расправы съ турками... понимаешь?..

— Понимаю... отвѣтилъ Чолничъ.

— Слѣдовательно, если бы мы поддержали нѣмецкія войска съ фланга, то мы оказали бы имъ этимъ громадную услугу... съ фланга... Понимаешь?..

— Понимаю...

— Дунай такъ, а Кроація съ другой стороны; значитъ если бы Кроація пошла на турокъ, то въ такомъ случаѣ задохнулись бы не имперскія войска, а турки, какъ задыхается человѣкъ, когда кто нибудь ударитъ его кулакомъ подъ ребро...

— О да... проговорилъ Чолничъ.

— Значитъ намъ слѣдуетъ дружно приняться за это и помочь имперскимъ войскамъ вышвырнуть турокъ.

— Что же мы выиграемъ этимъ?..

— Благодарность короны...

— Благодарность короны... повторилъ Чолничъ, произнося эту фразу съ особеннымъ удареньемъ, на пескѣ написанную...

— А нѣтъ... отвѣтилъ банъ. Не на пескѣ, а на пергаментѣ... корона обращается къ намъ съ требованіями... съ просьбой... съ просьбой... это много значитъ, если она уже проситъ, потому что ея просьба является уже ручательствомъ за благодарность, которая не можетъ выразиться иначе, какъ возвращеніемъ королевству кроатскому прежнихъ правъ и преимуществъ... возвращеніемъ прежнихъ и дарованіемъ новыхъ пергаментовъ...

Чолничъ молчалъ.

— Понимаешь?.. спросилъ его банъ.

— Гмъ?.. отвѣтилъ онъ. То, что ты говоришь, свѣтлость ваша, я превосходно понимаю... Однако мнѣ не кажется, чтобы благодарность короны, на бумагѣ или даже на пергаментѣ, сильно разнилась отъ благодарности на пескѣ.

— Sripta manent.

— Которые могутъ пойдти въ ad acta точно такъ-же, какъ пошли прежніе.

— По нашей винѣ... подхватилъ банъ.

— Которую судила одна корона, отвѣтилъ Чолничъ,—и судила такъ, какъ волкъ того ягненка, который мутилъ ему воду... Необходимость принуждаетъ сильнѣйшаго къ просьбѣ; когда же необходимость минуетъ, слабѣйшій остается со своими добродѣтелями и винами во власти сильнѣйшаго и тотъ объясняетъ ему его права...

— Я вижу, что ты не промахъ... замѣтилъ банъ.

— Я юристъ, ваша свѣтлость, слѣдовательно, когда я читаю какой нибудь документъ, то я заглядываю на обратную сторону его: не найдется ли тамъ кляузы, уничтожающей текстъ,—кляузы, вписанной ли или предполагаемой... Въ такихъ дѣлахъ, какъ между нами и короной, прибавилъ онъ поучительно, проницательность составляетъ главную основу, почву всего... и почва эта колеблется, когда ее не скрѣпляетъ ничто, кромѣ документа...

— Что, напримѣръ, пробормоталъ банъ тономъ вопроса, заданнаго мимоходомъ.

— Собственная, достаточно вооруженная сила, которую мы могли бы создать и обезпечить себѣ сами...

Банъ быстро заглянулъ ему въ глаза.

— Я думалъ объ этомъ... продолжалъ Чолничъ,—потому что мнѣ кажется, что настоящая эпоха способствуетъ тому, чтобы народъ самъ обезпечилъ себѣ будущее... Но, что же я?.. я?.. Что значитъ мой голосъ? Я этого не высказывалъ... Однако, когда ты, ваша свѣтлость, вызвалъ меня на разговоръ, то я говорю, что думаю... Мы бы должны были напасть на турокъ съ фланга не потому, что корона проситъ и обѣщаетъ пергаментъ, но потому, что пора подходящая и Кроація можетъ сама для себя выставить вооруженную силу... Эта сила разъ созданная, какъ бы то ни было, пригодится...

— Вотъ и хорошо!.. воскликнулъ банъ. Вотъ мы и пришли къ соглашенію... пергаментъ не помѣшаетъ...

— Не помѣшаетъ... подтвердилъ Чолничъ, но, при силѣ...

— Да... да... гмъ? Трудно вызвать эту силу... Страна относится непріязненно и непріязнь поддерживаютъ подобные Дещичи: въ сисакской области одинъ, въ сеньской второй, въ варадинской третій. Если бы хоть одинъ тронулся! Неужели—спросилъ онъ—нѣтъ средства на Гаспара Дещича?

— Другого средства нѣтъ, какъ... отвѣтилъ Чолничъ и задумался.

— Какое?

— Убѣжденіе... Это человѣкъ разсудительный: когда онъ убѣдится, не пожалѣетъ себя.

— Какже онъ тамъ съ моимъ родственникомъ, покойникомъ Маркомъ жилъ?

— Ага!.. не какъ собака съ кошкой, потому что они никогда не сходились, но какъ двѣ главы императорскаго орла, смотрящія въ разныя стороны.

— Значитъ онъ относится враждебно и къ Ляіошу?

— Наоборотъ... насколько мнѣ извѣстно, потому что я близко знакомъ съ нимъ, онъ высоко цѣнитъ юношу.

Банъ потеръ руки при этихъ словахъ и сказалъ:

— Это хорошо.. Это можетъ служить ловушкой, съ помощью которой можно уломать старика, въ особенности, когда достоинство Ляіоша возвысится. Отецъ его проситъ меня опредѣлить его на службу. Его надо поставить такъ, чтобы онъ занялъ видное мѣсто... Мы подумаемъ объ этомъ; а пока,—обратился онъ къ Чолничу съ удареніемъ:—я себѣ гарантирую твою помощь въ приставаніи къ старому Дещичу и въ союзѣ съ нимъ Ляіоша. Если они вдвоемъ, старикъ съ юношей, двинутъ Сисакскую область, то за ними пойдутъ другія области... Что?

— Правда твоя, достойный господинъ... отвѣтилъ Чолничъ.

— И я могу разсчитывать на тебя?

— Вполнѣ...

— Ну такъ, пока, покончимъ этимъ дѣло. Впродолженіи нѣсколькихъ дней все объяснится: вѣдь вы-же останетесь нѣсколько дней въ Загребьѣ?

Чолничъ поклонился въ знакъ подтвержденія. Банъ распрашивалъ его еще о Ляіошѣ и закончилъ совѣщаніе.

Оно возобновилось спустя пять шесть дней, однако уже не съ глазу на глазъ. Явилась графиня, внося элементъ, дополнявшій и округлявшій дѣло. Она же и начала разговоръ.

— Случилось такъ,—начала она, что Ляіошъ выѣдетъ изъ Загребья женатымъ.

Чолничъ встрѣтилъ извѣстіе улыбкой и одобреніемъ.

— Женатымъ на графинѣ Печичъ... прибавила она,

— И и... хорошо... сказалъ онъ, поводя бровями и склонивъ голову.

— Это не отниметъ у него достоинства въ глазахъ племичей... проговорилъ банъ. Печичи имѣютъ вліяніе?

— Имѣютъ... подтвердилъ Чолничъ.

— Поэтому можно предположить, что старый Дещичъ проститъ Ляіошу ради Печичъ то, что онъ носитъ фамилію Ердоди.

— Фью?.. отвѣтилъ Чолничъ на это, поднимая брови. Можно предполагать... до извѣстной степени по крайней мѣрѣ.

— То есть?

— Что если что нибудь затѣется, то онъ не будетъ мѣшать...

— И это много значитъ...

— Конечно... Однако было бы лучше, если бы Дещичъ подалъ примѣръ, потому что его уважаютъ не только племичи, но и поселяне, и пограничники, и весь народъ, способный носить оружіе во всей области... Старикъ навѣрно подастъ примѣръ, если онъ убѣдится.

— Неужели же онъ способенъ сѣсть на коня?

— Конечно...

— Пусть же,—вставила графиня, Ляіошъ поступитъ къ нему подъ начальство... Ляіошъ выставитъ на свой счетъ гусаръ и поэтому, когда онъ явится къ нему съ гусарами и съ женой изъ рода Печичей и скажетъ «предводительствуй»! то навѣрно старикъ вспомнитъ прежнія времена, и его упорство ослабѣетъ.

— Если онъ убѣдится... повторилъ Чолничъ.

— Этимъ можно будетъ легче убѣдить его.

— Конечно...

— Потому тутъ и богатство, и знатность: Печичи въ какомъ то родствѣ съ Зрини и Франкопано, выводя свою родословную отъ Шубичей.

— Отъ Мрнявичей... поправилъ банъ.

— А Мрнявичи и Шубичи конечно были въ родствѣ.

— О да... между ними много родства.

— Все-таки же это властичи чисто кроатскаго роду и племени. Это соображеніе поможетъ убѣдить старика и сломить его упорство.

— А развѣ,—спросилъ вдругъ Чолничъ,—это супружество уже дѣло рѣшенное?

— Какъ это?.. отвѣтила графиня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Потому что я... такъ... издалека... со стороны... подшепнулъ эту мысль Ляіошу... но онъ...

— Что?.. спросила она.

— Точно ничего не зналъ объ этомъ...

— Да онъ и въ самомъ дѣлѣ ничего не знаетъ... Но мы знаемъ... улыбнулась она съ оттѣнкомъ самодовольства. Графиня въ него влюблена и ничего такъ не жаждетъ, какъ выйти за него замужъ... Надѣюсь, что это извѣстіе не будетъ ему непріятнымъ...

— Навѣрно... отвѣтилъ Чолничъ.—Слѣдуетъ-ли его уже извѣстить объ этомъ?..

Графиня бросила вопросительный взглядъ на своего почтеннаго супруга и, прочитавъ въ его глазахъ одобреніе всякаго рѣшенія, къ которому она придетъ, отвѣчала:

— Можетъ быть, слѣдовало-бы еще обождать съ этимъ; однако, такъ какъ время спѣшное, слѣдовательно... да, его можно извѣстить...

— Извѣсти его, подготовь и подучи немножко, какъ онъ долженъ приступить, чтобы просить руки графини... добавилъ банъ. Въ этомъ отношеніи на него самого нельзя положиться...

— Онъ такой неловкій, неуклюжій, неотесанный!.. прибавила графиня. Его слѣдуетъ подучить и чуть-ли не за руку вести, поэтому-то пусть онъ прежде всего обратится къ намъ; а мы его ужь толкнемъ дальше... Впрочемъ, по порядку оно такъ и слѣдуетъ: сначала къ намъ, потомъ къ графинѣ, наконецъ, къ алтарю... Свадьба будетъ праздноваться во дворцѣ: я беру ее на себя...

Совѣщаніе между баномъ, графиней и Чолничемъ, начавшееся съ одной стороны съ политическаго вопроса, съ другой—вопроса о супружествѣ, связанныхъ между собою и вліяющихъ другъ на друга, должно было сохраниться въ тайнѣ:

— Что-бы, сказала графиня, отсюда не вышло какой нибудь ненужной путаницы... Объ этомъ я заявлю при сговорѣ.. До тѣхъ поръ это останется между нами...

Совершенно правъ былъ Маккіавелли, по мнѣнію котораго тайна можетъ сохраниться только въ такомъ случаѣ, когда она извѣстна не болѣе, какъ одному лицу. Это подтвердилось во дворцѣ бана. Банъ никому не промолвилъ словечка объ утреннемъ совѣщаніи, графиня молчала, Чолничъ отложилъ до слѣдующаго дня разговоръ съ Ляіошемъ; не смотря на это, всѣ домашніе черезъ полчаса по уходѣ Чолнича знали, что на слѣдующій день состоится обрученіе графини съ Ляіошемъ. Всѣ знали и мало кто говорилъ о чемъ-нибудь другомъ. Дѣло выяснилось—молва пошла. Точно съ барабаннымъ боемъ разсуждали о свадьбѣ и о подробностяхъ ея. Жительницы Загребья были неистощимы въ догадкахъ и выводахъ.

Однако, большинство разговоровъ сосредоточивалось подъ крышей дворца, около личности графини, предупрежденной о мнимомъ и выдаваемомъ за достовѣрное намѣреніи Ляіоша. Извѣстіе этомъ объ сильно взволновало ее. Она поблѣднѣла, услыхавъ его; сначала она не могла вымолвить ни слова, вскорѣ, однако, она очнулась и молча, подчеркивая иногда только улыбкой нѣкоторыя фразы, слушала постоянную болтовню, кипѣвшую вокругъ нея. Языки работали, вертѣлись, предположенія заглядывали въ будущее, останавливаясь на ступеняхъ алтаря, и захватывали множество предметовъ, однако, особенно подробно касались подвѣнечнаго платья невѣсты. Дѣлали замѣчанія a priori, давали совѣты, вели споры на эту тэму, считали это событіе не подлежащимъ сомнѣнію. Разговоры продолжались вплоть до поздняго вечера и снова начались на слѣдующее утро.

Вечеръ, ночь и слѣдующій день графиня провела въ ожиданіи. «И спать не могла, и молиться не могла». Ею овладѣло то внутреннее раздраженіе, которое бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе спокойной кажетса наружность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Философскіе этюды.

(По поводу книгъ О. И. Нотовича, Маркиза О'Квича).

Въ послѣдніе два года г. Нотовичъ издалъ три книжки философскаго содержанія: «Немножко философіи» (по поводу религіозно-философскихъ произведеній графа Л. Н. Толстого), «Еще немножко философіи» (къ вопросу о свободѣ воли), имѣющія непосредственную связь между собою и самимъ авторомъ, именуемыя «софизмами и парадоксами»; затѣмъ философско-психологическій этюдъ «Любовь». Всѣ эти три выпуска нашли себѣ обширный кругъ читателей въ Россіи, быстро вышли вторыми изданіями и уже переведены на французскій и нѣмецкій языки. Потребность въ книгахъ философскаго содержанія у насъ въ послѣднее время ощущается очень замѣтно. Философскія сочиненія Шопенгауера, философскіе этюды графа Л. Н. Толстого и тому подобныя произведенія читаются съ жадностью нашею публикою. Мода это или серьезная потребность разобраться въ извѣстныхъ вопросахъ—объ этомъ здѣсь толковать не мѣсто. Мы только указываемъ на фактъ. Г. Нотовичъ тоже задался цѣлью именно разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ и мы постараемся въ основныхъ чертахъ указать на сущность его книгъ.

Въ краткомъ предисловіи къ первой книжкѣ г. Нотовичъ опредѣляетъ ея цѣль, которая заключается въ доставленіи читателю повода и возможности хотя разъ въ жизни провѣрить сложившееся въ немъ міровоззрѣніе, такъ какъ такая провѣрка обязательна для каждаго человѣка, живущаго и дѣйствующаго въ обществѣ: всѣ соціальныя и политическія бѣдствія, такъ часто постигающія человѣчество, прежде всего порождаются отсталыми міровоззрѣніями, застоявшимися убѣжденіями и всеотрицающимъ самомнѣніемъ.

Свои этюды г. Нотовичъ начинаетъ вопросомъ: «въ чемъ заключается цѣль жизни?» для разрѣшенія котораго необходимо прежде всего узнать цѣль существованія вселенной, которая представляется автору вѣчной, и назадъ, и впередъ: вселенная никогда не была создана, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ актъ творенія представляется нашему уму, такъ какъ видимый нами процессъ творчества есть лишь вѣчное движеніе и модификація матеріи, подобно вѣчному волненію въ неподвижномъ океанѣ; если способы и характеры этого движенія и модификаціи еще постижимы человѣческому уму, то разрѣшеніе вопроса, какъ появилась вселенная и для чего, для какой цѣли въ ней происходитъ это движеніе, непосильно нашему разуму.

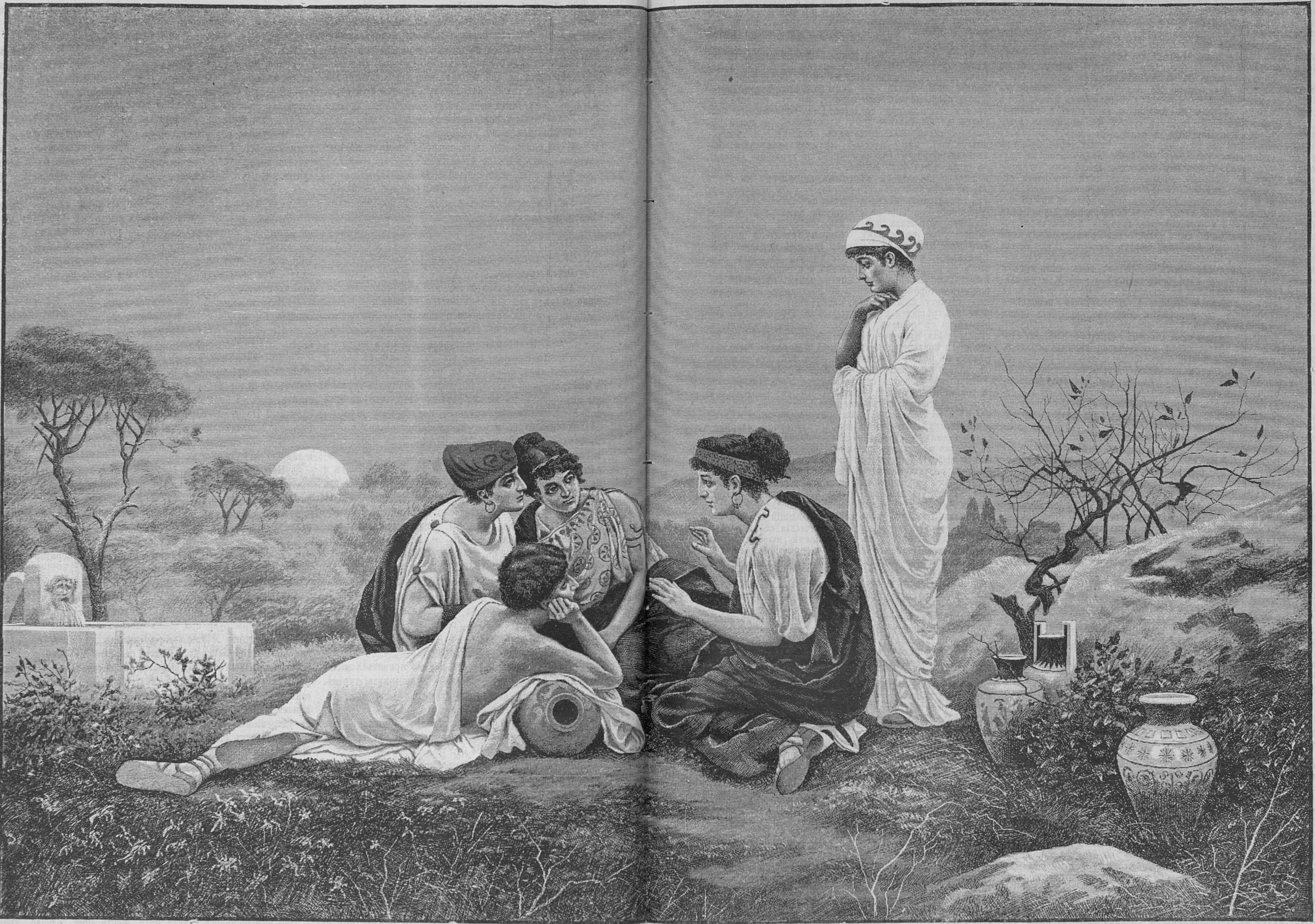
Путемъ логически построенныхъ посылокъ и заключеній—шутливо называемыхъ авторомъ «софизмами и парадоксами»—онъ старается поставить читателя въ противорѣчіе съ самимъ собою и такимъ образомъ заставить его ex contrario провѣрить сложившееся въ немъ міросозерцаніе: при этомъ читателю предлагается предварительно отрѣшиться отъ признанія аксіомъ, такъ какъ при тѣсномъ соприкосновеніи въ человѣческомъ умѣ истинныхъ и ложныхъ представленій, невозможно сказать, гдѣ начинаются одни и кончаются другія, особенно если принять во вниманіе, что все воспринимается нами съ помощью пяти несовершенныхъ органовъ чувствъ и что однѣ неприложныя истины постоянно смѣняются новыми; точно также отрицательно относится г. Нотовичъ къ примѣрамъ и научнымъ авторитетамъ для подкрѣпленія приводимыхъ имъ разсужденій, такъ какъ, по его мнѣнію, ничѣмъ нельзя убить философскую мысль или теоретическій выводъ, какъ ссылками на факты и цитатами изъ умныхъ книгъ; можно привести тысячи безспорно убѣдительныхъ и безусловно краснорѣчивыхъ фактовъ въ подтвержденіе мысли, а въ опроверженіе можетъ быть представленъ тысячу первый, который сразу разрушаетъ всю работу, всю аргументацію.

Г. Нотовичъ охотно допускаетъ, что въ предѣлахъ существующаго человѣкъ уже когда-то достигалъ кульминаціоннаго пункта знанія, что все, постигнутое нынѣ въ этой области есть только азбука давно изслѣдованнаго, осуществленнаго, пережитаго и погибшаго въ потокѣ вѣчнаго движенія, а потому отрицаетъ, чтобы доисторическое время, т. е. періодъ, предшествовавшій нашей эпохѣ, вѣчно оставалось временемъ мрака и абсолютнаго застоя: могли являться только временные пробѣлы въ исторіи человѣчества, результатъ землетрясеній, потоповъ,—но человѣчество опять оживало и прогрессировало; такимъ образомъ наша цивилизація, самая юная, есть одна изъ милліоновъ существовавшихъ на землѣ цивилизацій. Признавая человѣка существомъ несовершеннымъ, а его мыслительный аппаратъ, мозгъ, приравнивая къ фонографу, воспринимающему извнѣ всѣ свои впечатлѣнія, авторъ также оригинально разрѣшаетъ и вопросъ, столь интересовавшій всѣхъ философовъ: что такое человѣческая воля? Обыкновенно о волѣ разсуждаютъ, какъ о способности, существующей въ человѣкѣ независимо отъ чувственности и регулирующей всѣми нашими дѣйствіями; по мнѣнію же г. Нотовича, состояніе нашего организма, которое мы называемъ волею, непосредственно порождается внѣшнимъ міромъ, т. е. объектами и явленіями, его наполняющими; этому-же внѣшнему міру подчиняются наряду съ волею, также мышленія и желанія; но законы, управляющіе имъ, недоступны нашему пониманію. Отрицая свободу воли въ отдѣльномъ лицѣ, тѣмъ легче отрицать ее и въ массахъ, дѣйствіями которыхъ часто руководитъ инстинктъ, подобно тому, какъ руководитъ онъ дѣятельностью животныхъ, напр., переодическими перелетами птицъ; не имѣя въ своемъ распоряженіи ни почтъ, ни телеграфовъ, не разсылая ни вѣстниковъ, ни гонцевъ, птицы, однако, не смотря на отсутствіе спеціальной организаціи, которая заправляла бы ихъ періодическими эмиграціями, совершаютъ свои перелеты въ опредѣленномъ порядкѣ по опредѣленному маршруту. Наличность этого инстинкта въ человѣкѣ заслоняется отъ нашего сознанія пользованіемъ органомъ рѣчи и многочисленными способами обмѣна мыслей но онъ очень ясно сказывается въ массовыхъ, невидимыхъ явленіяхъ, которыми въ исторіи отмѣчены цѣлыя эпохи; обыкновенно онъ проявляется въ симпатіяхъ и антипатіяхъ, гдѣ чувство беретъ верхъ надъ умомъ, этимъ объясняются революціонныя и вообще массовыя движенія (напр., гоненія на евреевъ), возникающія всегда по ничтожному поводу, стихійно, изъ назрѣвшаго въ массѣ новаго, хотя бы и вреднаго міровоззрѣнія.

Человѣкъ имѣетъ притязаніе на способность познанія сверхчувственнаго міра,—и г. Нотовичъ старается доказать, что вся умственная и экономическая дѣятельность человѣка, какъ бы онъ ни обманывалъ себя разными возвышенными иллюзіями, направлена къ единственному результату: достиженію матеріальнаго благополучія,—на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи только для себя, на высшихъ ступеняхъ также для другихъ; въ этомъ отношеніи человѣкъ не ушелъ дальше животнаго и разница между ними только та, что работа послѣдняго рѣдко идетъ далѣе заботъ о сегодняшнемъ днѣ. Даже представленіе о господствѣ человѣка надъ остальнымъ міромъ является понятіемъ эфемернымъ, такъ какъ превосходство человѣка проявляется только въ изобрѣтательности, результатомъ которой—та возможность существованія, которая доступна остальному животному міру при сравнительно ничтожномъ трудѣ. Едва-ли не единственнымъ отличіемъ между человѣкомъ и животнымъ является умѣніе перваго до извѣстной сттепени оріентироваться въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру, но на всѣ вопросы, выходящіе изъ сферы этихъ отношеній, приходится отвѣчать: не знаю или вѣрую. Отсюда наука и религія. По взгляду разбираемаго нами писателя, религіозное чувство не есть нѣчто навѣянное капризомъ или случайнымъ міровозрѣніемъ. Фактъ глубочайшей древности и всеобщности этого чувства лучше всякихъ другихъ доказательствъ опредѣляетъ его необходимость; въ безотчетномъ влеченіи къ чему-то всеобъемлющему и абсолютно идеальному сказывается рефлективное сознаніе неуловимой міровой гармоніи; желаніе постигнуть сущность этой гармоніи и оформить ее служитъ краеугольнымъ камнемъ религіознаго чувства. При такой постановкѣ вопроса очевидно, что наука и религія взаимно другъ друга дополняютъ.

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины академика С. В. Бакалович рисов. для журн. «Живоп. Обозр.» И. Грей.



Сказки.

Чрезвычайно любопытны разсужденія автора о цивилизаціи; слово это обобщило понятіе древнихъ: правда, добро, справедливость и добродѣтель, служившія основою человѣческаго существованія и культомъ человѣческаго общежитія; но различіе между древними мыслителями и современными является то, что первые придавали дѣйствительности значеніе на столько, насколько она могла воплощать въ себѣ жившіе въ ихъ умахъ идеалы, а вторые стараются самую дѣйствительность возвести на степень идеала. Что дала европейская цивилизація, кромѣ многихъ новыхъ пріятныхъ потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія? да ничего; можно ограничиться однимъ примѣромъ: въ область религіи, къ великимъ истинамъ, заключающимся въ десяти заповѣдяхъ и въ евангеліи, она прибавила только схоластику, инквизицію, костры и пытки. Аналогичное явленіе замѣчается въ философіи, наукѣ и искусствѣ.

Гр. Толстой (религіозные и соціальные выводы котораго послужили г. Нотовичу поводомъ къ выставленію своего міровоззрѣнія) отрекся отъ этой первой цивилизаціи, сознавъ, что жизнь, которою онъ жилъ, есть только подобіе жизни, и что настоящая задача жизни заключается въ спасеніи души, а для этого нужно жить по Божьи т. е. отречься отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ... Но г. Нотовичъ упрекаетъ гр. Толстого, что онъ увидѣлъ новое тамъ, гдѣ все старо; точно также онъ не раздѣляетъ, представленія его о счастьи, по своей односторонности сводящагося будто бы къ простому гигіеническому рецепту эпикурейцевъ, паче всего заботиться о своемъ личномъ здоровьѣ и личномъ благополучіи. По мнѣнію г. Нотовича, задача вождей мысли (къ числу которыхъ несомнѣнно слѣдуетъ отнести и гр. Толстого) должна быть шире и глубже, по возможности всеобъемлющая: постоянно нивеллировать и охранять великій міровой путь прогресса общими дѣйствіями, согласованными съ естественными и экономическими законами, удерживать направленіе умовъ на уровнѣ устойчиваго и естественно направленнаго теченія философской мысли, пріучать интеллигенцію къ дисциплинѣ мысли. Осуществленіе этого слѣдуетъ начать съ воспитанія молодого поколѣнія и такимъ путемъ положить начало воспитанію народа.

Анализу теоріи Шопенгауэра о свободѣ воли посвящена большая часть второй книжки „Еще немножко философіи“, причемъ авторъ также не удовлетворяется ни его положеніями о волѣ, какъ источникѣ всего сущаго, ни дѣленіемъ воли на сознательную (связанную съ интеллектомъ) и безсознательную (съ нимъ не связанную), а слѣдовательно и предположеніемъ нѣмецкаго философа, что въ человѣкѣ дѣйствуютъ оба вида воли, а во внѣшнемъ мірѣ только безсознательная; подробно остановиться на этомъ анализѣ не позволяютъ размѣры настоящаго очерка. Что же касается до происхожденія вопроса о свободѣ воли, то г. Нотовичъ считаетъ его прямымъ продуктомъ нашихъ общественныхъ и государственныхъ взглядовъ на роль человѣка въ современномъ обществѣ, а не продуктомъ философскихъ построеній, направленныхъ къ выясненію одной изъ основныхъ функцій духовной сущности человѣка. По этому взгляду центръ тяжести вопроса о вмѣняемости или свободѣ воли самъ собою перемѣщается на почву чисто житейскихъ отношеній; проявленія же злой воли вытекаютъ не столько изъ природы человѣка, а изъ тѣхъ ограниченій и препятствій, которыя ставятся свободному (согласно закону необходимости) проявленію его естественныхъ наклонностей. При дальнѣйшемъ развитіи этой идеи дѣлается очевиднымъ, что законодательства должны сами идти на встрѣчу непреложнымъ требованіямъ закона необходимости и въ каждомъ преступленіи видѣть не только правонарушеніе, но и назиданіе, какъ цѣлесообразнѣе регулировать ту область отношеній, которая породила это преступленіе. Въ этомъ смыслѣ въ книжкѣ намѣчается нѣсколько общихъ положеній, впрочемъ утопическаго характера: устроить общественныя отношенія такъ, чтобы въ бѣдномъ не могло и возникать побужденія на грабежъ или убійство; поставить свободу супружескихъ отношеній въ болѣе раціональныя условія; устранить массу формальностей, препятствующихъ правильной жизни, и др. На вопросъ, какъ это сдѣлать, авторъ не даетъ отвѣта.

Далѣе г. Нотовичъ подробно останавливается на замѣченномъ имъ разладѣ между писаннымъ закономъ обычаемъ и нравственными основами общежитія, и цѣлымъ рядомъ примѣровъ и выводовъ старается доказать, что слишкомъ подробныя законодательная, также и научная регламентація въ лучшемъ случаѣ не приносятъ пользы, въ большинствѣ же случаевъ чрезвычайно вредно отзываются на нашей жизни; въ связи съ этимъ вопросомъ является понятіе о преступленіи, вмѣняемости и наказаніи. Преступленіе можетъ явиться продуктомъ законодательной регламентаціи или современнаго общежитія; въ первомъ случаѣ главными мотивами преступленій являются стѣсненія свободы передвиженія и свободы совѣсти, выражающіеся въ нарушеніяхъ паспортнаго устава и въ религіозной нетерпимости; по поводу послѣдней авторъ ссылается на историческіе примѣры, чтобы доказать, что религіозная борьба, продолжающаяся цѣлыя тысячелѣтія, унесла массу жертвъ, породила вопіющія жестокости и очевидныя несправедливости. Относительно наказаній авторъ предлагаетъ свести законоположенія о нихъ, также какъ и о преступленіяхъ къ возможному минимуму, и рекомендуетъ свести всѣ наказанія къ двумъ цѣлямъ: исправленія личностей и огражденія государственныхъ интересовъ путемъ удаленія изъ общества неудобныхъ для него членовъ.

„Любовь“, которой посвящена послѣдняя указанная выше книга, г. Нотовичъ разсматриваетъ съ двухъ сторонъ: философской и психологической, при чемъ категорично заявляетъ, что на вопросы: что такое любовь? гдѣ ея источникъ и мѣсто въ душѣ или организмѣ человѣка? субстанція ли она, простое чувство или мысленное созерцаніе? никто въ мірѣ не дастъ безусловнаго отвѣта. Даже объясненіе, что такое чувство, вообще, какъ оно въ насъ проявляется, достигаетъ нашего сознанія, превращается въ движеніе и т. д. представляется трудною задачею. Любовь рѣзко отличается отъ душевныхъ состояній скуки, печали, обиды и др.; ее нельзя также смѣшивать съ симпатіями; наконецъ, она имѣетъ столько оттѣнковъ, какъ ни одно чувство. Приступая къ анализу отдѣльныхъ видовъ любви, г. Нотовичъ иллюстрируетъ свои положенія выдержками изъ классическихъ, поэтическихъ произведеній. Всѣ виды любви, кромѣ любви къ природѣ и взаимной между мужчиной и женщиной, авторъ приписываетъ чувству самосохраненія; сюда надо отнести любовь къ славѣ, богатству, къ знанію и пр. Любовь къ Богу является на смѣну первоначальному безотчетному страху передъ силами природы, когда въ человѣкѣ слагается сознаніе бытія Творца, пекущагося обо всемъ сущемъ. Любовь въ смыслѣ половаго влеченія имѣетъ своимъ источникомъ жажду общенія съ всеміріною гармоніею и соотвѣтственнаго удовлетворенія своихъ физіологическихъ потребностей. Переходя къ психологіи брака, г. Нотовичъ подводитъ его подъ двѣ общепринятыя мѣрки: браки по любви и по разсчету; послѣдніе представляются имущественно-трудовымъ союзомъ, подобнымъ всякому другому дѣловому товариществу; если товарищи съумѣютъ сохранить между собой равновѣсіе отношеній то и товарищество просуществуетъ долго къ ихъ обоюдной выгодѣ, но легко могутъ быть разныя случайности счастливыя и несчастливыя, которыя повлекутъ за собою ликвидацію дѣла; единственнымъ связующимъ хотя и тягостнымъ звеномъ, могутъ явиться дѣти. Браки по любви, повидимому, удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ природою, такъ какъ тутъ и осуществленіе идеи божественной гармоніи, и удовлетвореніе принципа размноженія и общность труда подъ сѣнью взаимной любви, и добровольное исполненіе требованій государства и общества, но такіе браки существуютъ въ видѣ исключеній. Въ большинствѣ случаевъ только одна сторона дѣйствительно любитъ, а другая притворяется влюбленною; такимъ образомъ складывается третій видъ браковъ: любовно-разсчетливый. Г. Нотовичъ приводитъ весьма остроумныя объясненія по этому типу, но выводы, конечно, пессимистическаго свойства; затѣмъ онъ затрагиваетъ щекотливый вопросъ о равноправности обѣихъ сторонъ въ бракѣ и физіологическимъ путемъ приходитъ къ предоставленію большей свободы мужу; на случай-же полнѣйшаго несоотвѣтствія между супругами долженъ существовать разводъ, на широкихъ началахъ, въ интересахъ той-же государственной задачи, котора поощряетъ самый бракъ, какъ основу всего соціальнаго строя. Наконецъ, такъ какъ всѣ заботы брачнаго института о сохраненіи цѣлости брака сводятся почти исключительно, къ вопросу о судьбѣ дѣтей, то для призрѣнія дѣтей, осиротѣвшихъ вслѣдствіе разрушенія семьи, могли-бы быть учреждены пріюты, которые доставляли-бы имъ общественное воспитаніе... Въ заключеніе авторъ преподаетъ нѣсколько совѣтовъ для улучшенія взаимныхъ отношеній между супругами и достиженія душевнаго блаженства и семейнаго мира.

Вс. Васютиновъ.

Итоги опернаго сезона.

(I. «Чародѣйка» П. И. Чайковскаго).

Сезонъ кончился и мы ужь можемъ подвести итоги его; новыхъ оперъ было поставлено три: «Отелло», «Чародѣйка» и «Джіоконда» (въ первый разъ по русски), о первой изъ нихъ мы въ свое время говорили; скажемъ теперь о послѣднихъ двухъ, прибавивъ для полноты замѣтки, нѣсколько словъ о двухъ дебютанткахъ, выступившихъ посреди сезона, о г-жахъ Смирновой и Коровиной.

«Чародѣйка» по счету является чуть не девятой оперой Чайковскаго; если отбросить первыя три—музыку къ «весенней сказкѣ» Островскаго, «Снѣгурочкѣ» (1863 г.) «Воеводу» (на сюжетъ того-же драматурга), изъ котораго нѣкоторые №№ вошли въ «Опричникъ», а остальное уничтожено (1869 г.), и «Ундину», оперу не увидѣвшую свѣта (1871 г.), такъ какъ композиторъ остался ею недоволенъ, и смотритъ на нихъ лишь какъ на подготовительную работу, какъ на пробу композиторскаго пера, дающую однако автору извѣстный опытъ,—то «Чародѣйка»—шестая законченная партитура и по ней можно уже смѣло составить себѣ опредѣленный взглядъ на оперную дѣятельность Чайковскаго; шесть оперъ,—если не считать передѣланнаго «Кузнеца Вакулу» въ «Черевички» за седьмую,—достаточный матеріалъ для характеристики опернаго композитора.

Объемъ статьи, конечно, не позволяетъ вдаваться въ подробную оцѣнку всѣхъ пяти оперъ, предшествовавшихъ «Чародѣйкѣ», интересующей насъ въ настоящую минуту, да это и не входитъ въ нашу цѣль; но нѣсколько словъ о направленіи этихъ оперъ скажемъ для выясненія направленія въ разсматриваемой новой партитурѣ. Первая опера, которой Чайковскій обратилъ на себя серьезное вниманіе публики и прессы, была «Опричникъ» (1874 г.), обличавшая въ авторѣ несомнѣнное драматическое дарованіе; хотя композиторъ порою подпадалъ подъ вліяніе Мейербера (клятва, отреченіе Морозовой отъ сына, дуэтъ Морозовой съ Натальей), но онъ далъ много самостоятельной хорошей музыки и притомъ несомнѣнно русской; увлеченіе такимъ блестящимъ опернымъ драматическимъ композиторомъ, какъ Мейерберъ, совершенно естественно въ начинавшемъ тогда свою оперную дѣятельность Чайковскомъ и никоимъ образомъ въ упрекъ ему идти не можетъ. Хотя въ этой оперѣ и не обнаруживается самостоятельнаго направленія (смѣсь стилей русскаго и итальянскаго и тутъ замѣтна), но, во-1-хъ, этого нельзя требовать отъ начинающаго, а во-2-хъ, въ партитурѣ столько вдохновенныхъ страницъ, столько прекрасной музыки, что совершенно забываешь о несовсѣмъ выдержанномъ характерѣ ея и слушаешь ее съ удовольствіемъ. Такъ или иначе, въ «Опричникѣ» Чайковскій далъ образчикъ прекрасной драматической музыки и дебютъ былъ вполнѣ удаченъ; опера имѣла вездѣ успѣхъ.

Чрезъ два года нашъ композиторъ поставилъ своего «Вакулу» (1876 г.); послѣ драматическаго сюжета Лажечникова гоголевскіе типы на сценѣ; послѣ серьезной драмы попробовать свои силы на поприщѣ комизма,—мысль превосходная еще потому, что для полнаго контраста композитору представилась возможность блеснуть и фантастическимъ элементомъ, и яркой характеристикой малороссійскихъ героевъ, и вообще колоритной южно-русской музыкой. Ожиданія были велики, но и разочарованіе, наступившее вслѣдъ за ними, тоже было велико. Мало того, что авторъ совершенно пренебрегъ мѣстнымъ колоритомъ въ музыкѣ, не имѣющей никакого соотношенія съ Малороссіей, гдѣ происходитъ мѣсто дѣйствія, онъ не обратилъ даже серьезнаго вниманія на комическій характеръ сюжета. Публика услышала здѣсь тяжеловѣсные речитативы, заглушаемые оркестромъ, которому отведено первенствующее мѣсто á la Вагнеръ; героямъ приданы пресловутые Leitmotiv'ы; фантастическій элементъ отошелъ на второй планъ. Конечно и прекрасно-написанныя страницы не могли спасти партитуру, общій характеръ которой совершенно не подходящь къ избранному сюжету. Самъ авторъ, повидимому, это сознавалъ, разъ онъ рѣшился передѣлать ее въ «Черевички». Но передѣлка въ общемъ не могла измѣнить характера произведенія и второе, исправленное изданіе есть въ сущности повтореніе перваго. Все, что можно было отмѣтить въ пользу композитора,—это гибкость таланта, способнаго воспринять разныя направленія.

Въ то время, когда спустя четыре года, Петербургъ (и только Петербургъ) познакомился съ «Орлеанской дѣвой», Москва увидѣла впервые въ ученическомъ исполненіи на подмосткахъ консерваторской залы «Евгенія Онѣгина», скромно названнаго авторомъ «лирическими сценами». Насколько претенціозна была «Дѣва», на столько же глубокъ скромный «Онѣгинъ»; многошумная и эффектно-поставленная орлеанская героиня должна была затмиться предъ изливающимъ свою лирическую грусть пушкинскимъ Ленскимъ. Если драматическій сюжетъ «Орлеанской дѣвы» и не совсѣмъ удался (масса безличныхъ речитативовъ, преобладаніе оркестра надъ голосомъ, постепенно падающій драматическій интересъ) композитору, то лирическія сцены «Онѣгина» подняли автора на недосягаемую высоту. Здѣсь его лирическій талантъ нашелъ свое полное примѣненіе и съ любовью обработанные композиторомъ образы задушевнаго Ленскаго и мечтательной Татьяны нашли свое выраженіе въ непрерывно льющейся мелодіи; словомъ, въ «Онѣгинѣ» Чайковскій обнаружилъ лучшую и самую симпатичную сторону своего таланта,—лиризмъ; здѣсь онъ на высотѣ своего дарованія, и «Онѣгинъ» занимаетъ видное мѣсто въ нашей оперной литературѣ; даже непривычная къ обычному фраку въ оперѣ публика сразу поняла и оцѣнила по достоинству это великое произведеніе, которое уже имѣетъ историческое значеніе.

Колоссальный успѣхъ этой партитуры однако обнаружился лишь послѣ ознакомленія публики съ «Мазепой» (1884 г.), когда она убѣдилась, что въ «Мазепѣ» композиторъ, если не сдѣлалъ шага назадъ, то и впередъ мало шагнулъ. Причинъ было много: сюжетъ «Полтавы», болѣе тяжелый, угнетающій, чѣмъ трагическій, не совсѣмъ удобенъ для драмы; композиторъ-симфонистъ и оркестровый мастеръ беретъ перевѣсъ надъ композиторомъ-вокалистомъ; желаніе примирить два почти противоположныя начала, господствующія въ оперномъ направленіи, породило смѣсь въ направленіи этой оперы; все это вмѣстѣ способствовало къ созданію произведенія смѣшанныхъ стилей и лишеннаго яркаго опредѣленнаго характера; и здѣсь отсутствіе мѣстнаго колорита чередуется съ красивыми закругленными, вполнѣ законченными №№, чисто-русскіе характерные речитативы (Кочубей) рядомъ съ аріями à l'italienne, прекрасное симфоническое описаніе «Полтавскаго боя» съ отвратительной сценкой пьянаго казачка, написанной въ анти-художественной формѣ новѣйшаго реализма; словомъ «Мазепа» послѣ «Онѣгина» всего болѣе затемняетъ выводы объ оперномъ направленіи нашего композитора; тутъ смѣсь и неопредѣленность достигаютъ значительной степени и трудно сдѣлать какое либо резюме. Авторъ далъ много образцовъ разнородной оперной музыки и доказалъ свою способность ко всякой изъ нихъ. Оставалось только ждать новаго слова, въ которомъ Чайковскій разрѣшилъ бы всѣ недоумѣнія и мы дождались послѣдней партитуры «Чародѣйки», оперы съ глубоко драматическимъ сюжетомъ.

Сюжетъ драмы г. Шпажинскаго, полагаемъ, достаточно извѣстенъ нашимъ читателямъ и нѣтъ надобности повторять его; драматургъ кое-что передѣлалъ въ драмѣ, выкроивъ изъ нея либретто: сократилъ количество дѣйствій (въ оперѣ четыре), ввелъ народныя сцены, прибавилъ (ни къ селу, ни къ городу), охоту въ послѣднемъ актѣ, вывелъ на сцену колдуна Кудьму, у котораго княгиня достаетъ яду для отравленія кумы (пріемъ, не только лишній и ничѣмъ не мотивированный, но и мелодраматическій), увеличилъ число дѣйствующихъ лицъ нѣсколькими второстепенными (боецъ Кичича и др.); затѣмъ главный мотивъ драмы, построенный на соперничествѣ отца и сына, влюбленныхъ въ куму, остался неизмѣненнымъ. Когда намъ пришлось говорить объ этой драмѣ, мы сказали, что она годна для опернаго либретто; теперь фактъ подтверждаетъ только наши слова и либретто вышло прекрасное. Мѣсто дѣйствія (Новгородъ; фабулой для драмы, какъ извѣстно, послужило нижегородское сказаніе), персонажи (князь, кума, дьякъ, холопы), сюжетъ, обстановка,—все здѣсь носитъ народный характеръ; композитору представилась полная возможность блеснуть чисто-русской народной мелодіей, развернуть предъ слушателями всю удаль молодецкой пѣсни, то веселой то унылой,—передать душевныя перипетіи главныхъ лицъ, охарактеризовать музыкальными красками различные типы, выведенные въ пьесѣ, дать широкій просторъ симфоническому складу своего таланта, но въ народномъ духѣ,—словомъ композитору открылось обширное поле дѣйствія, которымъ Чайковскій однако не воспользовался, какъ бы боясь опредѣленно высказаться и не рѣшаясь отречься отъ манеры, выработанной имъ въ прежнихъ операхъ; онъ здѣсь нерѣшителенъ, неопредѣленъ и неясенъ. Точнѣе говоря, Чайковскій, оставаясь вполнѣ русскимъ композиторомъ, какъ бы боялся ближе подойти къ народу и заговорить его языкомъ и вслѣдствіе этого проистекаетъ не только отсутствіе народнаго характера въ цѣломъ, но и невыдержанность стиля и смѣсь направленій, о которой мы выше говорили. Въ новой оперѣ много №№ прекрасной музыки; можно насчитать пять-шесть morceaux очень красивыхъ, но, къ сожалѣнію, неумѣстныхъ въ «Чародѣйкѣ» съ ея русскимъ колоритомъ; перенесенные въ любую оперу съ европейскимъ сюжетомъ, эти №№ обратили бы на себя всеобщее вниманіе; но къ русской оперѣ они кажутся неподходящими по своему чисто-италіанскому стилю; такъ напр., дуэтъ княжича съ княгиней („Дай намъ Богъ“), аріозо князя въ сценѣ съ кумой („Нѣтъ сладу съ собой“ въ 3-мъ дѣйствіи) фраза князя „А образъ той пригожницы“ съ заключительной ферматой, мелодія княжича „Какъ надъ голубкой воронъ хищный“—должны быть отнесены къ лучшимъ мелодическимъ страницамъ оперы а между тѣмъ они чисто итальянскаго характера, который едва-ли умѣстенъ въ устахъ русскихъ героевъ XVI столѣтія; зачѣмъ этотъ стиль понадобился автору, взявшемуся за „Чародѣйку“, конечно трудно рѣшить; но фактъ на лицо.

Яркій характеристики героевъ также нѣтъ въ новой оперѣ и здѣсь видна двойственность въ цѣляхъ композитора; къ однимъ героямъ онъ относится серьезнѣе, чѣмъ къ другимъ, оставляя ихъ какъ бы въ тѣни и не удостаивая ихъ вниманія; къ сожалѣнію, эта печальная участь выпадаетъ на долю именно главныхъ лицъ; они-то у него не имѣютъ яркой музыкальной физіономіи и являются, строго говоря, безличными: ихъ речитативы могутъ быть перетасованы безъ малѣйшаго ущерба для цѣлаго, а между тѣмъ вторыя лица отдѣланы гораздо тщательнѣе; такъ, напр. дьякъ Мамыровъ и Паисій съ его семинарскою рѣчью вышли гораздо жизненнѣе остальныхъ героевъ. Упомянувши о речитативахъ, скажемъ еще, что Чайковскій въ мѣстахъ, требующихъ драматическаго паѳоса, заставляетъ своихъ героевъ кричать на высокихъ нотахъ, т. е. употреблять пріемъ антихудожественный (сцена сумасшествія намѣстника) и носящій мелодраматическій характеръ. Особенно неудачными вышли характеристики князя, княгини, кумы и княжича. Кума болѣе сентиментальна, чѣмъ задорна и разгульна; она болѣе нѣмка, чѣмъ русская разбитная баба, въ лапы которой одинаково попадаютъ и намѣстникъ, и юный красавецъ, и княжичъ, и мужикъ, и купецъ. Также нельзя сказать, чтобы народныя фразы дышали руссимъ духомъ, какъ напримѣръ въ «Русалкѣ» и «Вражьей силѣ»; у Чайковскаго въ подобныхъ случаяхъ какъ будто не хватаетъ колоритныхъ оборотовъ рѣчи, яркихъ красокъ и вслѣдствіе этого они лишены оригинальности и свѣжести; всѣ они кажутся уже давно извѣстными знакомыми, но не по характерному своему содержанію, а по своей безцвѣтности и общности, по отсутствію выпуклости; быть можетъ въ этомъ отчасти виновато вмѣшательство оркестра, затемняющаго рѣчь народа. Справедливость требуетъ однако добавить, что народныя сцены въ «Чародѣйкѣ» въ большинствѣ случаевъ очень живы и производятъ хорошее впечатлѣніе (1-е дѣйствіе).

Конечно, появись у насъ дебютирующій композиторъ съ такой партитурой, какъ «Чародѣйка», всѣ, безъ сомнѣнія, отнеслись бы къ ней сочувственно и снисходительно, ибо увидѣли бы въ авторѣ прекрасные задатки и блестящаго инструментатора, но Чайковскій въ снисхожденіи не нуждается, его имя слишкомъ упрочено, чтобы пошатнуть его, говоря даже о менѣе удачномъ его произведеніи; къ тому-же онъ насъ пріучилъ относиться къ его сочиненіямъ серьезно и обнаружилъ столько симпатичныхъ сторонъ своего гибкаго таланта даже въ оперной музыкѣ, не говоря уже о симфонической и камерной, въ которой онъ едва ли имѣетъ себѣ соперниковъ въ Европѣ въ настоящее время,—что отъ каждаго новаго его слова ждешь ужь непремѣнно чего-то выдающагося, рѣшительнаго и выходящаго изъ ряда вонъ; тѣмъ болѣе имѣемъ мы право такъ относиться къ автору «Чародѣйки», что авторъ «Опричника» и «Онѣгина» доказалъ, что для него одинаково доступна драматическая партитура, какъ и лирическая. Если перебрать новую оперу по актамъ, то найдешь много страницъ, интересныхъ не только по своимъ техническимъ особенностямъ, но и по содержанію; къ такимъ относятся кромѣ вышеисчисленныхъ №№ аріозо кумы («Глянуть съ Нижняго»), пляска скомороховъ, хотя она значительно уступаетъ такимъже пляскамъ въ «Рогнѣдѣ» и «Снѣгурочкѣ» г. Римскаго Корсакова,—аріозо княгини во второмъ дѣйствіи; сюда же слѣдуетъ причислить дуэтъ княгини и Кудьмы въ послѣднемъ актѣ. Относительно Кудьмы нужно замѣтить, что типъ этотъ удался композитору лишь на половину; въ смыслѣ музыкальной характеристики Кудьма рельефнѣе другихъ лицъ, хотя оригинальнаго въ немъ мало, если сопоставить его съ прототипами Наины («Русланъ») Скульды («Рогнѣда») и Лѣшаго («Снѣгурка») г. Римскаго-Корсакова и самого Чайковскаго; красивы еще дециметъ въ первомъ дѣйствіи, женскій хоръ во второмъ и аріозо кумы «Гдѣ-жъ ты, мой желанный». Отлично оркестрована вся опера, хотя нужно сознаться, что композиторъ иногда даетъ преобладаніе оркестру надъ голосами; особенно эффектны буря въ четвертомъ дѣйствіи и интродукція къ оперѣ. Подводя итогъ этому произведенію, нужно сказать, что въ немъ композиторъ еще не сказалъ того слова на оперномъ поприщѣ, котораго мы вправѣ еще ожидать отъ него; авторъ здѣсь не рѣшился еще отречься отъ обычныхъ колебаній и опера получилась въ томъ типѣ оперныхъ произведеній Чайковскаго, съ которымъ мы уже знакомы по «Орлеанской дѣвѣ», «Мазепѣ» и «Черевичкамъ». И успѣхъ «Чародѣйки» былъ сомнительный, неопредѣленный: пока дирижировалъ авторъ, публика конечно была въ восторгѣ, устраивала ему оваціи, подносила вѣнки и подарки, словомъ переносила свои симпатіи съ произведенія на композитора; но какъ только на четвертомъ спектаклѣ мѣсто автора занялъ капельмейстеръ, восторги замѣнились благоразумнымъ одобреніемъ, а потомъ и хладнокровіемъ, между тѣмъ исполнителей винить нельзя: они сдѣлали все зависящее отъ нихъ. Изъ двухъ кумъ (г-жи Павловская и Сіоницкая) у первой голосъ на закатѣ, а у второй драматическій талантъ на восходѣ; къ тому-же голосъ г-жи Сіоницкой лирическаго характера, а не драматическаго. П. Мельниковъ типично игралъ намѣстника, но голосовыя средства этого прекраснаго артиста далеко ужь не первой свѣжести. Пальму первенства слѣдуетъ отдать гг. Стравинскому (Мамыровъ) и Васильеву II-му (Паисій), создавшимъ изъ своихъ второстепенныхъ партій живые русскіе образы. Содѣйствовали ансамблю г-жи Славина и Фриде (княгиня) и гг. Васильевъ III и Михайловъ (княжичъ). На высотѣ своей задачи стояли, какъ и всегда, хоры и оркестръ. Какъ въ самомъ дѣлѣ странно, что этимъ труженикамъ, работающимъ больше всѣхъ и получающимъ меньше всѣхъ, дирекція не устроитъ ежегодно бенефиса за ихъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу; право, эта мысль была бы встрѣчена публикой весьма сочувственно.

В. Баскинъ.

А. Н. Майкову.

30 Апрѣля 1888 г.

Античный, строгій міръ изъ сумрака забвенья
Ты вызвалъ намъ, поэтъ, съ часы проникновенья;
Подъ чистый звонъ твоей торжественной струны
Слетали снова къ намъ преданія и сны
Прекрасной Греціи и царственнаго Рима...
И музы древнія, завидѣвъ пиллигрима
Съ душою русскою на горнихъ высотахъ
Парнаса свѣтлаго, сбѣгались второпяхъ
На твой призывный кликъ, роняя съ ризъ пурпурныхъ
И жемчугъ звонкихъ рифмъ, и рои сновъ лазурныхъ
И русскаго пѣвца вѣнчали вязью розъ
Въ волшебномъ маревѣ золотокрылыхъ грезъ!..

И нынѣ намъ чередъ! Ликующей толпою
Мы, младшіе пѣвцы, стеклись передъ тобою,
Что бъ сыпать золото привѣтствій дорогихъ
На серебро сѣдинъ прославленныхъ твоихъ.

К. Фофановъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Дачный мужъ. Въ горахъ Кавказа. *Иванъ Щегловъ.* С.-Петербургъ. 1888 г. Ц. 1 р.—Мы уже говорили о симпатичномъ талантѣ г. Щеглова, когда давали отчетъ о его «Гордіевѣ узлѣ» и «Первомъ сраженіи». Наблюдательность, тонкій юморъ, умѣнье улавливать комическія явленія, серьезность взглядовъ, всѣ эти качества выдвинули г. Щеглова впередъ изъ группы молодыхъ писателей. Читая его произведенія, вы видите не только даровитаго разсказчика, но и умнаго человѣка, сознающаго вполнѣ, что̀ и для чего онъ пишетъ. Безцѣльныхъ бездѣлушекъ у него почти нѣтъ. Въ новой его книгѣ помѣщены «Дачный мужъ», вызвавшій не мало толковъ при появленіи въ газетѣ, и «Въ горахъ Кавказа», картины минеральныхъ нравовъ. Обѣ эти вещи написаны ѣдко и не безъ горечи, не смотря на внѣшнюю шутливость.

А. Ш.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ теченіи прошлой недѣли оффиціозная германская печать разразилась громами противъ Россіи. Князь Бисмаркъ, судя по замѣткѣ преданной ему «Vossische Zeitung», постарался смягчить тонъ своихъ газетъ, заявивъ, что онъ спокоенъ за миръ: «какое положеніе предоставляется отдѣльнымъ вождямъ панславизма въ оффиціальной Россіи—это безразлично, такъ какъ оказывать вліяніе на иностранную политику русское правительство этимъ лицамъ не позволитъ!» Оставляя въ сторонѣ вопросъ, кто эти лица, такъ какъ, повидимому, и самъ Бисмаркъ не смогъ-бы назвать нѣсколькихъ именъ,—нельзя не обратить вниманіе на впечатлѣніе произведенное этимъ инцидентомъ въ Австріи; по телеграммѣ изъ Вѣны, 25 апрѣля, всѣ газеты раздосадованы заявленіями германскаго канцлера; здѣсь радовались новѣйшему походу германской печати противъ русской политики и теперь разочарованы отреченіемъ князя Бисмарка отъ этой агитаціи. Мадьярскихъ политиковъ раздражаетъ особенно, что на Балканскомъ полуостровѣ событія принимаютъ оборотъ, для нихъ далеко не благопріятный; «Пештскій Ллойдъ» помѣстилъ передовую статью, написанную въ воинственномъ азартѣ; мадьярскій оффиціозъ совѣтуетъ Австріи не ограничиваться однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ Россіи; Австріи будто бы невыгодно оставаться въ лигѣ мира со связанными руками, она должна приступить къ дѣйствіямъ и повлечь за собою союзниковъ.—Во Франціи выборная агитація въ полномъ ходу. Телеграмма изъ Парижа сообщаетъ, что по доставленнымъ 27 апрѣля въ министерство внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ о результатахъ муниципальныхъ выборовъ въ 361 округѣ главныхъ центровъ—въ 206 муниципальныхъ совѣтахъ большинство принадлежитъ республиканцамъ, въ 16—консерваторамъ. Въ другихъ мѣстахъ, въ виду предстоящихъ перебаллотировокъ, результатъ остается невыясненнымъ. Опредѣлить съ точностью общій результатъ выборовъ въ сельскихъ округахъ тоже пока невозможно, хотя вслѣдствіе недавней агитаціи партіи Буланже въ сельскихъ округахъ можно ожидать значительнаго перевѣса консерваторовъ. Въ парижскихъ газетахъ напечатано письмо, служащее отвѣтомъ Буланже на взводимыя на него обвиненія въ воинственныхъ замыслахъ. «Я долженъ рѣшительно протестовать противъ приписываемыхъ мнѣ намѣреній. Предъ лицомъ Франціи и всей Европы я заявляю, что это—сугубое оскорбленіе, нанесенное моей честности. На демократическую Францію просто клевещутъ, приписывая ей агрессивные замыслы, которыхъ я былъ и остаюсь во всякомъ случаѣ противникомъ. Я полагаю, что я достаточно ясно выразился для того, чтобы имѣть право понятымъ всѣми.»—Англичане обратили наконецъ серьезное вниманіе на необходимость увеличить свои вооруженныя силы и придать имъ большую противъ нынѣшняго боевую готовность. Внесенный въ палату общинъ новый законъ преслѣдуетъ, впрочемъ, пока только послѣднюю цѣль. Дѣйствительно, билль не предлагаетъ ни увеличенія штатовъ арміи, ни увеличенія бюджета военнаго министерства, а лишь рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы военныя власти по своему усмотрѣнію могли поспѣшно мобилизировать не только части постоянной арміи, но также милиціи и волонтеровъ. Кромѣ того канцлеръ казначейства предполагалъ внести въ палату общинъ билль объ ассигнованіи 2.300,000 фунтовъ стерлинговъ на укрѣпленіе военныхъ портовъ и угольныхъ станцій. На этомъ дѣло повидимому, не остановится, потому что англійская пресса подняла сильную агитацію въ пользу серьезныхъ военныхъ реформъ, благодаря которымъ Англія могла-бы располагать дѣйствительно внушительными силами. Во всякомъ случаѣ мѣры относительно мобилизаціи указываютъ, что начинаютъ принимать во вниманіе требованія главнокомандующаго герцога Кэмбриджскиго, который, какъ и сэръ Уольслей, неоднократно доказывалъ, что Англія должна имѣть всегда возможность быстро мобилизировать и посадить на суда, если не два, то по крайней мѣрѣ одинъ армейскій корпусъ съ полнымъ комплектомъ людей, лошадей и орудій.—На ряду съ этимъ англійское правительство стремится упорчить добрыя отношенія съ Ватиканомъ; лондонскій дворъ, англійское министерство и лордъ Норфолькъ прислали папѣ чрезъ посредство капитана Росса поздравленія по поводу высказаннаго папой порицанія бойкоттированію и вообще всему плану кампаніи національной ирландской лиги. Несомнѣнно, что вскорѣ возобновятся оффиціальныя дипломатическія сношенія между Англіей и Ватиканомъ. Вѣроятно, что англійскимъ представителемъ въ Ватиканѣ будетъ лордъ Порфолькъ. Когда именно вернется онъ въ Римъ — въ точности еще не опредѣлено. Въ Ватиканѣ убѣждены, что ирландцы безпрекословно подчинятся рѣшенію папы.—Заручившись большинствомъ въ парламентѣ, Салюсбери намѣревается приступить къ активной внѣшней политикѣ; по свѣдѣніямъ изъ Константинополя англійской дипломатіи удалось поддержать пріятнаго имъ визиря Кіамиль-пашу, котораго одно время предполагали замѣнить въ Портѣ турецкимъ посланникомъ въ Петербургѣ Шакиръ-пашой, извѣстнымъ своими симпатіями къ Россіи. 28 апрѣля долженъ былъ появиться ираде, которымъ султанъ утверждаетъ суэзскую конвенцію; Порта отказалась отъ притязанія на предсѣдательство въ международномъ совѣтѣ по дѣламъ Суэзскаго канала, а Англія признала за Турціею право пользоваться каналомъ для перевозки войскъ и для обороны Аравіи.—Криспи, отвѣчая въ итальянской палатѣ депутатовъ на запросъ опозиціи объ отношеніяхъ Италіи къ Франціи, сказалъ, что союзы съ Германіей и Австріей имѣли цѣлью сохраненіе мира и что это единственные союзы, соотвѣтствующіе континентальнымъ интересамъ Италіи, тогда какъ союзъ съ Англіей является единственнымъ союзомъ, соотвѣтствующимъ морскимъ интересамъ Италіи; онъ, Криспи, всегда признавалъ необходимость этихъ союзовъ; Италія въ силу своего происхожденія, должна защищать права національностей, союзы же предназначаются къ тому, чтобы обезпечить положеніе Италіи противъ непредвидѣнныхъ событій; отношенія къ Франціи хороши и Италія никогда не присоединится къ агрессивной политикѣ противъ Франціи. Средиземное море не будетъ итальянскимъ озеромъ, но оно не должно быть и французскимъ. — Въ „Correspondance" напечатаны слѣдующія извѣстія изъ Цетиньи: Князь Николай обнародовалъ новый кодексъ законовъ, составленный профессоромъ Богичевичемъ при торжественной обстановкѣ. Послѣ благодарственнаго молебствія и пушечныхъ салютовъ президентъ государственнаго совѣта Бозо Петровичъ прочелъ касающійся кодекса указъ. Чтеніе происходило въ присутствіи всѣхъ членовъ княжеской фамиліи, дипломатическаго корпуса и сановниковъ. Въ указѣ выражаются благодарное воспоминаніе объ Императорѣ Александрѣ II и признательность Александру III, покровителю всѣхъ славянъ, а также автору кодекса. Затѣмъ князь произнесъ длинную рѣчь, встрѣченную восторженными кликами „живіо". Торжество завершилось принесеніемъ поздравленій въ княжескомъ дворцѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Государственнымъ совѣтомъ утвержденъ проэктъ устройства коммерческихъ портовъ въ Россіи. Главнѣйшія основанія проэкта заключаются въ томъ, что всѣ коммерческіе порты въ Россіи дѣлятся на три разряда, при чемъ всѣ мелкіе порты въ административномъ отношеніи подчиняются коммерческому порту перваго разряда извѣстнаго округа. Коммерческіе порты, состоящіе нераздѣльно съ военными портами или находящіеся въ близскомъ разстояніи отъ послѣднихъ, подчиняются всѣмъ законнымъ требованіямъ администраціи военныхъ портовъ. Начальниками коммерческихъ портовъ назначаются офицеры флота и корпуса штурмановъ, которымъ, въ свою очередь, подчиняются всѣ младшіе чины порта. Во всѣхъ портахъ перваго и второго разрядовъ учреждаются врачебные пункты съ соотвѣтствующимъ штатомъ врачей и фельдшеровъ. Для охраненія порядка въ портахъ учреждаются спеціальныя полицейскія команды. Въ отношеніи распоряженія въ портахъ частныхъ построекъ, торговыхъ заведеній и т. д. мѣстные жители будутъ постановлены къ начальнику коммерческаго порта въ такія же отношенія, какъ и частныя лица, живущія въ военныхъ гаваняхъ и крѣпостяхъ, поставлены въ отношеніи начальниковъ гаваней и комендантовъ крѣпостей, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ данномъ случаѣ начальникъ коммерческаго порта будетъ дѣйствовать по соглашенію съ лицомъ, завѣдующимъ мѣстною таможнею.—Въ теченіе лѣта нынѣшняго года будутъ произведены предварительныя работы и изысканія по продолженію Самаро-Уфимской желѣзной дороги отъ Уфы на Златоустъ; новая линія будетъ имѣть протяженія болѣе 200 верстъ; сооруженіе Самаро-Уфимской желѣзной дороги, отдѣляющейся за Самарой отъ Оренбургской линіи и выстроенной на протяженіи 452 в., въ настоящее время совершенно окончено, такъ какъ мостъ черезъ р. Бѣлую (близъ Уфы), на постройкѣ котораго за послѣднее время главнымъ образомъ и сосредоточивались работы,—теперь уже вполнѣ готовъ, дальнѣйшее направленіе громадной желѣзнодорожной линіи за Златоустомъ, еще не вполнѣ выяснилось.—Лѣтомъ же будутъ закончены сравнительныя изысканія либавской и виндавской бухтъ для опредѣленія мѣста устройства военной гавани, а также всѣ подготовительныя работы по перенесенію коммерческаго порта въ Севастополѣ изъ южной бухты въ стрѣлецкую.—Обществу юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ разрѣшенъ дополнительный выпускъ облигацій на нарицательную сумму 20.300,000 кредитныхъ рублей. Капиталъ, получаемый отъ реализаціи облигацій, пойдетъ частью на постройку Уманьскихъ вѣтвей, общимъ протяженіемъ 370 верстъ, частью же на увеличеніе оборотнаго капитала Юго-Западныхъ дорогъ и на возмѣщеніе правительству полученныхъ отъ него въ разное время суммъ. Облигаціи будутъ выпущены 4-хъ-проц. въ кредитной валютѣ, при чемъ имъ присваивается гарантія правительства, какъ по уплатѣ процентовъ, такъ равно и погашенія въ размѣрѣ 0,323 проц. Доходъ отъ облигацій будетъ подлежать купонному налогу. Реализацію облигацій принялъ на себя петербургскій международный банкъ.—Вопросъ объ обезпеченіи въ старости трудящихся во всѣ времена представлялъ большой интересъ; поэтому учрежденіе эмеритальныхъ кассъ вездѣ встрѣчалось съ живѣйшимъ сочувствіемъ, противъ же теоретическихъ возраженій о пользѣ такихъ кассъ можетъ служить недавно опубликованный отчетъ по кассѣ инженеровъ путей сообщенія: на 1 января 1888 г. капиталъ кассы достигъ 2.394,600 руб., что представляетъ увеличеніе противъ предшествовавшаго года на 94,000 р. Доходъ кассы за 1886 г. былъ 259,000 р.. а расходъ 163,000 р., причемъ пенсіи получали: 148 пенсіонеровъ, 234 вдовы и 322 сироты. Общее число участниковъ, состоявшихъ на службѣ въ 1886 году, было 1286 человѣкъ.—Въ нѣкоторыхъ газетахъ помѣщены свѣдѣнія о замѣнѣ нынѣшнихъ паспортовъ особыми паспортными книжками, выдаваемыми на 10 лѣтъ. Это подтверждается. Въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ этотъ будетъ обсуждаться еще въ нынѣшнюю сессію. Предполагается выдавая такія паспортныя книжки, взимать ежегодно съ каждаго владѣльца ихъ извѣстную плату чрезъ полицію.—Въ курской губерніи въ послѣднее время, по словамъ «Руск. Вѣд.», въ широкихъ размѣрахъ происходитъ переходъ четвертныхъ земель. Правомъ продавать свои земли крестьяне стали пользоваться сравнительно недавно; «отъ Киселева до размежеванія», по ихъ собственному показанію, они не пользовались этимъ правомъ. Отъ крестьянина, продающаго весь свой участокъ земли, не требуется въ настоящее время даже разрѣшенія сельскаго общества, не смотря на то, что пріобрѣтеніе надѣльной земли ведетъ къ признанію покупщика равноправнымъ членомъ общества, вліяющимъ на рѣшенія сельскихъ сходовъ по всѣмъ вопросамъ. Во многихъ общинахъ образовался благодаря этому особый классъ владѣльцевъ, именуемый на крестьянскомъ языкѣ «широкодачниками», «земляками», «міроѣдами», «глотками» и проч.; чаще всего это—мелкіе купцы изъ крестьянъ, городскіе мѣщане, бывшее и настоящее волостное начальство и тому подобные люди. Присутствіе этого элемента въ средѣ крестьянства курской губерніи вліяетъ разлагающимся образомъ на обычно-правовыя понятія населенія. Появляются духовныя завѣщанія, противорѣчащія обычному порядку наслѣдованія, дарственныя записи и купчія крѣпости, сутяжничество изъ-за выдѣленія дочерямъ и вдовамъ «законной» части наслѣдства, закладныя, настолько ловко составленныя, что маскируютъ совершенную на самомъ дѣлѣ продажу, и т. п. сдѣлки. Какое новое широкое поприще для предпріимчивыхъ евреевъ, если для нихъ будетъ уничтожена связывающая ихъ нынѣ «черта осѣдлости».

КЪ РИСУНКАМЪ.

Пасхальныя игры.

Для ребятишекъ самое веселое занятіе на Пасхѣ—это катанье крашенныхъ яицъ. За этой игрой ребята проводятъ цѣлые часы и въ барскихъ домахъ въ большихъ городахъ, и въ захолустныхъ деревенскихъ избенкахъ, съ тою только разницею, что въ деревняхъ къ малолѣткамъ нерѣдко пристаютъ и взрослые парни.

На выставкѣ картинъ.

Кто не бывалъ въ столицахъ, тотъ не имѣетъ понятія о роскоши современныхъ выставокъ картинъ, гдѣ нерѣдко поистинѣ «товаръ продается лицемъ». Помѣщенія зачастую выбираются для выставокъ блестящія, въ родѣ академическихъ залъ или дома г. Ратькова-Рожнова, гдѣ нынѣ помѣщается выставка картинъ французскихъ художниковъ. Нерѣдко картины изящно драппируются; часто ихъ рамы поражаютъ блескомъ и вкусомъ; иногда залы украшаются тропическими растеніями. Среди этихъ блестящихъ залъ, среди этой богатой обстановки толпа бродитъ по цѣлымъ часамъ, отдыхая на мягкихъ диванахъ, болтая о вопросахъ дня, о городскихъ новостяхъ, иногда группируясь около какой нибудь модной картины. Именно одна изъ такихъ выставокъ изображена на помѣщаемой нами картинѣ, передающей одно изъ характерныхъ явленій нашего времени, ищущаго зрѣлищъ.

Нападеніе львицы на жирафа.

Какъ извѣстно даровитый художникъ и знатокъ животныхъ Шпехтъ мастерски изображаетъ звѣрей и постоянно передаетъ извѣстные интересные моменты изъ ихъ жизни. Его рисунки не изображеніе звѣрей для зоологическаго атласа, а превосходныя художественно-исполненныя картины. Одною изъ такихъ картинъ является и помѣщаемый нами рисунокъ «нападеніе львицы на жирафа». Это животное, граціозное, легко бѣгающее, выносливое въ дорогѣ, является почти безоружнымъ передъ царицей звѣрей—львицею,—и чѣмъ беззащитнѣе оно, тѣмъ страшнѣе эта драма—«борьба за существованіе».

Первенецъ.

Въ крестьянской избѣ, про которую можно сказать, что это «чаша полная», судя по обилію посуды, по извѣстной нарядности самой хозяйки дома, сидитъ молодая крестьянка-мать и съ ласковой улыбкой смотритъ на лежащаго у нея на колѣняхъ первенца. У ея ногъ стоитъ маленькая люлька ребенка, въ которой котенокъ играетъ съ клубкомъ нитокъ. Изба, женщина и ребенокъ, все это освѣщено солнцемъ, все смотритъ радостно. Таково содержаніе картины, помѣщенной въ академіи художествъ на выставкѣ нынѣшняго года нашимъ талантливымъ художникомъ, академикомъ Иваномъ Андреевичемъ Пелевинымъ. Онъ знаетъ и любитъ деревенскую жизнь и особенно любитъ останавливаться на изображеніи крестьянскихъ дѣтей, на свѣтлыхъ сторонахъ сельской жизни. Отъ его картинъ всегда вѣетъ примиряющимъ съ жизнью чувствомъ.

Сказки.

Мы уже говорили, что наши художники, живущіе заграницей (пенсіонеры и академики), въ послѣднее время съ легкой руки г. Семирадскаго охотно изображаютъ древне-греческую и древне-римскую жизнь. Большая часть изъ этихъ жанровъ не претендуетъ на глубину сюжетовъ и отличается, главнымъ образомъ, техникой. Со стороны техники впереди всѣхъ стоитъ академикъ Степанъ Владиславовичъ Бакаловичъ. Онъ представилъ на выставку нынѣшняго года нѣсколько подобныхъ картинъ. Копію съ его «Помпейской лавки» мы уже дали; теперь мы помѣщаемъ копію съ его картины «Сказки» переносящей насъ на блаженный югъ. Группа пришедшихъ за водой молодыхъ дѣвушекъ, размѣстилась на лужайкѣ у фонтана и заслушалась сказокъ—вотъ содержаніе картины. Исполненіе ея превосходно.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 5-го мая 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

Вновь открытый
МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
Бурхгардтъ и Урлаубъ
ВЪ МОСКВѢ, Красносельская улица, д. № 601.

◆ СТРОИТЪ ◆

плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, соломорѣзки, локомобили, 3, 4 и 6 силъ, конные приводы, мельницы Тріумфъ, жнеи, косилки, конныя грабли, сѣнные пресса, насосы, пожарныя трубы и пр.

◆ КОНТОРЫ И СКЛАДЫ ◆

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. Остр., 1-я линія, № 10.
МОСКВА, Мясницкая, д. Виноградова.

Иллюстриров. каталоги безплатно.

Тамъ-же продаются новые огнегасительные патроны.

◆ АНТИПИРЪ ◆

простое и быстродѣйствующее противопожарное средство по 15 р. за 1 дюж. и 8 р. за $^1/_2$ дюж.

Ищутъ въ провинціи агентовъ.

№ 362 (5—4).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—20).

ЛИМОННОЕ МЫЛО

изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.

у В. ПАРИКОВА и К°.

Гостин. дв. № 7. 354 (10—5).

СКЛАДЪ
ЛУЧШИХЪ КОЖАНЫХЪ
РЕМНЕЙ
Евгеній БОТМАНЪ и К°.

С.-Петербургъ, Большая Садовая, № 12.
Прейсъ-куранты безплатно.

№ 369 (3—2).

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ
Ф. Трахтенберга
основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—11).

ПАПИРОСЫ
изъ бѣло-рисовой бумаги
10 шт. ЛЕБЕДЬ 6 коп.
получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстояніе, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—11).

Водоочищающіе
ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.
С.-Петербургъ. № 228 (52—25)

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1826 г.)
Предостерегаютъ отъ поддѣлокъ
Неподдѣльны только съ этимъ клеймомъ

Можно получать въ большинствѣ магазинахъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.
Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ алицариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *спеціальностей.*

№ 318 (26—7).

!! За 30 к. !!
почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.
съ объясненіями и прейсъ-курант.

☞ за 50 коп. ☜

почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономн. курит. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средст. отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики **„ЧУЖАГО“.**

Мастерская игръ **А. Меламеда.**
Спб., Обуховскій пр.
д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**
№ 360 (37—5).

Косметическіе спермацетовые ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральник., кожа лица дѣлается чистою, нѣжною. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они удобны противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза, также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р. 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи; въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Ферейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38.

№ 314 (47—13).

КАРТИНКИ - ХЛОПУШКИ

Небывалая новость! Всѣ картины представляютъ собою разныя сцѣны стрѣльбы, напр.: волки, нападающіе на тройку—пистолетъ охотника зажигается и застрѣливаетъ волка! Очень забавна и занимательна. 1 проб. кон. съ перес. 10 карт. 55 коп. почтовыми марками.

Торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, д. № 12.

Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—6)

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ
Саатчи и Мангуби
ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ
ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ
BIS
цѣною за **10** шт. **10** коп
Можно получать вездѣ
№ 356 (37—5).

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“
С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р., Кремъ „Сафо“ 1 р. 25 к., Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.—Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.
Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.
Петерб. ст., Бол. просп., 28.
Москва, Никольская, д. Шереметева.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 290 (53—15)

ДЕПО ЧАСОВЪ
Эд. Бурхарда.

1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № $^3/_{68}$.

Вновь полученъ большой выборъ часовъ лучшихъ фабрикантовъ, цѣпочекъ, ключей и брелоковъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Каждые часы продаются съ ручательствомъ.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 289 (27—11).

Туалетныя мыла І. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,
АМИКОСОВОЕ.

Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—22)

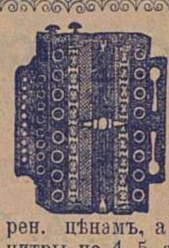
Императорскаго
московскаго общ.
Сельск. хозяйства
1886 г.

Одобрительный отзывъ.
Новой усовершен. системы: простой конструкціи разныхъ величинъ.

ПОЖАРНЫЕ
трубы и насосы
„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Производство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ. Николаевская 55—6. № 185 (12—9).

Прейсъ-куранты безплатно.
Привиллегія испрашив.



Скрипки, гитары, мандолины, цитры, гармоніи, концертины, аристоны, герофоны; всевозможные музык. инстр. имѣются постоянно въ большомъ выборѣ и по очень умѣрен. цѣнамъ, а также и народныя цитры по 4, 5 и 8 р, кромѣ перес. платы, въ муз. инстр. торговлѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.
№ 383 (6—2).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,
медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—35).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.
Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—36)

VICHY

Лимонадъ, Сельтерская и проч. Минеральныя Воды.

искусственныя минеральныя воды не уступающія натуральнымъ, приготовлены по точнымъ ихъ анализамъ.

VICCHY GRANDE-GRILLE и CELESTINS, EMS, KRÄNCHEN, VICTORIA и KESSELBRUNNEN . . . .
MARIENBAD . . . .
KARLSBAD . . . .
HUNJADI—JANOS . . . .
ЛИТІЙНАЯ . . . . ½ бут. 12 к.
ПИРОФОСФОРНО ЖЕЛѢЗНАЯ ½ бут.
APOLINARIS . . . . ½ „ 7 к.

20 бут. доставляетъ на домъ или отправляетъ за городъ съ наложеннымъ платежемъ. Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ Г. А. Этингеръ. Спб. Троицкій пер. № 38.

№ 389 (1—1).

Папиросы крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ.

получать можно повсюду.

№ 328 (44—11).

ПРОДАЕТСЯ

Въ книжн. магаз. только, что отпечатанный

ФРАНЦУЗСКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ

съ Грамматикой и Лексикономъ цѣна 85 к.

№ 391 (1—1).

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ

ГИСГЮБЛЕРЪ

чистый щелочнокислый источникъ весьма освѣжительный и здоровый

СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ

можно получить вездѣ.

6,000000 (миллион) бутыл. годовой вывозъ.

№ 306 (16—5).

№ 5.

Вновь усовершенствованный

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

для зажиганія сигаръ, папиросъ, свѣчей и пр. и для употребленія съ моментальнымъ ночникомъ.

Цѣны въ С.-Петербургѣ:

№ 1 резерв. стекл. гладк. . . . 3 р. 75 к.
№ 2 » » съ украш. . 4 » 50 »
№ 3 резерв. и аппар. никкилиров. 5 » 50 »

Вѣсъ съ укупоркой 3 фун.

При полученіи ½ стоимости немедленно высылаю съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Оптовая продажа у Ив. Фегедингъ, въ С.-Петербургѣ, Чернышевъ пер., уг. Бол. Садовой, Маріинскій рынокъ, № 20, верхній этажъ. № 384 (5—2).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 390 (6—1).

ВЕСЕННІЯ НОВОСТИ

Касторовыя дамскія шляпы безъ отдѣлки, формы дамскихъ новѣйшихъ фасоновъ; для гарнировки громадный выборъ новостей: перья фантази; страусовые, нанаши и амазонъ, эгреты стеклярусные и аграмантъ.

Ленты; омбрэ, моаръ и экосэ; кружева, тюль и шляпные платки для вуалей: тюль и газъ

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ магазинъ А. В. ТАРАТИНА, бывшій ШАПКИНА. **№ 110.**

№ 205.

Троицкое Заведеніе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ

Г. А. ЭТИНГЕРЪ.

Троицкій переулокъ, домъ № 38.

Доставляетъ на домъ, съ открытымъ письмомъ для возобновленія заказа.

Сифоны } сельтерской . . — р. 10 к. || 25 бут. шипуч. лимон. . . 1 р. 75 к.
25½ бут. } или содовой . 1 » 13 » || 25 бут. фрукт. и ягодн. водъ 2 » 50 »

и проч. минеральныя воды. Залогъ за бут. по 2 к. за сифоны по 1 р. 50 к.

№ 388 (1—1).

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

«ЭЛЕОПАТЪ» употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ и развиваетъ густоту волосъ.

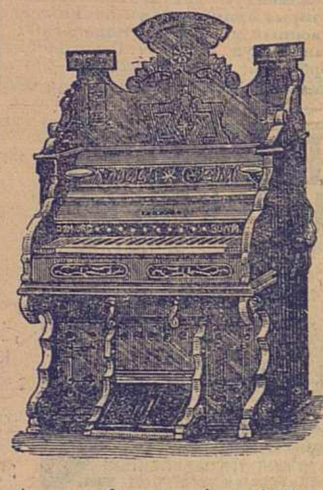
«Элеопатъ» только пров. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 руб. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп. почтовый расходъ и укупорка на счетъ покупателя.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только «ЭЛЕОПАТЪ» провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. или уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

☛ СПРАШИВАЙТЕ ☚

ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

№ 343 (55—12).



Америк. фисгармонія въ 325 р.

ФИСГАРМОНІИ.

АМЕРИКАНСКІЯ,

очень пріятнаго, пѣвучаго тона, простой и прочной конструкціи и роскошной отдѣлки

въ 200, 275, 325, 400, 500, 650, 750, 1.000 и 1.500 рублей.

ФРАНЦУЗСКІЯ

въ 110, 150, 180, 225, 350 и 550 руб.

Фисгармонія съ органомъ съ 1-мъ валомъ играющимъ 7 пьесъ 360 руб. Добавочные валы по 40 руб.

☞ Въ журналѣ „Нива“ № 18 сего года помѣщена очень интересная статья о достоинствахъ фисгармоніи. Статья эта, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ высылается безплатно.

Ноты для фисгармоніи въ большомъ выборѣ.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

№ 319 (1—1).

ПОГРЕБА РУССКИХЪ ВИНЪ

Г. РОССОЛИМО

ПОМѢЩАЮТСЯ:

Казанская улица № 18.
Невскій проспектъ, № 140.
Большая Садовая улица, № 69.
Вас. Остр., 7 линія, № 34.
Уголъ Гагаринской и Косого пер.

ГОСПОДАМЪ ДАЧНИКАМЪ въ окрестностяхъ Петербурга заказы въ 60 бутылокъ доставляются безплатно.

Торг. подъ фирмою Г. РОССОЛИМО,

ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ.

№ 376 (10—4).

Нумеръ 19-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) № 5-го «Новѣйшихъ Парижскихъ модъ» (за май); 3) Листъ выкроекъ и узоровъ и 4) Обертки.

Дозволено цензурою. Спб. 5-го мая 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 20
15 МАЯ
1888.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Контора журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что главная премія на 1888 годъ

„ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“

разослана всѣмъ гг. подписчикамъ, выславшимъ сполна подписную сумму и на доставку картины **цѣнною** посылкою.

Вмѣстѣ съ вышепомѣщеннымъ заявленіемъ о разсылкѣ главной преміи «**ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ**», во избѣжаніе незаслуженныхъ нареканій и неудовольствій гг. подписчиковъ на несвоевременную доставку нумеровъ журнала „**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“ или полученіе нумеровъ безъ художественныхъ приложеній, о которыхъ, между прочимъ, публикуется на оберткѣ журнала, Главная Контора считаетъ своею обязанностью сообщить слѣдующее:

1) При разсылкѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала съ приложеніями, прежде чѣмъ задѣлывать нумеръ въ бандероль, тщательно провѣряется наличность тѣхъ приложеній, изъ которыхъ состоитъ нумеръ, а затѣмъ по разсортировкѣ по трактамъ и мѣстамъ, всѣ нумера журнала сдаются, въ опредѣленный день, въ Спб. Почтамтъ для отправки въ полномъ комплектѣ.

2) Главныя преміи и вообще художественныя олеографіи—для сохранности ихъ, высылаются всѣмъ гг. подписчикамъ **ЦѢННОЮ ПОСЫЛКОЮ**, въ холстѣ (иначе почтамтъ не принимаетъ), каждая картина накатывается на деревянную скалку въ ½ дюйма толщины и тщательно завертывается въ два листа плотной бумаги, и уже только въ такомъ прочномъ и цѣломъ видѣ **сдается въ Спб. Почтамтъ**, для отсылки. Въ сдачѣ цѣнныхъ посылокъ **въ совершенной цѣлости** контора получаетъ почтовыя росписки.

Но, не смотря на всѣ вышеозначенныя предосторожности въ контору поступаетъ множество жалобъ гг. подписчиковъ и протоколовъ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій, свидѣтельствующихъ о случаяхъ почтовыхъ безпорядковъ, такого рода:

а) Еженедѣльные нумера журнала доставляются нѣкоторымъ подписчикамъ **несвоевременно**, мятыми, безъ вложенныхъ въ нихъ иллюстрированныхъ приложеній и даже книжекъ, не рѣдко вовсе безъ бандеролей или съ чужою бандеролью.

б) **ЦѢННЫЯ ПОСЫЛКИ** съ картинами получаются адрессатами не только **вскрытыми** и **испорченными**, но даже **переломленными на двое**.

Вслѣдствіе такихъ неисправностей почты, гг. подписчики требуютъ отъ редакціи **вторичной высылки** недоставленныхъ нумеровъ журнала и приложеній, что, къ сожалѣнію, контора не всегда можетъ исполнить, такъ какъ комплекты нумеровъ журнала съ приложеніями печатаются обыкновенно въ ограниченномъ количествѣ, соображаясь съ числомъ подписчиковъ.

Что же касается **вторичной** высылки художественныхъ картинъ-олеографій, то удовлетворить эти требованія почти **невозможно**, такъ какъ контора, сдавши посылку въ Спб. Почтамтъ въ цѣлости, для отправки г.г. подписчикамъ, по указаннымъ ими адресамъ, не можетъ отвѣчать передъ подписчиками за почтовые порядки. Въ доказательство, что посылка была выслана, желающіе могутъ получить изъ конторы почтовую квитанцію.

Всѣ-же получаемыя отъ подписчиковъ жалобы немедленно направлялись и впредь будутъ направляться Главною Конторою, со справками и почтовыми квитанціями, въ Спб. Почтамтъ, отъ котораго и могутъ уже зависѣть дальнѣйшія распоряженія.

КАРТИНКИ - ХЛОПУШКИ

Небывалая новость для лѣта представляетъ разные виды стрѣльбы цѣна 5 конв. 2 р. с. съ пересылкой 1 пробн. конв. 55 коп. почтовыми марками.

Торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, д. № 12.

Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—7).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 390 (6—2).

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт. {на об. бум. 1 р. 50 {на лучш. . 2 р.
Съ 44 карт. {на об. бум. 2 р. 50 {на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.

Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.

№ 222 (24—17).

!! НОВОСТЬ !!

Ищу покупателя на привиллегію, полученную, на 3-хъ лѣтній срокъ, на новоизобрѣтенный передвижной скороводонагрѣвательный аппаратъ, нагрѣвающій въ 50 мин. 14 ведеръ воды до 50 градусовъ, топлива на 3¾ коп. подобныхъ аппаратовъ еще не существовало. Онъ примѣнимъ къ каждой квартирѣ для добыванія скоро и дешево кипятка, такъ же удобенъ для кипяченія и другихъ жидкостей, какъ-то масла и спирта. Вѣсъ аппарата менѣе 3-хъ пудовъ. С.-Петербургъ, Старо-Петергофскій просп., д. № 22, кв. 8 у Ново-Калинкина моста.

МИЛЕШКО.

№ 395 (1—1).

ЛИМОННОЕ МЫЛО

изобр. Врефа въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.
у **В. ПАРИКОВА и К°.**
Гостин. дв. № 7. 354 (10—6).

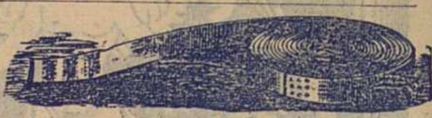
Гарцеръ углекислый источникъ «Граугофъ». *Лучшій освѣжительный діэтетическій напитокъ. Хорошее средство отъ катарровъ.* Можно получать въ антекарск. магаз., виноторговл., лучш. рестор. и ящиками у Главныхъ Агентовъ.

Евгеній БОТМАНЪ и К°.
С.-Петербургъ, Большая Садовая, № 12.

№ 370 (3—2).

ПАПИРОСЫ
изъ бѣло-рисовой бумаги
10 шт. **ЛЕБЕДЬ** 6 коп.
получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.
Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстоянія, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—12).



СКЛАДЪ
ЛУЧШИХЪ КОЖАНЫХЪ
РЕМНЕЙ
Евгеній БОТМАНЪ и К°.

С.-Петербургъ, Большая Садовая, № 12.
Прейсъ-куранты безплатно.

№ 369 (3—3).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ
Саатчи и Мангуби

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ
BIS
цѣною за 10 шт. 10 коп
Можно получать вездѣ
№ 356 (37—6).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

15-го Мая, 1888. ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Годъ изданія 53-й.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою **8** р. Безъ доставки въ Спб.: **за годъ 6 р. 60 к.** Въ Москвѣ **безъ доставки** на годъ **7** руб. съ преміею (книжный магазинъ **И. Ф. Панкова**, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ **№1** со всѣми приложеніями. За пересылку **преміи** цѣнною посылкою **рубль**.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р., къ 1-му іюня **2** р.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно **книжка** приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 20

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ.

На отвѣты прилагаются **двѣ** 7-ми копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

Романъ **А. Михайлова**.

Первая глава.

Матильда Ивановна Копоненъ, чухонка по происхожденію и квартирная хозяйка по ремеслу, вбѣжала въ комнату своего молодого жильца, будущаго художника Ивана Ивановича Хопрова, растрепанная, въ измятомъ ситцевомъ капотѣ, должно быть, послѣ послѣобѣденнаго сна, и визгливымъ голосомъ объявила:

— Идите, съ дѣдкой что-то дѣлается. Машка сказала: «хрипитъ». Умретъ еще, старый, тутъ...

Иванъ Ивановичъ, ходившій, засунувъ руки въ карманы панталонъ и насвистывая отъ голоду шансонетку, остолбенѣлъ на мѣстѣ.

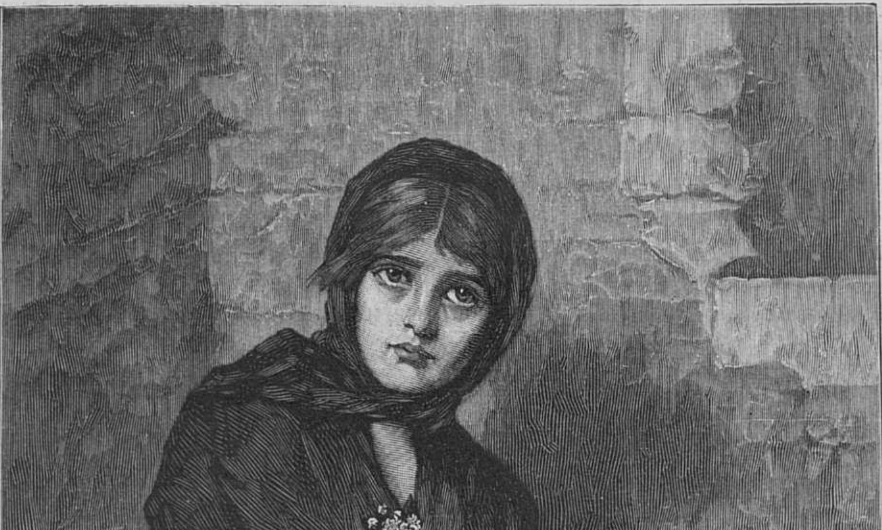
— Какъ, умретъ? спросилъ онъ, ничего не сообразивъ сразу.

— Умретъ, какъ умираютъ! Хрипитъ, говорить не можетъ! Идите-же! отвѣтила она и, безцеремонно схвативъ своего жильца за рукавъ, потащила его черезъ темный и узкій корридоръ въ другую комнату, сердито ругаясь:

— Охъ, ужъ эти нищіе-жильцы, гроши платятъ, а возись тутъ съ ними...

Они вошли въ кануру, темную, грязную, затхлую. Въ ней было тихо; слышалось только чье-то хриплое дыханіе. При свѣтѣ внесенной сюда Хопровымъ лампочки можно было разсмотрѣть на постелѣ, подъ грязнымъ одѣяломъ изъ пестрыхъ, какъ нарядъ арлекина, ситцевыхъ лоскутковъ какую-то грузную человѣческую фигуру, лежащую на спинѣ. Это былъ старикъ съ лицемъ землистаго цвѣта, съ сѣрой обильной щетиной на головѣ, щекахъ и подбородкѣ. Онъ смотрѣлъ тупо въ пространство глубоко ввалившимися подъ густыми бровями, оловянными глазами, и конвульсивно перебиралъ пальцами крупныхъ костлявыхъ рукъ, лежавшихъ, какъ плети, вдоль тѣла.

Съ картины Т. Шварце.



Утраченное счастье.

Гравировалъ на деревѣ Бонгъ въ Берлинѣ.

— Дѣдка, худо тебѣ? очень громко спросилъ Хопровъ, подходя къ старику и растерянно всматриваясь въ его лице.

Тотъ хотѣлъ что-то сказать, но языкъ не повиновался и пробормоталъ нѣчто безсвязное.

— Въ больницу надо, тамъ помогутъ, такъ-же громко сказалъ Хопровъ.

— Не... не... торопливо забормоталъ старикъ и замоталъ отрицательно головой.

— Такъ доктора... Да какъ быть?.. Денегъ нѣтъ, опять выкрикнулъ Хопровъ.

Глухой старикъ опять затрясъ головою и опять испуганно пробормоталъ:

— Не... не...

Въ его глазахъ отразился страхъ, почти ужасъ, пальцы неподвижно лежавшихъ рукъ зашарили безпомощно по одѣялу.

— Но нельзя-же такъ, безъ помощи! крикнулъ Хопровъ, не зная, что дѣлать. — Такъ нельзя... Слышишь?

Старикъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и едва внятно съ разстановкой произнесъ:

— Ни-че-го...

Матильда Ивановна посовѣтовала:

— Пусть ужь до утра полежитъ. Завтра надо въ больницу. Здѣсь умирать нельзя.

Старикъ, должно быть, понялъ ея слова и снова замоталъ головой.

— Онъ боится больницы, пояснилъ Хопровъ.

— Мало-ли чего, а все-же нельзя такъ оставлять, рѣшительно проговорила она. — Завтра надо чѣмъ свѣтъ свезти.

Она вышла изъ каморки, опять ворчливо негодуя на нищихъ-жильцовъ. Хопровъ постоялъ около постели старика, не зная, что дѣлать; неумѣло поправилъ подушку, одѣяло, совсѣмъ растерянный. Старикъ закрылъ, наконецъ, глаза и, казалось, сталъ дышать ровнѣе. Хопровъ, безсознательно ободряя себя, подумалъ, что, можетъ быть, къ завтрашнему дню старику будетъ лучше, и, захвативъ лампочку, снова вернулся въ свою комнату.

Это была узенькая, неказистая комната съ грязными пестрыми обоями, хранившими цѣлый рядъ жирныхъ пятенъ надъ спинками стульевъ. Въ ней царствовалъ невообразимый безпорядокъ; на стѣнахъ висѣли, подобно лохмотьямъ и заплатамъ, обрывки картинъ, на бумагѣ и клочьяхъ холста—начатые эскизы,—гдѣ облако, гдѣ нога, гдѣ рука,—сдѣланные углемъ, карандашемъ, акварелью, масломъ. Все было незакончено, недорисовано, недописано. На нѣкоторыхъ лоскуткахъ начатые наброски представляли неприглядную смѣсь рукъ, ногъ, профилей, тучъ, деревьевъ, вылѣзавшихъ другъ изъ-подъ друга, сливавшихся вмѣстѣ въ невообразимый хаосъ, какъ образы и мысли въ разстроенномъ воображеніи; почти вездѣ тутъ-же были нарисованы каррикатуры не столько остроумныя, сколько забористыя, иногда сальныя и грязныя, какъ холостая бесѣда послѣ ужина, какъ мужицкая брань въ кабакѣ; кое-гдѣ подъ рисунками и каррикатурами были подписи въ стихахъ, нерѣдко гладкихъ и звучныхъ, но по большей части тоже нецензурныхъ. Обстановка комнаты была изъ рукъ вонъ плоха; стулья, столъ, комодъ, кровать, мольбертъ, все было не только старо, поломано, грязно, но въ добавокъ ко всему или испачкано красками и карандашами, или изрѣзано перочинными ножами, какъ школьная мебель, побывавшая подъ руками смертельно скучающихъ пансіонеровъ. Стоптанныя туфли, грязная вышитая малороссійскими узорами сорочка, разныя принадлежности бѣлья, старыя лѣтнія панталоны,—все это валялось на стульяхъ, на столахъ, на полу. Въ углу бѣлѣлъ лишенный носа гипсовый бюстъ Аполлона въ красной суконной фескѣ, покрытой пылью. Подъ столомъ валялся загрязненный гипсовый торсъ Венеры, вѣроятно служившій не разъ вмѣсто скамьи для ногъ. На ржавомъ гвоздѣ висѣлъ затасканный галстухъ, точно петля, приглашающая желающаго повѣситься. Войдя въ эту комнату, Хопровъ взялъ одну изъ валявшихся на столѣ гильзъ, набилъ ее кое-какъ смѣшанными съ пылью остатками табаку и, заткнувъ ее обрывкомъ грязной ваты, закурилъ папиросу.

— Скверная штука, если дѣдка умретъ! Въ карманѣ ни гроша, а хоронить будетъ надо, проворчалъ онъ, дѣлая гримасу. — Неожиданный репримандъ! И какой онъ мнѣ дѣдъ?

Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ и запустилъ красивые длинные пальцы въ густые, бѣлокурые волосы, дымя папиросой. Его всегда безпечное, беззаботное молодое лицо теперь смотрѣло мрачно, можетъ быть, впервые съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ вполнѣ помнить себя. Сознаніе, что у него нѣтъ денегъ не только на похороны старика, но даже на то, чтобы отвезти его въ больницу, просто испугало его. Бѣдъ и невзгодъ онъ пережилъ не мало, но онъ всегда утѣшалъ себя мыслью, что «авось какъ-нибудь вывернется», и вывертывался: перехватитъ гдѣ-нибудь въ долгъ денегъ и съѣздитъ въ Аркадію; продастъ старыя голенища и пообѣдаетъ; нарисуетъ жанровую картинку, докажетъ издателю иллюстрированнаго изданія, что ноги на картинкѣ такими кривыми и должны быть «въ ракурсѣ», что грязныя пятна сдѣланы для усиленія эффектной игры «свѣто-тѣни», сбудетъ свое произведеніе и купитъ новый галстухъ и новую шляпу, забывъ, что надо было купить панталоны. Теперь онъ вполнѣ ясно сознавалъ, что вывернуться нельзя. Богато одаренный воображеніемъ, впечатлительный, нервный, безпомощный, какъ женщина, онъ сразу упалъ духомъ, сознавая, что тутъ дѣло идетъ не о томъ, удастся или не удастся съѣздить въ Аркадію, придется или не придется сшить новую пару платья и купить мягкую шляпу съ широкими полями. А тутъ еще за стѣной кто-то плачетъ, громко, отчетливо, настойчиво плачетъ, какъ человѣкъ, желающій, чтобы всѣ, всѣ непремѣнно слышали, что онъ плачетъ.

— Точно собаченка визжитъ, пробормоталъ онъ, раздраженный этимъ неумолкающимъ хныканьемъ. — Любовникъ бросилъ, ну, и не остается ничего больше дѣлать, какъ ревѣть до появленія новаго обожателя. Третій день ничего лучшаго придумать не можетъ. Тварь!

Онъ ее не жалѣлъ. Онъ хорошо зналъ эту личность, круглолицую, бѣлобрысую, съ плоскимъ носомъ, съ красноватыми полосками вмѣсто бровей, съ глазами телки, съ ярко-румяными щеками въ веснушкахъ и съ ямками на этихъ щекахъ и подбородкѣ. Ее, съ его словъ, знали всѣ его товарищи, нѣкоторые даже кланялись съ ней при встрѣчахъ въ коридорѣ, когда приходили къ нему, и думали, косясь на ея здоровый бюстъ, что даромъ, пожалуй, можно-бы свести интрижку. Когда онъ, за графинчикомъ водки или за бутылкой пива, слишкомъ громко разсказывалъ имъ у себя новые холостые анекдоты, совѣстливые изъ друзей спрашивали: «а развѣ твоей сосѣдки нѣтъ дома?» Онъ отвѣчалъ: «ну, вотъ еще, она и получше слыхивала». Онъ ее не уважалъ, слишкомъ хорошо зная эту жизнь за стѣной и чувствуя, что дѣвушка заигрываетъ съ нимъ, дѣлаетъ ему глазки, ищетъ случая, чтобы и онъ соблазнилъ ее. Онъ былъ художникъ по натурѣ, и она ему не могла нравиться. Тѣмъ не менѣе, иногда въ дни голодовокъ онъ подумывалъ о ней и мимовольно разсуждалъ: «а впрочемъ, не все-ли равно?» Теперь, когда онъ сказалъ про нее мысленно, что она «три дня визжитъ и ничего лучшаго придумать не можетъ», ему стало досадно на себя. Онъ вотъ тоже теперь хоть недѣлю хнычъ, ничего лучшаго не придумаетъ. Онъ всталъ, охваченный страхомъ и тревогой за свое положеніе, началъ шагать изъ угла въ уголъ, наконецъ, усталый, бросился на постель, подложилъ руки подъ голову, уставилъ въ пространство глаза и забылся въ думахъ.

— И какой онъ мнѣ дѣдъ? какой дѣдъ? Такъ кто-то, съ улицы приставшій! назойливо вертѣлось въ головѣ.

Онъ, чтобы не думать о настоящемъ, сталъ разбираться въ хламѣ прошлаго. Его семья была невелика, ихъ было всего трое: его сановитый по виду отецъ, статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Хопровъ, его мать, вѣчная глупенькая дѣвочка Аглая Степановна Хопрова и онъ, безъ призора безчинствующій въ дѣтской ребенокъ Ваня. Кромѣ ихъ троихъ, въ домѣ считался роднею какой-то старикъ Тарасъ Михайловичъ Тороповъ, иногда ходившій къ нимъ подкармливаться и называвшійся за старческій видъ «дѣдомъ». При гостяхъ его кормили въ задней комнатѣ, отводившейся всегда подъ дѣтскую, такъ какъ онъ былъ уже слишкомъ «потертъ». Ваня любилъ эти дни, такъ какъ и онъ обѣдалъ тогда не съ большими, а съ дѣдкой. Дѣдку онъ считалъ не большимъ, а только старымъ, потому что съ понятіемъ о большихъ у него связывались слезливыя жалобы матери: «что это ты все около меня торчишь, точно у тебя игрушекъ нѣтъ», строгіе окрики отца: «не вертись подъ ногами», укоризненныя замѣчанія кухарки и горничной: «не слѣдъ вамъ по кухнямъ бѣгать да шпіонничать». Дѣдка его не отгонялъ, строилъ съ нимъ изъ картъ домики, изображалъ лошадку, топотавшую ногами, говорилъ съ нимъ картавымъ языкомъ, присюсюкивая,—значитъ онъ не большой, а только старый. Притомъ и дѣдку такъ-же гоняли, какъ его, давали тому выговоры, читали ему наставленія, а онъ стушевывался и робко извинялся, сначала съ улыбочкой, такъ какъ онъ былъ глухъ и не сразу понималъ, что говорятъ, а потомъ со слезами, когда уже на него просто начинали кричать. Вспоминая прошлое, Хопровъ не могъ остановиться ни на одномъ особенно дорогомъ лицѣ, ни на одномъ особенно любимомъ предметѣ: постоянно у нихъ мѣнялась прислуга; постоянно мѣнялись квартиры и вещи; всѣмъ и всегда въ домѣ были недовольны и все искали чего-то лучшаго; отецъ сурово отодвигалъ тарелку и строго произносилъ: «какъ у насъ стряпаютъ; это помои, а не супъ»; мать слезливо и обиженно жаловалась: «и опять грубіанка попалась; у порядочныхъ людей не умѣютъ служить»; чуть не каждый годъ долго искали квартиру съ порядочнымъ ходомъ и приличнымъ швейцаромъ, находили, наконецъ, такую, гдѣ входныя двери были полированныя подъ красное дерево или подъ дубъ, коверъ разостланъ былъ во всю лѣстницу, швейцаръ былъ въ чистой ливреѣ и представительнаго вида, но квартира была въ пятомъ этажѣ, комнаты были низки, всюду разносился чадъ отъ кухни, по всѣмъ комнатамъ было слышно, какъ кухарка ругается съ горничной изъ-за младшаго красавца-дворника.

Именно въ такой квартирѣ произошло событіе, оставившее неизгладимый слѣдъ въ душѣ молодого Хопрова. Разъ онъ, тогда десятилѣтній мальчикъ, былъ изумленъ отсутствіемъ матери за завтракомъ и какимъ-то особеннымъ оживленіемъ въ кухнѣ, гдѣ безъ умолку тараторили служанки. Онъ спросилъ у горничной:

— А гдѣ-же мама?

— Много будете знать—скоро состаритесь! отвѣтила горничная, прошмыгнувъ мимо него.

Когда отецъ явился изъ должности къ обѣду, сынъ спросилъ его о томъ-же, отецъ крикнулъ на него:

— Не твое дѣло, дрянь-мальчишка!

Потомъ прибавилъ, грозя около его носа пальцемъ:

— И чтобы я никогда не слыхалъ подобныхъ вопросовъ. Маршъ въ дѣтскую!

Затѣмъ отецъ зашагалъ черезъ всѣ комнаты, вовсе не думая объ обѣдѣ.

Въ это время по черной лѣстницѣ поднимался въ пятый этажъ невзрачно одѣтый старикъ. Широкій въ кости, приземистый, топорно и крѣпко сложенный, но въ то-же время исхудавшій, отощавшій до послѣдней степени, съ глубоко ввалившимися глазами, растерянно смотрѣвшими изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей, онъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Кожа его лица и волосатыхъ рукъ была темна, загрубѣла, казалась выдубленной. Полусѣдые волосы стояли на головѣ торчкомъ, коротко подстриженные, какъ щетина. Такой-же густой сѣрой щетиной были покрыты его щеки и подбородокъ. При первомъ взглядѣ на него, его можно было принять за бѣжавшаго изъ тюрьмы или съ каторги злодѣя; только потомъ подмѣчались запуганное выраженіе ввалившихся глазъ, худоба голоднаго человѣка, слѣды бѣдности и страданій, лежавшіе на всемъ его существѣ, на всѣхъ его робкихъ движеніяхъ, на его вылинявшей, кое-гдѣ заштопанной одеждѣ. Счастливые люди такъ не смотрятъ. Тѣмъ не менѣе онъ вызывалъ не состраданіе, а страхъ, какъ волкъ, затравленный и голодный, но все-же волкъ. Добравшись до пятаго этажа, онъ вытащилъ какую-то тряпицу, высморкался, обтеръ губы, снова бережно спряталъ эту тряпицу въ карманъ и потомъ осторожно отперъ дверь въ кухню, гдѣ шло громкое переругиванье прислуги.

— Здравствуйте, здравствуйте, голубушки, заговорилъ онъ вкрадчивымъ и заискивающимъ тономъ.—Запоздалъ я немного... Господа обѣдаютъ?

— Обѣдаютъ, обѣдаютъ! Поди, вотъ, накормятъ тебя сегодня, сказала кухарка громко, зная, что теперь ей нечего бояться.

Старикъ, глухой, не вполнѣ разслышавъ, что она говоритъ, отирая ноги о половикъ, бормоталъ, скаля привычною лыбкой толстыя десны и нѣсколько торчавшихъ во рту остатковъ зубовъ:

— Да, да, призапоздалъ, призапоздалъ!

Онъ осторожно, точно боясь что-то разбить, прошелъ въ столовую и видимо изумился, что столъ тамъ даже и не накрытъ. Пожевывая губы и искоса посматривая на пустой столъ, онъ въ тупомъ недоумѣніи съ минуту не зналъ, что ему дѣлать, куда идти. Прежде чѣмъ онъ опомнился и сообразилъ что-нибудь, въ комнату вошелъ Иванъ Петровичъ Хопровъ, все еще продолжавшій маршировать по всѣмъ комнатамъ. Увидавъ дѣда, онъ остановился.

— А, пожаловали! насмѣшливо произнесъ онъ. — Зачѣмъ? Зачѣмъ? спрашиваю я васъ. Кажется, теперь вамъ здѣсь нечего больше дѣлать!

Старикъ подставилъ руку къ уху, улыбаясь и низко кланяясь въ то-же время хозяину.

— Позапоздалъ, позапоздалъ сегодня! оправдывался онъ, стараясь говорить мягко и приниженно.

— Да-съ, позапоздали. Вотъ ужь вѣрно сказали, что позапоздали! совсѣмъ ядовито проговорилъ хозяинъ.—Ваша племянница уже успѣла освободить себя отъ обязанностей жены и матери! Слышите: успѣла освободить себя отъ обязанностей! Я думаю, что и вы освободите меня отъ своего присутствія!

Старикъ уловилъ половину фразы.

— То-есть, какъ это отъ обязанностей? спросилъ онъ.—Какъ освободила?

— Сбѣжала! Сбѣжала! Слышите, сбѣжала! почти надъ его ухомъ крикнулъ Хопровъ и прибавилъ:—Вы понимаете, что если я принималъ васъ у себя въ домѣ, если я терпѣлъ васъ, то только потому, что вы какая-то тамъ родня ей, дядюшка, дѣдушка, кто васъ тамъ знаетъ! Теперь-съ вамъ здѣсь больше нечего дѣлать.

Старикъ плохо разслышалъ, но понялъ, что его гонятъ. Онъ поникъ головой, пережевывая свои губы, что-то тупо соображая. Наконецъ онъ поднялъ голову, какъ-бы вспомнивъ о чемъ-то внезапно, и проговорилъ жалобно-просящимъ тономъ:

— А, Ваня?.. Ваничка?..

— Что Ваничка? переспросилъ съ насмѣшкой Хопровъ.

— Онъ-то какъ-же? проговорилъ старикъ.

— Оболтусу пора учиться. Я его на полный пансіонъ отдамъ, сурово отвѣтилъ Хопровъ.—Ничто-съ, ничто-съ чтобы не напоминало объ этой негодяйкѣ. Довольно я терпѣлъ...

Хозяинъ опять зашагалъ по комнатамъ. Старикъ постоялъ понуро въ столовой, качая головой и разводя руками. Хопровъ, снова дойдя до столовой, на минуту остановился передъ нимъ и сказалъ:

— А! вы еще здѣсь! Я васъ попрошу не мозолить мнѣ глазъ! Сокрушаться можете въ другомъ мѣстѣ, а мнѣ-съ нуженъ покой. Покой! Понимаете?

Старикъ очнулся, хотѣлъ что-то сказать и только махнулъ рукою, видя, что Хопровъ, опять замолчавъ, уже скрывается въ другую комнату. Кряхтя, старикъ направился въ дѣтскую. Ваня, подслушивавшій весь этотъ разговоръ у дверей, бросился въ слезахъ на шею дѣдкѣ. Впервые онъ почувствовалъ, что онъ, не знавшій никакихъ привязанностей, хоть кого нибудь да любитъ. У дѣда тоже текли по его сѣрому щетинистому лицу слезы...

Вспомнивъ эту сцену, Иванъ Ивановичъ взволновался и теперь и смахнулъ слезы. А тутъ еще какъ нарочно за стѣной опять послышалось хныканье и слезливое сморканье сосѣдки. Душу она надрывала своимъ плачемъ, не потому что ее можно было жалѣть, а потому что эта музыка рыданій не смолкаетъ уже три дня. Онъ вскочилъ, снова заходилъ по комнатѣ и началъ даже что-то напѣвать, чтобы ни о чемъ не думать, ни о прошломъ, ни о настоящемъ. Съ дѣтства онъ привыкъ жить спустя рукава, ни о чемъ не думая, отдаваясь случайностямъ событій.

А въ головѣ теперь неотвязно вертѣлась мысль:

— Сперва мать освободила себя отъ обязанностей, потомъ отецъ!..

Передъ глазами носилась картина гимназическаго пансіона съ казенной обстановкой, съ казенной ѣдой, съ казенной одеждой. Онъ, всѣмъ чужой ребенокъ, брошенный матерью и отцомъ, скучаетъ и старается развлечься то рисованіемъ каррикатуръ на товарищей и учителей, то сочиненіемъ какихъ-то сатирическихъ стишковъ, то какими-то шутовскими продѣлками, паясничествомъ, всѣмъ, что можетъ вызвать смѣхъ и заглушить скуку жизни. Отецъ посѣщаетъ его рѣдко, еще рѣже беретъ къ себѣ въ домъ, гдѣ у него живетъ какая-то молоденькая экономка изъ рижскихъ нѣмокъ, чопорная и брезгливая, потому что она изъ «благородныхъ». У отца мальчику еще скучнѣе и стѣснительнѣе, чѣмъ въ гимназическомъ пансіонѣ. Но уже успѣвшій загрубѣть среди товарищей, усвоившій привычку относиться ко всему съ юморомъ и насмѣшкой, онъ и дома развлекается каррикатурами, сатирическими стишками «на индѣйскаго пѣтуха» и «цецарскую курицу». Отецъ покрикиваетъ на него, экономка дѣлаетъ брезгливыя гримасы при видѣ его, но онъ съ беззаботностью мальчугана, сознающаго, что и у него, какъ у нихъ, нѣтъ никакихъ обязанностей по отношенію къ близкимъ людямъ, ведетъ себя бойко и развязно, поетъ, свищетъ и грубіянитъ. Съ него все какъ съ гуся вода, ему все трынь-трава. Только иногда онъ смущается, когда приходитъ къ нему въ гимназію дѣдка, отощалый, бѣдно одѣтый, и говоритъ мрачнымъ тономъ:

— Жизнь-то, голубчикъ, тяжелая штука. Жизнь-то такъ тебя изломаетъ, что косточки живой не оставитъ. Нѣ-ѣтъ, мѣстечка она живого не оставитъ: изобьетъ, исковеркаетъ, изломаетъ, а тамъ—и смерть. А пуще всего нищета: бѣденъ ты и не человѣкъ ты, хуже червя, пресмыкающагося у ногъ твоихъ; наступятъ на тебя, раздавятъ и не пискнешь, не смѣешь пискнуть.

— У насъ вотъ учитель латинскаго языка все нули крутитъ, объясняетъ Ваня.

— Да, да, крутитъ! соглашается глухой старикъ, уловивъ послѣднее слово.—Это ты вѣрно сказалъ. Какъ вихрь крутитъ и до чего докрутитъ—одинъ Господь знаетъ.

— Я объ учителѣ латинскаго языка, громко кричитъ Ваня.

— Латинскій языкъ?.. Да, да, по-латынѣ два алтына, а по-русски шесть копѣекъ, шутитъ старикъ. — Не учился, не учился, не стану врать! продолжаетъ онъ серьезно.—И на что она, латынь? Аптекарямъ это точно нужно. А меня въ чиновники готовили и не учили латыни. Тамъ это не нужно. И ничего: на службу взяли чуть не ребенкомъ...

— У насъ тоже всѣ говорятъ, что латынь и греческій языкъ ни на что, вставляетъ глубокомысленно Ваня.

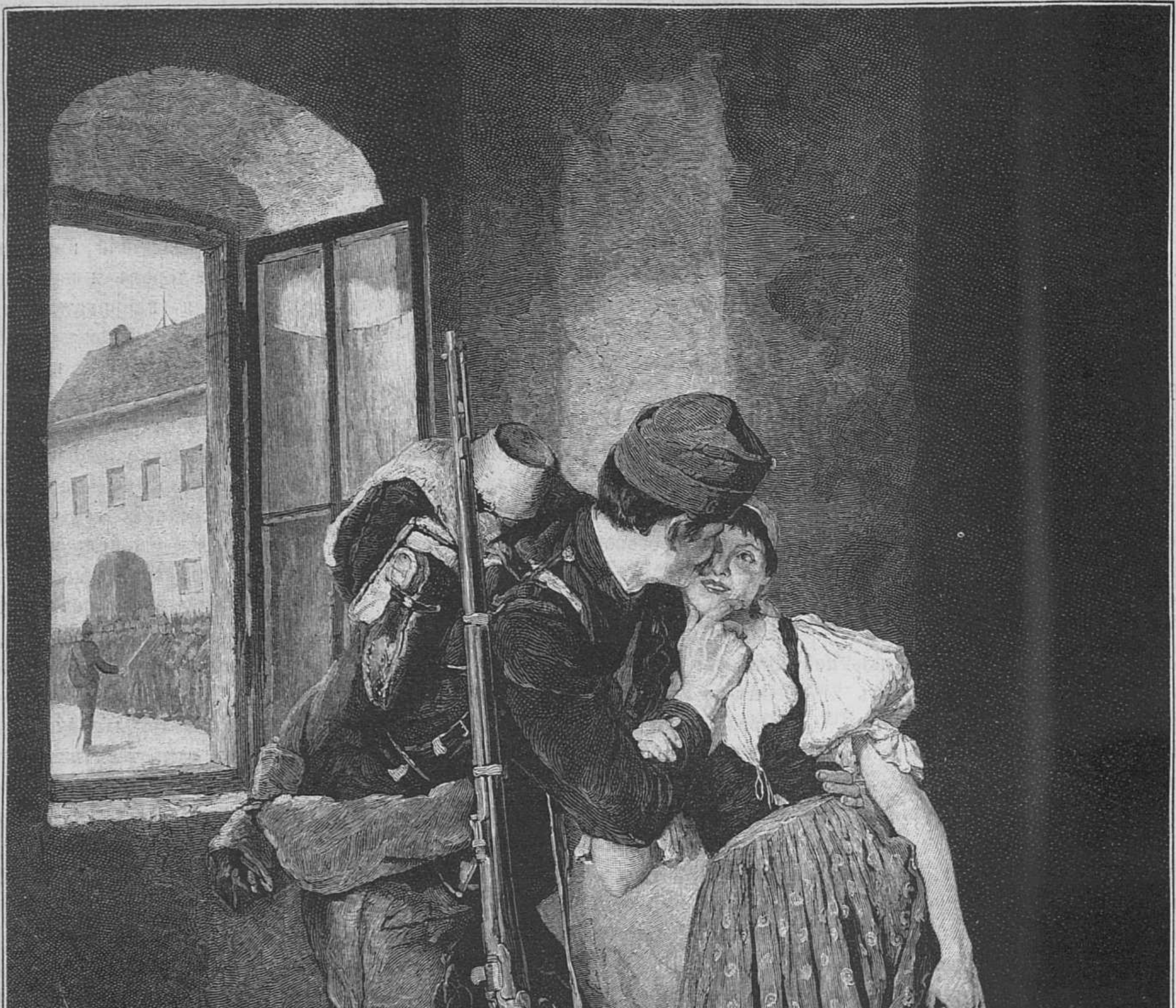
Дѣдъ, не слыша его замѣчанія, продолжаетъ вспоминать свое прошлое:

— Прилежно служилъ, нечего сказать, трезвый, исполнительный мальчикъ былъ. Чины пошли. Отличали. Потомъ строгости начались, ревизія была, ну, начальство и попалось. Оно попалось, а насъ съ нимъ смели, какъ соръ. Ни душой, ни тѣломъ мы были неповинны; а сметался соръ—и насъ смели, малограмотныхъ. Охо-хо, маленькихъ людей легко смести. Пыль это одна. Фукнулъ на пылинку — и нѣтъ пылинки, была пылинка—и нѣтъ пылинки!

Это заставляло мальчика на минуты задумываться. Потомъ природная беззаботность

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Герцля Горнеля.

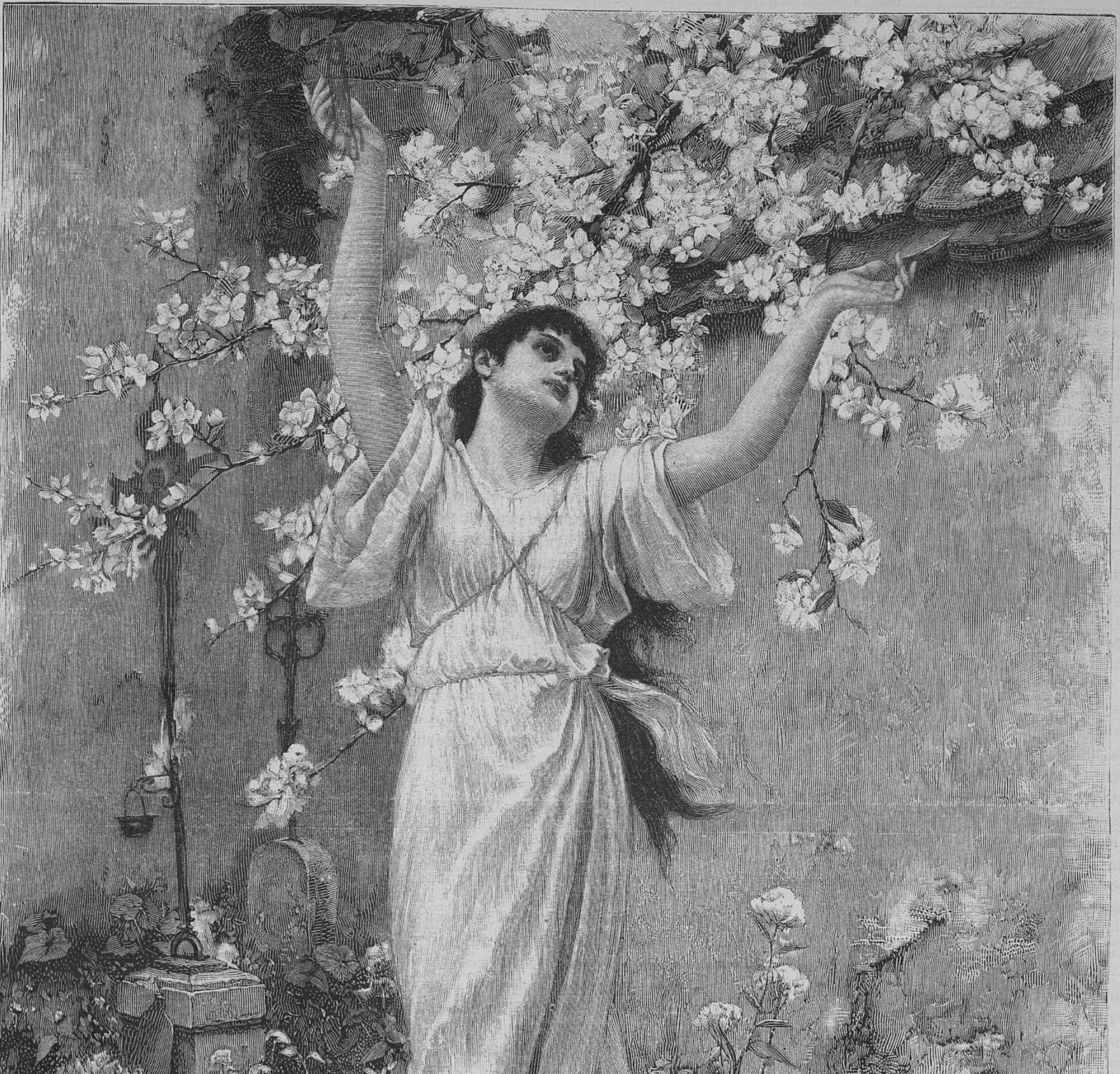


Передъ лагернымъ сборомъ.

Гравировалъ на деревѣ Кнезингъ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины К. Боденгауера.



«Надежда».

Гравировалъ на деревѣ Бонгъ въ Берлинѣ.

брала верхъ и все черезъ нѣсколько минутъ забывалось. А дѣдъ опять посѣщалъ его и разсказывалъ:

— И кое-какой достатокъ имѣлъ, и жена была, и дѣти, благословеніе божіе, были, а когда сталъ нищъ—люди отворачиваться стали, будто не узнаютъ. Узнаютъ, видишь, что узнаютъ, а сами глаза вверхъ, либо въ сторону и мимо, мимо, скорыми шажками бочкомъ торопятся. Одежда, значитъ, на тебѣ невзрачная. Будь ты подлецъ да въ хорошей одеждѣ — всѣ къ тебѣ съ почтеніемъ, руки жмутъ. А въ лохмотьяхъ ты—нельзя, надо сторонкой отъ тебя пройдти, сторонкой... Карманъ-то у каждаго свой, опасно за него... Да что чужіе — жена бросила съ дѣтками—законная жена! Извѣстно, голодъ! Голодъ хуже звѣря дикаго терзаетъ. Голодать нужно привыкнуть.

— А дѣти, дѣдъ? Развѣ у тебя есть дѣти? спрашивалъ юноша, никогда не воображавшій, чтобы у дѣдки могли быть дѣти.

— Были, умерли; теперь все умерло. Дѣти маленькими съ голоду умерли. Хоронилъ — крестовъ не могъ поставить надъ могилками. Весна пришла, сравняли землю, трава на ней выросла и не стало могилокъ. Пришелъ както на кладбище, розыскиваю, гляжу — памятникъ, мавзолей стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ могилки-то были. Извѣстно, у кого деньги — отъ того сворачивай съ дороги, «мое, говоритъ, это мѣсто», ну, ты и смолчи, и отойди, потому что ты нищъ, а онъ богатъ... Потомъ жена пришла, больная, голодная, оборванная; умирать ко мнѣ пришла. Собаченка вотъ такъ блудящая бродитъ, бродитъ, нахолодается, наголодается, ноги перешибутъ ей, приплетется къ прежнему хозяину, растянется и завоетъ. Околѣвать она, значитъ, пришла домой... Я что-же, я не выгналъ, похоронилъ, похоронилъ. Тоже крестъ на вороту ношу...

— Отчего-же ты не шелъ на мѣсто? говорилъ юноша.

— На мѣсто? Безъ прошенія отставили — паспортъ волчій; потомъ и ученыхъ стали на мѣста брать, а я не ученый былъ; тоже глуховатъ, лицомъ не вышелъ, манеры съ изъянцемъ...

Старикъ горько усмѣхался.

— Опасенія внушалъ!..

Онъ махалъ безнадежно рукой и продолжалъ:

— Ну, такъ и жилъ часомъ съ квасомъ, порой—съ водой, безъ угла, безъ пристанища. Все судьба! Отъ судьбы не уйдешь. Начнетъ тебя гнать судьба — не найдешь мѣста, найдешь его — не удержишься на немъ. Начальству надо понравиться, а чѣмъ я могъ понравиться? А тоже чѣмъ я виноватъ, что понравиться не могъ? Ну, а потомъ разсудилъ и то, что служить-то на что: дѣти умерли, жена умерла, одна голова не бѣдна...

Иногда юноша совалъ дѣду сухую казенную булку, старикъ бралъ ее съ жадностью.

— Въ водицѣ ее размочу. Изъ бѣлой муки. Ржаной-то хлѣбъ больно надоѣлъ, бормоталъ онъ, беззвучно смѣясь.—Тоже и полакомиться хочется. Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе. Чревоугодники мы всѣ... чревоугодники...

И онъ ласково гладилъ мальчугана шаршавой рукой по волосамъ. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, ласкавшимъ мальчика...

— А теперь похоронить его не на что, свезти въ больницу не на что, мучительно мелькало въ головѣ Хопрова и въ душѣ шевельнулось что-то въ родѣ раскаянія, негодованія на себя:

Сказалъ еще давича: «какой онъ мнѣ дѣдъ!»

Онъ захватилъ лампочку и направился въ коморку старика, охваченный, какъ въ день бѣгства матери, сознаніемъ, что онъ любилъ въ жизни только дѣдку, что кромѣ этого старика у него не было никого близкихъ. Старикъ лежалъ все въ томъ же положеніи неподвижно, безпомощно. Мучительно тяжело было на душѣ у Ивана Ивановича. Въ ней шевелились теперь угрызенія совѣсти. До двадцати-пяти лѣтъ онъ дожилъ; а не завоевалъ ни опредѣленнаго положенія, ни опредѣленнаго заработка. Близкій старикъ вотъ умираетъ, а у него нѣтъ ни гроша, чтобы помочь больному. И въ какой конурѣ жилъ бѣдняга. Удобствъ даже никакихъ не доставилъ ему онъ, Хопровъ. Платилъ за эту конуру даже не онъ, а самъ старикъ...

Прошло нѣсколько минутъ и Хопровъ услышалъ, что кто-то говоритъ около него:

— Вотъ и у васъ горе стряслось! Тетка сказала, что у васъ дѣдъ умираетъ.

Онъ обернулся: около него стояла его сосѣдка, съ любопытствомъ смотрѣвшая на больного сѣровато-голубыми, круглыми глазами.

— Что-же, вы его въ больницу отправите?

— На какія деньги? Ни гроша у меня нѣтъ, безнадежно отвѣтилъ Хопровъ.

Она опять заплакала и пожаловалась на судьбу:

— Вотъ какъ у меня. Ни гроша нѣтъ, а тетка гонитъ вонъ. Гдѣ я возьму? На улицу идти, что-ли? Охъ, горе-горькіе мы съ вами.

— Полноте! Слезами не помочь! сказалъ онъ и, не обращая на нее особеннаго вниманія, съ лампой въ рукѣ, тяжело вздохнувъ, пошелъ изъ каморки.

Она пошла за нимъ.

— Не помочь, не помочь, а если тяжко на душѣ? И никого-то нѣтъ, кто-бы хоть словечко ласковое сказалъ. Тетка вотъ — единственная родня, а и та гонитъ. Да и то сказать, какая она мнѣ тетка, погубить только умѣла, продать.

Онъ вошелъ въ свою комнату, она вошла въ нее вслѣдъ за нимъ.

— Ничему не научила, а продала. Развѣ я виновата. Теперь куда я пойду? Въ воду внизъ головой? Вотъ и васъ, помяните мое слово, погонитъ она. Завтра же погонитъ. Не даромъ ругаетъ. И тунеядецъ, и шалопай, и прощалыга. Охъ, подлый языкъ! Ей люди нужны, пока у нихъ деньги есть. Всѣмъ такъ.

Она говорила ровнымъ, спокойнымъ тономъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, съ откровенностью человѣка, не знающаго, что можно говорить, чего нельзя говорить.

Онъ сидѣлъ на постелѣ, упершись локтями въ колѣни, спустивъ на руки голову, окончательно подавленной новымъ открытіемъ—вѣстью, что и его погонятъ съ квартиры. Да какъ же и не погнать! Денегъ не платитъ, а деньги всѣмъ нужны. Въ его головѣ вертѣлась теперь почему-то мысль, что у него есть одно знакомое существо, не придающее значенія деньгамъ. Надѣется это молодое существо на его энергію, на его талантъ, надѣется наперекоръ всѣмъ, своимъ братьямъ и сестрамъ, отцу и матери, называющимъ его, Хопрова, тоже и шалопаемъ, и тунеядцемъ. Кто не зоветъ его этой кличкой? Съ той поры, когда внезапно умеръ его отецъ, когда брезгливая нѣмка изъ благородныхъ не побрезгала украсть все, кромѣ нѣсколькихъ именныхъ денежныхъ бумагъ, когда его исключили изъ гимназіи, когда онъ, колеблясь между сценой и живописью, вступилъ вольнослушателемъ въ академію художествъ и сталъ играть на клубныхъ сценахъ, безпечно проѣдая оставшіяся послѣ отца тричетыре тысячи,—его стали любить всѣ изъ товарищей и всѣ изъ солидныхъ людей стали звать его шалопаемъ. Но кругъ товарищей рѣдѣлъ, такъ какъ его кошелекъ пустѣлъ, а товарищи выходили въ люди, и въ то же время кругъ порицателей дѣлался все многочисленнѣе, потому что вышедшіе въ люди товарищи пополняли его. Наконецъ осталась только одна личность, вѣрившая и въ его великое будущее, и въ его энергію, и въ его доброе сердце—вѣрившая даже тогда, когда онъ сталъ уже самъ сомнѣваться во всемъ этомъ въ минуты голоданья и ожесточенныхъ нападеній квартирной хозяйки.

— И никто не поможетъ, продолжала причитать сосѣдка.—А кто и радъ бы помочь, у того у самого ничего нѣтъ. Добрые-то всегда бѣдны.

Ему было страшно тяжело въ эту минуту. Его единственный другъ, его Вѣра, Вѣрочка, Вѣра Павловна, тоже ничего не имѣетъ своего. Почти еще дѣвочка, она только начинаетъ жить, вполнѣ зависитъ отъ отца и матери. Онъ не могъ долѣе крѣпиться и заплакалъ дѣтски неутѣшными слезами.

— Ахъ, вы бѣдный, бѣдный! съ чувствомъ проговорила его сосѣдка, и присѣла около него.—Тяжко вамъ, голубчикъ! Такъ-то мнѣ жаль васъ! Знаю я это, знаю горе-то! Я-же сама глазъ не осушаю.

— Добрая вы дѣвушка! пробормоталъ онъ безсознательно.

— Вотъ оба мы, какъ сироты горемычные, никого-то, никого-то у насъ нѣтъ, заунывно и жалобно протянула она и склонилась въ слезахъ къ его груди.—И гдѣ мы завтра будемъ—сами не знаемъ. На улицу, можетъ быть, выбросятъ насъ, какъ собаченокъ! Подъ какимъ нибудь заборомъ, голодные, издохнемъ!

Онъ опять услышалъ слезы и самъ, въ слезахъ, сталъ уговаривать ее. Она сокрушалась больше всего о томъ, что они такіе молодые, что они такіе здоровые, и вотъ на улицѣ погибнуть должны, счастья не видавши, любви не знавши. Онъ смутно понималъ слова, точно въ какомъ-то бреду, точно въ опьяненіи. Кто-то жалѣлъ его, кто-то ласкалъ его, кто-то говорилъ о молодыхъ погибшихъ годахъ, о людской злобѣ, о злой судьбѣ о любви къ нему и ему было все равно, кто именно говорилъ все это. Хотѣлось забыться отъ нежданнаго горя на чьей-нибудь груди, хотѣлось хоть сойти съума, только бы забыть горькую дѣйствительность. Если бы была въ эту минуту подъ рукой водка - онъ напился-бы до безчувствія мертвецки пьянымъ.

Была уже полночь, когда онъ очнулся—очнулся непріятно, чуть не со злостью отъ ея глупо-жалобныхъ, не кстати произнесенныхъ словъ:

— Старичекъ-то, можетъ быть, и умеръ, бѣдненькій!

Онъ поднялся и почти грубо сказалъ:

— Да, мы вотъ тутъ разнѣжничались, а рядомъ человѣкъ умираетъ. Подло это.

Онъ откинулъ назадъ свои густые, спутавшіеся волосы и, взявъ лампу, пошелъ въ каморку дѣда. Сосѣдка, какъ тѣнь, потащилась за нимъ.

Дѣдъ лежалъ въ странномъ положеніи, перегнувшись головой внизъ, запустивъ одну руку подъ замасляный тюфякъ; одѣяло почти совсѣмъ сбилось съ него; виднѣлись жиловатыя, обросшія волосами ноги, поднявшіяся мозолистыми пятками вверхъ; казалось, этотъ человѣкъ застылъ въ страшныхъ конвульсіяхъ.

— Умеръ! воскликнула дѣвушка.—Умеръ!

Хопровъ весь вздрогнулъ, хотѣлъ поставить на столъ лампу, но въ комнатѣ не было стола; онъ поставилъ ее дрожащими руками на полъ и потомъ съ трудомъ, какъ разбитый, выпрямился, чтобы одойпти къ дѣду.

— Бумажки! воскликнула внятнымъ шепотомъ дѣвушка и бросилась къ покойнику.

Въ рукѣ, запущенной подъ тюфякъ, скрючившейся въ послѣднихъ судорогахъ, дѣйствительно были скомканныя деньги.

— Что вы выдумываете! громко и со злостью сказалъ Хопровъ.

— Тише! тише! Тетку разбудете! Да что вы! Узнаетъ, все оберетъ! въ ужасѣ остановила его сосѣдка.

— Какъ, оберетъ? Я же наслѣдникъ! проговорилъ быстро Хопровъ и что-то такое на минуту прошло въ его душѣ, что, казалось, онъ глаза выцарапаетъ каждому, кто осмѣлится отнять у него эти деньги.

— Ну, да, наслѣдникъ! Какой онъ вамъ дѣдъ! сказала она, уже присѣвъ на полъ и торопливо хлопоча около покойника. Надо скорѣй все взять, чтобы люди не узнали. Узнаютъ, ничего не останется.

Она уже командовала Хопровымъ, приказывая ему повернуть покойника, навалившагося на край тюфяка. Она сама, дюжая, здоровая, сильная, какъ чернорабочій человѣкъ, помогла его сдвинуть къ стѣнѣ и начала шарить подъ тюфякомъ, далеко, во всѣ углы просовывая обнаженныя руки. Вытаскивая деньги, она совала ихъ въ карманы, какъ бы окаменѣвшаго Хоправа, въ его пиджакъ, въ панталоны. Ему было жутко въ этой угрюмой полутьмѣ, отъ этого зловѣщаго шепота ползавшей на полу около постели дѣвушки, при видѣ этого прижатаго къ стѣнѣ трупа, шевелившагося едва замѣтно, когда подъ нимъ шарили ищущія денегъ руки. Хопрова пугала даже тѣнь этой грабительницы, колебавшаяся на стѣнѣ и потолкѣ. Но тѣмъ не менѣе онъ точно приросъ къ мѣсту и не двигался.

— Это Богъ на нашу сиротскую долю посылаетъ! торопливымъ шепотомъ говорила между тѣмъ она. Видишь ты, это я тебѣ счастье принесла. Чѣмъ бы хоронить? Изъ чего бы за квартиру заплатить? На улицу бы выгнала тетка. Это Богъ за наше горе послалъ, сиротъ вспомнилъ.

Потомъ, когда все было выбрано, когда были обшарены всѣ уголки, она приказала Хопрову:

— Иди! иди къ себѣ! Не надо, чтобы тебя здѣсь видѣли! Я тетку разбужу. Пусть за дворникомъ пошлетъ Машутку.—Обмыть надо, все какъ слѣдуетъ сдѣлать. Бѣдненькій старичекъ!

Хопровъ въ какомъ-то чаду пошелъ въ свою комнату, взявъ лампу, сунутую ему въ руки молодой дѣвушкой. Онъ точно отупѣлъ, не протестовалъ, повиновался автоматически, какъ кукла.

Въ корридорѣ между тѣмъ раздался слабый испуганный возгласъ:

— Тетя! тетя! Не умерлъ-ли старичекъ-то? Тихо тамъ что-то! Боюсь я...

— А, ну тебя! первый сонъ перервала! послышался отвѣтъ. — Ну, буди жильца, либо Машку, пусть посмотрятъ. Чего меня тревожишь...

Хопровъ услышалъ, какъ стали будить Машку...

Черезъ четверть часа въ комнатѣ старика возились люди, обмывая шаршавое тѣло. Еще черезъ нѣсколько минутъ старикъ уже лежалъ съ сложенными на груди руками на той же постелѣ, гдѣ умеръ, только безъ тюфяка, а на голыхъ доскахъ, покрытыхъ чистой простыней. Распорядившись всѣмъ, энергично командуя людьми, покрикивая на тетку, на служанку, молодая дѣвушка прошла, наконецъ, въ комнату Ивана Ивановича, сидѣвшаго безсмысленно на своей постелѣ, и бросилась его обнимать:

— Вотъ Богъ-то не оставилъ! Видишь, я счастливая! Сколько оставилъ дѣдъ?

— Не знаю, съ безсмысленнымъ взглядомъ отвѣчалъ Хопровъ.—Ничего не знаю.

— Ну, да что толковать; послѣ сочтемъ, благо теперь съ голоду не умремъ! Ахъ, какъ я рада, что Богъ спасъ насъ! Измучились мы оба, измаялись. Вотъ дѣдушка-то отплатилъ тебѣ за все, помяни его, Господи, во царствіи своемъ! Ты его хорошо похорони, крестъ на могилкѣ поставь...

Хопровъ, снова пораженный не словами, а тономъ ея рѣчей, заплакалъ безсильный, какъ ребенокъ. Она обняла его, прижала его голову къ своей полной груди, покрыла поцѣлуями его лицо.

— Уйди... войдетъ кто нибудь... не надо... безсознательно бормоталъ онъ.

— А пусть видятъ. Намъ-то что за дѣло? Боимся мы, что-ли, кого нибудь теперь? Нѣтъ, голубчикъ, съ деньгами каждый самъ себѣ панъ. Да я теперь земли подъ собой не слышу отъ радости.

Онъ такъ упалъ духомъ, такъ былъ подавленъ, что не могъ даже протестовать, не замѣчалъ, что эта женщина дѣлаетъ его и воромъ, и своимъ сообщникомъ въ воровствѣ.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ).

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя.**

Переводъ **П. Каншина.**

(Продолженіе).

III.

Въ тотъ-же годъ, когда Губертъ сдѣлался оффиціальнымъ опекуномъ Анжелики, самъ онъ, жена его и дѣвочка, въ понедѣльникъ на Духовъ день, по обыкновенію, предприняли одну изъ своихъ дальнихъ загородныхъ экскурсій. На этотъ разъ рѣшено было отправиться завтракать въ деревенскій трактирчикъ около развалинъ замка Откеръ, расположенныхъ на высокомъ берегу Линьеля миляхъ въ двухъ ниже городка Бомона. На другое утро, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на свѣжемъ воздухѣ, послѣ веселаго смѣха и безпрестанной бѣготни, часы въ мастерской уже пробили восемь, а Анжелика все еще не просыпалась, такъ что Губертинѣ пришлось подняться наверхъ и постучаться въ дверь.

— Ахъ ты лѣнтяйка! сказала она:—все еще спишь, а мы давно уже позавтракали.

Анжелика проворно одѣлась, сошла въ кухню, гдѣ и позавтракала одна, а затѣмъ поспѣшила въ мастерскую. Губертъ и его жена были уже за работой.

— Какъ я заспалась! воскликнула воспитанница:—а мы обѣщали, что пелена эта непремѣнно будетъ готова къ воскресенью!

Мастерская эта помѣщалась въ просторной комнатѣ, выходившей окномъ въ садъ и почти сохранившейся въ своемъ первобытномъ видѣ. Сильно источенный червями и закопченый потолокъ съ его массивными матицами и съ тройнымъ рядомъ поперечныхъ перекладинъ не былъ даже выбѣленъ; штукатурка мѣстами обвалилась, такъ что положенныя крестъ-накрестъ рейки изъ драни были видны. На одномъ изъ кирпичныхъ грагштейновъ, поддерживавшихъ бревна, сохранилось еще число 1463, вѣроятно обозначавшее годъ постройки дома. Каминъ, тоже каменный, съ его перевитыми верcями, консолями, лѣпнымъ карнизомъ и съ его навѣсомъ, увѣнчаннымъ замысловатымъ украшеніемъ, хоть и сильно пострадалъ отъ времени,—камни во многихъ мѣстахъ разошлись, углы кое-гдѣ были отбиты,—но онъ все-таки, благодаря своей величавой простотѣ, сохранялъ все свое изящество. На карнизѣ еще виднѣлось наивно исполненное словно обтаявшее отъ времени изваяніе св. Клара, патрона вышивальщиковъ. Каминъ этотъ, однако, уже не топился; въ устьѣ его понадѣлали полокъ, такъ что прежній очагъ превратился въ шкафъ, гдѣ хранились узоры, а мастерская отапливалась теперь желѣзною печью, въ видѣ большаго колокола, отъ котораго вдоль потолка шла желѣзная же труба, другимъ концомъ своимъ выходившая въ отверстіе, пробитое въ верхней части камина. Уже не плотно затворявшіяся двери съ покосившимися притолоками относились къ царствованію Людовика XIV. Штучный полъ совсѣмъ приходилъ въ ветхость, и сгнившія доски его во многихъ мѣстахъ замѣнены были новыми. Стѣны, лѣтъ сто тому назадъ окрашенныя въ желтый цвѣтъ, вверху полиняли, а внизу растрескались и на штукатуркѣ пятнами выступила селитра. Каждый годъ толковали о томъ, что стѣны надо бы окрасить заново, но ненависть хозяевъ ко всякимъ перемѣнамъ была такъ сильна, что слова эти такъ и оставались одними словами.

Губертина, сидѣвшая у большихъ пялецъ, на которыя натянута была матерія для пелены, при появленіи Анжелики подняла голову и нѣсколько откинулась назадъ.

— Помнишь, заговорила она:—я обѣщала тебѣ цѣлую корзину фіалокъ для сада, если пелена будетъ готова къ воскресенью.

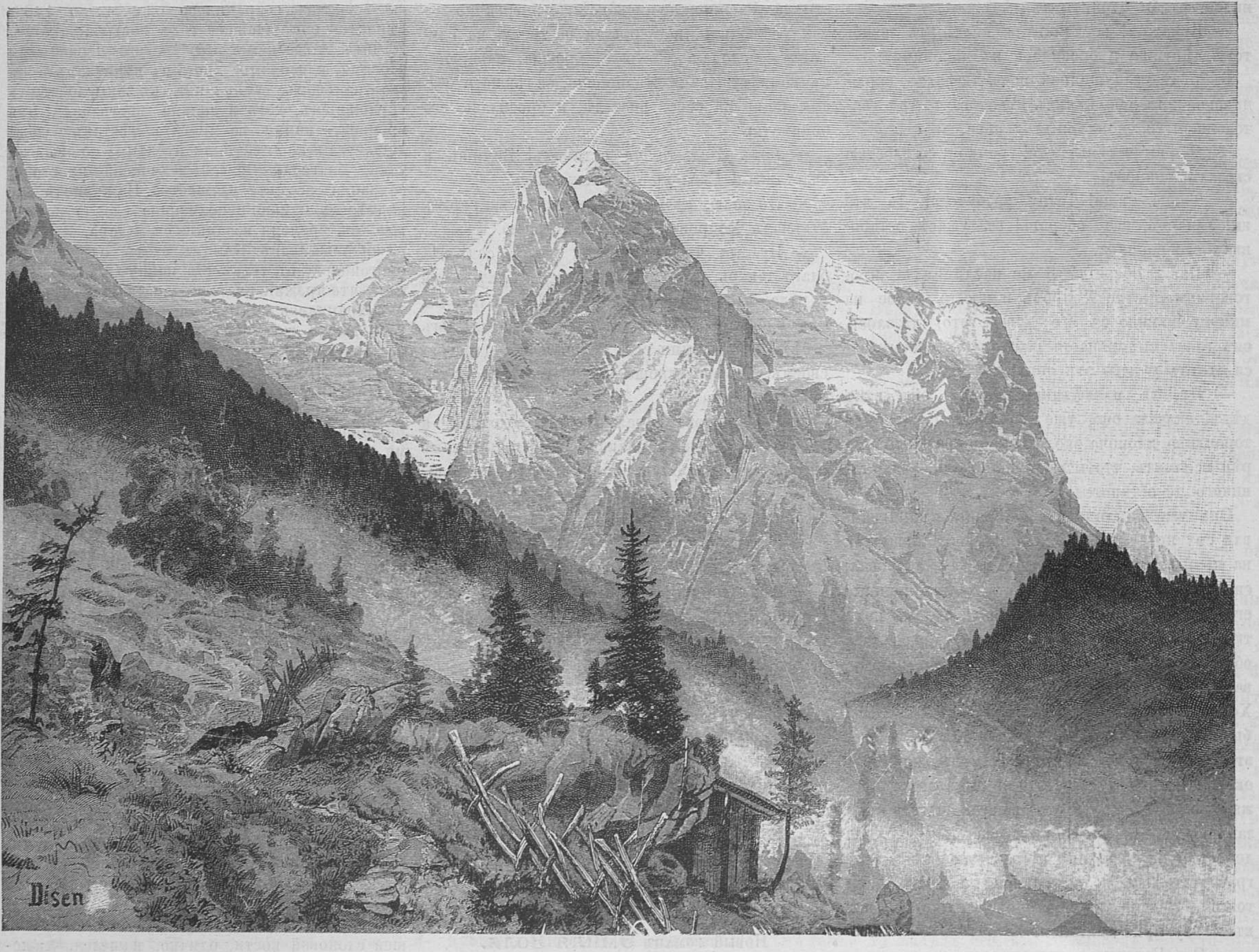
— Помню, помню! весело отозвалась дѣвочка:—но куда это мой сквозной наперстокъ дѣвался?.. Словно сквозь землю провалился... Стоитъ хоть день одинъ не поработать, ничего потомъ не найдешь.

Старый сквозной наперстокъ изъ пожелтѣвшей слоновой кости, однако, нашелся. Анжелика надѣла его на второй суставъ мизинца и сѣла по другую сторону пялецъ лицомъ къ окну, выходившему въ садъ.

Въ обстановкѣ мастерской приблизительно съ половины прошедшаго столѣтія не произошло никакой перемѣны. Моды измѣнялись, въ самомъ искусствѣ вышиванія совершались разныя превращенія, но въ этомъ, словно застывшемъ въ старинѣ уголкѣ все оставалось въ прежнемъ положеніи: тѣ же козлы, на которые ставились переносныя рамы пялецъ, та же движимая колесомъ машинка для разматыванія золота на катушки, не прикасаясь къ нему пальцами; тотъ же допотопный крюкъ въ стѣнѣ, чтобы сучить накинутыя на него нитки; тѣ же швейные тамбуры для вышиванія крючкомъ съ натянутою на нихъ матеріей; та же доска съ круглыми углубленіями для блестокъ разной величины; тотъ же классическій подсвѣчникъ съ широкимъ основаніемъ, съ незапамятныхъ временъ находящійся въ употребленіи у вышивальщиковъ. На ременныхъ петляхъ прибитой къ стѣнѣ вѣшалки—шилья, колотушки, молотки, острыя металлическія и тупыя деревянныя орудія для вырѣзыванія изъ веленеваго картона разныхъ фигурокъ, употребляемыхъ при шитьѣ золотомъ и для приданія этимъ фигуркамъ выпуклой формы; на столѣ особый вертящійся снарядъ изъ ивовыхъ вѣтвей для разматыванія на клубки мотковъ шелка и нитокъ; виднѣлись цѣлыя гирлянды нанизанныхъ на снурокъ катушекъ съ яркими разноцвѣтными шелками. Неподалеку стоялъ липовый столъ, на которомъ вырѣзывали веленевыя фигурки, а около него корзина съ пустыми катушками. Большія ножницы небрежно брошены были на соломенное сидѣнье стула; полуразмотавшійся мотокъ тонкой бичевки валялся на полу.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Дизена.



Утро на Альпахъ.

Гравировалъ на деревѣ Мейеръ.

— Ахъ, какая погода, прелесть! воскликнула Анжелика: Хорошо, право, хорошо жить на свѣтѣ!

Прежде чѣмъ окончательно сѣсть за работу, она остановилась у окна и на нѣсколько минутъ совсѣмъ забылась, глядя на лучезарное майское утро, словно врывавшееся въ мастерскую. Яркій солнечный лучъ изъ-за высокой крыши собора пробивался въ комнату, образуя свѣтлый треугольникъ на косякѣ окна; свѣжій запахъ сирени доносился изъ садика при епископскомъ домѣ. Анжелика, упоенная, почти ослѣпленная прелестью весенняго утра, улыбалась; вдругъ она вздрогнула, словно пробуждаясь отъ минутной дремоты.

— У меня золота больше нѣтъ, сказала она, обращаясь къ Губерту.

Онъ, тѣмъ временемъ выкалывавшій большою иголкой узоръ для церковной мантіи, досталъ изъ сундука мотокъ золота, разрѣзалъ его пополамъ, слегка поцарапалъ ногтями образовавшіеся концы и, завернувъ средину въ толстую бумагу, передалъ золотыя нити юной вышивальщицѣ.

— Больше ничего не нужно?

— Ничего; все остальное есть.

Онъ опытнымъ взглядомъ окинулъ все приготовленное для работы и убѣдился, что дѣйствительно ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Все было на мѣстѣ: — катушки съ разноцвѣтнымъ ярко желтымъ, блѣднымъ, красноватымъ и зеленоватымъ золотомъ; крученый и некрученый шелкъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; блестящая, матовая, гладкая и граненая канитель; блестки всякаго размѣра... Все это свалено было въ тулью отъ старой мужской шляпы, замѣнявшую рабочую корзину. Валялись также тутъ длинныя и тонкія иголки, стальныя щипчики, наперстки, ножницы, восковая катушка; все это безпрестанно припрыгивало на туго-натянутой матеріи пелены, защищенной отъ порчи большими листами сѣрой бумаги.

Анжелика вдѣла въ иголку золотую нить, но при первомъ стежкѣ нить эта оборвалась, и дѣвушка, слегка заостривъ конецъ, вдѣла его снова, а осыпавшееся золото бережно спрятала въ коробочку, стоявшую тутъ же на пяльцахъ.

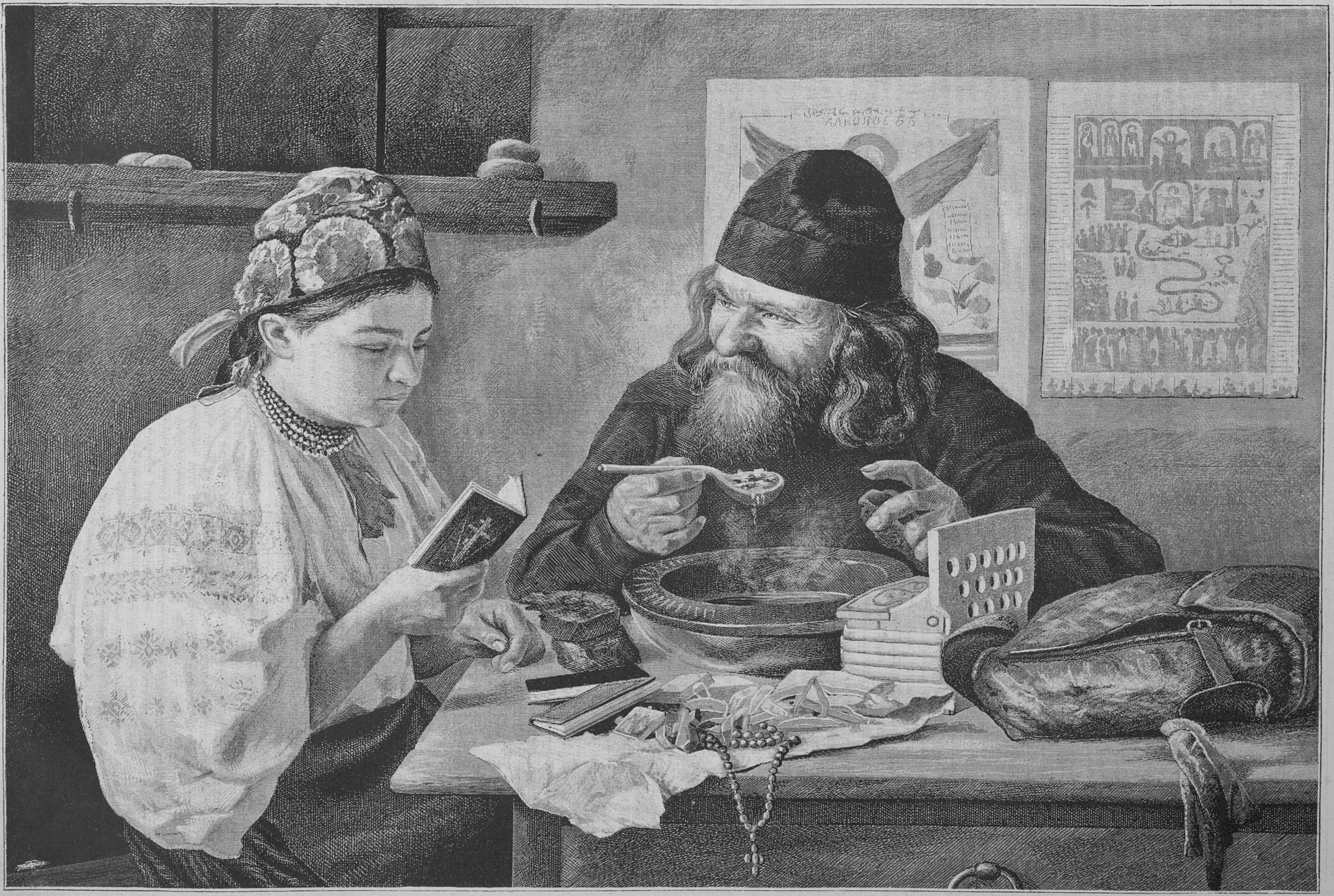
— Ну, слава Богу, теперь обрываться больше не будетъ, проговорила она, сдѣлавъ нѣсколько стежковъ.

Въ мастерской воцарилось глубокое молчаніе. Губертъ принялся впяливать другой кусокъ матеріи. Онъ дѣлалъ это очень осторожно, чтобы полосы ярко-красной шелковой матеріи, которыя Губертина только что сшила вмѣстѣ около кромокъ, не перекосились. Онъ сначала закрутилъ одинъ изъ концовъ матеріи вокругъ одного изъ подвижныхъ валиковъ, потомъ, сдѣлавъ съ обоихъ боковъ веревочные переплеты, сталъ все туже и туже натягивать матерію. Когда это было окончено, онъ постукалъ ногтемъ по матеріи, и она издала совершенно барабанный звукъ.

Изъ Анжелики вышла замѣчательная вышивальщица; ея ловкость и ея вкусъ приводили Губертовъ въ восторгъ. Кромѣ того, чему она научилась у нихъ же, она съ свойственной ей страстностью вносила въ дѣло своего рода вдохновеніе, придававшее цвѣтамъ жизнь и особенную святость символическимъ изображеніямъ. Подъ ея руками шелкъ и золото одушевлялись; глубоко религіозное настроеніе мастерицы сказывалось въ мельчайшихъ подробностяхъ работы, въ которую она влагала всю свою вѣчно бодрствовавшую фантазію, свою горячую, восторженную вѣру въ таинственный міръ непостижимаго и необъятнаго. Иныя изъ ея работъ привели въ такой восторгъ всю

XVI ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 1888 ГОДА.

Съ картины В. Е. Маковскаго, рисовалъ для «Жив. Обоз.» Н. Тихановъ.



По пути изъ Кіева.

бомонскую епархію, что одинъ изъ членовъ этой епархіи, съ увлеченіемъ занимавшійся археологіей, а другой, страстный любитель живописи, нарочно пришли къ Губертамъ, чтобы познакомиться лично съ юной мастерицей, и разсыпались въ похвалахъ ея таланту. Они находили, что лики Богородицы, вышитые шелками Анжеликой, можно сравнить только съ полными наивной вѣры произведеніями вдохновенныхъ художниковъ первыхъ временъ христіанства: та же искренность, то же стремленіе къ неземному, соединенныя съ удивительнымъ совершенствомъ въ исполненіи мельчайшихъ деталей. У нея былъ врожденный талантъ къ рисованію, и она безъ учителя, а только собственной охотой по вечерамъ и при свѣтѣ лампы, занимаясь рисованіемъ, достигла того, что могла исправлять оригиналы, служившіе ей образцами, удаляться отъ нихъ, давая волю собственной фантазіи, и въ работѣ иголкой доходить до настоящаго творчества, такъ что сами Губерты, зная по опыту, что умѣніе рисовать—большое достоинство въ хорошей вышивальщицѣ, не смотря на всю свою долголѣтнюю практику въ этомъ дѣлѣ и на то замѣчательное мастерство, которое успѣли въ немъ достигнуть, добровольно стушевывались передъ изумительнымъ искусствомъ воспитанницы. Кончилось тѣмъ, что сами они, скромно уступая ей первое мѣсто, снизошли до степени ея помощниковъ и при исполненіи большихъ и роскошныхъ заказовъ брали на себя только подготовительную работу, главное предоставляя ей.

Сколько чудесъ вышло изъ-подъ ея искусныхъ пальцевъ за тѣ годы, когда она изо дня въ день окружена была шелковыми тканями, атласомъ, бархатомъ, золотымъ и серебрянымъ глазетомъ, по которымъ выводила узоры шолкомъ, золотомъ и серебромъ! Она вышивала пелены, ризы, стихари, епитрахили, церковныя мантіи, митры, тіары, орари, воздухи и хоругви. Но болѣе всего ей приходилось вышивать церковныхъ одѣяній, гдѣ безпрестанно являлось пять неизмѣнныхъ цвѣтовъ:—бѣлый, красный, черный, фіолетовый и зеленый. Бѣлыя ризы изготовлялись для исповѣдниковъ; красныя и фіолетовыя для прелатовъ, епископовъ и кардиналовъ; черныя для похоронъ и для дней поста и покаянія; зеленыя для обыкновенныхъ праздничныхъ дней. Золото, къ которому прибѣгали чаще всего, могло замѣнить собою цвѣта бѣлый, красный и зеленый. Въ центрѣ крестовъ постоянно повторялись одни и тѣ же символы: вензеля Іисуса Христа и Дѣвы Маріи, треугольникъ, окруженный лучами, агнецъ, пеликанъ, голубь, чаша, потиръ, сердце, изъ котораго сочилась кровь, окруженное терновымъ вѣнцомъ; на верхнихъ же, нижнихъ и боковыхъ оконечностяхъ—множество всевозможныхъ украшеній, арабесокъ въ старинномъ и церковномъ стилѣ и въ особенности множество крупныхъ и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, какъ розы, анемоны, тюльпаны, піоны, гранаты, гортензіи и проч. Не проходило ни одного времени года безъ того, чтобы ей, по черному серебромъ, а по красному золотомъ,—не приходилось вышивать колосьевъ и символическаго винограда. Когда заказывали очень дорогія и роскошныя пелены, она со всѣми тѣнями вышивала цѣлыя картины:—лики святыхъ, Благовѣщеніе, Рождество или Распятіе Христово, окруженныя великолѣпными золотыми и серебрянными вышивками вмѣсто рамъ. Иногда вышивки производились прямо на матеріи, а иногда на шелковыхъ, чаще всего атласныхъ, полосахъ, которыя потомъ накладывались на парчу, глазетъ или бархатъ. Вся эта роскошная флора, всѣ эти художественно исполненныя эмблемы, полныя мистическаго великолѣпія, однѣ за другими выходили изъ-подъ тонкихъ и искусныхъ пальчиковъ молодой дѣвушки.

Въ данную минуту Анжелика по бѣлому атласу вышивала пелену, угловые узоры которой состояли изъ яркихъ розъ и изъ пучковъ золотыхъ лилій, а въ срединѣ долженъ былъ красоваться вѣнокъ изъ мелкихъ розъ, вышитыхъ матовымъ золотомъ, а внутри его богато разукрашенный вензель Дѣвы Маріи, выведенный красноватой и зеленоватой золотою канителью.

Оканчивая лепестки маленькихъ матовыхъ розъ, Анжелика, болѣе часа не проронила ни слова, но нитка оборвалась опять, и дѣвушка, какъ умѣлая работница, ощупью вдѣла ее въ иголку подъ пяльцами. Потомъ она слегка откинула голову и глубоко вздохнула, съ наслажденіемъ впивая въ себя весенній воздухъ, врывавшійся въ мастерскую.

— Ахъ, какая вчера была чудная погода! тихо заговорила она,—никогда я этого дня не забуду.

Губертина, вощившая въ это время нитку, покачала головою и сказала:—

— Тебѣ хорошо, ты молода, а я такъ устала, что теперь руки почти совсѣмъ не слушаются... Да, устаешь очень скоро, когда рѣдко выходишь изъ дому, и особенно когда молодость давно миновала.

Тѣмъ не менѣе она тутъ-же снова принялась за дѣло. Подготовляя работу для Анжелики, она нашивала на атласъ вырѣзанные картонные листки, изъ которыхъ должны были образоваться золотыя лиліи. Эти картонныя вырѣзки придавали рельефность золотой настилкѣ.

— А у меня отъ весенняго солнца постоянно голова заболѣваетъ, вмѣшался хозяинъ, уже впяливші й красную матерію и готовившійся рисовать на ней узоръ.

Анжелика за работу все еще не принималась. Она отуманеннымъ взглядомъ слѣдила за солнечнымъ лучемъ, пробивавшимся изъ-за одного изъ соборныхъ откосовъ.

— Нѣтъ, меня солнце и воздухъ не утомляютъ, снова отозвалась дѣвушка:—напротивъ, они меня освѣжаютъ и оживляютъ... Вчера я почти весь день пробѣгала, а нисколько не устала.

Она окончила золотые листья, замѣнявшіе на узорѣ зелень, и принялась за пышную и яркую розу, заранѣе приготовивъ столько разноцвѣтныхъ нитокъ, сколько тѣней шелка входило въ составъ узора, и начала шить гладью. При этомъ направленіе стежковъ согласовалось съ направленіемъ самихъ лепестковъ, такъ что стежки довольно живо напоминали жилки цвѣтка. Работа эта требовала большого вниманія и очень большой ловкости, тѣмъ не менѣе воспоминанія о вчерашней прогулкѣ, молчаливо ожившія въ ней во время недавняго перерыва работы, нахлынули теперь съ такою неудержимою силою и въ такомъ изобиліи, что совсѣмъ охватили ее и сами собою просились на языкъ. Она стала вслухъ перебирать всѣ ощущенія вчерашняго дня, начиная съ выхода изъ дому: впечатлѣніе, произведенное на нее загородною мѣстностью, завтракъ въ сельскомъ трактирчикѣ, устроенномъ въ одной изъ вымощенныхъ каменными плитами залъ развалившейся, нѣкогда укрѣпленной Откерской крѣпости, разрушенныя стѣны которой господствовали надъ рѣкою, протекавшею среди камышей шагахъ въ ста отъ замка.

Память дѣвушки была переполнена этими развалинами, человѣческими костями, валявшимися между кустами колючаго терновника. Величавость руинъ ясно свидѣтельствовала о колоссальности этой постройки, когда разрушеніе еще не коснулось ея, и она грозно возвышалась, надменно властвуя надъ двумя долинами. Главный корпусъ замка, или средняя башня, по крайней мѣрѣ, метровъ въ шестьдесятъ вышиною, хотя крыша надъ ней и карнизы ея давно обвалились, а стѣны дали трещины, стоялъ еще твердо на своемъ фундаментѣ, въ пятнадцать футовъ толщиною. Еще двѣ башни, именно башни царя Давида и Карла Великаго, связанныя между собою крѣпкою куртиною, остались почти невредимыми. Внутри укрѣпленій сохранились кое-какіе слѣды прежнихъ построекъ, какъ-то, капеллы, громадной залы, въ которой въ былые дни чинились судъ и расправа, а также нѣсколькихъ жилыхъ покоевъ. Ширина лѣстницъ и высота ступенекъ, громадные размѣры оконъ и подоконниковъ, каменныя скамьи на террасахъ,—словомъ, все казалось выстроеннымъ великанами и для великановъ и было-бы совершенно непригоднымъ для современныхъ измельчавшихъ поколѣній. Это нѣкогда была не только крѣпость, но и цѣлый укрѣпленный городъ, гдѣ человѣкъ пятьсотъ ратниковъ легко могли въ теченіи двухъ съ половиной лѣтъ выдержать осаду, не чувствуя недостатка ни въ съѣстныхъ припасахъ, ни въ боевыхъ снарядахъ. Но вотъ уже болѣе двухъ столѣтій какъ въ расщелинахъ стѣнъ росли кусты шиповника; на пригоркахъ мусора, образовавшихся отъ рухнувшихъ потолковъ, зеленѣли побѣги ракитника, благоухала сирень, а изъ камина залы тѣлохранителей выросъ высокій яворъ. Когда же лучи заходящаго солнца озаряли краснымъ свѣтомъ стѣны рухнувшаго великана и удлиненная тѣнь отъ главнаго его корпуса падала на воздѣланныя поля, окружавшія его на недоступное для невооруженнаго глаза пространство, великанъ этотъ въ сумракѣ вечерняго тумана снова принималъ свой прежній горделивый образъ и снова чудилась въ немъ та несокрушимая мощь, которая въ давно минувшія времена заставляла трепетать даже самихъ королей Франціи.

— Я убѣждена, думая вслухъ, продолжала Анжелика:—да, убѣждена, что въ развалинахъ до сихъ поръ живутъ духи усопшихъ и показываются тамъ по ночамъ. Тамъ постоянно слышатся разные страшные голоса, со всѣхъ сторонъ, на васъ во всѣ глаза смотрятъ разныя живыя существа .. А когда мы уходили, я обернулась и ясно видѣла, какъ двѣ огромныя длинныя и бѣлыя тѣни парили надъ стѣнами.

Губертина добродушно улыбнулась.

— Ну, проговорила она:—я, по крайней мѣрѣ, никогда не видала никакихъ привидѣній, да ихъ вовсе и нѣтъ.

Хотя привидѣній она по собственному ея признанію никогда не видывала, но исторію укрѣпленнаго, нынче разрушеннаго замка знала, вычитавъ ее въ какой-то книгѣ, и теперь, по настоятельной просьбѣ дѣвушки, должна была разсказать ее снова.

Земля, на которой расположенъ былъ замокъ, со всѣми принадлежащими къ ней угодьями со временъ св. Реми, получившаго ее въ даръ отъ короля Кловиса, была однимъ изъ удѣловъ реймскаго архіепископства. Въ началѣ XII-го столѣтія одинъ изъ этихъ епископовъ, именно Северинъ, чтобы защитить страну отъ нападеній норманнъ, поднимавшихся вверхъ по Уазѣ, въ которую впадаетъ Линьель, возвелъ вокругъ замка Откеръ надежныя укрѣпленія. Въ слѣдующемъ столѣтіи, одинъ изъ преемниковъ Северина уступилъ его ленъ Норберту, одному изъ младшихъ членовъ владѣтельнаго дома герцоговъ норманскихъ за ежегодную дань въ шестьдесятъ су и съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы и городъ Бомонъ и его церковь оставались свободными отъ всякихъ податей. Такимъ образомъ Норбертъ сдѣлался родоначальникомъ маркизовъ Откеръ, славное потомство котораго стало съ этихъ поръ наполнять своими дѣяніями страницы исторіи. Эрве IV, не смотря на свое званіе не брезгавшій разбоями на большихъ дорогахъ и дважды отлучаемый отъ церкви за похищеніе церковныхъ имуществъ, дождался, наконецъ, того, что за войну, затѣянную имъ противъ французскаго короля Людовика Толстаго, укрѣпленный замокъ его былъ срытъ до основанія тѣмъ-же королемъ. Рауль I, встрѣтившись въ бою съ Филиппомъ-Августомъ, погибъ подъ Сэнъ-Жанъ-д'Акромъ отъ удара копьемъ прямо въ сердце. Но самымъ прославленнымъ изъ всѣхъ потомковъ Норберта былъ Іоаннъ V, прозванный Великимъ. Онъ въ 1225 году заложилъ снова срытую крѣпость и менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ воздвигъ тотъ грозный замокъ Откеръ, подъ защитой котораго онъ одно время мечталъ сдѣлаться королемъ Франціи. Будучи зятемъ шотландскаго короля, онъ, выйдя невредимымъ, по крайней мѣрѣ, изъ двадцати кровопролитныхъ сраженій, спокойно умеръ въ своей постели. Впослѣдствіи прославились Феліціанъ III, ходившій пѣшкомъ въ Іерусалимъ, Эрве VII, предъявлявшій свои права на престолъ Шотландіи; за ними въ теченіи многихъ вѣковъ слѣдовалъ цѣлый рядъ знатныхъ и болѣе или менѣе могучихъ потомковъ, пока Іоанна IX при кардиналѣ Мазарини не постигла непоправимая бѣда. Къ его величайшему огорченію, замокъ, въ которомъ, ради развлеченія, нѣкоторое время проживалъ помѣшанный король Карлъ VI и который, два столѣтія спустя, вмѣстѣ съ Габріелью д'Эстрэ посѣтилъ Генрихъ IV, былъ снова разрушенъ. Во время осады онъ былъ минированъ и взорванъ; двѣ боковыя башни разрушены совершенно, средній корпусъ значительно поврежденъ, всѣ внутреннія постройки сожжены. Всѣ эти царственныя воспоминанія спали теперь непробуднымъ сномъ и поростали травою забвенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ежа.**

(Переводъ съ польскаг **А. Сахаровой**).

(Продолженіе).

На слѣдующій день, утромъ, во дворецъ явился Чолничъ и отправился прямо къ бану.

— Ничего не выгорѣло... началъ онъ. Объ этомъ дѣлѣ разболтали, а изъ него ничего не выйдетъ...

— Что?... спросилъ банъ, не понимая, о чемъ идетъ рѣчь.

— Ляіошъ не женится на графинѣ Печичъ.

— Что?.. повторилъ банъ тономъ, доказывающимъ высшую степень изумленія,

— Ляіошъ не женится на графинѣ...

— Ты обезумѣлъ, парень!..

— Не думаю, чтобы на меня напало сумасшествіе...

— На кого-же?.. вѣдь не на меня-же?.. Развѣ ты ошибся и сказалъ мнѣ не то, что думалъ...

— Я говорю то, что есть...

— Ты говоришь, что онъ не женится на Печичъ...

— Я говорю это и повторяю...

— Почему?..

— Не хочетъ...

— Человѣкъ, однако, хочетъ или не хочетъ на какомъ-нибудь основаніи... Высказываетъ-ли Ляіошъ какую нибудь причину?..

— Высказываетъ...

— Какую, интересно знать?..

— Онъ влюбился въ другую, отдалъ свое сердце другой...

— Что за нелѣпость!.. воскликнулъ банъ тономъ негодованія. Въ другую?.. Я бы швырнулъ дюжину ихъ для этой одной...

— Гмъ!.. проговорилъ Чолничъ.

— И что-же онъ говоритъ?..

— Говоритъ, что не хочетъ и баста...

— Но это не можетъ быть!.. нѣтъ!.. о!.. крикнулъ банъ, въ которомъ закипѣлъ гнѣвъ. Отецъ мнѣ его довѣрилъ... Я не позволю шутить надъ собою...

Онъ надулся, нахмурился и громко засопѣлъ. Онъ молчалъ съ минуту, думалъ и, наконецъ, проговорилъ:

— Поговоримъ съ графиней...

Онъ послалъ за женой и въ ожиданіи ея прихода принялся барабанить пальцами по столу.

Графиню не менѣе мужа поразило извѣстіе о нежеланіи Ляіоша жениться на наслѣдницѣ знатнаго имени и громаднаго состоянія и она, услыхавъ объ этомъ, не вѣрила собственнымъ ушамъ. И она спросила о причинѣ.

— Влюбленъ въ другую? Что-жь, это мѣшаетъ?

— Ему это мѣшаетъ... сказалъ Чолничъ.

— Неслыханное дѣло!.. Эта другая должна быть, вѣрно какимъ нибудь седьмымъ чудомъ... Кто это такая?

— Гмъ... пробормоталъ и кивнулъ головой Чолничъ.

— Сказалъ-ли онъ?

— Сказалъ.

— Можно узнать ея имя?

— Ну, онъ не требовалъ сохраненія тайны, значитъ, я могу назвать ея имя, тѣмъ болѣе, что вы сами разглашать его не станете. Предметомъ любви Ляіоша является внучка стараго Дещича.

Оба супруга остолбенѣли и, опомнившись отъ перваго впечатлѣнія, банъ началъ фыркать себѣ подъ носъ, графиня-же принялась ходить по комнатѣ и охать. Минутное молчаніе было прервано ею.

— Но вѣдь это... это ни на что не похоже! это... юношеская выходка, романъ изъ какой-то книжки, или изъ сказки... Что-жь она, эта внучка Дещича... красива?..

— Ничего... отвѣтилъ Чолничъ.

— Не красивѣе-же графини Изабеллы?

— Тсъ!.. красота зависитъ отъ того, какими кто глазами на нее смотритъ... Та деревенщина.

— Онъ вѣдь не бывалъ въ домѣ у Дещича?

— Нога его уже тринадцать лѣтъ не переступала черезъ порогъ дубровацкаго дома.

— Значитъ онъ долженъ былъ встрѣчаться съ ней гдѣ нибудь украдкой.

— Не встрѣчался, отвѣтилъ Чолничъ.

— Значитъ какъ-же?

— Онъ не обмѣнялся съ нею и двумя словами.

— Быть не можетъ!.. воскликнула она.

— Точно такъ.

— Онъ только видѣлъ ее и... такъ?.. съ одного взгляда?..

— Съ одного взгляда... подтвердилъ Чолничъ.

— Вѣдь это ребячество!.. воскликнула она.

— И я такъ думаю. Я сказалъ ему это. Что-же это однако?.. Это ребячество въ настоящее время становится намъ поперекъ дороги нашимъ намѣреніямъ.

— Дайте мнѣ только съ нимъ поговорить... Я ужь ему это докажу... сказала она, успокаиваясь и произнося эти слова съ оттѣнкомъ самоувѣренности. Онъ парень грубоватый и неотесанный, но разбитной и ловкій: его можно образумить.

Чолничъ пожалъ плечами. Графиня ходила по комнатѣ. Банъ крякнулъ и откликнулся:

— Ну вотъ... такъ прекрасно придуманный планъ движенія въ Сисакской области разлетается подобно карточному домику.

— Ему можно это сказать.

Чолничъ тряхнулъ головой. Графиня, не обращая вниманія на этотъ жестъ, продолжала:

— И представить, что онъ приноситъ вредъ себѣ и общественному дѣлу. Это будетъ еще однимъ доказательствомъ для сравненія между Печичъ и Дещичъ, хотя-бы эта Дещичъ была красивѣе Печичъ. Печичъ?.. Дещичъ?.. Ха... ха... засмѣялась она про себя. Это ребячество... ребячество... ребячество... повторяла она все болѣе спокойно и самоувѣренно. Молодежь часто даетъ старикамъ разгрызать подобные орѣхи... Но это ничего... надо умѣть приняться за молодежь.

— Я бы за него принялся!.. пробормоталъ банъ.

— Ну? какъ?.. спросила графиня.

— Я велѣлъ-бы пандурамъ привести его къ алтарю связаннаго и поставить на колѣни.

— Онъ не произнесъ-бы клятвы.

— Не произнесъ-бы?.. подхватилъ онъ. Онъ-бы ее чропѣлъ!

— Развѣ графиня Изабелла согласилась-бы на что нибудь подобное?

Слова эти охладили пылъ, начинавшій проявляться у бана.

— А слѣдовательно... начала она, обращаясь къ Чолничу. Ребячествомъ нечего тревожиться. Если-бы было время, можно-бы было предоставить это дѣло времени, которое является лучшимъ лекарствомъ для ранъ, нанесенныхъ стрѣлами купидона. Однако, такъ какъ времени нѣтъ, потому что и такъ ужь въ Вѣнѣ сердятся на то, что Кроація не готовится къ оборонѣ, поэтому надо поскорѣе придумать и примѣнить спасительныя средства. Я не въ такой, не упустила она случая похвастаться, перепалкѣ бывала. Пусть-же Ляіошъ придетъ сюда... Ступай и приведи его съ собою.

— Захочетъ-ли онъ придти?

— Я велю его привести!.. разразился банъ.

— А нѣтъ... отвѣтила она, протягивая руку мужу. Если-бы онъ не захотѣлъ придти сейчасъ, придетъ позже... вечеромъ, завтра, послѣзавтра наконецъ. День, два проволочки не составляютъ большой разницы: можно потомъ наверстать потерянные дни, ускоряя срокъ свободы; его-же непринужденный приходъ будетъ уже хорошимъ предзнаменованіемъ, потому что это будетъ доказательствомъ, что онъ раздумываетъ, колеблется; что его упорство слабѣетъ. Пусть только придетъ.

Послѣднія фразы, произнесенныя такимъ тономъ, какимъ ихъ произнесла графаня, выражали: пусть только попадется ко мнѣ въ лапы...

Чолничъ ушелъ. Графиня не выходила. Было очевидно, что въ головѣ ея мелькали мысли, живо интересовавшія ее, потому что она ходила и то улыбалась про себя, то слегка покачивала головой, то размахивала рукой, или же останавливалась у стола, щурилась и засматривалась на мужа или на какой нибудь другой предметъ.

— Если придетъ... обратилась она наконецъ къ бану.

— А, гмъ! отвѣтилъ тотъ и прибавилъ тономъ, въ которомъ слышалось довѣріе къ двумъ фразамъ высказаннымъ женою: только-бы пришелъ...

— Не можетъ не придти. Ему вѣрно хочется вернуться въ Климовацъ, ну такъ Чолничъ ему объяснитъ, что онъ не можетъ выѣхать изъ Загребья, не попрощавшись съ нами. Поэтому онъ, придетъ если не сегодня, такъ завтра или послѣзавтра... и я съ нимъ переговорю.

— Ну... вздохнулъ оанъ.

— Дѣло очень просто: чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ лучше.

Она не договорила еще этихъ словъ, когда въ дверяхъ явился Чолничъ, а за нимъ Ляіошъ. Банъ при видѣ его поправился на стулѣ. Графиня остановилась, глаза ея забѣгали, на лицѣ отразилось легкое замѣшательство. Однако, замѣшательство тотчасъ исчезло. Она окинула съ головы до ногъ взглядомъ молодого человѣка, входившаго съ такимъ спокойствіемъ и такой самоувѣренностью, точно съ его появленіемъ не было связано никакого щекотливаго вопроса. Онъ вошелъ, поздоровался съ баномъ и его супругой и сразу подвергся нападенію графини, которая обратилась къ нему со слѣдующими словами:

— О, блудный сынъ!.. значитъ ты возвращаешься къ тѣмъ, которые замѣняютъ тебѣ отца и мать, которые любятъ тебя, какъ отецъ и мать, и которые также желаютъ тебѣ добра.

Въ этихъ словахъ звучало чувство. Ляіошъ отвѣчалъ на нихъ взглядомъ, въ которомъ выразилась растроганная благодарность.

Графиня спросила:

— Что это тебѣ въ голову втемяшилось?

— А что-же?.. началъ онъ.

— Развѣ это годится! прервала она. Ты не подумалъ и выкинулъ такую глупость, съ какой ничто въ мірѣ не можетъ сравниться. Если бы эта глупость осуществилась на дѣлѣ, то ты сталъ-бы мишенью людскихъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Люди указывали бы на тебя пальцемъ и говорили: «поглядите-ка, это тотъ, который отказался отъ руки влюбленной въ него дѣвушки, самой лучшей, самой умной, самой красивой и самой богатой во всей венгерской имперіи. И они сказали бы еще: глупый... глупый... глупый... Что-жь ты на это?..

Ляіошъ опустилъ голову, нахмурилъ брови и молчалъ,

— О, глупый... глупый... глупый... проговорилъ банъ тономъ убѣжденія и одобренія.

— Видишь, тебѣ стыдно... начала опять графиня. Все дѣло въ томъ, что ты не обсудилъ и принялъ какую-то ребяческую романтическую мечту за дѣйствительность.

Молодой человѣкъ поднялъ голову.

— Но—продолжала она,—вѣдь ты ужь не ребенокъ. Минутнаго размышленья тебѣ достаточно, чтобы оцѣнить тѣ выгоды и почести, которыя тебѣ выпадутъ на долю отъ супружества съ графиней Изабеллой.

— А, гмъ... крякнулъ онъ, какъ бы желая что то сказать.

— Что-же ты можешь сказать противъ нея?

— Ничего, ей-Богу... отвѣтилъ онъ.

— Добрая, набожная, умная, прекрасно воспитанная, молодая, красивая, богатая: кто-же сравняется съ ней?

Онъ отвѣтилъ утвердительно жестомъ.

— И поэтому-то, что у тебя сорвалось съ языка передъ Чолничемъ, пусть будетъ предано забвенію, и для того, чтобы эта глупость была какъ можно скорѣе предана забвенію, мы сегодня-же отпразднуемъ твое обрученіе съ графиней Печичъ.

— А... нѣтъ... запротестовалъ онъ протяжно.

— Не сегодня, такъ завтра, послѣзавтра... подхватила графиня поспѣшно, желая спастись отъ угрожающей перспективы.

— Ни завтра, ни послѣзавтра, никогда... отвѣтилъ онъ, хотя спокойно, но внушительно, подкрѣпляя послѣднее слово жестомъ.

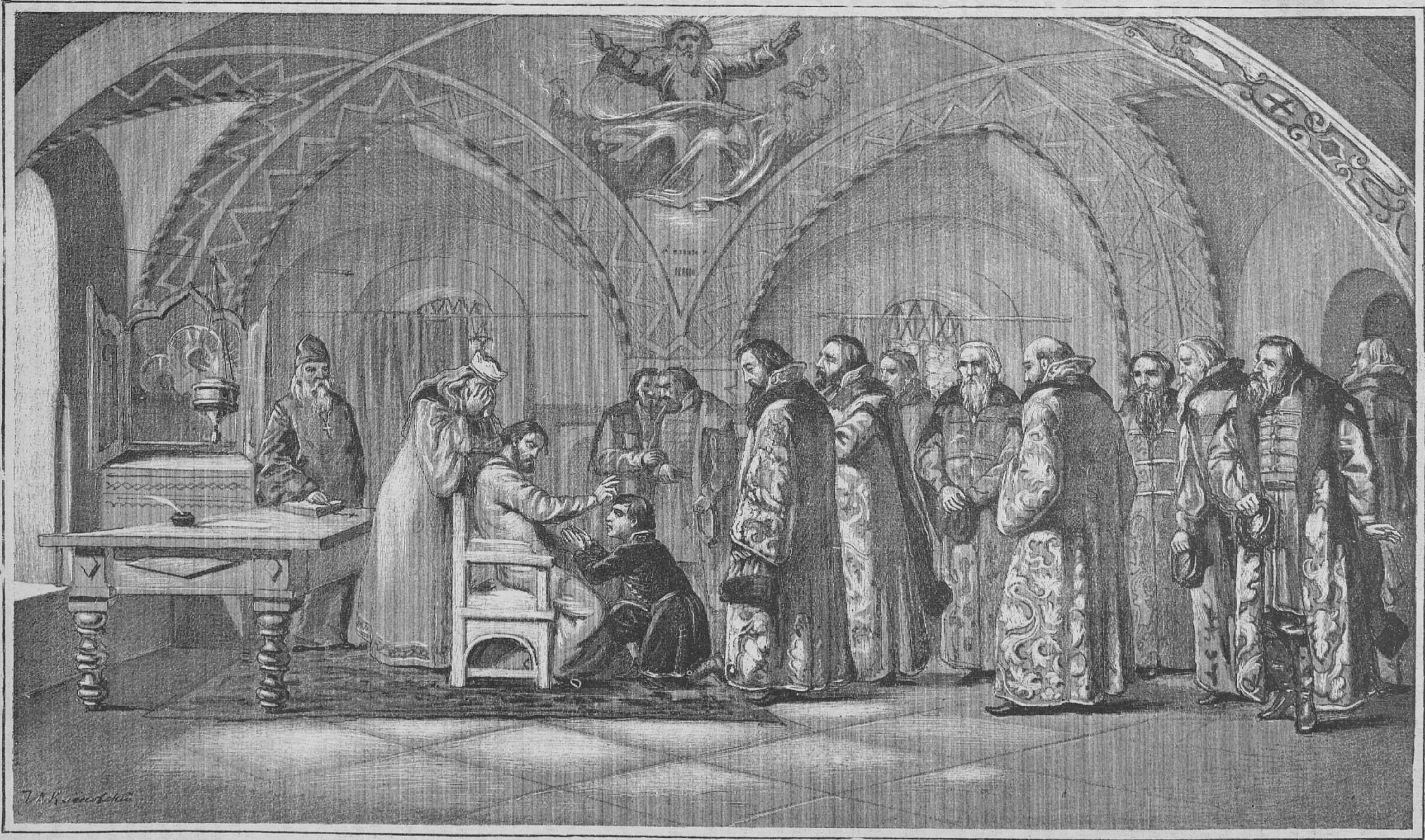
— Гмъ!.. гмъ!.. гнѣвно загремѣлъ банъ.

Графиня сдѣлала мужу рукою и взглядомъ знакъ, призывающій его сдерживать порывы гнѣва, и продолжала говорить Ляіошу кротко и привѣтливо:

— Ну ужь этого-то я отъ тебя не ожидала, тѣмъ

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ 1888 ГОДА.

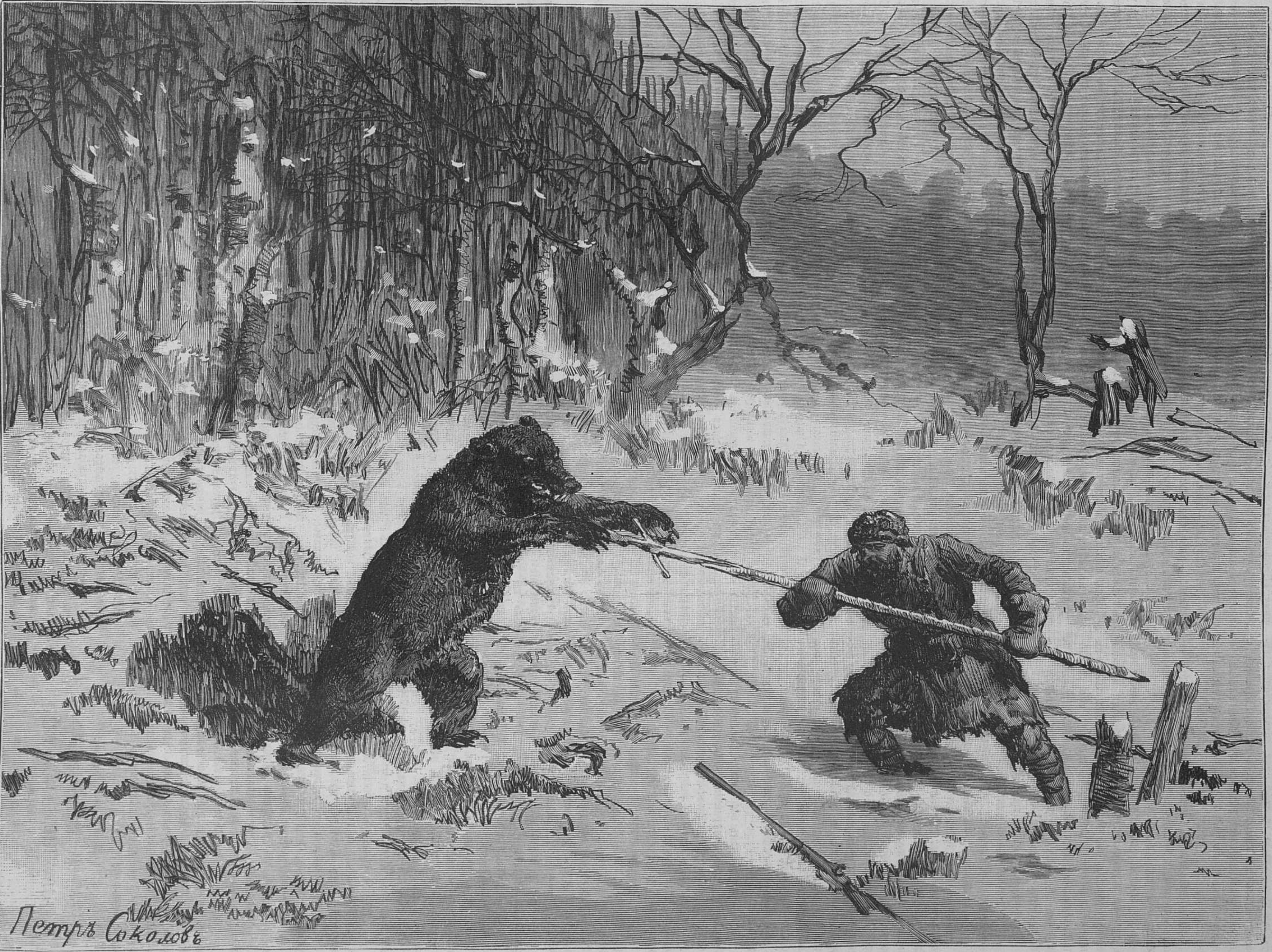
Съ картины В. Г. Шварца, рисовалъ для «Жив. Обозр». А. Кленовскій.



Смерть Бориса Годунова.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины П. Соколова, рисовалъ для «Жив. Обозр.» И. Грей.



На медвѣдя.

Гравировалъ на деревѣ Е. Львовъ въ Спб.

болѣе, что ты знаешь, если не знаешь—такъ догадываешься, что твоя женитьба на Печичъ будетъ выгодна не только для тебя, но и для бѣдной, сирой, остающейся подъ турецкимъ гнетомъ отчизны. Бѣдная, сирая отчизна протягиваетъ къ тебѣ руки, отягощенныя турецкими цѣпями и взываетъ къ тебѣ о спасеніи, ты-же... а, что? ты ради какого то тамъ ребяческаго вымышленнаго романа, оглохъ на ея призывъ и отворачиваешься отъ нея.

При этихъ словахъ, точно ошпаренный, молодой человѣкъ выругался такимъ крѣпкимъ словцомъ, котораго нельзя повторить, и отвѣтилъ:

— Не оглохъ!.. не отворачиваюсь! Я докажу это. Я пришелъ вамъ сказать, почтенные господа; прощайте! Я приказалъ уже сѣдлать и навьючивать моихъ лошадей. Я поѣду въ Климовацъ, подберу себѣ товарищей, насколько могу вооружу крестьянъ пушками и, защищая отчизну, буду добывать... буду добывать повторилъ онъ,—стараго Дещича доброе слово.

И онъ продолжалъ съ ораторскимъ пыломъ:

— Доброе его слово дастъ мнѣ средства, которыхъ я не найду у Печичъ.

— А отецъ твой!.. вставила графиня.

— Отецъ мой?.. Отецъ мой отъ Дещича сторонился, но говорилъ о немъ: это человѣкъ честный. Что между ними происходило, того не можетъ произойти между нимъ и мной, а честность его останется и я хочу заработать себѣ доброе слово человѣка честнаго. Вотъ что? Довольно... больше не о чемъ говорить. Простите меня,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—почтенные господа и родственники мои за то, что я можетъ быть надѣлалъ вамъ хлопотъ. Простите меня, примите мою благодарность за ваше радушіе, за ваше расположеніе ко мнѣ и добрыя пожеланія и будьте здоровы.

Съ послѣднимъ словомъ онъ удалился и исчезъ за дверьми.

Въ эту минуту банъ вскочилъ разъяренный, мечущій молніи изъ подъ нахмуренныхъ бровей, пылающій гнѣвомъ и открылъ ротъ вѣроятно для того, чтобы крикнуть часовымъ, чтобы они задержали юношу; но—графиня кивнула ему и крикъ замеръ у него на губахъ и фигура его снова опустилась въ кресло.

Однако графиня также была потрясена. Глаза ея искрились, щеки пылали, губы дрожали, однако она съумѣла овладѣть собой. Она прошла по комнатѣ раза два, утерла себѣ носъ, фыркнула носомъ раза два, остановилась напротивъ Чолнича и сказала поучительнымъ тономъ.

— Вѣроятно ничто на свѣтѣ не превышаетъ человѣческой глупости.

— Точно такъ, ваша свѣтлость... отвѣтилъ онъ—философы говорятъ это же самое.

— Счастье ему само давалось въ руки, а онъ оттолкнулъ его собственными руками.

— Счастье зависитъ отъ того, какъ его кто понимаетъ.

— Можно-ли въ этомъ случаѣ понимать его такъ или иначе?

— Если бы я былъ на мѣстѣ Ляіоша, то я его понималъ бы такъ, какъ понимаетъ ваша свѣтлость. Однако ему на его мѣстѣ оно представляется иначе.

— И подумаешь, что такіе превосходные планы разрушила одна какая-то деревенская дѣвушка?

— Не въ настоящее время только разрушаютъ дѣвушки... Елена, она разрушила Трою.

— А что всего хуже,—разразился банъ,—что ничего не вышло изъ движенья въ Сисакской области.

— Можетъ быть и нѣтъ... отвѣтилъ Чолничъ. Оно зависитъ отъ соглашенія и союза между старымъ Дещичемъ и Ляіошемъ. Однако кто знаетъ: нельзя-ли придти къ соглашенію другимъ путемъ, чѣмъ тотъ, который мы обдумали и намѣтили; плохо бы жилось на свѣтѣ, если бы той или другой цѣли можно было достигнуть только однимъ путемъ.

(*Продолженіе будетъ*).

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ

VII.

Профессіональное обученіе.

Въ Парижѣ издана весьма скромная по виду, но крайне интересная по содержанію брошюра Корбона о профессіональномъ обученіи *). Авторъ, не смотря на свое званіе (онъ сенаторъ), изслѣдовалъ вопросъ, какъ видно, не изъ одной глубины своего кабинета; онъ приводитъ множество наглядныхъ примѣровъ въ подтвержденіе своихъ тезисовъ, которые сводятся къ слѣдующему: «Профессіональное обученіе, не смотря на всю сознаваемую отъ него пользу, ведется крайне плохо и, часто по совершенно ошибочному пути, налагаетъ затѣмъ слѣдъ отъ этого недочета на всю остальную жизнь ремесленника. «Въ большинствѣ,—притомъ громадномъ большинствѣ случаевъ,—рабочій не сознаетъ всѣхъ своихъ способностей и, слѣдовательно, не употребляетъ въ дѣло всѣхъ своихъ силъ. «Наука воспитанія человѣка, какъ производителя возможной осмысленной работы, совершенно незнакома даже тѣмъ, которые посвящаютъ себя этому воспитанію. «Слѣдствіемъ такого положенія вещей является огромная, не замѣчаемая потеря человѣческихъ силъ».

Указывая на необходимость измѣнить подобный ненормальный ходъ дѣла, авторъ желаетъ, чтобы всѣ лица, заинтересованныя въ успѣхѣ профессіональнаго обученія, прониклись тѣмъ убѣжденіемъ, что «человѣческія способности обнаруживаются не сразу; что онѣ могутъ развиваться далѣе нашихъ предположеній; что не слѣдуетъ противорѣчить, подъ разными предлогами, истиннымъ призваніямъ дѣтей, и что, наконецъ, главною задачею воспитателей и учителей должно быть поощреніе къ проявленію всякихъ способностей и къ ихъ возможному развитію у учащагося». Въ своихъ совѣтахъ, авторъ только намѣчаетъ путь, по которому должно идти профессіональное образованіе; онъ далекъ отъ мысли предложить общій рецептъ для составленія учебныхъ программъ по всѣмъ ремесленнымъ отраслямъ. Не говоря уже о томъ, что для такого предмета потребовалась бы не небольшая статья, а многотомное сочиненіе, онъ—сторонникъ личной иниціативы во всемъ и требуетъ, въ смыслѣ однообразія системы, лишь общаго устраненія методовъ «угнетательныхъ» и водворенія «развивающихъ». Авторъ говоритъ въ предисловіи къ 3 изданію своего труда: «Я увѣренъ, что найдется не мало лицъ, способныхъ вести толково и самостоятельно дѣло профессіональнаго обученія, но много-ли будетъ между ними такихъ, которыя вникнутъ въ причины безцѣльной траты человѣческихъ способностей и возъимѣютъ достаточно рѣшимости для того, чтобы вступить въ борьбу съ обычаями и предразсудками, укоренившимися въ мастерскихъ, и даже въ средѣ, занятой чисто интеллектуальнымъ трудомъ?» Предвидя нѣкоторыя изъ возраженій, которыя могутъ быть ему сдѣланы, авторъ говоритъ, что не слѣдуетъ принимать минутныхъ дѣтскихъ увлеченій за «призваніе»; къ тому же странно говорить о «призваніи» къ тому или другому детальному ремеслу. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что можно установить двѣ главныя категоріи дѣтей по ихъ общимъ способностямъ: къ первой изъ нихъ слѣдуетъ отнести всѣхъ дѣтей, обнаруживающихъ неустанное влеченіе къ занятіямъ точнымъ и геометрическимъ комбинаціямъ; къ другой—всѣхъ, обличающихъ полное отсутствіе именно этого стремленія къ точности и тоже всѣхъ тѣхъ, внутренній складъ которыхъ будетъ не выясненъ. Параллельно этому, надо раздѣлить и ремесла на два главные разряда; въ первый войдутъ всѣ мастерства, требующія, болѣе или менѣе, примѣненія геометрическихъ выкладокъ (ремесла плотничье, столярное, слесарное и т. п.); во второй тѣ, для удачнаго труда въ которыхъ нужны болѣе воображеніе и фантазія, нежели строгое размѣреніе, напримѣръ ювелирное мастерство, декоративная разрисовка, изготовленіе модныхъ вещей и т. п.

Авторъ говоритъ, разумѣется, о размѣщеніи учениковъ по тѣмъ или другимъ классамъ въ профессіональныхъ школахъ; но, множество дѣтей поступаетъ просто къ тѣмъ или другимъ мастерамъ, по выбору своихъ родственниковъ, которые руководствуются при этомъ, въ большинствѣ случаевъ, самыми неосновательными расчетами на прибыльность того или другого заработка. Печальна картина того «обученія», которому подвергается мальчикъ у выбраннаго учителя; нисколько не сгущая красокъ и взявъ для примѣра средняго ученика и средняго мастера, авторъ доказываетъ очень наглядно, что 3—4 года, проведенные въ ученьи, кончаются для ученика, въ лучшемъ случаѣ, тѣмъ, что онъ выучивается только кое-чему и исполняетъ работу тоже лишь кое-какъ, равнодушно. Вначалѣ, мальчикъ протестовалъ, жаловался родителямъ на то, что никто ему толкомъ ничего не покажетъ; потомъ, вслѣдствіе родительскихъ совѣтовъ и увѣщаній, можетъ быть и брани, онъ смирился и вошелъ въ колею,—чему всегда радуются родные и что должно было бы встревожить ихъ, говоритъ Корбонъ. Ребенокъ выучивается плохо своему мастерству; за то онъ начинаетъ понимать, что плетью обуха не перешибешь, что и старшіе подмастерья работаютъ только такъ, чтобы сбыть съ рукъ работу. Заучивъ это и познакомясь еще со многимъ другимъ, чего ему вовсе не слѣдовало бы знать, ученикъ кончаетъ «свои года» и выходитъ на волю, если даже и съ извѣстнымъ запасомъ техническихъ свѣдѣній, то такимъ, который онъ могъ бы легко пріобрѣсти, не болѣе чѣмъ въ какой нибудь годъ, при толковомъ добросовѣстномъ обученіи. Онъ самъ сознаетъ, можетъ быть, чего ему недостаетъ, но много времени уже потеряно, а жить надо, иногда поддерживать семью,—и молодой человѣкъ принимается, поневолѣ, не за усовершенствованіе своего образованія, а за отыскиваніе заработка повыгоднѣе. «Весьма печально при этомъ то обстоятельство, замѣчаетъ автора, что рабочій, сознавая свое неумѣнье, рѣдко видитъ причину его въ худомъ обученіи. Первое дѣтское, очень вѣрное, впечатлѣніе сгладилось, и онъ обвиняетъ во всемъ трудность самаго ремесла. Отсюда уже недалеко и до убѣжденія въ томъ, что «ничего не подѣлаешь». Авторъ, близко знакомый съ рабочимъ людомъ, находилъ весьма рѣдкія исключенія изъ такого общаго правила. При этомъ, вопреки ходячему мнѣнію, онъ настаиваетъ на сравнительной легкости обученія каждому ремеслу при хорошемъ преподаваніи и старается даже побѣдить тотъ предразсудокъ, согласно которому каждое ремесло требуетъ непремѣннаго обученія съ малолѣтства. Безъ особено выдающихся способностей, но при твердой волѣ, человѣкъ уже взрослый можетъ легко усваивать себѣ пріемы, необходимые при той или другой работѣ; различіе только въ томъ, что онъ достигаетъ извѣстной ловкости позднѣе, нежели начавъ учиться съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. При развитіи машиннаго производства, многіе рабочіе остаются безъ дѣла по своей спеціальности, но тѣ изъ нихъ, которые тверже характеромъ и понимаютъ безплодіе однѣхъ жалобъ на судьбу, принимаются тотчасъ-же за какое либо другое ремесло. Понятно, что они не сразу успѣваютъ въ немъ и терпятъ временно нужду, но вопросъ о матеріальныхъ убыткахъ особый; авторъ хочетъ лишь доказать возможность изучать новое ремесло и не въ дѣтскомъ возрастѣ. Всего полезнѣе, безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, приготовить себя, хотя слегка, въ виду возможныхъ случайностей, не къ одному только, а къ двумъ или тремъ ремесламъ. Вообще, рабочій тратитъ, по замѣчанію автора, лишь одну четверть или даже менѣе того, что даровано ему природой въ отношеніи ума и таланта; остальныя три четверти пропадаютъ даромъ, между тѣмъ какъ тѣло угнетается часто свыше мѣръ.

Изъ всего вышесказаннаго авторъ выводитъ заключеніе о необходимости возможнаго увеличенія профессіональныхъ школъ съ разумной программой и разумными ея исполнителями. Вечерніе общеобразовательные классы кажутся автору основанными съ благой цѣлью, но неудовлетворительными на дѣлѣ. Трудно требовать отъ мальчика, обязаннаго часто еще и прибрать мастерскую, по окончаніи въ ней работъ, и желающаго отдохнуть и поужинать, большой охоты къ слушанію хотя-бы и полезнѣйшаго урока. Сверхъ того, большая часть учениковъ, по необходимости, опаздываетъ на лекціи; для очень немногихъ выговорено родственниками право выходить изъ мастерской такъ, чтобы поспѣвать во время на урокъ. Вечерніе классы посѣщаются, говоритъ Корбонъ, и приносятъ, несомнѣнно, свою долю пользы, но далеко не ту, которую возлагаютъ на нихъ учредители. Умственное образованіе, включая сюда и теорію ремеслъ или искусствъ, должно идти рядомъ съ техническимъ въ узкомъ смыслѣ, а не получаться лишь урывками и при утомленномъ состояніи организма. Эта истина, съ которою согласны, безъ сомнѣнія, и защитники вечернихъ школъ, но они останавливаются передъ трудностью осуществить иначе свои добрыя намѣренія на практикѣ. Авторъ не затрагиваетъ въ своей статьѣ положенія женщинъ-работницъ, находя этотъ вопросъ выходящимъ изъ рамокъ спеціально разбираемаго имъ вопроса о недостаткахъ профессіональнаго обученія,—недостаткахъ, служащихъ, по его мнѣнію, даже одною изъ главныхъ причинъ недовольства рабочаго класса и его увлеченія нелѣпыми теоріями того равенства, которое дастъ неспособному и лѣнивому тотъ-же достатокъ, что и талантливому или трудящемуся. Невѣжество и нищета худые совѣтники, а именно на нихъ обреченъ тотъ, чей талантъ зарыли въ землю по безсердечію или легкомыслію... Задачею правящихъ классовъ должно быть возможное просвѣщеніе рабочаго при правильномъ направленіи его технической дѣятельности.

---

*) De l'enseignement professionnel, par Corbon, sénateur. Paris. 3-me édition.

Доказывая пользу умственнаго развитія для человѣка, обреченнаго на ручной трудъ, авторъ переходитъ и къ доказательству пользы ручного труда для молодыхъ людей высшихъ сословій. Какъ ни смотрѣть на вопросъ: съ точки зрѣнія гигіены, развитія мускульной силы, надежнаго подспорья въ виду всякой случайности, отвлеченія отъ праздности и т. д.,—ручной трудъ оказывается весьма благимъ элементомъ воспитанія. До сихъ поръ противовѣсомъ сидячей жизни въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ служитъ только гимнастика, которой посвящается, однако, лишь незначительная часть времени. Всѣ педагоги не спорятъ, что врачи правы, находя гибельнымъ то умственное переутомленіе, которому подвергается учащееся юношество; тѣмъ не менѣе, они только усиливаютъ свои программы, стремясь къ одному: напрягать до послѣдней степени мозговую дѣятельность ученика. Дѣлается это даже не съ принципіальною цѣлью: это просто своего рода скачка съ препятствіями, въ которой и преподаватели, и ученики, и отцы семействъ видятъ впереди только одно: призовой столбъ... Между тѣмъ, каждый изъ тѣхъ же благонамѣренныхъ воспитателей осудитъ крестьянина, не дающаго никогда отдыха своему полю, или акробата, заставляющаго своего сына съ утра до вечера ломать свои члены, чтобы развить въ нихъ одностороннюю гибкость въ ущербъ общей силѣ организма ребенка.

Милліоны разъ повторялось, что тѣло и духъ солидарны между собою, говоритъ Корбонъ. Угнетеніе одного ведетъ за собою и ослабленіе другого. Все это такъ общеизвѣстно, что подыскивать тому еще новыя доказательства—даже смѣшно. Но отчего же эта признанная всѣмъ педагогическимъ міромъ истина остается одною мертвою буквою? Чего добиваются, въ сущности, воспитатели и наставники, насилуя такимъ образомъ молодые умы, выгоняя въ нихъ познанія, какъ ранніе цвѣты въ теплицѣ? Руководитъ ими желаніе поднять общій уровень образованія? Въ такомъ случаѣ, они выбрали ложный путь. Но цѣль здѣсь иная,—если только есть вообще какая-нибудь разумно сознанная цѣль, кромѣ частныхъ интересовъ семей и училищъ.

Чтобы нагляднѣе усмотрѣть всю фальшь системы, говоритъ авторъ, возьмемъ для примѣра воспитателя, задавшагося доброю мыслью развивать своихъ питомцевъ, не только умственно, но и физически, безъ всякаго соображенія объ успѣхахъ ихъ на общемъ конкурсѣ. На основаніи этого, онъ не садитъ своего рода парникъ, нѣсколькихъ наиболѣе способныхъ «долбить» учениковъ, а старается просто о нормальномъ развитіи ихъ дарованій и физическихъ силъ,—другими словами, заботится о томъ, чтобы изъ нихъ вышли знающіе, дѣльные и здоровые люди, а не ученые попугаи. Можно поручиться навѣрное, что такой директоръ училища разорится черезъ какіе-нибудь два-три года, и по очень простой причинѣ: не эксплуатируя сказанной способности къ выдалбливанію у нѣкоторыхъ учениковъ и не разжигая чрезмѣрнаго самолюбія у другихъ, онъ не одержитъ побѣдъ па знаменитомъ конкурсѣ; ему нельзя будетъ протрубить, въ газетныхъ рекламахъ, о томъ, что двадцать пять изъ его учениковъ отличились на общемъ экзаменѣ, четверо изъ нихъ приняты въ политехническую школу, пять въ сенъ-сирскую и т. д. Родители сдѣлаютъ кислую мину: «что-же это за училище, изъ котораго ни одинъ ученикъ не принятъ въ казенное заведеніе?» скажутъ они, затѣмъ рѣшатъ, что дѣло ведется тамъ небрежно или неумѣло, и переведутъ своихъ дѣтей въ другія училища. Съ своей стороны, ученики, неспособные еще понять разумныхъ стремленій своего воспитателя, почувствуютъ себя только обиженными; каждый изъ нихъ будетъ думать про себя, что онъ получилъ бы не одинъ похвальный отзывъ на конкурсѣ, если бы его учили иначе... И они покинутъ съ радостью «безтолковое» училище, а благодѣтельный педагогъ останется передъ пустыми скамейками, если не возьмется за умъ, то есть, не вернется къ общей системы.

Но зло вдвойнѣ гибельно: при парниковомъ методѣ воспитанія юныхъ умовъ, предложеніе превышаетъ спросъ, потому что число «отлично приготовленныхъ» кандидатовъ возростаетъ съ каждымъ годомъ, а число вакансій въ казенныя заведенія увеличивается совсѣмъ не пропорціонально этому повышенію. Для выхода изъ затрудненія, экзаменаторы расширяютъ программы,—иначе говоря, они отдаютъ предпочтеніе не тѣмъ, кто образованъ основательнѣе, а тѣмъ, кто заучилъ наибольшее количество фактовъ, что сводится къ преміи за превосходную память. Въ виду этого, и ученики, и преподаватели выбиваются изъ силъ: время ли тутъ думать о физическомъ воспитаніи? Забота о немъ простирается лишь на столько, чтобы не дать ученику «свалиться» до окончанія экзамена... А далѣе, что Богъ дастъ!

Не прибѣгая къ радикальнымъ мѣрамъ противъ такой дѣйствительно пагубной погони за учебными призами, то есть, къ уничтоженію самой цѣли бѣга, что можетъ быть достигнуто лишь открытымъ доступомъ къ высшему образованію для всякаго желающаго, можно однако, пособить горю, по мнѣнію автора, введя въ учебныя программы ручной трудъ въ видѣ обязательнаго предмета. Рисованіе и черченіе уже включены въ кругъ учебныхъ занятій; почему не отвести мѣсто среди нихъ и для слесарнаго, токарнаго и т. п. ремеслъ? Понятно, что учебныя программы должны сократиться при этомъ, но позволительно думать, что это будетъ не въ ущербъ истинному умственному развитію учениковъ, которые будутъ здоровѣе, бодрѣе и способнѣе.

Помимо гигіеническаго вопроса, говоритъ Корбонъ въ заключеніе своей статьи, родители должны помнить что весьма немногіе могутъ считать своихъ дѣтей безусловно обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи въ наши дни. Это еще одна изъ причинъ, по которой ручной трудъ долженъ считаться обязательнымъ предметомъ въ учебной программѣ каждаго юноши.

С. Варевскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Получаемыя изъ заграницы извѣстія полны свѣдѣній о дѣйствіяхъ и поѣздкахъ Буланже; телеграфъ передаетъ даже содержаніе его рѣчей; такъ на банкетѣ въ Лиллѣ, устроенномъ по случаю посѣщенія этого города Буланже, генералъ сказалъ: «Сторонники парламентаризма продолжаютъ возставать противъ вашего вердикта, подобно тому, какъ они возставали противъ моей кандидатуры. Это — возстаніе палатъ противъ избирательныхъ урнъ. Эти дурные плательщики заставляютъ предъявить ихъ подписи къ протесту; они хотятъ на насъ сорвать зло за свое безсиліе. Однако, вѣдь не я же рекомендовалъ предпринимать экспедиціи въ дальніе края—экспедиціи, служащія причиною дефецитовъ. Мое преступленіе заключается въ томъ, что я хочу сосредоточить наши силы, вмѣсто того, чтобы разсѣевать ихъ на дальнемъ востокѣ. Вина за эти преступные походы падаетъ на тѣхъ, которые обвиняютъ меня въ томъ, будто я мечтаю о войнѣ, о диктатурѣ. Между тѣмъ, я никогда не пропускалъ случая заявить о моей любви къ достойному и почетному миру. Что касается диктатуры, то должно быть, 500 засѣдающихъ въ палатѣ королей-лежебоковъ безповоротно сознаютъ свою непопулярность, если занимаются дѣйствіями безоружнаго человѣка. Въ сущности, они боятся васъ; выдумавъ мнимую опасность, они только замаскировываютъ ею опасность, которой подвергаютъ страну. Слова: «распущеніе палаты, пересмотръ конституціи и созывъ учредительнаго собранія» заставили палату очнуться отъ летаргическаго сна; тѣмъ не менѣе, мы будемъ продолжать наше дѣло. Спокойная реформа и установленіе прочнаго правленія невозможны при существованіи конституціи, ставящей министерства въ зависимость отъ милости безнравственныхъ коалицій. Вы избираете депутатовъ для того, чтобы они заботились о васъ, а они заботятся о самихъ себѣ; обманъ этотъ продолжаться не можетъ. Обѣщаю вамъ, что буду работать въ такомъ направленіи, чтобы положить ему конецъ». Замѣчанія и упреки республиканской прессы, что Буланже пользуется оваціами только вслѣдствіе поддержки монархистовъ, подтверждаются съ каждымъ днемъ: телеграмма изъ Парижа (14-го мая) сообщаетъ, что генералъ Дю Барайль, принимая президентовъ бонапартистскихъ комитетовъ, произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что настоящая программа охраненія страны отъ эксплоататоровъ заключается въ возстановленіи обращенія къ народу: «необходимо, присовокупилъ генералъ,—провозгласить цезаризмъ, т. е. сосредоточить власть въ крѣпкихъ рукахъ, чтобы спасти народъ отъ внутреннихъ раздоровъ и отъ внѣшнихъ опасностей». Въ слѣдующій же день въ палатѣ депутатовъ бонапартистъ Кунео д'Орнано внесъ къ предложенію о пересмотрѣ конституціи поправку, въ которой требуетъ, чтобы законопроекты въ послѣдней инстанціи представлялись на утвержденіе народа.—Какъ извѣстно папа обратился къ ирландскому католическому духовенству съ приглашеніемъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ политическую операцію. Телеграмма изъ Лондона сообщаетъ нынѣ, что всѣ ирландскіе епископы уже заявили, что подчиняются папской буллѣ; въ благодарность за поддержку англійское правительство нынѣшней осенью возстановитъ оффиціальныя или по меньшей мѣрѣ оффиціозныя сношенія между британскимъ дворомъ и Ватиканомъ. Особенныхъ причинъ къ ликованію впрочемъ Салюсбери не имѣетъ, потому что папская булла составлена въ такихъ условныхъ выраженіяхъ, что не нарушая ея повелѣній, можно быть самымъ дѣйствительнымъ членомъ «національной ирландской лиги».—«Rumania Libera» положительно утверждаетъ, что распущеніе румынскаго парламента состоится въ первыхъ числахъ іюля, а новые выборы будутъ произведены въ первой половинѣ сентября.—Принцъ Кобургскій и Стамбуловъ совершаютъ поѣздку по Болгаріи. Оба путешественника произносятъ вездѣ рѣчи и даютъ банкеты офицерамъ и мѣстнымъ нотаблямъ; какъ сообщаетъ софійскій корреспондентъ «Агентства Гаваса», въ Тырновѣ, въ Свѣтлое Воскресеніе, послѣ торжественнаго богослуженія въ церкви сорока мучениковъ, Стамбуловъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой сказалъ: «Нынѣ впервые послѣ пяти столѣтій болгарскій государь присутствуетъ среди насъ въ Свѣтлое Воскресеніе на богослуженіи въ церкви нашихъ царей. Богъ, опора права и истины, да поможетъ нашему государю направить Болгарію на путь истины». Принцъ отвѣтилъ: «Я клялся, что поведу Болгарію къ достиженію намѣченной ея исторіею цѣли. Сегодня я повторяю эту клятву.»

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Только-что распубликованное правительственное распоряженіе о товарныхъ складахъ представляетъ чрезвычайный интересъ для русской промышленности; законоположеніе строго различаетъ товарные склады отъ амбаровъ и другихъ помѣщеній, устраиваемыхъ для храненія товаровъ; подъ типъ первыхъ подходятъ только склады, учреждаемые для пріема товаровъ съ выдачею документовъ для продажи и заклада товаровъ (складочныя и закладныя свидѣтельства). Затѣмъ сущность самихъ правилъ заключается въ слѣдующемъ: 1) Товарные склады могутъ быть устраиваемы: а) для особаго храненія по сортамъ партій товаровъ, подлежащихъ каждому отдѣльному хозяину, и б) для храненія товаровъ, подлежащихъ обезличенію, причемъ товары разныхъ хозяевъ смѣшиваются, будучи подраздѣлены лишь на установленные сорта. 2) Опредѣленіе рода товаровъ, допускаемыхъ къ пріему на храненіе въ товарныхъ складахъ, а равно указаніе товаровъ, которые могутъ быть обезличиваемы, предоставляется министру финансовъ. 3) Товарные склады могутъ быть учреждаемы земствами, городскими, купеческими или биржевыми обществами, акціонерными компаніями на основаніи ихъ уставовъ, товариществами и отдѣльными лицами. 4) Учрежденіе товарныхъ складовъ и переуступка оныхъ допускаются не иначе, какъ съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія министра финансовъ, который относительно складовъ, учреждаемыхъ земствами и городскими обществами, входитъ въ предварительное соглашеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ учрежденіе товарныхъ складовъ разрѣшается лишь на основаніи особыхъ условій, опредѣляемыхъ отдѣльно для каждаго случая съ Высочайшаго соизволенія, испрашиваемаго чрезъ Комитетъ Министровъ. 5) Учрежденіе товарныхъ складовъ для храненія товаровъ, подлежащихъ оплатѣ таможенными пошлинами, а также порядокъ таможеннаго за ними надзора, опредѣляются особыми правилами, утверждаемыми министромъ финансовъ. 6) Принадлежащее товарному складу недвижимое имущество не можетъ быть обременяемо залогомъ и, служа обезпеченіемъ по обязательствамъ склада относительно принятыхъ имъ на храненіе товаровъ, не можетъ получить другого назначенія впредь до ликвидаціи дѣлъ по симъ обязательствамъ. 7) Товарные склады, въ отношеніи платежа торговыхъ и иныхъ пошлинъ и сборовъ, подчиняются общимъ правиламъ, установленнымъ для торговыхъ предпріятій. 8) Товарные склады, по мѣрѣ свободнаго въ нихъ помѣщенія, обязаны принимать товары для храненія отъ всякаго желающаго, и не вправѣ давать кому-либо изъ складчиковъ предпочтеніе предъ другими. При одновременномъ заявленіи со стороны нѣсколькихъ товарохозяевъ о желаніи сложить товары и при невозможности удовлетворить всѣ такія заявленія по недостаточности въ складѣ свободнаго помѣщенія, предпочтеніе дается тѣмъ изъ товарохозяевъ, которые пожелаютъ сложить товаръ на кратчайшій сравнительно съ другими срокъ. 9) Товарные склады, кромѣ пріема товаровъ на храненіе, могутъ производить, по порученію товарохозяевъ, слѣдующія операціи: а) выгрузку и нагрузку товаровъ, поступающихъ въ складъ или выпускаемыхъ изъ онаго; б) перевозку товаровъ съ ближайшей желѣзнодорожной станціи или судоходной пристани въ складъ или изъ склада на ближайшую станцію или пристань; в) сортировку, просушку, укупорку и взвѣшиваніе поступившихъ въ складъ товаровъ; г) очистку поступающихъ въ складъ товаровъ таможенными пошлинами въ мѣстной, по нахожденію склада, таможнѣ; д) страхованіе поступающихъ въ складъ товаровъ въ страховыхъ обществахъ, отъ имени, за счетъ и по указанію товарохозяина; е) сдачу выпускаемыхъ изъ склада товаровъ для перевозки по назначенію, отъ имени и за счетъ товарохозяина. 10) Всякія предварительныя, на случай могущихъ послѣдовать утраты или поврежденія товара, сдѣлки и соглашенія складовъ съ товарохозяевами, клонящіяся къ измѣненію ихъ отвѣтственности или къ совершенному освобожденію отъ нея признаются недѣйствительными. Складамъ предоставляется, однако, входить съ товарохозяевами въ соглашеніе объ условіяхъ отвѣтственности за утрату или поврежденіе товара, могущія произойти отъ его свойствъ или отъ недостатковъ его упаковки. Независимо этого, до возможности упрощены многія формальности; такъ, напримѣръ, выдаваемыя товарными складами свидѣтельства подлежатъ оплатѣ простому гербовому сбору въ 80 коп.; а при написаніи на выданномъ изъ товарнаго склада простомъ складочномъ или закладномъ свидѣтельствѣ первой передаточной надписи, свидѣтельство сіе оплачивается гербовымъ сборомъ посредствомъ приложенія къ нему листа вексельной гербовой бумаги той цѣны, которая соотвѣтствуетъ размѣру ссужаемой подъ закладъ товара суммы, причемъ на первой страницѣ этого листа дѣлается надпись о томъ, къ какому документу онъ принадлежитъ.—Министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ министру юстиціи, что подписаннымъ въ Парижѣ 7 іюля 1887 года, заключительнымъ протоколомъ международной конференціи по вопросу объ охранѣ подводныхъ кабелей, срокъ введенія въ дѣйствіе конвенціи отъ 14 марта 1884 года о кабеляхъ опредѣленъ былъ на 1 мая сего 1888 года, съ тѣмъ условіемъ, что къ этому числу правительства, не принявшія мѣръ, предусмотрѣнныхъ статьею 12 помянутаго международнаго акта, сообразуются съ этимъ постановленіемъ. При этомъ было обусловлено, что объ исполненіи предписаній вышеозначенной 12 статьи конвенціи сказанными правительствами прочія договаривающіяся державы будутъ увѣдомлены чрезъ посредство французскаго правительства. Къ сему статсъ-секретарь Гирсъ присовокупилъ, что нынѣ пребывающій здѣсь посолъ французской республики увѣдомилъ министерство иностранныхъ дѣлъ, нотою отъ 7 (19) апрѣля 1888 года, что государства, которыя ранѣе не приняли мѣръ, предусмотрѣнныхъ въ статьѣ 12 конвенціи 14 марта 1883 года о кабеляхъ, въ настоящее время исполнили требованія означенной статьи, и что посему, за исполненіемъ, такимъ образомъ, условія заключительнаго протокола 7 іюля 1887 года, конвенція объ охранѣ подводныхъ кабелей должна вступить въ дѣйствіе съ будущаго 1889 года, согласно постановленію заключительнаго протокола отъ 7 іюля 1887 года.—Въ управленіи нѣкоторыми частями Кавказа произошли измѣненія, которыя всѣ можно привести къ слѣдующимъ пунктамъ: I. Командующему войсками кавказскаго военнаго округа присвоить званіе войсковаго наказнаго атамана кавказскихъ казачьихъ войскъ. II. Главное мѣстное управленіе Кубанскою и Терскою областями, вмѣстѣ съ входящими въ составъ ихъ казачьими войсками, городами и гражданскимъ поселеніемъ, за исключеніемъ горскихъ племенъ, ввѣрить войсковому наказному атаману кавказскихъ казачьихъ войскъ, а такое-же управленіе Черноморскимъ округомъ, равно какъ обитающими въ предѣлахъ Терской и Кубанской областей горскими племенами—командующему войсками кавказскаго военнаго округа. III. Перенести на командующаго войсками кавказскаго военнаго округа и войсковаго наказнаго атамана кавказскихъ казачьихъ войскъ, по управленію Терскою и Кубанскою областями, всѣ права и обязанности главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что, въ тѣхъ случаяхъ, когда, по дѣйствующему закону, главноначальствующій сносится съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, командующій войсками и войсковой наказной атаманъ долженъ обращаться къ военному министру. — Экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ приступлено къ заготовленію кредитныхъ билетовъ новыхъ образцовъ, а часть ихъ, какъ напримѣръ билеты двадцати-пяти рублеваго достоинства, уже изготовлены и пересланы въ Государственный банкъ. Прежняго образца остаются только сто-рублеваго достоинства, такъ какъ, несмотря на всѣ усилія фальсификаторовъ достичь полнаго сходства съ существующими въ обращеніи билетами этого достоинства, поддѣлка ихъ осталась безплодною. Если изрѣдка и встрѣчаются въ обращеніи поддѣльные билеты этого достоинства, то, будучи произведены отъ руки, по грубости поддѣлки, фальсифицированные билеты узнаются при поверхностномъ обзорѣ ихъ и не представляютъ опасеній за успѣхъ распространенія ихъ въ народѣ. Другое дѣло съ билетами двадцати-пяти рублеваго достоинства существующаго образца: фальсификація въ изготовленіи ихъ достигла небывалаго совершенства, такъ что опытному глазу зачастую бываетъ трудно отличить поддѣльный билетъ отъ настоящаго кредитнаго билета; въ виду этого билеты перемѣнятъ свой существующій бѣлый цвѣтъ на коричневую рубашку. Билеты десяти, пяти, трехъ и одно-рублеваго достоинства, равнымъ образомъ удержавъ свои коренные цвѣта, болѣе или менѣе будутъ отличаться оттѣнками и нюансами отъ цвѣтовъ билетовъ существующаго образца. На новыхъ кредитныхъ билетахъ не будетъ ни портретовъ, ни нѣкоторыхъ печатныхъ украшеній; существенное-же отличіе отъ существующихъ въ настоящее время будетъ состоять въ томъ, что они будутъ изготовлены на толстой шелковой бумагѣ, изготовленіе которой будетъ не подъ силу фальсификаторамъ, такъ какъ потребуетъ наличности громадныхъ и дорого стоющихъ машинъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ новаго образца состоится черезъ два, три мѣсяца послѣ появленія о томъ указа правительствующаго сената, т. е., какъ ожидаютъ, въ концѣ іюля или въ августѣ мѣсяцѣ

БИБЛІОГРАФІЯ.

Викторъ Бибиковъ. Разсказы. *Изданіе Панафидина.* С.-Петербургъ. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.—Среди «молодыхъ писателей», замѣченныхъ публикою и критикой, г. Бибиковъ является самымъ младшимъ: онъ дебютировалъ года три тому назадъ романомъ «Чистая любовь», обратившимъ на него вниманіе и отмеченнымъ въ свое время у насъ въ журналѣ. Наблюдательность, реальное направленіе, умѣнье распоряжаться красками въ описаніяхъ, тщательно выработанный слогъ, все это заставляетъ возлагать надежды на будущее автора, которое еще вполнѣ зависитъ отъ него, такъ какъ онъ только еще вступилъ на литературное поприще и вступилъ не незамѣченнымъ. Размѣры нашихъ замѣтокъ не позволяютъ намъ указывать на отдѣльныя вполнѣ удавшіяся вещи и отмѣтить мелкіе недостатки, зависящіе, можетъ быть отъ недостатка житейской опытности. Мы искренне желаемъ успѣха этой книгѣ.

Владиміръ Тихановъ. Комедія. С.-Петербургъ. 1888 г. Цѣна 2 руб.—Недавно г. Тихановъ получилъ грибоѣдовскую премію за свою комедію «Козырь», какъ за пьесу, признанную за лучшую въ прошломъ сезонѣ. Эта премія досталась ему по праву и могла-бы быть выдана ему и за другія его комедіи, написанныя вполнѣ литературно, весело и легко. Мы часто слышимъ упреки нашимъ молодымъ современнымъ драматургамъ, а въ томъ числѣ и г. Тиханову, за излишнюю легкость ихъ произведеній. Но надо принять многое во вниманіе, прежде чѣмъ осуждать драматурговъ, зачѣмъ они пишутъ такъ, а не иначе. Драматургъ у насъ долженъ всегда сообразоваться съ силами главныхъ театровъ, со вкусами публики, иначе ему придется отказаться видѣть свои произведенія на сценѣ и хранить ихъ въ своемъ портфелѣ. Успѣхъ пьесъ г. Тиханова служитъ для нихъ достаточной рекомендаціей, и мы думаемъ, что при другихъ условіяхъ театральнаго дѣла у насъ, авторъ перейдетъ къ болѣе серьезному жанру. Сцену онъ знаетъ, литературнымъ языкомъ владѣетъ вполнѣ, а жизнь даетъ много матеріала не для одной легкой комедіи, но и для драмы.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Утраченное счастье.

Молодая и прекрасная женщина съ ребенкомъ, обѣ въ траурѣ, стоятъ у стѣны, печальные, сиротливые, смотрящіе въ пространство. Кажется, для нихъ все утрачено въ мірѣ. И точно—они потеряли самое дорогое для нихъ: она—мужа, ребенокъ—отца. Впереди нѣтъ опоры, грозитъ нищета. Эта картина молодой художницы Терезы Шварце, написанная мягко, тепло, поэтично, производитъ впечатлѣніе прекрасной элегіи, навѣвая невольную грусть.

Передъ лагернымъ сборомъ.

Солдаты уже на площади, строятся, чтобы идти въ лагерь. Только одинъ солдатикъ еще замѣшкался, и по очень важной причинѣ: ему надо въ послѣдній разъ расцѣловать молодую босоногую дѣвушку, предметъ его любви. Не на долго они разстаются, но все-же разстаются. Обѣ фигуры исполнены художникомъ превосходно, рисунокъ обличаетъ даровитаго рисовальщика, а въ позахъ много движенія и своеобразной граціи. Гравюра наша исполнена заграницей однимъ изъ извѣстныхъ граверовъ г. Кнезингомъ.

Надежда.

Весна—цвѣтутъ яблони и груши, ихъ бѣлые, нѣжные цвѣты обѣщаютъ къ осени обильные плоды. Это пора «надеждъ». Художникъ взялъ именно этотъ моментъ для своей картины и помѣстилъ среди цвѣтущихъ яблоней аллегорическую фигуру молодой прекрасной дѣвушки—олицетвореніе весны, поры разцвѣта и надеждъ на будущее.

По пути изъ Кіева.

На передвижной выставкѣ нынѣшняго года картина В. Е. Маковскаго «По пути изъ Кіева» является однимъ изъ лучшихъ произведеній. Этотъ монахъ-странникъ и эта дѣвушка—типы, выхваченные живымъ изъ дѣйствительной жизни. Написаны они превосходно, какъ обыкновенно пишетъ нашъ высокодаровитый художникъ свои картины. Тутъ нѣтъ шаржа и каррикатурности, но есть здоровый юморъ въ изображеніи этого странника, принесшаго цѣлый коробъ разныхъ книжечекъ, четокъ, образковъ и не безъ жадности вкушающаго обѣдъ, продолжая толковать о своихъ странствованіяхъ и разсказывая были и небылицы.

Утро въ альпахъ.

Въ ущельяхъ еще не разсѣялся ночной туманъ, но снѣжныя вершины уже свѣтлѣютъ, блестя подъ лучами восходящаго солнца. Вотъ содержаніе этой картины, и кто бывалъ когда нибудь на альпахъ, на кавказскихъ горахъ, тотъ знаетъ, какъ удивительно хороши эти моменты разсвѣта въ горахъ. Художникъ передалъ красоты природы замѣчательно вѣрно, безъ всякихъ излишнихъ эффектовъ.

Выставка картинъ В. Шварца и П. Соколова въ «Обществѣ поощренія художниковъ».

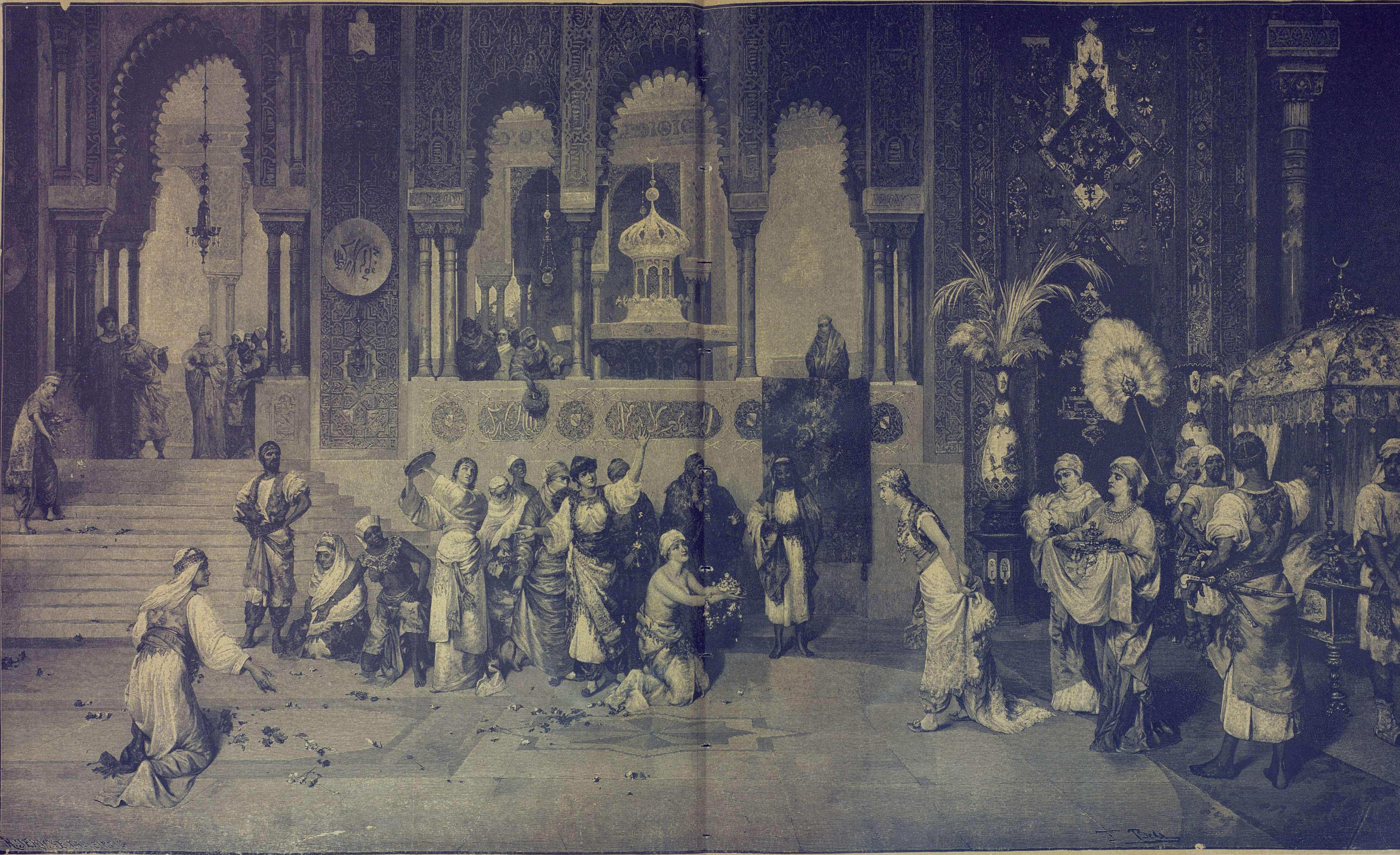
Въ «Обществѣ поощренія художниковъ» въ настоящее время открыта выставка картинъ покойнаго В. Г. Шварца и Петра Соколова. В. Шварцъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ нашего прошлаго и его историческіе рисунки и картины пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью. Г-нъ П. Соколовъ также завоевалъ себѣ почтенное мѣсто своими изображеніями охотничьихъ сценъ. Въ этой области у него мало соперниковъ у насъ. Конечно, многіе изъ публики не знакомы со всѣми произведеніями этихъ художниковъ и потому нельзя не пожелать успѣха выставкѣ этихъ произведеній въ «Обществѣ поощренія художниковъ». Въ этомъ нумерѣ мы помѣщаемъ два рисунка: «Смерть Бориса Годунова», благословляющаго своего несчастнаго сына, окончившаго такъ трагически свою юную жизнь, и «Охоту на медвѣдя», идущаго на рогатину охотника-мужичка, а затѣмъ по изготовленіи помѣстимъ и другія интересныя по своей композиціи.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 11-го мая 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

Съ картины Беда.



ПРІѢЗДЪ НОВОЙ СУЛТАНШИ.

Дозволено цензурою. Спб. 12 февраля 1888.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.

Папочка замѣтъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ШТУРМА
УКСУСЪ
высшаго
качества
БЕЗВРЕДЕНЪ
чистаго
вкуса
и
ЗАПАХА.

НАДО БРАТЬ!

СОРТА:

Виноградный уксусъ бѣлый и красный

Уксусъ эстрагонъ подъ №№ 1, 2, 3.

Винный уксусъ тройной 9% — № 00

Винный уксусъ двойной 6% — № 0.

Винный уксусъ средній 4½% — № 2.

Винный уксусъ обыкновенный 3% — № 4.

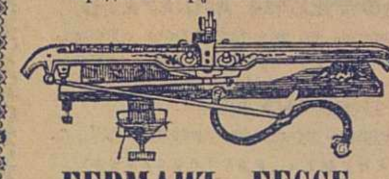
Винный уксусъ низшій 2½ % — (безъ №).

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

На каждой бутылкѣ заводскаго розлива обозначенъ сортъ, № и цѣна съ посудою.

№ 297. (52—19).

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ машинъ
для семействъ и ремесленниковъ.
Продажа съ ручательствомъ!



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ

Больш. Садовая, 16, уголъ Толмазова пер. С.-Петербургъ.
Прейсъ-куранты безплатно.
Собственное механическ. заведеніе существуетъ съ 1873 г.

№ 158 (52—35).

ДѢТСКАЯ МАШИНА

шьетъ хорошо съ одной ниткой
цѣна 5 рублей.

Пересылка за 5 фунтовъ.

Въ складѣ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

А. ШТЕЙНЪ.

Большая Морская, д. № 26, въ С.-Петербургѣ.

№ 400 (3—1).

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—12).

ФАБРИКА
Дмитрія Александровича
АЛЕКСАНДРОВА,
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
ИНСТРУМЕНТОВЪ

рекомендуетъ большой выборъ гитаръ, скрипокъ, мандолинъ, віолончелей и проч. инструментовъ и пріемъ въ починку.

Прейсъ-курантъ высылается за 7 к. марку.

№ 53. Невскій пр., № 53.
С.-Петербургъ

№ 399 (1—1).

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ ВОЛОСЪ

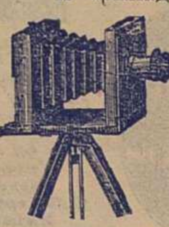
БАЛЬЗАМЪ
ЭЙКАЛИПТИ
Косметика А. ЭЙНГЛУНДЪ.

Есть средство для укрѣпленія волосъ, уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ пересылкой 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Эйнглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Бесбардисъ, Р. Келлеръ и Комп. О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Эйнглундъ, Литейная, № 38.

№ 314 (47—14).

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ

и принадлежности.



Этими аппаратами можетъ всякій безъ особеннаго подготовленія снимать вполнѣ хорошія фотографіи.

Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Цѣна: 24 р., 30 р., 35 р., 50 р. и дороже.

Е. КРАУСЪ и К°.

Парижъ, Avenue d. l. Republ. 4.
Складъ для Россіи
С.-Петербургъ, Мойка № 40.

№ 397 (2—1).

!! За 30 к. !!

почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ,

съ объясненіями и прейсъ-курант.

☞ за 50 коп. ☜

почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономн. курит. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средст. отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „ЧУЖАГО“.

Мастерская игръ **А. Меламеда.**
Спб., Обуховскій пр. д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**

№ 360 (37—6).

Водоочищающіе

1861

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ.

№ 228 (52—26).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—21).

Зубочистное средство

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ШВЕДСКІЙ

зубной элексиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурного запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**

№ 243 (57—25)

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—37).

Пульты складные для нотъ.
Машинки для рубки дровъ.
РУЧНЫЯ КАДКИ И ВЫЖИМАЛКИ ДЛЯ БѢЛЬЯ.
Копировальные прессы.
ПЕРЕДВИЖНЫЕ АМЕРИКАНСК. СТОЛЫ.
Точильные станки.
ВѢШАЛКИ ДЛЯ ПЛАТЬЯ.
ФАНЕРИ.
СИДѢНІЯ.

у Евг. БОТМАНЪ и К°.

Большая Садовая № 12.

№ 371 (3—2).

папиросы крученыя 1-й сортъ.

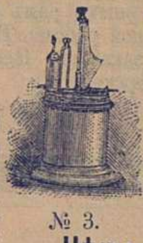
10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ.

получать можно повсюду.

№ 328 (44—12).

Вновь усовершенствованный



ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

для зажиганія сигаръ, папиросъ, свѣчей и пр. и для употребленія съ моментальнымъ ночникомъ.

№ 3.

Цѣны въ С.-Петербургѣ:

№ 1 резерв. стекл. гладк. . . . 3 р. 75 к.
№ 2 » » съ украш. . 4 » 50 »
№ 3 резерв. и аппар. никкелиров. 5 » 50 »

Вѣсъ съ укупоркой 3 фун.

При полученіи ½ стоимости немедленно высылаю съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Оптовая продажа у Ив. Фегедингъ, въ С.-Петербургѣ, Чернышевъ пер., уг. Бол. Садовой, Маріинскій рынокъ, № 20, верхній этажъ.

№ 384 (5—4).

ЗА 15 РУБЛЕЙ.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

(НЕ ИГРУШКА)

состоящій изъ камеры, объектива и штатива, посредствомъ котораго каждый любитель въ состояніи фотографировать ландшафты, группы и портреты.

Громадный выборъ изящныхъ
ДОРОЖНЫХЪ АППАРАТОВЪ

указанія въ способѣ употребленія и снабженіе желаемыми совѣтами при всякомъ нововведеніи безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей.
Невскій пр., у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30—16, входъ съ Екатерининскаго канала.

№ 401 (10—1).

AU BON MARCHÉ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гостиный дворъ №№ 132, 133, 134.

Самый обширный складъ всѣхъ новостей для лѣтняго сезона въ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ тканяхъ.

Цѣны безъ запроса. Prix-fixe.

№ 398 (1—1).

ЛУЧШІЯ ГРАФИТНЫЯ ТИГЛИ
и
ГРАФИТНАЯ МУКА.
Евгеній БОТМАНЪ и К°
Большая Садовая, д. 12. Прейсъ-
куранты безплатно.
№ 368 (3—2).

Усовершенствованные пожарные
ТРУБЫ И НАСОСЫ
„ПОТОКЪ“
для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул.,
№ 55—6.
прейсъ-курантъ безплатно.
№ 186 (40—24)

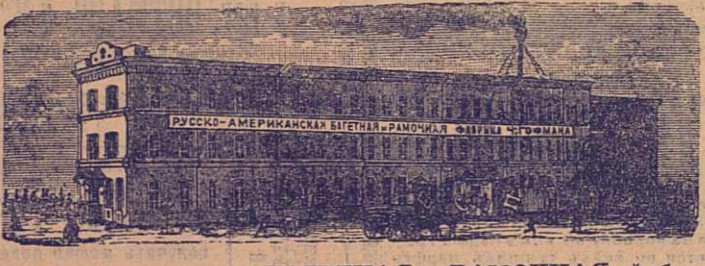
Большая золотая медаль **Ю. МАРТЕНСА.** Московская выставка 1882.
МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ
съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.
МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ
по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ
КЛЮКВЕННЫЕ И ФРУКТОВЫЕ ЭКСТРАКТЫ
Вишневый, Малиновый, Черносмородиновый
свѣже-приготовленные
ФРУКТОВЫЕ СИРОПЫ
Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.
Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.
Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія.
№ 226.

ВЕСЕННІЯ НОВОСТИ

Касторовыя дамскія шляпы безъ отдѣлки, формы дамскихъ новѣйшихъ фасоновъ; для гарнировки громадный выборъ новостей: перья фантази; страусовые, нанаши и амазонъ, эгреты стеклярусные и аграмантъ.

Ленты; омбрэ, моаръ и экосэ; кружева, тюль и шляпные платки; для вуалей: тюль и газъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ **№ 110.**
магазинъ
А. В. ТАРАТИНА,
бывшій ШАПКИНА.
№ 205.


РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская **БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ** фабрики
Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—10).

РУССКІЯ ВИНА
Г. РОССОЛИМО
ПРОШУ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ НА:
№№ 25—27—БЕССАРАБСКОЕ . . . въ 40 коп.
» 31—32—ШАБСКОЕ . . . въ 50 и 55 »
» 36—БЕССАРАБСКОЕ БОРДО . 65 »
(Замѣняющее ФРАНЦУЗСКОЕ СТОЛОВОЕ ВИНО).
Торг. подъ фирмою Г. РОССОЛИМО.
ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ.
№ 376 (10—5).

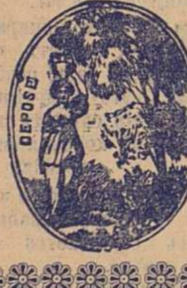
ВЕСЬМА ЛЕГКО ДЛЯ КАЖДАГО

заниматься фотографированіемъ, такъ какъ вслѣдствіе новѣйшихъ изобрѣтеній всѣ пріемы сдѣлались очень простыми и легко изучаются.—Мы предлагаемъ:

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

состоящій изъ складной камеры съ вращающимся мѣхомъ, треножникомъ и объективомъ, для производства группъ, ландшафтовъ и т. п. въ кабинетную величину 12×16½ сантим., всего цѣною **35** рублей.

Принадлежности для негативнаго и позитивнаго процесса, начиная съ 15 р.
Громадный складъ камеръ собственныхъ мастерскихъ.
Постоянный выборъ всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній по фотографіи.
ИЗДАТЕЛИ ЖУРНАЛА
«ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».
Фабрика и складъ фотографическихъ принадлежностей въ С.-Петербургѣ.
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°.
8. Малая Конюшенная, 8.
№ 393 (1—1).



Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—37)

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

«ЭЛЕОПАТЪ» употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ и развиваетъ густоту волосъ.

«Элеопатъ» только пров. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 руб. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп. почтовый расходъ и укупорка на счетъ покупателя.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только «ЭЛЕОПАТЪ» провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. или уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

☞ СПРАШИВАЙТЕ ☜
ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.
№ 343 (55—13).

Нумеръ 20-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) 3-й листъ «Художественнаго Альбома»—«Пріѣздъ новой султанши» съ картины Т. Беда и 3) Обертки

Дозволено цензурою. Спб. 13-го мая 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 21
22 МАЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Въ виду наступающаго чествованія важнаго историческаго событія въ Россіи — **девятисотлѣтія „Крещеніе Руси“**, редакція газеты **«Сынъ Отечества»** издала и разослала **безплатно** своимъ подписчикамъ художественно выполненную олеографію въ 22 краски съ рельефомъ и лакировкою, съ картины художника **В. И. Думитрашко**—

„КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ ПРИ СВ. КНЯЗѢ ВЛАДИМІРѢ“

Размѣръ картины: длина 19 вершковъ, ширина 14 вершковъ.

Картина изображаетъ на первомъ планѣ группы Кіевлянъ, надъ которыми духовенство, размѣстившись на подмосткахъ, совершаетъ таинство Св. Крещенія. Св. Владиміръ, созерцая съ возвышеннаго днѣпровскаго берега совершающееся по его почину великое событіе духовнаго возрожденія русскаго народа, возсылаетъ мольбы Всевышнему. Просвѣтителя Россіи окружаютъ его супруга, дружинники и бояре. Въ сторонѣ, на заднемъ планѣ, въ группѣ отроковъ стоитъ жрецъ, замѣтно потерявшійся, видя побѣду христіанства надъ язычествомъ, еще недавно настолько сильнымъ. Вдали виднѣются окрестныя горы и отчасти самый Кіевъ какъ на Подолѣ, такъ и на горахъ.

Роскошное и художественное произведеніе этой картины вызвало въ короткое время массу запросовъ со стороны подписчиковъ журнала **«Живописное Обозрѣніе»** желающихъ пріобрѣсти эту картину, а потому Контора имѣетъ честь увѣдомить, что означенную картину можно получать въ Главной Конторѣ:

Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ № 68—40.

Годовые подписчики—2 р. за экз. (съ перес.). **Неподписчики—2** р. **50** к. (съ пересылкою).

Картина высылается въ теченіе 3-хъ дней со дня полученія требованій.

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ
Ф. Трахтенберга
основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно. Большая Морская, № 25. въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—13).

Туалетныя мыла I. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,
АМИКОСОВОЕ.

Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—26)

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, шероховатости и пр., освѣжаетъ и придаетъ юношескую свѣжесть. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 р.—2 банки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор. — Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38.

№ 314 (47—15).

Я. ЯКОБСОНЪ.
Гостинный дворъ по Невскому просп.
№. 22.
предлагаетъ любителямъ хорошаго
БѢЛЬЯ.
Свой больш. выборъ вновь заготовленныхъ.
СОРОЧЕКЪ.

Новѣйшихъ фасоновъ, а также большой выборъ: воротниковъ, манжетъ, манишекъ полотняныхъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ. СОРОЧКИ ночныя и дачныя цвѣтныя.

КАЛЬСОНЫ: вязаные канифасомъ, домест- и полотняные. Тутъ же пріемъ заказовъ и передѣлки сорочекъ.

Гг. иногородные могутъ выписывать черезъ почту съ наложнымъ платежемъ прилагая марку. Полный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

№ 404 (1—1).

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р., Кремъ „Сафо“ 1 р. 25 к., Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.—Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 290 (53—16)

ДЕПО ЧАСОВЪ
Эд. Бурхарда.

1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 3/68.

Вновь полученъ большой выборъ часовъ лучшихъ фабрикантовъ, цѣпочекъ, ключей и брелоковъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Каждые часы продаются съ ручательствомъ.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 289 (27—12).

Вновь открытый
МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
Буркгардтъ и Урлаубъ
ВЪ МОСКВѢ, Красносельская улица, д. № 601.

◆ **СТРОИТЪ** ◆

плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, соломорѣзки, локомобили, 3, 4 и 6 силъ, конные приводы, мельницы Тріумфъ, жнеи, косилки, конныя грабли, сѣнные пресса, насосы, пожарныя трубы и пр.

◆ КОНТОРЫ И СКЛАДЫ ◆

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Вас. Остр., 1-я линія, № 10.
МОСКВА, Мясницкая, д. Виноградова.

Иллюстриров. каталоги безплатно.

Тамъ-же продаются новые огнегасительные патроны.

◆ АНТИПИРЪ ◆

простое и быстродѣйствующее противопожарное средство по 15 р. за 1 дюж. и 8 р. за 1/2 дюж.

Ищутъ въ провинціи агентовъ.

№ 362 (1—1).

!! За 30 к. !!
почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.
съ объясненіями и прейсъ-курант.

☞ **за 50 коп.** ☜

почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ
для экономн. курит. Получше 70 к. и 1 р.

Прекрасное средст. отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „ЧУЖАГО“.

Мастерская игръ **А. Меламеда.**
Спб., Обуховскій пр. д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**

№ 360 (37—7).

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

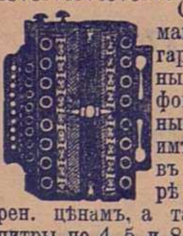
Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1829 г.)

Предостерегаютъ отъ поддѣлокъ. Неподдѣльны только съ этимъ клеймомъ.

Можно получать въ большинствѣ магазинахъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.
Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ ализариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *спеціальностей.*

№ 318 (26—8).



Скрипки, гитары, мандолины, цитры, гармоніи, концертины, аристоны, герофоны; всевозможные музык. инстр. имѣются постоянно въ большомъ выборѣ и по очень умѣрен. цѣнамъ, а также и народныя цитры по 4, 5 и 8 р., кромѣ перес. платы, **въ муз. инстр. торговлѣ**

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

№ 383 (6—3).

Императорскаго московскаго общ. Сельск. хозяйства 1886 г.

Одобрительный отзывъ.

Новой усовершен. системы: простой конструкціи разныхъ величинъ.

ПОЖАРНЫЕ
трубы и насосы
„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Производство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ, Николаевская 55—6.

№ 186 (40—25).

Прейсъ-куранты безплатно.

Привиллегія испрашив.

ДѢТСКАЯ МАШИНА
шьетъ хорошо съ одной ниткой цѣна **5** рублей.

Пересылка за 5 фунтовъ.

Въ складѣ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

А. ШТЕЙНЪ.
Большая Морская, д. № 26, въ С.-Петербургѣ.

№ 400 (3—2).

ЛУЧШІЯ ГРАФИТНЫЯ ТИГЛИ
и
ГРАФИТНАЯ МУКА.
Евгеній БОТМАНЪ и К°.
Большая Садовая, д. 12. Прейсъ-куранты безплатно.

№ 368 (3—3).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ
Саатчи и Мангуби
ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ
BIS

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

цѣною за **10** шт. **10** коп.
Можно получать вездѣ.

№ 356 (37—7).

ПАПИРОСЫ
изъ бѣло-рисовой бумаги
10 шт. ЛЕБЕДЬ 6 коп.
получать можно всюду.
Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстоянія, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—13).

Водоочищающіе
ФИЛЬТРЫ

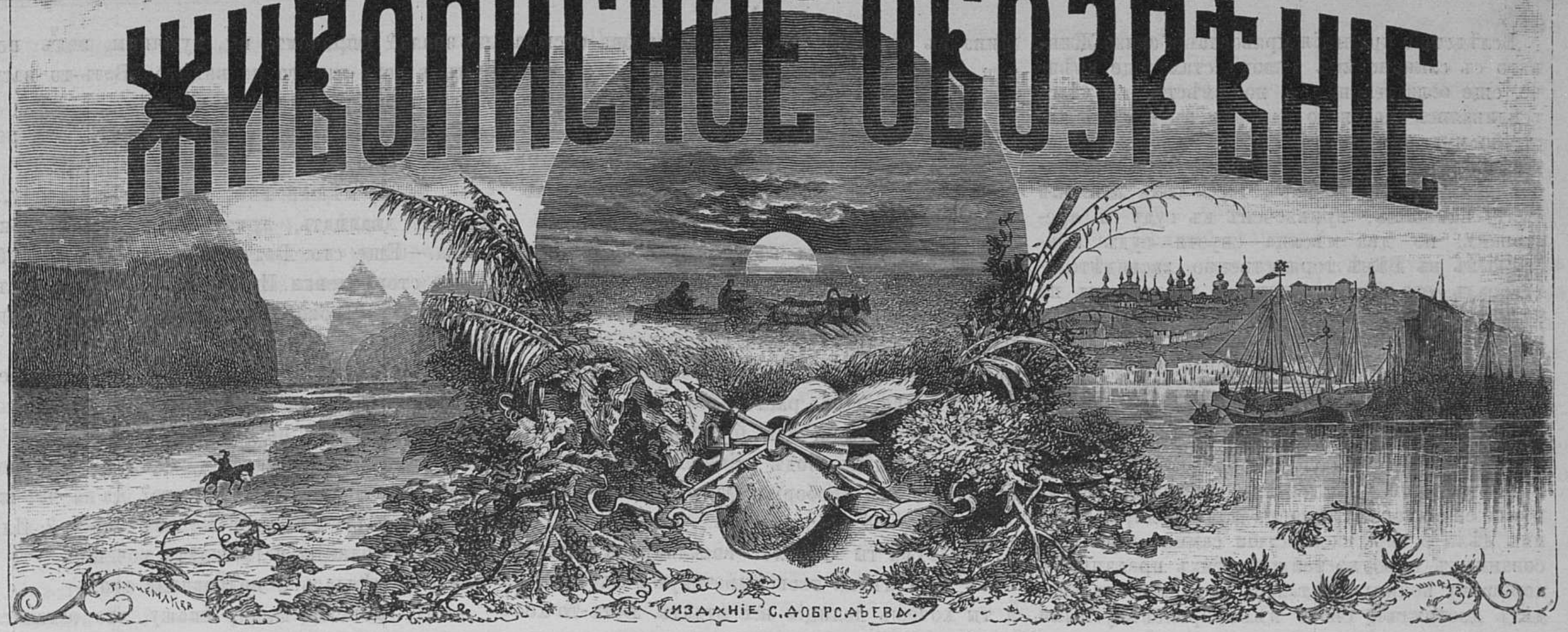
многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. 228 (52—27).

папиросы крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.
РОЯЛЬ.
получать можно повсюду.

№ 328 (44—13).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ


ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ СЪ РАЗСРОЧКОЮ, поспѣшить высылкою слѣдуемаго взноса, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ нумеровъ журнала съ 1-го іюня текущаго года.

Главная премія высылается подписчикамъ съ разсрочкою только по уплатѣ сполна годовой подписной суммы и за доставку картины, такъ какъ таковая въ виду большаго размѣра и цѣлости, высылается цѣнною посылкою, на скалкѣ, задѣланною въ холстъ.

СЛАВЯНСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

К. И. Живный.

(Біографическій очеркъ).

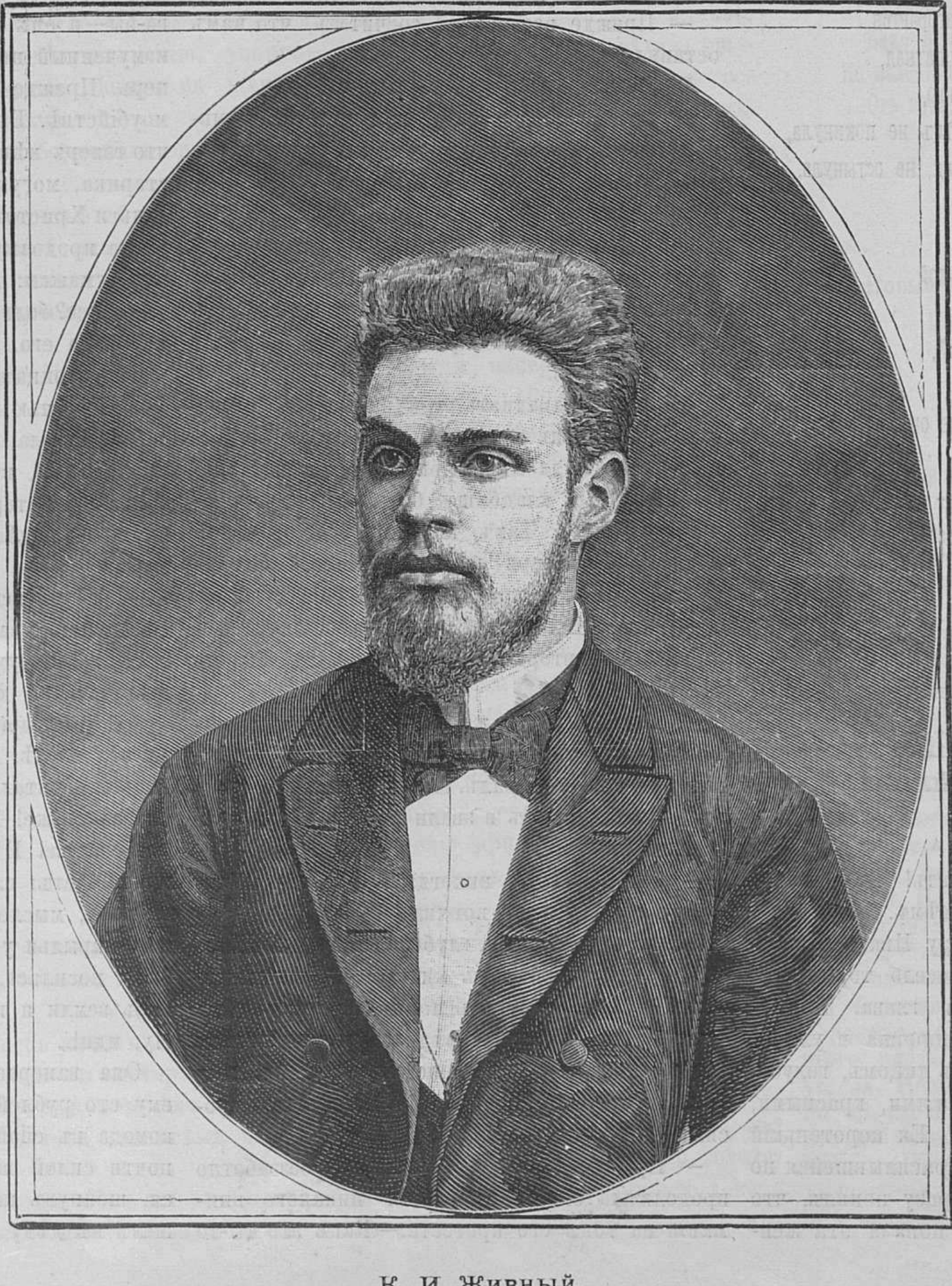
⁂

Имя Карла Ивановича Живнаго, посѣтившаго, въ настоящее время, Россію и находящагося въ Петербургѣ, должно быть хорошо извѣстно каждому славянину, которому дорога идея объ общности интересовъ всѣхъ народовъ, объ ихъ единоплеменности.

Карлъ Ивановичъ Живный родился въ гор. Лощицѣ, въ Моравіи, 2 ноября 1858 года. Послѣ начальнаго образованія въ мѣстной народной школѣ и окончанія въ 1878 г. курса въ Ольмоуцкой славянской гимназіи Живный поступилъ на юридическій факультетъ Вѣнскаго университета. Блестящія способности юноши, выдвинувшія его еще въ гимназіи, изъ которой онъ вышелъ первымъ, дали ему возможность съ успѣхомъ пройдти и четырехлѣтній университетскій курсъ, а въ 1883 получить ученую степень доктора всѣхъ правъ. Женившись въ этомъ-же году на дочери славнаго дѣятеля Скрейшовскаго, К. И. посвятилъ всѣ свои труды общественной дѣятельности, принимая дѣятельное участіе въ неблагодарной работѣ сотрудничества въ издававшейся его тестемъ газетѣ «Parlamentar», выходившей въ Вѣнѣ и служившей органомъ исторической славянской идеи.

Послѣ смерти Ивана Скрейшовскаго, Живный неустрашимо становится во главѣ этого изданія и смѣло идетъ по тернистому въ Австріи пути самостоятельнаго славянскаго публициста, не скрывающаго своихъ симпатій къ Россіи и ко всему русскому. Изъ страстныхъ и обстоятельныхъ статей «Парламентера», разсѣянные въ Австріи и Венгріи славяне могли видѣть, что только при взаимной поддержкѣ они съумѣютъ противостоять давленію враговъ своей національности и отразить всѣ попытки къ онѣмеченію или омадьяриванію славянства. Живный выступилъ съ очень опредѣленною программою, сразу привлекшею ему многихъ поклонниковъ и единомышленниковъ: народное единство славянства, славянская церковь, славянское письмо кирилица и русскій языкъ какъ общеславянскій, какъ языкъ старшаго и могущественнаго братскаго племени.

Живный не могъ остановиться на полпути въ своихъ воззрѣніяхъ убѣдившись, что католичество въ его нынѣшнемъ видѣ, съ его чужимъ языкомъ и космополитическимъ духовенствомъ, является для славянскихъ народовъ антинаціональнымъ учрежденіемъ, — онъ въ 1886 году съ женою переходитъ въ православіе; воспреемникомъ родившейся послѣ того дочери былъ А. С. Будиловичъ.



К. И. Живный.

Вслѣдствіе принятія православія связь Живнаго съ славянскимъ дѣломъ стала еще крѣпче, еще осязательнѣе, — но вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались на него нападки въ измѣнѣ австрійскимъ интересамъ, въ возбужденіи междоусобныхъ смутъ, чуть-ли не въ государственной измѣнѣ. Въ декабрѣ 1887 года Живный былъ, наконецъ, привлеченъ къ суду и арестованъ, по два мѣсяца спустя судъ присяжныхъ въ Вѣнѣ торжественно засвидѣтельствовалъ его невиновность во взводимыхъ на него тяжкихъ обвиненіяхъ и Живный былъ выпущенъ на свободу.

Вынесенное испытаніе не поколебало убѣжденій Живнаго, но еще болѣе увеличило авторитетъ его имени въ Россіи и среди нашихъ единоплеменниковъ заграницей. Находясь въ полномъ расцвѣтѣ силъ, закаленный въ борьбѣ и съ твердыми убѣжденіями, Живный несомнѣнно еще многое сдѣлаетъ для предпринятаго имъ дѣла и, при содѣйствіи самихъ заинтересованныхъ народностей и другихъ преданныхъ хорошему почину дѣятелей, быть можетъ увидитъ достиженіе своей цѣли проповѣдуемыми имъ мирными путями.

Стихотворенія В. Страховича.

I.

Ночка теплая, ночка лѣтняя, благодатная,
Хороша твоя глубина небесъ необъятная,
Хороши твои звѣзды, яхонты самоцвѣтные,
Темь да ширь твоя, непроглядная, непривѣтная.
Вольно дышется груди, болями изувѣченной,
Вольно мыслится головѣ, борьбой искалѣченной...
И надежда вновь, ужь заглохшая, пробуждается,
И любовь опять, ужь погасшая, загорается...
Ночка теплая, ночка лѣтняя, благодатная,
Оживи меня своей влагою ароматною,
Оживи на вѣкъ, чтобъ надежда вѣкъ не покинула,
Чтобъ любовь въ груди, беззавѣтная, не остынула.

II

Молча склонились надъ сонной водой
Нѣжныя кудри березъ...
Воздухъ, упитанный влажной росой,
Полонъ ласкающихъ грезъ—
Легкій тростникъ недвижимъ, даже онъ,
Рѣзвый, притихнулъ... молчитъ...
Блѣдною розой горитъ небосклонъ—
Все замерло въ ожиданьи... Вотъ, вотъ
Страстная ночь горячо обойметъ,
Чарами сновъ подаритъ...

В. Страховичъ.

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

Романъ А. Михайлова.

Вторая глава.

— Довольно, довольно спать! Ахъ, какой соня! Надо распорядиться всѣмъ.

Эти слова услыхалъ по утру Иванъ Ивановичъ, чувствуя, что кто-то весело тормошитъ его за плечо. Онъ открылъ глаза. Передъ нимъ стояла Маргарита Ѳедоровна и улыбалась всѣмъ своимъ широкимъ лицомъ, голубовато-сѣрыми глазами и широкими, красными, какъ кусокъ мяса, губами. Ея коротенькій носъ казался еще шире отъ расплывшейся по лицу улыбки. Хопровъ не сразу понялъ, что съ нимъ происходитъ, какъ попала эта женщина въ его комнату: уходила-ли она отсюда или пробыла здѣсь всю ночь. Она засмѣялась, видя его растерянный взглядъ и, шутя, спутала его волосы:

— Ахъ, соня, соня; съ открытыми глазами спитъ! Вставай. Надо сообразить, какъ похороны устроить...

Онъ уже пришелъ въ себя, вспомнилъ все, что было наканунѣ, заторопился встать. Совершенно ясно сознавалъ онъ теперь, что вчера умеръ дѣдъ, что онъ присвоилъ его деньги, что вмѣстѣ съ нимъ эти деньги обирала эта дѣвушка. Онъ растерялся отъ смутнаго страха, отъ стыда, отъ брезгливаго чувства. Полусознательно, подъ вліяніемъ перваго побужденія, онъ пробормоталъ:

— Надо полиціи заявить... о деньгахъ...

— Съума ты сошелъ! воскликнула она.— Богъ послалъ на твою сиротскую долю кладъ, а ты хочешь полиціи все отдать. Вотъ-то хорошо! Да еще таскать тебя же начнутъ, скажутъ, что больше было, что утаили. Они, что-ли, дѣда-то кормили? Это твое, за твою доброту Богъ послалъ. И я тебѣ счастье принесла.

Она подошла къ нему и ласково проговорила, взявъ его за подбородокъ, опушенный свѣтлой вьющейся бородой:

— Ахъ, ты глупенькій, глупенькій, все бы ты отдалъ и на вѣтеръ расшвырялъ! Нѣтъ, голубчикъ, голодать-то не сладко, надо самимъ о себѣ думать. Другіе не помогутъ, а только послѣднюю рубашку сдерутъ.

И, принявъ дѣловой видъ, она добавила:

— Прежде всего надо сосчитать, что намъ оставилъ нашъ старичекъ!

Она пошла замыкать на ключъ дверь.

— Отъ лишнихъ глазъ! пояснила она, кивнувъ головой и подмигнувъ однимъ глазомъ.— Меньше видятъ, меньше брешутъ... Ну, будемъ считать.

Она, распоряжаясь имъ, какъ пѣшкой, стала шарить въ его карманахъ, начала выкладывать деньги на столъ. Онъ тупо позволялъ ей хозяйничать, не протестуя, подавленный происшедшимъ.

— Десять, двадцать, тридцать рублей, считала она, слюня пальцы и перебирая бумажки.—Сто! О, да много онъ насбиралъ милостыней... По кладбищу больше всего, говорятъ, сбиралъ. Тамъ, конечно, больше всего подаютъ... съ горя расчувствуются, размякнутъ и подаютъ зря на поминовеніе души...

— Что? Милостыней? По кладбищамъ? машинально повторилъ Хопровъ, какъ бы въ полуснѣ.

— Ну, да, развѣ же ты не знаешь? Чѣмъ же жилъ-то онъ? Не ты же ему давалъ. Милостыню онъ собиралъ. На Митрофаньевскомъ кладбищѣ его такъ и звали среди нищихъ «чиновникомъ»...

— Это ложь!.. Я никогда... возвысилъ голосъ Хопровъ и не кончилъ фразы.

Его точно обидѣли, глубоко оскорбили тѣмъ, что его дѣдъ собиралъ милостыню, а онъ шалопайничалъ. Вдругъ вспомнилось, что дѣдъ даже помогалъ ему изрѣдка: уплачивалъ за его комнату, приносилъ поѣсть студеня, колбасы, вѣсового бѣлаго хлѣба. Милостыню просилъ—и помогалъ ему!

— Ну, вотъ! Это всѣ знаютъ, беззаботно продолжала она, не обращая никакого вниманія на тонъ его протеста.—Какъ это ты-то не зналъ? Впрочемъ, вы, мужчины, подъ носомъ у себя ничего не видите. Вотъ-то васъ легко надувать. Совсѣмъ рохли!

И, вспомнивъ, что надо спѣшить, она перебила сама себя:

— Да не мѣшай мнѣ, а то я не кончу... Десять, двадцать, тридцать, засчитала она снова.—Еще сто. Вотъ тутъ триста рублей. А это сторублевки. Ихъ хорошо считать: разъ, два, три и готово. Сколько ихъ? Ого, тридцать! Ишь ты сколько!

— Оставь, довольно! остановилъ онъ ее раздражительно.—Ограбили—ну, и довольно, а тутъ еще итоги подводишь!

— Кого это ограбили? удивилась она и покачала головой.—Покойника-то? Да на что-же ему деньги? И для тебя-же онъ берегъ? Или ты опять полицію награждать хочешь?

Она засмѣялась и подразнила его:

— Ну, хочешь, пойду скажу, что остались деньги! Хочешь? Возьмутъ все, похоронить-то хорошо покойника не подумаютъ, панихидки не отслужатъ, а ты помирай опять съ голоду да еще въ подозрѣніи находись, что утаилъ нѣсколько рублей.

Онъ безсильно опустился на стулъ, уперся локтями о столъ, запустилъ пальцы въ волосы и какъ бы застылъ въ нѣмомъ отчаяніи. На мгновеніе опять появилось въ душѣ сознаніе, что онъ перерветъ горло тому, кто вздумаетъ отнять эти деньги. Прошлое, сносившееся легко и беззаботно, показалось теперь страшнымъ, непроглядно мрачнымъ. Какъ только онъ перенесъ его, это прошлое? Еще немного-бы—и онъ покончилъ бы самъ съ собою, измученный нищетой. Такъ ему казалось теперь. Прежде онъ никогда и не думалъ о самоубійствѣ. Въ головѣ мелькала ѣдкая мысль, что теперь нѣтъ уже подъ рукой даже нищаго-старика, могущаго поддержать его, собирая деньги Христовымъ именемъ. Маргарита Федоровна продолжала считать рублевыя, замасляныя бумажки: рубль, два, три, четыре...

— Все? больше нѣтъ у тебя? наконецъ окликнула она его.

Онъ отрицательно замоталъ головой.

— Не знаю!

Она встала, пошарила въ его карманахъ, въ пиджакѣ, въ панталонахъ, въ жилетѣ, мимоходомъ потеребила шаловливо его волосы и на лету поцѣловала въ голову, потомъ рѣшила:

— Нѣтъ, всѣ тутъ! Всего четыре тысячи шестьсотъ два рубля. Да это на вѣкъ хватитъ, если умно распоряжаться. Табачную лавку можно открыть. Есть улицы, гдѣ ни одной табачной лавочки нѣтъ. Выгодно. Ну, да это послѣ. А теперь иди, надо распорядиться, читальщика взять, гробъ заказать. Шевелись-же! Вотъ-то тебя пришибло нежданное счастіе! Нѣтъ, я не въ тебя. Горе меня пришибаетъ: плачу, плачу и ничего придумать не могу, мыслей въ головѣ даже нѣтъ; а счастіе—крылья у меня точно отростаютъ, такъ бы и носилась, такъ бы и носилась. Вотъ теперь земли я подъ собой не слышу, ей Богу! Ну, иди!..

Она заперла деньги въ его комодъ, давъ ему сто рублей на расходы, сунула ключъ отъ комода въ свой карманъ, отомкнула дверь и почти силой заставила его идти распоряжаться, шепнувъ на ходу, чтобы онъ прежде зашелъ къ дѣду взглянуть.

На улицѣ его охватило свѣжимъ весеннимъ воздухомъ. Вездѣ лились цѣлые ручьи воды, около тротуаровъ въ жидкой грязи вода пробила канавки, въ воздухѣ щебетали, чирикали и звенѣли птицы въ веселыхъ хлопотахъ, солнце играло на всемъ, превращая капли воды въ алмазныя искры, дѣлая изъ лужъ свѣтящіяся зеркала, деревья въ садахъ еще не были одѣты въ листья, но уже казались издали мѣстами зеленоватыми, мѣстами красноватыми отъ оживившихся въ ихъ вѣтвяхъ соковъ. Онъ осмотрѣлся кругомъ, точно не понимая, гдѣ онъ и зачѣмъ вышелъ, съ чего всѣ такъ суетятся, и люди, и птицы, почему на улицѣ такъ шумно, дребезжатъ колеса, выкрикиваютъ что-то разнощики, отчетливо раздается благовѣстъ. Развѣ праздникъ нынче? Да, праздникъ—весна. Онъ тяжело вздохнулъ. Онъ-то зачѣмъ вышелъ на этотъ праздникъ? Потомъ въ головѣ мелькнула мысль: «да, она велѣла къ гробовщику зайдти». Онъ пошелъ и сталъ тупо думать о томъ, какъ она могла ему велѣть. Что она ему? Почему она говоритъ ему ты? Почему приказываетъ? Тутъ рядомъ старикъ умиралъ, а онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ забыться въ объятіяхъ этой женщины. Потомъ крали вмѣстѣ. Говоритъ, что это она принесла ему счастье! Онъ потеръ рукою лобъ, точно этотъ лобъ болѣлъ отъ стиснувшихъ его желѣзныхъ обручей,

— Иванъ Ивановичъ, даже друзей не узнаете! раздался около него бойкій и веселый женскій голосъ.

Хопровъ остановился и даже пошатнулся отъ смущенія, увидавъ передъ собою миловидную молоденькую дѣвушку, одѣтую скромно, хотя и не безъ кокетливости, смотрѣвшую на него веселыми и бойкими глазами.

— Вѣра Павловна? Вы? пробормоталъ онъ и смолкъ.

Его точно удивила неожиданность этой встрѣчи. А между тѣмъ, онъ хорошо зналъ, что именно въ этотъ часъ онъ всегда могъ ее встрѣтить здѣсь и встрѣчалъ, такъ какъ она ходила въ это время на лекціи.

— Голубчикъ, что съ вами? Вы на себя не похожи! заботливо воскликнула она и тутъ только замѣтила безпомощное выраженіе его лица.

— Случилось что-нибудь?

— Дѣдъ... умеръ, пробормоталъ глухо Хопровъ.

— Ахъ, бѣдненькій, бѣдненькій! жалостливо проговорила она, немного на распѣвъ, почти по дѣтски.—Ну, да что же, не слѣдуетъ такъ горевать... Вѣдь онъ ужь старичекъ у васъ былъ... Конечно, это единственный близкій вамъ человѣкъ...

У нея въ большихъ карихъ глазахъ стояли уже крупныя слезы. Она протянула Хопрову руку и съ чувствомъ сказала:

— Хорошо это съ вашей стороны, что вы его такъ любили!

И съ молодымъ горячимъ негодованіемъ, не удержавшись, тутъ же откровенно прибавила:

— Взглянули-бы вотъ теперь наши на васъ, посмотрѣла-бы я, какъ они стали-бы повторять, что вы пустой и легкомысленный человѣкъ... Ей Богу, я иногда за васъ готова имъ всѣмъ глаза выцарапать...

— Я, можетъ быть, даже хуже, чѣмъ они думаютъ, мимовольно сорвалось у него съ языка.

— Ну, ну, пожалуйста, безъ самобичеваній! сердито перебила она его.—Вы знаете, не люблю я этой рисовки... Дуренъ—исправляйся, а не хвастай этимъ, какъ орденомъ или чиномъ, вотъ мое правило... Однако, что же я болтаю; вамъ теперь не до того, хлопотъ, я думаю, не мало...

Она опять пожала его руку.

— Удосужитесь — заходите! Вы знаете, я всегда вамъ рада.

Она заторопилась, спѣша на лекціи.

Онъ тоже пошелъ своей дорогой, а передъ глазами его еще стоялъ этотъ дорогой ему образъ дѣвушки и слышались ея слова: «дуренъ—исправляйся, а не хвастай этимъ, какъ орденомъ или чиномъ». Да, да, въ этомъ вся задача. Сколько разъ послѣ разговоровъ съ этой дѣвушкой онъ давалъ себѣ слово исправиться, то-есть приняться за работу, написать хорошую картину, и каждый разъ изъ этого ничего не выходило. Вмѣсто созданія хорошей картины, силы и время тратились на рисованье какой нибудь грошевой сценки для иллюстрированнаго изданія, на изученіе роли для клубнаго спектакля ради получки пяти—шести рублей, наконецъ, просто на лежанье на постели съ отрывками неясныхъ думъ, смутныхъ образовъ, чего-то неуловимаго въ головѣ. Что-жь дѣлать, если нужно было чаще всего думать не о славѣ, не о пріобрѣтеніи имени, а о кускѣ насущнаго хлѣба, если не было выработано въ характерѣ ни устойчивости, ни упорства, ни терпѣнія? Онъ вспомнилъ, что у него теперь есть деньги. Два, три года на эти деньги можно прожить, работая усидчиво, упорно—и тогда... Его вдругъ охватило ощущеніе бодрости, надежды. Да, теперь все можно сдѣлать. Теперь голодъ не будетъ мѣшать труду. Кончивъ большой трудъ, онъ будетъ имѣть право предложить Вѣрѣ Павловнѣ свою руку. Милое, восторженное, упрямое въ своей вѣрѣ, созданіе, какъ она будетъ счастлива, когда ея надежды на него, на его талантъ сбудутся, когда она станетъ съ нимъ подъ вѣнецъ, гордясь тѣмъ, что онъ оправдалъ ея надежды и наперекоръ ея роднымъ показалъ, на что онъ способенъ. Онъ шелъ уже съ сіяющимъ лицомъ, бодро и смѣло, точно его большой, еще не начатый трудъ уже оконченъ, точно всѣ препятствія уже устранены. Завернувъ въ мастерскую гробовщика, онъ прошелъ въ церковь, заказалъ все, что нужно, потомъ пошелъ домой, разсчитывая, что черезъ часъ будетъ панихида, а послѣ онъ поѣдетъ на кладбище заказывать могилу. Угнетенное настроеніе духа, что-то въ родѣ помѣшательства, помутившаго со вчерашняго вечера его умъ, страхъ и стыдъ за совершенное похищеніе денегъ, принадлежавшихъ въ сущности ему по праву, если не по закону, непріятное ощущеніе при воспоминаніи о сближеніи съ сосѣдкой въ минуту нервнаго возбужденія, въ минуту опьяненія отъ горя, въ минуту полной невмѣняемости, все это исчезло теперь безъ слѣда. Природный нѣсколько легкомысленный юморъ появился снова и Хопровъ съ едва замѣтной усмѣшкой на губахъ вспоминалъ теперь, какъ командовала имъ въ прошлую ночь и въ это утро «курносая чухонка». Онъ даже не сердился на нее, а жалѣлъ ее. Тоже голову потеряла отъ голода, какъ и онъ. Надо будетъ дать немного денегъ и ей, помочь. Не даромъ-же она говоритъ, что это она ему принесла счастье. Все будущее теперь измѣнилось для него; вчера еще впервые его охватило отчаяніе; теперь впервые онъ твердо вѣрилъ въ то, что будущее—его.

— И не знаетъ, бѣдный дѣдъ, что гроши, собранные имъ Христа ради въ теченіи долгихъ лѣтъ, спасутъ навсегда отъ гибели его Ваню. Бѣдный старикъ!

Онъ ощущалъ теперь глубокую любовь къ дѣду, съ чувствомъ грусти раздумывалъ о его судьбѣ. Сколько горя, сколько лишеній, сколько униженій перенесъ этотъ старикъ, недалекій, неразвитой, некрасивый, глухой, затравленный, какъ волкъ. Каждая копѣйка пріобрѣтена дорогой цѣной. Нужно будетъ свято и честно беречь эти копѣйки, разсчетливо распоряжаться ими...

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Майская ночь.

Ужъ не надо проклятій зимѣ-палачу,
Леденившему съ дикою яростью кровь,—
Въ Маѣ гимны иные слагать я хочу,
Славя въ нихъ красоту и добро, и любовь!

* * *

Если ночь неподдѣльныхъ восторговъ полна,
Если дивно поетъ до утра соловей,—
Значитъ, царствуетъ властно и гордо весна
Здѣсь въ сурово-печальной отчизнѣ моей!

* * *

И теперь я невольно ликую душой,
Посылая прекрасной царицѣ привѣтъ;
Но сомнѣнія духъ и коварный, и злой
Надо мною глумится: «увидишь, поэтъ»,—
Не излечитъ земли этотъ май золотой
Отъ нужды и насилій, отъ горя и бѣдъ!

С. Бердяевъ.

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя.**

Переводъ **П. Каншин**

(Продолженіе).

III.

Анжелика, не отрываясь отъ работы, слушала эти разсказы съ напряженнымъ и страстнымъ вниманіемъ. Все это умершее величіе, словно видѣніе, наглядно возставало передъ нею, а пышная роза, сіяя нѣжными, ласкающими глаза оттѣнками, расцвѣтала между тѣмъ подъ ея искусными пальцами. Полное невѣдѣніе исторіи расширяло для нея факты, удаляя ихъ въ темныя нѣдра баснословныхъ легендъ. Въ ея мистически настроенномъ воображеніи потомки знатнаго дома Огкеръ становились какъ будто съ родни тѣмъ вѣнценоснымъ праведникамъ, причисленнымъ впослѣдствіи къ лику святыхъ, о которыхъ она такъ много читала въ любимой своей книгѣ; разрушенный замокъ снова превращался въ могущественную крѣпость, стѣны которой достигали до самаго входа въ Царство Небесное.

— Значитъ, нашъ новый епископъ, монсиньоръ Откеръ, потомокъ прежнихъ маркизовъ? спросила она.

Губертина отвѣчала, что новый епископъ, вѣроятно, происходитъ отъ младшей вѣтви этого знатнаго рода, такъ-какъ старшая давно угасла. Назначеніе его епископомъ въ Бомонъ по ея словамъ,—было тѣмъ болѣе странно, что въ теченіе долгихъ вѣковъ потомки маркизовъ Откеръ и бомонское духовенство находились между собою въ постоянной и открытой враждѣ, даже на ножахъ. Около 1250 года одинъ изъ аббатовъ началъ строить церковь исключительно на средства своего ордена. Такимъ образомъ денегъ на дальнѣйшее продолженіе работъ скоро не хватило, а постройка между тѣмъ достигла только до высоты сводовъ въ боковыхъ придѣлахъ; потому вынуждены были удовольствоваться тѣмъ, что надъ зданіемъ возвели деревянную кровлю. Такъ прошло восемьдесятъ лѣтъ. Іоаннъ V, только-что воздвигшій новый замокъ, пожертвовалъ на постройку храма триста тысячъ франковъ; къ этимъ деньгамъ прибавились крупныя суммы пожертвованныя другими лицами, такъ-что можно было снова приступить къ прерваннымъ постройкамъ. Такъ называемый «корабль» храма возвели до конца, но главный фасадъ и башни его окончены были гораздо позже, именно въ половинѣ XV столѣтія, около 1430-го года. Въ награду за такую щедрость духовенство предоставило Іоанну V и всему его потомству право быть похороненными въ одномъ изъ придѣловъ храма, посвященномъ св. Георгію, и этотъ придѣлъ сталъ съ тѣхъ поръ называться усыпальницей маркизовъ Откеръ. Но дружескія отношенія не могли продержаться долго; надменная крѣпость безпрестанно угрожала вольностямъ, выговореннымъ для Бомона и для его церкви; безпрестанно возникали распри изъ-за первенства и изъ-за вопроса о требуемой дани. Особенно сильную распрю поселило между городомъ и крѣпостью намѣреніе маркизовъ Откеръ обложить въ свою пользу пошлиной право навигаціи по Линьелю. Вражда изъ-за этого вопроса длилась цѣлые вѣка, пока нижній городъ, благодаря своимъ фабрикамъ, на которыхъ изготовлялось тонкое полотно, не началъ процвѣтать и богатѣть. Съ этого времени благоденствіе Бомона стало возростать съ каждымъ днемъ, межъ тѣмъ, какъ, напротивъ, сила и блескъ знатнаго рода маркизовъ Откеръ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе омрачались. Когда-же замокъ былъ разрушенъ, церковь восторжествовала окончательно. При Людовикѣ XIV, церковь превратилась въ каѳедральный соборъ; зданіе, въ которомъ прежде помѣщались тѣсныя монашескія кельи, преобразилось въ великолѣпный епископскій дворецъ и, наконецъ, по странной прихоти судьбы въ ближайшее отъ насъ время одинъ изъ послѣднихъ представителей семьи Откеръ въ качествѣ епископа становился во главѣ того самаго воинствующаго духовенства, которое, послѣ ожесточенной четырехъ-вѣковой борьбы, разбило на-голову его властолюбивыхъ предковъ.

— Кто-то при мнѣ говорилъ, снова вмѣшалась въ разговоръ Анжелика: — будто монсиньоръ Откеръ прежде былъ женатъ, и что у него даже есть взрослый сынъ лѣтъ двадцати. Правда это?

Губертина взяла въ руки ножницы и, исправляя вырѣзанный контуръ одной изъ карточныхъ фигурокъ, отвѣчала.

— Да, аббатъ Корниль разсказывалъ мнѣ что-то въ этомъ родѣ... Печальная, очень печальная исторія... Въ ранней молодости, монсиньоръ былъ капитаномъ гвардіи при Карлѣ X; когда ему минуло двадцать четыре года, то есть въ 1830 году, онъ подалъ въ отставку и до сорокалѣтняго возраста велъ, говорятъ, самую разсѣянную жизнь, полную всевозможныхъ приключеній, много путешествовалъ за границей, безпрестанно дрался на дуэляхъ, пока на дачѣ у кого-то изъ своихъ знакомыхъ онъ ни встрѣтилъ дочь графа дэ-Валансэ, Паолу, очень богатую и знатную дѣвушку ослѣпительной красоты. Несмотря на то, что теперешній монсиньоръ и тогдашній гвардейскій офицеръ въ отставкѣ слишкомъ на двадцать лѣтъ былъ старше красавицы, которой едва исполнилось девятнадцать, онъ влюбился въ нее до безумія; она тоже полюбила его, и бракъ сладился въ нѣсколько дней. Въ это время онъ за безцѣнокъ, кажется за десять тысячъ франковъ, выкупилъ развалины замка Откеръ, думая отстроить его заново, чтобы потомъ поселиться въ немъ вмѣстѣ съ женою. У новобрачныхъ было въ Анжу старинное помѣстье, въ которомъ они, въ теченіе цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ, прожили съ глазу-на-глазъ, не видясь рѣшительно ни съ кѣмъ и говоря, что имъ и безъ постороннихъ живется хорошо. По истеченіи этого срока, у Паолы родился сынъ, и это событіе, ожидавшееся съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такою радостью, стоило матери жизни.

Губертъ, въ это время водившій по исколотому иглою узору кисейнымъ мѣшечкомъ съ толчеными бѣлилами, вдругъ поднялъ голову. Лицо его было страшно блѣдно.

— Несчастный! тихо проговорилъ онъ.

— Разсказываютъ, что вдовецъ чуть не умеръ отъ отчаянія, продолжала Губертина: — Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти жены, онъ постригся въ духовное званіе. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ; теперь онъ епископъ. Разсказываютъ также, будто въ теченіи всѣхъ этихъ двадцати лѣтъ онъ ни разу не согласился даже взглянуть на сына, то есть на того ребенка, чье рожденіе стоило жизни красавицѣ Паолѣ. Онъ отдалъ сына на воспитаніе какому-то аббату, не получая да и не желая имѣть никакихъ извѣстій о ребенкѣ, стараясь даже забыть о его существованіи. Но вотъ однажды онъ получилъ отъ аббата портретъ ребенка. Неутѣшному вдовцу показалось, будто онъ видитъ лицо покойной жены. Его словно обухомъ ударило въ лобъ; онъ, какъ снопъ, грохнулся на полъ и долго пролежалъ безъ чувствъ. Впослѣдствіи, время, а также постъ и молитва, вѣроятно, нѣсколько залечили душевную рану, потому что добрѣйшій нашъ аббатъ Корниль говорилъ мнѣ, будто монсиньоръ недавно пожелалъ-таки увидать сына, и для этого выписываетъ его къ себѣ.

Анжелика тѣмъ временемъ окончила вышивать начатую розу, вышедшую такою изящной и свѣжей, что казалась не только живою, но даже разливающею вокругъ себя благоуханіе. Дѣвушка снова устремила отуманенный, какъ будто безцѣльный взглядъ на окно, залитое солнечными лучами.

— Сынъ монсиньора! тихо и задумчиво проговорила она.

Губертина между тѣмъ продолжала начатую исторію.

— Говорятъ, что юноша наружностью уродился весь въ мать и хорошъ собою, какъ Аполлонъ. Отецъ хотѣлъ, чтобы сынъ тоже поступилъ въ духовное званіе, но старикъ воспитатель-аббатъ воспротивился, находя, что у молодого человѣка къ этому нѣтъ ни малѣйшаго призванія. Оно и не мудрено: у него, кромѣ красоты, еще огромное состояніе, будто бы доходящее до пятидесяти милліоновъ... Да, говорятъ, что сынъ въ наслѣдство отъ матери получилъ цѣлыхъ пятьдесятъ милліоновъ, на которые опекуны покупали большіе участки земли въ Парижѣ, теперь значительно увеличившіеся въ цѣнѣ, такъ-что въ настоящее время у него уже не пятьдесятъ милліоновъ, а гораздо болѣе... Если это правда, то онъ дѣйствительно богатъ, какъ король.

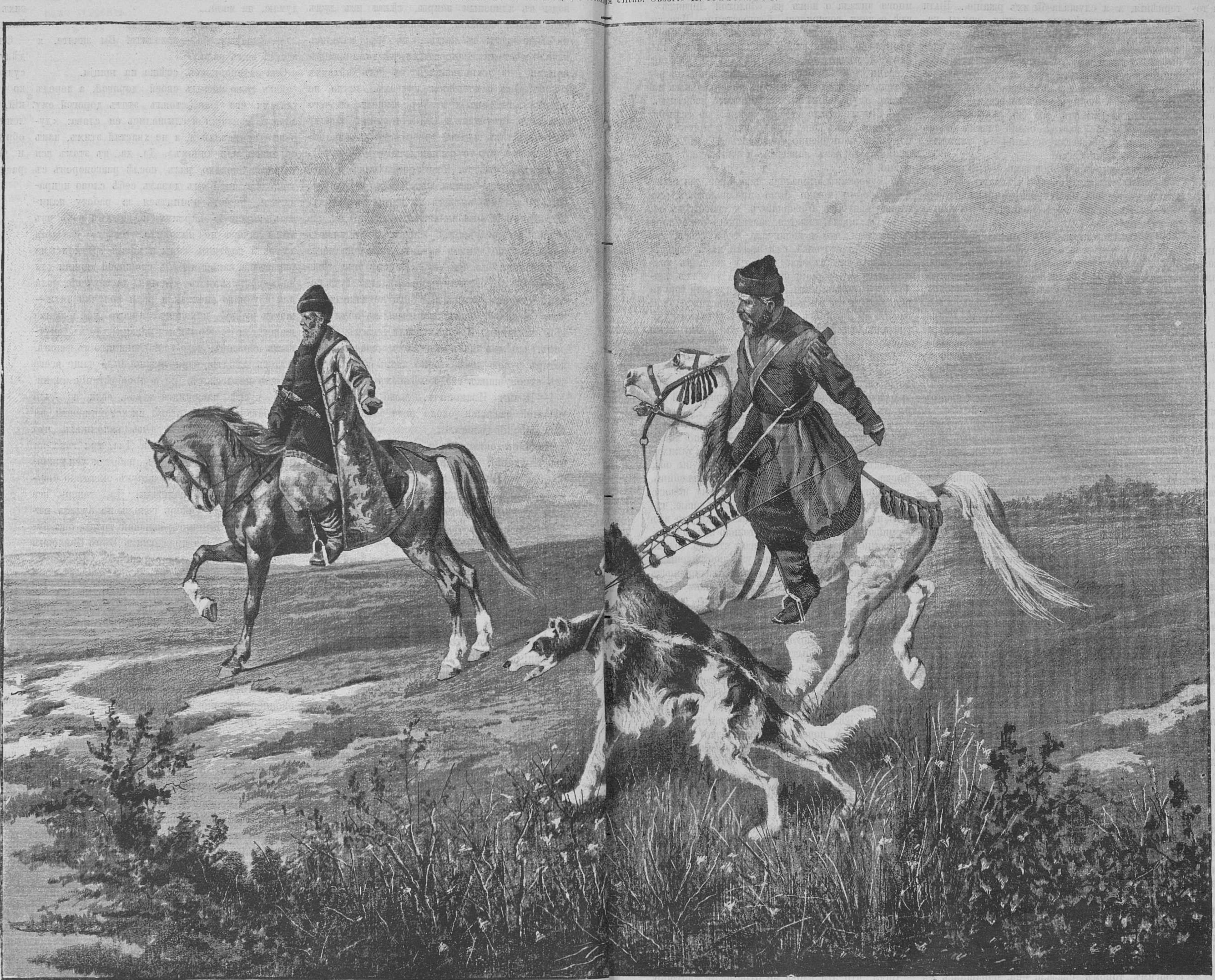
— Богатъ, какъ король, красивъ, какъ Аполлонъ, безсознательно, словно во снѣ, повторила Анжелика.

Намѣреваясь снова приняться за работу, она машинально протянула руку и взяла одну изъ обмотанныхъ золотомъ катушекъ. Ей теперь предстояло вышивать въ настилку одну изъ лилій. Она немного согнула конецъ золотой нитки и шелкомъ прикрѣпила его къ матеріи около выпуклой картонной вырѣзки. Работая, она, не доканчивая и не поясняя своей затаенной мысли, тѣмъ же задумчивымъ, полудремотнымъ тономъ проговорила:

— О, теперь я знаю, чего бы мнѣ хотѣлось... Да, знаю, знаю!

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины Р. Ф. Френца, рисова я «Жив. Обозр.» Н. Малышевъ.



«Погоди, пу подойдетъ»

Снова наступило глубокое молчаніе, нарушаемое только отдаленнымъ, едва внятнымъ церковнымъ напѣвомъ, долетавшимъ до мастерской изъ собора. Губертъ, продолжая подготовлять узоръ, по всѣмъ линіямъ, выколотымъ иголкой, водилъ мешечкомъ съ бѣлилами, и абрисы будущихъ вышивокъ выступали рядами крошечныхъ бѣлыхъ пятнышекъ или точекъ на ярко красной матеріи.

Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Въ старинныя времена нашему брату жилось несравненно лучше, чѣмъ теперь... Тогда ослѣпительная роскошь была и въ одеждѣ, и во всемъ... Придворные такіе костюмы носили, что отъ вышивокъ платье на нихъ, какъ лубокъ стояло... бывало не согнешь... и продавались эти матеріи просто по баснословной цѣнѣ... Въ Ліонѣ были матеріи, которыя по шестисотъ ливровъ за аршинъ продавались... и ремесло наше было въ великомъ почетѣ... Стоитъ просмотрѣть уставы и постановленія цеха вышивальщиковъ. Тамъ сказано, что вышивальщики, работающіе на короля, имѣютъ право даже вооруженною силою завербовывать себѣ мастерицъ, работающихъ на другихъ хозяевъ... Былъ у насъ и гербъ: лазуревый щитъ съ золотыми полосами, а на немъ три золотыя-же лиліи, связанныя вмѣстѣ; двѣ изъ нихъ склоняются одна направо, другая налѣво, а третья гордо вытянута вверхъ... Да, было когда-то хорошее время, только давно, и теперь оно все быльемъ поросло.

Онъ замолчалъ, потомъ слегка пощелкалъ ногтями по матеріи, сдунулъ мелкую бѣлую пыль и продолжалъ:

— Въ Бомонѣ про семью Откеровъ до сихъ поръ живетъ еще легенда; мать мнѣ часто разсказывала ее, когда я былъ ребенкомъ... Въ городѣ вдругъ распространилась страшная моровая язва и въ самое короткое время унесла огромное количество жертвъ. Тогда Іоаннъ V, тотъ самый, который вновь отстроилъ крѣпость, замѣтилъ, что Господь надѣлилъ его силой бороться съ постигшимъ городъ бѣдствіемъ, и сталъ онъ босикомъ и почти въ рубищѣ посѣщать зачумленныхъ, становился передъ ними на колѣни и цѣловалъ ихъ въ лобъ, потомъ, осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ, говорилъ:— «Если Господу угодно, онъ сподобитъ меня изцѣлить недугующаго, самъ-же я готовъ»! и больной выздоравливалъ. Вотъ почему слова эти въ сокращеніи, то-есть въ такомъ видѣ:— «Если Господу угодно, самъ я готовъ», сдѣлались съ тѣхъ поръ девизомъ этой семьи, и всѣ потомки ея одарены способностью исцѣлять отъ чумы... Да, были люди въ этой династіи, замѣчательные люди!.. Нашъ теперешній епископъ, когда онъ еще не поступилъ въ духовное званіе, назывался Іоанномъ XII; имя его сына тоже должно сопровождаться какою-нибудь цифрой, какъ это бываетъ у коронованныхъ особъ.

Онъ снова замолкъ. При каждомъ словѣ его разсказа воображеніе Анжелики разыгрывалось все сильнѣе и сильнѣе; оно-же заставляло дѣвушку все глубже уноситься душою въ безпредѣльный и лучезарный міръ грезъ.

— Какъ хотѣлось-бы мнѣ... О, какъ-бы хотѣлось,—начала было она прежнимъ тихимъ, пѣвучимъ тономъ, но на мгновеніе остановилась.

Она, держась большимъ и указательнымъ пальцемъ лѣвой руки за дерево катушки и не прикасаясь пальцемъ къ золотой ниткѣ, водила ею справа налѣво и обратно, застилая такимъ образомъ вырѣзанные изъ картона листки и только у краевъ вырѣзки слегка прихватывала эту нитку шелковинкой. Такъ мало-по-малу образовывалась роскошная золотая лилія.

— Чего-же бы тебѣ хотѣлось? спросила Губертина.

— Выйти замужъ за принца, вотъ чего! отвѣтила дѣвушка.

— Да, за такого принца, котораго-бы я никогда прежде не видала, тотчасъ-же продолжала она. Онъ какъ-нибудь вечеромъ, когда заря почти совсѣмъ уже погасла, пришелъ-бы за мною и увелъ бы меня во дворецъ... Онъ, разумѣется, долженъ быть красивъ и богатъ, да, красивъ настолько, чтобы лучше его никого на свѣтѣ не было, да и богатъ тоже, какъ никто; у крыльца стояли-бы лошади; онѣ били-бы копытами о мостовую и ржали-бы отъ нетерпѣнія, а я слушала-бы ихъ ржаніе... Были бы у меня драгоцѣнные каменья, груды каменьевъ; я высыпала-бы ихъ себѣ въ колѣни и стала-бы перебирать и пересыпать, а стоило-бы мнѣ только разжать руки, какъ изъ нихъ посыпался-бы дождь,—нѣтъ, цѣлые потоки золота... Но болѣе всего хотѣлось-бы мнѣ, чтобы этотъ принцъ любилъ меня до безумія, чтобы я могла тоже любить его до самозабвенія... Мы были-бы оба молоды, очень знатны, очень непорочны и навсегда остались-бы такими... да, навсегда, навсегда!

Губертъ, увлеченный словами Анжелики, отложилъ работу въ сторону и, самъ того не замѣчая, подошелъ къ воспитанницѣ; Губертина-же съ ласковой улыбкой шутя погрозила ей пальцемъ.

— Скажите, пожалуйста, какія умѣренныя желанія! почти весело заговорила она:—Ты, я вижу, совсѣмъ неисправима... осталась такою-же ненасытною лакомкою, какъ въ дѣтствѣ; только теперь желанія стали шире и неисполнимѣе... сказочной царицей захотѣлось быть!.. что же, это хоть и нелѣпо, но все-таки лучше, чѣмъ воровать сахаръ и говорить дерзости старшимъ... Однако, это все-таки не похвально, потому что и тутъ смущаетъ врагъ рода человѣческаго, разжигая въ тебѣ страсть, гордость и тщеславіе.

Анжелика взглянула на нее весело и простосердечно.

— Что вы говорите, мама? Развѣ грѣшно быть богатой и любить то, что красиво? Я-же и богатство, и красоту люблю за то, что отъ нихъ какъ-то теплѣе становится на душѣ... Да, все красивое и свѣтитъ, и согрѣваетъ, словно солнце, и, благодаря ему, легче живется на свѣтѣ. Вы давно знаете, что я не интересанка... Если-бы у меня было много денегъ, вы бы увидали, что я стала-бы съ ними дѣлать... Онѣ бы дождемъ сыпались изъ моихъ рукъ на нашъ городъ, на всѣхъ трудящихся, на всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ... И какъ было-бы хорошо!—Бѣдность и всякое горе исчезли-бы отсюда... Во-первыхъ, оба вы были-бы богаты, страшно богаты... работать больше не стали-бы, а ходили-бы не иначе, какъ въ бархатѣ да въ парчѣ, какъ въ былыя времена знатные барыни и царедворцы.

Губертина слегка пожала плечами.

— Глупенькая, нечего тебѣ мечтать о принцахъ да о богатствѣ... Ты бѣдна, и ни одного сантима приданаго за тобою не будетъ, потому богатый человѣкъ на тебѣ и не женится... Да неужто и сама ты пошла бы за человѣка изъ-за того только, что онъ богатъ?

— А почему-же и не пойти?

Вопросъ Губертины сильно удивилъ ее.

— Разумѣется, пошла-бы!.. И на что мнѣ самой приданое, если мужъ будетъ богатъ? Я была-бы обязана ему всѣмъ и за это любила-бы его еще вдесятеро сильнѣе.

Это смѣлое и въ сущности совершенно логичное сужденіе пришлось Губерту вполнѣ по вкусу. Горячія мечты Анжелики вообще имѣли свойство увлекать и его. Воображеніе его разыгралось и на этотъ разъ, по обыкновенію унося его за облака.

— Она права, ей Богу, права! горячо воскликнулъ онъ.

Жена бросила на него недовольный взглядъ.

— Рано тебѣ судить о такихъ вещахъ, строгимъ тономъ сказала она, обращаясь къ дѣвушкѣ: — когда узнаешь жизнь, тогда и увидишь.

— Развѣ я не знаю жизни?.. Напротивъ, я ее знаю очень хорошо.

— А гдѣ же тебѣ было узнать ее?.. Ты даже не подозрѣваешь, что на свѣтѣ существуетъ зло, и оно не только есть, но оно всемогуще.

— Зло?.. какое зло?

Анжелика произнесла это слово медленно, какъ-бы стараясь вникнуть въ его смыслъ, понять вполнѣ его значеніе. Въ ясныхъ ея глазахъ отразилось тоже удивленіе, полное невѣдѣнія. По ея мнѣнію, зло, существовавшее въ мірѣ, было ей хорошо извѣстно; она такъ много читала о немъ въ «Золотой Легендѣ», гдѣ о немъ говорилось безпрестанно. Что-же такое «зло», какъ не дьяволъ, являющійся поминутно, вѣчно строющій козни праведникамъ и вѣчно побѣждаемый? Послѣ каждой схватки съ истинной вѣрою, съ истинной добродѣтелью, онъ вѣчно являлся повергнутымъ на землю, одураченнымъ, осмѣяннымъ, избитымъ.

— Вы говорите о злѣ, мама... но если-бы вы знали, какъ оно мало меня пугаетъ.—Да и стоитъ-ли особенно тревожиться имъ?.. Побѣдишь его разъ навсегда, и живи себѣ спокойно.

У Губертины вырвалось невольное движеніе, по которому можно было предположить, что слова дѣвушки и огорчаютъ, и тревожатъ ее.

— Ты, право, кажется, заставишь меня скоро раскаяться, что я воспитала тебя здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, гдѣ кромѣ насъ двоихъ, ты никого не видала, гдѣ ты жила въ полнѣйшемъ отчужденіи отъ всѣхъ другихъ людей... Я боюсь, что намъ придется горько раскаяться въ томъ невѣдѣніи дѣйствительной жизни, въ которомъ ты выросла .. О какомъ раѣ грезишь ты?.. Какимъ представляется тебѣ міръ?

Анжелика продолжала аккуратно застилать золотыми нитями картонныя пластинки. На лицѣ ея появилось ясное, почти восторженное выраженіе, полное надежды и безграничной вѣры въ будущее.

— Что-же, мама, вы меня дурочкой считаете, что-ли? отвѣчала она:—Міръ по моему весь долженъ состоять и состоитъ изъ такихъ-же честныхъ и добрыхъ людей, какъ вы оба. Когда человѣкъ добръ, честенъ и трудолюбивъ, живи онъ себѣ покойно. Бояться ему нечего; онъ всегда будетъ награжденъ. О, я знаю, что есть на свѣтѣ и злые, и дурные люди, но ихъ немного, и они составляютъ только исключенія. Особенно бояться ихъ нечего, стоитъ только не знаться съ ними, и они уже побѣждены; у нихъ однимъ уже этимъ отнята возможность вредить вамъ... Потомъ я вамъ скажу, что издали свѣтъ мнѣ кажется большимъ садомъ или громаднымъ паркомъ, полнымъ цвѣтовъ и залитымъ солнечнымъ сіяніемъ. Жить на свѣтѣ отрадно, потому-то сама жизнь прекрасна и дурною быть не можетъ.

Она одушевлялась все болѣе и болѣе. Яркіе цвѣта шелковъ и блескъ золота, которые были у нея передъ глазами, какъ-будто пьянили ее.

— Счастіе—дѣло самое простое, самое несложное. Вѣдь, мы съ вами счастливы, не правда-ли? А почему?—Потому, что мы всѣ любимъ другъ друга... Надо умѣть самимъ сильно любить другихъ и быть любимыми другими; въ этомъ—вся трудность, только въ этомъ одномъ. Вы увидите, что будетъ, когда явится тотъ, кого я жду. Мы съ перваго взгляда узнаемъ другъ друга... Я никогда не видала его, но уже предчувствую, какимъ онъ долженъ быть. Онъ войдетъ и скажетъ:—«Я пришелъ за тобою». А я ему отвѣчу:—«Я тебя ждала; бери-же меня». Онъ возьметъ меня съ собою, и тѣмъ все будетъ кончено разомъ и навсегда. Мы отправимся жить во дворецъ, гдѣ насъ ожидаетъ золотое ложе съ брилліантовыми украшеніями.—Какъ видите, все это очень просто.

— Не только просто, но даже глупо; ты совсѣмъ сумасшедшая! строго перебила ее Губертина.

Видя, что эти слова не отрезвили дѣвушки, и что та снова готова съ головою погрузиться въ мечтанія, Губертина добавила:

— Ты своими фантазіями просто приводишь меня въ ужасъ... Какъ больно придется тебѣ ушибиться, когда, выйдя замужъ за какого-нибудь бѣдняка, ты упадешь съ этихъ заоблачныхъ высотъ и мучительно ударишься о землю. Повѣрь, что для такихъ бѣдняковъ, какъ мы, все счастіе заключается въ покорности и въ умѣніи довольствоваться малымъ.

Анжелика продолжала улыбаться съ спокойной настойчивостью.

— Я жду своего избраннаго, и онъ придетъ.

— И она совершенно права! вступился Губертъ, тоже уносясь Богъ вѣсть куда по пути, указанному ему дѣвушкой:—Ты напрасно журишь ее... Съ ея красотой не мудрено, что и король, пожалуй, за нее присватается... Чего на свѣтѣ не бываетъ?!...

Губертина грустно взглянула на него своими красивыми и умными глазами.

— Не вбивай ей въ голову всякихъ глупостей и не поощряй непохвальныхъ фантазій. Тебѣ лучше чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно, что значитъ поступать по одному внушенію сердца, и къ чему это ведетъ.

Онъ вдругъ сильно поблѣднѣлъ; крупныя слезы показались на его рѣсницахъ. Жена тотчасъ-же раскаялась въ только-что сказанныхъ словахъ, въ которыхъ ясно прозвучалъ горькій упрекъ. Она встала съ мѣста и взяла его за обѣ руки, но онъ уклонился отъ рукопожатія и дрожащимъ голосомъ, запинаясь, сказалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты права, а я виноватъ... Помни, Анжелика, что ее нужно слушаться во всемъ... Оба мы съ тобой сумасброды; одна она судитъ разумно... Да, я былъ неправъ, вполнѣ неправъ.

Спокойно на мѣстѣ сидѣть онъ не могъ; онъ для этого былъ слишкомъ взволнованъ, потому, оставивъ пока въ сторонѣ красную матерію, которую онъ только-что впялилъ, онъ принялся за окончательную отдѣлку совсѣмъ уже почти готовой хоругви. Онъ досталъ изъ сундука банку съ распущеннымъ гумми-арабикомъ и большой кистью сталъ водить по изнанкѣ вышитой хоругви, чтобы укрѣпить вышивку. Дѣлалъ онъ это молча; въ губахъ его все еще оставалась легкая дрожь.

Хотя уже привыкшая къ повиновенію Анжелика и замолчала, но воображеніе ея продолжало разгораться все сильнѣе, и все дальше уносило оно ее за предѣлы возможнаго. Это ясно было видно и по ея полураскрытымъ устамъ, и по глубинѣ взгляда ея синевато-сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ ясно высказывалось сладкое упоеніе мечтою, почти наглядно рисовавшею передъ нею лучезарное будущее. И эту несбыточную грезу бѣдной дѣвушки, мечтающей сдѣлаться чуть не царицею міра, Анжелика золотыми нитями выводила по бѣлому атласу, межь тѣмъ какъ изъ-подъ ея тонкихъ пальцевъ поочередно являлись на свѣтъ розы, лиліи и замысловатый вензель Дѣвы Маріи. Стебли лилій, исполненные граненой канителью, казались разбѣгающимися въ разныя стороны лучами свѣта, а длинные листья изъ мелкихъ блестокъ, изъ которыхъ каждая прикрѣплена была крошечнымъ кусочкомъ канители, напоминали собою дождь изъ золотыхъ звѣздочекъ. Но еще ярче сіялъ выпуклый, словно вычеканенный вензель Богородицы, съ замѣчательнымъ мастерствомъ вышитый и матовымъ, и блестящимъ золотомъ разныхъ оттѣнковъ. Розы, нѣжныя тѣни которыхъ были подобраны необыкновенно искусно, казались совсѣмъ живыми, и вся пелена, съ ея бѣлымъ атласнымъ фономъ и съ ея богатыми золотыми вышивками, отличалась поразительнымъ великолѣпіемъ.

Послѣ долгаго молчанія и усидчивой работы, Анжелика снова подняла голову. Кровь ея, подъ вліяніемъ грезъ, живо пробѣгала по жиламъ и сильно приливала къ мозгу; отъ этого щеки дѣвушки раскраснѣлись, какъ только что распустившаяся роза. Она съ лукавой улыбкой посмотрѣла на воспитательницу и, слегка покачивая сверху внизъ головою, проговорила загадочнымъ тономъ:

— А все-таки я его жду, и онъ явится.

Такая упрямая увѣренность въ исполненіе несбыточной мечты, быть можетъ, граничила съ безуміемъ, но никакіе доводы не въ силахъ были поколебать ея вѣры въ баснословное будущее, и она твердо стояла на своемъ.

— Увѣряю васъ, мама, что все сбудется такъ, какъ я говорю, повторяла она, и довольная улыбка сіяла на ея красивомъ лицѣ.

Губертина, видя, что разумныя увѣщанія не помогаютъ, только пожала плечами и старалась все это обратить въ шутку.

— А я думала, что ты рѣшила никогда не выходить замужъ, сказала она:—Ты всегда такъ поклонялась Св. Агнесѣ, Св. Екатеринѣ и другимъ дѣвственнымъ праведницамъ, а никто изъ нихъ замужъ не выходилъ; всѣ до конца жизни оставались дѣвственницами. Онѣ даже ненавидѣли брачный союзъ, обращали своихъ жениховъ въ христіанскую вѣру, а потомъ шли съ ними объ руку только на смерть. Какъ-же ты-то мечтаешь...

Дѣвушка съ изумленіемъ глядѣла на воспитательницу и вдругъ залилась громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ. Вся ея здоровая молодость, вся жажда жизни сказывались въ перекатахъ этого веселаго и звонкаго смѣха... Исторіи праведницъ относились къ давно минувшимъ временамъ, и эти времена теперь сильно измѣнились. Теперь торжество Христова ученія на землѣ было полное, и самъ онъ уже не требовалъ, чтобы изъ-за него шли на смерть: надобности въ этомъ болѣе не представлялось. Во время чтенія «Золотой Легенды» дѣвушку болѣе увлекало чудесное, чѣмъ пренебреженіе къ жизни и неодолимое стремленіе къ смерти. О, ей, разумѣется, хотѣлось выйти замужъ, хотѣлось любить самой и быть любимой, хотѣлось полнаго счастья.

— Берегись, говорила Губертина, продолжая ее поддразнивать. Ты своими нелѣпыми бреднями, пожалуй, огорчишь Св. Агнесу, которую сама же выбрала своею заступницею. Развѣ ты забыла, что она отвергла всѣ искательства правителя страны, вынесла столько пытокъ, даже казнь, чтобы остаться вѣрной Христу и сдѣлаться его невѣстой?

Въ эту минуту загудѣлъ церковный колоколъ. Цѣлая стая воробьевъ шумно выпорхнула изъ густого плюща, окаймлявшаго окно одного изъ церковныхъ придѣловъ. Въ мастерской, Губертъ продолжалъ упорно молчать. Изнанка хоругви была теперь какъ слѣдуетъ приклеена и, чтобы дать ей высохнуть, онъ повѣсилъ мокрую хоругвь на гвоздь, вбитый въ стѣну. Солнечный свѣтъ, постепенно передвигаясь съ одного мѣста на другое, теперь озарялъ всю комнату, весело играя на металлическихъ орудіяхъ швейнаго мастерства. Когда-же солнечные лучи, наконецъ, упали на пяльцы, за которыми сидѣли Губертина и Анжелика, бѣлый атласъ, разноцвѣтные клубки шелка, золото, блестки, канитель,—все, что съ каждымъ движеніемъ нитки подпрыгивало на туго натянутой матеріи, заискрилось, засверкало...

Анжелика, озаренная и согрѣтая теплыми лучами весенняго солнца, разсматривала только что оконченную ею символическую лилію. Вдругъ глаза ея, въ которыхъ ясно отражалась вся ея младенческая непорочность, раскрылись шире обыкновеннаго, и она весело, тономъ непоколебимой увѣренности проговорила:

— А я-то развѣ не того-же хочу, чего желала Св. Агнеса?

(*Продолженіе будетъ*).

Весною.

Тусклая, безлюдная, съ бурыми дорогами,
Съ полыньями синими тянется рѣка;
Сердце истомилося праздными тревогами,
Камнемъ навалилась на него тоска.

Гдѣ-то, близко берега, слышно—таетъ льдина
Завтра встанемъ, скажутъ, что «рѣка прошла».
Ахъ, когда-бъ и сердца моего кручина
Вмѣстѣ съ ледоходомъ въ море уплыла.

Зинаида Вильмсъ.

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ежа.**

(Переводъ съ польскаго **А. Сахаровой**).

(*Продолженіе*).

VI.

По дорогѣ изъ Загребья въ Сисакъ тянулось четверо всадниковъ,—двое спереди, двое сзади. Они ѣхали степью, какъ обыкновенные путешественники, что ясно было видно изъ того, что сѣдла, на которыхъ они сидѣли, были увѣшаны чемоданами, мѣшками и чехлами; пыль-же, покрывавшая ихъ, свидѣтельствовала о томъ, что они проѣхали не малое разстояніе. Передъ ними разстилалась гористая мѣстность, частью обросшая лѣсами, частью окаймленная каменистыми ребрами. Они не обращали на нее вниманія; повидимому, она была знакома имъ. Казалось, что ихъ вниманіе было обращено внутрь этихъ горъ, образующихъ нѣчто въ родѣ бездны, въ которой утопали ихъ мысли. Одинъ изъ нихъ смотрѣлъ молодымъ и молодцоватымъ; другому уже было лѣтъ за пятьдесятъ. Молодой былъ Ляіошъ Ердоди, немолодой—Павао Чолничъ.

На поворотѣ дороги вдали показался на горѣ обнесенный оградой домъ.

— Ахъ!.. воскликнулъ при видѣ его Ляіошъ, какъ-бы внезапно пробужденный отъ сна, и прибавилъ медленно: Наконецъ-то...

— Ты радуешься, что вернулся домой... въ видѣ замѣчанія отвѣтилъ Чолничъ.

— Ну, да.

— За домомъ non est vita, si est vita, non est ita.

— Ей Богу, правда. Я такъ интересовался городами и—удовлетворилъ любопытство.

— Фью! пробормоталъ Чолничъ. Изъ этого удовлетворенія ты вынесъ обязательство, которое тебѣ слѣдуетъ выполнить.

— Это обязательство я взялъ на себя раньше. Это для меня не новость.

— Новость, отвѣтилъ Чолничъ,—новость по отношенію къ отвѣтственности, которая прежде вовсе не тяготѣла на тебѣ и которую ты въ настоящее время самъ взялъ на себя. Съ твоей стороны это было немножко легкомысленно. Однако, это случилось. Тебѣ будетъ трудно, о! очень трудно. Вѣдь теперь уже дѣло не въ томъ, чтобы ты, собравъ нѣсколькихъ или нѣсколько десятковъ юнаковъ, всполошилъ тамъ и сямъ турецкую стражу или гарнизоны, но въ томъ, чтобы выставить такую силу, которая отвоевывала-бы города и освобождала-бы страну отъ врага. Неужели ты думаешь, что такая сила явится по твоему призыву?

Молодой человѣкъ пожалъ плечами и поднялъ глаза, какъ-бы ища въ небѣ вдохновенія или помощи. Нѣкоторое время онъ молчалъ. Наконецъ проговорилъ:

— Отъ племича къ племичу и по крестьянамъ буду ходить и доказывать.

— И каждый тебя спроситъ: что объ этомъ думаетъ старый Дещичъ?

— Къ Дещичу я бы пошелъ, но идти къ нему развѣ могу?

— Не можешь, однако же безъ него нельзя.

— Боже мой! Что-жъ мнѣ дѣлать?.. вздохнулъ Ляіошъ, вѣдь ты же какъ нибудь поможешь и посовѣтуешь. Я постараюсь уговорить стараго. Можетъ быть, онъ дастъ себя убѣдить?..

Наивность этого вопроса вызвала на губы Чолнича улыбку. Онъ слегка покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Не довѣряетъ: timet Donaos et dona ferentes. Онъ много пережилъ, много испыталъ и помнитъ. Однако, попытаюсь, посмотримъ... Въ домѣ твоемъ только чуточку отдохну и немедленно поѣду къ сосѣдямъ: созову ихъ въ Дубровацъ... поговоримъ.

Впродолженіи предшествующаго разговора, домъ на холмѣ исчезалъ изъ глазъ раза два и опять показывался, то ближе, то опять дальше, пока онъ не вырисовался ясно на концѣ дороги, которая вела къ воротамъ. Лошади шли бойко, поводили ушами и фыркали, чуя ясли. Послышалось пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ. Это были знакомые Ляіошу голоса; онъ обрадовался имъ, однако, у него тотчасъ сердце сжалось и слезы навернулись на глазахъ, потому что онъ припомнилъ что среди привѣтовъ, ожидающихъ его на порогѣ дома, не хватитъ одного привѣта, къ которому онъ привыкъ съ дѣтства и который ему былъ дороже всего. Исхудалая, сморщенная, стонущая и кашляющая фигура отца явилась передъ его глазами. Эта фигура уже не выйдетъ къ нему на встрѣчу. Ему вспомнился весь печальный обрядъ погребенія и его горе возобновилось. Онъ въѣхалъ въ ворота съ щемящимъ сердцемъ, не улыбнулся собакамъ, которыя скакали около него, радостно визжа; не отвѣчалъ на выраженія привѣта, съ какими къ нему вышли домашніе: молча сошелъ съ лошади и не задалъ никому ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые привыкли задавать хозяева, когда они возвращаются на свои пепелища послѣ долгаго отсутствія. Вопросовъ онъ не задавалъ, однако, онъ долженъ былъ отвѣчать, потому что къ нему привязывался то тотъ, то другой, разспрашивая его о здоровьи, объ удачѣ, о томъ, какъ онъ провелъ время въ столицѣ, о томъ, наконецъ, что слышалъ. Онъ отвѣчалъ коротко:

— Слава Богу.

Ляіоша выручалъ Чолничъ, который въ короткихъ словахъ отдавалъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому отдѣльно отчетъ такимъ общимъ способомъ, который ни о чемъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній, но удовлетворяетъ каждаго.

— Что слышно?..

— Хорошо, благодаря Бога, къ худшему не пошло.

— Когда такъ, то ужь и хорошо.

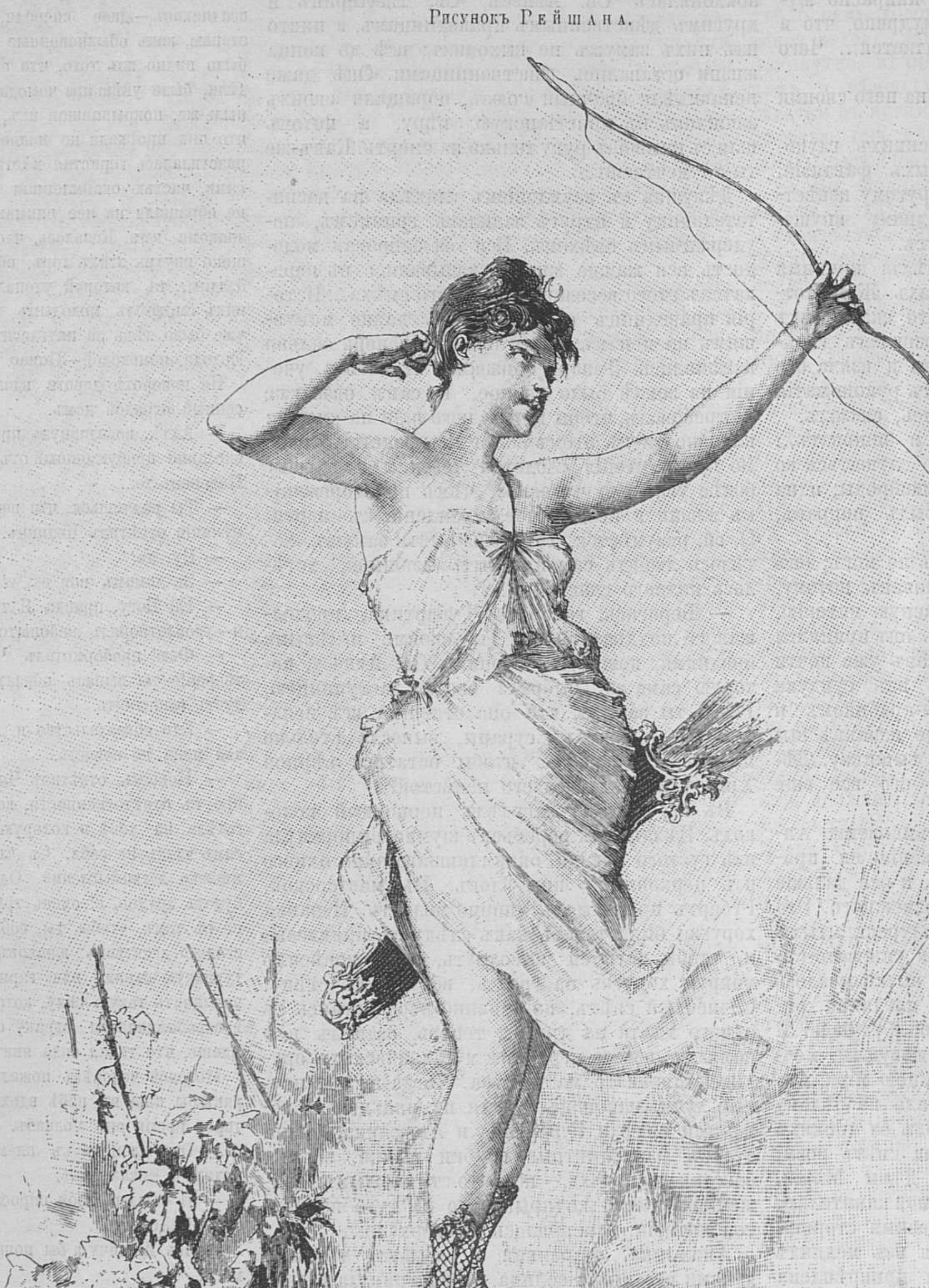
— А, можетъ, еще и лучше будетъ.

— Только-бы не хуже... проговорилъ какой-то пессимистъ.

— Развѣ можетъ быть хуже?.. отвѣтилъ Чолничъ. Въ жизни отдѣльныхъ личностей, какъ и въ жизни народовъ, встрѣчаются положенья, въ которыхъ эти слова являются утѣшеньемъ. Хорошо, когда зло дошло до такой степени, что оно не можетъ усилиться—хорошо потому, что такъ какъ движенье есть законъ, которому подчинено все въ природѣ, то все, у чего не хватитъ стремленья впередъ, должно отступить. Еслибы ни это правило, жители Европы были бы въ настоящее время не французами, англичанами, нѣмцами, но

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Рисунокъ Рейшана.

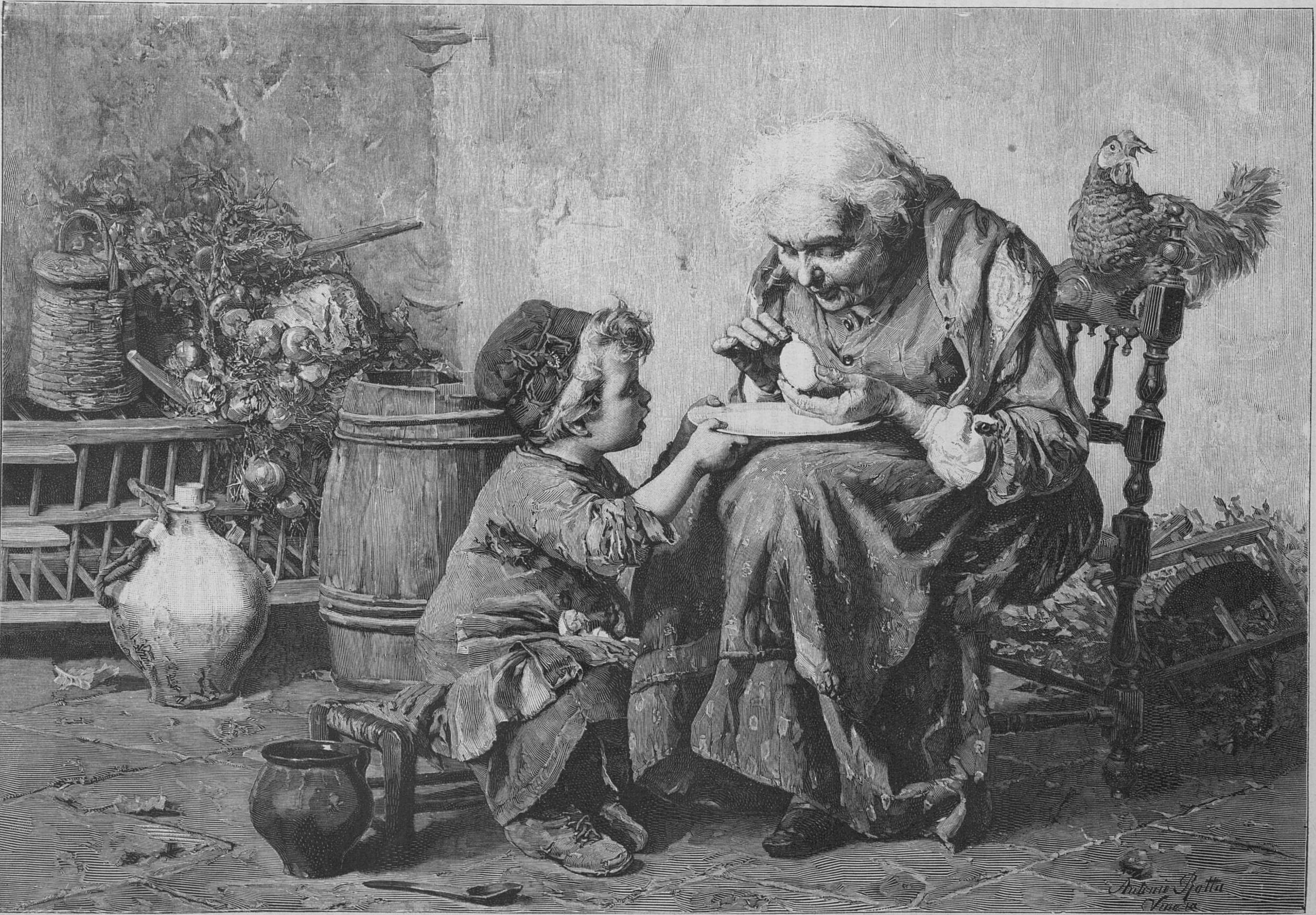


Діана.

Вынувъ стрѣлу изъ колчана, богиня
Въ воздухъ метнула пернатую ловко...
Кто будетъ жертвой: олень быстроногій
Иль Актеонъ, превращенный въ оленя
И обреченный на гибель за жажду
Видѣть богиню во время купанья
И, красотой насладившись, погибнуть?..

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Антонiо Ротта.


Antonio Rotta
Venezia

Бабушка и внучекъ.

Гравировалъ на деревѣ Бонгъ въ Берлинѣ.

фигурировали-бы подъ названіемъ, если не персовъ, такъ римлянъ, если не римлянъ, такъ монголовъ или турокъ, или какимъ нибудь другимъ изображающимъ неволю. Кроаты лѣтъ двѣсти тому назадъ находились передъ лицомъ такого выбора: или неволя турецкая, или же неволя нѣмецкая. Положенье ихъ дошло до такого напряженья, что, казалось, другого выбора нѣтъ. Или... или зло истощилось и дошло до того поворотнаго пункта, отъ котораго начинается движенье вспять. Этотъ пунктъ люди опредѣляютъ словами: «хуже уже быть не можетъ»—утѣшаются—и справедливо. Благодаря этому правилу, народы, которые на основаніи всякихъ политическихъ соображеній, относящихся къ различнымъ эпохамъ въ исторіи, должны были исчезнуть съ лица земли, однако не исчезли.

— Вѣроятно, въ предчувствіи, что и для Кроаціи начинается поворотъ къ лучшему будущему при возвѣщеніи Чолнича, что хуже быть не можетъ, домашніе Ляіоша отвѣчали:

— Слава милосердному Богу.

И нѣкоторые прибавляли:

— Вѣдь смилуется же надъ нами Господь.

Ляіошъ, какъ только онъ переступилъ черезъ порогъ, тотчасъ обошелъ всѣ комнаты и, вернувшись и ставъ передъ Чолничемъ, который усѣлся у стола въ гостиной, сказалъ:

— Какая тутъ пустота!

— Каждый изъ насъ оставитъ послѣ себя такую пустоту, отвѣтилъ Чолничъ:—Поколѣнье смѣняется поколѣньемъ и всѣ сходятся тамъ...

Онъ указалъ пальцемъ вверхъ. Ляіошъ вздохнулъ и усѣлся рядомъ. Подали закуску, поставили кувшинъ съ виномъ. Чолничъ завязалъ съ домашними разговоръ, въ которомъ и Ляіошъ, сначала молчаливый, принялъ участіе. Бесѣда, не совсѣмъ оживленная, протянулась часа два и окончилась тѣмъ, что Чолничъ проговорилъ:

— Ну, пожалуй, теперь мнѣ ужь пора и уѣзжать.

— Не переночуешь ли ты?.. спросилъ хозяинъ.

— Переночевалъ бы, если бы не то, что время не ждетъ. И такъ, я переночую у себя въ домѣ, если турки мнѣ его не разрушили.

— Въ послѣднее время, какъ-то ничего не было слышно о туркахъ... сказалъ одинъ изъ домашнихъ.

— Къ намъ не заглядывали?

— Нѣтъ, благодаря Бога. Изъ Сисака было извѣстіе, что ага запретилъ делибашамъ нападать, говоря, что хочетъ жить съ нами въ сосѣдскомъ согласіи...

— Гмъ?.. улыбнулся Чолничъ.—Это что нибудь да значитъ; обращаясь къ Ляіошу, онъ прибавилъ: это значитъ, что турки хотятъ, чтобы мы ихъ не задѣвали. Мудрецъ говоритъ: не дѣлай того, что врагъ хочетъ, чтобы ты дѣлалъ... Ну, ѣду.

Онъ всталъ и собирался выходить.

— Когда мы увидимся?.. спросилъ Ляіошъ.

— Не знаю, ей Богу, но по моимъ соображеніямъ, трехъ дней не пройдетъ безъ того, чтобы я не постучался въ твои двери.

— Ты будешь въ Дубровацѣ?

— Я прямо оттуда проѣду къ тебѣ.

— А ну... но... забормоталъ Ляіошъ и всталъ и, выходя рядомъ съ Чолничемъ на дворъ, продолжалъ:—я хотѣлъ бы... жаждалъ бы... чтобы старый Дещичъ хорошо думалъ обо мнѣ.

— Можетъ быть, ты хотѣлъ бы что нибудъ еще?.. спросилъ Чолничъ вкрадчиво.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Напримѣръ, чтобы я поговорилъ съ Мартой?

— Охъ, нѣтъ!.. Я самъ хочу съ ней говорить. и не стану пока... пока... пока...

— Ну?.. проговорилъ Чолничъ.

— Настанетъ пора... отвѣчалъ онъ.

— И такъ, ожидая поры, будь спокоенъ, занимайся хозяйствомъ, не предавайся чернымъ мыслямъ и ожидай меня.

Ляіошъ по отъѣздѣ Чолнича старался слѣдовать совѣту пріятеля своего покойнаго отца. Ему это было не легко и даже слѣдуетъ предположить, что онъ бы не добился этого, если бы въ головѣ не роились мысли, нейтрализирующія одна другую. Печальная мысль объ отцѣ, кашель котораго постоянно слышался ему ночью, смѣнялась мыслью о защитѣ родины съ оружіемъ въ рукахъ; къ этой же послѣдней присоединилась мысль о Дещичевнѣ и сплеталась съ ней въ родъ вѣнка, свитаго изъ событій предвидѣнныхъ и предчувствованныхъ. Дѣйствительнаго въ этомъ не было ничего,—одни только предположенія. Въ умѣ юноши составлялось нѣчто въ родѣ эпопеи, воспѣвающей не то, что было, но то, что будетъ или скорѣе, что можетъ быть и группирующей факты предположительно около точки, заключающейся въ его сердцѣ. Эта то точка и составляла единственную дѣйствительность, которая представлялась такъ странно, что если бы кто нибудь узналъ ее, то назвалъ бы ее, какъ банъ, какъ графиня, какъ Чолничъ даже, ребячествомъ.

Дѣйствительность эта состояла въ томъ, что Ляіошъ любилъ Марту Дещичъ. Что онъ ее любилъ, что онъ ее полюбилъ, увидавъ ее, въ этомъ еще не было бы, ничего удивительнаго; свиданье въ любви является факторомъ, настолько необходимымъ, насколько и дѣятельнымъ. Оно идетъ во главѣ и, по свидѣтельству романовъ, часто доводитъ до желанныхъ результатовъ. Что однако могло-бы возбуждать удивленіе и, возбуждало-бы если-бы стало извѣстнымъ, такъ это увѣренность во взаимности, чувствуемая Ляіошемъ. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Марта его любитъ, несмотря на то, что это убѣжденье не было основано ни на чемъ другомъ, какъ на томъ, что онъ любилъ ее. Слѣдовало бы предположить, что это убѣжденіе вытекаетъ изъ тщеславія, если бы онъ хоть косвенно далъ понять дѣвушкѣ, что онъ питаетъ къ ней чувство любви, что онъ ее избралъ и какъ бы предназначилъ для себя. Этого онъ не сдѣлалъ. Съ того времени, какъ она расцвѣла прелестной дѣвушкой, а онъ выросъ юношей, онъ не обмѣнялся съ нею и двумя словами, основывая свое убѣжденье исключительно на воспоминаніяхъ дѣтства, когда отецъ его еще сходился съ Дещичемь и когда онъ (Ляіошъ) тропинками черезъ гору бѣгалъ въ Дубровацъ. Тогда рѣдкій день онъ не видалъ дѣвочки. Въ Климовацѣ ему не хватало ровесника, онъ выросталъ безъ братьевъ и сестеръ, поэтому онъ охотно шелъ въ Дубровацъ и всегда, вступая на горныя тропинки, шелъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что Марта его ждетъ. Это убѣжденіе было вызвано въ немъ радушіемъ, съ которымъ его принимали въ Дубровацкомъ помѣстьѣ. Дѣйствительно его ожидали и дѣвочка ожидала. И такъ, когда однажды отецъ сказалъ ему тономъ безусловнаго приказанія: не ходи въ Дубровацъ! мальчуганъ подумалъ:

— Она меня ждетъ.

Вотъ это-то: она меня ждетъ! кристаллизировалось въ его сердцѣ и уцѣлѣло. Мальчуганъ подросталъ съ этимъ. Не было причины ему выбросить изъ сердца этотъ кристаллъ, какъ препятствіе. Онъ вовсе не мѣшалъ ему, - наоборотъ: ему доставляло удовольствіе знать, что на верху его ожидаетъ существо, которое онъ встрѣчалъ тамъ и сямъ, то въ церкви, то во время говѣнья, то при другомъ какомъ нибудь случаѣ и въ глазахъ котораго онъ читалъ издалека, что она продолжаетъ его ждать.

Отсюда происходило то предчувствіе, что Марта его любитъ, предчувствіе глубокое, непоколебимое, возрастающее по мѣрѣ того, какъ дѣвушка развивалась, и вытекающее изъ раціональныхъ мотивовъ. Любила ли она его также?

Это окажется впослѣдствіи. Ляіошъ былъ увѣренъ въ своемъ, но онъ зналъ о причинахъ, удалившихъ его отъ нея и, послѣ желанья служить отчизнѣ, ничего не желалъ такъ сильно, какъ устраненія этихъ причинъ. Любовь и патріотизмъ сливались тутъ и намѣчали путь, на которомъ завязывалась для него,—какъ мы уже сказали выше,—эпопея, насквозь рыцарская.

По отъѣздѣ Чолнича онъ занялся хозяйствомъ,—ходилъ, осматривалъ, разспрашивалъ, отдавалъ приказанья, распоряженья; дѣло у него шло на ладъ, потому что онъ занимался хозяйствомъ при жизни отца, выручая больного, значитъ онъ зналъ его и удовлетворялся имъ. Однако теперь онъ занимался имъ нехотя. Ему мѣшала разсѣянность, отвлекавшая его мысли, благодаря которой онъ иногда ошибался, дѣлалъ противорѣчивыя распоряженія, или вмѣсто того, чтобы идти въ одну сторону, шелъ прямо въ противуположную. Вѣроятно вслѣдствіе такого рода разсѣянности, онъ забрелъ на тропинки, ведущія на гору. Вмѣсто чѣмъ въ виноградники, онъ забрелъ между кустовъ и скалъ, вмѣсто того, чтобы думать о томъ, какъ полоть и подрѣзывать виноградныя лозы, онъ припомнилъ прежнее: «она ждетъ» спѣшилъ и остановился только на противуположномъ склонѣ, съ котораго ему открылся видъ на Дубровацкую долину. Въ долинѣ этой на холмѣ возвышался, обнесенный оградой домъ. Когда этотъ домъ бросился ему въ глаза, онъ всталъ, какъ вкопанный и, не смѣлъ двинуться съ мѣста. Разстояніе не позволяло ему ясно видѣть; однако онъ различалъ зданіе, деревья, часть двора и клочекъ дороги, различалъ движенья снующихъ около жилья людей: различалъ даже полъ по одеждѣ.—Онъ глядѣлъ,—присматривался. На дорогѣ показался одинокій всадникъ, который въѣхалъ на дворъ и слѣзъ съ лошади передъ домомъ.

— Не Чолничъ ли?.. спросилъ онъ самъ себя.

Черезъ минуту онъ отвѣтилъ самъ себѣ:

— Если это Чолничъ, то послѣ него появится второй, третій и четвертый всадники.

Онъ ждалъ. Не показалось больше не единаго всадника; несмотря на это, онъ продолжалъ ждать, не отрывая глазъ отъ дома. Наконецъ тотъ, который въѣхалъ, выѣхалъ.

— Это не онъ... сказалъ Ляіошъ и покинулъ наблюдательный постъ, возвращаясь той же дорогой, которой пришелъ.

На слѣдующій день онъ повторилъ свои наблюденья.

Легко догадаться, что это былъ предлогъ, прикрывающій совершенно другую причину. Молодой человѣкъ искалъ не Чолнича, но дѣвичьей фигуры, которую бы онъ разглядѣлъ, если бы она показалась на дворѣ. Однако она не показывалась ни на этотъ день, ни на слѣдующій.

На слѣдующій день не было видно ни одного всадника, въ которомъ можно было бы подозрѣвать Чолнича. Домъ выглядѣлъ какъ бы спящимъ и единственнымъ движеніемъ, совершившимся около него, былъ полетъ голубей, которые то поднимались надъ голубятней, то летѣли далѣе въ сторону, дѣлали круги, долетали иногда до позиціи, занимаемой молодымъ человѣкомъ возвращались и исчезали въ глубинѣ двора.

— О, голубя!.. обратился къ нимъ Ляіошъ.

Можетъ, онъ завидовалъ ихъ участи.

Только на третій день, занявъ на дорогѣ наблюдательный постъ, онъ завидѣлъ всадника.

— Это вѣрно Чолничъ... сказалъ онъ и прибавилъ, какъ прежде:—Если это Чолничъ, то послѣ него появятся второй, третій и четвертый всадники

Дѣйствительно, всадники начали появляться одинъ за другимъ. Они въѣзжали во дворъ, слѣзали съ лошадей и настала такая минута, послѣ которой никто больше не подъѣзжалъ. Но въ эту минуту вниманіе юноши было занято другимъ явленіемъ. По двору промелькнула стройная и хрупкая фигура, какъ бы проплыла и погрузилась въ темную зелень платана

— Она!..—крикнулъ Ляіошъ.

Послѣ этого восклицанія онъ вздохнулъ изъ глубины груди, въ которой сердце его забилось живѣе.

— Она!.. прибавилъ онъ потихоньку и съ такимъ удареніемъ, точно эти два слога доставляли ему особенное наслажденіе.

Затѣмъ онъ напрасно напрягалъ зрѣніе и ждалъ.

По двору Дубровацкаго дома сновали люди, но они его не интересовали. Наконецъ онъ дождался того, что всадники покинули дворъ одинъ за другимъ. Несмотря на это, онъ оставался на наблюдательномъ посту и не сошелъ съ него, пока солнце не зашло и гора не набросила на Дубровацкую долину тѣни, въ которой домъ и деревья слились въ одно черное пятно, какъ бы все болѣе ускользающее въ пропасть, на которую стала походить долина. Не было основанія ждать дольше. Ляіошъ пошелъ обратно; онъ шелъ медленно на томъ основаніи, что онъ долженъ былъ внимательно глядѣть себѣ подъ ноги, чтобы не ошибиться тропинкой и не свалиться въ пропасть тамъ или сямъ. Это ему благополучно удавалось, несмотря на то, что разсѣянность вызванная направленіемъ его мыслей, испытывала его вниманіе.

Благодаря этой разсѣянности, онъ крайне удивился, когда, входя въ гостиную, онъ увидѣлъ Чолнича, сидящаго за столомъ.

— О?.. воскликнулъ онъ.

— Я жду и поджидаю... отвѣтилъ гость.

— Я видѣлъ тебя.

— Гдѣ? спросилъ тотъ.

Этотъ вопросъ смутилъ Ляіоша. Онъ не хотѣлъ признаться, потому что онъ принадлежалъ къ людямъ такого разряда, которые не умѣютъ маскировать сущности вещей ложью. И такъ онъ искалъ спасенья въ недомолвкахъ и отвѣчалъ:

— Я видѣлъ тебя съ горы, на вершинѣ которой я очутился въ минуту твоего пріѣзда въ Дубровацъ... значитъ ты пріѣзжаешь изъ Дубровaца. И что-же?

— Гмъ?.. пробормоталъ Чолничъ.

— Старикъ позволилъ себя убѣдить?

— На половину, и то на меньшую.

— Можетъ быть, этого довольно.

— Въ особенности, когда больше нельзя. Я не хотѣлъ слишкомъ настаивать и умышленно выдвигалъ впередъ фамилію бана, чтобы освоить съ нею слухъ старика.

— Ну?

— Кажется, что я этого добился. При воспоминаніи о банѣ, онъ морщился и ежился, но слушалъ и спорилъ.

— Въ этомъ конецъ?.. добавилъ Ляіошъ.

— Нѣтъ... онъ обѣщалъ не мѣшать.

— Чего-же больше надо.

— Чего? гмъ? Пустяковъ; начальника. Если бы старикъ Гаспаръ сказалъ: Я съ вами, то все дѣло уладилось бы само собой, какъ бы по маслу. Народу набралось бы многое множество: множество конныхъ, множество пѣшихъ... и онъ бы зналъ, какъ ихъ распредѣлить какъ ими распорядиться, и что сдѣлать съ сотней, съ пятью стами, съ тысячью. Притомъ съ нимъ никому не пришло бы въ голову вопроса о вождѣ: пошли бы старшіе и молодые, племичи и крестьяне безъ болтовни безъ совѣщаній, безъ ссоръ, тихо, согласно. Теперь-же? слѣдуетъ опасаться, что прежде, чѣмъ мы будемъ совѣщаться, договариваться и собираться, турки не узнали о нашихъ намѣреніяхъ и не предупредили насъ. У Али-паши тонкій слухъ и быстрый взглядъ.

— Но вѣдь для этого надо было бы, чтобы кто нибудь ему донесъ... замѣтилъ Ляіошъ.

— Фью... нѣтъ ничего легче. Шпіонство можно получить за деньги. У Али-аги нѣтъ недостатка въ деньгахъ.

— Однако-же онъ намъ заявилъ, что онъ хочетъ жить съ нами въ мирѣ и согласіи.

— Это предостереженіе. Ему нуженъ миръ, поэтому онъ самъ задѣвать не хочетъ, но не хочетъ ждать чтобы и его задѣли... Это обстрѣленная лисица.

— Ты его не знаешь?

— О, знаю... каждый разъ, какъ я бываю въ Сисакѣ, всегда захожу къ нему. Я его навѣщу на этихъ дняхъ.

— На этихъ дняхъ?.. спросилъ Ляіошъ съ удивленіемъ.

— Ну, прежде чѣмъ у насъ болтовня начнется... О! начнутъ же болтать, болтать... я знаю нашихъ. Поэтому-то жалко, что Дещичъ... не мѣшаетъ только.

— Га!.. чтожь дѣлать... вздохнулъ молодой человѣкъ.

— Все-таки надо приниматься за дѣло.

И онъ началъ давать Ляіошу соотвѣтствующія указанія относительно болѣе выдающихся личностей и относительно способа, которымъ слѣдуетъ говорить съ каждой изъ нихъ отдѣльно.

Подали ужинъ. Разговоръ продолжался. Чолничъ подробно разсказывалъ о совѣщаніи, происходившемъ у Дещича. Ляіошъ не спрашивалъ о Мартѣ, несмотря на то, что онъ жаждалъ вѣсточки о ней. Онъ ожидалъ пока вѣсточка не явится сама собой. Не являлась. Военныя дѣла, занимавшія Чолнича взгнали изъ его памяти и вниманія дѣвушку, о которой онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы сказать, что она здорова и хорошо выглядитъ. Вмѣсто этого, онъ подробно обсуждалъ положеніе и роль, выпавшія на долю молодому человѣку.

— Ты Ердоди,—были его слова,—родственникъ бана, сынъ человѣка, который былъ приверженцемъ бана, когда тотъ шелъ противъ народа. На тебѣ не тяготѣетъ отвѣтственности ни за того, ни за другого; несмотря на это, ты являешься представителемъ ихъ въ присутствіи народа въ ту эпоху, въ которую дѣла сложились такъ, что банъ, не насилуя своихъ убѣжденій, хочетъ и можетъ идти рука въ руку съ народомъ. Это удачный порядокъ вещей: этимъ положеніемъ слѣдуетъ воспользоваться такимъ образомъ, чтобы эксплуатировать для народа не личность бана, но его положеніе и навсегда связать его съ народнымъ дѣломъ. Мы, видишь ли хлопочемъ о банствѣ: понимаешь? о...

— А ну... отвѣтилъ Ляіошъ.

— Пусть люди не обращаютъ вниманія на разницу между Ердоди и Зрини, пусть помнятъ о банствѣ. Это нашъ лозунгъ, наша защита. Не упускай этого изъ виду и ты будешь знать, какъ съ кѣмъ говорить.

Чолничъ былъ правъ, давая молодому человѣку приведеныя нами указанія. Кроатское дворянство, до мозга костей сродное польской шляхтѣ, являлось, подобно этой послѣдней, политическимъ сословіемъ и обладало тѣми же достоинствами и недостатками. Склонность къ сему ликованію играла среди кроатской шляхты значительную роль. Эта склонность, свидѣтельствующая объ умственной подвижности, общая всѣмъ славянамъ, въ жилахъ которыхъ перевѣсъ находится на сторонѣ чистой крови, расовая особенность не является сама по себѣ недостаткомъ. Наоборотъ. Это достоинство, которое однако же при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сдѣлаться вреднымъ; когда напримѣръ приходится дѣйствовать, а не болтать, тогда съ нею бѣда. Невозможно придти къ соглашенію.

Эту бѣду и слышалъ Ляіошъ.

На другой день послѣ основательной бесѣды съ Чолничемъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ двинулся изъ дома на восходѣ солнца. Они проѣхали вмѣстѣ клочекъ дороги и разстались. Чолничъ отправился въ Сисакъ, Ляіошъ въ ближайшую деревню, владѣлецъ которой прежде чѣмъ онъ разинулъ ротъ о дѣлѣ, прямо заявилъ ему:

— Я знаю, съ чѣмъ ты пріѣзжаешь.

— Съ чѣмъ напримѣръ?

— Сказать мнѣ, что Дещичъ не мѣшаетъ.

— А слѣдовательно.

— Нечего говорить... Если онъ не мѣшаетъ, такъ значитъ что пора настала. Я готовъ хоть сію минуту: только лошадь осѣдлать и хай!..

— И людей вооруженныхъ доставишь?

— Четверыхъ пѣхотинцевъ съ пушками: только кивну имъ...

— Ну и хорошо... Ожидайте призыва.

— Отъ кого?

— Отъ кого?.. пробормоталъ Ляіошъ. Я прихожу отъ имени бана.

— Я это знаю... прервалъ племичъ,—но мы, неся наши головы, должны подумать о головѣ, которая бы шла передъ нами. Старый Дещичъ не хочетъ.

— Посовѣтуемся-же... отвѣтилъ Ляіошъ.

— То то и есть. Посовѣтуемся и разсудимъ... и спросилъ: гдѣ и когда?

— Хоть-бы въ Климовацѣ... отвѣтилъ онъ, не задумываясь.

— Гмъ?.. можетъ быть и лучше было-бы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ... но это не имѣетъ значенія... Я па все согласенъ и если-бы другіе такъ понимали необходимость въ соглашеніи, ха, ха! то этого прохвоста турка и запаху-бы не было по ту сторону Савы...

Договоръ о днѣ и часѣ дня былъ заключенъ съ еще большей легкостью.

(Продолженіе будетъ).

Этнографія, естествознаніе, путешествія и проч.

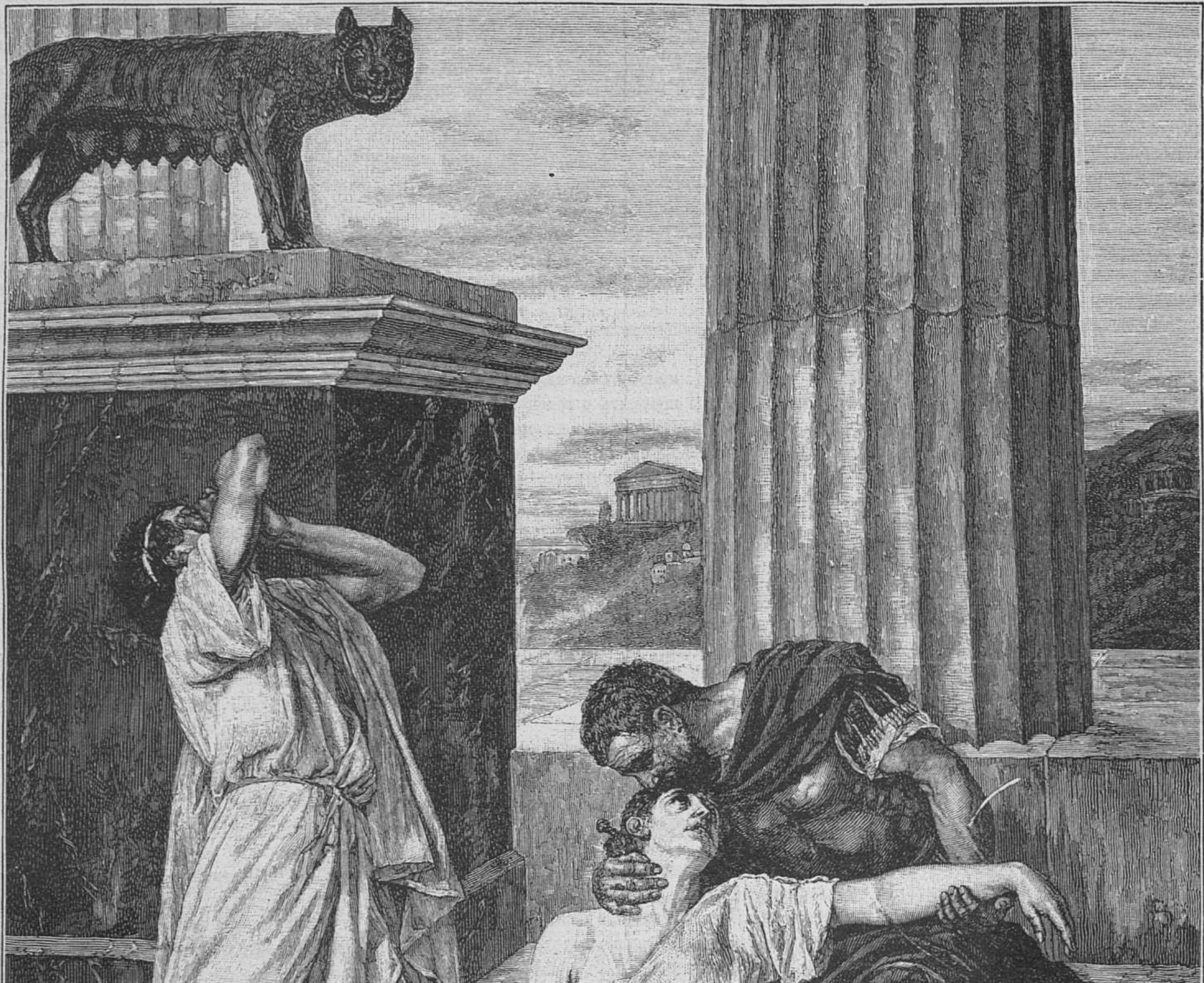
По иниціативѣ генералъ-губернатора Пріамурскаго края барона Корфа, А. А. Ресинъ совершилъ путешествіе на крайній азіатскій востокъ для изслѣдованія странъ, расположенныхъ вдоль береговъ Тихаго океана. Сообщеніе, сдѣланное путешественникомъ въ собраніи русскаго географическаго общества о результатахъ его экспедиціи и объ этнографическихъ наблюденіяхъ надъ бытомъ инородцевъ, обитающихъ въ этой далекой окраинѣ Азіи, полно интереса. Экспедиція г. Ресина продолжалась около полугода и имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ Владивостокъ, она прослѣдовала далѣе на сѣверъ, захвативъ затѣмъ восточное побережье Камчатки, ознакомленію съ которой изслѣдователь посвятилъ около 3½ мѣсяцевъ. Во время этого продолжительнаго пути экспедиція нашла берегъ, совершенно необслѣдованный ранѣе и неописанный, у котораго расположено множество хорошихъ вполнѣ удобныхъ бухтъ. Все это вновь открытое обширное водное пространство, съ удобными бухтами, путешественникъ назвалъ по имени иниціатора экспедиціи, барона Корфа. Кромѣ того, г. Ресинымъ обращено было вниманіе на мѣстонахожденія въ посѣщенномъ имъ краѣ золота, богатыхъ залежей каменнаго угля и графита, не говоря уже о громадныхъ лѣсныхъ богатствахъ, которыми изобилуетъ Камчатка. Какъ ни глухи эти азіатскія окраины, но и здѣсь, по наблюденіямъ путешественника, замѣчается свойственное другимъ мѣстностямъ неумѣренное пользованіе природными богатствами, сказывающееся, напримѣръ, въ мѣстныхъ промыслахъ, принимавшихъ порою хищническій характеръ. Здѣсь шло быстрое уничтоженіе соболя, такъ что администрація должна была принять энергичныя мѣры противъ этого. Еще болѣе обнаруживается это хищничество въ мѣстныхъ китобойныхъ промыслахъ, но тутъ уже вина не инородцевъ, а прибывающихъ въ наши пограничныя воды американцевъ, которые страшно уничтожаютъ и распугиваютъ звѣря. Мѣстные инородцы, чукчи, нерѣдко поступаютъ на суда къ американцамъ для промысловой работы и, такимъ образомъ, невольно дѣлаются пособниками пришлыхъ промышленниковъ въ ихъ разорительной для края дѣятельности. Чукчи вообще поддаются вліянію пришлаго люда и среди нихъ встрѣчаются инородцы, научившіеся, благодаря своей службѣ и работѣ на иностранныхъ судахъ, англійскому языку. Ресинъ встрѣтилъ даже одного чукча, который побывалъ заграницей и жилъ въ Санъ-Франциско; встрѣчаются дѣти, говорящія по англійски. Американцы вредятъ мѣстному населенію, помимо разорительной промысловой дѣятельности, привозомъ спирта и водки; они привозятъ также сюда муку (которая, впрочемъ, оказывается безполезной для инородцевъ), затѣмъ, иглы, ножи, ружья и особую матерію; чукчи сами дошли до сознанія, что иностранцы приносятъ имъ болѣе зла, чѣмъ пользы. Отрадной чертой жизни инородцевъ этой отдаленной азіатской окраины является замѣтное въ извѣстныхъ предѣлахъ русское вліяніе. Камчадалы, по наблюденіямъ г. Ресина, значительно поддались обрусѣнію и живутъ теперь совсѣмъ, какъ русскіе; мало по малу замѣчаются даже признаки распространенія православія, хотя оно и обставлено значительными трудностями, такъ какъ инородцы по принятіи православія склонны обращаться къ своимъ прежнимъ вѣрованіямъ.—Вопросъ объ упорядоченіи археологическихъ раскопокъ вызвалъ въ нашей печати цѣлый споръ на тэму о «кургано-маніи». Поэтому любопытно привести полный текстъ тѣхъ пунктовъ, объ узаконеніи которыхъ археологическая коммиссія тщетно ходатайствуетъ съ 1887 года и изъ-за которыхъ ведется полемика въ русскихъ газетахъ: 1) право производства и разрѣшенія раскопокъ принадлежитъ исключительно императорской археологической коммиссіи и, помимо предварительнаго съ нею соглашенія, никакое общество и частное лицо не вправѣ предпринимать раскопокъ на казенныхъ, общественныхъ, городскихъ и церковныхъ земляхъ; 2) дѣло сохраненія и возобновленія монументальныхъ памятниковъ древности въ Россіи вручается императорской археологической коммиссіи совмѣстно съ императорскою академіею художествъ, и безъ разрѣшенія и руководства этихъ правительственныхъ учрежденій никакая реставрація не можетъ быть производима; 3) всѣ, какъ существующіе, такъ и вновь возникающіе городскіе и общественные музеи обязываются, по требованію коммиссіи, доставлять ей свѣдѣнія о своихъ собраніяхъ древностей и всѣхъ поступающихъ въ эти собранія предметахъ.

Медицина, гигіена, эпидеміи и пр.

Въ петербургской постоянной коммиссіи педагогическаго музея постоянно разрабатываются вопросы по школьному дѣлу и школьной гигіенѣ; въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій А. П. Доброславинымъ былъ прочитанъ интереснѣйшій докладъ о положеніи въ западной печати вопроса о переутомленіи. По сообщенію г. Доброславина, западная Европа давно уже пришла къ заключенію, что въ гимназіяхъ ученики переутомляются работой и что программы этихъ учебныхъ заведеній требуютъ скорѣйшаго пересмотра. Еще въ 1876 г. на третьемъ съѣздѣ директоровъ въ Вестфалѣ была поднята рѣчь о переутомленіи; въ 1879 г. съѣздъ врачей и педагоговъ въ Дрезденѣ высказался за то, что ученику никакъ нельзя давать работы въ классѣ болѣе, чѣмъ на четыре часа. Школьное переутомленіе, вызванное долгимъ сидѣніемъ въ классѣ и непосильной работой на дому, отражается несомнѣнно на цѣлыхъ поколѣніяхъ; необходимо устранить въ младшихъ классахъ преподаваніе всего отвлеченнаго. Отъ 11 до 13 нужно наглядное обученіе, въ среднихъ классахъ — начало отвлеченныхъ предметовъ и геометрія и только въ старшихъ можно приняться за серьезное преподаваніе абстрактнаго; латинскій и греческій языки должны преподаваться только въ старшихъ классахъ и далеко не въ такомъ первенствующемъ объемѣ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ; extemporalia приносятъ только вредъ. Общество въ Германіи пришло отъ этихъ выводовъ въ такое возбужденіе, что учебное вѣдомство должно было сдѣлать уступки и приступить къ пересмотру программъ съ цѣлью ихъ сокращенія; во Франціи вопросъ о переутомленіи поднятъ также давно и съ этой цѣлью учреждена особая школьно-гигіеническая коммиссія. Кромѣ того, статистика нашла, что 25 процентовъ молодыхъ людей, негодныхъ къ военной службѣ, выходитъ изъ гимназій. Переутомленіе губитъ сократительность мышцъ, задерживаетъ ростъ, портитъ глаза настолько, что среди учениковъ Германіи ровно половина—близорукіе, а въ Гейдельбергѣ и всѣ 100 проц. Причиною служатъ усиленные приливы крови къ мозгу во время занятія; носовыя кровотеченія и головныя боли являются у 80 проц. учениковъ старшихъ классовъ; ослабленіе органовъ пищеваренія является отъ сидѣнія; предрасположенія къ золотухѣ и чахоткѣ съ искривленіемъ позвоночника замѣчаются у 60 проц. и новый родъ нервныхъ болѣзней у 18 проц.; смертность отъ мозговыхъ болѣзней значительно развилась; число самоубійствъ мальчиковъ увеличилось. Виною всему этому признано необычайно большое число часовъ работы. Фабричные рабочіе хлопочутъ о восьми часахъ физическаго труда, восьми часахъ для отдыха и столько же для сна, а ученикъ гимназіи въ классѣ и дома работаетъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ до 11 часовъ въ сутки! Для того, чтобы помочь дѣлу, по мнѣнію профессора Доброславина, необходимо устранить причины нравственнаго перераздраженія и переутомленія, т. е. уменьшить число часовъ въ классѣ до 4-хъ и совершенно уничтожить работы дома. Саксонцы противъ древнихъ языковъ; въ Эльзасѣ и Лотарингіи преподаваніе ихъ сокращено; вся почти Европа пришла къ такому заключенію и нужно настоятельно бороться съ ненормальнымъ явленіемъ, которое успѣло уже показать, что оно дѣйствуетъ на молодыя силы государства губительно. Къ сожалѣнію, пренія на поставленный любопытный тезисъ отложены до осени, и такимъ образомъ неизвѣстенъ взглядъ многихъ спеціалистовъ дѣла. За то, съ другой стороны, многіе провинціальные педагоги получатъ возможность высказаться по этому вопросу, столько живо касающемуся каждой семьи. Обмѣнъ мыслей можетъ только пролить новый свѣтъ и дать рѣшенію вопроса серьезное значеніе. — Докторъ Балееръ, на основа-

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Гагарда.

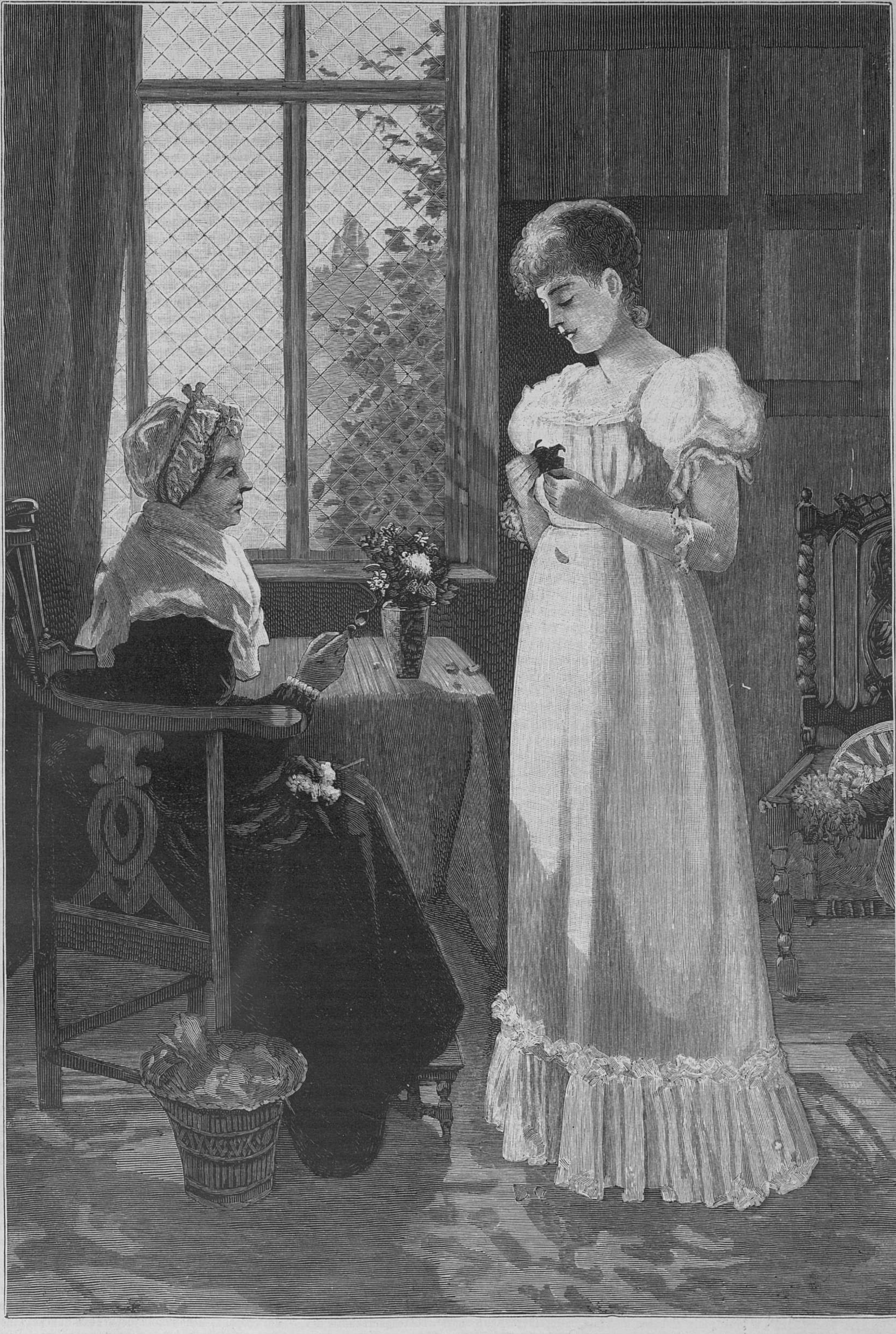


Смерть Виргиніи.

Гравировалъ на деревѣ Тегетмейеръ въ Берлинѣ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины миссъ Сётклиффъ.



Любитъ—не любитъ.

Гравировалъ на деревѣ Е. Львовъ въ Спб.

ніи статистическихъ данныхъ, пришелъ къ слѣдующему выводу относительно вліянія канализаціи на общественное здравіе въ городахъ: до введенія канализаціи въ 22 городахъ Германіи и Англіи, умирало отъ тифа до ста человѣкъ изъ средняго числа смертей; по введеніи канализаціи, на то-же число смертей приходится 47 случаевъ смерти отъ тифа. Относительно средней цифры всей смертности выходитъ, что на 100 случаевъ сберегается 18 жизней.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Взаимныя отношенія между Франціею и Германіею обостряются; начало недоразумѣніямъ было положено французскими властями въ Бельфорѣ, неосновательно не пропустившими черезъ границу нѣмецкаго подмастерья Литшауера. Въ возмѣщеніе германское правительство установило требованіе паспортовъ съ визою германскаго посольства въ Парижѣ отъ всѣхъ иностранцевъ, прибывающихъ въ Эльзасъ-Лотарингію изъ Франціи, не разбирая, намѣрены-ли они оставаться болѣе или менѣе продолжительное время въ «имперской области» или просто проѣзжаютъ ее безъ всякихъ остановокъ, направляясь въ другія страны Европы. Распоряженіе это подтверждаетъ появившійся недавно слухъ о томъ, что въ Берлинѣ рѣшились прибѣгнуть къ цѣлому ряду репрессалій на непропускъ французскими властями на территорію ихъ страны Литшауера. Изъятію изъ дѣйствія означенной мѣры подлежатъ только жители французскихъ пограничныхъ общинъ, которые могутъ представить доказательства того, что ѣдутъ въ германскія пограничныя общины по дѣламъ. Оставить эту мѣру безъ всякаго отвѣта парижское правительство, конечно, не рѣшится, потому что его осыпали-бы упреками всѣ его политическіе противники вообще, а буланжисты въ особенности. Нѣмцамъ проникнуть во Францію черезъ Эльзасъ-Лотарингію сдѣлается отнынѣ, по всей вѣроятности, еще труднѣе, чѣмъ французамъ найти доступъ въ «имперскую область». Предстоитъ, такимъ образомъ, цѣлый рядъ новыхъ «пограничныхъ инцидентовъ» раздражающаго свойства. Въ Берлинѣ это, конечно, хорошо знаютъ и, можетъ быть, именно на это разсчитываютъ, желая воспользоваться внутренними неурядицами сосѣдней страны. Въ виду этихъ фактовъ очень интересно сообщеніе изъ Берлина «Пештскому Ллойду», переданное въ Петербургъ по телеграфу 14 мая, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возникли разногласія въ вопросахъ, касающихся германской политики; князь Бисмаркъ очень недоволенъ и раздраженъ этими спорами и пререканіями,—и что предстоятъ важныя перемѣны въ дипломатическомъ представительствѣ Германіи при иностранныхъ дворахъ.—Положеніе министерства Флоке очень затруднительно въ виду отсутствія въ парламентѣ какого-либо опредѣленнаго большинства. Буланже не перестаетъ занимать общественное мнѣніе Франціи. Французскія республиканскія газеты категорически опровергаютъ извѣстіе «Gaulois» о намѣреніи французскаго правительства выслать Буланже изъ Франціи административнымъ порядкомъ; подобная мѣра противозаконна, она можетъ быть примѣнима къ иностраннымъ подданнымъ, но никакъ не къ французскому гражданину; но въ то-же время тѣ-же газеты возбуждаютъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли въ интересахъ общественной безопасности предложить парламенту примѣнить къ Буланже мѣру, подобную той, какая была принята противъ Орлеановъ и Бонапартовъ, т. е. изгнать Буланже изъ Франціи въ силу особаго закона.—По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Македоніи, слухи о готовящемся тамъ движеніи оказываются по меньшей мѣрѣ преувеличенными. Въ настоящее время въ Македоніи происходитъ то-же самое, что мы изъ году въ годъ привыкли видѣть въ большинствѣ христіанскихъ провинцій въ Турціи. Недовольные и обиженные турками зимою христіане съ теплыми днями уходятъ въ горы и образуютъ вольные отряды, которые нападаютъ на турецкія селенія, а иногда въ нуждѣ, грабятъ и своихъ единовѣрцевъ. Въ нынѣшнемъ году гайдучество, если только можно назвать такъ дѣятельность этихъ шаекъ, проявилось нисколько не рѣзче, чѣмъ въ прежніе года, но дѣло въ томъ, что въ Венгріи понадобилось придать этому движенію бо́льшое значеніе. Раздуть безпорядки въ Македоніи выгодно и для болгарскихъ правителей,—вотъ почему за послѣднее время, даже серьезные органы печати начали высказывать предположенія о послѣдствіяхъ, якобы угрожающаго принять большіе размѣры, волненія въ Македоніи.—Въ Копенгагенѣ, 6 мая, въ присутствіи членовъ датской королевской фамиліи, состоялось открытіе промышленной, сельско-хозяйственной и художественной выставки. Президентъ выставки Фрисъ Фризенборгъ произнесъ торжественную рѣчь; въ ней онъ выразилъ націямъ благодарность за готовность, съ которою онѣ отозвались на призывъ прислать на выставку свои произведенія, что даетъ случай подивиться на совершенство, до коего развилась иностранная промышленность. Король отвѣтилъ на обращенную къ нему рѣчь указаніемъ на то, что присоединеніе къ выставкѣ не только скандинавскихъ, но и могущественнѣйшихъ государствъ Европы, подаетъ наилучшія надежды на благопріятные для Даніи результаты выставки.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

18 апрѣля сего года Высочайше утверждены разработанныя въ морскомъ министерствѣ книги свода морскихъ постановленій, въ коемъ дѣйствующія по морскому вѣдомству узаконенія сведены въ одинъ составъ и распредѣлены по предметамъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ. Обнародованіе свода послѣдовало уже въ началѣ текущаго мая причемъ въ указѣ правительствующему сенату установлено: чтобы 1) со времени обнародованія сего указа и полученія книгъ свода морскихъ постановленій въ каждомъ, по принадлежности, присутственномъ мѣстѣ и управленіи, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по дѣламъ приводятся законы или дѣлаются на нихъ указанія и ссылки, вмѣсто того, по предметамъ, изложеннымъ въ сихъ книгахъ свода, приводить и дѣлать указанія и ссылки на подлежащія статьи означенныхъ книгъ; 2) постановленія по морскому вѣдомству, изданныя послѣ 1-го января 1886 г., и тѣ, которыя будутъ впредь издаваемы, собирать и издавать установленнымъ для сего порядкомъ въ видѣ продолженій свода; постановленія эти, доколѣ они не войдутъ въ продолженіе свода, приводить по числамъ ихъ и означеніямъ непосредственно; 3) приводить также непосредственно, впредь до помѣщенія ихъ въ сводѣ, постановленія, которыя дѣйствуютъ по предметамъ не вошедшихъ въ настоящее его изданіе книгъ: IV (заведенія врачебныя), XI (портовый уставъ) и XII (общія распоряженія по хозяйству); 4) въ узаконеніяхъ и ссылкахъ на сводъ морскихъ постановленій означать: наименованіе свода, книгу свода, заглавіе закона, положенія или устава и нумеръ статьи; напримѣръ: свода морскихъ постановленій книги X-го морского устава статья 660, причемъ дозволяется сокращеніе; напр.: с. м. п. кн. X ст. 660, или морск. уст. ст. 660; и 5) какъ сводъ морскихъ постановленій ничего не измѣняетъ въ силѣ и дѣйствіи оныхъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ, то въ случаѣ неясности самаго закона въ существѣ его, такъ и въ случаѣ недостатка или неполноты его, порядокъ поясненія и дополненія остается тотъ-же, какой существовалъ до-нынѣ.—Опубликованъ, наконецъ, давно ожидавшійся лѣсной законъ. Извѣстно, какія усилія, въ ожиданіи его, дѣлали лѣсовладѣльцы иныхъ мѣстностей для скорѣйшей вырубки своихъ лѣсныхъ пространствъ. Главныя начала новаго положенія о сбереженіи лѣсовъ не разъ уже, по слухамъ, излагались въ газетахъ и обсуждались. Введеніе новаго термина «защитныхъ» лѣсовъ, подлежащихъ безусловному сохраненію, въ видахъ государственной или общественной пользы, не можетъ быть встрѣчено иначе, какъ сочувственно. Достаточно просмотрѣть поводы къ назначенію лѣса защитнымъ, чтобъ убѣдиться, что они взяты прямо изъ жизни: тутъ и сдерживаніе сыпучихъ песковъ по прибрежьямъ, и защита поселеній, земель и дорогъ отъ песчаныхъ заносовъ, и охрана береговъ отъ обрывовъ, и предупрежденіе снѣжныхъ обваловъ и быстрыхъ потоковъ на горныхъ склонахъ. Лѣсопромышленные комитеты, съ точки зрѣнія ихъ состава, формируются, повидимому, съ возможнымъ соблюденіемъ интересовъ всѣхъ сторонъ, какія могутъ заявлять свои права при обсужденіи подобныхъ вопросовъ: не забытъ ни лѣсовладѣльческій элементъ въ лицѣ двухъ членовъ, по выбору губернскаго земства, ни крестьянскій, представителемъ котораго служитъ непремѣнный членъ губернскаго крестьянскаго присутствія, который долженъ знать лѣсохозяйственные интересы крестьянской мѣстности (или по крайней мѣрѣ предполагается знающимъ ихъ). Для сбереженія лѣсныхъ насажденій у крестьянъ, устанавливается между прочимъ, такая исключительная мѣра, какъ обмѣнъ крестьянскихъ дачъ, признанныхъ защитными, на казенные лѣса, если крестьянскія общества несогласны на производство необходимыхъ въ этихъ случаяхъ расходовъ изъ своихъ средствъ. Частновладѣльческіе лѣса ограждаются также понудительными мѣрами: лѣса обращаются въ казну, съ вознагражденіемъ, или лѣсовладѣльцы обязываются искусственно облѣсить площади, неправильно вырубленныя, или, наконецъ, это дѣлается на счетъ лѣсовладѣльца. Новый законъ все-таки составляетъ первый шагъ въ дѣлѣ лѣсоохраненія, и на дальнѣйшія мѣры, по указанію опыта, рѣшиться будетъ легко.—Министерство народнаго просвѣщенія нашло нужнымъ нѣсколько видоизмѣнить установленныя прошлогодними циркулярами правила о пріемѣ учениковъ въ среднія учебныя заведенія, уничтоживъ въ нихъ нѣкоторыя оказавшіяся крайне стѣснительными, условія. Послѣднимъ циркуляромъ по одесскому учебному округу предоставляется начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній не требовать отъ родителей или воспитателей свѣдѣній о квартирѣ ихъ, адресѣ, числѣ занимаемыхъ комнатъ, количествѣ прислуги, о членахъ семейства въ немъ проживающихъ, поименно, съ указаніемъ лѣтъ каждаго изъ нихъ, рода занятій и средствъ тѣхъ членовъ семьи, которые вышли изъ школьнаго возраста и учебнаго заведенія для учащихся дѣтей. Отмѣнены также требованія о полученіи свѣдѣній—къ какому занятію предполагается приготовить представляемаго воспитанника, какъ и подъ чьимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ было ведено воспитаніе и обученіе ребенка доселѣ; какъ и подъ чьимъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью предполагается вести его въ случаѣ принятія его въ заведеніе; могутъ-ли быть представлены воспитаннику всѣ способы, необходимые для успѣшнаго ученья и точнаго исполненія всѣхъ ученическихъ правилъ, и въ чемъ именно будутъ состоять эти способы. Оставлены по прежнему въ силѣ правила, по которымъ начальникамъ учебныхъ заведеній вмѣняется въ обязанность освѣдомляться у родителей новопоступающихъ учениковъ о сословіи и степени образованія ихъ, т. е. родителей, родѣ занятій, лѣтъ отъ роду, получаемомъ по службѣ содержаніи и имущественномъ цензѣ, а также о томъ, въ состояніи-ли проситель вносить плату за обученіе и снабжать воспитанниковъ въ исправности учебными пособіями и принадлежностями и форменнымъ платьемъ.—Кромѣ того начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній предложено принять по окончаніи экзаменовъ мѣры къ вполнѣ равному распредѣленію состава учениковъ по классамъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ составъ не превышалъ установленной нормы—40 чел въ классѣ. Въ случаѣ же, если число учениковъ превыситъ установленную норму, директорамъ гимназій предоставляется переводить такихъ воспитанниковъ въ мѣстныя прогимназіи, гдѣ, съ закрытіемъ приготовительныхъ классовъ, является возможность основать параллельные классы.—Министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало распоряженіе о доставленіи полиціею самыхъ точныхъ свѣдѣній о числѣ пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ иностранцевъ, а также о пріобрѣтеніи послѣдними недвижимой собственности, занятіяхъ и т. д. Свѣдѣнія эти должны быть доставляемы въ министерство по истеченіи каждаго года. Кромѣ того, полиціи вмѣнено въ обязанность сообщать генеральнымъ консуламъ, если таковые находятся въ данномъ городѣ, о смерти каждаго иностраннаго подданнаго, оставившаго недвижимое имущество. Эта мѣра принята вслѣдствіе ходатайства иностранныхъ государствъ, для облегченія розыска наслѣдниковъ къ оставшимся имуществамъ иностранцевъ и для своевременной публикаціи о смерти послѣднихъ.—Въ управленіи государственныхъ имуществъ Западной Сибири состоялось весьма важное рѣшеніе объ увеличеніи арендной платы, взимаемой съ переселенцевъ за пользованіе казенными землями, о чемъ извѣщены уже отдѣленія отряда по образованію переселенческихъ участковъ. Это рѣшеніе должно значительно измѣнить все дѣло переселенія въ Западную Сибирь. Арендная плата увеличена почти вдвое; до сихъ поръ за отведенный надѣлъ по 15 дес. на каждую ревизскую душу переселенецъ платилъ ежегодно не болѣе 2 руб. 80 коп. или по $18^{7}/_{18}$ коп. съ десятины, нынѣ-же будетъ платить 5 р. 5 к., кромѣ прочихъ казенныхъ налоговъ, взимаемыхъ въ видѣ подушныхъ, межевыхъ и пр. сборовъ, и помимо губернскихъ земскихъ повинностей, волостного сбора и мірскихъ налоговъ.—Въ финляндскомъ сеймѣ происходили недавно оживленныя пренія по вопросамъ, касающимся народнаго образованія:

возобновилась борьба между шведоманами и финноманами, и къ крайнему негодованію и удивленію послѣднихъ, въ ряды которыхъ перешла уже значительная часть интеллигенціи, побѣда перешла на сторону шведомановъ; сословія духовенства, крестьянъ и часть горожанъ подали петицію о принятіи на казенныя средства женскихъ школъ съ финскимъ преподавательскимъ языкомъ.—Въ Москвѣ, съ 18-го мая, вступили въ силу обязательныя постановленія думы о праздничной торговлѣ, окончательно утвержденныя въ слѣдующемъ видѣ: 1) Въ воскресные, табельные и праздничные дни всѣ торговыя и промышленныя заведенія Москвы, за исключеніемъ аптекъ и заведеній, производящихъ торговлю съѣстными припасами или кормомъ для скота, фабрикъ и заводовъ, а также заведеній, означенныхъ въ уставѣ о питейномъ сборѣ и правилахъ 14-го мая 1885 г. о производствѣ раздробительной продажи напитковъ, могутъ быть открыты лишь съ 12 до 3 час. дня. Торговцамъ живыми цвѣтами предоставляется право отпуска изъ ихъ магазиновъ во всякое время букетовъ и вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ, по заранѣе сдѣланнымъ заказамъ. 2) Указанныя ограниченія торговли не распространяются на слѣдующія дни: четвергъ, пятницу и субботу Страстной недѣли, среду, четвергъ, пятницу и субботу Пасхальной недѣли, на сочельникъ подъ праздникъ Рождества Христова. 3) Всѣ эти постановленія не распространяются на ремесленныя заведенія, при которыхъ не имѣется магазиновъ и не производится торговли.—Въ слуцкомъ уѣздѣ (минской губ.), съ наступленіемъ весны, замѣчается усиленное движеніе къ эмиграціи въ Америку. До настоящаго времени изъ той мѣстности, по словамъ газеты «Viek», эмигрировали только евреи; нѣтъ мѣстечка, которое не выслало-бы за океанъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ семействъ; но въ послѣднее время эмиграціонное движеніе проникло даже въ среду крестьянъ. Болѣе недостаточные довѣрчивые крестьяне легко поддаются увѣщаніямъ многочисленныхъ американскихъ агентовъ, вербующихъ охотниковъ, обѣщая имъ за океаномъ золотыя горы, въ дѣйствительности же эти агенты стараются вербовать въ этой мѣстности землекоповъ для работъ по прорытію Панамскаго канала. — Степной генералъ-губернаторъ, Колпаковскій, убѣдившись, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Семипалатинской и Акмолинской областей возможно разведеніе пчелъ, основываетъ въ Усть-Каменогорскѣ школу пчеловодства и сельскаго хозяйства и приглашаетъ ученыхъ пчеловодовъ для завѣдыванія образцовыми пчельниками, расположенными въ разныхъ мѣстностяхъ генералъ-губернаторства.

* * *

Итоги опернаго сезона.

(II. «Джіоконда» и дебюты).

«Джіоконда», собственно говоря, достаточно знакома нашей публикѣ по итальянской сценѣ, гдѣ опера эта, благодаря замѣчательному созданію заглавной партіи г-жей Дюранъ, имѣла колоссальный успѣхъ; но, порусски она у насъ поставлена лишь въ этомъ году, хотя мы ее видѣли раньше на русскомъ языкѣ въ Кіевѣ; впрочемъ, провинція всегда опережаетъ столичныя сцены.

Опера эта должна считаться лучшимъ произведеніемъ недавно умершаго Понкіелли; въ «Джіокондѣ» отразились, какъ въ фокусѣ, всѣ лучшія и слабѣйшія стороны дарованія этого композитора; ни въ «Promessi sposi» и «Lituani», появившихся до разсматриваемой оперы, ни въ «Figlio prodigo», поставленномъ послѣ «Джіоконды», авторъ такъ ярко не обнаружилъ своихъ качествъ; вотъ почему вполнѣ достаточно знать одну «Джіоконду», чтобы имѣть право судить о дарованіи этого композитора; не по слабѣйшимъ же вещамъ судить о немъ. Либретто составлено по «Анджелло» Гюго другимъ композиторомъ, авторомъ «Мефистофеля», Арриго Бойто, и уснащено массами эффектныхъ сценъ, хоть и не всегда логически оправдываемыхъ, но для оперы годныхъ; не желающіе видѣть въ оперѣ научнаго изслѣдованія о музыкальной драмѣ вполнѣ довольствуются этимъ либретто.

Почти то же самое приходится сказать и о музыкѣ «Джіоконды»; на эту оперу нельзя смотрѣть, какъ на серьезно задуманную музыкальную драму; она не только не представляетъ цѣльности въ развитіи драматическаго дѣйствія, но въ ней преобладаетъ главная черта итальянскаго опернаго стиля—наборъ эффектныхъ арій, дуэтовъ, ансамблей, составляющихъ рядъ концертныхъ номеровъ и не имѣющихъ внутренней связи съ общимъ ходомъ дѣйствія. Композитору нельзя отказать въ извѣстной дозѣ творчества; къ сожалѣнію, оно парализуется стремленіемъ къ внѣшнимъ эффектамъ. Написанная послѣ «Аиды», «Джіоконда» можетъ занять только второстепенное мѣсто, хотя и выдвигаетъ автора изъ цѣлаго ряда современныхъ посредственностей и, главнымъ образомъ, мелодической изобрѣтательностью, въ которой автору никоимъ образомъ отказать нельзя.

Правда, его мелодіи не такъ вдохновенны и непосредственны. какъ у Беллини и Верди; но все же въ нихъ есть чувство, есть страсть; его мелодіи такъ или иначе производятъ цѣльное и законченное впечатлѣніе; онѣ не глубоки, но трогательны; особенно даются автору мѣста страстныя, сильныя, хотя формы выраженія ихъ рутинны и не отличаются оригинальностью. То же слѣдуетъ сказать и объ оркестрѣ Понкіелли; на немъ не видно ни слѣдовъ особеннаго творчества, ни выдающихся по своей новизнѣ и оригинальности пріемовъ,—словомъ нѣтъ того, что обличаетъ самостоятельность композитора, индивидуальность дарованія, а есть прекрасныя благозвучныя мѣста, свидѣтельствующія объ умѣлости автора и отличающіяся изяществомъ фактуры, хотя послѣдняя носитъ иногда тривіальный отпечатокъ. Словомъ, и въ отдѣлкѣ виденъ не особенно сильный и оригинальный талантъ, могущій, однако, дать эффектную вещь, которая всегда понравится массѣ.

И въ области характеристики Понкіелли не выдерживаетъ строгихъ требованій; вся опера написана для одной роли главной героини и одна роль и есть во всей оперѣ. Если композиторъ старался придать какую-то индивидуальную окраску шпіону Барнаба, то и эту попытку нельзя назвать счастливой, потому что она также больше имѣетъ характеръ внѣшняго ярлыка, чѣмъ вытекаетъ изъ самой музыкально-выраженной сущности его роли. Характерная фраза, преслѣдующая повсюду героя, предупреждая каждый разъ объ его появленіи, и назойливо гудящая впродолженіи цѣлой оперы въ ушахъ слушателей—составляетъ только внѣшній признакъ принадлежности тому или другому лицу; этотъ весьма легкій способъ характеристики, пущенный въ ходъ Вагнеромъ (пресловутые Leit-motiv'ы), не былъ извѣстенъ старымъ мастерамъ и въ особенности великому оперному композитору Моцарту; тотъ давалъ музыкальные характеры, цѣльные типы, а не фразки, напоминающія слушателю только объ имени того или другого героя, что легко въ сущности можетъ быть замѣнимо вывѣшенной на груди героя дощечкой съ надписью его имени по пьесѣ. Возвращаясь къ характеристикамъ Понкіелли, нужно сказать, что ихъ нѣтъ, а слабыя попытки его (Барнаба, Слѣпая) не увѣнчались успѣхомъ, ибо онѣ имѣютъ только внѣшнее значеніе.

Тѣмъ не менѣе объ отдѣльныхъ мѣстахъ оперы можно говоритъ. какъ о законченныхъ NN,—и такихъ NN въ оперѣ много, и ихъ можно легко встрѣтить въ любомъ актѣ; этимъ отчасти и объясняется большой успѣхъ оперы: въ каждомъ актѣ находится, что либо эффектное, красивое, ласкающее ухо, но разрозненное, не связанное и не вытекающее, какъ необходимость, какъ послѣдствіе извѣстныхъ логическихъ причинъ. Вотъ почему, говоря о «Джіокондѣ», необходимо остановиться на отдѣльныхъ ея моментахъ, на томъ или другомъ мѣстѣ; можно указать на ту или другую арію, тотъ или другой отрывокъ, но нельзя говорить о цѣломъ, ибо его нѣтъ; опера можетъ быть сокращена безъ всякаго ущерба для дѣйствія ad libitum и этому весьма способствуютъ всѣ дѣйствующія лица, являющіяся не только блѣдно очерченными въ музыкальномъ смыслѣ, какъ мы уже сказали, но прямо-таки аксессуарами, такъ-же, какъ роскошныя декораціи, костюмы, танцы и пр., ибо весь интересъ оперы сосредоточенъ тодько на Джіокондѣ.

И такъ, по дѣйствіямъ: въ первомъ красивы—арія Слѣпой (матери Джіоконды), хоры, танецъ фурлана, тріо (Джіоконда, Слѣпая и Барнаба); во второмъ—хоръ на кораблѣ, дуэтъ соперницъ (Джіоконда и Лаура), страстно написанный и напоминающій по сценическому положенію Аиду и Амнерисъ, Норму и Адальжизу и многихъ другихъ оперныхъ соперницъ, Канцонетта Энцо (тенора), въ котораго влюблены соперницы (по Гюго Тизба и Катарина), баркаролла шпіона, любовный дуэтъ Энцо и Лауры; въ третьемъ—(здѣсь контрастамъ и внѣшнимъ эффектамъ нѣтъ конца; тутъ и грозный мужъ, отравляющій Лауру, и спасительница своей соперницы, Джіоконда, дающая ей противоядіе, и балъ, на которомъ пляшутъ «Часы»,—новый эффектъ,—подъ самую банальную музыку и катафалкъ съ мнимо-отравленной Лаурой)—безусловно красивъ финалъ, грандіозный и производящій прекрасное впечатлѣніе; четвертомъ—самое драматическое; превосходна здѣсь интродукція и монологъ Джіоконды, дышащіе неподдѣльнымъ чувствомъ и составляющіе лучшее мѣсто во всей оперѣ, недурно тріо, нѣсколько черезчуръ длинное и вслѣдствіе этого утомительное; мало выразителенъ заключительный дуэтъ (Джіоконда и Барнаба) и совсѣмъ тривіаленъ вальсъ при концѣ оперы.

Изъ этого перечня, однако, видно, что хорошихъ музыкальныхъ NN, всегда производящихъ впечатлѣніе на слушателей, не мало, и это должно быть поставлено автору въ заслугу; къ хорошимъ сторонамъ слѣдуетъ отнести также и то, чѣмъ отличается большинство итальянскихъ композиторовъ, а именно,—знаніемъ человѣческихъ голосовъ и умѣньемъ писать для нихъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и слѣдуетъ видѣть причину успѣха этой оперы, въ Италіи въ особенности, гдѣ пѣвцы отлично владѣютъ голосами и умѣютъ пѣть; но тутъ-то именно и кроется секретъ неуспѣха «Джіоконды» на петербургской сценѣ; у насъ пѣть не умѣютъ; въ итальянскомъ репертуарѣ, гдѣ все, по справедливому замѣчанію Крисандера, сводится къ тенору, сопрано, альту и баритону,—на первомъ планѣ все же пѣвецъ и онъ играетъ первенствующую роль; композиторы все приносятъ въ жертву для пѣвца, чтобы его обставить, какъ можно удобнѣе, и выдвинуть на первый планъ, принося на алтарь иногда и здравый смыслъ, и требованія драмы. Какъ бы ни старался модничать итальянскій композиторъ, онъ все же помнитъ натуру своихъ пѣвцовъ-исполнителей и ни на минуту не забываетъ объ искусствѣ пѣнія, которымъ только и можетъ блеснуть исполнитель.

Тутъ-то и сказалась вся наша бѣда; для итальянскихъ оперъ у насъ слишкомъ мало развиты искусство владѣть голосомъ и умѣнье пѣть. Къ сожалѣнію, говоря о «Джіокондѣ», невозможно обойти молчаніемъ самую главную сторону исполненія: въ этомъ, кстати, и заключается непріятное положеніе критика, обязаннаго публично давать отчеты о сценѣ и ея дѣятеляхъ; фигурировать въ роли оцѣнщика, сопряженной со столкновеніями самолюбій (кто же изъ артистовъ не считаетъ себя первымъ?), вовсе не такъ интересно и пріятно, какъ это можетъ казаться съ перваго раза; тутъ нехотя становишься какъ бы «врагомъ» (артисты въ большинствѣ случаевъ такъ и смотрятъ на пишущихъ, какъ на «враговъ», если только послѣдніе вздумали сказать какую-либо истину про нихъ) того или другого исполнителя, хотя бы даже и не зналъ его лично. Это предисловіе ведетъ къ тому, чтобы артисты, если имъ попадется въ руки этотъ N, не подумали, что мы что-либо имѣемъ противъ нихъ. Что дѣлать?—Такова обязанность...

Напрасно г-жа Сіоницкая взялась за сильную драматическую партію главной героини: ни сценическій ея опытъ, ни драматическая ея рутина, ни характеръ ея голоса, который, на нашъ взглядъ, скорѣе принадлежитъ къ типу лирическаго сопрано, чѣмъ драматическаго, не даютъ ей права исполнять Джіоконду. Мы не говоримъ этихъ словъ на основаніи сравненія его исполненія съ таковымъ г-жи Дюранъ, которое еще свѣжо въ памяти у большинства изъ публики; нѣтъ, comparaison n'est pas raison или, какъ англичане говорятъ,—comparisons are odious; мы беремъ въ общемъ исполненіе г-жи Сіоницкой и вынуждены сказать, что это была большая ошибка съ ея стороны взяться за эту партію; думаемъ, что артистка согласится, если она вспомнитъ отношенія къ ней публики въ этой оперѣ. Разъ не было главной исполнительницы, не было и всей оперы, потому что вся она написана для одной роли. Если и попадались кое-какія мѣста, сравнительно болѣе удачныя, то эти моменты недурнаго исполненія г-жи Сіоницкой не могли спасти цѣлое отъ невыгоднаго впечатлѣнія, которое производила созданная ею Джіоконда.

Другая большая партія также не нашла своего музыкальнаго толкователя; мы говоримъ о г. Мельниковѣ въ Барнабѣ; не говоря уже объ упадкѣ его нѣкогда превосходныхъ вокальныхъ средствъ, г. Мельниковъ никогда не отличался сколько мы его помнимъ, тонкимъ умѣньемъ пѣть и близкимъ знакомствомъ съ искусствомъ bel canto, а для Барнабы—нужны и голосъ, и умѣнье. На нашъ взглядъ, въ этой партіи ужь былъ-бы болѣе умѣстенъ г. Черновъ, который хоть по внѣшности, ловкости и выразительной физіономіи далъ бы какой нибудь обрисъ этому типу. Такъ или иначе, не было Барнабы; разумѣется, и у г. Мельникова попадались моменты, болѣе или менѣе осмысленные, но этого мало, говоря объ исполненіи этой оперы на образцовой сценѣ и имѣя въ виду не ученическій масштабъ (отъ кого-же и требовать, какъ не отъ артистовъ, занимающихъ на первой сценѣ первое амплуа?)

Остаются почти вторыя роли Слѣпой, Лауры и Энцо. Не посчастливилось и этимъ партіямъ и опять-таки по причинѣ, почти лежащей внѣ отвѣтственности артистовъ: искусство пѣнія у насъ мало развито. Лучше другихъ все-же былъ г. Михайловъ, восхищавшій слушателей своимъ высокимъ do, но искусство пѣнія не заключается въ возможности взять ту или другую ноту. Фигнеръ, голосъ котораго далеко не изъ блестящихъ по матеріалу, именно и доказываетъ, что даже не будучи особенно богато одаренными средствами, можно добиться прекрасныхъ результатовъ при хорошей школѣ и трудѣ. Михайлову положительно слѣдовало-бы поѣхать въ Италію и поработать подъ руководствомъ хорошаго профессора надъ своимъ прекраснымъ матеріаломъ. Таковъ общій итогъ исполненія первыхъ сюжетовъ; утѣшительнаго, какъ не трудно убѣдиться, немного,—и, если хоры и оркестръ и стояли на должной высотѣ (употребимъ избитое но справедливое въ данномъ случаѣ, выраженіе), то они только рельефнѣе оттѣняли слабыя стороны первой и главнѣйшей половины. Конечно, при такихъ условіяхъ опера не могла имѣть успѣха и дѣйствительно его не имѣла; послѣ нѣсколькихъ спектаклей пришлось ее снять съ репертуара и отложить до лучшихъ дней.. Фактъ грустный, но онъ не можетъ не быть отмѣченнымъ хроникой.

Закончимъ наши итоги двумя дебютами и кой-какими новостями, которыя будутъ имѣть мѣсто въ будущемъ 88—89 сезонѣ.

Дебютировали г-жа Смирнова и Коровина; первая въ «Фаустѣ» и неудачно, вторая—въ «Гугенотахъ» (Валентина), и съ большимъ успѣхомъ. О г-жѣ Смирновой, никогда у насъ не пѣвшей, ходили самые лестные отзывы, какъ объ ученицѣ Роксаса, профессора пѣнія г. Фигнера, какъ объ обладательницѣ замѣчательно свѣжаго голоса, столь-же замѣчательно обработаннаго; распространялись слухи, что она ужь приглашена на нашу сцену даже безъ дебюта; словомъ ее окружали какимъ-то ореоломъ еще до появленія на сценѣ,—и разумѣется, этотъ шумъ, который всегда оказываетъ въ концѣ-концовъ медвѣжью услугу, во многомъ повредилъ г-жѣ Смирновой, оказавшейся заурядной пѣвицей съ весьма небольшимъ запасомъ сценическихъ данныхъ, начиная съ внѣшности и кончая драматической передачей партіи Маргариты. И какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, первыми отступили шумѣвшіе въ пользу г-жи Смирновой, и послѣдняя предательски была предоставлена сужденіямъ публики и критики, которыя вынуждены были сознаться, что необыкновеннаго въ этой артисткѣ ничего нѣтъ, а напротивъ все слишкомъ ординарно. Такъ или иначе, г-жа Смирнова жестоко поплатилась за неумѣренныя и преждевременныя восхваленія досужихъ дамъ нашего монда—и этотъ урокъ не долженъ пройти даромъ для многихъ, старающихся идти на сцену не прямымъ путемъ, а окольными... Намъ не приходится ужь говорить о ея качествахъ и недостаткахъ, а лишь отмѣчаемъ фактъ, который можетъ пригодиться для многихъ, стремящихся на нашу сцену и думающихъ ее завоевать, нестолько талантомъ и умѣньемъ пѣть, сколько шумомъ... Suum cuique.

Дебютъ г-жи Коровиной, напротивъ, не вызывалъ ничьихъ ожиданій,—никакихъ рекламъ пущено не было; театральная афиша просто гласила: «Партію Валентины исполнитъ г-жа Коровина» и публика, не подготовленная услышать нѣчто въ родѣ Дюранъ (о г-жѣ Смирновой говорили, что это наша Патти), была поражена свѣжимъ большимъ голосомъ, настоящимъ драматическимъ сопрано дебютантки и уже съ финала втораго дѣйствія, въ которомъ г-жа Коровина покрыла своимъ высокимъ do всѣхъ солистовъ, хоръ и оркестръ, успѣхъ ея былъ обезпеченъ. Кульминаціоннаго пункта онъ достигъ послѣ дуэта съ Марселемъ и наконецъ послѣ дуэта съ Раулемъ (въ четвертомъ актѣ). Нельзя кстати пройти молчаніемъ, что г. Фигнеръ явился итальянскимъ ея партнеромъ (только въ этомъ актѣ); мало того, что онъ могъ бы сбить съ толку дебютантку, давая ей по-итальянски реплики, но г. Фигнеръ не оставляетъ своей манеры вносить вавилонское смѣшеніе языковъ на русскую сцену даже, когда онъ поетъ не съ итальянкой, а съ русской пѣвицей, и къ тому-же дебютирующей: это—просто неуваженіе къ дѣлу.

Отмѣтивъ фактическую сторону успѣха г-жи Коровиной, подобнаго которому мы уже давно не запомнимъ, и представляя въ другой разъ высказаться по поводу присущихъ ей недостатковъ, которые у всякаго артиста имѣются и о которыхъ рискованнѣе всего судить по дебюту,—прибавимъ, что г-жа Коровина приглашена на три мѣсяца будущаго сезона на нашу сцену изъ Москвы, гдѣ она въ настоящее время занимаетъ первое амплуа. Между операми, въ которыхъ будетъ пѣть г-жа Коровина, слѣдуетъ назвать «Юдиѳь», двадцатипятилѣтіе которой какъ разъ исполнится въ будущемъ году; тогда мы и выскажемся подробнѣе объ этой артисткѣ. Изъ другихъ новостей можемъ прибавить, что г. Фигнеръ и г-жа Мей приглашены на будущій сезонъ съ обязательствомъ, какъ говорятъ, пѣть по русски; по слухамъ, они оба появятся въ «Русалкѣ»; появленіе же пока одного г. Фигнера въ Ленскомъ («Евгеній Онѣгинъ») особеннаго шума не произвело въ средѣ обыкновенныхъ слушателей, не энтузіастовъ. Арію Ленскаго онъ во всякомъ случаѣ превосходно поетъ. Подписалъ также контрактъ на три года и г. Мельниковъ, упорно забывающій, что вѣчно пѣть нельзя, въ особенности при извѣстномъ возрастѣ, когда голосъ отказывается уже теперь порою служить... Изъ новыхъ оперъ вѣроятно будетъ поставленъ наконецъ «Донъ Жуанъ ди Теноріо» г. Шелля.

В. Баскинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Очерки кадетской жизни, *Анатолія Лемана.* Спб. 1888 г. Цѣна 80 к.—Въ книжкѣ г. Лемана кадетская жизнь изображена безъ всякихъ претензій. Предъ нами фотографическій негативъ, на которомъ отпечатались вполнѣ реальныя событія,—къ сожалѣнію, только *отпечатались.* Личной, *творческой* работы потрачено авторомъ очень мало, отчего самые «Очерки», безукоризненно правдивые, вышли недостаточно колоритными. Весьма возможно, что герои разсказа списаны съ живыхъ людей, со всѣми характерными примѣтами послѣднихъ. Но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что жизнь, какъ она есть, прежде, чѣмъ стать предметомъ искусства, должна быть переработана фантазіей, должна быть искусственно огранена художественнымъ творчествомъ писателя. Безъ художественной гранки, безъ личной *выдумки* поэта, беллетристическое произведеніе—сухая и безполезная лѣтопись, ни для кого не интересная и никому не нужная. Г. Леманъ даетъ намъ въ своихъ «Очеркахъ» рядъ *рисунковъ,* рядъ *схемъ,* которымъ только краски, яркія, художественныя краски, могли бы придать жизнь и выразительность. Можно подумать, что молодой писатель напечаталъ только черновую своего будущаго произведенія,—до того его «Очерки», изобилуя интересными сюжетами, вполнѣ жизненною и бытовою матеріею, лишены той силы и экспрессіи, которыя сообщаетъ произведенью послѣдняя, окончательная обработка. А жаль, ибо, повторяемъ, *матерія,* которая была къ услугамъ автора, такого рода, что, при талантѣ и умѣньи, могла-бы дать типическую картину кадетскаго быта, въ нашей литературѣ мало разработаннаго.

Содержаніе «Очерковъ» очень незатѣйливое. Г. Леманъ прослѣживаетъ кадетскую жизнь одного мальчика, Льва Вавилова, съ того момента, когда сей послѣдній, будучи четырнадцатилѣтнимъ юношей, былъ зачисленъ въ списокъ своекоштныхъ корпуса. Вокругъ этого Вавилова, мальчика безцвѣтнаго во всѣхъ отношеніяхъ, авторъ группируетъ остальныхъ героевъ своего разсказа: Толстобокова, Астахова, Юхновскаго, надѣляя каждаго изъ нихъ, по возможности, отличительными чертами нравственнаго, или физическаго свойства. Наиболѣе удачною надо считать фигуру Юхновскаго, мальчика разбитного, умнаго, хотя и развращеннаго до мозга костей, написанную довольно непринужденнымъ и веселымъ перомъ. Изъ остальныхъ кадетовъ живымъ вышелъ еще другъ Вавилова, Астаховъ, бѣлокурый парень съ умнымъ лицомъ и теплою душою. Прочіе воспитанники корпуса довольно блѣдны и стоятъ какъ бы на краю очень далекой перспективы: видишь ихъ точно сквозь уменьшительныя стекла затуманеннаго бинокля. Съ равнымъ успѣхомъ изображены преподаватели корпуса—народъ, по преимуществу, потѣшный, необремененный образованіемъ, хотя подчасъ очень строгій и взыскательный. Учитель географіи, Смагинъ, фигура, хорошо задуманная, но выполненная не совсѣмъ твердою рукою. Эффектно и умно задуманы также и Святодуховъ, Раковъ, Шлейгеръ и другіе.

«Очерки» заканчиваются «послѣдними», выпускными экзаменами. Левъ Вавиловъ получивъ отпускъ, навсегда оставляетъ корпусъ, въ которомъ онъ провелъ нѣсколько томительныхъ, «кадетскихъ» лѣтъ. **А. Ф—ръ.**

КЪ РИСУНКАМЪ.

«Погоди, пусть подойдетъ».

Почетный вольный общникъ академіи Рудольфъ Федоровичъ Френцъ выставилъ въ нынѣшнемъ году въ академіи художествъ одну изъ лучшихъ охотничьихъ сценъ. Два охотника — бояринъ и его доѣзжій, на коняхъ, въ широкомъ полѣ, завидѣвъ, что на встрѣчу другіе участники охоты преслѣдуютъ лисицу—сдерживаютъ коней и двухъ загорячившихся собакъ. Въ фигурахъ много движенія, пейзажъ широкъ—это наше русское поле (картина велика — 2 аршина 9½ вершковъ и 23 вершка). Желая передать движеніе и художественность композиціи фигуръ перваго плана, въ возможно крупномъ видѣ, мы не могли помѣстить по размѣрамъ нашего листа, лѣвую часть картины съ виднѣющимися на заднемъ планѣ второстепенными фигурами.

Бабушка и внучекъ.

Бабушка и внучекъ заняты важнымъ дѣломъ — бабушка дѣлаетъ отверстіе въ надсиженномъ яйцѣ, изъ котораго долженъ вылупиться цыпленокъ. Внукъ пристально слѣдитъ за этой операціей. На спинкѣ-же стула сидитъ курица и съ тревогой ждетъ конца. Обстановка, какъ на большинствѣ картинъ А. Ротта, простая, сельская. Выраженіе лицъ, позы, мелочи обстановки, все это прекрасно и тщательно выработано.

Смерть Виргиніи.

Виргинія отличалась необыкновенной красотой, хотя она и была дочерью простого плебея. Въ это время, 449 годъ до Рождества Христова, въ Римѣ господствовали децемвиры и одинъ изъ нихъ, Аппій Клавдій, влюбился въ молодую красавицу. Аппій Клавдій, одинъ изъ людей, неразборчивыхъ на средства, приказалъ своему вольноотпущенному заявить, что Виргинія его рабыня, полагая этимъ способомъ воспользоваться дѣвушкою. Къ счастію вѣсть объ этомъ дошла до войска, гдѣ отецъ Виргиніи числился центуріономъ. Возмущенный старикъ быстро явился въ Римъ, на форумъ, именно въ то время, когда его дочь уже отдавали клеврету Аппія Клавдія. Несчастный отецъ отвелъ дочь въ сторону, схватилъ ножъ съ прилавка мясника и поразилъ имъ дочь въ самое сердце, чтобы спасти ее отъ безчестья. Этотъ геройскій поступокъ послужилъ сигналомъ къ возстанію противъ децемвировъ, царство которыхъ и кончилось съ этой минуты. Такъ, Лукреція, опозоренная сыномъ Тарквинія Гордаго, своимъ самоубійствомъ подняла народъ противъ имперіи и положила начало новой республиканской эры.

Любитъ—не любитъ?

Въ полѣ и въ паркѣ все въ полномъ цвѣту,
Въ воздухѣ птицы звенятъ на лету.

Сказки волшебныя шепчутъ ручьи,
Юность мечтаетъ о счастьи любви.

Смотритъ на дочь свою старая мать:
Что это пѣсенъ ея не слыхать?

Что это смотритъ такъ грустно она,
Точно не въ радость ей эта весна?

«Что съ тобой?» тихо старушка твердитъ,
Дочь же, не слыша вопроса, молчитъ

И обрываетъ съ цвѣтка лепестки,
Полная тихой, щемящей тоски.

«Любитъ? Не любитъ?» гадаетъ—и ждетъ,
Что ей оракулъ ея предречетъ.

Знаетъ всѣ тайны дѣвичьихъ тревогъ
Этотъ взрощенный весною цвѣтокъ.

Тайны тѣ тихо ему разсказалъ
Тотъ, кто его для нея оборвалъ.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 20-го мая 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступила въ продажу новая книга

БЛАГА ЖИЗНИ.

Новый романъ А. Михайлова (А. Шеллеръ) 320 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

ЛИМОННОЕ МЫЛО

изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.

у В. ПАРИКОВА и К°.

Гостин. дв. № 7. 354 (10—7).

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р. Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

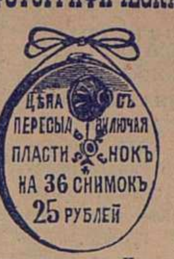
Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—22).

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКРЕТНАЯ КАМЕРА

ШТИРНА.

НОВѢЙШЕЕ

ПРЕВОСХОДН. ИЗОБРѢТ.



АППАРАТЪ носится незамѣтно подъ сюртукомъ или пальто.

ШЕСТЬ моментальныхъ снимокъ въ одну минуту

Съ изображеніемъ достигаютъ десятичное линеарное увеличиваніе. — Для художниковъ, офицеровъ и туристовъ. Интересно и поучительно для каждаго сословія.—Камера весьма легка и удобна. Печатное наставленіе для изученія фотографированія прилагается безплатно.

Единственная продажа для всей Россіи въ оптовомъ складѣ БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко. С.-Петербургъ. Малая Конюшенная, д. № 8

№ 394 (1—1).

Папочка замѣть

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ШТУРМА
уксусъ
высшаго
качества
БЕЗВРЕДЕНЪ
чистаго
вкуса
и
ЗАПАХА.

НАДО БРАТЬ!

СОРТА:

Виноградный уксусъ бѣлый и красный.
Уксусъ эстрагонъ подъ №№ 1, 2, 3.
Винный уксусъ тройной 9% — № 00
Винный уксусъ двойной 6% — № 0.
Винный уксусъ средній 4½% — № 2.
Винный уксусъ обыкновенный 3% — № 4.
Винный уксусъ низшій 2½ % — (безъ №).

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ

На каждой бутылкѣ заводскаго розлива обозначенъ сортъ, № и цѣна съ посудою.

№ 297. (52—20)

КАРТИНКИ - ХЛОПУШКИ

Небывалая новость для лѣта представляетъ разные виды стрѣльбы цѣна 5 конв. 2 р. с. съ пересылкой 1 пробн. конв. 55 коп. почтовыми марками.

Торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, д. № 12.

Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—8).

НА ЛѢТО

С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ основана въ 1873 году. **ОДИННАДЦАТЬ МЕДАЛЕЙ** на выставкахъ.

Предлагаетъ въ большомъ выборѣ:

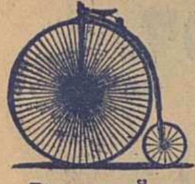
Подвижныя игры и забавы на воздухѣ, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ. **Много новыхъ изданій.**

Приборы для собиранія коллекцій растеній и насѣкомыхъ. Гимнастическіе приборы. Гигантскіе шаги и проч.

Справочный каталогъ высылается за почтовыя марки на 10 коп.

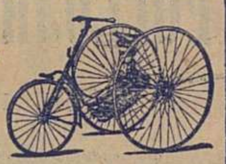
11. Троицкая улица. 11.

№ 403 (1—1).



Усовершенствованные
двухъ и трехъ-колесные

ВЕЛОСИПЕДЫ.



Центральный складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

Собственное механическое заведеніе **для починокъ.**

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.
С.-Петербургъ.

№ 158 (52—36).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ",

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

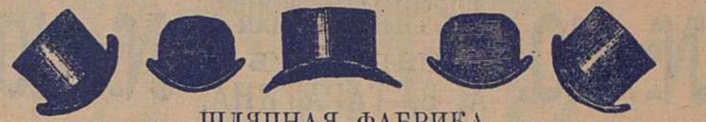
Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—38).



ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА

Ф. ПАРИЗЕКЪ.

Большая Морская, уголъ Кирпичнаго пер., № 13.

Обращаю вниманіе своихъ уважаемыхъ кліентовъ на особенный большой выборъ для предстоящаго сезона шляпъ новыхъ фасоновъ, самыхъ прочныхъ, чрезвычайно *легкихъ* и всѣхъ *цвѣтовъ*. Равно какъ пальмовыхъ, соломенныхъ, панамскихъ и манильскихъ шляпъ.

№ 402 (5—1).

ЗА 15 РУБЛЕЙ.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

(НЕ ИГРУШКА)

состоящій изъ камеры, объектива и штатива, посредствомъ котораго каждый любитель въ состояніи фотографировать ландшафты, группы и портреты.

Громадный выборъ изящныхъ ДОРОЖНЫХЪ АППАРАТОВЪ

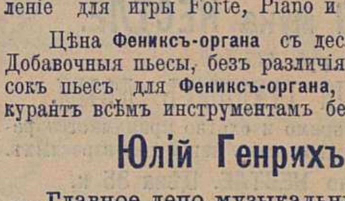
указанія въ способѣ употребленія и снабженіе желаемыми совѣтами при всякомъ нововведеніи безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей.
Невскій пр., у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30—16, входъ съ Екатерининскаго канала.

№ 401 (10—2).

ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ НА ДАЧѢ.



НОВОСТЬ

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Новый ручной органъ превосходящій по конструкціи всѣ до сихъ поръ бывшіе въ продажѣ подобные инструменты.

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ листовъ всевозможныя пьесы, русскія, салонныя, оперныя и всѣ танцы. Имѣетъ приспособленіе для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра.

Цѣна **Фениксъ-органа** съ десятью пьесами по выбору 40 рублей. Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по 80 копѣекъ. Списокъ пьесъ для **Фениксъ-органа**, а также иллюстрированный прейсъкурантъ всѣмъ инструментамъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

№ 319 (1—1).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
№ 390 (6—3).

ЭЛЕОПАТЪ провизора КИНУНЕНА

ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ВОЛОСЪ

безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.**

№ 343 (52—13). *Пров. КИНУНЕНЪ.*

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ
и принадлежности.

Этими аппаратами можетъ всякій безъ особеннаго подготовленія снимать вполнѣ хорошія фотографіи.

Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Цѣна: 24 р., 30 р., 35 р., 50 р. и дороже.

Е. КРАУСЪ и К°.
Парижъ, Avenue d. l. Republ. 4.
Складъ для Россіи
С.-Петербургъ, Мойка № 40.
№ 397 (2—2).

Вновь усовершенствованный
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ
для зажиганія сигаръ, папиросъ, свѣчей и пр. и для употребленія съ моментальнымъ ночникомъ.

№ 3.

Цѣны въ С.-Петербургѣ:

№ 1 резерв. стекл. гладк. . . .	3 р. 75 к.
№ 2 » » съ украш. .	4 » 50 »
№ 3 резерв. и аппар. никкелиров.	5 » 50 »

Вѣсъ съ укупоркой 3 фун.

При полученіи 1/2 стоимости немедленно высылаю съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Оптовая продажа у Ив. Фегедингъ, въ С.-Петербургѣ, Чернышевъ пер., уг. Бол. Садовой, Маріинскій рынокъ, № 20, верхній этажъ. № 384 (5—5).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.
Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—38)

ВЕСЕННІЯ НОВОСТИ

Касторовыя дамскія шляпы безъ отдѣлки, формы дамскихъ новѣйшихъ фасоновъ; для гарнировки громадный выборъ новостей: перья фантази; страусовые, нанаши и амазонъ, эгреты стеклярусные и аграмантъ.

Ленты; омбрэ, моаръ и экосэ; кружева, тюль и шляпные платки; для вуалей: тюль и газъ.

№ 110. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ
магазинъ
А. В. ТАРАТИНА,
бывшій ШАПКИНА. **№ 110.**

№ 205.

ВНОВЬ ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
КАХЕТИНСКОЕ ВИНО
въ 50 и 60 коп.
ВЪ ПОГРЕБАХЪ
ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ,
торг. подъ фирмою **Г. РОССОЛИМО.**

№ 376 (10—5).

Большая золотая медаль **Ю. МАРТЕНСА.** Московская выставка 1882.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ
съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.
МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ
по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ
КЛЮКВЕННЫЕ И ФРУКТОВЫЕ ЭКСТРАКТЫ
Вишневый, Малиновый, Черносмородиновый
свѣже-приготовленные
ФРУКТОВЫЕ СИРОПЫ
Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.
Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.
Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія.
№ 226.

МОЛОЧНАЯ мука НЕСТЛЕ.
Цѣна 1 руб. 15 коп.
ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается ребенкомъ. Рекомендуется также какъ пища для взрослыхъ.

Сгущенное молоко НЕСТЛЕ. Цѣна 85 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО въ С.-Петербургѣ, Казанская, № 3, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, а также у Штоль и Шмита, въ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Рульковіусъ и Гольмъ, О. Шаскольскій, М. Заксъ, Франкъ и Зеленскій и во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Единственный агентъ для всей Россіи. Александръ Венцель

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится синій штемпель и подпись Александра Венцеля единственнаго агента моего для всей Россіи. Генрихъ Нестле въ Веве (Швейцарія). № 402 (6—5).

Чугунно-Литейный Машинный Заводъ
ИСИДОРА ГОЛЬДБЕРГА

доставляетъ **ОТЛИВКУ** для **ПОСТРОЕКЪ: ПЕЧЕЙ, КАМИНОВЪ,** обыкновенныхъ кабинетныхъ и **ВАННЪ.**

ПЛИТЫ, обыкновенныя и патента **ЭСМАРХЪ** тщательной отливки.

БАЛЮСТРАДЫ, ПОДЪѢЗДЫ и **КОЛОННЫ** въ большомъ выборѣ.

ПАРОВОЕ и **ВОДЯНОЕ ОТОПЛЕНІЕ** новѣйшей системы.

РАКОВИНЫ, МОНИТОРЫ, КЛОЗЕТЫ русскіе и американскіе, всѣ строительныя принадлежности имѣются всегда на складѣ.

ШКИВЫ складные и цѣльные всѣхъ величинъ въ запасѣ.

ПОДВѢСКИ, КРОНШТЕЙНЫ и принадлежности для **ПРИВОДОВЪ** обыкновенные и системы **ЗЕЛЛЕРА** въ запасѣ по оптовой цѣнѣ.

ЗУБЧАТЫЯ КОЛЕСА изготовляются безъ моделей раздѣльными машинами.

Механическія работы исполняются аккуратнымъ образомъ.

ЗАВОДЪ Б. Невка 77.
КОНТОРА (Телефонъ 955) Екатерининскій кан. 92.
Отдѣленіе въ Москвѣ Б. Никитская, д. Кузнецова.
Торговцамъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 396 (7—1).

Нумеръ 21-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) Обертки и 3) № 5-го «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній» за май.

Дозволено цензурою. Спб. 18-го мая 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 22
29 МАЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

Контора журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что главная премія на 1888 годъ

„ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“

разослана всѣмъ гг. подписчикамъ, выславшимъ сполна подписную сумму и на доставку картины **цѣнною** посылкою.

Вмѣстѣ съ вышепомѣщеннымъ заявленіемъ о разсылкѣ главной преміи «**ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ**», во избѣжаніе незаслуженныхъ нареканій и неудовольствій гг. подписчиковъ на несвоевременную доставку нумеровъ журнала „**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“ или полученіе нумеровъ безъ художественныхъ приложеній, о которыхъ, между прочимъ, публикуется на оберткѣ журнала, Главная Контора считаетъ своею обязанностью сообщить слѣдующее:

1) При разсылкѣ еженедѣльныхъ нумеровъ журнала съ приложеніями, прежде чѣмъ задѣлывать нумеръ въ бандероль, тщательно провѣряется наличность тѣхъ приложеній, изъ которыхъ состоитъ нумеръ, а затѣмъ по разсортировкѣ по трактамъ и мѣстамъ, всѣ нумера журнала сдаются, въ опредѣленный день, въ Спб. Почтамтъ для отправки въ полномъ комплектѣ.

2) Главныя преміи и вообще художественныя олеографіи—для сохранности ихъ, высылаются всѣмъ гг. подписчикамъ **цѣнною посылкою,** въ холстѣ (иначе почтамтъ не принимаетъ), каждая картина накатывается на деревянную скалку въ 1/2 дюйма толщины и тщательно завертывается въ два листа плотной бумаги. и уже только въ такомъ прочномъ и цѣломъ видѣ **сдается въ Спб. Почтамтъ,** для отсылки. Въ сдачѣ цѣнныхъ посылокъ **въ совершенной цѣлости** контора получаетъ почтовыя росписки.

Но, не смотря на всѣ вышеозначенныя предосторожности въ контору поступаетъ множество жалобъ гг. подписчиковъ и протоколовъ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій, свидѣтельствующихъ о случаяхъ почтовыхъ безпорядковъ, такого рода:

а) Еженедѣльные нумера журнала доставляются нѣкоторымъ подписчикамъ **несвоевременно**, мятыми, безъ вложенныхъ въ нихъ иллюстрированныхъ приложеній и даже книжекъ, нерѣдко вовсе безъ бандеролей или съ чужою бандеролью.

б) **Цѣнныя посылки** съ картинами получаются адресатами не только **вскрытыми** и **испорченными,** но даже **переломленными на двое.**

Вслѣдствіе такихъ неисправностей почты, гг. подписчики требуютъ отъ редакціи **вторичной высылки** недоставленныхъ нумеровъ журнала и приложеній, что, къ сожалѣнію, контора не всегда можетъ исполнить, такъ какъ комплекты нумеровъ журнала съ приложеніями печатаются обыкновенно въ ограниченномъ количествѣ, соображаясь съ числомъ подписчиковъ.

Что же касается **вторичной** высылки художественныхъ картинъ-олеографій, то удовлетворить эти требованія почти **невозможно,** такъ какъ контора, сдавши посылку въ Спб. Почтамтъ въ цѣлости, для отправки г.г. подписчикамъ, по указаннымъ ими адресамъ, не можетъ отвѣчать передъ подписчиками за почтовые порядки. Въ доказательство, что посылка была выслана, желающіе могутъ получить изъ конторы почтовую квитанцію.

Всѣ-же получаемыя отъ подписчиковъ жалобы немедленно направлялись и впредь будутъ направляться Главною Конторою, со справками и почтовыми квитанціями, въ Спб. Почтамтъ, отъ котораго и могутъ уже зависѣть дальнѣйшія распоряженія.

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. 228 (52—28).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ

Саатчи и Мангуби

ВНОВЬ

ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ

BIS

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

цѣною за **10** шт. **10** коп.
Можно получать вездѣ.
№ 356 (37—8).

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ

ГИСГЮБЛЕРЪ

чистый щелочнокислый источникъ весьма освѣжительный и здоровый СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ можно получить вездѣ.

6,000000 (милліон) бутыл. годовой вывозъ.

№ 808 (16—5).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—39).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 390 (6—4).

ПОГРЕБА РУССКИХЪ ВИНЪ

Г. РОССОЛИМО

ПОМѢЩАЮТСЯ:

Казанская улица № 18.
Невскій проспектъ, № 140.
Большая Садовая улица, № 69.
Вас. Остр., 7 линія, № 34.
Уголъ Гагаринской и Косого пер.

ГОСПОДАМЪ ДАЧНИКАМЪ въ окрестностяхъ Петербурга заказы въ 60 бутылокъ доставляются безплатно.

Торг. подъ фирмою Г. РОССОЛИМО.

ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ.

№ 376 (10—7)

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступила въ продажу новыя книги

БЛАГА ЖИЗНИ.

Новый романъ А. Михайлова (А. Шеллеръ) 320 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

КОНСУЭЛО.

Романъ въ двухъ частяхъ **ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ**, переводъ *П. Лѣтнева.* 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

Усовершенствованные пожарные

ТРУБЫ И НАСОСЫ

„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.

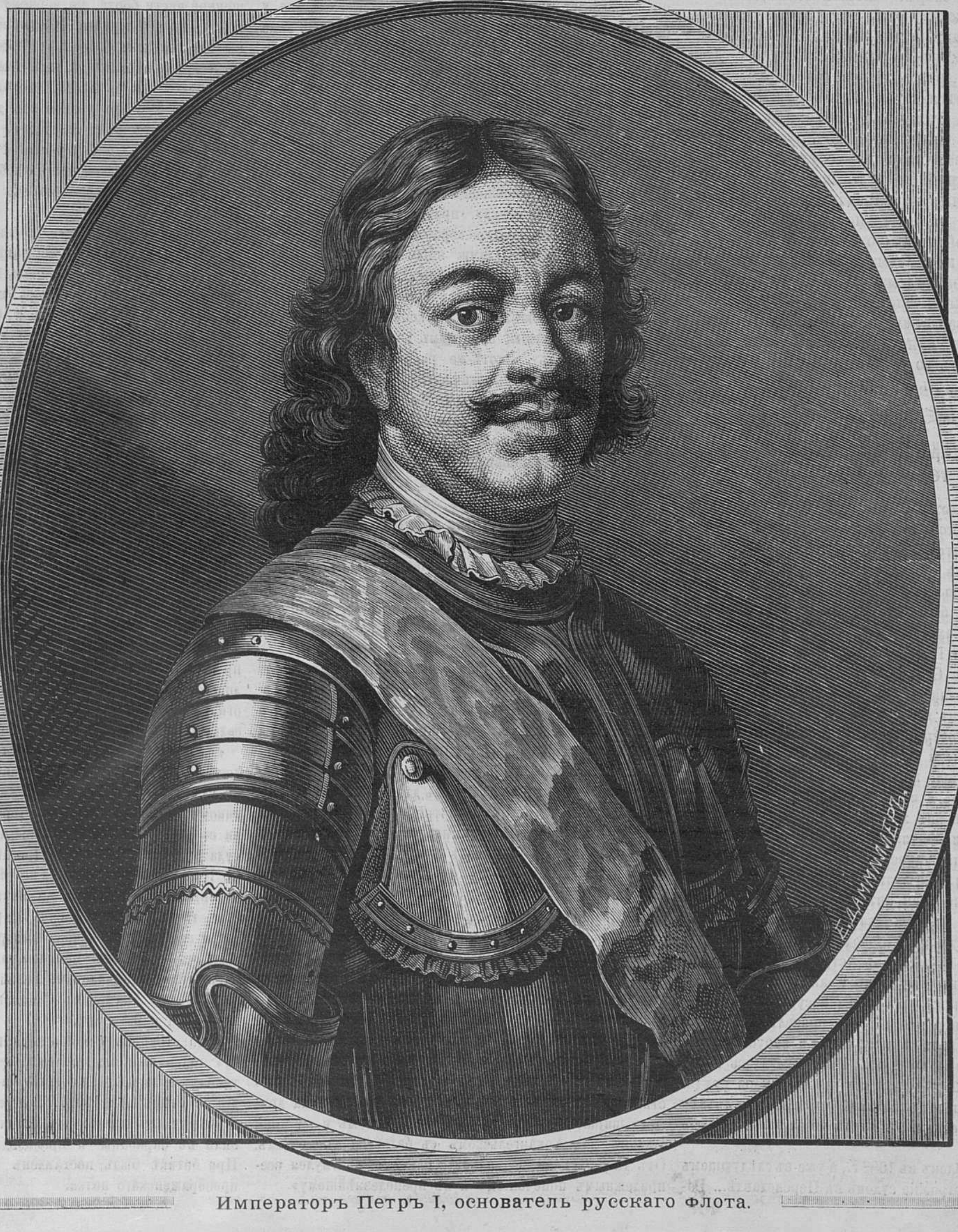
Прейсъ-курантъ безплатно.

№ 186 (40—26)

Годъ изданія 53-й. № 22 29-го Мая 1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1688.—ПО ПОВОДУ ДВУХСОТЛѢТІЯ ДѢДУШКИ РУССКАГО ФЛОТА.—1888.



Императоръ Петръ I, основатель русскаго флота.

30-е мая 1888 г.

30-го мая 1888 г. состоится двухсотлѣтіе одного, повидимому, незначительнаго, но, въ сущности, имѣющаго громадное значеніе, событія. Двѣсти лѣтъ тому назадъ великій преобразователь Россіи нашелъ англійскій ботикъ, получившій потомъ названіе «дѣдушки русскаго флота». До этой поры геніальный ребенокъ-царь игралъ только со своими «потѣшными» солдатами, изъ которыхъ впослѣдствіи выросло и окрѣпло могучее русское войско; съ минуты нахожденія англійскаго бота, который, по словамъ Франца Тиммермана учителя Петра, могъ ходить подъ парусами и противъ вѣтра, юный царь полюбилъ мореходство и ему запала мысль о созданіи флота. Эту мысль лелѣялъ уже и царь Алексѣй Михайловичъ, строившій корабли въ Дѣдиновѣ, но тогда изъ этого ничего не вышло. Для осуществленія этой мысли былъ нуженъ царь-работникъ, который началъ-бы самъ съ топоромъ въ рукѣ создавать корабли, который захватилъ-бы въ руки устье Невы, прорубилъ-бы окно въ Европу. Это и совершилъ Петръ, назвавшій «парадизомъ» завоеванную имъ мѣстность, гдѣ возникъ Петербургъ, такъ какъ эта мѣстность была близка къ морю и открывала Россіи путь въ Европу. Уже въ началѣ 1689 года началось строеніе кораблей на Переяславскомъ озерѣ, затѣмъ закладывается корабль въ Архангельскѣ, а другой заказывается въ Голландіи, далѣе идетъ постройка мелкихъ судовъ въ Воронежѣ, Козловѣ, Добромъ, Сокольскѣ, ради завоеванія Азова, наконецъ завоевывается Нева, гдѣ и суждено было сосредоточиться главнымъ морскимъ силамъ Россіи... Черезъ нѣсколько лѣтъ русскій флотъ будетъ праздновать свой двухсотлѣтній юбилей и тогда его подробная исторія покажетъ всѣ заслуги, оказанныя имъ Россіи. Но это будетъ юбилей «спуска на воду перваго корабля», а зарожденіе самой мысли о созданіи флота связано именно со временемъ нахожденія геніальнымъ преобразователемъ Россіи знаменитаго «дѣдушки русскаго флота», и потому мы считаемъ себя обязанными дать нѣкоторыя историческія данныя, относящіяся къ этому событію, скромному въ то время но имѣвшему такое великое значеніе въ будущемъ Россіи.

Дѣдушка русскаго флота.

1688—1888.

Основатель отечественнаго флота былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первымъ его исторіографомъ. Въ государственномъ архивѣ хранится собственноручная записка Петра Великаго: «о началѣ судостроенія въ Россіи», въ которой онъ повѣствуетъ слѣдующее:

«Случилось намъ быть въ Измайловѣ на Льняномъ дворѣ и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царя Михаила Ѳеодоровича), между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ Франца Тиммермана: что то̀ за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? Онъ отвѣчалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ передъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ и сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ, не токмо что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удивленіе привело и яко-бы неимовѣрно...

Отъ одного взгляда на этотъ ботикъ въ Петрѣ исчезла его прежняя, болѣзненная антипатія къ водѣ и ее замѣнила склонность къ прогулкамъ водою. По указанію Тиммермана, въ Нѣмецкой слободѣ отысканъ былъ служившій на кораблѣ «Орелъ», въ Астрахани, товарищемъ пушкаря—голландецъ Кармтенъ Брандтъ, опытный въ судостроеніи, а нынѣ, ради куска насущнаго хлѣба—столяръ. По желанію Петра, онъ привелъ ботикъ въ исправность, придѣлалъ къ нему мачту и парусъ и сталъ кататься съ Петромъ по Яузѣ. Рѣка оказалась тѣсна для лавировки, и ботъ перенесли на Просяной прудъ. «Но и тамъ немного авантажу сыскалъ, отмѣтилъ царь въ своемъ дневникѣ, а охота стала отъ часу быть болѣе».

Ботикъ былъ найденъ въ 1688 г., а уже въ слѣдующемъ 1689 г., началось строеніе судовъ въ Переяславлѣ... Ботикъ, послужившій причиною, основанія флота, теперь уже былъ отложенъ въ сторону, какъ дѣтская игрушка, но не забытъ. Онъ въ теченіе тридцати четырехъ послѣдующихъ лѣтъ царствованія преобразователя, сохранялся въ Москвѣ, какъ святыня. Въ этотъ періодъ времени, мысль, порожденная въ державномъ труженикѣ, разрослась до размѣровъ исполинскихъ: въ чужихъ краяхъ онъ въ совершенствѣ изучилъ кораблестроеніе, удостоенъ былъ званія «мастера», построилъ верфи въ Воронежѣ, въ Олонцѣ, Архангельскѣ, Петербургѣ; не рѣка, не озеро были аренами его плаваній: для своихъ кораблей онъ завоевалъ море, одержалъ нѣсколько морскихъ побѣдъ надъ шведами; создалъ изъ Россіи сильную морскую державу—и единственный изъ монарховъ Европы, удостоился небывалой почести—командованія четырьмя союзными флотами (1716 года, при островѣ Борнгольмѣ).

Въ началѣ 1722 года императоръ Петръ Великій посѣтилъ Москву, для празднованія ништадтскаго мира, и готовился въ новый походъ для завоеванія моря Каспійскаго. Въ это время онъ оканчивалъ книгу морского регламента, напомнилъ москвичамъ о флотѣ, катясь на судахъ по-суху въ маскарадной процессіи, вспомнилъ о «дѣдушкѣ русскаго флота» и задумалъ перевезти его изъ Москвы въ Петербургъ, въ созданный имъ первоклассный военный портъ, на адмиралтейской верфи котораго съ 1712 по 1722 годъ построено было до сорока кораблей.

По собственноручной, данной ему государемъ инструкціи, корабельный подмастерье Пальчиковъ, сдѣлалъ у ботика необходимыя исправленія. 26 января 1722 года живописецъ Иванъ Петровичъ Зарудный получилъ отъ государя надписи и рисунки для украшенія тумбы, или пьедестала, для установки на немъ ботика. Эти надписи и рисунки сохранились въ современной гравюрѣ Ивана Зубова вмѣстѣ съ изображеніемъ ботика. Опишемъ прежде самую тумбу.

На сторонѣ, соотвѣтствовавшей кормѣ, и на противуположной, соотвѣтствовавшей носу, изображено море съ надписями: «дѣцкая утѣха», «принесла мужескі тріумфъ». Съ одного бока подножія,—корабль, идущій подъ парусами и галера подъ веслами; надпись: «отъ Бога симъ токмо полученъ». На другомъ боку Ноевъ ковчегъ, надъ нимъ радуга, соединяющая два приморскіе города: «С.-Петербургъ» и «Стокгольмъ». Къ ковчегу летитъ голубь съ масличною вѣтвію; надъ нимъ надпись: «сей вожделенный вѣстникъ». Этотъ-же рисунокъ былъ воспроизведенъ на медали, вычеканенной Петромъ Великимъ въ память ништадтскаго мира. На тумбѣ надпись: «соединены узами мира въ Нейштадтѣ, послѣ потопа сѣверной войны 1721 года».

Рисунокъ, гравированный Зубовымъ, состоитъ изъ двухъ половинъ: на одной видна корма и одинъ бокъ ботика съ соотвѣтствующими частями подножія, а на другой половинѣ носъ ботика и другой бокъ. На этой части рисунка на карнизѣ у самаго пола надпись: «Въ семъ-же 1722 году ботикъ сей первѣе народу выставленъ и презентованъ того ради, понеже Богоданнымъ нынѣ миромъ, плоды его паче извѣстны и крѣпко утверждены стали и миръ сей плодомъ его не ложно нарещися можетъ».

На каждой половинѣ рисунка находятся надписи, относящіяся къ исторіи ботика.

На лѣвой половинѣ рисунка: «Судно сіе водное, хотя мѣрою малое и только къ потѣшному на малыхъ водахъ игранію построенное, но потомъ явилося аки плодоносное сѣмя великаго въ Россіи корабельнаго флота и вину подало слѣдующимъ преславнымъ дѣламъ, таковымъ случаемъ или паче Божіимъ смотрѣніемъ: державнѣйшій государь Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, еще въ началѣ царствованія своего, пришедъ въ нѣкоторое время въ Измайловъ и гуляя по амбарамъ и лежали остатки вещей дому дѣда его Никиты Ивановича Романова, увидѣлъ между оными судно сіе и понеже было иностранное и въ Россіи невидаемое, спросилъ о употребленіи и дѣйствіи его у искуснаго нѣкоего при себѣ иноземца. Отъ отвѣта-же онаго увидѣвъ, какъ дивно на парусахъ ходитъ, великую возъимѣлъ охоту употребить онаго къ плаванію. И такъ первѣе самого судна сего ходу на рѣкѣ Яузѣ отвѣдавъ, скоро на озерѣ Переяславскомъ сдѣланными повелѣніемъ его величества большими судами любопытство свое лучше исполнилъ. Тоей-же охоты и на другомъ ширшемъ озерѣ Кубінскомъ, а потомъ и на морѣ Бѣломъ или Архангельскомъ съ радостію употребилъ. Отъ таковыхъ-же водоплавныхъ утѣхъ, двигнулся всеприлежнымъ попеченіемъ и къ преполезнѣйшему».

На правой половинѣ рисунка: «И къ преполезнѣйшему и до толь въ Россіи незнанному дѣлу, самого себѣ и другихъ при себѣ въ Голландіи и Англіи, какъ къ строенію, такъ и къ плаванію корабельному обучилъ и великій россійскій флотъ сдѣлалъ, каковый зрится нынѣ, и умножатися не перестаетъ; отъ чего Россія усугубленную силу возымѣвши, многія преславныя получила викторіи, расширила предѣлы своя, врата себѣ къ сообщенію честныхъ народовъ отверзла и благополучіе свое благословеннымъ миромъ укрѣпила, сильна и славна отъ селѣ и врагамъ страшна. Такое сіе малое судно яко доброе сѣмя было премногой намъ пользы; и того ради достоинъ сущи и вѣдомо и видимо быти на хартіи сей изображено пользуется.

Нарицается же судно сіе Ботъ англійской. Ботъ по виду своему между суднами, англійской-же по дѣлу и мѣрѣ англійской архитектуры: на желаніе-бо вышеупомянутаго дѣда императорскаго величества, мужа въ Россіи, къ частнымъ искусствамъ надъ тогдашный обычай, быстроохотнаго, судно сіе въ Англіи сдѣлано и оттуда въ Москву привезено».

Ботикъ величиною не превосходитъ небольшую шлюпку и вѣситъ менѣе 80 пудовъ. Длина его 19 футъ, 9 дюймовъ, ширина 6 футъ, 5 дюймовъ, высота отъ киля до верха 2 фута 8 дюймовъ. Высота мачты 21 футъ и флагштока 8 ф. 9 дюйм. Выкрашенъ красною краскою и по борту его идетъ полоса состоящая изъ треугольниковъ бѣлаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ. Надъ этою полосою въ кормовой половинѣ, на нѣсколько возвышенной части борта, по черному полю нарисована желтою краскою гирлянда. На кормѣ съ наружной стороны представленъ старецъ съ посохомъ, въ бѣлой одеждѣ и красной шапкѣ съ крестомъ. Съ лѣвой стороны старца домъ, а съ правой стороны судно, идущее подъ парусами. Все это рѣзное изъ дерева, такъ-же какъ и двѣ головы, въ родѣ львиныхъ, находящіяся подъ первою картиною. Съ внутренней стороны кормы, въ черномъ полѣ на бѣломъ щитѣ изображенъ русскій гербъ. Вооруженіе ботика состояло изъ четырехъ маленькихъ чугунныхъ орудій.

Доставленіе ботика изъ Москвы въ Петербургъ было препоручено гвардіи сержанту Корсневу, получившему отъ государя 29 января 1722 года указъ:

«Ѣхать тебѣ съ ботикомъ и везть до Шлиссельбурга на ямскихъ подводахъ и будучи въ дорогѣ смотрѣть прилежно, чтобы его не испортить, понеже судно старое, того ради ѣхать днемъ, а ночью стоять и гдѣ есть выбоены спускать потихоньку.

Тако-же по городамъ и по деревнямъ во дворы и улицахъ его не ставить для опасенія отъ пожаровъ, а гдѣ позоветъ случай съ онымъ остановиться, то ставить его внѣ городовъ и деревень на поляхъ, далѣе отъ строеніевъ и ставить къ нему часовыхъ, для чего дается тебѣ капралъ и 12 человѣкъ солдатъ. А пріѣхавъ въ Шлиссельбургъ, объявить оный коменданту, чтобъ его поставить въ городѣ на площади противъ церкви и велѣлъ-бы его накрыть и ему сержанту съ капраломъ и солдатами остаться до указу въ Шлиссельбургѣ при томъ ботикѣ и беречь отъ всякихъ случаевъ».

Кромѣ упомянутой воинской команды при ботикѣ состояло еще два матроса. Для перевозки ботика и сопровождавшихъ его, приказано было отпускать по 16 лошадей. Высочайшій указъ объ охраненіи ботика отъ огня, либо какихъ поврежденій, данъ былъ и шлиссельбургскому коменданту, полковнику Бухгольцу.

«Дѣдушка» въ полной цѣлости и сохранности былъ доставленъ къ мѣсту назначенія. 27 мая императоръ на яхтѣ, въ сопровожденіи 9 галеръ отправился за ботикомъ въ Шлиссельбургъ. Черезъ два дня императрица съ генералитетомъ, сопровождаемая всѣми частными судами, составлявшими Невскій флотъ, отправилась въ Невскій монастырь для встрѣчи ботика. Владѣльцевъ судовъ Невскаго флота, не явившихся на это торжество, государь оштрафовалъ 15 рублями каждаго.

Въ семь часовъ вечера императоръ на ботикѣ прибылъ къ Невскому монастырю. Съ нимъ находились басъ Иванъ Михайловичъ Головинъ и капитанъ командиръ Иванъ Акимовичъ Сенявинъ. За ботикомъ слѣдовали яхта и 9 галеръ.

Суда, стоявшія у монастыря, привѣтствовали «дѣдушку» приспущеніемъ флаговъ, играя на трубахъ и литаврахъ и пальбою, которымъ вторили салюты изъ орудій со стѣнъ монастыря. Ботикъ отвѣчалъ тремя выстрѣлами изъ маленькихъ своихъ пушекъ. На галерахъ били въ барабаны и производили ружейную пальбу. При ботикѣ былъ поставленъ почетный караулъ отъ преображенскаго полка.

На другой день государь праздновалъ пятидесятилѣтіе своей жизни. Онъ, со всею фамиліею, вельможами и сановниками слушалъ заутреню въ Невскомъ монастырѣ и въ 9 часу утра съ ботикомъ, сопровождаемый Невскимъ флотомъ, отправился къ Троицкой площади. При приближеніи ботика ему «отданъ былъ «комплиментъ» пальбою съ обѣихъ крѣпостей (Петропавловской и Адмиралтейской) и ружейнымъ огнемъ полковъ лейбъ-гвардіи, выстроенныхъ на Троицкой площади.

Въ повседневныхъ запискахъ санктпетербугской комендантской канцеляріи подъ 30 числомъ мая 1722 г. значится: «А какъ его величество изволилъ прибыть на помянутомъ ботикѣ къ Троицкой пристани, тогда палили съ города паки второй разъ изо всѣхъ же пушекъ, а какъ изволилъ выйдти послѣ литургіи изъ церкви Святыя Троицы, палили третій разъ изъ пушекъ со всего же города; на городу поднятъ былъ штандартъ и потомъ кушали всѣ знатныя персоны въ сенатскихъ палатахъ и веселились довольно, гдѣ изволилъ присутствовать его величество своею особою; къ вечеру учиненъ былъ на водѣ фейверкъ близь Троицкой пристани: пусканы ракеты верховыя и водяныя и зажженъ былъ фейверкъ, и потомъ по полуночи разъѣхались».

За обѣдомъ, въ присутствіи государя, предложено было четыре тоста, сопровождаемые пальбою съ царской яхты, или какъ ее тогда называли «транспорта», стоявшей на Невѣ и расцвѣченной флагами. Первый тостъ, какъ всегда, во славу Божію; второй—въ честь державнаго новорожденнаго; третій- въ честь «дѣдушки русскаго флота;» четвертый — за здоровье семейства Ивана Михайловича Головина, т. е. за благоденствіе русскаго флота. По поводу послѣдняго тоста замѣтимъ, что онъ былъ обязателенъ на каждомъ пиршествѣ царскомъ и на придворнаго шута Лакосту (получившаго отъ Петра титулъ короля самоѣдскаго) возложена была обязанность налагать на государя штрафъ въ 1500 р. въ случаѣ если-бы онъ позабылъ возгласить здравицу за семейство Головина; но этого никогда не случалось.

Послѣ этого торжества ботикъ былъ поставленъ въ Адмиралтействѣ и о сохраненіи его отъ всякой опасности, капитанъ-командиромъ Сенявинымъ объявленъ былъ слѣдующій царскій указъ:

«Сего іюня 2-го дня (1722 года), его императорское величество изволилъ приказать мнѣ, чтобъ во время грома и молніи всѣ люди, ночующіе въ Адмиралтействѣ на обоихъ вахтахъ, морской и сухопутной, были въ осторожности и съ пожарными инструментами въ готовности и когда какое несчастіе отъ грома или отъ огня (отъ чего Богъ да сохранитъ) случится, тогда ботъ, который по именному его императорскаго величества указу, поставленъ на верфи сего же іюня 2 числа, оставляя другія нужды, спускать на воду, чтобы оному никакого поврежденія не было.»

Въ августѣ мѣсяцѣ происходило новое чествованіе «дѣдушки русскаго флота» среди его «внуковъ» богатырей, прославившихъ русскій флагъ на водахъ Балтійскаго моря. По этому случаю у острова Котлана (въ Кронштадтѣ) былъ собранъ нашъ флотъ изъ 20 кораблей и одного фрегата, не считая мелкихъ судовъ. Общее число пушекъ на корабляхъ и фрегатѣ (отъ 90 до 54) простиралось до тысячи пятисотъ. Флотомъ командовалъ генералъ-адмиралъ графъ Ѳ. М. Апраксинъ, авангардіею—адмиралъ Крейсъ,—аріергардіею адмиралъ Петръ Михайловъ. Вице-адмиралъ князь А. Д. Меньшиковъ имѣлъ свой флагъ на одномъ изъ кораблей кордебаталіи.

7-го августа генералъ-адмиралъ отдалъ слѣдующій ордеръ: «какимъ образомъ для встрѣчи ботика каждому кораблю чинить пушечную пальбу:»

1) Когда генералъ-адмиралъ съ корабля своего будетъ стрѣлять изъ пушекъ и когда 7 выстрѣловъ пройдетъ, тогда всѣмъ кораблямъ зачать вдругъ и выстрѣлить изо всѣхъ пушекъ и потомъ немедленно заряжать пушки.

2) Когда ботикъ противъ котораго корабля проходить станетъ, а еще не поровняется, тогда тому кораблю спустить свой командующій флагъ или вымпелъ до дека и зачать стрѣлять изо всѣхъ пушекъ, пушка за пушкою, а для поспѣшенія поставить у всякой пушки съ фитилемъ и какъ можно скорѣе стрѣлять, дабы въ то время выстрѣлить, пока ботъ его проходитъ и дать время другому кораблю, за нимъ стоящему, стрѣлять, а когда выстрѣлитъ, тогда командующій флагъ или вымпелъ пока поднять и тотчасъ всѣ флаги и вымпелы распустить сколько у кого на кораблѣ есть.

3) Для сбереженья у пушекъ нижняго дека клинья вынуть и. сколько возможно. задъ ниже у пушекъ опустить, дабы вреды тѣмъ не учинить, которые въ боту и при немъ мимо флота пойдутъ.

4) Когда ботъ пойдетъ въ гавань, и съ корабля генералъ-адмирала стрѣлено будетъ изъ пушекъ, какъ и первый разъ, и когда седмая пушка выстрѣлится, тогда всѣмъ зачать и стрѣлять изо всѣхъ, пушка за пушкою».

Въ день встрѣчи ботика гг. флагманамъ разрѣшалось, на ихъ волѣ, при какомъ здоровьи палить изъ пушекъ столько, сколько на кораблѣ есть, а не больше. Капитанамъ-командирамъ и капитанамъ вполы (въ половину) сколько на кораблѣ имѣется.

Во время салюта орудія на сторонѣ обращенный къ ботику, заряжать безъ пыжей.

Торжественная встрѣча въ Кронштадтѣ ботика была назначена на 11-е августа. Поставленный въ Петербургѣ на галіотъ, онъ, сопровождаемый невскимъ флотомъ, былъ привезенъ къ Котлану и поставленъ за военною гаванью. Въ 11-мъ часу утра государь прибылъ на генералъ-адмиральскій корабль «Гангутъ» и пожаловалъ всѣмъ флагманамъ новые тафтяные шлюпочные флаги, которые тотчасъ были подняты на ихъ шлюпкахъ всѣми адмиралами.

Отъ карабля «Гангутъ», стоявшаго противъ среднихъ воротъ купеческой гавани, девять флагмановъ отправились на всѣхъ шлюпкахъ къ ботику въ слѣдующемъ порядкѣ: генералъ-адмиралъ, за нимъ по два въ рядъ адмиралы (Петръ Михайловъ и Крейсъ); далѣе три вице-адмирала (князь Меншиковъ, Сиверсъ, Гордонъ), за ними три контръ-адмирала (Сандерсъ, Наумъ Синявинъ и лордъ Дуфусъ). По прибытіи къ галіоту, флагманы приняли ботикъ отъ капитанъ-командира Синявина, спустили его на воду, поставили мачту и поднявъ на ней штандартъ, поплыли къ флоту.

Государь, предоставивъ первое мѣсто генералъ-адмиралу, взялъ на себя должность квартирмейстера и правилъ рулемъ. На весла сѣли Сиверсъ, Гордонъ, Наумъ Синявинъ и Сандерсъ; Меньшиковъ за лоцмана измѣрялъ лотомъ глубину фарватера; оберъ-цейхмейстеръ Отто исправлялъ должность канонира салютовалъ кораблямъ изъ орудій ботика. Буксируемый флагманскими шлюпками, онъ былъ принятъ на флотѣ согласно предписанному церемоніалу и когда въ 12-мъ часу обошелъ всѣ линіи кораблей, то при проходѣ на каждомъ кораблѣ играли на трубахъ, били походъ и люди стояли на вахтахъ. При входѣ ботика въ военную гавань загрохоталъ салютъ со всѣхъ кораблей и судовъ невскаго флота. Парадный обѣдъ былъ сервированъ въ военной гавани подъ шатрами изъ корабельныхъ парусовъ. При отплытіи «дѣдушки» обратно въ Петербургъ ему салютовали 31 выстрѣломъ. Какъ-бы прозирая въ даль минувшаго, великій поэтъ немногими строками описалъ это торжество нашего флота при его основателѣ:

> Иль въ отъятый край у шведа
> Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
> И пошелъ на встрѣчу дѣда
> Всей семьей нашъ юный флотъ,
> И воинственные внуки
> Стали въ строй предъ старикомъ,
> И раздался въ честь науки
> Пѣсень хоръ и пушекъ громъ!

30 августа, при праздновaніи мира со Швеціею новыя почести воздaны были ботику и затѣмъ онъ былъ отданъ на храненіе нъ крѣпость, гдѣ помѣщеніе его было крайне неудобно. До 11 февраля 1724 года онъ стоялъ въ открытомъ казематѣ, затѣмъ закрытъ брезентами, а самый казематъ защищенъ отъ снѣга и дождя старыми парусами. 31 августа 1724 года государь на этомъ ботикѣ ѣздилъ въ Невскій монастырь, при чемъ дѣдушкѣ русскаго флота салютовали пушечною пальбою. Высочайшимъ указомъ отъ 2 сентября тогоже года повелѣно: «ботикъ въ 30 числѣ августа для торжествованія выводить повсегодно на воду и имѣть при Александро-Невскомъ монастырѣ.»

Скончался преобразователь, завѣтъ его оставался въ забвеніи двадцать лѣтъ и самый ботикъ, какъ забытый узникъ, или какъ старый хламъ, хранился въ крѣпости. Правда и то, что при преемницахъ Петра великаго и самый нашъ флотъ пришелъ въ упадокъ.

Завѣтъ Петра Великаго отчасти исполнила дочь его Елизавета Петровна; говоримъ «отчасти» потому, что въ теченіе двадцатилѣтняго ея царствованія ботикъ участвовалъ въ церемоніи празднованія Александрова дня лишь два раза: въ 1744 и 1745 годахъ, причемъ «дѣдушкѣ» были воздaны почести временъ Петровскихъ. Въ 1746 и 1750 годахъ были приготовленія къ торжественному выводу ботика, но торжества по какимъ-то причинамъ не состоялось.

Крайне удивительно и непостижимо, что въ царствованіе Екатерины II «дѣдушка» оставался въ забвеніи, чтобы не сказать—въ пренебреженіи. Основательница флота черноморскаго, воскресившая флотъ балтійскій, свято чтившая память Великаго Петра, исполнявшая его предначертанія, великая царица обошла своимъ вниманіемъ старый ботикъ. При праздновaніи столѣтней годовщины рожденія Петра Великаго въ 1772 году, она возложила на его гробницу турецкій флагъ—трофей чесменской побѣды. Въ 1782, августа 7, торжествовала открытіе монумента Петру Великому, первому отъ второй... И при обоихъ торжествахъ не дѣлала ихъ причастниками «дѣдушки русскаго флота». О немъ не вспомнилъ и цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ бытность свою генералъ-адмираломъ, затѣмъ императоромъ, преемникомъ Екатерины. Цесаревичу-отроку даже не упоминали его воспитатели, ни ученый и умный графъ Н. И. Панинъ, ни наивный С. А. Порошинъ, какъ явствуетъ изъ «записокъ» послѣдняго.

Черезъ пятьдесятъ восемь лѣтъ послѣ своего послѣдняго появленія изъ кладовой крѣпости «дѣдушка» предсталъ глазамъ петербургскихъ жителей. Это было въ день празднованія столѣтія Петербурга 16 мая 1803 года. «Дѣдушка» выставленъ былъ на палубѣ 110 пушечнаго корабля «Гавріилъ», гдѣ почетными стражами были четыре столѣтніе моряка петровскихъ временъ. Одному изъ нихъ было 107 лѣтъ отъ роду; онъ хорошо помнилъ Петра, при которомъ служилъ морскимъ офицеромъ. Другой когда-то носилъ за государемъ межевые шесты, когда онъ дѣлалъ геодезическія съемки подъ Петергофомъ. Старикъ какъ святыню хранилъ одинъ изъ двухъ серебряныхъ рублей, пожалованныхъ ему царемъ за его работу. Въ день столѣтія Петербурга—монументъ Петра, его домикъ на Петербургской сторонѣ, дворецъ въ Лѣтнемъ саду, были украшены флагами, а вечеромъ иллюминованы, равно какъ и весь городъ.

Торжество 3 іюля 1836 года было повтореніемъ бывшаго при Петрѣ Великомъ въ августѣ 1724 года.

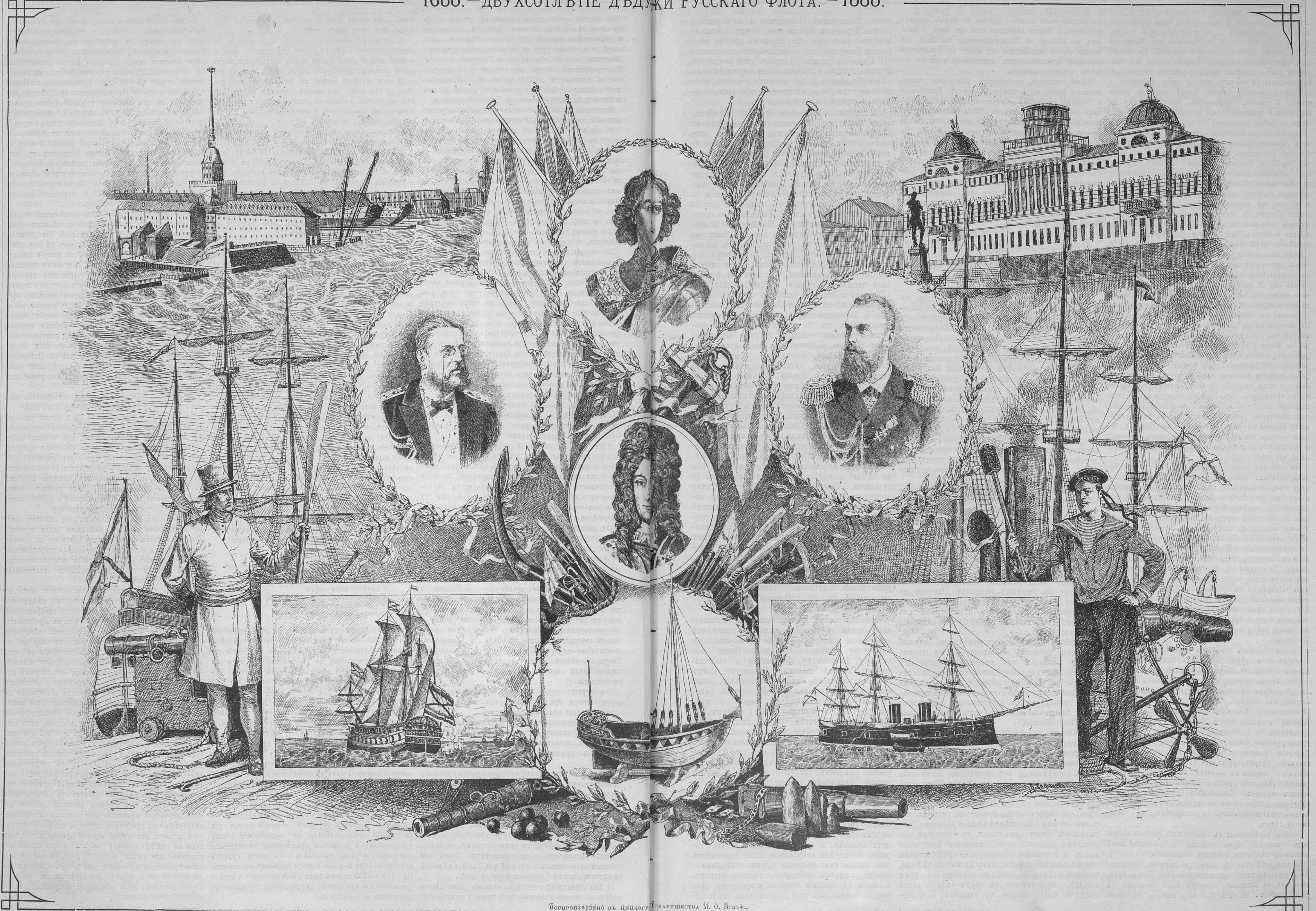
Для принятія ботика. 28 іюля, въ 9 часовъ утра, капитанъ надъ главнымъ гребнымъ флотомъ отправился на катеръ подъ своимъ флагомъ отъ главнаго адмиралтейства къ крѣпости. За нимъ слѣдовалъ адмиралтействъ совѣтъ, на катерѣ, подъ адмиралтейскимъ флагомъ, которому крѣпость салютовала 15 выстрѣлами, на что катера отвѣчали равнымъ числомъ. Прибывъ въ крѣпость адмиралтействъ-совѣтъ принялъ ботикъ отъ крѣпостного коменданта, и первый о пріемѣ, а второй о сдачѣ донесли государю императору.

Когда ботикъ былъ спущенъ на воду нижними чинами гвардейскаго экипажа, имѣвшими знаки военнаго ордена, капитанъ надъ портомъ взялъ его на буксиръ своего катера и повелъ внизъ по Невѣ; адмиралтействъ-совѣтъ на своемъ катерѣ слѣдовалъ за нимъ. Когда послѣдній отошелъ отъ берега, крѣпость отсалютовала ему 31 выстрѣломъ.

Противъ новаго адмиралтейства ботикъ взятъ на буксиръ пароходомъ «Охта», на которомъ, по прибытіи адмиралтействъ-совѣта, поднятъ былъ адмиралтейскій флагъ. Пароходъ «Охта» повелъ ботикъ въ Кронштадтъ, гдѣ его привѣтствовали 31 выстрѣломъ. «Дѣдушка» былъ поставленъ въ военной гавани; къ нему для дежурства поставленъ былъ штабъ-офицеръ и на часы назначены два унтеръ-офицера гвардейскаго экипажа.

Въ шестомъ часу вечера, 2 іюля, ботикъ былъ выведенъ изъ военной гавани въ среднюю и поставленъ на стоявшій тутъ военный пароходъ «Геркулесъ» на которомъ тогда-же поднятъ былъ адмиралтейскій флагъ. На шханцахъ парохода для помѣщенія ботика устроено было особое возвышеніе наравнѣ съ ютомъ, такъ чтобы ботикъ былъ хорошо видимъ съ кораблей при провозѣ его мимо флота. Возвышеніе было покрыто алымъ сукномъ со свѣсами до палубы парохода. На время церемоніи къ ботику, кромѣ караула отъ гвардейскаго экипажа, состоявшаго изъ оберъ-офицера, двухъ унтеръ-офицеровъ и 14 рядовыхъ и двухъ музыкантовъ, поставленъ былъ почетный караулъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ. Отъ каждаго флотскаго экипажа въ видѣ депутатовъ приказано было прислать на пароходъ «Геркулесъ» заслуженныхъ квартирмейстеровъ и матросовъ, а также изъ каждой морской артиллерійской бригады по одному нижнему чину. У самаго ботика поставлено было шесть часовыхъ: у кормы два дворцовыхъ гренадера, по бокамъ—два унтеръ-офицера гвардейскаго экипажа, у носа—два гардемарина. На бакѣ ботика разложенъ былъ штандартъ, сохранившійся со временъ Петра великаго

1688.—ДВУХСОТЛѢТІЕ ДѢДУШКИ РУССКАГО ФЛОТА.—1888.



Воспроизведено въ цинкогр Товарищества М. О. Вольфъ.

Въ день церемоніи, 3 іюля, погода была прекрасная, небо было безоблачно, дулъ тихій западный вѣтеръ. На частныхъ пароходахъ, прибывшихъ изъ Петергофа и Петербурга, пріѣхали тысячи зрителей. На рейдѣ, подъ начальствомъ адмирала Кроуна стоялъ весь балтійскій флотъ. Среднюю линію составляли 26 кораблей, въ параллель ей къ югу, стояла линія фрегатовъ, а къ сѣверу—мелкихъ судовъ. Кромѣ того, на рейдѣ стояли: 3 корвета, 5 пароходовъ, участвовавшихъ въ церемоніи, и брандвахтенный фрегатъ. Въ общей сложности на рейдѣ находилось 72 военныхъ судна.

Утромъ 3 іюля пароходъ «Геркулесъ» стоялъ на маломъ кронштадтскомъ рейдѣ подъ адмиралтейскимъ флагомъ. Въ полдень изъ Петергофа двинулись военные пароходы. Изъ нихъ передовой «Ижора», подъ флагомъ генералъ-адмирала, приближаясь къ Кронштадту въ $12^1/_2$ часовъ пополудни. салютовалъ ботику 31 выстрѣломъ, затѣмъ, подойдя къ «Геркулесу», «Ижора», и съ нею всѣ пароходы вмѣстѣ пошли на большой рейдъ. Шествіе съ ботикомъ открывалъ «Геркулесъ», за нимъ слѣдовали пароходы: «Ижора», «Александрія», «Нева» и «Охта». Всѣ почести были отдаваемы «дѣдушкѣ» по мѣрѣ его приближенія къ большому рейду. Сухопутныя войска разставленныя на бастіонахъ средней и купеческой гаваней, при проходѣ ботика дѣлали на караулъ, били походъ и кричали «ура!» Потомъ салютовалъ ему 31 выстрѣломъ флагмаскій корабль, а въ часъ пополудни, когда пароходъ «Ижора» приблизился къ линіи кораблей, крѣпость и адмиралъ салютовали поднятому на «Ижорѣ» генералъ-адмиральскому флагу 21 выстрѣломъ на что отвѣчали имъ съ парохода 11 выстрѣлами. Затѣмъ на всѣхъ корабляхъ послали людей по реямъ и «Геркулесъ» сопутствуемый всѣми пароходами, пошелъ вдоль корабельной линіи по сѣверную ея сторону. При прохожденіи ботика, на каждомъ кораблѣ, караулъ отдавалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ и люди, стоявшіе по реямъ, кричали пятикратно «ура»! «Геркулесъ» обойдя всю корабельную линію и возвращаясь по другой ея сторонѣ, въ половинѣ третьяго часа пополудни, сталъ на якорь противъ адмиралтейскаго корабля по сѣверную его сторону. Тогда на ботикѣ подняли штандартъ и со всего флота, крѣпости и отдѣльныхъ фортовъ на рейдѣ произведенъ былъ салютъ изъ всѣхъ орудій.

По окончаніи общаго салюта «Геркулесъ» вмѣсто ботика отвѣчалъ семью выстрѣлами и тогда-же по сигналу генералъ-адмирала, люди сошли съ рей и марсовъ и всѣ суда расцвѣтились флагами. Послѣ того государь императоръ, находившійся со всею августѣйшею фамиліею во все время церемоніи на пароходѣ «Ижора», въ 3 часа пополудни, отправился на пароходѣ «Геркулесъ», имѣя на своемъ катерѣ флагъ генералъ-адмирала. За императоромъ слѣдовали морскія начальствующія лица на катерахъ, подъ флагами присвоенными ихъ званію. По отданіи на «Геркулесѣ» чести ботику, его величество и всѣ особы свиты возвратились на пароходъ «Ижора», а въ $3^1/_2$ часа пополудни «Геркулесъ», сопровождаемый прочими пароходами, пошелъ съ рейда. На судахъ, мимо которыхъ проходилъ ботикъ, караулы отдавали честь и били походъ. Проводивъ «Геркулеса» до малаго рейда, государь императоръ возвратился въ Петергофъ.

Ботикъ прежнимъ порядкомъ былъ отведенъ въ Петербургъ и на другой день сданъ адмиралтействъ-совѣтомъ коменданту Петропавловской крѣпости.

Эти морскіе маневры 3-го іюля 1836 года напомнили петербургскимъ жителямъ о «дѣдушкѣ русскаго флота» о которомъ четвертое поколѣніе совершенно позабыло. Отечественная словесность отнеслась съ должнымъ уваженіемъ къ памяти ботика. Извѣстный въ то время драматургъ Н. А. Полевой, въ небольшой драмѣ «Дѣдушка русскаго флота» вывелъ на сцену корабельщика Карстена Брандта, за которымъ, по повелѣнію Петра великаго, Лефортъ пріѣзжаетъ въ нѣмецкую слободу изъ Москвы и старикъ въ восторгѣ отправляется. сопровождаемый «дѣдушкою русскаго флота,» везомымъ на полозьяхъ народомъ. Пьеса имѣла блестящій успѣхъ и «дѣдушка» долгое время не сходилъ съ репертуара. Но и этой драмѣ исполнилось въ нынѣшнемъ году «пятьдесятъ лѣтъ».

Ботикъ, помѣщенный въ крѣпости въ особомъ каменномъ павильонѣ, мирно покоился въ крѣпости, послѣ маневровъ 1836 года, тридцать шесть лѣтъ.

30 мая 1872 года въ день празднованія Петербургомъ двухсотлѣтней годовщины рожденія Петра Великаго онъ, на военномъ пароходѣ былъ выведенъ на Неву, причемъ въ видѣ мѣстнаго караула при немъ поставлены были солдаты, одѣтые по формѣ временъ петровскихъ. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ отправленъ въ Москву на Политехническую выставку, гдѣ занялъ первое подобающее ему мѣсто въ стеклянномъ павильонѣ морского отдѣла, признаннаго лучшимъ изъ всѣхъ отдѣловъ выставки.

Нѣмой свидѣтель постепеннаго возрастанія нашего военнаго флота, его успѣховъ на моряхъ Балтійскомъ и Черномъ, «дѣдушка»—заглавный листъ, первая страница его исторіи, со временъ Петра Великаго,—страница, за которою слѣдовали тысячи другихъ блестящихъ, незабвенныхъ, прославленныхъ именами: Орлова, Чичагова, Сенявина, Грейга, Крейса, графа Гейдена, Лазарева, Казарскаго, Нахимова, Истомина, Корнилова и другихъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя. Всѣхъ ихъ пережилъ «дѣдушка»; пережилъ смерть, но дождался и воскресенія нашего Черноморскаго флота. Несомнѣнно, что еще на многіе вѣка сохранится ботикъ и еще многократно будетъ участникомъ торжества нашего флота, возрастающаго и усиливающагося не по днямъ, а по часамъ.

П. Каратыгинъ.

Небываемое бываетъ.

(См. рис. на стр. 354).

Въ понедѣльникъ, 26 апрѣля 1703 года, государь Петръ Алексѣевичъ съ войсками высадился на берегъ Большой Охты и приступилъ къ обложенію тамошней шведской крѣпости Ніэн-сканцъ (по-русски: Канцевъ). Осадными работами завѣдывалъ французскій инженеръ Ламбертъ и велъ траншеи по направленію къ крѣпости на разстояніи мортирнаго выстрѣла. Онѣ подвигались успѣшно и черезъ два дня (28 числа) царь, съ семью ротами гвардейцевъ, на восьмидесяти лодкахъ поплылъ внизъ по Невѣ на взморье, подъ выстрѣлами съ бастіоновъ Ніэн-сканца, не приносившихъ ему ни малѣйшаго вреда. Можно было подумать, что шведы салютуютъ ему. При этомъ плаваніи царь обозрѣвалъ прибрежья и острова Невы, древнее свое наслѣдіе, въ теченіе почти столѣтія, въ силу позорнаго столбовскаго договора, бывшее во владѣніи шведовъ.

На островахъ, при устьяхъ Невы, царь оставилъ три роты солдатъ для наблюденія за непріятелемъ, который могъ показаться со взморья; размѣстивъ ихъ и лодки по берегамъ въ кустахъ ольшняка и въ тростникахъ, благословилъ—и отправился обратно къ Канцамъ, вверхъ по Невѣ рѣкѣ. Въ пятницу, 30 апрѣля, наши баттареи были готовы и снаряжены, но царь, избѣгая напраснаго разоренія, предложилъ коменданту Ягану Опалеву «сдать крѣпость на аккордъ», на честныхъ условіяхъ. Опалевъ замедлилъ отвѣтомъ и тогда заговорили наши баттареи, а въ воскресенье, 2 мая, царь писалъ къ князю-кесарю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому:

«Извѣстую вашему величеству, что вчерашняго дня, крѣпость Нейштадтская, по десятичасной стрѣльбѣ изъ мортировъ (также изъ пушекъ десятью выстрѣлено) на аккордъ сдалась; а что въ той крѣпости пушекъ и всякихъ запасовъ, о томъ вашему величеству донесу впредь, купно съ текеномъ (планомъ) оной. Вашего величества нижайшей подданный Piter Michailoff».

Крѣпость сдалась въ десятомъ часу утра, въ субботу, 1 мая, а въ воскресенье въ ней было отслужено благодарственное молебствіе, при пушечной, мортирной и ружейной пальбѣ. За нимъ послѣдовало торжественное вступленіе въ крѣпость фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, которому комендантъ Опалевъ вручилъ ключи ея. Въ память взятія Канцевъ, царь, на берегу Охты, своеручно срубилъ часовню во имя Смоленской Божіей Матери. Драгоцѣнный этотъ памятникъ, съ которымъ неразлучны преданія объ отвоеваніи Ингерманланда и основаніи Петербурга, существовалъ сто пятьдесятъ девять лѣтъ: 21 мая 1862 года, часовня сдѣлалась добычею пламени во время пожара, обратившаго въ груды золы и углей двадцать пять домовъ по улицамъ Георгіевской, Конторской, Огородной и по берегамъ рѣчки Чернавки. Кромѣ того, Петръ собственноручно выточилъ на мѣдномъ дискѣ видъ взятія Канцевъ, съ замысловатою надписью: «И Нева не укрыла Канцевъ отъ россійскія пушки. 1703». Крѣпость была переименована «Шлотбурхомъ» и до первыхъ чиселъ іюля того-же года была мѣстомъ пребыванія государя и нашей главной квартиры.

Въ то-же воскресенье (2 мая) вечеромъ, когда наши войска ликовали на развалинахъ Канцевъ, роты, оставленныя на взморьѣ, дали знать о появленіи на немъ шведскихъ кораблей. Свѣтлая лѣтняя ночь дала возможность безотлагательно вступить съ ними въ бой. На два пушечныхъ выстрѣла съ шведской эскадры (запоздавшей на помощь Ніэн-сканцу) государь приказалъ отозваться двумя-же выстрѣлами съ бастіоновъ Шлотбурга; съ восходомъ солнца опять салютовалъ эскадрѣ, бывшей подъ предводительствомъ адмирала Нумберса. Съ нея, утромъ 3 мая, на лодкахъ, посланы были матросы на острова въ устьяхъ Невы за лоцманами. Спрятанные въ кустахъ, наши гвардейцы переловили посланныхъ и лишь одинъ спасся. Въ ожиданіи лоцмановъ, отъ эскадры отдѣлились шнява «Астрель» и адмиральскій ботъ «Геданъ» и стали на якоряхъ противъ западной оконечности острова Хорвиссари (Васильевскаго). Вечеромъ государь, размѣстивъ своихъ гвардейцевъ на 30 лодкахъ, самъ, съ первымъ отрядомъ, поплылъ вокругъ Васильевскаго острова, а Меншикова послалъ къ устью рѣки Keме-йоки (Фонтанка), наказавъ ему плыть къ судамъ лишь тогда, когда наши лодки покажутся изъ-за Вольнаго острова. Самъ государь скрылся за островомъ, лежащимъ противъ деревни Каллиной (нынѣшній Лоцманскій или Галерный, можетъ быть и Гутуевскій) и дождался приближенія тучи, разразившейся жестокимъ ливнемъ. Пользуясь наступившимъ сумракомъ, онъ напалъ на «Астрель» и «Геданъ», при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Гвардейцы Петра были на лодкахъ; кромѣ ружей, топоровъ и ручныхъ гранатъ, иного оружія не имѣли; шведскія суда были вооружены 20 пушками... Это сраженіе напоминало бой стаи ласточекъ съ коршуномъ: малый размѣръ лодокъ затруднялъ шведовъ на ихъ большихъ судахъ; пушки не могли наносить вреда русскимъ, пошедшимъ на абордажъ! Съ гранатою и топоромъ въ рукахъ, государь первымъ взошелъ на шняву. Бой былъ жестокій и нещадный и шведовъ убито было 58, взято въ плѣнъ—13; «Астрель» и «Геданъ» были добычею побѣдителей, первымъ призомъ новорожденнаго Балтійскаго флота на водахъ Невы, только что освобожденной изъ стариннаго плѣна шведскаго.

Военный совѣтъ, наряженный для назначенія наградъ отличившимся въ бою, присудилъ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго: «капитану бомбардирской роты—Петру Михайлову, Александру Меншикову и постельничему Гаврилѣ Ивановичу Головкину. Петръ былъ въ восторгѣ, какъ отъ побѣды, такъ и отъ награды имъ вполнѣ заслуженной. Кавалерами ордена св. Андрея были, по старшинству: Ѳ. А. Головинъ (1699), гетманъ Мазепа, Бранденбургскій чрезвычайный посланникъ Принценъ, генералъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ. Церемонія пожалованія орденовъ кавалерамъ происходила 10 мая въ Шлотбургѣ, но въ самый день рѣчной побѣды у деревни Каллиной государь писалъ адмиралу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину:

«Извѣстую вашей милости, что сего числа въ 5-мъ часу пришла на устье Невы непріятельская эскадра подъ правленіемъ вице-адмирала г. Нумберса, о чемъ увѣдавъ, нашъ господинъ фельдмаршалъ послалъ насъ въ тридцати лодкахъ, и мы пришедъ къ устью, гораздо осмотрѣли непріятеля и по нарочитомъ бою взяли два фрегата: одинъ—«Геданъ» о десяти, а другой «Астрель» о восьми пушкахъ, а оконъ 14; понеже непріятели пардонъ зѣло поздна закричали, того для солдатъ унять было трудно, которые ворвався, едва не всѣхъ покололи; только осталось 13 живыхъ. Смѣю и то писать, что истинно съ восемь только лодокъ въ самомъ дѣлѣ было съ сею, никогда небывалою викторіею, вашу милость поздравя, пребываю.—Хотя и недостойны, однако-жъ отъ господъ фельдмаршала и адмиралами, съ господиномъ поручикомъ (Меншиковымъ) учинены кавалерами святаго Андрея».

Желая увѣковѣчить память побѣды при деревнѣ Каллиной, Петръ приказалъ вычеканить медаль, съ надписью: «Небываемое бываетъ». Нѣкоторые относятъ это событіе не къ 3-му, а къ 6-му числу мая, но это ошибочно, какъ и вообще въ датахъ, относящихся къ эпохѣ основанія нашей сѣверной столицы.

П. Каратыгинъ.

* * *

Зачѣмъ, когда мечта въ прошедшее уноситъ
Заглохшую въ груди тяжелую печаль,
Я слышу голосъ твой, онъ снова дружбы проситъ
И манитъ за собой въ невѣдомую даль?

Зачѣмъ, когда давно не вѣрю я надеждѣ,
Твой образъ предо мной съ улыбкою стоитъ?
И свѣтится любовь въ глазахъ твоихъ, какъ прежде,
И чей-то голосъ мнѣ о счастьи говоритъ?

Зачѣмъ,—ужель то бредъ души больной отъ горя—
Зачѣмъ я жду тебя, когда ты не со мной?
Въ лѣсу-ли я брожу, иду-ль на берегъ моря,
Мнѣ слышится твой вздохъ, твой голосъ неземной!

Зачѣмъ, коль отъ меня небесъ благословенье
Всевластною рукой навѣки отнято,
Я чувствую порой твое прикосновенье
И все, гдѣ столько слезъ счастливыхъ пролито!

Павелъ Свободинъ.

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

Романъ А. Михайлова.

(*Продолженіе*).

— Да ты-то что суетишься, точно бѣсъ передъ заутреней? Тебѣ-то что тутъ за дѣло? Съ какой стороны пристегнулась? услышалъ Хопровъ звонкій голосъ хозяйки, вернувшись въ свою квартиру.

— Меня Иванъ Ивановичъ просилъ всѣмъ распоряжаться, такъ-же визгливо отвѣчала племянница хозяйки.

— Чѣмъ распоряжаться-то? Какъ-бы я васъ обоихъ не погнала сегодня, либо завтра съ квартиры!

— И сами съѣдемъ, когда похоронимъ старика!

— Да вы чтожь, вмѣстѣ съ шарманками по улицамъ согласились ходить, что ли?

— Это ужь не ваше дѣло!

— А чье-же? за квартиру-то ты отдала, что-ли?

— Отдамъ, отдамъ, не безпокойтесь!

Тетка и племянница грызлись зубъ за зубъ по базарному, крикливо, на всю квартиру. Хопровъ поморщился и мысленно рѣшилъ, что точно теперь надо скорѣе переѣхать съ этой квартиры, вертепъ это какой-то.

Черезъ минуту Маргарита Ѳедоровна была уже въ комнатѣ Хопрова и торопливо разспрашивала, все ли онъ сдѣлалъ, что слѣдовало, когда панихида, нанятъ ли читальщикъ. Ея тонъ былъ озабоченъ и дѣловитъ.

— Могилу вотъ еще надо заказать, сказалъ Иванъ Ивановичъ.—Послѣ панихиды поѣду...

— Я поѣду съ тобой, рѣшила Маргарита Ѳедоровна.

— Зачѣмъ же?

— Вотъ еще: зачѣмъ? Что-же здѣсь-то мнѣ киснуть? Да я и люблю по кладбищамъ ѣздить. И особенно теперь тамъ хорошо: весна!

Онъ усмѣхнулся ея безцеремонности, но не протестовалъ. Пусть ѣдетъ, если это доставляетъ ей удовольствіе.

Послѣ панихиды онъ и Маргарита Ѳедоровна наняли извощика и поѣхали на Митрофаньевское кладбище.

— А знаешь, если табачную лавочку открыть, заговорила она дорогой,—то не больше трехсотъ или четырехсотъ рублей понадобится.

— Съ чего ты вбила себѣ въ голову табачную лавочку? спросилъ онъ, усмѣхаясь.

— Ахъ, это же выгодно! у меня дядя содержалъ маленькую лавочку, а потомъ такъ расторговался—страсть! И я люблю это, за прилавкомъ хозяйкой сидѣть.

Онъ что-то сообразилъ.

— Такъ тебѣ на это триста, четыреста рублей понадобится? спросилъ онъ.

— Какъ, мнѣ? удивилась она.—Мы вмѣстѣ-же откроемъ. Найдемъ квартирку съ магазиномъ и откроемъ лавочку.

— Ну, мнѣ-то нельзя при лавочкѣ жить. Мнѣ нужна мастерская для того, чтобы писать картину.

Она засмѣялась.

— Очень нужно тебѣ теперь картины пачкать. Пустишь въ оборотъ капиталъ, безъ всякой пачкатни проживешь.

Онъ улыбнулся надъ ея глупостью.

— Что смѣешься! Ужь я знаю, что при деньгахъ не станешь малевать картинъ. Ну, а захочешь, такъ и при табачной лавкѣ найдется комнатка, гдѣ можешь малевать, сколько душѣ угодно. Вонъ Козловъ, сынъ башмачника, что у насъ въ домѣ,—въ подвалѣ съ семьей живетъ, а посмотри какіе вывѣски и образа мараетъ. Видѣлъ, на окнѣ у нихъ всегда выставлены его картины.

И, перемѣняя тонъ, она таинственно сказала:

— А тетка разнюхать все хочетъ. Умора!

— Что такое разнюхать? спросилъ онъ.

— Да, понимаешь, ничего она не знаетъ, а видитъ, что ты пошелъ гробъ заказывать, я опять духу набралась, ну, и разбираетъ ее любопытство, съ чего это. «Наслѣдства, что-ли, говоритъ, ждете?» Дуру нашла, чтобы я ей разсказала. Да тогда-бы насъ по полиціямъ да по судамъ затаскали. Хорошо еще, что это у насъ такъ ловко вышло, никто не проснулся. Ты-то, было, раскричался, хорошо, что я ротъ зажала...

Его опять охватили страхъ, стыдъ, омерзеніе. Она говорила объ этомъ, какъ о формальной кражѣ, и была совершенно спокойна. Онъ старался доказать себѣ, что это вовсе не кража, и былъ встревоженъ, взволнованъ. Мимовольно онъ дотронулся до нея рукою и указалъ глазами на извозчика.

— Ну, что онъ пойметъ! небрежно сказала она, но все же перемѣнила разговоръ.

На кладбищѣ она взяла его подъ руку и впала въ сантиментальный тонъ:

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо! Что значитъ весна-то. Вездѣ жизнь, птицы. Вонъ травка. Смотри, смотри, уже цвѣточки есть. Бѣленькіе! Потомъ пойдутъ все желтые. А тамъ ужь, лѣтомъ, лиловые и голубые. Я это знаю. Можетъ быть, и насъ здѣсь же похоронятъ. Хорошо бы умереть весною. Весною мы сошлись, весною бы и умереть. Мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо сегодня. Впервые я люблю...

Онъ разсердился и оборвалъ ее.

— Глупости болтаешь! Развѣ я не знаю твоей жизни. Слава Богу, два года рядомъ жили.

— Ну, такъ что же? проговорила она спокойно.—Что ходили-то ко мнѣ эти офицеръ и купецъ? Такъ развѣ это любовь? Нѣтъ, это не любовь! Они вонъ ходили, а я иногда въ корридоръ выбѣгала на тебя взглянуть, какъ ты пройдешь. Ты красивѣе. Всегда мнѣ нравился. Ахъ! бывало, они сидятъ, а я о тебѣ вздыхаю въ мечтахъ.

Она вздохнула.

— Конечно, оба мы были голодными. Нечего было и думать сходиться. Да тетка заѣла-бы меня, если бы что замѣтила тогда между нами. Ну, а теперь я плюю на нее. Теперь при всѣхъ скажу, что люблю тебя.

И опять перемѣнивъ тонъ, она оживленно прибавила:

— А ты знаешь, я въ сорочкѣ родилась! Это правда, что въ сорочкѣ родиться—счастье. Вотъ думала я всегда о тебѣ—и сбылось; на мою долю тебѣ Богъ и деньги послалъ. Три дня я плакала и вдругъ точно что-то толкнуло посмотрѣть, какъ нашъ старичекъ умираетъ, а тамъ ты стоишь. Судьба все! А потомъ и деньги я первая увидала. Не будь меня, ты бы шумъ поднялъ, созвалъ бы всѣхъ.

Почти съ ужасомъ она воскликнула:

— Господи, да что бы тогда было! Все бы обобрали чужіе! И сидѣли бы мы сегодня безъ хлѣба, какъ вчера, на улицу насъ вышвырнули бы...

Она засмѣялась.

— Ну, цѣлуй мнѣ ручку за то, что я не растерялась!

Она поднесла къ его губамъ толстую, широкую руку, немного красноватую, немного шаршавую, какъ рука работницы. Онъ какъ-то тупо, чувствуя себя снова подавленнымъ тяжелымъ гнетомъ, прикоснулся къ ней губами.

«Да что же это будетъ? мелькнуло въ его головѣ.—Ужь не хочетъ-ли она меня женить на себѣ? Да нѣтъ, что за чепуха; это просто мимолетная связь. Дамъ ей на табачную лавочку, а тамъ ей больше ничего и не нужно. Не она первая. Не монахъ же я».

Онъ усмѣхнулся, глядя на ея курносенькое, весноватое, но здоровое и румяное лицо. Могла-бы быть и покрасивѣе, да, впрочемъ, не все ли равно? Нельзя же серьезно относиться къ этимъ женщинамъ. Надо только отучить ее отъ излишнихъ фамильярностей и сантиментальничанья, поставить на надлежащее мѣсто...

Отобѣдавъ въ гостинницѣ, Хопровъ, вернулся домой и, сбросивъ пиджакъ и жилетъ, прилегъ уснуть до вечерней панихиды, но ему помѣшала уснуть возня въ сосѣдней комнатѣ, тамъ выдвигались какіе-то ящики, потомъ двигалось по полу что-то тяжелое и слышались восклицанія Маргариты Ѳедоровны: «Ишь чортъ какой тяжелый, не сдвинешь съ мѣста». Наконецъ возня кончилась и совершенно неожиданно въ комнату Хопрова отворилась боковая дверь. Въ ней показалась Маргарита Ѳедоровна. Хопровъ повернулся на постели и съ удивленіемъ спросилъ:

— Что это?

— Да вотъ комодъ отодвинула. А то что-жь черезъ корридоръ бѣгать.

Она съ озабоченнымъ лицемъ подошла къ нему и, присѣвъ около него, таинственно и поспѣшно заговорила:

— Ты смотри, не проговорись на счетъ денегъ. Скажи, что занялъ. Тетка опять добивалась. Чуетъ негодная что-то да понять не можетъ. А тутъ еще сосѣдки причитаютъ: «тюфякъ-то распороли-ли? нѣтъ-ли тамъ капиталовъ? у такихъ-то нищихъ-стариковъ часто десятки тысячъ зашиты въ тюфяки». У-у, проклятыя! Вездѣ носъ надо сунуть! Бѣда, если тетка узнаетъ—отъ нея тогда ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься. Всѣ деньги высосетъ. Я ее знаю.

И затѣмъ со вздохомъ прибавила:

— Ахъ, скорѣй бы похоронить старичка и съѣхать. Куда нибудь подальше переѣдемъ. Да здѣсь и не стоитъ открывать табачный магазинъ. Какой покупатель въ Коломнѣ? Все голь перекатная да жида тоже много. Будемъ переѣзжать—выпишемся за городъ, чтобы и слѣдовъ не нашли. Послѣ, если и узнаютъ—близокъ будетъ локоть да не укусятъ. Мало-ли ты откуда могъ достать денегъ. Ну, заработалъ, что-ли. Она, тетка, развѣ понимаетъ, что нечѣмъ тебѣ заработать.

Его раздражало это назойливое повтореніе все объ одномъ и томъ же, уже казавшееся ему умышленнымъ стремленіемъ запугать его, забрать въ свои руки.

— Что это ты запугать меня хочешь, кажется? проговорилъ онъ раздражительно.

— Чего мнѣ запугивать? совершенно просто отвѣтила она и даже удивилась его вопросу.—А знаю я васъ, мужчинъ; насъ болтушками называете, а сами вы ничего скрыть не съумѣете. Баба всегда лучше концы спрячетъ.

И вполнѣ разсудительнымъ, серьезнымъ тономъ она пояснила:

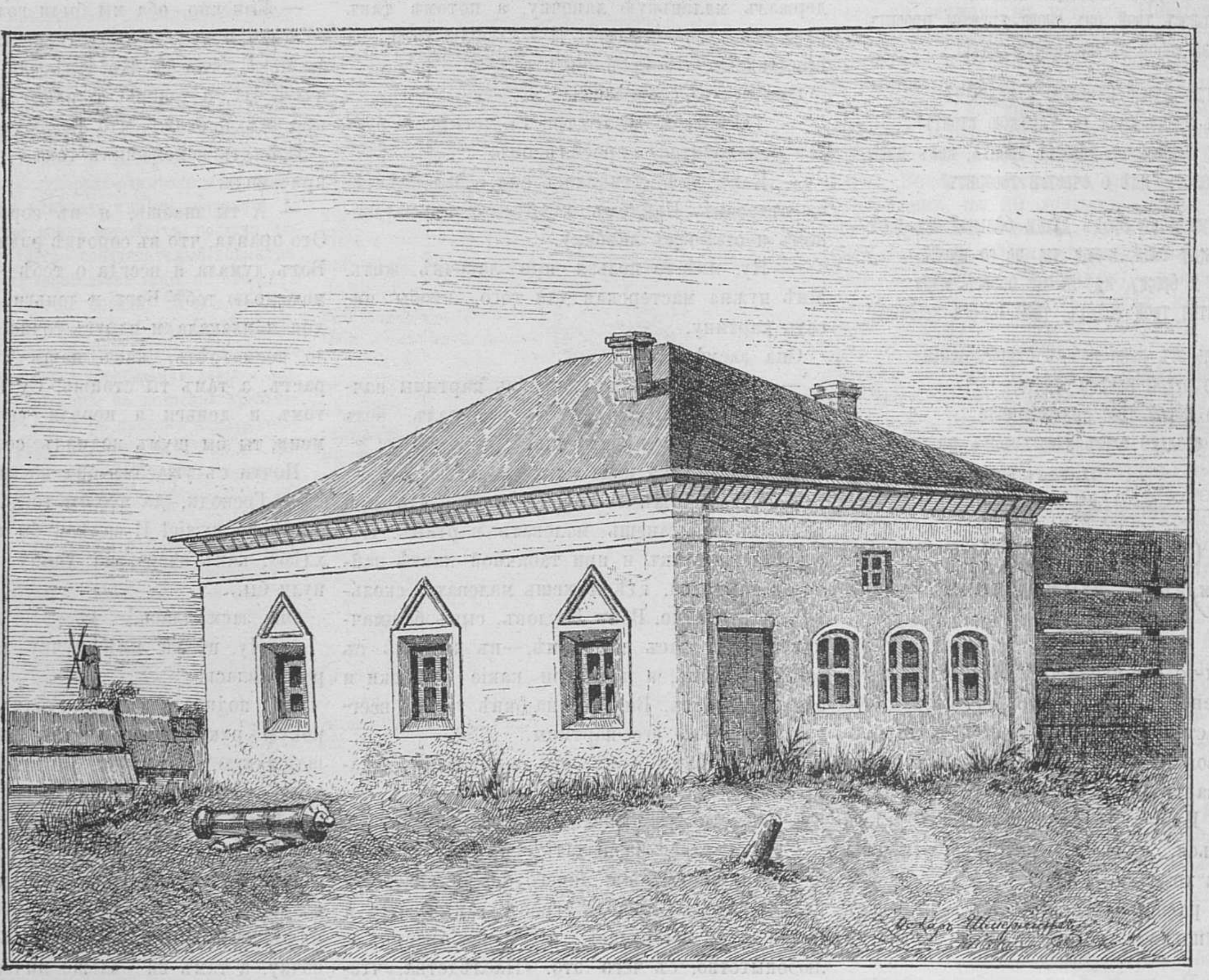
— Вмѣстѣ нашли кладъ, одинъ проболтается, а достанется обоимъ. Тоже не радость. Мнѣ моя шкура тоже дорога.

Опять ему стало невыносимо тяжело отъ сознанія, что они дѣйствительно сообщники въ этомъ дѣлѣ, что ему нужно быть осторожнымъ, чтобы не раздражать ее. Онъ еще не зналъ, что раздражить ее, уживчивую, покладистую, сговорчивую, было довольно трудно.

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ФЛОТА.



Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ.

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя.**

Переводъ **П. Каншина.**

(Продолженіе).

IV.

Анжелика отъ природы была веселаго, рѣзваго и сообщительнаго нрава; тѣмъ не менѣе, она очень любила уединеніе и не только охотно сиживала одна въ своей комнаткѣ, но это для нея было настоящимъ удовольствіемъ, почти наслажденіемъ. Проснувшись рано утромъ и вечеромъ передъ тѣмъ, чтобы лечь спать, она подолгу засиживалась въ своей свѣтелкѣ, гдѣ ничто не мѣшало ей заноситься Богъ вѣсть куда на крыльяхъ лучезарныхъ грезъ. Даже днемъ она не упускала ни одного удобнаго случая, чтобы хоть на нѣсколько минутъ урваться туда, и отъ души радовалась каждому такому случаю, какъ бываетъ рада свободѣ птичка, вырвавшаяся изъ клѣтки.

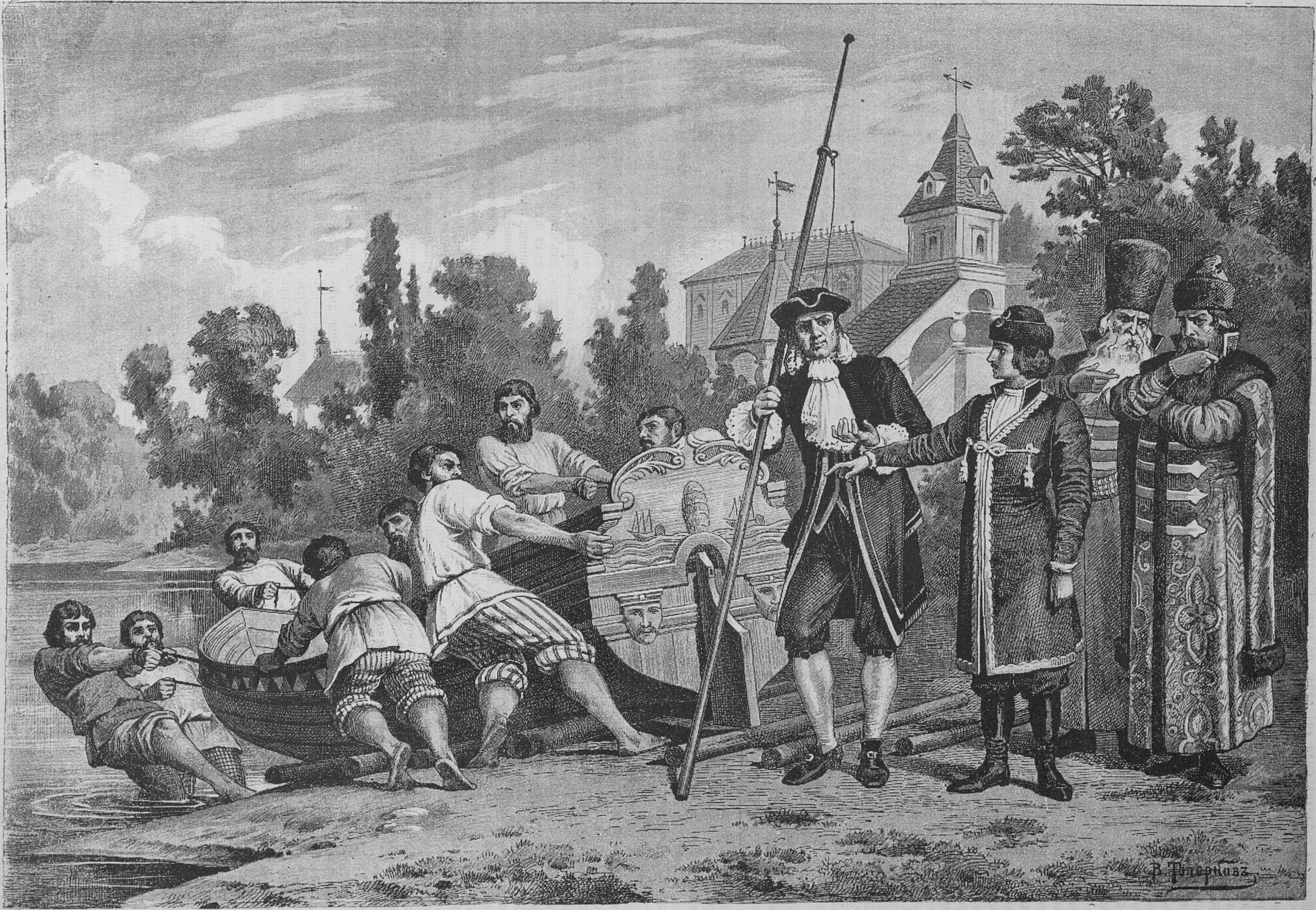
Свѣтелка эта была очень обширна, такъ-какъ занимала половину всего пространства подъ кровлей, тогда какъ въ другой половинѣ помѣщался чердакъ. И стѣны въ ней, и потолокъ, и даже то косящатое углубленіе, въ которомъ помѣщалось окно,—все было выбѣлено известью, такъ что сравнительно съ этой сплошной, почти ослѣпительной бѣлизной старинная дубовая мебель казалась совсѣмъ черною. Въ то время, когда внизу, то-есть, въ гостиной и въ спальнѣ, появилась болѣе современная обстановка, все старье оттуда снесли въ свѣтелку, гдѣ, такимъ образомъ, скопились предметы всякихъ эпохъ и всякихъ стилей. Былъ тамъ большой сундукъ или ларь временъ возрожденія, столъ и стулья, относившіеся къ царствованію Людовика XIII, громадная кровать во вкусѣ Людовика XIV и великолѣпный рѣзной шкафъ въ стилѣ рококо, относившійся ко временамъ Людовика XV; только современная бѣлая кафельная печь да туалетный столикъ, покрытый клеенкой, составляли рѣзкую дисгармонію со всею этой почтенной стариною.

Рядомъ съ послѣдними, въ особенности кровать, отдрапированная занавѣсками изъ нѣкогда розоваго ситца, усѣяннаго крупными букетами вереска, теперь-же до того полинявшаго, что трудно было разобрать его первоначальную окраску,—имѣла необыкновенно величавый и внушительный видъ, какъ сѣдовласый старецъ среди внучатъ-подростковъ.

Одна изъ половинокъ широкаго окна слу-

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ФЛОТА.

Оригинальный рисунокъ В. Топоркова (собств. «Живописн. Обозрѣнія»).



1688.—Спускъ на воду ботика въ селѣ Измайловѣ.—1888.

жила также дверью, ведшей на балконъ, и этотъ-то балконъ особенно любила Анжелика. Прежде въ свѣтелкѣ было два окна, но одно изъ нихъ посредствомъ гвоздей просто забрали досками. Точно такъ-же въ былыя времена верхній балконъ шелъ вдоль всего дома, но теперь онъ сохранился только около окна свѣтелки. Такъ какъ стропила въ этомъ мѣстѣ оказались еще вполнѣ пригодными, то на нихъ настлали новый полъ и, вмѣсто прежняго, совсѣмъ сгнившаго деревяннаго балясника, окружили его желѣзной рѣшеткой, такъ что въ уровень съ кровлей образовался прелестный уголокъ, въ родѣ ниши, защищенной навѣсомъ изъ драни, возобновленнымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Если, нагнувшись, смотрѣть съ этого балкона внизъ, то открывался весь фасадъ дома, выходившій въ садъ и имѣвшій,—съ своимъ фундаментомъ изъ мелкаго тесанаго камня, съ своими деревянными переборками между выступавшими впередъ кирпичными столбами, съ своими прежними, теперь или совсѣмъ уничтоженными, или частью задѣланными широкими пролетами,—очень дряхлый и немощный видъ. Внизу надъ дверью, ведущей въ кухню, былъ навѣсъ, крытый цинкомъ, а вверху выступы крыши, заканчивавшіеся, по крайней мѣрѣ, на цѣлый метръ разстоянія отъ стѣнъ, поддерживались поставленными вкось стропильными козлами, упиравшимися въ нижній этажъ. Такимъ образомъ балконъ окруженъ былъ цѣлою чащею всевозможныхъ лѣсовъ, мѣстами зеленѣвшихъ отъ покрывавшихъ ихъ плесени и мховъ.

Много часовъ провела Анжелика, облокотясь на рѣшетку балкона и безцѣльно глядя вдаль, съ тѣхъ поръ, какъ жила въ этой свѣтелкѣ, то-есть съ самаго того дня, какъ ее пріютили у себя Губерты. Прежде всего передъ нею открывался садикъ, вѣчно погруженный въ полумракъ, благодаря густой тѣни, бросаемой вѣчно зеленою листвою крупныхъ яворей. Въ одномъ изъ угловъ садика около соборной стѣны была старая гранитная скамья, окруженная тощими кустами сирени, а въ другомъ находилась калитка, полузавѣшенная побѣгами плюща, словно плащемъ покрывавшаго всю заднюю стѣну, и выходившая на такъ называемый «Пустырь Маріи», то-есть на довольно обширный клокъ земли, гдѣ нѣкогда находился монастырскій огородъ, но давно уже остававшійся невоздѣланнымъ. Быстрый ручей, называемый «рѣчкой Козлихой», въ которомъ служанки сосѣднихъ домовъ, съ позволенія церковнаго начальства, полоскали бѣлье, пересѣкалъ этотъ пустырь пополамъ. По другую сторону «Козлихи», находилась полуразвалившаяся мельница, въ которой жило, вѣрнѣе—тѣснилось нѣсколько очень бѣдныхъ семействъ. Пустырь этотъ, соединявшійся съ улицей Маглуаръ посредствомъ переулка Гердашъ, находился какъ въ тискахъ между высокими стѣнами парковъ при епископскомъ дворцѣ и при отелѣ Вуэнкуръ; кромѣ вышеозначенныхъ бѣдныхъ семействъ, никто на немъ не жилъ. Лѣтомъ столѣтніе вязы, росшіе въ обоихъ паркахъ, совсѣмъ заграждали густыми вѣтвями своихъ верхушекъ и безъ того уже не широкій горизонтъ, замыкавшійся съ южной стороны громаднымъ заднимъ фасадомъ собора. Окруженный, словно скованный со всѣхъ сторонъ, «Пустырь Маріи» пребывалъ въ вѣчномъ сонномъ покоѣ, поростая высокими сорными травами, тополями и ивнякомъ, сѣмена которыхъ занесены были туда вѣтромъ; вѣчно царившая тамъ тишина нарушалась одною только неумолкающею пѣснью ручья, волны котораго шумно перескакивали черезъ крупные камни, заграждавшіе его теченіе.

Часто смотрѣла Анжелика на этотъ забытый, безлюдный пустырь и не могла насмотрѣться, хотя въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ, просыпаясь поутру, неизмѣнно видѣла тамъ то-же, что и наканунѣ. Вязы парка при отелѣ Вуэнкуръ, главнымъ фасадомъ своимъ выходившемъ на Большую улицу, были такъ густы, что Анжелика только зимою издали видала сквозь обнаженныя вѣтви деревьевъ Клару, дочь графини Вуэнкуръ, дѣвушку такихъ-же лѣтъ, какъ и она, изрѣдка гулявшую по аллеямъ парка. Со стороны-же епископскаго сада деревья были еще гуще, такъ что юная золотошвейка ни разу не видала сквозь нихъ фіолетовой сутаны монсиньора, и желѣзныя ворота, ведшія оттуда на «Пустырь Маріи», вѣроятно, давно уже задѣланы были наглухо, такъ какъ въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ они ни разу не отворились даже для того, чтобы дать пройти садовнику. Такимъ образомъ, Анжелика никогда не видала тамъ никого, кромѣ прачекъ, полоскавшихъ и колотившихъ вальками бѣлье, да дѣтей бѣдняковъ, въ хорошую погоду валявшихся на травѣ.

Весна въ этотъ годъ была изумительно хороша. Анжеликѣ минуло шестнадцать лѣтъ, и до этихъ поръ одни только глаза ея любовались, какъ мало-по-малу начиналъ снова зеленѣть «Пустырь Маріи» подъ лучами апрѣльскаго солнца. Появленіе нѣжной блѣдно-зеленой листвы, прозрачность теплыхъ вечеровъ, весь молодой расцвѣтъ земли послѣ зимняго сна до тѣхъ поръ только забавлялъ ее; но въ этотъ годъ, при появленіи первыхъ почекъ на деревьяхъ, сердце ея забилось какъ-то тревожно. По мѣрѣ того, какъ трава поднималась выше, а свѣжій ароматъ молодыхъ листьевъ доносился до нея сильнѣе, въ ней самой все сильнѣй и сильнѣй возрастало какое-то странное, непонятное ей волненіе. Какая-то внезапная, безпричинная внутренняя тревога по временамъ схватывала ее за горло и душила ее. Какъ-то вечеромъ, она вдругъ бросилась на шею Губертинѣ и громко зарыдала, но не отъ горя: горя у нея не было никакого; напротивъ, она была такъ счастлива, что организмъ ея не выдержалъ бурнаго наплыва этого глубокаго, невѣдомаго до тѣхъ поръ счастія, и оно излилось обильными и сладкими слезами. Ночью ей снились какіе-то лучезарные сны, передъ нею проносились неясные, но чудные образы, и по временамъ ею овладѣвала такая сладкая истома, что она боялась даже вспоминать о ней послѣ пробужденія: ее смущало то блаженство, которое, по ея мнѣнію, ангелы посылали ей во снѣ. Иногда она внезапно пробуждалась на своей широкой кровати; сложенныя руки ея крѣпко прижимались къ груди, и что-то до того душило ее, что она вынуждена бывала вскакивать съ постели и становиться голыми ногами на холодный полъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утишить душившее ее волненіе. Въ такія минуты она отворяла окно и, какъ растерянная, вся трепеща и содрогаясь, долго стояла тамъ, жадно вдыхая прохладный ночной воздухъ, освѣжавшій ее, какъ холодная ванна въ знойный день. Она находилась въ непрерывномъ изумленіи, не узнавая самой себя, чувствуя, что она словно ростетъ отъ невѣдомыхъ до тѣхъ поръ радостей и страданій. То для нея была та чудная, волшебная пора, когда дѣвочка, сама того не сознавая, перерождается въ женщину.

Теперь ароматъ невидимыхъ для нея цвѣтовъ сирени и жимолости, доносившійся изъ епископскаго сада, былъ такъ упоителенъ, что розовая краска заливала ей щеки, когда она вдыхала его. Она до сихъ поръ не замѣчала, что ароматъ этотъ такъ-же сладокъ, какъ живое и теплое человѣческое дыханіе, обвѣвающее лицо. И какъ могла она не замѣтить въ прежніе годы, что какой-то чудный кустъ, словно исполинскій букетъ изъ блѣдно-фіолетовыхъ цвѣтовъ, ростетъ между двумя громадными вязами въ саду при отелѣ Вуэнкуръ? Въ этомъ-же году эти лиловатые цвѣты приводили ее въ такой восторгъ, что она не могла смотрѣть на нихъ безъ умиленія. Точно такъ-же она не помнила, чтобы когда-нибудь прежде «Козлиха», перескакивая съ камня на камень, журчала и пѣла такъ громко, такъ сладко среди камышей, росшихъ на ея зеленыхъ берегахъ. И ручей не только пѣлъ, нѣтъ,—онъ даже говорилъ; она слышала, какъ онъ произносилъ все тѣ же и тѣ же непонятныя ей слова, почему-то такъ сильно смущавшія ея душевный покой. Неужто это не тотъ-же клокъ земли, на который она такъ спокойно смотрѣла столько лѣтъ подъ рядъ, а какой-то другой, въ которомъ все для нея было ново, все полно какого-то до сихъ поръ невѣдомаго ей смысла? Или сама она внезапно такъ измѣнилась, что получила вдругъ способность чувствовать, слышать и видѣть бьющую ключемъ жизнь тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ не чувствовала, не слыхала и не видала ничего особеннаго?

Удивлялъ, приводилъ ее въ восторгъ расцвѣтъ природы, но еще болѣе удивляла ее массивная громада собора, закрывавшая отъ нея часть неба. Каждое утро, когда она подходила къ окну, ей казалось, что она видитъ эту громаду впервые; ей чудилось, что каждый камень колоссальнаго зданія любитъ и думаетъ, какъ она, и это странное открытіе умиляло ее до слезъ. Конечно, все это не было строго провѣрено мыслью, но дѣвушка была въ полномъ невѣденіи относительно исторіи, какъ и другихъ наукъ, потому нарожденіе этого громаднаго храма,—продолжавшееся около трехъ столѣтій, въ теченіе которыхъ поколѣнія смѣнялись поколѣніями, одни вѣрованія наслоялись на другія,—принимало въ ея глазахъ мистическую окраску, очень далеко завлекавшую пламенное ея воображеніе. Смотря на нижнюю часть храма съ его римскимъ стилемъ, съ его темными придѣлами, едва освѣщаемыми полукруглыми, словно приплюснутыми окнами, единственнымъ украшеніемъ которыхъ служили гладкіе столбы подъ наличниками, она чувствовала себя до того подавленною тяжестью каменныхъ сводовъ, что готова была упасть на колѣни и, склонившись во прахъ, горько рыдать и каяться въ своихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ. Потомъ, когда ея взгляды поднимались выше, она—вмѣстѣ съ стрѣльчатыми окнами средней части храма, возведенной черезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ нижней, съ этими высокими и легкими окнами, раздѣленными пополамъ изящными средниками, то изображавшими деревья, то служившими подпорами для высѣченныхъ изъ камня розетокъ — сама какъ будто отдѣлялась отъ земли, обратившись лицомъ къ небесамъ и простирая къ нимъ сложенныя руки. Когда-же взглядъ ея переносился на верхнюю часть храма, сооруженную и изукрашенную черезъ два столѣтія послѣ средней, съ ея контрфорсами и съ ея легкими подпорками, въ которыхъ вполнѣ сказалось все изящество, весь блескъ готической архитектуры, наконецъ съ гребнями ея стѣнъ, украшенными колоколеньками и иглообразными стрѣлами,—сама она какъ-будто совсѣмъ уносилась на небеса. Дождевая вода съ кровли стекала въ рыльца водосточныхъ трубъ, расположенныхъ у основанія верхнихъ подпорокъ. Платформы верхнихъ придѣловъ окружены были каменною балюстрадой съ сквозными орнаментами въ видѣ трилистника; крутая кровля съ ея высокими и тонкими шпилями тоже, гдѣ только возможно, изукрашена была розетками. Вообще все зданіе, по мѣрѣ того, какъ оно въ своемъ непрестанномъ стремленіи къ небесамъ поднималось все выше и выше, какъ-бы освобождалось отъ ветхозавѣтнаго ужаса, нагоняемаго на человѣчество суровыми первосвященниками, и словно терялось у подножія престола Бога прощенія и любви. Какое сладостное физическое ощущеніе овладѣвало дѣвушкой, а на душѣ у нея было свѣтло и легко, какъ послѣ теплой молитвы или словно послѣ того, какъ съ устъ ея слетѣлъ чистый и полный поэзіи гимнъ и затерялся, растаялъ высоко-высоко въ бездонномъ голубомъ пространствѣ неба.

Помимо жизни духовной, въ соборѣ неустанно сказывалась и земная жизнь. Цѣлыя сотни ласточекъ улѣпили своими гнѣздами сквозные трилистники верхней балюстрады, забираясь даже внутрь воздушныхъ башенекъ и колоколенъ, и въ своемъ быстромъ полетѣ поминутно задѣвали крыльями контрфорсы и подпорки, вблизи которыхъ виднѣлись ихъ глиняныя гнѣзда. Залетали туда и другія птицы, гнѣздившіяся въ деревьяхъ епископскаго парка, или, нахохлившись, чинно сидѣли на краяхъ террассъ, или медленно и важно прогуливались мелкими шажками, словно спѣсивые и самодовольные буржуа по городскимъ тротуарамъ. Иногда воронъ, почти совсѣмъ затерянный въ голубомъ пространствѣ и казавшійся съ такой высоты величиною не болѣе мухи, чистилъ себѣ клювомъ перья, забравшись на одинъ изъ высокихъ шпилей собора. Цѣлая флора растеній изъ породы мховъ и злаковъ оживляла старые камни глухимъ гуломъ той неустанной работы, которую производили ихъ корни, проникая все глубже и глубже въ скважины между камнями. Во время сильныхъ ливней всѣ своды и ниши какъ будто пробуждались и громко рокотали; дождевые потоки, ударяясь сперва о цинковую кровлю, шумно стекали въ желоба у галерей, а потомъ, переходя изъ одного этажа въ другой, наконецъ, изливались на землю съ дикимъ ревомъ разъяреннаго и вышедшаго изъ береговъ горнаго ручья. Даже сильныя октябрьскія или мартовскія бури придавали жизнь величавому храму, заставляя его то жалобно стонать, то грозно рокотать, когда бѣшеные порывы вѣтра проносились между лѣсомъ его башенокъ и колоколенъ, его шпилей, колонокъ и балюстрадъ. Солнце,— и то постояннымъ передвиженіемъ своихъ лучей будто дѣлало его живымъ, молодя его по утрамъ своимъ золотистымъ свѣтомъ, а вечеромъ своими удлинненными тѣнями какъ будто окутывая его таинственнымъ покровомъ. Была у собора и внутренняя жизнь, бившаяся въ немъ, какъ кровь въ артеріяхъ человѣка, и выражавшаяся торжественными церковными церемоніями, звономъ колоколовъ и пѣніемъ клира. Да, въ немъ вѣчно кипѣла жизнь, сказывавшаяся во всемъ, въ каждомъ мимолетномъ и неопредѣленномъ звукѣ, въ тихихъ, едва внятныхъ напѣвахъ ранней обѣдни, въ легкомъ шорохѣ платья женщины, преклоняющей колѣна, даже въ беззвучномъ лепетѣ молитвы, произнесенной почти про себя и угадываемой только по одному движенію губъ.

По мѣрѣ того, какъ дни прибавлялись, Анжелика и утромъ, и вечеромъ все долѣе засиживалась на балкончикѣ, находившемся бокъ о бокъ съ древнимъ соборомъ, къ которому она чувствовала не только благоговѣніе, но и самую горячую привязанность. Она особенно любила его, когда его потемнѣвшая громада исполинскимъ черпымъ пятномъ выступала на звѣздномъ небѣ. Архитектурныя подробности почти совсѣмъ терялись во мракѣ, такъ что едва можно было различить откосныя подпорки, казавшіяся мостами, перекинутыми черезъ пустое пространство. Дѣвушка чувствовала, что храмъ, полный семивѣковой думы, бодрствуетъ, не смотря на мракъ, и какимъ великимъ казался онъ ей при одномъ воспоминаніи о тѣхъ толпахъ, которыя перебывали въ немъ, о тѣхъ, кто, полный безнадежнаго отчаянія, падалъ ницъ передъ его алтаремъ и уходилъ утѣшенный, съ твердой надеждой на лучшее будущее. То было непрерывное бдѣніе, проистекавшее изъ безконечности прошлаго, соприкасающагося съ вѣчностью грядущаго, то торжественное, таинственное и подавляющее умъ бдѣніе храма Бога живого, неусыпно пекущагося о мірѣ. А въ этой темной, неподвижной, но живой громадѣ, глаза Анжелики постоянно отыскивали окно одного изъ верхнихъ придѣловъ, приходившагося въ уровень съ верхушками деревьевъ, растущихъ на «Пустырѣ Маріи» и среди другихъ, совершенно темныхъ оконъ собора, одно остававшееся постоянно освѣщеннымъ, напоминая недремлющее око, зорко глядящее въ ночной мракъ. За однимъ изъ столбовъ этого придѣла постоянно теплилась неугасаемая лампада. То какъ разъ было въ томъ придѣлѣ, который въ награду за щедрые дары собору, маркиза Откеръ, извѣстнаго подъ именемъ Іоанна V, прежнее духовенство назначило усыпальницей какъ самому Іоанну, такъ и его потомству. Такъ какъ придѣлъ этотъ былъ во имя св. Георгія-Побѣдоносца, то на стеклахъ окна изображено было житіе этого святого, исполненное красками на стеклѣ не позже XII столѣтія. Какъ только сумерки начинали густѣть, вся эта легенда возникала, словно лучезарное видѣніе, изъ мрака; вотъ почему Анжелика такъ любила его и такъ часто обращалась къ нему задумчивыми и очарованными глазами.

Фонъ этой прозрачной иконы, состоявшей изъ трехъ отдѣленій, былъ синій, окруженный красными каймами, а на немъ отчетливо выступали дѣйствующія лица легенды, въ развѣвающихся одеждахъ, ясно обрисовывавшихъ контуры тѣла, написанныя на стеклѣ яркими красками съ черными тѣнями. Всѣ эти иконы, вдѣланныя въ свинцовыя оправы, возвышаясь одна надъ другою, занимали все окно и доходили до самаго наличника. На каждой изъ нихъ изображены были главные моменты легенды. На нижней изъ нихъ нарисована была царская дочь, въ великолѣпномъ одѣяніи выходившая изъ города и на берегу пруда, изъ котораго уже выглядывала голова чудовища, встрѣтившая св. Георгія-Побѣдоносца. Внизу иконы была надпись такого содержанія: «Храбрый и великодушный витязь, не губи себя напрасно изъ-за меня, ибо меня ты симъ не спасешь, а токмо погибнешь вмѣстѣ со мною самъ.» На средней Побѣдоносецъ, сидя на конѣ, прокалывалъ чудовище насквозь, на верхней изображена была царская дочь, возвращающаяся въ городъ ведя за собою побѣжденное чудовище. На надписи подъ этимъ изображеніемъ стояли слова: «И Побѣдоносецъ рекъ:—Никогда не сомнѣвайся ни въ чемъ, красавица; растегни свой поясъ и накинь оный на выю чудищу, и когда царская дщерь сіе исполнила, чудище послѣдовало за нею, аки зѣло прирученный песъ.» Въ то время, когда три эти стеклянныя картины были исполнены, верхнюю изъ нихъ, вѣроятно, увѣнчивало какое нибудь замысловатое украшеніе, но впослѣдствіи, когда придѣлъ былъ уступленъ для усыпальницы роду маркизовъ Откеръ, украшеніе это замѣнилось гербомъ послѣднихъ. Гербъ этотъ, тоже нарисованный на стеклѣ, судя по работѣ, исполненъ былъ гораздо позже только что описанныхъ изображеній изъ житія св. Георгія и ярко пламенѣлъ надъ ними въ темныя ночи.

Щитъ этого герба состоялъ изъ четырехъ отдѣленій: изъ двухъ іерусалимскихъ, тождественныхъ между собою и расположенныхъ вкось одинъ отъ другого, и двухъ другихъ, тоже тождественныхъ, расположенныхъ такъ-же, какъ предыдущіе, и представлявшихъ собою первоначальный гербъ рода маркизовъ Откеръ. Каждое изъ іерусалимскихъ отдѣленій представляло серебряное поле съ большимъ золотымъ крюковымъ крестомъ; въ каждомъ изъ четырехъ угловъ, образуемыхъ оконечностями большого креста, виднѣлись такіе же крестики только несравненно меньшихъ размѣровъ, а въ отдѣленіяхъ собственнаго герба маркизовъ, на лазуревомъ полѣ, изображены были золотыя крѣпости, въ срединѣ которыхъ виднѣлись меньшіе щиты съ серебрянымъ сердцемъ на песчаномъ полѣ. Надъ боковыми башенками крѣпости красовались двѣ золотыя лиліи, а третья такая-же лилія подъ крѣпостью внизу отдѣленія, образовывала съ двумя предыдущими косой уголъ. Щитъ этотъ справа и слѣва поддерживали золотыя химеры, а надъ нимъ серебряный шлемъ съ золотою насѣчкой и забраломъ, состоявшимъ изъ одиннадцати продольныхъ и столькихъ-же поперечныхъ пластинокъ. Надъ этимъ шлемомъ, составлявшимъ достояніе только герцоговъ, маршаловъ Франціи и вообще лицъ, которымъ поручалось верховное начальство надъ королевскими войсками, развѣвался пукъ лазуревыхъ перьевъ. Подъ щитомъ на изогнутой лентѣ стоялъ девизъ:—«Если Господу угодно, самъ я готовъ».

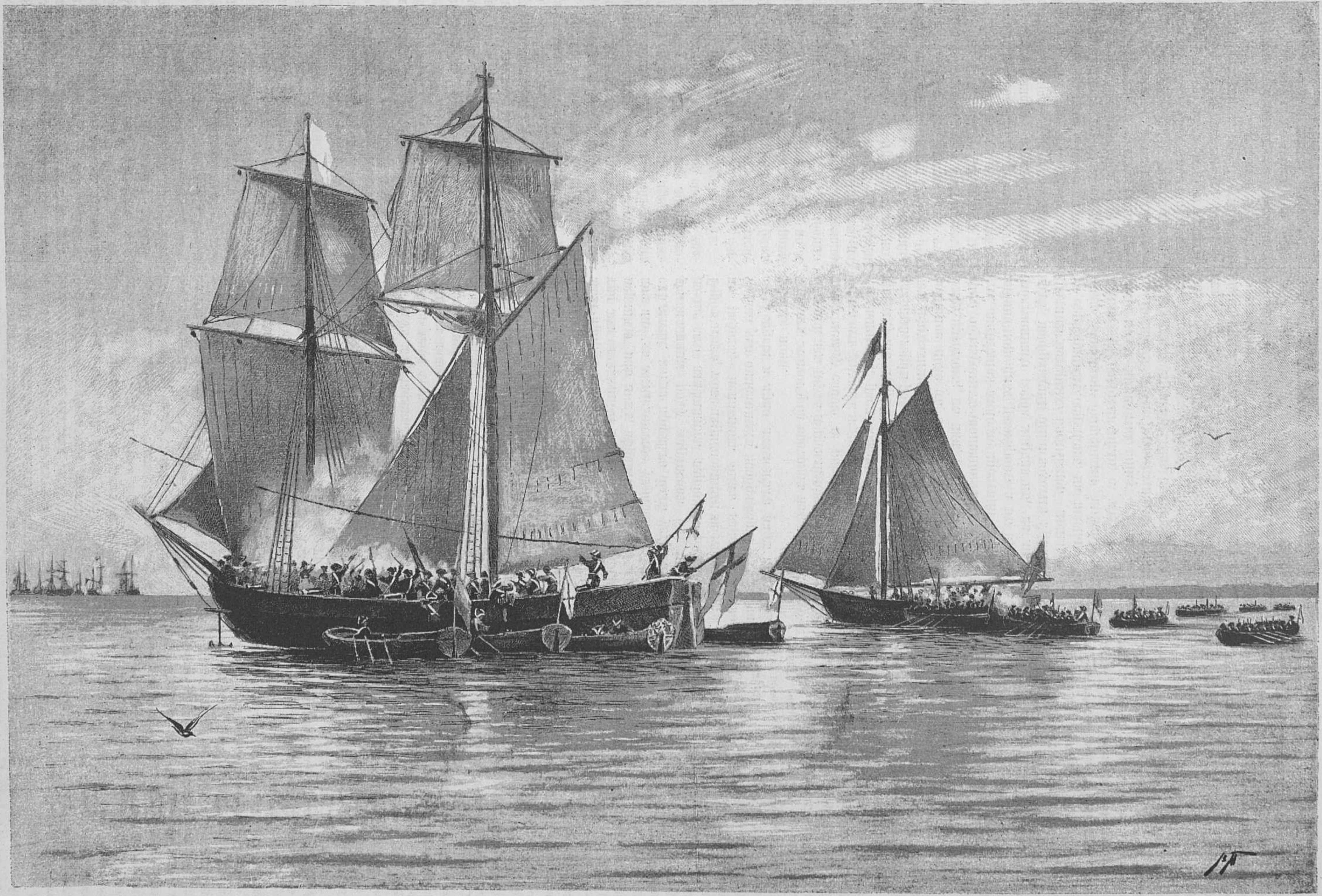
(Продолженіе будетъ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Венгерскій министръ-президентъ Коломанъ-Тисса публично заявилъ, что принятіе участія въ предстоящей въ будущемъ году въ Парижѣ всемірной выставкѣ не безопасно, въ виду того, что французское правительство не будетъ въ состояніи оградить интересы иностранцевъ и выполнить по отношенію къ нимъ обязанности гостепріимства. Такое заявленіе мадьярскаго премьера вызвало во Франціи взрывъ негодованія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Гоблэ, объясняя происшедшій эпизодъ въ палатѣ, сказалъ, что правительство раздѣляло общее по поводу этой рѣчи волненіе, котораго, однако, преувеличивать не слѣдуетъ. Министръ призналъ, что рѣшеніе устроить всемірную выставку въ 1889 году могло вызвать возраженія со стороны другихъ націй. «Французское правительство,—продолжалъ Гоблэ,—принимаетъ съ признательностью заявленія о желаніи участвовать въ выставкѣ, но оно не можетъ сѣтовать на тѣ иностранныя правительства, которыя считаютъ необходимымъ воздержаться отъ участія въ этой международной манифестаціи. Для участія австро-венгерской имперіи въ выставкѣ, образовался комитетъ съ согласія австро-венгерскаго правительства, которое, однако, впослѣдствіи отказалось отъ этой мысли. Оно пользовалось не только своимъ правомъ, но даже исполнило свой долгъ, отговаривая венгерскихъ промышленниковъ участвовать въ выставкѣ, но оно не имѣло права заявлять, что событія принимаютъ такой оборотъ, что можно опасаться нарушенія мира во время выставки; оно не имѣло права заявлять, что французское правительство лишено возможности обезпечить безопасность своихъ гостей; обвиненія эти несправедливы и нельзя было ожидать ихъ отъ страны, къ которой мы всегда питали горячія симпатіи». Подобныя слова такого лица не могли пройти незамѣченными, вслѣдствіе чего министерство предложило Декрэ (французскому послу въ Вѣнѣ) переговорить по этому случаю съ графомъ Кальноки. Графъ Кальноки выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу этихъ инцидентовъ, причемъ заявилъ, что ни правительство, ни онъ самъ не имѣли намѣренія оскорблять Францію, съ которою, напротивъ, они желаютъ поддерживать отличныя отношенія. Впослѣдствіи и Тисса заявилъ, что онъ раздѣляетъ эти чувства и что онъ не имѣлъ оскорбительныхъ для Франціи намѣреній. Таковы сдѣланныя заявленія, и если, какъ то слѣдуетъ полагать, они искренни, то устраненіе всякихъ недоразумѣній зависѣть будетъ отъ Тиссы. Гоблэ воспользовался случаемъ для того, чтобы представить общія объясненія объ иностранной политикѣ Франціи. «Франція—сказалъ министръ,—желаетъ мира, не ищетъ приключеній, занимается домашними дѣлами; ей чужды какъ всякіе агрессивные замыслы, такъ и всякая слабость; выставка служитъ лучшимъ доказательствомъ ея намѣреній и твердой воли не нарушать мира по ея вызову. Никогда, впрочемъ, внутренній порядокъ не былъ такъ обезпеченъ, какъ нынѣ, и если происходятъ смуты, то венгерцамъ хорошо извѣстно, что это дѣлается не во Франціи. У насъ случались революціи лишь тогда, когда сами правительства ихъ вызывали, республика-же покоится на основаніяхъ, болѣе прочныхъ, чѣмъ полагаютъ сами республиканцы. Если какое-нибудь сосѣднее государство принимаетъ вредящія нашимъ интересамъ мѣры, то намъ не слѣдуетъ предаваться безполезнымъ сѣтованіямъ, а надо оставить за собою право принять въ свою очередь и въ свое время такія мѣры, какія мы сочтемъ нужными. Всѣ согласятся, что политика эта соотвѣтствуетъ какъ достоинству, такъ и интересамъ Франціи». Но если судить по телеграммѣ изъ Вѣны (отъ 2 іюня нов. ст.), то отвѣтъ французскаго министра на рѣчь Тиссы до крайности раздражилъ мадьяръ, которые, въ свою очередь, предприняли походъ противъ Франціи. Правительственные органы въ Пештѣ защищаютъ Тиссу, каждое выраженіе его рѣчи, каждое слово; они говорятъ, что венгерскій министръ-президентъ не сказалъ ничего лишняго, сказалъ одну только сущую правду; нападаютъ на Кальноки за то, что онъ будто бы недостаточно рѣшительно вступился за Тиссу при объясненіяхъ съ французскимъ посломъ. Однако, оппозиція въ восторгѣ отъ того, что Тисса не былъ поддержанъ графомъ Кальноки. Предводители трехъ оппозиціонныхъ группъ въ венгерскомъ парламентѣ, Аппоньи, Угронъ и Пасманди, внесли запросъ въ парламентъ о дипломатическомъ столкновеніи съ Франціей, имѣя въ виду эксплоатировать пораженіе Тиссы. Такимъ образомъ столкновеніе съ Франціей повело въ Пештѣ къ

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ФЛОТА.

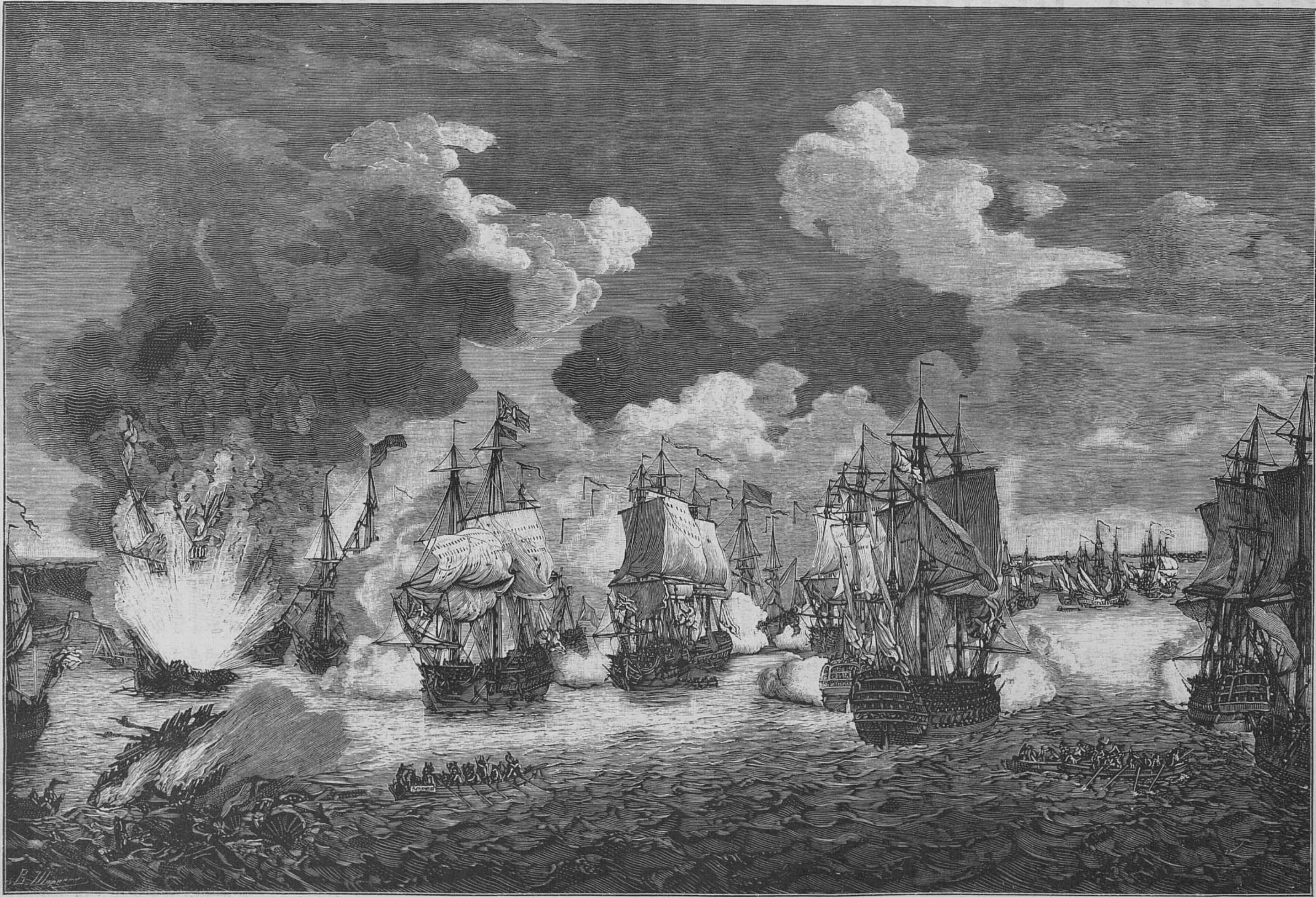
Съ картины Лагоріо, рисовалъ для «Живописн. Обозрѣнія» В. Поляковъ.



Взятіе Петромъ I двухъ шведскихъ кораблей въ устьѣ Невы.

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ФЛОТА.

(Воспроизведено со старинной гравюры).



Чесменскій бой (1770).

партійнымъ препирательствамъ. Главная цѣль — разстроить демонстративное участіе мадьяръ и чеховъ на парижской всемірной выставкѣ, впрочемъ, достигнута, а этого добивались очень вліятельные правительственные кружки и они торжествуютъ побѣду, не придавая значенія побочнымъ обстоятельствамъ.—Французское правительство, выказавшее такую твердость въ этомъ дѣлѣ, обидѣло однако чешскій народъ, а именно отказомъ отвести ему самостоятельное мѣсто на парижской выставкѣ. Чехи впрочемъ подали новую записку, въ которой чешскимъ комитетомъ указывается, между прочимъ, на то, что въ 1870 году представители чешскаго народа рѣшительно протестовали противъ ограбленія Франціи Германіей.—Россія и нѣкоторыя другія монархическія государства не принимаютъ оффиціальнаго участія въ выставкѣ въ виду ея республиканскаго характера, но не отказываютъ отдѣльнымъ лицамъ и обществамъ экспонировать свои произведенія; въ Петербургѣ образовано даже особое промышленное бюро для сношеній съ коммиссарами выставки и завѣдыванія на ней русскимъ отдѣломъ; въ составъ бюро вошли извѣстные и заслуженные дѣятели на поприщѣ отечественной промышленности. Относительно Испаніи только на-дняхъ выяснилось, что хотя по бюджету не ассигновано необходимыхъ средствъ для оффиціальнаго участія въ парижской выставкѣ, но что правительство окажетъ возможную поддержку частнымъ экспонентамъ.—Въ Римѣ опять междоусобныя распри между Квириналомъ и Ватиканомъ. Папа, недовольный постановленіями итальянскаго уголовнаго кодекса, направленными противъ юрисдикціи куріи и касающимися злоупотребленій духовенства, намѣренъ разослать нунціямъ циркуляръ о своемъ положеніи; нѣсколько кардиналовъ, мнѣніе которыхъ было спрошено папою, посовѣтовали ему выѣхать изъ Рима послѣ юбилейныхъ празднествъ, въ тотъ-же день, какъ только итальянское правительство захочетъ примѣнить къ нему суровыя мѣры. Папа завершитъ юбилейныя празднества канонизацией и назначеніемъ многихъ кардиналовъ.—Еще въ то время, когда шли приготовленія къ африканской экспедиціи Стэнли, въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, не имѣется ли въ виду, посредствомъ этой экспедиціи, достиженіе болѣе важныхъ цѣлей, нежели выручка Эмина-бея. Теперь въ «Indépendance Belge» появились разоблаченія, заставляющія предполагать, что сомнѣнія по этому предмету были далеко не лишены основанія. Прежде всего выяснилось, что экспедиція организована на средства «Britisch East African Association», общества, которому присвоено недавно наименованіе «компаніи» съ правомъ взимать таможенныя пошлины и налоги, содержать войско и управлять обширною территоріею Восточной Африки. Границы новаго государства въ точности еще не установлены, но въ общихъ чертахъ оно будетъ простираться отъ сѣверной оконечности полосы, на которую предъявляетъ притязанія «Германское общество Восточной Африки», до земли сомалисовъ, а въ западномъ направленіи—до озера Альбертъ-Ніанца. Въ составъ этой обширной территоріи входятъ лучшія земли Средней Африки, обитаемыя отчасти весьма промышленнымъ населеніемъ. Такимъ образомъ, край, который служилъ до сихъ поръ главнымъ невольничьимъ рынкомъ, будетъ совершенно изолированъ, такъ какъ съ востока и сѣвера онъ будетъ граничить съ владѣніями британской компаніи, съ сѣвера—подвластнымъ Эмину-пашѣ Ваделаемъ, съ запада—вольнымъ государствомъ Конго и съ юга—германскими владѣніями. Соображенія эти и побудили, главнымъ образомъ, Макъ Киннона, члена англо-индійской компаніи, и многихъ другихъ лицъ, приступить къ учрежденію новаго африканскаго общества, не имѣющаго по преимуществу меркантильнаго характера. Благодаря успѣшнымъ переговорамъ съ занзибарскимъ султаномъ, общество пріобрѣло побережье къ сѣверу отъ территоріи, принадлежащей германскому обществу, при томъ при привиллегіяхъ, превратившихъ его de facto въ независимое государство. Затѣмъ обществу уступлено было нѣсколько сосѣднихъ островковъ, въ томъ числѣ островокъ Пемба. Но территоріальныя пріобрѣтенія и даже полученныя привиллегіи не имѣли бы для общества особеннаго значенія, если бы оно не было признано цивилизованными государствами. Вотъ почему еще нѣсколько времени тому назадъ общество вступило въ переговоры съ англійскимъ правительствомъ, съ цѣлью заручиться правомъ управлять пріобрѣтеннымъ краемъ. Недѣли двѣ тому назадъ цѣль эта была достигнута, соотвѣтственная хартія была подписана, и слѣдовательно въ Африкѣ стало однимъ государствомъ больше. Хартія уполномачиваетъ компанію воздвигать форты, снаряжать суда, организовать самостоятельную армію, заставлять уважать законы, устанавливать налоги и таможенныя пошлины и вообще пользоваться державными правами. Одна изъ первыхъ мѣръ, которыя будутъ приняты новымъ государствомъ, будетъ состоять въ постройкѣ фортовъ на нѣсколькихъ островахъ, а также въ устройствѣ станцій и сооруженіи дорогъ для облегченія сношеній съ германскими владѣніями. Полагаютъ, что Стэнли, послѣ свиданія съ Эминомъ-пашею, направится на территорію новаго государства. На встрѣчу ему посланы уже гонцы, и свѣдѣнія, которыя компанія получитъ отъ Стэнли, доставятъ ей не малую пользу.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ «Правит. Вѣстн.» напечатано разъясненіе министерства народнаго просвѣщенія по возбужденному попечителемъ казанскаго учебнаго округа вопросу о служебныхъ правахъ учителей приходскихъ училищъ и о завѣдываніи начальными училищами, которыя содержатся на счетъ городскихъ обществъ и земствъ и по курсу ученія не подлежатъ вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ, на основаніи положенія 1874 года о начальныхъ училищахъ,—для устраненія различныхъ толкованій со стороны городскихъ обществъ и земствъ, а равно и директоровъ народныхъ училищъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся эти училища: 1) Учителя двухклассныхъ приходскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія пользуются правами по чинопроизводству, пенсіи и другими установленными въ законѣ служебными правами независимо отъ времени открытія, мѣста нахожденія и источниковъ содержанія сихъ училищъ, а равно независимо отъ времени поступленія въ нихъ на службу учителей. На такихъ же основаніяхъ пользуются означенными правами учителя одноклассныхъ приходскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, не исключая и тѣхъ изъ сихъ училищъ, кои по курсу подходятъ подъ дѣйствіе положенія о начальныхъ училищахъ 25-го мая 1874 года. 2) Двухклассныя мужскія и женскія начальныя народныя училища, независимо отъ источника ихъ содержанія, могутъ быть учреждаемы или на основаніи устава 8-го декабря 1882 года по правиламъ приходскихъ училищъ, или на основаніи инструкціи для двухклассныхъ образцовыхъ училищъ 4-го іюня 1875 года, а потому означенныя училища никоимъ образомъ не слѣдуетъ причислять къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ 2 или 3 разряда, открываемыхъ на основаніи закона 19-го февраля 1868 года. Этимъ закономъ, какъ и вообще постановленіями о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, принаровленными исключительно къ отдѣльнымъ единичнымъ личностямъ, не предоставляется ни городскимъ, ни сельскимъ обществамъ, ни земскимъ учрежденіямъ открывать частныя учебныя заведенія какого-бы то ни было разряда. 3) Трехклассныя начальныя народныя училища, за неимѣніемъ общихъ узаконеній, коими опредѣлялись бы порядокъ открытія и основанія для устройства такихъ училищъ, могутъ быть учреждаемы не иначе, какъ съ особаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія. При этомъ министръ высказалъ что въ допущеніи этого типа народныхъ училищъ едва ли можетъ возникать надобность, такъ какъ потребности сельскаго населенія въ начальномъ образованіи вполнѣ могутъ быть удовлетворены посредствомъ учрежденія двухклассныхъ образцовыхъ училищъ, а потребности городскихъ низшихъ сословій—посредствомъ учрежденія городскихъ училищъ по закону 31-го мая 1872 года.—Министерство государственныхъ имуществъ намѣрено въ непродолжительномъ времени создать съѣздъ мастеровъ молочнаго дѣла и владѣльцевъ молочныхъ хозяйствъ, для выясненія нынѣшняго положенія этой отрасли сельско-хозяйственной промышленности въ имперіи и ея нуждъ, а также выработки правилъ по открытію въ различныхъ губерніяхъ опытныхъ молочно-хозяйственныхъ станцій съ лабораторіями и консультація сыроваровъ-маслодѣловъ для подачи совѣтовъ по устройству заводовъ и исправленію замѣченныхъ недостатковъ въ послѣднихъ.—Послѣ прошлогоднихъ циркуляровъ министра народнаго просвѣщенія, измѣнявшихъ правила пріема учениковъ въ гимназіи, нѣкоторыя земскія и городскія самоуправленія, ссылаясь на послѣдовавшее вслѣдствіе этого ограниченіе контингента дѣтей, имѣющихъ право поступать въ эти заведенія, отказались отъ дальнѣйшаго производства отпускавшихся ими на содержаніе гимназій денежныхъ пособій. Къ числу такихъ земствъ принадлежало и ѳеодосійское земство, прекратившее отпускъ пособія ѳеодосійской гимназіи и оставившее протестъ на это постановленіе со стороны мѣстнаго губернатора без послѣдствій. Теперь, по этому поводу, послѣдовалъ указъ Сената, который призналъ отказъ земства отъ внесенія въ смѣту пособія на содержаніе гимназіи и недоимокъ неправильнымъ а опротестованное губернаторомъ постановленіе губернскаго земскаго собранія приказалъ отмѣнить. Въ указѣ сената по этому предмету, разъяснено, между прочимъ, что такъ какъ ѳеодосійское земство принимало участіе въ ходатайствѣ объ открытіи въ Ѳеодосіи прогимназіи (преобразованной затѣмъ въ гимназію) и, ассигновывая на содержаніе ея по 3,000 руб. ежегодно, не сдѣлало въ своемъ первоначальномъ постановленіи по этому предмету, отъ 22-го сентября 1872 года, оговорки ни о срочности, ни объ условности выдачи пособія,—то послѣднее было принято правительствомъ окончательно и безсрочно и вносится въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ государственному казначейству, а потому и выдача его на будущее время должна быть признана для земства обязательною.—Министерство народнаго просвѣщенія разослало въ подвѣдомственныя ему школы по нѣскольку экземпляровъ книгъ для народнаго чтенія Деркачева «Школьныя ступени» и книгу для чтенія графа Л. Н. Толстого, съ предложеніемъ на будущее время ввести одну изъ нихъ, по выбору, какъ хрестоматію для чтенія, вмѣсто хрестоматіи Ушинскаго, столько лѣтъ пользовавшейся монополіею въ нашихъ школахъ.

Новости художественныя, литературныя и научныя.

Намъ доставлена слѣдующая біографія умершаго 25 апрѣля с. г. въ Тифлисѣ весьма популярнаго армянскаго писателя Акопа Мелика Акопяна, извѣстнаго болѣе подъ псевдонимомъ Раффи, написанная его соотечественникомъ. «На литературное поприще Раффи выступилъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ (между прочимъ, въ журналѣ «Сѣверное Сіяніе», издаваемомъ въ Москвѣ піонеромъ армянской новой литературы С. Назарянцомъ) стали появляться его первыя, не совсѣмъ, впрочемъ, удавшіяся стихотворенія; нѣсколько лѣтъ спустя въ началѣ семидесятыхъ годовъ, онъ выпустилъ два тома мелкихъ очерковъ и стихотвореній. Но истинныя заслуги Раффи, истинную причину популярности, вполнѣ имъ заслуженной, надо отнести къ его послѣднимъ произведеніямъ, большимъ бытовымъ и историческимъ романамъ. Романы эти, почти всѣ на извѣстной тенденціозной подкладкѣ, изложенные живымъ, чрезвычайно картиннымъ языкомъ, отвѣчали, какъ нельзя болѣе, духу времени и этимъ, можетъ быть, скорѣе всего надо бы объяснить ихъ необыкновенную распространенность; Раффи сталъ вполнѣ народнымъ писателемъ, что не удавалось ни одному армянскому писателю, развѣ исключая Патканяна. Такъ или иначе, значеніе Раффи было громадно, реоспоримо; въ его лицѣ армянская литература, и такъ очень бѣдная, понесла большую утрату; на его романахъ воспитывалось цѣлое поколѣніе и оно никогда не забудетъ своего дорогого учителя... Раффи было пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ и, судя по его послѣднему роману «Самуэлъ», печатавшемуся въ еженедѣльномъ журналѣ «Ардзагани» (въ Тифлисѣ), онъ далеко еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Такое сознаніе дѣлаетъ его утрату вдвойнѣ чувствительной. Въ воскресенье, 1 мая, въ петербургской армянской церкви была отслужена панихида по Раффи; къ стыду мѣстнаго армянскаго общества должно замѣтить, что на панихидѣ присутствовала только небольшая горсточка учащихся, между тѣмъ какъ масса, даже отстоявшая до конца обѣдню, не дождалась панихиды и преспокойно разошлась по домамъ... Впрочемъ большаго и не надо было ожидать отъ толпы авантюристовъ, отрекшихся отъ всего и бросившихся на край свѣта добывать себѣ деньгу. Но къ истинному несчастью армянъ, сородъ этотъ служитъ въ глазахъ русской интеллигенціи единственнымъ представителемъ народа. Хотя-бы такое нехитрое сознаніе всей важности взятой на себя отвѣтственности заставило этихъ людей держать себя съ нѣсколько большимъ достоинствомъ».
Отдѣленіе русскаго языка и словесности, предприни-

мая изданіе полнаго собранія сочиненій Ломоносова, обращается ко всѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ могутъ находиться матеріалы для такого изданія, въ особенности же частныя письма Ломоносова, съ просьбою не отказать въ сообщеніи подобныхъ документовъ, какъ бы незначительны ни казались они, на время въ академію, адресуя: «въ отдѣленіе русскаго языка и словесности». Каждый такой документъ будетъ тщательно сбереженъ и, по минованіи надобности, возвращенъ владѣльцу въ полной сохранности. Отдѣленіе надѣется, что предпріятіе это будетъ сочувственно встрѣчено всѣми просвѣщенными соотечественниками и что русское общество охотно окажетъ академіи содѣйствіе къ успѣшному его выполненію.—Художникомъ В. М. Васнецовымъ оконченъ образъ св. князя Владиміра, исполненный имъ по заказу кіевскаго Свято-Владимірскаго братства. Равноапостольный князь изображенъ въ молитвенномъ положеніи, стоящимъ на покрытомъ византійскимъ ковромъ помостѣ надъ рѣкою. Одѣтъ св. Владиміръ въ голубой кафтанъ съ разводами древняго характера, въ пурпуровое корзно (плащъ), застегнутое на правомъ плечѣ, и въ красные сапоги съ узорами; на головѣ св. Владиміра вѣнецъ царскій византійскій, съ дорогими каменьями, увѣнчанный крестомъ; на правое и лѣвое плечи отъ вѣнца спускаются жемчужныя подвѣски; у лѣваго бедра широкій мечъ въ ножнахъ, въ лѣвой рукѣ св. князь держитъ большой четырехконечный крестъ, правая же рука молитвенно сложена на груди; лицо равноапостольнаго князя пожилое: поднятые вверхъ глаза оттѣнены густыми съ просѣдью бровями; длинные усы и широкая борода, нѣсколько подстриженная; нисходящіе съ неба потоки свѣта озаряютъ какъ просвѣтителя Россіи, такъ и зеленые, видные сквозь легкую дымку, кіевскіе холмы, на одномъ изъ которыхъ высится новосозданная св. княземъ церковь; по широкой каймѣ, въ которой заключенъ образъ, сверху внизъ тянется славянской вязью полный текстъ извѣстной молитвы св. Владиміра: «Боже великій, сотворивый небо и землю!...»—Въ Берлинѣ ожидается изданіе мемуаровъ Людвига Шнейдера, которые должны пролить новый свѣтъ на жизнь императора Вильгельма. Людвигъ Шнейдеръ началъ свою карьеру актеромъ, потомъ былъ назначенъ чтецомъ короля Фридриха-Вильгельма IV, основалъ два изданія—«Газету Арміи» и «Солдатскій Другъ». Съ 1848 года на его статьи обратилъ вниманіе принцъ прусскій, который не разъ бывалъ его анонимнымъ сотрудникомъ. Затѣмъ Шнейдеръ сдѣлался библіотекаремъ принца и его повѣреннымъ. Его «мемуары», хранившіеся втайнѣ до кончины императора, вскорѣ будутъ напечатаны. Они касаются послѣднихъ 40 лѣтъ жизни императора Вильгельма и трактуютъ особенно подробно о войнахъ 1866 и 1870 гг. Есть предположеніе, что покойный императоръ самъ пересмотрѣлъ и собственноручно исправлялъ ихъ, кромѣ того, они полны писемъ и неизданныхъ документовъ.—При сломкѣ одного дома въ Лондонѣ найденъ свернутый холстъ въ попорченномъ состояніи, который, однако, оказался великолѣпнымъ произведеніемъ Гэнсборо, изображающимъ портретъ герцогини Девонширской. Эта картина оцѣнена болѣе 10 тыс. фунтовъ стерлинговъ.

Двухсотлѣтній юбилей пароходовъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ свистъ парохода и локомотива производитъ на насъ какое-то особенное впечатлѣніе: слушаешь и думаешь: скоро настанетъ удовольствіе разстаться съ душнымъ и пыльнымъ городомъ! И при этомъ весьма пріятно помышлять о томъ, что умчаться изъ города можно весьма быстро. Но, пользуясь этимъ удобствомъ и удовольствіемъ, отчаливая на пароходѣ отъ береговъ рѣки или катя по желѣзной дорогѣ, естественно и умѣстно вспомнить о благородныхъ труженикахъ, геніальныхъ изобрѣтателяхъ, которымъ мы такъ много обязаны нашими удобствами и удовольствіями. Особенно интересно напомнить теперь объ участи изобрѣтателей пароходовъ въ западной Европѣ и въ Америкѣ, празднующихъ двухсотлѣтній юбилей изобрѣтенія пароходовъ, когда у насъ празднуется двухсотлѣтіе «дѣдушки русскаго флота». У насъ, по волѣ Петра, почти разомъ основался флотъ, заграницей изобрѣтателямъ «паровыхъ судовъ» въ это-же время пришлось бороться и гибнуть, не встрѣчая сочувствія и поддержка на въ обществѣ, ни въ правителяхъ.

Въ 1688 году, двѣсти лѣтъ тому назадъ, у Дениса Папэна явилась тогда совершенно новая и смѣлая мысль воспользоваться водянымъ паромъ, какъ двигателемъ машины, т. е. въ его головѣ созрѣлъ основный принципъ устройства паровой машины. Онъ строилъ одну машину за другою, но онѣ имѣли мало успѣха и въ глазахъ непросвѣщенныхъ людей говорили противъ справедливости самаго принципа; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности неуспѣхъ обусловливался несовершенствомъ самихъ машинъ. Но геніальный умъ Лейбница сразу понялъ истинность и плодотворность принципа, открытаго Папэномъ, который въ то время занималъ каѳедру математики въ Марбургѣ. Папэнъ былъ французъ по рожденію изъ Блуа, но исповѣдывалъ протестантскую религію, нетерпимую въ то время во Франціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія самаго принципа Папэнъ издалъ во Франкфуртѣ книгу подъ заглавіемъ: «Новый способъ поднимать воду силою огня», гдѣ описывалъ новую систему паровой машины. Онъ устроилъ ее въ большихъ размѣрахъ. Первые опыты движенія парохода на рѣкѣ Фульдѣ имѣли успѣхъ. Этотъ успѣхъ, какъ говорится, окрылилъ изобрѣтателя, и Денисъ Папэнъ пожелалъ показать свой пароходъ англичанамъ. По этому поводу онъ написалъ Лейбницу письмо, хорошо характеризующее то глубокое невѣжество, съ которымъ приходилось бороться бѣдному изобрѣтателю. Въ письмѣ этомъ онъ просилъ Лейбница достать ему дозволеніе на пропускъ судна, зная, какъ много надеждъ возлагалъ Лейбницъ на примѣненіе «огневой машины» къ водяному сообщенію.

Лейбницъ, получивъ письмо Папэна, началъ хлопотать у ганноверскаго курфюрста о просимомъ дозволеніи, но, не смотря на все свое вліяніе, не успѣлъ въ этомъ. Не смотря на то, Папэнъ продолжалъ свои опыты и получаемые имъ результаты превосходили ожиданія и онъ писалъ Лейбницу: «Сила теченія такъ ничтожна въ сравненіи съ силой моей машины, что трудно замѣтить болѣе быстрый ходъ судна, внизъ по теченію, чѣмъ вверхъ». Лейбницъ, какъ видно вполнѣ раздѣлялъ надежды Папэна, но, какъ мы сказали, не смотря на все свое желаніе, не могъ достать ему позволенія на пропускъ судна. Тогда Папэнъ рѣшился плыть безъ позволенія. Онъ взялъ съ собой жену, дѣтей и всѣ свои пожитки на свое паровое судно и пустился въ путь, работая у машины и не обращая никакого вниманія на вѣтеръ и волны. Когда смѣлый путешественникъ прибылъ въ Лоху, при устьѣ Везера собралась толпа цеховыхъ судохозяевъ; они пришли въ ярость, увидя судно, плывущее «безъ мачтъ и парусовъ». Предвидя упадокъ своего промысла, они принялись ломать ненавистную имъ машину передъ глазами убитаго горемъ изобрѣтателя. Отъ машины не осталось слѣда, изобрѣтатель ея умеръ въ бѣдности, но мысль его пережила всѣ невзгоды, и черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ она зародилась въ головѣ Папэна, нашла себѣ если не болѣе счастливыхъ, то болѣе побѣдоносныхъ пропагандистовъ. Въ 1788 году американецъ Джонъ Фичъ получилъ отъ американскаго правительства привиллегію на исключительное пользованіе пароходнымъ сообщеніемъ въ пяти штатахъ; въ то же время національная подписка дала ему средства для производства работъ. Фичу удалось устроить правильное пароходное сообщеніе между Филадельфіей и Трентономъ, т. е. на разстояніи 7 верстъ. Но и въ то время большинство не вѣрило въ необыкновенную силу пара и считало Фича мечтателемъ, когда онъ утверждалъ, что на пароходѣ со временемъ можно будетъ переплыть Атлантическій океанъ. Хотя судьба Фича въ началѣ и была не такъ трагична, какъ участь Папэна, но все же и ему пришлось встрѣтить много насмѣшекъ, испытать много горя и даже кончить жизнь самоубійствомъ. Для осуществленія идеи, онъ нуждался въ средствахъ, въ которыхъ недовѣрчивые сограждане постоянно ему отказывали. Это недовѣріе повергло его въ мрачное отчаяніе, и онъ началъ пить, чтобы хотя немного забыть свою нищету и неудачи. Однажды вечеромъ, онъ возвращался удрученный горемъ; онъ шелъ по берегу Делавара и бросился въ воду съ вершины утеса. Послѣ смерти Фича явился новый боецъ и защитникъ его идей; это былъ его соотечественникъ Робертъ Фультонъ. Фультонъ имѣлъ болѣе успѣха, чѣмъ его предшественники, но и ему пришлось испытать много непріятностей и встрѣтить много препятствій въ теченіи своей недолгой и трудовой жизни. Фультонъ родился въ графствѣ Ланкастерскомъ; родители его были бѣдные ирландскіе эмигранты. Въ дѣтствѣ онъ отличался замѣчательными способностями къ живописи и въ 17 лѣтъ уже зарабатывалъ этимъ искусствомъ себѣ хлѣбъ. Богатый американецъ Самуилъ Скорбитъ далъ Фультону средства поѣхать въ Лондонъ для усовершенствованія въ живописи. Но тамъ, вслѣдствіе какой-то никому неизвѣстной случайности, даровитый художникъ вдругъ бросилъ живопись и принялся за механику. Въ самомъ скоромъ времени инженеръ-самоучка выполнялъ самыя разнообразныя работы. Онъ составилъ проектъ новой канализаціи, устроилъ особаго рода плугъ для прорытія каналовъ, изобрѣлъ машину для распиливанія и полировки мрамора и т. д.; не смотря на то, онъ очень мало встрѣтилъ сочувствія въ Англіи и наконецъ отправился во Францію. Продолжительное странствованіе и перемѣна мѣста не лишили его однако чувства патріотизма. Проживая въ Лондонѣ и въ Парижѣ, онъ думалъ о своей родинѣ. Торговля Соединенныхъ штатовъ сильно страдала отъ того, что Англія, благодаря своему флоту, владѣла всей европейской морской торговлей и стѣсняла другія государства. Фультонъ думалъ о томъ, какъ бы оградить свою родину отъ притѣсненій Англіи. Еще въ Америкѣ Фультонъ проникся убѣжденіями квакеровъ, а затѣмъ сдѣлался философомъ-гуманистомъ; онъ мечталъ дать міру свободное пользованіе морями и работалъ, имѣя цѣлью счастіе народовъ. Для этого, по его мнѣнію, прежде всего необходимо было нанести ударъ могуществу Англіи. И онъ одинъ вступилъ въ борьбу съ цѣлой націей; онъ изобрѣлъ подводное судно и торпеду, которыя хотѣлъ отдать въ руки французовъ—враговъ англичанъ. Устроивъ прекрасную модель подводнаго судна, Фультонъ обратился съ нею къ Наполеону, бывшему въ то время первымъ консуломъ. Наполеонъ отказалъ въ содѣйствіи Фультону, не смотря на то, что въ пользу послѣдняго говорили великіе ученые Монжъ и Лапласъ. Оказалось Наполеонъ, на свое несчастье, не понялъ, какое сильное орудіе давалъ ему въ руки Фультонъ. Между тѣмъ Ливингстонъ отвлекъ вниманіе изобрѣтателя отъ усовершенствованія торпедъ, отклонилъ его отъ сношеній съ Наполеономъ и посовѣтовалъ ему исключительно заняться примѣненіемъ пара къ мореходству. При содѣйствіи Ливингстона Фультонъ построилъ судно паровое, по своему совершенству превосходившее суда всѣхъ его предшественниковъ. 9 августа 1803 года это паровое судно въ первый разъ прошло по Сенѣ въ присутствіи избранныхъ зрителей—делегатовъ академіи наукъ — Бугенвиля, Боссю, Карно и Перье. Пароходъ шелъ противъ теченія со скоростію $5^{1}/_{2}$ футовъ въ секунду.

Въ то время какъ просвѣщенное меньшинство праздновало великую побѣду науки, толпа, опьяненная восторгомъ отъ громкихъ побѣдъ Бонапарта, равнодушно смотрѣла на маленькій пароходъ Фультона, стоявшій на якорѣ у береговъ Сены, въ самомъ центрѣ Парижа!..

Фультонъ оставилъ Францію и уѣхалъ въ Америку и черезъ четыре года послѣ описаннаго нами событія (въ 1807 году) его пароходъ «Клермонъ» въ первый разъ ходилъ въ Нью-Іоркъ, послѣ чего примѣненіе пара было уже навсегда обезпечено за судоходствомъ. Въ этомъ случаѣ побѣда осталась на сторонѣ изобрѣтателя. Правда, появленіе парохода на одной изъ великихъ рѣкъ Америки было встрѣчено безсмысленными насмѣшками и даже угрожающими свистками, но когда тотъ-же пароходъ двинулся, онъ возбудилъ всеобщій энтузіазмъ и вызвалъ крики восторга и несмолкавшія рукоплесканія. Нѣсколько дней спустя Фультонъ объявилъ въ газетахъ, что устраиваетъ правильное сообщеніе по Гудзону между Нью-Іоркомъ и Альбани. «Клермонъ» прошелъ это разстояніе (240 верстъ) въ 32 часа. Несмотря на это, Фультону пришлось отправиться въ Альбани безъ пассажировъ; только въ Альбани нашелся французъ, пожелавшій испытать новое ощущеніе и вернуться къ себѣ домой на пароходѣ Фультона. Войдя на пароходъ, французъ нашелъ тамъ только одного Фультона, сидѣвшаго въ каютѣ за письменнымъ столомъ. Французъ справился у него о цѣнѣ за проѣздъ и уплатилъ требуемые шесть долларовъ. Фультонъ взялъ деньги и принялся задумчиво ихъ разсматривать. Пассажиръ смутился и спросилъ, такъ-ли онъ расплатился. Фультонъ, выйдя изъ задумчивости, посмотрѣлъ на него глазами, полными слезъ, и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «Я задумался о томъ, что эти шесть долларовъ составляютъ первую плату, полученную мною за мои долгіе труды по устройству пароходнаго сообщенія. Мнѣ бы хотѣлось, прибавилъ онъ, взявъ пассажира за руку, въ ознаменованіе этого событія распить съ вами бутылку вина, но, къ сожалѣнію, я такъ бѣденъ, что и это составляетъ для меня непозволительную роскошь».

Теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что введеніе пароходнаго и желѣзнодорожнаго сообщенія есть одно изъ самыхъ великихъ событій въ исторіи человѣчества.

Фультонъ умеръ своею смертью, но жилъ только пятьдесятъ лѣтъ. Конгресъ нью-іоркскаго штата почтилъ память великаго изобрѣтателя и друга человѣчества трехдневнымъ трауромъ.

Таковы были люди, давшіе намъ тѣ удобства въ жизни, которыя «Безпечныя безпечно мы вкушаемъ. Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его, кто посвящалъ ему трудъ и время»... Положимъ все это безразлично для сошедшихъ въ могилу Папиновъ и Фультоновъ! Воспоминаніе о нихъ можетъ однако выгодно отозваться на современныхъ намъ изобрѣтателяхъ и друзьяхъ человѣчества.

Е Ивашкевичъ.

* * *

КЪ РИСУНКАМЪ.

Двухсотлѣтіе дѣдушки русскаго флота.

На 346 и 347 страницахъ мы помѣщаемъ рисунокъ, относящійся къ исторіи нашего флота, начавшагося, какъ извѣстно, находкою Петромъ Великимъ, знаменитаго ботика. Великій преобразователь Россіи, при первой возможности началъ строить верфи и адмиралтейства, не щадя ни личныхъ трудовъ, ни денежныхъ затратъ на ихъ постоянное расширеніе. Въ числѣ зданій, построенныхъ въ эпоху возникновенія Петербурга, одно изъ первыхъ было адмиралтейство, заложенное въ 1705 г. и представлявшее большое четырехугольное мѣсто, окруженное рвами и парапетами. Но уже въ половинѣ XVIII столѣтія адмиралтейство достигло того, размѣра, какъ видно на нашемъ рисункѣ, представляющемъ копію съ одной изъ современныхъ гравюръ. Устроенное Петромъ мазанковое зданіе адмиралтейства было замѣнено каменнымъ на второй годъ по его кончинѣ, а въ 1734 г. вмѣсто прежней деревянной башни сдѣлана каменная съ мѣдными золоченными куполомъ и шпицемъ. До 1825 г. на главномъ адмиралтействѣ было изготовлено до 253 судовъ разныхъ типовъ.

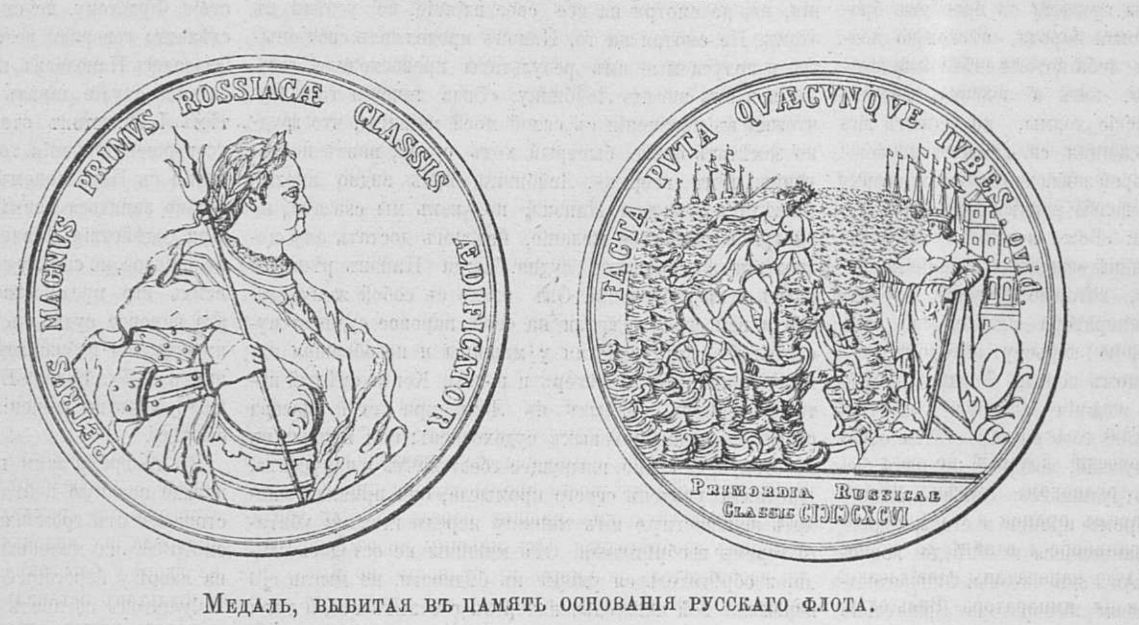
На правой сторонѣ рисунка изображено морское училище (бывшій морской кадетскій корпусъ), прославившееся своими питомцами и давшее нашему отечеству столькихъ славныхъ моряковъ, которые поставили рускій флотъ на ту степень его развитія, что когда о Россіи приходится говорить какъ о морской державѣ, тогда нашимъ друзьямъ и недругамъ приходится принимать въ расчетъ наши морскія силы. Въ этомъ славномъ заведеніи живы традиціи прежнихъ временъ, живъ завѣтъ Петра Великаго стремиться къ усиленію русскаго военнаго и торговаго флота, и этимъ путемъ освободить Россію отъ зависимости отъ чужихъ народовъ, которые должны были быть только учителями нашими на новомъ пути. Въ настоящую минуту мы дожили до того времени, когда встали твердою ногою на всѣхъ моряхъ омывающихъ берега Россіи, когда съ каждымъ годомъ на воду спускаются новые броненосцы, построенные руками русскихъ рабочихъ, изъ русскаго матеріала, подъ руководствомъ русскихъ техниковъ, управляемыхъ русскими матросами, офицерами и адмиралами,—когда намъ больше не зачѣмъ прибѣгать къ помощи нашихъ соперниковъ и завистниковъ. Велики въ этомъ отношеніи заслуги нашей первой морской школы.

На нижней части рисунка посрединѣ изображенъ знаменитый «дѣдушка» русскаго флота, «ботикъ» Петра, хранящійся нынѣ въ петербургской петропавловской крѣпости. На лѣво одинъ изъ старыхъ типовъ нашего флота, а именно корабль «Молящійся апостолъ Петръ», построенный въ 1696 году на Воронежской верфи вмѣстѣ съ нѣсколькими другими того же вида по образцу заказанной въ Голландіи галеры, привезенной сначала въ Москву, а потомъ доставленной въ Воронежъ. На воронежскихъ верфяхъ всю зиму 1695—96 года трудились 26,000 рабочихъ подъ руководствомъ приглашенныхъ изъ Архангельска голландскихъ и англійскихъ плотниковъ съ иностранныхъ судовъ; по берегамъ Воронежа росли дремучіе дубовые, липовые и сосновые лѣса, доставлявшіе обильный матеріалъ для караблестроенія. Съ подобными-то судами Петръ и ходилъ подъ Азовъ; а построенной тамъ же галерою «Принципизмомъ» лично командовалъ. Въ то далекое время «Апостолъ Петръ» съ 36 пушками казался гигантомъ. Тутъ-же рисунокъ матроса петровскаго времени съ современной гравюры Дальстена; форма отличается отъ нынѣшняго вида обмундированія; ему неизвѣстно дѣйствіе пара, но въ немъ живетъ тотъ же духъ, то-же геройство; морскія затѣи Петра Великаго самымъ очевиднымъ образомъ доказали пригодность русскаго человѣка ко всякой дѣятельности, ко всякой работѣ. Въ 1718 г. флотъ царя состоялъ изъ 40 военныхъ кораблей, 300 галеръ, 2,106 пушекъ и 16,000 матросовъ.

Направо внизу одинъ изъ лучшихъ представителей нынѣшняго флота броненосецъ и матросъ въ современномъ одѣяніи.

Въ серединѣ рисунка мы помѣщаемъ портретъ создателя русскаго флота съ гравюры Смита, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Кнеллеромъ, въ Утрехтѣ, въ 1697 г. и находящагося въ Лондонѣ въ Гамптонъ-Кортѣ. Рядомъ портреты двухъ генералъ-адмираловъ, Великихъ Князей Алексѣя Александровича и Константина Николаевича, въ послѣдніе годы приложившихъ столько трудовъ и столько заботъ къ усиленію нашихъ морскихъ силъ. Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ первымъ главнымъ начальникомъ флота изъ членовъ Царствующаго дома; послѣ него къ отвѣтственнымъ и сложнымъ обязанностямъ генералъ-адмирала былъ призванъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Ближайшее участіе Августѣйшаго Дома въ трудахъ и занятіяхъ нашихъ моряковъ естественно поощряетъ послѣднихъ еще болѣе прилагать старанія къ возможно-лучшему служенію Царю и Отечеству.

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ФЛОТА.


PETRVS MAGNVS PRIMVS ROSSIACÆ CLASSIS AEDIFICATOR
FACTA PVTA QVÆCVNQVE IVBES. OVID.
PRIMORDIA RUSSICAE CLASSIS CIƆIƆCXCVI

Медаль, выбитая въ память основанія русскаго флота.

Подъ этими портретами помѣщенъ портретъ Франца Лефорта, представляющій снимокъ съ гравированнаго портрета Шенка, 1698 г. Лефортъ былъ первымъ адмираломъ русскаго флота, наставникомъ и любимцемъ Петра. Это имя соединено съ цѣлымъ рядомъ дѣяній Великаго императора и именно ему Россія въ значительной мѣрѣ обязана поворотомъ своимъ къ западу и отреченіемъ отъ русской замкнутости и неподвижности. Лефортъ всю свою жизнь пользовался расположеніемъ Петра, съ нимъ царь велъ самую дружественную переписку, ему, одному изъ первыхъ, сообщалъ свои радости и печали. Такое благоволеніе было совершенно заслуженнымъ: Лефортъ былъ въ числѣ самыхъ преданныхъ лицъ Царя, на которыхъ было можно положиться. Громкое и почетное званіе адмирала Лефортъ получилъ за свои неусыпные труды по кораблестроенію и развитію флота.

Чесменскій бой.

Въ 1688 году былъ найденъ ботикъ—«дѣдушка русскаго флота»,—а черезъ сто лѣтъ въ Россіи былъ уже такой флотъ, что онъ могъ вынести знаменитый Чесменскій бой. Предпринятая для содѣйствія грекамъ морская экспедиція была несчастлива, препятствія и неудачи росли на каждомъ шагу, возбуждая въ рядахъ русскихъ войскъ недовольство и отчаяніе. Слава русскаго оружія тускнѣла; турки дѣйствовали очень осторожно, отступая передъ русскими войсками во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ; Орловъ и Спиридовъ, начальники флота въ южныхъ водахъ, рѣшились на отчаянный шагъ: сразиться одинъ на одинъ съ сильнымъ турецкимъ флотомъ, за которымъ они шли по пятамъ. Свое положеніе Орловъ рисовалъ самыми мрачными красками и въ донесеніи Екатеринѣ Великой, говорилъ: «что въ случаѣ несчастнаго сраженія морскаго, или пребыванія турецкаго флота въ благополучномъ состояніи въ тѣхъ моряхъ, надежды не имѣю остаться зимовать въ островахъ архипелагскихъ и думаю, что принужденъ буду возвратиться въ Средиземное море». 24 іюня 1770 г., на разсвѣтѣ, при входѣ въ Хіосскій проливъ, русскій флотъ въ числѣ 9 кораблей увидалъ турецкій, стоявшій на якорѣ вдоль анатолійскаго берега, близь небольшой крѣпости Чесма. Орловъ спѣшилъ нагнать непріятельскій флотъ, чтобы воспрепятствовать соединенію его съ эскадрою, шедшею изъ Константинополя, но соединеніе уже послѣдовало: передъ русскими стояло 22 большихъ линейныхъ корабля и фрегата и масса болѣе мелкихъ судовъ. «Увидя оное сооруженіе, я ужаснулся и былъ въ невѣдѣніи, что мнѣ предпринять», говорилъ Орловъ. Битва, начавшаяся въ одиннадцомъ часу утра длилась почти четыре часа и не было еще ничего рѣшительнаго,—но когда взлетѣлъ на воздухъ турецкій адмиральскій корабль, вмѣстѣ со сцѣпившимся съ нимъ нашимъ кораблемъ «Евстафіемъ», непріятельскіе суда поспѣшили укрыться въ Чесменскую бухту. Этимъ подвигомъ дѣло не кончилось и на военномъ совѣтѣ было рѣшено довести до конца столь счастливо начатое дѣло и сожечь непріятельскій флотъ. Въ лунную тихую ночь на 26 іюня русскіе корабли открыли огонь по турецкому флоту и въ началѣ второго часа успѣли зажечь два турецкихъ корабля. Тогда двинулись впередъ заготовленные наканунѣ брандеры и благодаря геройству лейтенанта Ильина, обширное зарево освѣтило страшную картину: видны были только трупы и обломки судовъ, вода покрылась золою и кровью. Турецкаго флота болѣе не существовало.

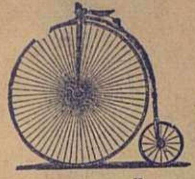
Чесменская битва показала новую сторону русскаго могущества, до толѣ еще ни разу не заявленную въ такой наглядной, безспорной формѣ. Получивъ извѣстіе о побѣдѣ, Екатерина пришла въ восторгъ и, какъ она писала Румянцеву, поспѣшила «принести благодареніе Богу, и отслужить соборную панихиду Петру Великому основателю флота и первому виновнику для всей Россіи славы».

Медаль въ память основанія русскаго флота.

Въ 1696 году была выбита въ память основанія флота медаль. На одной сторонѣ изображено море съ ѣдущимъ на колесницѣ Нептуномъ, подплывающимъ къ создателю русскаго флота—Петру; вдали по обѣ стороны виднѣются корабли; на верху надпись изъ Овидія: «Facta puta quaecunque jubes»; внизу «Primordia Russicae Classis», и годъ созданія флота. На оборотной сторонѣ — портретъ Петра и надпись: «Petrus Magnus Primus Rossicæ Classis Aedificator».

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 25-го мая 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.



Усовершенствованные
двухъ и трехъ-
колесные
ВЕЛОСИПЕДЫ.

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ
машинъ.
Собственное механическое заведеніе
для починокъ.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,
Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.
С.-Петербургъ.

№ 158 (52—37).

КАРТИНКИ - ХЛОПУШКИ

Небывалая новость для лѣта представляетъ разные виды стрѣльбы цѣна 5 конв. 2 р. с. съ пересылкой 1 пробн. конв. 55 коп. почтовыми марками.

Торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, д. № 12.

Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—8).

ДѢТСКАЯ МАШИНА

шьетъ хорошо съ одной ниткой цѣна **5** рублей.

Пересылка за 5 фунтовъ.

Въ складѣ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

А. ШТЕЙНЪ.
Большая Морская, д. № 26, въ С.-Петербургѣ.

№ 400 (3-3).

Папочка замѣть

ШТУРМА
УКСУСЪ
высшаго
качества
БЕЗВРЕДЕНЪ
чистаго
вкуса
и
ЗАПАХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
НАДО
БРАТЬ!

СОРТА:
Виноградный уксусъ бѣлый и красный.
Уксусъ эстрагонъ подъ №№ 1, 2, 3
Винный уксусъ тройной 9% — № 00
Винный уксусъ двойной 6% — № 0.
Винный уксусъ среднiй 4½% — № 2.
Винный уксусъ обыкновенный 3% — № 4.
Винный уксусъ низшiй 2½ % — (безъ №).

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ

На каждой бутылкѣ заводскаго розлива обозначенъ сортъ. № и цѣна съ посудою

№ 297. (52-21)

Специальный магазинъ
БѢЛЬЯ
Ф. Трахтенберга
основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—13).

папиросы
крученыя
1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.
РОЯЛЬ.
получать можно повсюду.
№ 328 (44—14).

!! За 30 к. !!
почтовыми марками
высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.

съ объясненіями и прейсъ-курант.

за 50 коп.
почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономн. курит. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средст. отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „ЧУЖАГО".

Мастерская игръ **А. Меламеда.**
Спб., Обуховскій пр. д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**

№ 360 (37—8).

ПАПИРОСЫ
из бѣло-рисовой бумаги
10 шт. ЛЕБЕДЬ 6 коп.
получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.
Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстоянія, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—14).

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается нѣжною и придаетъ ей бѣлизну, нѣжность. Зимою она удобна противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза. Цѣна флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ, у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная, № 38.

№ 313 (47—16).

ПОКУПАЮ
ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

драгоцѣнные камни, античныя и старыя вещи. Демидовъ пер., д. 4, магазинъ Дорфъ. Близь Мойки.

№ 405 (10—1).

Туалетныя мыла I. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,
АМИКОСОВОЕ.

Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—27)

ЛИМОННОЕ МЫЛО

изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.
у В. ПАРИКОВА и К°.
Гостин. дв. № 7. 354 (10—8).

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ {на об. бум. 1 р. 50 | Съ 44 {на об. бум. 2 р. 50
карт. {на лучш. . 2 р. | карт. {на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе. Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.

№ 222 (24—18).

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи.

№ 407 (10—1).

М. Морская, 21.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ
ЯРОСЛАВСКАГО ПОЛОТНА
И СТОЛОВАГО БѢЛЬЯ ИЗЪ ЧИСТАГО ЛЬНА.
А. ВВЕДЕНСКАГО.

Малая Морская ул., д. № 21, близъ Исаакіевской площади.
Продажа оптомъ и въ розницу. № 406 (1—1).

М. Морская, 21.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ТОВАРИЩЕСТВА
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
ГЕНРИ КИРШТЕНЪ.

С.-Петербургъ, Адмиралтейская площадь, д. № 8.

Рекомендуетъ свой большой запасъ: непромокаемыхъ пальто мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ изъ разныхъ резиновыхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, красивыхъ новыхъ фасоновъ, резиновыхъ дорожныхъ предметовъ, издѣлій для домашняго употребленія, практичныхъ также для дачной жизни, различныхъ предметовъ для ухода за больными и многихъ другихъ товаровъ. Продажа **оптомъ и въ розницу.**

№ 408 (1—1).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства
ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ. Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р. Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи
РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—23.

ЭЛЕОПАТЪ провизора КИНУНЕНА
ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ВОЛОСЪ

безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.**
№ 343 (52—13). *Пров. КИНУНЕНЪ.*

ЛИМОННОЕ МЫЛО

изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.

у В. ПАРИКОВА и К°.
Гостин. дв. № 7. 354 (10—8).

ПАПИРОСЫ

изъ бѣло-рисовой бумаги

10 шт. **ЛЕБЕДЬ** 6 коп.

получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстоянія, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—14).

!! За 30 к. !!

почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.

съ объясненіями и прейсъ-курант.

за 50 коп.

почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономн. курит. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средст. отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „**ЧУЖАГО**".

Мастерская игръ **А. Меламеда.**
Спб. Обуховскій пр. д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**
№ 360 (37—8).

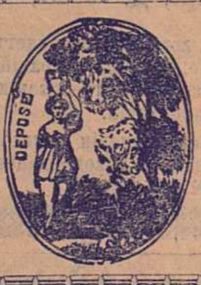
БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается нѣжною и придаетъ ей бѣлизну, нѣжность. Зимою она удобна противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза. Цѣна флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ, у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная, № 38.

№ 313 (47—16).



Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

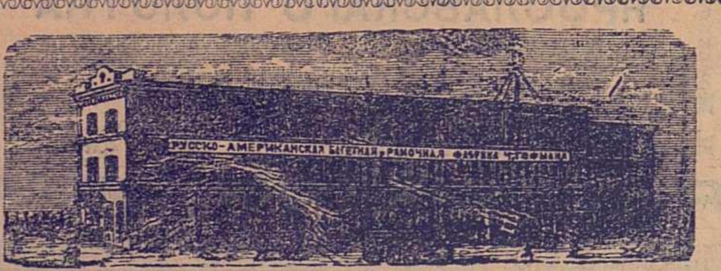
Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россія у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—39)



РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ, РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ фабрики

Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—11).

НА ЛѢТО

С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ основана въ 1873 году. **ОДИННАДЦАТЬ МЕДАЛЕЙ** на выставкахъ.

Предлагаетъ въ большомъ выборѣ:

Подвижныя игры и забавы на воздухѣ, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ. Много новыхъ изданій.

Приборы для собиранія коллекцій растеній и насѣкомыхъ. Гимнастическіе приборы. Гигантскіе шаги и проч.

Справочный каталогъ высылается за почтовыя марки на 10 коп.

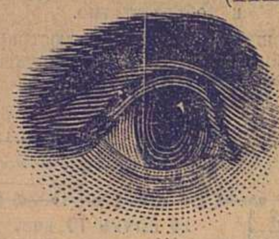
11. Троицкая улица. 11.

№ 403 (2—2).

ЗА 15 РУБЛЕЙ.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

(НЕ ИГРУШКА)



состоящій изъ камеры, объектива и штатива, посредствомъ котораго каждый любитель въ состояніи фотографировать ландшафты, группы и портреты.

Громадный выборъ изящныхъ ДОРОЖНЫХЪ АППАРАТОВЪ

указанія въ способѣ употребленія и снабженіе желаемыми совѣтами при всякомъ нововведеніи безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей.
Невскій пр., у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30—16,
входъ съ Екатерининскаго канала.
№ 401 (10—3).

Чугунно-Литейный Машинный Заводъ

ИСИДОРА ГОЛЬДБЕРГА

доставляетъ **ОТЛИВКУ** для **ПОСТРОЕКЪ: ПЕЧЕЙ, КАМИНОВЪ**, обыкновенныхъ **кабинетныхъ** и **ВАННЪ.**

ПЛИТЫ, обыкновенныя и патента **ЭСМАРХЪ** тщательной отливки.

БАЛЮСТРАДЫ, ПОДЪѢЗДЫ и **КОЛОННЫ** въ большомъ выборѣ.

ПАРОВОЕ и **ВОДЯНОЕ ОТОПЛЕНІЕ** новѣйшей системы.

РАКОВИНЫ, МОНИТОРЫ, КЛОЗЕТЫ русскіе и американскіе, всѣ строительныя принадлежности имѣются всегда на складѣ.

ШКИВЫ складные и цѣльные всѣхъ величинъ въ запасѣ.

ПОДВѢСКИ, КРОНШТЕЙНЫ и принадлежности для **ПРИВОДОВЪ** обыкновенные и системы **ЗЕЛЛЕРА** въ запасѣ по **оптовой цѣнѣ.**

ЗУБЧАТЫЯ КОЛЕСА изготовляются **безъ моделей** раздѣльными машинами.

Механическія работы исполняются **аккуратнымъ** образомъ.

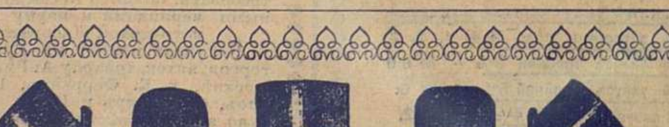
ЗАВОДЪ Б. Невка 77.

КОНТОРА (Телефонъ 955) Екатерининскій кан. 92.

Отдѣленіе въ Москвѣ Б. Никитская, д. Кузнецова.

Торговцамъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 396 (7—3).



ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА

Ф. ПАРИЗЕКЪ.

Большая Морская, уголъ Кирпичнаго пер., № 13.

Обращаю вниманіе своихъ уважаемыхъ клiентовъ на особенный большой выборъ для предстоящаго сезона шляпъ новыхъ фасоновъ, самыхъ прочныхъ, чрезвычайно *легкихъ* и всѣхъ *цвѣтовъ*. Равно какъ пальмовыхъ, соломенныхъ, панамскихъ и манильскихъ шляпъ.

№ 402 (5—2).

Нумеръ 22-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) № 6-го «Новѣйшихъ Парижскихъ Модъ» (за іюнь); 3) Листъ выкроекъ и узоровъ и 4) Обертки.

Дозволено цензурою. Спб. 25-го мая 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 23
5 ІЮНЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Въ виду наступающаго чествованія важнаго историческаго событія въ Россіи — **девятисотлѣтія „Крещеніе Руси“**, редакція газеты **«Сынъ Отечества»** издала и разослала **безплатно** своимъ подписчикамъ художественно выполненную олеографію въ 22 краски съ рельефомъ и лакировкою, съ картины художника **В. И. Думитрашко—**

„КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ ПРИ СВ. КНЯЗѢ ВЛАДИМІРѢ“

Размѣръ картины: длина 19 вершковъ, ширина 14 вершковъ.

Картина изображаетъ на первомъ планѣ группы Кіевлянъ, надъ которыми духовенство, размѣстившись на подмосткахъ, совершаетъ таинство Св. Крещенія. Св. Владиміръ, созерцая съ возвышеннаго днѣпровскаго берега совершающееся по его почину великое событіе духовнаго возрожденія русскаго народа, возсылаетъ мольбы Всевышнему. Просвѣтителя Россіи окружаютъ его супруга, дружинники и бояре. Въ сторонѣ, на заднемъ планѣ, въ группѣ отроковъ стоитъ жрецъ, замѣтно потерявшійся, видя побѣду христіанства надъ язычествомъ, еще недавно настолько сильнымъ. Вдали виднѣются окрестныя горы и отчасти самый Кіевъ какъ на Подолѣ, такъ и на горахъ.

Роскошное и художественное произведеніе этой картины вызвало въ короткое время массу запросовъ со стороны подписчиковъ журнала **«Живописное Обозрѣніе»** желающихъ пріобрѣсти эту картину, а потому Контора имѣетъ честь увѣдомить, что означенную картину можно получать въ Главной Конторѣ:

Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ № 68—40.

Годовые подписчики—2 р. за экз. (съ перес.). Неподписчики—2 р. 50 к. (съ пересылкою).

Картина высылается въ теченіе 3-хъ дней со дня полученія требованій.

Полное собраніе сочиненій

НИКОЛАЯ ѲЕДОРОВИЧА ЩЕРБИНЫ.

Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к.

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ. Цѣна 13 р., съ пересылкой 15 р.

«ПО КРАЮ ПРОПАСТИ».

Романъ П. Ближнева.

Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкой 2 р.

Складъ въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Александра Игнатьевича **Бортневскаго**, по Троицкой улицѣ, дому № 9, близъ Невскаго проспекта.

№ 404 (1—1).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 390 (6—5).

ПОКУПАЮ

ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

драгоцѣнные камни, античныя и старыя вещи. Демидовъ пер., д. 4, магазинъ Дорфъ. Близь Мойки.

№ 405 (10—2).

Только подлинно съ этою фабричною маркою

Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“,

медо-травяной мальцъ-экстрактъ и конфекты

Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ БРЕСЛАВЛѢ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

Цѣна: за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 коп. конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у В. Ауриха, Стремянная, 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

№ 156 (40—40).

КАРТИНКИ - ХЛОПУШКИ

Небывалая новость для лѣта представляетъ разные виды стрѣльбы цѣна 5 конв. 2 р. с. съ пересылкой 1 пробн. конв. 55 коп. почтовыми марками.

Торговцамъ уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, д. № 12.

Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—9).

Водоочищающіе

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку.
Единственный мастеръ **В. Корельскій.**
По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой.
С.-Петербургъ. 228 (52—29).

Императорскаго

московскаго общ. Сельск. хозяйства

1886 г.

Одобрительный отзывъ.

Новой усовершен. системы: простой конструкціи разныхъ величинъ.

ПОЖАРНЫЕ

трубы и насосы

„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Производство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ, Николаевская 55—6. № 185 (12—10).

Прейсъ-куранты безплатно.

Привиллегія испрашив.

ЛИМОННОЕ МЫЛО

изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к. у **В. ПАРИКОВА и К°.**
Гостин. дв. № 7. 354 (10—9).

Я. ЯКОБСОНЪ.
Гостинный дворъ
по Невскому просп.
№. 22.

предлагаетъ любителямъ хорошаго **БѢЛЬЯ.** Свой больш. выборъ вновь заготовленныхъ.

СОРОЧЕКЪ.

Новѣйшихъ фасоновъ, а также большой выборъ: воротниковъ, манжетъ, манишекъ полотняныхъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ. СОРОЧКИ ночныя и дачныя цвѣтныя.

КАЛЬСОНЫ: вязаные канифасомъ, домест. и полотняные. Тутъ же пріемъ заказовъ и передѣлки сорочекъ.

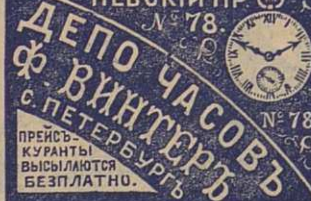
Гг. иногородные могутъ выписывать черезъ почту съ наложнымъ платежемъ прилагая марку. Полный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 408 (10 - 3).

Скрипки, гитары, мандолины, цитры, гармоніи, концертины, аристоны, герофоны; всевозможные музык. инстр. имѣются постоянно въ большомъ выборѣ и по очень умѣрен. цѣнамъ, а также и народныя цитры по 4, 5 и 8 р., кромѣ перес. платы, въ муз. инстр. торговлѣ

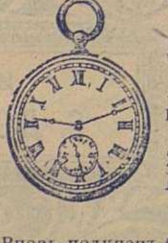
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

№ 383 (6—4).



№ 411 (10—1).



ДЕПО ЧАСОВЪ

Эд. Бурхарда.

1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 3/63.

Вновь полученъ большой выборъ часовъ лучшихъ фабрикантовъ, цѣпочекъ, ключей и брелоковъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Каждые часы продаются съ ручательствомъ.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 289 (27—17).

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1826 г.) Предостерегаютъ отъ подделокъ. Только съ этимъ клеймомъ Неподдѣльны

Можно получать въ большинствѣ магазиновъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.
Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ ализариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *спеціальностей.*

№ 318 (26—9).

!! За 30 к. !!

почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.

съ объясненіями и прейсъ-курант.

за 50 коп.

почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономн. курит. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средст. отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики **„ЧУЖАГО“.**

Мастерская игръ Спб., Обуховскій пр. д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**

А. Меламеда.

№ 360 (37—8).

Спеціальный магазинъ

БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.
Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—15).

Гарцеръ углекислый источникъ «Граугофъ». *Лучшій освѣжительный діэтетическій напитокъ. Хорошее средство отъ катарровъ.* Можно получать въ аптекарск. магаз., виноторговл., лучш. рестор. и ящиками у Главныхъ Агентовъ.

Евгеній БОТМАНЪ и К°.

С.-Петербургъ, Большая Садовая, № 12.

№ 370 (3—3).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ СЪ РАЗСРОЧКОЮ, поспѣшить высылкою слѣдуемаго взноса, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ нумеровъ журнала съ 1-го іюля текущаго года.

Главная премія высылается подписчикамъ съ разсрочкою по уплатѣ сполна годовой подписной суммы и за доставку картины, такъ какъ таковая въ виду большаго размѣра и цѣлости, высылается только цѣнною посылкою, на скалкѣ, задѣланною въ холстъ.

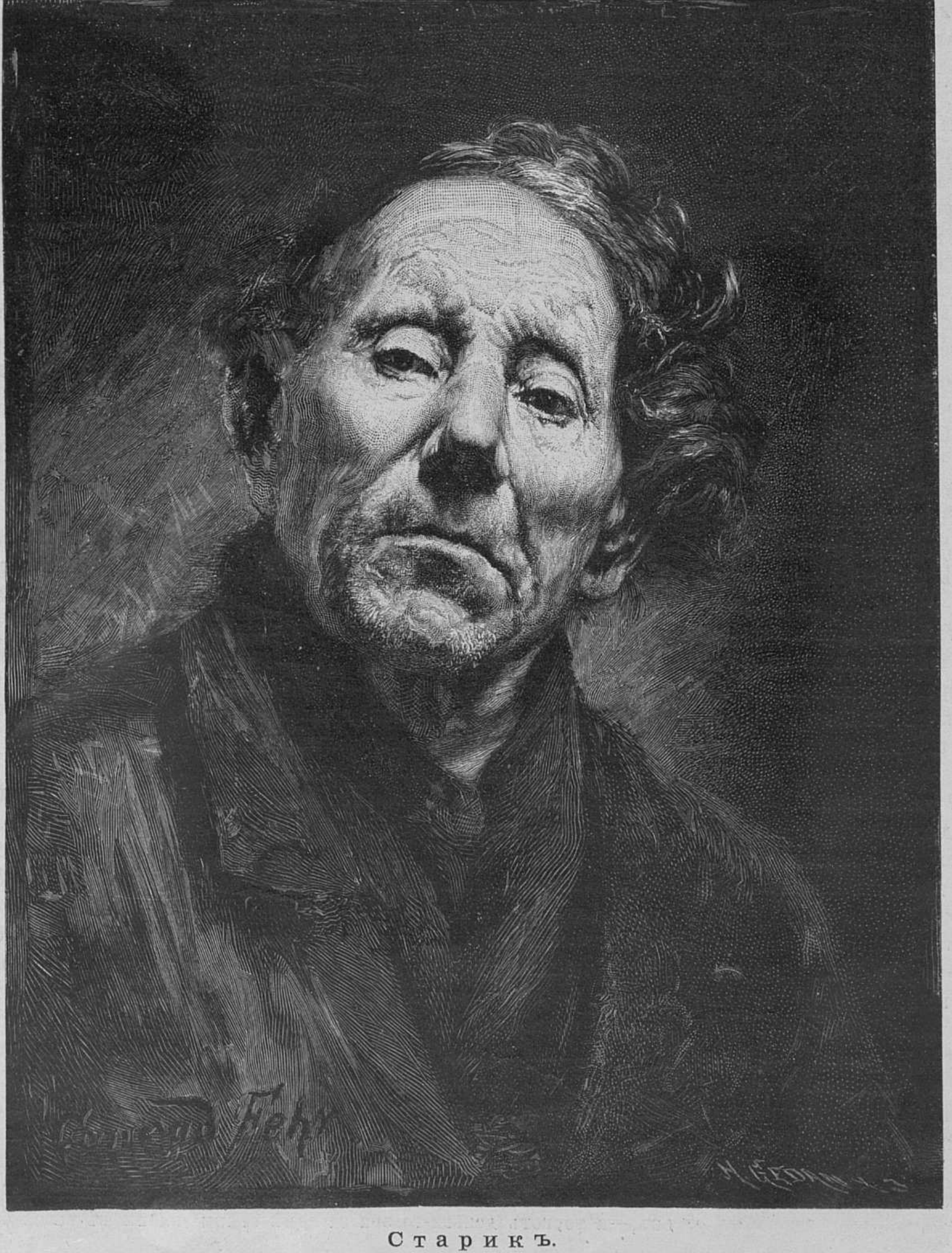
ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

Романъ

А. Михайлова.

Третья глава.

Наканунѣ похоронъ дѣда день выдался чудесный, теплый, точно среди лѣта. Иванъ Ивановичъ приказалъ служанкѣ выставить у себя окно. Двойныя рамы съ закоптѣвшимися стеклами мало пропускали свѣта въ комнату. Теперь зимнюю раму вынули, на лѣтней протерли стекла, распахнули ее и въ комнату ворвались свѣтъ, воздухъ, шумъ съ улицы. Хопровъ дохнулъ полной грудью, у него на душѣ стало легко. Онъ сѣлъ на подоконникъ, поставилъ ноги на стулъ, закурилъ папиросу. Подъ окномъ послѣ теплаго ночного дождя начиналъ чуть замѣтно зеленѣть садикъ, далѣе виднѣлась широкая площадь церкви Михаила Архангела, за ней вправо садилось солнце, бросая на землю свои яркіе прощальные лучи. Купола церкви, верхніе этажи каменныхъ домовъ, все было залито блескомъ солнца. Окна въ верхнихъ этажахъ зданій казались иллюминованными. Чувство художника взяло въ душѣ Хопрова верхъ надъ всѣми остальными чувствами. Прошедшее ушло куда-то далеко, грядущее не пугало, думалось только о настоящемъ — не о своемъ настоящемъ — смерти дѣда, пріобрѣтенныхъ деньгахъ, неожиданномъ сближеніи съ сосѣдкой, — а объ этомъ движеніи на улицѣ, объ этихъ снующихъ прохожихъ, объ этихъ гремящихъ колесами экипажахъ, объ этихъ лучахъ заходящаго солнца, играющихъ и на куполахъ церкви, и на окнахъ домовъ. Вошла Маргарита Ѳедоровна и присѣла на стулъ, около его ногъ. Она начала проэктировать: она сыщетъ себѣ магазинъ и найдетъ меблированную комнату для Хопрова, чистенькую, свѣтлую, не такую конуру, какъ эта. Онъ ужь пусть и не вмѣшивается, а то переплатитъ. Она умѣетъ торговаться. Ахнетъ онъ, какъ дешево она сторгуетъ комнату. У нея было много практическаго смысла и она очень увлекалась своими проэктами, такъ что это даже вызвало улыбку на лицѣ Хопрова.



Старикъ.

Съ картины К. Фера. Гравировалъ на деревѣ Геданъ.

— Ты мною ужь очень распоряжаться хочешь, точно нянька ребенкомъ, замѣтилъ онъ шутливо.

— Да ты ребенокъ и есть. Развѣ можно было такъ жить. Дряни сколько.

Она указала на стѣны.

— Ты не понимаешь; это все мнѣ нужно. Это мой будущій хлѣбъ.

— Безносый-то турка? указала она на бюстъ Аполлона.

— Это голова Аполлона, замѣтилъ онъ.

— Ну, все равно, Аполлона или Агафона. Ломаная... Знакомый, что-ли? спросила она мелькомъ.

Онъ не отвѣтилъ.

— А это, стыдъ и срамъ! указала она на торсъ Венеры. Нашелъ какую скамейку для ногъ сдѣлать. Смотрѣть мерзко.

— Да это вовсе не для ногъ, оправдался онъ.

— Развѣ-жь я слѣпая; вонъ все ногами изъерзано.

И наставительно она сказала:

— Нѣтъ, ты совсѣмъ, какъ маленькій. Станешь самъ всѣмъ распоряжаться—истратишь все ни на что, ни про что, какъ тѣ деньги что послѣ отца получилъ.

— А ты откуда знаешь? удивился онъ.

— Да шило, что-ли, жизнь-то, что ее утаишь?

— Да я тогда и не здѣсь жилъ...

— Ну да, у Жозефинки въ меблированныхъ комнатахъ, форса задавалъ; потомъ къ Амаліи Карловнѣ перебрался, чтобы подешевле...

Она засмѣялась:

— Гора съ горой не сходится, а люди сходятся: тетка одно узнала, я другое; языки-то мы, бабье, любимъ чесать. Иной разъ въ конкѣ съ чужими ѣдешь, а про знакомыхъ такое узнаешь, что а-ахъ!.. Ну, да про тебя-то и дѣдъ говорилъ, сокрушался тоже иногда, что деньги ушли, что весь вѣкъ можно бы прожить на нихъ!..

— На четыре-то тысячи? вставилъ онъ небрежно, пожимая плечами.

— Ну да, на четыре. Вотъ и теперь четыре съ половиной у тебя. Съ умомъ жить—на вѣкъ хватитъ.

Онъ невольно улыбнулся.

— Чего смѣешься? На одни казенные проценты можно прожить, если не въ Петербургѣ конечно, а въ деревнѣ жить. Двѣсти двадцать пять рублей въ годъ доходу. Чуть не двадцать въ мѣсяцъ. Да гдѣ-нибудь въ захолустьи домъ за пятьсотъ рублей купить можно... А если здѣсь жить—обороты нужно дѣлать. Казенные проценты, конечно, не Богъ вѣсть что. Вотъ табачную открыть, меблированныя комнаты снять...

— И спустить все? добавилъ онъ.

— Ну, нѣтъ! Это дуракъ спуститъ. А ты пусти въ оборотъ тысячу, а остальныя прибереги. Да и берись за дѣло не зря, самъ слѣди, рукъ не складывай!

Она съ извѣстнымъ чувствомъ добавила:

— Нѣтъ, ужь намъ-то бы грѣхъ наши деньги спустить. Старичокъ по копѣечкѣ, по грошику въ морозъ да въ дождь собиралъ, куска сладкаго не съѣлъ и вдругъ-бы мы на вѣтеръ пустили все, что онъ намъ оставилъ.

Его начинало уже смѣшить ея безцеремонное отношеніе къ его деньгамъ и онъ невольно замѣтилъ:

— Такъ ты думаешь, что это онъ намъ обоимъ оставилъ?

— Никому онъ не оставлялъ, а кому Богъ далъ, тому и досталось. Родни не было. Я-бы могла и одна все взять. Услала-бы тебя, а сама взяла-бы. Ты и не зналъ-бы. Гдѣ тебѣ! Только я не жадная.

Ему стало не по себѣ, почти жутко отъ этой логики. Вѣдь и точно, онъ такой-же родственникъ старику, какъ и она. Самъ онъ объ этомъ прежде думалъ; «какой онъ мнѣ дѣдъ?» говорилъ. Такіе-же они родные были, какъ и съ ней. Вмѣстѣ съ ней онъ и присвоилъ чужія деньги. Ужь не вздумаетъ-ли она просто-напросто забрать ихъ. Онъ взглянулъ безсознательно на комодъ. Деньги тамъ, у него. Да, но ключъ у нея. Возьметъ она — и спросить онъ не посмѣетъ. Она не побоится скандала. Что-же тогда? Опять нищета и еще позоръ. И когда-же? Когда онъ началъ твердо вѣрить въ возможность сдѣлаться извѣстнымъ, завоевать имя. Нѣтъ, пустяки! Ну, переѣдетъ онъ въ меблированныя комнаты, ей купитъ табачную лавочку, покуда она будетъ хозяйничать его деньгами, можетъ быть, даже лучше, чѣмъ онъ самъ хозяйничалъ-бы, а тамъ... Ему только-бы написать картину, тогда онъ порветъ эту связь и женится на Вѣрочкѣ. Вѣдь эта связь его ни къ чему не обязываетъ. Мало-ли съ кѣмъ сближаются холостые. Безъ этого не обойдешься. Онъ опять ободрился; ему даже стало смѣшно при мысли, что она, женщина, будетъ его опекать и пяньчиться съ нимъ. Онъ мысленно рѣшилъ, что это даже отчасти будетъ хорошо: никогда онъ не умѣлъ обдѣлывать практическія дѣла, найдти сносную комнату, устроиться съ обѣдомъ. Отчего это? Идеализмъ это или разгильдяйство? Точно угадывая его мысли, она начала говорить о томъ, что ему пріодѣться надо, платье купить, часы.

— Ты завтра-же, все, что нужно, купи, а я комнату тебѣ подыщу. У меня ужь есть на примѣтѣ. Съѣзжать будешь, теткѣ не говори, куда выѣзжаешь. Уѣзжаешь, молъ, изъ Петербурга и конецъ весь. Нечего ей наши дѣла знать!

Цѣлыхъ два дня послѣ похоронъ были посвящены обмундировкѣ, исканью комнаты, наконецъ на третій день все было улажено, и Хопровъ переселился на Васильевскій островъ...

Двѣ свѣтлыя комнаты, одна въ одно, другая въ два окна на улицу, высокія и просторныя, недурно меблированныя и съ свѣжими обоями, вещи и чистое бѣлье, въ порядкѣ уложенныя въ шифоньеръ, платье, повѣшенное аккуратно въ шкафу, все это какъ-то особенно повліяло на Хопрова. Онъ вспоминалъ грязь и безпорядокъ, царствовавшіе въ его прежнихъ жилищахъ, и въ немъ пробудилось чувство брезгливости. Художникъ въ душѣ, онъ любилъ красивыя формы, изящество обстановки, блескъ роскоши. Въ то-же время легкомысленный юмористъ, онъ въ тяжелыя минуты подшучивалъ надъ убожествомъ своей обстановки, своего костюма, своей жизни. Теперь, когда грязь и лохмотья были въ прошломъ, онъ даже вознегодовалъ на себя, какъ онъ могъ дойдти «до этого свинства». Вспомнились дни, когда онъ даже не имѣлъ своей комнаты, а жилъ втроемъ въ одной коморкѣ, носилъ чужія панталоны и питался на счетъ дѣда, пріютившагося тутъ-же въ «сѣнцахъ» и говорившаго, что имъ больше ничего и не надо, благо тутъ дешево.

— Такъ-бы весь вѣкъ прожить, повторялъ онъ,—а то вотъ деньги-то зря за однѣ стѣны бросай. Подъ кровомъ лишь-бы быть—больше ничего и не надо человѣку!

Старика не смущала омерзительная грязь обстановки, благо мало приходилось тратить денегъ.

Въ будущемъ это уже не повторится. Онъ будетъ жить разсчетливо, напишетъ картину, завоюетъ положеніе. Да и Маргарита не дастъ ему швырять денегъ. Это хорошо, что она такой практичный человѣкъ...

Вечеромъ, въ день переѣзда на новую квартиру, Хопровъ, спокойный, веселый, бодрый, почувствовалъ необходимость освѣжиться отъ пережитыхъ волненій и тревогъ, отдохнуть подлѣ Вѣры Павловны. Онъ чувствовалъ себя превосходно съ той самой минуты, когда всякія похоронныя церемоніи кончились, и вздохнулъ широкимъ вздохомъ, когда была засыпана могила дѣда. «Конецъ!» невольно подумалъ онъ. Да, это былъ дѣйствительно конецъ всего стараго. Съ этого дня должна была начаться новая жизнь — перемѣнилъ онъ квартиру и теперь заживетъ безъ лишеній, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, работая надъ картиной. Какой сюжетъ выбрать? Жанръ? Историческую картину? Пейзажъ? Системы у него не выработалось въ изученіи: сегодня облако понравилось — записалъ; потомъ поразила нищая — занесъ и ее на половину въ альбомъ, даже не закончивъ головы и вмѣсто волосъ изобразивъ какую-то копну; пришло какъ-то въ голову, что нѣтъ хорошихъ иллюстрацій къ Лермонтову, — появились десятки набросковъ «Княжны Мери», «Печорина», «Boярина Орши», «Демона» и дѣло стало только затѣмъ, какъ ихъ одѣть, какъ справиться съ пейзажемъ невиданныхъ мѣстъ. Разбрасывался онъ всегда, ни на чемъ не останавливался прочно; именно этому надо положить конецъ, благо теперь есть возможность работать безъ лихорадочности, не на ходу. Въ этихъ думахъ онъ подошелъ къ дому, гдѣ жила семья Вѣры Павловны Хвощинской, и невольно сдѣлалъ ироническую гримасу при мысли о томъ, какъ его тамъ встрѣтятъ.

— Непремѣнно всѣ сидятъ за работой и непремѣнно у всѣхъ дѣловой, озабоченный видъ. Двуногіе муравьи! проговорилъ онъ съ презрѣніемъ и позвонилъ у дверей.

Дверь отворилась.

— Господа дома? спросилъ онъ у чисто одѣтой служанки.

— Дома-съ, отвѣтила она.

Онъ, впрочемъ, могъ и не спрашивать: въ будни по вечерамъ Хвощинскіе никуда не выходили.

Онъ, какъ свой человѣкъ, прошелъ безъ доклада въ гостиную, гдѣ около тяжелаго круглаго дубоваго стола группировалась почти вся семья: Анна Борисовна Хвощинская, двоюродная тетка Хопрова со стороны отца, приземистая, коренастая, сѣдая, но румяная женщина лѣтъ пятидесяти съ небольшимъ; Миша и Володя, два ея сына, гимназисты шестого и седьмого классовъ; Соня, Валентина и Вѣра, три ея дочери, двѣ еще гимназистки, третья уже оканчивающая педагогическіе курсы. Отсутствовалъ только Павелъ Петровичъ Хвощинскій, занимавшійся, по обыкновенію, въ своемъ кабинетѣ исправленіемъ ученическихъ сочиненій, да старшій сынъ Хвощинскихъ Разумникъ, по обыкновенію чертившій свои архитектурные планы въ своей большой, рабочей комнатѣ.

— А! художникъ! произнесли въ одинъ голосъ Миша и Володя съ насмѣшливою фамильярностью.

— А! гимназисты! отвѣтилъ имъ тѣмъ-же тономъ Хопровъ.

Такъ всегда начинались ихъ встрѣчи. Теперь Анна Борисовна не дала имъ продолжать въ этомъ тонѣ бесѣду и, съ необычной для нея участливостью, спросила Хопрова, поцѣловавшаго ея руку:

— А у тебя горе, говорила Вѣра. Старичекъ твой умеръ. Ну, что дѣлать, что дѣлать! Законъ природы!

— Вы страшно измѣнились за эти дни, съ особеннымъ удареніемъ произнесла Вѣра, здороваясь съ Хопровымъ.—Радоваться-бы надо, что лишній ротъ убавился, а вы вотъ вздумали похудѣть!

Было ясно, что ей хотѣлось кого-то уколоть, намекнуть Хопрову, что кто-то говорилъ о томъ, что онъ долженъ радоваться смерти дѣда.

— Все по моему легкомыслію, Вѣра Павловна, горюю тамъ, гдѣ другіе только радовались-бы, и на-оборотъ, отвѣтилъ Хопровъ, дружески сжимая ея руку.

Онъ осмотрѣлся и замѣтилъ:

— Я, однако, помѣшалъ. Вы всѣ заняты.

— Мы-же всегда за работой, отвѣтила Анна Борисовна и принялась снова за свое шитье.

— Я кончила свои занятія, сказала Вѣра Павловна и отошла съ Хопровымъ въ уголъ комнаты къ дивану.

У нея всегда была кончена работа, когда являлся онъ. Всегда они садились тутъ-же въ сторонкѣ, она на диванъ, онъ на кресло, въ полутѣни, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большого круглаго стола, стоявшаго посрединѣ комнаты. Тамъ, озаренные большой висячей лампой, пригнувшись къ столу, работали «муравьи». Хопровъ смотрѣлъ на эти склоненныя головы гимназистовъ и гимназистокъ, гладкія, аккуратныя, на эти темносѣрыя домашнія блузы мальчиковъ и дѣвочекъ, похожія одна на другую по простому покрою, по удобному фасону. Всѣ скрипѣли перьями, не торопясь, увѣреннымъ почеркомъ. «Навѣрное даже почеркъ у всѣхъ одинъ», думалъ Хопровъ.

— Почему-же вы вздумали переѣхать? спросила Вѣра, услыхавъ отъ Хопрова, что онъ уже перемѣнилъ комнату, и на минуту ей стало грустно: тутъ они жили такъ близко другъ отъ друга и часто встрѣчались, когда она въ опредѣленные часы ходила на лекціи, а онъ «случайно» попадался ей на дорогѣ. — Неудобно? Или тяжело, что тутъ умеръ дѣдъ?

— И то, и другое. Поближе къ академіи нужно было перебраться. Тамъ, положимъ, комнаты дороже, но что-же дѣлать.

— Да старикъ твой оставилъ что-нибудь? неожиданно спросила старуха Хвощинская.

Хопровъ весь вспыхнулъ.

— Откуда-же! проговорилъ онъ.

— Такъ, смотри, не запутайся! предостерегла она его. — Я думаю, и похороны тоже кое-что встали. Совсѣмъ можешь зарваться.

— Слава Богу, покуда не запутался. Я-же достаю кое-что, работаю...

Онъ былъ немного смущенъ, стыдился, что онъ лжетъ при Вѣрѣ. Безъ нея онъ нерѣдко вралъ Хвощинскимъ о своихъ доходахъ, чтобы поднять въ ихъ глазахъ свой кредитъ. При ней ему было неловко лгать. Гимназистики при его словахъ о томъ, что онъ работаетъ, не переставая писать, переглянулись между собою и по ихъ лицамъ скользнули недвусмысленныя улыбки.

— Ну, ужь твоя работа! мелькомъ замѣтила Анна Борисовна, пожимая плечами.

— Мама никакъ не хочетъ признать, что можно добывать деньги «картинками», съ ироніей вставила Вѣра, внезапно покраснѣвъ.

Анна Борисовна, не обращая на нее вниманія, спокойно замѣтила:

— Я ужь что-то цѣлые мѣсяцы и подписи твоей не видала ни въ одномъ иллюстрированномъ изданіи.

— Я на частныхъ лицъ работалъ, опять солгалъ Хопровъ и опять ему стало досадно, что онъ лжетъ при Вѣрѣ.

— Ну, дай Богъ, дай Богъ, вздохнула старуха Хвощинская, продолжая работать.

Вѣра какъ-то особенно смотрѣла на сидѣвшую передъ ней за работой семью, блестящими, торжествующими глазами, съ гордо поднятой головой. Она была очень довольна, гордилась тѣмъ, что онъ, ея protégé, работаетъ и зарабатываетъ деньги, когда его считаютъ ея родные тунеядцемъ.

— Нынче лѣтомъ возьметесь за свою большую работу? спросила она его тихо.

— Да, пора, отвѣтилъ онъ.

— На чемъ нибудь остановились?

— Все еще колеблюсь. Не хочется дебютировать мелочами.

— Что такое мелочи? горячо заговорила она.—За большого Сурбарана заплатилъ эрмитажъ три тысячи франковъ, а самаго маленькаго Жерара Доу и за десятокъ тысячъ не достать. У Мейсонье масса мелочей, но за то это мелочи Мейсонье! Конечно, вы и говорите не о размѣрахъ, даже не о сюжетѣ, а о работѣ. Надо настойчиво поработать. Это такъ. У насъ техника часто изъ рукъ вонъ плоха. Только ряженыхъ не пишите.

— То-есть какъ это? спросилъ онъ.

— Историческаго сюжета не берите, пояснила она. Вамъ при вашихъ средствахъ придется писать или наобумъ, или по какимъ-нибудь маскараднымъ или театральнымъ костюмамъ. Ужь одно это дурно, а потомъ едва-ли и прочувствуете вы глубоко историческій сюжетъ. Далекое это все отъ дѣйствительной жизни. Въ молодости трудно этимъ вдохновляться. А первая картина безъ вдохновенія, безъ увлеченія... Нѣтъ, мнѣ почему-то кажется, что этого не должно быть у истиннаго таланта. И истинные поэты всегда лирикой начинаютъ.

Они говорили почти шепотомъ. Но у нея такъ горѣли щеки и глаза, что онъ не могъ наглядѣться на нее. Въ ней было такъ много жизни, увлеченія, огня. Онъ очнулся, заслышавъ въ комнатѣ движеніе и громко произнесенную короткую, точно обрубленную фразу:

— Чай пора!

Въ дверяхъ гостиной стоялъ худой, высокій старикъ въ очкахъ, опущенныхъ на конецъ тонкаго носа, съ сухимъ лицомъ. Что-то одеревенѣлое было во всей его сгорбившейся отъ усидчиваго труда фигурѣ, въ выраженіи его неподвижнаго лица. Это былъ самъ Павелъ Петровичъ Хвощинскій.

— Самоваръ готовъ, отвѣтила ему жена, поднимаясь съ мѣста.

Всѣ, какъ по командѣ, начали складывать свои работы, задвигали стульями, распрямляя спины.

Хозяинъ увидалъ Хопрова, кивнулъ ему слегка головой и коротко спросилъ:

— Похоронилъ?

— Да, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

Хвощинскій обратился къ дѣтямъ:

— Кончили?

— Да, отвѣтили они разомъ.

— Ну, чай пить! скомандовалъ онъ.

Всѣ тронулись въ столовую. Сзади всѣхъ пошла Вѣра Павловна и Хопровъ.

— У насъ все по командѣ, съ усмѣшкой—конфузящагося за поведеніе ближнихъ человѣка, шепнула она Ивану Ивановичу.

— Дисциплина, отвѣтилъ онъ также тихо.

— Вотъ васъ-бы въ эту школу на мѣсяцъ, на два отдать.

— Развѣ вы хотите, чтобы я повѣсился? пошутилъ онъ.

Она передернула плечами.

— Я-же не повѣсилась еще! немного раздражительно проговорила она и сейчасъ-же улыбнулась, прибавивъ:—Нѣтъ, мнѣ даже весело, что я и здѣсь съумѣла завоевать независимость. Силу свою узнала.

Всѣ усѣлись за большой столъ въ столовой. Позже всѣхъ явился сюда старшій сынъ-архитекторъ, бывшій прежде товарищемъ Хопрова по гимназіи и академіи, высокій, худощавый, желтый, длинноносый, какъ всѣ мужчины въ семьѣ Хвощинскихъ. Онъ слегка кивнулъ головой Хопрову и пожалъ ему руку, отодвинувъ съ шумомъ свой стулъ. Онъ держалъ себя независимо въ семьѣ, но эта была совсѣмъ иная независимость, чѣмъ независимость Вѣры Павловны. Въ его манерѣ было видно сознаніе того, что онъ уже вноситъ въ семейный бюджетъ львиную часть; въ ея поведеніи былъ виденъ простой протестъ, объявленіе войны семьѣ; ему уже дали право на независимость, она еще воевала изъ-за этого права.

— Ну, что, какъ твое малеванье идетъ? спросилъ небрежно Разумникъ Павловичъ у Хопрова.

— Ничего себѣ, такъ-же небрежно отвѣтилъ тотъ.

— Все по издателямъ иллюстрированныхъ журналовъ по прежнему бѣгаешь?

— Нѣтъ, частные заказы исполняю, совралъ Хопровъ.

— Вотъ какъ! Значитъ въ славу начинаешь входить? съ насмѣшкой спросилъ Разумникъ.

— Ну, до славы далеко намъ съ тобой въ наши годы; были-бы покуда деньги на хлѣбъ и то хорошо, отвѣтилъ Хопровъ холоднымъ тономъ.

По лицу Разумника Павловича скользнула усмѣшка. Ему было странно слышать отъ Хопрова фразу: «намъ съ тобой». Нашелъ съ кѣмъ равнять себя! Онъ обратился къ отцу:

— А знаешь, этотъ домъ Тарасова на мою долю принесетъ до пяти тысячъ. Я подвелъ итоги.

— Что-жь, недурно, отвѣтилъ отецъ.

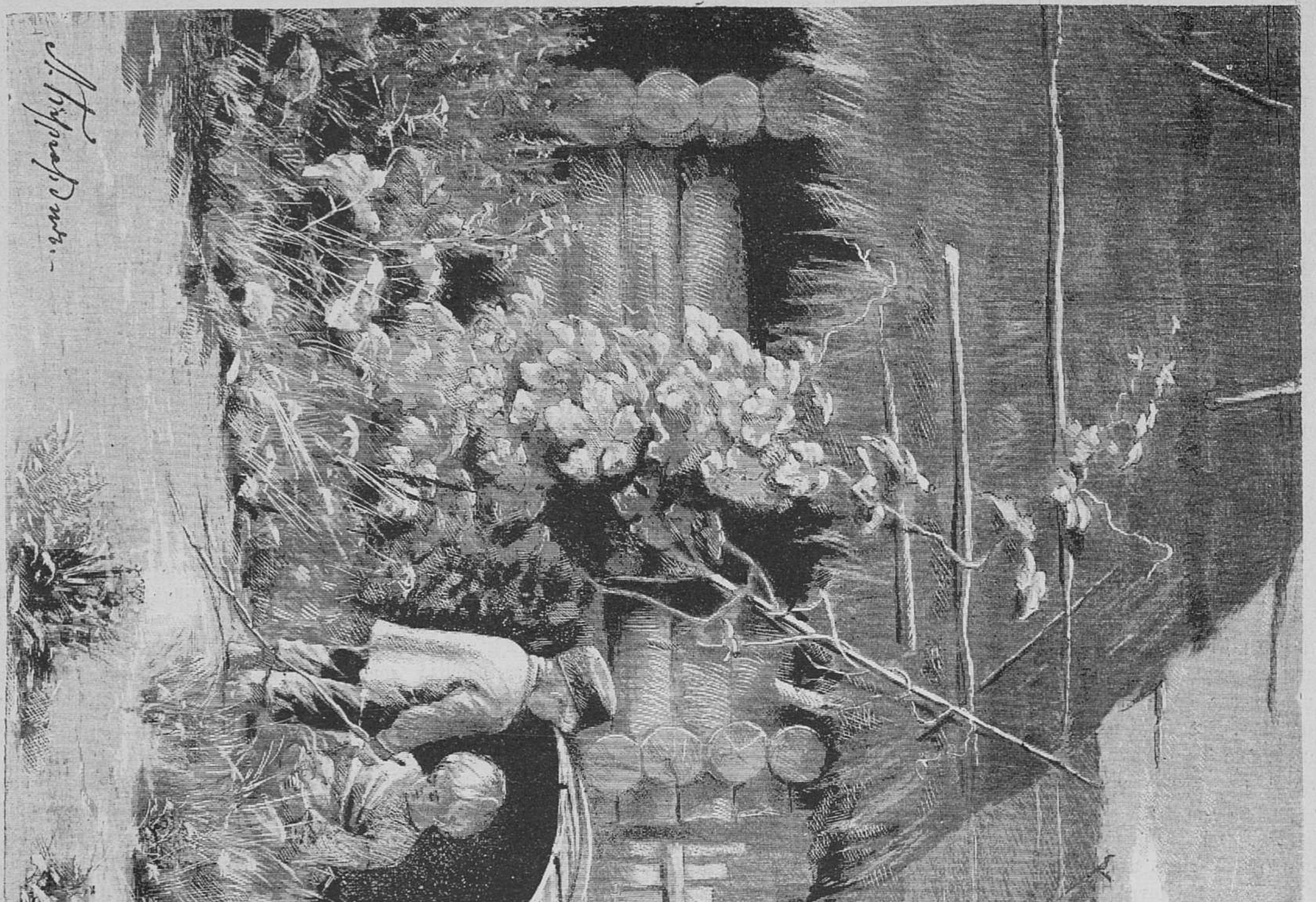
— Разумѣется, придется и поработать въ теченіи лѣта, многозначительно замѣтилъ сынъ, чтобы никто не подумалъ, что онъ безъ труда можетъ столько зашибать, и закончилъ прописной истиной на поученіе младшимъ: Даромъ деньги не даются!

Вѣра обратилась къ Хопрову съ вопросомъ:

— Вы тоже здѣсь будете лѣтомъ работать надъ своей картиной?

— Да, нельзя уѣхать, отвѣтилъ онъ. Хотѣлъ, было, въ Крыму пожить лѣтомъ, да неудастся.

Онъ самъ не зналъ, для чего онъ это сказалъ. Въ Крымъ онъ вовсе не собирался.



РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ Д. Бургардтъ.

На задворкахъ.

— Дорого въ Крыму жить, вставилъ Разумникъ Павловичъ, какъ-бы говоря, что это не по карману Хопрову.

— Ну, деньги меня, вообще говоря, не стѣсняютъ, отвѣтилъ Хопровъ и даже покраснѣлъ, избѣгая взгляда Вѣры. — Но работа требуетъ присутствія здѣсь.

Разумникъ не безъ удивленія взглянулъ на него.

— Такъ ты точно начинаешь устраиваться?

— То-есть, какъ это: начинаю? сказалъ Хопровъ и взглянулъ вызывающимъ взглядомъ на Разумника.—Мои дѣла устроены. Конечно, покуда по пяти тысячъ, какъ ты, не зарабатываю сразу, а все-же... При извѣстной бережливости могу прожить и годъ, и два, а можетъ быть, и болѣе безъ нужды, даже безъ заказовъ...

— За умъ взялся! проговорилъ коротко старикъ Хвощинскій и, поднявъ очки на носу вверхъ, чтобы лучше разглядѣть Хопрова, болѣе мягкимъ тономъ прибавилъ:—Давно пора, давно пора, братъ, остепениться, стать на ноги и зарабатывать деньги.

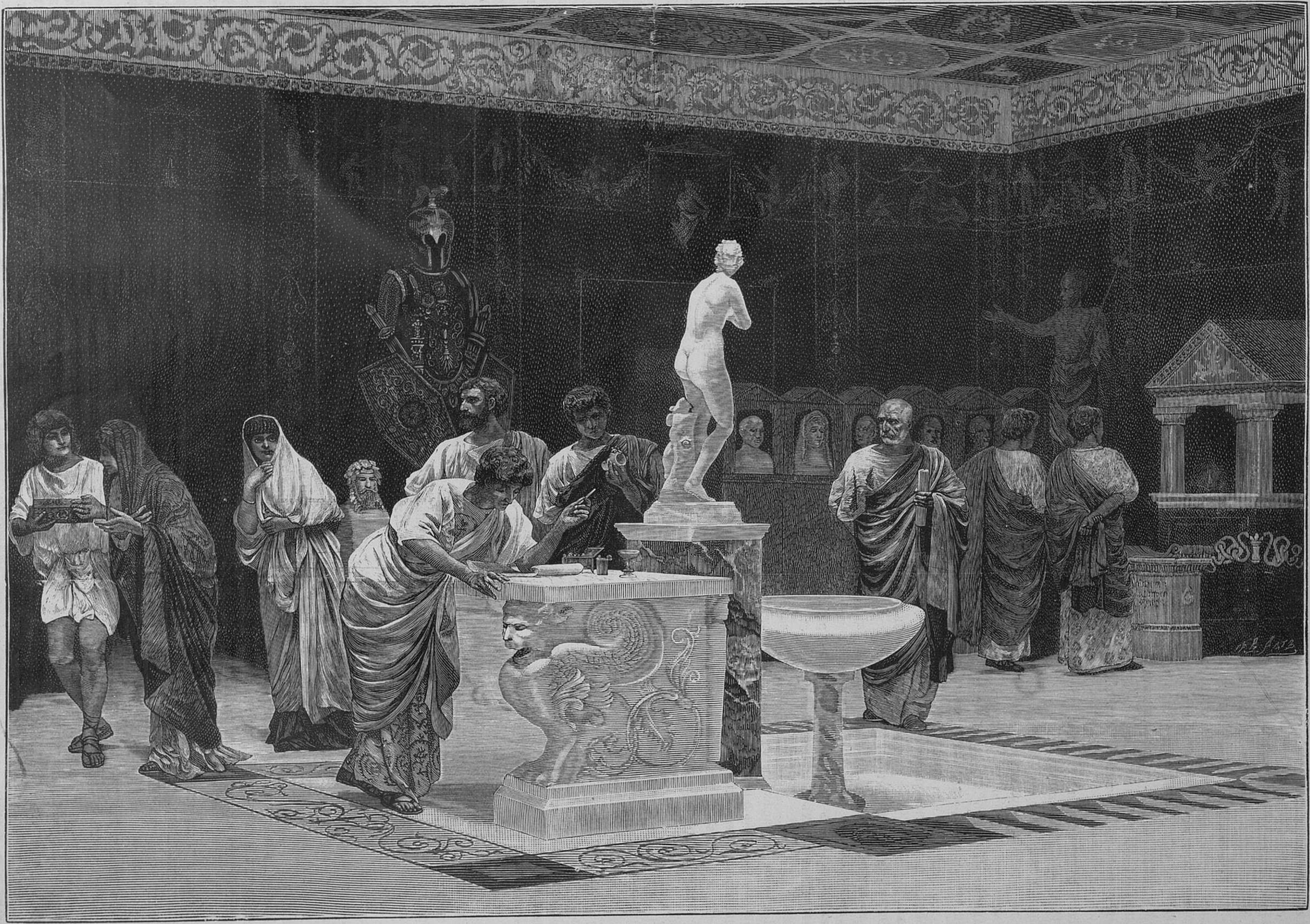
Вѣра Павловна, раскраснѣвшаяся, торжествующая, замѣтила протестующимъ тономъ:

— Когда вы, кузенъ, заведете свой экипажъ и своихъ лошадей, тогда всѣ будутъ даже говорить, что въ васъ всегда прозрѣвали генія!

Мать вмѣшалась въ разговоръ:

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины Бакаловича.



Клiенты, ожидающiе въ атрiумѣ выхода патрона.

Гравировалъ на деревѣ В. Адтъ въ Спб.

— Ваню никто и не считалъ бездарнымъ, но жизнь онъ велъ всегда безалаберную — это и онъ самъ знаетъ.

Два гимназиста всматривались безцеремонно пристально въ лицо Хопрова глазами сыщиковъ, точно желали узнать, не вретъ-ли онъ, и уличить его. Хопровъ, немного смущенный, непривыкшій лгать при Вѣрѣ, безсознательно вынулъ изъ кармана золотые часы и взглянулъ, который часъ. Гимназисты быстро переглянулись между собою и одинъ изъ нихъ, не выдержавъ, спросилъ:

— Это у васъ новые часы, Иванъ Ивановичъ?

Хопровъ покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, еще зимой купилъ.

— Дорого заплатили?

— Сто пятьдесятъ рублей.

— О-го!

Спрашивавшій и его младшій братъ опять многозначительно переглянулись между собою.

— Можно взглянуть? спросилъ одинъ изъ братьевъ.

— Отчего-же и нѣтъ, отвѣтилъ Хопровъ и передалъ гимназистамъ часы.

Они пригнули оба свои лица къ часамъ и выраженіе этихъ лицъ стало алчнымъ, хищническимъ. Глаза у нихъ теперь горѣли сухимъ блескомъ.

— Напрасно, напрасно! проговорилъ старикъ Хвощинскій, услыхавъ о цѣнѣ часовъ.— Пустая роскошь. Часы нужны такіе, лишь-бы механизмъ былъ хорошъ. Я вотъ весь вѣкъ серебряные ношу: недорого заплатилъ, а ходятъ отлично.

— Ну, что-жь, если молодой человѣкъ пофрантить немного хочетъ, оправдала его хозяйка дома.—Это не тряпка: и продать, и заложить можно.

Вѣра засмѣялась.

— Видите, кузенъ, мама снисходительна къ вамъ, даже франтить позволяетъ!

Мать пояснила:

— У меня одно правило: заработай и живи на заработаное, какъ позволяютъ средства. Вонъ Разумникъ въ оперѣ на кресло нынче абонировался—онъ можетъ это теперь дѣлать и прекрасно.

— Онъ долженъ бывать въ обществѣ; связи нужны, вставилъ коротко отецъ.

Вѣра Павловна опять засмѣялась:

— Ахъ, папа, вы такъ говорите, точно Разумникъ не слушаетъ ни музыки, ни пѣнія, а только нужныхъ людей ищетъ по партеру и по ложамъ!

— Музыку и пѣніе можно и изъ райка слушать, пояснилъ отецъ,—а Разумникъ взялъ кресло, потому что въ его положеніи иначе нельзя.

— А вамъ, кузенъ, еще можно въ раекъ ходить? пошутила Вѣра.

— Я хожу туда, гдѣ мѣсто есть, отвѣтилъ Хопровъ.

Чай былъ допитъ, всѣ разомъ поднялись съ мѣстъ, раздались чмоканья рукъ у хозяйки и хозяина.

— Заходи! коротко сказалъ хозяинъ, прощаясь съ Хопровымъ.

— Мы, какъ знаешь, въ будни по вечерамъ всегда дома, а въ воскресенье весь день, пояснила Хвощинская.

— Какъ-нибудь удосужусь, заверну къ тебѣ взглянуть, что пишешь, сказалъ Разумникъ.

Гимназисты крѣпко и ободрительно пожали руку Хопрова, гимназистки, въ качествѣ дѣвочекъ, не имѣющихъ права вмѣшиваться въ разговоры взрослыхъ, не проронившія вслухъ ни слова во весь вечеръ, конфузливо сдѣлали ему реверансъ, Вѣра Павловна, по обыкновенію, пошла провожать его черезъ гостиную.

— Видите, ваши фонды поднялись, кузенъ, пошутила она и, не умѣя еще скрывать своихъ чувствъ, горячо закончила: — если-бы вы знали, какъ все это мнѣ противно! Человѣка судятъ по количеству пріобрѣтаемыхъ имъ денегъ.

— Можетъ быть, они и правы въ нашъ практическій вѣкъ, отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, что вы говорите! воскликнула раздражительно она.—Да, можетъ, быть, иной человѣкъ и сталъ именно потому недостойнымъ никакого уваженія, что у него завелись деньги. Взятку взялъ, подлостью пріобрѣлъ, ограбилъ.

Онъ смутился, точно она про него это сказала.

— Конечно, въ настоящемъ-то случаѣ я рада, что они хоть ради денегъ примирились съ вами, поторопилась она добавить, не замѣчая его смущенія,—но въ общемъ, право-же, это становится невыносимымъ. Каждаго негодяя они готовы назвать достойнымъ человѣкомъ, если только онъ имѣетъ средства...

— Вѣра, раздался голосъ матери, — не видала-ли ты моихъ ножницъ?

Каждый разъ, когда Вѣра шла провожать Хопрова до передней, ея мать теряла или клубокъ нитокъ, или ножницы, или просто иголку.

Вѣра Павловна быстро пожала руку Хопрова, зная, что мать вовсе и не думаетъ искать ножницъ, и наскоро шепнула Хопрову:

— Набросаете эскизъ картины — покажете мнѣ? Да? Я хочу благословить ваше начинаніе. Слышите? Я первая хочу видѣть и имѣю на это право.

Онъ крѣпко пожалъ ея руку.

— Да, только вы и вѣрили въ меня, прошепталъ онъ.

— И видите, не ошиблась! воскликнула она.

Ему на минуту стало опять стыдно.

Она торопливо вернулась въ гостиную и мелькомъ взглянула на мать: ножницы были уже въ рукахъ старухи и вопросъ о нихъ не поднимался. Дочь знала, почему позвала ее мать, мать, въ свою очередь, знала, что дочь поняла ея намекъ на неприличіе долгаго перешептыванія съ Хопровымъ. Дальнѣйшія объясненія были не нужны.

Вокругъ стола шелъ теперь разговоръ о Хопровѣ среди отдыхавшей отъ работы семьи. Гимназистовъ особенно занималъ вопросъ о золотыхъ часахъ. Разумникъ Павловичъ сообразилъ, что вѣроятно Хопровъ принялся портреты писать или офицерскими жанрами промышляетъ, такъ какъ это довольно прибыльное занятіе. Старикъ Хвощинскій скептически замѣтилъ, что, можетъ быть, Хопровъ прихвастнулъ немного, заработалъ что-нибудь случайно, а тамъ снова все спуститъ. Хвощинская даже опечалилась по этому поводу и выразила мнѣніе, что, можетъ быть, и нѣтъ у Хопрова вовсе крупныхъ денегъ.

— Да вѣдь не мы-же дали ему денегъ на похороны его дѣда, на эти часы, на его переѣздъ на Васильевскій островъ, рѣзко и раздражительно вступилась Вѣра. — Мы вѣдь всегда только наставленія ему читали, а помочь, кажется, никогда и не думали.

— Прежде всего нужно было своихъ дѣтей поднять, васъ всѣхъ, сказала мать коротко и внушительно.

— Чужихъ крышъ не кроютъ, пока своя течетъ, вставилъ отецъ.

Вѣра съ горечью сказала:

— А у кого ни отца, ни матери, тотъ и погибай?

Разумникъ рѣшилъ:

— Это грустно, но въ этомъ ужь не мы виноваты. Это законы жизни.

Гимназисты опять занялись вопросами о часахъ:

— Только это онъ совралъ, что у него часы съ зимы. Совсѣмъ новенькіе, ни царапинки на крышкахъ.

— Можетъ быть, и пришелъ затѣмъ, чтобы побахвалиться!

— А вамъ и завидно стало? спросила рѣзко Вѣра.—Руки-бы расцѣловали, еслибъ онъ вамъ такіе часы подарилъ.

— Что-жь, часы хорошіе! отвѣтили оба въ одинъ голосъ.

А. Михайловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя.**

Переводъ **П. Каншина.**

(*Продолженіе*).

IV.

Пока Анжелика по привычкѣ разсматривала изображенія на стеклѣ, на которыхъ царская дочь высоко вскидывала сложенныя руки, а Георгій-Побѣдоносецъ такъ мужественно прокалывалъ копьемъ чрево чудовища, онъ все сильнѣе завладѣвалъ воображеніемъ молоденькой дѣвушки и мало по малу сдѣлался первымъ ея любимцемъ. На томъ разстояніи, на какомъ дѣвушка видѣла эти изображенія, фигуры на нихъ обрисовывались не вполнѣ ясно, являлись въ значительно увеличенныхъ размѣрахъ и казались какимъ-то сверхъестественнымъ видѣніемъ. Тонкая, стройная, бѣлокурая дѣвушка въ глазахъ Анжелики принимала ея собственныя черты, а Побѣдоносецъ, красивый, непорочный и грозный, какъ архангелъ, поражающій демона, являлся защитникомъ не царской дочери, а уже ея самой. Онъ случайно попадался ей на встрѣчу на берегу озера или пруда, спасалъ ее отъ великой опасности, а самъ въ это время былъ такъ ослѣпительно прекрасенъ, что она, въ порывѣ восторга и благодарности, готова была цѣловать его руки. Съ этою смутною грезой незамѣтно сливалось воспоминаніе о посѣщеніи замка Откеръ, но представлялся ей этотъ замокъ не такимъ, какъ онъ теперь, не развалиной, а могучею крѣпостью, съ ея грозными башнями, величаво возносившимися къ небесамъ, полною закованныхъ въ доспѣхи воиновъ и знатныхъ гостей, въ блестѣвшихъ золотомъ одеждахъ былыхъ временъ. Гербы сіяли, какъ звѣзды въ безлунныя лѣтнія ночи. Анжеликѣ такъ часто приходилось вышивать гербы мѣстнаго дворянства, что она знала ихъ наизусть со всѣми ихъ особенностями, съ ихъ громкими девизами, такъ что по однимъ этимъ гербамъ могла отличать одну отъ другой фигуры, являвшіяся въ ея воображеніи, и называть ихъ по именамъ. Вотъ Іоаннъ V; въ городѣ свирѣпствуетъ моровая язва, а онъ, навѣщая больныхъ, ходитъ отъ дверей къ другимъ, со словами:—«Если Господу угодно, онъ сподобитъ меня изцѣлить недугующаго, самъ-же я готовъ»,—цѣлуетъ умирающихъ въ лицо, и они выздоравливаютъ. Вотъ Фелиціанъ III; узнавъ, что болѣзнь мѣшаетъ королю Филиппу Красивому отправиться въ Палестину, самъ онъ босой и съ толстою восковою свѣчею въ рукахъ, отправляется туда вмѣсто короля, и въ награду за это въ гербѣ его появляются іерусалимскія отдѣленія. Грезилось ей также много другихъ лицъ и другихъ исторій, но чаще всего въ ея воображеніи возникали образы женщинъ, носившихъ фамилію Откеръ, «Счастливыхъ Покойницъ», какъ ихъ называли въ изустныхъ и писанныхъ легендахъ. Въ этомъ семействѣ всѣ женщины умирали непремѣнно молодыми и окруженными полнѣйшимъ счастіемъ. Иногда для двухъ или трехъ поколѣній дѣлалось исключеніе, но потомъ неумолимая смерть являлась снова и, съ улыбкой на устахъ, ласковой рукой уносила свою жертву, жену или дочь, котораго нибудь изъ маркизовъ Откеръ. Самой старшей изъ этихъ жертвъ никогда не бывало болѣе двадцати лѣтъ, и всѣ онѣ умирали среди полнаго блаженства любви. Лауретта, дочь Рауля I, ночью послѣ помолвки съ двоюроднымъ братомъ своимъ Ричардомъ, жившимъ тутъ-же въ замкѣ, сидѣла у окна. Комната ея находилась въ верхнемъ этажѣ башни Царя Давида. Вдругъ счастливая невѣста увидала жениха, стоявшаго у окна въ башнѣ Карла Великаго. Ей показалось, что женихъ зоветъ ее; лучъ мѣсяца перекидывалъ между двумя башнями мостъ изъ свѣта. Дѣвушка, не колеблясь ни минуты, пошла по этому воображаемому мосту, но въ торопяхъ оступилась; невѣрный шагъ заставилъ ее уклониться отъ линіи свѣта, и она съ ужасающей высоты упала на землю. Утромъ, ее уже мертвою нашли у подножія башни. Съ тѣхъ поръ существуетъ преданіе, что въ очень ясныя лунныя ночи бѣлая тѣнь ея бродитъ по воздуху между двумя башнями, слегка шурша своимъ безконечно длиннымъ платьемъ и разливая вкругъ себя ослѣпительно яркій свѣтъ. Бальбина, жена Эрве VII, въ теченіе цѣлаго полугода, думала, что мужъ ея убитъ на войнѣ, но все-таки продолжала ждать его, по цѣлымъ днямъ сидя на самомъ верху средней башни. Однажды, въ безмолвномъ ожиданіи глядя на дорогу, она вдругъ увидала, что онъ возвращается, со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать къ нему на встрѣчу и упала мертвой на послѣдней ступенькѣ: черезъ-чуръ сильный наплывъ неожиданной радости убилъ ее. И понынѣ, какъ говорили въ Бомонѣ, всякій день при наступленіи сумерокъ призракъ ея появлялся въ развалинахъ, быстро спускался изъ одного этажа въ другой, носился по корридорамъ и по разнымъ темнымъ переходамъ замка. Разсказывали, что его каждый вечеръ можно было видѣть, когда онъ быстро мелькалъ мимо тѣхъ пробоевъ въ стѣнахъ, которые когда-то были окнами, и сквозь которые теперь виднѣлось одно пустое пространство. Не только призраки Лауретты и Бальбины по ночамъ появлялись въ развалинахъ, но также тѣни Изабо, Гудулы, Ивонны, Острберты, какъ и всѣхъ другихъ «Счастливыхъ Покойницъ», на столько облюбленныхъ смертью, что она, желая избавить ихъ отъ бремени жизни, однимъ взмахомъ своихъ крыльевъ уносила ихъ далеко отъ земныхъ страданій какъ разъ въ то время, когда онѣ, молодыя, красивыя, упивались первыми минутами полнаго, безмѣрнаго счастія. Въ иныя ночи вереницы ихъ бѣлыхъ тѣней, словно стаи голубокъ, носились надъ развалинами замка. Даже послѣдняя изъ представительницъ женщинъ въ этой семьѣ, Клера, жена монсиньора и мать его сына, умерла внезапно. Она, совсѣмъ еще больная, собравъ все, что въ ней оставалось силы, добралась до колыбели своего ребенка и умерла отъ восторга, цѣлуя его.

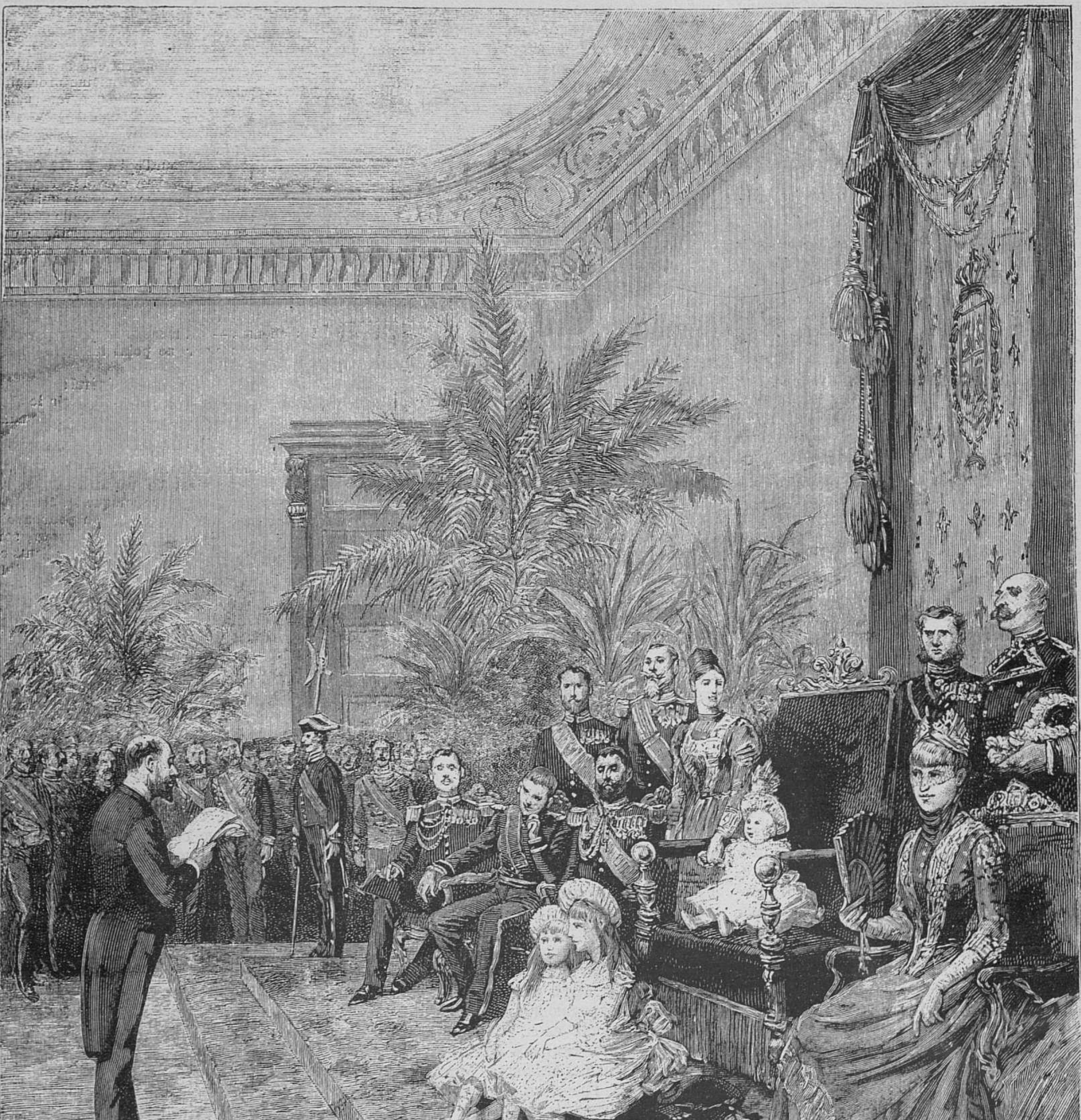
Всѣ эти преданія безпрестанно носились въ воображеніи Анжелики; она о нихъ говорила, какъ о чемъ-то вполнѣ достовѣрномъ, произшедшемъ не далѣе, какъ вчера; имена Лауретты и Бальбины она сама видѣла на могильныхъ плитахъ, врубленныхъ въ стѣны соборнаго придѣла, служившаго усыпальницей маркизамъ Откеръ. Такъ почему-бы и ей самой не умереть среди полнаго расцвѣта молодости и счастія? Гербъ маркизовъ сіялъ въ окнѣ придѣла надъ легендой о Св. Георгіи; изображеніе Побѣдоносца оживлялось, отдѣлялось отъ стекла и въ своихъ нѣжныхъ объятіяхъ уносило ее на небеса.

Любимая книга давно уже научила ее вѣрить, что чудеса не только не исключенія, но что для вѣрующихъ они совершенно обыкновенныя, вполнѣ нормальныя явленія, повторяющіяся безпрестанно, при каждомъ удобномъ случаѣ. Люди вѣрующіе находятся въ непрерывномъ общеніи съ Богомъ. И Матерь, и Сынъ Божій не только всегда являются заступниками и утѣшителями, но и творятъ чудеса, когда къ нимъ обращаются съ искреннею вѣрою; вѣрующіе-же обращаются къ нимъ съ полнымъ упованіемъ на ихъ кротость и милосердіе. Всѣ дѣвственныя праведницы, обрекшія себя на безбрачіе, или, не смотря на искушенія, съумѣвшія сохранить непорочность, становятся Христовыми невѣстами; всѣ мученики возносятся на небеса и тамъ вкушаютъ блаженство у ногъ Дѣвы Маріи. Ангелы-же и святые становятся постоянными собесѣдниками людей вѣрующихъ, они приходятъ самолично, проникаютъ сквозь стѣны, являются людямъ во снѣ, глаголятъ съ облаковъ, присутствуютъ при рожденіи и при успеніи праведниковъ, поддерживаютъ бодрость мучениковъ во время казней, освобождаютъ изъ темницъ, служатъ заступниками людямъ передъ Создателемъ и служатъ вѣстниками Его рѣшеній. Каждый шагъ ихъ сопровождается неисчерпаемымъ количествомъ чудесъ. Сильвестръ завязываетъ нитью пасть дракона. Земля сама собою поднимается, чтобы возвысить св. Иларія передъ товарищами, желавшими его унизить. Драгоцѣнный камень падаетъ въ чашу, которую испивалъ св. Лупъ. Дерево раздавливаетъ враговъ св. Мартина, а по приказанію этого святого, песъ отпускаетъ пойманнаго зайца и пожаръ потухаетъ самъ собою. Марія Египетская ходитъ по волнамъ, а при рожденіи св. Амвросія мухи-медоносицы вылетаютъ изъ его устъ. Угодники Божіи безпрестанно изцѣляютъ то отъ слѣпоты, то отъ моровой язвы; страждущимъ возвращается употребленіе отсохшихъ или парализованныхъ членовъ; ни одна болѣзнь не въ силахъ сопротивляться знаменію креста, въ особенности чума и проказа. Въ толпѣ слабыхъ и больныхъ ставятъ отдѣльно, и они изцѣляются всѣ разомъ однимъ ударомъ грома. Смерть побѣждена; воскресенія изъ мертвыхъ повторяются такъ часто, что становятся самымъ простымъ, обыденнымъ явленіемъ, а когда умираетъ праведникъ, то чудесамъ нѣтъ конца; они выростаютъ и смѣняются одни другими, словно неувядающіе цвѣты на могилѣ умершаго. Два ручья елея, служащіе цѣлебнымъ средствомъ отъ всякихъ болѣзней, текутъ изъ ноги и изъ головы Николая Чудотворца. Когда раскрываютъ гробъ св. Цециліи, то изъ него распространяется запахъ розъ, а гробъ Доротеи наполненъ манною. Кости дѣвственныхъ праведницъ и мучениковъ творятъ чудеса, обличаютъ лжецовъ, заставляютъ воровъ возвращать похищенное, даруютъ дѣтей безплоднымъ женщинамъ, исполняя тѣмъ самое горячее желаніе послѣднихъ, и возвращаютъ здоровье умирающимъ. Въ мірѣ больше нѣтъ ничего невозможнаго; невидимое и непостижимое всевластно царитъ надъ вселенной, и прихотливыя проявленія сверхъестественнаго и непостижимаго становятся законами природы. Въ храмахъ, кудесники своими чудесами начинаютъ соперничать съ праведниками: по ихъ приказанію серпы жнутъ хлѣбъ сами собою и безъ помощи человѣческихъ рукъ; мѣдныя змѣи двигаются; бронзовыя статуи смѣются, а волки поютъ человѣческими голосами. Но истинные праведники тутъ-же обличаютъ и пристыжаютъ кудесниковъ: по одному глаголу ихъ хлѣбъ и вино, употребляемые при таинствѣ причащенія, превращаются въ живыя плоть и кровь; изображенія Христа плачутъ кровавыми слезами; ключи свѣжей воды являются изъ камней; неистощимое количество горячаго еще хлѣба словно изъ земли выростаетъ, чтобы накормить голодныхъ бѣдняковъ; сухія вѣтви, посаженныя въ землю, покрываются зеленью и разцвѣтаютъ; высокое дерево преклоняется само собою, чтобы тѣмъ почтить изображеніе Христа. Этимъ, однако, не исчерпываются чудеса, творимыя праведниками, мощами или костями ихъ: отсѣченныя головы говорятъ и прорицаютъ; разбитыя чаши склеиваются сами собою; дождевой ливень сторонится отъ храма, чтобы затопить стоящій рядомъ дворецъ; одежда на отшельникахъ никогда не изнашивается, а обновляется сама собою съ наступленіемъ каждаго новаго времени года, словно шкура или шерсть на безсловесныхъ животныхъ. Въ Арменіи гонители Христовой вѣры бросаютъ въ море пять свинцовыхъ гробовъ, въ которыхъ находятся останки мучениковъ, и гробы эти не только не тонутъ, но тотъ изъ нихъ, въ которомъ находятся останки св. Варѳоломея, плыветъ впереди; другіе слѣдуютъ за нимъ, какъ почетный конвой, и вся эта флотилія, въ стройномъ порядкѣ проплывъ громадное пространство, пристаетъ къ далекимъ берегамъ Сициліи.

Вѣра Анжелики въ чудеса была безпредѣльна. Во всемъ окружающемъ ее многое, слишкомъ многое было до того недоступно ея пониманію, что, будучи не въ состояніи постигнуть силы тѣхъ явленій, среди которыхъ она жила постоянно, и существованіе которыхъ ей, быть можетъ, никогда и въ голову-бы не пришло, если-бы они своимъ могучимъ вліяніемъ сами не давали о себѣ знать, она чувствовала себя такою ничтожной, подавленной и безпомощной, что подъ вліяніемъ «Золотой Легенды», которую она продолжала читать постоянно, Анжелика съ искренною вѣрою христіанки первыхъ вѣковъ новой эры всецѣло отдавалась въ руки Творца, не признавая за собой ни малѣйшей свободной воли, никакой самодѣятельности. А между тѣмъ она была убѣждена, что на ней лежитъ пятно первороднаго грѣха, которое она обязана смыть и считала это вполнѣ невозможнымъ безъ особенной благодати Божіей, такъ какъ одинъ Богъ могъ совершить такое чудо. Первымъ проявленіемъ этой благодати она уже считала то, что Господь привелъ ее подъ мирный кровъ Губертовъ, гдѣ вдали отъ мірской суеты и подъ тихой сѣнью собора на ея долю выпала жизнь, полная покорности, вѣры и душевной чистоты. Правда, порою она въ тайникѣ души своей чувствовала какъ-бы мятежный ропотъ наслѣдственнаго зла, наслѣдственнаго порока, и кто знаетъ, что вышло бы изъ нея на родной почвѣ?—Вѣроятно, погибшее созданіе, потерянная женщина; но тутъ, въ этомъ благословенномъ уголкѣ, вдали отъ какихъ бы то ни было дурныхъ примѣровъ, душа ея, воспитанная на мистическихъ легендахъ и благодаря этому непоколебимо вѣровавшая во все чудесное, незримое и невѣдомое, росла такою дѣвственно-прекрасною, что ни единое пятнышко не омрачило ея лучезарной чистоты. И развѣ такая среда не была на самомъ дѣлѣ благодатію Божіей и не укрѣпляла въ ней душевныя силы для житейской борьбы, какъ нѣкогда укрѣпляла мучениковъ? Борьба эта еще не наступала, но дѣвушка, благодаря пылкому воображенію, воспитанному на мистической книгѣ, въ которой воочію совершившіяся чудеса были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, и благодаря тому смутному волненію, которое неразлучно съ шестнадцати и семнадцатилѣтнимъ возрастомъ, и которое неизбѣжно въ человѣческомъ организмѣ въ пору его созрѣванія, дѣвушка чувствовала ея приближеніе, даже сама того не подозрѣвая, мысленно создавала ее, а полное непониманіе ни самой себя, ни всего окружающаго, расширяли размѣры этой борьбы, придавали ей ужасающую силу. Для неопытной дѣвушки съ несозрѣвшею мыслью все исходило изъ нея-же самой, чтобы къ ней-же и вернуться; какъ человѣкъ для спасенія человѣка создаетъ фантастическіе призраки, такъ и тутъ ничего не было, кромѣ грезы, доходившей порою до того, что Анжелика, полная смущенія и тревоги, сомнѣваясь въ своемъ собственномъ физическомъ бытіи, ощупывала себѣ лицо. Ей мерещилось, что бытіе это не дѣйствительное, а только кажущееся, призрачное, и что оно, того и гляди, исчезнетъ, какъ призракъ.

Однажды, теплой майской ночью, сидя на своемъ любимомъ балкончикѣ, на которомъ она проводила столько долгихъ и сладкихъ часовъ, Анжелика вдругъ залилась слезами. Горя, никакихъ причинъ для слезъ у нея не было; ее только томило и волновало какое-то смутное ожиданіе кого-то или чего-то, хотя она знала, что ожидать ей нечего. Ночь была безлунная, темная; «Пустырь Маріи», словно полная мрака пропасть, чернымъ пятномъ врѣзался въ густую синеву неба, усѣяннаго звѣздами, и глаза дѣвушки только и различали одни смутныя очертанія старыхъ вязовъ сосѣднихъ садовъ, прилегавшихъ къ епископскому дворцу и къ отелю Вуэнкуръ. Только окно въ соборѣ съ изображенной на немъ легендой о св. Георгіи по обыкновенію ярко сіяло среди окружающаго мрака. Но, если дѣвушка твердо была убѣждена, что ждать ей нечего, что никто не придетъ, отчего-же сердце ея билось такъ сильно, такъ тревожно? Томившее ее ожиданіе началось не сегодня и не вчера, а еще съ тѣхъ поръ,

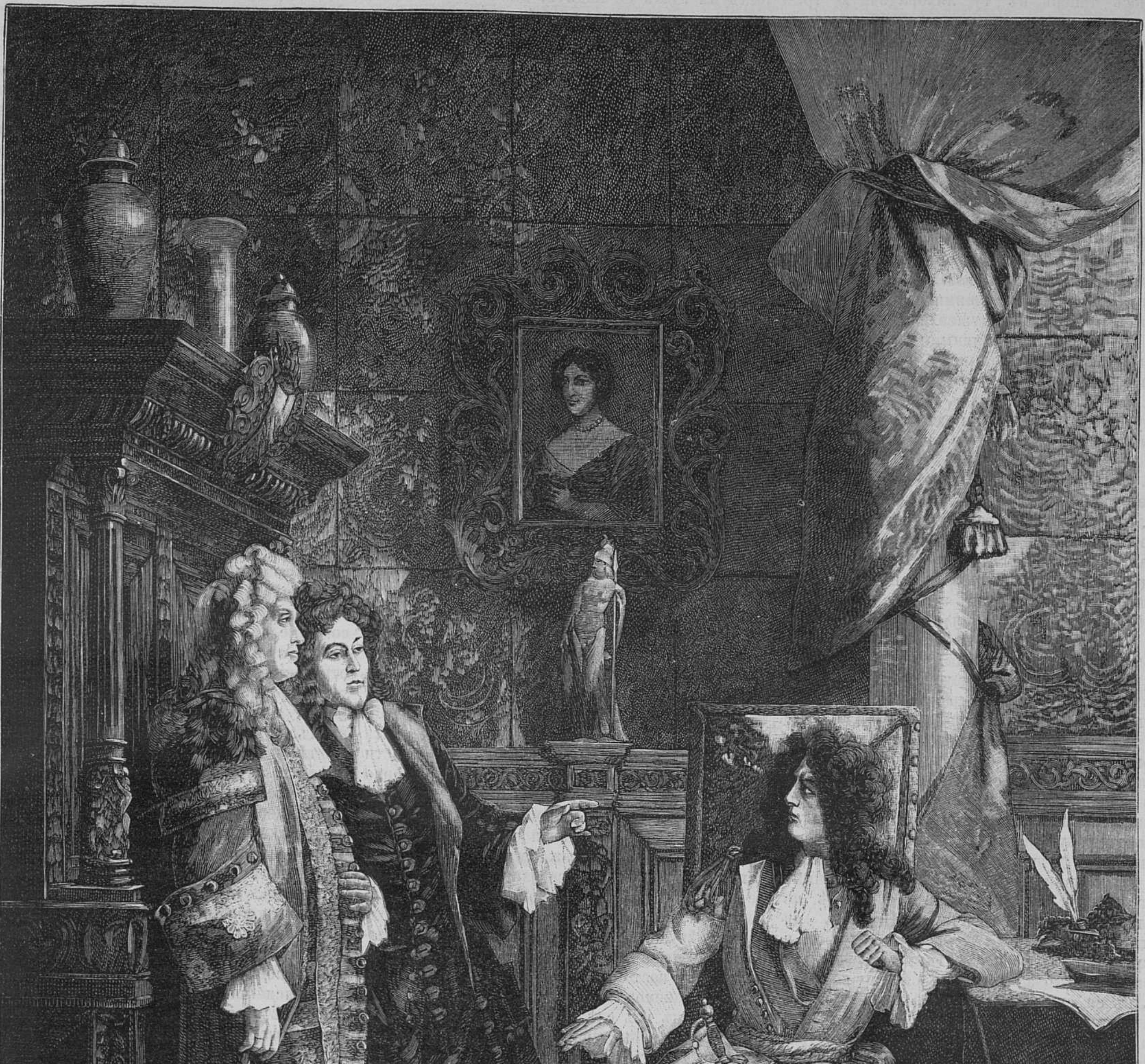
СОВРЕМЕННЫЯ НОВОСТИ.



Альфонсъ III на открытіи барселонской выставки.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Макса Фолькгарда.



Секретное совѣщаніе.

когда Анжелика изъ ребенка стала превращаться въ дѣвушку; оно росло съ годами и развилось теперь въ ту лихорадочную тревогу, полную несознанныхъ желаній которыя волнуютъ кровь у только-что расцвѣтшихъ дѣвушекъ. Въ томъ настроеніи, въ которомъ находилась Анжелика, ничто бы ее не удивило, потому что вотъ уже цѣлыя недѣли, какъ въ разстилавшемся передъ нею таинственномъ уголкѣ, благодаря ея разгоряченному воображенію, населенному какими-то незримыми существами, ей все мерещились смутные, незнакомые голоса. Главнымъ образомъ населять этотъ уголокъ цѣлымъ роемъ чудесъ праведниковъ и праведницъ воображенію дѣвушки помогала «Золотая Легенда». Анжеликѣ казалось, что все вокругъ нея одушевляется, что мерещившимися ей голосами говорятъ предметы неодушевленные, остававшіеся до тѣхъ поръ безмолвными, какъ-то листья деревьевъ, волны «Козлихи» и даже самые камни собора. Но о комъ-же говорили, чье прибытіе возвѣщали ей своимъ шепотомъ невидимыя существа, что хотѣли сдѣлать изъ нея невѣдомыя силы, вѣявшія на нее изъ-за предѣловъ дѣйствительнаго міра и разлитыя вокругъ нея въ воздухѣ? Она по цѣлымъ часамъ оставалась на балконѣ, какъ-бы прійдя на свиданіе, котораго ей никто не назначалъ, и, устремивъ глаза въ темное пространство, все ждала, тревожно ждала кого-то или чего-то невѣдомаго, пока сонъ совсѣмъ не одолѣвалъ ее. Она чувствовала, какъ это невѣдомое все росло, росло и помимо ея воли пріобрѣтало надъ нею такую силу, что вся ея дальнѣйшая судьба зависила отъ него.

Въ теченіе четырехъ ночей, съ наступленіемъ той минуты, когда мракъ сгущался окончательно, дѣвушка принималась плакать. Ей было тяжело, но она все-таки возвращалась на балконъ и терпѣливо ожидала чего-то. Охватившая ее греза все сильнѣе овладѣвала ею, и это сопровождалось страннымъ, даже мучительнымъ физическимъ ощущеніемъ, словно горизонтъ, съуживаясь вокругъ нея, начиналъ тѣснить ее и душить. Окружающіе предметы какъ будто давили ей сердце; таинственные голоса шумѣли теперь уже въ ея черепѣ, но отъ этого не становились ни явственнѣе, ни понятнѣе. Вся природа вмѣстѣ съ зеленью и съ окружающимъ ее необъятнымъ небеснымъ сводомъ всецѣло завладѣвала ею, словно вторгаясь въ ея существо. Могучій захватъ этотъ былъ медленъ, но неотразимъ. При каждомъ звукѣ, при каждомъ шорохѣ дѣвушка вздрагивала, руки ея начинали горѣть, и глаза жадно впивались въ темноту, какъ бы стараясь проникнуть въ самую глубину мрака и разглядѣть то, что тамъ творится. Не давно-ли желанное чудо даетъ, наконецъ о себѣ знать? Нѣтъ, она опять ошиблась: ничего нѣтъ; вѣроятно, ночная птица похлопываетъ крыльями, и вотъ причина послышавшагося шороха. Дѣвушка снова прислушивалась; мало по малу она научилась отличать шорохъ листьевъ одного дерева отъ другого; знала, какъ вѣтеръ шумитъ листвою вяза, ивы и т. д. Иногда камень, сорвавшійся съ берега и упавшій въ воду, или едва слышные шаги бродящаго животнаго заставляли ее вздрагивать всѣмъ тѣломъ. Она перевѣшивалась за балконную рѣшетку и чутко прислушивалась, затаивъ дыханіе.

Наконецъ, однажды въ безлунную ночь, когда окрестный мракъ болѣе обыкновеннаго былъ проникнутъ теплотою, что-то въ самомъ дѣлѣ началось. Дѣвушка въ первыя минуты боялась ошибиться и на этотъ разъ, такъ какъ долетѣвшій до нея шорохъ былъ до того тихъ, что его едва можно было разслышать даже привычнымъ ухомъ, но онъ повторился, и Анжелика сразу поняла, что это нѣчто новое, а не одинъ изъ тѣхъ шумовъ, которые ей были давно знакомы. Она такъ и замерла на мѣстѣ, полная напряженнаго ожиданія, но шорохъ тоже замеръ. Давно ничего не было слышно; наконецъ, вотъ-вотъ опять, но на этотъ разъ онъ какъ будто нѣсколько приблизился, оставаясь такимъ же смутнымъ, какъ и прежде. Его можно было принять за чьи-то осторожные и отдаленные шаги, которыхъ ни глазъ не видитъ, да и слухъ едва улавливаетъ, но приближеніе которыхъ обличало одно только легкое колебаніе воздуха. То, что она слышала и ожидала, на самомъ дѣлѣ, какъ и въ ея грезѣ, появлялось изъ содрогавшагося вокругъ нея мрака, было пока еще невидимо, но мало по малу оно изъ міра грезъ переходило въ дѣйствительность, какъ осуществленіе неясныхъ и несознанныхъ желаній, само собою сказавшихся въ ея созрѣвающемъ организмѣ. Ужь не святой ли Георгій, изображеніе котораго она видѣла въ освѣщенномъ окнѣ, отдѣлился отъ стекла и теперь, попирая своими нарисованными ногами высокую траву сада, шелъ къ ней и за нею? Какъ нарочно въ это время свѣтъ въ окнѣ поблѣднѣлъ и изображеніе Побѣдоносца явилось ей въ видѣ легкаго, слегка красноватаго облака съ неясными очертаніями.

Въ эту ночь ожидаемое чудо только этимъ и ограничилось, но на слѣдующій вечеръ, когда все стемнѣло, шорохъ послышался опять, но уже сильнѣе и ближе вчерашняго. Не было никакого сомнѣнія, что это шорохъ чьихъ-то шаговъ, но такихъ осторожныхъ и легкихъ, что они едва касались земли, какъ шаги призрака. Шорохъ то замолкалъ, то становился явственнѣе, но невозможно было съ точностью опредѣлить мѣсто, откуда онъ слышался. Можетъ быть, онъ долеталъ изъ сада отеля Вуэнкуръ, гдѣ кто-нибудь до поздней ночи засидѣлся подъ вязами, или, можетъ быть, онъ доносился изъ сада при епископскомъ дворцѣ и именно изъ того густого куста сирени, цвѣты котораго опьяняли ее своимъ чуднымъ ароматомъ? Какъ, однако, ни вглядывалась она въ ночной сумракъ, глаза ея ничего не могли различить, и только одинъ слухъ давалъ ей знать о совершавшемся во мракѣ чудѣ, да отчасти обоняніе, потому что ароматъ сирени, словно помимо ночного вѣтерка гонимый еще человѣческимъ дыханіемъ, становился сильнѣе. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей таинственный шорохъ повторялся, съ каждымъ разомъ подходя также осторожно, но все ближе и ближе, пока не сталъ слышаться у самой стѣны подъ балкономъ, гдѣ и замиралъ. Наступало долгое молчаніе; дѣвушку невѣдомое и незримое охватывало своими мощными объятіями, заставляло ее млѣть отъ восторга и доводило ее почти до полнаго изнеможенія силъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ вечеровъ, Анжелика среди выступавшихъ на небѣ звѣздъ увидала вдругъ едва прорѣзавшійся серпъ молодого мѣсяца. Но вмѣстѣ съ погасающимъ днемъ серпъ этотъ быстро склонялся къ горизонту и скоро совсѣмъ исчезъ за темнѣвшей громадой собора, словно ярко свѣтящійся взглядъ почти совсѣмъ прикрытый опущенными вѣками. Анжелика слѣдила глазами за мѣсяцемъ, съ каждыми сумерками становившимся все болѣе, нетерпѣливо ожидая, чтобы онъ выросъ совсѣмъ, и въ надеждѣ, что онъ, наконецъ, освѣтитъ ей то, что до сихъ поръ оставалось для нея невидимымъ. Въ самомъ дѣлѣ «Пустырь Маріи» съ кущами росшихъ на немъ деревьевъ, съ развалинами мельницы и съ его быстрымъ, громко журчащимъ ручьемъ, сталъ постепенно выходить изъ мрака. Тогда таинственное явленіе все-таки продолжалось, не смотря на свѣтъ, и кончалось тѣмъ, что греза, которая до тѣхъ поръ утопала въ непроницаемомъ мракѣ, стала принимать образъ тѣни, похожей на человѣческую фигуру, такъ какъ первое время дѣвушка видѣла только слабую тѣнь, колеблящуюся подъ лучами мѣсяца. Что-же это было? Быть можетъ, тѣнь отъ древесной вѣтки, качаемой вѣтромъ? Порою все исчезало; на пустырѣ снова воцарялись полная тишина, мертвая неподвижность, и Анжелика думала, ужь не галлюцинація-ли это, не обманъ ли зрѣнія? Но потомъ сомнѣніе становилось немыслимымъ: на ея глазахъ какое-то темное пятно, осторожно перебираясь отъ одной ивы до другой, прошло довольно значительное пространство, освѣщенное луною. Дѣвушка то теряла это пятно изъ виду, то снова находила его, но все-таки никакъ не могла опредѣлить, что это такое? Какъ-то вечеромъ ей показалось, что тѣнь приняла очертаніе человѣческой головы и туловища и быстро-быстро удалялась; глаза дѣвушки невольно обратились на обыкновенно освѣщенное окно собора. Теперь оно было тускло, словно пустое, или вѣрнѣе оно свѣтилось извнѣ,—такъ какъ лучи мѣсяца ударяли прямо въ него. Съ этой минуты она стала замѣчать, что движущаяся тѣнь, все удлинняясь, подходила все ближе и ближе къ балкону, стараясь не выходить изъ темныхъ пятенъ, образуемыхъ кустарниками въ саду, или держась ближе къ неосвѣщенной стѣнѣ собора. По мѣрѣ того, какъ Анжелика чувствовала, что тѣнь приближается, охватившее ее волненіе все увеличивалось, и ей становилось не по себѣ, какъ отъ того непріятнаго ощущенія, когда чувствуешь, что кто-то пристально на насъ смотритъ, но кто именно — не видишь. Теперь уже для Анжелики не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что кто-то, скрываясь подъ развѣсистыми вѣтвями деревьевъ, смотритъ на нее, поднявъ голову, и не сводитъ съ нея глазъ. Она на лицѣ, на рукахъ физически ощущала эти долгіе, безконечно нѣжные и въ то же время робкіе взгляды; она не старалась избѣгать ихъ, скрываться отъ нихъ, потому что была убѣждена, что взгляды эти чисты, какъ та любовь, о которой говорилось въ «Золотой Легендѣ», и ея первоначальное смущеніе смѣнялось какимъ-то сладостнымъ трепетомъ, переходившимъ въ сознаніе полнаго счастія. Какъ-то ночью на землѣ, ярко освѣщенной мѣсяцемъ, внезапно и отчетливо обрисовалась человѣческая тѣнь, тѣнь мужчины, котораго Анжелика видѣть не могла, такъ какъ онъ прятался въ густыхъ ивахъ. Человѣкъ этотъ словно окаменѣлъ на мѣстѣ, и дѣвушка долго съ восторгомъ смотрѣла на его неподвижную тѣнь.

Съ этой минуты у Анжелики была тайна, такая необъятная тайна, что она, казалось, едва вмѣщалась въ обширной, чистой, выбѣленной известью комнатѣ дѣвушки, такъ что эта комната была сплошь наполнена ею. Тутъ Анжелика, пріютившись на постели, въ которой почти совсѣмъ терялась ея тонкая и стройная фигура, зажмуривъ глаза, но безъ сна лежала по цѣлымъ часамъ, и ей все видѣлась эта неподвижная тѣнь, отчетливо обрисовывавшаяся на освѣщенной луной полянѣ. На разсвѣтѣ, когда она, проснувшись, открывала глаза, взгляды ея вопросительно переходили отъ рѣзного шкафа къ большому сундуку, отъ фаянсовой печи къ туалетному столику, съ удивленіемъ нигдѣ не находя таинственнаго силуэта, который до того врѣзался ей въ память, что она безъ малѣйшей ошибки могла-бы начертать его съ одного штриха. Она даже во снѣ видѣла, какъ эта тѣнь скользила между блѣдными цвѣтами вереска, которыми былъ усѣянъ ея пологъ. Тѣнь эта теперь наполняла все ея существованіе даже и во снѣ; она была товарищемъ, другомъ ея собственной тѣни, такъ что у дѣвушки теперь ихъ оказывалось двѣ, хотя она и была одна съ своею упоительной грезой.

Тайны этой Анжелика никому, даже Губертинѣ, не повѣряла, хотя до тѣхъ поръ откровенно говорила ей все. Когда воспитательница, удивленная ея плохо скрываемою радостью, принималась ее разспрашивать, дѣвушка краснѣла и отвѣчала, что роскошная ранняя весна приводитъ ее въ такое ликующее настроеніе. Съ утра до вечера она что-то напѣвала въ полголоса, жужжа, словно мушка, опьяненная первыми теплыми лучами солнца. Никогда еще ризы, пелены и другія церковныя вещи, которыя она вышивала, не сіяли такимъ лучезарнымъ блескомъ, такими чудными соединеніями золота, серебра и яркихъ шелковъ. Губертъ и жена, приписывая радость воспитанницы избытку здоровья, только улыбались, глядя на нее. По мѣрѣ того, какъ день клонился къ вечеру, веселость дѣвушки все возрастала; съ восходомъ луны пѣсни становились громче, а когда наступалъ часъ полной свободы, то-есть, возможность удалиться на балконъ, Анжелика со всѣхъ ногъ бѣжала туда, и почти слѣдомъ за этимъ на полянѣ являлась завѣтная тѣнь. Во всю эту четверть луны тѣнь не только ни разу не отсутствовала, но и не опоздала на безмолвно условленное свиданіе; прямая и неподвижная лежала она на освѣщенной землѣ, а Анжелика знала о ней не болѣе, чѣмъ, въ первый день ея появленія, какъ даже и не подозрѣвала, отъ чьего присутствія происходило это неподвижное темное пятно. Неужто это была только тѣнь, только кажущійся призракъ? Не можетъ быть! Ужъ не Побѣдоносецъ-ли это, теперь постоянно исчезавшій съ рисованнаго стекла въ окнѣ собора, или не ангелъ-ли, нѣкогда любившій Цецилію и теперь, полюбивъ ее, Анжелику, слетавшій къ ней съ небесъ? Эта мысль вызывала въ дѣвушкѣ невольную гордость и наполняла блаженствомъ ея душу, какъ ласка, которой удостаивалъ ее незримый міръ. Нѣсколько времени она довольствовалась этимъ невѣдѣніемъ, но потомъ ей захотѣлось узнать все подробно, и тревожное ожиданіе ея началось снова.

Полная луна освѣщала «Пустырь Маріи». Когда она достигала зенита, деревья, озаряемыя бѣлыми лучами, падавшими на нихъ отвѣсно, не бросали отъ себя никакой тѣни и казались неподвижными фонтанами свѣта. Весь пустырь наводненъ былъ этими лучами, заливавшими его лучезарными волнами, отличавшимися прозрачностью хрусталя; воздухъ-же надъ пустыремъ былъ такъ чистъ, что даже каждое очертаніе тонкихъ листьевъ ивы обрисовывалось совершенно отчетливо. При малѣйшей дрожи въ воздухѣ, рябь, казалось, пробѣгала по этому озеру свѣта, лучи котораго погружены были въ мирную и сладкую дремоту, сосредоточенное между высокими деревьями сосѣднихъ садовъ и колоссальнымъ зданіемъ собора.

Такъ прошло еще двѣ ночи, но на третью, когда Анжелика только что облокотилась на рѣшотку балкона, ея глазамъ представилось нѣчто необычайное. Дѣвушка невольно содрогнулась и едва устояла на ногахъ, словно ей нанесли сильный ударъ прямо въ сердце. Дѣло въ томъ, что среди ярко освѣщенной лужайки она увидала его. Онъ, весь озаренный свѣтомъ, стоялъ, обратившись къ ней лицомъ. Тѣнь его, какъ и тѣнь деревьевъ, сосредоточиваясь вокругъ его ступней, совсѣмъ не была замѣтна. Только и былъ видѣнъ онъ одинъ и видѣнъ очень отчетливо. Даже на довольно значительномъ разстояніи, Анжелика различала его очень ясно, словно среди бѣлаго дня. Лѣтъ двадцати на видъ, онъ былъ бѣлокуръ, высокъ ростомъ, тонокъ и строенъ, съ вьющимися волосами, не очень густой еще бородкой, прямымъ, слегка толстоватымъ носомъ, и съ своими черными, необыкновенно нѣжными глазами, хотя въ нихъ замѣтенъ былъ легкій оттѣнокъ надменности. Анжелика никогда не видала его ранѣе, но сразу узнала его: это былъ онъ, тотъ, кого она ждала, и именно такой, какимъ она себѣ его воображала. Чудо, наконецъ, совершалось вполнѣ; чудный образъ, который медленно цѣлыми годами складывался въ воображеніи дѣвушки, теперь живой явился передъ нею. Онъ стоялъ передъ нею, словно выплывъ изъ мрака незримаго, изъ тумана грезъ, изъ таинственнаго шепота невѣдомыхъ голосовъ, изъ причудливой игры свѣта и тѣней въ мягкія весеннія ночи, изъ всего охватывавшаго ее такъ сильно, что она почти теряла сознаніе. Ей казалось, что онъ, явившійся какимъ-то чудомъ, не на землѣ стоитъ, а паритъ въ воздухѣ, какъ въ какой-нибудь мистической легендѣ, весь въ лучахъ серебристаго таинственнаго сіянія, окружавшаго его со всѣхъ сторонъ. Ей даже мерещилось, что вокругъ него цѣлая толпа тѣхъ праведниковъ, чьи посохи мгновенно покрывались зеленью и цвѣтами, и тѣхъ мучениць, изъ чьихъ ранъ струились молочныя рѣки. Отъ парящихъ въ воздухѣ бѣлыхъ верениць этихъ праведниць даже блѣднѣло сіяніе звѣздъ нанебѣ.

Анжелика все продолжала смотрѣть на него. Онъ поднялъ вверхъ сложенныя руки, протянулъ ихъ къ ней и потомъ вдругъ широко раскинулъ ихъ, какъ для объятій. Дѣвушку это не испугало; она ласково и довѣрчиво улыбалась видѣнію.

(*Продолженіе будетъ*).

Старикъ.

(Рисунокъ на стр. 359).

Онъ баловнемъ судьбы былъ отъ природы—
Былъ и красивъ, и статенъ, и высокъ,
Носилъ всегда нарядъ послѣдней моды
И щеголялъ прической «а ля кокъ».
Отъ менторовъ освободившись рано
И получивъ наслѣдство отъ отца,
Онъ началъ слыть у дамъ за Донъ-Жуана
И покорять съ успѣхомъ ихъ сердца.
Надъ деньгами онъ не дрожалъ, какъ скряга,
Конторскихъ книгъ не велъ, какъ торгаши,
И отдавалъ за жизненныя блага,
Какъ щедрый Крезъ, презрѣнные гроши.
Философъ, жизнь считалъ онъ днемъ блестящимъ
Межъ темныхъ двухъ ночей небытія
И жилъ всегда мгновеннымъ настоящимъ,
О будущемъ и прошломъ не скорбя
И предпочтя веселье дѣвъ лукавыхъ
Унынію съ примѣрною женой,—
А годы шли и въ волосахъ кудрявыхъ
Отмѣченъ былъ полетъ ихъ сѣдиной.

Да, годы шли... Имъ вслѣдъ ушли куда-то
Запасы силъ, здоровья и... рублей,—
Настали дни за прошлое расплаты,
Съ болѣзнями, безъ денегъ, безъ друзей...
Измученный недугомъ, чуть не нищій,
Онъ сталъ смотрѣть серьезнѣе на свѣтъ,
А прошлое не мало дало пищи
Для горькихъ думъ о суетѣ суетъ,
И многое, на что смотрѣлъ, бывало,
Онъ съ легкою усмѣшкой на устахъ,
Теперь въ душѣ невольно пробуждало
Презрѣніе, брезгливость, гнѣвъ и страхъ.
Во тьмѣ ночной въ часы безсонныхъ бдѣній
Не проливалъ онъ безполезныхъ слезъ,
Не выражалъ ненужныхъ сожалѣній,
Но разрѣшалъ мучительный вопросъ:
Какъ дальше быть? Покончить-ли съ собою
И вѣчнымъ сномъ изъ трусости уснуть?
Иль силами помѣряться съ судьбою
И съ смѣлостью вступить на новый путь?..

Философомъ быть въ счастьи—не геройство,
Геройство—быть философомъ въ бѣдѣ,
Не выражать ни тѣни безпокойства,
Смотря въ лицо невзгодамъ и нуждѣ...
Ему вполнѣ пришлось извѣдать это
И удалось не пасть въ борьбѣ съ судьбой
Когда его безпечной жизни лѣто
Смѣнилось злой житейскою зимой.
Бѣднякъ, едва поднявшійся съ постели,
Онъ отдался съ усердіемъ труду
Сводя концы съ концами еле-еле
И не ропща безплодно на судьбу.
Онъ, прежній франтъ, въ заплатанной одеждѣ
Ходилъ теперь, но нищимъ не считалъ
Его никто,—онъ голову, какъ прежде
Передъ людьми высоко поднималъ.
И сверху внизъ съ презрѣніемъ въ улыбкѣ
Смотрѣлъ на все, чѣмъ такъ кичится «свѣтъ»,
Что свято чтимъ мы только по ошибкѣ,—
Блескъ мишуры и суету суетъ...

А. Комаровъ.

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ёжа.**

(Переводъ съ польскаго **А. Сахаровой**).

(*Продолженіе*).

Точно также, mutandis mutandum Ляіошу повезло и во второмъ, въ третьемъ и въ четвертомъ дворянскомъ домахъ; онъ переночевалъ; на слѣдующій день онъ отправился въ дальнѣйшій объѣздъ; удача постоянно ему благопріятствовала, тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ облегченіе, которое сразу его удивило. Онъ ѣхалъ,—извѣстіе его опередило и подготовляло ему почву. Серьезной оппозиціи онъ не встрѣчалъ нигдѣ, но за то, его встрѣчало часто и во многихъ мѣстахъ, то любопытство, изъ котораго вытекалъ допросъ и работало воображеніе, создававшее планы. Его преслѣдовалъ первый, однако, второе еще болѣе допекало его. Что касается до перваго, то къ нему часто приставали съ разспросами:

— А что-же скажетъ объ этомъ Собѣскій?..

— А прислалъ-ли святѣйшій отецъ свое благословеніе?..

— Даетъ-ли Венеція деньги?..

И тому подобное.

На вопросы такого рода у него былъ одинъ отвѣтъ

— Не знаю.

Этотъ отвѣтъ, принятый въ значеніи дипломатической уловки, удовлетворялъ любопытство и вмѣстѣ съ тѣмъ составлялъ Ляіошу репутацію.

— Какой продувной!.. говорили о немъ. Разспроси его невзначай, онъ тотчасъ отвѣтитъ:

— Не знаю...

— Ого, знаетъ онъ, только его не поймаешь.

Съ планами было уже труднѣе; потому что творцы этихъ плановъ добивались не только признанія, но примѣненія ихъ замысловъ, среди которыхъ встрѣчались различные и оригинальные, и заимствованные изъ преданій, или вычитанные изъ книгъ. Одинъ совѣтовалъ снабдить каждаго воина большой трубой, чтобы, идя на бой, каждый трубилъ и такимъ образомъ оглушалъ противника, а это потому, что:

— Человѣкъ глухой ни на что не пригоденъ; не даромъ говорятъ: глухъ, какъ пень. Каждый турокъ, какъ оглохнетъ, превратится въ пень, тогда цѣлое войско въ пень обратится.

Другой опять-таки предлагалъ рядомъ съ живыми солдатами ставить чучела солдатъ, набитыя соломой, образовать изъ нихъ батальоны и выстроить ихъ на полѣ битвы съ цѣлью привлечь на нихъ вниманіе врага.

— Турокъ будетъ стрѣлять да стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ, мы-же между тѣмъ нападемъ на него съ тылу.

Самымъ оригинальнымъ былъ планъ Гргура, потому что онъ состоялъ въ выкуриваніи турокъ болѣе или менѣе такъ, какъ выкуриваютъ пчелъ изъ улья. Гргуръ настаивалъ:

— Знаю, говорилъ онъ, что всѣ мы будемъ киснуть, киснуть и все это кончится ничѣмъ. Это шутки!.. Съ такимъ медвѣдемъ, какъ турокъ, нечего шутокъ шутить. Выкурить его и все тутъ!

— Мы постараемся... отвѣтилъ Ляіошъ, думая, что Гргуръ прибѣгаетъ къ риторической метафорѣ.

— Недостаточно стараться, надо умѣть... отвѣтилъ тотъ.

— Мы умѣемъ.

— Что?..

— Сражаться.

— Ахъ!... засмѣялся онъ. Великая премудрость!.. это съумѣетъ и каждый мужланъ.

— Ты знаешь какой нибудь другой фокусъ?

— То-то и есть, что знаю. Берется такая трубочка, (онъ обозначилъ рукою длину трубочки) и наполняется паклей, порохомъ, шерстью и трутомъ. Какъ завидишь турка издали, зажги трутъ и ступай смѣло впередъ: ты идешь, трутъ тлѣетъ и отъ трута загорается пакля, отъ пакли порохъ и шерсть. Подходишь къ турку, дунь ему въ носъ черезъ трубку и, прежде чѣмъ онъ очнется отъ дыма смрада, заруби... О!.. закончилъ онъ, поднимая вверхъ палецъ съ удареніемъ.

— Г-мъ?.. отвѣтилъ на это Ляіошъ.

— Такимъ манеромъ мы турка выкуримъ.

— Можетъ...

— Не можетъ, а навѣрно. Если-бы я предводительствовалъ, то я приказалъ-бы каждому пѣхотинцу и всаднику добыть себѣ трубочку, а пакли, шерсти и, трута вездѣ легко добыть.

— О да... подтвердилъ Ляіошъ.

— Что-жь ты скажешь объ этомъ?

— Скажу, что эта выдумка не хуже другихъ.

— Развѣ кто выдумалъ что нибудь другое?

— Степанъ Іелхичъ изобрѣлъ соломенныхъ всадниковъ.

— Степанъ плутъ, извѣстное дѣло. Онъ выдумалъ-бы что угодно, только нарочно для того, чтобы его выбрали начальникомъ. Я его знаю. Мнѣ это и въ голову не взбредетъ, однако-же, если-бы за меня подали голоса, то я принялъ-бы не для чего другого, только для трубочекъ. Съ трубочками, я увѣренъ, что я достигъ-бы цѣли. Хо, хо!.. Но, прибавилъ онъ, я не навязываюсь, однако, надѣюсь, что ты подашь за меня голосъ.

Въ продолженіи объѣзда, занявшаго нѣсколько дней, Ляіошъ замѣтилъ постепенно усиливающееся въ окрестности движеніе. На дорогахъ, которыми онъ ѣхалъ, онъ постоянно встрѣчалъ кого нибудь. Сосѣди навѣщали сосѣдей; племичи собирались по нѣсколько человѣкъ, по нѣсколькимъ десяткамъ. Тѣ, которыхъ встрѣчалъ Ляіошъ, останавливали его и завязывали съ нимъ разговоръ, относящійся къ дѣлу, живо интересовавшему его. Разспрашивали, разсказывали. Отъ нихъ молодой человѣкъ узналъ, что Дубровацъ является цѣлью многочисленныхъ посѣщеній и что Дещичъ постоянно повторяетъ одно и то-же: не мѣшаетъ, не участвуетъ и ввѣряетъ Богу тѣхъ, которые берутся за оружіе.

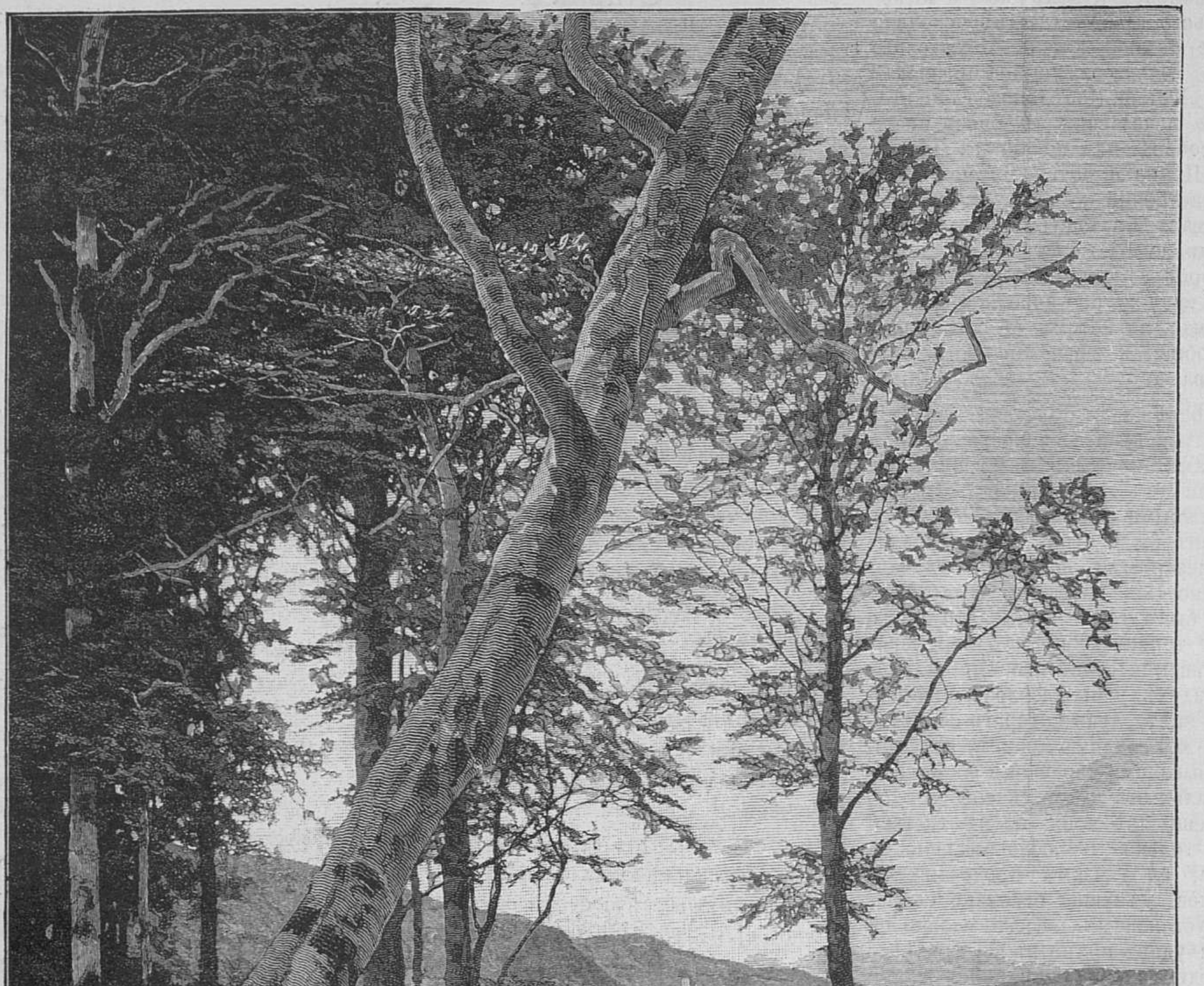
Однимъ словомъ, о дѣлѣ уже разболтали.

Въ назначенный для съѣзда день Ляіошъ былъ дома. Во время отсутствія его не произошло ничего новаго. Ночь прошла для него такъ, какъ обыкновенно она проходитъ для усталаго человѣка.

Съ вечера онъ распорядился заготовить кушанья на славу, это значитъ столько, чтобы хватило на прокормъ неограниченнаго количества людей. И такъ зарѣзали нѣсколькихъ барановъ, разставили котлы, напекли хлѣбовъ, намочили чуть-ли не гарнецъ фасолей и какъ

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Бернута.

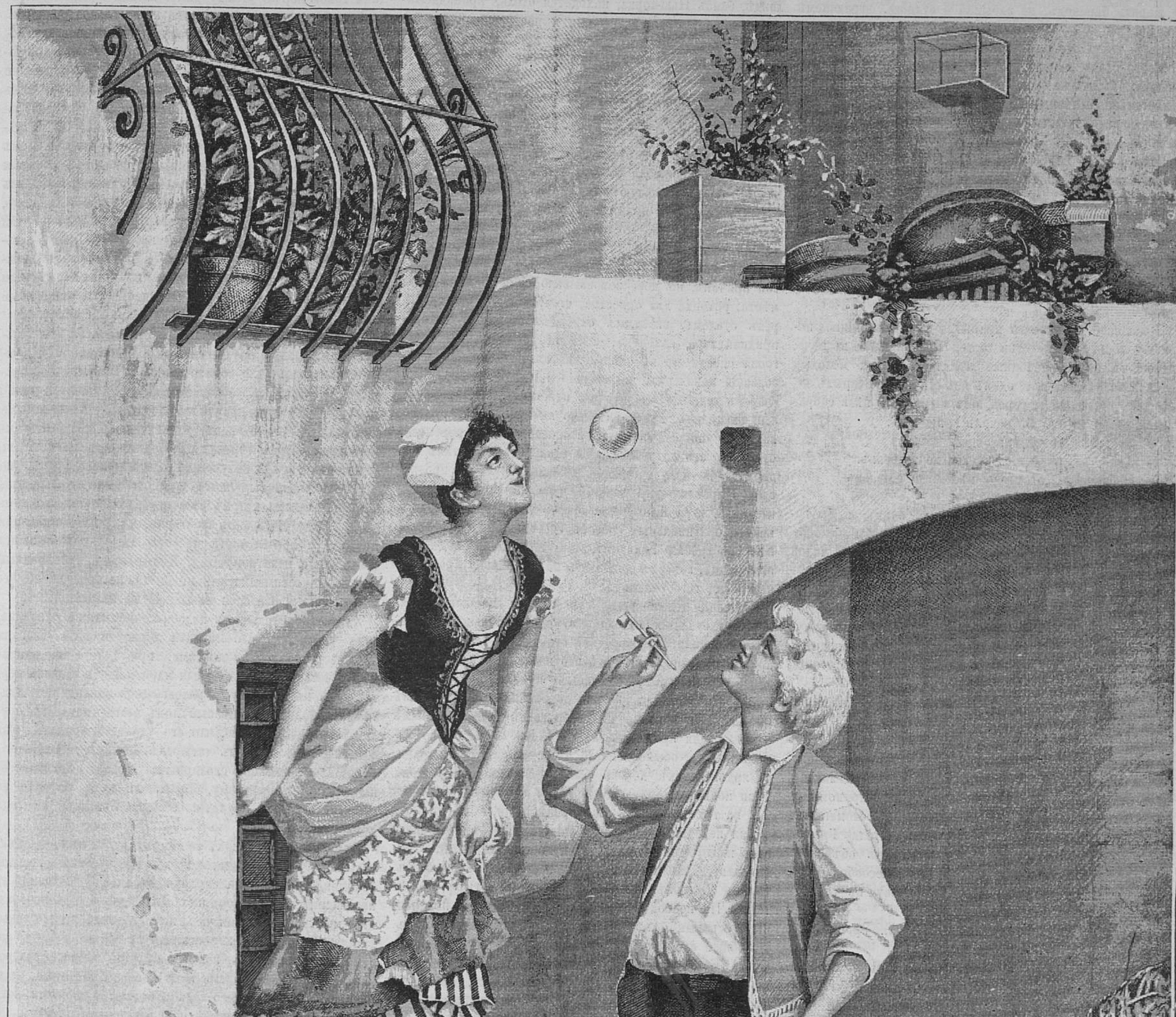

G. HEUER & KIRMSE X. A.

Бахарахъ на Рейнѣ.

Гравировалъ на деревѣ Гейеръ и Кирмзе.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Л. Жирардэ, рисовалъ для «Живоп. Обозр.» Н. Тихановъ


Léon Girardet

Мыльные пузыри.

только разсвѣло, принялись стряпать чорбу, перцовникъ и жарить барановъ, не забывая о гуляшѣ, играющемъ въ Венгріи и въ странахъ, подвластныхъ венгерской коронѣ, такую же роль, какъ бигосъ въ Польшѣ.

Гости стали собираться въ десятомъ часу утра, къ полудню было уже полно,—въ комнатѣ они не могли умѣститься, поэтому они вышли въ садъ и заимпровизировали «скупщину», которая, прежде чѣмъ приступить къ совѣщанію, сначала истребила нѣсколько мисочекъ чорбы, перцовника и гуляша, съѣла два жареныхъ барана и выпила два ведра водки. Правда, они совѣщались и за ѣдой, но отрывками. И тому, и другому хотѣлось высказать то, что у него накипѣло на сердцѣ; то тотъ, то другой разчувствовался и издавалъ восклицанія. Среди деревьевъ сада воцарился постоянный гулъ, точно въ ульѣ, и въ этомъ гулѣ слышалось отъ поры до времени: живіо! подхватываемое эхо и уносимое въ горы.

Кроатское дворянство привыкло къ совѣщаніямъ, поэтому послѣ обѣда толпа гостей превратилась въ вѣче, старшіе и болѣе степенные заняли средину, молодые нѣсколько удалились и одинъ изъ старшихъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой онъ выяснилъ цѣль собранія и которую онъ заключилъ вопросомъ:

— Кто насъ поведетъ?

— Дещичъ... раздалось нѣсколько голосовъ.

— Не хочетъ... отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Кто-же значитъ?.. кто?...

— Для меня... фью?... подхватилъ одинъ, я бы избралъ вождемъ такого, который изобрѣлъ-бы безошибочный способъ для изгнанія турка изъ нашей милой отчизны...

Это заявилъ тотъ, который предлагалъ трубы.

— Хи-и... отвѣтилъ кто-то протяжно, такой способъ?.. прежде чѣмъ найдется, будемъ держаться хоть стараго...

— Который довелъ до того, что турокъ наводнилъ всю Славонію, что онъ оторвалъ половину Кроаціи, что...

— Что, прервалъ одинъ, Собѣскій нашелъ какой нибудь новый способъ?

Изъ этого вопроса завязался разговоръ о Собѣскомъ, котораго одни высоко цѣнили, другіе критиковали и на основаніи котораго вопросъ, опредѣляющій цѣль вѣча, былъ преданъ забвенію. Его припомнилъ тотъ, который носился съ изобрѣтеніемъ соломенныхъ солдатъ, Степанъ Іелчичъ, но его сбилъ съ толку Гргуръ, такъ какъ завелъ рѣчь о трубочкахъ. Онъ объяснилъ весь механизмъ ихъ и несомнѣнную цѣлесообразность.

— Смѣло ступай впередъ, дунь турку въ глаза и руби его!

— Лучше сначала руби, а потомъ дуй... проговорилъ одинъ.

Гргура это задѣло за живое, онъ обидѣлся и разгорячился и началъ ораторствовать и, можетъ быть, завязался-бы рѣзкій споръ, если-бы не появился Чолничъ. Входъ этого послѣдняго прервалъ совѣщанія. Всѣ устремили на него глаза, точно ожидая, что онъ что-то скажетъ. У него было видно по глазамъ, что у него есть что сказать. И дѣйствительно это была правда.

— Гай!.. вздохнулъ онъ, окинувъ взглядомъ присутствующихъ,—мы слишкомъ много болтаемъ. Али ага знаетъ все, что у насъ дѣлается...

Въ отвѣтъ на эти слова послышались ругательства, относящіяся къ Али-ага.

— Значитъ, намъ слѣдуетъ, продолжалъ Чолничъ, спѣшить, чтобы предупредить турка. Собраться, хотьбы тутъ въ Климовацѣ, послѣ завтра и отсюда во имя Божіе, тронемся.

— А начальникъ?.. крикнулъ Гргуръ и, соотвѣтственно настраивая голосъ, началъ:

— Если воля ваша...

— Начальникъ найдется, прервалъ его Чолничъ,— только спѣшите, не болтайте, вооружайтесь и пріѣзжайте!

(Продолженіе будетъ).

НАУЧНЫЕ ВОПРОСЫ

VIII.

Перенесеніе зданія на новое мѣсто.— Часы, не боящіеся электрическихъ токовъ. — Любопытныя свойства сплавовъ.

Техника каждаго дѣла доведена въ Америкѣ до изумительной степени совершенства. Въ настоящее время, американскіе инженеры ухитрились перевезти съ мѣста на мѣсто цѣлое большое строеніе, которому угрожала опасность, вслѣдствіе осѣданія почвы. На Конэй-Айлэндѣ, близъ Нью-Іорка, находится отель, принадлежащій желѣзнодорожной компаніи и построенный на берегу моря. Это зданіе деревянное, длиною въ 465 футовъ при ширинѣ въ 150 футовъ; оно трехэтажное и дополняется пятью башнями; главный фасадъ обращенъ къ морю; фундаментомъ для всей постройки служатъ деревянные подставы, утвержденные на сваяхъ и скрѣпленные цѣлою системою связей и подпорокъ. За годъ уже тому назадъ было замѣчено, что вода подмываетъ песчаный берегъ, на которомъ возведено зданіе, но въ прошлую зиму, при господствовавшихъ буряхъ, опасность приняла угрожающіе размѣры; предполагалось отчасти, что построенный у сосѣдняго владѣнія молъ измѣнилъ направленіе морского прибоя въ ущербъ желѣзнодорожному зданію. По этой или другой причинѣ, но море завоевывало себѣ болѣе и болѣе мѣста; ротонда для оркестра, стоявшая на берегу передъ отелемъ, оказалась окруженной водою, которая придвинулась, наконецъ, и далѣе, подъ самый отель, грозя снести его въ непродолжительномъ времени. Небольшой павильонъ, находившійся близъ отеля, былъ спасенъ только тѣмъ, что его перенесли на другое мѣсто, распиливъ предварительно на три части; предполагалось употребить тотъ-же способъ и для переноски отеля, но это потребовало-бы слишкомъ большихъ издержекъ въ виду громадности зданія; тогда по проэкту главноуправляющаго дорогой, м-ра Морро, и его помощника, м-ра Лангферда, былъ употребленъ другой, крайне оригинальный способъ, состоявшій въ перевозкѣ всей постройки цѣликомъ, при подведеніи подъ нее платформъ, которыя двигались по специально проложеннымъ для того рельсамъ.

Движеніе должно было совершиться по линіи прямого отступленія отъ берега, слѣдовательно, по направленію наиболѣе короткой оси зданія. Прежде всего приходилось подвести подъ это послѣднее необходимое число параллельныхъ желѣзныхъ путей; съ этою цѣлью были устроены прежде всего деревянныя площадки изъ продольныхъ и поперечныхъ брусьевъ съ насыпаннымъ на нихъ, для прочности, пескомъ. На нихъ были уложены рельсы обыкновеннаго типа, вѣсомъ около фун. на ярдъ. Такихъ дорогъ было двадцать четыре; онѣ были подведены подъ постройку и выступали изъ-подъ нея на триста футовъ къ сторонѣ суши.

Для передвиженія зданія потребовалось сто двѣнадцать платформъ, а чтобы тронуть его съ мѣста тринадцать гидравлическихъ крановъ, одинъ въ 90 тоннъ, три въ 60 тоннъ, пять въ 30 тоннъ и четыре въ 10 тоннъ. На подводимыхъ платформахъ лежали поперечныя сосновыя балки толщиною въ 1 квадратный футъ. Въ общей сложности, потребовалось сто десять тысячъ футовъ такого лѣса. Зданіе было приподнято такъ, что по введеніи подъ него платформъ и балокъ, оставался просвѣтъ лишь въ 2 дюйма. Платформы на каждой линіи были связаны очень искусно, такъ что зданіе, будучи снова опущено, не нарушило этой связи, а лишь скрѣпило ее своей тяжестью. Шесть сильныхъ паровозовъ, поставленные въ два ряда на серединные рельсы и соединенные съ зданіемъ посредствомъ прочныхъ канатовъ, должны были двинуть гигантскій поѣздъ, для чего былъ выбранъ день 3 апрѣля настоящаго года. По данному сигналу, паровозы начали одновременно дѣйствовать, канаты натянулись и все зданіе тронулось съ мѣста тихо, величественно, безъ всякаго потрясенія. На нѣкоторомъ разстояніи была сдѣлана остановка; всѣ приспособленія были осмотрѣны и оказались въ исправности, хотя однихъ колесъ подъ домомъ находилось около тысячи.

Черезъ нѣсколько часовъ, въ тотъ же день, зданіе было подвинуто еще на нѣкоторое разстояніе и затѣмъ, 4 апрѣля, проведено еще далѣе, на 239 футъ отъ своего прежняго мѣста. Здѣсь пришлось остановиться, потому что далѣе не было рельсовъ и новый фундаментъ тоже не былъ еще готовъ. Задніе пути были тогда разобраны и перенесены впередъ, послѣ чего зданіе было переведено окончательно на свое новое мѣсто въ 495 футахъ отъ берега. Общій вѣсъ груза, перемѣщеннаго такимъ способомъ, равнялся шести тысячамъ тоннъ.

Къ числу замѣчательныхъ изобрѣтеній, которыми подарила насъ Америка, слѣдуетъ отнести часы Вальтама (Waltham Watch C^{o}), отличающіеся свойствомъ не испытывать измѣненій подъ вліяніемъ электрическихъ токовъ. Въ настоящее время трудно уберечься отъ сосѣдства съ этими послѣдними, при повсемѣстномъ распространеніи электрическихъ приспособленій, но владѣльцы цѣнныхъ часовъ, замѣчая неправильность хода въ своихъ хронометрахъ, рѣдко догадываются о причинѣ такой порчи. Между тѣмъ, весьма важнымъ агентомъ въ этомъ случаѣ служитъ именно электричество. Часовые мастера давно уже стараются помочь злу посредствомъ противу-магнитныхъ щитковъ, регулирующихъ колесъ изъ различныхъ металловъ и проч., но всѣ эти попытки оставались безуспѣшными до сихъ поръ. Въ настоящее время, американскій часовой заводъ, подъ фирмою Waltham Watch C^{o}, разрѣшилъ, повидимому, эту трудную задачу, какъ о томъ можно судить изъ произведенныхъ опытовъ. Главныя части механизма въ часахъ Вальтама сдѣланы изъ сплава, составъ котораго составляетъ, до сихъ поръ, секретъ изобрѣтателей. Одинъ изъ устроенныхъ по этой системѣ хронометровъ былъ подвергнутъ дѣйствію сильнѣйшаго магнита въ теченіе 15 минутъ, причемъ правильность хода часовъ нисколько не нарушилась. Для опыта былъ взятъ магнитъ маіора Кинга, извѣстный подъ названіемъ «большого пушечнаго магнита (great cannon magnet»). Въ устройство его входятъ два большія 14 дюймовыя орудія системы Далграна; тѣло каждаго изъ нихъ было обвито мѣдной изолированной проволокой (въ общей сложности длиною около 8 миль); электрическій токъ получался посредствомъ динамической машины въ 30 силъ. Часы были помѣщены у самаго дула орудія, образующаго одинъ изъ магнитныхъ полюсовъ. О силѣ полученнаго тока можно судить по тому, что различныя части приспособленія оказывались намагниченными потомъ еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, между тѣмъ какъ шестерня, маятникъ, волосяная пружина и прочія части часового механизма остались совершенно незатронутыми. Ходъ часовъ, провѣренный астрономическими часами до опыта, въ продолженіе его и послѣ него, оказался нисколько не измѣненнымъ.

Удовлетворительность подобнаго испытанія очевидна: сила употребленнаго магнита была вполнѣ доказана предшествовавшими опытами, при которыхъ, напримѣръ, четыре пятидюймовыя ядра подвѣшивались вертикально къ дулу орудія силою одного магнитнаго притяженія; большой желѣзный ломъ былъ притянутъ орудіемъ съ такою силою, что его удалось оторвать лишь соединеннымъ трудомъ четырехъ дюжихъ работниковъ; нѣсколько десятковъ столярныхъ гвоздей, приставленныхъ одинъ къ другому, образовали цѣпь, которая не разрывалась при поднятіи ее горизонтально на воздухъ и проч.

Для лицъ, желающихъ лично убѣдиться въ нечувствительности часовъ Вальтама къ электрическимъ токамъ, рекомендуется весьма сподручный опытъ, состоящій въ наложеніи такихъ часовъ на обыкновенный подковообразный магнитъ. Ни одни часы не выдержатъ такого испытанія: они тотчасъ-же остановятся и не будутъ годиться до тѣхъ поръ, пока не будутъ размагнетизированы снова, между тѣмъ какъ новоизобрѣтенные часы не прекращаютъ своего хода и остаются вѣрными, хотя бы пролежали на магнитѣ неопредѣленное время.

По поводу сплавовъ, приводимъ кстати любопытную замѣтку журнала «Popular Science News». Какъ оказывается изъ недавнихъ опытовъ, точка плавленія сплавовъ стоитъ обыкновенно гораздо ниже точки плавленія каждой изъ ихъ составныхъ частей. Такъ, напр., сплавъ изъ свинца, жести, кадмея и висмута плавится при 150° фар.; между тѣмъ, нижайшая точка плавленія для сказанныхъ частей въ отдѣльности равна 446° фар. (жесть), вслѣдствіе чего предполагалось всегда, что и для образованія упомянутаго сплава нужна высокая температура; между тѣмъ, согласно послѣднимъ опытамъ проф. Уилліама Галлока (Hallock), достаточно смѣшать механически означенныя вещества и затѣмъ подвергнуть ихъ обыкновенной паровой банѣ (212°), причемъ масса дѣлается жидкою и получается требуемый сплавъ, безъ всякаго предварительнаго отдѣльнаго плавленія входящихъ въ него частей. Такой фактъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, весьма важное научное значеніе.

С. Варевскій.

Открытіе выставки въ Барцелонѣ.

Барцелона, главный городъ Католоніи, восточной провинціи Испаніи, обыкновенно скромный, ничѣмъ не выдающійся, вдругъ обратилъ на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра: въ немъ устроена первая въ Испаніи всемірная выставка. По этому поводу городомъ были выстроены огромныя каменныя зданія, проведены бульвары, разбиты цвѣтники, не говоря уже о безконечномъ числѣ разныхъ торжествъ, къ числу которыхъ относится и изображенное на нашемъ рисункѣ «открытіе выставки». Оно происходило въ громадномъ помѣщеніи, предназначенномъ для художественныхъ произведеній. Двухлѣтній Альфонсъ XIII сидѣлъ на тронѣ, направо отъ него стояла красавица-кормилица (по испанскому обычаю дѣтей очень долго не отнимаютъ отъ груди), налѣво отъ короля сидѣла въ креслѣ его мать, королева-регентша, передъ троннымъ кресломъ — двѣ молоденькія принцессы, сестры короля. Съ обѣихъ сторонъ королевскую семью окружали принцы, министры, послы, придворныя и другія знатныя лица. Обращаясь къ молодому повелителю Испаніи, первый министръ Сагаста объявилъ выставку открытою. Въ этой церемоніи Альфонсъ XIII уже второй разъ выступаетъ публично въ своей высокой роли и, надо отдать ему справедливость, ведетъ себя прелестно, точно взрослый, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Присутствіе въ это время въ Барцелонѣ десяти иностранныхъ эскадръ, въ составѣ 60 военныхъ кораблей, придавало городу особую привлекательность красотою и оригинальностью картины морскаго берега. Въ Барцелонѣ съѣхалось множество иностранцевъ, а испанцы, собрались со всѣхъ концовъ родины полюбоваться первымъ результатомъ постепеннаго роста Испаніи на поприщѣ искусства, промышленности и торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повеселиться, какъ могутъ веселиться только беззаботные испанцы, поставившіе музыку, пѣсни, пляски, любовь, бои быковъ—идеаломъ земной жизни человѣка

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

23 мая въ Парижѣ разыгрался наконецъ эпизодъ, ожидавшійся съ такимъ нетерпѣніемъ: рѣчь Буланже въ палатѣ депутатовъ; она прерывалась безчисленными возгласами, протестами, даже бранью, но Буланже досказалъ свою рѣчь, до конца оставаясь спокойнымъ. Телеграфъ поспѣшилъ сообщить ея содержаніе, а полученныя французскія газеты коментируютъ ее на всѣ лады. Нельзя не привести наиболѣе характерныхъ періодовъ этой рѣчи, служащей программой вновь нарождающейся политической «народной» партіи: «Выборы, вызвавшіе столько манифестацій по отношенію ко мнѣ, сказалъ Буланже, ставятъ мнѣ въ обязанность изложить испытываемыя страною страданія; упорный кризисъ грозитъ сдѣлаться очень серьезнымъ; Франція уже не имѣетъ той увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которая необходима всякой хорошо управляемой странѣ. Республика не должна быть ничьею собственностью и не должна исключать ни одного гражданина; у насъ же осталась теперь только республика, управляемая группою; это является опасностью для страны; правительство республики должно обнимать всѣ интересы, всѣ мнѣнія. Мы всѣ—республиканцы, т. е, хотимъ свободы и правосудія для всѣхъ. Манифестаціи, относившіяся ко мнѣ, продолжались я ставлю себѣ за честь, что вокругъ моего имени сгруппировались различныя мнѣнія: патріоты, у которыхъ сердце истерзано, кроются всюду. Парламентаризмъ возбуждаетъ преступныя поползновенія и парализуетъ благія намѣренія; режимъ долженъ быть совершенно измѣненъ; преобразованіе это можетъ быть достигнуто единственно только путемъ пересмотра конституціи. Парламентаризмъ дѣлится на группы, домогающіяся только интересовъ своихъ категорій; министерства не могутъ быть долговѣчны, а безличный президентъ не можетъ поддерживать шатающуюся власть. Франція—преобразованная, дѣйствующая активно въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными государствами и опирающаяся на могущественную армію—станетъ лучшею гарантіей европейскаго мира; нынѣшняя палата не можетъ дать странѣ такого устройства. Ей слѣдуетъ только внять желанію страны, которая кричитъ ей: «распущеніе!» Рѣчь свою Буланже заключилъ прочтеніемъ резолюціи о пересмотрѣ конституціи и распущеніи палаты. Послѣ отвѣтнаго возраженія президента совѣта министровъ Флокэ, палата депутатовъ большинствомъ 377 голосовъ противъ 186 отказалась признать обсужденіе предложенія Буланже неотложнымъ.— По поводу извѣстнаго бельфорскаго инцидента пишутъ изъ Фрейбурга въ «Frankfurter Zeitung», что нѣмецкіе студенты, которые подверглись въ Бельфорѣ оскорбленіямъ и побоямъ, отчасти въ томъ сами виноваты; студенты эти остановились передъ статуею, изображающею Эльзасъ-Лотарингію, поддерживающую смертельно раненаго солдата и, не стѣсняясь присутствующихъ, обмѣнивались по-нѣмецки замѣчаніями, оскорбительными для французскихъ патріотовъ; въ числѣ стоявшихъ близь нѣмцевъ лицъ находилось нѣсколько эльзасцевъ, которые перевели французамъ то, что говорили студенты; теперь этотъ инцендентъ возбудилъ цѣлый пожаръ.—Телеграмма изъ Брюсселя, отъ 27 мая, сообщаетъ о предстоящемъ соглашеніи между принцемъ Викторомъ и его отцомъ Жеромомъ Бонапарте; оба принца съѣдутся въ Монкальери къ бывшей императрицѣ Евгеніи и тамъ организуютъ сліяніе двухъ банапартистскихъ фракцій, управленіе которыми приметъ на себя принцъ Викторъ. Въ противуположность примиренію бонапартистскихъ группъ слѣдуетъ отмѣтить начинающійся разладъ между приверженцами Бурбоновъ.—Вѣнскія и берлинскія газеты продолжаютъ заявлять, что вѣнскій кабинетъ вполнѣ и безусловно одобряетъ извѣстную рѣчь Тиссы. Берлинскія газеты при этомъ утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, что германскому правительству, что-бы тамъ ни говорили французскія газеты, вовсе не было заранѣе извѣстно содержаніе рѣчи венгерскаго премьера; вѣнскія газеты особенно выставляютъ на видъ, что Тисса вовсе не желалъ оскорбить Францію и что слова его были направлены преимущественно по адресу венгерской оппозиціи; далѣе подробно объясняется извѣстное заявленіе, что они именно предназначались для «внутренняго употребленія». Въ «Пештскомъ Ллойдѣ», во главѣ нумера отъ 27 мая, напечатано крайне рѣзкое письмо изъ Берлина противъ Франціи, полученное—по словамъ газеты—изъ надежнаго источника и переданное въ Петербургъ по телеграфу. Въ письмѣ говорится, что Австріи не слѣдуетъ искать дружбы Франціи, соглашеніе которой съ Германіей дѣло немыслимое; цѣль Франціи—союзъ съ Россіей, въ видахъ наступленія; цѣль князя Бисмарка—сблизиться съ Россіей, чтобы установить соглашеніе между нею и Австріей, что и возможно; Австрія никогда не извлечетъ изъ дружбы съ Франціей ни малѣйшей выгоды; ей гораздо выгоднѣе идти объ руку съ Германіей: далѣе авторъ статьи горячо нападаетъ на Гельфи и Пасманди, которые, по его выраженію, «работаютъ для республики и для улицы»; французское правительство конечно, отблагодаритъ ихъ осязательнымъ образомъ; выраженіе это возбудило въ венгерской палатѣ негодованіе; Гельфи предполагаетъ отвѣтить газетѣ. Въ виду всѣхъ этихъ симптомовъ можно ожидать чрезвычайно шумныхъ засѣданій собирающихся делегацій, у которыхъ правительство предполагаетъ просить, нѣсколько десятковъ милліоновъ гульденовъ на вооруженія.—Въ Лондонѣ 24 мая палата общинъ приняла большинствомъ 206 голосовъ противъ 85 предложеніе о томъ, чтобы уполномочить правительство на затрату 2.600,000 фунт. стерл. для обороны приморскихъ портовъ и станцій и для снабженія военныхъ судовъ каменнымъ углемъ. Чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе произвело намѣреніе папы обратиться къ ирландскимъ епископамъ съ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ онъ смягчитъ сдѣланныя имъ строгія постановленія относительно бойкотированія и всего національнаго ирландскаго «плана кампаніи».—По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ (Афины, 24 мая), греческій консулъ въ Монастырѣ телеграфировалъ, что оттоманскія власти отказались принимать подписанныя имъ бумаги, вслѣдствіе чего, греческое правительство прибѣгло къ репрессаліямъ и предписало префекту Лариссы объявить турецкому консулу въ этомъ городѣ, что всякія оффиціальныя съ нимъ сношенія пріостановлены впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.—Такъ какъ Турція собирается дать новыя гарантіи позднѣйшимъ кредиторамъ, между прочимъ отдать въ залогъ гераклійскіе рудники англійскому обществу, представителемъ котораго является Джонъ Кисбей-Шерифъ и которое предлагаетъ тотчасъ-же внести шесть милліоновъ франковъ—общество покровительствуется сверхъ того англійскимъ посломъ,—то русскій посолъ напомнилъ Портѣ, что за Турціей числится въ долгу уже около двадцати милліоновъ, а потому слѣдовало бы представить гарантіи правильной уплаты военной контрибуціи. Какъ было принято это заявленіе еще неизвѣстно.—По послѣднимъ извѣстіямъ, компетентнымъ и безпристрастнымъ, въ настоящее время въ Болгаріи нѣтъ больше политическаго вопроса, а есть вопросъ финансовый. Положеніе принца Кобургскаго и его правительства, а также политическая будущность Болгаріи сводятся къ вопросу о деньгахъ; матеріальное положеніе Болгаріи безнадежное и денегъ нужно ей достать во что бы ни стало; единственнымъ препятствіемъ заключенію займа и экономическому подъему края является назаконное положеніе принца и его правительства. Какъ только истина эта проникнетъ въ нородъ, принцъ Кобургскій будетъ скомпрометированъ навсегда и оставаться въ Болгаріи ему будетъ уже нельзя. Такой оборотъ, котораго дипломатія не предвидѣла, можетъ повести къ неожиданному разрѣшенію болгарскаго вопроса, гораздо болѣе простому и быстрому, чѣмъ полагали.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о добровольномъ флотѣ, въ учрежденіи котораго принималъ участіе весь русскій народъ, скоро будетъ въ состояніи оправдать возлагавшіяся на него надежды. Нынѣшній составъ добровольнаго флота имѣетъ 7 пароходовъ, съ подъемной силой въ 13,000 тоннъ груза, и могущихъ помѣстить нѣсколько тысячъ пассажировъ, въ томъ числѣ до 300 пассажировъ I-го класса; за все время существованія добровольнаго флота суда его сдѣлали 1.457,551 милю, изъ коихъ 420,000 миль пройдено во время случайныхъ рейсовъ, а 1 037,551 миля сдѣланы въ 53 рейса, совершенныхъ между Одессой и портами дальняго востока, причемъ перевезено во время случайныхъ рейсовъ 309,000 человѣкъ, по преимуществу воинскихъ чиновъ, а во Владивостокъ — 39,334 пассажира и 5.277,222 пуда груза, въ томъ числѣ свыше 3.300,000 пудовъ чая. Финансовая сторона добровольнаго флота, не смотря на погибель двухъ пароходовъ, находится въ удовлетворительномъ состояніи; такъ, за десятилѣтіе (по 1-е января 1888 года) поступило: пожертвованій — 4.102,609 руб., выручено за перевозки 11.113,588 руб., получено субсидій отъ казны 3.054,730 руб., и другихъ поступленій 726,308, а всего въ приходѣ 18.997,235 руб. Израсходовано-же на пріобрѣтеніе пароходовъ 5.255,243 руб.: собственно расходы предпріятія составили 13.089,753 р., а всего 18.344,996 р., т. е. имѣется избытокъ дохода въ 652,239 руб., кромѣ стоимости пароходовъ. Дальнѣйшее развитіе дѣятельности добровольнаго флота можно считать обезпеченнымъ, потому что число грузовъ и пассажировъ, слѣдующихъ на востокъ, съ каждымъ годомъ увеличивается, установленіе-же правильнаго сообщенія между нашими окраинами и остальной частью Имперіи несомнѣнно повліяетъ на ихъ скорѣйшее заселеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на расширеніе торговыхъ съ ними сношеній.—Въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ о расширеніи преподаванія Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Говорятъ, въ составъ систематическаго курса Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — гимназіяхъ, корпусахъ, институтахъ, проектируется ввести догматическое ученіе съ указаніемъ вѣроисповѣдныхъ разностей и ученіе объ обязанностяхъ христіанскихъ. Въ видахъ единства преподаванія и облегченія учащимся при переходѣ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, предполагается ввести общее для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній распредѣленіе преподаванія Закона Божія по классамъ.—Надѣлавшее столько шуму дѣло съ московскими красными рядами наконецъ разрѣшилось утвержденіемъ особаго акціонернаго общества для возобновленія торговыхъ рядовъ первопрестольной столицы, и предоставленіемъ министру финансовъ права дѣлать распоряженія къ отчужденію въ пользу города Москвы тѣхъ находящихся подъ рядами участковъ, которые въ теченіе одного мѣсяца со дня публикаціи объ окончательномъ образованіи акціонернаго общества не будутъ добровольно ему уступлены владѣльцами, путемъ особыхъ о семъ заявленій на имя московской городской управы, а относительно вознагражденія этихъ владѣльцевъ за отходящую отъ нихъ собственность поступить на точномъ основаніи существующихъ узаконеній объ имуществахъ, отчуждаемыхъ по распоряженію правительства. — Въ виду крайняго недостатка въ рабочихъ для полевыхъ работъ въ таврической губерніи, командующій войсками одесскаго военнаго округа, по ходатайству земства, представилъ военному министру объ отпускѣ нижнихъ чиновъ, для означенной надобности, ранѣе установленнаго срока, т. е. ранѣе 10-го іюня. — Въ ознаменованіе предстоящаго въ іюнѣ 1890 года двадцатипятилѣтія завоеванія Ташкента предположено устроить въ Ташкентѣ 15-го іюня 1890 года выставку средне-азіятскихъ произведеній и введенныхъ русскими промышленныхъ, фабричныхъ и заводскихъ производствъ. Предположено пригласить къ участію выставки также и сосѣднія страны и ханства.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. *Историческій очеркъ П. А. Матвѣева. Спб. 1888.* О Болгаріи и болгарскомъ вопросѣ русскій читатель знаетъ только то, что пишется о нихъ въ нашихъ газетахъ и журналахъ. Самостоятельныхъ изслѣдованій о болгаро-русскихъ отношеніяхъ у насъ не имѣется и въ этомъ виноваты многія обстоятельства, которымъ не время еще подводить итогъ. Одно изъ этихъ обстоятельствъ, самое невинное,—это отсутствіе исторической перспективы: писать исторію событій, еще не остывшихъ отъ волновавшей ихъ страсти, задача болѣе, чѣмъ трудная, и доступная только людямъ, у которыхъ любовь къ правдѣ счастливымъ образомъ сочеталась съ возвышеннымъ, философско-образованнымъ умомъ. Но, повторяемъ, недостатокъ перспективы—обстоятельство сравнительно невинное. Съ перомъ политическаго публициста тягаются и другія обстоятельства, гораздо болѣе серьезныя и, sic rebus stantibus, совсѣмъ непобѣдимыя. И этимъ-то, надо думать, объясняется то, что въ нашей политической литературѣ отсутствуетъ сколько-нибудь серьезный и вдумчивый взглядъ на современное положеніе вещей въ Болгаріи. Сочиненіе г. П. А. Матвѣева, къ сожалѣнію, не восполняетъ этого пробѣла. Авторъ, не смотря на близкое свое знакомство со многими сторонами болгарской жизни, не внушаетъ читателю большой увѣренности, что въ основу его книги не легла предвзятая, апріорная тенденція, что его перомъ водило не безпристрастное убѣжденіе, основанное на документахъ и строго провѣренныхъ данныхъ, а извѣстное чувство, съ оттѣнкомъ нѣкоторой партійной узости. Г. Матвѣевъ сознается, что «писать новѣйшую исторію Болгаріи труднѣе, чѣмъ это кажется, — особенно русскому писателю, для котораго наглухо закрытъ доступъ къ оффиціальнымъ источникамъ и дипломатическимъ документамъ, хранящимся въ архивѣ и канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ». Однако недоступность оффиціальныхъ источниковъ и дипломатическихъ документовъ едва-ли была для г. Матвѣева особенно чувствительна. Авторъ трактата, служа совѣтникомъ дирекціи правосудія въ В. Румеліи, имѣлъ возможность, въ теченіи двухъ лѣтъ, изучить болгарскія дѣла лицомъ къ лицу, ознакомиться съ настроеніемъ болгарскаго народа, съ его экономическимъ бытомъ, нравственною физіономіей,—словомъ, съ тою стороною вопроса, которая представляетъ наибольшій интересъ и которая совсѣмъ не знакома русской публикѣ. Цѣлыя тучи статей, накопившіяся въ нашей періодической печати, скорѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ намъ психологію событій, въ которыхъ мы принимаемъ такое близкое участіе. Что такое болгарская свобода, болгарская народная независимость, которою такъ «деспотически» распоряжаются «различные политическіе авантюристы», которою всякій, кто захочетъ, можетъ играть, точно мячикомъ,—это намъ очень мало извѣстно. А между тѣмъ едва-ли, въ концѣ концовъ, подлежитъ сомнѣнію, что центръ болгарскаго вопроса не въ Болгаріи, а въ «болгарскомъ народѣ». Г. Матвѣевъ не рѣшился заняться этою стороною болгарской жизни. «Меня могутъ упрекнуть, говоритъ онъ, въ томъ, что я ограничиваюсь одною лишь внѣшнею исторіею Болгаріи—излагаю внѣшнія политическія событія, т. е. борьбу партій, ходъ переворотовъ, дѣятельность болгарскихъ правителей и ихъ оппонентовъ (?), умалчивая о развитіи жизни болгарскаго народа. Я не сомнѣваюсь, что послѣдняя представляетъ не менѣе, если не болѣе интереса, однако я отнюдь не берусь за эту задачу... Изображеніе хода и развитія внутренней жизни болгарскаго народа — задача весьма заманчивая, но я не брался, да и не могу взяться за нее, ибо считаю себя отнюдь не компетентнымъ для выполненія таковой. Она доступна лишь природному болгарину и вообще человѣку, болѣе меня знакомому съ бытомъ болгарскаго народа. Хотя я и прожилъ около двухъ лѣтъ среди болгаръ, занимая должность совѣтника дирекціи правителя въ Восточной Румеліи, но я далекъ отъ претензіи на такое знаніе болгарской жизни и народнаго характера, которое дало-бы мнѣ возможность изложить внутреннюю исторію Болгаріи за это время». Очень жаль. Отъ человѣка, такъ близко стоявшаго къ пеклу болгарской жизни, можно-бы ожидать и большей увѣренности въ своихъ силахъ и болѣе обстоятельнаго анализа событій, представляющихъ такой выдающійся интересъ въ исторіи современной Европы. Надо, вѣдь, сознаться, что въ томъ небольшомъ политическомъ организмѣ, который именуется болгарскимъ княжествомъ, таятся какія-то особыя силы, если его еще не погубило усердіе многочисленныхъ «друзей», если онъ устоялъ подъ ударами многочисленнѣйшихъ тарановъ европейскй политики. Устоялъ... устоитъ-ли и впередъ, это другой вопросъ. Книга г. Матвѣева на эту сторону предмета не проливаетъ никакого свѣта, хотя нельзя сказать, чтобы, разъ сдѣлавъ скромное заявленіе о своей «некомпетентности», онъ строго воздерживался отъ какихъ-бы то ни было сужденій о болгарскомъ «народѣ». Вовсе нѣтъ. Разбираемый трактатъ полонъ замѣчаній, стрѣляющихъ дальше цѣли, которую поставилъ себѣ авторъ,—но, увы! всѣ эти замѣчанія порождаютъ въ читателѣ какое-то недовѣріе и наводятъ на грустныя размышленія о ложно понятомъ патріотизмѣ... По мнѣнію автора,—мнѣнію, быть можетъ, и вполнѣ вѣрному, но, къ сожалѣнію, не доказанному съ подобающею убѣдительностью, болгарскій народъ ни духомъ, ни тѣломъ неприкосновененъ къ «политикѣ» своихъ заправилъ. Дадимъ слово г. Матвѣеву. «Мое личное впечатлѣніе, вынесенное изъ двухлѣтняго пребыванія въ южной Болгаріи, гдѣ народная масса, по общему мнѣнію, болѣе развита и способна къ сознательному участію въ политической жизни, таково, что болгарскій народъ пережилъ всѣ эти кризисы, отъ которыхъ онъ, конечно, не мало терпѣлъ и страдалъ, отнюдь въ нихъ не участвуя. Современная болгарская исторія оттого такъ безтолкова, безпорядочна и проникнута антинаціональными стремленіями, что самъ народъ въ ней не участвуетъ, - она творится сравнительно небольшимъ кружкомъ лицъ изъ такъ называемой интеллигенціи и болгарскимъ войскомъ». Не споримъ. Весьма возможно, что это такъ, но въ книгѣ, написанной съ дидактическими намѣреніями гражданскаго пошиба, на первомъ планѣ должны быть доказательства, доказательства и доказательства. Это внѣ всякаго сомнѣнія.

Вообще г. Матвѣевъ однимъ большимъ крестомъ перечеркиваетъ всѣ наличныя силы современной Болгаріи. Что такое болгарское войско? «Болгарское войско, отвѣчаетъ намъ почтенный авторъ, весьма ненормальный факторъ въ современной жизни Болгаріи. Оно получило искусственное развитіе, не соотвѣтствующее историческому росту, цѣлямъ и задачамъ политической жизни Болгаріи. Къ чему для Болгаріи слишкомъ стотысячная армія, если она должна оставаться въ предѣлахъ, отведенныхъ ей берлинскимъ конгрессомъ?» Будучи несоразмѣрною со скромною политическою ролью, предначертанною для Болгаріи въ общей системѣ европейскихъ государствъ, такая огромная военная сила только обострила отношенія юнаго княжества къ сосѣднимъ народамъ: сербамъ, грекамъ и румынамъ. «Въ настоящее время болгарское войско, настаиваетъ г. Матвѣевъ, совсѣмъ заслонило болгарскій народъ,—положеніе ненормальное и гибельное для всякой страны, а тѣмъ болѣе для такъ недавно и такъ слабо организованной, какъ Болгарія». Имѣя чрезмѣрное войско, болгарскій народъ совсѣмъ не имѣетъ исторически сложившихся и развитыхъ классовъ населенія, не имѣетъ «преданій самобытной исторической жизни», не имѣетъ вліятельнаго духовенства «которое на извѣстной ступени историческаго развитія служитъ естественнымъ органомъ народныхъ стремленій и желаній». Г. Матвѣевъ сводитъ на нѣтъ и все болгарское народное представительство. «Тырновская конституція, объясняетъ авторъ, хотя и даетъ, повидимому, широкое участіе народу въ представительныхъ учрежденіяхъ страны — какъ извѣстно, въ основу ея положено широкое демократическое начало народовластія—но роль народа въ управленіи дѣлами чисто фиктивная».

Вотъ какъ смотритъ г. Матвѣевъ на Болгарію и болгарскія дѣла. Вся его книга имѣетъ одну только тенденцію—разоблачить авантюризмъ и пройдошество болгарскихъ воротилъ, собрать всѣ существующіе обличительные документы, такъ сказать, въ одно мѣсто, въ одно литературное убѣжище. Свою задачу авторъ выполняетъ на протяженіи шести главъ, изъ которыхъ первая обрисовываетъ, въ общихъ чертахъ, политическое положеніе Болгаріи, созданное Берлинскимъ трактатомъ, вторая посвящена нашему гражданскому управленію, начиная съ князя В. А. Черкасскаго, третья, четвертая и пятая трактуютъ объ органическомъ статутѣ болгарскаго княжества, тырновской конституціи, о переворотѣ 27 апрѣля 1881 г., о систовскомъ народномъ собраніи 1 іюля 1881 года и другихъ матеріяхъ и, наконецъ, шестая глава представляетъ историческій очеркъ восточной Румеліи. Въ заключеніе книги г. Матвѣевъ приложилъ два очень интересныхъ документа: тырновскую конституцію Болгарскаго княжества 1879 года и письмо болгарскаго князя Александра Баттенбергскаго къ Государю Императору. **А. Волынскій.**

КЪ РИСУНКАМЪ.

На задворкахъ.

Древній великій философъ, какъ извѣстно, сказалъ Александру, спрашивавшему его, чего онъ желаетъ, словами: «Отойди и не заслоняй солнца». Маленькій деревенскій циникъ, помѣстившійся, подобно Діогену, въ бочкѣ, можетъ быть, не требуетъ даже и этого отъ стоящаго передъ нимъ и заслоняющаго отъ него солнце деревенскаго Александра,—слишкомъ ужь хорошо чувствуетъ онъ себя въ своей импровизированной бесѣдкѣ.

Пріемъ кліентовъ.

Съ талантомъ г. Бокаловича наши читатели уже знакомы, такъ какъ мы уже помѣстили копіи съ двухъ его картинъ, красовавшихся на нынѣшней выставкѣ въ академіи художествъ. Въ настоящемъ нумерѣ мы помѣщаемъ копію съ третьей его картины съ той же выставки. И здѣсь художникъ воспроизводитъ предъ нами древній міръ и отличается удивительнымъ мастерствомъ отдѣлки. Статуя, ваза, мраморный столъ, ткани,—все это отдѣлано поразительно хорошо, и остается только пожелать, чтобы художникъ въ будущемъ взялся за болѣе жгучіе по содержанію сюжеты, перейдя отъ будничнаго жанра къ чисто историческимъ тэмамъ: древній міръ такъ богатъ ими.

Секретное совѣщаніе.

Во времена Людовика XIV каждый маленькій герцогъ и князекъ, считалъ своимъ долгомъ копировать великаго короля, въ одеждѣ, въ пріемахъ, въ роскоши. Именно такую роль разыгрываетъ юный герцогъ, изображенный Фалькгардтомъ: онъ грозно смотритъ на своихъ министровъ, онъ грозно отдаетъ имъ приказанія и придаетъ великое значеніе своимъ «секретнымъ совѣщаніямъ» съ ними о дѣлахъ своего герцогства, не превышающаго можетъ быть, по размѣрамъ, имѣнія какого нибудь богатаго русскаго помѣщика.

Бахарахъ на Рейнѣ.

На лѣвомъ берегу Рейна, въ кобленцкой имперской области, лежитъ небольшой городокъ Бахарахъ, имѣющій не болѣе 2000 жителей; въ немъ до мельчайшихъ деталей сохранился древній характеръ прирейнскихъ городовъ, не говоря уже о роскошномъ мѣстоположеніи: узкія улицы, старинныя зданія съ средневѣковыми башнями, церкви въ готическомъ стилѣ, развалины францисканскаго монастыря. Въ историческомъ отношеніи Бахарахъ также представляетъ значительный интересъ; онъ находился нѣкоторое время во владѣніи Франціи; въ немъ совершилось бракосочетаніе Генриха Брауншвейгскаго съ Агнессою Гагенштауфенскою, послужившее примиреніемъ между гвельфами и гибелинами. Современные бюргеры конечно далеки отъ прежнихъ гражданъ и занимаются огородничествомъ и винодѣліемъ. Путешественники охотно заглядываютъ въ этотъ живописный уголокъ, тѣмъ болѣе, что Бахарахъ лежитъ на пути желѣзнодорожной линіи и пароходовъ, теперь совершенно безпрепятственно совершающихъ свои рейсы, по еще недавно небезопасному руслу. Впрочемъ и нынѣ во время мелководій, можно видѣть въ рѣкѣ у города большой четырехугольный камень,—по преданію служившій, во времена римлянъ жертвенникомъ Бахусу.

Мыльные пузыри.

Большія дѣти—молоденькая крестьяночка и деревенскій юноша-красавчикъ увлеклись, какъ малыя дѣти, пусканіемъ разноцвѣтныхъ мыльныхъ пузырей. Очень имъ привольно въ укромномъ уголкѣ подъ лучами солнца вдали отъ всѣхъ любопытныхъ глазъ, которые могли бы догадаться, что связываютъ эту пару не одни мыльные пузыри: они, можетъ быть, и сами не вполнѣ сознаютъ, что въ нихъ уже заговорила взаимная любовь, и хорошо, если она не будетъ однимъ изъ мыльныхъ пузырей...

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

Дозволено цензурою. Спб., 1-го іюня 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступили въ продажу новыя книги:

БЛАГА ЖИЗНИ.

Новый романъ А. Михайлова (А. Шеллеръ) 320 стр.
Цѣна 1 р. 50 к.

НИЛЬСКАЯ НЕВѢСТА.

Сочиненіе **ЭБЕРСА**.

Историческій романъ изъ временъ язычества. Изящное изданіе (съ портретомъ автора), 452 страницы. Цѣна 1 руб. 50 коп.

* * *

ОКО ЗА ОКО.

Романъ **МАТТЕИ**, переводъ *К. Назарьевой* 416 стр. Цѣна 1 руб.

* * *

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

Романъ изъ современной жизни Г Елизарова. Цѣна 75 к.

* * *

КОНСУЭЛО.

Романъ въ двухъ частяхъ **ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ**, переводъ *П. Лѣтнева*. 460 стр., Цѣна 1 руб. 50 к.

Выписывающіе изъ склада за доставку не платятъ. Для подписчиковъ «Живописнаго Обозрѣнія», «Сынъ Отечества» и «Минуты» цѣна за экземпляръ означенныхъ изданій РУБЛЬ съ доставкою.

* * *

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Невскій просп., у Аничкина моста, д. 68—40.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи.
№ 407 (10—2).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.
Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—24).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ

Саатчи и Мангуби

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ

BIS

цѣною за **10** шт. **10** коп.
Можно получать вездѣ.
№ 356 (52—8).

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ

ГИСГЮБЛЕРЪ

чистый
щелочнокислый источникъ
весьма освѣжительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ
можно получить вездѣ.
6,000000 (миллiон) бутыл. годовой вывозъ.

№ 308 (16—5).

ПАПИРОСЫ

изъ бѣло-рисовой бумаги
10 шт. ЛЕБЕДЬ 6 коп.
получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.
Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстоянія, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—15).

Зубочистное средство

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ШВЕДСКІЙ

зубной элексиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурного запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**
№ 243 (57—28)

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ

ЭЙКАЛИПТИ

Косметика А. ЭЙНГЛУНДЪ.

Есть средство для укрѣпленія волосъ, уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ пересылкой 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Эйнглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Бесбардисъ, Р. Келлеръ и Комп. О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Эйнглундъ, Литейная, № 38.
№ 314 (47—17).

Большая золотая медаль **Ю. МАРТЕНСА.** Московская выставка 1882.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ СЪ ДІАСТАЗОЮ
съ желѣзомъ, іодомъ, рыбьимъ жиромъ и т. п.
МАЛЬЦЪ-КАРАМЕЛЬ ОТЪ КАШЛЯ
по нынѣ уменьшеннымъ цѣнамъ
КЛЮКВЕННЫЕ И ФРУКТОВЫЕ ЭКСТРАКТЫ
Вишневый, Малиновый, Черносмородиновый
свѣже-приготовленные
ФРУКТОВЫЕ СИРОПЫ
Химическая лабораторія перевязочныхъ предметовъ и фруктовыхъ экстрактовъ.
Разъѣзжая ул., д. № 49. Магазинъ Гороховая ул., д. № 22.
Средства для дезинфекцій комнатъ: Озоноль, Озонородъ и прочія.
№ 226.

Папочка замѣть

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ШТУРМА
УКСУСЪ
высшаго
качества
БЕЗВРЕДЕНЪ
чистаго
вкуса
и
ЗАПАХА.

НАДО БРАТЬ!

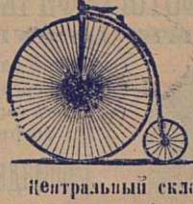
СОРТА:

- Виноградный уксусъ бѣлый и красный.
- Уксусъ эстрагонъ подъ №№ 1, 2, 3.
- Винный уксусъ тройной 9% — № 00
- Винный уксусъ двойной 6% — № 0.
- Винный уксусъ средній 4½% — № 2.
- Винный уксусъ обыкновенный 3% — № 4.
- Винный уксусъ низшій 2½ % — (безъ №).

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

На каждой бутылкѣ заводскаго розлива обозначенъ сортъ, № и цѣна съ посудою.

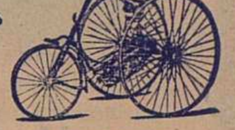
№ 297. (52—22).



Усовершенствованные
двухъ и трехъ-колесные

ВЕЛОСИПЕДЫ.

Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ
машинъ.
Собственное механическое заведеніе
для починокъ.



ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.
С.-Петербургъ.

№ [illegible]

папиросъ крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ.

получать можно повсюду.
№ 328 (44—15).

ЛУЧШІЯ ГРАФИТНЫЯ ТИГЛИ

и
ГРАФИТНАЯ МУКА.
Евгеній БОТМАНЪ и Кº.
Большая Садовая, д. 12. Прейсъ-куранты безплатно.

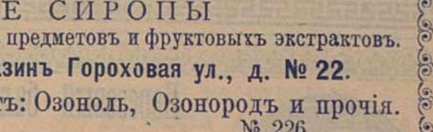
ЭЛЕОПАТЪ провизора КИНУНЕНА

ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ВОЛОСЪ

безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.**
№ 343 (52—15). *Пров. КИНУНЕНЪ.*



СКЛАДЪ

ЛУЧШИХЪ КОЖАНЫХЪ
РЕМНЕЙ
Евгеній БОТМАНЪ и Кº.

С.-Петербургъ, Большая Садовая, № 12.
Прейсъ-куранты безплатно.
№ 369 (3—3).

ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА

Ф. ПАРИЗЕКЪ.

Большая Морская, уголъ Кирпичнаго пер., № 13.

Обращаю вниманіе своихъ уважаемыхъ кліентовъ на особенный большой выборъ для предстоящаго сезона шляпъ новыхъ фасоновъ, самыхъ прочныхъ, чрезвычайно *легкихъ* и всѣхъ *цвѣтовъ*. Равно **какъ** пальмовыхъ, соломенныхъ, панамскихъ и манильскихъ шляпъ.

№ 402 (5—3).

ЗА 15 РУБЛЕЙ.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

(НЕ ИГРУШКА)

состоящій изъ камеры, объектива и штатива, посредствомъ котораго каждый любитель въ состояніи фотографировать ландшафты, группы и портреты.

Громадный выборъ изящныхъ ДОРОЖНЫХЪ АППАРАТОВЪ

указанія въ способѣ употребленія и снабженіе желаемыми совѣтами при всякомъ нововведеніи безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей.
Невскій пр., у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30—16, входъ съ Екатерининскаго канала.

№ 401 (10—4).

РУССКІЯ ВИНА

Г. РОССОЛИМО

ПРОШУ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ НА:

№№ 25—27—БЕССАРАБСКОЕ . . . въ 40 коп.
» 31—32—ШАБСКОЕ . . . въ 50 и 55 »
» 36—БЕССАРАБСКОЕ БОРДО . 65 »

(Замѣняющее ФРАНЦУЗСКОЕ СТОЛОВОЕ ВИНО).

Торг. подъ фирмою Г. РОССОЛИМО.

ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ.

№ 376 (10—8).

Березовый бальзамъ Д-ра Лангіеля.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 155 (40—40)

ГЛАВНОЕ ДЕПО ТОВАРИЩЕСТВА

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

ГЕНРИ КИРШТЕНЪ.

С.-Петербургъ, Адмиралтейская площадь, д. № 8.

Рекомендуетъ свой большой запасъ: непромокаемыхъ пальто мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ изъ разныхъ резиновыхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, красивыхъ новыхъ фасоновъ, резиновыхъ дорожныхъ предметовъ, издѣлій для домашняго употребленія, практичныхъ также для дачной жизни, различныхъ предметовъ для ухода за больными и многихъ другихъ товаровъ. Продажа оптомъ и въ розницу.

№ 409 (3—2).

Чугунно-Литейный Машинный Заводъ

ИСИДОРА ГОЛЬДБЕРГА

доставляетъ **ОТЛИВКУ** для **ПОСТРОЕКЪ: ПЕЧЕЙ, КАМИНОВЪ**, обыкновенныхъ кабинетныхъ и **ВАННЪ**.

ПЛИТЫ, обыкновенныя и патента **ЭСМАРХЪ** тщательной отливки.

БАЛЮСТРАДЫ, ПОДЪѢЗДЫ и **КОЛОННЫ** въ большомъ выборѣ.

ПАРОВОЕ и **ВОДЯНОЕ ОТОПЛЕНІЕ** новѣйшей системы.

РАКОВИНЫ, МОНИТОРЫ, КЛОЗЕТЫ русскіе и американскіе, всѣ строительныя принадлежности имѣются всегда на складѣ.

ШКИВЫ складные и цѣльные всѣхъ величинъ въ запасѣ.

ПОДВѢСКИ, КРОНШТЕЙНЫ и принадлежности для **ПРИВОДОВЪ** обыкновенные и системы **ЗЕЛЛЕРА** въ запасѣ по оптовой цѣнѣ.

ЗУБЧАТЫЯ КОЛЕСА изготовляются безъ моделей раздѣльными машинами.

Механическія работы исполняются аккуратнымъ образомъ.

ЗАВОДЪ Б. Невка 77.

КОНТОРА (Телефонъ 955) Екатерининскій кан. 92.

Отдѣленіе въ Москвѣ Б. Никитская, д. Кузнецова.

Торговцамъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 396 (7—4).

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ И НА СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗН. ДОРОГЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ **НОВАЯ КНИГА:**

ПРАКТИЧЕСКІЙ РЫБОЛОВЪ

карманная книжка для удильщиковъ-спортсмэновъ.

Руководство это составлено по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ источникамъ и содержитъ: 1) Списокъ русскихъ сочиненій по рыболовству. 2) гигіену рыбака; 3) подробное описаніе новѣйшихъ рыболовныхъ принадлежностей съ обозначеніемъ цѣнъ и точнымъ наставленіемъ относительно употребленія и домашняго изготовленія каждаго снаряда отдѣльно. 4) полный сборникъ рецептовъ для приготовленія (по сезону, мѣсту и породѣ приманокъ) и прикормокъ съ указаніемъ способа насадки; 5) систематическое изложеніе способовъ и пріемовъ ловли каждой отдѣльной породы прѣсноводныхъ рыбъ. характеристика ихъ, опредѣленіе добычливыхъ мѣстъ, сезонъ нереста и клева; 6) особенности подсѣчки и выволакиванія; 7) лучшій способъ приготовленія каждой породы рыбъ въ пищу; и т. д. Съ приложеніемъ: а) нересто-рыболовнаго календаря, б) классификаціонной таблицы, в) алфавитнаго справочника названій рыбъ на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, г) способовъ размноженія и ловли рѣчныхъ раковъ. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 70 коп. Складъ изданія въ магазинѣ П. Ф. Каратаева, въ Спб. Невскій, Милютинъ рядъ № 18. Гг. иногородные, выписывающіе изъ склада, за пересылку не платятъ.

№ 410 (1-1).

Нумеръ 23-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) № 6-го «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній» за іюнь и 3) Обертки.

Дозволено цензурою. Спб. 1-го іюня 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

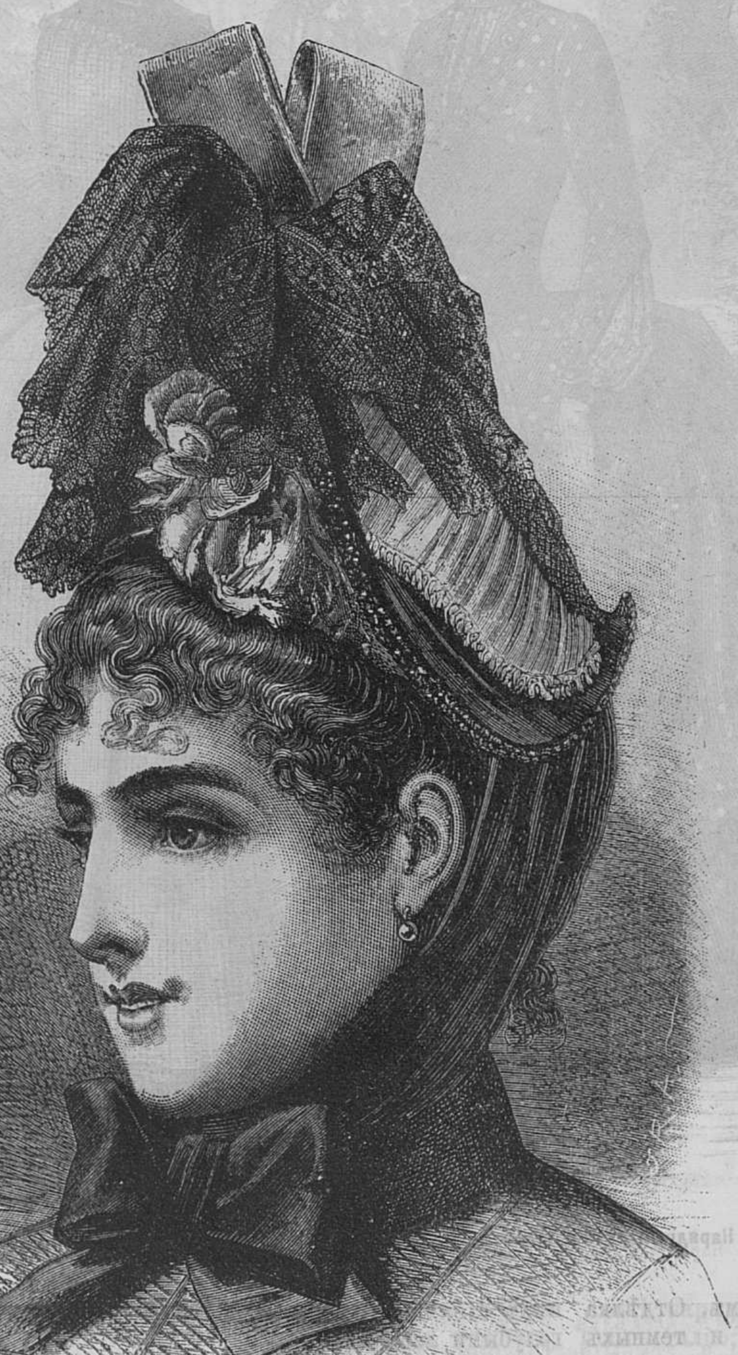
№ 6.—1888. Іюнь. 1888.—№ 6.

1. **Лѣтняя шляпа.** Тулья собранная изъ крепа souffre (сѣровато-желтый). Поля приподнятыя остроконечно впереди, черныя бархатныя; они подложены собраннымъ крепомъ souffre и окаймлены двойнымъ рядомъ бисера. Подъ полями букетъ розъ. На верху бантъ souffre. Черное кружево падаетъ волнами ва тулью и поля. Бриды черныя бархатныя.

2. **Нарядный лѣтній туалетъ.** Юбка изъ голубаго фуляра, покрытая справа бѣлымъ кружевнымъ полотнищемъ. Рединготъ изъ фуляра, голубаго съ бѣлыми крапинками. Справа корсажъ отдѣльный, слѣва онъ изъ одного куска съ полой; онъ застегнутъ накрестъ; вверху и внизу серебряныя пуговицы. Кружевная шемизетка съ фуляровымъ стоячимъ воротникомъ. Рукава разрѣзные съ кружевною вставкою, собранною на фуляровой обшивкѣ, и тоже украшенные пуговицами. Шляпа изъ голубаго крепа съ бѣлыми розами.

3. **Бретонское манто** изъ шерстяной матеріи песочнаго цвѣта на двуличневой подкладкѣ, синей съ желтымъ. Кокетка, воротникъ и кушачекъ синіе бархатные. Шляпа изъ желтой соломы съ лентами подъ цвѣтъ и синимъ подбоемъ.

4—7. **Подвижные пластроны для лѣтнихъ туалетовъ.** 4. Этотъ пластронъ состоитъ изъ остроконечнаго куска кружева Bruges, окаймленнаго по сторонамъ узорною лентою, изъ которой сдѣланъ и воротникъ. На таліи бантъ. 5. Воротникъ отложной изъ собраннаго кружева, валансьенъ; отъ него идетъ къ таліи лента, обшитая по одной сторонѣ двумя рядами кружева, которое образуетъ внизу кокилье; лента заканчивается бантомъ. 6. Вышитый тюлевый пластронъ обшитъ съ одной стороны рядомъ петель изъ ленты, а съ другой слегка собраннымъ кружевомъ, которое заворачивается внизу въ видѣ кокилье; къ нему примѣшаны ленты. Воротникъ вышитый тюлевый. 7. Этотъ пластронъ сдѣланъ изъ индѣйской кисеи, прихваченной въ двухъ мѣстахъ, причемъ образуются ниспадающія бульоне и оборка; сбоку собранное кружево; такое же кружево у горла. Всѣ подобные пластроны въ большой модѣ и чрезвычайно украшаютъ туалетъ.



1. Лѣтняя шляпа.

8. **Туалетъ съ мантильей** Louis XVI. Платье изъ шелковой черной полосатой матеріи; юбка гладкая открытая на вставкѣ изъ чернаго броше. Мантилья Louis XVI изъ зеленаго французскаго фая съ вышивкою въ тѣнь. Она состоитъ изъ короткой пелерины, покрывающей плечи, баски, соединенной съ спинкою, которая не видна подъ пелериною, и длинныхъ полъ, доходящихъ впереди до подола. Эти полы вышиты и закончены двумя оборками. Вокругъ баски и пелерины, а также у ворота, подобныя же оборки. Шляпа Lamballe изъ чернаго волоса; поля подложены собраннымъ свѣтло-зеленымъ газомъ; подъ ними букетъ розоваго шиповника; на тульѣ розоватыя перья. Зонтикъ черный газовый на зеленой шелковой подкладкѣ. Перчатки блѣдно-сѣрыя, чулки черные, башмаки изъ золотистой кожи.

9. **Модный корсажъ** (выкр. была помѣщена въ прошломъ нумерѣ журнала). Такой корсажъ во вкусѣ Directoire дѣлается изъ шерстяной или шелковой матеріи. Реверы, воротникъ и обшлага на рукавахъ бархатные. Жилетъ бѣлый суконный (онъ нашитъ сверху). Въ вырѣзѣ корсажа черное кружевное фишю, концы котораго выступаютъ внизу. То же повторяется на рукавахъ.

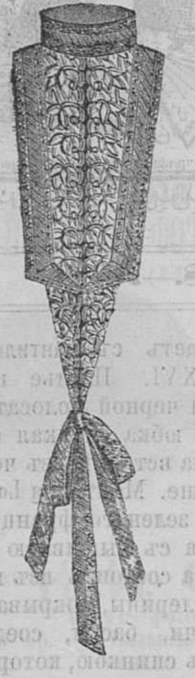
10. **Веста для домашняго туалета.** Веста дѣлается изъ бѣлаго, палеваго или сѣраго пике; отдѣлка изъ полосъ, вышитыхъ суташью. Шемизетка изъ цвѣтнаго сюра. Поясъ изъ вышитой полосы пике.

11. **Дачный корсажъ** изъ гладкаго вуаля, бѣлаго или цвѣтнаго. Передъ и спинка заложены складочками. Воротникъ темный бархатный съ rabat, спускающимся на грудь. Бархатный кушачекъ и обшлага на рукавахъ.

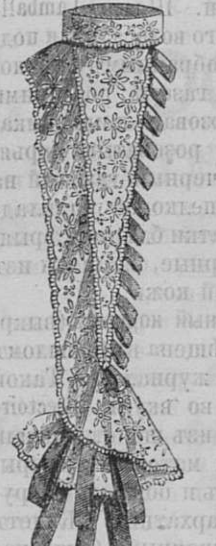
12. **Корсажъ-жакетъ** изъ шерстяной матеріи одинаковой съ юбкой. Реверы шелковые или бархатные. Пластронъ изъ бѣлаго сукна съ металлическими пуговицами.

13. **Воротникъ Пьеро** изъ собраннаго бѣлаго кружева, отогнутаго на шелковой полосѣ, служащей стоячимъ воротникомъ.

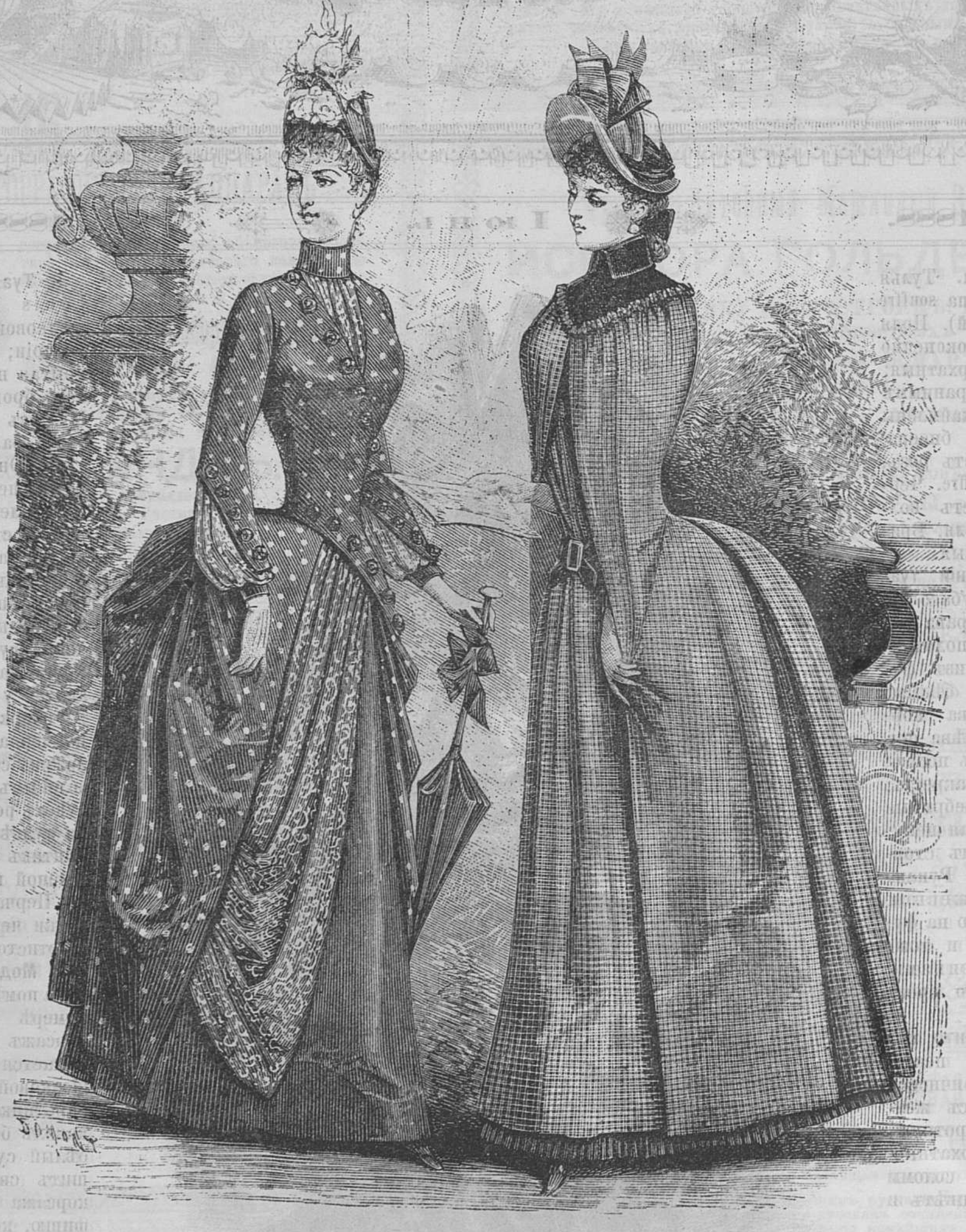
14. **Модный жакетъ** изъ сукна оливковаго цвѣта; двойной реверъ изъ шелковаго броше и сукна покрываетъ грудь; вдоль его, на лѣвой полѣ, узенькая драпри изъ броше. Воротникъ застегнутъ сбоку. Рядъ металлическихъ пуговицъ вдоль ревера. На рукавахъ отдѣлка изъ сукна и броше. Круглая шляпа изъ свѣтлой соломы; большія поля подложены оливковымъ бархатомъ и окаймлены соломеннымъ шнуромъ. Отдѣлка изъ лентъ соломеннаго цвѣта и темныхъ перьевъ.



4. Пластронъ изъ кружева Bruges.

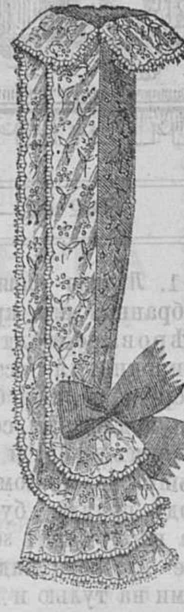


5. Пластронъ изъ кружева валансьенъ.

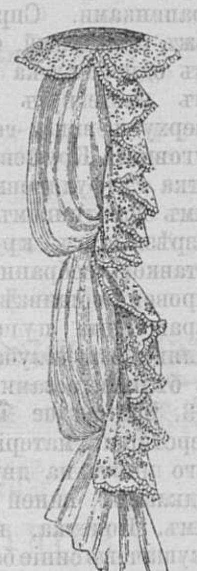


2. Нарядный лѣтній туалетъ

3. Бретонское манто.



6. Пластронъ изъ вышитаго кружева.



7. Пластронъ изъ индѣйской кисеи.

15. **Модный жакетъ** изъ сукна бэжъ съ пришитымъ лацканомъ, образующимъ двубортную застежку. Жакетъ совершенно плотно охватываетъ талію; онъ кроится по патрону корсажа. На бокахъ кармашки съ патами; на груди двойной рядъ пуговицъ; кругомъ строчка.

16. **Костюмъ молодой особы** (выкр. 1 на листѣ). Платье изъ сѣраго полосатаго муслинъ-лена. Юбка заложена глубокими складками. Тюникъ высоко подобранъ впереди и придерживается сбоку бантомъ съ длинными концами. Корсажъ изъ той-же ткани, но здѣсь полосы идутъ вдоль. Передъ собранъ подъ шелковымъ кушачкомъ; отложной шелковый воротникъ. Пластронъ съ поперечными полосами и шелковымъ стоячимъ воротникомъ. На рукавахъ шелковые реверы. Шляпа изъ сѣрой соломы съ сѣрымъ бархатнымъ подбоемъ и пестрыми лентами.

17. **Манто дѣвочки 8 л.** (выкр. II на листѣ). Манто сдѣлано изъ полосатаго лимузина. Рукавъ - пелерина подвернутый. Спинка съ двумя складочками на таліи. Воротникъ стоячій. Шляпа бѣлая соломенная съ голубыми лентами.

18. **Костюмъ молодой особы.** Юбка изъ гладкаго сѣраго сатинета, заложеннаго складками. Тюникъ изъ пестраго сатинета, подобранный сбоку бантомъ изъ сѣрой ленты. Корсажъ сѣрый съ пестрою драпри, притянутой пояскомъ, изъ подъ котораго она спускается въ видѣ шемизетки. Шляпа сѣрая соломенная съ пестрой отдѣлкой.

19. **Костюмъ дѣвочки 6 л.** Юбочка шерстяная полосатая, бѣлая съ темно-краснымъ. Корсажъ—блуза изъ темно-краснаго кашмира съ кокеткой и складками на груди. Онъ застегнутъ сзади. Шарфъ—полосатый, завязанный сзади узломъ. Шляпа изъ желтой толстой соломы съ желтымъ бантомъ и темно-красными помпонами.

20. **Костюмъ дѣвочки 10 л.** (выкр. III на листѣ). Юбка изъ шотландской матеріи. Длинная веста съ прямыми полами и отложнымъ воротникомъ съ реверами. Эта веста marin сдѣлана изъ синяго сукна; пуговицы и якоря на воротникѣ блестящіе металлическіе. Шляпа синяя соломенная съ свѣтло-синими лентами.

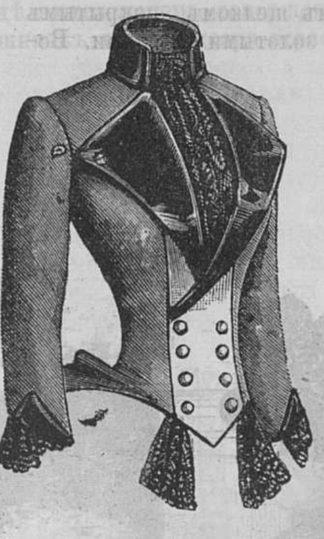
21—23. **Дачная мебель. 21. Диванъ,** 22 и 23. **стулья.** Всякая мебель изъ тростника или простаго дерева можетъ быть превращена въ нарядную, если ее задрапировать суровымъ полотномъ, расшивъ его фантастичнымъ узоромъ, яркими тѣнями. Наши модэли могутъ служить прекраснымъ образцомъ въ этомъ родѣ. Полотно обшивается бахромой или булями изъ пестрой шерсти.

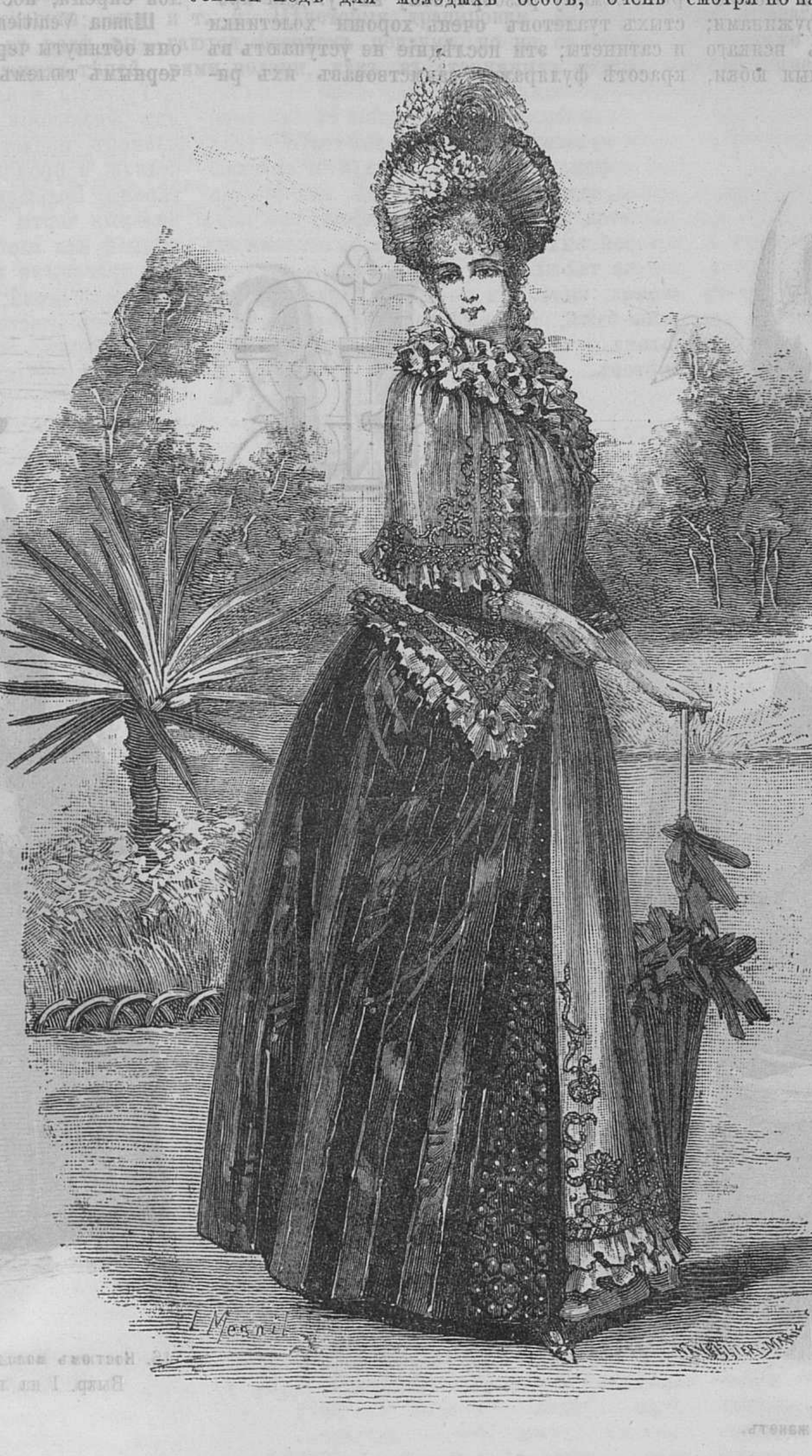
24. **Ночная женская рубашка** изъ перкаля или полотна. Кокетка составлена изъ вышитыхъ прошивокъ; впереди и на рукавахъ оборка. Воротникъ отложной съ бантомъ.

25. **Ночная кофта** изъ перкаля или нансука. Воротникъ и прочая отдѣлка изъ сплоенной полосы. У ворота и на рукавахъ банты.

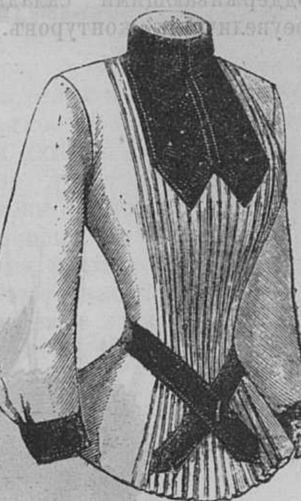
26—27. Манто для вояжа (cache—poussiere) Передъ и спина. Эта модэль сдѣлана изъ тонкаго сукна рыжеватаго цвѣта. На заднихъ поляхъ и на длинныхъ рукавахъ обшивка изъ фая подъ цвѣтъ. Фаевыя нашивки вродѣ вставокъ на спинѣ, плечахъ и впереди, гдѣ онѣ окаймляютъ пластронъ, наложенный складками. Рукава прихвачены на локтѣ; сзади у таліи, надъ заложенными складками, бантъ въ видѣ паты.

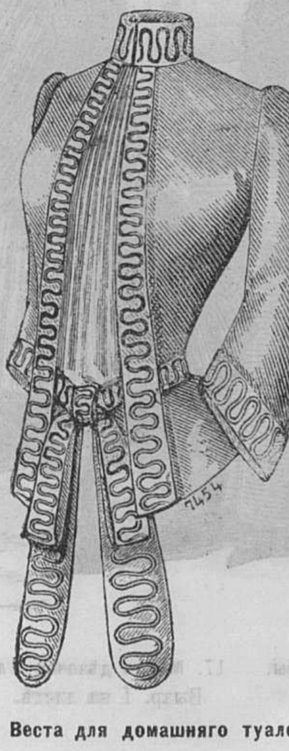
◆


9. Модный корсажъ (выкройка была помѣщ. въ прошл. № журн.).

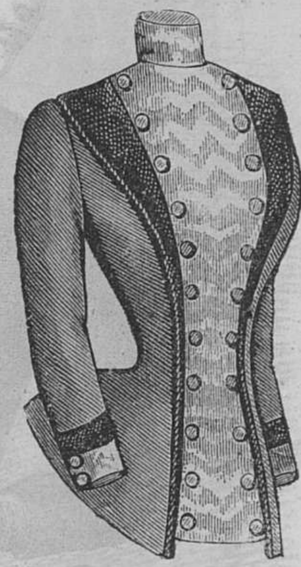


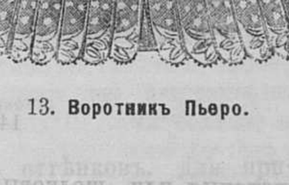
8. Туалетъ съ мантильей Louis XVI.


11. Дачный корсажъ.



0. Веста для домашняго туалета.


12. Корсажъ-жакетъ.


13. Воротникъ Пьеро.

МОДНАЯ ХРОНИКА.

Всѣ свѣтлые цвѣта и веселые цвѣточные рисунки въ большой модѣ, какъ для шелковыхъ, такъ и для болѣе простыхъ тканей. Рисунки чрезвычайно разнообразны: очень красивы блѣдно-голубыя полоски по голубому же, еще блѣднѣйшему полю и окаймленныя бѣлымъ, или букеты пестрой гвоздики, разбросанные по фону золотистаго цвѣта и пр. Турецкіе узоры по сѣрымъ и т. п. нейтральнымъ цвѣтамъ тоже очень красивы. Всѣ эти ткани соединяются съ гладкими, того цвѣта, какъ фонъ. Отъ удачнаго подбора тканей и отдѣлки зависитъ весь эффектъ костюма, теперь даже болѣе. чѣмъ когда нибудь, при настоящей модѣ отвергающей подборы и возвращающей насъ къ прямымъ линіямъ.

Банты разныхъ видовъ въ большомъ употребленіи и придаютъ изящество туалету, но и ими не слѣдуетъ злоупотреблять и они должны всегда имѣть видъ полезный, т. е. какъ бы придерживать складки или полы и т. п.

На ряду съ бѣлымъ, все голубое въ особенной модѣ для молодыхъ особъ; очень красивы, между прочимъ, голубыя платья съ высѣченными воланами или рюшами; они напоминаютъ о василькахъ.

Самыя модныя мантильи, Mante Louis XVI, дѣлаются съ очень длинными передними полами, доходящими до подола платья; отдѣлка ихъ состоитъ изъ собранныхъ волановъ, лежащихъ въ нѣсколько густыхъ рядовъ, на груди, или изъ кружева, прошивокъ и пр. Изъ ватерпруфовъ или cache—poussière, что одно и тоже, самая модная вещь, это бретонскій плащъ (caqa bretone) собранный на верху у бархатной кокетки или просто въ нѣсколько рядовъ. Это весьма удобный и практичный фасонъ, потому что онъ не стѣсняетъ рукъ и защищаетъ все платье, оставаясь, въ тоже время, весьма граціознымъ. Вмѣсто бархатной кокетки можетъ быть вышитая или покрытая кружевомъ, что очень оригинально. Но такой фасонъ не безусловенъ; иногда къ нему прибавляется тройной воротникъ; переднія полы придерживаются кушачкомъ или шнуромъ съ кистями. Для экипажа, манто дѣлается шелковое; для дороги—изъ лимузина или т. п. ткани съ болѣе прилегающей спинкой. Вообще допускаются разныя измѣненія, смотря по назначенію манто и фигурѣ особы.

Всѣ нарядные жакеты очень плотно облегаютъ талію; у нѣкоторыхъ баска спускается на бокахъ (жанръ пеплумъ). Самые модные дѣлаются изъ тюля или гренадина, вышитаго бисеромъ или синелью, но очень изящна тоже слѣдующая модэль изъ толстаго гладкаго тюля, подложеннаго шелкомъ. Талія обтянутая съ небольшой баской, обшитой кружевомъ; впереди кружево кокилье, образующее внизу бантъ съ длинными концами, вродѣ шарфа. Тюлевый воротъ нѣсколько открытъ и обшитъ кружевомъ, шелковая подкладка продолжается до горла въ видѣ шемизетки, которая заканчивается бархатнымъ колье; на баскѣ надъ кружевомъ, бархатъ; рукава собранные въ видѣ двухъ буффъ, перехваченныхъ бархатомъ. Внизу кружево.

Весьма элегантны тоже маленькія мантильи изъ сисильена съ рукавами изъ трехъ рядовъ кружева, сплоеннаго мелко и на которое падаютъ бисерныя висюльки, вродѣ дождя. Впереди драпировка изъ тюля Шантильи съ бисернымъ мотивомъ, придерживающимъ складки.

При настоящей модѣ на прямыя юбки, большіе отдѣльные турнюры совсѣмъ неудобны. Всего лучше замѣнять ихъ юбкою-турнюръ съ весьма мягкими пружинами; поддерживающими складки, безъ всякаго преувеличенія контуровъ. Цвѣтныя юбки, шерстяныя или шелковыя, смотря по степени щегольства, входятъ болѣе и болѣе въ употребленіе. Онѣ обшиваются воланами или какимъ-нибудь прочнымъ кружевомъ и весьма удобны для вояжа.

На ряду съ роскошными верхними одеждами, разукрашенными бисеромъ и т. п., изготовляется много простыхъ, но не менѣе изящныхъ. Изъ нихъ очень милы накидки изъ сукна свѣтлыхъ цвѣтовъ съ подвернутымъ рукавомъ и отдѣлкою изъ высѣченныхъ полосъ, положенныхъ въ два ряда, причемъ нижній рядъ тономъ свѣтлѣе или совершенно другаго яркаго цвѣта. Эти мантеле-пелерины особенно хороши для молодыхъ особъ.

Все сѣрое въ модѣ: cendre de rose (сѣрый съ розоватымъ оттѣнкомъ), gris acier (стальной) gris nuée (свѣтло-сѣрый), gris ficelle, (сѣрый веревочный), gris perle (перловый) и т. д. Очень много тоже зеленаго, особенно въ отдѣлкѣ шляпъ; геліотропъ и бэжъ тоже остаются любимыми цвѣтами.

Изъ лѣтнихъ тканей самыя новыя: муслинъ-крепъ, армюръ, канва гладкая и узорчатая, могеръ, лѣтній шевіотъ, фуляръ, кашмиріенъ; всѣ эти ткани, гладкія и полосатыя, матовыя и блестящія, одноцвѣтныя и двухцвѣтныя, способны удовлетворить самому разборчивому вкусу. Для простыхъ туалетовъ очень хороши холстинки и сатинеты; эти послѣдніе не уступаютъ въ красотѣ фулярамъ, заимствовавъ ихъ рисунки. Появились тоже прежніе жакона и кисеи Помпадуръ, изъ которыхъ составляются прелестнѣйшіе дачные костюмы. Узоры помпадуръ въ большой модѣ, но, согласно современному вкусу, они не ярки, часто даже одноцвѣтны, въ тѣнь. Но все это свѣжо и мило чрезвычайно. Шерстяной вуаль и муслинъ-ленъ въ прежнемъ употребленіи. Для нарядныхъ вечернихъ туалетовъ существуетъ громадный выборъ газовъ, полосатыхъ, мушчатыхъ и пр.

Модныя шляпы очень... смѣлы. Никогда еще не было видно такого разнообразія формъ, иногда поражающихъ своей эксцентричностью. Въ прошломъ году отличались оригинальностью тульи, въ настоящемъ очередь за полями, которыя то выступаютъ на нѣсколько вершковъ впередъ, въ видѣ верха коляски или зонтичнаго подъѣзда, или же приподняты почти отвѣсно съ одного бока, тогда какъ другой спущенъ на ухо. Все это не мѣшаетъ господству прелестныхъ шляпокъ—капотъ, миніатюрныхъ и только украшенныхъ высокою отдѣлкой. Для примѣра описываемъ нѣсколько характернѣйшихъ образцовъ:

Шляпа Etincelle изъ чернаго тюля, расшитаго соломой; фасонъ «капотъ» съ діадемой изъ чернаго кружева и вѣткой бѣлой сирени, поставленной «стрѣлкой».

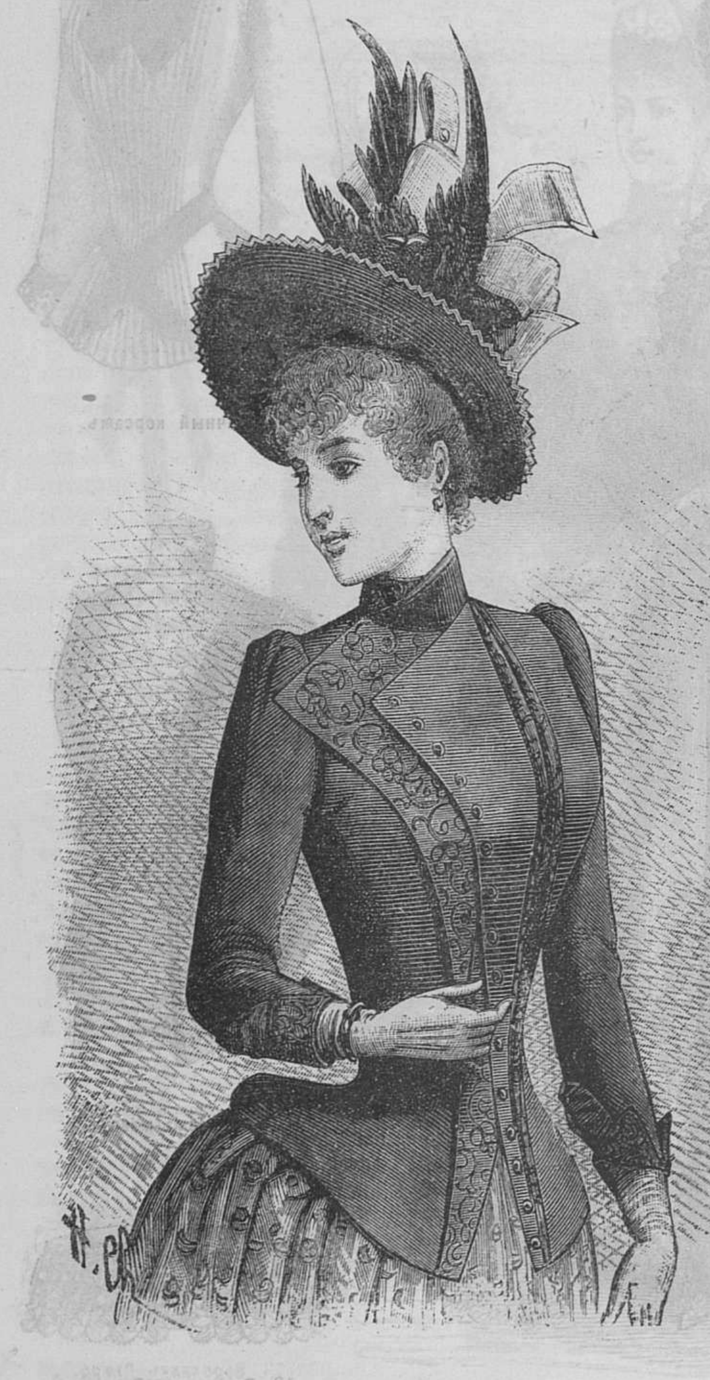
Шляпа Venitienne. Поля широкія кругомъ; они обтянуты чернымъ шелкомъ, покрытымъ чернымъ тюлемъ съ золотыми мушками. Вокругъ невысокой тульи широкое кокилье изъ чернаго кружева съ примѣсью золотыхъ травокъ; впереди букетъ розоватыхъ перьевъ. Поля окаймлены золотымъ шнуромъ.

Шляпа Ламберъ изъ бѣлаго тюля Malines, собраннаго на бѣлой тафтѣ. Поля приподнятыя впереди, подъ ними бантъ изъ ленты маисоваго цвѣта. На тульѣ букетъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ. Бриды маисовыя.

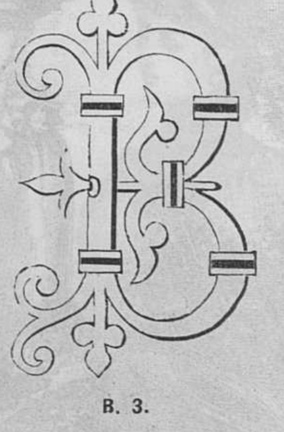
Шляпа Directoire изъ рисовой соломы. Поля подбиты краснымъ бархатомъ и очень выступаютъ надъ лбомъ. Подъ ними букетъ бѣлыхъ нарциссовъ съ золотыми сердечками. Тѣ-же цвѣты на тульѣ, прихваченные большимъ краснымъ бантомъ.

Круглая шляпа Amazone изъ сѣрой соломы; поля приподняты сбоку и подложены сѣрымъ бархатомъ; на тульѣ букетъ бѣлыхъ перьевъ.

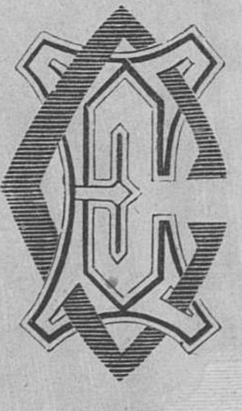
Шляпа-токъ изъ розоваго крепа съ околышемъ изъ черной соломы. Сбоку стоячія черныя перья и розовые банты.



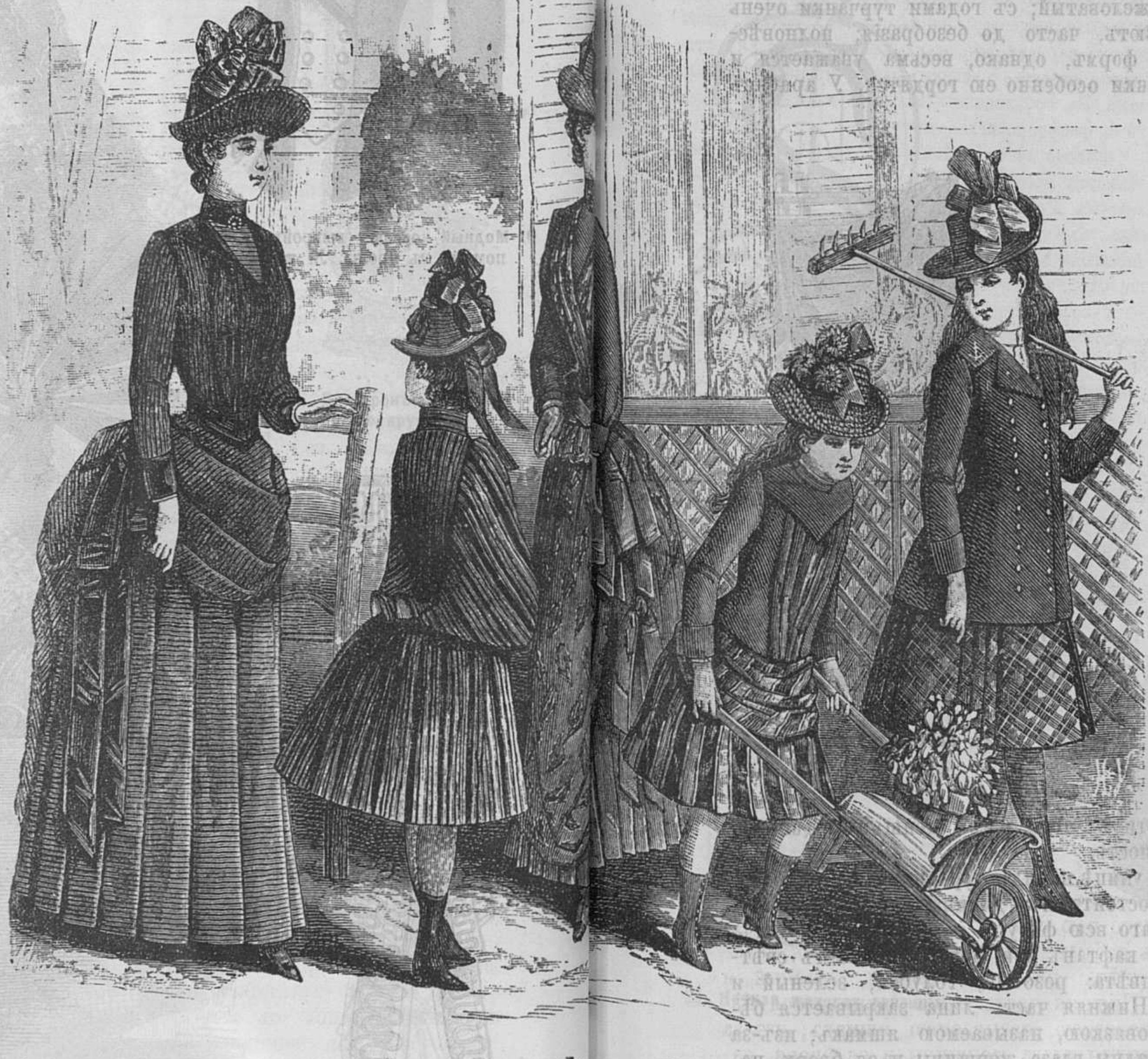
14. **Модный жакетъ.**



В. З.



Е. С.



16. **Костюмъ молодой особы.** Выкр. I на листѣ.

17. **Манто дѣвочки 8 л.** Выкр. I на листѣ.

18. **Ко молодой.**

19. **Костюмъ дѣвочки 6 лѣтъ.**

20. **Костюмъ дѣвочки 10 л.** (Выкр. III на листѣ).

Какъ видятъ читательницы, разнообразіе большое, особенно если прибавить сюда еще шляпы, составленныя изъ однихъ цвѣтовъ, напримѣръ незабудокъ и ландышей, сирени и розъ, и проч. Большею частью берутся мелкіе цвѣты съ однимъ, болѣе крупнымъ, сбоку; бриды тюлевыя или изъ узкой ленты.

Аграманты чрезвычайно роскошны; они дѣлаются теперь совершенно въ родѣ вышивокъ и изъ бисера всевозможныхъ тѣней. Бахромы должны тоже гармонировать съ цвѣтомъ матеріи; очень красивы подобранныя въ постепенную тѣнь, начиная съ темной и переходя къ болѣе свѣтлой, что возможно при нынѣшнемъ разнообразіи бисера.

Широкіе пояса, о которыхъ было говорено въ прошлой хроникѣ, распространяются при дачныхъ туалетахъ. Они необходимы при костюмахъ во вкусѣ директоріи, равно какъ и при бѣлыхъ туалетахъ молодыхъ особъ.

Какъ на большую оригинальность, указываемъ на гирлянды живыхъ цвѣтовъ, которыми замѣняются прежніе маленькіе бантики, прикалываемые къ корсажу. Цвѣты должны гармонировать съ находящимися на шляпкѣ, хотя и не требуется, чтобы они были одинаковы съ ними.

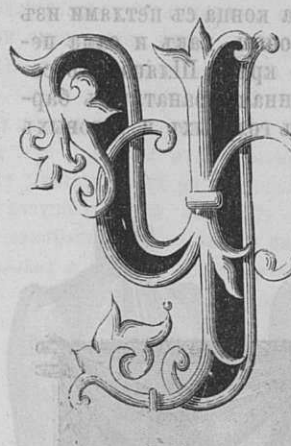
Фасонъ редингота въ большой модѣ для платьевъ. Корсажъ при этомъ гладкій, юбка гладкая на бокахъ, собранная сзади и открытая впереди на вышитомъ полотнищѣ, или же на драпированномъ, заложенномъ складками и пр. Носятъ много бѣлыхъ суконныхъ юбокъ (или только вставокъ), расшитыхъ восточнымъ узоромъ; поверхъ такой юбки надѣвается рединготъ изъ шерстяной или шелковой матеріи. Иногда, вмѣсто редингота, такая бѣлая юбка покрывается драпировками изъ бенгалина, вуаля и т. п. Нѣкоторыя драпировки располагаются фасономъ пеплумъ, но не съ гладкими полами, какъ въ старинныхъ отдѣлкахъ того-же названія, а въ видѣ небольшого передника и двухъ полъ кокилье на бокахъ. Сзади прямое полотнище. Корсажъ бѣлый суконный; поверхъ его другой, вырѣзной, à la juive, изъ одного куска съ пеплумомъ.

Домашніе неглиже чрезвычайно изящны въ настоящее время. Что можетъ быть щеголеватѣе и свѣжѣе такого наряда: капотъ изъ крепона или вуаля crème; переднія и заднія полы собраны вверху съ головкою, лежащею на кокеткѣ изъ розоваго сюра. Рукава двойные: нижній гладкій изъ сюра, верхній широкій изъ вуаля и крепона. Вмѣсто пояса розовый шнуръ съ кистями.

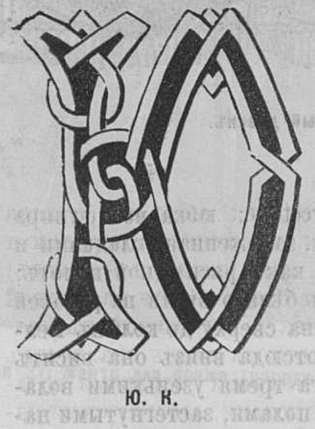
Очень красивъ тоже фасонъ неглиже въ видѣ капота, но съ накладными полочками въ родѣ весты. Этотъ жанръ очень удобенъ и для пожилыхъ особъ, потому что оставляетъ талію совершенно свободной, причемъ весь туалетъ кажется, однако, не столь безцеремоннымъ, какъ простая распущенная блуза. Чтобы придать большую нарядность костюму, передъ весты, плечи и рукава покрываются вышивкою.

Самые нарядные неглиже въ этомъ родѣ дѣлаются съ кружевнымъ передомъ, заложеннымъ складками; спинка, полы и верхніе рукава изъ матеріи; нижніе рукава кружевные. Кромѣ различныхъ нѣжныхъ цвѣтовъ: розоваго, голубаго, лиловаго и т. п., для неглиже въ большой модѣ цвѣта vert-sauterelle (сине-зеленый), bleu-russe (сѣро-синій) и красный разныхъ оттѣнковъ. Для примѣра беремъ костюмъ изъ двуличневаго сюра vert-sauterelle: полы, спинка и верхніе рукава изъ сюра; полочки, образующія впереди весту, окаймлены узенькимъ золотымъ шнуромъ, изъ-подъ котораго выглядываетъ тоже узенькій воланчикъ изъ розовой высѣченной тафты. Рукава широкіе съ такою-же отдѣлкой; подъ ними черные кружевные, собранные тремя буффами и съ обшивкой изъ сюра внизу. Передъ черный кружевной, перехваченный розовыми лентами. Особая рельефность туалета заключается въ томъ, что черное кружево расшито розовымъ и зеленымъ шелкомъ.

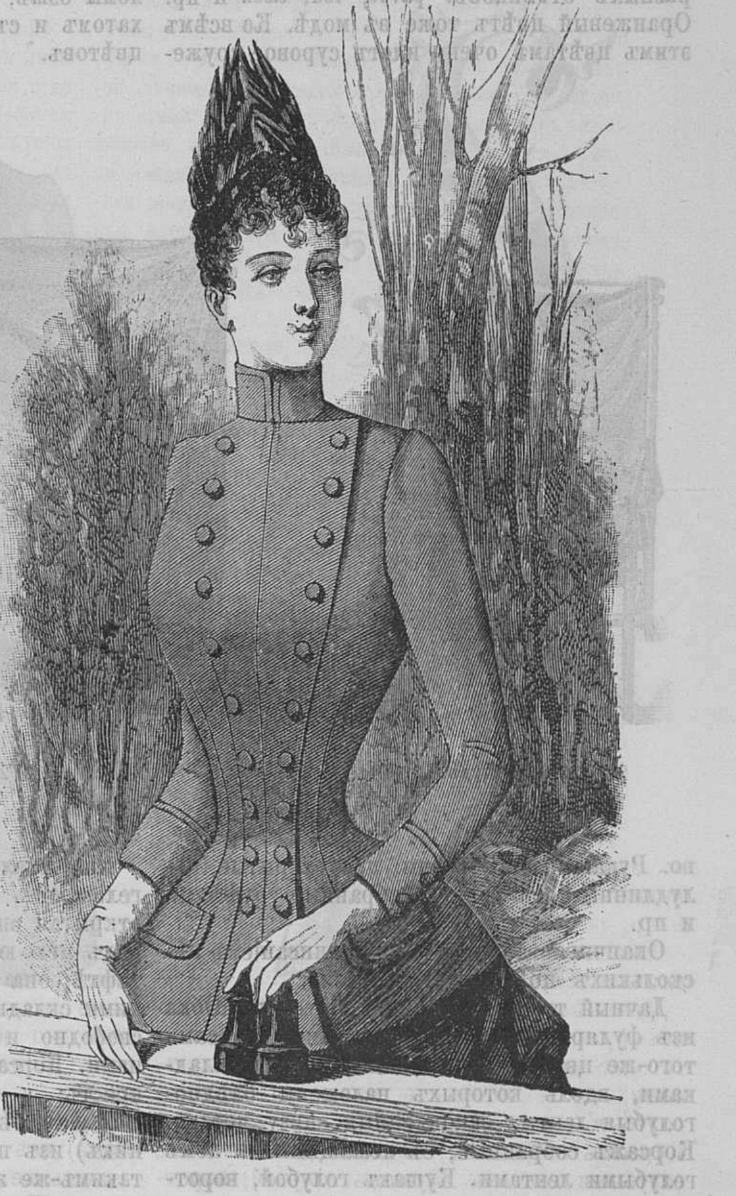
Прибавленіе полочекъ весты не мѣшаетъ дѣлать спинку со складкой Ватто, которую можно устроить изъ матеріи или изъ кру-



У. Ф.



Ю. К.

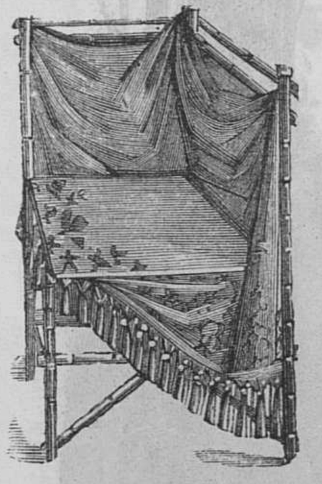


15. **Модный жакетъ.**

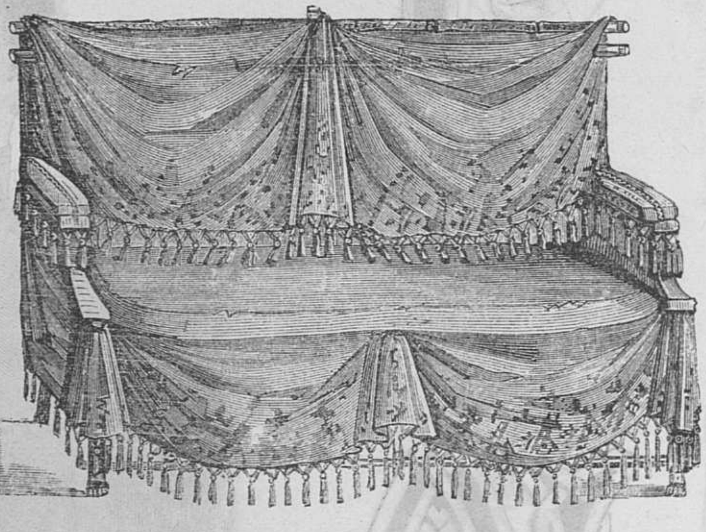
жева, одинаковаго съ передомъ. Большею частью костюмъ добавляется отложнымъ воротникомъ. Кружевные передъ, воротникъ и складка Ватто подложены иногда цвѣтнымъ шелкомъ.

Въ другомъ родѣ, но тоже очень красивы неглиже изъ японскихъ матерій, т. е. съ узорами въ японскомъ вкусѣ. Рекомендуемъ слѣдующую модэль изъ фуляра, голубовато-блѣднозеленаго съ фантастичнымъ рисункомъ, изобращающимъ золотистыхъ и серебристыхъ птицъ между розовыми и лиловыми цвѣтами. Корсажъ гладкій, полуширокій, къ которому пришита собранная юбка съ головкой. Два большіе кружевные воротника, вырѣзанные, какъ берга, огибаютъ плечи и спускаются къ поясу; впереди, между полъ, вставка изъ золотистаго атласа, полузакрытая съ боковъ кружевомъ.

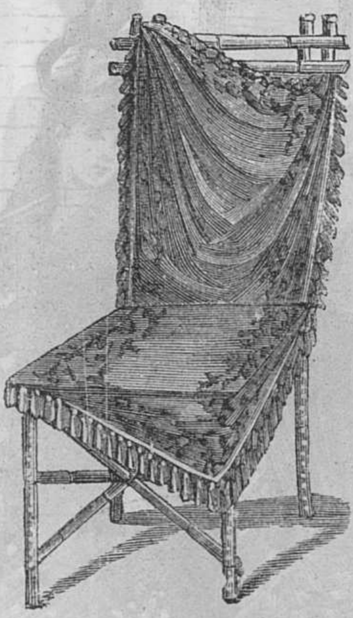
Для такъ называемыхъ матине требуется болѣе стиль фру-фру, вслѣдствіе чего на нихъ употребляется множество бантовъ и кружева, а матерія выбирается самая яркая, причемъ въ особенной модѣ красный цвѣтъ разныхъ оттѣнковъ: pavot, feu, tison и пр. Оранжевый цвѣтъ тоже въ модѣ. Ко всѣмъ этимъ цвѣтамъ очень идетъ суровое кружево. Рукава разнообразны: полуоткрытые, полудлинные, широкіе, собранные буффами и пр.



22. Дачный стулъ.



21. Дачный диванъ.



22. Дачный стулъ.

Оканчиваемъ нашъ обзоръ описаніемъ нѣсколькихъ полныхъ туалетовъ:

Дачный туалетъ во вкусѣ Directoire. Юбка изъ фуляра crème съ муаровыми полосами того-же цвѣта, заложенная кругомъ складками, вдоль которыхъ наложены блѣдноголубыя ленты, законченныя внизу петлей. Корсажъ собранный, съ лежащими на немъ голубыми лентами. Кушакъ голубой, воротникъ отложной изъ крепа crème, заложеннаго складочками. Шляпа Directoire соломенная съ голубыми лентами. Зонтикъ голубой съ кружевомъ crème.

Другой костюмъ въ томъ-же вкусѣ: юбка изъ блѣднозеленаго вуаля, расшитаго розовыми цвѣточками. Рединготъ изъ темнозеленаго фая съ золотистыми затканными полосками, подложенный золотистой тафтой: онъ распахнутъ впереди и опоясанъ широкимъ поясомъ изъ золотистаго сюра съ длинными концами, обшитыми бахромой всѣхъ цвѣтовъ, участвующихъ въ костюмѣ. На груди рединготъ открытъ, причемъ полы отогнуты большими реверами. Рукава до локтя, тоже съ реверами изъ золотистой тафты; изъ подъ нихъ видны другіе изъ вышитаго вуаля. На груди такая-же шемизетка. Шляпа изъ соломы crème съ полями изъ такого-же кружева, подложеннаго розовой тафтой; на тульѣ зеленыя ленты.

Костюмъ молодой особы: юбка изъ пестраго сатинета, блѣднолиловаго съ темнолиловыми цвѣточками. Юбка прямая, собранная у таліи; на подолѣ два ряда собраннаго кружева crème. Корсажъ-блуза изъ того-же сатинета съ кружевною кокеткой и поясомъ изъ ленты геліотропъ, завязанной длиннымъ бантомъ на боку. Шляпа изъ желтой ажурной соломы съ желтыми лентами и букетомъ розовыхъ и лиловыхъ маргаритокъ.

Другой, болѣе нарядный туалетъ составленъ изъ тафты помпадуръ, голубой съ пестрыми цвѣточками. Передъ юбки покрытъ шестью воланами, высѣченными по краю; заднія полотнища прямыя, тоже съ высѣчкою кругомъ. Корсажъ гладкій съ полудлинными рукавами. Пелерина изъ голубой гладкой тафты, закругленная сзади и спускающаяся впереди къ таліи, гдѣ она придерживается металлическою аграфою, изъ подъ которой выходятъ два конца съ петлями изъ той-же тафты. Эти концы, какъ и сама пелерина, высѣчены по краю. Шляпа изъ соломы бэжъ, подложенная гранатнымъ бархатомъ и съ букетомъ голубыхъ и розовыхъ цвѣтовъ.

Еще туалетъ Directoire: юбка изъ фуляра геліотропъ, прямая, заложенная складками и открытая впереди, какъ распашной капотъ; подъ нею юбка изъ бѣлаго вуаля на розовой тафтѣ; она заложена сверху до колѣнъ мелкими складками, отсюда внизъ она виситъ свободно и обшита тремя узенькими воланами. Корсажъ съ полами, застегнутыми накрестъ; у таліи сбоку бантъ съ концами. Большая бѣлая колеретка (отложной воротникъ) изъ плиссированнаго бѣлаго крепа съ такимъ-же жабо, заполняющимъ вырѣзъ на груди. Рукава сборчатые въ видѣ трехъ плоскихъ буффъ. Шляпа соломенная съ бѣлымъ шелковымъ подбоемъ; на тульѣ банты геліотропъ и вѣтки розовыхъ фуксій.

Очень оригинальны туалеты изъ вуаля бэжъ съ отдѣлкою изъ пестрыхъ турецкихъ полосъ, затканныхъ въ матеріи. Такая полоса окаймляетъ самый подолъ юбки, другая идетъ вокругъ второй юбки, почти одной длины съ первой. Эта вторая юбка драпирована сбоку, гдѣ она придерживается бантомъ изъ пестрой ленты; сзади она образуетъ легкую драпировку. Корсажъ въ видѣ весты Фигаро, изъ подъ которой виденъ другой, заложенный мелкими складочками. На полахъ вышивка; рукава почти длинные съ отдѣлкой изъ складочекъ.

Костюмъ дѣвочки 10 лѣтъ. Юбка изъ шерстяной ткани сѣрой съ краснымъ; тюникъ такой-же, приподнятый на бокахъ сѣрыми бантами. Корсажъ-блуза съ красными накладками на плечахъ и сѣрою шелковой вставкой впереди. Шляпа сѣрая соломенная съ красными лентами.

Костюмъ дѣвочки 6 лѣтъ. Юбочка и блуза изъ синяго кретона съ бѣлыми горошенками. Подолъ обшитъ бѣлымъ кружевомъ вгладь. Большой матросскій кружевной воротникъ. Широкій бѣлый поясъ съ бантомъ назади. Бѣлая кисейная шляпа съ букетомъ васильковъ на тульѣ и розовымъ бантикомъ подъ полями.

◆

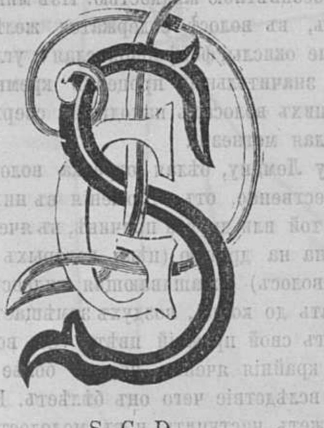
Женскіе наряды на востокѣ.

Турецкія женщины довольно красивы; въ ихъ физіономіи соединились черты всѣхъ племенъ, представительницы которыхъ населяли и продолжаютъ населять восточные гаремы. Большею частью у турчанокъ правильныя черты лица, черные глаза, носъ прямой или слегка орливый, ротъ съ алыми, красивыми губами. Складъ тѣла немного тяжеловатый; съ годами турчанки очень полнѣютъ, часто до безобразія; полновѣсность формъ, однако, весьма уважается и турчанки особенно ею гордятся. У арабовъ напротивъ того, въ женщинѣ цѣнится стройность.

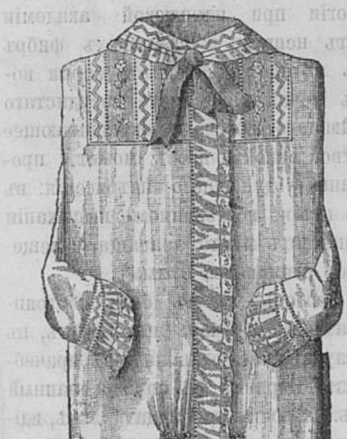
На улицѣ нарядъ турчанки очень простъ; онъ состоитъ изъ длиннаго кафтана, окутывающаго всю фигуру съ головы до ногъ. Этотъ кафтанъ или фередже бываетъ свѣтлаго цвѣта: розовый, голубой, зеленый и т. п. Нижняя часть лица закрывается бѣлою повязкою, называемою яшмакъ; изъ-за нея видны глаза женщины и ея брови, насурмленыя такъ, что соединяются на переносьѣ. Турчанка не осмѣливается выйти изъ дома безъ этого облаченія, однако умѣетъ устраивать такъ, что прохожій угадываетъ подъ неуклюжимъ нарядомъ красоту тѣла: она ухитряется сдѣлать яшмакъ попрозрачнѣе или спустить его пониже и располагаетъ кокетливо сборки своего фередже.

Воротясь домой, турчанка мѣняетъ свои желтые сапожки на туфли и остается въ широкихъ шальварахъ изъ шелковой или плотной кисейной ткани и въ халатѣ, открытомъ впереди и съ прорѣзями на бокахъ. Этотъ халатъ волочится сзади, почти какъ шлейфъ; длинные его рукава, а также и полы, украшены пуговками, лентами или вышивкой; тонкая турецкая шаль служитъ поясомъ; открытая прозрачная рубашка слегка прикрываетъ шею и грудь. Въ Константинополѣ женщины надѣваютъ еще, поверхъ халата, длинную бархатную или суконную куртку, расшитую золотомъ, серебромъ и шелками. Туфли дѣлаются съ острыми носками, загнутыми вверхъ. Въ головномъ уборѣ дается просторъ личному вкусу; обыкновенно, волосы заплетаются въ мелкія косички, которыя висятъ по плечамъ; темя покрыто небольшою шелковою или бархатною шапочкою, голубою или красною, расшитою очень роскошно золотомъ и пр.; иногда она украшается даже драгоцѣнными каменьями. Ожерелья, серьги, браслеты, разныя запонки и пр. дополняютъ нарядъ.

Разсказы нѣкоторыхъ путешественниковъ о томъ, что турчанки проводятъ почти весь день за туалетомъ, совершенно несправедливы; онѣ посвящаютъ этому предмету, можетъ быть, менѣе времени, нежели европейскія женщины, для которыхъ перемѣна нѣсколькихъ туалетовъ въ сутки составляетъ уже необходимость. Какъ почти всѣ восточныя женщины, турчанки даже не раздѣваются на ночь и не переплетаютъ ежедневно свои многочисленныя косички; генне, которымъ онѣ окрашиваютъ свои ногти въ желтый цвѣтъ, держится тоже по нѣскольку дней. Самыя богатыя женщины ходятъ въ баню не болѣе двухъ разъ въ недѣлю и только тогда возобновляютъ свой туалетъ. Время проходитъ для нихъ въ бездѣльи, куреніи табаку, слушаніи пѣсень и въ болтовнѣ съ еврейскими, армянскими и греческими торговками, разносящими по гаремамъ не только товаръ, но и городскія сплетни, которыя выслушиваются съ любопытствомъ затворницами. Въ менѣе зажиточномъ классѣ, женщины занимаются разными рукодѣльями, въ которыхъ выказываютъ замѣчательное искусство.



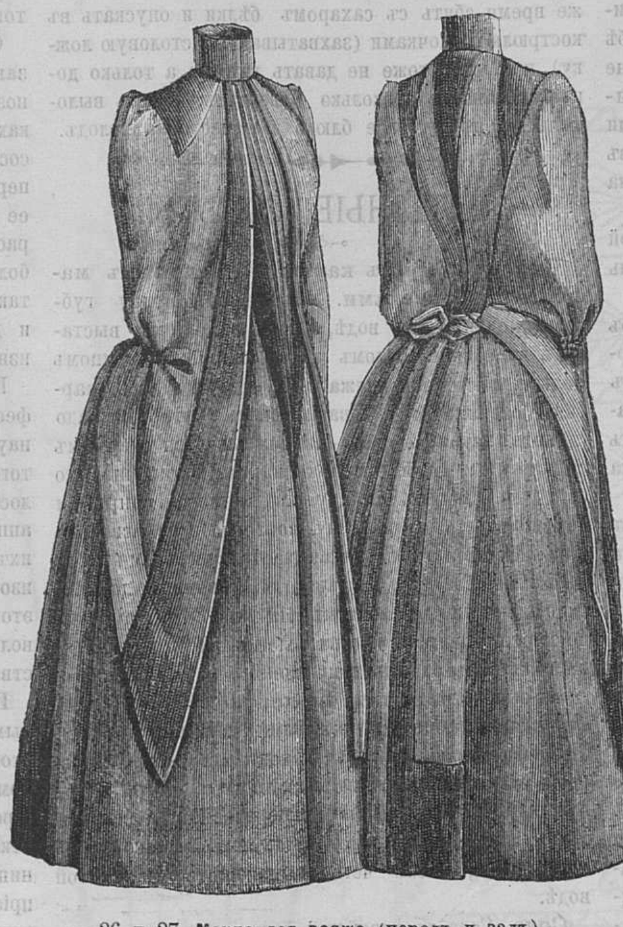
S. G D.



24. Ночная женская рубашка.

Мусульманскіе нравы и обычаи отражаются, отчасти и на христіанскихъ семьяхъ. Во многихъ греческихъ семействахъ въ Константинополѣ, женщины носятъ восточный костюмъ, подобный описанному выше. Женщины высшаго класса одѣваются по франкски, то есть слѣдуютъ европейской модѣ, но ихъ головной уборъ и нѣкоторыя подробности костюма напоминаютъ востокъ и придаютъ особенную оригинальность ихъ туалету. Константинопольскія гречанки очень красивы.

Жены армянъ-католиковъ одѣваются по парижской модѣ, стараются подражать всѣмъ европейскимъ обычаямъ, говорятъ на разныхъ языкахъ, но у армянъ, признающихъ восточную церковь, женщина прячется подъ яшмакомъ и фередже. Армянки славятся своею красотой не менѣе гречанокъ; у нихъ правильныя черты, прекрасные глаза, мягко обрисованный ротъ, ослѣпительный цвѣтъ лица; къ сожалѣнію, онѣ также скорэ полнѣютъ и лишаются всякой миловидности, какъ турчанки. Женщина подъ тридцать лѣтъ кажется уже старухою.



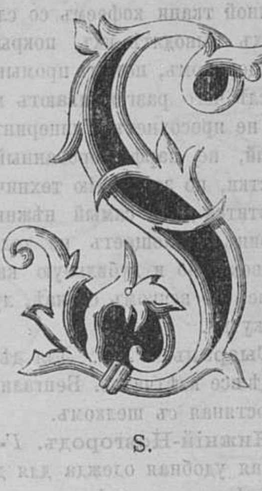
26 и 27. Манто для вояжа (передъ и задъ).

Константинопольскія еврейки очень привлекательны и отличаются особенной нѣжностью и свѣжестью кожи, но онѣ утратили чистоту своего первоначальнаго типа, который сохранился лишь въ Сиріи и Египтѣ. Онѣ одѣваются почти, какъ турчанки, только носятъ еще болѣе драгоцѣнностей, между которыми очень оригинальны пояса, осыпанные драгоцѣнными каменьями и окаймленные висячими серебряными и золотыми цѣпочками. По какому-то странному извращенію вкуса, еврейки обезображиваютъ себя, выщипывая себѣ брови, отъ которыхъ остается лишь самая узенькая полоска. Вообще, онѣ заботятся болѣе о своемъ нарядѣ, нежели о своей собственной миловидности, но отягощаютъ себя драгоцѣнностями безъ всякаго разбора, такъ что производятъ на зрителя весьма странное впечатлѣніе, походя на какихъ-то идоловъ, обвѣшанныхъ разными приношеніями.

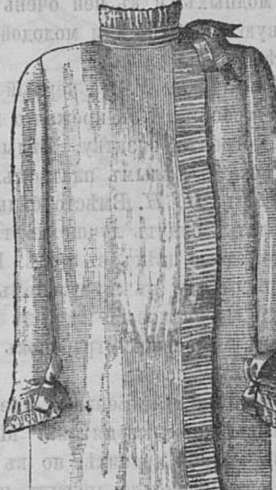
Но всѣ эти особенности сглаживаются съ каждымъ годомъ; уже многія турчанки носятъ европейскій нарядъ и примѣру ихъ слѣдуютъ другія восточныя національности. Подобно тому, какъ характерный сельскій костюмъ смѣняется повсюду каррикатурнымъ подражаніемъ городскому, такъ и на востокѣ, вмѣсто расшитыхъ золотомъ курток и шапочекъ, появляются шляпки съ птицами и турнюры.

Отвѣтъ взыскательнымъ подписчицамъ.

Мы получили отъ нѣкоторыхъ нашихъ подписчицъ замѣчаніе весьма строгое, но повергшее насъ въ немалое недоумѣніе. Г-жи подписчицы увѣряютъ, что съ 1 января онѣ получали лишь картинки модъ, безъ всякихъ къ нимъ выкроекъ. Между тѣмъ, на 5 выданныхъ уже нами листахъ выкроекъ и узоровъ, были даны выкройки 4-хъ корсажей, 2-хъ мантилій, 2-хъ дѣтскихъ костюмовъ, 1 домашняго капота, 1 редингота для дѣвочки и почти цѣлаго приданаго для малютки. Рисунки ко всѣмъ этимъ предметамъ были помѣщены въ текстѣ. Мы можемъ объяснить возникшее недоразумѣніе лишь тѣмъ, что г-жи подписчицы, приславшія намъ грозное обвиненіе, не просматриваютъ внимательно страницъ журнала съ находящимся на нихъ пояснительнымъ текстомъ, сверхъ того, выговаривая намъ за то, что мы не помѣстили, до сихъ поръ, именно того, что имъ желательно, онѣ не хотятъ принять въ соображеніе, что журналъ не имѣетъ возможности давать выкройки къ каждому изъ изображенныхъ въ текстѣ рисунковъ или угадывать, къ которому именно изъ нихъ требуется выкройка въ томъ или другомъ семействѣ въ данную минуту.



S.



25. Ночная кофта.

Мы стараемся разнообразить наши рисунки и выкройки, заимствуя ихъ изъ лучшихъ французскихъ источниковъ и давая всегда то, что наиболѣе въ модѣ, наиболѣе практично и можетъ быть помѣщено при размѣрахъ нашего изданія. Незаслуженное порицаніе вознаграждается, впрочемъ, съ лихвою изъявленіями признательности другихъ подписчицъ и ихъ постоянно возростающимъ числомъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Кишиневъ. *А. К.* Для вывода жирныхъ пятенъ изъ разныхъ матерій рекомендуется составъ изъ 4 столовыхъ ложекъ нашатырнаго спирта, 4 столов. ложекъ виннаго спирта и 1 столов. ложки поваренной соли. Смѣшавъ все хорошенько, употребляютъ съ помощью губки. Не испытавъ, однако, этого состава на шелковыхъ тканяхъ нѣжныхъ цвѣтовъ, мы не можемъ ручаться съ увѣренностью въ томъ, что цвѣтъ матеріи не измѣнится; совѣтуемъ, поэтому, сдѣлать сначала пробу на небольшомъ лоскуткѣ. Если-же пятна произведены на шелковой или шерстяной ткани кофеемъ со сливками, то въ красильныхъ выводятъ ихъ, покрывъ запятнанное мѣсто глицериномъ, потомъ промываютъ тепловатой водой, послѣ чего разглаживаютъ матерію съ изнанки, пока не просохнетъ. Глицеринъ необходимо брать чистый, не парфюмерованный. При этомъ способѣ чистки, по завѣренію техническихъ руководствъ, не портится даже самый нѣжный цвѣтъ матеріи; глицеринъ поглощаетъ не только жиръ молока или сливокъ, но и дубильную кислоту, содержимую въ кофе. Во всякомъ случаѣ, лучше сдѣлать опытъ на лоскуткѣ.

Сызрань. *Р. Т.* Для дѣтей опять въ большой модѣ все клѣтчатое. Бенгалиномъ называется ткань шерстяная съ шелкомъ.

Нижній-Новгородъ. *Г-жъ Т. В.* Ватерпруфъ самая удобная одежда для дороги, но для экскурсій пѣшкомъ не мѣшаетъ запастись жакетомъ; онъ менѣе стѣснителенъ. Ткань вуаль одна изъ самыхъ модныхъ и къ ней очень удобно подобрать шелковую отдѣлки. Для молодой особы фуляръ на шляпкѣ будетъ хорошъ.

Майкопъ. *В. Р.* На первый вопросъ отвѣтъ въ модной хроникѣ. Изъ прежняго вышитаго долмана можно устроить визитку. Бѣлыхъ чулокъ не носятъ, даже съ бѣлымъ платьемъ.

Рязань. *Н. Н.* Вмѣсто бѣлыхъ бантовъ на бѣломъ платьѣ будутъ лучше цвѣтные, напр. свѣтлозеленые; этотъ цвѣтъ въ модѣ. На второй вопросъ получите отвѣтъ въ слѣдующемъ нумерѣ журнала. Шпильки черепаховыя или изъ имитаціи дѣлаются въ формѣ маленькихъ гребенокъ и втыкаются по личному вкусу особы.

Вологда. *В. С.* Бензинъ превосходное средство для вывода жирныхъ пятенъ. Модные цвѣта указаны въ модной хроникѣ, но къ нимъ можно прибавить еще нѣсколько другихъ, напр. всѣ рыжеватыя тѣни.—Благодаримъ за любезный отзывъ.

Уфа. *Л. М.* Для чернаго туалета лучше всего будетъ кружево и бисеръ; бархатная отдѣлка болѣе проста. Лиловый цвѣтъ допускается въ полутраурѣ. Шелковыя перчатки продолжаютъ носить.

КУХОННЫЕ РЕЦЕПТЫ

Баранина по англійски. Обложавъ заднюю бараню ногу лавровымъ листомъ и мятой, посоливъ и посыпавъ перцемъ, оберните ее въ чистой холстъ, обвяжите покрѣпче и опустите въ кипятокъ. Варите столько четвертей часа, сколько въ баранинѣ фунтовъ вѣса. Когда готово, выньте изъ холста, уложите на блюдо и подавайте съ протертою рѣпой и бѣлымъ соусомъ съ каперсами.

Сахарныя лепешки. Взять 6 яичныхъ желтковъ, растереть такъ, чтобы побѣлѣли; прибавить $^{3}/_{4}$ стакана мелкаго сахара, 1 столовую полную ложку сливочнаго масла и $^{1}/_{2}$ фун. крупичатой муки. Замѣсить тѣсто, нарѣзать лепешки, вымазать яйцомъ, посыпать сахаромъ и поставить въ печь.

Говядина въ чашкѣ. Въ глиняную или эмальированную кострюлю положить рядъ шпека, нарѣзаннаго тонкими ломтиками, и пересыпать его мелко истолченымъ лукомъ, петрушкою, солью и укропомъ. Положить на шпекъ ломтики сырой говядины; покрыть опять шпекомъ и пр , потомъ класть опять рядъ говядины, опять шпекъ и т. д. доверха кострюли. Самый верхній рядъ долженъ состоять изъ шпека, который надо посыпать слегка перцемъ, послѣ чего закрыть кострюлю, замазать ее и поставить въ духовую печь или въ русскую печь, на уголья. Подавать въ кострюлѣ.

Супъ изъ саго. На 10—12 особъ надо взять 5—6 дессертныхъ ложекъ саго, которому дать вскипѣть раза три, послѣ чего прибавить двѣ столовыхъ ложки протертыхъ вареныхъ томатовъ съ ложкою тертаго пармезана. Давъ вскипѣть еще разъ, процѣдить и заправить свѣжимъ сливочнымъ масломъ. Передъ тѣмъ, какъ подавать, положить въ миску гренки изъ бѣлаго хлѣба, хорошо подрумяненные въ маслѣ.

Сохраненіе молока. Чтобы предупредить окисленіе молока, надо опустить въ него нѣсколько листиковъ дикаго хрѣна. Этимъ средствомъ можно сохранить молоко свѣжимъ втеченіе нѣсколькихъ дней.

Снѣжки. Сбивъ 4 желтка съ сахаромъ, выложить ихъ въ кострюлю, влить въ нее 1 бут. цѣльнаго молока, помѣшивая и не давая кипѣть; въ тоже время сбить съ сахаромъ бѣлки и опускать въ кострюлю комочками (захватывая на столовую ложку), при чемъ тоже не давать кипѣть, а только допускать бѣлокъ нѣсколько отвердѣть; потомъ выложить все въ глубокое блюдо и вынести на холодъ.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВѢТЫ.

Чистка старыхъ картинъ, писанныхъ масляными красками. Вытеревъ картину губкою, смоченною въ водѣ, даютъ высохнуть, выставивъ на солнце, потомъ трутъ живопись концомъ пальца, постоянно кружа имъ, причемъ отъ картины отдѣляется бѣловатая пыль, которую надо сдувать; наконецъ, весь лакъ оказывается стертымъ съ картины. Если такого тренія недостаточно, то слѣдуетъ смочить тряпку въ винномъ спиртѣ и крѣпко тереть ею картину, повторяя это нѣсколько разъ. Вскорѣ картина оказывается чистой и краски освѣжаются. Тогда покрываютъ живопись лакомъ, спеціально употребляемымъ для этой цѣли, проводя по картинѣ мягкой кистью, слегка, сверху внизъ и постоянно въ одномъ направленіи.

Чистка цвѣтныхъ тканей (фуляровъ, батистовыхъ платковъ съ цвѣтными каймами и пр.). Намочите ткань въ горячей водѣ для того, чтобы грязь разошлась немного; вскипятите 2 фун. отрубей въ 6 штофахъ воды для образованія массы, которая послужитъ вмѣсто мыла; натрите ею ткань хорошенько, послѣ чего выполощите въ чистой водѣ.

Сода. Сода въ хозяйствѣ вещь очень полезная. Если необходимо, чтобы молоко или сливки подольше сохранились, то на бутылку ихъ надо положить по $^{1}/_{2}$ ложечки соды. Прокисшій бульонъ или даже борщъ можно исправить, прокипятивъ ихъ съ содой. Даже прогорклое масло можно исправить, промывъ его въ водѣ, съ распущенной въ ней столовой ложкой соды.

Помада для рукъ. Для смягченія кожи на рукахъ уничтоженія въ ней зуда и удаленія перхоти рекомендуется слѣдующій составъ:

Взять: Спермацета . . . 70 граммъ.
Чистаго воска . . 30 »
Миндальнаго масла 300 »
Тройной роз. воды 60 »

Распустить все на маломъ огнѣ, вылить въ каменную ступу, растереть тщательно, прибавить два грамма кодеина, растереть снова. Вообще, чѣмъ лучше перетерта эта масса, тѣмъ она бѣлѣе и сохраняется лучше. Уложивъ ее въ стеклянную или фарфоровую банку, надо обвязать лайкой или пергаментною бумагой.

Средство для ускоренія нарыванія при ногтоѣдѣ и т. п. Взять печеную луковицу, растереть ее, прибавить 30 граммъ свѣжаго коровьяго масла (не посоленаго), 30 граммъ ромашечнаго масла, 30 граммъ розоваго масла, 4 грамма шафраннаго порошка. Перемѣшавъ все это, приложить къ нарывающей опухоли.

Сѣдина.

Почему и посредствомъ какого процесса сѣдѣютъ волоса? Вѣрнаго отвѣта на этотъ вопросъ еще нѣтъ и ученые люди ограничиваются, въ этомъ отношеніи, одними догадками. Если волоса бѣлѣютъ у человѣка съ годами, то извѣстно тоже, сѣдина является часто и въ молодости. Въ зрѣломъ возрастѣ, причиною ея слѣдуетъ считать недостатокъ питанія волоса, вызываемый общимъ ослабленіемъ обмѣна веществъ въ тѣлѣ; въ молодыхъ годахъ, явленіе обусловливается какимъ либо потрясеніемъ нервной системы.

Микроскопическое наблюденіе указываетъ, что чорные волоса окрашиваются содержимымъ въ нихъ зеленовато-сѣрымъ жирнымъ веществомъ, рыжіе—красноватою, болѣе текучею маслянистою жидкостью бѣлые—такою же безцвѣтною жидкостью. Изъ минеральныхъ веществъ, въ волосѣ содержатся желѣзные и марганистые окислы, фосфорнокислая и углекислая известь и значительный процентъ кремнезема. Въ побѣлѣвшихъ волосахъ находится, сверхъ того, фосфорнокислая магнезія.

Согласно доктору Леману, бѣлая окраска волосъ зависитъ преимущественно, отъ вторженія въ нихъ воздуха. Если, по той или другой причинѣ, въ ячейкахъ, вздѣтыхъ одна на другую (цѣпь которыхъ и составляетъ нашъ волосъ) окрашивающая жидкость перестаетъ достигать до конца, воздухъ замѣщаетъ ее и волосъ теряетъ свой прежній цвѣтъ. Съ возрастомъ человѣка, крайнія ячейки волоса болѣе и болѣе высыхаютъ, вслѣдствіе чего онъ бѣлѣетъ. Но такой процессъ можетъ наступить и въ молодости, и даже мгновенно, чему бывали примѣры. Какъ извѣстно, Марія-Антуанета посѣдѣла въ одну ночь.

Подобные факты, по объясненію Топинара, профессора антропологіи при парижской академіи наукъ, зависятъ отъ невроза мускульныхъ фибръ того слоя кожи, въ которомъ залегаютъ корни волосъ, или даже отъ пораженія самаго сосудистаго аппарата, доставляющаго волосамъ окрашивающее ихъ жирное вещество. Такой неврозъ можетъ произойти и отъ внезапнаго душевнаго потрясенія; въ этомъ случаѣ, какъ и при постепенномъ высыханіи волоса, воздухъ занимаетъ мѣсто красящаго вещества, причемъ волосъ становится бѣлымъ.

Измѣненіе цвѣта волосъ можетъ быть постояннымъ или перемежающимся. Очень интересенъ, въ этомъ отношеніи, случай, наблюдавшійся въ врачебномъ заведеніи близъ Берлина и опубликованный д-ромъ Рейнгардомъ. Дѣвочка тринадцати лѣтъ, идіотка и одержимая эпилепсіей, находилась въ больницѣ впродолженіи двухъ лѣтъ. Вскорѣ послѣ ея пріема было замѣчено, что ея волосы, очень густые, переходили отъ свѣтло-желтаго цвѣта въ темнорыжій и даже черный. Измѣненіе начиналось съ оконечностей волосъ и совершалось вполнѣ втеченіе двухъ—трехъ сутокъ; каждый цвѣтъ удерживался втеченіе, по меньшей мѣрѣ одной недѣли. Начиналось измѣненіе всегда одновременно съ приступомъ эпилепсіи; темная окраска совпадала съ высшею степенью припадковъ; свѣтлая съ періодомъ остолбененія, наступавшемъ при ихъ прекращеніи. Подволосная кожа была суше во время этого послѣдняго періода, слѣдовательно, при болѣе свѣтлой окраскѣ волосъ.

На основаніи такихъ наблюденій нельзя не признать, что потрясенія нервной системы весьма вліяютъ на преждевременное обезцвѣчиваніе волосъ. Большею частью, болѣзненные и впечатлительныя люди сѣдѣютъ рано; въ особенности же подвержены этому тѣ лица, которыя много работаютъ головой, проводятъ безсонныя ночи, вообще усиленно напрягаютъ свою нервную систему, причемъ нарушается правильное питаніе волосныхъ корней. Сѣдина не служитъ, поэтому, прямымъ указателемъ возраста, но она часто составляетъ весьма важный патологическій признакъ.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Дозволено цензурою. Спб., 25-го мая 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 24

12 Іюня

1888.

Живописное Обозрѣніе

Художественно-литературный

журналъ

выходитъ еженедѣльно

Изданіе

С. Добродѣева

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Промышленность, технологія и торговля.

Весною текущаго года профессоръ с.-петербургскаго университета Д. И. Менделѣевъ предпринялъ, по распоряженію правительства, поѣздку въ донецкій бассейнъ для изслѣдованія залежей каменнаго угля. Изъ представленнаго имъ доклада видно, что каменные угли донецкаго бассейна расположены на огромныхъ протяженіяхъ и довольно поверхностно, такъ что шахты закладываются не глубоко, отъ 20 до 50 саженъ — это наибольшая глубина, между тѣмъ какъ англійскія шахты закладываются на глубинахъ почти въ 1 версту — это поверхностное лежаніе углей облегчаетъ ихъ добычу и, слѣдовательно, удешевляетъ разработку. Кромѣ того, наши пласты лежатъ довольно полого, т. е. не опускаются круто въ глубину. Угли имѣютъ разныя свойства и могутъ примѣняться какъ для металлургическихъ цѣлей, такъ и для домашняго обихода. Насколько легка добыча угля видно изъ того, что крестьяне одного округа въ теченіе года, работая только въ свободное время, добыли самыми примитивными способами до четырехъ милліоновъ пудовъ угля. Толщина угля не превосходитъ 1—2 аршинъ, что надо также считать большимъ преимуществомъ, такъ какъ если каменно-угольные пласты имѣютъ толщину значительную, то постройка шахтъ обходится въ большую сумму. Правда, работа въ слояхъ небольшой толщины тяжела, такъ какъ рабочіе должны работать лежа или въ согнутомъ положеніи. Во всякомъ случаѣ уголь теперь обходится на мѣстѣ, т. е. на поверхности земли, въ 3 и до 5 коп. пудъ, т. е. то-же, что обходится уголь на мѣстѣ въ Англіи, хотя способъ добычи угля въ Англіи гораздо болѣе совершененъ, нежели у насъ, благодаря опытности англійскихъ рабочихъ. По мнѣнію Д. И. Менделѣева, залежи угля такъ богаты, что есть надежда на то, что нашъ уголь, при правильной разработкѣ, не только удовлетворитъ нашей внутренней потребности, но сдѣлается предметомъ вывоза заграницу.—Въ виду новаго налога на спички не лишена интереса справка о постепенномъ ростѣ этой отрасли промышленности въ Россіи. Производство зажигательныхъ спичекъ возникло на западѣ съ небольшимъ полвѣка тому назадъ. Въ Россіи, собственно въ Петербургѣ, спички стали распространяться съ 1839 г.; въ то время онѣ привозились преимущественно изъ Гамбурга и продавались не дешевле 1 р. ассигн. за 100 шт. Со слѣдующаго, 1840 г., фосфорныя спички стали выдѣлываться уже и у насъ, причемъ производство сосредоточилось въ Петербургѣ, гдѣ въ скоромъ времени открылось нѣсколько фабрикъ; въ 1842 г. въ одной с.-петербургской губерніи существовало уже 9 фабрикъ, при ежедневномъ производствѣ въ 10 милліоновъ штукъ спичекъ; въ 1865 г. въ Россіи было всего 73 фабрики, производившія спичекъ на сумму 358 тыс. руб.; въ 1875 г. число фабрикъ увеличилось уже до 223, а сумма производства до 1.350,000 руб.; еще черезъ 10 лѣтъ, т. е. къ 1885 году, число спичечныхъ фабрикъ возросло на 193, а размѣры производства увеличились до 2.305,000 руб. при 8,945 рабочихъ. Кромѣ спичекъ русскаго производства, у насъ находится еще въ обращеніи довольно значительное количество заграничныхъ спичекъ, хотя привозъ спичекъ изъ-за границы, достигшій въ 1874 г. количества 62,730 пудовъ на сумму 539 тыс. руб., со времени установленія въ 1877 г. платежа пошлины золотомъ и отчасти вслѣдствіе развитія нашего отечественнаго производства, уменьшился почти вчетверо. За послѣднее время существенно уменьшился и привозъ спичекъ изъ Финляндіи.—Въ «Deutsche Zucker-Industrie» помѣщено описаніе любопытнаго выпарнаго аппарата системы американца Ярьяна, привлекшій на себя серьезное вниманіе иностранныхъ сахароваровъ. Главное преимущество воваго аппарата передъ многокорпуснымъ аппаратомъ Рилье заключается не въ производительности, которая, впрочемъ, вполнѣ удовлетворительна, а въ дешевизнѣ постановки, экономіи мѣста и незначительномъ количествѣ жидкости, циркулирующей въ соковыхъ трубахъ корпусовъ. Въ настоящее время въ Америкѣ работаетъ уже 60 выпарныхъ аппаратовъ Ярьяна, въ Англіи—14 и въ Германіи—1. Отзывы отовсюду самые благопріятные. Въ этихъ аппаратахъ испареніе совершается самымъ экономическимъ образомъ, такъ какъ на 1 килогр. сожигаемаго угля приходится, среднимъ числомъ, 28 килогр. выпаренной воды. Далѣе, такъ какъ соки подвергаются наивысшей температурѣ лишь нѣсколько минутъ, то нельзя опасаться ни инверсіи, ни карамелизированія сахара, даже при выпариваніи кислыхъ растворовъ. Спустя немного минутъ послѣ того, какъ аппаратъ началъ дѣйствовать, онъ уже доставляетъ готовый густой сокъ. Очистка трубъ производится очень легко, а конденсаціонная вода, совершенно свободная отъ содержанія сахара, можетъ быть употреблена для питанія паровиковъ. Выпарной аппаратъ Ярьяна состоитъ изъ трехъ горизонтальныхъ значительной длины корпусовъ (устраиваются, впрочемъ, и четырехкорпусные аппараты), соковыя трубки которыхъ въ противоположность другимъ системамъ, не суть только простыя нагрѣвательныя трубки, наполненныя сокомъ, а содѣйствуютъ испаренію всею своею поверхностью. Выпариваемый сокъ вступаетъ весьма тонкою струею съ одного конца трубки и проходитъ, при непрерывномъ кипѣніи, до другого конца ея, изъ котораго выдѣляется уже смѣсь сгущеннаго сока и пара. Для одновременнаго распредѣленія сока во всѣ трубки, передъ послѣдними устроена распредѣлительная камера, отдѣленная отъ парового пространства глухою перегородкою, чрезъ которую пропущены концы соковыхъ трубокъ. Передъ этими концами находится подвижная въ горизонтальномъ направленіи доска, на которой, какъ разъ противъ съуженныхъ отверстій трубокъ, укрѣплены тонкія коническія пробки, такъ что, перемѣщая упомянутую доску, можно вдвигать пробки въ отверстія на большую или меньшую глубину и такимъ образомъ регулировать впускъ сока въ трубки. Смѣсь густого сока и пара, выдѣляющаяся изъ соковой коробки, вступаетъ въ раздѣлительную камеру, имѣющую видъ короткаго, но широкаго цилиндра, внутри котораго укрѣплены три вертикальныя перегородки, съ прорѣзами попеременно внизу и вверху. Благодаря этимъ перегородкамъ, соковой паръ принужденъ двигаться въ раздѣлительной камерѣ зигзагообразно вверхъ и внизъ и на своемъ медленномъ пути вполнѣ освобождается отъ увлекаемыхъ имъ капелекъ сока, которыя стекаютъ на дно камеры, а оттуда, вмѣстѣ съ остальною массою сока—сначала въ сосудъ, снабженный поплавкомъ, а затѣмъ—по соединительной трубѣ—въ распредѣлительную камеру слѣдующаго корпуса. Между тѣмъ паръ, совершенно очищенный отъ примѣси сока, проходитъ въ паровое пространство слѣдующаго корпуса, гдѣ онъ утилизируется для дальнѣйшаго сгущенія сока, какъ обыкновенно.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Отщепенецъ. Романъ *А. Михайлова* (продолженіе).—Ночь передъ Троицей (бретонская баллада) *О. К.*—Греза, новый романъ *Эмиля Золя*, перев. *П. Каншина* (продолженіе).—Изъ подъ нѣмецко-турецкаго ига. Историческій романъ *Т. Ежа*, перев. съ польскаго *А. Сахаровой* (продолженіе).—Анестетическія средства.—Политическое обозрѣніе.—Внутреннее обозрѣніе.—Къ рисункамъ.

Рисунки: Первые цвѣты, съ карт. *М. Михаэля.*—Художница, оригин. рисунокъ художн. *И. Проскурнина.*—Добрые казаки, съ карт. проф. *Г. Виллевальда.*—Царь пустыни, съ карт. *Ф. Флинцера.*—Зало русской школы.—Любимая яблоня въ цвѣту, съ карт. *Бейля.*—Погребеніе Фараона, съ карт. *Р. Геккера.*

На оберткѣ: Промышленность, технологія, торговля.—Объявленія.

КОНСУЭЛО.

Романъ въ двухъ частяхъ **ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ**, переводъ *П. Лѣтнева.* 460 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Папочка замѣть

ШТУРМА
УКСУСЪ
ысшаго
чества
звреденъ
истаго
куса
и
ЗАПАХА.

НАДО БРАТЬ!

СОРТА:

Виноградный уксусъ бѣлый и красный.
Уксусъ эстрагонъ подъ №№ 1, 2, 3.
Винный уксусъ тройной 9% — № 00.
Винный уксусъ двойной 6% — № 0.
Винный уксусъ средній 4½% — № 2.
Винный уксусъ обыкновенный 3% — № 4.
Винный уксусъ низшій 2½% — (безъ №).

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

На каждой бутылкѣ заводскаго розлива обозначенъ сортъ. № и цѣна съ посудою.

№ 297. (52—26).

Усовершенствованные
двухъ и трехъ-колесные
ВЕЛОСИПЕДЫ.

Центральный складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.
Собственное механическое заведеніе для починокъ.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,
Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.
С.-Петербургъ.

№ 158 (52—39).

Туалетныя мыла I. Голлендера.

Рекомендуются всѣмъ, имѣющимъ легко лопающуюся кожу, которой придаетъ мягкость и бѣлизну.

ЛАНОЛИНОВОЕ,
АМИКОСОВОЕ.

Цѣна 30 к., съ перес. 3 куск. 1 р. 50 к.

Получить можно въ С.-Петерб. Русск. Общ. торгов. аптек. тов. и во всѣхъ аптек. и косметич. магазинахъ Россіи. Депо Демидовъ пер. № 1. 243 (57—29)

НЕОБХОДИМА ДЛЯ КАЖДАГО
НОВѢЙШАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ
СПИЧЕЧНИЦА.

Превосходитъ все, что до сихъ поръ появлялось въ продажѣ.

Трутъ воспламеняется отъ прикосновенія иглы; причемъ взрыва не происходитъ, цѣна за штуку съ запаснымъ составомъ 1 р. 50 к. съ пересылкой по почтѣ.

Торговцамъ значительная уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, д. № 12.

Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—10).

КОФЕ-ЛЮБИТЕЛЕЙ
ШОКОЛАДЪ И КАКАО
Золотыя медали
С. СІУ и К°.
Депо въ С.-Петербургѣ
16. Невскій, 16.
На углу Бол. Морской.
Магазинъ А. СІУ и К°.
Парфюм. высш. качества.

414 (1—1).

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛАНГІЕЛЯ.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 413 (12—1).

ФАБРИКА МАСЛЯНЫХЪ ЛАКОВЪ И КРАСОКЪ
К. ШПИГЕЛЯ.
Въ С.-Петербургѣ, на Пескахъ, 9 улица, № 5.

Прейсъ-куранты и руководства по востребованію высылаются БЕЗПЛАТНО. При вычисленіи денегъ за товары, упаковку и пересылку, слѣдуетъ замѣтить, что упаковка стоитъ около тридцати копѣекъ за каждые десять фунтовъ и составляетъ около третьей части наличнаго вѣса выписываемаго товара. Товары отпускаются на счетъ и страхъ требующихъ. Фабрика высылаетъ желающимъ и кисти.

№ 412 (1—1).

КРЫМСКОЕ ЮЖНО-БЕРЕЖНОЕ ВИНО
изъ имѣнія его императорскаго высочества государя великаго князя
КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА
„ОРЕАНДА“
и изъ садовъ
С. Г. РОМАНОВСКАГО-РОМАНЬКО
КРЫМСКОЕ ШАМПАНСКОЕ

Ріонъ 1 р. 75 к.—Таврія 2 р.—Понтусъ 2 р. 75 к.—Ореанда 3 р.

Бѣлыя вина	отъ 50 к. за бут.	до самыхъ лучшихъ марокъ.
Красныя вина	отъ 55 к. за бут.	

Главное агентство въ С.-Петербургѣ площадь Александринскаго театра, домъ графовъ Бенкендорфъ, № 5—5.

Отдѣленіе. Невскій, № 5. Ж. Рихтеръ.

Удостовѣреніе сіе дано изъ придворной государя великаго князя Константина Николаевича конторы, за надлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати виноторговцу Жоржу Рихтеру въ томъ, что согласно соизволенія его императорскаго высочества, единственно ему, Рихтеру, предоставлена продажа Ореандскихъ винъ изъ крымскаго государя великаго князя имѣнія „Ореанда“ въ погребѣ главнаго агентства южно-россійскихъ виноградныхъ винъ противъ Александринскаго театра, на углу Толмазова пер. и по Невскому пр. № 5.

Телефонъ № 1279. № 374 (4—2).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р. Безъ доставки въ Спб.: За годъ 6 р. 60 к. Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 7 руб. съ преміею (книжный магазинъ И. Ф. Папкова, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: за годъ 10 руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ №1 со всѣми приложеніями. За пересылку преміи цѣнною посылкою рубль.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 24

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ.

На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ чернью и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

12-го Іюня, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ СЪ РАЗСРОЧКОЮ, поспѣшить высылкою слѣдуемаго взноса, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ нумеровъ журнала съ 1-го іюля текущаго года.

Главная премія высылается подписчикамъ съ разсрочкою по уплатѣ сполна годовой подписной суммы и за доставку картины, такъ какъ таковая въ виду большаго размѣра и цѣлости, высылается только цѣнною посылкою, на скалкѣ, задѣланною въ холстъ.

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

Романъ

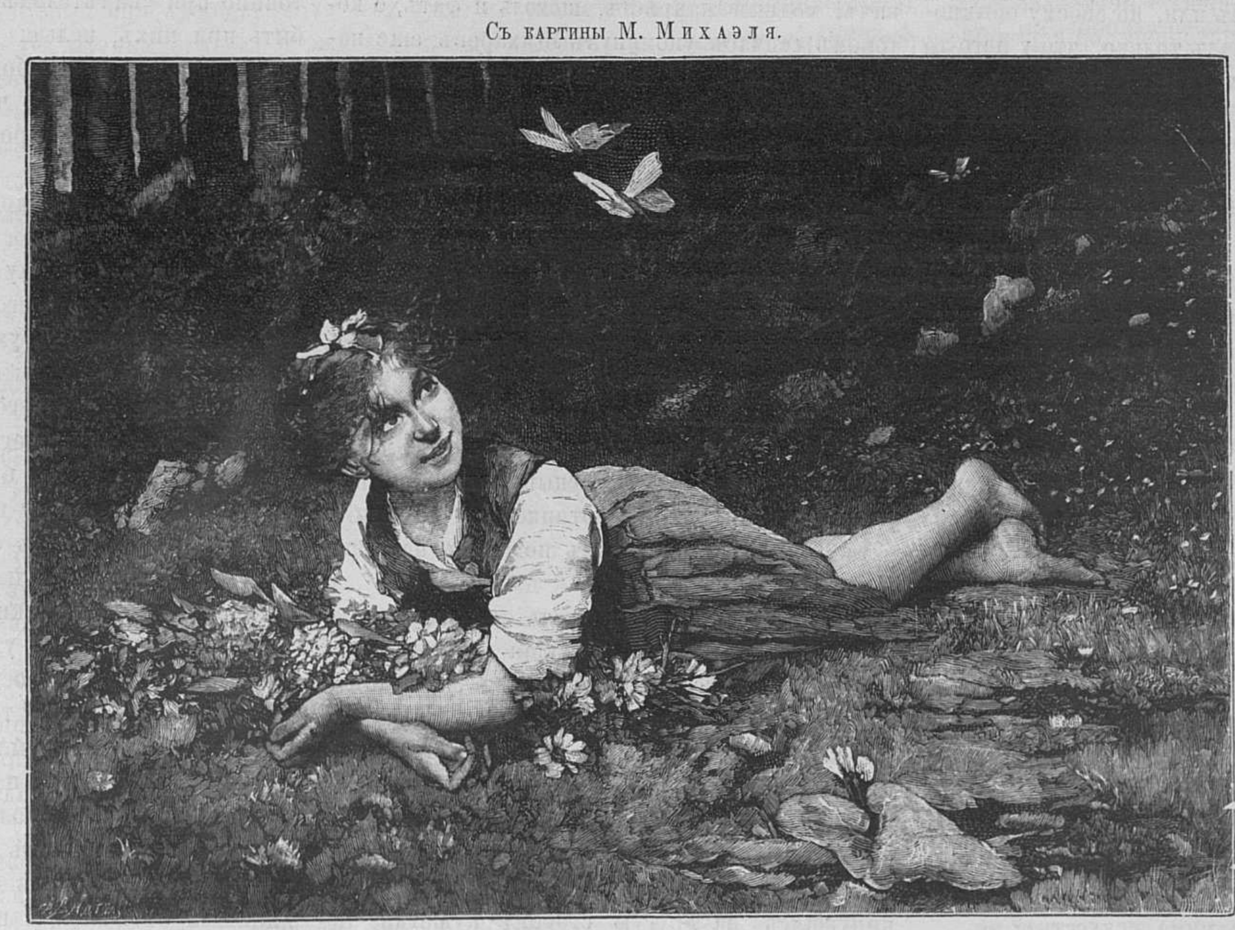
А. Михайлова.

(Продолженіе).

IV.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ предъ мольбертомъ въ своей «мастерской», какъ онъ называлъ свою большую комнату, и въ сотый разъ передумывая, какую тэму выбрать для картины, всматривался въ давно набросанный имъ эскизъ «Месть Шемяки за брата». Этотъ эскизъ попался ему подъ руки совершенно случайно при разборкѣ разнаго художническаго хлама, старыхъ фотографій, измаранныхъ альбомовъ, клочковъ этюдовъ. Положивъ этотъ кусокъ раскрашеннаго полотна на мольбертъ, Хопровъ задумался. Тэмъ для картинъ являлось у него всегда не мало: его старый альбомъ былъ полонъ разныхъ набросковъ; на стѣнѣ висѣло множество эскизовъ; но ни на одной изъ набросанныхъ сценъ онъ не могъ остановиться окончательно. Онъ въ раздумьи взглянулъ на рядъ эскизовъ, сдѣланныхъ наскоро карандашемъ, углемъ, акварелью, масломъ и красовавшихся на стѣнѣ. На всѣхъ эскизахъ удивительно бойко, смѣло и со вкусомъ были набросаны группы, но онъ чувствовалъ, что ни одной изъ этихъ картинъ онъ не можетъ написать.

Съ картины М. Михаэля.



Первые цвѣты.

— Что, братъ, залюбовался на свое твореніе! раздался громкій насмѣшливый голосъ позади Хопрова.

Хопровъ обернулся и увидалъ обдерганную фигуру довольно тощаго и длиннаго господина съ копной растрепанныхъ волосъ цвѣта грязной мочалы, съ изрытымъ оспою грязно-желтымъ лицомъ, съ черными обгрызками зубовъ, торчавшими изъ-за осклабившихся губъ, съ жидкими клочьями бѣловатыхъ волосъ, замѣнявшими бороду и усы. Одежда посѣтителя была какого-то бураго цвѣта, вся въ пятнахъ; изъ-подъ нея высовывалась грязная сорочка, вышитая русскими узорами; галстуха не было. Во всемъ виднѣлись слѣды не столько бѣдности, сколько неряшливости. Это былъ Петръ Васильевичъ Жихаревъ, старый товарищъ Ивана Ивановича по академіи, оставившій академію со скандаломъ, не написавшій ни одной картины, но чрезвычайно зло ругавшій все написанное другими. Хопровъ поморщился, зная, что Жихаревъ попроситъ водки или денегъ и при этомъ выругаетъ его самого и его эскизъ Онъ сухо поздоровался съ гостемъ и въ отвѣтъ на его слова замѣтилъ небрежно:

— Нѣтъ, это старый грѣхъ попался подъ руку. Выбросить давно было надо...

— Нѣтъ, отчего-же, симпатичные тона! сказалъ Жихаревъ съ ироніей. — Это вѣдь главное: симпатичные-то тона!

Онъ шумно засмѣялся, скаля черные обрызки зубовъ.

— Только охота-же тебѣ, шутъ ты гороховый, была выбирать такую эпоху, замѣтилъ онъ, — для которой нѣтъ никакихъ точныхъ указаній на настоящіе костюмы. Вѣдь это переходъ отъ древней Руси къ татарщинѣ и ея модамъ. Тутъ тебѣ придется перерыть массу матеріаловъ и все-таки остаться на мели, безъ серьезныхъ данныхъ на счетъ одеждъ...

— Ну, вотъ еще! запротестовалъ Хопровъ и подумалъ: «Ну, начнетъ бахвалиться знаніями».

— Да ужь это вѣрно!

— Да отъ кого ты слышалъ?

— Это попугай слышалъ, а не я. Я, братъ, все это прогрызъ, мертвечину-то, археологію-то! Конецъ четырнадцатаго и начало пятнадцатаго вѣковъ самые трудные по части одѣяній у насъ на Руси. Тутъ такія дебри, изъ которыхъ ты и не выберешься.

— Ну...

— Не нукай, если не знаешь. А ты поройся въ книгахъ, тогда и узнаешь. Ни у Прохорова, ни у другихъ знатоковъ этого дѣла достаточныхъ матеріаловъ тутъ не найдешь.

Хопровъ упалъ духомъ. Онъ не зналъ, правду-ли говоритъ Жихаревъ или, по своему обыкновенію, вретъ. Онъ зналъ только, что у него-то нѣтъ дѣйствительно матеріала не только для этой, но и вообще для исторической картины. Жихаревъ, видя его смущеніе, началъ еще развязнѣе подшучивать:

— Впрочемъ, на симпатичныхъ тонахъ можно выѣхать. Вонъ нашъ фарфоровый художникъ, господинъ Грибовичъ, только этимъ и беретъ въ своихъ вылизанныхъ яко-бы историческихъ жанрахъ. Барыни такъ и ахаютъ: «Ахъ, какъ нѣжно! Ахъ, какъ красиво! Такой бархатъ двѣнадцать рублей аршинъ стоитъ!» А разсмотри его картины: краги нацѣпилъ на послѣдней картинѣ на дѣйствующихъ лицъ, когда о крагахъ на Руси и не знали. А симпатичные тона есть—ну, и везетъ шельмецу! Всѣ аристократки умоляютъ: «напишите наши портреты». Еще-бы! Кому не лестно фарфоровой куколкой быть. Нѣтъ, нашему брату, реалисту, не добиться такихъ лавровъ: правда груба! Да, кстати: есть у тебя презрѣнный металлъ?

— Сколько? коротко спросилъ Хопровъ.

— Сколько? сколько? чѣмъ больше, тѣмъ лучше! развязно сказалъ Жихаревъ.—Ишь ты какъ нынче обставился. Въ моду, что-ли, входить начинаешь или подвернулась какая-нибудь богатая любительница искусствъ?

Онъ подмигнулъ мутно-сѣрыми глазами, снова оскаливъ черные зубы.

— Мы, грѣшные, и рыломъ-то вотъ не вышли, такъ что и по амурной части у насъ швахъ. Насъ вѣдь не по благородному иголочкой выгравировали статскіе совѣтники, а простымъ топорищемъ обтесалъ мужикъ-вахлакъ.

Покуда Иванъ Ивановичъ доставалъ ему деньги, Жихаревъ, заглядывая во всѣ углы, взялъ съ комода бутылочку съ какой-то жидкостью.

— Водка или ладекалонъ? спросилъ онъ.

— Eau de Cologne, отвѣтилъ Хопровъ.

— Для мадамы своей мажешься, что-ли?

Хопровъ не отвѣтилъ и подалъ Жихареву пять рублей. Жихаревъ сунулъ ихъ въ карманъ и проговорилъ:

— Эхъ, братъ, прохвостишься и ты, какъ я вижу, е ту квокве, Брутъ!.. Видно брюхо заговорило!

Онъ взялъ брошенную имъ на стулъ порыжѣвшую шляпу съ большими полями и протянулъ руку хозяину:

— Ну, счастливо оставаться... А то хочешь, пойдемъ выпить...

— Нѣтъ, я не пью...

— Ну, какъ знаешь!

По уходѣ Жихарева Хопровъ въ раздраженіи заходилъ по комнатѣ. «Нахалъ! Бахвалъ! Скотина! Кабачный засѣдатель!» всѣ эти и тому подобные эпитеты сами собою срывались у него съ языка. Онъ курилъ папиросы одну за другою и успокоился не сразу. Наконецъ его мысль остановилась на словахъ Жихарева о его этюдѣ «Мести Шемяки за брата». Невольно раздумывая о замѣчаніи Жихарева, онъ пришелъ къ заключенію, что вообще ему надо отказаться отъ историческихъ сюжетовъ: для нихъ у него точно не было достаточной подготовки, нужныхъ матеріаловъ. А для какой-же картины есть у него матеріалъ? Ему вспомнились роскошныя мастерскія нѣкоторыхъ изъ прославившихся художниковъ: у тѣхъ было все подъ рукою—парча, бархатъ, соболи, атласы, золотыя украшенія. Одинъ изъ нихъ, Грибовичъ, модный жанристъ, щеголь и фатъ, о которомъ сейчасъ упомянулъ Жихаревъ, еще наканунѣ, показывая завернувшему къ нему Хопрову старое кружево, замѣтилъ небрежно:

— Эта тряпка, батенька, тысячъ стоитъ.

И, вздохнувъ, кривляясь, прибавилъ:

— Что дѣлать! Наобумъ всего этого не напишешь! Вотъ и тратишься на всю эту дрянь, — онъ указалъ гостю на блестящую обстановку своей квартиры, — а рецензентишки говорятъ: «дорого деретъ за картины». Дорого! Да онѣ самому дороже стоятъ!

Онъ сдѣлалъ гримасу, развалясь на дорогой кушеткѣ. Одѣтый въ узенькіе гороховаго цвѣта панталоны, въ такой-же куцый жакетъ, съ широкимъ кружевнымъ воротникомъ и крупнымъ батистовымъ бантомъ, онъ походилъ на акробата или жонглера.

— Впрочемъ, чего и ждать отъ нашихъ рецензентовъ: это голь, живущая на чердакахъ, отставные юнкера и выгнанные гимназисты. Побывали-бы они заграницей, такъ и узнали-бы, какъ живутъ и какъ должны жить художники. Тамъ мастерскія художниковъ—дворцы, музеи! За то тамъ и пишутъ не однихъ «Мужика въ онучахъ» и «Мужика безъ онучъ».

Грибовичъ затянулся дорогой сигарой и, откинувшись на другую сторону кушетки, небрежно проговорилъ:

— Впрочемъ, можетъ быть, это и интересно для какой-нибудь Матрены или Акулины. Жаль только, что Матрены и Акулины не покупаютъ картинъ.

Онъ вздохнулъ.

— Къ несчастію, въ наше искусство пронккаетъ эта зараза онучъ. Оно и понятно: это легче писать, для этого не нужно ни изученія искусства, ни знанія всѣхъ сторонъ жизни, ни дорогихъ матеріаловъ. Поймалъ мужичонку и фотографируй. Пишущіе въ газетахъ мальчики безъ штановъ одобрятъ,—вотъ и слава!

Онъ немного закатилъ глаза и съ чувствомъ проговорилъ:

— Но, къ чему это насъ приведетъ—страшно подумать!

Вспомнивъ теперь эту встрѣчу, Хопровъ нахмурился. Вчера ему только стало гадко отъ ломанья и кривлянья Грибовича, сегодня онъ серьезно задумался о его словахъ на счетъ стоимости «аксессуаровъ». Гдѣ ему взять все то, что нужно имѣть подъ рукою для исполненія которой нибудь изъ задуманныхъ имъ блестящихъ картинъ? Гдѣ взять эти необходимые аксессуары? Нельзя же писать на память, выдумывать. Но развѣ нельзя найти такой сюжетъ, для котораго всѣ необходимые аксессуары стоили бы гроша? Можно конечно. Пошелъ въ какую нибудь трущобу да и написалъ «Нищенскій вертепъ», «Въ кабакѣ», «Умирающую работницу». Мало-ли что можно изобразить въ этомъ родѣ. Тенденція даже будетъ. «Пишущіе въ газетахъ мальчики безъ штановъ похвалятъ», вспомнилось ему. Но его натура влекла его къ блеску и роскоши; писать лохмотья ему было тошно. Однако, что-же дѣлать, если съ этого надо начать? Только какимъ сюжетомъ вдохновиться? Всѣ эти «Ученики сапожниковъ», «Нищенки», «Калѣки перехожіе», «Крючники» просто претили ему. «Хоть бы Вѣра помогла, вдохновила!» Онъ немного разсердился на нее: спрашиваетъ она его постоянно, придумалъ-ли онъ сюжетъ для картины, а онъ ей вретъ, что придумалъ, такъ какъ говорятъ они постоянно при свидѣтеляхъ. Откровеннымъ нельзя быть при нихъ, нельзя сознаться, что у него руки падаютъ при выборѣ сюжета. «Не можетъ улучить минуты, чтобы остаться съ глазу на глазъ съ нимъ», пронеслась въ его головѣ мысль...

Слова: «съ Вѣрой надо бы поговорить», мелькали въ его головѣ постоянно, когда ему становилось тяжело, и ему казалось, что она разомъ разрѣшитъ всѣ его сомнѣнія. Не даромъ же она и только она умѣла подбадривать его въ тяжелые годы его жизни. Она одна вѣчно говорила ему, что у него есть талантъ, что онъ съумѣетъ побѣдить преграды, что онъ долженъ вѣрить въ себя. Ему были утѣшительны эти слова, когда никто не вѣрилъ въ него. И теперь онъ нуждался въ ея поддержкѣ. Въ послѣдніе дни онъ даже и заходилъ ради этого раза три къ Хвощинскимъ, но съ Вѣрой Павловной ему почти не удавалось переговорить. Ее ни на минуту не оставляли съ глазу на глазъ съ нимъ. Кромѣ того, у нея шли послѣдніе экзамены и она была озабочена ими. Хвощинскіе перебрались наконецъ на дачу. Хопровъ обрадовался, полагая, что на дачѣ ему будетъ легче избѣжать надзора «домашней полиціи». Но и на дачѣ ему не легко было уединяться съ Вѣрой Павловной. Ея братья или сестры непремѣнно привязывались къ ней и къ нему, если Вѣра шла съ нимъ гулять. Въ этомъ было нѣчто умышленное. Анна Борисовна, съ свойственнымъ ей невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ только Вѣра собиралась идти гулять съ Хопровымъ, тотчасъ же замѣчала:

— И отлично, по крайней мѣрѣ, дѣвочки погуляютъ.

И торопила дѣвочекъ:

— Идите съ сестрой!

Дѣвочки шли нога въ ногу съ сестрой и Хопровымъ, молчали и слушали.

— А мы всегда подъ надзоромъ домашней полиціи, мелькомъ замѣтилъ однажды Вѣрѣ Хопровъ, посылая въ душѣ ко всѣмъ чертямъ дѣвочекъ.

— Для порядку, отвѣтила спокойно Вѣра,— хотя подслушивать и подсматривать, кажется, нечего...

Онъ немного разсердился на нее:

Если она точно любитъ, то могла бы найдти средство остаться съ нимъ наединѣ. Вѣдь должна же она понимать, что ему непріятно вѣчно говорить съ ней при соглядатаяхъ. И мало ли есть такихъ вещей, о которыхъ нельзя бесѣдовать при другихъ. Неужели она этого не понимаетъ?

Она же дѣйствительно не понимала этого. Она могла говорить все при другихъ; ей нечего было скрывать отъ кого бы то ни было. А что же было у него такого, что можно было сказать только ей?

— О, да хоть бы то, что мнѣ нужно наконецъ снять передъ нею маску, съ паѳосомъ проговорилъ онъ вслухъ.—Сказать ей, что ничего я еще не пишу, не могу написать, сказать, что я лгу и лгу, когда говорю о своихъ работахъ...

Онъ, не кончивъ фразы, подошелъ къ окну, сталъ разсѣянно смотрѣть на улицу. День стоялъ прекрасный, лѣто вступило вполнѣ въ свои права. Вотъ теперь бы остаться вдвоемъ съ нею, высказать бы ей все, что волнуетъ и тревожитъ его. Пусть она узнаетъ все и рѣшитъ, можетъ ли она любить его такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, а не въ ея воображеніи.

А. Михайловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ночь передъ Троицей.

(Бретонская баллада).

На дворѣ тоскливо воя, разыгралась непогода—
Въ домѣ дѣти всѣ заснули; вѣрный песъ храпитъ у входа;
Въ очагѣ порою пламя, вспыхнувъ, яркій свѣтъ бросаетъ,
И на дѣдушкиномъ креслѣ фантастически играетъ.

Полночь бьетъ на колокольнѣ; люди добрые, креститесь!
Завтра—Троица Святая,—объ усопшихъ помолитесь,
Объ усопшихъ тѣхъ, которыхъ вы, быть можетъ, не любили,
Но съ которыми, простившись, вѣрно всю вражду забыли!

Благо вамъ, коль отдыхаетъ въ сердцѣ всякая тревога,
Горе-жь, горе недовольнымъ, вѣчно ропщущимъ на Бога!
Разскажу я вамъ былину, какъ однажды погубила
Жаждой власти и богатства Перикъ-Скорна вражья сила.

Въ ночь предъ Троицей не спится Перикъ-Скорну молодому,
Бродитъ, мрачный и угрюмый, онъ по берегу морскому.
Онъ родителей не помнитъ, бѣдность жизнь его заѣла,
Зависть къ счастію чужому глубоко въ душѣ засѣла.

Онъ хотѣлъ-бы знатнымъ графомъ прискакать въ село родное,
Чтобъ о немъ одномъ забилось всѣхъ красавицъ ретивое,
Чтобы въ праздникъ, въ Божьемъ храмѣ, передъ нимъ всѣ разступились,
И въ почтительномъ поклонѣ всѣ-бы головы склонились.

Многочисленнѣй желанья и мечты его нѣмыя
Гнѣздъ несчетныхъ, что на скалахъ свили ласточки морскія,
Волны плещутся о камни, грустно вѣтеръ завываетъ,—
Старца-нищаго разсказы Перикъ-Скорнъ припоминаетъ.

Будто здѣсь, во время оно, былъ построенъ городъ славный,
А надъ городомъ и краемъ царь господствовалъ державный,
Корабли царя повсюду власть его распространяли
И на всѣ народы міра страхъ и трепетъ нагоняли.

Во дворцѣ-жь царя хранился сукъ орѣшника волшебный.
Разрушающій мгновенно каждый помыселъ враждебный;
До чего-бъ онъ ни коснулся, все тотчасъ-же измѣнялось,
И малѣйшее желанье властелина исполнялось.

Словно солнце въ ясномъ небѣ имя царское блестѣло
И могуществу владыки не предвидѣлось предѣла...
Но Всевышняго прогнѣвалъ грозный царь своей гордыней —
Волны городъ потопили, край тотъ дикой сталъ пустыней.

Тамъ гдѣ роскошью, бывало, взоры все къ себѣ манило,
Рядъ утесовъ неприступныхъ въ море смотрится уныло;
И въ году одинъ разъ только воскресаетъ, на мгновенье,
Блеска дней давно минувшихъ мимолетное видѣнье.

Въ ночь предъ Троицей Святою, на короткій срокъ открытымъ,
Остается путь, ведущій къ тѣмъ сокровищамъ забытымъ,
Завладѣть тогда возможно вѣткой рѣдкостной и чудной
Удальцу, который смѣло жизнь рискнетъ на подвигъ трудный.

Лишь ударитъ часъ полночный громко колоколъ сосѣдній,
Прежде чѣмъ успѣетъ смолкнуть звукъ вдали его послѣдній,
Надо сукъ, схвативъ безстрашно, мигомъ къ выходу пробраться,
А не то на вѣки въ замкѣ заколдованномъ остаться.

И проснулось въ Перикъ-Скорнѣ вдругъ намѣренье лихое
Испытать на самомъ дѣлѣ предсказанье роковое;
Потому-то, у прибрежья, онъ задумчиво шагаетъ
И въ тревожномъ ожиданьи слухъ и зрѣнье напрягаетъ.

Чу!.. изъ церкви деревенской звукъ доносится протяжный,
Перикъ-Скорнъ къ гранитнымъ глыбамъ устремляется отважно,
Вотъ раздвинулись громады... Входъ предъ нимъ, сначала темный
Какъ чудовище, проснувшись, раскрываетъ зѣвъ огромный;

Но тотчасъ-же, гдѣ-то вспыхнувъ, замелькали свѣтомъ страннымъ
Огоньки, что на кладбищахъ пляшутъ по ночамъ туманнымъ,
А въ концѣ прохода видѣнъ залъ богатый и обширный,
Гдѣ высокія колонны подпираютъ сводъ порфирный.

Тамъ, серебряныя ткани вѣтерокъ ночной колышетъ,
Перикъ-Скорнъ на нихъ не смотритъ—онъ шестой ударъ ужь слышитъ!
Весь изъ золота литого залъ другой ему открылся...
Но седьмой ударъ въ то время уже въ воздухѣ носился.

Какъ простой песокъ, разсыпанъ жемчугъ крупный въ третьемъ залѣ...
Но осьмой ударъ торопитъ Перикъ-Скорна снова далѣ!
И въ четвертый залъ бѣжитъ онъ, гдѣ сверкаютъ ярче злата,
Груды камней драгоцѣнныхъ... тутъ звучитъ ударъ девятый!

Наконецъ, онъ въ залъ послѣдній, запыхавшись, проникаетъ—
Въ глубинѣ его, на тронѣ, сукъ орѣшника сіяетъ!..
Но какъ вкопанный, на мѣстѣ остается безъ движенья,
Забывая близость цѣли, онъ въ нѣмомъ оцѣпенѣньи...

Сто дѣвицъ, въ одеждахъ бѣлыхъ, передъ вѣткой золотою
Сердце грѣшное волнуютъ неземной своей красою,
И въ одной рукѣ у каждой шелеститъ вѣнокъ дубовый,
А въ другой хрустальный кубокъ влагой искрится багровой.

И застывъ, въ восторгѣ страстномъ, Перикъ-Скорнъ не слышитъ болѣ,
Какъ раздались два удара другъ за другомъ въ чистомъ полѣ
Вотъ двѣнадцатый внезапно звонъ несется погребальный
Какъ пальбы судовъ тонущихъ въ отдаленьи гулъ печальный!..

Перикъ-Скорнъ, вздрогнувъ, очнулся!.. но, увы, спастись ужь поздно
Передъ нимъ всѣ двери замка вдругъ захлопнулися грозно
И красавицъ рой воздушный въ массу камней превратился,
А затѣмъ и мракъ глубокій въ подземельи воцарился.

Такъ разсказъ о Перикъ-Скорнѣ наши дѣды сохранили,
Чтобъ дѣла тѣ молодежи поученіемъ служили —
Молодежи неразумной, вѣчно ищущей дорогу
Ко звѣздамъ, принадлежащимъ только ангеламъ и Богу.

О. К.

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя.**

Переводъ **П. Каншина.**

(*Продолженіе*).

V.

Стирка бѣлья у Губертовъ происходила очень рѣдко, не болѣе одного раза въ три мѣсяца, но за то всякій разъ, какъ это случалось, въ домѣ поднималась страшная суматоха. Губертина на подмогу нанимала поденщицу, старуху, которую всѣ звали теткой Габе! Дня по четыре пяльцы не раскрывались и про вышиваніе совсѣмъ забывалось, такъ какъ даже Анжелика принималась за стирку: дѣвушку забавляло мылить бѣлье и потомъ полоскать его въ чистыхъ и быстрыхъ волнахъ «Козлихи». Вынувъ бѣлье изъ котла со щелокомъ, его складывали на тачку; черезъ калитку въ заборѣ, отдѣлявшемъ садикъ отъ «Пустыря Маріи», вывозили его къ рѣчкѣ и потомъ по цѣлымъ днямъ оставались на открытомъ воздухѣ.

— Мама, говаривала Анжелика:—я и на этотъ разъ буду стирать. Это такъ весело!..

И она дѣйствительно стирала съ увлеченіемъ. Любо было видѣть, какъ она, засучивъ рукава выше локтя, отъ души колотила бѣлье валькомъ, а сама покатывалась со смѣху, когда ее обдавало брызгами и пѣною. Эта не легкая, но здоровая работа бодрила и веселила ее.

— Мама, этотъ трудъ рукамъ силу придаетъ и отъ него какъ-то здоровѣй становишься, говаривала каждый разъ дѣвушка.

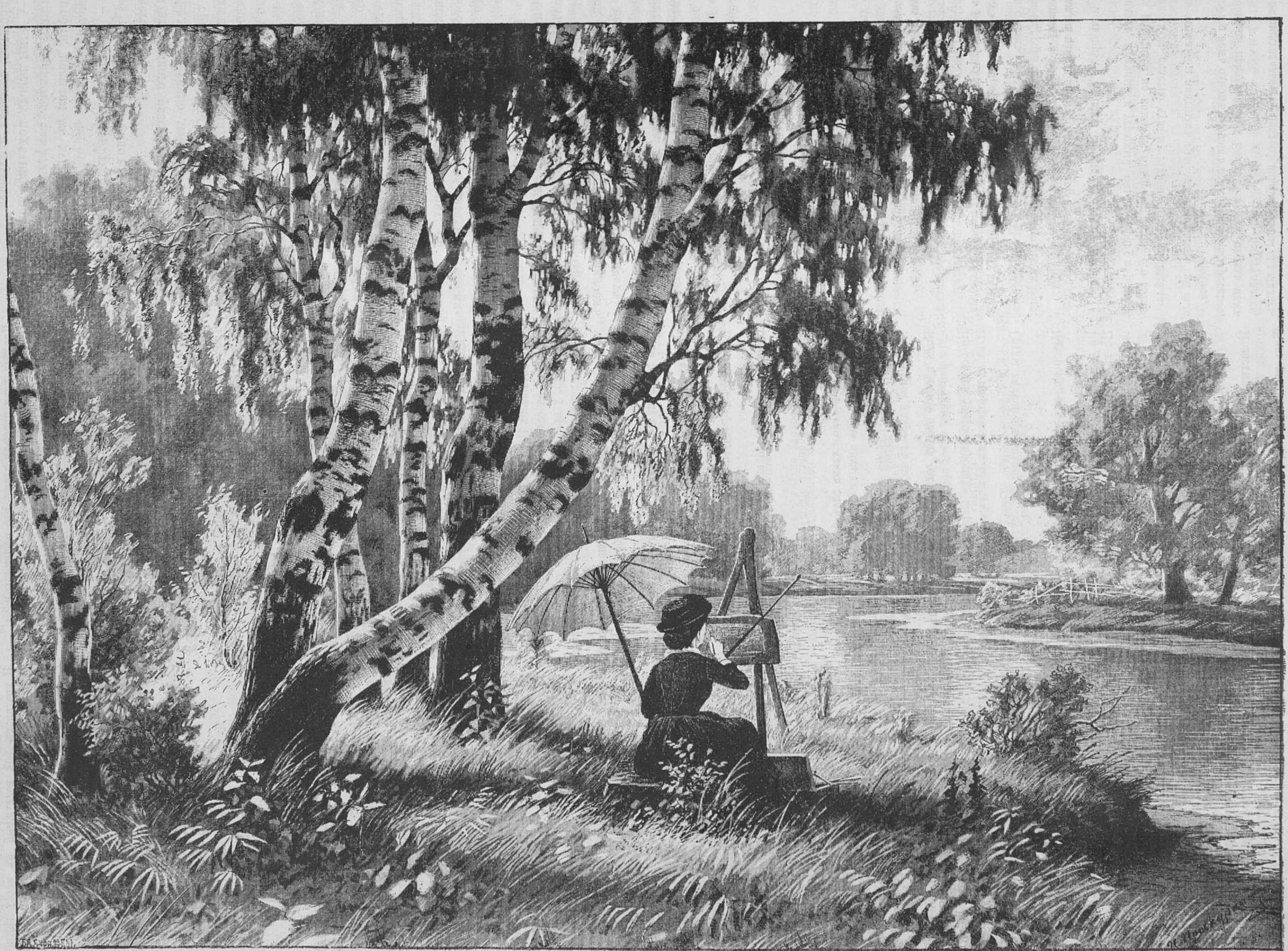
«Козлиха» наискось пересѣкала «Пустырь». Сначала она текла очень спокойно и медленно, словно сонная, но потомъ, перескакивая черезъ камни, начинала бѣшено бурлить и пѣниться. Она черезъ отверстіе или родъ вешняка, оставленное въ нижней части стѣны вытекала изъ парка при епископскомъ дворцѣ, какъ уже сказано,—вкось пересѣкала «Пустырь Маріи» и близь отеля Вуэнкуръ, словно проваливаясь сквозь землю, совсѣмъ исчезала въ искусственной каменной аркѣ. Снова появлялась она на поверхность земли только метрахъ въ двухстахъ ниже, текла вдоль всей Нижней улицы до самаго Линьеля, въ который и впадала. Вслѣдствіе этого, надо было очень зорко смотрѣть за бѣльемъ, когда его полощешь; стоило только нечаянно упустить изъ рукъ какую-нибудь вещь, чтобы она совсѣмъ пропала, такъ-какъ догнать ее и схватить снова не представлялось почти никакой возможности.

— Подождите, мама, подождите! кричала Анжелика:—я положу большой камень на эту груду салфетокъ. Посмотримъ, съумѣетъ-ли ихъ и тогда украсть эта воровка «Козлиха».

Она дѣйствительно клала камень на салфетки, но одного ей казалось мало, а другого подъ руками не было; приходилось бѣжать за нимъ къ развалинамъ мельницы, и это нисколько не затрудняло подвижную дѣвушку: пробѣжать куда-нибудь лишній разъ ей не было въ тягость; она любила моціонъ и неизбѣжное при немъ здоровое физическое утомленіе. Когда-же ей случалось ушибить палецъ, она только потрясала рукою въ воздухѣ, словно смахивая боль, и кричала, что это «ничего, пройдетъ!» Семейства нищихъ, гнѣздившіяся въ развалинахъ мельницы, днемъ ухо-

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

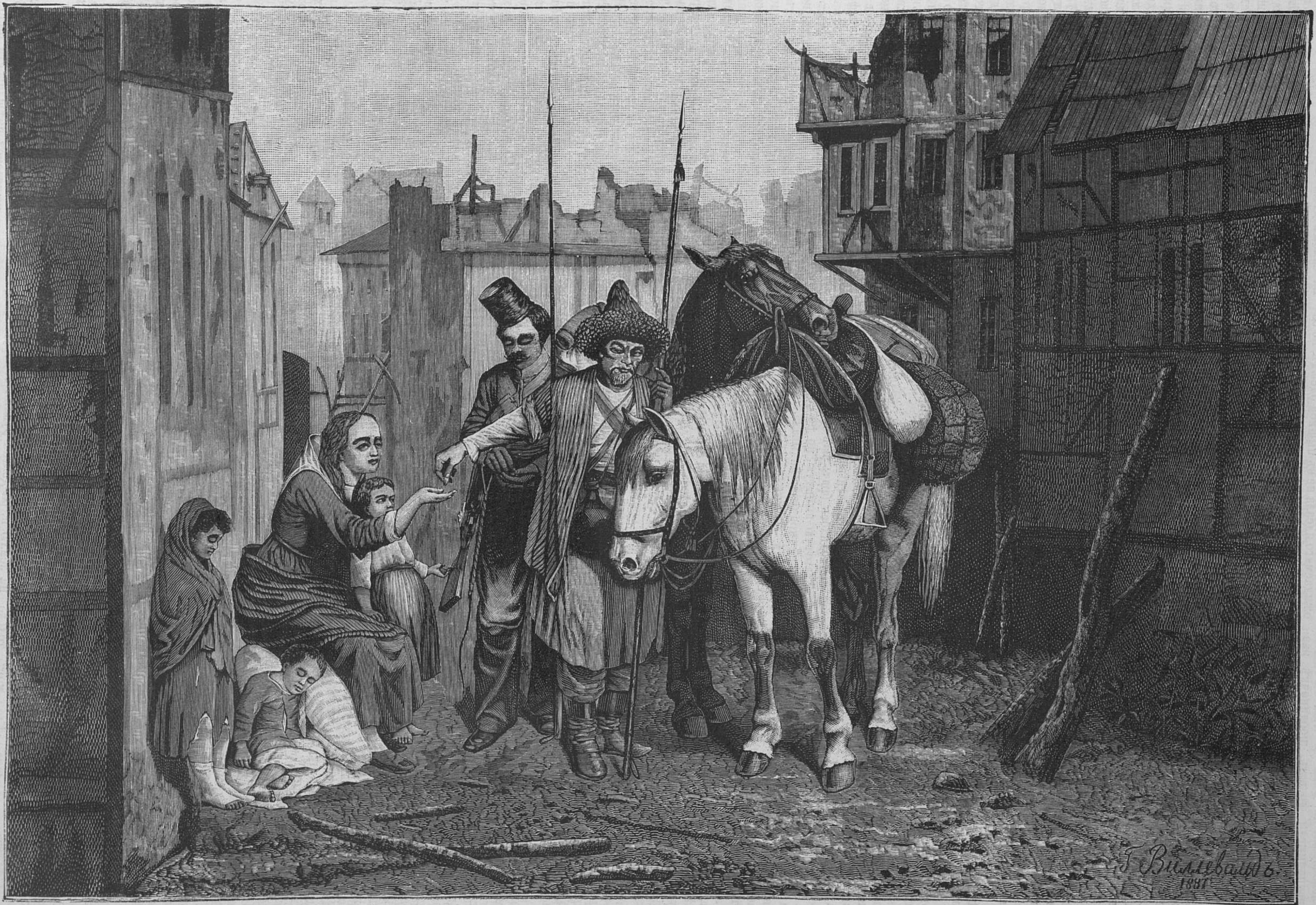
Оригинальный рисунокъ художника И. Проскурнина.



Художница.

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Съ картины профессора Г. Виллевальда, рисовалъ для «Жив. Обозр.» Т. Никитинъ.


Г. Виллевальдъ
1881

Добрые казаки.

Гравировалъ на деревѣ Шлейденъ въ Спб.

дили на промыслы, то есть, поодиночкѣ разбредались въ разныя стороны просить милостыню. На «Пустырѣ Маріи» не оставалось ни души, и тамъ среди группъ блѣднолистныхъ ивъ, высокихъ тополей и особенно въ густой травѣ, росшей такъ высоко, что въ нее можно было уйти по плечи, царило полное безлюдье и чудная прохлада, пропитанная свѣжимъ ароматомъ пышной и дикой растительности. Тѣмъ же молчаніемъ, полнымъ какой-то таинственной дрожи, были проникнуты оба сосѣдніе парка, деревья которыхъ заграждали горизонтъ. Начиная съ трехъ часовъ дня, тѣнь отъ собора начинала удлинняться и вмѣстѣ съ нею какъ будто благодатный миръ, пропитанный едва замѣтнымъ ароматомъ почти совсѣмъ испарившагося ладона, ложился на землю.

Дѣвушка своими сильными и бѣлыми руками неутомимо колотила валькомъ мокрое бѣлье, а сама приговаривала:

— Мама, мама, съ какимъ наслажденіемъ я поѣмъ уже того, что ты обѣщала; помнишь, ты говорила, что у насъ будетъ сладкій пирогъ съ земляникой...

Когда на этотъ разъ надо было начисто выполаскивать бѣлье, Анжеликѣ пришлось работать одной. У тетки Габе разыгрался ревматизмъ и она не пришла на стирку, а у Губертины дома были другія дѣла по хозяйству. Дѣвушка, стоя на колѣняхъ на плоту, устланномъ соломою, каждую штуку бѣлья до тѣхъ поръ сильно полоскала въ водѣ ручья, пока вода эта не переставала мутиться отъ мыла и становилась такою-же хрустально-прозрачною, какъ обыкновенно. Анжелика не торопилась на этотъ разъ покончить съ работой; ею съ утра овладѣло какое-то тревожное любопытство. Проснувшись и подойдя къ окну, она увидала, что какой-то старикъ-работникъ въ сѣрой блузѣ къ окну съ разрисованными стеклами въ усыпальницѣ маркизовъ Откеръ подводитъ легкіе, но прочные подмостки.

— Что это значитъ? подумала Анжелика:— ужь не хотятъ-ли чинить окно?

Изображеніе легенды св. Георгія Побѣдоносца дѣйствительно требовало починки. Оно на самомъ дѣлѣ не было нарисовано, а составлено изъ кусковъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Многихъ изъ этихъ кусковъ недоставало: иные за свое многовѣковое существованіе выпали сами собою, другіе были разбиты и замѣнены простыми стеклами. Починка могла только принесть пользу, но Анжеликѣ стало досадно на тѣхъ, кому пришло въ голову чинить, а по мнѣнію дѣвушки, только портить дорогое ей окно. Она такъ привыкла къ прорѣхамъ, существовавшимъ въ изображеніи Побѣдоносца, поражающаго дракона, и царской дочери, ведущей за собою привязанное къ поясу чудовище, что всякая починка въ нихъ казалась ей желаніемъ обезобразить то, чѣмъ она любовалась столько лѣтъ. Каждую попытку измѣнить хоть что-нибудь въ такихъ древнихъ вещахъ она считала чуть не оскверненіемъ святыни. Вдругъ, когда она послѣ завтрака вернулась въ свою комнату, вся досада ея исчезла сама собою: на мосткахъ стоялъ другой рабочій, тоже въ сѣрой блузѣ, но молодой. Она сразу узнала его; это былъ «онъ».

Анжелика весело и безъ малѣйшаго смущенія заняла прежнее мѣсто на плотикѣ, устланномъ соломою, стала на колѣни и, засучивъ рукава, снова принялась своими обнаженными руками полоскать бѣлье въ чистой и прозрачной водѣ быстраго потока. Да, это былъ онъ, ея незнакомецъ, высокій, стройный, бѣлокурый, съ молодою бородкой и съ шелковистыми волосами, вьющимися, какъ у юнаго миѳологическаго бога. Лицо его и при дневномъ свѣтѣ было такое-же бѣлое, какимъ оно казалось Анжеликѣ при лунномъ сіяніи, и если это былъ онъ, то дѣвушка сразу рѣшила, что ей нечего бояться за изображеніе св. Георгія: онъ, принимаясь за это дѣло, могъ только украсить дорогое изображеніе, а не обезобразить его. Она даже не почувствовала ни малѣйшаго разочарованія при появленіи давно ожидаемаго идеала не въ пышной одеждѣ, не окруженнымъ блескомъ и богатствомъ, словомъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ являлся въ ея грезѣ, а простымъ рисовальщикомъ по стеклу, одѣтымъ въ сѣрую блузу, то-есть такимъ-же простымъ ремесленникомъ, какъ и она сама. Эта простота напротивъ, вызывала у нея только улыбку, до того твердо была она убѣждена, что греза, сулившая ей богатство, знатность, почти царскую пышность, не можетъ не сбыться. Теперешній-же его видъ—не болѣе какъ недоразумѣніе, случайное переодѣваніе или что-нибудь въ этомъ родѣ. Настанетъ время, золотые потоки свѣта наводнятъ соборъ, органы загудятъ, играя торжественный маршъ и незнакомецъ предстанетъ передъ нею тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ. А до тѣхъ поръ зачѣмъ стараться преждевременно узнавать, кто онъ такой? Она даже не задавала себѣ вопроса, какими путями онъ днемъ, и ночью успѣвалъ проникать туда, гдѣ онъ ей являлся? Если онъ не живетъ въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, то-есть, въ епископскомъ дворцѣ или въ отелѣ Вуэнкуръ, на «Пустырь Маріи» попасть онъ могъ только черезъ переулокъ Гердашь, тянувшійся вдоль стѣны епископскаго парка до улицы Маглуаръ.

Такъ прошелъ цѣлый часъ, полный невообразимой прелести. Дѣвушка наклонялась впередъ и, полоща бѣлье, почти касалась лицомъ свѣжей поверхности воды, по всякій разъ, какъ ей приходилось брать изъ корзины какую-нибудь другую вымытую, но не сполоснутую еще вещь, она украдкой окидывала юношу быстрымъ взглядомъ, въ которомъ, несмотря на все ея внутреннее смятеніе, сквозило слегка лукавое, насмѣшливое выраженіе. Съ своей стороны, юноша, стоя на мосткахъ, повидимому, очень внимательно старался опредѣлить, въ какомъ положеніи находилось изображеніе св. Георгія, но на самомъ дѣлѣ онъ безпрестанно искоса поглядывалъ на Анжелику, сильно смущаясь каждый разъ, когда дѣвушка замѣчала, что онъ на нее смотритъ. Одной изъ отличительныхъ чертъ его лица было то, что онъ краснѣлъ необыкновенно быстро; при каждомъ волненіи,—будь это отъ гнѣва или отъ прилива нѣжности,—вся кровь бросалась ему въ голову и по лицу его, обыкновенно подернутому матовою блѣдностью, мгновенно разливался яркій румянецъ. Несмотря на гордое, почти воинственное выраженіе глазъ, онъ былъ до того застѣнчивъ, что не только краснѣлъ при каждомъ пристально обращенномъ на него взглядѣ, но до того робѣлъ и терялся, что становился совсѣмъ ребенкомъ, не зная, куда дѣвать руки. Такъ и теперь, чтобы хоть чѣмъ-нибудь замаскировать свое смущеніе, онъ, запинаясь на каждомъ словѣ, принимался что-то объяснять старику, стоявшему рядомъ съ нимъ на мосткахъ. Анжелика, не переставая полоскать бѣлье, продолжала также посматривать по временамъ на красиваго незнакомца. Что всего болѣе нравилось ей въ юношѣ, въ то же время вызывая въ ней насмѣшливую веселость, это его очевидная неопытность и непорочность. Она инстинктивно угадывала, что въ жизни онъ такой-же новичекъ, какъ и она сама, но что онъ такъ-же жадно, какъ и она, стремится всѣмъ существомъ своимъ вкусить отъ наслажденій этой жизни, извѣдать вполнѣ эти невѣдомыя понынѣ наслажденія. Нѣтъ никакой необходимости высказывать громко то, что видишь и чувствуешь; есть незримые вѣстники, безошибочно передающіе другому чужія ощущенія, чужія неслышныя ни для кого слова, даже невысказанныя безмолвными устами. Анжелика поднимала голову, ловила устремленный на нее взглядъ и заставляла юношу отворачиваться въ смущеніи. Минуты между тѣмъ пролетали одна за другою, наполняя душу дѣвушки невѣдомымъ и необъятнымъ блаженствомъ.

Вдругъ она увидала, что юноша спрыгнулъ на землю и, раздвигая руками высокую траву, сталъ пятиться отъ мостковъ, словно желая узнать, какое впечатлѣніе производятъ раскрашенныя стекла на нѣкоторомъ разстояніи, но на самомъ дѣлѣ весь этотъ маневръ продѣлывался только для того, чтобы хоть какъ-нибудь поближе подойти къ дѣвушкѣ. Это было до того ясно, что она чуть не расхохоталась. Незнакомецъ спрыгнулъ на землю съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, который на все готовъ, но теперь, когда дѣло было сдѣлано,—и это значительно увеличивало комизмъ положенія,—остановился на мѣстѣ, повернувшись спиною къ Анжеликѣ, не смѣя сдѣлать ни одного лишняго шага къ дѣвушкѣ, не дерзая даже взглянуть на нее и очевидно стыдясь своего необдуманнаго, черезъ-чуръ легкомысленнаго поступка. Одну минуту Анжелика даже думала, что онъ снова уйдетъ къ раскрашенному окну такъ-же, какъ и пришелъ, то-есть, не взглянувъ даже на нее; но юноша повидимому рѣшился на отчаянную смѣлость:—онъ дерзнулъ обернуться. Такъ какъ именно въ это мгновеніе дѣвушка, тоже поднявъ голову, смотрѣла на него съ лукавой улыбкой, то оба взгляда встрѣтились да такъ и остановились, будучи не въ силахъ оторваться одинъ отъ другого. Оба сконфузились, растерялись, и неизвѣстно, какъ вышли-бы они изъ затруднительнаго положенія, если-бы на помощь къ нимъ не подоспѣлъ драматическій случай и не выручилъ ихъ.

— Ахъ, Боже мой! внезапно воскликнула дѣвушка. Въ голосѣ ея слышалось дрожаніе.

Дѣло въ томъ, что она, заглядѣвшись на юношу и небрежно полоща въ водѣ канифасовую кофточку, выпустила изъ рукъ эту кофточку, и быстрый ручей тотчасъ-же унесъ ее. Еще минута, и злополучная принадлежность женскаго ночного туалета исчезла бы подъ каменнымъ сводомъ у парка Вуэнкуръ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ручей словно проваливался сквозь землю.

Нѣсколько мгновеній прошло въ тревожной нерѣшительности. Когда юноша сообразилъ, въ чемъ дѣло, то порывисто бросился впередъ, но волны потока, перепрыгивая черезъ камни, уносили проклятую кофточку быстрѣе, чѣмъ могъ поспѣть за нею незнакомецъ. Нѣсколько разъ онъ уже нагибался въ надеждѣ схватить несчастную, но схватывалъ одну только пѣну. Наконецъ съ тѣмъ видомъ отчаянной рѣшимости, съ какою люди бросаются въ опасность, которая можетъ стоить имъ жизни, онъ ступилъ по колѣни въ воду и спасъ злополучную кофточку въ ту самую минуту, когда она вмѣстѣ съ потокомъ готова была скрыться подъ землею.

Анжеликой, до тѣхъ поръ, затаивъ дыханіе, слѣдившей за трагическою судьбой кофточки, вдругъ овладѣло непреодолимое желаніе смѣяться. Едва удерживаемый хохотъ подступалъ ей къ горлу, душилъ ее. Такъ вотъ оно—то таинственное приключеніе, та торжественная встрѣча, которая должна была имѣть рѣшающее вліяніе на всю ея жизнь. Дѣйствительно, и тутъ все было такъ, какъ въ ея грезѣ:—и встрѣча на берегу потока, и опасность, отъ которой избавлялъ ее юноша, красивый, какъ день; только обстановка совсѣмъ не такая блистательная, какъ въ воображеніи, да характеръ всей сцены скорѣе комическій, чѣмъ трагическій и величавый. Герой-же ея, ея Георгій Побѣдоносецъ, ея трибунъ, превращался просто въ мастерового, въ скромнаго рисовальщика по стеклу, одѣтаго въ самую обыкновенную сѣрую блузу. Когда она увидала его возвращающимся назадъ съ мокрыми по колѣно ногами, неловко держа въ рукѣ кофточку, съ которой ручьями струилась вода, ей сразу бросилась въ глаза вся смѣшная сторона той страстности, съ которою онъ ринулся спасать погибающую тряпку, и дѣвушка вынуждена была чуть не до крови закусить губы, чтобы хоть этимъ удержаться отъ того безумнаго смѣха, которымъ она готова была разразиться каждую секунду.

Незнакомецъ видѣлъ, что дѣвушку разбираетъ смѣхъ, но онъ за это не обижался. Онъ совсѣмъ остолбенѣлъ, глядя на нее. Въ этой едва сдерживаемой смѣшливости было столько непритворно дѣтскаго, вся она до того дышала весельемъ, юностью, сказывавшимися въ каждомъ движеніи, что юноша любовался ею и не могъ налюбоваться. Платье Анжелики было забрызгано, руки покраснѣли отъ холодной воды, тѣмъ не менѣе отъ красоты этой дѣвушки такъ и вѣяло свѣжестью весны, зеленью луговъ и лѣсовъ. Вся она подъ золотыми лучами солнца сіяла, какъ радость, какъ здоровье. Въ ней сразу угадывалась хорошая, заботливая хозяйка и, не смотря на болѣе, чѣмъ скромную одежду, въ ея стройной фигурѣ, въ ея продолговатомъ лицѣ,—одномъ изъ тѣхъ лицъ, съ какими въ легендахъ описываютъ царскихъ дочерей,—было что-то величавое, царственное. Незнакомецъ до того былъ пораженъ ея красотою, именно тою изящной, художественной красотой, которую онъ особенно любилъ, что совершенно растерялся и рѣшительно не зналъ, какъ отдать ей спасенную имъ мокрую кофточку, которую онъ все еще конфузливо держалъ въ рукѣ. Онъ, сознавая, что положеніе его неловко, даже глупо, что оно-то и вызываетъ смѣхъ дѣвушки, долго, однако, не могъ преодолѣть охватившую его застѣнчивость; но надо же было какъ нибудь положить конецъ этой нелѣпой сценѣ, и онъ рѣшился передать дѣвушкѣ вытащенную изъ ручья кофточку.

Анжелика же съ своей стороны чувствовала, что стоитъ ей только открыть ротъ, чтобы тутъ же прыснуть со смѣху. Бѣдный юноша! въ его смущенной фигурѣ было много не только смѣшного, но и трогательнаго, и дѣвушкѣ хотѣлось хохотать, хохотать до слезъ, до упаду, и не отъ того только, что стоявшій передъ нею юноша дѣйствительно былъ смѣшонъ, но и отъ того, что сама-то она чуть не задыхалась отъ радости, отъ полноты счастья, и эта радость во чтобы то ни стало должна была излиться въ громкомъ, неудержимомъ смѣхѣ.

Наконецъ Анжеликѣ показалось, что она въ силахъ будетъ совладать съ собою. Она хотѣла просто и коротко сказать незнакомцу «спасибо», но, оказалось, что она слишкомъ понадѣялась на себя. Рѣчь ея оборвалась на первомъ слогѣ, и дѣвушка невольно залилась звонкимъ смѣхомъ, серебристые переливы котораго долго носились надъ ручьемъ, вторившимъ ей своимъ кристальнымъ журчаніемъ. Юноша не нашелся сказать ей ни единаго слова, только по лицу его, обыкновенно подернутому матовою бѣлизною, разлился яркій румянецъ, да въ почти дѣтски робкихъ глазахъ вспыхнулъ яркій огонекъ, и взглядъ его сталъ похожъ на взглядъ молодого орла. Онъ ушелъ и уже совсѣмъ скрылся изъ виду вмѣстѣ съ тѣмъ старикомъ, который работалъ рядомъ съ нимъ на подмосткахъ, а дѣвушка, снова принявшаяся усердно полоскать бѣлье и обдаваемая брызгами, все еще продолжала заливаться громкимъ, радостнымъ смѣхомъ.

На другой день съ шести часовъ утра надо было сушить бѣлье, разстилая его на высокой травѣ пустыря. День былъ очень вѣтрянный, что должно было значительно содѣйствовать скорѣйшей сушкѣ, но имѣло также и свои неудобства. Чтобы бѣлье не уносило вѣтромъ, каждую штуку его приходилось придерживать камнями, положенными на всѣ четыре угла. Все выстиранное за предыдущіе дни было разложено тутъ, ярко бѣлѣя на зеленой травѣ, пропитываясь свѣжимъ ароматомъ дикихъ растеній, и весь лугъ какъ будто сплошь покрылся густыми клумбами былыхъ цвѣтовъ.

Послѣ завтрака, Анжелика прибѣжала взглянуть на бѣлье и чуть не пришла въ полное отчаяніе. На густой синевѣ неба не было ни облачка, ихъ какъ будто безслѣдно разогнали необузданные порывы вѣтра; но самый этотъ вѣтеръ до того усилился, что ежеминутно грозилъ разметать и унесть все бѣлье. Одна простыня и такъ уже улетала, а нѣсколько салфетокъ прицѣпилось къ развѣсистымъ вѣтвямъ ивъ. Дѣвушка поймала простыню, собрала салфетки; но не успѣла она еще справиться съ этимъ, какъ въ свою очередь сорвались съ мѣста носовые платки. Она начинала терять голову; кругомъ ни души: нѣтъ никого, рѣшительно никого, кто бы могъ помочь ей въ затруднительную минуту. Когда она хотѣла снова разостлать еще почти совсѣмъ мокрую простыню, та не слушалась, съ шумомъ развѣвающагося знамени обматывалась вокругъ нея и ожесточенно хлестала ее по лицу.

Тутъ, словно принесенныя вѣтромъ, около нея послышались слова.

— Если вы позволите, я могу помочь вамъ.

Это былъ опять онъ. Дѣвушка, только о томъ и думавшая, какъ бы спасти улетающее бѣлье и нисколько не разсуждая о какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, обрадовалась предложенію и тутъ же воскликнула:

— О, да, конечно, помогите! Беритесь за другой конецъ и держите крѣпче, крѣпче!

Простыня, которую они держали своими сильными руками, вздувалась, словно парусъ. Они снова разостлали ее на травѣ, а по угламъ положили камни, болѣе тяжелые, чѣмъ прежніе. Не смотря на то, что укрощенная ихъ усиліями простыня улеглась теперь смирно, ни юноша, ни дѣвушка не тронулись съ мѣста, а попрежнему продолжали стоять на колѣняхъ одинъ противъ другого, и ихъ другъ отъ друга отдѣляла только простыня, сіявшая снѣжной бѣлизною.

Дѣвушка, наконецъ, улыбнулась. Въ ласковой улыбкѣ этой было только выраженіе благодарности и ни тѣни прежней насмѣшливости. Юноша, благодаря этому, сталъ смѣлѣе.

— Меня зовутъ Фелисьеномъ, сказалъ онъ.

— А меня Анжеликой.

— Я по ремеслу рисовальщикъ на стеклѣ; мнѣ поручено починить окно.

— А я живу съ родными вотъ тутъ и вышиваю разныя вещи для церкви.

Порывистый вѣтеръ, обвѣвая ихъ своимъ могучимъ, живительнымъ дыханіемъ, уносилъ ихъ слова, а яркое майское солнце обдавало ихъ потоками своихъ горячихъ лучей. Дѣвушка и юноша продолжали сообщать одинъ другому разныя разности, давно извѣстныя обоимъ, единственно ради удовольствія сообщить ихъ другъ другу.

— Развѣ разрисованныя стекла хотятъ замѣнить другими? спросила Анжелика.

— Нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь! Починки не будетъ даже замѣтно. Вамъ, кажется, нравится это окно, но и мнѣ оно нравится не меньше вашего.

— Да, я очень его люблю; краски на стеклѣ такъ хорошо подобраны; на нихъ пріятно смотрѣть... Я тоже какъ-то вышивала Св. Георгія, но мой-то вышелъ далеко не такъ хорошъ, какъ этотъ.

— Если вы говорите о томъ Св. Георгіи, который вышитъ по пунцовому бархату на той ризѣ, которую я въ прошедшее воскресенье за поздней обѣдней видѣлъ на аббатѣ Корниль, то я съ вами совершенно несогласенъ. Ваша работа просто чудо искусства.

Дѣвушка покраснѣла отъ удовольствія и, чтобы скрыть это отъ собесѣдника, внезапно крикнула:

— Положите скорѣй камень на лѣвый край простыни, а то вѣтеръ опять унесетъ ее у насъ.

Онъ поспѣшилъ исполнить приказаніе. Новый камень не давалъ полотну сильно вздуваться, но оно все-таки слегка колыхалось и вздрагивало, словно пойманная въ сѣти птица, расправляющая крылья, тщетно стараясь улетѣть. Такъ какъ простыня порабощенная общими усиліями лежала на этотъ разъ совершенно смирно, то и собесѣдники рѣшились, наконецъ, встать. Дѣвушка пошла впереди по зеленымъ дорожкамъ, образовавшимся между разложеннымъ бѣльемъ, внимательно осматривая каждую штуку; юноша шелъ сзади, съ такимъ серьезнымъ и излишне озабоченнымъ видомъ, словно возможность утратить платокъ, фартукъ или какую-нибудь другую тряпку, была невѣсть какимъ громаднымъ несчастіемъ. Это казалось совершенно естественнымъ и Анжелика продолжала разговаривать, объясняя новому знакомому, какъ она проводитъ время, какія у нея привычки, что она любитъ и чего — нѣтъ.

— Я люблю, чтобы каждая вещь лежала на своемъ мѣстѣ... У насъ въ мастерской есть часы съ кукушкой; они-то и будятъ меня по утрамъ аккуратно въ шесть часовъ. Если-бы даже совсѣмъ темно было, то это не помѣшало-бы мнѣ одѣться такъ-же скоро, потому что я знаю, что тутъ-то лежатъ у меня чулки, тутъ-то мыло... Да, любовь къ порядку — моя слабость, просто какая-то манія. Не думайте, однако, что это у меня врожденное... Нѣтъ, прежде я была ужасъ какая неряха... все-то у меня бывало раскидано, разбросано... Мамѣ пришлось потратить много стараній, много словъ, чтобы пріучить меня къ порядку. За то теперь я даже впадаю въ крайность. Я, кажется, не могла-бы даже работать какъ слѣдуетъ, если-бы въ мастерской кто-нибудь вздумалъ поставить стулъ не такъ, какъ я привыкла... Я тамъ вотъ уже сколько лѣтъ лицомъ къ свѣту сижу... Я, къ счастію, не лѣвша, но у меня, тѣмъ не менѣе, и лѣвая рука ловкая, а не такая безпомощная, какъ у другихъ, и я могу работать обѣими руками. Я считаю это особенною милостью Божіей, потому что это дается не многимъ; другія, какъ ни стараются, однако, никакъ не могутъ этому научиться... За то вотъ цвѣты... Я ихъ обожаю, но нюхать ихъ не могу... Стоитъ мнѣ положить около себя хоть маленькій душистый букетикъ, чтобы у меня тотчасъ-же страшно разболѣлась голова... Только запахъ однѣхъ фіалокъ мнѣ не только не вреденъ, но онъ меня успокаиваетъ. Когда иной разъ нездоровится, стоитъ только понюхать фіалокъ, и тотчасъ-же станетъ легче.

Фелисьенъ слушалъ ее съ восторгомъ, просто упиваясь ея неторопливою рѣчью, ея звучнымъ и мягкимъ голосомъ, полнымъ невообразимой прелести. Юноша, вѣроятно, особенно былъ склоненъ увлекаться этою человѣческою музыкой, потому-то та пѣвучая, ласковая интонація, которую Анжелика придавала инымъ слогамъ и удареніямъ, вызывала слезы на его глаза.

— Ахъ! воскликнула она, внезапно прерывая начатую рѣчь: — вотъ эти рубашки скоро совсѣмъ будутъ сухи.

Вслѣдъ за этимъ она снова стала выкладывать всю подноготную своей души, уступая наивному и безсознательному желанію высказаться передъ юношею вполнѣ,—высказаться съ тѣмъ, чтобы онъ узналъ ее покороче.

— Я особенно люблю все бѣлое. По-моему лучше цвѣта на свѣтѣ нѣтъ. Бываютъ дни, когда мнѣ красный, голубой, зеленый, всѣ другіе цвѣта такъ надоѣдаютъ, что на нихъ смотрѣть тошно, но бѣлый—никогда!.. Все бѣлое кажется мнѣ такимъ мягкимъ, нѣжнымъ, что такъ и хочется въ него зарыться, уйти въ него совсѣмъ... У насъ былъ бѣлый котъ съ желтыми пятнами. Эти пятна его ужасно портили. Я взяла да и закрасила ихъ. Какой онъ сталъ красивый! — но краска скоро сошла... Ахъ, да, слушайте! Никто, даже мама, не знаетъ, что я собираю и прячу всѣ обрѣзки бѣлаго шелка. У меня теперь цѣлый ящикъ полонъ такихъ обрѣзковъ. А на что они мнѣ нужны? Рѣшительно ни на что, но я все-таки собираю ихъ, чтобы иной разъ потрогать ихъ, полюбоваться ими... Есть у меня еще другая тайна, и на этотъ разъ тайна очень важная, но вамъ-то я, пожалуй, даже ее повѣрю... Каждое утро, когда я просыпаюсь, я чувствую, что около меня стоитъ что-то бѣлое, прозрачное, но стоитъ хорошенько открыть глаза, какъ оно тотчасъ-же улетаетъ.

Всѣ эти, быть можетъ, чрезмѣрно наивныя признанія не вызвали у Фелисьена даже и тѣни насмѣшливой улыбки. Ему казалось, что такъ это и быть должно, что даже и быть иначе не можетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не вѣрить слѣпо въ полную реальность ея грезъ, какъ не поддаваться неотразимой прелести этой дѣвушки? Ни одна принцесса въ мірѣ, окруженная своимъ пышнымъ дворомъ, не была-бы въ состояніи увлечь его такъ быстро. Въ то время, когда дѣвушка эта легкой поступью ходила по зеленей травѣ между бѣлыми пятнами бѣлья, разложеннаго на лугу, у нея былъ такой скромный, веселый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой величественный, вполнѣ царственный видъ, что обаяніе ея росло съ каждой минутой и все сильнѣе охватывало душу юноши. Участь его была рѣшена; въ этой дѣвушкѣ отнынѣ и навсегда было все его счастіе; безъ нея самая жизнь казалась немыслимою. Она продолжала скользить по травѣ своею легкой походкой, а онъ шелъ сзади, задыхаясь отъ счастія, но безъ малѣйшей надежды, когда-либо достигнуть всей его полноты.

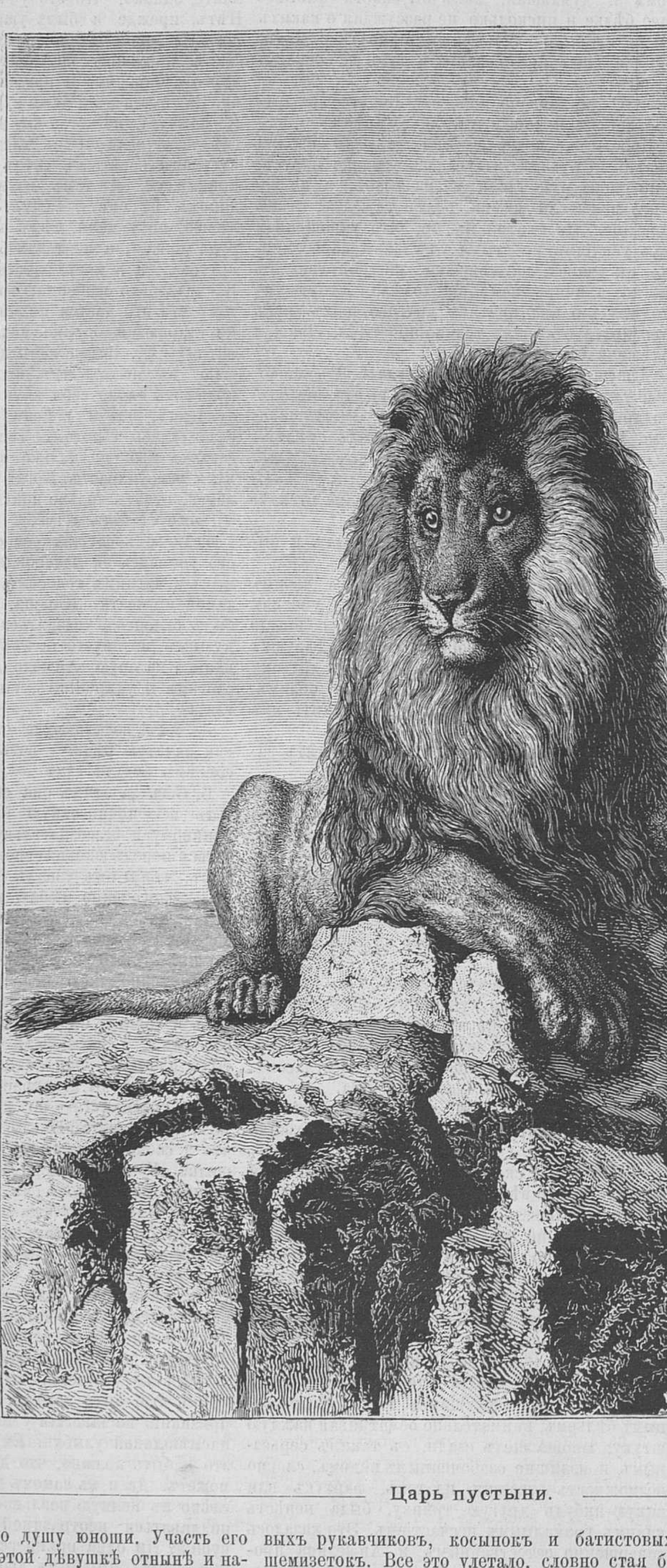
Вдругъ порывъ вѣтра налетѣлъ сильнѣе прежняго и унесъ за собою цѣлый рой разнаго мелкаго бѣлья въ родѣ воротничковъ, перкалевыхъ рукавчиковъ, косынокъ и батистовыхъ шемизетокъ. Все это улетало, словно стая бѣлыхъ птицъ, гонимыхъ бурей. Анжелика со всѣхъ ногъ пустилась въ догоню за бѣглецами.

— Ахъ Боже мой! Да бѣгите-же за мною! кричала она: Скорѣе!.. Помогите-же мнѣ!

Оба проворно гнались за улетѣвшимъ бѣльемъ. На бѣгу она подхватила воротничекъ уже на самомъ берегу «Козлихи»; онъ въ высокой крапивѣ нашелъ двѣ шемизетки. Рукавчики одинъ за другимъ были тоже пойманы. Но среди этой тревожной бѣготни дѣвушка раза три задѣла юношу развѣвающимися складками своей юбки, и при каждомъ такомъ разѣ юноша какъ будто получалъ неожиданный толчекъ прямо въ сердце, межъ тѣмъ какъ по лицу его разливался яркій румянецъ. Онъ въ

ИЗЪ ЖИЗНИ и ПРИРОДЫ.

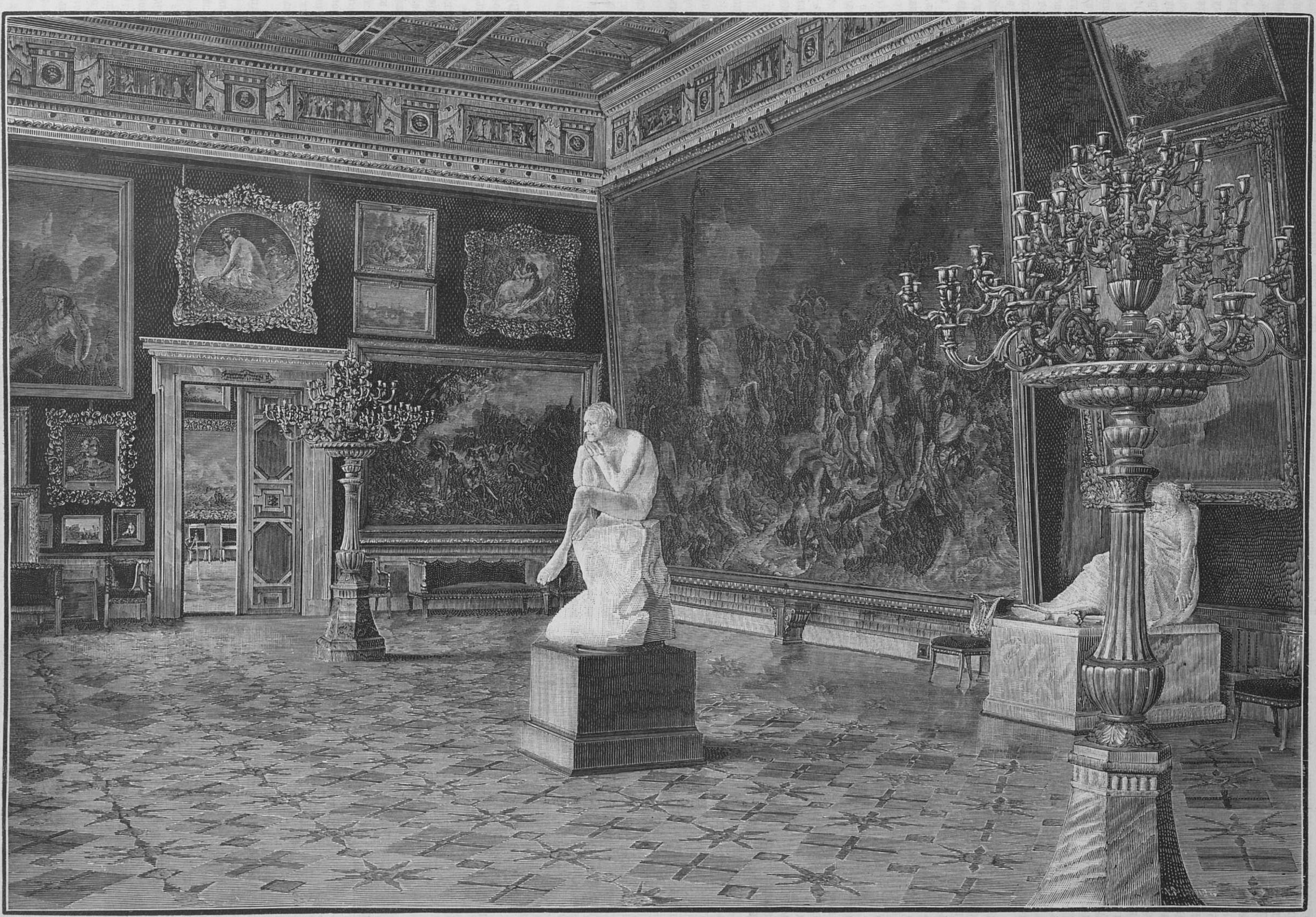
Съ картины Ф. Флинцера.



Царь пустыни.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

(Воспроизведено по снимкамъ, снятымъ съ натуры фотографомъ журнала «Живописное Обозрѣніе»).



Зало русской школы.

Гравировалъ на деревѣ Гельштейнъ въ Спб.

свою очередь нечаянно задѣлъ дѣвушку, сдѣлавъ неудачный прыжокъ съ намѣреніемъ поймать улетѣвшую косынку, долго не дававшуюся имъ въ руки. Анжелика при этомъ неподвижно остановилась на мѣстѣ: что-то душило ее. Веселость ея смѣнилась смущеніемъ; она болѣе не шутила, не насмѣхалась надъ своимъ неловкимъ помощникомъ, казавшимся до тѣхъ поръ черезъ-чуръ наивнымъ и невиннымъ. Что-же было съ нею? Отчего исчезла вдругъ вся ея веселость, а сама она едва держалась на ногахъ, между тѣмъ какъ у нея духъ захватывало отъ какого-то необыкновенно сладостнаго ощущенія? Когда юноша подалъ ей косынку, руки ихъ случайно встрѣтились и даже коснулись одна другой. Оба они содрогнулись и потомъ долго безмолвно смотрѣли другъ на друга, совсѣмъ растерянные. Наконецъ, она инстинктивно отодвинулась назадъ и нѣсколько секундъ простояла такъ, не зная, на что рѣшиться, какъ выйти изъ того неловкаго положенія, въ которое ее поставила случайность,—изъ такой «необыкновенной катастрофы», какъ сама она мысленно называла это положеніе. Вдругъ она, не то спохватившись, не то совсѣмъ обезумѣвъ, пустилась бѣжать и скоро была уже далеко, унося въ рукахъ пукъ мелкаго бѣлья и совсѣмъ забывъ объ остальномъ.

Тутъ Фелисьенъ хотѣлъ было заговорить.

— О, ради Бога! началъ было онъ, но въ эту минуту налетѣлъ новый порывъ все усиливавшагося вѣтра и захватилъ ему дыханіе.

Онъ съ отчаяніемъ смотрѣлъ вслѣдъ убѣгавшей дѣвушкѣ, словно уносимой бѣшенымъ вѣтромъ. Она бѣжала по зеленой тропинкѣ, образовавшейся между бѣлыми простынями и скатертями. Косые лучи солнца обливали ее блѣдно золотистымъ свѣтомъ. Дѣвушка добѣжала до тѣни, падавшей отъ собора, и эта тѣнь какъ-бы захватывала ее въ свою власть и брала подъ свою защиту.

Анжелика добѣжала до калитки, ведшей съ пустыря въ садикъ, и готова уже была вернуться домой, не оглянувшись даже на юношу. На порогѣ она, однако, остановилась. Въ припадкѣ-ли внезапной доброты, прихлынувшей ей къ сердцу, или боясь, чтобы юноша не подумалъ, будто она слишкомъ сильно на него разсердилась, Анжелика оглянулась и хотя совсѣмъ сконфуженная, но улыбаясь довѣрчивою улыбкой, издали крикнула ему:

— Благодарю васъ, отъ души благодарю!

За что благодарила она его:—за то-ли, что онъ помогъ ей подобрать бѣлье или за что-нибудь другое? это такъ и осталось тайной. Дѣвушка исчезла; калитка шумно захлопнулась за нею.

(*Продолженіе будетъ*).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ежа.**

(Переводъ съ польскаго **А. Сахаровой**).

(*Продолженіе*).

Глава VII.

Чолничъ не безъ основанія изгналъ вопросъ о выборѣ начальника изъ дневного порядка,—выражаясь парламентскимъ языкомъ. Зная своихъ земляковъ, онъ зналъ, что этотъ вопросъ, разрѣшился-ли бы онъ или нѣтъ, вызвалъ бы различныя претензіи и неудовольствія. Слѣдовательно онъ отложилъ обсужденіе его до послѣдней минуты, предполагая—можетъ быть, и справедливо,—что въ эту минуту онъ разрѣшится самъ собою и впослѣдствіи утонетъ въ водоворотѣ событій. Намѣреніемъ его, котораго онъ не довѣрялъ никому, было выдвинуть впередъ Ляіоша и популяризировать фамилію Ердоди. Первый шагъ на поприщѣ военныхъ дѣйствій не представлялъ излишнихъ затрудненій, потому что онъ состоялъ въ нападеніи на Сисакъ, такъ что Ляіошъ могъ выполнить эту задачу къ общему удовольствію и къ собственной славѣ. Такое намѣреніе Чолничъ питалъ въ душѣ и поэтому распустилъ собраніе. Племичи, уѣзжая, прощались, говоря: «до скораго свиданья»! Обѣщали держать языки за зубами и явиться послѣ завтра пѣшкомъ и на лошадяхъ и привести съ собою пѣхотинцевъ, искусныхъ въ управленіи пушкою. Ляіошу пришлось много хлопотать, потому что онъ и самъ долженъ былъ приготовиться для пріема, по крайней мѣрѣ, какъ онъ предполагалъ, человѣкъ трехъ сотъ,—человѣкъ трехъ сотъ, а лошадей съ сотню: все это надо было размѣстить и скрыть отъ любопытныхъ глазъ. Близость границы внушала эту осторожность. Люди вооруженные будутъ стекаться помаленьку,—это надобно предвидѣть. Онъ принялся хлопотать, отдавалъ прислугѣ соотвѣтствующія приказанія, самъ же по близости выискалъ мѣстность укромную и уединенную, въ которой отрядъ могъ переночевать безопасно. При этомъ онъ велѣлъ призвать къ себѣ крестьянъ и спросилъ:

— Хотѣлось бы вамъ идти на турка?

— Мы готовы... отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Кто же подготовилъ васъ къ этому? проговорилъ онъ тономъ удивленія.

— Съ твоего возвращенія изъ Загребья нѣтъ рѣчи о чемъ другомъ.

И такъ, тайна сдѣлалась общественнымъ достояніемъ.

День прошелъ въ такого рода занятіяхъ. Вечеромъ подъѣхалъ Чолничъ и какъ только слѣзъ съ лошади, тотчасъ сталъ ругаться вопреки своему обычаю.

— Ну, что же? спросилъ Ляіошъ.

— Турокъ подвергаютъ обрѣзанію въ дѣтствѣ,—отвѣчалъ онъ,—и для нашихъ соотечественниковъ слѣдовало-бы ввести обрѣзываніе... языковъ... Ухъ!—простоналъ онъ,—эти языки. День пропадетъ.

— Какъ это?

— Ну... съѣдутся, но опять для того, чтобы совѣщаться.

— Однако, что же?

— Кто-то пустилъ слухъ о какомъ-то нѣмецкомъ капитанѣ, спрятанномъ у тебя.

— О какомъ капитанѣ?

— Очевидно вымышленномъ.

— Кто же пустилъ этотъ слухъ?

— Кто?.. га!.. если бы я зналъ? или кто нибудь его выдумалъ, или его изобрѣлъ Али-ага. Это турокъ хитрый, знаетъ, гдѣ и какъ попасть въ уголъ.

— Значитъ завтра не соберутся люди вооруженные?

— Нѣтъ. Можетъ быть, пріѣдетъ одинъ, двое, какъ-бы для похода, но всѣ остальные явятся для... капитана.

Ляіошъ выругался. Однако, исхода не было. Онъ дождался завтрашняго дня и гостей, которые по прежнему усѣвшись подъ грушей, ѣли, пили, болтали и дождались нежданнаго, негаданнаго сюрприза.

— Турокъ! раздался крикъ со стороны двора.

Ляіошъ соскочилъ, выбѣжалъ среди гостей; точно кто макомъ посѣялъ—такое молчаніе воцарилось

Со двора доходили фразы, произносимыя громко и отчетливо:

— Закрыть ворота! На бойницу съ ружьями! Котлы наполнить водой, дровъ подложить въ печку. Выносить топоры, копья, булавы!

— Не шутки шутить! проговорилъ кто-то.

— Договорились... замѣтилъ Чолничъ, прибавляя: однако, что это?

Вопросъ этотъ касался размѣровъ нападенія, которое могло имѣть значеніе обыкновенной разбойничьей вылазки. Не смотря на это, однако многіе изъ племичей двинулись. Такъ какъ въ тогдашнія времена никто не двигался изъ дома безъ оружія, то они пошли за ружьями, съ которыми пріѣхали, осматривали курки, подсыпали пороху на полки, очищали ногтями ружейные кремни и флегматически направлялись одни къ оградѣ, другіе къ воротамъ, уже находящимися подъ надзоромъ домашнихъ.

— Что это? вотъ вопросъ, который задавалъ каждый изъ племичей при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ.

— Кто знаетъ... былъ отвѣтъ.—Турокъ показался.

— Въ большомъ количествѣ?

— Вотъ... лошадей съ десятокъ, но неизвѣстно, все-ли это.

— Откуда вамъ подаютъ сигналы?

— Съ Остраго Верху.

Послѣдній отвѣтъ сопровождался указаніемъ пальца на гору, выполнявшую въ окрестности функцію военной обсерваторіи. Если нападеніе принимало размѣры военнаго нашествія, то на этой горѣ разводили большой костеръ, предостерегающій жителей быть на сторожѣ. Огонь до сихъ поръ еще не показался: тревогу забилъ кто-то, ѣхавшій съ границы и принужденный убѣгать отъ отряда всадниковъ, преслѣдовавшихъ его до Климоваца. Всадники показались на дорогѣ у воротъ. Въ этомъ еще не было ничего страшнаго; Ляіошъ предпринялъ мѣры предосторожности и намѣревался сдѣлать развѣдку, когда вдругъ на вершинѣ Остраго Верху дымъ взвился столбомъ вверхъ. Дымъ густѣлъ, усиливался, внизу отъ времени до времени мелькало пламя. Ночью было бы не видно дыма, а только пламя; при дневномъ свѣтѣ, вершина горы окуталась какъ бы чалмою и незнакомые съ мѣстными обычаями, къ которымъ пріучила жителей необходимость держаться на сторожѣ, приняли бы ее за вулканъ.

Это было очень удачное подражаніе вулкану, виднѣвшемуся на разстояніи двухъ миль съ одной стороны и съ другой, такъ далеко, какъ простирался видъ Остраго Верха, возвышающагося посреди окрестныхъ горъ своей вершиной, похожей на стогъ. При первомъ появленіи этого мнимаго вулкана вся окрестность пришла въ движеніе. Крестьяне спѣшили въ хаты съ полевыхъ работъ, забирали семьи и уводили ихъ въ безопасныя мѣста. Тоже дѣлали и племичи за исключеніемъ только тѣхъ, которые жили въ домахъ, приспособленныхъ къ оборонѣ. Тѣ приняли мѣры предосторожности, вооружили домашнихъ и собирали пограничниковъ, сбѣгающихся съ цѣлью подкрѣпленія гарнизона Семьи кочевали задружными кучками, пока не проходила тревога.

Такого рода движеніе началось и на этотъ разъ, какъ только вершина сторожевой горы задымилась знакомъ, къ тревогѣ!

— Турокъ!

Эти слова зазвучали въ воздухѣ.

Гаспаръ Дещичъ въ эту самую минуту возвращался домой изъ виноградника и находился посрединѣ двора, когда эти слова отдались у него въ ушахъ. Онъ остановился, обернулся къ Острому Верху, заслонивъ себѣ ладонью глаза отъ солнца, посмотрѣлъ, съ минуту, поворчалъ и сказалъ:

— Накликали. Чортъ спалъ... разбудили.

У порога его встрѣтили встревоженныя женщины: служанки, дочка и внучка.

— Острый Верхъ горитъ,—сказала одна изъ нихъ.

— Горитъ... отвѣтилъ онъ. Его подожгла болтовня.

Онъ отвернулся и крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Ей, Ѳома!

Сбоку двора, у одной изъ построекъ показалась мужская фигура, которой Дещичъ сказалъ на лету:

— Острый Верхъ горитъ!

Бросивъ эти фразы, онъ переступилъ черезъ порогъ и, опередивъ женщинъ, вошелъ въ комнату.

— Надо будетъ,—началъ онъ,—поставить на костры котлы съ водою и .. не тревожиться.

— Ахъ! бѣда—проговорила вдова-невѣстка.

— Будетъ что Богъ дастъ... отвѣтилъ онъ. Будемъ дѣлать то, что слѣдуетъ. Намъ придется нѣкоторое время прокормить штукъ до тридцати чужихъ ртовъ. Объ этомъ надо подумать.

Это относилось къ женщинамъ, на которыхъ, сначала сильно встревоженныхъ, повліяло спокойствіе старика,—спокойствіе полное, невозмутимое, точно не произошло ничего особеннаго. При видѣ этого спокойствія женщины начали выбираться изъ комнаты. Сперва вышли служанки; невѣстка отдавала отчетъ и задала нѣсколько вопросовъ. Отчетъ касался количества муки, фасолей и другихъ запасовъ, находящихся въ кладовыхъ; вопросы относились къ нѣкоторымъ предметамъ, въ которыхъ угрожалъ недостатокъ на случай, если бы продолжалась необходимость прокормить людей, не принадлежащихъ къ числу домочадцевъ.

— Я боюсь,—сказала она,—за соль, которой не закупили въ Сисакѣ. Если бы послать.

— А!.. прервалъ старикъ.—Сисакъ теперь закрытъ для насъ. Буря, если она дѣйствительно разразилась, разразилась оттуда. Однако, соль есть? спросилъ онъ.

— Есть, отвѣтила она, но...

— Надо съ ней бережно обходиться. Можетъ, Господь милостивый дастъ, это скоро пройдетъ, можетъ, онъ отвратитъ отъ насъ бѣдствіе.

Невѣстка отошла, при старикѣ осталась внучка.

— Ну? спросилъ онъ, какъ бы выговаривая ей за то, что она не вышла съ женщинами.

— Потому,—отвѣтила она тономъ, въ которомъ чувствовалась нерѣшимость, потому что это бѣдствіе... развѣ настоящее бѣдствіе?

— Турецкое нашествіе.

— Война... поправила она.

— Да, конечно, отвѣтилъ онъ, война: развѣ война не бѣдствіе?

— За нее принимаются наши.

Послѣднее слово какъ-то странно зазвучало въ устахъ дѣвушки. Въ тонѣ его чувствовалась тревога, просьба и еще что-то,—какъ бы смущенье,—смущенье, исходящее изъ глубины сердечной и не высказанное по какимъ-то таинственнымъ причинамъ. Старикъ, казалось, почувствовалъ это, потому что онъ заглянулъ внучкѣ въ глаза съ чувствомъ нѣжности и отвѣтилъ:

— Наши.

Вздохнулъ и пожалъ плечами.

— Буря обрушится на нихъ... прибавила дѣвушка черезъ минуту тѣмъ же самымъ тономъ.

— Они сами накликали ее на себя.

— И она задѣнетъ ихъ... и... и...

Она не умѣла или не могла произнести тѣхъ словъ, которыя вертѣлись у нея на языкѣ, подошла къ старику, склонилась къ его плечу и спрятала голову на груди дѣдушки. Старикъ привлекъ ее къ себѣ и спросилъ:

— Что-же?.. и что-же?..

Она отвѣчала глубокимъ вздохомъ.

— Что съ тобою?—проговорилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ.

— Охъ, дѣдушка!. отвѣтила она изъ подъ руки старика.

— Ты боишься? тебя охватилъ страхъ?

Она подняла голову, въ глазахъ ея сверкали слезы, а губы дрожали дрожью, возвѣщавшей старанье сдержать громкія рыданья.

— Что-же? спрашивалъ старикъ.

— Охъ... если бы я не родилась дѣвушкой... отвѣтила она.

— Вотъ тебѣ и разъ!..—сказалъ Дещичъ шутливымъ голосомъ.—Этому помочь нельзя. Однако, такъ какъ ты дѣвушка, то меня не удивляетъ, что ты боишься и тревожишься въ такую минуту, какъ настоящая.

— Я не боюсь... подхватила она.

— Что же это значитъ?

— Я тревожусь... и она поспѣшно прибавила: не о себѣ.

— Не о себѣ, конечно, потому что у тебя есть мать, братъ, дѣдъ, которые тебѣ близки, которыхъ ты любишь.

Она вздохнула такъ глубоко, точно что-то хотѣла сказать. Дѣдушка продолжалъ:

— Однако, успокойся. Богъ милостивъ. Мы уже выдержали столько бурь, значитъ выдержимъ и эту, если Онъ смилуется надъ нами. Наша хата въ сторонѣ; притомъ мы будемъ держаться на сторонѣ, такъ что можно надѣяться.

— Развѣ,—подхватила она, турокъ всегда обходитъ тѣ хаты, которыя въ сторонѣ?

— Не всегда, но большей частью. На дома, стоящіе особнякомъ, нападаютъ шайки гайдуковъ, противъ которыхъ мы обладаемъ достаточными средствами къ защитѣ; войско придерживается большой дороги.

— Значитъ можно надѣяться, что оно не заглянетъ ни къ намъ, ни въ Горлогу, ни въ Нархъ, ни въ Климовацъ?

— Можно надѣяться, отвѣтилъ онъ, не обращая вниманія на то удареніе, съ которымъ было произнесено названье послѣдней деревни,—но нельзя расчитывать на это.

— О Боже!.. вздохнула она.

— Ступай-же къ матери, сказалъ старикъ тономъ увѣщанія, ей вѣрно нужна твоя помощь, и мнѣ надо идти похлопотать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Анестетическія средства.

(По Кл. Бернару, Е. Симонену, Ж. Ротенштейну и Дюре).

26-го октября 1849 г., два гражданина Бостона: дантистъ Мортонъ и профессоръ химіи Джексонъ, получили привиллегію на изобрѣтеніе очень оригинальнаго свойства. Товарищи эти намѣревались эксплуатировать летеонъ,—газъ, имѣющій свойство приводить людей и животныхъ въ безчувственное состояніе, требующееся для хирургическихъ операцій. Анестезированіе было открыто.

Но монополія не осталась въ рукахъ изобрѣтателей; примѣненіе его распространилось очень скоро, во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Больные подвергались операціямъ и ампутаціямъ всякаго рода, не чувствуя ни малѣйшихъ страданій и не сохраняя никакого воспоминанія о тяжкомъ моментѣ подъ ножомъ. Хирурги смѣло могли приступать къ дѣлу,не опасаясь ни движеній паціента, ни его отчаянныхъ криковъ. Потребность въ этомъ давно ощущалась, и анестезія, не смотря на эмпиризмъ первоначальнаго примѣненія, получила всеобщую извѣстность.

Въ теченіи болѣе сорока лѣтъ, наука пришла на помощь эмпиризму. Нашли неудобства анестетическихъ средствъ—эѳира и хлороформа, опредѣлили съ точностью когда и въ какихъ случаяхъ употребленіе ихъ не должно быть допускаемо. Физіологи разъяснили чудесное дѣйствіе, которому подвергается организмъ, дѣлаясь нечувствительнымъ къ страданіямъ, но, въ то же время, не прекращая жизненныхъ отправленій. Предложили еще другія средства: закись азота, бромистый этилъ (bromure d'éthyle), имѣющія, повидимому, тѣ же свойства, что и эѳиръ и хлороформъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, представляющія меньше опасностей. Всѣ эти факты, теоріи, изобрѣтенія и усовершенствованія стоятъ того, чтобъ поговорить объ нихъ пространнѣе, и имѣютъ интересъ не только для медицинскаго міра, но и для всѣхъ, слѣдящихъ за наукой вообще, за ея развитіемъ и примѣненіемъ.

I.

Открытіе анестезированія было ново и поразительно. Никто къ нему не былъ подготовленъ въ то время. Оно появилось впервые въ Америкѣ, въ тотъ самый моментъ, когда «Классическій трактатъ объ оперативной медицинѣ»—Вельпо категорически заявилъ свое убѣжденіе: «Избѣгнуть страданій въ операціяхъ — химера, стремится къ которой безразсудно». Опроверженіе было блистательно. Эмпиризмъ въ медицинѣ взялъ верхъ и въ этомъ случаѣ: эѳиръ и хлороформъ заняли почетное мѣсто между другими счастливыми находками: хининомъ, антимоніемъ, ртутью. Въ настоящее время, химики пришли къ болѣе точнымъ выводамъ и причислили новоизобрѣтенныя средства къ области своей позитивной науки: съ другой стороны, ученые медики, порывшись въ прошломъ, не замедлили отыскать, въ глубокой древности, неоднократныя попытки приводить людей въ безчувственное состояніе. Конечно отъ этихъ попытокъ, до современнаго изобрѣтенія полнаго анестезированія—еще далеко. Не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія баснословнымъ разсказамъ и вѣрить въ преувеличенныя преданія. Всѣ эти легендарные разсказы убѣждаютъ лишь въ одномъ, что во всѣ времена, ученые стремились облегчить страданія людей, этимъ путемъ; часто, конечно, примѣшивалось желаніе шарлатановъ и честолюбцевъ удивить и ослѣпить публику предполагаемыми чудесами. Подобные факты можно встрѣтить въ Талмудѣ и книгахъ огнепоклонниковъ; Зороастръ поражалъ зрителей, опуская руки въ раскаленные уголья, безъ всякаго вреда для кожи.

Порылись и въ болѣе глубокой древности. Подобно джентльмэну, производившему свой знаменитый родъ отъ Адама, поклонники анестезированія стараются найти его начало въ самой колыбели человѣчества. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстный хирургъ Симпсонъ, раздраженный англійскими теологами, которые осуждали родовспомогательную анестезію, нашелъ остроумное средство побѣдить ихъ собственнымъ оружіемъ; онъ бросилъ имъ въ отвѣтъ: «Господь усыпилъ Адама и вынулъ у него ребро.» Вольтеръ, удивлявшійся, что Адамъ остался нечувствительнымъ къ такой операціи, принужденъ былъ удовлетвориться объясненіемъ Симпсона.

Мы находимъ, что достаточно остановиться на древнихъ грекахъ. Въ Одиссеѣ говорится о снотворномъ напиткѣ, приготовленномъ прекрасной Еленой и имѣвшемъ свойство уничтожать ощущеніе страданія. Пиндаръ также упоминаетъ о питьѣ, данномъ Филоктету, на время перевязки ранъ. Евреи заглушали чувствительность осужденныхъ на казнь. Древняя медицина не объясняетъ намъ, что это были за средства, и даже вовсе умалчиваетъ о нихъ. Изъ этого видно, что тогдашніе люди науки не придавали серьезнаго значенія подобнымъ фактамъ и не считали ихъ достойными изученія. Однако, Гиппократъ, отецъ медицины, указывалъ своимъ ученикамъ на изысканіе средствъ для уменьшенія человѣческихъ страданій, какъ на самую благородную цѣль науки; но въ то же время онъ какъ будто считалъ это привиллегіей боговъ: Divinum opus est sedare dolorem.

Надо однако сдѣлать оговорку: то, чего искали древніе и что, до нѣкоторой степени, было имъ извѣстно,—не болѣе какъ наркотическіе или оцѣпѣняющіе препараты. Они производили нѣчто въ родѣ летаргическаго сна, болѣе продолжительнаго, нежели бываетъ нормальный. Но для операцій онъ не могъ приносить надлежащей пользы; подъ ножомъ, чувствительность возвращалась въ значительной степени и паціентъ дѣлалъ безпорядочныя движенія и сильные жесты. Послѣдствія этихъ наркотическихъ средствъ тѣмъ вреднѣе, чѣмъ продолжительнѣе было усыпленіе.

Дѣйствіе анестетическихъ средствъ напримѣръ: эѳира, хлороформа,—совсѣмъ иное. Это глубокій, абсолютный сонъ, который не въ состояніи прервать никакое болѣзненное раздраженіе: послушные члены не возмущаются никакимъ насиліемъ; неподвижность, бездѣйствіе—доведены до крайнихъ предѣловъ. Не смотря на это, пробужденіе дѣлается внезапно по волѣ оператора; чувствительность возвращается вмѣстѣ съ другими проявленіями нормальной жизни и анестезія не оставляетъ вредныхъ послѣдствій на организмѣ. Сержантъ, которому хирургъ Гаммондъ ампутировалъ руку, садится на лошадь и преспокойно уѣзжаетъ въ госпиталь, съ такимъ же апломбомъ, какъ будто отправляется на прогулку. Извѣстный гимнастъ Блондэнъ, изумлявшій публику своими эквилибристическими упражненіями, подверженъ былъ хлороформированію для легкой операціи и, вслѣдъ затѣмъ, немедленно по пробужденіи, предпринимаетъ воздушный переходъ черезъ Ніагару, съ такой же увѣренностью и устойчивостью въ движеніяхъ, какъ и прежде. До новѣйшаго времени не удавалось анестезировать абсолютно; люди подвергались только наркотизаціи посредствомъ микстуръ, приготовляемыхъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ мака, т. е. опійной настойки, съ примѣсью другихъ снотворныхъ и одуряющихъ растеній. Таковъ былъ знаменитый напитокъ ѳивянокъ, извѣстный въ современной фармакопеѣ подъ названіемъ extractum opii thebaicum (extrait thébaïque). Употребляли также растеніе будра, сокъ пасслена, цикуту, бѣлену, адамову голову, латукъ,—снотворное дѣйствіе которыхъ оказало бы мало пользы для хирургіи. Эти вещества, искусно смѣшанныя, ходили подъ названіемъ любовныхъ напитковъ, которымъ народные предразсудки приписывали баснословно-летаргическія и даже волшебныя свойства. Современные писатели злоупотребляли этимъ драматическимъ элементомъ, въ своихъ произведеніяхъ и способствовали укорененію предразсудковъ. Напитокъ, которымъ монахъ Лоренцо снабдилъ возлюбленную Ромео и, благодаря которому, она спала трое сутокъ мертвымъ сномъ,—существовалъ конечно только въ воображеніи геніальнаго Шекспира.

Изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что надо съ преувеличеннымъ недовѣріемъ относиться къ первоначальнымъ попыткамъ лишить организмъ человѣка чувствительности. Что эти попытки предпринимались неоднократно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Въ народныхъ преданіяхъ сохранились слишкомъ упорно легенды, конечно разукрашенныя фантазіей, но, въ основаніи вѣрныя, какъ и всѣ легенды; кромѣ того, существуютъ болѣе серьезныя и фундаментальныя свидѣтельства. Въ путешествіи Марка Поло упоминается о напиткахъ, которыми «Старецъ горъ» усыплялъ своихъ жертвъ. Боккачіо говоритъ, что аптекарь Джіампаоло Спинелли владѣлъ секретомъ какого-то снадобья, вдохнувъ пары котораго, человѣкъ глубоко засыпалъ, а также какой-то микстуры, повергавшей человѣка въ оцѣпѣненіе, похожее на смерть. Надо полагать, что разсказъ того-же автора, повѣствующій о злополучномъ любовникѣ, выпившемъ по ошибкѣ наркотическую микстуру, въ домѣ своей возлюбленной, и впавшемъ въ летаргическій сонъ,—основанъ былъ на нравахъ и обычаяхъ тогдашняго времени.

Начиная съ XIV вѣка, мы находимъ въ научныхъ книгахъ указаніе на существованіе этихъ средствъ. Хирургъ Теодорикъ употреблялъ при операціяхъ какое-то снадобье, «заглушающее боль»—секретъ этотъ перешелъ къ нему отъ его учителя Гюга-де-Люка. Онъ пропитывалъ губку сокомъ наркотическихъ растеній и держалъ ее у ноздрей паціента. Въ «antidotarium» Николо, записанъ рецептъ въ этомъ родѣ.

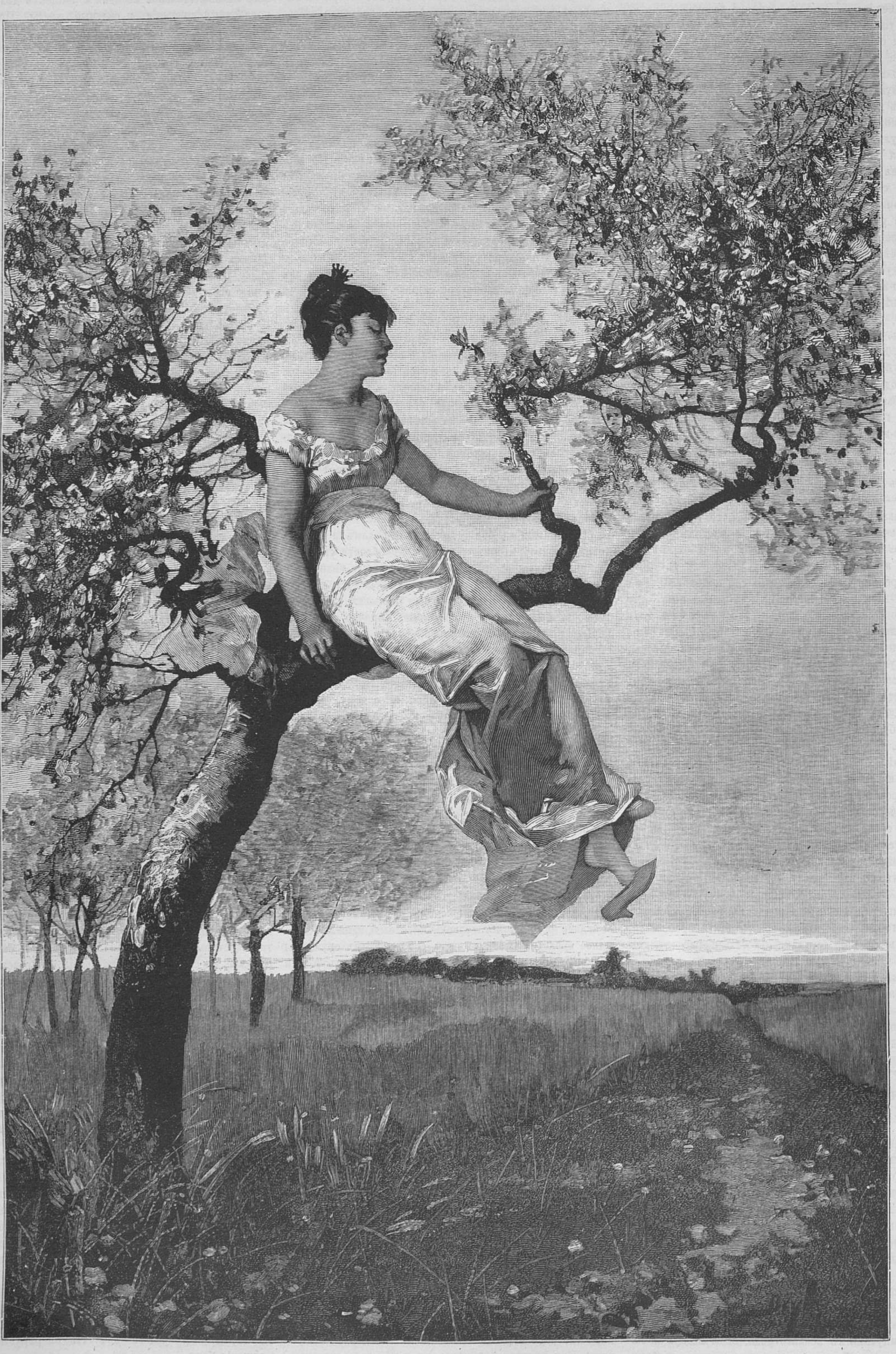
Даже Альбертъ Великій, по примѣру Діоскорида и Плина, зналъ употребленіе сонной одури (belladona).

Въ XVII вѣкѣ впервые разсуждается о возможности сдѣлать человѣка нечувствительнымъ къ боли, какъ о вещи, положительно доступной наукѣ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, Дени Папинъ, изобрѣтатель паровой силы, первый напалъ на мысль о полномъ анестезированіи. Въ библіотекѣ великаго герцога Гессенскаго находится манускриптъ 1681 г., гдѣ Дени Папинъ утверждаетъ, что есть средство избавить оперируемаго отъ ощущенія боли.

Но долгое время послѣ этого, вопросъ оставался неразработаннымъ. Мы должны сразу перенестись въ 1799 г., чтобъ констатировать первые серьезные опыты

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Бейля.

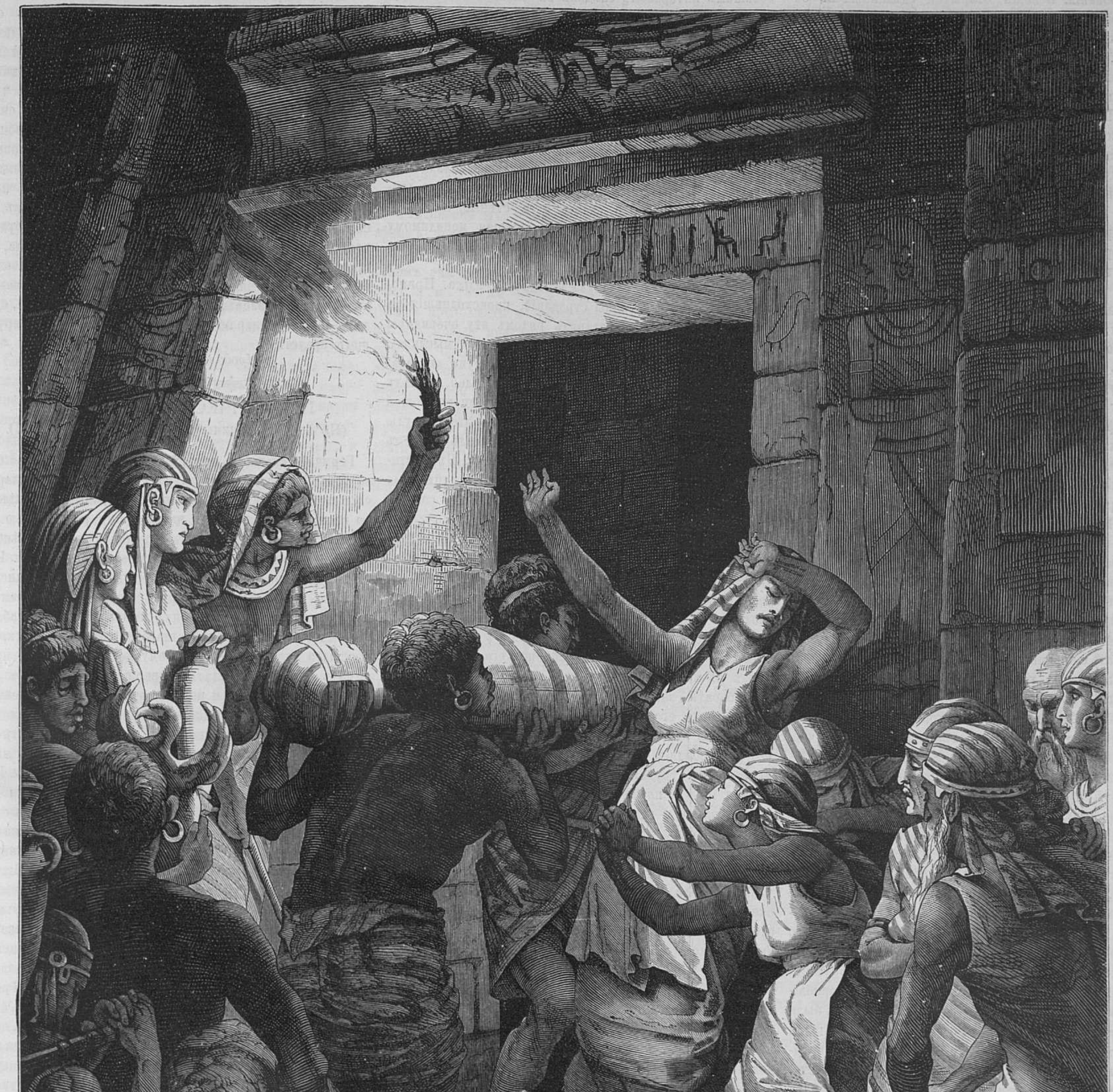


Любимая яблоня въ цвѣту.

Гравировалъ А. Бергеръ въ Варшавѣ

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Р. Геккеръ.


X. A. BRENDAMOUR E. GOEBEL fc.

Погребеніе Фараона.

Гравировалъ на деревѣ Брендъамуръ въ Дюссельдорфѣ.

анестезированія. Великія открытія, сдѣланныя въ области химіи, и, собственно говоря, положившія начало этой наукѣ популяризированы, сравнительно, недавно. Лавуазье, Пристлей, Кавендишъ открыли существованіе нѣсколькихъ простыхъ и сложныхъ газовъ. Желая сдѣлать практическое примѣненіе этимъ изысканіямъ, докторъ Бэддоэсъ открываетъ въ Клифтонѣ пневматическій институтъ и беретъ себѣ въ помощники молодого человѣка 20 лѣтъ, по имени Гемфри Дэви, которому суждено было составить себѣ громкое имя въ наукѣ.

Дэви дѣлаетъ опыты надъ закисью азота, пробуетъ вдыханіе паровъ этого газа на себѣ самомъ. Онъ, а затѣмъ и другіе, послѣдовавшіе его примѣру, испытываютъ поразительныя ощущенія: необыкновенно пріятныя чувства выражаются въ этомъ состояніи, веселостью и неудержимыми взрывами смѣха. Отсюда дано ему названіе «веселящаго газа» (laugbing gas), удержавшееся до-нынѣ.

Надо замѣтить, что въ началѣ Бэддоэсъ и Дэви не имѣли въ виду нечувствительности къ страданіямъ. Они просто думали оказать услугу человѣчеству, предложивъ ему новую форму пріятныхъ ощущеній, умственныхъ и физическихъ, и расширивъ районъ доступныхъ ему наслажденій.

Энтузіазмъ, который внесъ Дэви въ свои наблюденія, произвелъ впечатлѣніе на ученый міръ. Химики всѣхъ странъ принялись провѣрять его опыты. Берцеліусъ въ Швеціи, Плаффъ и Вюрцеръ—въ Германіи, подтвердили его наблюденія. Въ Англіи вошло въ моду вдыханіе «веселящаго газа», иностранные ученые приглашались на этого рода сеансы и даже сами подвергали себя опытамъ. Пиктетъ (изъ Женевы) описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ свои ощущенія: «Пріятныя и новыя ощущенія быстро смѣнялись одно за другимъ. Послѣдовательно описать ихъ трудно. Въ ушахъ у меня шумѣло, предметы увеличивались въ глазахъ. Мнѣ казалось, что я покинулъ этотъ міръ и витаю въ пространствѣ. Затѣмъ наступило состояніе покоя, близкаго къ безсилію, но чрезвычайно пріятное. Я просто чувствовалъ блаженство бытія и не желалъ ничего болѣе. Въ нѣсколько моментовъ, я вернулся къ нормальному состоянію». Странно то, что опыты, давшіе такіе блистательные результаты вездѣ, совершенно не удались во Франціи и даже были строго запрещены. Французскіе химики Пру, Воклэнъ, Тэнаръ и Орфила возбудили противъ «веселящаго газа» цѣлое обвиненіе. По ихъ отзывамъ, вдыханіе паровъ повергало ихъ въ самое тягостное и удручающее состояніе: виски стучали болѣзненно, общее состояніе удушья и тоски грозило серьезною опасностью. Орфила говоритъ, что онъ былъ близокъ къ смерти, если бы продолжалъ опытъ. Отчего такое разногласіе въ результатѣ? Изысканія Берцеліуса, а впослѣдствіи Поля Бэра, объяснили, въ чемъ было недоразумѣніе; но тогда этого не поняли. Рѣшили только, что дѣйствіе закиси азота не всегда одинаково и часто можетъ представлять серьезныя опасности, что для мимолетнаго удовольствія не стоитъ рисковать жизнью. Осторожность взяла верхъ; опыты прекратились. А близко было подошли къ серьезной цѣли,—къ открытію анестезированія... Дэви ясно видѣлъ ее: «Кажется, писалъ онъ,—закись азота обладаетъ свойствомъ уничтожать ощущенія боли. Можно бы примѣнить ее въ хирургическихъ операціяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не грозитъ слишкомъ обильное изліяніе крови». Но мѣткое и категорическое заявленіе это прошло незамѣченнымъ, и мода на сеансы Дэви прекратилась. Отъ времени до времени химики провѣряли опыты надъ осужденнымъ газомъ, а также надъ другими, существовавшими и вновь открываемыми, и, въ небольшихъ кружкахъ ученыхъ и студентовъ, вдыханіе искусственныхъ газовъ занимало серьезное и почетное мѣсто. Повтореніе этихъ опытовъ внушило мысль Горацію Уэльсу о примѣненіи ихъ къ хирургическимъ операціямъ, а Мортону—употреблять для этой цѣли эѳиръ.

Таково происхожденіе важнаго открытія, поразившаго медицинскій міръ въ 1846 г. Строго говоря—европейское открытіе повторилось снова въ Америкѣ. Мы, европейцы, такъ пресыщены избыткомъ нашихъ умственныхъ богатствъ, что придали слишкомъ мало значенія важной заслугѣ Дэви, и понадобилась энергическая настойчивость американцевъ, чтобъ поднять снова забытый вопросъ.

Перенесемся мысленно въ маленькій городокъ Гартфордъ, въ штатѣ Вермонтъ. 10 декабря 1844 г. назначенъ былъ химическій сеансъ, отчасти съ научной цѣлію, отчасти для развлеченія публики. Дантистъ Горацій Уэльсъ присутствовалъ на этомъ сеансѣ и съ большимъ интересомъ слѣдилъ за забавными опытами нѣкоего Кольтона. Въ концѣ представленія производилось вдыханіе паровъ закиси азота. Горацій Уэльсъ, человѣкъ умный, живой и предпріимчивый, не стѣснялся никакими предвзятыми идеями и, по всей вѣроятности, въ первый разъ въ жизни слышалъ названіе «веселящаго газа». Но его практическій и внимательный умъ пораженъ былъ слѣдующей характеристической подробностью. Между зрителями, пожелавшими подвергнуться опыту вдыханія, одинъ пришелъ въ сильно возбужденное состояніе и, предаваясь безпорядочнымъ движеніямъ, стукался о скамей и и стѣны, причиняя себѣ значительные ушибы, но не ощущая повидимому ни малѣйшей боли. Онъ даже не обратилъ вниманія на сочившуюся изъ ранъ кровь.

Внезапная мысль блеснула въ головѣ Уэльса. Припоминая ежедневныя сцены страданій, происходившія въ его кабинетѣ, онъ сопоставилъ рядомъ эту очевидную нечувствительность къ боли. На другой день мысль его приняла практическое примѣненіе: вдохнувъ «веселящаго газа», онъ, въ присутствіи свидѣтелей, велѣлъ вырвать себѣ зубъ, причемъ не ощутилъ ни малѣйшей боли. Доказательство было блестящее и съ этой минуты Уэльсъ только и жилъ для своей идеи; писалъ о своемъ открытіи и старался усовершенствовать его. Въ Бостонѣ, на болѣе обширномъ поприщѣ, онъ даетъ публичные сеансы, въ присутствіи членовъ медицинскаго совѣта. Его другъ, ученикъ и товарищъ Мортонъ принимаетъ живѣйшее участіе въ этихъ опытахъ. Уэльсъ стремится дойти до болѣе продолжительнаго анестезированія, мечтаетъ подчинить его волѣ доктора и примѣнить къ серьезнымъ хирургическимъ операціямъ. Но закись азота не поддается еще усовершенствованіямъ: не настало время этому газу играть роль въ большой хирургіи. Болѣе счастливый, товарищъ его Мортонъ, въ союзѣ съ химикомъ Джексономъ, нападаетъ на мысль испробовать свойства эѳира и такимъ образомъ похищаетъ плоды его иниціативы. Гор. Уэльсъ такъ пораженъ былъ этимъ ударомъ, что умственныя способности его разстроились. Изнуренный тщетными усиліями и напрасными трудами, онъ впалъ въ отчаяніе и 14 января 1848 г. покончилъ съ собой, открывъ себѣ артеріи, въ ваннѣ и вдыхая пары эѳира. Послѣднія минуты его жизни были пріятны—это единственное преимущество, которое дали ему его труды въ области химіи.

Между тѣмъ конкурренты его—Мортонъ и Джексонъ утилизировали анестезическія свойства эѳира, которыя оказались пригодными для болѣе сложныхъ операцій. До этого времени можно лишь упомянуть о докторѣ Джеферсонѣ, который въ 1842 г. дѣлалъ опыты примѣненія эѳира; но, по справедливости, надо признать, что Мортонъ и Джексонъ первые положили начало практическому примѣненію этого газа. Благодаря Уэльсу, они знали, что абсолютная нечувствительность организма не есть химера, и успѣшно достигли возможности продолжить усыпленіе по мѣрѣ надобности.

Вѣрные меркантильнымъ наклонностямъ своей націи, Мортонъ и Джексонъ выхлопотали привиллегію на эксплуатацію своего открытія и замѣнили «эѳиръ» новымъ словомъ: «летеонъ». Дальнѣйшее развитіе анестезированія быстро пошло впередъ. Европа не замедлила воспользоваться открытіемъ въ самомъ широкомъ размѣрѣ: Вельпо, Мальгенъ, Клокэ, Ру, Жоберъ-де-Ламбель—признали себя усердными поклонниками анестезированія посредствомъ эѳира; и до сихъ поръ, многіе хирурги, особенно въ Америкѣ, не признаютъ другихъ усыпляющихъ агентовъ, кромѣ эѳира.

Такимъ образомъ толчекъ былъ данъ; нашлись ученые, которые стали доказывать, что хлороформъ можетъ во многихъ отношеніяхъ соперничать съ эѳиромъ. Въ 1847 году Флуренсъ прочелъ въ академіи наукъ отчетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ хлороформомъ, доказывая, что дѣйствіе его энергичнѣе и внезапнѣе. Доктора Фернель и Симпсонъ, убѣдившись на опытѣ въ справедливости этого заявленія, ввели употребленіе хлороформа въ свою практику. Мало-по-малу хлороформъ замѣнилъ эфиръ и дѣйствительно вполнѣ заслуживалъ преимущество.

Конечно дѣло не обошлось безъ затрудненій; нашлись антагонисты анестезированія вообще, ретрограды, громко заявлявшіе, что анестезированіе опасно, и указывавшіе на смертельные случаи. Обратились къ авторитету медицинской академіи и весь ученый міръ раздѣлился на два лагеря: на сторонниковъ «боязливаго метода», допускавшихъ очень ограниченное анестезированіе, — въ крайнихъ случаяхъ и то, до получувствительности; и на поклонниковъ «смѣлаго метода», т. е. полнаго анестезированія, до абсолютной потери чувствительности. Статистика прибавила много смертныхъ случаевъ отъ хлороформа, но безъ неизбѣжныхъ жертвъ не обходится никакое великое открытіе. Всѣ усилія изслѣдователей и ученыхъ обратились къ одной цѣли: найти такое средство, которое усыпляло-бы вполнѣ и, лишая чувствительности къ страданіямъ, не угрожало-бы опасностью жизни. Самые удачные результаты произошли отъ сложныхъ комбинацій; нѣкоторые хирурги примѣняютъ «бромистый этилъ»; въ недавнее время опыты П. Бэра надъ сжатымъ газомъ, закиси азота съ примѣсью кислорода, нашли много сторонниковъ. Такъ, за послѣднее время въ Россіи съ успѣхомъ комбинируютъ хлороформъ, эѳиръ и спиртъ (60 проц. хлороформа, 30 проц. эѳира и 10 пр. спирта). Кромѣ того, во многихъ странахъ употребляется новый агентъ анестезированія: «хлористый амиленъ»; Спенсеръ Уэльсъ, въ Англіи, сдѣлалъ до 1,500 операцій, съ помощью этого анестезирующаго средства

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(По поводу кончины императора Фридриха III).

Германія снова въ траурѣ, вторично «осиротѣла» она за текущій годъ. На этотъ разъ она лишилась монарха славнаго не своими побѣдами, не военными дѣяніями, но своими миролюбивыми намѣреніями, рѣшимостью заняться внутренними дѣлами страны и тѣмъ укрѣпить все созданное въ предшествовавшее царствованіе. Покойный императоръ съ самаго вступленія на германскій престолъ встрѣтилъ цѣлый рядъ препятствій къ немедленному осуществленію своихъ намѣреній, строго обдуманныхъ, но не совсѣмъ согласовавшихся съ режимомъ прошлаго царствованія. Къ тому-же Фридрихъ III принималъ верховную власть совершенно больной, осужденный на преждевременную кончину. Кратковременное его правленіе успѣло однако принести нѣкоторые плоды; ему удалось возбудить вновь въ своемъ народѣ стремленіе къ внутреннему росту къ прогрессу по мирному пути безъ громкихъ кликовъ и звона оружія. Его молодому преемнику придется поневолѣ считаться съ этимъ движеніемъ, если бы даже онъ и не захотѣлъ слѣдовать программѣ своего отца. За свои благія намѣренія и несомнѣнную искренность покойный императоръ пріобрѣлъ симпатіи не только одной Германіи, но и всѣхъ другихъ народовъ, — по разнымъ стеченіямъ обстоятельствъ, даже враждебныхъ его родинѣ. Поэтому эта смерть, хотя и давно ожидаемая, должна повергнуть Европу въ страшное недоумѣніе, пока наконецъ, она не найдетъ отвѣта на вопросъ: «что будетъ дальше?» Біографическія свѣдѣнія объ императорѣ Фридрихѣ III были уже приведены въ «Жив. Обозр.» (№ 12 стр. 194; что-же касается до послѣднихъ дней его жизни, то можно предполагать, что катастрофа не была неожиданностью для близкихъ и окружавшихъ императора; еще въ половинѣ мая состоялась консультація врачей, результаты которой были весьма неутѣшительнаго свойства, но ихъ тщательно скрывали, какъ отъ августѣйшаго паціента, такъ и отъ публики. Судя по проникшимъ лишь нынѣ въ печать свѣдѣніямъ, имѣвшимъ, повидимому, цѣлью подготовить публику къ предстоящей катастрофѣ, врачи пришли вообще къ заключенію, что надѣяться на пріостановленіе главной, коренной болѣзни императора нельзя и что болѣзненный процессъ будетъ развиваться. Но, какъ кажется, врачи не полагали, чтобы болѣзнь стала развиваться и осложняться съ такою быстротою: больному давали еще нѣсколько недѣль жизни. Докторъ Мэкензи увѣрялъ, что въ его практикѣ были случаи, когда при аналогичныхъ и почти тождественныхъ условіяхъ удавалось поддерживать силы больныхъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—срока совершенно достаточнаго для полнаго заживленія раны въ горлѣ. Черезъ зондъ вводили въ пищепроводъ ежедневно, въ нѣсколько пріемовъ, литръ молока, смѣшаннаго съ яйцами и англійской водкой (виски), а также бульонъ и вино. Днемъ императоръ чувствовалъ себя хорошо, но ночи были для него чрезвычайно тягостны: обнаруживалась затрудненія дыханія и сильные приступы кашля разслабляли его силы, хотя температура тѣла не повышалась значительно; термометръ Цельзія показывалъ 38 град. Въ ночь на 1 іюня императору угрожала смерть отъ задушенія, но дежурившіе при немъ врачи помогли больному устранить затрудненіе въ дыханіи, безъ новой операціи, къ которой уже были сдѣланы всѣ приготовленія; вторую половину ночи императоръ провелъ довольно спокойно, сонъ подкрѣпилъ его очень замѣтно Утромъ у больного былъ удовлетворительный видъ и температура тѣла понизилась почти до нормальнаго размѣра; въ 11 часовъ утра императоръ изъ постели перешелъ на диванъ и выслушалъ очередные доклады, въ 12 часовъ у него былъ съ визитомъ король шведскій и пробылъ полчаса, а затѣмъ больной императоръ принялъ князя Бисмарка и имѣлъ съ нимъ совѣщаніе Наканунѣ смерти въ четвергъ, больной, послѣ дурно проведенной ночи, сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе: онъ въ теченіе дня много писалъ и эту ночь, послѣднюю въ своей страдальческой жизни, тоже нѣсколько разъ принимался писать. Говорятъ, что онъ писалъ политическое завѣщаніе сыну. Утромъ, незадолго передъ кончиной, императоръ проснулся изъ забытья и узнавалъ близкихъ ему лицъ, собравшихся у его постели. До послѣдняго времени онъ не терялъ сознанія. Кончина императора послѣдовала въ 11¹/₄ ч. утра, среди окружающихъ его членовъ семьи и приближенныхъ людей. Императрица во все время кризиса обнаруживала необычайную бодрость духа и, игнорируя свое собственное горе, утѣшала плакавшихъ дѣтей. Трагизмъ роковой минуты увеличивался общимъ сознаніемъ безсилія науки въ борьбѣ съ упорнымъ недугомъ: на глазахъ присутствовавшихъ умиралъ человѣкъ цвѣтущаго возраста и полный силъ, обладавшій, при томъ, возможностью воспользоваться всѣми спасительными средствами, находящимися въ распоряженія науки. Берлину возвѣстилъ смерть императора траурный звонъ колоколовъ. По всему городу вывѣшены черные флаги на домахъ: огромныя массы публики безмолвно двигались по улицамъ; князь Бисмаркъ и всѣ министры немедленнно собрались у императора Вильгельма II.—Передъ такимъ событіемъ само собою повседневная общественная жизнь отодвигается на второй планъ; всѣ вопросы, которые за день передъ тѣмъ приковывали къ себѣ тревожное вниманіе государственныхъ людей, кажутся мелочами; надѣлавшая столько шума отставка прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ Путкаммера, переходъ нѣмецкихъ солдатъ на французскую границу въ Сентъ-Айтелѣ, оскорбленіе итальянскаго короля занзибарскимъ султаномъ, созывъ делегацій въ Австріи, внутреннія неурядицы Франціи, перемѣна министерства въ Испаніи, наступающіе президентскіе выборы въ соединенныхъ штатахъ, все это забывается и стушевывается предъ грознымъ призракомъ могущей возникнуть кровопролитной войны изъ-за гегемоніи. Исчезли для европейской дипломатіи всѣ причины прятаться за свой излюбленный лозунгъ «надо подождать, надо посмотрѣть». Рѣшенію находящихся на очереди международныхъ вопросовъ не препятствуютъ болѣе разныя причины патологическаго свойства Наступаетъ время вести игру съ открытыми картами.—Россія все это время выказывала умѣренность въ своихъ требованіяхъ и рѣдкое терпѣніе. Между тѣмъ австро венгерское правительство подготовило себѣ поле дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ: въ Софіи создалось правительство, тяготѣющее къ Австріи; Салоники недавно связались желѣзной дорогой съ австрійскими дорогами; положеніе Сербіи становится все болѣе и болѣе изолированнымъ, такъ-же какъ и Черногоріи. Захочетъ-ли Вильгельмъ II развязать руки Австріи или же онъ станетъ на сторону справедливости,—покажетъ близкое будущее, хотя необходимо принять во вниманіе, что при началѣ каждаго новаго царствованія правительство страны, переживающей такое событіе, принуждено сосредоточивать первоначально все свое вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ. Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, можетъ быть и болѣе, у императора Вильгельма II и у князя Бисмарка будетъ слишкомъ много заботъ въ этомъ отношеніи, чтобы можно было безъ несправедливости и пристрастія требовать отъ нихъ оживленной дѣятельности въ области внѣшней политики, но не пройдетъ вѣроятно и лѣта, какъ всѣмъ уже станетъ ясно дальнѣйшее направленіе международныхъ отношеній.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ комитетъ министровъ внесенъ составленный спеціальною комиссіею проектъ правилъ о порядкѣ выдачъ пособій на воспитаніе дѣтей лицъ, состоящихъ на государственной службѣ; согласно этимъ правиламъ пособія будутъ [illegible]ваться только тѣмъ лицамъ, которыя прослужили въ извѣстныхъ должностяхъ не менѣе 15-ти лѣтъ или оказали особую пользу на службѣ; при каждомъ ходатайствѣ о выдачѣ пособія должно быть представляемо особое заключеніе ближайшаго начальника просителя. — Попечитель дерптскаго учебнаго округа разослалъ по учебнымъ заведеніямъ округа циркуляръ, въ которомъ говорится, что въ виду предстоящаго учрежденія ремесленныхъ и техническихъ школъ и дабы дать воспитанникамъ низшихъ школъ возможность пріобрѣсти навыки, необходимые при ихъ дальнѣйшемъ обученіи, онъ считаетъ цѣлесообразнымъ вводить постепенно въ училищахъ, начавъ съ городскихъ, преподаваніе ручнаго труда. Чтобы дать возможность учителямъ названныхъ училищъ ознакомиться съ дѣломъ, лѣтомъ настоящаго года устраивается при рижскомъ Екатерининскомъ городскомъ училищѣ подъ руководствомъ опытнаго преподавателя курсъ ручнаго труда; занятія на этомъ курсѣ предполагается начать 1-го іюля и продолжить до 14-го августа, причемъ въ занятіяхъ могутъ принимать участіе 14 учителей; вызывая изъ среды учителей, желающихъ участвовать въ этихъ курсахъ, попечитель округа высказываетъ пожеланіе, «чтобы въ каждомъ городскомъ училищѣ находилось по одному преподавателю, знакомому съ дѣломъ ручного труда». Этотъ циркуляръ попечителя дерптскаго учебнаго округа д. с. с. Капустина имѣетъ громадную важность для всего нашего учебнаго дѣла какъ первое начинаніе на пути преобразованія нашихъ начальныхъ училищъ и сообщенія ихъ программамъ характера болѣе практическаго и болѣе соотвѣтственнаго требованіямъ жизни.—Министерство государственныхъ имуществъ предполагаетъ учредить въ частныхъ имѣніяхъ нечерноземной полосы Россіи нѣсколько школъ сыроваренія и маслодѣлія, мужскихъ и женскихъ. Этимъ школамъ будутъ отпущены отъ казны пособія на содержаніе учениковъ, ученицъ и мастеровъ молочнаго дѣла; въ виду этого министерство приглашаетъ сельскихъ хозяевъ, желающихъ открыть означенныя школы въ своихъ имѣніяхъ, сообщать объ этомъ департаменту земледѣлія и сельской промышленности, указывая въ то же время способъ веденія молочнаго хозяйства въ имѣніи, количество дойнаго скота и другія свѣдѣнія, до этой отрасли сельско-хозяйственной промышленности относящіяся.—Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ и разрѣшенныхъ въ послѣднія засѣданія финляндскаго сейма былъ докладъ коммиссіи по правительственному предложенію объ охраненіи здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Сеймъ обязалъ фабрикантовъ и заводчиковъ принимать всевозможныя мѣры предосторожности для предупрежденія вреда жизни и здоровью рабочихъ. Касательно работающихъ на фабрикахъ и заводахъ дѣтей постановлено, что недостигшія 12-лѣтняго возраста вовсе не должны работать на нихъ; дѣти отъ 12 до 15 лѣтъ могутъ работать не болѣе семи часовъ въ сутки, а 15—18 лѣтнія не свыше 10 часовъ, причемъ ночная работа безусловно воспрещена всѣмъ не достигшимъ 18-лѣтняго возраста. Заводчики и фабриканты, пользующіеся трудомъ малолѣтнихъ, обязаны заботиться и объ ихъ обученіи. Наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ возложено на фабричныхъ инспекторовъ. Относительно же обязательнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и старости, постановлено ходатайствовать о представленіи законопроекта къ сейму 1891 года.—Вслѣдствіе сильнаго недостатка перевозочныхъ средствъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, югу Россіи и въ нынѣшнемъ году угрожаетъ такой же, а по заявленію нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ, даже еще большій, каменно-угольный кризисъ, какъ и въ прошломъ году. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій харьковской думы, выяснилось что для городовъ, фабрикъ, заводовъ и другихъ потребителей по линіямъ харьково-николаевской, екатерининской, лозово-севастопольской и др. въ іюнѣ мѣсяцѣ не будетъ доставлено ни одного вагона угля, такъ какъ дороги будутъ въ состояніи перевозить уголь только для своихъ потребностей. Вообще трудно исчислить теперь тѣ громадные убытки и бѣдствія, которые явятся результатами этого новаго «кризиса». Вотъ почему въ думѣ поднимался вопросъ о томъ, что и харьковскому земству, какъ учрежденію, заинтересованному въ благостояніи края, не мѣшало бы послѣдовать примѣру города, биржеваго комитета и техническаго общества и избрать своего уполномоченнаго для личнаго ходатайства по этому поводу передъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что для земства имѣетъ большое значеніе то крайне прискорбное обстоятельство, что станціи многихъ желѣзныхъ дорогъ до сихъ поръ переполнены хлѣбомъ прошлогодняго урожая. На харьковцевъ очевидно остался не безъ вліянія печальный примѣръ Одессы.—Въ окрестныхъ гор. Саратову садахъ и рощахъ появился въ началѣ весны червь, уничтожившій почти всю листву и часть плодовъ на деревьяхъ. Червь этотъ, и въ настоящее время не только не пропадаетъ, но даже появилась какая-то новая порода червя, которая усиленно доканчиваетъ начатое уже истребленіе завязи ягодъ и плодовъ. Нѣкоторые садовладѣльцы, послѣ безполезныхъ опрыскиваній деревьевъ разными растворами, прибѣгли, наконецъ, къ послѣднему, болѣе упрощенному способу: они развѣшиваютъ полотна подъ деревьями и трясутъ послѣднія настолько сильно, что червь сыплется на полотно буквально какъ дождь, а затѣмъ, высыпанный съ полотна, сжигается; но и это мало помогаетъ. Существуетъ опасеніе, что окрестные сады въ нынѣшнее лѣто останутся совсѣмъ безъ яблокъ и ягодъ.—Херсонскимъ земствомъ очень удачно выполнена возложенная правительствомъ на земства борьба съ чумой рогатаго скота, существовавшей въ херсонской губерніи въ теченіе двухъ лѣтъ подрядъ: къ концу апрѣля настоящаго года, не считая одного незначительнаго случая въ г. Вознесенскѣ, она была повсемѣстно въ губерніи подавлена мѣрами, практиковавшимися земствомъ, включая сюда и убиваніе зачумленнаго скота. Но важнѣе всего то, что херсонское земство и его агенты нигдѣ не встрѣтили серьезныхъ препятствій къ приведенію въ дѣйствіе закона 1879 года, не смотря на то, что населеніе, особенно на первыхъ порахъ, смотрѣло очень непріязненно на убиваніе скота и на другія для него весьма стѣснительныя мѣры, какъ, напр., карантины, закрытіе базаровъ, ярмарокъ, скотопрогонныхъ трактовъ и проч.; земство и его агенты, благодаря своей тактичности въ дѣйствіяхъ, скоро съумѣли внушить къ себѣ довѣріе населенія. – Цѣлый рядъ оправдательныхъ приговоровъ, которые состоялись въ послѣднее время въ мѣстныхъ судахъ надъ пасторами, преданными уголовному суду за оскорбленія православной религіи, побудилъ составителей новаго судебнаго проекта установить. что всѣ дѣла объ оскорбленія иновѣрцами православія имѣютъ быть разсматриваемы такимъ составомъ суда, въ которомъ предсѣдатель, члены, прокуроръ, секретарь и судебный приставъ—всѣ православные.—По дѣламъ прогремѣвшаго на всю Россію Мальцевскаго товарищества, объявленнаго недавно въ с. петербургскомъ коммерческомъ судѣ несостоятельнымъ должникомъ, что впрочемъ обжаловано въ правительствующій сенатъ, теперь послѣдовало назначеніе особой коммиссіи для подробнаго разслѣдованія всѣхъ дѣлъ товарищества, въ составъ которой вошли генералъ-адъютантъ Глинка-Мавринъ, шталмейстеръ генералъ-лейтенантъ Скалонъ и оберъ-прокуроръ сената Неклюдовъ.—Любопытныя свѣдѣнія получаются о развитіи нашей промышленности въ Царствѣ Польскомъ: со времени введенія возвышенныхъ таможенныхъ пошлинъ, въ пограничныхъ мѣстностяхъ Польши стала быстро развиваться фабричная промышленность: такъ, въ короткое время возникли фабрики такихъ издѣлій, которыя ранѣе получались исключительно изъ-заграницы; нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Калишѣ была одна только фабрика кружевъ, на которой работало всего три машины, въ настоящее же время такихъ фабрикъ болѣе 10, причемъ число дѣйствующихъ въ нихъ машинъ достигаетъ 50; казалось бы, что сильная конкуренція разоритъ предпринимателей, не обладающихъ большими капиталами, между тѣмъ все возрастающая производительность фабрикъ подаетъ всѣмъ фабрикантамъ надежду на хорошіе обороты; калишскіе фабриканты не могутъ даже исполнить всѣхъ заказовъ, получаемыхъ главнымъ образомъ изъ Вроцлава (Бреславля); не смотря на германскія ввозныя пошлины, фабриканты обуви, получая уплату марками, не мало выигрываютъ вслѣдствіе разницы въ курсѣ. Польскія газеты надѣются, что мѣстная промышленность со временемъ совсѣмъ вытѣснитъ съ рынковъ Царства Польскаго заграничныя издѣлія, преимущественно нѣмецкія.—Министерство государственныхъ имуществъ утвердило ходатайство представителей послѣдняго съѣзда южныхъ горно-промышленниковъ объ учрежденіи при каменноугольныхъ рудникахъ вспомогательныхъ кассъ для выдачъ пособій горнорабочимъ во время ихъ болѣзни. Для образованія кассоваго фонда будетъ допущено участіе самихъ рабочихъ, посредствомъ вычета изъ получаемаго содержанія въ размѣрѣ 1—2% и горнозаводчиковъ, посредствомъ взносовъ ¹/₃ общей суммы рабочихъ вкладовъ.

* * *

КЪ РИСУНКАМЪ.

Ярославъ напутствуетъ дочь Анну въ замужество.

(По поводу картины г. Н. В. Неврева).

Благодаря князю Владиміру, древняя Русь вступила въ число христіанскихъ государствъ: это, такъ сказать, былъ первый шагъ къ переходу отъ Азіи къ Европѣ. Преемникъ князя Владиміра Ярославъ I (Мудрый) является не только представителемъ новаго поколѣнія грамотныхъ христіанъ, но и старается завязать болѣе или менѣе тѣсныя отношенія съ европейскими династіями. Еще до воцаренія своего онъ долженъ былъ бѣжать заграницу и намѣревался набрать въ Швеціи иноплеменниковъ, чтобы идти войною противъ отца. Только смерть Владиміра помѣшала этой войнѣ. Сношенія съ иноземцами сильно укрѣплялись въ это время, какъ это видно изъ того, напримѣръ, что извѣстный авантюристъ принцъ Гаральдъ при Ярославѣ искалъ убѣжища именно у насъ въ Новгородѣ. Родственныя отношенія съ иностранными дворами во время Ярослава являются не исключительными фактами. Прежде всего мы видимъ, что греческій императоръ Константинъ Мономахъ отдаетъ свою дочь за сына Ярослава, Всеволода. Казиміръ польскій женится на сестрѣ Ярослава Доброгнѣвѣ или Маріи, а потомъ сынъ Ярослава, Изяславъ женится на дочери Казиміра. Есть извѣстія о бракѣ короля венгерскаго Андрея съ Анастасіею, дочерью Ярослава. Сыновья Ярослава, вѣроятно, Вячеславъ и Святославъ, женятся на нѣмецкихъ принцессахъ. Далѣе одна изъ дочерей Ярослава, Елизавета, выходитъ замужъ за норвежскаго короля Гаральда III Строгаго—знаменитаго своими военными похожденіями и подвигами. Съ семьею Ярослава онъ, вѣроятно, сблизился уже въ то время, когда онъ едва-ли не шестнадцати-лѣтнимъ юношею долженъ былъ скрываться то въ Швеціи, то въ Россіи. Отношенія его къ семьѣ Ярослава были самыя близкія и дружескія. Не смотря на свою полную приключеній и тревогъ жизнь, Гаральдъ, долго жившій въ Греціи, очень любилъ искусства и литературу и самъ писалъ стихи. Въ нихъ находятся строки, гдѣ онъ, воспѣвая свои бранные подвиги жалуется, что «русская красавица» холодна къ нему... Но болѣе всего извѣстій сохранилось о бракѣ дочери Ярослава Анны съ французскимъ королемъ Генрихомъ I. Объ этой княжнѣ издана въ 1825 году въ Парижѣ очень любопытная монографія княземъ Александромъ Яковлевичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

Что заставило Генриха I искать такъ далеко невѣсту?

Въ 998 году папа отлучилъ отъ церкви французскаго короля Роберта II Благочестиваго за кровосмѣсительный бракъ съ близкою родственницею Бертой Бургонской, и этотъ бракъ пришлось расторгнуть. Сынъ Роберта II Генрихъ I, вошедшій на престолъ послѣ долгой борьбы со своею матерью, со своимъ братомъ и со своими вассалами, знавшій какъ легко будетъ опять поднять смуты, если онъ неосторожно вступитъ въ бракъ съ какой-нибудь изъ сосѣднихъ, перероднившихся съ его семьей принцессъ, счелъ болѣе удобнымъ искать себѣ невѣсту въ отдаленной странѣ. Онъ былъ еще не старъ, но уже вдовѣлъ довольно давно и приближенные побуждали его къ новому браку, такъ какъ у него не было наслѣдниковъ. Выборъ палъ на Русь, вслѣдствіе слуховъ о красотѣ дочери Ярослава Аннѣ

Въ 1048 году, по извѣстіямъ древней рукописи, найденной въ Омерской церкви, а по другимъ источникамъ въ 1044 году, король отправилъ посломъ къ Ярославу шалонскаго епископа Рогера. Анна простилась съ отцомъ и, прибывъ въ новое отечество, приняла католическое вѣроисповѣданіе, послѣ чего подъ именемъ Агнесы и вступила въ бракъ съ Генрихомъ I. Новая королева была принята превосходно; празднествамъ не было конца. Къ несчастію, бракъ оставался довольно долго безплоднымъ и это начало внушать опасенія. Только черезъ девять лѣтъ, по однимъ извѣстіямъ, а по другимъ черезъ пять, родился у Анны сынъ,—царствовавшій потомъ подъ именемъ Филиппа I-го. Затѣмъ у нея были еще два сына и дочь.

Генрихъ I умеръ въ 1060 году, тогда Анна удалилась въ монастырь въ Сенли, основанный ею. Здѣсь думала она окончить свою жизнь. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ она вступила вторично въ бракъ съ Рауломъ, графомъ де Крепи въ Валуа, хотя онъ и былъ женатъ, и бракъ его не былъ расторгнутъ церковью. Впрочемъ, Рауль былъ родственникомъ Генриха I, а потому бракъ его съ Анною въ сущности являлся незаконнымъ, недѣйствительнымъ. И точно, графъ недолго жилъ съ нею и въ концѣ концовъ бросилъ ее. Дальнѣйшая судьба Анны не вполнѣ извѣстна. Одни утверждаютъ, что она, прогнанная вторымъ мужемъ, вернулась въ Россію. Другіе говорятъ, что сынъ ея, Филиппъ, царствовавшій во Франціи, питалъ къ ней такое уваженіе, что на всѣхъ государственныхъ бумагахъ до 1075 года Анна подписывала вмѣстѣ съ нимъ свое имя. Впрочемъ, Филиппъ, одинъ изъ безпечнѣйшихъ королей, очень могъ беззаботно дѣлить власть со своею матерью...

Какъ ни скудны свѣдѣнія, имѣющіяся объ этихъ первыхъ связяхъ древней Руси съ Европою, они все-таки являются крайне интересными. Если-бы Россіи не приходилось, въ позднѣйшія времена служить для Европы громоотводомъ отъ вторженія разныхъ азіатскихъ дикарей, если-бы ей, страдавшей отъ внутреннихъ усобицъ, не пришлось вынести ига татаръ, то вѣроятно ея сближеніе съ Европою приняло-бы правильный характеръ. Теперь-же родственные союзы сыновей и дочерей Ярослава съ западно-европейскими владѣтельными семьями являются одинокими, почти случайными фактами.

Картина г. Неврева, появившаяся въ нынѣшнемъ году на «XVI передвижной художественной выставкѣ» въ Петербургѣ, изображаетъ моментъ прощанія Ярослава съ Анною въ присутствіи французскаго посольства. Редакція «Живописнаго Обозрѣнія», пріобрѣтя право на воспроизведеніе копіи съ этой картины, даетъ ее въ приложеніи къ настоящему нумеру журнала въ видѣ отдѣльнаго листа. Картина отпечатана въ два тона.

Первые цвѣты.

Въ воздухѣ зной, тишина,
Солнце сверкаетъ лучами,
Поле покрылось цвѣтами,—
Это весна!

⁂

Между душистыхъ цвѣтовъ
Птицъ голоса раздаются,
Бабочки парами вьются,—
Это любовь!

Художница.

Лѣто—лучшая пора для художниковъ, особенно у насъ на сѣверѣ, гдѣ въ короткіе зимніе дни съ ихъ сѣрымъ свѣтомъ не много удается наработать и гдѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ нечего и думать о работѣ на воздухѣ съ натуры. Потому-то, какъ только наступаетъ лѣто, молодежь, занимающаяся живописью, спѣшитъ забраться куда-нибудь въ деревенскую глушь, гдѣ такъ привольно работать, рисуя и списывая живописные уголки природы. Правда, иногда точно пчелы, обступаютъ молодыхъ художниковъ деревенскія дѣти, дивящіяся тому, что дѣлаетъ «баринъ» или «барышня»; иногда являются непрошенные цѣнители искусства въ видѣ коровъ, гусей или лошадей; но эти маленькія непріятности не особенно мѣшаютъ дѣлу, и даже даютъ новыя тэмы художникамъ для юмористическихъ сценокъ. Кто не видалъ въ иллюстраціяхъ подобныхъ рисунковъ?

Добрые казаки.

Великая наполеоновская война оставила ужасающіе слѣды по всей Европѣ: разрушенія и нищета появлялись всюду, гдѣ прошли побѣдоносныя императорскія войска. Когда поднявшаяся Россія пошла освобождать Европу, нашимъ войскамъ во многихъ городахъ приходилось встрѣчать оборванныхъ и голодныхъ жителей, просившихъ о помощи «добрыхъ казаковъ», подъ именемъ которыхъ были извѣстны вообще всѣ русскія войска... Одну изъ такихъ сценъ изображаетъ на своей картинѣ профессоръ Виллевальдъ, давшій въ послѣднее время такъ много прекрасныхъ сценъ изъ временъ отечественной войны 1812—1814 гг.

Царь пустыни.

Гордый и величавый царь пустыни, могучій левъ, взобравшійся на вершину скалы и высматривающій свою добычу, принадлежитъ едва-ли не къ числу самыхъ удачныхъ произведеній прекраснаго рисовальщика звѣрей и иллюстратора Федора Флинцера. Флинцеръ родился въ 1832 году въ Рейхенбахѣ, учился съ 1849 по 1859 годъ въ Дрезденской академіи у Шнорра. Потомъ онъ сдѣлался учителемъ рисованія въ реальномъ училищѣ въ Хемницѣ и былъ однимъ изъ основателей «Художественной станціи» въ этомъ городѣ. Его юмористическіе жанры (масломъ и акварелью) изъ жизни животныхъ доставили ему широкую извѣстность. Въ журналѣ для юношества и въ журналѣ «Daheim» есть масса его иллюстрацій. Въ 1879 году онъ издалъ въ Лейпцигѣ «Школу рисованья».

Русская школа въ Эрмитажѣ.

Русская школа въ эрмитажѣ занимаетъ, къ сожалѣнію, всего двѣ залы и по числу произведеній является самой бѣдной изъ всѣхъ находящихся здѣсь школъ. Чему это приписать—мы не знаемъ и отмѣчаемъ только самый фактъ, крайне прискорбный, такъ какъ это нашъ русскій эрмитажъ. По качеству, картины, собранныя въ этихъ роскошныхъ залахъ, не всѣ одинаковаго достоинства: тутъ есть превосходныя картины Брюллова, Иванова, но тутъ-же есть и неудачныя «Русалки» К. Е. Маковскаго, прилизанныя «Нимфы» Неффа и тому подобныя вещи, непригодныя для образцоваго картинохранилища. Большая картина направо отъ зрителя—это «Мѣдный змѣй» Бруни, большая картина на право отъ дверей—«Русалки» К. Е. Маковскаго, надъ ней «Двѣ нимфы» Неффа, надъ дверью—«Нимфа» Неффа... Статуя посрединѣ—«Мефистофель» г. Антокольскаго, направо—его-же «Сократъ».

Любимая яблоня въ цвѣту.

Среди роскошнаго убора
Цвѣтущихъ яблоней, она,
Какъ воплощенная весна,
Свои задумчивые взоры
Въ даль устремила, грёзъ полна.

⁂

Кругомъ пестрѣетъ все цвѣтами,
Но пощадитъ-ли ихъ морозъ,
Спасетъ-ли ихъ судьба отъ грозъ
И осень сочными плодами
Обильна-ль будетъ? Вотъ вопросъ.

⁂

Не всѣмъ-ли молодость живая
Надежды свѣтлыя даритъ?
Но что изъ нихъ, года обидъ,
Года невзгодъ переживая,
Подъ старость сердце сохранитъ?

Погребеніе Фараона.

Погребенія мертвыхъ у различныхъ народовъ имѣли различный характеръ: одни народы сжигали трупы своихъ мертвецовъ, другіе зарывали ихъ въ землю съ разными доспѣхами, носившимися при жизни этими мертвецами, и такъ далѣе. Но интереснѣе всего были, безспорно, погребенія богатыхъ и заслуженныхъ людей въ Индіи, въ Египтѣ въ древности, гдѣ покойниковъ бальзамировали, обвивали особенными пеленами, клали въ могилу цѣлыя исторіи жизни этихъ покойниковъ. Муміи фараоновъ уцѣлѣли такимъ образомъ до нашихъ временъ и еще недавно муміи современниковъ Моисея увидали свѣтъ Божій, почти не тронутыя временемъ. Такъ, описывая одну изъ древнихъ религій дальняго Востока, одинъ изъ историковъ говоритъ: «По смерти человѣка трупъ его нельзя было ни сожигать, ни хоронить, ни бросать въ рѣку: этимъ осквернились-бы огонь, земля или вода. Было два способа освободиться отъ трупа, не причиняя вреда чистотѣ этихъ элементовъ. Можно было покрыть его слоемъ воска и тогда похоронить: воскъ предохранялъ отъ оскверненія, могущаго произойдти отъ непосредственнаго соприкосновенія земли съ трупомъ. Можно было такъ-же оставит его на воздухѣ, предавъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ: въ этомъ случаѣ мѣстомъ кладбища служили большія круглыя башни; здѣсь хищныя птицы уничтожали остатки труповъ, такъ что потомъ въ средину башни сваливались только чисто обглоданныя кости». Цари разумѣется предпочитали первый способъ погребенія, строили для себя роскошные саркофаги, каменные гробы, воздвигали гигантскія пирамиды. Именно этотъ-то способъ погребенія и послужилъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій египтологовъ. Благодаря муміямъ, памятникамъ древнихъ фараоновъ и папирусамъ, исторія древняго Египта разработана теперь до изумительныхъ подробностей.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

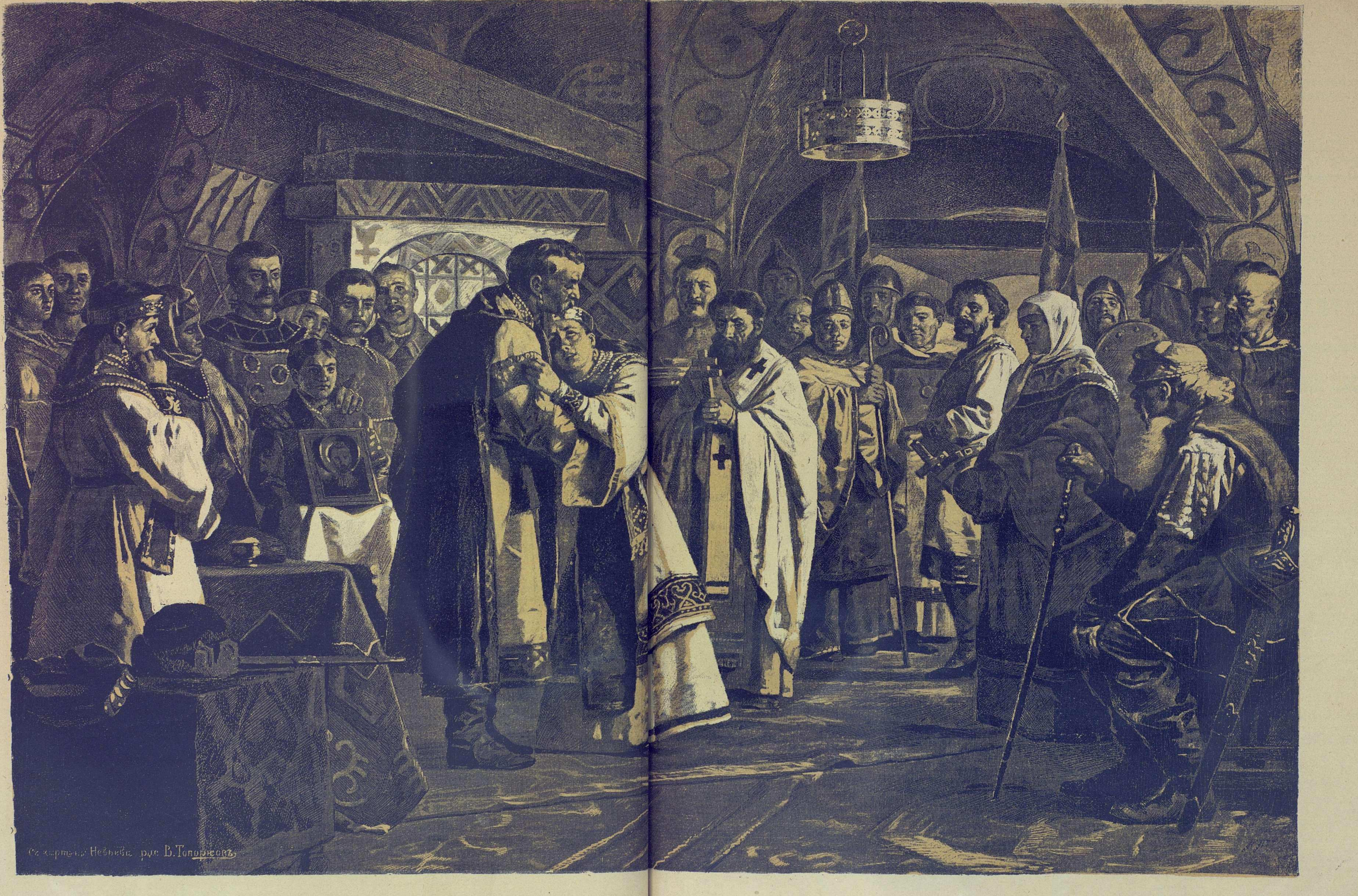
Дозволено цензурою. Спб., 8-го іюня 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины Н. В. НЕВРЕВА, для «Жив. Обозр.» В. Топорковъ


Съ картины Невръва рис. В. Топорковъ

ЯРОСЛАВЪ МУДРЫЙ, НАПУ ЩІЙ ДОЧЬ ВЪ ЗАМУЖЕСТВО.

Дозволено цензурою. [illegible] мая 1888

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій № [illegible]

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ
Саатчи и Мангуби
ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ
ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ
BIS
цѣною за 10 шт. 10 коп.
Можно получать вездѣ.
№ 356 (37—10).

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступила въ продажу новая книга
БЛАГА ЖИЗНИ.
Новый романъ А. Михайлова (А. Шеллеръ) 320 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

НЕВСКІЙ ПР.
№ 78.
ДЕПО ЧАСОВЪ
Ф. ВИНТЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
N-78
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.
№ 411 (10—2).

Волоочищающие

С.-ПЕТЕРБУРГСКУЮ МАНУФАК. ВЫСТАВКА
ПУБЛИЧНАЯ ПОХВАЛА
КОРЕЛЬСКОМУ
1861
ФИЛЬТРЫ
многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. 228 (52—30).

ЛИМОННОЕ МЫЛО
изобр. Брера въ Парижѣ—уничт. веснушки, угри и желтизну. Ц. 50 к.
у **В. ПАРИКОВА и К°.**
Гостин. дв. № 7. 354 (10—10).

Я. ЯКОБСОНЪ.
Гостинный дворъ
по Невскому просп.
№. 22.
предлагаетъ любителямъ хорошаго
БѢЛЬЯ
свой больш. выборъ вновь заготовленныхъ
СОРОЧЕКЪ.

Новѣйшихъ фасоновъ, а также большой выборъ: воротниковъ, манжетъ, манишекъ полотняныхъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ. СОРОЧКИ ночныя и дачныя цвѣтныя.
КАЛЬСОНЫ: вязаные канифасомъ, домест- и полотняные. Тутъ же пріемъ заказовъ и передѣлки сорочекъ.

Гг. иногородные могутъ выписывать черезъ почту съ наложнымъ платежемъ прилагая марку. Полный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 408 (10—4).

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ
Ф. Трахтенберга
основанъ въ 1863 г.
Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.
Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно. Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.
№ 330 (44—16).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства
ПУДРА НИЛЬСОНЪ
самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ. **Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.** **Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ**
Химической лабораторіи
РООСЪ.
1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.
Иногор. заказы исполн. немедленно.
№ 288 (53—25).

ПАПИРОСЫ
изъ бѣло-рисовой бумаги
10 шт. **ЛЕБЕДЬ** 6 коп.
получать можно всюду.
Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.
Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстоянія, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—16).

папиросы крученыя 1-й сортъ.
10 штукъ 10 коп.
РОЯЛЬ.
получать можно повсюду.
№ 828 (44—16).

!! За 30 к. !!
почтовыми марками высылаются.
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.
съ объясненіями и прейсъ-курант.
за 50 коп.
почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ
для экономн. курит. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средст. отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „ЧУЖАГО".
Мастерская игръ Спб., Обуховскій пр. **А. Меламеда.**
д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**
№ 360 (37—10).

Косметическіе спермацетовые ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи спермацетовыхъ утиральник., кожа лица дѣлается чистою, нѣжною. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они удобны противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза, также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р. 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи; въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38.
№ 314 (47—18).

ПОКУПАЮ
ЗОЛОТО И СЕРЕБРО
драгоцѣнные камни, античныя и старыя вещи. Демидовъ пер., д. 4, магазинъ Дорфъ. Близь Мойки.
№ 405 (10—3).

Усовершенствованные пожарные ТРУБЫ И НАСОСЫ
„ПОТОКЪ"
для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ, Николаевская ул., № 55—6.
Прейсъ-курантъ безплатно.
№ 186 (40—27).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
Спб., Невскій, № 57.
Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.
№ 390 (6—6).

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.
СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА
съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.
Пол. собраніе въ **ОДНОМЪ** томѣ и въ **ДЕСЯТИ** томахъ.
Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:
Безъ карт. на об. бум. 1 р. 50, на лучш. . 2 р. | Съ 44 карт. на об. бум. 2 р. 50, на лучш. . 3 р.
За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе. Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.
№ 222 (24—19).

ВНОВЬ ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
КАХЕТИНСКОЕ ВИНО
въ 50 и 60 коп.
ВЪ ПОГРЕБАХЪ
ФЕД. ФЕД. ЮНКЕРЪ,
торг. подъ фирмою **Г. РОССОЛИМО.**
№ 376 (10—9).

ВЕНЦЕЛЬ.
МОЛОЧНАЯ МУКА
ГЕНРИХА НЕСТЛЕ
МОЛОЧНАЯ мука НЕСТЛЕ.
Цѣна 1 руб. 15 коп.
ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.
Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается ребенкомъ. Рекомендуется также какъ пища для взрослыхъ.
Сгущенное молоко НЕСТЛЕ. Цѣна 85 к.
ГЛАВНОЕ ДЕПО въ С.-Петербургѣ, Казанская, № 3, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, а также у Штоль и Шмита, въ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Рульковіусъ и Гольмъ, О. Шаскольскій, М. Заксъ, Франкъ и Зеленскій и во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Единственный агентъ для всей Россіи. Александръ Венцель
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится синій штемпель и подпись Александра Венцеля единственнаго агента моего для всей Россіи. Генрихъ Нестле въ Веве (Швейцарія). № 161 (6—6).

ФИСГАРМОНІЯ

одинъ изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незамѣнимый по своему мягкому и пріятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро; кто мало-мальски играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія также очень практична по своей простой конструкціи и потому, что она не разстраивается, какъ фортепіано. Въ № 18 сего года журнала „Нива" помѣщена очень интересная статья, изъ которой можно получить вѣрное представленіе о достоинствахъ фисгармоніи. Эта статья, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ фисгармоній, высылается безплатно.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
французск. фисгармоній отъ 110 до 550 р.
американск. „ отъ 200 до 1500 р.
Большой выборъ нотъ для фисгармоній.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

Русско-американская **БАГЕТНАЯ** и **РАМОЧНАЯ** фабрики
Ч. ГОФМАНА, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—12).

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

«ЭЛЕОПАТЪ» употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ и развиваетъ густоту волосъ.

«Элеопатъ» только пров. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 руб. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп. почтовый расходъ и укупорка на счетъ покупателя.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только «ЭЛЕОПАТЪ» провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. или уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

☞ СПРАШИВАЙТЕ ☜
ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

№ 343 (55—16).

ГЛАВНОЕ ДЕПО ТОВАРИЩЕСТВА
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
ГЕНРИ КИРШТЕНЪ.
С.-Петербургъ, Адмиралтейская площадь, д. № 8.

Рекомендуетъ свой большой запасъ: непромокаемыхъ пальто мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ изъ разныхъ резиновыхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, красивыхъ новыхъ фасоновъ, резиновыхъ дорожныхъ предметовъ, издѣлій для домашняго употребленія, практичныхъ также для дачной жизни, различныхъ предметовъ для ухода за больными и многихъ другихъ товаровъ. Продажа оптомъ и въ розницу.

№ 409 (3—3).

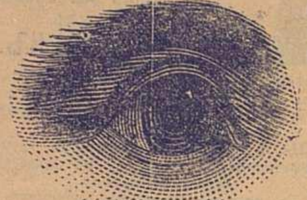
БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА
въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи.

№ 407 (10—3).

ЗА 15 РУБЛЕЙ.
ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ
(НЕ ИГРУШКА)



состоящій изъ камеры, объектива и штатива, посредствомъ котораго каждый любитель въ состояніи фотографировать ландшафты, группы и портреты.

Громадный выборъ изящныхъ
ДОРОЖНЫХЪ АППАРАТОВЪ
указанія въ способѣ употребленія и снабженіе желаемыми совѣтами при всякомъ нововведеніи безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ
Складъ фотографическихъ принадлежностей.
Невскій пр., у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30—16,
входъ съ Екатерининскаго канала.

№ 401 (10—5).

Чугунно-Литейный Машинный Заводъ
ИСИДОРА ГОЛЬДБЕРГА

доставляетъ **ОТЛИВКУ** для **ПОСТРОЕКЪ: ПЕЧЕЙ, КАМИНОВЪ**, обыкновенныхъ **кабинетныхъ** и **ВАННЪ**

ПЛИТЫ, обыкновенныя и **патента ЭСМАРХЪ тщательной отливки.**

БАЛЮСТРАДЫ, ПОДЪѢЗДЫ и **КОЛОННЫ** въ большомъ выборѣ.

ПАРОВОЕ и **ВОДЯНОЕ ОТОПЛЕНІЕ** новѣйшей системы.

РАКОВИНЫ, МОНИТОРЫ, КЛОЗЕТЫ русскіе и американскіе, всѣ строительныя принадлежности имѣются всегда **на складѣ.**

ШКИВЫ складные и цѣльные всѣхъ величинъ въ запасѣ.

ПОДВѢСКИ, КРОНШТЕЙНЫ и принадлежности для **ПРИВОДОВЪ** обыкновенные и системы **ЗЕЛЛЕРА** въ запасѣ **по оптовой цѣнѣ.**

ЗУБЧАТЫЯ КОЛЕСА изготовляются **безъ моделей раздѣльными** машинами.

Механическія работы исполняются **аккуратнымъ** образомъ.

ЗАВОДЪ Б. Невка 77.

КОНТОРА (Телефонъ 955) Екатерининскій каналъ 92.

Отдѣленіе въ Москвѣ, Б. Никитская, д. Кузнецова.

Торговцамъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 396 (7—5).

ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА
Ф. ПАРИЗЕКЪ.
Большая Морская, уголъ Киргичнаго пер., № 13.

Обращаю вниманіе своихъ уважаемыхъ кліентовъ на особенный большой выборъ для предстоящаго сезона шляпъ новыхъ фасоновъ, самыхъ прочныхъ, чрезвычайно *легкихъ* и всѣхъ *цвѣтовъ*. Равно какъ пальмовыхъ, соломенныхъ, панамскихъ и манильскихъ шляпъ.

№ 402 (5—4).

Нумеръ 24-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) 5-й листъ «Художественнаго Альбома» — «Ярославъ Мудрый, напутствующій дочь въ замужество» съ картины Н. В. Неврева и 3) Обертки.

Дозволено цензурою. Спб. 10-го іюня 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 25
19 Іюня
1888.

Живописное Обозрѣніе

Художественно-литературный
журналъ
выходитъ еженедѣльно

Изданіе
С. Добродѣева

Промышленность, технологія и торговля.

Сахарная промышленность всегда имѣла выдающееся положеніе въ нашемъ народномъ хозяйствѣ; въ періодъ производства 1887—1888 года въ Россійской Имперіи (считая и Царство Польское) находилось въ дѣйствіи 218 сахарно-рафинадныхъ заводовъ. На заводахъ работало: 72,260 мужчинъ, 9,743 женщины и 2,208 несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, что составляетъ въ среднемъ 387 рабочихъ на заводъ. Заводы эти переработали — 26.068,419 берковцевъ свекловицы и получили рафинада—2.052,759 пуд., бѣлаго песку—19.060,512 пуд. желтаго сахара—2,238 и патоки около двадцати тысячъ пудовъ. Общая стоимость производства представляетъ почтенную цифру 100 милліоновъ рублей.—По сообщенію варшавскихъ газетъ, сдѣланный недавно опытъ вывоза въ Пруссію изъ Царства Польскаго каменнаго угля далъ хорошіе результаты, благодаря введенію на мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ пониженнаго тарифа на провозъ каменнаго угля. Уголь, привозимый въ Пруссію изъ Россіи, оказался дешевле на прусскомъ рынкѣ угля, добываемаго изъ мѣстныхъ угольныхъ шахтъ, и является для послѣдняго опаснымъ конкуррентомъ.—По иниціативѣ министерства государственныхъ имуществъ, въ Закавказьѣ предпринимается добываніе розоваго масла, выписывавшагося до сихъ поръ по дорогой цѣнѣ изъ-за границы; тотъ-же вопросъ, выдвигается теперь и въ Крыму. Розы-центифоліи, изъ цвѣтовъ которыхъ вырабатывается этотъ цѣнный продуктъ, ростутъ въ дикомъ состояніи на поляхъ и горахъ Крыма въ изобиліи; производство розоваго масла возможно впрочемъ не только въ Крыму, но даже гораздо сѣвернѣе,—что доказывается опытомъ: въ полтавской губерніи въ кобелякскомъ уѣздѣ, культивируются самые нѣжные и масло-обильные сорты розъ. Такимъ образомъ на ряду съ уже издавна установившимися отраслями промышленности постоянно возникаютъ и развиваются новые. — Неудобства торфа, какъ топлива, проистекаютъ отъ слишкомъ большого содержанія въ немъ воды, которая не только понижаетъ парометрическій эффектъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, непроизводительно увеличивая вѣсъ горючаго матеріала, дѣлаетъ этотъ послѣдній невыгоднымъ для дальней транспортировки. Давно уже пытались превратить рыхлый торфъ въ плотное, сухое топливо, подобное каменному углю, но только въ послѣднее время удалось разрѣшить эту задачу экономическимъ образомъ, при помощи новой машины, теперь уже работающей на нѣкоторыхъ англійскихъ заводахъ. Не вдаваясь въ подробности устройства механизмовъ, намѣтимъ здѣсь лишь общій ходъ операцій, посредствомъ которыхъ торфъ получаетъ плотность каменнаго угля. Прежде всего сырой матеріалъ сильно спрессовывается. По выходѣ изъ-подъ пресса, онъ обработывается соотвѣтственно расположенными ножами, отъ которыхъ, помощью винтовъ вгоняется въ формовальныя трубы. Въ этихъ послѣднихъ торфъ подвергается сначала дальнѣйшему измельченію и перетиранію, но потомъ измельченная масса сплачивается вновь и выходитъ изъ каждой трубы въ видѣ трехъ непрерывныхъ полосъ совершенно однородной структуры. Эти торфяныя полосы подхватываются рѣжущей машиной и раздѣляются на куски одинаковой длины, которые, при высушиваніи на вольномъ воздухѣ, теряютъ въ теченіе отъ 15 до 20 дней всю остальную влажность. Во время сушки торфяные кусочки значительно уменьшаются въ объемѣ и, будучи совершенно высушены, имѣютъ плотность 1,25, весьма близкую къ средней плотности каменнаго угля. Въ такомъ видѣ торфъ можетъ замѣнить каменный уголь даже въ металлургіи желѣза. Изъ 75 тоннъ сырого торфа получаютъ 15 тоннъ плотнаго.—Новая Калифорнія: изъ княжества Уэльскаго сообщаютъ о новыхъ открытіяхъ золота; въ имѣніи лорда Ньюборо открыта оченъ богатая золотоносная руда; въ помѣстьѣ Винсъ также найдено золото. Въ княжествѣ водворяется настоящая горячка добыванія золота.

Медицина и гигіена.

Произведенныя докторомъ Жирмунскимъ изслѣдованія слуха надъ 3000 учащимися въ с.-петербургскихъ городскихъ школахъ представляютъ большой интересъ; оказалось, что % болѣющихъ тугостью слуха довольно значителенъ (17% слишкомъ), изъ коихъ около 11% слухъ былъ ниже нормы и около 4% слухъ былъ пониженъ до наибольшихъ размѣровъ (вслѣдствіе гноетеченій изъ уха). Послѣдній % оказался особенно высокимъ для Петербурга, въ Парижѣ такіе больные составили 1%, въ Штутгардѣ и Копенгагенѣ—2%; при провѣркѣ съ успѣхами учениковъ какъ у насъ, такъ и заграницею выяснилось, что тугость слуха служитъ безспорнымъ препятствіемъ въ успѣхахъ; подобныя заболѣванія обыкновенно встрѣчаются на ученикахъ вообще слабо развитыхъ въ физическомъ отношенія. Эта слабость физическаго роста, не считая даже гноетеченія изъ уха, даже сама по себѣ можетъ обусловить малоуспѣшность учениковъ въ наукахъ, почему само собою выступаетъ на видъ, что для такого рода учениковъ дѣло школьнаго преподаванія должно быть обставлено нѣсколько иначе, чѣмъ для дѣтей положительно здоровыхъ и не имѣющихъ никакихъ недостатковъ въ органахъ чувствъ.—Въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ Жюля-Симона, образовалась коммиссія съ цѣлью пропаганды важности физическихъ упражненій въ воспитаніи. Въ составѣ коммиссіи нѣсколько членовъ института, два бывшихъ министра народнаго просвѣщенія, нѣсколько важныхъ чиновниковъ по учебному вѣдомству и директоровъ учебныхъ заведеній. Предполагается учредить три школьныхъ парка, гдѣ-бы въ «лугахъ игръ» парижскіе школьники занимались разнаго рода спортомъ. Расходы на это будутъ ассигнованы отъ лицеевъ и пансіоновъ. Въ этой организаціи физическихъ игръ учредители видятъ одно изъ вѣрныхъ средствъ противъ умственнаго переутомленія учащихся.

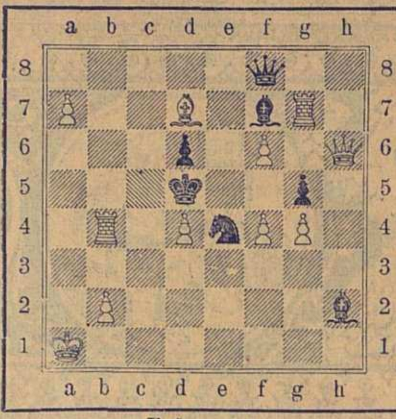
За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

ШАХМАТЫ.

Задача № 13.

Генриха Мейера въ (Лондонѣ).

Черные.



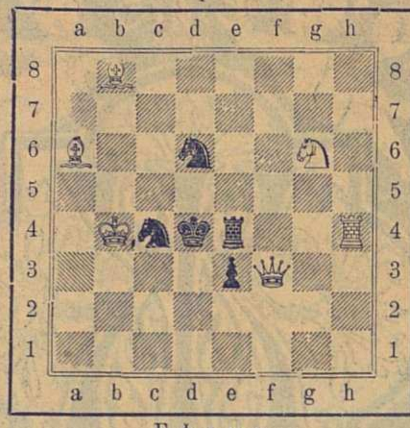
Бѣлые.

Матъ въ 4 хода.

Задача № 14.

Г. Киснемскаго (въ Спб.).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Усовершенствованные
двухъ и трехъ-
колесные
ВЕЛОСИПЕДЫ.
Центральный складъ
швейныхъ и вязальныхъ
машинъ.
Собственное механическое заведеніе
для починокъ.
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,
Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.
С.-Петербургъ.
№ 158 (5.—40).

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Въ виду наступающаго чествованія важнаго историческаго событія въ Россіи — **девятисотлѣтія „Крещеніе Руси“**, редакція газеты **«Сынъ Отечества»** издала и разослала **безплатно** своимъ подписчикамъ художественно выполненную олеографію въ 22 краски съ рельефомъ и лакировкою, съ картины художника **В. И. Думитрашко**—

„КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ ПРИ СВ. КНЯЗѢ ВЛАДИМІРѢ“

Размѣръ картины: длина 19 вершковъ, ширина 14 вершковъ.

Картина изображаетъ на первомъ планѣ группы Кіевлянъ, надъ которыми духовенство, размѣстившись на подмосткахъ, совершаетъ таинство Св. Крещенія. Св. Владиміръ, созерцая съ возвышеннаго днѣпровскаго берега совершающееся по его почину великое событіе духовнаго возрожденія русскаго народа, возсылаетъ мольбы Всевышнему. Просвѣтителя Россіи окружаютъ его супруга, дружинники и бояре. Въ сторонѣ, на заднемъ планѣ, въ группѣ отроковъ стоитъ жрецъ, замѣтно потерявшійся, видя побѣду христіанства надъ язычествомъ, еще недавно настолько сильнымъ. Вдали виднѣются окрестныя горы и отчасти самый Кіевъ какъ на Подолѣ, такъ и на горахъ.

Роскошное и художественное произведеніе этой картины вызвало въ короткое время массу запросовъ со стороны подписчиковъ журнала **«Живописное Обозрѣніе»** желающихъ пріобрѣсти эту картину, а потому Контора имѣетъ честь увѣдомить, что означенную картину можно получать въ Главной Конторѣ:

Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ № 68—40.

одовые подписчики—2 р. за экз. (съ перес.). Неподписчики—2 р. 50 к. (съ пересылкою).

Картина высылается въ теченіе 3-хъ дней со дня полученія требованій.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.

19-го Іюня, 1888. ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Годъ изданія 53-й.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р. Безъ доставки въ Спб.: **За годъ 6 р. 60 к.** Въ Москвѣ безъ **доставки** на годъ 7 руб. съ преміею (книжный магазинъ **И. Ф. Папкова**, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: **за годъ 10** руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ №1 со всѣми приложеніями. За пересылку **преміи** цѣнною посылкою рубль.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 25

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать **печатный** бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За **перемѣну** адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—**25** копѣекъ.

На отвѣты прилагаются **двѣ** 7-ми копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

Романъ

А. Михайлова.

(Продолженіе).

Хопровъ даже вздрогнулъ, когда кто-то окликнулъ его. Онъ обернулся и увидалъ передъ собою Мишу и Володю Хвощинскихъ.

— Вотъ мы сдержали свое слово и пришли къ вамъ, заговорили они, пожимая ему руки.— Экзамены кончены и мы свободны... А у васъ хорошія комнаты! О, да вы совсѣмъ отлично живете! А жарища какая сегодня чертовская!

Они говорили быстро, безъ передышки и въ то же время съ любопытствомъ осматривались кругомъ.

— Хотите завтракать? спросилъ Хопровъ.

— Пожалуй; мы еще не завтракали, отвѣтили гимназисты.

— Ну, и отлично! сказалъ Хопровъ и пошелъ распорядиться.

Они стали все разглядывать: стѣны, мебель, эскизы. Заглянули въ его спальню. Увидали фотографіи, стали перебирать. Иванъ Ивановичъ воротился.

— Что, портреты натурщицъ разсматриваете? спросилъ онъ, видя, что они перебираютъ фотографическія карточки.

— Да, отвѣтили они, не отрываясь отъ фотографій.

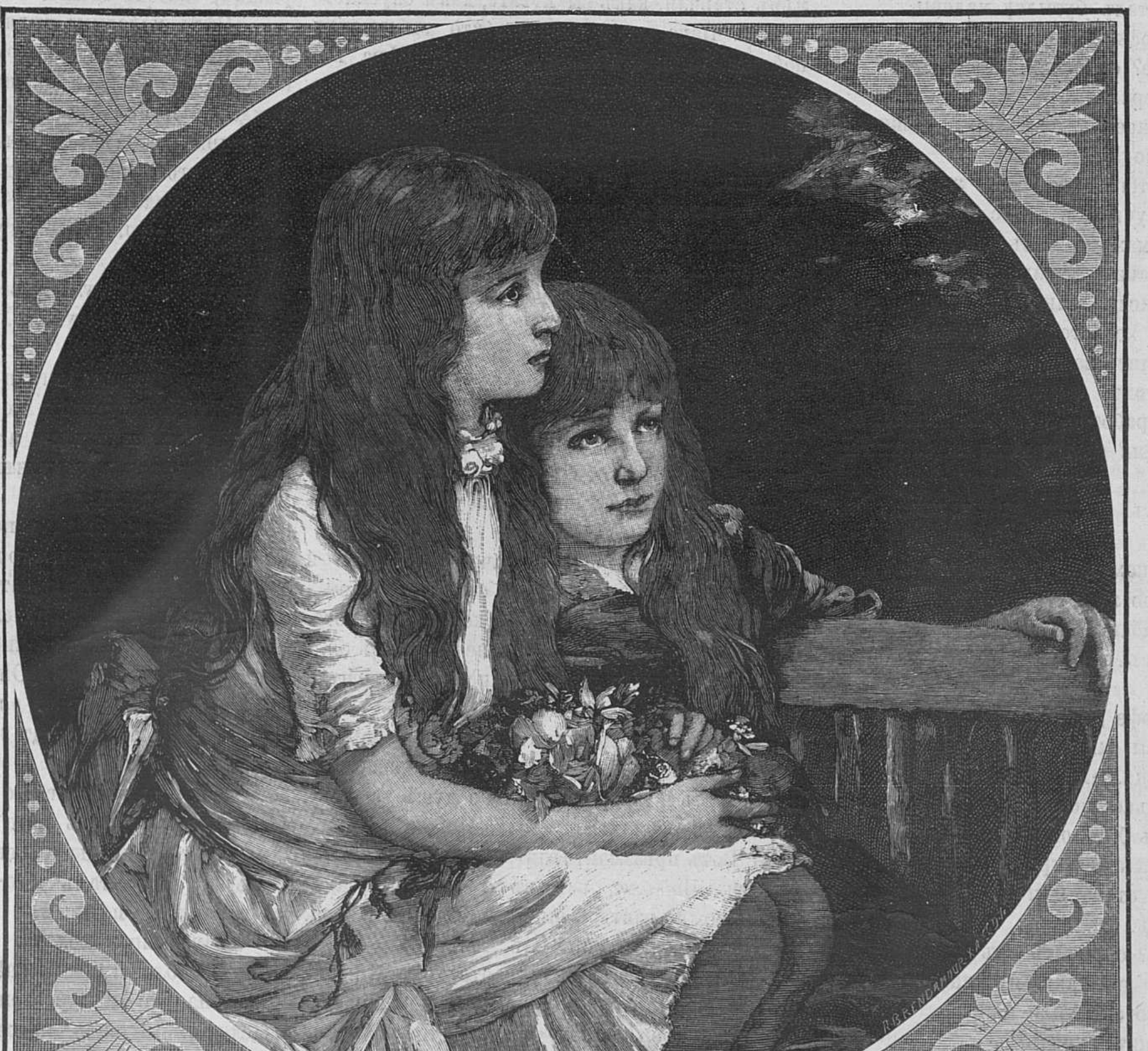
Хопровъ объяснялъ: это въ Италіи снято, это въ Австріи, это вотъ русскія.

— Такъ вотъ онѣ какія, проговорилъ съ разстановкой Миша и подтолкнулъ локтемъ Володю.— Вы такъ съ нихъ и пишете? спросилъ онъ Хопрова.

— Да.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Фр. Ав. Каульбаха.



Передъ грозой.

— Безстыжія значитъ.

Потомъ они начали перелистывать альбомъ, просматривать эскизы Хопрова. Каррикатуры и сатирическіе стишки имъ понравились. Они раскраснѣлись немного. Эго они понимали и интересовались этимъ больше, чѣмъ фотографіями натурщицъ. Они даже спросили Хопрова, знаетъ ли онъ такіе-то и такіе-то нецензурные стишки, пародіи на «Мадамъ Анго», на «Горе отъ ума». Оказалось, что Хопровъ всѣ ихъ знаетъ и даже знаетъ такія, которыхъ не знали Хвощинскіе.

— А это вы рисовали? спросилъ Миша, указывая на эскизъ на стѣнѣ.

— Я. Это эскизы будущихъ картинъ для выставки.

— Набросали, значитъ, только, на черно, рѣшилъ Миша, тономъ понимающаго.

Хопровъ отвѣтилъ утвердительно.

— Вотъ это хорошо! воскликнулъ Володя, смотря на одинъ изъ эскизовъ.—Старикашку-то вы какъ изобразили! Лихо. Слюни у него, должно быть, текутъ при видѣ смазливой дѣвчонки. А означаетъ это что?

Миша толкнулъ его подъ бокъ и шепнулъ:

— Вѣру изобразилъ!

Володя кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Это «Пріемъ просителей въ благотворительномъ обществѣ».

— А!.. А я думалъ въ трактирѣ цыгане...

Въ это время горничная подала завтракъ: редиску, сардины, сыръ, колбасу, масло, булки. Хопровъ досталъ бутылку мадеры.

— Пьете? спросилъ онъ

— Это красное? спросили Хвощинскіе.

— Нѣтъ, мадера.

— Да! А красное мы не любимъ, рѣшительно замѣтилъ Володя.

— Да вы растегнитесь. Мы же холостые люди. А самое лучшее и вовсе снять блузы.

Они сняли, помахали, какъ крыльями руками, чтобы расправить прилипшіе къ тѣлу смоченные потомъ подъ мышками рукава рубашекъ. «Быть по холостому» имъ очень понравилось. Всѣ усѣлись за завтракъ. Хвощинскіе ѣли съ аппетитомъ, звонко раскусывая редиски, усердно работая зубами и чавкая, болтая въ то-же время безъ умолку съ плотно набитыми ртами.

— Фу! наѣлись! проговорили наконецъ они, отдуваясь.

Володя даже похлопалъ себя съ видимымъ удовольствіемъ по животу и проговорилъ.:

— Точно барабанъ! Важно!

— Онъ у насъ любитъ поѣсть, пояснилъ Миша.

— Сейчасъ кофе дадутъ, сказалъ Хопровъ.

— А важно вы живете, Иванъ Ивановичъ! проговорилъ Миша.—Ей Богу.

— Ну! насколько можно при моихъ средствахъ, отвѣтилъ Хопровъ.

Служанка убрала завтракъ и подала кофе. Хопровъ налилъ стаканы и пригласилъ молодыхъ людей пить.

— Вы курите? спросилъ онъ ихъ.

— Ну, отецъ на такіе пустяки денегъ не даетъ, уклончиво отвѣтили они.

— А изъ своихъ купить?

— Какія-же у насъ деньги? Отецъ не позволяетъ намъ давать уроки зимой, чтобы не мѣшало ученью.

— Но все-же курите? настойчиво допрашивалъ Хопровъ.

Гимназисты переглянулись и разомъ отвѣтили:

— Да, когда предлагаютъ, конечно... Отчего-же и нѣтъ...

— Ну, такъ курите!

Они съ наслажденіемъ стали затягиваться папиросами, съ развязностью усѣвшись верхомъ на стулья. Дома имъ такъ не позволяли сидѣть.

— А васъ въ строгости держатъ, замѣтилъ Хопровъ.

— Нѣтъ, что-же, заговорилъ старшій братъ Миша.—Теперь мы взрослые и понимаемъ, что это для нашей-же пользы. Маленькіе глупы были, не понимали, было тяжело.

— Кому не тяжело, какъ порятъ, выпалилъ младшій братъ Володя.

Онъ иногда еще наивничалъ, пускался въ откровенности. Миша наставительно и серьезно замѣтилъ:

— Да ужь безъ этого не выростешь. Не пороть ребятъ, такъ они на голову взрослыхъ сядутъ. Хуже разбойниковъ.

И засмѣялся, кивая и подмигивая на брата.

— А онъ это о поркѣ говоритъ такъ, потому что очень ужь больно ему досталось, особенно одинъ разъ. Потому онъ и вспомнилъ про порку.

Володя обидѣлся.

— Чтожъ тутъ смѣшного? Ну-да, мнѣ почаще, чѣмъ тебѣ, доставалось. Я и помню.

Хопровъ улыбнулся.

— А знаете. Прежде у насъ все васъ въ примѣръ ставили, какъ вы кутите, какъ спускаете деньги. Папа все пророчилъ, что вы по міру пойдете. Были изъ за васъ войны. Вѣра все вступалась. Дѣвочкой еще совсѣмъ была, а вступалась. Это ужь у нея въ натурѣ, отъ рожденія: кого у насъ, бывало, ругаютъ, того она хвалитъ. Ну, да ей спускаютъ отецъ и мать, потому что же обращать вниманіе на дѣвчонку. Что такое дѣвчонки? Пфа!

Хопровъ засмѣялся.

— А поди сами подъ каждую шляпку заглядываете?

Хопровъ посмотрѣлъ на нихъ и подумалъ: «Экіе вы дохленькіе». Они были блѣдны, худощавы, немного сутуловаты, подъ глазами синіе полукруги, на щекахъ только чуть-чуть игралъ румянецъ отъ возбужденія.

— А вы что-же у насъ рѣдко бываете? спросилъ Миша.

— Нѣтъ, я-же бываю, началъ Хопровъ и прибавилъ:—Вотъ и сегодня собирался. Хотѣлось-бы съ Вѣрой Павловной кое о чемъ поговорить... о картинѣ моей... да не поймаешь ея...

Миша и Володя переглянулись и подмигнули другъ другу.

— Вѣрно при другихъ не хотите говорить? сказалъ Володя. Что-жь, на дачѣ хорошо, пошли гулять и говорите, сколько душѣ угодно...

Миша перебилъ:

— Вотъ пріѣзжайте завтра. Завтра рожденье Володи. Пойдемъ всѣ въ Беклешовъ садъ, лодку можно взять, а вы не поѣдете съ Вѣрой.

— А дѣвочки? спросилъ Хопровъ.

— Мы не возьмемъ ихъ, отвѣтилъ Миша.

И въ порывѣ благодарности за хорошій завтракъ, за проведенное «по холостому» время онъ сказалъ:

— Вы располагайте нами, какъ товарищами...

Хопровъ чуть не бросился обнимать ихъ и подумалъ: «денегъ имъ дать или подарить что-нибудь? Бѣдняги, я думаю, гроша за душой не имѣютъ». Они спросили, который часъ, и заторопились. «Часы имъ подарить, что-ли? мелькнуло у него въ головѣ. Да, часы и нужно подарить: они будутъ знать время, когда приходить къ намъ, когда мы будемъ гулять одни съ Вѣрой». Въ его воображеніи уже мелькали картины этихъ свиданій съ нею безъ свидѣтелей. Обо всемъ ему можно будетъ теперь говорить съ нею. Да, непремѣнно надо имъ подарить пару часовъ. Оно и кстати, завтра рожденье Володи. Никто не удивится подарку». Онъ усмѣхнулся: «если и удивятся, то будутъ рады всѣ; для нихъ деньги—главное».

— Ну, мы идемъ! сказали братья.

— Я съ вами, сказалъ Хопровъ. Надо зайдти купить подарокъ одинъ.

— Кому? торопливо спросили Хвощинскіе.

— А это тайна! Часы надо купить.

Братья вздохнули.

— Да, часы хорошая вещь. Никогда безъ нихъ не знаешь времени. А иногда забудешься, опоздаешь—дома головомойка.

Хопровъ захватилъ денегъ и вышелъ вмѣстѣ съ Хвощинскими.

— Вы гдѣ будете покупать? у Мозера?

— Не знаю еще.

— Серебряные?

— Да. Мнѣ двое нужно.

— Двое?

— Да, двумъ надо подарить.

Братья переглянулись.

— А я думалъ, это вы какой-нибудь барышнѣ, сказалъ Миша.

— Нѣтъ, молодымъ людямъ. Ну, до свиданья.

Хопровъ пожалъ имъ руки. Ему было весело, какъ никогда. Хвощинскіе пошли, разсуждая о Хопровѣ, о завтракѣ, объ обстановкѣ квартиры Ивана Ивановича.

— А что если это онъ намъ? не выдержавъ, спросилъ Володя.

— Часы-то? вопросительно проговорилъ Миша.

Владиміръ кивнулъ утвердительно головой.

— И я тоже подумалъ, подтвердилъ Миша. Штука-бы была!

— Вотъ ругали, ругали его, а онъ...

— Нашъ Разумникъ не догадается.

— Ну да, задавится, а не подаритъ.

— Носъ ему и наклеитъ Хопровъ...

Володя вздохнулъ.

— А можетъ быть, и не намъ!

— А вотъ увидишь, что намъ! рѣшилъ Миша. Это онъ за Вѣру. Ее любитъ, ну, и насъ. Нѣтъ, онъ славный малый. Учился плохо, такъ у него талантъ. Я вотъ когда-нибудь попрошу его съ насъ портреты снять. Онъ умѣетъ. Видѣлъ, какія у него головы въ альбомѣ? Страсть!

— А что, какъ отецъ и мать не отдадутъ за него Вѣры?

— Ну, когда деньги-то у него будутъ? Дураковъ нашелъ! Съ чего не отдать? За голыша—это такъ, не слѣдъ отдавать, а будутъ деньги у него—такъ чего-же еще? Да и она за голыша не пойдетъ.

— Ну, если влюблена.

— Влюблена! влюблена! Что ты толкуешь? Дура она, что-ли? Влюблена, а все же не съумасшедшая. Да вотъ мы влюбились-бы въ нищую—что-жь, и вѣнчаться съ нею? Нѣтъ, братъ, любовь одно—женитьба другое.

А. Михайловъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя.**

Переводъ П. Каншина.

(Продолженіе).

V.

Фелисьенъ остался одинъ на лужайкѣ, обвѣваемый сильными порывами вѣтра, съ удивительною точностью возвращавшимися послѣ извѣстнаго промежутка времени и очищавшими ярко-лазуревое небо отъ малѣйшей тѣни облаковъ. Вѣтеръ въ епископскомъ паркѣ съ продолжительнымъ гуломъ, напоминавшимъ сердитый прибой морскихъ волнъ, съ громкимъ свистомъ и воемъ разгуливалъ среди башенъ, шпилей, террасъ и рѣшотокъ собора. Юноша, однако ничего этого не слыхалъ; слухъ его исключительно занятъ былъ легкимъ шерохомъ, производимымъ маленькимъ ночнымъ чепчикомъ, вѣроятно принадлежавшимъ Анжеликѣ и повисшимъ теперь на вѣтви сирени, напоминая собою очень крупный бѣлый цвѣтокъ.

Каждый разъ, когда послѣ этого памятнаго дня, Анжелика отворяла окно, она постоянно видѣла Фелисьена, стоявшаго внизу на «Пустырѣ Маріи», очевидно поджидавшаго ея появленія. Починка окна въ усыпальницѣ маркизовъ Откеръ служила ему готовымъ предлогомъ. Онъ по цѣлымъ днямъ проводилъ или на мосткахъ,—но работа отъ этого ни на шагъ впередъ не подвигалась,—или по цѣлымъ часамъ лежалъ, совсѣмъ утопая въ высокой травѣ пустыря, высматривая изъ-за вѣтвей кустарниковъ, не появится ли дѣвушка у завѣтнаго окна. Обоимъ доставляло необъятное наслажденіе каждый день утромъ и вечеромъ обмѣниваться взглядомъ, улыбкою. По крайней мѣрѣ дѣвушка вполнѣ была счастлива: ничего большаго она и не желала. Правда, стирка бѣлья ранѣе какъ черезъ три мѣсяца не повторится, а до тѣхъ поръ калитка, ведущая на пустырь, постоянно будетъ оставаться запертою; три мѣсяца протянутся не Богъ вѣсть какъ долго; видаясь хоть издали, но за то каждый день, даже и не замѣтишь, какъ они пролетятъ. Дни будутъ проходить въ ожиданіи взгляда, украдкой брошеннаго другъ на друга вечеромъ; ночи—въ ожиданіи такого-же взгляда утромъ: развѣ это не счастіе, да и есть-ли большее счастье на свѣтѣ?

Съ самой первой встрѣчи Анжелика все выболтала про себя юношѣ, разсказала ему всѣ свои привычки, всѣ склонности, всѣ наивныя тайны своего дѣвственнаго, почти дѣтскаго сердца. Онъ же, болѣе сдержанный, сказалъ ей только, что его зовутъ Фелисьеномъ,—болѣе про него она ничего не знала. Можетъ статься, такъ тому и слѣдовало быть; женщина сразу и беззавѣтно отдавалась вся, а мужчина скрытничалъ, облекая себя таинственностью. Впрочемъ, особеннымъ любопытствомъ она не страдала, и ее нисколько не мучило желаніе поскорѣе узнать про него все, чего она еще не знаетъ. Она была непоколебимо убѣждена, что рано или поздно греза ея осуществится, и только спокойно улыбалась при этой мысли. Потомъ, какое ей дѣло до того, чего она не знаетъ? необходимо было хоть издали видаться каждый день; это главное. Она ничего не знала про незнакомца, а между тѣмъ уже знала его настолько коротко, что въ состояніи была по его глазамъ читать всѣ его мысли. Онъ явился; она сразу узнала его, и они тоже сразу полюбили другъ друга.

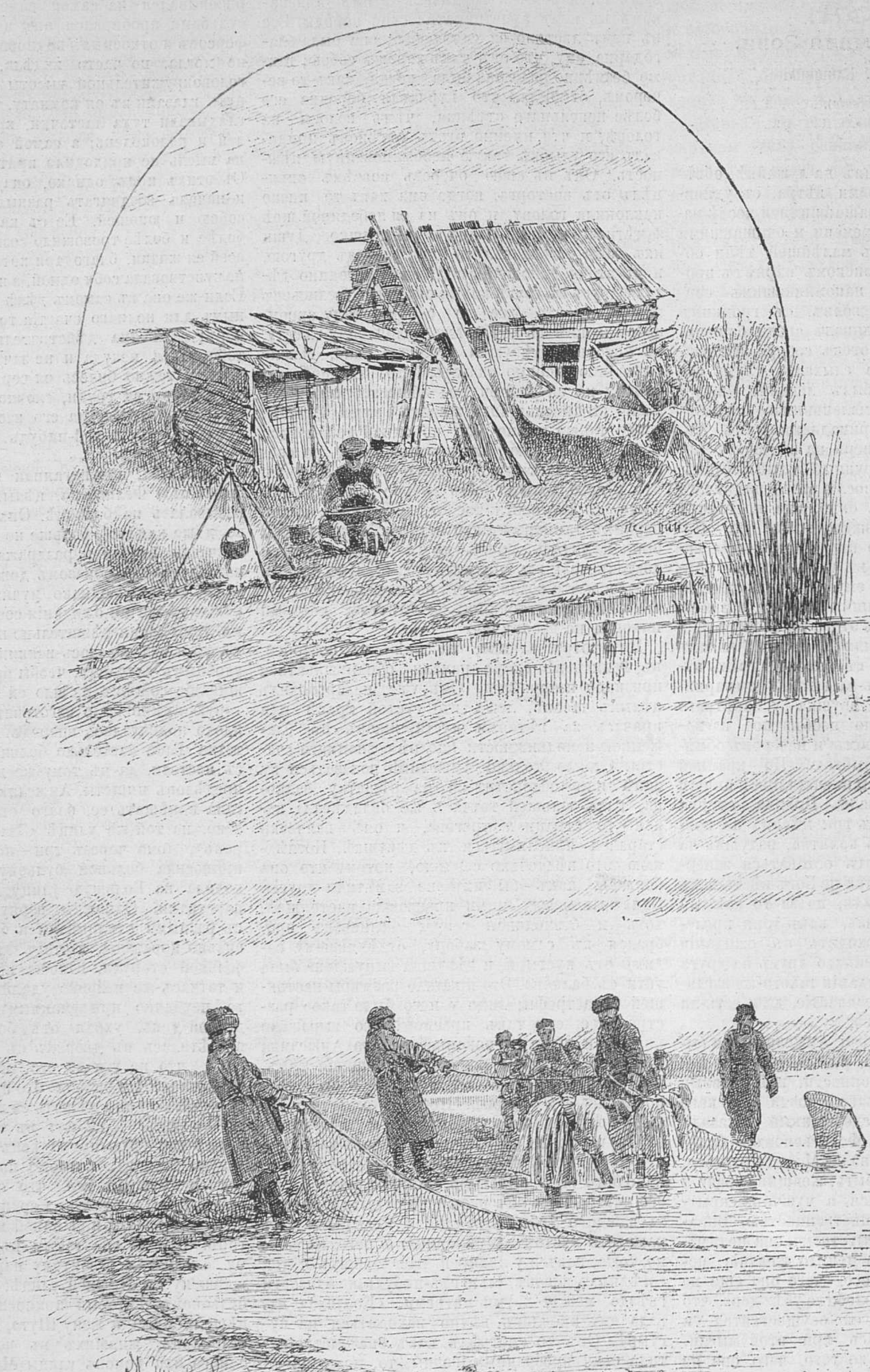
Это обладаніе другъ другомъ издали было полно невообразимой прелести. При каждомъ свиданіи они непремѣнно открывали одинъ въ другомъ что нибудь новое и приходили въ восторгъ отъ этихъ открытій. То онъ впервые замѣчалъ, что на рукахъ у нея пальцы длинные и тонкіе, и хоть красивые пальчики истыканы были иголкой, онъ все-таки влюблялся въ нихъ до безумія. Она замѣтила, что ступни ногъ у него маленькія, изящныя, съ высокимъ подъемомъ и гордилась этимъ признакомъ въ немъ аристократической породы. Все въ немъ льстило ея самолюбію; она была благодарна ему, что онъ такъ хорошъ собою; также безмѣрно рада она была, когда, какъ-то вечеромъ, открыла, что курчавая бородка его болѣе пепельнаго оттѣнка, чѣмъ волосы на головѣ, и что именно этотъ оттѣнокъ придавалъ его улыбкѣ такую необыкновенную нѣжность. Онъ въ свою очередь совсѣмъ опьянѣлъ отъ восторга, когда она какъ-то низко наклонила голову, и онъ на ея лебединой шеѣ замѣтилъ темное родимое пятнышко. Души ихъ тоже разоблачались одна передъ другою, и въ этомъ отношеніи оба тоже постоянно дѣлали другъ въ другѣ новыя открытія. Фелисьенъ находилъ, что уже по одному тому скромному и вмѣстѣ съ тѣмъ величавому жесту, съ которымъ дѣвушка отворяла окно, можно было безошибочно сказать, что въ ней, не смотря на ея незавидное общественное положеніе вышивальщицы, живетъ душа царицы; точно также и она уже по одной той легкой походкѣ, которою онъ прохаживался по сочной травѣ пустыря, безапелляціонно рѣшила, что у него должно быть доброе сердце. Вообще въ это поэтичное и лучезарное время первыхъ таинственныхъ встрѣчъ, они готовы были надѣлять другъ друга всевозможными достоинствами и совершенствами. Имъ обоимъ казалось, что возможность видѣться—такой неисчерпаемый источникъ блаженства, который никогда не изсякнетъ.

Не смотря, однако, на всѣ эти восторги, въ Фелисьенѣ скоро начали обнаруживаться признаки нетерпѣнія. Онъ уже не проводилъ цѣлыхъ часовъ, лежа въ густой травѣ или прячась за вѣтвями кустарниковъ въ блаженной неподвижности вполнѣ сознаннаго счастія. Стоило только Анжеликѣ показаться въ окнѣ или облокотиться на рѣшетку балкона, какъ юношей тотчасъ же овладѣвала какая-то странная трегова, и онъ всячески старался приблизиться къ дѣвушкѣ. Послѣднюю это нѣсколько сердило, потому что она боялась, какъ-бы ихъ не замѣтили другіе. Однажды между ними произошла настоящая, хоть и безмолвная ссора; Фелисьенъ пробрался къ самому забору, отдѣлявшему садикъ отъ пустыря, и дѣвушка вынуждена была уйти съ балкона. Это приняло размѣры настоящей катастрофы; лицо у него было такое разстроенное; оно такъ краснорѣчиво выражало мольбу и полную покорность, что Анжелика простила его и выразила это прощеніе тѣмъ, что на другой день въ обычный часъ снова появилась на балконѣ. Но одно ожиданіе его уже болѣе не удовлетворяло, и онъ скоро впалъ въ то-же прегрѣшеніе. Теперь казалось, что онъ разомъ находился въ десяти мѣстахъ, наполняя весь «Пустырь Маріи» горячкой своего нетерпѣнія: онъ неожиданно выходилъ изъ-за каждаго древеснаго ствола, появлялся надъ каждымъ кустомъ терновника. У него, вѣроятно, тоже, какъ и у вяхирей, населявшихъ вѣтви сосѣднихъ вязовъ, было гдѣ-нибудь по близости гнѣздо между двумя вѣтвями. «Козлиха» давала ему предлогъ вѣчно находиться на пустырѣ. Онъ то смотрѣлъ, какъ она быстро катила свои прозрачныя волны, то, лежа на ея берегу, казалось, слѣдилъ, какъ бѣлыя облака плыли по небу. Однажды дѣвушка увидала его стоящимъ на полуразвалившемся навѣсѣ мельницы; онъ, повидимому, былъ очень доволенъ, что ему удалось подняться хоть немного выше и только объ одномъ жалѣлъ, что не въ состояніи взлетѣть до самаго плеча дѣвушки. Въ другой разъ невольный крикъ замеръ у нея въ груди, когда она замѣтила, что теперь онъ стоитъ гораздо выше, чѣмъ она, а именно, что онъ забрался на одну изъ самыхъ верхнихъ террасъ собора, расположенную между двумя стрѣльчатыми окнами. Какъ могъ онъ попасть на эту террасу, дверь на которую всегда бывала заперта, а ключъ отъ этой двери постоянно находился у церковнаго сторожа? Въ другіе раза она видала, какъ силуетъ его обрисовывался на самой синевѣ неба. Какими судьбами пробирался онъ на вершины контрфорсовъ и откосныхъ подпорокъ,—отгадать она не могла, но часто видѣла, что онъ съ этой головокружительной высоты старался проникнуть глазами въ ея комнату, такъ-же, какъ заглядывали туда ласточки, кружась около шпилей и колоколенъ, а самой ей въ это время и на мысль не приходило прятаться отъ нихъ... Съ этихъ поръ, однако, она стала осторожнѣе и начала воздвигать разныя преграды между собою и юношей. Ее съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожило сознаніе того захвата всей ея жизни, благодаря которому она никогда не чувствовала себя одной, а постоянно вдвоемъ. Если-же она въ самомъ дѣлѣ считала достаточнымъ для полнаго счастія то, что было до сихъ поръ; если она дѣйствительно находила, что торопиться некуда и не зачѣмъ, то отчего-же такъ мятежно билось ея сердце и такъ шумно стучало въ ея груди, словно большой церковный колоколъ, когда его изо всей силы раскачиваютъ въ какой-нибудь великій годовой праздникъ?

Анжелика, перепуганная все возрастающею смѣлостью Фелисьена, цѣлыхъ три дня не показывалась на балконѣ. Она давала себѣ слово, даже клялась, больше не видаться съ нимъ, всячески стараясь раздражать себя противъ него и такимъ образомъ довести себя до ненависти къ нему; однако, мучившая юношу лихорадка тревоги и ожиданія сообщалась и дѣвушкѣ. Послѣдняя рѣшительно не могла сидѣть на мѣстѣ и пользовалась всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы бросить работу; вышиваніе совсѣмъ не шло ей на умъ, и риза, которую нужно было изготовить къ сроку, очень плохо подвигалась впередъ. Такъ, узнавъ, что тетка Габе настолько больна, что не встаетъ съ постели, да къ тому-же дошла до крайнихъ предѣловъ нищеты, Анжелика каждое утро бѣгала навѣщать ее, благо старуха жила недалеко, на той-же улицѣ «Золотыхъ дѣлъ мастеровъ», дома черезъ три—не болѣе. Дѣвушка приносила больной бульону, сахару, потомъ ходила на Большую улицу въ аптеку за лекарствами. Однажды, вернувшись изъ аптеки съ разными стклянками и банками, она была сильно поражена, заставъ Фелисьена у постели больной старухи. Юноша покраснѣлъ до ушей и тотчасъ-же неловко удалился подъ какимъ-то неудачно придуманнымъ предлогомъ. На другой день, уходя отъ больной, она снова встрѣтилась въ дверяхъ съ юношей. Притворясь, что не узнала его, она ушла очень недовольная. Что значило это преслѣдованіе? Ужь не хочетъ-ли онъ мѣшать ей навѣщать бѣдныхъ и больныхъ? а на нее въ это время напалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ усиленной благотворительности, которые побуждали ее отдавать неимущимъ все, что она только въ состояніи была отдать. Сердце ея надрывалось отъ состраданія при одной мысли о нищетѣ и горѣ. Бѣгала она также къ дѣдушкѣ Маккару, слѣпому и разбитому параличемъ старику, жившему въ Нижней улицѣ; сама кормила его бульономъ, который приносила съ собою; навѣщала мужа и жену Шуто, девяностолѣтнихъ стариковъ, жившихъ въ подвальномъ этажѣ одного изъ домовъ улицы Маглуаръ. Вся мебель для этой жалкой квартиры доставлена была Анжеликой-же, добывшей ее съ чердака Губертовъ. Навѣщала она еще многихъ другихъ бѣдняковъ въ томъ-же кварталѣ, тайно отъ воспитателей принося съ собою кое-какіе остатки отъ вчерашняго обѣда и отъ души радуясь удивленію несчастныхъ при видѣ черстваго куска хлѣба или какого-нибудь объѣдка, забытаго Губертиной въ кухнѣ. И вотъ теперь у всѣхъ, рѣшительно у всѣхъ этихъ бѣдняковъ она заставала Фелисьена. Она даже не смѣла подойти къ окну или выйти на балконъ, боясь увидать его, и вдругъ ей приходилось встрѣчаться съ нимъ на каждомъ шагу, несравненно чаще, чѣмъ прежде. Смущеніе дѣвушки все возрастало; она приписывала его сильной досадѣ.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

Оригинальный рисунокъ М. Зиновьева.



Рыбаки.

Кругомъ стоитъ въ разгарѣ полномъ лѣто,—
И берега раздольныхъ нашихъ рѣкъ
Оживлены теперь уже съ разсвѣта,
И здѣсь свой трудъ свершаетъ человѣкъ.

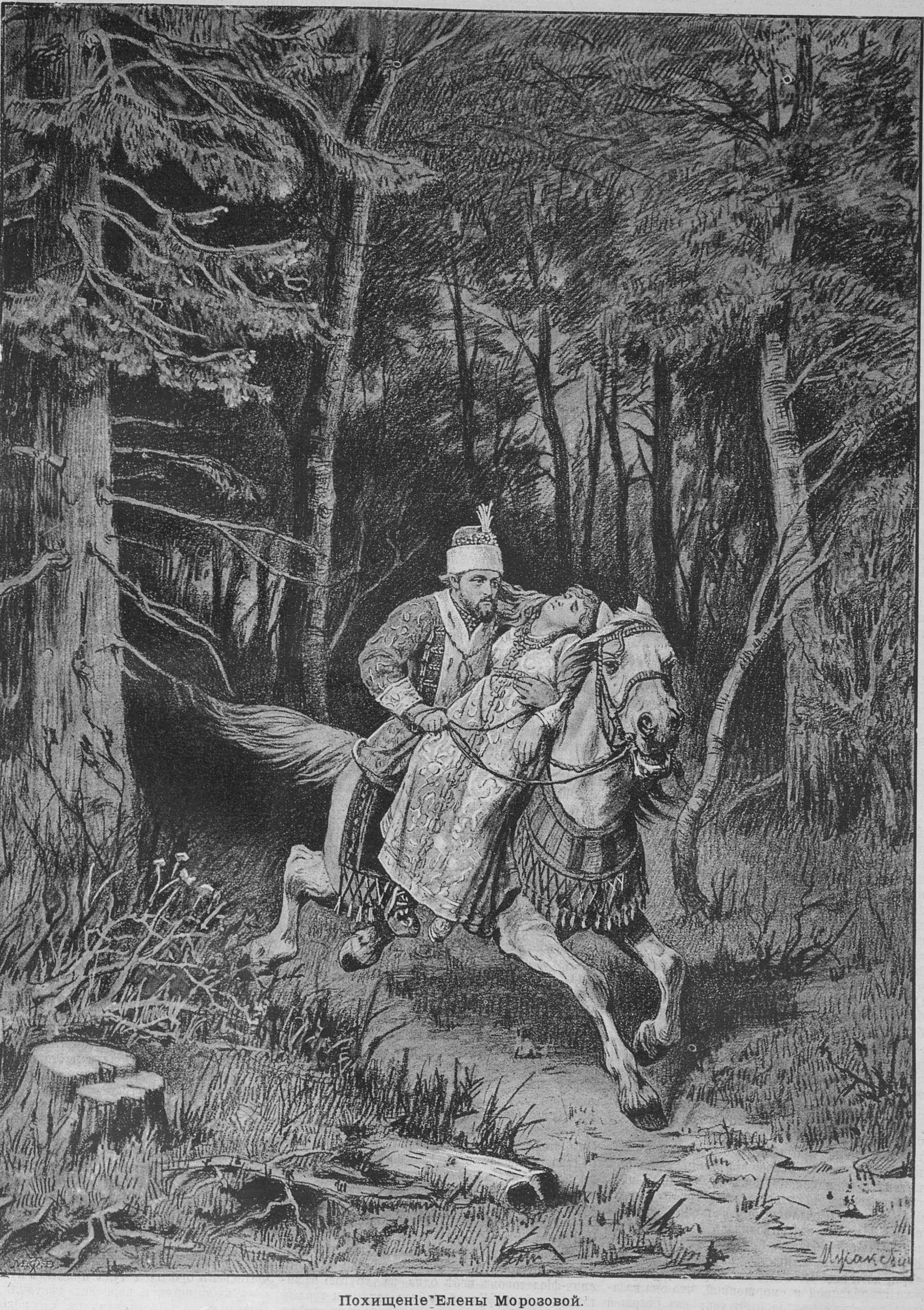
Какъ стаи птицъ на отмеляхъ песчаныхъ,
Съ запасами мережъ и неводовъ,
То просто въ бродъ, то на ладьяхъ досчаныхъ,
Снуютъ вездѣ ватаги рыбаковъ.

* *
*

Не легокъ трудъ и дологъ день рабочій,—
Лишь въ вечеру веселый блескъ огней
Сулитъ имъ сонъ во тьмѣ недолгой ночи
Подъ кровлями убогихъ шалашей.

ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Оригинальный рисунокъ Ижакевича (собств. ред. „Жив. Обозр.“).



Похищеніе Елены Морозовой.

(Къ роману „Князь Серебряный“ графа А. Толстого).

Хуже всего въ этомъ было то, что Анжелика скоро увидала, какъ скудна ея благотворительность и какъ ничтожна приносимая ею помощь. Противный незнакомецъ портилъ ей даже наслажденіе быть полезной другимъ. Онъ, можетъ быть, и прежде помогалъ бѣднымъ, но ужь никакъ не этимъ, потому что ранѣе она никогда его у нихъ не встрѣчала; онъ вѣроятно подсматривалъ за нею, выслѣживалъ ее, чтобы потомъ отбивать у нея ея бѣдняковъ одного за другимъ. Теперь каждый разъ, какъ она приносила старикамъ Шуто корзину съ кое-какими съѣстными припасами, она на столѣ у нихъ находила деньги, да не мѣдныя, а серебряныя, а однажды, когда она торопливо шла къ дѣдушкѣ Маккару, вѣчно нывшему, что у него не на что купить даже табаку, и несла ему полуфранковую монету, то-есть, все, что могла скопить за цѣлую недѣлю, оказалось, что ныть ему больше не о чемъ, такъ какъ, у него въ рукахъ былъ цѣлый червонецъ и нетолько не фальшивый, но даже не стертый, а настоящій да еще совсѣмъ новенькій, такъ и сіявшій, какъ солнце. Когда-же она какъ-то вечеромъ зашла навѣстить тетку Габе, то больная старуха попросила ее сбѣгать размѣнять банковый билетъ, хоть не крупный, но все-таки билетъ; и какъ мучительно ныло ея сердце отъ сознанія ея собственнаго безсилія; какъ горько было за неимѣніемъ денегъ благотворить жалкими грошами, когда другой повидимому располагалъ такими денежными средствами, что могъ, не скупясь, помогать неимущимъ.

Конечно, Анжелика рада была за бѣдняковъ, на долю которыхъ выпадали такія щедрыя подачки, но сама-то она, помогая имъ, не была уже такъ счастлива, какъ прежде: ея помощь была такъ ничтожна, тогда какъ другіе могли давать такъ много. Фелисьенъ ничего этого конечно и не подозрѣвалъ. Онъ въ простотѣ сердечной думалъ, щедро одѣляя бѣдняковъ деньгами, завоевать этимъ сердце Анжелики, и ему даже въ голову не приходило, что благодаря ему, посильная милостыня дѣвушки совершенно теряла цѣну въ ея собственныхъ глазахъ, да и въ глазахъ тѣхъ, кому она помогала. Теперь у этихъ бѣдняковъ только и разговору было, что про него.

— Ахъ, какой это прелестный молодой человѣкъ! твердили бѣдняки:—какой добрый, какой обходительный, ласковый, какой благовоспитанный!

Словомъ, самымъ восторженнымъ похваламъ Фелисьену не было конца, и Анжелика, краснѣя отъ досады, вынуждена бывала выслушивать всѣ эти похвалы, конечно не безкорыстныя, а за щедрые подарки, но въ глазахъ дѣвушки они казались косвеннымъ порицаніемъ ей самой, полнымъ пренебреженіемъ къ ея болѣе, чѣмъ скромной помощи. Она давала себѣ слово во что-бы то они стало забыть его, а сама между тѣмъ безпрестанно про него распрашивала. Ей все нужно было знать:—и что онъ принесъ сегодня, и что говорилъ? Очень-ли онъ хорошъ собою? Кротокъ? Робокъ?.. и, наконецъ, не говорилъ-ли чего нибудь про нее?

На послѣднее она постоянно слышала одинъ и тотъ-же отвѣтъ, а именно, что говоритъ о ней поминутно, хвалитъ ее, распрашиваетъ. Слыша это, дѣвушка почти выходила изъ себя; ей казалось, будто она отъ всей души ненавидитъ его. Слишкомъ тяжело было у нея на сердцѣ.

Дѣло это не могло долго оставаться въ одномъ положеніи; отношенія были слишкомъ натянуты и, наконецъ, какъ-то въ ясныя майскія сумерки, произошла катастрофа. Случилось это въ развалившейся мельницѣ на «Пустырѣ Маріи», гдѣ гнѣздилась нищенствовавшая семья Ламбалезъ. Семья эта состояла изъ однѣхъ только женщинъ, вопервыхъ изъ матери, хотя еще не совсѣмъ старой, но до того уже сгорбленной и сморщенной, что она казалась совсѣмъ дряхлой старухой; изъ старшей дочери ея Тіенетты, рослой двадцатилѣтней дикарки съ вѣчно растрепанными рыжими волосами и изъ двухъ младшихъ дочерей, Розы и Жанны, совсѣмъ еще дѣвочекъ, но съ не по лѣтамъ наглыми глазами и такихъ-же рыжихъ, какъ ихъ старшая сестра. Всѣ четверо исключительно жили только подаяніями, за выпрашиваніемъ которыхъ на улицахъ, на большихъ проѣзжихъ дорогахъ проходило все ихъ время, такъ что, возвращаясь вечеромъ домой съ опухшими отъ ходьбы ногами, на которыхъ еле держались до-нельзя изношенные башмаки, прикрѣпленные бичевками, онѣ чуть не падали отъ усталости. Въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, невозможная обувь Тіенетты окончательно отказалась служить и осталась гдѣ-то на дорогѣ, и рыжая дикарка вернулась домой съ окровавленными ногами, израненными о шоссейные камни и о придорожныя колючія растенія. Она сидѣла на густой травѣ «Пустыря» у входа въ свое полуразвалившееся жилье и вытаскивала изъ пораненныхъ ногъ шипы и занозы; тѣмъ временемъ мать и обѣ младшія сестренки, стоя тутъ-же, немилосердно охали, стонали и ныли.

Въ эту минуту явилась Анжелика, неся подъ передникомъ свою еженедѣльную помощь побирушкамъ, то есть большую краюху хлѣба, она украдкой прибѣжала черезъ садовую калитку, оставивъ ее отворенною за собою. Увидѣвъ, что вся семья въ слезахъ, она въ недоумѣніи остановилась на мѣстѣ.

— Что случилось? Что съ вами?

— Ахъ, добрая моя барышня, еще сильнѣе заныла старуха Ламбалезъ:—посмотрите-ка, съ какими ногами вернулась эта дурища. Завтра весь день, значитъ, пропалъ... Прости, прощай!.. Безъ башмаковъ идти нельзя, а гдѣ ихъ возьмешь башмаки-то?

Глаза Розы и Жанны сверкали, какъ уголья, изъ подъ нависшихъ на нихъ косматыхъ рыжихъ волосъ.

— Да, надо башмаки; безъ нихъ ничего не подѣлаешь... безъ башмаковъ никакъ нельзя! голосили онѣ сильнѣе прежняго.

Тіенетта угрюмо подняла вверхъ свое худое и черное отъ загара лицо и, сердито посмотрѣвъ на Анжелику, стала при помощи булавки вытаскивать большую занозу изъ ноги. Этимъ она, съ какою-то отчаянною терпѣливостью, бередила больное мѣсто, изъ котораго и такъ уже текла кровь. Анжелику чужая бѣда растрогала чуть не до слезъ.

— Я вамъ хлѣба принесла, сказала она, подавая свою милостыню: онъ вамъ пригодится.

— Хлѣбъ-то, конечно, пригодится, отозвалась мать:—безъ него тоже нельзя. Но отъ хлѣба нога не заживетъ; башмаковъ изъ него не сдѣлаешь! А завтра какъ нарочно ярмарка въ Блиньи... какая ярмарка-то богатая. Дубина эта тамъ каждый годъ въ этотъ день не менѣе сорока су набирала. Господи Боже мой, вотъ горе-то! Что мы теперь дѣлать станемъ?

Состраданіе къ несчастнымъ душило Анжелику. Не зная, какъ помочь бѣдѣ, она молчала. Правда, у нея въ карманѣ лежала монета въ пять су, но на такія деньги даже по случаю не купишь самыхъ негодныхъ башмаковъ. Сознаніе своего безсилія изъ-за недостатка въ деньгахъ совершенно парализовало ее, и это постоянно бывало такъ. Въ эту минуту нѣчто неожиданное совсѣмъ вывело дѣвушку изъ себя. Случайно повернувъ голову, она въ полумракѣ все болѣе и болѣе сгущающихся сумерокъ, увидала Фелисьена, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Онъ, можетъ быть, давно уже здѣсь и, вѣроятно, слышалъ все. Онъ постоянно словно выросталъ изъ подъ земли, такъ что Анжелика никогда не могла замѣтить, какъ и откуда онъ являлся.

— Онъ непремѣнно имъ башмаки подаритъ, подумала она.

Она очевидно не ошиблась; онъ дѣйствительно подходилъ къ нищенкамъ. На темномъ сине-фіолетовомъ небѣ одна за другою зажигались звѣзды. Какой-то благодатный и теплый миръ вмѣстѣ съ сумракомъ нисходилъ сверху на землю, навѣвая сладкую дремоту на «Пустырь Маріи», густыя ивы котораго уже окутаны были мракомъ. Зданіе собора казалось темной пеленою, заграждавшею собою тотъ край неба, на которомъ еще слабо свѣтился отблескъ догоравшей зари.

— Непремѣнно, непремѣнно онъ подаритъ имъ башмаки!

Эта мысль доводила Анжелику чуть не до отчаянія. Неужто, онъ съ своими деньгами будетъ вѣчно, вѣчно стоять ей поперекъ дороги, и ей никогда не удастся одержать надъ нимъ верхъ? Сердце ея мучительно колотилось въ груди, словно хотѣло разорваться. О, чего ни дала-бы въ эту минуту дѣвушка, чтобы быть богатой! Тогда она показала-бы этому господину, что и она умѣетъ дѣлать другихъ счастливыми.

Нищенствующая семья тѣмъ временемъ замѣтила подходившаго Фелисьена. Мать бросилась къ нему на встрѣчу; дѣвчонки, протягивая къ нему руки, вопили пуще прежняго, а старшая, оставивъ больную ногу, въ покоѣ смотрѣла на него изъ подлобья своими хитрыми и фальшивыми глазами.

— Слушайте, милая, сказалъ онъ старухѣ:—ступайте сейчасъ-же на Большую улицу; тамъ, на углу Нижней...

Анжелика сразу поняла, что онъ хотѣлъ сказать. На томъ мѣстѣ, которое указывалъ Фелисьенъ, какъ разъ находилась башмачная лавка.

— Зачѣмъ понапрасну ходить такъ далеко?.. Не стоитъ труда!.. Гораздо проще...

Она остановилась, не умѣя сразу придумать, что могло быть проще того, что предлагалъ юноша. Что придумать, что сдѣлать, чтобы хоть на этотъ разъ перебить у него возможность осчастливить другихъ? Ей казалось, что едва-ли кто-нибудь на свѣтѣ способенъ такъ сильно ненавидѣть, какъ она ненавидѣла его въ эту минуту.

— Вы скажете, что пришли отъ меня, продолжалъ Фелисьенъ:—и отъ моего имени спросите...

Анжелика опять перебила его.

— Гораздо проще, торопливо и задыхаясь отъ волненія, снова повторила она, а что проще?—и сама не знала.

Вдругъ ее осѣнила какая-то мысль. Она сразу успокоилась, сѣла на камень, развязала ботинки, проворно сняла ихъ, да не только ихъ, но и чулки и все это отдала побирушкамъ.

— Ахъ, добрая барышня! Ангелъ Божій! Награди васъ за это Господь! восклицала старуха, жадно разглядывая почти совсѣмъ новые башмаки:—Я ихъ сверху разрѣжу, а то гдѣ моей дылдѣ напялить ихъ на свою ножищу... Благодари-же, дура... хорошенько, благодари...

Тіенетта сердито вырвала чулки у Розы и Жанны, которыя разсматривали ихъ завистливыми глазами, но ничего не сказала. Только въ эту минуту Анжелика замѣтила, что ноги у нея голыя, и что Фелисьенъ ихъ видитъ. Она совсѣмъ сконфузилась, растерялась и не рѣшалась шевельнуться съ мѣста въ полномъ убѣжденіи, что голыя ноги еще виднѣе будутъ Фелисьену, если она встанетъ. Потомъ ее вдругъ обуялъ невообразимый страхъ; она совсѣмъ потеряла голову и пустилась бѣжать домой, что есть духу. Бѣлыя ножки ея проворно мелькали въ травѣ. Ночныя тѣни становились все гуще и гуще; «Пустырь Маріи», окруженный высокими деревьями сосѣднихъ парковъ и колоссальною массою собора, превращался въ цѣлое озеро мрака. Въ густой тьмѣ, лежавшей непосредственно надъ землею, только и видно было быстрое мельканіе двухъ маленькихъ атласистыхъ бѣлыхъ ногъ, напоминавшихъ крылья голубки.

Растерявшаяся дѣвушка, боясь почему-то воды, бѣжала вдоль берега «Козлихи», чтобы добраться до доски, замѣнявшей мостъ. Но Фелисьенъ бросился туда прямымъ путемъ черезъ кустарникъ и пересѣкъ дѣвушкѣ дорогу. Онъ былъ до того застѣнчивъ, что покрасн даже болѣе самой Анжелики при видѣ ея голенькихъ ножекъ. Какой-то внутренній огонь толкалъ его впередъ; ему хотѣлось-бы громко, на весь міръ кричать про свою страсть, всецѣло охватившую его, неопытнаго, полнаго первыхъ мятежныхъ порывовъ юности, съ самой той минуты, когда онъ увидалъ Анжелику. Однако, когда онъ поровнялся съ нею и она на бѣгу слегка задѣла его локтемъ, онъ въ силахъ былъ только еле слышно пролепетать ей признаніе, которое горѣло на его устахъ:

— Я люблю васъ!

Дѣвушка, совсѣмъ ошеломленная, остановилась. Она выпрямилась и съ минуту пристально смотрѣла на него. Весь гнѣвъ ея, вся ненависть, которую она, какъ ей казалось, питала къ юношѣ, исчезли, испарились, и вмѣсто нихъ въ душѣ ея явились какой-то сладостный трепетъ, какая-то упоительная истома. Что-же могло такъ потрясти ее? Что онъ такое сказалъ?.. Что онъ любитъ ее; но въ этомъ для нея ничего не было новаго. Она давно это знала, но вотъ, когда онъ пролепеталъ ей на ухо эти волшебныя слова, они смутили, удивили, испугали ее. Онъ-же, благодаря услужливому и сблизившему ихъ пособничеству благотворительности, становился смѣлѣе и снова повторилъ: — я люблю васъ!

Вся душа его вылилась въ этихъ трехъ словахъ. Анжелика-же, охваченная истинктивнымъ страхомъ, внушаемымъ любовникомъ каждой дѣвственной еще душѣ, пустилась опрометью бѣжать домой.

Даже «Козлиха» теперь не пугала ея. Дѣвушка, словно лань, убѣгающая отъ преслѣдованія, смѣло ступила въ самый ручей. Бѣлыя ножки ея, слегка дрожавшія отъ прикосновенія холодной воды, быстро пробирались по каменистому дну и скоро исчезли за затворившеюся калиткой.

(*Продолженіе будетъ*).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ **Т. Ёжа.**

(Переводъ съ польскаго **А. Сахаровой**).

(*Продолженіе*).

Марта, переступивъ черезъ порогъ, остановилась и взглянула на Острый Верхъ. На Остромъ Верху клубился дымъ, было очевидно, что тѣ, которые развели костеръ, имѣли освовательныя причины поддерживать этотъ сигналъ тревоги, — причины, касающіяся не только окрестныхъ жителей, но и всей страны. По сигналу, данному съ Остраго Верха, запылали холмы на югѣ, на западѣ и на сѣверѣ, извѣщая о вторженіи непріятеля сначала въ Петрини, ближайшую крѣпость, занятую нѣмецкимъ гарнизономъ, затѣмъ въ города, въ которыхъ существовали военные отряды. Этотъ первобытный телеграфъ достигалъ до Загребья. Изъ Дубровача виднѣлся только сигналъ на Остромъ Верху и въ этотъ сигналъ всматривалась дѣвушка, такъ напрягая зрѣніе, точно она хотѣла еще что-то разглядѣть среди этого дыма. Дымъ клубился, взвивался вверхъ, склонялся на бокъ и образовалъ сѣрое облако, являющееся подвижнымъ пятномъ въ ясномъ воздухѣ, въ присутствіи солнца, находившагося на второй половинѣ своего дневного пути. Дѣвушка слѣдила взглядомъ за направленіемъ дыма, точно она искала въ этомъ направленіи какого-нибудь указанія; поглядывала на солнце, точно съ указаніемъ относительно мѣста, хотѣла соединить указаніе, относящееся ко времени, и подставляла ухо, какъ-бы стараясь услышать трескъ пламени. Треска пламени не слыхала, но до ея слуха доносилось нѣчто въ родѣ неяснаго гула въ воздухѣ, созданнаго, конечно, ея собственнымъ воображеніемъ, настроеннымъ на военный ладъ. Ей казалось, что она слышитъ что-то вдали, а не слыхала того, что происходило близь нея. Вооруженные люди прибывали; Дещичъ отдавалъ имъ приказанія: велѣлъ сторожить ворота, осматривать ограду, выносить огнестрѣльное оружіе на бойницы, отправлялъ часовыхъ, лазутчиковъ и шпіоновъ. Около дома царило ускоренное движеніе, совершенно такое-же, какъ царившее въ эту минуту въ Климовацѣ. Однако, Марта слышала точно больше, — вѣрно къ ней обращался воздухъ или-же предчувствіе.

Охватившая ее тревога не покидала ея. Она помогала матери разсѣянно, ежеминутно отрывалась отъ работы, поглядывала на Острый Верхъ и прислушивалась. Солнце склонялось къ закату; на горѣ все взвивался дымъ, какъ бы въ знакъ того, что опасность возрастаетъ. Дѣвушку по временамъ трясла лихорадка и она была такъ встревожена, что матери приходилось по временамъ уговаривать ее.

— Что съ тобою, Марта!.. повторяла она, ты боишься?.. а взгляни-ка, мы не боимся.

Служанки подбадривали себя, распѣвая; когда-же онѣ не распѣвали, то разсказывали о туркахъ, которые, по ихъ словамъ, женщинъ не калѣчатъ, не убиваютъ.

— Очень старыхъ бросаютъ, женъ забираютъ, а той изъ женщинъ, которая молода и красива, можетъ выпасть на долю такое счастіе, о которомъ только въ сказкахъ разсказывается. Женщинамъ отъ турки обиды нѣтъ.

Марту это не радовало и не успокаивало. Она не переставала съ цѣлью поглядѣть на дымъ и солнце, выбѣгать на дворъ, на которомъ подъ вечеръ движенье пришло въ порядокъ. Часовые были на своихъ мѣстахъ; въ саду подъ тѣмъ-же самымъ платаномъ, подъ которымъ дѣвушка любила сидѣть съ работой, пограничники расположились на бивуакахъ; Дещичъ всталъ посрединѣ двора и выглядѣлъ такъ, точно онъ ждалъ чего-то или кого-то. Этотъ выжидательный видъ обратилъ на себя вниманіе дѣвушки. Она пристально посмотрѣла на дѣдушку, затѣмъ подошла къ нему и спросила:

— Дѣдушка, отчего-же ты не войдешь въ комнату, не присядешь и не отдохнешь?

— Я ожидаю возвращенія Ѳомы.

— Развѣ Ѳомы нѣтъ?

— Онъ пошелъ на развѣдки.

— Только-бы съ нимъ не случилось какой бѣды.

— О! онъ остороженъ; онъ знаетъ всѣ лазейки.

Когда онъ договорилъ эти слова, калитка отворилась и вошелъ Ѳома, человѣкъ немного помоложе Дещича.

— Какже?.. спросилъ послѣдній. Есть что-нибудь?

— Есть значительное войско.

— Напримѣръ?

— Гмъ?.. сотенъ пять... шесть... Али-ага.

— Куда они потащились?

— Стоятъ тамъ въ долинѣ... онъ указалъ пальцемъ на гору, отдѣляющую Климовацъ отъ Дубровача.

Старикъ поднялъ вѣки, покачалъ головой и проговорилъ:

— Ну... ну... пѣхота?

— Есть и немножко кавалеріи и пушки двѣ приволокли.

— Бръ... бръ... повторилъ онъ.

— Но, прибавилъ Ѳома, ни телѣгъ, ни вьючныхъ лошадей: вышли, словно на охоту, а тамъ, — тутъ онъ опять указалъ на гору, собралось нѣсколько десятковъ племичей.

Старикъ нахмурилъ брови и проворчалъ себѣ подъ носъ.

— Остолопы, дьяволъ спалъ: разбудили... накликали.

Ѳома не выговорилъ ни названія деревни, ни фамиліи ея хозяина, вѣроятно, изъ уваженія къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ Дещичъ находился къ противоположной сторонѣ горы. Такъ говорилось всегда. Этотъ языкъ былъ понятенъ для обитателей Дубровача. Поняла и Марта, въ чемъ дѣло, и, глядя на стараго Ѳому, широко открытыми глазами, спросила его:

— И что-же?

— Ну... что же!.. отвѣтилъ старикъ, пожимая плечами.

— Зачѣмъ притащился турокъ?

— Зачѣмъ ему было тащиться!.. конечно ужь не по пустому.

Съ Ѳомы она перевела взглядъ на дѣдушку. Старикъ серьезно задумался. Заговорить съ нимъ она не хотѣла, — не смѣла. Лицо ея покрылось смертельной блѣдностью.

— О Боже!.. вздохнула она.

Дещичъ черезъ минуту спросилъ у Ѳомы:

— Что, уже уставили пушки?

— Нѣтъ еще... Тамъ вѣрно ведутся какіе-нибудь переговоры, потому что кто-то выходилъ къ туркамъ; кажется, если мои глаза меня не обманули, Павло Чолничъ и вернулся.

— Гмъ? Гмъ?.. пробормоталъ старикъ. Чолничъ человѣкъ себѣ на умѣ. И-и... пожалъ онъ плечами. Можетъ, онъ бѣду отвратитъ, но на это полагаться нельзя.. Однако-же, кажется, взглянулъ онъ на солнце, сегодняшній день окончится спокойно?

Сказавъ это, онъ немедленно направился въ ту сторону, гдѣ кучка пограничниковъ расположилась на бивуакахъ.

Марта подняла глаза на Острый Верхъ. Вѣтерокъ поддерживающій движеніе въ воздухѣ, прекратился и поэтому дымъ взвивался наверхъ прямымъ столбомъ и вверху высоко образовалъ перистое облако, подобное перу на рыцарскомъ шлемѣ. Дѣвушка всматривалась нѣсколько времени въ этотъ столбъ, губы ея слегка шевелились, какъ-бы обозначая тактъ молитвы, повторяемой въ душѣ, глаза выражали благоговѣніе; наконецъ, она обернулась и пошла медленно. Вдругъ она крикнула:

— Стрѣляютъ!

Надо было имѣть необычайно тонкій и чуткій слухъ, чтобы услыхать выстрѣлъ, вызвавшій этотъ крикъ. Это былъ одинокій и далекій выстрѣлъ. На крикъ дѣвушки, раздавшійся по всей окрестности, женщины выбѣжали изъ дома, мужчины напрягли слухъ. Всѣ стали вслушиваться. Черезъ минуту одна изъ служанокъ проговорила:

— Ничего не слыхать.

Одинъ-же изъ слугъ прибавилъ:

— Вѣрно кто-нибудь дверьми хлопнулъ.

— Стрѣляютъ!.. крикнула Марта вторично.

И на этотъ разъ, однако, изслѣдованіе тишины слухомъ не подтвердило восклицанія дѣвушки. Однако, минуту спустя, всѣ крикнули въ одинъ голосъ:

— О-о-о!..

Эхо донесло до слуха густую и постоянную пальбу, клокочущую вродѣ того, какъ клокочетъ родникъ, вырывающійся изъ-подъ земли. Отголосокъ, казалось, выходилъ изъ-подъ земли и колебался на волнѣ эхо.

— А что!.. крикнула въ третій разъ Марта, — стрѣляютъ!

Она выпрямилась. Глаза ея засверкали. Она оглянулась и быстрыми шагами подошла къ дѣдушкѣ, который стоялъ неподалеку отъ кучки пограничниковъ, прислушиваясь

— Стрѣляютъ!.. проговорила она.

— Да... слышу... отвѣчалъ онъ.

— Сражаются!

— Да... конечно.

— Гибнутъ!..

Старикъ поднялъ на нее глаза, заглянулъ ей въ глаза слегка зажмурилъ вѣки, какъ то бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда свѣтъ рѣжетъ въ глаза и, придавая своимъ словамъ оттѣнокъ спокойствія, въ которомъ чувствовалось принужденіе, отвѣтилъ:

— Гдѣ сражаются, тамъ гибнутъ.

— Наши? возразила она съ удареніемъ.

— Ба!.. вздохнулъ онъ и подкрѣпилъ этотъ отвѣтъ соотвѣтствующимъ жестомъ.

— Можно-ли позволить имъ такъ погибнуть?.. воскликнула она съ оттѣнкомъ упрека.

— Тсъ!.. сказалъ на это старикъ, протягивая руку внучкѣ. — Тсъ, подумаемъ объ этомъ.

— Дѣдушка!.. крикнула она, прижимаясь къ старику, обнимая его и опускаясь на колѣни передъ нимъ.

Дещичъ отступалъ, наклонялся, пытался поднять внучку и повторялъ:

— Ну, что-же?.. что-же?.. и что-же?..

— Думайте, о! думайте! но поскорѣе... отвѣтила она, соскакивая съ колѣнъ и вставая передъ дѣдушкой.

— Поскорѣе?.. отвѣтилъ онъ. — Думать надо долго, а дѣйствовать скоро. Успокойся, я сдѣлаю все, что могу, чтобы... этихъ неосторожныхъ выпутать изъ бѣды.

— Охъ! дѣдушка... голубчикъ мой... дорогой... золотой... сложила она руки.

— Что-жь это тебя такъ тревожитъ?.. спросилъ онъ нѣсколько удивленный тѣмъ, что и патріотическое чувство, въ импульсахъ котораго онъ усматривалъ причины тревоги дѣвушки, выражается такъ страстно.

— Что меня тревожитъ!.. отвѣтила она. — У меня сердце разорвется, если... если... они... сгибнутъ.

— Успокойся-же!.. отвѣтилъ онъ убѣдительнымъ тономъ. — Войны были, есть и будутъ, люди гибли, гибнутъ и будутъ гибнуть. Тутъ нѣтъ никакого другого исхода, какъ положиться на милосердіе Божіе. Мы сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ... остальное въ рукѣ Божіей. Ну, прибавилъ онъ подъ конецъ, — ступай съ Богомъ и не мѣшай.

Увѣщаніе, высказанное суровымъ тономъ, отчасти вернуло дѣвушкѣ спокойствіе, утраченное ею во время тревоги. Она удалилась, однако не переставала обращать вниманія на то, что совершилось. Ее сталъ менѣе интересовать дымъ на горѣ и болѣе интересовало движеніе, происходившее на дворѣ. Она видѣла, какъ дѣдушка отдавалъ распоряженія и какъ вслѣдствіе этихъ распоряженій нѣсколько человѣкъ, одни пѣшіе, другіе на лошадяхъ двинулись куда-то. Видѣли это и служанки, которыя также интересовались событіями. Отсюда зарождались различныя догадки, какъ напримѣръ, что Дещичъ хочетъ привлечь въ Дубровацъ наибольшія силы изъ ближайшихъ деревень. Эта догадка, какъ самая разумная заслужила всеобщее одобреніе. Однако она не являлась единственной. Какой-то изъ служанокъ показалось, что Дещичъ отправилъ людей на ту сторону горы.

— Они пошли туда... проговорила она.

При этихъ словахъ Марта вздрогнула.

— Что имъ тамъ дѣлать?.. отвѣтила другая.

— Посмотрѣть, что дѣлается... отвѣтила первая.

— Въ Климовацѣ?.. спросила третья служанка съ удареньемъ, обозначающимъ, что это невозможная вещь, чтобы старый Дещичъ интересовался Климовацемъ.

Между тѣмъ эхо постоянно свидѣтельствовало о продолженіи борьбы. Въ воздухѣ чувствовалось нѣчто въ родѣ кипѣнья, подобнаго отголоску, который слышится при пересыпкѣ орѣховъ въ мѣшкѣ. Этотъ отголосокъ, какъ казалось, увеличивался по мѣрѣ того, какъ солнце склонялось къ закату. Марта прислушивалась; иногда ее охватывала дрожь; иногда же ей было жарко. Она наблюдала за приготовленіями, происходящими въ предѣлахъ Дубровацкаго помѣстья, и замѣтила, что все какъ-бы заснуло. Пограничники спали,—среди нихъ даже слышался храпъ; дѣдушка вошелъ въ комнату и улегся. Воцарилось спокойствіе, которое ее удивляло и выводило изъ терпѣнья,—скорѣе выводило изъ терпѣнія, чѣмъ удивляло, потому что-же удивительнаго въ томъ, что людямъ нуженъ отдыхъ, что человѣкъ старый вздумалъ прилечь? Но изъ-за горы доходило эхо борьбы, туда за гору летѣла ея мысль,—туда она толкнула-бы всѣхъ этихъ пограничниковъ и ей хотѣлось-бы, чтобы они спѣшили, бѣжали, летѣли на крыльяхъ.

— Пойдутъ, можетъ, но когда?.. говорила она въ душѣ.

— Пойдутъ и дойдутъ... слишкомъ поздно... А онъ тамъ погибнетъ!

Дѣдушкѣ она говорила «они», себѣ—«онъ», а слово «погибнетъ» завывало въ ея душѣ, волновало ее, терзало, она чувствовала потребность заслонить кого-нибудь собственнымъ тѣломъ, какъ мать заслоняетъ ребенка отъ ударовъ. Это чувство бушевало въ ней.

Она дѣлала надъ собою усилія съ цѣлью преодолѣть его,—усилія, заставившія ее по крайней мѣрѣ десять разъ свернуть съ тропинки, круто спускающейся изъ-за помѣщичьяго сада въ долину и затѣмъ поднимающейся на гору, мимо обрыва все выше и выше до самыхъ тѣхъ тропинокъ, которыя вели черезъ гору изъ Дубровaца въ Климовацъ. Эта тропинка то опускалась, то поднималась снова. Когда солнечный щитъ закатился за гору, дѣвушка спустилась, она уже стала сбѣгать въ долину, однако вернулась еще, встала, сжала себѣ грудь руками, набрала воздуха въ легкія и, повидимому, спокойная, обошла весь помѣщичій домъ, какъ это дѣлаютъ полководцы въ лагеряхъ, желая убѣдиться, въ порядкѣ-ли солдаты и на мѣстѣ-ли часовые. Часовые бодрствовали; крестьяне, дворовые и пограничники спали; женщины укладывались спать; она подошла къ открытому окну дѣдушкиной комнаты,—въ комнатѣ царила тишина; прислушалась,—до слуха ея долетѣло ровное дыханіе спящаго человѣка.

— Боже! о Боже... вздохнула она.

Въ комнатѣ послышалось побрякиваніе; она отскочила отъ окна и, держась въ тѣни, обѣжала домъ, вбѣжала въ садъ, попала на тропинку,—на тропинкѣ замедлила шаги и пошла. Она спустилась въ долину, стала взбираться на верхъ; прошла смѣлой и увѣренной походкой надъ обрывомъ и углубилась въ кусты. Выбравшись разъ на одну изъ тропинокъ, она уже не оглядывалась назадъ. Она спѣшила. Она бѣжала подъ гору, какъ-бы окрыленная. Въ вечернемъ сумракѣ, ея воздушная фигура мелькала, подобно призраку между скалами, кустарниками и надъ пропастями. Ей придавалъ все болѣе быстроты громкій гулъ пальбы, который однако-же минутами прерывался, такъ что она раза два останавливалась на ходу и задумывалась, точно цѣль, къ которой она стремилась, внезапно исчезала у нея изъ глазъ. Гулъ снова начинался, она снова пускалась дальше. Такимъ образомъ она очутилась на вершинѣ въ ту минуту, какъ начало смеркаться. День еще не совсѣмъ угасъ, ночь не настала, въ долинѣ разстилались тѣни и среди этихъ тѣней мелькали на двухъ полукруглыхъ, параллельныхъ другъ другу линіяхъ огоньки, которые казалось, загорались одинъ отъ другого. Этотъ оптическій обманъ приковалъ къ себѣ ея вниманіе. Дѣвушка устремила на это глаза. Гулъ, доносящійся сюда уже явственно усиливало эхо, онъ принималъ громадные размѣры, но не тревожилъ ее. Огоньки, правда, исчезающіе, но появляющіеся вновь, постоянно, наполняли долину свѣтомъ, слегка затемнѣннымъ, какъ бы закопченнымъ, среди котораго можно было разглядѣть помѣщичій домъ, ограды и даже человѣческія фигуры, мелькающія вдоль нихъ. Напротивъ виднѣлись также человѣческія фигуры, однако онѣ вовсе ее не интересовали. Она отдала себѣ отчетъ въ положеніи. Она убѣдилась, что климовацкій помѣщичій домъ стоитъ по прежнему на мѣстѣ, что запертые въ немъ защищаются, что видно ихъ, снующихъ среди пламени и освѣщенныхъ имъ, окруженныхъ ореоломъ храбрости.

— Охъ!.. вздохнула она изъ глубины разрывающейся груди.

Она напрягала зрѣніе, стараясь среди воиновъ, фигуры которыхъ улавливала взглядомъ, когда вылетающіе изъ ихъ ружейныхъ дулъ огоньки освѣщали ихъ лица, приклоненныя, прижавшіяся къ ружьямъ, разсмотрѣть и узнать въ особенности одно лицо. Какъ нѣсколько дней тому назадъ, Ляіошъ на дворѣ Дубровацкаго помѣщичьяго дома высматривалъ ее, такъ и она въ настоящее время высматривала Ляіоша. Съ этой цѣлью она напрягала зрѣніе.

Значитъ она любила его повидимому.

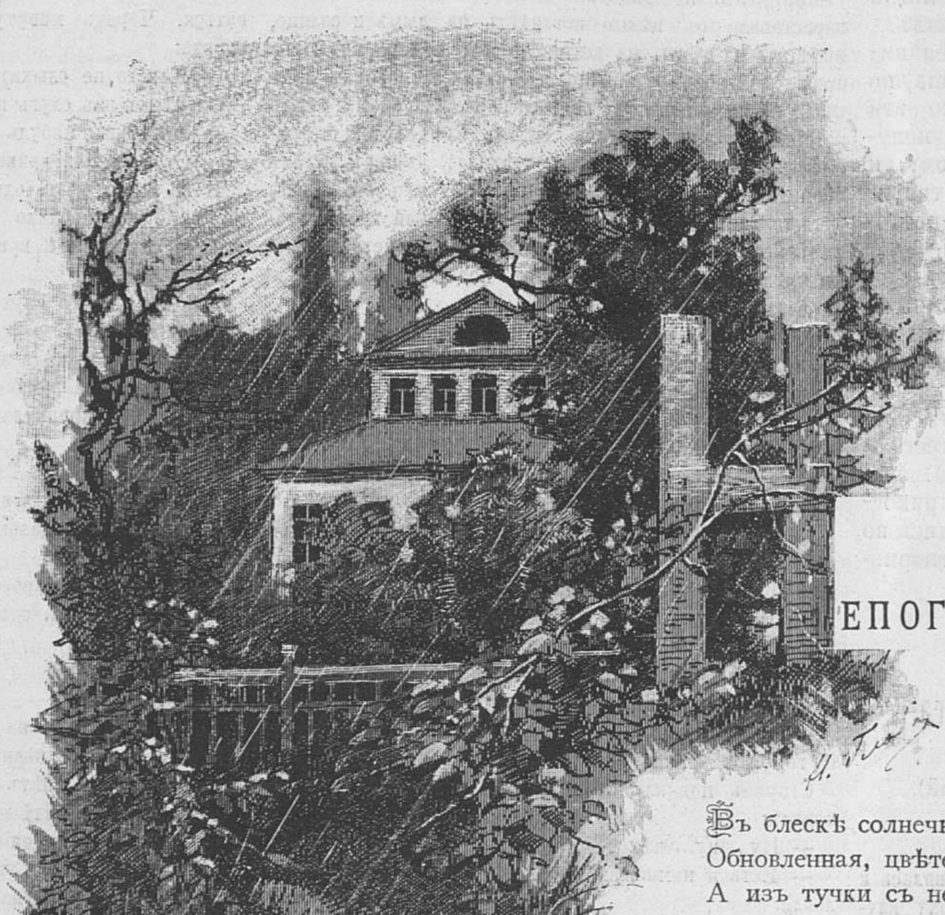
Ляіошъ былъ убѣжденъ въ томъ, что она его ждетъ. Дѣйствительно, она его ждала; когда-же въ ней зародилось опасенье, что она его не дождется,—она пошла къ нему, пошла къ нему сама, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ куда, она идетъ и зачѣмъ. Только теперь мысли ея прояснились. Она пошла съ тою цѣлью, чтобы увидѣть его. И такъ, она всматривалась во всѣ приложенныя къ куркамъ ружейнымъ лица, освѣщенныя молніями выстрѣловъ. Окинувъ такимъ образомъ цѣлую линію защитниковъ, она увидѣла одного изъ стрѣляющихъ, падающаго навзничъ.

— О!.. крикнула она.

У нея промелкнуло въ головѣ: не онъ-ли это?

Она бросилась впередъ ощупью, сбѣжала съ горы въ долину нѣсколько десятковъ шаговъ и вдругъ земля обвалилась у нея подъ ногами. Упала. Къ счастью, она свалилась не въ пустое пространство, но на сильно покатую поверхность, по которой она начала быстро скатываться. Отъ этого у нея закружилась голова. Она катилась, наконецъ свалилась съ горки, къ счастью, небольшой, и лишилась сознанья. Въ такомъ состояніи она пролежала часа два; когда же наконецъ сознанье вернулось къ ней, она поднялась и усѣлась. Ей пришлось сдѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы привести въ порядокъ воспоминанія. Воспоминанія были такъ свѣжи! Она тотчасъ уловила ихъ нить и въ ея мысли воскресло все, что она видѣла и слышала съ вечера. Она слышала гулъ, она видѣла климовацкій помѣщичій домъ въ гирляндѣ изъ пламени. Все это исчезло. Вокругъ царила глухая тишина и тьма—только вверху, поднявъ глаза, она увидѣла полосу неба, освѣщенную тѣмъ отблескомъ, которымъ освѣщается небо во время полнолунія.

Оригин. рисунокъ Н. Глобо къ стихотворенію.



НЕПОГОДКА.

Въ блескѣ солнечномъ природа,
Обновленная, цвѣтетъ,
А изъ тучки съ небосвода
Теплый ливень такъ и льетъ.

⁂

Но потоки дождевые
Смѣхомъ юности звенятъ
И, какъ нити золотыя,
Въ сочной зелени блестятъ,

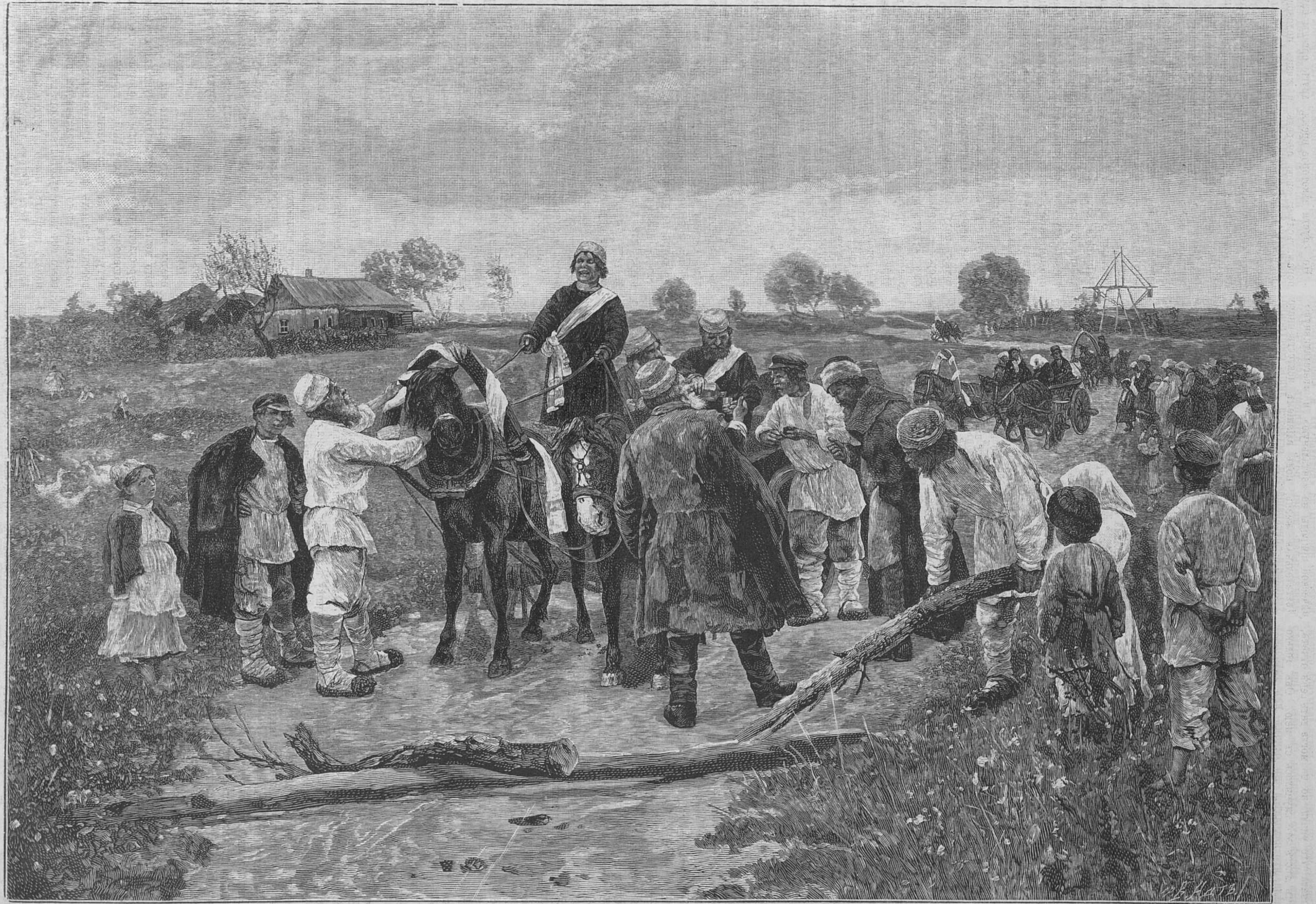
⁂

Точно, послѣ дней ненастья,
Послѣ горя безъ конца
Градомъ льются слезы счастья
Съ просвѣтленнаго лица.

Б. Левинъ.

XVI ПЕРЕДВИЖНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1888 ГОДА.

Съ картины В. Е. Маковскаго (соб. ред. „Жив. Обозр.“).



Застава передъ поѣздомъ новобрачныхъ.

Гравировалъ на деревѣ Адтъ въ Спб.

Она знала, что упала; но не могла дать себѣ отчета, въ какомъ мѣстѣ это случилось съ нею. Она только разглядѣла, что находится въ одномъ изъ глубокихъ овраговъ, выходящихъ на долину, въ которой лежитъ Климовацъ. Это ее до извѣстной степени успокоило и помогло ей оріентироваться. Вѣдь это еще не велика бѣда! Въ самомъ худшемъ случаѣ она дождется дня и днемъ найдетъ возможность выбраться изъ оврага. Это пустяки. Ее болѣе тревожило, что она стремилась къ цѣли и что ее столкнулъ съ пути случай. А эта цѣль?

— Что съ нимъ дѣлается?.. спросила она себя. Почему гулъ, съ вечера потрясавшій воздухъ, замѣнила такая глухая тишина?

Этотъ вопросъ сдвинулъ ее съ мѣста. Она встала и пошла ощупью, ища какой-нибудь тропинки, которая выводила бы изъ оврага на гору.

Поиски ея долго, долго оставались тщетными. Она отыскала обломокъ палки, который оказалъ ей большія услуги и съ помощью котораго ей удалось наконецъ набрести на проселочную тропинку, ведущую въ кусты. Она пошла этой тропинкой. Не зная, куда она ведетъ, она старалась быть какъ можно осторожнѣе, она двигалась медленно, наконецъ выбралась на вершину, съ которой передъ ней разстилался болѣе обширный горизонтъ. Въ глубинѣ передъ нею лежала долина, утонувшая во мракѣ; мѣсяцъ спрятался за горы, въ воздухѣ слышалось время отъ времени чириканье птичекъ; на горахъ показывались нѣкоторые признаки разсвѣта о чемъ свидѣтельствовалъ также тотъ холодокъ, который чувствуется въ предъутреннюю пору. Дѣвушка не отдавала себѣ отчета въ этомъ. Думая о недостигнутой, благодаря случайности, цѣли путешествія, она двигалась впередъ и, останавливаясь отъ времени до времени, искала въ долинѣ взглядомъ помѣщичьяго дома. Поиски ея были тщетными. Долина являлась непроглядной пропастью и въ этой пропасти нельзя было разглядѣть деревьевъ, лужаекъ, холмовъ, человѣческихъ жилищъ. А тишина? Тишина эта была также чѣмъ-то въ родѣ пропасти, томившей ее такъ, что она предпочла-бы, можетъ быть, шумъ битвы.

Вдругъ въ ушахъ ея раздался отголосокъ шаговъ. Она остановилась и стала прислушиваться. Отголосокъ доносился сверху, слышались шаги, шелестъ сухихъ листьевъ и трескъ вѣтвей подъ ногами. Однако нельзя было различить, звѣриныя ли это были лапы, или человѣческія ноги,—можетъ, медвѣдь. Шаги приближались той самой тропинкой, на которой находилась Марта; поэтому она спряталась за дерево и ждала. Она ждала не долго. Мимо нея прошелъ какой-то человѣкъ, за нимъ второй, третій, четвертый и далѣе. Они шли гуськомъ. Она высунула голову, они показались ей вооруженными. Въ рукахъ несли ружья, на нихъ позвякивали сабли. Ихъ прошло до тридцати. Когда они прошли, она услыхала кашель и покрякиванье одного изъ нихъ.

— Дѣдушка!... чуть было не крикнула она.

Однако она удержалась отъ этого восклицанья. Откуда же тутъ взяться дѣдушкѣ? Человѣкъ такой старый,—по горамъ не бродитъ; къ тому же она оставила его спящимъ.

«Мнѣ послышалось...» подумала она и вышла на тропинку, снова намѣреваясь идти подъ гору; однако послѣ нѣкотораго раздумья, она вернулась и видно увлеченная любопытствомъ, пошла по слѣдамъ людей, проходившихъ мимо нея. Тропинка вывела ее вскорѣ на открытое мѣсто, съ котораго открывался видъ на долину и на которой поросшіе мхомъ камни приглашали, усѣсться. Она усѣлась, и порѣшила дождаться тутъ дня, сидѣла,—начало разсвѣтать, — вдругъ у подножья ея вдоль долины промелькнула цѣпь блестящихъ молній послѣ которой тотчасъ послышался грохотъ выстрѣловъ. Дѣвушка соскочила съ мѣста, съ минуту простояла, какъ вкопанная, и затѣмъ пошла дальше.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Анестетическія средства.

(По Кл. Бернару, Е. Симонену, Ж. Ротенштейну и Дюре).

II.

Теряя, подъ вліяніемъ хлороформа или эѳира способность чувствовать и двигаться, одушевленное существо лишается своихъ характеристическихъ признаковъ. Оно низводится на степень растенія. Во времена Биша въ этомъ несомнѣнно увидали-бы подтвержденіе господствовавшей теоріи: предполагаемое раздѣленіе человѣческой природы на «витальную» и «вегетативную». Двигательная жизнь, подъ вліяніемъ искусственнаго усыпленія—прекращается, остается лишь, собственно, «растительная». Современная физіологія не довольствуется подобнымъ объясненіемъ. Требуется фундаментально анализировать процессъ анестезированія, начиная съ перваго момента, слѣдя шагъ за шагомъ, за его развитіемъ и, такимъ образомъ, объяснить весь ходъ его.

Въ самомъ началѣ хлороформъ проникаетъ въ кровь; входная дверь - легкія. Кровь, насыщенная хлороформомъ, продолжаетъ свое обращеніе и снабжаетъ всѣ ткани организма введеннымъ въ нее ядомъ. Нѣтъ такого уголка въ живомъ организмѣ, который не подчинился бы, въ концѣ концовъ, вліянію могучаго элемента, примѣшаннаго къ крови.

Въ доказательствахъ нѣтъ недостатка. Сердце лягушки и черепахи, вынутое изъ тѣла, продолжаетъ регулярно биться, въ теченіи двухъ сутокъ; но если наполнить парами эѳира или хлороформа вмѣстилище, гдѣ это сердце положено, оно перестаетъ биться и «засыпаетъ» до тѣхъ поръ, пока пары не устранены. Дѣйствіе анестезирующихъ паровъ распространяется и на растенія. Извѣстное растеніе «нетровь-меня» закрывается при малѣйшемъ прикосновеніи, плотно сжимая лепестки и надвигая сверху черешокъ; но стоитъ положить это растеніе подъ колпакъ, насыщенный парами усыпляющаго яда,—и оно, черезъ нѣсколько минутъ, теряетъ всякую чувствительность; трогайте, мните, рвите его листья, усыпленное «нетронь-меня» не дастъ признаковъ жизни, пока не удалятъ оцѣпѣняющаго газа. Ядъ не ограничивается дѣйствіемъ на чувствительныя и двигательныя способности животныхъ и растеній: даже ростъ подвергается застою. Возьмемъ ячменное зерно, въ полномъ періодѣ произрастанія, и подвергнемъ его дѣйствію эѳира или хлороформа: развитіе роста прервется до удаленія яда, и тогда жизнь снова войдетъ въ свои права. Достаточно этихъ примѣровъ, чтобъ понять, какое неотразимое вліяніе имѣютъ анестезирующіе пары на организмы животныхъ и растеній.

Но животныя и растенія обладаютъ еще и другими отправленіями организма, не поддающимися летаргическому яду. Такимъ образомъ, въ то время какъ ростъ прекращается въ своемъ развитіи, зерно продолжаетъ дышать, т. е. поглощать угольную кислоту и выдѣлять кислородъ; продолжаетъ переваривать крахмалъ и сахаръ, находящіеся у него въ запасѣ. Клодъ Бернаръ, къ концу своей жизни достигъ разъясненія этого явленія. По его точной классификаціи, всѣ феномены, прекращающіе свои отправленія, подъ вліяніемъ анестезирующаго яда, (чувствительность, движенія, отдѣленія соковъ)—принадлежатъ къ разряду основныхъ «витальныхъ» процессовъ; тѣ же проявленія, которыя ускользаютъ отъ вліянія этого яда и продолжаютъ свою дѣятельность (дыханіе, пищевареніе) - относятся къ разряду физико-химическихъ процессовъ.

Признавъ эту теоретическую классификацію правильной, намъ легко будетъ прослѣдить и объяснить анестезированіе человѣка. Это тѣмъ удобнѣе, что усыпляющія средства, напр. хлороформъ, дѣйствуютъ не вдругъ на весь организмъ, а постепенно и опредѣленно, не уклоняясь отъ строгой и неизмѣнной послѣдовательности.

Для нагляднаго примѣра возьмемъ: птицу, мышь, лягушку и растеніе «нетронь-меня,» и запремъ ихъ въ какое нибудь вмѣстилище насыщенное напр. парами эѳира; черезъ четыре минуты птица, обладающая болѣе деликатнымъ организмомъ, падаетъ безъ чувствъ. Затѣмъ очередь мыши,—черезъ десять минутъ она теряетъ сознаніе. Лягушка парализуется позже; а послѣ всѣхъ, растеніе подчиняется дѣйствію яда; оно дѣлается нечувствительнымъ по прошествіи 25 минутъ.

То же происходитъ въ организмѣ человѣка; каждый органъ поражается поочередно, смотря по тому, какое мѣсто онъ занимаетъ въ іерархическомъ порядкѣ; послѣдними поддаются органы, находящіеся на низшей ступени общей экономіи. Во главѣ этой іерархіи находятся нервные элементы; они первые и уступаютъ дѣйствію яда.

Самый благородный и сложный органъ - головной мозгъ,—занимаетъ первое мѣсто въ нервной системѣ и поражается прежде всего. Феномены, находящіеся въ зависимости отъ него, какъ то: чувственныя впечатлѣнія и сознаніе, прекращаются, тогда какъ другія нервныя отправленія продолжаютъ еще функціонировать. Именно это-то состояніе паціента необходимо для хирурга; требуется временное отравленіе, съ цѣлью устраненія болѣзненныхъ ощущеній и сознанія.

Но, спустя нѣкоторое время, другіе органы начнутъ поражаться въ свою очередь, и жизнь подвергнется опасности. Нѣтъ надобности, чтобы «всѣ» органы были поражены, для того, чтобы жизнь прекратилась; достаточно «полнаго» уничтоженія какого-нибудь одного важнаго отправленія, чтобы вслѣдъ за нимъ всѣ другія, послѣдовательно, перестали функціонировать. Если нервные центры, управляющіе ритмомъ сердца или дыхательными движеніями, — совершенно прекратятъ свои отправленія—то смерть наступаетъ весьма быстро. Слѣдовательно, недостаточно ограничить дѣйствіе анестезирующихъ средствъ на нервной системѣ, надо еще соразмѣрить силу ихъ, чтобы не уничтожить вполнѣ главныхъ отправленій ея: дыханія и кровообращенія.

Природа какъ будто позаботилась одарить эти важнѣйшія функціи большей жизненностью и противодѣйствіемъ яду. Легкими управляетъ «дыхательный центръ продолговатаго мозга», - и онъ-то составляетъ ultimum moriens. Первый органъ, поражаемый ядомъ, - какъ мы уже сказали,—головной мозгъ; послѣдній—дыхательный центръ продолговатаго мозга.

Хирурги признаютъ четыре періода анестезированія: первый опредѣляется прекращеніемъ дѣятельности мозговыхъ полушарій, результатомъ чего является сонъ; второй — пораженіемъ той части спиннаго мозга, который служитъ проводникомъ чувствительности,—полная анестезія; третій—дѣйствіемъ на часть спиннаго мозга, управляющаго мускулами,— абсолютная неподвижность и спокойствіе членовъ; и, наконецъ, четвертый и послѣдній—пораженіемъ дыхательнаго центра продолговатаго мозга,—остановкой сердцебіенія и дыханія, т. е. оканчивается смертью, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ анестезированія, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ.

Необходимо принять во вниманіе одинъ важный пунктъ, а именно: анестезирующій ядъ, имѣющій свойство прекращать отправленія какого-либо органа, предварительно приводитъ его въ возбужденное состояніе. Параличу всегда предшествуетъ періодъ возбужденія. Нервы, въ этомъ случаѣ, похожи на костеръ каменнаго угля: первыя капли дождя усиливаютъ пламя, а слѣдующія постепенно тушатъ его.

Смотря по употребляемому яду, періодъ возбужденія, передъ каждымъ фазисомъ анестезированія, бываетъ болѣе или менѣе продолжителенъ. Закись азота парализуетъ быстрѣе другихъ ядовъ; возбужденіе передъ каждымъ періодомъ почти незамѣтно. Затѣмъ очередь хлороформа; возбужденіе, предшествующее параличу органа,—продолжительнѣе. Послѣднее мѣсто занимаетъ эѳиръ: медленность его дѣйствія допускаетъ долгое проявленія возбужденія,—что составляетъ большое неудобство этого яда.

И такъ, хлороформъ, введенный въ мозговыя полушарія, начинаетъ съ того, что приводитъ ихъ въ возбужденное состояніе прежде чѣмъ парализуетъ ихъ отправленія. Этимъ объясняются бредъ, видѣнія, галлюцинаціи и вся эта безпорядочная дѣятельность мозга, выражающаяся измѣненіями лица, словоохотливостью и подчасъ нескромностью рѣчей. Подносятъ къ ноздрямъ паціента губку, пропитанную хлороформомъ. Онъ вдохнулъ пять или шесть разъ: онъ еще не уснулъ; въ ушахъ у него шумъ, звонъ колоколовъ, свистки локомотива... Онъ начинаетъ говорить безъ толку, повторяетъ слышанную послѣднюю фразу; выражаетъ опасенія насчетъ исхода операціи; неожиданно дѣлаетъ необычайныя признанія, произноситъ имена, — но мысли быстро мѣняются и путаются, языкъ заплетается. Это опьяненіе, непродолжительное подъ хлороформомъ, довольно долгое подъ вліяніемъ эѳира,—уступаетъ мѣсто прекращенію мозговой дѣятельности, и сонъ, болѣе глубокій, чѣмъ нормальный, овладѣваетъ паціентомъ, — сонъ безъ сознанія и грезъ, пробужденіе отъ коего будетъ безъ воспоминаній.

Послѣ головныхъ полушарій, спинной мозгъ подчиняется вліянію анестетическаго яда. Территорія спинного мозга, куда примыкаютъ чувствительные нервы, перестаетъ работать. Нервы не отправляютъ болѣе къ головному мозгу впечатлѣній, которыхъ, въ данную минуту, тотъ и не въ состояніи-бы былъ принять. Исчезновеніе разныхъ формъ чувствительности происходитъ послѣдовательно и въ неизмѣнномъ порядкѣ. Прежде всего исчезаетъ чувствительность къ боли, такъ что въ началѣ паціентъ можетъ смутно ощущать порѣзы, не испытывая боли. Потомъ исчезаетъ тактильная способность: кожа членовъ и туловища не ощущаетъ прикосновенія посторонняго тѣла; можно трогать паціента, тянуть, щипать—онъ остается безучастнымъ. Кожа лица дѣлается нечувствительной моментъ спустя, а затѣмъ и оболочки глазъ. Хирургъ, благодаря этой строгой и неизмѣнной послѣдовательности, можетъ безошибочно опредѣлить степень анестезіи.

Парализовавъ органы чувствительности, ядъ проникаетъ въ двигательные снаряды. Та часть спинного мозга, которая управляетъ двигательными нервами, поражена въ свою очередь. Третій періодъ анестезированія начался. Физіологическій законъ предписываетъ двигательнымъ нервамъ подвергнуться возбужденію прежде, чѣмъ впасть въ бездѣйствіе. Конвульсивная тревога овладѣваетъ мускулами, въ особенности дыхательными. Глазныя яблоки приходятъ въ безпорядочное состояніе: каждое изъ нихъ двигается независимо отъ другого, пока оба не закатятся за верхнюю вѣку. Зубы крѣпко стискиваются, и требуется большое усиліе, чтобы разжать паціенту челюсти. Онъ мечется, борется, предается безпорядочнымъ движеніямъ съ необычайной силой. Но вскорѣ мускулы ослабѣваютъ и наступаетъ спокойствіе. Конвульсіи прекращаются и двигательные нервы парализованы. Безжизненные члены, приподнятые посторонней рукой, безсильно и тяжело падаютъ. Третій періодъ въ самомъ апогеѣ, — воля, чувствительность и сознаніе уничтожены, организмъ живетъ одной вегетативной жизнью, физико-химическіе процессы одни продолжаются. Этими моментами долженъ воспользоваться хирургъ.

Ассистенты стараются продолжить третій періодъ анестезіи и зорко слѣдятъ, чтобъ отравленіе не перешло въ угрожающую опасность для жизни. Еще одинъ шагъ и дыхательный центръ продолговатаго мозга (bulbe rachidien) подвергнется дѣйствію яда, а отъ него зависятъ отправленія сердца и дыханіе. Остановка сердцебіенія и въ то же время учащенное дыханіе — вотъ первый признакъ серьезной опасности, ведущей къ скорой смерти.

Раздраженный центръ продолговаго мозга быстро подвергается параличу и вслѣдъ за біеніемъ сердца прекратится дыханіе.

Въ 1848 г., т. е. въ самомъ началѣ примѣненія анестезированія къ хирургіи, Седильо указалъ на четыре смертныхъ случая, которые онъ приписалъ дѣйствію анестезирующихъ средствъ. Годъ отъ году число жертвъ прибавлялось. Но преувеличивать не слѣдуетъ: въ крымскую кампанію, изъ двадцати тысячъ операцій подъ хлороформомъ,—только двѣ окончились неблагопріятно. Въ 1864 г. во время войны съ Даніей, не было «ни одного» смертнаго случая, который можно-бы приписать дѣйствію хлороформа. Хирургъ Нуссбаумъ, изъ Мюнхена, на глазахъ котораго сдѣлано до 15,000 операцій подъ хлороформомъ, утверждаетъ что не было ни одного смертельнаго исхода. Самая полная статистика Дюрэ насчитываетъ съ 1847 г. по 1880—241 смертельный случай отъ хлороформированія. Конечно и это слишкомъ много; но если принять во вниманіе, какая громадная цифра остается за благополучнымъ исходомъ, за этотъ періодъ времени, то надо сознаться, что процентъ несчастныхъ случаевъ невеликъ. Да и можно-ли съ достовѣрностью утверждать, что всѣ упомянутые случаи смерти, произошли отъ отравленія анестезирующимъ ядомъ? Не справедливѣе-ли отнести, хоть часть ихъ къ условіямъ операціи и индивидуальнымъ особенностямъ паціентовъ??...

Противодѣйствія, которыми можетъ располагать хирургъ, очень ничтожны — это несомнѣнно. Нелатонъ предлагаетъ слѣдующій механическій способъ: когда замѣчались признаки, грозившіе опасностью, онъ перевертывалъ паціента головой внизъ и держалъ его въ такомъ положеніи нѣкоторое время. Такимъ образомъ ему удалось спасти нѣсколькихъ паціентовъ, жизнь которыхъ подвергалась неминуемой опасности. Въ его практикѣ разсказывается не одинъ подобный фактъ. Русскій хирургъ, Шпореръ, дѣлалъ извлеченіе полипа изъ носа шестилѣтняго ребенка, подъ хлороформомъ.

Кончивъ операцію, онъ видитъ, что пульсъ ребенка пересталъ биться и дыханіе остановилось. Онъ схватываетъ ребенка за ноги, бѣжитъ къ растворенному окну и, держа маленькаго паціента въ вертикальномъ положеніи, раскачиваетъ его въ воздухѣ. Черезъ пять минутъ лицо больного принимаетъ розовый оттѣнокъ, дыханіе возобновляется—ребенокъ спасенъ.

Но если этотъ способъ можетъ быть съ успѣхомъ примѣненъ къ хлороформу, то при другихъ анестезирующихъ средствахъ онъ будетъ имѣть какъ разъ обратное дѣйствіе, т. е. ухудшитъ положеніе, а не спасетъ.

Наблюденія и опытъ объяснили, что хлороформъ имѣетъ свойство сжимать кровеносные сосуды и такимъ образомъ производитъ временную анемію нервныхъ центровъ; понятно, что опрокидываніе паціента головой внизъ гонитъ кровь къ головному и спинному мозгу, которые въ данный моментъ нуждаются въ ней. Дѣйствіе-же бромистаго этила, хлорала или эѳира на кровообращеніе — совсѣмъ иное. Арлуанъ объясняетъ, напр., что эѳиръ расширяетъ мозговые сосуды, слѣдовательно когда анестезія парализуетъ нервную систему, то сосуды эти оказываются переполненными кровью. Какую-же пользу можетъ принести, въ этомъ случаѣ, способъ, предложенный Нелатономъ? Очевидно онъ только ухудшитъ положеніе.

Большинство хирурговъ прибѣгаетъ, въ случаяхъ опасности, къ электричеству и искусственному дыханію. Анестезированнаго субъекта приводятъ въ чувство, какъ утопленника. Прильнувъ ртомъ къ его рту, производятъ сильныя и регулярныя вдыханія, а рукой нажимаютъ поочередно грудь и желудокъ; электрическимъ токомъ раздражаютъ нервы, управляющіе движеніями діафрагмы.

Все это поможетъ въ томъ случаѣ, если опасность угрожаетъ со стороны дыханія. Но если опасность грозитъ сердцу—эти средства повредятъ, а не помогутъ. Какъ только сердце перестало биться—надо стремиться оживить его. Тутъ помогаетъ электрическій токъ, направленный на позвоночный столбъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается шея и начинается спина.

Нѣкоторымъ физіологамъ, дѣлавшимъ опыты надъ животными, удавалось возстановить дѣятельность сердца, введеніемъ небольшой дозы атропина.

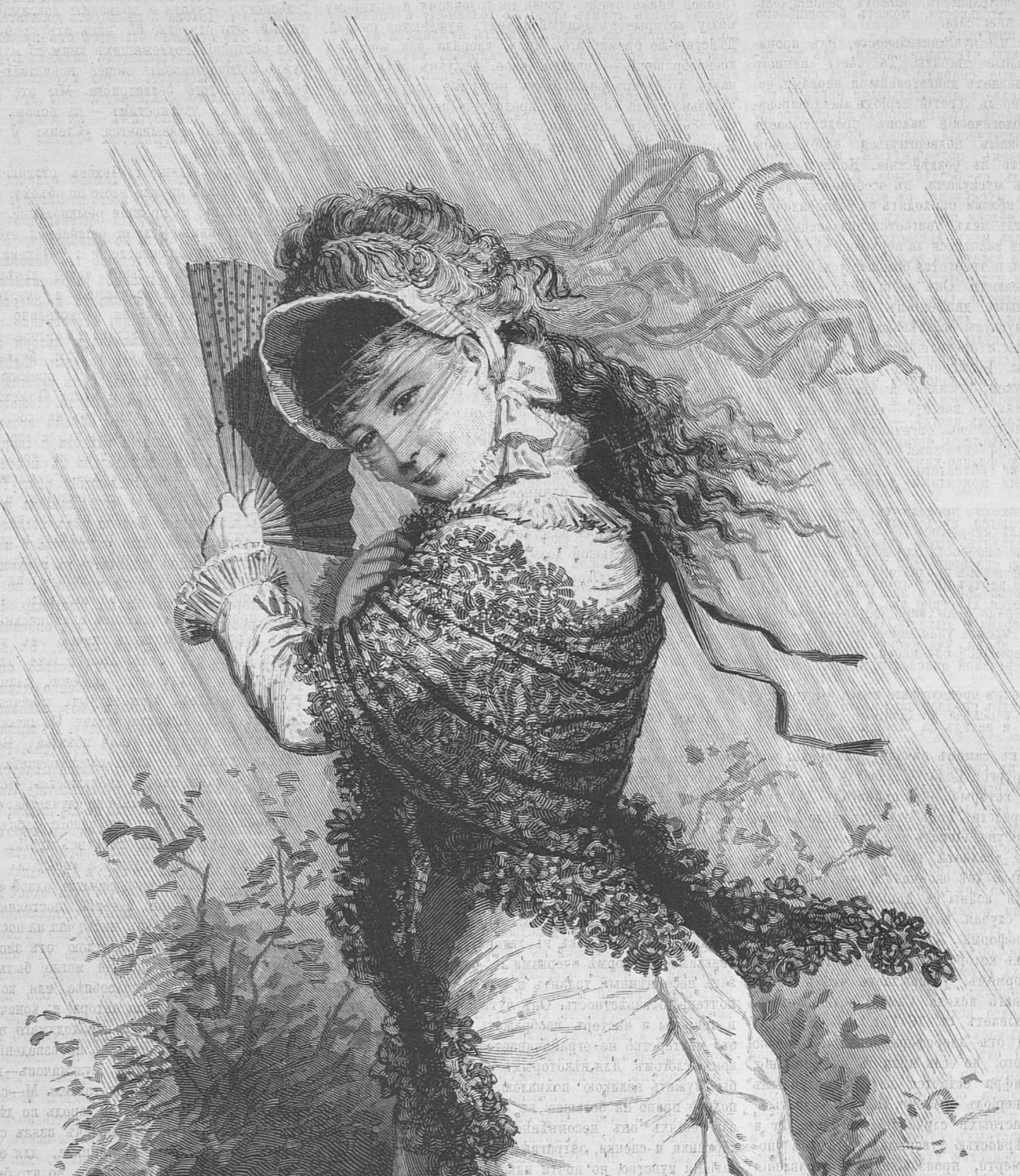
(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Сѣверный Вѣстникъ».

Между беллетристическими произведеніями, помѣщенными въ «Сѣверн. Вѣстн.», обращаютъ на себя особенное вниманіе два разсказа: одинъ принадлежитъ г. А. Чехову, другой—г. В. Короленкѣ. Намъ въ журнальныхъ обозрѣніяхъ въ первый разъ приходится говорить о г. Чеховѣ. Это произошло отъ случайныхъ причинъ. Онъ помѣщалъ до сихъ поръ свои произведенія въ газетныхъ фельетонахъ, обзоръ которыхъ не подходитъ подъ нашу рубрику. Теперь, кажется, въ первый разъ является его произведеніе въ толстомъ журналѣ и мы спѣшимъ съ великимъ удовольствіемъ бесѣдовать о немъ. Г. Чеховъ не новичекъ въ литературѣ: онъ своими маленькими по формѣ очерками и разсказами уже доказалъ несомнѣнный талантъ и успѣлъ заслужить очень почтенную извѣстность. Онъ чуткій наблюдатель людей и природы и мастеръ изображать свои наблюденія, и это мастерство не ограничивается однимъ только языкомъ, слогомъ. Для нѣкоторыхъ разсказчиковъ это могло бы служить великою похвалою, а г. Чеховъ имѣетъ полное право на большее: въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ несомнѣнно художникъ. Онъ пишетъ картинки и сценки, затрагивающія мысль или возбуждающія чувство, но почти никогда не пріискиваетъ для общей мысли формы, не придумываетъ для тенденціи фабулы, разсказца. Онъ можетъ быть названъ беллетристомъ безъидейнымъ: въ немъ не замѣчается безвкуснаго протоколизма, въ немъ нѣтъ и слащавой тенденціозности. Можетъ быть, поэтому разсказцы его просты и живы по формѣ и содержанію, и по прочтеніи ихъ не возникаетъ вопросовъ: «какъ могло это случиться? ужели это такъ именно было? почему автору угодно было разсказать именно это, а не что-нибудь другое»? Нужно прибавить къ общей характеристикѣ г. Чехова, что онъ въ своихъ разсказахъ очень разнообразенъ: онъ знаетъ не одинъ какой-нибудь слой общества, а многіе, и одинаково искусно справляется съ изображеніемъ различныхъ характеровъ и жизненныхъ положеній. О немъ нельзя сказать: это военный беллетристъ или мужицкій, или клубничный, или психопатскій; вѣдь нѣкоторые писатели спеціализируются по этимъ отдѣламъ; а у г. Чехова найдете всего въ мѣру, понемножку. Кто вздумаетъ обвинять насъ, что расточаемъ однѣ только похвалы молодому писателю, пусть припомнитъ старое премудрое изрѣченіе: «и на солнцѣ есть пятна». Но кто же говоритъ объ этихъ пятнахъ? развѣ въ нихъ главное и существенное? Само собою подразумѣвается, что и въ произведеніяхъ г. Чехова «не вся добро зѣло», не каждый разсказъ мастерски написанъ. Но чего больше: хорошаго или дурного? Мы замѣтили больше хорошаго. Конечно, наша характеристика обща и бездоказательна. Но мы и не имѣли въ виду сдѣлать обстоятельный анализъ литературной дѣятельности г. Чехова и приводить доказательства своихъ мнѣній. Это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей задачи обозрѣнія подлежащихъ книжекъ журналовъ. Намъ нужно было высказать общее впечатлѣніе отъ произведеній молодого беллетриста. Мы это сдѣлали и переходимъ къ частностямъ — къ новому произведенію г. Чехова. Оно называется: «Степь» и помѣщено въ «Сѣвер. Вѣстн.».

Новое произведеніе г. Чехова отличается отъ прежнихъ его вещей прежде всего по объему: оно обнимаетъ шесть листовъ, а прежнія обыкновенно занимали нѣсколько страницъ. Если не ошибаемся, это первое большое по объему произведеніе г. Чехова. Интересный вопросъ: чѣмъ-же вызвано такое измѣненіе? почему мастеръ маленькихъ разсказовъ и очерковъ взялся за большую вещь? Конечно, естественно предположить, что самый предметъ заставилъ автора выступить изъ узкихъ рамокъ, сложность фабулы, болѣе широкіе замыслы автора не умѣщались въ прежнюю форму, требовали больше простора и мѣста. Можетъ быть, такимъ образомъ, измѣненіе формы объема соотвѣтствуетъ новому фазису въ развитіи таланта и творчества автора. Если всмотрѣться внимательно въ новое произведеніе г. Чехова, то эти предположенія окажутся не вполнѣ основательными. Между содержаніемъ и объемомъ новаго произведенія г. Чехова нѣтъ тѣснаго соотношенія: то же самое можно было разсказать и несравненно короче и несравненно длиннѣе, и въ первомъ предполагаемомъ случаѣ произведеніе ничего бы не утратило, какъ и во второмъ ничего бы не выиграло. Главное содержаніе произведенія состоитъ изъ описаній степи—раннимъ утромъ, въ полдень, ночью, въ яркій день, во время дождя и т. д. Но одни только описанія видовъ природы не могутъ быть особенно длинны, чтобы не утомить читателя. Можетъ быть, сознавая это, авторъ принялъ болѣе широкую задачу. Къ заглавію: «Степь»—прибавлено: «исторія одной поѣздки». Вы по заглавію можете думать, что здѣсь разсказывается какая-нибудь «исторія», какое-нибудь происшествіе. Но никакой исторіи, никакого происшествія не случается; описано только передвиженіе по степи отъ одного города до другого, обычнаго путешествія, какъ всѣ другія; все дѣло состоитъ въ описаніи степи, а «поѣздка» тутъ ни причемъ. Если нѣтъ одного событія, одной исторіи, то есть много событій, много исторій, постоянныхъ при всякой поѣздкѣ, напримѣръ, питье чая на постояломъ дворѣ, отдыхъ въ полѣ подъ кибиткою отъ зноя и проч. въ этомъ родѣ. Этихъ событій могло быть больше или меньше, описать ихъ подробнѣе или короче—все это зависитъ отъ произвола автора; и, конечно, все это не можетъ имѣть прямого и необходимаго вліянія на размѣры произведенія. Есть въ произведеніи г. Чехова и лица: Иванъ Ивановичъ Кузьмичовъ—купецъ, отецъ Христофоръ Сирійскій—настоятель М—ской Николаевской церкви: они ѣдутъ въ городъ по дѣламъ для продажи шерсти. Иванъ Ивановичъ взялъ съ собою, кстати, Егорушку, своего племянника, для опредѣленія въ гимназію. Если бы нужно было, во что бы то ни стало, въ произведеніи г. Чехова искать главное лицо, то таковымъ бы оказался Егорушка: такъ какъ имъ,—его думами и ощущеніями—авторъ занимается болѣе, чѣмъ другими лицами. Но не для него, не для изображенія его думъ, ощущеній и впечатлѣній писалъ г. Чеховъ свое произведеніе: въ разсказѣ, Егорушка все-таки нѣчто добавочное и, пожалуй, случайное, какъ и всѣ другія лица. Въ произведеніи г. Чехова нѣтъ одного центральнаго событія и нѣтъ главнаго лица; онъ далъ нѣсколько картинъ природы и нѣсколько сценъ; сами по себѣ картины и сцены хороши; но достоинство ихъ не увеличивается нисколько отъ того, что онѣ поставлены рядомъ, переплетены въ одну раму. Намъ думается, что цѣлое нисколько не пострадаетъ, если изъ общей рамы что нибудь вынуть, и даже никто этого не замѣтитъ. Большой размѣръ новаго произведенія г. Чехова, намъ кажется, не показываетъ ничего новаго въ развитіи его творчества. Не знаемъ куда, къ какому роду отнести произведеніе г. Чехова; можетъ быть, въ построеніи его даже есть какой нибудь изъянъ. Но во всякомъ случаѣ въ немъ есть и такое, чего совсѣмъ нѣтъ у многихъ патентованныхъ составителей большихъ романовъ и повѣстей, во вкусѣ Флобера и Золя: есть жизненность, чуткость и талантъ. Описанія природы иногда безукоризненно хороши; коротенькія, иногда какъ то мимоходомъ сказанныя, характеристики прямо знакомятъ васъ съ живыми лицами: развѣ вы не понимаете сухого дѣльца Кузьмичова или благодушнаго отца



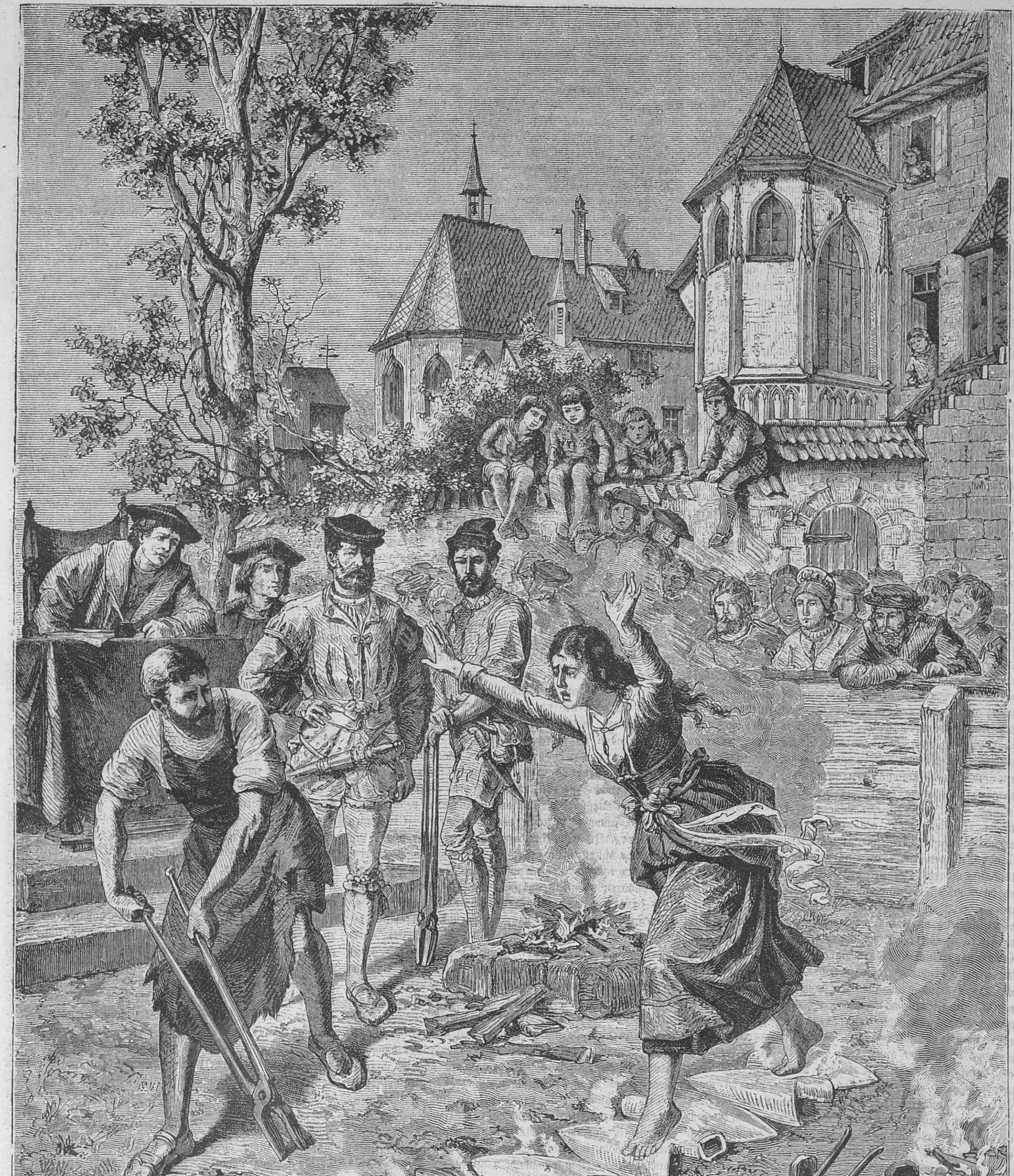
Весенній вихрь.

Нарядная, какъ пестрый мотылекъ,
Она идетъ подъ знойными лучами
И рѣзвый вихрь горячими струями
Касается ея пурпурныхъ щекъ.

Оборонясь слегка отъ ласкъ нескромныхъ,
Она идетъ, полуоткрывъ уста,
И ласкъ иныхъ ей чувствуется теплота
Въ тиши ночей таинственныхъ и темныхъ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Рисунокъ Г. Мерте.



Испытаніе каленымъ желѣзомъ.

Христофора Сирійскаго, ужели не интересенъ влюбленный степнякъ?

Разсказъ г. Короленки по заглавію напоминаетъ разсказъ г. Чехова, но по содержанію и задачѣ совершенно отличается отъ него. Онъ называется: «По пути», но занимается не природою, а главнымъ образомъ человѣкомъ, его внутреннимъ міромъ, психологіей. Форма разсказа—передвиженіе партій ссыльныхъ арестантовъ отъ одного пункта до другого. Авторъ хорошо знаетъ этихъ людей и этотъ бытъ; вы можете познакомиться съ арестантскими порядками и съ обстановкою жизни во время движенія и на ночлегахъ. Но не въ этомъ дѣло; это только рама. На главномъ мѣстѣ картины два лица: съ дѣтства бродяга и вѣчный обитатель тюрьмы и ссылки Пановъ, называемый Безпріютнымъ,—и молодой образованный человѣкъ Залѣсскій. Безпріютный—типическая фигура бродяги и острожника съ дѣтства, онъ и не помнитъ себя другимъ человѣкомъ; бродяжничество—его сословіе, профессія, обычный образъ жизни. Онъ не душегубъ, не разбойникъ, а только бродяга, и, конечно, воръ, но случайно, по необходимости, не ради стяжанія. «Никто не зналъ за нимъ кровавыхъ преступленій, и когда онъ подходилъ съ котомкой и котелкомъ къ воротамъ деревенской «поскотины» (околицы)—старики «поскотники» (караульные) встрѣчали его, какъ пріятеля.—Опять убѣгъ видно?—Опять.—Откеда теперича Богъ несетъ?—Съ Кары—отвѣчалъ Пановъ, или съ дороги, отъ какого нибудь сердитаго начальника. А иногда онъ сообщалъ: «въ Якутахъ, братецъ ты мой, былъ. Недалече отъ холоднаго моря». За то Пановъ былъ грозой скупыхъ богачей и крѣпко огороженныхъ заимокъ. Всѣ его преступленія, за которыя онъ нерѣдко судился,—были преступленія смѣлаго путешественника, берущаго необходимое силой тамъ, гдѣ его не дадутъ добровольно.—Да вѣдь онъ, ваше благородіе, какой человѣкъ! объявлялъ онъ на допросахъ. Онъ никогда бродяжному человѣку куска хлѣба не дастъ.—Какъ же ты къ нему забрался? спрашивали судьи,—и Пановъ откровенно объяснялъ ловкую продѣлку. Затѣмъ ставили приговоръ, и бродяга опять откуда-нибудь убѣгалъ. Никто лучше Панова не зналъ всю дорогу и каждую бродяжью тропинку въ Забайкальи. Въ четырехъ стѣнахъ за рѣшеткой и на верхушкахъ Гольцовъ, гдѣ надъ головой носятся орлы, и тайга шумитъ безъ конца, какъ море,—всюду онъ чувствовалъ себя дома, импонируя товарищамъ самоувѣренностью и спокойствіемъ. Удаль его побѣговъ вызывала восторженное удивленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ на его слово начальство полагалось больше, чѣмъ на самый многочисленный конвой». Таковъ Пановъ: фигура опредѣленная, въ своей средѣ весьма почтенная и авторитетная. Его біографія объясняетъ и его взгляды на жизнь, его философію: все это несложно и вполнѣ понятно. Можетъ быть, авторъ нѣсколько и пріукрасилъ Панова; но онъ отъ этого не утратилъ реальности и опредѣленности. Рядомъ съ Пановымъ-Безпріютнымъ въ разсказѣ г. Короленки стоитъ Залѣсскій, человѣкъ другой среды и другого образованія. Ему авторъ удѣляетъ больше вниманія и чрезъ него хочетъ сказать читателю о жизни нѣчто болѣе сложное и глубокое. Тэма прекрасная и задача широкая! Поставьте рядомъ въ одной обстановкѣ двѣ различныя фигуры, и пусть онѣ дополняютъ и объясняютъ одна другую. Такое сопоставленіе, если оно будетъ сдѣлано удачно, освѣтитъ разные слои общества, разные взгляды, придвинетъ къ пониманію сложныхъ бытовыхъ и соціальныхъ отношеній. Но что намъ далъ авторъ? Мы не знаемъ, кто Залѣсскій, что выбросило его изъ общества, какое тяготитъ надъ нимъ преступленіе и какъ онъ очутился рядомъ съ бродягою Пановымъ-Безпріютнымъ. Можетъ быть, въ порывѣ страсти онъ лишилъ кого-нибудь жизни; можетъ быть, онъ страдаетъ совсѣмъ невинно; можетъ быть, онъ явился сознательнымъ противникомъ сложившихся общественныхъ отношеній. Чтобы понять Залѣсскаго, все это намъ нужно знать; а авторъ намъ этого не сказалъ и даже не сдѣлалъ намека. Залѣсскій измученный, больной, не хочетъ сѣсть на подводу, и идетъ въ ряду съ арестантами. Почему онъ это дѣлаетъ: по простому упорству и желанію выглядѣть, какъ другіе, или онъ желаетъ увеличить самъ тягость наказанія для заглаженія сознаваемой вины и для нравственнаго удовлетворенія? И этого мы не догадываемся; личность образованнаго арестанта для насъ темна. Предположить, что авторъ преднамѣренно скрылъ отъ насъ всѣ фактическія и біографическія свѣдѣнія о Залѣсскомъ, чтобы сосредоточить наше вниманіе на его теперешнихъ ощущеніяхъ и думахъ. Новыя впечатлѣнія окружающая среда, личная судьба и судьба другихъ—не возбуждаетъ въ немъ усиленнаго процесса мысли. Ему кажется, что бродяга Пановъ можетъ многое сообщить ему о жизни арестантской и о жизни вообще. «Онъ ищетъ истины и блага для себя и для другихъ, и пришелъ къ истинѣ и нравственному успокоенію». Все вокругъ его и онъ самъ за одно со всей природой сладко вздрагивалъ отъ прилива жизни. Ему казалось, что онъ слышитъ трепетаніе живого духа гдѣ-то близко, за тонкой стѣной, ощущаетъ близость какой-то правды, которую пока только предчувствуетъ, но вотъ она хлынетъ на него, на всѣхъ неудержимой волной. И онъ весь трепеталъ. Ему казалось, что онъ уже обладаетъ тѣмъ общимъ словомъ, для счастливыхъ и несчастныхъ, которое все разрѣшаетъ. Онъ не отказался ни отъ одной истины, не закрылъ малодушно глазъ ни на одно изъ сомнѣній, но эта его правда не борется съ истиной и сомнѣнія ей не страшны. Какое счастіе!» Мы слыхали объ искупляющемъ значеніи наказанія, о достиженіи истины и успокоенія тернистымъ путемъ страданія, о тяжеломъ жизненномъ опытѣ, дающемъ незыблемое убѣжденіе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что именно нѣчто такое могло случиться съ Залѣсскимъ. Но какъ это случилось, какимъ химическимъ процессомъ онъ достигъ до этого, въ награду, за что онъ обрѣлъ истину и успокоеніе—ничего этого мы не знаемъ. Для читателя остается широкій просторъ догадокъ и предположеній очень интересныхъ и поучительныхъ. Онъ начинаетъ благодарить автора, что онъ возбудилъ въ немъ эти предположенія и вопросы, хотя и не далъ указаній на опредѣленные отвѣты. Несчастный Залѣсскій нашелъ истину, онъ владѣетъ словомъ для счастливыхъ и несчастныхъ. «Какое счастіе!» восклицаетъ читатель вмѣстѣ съ авторомъ. Но безжалостный авторъ прибавляетъ: «Къ великому сожалѣнію—все это происходило только во снѣ, и очень вѣроятно, что все это было прямымъ послѣдствіемъ веселаго чириканья воробьевъ, птицы беззаботной и глупой». Такъ это сонъ! А что-же было на яву? Додумался-ли до чего-нибудь Залѣсскій? Личность Залѣсскаго совсѣмъ заволокло туманомъ. Залѣсскій боленъ и скоро попадетъ въ больницу- это мы знаемъ. Но онъ только душевнобольной или мечтатель идеалистъ? Какъ относится къ нему авторъ и какова идея разсказа? Мы не находимъ на это рѣшенія въ разсказѣ, и это, по нашему разумѣнію, нельзя считать достоинствомъ художественнаго произведенія. Не смотря на то, что въ разсказѣ г. Короленки есть какая-то неясность въ замыслѣ и въ исполненіи, разсказъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

По недостатку мѣста мы проходимъ молчаніемъ романъ г-жи Шабельской, какъ и другія вещи, помѣщенныя въ «Сѣверн. Вѣстн.»; но позволяемъ себѣ прибавить два слова о художественной критикѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Въ толстыхъ журналахъ теперь рѣдко попадаются критическія статьи и это очень жаль: критикѣ въ настоящее время предстоитъ много настоятельной работы; нужно провѣрить старые взгляды, нужно дать отвѣты и на новые запросы. Къ сожалѣнію, не можемъ думать, что въ данномъ случаѣ критика «Сѣв. Вѣстн.» окажетъ важную услугу. Это зависитъ, спѣшимъ оговориться, не отъ личныхъ достоинствъ представителя критики «Сѣверн. Вѣстн.», а отъ манеры его, что-ли, не знаемъ, какъ точно выразиться. Въ одной изъ прошлыхъ хроникъ мы говорили, какъ легко упразднилъ г. М. Пр., критикъ «Сѣверн. Вѣстн.», въ своей статьѣ: «Забытый поэтъ», всю поэзію покойнаго Мея. Бойкая статья потеряла силу убѣдительности только вслѣдствіе того, что запоздала своимъ появленіемъ лѣтъ на тридцать. Теперь г. М. Пр. опять трактуетъ о старомъ литературномъ явленіи и опять въ старомъ вкусѣ. Онъ восхваляетъ Некрасова и отдѣлываетъ его критиковъ. Некрасовъ знаменитый поэтъ; онъ полубогъ молодого поколѣнія. Все это такъ, доказывать этого не приходится и горячиться здѣсь нѣтъ нужды, а кое-что объяснить въ поэзіи Некрасова пожалуй весьма бы было кстати. Но нашъ критикъ только воюетъ. Многіе почтенные и умные люди не раздѣляли восторговъ молодого поколѣнія къ Некрасову. Почему-же это такъ случилось и нѣтъ ли въ мнѣніяхъ этихъ почтенныхъ людей хоть какой-нибудь правды? Этотъ вопросъ, право, не утратилъ интереса и рѣшать все дѣло только тѣмъ, что критики эти такъ были дурковаты, въ настоящее время, право, не приходится. Это невеликодушно; а восхваленіе Некрасова въ наше время едва-ли можетъ служить доказательствомъ особеннаго героизма или оригинальности.

П. Скромный.

* * *

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый германскій императоръ издалъ наконецъ свой манифестъ къ народу, подписанный 18 іюня (нов. стиля) въ Потсдамѣ. Манифестъ этотъ представляетъ много любопытнаго.

«Божьему Промыслу угодно было ниспослать намъ новое тяжкое горе. Едва бренные останки незабвеннаго моего дѣда опущены въ могилу, какъ и его величество мой возлюбленный родитель отозванъ изъ этого міра на вѣчный покой. Геройская, обусловленная христіанскимъ самоотверженіемъ энергія, съ которою онъ не смотря на свой недугъ, исполнялъ свои королевскія обязанности, какъ бы возбуждала надежду на то, что онъ еще долго будетъ жить для блага отечества. Но Богу было угодно иначе. Державному страдальцу, чье сердце билось для всего великаго и прекраснаго, дано было прожить лишь нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы и на престолѣ проявить тѣ благородныя качества ума и сердца, которыя снискали ему любовь его народа. О добродѣтеляхъ, украшавшихъ его, о побѣдахъ, одержанныхъ имъ нѣкогда на поляхъ сраженій, будутъ вспоминать съ благодарностью до тѣхъ поръ, пока будутъ биться нѣмецкія сердца, и неувядаемая слава будетъ осѣнять его рыцарскій обликъ на скрижаляхъ отечественной исторіи.

Призванный на прародительскій престолъ, я принялъ управленіе, уповая на Царя-Царей, и далъ Богу обѣтъ по примѣру предковъ, быть для своего народа государемъ справедливымъ и милостивымъ, соблюдать кротость, быть богобоязненнымъ, охранять миръ, содѣйствовать благополучію страны, оказывать помощь бѣднымъ и угнетеннымъ и быть вѣрнымъ стражемъ права. Моля Господа ниспослать мнѣ силу для выполненія этихъ королевскихъ обязанностей, возложенныхъ на меня Его волею, я въ то-же время исполненъ довѣрія къ прусскому народу, почерпаемаго мною изъ нашей исторіи. Въ счастливые дни и въ годины бѣдствій прусскій народъ всегда оставался преданнымъ своему государю. На эту преданность, узы которой по отношенію къ моимъ предкамъ оказывались неразрывными въ самыя тяжелыя времена и при всѣхъ опасностяхъ, разсчитываю и я въ сознаніи, что я раздѣляю это чувство отъ всего сердца, какъ преданный государь преданнаго народа, оба одинаково сильные въ любви къ общему отечеству. Въ этомъ сознаніи взаимности любви, связывающей меня съ моимъ народомъ почерпаю я увѣренность, что Богъ даруетъ мнѣ силу и мудрость, необходимыя для исполненія моихъ королевскихъ обязанностей для блага отечества». — Манифестъ этотъ вызвалъ разнообразныя оцѣнки и толкованія въ томъ, что касается до программы внутренней политики новаго царствованія; но всѣ единогласно признаютъ, что въ немъ нельзя найти ни малѣйшаго указанія на опасность, которая-бы грозила европейскому миру и всюду—за однимъ только исключеніемъ—высказываются успокоительныя надежды. Дѣло въ томъ, что миролюбіе германской политики основано не столько на доброй волѣ одного лица, будь это могущественный императоръ или геніальный государственный мужъ, который, безъ сомнѣнія, и при новомъ государѣ сохранитъ свой постъ, сколько на самой силѣ вещей. «Германія, если дѣло идетъ объ оборонѣ, грозная, быть можетъ, даже непреодолимая держава, но въ наступательной войнѣ она измѣнитъ своей натурѣ и причинамъ своего бытія и такимъ образомъ сама подрѣжетъ корни своей силы». Эти послѣднія слова принадлежатъ с.-петербургской нѣмецкой газетѣ, весьма расположенной къ Бисмарку.—Для Россіи, надо надѣяться,—опасность столкновеній еще болѣе уменьшается: въ «Boersencourier» напечатано полученное изъ весьма свѣдущаго источника сообщеніе о томъ, что императоръ, принимая великаго князя Владиміра Александровича, выразилъ горячее желаніе, чтобы Германія въ его управленіе поддерживала съ русскимъ правительствомъ и русскимъ народомъ такія-же дружественныя отношенія какъ при управленіяхъ его дѣда и родителя. Императоръ присовокупилъ, что онъ надѣется найти случай выразить оффиціальнымъ образомъ питаемыя имъ къ нашему Государю чувства.

За то въ Австріи встревожились не на шутку и даже оппозиція поспѣшила утвердить новые военные кредиты. Молодой императоръ ни однимъ словомъ не заикнулся о «святости заключенныхъ договоровъ», не сдѣлалъ ни малѣйшаго даже косвеннаго намека на тотъ австро-германскій союзъ, про который столько говорили самымъ напыщеннымъ тономъ еще на-дняхъ графъ Кальноки и другіе ораторы австро-венгерскихъ делегацій. Какъ-же не тревожиться при подобныхъ условіяхъ людямъ, возлагавшимъ всѣ свои надежды на пресловутую лигу мира для достиженія на Балканскомъ полуостровѣ своихъ стремленій и замысловъ. Прекрасно резюмировано общее настроеніе въ статьѣ Times'а, переданной 8 іюня по телеграфу изъ Лондона. «Кончина императора Фридриха и вступленіе его сына на престолъ несомнѣнно указываютъ на вѣроятность закончанія періода неопредѣленности, въ который вступили европейскія дѣла около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ. Что касается Германіи, то мы должны теперь считаться съ личностью, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ въ теченіе еще многихъ грядущихъ лѣтъ оказывать вліяніе на общественныя дѣла. Можно, однако, считать дѣломъ рѣшеннымъ, что Германія желаетъ мира и будетъ желать его и впредь, пока миръ можетъ быть сохраняемъ на условіяхъ, согласныхъ съ достоинствомъ, благополучіемъ и устойчивостью германской имперіи. Если европейскій миръ нарушится, то это случится не потому, чтобы Германія перестала желать его, а оттого, что другія державы оказались бы настроенными менѣе миролюбиво, чѣмъ Германія, и потому, что ихъ государи были бы отвлечены отъ контроля надъ ходомъ событій». «Во Франціи безпокойство разсѣялось при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Затѣмъ президентъ Карно сообщилъ въ засѣданіи совѣта министровъ полученный имъ отъ императора Вильгельма отвѣтъ на телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія. Императоръ присоединяется къ выраженному г. Карно желанію относительно сохраненія дружественныхъ отношеній между Германіей и Франціей. Внутреннія дѣла во Франціи идутъ своимъ чередомъ и, повидимому, раздоры партій могутъ скоро улечься; правительственные республиканцы продолжаютъ свое отступленіе въ полномъ боевомъ порядкѣ передъ требованіями, поставленными во главѣ программы буланжистовъ. Шагъ за шагомъ, день за днемъ, отвоевываютъ себѣ почву сторонники этихъ требованій. Сначала частныя уступки и компромиссы правительственныхъ республиканцевъ ограничились вопросомъ о пересмотрѣ конституціи, у которой въ концѣ концовъ не оказывается уже болѣе почти вовсе защитниковъ. Теперь очередь за распущеніемъ палаты депутатовъ или, по крайней мѣрѣ, за поставленнымъ столь рѣзко и опредѣленно буланжистами вопросомъ о непригодности къ законодательному дѣлу нынѣшняго состава этого собранія. Надняхъ на публичномъ банкетѣ самъ президентъ палаты, Мелинъ, рѣшилъ этотъ послѣдній вопросъ въ смыслѣ совершенно согласномъ съ заявленіями буланжистовъ. Онъ призналъ существованіе «неустойчивости парламентскаго механизма» и, какъ средство возстановленія этой устойчивости, рекомендовалъ... какъ разъ половину того, чего требуютъ буланжисты. По его мнѣнію, распускать палату не зачѣмъ, ибо немедленные выборы только затруднятъ положеніе страны, а достаточно обновить частностью ея составъ, т. е. избрать по жребію извѣстное число членовъ, которые будутъ обязаны сложить свои полномочія и произвести многочисленные, но все-таки «частные» выборы на открывшіяся такимъ образомъ ваканціи. Еще нѣсколько уступокъ, и получится сплоченная республиканская партія, обладающая значительнымъ большинствомъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 6 іюня по военному вѣдомству объявлено, чтобы по случаю кончины его величества императора германскаго короля прусскаго Фридриха III, полкамъ: с.-петербургскому Гренадерскому короля Фридриха Вильгельма III, 5-му пѣхотному Калужскому императора Вильгельма I и 33-му драгунскому Изюмскому его императорскаго королевскаго величества императора германскаго короля прусскаго Фридриха III наложить трауръ на четыре недѣли, причемъ, первые три дня: носить полный трауръ и при отданіи чести въ теченіе этого времени, музыкѣ не играть, барабанамъ не бить и въ трубы не трубить; что его императорское величество императоръ германскій король прусскій Вильгельмъ II назначается шефомъ с.-петербургскаго Гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка; чтобы 85-му пѣхотному Выборгскому его императорскаго королевскаго высочества наслѣднаго принца германскаго и прусскаго полку именоваться 85-мъ пѣхотнымъ Выборгскимъ его императорскаго королевскаго величества императора германскаго короля прусскаго Вильгельма II полкомъ и 33-му драгунскому Изюмскому его императорскаго королевскаго величества императора германскаго короля прусскаго Фридриха III полку именоваться 33-мъ драгунскимъ Изюмскимъ полкомъ.—Въ подтвержденіе уже сообщеннаго нами распоряженія о неувольненіи въ мѣстахъ, подлежащихъ призыву на учебные сборы нижнихъ чиновъ, въ „Правительств. Вѣстн.“ напечатанъ циркуляръ министва внутренныхъ дѣлъ губернаторамъ, въ которомъ говорится, что военный министръ, вслѣдствіе ходатайства главныхъ начальниковъ въ военныхъ округахъ, проситъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы состоящіе въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на службѣ запасные нижніе чины, въ случаѣ призыва ихъ въ учебные сборы—не лишались занимаемыхъ ими мѣстъ, и во всякомъ случаѣ, чтобы призывъ сихъ чиновъ не могъ служить поводомъ къ отчисленію ихъ отъ занимаемыхъ должностей.—Въ первой половинѣ іюля на рѣкѣ Торнео должны собраться представители русскаго и шведскаго правительствъ для проведенія правильной границы между Россіей и Швеціей. Граница устанавливалась въ послѣдній разъ въ 1823 году. Переговоры объ ея урегулированіи длятся уже довольно долго между шведскимъ правительствомъ и финляндскимъ сенатомъ. Послѣдній и ходатайствовалъ о необходимости этого урегулированія. Переговоры въ іюлѣ мѣсяцѣ будутъ только предварительными.—Въ сентябрѣ, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, послѣдуетъ открытіе десяти сельскохозяйственныхъ выставокъ, въ пособіе которымъ министерство назначило 2,000 руб. и награды въ видѣ премій: 76 медалей разныхъ достоинствъ и 124 похвальныхъ листа. Опытъ уже давно доказалъ всю практическую пользу такихъ выставокъ. — Правительствующій Сенатъ постановилъ разъяснить, что частныя лица не имѣютъ права на взвѣшиваніе, въ видѣ промысла, на устроенныхъ ими въ городахъ вѣсахъ товаровъ и другихъ предметовъ, принадлежащихъ постороннимъ лицамъ, и что таковое право принадлежитъ исключительно одному городу; такимъ образомъ городскія общественныя управленія получаютъ новый источникъ дохода. — Весьма интересное явленіе сообщаетъ „Русскій Курьеръ“: въ селѣ Ратчина, духовщинскаго уѣзда, мѣстный священникъ, съ цѣлью распространенія грамотности между населеніемъ, третій годъ несетъ трудъ по обученію грамотѣ молодыхъ парней-жениховъ, которымъ объявлено, что до тѣхъ поръ пока они не выучатся читать молитвы по книгѣ—ихъ не будутъ вѣнчать. Такимъ образомъ, для всѣхъ молодыхъ людей, имѣющихъ намѣреніе жениться, обученіе грамотѣ становится обязательнымъ. Обученіе производится самимъ священникомъ по воскреснымъ днямъ въ промежутокъ времени между утреней и обѣдней, въ теченіе $1^{1}/_{2}$—2 часовъ въ помѣщеніи земской школы; преподается одна только гражданская и церковная грамота; учениковъ въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ въ импровизированной школѣ постоянно бываетъ до 15 человѣкъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. Мережковскій. *Стихотворенія* (1883—1887). *Спб.* Среди молодыхъ писателей послѣдняго времени г. Мережковскій завоевалъ себѣ довольно замѣтное и, во всякомъ случаѣ, не послѣднее мѣсто. Несомнѣнный талантъ, легкая выразительная рѣчь, убранная очень нерѣдко съ большимъ вкусомъ и съ чувствомъ эстетической мѣры, теплая, свѣтлая струйка гуманности, льющаяся постоянно съ молодого, почти неопытнаго пера—все это по справедливости даетъ г. Мережковскому право и на симпатіи публики, и вниманіе критики. Въ короткій пятилѣтній срокъ юный поэтъ успѣлъ перебрать разнообразнѣйшія тэмы, испытывая свои силы и въ чистой, оригинальной лирикѣ, и въ переводахъ съ разныхъ языковъ, и въ передачѣ своеобразныхъ, буддійскихъ сказаній и, наконецъ, въ воспроизведеніи русской старины («Протопопъ Аввакумъ»). Нельзя сказать, чтобы природный талантъ г. Мережковскаго повсюду обнаруживался съ одинаковою силою, но несомнѣнно все-таки и то, что общая даровитость и чуткая, быстрая воспріимчивость сквозятъ почти изъ всѣхъ его стихотворныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, въ небольшой книжкѣ поэта нѣтъ ни одной піэсы, въ которой сгущены были-бы всѣ его наличныя силы, въ которой рельефно и ярко сказались-бы весь его темпераментъ, всѣ типическія особенности его нравственной и духовной индивидуальности,—и это обстоятельство даетъ намъ право говорить пока только о «надеждахъ», внушаемыхъ молодымъ писателемъ,—надеждахъ, впрочемъ, вполнѣ серьезныхъ и основательныхъ.

Г. Мережковскій раздѣлилъ свои стихотворенія на пять отдѣловъ, предпославъ тремъ первымъ изъ нихъ очень красивые эпиграфы изъ Исаіи, Марка Аврелія и Микель Анджело, долженствующіе какъ-бы обрисовать господствующія въ книжкѣ настроенія въ самыхъ общихъ и эффектныхъ выраженіяхъ. Эти эпиграфы, если соединить ихъ вмѣстѣ, позволяютъ предъугадывать тѣ будущія колеи, по которымъ направится художественная мысль поэта—пока еще робкая, неувѣренная и не всегда послѣдовательная. Несложившійся душевный организмъ чувствителенъ къ различнѣйшимъ впечатлѣніямъ. Молодой умъ, недостаточно прочно укрѣпленный на своихъ петляхъ, сегодня воспламеняется тѣмъ, что вчера еще порождало въ немъ острое негодованіе. Въ самомъ дѣлѣ: какъ понимаетъ г. Мережковскій призваніе поэта? На этотъ вопросъ вы можете на первой страницѣ его книжки прочесть слѣдующій отвѣтъ:

Не презирай людей! безжалостной и гнѣвной
Насмѣшкой не клейми ихъ горестей и нуждъ,
Сознавъ могущество заботы повседневной,
Ихъ страха и надеждъ не оставайся чуждъ.
Какъ другъ, не какъ судья неумолимо-строгій,
Войди въ толпу людей и оглянись вокругъ,
Пойми ты говоръ ихъ и смутный гулъ тревоги,
И стонъ подавленный невыразимыхъ мукъ.

Сейчасъ вслѣдъ за первымъ эпиграфомъ изъ Исаіи («И отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца») очень понятны и естественны такіе именно стихи. Всякое иное пониманіе призванія поэта противорѣчило-бы словамъ библейскаго пророка. Но нельзя сказать, чтобы г. Мережковскій послѣдовательно проводилъ взглядъ, которымъ помѣчены приведенныя строки. Въ минуту увлеченія поэтъ эту самую «толпу», которой онъ только что низко билъ челомъ, попроситъ прочь съ пьедестала, имъ-же самимъ для нея поставленнаго.

Молчи, поэтъ, молчи: толпѣ не до тебя.
До скорбныхъ думъ твоихъ кому какое дѣло?
Твердить былой напѣвъ ты можешь про себя,—
Его намъ слушать надоѣло...

Прочтите стихотвореніе до конца и вы увидите, что г. Мережковскій, спустя одинъ годъ, забылъ свои слова о «заботѣ повседневной», о «говорѣ» толпы и прочихъ предметахъ, не безъ воодушевленія воспѣтыхъ въ стихотвореніи «Поэту». Вотъ вамъ еще примѣръ. На 21-й стр. помѣщено одно изъ лучшихъ стихотвореній молодого писателя, согрѣтое скорбнымъ, но искреннимъ и трогательнымъ чувствомъ. Это глухой и болѣзненный стонъ души, ни къ чему живому не пристрастившейся, вдумчиво мечтательной, сантиментальной.

И хочу, но не въ силахъ любить я людей:
Я чужой среди нихъ; сердцу ближе друзей—
Звѣзды, небо, холодная, синяя даль
И лѣсовъ, и пустыни нѣмая печаль...
Не наскучитъ мнѣ шуму деревьевъ внимать,
Въ сумракъ ночи могу я смотрѣть до утра
И о чемъ-то такъ сладко, безумно рыдать,
Словно вѣтеръ мнѣ братъ, и волна мнѣ сестра,
И сырая земля мнѣ родимая мать...

Превосходная музыка четырехстопнаго анапеста просто и мило передаетъ здѣсь настроеніе поэта. Стихотвореніе не пеститъ никакими цвѣтами краснорѣчія и подкупаетъ насъ своею, обнаженною отъ всякихъ прикрасъ, «душою». Пусть любовь къ природѣ, доходящая до «такихъ» размѣровъ, отдаетъ нѣкоторымъ психозомъ—ничего! Піэска плѣняетъ насъ своею искренностью, своею легкою эстетическою формою. Тотъ-же культъ природы виденъ и въ такихъ стихотвореніяхъ г. Мережковскаго, каковы «Больной», «Весна» и др. Но вотъ вамъ на 17-й стр. разбираемой книжки небольшое стихотвореніе, гдѣ та-же природа «разносится» съ чисто-юношескою храбростію...

Нѣтъ! Капля первая всей крови пролитой
На вѣкъ лицо земли позоромъ осквернила—
И каждый василекъ на нивѣ золотой
И въ небѣ каждый лучъ свѣтила!

Примѣры рѣзкой непослѣдовательности мы могли-бы умножить и умножить. Но дѣло не въ томъ. Поле зрѣнія молодого сознанія по необходимости мозаично и перемѣнчиво. Послѣдовательности и единства взгляда не слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ воля еще не настолько сильна, чтобы руководить и направлять полетъ мысли къ одной «опредѣленной», центральной точкѣ. А умъ молодого писателя болѣе, чѣмъ чей-бы то ни было, склоненъ, минуя руководительство воли, подчиняться прихотямъ капризныхъ ассоціацій, полныхъ красокъ и всяческихъ неожиданностей. Талантъ г. Мережковскаго,—талантъ, какъ мы уже сказали, несомнѣнный и симпатичный,—находится на той ступени развитія, на которой вполнѣ «сознательное, оригинальное» творчество еще немыслимо. Вотъ почему въ книжкѣ его наиболѣе удачными и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, приходится считать тѣ піэски, въ которыхъ либо передается простое, мимолетное впечатлѣніе, либо изображается незамысловатая, жанровая картинка, либо, наконецъ, воспроизводится, въ готовыхъ рамкахъ «чужого» вымысла, та или другая легенда чужой, или отечественной старины. И дѣйствительно, во второмъ и четвертомъ отдѣлахъ сборника сосредоточены лучшія поэтическія вещи г. Мережковскаго, съ успѣхомъ соперничающія съ самыми выдающимися стихотворными произведеніями, имѣющимися въ нашей молодой литературѣ. Всѣ стихотворенія, написанныя на мотивы изъ Бодлэра, А. Мюсее, Данте и индійской поэзіи обращаютъ на себя вниманіе далеко не заурядными версификаціонными и эстетическими качествами. «Франческа Римини», «Уголино», «Пѣснь баядеръ», «Сакья-Муни» и даже «Протопопъ Аввакумъ», не смотря на совершенную невѣрность потраченнаго на него колорита,—вотъ тѣ документы, которые, въ глазахъ критики, оправдываютъ надежды, возлагаемыя на молодого поэта

Въ заключеніе еще два слова. Истинная поэзія чужда всякихъ выкрутасовъ. Но нельзя сказать, чтобы поэзія г. Мережковскаго всегда любила облекаться въ простыя, скромныя одежды. Всѣ эти «гирлянды бѣлыхъ розъ», «янтарныя зори», «рубиновые узоры» и вѣчно «сверкающая бирюза»—что это, какъ не одна пустая риторика, только компрометирующая вкусъ писателя?...

А. Флексеръ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Передъ грозой.

Въ воздухѣ душно, кругомъ полное затишье, въ небѣ все гуще и гуще наслаиваются тучи, кое-гдѣ сверкаетъ уже молнія и далеко-далеко грохочетъ громъ. Какъ птички передъ грозой, притихли двѣ дѣвочки, чуя приближеніе бури, и серьезными глазками всматриваются въ вечернюю мглу, а тамъ

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею...

Вотъ содержаніе прекраснаго поэтическаго жанра, принадлежащаго кисти одного изъ Каульбаховъ, этой славной семьи художниковъ. Авторъ этой картины, Фридрихъ Августъ Каульбахъ, родился 2 іюня 1850 года. Онъ былъ сыномъ Фридриха Каульбаха, историческаго живописца, и приходился внучатымъ племянникомъ знаменитому Вильгельму Каульбаху. Онъ отличается особенно по части портретной живописи и получилъ за нее въ 1876 году премію въ Мюнхенѣ.

Похищеніе Елены Морозовой.

Кому неизвѣстно это образцовое произведеніе графа А. К. Толстого? Кто не увлекался имъ въ юношескіе годы не перечитывалъ съ удовольствіемъ по нѣсколько разъ: такъ живо и характерно изображено здѣсь время Іоанна Грознаго, время страха и опричнины! Помѣщаемый нами рисунокъ изображаетъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ моментовъ романа: князю Вяземскому удалось похитить боярыню Елену Морозову, нарушивъ долгъ гостепріимства; онъ рѣшилъ свезти плѣнницу въ свою рязанскую вотчину. Благополучно миновавъ холопей Морозова, и далеко опередивъ своихъ людей, Вяземскій достигъ дремучаго лѣса, но не проѣхавъ и нѣсколькихъ верстъ сбился съ дороги. Полученныя имъ раны, на которыя въ пылу боя, онъ не обратилъ вниманія причиняли ему нестерпимую боль; а Елена понемногу приходила въ себя: открывъ глаза и смутно припоминая событія страшнаго дня, она вдругъ узнала Вяземскаго и вскрикнула отъ ужаса... Вяземскій слабѣлъ все болѣе и тщетно крѣпился.—Елена,—сказалъ онъ,—я истекаю кровью, холопи мои далеко... помощи взять неоткудова, быть можетъ чрезъ краткій часъ я отойду въ пламень вѣчный... полюби меня, полюби на одинъ часъ... чтобъ не даромъ я отдалъ душу сатанѣ!.. Елена...» Князь хотѣлъ сжать ее въ кровавыхъ объятіяхъ, но силы ему измѣнили, поводья выпали изъ рукъ, онъ зашатался и свалился на землю. Елена удержалась за конскую гриву и привычный конь вскачь примчалъ ее на мельницу.

Застава передъ поѣздомъ новобрачныхъ.

Передъ нами русская деревня, русская бѣдная природа. По дорогѣ несутся мужичьи телѣги съ мужиками и бабами въ праздничныхъ одеждахъ. Это свадебный поѣздъ. Совершенно неожиданно поѣздъ встрѣчаетъ импровизированную заставу—перекинутыя черезъ дорогу бревна. У заставы стоятъ мужички и требуютъ «выкупа», «пропуска», т. е. денегъ на водку или угощенія водкой. Начинаются смѣхъ, шутки, но тѣмъ не менѣе «выкупъ» дается... Эта веселая сценка изображена на одной изъ послѣднихъ картинъ высокодаровитаго нашего художника В. Е. Маковскаго. Она появилась на «XVI передвижной художественной выставкѣ» нынѣшняго года иредакція нашего журнала пріобрѣла право на воспроизведеніе копіи съ этой картины въ гравюрѣ.

Испытаніе каленымъ желѣзомъ.

Уже при Ѳеодосіи Великомъ и Юстиніанѣ начали принимать мѣры противъ еретиковъ, подвергая послѣднихъ не только церковнымъ, но и гражданскимъ наказаніямъ. За насильственное возвращеніе еретиковъ въ лоно церкви стояли многіе отцы церкви и въ особенности Августинъ въ борьбѣ противъ донатистовъ. Папа Люцій на веронскомъ соборѣ 1184 года далъ новыя инструкціи для борьбы съ еретиками, а папа Иннокентій III послалъ делегатовъ на югъ Франціи, чтобы они съ помощью свѣтскихъ властей казнили еретиковъ, въ родѣ альбигойцевъ. Соборы 1215, 1229 и 1235 годовъ создаютъ уже очень опредѣленныя правила на счетъ того, что нужно наказывать не только еретиковъ, но и тѣхъ, кто ихъ щадитъ. Инквизиція — «слѣдствіе»—должна была разслѣдовать вину еретика и если онъ не сознавался—пытать его. Пытка, введенная въ 1252 году Иннокентіемъ IV, сначала лежала на обязанности свѣтскаго суда, а при Урбанѣ IV перешла къ самой духовной инквизиціи. Пытокъ было множество и всѣ онѣ были одинаково жестоки и не вели, конечно, ни къ какимъ благимъ результатамъ: пытали водой, то-есть топили жертвъ, пытали огнемъ, каленымъ желѣзомъ, вздымали на дыбу, колесовали и т. д. Интересны нѣкоторыя цифры жертвъ, погибшихъ за споры о догматахъ, за уклоненія отъ правилъ той или другой церкви. Въ Нидерландахъ погибло до 50,000 человѣкъ, въ Испаніи на кострахъ сожжено до 31,912 человѣкъ, а другимъ наказаніямъ подверглись 291,456 человѣкъ и т. д.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Отщепенецъ. Романъ *А. Михайлова* (продолженіе).—Греза, новый романъ *Эмиля Золя*, переводъ *П. Каншина* (продолженіе).—Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига. Историческій романъ *Т. Ежа*, перев. съ польскаго *А. Сахаровой* (продолженіе). — Анестетическія средства (продолженіе).—Журналистика.—Политическое обозрѣніе.—Внутреннее обозрѣніе. — Библіографія.—Къ рисункамъ.

Рисунки: Передъ грозой, съ карт. *Фр. Ав. Каульбаха*.—Рыбаки.—Похищеніе Елены Морозовой, оригинальный рисунокъ художн. *Ижакевича*.—Застава передъ поѣздомъ новобрачныхъ, съ картины *В. С. Маковскаго*.—Весенній вихрь.—Испытаніе каленымъ желѣзомъ, рисунокъ *Г. Мерте*.

На оберткѣ: Промышленность, технологія и торговля.—Медицина и гигіена.—Шахматы.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Съ 1-го ноября 1887 г. газета выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, листами, въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ (семь столбц. на стран.).

Кромѣ **ЕЖЕДНЕВНЫХЪ** нумеровъ, по воскресеньямъ, **ЕЖЕНЕДѢЛЬНО**, разсылается иллюстрированное приложеніе.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, по понедѣльникамъ, разсылается отдѣльный листъ **РОМАНОВЪ** или **ПОВѢСТЕЙ**.
ЕЖЕМѢСЯЧНО разсылаются для семействъ подписчиковъ **«МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ»** съ приложеніемъ образцовъ изящныхъ работъ.

Въ виду имѣющаго быть въ Кіевѣ празднованія 900-лѣтія **«Крещенія Руси»** и открытія памятника **Гетману Богдану Хмельницкому**, съ 1 іюля, въ фельетонахъ газеты, будетъ печататься оригинальная историческая повѣсть изъ жизни Кіевлянъ при князѣ Владимірѣ

„ПЕРВЫЕ ЛУЧИ СВѢТА“.

Кромѣ того въ «Воскресныхъ приложеніяхъ» будетъ печататься историческій романъ

„ГЕТМАНЪ БОГДАНЪ-ЗИНОВІЙ ХМЕЛЬНИЦКІЙ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ПОЛГОДА (СЪ 1 ІЮЛЯ 1888 ГОДА ПО 1 ЯНВАРЯ 1889 ГОДА):
Безъ доставки 3 рубля. | **Съ пересылкою 4 рубля.**

☛ **НОВЫЕ ПОЛУГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ**, желающіе получить одно изъ трехъ художественныхъ приложеній — **«Крещеніе кіевлянъ при св. князѣ Владимірѣ»** (разм. карт.: 10 вершковъ, ширина 14 вершковъ); **«Смерть Ивана Сусанина»** и **«Проводы новобранца на службу»** (съ карт. Рѣпина), добавляютъ къ подписной полугодовой цѣнѣ **ДВА РУБЛЯ** (за картину съ пересылкою цѣнною посылкою, на скалкѣ, задѣланною въ холстъ).

Въ отдѣльной продажѣ картина **«Крещеніе Кіевлянъ при св. князѣ Владимірѣ» 2 р. 50 к.** съ пересылкою.

При каждой перемѣнѣ мѣстожительства подписчики прилагаютъ три почтовыхъ 7-ми коп. марки и свой прежній адресъ.
Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно новому распоряженію почтамта, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородные.
Подписчики, получавшіе газету въ первомъ полугодіи, при возобновленіи подписки, благоволятъ прилагать **печатный адресъ съ бандероли**.

Адресъ Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. 68—40.

Дозволено цензурою. Спб., 15-го іюня 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

Папочка замѣть

ШТУРМА
уксусъ
высшаго
качества
безвреденъ
чистаго
вкуса
и
ЗАПАХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАДО БРАТЬ!

СОРТА:

- Виноградный уксусъ бѣлый и красный.
- Уксусъ эстрагонъ подъ №№ 1, 2, 3.
- Винный уксусъ тройной 9% — № 00.
- Винный уксусъ двойной 6% — № 0.
- Винный уксусъ среднiй 4½% — № 2.
- Винный уксусъ обыкновенный 3% — № 4.
- Винный уксусъ низшiй 2½% — (безъ №).

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

На каждой бутылкѣ заводскаго розлива обозначенъ сортъ, № и цѣна съ посудою.

№ 297. (52—24).

ПАПИРОСЫ

изъ бѣло-рисовой бумаги

10 шт. **ЛЕБЕДЬ** 6 коп.

получать можно всюду.

Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстоянія, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—17).

МАГАЗИНЪ

БѢЛЬЯ

Гостинный дворъ, по Невскому просп.

№ 22.

Предлагаетъ почтеннѣйшей публикѣ свой большой выборъ вновь полученныхъ лѣтнихъ

НОВОСТЕЙ! какъ-то:

Галстухи лѣтніе отъ 25 к.

Подтяжки Гіо, Аргози, Потеръ.

Чулки и носки разныхъ сортовъ по дешевымъ цѣнамъ.

Воротники и манжеты мужскіе бѣлые и цвѣтные.

Мужск. и дамск. перчатки (лайков., шелков. и fil d'Ecosse.

ДЖЕРСЕ!

новѣйшихъ фасоновъ всѣхъ цвѣтовъ продаются вслѣдствіе большаго запаса по весьма пониженнымъ цѣнамъ. № 408 (10—5).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи

РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—26).

Водоочищающіе

С.-ПЕТЕРБУРГСКУЮ МАНУФАК. ВЫСТАВКА
ПУБЛИЧНАЯ ПОХВАЛА КОРЕЛЬСКОМУ
1861

ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ В. Корельскій. По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. 228 (52—31).

Императорскаго
московскаго общ.
Сельск. хозяйства
1886 г.

Екатерина II Александръ III
С.-Петербур. Ремесленная выставка 1885 г.
Больш. сер. мед. 1885 г.

Больш. сер. мед.
Отъ города С.-Петербурга
Г. Х. Голлербаху
1885 г.

Одобрительный отзывъ.

Новой усовершен. системы: простой конструкціи разныхъ величинъ.

ПОЖАРНЫЕ

трубы и насосы

„ПОТОКЪ“

для селъ и городовъ, переносныя и на колесахъ. Весь механизмъ трубъ металлическій, не портящійся отъ грязной воды и вліянія атмосферы, какъ кожа обыкнов. пожарн. трубъ. Производство и складъ: Спб., Г. Х. ГОЛЛЕРБАХЪ, Николаевская 55—6. № 186 (40—28).

Прейсъ-куранты безплатно.

Привиллегія испрашив.

Превосходные и самые модные препараты

„САФО“

С.-Петербургск. техно-химической лабораторіи.

Мыло „Сафо“ 50 к., Духи „Сафо“ 1 р. 25 к., Пудра „Сафо“ 1 р., Кремъ „Сафо“ 1 р. 25 к. Туалетная вода „Сафо“ 1 р. 30 к.

Гг. иногородніе, выписывающіе всѣ вышесказанные препараты „Сафо“, за пересылку не платятъ.— Спб., Гостиный дворъ, по Б. Садовой, 45.

Невскій пр., прот. Пушкинской, 110.

Петерб. ст., Бол. просп., 28.

Москва, Никольская, д. Шереметева.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 290 (53—18)

Спеціальный магазинъ

БѢЛЬЯ

Ф. Трахтенберга

основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.

Большая Морская, № 25.

въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—17).

папиросы
крученыя
1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.

РОЯЛЬ.

получать можно повсюду.

№ 328 (44—17).

!! За 30 к. !!

почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.

съ объясненіями и прейсъ-курант.

за 50 коп.

почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

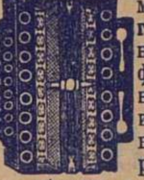
для экономн. курит. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средст. отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „ЧУЖАГО“.

Мастерская игръ
Спб., Обуховскій пр.
д. № 7, кв. 63.

А. Меламеда.

Торгов. выгодная уступка.

№ 360 (37—11).



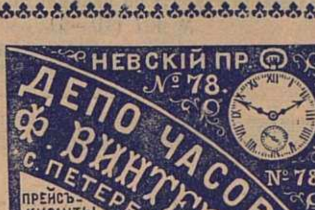
Скрипки, гитары, мандолины, цитры, гармоніи, концертины, аристоны, герофоны; всевозможные музык. инстр. имѣются постоянно въ большомъ выборѣ и по очень умѣрен. цѣнамъ, а также и народныя цитры по 4, 5 и 8 р., кромѣ перес. платы. въ муз. инстр. торговлѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, д. Волкова.

Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

№ 383 (6—5).



НЕВСКІЙ ПР. № 78.

ДЕПО ЧАСОВЪ

Ф. ВИНТЕРЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

№ 78

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

№ 411 (10—3).

ДЕПО ЧАСОВЪ

Эд. Бурхарда.

1) Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17.
2) У Синяго м. уг. Вознесенскаго прос., д. Дюваль № 3/64.

Вновь полученъ большой выборъ часовъ лучшихъ фабрикантовъ, цѣпочекъ, ключей и брелоковъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Каждые часы продаются съ ручательствомъ.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 289 (27—14).

Зубочистное средство

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ШВЕДСКІЙ

зубной элексиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурного запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. №. 1.**

№ 243 (57—30)

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ

Всемірно извѣстныя, удостоенныя первыми наградами.

Старѣйшее и обширнѣйшее заведеніе этой отрасли въ Германіи (основ. въ 1826 г.)

Предостерегаютъ отъ поддѣлокъ

Неподдѣльны только съ этимъ клеймомъ

Можно получать въ большинствѣ магазинахъ писчебумажныхъ и конторскихъ принадлежностей Россіи.

АВГ. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.

Изобрѣтатель знаменитыхъ патентованныхъ алицариновыхъ и другихъ любимыхъ простыхъ и копировальныхъ чернилъ и подобнаго рода *спеціальностей.*

№ 318 (26—10).

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ ГИСГЮБЛЕРЪ

ЧИСТЫЙ ЩЕЛОЧНОКИСЛЫЙ ИСТОЧНИКЪ

ВЕСЬМА ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ

СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ

можно получить вездѣ.

6,000000 (МИЛЛІОН) БУТЫЛ. ГОДОВОЙ ВЫВОЗЪ.

№ 306 (16—7).

ПОКУПАЮ

ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

драгоцѣнные камни, античныя и старыя вещи. Демидовъ пер., д. 4, магазинъ Дорфъ. Близь Мойки.

№ 405 (10—4).

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается нѣжною и придаетъ ей бѣлизну, нѣжность. Зимою она удобна противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза. Цѣна флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ, у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Ко, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная, № 38.

№ 314 (47—19).

НЕОБХОДИМА ДЛЯ КАЖДАГО

НОВѢЙШАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ

СПИЧЕЧНИЦА.

Превосходитъ все, что до сихъ поръ появлялось въ продажѣ.

Трутъ воспламеняется отъ прикосновенія иглы; причемъ взрыва не происходитъ. цѣна за штуку съ запаснымъ составомъ 1 р. 50 к. съ пересылкой по почтѣ.

Торговцамъ значительная уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, д. № 12.

Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—12).

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ

Саатчи и Мангуби

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

ВНОВЬ

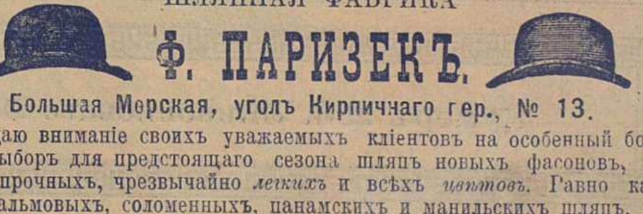
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ

BIS

цѣною за **10** шт. **10** коп.

Можно получать вездѣ.

№ 356 (37—11).



ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА

Ф. ПАРИЗЕКЪ.

Большая Морская, уголъ Кирпичнаго пер., № 13.

Обращаю вниманіе своихъ уважаемыхъ кліентовъ на особенный большой выборъ для предстоящаго сезона шляпъ новыхъ фасоновъ, самыхъ прочныхъ, чрезвычайно *легкихъ* и всѣхъ *цвѣтовъ*. Равно какъ пальмовыхъ, соломенныхъ, панамскихъ и манильскихъ шляпъ.

№ 402 (5—5).

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи.

№ 407 (10—4).

ПОГРЕБА РУССКИХЪ ВИНЪ

Г. РОССОЛИМО

ПОМѢЩАЮТСЯ:

Казанская улица № 18.
Невскій проспектъ, № 140.
Большая Садовая улица, № 69.
Вас. Остр., 7 линія, № 34.
Уголъ Гагаринской и Косого пер.

ГОСПОДАМЪ ДАЧНИКАМЪ въ окрестностяхъ Петербурга заказы въ 60 бутылокъ доставляются безплатно.

Торг. подъ фирмою Г. РОССОЛИМО.

Фед. Фед. Юнкеръ.

№ 376 (10—10)

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛАНГІЕЛЯ.

Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 413 (12—2).

ЗА 15 РУБЛЕЙ.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

(НЕ ИГРУШКА)

состоящій изъ камеры, объектива и штатива, посредствомъ котораго каждый любитель въ состояніи фотографировать ландшафты, группы и портреты.

Громадный выборъ изящныхъ
ДОРОЖНЫХЪ АППАРАТОВЪ

указанія въ способѣ употребленія и снабженіе желаемыми совѣтами при всякомъ нововведеніи безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей.
Невскій пр., у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30—16,
входъ съ Екатерининскаго канала.

№ 401 (10—6).

Чугунно-Литейный Машинный Заводъ

ИСИДОРА ГОЛЬДБЕРГА

доставляетъ **ОТЛИВКУ** для **ПОСТРОЕКЪ: ПЕЧЕЙ, КАМИНОВЪ**, обыкновенныхъ **кабинетныхъ** и **ВАННЪ.**

ПЛИТЫ, обыкновенныя и патента **ЭСМАРХЪ** тщательной отливки.

БАЛЮСТРАДЫ, ПОДЪѢЗДЫ и **КОЛОННЫ** въ большомъ выборѣ.

ПАРОВОЕ и **ВОДЯНОЕ ОТОПЛЕНІЕ** новѣйшей системы.

РАКОВИНЫ, МОНИТОРЫ, КЛОЗЕТЫ русскіе и американскіе, всѣ строительныя принадлежности имѣются всегда на складѣ.

ШКИВЫ складные и цѣльные всѣхъ величинъ въ запасѣ.

ПОДВѢСКИ, КРОНШТЕЙНЫ и принадлежности для **ПРИВОДОВЪ** обыкновенные и системы **ЗЕЛЛЕРА** въ запасѣ по оптовой цѣнѣ.

ЗУБЧАТЫЯ КОЛЕСА изготовляются безъ моделей раздѣльными машинами.

Механическія работы исполняются аккуратнымъ образомъ.

ЗАВОДЪ Б. Невка 77.

КОНТОРА (Телефонъ 955) Екатерининскій каналъ 92.

Отдѣленіе въ Москвѣ, Б. Никитская, д. Кузнецова.

Торговцамъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 396 (7—5).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 390 (10—7).

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА

ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ВОЛОСЪ

безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.**

№ 343 (52—17). *Пров. КИНУНЕНЪ.*

Нумеръ 25-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: изъ 2-хъ листовъ текста и Обертки.

Дозволено цензурою. Спб. 15-го іюня 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.

№ 26
26 ІЮНЯ
1888.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

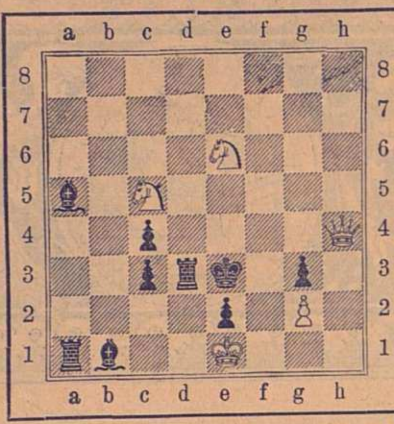
ИЗДАНІЕ
С. ДОБРОДѢЕВА

ШАХМАТЫ.

Задача №. 15.

Eugen Eberhard (въ Геттингенѣ, Германія).

Черные.

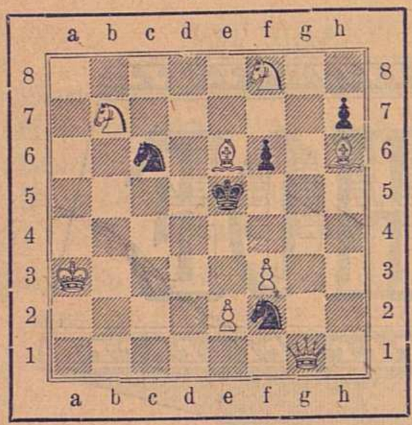


Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 3 хода.

Задача №. 16.

Г. К—го (въ Спб.).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

* * *

Промышленность, технологія и торговля.

Съ производствомъ новыхъ изысканій въ Приуральскомъ краѣ вопросъ о сибирско-европейскомъ транзитѣ постепенно вступаетъ въ новый фазисъ. До сихъ поръ держались преимущественно два взгляда на этотъ транзитъ: во-первыхъ, соединительный европейско-сибирскій путь приводили въ связь съ процвѣтаніемъ уральскихъ заводовъ; во-вторыхъ—единственнымъ звеномъ, долженствующимъ соединить бассейнъ р. Оби съ Европейской Россіей, считали р. Туру. Но, какъ оказывается, до сихъ поръ не было обращено вниманія на то, что въ 75-ти верстахъ къ востоку отъ р. Туры находится рѣка Тавда, которая, по самому своему характеру и положенію, какъ бы призвана играть важную роль въ сибирскомъ транзитѣ. Р. Тавда до сихъ поръ никого не интересовала и значеніе ея выяснилось лишь въ самое послѣднее время благодаря изслѣдованіямъ особой экспедиціи, работавшей въ Приуральскомъ краѣ съ 1886 г. до настоящаго времени и состоявшей подъ начальствомъ горнаго инженера Л. И. Подгаецкаго. Рѣка Тавда, по словамъ этого инженера, какъ и Южная Соева, прилегая къ самымъ узкимъ водораздѣламъ между европейскими и азіатскими рѣками, образуетъ какъ бы естественный водный путь для соединенія Урала съ юго-западной Сибирью. Работы экспедиціи выяснили, что Тавда вполнѣ судоходна во всѣ періоды навигаціоннаго времени и пригодна для развитія судоходства въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, допуская употребленіе большихъ судовъ со значительною осадкою (въ 5 фут. въ обыкновенные годы и въ 3½ въ особенно мелководные). Перекатовъ, кромѣ Томскаго, рѣка не имѣетъ. Вездѣ—достаточная глубина фарватера, отсутствіе крутыхъ поворотовъ и извилистости русла. Населеніе притавдинскаго края состоитъ изъ русскихъ крестьянъ и инородцевъ, въ верховьяхъ—вогулъ, въ низовьяхъ рѣки—татаръ. Русскіе превосходятъ инородцевъ, вогулъ, своею численностью и отличаются зажиточностью, трудолюбіемъ и предпріимчивостью. Всего на р. Тавдѣ 88 заселенныхъ мѣстъ и 16,500 чел. жителей. Гуще всего населены ея низовья. Размѣры грузового движенія по этой рѣкѣ, въ настоящее время, могуть быть опредѣлены въ 350,000 пуд. въ годъ. Такимъ образомъ и по естественнымъ условіямъ рѣки и по экономическому фическому и этнографа-характеру, живого, дѣятельнаго и хорошо заселеннаго при-тавдинскаго края за этой рѣкой, нельзя не признать важной роли въ дѣлѣ сибирскаго транзита. Тавда, какъ кратчайшій и безусловно судоходный путь между Пермью и Тобольскомъ, при развитіи парового судоходства, должна оказать неоцѣненныя услуги.—Нефть и керосинъ, повидимому, заполонятъ скоро всевозможныя производства. Докторъ Шааль недавно изобрѣлъ способъ приготовленія изъ этого продукта мыла. Если керосинъ или другія минеральныя масла, получаемыя изъ нефти или сухой перегонкой каменнаго угля, торфа, бураго угля и проч., будутъ подвергнуты окисленію въ присутствіи щелочныхъ веществъ, то углеводороды превращаются въ кислоты, которыя способны обмыливаться, подобно жирнымъ кислотамъ, и образовать со спиртами эфиры. На основаніи этихъ реакцій, д-ръ Шааль выработалъ заводскій способъ приготовленія мыла и эфировъ изъ минеральнаго масла, недавно привиллегированный въ Россіи. Лучше всего перерабатываются обыкновенный керосинъ и австралинъ. Окисленіе минеральнаго масла производится помощью воздуха при обыкновенной или возвышенной температурѣ, въ присутствіи щелочей или извести, или же помощью энергическихъ окислителей, каковы хлорная (бѣлильная) известь и азотная кислота. По первому способу, минеральное масло растирается съ 20% ѣдкой или углекислой щелочи или же извести, причемъ прибавляютъ также индиферентныхъ веществъ, напр., пемзы, инфузорной земли, поваренной соли и пр., въ такомъ количествѣ, чтобы вся масса приняла видъ сухого порошка. Въ этомъ состояніи смѣсь предоставляется продолжательному дѣйствію воздуха, подъ вліяніемъ котораго углеводороды переходятъ въ соотвѣтствующія кислоты. Для ускоренія реакціи можно прибѣгнуть къ умѣренному нагрѣванію массы, лучше всего при помощи пара. Когда анализъ пробы покажетъ, что масса уже достаточно окислилась, то приступаютъ къ выщелачиванію ея водою или соляною кислотою, смотря по тому, съ какими веществами было растерто масло, растворимыми или нерастворяющимися въ водѣ. Вмѣсто описанной обработки минеральныхъ маслъ, по словамъ спеціалистовъ, можно употребить ускоренный способъ, по которому процессъ окисленія углеводорода, смѣшаннаго съ ѣдкою или углекислою щелочью, или-же съ ѣдкою известью, совершается въ закрытомъ котлѣ, чрезъ который пропускаютъ струю сжатаго воздуха, при температурѣ кипѣнія масла. Аппаратъ долженъ быть снабженъ механической мѣшалкой и холодильникомъ обратнаго дѣйствія. въ которомъ пары углеводородовъ конденсируются въ жидкость, постоянно стекающую назадъ въ котелъ. Кипящее минеральное масло мало-по малу окисляется, а образующіяся кислоты немедленно соединяются со щелочами. Въ результатѣ получается мыло, собирающееся обыкновенно на днѣ котла. Операцію можно производить безостановочно, приспособивъ аппаратъ такимъ образомъ, чтобы смѣсь масла со щелочью, приготовляемая механическимъ путемъ, вводилась въ котелъ непрерывно, а получаемое мыло также непрерывно выпускалось черезъ отверстіе въ днѣ. Окисленіе никогда не идетъ до конца; часть углеводорода, остающаяся неокисленной, можетъ быть утилизирована для горѣнія или-же въ качествѣ смазочнаго масла. Для нагрѣванія аппарата лучше всего употреблять перегрѣтый паръ, хотя, за недостаткомъ пара, можно работать и голымъ огнемъ. Нѣкоторые углеводороды легко окисляются посредствомъ хлорной извести или азотной кислоты. Для полученія кислотъ этимъ путемъ, минеральное масло размѣшиваютъ съ заранѣе опредѣленнымъ количествомъ хлорной извести, охлаждая или подогрѣвая смѣсь, смотря по энергіи реакціи. Когда вся хлорная известь уже разложилась, что узнается посредствомъ индиговой тинктуры (которая, при отсутствіи свободнаго хлора, не должна измѣнять цвѣта), то прибавляютъ еще минеральнаго масла и нагрѣваютъ смѣсь до 200° Ц. Затѣмъ, по охлажденіи массы, извлекаютъ известь соляной кислотой, а органическія кислоты — щелокомъ, и плавятъ остатокъ съ ѣдкимъ натромъ, при температурѣ отъ 200 до 300° Ц. причемъ образуется еще нѣкоторое количество кислотъ. По другому способу, минеральное масло обрабатываютъ азотной кислотой, взамѣнъ которой можно брать смѣсь селитры и сѣрной кислоты или пропускать въ масло пары азотной кислоты съ воздухомъ при температурѣ 100° Ц. По окончаніи реакціи извлекаютъ образовавшіяся кислоты посредствомъ щелока, а остатокъ, содержащій полуокисленные продукты, плавятъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Результатомъ обработки минеральнаго масла по одному изъ вышеуказанныхъ способовъ является смѣсь твердыхъ и жидкихъ кислотъ. Смѣсь эту настаиваютъ съ бензиномъ, который растворяетъ только жидкія кислоты. Въ остаткѣ отъ дистилляціи получается смолообразное вещество, сходное въ свойствахъ съ твердыми кислотами, не растворяющимися въ бензинѣ. Дистиллатъ, получаемый при очищеніи жидкихъ кислотъ, представляетъ смѣсь продуктовъ различной летучести, которые могутъ быть собраны отдѣльно и такимъ образомъ раздѣлены на фракціи наибольшей, средней и наименьшей летучести. Пропорція различныхъ фракцій въ дистиллатѣ измѣняется, смотря по тому, какой углеводородъ служилъ исходнымъ матеріаломъ для ихъ полученія. Каждая фракція кислотъ можетъ найти соотвѣтственное примѣненіе въ практикѣ. Хотя всѣ эти кислоты способны обмыливаться щелочами, но лучшее мыло даютъ кислоты наименѣе летучей фракціи, весьма сходныя съ олеиновой кислотой. Эфиры этой фракціи, въ особенности глицериновый и сахарный, по внѣшнимъ признакамъ очень близки къ животнымъ жирамъ. Кислоты средней фракціи образуютъ съ этиловымъ спиртомъ и глицериномъ эфиры, подобные растительнымъ масламъ; эти эфиры могутъ замѣнять въ практикѣ сурѣпное масло и олифу. Наконецъ, наиболѣе летучія кислоты даютъ со спиртами благовонные эфиры, могущіе найти примѣненіе въ парфюмерномъ дѣлѣ. Что касается твердыхъ кислотъ, не растворяющихся въ бензинѣ, то онѣ также образуютъ со щелочами мыла, а со спиртами — твердые эфиры, которые, имѣя свойства смолъ, пригодны для лаковаго производства, или взамѣнъ воска, вара и асфальта. Такимъ образомъ, изъ нефтяныхъ маслъ и продуктовъ сухой перегонки каменнаго угля и пр., путемъ очень несложной обработки, получается цѣлый рядъ полезныхъ продуктовъ, способныхъ замѣнять натуральныя масла, смолы и жиры.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданіе Павленкова. — Ред. Скабичевскаго.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

съ портретами, біографіей (напис. А. Скабичевскимъ), новыми стихотвореніями и 500 письмами Пушкина.

Пол. собраніе въ ОДНОМЪ томѣ и въ ДЕСЯТИ томахъ.

Цѣна однотомнаго и десятитомнаго изданія:

Безъ карт. на об. бум. 1 р. 50 | Съ 44 карт. на об. бум. 2 р. 50
на лучш. . 2 р. | на лучш. . 3 р.

За переплеты (кто желаетъ): для 1-томнаго изданія, шагреневый — 40 коп. Роскошный 1 р. Для 10-томнаго, шагреневые — 1 р. Роскошные — 2 р. За пересылку по разстоянію: 1-томное изданіе — за 3 ф., 10-томное — за 4 ф. Въ переплетахъ на 1 ф. болѣе.

Изд. Павленкова прод. во всѣхъ книжн. магазинахъ.

№ 222 (24—20).

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКРЕТНАЯ КАМЕРА

ШТИРНА.

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛ. ВКЛЮЧАЯ ПЛАСТИНОКЪ НА 36 СНИМОКЪ 25 РУБЛЕЙ

НОВѢЙШЕЕ ПРЕВОСХОДН. ИЗОБРѢТ.

АППАРАТЪ

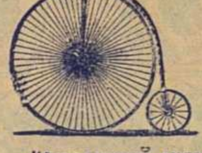
носится незамѣтно подъ сюртукомъ или пальто.

ШЕСТЬ моментальныхъ снимокъ въ одну минуту

Съ изображеніемъ достигаютъ десятичное линеарное увеличиваніе. — Для художниковъ, офицеровъ и туристовъ. Интересно и поучительно для каждаго сословія.—Камера весьма легка и удобна. Печатное наставленіе для изученія фотографированія прилагается безплатно.

Единственная продажа для всей Россіи въ оптовомъ складѣ БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко С.-Петербургъ. Малая Конюшенная, д. № 8

№ 416).



Усовершенствованные

двухъ и трехъ-колесные

ВЕЛОСИПЕДЫ.

Центральный складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

Собственное механическое заведеніе для починокъ.

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

Большая Садовая ул. 16, уг. Толмазова пер.

С.-Петербургъ.

№ 158 (52—41).

Папочка замѣтъ

ШТУРМА
УКСУСЪ
высшаго
качества
БЕЗВРЕДЕНЪ
чистаго
вкуса
и
ЗАПАХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

НАДО БРАТЬ!

СОРТА:

Виноградный уксусъ бѣлый и красный.
Уксусъ эстрагонъ подъ №№ 1, 2, 3.
Винный уксусъ тройной 9% — № 00.
Винный уксусъ двойной 6% — № 0.
Винный уксусъ средній 4½% — № 2.
Винный уксусъ обыкновенный 3% — № 4.
Винный уксусъ низшій 2½ % — (безъ №).

ИМѢЕТСЯ ВСЮДУ.

На каждой бутылкѣ заводскаго розлива обозначенъ сортъ, № и цѣна съ посудою.

№ 297. (52—25).

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.
PANNEMAKER

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ съ пересылкою и доставкою 8 р. Безъ доставки въ Спб.: За годъ 6 р. 60 к. Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 7 руб. съ преміею (книжный магазинъ И. Ф. Панкова, Тверская, Чернышевъ пер., д. Полякова). За границею: за годъ 10 руб.

Премія выдается при подпискѣ. Новые подписчики получаютъ журналъ съ № 1 со всѣми приложеніями. За пересылку преміи цѣнною посылкою рубль.

Разсрочка допускается исключительно чрезъ Главную Контору.

Отдѣльные нумера въ Спб. 25 к., съ пересылкою 40 к. Отдѣльно книжка приложеній 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

№ 26

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Для полученія какихъ-бы то ни было справокъ изъ конторы необходимо прилагать печатный бандерольный адресъ или точную копію съ него.

За перемѣну адреса: петербургскаго на иногородній и иногородняго на петербургскій—1 рубль, иногородняго на иногородній—25 копѣекъ.

На отвѣты прилагаются двѣ 7-ми копѣечныя марки.

Переплеты для журнала изъ англ. шагрен. цвѣтнаго коленкора съ черныю и золотомъ: полугодичные (два экз.) 3 р. 50 к., годовые 2 р. 50 к. (съ перес.).

Рамы для премій изящныхъ рисунковъ (черные и золотые) въ 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 10 р. и 15 р. (доставка въ ящикѣ по счету транспортной конторы).

Деньги высылаются впередъ при требованіи.

26-го Іюня, 1888. — ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — Годъ изданія 53-й.

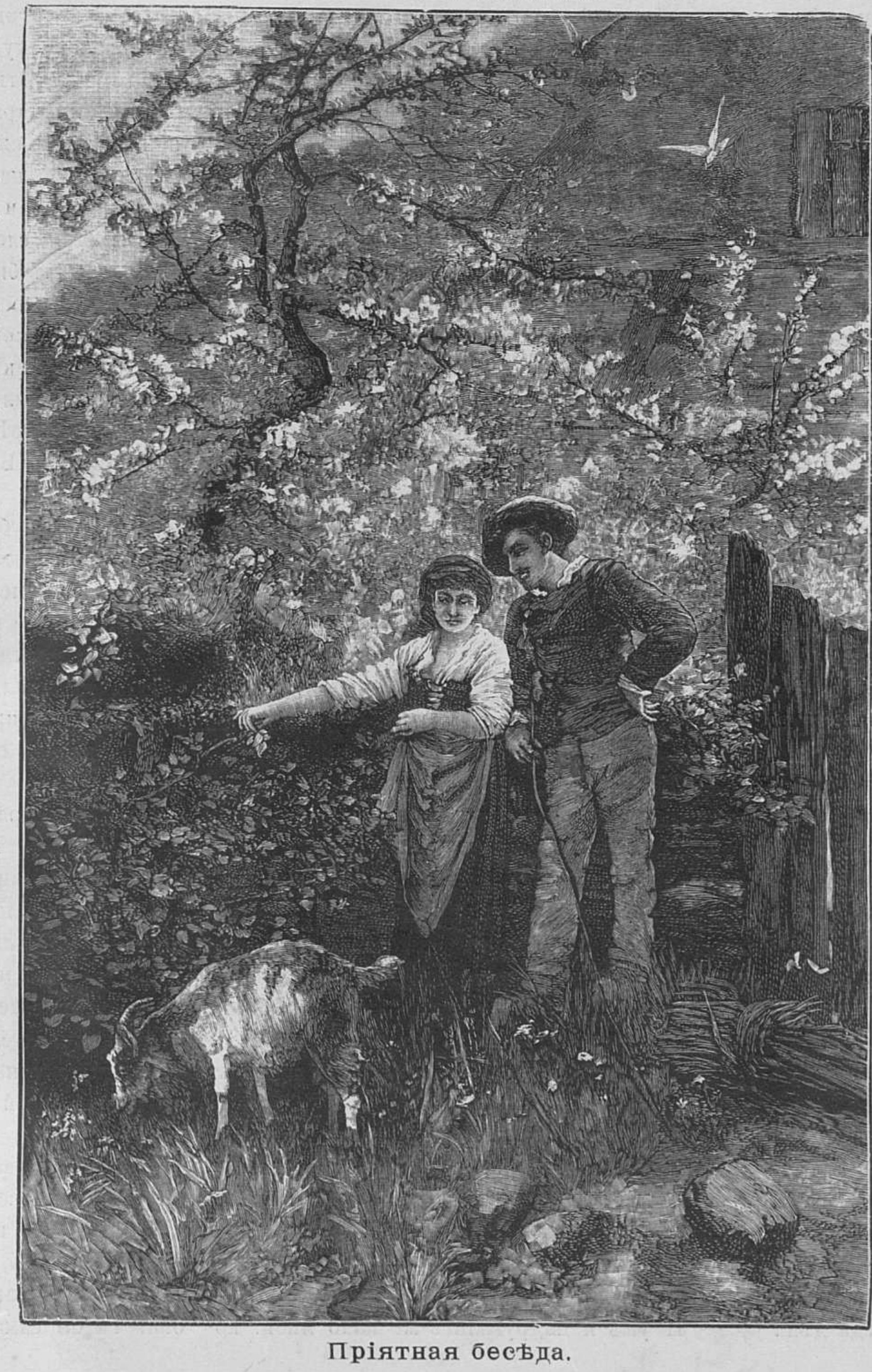
Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ 68—40.

ОТЩЕПЕНЕЦЪ.

Романъ **А. Михайлова**.

(Продолженіе).

Съ картины К. Гейдена.



Пріятная бесѣда.

V.

Изъ небольшой табачной лавочки вышелъ франтовато одѣтый въ сѣрую лѣтнюю пару, въ мягкой шляпѣ съ большими полями, въ сѣрыхъ перчаткахъ, съ тростью въ рукахъ, съ легкимъ плэдомъ, перекинутымъ черезъ плечо, молодой человѣкъ съ курчавыми бѣлокурыми волосами. За нимъ слѣдомъ вышла румяная, кругколицая, курносая, вся въ веснушкахъ хозяйка табачной лавки въ скромномъ платьѣ изъ свѣтлаго ситца, съ кокетливо сшитымъ, окаймленнымъ дешевыми кружевами, бѣлымъ передничкомъ. Она пожала его руку, сказала ему: «веселись» и, съ широкой улыбкой на лицѣ, застыла на мѣстѣ у дверей, любуясь на него. Это были Иванъ Ивановичъ Хопровъ и Маргарита Ѳедоровна Копоненъ. Былъ пятый часъ пополудни, и Средній проспектъ Васильевскаго острова заливало свѣтомъ солнечнаго лѣтняго дня. Дома, мостовыя, чахлыя и пыльныя деревья на бульварѣ, все казалось ослѣпительно яркимъ. Въ неподвижномъ воздухѣ было душно. Движеніе на улицѣ притихло. Всѣ какъ будто попрятались отъ томительнаго зноя. Но Маргарита Ѳедоровна, казалось, не боялась этого зноя: она, кругленькая, дышащая здоровьемъ толстуха, съ блестѣвшимъ на солнцѣ, лоснящимся лицомъ, зарумянившаяся до корней волосъ, наслаждалась и яснымъ днемъ, и своимъ внутреннимъ счастьемъ. Всю жизнь такъ-бы прожить: торговать въ своей лавкѣ, видѣть ежедневно своего милаго Ваню, любоваться имъ, когда онъ идетъ на прогулку, франтоватый, красивый, какъ модная картинка. Больше ей ничего не нужно. Никогда ей и во снѣ не снилось, что на ея долю выпадетъ такое счастье. Ее вывелъ изъ сладкаго забытья жалобный голосъ оборваннаго старика-нищаго, просившаго:

— Подайте, матушка-благодѣтельница, на хлѣбъ бѣдному старичку!

Она пошарила въ кармашкѣ передничка, вынула копѣйку и подала ее просившему:

— На, голубчикъ, на!

И сострадательно вздохнула:

— Ахъ, бѣдность, бѣдность!

Старикъ заковылялъ дальше, посылая ей благословенія и поминая ея родителей. Она нѣкоторое время слѣдила за нимъ печальными увлажившимися глазами. «Вотъ такъ и нашъ бѣдный старичокъ ходилъ», мелькало въ ея головѣ. Она питала теперь самое нѣжное чувство къ несчастному старичку, сдѣлавшему ее счастливою. Постоявъ еще немного на улицѣ, она вернулась въ магазинъ и, примостившись у окна, принялась за вязанье дамскаго воротничка изъ небѣленныхъ нитокъ...

«Табачный и галантерейный магазинъ М. Ѳ. Копоненъ» былъ очень невеликъ, не отличался обиліемъ товаровъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ всегда полонъ посѣтителей. Не смотря на лѣто, покупателей являлось много и даже, пожалуй, больше, чѣмъ могло-бы быть зимой, такъ какъ съ приходомъ судовъ къ біржѣ и таможнѣ, лавочку посѣщалъ разный прибывавшій на судахъ людъ. Молоденькая хозяйка умѣла своей привѣтливостью и болтливостью привлечь покупателей, и нѣкоторые изъ нихъ, придя за десяткомъ папиросъ, просиживали здѣсь цѣлые часы и уходили, накупивъ всякой дряни,—ваксы, мундштуковъ, мѣдныхъ запанокъ, лотерейныхъ билетовъ, «самыхъ счастливыхъ», по увѣренію хозяйки,—на рубль или на два. Тутъ слышались не только русскій, но и финскій, и шведскій языки, хорошо знакомые Маргаритѣ Ѳедоровнѣ. Это привлекало къ ней пріѣзжавшихъ на судахъ финновъ и шведовъ. Кое-кто изъ покупателей осмѣливался даже черезъ выручку пожимать или цѣловать ея пухленькія и красненькія руки, хотя при этомъ она каждый разъ, застѣнчиво и жеманничая, вскрикивала и съ ужасомъ недотроги говорила, что скажетъ ея мужъ. Мужа, положимъ, у нея не было, но всѣ знали, что въ томъ-же домѣ, гдѣ помѣщался въ подвальномъ этажѣ магазинъ, въ верхнемъ этажѣ въ меблированныхъ комнатахъ жилъ художникъ Хопровъ, имѣвшій, какъ видно, нѣкоторыя права на Маргариту Ѳедоровну. Самъ Хопровъ, обѣдавшій ежедневно у Маргариты Ѳедоровны, рѣдко заходилъ въ ея магазинъ, но Маргарита Ѳедоровна бѣгала къ нему такъ часто и во всякое время, что никто въ густо населенномъ и кишащемъ сплетнями домѣ не обманывался на счетъ отношеній этихъ людей. Магазинъ былъ открытъ тотчасъ послѣ похоронъ дѣда и сразу пошелъ отлично, благодаря расторопности хозяйки, сбывавшей здѣсь не только всевозможные мелкіе товары, начиная съ гильзъ и кончая игрушками, но и свои работы, вязанные воротнички и маншеты, вязанные чулки и перчатки-митени. Праздная въ дни голодовокъ, она въ счастіи готова была работать по цѣлымъ днямъ, примостившись у большого подвальнаго окна, изъ котораго она видѣла только ноги прохожихъ, и что-то вѣчно напѣвая совершенно фальшивымъ, но тѣмъ не менѣе веселымъ голосомъ. Она была теперь безмѣрно счастлива и довольна всѣмъ и всѣми, даже любовалась часто на себя въ зеркало, улыбаясь и дѣлая глазки самой себѣ, нацѣпляя то въ волосы, то на шею глупые пестрые банты изъ грошевыхъ лентъ. Но, слѣдя отлично за ходомъ своихъ дѣлъ по магазину, Маргарита Ѳедоровна уже сообразила о выгодности еще другого предпріятія. Цѣлые часы проводила она, не переставая вязать, въ думахъ о немъ, дѣлая въ умѣ выкладки доходовъ и расходовъ и улыбаясь блаженной улыбкой, причемъ яснѣе обозначались ямки на подбородкѣ и на щекахъ, а короткій носъ дѣлался еще шире и комичнѣе. Предпріятіе, занимавшее ее, были меблированныя комнаты,—тѣ самыя меблированныя комнаты, гдѣ поселился Хопровъ. Онѣ приходили каждое лѣто въ упадокъ: неряшливая и неумѣлая, но «благородная» семья, содержавшая ихъ, проѣдала всегда то, что еще не было заработано, путалась въ концѣ концовъ въ долгахъ, и Маргарита Ѳедоровна сообразила, что къ нынѣшней осени, т. е. ко времени года, когда дѣла этихъ, какъ и всѣхъ другихъ, меблированныхъ комнатъ поправляются, эти комнаты будутъ непремѣнно проданы ихъ содержателями. Никакъ не выдержатъ эти люди до осени и волей-неволей прекратятъ свое дѣло передъ наступленіемъ лучшей поры—«сѣнокоса» и «жатвы». Она ждала этого момента и цѣлыми часами разъясняла Ивану Ивановичу выгодность этого предпріятія.

— Вчера твои Воронцовы-то опять присылали ко мнѣ сынишку въ долгъ табаку купить да просили еще рубль ссудить, разсказывала она веселымъ тономъ, быстро работая тамбурнымъ крючкомъ.—Гроша въ домѣ нѣтъ. Я дала, конечно, пусть въ долгъ залѣзутъ; мнѣ же потомъ легче будетъ принять отъ нихъ дѣло. Вотъ-то рохли: золотыя розсыпи у нихъ въ рукахъ, а они въ петлю лѣзутъ. Ну, да еще бы:—господа! работать неприлично! А по міру пойдутъ—это прилично будетъ? Не понимаю я, какъ это люди такъ могутъ жить безъ дѣла.

Хопрова это какъ бы задѣвало за живое. Онъ замѣчалъ немного раздражительно:

— А сама-же жила у тетки безъ дѣла...

— Я-то? Безъ дѣла? восклицала Маргарита Ѳедоровна и качала отрицательно головой.—А кто-же обшивалъ-то тетку? Кто ея Карлу Ивановичу бѣлье-то шилъ? Ишь ты какой, безъ дѣла! Нѣтъ, голубчикъ, не безъ дѣла я сидѣла да еще за меня деньги рвали съ другихъ. Дура я была, это правда, уйдти мнѣ слѣдовало. Только боялась я въ служанки идти, вотъ бѣда. Да и тетка грозила, что объявитъ обо мнѣ въ полицію, какую я жизнь веду. Глупаго человѣка всегда запугать можно. А я... совсѣмъ дурой я тогда была!

Махнувъ рукою, она заканчивала:

— Ну, да что прошлое вспоминать! Прошло—и за то спасибо!

Потомъ уже другимъ тономъ она возвращалась къ вопросу о меблированныхъ комнатахъ:

— И какъ я буду рада, что мы будемъ жить вмѣстѣ, когда я возьму за себя это дѣло. Я ужъ такъ все устрою, что отъ жильцовъ отбою не будетъ. И теперь меня всякая холостежъ спрашиваетъ: «да почему вы не откроете меблированныхъ комнатъ; мы бы всѣ къ вамъ переѣхали». Еще-бы! у меня и опрятность, и порядокъ, все будетъ. Не такъ, какъ у другихъ...

Хопровъ глядѣлъ на нее, румяную, здоровую, расторопную, и удивлялся этой энергіи, хотя иногда она и раздражала его: онъ вотъ сидитъ сложа руки, а она вѣчно за дѣломъ.

— И гдѣ ты научилась этой опрятности, этой чистотѣ? говорилъ онъ не безъ ироніи.

— Научишься, какъ сегодня бьютъ да завтра бьютъ, просто объясняла она.—Ты думаешь, голубчикъ, я барышней росла? Нѣтъ, покойные тетка и дядя, пока они живы были, за каждую паутинку плюхами кормили. Печкой только не били, а о печку бивали. Что-жь, я имъ благодарна, теперь это пригодилось. Не умри они, не мыкалась-бы я такъ, какъ въ послѣднія девять лѣтъ.

Жизнь дѣйствительно была не сладкая, полная труда и тычковъ, сиротства и лишеній. Нѣкоторые изъ эпизодовъ были просто возмутительны и позорны. Сперва ею помыкали, какъ тряпкой; потомъ ее отдавали, какъ вещь, на прокатъ, на подержаніе.

— И ужъ и надругались-же надо мной! коротко заключала она, отирая слезы.—Три мѣсяца я на ногахъ не могла держаться послѣ того, какъ тетушка-то Матильда мной распорядилась. Теперь вспомнить страшно. А ей что—ей только деньги были нужны. Меня-же била, бывало, за непокорность. Ну, а я глупа была, сбѣжать не догадалась.

Онъ жалѣлъ ее, вмѣстѣ съ нею.

Но она тотчасъ же опять развеселялась.

— Ну, да что о вчерашнемъ дождѣ плакать! Что прошло, то не вернется. Теперь намъ обоимъ хорошо. И я, и ты живемъ не по прежнему.

Дѣйствительно, Иванъ Ивановичъ не могъ пожаловаться на Маргариту Ѳедоровну: она заботилась о немъ, какъ нянька. Ея практическій смыслъ чернорабочей былъ изумителенъ: она все предвидѣла, все умѣла разсчитать, всѣмъ умѣла распорядиться. Правду она говорила, что деньги и счастье придаютъ ей крылья; она бы могла прибавить, что онѣ придаютъ ей, ограниченной по уму, вполнѣ невѣжественной, сообразительность и изобрѣтательность. Она съумѣла найдти для Ивана Ивановича подходящія меблированныя комнаты, она нашла въ томъ-же домѣ табачный магазинъ для себя, она перевезла Хопрова на новую квартиру, она потомъ переѣхала сама въ свой магазинъ и, дѣлая все это, дрожала надъ каждымъ лишнимъ грошомъ и, не теряя присутствія духа, отпарировала всѣ нападенія, всѣ подходцы тетки, Матильды Ивановны разузнававшей, откуда взялись деньги у Хопрова и Маргариты. Эти разузнаванія имѣли далеко не безопасный характеръ и даже сопровождались намеками на сыскную полицію. Нужно было имѣть много находчивости и мужества, чтобы не смутиться и выдержать аттаку, не проговориться ни словомъ. Хопровъ сознавалъ, что онъ надѣлалъ-бы тысячи глупостей, если-бы ему самому пришлось объясняться съ прежней квартирной хозяйкой. Когда ему разсказывала объ этихъ объясненіяхъ Маргарита, онъ весь холодѣлъ и терялся, а она только смѣялась:

— Просмотрѣли! Птичка улетѣла, теперь ея не поймаешь! Вонъ, вонъ, вонъ она—а попробуй, слови!

Онъ даже благодарилъ Маргариту Ѳедоровну за то, что она терпитъ всѣ эти непріятности изъ-за него, а она, смѣясь, отвѣчала:

— Вовсе не изъ за тебя! Деньги и мои, и твои; оба могли-бы попасться!

Онъ сознавалъ, что она права, и даже не протестовалъ противъ того, что она держала у себя ключъ отъ ящика съ деньгами, стоявшаго у него.

— Ты все растранжирилъ-бы, а я сберегу! поясняла она и выдавала ему сама деньги, когда онѣ были нужны ему.

Ей даже было пріятно, когда онъ пріобрѣталъ новый галстухъ «къ лицу» или шелъ прогуляться въ Зоологическій садъ.

— Нельзя-же молодому человѣку сидѣть все дома, покровительственно говорила она,—слава Богу, дѣла у насъ идутъ хорошо. Это я вѣдь тебѣ изъ своей выручки дала, капитала не тратимъ.

Онъ испытывалъ какое-то странное чувство смущенія, но все-же смѣялся:

— Я значитъ у тебя какъ-бы на содержаніи!

— Ну, вотъ, пустяки выдумалъ. Я лучше тебя хозяйничаю, вотъ и все, просто поясняла она. Ты-бы самъ живо проторговался, если-бы тебя торговать посадить. Будешь поопытнѣе, тогда другое дѣло.

— Торговать пріучусь? спрашивалъ онъ, смѣясь ироническимъ смѣхомъ.

— Когда-нибудь и пріучишься, съ убѣжденіемъ говорила она.—Это вѣдь не стыдно. У насъ вонъ въ Коломнѣ одинъ чиновникъ лавочку табачную содержалъ, дѣти въ гимназіи, родные изъ благородныхъ, двое изъ нихъ по статской части въ генералахъ состоятъ.

Онъ не считалъ нужнымъ разочаровывать ее, говорить ей о своихъ планахъ на извѣстность. Этого она все равно не пойметъ. Для этого она слишкомъ проста. Эти мысли немного утѣшали его, успокаивали. Будь она умнѣе, ему было-бы невыносимо обидны ея отношенія къ нему, какъ къ несмысленочку, какъ ни къ чему неспособному человѣку.

Иногда только она спрашивала:

— И на что тебѣ деньги? У тебя все есть!

И онъ самъ тоже думалъ:

— Точно, на что мнѣ деньги? У меня все есть.

Ему становилось даже странно, какъ это теперь ему вовсе не нужны деньги, а прежде цѣлая масса ихъ проходила между рукъ. Онъ вспоминалъ это недавнее прошлое: безалаберное, безшабашное, неряшливое, лихорадочно безпутное, и ему становилось противно и стыдно за самого себя. Чтобы добыть нѣсколько рублей, онъ спѣшно перерисовывалъ тогда черезъ кальку старые иностранные рисунки, превращалъ тирольцевъ въ малороссовъ и, не сморгнувъ глазомъ, сбывалъ эти рисунки за оригинальные разнымъ издателямъ иллюстрированныхъ изданій, или исполнялъ кое-какъ въ одинъ вечеръ плохонькій пейзажъ, «подпускалъ» въ него красочки, придѣлывалъ къ нему огромныя поля, что дѣлало пейзажъ «виднѣе», и ухитрялся «сорвать» за это деньги, «втерѣвъ очки» неопытному покупщику. Онъ даже хвалился этимъ среди пріятелей, вышучивая невѣждъ-покупателей, и товарищи требовали съ него «литки», «магарычи», «спрыски», на что и уплывали деньги. Иногда-же не везло. Это бывали самыя скверныя минуты: приходилось упрашивать, чтобы купили его работу; нужно было выслушивать рѣзкія порицанія этой работѣ; надо было прибѣгать къ унизительнымъ заявленіямъ, что «положеніе такое, что хоть повѣситься, такъ и то въ пору»; въ отвѣтъ на это ему говорили съ ироніей, что его работа не нужна, но что ее берутъ, чтобы онъ не вѣшался, и трудъ шелъ за безцѣнокъ, денегъ пріобрѣталось такъ мало, что было уже все равно—проѣсть ихъ въ три-четыре дня или прокутить въ одинъ вечеръ; послѣднее было веселѣе и потому избиралось именно оно. Ему вспоминалось теперь, до чего дошелъ на этомъ пути Жихаревъ: тотъ положительно считалъ доблестью надуть кого бы то ни было, сорвать съ каждаго, надебоширить вездѣ. Показывая обгрызки своихъ черныхъ зубовъ и хохоча грубымъ смѣхомъ, Жихаревъ даже хвасталъ своими «подвигами» и пріувеличивалъ, прилыгалъ, выдумывалъ ихъ. Такъ, онъ разсказывалъ, что одинъ купецъ заказалъ ему сдѣлать съ него «пейзажикъ» масляными красками, причемъ торговался «какъ жидъ на базарѣ».

— Я-же ему и подложилъ свинью, бахвалился и вралъ Жихаревъ. Написалъ голову осла, а потомъ на ней, какъ просохла она, написалъ рожу его степенства. Пусть-ка оставитъ своимъ наслѣдникамъ этотъ «тятенькинъ патретъ»—изъ-подъ купецкой-то рожи морда осла когда нибудь и выглянетъ. Это ужь непремѣнно. Я такъ устроилъ. Вотъ тебѣ и будетъ «фамильный портретъ».

Никто не вѣрилъ Жихареву, зная его за отъявленнаго враля, но всѣ считали долгомъ смѣяться, «не обрывая» его, чтобы «не напороться на исторію» съ дебоширомъ.

А тяжелые мѣсяцы, проведенные имъ въ одной крошечной комнатѣ съ двумя товарищами,—чего стоили одни они? Какой-то шутникъ, зайдя разъ по-утру «въ ихъ Іомудію», замѣтилъ: «Ну, и воздухъ у васъ; жевать его можно». Ихъ жило въ коморкѣ трое, но пребывало въ ихъ квартирѣ никогда не менѣе шестерыхъ человѣкъ. Посѣтители часто не имѣли и вовсе своего угла. Нѣкоторые изъ нихъ не вставали по цѣлымъ днямъ съ постелей, такъ какъ одинъ изъ жившихъ, нарядившись въ единственную пару платья, уходилъ раздобывать деньги; оставшіеся дома полунагіе постояльцы обманывали свой голодъ куреньемъ табаку до головной боли, до одуренія, до тошноты; иногда являлись страшныя опасенія: «а что какъ ушедшій запьянствуетъ? въ чемъ тогда выйдти на улицу?» Гдѣ теперь они, эти товарищи? Одинъ, даровитый юноша, страстно любившій и удивительно писавшій собакъ, дошелъ до отчаянія, бросилъ живопись, нѣкоторое время пилъ безъ просыпа и теперь, какъ говорятъ, гдѣ-то въ провинціи служитъ въ портерной, тогда какъ его «Наказанная комнатная собачка» и «Опечаленный мопсъ», проданные имъ за тридцать рублей, продаются въ одномъ изъ эстампныхъ магазиновъ за пятьсотъ рублей. Другой избралъ благую часть: изобразилъ акварелью серію скромныхъ картинокъ подъ названіемъ «Радости и печали любви», продалъ ихъ, вошелъ въ моду и теперь его, разжирѣвшаго и блистающаго масломъ, можно всегда встрѣтить среди щеголеватыхъ гвардейцевъ и кокотокъ: онъ катается, какъ сыръ въ маслѣ, и, дойдя до чудовищной разнузданности воображенія, все пополняетъ новыми и новыми серіями «Радости и печали любви», съ жирнымъ смѣхомъ говоря: «А я все кредитные билеты фабрикую и мѣняю на золото». А онъ, Хопровъ... о, скорѣй-бы, скорѣй-бы ему остановиться на большомъ трудѣ. Переговорить съ Вѣрой серьезно и засѣсть за работу...

Вѣра Павловна переселилась съ семьей въ Лѣсной и туда-то отправлялся теперь Хопровъ, въ сильно возбужденномъ настроеніи духа, съ увѣренностью въ душѣ, что на этотъ разъ ему удастся остаться наединѣ съ Вѣрой. Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, что онъ скажетъ ей, чего онъ ждетъ отъ нея. У него была просто безсознательная потребность поговорить съ свѣжимъ человѣкомъ по душѣ, высказать кому-то что-то наболѣвшее въ душѣ. Онъ даже не зналъ, будетъ-ли онъ говорить съ нею о картинѣ или о чемъ-нибудь другомъ. Его тянуло къ ней, потому что только съ нею онъ могъ говорить откровенно. На всемъ свѣтѣ только она еще вѣрила въ него, подбадривала его. Въ дни неудачъ, нужды и отчаянія это было для него очень важно. Онъ никогда не анализировалъ, почему эта задорная, живая и бодрая дѣвочка говоритъ ему: «не унывайте! вы еще покажете всѣмъ, на что вы способны». Ему просто были пріятны эти слова и онъ ни разу не остановился на вопросѣ: «есть-ли у нея серьезныя основанія говорить такъ; понимаетъ-ли она, ребенокъ, его; есть-ли въ немъ что-нибудь, что оправдывало-бы ея вѣру; работаетъ-ли онъ серьезнѣе послѣ встрѣчъ съ нею?..»

А. Михайловъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Бѣлый гробъ.

Посв. В**

Мнѣ снился бѣлый гробъ на черномъ катафалкѣ,
Я въ томъ гробу лежалъ, недвижный отъ тоски,
И кто-то мнѣ бросалъ душистые вѣнки
И розы пышныя, и нѣжныя фіалки...
Я видѣлъ надъ собой поникшія рѣсницы...
И перлы черныя заплаканныхъ очей,
И золотистый блескъ отъ восковыхъ свѣчей
На матовомъ лицѣ печальной чаровницы...
И я узналъ тебя... Ты обо мнѣ рыдала...
Приникла ты ко мнѣ съ любовью и тоской,
И обняла меня дрожащею рукой,
И въ блѣдныя уста такъ нѣжно цѣловала...
Ты мнѣ сказала все, чего сказать не смѣла,
Пока я на землѣ жилъ, грустный и больной,
Пока моя душа для скорби неземной
Къ далекимъ небесамъ еще не улетѣла...
Но тайну робкую безмолвная могила
Не затаитъ въ себѣ,—услышалъ я тебя...
Я гибнулъ отъ любви и умеръ я любя,—
Но чарами любви меня ты воскресила!
Пусть этотъ бѣлый гробъ на черномъ катафалкѣ
Схоронитъ, милый другъ, слѣды былой тоски,—
А намъ несетъ любовь—вѣнчальные вѣнки
И розы пышныя, и нѣжныя фіалки...

Константинъ Льдовъ.

ГРЁЗА.

Новый романъ **Эмиля Золя**.
Переводъ **П. Каншина**.
(*Продолженіе*).

VI.

Послѣ этого происшествія, совѣсть цѣлыхъ двое сутокъ терзала Анжелику. Стоило дѣвушкѣ остаться наединѣ съ самою собою, какъ ее начали душить рыданія, словно она совершила невѣсть какое преступленіе. Все одни и тѣ же неразрѣшимые вопросы, наводящіе ужасъ своею непроницаемой темнотою, безпрестанно возникали въ ея головѣ:—«Не совершила-ли она грѣхопаденія съ этимъ молодымъ человѣкомъ и не сдѣлалась-ли она вслѣдствіе этого одной изъ тѣхъ жалкихъ погибшихъ женщинъ, поддающихся обольщеніямъ діавола о которыхъ такъ часто шла рѣчь въ «Золотой Легендѣ?» Слова:—«я васъ люблю!» едва слышно произнесенныя Фелисьеномъ, съ такимъ страшнымъ рокотомъ отдавались въ ея ушахъ, что доводили ее до отчаянія, и растерявшаяся дѣвушка приписывала ихъ какой-нибудь невѣдомой и злобной силѣ, таящейся въ бездонныхъ нѣдрахъ «незримаго». По ея мнѣнію, одна только подобная сила въ состояніи была произвести такое потрясающее впечатлѣніе. Благодаря тому полному, младенческому невѣдѣнію, въ которомъ выросла Анжелика, она не находила, не могла найти отвѣта на мучившіе ее вопросы.

Да, совершила-ли она грѣхопаденіе съ этимъ молодымъ человѣкомъ? и, пытаясь найти отвѣтъ на это, она старалась припоминать всѣ мельчайшія подробности неожиданнаго происшествія. Ея безусловное дѣвственное невѣдѣніе и безплодныя усилія опредѣлить, что такое грѣхопаденіе? вызывали въ душѣ ея цѣлую бурю. Для того, чтобы совершить его и погубить имъ себя навѣки, достаточно-ли видѣться съ мужчиной, поговорить съ нимъ и потомъ утаить это передъ тѣми, кто замѣнялъ ей отца и мать, слѣдовательно обмануть ихъ, солгать? Не можетъ быть, чтобы въ одномъ этомъ заключалось все зло! но если не въ этомъ одномъ, то почему-же воспоминаніе о происшедшемъ на «Пустырѣ Маріи» такъ душило ее? Почему, если дѣйствительно она не виновата, она, услыхавъ роковыя слова, сразу стала какъ будто совсѣмъ другою, словно въ ней заволновалась новая душа? Можетъ быть, грѣхопаденіе таилось именно въ этой глухой и мучительной тревогѣ, не дававшей покоя ея нравственному чувству? Душа ея полна была чѣмъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ, цѣлымъ хаосомъ рѣчей и поступковъ, мерещившихся ей въ будущемъ, и все это, еще не выяснившись вполнѣ, уже приводило ее въ неописанный ужасъ.

Цѣлые потоки крови бросались ей въ голову, заливали румянцемъ ея щеки, и ужасающія слова: «я васъ люблю» ежесекундно звенѣли въ ея ушахъ.

Она, наконецъ, совсѣмъ бросила попытки разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, переставала даже размышлять, а только безпомощно рыдала, минутами сомнѣваясь въ дѣйствительности совершившагося и невообразимо боясь, чтобы ее за совершенный проступокъ не постигла кара за предѣлами видимаго міра.

Особенно сильно упрекала она себя за то, что во-время не призналась во всемъ Губертинѣ. Если бы она за разрѣшеніемъ рокового вопроса прибѣгнула къ нарѣченной матери, то та, конечно, однимъ словомъ съумѣла бы положить конецъ ея недоумѣнію и открыла бы ей всю тайну. Потомъ дѣвушкѣ казалось, что стоило бы ей только поговорить съ кѣмъ-нибудь откровенно о мучившемъ ее недугѣ, и тотчасъ-же послѣдовало бы не только облегченіе, но и полное исцѣленіе.

Но тайна черезъ-чуръ разрослась въ объемѣ, и Анжелика умерла бы со стыда, если бы ей представилась необходимость съ кѣмъ бы то ни было подѣлиться ею. Она стала прибѣгать къ хитрости, принимала спокойный и равнодушный видъ, межъ тѣмъ какъ въ глубинѣ души ея бушевала страшная буря. Когда-же Губертина или ея мужъ спрашивали дѣвушку, почему она стала такою разсѣянной, та, притворяясь удивленной, широко раскрывала глаза и отвѣчала, что ровно ни о чемъ не думала въ эту минуту.

Пока она, сидя за пяльцами и, машинально то вкалывая иголку въ матерію, то вмѣстѣ съ шелковинкой вытягивая ее вверхъ, сама казалась такой безмятежной, такою сосредоточенною на своей работѣ, ей съ утра до ночи не давали покоя все однѣ и тѣ же мысли. Что значитъ быть любимой? Любимой? А сама-то она отвѣчаетъ-ли любовью на его любовь? Вопросъ тоже для нея до сихъ поръ еще темный, на который ея невѣденіе не давало отвѣта. Она безпрестанно мысленно повторяла себѣ эти вопросы, такъ что у нея начинала кружиться голова; слова для нея теряли обыкновенный свой смыслъ, свое обыденное значеніе; все вокругъ нея вертѣлось вихремъ и какъ будто влекло ее въ какой-то непостижимый для нея водоворотъ. Это мучительное головокруженіе тянулось иногда очень долго, наконецъ, дѣвушка усиліемъ воли принуждала себя выплывать изъ мысленнаго водоворота, старалась дѣлаться такою-же, какъ прежде, быть самою собою; но удавалось ей это ненадолго, и въ головѣ снова начинали шумѣть и кружиться тѣ же неотвязныя мысли. Тѣмъ не менѣе она словно во снѣ продолжала прилежно работать и иголка ея безостановочно и проворно ходила сверху внизъ и обратно. Въ ней, можетъ быть, гнѣздились зачатки какой-нибудь серьезной болѣзни: какъ-то вечеромъ, когда она ложилась въ постель, съ нею сдѣлался такой сильный ознобъ, что она думала, что болѣе уже не встанетъ. Сердце ея билось такъ сильно, что казалось, будто оно сейчасъ разорвется; въ ушахъ былъ такой шумъ, словно надъ головой ея безостановочно гудѣлъ колоколъ. Что это значило?—любила-ли она или сильно больна, и смерть ея уже близка? А между тѣмъ она, повидимому, спокойно улыбалась Губертинѣ, которая въ свою очередь порою, воща нитку, внимательно устремляла на нее встревоженный взглядъ.

Надо также замѣтить, что тотчасъ послѣ происшествія на пустырѣ, Анжелика дала себѣ слово никогда болѣе не видаться съ Фелисьеномъ. Она уже не рѣшалась выходить гулять, не бѣгала по густой травѣ пустыря, даже перестала навѣщать бѣдныхъ. Рѣшеніе это было вызвано страхомъ; ей грезилось, что при первой-же ихъ встрѣчѣ лицомъ къ лицу произойдетъ что-то ужасное. Кромѣ страха въ рѣшеніи этомъ участвовало и желаніе наложить на себя эпитимію въ наказаніе за совершенный, быть можетъ, проступокъ, потому по утрамъ, чтобы подвергнуть себя лишенію,, она не позволяла себѣ даже въ окно заглянуть, изъ боязни какъ бы снова не увидать неподвижно лежащимъ въ сочной травѣ на берегу «Козлихи» того, кто казался ей страшнѣе самой нечистой силы. Тѣмъ не менѣе она все-таки поддавалась искушенію, украдкой взглядывала въ окно, и если его не было на пустырѣ, ей на весь день становилось грустно.

Однажды утромъ, когда Губертъ собирался впяливать стихарь, внизу у входа неожиданно раздался звонокъ. Хозяинъ отправился отпирать. Анжелика и Губертина думали, что это кто-нибудь изъ обыкновенныхъ давальцевъ, вѣроятно, пришедшій съ новымъ заказомъ, такъ какъ до нихъ изъ двери, оставшейся незатворенной, долеталъ снизу гулъ голосовъ. Впрочемъ, онѣ скоро, приподнявъ головы отъ работы, съ удивленіемъ увидали, что на этотъ разъ вмѣстѣ съ хозяиномъ вошелъ и заказчикъ, чего прежде никогда не бывало. Дѣвушка обомлѣла, узнавъ въ этомъ заказчикѣ Фелисьена. Одѣтъ онъ былъ очень просто, какъ обыкновенно одѣваются полу-ремесленники, полу-художники, у которыхъ руки не грубѣютъ отъ работы, а остаются бѣлыми. Такъ какъ она болѣе не выходила къ нему, то онъ самъ пошелъ къ ней, послѣ долгихъ колебаній и послѣ цѣлаго ряда дней напрасныхъ ожиданій и мучительныхъ пытокъ неизвѣстности. Какъ ни убѣждалъ онъ себя, что надѣяться нечего, что дѣвушка, очевидно, не любитъ его, но, наконецъ, самъ пошелъ къ ней подъ благовиднымъ предлогомъ.

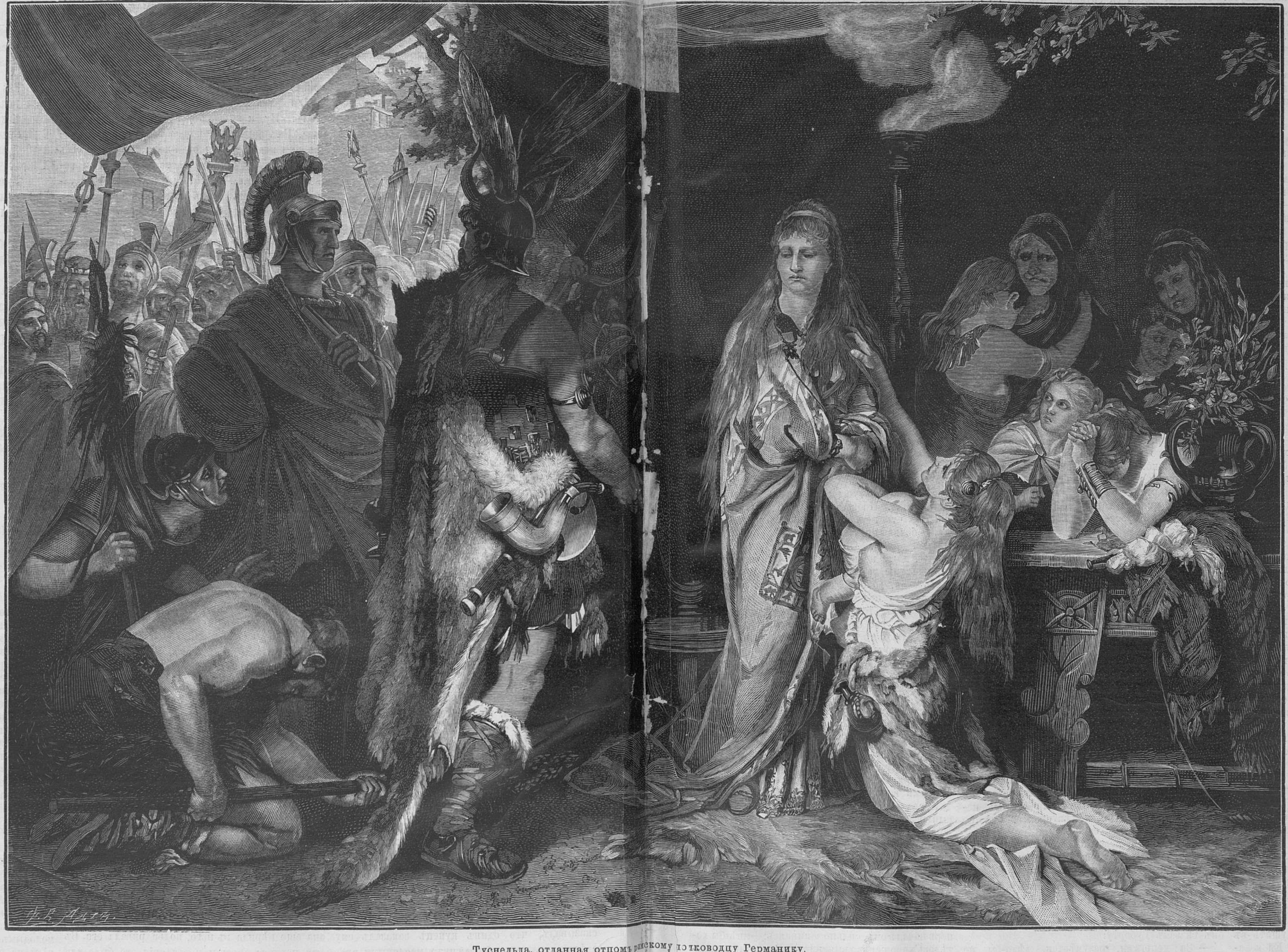
— Это тебя касается, дитятко мое, объяснилъ Губертъ:— Этотъ господинъ хочетъ поручить намъ выходящую изъ ряда работу; вотъ я и пригласилъ его сюда, чтобы переговорить здѣсь обстоятельно, такъ-какъ здѣсь удобнѣе, чѣмъ внизу.

— Рисунокъ вамъ слѣдуетъ показать моей дочери, добавилъ онъ, обращаясь къ Фелисьену.

Ни самъ хозяинъ, ни его жена, рѣшительно ничего не подозрѣвали и только съ любопытствомъ подошли взглянуть на рисунокъ. Но и Фелисьена такъ-же, какъ Анжелику душило волненіе. Рука его сильно дрожала, когда онъ развертывалъ рисунокъ, и онъ вынужденъ былъ говорить медленно, чтобы такое-же сильное дрожаніе голоса не выдало его смущенія.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Съ картины Рихарда Бёма



Туснельда, отданная отцомъ римскому полководцу Германику.

— Это рисунокъ митры для монсиньора, началъ онъ: — Здѣшнія городскія дамы желаютъ поднести ему подарокъ. Онѣ-то и поручили мнѣ сдѣлать рисунокъ и самому слѣдить за исполненіемъ работы. Моя профессія—живопись по стеклу, но я много занимаюсь изученіемъ стариннаго искусства. Вы видите, что я собственно ничего новаго не придумалъ, а просто изобразилъ митру въ готическомъ вкусѣ.

У Анжелики, наклонившейся надъ листомъ бумаги, чтобы лучше разсмотрѣть подробности рисунка, невольно вырвалось легкое восклицаніе.

— Да это св. Агнеса!

На митрѣ дѣйствительно изображена была тринадцатилѣтняя мученица. Длинные золотистые волосы, падавшіе до самой земли, вмѣсто всякой одежды совершенно покрывали наготу дѣвственницы, такъ что изъ-за нихъ виднѣлись только ея крошечныя руки и ноги, словомъ совершенно такъ, какъ праведница эта изображена была и на одномъ изъ изваяній около сѣверныхъ воротъ собора и въ особенности такъ, какъ св. Агнеса изображена была внутри храма.—Послѣднее—небольшая статуэтка, изваянная изъ дерева, нѣкогда выкрашенная въ ярко-желтый цвѣтъ, но теперь, полинявъ, сдѣлавшаяся блѣдно-рыжеватою; время придало выцвѣтшей краскѣ слегка золотистый оттѣнокъ. Изображеніе св. Агнесы занимало весь передъ митры. Юная праведница изображена была выпрямившеюся и уносимою на небо двумя ангелами. Сзади нея разстилался очень отдаленный и весьма тонко сдѣланный ландшафтъ. Съ боковъ и сзади митра была въ изобиліи украшена копьевидными орнаментами въ самомъ строгомъ и красивомъ стилѣ.

— Здѣшнія дамы приготовляютъ подарокъ къ дню крестнаго хода, продолжалъ Фелисьенъ, поэтому совершенно естественно, что при составленіи рисунка мнѣ прежде всего пришла на мысль св. Агнеса.

— Мысль прекрасная! перебилъ хозяинъ.

— И монсиньоръ вѣроятно до глубины души будетъ тронутъ такимъ вниманіемъ, въ свою очередь вмѣшалась Губертина.

Крестный ходъ, о которомъ упомянулъ Фелисьенъ, происходилъ каждый годъ 28-го іюля. Учрежденъ онъ былъ еще Іоанномъ V, въ знакъ благодарности за чудную силу, дарованную Всевышнимъ и ему, и всему его роду исцѣлять отъ чумы въ то время, когда недугъ этотъ свирѣпствовалъ въ Бомонѣ. Сохранились преданія, что родъ маркизовъ Откеръ обязанъ былъ этимъ неоцѣнимымъ даромъ заступничеству св. Агнесы, которую особенно чтилъ этотъ родъ. Съ тѣхъ поръ и понынѣ сохраняется въ Бомонѣ обычай въ назначенный день выносить изъ собора древнее изваяніе, обходить съ нимъ вокругъ города, а потомъ торжественно носить его по всѣмъ улицамъ, въ твердомъ упованіи, что праведница продолжаетъ и понынѣ неусыпно охранять Бомонъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

— Митра должна быть готова къ крестному ходу, тихо заговорила Анжелика, не отрывая глазъ отъ рисунка:—Да вѣдь это черезъ три недѣли... Невозможно вышить такъ скоро.

Хозяинъ и его жена тоже въ раздумьи покачали головою. Дѣйствительно, работа была трудная и требовала самой тщательной отдѣлки. Тѣмъ не менѣе Губертина, обращаясь къ дѣвушкѣ, сказала:

— Я могла-бы помочь тебѣ... Стала-бы вышивать орнаменты, такъ что на твою долю осталась-бы только одна главная фигура.

Анжелика, смущенная до-нельзя, продолжала разсматривать рисунокъ. «Нѣтъ, нѣтъ, никакъ нельзя вышить къ сроку», убѣждала она себя, стараясь хоть этими доводами задушить въ себѣ страстное желаніе согласиться. Ей казалось, что взять на себя работу было-бы съ ея стороны очень дурно, это значило-бы идти на молчаливое согласіе обманывать ту, кто замѣнялъ ей мать, потому что сама она понимала, видѣла ясно, что Фелисьенъ лжетъ, что онъ совсѣмъ не бѣднякъ, а только скрываетъ свое настоящее положеніе подъ скромной одеждой ремесленника. Вся эта притворная скромность, весь этотъ искусно придуманный предлогъ, чтобы хоть какъ-нибудь приблизиться къ ней, заставляли ее быть на-сторожѣ, а между тѣмъ эта хитрость съ его стороны на самомъ дѣлѣ не только забавляла ее, но и радовала до глубины души. Она до того твердо вѣрила, что безумная греза ея сбудется, что ни на мгновеніе не усомнилась въ томъ, что Фелисьенъ—избранникъ, посланный ей свыше, что онъ по меньшей мѣрѣ царскаго рода и только почему-то до поры до времени скрываетъ свой санъ.

— Нѣтъ, повторяла она вполголоса: — невозможно исполнить къ сроку.

И, не поднимая глазъ, словно говоря сама съ собою, она продолжала:

— Для того, чтобы вышить, какъ слѣдуетъ волосы, ни гладь, ни настилка, ни гипюровый швъ не годятся... Это было-бы просто варварство... Тутъ необходимъ тѣневый швъ.

— Вы совершенно правы, сказалъ Фелисьенъ: — я именно объ этомъ швѣ и думалъ, когда дѣлалъ рисунокъ. Секретъ этого стариннаго шва долго былъ потерянъ, но я знаю, что вы сами добрались до его тайны... Въ соборной ризницѣ есть великолѣпный образчикъ такого шва.

Глаза Губерта разгорѣлись.

— Да, заговорилъ онъ съ увлеченіемъ: — я знаю, о чемъ вы говорите. Вышивка эта относится къ XIV столѣтію. Ее исполняла жена одного изъ моихъ предковъ. Великолѣпнѣе работы нѣтъ, какъ швъ тѣневымъ шелкомъ по золоту, но она стоитъ очень дорого и требуетъ слишкомъ много времени, труда и ловкости. Къ тому-же необходимо быть настоящимъ художникомъ въ своемъ дѣлѣ, чтобы исполнить ее, какъ слѣдуетъ. Вотъ уже болѣе двухъ столѣтій, какъ никто этимъ швомъ не вышиваетъ, и если дочка моя откажется, то и вамъ придется отказаться отъ своего плана, потому что въ настоящее время, кромѣ нея, нѣтъ никого, кто-бы могъ его исполнить. Я въ настоящее время не знаю никого, кто-бы обладалъ надлежащимъ утонченнымъ умѣніемъ, необходимою вѣрностью взгляда и руки.

Съ той минуты, какъ заговорили о тѣневомъ швѣ, на лицѣ Губертины появилось почтительное выраженіе.

— Въ три недѣли, дѣйствительно, вышить невозможно, заговорила она вполнѣ убѣжденнымъ тономъ: — необходимо обладать усидчивостью и сказочнымъ терпѣніемъ...

Тѣмъ временемъ, долго глядя на нарисованную Фелисьеномъ св. Агнесу, Анжелика сдѣлала открытіе, наводнившее ея душу счастіемъ. Лицо праведницы очень было похоже на ея лицо, и Фелисьенъ, копируя на бумагѣ старинное изображеніе, несомнѣнно думалъ о ней. Мысль, что юноша постоянно думаетъ о ней, всегда и всюду видитъ ее передъ собою, значительно поколебала ея намѣреніе удаляться отъ того, кто вызывалъ въ ней такой мучительный страхъ. Она подняла, наконецъ, голову и увидала его такимъ смущеннымъ, покорнымъ; въ его влажныхъ глазахъ было столько горячей мольбы, что сердце ея было побѣждено. Но съ тѣмъ лукавствомъ, съ тѣмъ прирожденнымъ умѣніемъ маскировать свои настоящія чувства, свойственными самымъ невиннымъ и неопытнымъ дѣвушкамъ, она не захотѣла согласиться сразу.

— Нѣтъ, это невозможно, повторила она, возвращая Фелисьену рисунокъ: — ни для кого на свѣтѣ я не возьмусь за эту работу.

У Фелисьена вырвался жестъ самаго искренняго отчаянія. Ему казалось, что она именно ему отказываетъ; да, теперь онъ начиналъ понимать это ясно, и вотъ, собираясь уходить, онъ сказалъ Губерту:

— За деньгами, разумѣется, дѣло-бы не стало: заказчицы безъ торга заплатили-бы все, чего вы потребовали-бы за работу... Онѣ и двѣ тысячи франковъ были-бы готовы заплатить...

Хотя Губерты были люди далеко не корыстолюбивые, но такая крупная сумма и на нихъ произвела впечатлѣніе. Мужъ грустно посмотрѣлъ на жену; обоимъ жаль было упустить такой выгодный заказъ.

— Двѣ тысячи франковъ... вы говорите, двѣ тысячи франковъ, промолвила Анжелика своимъ благозвучнымъ и мягкимъ голосомъ, обращаясь къ юношѣ.

И она, для которой деньги въ сущности не имѣли ровно никакой цѣны, какъ будто колебалась, едва удерживаясь отъ смѣха. Ее забавляла мысль, что онъ получитъ о ней самое превратное понятіе, вообразивъ, что она согласилась не ради удовольствія видѣть его и исполнить его желаніе, а изъ-за денегъ. Едва замѣтная улыбка скользнула по ея красивымъ губамъ.

— За двѣ тысячи франковъ я, пожалуй, согласна, продолжала она: — я бы ни для кого на свѣтѣ этого ни сдѣлала, но разъ предлагаютъ такія крупныя деньги, я готова ночи на пролетъ проводить за работой, если будетъ нужно.

Тутъ уже Губертина и ея мужъ стали отказываться въ свою очередь: они боялись, какъ-бы Анжелика не утомила себя черезъ-чуръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отъ такихъ денегъ отказываться нельзя, когда онѣ сами даются въ руки, сказала дѣвушка и затѣмъ, обращаясь къ Фелисьену, добавила: — Можете на меня разсчитывать; наканунѣ крестнаго хода ваша митра будетъ готова.

Юноша оставилъ рисунокъ и ушелъ. Сердце его ныло до того мучительно, что у него духу не хватило долѣе остаться въ мастерской подъ предлогомъ новыхъ объясненій. Для него становилось совершенно яснымъ, что Анжелика нисколько его не любитъ: во-первыхъ она притворилась, что совсѣмъ не узнала его, а потомъ обошлась съ нимъ, какъ съ заурядны́мъ заказчикомъ; для нея только и цѣнны однѣ его деньги. Въ первую минуту онъ возмутился, обвиняя дѣвушку въ безсердечіи, въ мѣщанскомъ корыстолюбіи. Но тѣмъ лучше! и онъ рѣшилъ, что не стоитъ болѣе думать о ней. Но потомъ не въ силахъ будучи перестать о ней думать, онъ началъ находить для нея извиненія: развѣ она, будучи вынуждена работой добывать себѣ хлѣбъ насущный, можетъ не дорожить деньгами?.. Прошло два дня. Долго не видя ее, онъ чувствовалъ себя до того несчастнымъ, даже больнымъ, что сталъ снова бродить около ея дома. Она болѣе не выходила на улицу, даже не показывалась у окна. Онъ доходилъ уже до того, что сталъ всячески ублажать себя, говоря, что если она и не любитъ его, если у нея только и есть дорогого, что однѣ деньги, то самъ онъ съ каждымъ днемъ любитъ ее все сильнѣе и сильнѣе, какъ любятъ только въ двадцать лѣтъ, сами не зная за что и почему, по одной потребности сердца, ради самой любви со всѣми ея радостями и со всѣми ея огорченіями. Какъ-то разъ вечеромъ онъ увидалъ ее, и все было кончено: теперь онъ долженъ любить ее, именно ее, а не другую, какова-бы она ни была, добра или зла, хороша собою или дурна, бѣдна или богата. Онъ чувствовалъ, что умретъ, если она не будетъ всецѣло принадлежать ему. На третій день страданія его разрослись до того, что, не смотря на данное себѣ слово забыть ее, онъ все-таки вернулся къ Губертамъ.

Когда онъ позвонилъ, его, какъ и въ первый разъ, внизу встрѣтилъ хозяинъ, который, ровно ничего не понимая въ его туманныхъ объясненіяхъ, рѣшился снова пригласить его въ мастерскую.

— Дѣточка моя, сказалъ хозяинъ, обращаясь къ Анжеликѣ: — тебѣ что-то хотятъ объяснить, но я не ясно понимаю, что именно.

Тутъ вмѣшался самъ Фелисьенъ.

— Если это вамъ не покажется скучнымъ, теперь началъ онъ, сильно запинаясь: — мнѣ-бы хотѣлось хорошенько выяснить... Заказчицы поручили мнѣ лично наблюдать за ходомъ работы... Но если вамъ доставляетъ хоть какое-нибудь безпокойство...

Анжелика при появленіи Фелисьена сильно взволновалась. Сердце ея начало биться такъ сильно, что удары его отдавались у нея въ горлѣ. Она задыхалась, но усиліемъ воли заставила себя тотчасъ-же подавить волненіе, такъ что даже краска не выступила у нея на лицѣ, и она совершенно равнодушно, безъ малѣйшаго смущенія отвѣчала ему:

— Какое-же безпокойство, помилуйте! Мнѣ рѣшительно все равно работать, когда я одна въ комнатѣ, или когда около меня есть чужіе. Вы составляли рисунокъ, и весьма естественно, что вамъ интересно слѣдить за его исполненіемъ.

Фелисьенъ совершенно растерялся. Онъ даже не рѣшился-бы сѣсть, если-бы Губертина, съ своей серьезной улыбкой, сама не предложила ему стула, какъ необыкновенно щедрому заказчику. Она тотчасъ-же снова наклонилась надъ пяльцами и принялась за прерванную на минуту работу, вышивая гипюровымъ швомъ готическія украшенія другихъ частей митры. Губертъ, съ своей стороны, тоже снялъ со стѣны уже совсѣмъ оконченную хоругвь, проклеенную съ изнанки дня два тому назадъ и вывѣшенную для просушки клея. Теперь она совсѣмъ высохла, и хозяинъ принялся расправлять ее окончательно. Никто болѣе не произносилъ ни слова; и самъ хозяинъ, и обѣ мастерицы прилежно продолжали заниматься дѣломъ, словно въ комнатѣ не было никого посторонняго.

Юноша, нѣсколько успокоенный разлитымъ вокругъ него миромъ, мало по малу успѣлъ овладѣть собою почти совершенно. Пробило три часа. Тѣнь, бросаемая соборомъ, начала удлинняться, и въ мастерскую сквозь растворенное широкое окно сталъ проникать прозрачный полусумракъ. Это повторялось каждый день и начиналось съ самаго полудня; тѣнь отъ собора падала на свѣжій и зеленѣющій домикъ, пріютившійся подъ сѣнью громаднаго зданія. Съ улицы доносился легкій стукъ башмаковъ о каменныя плиты: это мѣстный пансіонъ для дѣвицъ въ полномъ составѣ отправляется на исповѣдь. Все находившееся въ мастерской: старинныя принадлежности мастерства, даже ветхія стѣны какъ будто спали глубокимъ сномъ цѣлыхъ столѣтій, сладко распространяя вокругъ себя миръ и прохладу. Только большой четырехугольникъ ровнаго бѣловатаго свѣта падалъ на пяльцы, около которыхъ, согнувшись, работали вышивальщицы, игралъ на золотѣ вышивокъ, блѣдно-желтоватый отблескъ котораго слегка отражался на красивыхъ, тонко очерченныхъ профиляхъ хозяйки и молодой дѣвушки.

Фелисьенъ все-таки чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко; онъ понималъ, что ему необходимо объяснить чѣмъ нибудь свое непрошенное появленіе.

— Я пришелъ поговорить съ вами на счетъ волосъ, началъ онъ, слегка запинаясь и обращаясь къ Анжеликѣ:—мнѣ кажется, что для нихъ золото лучше подойдетъ, чѣмъ шелкъ.

Дѣвушка приподняла голову. По одному шаловливому, нѣсколько насмѣшливому выраженію ея глазъ юношѣ легко было-бы угадать, что онъ могъ-бы избавить себя отъ труда приходить въ мастерскую, если у него въ запасѣ не было какого-нибудь болѣе дѣльнаго замѣчанія. Дѣвушка снова склонилась надъ работой и голосомъ, въ которомъ слышался смѣхъ, коротко отвѣтила:

— Конечно.

Только тутъ Фелисьенъ увидалъ, какъ глупо было его замѣчаніе. Анжелика въ эту самую минуту именно была занята волосами. Передъ нею лежалъ сдѣланный имъ рисунокъ, нѣсколько не въ мѣру яркія краски котораго были сглажены мокрою кистью; кое-гдѣ по поблѣднѣвшимъ краскамъ проведено было золотомъ, такъ-что весь рисунокъ получилъ отъ этого необыкновенно мягкій оттѣнокъ старинной миніатюры, поблѣднѣвшей отъ времени между страницами средневѣковаго молитвенника. Дѣвушка копировала этотъ рисунокъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и съ ловкостью художника-миніатюриста, рисующаго при помощи лупы. Сначала нѣсколько рѣзкими чертами воспроизведя абрисъ рисунка на бѣломъ атласѣ, подбитомъ плотнымъ и прочнымъ полотномъ, вышивальщица покрывала его теперь снизу вверхъ тонкими золотыми нитями, тѣсно прилегавшими одна къ другой и прихваченными только сверху и снизу шелкомъ, такъ что на всемъ протяженіи своемъ нити эти оставались совершенно свободными, служа какъ будто основой шитью. Старинныя мастерицы обыкновенно поступали такимъ образомъ. Онѣ слегка раздвигали нити острымъ концомъ иголки и тѣневымъ шелкомъ, подобраннымъ по узору, мелкими косыми стежками застилали золото, выводя на немъ узоръ. Тамъ гдѣ было больше темныхъ тѣней, шелкъ почти совсѣмъ покрывалъ золото; въ полутонахъ сквозь настилку золотая основа проглядывала чаще, а въ свѣтлыхъ мѣстахъ шелковыя стежки только изрѣдка прихватывали нити, такъ-что золотой фонъ, образовавшій блески свѣта, совсѣмъ выступалъ наружу. Это-то и былъ такъ называемый тѣневый шовъ по золоту, придававшій вышивкѣ необыкновенно нѣжный оттѣнокъ, словно озаряя его снизу или изнутри таинственнымъ свѣтомъ мистическаго сіянія.

— Да, внезапно заговорилъ Губертъ, выпяливая хоругвь и вытаскивая бичевки изъ дыръ торочковъ:—Въ былыя времена, непремѣнно требовалось, чтобы мастерица умѣла хорошо исполнять тѣневый шовъ по золоту; безъ этого невозможно было попасть въ цехъ вышивальщицъ, и каждая, желающая быть зачисленною въ него, обязана была представить образецъ такой работы. Такъ и въ уставахъ цеха сказано. Тебя, Анжелика, приняли-бы непремѣнно.

Снова наступило молчаніе. Относительно исполненія волосъ, Анжеликѣ, вопреки принятому правилу, пришла таже мысль, что и Фелисьену, а именно, замѣнить шелкъ золотомъ-же, только болѣе темныхъ оттѣнковъ, и у нея подъ руками находилось болѣе десяти иголокъ, въ которыя вдѣты были тонкія золотыя нити различныхъ тоновъ, начиная отъ темно-красноватаго оттѣнка догорающихъ угольковъ и до нѣжнаго блѣдно-зеленоватаго, напоминающаго осенній покровъ лѣса. Св. Агнеса съ маковки и до пятокъ, словно широкимъ плащемъ, покрыта была волнистыми прядями золотыхъ волосъ. Пряди эти, сходясь у подбородка, обильнымъ каскадомъ падали до земли, вдоль всего тѣла, только слегка обрисовывая его контуры. Эти волосы, баснословно-роскошное руно съ крупными завитками,—чудомъ выросшіе въ одно мгновеніе, прикрывали наготу праведницы живою, мягкою и благоухающею одеждой.

Въ этотъ день Фелисьенъ только и дѣлалъ, что смотрѣлъ на Анжелику, повидимому безмятежно косыми стежками вышивавшую роскошныя пряди волосъ, и притомъ направленіе стежковъ слѣдовало направленію самихъ прядей. Онъ не сводилъ глазъ съ иголки дѣвушки, подъ искусными пальцами которой настланная основа гладкихъ нитей, превращалась въ густой золотистый лѣсъ живыхъ волосъ, слегка волнуемыхъ и внѣшнимъ дуновеніемъ вѣтра, и внутреннею дрожью праведницы, вызванной недавнимъ ужасомъ предстоявшаго позора и только что совершившимся чудомъ. Юношу самого бросило въ дрожь отъ близости любимаго существа. Губертина вышивала теперь блестками и прикрывала крошечными кусочками граненой канители каждый шелковый стежекъ, придерживавшій блестку. Всякій разъ, какъ ей приходилось бросать въ стоявшій тутъ-же баульчикъ одну изъ такихъ блестокъ, почему-нибудь негодныхъ въ дѣло, она покрывала юношу своимъ мягкимъ, но серьезнымъ взглядомъ. Мужъ ея, окончивъ выпяливать хоругвь и отпоровъ торочки, осторожно свертывалъ оконченную работу. Всеобщее молчаніе сильно смущало Фелисьена; онъ, наконецъ, догадался, что нельзя вѣчно сидѣть тутъ, и если онъ не въ состояніи былъ придумать ни одного указанія, ради которыхъ, по его словамъ, онъ только и пришелъ, то надо было хоть честь знать, уйти и тѣмъ вывести какъ себя, такъ и другихъ, изъ неловкаго положенія.

Онъ дѣйствительно всталъ и заговорилъ, попрежнему запинаясь и попрежнему-же обращаясь къ Анжеликѣ:

— Я какъ-нибудь на-дняхъ вернусь еще. Только теперь я замѣтилъ, какъ плохо нарисовано лицо, и для исполненія его вамъ, быть можетъ, понадобятся мои указанія.

— О, нѣтъ, нисколько! воскликнула дѣвушка, прямо и спокойно взглянувъ въ глаза юноши своими свѣтлыми глазами.

— Впрочемъ, если вы боитесь, что исполненіе будетъ не такимъ, какъ вы желаете, пожалуйста, приходите, когда угодно.

Онъ раскланялся и ушелъ. Приглашеніе очень обрадовало его, но холодность дѣвушки приводила его въ отчаяніе. Она не любитъ его и не полюбитъ никогда!—Это въ глазахъ его было дѣломъ рѣшеннымъ. Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ и приходить? Тѣмъ не менѣе его такъ и тянуло въ улицу «Золотыхъ дѣлъ мастеровъ». Онъ и на другой день отправился въ уютный прохладный домикъ, и на третій и зачастилъ туда каждый день. Только тѣ часы, которые онъ проводилъ тамъ, были для него хоть сколько нибудь выносимыми; всѣ-же остальные, полные сомнѣній и внутренней борьбы, казались ему совершенной пыткой. Онъ только тогда и успокаивался немного, когда находился около Анжелики. Онъ готовъ былъ отказаться отъ надежды добиться ея взаимности, готовъ былъ помириться со всѣмъ на свѣтѣ, лишь-бы только быть съ нею вмѣстѣ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига.

Историческій романъ Т. Ёжа.

(Переводъ съ польскаго А. Сахаровой).

(Продолженіе).

VIII.

Племичи, съѣхавшіеся въ Климовацъ на совѣщаніе, застигнутые врасплохъ нападеніемъ сразу не знали въ присутствіи какого непріятеля они находятся: разбойничья-ли это шайка, дѣлающая вылазку ради добычи, или-же это нападеніе, находящееся въ связи съ ведущейся, вслѣдствіе вѣнскаго погрома, войной? Въ первомъ случаѣ сами враги попались-бы въ устроенную ими самими ловушку, а во второмъ порядокъ вещей измѣнялся: въ западню попадались уже не турки, а сами племичи. Эта неувѣренность продолжалась нѣкоторое время. Изъ появляющихся вооруженныхъ отрядиковъ, которые какъ-бы занимали позиціи, а можетъ быть, дѣлали рекогносцировку, нельзя было еще ничего сообразить. Однимъ казалось одно, другимъ другое. Слышались голоса, совѣтующіе вылазку, съ цѣлью напугать нападающихъ.

— Подождемъ еще, отвѣчали болѣе разсудительные.

Эти послѣдніе были правы, потому что дѣло выяснилось само собой. У воротъ показалось нѣсколько всадниковъ и одинъ пѣшій. Всадники остановились на разстояніи полутора выстрѣла огнестрѣльнаго оружія; человѣкъ пѣшій, простой крестьянинъ, вышелъ впередъ и, дѣлая руками знаки, подходилъ къ воротамъ. Шагахъ въ ста, онъ остановился и крикнулъ:

— Я иду съ переговорами!..

— Подойди-ка поближе!.. отвѣчалъ ему Ляіошъ.

Человѣкъ подошелъ къ самымъ воротамъ и обратился съ слѣдующими словами:

— Я крестьянинъ изъ Клица, турки меня захватили и приказали мнѣ спросить васъ, не хотите-ли вступить въ переговоры съ ними...

— Что-жь это и откуда-же эти турки?.. спросилъ Ляіошъ.

— Богъ ихъ знаетъ!.. былъ отвѣтъ.

— Какое у нихъ войско?

— Войско большое, да и только! Велѣлъ мнѣ онъ,—тутъ онъ указалъ рукою на всадниковъ, сказать, что если-бы кто нибудь вышелъ къ нему, то... былъ-бы разговоръ...

— И-и хорошо... отвѣтилъ Ляіошъ. Скажи ему, что кто нибудь выйдетъ...

Ляіошъ хотѣлъ идти самъ, но Чолничъ и другіе отсовѣтовали.

— Вождь не отдастя въ руки душмана... замѣтилъ Чолничъ,—это замѣчаніе отчасти предназначало Ляіоша въ вожди.

Человѣкъ ловкій воспользовался случаемъ и какъ-бы наклеилъ на личность молодого человѣка этикетъ, съ которымъ онъ хотѣлъ освоить дворянство. Никто не протестовалъ противъ этого. Фактически Ляіошъ былъ вождемъ на своихъ земляхъ.

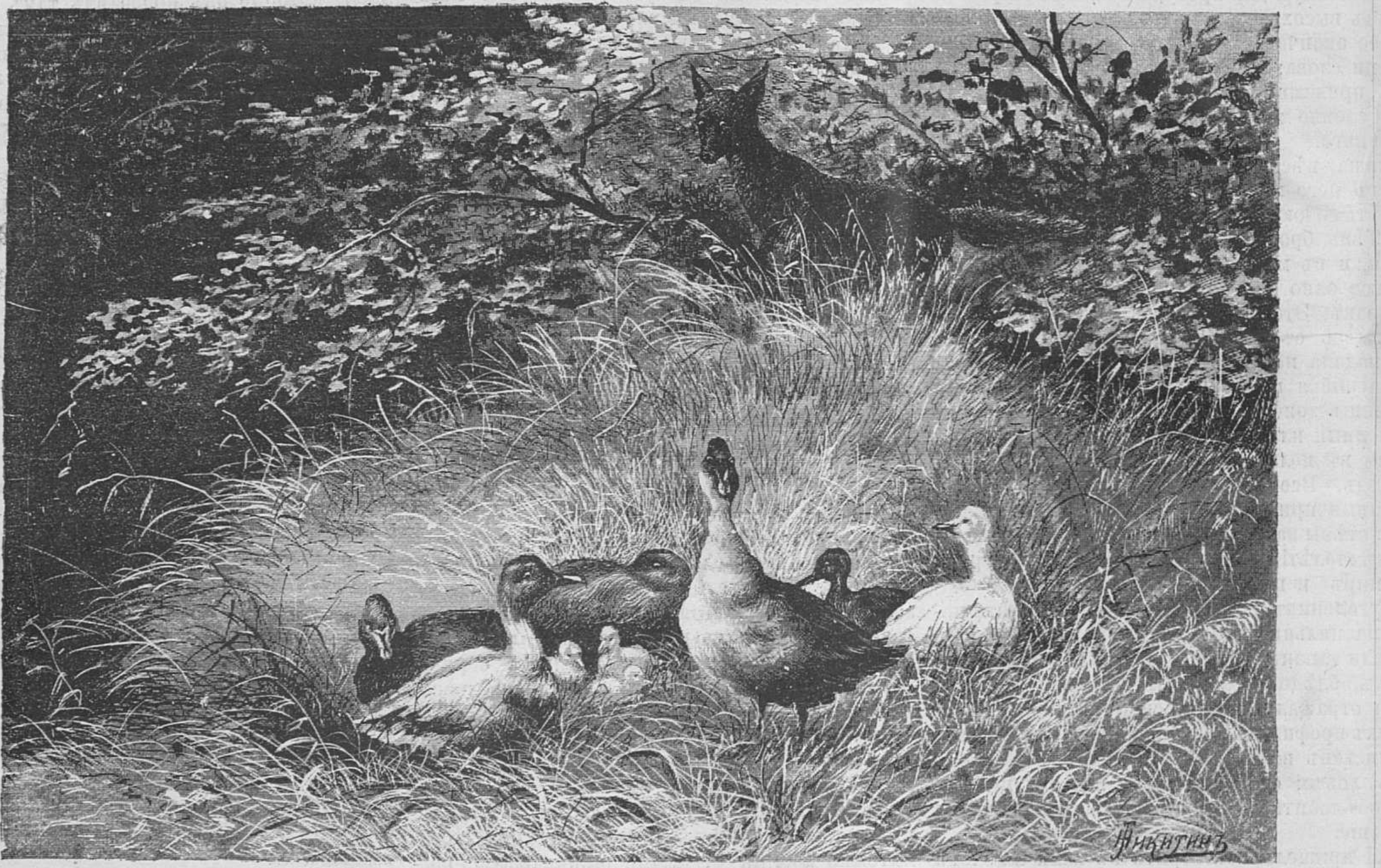
— Кто-же, проговорилъ одинъ изъ племичей,—выйдетъ?

Наступило короткое совѣщаніе, результатомъ котораго была отправка одного изъ слугъ климовацкихъ, человѣка расторопнаго и смѣлаго.

Разговоръ продолжался не долго. Послѣдній вернулся съ предложеніемъ, исходящимъ отъ Али-аги, находящагося лично во главѣ войска, и состоящимъ въ томъ, что если среди собравшихся въ Климовацѣ находится пріятель его, Павао Чолничъ, то чтобы онъ вышелъ къ нему по дружески. Всадники ожидали отвѣта.

ИЗЪ ЖИЗНИ и ПРИРОДЫ.

Оригинальный рисунокъ Т. Никитина.



Опасное сосѣдство.

Извѣстіе о присутствіи Али-аги произвело впечатлѣніе. Оказалось, что это не шутки.

— Бръ, бръ! повторяли и тѣ, и другіе.

— Пусть дастъ заложника... проговорилъ одинъ.

Это мнѣніе было подтверждено всѣми, за исключеніемъ одного голоса, голоса самого Чолнича.

— Нѣтъ... сказалъ онъ. Если этому быть по дружески, то пусть-же это и будетъ по дружески. Пусть намъ будетъ ручательствомъ слово Али-аги. Пойду, посмотримъ.

— А если онъ тебя задержитъ?.. вмѣшался кто-то.

— Ну, такъ и задержитъ.

— И голову срубитъ?.. добавилъ другой.

— Срубитъ, такъ срубитъ.

— Гм... былъ общій выводъ.

Окончилось тѣмъ, что Чолничъ пойдетъ и, въ случаѣ, если онъ не вернется, собравшіеся будутъ ждать во дворѣ, готовые къ защитѣ, нападенія со стороны турецкихъ войскъ. Это являлось самымъ естественнымъ исходомъ. Ничего другого нельзя было дѣлать въ той крайности, которую, высказавшееся въ словахъ турецкаго вождя довѣріе, могло предотвратить. Этого послѣдняго исхода жаждало все дворянство, за исключеніемъ Ляіоша и нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей. И такъ, всадникамъ отвѣтили, что Чолничъ отправится къ Али-агѣ. Всадники слѣзли съ лошадей, ожидая Чолнича, которому между тѣмъ сѣдлали лошадь. Это заняло съ полчаса, умышленно такъ долго, чтобы выиграть время по отношенью къ взвивающемуся на Остромъ Верху дыму, который, возбуждая тревогу во всей окрестности, этимъ же самымъ позволялъ разсчитывать на возможность отпора. Наконецъ лошадь была осѣдлана, ворота отворили и Чолничъ, сопровождаемый конюхомъ, двинулся.

— Счастливаго пути... кричали ему вслѣдъ племичи.

Многіе изъ нихъ были того убѣжденія, что они уже не увидятъ его больше. Турецкіе вскадники, увидѣвъ его выѣзжающимъ изъ воротъ, усѣлись на лошадей и встрѣтили его привѣтливо.

— Али-ага обрадуется тебѣ... проговорилъ одинъ изъ нихъ.

Чолничъ отвѣчалъ привѣтомъ на привѣтъ и спросилъ.

— Гдѣ-же встрѣчу я друга моего?

— Не хлопочи объ этомъ, джанемъ, мы тебя проводимъ къ нему такъ, что онъ заглянетъ тебѣ въ глаза и ты заглянешь ему въ глаза.

Онъ болѣе не распрашивалъ. Ѣзда продолжалась съ четверть часа и по такой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой виднѣлись отдыхающіе вооруженные отряды, пѣшіе и конные. Чолничъ поглядывалъ на нихъ исподлобья и мысленно пересчитывалъ. Пересчитать ихъ было трудно по той причинѣ, что кусты скрывали воиновъ, которыми они были переполнены подобно муравейнику. Чолничъ улыбнулся про себя, потому что догадался, что такой способъ выказыванія вооруженной силы является своего рода коварствомъ. Однако чему онъ не улыбнулся, это при видѣ пушекъ, которыя онъ увидалъ напослѣдокъ и неподалеку отъ которыхъ проводники свернули въ сторону, направляясь къ развѣсистымъ букамъ. Они остановились передъ однимъ изъ буковъ. На разостланныхъ коврахъ, на разложенныхъ подушкахъ тамъ сидѣло нѣсколько турокъ, сгруппировавшись около одного, занимающаго почетное мѣсто человѣка лѣтъ сорока съ хвостикомъ, худого, рыжаго и косого. Это былъ Али-ага. Чолничъ, соскочивъ съ лошади на разстояніи какихъ нибудь тридцати шаговъ отъ турецкаго вождя, отдалъ поводья конюху и, кланяясь и прижимая руку къ груди, подошелъ къ вождю.

— Э?.. проговорилъ этотъ послѣдній, поглядывая на гостя съ улыбкой на лицѣ.

— Я явился по твоему дружескому приглашенію, эффенди... былъ отвѣтъ Чолнича.

— Хорошо сдѣлалъ, джанемъ, садись-же.

Чолничъ усѣлся напротивъ аги и, согласуясь съ турецкимъ этикетомъ, по очередно кланялся каждому изъ присутствующихъ. По окончаніи этой церемоніи, ага началъ:

— Ты видѣлъ громадное войско, которое я привелъ?

— Видѣлъ... отвѣтилъ Чолничъ.

— Э?.. спросилъ онъ.

— Громадная сила, плеяды (тысячи)

— Я привелъ ихъ не напоказъ.

— Я предпочелъ-бы, чтобы это было только на показъ.

— Твое желаніе, джанемъ, можетъ исполниться.

— О, ага эффенди!.. подхватилъ Чолничъ, придавая своему восклицанію оттѣнокъ радости.

— Видишь что... началъ ага. Я говорилъ: сидѣть смирно, будемъ себѣ жить по-сосѣдски и мы жили. Разбойниковъ, переходившихъ на вашу сторону, я велѣлъ ловить и вѣшать. Я заботился о безопасности вашихъ жилищъ. Въ моемъ саламлекѣ каждый кроатъ былъ дорогимъ гостемъ. Неправда-ли?

— Правда, эффенди... отвѣтилъ Чолничъ, кланяясь и прижимая руку къ сердцу.

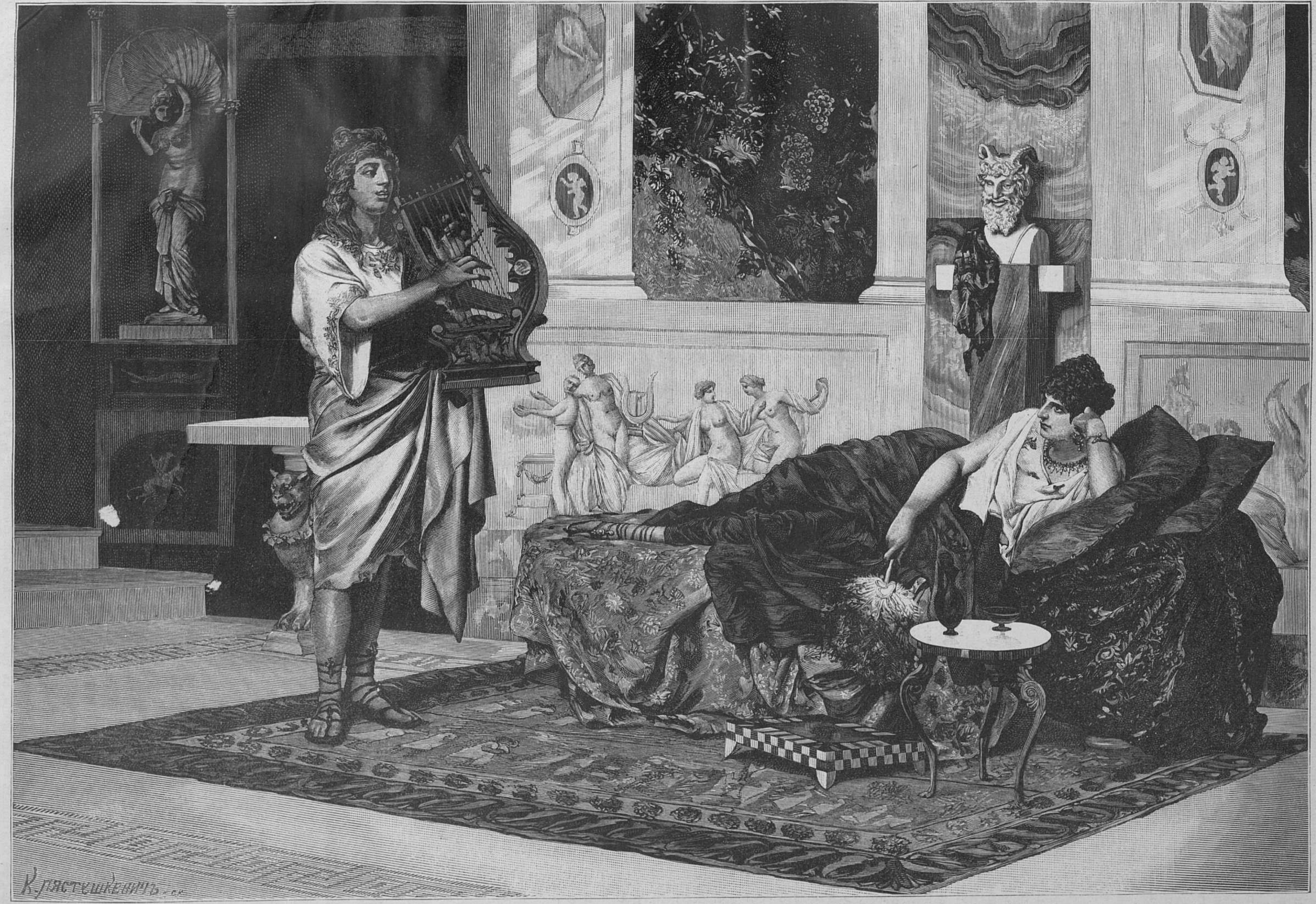
— Но я на васъ смотрѣлъ исподлобья и настораживалъ въ вашу сторону уши мои. Такъ слѣдуетъ, я таковъ, я не довѣряю лошади, на которой ѣзжу, не сажусь на нее безъ удилъ. И ты, джанемъ, не сядешь?

— Каждое твое слово, эффенди, вливается въ душу, какъ медъ въ уста... замѣтилъ Чолничъ.

— Обо всемъ, что у васъ дѣлалось и говорилось, я знаю. Вы затѣяли бунтъ по почину молодого Ердоди и собрались въ Климовацѣ: я думалъ, что этимъ и кончится. Но этимъ не кончилось, и такъ я прихожу, чтобы васъ обуздать. Обуздаю, ворочусь въ Сисакъ и у васъ опять водворится миръ... Понимаешь?..

ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1888 ГОДА.

Съ картины С. В. Бакаловича.


К. Пястушкевичъ. sc.

Греческій невольникъ.

Гравировалъ на деревѣ К. Пястушкевичъ.

— Эффенди... отвѣтилъ Чолничъ, поднимая палецъ. Для того, чтобы ясно понимать твои, преисполненныя мудрости слова, я слишкомъ невѣжественъ, или же среди этихъ словъ недостаетъ одного словечка.

— Говори: какого?

— Ты говоришь, что ты насъ обуздаешь, но не говоришь какъ?

— Это зависитъ отъ вашей доброй воли: лошадь, объѣзженную и послушную, взнуздываютъ иначе, чѣмъ лошадь съ норовомъ. Пусть собравшіеся въ жилищѣ молодого Ердоди племичи, а съ ними и Ердоди, выйдутъ безъ пушекъ и встанутъ тутъ передо мной толпою, я выберу изъ нихъ заложниковъ, остальныхъ выпущу на свободу и спокойно вернусь въ Сисакъ... Э?.. понимаешь-ли ты теперь.

— О! теперь каждое твое слово разливается у меня въ душѣ патокой.

— Возвращайся же и повтори мои слова племичамъ.

— Хорошо, эффенди. А если?

— Если что?

— Если они выкажутъ свой норовъ?

— Скажи имъ, что ты видѣлъ множество войска и двѣ пушки. Не говори имъ больше ничего. Пока я добръ, я добръ, ты самъ знаешь это лучше всего. Даже гяура я глажу по головкѣ и говорю ему джанемъ; но какъ я разсержусь, говорю джанабетъ и велю привести на веревкѣ за шею. Значитъ, если племичи предпочитаютъ слово джанабетъ и веревку, то пускай выказываютъ свой норовъ. Я оставляю имъ время на размышленье. Тутъ подъ этимъ деревомъ, я буду ждать ихъ часа два. Понимаешь! понимаешь все до единаго слова?

— Все, эффенди.

— Возвращайся же теперь, джанемъ.

Онъ махнулъ рукой. Всадники, сопровождавшіе Чолнича, вскочили на лошадей. Чолничъ всталъ, откланивался и отступалъ задомъ по правиламъ этикета и, сѣвъ на лошадь, услыхалъ еще позади себя крикъ аги:

— Уръ, алла!

Турецкій вождь отпустилъ его съ пожеланьемъ ему добраго пути.

Возвращаясь, Чолничъ опять осматривалъ и пересчитывалъ вооруженныя силы и подмѣтилъ одинъ пробѣлъ, а именно зарядныхъ ящиковъ не было при пушкахъ. Значитъ зарядовъ не должно было быть больше, какъ въ сундукахъ при передовыхъ отрядахъ. Это его подбодрило. Отряды, разставленные вдоль дороги, не показались ему слишкомъ значительными. Онъ разсчиталъ силу ихъ человѣкъ въ пятьсотъ, въ шестьсотъ, т. е. такъ-же какъ Ѳома, котораго старый Дещичъ отправилъ на развѣдки. Силы этой было слишкомъ достаточно для взятія обнесеннаго оградой дома приступомъ; однако-же она не была такъ значительна, чтобы противъ нея нельзя было обороняться впродолженіи сутокъ и даже двухъ сутокъ. Оборона зависѣла отъ храбрости защитниковъ, число которыхъ не равнялось даже четверти числа нападающихъ. Однако, храбрость приходилось выказать въ очень высокой степени, потому что значеніе нападающихъ усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что баталіоны ихъ состояли преимущественно изъ албанцевъ, народа, идущаго въ огонь, какъ люди идутъ на пиръ. Остальную часть составляли зелбеки, которыхъ тоже нельзя было ни въ чемъ упрекнуть по отношенію къ храбрости. И такъ племичамъ, запертымъ въ Климовацѣ, предстояло разрѣшить трудную задачу. Чолничъ это видѣлъ и когда, возвратясь туда, онъ слѣзъ съ лошади и племичи окружили его, онъ подѣлился съ ними откровенно своими впечатлѣніями. Онъ сказалъ имъ, чего требуетъ отъ нихъ ага. Это предложеніе было встрѣчено громкимъ фырканьемъ и ругательствами.

— Негодяй... не дождется онъ этого!.. турокъ!.. басурманъ!..

— Вамъ предстоитъ сражаться съ албанцами и зелбеками.

— Сколько ихъ тутъ?

— Сотень пять, шесть.

— А насъ?

Пересчитавъ наскоро племичей, ихъ конюховъ, присутствующихъ тутъ крестьянъ, климовацкихъ дворовыхъ—убѣдились, что ихъ человѣкъ отъ ста до двухсотъ.

— Но вѣдь у насъ есть укрѣпленія!.. проговорилъ одинъ.

— Разсчитывать слѣдуетъ не на укрѣпленія, но на сердца, если же въ сердцахъ сидятъ зайцы, въ такомъ случаѣ пренебрежемъ напрасной обороной и пойдемъ лучше къ агѣ, предупреждая гнѣвъ его. Ага изберетъ себѣ заложниковъ и оставитъ насъ въ покоѣ. Зачѣмъ сердить врага? Мы немножко оподлимся, что за бѣда? Человѣкъ подлый и человѣкъ не подлый въ концѣ концовъ все-таки люди.

— Я не хочу сдѣлаться подлецомъ... проговорилъ Ляіошъ угрюмо.

— Ни я! ни я!.. подхватило нѣсколько десятковъ голосовъ.

Чолничъ повелъ взглядомъ и, узнавъ, что эти слова вышли по преимуществу изъ устъ людей помоложе, отвѣчалъ:

— Вы молоды, у васъ нѣтъ дѣтей: вамъ некому оставить послѣ себя въ наслѣдство имени. Но мы, старшіе, началъ онъ,—процѣживая сквозь зубы слова,—мы хлопочемъ о томъ, чтобы насъ наши дѣти...

— Проклинали!.. разразился одинъ изъ племичей съ сѣдымъ хохломъ.

— Чтобы они были такіе же подлые, какъ мы... поправилъ Чолничъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! не хотимъ!.. откликнулось сто голосовъ разомъ.

— Мы можемъ погибнуть всѣ до единаго...—разсуждалъ онъ.

— Ну, погибнемъ! такъ что?

— Послѣ насъ останется примѣръ, какъ защищается честное имя!.. проговорилъ кто-то.

— Послѣ насъ останется воспоминанье!

— По крайней мѣрѣ,—крикнулъ одинъ громче другихъ,—нашихъ могилъ не оплюютъ свои!

— Но албанцы, зелбеки?.. возразилъ на это Чолничъ.

— Не поддадимся!..—послышался въ отвѣтъ единогласный крикъ.

— Если такъ,—отвѣтилъ Чолничъ немного дрожащимъ отъ волненья голосомъ, то... помоги вамъ Господь.

— А ты? спросилъ его одинъ!

— Ну... и я за пушку примусь.

Затѣмъ обратились къ Ляіошу, какъ къ хозяину, добиваясь, чтобы онъ назначилъ посты, и принялись усердно за усиленіе обороны. Одни тащили доски и загораживали отверстія, другія насыпали окопы, третьи подвигали колоды и выносили изъ дома табуреты съ цѣлью облегчить себѣ стрѣльбу изъ-за ограды тамъ гдѣ бойницы оказывались невыгодными. Работа кипѣла, Ляіошъ принималъ въ ней участіе и распоряжался.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Анестетическія средства.

(По Кл. Бернару, Е. Симонену, Ж. Ротенштейну и Дюре).

(Окончаніе).

III.

Число веществъ, обладающихъ анестезирующими свойствами—неограниченно. Всѣ тѣла, способныя дѣйствовать на протоплазму въ принципѣ анестезирующія средства.

Весь вопросъ въ томъ, которое изъ нихъ представляетъ наибольшія удобства для большой хирургіи.

Мысль соединять вмѣстѣ нѣсколько анестезирующихъ агентовъ, чтобъ прибавить энергіи къ однимъ и устранить неудобства другихъ, дала начало примѣненію «смѣшаннаго анестезированія». Кл. Бернаръ, въ Парижѣ, Нуссбаумъ, въ Мюнхенѣ, употребляли съ 1863 г. соединеніе хлороформа съ морфіемъ; но этотъ способъ привился позже. Докторъ Форнэ соединялъ хлоралъ съ хлороформомъ; Прелла и Перье—хлоралъ, морфій и хлороформъ; Кювье съ 1868 г. началъ употреблять эѳиръ съ закисью азота. Остановимся на комбинаціи морфія съ хлороформомъ.

Субъектъ, подвергнутый впрыскиванію отъ 15 до 20 миллиграмъ морфія, впадаетъ въ состояніе сонливости и полу-безчувственности, которое подготовляетъ его легче и скорѣе воспринять дѣйствіе хлороформа. Этимъ способомъ устраняются періоды возбужденія, особенно неудобные для нервныхъ паціентовъ, женщинъ, дѣтей и пьяницъ. Степень этихъ возбужденій иногда такъ энергична и продолжительна, что часто смущаетъ хирурга и мѣшаетъ ходу операціи. Рише, въ госпиталѣ С. Антуанъ, кончалъ ампутацію руки у одного паціента, когда тотъ вырвался, въ порывѣ бѣшенаго возбужденія, изъ рукъ озадаченныхъ ассистентовъ. Другой случай произошелъ у дантиста: анестезированный субъектъ убѣжалъ изъ его кабинета и, сѣвъ верхомъ на перила лѣстницы, стремглавъ спустился внизъ. Вотъ эти-то непріятные случаи устраняются примѣненіемъ смѣшаннаго метода. При помощи нѣкоторыхъ комбинацій, хирургъ можетъ легче и скорѣе уничтожить чувствительность паціента и остановиться на этомъ моментѣ; больной продолжаетъ сознавать все, что происходитъ вокругъ него, отвѣчаетъ на вопросы, повинуется приказаніямъ, чувствуетъ прикосновеніе инструмента, — не ощущая страданій. Нуссбаумъ, дѣлая операцію на лицѣ, приказывалъ паціенту: «откройте ротъ; выплюньте кровь», - и онъ покорно исполнялъ это. Подобное состояніе, въ которомъ человѣкъ теряетъ исключительно с особность страдать, называется «аналгезіей».

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что состояніе это достигается не однимъ только смѣшаннымъ методомъ анестезированія; бывали примѣры достиженія его посредствомъ одного морфія, или хлороформа, хлорала, наконецъ гипнотизма. Докторъ Толь довелъ до аналгезіи одного араба, употребивъ опіумъ, и сдѣлалъ ему чрезвычайно болѣзненную операцію, которую тотъ перенесъ, не выказавъ ни малѣйшей чувствительности и заявляя, въ то-же время, что ощущаетъ какъ-бы царапаніе деревяннымъ ножомъ по тѣлу. Другому паціенту дѣлали операцію на языкѣ и, когда языкъ его былъ захваченъ щипцами, онъ потребовалъ, чтобъ вынули изъ его рта эту папироску. «Каменьщикъ, которому пилили кость ноги, сказалъ хирургу: «вы точно обтачиваете камень!» Но эти случаи рѣдки и невѣрны, при изолированномъ методѣ наркотизированія или анестезированія; тогда какъ соединенный методъ, неизмѣнно, доводитъ до аналгезіи.

Начиная уже съ 1847 г., были попытки примѣнить анестезированіе къ родовспомогательной практикѣ. Скорбные крики и взываніе о помощи страдающей женщины, дошли до слуха гуманныхъ акушеровъ. Джемсъ Симпсонъ употреблялъ эѳиръ и опубликовалъ отчетъ о 1519 родахъ, благополучно совершившихся съ притупленіемъ болей отъ анестезированія. Примѣру его послѣдовали въ Шотландіи, Англіи, Германіи, Россіи и Франціи. Въ 1853 году Джемсъ Кларкъ хлороформировалъ королеву, рожавшую восьмого ребенка. Англійскія дамы не замедлили воспользоваться этимъ примѣромъ.

Конечно нашлись люди съ предразсудками, громко осуждавшіе стремленіе облегчить единственное нормальное, отправленіе природы, сопряженное съ страданіями; ограниченные умы видѣли въ этомъ стремленіи ослушаніе волѣ Создателя Paries in dolore. Писатели, не испытавъ сами невыносимыхъ родовыхъ страданій, побѣдоносно распространялись насчетъ стойкости, съ которой женщина должна-бы, по ихъ мнѣнію, подчиняться нормальной пыткѣ дѣторожденія... Но, понятно, женщина, осужденная природой на эту пытку, не слишкомъ-то прониклась ихъ теологическими доводами и съ благодарностью приняла благодѣтельное средство облегченія.

Конечно полная анестезія непримѣнима для родовъ; тутъ требуется меньшая степень, чѣмъ для хирургическихъ операцій. И въ этомъ случаѣ, смѣшанный способъ, доводящій до аналгезіи—оказывается вполнѣ подходящимъ. Докторъ Гиберъ съ успѣхомъ примѣнялъ его въ своей акушерской практикѣ, съ 1872 г.

Но и до нашего времени есть сторонники одного хлороформа при родахъ. Англійскіе акушеры примѣняютъ его маленькими дозами, съ промежутками, повторяя вдыханія при наступленіи каждой боли.

Нелишнее прибавить, что Провидѣніе позаботилось поставить роженицу въ исключительныя условія: хлороформъ рѣдко производитъ на нее обычное возбужденіе; въ большинствѣ случаевъ онъ сразу успокаиваетъ ее и дѣлаетъ нечувствительной къ боли. Хлороформъ никогда не имѣетъ въ этихъ случаяхъ дурныхъ послѣдствій. Для большой хирургіи, смѣшанный методъ оказывается все-таки наиболѣе подходящимъ и, въ этомъ усовершенствованіи комбинацій, наука далеко еще не сказала своего послѣдняго слова.

IV.

«Бромистый этилъ» отличается внезапностью своего дѣйствія и моментальнымъ возвращеніемъ сознанія. Главное-же преимущество его состоитъ въ возможности «мѣстной аналгезіи», въ тѣхъ случаяхъ легкихъ операцій, какъ напр. вскрытіе нарыва, фурункула, ногтоѣды.

Древнимъ небезъизвѣстны были нѣкоторыя средства мѣстной аналгезіи. Плиній и Діоскоридъ упоминаютъ о какомъ-то камнѣ, растворявшемся въ уксусѣ и имѣвшемъ свойство дѣлать нечувствительными различныя части организма. Литре полагаетъ, что это углекислая известковая соль, которая выдѣляетъ, подъ дѣйствіемъ уксуса—углекислоту. Газъ этотъ, приходя въ соприкосновеніе съ кожей, лишаетъ ее, до извѣстной степени чувствительности. Замораживаніе также приводитъ къ этой цѣли. Въ кампанію 1812 г. когда нерѣдко приходилось дѣлать ампутаціи подъ открытымъ небомъ, въ 10 гр. мороза—операціи эти не производили обычнаго ощущенія страданій. Отсюда пришли къ мысли искусственнаго замораживанія эѳиромъ, или другими агентами; но для важныхъ операцій этотъ способъ далеко не достигаетъ цѣли, несмотря на дополнительный пульверизаторъ Ричардсона, ни на струю воздуха изъ раздуваемыхъ мѣховъ—Рише. Кромѣ того, этотъ способъ представляетъ серьезныя затрудненіе, потому что пары эѳира, въ прикосновеніи съ огнемъ, могутъ произвести взрывъ или воспламаниться; слѣдовательно ни вечернее освѣщеніе, ни раскаленное желѣзо, ни огнеприжигатель не должны быть допускаемы при подобныхъ операціяхъ. Упущеніе этихъ предосторожностей ведетъ къ несчастнымъ случаямъ.

Опыты надъ закисью азота положили начало примѣненію анестезированія. Но удушающія свойства этого газа не дозволяли продолжать анестезію на такой срокъ, какой требуется для большой хирургіи. Онъ примѣнялся для легкихъ операцій, преимущественно для выдергиванія зубовъ.

Поль Бэръ работалъ надъ изслѣдованіемъ и усовершенствованіемъ этого газа и устранилъ неудобство его, доказавъ, что при смѣшеніи 5 процентовъ закиси азота съ 1 процентомъ кислорода, опасность асфикціи перестаетъ существовать; анестезированіе идетъ своимъ чередомъ и можетъ продолжаться полчаса и часъ, безъ вреда для здоровья

Съ тѣхъ поръ распространеніе примѣненія азотной закиси сдѣлало значительные успѣхи. Популярность его видна изъ слѣдующей цифры: въ Нью-Іоркѣ, въ одномъ только заведеніи Кольтона, въ теченіи 13 лѣтъ, 97,000 человѣкъ анестезированы были этимъ газомъ.

Примѣненіе его требуетъ особенной обстановки. Кромѣ аппарата, плотно прилегающаго къ носу и рту и наполненнаго 85 процентами закиси азота на 15 процентовъ кислорода, паціентъ долженъ находиться подъ соотвѣтствующимъ давленіемъ внѣшней атмосферы, то есть въ металлическомъ помѣщеніи или герметически закрытомъ колпакѣ, наполненномъ сжатымъ воздухомъ. Хирургъ и ассистенты вынуждены, слѣдовательно, дышать этимъ воздухомъ, во время операціи; но это обстоятельство не представляетъ для нихъ особенныхъ неудобствъ: развѣ непріятное чувство напряженности въ барабанной перепонкѣ уха.

Въ большихъ городахъ Европы, всѣ эти приспособленія и аппараты имѣются въ аэротерапическихъ лечебницахъ. Кромѣ того, въ Парижѣ есть передвижные аппараты, на случай требованія въ частныхъ домахъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно понять, что необходимость анестезированія ощущалась давно. Важность и заслуги его примѣненія въ хирургіи такъ очевидны, что ученые и изслѣдователи стремятся лишь къ изысканію способовъ подчинить его своей волѣ, уравновѣсить, какъ говорятъ англичане, пользу и рискъ этого процесса. День ото дня попытки усовершенствованій и комбинацій даютъ все болѣе и болѣе благопріятные результаты, и близость самаго широкаго, всемірнаго примѣненія, не подлежитъ никакому сомнѣнію

Наблюденія и размышленія.

(Фельетоны, замѣтки и очерки).

* * *

Два дня на «ОЛАФѢ».

I.

Въ послѣднее десятилѣтіе нашъ прибалтійскій край, богатый разными курортами, сталъ все болѣе и болѣе посѣщаться больными. Поѣздки за границу, при существующемъ курсѣ, для людей небогатыхъ, сдѣлались совершенно невозможными. Между тѣмъ послѣ нашей безконечно длинной и суетливой Петербургской зимы, не только больные, но и здоровые, имѣющіе хотя какую нибудь денежную возможность и не связанные служебными обязанностями, стараются поскорѣй уѣхать, чтобы подышать чистымъ морскимъ воздухомъ, а кому нужно, то и полечиться грязями.

На цѣлебное свойство Эзельской грязи было обращено вниманіе докторовъ еще въ 1826 году. Эту сѣрноминеральную грязь добываютъ во многихъ мѣстахъ южной и югозападной стороны острова Эзеля.

По совѣту докторовъ, лечившихъ моихъ дѣтей, мнѣ надо было въ прошломъ году везти ихъ на островъ Эзель, для пользованія грязевыми ваннами. Я выбрала Аренсбургъ, такъ какъ по близости его находится грязь, или *шлямъ*, какъ ее называютъ мѣстные жители, въ неисчерпаемомъ количествѣ. Но кромѣ этого, Аренсбургъ, единственный городъ острова Эзеля, расположенный у залива на южной его сторонѣ. Эзель окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ и эта близость воды сообщаетъ ему болѣе постоянную температуру воздуха; на немъ никогда не бываетъ знойно, напротивъ есть почти всегда легкій вѣтерокъ, насыщенный морскою влагою. Благодаря такому климатическому условію, въ паркахъ и садахъ растутъ: кедры, канадскіе тополи, дикіе каштаны, кленъ, рябина, липа, дубъ. Изъ фруктовыхъ деревьевъ: черешня, груша, сливы, яблони, вишни. Изъ ягодъ: черная, бѣлая и красная смородина, виноградный крыжовникъ, малина, клубника, земляника и барбарисъ. Въ хвойныхъ и дубовыхъ лѣсахъ масса орѣшника, а изъ ягодъ—ежевики. На нѣкоторыхъ ближайшихъ къ Эзелю островахъ, растетъ въ изобиліи: майтранкъ, тисъ, ромашка и плющъ. Сообщеніе съ Аренсбургомъ производится посредствомъ пароходовъ, но тотъ, кто не можетъ переносить двухдневнаго морского плаванія (изъ Петербурга и до Аренсбурга), можетъ ѣхать до Балтійскаго порта, а оттуда до Аренсбурга на пароходѣ общества «Озилія» «Константинъ». Этотъ переѣздъ беретъ всего 8 часовъ. Я, по счастливой случайности, вмѣсто того, чтобы ѣхать на частномъ пароходѣ, ѣхала съ моими дѣтьми на пароходѣ-фрегатѣ «Олафъ».

Мы выѣхали изъ Петербурга въ субботу, 6-го іюня, въ 10 часовъ утра съ казенной пристани № 4-й, что у англійской набережной на маленькомъ пароходѣ. «Олафъ» стоялъ въ морскомъ каналѣ, откуда мы, вмѣстѣ съ воспитанниками разныхъ военноучебныхъ заведеній, отправляющихся лечиться грязями, должны были отплыть въ Аренсбургъ. Когда нашъ маленькій пароходикъ, пыхтя и переваливаясь, какъ утка, черезъ полчаса ѣзды, подъѣхалъ къ «Олафу», то «Олафъ» показался намъ громаднымъ, а мы рядомъ съ нимъ какой-то скорлупкой. Поднявшись по узенькой, устланной бархатнымъ пестрымъ ковромъ лѣстницѣ на палубу, мы были поражены той безукоризненной чистотой, которая царила на «Олафѣ». Матросы съ необыкновенной ловкостью и легкостью таскали багажъ. Когда багажъ былъ разобранъ: легкія вещи отнесены въ каюты, а крупныя спущены внизъ въ отдѣленіе багажа порядокъ снова возстановился. Стоя на палубѣ, мы начали разсматривать «Олафа». Корпусъ этого парохода-фрегата, высокій, длинный и просторный. Онъ колесный, съ тремя мачтами, на первой мачтѣ три рея, къ которымъ привязаны паруса. Эти паруса служатъ въ помощь машинѣ при попутномъ вѣтрѣ, такъ какъ «Олафъ» по своей величинѣ самостоятельно подъ парусами ходить не можетъ. Въ немъ три жилыхъ палубы и водяной трюмъ. Въ трюмѣ въ кормовой части находится въ желѣзныхъ систернахъ запасъ прѣсной воды, въ носу различныя принадлежности судна. На верхней палубѣ находятся двѣ роскошныхъ по отдѣлкѣ рубки, въ одной изъ нихъ помѣщается командиръ; кромѣ этихъ двухъ, есть еще маленькая рубка, гдѣ помѣщается кухня. Во второй жилой палубѣ кромѣ офицерскихъ каютъ въ командномъ помѣщеніи, отдѣленная отъ офицерскихъ каютъ машиннымъ отдѣленіемъ, помѣщается походная складная церковь, которая въ хорошую погоду переносится на палубу; кромѣ церкви, въ томъ же отдѣленіи находятся: библіотека, общій залъ, лазаретъ и карцеръ. Въ 3-й палубѣ помѣщается каютъ-компанія.

Устройство «Олафа» приспособлено для удобнѣйшаго размѣщенія пассажировъ; но кромѣ этого онъ служитъ для исполненія надобностей кронштадтскаго порта. Отведенная намъ свитская каюта была просторна и снабжена прекрасной бархатной мебелью. Свѣтъ въ нее проходитъ сверху черезъ куполообразное окно, рама котораго по желанію поднимается на три мѣдныя подставки. Съ боку каюты находится также довольно большое окно, которое я попросила задвинуть ставней, имѣющей посерединѣ небольшое четырехугольное отверстіе, такъ какъ дѣти, увидя близко бѣгущія волны, нѣсколько смутились. Наше путешествіе раздѣляли двѣ птицы:—клестъ и канарейка, старый котъ «Василій» и двѣ куклы. Войдя въ каюту котъ началъ обнюхивать мебель, полъ, лежащіе на полу парусинные, набитые пробкой, тюфяки; посмотрѣвъ флегматично на низко висящихъ птицъ, поднялъ голову на верхъ, втянулъ въ себя свѣжую струю воздуха, идущую черезъ открытое верхнее окно, и затѣмъ свернулся клубочкомъ у ногъ большой куклы, прикрытой дѣтьми ихъ шубкой. Дѣти размѣстили своихъ куколъ на диванахъ и, задернувши занавѣси, сказали: «Теперь намъ не будетъ страшно ѣхать по морю». Разложивши наши вещи въ каютѣ мы тотчасъ же вышли на палубу. Въ это время къ «Олафу» подъѣхалъ его командиръ М. Г. Веселаго. На палубѣ началось движеніе. Всѣ каюты опустѣли, пассажиры вышли на верхъ, ожидая отплытія. Отплытіе было задержано вѣтромъ, который совершенно неожиданно подулъ снова. Вѣтеръ дулъ нѣсколько дней сряду, но въ день нашего отъѣзда онъ почти утихъ. Мы всѣ обступили командира, съ вопросами: «Неужели мы поѣдемъ»? «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, надо ждать, пока вѣтеръ приметъ другое направленіе». Мы успокоились. «Олафъ» слегка покачивался. Въ 2 часа, командиръ приказалъ отваливать. При этомъ возгласѣ дѣти какъ то съежились, а большіе начали креститься. Вѣтеръ сталъ легче, но отваливать отъ берега было довольно трудно. Намъ помогали два частныхъ парохода, на которые съ «Олафа» были брошены двѣ веревки. Но вотъ колеса завертѣлись и мы, хотя медленно, почти незамѣтно, начали подвигаться. Высокій и длинный корпусъ «Олафа» очевидно вредитъ быстротѣ его хода, но зато пассажирамъ онъ даетъ комфортъ и просторъ. Пройдя морской каналъ, мы вышли въ Финскій заливъ. На кронштадтскомъ рейдѣ мы увидѣли стоящихъ на якорѣ, яхты: «Царевна», «Держава», корветъ «Аскольдъ» и клиперъ «Джигитъ». Далѣе на пути намъ попадались лайбы съ дрогами, канонерская лодка новаго типа для эскадры, плавающей въ Тихомъ океанѣ, «Манджуръ» и транспортъ «Красная Горка». Еще немного далѣе съ необыкновенной быстротой пронеслась мимо насъ миноноска. Она имѣла видъ колоссальной рыбы стального цвѣта, выбрасывающей изъ своихъ громадныхъ жабръ бѣлую пѣну. Когда ходъ судна совершенно установился, мы пошли въ каюту, обѣдать. Дѣти, успокоившись отъ волновавшаго ихъ страха, при видѣ массы воды, весело лепетали и въ свою очередь успокаивали куколъ: «Не бойтесь, говорили онѣ имъ, командиръ сказалъ, что вѣтру больше не будетъ, значитъ и не будетъ». Послѣ обѣда мы вышли снова на палубу и не сходили съ нея до самаго ужина. Дѣти вскорѣ начали чувствовать себя, какъ дома, ихъ все интересовало и они къ каждому почти офицеру обращались съ вопросами. «Это зачѣмъ? Это къ чему». Не успѣли они налюбоваться, какъ изъ воды съ двумя матросами поднимался на блокахъ катеръ, на которомъ прибылъ на «Олафъ» командиръ ихъ, ихъ глазамъ представилось новое интересное зрѣлище. Нѣсколько матросовъ бѣжали вереницей по палубѣ, таща тоненькую веревочку.

— Что это они дѣлаютъ? спросили у офицера дѣти.

— Это они вѣрно въ веревочку играютъ, отвѣтила съ самымъ серьезнымъ видомъ моя семилѣтняя Надя.

Мы всѣ стали присматриваться къ матросамъ. Нѣсколько матросовъ, стоя на кормѣ, опускали въ воду веревочку и снова ее вытаскивали. Вытаскивали они ее съ большимъ усиліемъ, точно бурлаки бичеву. На веревочкѣ въ одномъ мѣстѣ былъ привязанъ лоскутъ красной флажной матеріи, далѣе на извѣстномъ разстояніи шли узелки.

— Скажите намъ, просили дѣти офицера, что дѣлаютъ эти матросы и зачѣмъ они бросаютъ въ воду веревочку.

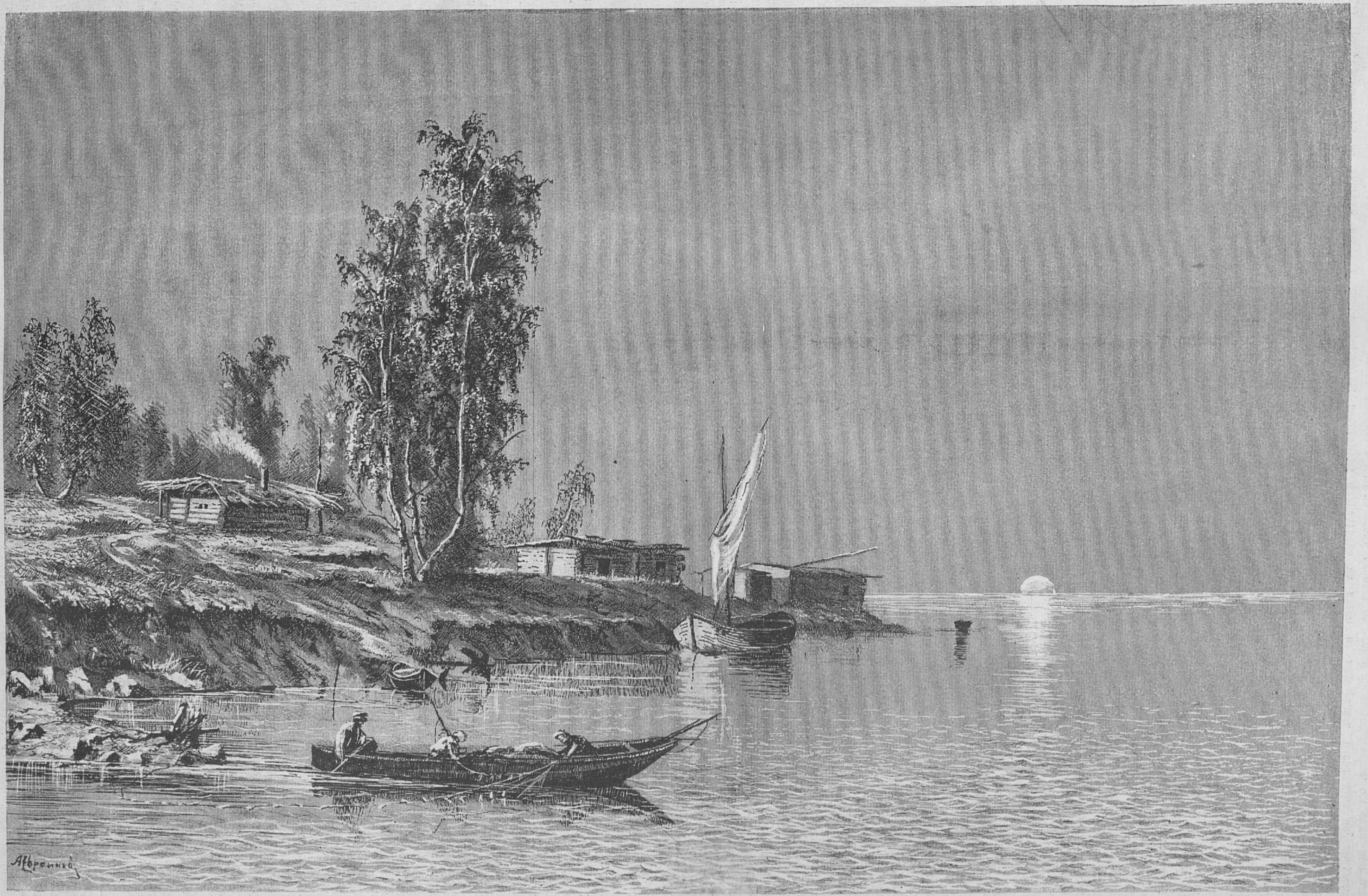
— Этой веревочкой они измѣряютъ скорость хода нашего «Олафа».

Изъ его разсказа мы узнали, что «Олафъ» дѣлаетъ отъ 9 до 10 узловъ въ часъ.

Слово узелъ означаетъ величину, равную $1^3/_4$ версты, или одной морской мили. Способъ измѣренія основанъ на томъ законѣ, что частицы волнъ наступательнаго движенія не имѣютъ и всякое тѣло, брошенное на воду, держится на мѣстѣ, если же тѣло движется, то единственно вслѣдствіе дующаго вѣтра, или теченія, которымъ и толкаютъ плавающее тѣло. Основываясь такимъ образомъ на томъ законѣ, что тѣло, брошенное въ море, не движется, на судахъ употребляется приборъ для измѣренія хода судна, называемый «лагомъ». Лагъ состоитъ изъ деревянной дощечки, или прямоугольнаго сектора, который дѣлается изъ легкаго, но крѣпкаго дерева. Къ этой дощечкѣ, или сектору прикрѣпляется въ видѣ рогатки, какъ къ бумажному змѣю бичевка—тонкая веревка или лаглинь, длина котораго около 100 саженъ. Веревка эта предварительно вымачивается и вытягивается, чтобы она отъ соприкосновенія съ водою не подверглась растяженію, но, допуская, что и при такой предосторожности, особенно при извѣстномъ направленіи вѣтра, возможна, при измѣреніи пройденнаго разстоянія, нѣкоторая неточность, то ранѣе чѣм чать счетъ—выбрасываютъ чрезвычайно осто

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ.

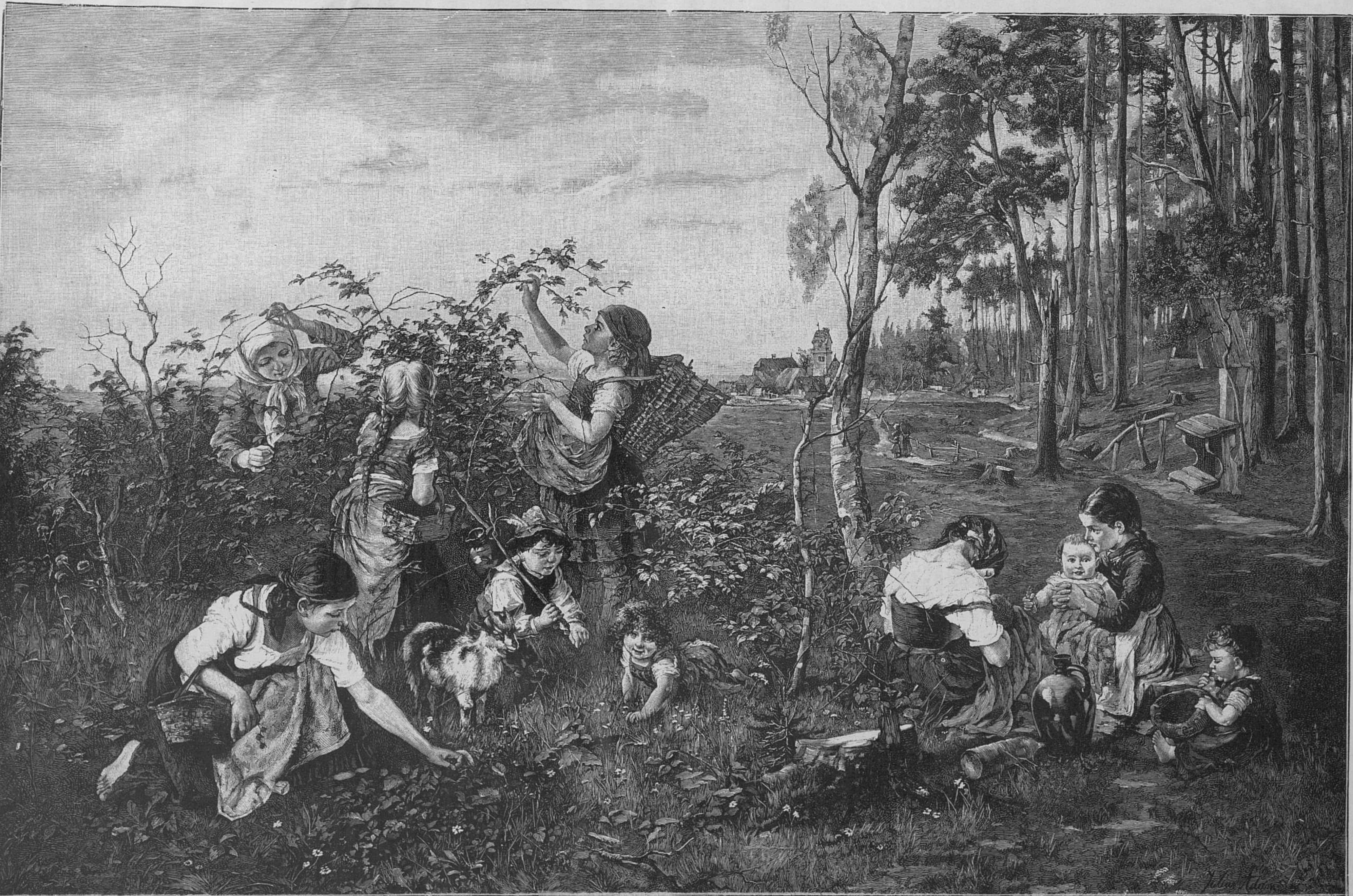
Оригинальный рисунокъ А. Евреинова (собств. „Жив. Обозр.“).


АЕвреиновъ

Тихій вечеръ.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ.

Съ картины Юліуса Адама.



Первые ягоды.

Гравировалъ на деревѣ Гейеръ въ Лейпцигѣ.

бортъ съ кормы часть веревки, равной полуторной величины судна, и для обозначенія начала счета пройденнаго разстоянія, къ мѣсту, гдѣ оканчивается смѣренная величина судна, привязывается лоскутъ красной флажной матеріи, послѣ этого начинается дѣленіе веревки на узлы, показывающіе намъ съ точностію пройденное разстояніе. Но такъ какъ обозначенные узлы на веревкѣ были бы слишкомъ длинны, то веревку дѣлятъ на части равныя одной 120 мили, и потомъ измѣряютъ ею въ теченіи полминуты и по этой величинѣ вычисляютъ, сколько именно узловъ судно сдѣлало впродолженіи одного часа. Но вернемся къ лагу. Въ дугѣ деревянной дощечки, или сектора, врѣзана свинцовая пластинка такой величины, чтобы дощечка углублялась въ воду почти до $^2/_3$ своей высоты. Разстояніе между узлами лаглиня 48 ф.; разбивка лаглиня на узлы ведется не отъ сектора, а отъ вымѣренной длины судна, гдѣ и вставленъ лоскутъ красной матеріи. Узлы обозначаются кончиками съ узелками, половина узла—петельками, а четверть узла—простыми кончиками. Марки или замѣтки должны быть настолько длинны, чтобы въ темнотѣ ихъ было можно легко отличить одну отъ другой. При выбираніи «лаглиня» обратно изъ воды послѣ того, какъ скорость хода судна была измѣрена, лаглинь наматываютъ спирально, но не туго, на деревянную вьюшку, чтобы онъ могъ провѣтриться и просохнуть. Время пребыванія лага въ водѣ опредѣляется песочными часами, которые передъ каждымъ разомъ провѣряются по секунднымъ часамъ. Лагъ бросается каждый часъ, но не ранѣе, какъ ходъ судна совершенно установится.

Въ 6 часовъ вечера команда засуетилась съ ужиномъ. Подъ звуки дудокъ матросы побѣжали за ложками, у каждаго своя ложка; принеся ложки, они размѣстились группами по 5—6 человѣкъ. Въ хорошую погоду ужинаютъ и обѣдаютъ на палубѣ. Вмѣсто скатертей, на палубѣ разстилаютъ кусокъ парусины (служившей ранѣе гамаками для спанья), ставятъ на нее «бакъ», родъ мѣднаго котла, вылуженнаго внутри. Въ скоромные дни они ѣдятъ щи съ мясомъ, похлебку, въ постные:—горохъ, кашицу. Какъ приправу въ щи кладутъ мелко накрошенные черные сухари; по соглашенію прибавляется красный перецъ стручкомъ. Въ каждой группѣ имѣется свой очередной, который послѣ ѣды долженъ убирать то мѣсто, гдѣ ѣли, и тутъ же на палубѣ вычистить посуду и сдать ее въ кухню. Послѣ ужина до самаго спуска флага (8 час. вечера) команда пользуется отдыхомъ. Флагъ спускается въ моментъ заката солнца. Послѣ спуска флага на палубу приходитъ священникъ, вся команда становится вокругъ него и стройнымъ голосомъ поетъ «Отче нашъ». Послѣ пропѣтой молитвы, священникъ благословляетъ команду. Когда флагъ спущенъ, на первой мачтѣ вывѣшивается огонь. Кромѣ того съ каждой стороны парохода выставляется у кожуховъ по огню красному, или зеленому, смотря по сторонѣ судна. Эти огни указываютъ встрѣчнымъ пароходамъ и кораблямъ, какого именно направленія держится «Олафъ». Матросъ съ фонаремъ, закрытымъ чернымъ чехломъ, какъ бѣлка взбирается на верхъ, устанавливаетъ тамъ фонарь снимаетъ съ него чехолъ и, взявши его въ зубы, также быстро спускается внизъ. Послѣ этого вся команда, снова подъ звуки дудокъ, идетъ, за своими постелями. Спятъ они внизу въ парусинныхъ гамакахъ, въ которые кладется парусинный-же набитый пробками тюфякъ, который въ случаѣ опасности можетъ служить спасительнымъ поясомъ, одѣяло и подушка. Одновременно съ матросами отправились на ночлегъ и мы. Въ нашей каютѣ прикрѣпленная у стѣны подъ стеклянымъ колпакомъ горѣла свѣча. Дѣтей мы уложили на диванахъ, а сами легли на полу. Подъ каждымъ диваномъ лежало нѣсколько поясовъ. Шумъ колесъ и легонькое покачиваніе изъ стороны въ сторону, скоро насъ усыпило. На другой день, въ воскресенье, мы встали рано. Движеніе на палубѣ разбудило насъ. День чудный. Море, какъ зеркало.

Въ 6 часовъ утра команду будятъ, Въ 10 минутъ она обязана убрать свою постель, умыться и затѣмъ также какъ и вечеромъ выстроиться по вахтенно для молитвы. По окончаніи молитвы имъ дается завтракъ: кашица съ масломъ. Съ момента вставанья и до окончанія завтрака полагается три четверти часа. Послѣ завтрака матросы приступаютъ къ мытью палубы. Сначала они поливаютъ ее водой изъ помпъ и брандспойтовъ, затѣмъ голиками и деревянными лопатками сгоняютъ эту воду а утренній морской воздухъ тотчасъ-же ее высушиваетъ; убравши палубу, они начинаютъ вытирать мокрой тряпкой всѣ тѣ мѣста, которыя выкрашены масляной краской, между прочимъ и подвѣшенные на блокахъ катера и шлюпки; убравши все это, они начинаютъ чистить разныя мѣдныя украшенія судна. Вся эта уборка, производящаяся крайне старательно, должна быть окончена до поднятія флага, а флагъ поднимается ровно въ 8 часовъ. За 10 минутъ до поднятія флага, боцманъ рапортируетъ вахтенному начальнику о состояніи здоровья судна, о томъ кто посаженъ въ карцеръ и за что именно, сколько осталось провіанта, угля и прѣсной воды. Послѣ этого вахтенный начальникъ заявляетъ офицерамъ, что приближается время поднятія флага. Ночью флагъ поднимается только при встрѣчѣ съ военнымъ кораблемъ, чтобы показать ему свою національность. Утромъ при поднятіи флага соблюдается церемоніалъ. Когда судно стоитъ на якорѣ, тогда караулъ вызывается на верхъ точно также, какъ и всѣ присутствующіе офицеры, и, по командѣ «флагъ поднять», раздается установленный протяжный свистокъ, и всѣ работы, если это въ будни, въ этотъ моментъ прекращаются, присутствующіе снимаютъ фуражки (то же дѣлается и при опусканіи флага вечеромъ) и караулъ отдаетъ честь. На этотъ разъ, по случаю воскресенья, команда не обучалась морскому дѣлу, какъ это бываетъ ежедневно до 11 часовъ, а въ 10 часовъ слушала обѣдню. Къ обѣдни должны являться всѣ чины, кромѣ тѣхъ, которые заняты службой—всѣ обязаны быть въ формѣ. Послѣ обѣдни команда и офицеры выстраиваются по палубѣ во фронтъ и командиръ, обходя команду, поздравляетъ ее съ праздникомъ, послѣ чего старшій офицеръ читаетъ морской уставъ, въ которомъ изложены обязанности нижнихъ чиновъ. Въ 11 часовъ команда обѣдаетъ, передъ обѣдомъ ей выдаютъ по чаркѣ водки, а тѣ, которые водки не пьютъ, въ концѣ плаванія получаютъ деньги, считая по $4^1/_2$ коп. съ чарки. На обѣдъ команда получаетъ щи съ мясомъ. Послѣ обѣда и уборки очередными посуды и палубы команда пользуется отдыхомъ, и на суднѣ поднимается особенный флагъ, показывающій попадающимся судамъ, что команда отдыхаетъ. На этотъ разъ было такъ-же какъ и всегда; команда легла спать, подняли флагъ... Водворилась тишина. Вдругъ среди этой тишины раздается зычный голосъ старшаго офицера «Кошекъ ловить». Дѣти такъ и вздрогнули и со слезами на глазахъ сказали:

— Мама, велятъ ловить кошекъ! Значитъ возьмутъ и нашего «Василья»; за что-же это его возьмутъ, что онъ сдѣлалъ»!?.

Я не знала, что имъ отвѣтить, потому что не знала вины котовъ... Кромѣ нашего на суднѣ было еще три кота. Не прошло и десяти минутъ, какъ матросы несли всѣхъ котовъ; нашъ «Василій» былъ въ числѣ другихъ. Шествіе замыкала наша кухарка «Устюша». Съ испуганнымъ лицомъ она шла за кричащимъ котомъ, повторяя въ полголоса: «Говорила, не надо брать. Ну что теперь! выбросятъ за бортъ, навѣрное выбросятъ». Оказалось, что нашъ котъ, услыша голоса другихъ котовъ, вышелъ изъ каюты въ общее зало и... тамъ всѣ они провинились... И вотъ они изловлены... Матросы по распоряженію старшаго офицера несли ихъ на носъ судна, чтобы тамъ посадить въ корзину. Дѣти бѣгутъ за матросами и съ плачемъ говорятъ:

— Не бросайте ихъ въ море, пожалуйста, не бросайте. Къ каждому офицеру они обращаются съ той-же мольбой.

— Успокойтесь, дѣтки, отвѣтилъ имъ старшій офицеръ. Ваши коты будутъ живы и здоровы, вы ихъ получите въ Аренсбургѣ.

Не успѣла злополучная вѣсть о котахъ разнестись по судну, какъ со всѣхъ сторонъ потянулись пассажиры, желающіе чѣмъ-нибудь облегчить имъ тяжелое заключеніе въ корзинѣ. Было принесено такое количество всевозможныхъ объѣдковъ кушаній, что бѣдные коты были сплошь покрыты ими... Но, возвращаюсь снова къ командѣ. Въ 2 часа ее будятъ и до $^1/_2$ 3-го она пьетъ чай. Въ будни съ $^1/_2$ 3-го и до 5 часовъ снова приступаютъ къ обученію команды. Съ 5 и до 6 часовъ часть команды отдыхаетъ, а очередные убираютъ судно. Въ 6 час. она получаетъ ужинъ и до спуска флага играетъ въ какую-нибудь игру. При насъ команда играла въ «веревку» и «муху». Размѣстившись по палубѣ кружкомъ, матросы выбрали изъ своей среды двоихъ и завязали имъ глаза; одному изъ играющихъ дали въ руки конецъ довольно толстой веревки, другому—зубчатую палочку въ видѣ валька. Матросъ съ валькомъ проводя по зубцамъ кругленькой палочкой, метался во всѣ стороны, то присядая, то поднимаясь на кончики ногъ, трескъ слышался то тамъ, то сямъ и сбивалъ съ толку его противника, съ завязанными глазами держащаго въ рукѣ конецъ веревки. Не успѣетъ онъ поднять веревку, чтобы ударить ею товарища, какъ тотъ уже отскочилъ въ противуположную сторону и веревка летитъ совсѣмъ не въ того, въ кого ею мѣтили... раздается хохотъ, визгъ, а трещетка трещитъ сверху, снизу, съ боку.

Публика, состоящая изъ больныхъ кадетъ и дѣтей, набранныхъ изъ разныхъ дѣтскихъ пріютовъ, ѣдущихъ отъ «С.-Петербургскаго общества Аренсбургской санитарной станціи», приходила въ восторгъ отъ играющихъ, награждая ихъ громкими апплодисментами. Матросы, одѣтые въ синій морской костюмъ, бѣлыя шапки, окруженные черной лентой съ надписью золотыми буквами:—«Олафъ» и желтые башмаки, веселились, какъ дѣти. Коричневые отъ загара, они точно обезьяны ползали по палубѣ на четверенькахъ или дѣлали неуклюжіе прыжки въ сторону.

Окончивши эту игру, они начали играть въ «Муху». «Муха» оказалась еще смѣшнѣй. Очистивши довольно большую площадку и образовавши родъ арены, на середину вышли три матроса, двое стали на разстояніи 5—6 шаговъ, третій «Муха», сталъ между ними. Двое крайнихъ сложили на щеки руки ладонями вверхъ, третій, бѣгая отъ одного къ другому и неистово жужжа, старался дать каждому по пощечинѣ, какъ клоуны въ циркѣ — противники увертывались, кругомъ слышался говоръ и смѣхъ, и какъ только одинъ изъ играющихъ, что называется зазѣвывался, на него тотчасъ-же налѣтала «Муха», отсчитывая ему пощечину за пощечиной. Одинъ изъ играющихъ былъ особенно ловокъ; онъ метался изъ стороны въ сторону, какъ дервишъ, награждая пощечинами не только своихъ противниковъ, но даже и тѣхъ матросовъ, которые составляли кругъ. Эта игра тянулась почти до самаго заката солнца.

Закатъ солнца на морѣ особенно интересенъ. Этотъ огненный шаръ, погружаясь въ море, точно утопалъ въ немъ, бросая на «Олафа» свои прощальные лучи. Море было замѣчательно спокойно, «Олафъ» быстро двигался все впередъ и впередъ. Что можетъ сравниться съ такимъ очаровательнымъ плаваніемъ и чистымъ морскимъ воздухомъ. Отъ Ревеля цвѣтъ моря сдѣлался изумруднымъ. По дорогѣ намъ то и дѣло попадались острова и островки; они тянулись по горизонту какими-то зубчатыми линіями, иногда надъ этими линіями возвышались церкви, башни, маяки. «Олафъ» шелъ по самой глубинѣ моря и къ нему смѣло можно приложить пословицу: «большому кораблю большое и плаваніе». Выѣхавши изъ Петербурга, мы нигдѣ не останавливались. Ночью намъ попался самосвѣтящійся маякъ, который отъ движенія нашего судна, казался перебѣгающимъ съ мѣста на мѣсто.

Въ эту ночь мы должны были проходить по одному мелкому мѣсту. Осторожный командиръ рѣшилъ отъ 12-ти ч. ночи и до 2-хъ, пока будетъ свѣтло, простоять на якорѣ.

— Бросятъ якорь! закричали въ одинъ голосъ дѣти.— Каковъ-же долженъ быть якорь, когда «Олафъ» такой громадный! Посмотримъ, что за якорь!

У «Олафа» два якоря и они дѣйствительно почтенныхъ размѣровъ.

Не смотря на поздній часъ, дѣтей не было возможности уложить спать. Всѣ безъ исключенія, большіе и малые, были на палубѣ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ опускать якорь. Когда наступило время, выражаясь языкомъ моряковъ, «отдать» якорь, двое изъ матросовъ, по командѣ старшаго офицера, влѣзли въ висящіе съ боковъ катера, надѣли кожанные фартуки и опоясавъ себя также кожанными поясами, прикрѣпленными къ канатамъ, на которыхъ висѣли катера, начали измѣрять глубину моря. Послышалось протяжное: «17 футъ!» черезъ 11 минутъ снова «17 футъ» и такъ продолжалось съ четверть часа. Наконецъ, послѣ команды: «якорь отдать!» съ лѣвой стороны мы увидѣли движеніе руки матроса, движеніе это было легкое, какъ будто онъ отодвинулъ задвижку, и этотъ колоссъ съ грохотомъ полетѣлъ въ воду. Будто въ эту холодную воду опрокинули бочку растопленнаго олова. Послѣ паденія якоря, колеса завертѣлись медленнѣе. Снова раздались крики старшаго офицера: «Всталъ?» Отвѣтъ: «Нѣтъ еще». «Всталъ?» раздалось снова. «Нѣтъ еще». Колеса вертѣлись все медленнѣе и медленнѣе. «Всталъ?» раздалось въ послѣдній разъ... «Всталъ!» И дѣйствительно «Олафъ» стоялъ, какъ царь на своемъ водяномъ тронѣ. Палуба начала пустѣть.

— Вотъ такъ якорь! говорили дѣти, спускаясь по лѣсенкѣ въ каюту. — Знаешь, мама, мы боялись, что онъ перевернетъ «Олафа» вверхъ дномъ.

Въ 2 часа началось снова движеніе на палубѣ, мы снимались съ якоря. Солнце вставало въ туманѣ, шелъ меленькій дождь. Дѣти сладко спали. Мы начали понемногу подготовлять наши разбросанныя вещи. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ! Дѣти вздрогнули. Дождь пошелъ сильнѣе, подулъ вѣтеръ... Мы подходили къ Аренсбургу, это было около 9 ч. утра. Въ сосѣднихъ каютахъ суетились. «Аренсбургъ», переходило изъ устъ въ уста. Мы вышли на палубу, чтобы посмотрѣть, не видѣнъ-ли Аренсбургъ, вдругъ какъ выстрѣлятъ изъ пушки! и едва мы успѣли вскрикнуть «ахъ!» раздался новый выстрѣлъ. «Олафъ» всталъ на якорь, далеко отъ Аренсбурга; своими выстрѣлами онъ давалъ знать о своемъ прибытіи. На палубѣ суетня. Таскаютъ багажъ. Вотъ спустили катера, въ одинъ сѣли офицеры, въ другой бережно снесли на рукахъ больныхъ пріютскихъ дѣтей, а мы съ воспитанниками стали ожидать парохода, который долженъ былъ прибыть за нами изъ Аренсбурга. Черезъ $^3/_4$ часа къ намъ явилась «Маргарита»—маленькій пароходикъ, съ трубой, какъ у самовара. Намъ вдругъ сдѣлалось жаль «Олафа». Заботы обо всѣхъ насъ, пассажирахъ, со стороны нашего командира М. Г. Веселаго и всѣхъ офицеровъ были поистинѣ дружескія. Мы стали благодарить ихъ, говоря до свиданія черезъ два мѣсяца. Вереницей потянулись мы къ лѣстницѣ, пожимая направо и налѣво руки. Всѣ мы были здравы и невредимы, даже наши коты чувствовали себя недурно, хотя видъ ихъ былъ жалокъ. Благодаря усердію пассажировъ, они, какъ помпейцы, засыпанные золой и пепломъ, лежали подъ грудою съѣстныхъ припасовъ.

Когда мы отчалили, съ «Олафа» раздался четвертый и послѣдній выстрѣлъ. Пока «Олафъ» не исчезъ изъ виду, мы все махали платками.

Издали Аренсбургъ напоминаетъ маленькіе городки саксонской Швейцаріи; онъ весь утопаетъ въ зелени садовъ. Когда мы къ нему подъѣхали, на крѣпости, мѣстопребываніи кадетъ, подняли флагъ. «Маргарита» остановилась неподалеку отъ города. Пароходы, приходящіе изъ Петербурга останавливаются у Лодской пристани. Оттуда въ экипажѣ до города четверть часа ѣзды. На пристани насъ встрѣтилъ нашъ извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ, благодаря заботамъ котораго мы нашли готовое для себя помѣщеніе. Отъ пристани мы пошли пѣшкомъ, а нашъ багажъ повезли на ручныхъ телѣжкахъ. Нашъ маленькій домикъ-особнячекъ, съ крышей, покрытой тоненькимъ тростникомъ, стоялъ между деревьями аллеи, въ мѣстечкѣ Торри, отстоящемъ отъ пристани въ 10 минутахъ ходьбы.

А. Толивѣрова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

13-го іюня молодой германскій императоръ открылъ рейхстагъ тронною рѣчью, содержаніе которой оправдало ходившіе слухи и догадки. «Я созвалъ васъ для того, сказалъ между прочимъ императоръ, чтобы въ вашемъ присутствіи объявить германскому народу, что я рѣшилъ, въ качествѣ императора и короля, идти тѣмъ-же путемъ, на которомъ мой почившій дѣдъ пріобрѣлъ довѣріе участниковъ германскаго союза, любовь германскаго народа и доброжелательную признательность иностранныхъ государствъ. Отъ Бога зависитъ, удастся-ли и мнѣ то-же; стремиться-же къ тому я буду путемъ серьезнаго труда. Важнѣйшія задачи германскаго императора заключаются въ военномъ и политическомъ обезпеченіи имперіи извнѣ, а внутри—въ наблюденіи за исполненіемъ имперскихъ законовъ. Высшимъ имперскимъ закономъ является имперская конституція; соблюдать и ограждать ее во всѣхъ правахъ, гарантированныхъ законодательнымъ собраніемъ, націи, каждому германцу, равно какъ и въ правахъ, обезпеченныхъ за императоромъ, за каждымъ изъ союзниковъ, за націею и ея мѣстными государями—таковы главнѣйшія права и обязанности императора. По части имперскаго законодательства мнѣ, согласно конституціи, предстоитъ содѣйствовать больше въ качествѣ прусскаго короля, чѣмъ германскаго императора. Но въ обоихъ этихъ качествахъ я буду стремиться продолжать дѣло имперскаго законодательства въ такомъ-же духѣ, въ какомъ оно начато было моимъ покойнымъ дѣдомъ... Нашъ союзъ съ Австро-Венгріей — дѣло гласное, извѣстное. Я держусь его съ германскою вѣрностью не только потому, что онъ заключенъ, но и потому, что усматриваю въ этомъ оборонительномъ союзѣ основу европейскаго равновѣсія, а также завѣтъ германской исторіи, содержаніе котораго поддерживается теперь общественнымъ мнѣніемъ всего германскаго народа и который соотвѣтствуетъ старинному европейскому международному праву, какимъ оно неоспоримо дѣйствовало до 1866 года. Такія-же историческія отношенія, такія-же національныя потребности соединяютъ насъ и съ Италіей. Обѣ державы хотятъ сохранить блага мира, чтобы жить для упроченія добытаго недавно единства, для развитія національныхъ учрежденій и для споспѣшествованія своему процвѣтанію. Наши существующія соглашенія съ Австро-Венгріей и Италіей, къ удовольствію моему, позволяютъ мнѣ заботливо поддерживать личную мою дружбу съ Русскимъ Императоромъ и существующія уже сто лѣтъ мирныя отношенія къ сосѣднему намъ Русскому Царству, что отвѣчаетъ, какъ моимъ личнымъ чувствамъ, такъ и интересамъ Германіи». — Почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ говорилъ императоръ и при открытіи 15 іюня прусскаго сейма, остановившись впрочемъ болѣе на вопросахъ внутренней политики. Замѣчательно только одно, что въ тронной рѣчи ничего не упомянуто ни про Францію, ни про Англію. Французская пресса отнеслась очень равнодушно къ этому обстоятельству; хотя очевидно, что у императора нѣтъ никакой склонности относиться сочувственно къ иностранной политикѣ британскаго правительства, но это не помѣшало лондонскимъ газетамъ горячо привѣтствовать упомянутую рѣчь; національное самолюбіе англичанъ не сказалось въ настоящемъ случаѣ ни одною изъ тѣхъ выходокъ, на которыя такъ щедра британская журналистика по отношенію къ тѣмъ, кто игнорируетъ международную роль Соединеннаго королевства. Австрійская же и венгерская печать единодушно восхваляетъ тронныя рѣчи императора Вильгельма II и изложенную въ нихъ правительственную программу; единодушіе это нарушено только выходкой «Пештскаго Лойда», приписывавшаго молодому германскому императору намѣреніе начать клерикальную и политическую реакцію въ Германіи.—По извѣстіямъ изъ Пешта, австрійская делегація единогласно приняла въ третьемъ чтеніи постановленныя ею же резолюціи, констатировавъ предварительно полное ихъ согласованіе съ резолюціями венгерской делегаціи, и вотировала бюджеты, потребованные правительствомъ. Графъ Кальноки, по порученію императора, выразилъ делегаціи особую высочайшую благодарность за самоотверженную готовность къ жертвамъ и патріотическое единодушіе, съ которыми делегація разрѣшила трудныя и важныя свои задачи. Затѣмъ Кальноки высказалъ отъ имени общеимперскаго министерства благодарность за предупредительность и лестное довѣріе, съ которыми делегація къ нему отнеслась. Послѣ заключительной президентской рѣчи сессія делегаціи, при троекратныхъ восторженныхъ «Hoch» императору, объявлена закрытой.—Въ Лондонѣ ходятъ слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ кабинета Салисбюри, такъ что нѣкоторые изъ выдающихся членовъ нынѣшняго министерства выйдутъ въ отставку и будутъ замѣны болѣе молодыми силами, въ томъ числѣ лордомъ Рандольфомъ Черчиллемъ. Салисбюри выработалъ проэктъ реформы верхней палатѣ (лордовъ), по которому королевѣ должно принадлежать право черезъ каждое пятилѣтіе назначать пять пожизненныхъ пэровъ королевства, причемъ три изъ нихъ должны занимать высшія государственныя должности; королевѣ предоставляется, однако, право и не назначать лордовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ другой стороны, въ верхней палатѣ, не можетъ быть болѣе 50 пожизненныхъ пэровъ, такъ что пэры по рожденію всегда будутъ составлять большинство; пэрамъ предоставляется право изгонять изъ своей среды членовъ верхней палаты, недостойныхъ своего званія.—Въ англійскомъ парламентѣ происходили интересныя пренія по вопросу объ устройствѣ ламаншскаго тоннеля; Гладстонъ высказался за это предпріятіе, но министерство Салисбюри сильно настаивало на опасности для самозащиты Англіи и къ своимъ доводамъ прибавило даже соображенія о внутреннемъ положеніи Франціи, нѣсколько напоминающія соображенія на ту же тему, высказанныя Тиссою мѣсяцъ тому назадъ. Маневръ его удался, впрочемъ, лучше, чѣмъ можно было ожидать, такъ какъ противъ предложенія высказалось 140 голосовъ; но нельзя не спросить, было-ли дѣйствительно необходимо такъ утрировать международное положеніе и въ особенности прибѣгать къ размышленіямъ о внутреннихъ условіяхъ сосѣдняго государства.—Бухарестская газета «Express Orient» сообщаетъ весьма тревожныя извѣстія о состояніи здоровья короля Милана; на-дняхъ, съ королемъ сдѣлался второй апоплексическій ударъ, вслѣдствіе чего вызванъ былъ поспѣшно изъ Вѣны врачъ-спеціалистъ; кромѣ того, у короля обнаружились симптомы бѣлой горячки; лейбъ-медики короля предписали ему режимъ, главнымъ элементомъ котораго должно быть безусловное воздержаніе; по приказанію самого короля, численность дворцоваго караула удвоена.—Въ Болгаріи возникли междоусобицы въ средѣ правителей по дѣлу Попова, о которомъ уже приходилось упоминать. По сообщаемымъ въ Вѣну извѣстіямъ изъ Софіи, между принцемъ Кобургскимъ, Стамбуловымъ и Начевичемъ, впрочемъ состоялся компромиссъ; принцъ согласился утвердить приговоръ военнаго суда по дѣлу Попова съ тѣмъ, что въ тотъ же день объявитъ ему помилованіе; Стамбуловъ предложитъ, съ своей стороны, на первомъ-же національномъ празднествѣ возвратить Попову маіорскій чинъ; Начевичъ соглашается остаться министромъ финансовъ и только одинъ Стоиловъ упорствуетъ въ намѣреніи выйдти въ отставку; въ вѣнскихъ кружкахъ надѣются, однако, уговорить и его остаться въ должности.—Лондонскія газеты сообщаютъ, что турецкій посолъ въ Петербургѣ въ своемъ послѣднемъ донесеніи Портѣ передаетъ ходящій, въ русскихъ оффиціальныхъ сферахъ слухъ о томъ, что по истеченіи срока наложеннаго по случаю кончины императора Фридриха траура, петербургскій кабинетъ сдѣлаетъ германскому императору, портѣ и прочимъ державамъ предложеніе относительно окончательнаго разрѣшенія болгарскаго вопроса. Шакиръ-паша полагаетъ, что русская дипломатія увѣрена въ томъ, что ея новыя предложенія увѣнчаются успѣхомъ и встрѣтятъ поддержку какъ со стороны Германіи, такъ и со стороны прочихъ державъ.

Книжныя, музыкальныя и художественныя новости.

М. Г. Гребенщиковъ (†) 17-го іюня, въ четыре часа утра, на взморьѣ, между Лахтой (близъ Спб.) и тонями, утонулъ, во время катанья, Михаилъ Григорьевичъ Гребенщиковъ, хорошо извѣстный читателямъ «Сына Отечества» по своимъ воскреснымъ бесѣдамъ. М. Гребенщиковъ работалъ постоянно въ газетѣ «Сынъ Отечества» со дня перехода газеты къ теперешнему ея издателю. До воскресныхъ бесѣдъ, печатавшихся за послѣднее время, онъ писалъ фельетоны изъ провинціальной жизни. Ему принадлежали и многія руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ. Кромѣ этой газеты, М. Г. извѣстенъ какъ сотрудникъ «Страны», во время редактированія ея Л. Полонскимъ, и «Новаго Времени», гдѣ еще за нѣсколько дней передъ смертью появилась, обратившая на себя общее вниманіе и возбудившая интересъ въ юридическомъ мірѣ, его статья «О практикѣ кассаціонныхъ департаментовъ сената». М. Г. писалъ затѣмъ въ «Наблюдателѣ», «Дѣлѣ», «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права» и въ нѣкоторыхъ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ. Петербургскій уроженецъ и воспитанникъ петербургскаго университета, гдѣ онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ, потомъ присяжный повѣренный, М. Г. свято хранилъ свѣтлыя убѣжденія молодости, всегда отзывчивый на нужды ближняго, всегда прекрасный товарищъ. Русская публицистика могла многаго ожидать отъ этого честнаго и всегда аккуратнаго работника на литературномъ поприщѣ. Но судьба судила иначе. Труду М. Г. принадлежитъ книга «По дальнему востоку», которая является плодомъ его путешествія въ Амурскій край.

А. Г. Лишинъ (†) Смерть похитила еще одного выдающагося представителя русскаго искусства: 15 іюня, умеръ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, 34 лѣтъ, талантливый композиторъ Григорій Андреевичъ Лишинъ; онъ хворалъ почти всю весну, а съ начала мая болѣзнь его приняла угрожающій характеръ; тѣмъ не менѣе родные и друзья его въ разсчетѣ на его молодость надѣялись на благопріятный исходъ чуть не до послѣднихъ дней его, когда сдѣлалось уже совершенно ясно, что спасенія ему быть не можетъ. Артистическія наклонности сказались у него очень рано; его тянуло всегда къ искусству, которое онъ любилъ съ дѣтства и которое манило его съ ранняго возраста; девяти лѣтъ онъ игралъ уже въ концертѣ, потомъ принялся за изученіе корнета и 13-ти лѣтъ опять выступилъ публично и какъ піанистъ, и какъ солистъ на корнетѣ и, наконецъ, какъ аккомпаніаторъ такихъ свѣтилъ вокальнаго міра того времени, какъ Тамберликъ и Нантье-Дидье. Фортепіано онъ изучалъ у Гезенльта впродолженіе четырехъ лѣтъ и усерднымъ занятіемъ достигъ того, что игра его, не будучи виртуозною въ дѣйствительномъ смыслѣ слова, отличалась большою законченностью техники. Сочиненія Лишина разнообразны; кромѣ трехъ оперъ: «Испанскій Дворянинъ», «Цыганъ» и «Графъ Нулинъ», у него есть симфоническая поэма для оркестра «Салимская гетера», написанная на текстъ В. Крестовскаго, отрывки реквіема, исполненные въ одномъ изъ концертовъ въ С.-Петербургѣ, кантата «Вѣщій Олегъ» для хора, соло и оркестра, нѣсколько хоровъ a capella, болѣе сотни романсовъ и нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ; всѣ они отличаются мелодичностью и несомнѣнною граціею, а также умѣньемъ дать достаточно яркіе музыкальные образы. Немаловажной заслугой покойнаго являются переводы оперныхъ либретто; ихъ онъ перевелъ до сорока; извѣстно, что либретто были у насъ въ большомъ пренебреженіи и поручались первому встрѣчному, даже и безграмотному. Лишинъ показалъ, что и переводамъ оперныхъ либретто можно дать смыслъ, а подчасъ и поэзію. Къ своимъ операмъ онъ писалъ всегда самъ тексты и онѣ отличаются литературными достоинствами. Но особенный успѣхъ имѣлъ онъ какъ мелодекламаторъ; въ Россіи онъ былъ единственнымъ представителемъ этого рода, гдѣ стихи читаются или декламируются подъ музыку.

Изъ стихотвореній, посвященныхъ памяти Г. А. Лишина, приводимъ здѣсь одно, написанное П. М. Поповымъ:

На смерть Г. А Лишина.

Опять въ созвѣздіяхъ искусства
Одной звѣзды огонь погасъ!
Онъ тоже нѣжилъ наши чувства,
Онъ также грѣлъ сердца у насъ;
Волной мелодій задушевной
Онъ стоны жизни укрощалъ,
Любовнымъ звукомъ въ шумѣ гнѣвномъ
Пронесся онъ и... замолчалъ.
Прими слезу въ вѣнецъ увядшій,
Такъ рано сгибнувшій талантъ!
Плачу тебѣ, нашъ слухъ ласкавшій,
Рыданьемъ—я не музыкантъ...
Какъ часто нынѣ смерть уноситъ
Таланты... И надъ кѣмъ теперь
Она косу свою заноситъ?
Кому откроетъ въ вѣчность дверь?
Зачѣмъ рыдать надъ трупомъ хладнымъ,
Быть равнодушному къ живымъ!
Еще не взятыхъ смертью жадной
Мы чтить должны. Привѣтъ мой имъ!
Живымъ привѣтъ, слезу могилѣ
Въ ряду безвременныхъ могилъ...
Иные вдвое больше жили,
Но онъ и ихъ опередилъ.
Такъ старый дубъ, какъ старый воинъ,
Стоитъ незыблемъ подъ грозой,
Стоитъ увѣренъ и покоенъ—
Но хрупокъ тополь молодой.

П. М. Поповъ.

— Гуно почти окончилъ передѣлку оперы «Ромео и Жульета». Въ новомъ видѣ она пойдетъ впервые въ октябрѣ въ парижскомъ оперномъ театрѣ.—Нашъ извѣстный композиторъ Чайковскій зимою отправится въ Швецію и Норвегію для цѣлаго ряда концертовъ. — «Божественная» Цукки потерпѣла въ Варшавѣ нѣкоторую неудачу; удивительнѣе всего, что счастливымъ ея конкуррентомъ была русская драматическая труппа.—Курьезъ: китайскимъ правительствомъ разрѣшенъ переводъ на китайскій языкъ Шекспира. Этотъ переводъ, предназначаемый для пользованія китайскимъ принцамъ, порученъ президенту пекинской Хіанъ-Линь (академіи наукъ).

Этнографія, естествознаніе, путешествія и проч.

Обширная территорія нашего отечества представляетъ столько особенностей, что ко всякому изслѣдованію какой-либо части ея надо относиться съ особымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, если изслѣдованія эти являются результатомъ внимательныхъ занятій. Намъ уже приходилось давать краткія свѣдѣнія о трудахъ нашихъ путешественниковъ и этнографовъ по разнымъ окраинамъ Россіи: Сибири и Средней Азіи. Не менѣе любопытны данныя о нашемъ сѣверѣ и его святынѣ. Жизнь многихъ обитателей крайняго сѣвера Россіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣсно связана съ Соловецкимъ монастыремъ, который сплошь и рядомъ является единственнымъ прибѣжищемъ для застигнутыхъ многочисленными мѣстными невзгодами поморовъ и даетъ имъ средства къ существованію. Размѣры помощи, оказываемой богатымъ Соловецкимъ монастыремъ, равно какъ и его значеніе въ народномъ быту сѣверянъ, гораздо обширнѣе, важнѣе и, такъ сказать, всестороннѣе, чѣмъ это можно предполагать. Поморы давно уже привыкли смотрѣть на Соловецкую обитель какъ на мощное и властное учрежденіе, въ рукахъ котораго въ извѣстной степени находится ихъ благополучіе. «Не будь монастыря—лихое горе было-бы намъ», говорятъ они во дни невзгодъ. Прослѣдить ту связь, которая существуетъ въ настоящее время между монастыремъ и населеніемъ крайняго сѣвера, подмѣтить размѣры вліянія монастыря и опредѣлить формы этого вліянія въ связи съ состояніемъ монастыря въ данный моментъ — дѣло крайне сложное и трудное. Эту задачу въ извѣстныхъ предѣлахъ удалось выполнить П. Ѳ. Ѳедорову, посвятившему много времени и труда русскимъ сѣвернымъ окраинамъ и совершившему цѣлый рядъ экскурсій по сѣверу для разнообразныхъ изслѣдованій, преимущественно этнографическаго характера. Явившееся результатомъ такихъ экскурсій и работъ, сообщеніе г. Ѳедорова о Соловецкомъ монастырѣ было сдѣлано въ собраніи Императорскаго географическаго общества. Плавая на военной шхунѣ «Полярная звѣзда», которая заходила въ «гавань Благополучія», г. Ѳедоровъ имѣлъ возможность не только посѣщать монастырь, но и жить тамъ по нѣскольку времени, чѣмъ и достигъ близкаго ознакомленія съ монастыремъ, а затѣмъ пополнилъ запасъ своихъ свѣдѣній и наблюденій въ Архангельскѣ, гдѣ много пришлаго монастырскаго люда, непосредственно знакомаго съ разными сторонами монастырской жизни. Въ монастырѣ, по словамъ г. Ѳедорова,—населеніе теперь почти все пришлое, причемъ главный элементъ этого населенія — крестьянскій, мужицкій. Все монастырское населеніе можетъ быть раздѣлено на пять группъ: монашествующихъ, даровыхъ рабочихъ-богомольцевъ, просто богомольцевъ, наемныхъ рабочихъ и ссыльныхъ арестантовъ. Любопытны новѣйшія цифры о монастырскомъ населеніи. Оказывается, что монастырю посвящаютъ свой трудъ въ теченіи года около 600 человѣкъ однихъ только рабочихъ-богомольцевъ. Отъ 1 до 5 процентовъ всего вообще пришлаго люда остаются въ монастырѣ на продолжительное время, а иногда и на всю жизнь. Это рѣшеніе посвятить жизнь монастырю является результатомъ привычки къ монастырскому быту, привычки, которая часто дѣлаетъ пожившаго въ обители человѣка совершенно неспособнымъ къ инымъ жизненнымъ условіямъ, въ особенности къ такимъ тягостнымъ, каковы условія обитанія на далекихъ сѣверныхъ окраинахъ съ ихъ плохо вознаграждающимъ трудъ народнымъ хозяйствомъ. Всѣхъ монаховъ въ обители теперь, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, 228 человѣкъ. Монастырское населеніе по сословіямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: крестьянъ—137, мѣщанъ—43, лицъ духовнаго сословія — 18, купеческаго сословія — 7, унтеръ-офицеровъ—5, отставныхъ солдатъ—4, дворянъ—2, кантонистовъ—3, дворовыхъ людей—3, казакъ—1 и проч. Возрастъ, въ которомъ наибольшее число лицъ вступаетъ въ монастырь—отъ 25 лѣтъ до 36 и 37-ми. Главнѣйшій контингентъ монастырскаго населенія доставляетъ сѣверъ, притомъ большинство приходитъ не въ преклонномъ возрастѣ, а въ молодыхъ лѣтахъ и въ среднихъ, до 36 лѣтъ (86 процентовъ). Составъ населенія монастыря, начиная съ прежнихъ лѣтъ и до настоящаго времени, мало мѣнялся. Самымъ многочисленнымъ классомъ населенія являются даровые рабочіе-богомольцы; они приходятъ сюда частью по обѣщанію «поработать на соловецкихъ чудотворцевъ, св. Зосиму и Савватія», частью, бѣдные и лишенные средствъ у себя на родинѣ, они готовы работать ради пищи, одежды и жилища, что дается имъ въ вознагражденіе за трудъ. Эти рабочіе приходятъ въ монастырь на годъ, на два, на три. Самое большее число ихъ, по свѣдѣніямъ за послѣднее время, давали архангельская губернія (190 чел. въ годъ), вологодская (131), олонецкая и проч. Трудъ частныхъ рабочихъ въ обители—представляетъ явленіе, заслуживающее особеннаго вниманія: это именно тотъ трудъ, который, на ряду съ трудомъ за пищу и одежду, выручаетъ несчастныхъ сѣверянъ изъ ихъ, подчасъ крайне тяжелаго, положенія. Этотъ трудъ особенно надеженъ въ глазахъ мѣстной братіи, такъ какъ спросъ на работы въ монастырѣ дѣйствительно огромный и разнообразный. Массы народа устремляются туда весною на работы и дѣйствительно находятъ эту работу сообразно спеціальности и склонности каждаго изъ нихъ. Въ такомъ отношеніи къ окрестнымъ жителямъ находится знаменитый Валаамскій монастырь, расположенный на группѣ островковъ Ладожскаго озера и въ голодные годы пропитывающій нѣсколько тысячъ бѣдняковъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Между дѣломъ.

Онъ — галантерейный деревенскій волокита и сердцеѣдъ; она — еще довольно наивная деревенская простушка; ему ничего не значитъ дать десять клятвъ и не исполнить ни одной; она еще способна вѣрить не только его увѣреніямъ, но даже въ отвѣты цвѣтовъ на вопросъ: «любитъ—не любитъ?» Исторія ухаживанія съ его стороны и любви и довѣрія съ ея стороны, ихъ взаимныя встрѣчи, нѣжныя бесѣды,—все это старо, какъ міръ, все это будетъ повторяться, пока будетъ существовать міръ. И каждый разъ, при видѣ этой начинающейся идилліи любви, возникаетъ одинъ вопросъ: «не обманетъ-ли онъ и не погибнетъ-ли она?..» Вотъ содержаніе небольшого жанра Карла Гейдена, одного изъ талантливыхъ представителей дюссельдорфской академіи художествъ. Онъ родился въ 1845 году въ Кельнѣ и былъ ученикомъ по части живописи Вильгельма Зона. Пропутешествовавъ по Германіи, Бельгіи и Франціи, онъ сперва занялся портретной живописью, потомъ перешелъ къ жанру, написалъ «Выздоравливающую», «Жену у могилы павшаго», «Весенніе цвѣты», «Продавщицу яблоковъ» и т. д.

Опасное сосѣдство.

«О, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта», повторяетъ лѣтомъ каждая насѣдка, высидѣвшая цыплятъ, и каждая утка, выведшая впервые въ божій міръ своихъ утятъ. Враги кругомъ не дремлютъ и ищутъ добычи — тамъ коршунъ или ястребъ рѣютъ въ голубомъ воздухѣ, здѣсь не цивилизованный и алчный котъ или совсѣмъ изолгавшаяся смиренница-лисица притаились въ чащѣ кустовъ, а молодое поколѣніе, вѣчно безпечное, роется въ пескѣ, кувыркается въ водѣ или бродитъ среди сочной травы, даже и не подозрѣвая объ опасности. Иногда старымъ приходится чуть не жизнью жертвовать, чтобы оберечь этихъ вѣтрогоновъ... Вѣроятно, и изъ этихъ утокъ, сплотившихся вокругъ неопытныхъ утятъ, одна, по крайней мѣрѣ, будетъ жертвой лисицы...

Туснельда, отданная отцомъ римскому полководцу Германику.

Цезарь Германикъ родился, какъ можно полагать, въ Римѣ въ 738 году. Онъ былъ сыномъ Друза Нерона Германика и Антоніи Младшей. Получивъ хорошее воспитаніе подъ руководствомъ своей добродѣтельной матери и усыновленный своимъ дядею Тиверіемъ, Германикъ рано является уже дѣятелемъ на военномъ поприщѣ, командуя войсками въ мятежной Далмаціи, затѣмъ въ бунтующей Паннонія. Уже въ 765 году Августъ дѣлаетъ его консуломъ; этотъ императоръ любилъ Германика, какъ своего внучатаго племянника и мужа своей внучатой племянницы Агриппины; незадолго передъ своею смертью онъ поставилъ Германика во главѣ восьми легіоновъ, расположенныхъ на Рейнѣ. Вступившій на престолъ подозрительный Тиверій постоянно тревожился, видя въ Германикѣ опаснаго противника, тѣмъ болѣе, что въ войскахъ шли постоянныя смуты. Возмущеніе произошло и въ легіонахъ Германика, недовольныхъ правительствомъ и предлагавшихъ власть своему вождю. Германикъ, вѣрный своему долгу, сказалъ, что онъ скорѣе заколется, чѣмъ измѣнитъ своему государю. Довольно долго пришлось ему бороться съ мятежниками и, только благодаря сильному характеру и желѣзной волѣ, онъ, наконецъ, укротилъ ихъ. Не мало было пролито въ это время римской крови, но еще больше пролилось ея, когда успокоившіеся римскіе легіоны бросились въ борьбу съ врагами, уже давно готовыми помѣряться съ ними силами: германскія племена сознавали, что настаетъ минута, когда нужно положить предѣлъ движенію римлянъ впередъ и обратить ихъ вспять. На сторонѣ германскихъ народовъ стоялъ знаменитый Арминій, уже прославившійся побѣдою надъ Варомъ въ Тевтобургскомъ лѣсу, гдѣ и Варъ, и его легіоны остались непогребенными послѣ битвы. Именно съ погребенія этихъ труповъ римлянами и началъ Германикъ новую борьбу съ Арминіемъ, спустя шесть лѣтъ послѣ пораженія Вара. Германику еще разъ удалось показать міру, что римляне еще не спѣли своей лебединой пѣсни, и еще разъ былъ воздвигнутъ памятникъ съ надписью: «Армія Тиверія цезаря, побѣдительница народовъ между Эльбой и Рейномъ, посвятила этотъ памятникъ Марсу, Юпитеру и Августу»...

Среди этихъ подвиговъ на поляхъ битвъ вплетается въ жизнь Германика и Арминія любовный романъ, давшій не мало матеріала для романистовъ, драматурговъ и художниковъ. Въ числѣ предводителей херусковъ былъ нѣкто Зегестъ, у котораго была красавица-дочь Туснельда. Отецъ просваталъ уже ее, когда ее похитилъ Арминій. Между Зегестомъ и Арминіемъ возгорѣлась непримиримая вражда и дѣло дошло до того, что Арминій съ войскомъ осадилъ въ укрѣпленномъ лагерѣ войска Зегеста. Послѣдній обратился къ помощи Германика, и римляне выручили его изъ бѣды, захвативъ въ то же время у враговъ массу родныхъ и вассаловъ Зегеста. Въ числѣ этихъ попавшихъ въ руки римлянъ плѣнныхъ была и Туснельда. «Дочь Зегеста, говоритъ Тацитъ, вѣрная чувствамъ своего мужа, а не чувствамъ своего отца, осилила свои слезы и, не говоря ни слова о пощадѣ, съ сжатыми на груди руками, опустила глаза на свою грудь, подъ которой уже бился ребенокъ Арминія». Зегестъ въ это время говорилъ предательскую рѣчь о томъ, что онъ преданъ римлянамъ и ненавидитъ Арминія, и просилъ Цезаря рѣшить, видитъ-ли онъ въ Туснельдѣ жену Арминія или дочь Зегеста, то есть казнить или помиловать ее. Преданная отцомъ въ руки римлянъ Туснельда родила сына Тумалика, который былъ потомъ воспитанъ въ Равеннѣ. Съ этимъ ребенкомъ на рукахъ гордая германка должна была пройдти по Риму въ тріумфальномъ шествіи побѣдителей, ведущихъ плѣнныхъ и рабовъ. Но не такъ горько было это униженіе, какъ то, что ея сына въ Равеннѣ воспитали въ школѣ гладіаторовъ. Сынъ Арминія долженъ былъ на аренѣ римскаго цирка бороться для потѣхи императоровъ. Именно этотъ Тумеликъ и послужилъ героемъ для превосходной драмы «Равенскій боецъ», которая, конечно, еще памятна нашимъ постояннымъ читателямъ, такъ какъ она помѣщалась въ приложеніяхъ къ нашему журналу.

Греческій невольникъ.

Полная нѣги, укрывшаяся въ тѣни отъ лучей знойнаго дня, госпожа покоится на своемъ ложѣ, а передъ ней съ арфой въ рукахъ стоитъ греческій невольникъ. Жарокъ день, ароматенъ воздухъ, сладки мелодіи тихой музыки и глубоко задумалась госпожа, любуясь прекраснымъ лицомъ молодого невольника, а на уста уже напрашивается слово: «люблю»... Этотъ жанръ С. В Бакаловича принадлежитъ къ числу наиболѣе граціозныхъ произведеній академической выставки нынѣшняго года.

Тихій вечеръ.

Если вы пройдете по берегамъ нашего Финскаго залива, начиная отъ Невы и за Кронштадтъ, то вы вездѣ встрѣтите то шалаши, то сдѣланныя изъ досокъ временные домики, гдѣ находятъ пріютъ прибывшіе издалека на свой промыселъ рыболовы. Рядъ такихъ хатокъ на взморьѣ изображенъ нашимъ талантливымъ сотрудникомъ г. А. Евреиновымъ. Слѣва тянется песчаный мысъ, врѣзавшійся въ заливъ, на прибрежьи три небольшія хатки, около нихъ группы кудрявыхъ березъ, у берега не хитрыя рыбачьи лодки. Направо—уходящій въ даль, едва подернутый легкою рябью, заливъ, озаренный яркимъ блескомъ заходящаго солнца. Наверху-же ровное, безоблачное, свинцово-сѣрое небо. Это нашъ сѣверный лѣтній вечеръ, превосходно переданный мастерской рукой художника.

Первые ягоды.

Все въ цвѣтахъ душистыхъ поле,
Воздухъ тепелъ, ярокъ день—
И питомцы деревень,
Дѣти вновь на вольной волѣ...
На лугахъ, средь чащъ лѣсныхъ,
Всюду смѣхъ ихъ раздается
И едва-ль теперь найдется
Кто-нибудь счастливѣй ихъ.

За редактора-издатель **С. Добродѣевъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Отщепенецъ. Романъ *А. Михайлова* (продолженіе).—Бѣлый гробъ, стих. *Константина Льдова.*—Греза, новый романъ *Эмиля Золя*, переводъ *П. Каншина* (продолженіе).—Изъ-подъ нѣмецко-турецкаго ига. Историческій романъ *Т. Ежа*, переводъ съ польскаго *А. Сахаровой* (продолженіе).—Анестетическія средства (окончаніе).—Наблюденія и размышленія (фельетонныя замѣтки и очерки) *А. Толивѣровой.*—Политическое обозрѣніе.—Внутреннее обозрѣніе.—Этнографія, естествознаніе, путешествія и пр.—Къ рисункамъ.

Рисунки: Между дѣломъ, съ карт. *К. Гейдена.*—Туснельда, отданная отцомъ римскому полководцу Германику, съ карт. *Рихарда Бема.*—Опасное сосѣдство, оригинальн. рисунокъ *Т. Никитина.*—Греческій невольникъ, съ карт. *Бакаловича.*—Тихій вечеръ, оригинальный рисун. *Евреинова.*—Первые ягоды, съ карт. *Юліуса Адама.*

На оберткѣ: Книжное дѣло.—Шахматы.—Объявленія.

Главная Контора журнала «Живописное Обозрѣніе» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ СЪ РАЗСРОЧКОЮ, поспѣшить высылкою слѣдуемаго взноса, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ нумеровъ журнала съ 1-го іюля текущаго года.

Главная премія высылается подписчикамъ съ разсрочкою по уплатѣ сполна годовой подписной суммы и за доставку картины, такъ какъ таковая въ виду большаго размѣра и цѣлости, высылается только цѣнною посылкою, на скалкѣ, задѣланною въ холстъ.

Дозволено цензурою. Спб. 23-го іюня 1888 г. Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.

Ж-Т-Д-3560

Косметическіе спермацетовые
ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральник., кожа лица дѣлается чистою, нѣжною. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; зимою они удобны противъ накожныхъ трещинъ, происходящихъ отъ холода и мороза, также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р; 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ: подпись А. Энглундъ. Красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Спб. Химической Лабораторіи; въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Литейная № 38.

№ 314 (47—20).

Для красоты лица
съ разрѣш. Спб. мед. начальства

ПУДРА НИЛЬСОНЪ

самая тонкая и незамѣтная при дневномъ свѣтѣ и яркомъ освѣщеніи, она не сушитъ кожи и плотно прилегаетъ.

Цѣна за коробку 50 к., съ перес. 1 р.

Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарск. торговляхъ и въ

Химической лабораторіи
РООСЪ.

1) Невскій просп., домъ № 25.
2) Владимірская, домъ № 7.
3) Оптовая продажа: на углу Загороднаго пр. и Щербакова пер., домъ № 3—15.

Иногор. заказы исполн. немедленно.

№ 288 (53—27.

!! За 30 к. !!
почтовыми марками высылаются.

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ.
съ объясненіями и прейсъ-курант.

☞ **за 50 коп.** ☜

почтовыми марками высылается

ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ

для экономныхъ курителей. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „ЧУЖАГО“.

Мастерская игръ **А. Меламеда.**
Спб., Обуховскій пр. д. № 7, кв. 63. **Торгов. выгодная уступка.**

№ 360 (37—12).

Спеціальный магазинъ
БѢЛЬЯ
Ф. Трахтенберга
основанъ въ 1863 г.

Заказы на бѣлье и полное приданое изготовляются тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

Желающимъ высылаю иллюстрированный Прейсъ-Курантъ безплатно.

Большая Морская, № 25.
въ С.-Петербургѣ.

№ 330 (44—18).

Зубочистное средство
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ШВЕДСКІЙ

зубной элексиръ и зубной порошокъ для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта и противъ дурного запаха во рту. Получить можно въ Русск. Общ. Торгов. Аптек. тов. и во всѣхъ больш. аптекар. и косметич. магаз. Россіи. Цѣна Эликсира 80 к. Зубной порошокъ 50 к. Депо **Демидовъ пер. № 1.**

№ 243 (57—31)

ТАБАЧНОЮ ФАБРИКОЮ
Саатчи и Мангуби

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ИСПРОБОВАТЬ И УДОСТОВѢРИТЬСЯ ВЪ ВЕСЬМА ВЫСОКОМЪ ДОСТОИНСТВѢ

ВНОВЬ
ВЫПУЩЕННЫХЪ ПАПИРОСЪ
BIS

цѣною за **10** шт. **10** коп.
Можно получать вездѣ.

№ 356 (37—12).

ПОКУПАЮ
ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

драгоцѣнные камни, античныя и старыя вещи. Демидовъ пер., д. 4, магазинъ Дорфъ. Близь Мойки.

№ 405 (10—5).

НЕВСКІЙ ПР. № 78.
ДЕПО ЧАСОВЪ
Ф. ВИНТЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
№ 78
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

№ 411 (10—4).

НОВЫЯ
ЛѢТНІЯ ИГРЫ.
ИЗДАНІЯ
С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ.
ДВѢНАДЦАТЬ МЕДАЛЕЙ НА ВЫСТАВКАХЪ.
Основана въ 1873 г.

Пагада забава для одного, цѣна 50 к. безъ перес.

Арки общественная игра, ц. 5 р. (упак. 60 к. пер. 27 ф.).

Воздушные бильбоке, играющихъ отъ 2—30 человѣкъ на воздухѣ и въ комнатѣ, ц. 5 р. 75 к. (упак. 60 к., перес. 23 ф.).

Квойтетъ обществ. игра на воздухѣ, ц. 7 р. (уп. 60 к., пер. 19 ф.).

Перелетъ совершенно оригинальная игра съ новымъ пріемомъ, ц. 7 р. 50 к. (упак. 60 к., пер. 25 ф.).

Универсальный счетчикъ для всѣхъ игръ, для 4-хъ партій, ц. 2 р. (упак. 30 к., перес. 12 ф.).

Баллиста, приборъ для бросанія мячика вверхъ, ц. 2 р. (упак. 35 к., перес. 10 ф.).

Змѣй съ механическимъ посланникомъ, выбрасывающимъ парашюты и бумажный фейерверкъ, ц. 3 р. и 3 р. 50 к. (упак. 70 к., пер. 18 ф.).

Змѣи большіе, коленкоровые съ рисунками по заказу: Иванъ царевичъ на сѣромъ волкѣ, Кузнецъ Вакула на чертѣ, Коверъ-самолетъ, Вѣдьма на метлѣ и проч. по выбору въ альбомѣ рисунковъ мастерской.

Ястреба бумажные и шелковые.

ЛѢТНІЯ ИГРЫ: Бацъ! ц. 5 р. (упак. 50 к., перес. 25 ф.). **Крокетъ** отъ 4 р. до 22 р. и дороже. Кегли.—Серсо.—Воланы. — Лонъ-Теннисъ.—Тонно.—Судьба.—Садовые инструменты прочные.—Тачки.—Песочные приборы.—Мячи.—Ходули.—Гимнастика.—Качели.—Гигантскіе шаги.—Хамаки.—Воздушные шары и фигуры.—Фонари для иллюминацій.—Приборы для собиранія коллекцій, растеній и насѣкомыхъ.

◆ Большинство игръ снабжено подробными объясненіями съ рисунками. Игры заготовляются въ ограниченномъ количествѣ, но всегда могутъ быть приготовлены на заказъ; заказы просятъ давать заблаговременно.

Справочный каталогъ высылается за почтовыя марки на 10 коп.

ТРОИЦКАЯ УЛ., 11.

№ 420 (1—1).

НЕОБХОДИМА ДЛЯ КАЖДАГО
НОВѢЙШАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ
СПИЧЕЧНИЦА.

Превосходитъ все, что до сихъ поръ появлялось въ продажѣ.

Трутъ воспламеняется отъ прикосновенія иглы; причемъ взрыва не происходитъ, цѣна за штуку съ запаснымъ составомъ 1 р. 50 к. съ пересылкой по почтѣ.

Торговцамъ значительная уступка.

С.-Петербургъ. Большая Садовая, д. № 12.

Оскаръ Лессеръ.

№ 350 (37—13).

папиросы крученыя 1-й сортъ.

10 штукъ 10 коп.
РОЯЛЬ.
получать можно повсюду.

№ 328 (44—18).

Водоочищающіе
ФИЛЬТРЫ

многократно одобренные, большой выборъ машинъ отъ 1 р. до 100 р. Особенно рекомендую для желѣзныхъ дорогъ. Старыя принимаю въ починку. Единственный мастеръ **В. Корельскій.** По Казанской ул., № 26, уг. Гороховой. С.-Петербургъ. 228 (52—32).

Я. ЯКОБСОНЪ.
Гостинный дворъ
по Невскому просп.
№ 22.

предлагаетъ любителямъ хорошаго
БѢЛЬЯ
свой больш. выборъ вновь заготовленныхъ
СОРОЧЕКЪ.

Новѣйшихъ фасоновъ, а также большой выборъ: воротниковъ, манжетъ, манишекъ полотняныхъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ. СОРОЧКИ ночныя и дачныя цвѣтныя.

КАЛЬСОНЫ: вязаные канифасомъ, домест. и полотняные. Тутъ же пріемъ заказовъ и передѣлки сорочекъ.

Гг. иногородные могутъ выписывать черезъ почту съ наложнымъ платежемъ прилагая марку. Полный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 408 (10—5).

Усовершенствованные пожарные
ТРУБЫ И НАСОСЫ
„ПОТОКЪ“
для селъ и городовъ.
Х. Голлербахъ. Николаевская ул., № 55—6.
Прейсъ-курантъ безплатно.

№ 186 (40—29).

ПАПИРОСЫ
изъ бѣло-рисовой бумаги
10 шт. ЛЕБЕДЬ 6 коп.
ПОЛУЧАТЬ МОЖНО ВСЮДУ.
Фабрики С. Ю. Бр. ШАПШАЛЪ.

Соб. маг. Невскій, д. № 90. Загороднымъ, выписывающ. не менѣе 10 р. до 1000 в. разстоянія, перес. и упаковка на счетъ фабр. № 329 (44—18).

САМОУЧИТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА,
въ 2-хъ частяхъ, съ 2 мя таблицами чертежей.

Руководство къ быстрому самообученію безъ учителя, любому изъ 14-ти разъяснительныхъ занятій

ПРИНОСЯЩИХЪ на каждое лицо **ЕЖЕМѢСЯЧНО**
отъ 50 до 250 руб.

нетребующ. капитала, быстро изучаемыхъ, легкихъ, доступныхъ всякому возрасту и полу.

Соч. **А. Михайловъ.**

Цѣна съ перес. 1 р.

Требованія адресовать: въ Харьковъ, Рыбная ул., г. Доленка, женѣ подполковника Александрѣ Дмитріевнѣ Золотницкой. № 419 (1—1).

На-дняхъ во всѣхъ извѣстныхъ московскихъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу БРОШЮРА—СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ.

ПО ДѢЛУ
Бр. АЛЕКСАНДРА и ИВАНА ПОПОВЫХЪ,

торговавшихъ чаемъ подъ фирмою „Бр. А. И. ПОПОВЫ“ и обвинявшихся въ фальсификаціи разныхъ продуктовъ извѣстныхъ фирмъ и въ поддѣлкѣ этикетовъ чайной фирмы.

„БР. К. и С. ПОПОВЫ“.

Цѣна брошюры 20 коп.

№ 418 (1—1).

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛАНГІЕЛЯ.
Туалетное средство для дамъ.

Употребляется для бѣлизны кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. ЦѢНА флакону 1 руб. 65 коп. Бензоевое мыло 35 и 50 к. Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Стремянная, 4.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 413 (12—3.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи.

№ 407 (10—5).

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ ФАБРИКИ Ч. ГОФМАНА

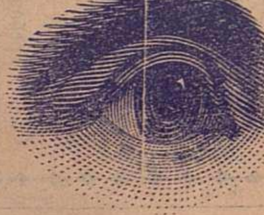
Русско-американская **БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ** фабрики **Ч. ГОФМАНА**, Спб., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ и пріемъ заказовъ на рамы отъ дешевой до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ. Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 296 (26—13).

ЗА 15 РУБЛЕЙ.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

(НЕ ИГРУШКА)



состоящій изъ камеры, объектива и штатива, посредствомъ котораго каждый любитель въ состояніи фотографировать ландшафты, группы и портреты.

Громадный выборъ изящныхъ

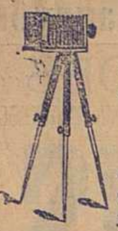
ДОРОЖНЫХЪ АППАРАТОВЪ

указанія въ способѣ употребленія и снабженіе желаемыми совѣтами при всякомъ нововведеніи безвозмездно.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ.

Складъ фотографическихъ принадлежностей.
Невскій пр., у Казанскаго моста, домъ Учетнаго Банка, № 30—16,
входъ съ Екатерининскаго канала.

№ 401 (10—7).



ВЕСЬМА ЛЕГКО ДЛЯ КАЖДАГО

заниматься фотографированіемъ, такъ какъ вслѣдствіе новѣйшихъ изобрѣтеній всѣ пріемы сдѣлались очень простыми и легко изучаются.—Мы предлагаемъ:

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ,

состоящій изъ складной камеры съ вращающимся мѣхомъ, треножникомъ и объективомъ, для производства группъ, ландшафтовъ и т. п. въ кабинетную величину 12×16½ сантим., всего цѣною **35** рублей.

Принадлежности для негативнаго и позитивнаго процесса, начиная съ 15 р.

Громадный складъ камеръ собственныхъ мастерскихъ.

Постоянный выборъ всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній по фотографіи.

ИЗДАТЕЛИ ЖУРНАЛА
«ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

Фабрика и складъ фотографическихъ принадлежностей въ С.-Петербургѣ.

БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°.

8. Малая Конюшенная, 8.

№ 415 (1—1).

Чугунно-Литейный Машинный Заводъ

ИСИДОРА ГОЛЬДБЕРГА

доставляетъ **ОТЛИВКУ** для **ПОСТРОЕКЪ: ПЕЧЕЙ, КАМИНОВЪ**, обыкновенныхъ **кабинетныхъ** и **ВАННЪ**.

ПЛИТЫ, обыкновенныя и патента **ЭСМАРХЪ** тщательной отливки.

БАЛЮСТРАДЫ, ПОДЪѢЗДЫ и **КОЛОННЫ** въ большомъ выборѣ.

ПАРОВОЕ и **ВОДЯНОЕ ОТОПЛЕНІЕ** новѣйшей системы.

РАКОВИНЫ, МОНИТОРЫ, КЛОЗЕТЫ русскіе и американскіе, всѣ строительныя принадлежности имѣются всегда на складѣ.

ШКИВЫ складные и цѣльные всѣхъ величинъ въ запасѣ.

ПОДВѢСКИ, КРОНШТЕЙНЫ и принадлежности для **ПРИВОДОВЪ** обыкновенные и системы **ЗЕЛЛЕРА** въ запасѣ по оптовой цѣнѣ.

ЗУБЧАТЫЯ КОЛЕСА изготовляются безъ моделей раздѣльными машинами.

Механическія работы исполняются **аккуратнымъ** образомъ.

ЗАВОДЪ Б. Невка 77.

КОНТОРА (Телефонъ 955) Екатерининскій каналъ 92.

Отдѣленіе въ Москвѣ, Б. Никитская, д. Кузнецова.

Торговцамъ по фабричнымъ цѣнамъ.

№ 396 (7—6).

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
Спб., Невскій, № 57.

Производитъ всѣ банковыя дѣла.
Покупаетъ всѣ проц. бумаги.
Ссуды подъ всѣ проц. бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 390 (10—8).

ЭЛЕОПАТЪ провизора **КИНУНЕНА**

ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ ВОЛОСЪ

безспорно великолѣпное средство для оживленія роста и корней волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ. Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. почт. расходы на счетъ покупателя.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.**

№ 343 (52—18). *Пров. КИНУНЕНЪ.*

Нумеръ 26-й «Живописнаго Обозрѣнія» состоитъ: 1) изъ 2-хъ листовъ текста; 2) Оглавленія I-го тома и 3) Обертки.

Дозволено цензурою. Спб. 22-го іюня 1888 г.

Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.